

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

Жизнь замечательных времен

1975-1979 гг.

Время, события, люди

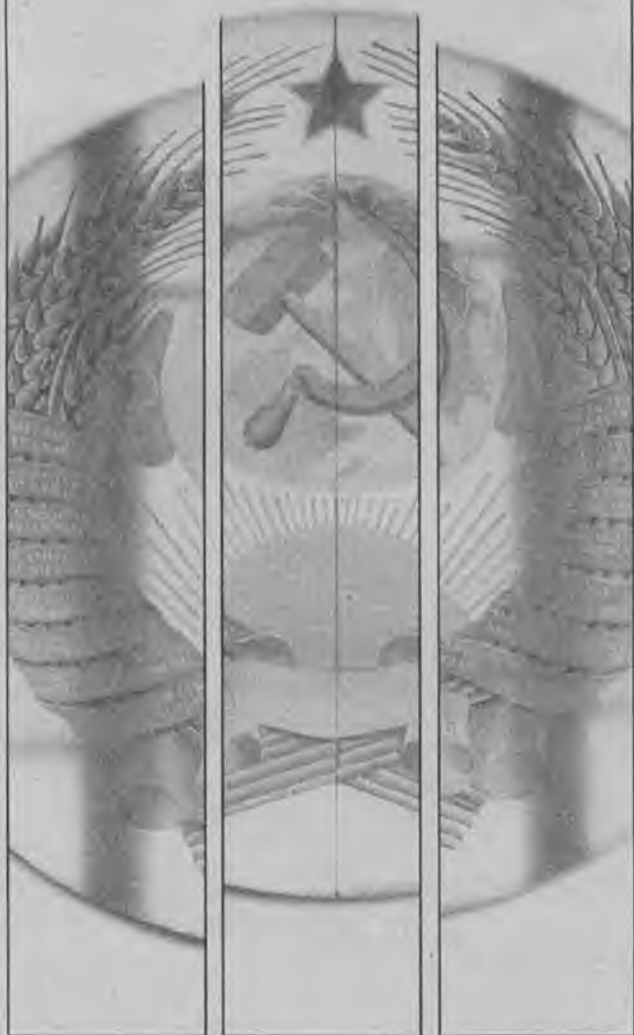
Федор Раззаков

Жизнь
замечательных
времен
1975-1979 гг.

Время,
события,
люди

**Жизнь замечательных времен
1975-1979 гг.**

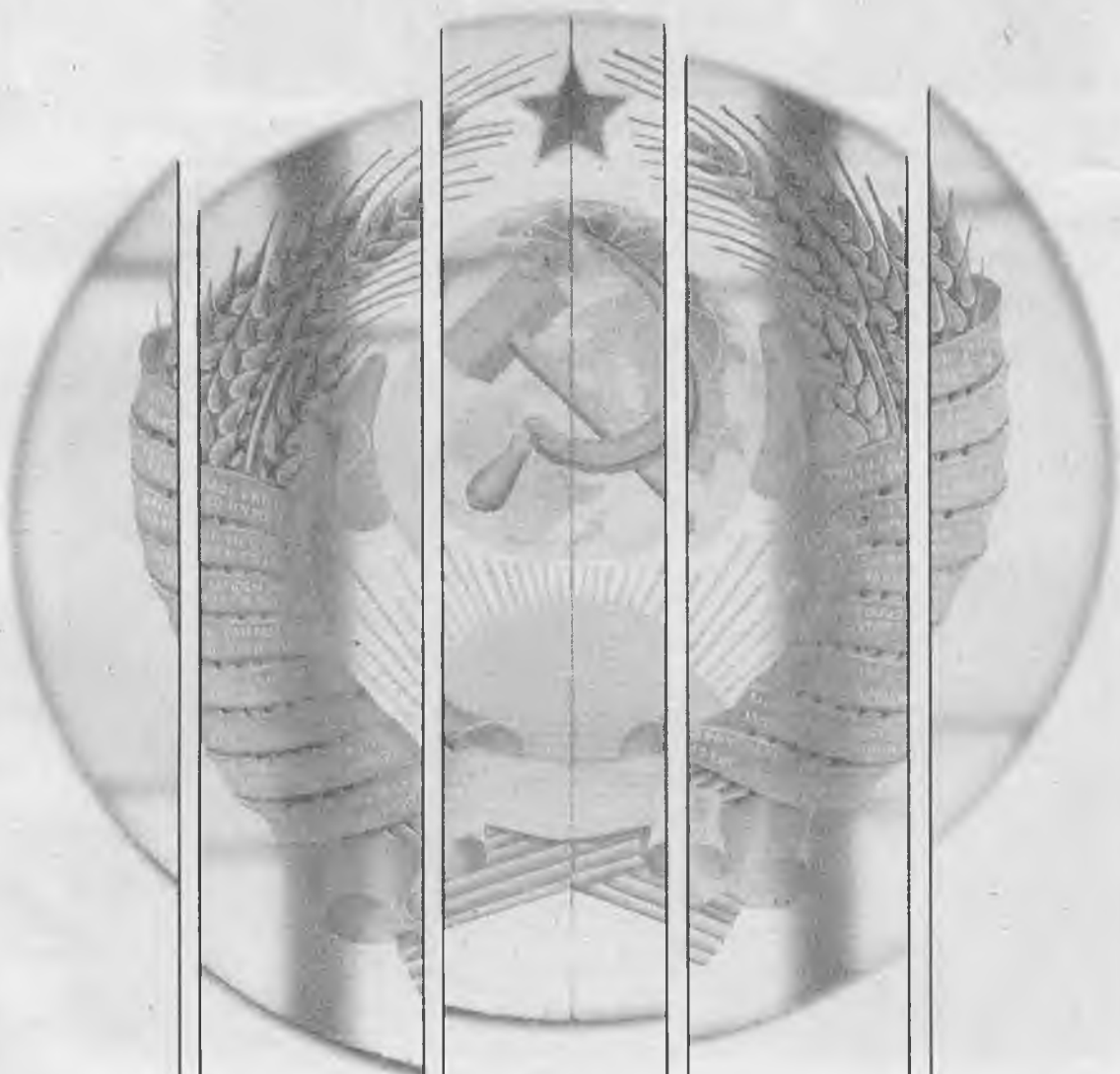

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

Жизнь замечательных времен

1975-1979 гг.

Время, события, люди

МОСКВА

2004

Оформление художника *А. Саукова*

В оформлении использована фотоинформация РИА «Новости»
и информационного центра «Мосфильм-Инфо»,
а также фотоматериал из архива автора.

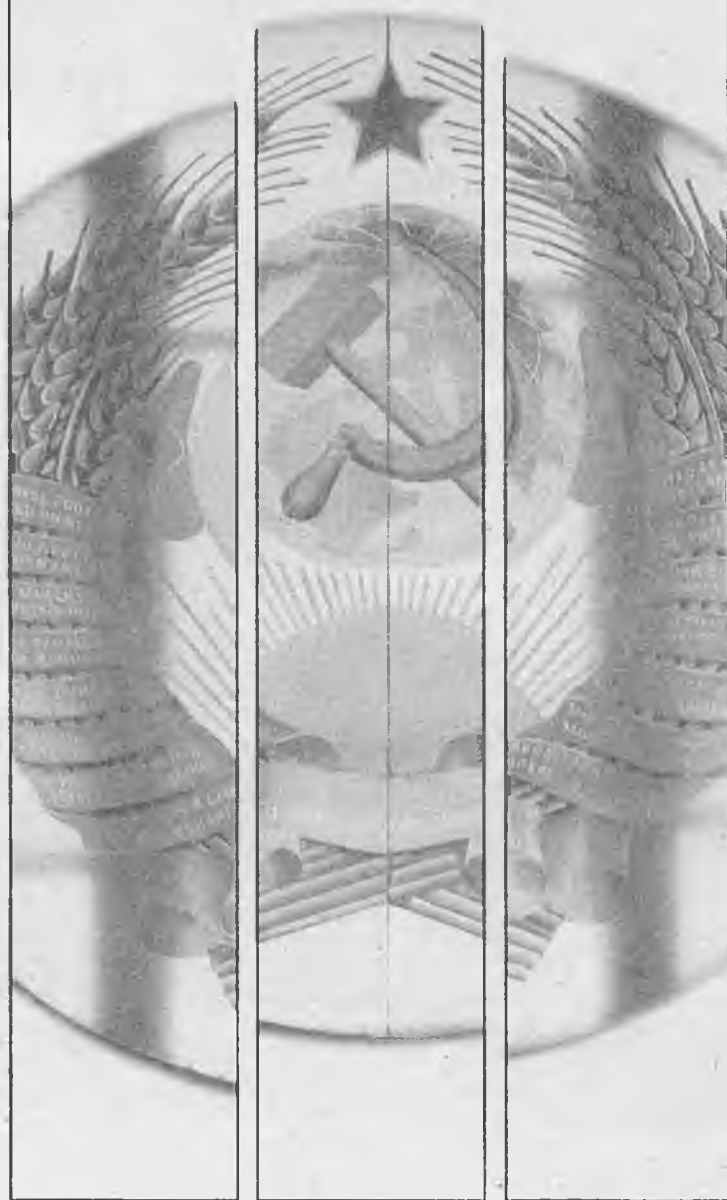
Раззаков Ф. И.
Р 17 **Жизнь замечательных времен. 1975—1979 гг. Время, события,
люди.** — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 992 с., ил.

ISBN 5-699-05395-6

Эти годы уже очень далеки от нас. Первая половина семидесятых годов двадцатого века. Давайте вспомним ту жизнь, события, людей... На космической орбите встречаются советский «Союз» и американский «Аполлон». Подписано Хельсинкское соглашение. Смерть Мао Цзэдуна. Провал советских хоккеистов на чемпионате мира в Вене. Мемуары Леонида Брежнева в «Новом мире», матч за шахматную корону Анатолий Карпов — Виктор Корчной. Самый знаменитый маньяк XX века Андрей Чикатило выходит на охоту. Начинается война в Афганистане — спецназ берет штурмом дворец Хафизуллы Амина. На телеэкраны выходит фильм «Место встречи изменить нельзя». В главной роли — Владимир Высоцкий...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

1975 год

1975 Январь

Валентин Пикуль закончил «Нечистую силу» под бой курантов. Юрия Никулина утверждают на роль. Олег Даль ругает соцреализм. Новогодние телепремьеры. Рижский душегуб. Борис Гребенчиков теряет отца. Инсульт у жены Аркадия Райкина. Снимается кино. Умерла мать Леонида Брежнева. Театр на Таганке: спектакль «Пристегните ремни» запрещен. Похороны матери Брежнева. Роднина и Зайцев побеждают вновь. Из-за болезни жены Райкин берет на гастроли свою дочь. Запись первого выпуска передачи «Что? Где? Когда?». Космический старт. Трагедия в Красноярске: разбились артисты цирка. Выговор Мальцеву. Умер один из создателей «Офицеров». Начались съемки «Иронии судьбы». Убийство таксиста в Пярну. Триумф «Есенин». Открытое письмо Александру Мальцеву. Как Георгий Вицин не явился на съемку. Почему Александр Белявский позволил себе выпить на съемках. Виктория Федорова звонит своему отцу. Как наказали Виктора Корчного. Владимир Высоцкий на приеме у министра культуры. Кома Любови Орловой. Жена Райкина в больнице. Фильмы Чарли Чаплина наконец добрались до советского телевидения. Премьера «Медной бабушки», или как Олег Ефремов наплевал на Главлит. Смерть Любви Орловой. Очередное аутодафе над Викторией Федоровой. В Москве похищен младенец. Страна в третий раз смотрит «Семнадцать мгновений весны». В поле зрения КГБ. Похороны Орловой. Как арестовали Эдуарда Сугатова. Людмила Гурченко: трудное общение с Алексеем Германом. Ленинградская экспедиция «Иронии судьбы». Подарок для маршала Чуйкова. Первая грампластинка «Машины времени».

По давно заведенной традиции за несколько минут до наступления Нового года перед миллионной аудиторией советских телезрителей и радиослушателей прокрутили выступление Генерального секретаря ЦК КПСС. В десятиминутной речи генсека все было, как и прежде: перечисление внушительных достижений за минувший год, добрые пожелания на год будущий. Сразу после боя курантов на голубых экранах появилась любимая заставка миллионов советских телезрителей: на фоне Шуховской башни возникла надпись: «Новогодний Голубой огонек». Однако в первые несколько минут долгожданного действия можно было наблюдать за происходящим на экране вполуха и вполглаза, отдавая большее предпочтение оливье-шному салату — «Огонек» обычно открывал что-нибудь патетическое или номер из «классики». И только спустя несколько

минут появлялся кто-нибудь из долгожданных кумиров — к примеру, Юрий Гуляев или Эдита Пьеха.

Между тем в тот момент, когда чуть ли не вся страна с интересом наблюдала за происходящим на телевизионном экране, некоторая часть граждан в силу разных причин вынуждена была работать. Речь идет о милиционерах, врачах, летчиках и представителях ряда других профессий, которые в силу своих профессиональных обязанностей встречали Новый год непосредственно на рабочих местах. К этому же ряду можно было смело отнести и известного писателя Валентина Пикуля, который наступление 1975 года встретил за рабочим столом. Правда, в отличие от других трудяг, к примеру, тех же постовых милиционеров, Пикуль был в более выгодном положении — он работал у себя дома и при желании имел возмож-

ность хотя бы на пять минут отвлечься от творческого процесса и с боем курантов пригубить из бокала шампанское. Но он даже этого не сделал — настолько был увлечен работой. Что вполне объяснимо — в те новогодние часы он дописывал последние страницы романа «Нечистая сила», которому вскоре предстоит стать одной из самых скандальных книг в советской литературе. Сев за стол около пяти вечера 31 декабря, Пикуль так и не поднялся со стула до утра следующего дня, пока не поставил последнюю точку в своем многостраничном повествовании (как мы помним, Пикуль начал писать роман с сентября 1972 года).

В четверг, 2 января, на «Ленфильме» состоялся просмотр кинопроб к фильму Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Задумав снимать свою картину как антипоточную — то есть непохожую на тот поток фильмов о Великой Отечественной войне, который хлынул на советский экран в последние годы, — Герман пригласил на главные роли актеров, которые ни по каким критериям не подходили на роли былинных героев. Так, на роль военного журналиста Лопатина претендовал один из главных комиков страны — Юрий Никулин (к примеру, в спектакле театра «Современник» «Из записок Лопатина» эту роль играл куда более фактурный Валентин Гафт), на роль возлюбленной Лопатина — тоже переигравшая массу легкомысленных героинь Людмила Гурченко, а на роль летчика — и вовсе мало кому известный питерский актер Алексей Петренко, который в эти же дни снимался в роли великого старца Григория Распутина в фильме Элема Климова «Агония». Короче, у Германа в день представления кинопроб худсовету студии были большие поводы для сомнений — утвердят или нет подобранные им кандидатуры.

Как и ожидалось, больше всего недоумений вызвала у собравшихся кандидатура Никулина. Причем в представленном материале актер выглядел превосходно, однако большинство членов худсовета продолжали упорно видеть в нем комика. Они так и говорили: «Он же клоун! Ну какой из него Лопатин!». И все же утвердить Никулина им пришлось: во-первых, в противном случае Герман отказывался приступать к съемкам фильма, во-вторых — кандидатуру Никулина одобрил сам «родитель» Лопатина — писатель Константин Симонов, произ-

ведение которого Герман собирался экранизировать. Однако, разрешая запускать фильм с Никулиным, члены худсовета оставили за собой право остановить съемки в любой момент — как только убедятся, что Никулин со своей ролью не справляется. Как тогда говорили: «не вписывается в рамки социалистического реализма». Кстати, по поводу последнего.

3 января Олег Даль записал в своем дневнике несколько смелых мыслей по этому поводу. Актер писал:

«Соцреализм — самое ненавистное для меня определение. Соцреализм — гибель искусства. Соцреализм — сжирание искусства хамами, бездарями, мещанами, мерзавцами, дельцами, тупицами на высоких должностях. Соцреализм — определение, не имеющее никакого определения. Соцреализм — ничто, нуль, пустота. Естество не любит пустоты...»

Посему столь бездонная пустота, как соцреализм, мгновенно заполнилась всяческим г.... и отребьем без чести и совести. Не надо быть талантливым, чтобы сосать такую матку, как «с-р». Надо просто знать, что надо, и на книжной полке будет расти ряд сберкнижек! Соцреализм предполагает различные награды и звания...

Звания не заслуживаются. Они назначают, а потом выдают, как охранные грамоты. Выдаются по степени «правильности» существования в соцреализме...

В последнее время дохожу до физиологического состояния тошноты и блевотины. Это уж слишком! Куда податься? Где чистого воздуха хлебнуть?..»

Кстати, сам Олег Даль на тот момент не имел вообще никакого звания, хотя многие из его коллег-сверстников, гораздо бесталаннее его, такие звания имели. Забегая вперед, отмечу, что Даль так и уйдет из жизни, не удостоившись никакого официального звания.

Но вернемся в январь 75-го.

В то время как все взрослое население, встретив Новый год, уже спустя два дня вышло на работу, миллионная армия школьников отдыхает — начались зимние каникулы. Каникулярное утро обычно начиналось одинаково — с просмотра телевизора. Не случайно сетка вещания в те дни была насыщена премьерными показами. Так, с 1 января началась демонстрация 4-серийного мультика «Приключения ба-

рона Мюнхаузена», со 2-го — 3-серийного телефильма «Бронзовая птица» (продолжение «Кортика») и 4-серийного мультфильма «Волшебник Изумрудного города».

Хорошо помню все эти премьеры, поскольку ни одну из них я не пропустил. Сразу после просмотра я обычно мчался на каток, где продолжал совершенствовать свое мастерство катания на коньках, а к шести-семи вечера торопился назад домой, чтобы успеть на вечерние премьеры. Особенно насыщенным на них был вечер 1 января, когда по «ящику» крутили: «Чудак из 5-го «Б» (впервые по ТВ), «Ну, погоди» (4—6-я серии), «Джентльмены удачи» (впервые по ТВ), «Люди и манекены» (2-я серия, премьера т/ф), «Песня-74», «Я — Куба» (впервые по ТВ). Вечером 2—3 января показали премьеру 2-серийной комедии создателя «Большой перемены» Алексея Коренева «Три дня в Москве», 4-го еще одну премьеру — «Соломенную шляпку» Леонида Квинихидзе с блистательным Андреем Мироновым в роли прохвоста Фадинара.

Тем временем в первые дни нового года в Риге объявился опасный преступник — некто 26-летний Юрий Спицын (фамилия изменена). Бывший уроженец Москвы Спицын затем переехал в Ригу, где обзавелся семьей (женится на разведенной женщине и удочерил ее ребенка от первого брака) и устроился работать конструктором в специальное конструкторское бюро магнитной динамики. Получал вполне приличную по тем временам зарплату — почти 200 целковых. Однако мечтал о большем. Но где было взять это «большее»? И Спицын стал втайне от домочадцев разрабатывать планы незаконного обогащения. Поскольку он был эпилептиком и состоял на учете в психдиспансере, ничего хорошего в его голову прийти, естественно, не могло. А тут еще по каким-то своим каналам ему удалось раздобыть огнестрельное оружие — пистолет «парабеллум» фирмы «Борхард-Люгер».

На свое первое дело Спицын вышел рано утром в субботу 4 января. Сев на ближайшей остановке в автобус (Спицын проживал на улице Иерочу), он проехал несколько остановок, после чего вышел и в течение нескольких минут ловил частного. План Спицына был прост: отъехать с ним подальше от города, застрелить и ограбить. Вскоре рядом с ним оста-

новился «жигуленок», за рулем которого сидел средних лет мужчина в дубленке. Это был гражданин Ю. Меккерс-Тентерис, который в то субботнее утро «бомбил» в центре города. Спицын действовал хитро: попросил отвезти его за город, обещая хорошо заплатить, но при этом уточнил, что, дескать, у него с собой только крупные деньги, на которые не у каждого водилы может быть сдача. Но этот частник его успокоил: мол, сдача найдется. И сделал весьма характерный жест: похлопал себя рукой по нагрудному карману. Преступнику только это и требовалось.

Они ехали примерно около часа. При этом большую часть пути говорил водитель, а пассажир предпочитал ему только поддакивать. Темы были самые разные: от обсуждения новых песен до слухов о здоровье Брежнева. Последнюю новость обсуждали особенно живо: Меккерс сообщил, что незадолго до нового года отвозил в аэропорт одного москвича, который и рассказал ему о том, что генсек, мол, совсем плох. Этот же москвич поведал ему и о страшном маньяке, объявившемся в столице и режущем почем зря всех женщин в красном. «Он уже два десятка баб зарезал, а его никак поймать не могут», — констатировал печальный факт водитель. В эти минуты он даже вообразить себе не мог, что рядом с ним сидит не менее страшный зверь в человеческом обличье.

Когда автомобиль оказался на пустынной трассе Рига — Таллин, Спицын попросил водителя свернуть куда-нибудь в сторону: мол, надо сходить по малой нужде. Однако едва он вышел из салона, как тут же достал из кармана куртки «парабеллум» и, наведя его на водителя, приказал тому выйти наружу. Легко предположить, что Меккерс сначала принял все это за невинную шутку — ведь всего пару минут назад они с пассажиром так мирно беседовали о том о сем — и, покидая салон, даже не подумал сопротивляться. Но когда пассажир приказал ему идти в лес и при этом не оборачиваться, Меккерса прошиб холодный пот. Только тут до него дошло, что все происходящее отнюдь не шутка.

Водитель успел сделать всего лишь несколько шагов, как вдруг Спицын приблизился к нему почти вплотную и выстрелил в затылок. Затем, перевернув труп на спину, убийца быстро обчистил его карманы. Как он и предпола-

гал, вожделенный бумажник с деньгами находился в боковом кармане пальто жертвы. Вполне удовлетворенный найденной суммой, Спицын вернулся к автомобилю и возвратился на нем в Ригу. Припарковав машину на углу улиц Тургенева и Гоголя, душегуб на попутном транспорте добрался до улицы Иерочу, где проживал. Домой решил возвращаться не с пустыми руками: зайдя в ближайший продуктовый магазин, купил там полкило копченой колбасы, бутылку вина, а дочери килограмм шоколадных конфет. Все покупки были сделаны на деньги несчастного частного. В 18.50 довольный и насытившийся убийца сел к телевизору — смотреть премьеру веселого водевиля «Соломенная шляпка» с незабвенным Андреем Мироновым в главной роли.

Фильм еще не начался, когда родственники Меккерса забили тревогу — он обещал вернуться к обеду, но в назначенное время не явился. А в 20.30, когда убийца досматривал водевиль, патрульная группа обнаружила на улице Тургенева брошенный автомобиль Меккерса. Подтверждались самые худшие предположения родственников пропавшего, хотя сами милиционеры успокаивали их заверениями, что все образуется: мол, мало ли куда мог податься пропавший. Однако спустя сутки труп Меккерса обнаружит один из водителей, случайно остановившийся в том месте, где было совершено убийство. Будет заведено уголовное дело, которое продлится не один месяц. Но о том, как будет идти следствие, я расскажу в последующих главах, а пока вернемся к событиям января 75-го.

5 января у основателя и руководителя легендарной рок-группы «Аквариум» Бориса Гребенщикова умер отец. Это событие произошло в одной из ленинградских больниц, где отец рок-кумира находился вот уже несколько дней. В силу своей занятости Гребенщиков-младший не смог быть рядом с отцом в последние минуты его жизни, поэтому о смерти родителя узнал через несколько часов от кого-то из своих родственников.

В тот же день, но уже в Москве случился инсульт у жены Аркадия Райкина Ромы Иоффе. Как мы помним, еще в декабре Рома почувствовала себя неважно, но предпочла не обращать внимания на тревожные симптомы, чтобы не подводить коллектив, в котором ра-

ботала, — Театр миниатюр готовил к выпуску новую программу. Новый год Рома вместе с мужем встретила в Москве, в доме доброго приятеля их семьи талантливого врача Владимира Львовича Кассиля. А утром 5 января Роме захотелось навестить свою подругу — жену отца Владимира Львовича Светлану Собинову, и она попросила свою дочь Катю отвезти ее в гости на такси. Дочь так и сделала. Однако едва она покинула мать, как у той случился страшный инсульт. По всем законам, Рома должна была умереть через несколько минут, но спасло ее счастливое стечение обстоятельств. Незадолго до этого от Собиновой ушел Владимир Кассиль, который по своей профессиональной привычке сказал, куда он идет. Поэтому, когда Роме стало плохо, Собинова тут же с ним созвонилась, и Кассиль немедленно выслал к ней свою реанимационную бригаду. И жизнь Ромы была спасена.

Между тем на «Мосфильме» великий наш комедиограф Леонид Гайдай продолжает работу над экранизацией рассказов Михаила Зощенко — фильмом «Не может быть!». В конце декабря должны были снимать эпизоды из третьей новеллы «Свадебное происшествие», однако из-за отъезда на съемки в Чехословакию двух главных исполнителей — Леонида Куравлева и Савелия Крамарова — съемки этих сцен пришлось перенести на начало января. В одном из павильонов студии была выстроена декорация «квартира невесты», где в те январские дни и проходили съемки. На роль отца невесты, как мы помним, долгое время претендовал Юрий Никулин, но он ушел в другую картину — «Двадцать дней без войны» — и Гайдай взял на эту роль Георгия Вицина. 6 января снимали эпизод, где Володька (Куравлев) и Серега (Крамаров) знакомятся с папашей (Вицин) и тот предлагает им «трахнуть по маленькой» за знакомство.

Другой известный кинорежиссер — Леонид Хейфиц — продолжает на «Ленфильме» работу над фильмом «Единственная». Три главные роли в нем играют столичные актеры: Елена Проклова, Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий. Все они в те январские дни буквально разрываются между Питером и Москвой, мотаясь туда-обратно на «Красной стреле». В начале января снимались павильонные сцены в декорации «квартира Наташи». Это там герой

Высоцкого — руководитель студии народного творчества Борис Ильич — поет героине Елены Прокловой песню «Очи черные» («Во хмелю слегка...»), после чего ее соблазняет.

6 января в кунцевской больнице скончалась 87-летняя мать Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева Наталья Денисовна. По воспоминаниям очевидцев, это была характерная и очень крепкая женщина, прожившая большую нелегкую жизнь. Рано потеряв мужа (он умер в конце 40-х, не достигнув 60-летнего возраста), она сама вырастила троих детей: двух сыновей — Якова и Леонида — и дочь Веру.

Наталья Денисовна почти всю жизнь прожила в Днепропетровске и не собиралась никуда оттуда уезжать. Однако после того как Леонид переехал на партийную работу в Москву, он стал настойчиво зазывать мать переехать к нему. Но она каждый раз ему отказывала. Мать вела очень скромный образ жизни даже тогда, когда ее сын стал вторым человеком в стране — Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Она покупала продукты в обычном магазине, как и все, стояла в очередях, по вечерам сидела на лавочке возле своего подъезда и судачила с соседями. И все же уехать к сыну ей пришлось — это случилось зимой 65-го. Однако нельзя сказать, что Наталья Денисовна выиграла от этого переезда: все подруги у нее остались в Днепропетровске, а образ жизни сына и его семьи она понять так и не смогла.

Вспоминает тогдашний зять Брежнева Юрий Чурбанов: «Независимо от возраста Наталья Денисовна обязательно выходила на каждый завтрак с Леонидом Ильичом. Раньше всех садилась в столовой, просматривала газеты и всегда находила в них что-то интересное, сообщая Леониду Ильичу: «Леня, такая-то газета, ты обязательно прочти...». Леонид Ильич торопился на работу, ему некогда, но перечитать матери тоже невозможно. Леонид Ильич всегда считался с Натальей Денисовной в житейских вопросах.

Она долго боролась с клинической смертью. У Натальи Денисовны было воспаление легких, которое быстро перешло в крупозное, поэтому спасти ее было совершенно невозможно. Мы знали, что она умирает, готовили себя к этому...».

Тем временем в Театре на Таганке продолжают готовиться к постановке спектакля «Мастер и Маргарита». В день смерти матери генсека, 6 января, там состоялась очередная читка пьесы. Вот как об этом вспоминает Вениамин Смехов:

«Нелюбезное утро, слякоть и снег. Я в театре. Звонки туда-сюда. Читка. Яростный шеф (Юрий Любимов. — *Ф. Р.*). Через губу с ничтожным уважением к труппе — скопищу эгоистов, невежд и прочие недостатки, обнаруженные его чутьем и его сыном, поодаль с другом расположившимися. Начхать на них, живите как знаете, но то, что вползли в атмосферу мизантропия и дисгармония, неблагоприятная нелюбовь к актерам и самовозвеличка — вот что есть кошмар текущего момента. Не дочитав — а читал Ю. П. скверно, на одной краске Пилата с немногими вдруг рассветами актерства и попадания — ушел в 14.45 в управление. (Имеется в виду управление культуры исполкома Моссовета, где решался вопрос о выпуске спектакля «Пристегните ремни». — *Ф. Р.*)

Поход Любимова в управление завершился печально — там ему сообщили, что спектакль в том виде, в каком он есть, к выпуску допущен быть не может и отправлен для дальнейшего цензурирования выше — в Минкульт Союза. Об этом вердикте Любимов сообщил труппе утром в день Рождества Христова (7 января), когда актеры собрались для продолжения читки «Мастера и Маргариты».

В среду, 8 января, в Москве состоялись похороны Натальи Денисовны Брежневой. Гражданская панихида прошла в зале Дома ученых, что на Кропоткинской улице. Убитый горем сын покойной — Леонид Брежнев — пришел на похороны в сопровождении родственников — жены Виктории Петровны, дочери Галины и сына Юрия — и всего Политбюро (последнее опубликовало в газетах свои соболезнования). После панихиды траурная церемония переместилась на самое престижное столичное кладбище — Новодевичье. Там тело матери генсека предали земле. Вот как это описывает со слов рабочего кладбища Георгия Коваленко журналист Е. Добровольский:

«Мерзлый грунт пришлось долбить, а там еще подморозило к утру и, когда пришли чекисты с миноискателем и собакой, науськанной на тротил, проверить, не заложена ли бомба, —

спецслужбы этого больше всего боялись и всегда проверяли, — вставить штырь в мерзлый грунт не смогли. У собаки мерзли лапы. Она огрызалась. Жора (Коваленко. — Ф. Р.) им сказал: «Что я, вместе с вами хочу отправиться?». «Логично», — сказали они и, пристыженные, ушли. Началось прощание. Леонид Ильич рыдал как ребенок, уронив голову Жоре на грудь. Он ближе всех стоял. Брежнев рыдал и шептал, задыхаясь: «Спасибо, сынок, спасибо...». Жора начал его успокаивать. Он гладил его ратиновые плечи, чувствуя на своей щеке запах его одколлона и пух мохерового шарфа на губах. Он не говорил про царствие небесное, про вечную жизнь в иных пространствах, но какие-то слова для генерального у него нашлись, потому что настоящие могильщики — они и философы, и ухари, и сочувствующие люди, которые кладут здоровье и труд на это непростое, печальное дело.

После похорон Брежнев сказал своим помощникам: «Вы мне Жору не забудьте...». Однако денег выдали совсем немного (80 рублей на двоих в белом конверте. — Ф. Р.) и не потому, что Брежнев был скуповат. Совсем нет. Он был человеком щедрым. Просто он не знал масштабов. Неведомо ему было, что сколько стоит в реальной жизни...».

Тем временем в Киеве проходит очередной чемпионат СССР по фигурному катанию. 9 января на нем были названы победители в парном катании: золотые медали завоевали москвичи Ирина Роднина и Александр Зайцев, программа которых длилась на 5 секунд больше положенного времени. У всех специалистов и болельщиков к этой паре было повышенное внимание, поскольку на чемпионат они приехали уже с другим тренером — место Станислава Жука заняла Татьяна Тарасова. Смена тренеров породила разговоры, что теперь высокие позиции этой пары будут поколеблены. Но надежды скептиков не оправдались. Между тем серебряные медали в парном катании достались Надежде Горшковой и Евгению Шеваловскому, бронзовые — Марине Леонидовой и Владимиру Боголюбову. В танцах на льду победили Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Ленинградский Театр миниатюр под руководством Аркадия Райкина стоит на грани срыва гастролей в Польше, которые должны начаться 9 января. Как мы помним, за четыре дня

до этого у жены Райкина Ромы Иоффе случился тяжелейший инсульт, и великий сатирик всерьез рассматривает вопрос об отмене гастролей. Однако лечащий врач Ромы Владимир Львович Кассиль все же уговаривает артиста уехать: «Аркадий Исаакович, вы здесь не нужны. Мы сделаем все, что нужно. Поезжайте и работайте. Так будет лучше для вас». В итоге 9 января театр выехал на гастроли. А место бывшей актрисы Ромы Иоффе заняла ее дочь Катя Райкина. Как вспоминает последняя: «В поезде днем и ночью я учила текст и репетировала. А когда приехала в Варшаву, оказалось, была без голоса — на нервной почве. Врачи мне его восстановили, но папа заболел воспалением легких. Интенсивное комплексное лечение быстро поставило его на ноги...».

10 января в баре Останкинского телецентра состоялась запись телевизионной передачи, которой в будущем предстоит стать одной из самых популярных на отечественном ТВ. Речь идет о передаче «Что? Где? Когда?». Как мы помним, авторами этого проекта был семейно-творческий тандем в лице Владимира Ворошилова и Натальи Стеценко. Они придумали эту передачу в конце прошлого года, но первый блин вышел комом: передача с участием двух столичных семей в роли «знатоков» вышла настолько неудачной, что не понравилась ни самим авторам идеи, ни руководству ТВ. Однако неудача не обескуражила семейный дуэт и спустя две недели была предпринята новая попытка: на этот раз на роли «знатоков» были приглашены студенты МГУ. Именно с ними и был записан первый выпуск передачи 10 января. Поскольку Ворошилову было строго-настроено запрещено светиться перед камерой, на роль ведущего был приглашен всеми любимый Александр Масляков. Он читал письма телезрителей, а «знатоки» на них отвечали. Однако в эфир передача выйдет не сразу, а спустя восемь месяцев, о чем я обязательно расскажу.

11 января в 00 часов 43 минуты по московскому времени в космос стартовал очередной космический корабль — «Союз-17» с космонавтами Алексеем Губаревым и Георгием Гречко на борту. Согласно плану космонавты должны были пробыть в космосе почти месяц и вернуться на Землю в первой половине февраля.

А теперь перенесемся в Красноярск, где гастрوليруют артисты Московского цирка Надежда и Марина Маяцкие, показывающие уникальный номер — «Шар смелости». Придумал этот номер муж Надежды Петр Маяцкий еще в 1950 году. Суть его была в следующем: в сетчатом шаре диаметром 7 метров, состоявшем из двух полусфер и подвешенном над ареной, на огромной скорости ездили на мотоциклах и велосипедах по горизонтали и вертикали циркачи во главе с Маяцким, выделывая немислечные трюки. Номер пользовался фантастическим успехом у публики. Но одно из таких представлений едва не закончилось трагедией: в январе 63-го Петр Маяцкий упал с мотоцикла и сильно разбился. Номер на какое-то время был снят из программы. А затем его восстановили жена и дочь отважного циркача.

В январе 75-го в цирк на Цветном бульваре пришла разнарядка: отправить номер «Шар смелости» на гастроли в Красноярск. Маяцкие ответили категорическим отказом. Почему? Дело в том, что именно в Красноярске 12 лет назад едва не погиб Петр Маяцкий. Однако в Минкульте посчитали эту причину несостоятельной: «Вы что, верите в приметы? — спросили Маяцких. — А посему собирайте вещи и отправляйтесь на гастроли!». Спорить было бесполезно.

Дурные предчувствия не обманули мать и дочь. Роковым для них стал именно тот день, когда разбился их муж и отец, — 12 января. Причем беда произошла в тот же час — на трехчасовом представлении. Вот и не верь после этого в мистику. Что же произошло? Артистки уже раскланивались под восторженные аплодисменты, когда вдруг развалилась старая лебедка. Трос, при помощи которого опускалась нижняя часть шара, закрутился, и двухтонная машина рухнула на манеж. Случись это минутой раньше, раздавило бы ползала: мчавшиеся на мотоциклах артистки вылетели бы прямо в зрительные ряды. Случись минутой позже — машина бы раздавила артисток. А так они повторили судьбу Петра Маяцкого — получили тяжелые травмы, но остались живы. У Надежды — черепно-мозговая травма, множественные переломы костей, у дочери — переломы позвоночника, черепно-мозговая. Обои срочно доставили в Москву, к врачу-кудеснику Зое Сергеевне Мироновой. Та в очередной раз со-

вершит чудо — поставит артисток на ноги. Однако номер «Шар смелости» возобновлен больше не будет. Но вернемся в январь 75-го.

Непростыми оказались те январские дни для капитана столичного хоккейного клуба «Динамо» Александра Мальцева. Как мы помним, в самом конце декабря прошлого года его одноклубники вылетели в Швецию для участия в Кубке Ахерна, а Мальцев предпочел остаться в Москве, чтобы насладиться медовым месяцем с молодой женой. По-человечески вполне объяснимое желание, если учитывать, что советские спортсмены в те годы из 12 месяцев в году 10 проводили вне дома — на сборах, различных соревнованиях. Тот же Мальцев за последние семь лет Новый год в кругу семьи встречал всего лишь один раз. Поэтому «Динамо» на не самом престижном турнире Кубок Ахерна вполне могло бы обойтись и без Мальцева. Однако новый тренер команды Владимир Юрзинов решил никому не давать поблажек — в том числе и звездам — и потребовал, чтобы Мальцев обязательно вылетел в Швецию. Что из этого вышло, мы уже знаем.

Динамовцы вернулись в Москву победителями — в финальной игре со шведским клубом «Седертедь» они победили со счетом 4:2 и завоевали Кубок Ахерна. А сразу после приезда в команде было проведено комсомольское собрание, в повестке дня которого стоял один вопрос: недостойное поведение капитана команды Александра Мальцева. Кстати, на вопрос, почему он не явился в аэропорт в назначенное время, Мальцев ответил: «Будильник не прозвенел». А потом добавил: «Я же сам себя наказал: за границу не поехал». В итоге собравшиеся ограничились лишь строгим выговором провинившемуся и разошлись. Однако для Мальцева история на этом не закончилась, о чем разговор еще впереди.

В понедельник, 13 января, из жизни ушел кинооператор Михаил Кириллов. Большинству людей имя этого человека мало что говорило как тогда, так и сейчас. Такова уж специфика этой профессии — без операторов кино невозможно, однако широкому зрителю они практически не известны. Люди знают актеров, режиссеров, на худой конец композиторов, а вот имен операторов не запоминают. Между тем Кириллов за свою долгую жизнь в искусстве снял несколько десятков фильмов, некоторые

из них вошли в сокровищницу отечественного кинематографа. Среди них: «Окраина» (1933, с А. Спиридоновым), «Остров сокровищ» (1938), «Кошей Бессмертный» (1945), «Большая жизнь» (1946), «Я вас любил» (1967), «Офицеры» (1971). На съемках последнего блокбастера Кириллов едва не погиб: снимал бегущие под поездом рельсы (эти кадры станут классикой операторского искусства) и сорвался под состав. К счастью, дело обошлось только травмами, и Кириллов целый месяц провалялся в больнице. А его место у камеры на это время занял его сын Андрей.

Кириллов умер внезапно. В тот злополучный день он вернулся с работы домой, поставил машину в гараж, поднялся в свою квартиру и с порога пожаловался жене: «Что-то плохо себя чувствую...». Затем улыбнулся... и упал замертво. Обширный инфаркт. Ему было 66 лет.

Тем временем Эльдар Рязанов закончил подготовительные работы по фильму «Ирония судьбы, или С легким паром!» и с понедельника 13 января приступил к съемкам. Надо было снимать зимние эпизоды, однако из-за установившейся в Москве теплой погоды сделать это удалось не сразу, а спустя несколько дней. А пока 14 января в Москву из Варшавы прилетела исполнительница главной женской роли Нади Шевелевой — Барбара Брыльска, — чтобы примерить костюмы и проверить грим. Сразу после этого она вылетела в Ленинград для съемок натуральных эпизодов.

15 января в эстонском городе Пярну произошло тяжкое преступление — был убит водитель такси Э. Аллик. Местным сыщикам хватило всего лишь нескольких часов, чтобы изобличить и задержать преступников. Как выяснилось, таксиста убили из корыстных побуждений двое коллег — водители Пярнуского райобъединения «Эстсельхозтехника» Аруст и Оят. В тот день с утра они глушили «горькую», а когда у них кончились деньги, познакомились с третьим собутыльником — пенсионером Ранну. Тот сообщил, что собирается сегодня получать пенсию в Мыйзакюле, и пригласил новых дружков прогуляться с ним за компанию. Спустя час половина пенсии была уже пропита. На этом, казалось бы, можно было и успокоиться, но куда там.

Расставшись со своим случайным собутыльником, Аруст и Оят поймали такси и отправи-

лись обратно в Пярну. По дороге у одного из них возникла идея ограбить таксиста, а деньги пропить. Поскольку водитель оказался не робкого десятка и попытался оказать грабителям сопротивление, те в пылу борьбы его задушили. А затем, завладев 50 рублями, отправились их пропивать. Как я уже говорил, задержали их достаточно быстро. А спустя год состоится суд, который воздаст душегубам по заслугам: Аруст будет приговорен к «вышке», Оят получит 15 лет тюрьмы.

Но вернемся в январь 75-го.

В первой половине месяца в московских кинотеатрах состоялось несколько премьер: 1 января на экраны вышла комедия Ролана Быкова «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», где снялась по-настоящему звездная команда: Ролан Быков, Георгий Вицин, Алексей Смирнов, Михаил Козаков и др.; 13-го — комедия В. Винника «Прощайте, фараоны!»; мелодрама Эдмонда Кеосаяна «Ущелье покинутых сказок» с участием Армена Джигарханяна, Лауры Геворкян и др.

Но фаворитом проката, безусловно, стала мексиканская мелодрама «Есения», которая начала свое триумфальное шествие по столичным экранам с понедельника 13 января. Фильм начал демонстрироваться сразу в 42 московских кинотеатрах и буквально за считанные недели вышел в лидеры проката. Достаточно сказать, что за год ленту посмотрит 91 миллион человек, что для Советского Союза станет немислимым рекордом, который так и не будет побит (самый кассовый советский фильм — «Пираты XX века» — соберет в 80-м году 87,6 млн.). Кстати, ваш покорный слуга посмотрит «Есению» много лет спустя, поскольку в годы ее триумфа в нашей подростковой среде ходить на мелодрамы считалось делом непрестижным: мы называли такие фильмы «девчачьими».

Официальная критика «Есению» тоже не жаловала. В главном рупоре советской интеллигенции — «Литературной газете» — критик М. Кваснецкая писала: «В фильмах, подобных «Есении», идет игра в открытую. Без претензий на жизненную сложность, на художественное откровение. Пускаются в ход все приемы дешевой слезной мелодрамы. Сколько-то слез, столько-то улыбок, столько-то облегченных вздохов. И зритель относится к происходящему на экране как к мифу, отвлекающему его на

какое-то время от проблем насущных. Воздействие подобных фильмов скорее физиологическое, чем эстетическое...».

Кино по ТВ: «Приключение в городе, которого нет» (премьера т/ф 4-го), «Валькины паруса» (премьера т/ф), «Миссия генерала Вольфа» (ЧССР, 5-го), «Серебряные трубы» (6-го), «Пуччини» (Италия, премьера т/ф 6—10-го), «Пролог» (8-го), «Рассказы о Кешке и его друзьях» (премьера т/ф 8—10-го), «Герой нашего времени», «Эта веселая планета», «Мелодии любви» (премьера т/ф 10-го), «Юность Максима», «Последняя реликвия», «Новогодний Голубой огонек» (повтор) (11-го), «Звезда», «Улица без конца» (впервые по ТВ), «Встреча со шпионом» (Польша 12-го), «Эскадра уходит на запад» (13-го), «Свадьба Кречинского» (премьера т/ф), «Не забудь... станция Луговая» (14-го), «Голубой патруль» (премьера т/ф), «Повесть о первой любви» (15-го), «Осенние грозы» (премьера т/ф 15—16-го) и др.

Театральные премьеры: 2-го в Театре имени Гоголя — «Трудные этажи»; 3-го в Театростудии киноактера — «Милый, странный доктор» с участием: Э. Некрасовой, Н. Гурзо и др.; в Театре имени Пушкина — «Моя любовь на 3-м курсе» с участием Константина Григорьева, Владимира Безрукова, Веры Алентовой и др.; 4-го в Центральном театре Советской Армии — «Ковалева из провинции», в главной роли прима театра Людмила Касаткина; в Театре имени Вахтангова — «Господа Глембаи» с участием Юрия Яковлева, Владимира Осенева, Людмилы Максаковой, Василия Ланового и др.; 8-го в Театре имени Вахтангова — «Театральная фантазия»; 9-го в Театре имени Моссовета — «Тощий туз» и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—7-го в Государственном театре эстрады (ГТЭ) высадили десант из Югославии во главе с тамошним соловьем Джордже Марьяновичем; 3—5-го в киноконцертном зале «Октябрь» радовали публику своим творчеством ВИА «Поющие сердца» и Геннадий Хазанов; 11-го в ГЦКЗ «Россия» пел «татарский соловей» Ильгам Шакиров; 8—13-го в ГТЭ — челябинский ВИА «Ариэль»; 8—12-го во Дворце спорта в Лужниках состоялись сборные концерты с участием Иосифа Кобзона, Светланы Резановой, Ивана Суржикова, Кола Бельды, Льва Барашкова и др.; 11—12-го в «Октябре»

радовала публику своим творчеством Ольга Воронец; 13-го в Кремлевском Дворце съездов (КДС) выступал: Геннадий Хазанов, Н. и О. Кирюшкины, Альберт Писаренков, оркестр «Современник» и др.; 13—16-го в ГЦКЗ «Россия» — вокальный квартет из Японии «Ройял Найтс».

Тем временем продолжают неприятности у хоккеиста Александра Мальцева. В четверг 16 января по нему ударила пресса — в «Комсомольской правде» появилось открытое письмо в его адрес под названием «Ничего не случилось...» за подписью заместителя редактора отдела физкультуры и спорта «Комсомолки» В. Снегирева. Хорошо помню эту публикацию. В тот день утром я пришел в школу минут за десять до начала уроков и поднялся на третий этаж, где у нас должна быть то ли математика, то ли физика. Справа от лестницы на стене висел стенд со свежим номером «Комсомолки», мимо которого я никогда не проходил (чего не скажешь про стенд на втором этаже, где висела «Пионерская правда», которую я читал от случая к случаю). Вот и на этот раз я подошел к любимой газете и с ходу натолкнулся на «подвал» с письмом к Мальцеву. А поскольку я в те годы был ярым хоккейным фанатом, заметку я прочитал от корки до корки. Да еще сделал то же самое сразу после окончания первого урока. Письмо начиналось так:

«Наверное, увидев это письмо, ты привычно усмехнешься и с показной бравадой покажешь газету друзьям: «Видели, Мальцеву и письма через газету пишут». Подожди, капитан, спрячь улыбку. Давай серьезно. Надо продолжить наш разговор, что состоялся три дня назад. Тогда он не сложился. Команда ехала в автобусе к стадиону, и ты, вольготно расположившись на заднем сиденье, сразу пожаловался мне: лег спать, мол, за полночь, на дне рождения гулял, а сегодня вставать на тренировку пришлось чуть свет, вот ведь жизнь какая океанная...

Настроен ты был по своему обыкновению игриво. А ведь речь-то шла о вещах куда как серьезных. Я тебя спросил, долго ли ты намерен играть в хоккей, и ты ответил: «Пока не выгонят». Я тебе: «Как с учебой дела?». Ты рукой махнул: «Исключили меня из техникума...».

Далее автор письма подробно рассказывает читателям историю про то, как Мальцев «про-

спал» вылет в Швецию в декабре прошлого года. Затем сетует на то, какие прекрасные результаты показывал Мальцев на заре своей карьеры, и как стал блекло играть теперь. И указывает главную причину произошедшей метаморфозы:

«Ты вдруг обнаружил, что у тебя огромное количество друзей. Тебя звали в ресторан. Тебя непременно хотели видеть во главе стола на банкетах, свадьбах и днях рождения. Когда ваша команда завоевала Кубок СССР, то на вечере, устроенном по этому поводу, каждый гость считал своим долгом «поднять тост с Мальцевым». А ты-то добрый, ты никому не мог отказать».

Ты получил квартиру в новом доме. Друзей становилось все больше. Проводить свободное время в веселых компаниях стало делом привычным. Ты забросил учебу. Ты стал опаздывать на тренировки, пропускать их.

Слава вскружила тебе голову.

Тебе, лидеру команды, тренеры многое прощали. А напрасно. Тренеры ведь не могли не знать, как опасна ржавчина. Она разъедала коллектив. «Мальцеву позволено, а нам?» — рассуждали другие игроки...

В «Динамо» был принят твой младший брат Сергей. Все говорили о том, что он может стать тебе достойным партнером. Сергей жил рядом, он во всем подражал тебе. («Кстати, где сейчас брат?» — спросил я. «Выгнали, — равнодушно ответил ты. — Они с Мышкиным в ресторане избивали кого-то...»). Не ты ли повинен в том, что не состоялся хоккеист Мальцев-младший?

Терпение не безгранично. Всему приходит конец. И однажды прозвучал еще один звонок. Руководство команды сказало тебе: хватит, доигрался, снимаем с тебя звание заслуженного мастера спорта и дисквалифицируем на год. Говорят, ты заплакал. Ведь ты дня не можешь прожить без хоккея. Тебя простили и на этот раз.

А ты продолжал подводить тренеров, команду. Вспомни поездку на КамАЗ. Ты ездил на эту стройку в составе группы других спортсменов. Увы, и там нашлись доброхоты, щедро уставлявшие твой стол винными бутылками. А ты и не отказывался. После очередного угощения ты, капитан, находясь в веселом состоянии, умудрился сломать палец. До конца сезона

оставалось еще несколько матчей, а команде пришлось выходить на лед без тебя...».

Заканчивалось открытое письмо следующим призывом:

«Хорошенько подумав, решил я все же написать тебе это письмо. Не для того, чтобы Мальцева в очередной раз «пропесочили». Нет, не для этого. Чтобы оно побудило тебя задуматься об ответственности твоей перед самим собой, перед товарищами, перед своим клубом, перед хоккеем.

Не стоит, право, дожидаться очередного звонка. Ведь он, Александр, может оказаться последним. Понимаешь, последним».

В спортивных кругах тогда ходили слухи, что это письмо было санкционировано с «самого верха». Хоккейный клуб «Динамо» курировал КГБ (футбольное «Динамо» было отдано МВД), и его ярым болельщиком был сам Андропов. А поскольку «Динамо» занимало в турнирной строчке позорное 8-е место и проигрывало чуть ли не всем подряд, вот и было решено призвать ее капитана, а через него и всю команду к порядку. Правда, из этого мало что вышло, о чем еще будет рассказано далее.

Тем временем Леонид Гайдай продолжает работу над комедией «Не может быть!». 17 января должны были сниматься эпизоды в декорации «квартира невесты», однако исполнитель одной из ролей — Георгий Вичин — внезапно не явился на съемочную площадку. Ассистент режиссера позвонил ему домой и выяснил, что актер занемог. Узнав об этом, Гайдай съемку отменил, поскольку в тот день должны были сниматься именно эпизоды с участием Вичина: отец невесты двигает мебель, ворует со стола бутылку водки и др. Простой обошелся группе в кругленькую сумму в 787 рублей.

Другой мэтр советской комедии — Эльдар Рязанов — снимает первые кадры своего эпохального фильма «Ирония судьбы». Вечером 18 января в столичном аэропорту Внуково снимался эпизод проводов Жени Лукашина в Ленинград. Как мы помним, отправился он туда не по собственной инициативе, а по воле двух своих подвыпивших дружков, которых в фильме играли Георгий Бурков и Александр Белявский. Последний вспоминает:

«Сначала мы снимали сцену в аэропорту, которая по фильму идет после бани, и все герои уже пьяные. Это происходило 18 января

(в день годовщины моей свадьбы). Мы сидели в буфете аэропорта, и я решил, что ничего страшного не будет, если немного отмечу этот день. Рязанов учуял запах и спросил: «Саша, в чем дело?». Я ответил: «Эльдар, я могу тебе паспорт показать, у меня сегодня день свадьбы». Он отрезал: «Я тебя прошу, больше ни рюмки». Я пообещал...».

В тот же день свой двадцать девятый день рождения справляла популярная киноактриса Виктория Федорова. По этому случаю в ее квартире 243 в доме 4/2 по Кутузовскому проспекту собрались близкие друзья и подруги. Как пишет сама именинница: «Наверно, им всем было очень весело, но только не мне. Я все время ждала телефонного звонка, о котором отец написал в поздравительной открытке по случаю дня моего рождения (как мы помним, отец Виктории находится в США. — Ф. Р.). Чем темнее становилось на улице, тем сильнее одолевали меня прежние страхи. Он умер. Он больше не думает обо мне. Он забыл меня...».

Мучения Виктории продолжались почти до двух часов ночи, после чего она не выдержала. Отведя в сторонку одного из своих друзей, который говорил по-английски, она попросила его помочь ей с переводом. После чего прямо из дома заказала телефонный разговор с Америкой (там на тот момент было около шести часов вечера). Разговор дали на удивление скоро. На другом конце провода ответил бодрый мужской голос — это был отец Виктории. Через переводчика та спросила, почему он ей не позвонил. Ответ отца ее обескуражил: тот сообщил, что пару часов назад пытался до нее дозвониться, но ему сообщили, что линия занята. Тогда Виктория выхватила трубку из рук переводчика и выпалила на ломаном английском: «Я люблю тебя, папочка». Он тоже ответил ей по-русски: «И я тебя очень люблю». После чего произнес длинную фразу по-английски. Виктория передала трубку переводчику, и тот вскоре перевел смысл сказанных ее отцом слов: «Я помню, где и когда я эти же слова сказал твоей матери». Этот день рождения неожиданно стал самым счастливым в жизни Виктории.

Продолжает обостряться обстановка вокруг гроссмейстера Виктора Корчного. Как мы помним, в декабре прошлого года он дал неосторожное интервью югославскому телеграфному

агентству ТАНЮГ, где весьма нелестно отозвался о своем недавнем сопернике Анатолии Карпове. За это на Корчного ополчилась вся спортивная общественность (письма возмущенных граждан были опубликованы в «Советском спорте»). Несмотря на то, что Корчной вскоре публично покаялся в собственном грехе (в той же газете было опубликовано его письмо), гроссмейстера вызвали для проработки в Москву, в Спорткомитет. Но он решил схитрить — срочно лег в клинику Военно-медицинской академии, сославшись на обострение язвы желудка. Трудно сказать, на что он надеялся, — наверху были разгневаны настолько сильно, что подобные ухищрения могли только отсрочить наказание, но не отменить его. Причем, по задумке спортивных чиновников, выслушать грозный вердикт Корчной должен был из их уст лично. Вот почему, пролежав в клинике около двух недель, гроссмейстер все же вынужден был отправиться на ковер.

В понедельник, 20 января, Корчной переступил порог кабинета зампреда Спорткомитета СССР, который курировал шахматы, В. Ивошина. Хозяин кабинета держал себя с гостем, как с предателем родины: был холоден и надменен. Громко, чтобы гость хорошо слышал каждое слово, он зачитал ему комитетский приказ. «За неправильное поведение», как было сформулировано в приказе, Корчному запретили в течение года выступать в международных соревнованиях за пределами страны и понизили гроссмейстерскую стипендию с 300 рублей до 200.

21 января Владимир Высоцкий и Марина Влади попали на прием к самому министру культуры СССР Петру Демичеву. Цель у них была одна: добиться от министра разрешения выпустить первый диск-гигант Высоцкого. Да, мой читатель: несмотря на фантастическую популярность песен Высоцкого в стране, на январь 75-го на его счету было только четыре пластинки, причем все — миньоны. Однако в апреле прошлого года Высоцкий вместе с Мариной Влади напели на «Мелодии» два десятка песен под клятвенное обещание руководителей фирмы грамзаписи, что большая часть из этих произведений войдет в диск-гигант. Но с той записи минуло уже больше полугода, а воз и ныне был там. Вот почему Высоцкий и

его супруга напросились на прием к министру культуры.

Демичев принял их весьма радушно: усадил за стол и приказал своему секретарю принести для гостей чай и сушки (исконное угощение тех времен в начальственных кабинетах). Под этот чаек и полилась беседа, которая длилась около получаса. Говорили, естественно, об искусстве. Высоцкий, как бы между делом, стал сокрушаться о несчастливой судьбе спектакля Театра на Таганке «Живой»: дескать, в бытность министром культуры Екатерины Фурцевой постановке никак не удавалось выйти в свет. Демичев спросил: «А кто играет Кузькина?». «Золотухин», — ответил Высоцкий. «Это хороший актер», — улыбнулся в ответ министр и пообещал лично подействовать в выпуске спектакля на сцену (ложь: спектакль будет разрешен только в конце 80-х, когда министром будет уже другой человек). Кстати, Демичев обманет ходяков и с диском-гигантом: скажет, что пластинка обязательно выйдет, однако свет увидит только очередной миньон. Впрочем, об этом я расскажу в свое время.

Тем временем звезда советского кинематографа Любовь Орлова находится в Кунцевской больнице. Как мы помним, врачи отпустили ее домой встретить Новый год, и вскоре после этого — в первых числах января — актриса вернулась обратно в больницу. Через несколько дней ее состояние резко ухудшилось. Как утверждают очевидцы, Орлова уже догадывалась, что умирает, жить ей осталось совсем немного. В эти дни она никого не допускала к себе в палату, кроме врачей и мужа Григория Александрова. Последний приезжал к ней каждый день и находился в палате до позднего вечера, после чего уезжал ночевать в их квартиру на Бронной.

22 января все было как обычно: Александров приехал в больницу, зашел в палату; где лежала жена, однако долго поговорить им не удалось — через полчаса Орлова внезапно потеряла сознание. Впервые за эти месяцы Александров испугался настолько сильно, что подумал — это конец. Но врачи сумели привести Орлову в чувство. Увидев рядом с собой мужа, она слабо улыбнулась и посоветовала ему ехать домой: «Тебе надо выспаться, да и мне тоже», — произнесла она. Но Александров предпочел

остаться. Остаток дня он провел рядом с женой, которая не произнесла больше ни слова — она заснула. В полудреме провел эти долгие часы и сам Александров. Наконец вечером его разбудили врачи и уговорили уехать домой: мол, изменений все равно не будет.

Рано утром на следующий день, примерно около семи утра, его разбудил телефонный звонок. На другом конце провода он явственно услышал голос жены: «Гриша, что же вы не приезжаете ко мне? Приезжайте, я жду...». Наскоро одевшись, Александров бросился к машине. Через полчаса он был уже в больничной палате, где лежала Орлова. Когда он вошел, та открыла глаза и произнесла всего лишь одну фразу: «Как вы долго...». И вновь провалилась в глубокий сон. А спустя несколько часов Орлова впала в кому. Александров пробыл возле нее до позднего вечера, после чего уехал домой. За весь день он даже ни разу не вспомнил, что сегодня — день его рождения.

В эти же дни врачи борются за жизнь еще одной звездной пациентки — жены Аркадия Райкина Ромы Иоффе. Как мы помним, 5 января у нее случился тяжелейший инсульт, как раз накануне предстоящих гастролей в Польше. В итоге место матери в труппе Театра миниатюр заняла ее дочь Катя Райкина. Но едва они приехали в Польшу, как оба на нервной почве заболели — у Кати пропал голос, а Райкин заболел воспалением легких. Тамошним врачам удалось-таки восстановить обоих, и гастроли состоялись. Все то время, пока театр находился в Польше, Райкин и его дочь ежедневно звонили в Москву и интересовались самочувствием Ромы. Их все время обнадеживали: все нормально, самое страшное уже позади. Врачи не преувеличивали: в конце января Рому действительно перевели в институт неврологии, где ее постепенно поставили на ноги. Правда, подвижность одной руки так к ней и не вернется, речь будет ограниченной. Но жизнь больной была спасена.

24 января Владимир Высоцкий и Марина Влади улетели в Париж. Высоцкий отбывал с родины в хорошем настроении: во-первых, несколько дней назад сам министр культуры Демичев пообещал ему скорый выход его первого диска-гиганта в СССР, а во-вторых — на следующий день актеру исполнялось 37 лет. Дата

хоть и не круглая, но для Высоцкого этапная, не зря ведь в одном из своих произведений он написал о ней следующим образом:

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель,
Вот и сейчас как холодом подуло:
Под эту дату Пушкин подгадал себе дуэль,
И Маяковский лег виском на дуло...

В субботу, 25 января, в 20.20 по московскому времени, впервые на советском телевидении началась демонстрация ранних фильмов великого комика мирового кинематографа Чарли Чаплина. Прекрасно помню этот показ, поскольку он произвел на меня большое впечатление. До этого я, как и большинство моих соотечественников, имел возможность видеть великолепную игру молодого Чаплина лишь в урезанном виде: отрывки из его фильмов иногда демонстрировались по ЦТ в различных передачах, посвященных кино. Еще немые фильмы Чаплина крутили в «Иллюзионе», но попасть туда было дано не каждому — кинотеатр считался «элитным». И вот, восполняя этот пробел, советское ТВ сподобилось начать демонстрацию ранних комедий Чаплина на своих голубых экранах. В тот вечер показывали три фильма с участием комика, и ваш покорный слуга смеялся над их перипетиями не меньше, чем на комедиях Л. Гайдая.

В тот же день во МХАТе состоялась премьера многострадального спектакля «Медная бабушка» по пьесе Л. Зорина. Как мы помним, в конце декабря была сдача спектакля высокой комиссии из Минкульта, и на том просмотре представитель Главлита обещал постановщикам свое «добро» только в том случае, если в текст пьесы будут внесены существенные поправки. И спустя пару недель — в начале января — в театр пришла бумага из Главлита, где значились аж 29 (!) замечаний по спектаклю. Увидев сей документ, главреж театра и исполнитель главной роли — Александра Сергеевича Пушкина — Олег Ефремов в сердцах долбанул кулаком по столу и заявил: «Пошли они все!.. Никакой торговли! Мы явочным порядком сыграем два спектакля, а там — пусть закрывают». И 25 января премьера «Бабушки» состоялась при огромном скоплении народа. Такого количества зрителей, желающих попасть на спектакль, МХАТ давно уже не переживал. Зал, рассчитанный на 1500 зрителей, сумел

вместить в себя только треть желающих попасть на представление. Остальные вынуждены были остаться на улице, втайне надеясь попасть на второй спектакль, назначенный на ближайшие дни. Но, увы, их надежды не оправдались: возмущенные цензоры пожалуются в Минкульт и второй спектакль будет отменен.

Тем временем утром 26 января Григорий Александров, едва проснувшись, позвонил в «кремлевку». Полусонный врач ответил ему, что в состоянии Любови Орловой никаких существенных изменений не произошло — она по-прежнему находится в коме. «Так что пока с приездом не торопитесь, мы позаботимся о ней сами», — закончил свое сообщение доктор. Александров попытался было опять заснуть, однако сон к нему уже не возвращался. Около часа он сел обедать, как вдруг зазвонил телефон. На другом конце провода режиссер вновь услышал голос того же доктора: «Григорий Александрович, крепитесь... Любовь Александровна скончалась». Ноги Александра подкосились, и если бы не кресло, стоявшее тут же, возле телефонной тумбочки, он бы упал на пол.

В те минуты, когда Александров был на пути в больницу, на «Мосфильме» проходило очередное собрание, на котором обсуждался вопрос: давать или не давать характеристику актрисе Виктории Федоровой, собиравшейся выехать в Америку для встречи там со своим отцом. Как мы помним, первое собрание, состоявшееся месяц назад, ей в такой просьбе отказало, из-за чего Федорова нагрубила его участникам и ушла, хлопнув дверью. После этого ее просьба перекочевала в более высокую инстанцию — к руководству самой студии (ранее этим занимался партком объединения).

Когда Федорова вошла в кабинет, там за длинным столом сидело около двадцати пяти человек, возглавлял которых маленький сухонький человечек с седыми волосами и в заношенном черном костюме. Все знали его как представителя КГБ на студии. Именно он и задал первый вопрос испытываемой:

— Почему вы хотите поехать в Америку?

— Чтобы повидаться со своим отцом, — ответила Федорова. — Он стар и серьезно болен, и если я промедлю, то наша встреча может вообще не состояться.

— Но у нас нет никаких свидетельств о болезни вашего отца, — продолжил свой допрос

кагэбэшник. — Если он действительно болен, то вы должны представить медицинское заключение о состоянии его здоровья.

— Хорошо, я постараюсь достать такую бумагу, — согласилась Федорова, которая, перед тем как прийти сюда, выслушала подробную инструкцию своей матери, как надлежит себя вести.

Далее в разговор вступил один из тех мужчин, что сидели по левую руку от чекиста. Он спросил Федорову, почему она не посещает лекции по марксизму-ленинизму. Выслушав ее ответ, он тут же напомнил присутствующим о моральном облике актрисы: дескать, она имеет за плечами несколько разводов.

— Ну и что в этом постыдного? — спросила Федорова.

— А то, что негоже разведенному человеку уезжать за границу. У вас должна оставаться здесь семья.

Федорова улыбнулась:

— Вы считаете, что я не вернусь? У меня здесь остается мать, и вы хорошо знаете, что я хочу повидать отца, а не убежать.

— Но ваш моральный облик... — вновь подал голос кагэбэшник. — Мы знаем, что у вас есть любовник.

— У меня был любовник, — поправила чекиста Федорова, — но с этим уже покончено. И вообще, я никогда не моталась между мужем и любовником, как это делают некоторые.

Присутствующие в зале без лишних слов поняли, в чей огород был брошен этот камень: вот уже несколько лет у кагэбэшника в любовницах числилась молодая студийная актриса. Он и сам понял, кого имела в виду Федорова, поэтому рассердился не на шутку.

— Как актриса вы вполне на уровне, но как женщина — не очень. Советские люди обязаны следовать определенным правилам поведения, и тех, кто их выполняет, ждет вознаграждение, а тех, кто не выполняет...

Чекист не успел закончить свою фразу, поскольку Федорову от услышанного переполнило такое чувство негодования, что она буквально взорвалась:

— Да какое вы имеете право говорить мне о ваших правилах поведения? Вы думаете, я не знаю их и мне неизвестно, как ими манипулируют? Почему, как вы думаете, я никогда не видела отца? Из-за ваших правил! И моя мать

вынесла чудовишные страдания из-за ваших правил, пока новый режим не придумал новые! всю свою жизнь я прожила с клеймом незаконнорожденной, и кто несет за это вину? Вы, каждый из вас!

После этого страстного монолога в кабинете повисла гнетущая тишина. Наконец ее первым нарушил кагэбэшник. Поднявшись из-за стола, он произнес, четко выговаривая каждое слово:

— Я думаю, что выражу общее мнение всех здесь присутствующих, если скажу, что мы пришли к следующим выводам: политически вы абсолютно неграмотны; вы не сочувствуете борьбе за дело коммунизма; к тому же вы ведете аморальный образ жизни. Вот такую характеристику мы отправим в ОВИР. А с таким документом вам никогда не увидать ни отца, ни Америки. Вам не увидать даже Киева.

Из комнаты, где проходило совещание, зареванная Федорова направилась в фотостудию, где попросила тамошнего фотографа снять ее на заграничный паспорт.

— Может быть, в другой раз? — спросил фотограф. — Сегодня вы плохо выглядите.

— Плевать мне, как я выгляжу. Снимайте.

Когда через час Виктория вернулась домой и рассказала о том, что произошло на собрании матери, та всплеснула руками:

— Не миновать нам тюрьмы, доченька.

— Мамуля, мы и так в тюрьме, — горько ре- зюмировала дочь.

— Что же ты собираешься делать теперь? — после некоторой паузы поинтересовалась у своего чада мать.

— Я буду защищать свою жизнь, честь и достоинство, — ответила Виктория.

Взяв клочок бумаги с именами и номерами телефонов, который оставила им в свой последний приезд Ирина Керк, Виктория набрала номер корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Криса Рена и попросила его приехать к ней домой. Положив трубку на аппарат, Виктория повернулась к матери и сказала:

— Видит Бог, я этого не хотела. Но они сами вынудили меня это сделать.

В эти же дни в Москве, в самом центре города, похитили ребенка — четырехмесячную девочку Свету, неосмотрительно оставленную молодой матерью на улице. Мамаша только на пару минут заглянула в продуктовый магазин,

а когда выбежала назад, обнаружила, что коляски с ребенком уже и след простыл. Обезав окрестные улицы и опросив прохожих, никто из которых, естественно, ничего не видел, убитая горем мать побежала напрямик в ближайшее, 48-е отделение милиции. Тамошние сыщики практически сразу запустили машину розыска в действие.

Из скупых показаний горе-матери было известно, что девочка находилась в синей коляске в клетку, завернутая в коричневое одеяло с белочками. Эти данные были включены в ориентировку, которую тут же разослали во все отделения милиции Москвы. И вскоре появился первый результат — в центре города, недалеко от места похищения девочки, была найдена ее коляска. К сожалению, пустая. Ни один из свидетелей, которые проживали во дворе, где была обнаружена коляска, не смог рассказать ничего вразумительного. К вечеру, когда ситуация достигла своего наивысшего накала, к поискам малютки подключили оперативников МУРа.

Похищенная была обнаружена на следующий день в вестибюле станции «Курская-кольцевая». В то утро там дежурили трое милиционеров 4-го отделения милиции по охране метрополитена: Владимир Гераскин, Анатолий Кнотько и Евгений Шамшурин. Он и обратил внимание на двух молодых людей: парня и девушку. Последняя что-то горячо ему объясняла, при этом качая на руках грудного младенца, завернутого в коричневое одеяло с белочками. Милиционеры двинулись к странной паре.

Как выяснилось, похитительницей была 24-летняя Надежда Муравьева (фамилия изменена), приехавшая в Москву из Ярославской области. Причины, которые привели ее в столицу, были сугубо личные — любовь. Узнав о том, что парень, в которого она со страстью дикой кошки была влюблена, успел охладеть к ней, она решает на отчаянный поступок — крадет на улице младенца и выдает его за своего. Дескать, милый, я родила от тебя ребенка и теперь изволь на мне жениться. Именно во время решения этой дилеммы милиционеры и застали молодую пару.

В понедельник, 27 января, по ЦТ начал демонстрироваться сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Несмотря на то, что это был уже третий показ легендарного фильма на голубых экранах (его премьеры, как

мы помним, состоялась в августе 73-го), ажиотаж он вызвал не меньший. Вновь, как и полтора года назад, улицы советских городов в часы показа сериала вымирали, поскольку невозмутимый разведчик Исаев-Штирлиц завладел мечтами и помыслами миллионов людей. «Не думай о секундах свысока...» — чуть ли не из каждого окна доносилась песня в исполнении Иосифа Кобзона.

Тем временем нынешние соратники Исаева-Штирлица в поте лица трудились над выявлением и разоблачением врагов первого в мире государства рабочих и крестьян. Одним из таких врагов суждено было стать 33-летнему авиатехнику Мячковского объединения авиатряда Министерства гражданской авиации СССР Эдуарду Сугатову. Этот человек никогда не входил в круг так называемых активных диссидентов, не был лично знаком ни с Андреем Сахаровым, ни с Сергеем Ковалевым, ни с другими правозащитниками. Однако он давно интересовался диссидентской литературой и даже иногда ее распространял: давал читать своим друзьям произведения А. Солженицына, В. Гроссмана, Р. Медведева и других запрещенных в Советском Союзе авторов. Благодаря этому он вскоре и попал на заметку столичного управления КГБ, которое в конце 74-го внедрило в круг его знакомых своего агента-стукача. Именно с его помощью КГБ и рассчитывал «вывести на чистую воду» Сугатова.

28 января стукач позвонил Сугатову по телефону и сообщил, что собирается покупать автомобиль и по этому случаю приглашает друга завтра в ресторан: дескать, надо обмыть покупку. Сугатов с недавних пор стал догадываться о его стукачестве и сразу почувствовал в этом приглашении подвох. Однако отказывать не стал: побоялся прослыть трусом.

На следующий день в Москве состоялись похороны Любви Орловой (по роковому стечению обстоятельств в этот день покойной должно было исполниться 73 года). Все три дня, пока тело Орловой находилось в морге «кремлевки», над ним колдовали гримеры — по желанию близких надо было сделать так, чтобы усопшая и в гробу выглядела молодо. Было привезено большое количество париков, из которых предстояло выбрать один — самый достойный.

Гражданская панихида по усопшей прошла в Театре имени Моссовета, в котором она проработала почти четверть века. Гроб установили на сцене, и в почетном карауле друг друга сменяли коллеги Орловой: Ростислав Плятт, Вера Марецкая, Фаина Раневская и другие. Говорят, когда Марецкая и Плятт стояли в карауле, она вдруг сказала ему: «Ростислав, ты потренируйся, пожалуйста, как надо говорить похоронные речи. А то на моих похоронах будешь говорить такую же чушь, как сегодня...». (Марецкая уйдет из жизни три года спустя.)

Из театра гроб с телом звезды советского кинематографа доставили на Новодевичье кладбище. Там, по желанию Александрова, гроб уже не открывали.

Между тем спустя несколько часов после похорон Орловой был арестован Эдуард Сугатов. Причем операция была разработана чекистами по всем правилам детективных романов. Рано утром он встретился на Павелецком вокзале со стукачом, у которого под мышкой оказалась книга Автурханова «Происхождение партократии», которую Сугатов дал ему почитать пару недель назад. Увидев ее, Сугатов взорвался: «Только не хватало Автурханова таскать в ресторан! Да еще в открытом виде!». На что стукач ответил: «Не брать же портфель ради одной книги».

В ресторане Сугатов сел так, чтобы видеть выход. О том, что сегодня с ним должно что-то произойти, он уже догадался, не знал только, когда и где это случится. Поэтому все время пребывания в ресторане он старался контролировать ситуацию, хотя сделать это было трудно — стукач то и дело подливал ему в рюмку водку. В итоге они «раздавили» на двоих почти три бутылки «огненной воды». Около двенадцати ночи, перед самым закрытием, они покинули ресторан. Однако у самого выхода стукач внезапно опомнился: «А где книга?». «На столе оставил», — честно ответил Сугатов. Стукач, чертыхаясь, бросился назад к столику.

Ресторан находился недалеко от Павелецкого вокзала, поэтому до платформы они дошли достаточно быстро. Кругом было пустынно, дул холодный пронизывающий ветер. Вдруг Сугатов увидел впереди себя... мороженщицу. Чудеса, да и только: на улице минус 25, двенадцать ночи, а она торгует! Друг-стукач предложил купить по порции. Раскрывая обертку, Сугатов заметил невдалеке трех дружинников с

красными повязками на рукавах, которые очень внимательно смотрели в их сторону. В этот момент к платформе подъехала электричка. Первым в нее зашел стукач, а Сугатов решил забежать в следующий вагон, но из-за того, что друг до последней секунды крепко держал его за руку, сделать этого не сумел. В итоге двери электрички захлопнулись перед тем, как Сугатов оказался в вагоне. Он остался на платформе.

Уже задним умом Сугатов сообразил, что все было рассчитано до мелочей: стукач должен был уехать без него, а Сугатовым должны заняться дружинники. Так оно и вышло. Когда он проходил мимо них, мороженщица внезапно закричала во все горло: «Держите его! Он украл у меня кошелек!». Дружинники тут же скрутили Сугатову руки, причем один из них расторопно выхватил у него из рук крамольную книгу. А через минуту задержанного уже заталкивали в черную «Волгу», подъехавшую к платформе. Садясь в нее, Сугатов про себя отметил, что машина вся белая, а на улице крупа идет снежная. А он когда-то работал на Севере и знал, что крупа не задерживается так быстро. Значит, давно эта «Волга» дожидалась его на улице.

Дружинники привезли Сугатова в ближайшее отделение милиции, однако долго он там не задержался: через полчаса та же машина уже мчала его в центр Москвы — на Лубянку. На часах было три часа ночи, когда его привели в кабинет к одному из следователей. Понимая, что отпираться бесполезно, Сугатов с ходу выложил ему, где находится чемодан с запрещенной литературой. Жена потом расскажет, что обыск был проведен корректно: мол, взяли чемодан и больше нигде не рылись. Состоявшийся вскоре суд дал Сугатову пять лет ссылки. Что касается стукача, то он от ареста друга здорово выгадал: именно его отправили вместо Сугатова в экспедицию в Антарктиду, о которой мечтал чуть ли не каждый в авиаотряде. Но вернемся в январь 75-го.

Вот уже несколько дней (с 22 января) в узбекском городе Джамбуле находится съемочная группа фильма «Двадцать дней без войны» — там снимаются натурные эпизоды и сцены в вагоне поезда (последний — настоящий вагон времен войны, прицепленный к поезду, где живут члены съемочной группы). В главных ролях: Юрий Никулин и Людмила Гурченко. Стоит отметить, что если первого режиссер

Алексей Герман выбрал сам, то Гурченко он выбрал из-за безнадеги — выбранную им на роль Нины актрису Аллу Демидову «забракoвал» Константин Симонов по личным мотивам: она была внешне похожа на его прежнюю любовь Валентину Серову. Поэтому первые съемочные дни оставили у Гурченко не самые радостные воспоминания. Герман ей так и сказал: «Вы нормальная драматическая актриса, тут никаких открытий не будет. Жаль, мне видится только Демидова. Но автору она не по душе... Ну ничего, все будем строить вокруг Никулина. С тобой будет работать наш второй режиссер, он отлично это умеет. Проба у тебя так себе. Я там подрезал, кое-что подсобрал...».

В итоге в первый же день работы Гурченко «сорвалась» — не смогла сыграть рыдания так, как ее просил режиссер (а ему хотелось, чтобы в этом эпизоде рыдания Гурченко были похожи на уродливые рыдания английской актрисы Сары Майлз из фильма «Работник по найму»). Когда после нескольких дублей у Гурченко не получилось зарыдать по-майлзовски, режиссер остановил съемку: «Вот видите, не можете простого... Давайте в кадр Юрия Владимировича, а с вами завтра попробуем еще раз». Гурченко расстроилась, ушла в свое купе и заперлась в нем, чтобы никого не видеть.

Вспоминает Л. Гурченко: «Фильм «Двадцать дней без войны» — это моя любовь и нежность к Юрию Владимировичу. Нас намеренно поместили рядом, купе к купе, чтобы мы привыкали друг к другу. Ведь мы же играем любовь, да еще какую! Ни в одной своей роли Ю. В. на экране любовь не изображал, и это ему предстояло впервые. Ровно через неделю нашего купейного соседства я уже знала все повадки и привычки своего необычного партнера: как спит, как носом свистит, как пукает. Утро начиналось с громкого затыжного кашля. Если судить по тому, что он любит есть, то он очень дешевый артист. Самое любимое блюдо — макароны по-флотски. Еще котлеты и растворимый кофе. За стенкой я слушала его любимые песни с патриотической тематикой или песни, которые под гитару исполняют барды...

После того как сняли первый материал, режиссер объявляет: «Будем снимать любовную сцену, лежа, голыми, как весь мир снимает, ничего особенного». И тут я посмотрела на лицо Никулина... Этот поезд, зима, обледене-

лые окна, в шесть утра стакан растворимого кофе, грим, в семь уже выезжаем. После кофе стук в дверь, я знаю, что это Ю. В., открываю. В обледенелом коридоре стоит в майке, в длинных трусах, с полотенцем через плечо. Я говорю: «Что с вами?». Он: «Будем приучать друг друга к своему телу. Я — первый»...».

А теперь из Джамбула перенесемся в Ленинград, где другой режиссер — Эльдар Рязанов продолжает снимать комедию «Ирония судьбы». Съемочная группа фильма начала работу в городе на Неве тоже неделю назад (22 января) и сразу столкнулась с рядом трудностей, главной из которых было почти полное отсутствие снега в городе. А по сюжету снег должен был фигурировать в каждом кадре. К примеру, в сцене, где Надя идет по утреннему городу, на крышах домов должен лежать снег, а его, как назло, там не было — крыши были черными. Поэтому снег в ходе монтажа будут дорисовывать. Кроме упомянутого эпизода, в те январские дни в Питере были сняты и другие эпизоды: в Ленинградском аэропорту, на Московском вокзале, планы Исаакиевского собора, площадь перед Оперным театром, автомобильный трюк на Неве. 30 января был снят эпизод «стоянка такси» (экспедиция продлится до 4 февраля).

31 января исполнилось 70 лет Маршалу Советского Союза Василию Чуйкову. По этому случаю многие официальные лица и организации приготовили подарки юбиляру, которые были преподнесены ему в первой половине дня. О том, какой подарок вручило Чуйкову союзное МВД, рассказывает Ю. Чурбанов, который возглавлял группу поздравляющих от этого министерства:

«Василий Иванович жил на улице Грановского. Мы прибыли днем, от имени министерства подарили ему скульптуру коня высокохудожественного каслинского литья — это был «спецзаказ» МВД, таких коней (в подобном исполнении) я больше никогда не видел. Василий Иванович был в хорошем настроении, растрогался: откуда же МВД еще и коня взяло? А я отвечал: «Если МВД захочет, так оно вам и шашку подарит, с которой вы воевали во время гражданской войны». Добрый был старик. В тот день он очень тепло вспоминал о своих встречах с Леонидом Ильичом Брежневым, с которым они время от времени виделись...».

Тем временем в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 20 января начала демонстрироваться производственная драма Юлия Карасика «Самый жаркий месяц» с участием: Леонида Дьячкова, Ивана Лапикова, Марины Кореневой и др.; в этот же день на экраны вышла американская комедия «Как украсть миллион» с Одри Хепберн и Питером О'Тулом в главных ролях.

Кино по ТВ: «Жестокость» (16-го), «Возвращение Максима» (18-го), «Василий Суриков» (20-го), «Кто был ничем» (20—22-го), «Рассказы о Ленине» (21-го), «Свадьба с приданым», «Молчат только статуи» (23-го), «Княжна Мери» (24-го), «Выборгская сторона» (25-го), «Александр Пархоменко» (27-го), «Кочующий фронт» (28-го), «Они были первыми» (29-го), «Стрекоза» (30-го), «Попрыгунья» (31-го) и др.

Из других телепередач назову следующие: концерт Юрия Гуляева (20-го), «Бенефис» с участием Сергея Мартинсона (24-го), «Утренняя почта», «Кинопанорама» (25-го; ведущий — Юрий Яковлев, шел рассказ про фильмы: «Расколотое небо», «Романс о влюбленных»), концерт памяти композитора Исаака Дунаевского (26-го).

На театральных подмостках было сыграно несколько премьер. Среди них: 18-го в Театре на Таганке — «Пристегните ремни» с участием Владимира Высоцкого, Ивана Бортника, Готлиба Ронинсона, Семена Фарады, Леонида Филатова, Александра Филиппенко и др.; 26-го в Ленкоме — «Трубадур и его друзья».

Эстрадные представления: 14—24-го — в ГТЭ пел Валерий Ободзинский в сопровождении своего ВИА «Верные друзья» (18 января в «Вечерке» появилась хвалебная рецензия на эти выступления, что для Ободзинского было большой редкостью); 17—19-го — в «Октябре» выступал югославский ВИА «АВС»; 21—26-го — в ЦКЗ «Россия» азербайджанский ВИА «Гайя» показал ревью «Огни большого города»; 24-го — в Доме офицеров Академии имени Жуковского пел «чукотский соловей» Кола Бельды, а в ГТЭ «соловей» из Венгрии Янош Коош; 30—31-го — в ГТЭ выступал король танца Махмуд Эсамбаев; 31-го — в ЦДКЖ состоялись концерты Марии Лукач и Льва Барашкова.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю два миньона. Первый: дебютная пластинка рок-группы «Машина времени». Правда, назвать его полноценным дебютом группы нельзя — «Ма-

шина» на нем выступает всего лишь как аккомпаниатор вокального трио «Зодиак». Однако сам факт подобного аккомпаниаторства уже многое значил. Вот как вспоминает об этом лидер «машинистов» Андрей Макаревич:

«Стоит упомянуть первую запись на пластинку — нас просил помочь Дима Линник, очень красивый интеллигентный парень, работавший диктором на иновещании, обладавший мягким приятным голосом и руководивший вокальным трио. Они очень музыкально и красиво пели под акустики американский фолк и что-то свое. Добившись уникальной по тем временам возможности записать маленькую пластинку, Дима попросил нашу команду усилить их на записи нашим, так сказать, роком. Мы, конечно, согласились — и просто чтобы помочь, и в надежде увидеть наше название под грифом «Мелодии». До этого мы уже дважды писались на радио и какое-то представление об этом процессе имели, но все равно жутко волновались и нервничали. Пластиночка состояла из двух русскоязычных произведений Линника («Ласточка аула» Д. Линник — Р. Гамзатов, «Поймете вы» Д. Линник. — Ф. Р.) и песни Боба Дилана «Грузовой поезд», названной, разумеется, американской народной песней. Прошло немного времени, и пластинка увидела свет. И действительно, на синем конвертике внизу под заглавием «Ансамбль «Зодиак» (так почему-то обозвали себя «Линники» — не путайте с прибалтийским «Зодиаком») можно было при известном усилии разглядеть строчечку «Инстр. ансамбль «Машина времени». Это было первое упоминание нашего имени в официальных анналах. И в течение нескольких лет даже такой пустячок помогал нам существовать: в глазах любого чиновного идиота ансамбль, имевший пластиночку, — это уже не просто хиппарь из подворотни...».

Второй миньон — пластинка с музыкой Эдуарда Артемьева к фильму Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». В этом случае «Мелодия» проявила редкую оперативность: фильм вышел в ноябре предыдущего года, а спустя три месяца свет увидела грампластинка. На ней была представлена «Песня о корабле» из пролога фильма (исполнитель — Александр Градский) и несколько инструментальных композиций. Вся музыка просто бесподобная.

1975

Февраль

Как разрешили спектакль в БДТ. «Двадцать дней без войны»: Алексей Герман заставляет Никулина и Гурченко мерзнуть в холодном вагоне. Тяжелое приземление фигуриста Александра Горшкова. В Москве задержали человека с уникальным алмазом. Увековечили Василия Шукшина. Как Алла Пугачева стала главной кандидаткой на поездку на фестиваль «Золотой Орфей». В Театре на Таганке снимают документальное кино. Срыв Валерия Харламова. Почему москвичи забрасывали съемочную группу фильма «Ирония судьбы» банками и бутылками. Врачи борются за жизнь Александра Горшкова. Космонавты вернулись на Землю. Переезд Миронова к Голубкиной: в чужой монастырь со своим унитазом. Новые преступления неуловимого насильника в Литве. Как наказали Харламова. Явление Брежнева народу. «Дерсу Узала»: снимают эпизод с тигром. Таинственная гибель знаменитого боксера Валерия Попенченко. Умер отец Олега Басилашвили. Начали снимать «Два капитана». Как Олег Ефремов просил заступничества у министра культуры. Мягкий приговор писателю-диссиденту. Финальная точка в «деле Александра Мальцева». Олег Даль срывает съемку. Очередное явление Брежнева публике. Почему Александр Невзоров угодил в психушку. Музыкальная сессия Аркадия Северного с ансамблем «Бандиты». Высоцкий в Париже. Почему Брежневу не удалось постричься. Первая репетиция «Вишневого сада» в Театре на Таганке. Как брали бандитов в Якутии. Александр Горшков нарушает предписание врачей. Арест Анатолия Марченко. Умер легендарный сыщик Иван Бодунов. Борис Буряца воспитывает гаишника. Как армеец Брежнев подколол динамовца Андропова. Пьяные лыжники терроризируют поезд, Галина Брежнева горит желанием познакомиться с английским продюсером. Людмила Пахомова просит за мужа. Радость меломанов: вышли пластинки «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Мидл оф зе Роуд».

Весьма драматические события разворачиваются в Ленинграде вокруг спектакля БДТ «Три мешка сорной пшеницы» по повести В. Тендрякова. Как мы помним, спектакль был готов к выпуску еще в конце прошлого года, однако в январе у него на пути встало городское управление культуры. Во время первой сдачи спектакля управленцам не понравилась сцена, где актриса Зинаида Шарко плачет навзрыд после смерти одного из героев: дескать, что это за волчьи завывания?! Главреж театра Товстоногов приказал эти завывания убрать. Однако его заместитель Либуркин схитрил: договорился с Шарко, что она будет причитать не так надрывно, и все оставил, как было. В итоге когда комиссия смотрела спектакль во второй

раз, опять случился скандал из-за плача: как, его не убрали? И премьеру спектакля вновь отложили — на этот раз до возвращения в город первого секретаря обкома и кандидата в члены Политбюро Григория Романова: дескать, придет барин, он рассудит.

В назначенный день Товстоногов отправился на randevу к Романову, заранее припася в кармане заявление об уходе с поста руководителя БДТ: мол, если спектакль и в этот раз будут мурыжить, он уйдет к чертовой матери. Однако Романов внезапно проявил удивительную благосклонность: он сообщил, что на сдачу спектакля не придет и разрешил выпустить его в том виде, какой есть. Товстоногову он так и сказал: «Цените, Георгий Александрович,

что я у вас до сих пор на «Мешках» не был, цените! Если приду, спектакль придется закрыть...».

Тем временем съемочная группа фильма «Двадцать дней без войны» продолжает съемки под Джамбулом. Съемки проходят в тяжелых условиях — в неотапливаемом вагоне поезда времен Великой Отечественной войны. Как будет вспоминать позднее Ю. Никулин: «Ну что за блажь! — думал я о режиссере. — Зачем снимать эти сцены в вагоне, в холоде, в страшной тесноте? Когда стоит камера, нельзя пройти по коридору. Негде поставить осветительные приборы. Нормальные режиссеры снимают подобные сцены в павильоне. Есть специальные разборные вагоны. Там можно хорошо осветить лицо, писать звук синхронно, никакие шумы не мешают. А здесь шум, лязг, поезд качает». Иногда, так как наш эшелон шел вне графика, его останавливали посреди степи, и мы по несколько часов ожидали разрешения двигаться дальше. День и ночь нас таскали на отрезке дороги между Ташкентом и Джамбулом.

Ни о чем, кроме фильма, с Германом говорить было нельзя. Он не читал книг, не смотрел телевизор, наспех обедал, ходил в джинсовых брюках, черном свитере, иногда появлялся небритый, смотрел на всех своими умными и добрыми глазами (доброта была только в глазах) и упорно требовал выполнения его решений. Спал он мало. Позже всех ложился и раньше всех вставал. Актеров доводил до отчаяния.

— Юрий Владимирович, — говорила мне с посиневшими от холода губами Гурченко, пока мы сидели и ожидали установки очередного кадра, — ну что Герман от меня хочет? Я делаю все правильно. А он психует, нервничает и всем недоволен. Я не могу так сниматься. В тридцати картинах снялась, но такого еще не было. Хоть вы скажите что-нибудь ему.

А я пытался обратить все в шутку. Не хотелось мне ссориться с Алексеем Германом, хотя внутри я поддерживал Гурченко и считал, что так долго продолжаться не может... Помню, после шести-семи дублей я возвращался в теплое купе. Гурченко смотрела на меня с жалостью и говорила:

— Боже мой, какой вы несчастный! Ну что же вы молчите? Вы что, постоять за себя не можете?

А я постоять за себя могу, но для этого мне необходима убежденность, а тут я все время сомневался, вдруг Герман прав. От съемок я не испытывал никакого удовольствия и радости. Возвращался после каждой съемки опустошенным и не очень-то представлял, что получится на экране. В первые же недели я сильно похудел, и мне ушили гимнастерку и шинель.

Алексей Герман накануне съемок крупных планов говорил мне:

— Юрий Владимирович, поменьше ешьте, у вас крупный план.

В столовой со мной всегда садилась жена Германа (сценаристка Светлана Кармалита. — Ф. Р.) и следила, чтобы я много не ел, а мне есть хотелось...

Спустя год я понял, что обижался на Алексея Германа зря. Увидев на экране эпизоды в поезде, с естественными тенями, бликами, с настоящим паром изо рта, с подлинным качанием вагона, я понял, что именно эта атмосфера помогла и нам, актерам, играть достоверно и правдиво...».

В воскресенье, 2 февраля, в Копенгагене завершился чемпионат Европы по фигурному катанию. Практически весь пьедестал почета на нем заняли советские фигуристы. Так, золотые медали в спортивных танцах завоевали советские спортсмены Ирина Роднина (в седьмой раз) и Александр Зайцев (в третий раз), доказав и на международной арене, что недавняя смена тренера совершенно не сказалась на их мастерстве, среди одиночников победил Владимир Ковалев, в танцах победили Людмила Пахомова — Александр Горшков (золото) и Ирина Моисеева — Андрей Миненков. 3 февраля советские спортсмены покинули гостеприимную Данию и отправились домой. Однако для одного из фигуристов этот перелет едва не стоил жизни.

Во время перелета внезапно плохо себя почувствовал Александр Горшков — дикая боль сдавила ему грудь. «Наверное, высота», — успокаивал себя поначалу спортсмен, однако самолет уже пять минут как находился в воздухе, а боль не отпускала. Она заливала всю грудь, мешая дышать и двигаться. Сидевшая рядом Людмила Пахомова попыталась помочь супругу, а когда поняла, что у нее это не получается, позвала стюардессу. Но и та была бессильна, предложив потерпеть до земли.

Когда самолет приземлился в Шереметьево, боль несколько стихла и Горшков счел лишним обращаться к врачу. Они приехали домой, и спортсмен чуть ли не с порога лег в горячую ванну. Однако боль после этого стала еще нестерпимей. «Ты как хочешь, а я вызываю врача!» — решительно заявила Людмила. Однако Горшков уговорил ее повременить с вызовом, сказав, что ему стало лучше.

В эти же дни в Москве был задержан человек, у которого изъяли уникальный алмаз стоимостью около 500 тысяч рублей (по ценам того времени), аналогов которому не было в те годы даже в таком учреждении, как Алмазный фонд СССР. События в этом детективе развивались следующим образом.

Вечером 4 февраля в отдел по борьбе с незаконными валютными операциями позвонила неизвестная женщина. Спокойным голосом она сообщила, что может помочь милиции в задержании человека, на руках у которого имеется дорогостоящий драгоценный камень. «Этот мужчина хочет продать уникальный алмаз, а мне бы не хотелось, чтобы это произошло», — объяснила незнакомка цель своего звонка. И сообщила место, где завтра утром владелец алмаза собирался расстаться с камнем — магазин «Кулинария» на Нагатинской улице. Поскольку времени на проверку странного звонка у сыщиков не оставалось, было принято решение проверить его подлинность прямо на месте.

Утром следующего дня в магазине «Кулинария» была устроена засада: сыщики растворились в массе покупателей под видом рядовых граждан. А неподалеку от входа в магазин дежурила оперативная «Волга». В указанное время в двери «Кулинарии» действительно вошел человек, внешность которого в точности соответствовала описанию незнакомки. К нему с двух сторон подошли оперативники. Раскрыв перед ошалевшим посетителем свои красные книжечки, оперативники вежливо попросили мужчину пройти с ними в поджидавшую неподалеку «Волгу». При этом мужчину взяли под руки на случай, если он вздумает сбежать или избавиться от драгоценного камня, который должен был быть при нем.

Задержанным оказался 56-летний Заур Даудов. При личном обыске у него был изъят алмаз, который он поначалу назвал «обыкновенной стекляшкой». Однако опытные сыщики с

первого взгляда определили, что изъятая драгоценность — вещь уникальная. Проведенная вскоре экспертиза этот вывод подтвердит: камень, у которого было 57 идеально выполненных граней, мог стоить более 500 тысяч советских рублей. Эксперты также установили, что алмаз был обработан огранщиками аж 200 лет назад из южноафриканского алмаза. Короче, на «обыкновенную стекляшку» камень явно не тянул. Однако, когда об этом сообщили Даудову, он продолжал хранить молчание относительно появления у него бесценного алмаза. Тогда оперативники поднажали на его родственников. В итоге ценные показания согласилась поведать сыщикам сестра Даудова.

Женщина указала место под деревом в Ясном проезде, где был зарыт клад, в котором алмаз был лишь малой частью. В этом месте оперативники действительно нашли множество ювелирных изделий и украшений работы неизвестного мастера, а также оправу, которая некоторое время назад окаймляла бесценный алмаз. Видимо, Даудов специально освободился от нее, чтобы во время продажи у покупателей не возникло никаких опасений по поводу незаконности происхождения камня.

Когда Даудов узнал, что спрятанный им клад найден, он понял, что дальше отпираться бесполезно, и начал давать показания. По его словам выходило, что клад достался ему еще от отца, который, в свою очередь, нашел его в годы войны. Даудов-старший якобы вскапывал огород на месте усадьбы миллионера Кувшинова и случайно наткнулся в земле на чугунок с драгоценностями. После смерти отца клад перешел по наследству в руки его старшего сына Заура, который долгое время не решался распродать драгоценности в частные руки. Но затем, когда финансовые возможности семьи стали «петь романсы», он решил на распродажу. И первым надумал продать бесценный алмаз, причем, не зная его подлинную стоимость, собирался отдать камень всего лишь за 50 тысяч рублей. Однако первый же покупатель навел на него милицию. Состоявшийся летом 76-го года суд приговорит Даудова к 5 годам тюрьмы, однако из этого срока он отсидит всего лишь год, после чего будет выпущен на свободу условно-досрочно. Что касается алмаза, то он в течение нескольких лет будет находиться в Гохране, а в 1980 году перекочет в

коллекцию Алмазного фонда и будет выставлен там под названием «Алмазное поле».

Но вернемся к событиям февраля 75-го.

4 февраля в центральных газетах появилось сообщение об увековечении памяти Василия Макаровича Шукшина, безвременно скончавшегося в октябре прошлого года. Сообщалось, что будет поставлено надгробие на его могиле на Новодевичьем кладбище, во ВГИКе отныне будет присуждаться специальная стипендия его имени, Сростинской школе Бийского района, где некогда учился Шукшин, будет присвоено его имя, а также будет установлена мемориальная доска на доме номер 5 по улице Бочкова в Москве, где последние два года жил Шукшин.

В те дни в Министерстве культуры СССР окончательно определились с кандидатурой очередного посланца от Советского Союза на международный конкурс «Золотой Орфей», который традиционно проходил в начале лета. Этим исполнителем должна была стать 25-летняя певица Алла Пугачева, для которой эта поездка стала тем счастливым трамплином, с которого она потом и взлетела на самую вершину эстрадного Олимпа. Между тем своим попаданием на «Орфей» Пугачева была обязана счастливому стечению обстоятельств. Дело в том, что поначалу у Минкульта был другой кандидат — мало кому известный певец из оркестра Константина Орбеляна. Последний был очень влиятельным в музыкальных кругах страны человеком, в 72-м году уже заседал в жюри «Золотого Орфея» и рассчитывал на этот раз с помощью своего певца завоевать на конкурсе Большой приз. В Болгарию были высланы фонограммы с песнями в исполнении этого певца, и никто не сомневался, что именно он и отправится на конкурс. Однако затем случилось непредвиденное: в Минкульте прознали, что певец имеет, как теперь принято говорить, нетрадиционную сексуальную ориентацию, а это по тем временам считалось ужасным преступлением. Орбелян схватился за голову: что делать? И тут ему на помощь пришел руководитель ВИА «Веселые ребята» Павел Слободкин. Узнав о том, что случилось, он предложил Орбеляну в качестве кандидата на поездку в Болгарию солистку своего ансамбля 25-летнюю Аллу Пугачеву.

Орбеляну кандидатура понравилась, поскольку он успел отметить талант Пугачевой еще во время последнего Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Было только одно «но»: Пугачева там заняла 3-е место, а исполнителя с таким багажом обычно на престижные конкурсы не отправляли. Но надо было знать Орбеляна: он использовал все свое восточное обаяние (а кое-где, видимо, и коварство) и добился своего: Минкульт дал «добро» на поездку Пугачевой. За короткое время была подыскана нужная для фестиваля песня — произведение болгарского композитора Эмила Димитрова «Арлекино», которая была написана около пятнадцати лет назад, исполнялась автором, но затем оказалась благополучно забытой. Аранжировку к песне сделал Павел Слободкин, а русский текст написал приятель одного из участников «Веселых ребят» молодой поэт Борис Баркас.

В четверг, 6 февраля, в Театре на Таганке было жарко — на репетицию спектакля «Мастер и Маргарита» приехала съемочная группа со студии документальных фильмов, чтобы снять кадры будущего фильма про Юрия Любимова. Стоит отметить, что, давая свое согласие на съемки этого фильма, Минкульт руководствовался двумя обстоятельствами: во-первых, эта лента была рассчитана исключительно на зарубежного зрителя, во-вторых — она должна была стать рекламной агиткой перед предстоящими в следующем году гастролями театра за рубежом. Не будь этих обстоятельств, такому крамольному режиссеру, как Любимов, не видать было «именного» фильма как собственных ушей.

В тот же день вечером во Дворце спорта в Лужниках состоялся хоккейный матч в рамках чемпионата страны между столичным ЦСКА и воскресенским «Химиком». Матч принципиальный, поскольку оба клуба на тот момент входили в четверку призеров чемпионата: армейцы занимали первую строчку в турнирной таблице, а «Химик» четвертую, отставая от лидера на семь очков, а от своих ближайших соседей на два-три очка. Поэтому исход поединка для обеих команд значался очень много. И матч получился по-настоящему захватывающим. Армейцы уступили со счетом 4:5, чем еще больше обострили интригу чемпионата. Между тем тот матч запомнился не только

этим. Тогда случилось ЧП, о котором еще долго будут вспоминать хоккейные фанаты. Прославленный форвард армейцев Валерий Харламов в пылу борьбы нанес удар кулаком по лицу своему сопернику Владимиру Смагину, с которым он некогда тянул одну лямку в чебаркульской «Звезде», а потом и в ЦСКА. Для всех болельщиков без исключения этот поступок Харламова был как гром среди ясного неба. Ведь в записных драчунах этот выдающийся хоккеист никогда не числился, предпочитая доказывать свое мастерство на льду с помощью иных методов. А тут вдруг так ударил соперника, что судья удалил Харламова на пять минут. Редчайший случай! И хотя определенные резоны в поступке Харламова были (практически в каждой игре соперники пытались остановить его филигранные проходы с помощью недозволенных приемов, а это любого может вывести из равновесия), однако случай все равно был расценен как вопиющий. Сам Харламов тоже так посчитал. Иначе не стал бы уже на следующий день разыскивать Смагина, чтобы принести ему свои извинения. Вот как об этом вспоминает приятель Харламова журналист Леонид Трахтенберг:

«Ни Валерий, ни я домашнего адреса Володи Смагина не знали. Знали только, что живет он где-то в Люберцах. В справочном бюро нам тоже ничего не сказали, потому что переехал он туда недавно.

Целый день мы потратили на поиски, и только к вечеру мальчишки на катке подсказали нам улицу и номер дома, где жил Смагин.

— А Володя в Москве, на хоккее, — ответила жена, пригласив войти.

— Спасибо. Но нам некогда, — сказал Валерий, — не успеем в Лужники.

Мы помчались во Дворец спорта, но не успели даже к концу игры.

Поздно вечером Валерий звонил Смагину домой по телефону:

— Ты извини, Володя, погорячился...

— Ничего страшного, — ответил Смагин. — В игре всякое бывает.

Харламов повесил трубку и впервые за этот день улыбнулся...».

Между тем для Харламова история на этом не закончилась, о чем еще пойдет речь впереди. А пока продолжим знакомство с другими событиями.

Леонид Гайдай продолжает работу над комедией «Не может быть!». В одном из павильонов «Мосфильма» была построена декорация «квартира невесты», где в первых числах февраля снимались следующие эпизоды: жених (Леонид Куравлев) ищет в толпе гостей свою невесту (Валентина Теличкина); Серега (Савелий Крамаров) танцует с блондинкой (Эве Киви); гость (Сергей Филиппов) поет жгучий романс «Черные подковы» и др. Однако 6—7 февраля съемки основных эпизодов пришлось приостановить — с простудным заболеванием слег в постель Куравлев. Но съемки фильма не остановились — решено было снимать крупные планы других персонажей.

В пятницу, 7 февраля, пришлось приостановить съемки и другого будущего кинохита — фильма «Ирония судьбы». Правда, там заболел не актер, а режиссер-постановщик Эльдар Рязанов. Прихватив еще два выходных дня (8—9 февраля), Рязанов с понедельника вновь вышел на работу, чтобы начать снимать начальные кадры фильма: проход героя Александра Ширвиндта по улице Строителей (помните, его герой ищет, где купить апельсины). Съемки проходили на юго-западе столицы, в конце Комсомольского проспекта, там, где он сходится с другим проспектом — Ленинским, где виднеется церквушка. Там стоял целый ряд одинаковых домов, выходящих торцами на дорогу, которые и должны были фигурировать в кадре. Раньше за ними расстилался пустырь, а вдалеке виднелась та самая церковь. Как вспоминает оператор фильма Владимир Нахабцев:

«Там мы и снимали и московские события, и ленинградские. План с церковью — это Москва, без церкви (мы сдвигали камеры на двадцать метров в сторону) — Ленинград. Помню, было очень холодно, под 20 градусов мороза. К тому же жители окрестных домов забрасывали нас банками и бутылками. Дело в том, что по сценарию в кадре требовалась пурга. И ее создавали с помощью самолета-ветродуя, который громко трещал и дребезжал. А поскольку снимать иногда мы начинали с наступлением темноты, естественно, мирному населению это не нравилось. Но зато, когда картина вышла на экраны, те же люди писали нам благодарные письма...».

У фигуриста Александра Горшкова продолжаются проблемы со здоровьем. Как мы пом-

ним, несколько дней назад, во время возвращения из-за границы, ему стало плохо, но он наотрез отказался показаться врачу. Думал, пронесет. Однако на третьи сутки ему стало совсем худо. Узнав об этом, тренер Елена Чайковская повезла Горшкова к профессору Сыркину, сердечных дел мастеру. Далее послушаем рассказ супруги фигуриста Людмилы Пахомовой:

«Сыркин раздел Сашу, постукал пальцами. И сказал: «Молодой человек, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Вас надо показывать студентам и говорить: этот молодой человек давно должен был умереть. Почему он до сих пор жив — науке неизвестно». Мы стояли с Чайковской ни живы ни мертвы. Профессор обратился к нам: «Понимаете ли, уважаемые дамы, у него сердце на правой стороне. А левая половина груди заполнена жидкостью. Везите его немедленно в больницу...».

Когда они приехали в больницу МПС, что на Волоколамском шоссе, на дворе был уже вечер. Всю ночь над Горшковым колдовали врачи и сестры. Эскулапы поставили фигуристу неутешительный диагноз: разрыв легкого. Левое легкое Горшкова не дышало, сжалось в комок, из образовавшегося отверстия воздух поступал в плевральную полость, его откачивали, стараясь создать вакуум в полости, чтобы легкое могло расправиться. Но надежды медиков не оправдались. Сжатое легкое опало, потянуло за собой спайку, соединяющую его с дугой аорты, после чего спайка лопнула, хлынула кровь. В итоге Горшков потерял больше половины всей крови, что была в организме, — 2600 граммов. Из-за серьезности возникшей ситуации 8 февраля был срочно созван консилиум врачей. Судьбу спортсмена решали профессора С. Полетаев и М. Перельман, доцент И. Жингель, заместитель главврача больницы И. Доментий, а также ряд хирургов, рентгенологов, терапевтов. Решение было принято почти единогласное: немедленная операция. Ее проводили профессор, руководитель отделения грудной хирургии Всесоюзного института клинической и экспериментальной хирургии Михаил Израилевич Перельман, доцент И. Жингель, лечащий врач В. Куракса.

Вспоминает Я. Голованов: «Надо было не только провести трудную операцию, но, учитывая специфику пациента, сделать разрез с

минимальным повреждением мышц груди. Перельман ушил «буллу» — пузырь на легком, откуда шел воздух, перевязал в двух местах лопнувшую спайку, остановил кровь, откачал остатки из плевральной области и удалил плевру — тонкую пленку, с которой легкое никогда не срывается. Теперь большое легкое могло прирасти, закрепиться на грудной стенке...».

После операции выяснилось, что чисто индивидуальная особенность крови Горшкова приводит к образованию сгустков в плевральной полости. Надо было снова предпринимать срочные меры. Для решения этой проблемы пригласили кандидата медицинских наук Д. Натрадзе, который имел большой опыт борьбы с тромбами и другими подобными неприятностями. Спортсмену ввели прямо в полость спешлекарство стрептазу, что было редким явлением в советской медицинской практике. Операция помогла: сгустки крови были растворены и откачаны.

Тем временем космонавты Алексей Губарев и Георгий Гречко, пробыв в космосе без малого месяц (стартовали 11 января), 9 февраля благополучно вернулись на Землю. Их космический полет прошел без каких-либо осложнений, чему несказанно были рады все, кто его готовил. На следующий день в газетах были опубликованы указы о награждении космонавтов Звездами Героев Советского Союза.

Тогда же Андрей Миронов, у которого с конца прошлого года завязался роман с Ларисой Голубкиной, надумал окончательно переехать к своей возлюбленной. До этого, как мы помним, он жил с родителями на улице Танеева, а к февралю окончательно созрел для того, чтобы сменить место жительства. Как вспоминает сама Л. Голубкина: «Было невероятно смешно. Андрей примчался на грузовике и привез мне унитаз импортный — дефицит! — зеленое кожаное кресло и старинную лампу. Я так хохотала!»

А следом за ним пришел его отец Александр Семенович и говорит:

— Лариса, что же это такое?

Я говорю:

— Александр Семенович, я его не звала, это он сам ко мне пришел, вот видите, даже со своим сортиром.

Все Менакеры — люди с прекрасным юмором. Александр Семенович сел со мной, сказал:

— Знаешь, Лариса, Андрей очень тяжелый человек. Ты с ним не справишься.

Я возразила:

— Александр Семенович, почему вы все его ругаете? Папа говорит — тяжелый, мама — тяжелый. Оставьте нас в покое. Мы разберемся!..».

Между тем в Литве, в окрестностях города Каунаса, продолжает творить свои черные дела неуловимый маньяк-насильник. Первые эпизоды с его участием, как я уже упоминал, были датированы еще декабрем 1971 года: тогда маньяк напал в лесу на одинокую женщину и, угрожая ей ножом, ограбил и изнасиловал. Потерпевшая описала нападавшего как среднего роста мужчину в телогрейке и шапке-ушанке, на лице — черная маска из женского капронового чулка. После этого случая преступник на какое-то время залег на дно, но с августа 72-го вновь вышел на охоту. За последующие три года он совершил еще с десяток изнасилований и почти столько же грабежей. Причем свои преступления он совершал в любое время года: на его потенцию не влияли ни зимняя стужа, ни промозглая дождливая погода. Неизменным было одно: нож в виде штыка в руке и черная маска на лице. А вот одежда на нем все время была разная: то он выходил на скользкую дорожку в телогрейке, то в бушлате, то в куртке, то в рубашке с короткими рукавами, а то и в рабочей спецовке.

За прошедшие четыре года милиция принимала самые различные меры для того, чтобы поймать насильника. Была создана специальная группа из 12 оперативников во главе с начальником УУР Песлякасом, это дело лично курировал заместитель министра внутренних дел Литовской республики Жемгулис. Более того: расследование было на контроле в ЦК КП Литвы. Сыщики буквально с ног сбивались в поисках маньяка: периодически прочесывались окрестности Каунаса, на дело выходили «подсадные утки» — агентессы угро, публиковались заметки о маньяке в газете «Кауно тиеса» и районных изданиях. Однако все было тщетно: в расставленные сети преступник не шел. Правда, в ходе проведенных оперативных мер были арестованы 7 преступников, совершивших другие злодеяния, раскрыто 20 побочных преступлений, но это мало радовало, по-

скольку цель-то была другая — неуловимый маньяк.

А тот как будто смеялся над сыщиками: в феврале 75-го совершил еще два нападения. Причем с интервалом в три(!) дня: 11 и 15 февраля ограбил и изнасиловал двух женщин, имевших смелость пройти в одиночку по лесному массиву в одном из районов Каунаса. Милиция вновь была поднята по тревоге, но, несмотря на все предпринятые меры, найти и задержать маньяка опять не удалось.

А теперь из Каунаса вновь вернемся в Москву. В среду, 12 февраля, там состоялся «разбор полетов» в спортивно-технической комиссии Федерации хоккея СССР. В качестве «разбираемых» должны были предстать два столичных хоккеиста: спартаковец Сергей Коротков и армеец Валерий Харламов, которые серьезно провинились в последних матчах первенства страны. Однако в силу того, что Коротков был болен и не смог явиться на СТК, пред грозные очи предстал один Харламов. В вину ему был поставлен недавний эпизод в матче с «Химиком», где Харламов ударил кулаком по лицу воскресенца Владимира Смагина, за что заработал 5-минутное удаление. Случай, прямо скажем, не красящий любого спортсмена, но суть проблемы заключалась еще и в другом: тогда в отечественном хоккее началась борьба с проявлениями звездной болезни у ряда ведущих хоккеистов (вспомним, открытое письмо Александру Мальцеву в «Комсомолке») и «разбор полетов» с участием Харламова должен был стать очередной публичной выволочкой в назидание другим.

На том заседании Харламов целиком и полностью признал свою вину, сообщил, что лично извинился перед пострадавшим. «Восемь лет я в большом хоккее, но ни разу не вызывался на заседание спортивно-технической комиссии, — признался Харламов. — Я глубоко сожалею о случившемся. Надеюсь, что подобное со мной больше никогда не повторится». Члены СТК оказались вполне удовлетворены раскаянием форварда и ограничились минимальным наказанием: дисквалифицировали его всего лишь на одну игру.

13 февраля с официальным визитом в Москву приехал премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон. Я бы не стал уделять этому событию столь пристальное внимание,

если бы не одно «но»: во время этого визита состоялось явление Леонида Брежнева народу. Дело в том, что с начала января, сразу после смерти своей матери, генсек пропал из поля зрения своих сограждан, напоминая о себе только в виде разного рода приветствий, которые регулярно публиковались в прессе. А живьем Брежнев предпочитал нигде не светиться, поскольку очень плохо себя чувствовал (поговаривали, что у него случился инфаркт). Именно тогда в народе стали активно распространяться слухи, что генсек совсем плох и вот-вот ему на смену придет кто-то другой. По этим слухам был нанесен решительный удар именно 13 февраля, когда Брежнев в Кремле встретился с Вильсоном и дал понять всем, что он жив-здоров и совсем не собирается уходить на покой. На следующий день чуть ли не все центральные газеты опубликовали улыбающееся лицо Брежнева на приеме в честь приезда высшего гостя.

На «Мосфильме» продолжают съемки фильма «Дерсу Узала», который снимает выдающийся японский режиссер Акира Куросава. Как мы помним, съемки ленты начались в мае прошлого года — группа уехала снимать природу в Приморский край, в тайгу. Там киношники пробыли до января 75-го, после чего вернулись в Москву, чтобы отснять павильоны. Так, 11–12 февраля снимался эпизод «в ущелье», для чего на студии руками тамошних умельцев была сооружена соответствующая декорация. После «ущелья» сняли другой эпизод — с участием живого тигра. Стоит отметить, что эту сцену пытались снять еще на натуре, в тайге, но из этого ничего не получилось. В том эпизоде снимался дрессированный тигр Артемка, который в процессе съемок вдруг повел себя неадекватно: вместо того чтобы застыть на краю рва с водой, он бросился вплавь к актерам (Соломину и Мунзуку). Стоявшие поблизости охотники стали палками гнать его обратно, из-за чего у тигра из носа пошла кровь. Увидев это, Соломин бросился к Куросаве и потребовал немедленно остановить съемки. Когда его требование выполнили, актер заявил, что отказывается участвовать в издевательствах над животным. Вот почему съемки этого эпизода было решено перенести в павильон, причем пригласить на них самого именитого в стране дрессировщика тигров —

Вальтера Запашного — с его четвероногим питомцем-актером, который снимался полтора десятка лет назад в знаменитом фильме «Полосатый рейс» (обоих привозили в Москву из Волгограда, где они тогда гастролировали).

Вспоминает Ю. Соломин: «Когда я вошел в павильон с бутафорской тайгой и тропинкой, по которой мы должны были пройти, и узнал, что туда приведут тигра, то заволновался. По сценарию Мунзук должен стрелять в тигра и промахиваться, потому что Дерсу уже стал слепнуть. Смотрю, входит Запашный, держит за ошейник тигра. Я его спрашиваю: «Он все сделает, как надо, ведь Мунзук будет в него стрелять, а он после этого должен подпрыгнуть и убежать от нас?». Запашный отвечает: «Я ему все объяснил, он все это сделает». По-моему, на съемочной площадке собрались корреспонденты со всего мира. С одной стороны встал Запашный, с другой стороны, за нами, его жена. Началась съемка. Мы пошли, ноги у меня дрожали. Вижу, на нас идет огромный тигр, Мунзук вскидывает ружье и стреляет. Тигр подпрыгивает и убегает. Аплодисменты. И вдруг говорят: «Надо сделать еще дубль». Дело в том, что мы снимали на нашей пленке, фильм широкоформатный, и у японцев не оказалось для него подходящей пленки, а может быть, наша обходилась дешевле. Одним словом, решили подстраховаться и снять еще один дубль. Я взмолился, говорю: «Товарищи, родные, у меня дочка растет. Что вы делаете? Он в первый раз не знал, что в него будут стрелять, но теперь-то он знает». И с мольбой смотрю на Запашного. Тот абсолютно спокоен. Начали опять снимать. То же самое. Мы вышли, он на нас идет. Мунзук вскидывает ружье, стреляет, тигр подпрыгивает и убегает. Я до сих пор не могу этого объяснить. Слава богу, все так благополучно получилось...».

15 февраля в Москве оборвалась жизнь знаменитого боксера Валерия Попенченко. Имя этого спортсмена стало широко известно в 1959 году, когда он впервые стал чемпионом страны (затем таких восхождений на высшую ступеньку всесоюзного пьедестала будет еще четыре). В начале 60-х Попенченко дважды становился чемпионом Европы (1963, 1965) и чемпионом Олимпийских игр (1964). На последнем турнире Попенченко был также удостоен почетнейшей для любителя награды —

Кубка Баркера. Вручая ее, президент Международной ассоциации любительского бокса Радьяр Рассел сказал о выдающемся мастерстве лауреата, его мужестве и благородстве.

Уйдя из большого спорта, Попенченко переехал из Ленинграда в Москву. Здесь ему предлагали работу в разных местах (например, Н. Озеров переманивал его в комментаторы), однако он выбрал преподавательскую работу: в МВТУ имени Баумана получил должность заведующего кафедрой физвоспитания. В середине 70-х началось строительство новых корпусов (в том числе и спортивных сооружений), и Валерий частенько захаживал туда, чтобы проверить работу строителей. Обычно он с утра переодевался в морскую робу и брюки и шел на стройку, где, бывало, пропадал и до вечера. Во время одного из таких посещений в середине февраля 75-го и случилась трагедия. Нелепая и до сих пор необъяснимая.

В тот роковой день 15 февраля Попенченко приехал в институт к 9 утра и сразу отправился к ректору Николаеву, чтобы договориться с ним о дате предварительной защиты своей диссертации. А вечером бывшего боксера ждали к себе именинники сразу в двух компаниях. Однако за праздничным столом бывшего боксера уже не дождалось. Около трех часов дня Попенченко заглянул в один из кабинетов института, где кто-то из сослуживцев устроил импровизированное застолье по какому-то случаю. Там бывший боксер выпил чистого спирта, после чего покинул коллег. Сказал, что надо еще заскочить в новый корпус. Там и произошла трагедия. Сбегая по лестнице с низкими перилами (они были ниже колен!), Попенченко на очередном витке внезапно потерял равновесие и упал вниз, в лестничный пролет, с высоты третьего этажа. Смерть наступила мгновенно. Следствию так и не удалось объяснить, что случилось со знаменитым спортсменом. Были двое свидетелей этого происшествия, один из которых утверждал, что Попенченко, когда летел вниз, не издал ни одного звука. Это было странно, ведь должен же он был испугаться хотя бы на миг.

По одной из версий, которая потом ходила в народе, с Попенченко расправились побитые им однажды в Ленинграде бандиты, которые в злополучный февральский день вызвали его «для разговора» в новый корпус института. По-

пенченко, видимо, не ожидал нападения и все могло произойти стремительно: кто-то из стоявших сзади ударил его по голове и столкнул в лестничный пролет.

- Между тем в первой половине февраля в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 3-го — военная драма Михаила Ершова «Блокада» (фильм 1-й — «Лужский рубеж», фильм 2-й — «Пулковский меридиан») с участием Юрия Соломина, Евгения Лебедева, Ирины Акуловой и др.; комедия Виктора Георгиева «Большой аттракцион» с участием Натальи Варлей, Гунара Целинского, Майи Менглет и др.; 4-го — киноповесть Самвела Гаспарова «Рейс первый, рейс последний» с участием: Сергея Плотникова, Леся Сердюка, Юрия Кузьменкова и др.

Кино по ТВ: «Семнадцать мгновений весны» (1—8-го), «Нежность» (3-го), «Путь к причалу» (4-го), «Золотой ключик» (5-го), «Человек в футляре», «Море студеное» (7-го), «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Двери хлопают» (премьера т/сп 9-го), «Кубанские казаки», «Новый аттракцион» (11-го), «Море нашей надежды» (12-го), «Туманность Андромеды» (13-го), «Дама с собачкой», «Ваши права?» (премьера т/ф), «Прощайте, голуби» (14-го), «Перстень с русалкой» (15—16-го) и др.

Из других телепередач выделю: «Артлото» (1-го; в 42-м выпуске передачи состоялась премьера песни «Татьянин день» в исполнении Льва Лещенко, с песней «Лебеди-березы» в передаче дебютировала Маргарита Суворова, далее выступили Светлана Крючкова, Антонина Жмакова, Эдита Пьеха, Муслим Магомаев, Роман Карцев и Виктор Ильченко исполнили интермедию М. Жванецкого «Погуляли»), «Концерт артистов зарубежной эстрады» (7-го), «Утренняя почта» (8-го, 15-го), «По страницам «Голубого огонька» (14-го), «Кабачок «13 стульев», «Кинопанорама» (15-го; в передаче, которую вел Юрий Яковлев, шел разговор о фильме «Помни имя свое», был показан творческий портрет Василия Шукшина).

Из театральных премьер назову одну: 2-го в драмтеатре имени Станиславского был показан спектакль «Монолог о браке» с участием: Сергея Шакурова, Аллы Балтер и др.

Эстрадные представления: 3—5-го — в ЦДКЖ играл ВИА из Челябинска «Ариэль»; 5—6-го в ГЦКЗ «Россия» — белорусский ВИА

«Песняры»; 8-го в ЦДСА — азербайджанский ВИА «Гайя»; 15-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского радовал слушателей своим искусством певец Юрий Богатиков и т. д.

17 февраля в Москве состоялись похороны знаменитого боксера Валерия Попенченко, чья нелепая гибель буквально потрясла людей (даже «Голос Америки» сообщил об этом в своих новостях). Как пишет И. Емельянов: «Таких проводов столица не видела давно. Люди шли от Белорусского вокзала во Дворец спорта «Крылышек». Потом была панихида в МВТУ. Друг Валеры поэт Эдик Балашов нервно бросил: «Не случайно все это...». Олимпийский чемпион Борис Лагутин мрачно возвышался на трибуне: «Мы сейчас не понимаем, кого потеряли...».

На Немецкое (Введенское) кладбище гроб несли на руках. Мороз стоял двадцатиградусный, но все шли без шапок.

Друзья собрали на памятник 4,5 тысячи рублей. Столько же дал вуз. Поклонники таланта Попенченко с Урала прислали почти трехметровую глыбу белого мрамора...».

В тот же день, но уже в Ленинграде умер отец известного актера театра и кино Олега Базилашвили Валериан Ношреванович. В свое время покойный работал директором политехникума связи имени Подбельского, а последние несколько лет находился на пенсии.

В среду, 19 февраля, на «Мосфильме» режиссер Евгений Карелов приступил к съемкам телефильма «Два капитана» по одноименному роману В. Каверина. Как это часто бывает в кино, снимали не начальные кадры, а почти середину: с того момента, где Саня Григорьев (Борис Токарев) и Катя Татарнинова (Елена Прудникова) катаются на коньках (эпизод войдет в начало 3-й серии). Объяснялся сей факт просто: уходила зимняя натура и требовалось как можно скорее отснять эпизоды, относящиеся к этому времени года. Съемки проходили на столичном катке Юных Пионеров в течение трех дней, после чего группа на месяц ушла в подготовительный период.

В ту же среду во МХАТе состоялась новая премьера многострадального спектакля «Медная бабушка» по пьесе Леонида Зорина. Как мы помним, в первый раз премьера этого спектакля прошла 25 января вопреки запрету грозного цензора Главлита. В итоге следующее

представление было отменено и главрежу театра Олегу Ефремову строго указано — пока не внесете оговоренных поправок в текст постановки, спектакль идти не будет. При этом количество поправок, внесенных Главлитом, насчитывало ни много ни мало 29! Было отчего прийти в отчаяние и Ефремову, и Зорину. Однако и спектакль запустить тоже хотелось. В конце концов авторы спектакля ограничились пятью незначительными поправками, после чего Ефремов, минуя Главлит, обратился с личным письмом к министру культуры СССР Петру Демичеву: мол, защитите! Демичев письмо прочитал и, как ни странно, встал на сторону мхатовцев. И 12 февраля Зорину лично позвонили из Главлита и сообщили, что долгожданная виза на спектакль поставлена. Премьера была назначена ровно через неделю. Как вспоминает Л. Зорин:

«После непреременных просмотров 19 февраля художественники сыграли премьеру. Она была встречена с полным сочувствием. Ночью мне позвонил Эфрос: «Самые искренние поздравления, я провел важный, значительный вечер. Пьеса мудра и объективна, она пребывает вне полемики. Олег и Андрей Попов прекрасны. Сделано настоящее дело, большое дело — теперь, безусловно, можно позволить себе быть счастливым».

Позволить можно было, много трудней — кожей ощутить свое счастье. Я наконец достал бутылку, с усилием вытащил старую пробку, вколотенную в узкое горлышко шесть десятилетий назад. Херес дохнул корабельным запахом, пахло пенькой, смолой, канатом, солью южного моря, волей! Ну вот и сбылось, мы сдвинули рюмки — я, моя жена и мой сын...».

В тот же день состоялся суд над писателем Владимиром Марамзиным. Его арестовал КГБ еще в конце июля 74-го, предъявив обвинение в антисоветской агитации и пропаганде. Антисоветчина выражалась в том, что Марамзин составил пятитомное собрание сочинений своего друга поэта Иосифа Бродского, высланного в 72-м из страны, и переслал его за границу. Кроме того, Марамзин имел смелость отослать за рубеж свою повесть «История женитьбы Ивана Петровича», которую в начале этого года опубликовал журнал «Континент».

Между тем, несмотря на серьезность предъявленных обвинений, суд вынес Марамзину на

удивление мягкое наказание — пять лет условно. Спросите почему? Разгадка состояла в том, что незадолго до суда Марамзин раскаялся и под диктовку КГБ написал письмо в парижскую газету «Монд», где отрекся от своих диссидентских воззрений. Дело Марамзина стало очередной победой КГБ над диссидентами, таким повторением «дела Якира и Красина» (как мы помним, те тоже стали отреченцами).

Благополучно завершился скандал, в эпицентре которого оказался форвард хоккейного клуба «Динамо» Александр Мальцев. Как мы помним, в середине января в «Комсомолке» было опубликовано открытое письмо ему, в котором спортсмен был подвергнут серьезной критике за проявления «звездной болезни». В течение месяца эта история не давала о себе знать, пока та же «Комсомолка» не поставила в ней точку. Сначала 18 февраля в ней была опубликована статья выдающегося тренера Анатолия Тарасова под названием «Спроси себя сам». В ней автор делился своими размышлениями о состоянии морально-нравственного климата в отечественном хоккее и часть письма уделил истории с Мальцевым. Напрямую обращаясь к спортсмену, тренер писал: «Пришла пора, Александр, платить долги: свой опыт, свои знания передавать молодежи, благодарить не словами, а делом динамовский коллектив, воспитавший тебя... Но для этого надо изменить отношение к себе, к своей жизни, многое пересмотреть в ней. Надо навсегда отвернуться от тех, кто тянет тебя в ресторан. Ты долгие годы был в боевом расчете победного советского хоккея. Останься в строю и сегодня, и завтра».

Александр Мальцев ответил два дня спустя, когда «Комсомолка» опубликовала на своих страницах его письмо. В нем прославленный хоккеист писал: «Уважаемые товарищи! Я бережно храню номера «Комсомольской правды» за прошлые годы, в которых обо мне, тогда еще начинающем хоккеисте, говорилось немало хороших слов. Ваша газета всегда была и остается для меня добрым советчиком и наставником. Как это ни печально, но в том, что на страницах «Комсомолки» появилось открытое письмо в мой адрес, виноват только я сам. Мне горько было читать эти строки, но тем не менее я хочу сказать спасибо своей комсомольской газете за прямоту и искренность.

Понимаю, что возратить потерянное доверие будет трудно. Но о другом не думаю. Сейчас, когда наша команда переживает трудные времена, я понимаю, что должен стараться еще больше, относиться к себе гораздо строже. Хочу делом доказать, что вы и все читатели, приславшие в ответ на публикацию свои письма, не напрасно верите в меня...».

И вновь Леонид Гайдай продолжает работу над комедией «Не может быть!». Отсняв до середины февраля эпизоды из третьей новеллы («Свадебное происшествие»), он приступил к съемкам павильонных сцен из второй новеллы («Забавное приключение»). В частности, в эти дни снимались эпизоды с участием Олега Даля, игравшего певца Барыгина-Амурского: певец приходит к любовнице (Светлана Крючкова); певец в панике покидает дом любовницы; певец и его любовница приходят к подруге последней и др.

20 февраля съемочная группа собралась как обычно к девяти утра, однако главного исполнителя — Олега Даля — на месте не оказалось. Прождав его полчаса, Гайдай попросил кого-то из ассистентов узнать наконец, где же находится актер и как долго группе предстоит еще его ждать. Примерно через десять минут ассистент примчался обратно с неутешительной вестью о том, что у Даля образовалась незапланированная репетиция в театре и приехать на съемочную площадку он сегодня не сможет. В итоге группе записали простой.

На следующий день уже в другом павильоне «Мосфильма», другой мэтр комедийного жанра — Георгий Данелия — вынужден был переснимать один из эпизодов уже законченного фильма «Афоня». Эпизод назывался «в избе Борщева»: это там Афоня, витая в грезах, приходит в светелку и видит за столом шестерых своих детишек, старательно выводящих в тетрадках каракули. «Ну что, дети, уроки-то учите?» — спрашивает Афоня. «Учат», — отвечает за своих чад супружница Афони по сну (Нина Маслова). «Учите, учите, без образования сейчас худо», — наставляет детишек Афоня. Этот эпизод был отснят еще 24—25 января, однако при проявке пленки обнаружился брак, из-за чего сцену пришлось переснимать заново.

В пятницу, 21 февраля, случилось новое явление народу Леонида Брежнева. Как мы помним, после длительного отсутствия на публи-

ке, вызванного болезнью, генсек теперь пытался наверстать упущенное. Неделю назад он участвовал в переговорах с премьер-министром Великобритании Вильсоном, а теперь в сопровождении своих соратников по Политбюро посетил в Центральном выставочном зале художественную выставку «В боевом строю», приуроченную к 30-летию Победы. На выставке демонстрировалось порядка тысячи картин, однако генсек не осмотрел даже сотни, поскольку быстро устал. Когда экскурсия была закончена, строители выставки вручили членам Политбюро памятные значки.

22 февраля в ленинградскую психушку номер 3 имени Скворцова-Степанова угодил популярный в будущем телеведущий Александр Невзоров. В ту пору ему шел 17-й год (семнадцать ему должно было исполниться в августе) и он уже тогда отличался крайне непростым характером. По его же словам: «Учился я отвратительно. Из пионеров меня выгнали почти сразу как приняли. Это был дикий скандал — на всю школу. Я на уроках ковырял пионерским галстуком в носу, когда кто-то пытался посягнуть на мою свободу. В 13 лет немножко пробуешь волю на окружающих: интересно, насколько ты сильнее. Ощущение поразительное. Будто бриллиантом режешь стекло. Поддается! В 13 лет я понял, что добьюсь всего, чего захочу. Это, наверное, отличительная черта всех авантюристов, каковым я и являюсь...».

Частые конфликты с учителями и сверстниками не могли положительно сказаться на пребывании Невзорова в школе. В конце концов после восьмого класса (в 1973 году) парень был исключен из нее. Попробовал продолжить образование в вечерней школе, но и там не сумел прижиться и вскоре бросил. Устроился на работу санитаром в больницу. В 17 лет примкнул к «хиппи». Именно в этот «хипповский» период Невзоров и угодил в психушку, куда его направили из районного военкомата, где он состоял на учете (там он пробудет до 15 марта). В дальнейшем пребывание в этой клинике поможет Невзорову избежать призыва в армию, чего он, собственно, и добивался.

В воскресенье, 23 февраля, известный ленинградский блатной бард Аркадий Северный (в миру — Звездин) приехал в здание НИИ «Ленпроекта» на первую музыкальную сессию с ансамблем «Бандиты». Этот ансамбль был

создан месяц назад музыкантом-пианистом Александром Резником (он доводился родным братом известному поэту Илье Резнику) и состоял еще из трех музыкантов: Семена Лахмана (скрипка), Владимира Васильева (бас-гитара, бывший участник ВИА «Поющие гитары») и Василия Иванова (ударные). Идея «спарить» «Бандитов» с Северным пришла в голову Рудольфу Фуксу, который, собственно, и сделал из Северного публичного певца (он же придумал ему и этот псевдоним — Северный). Фукс давно записывал Северного на магнитофонную пленку и потом распространял эти записи по стране, но с недавних пор решил пойти еще дальше — записать песни Северного под аккомпанемент профессионального ансамбля. В ноябре прошлого года, как мы помним, Северный записал несколько концертов в сопровождении ансамбля «Братья Жемчужные» (инициатором записи был Сергей Маклаков), теперь то же самое решил проделать и Фукс. Поскольку он работал инженером в НИИ «Ленпроекта», местом для записи концерта он выбрал актовое зал этого учреждения. Сессия продолжалась в течение нескольких часов. Северный исполнял свои прежние песни («Цыпленок жареный», «Шарабан», «Гоп со смыком», «Увяли розы» и др.), однако запись шла на стереофонический магнитофон, что по тем временам считалось наивысшей крутизной. Над названием альбома долго не мучились и назвали его незатейливо — «Второй одесский концерт».

В эти же дни другой российский исполнитель — Владимир Высоцкий — находится в Париже, куда он уехал в начале февраля по частному вызову своей жены Марины Влади. Отдых Высоцкий совмещал с различными светскими раутами, коих в столице Франции всегда было предостаточно. В один из тех дней в Париже прошла церемония вручения литературной премии писателю Андрею Синявскому, которую Высоцкий тоже посетил. Причем он прекрасно отдавал себе отчет в том, что это посещение может выйти ему боком при возвращении на родину (ведь Синявский в Советском Союзе считался отщепенцем), но все же переступил через собственный страх: ведь Синявский в 50-е годы был преподавателем Высоцкого в Школе-студии МХАТа и всегда хорошо к нему относился. Так Высоцкий оказался в одной компании со многими высланными из

СССР лицами — Александром Солженицыным, к примеру. В тот же день радиостанция Би-би-си передала об этом в своих новостях. Как пишет в своих дневниках В. Золотухин, на следующий день директору Театра на Таганке Николаю Дупаку позвонили «с самого веру» и вставили «пистон»: мол, куда смотрят руководство театра, партком, профком и все такое прочее. Ответить Дупаку было нечем.

В понедельник, 24 февраля, Леонид Брежнев проснулся как обычно около восьми утра на своей даче в Заречье. Позавтракал легко — творог и чай, поскольку всегда тщательно следил за своим весом. Затем на лифте поднялся к себе на второй этаж, чтобы почистить зубы. В это время официантка из столовой позвонила охране, чтобы те готовились подогнать автомобиль к порогу дома. Еще через несколько минут адъютант генсека Владимир Медведев поднялся к своему подопечному и помог ему надеть пальто. Спустившись на лифте вниз, генсек с адъютантом сели в автомобиль. На часах было девять тридцать.

От дачи до Кремля езды было всего минут пятнадцать. Поскольку всем постам по дороге уже была дана соответствующая команда, все прочие машины разогнаны, и трасса была пуста. Кортёж из четырех машин мчался со скоростью сто двадцать километров в час, на Кутузовском проспекте скорость сбавили до сотни. В Кремль въехали, как всегда, через Боровицкие ворота и остановились у второго подъезда первого корпуса, где находился кабинет генсека. Около десяти Брежнев был уже на рабочем месте. Однако прежде чем приступить к работе, генсек обычно брился (этот ритуал он совершал ежедневно по два раза в день — утром и после обеда). Но в этот раз с бритьем случился облом — парикмахер не явился. Поскольку был он человеком сильно пьющим, а вчера случился праздник, причина его неявки лежала на поверхности. В иные дни Брежнев был снисходителен к своему цирюльнику, но в тот день оказался явно не в духе. «Ну все, мое терпение лопнуло! Сейчас же позвоню Павлову (начальник хозуправления ЦК КПСС) и скажу, чтоб этого пьянчужку выгнали к чертовой матери!» — воскликнул Брежнев и направился к телефону. Однако пока шел, успел остыть. Генсек был человеком отходчивым и зла никогда ни на кого не держал.

Вспоминает В. Медведев: «Леонид Ильич быстро отходил и часто сам подтрунивал над парикмахером:

- Ну, как праздник провел?
- Да ничего, собрались, «шарахнули».
- Стаканчик-то опрокинул?
- Да побольше.

Но не в том даже главная беда, что запивал и не приходил, а в том, что являлся утром с похмелья. Он брил опасной бритвой. Это могло плохо кончиться.

Дикость! Первое лицо могучего государства, а уровень взаимоотношений и безответственности хуже, чем в жэке...».

В тот же день в Театре на Таганке состоялась первая репетиция спектакля «Вишневый сад». Эту пьесу должен был поставить «варяг» — главреж Театра на Малой Бронной Анатолий Эфрос, в то время как Юрий Любимов готовил постановку в «Ла Скала» оперы Луджи Ноно. Репетиция началась в 10 утра в верхнем буфете театра. На нее пришла чуть ли не вся труппа, пришли даже те актеры, кто в спектакле не участвовал. А все потому, что всем было интересно посмотреть, как работает режиссер другого «лагеря», да еще такой, как Эфрос. Всем участвующим в постановке раздали специально купленные по этому случаю сборники чеховских пьес. Кто-то из актеров додумался и стал просить Эфроса поставить на своем экземпляре автограф. Режиссер отмахнулся: «Ведь я же не Чехов».

А теперь из Москвы перенесемся в заснеженный якутский городок Алдан. В те самые часы, когда Брежнев недобрым словом вспоминал своего непутевого парикмахера, а Эфрос репетировал Чехова, в этом городке разгорелся настоящий детектив, а именно: пятеро вооруженных автоматами преступников напали на магазин и, захватив в кассе крупную сумму денег, устремились на автомобиле «Скорой помощи» (его они тормознули прямо на трассе) по Амурско-Якутской магистрали от Алдана в сторону поселка Чульман. Спустя полчаса после совершенного преступления на ноги были подняты значительные силы милиции как в самом Алдане, так и в Чульмане. В последнем одну из поисковых групп возглавлял лейтенант милиции А. Игнатьев. Именно ему и суждено было первым лицом к лицу столкнуться с бандитами.

Все произошло неожиданно. В тот момент, когда лейтенант в одиночку проверял очередной грузовик, из-за крутого поворота выскочила «Скорая», которая на бешеной скорости промчалась мимо патрульного. Игнатьев бросился в погоню. На приказ остановиться водитель «скорой» не среагировал, а когда милицкий «уазик» сделал попытку поравняться с беглецом, одно из окон «Скорой» ошетинилось стволом «калашникова». Через секунду раздалась очередь. Пули прошли Игнатьеву правую руку и плечо. Превозмогая боль, лейтенант раненой рукой продолжал держать руль, а левой выхватил «макаров» и открыл ответный огонь. Игнатьев стрелял куда эффективнее своих визави — парой выстрелов ранил сразу двоих бандитов. После чего, обогнав «скорую», он поставил свою машину поперек дороги, преградив преступникам путь. Напуганные столь самоотверженными действиями молодого летехи, бандиты предпочли больше с ним не связываться и бросились врассыпную в лес. Однако уже спустя сутки-другие их всех поодиночке переловила милиция и военные, которых оперативно подтянули к месту, где произошла перестрелка. Забегая вперед скажу, что в июле этого же года лейтенанта А. Игнатьева вызовут в Москву и министр внутренних дел СССР Н. Щелоков лично прикрепит к лацкану его мундира орден Красного Знамени.

Фигурист Александр Горшков, который чуть меньше двух недель находился на грани между жизнью и смертью, вышел в понедельник, 24 февраля, на свою первую тренировку. И это при том, что всего лишь три дня назад его выписали из больницы и врачи предупредили супругу фигуриста: «Запомните, Людмила Алексеевна, в ближайшие десять лет самая большая нагрузка для вашего мужа — это с авоськой в булочную». Короче, Горшкову на ближайшее время было категорически предписано быть подальше от спорта. А он вышел на лед с твердым намерением принять участие в очередном чемпионате мира, который открывался в американском городе Колорадо-Спрингс в самом начале марта. Как вспоминала Л. Пахомова:

«Саша катался, держась одной рукой за борт. На третью нашу тренировку приехали врачи. Мы прокатали перед ними половину произвольного танца. Все поддержки прямо на ходу

перекидывали на правую руку, левая совсем слабая была. Он вообще был еще слаб, от Саши, как говорят, осталась половина. Объем легких по спирометрии уменьшился ровно вдвое. Врачи сказали, что Горшков сошел с ума, что он, видно, хочет умереть. А Михаил Израилевич Перельман дал письменное заключение: «Может ехать. Вопрос о выступлении решить на месте».

25 февраля в Тарусе был арестован известный диссидент Анатолий Марченко. Стоит отметить, что это был уже пятый арест знаменитого правозащитника. В предпоследний раз он был арестован в 1968 году и получил год тюрьмы за нарушение паспортного режима (на самом деле его посадили за то, что активно осуждал ввод советских войск в Чехословакию). В тюрьме Марченко получил новый срок — еще два года. Освободившись, Марченко поселяется сначала в Чуне, потом в Тарусе. Однако с правозащитной деятельностью не рвет и участвует во всех диссидентских акциях: в феврале 74-го присоединяется к «Московскому обращению» ряда диссидентов, протестующих против высылки А. Солженицына, в июле держит голодовку солидарности с А. Сахаровым. КГБ ему этого не прощает и ужесточает надзор. Ему отказывают даже в поездке в Москву к больному сыну, а также для того, чтобы встретить престарелую мать, которой одной трудно было доехать до Тарусы. За нарушение правил надзора Марченко дважды штрафуют, вызывают в ОВИР УВД Калужской области. Но он продолжает гнуть свое. Тогда ему откровенно предлагают уехать из страны. Он отказывается, тем самым подписывая себе приговор, — его арестовывают.

Вспоминает А. Марченко: «В милиции меня, как водится, обыскали. Изымать оказалось нечего: еще в декабре я отобрал для тюрьмы брюки поплоче, они сейчас были на мне, да теплый свитер, да телогрейка; с декабря же дома на вешалке висела авоська, а в ней пара белья, теплые носки и рукавицы, мыло, паста и зубная щетка — все. Продукты мне не понадобятся. Взяли у меня только пустую авоську и выдали на нее квитанцию. Остальное — со мной в камеру...».

25 февраля актер Театра на Таганке Иван Бортник получил письмо из Парижа от своего

друга и коллеги по театру Владимира Высоцкого. Приведу лишь несколько отрывков из него:

«Дорогой Ваня! Вот я здесь уже третью неделю. Живу. Пишу. Немного гляжу кино и постигаю тайны языка. Безуспешно. Подорванная алкоголем память моя с трудом удерживает услышанное. Отвык я без суеты, развлекаться по-ихнему не умею, да и сложно без языка. Хотя позднее, должно быть, буду все вспоминать с удовольствием и с удивлением выясню, что было много интересного... Но пока:

Ах! Милый Ваня — мы в Париже
Нужны, как в бане пассатижи!

Словом, иногда скучаю, иногда веселюсь, все то же, только без деловых звонков, беготни и без театральных наших разговоров. То, что я тебе рассказывал про кино, — пока очень проблематично. Кто-то с кем-то никак не может договориться. Ну... поглядим. Пока пасу я в меру способностей старшего сына (имеется в виду старший сын Марины Влади Игорь Оссейн. — *Ф. Р.*). Он гудит помаленьку и скучает, паразит, но вроде скоро начнет работать. Видел одно кино про несчастного вампира Дракулу, которому очень нужна кровь невинных девушек, каковых в округе более нет...

Написал я несколько баллад для «Робин Гуда» (имеется в виду фильм «Стрелы Робин Гуда», с которым на Рижской киностудии запустился режиссер Сергей Тарасов. — *Ф. Р.*), но пишется мне здесь как-то с трудом и с юмором хуже на французской земле.

Думаю, что скоро попутешествую. Пока — больше дома сижу, гляжу телевизор на враждебном и недоступном пока языке...

Р. S. Ванечка, я тебя обнимаю! Напиши!

Р. P. S. Не пей, Ванятка, я тебе гостинца привезу!».

Тем временем арестованного в Тарусе Анатолия Марченко утром 26 февраля этапировали в Калугу. Когда «воронки» проезжал по городу, Марченко в окно увидел свою жену Ларису Богораз, которая возвращалась из молочного магазина вместе с маленьким сыном Пашей (она везла его на санках). Марченко застучал кулаками в окно, и жена услышала этот стук: остановившись на тротуаре, она помахала вслед «воронку» рукой.

Когда Марченко привезли в калужский СИЗО номер 1 и попытались снять у него отпе-

чатки пальцев, он внезапно заартачился: мол, я ни в чем не виноват и добровольно ни в чем участвовать не буду. Тогда трое надзирателей заковали его в наручники и несколько раз ударили по почкам. Однако арестант и после этого не подчинился. Тогда его повели в камеру. О том, что было дальше, вспоминает сам А. Марченко:

«И мы пошли: впереди офицер, за ним я с закованными сзади руками, вплотную рядом со мной и сзади два надзирателя — сержант и толстяк старшина. До лестницы меня не били, только страшно матерились и угрожали. А на лестничной площадке снова сильный удар ключом в спину чуть не сбил меня, и я привалился к поручням. Офицер обернулся на шум и внезапно резко ударил меня по ребрам, а второй раз ниже живота. Вот так меня спустили по лестнице, а там поволокли по коридору, пиная сапогами по ногам, колотя кулаками и ключом по бокам, по спине, по животу...

Меня втолкнули в бокс, напоследок швырнув на цементный пол — я еще и головой приложился. Вслед мне полетели телогрейка, шапка, носки.

Подняться с пола я не мог и даже не пытался переменить положение, так и лежал лицом вниз. Кисти рук я скоро совсем перестал ощущать, они онемели, но в плечах была страшная боль, я был уверен, что старшина выдернул мне правую руку из сустава. Потом я почувствовал и боль в ребрах (они болели еще недели две). Зато теперь моя позиция получила эмоциональное подкрепление: у меня появились «личные счета» с моими тюремщиками.

Дверь открывается.

— Ну как, будем пальцы катать?

— Не поманивает.

— Ну, лежи, лежи...».

А теперь из Калуги вновь перенесемся в Москву. В тот же день 26 февраля в «Вечерней Москве» был опубликован коротенький, всего лишь в несколько строк, некролог на генерал-майора милиции Ивана Васильевича Бодунова. Уверен, что большинство читателей даже не обратили на него внимания, поскольку имя скончавшегося абсолютно ничего им не говорило. Между тем в истории советской милиции Иван Бодунов был личностью легендарной. Начинал он свою службу в уголовном розыске в Ленинграде в далекие 20-е и был причастен к

раскрытию многих громких преступлений той поры. Так, в 1921 году именно благодаря стараниям Бодунова, который под видом «блатного» был внедрен в преступную среду, была разгромлена одна из самых жестоких банд Питера — банда Ивана Белки, на счету которой было 27 убийств, 18 раненых. Два года спустя Бодунов участвовал в поимке знаменитого бандита Леньки Пантелеева, чуть позже — банды «Черный ворон». Именно Ивану Бодунову писатель Юрий Герман посвятил свою повесть «Наш друг Иван Бодунов», а его сын Алексей Герман затем снял фильм «Мой друг Иван Лапшин».

В эти же дни в Москве находится английский продюсер Стенли Лауден (тот самый, что привозил к нам певца Роберта Янга и который взялся давать уроки вокала любовнику дочери генсека Борису Буряце). На этот раз Лауден приехал на несколько дней по частной визе, чтобы уговорить знаменитого дирижера и композитора Арама Хачатуряна дать гастроли в Лондоне, а также договориться с Минкультом об осеннем привозе в СССР очередной партии английских артистов. Однако не успел Лауден войти в свой номер в гостинице «Метрополь» и распаковать чемодан, как ему по телефону позвонил Борис Буряца и стал зазывать на ужин. Зная о настырном характере цыгана, продюсеру не оставалось ничего иного, как согласиться.

Буряца привез гостя в ресторан Дома литераторов и посадил его за один стол с каким-то генералом в мундире, директором цирка и режиссером Театра эстрады. Это соседство не было обременительным для англичанина, более того — он был этому только рад, поскольку надеялся, что при свидетелях Буряца не станет больше втягивать его в свои опасные разговоры. И тот действительно крамольных речей не заводил. Но только за столом. Через час Буряца раскланялся с собутыльниками и увел Лаудена на улицу. Там они уселись на скамейку, и Борис затянул старую песню. Он сообщил продюсеру, что Галина Брежнева раскусила его коварный план — под видом эстрадного певца он мечтал выехать на гастроли на Запад и там остаться. Услышав об этом, Лауден вскочил со скамейки, как ужаленный. «Ты оказался в трудном положении, но меня в это дело не втягивай!» — резко заявил он и зашагал прочь по набережной. Борис припустился за ним, на

бегу уверяя, что Галина совершенно не в курсе участия в этом деле англичанина. «Так я и поверил», — отмахнулся Лауден. Тогда цыган перегородил ему дорогу своим телом и только таким образом заставил остановиться.

— Не сердись, прошу тебя, — обратился он к продюсеру. — Но кроме тебя мне больше некому излить душу. Галина подрезала мне крылья. Знаешь, что она удумала: сделала меня солистом Большого театра, чтобы я навсегда забыл про карьеру эстрадного певца. Я надеялся, что и там сумею включиться в одну из гастрольных групп, но там такая длинная очередь на выездные гастроли!.. К тому же преимущество имеют артисты с многолетним стажем.

— Что же ты собираешься делать? — после некоторой паузы спросил Лауден.

— Попытаюсь выехать другим путем — через цирк. Ты думаешь, я зря что ли угощал сегодня его директора? Я слышал, что он любит деньги и берет взятки с артистов, которые выезжают за границу. Вот я и суну ему большую взятку. Думаю, он не устоит перед соблазном.

На набережной было довольно прохладно, поэтому, постояв там еще несколько минут, собеседники отправились к автомобилю Буряцы (теперь это был «пontiак», пришедший на смену прошлогоднему «Мерседесу»). Однако на обратном пути в гостиницу они пережили весьма неприятное приключение. Возле памятника Дзержинскому Борис нарушил правила движения, и постовой милиционер тормознул их свистком. Страж порядка потребовал у Буряцы документы, а когда тот сообщил, что забыл их дома, гаишник достал отвертку... и принялся откручивать номера с машины. От такой наглости Буряцу чуть удар не хватил. Выскочив из автомобиля, он стал наседавать на милиционера: «Что вы себе позволяете? Я возьму такси, съезжу домой и привезу документы». Но гаишник попался принципиальный — на сделку не пошел и отнес номера в свою будку. Тут Буряца не сдержался: «Тогда вы пожалеете, что родились на свет!». И отправился звонить куда-то из ближайшей телефонной будки.

Между тем пока он звонил, ситуация поменялась кардинальным образом. К месту происшествия подъехала черная «Чайка», из которой вылез представительный мужчина в штатском. Он приказал гаишнику немедленно прикру-

тить номера на «пontiак». Страж порядка уныло побрел в свою будку. Принеся номера, он протянул их Буряце. Но тот демонстративно спрятал руки за спиной: «Как их сняли, товарищ, так и установите на место». Гаишник повиновался.

В четверг, 27 февраля, состоялось очередное заседание Политбюро. Перед его началом Брежнев в очередной раз подколол своего коллегу Юрия Андропова: «Опять твое «Динамо» продуло!». Шеф КГБ недовольно поморщился, хотя за последние несколько месяцев уже привык к подобным демаршам со стороны генсека. Ведь любимый клуб Брежнева — ЦСКА — хоть и терпел поражения, однако по-прежнему занимал первую строчку в турнирной таблице. А с «Динамо» продолжало твориться неладное. Вчера он умудрился проиграть «Спартаку» с позорным счетом 10:3. Причем капитан команды — Александр Мальцев, который несколько дней назад выступил в «Комсомолке» с покаянным письмом, и вовсе не играл: заработав в предыдущих играх два десятиминутных штрафа за грубость, он вынужден был теперь сидеть на скамейке запасных. Короче, настроение у Андропова в тот день было не самым лучшим.

28 февраля неприятный инцидент (нашедший потом отклик в центральной прессе) произошёл в поезде «Томич», который курсировал по Уралу. В тот день в нем возвращалась тюменская лыжная команда, участвовавшая в зональных соревнованиях профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Выступила команда, надо сказать, неудачно, что, собственно, и стало побудительным мотивом к тому, чтобы спортсмены вместе с тренером наклюкались до безобразия. Распечатав первую бутылку, едва поезд отошел от Томска, спортсмены через пару часов уже успели влить в себя не один десяток бутылок горькой. Некоторых сразу потянуло на подвиги: лыжники разбрелись по составу и стали нагло приставать к пассажирам как своего, так и соседних вагонов. Когда же их попытались урезонить проводники, лыжники посоветовали им не вмешиваться: мол, вам же хуже будет. Проводница одного из вагонов так перепугалась, что расплакалась и спряталась в своем купе.

Вакханалия продолжалась в течение еще какого-то времени, пока возмущенные пассажиры 8-го вагона не отправили делегацию к

начальнику состава, требуя снять с поезда одного из лыжников — самого буйного, который мало того, что оскорблял женщин нецензурными словами, так еще поднял руку на ребенка. Начальник в свою очередь попытался было воздействовать на спортсменов с помощью их тренера, но тот к тому моменту и сам уже лыка не вязал. Поэтому усмирять «дикую дивизию» пришлось без его участия.

Тем временем Стенли Лауден нанес первый визит Араму Хачатуряну в столичной консерватории. Помочь ему в этом нелегком деле (знаменитый композитор имел тяжелый характер и практически всем визитерам с Запада отказывал) вызвалась Ирина — супруга известного актера театра и кино (всесоюзная слава пришла к нему после главной роли в фильме Ивана Пырьева «Свинарка и пастух»). Рано утром женщина заехала за продюсером в «Метрополь» на своих подержанных «Жигулях» и повезла его в консерваторию. По дороге она с гордостью сообщила, что ее супруг на днях должен получить звание народного артиста СССР.

Встреча с Хачатуряном прошла на редкость плодотворно: то ли старик был пленен красотой спутницы Лаудена, то ли приятными манерами самого продюсера, но он согласился приехать с гастролями в Лондон. Правда, при одном условии: вместе с ним в Туманный Альбион должны были отправиться и его родственники в лице племянницы, сына и его семьи. И хотя Лаудену эта просьба сулила лишние траты, он вынужден был согласиться.

Между тем сразу после встречи с композитором продюсер принял приглашение Ирины присутствовать этим вечером на праздновании 60-летия ее мужа. Оно должно было состояться в их двухкомнатной квартире в одном из домов в центре Москвы. Когда Лауден пришел туда, чуть припозднившись, веселье было в самом разгаре. Среди почетных гостей он увидел многих советских знаменитостей: сатирика Аркадия Райкина, чету балетных танцоров Владимира Васильева и Екатерину Максимову, киноактера Бориса Андреева и многих других. Однако в самый разгар застолья пришел человек, которого Лауден хотел видеть меньше всех, — Борис Буряца. Как выяснилось, он пришел не только поздравить юбиляра, но и переговорить с продюсером. Отведя его в сторону, он пригласил его к себе в гости завтра утром. Лауден попы-

тался отказаться, но Буряца был настойчив. «С вами хочет познакомиться Галина, — оговорил он своим сообщением продюсера. — Если вы не приедете, то она сильно рассердится. Со мной будет покончено». Взглянув на его полное отчаяния лицо, Лауден согласился. Кроме того, в нем выиграло обыкновенное любопытство — удобный случай познакомиться с дочерью генсека мог больше не представиться.

Обрадованный согласием продюсера, Буряца тут же переключил внимание на именинника и его жену. Под восхищенные взгляды гостей он подарил Ирине старинную брошь невиданной красоты, а ее супругу преподнес в качестве подарка золотую пятирублевую монету, явно коллекционную. После чего взял в руки гитару и спел несколько цыганских песен. Исполнял он их так вдохновенно, что гости от души ему аплодировали и просили исполнить некоторые песни на бис.

Тем временем сборная Советского Союза по фигурному катанию собирается выехать в США для участия в чемпионате мира. О тех днях вспоминает Л. Пахомова:

«Я пошла в Спорткомитет в тот день, когда было назначено собрание сборной страны, отъезжающей в Колорадо-Спрингс. Собрание должно было начаться в десять утра, я там была в девять. На подоконнике у председателя, смотрю, валерьянка, для меня приготовленная. Я сказала: «Сергей Павлович! Врачи спасли Горшкову жизнь, а вы должны спасти его как спортсмена». — «Что для этого надо?» — «Надо, — говорю, — чтобы никакую другую пару вместо нас на чемпионат мира не послали. Нужно объявить, что Пахомова и Горшков вылетят позже, потому что у Горшкова грипп». — «Зачем все это?» — удивился Павлов. «Это нужно для выступления на Олимпиаде, которая состоится уже в следующем году. Ведь если нас не будет на этом чемпионате мира, то установится другая иерархия, и неизвестно, к чему это приведет. А так все будут думать: вот приедут Пахомова с Горшковым и заберут свою золотую медаль. Это во-первых. А во-вторых, Саше сейчас важно знать, что в него верят, что он нужен команде. Что на нем крест не поставили». — «А вы сможете выступать?» — «Гарантии дать не могу».

Во второй половине февраля в столичных кинотеатрах была показана всего лишь одна премьера: партизанская эпопея Тимофея Лев-

чука «**Дума о Ковпаке**» (фильм 1-й: «Набат») с участием Константина Степанкова, Михаила Голубовича, Михаила Кокшенова и др.

Кино по ТВ: «Тени исчезают в полдень» (17—23-го), «Дом для Серафима» (**впервые по ТВ 18-го**), «Анна Каренина» (1-я серия) (21-го), «Горячий снег» (**впервые по ТВ 22-го**), «Я служу на границе» (**впервые по ТВ**), «Отец солдата» (23-го), «Джамбул» (24-го), «Крушение империи» (25-го), «Служили два товарища» (27-го), «Анна Каренина» (2-я серия), «Пропажа свидетеля» (28-го) и др.

Из театральных премьер назову одну: 20-го в Большом театре был показан балет «Иван Грозный», где главные партии исполняли Юрий Владимиров и Наталья Бессмертнова.

Продолжает радовать молодых меломанов фирма «Мелодия», которая в феврале «выстрелила» целым рядом новых пластинок. На одной из них были представлены три композиции группы «Битлз» с их предпоследнего альбома «Abbey Road» (1969): «Попурри», «Солнце восходит», «Потому что». На втором — четыре песни из разных номерных альбомов в исполнении группы «Роллинг Стоунз» (дебютный миньон в СССР, до этого песни «Роллингов» у нас фигурировали только на сборных дисках): «А слезы катятся» (на мой взгляд, одна из самых прекрасных баллад группы), «Леди Джейн», «Нарисуй это черным» и «Рубиновый вторник». Кроме этого миньона, «Роллинги» в феврале были представлены также и на диске «Мелодии и ритмы-III», где в обрамлении 26 инструментальных композиций звучали три их вещи: «Всецело в моих руках», «Старомодная девушка» и «Удовлетворение».

Не меньшим успехом пользовался у отечественных меломанов и гибкий миньон менее известной шотландской группы «Мидл оф зе Роуд» («**Середина дороги**»). Этот коллектив был образован в 68-м году, но своего первого успеха в Европе достиг только три года спустя, когда выпустил пластинку с хитом Лалли Стотта «Черпи, черпи, чип-чип». До Советского Союза ансамбль добрался только в 75-м. На их дебютной пластинке, выпущенной «Мелодией», были представлены четыре песни, две из которых были несомненными шлягерами и звучали практически на каждой танцплощадке: «Твидл-ди, твидл-да» (Стотт-Капуано) и «Желтая река» (Кристи).

Умер киношный Свердлов. Галина Брежнева знакомится с продюсером. Рождение торта «Птичье молоко». Марченко продолжает голодовку. Шостакович обращается за помощью к экстрасенсу. Умер Ефим Копелян. Съёмки «Иронии судьбы» продолжаются. Насильная кормежка для Марченко. Как Александр Горшков, вопреки мнению врачей, улетел на чемпионат мира. Журнал «Ньюсуик» подбирает кандидата на место Брежнева. Что под юбкой у дочери генсека. Очередной триумф советских фигуристов. Мучения Марченко продолжаются. Трагедия в Сокольниках: давка из-за жвачки. «Ирония судьбы»: роль Ипполита достаётся Юрию Яковлеву. Никита Михалков приступает к работе над «Рабой любви». «Комсомолка» пресекает слухи. Виктория Федорова получает долгожданную визу. Тайный отлет из Москвы. Почему Юрий Яковлев не произвел впечатления на Барбару Брыльску. За что советских хоккеистов отчитывали в ЦК. Сложная операция Марии Бабановой. Как Нина Дорошина сожгла себе горло. Умерла «великая старуха» МХАТа Ольга Андровская. Суд над Марченко.

В субботу, 1 марта, в Москве умер один из старейших деятелей отечественного кинематографа Леонид Любашевский. На момент смерти он уже был практически не известен широкой публике, однако лет 30 назад о нем знала вся страна. А прославился он тем, что являлся дежурным исполнителем роли председателя ВЦИКа Якова Свердлова. В этой роли Любашевский снялся аж в семи (!) фильмах: «Ленин в 1918 году», «Выборгская сторона» (оба — 1939), «Яков Свердлов» (1940), «Вихри враждебные» (1956) и др. Самое интересное, что свою карьеру в кино Любашевский начал... с роли отъявленного злодея — в картине «Граница» (1935) он сыграл контрабандиста. А потом перевоплотился в Свердлова. На момент смерти Любашевскому было 82 года.

В то же субботнее утро Стенли Лауден отправился в гости к Борису Буряце. Последний прислал за ним такси, щедро оплатив дорогу в оба конца. Когда продюсер поднялся на нужный этаж, на лестничной площадке его уже

поджидал Буряца. «Не вступай ни с кем из присутствующих в ненужные разговоры», — предупредил он гостя и повел его в свои апартаменты. Там, за столом, уже собралась большая компания. Среди присутствующих были директор МХАТа известный артист драмтеатра, директор кукольного театра, адмирал флота и другие сливки общества. Однако той, ради которой Лауден и приехал сюда, за столом не оказалось. Она пришла чуть позже — минут через десять, когда веселье было в самом разгаре. Вот как об этом вспоминает сам С. Лауден:

«Галина Брежнева выглядела совсем не так, как я себе представлял. Прежде всего ей было за сорок, а я ожидал, что она моложе. Ее рост был около 5 футов 6 дюймов. Она была стройная, с большой грудью, выделяющейся под белой вышитой шелковой блузкой (позже она с гордостью заявила, что блузка изготовлена в Париже).

Когда она вошла в комнату, первое впечатление было таким, будто она носит не столько одежду, сколько драгоценности.

Казалось, драгоценности были повсюду. Создавалось впечатление, что она достала все, что было в сундуке, и постаралась надеть это все на себя. Крупная бриллиантовая брошь украшала блузку. В ушах сверкали массивные бриллиантовые серьги, на руках также в большом количестве были рассыпаны бриллианты. Но особое внимание, несмотря на весь этот блеск, привлекала золотая цепь, несколько раз обернутая вокруг шеи и поддерживающая массивные античные золотые часы...

Галина была окружена особой аурой. Она вошла как владыка, дающей аудиенцию своим подданным. Я почувствовал, что она напомнила мне Бэтт Дэвис в одной из своих действительно сволочных ролей.

Выглядела она надменно, но, несмотря на все эти драгоценности, у нее, должен признаться, был стиль. Она подошла по очереди к каждому из нас, предлагая руку для поцелуя, что более походило на папу римского, чем на королеву. Когда она остановилась около меня, я смог рассмотреть ее более внимательно. Ее густые каштановые волосы были зачесаны назад. Глаза были светло-коричневыми, под очень густыми бровями, которые она унаследовала от отца. У нее была хорошая кожа. Галина мало пользовалась косметикой, и на лице можно было заметить веснушки. Нос у нее был прямой, подбородок твердый. Красивые полные губы прикрывали замечательные небольшие зубки...».

Догадавшись, кто из присутствующих тот самый английский продюсер, с которым она мечтала познакомиться, Галина села рядом с ним. «Я много слышала о вас, — обратилась она к Лаудену. — Причем только хорошее. Пожалуйста, налейте мне джин с тони́ком». Когда продюсер исполнил ее просьбу, она громко, на весь зал, сказала: «Джентльмена легко распознать по его отношению к женщине — не то что эти нецивилизованные крестьяне вокруг нас!». Присутствующие восприняли эти слова всего лишь как остроумную шутку. Между тем Галину понесло. Отругав сидевшего напротив нее режиссера за его последнюю постановку, она вдруг стала сетовать на никчемность советской жизни: «Весь мир живет нормальной жизнью. А мы? Мы никогда не достигнем прогресса. Однако нами восхищается весь мир. За что? За нашу музыку и балет! И это все?»

Все разом замолчали, а Лауден от неловкости готов был провалиться под стол. Но уже через секунду он первым нашел достойный выход из неловкой ситуации. Он сказал: «Вы жалуетесь на отсутствие прогресса. Но ваши молитвы услышаны. Россия только что сделала гигантский шаг вперед. Из компетентных источников стало известно, что Борис Буряц принят в Большой театр — теперь весь мир будет так же восхищаться вашей оперой». Шутка Лаудена сработала. Первой громко рассмеялась Галина, которая нарочито обняла продюсера и расцеловала его в обе щеки. А затем раскрыла свою маленькую сумочку из крокодиловой кожи и, достав из нее десятикопеечную монету, протянула Лаудену со словами: «Такая шутка должна быть оплачена. Это старинная русская традиция». Чуть позже из этой же самой сумочки Галина извлекла античные золотые часики и отдала их продюсеру с просьбой передать их своей супруге.

Примерно около двенадцати ночи гости стали расходиться. Последним уходил Лауден. Борис вызвался проводить его до машины. Когда они спускались по лестнице, он вновь стал жаловаться продюсеру на свою судьбу: «Ты думаешь, она любит меня? Если любит, то как черный паук-холостяк. Она словно обвила меня своей паутиной. Ты помнишь, я представил тебя ее дядюшке. Она поставила его следить за мной. Его фамилия Цвигун, он большая шишка в КГБ. Какой же он, черт побери, зануда!.. Все время я вынужден играть с ним в карты. Он любит карты и не любит проигрывать, а игрок никудышный. Вот мне и приходится все время ему поддаваться. Короче, я сыт по горло такой жизнью!».

На следующий день Лауден улетал из Шереметьево в Лондон. За несколько минут до того, как в самолет начали запускать пассажиров, к продюсеру внезапно подошел средних лет мужчина (это был шофер дочери генсека Валерий) и вручил ему роскошный букет гвоздик. «Эти цветы для вашей жены с сердечными пожеланиями от Галины Брежневой!» — сказал незнакомец и удалился.

Тем временем в преддверии праздника 8 Марта, когда советские граждане буквально сбивались с ног в поисках чего-нибудь вкусенького, кондитеры столицы изобрели новый деликатес — торт «Птичье молоко». Создательницей этого изделия выступила мастер-конди-

тер ресторана «Москва» Надежда Ивановна Ипольнова. Торт представлял собой прямоугольник весом 1,3 килограмма и был изготовлен из яичного белка, заваренного сахарным сиропом с добавлением сливочного масла. Поверхность «птичьего» глазировалась и украшалась шоколадом.

Едва появившись на свет, торт «Птичье молоко» сразу угодил в разряд элитных, опередив других своих собратьев типа «Гусиных лапок», «Сувенира», «Журавушки» и др. Достать «Птичье» можно было только с боем. Кстати, едва в «Вечерней Москве» появилась заметка о появлении на свет этого торта (номер от 1 марта), как тут же в фирменный магазин ресторана «Москва» «Кулинария», что на улице Горького, 53, выстроилась километровая очередь.

В то время как москвичи давились в очередях за тортами и другими деликатесами, диссидент Анатолий Марченко продолжал томиться в тюремных застенках, а именно — в СИЗО номер I города Калуги. После того как его жестоко избили надзиратели за отказ «катать пальчики» (снимать отпечатки пальцев), Марченко поместили в камеру, где кроме него находились еще двое подследственных: карманный вор из Ленинграда с восемью судимостями за плечами и инженер из Калуги, укравший у своей родственницы 300 рублей. Оба сокамерника были мужиками невинными, что для Марченко стало фактом немаловажным.

С того самого момента, когда Марченко арестовали (с 25 февраля), он держит голодовку. Дается она ему с трудом, поскольку оба его сокамерника так рубают тюремную баланду, а после нее и свои домашние харчи, что у них аж челюсти хрустят. Но Марченко крепится и старается в такие минуты не смотреть на своих соседей. Правда, это не всегда удается.

Вспоминает А. Марченко: «Только однажды я позавидовал еде моих соседей: на обед ко второму им дали по соленому огурцу. Не то чтобы они возбудили у меня аппетит, чтобы мне вообще захотелось есть; нет, вот именно огурца захотелось. Казалось, я слышу, как зубы соседей с хрустом прокусывают кожу; я ощущал во рту намек на вкус соленого огурца, его аромат, и это дразнило меня невероятно. Но слюну глотать и тут не пришлось: ее просто не было. Рот сводило от сухости, губы потрескались, и я с них скусывал или снимал пальцами

полоски сухой кожи. Часто пил — утром, даже нехотя, несколько глотков воды непременно...».

Во вторник, 4 марта, Марченко вызвал к себе начальник тюрьмы, который попытался в вежливой форме объяснить арестанту, что он ведет себя неразумно и неправильно, что в его положении есть другие пути и выходы кроме голодовки. Начальник заявил, что неправильная позиция, которую занял Марченко, лишь усугубляет положение, а не исправляет его. Арестант в свою очередь рассказал начальнику, что в его учреждении тоже далеко не идеальные порядки. «Меня, к примеру, недавно у вас избили», — сообщил Марченко. — При чем не за драку, не за буйство... А всего лишь за неподчинение, которое, кажется, должно называться иначе?».

В ответ на это заявление начальник сделал вид, что удивился. Он достал лист бумаги, ручку и попросил Марченко назвать конкретные должности тех, кто его избил. Дескать, мы обязательно их накажем. Врал, конечно, о чем его гость прекрасно догадывался.

5 марта в рамках розыгрыша Кубка европейских чемпионов по футболу встретились в Мюнхене гранд европейского футбола «Бавария» и ереванский «Арагат». Чуда не произошло: хозяева победили со счетом 2:0. Матч показывали по 1-й программе ЦТ в 21.50 по московскому времени, и одним из зрителей был композитор Дмитрий Шостакович, который с юности являлся ярким футбольным болельщиком. Игру он смотрел в номере 106 гостиницы «Европейская», куда приехал несколько дней назад из Репина вместе с женой Ириной. Сей переезд был осуществлен с одной целью — в городе на Неве композитора должна была лечить известная женщина-экстрасенс, о целительских возможностях которой ходили легенды. Говорили, например, что простым прикосновением руки эта женщина делает якобы целебные ожоги. Сам Шостакович называл ее «колдуньей».

Другая знаменитость — популярный актер театра (ленинградского БДТ) и кино Ефим Копелян — вот уже почти два месяца находится в больнице, что в Мельничьих Ручьях под тем же Ленинградом. Попал он туда прямо накануне премьеры многострадального спектакля «Три мешка сорной пшеницы»: дома почувствовал себя плохо, и осмотревший его врач поставил диагноз — инфаркт. После двухмесячного ле-

чения Копелян пошел на поправку, и врачи собирались его выписать сразу после мартовских праздников. Но, увы...

Вспоминает жена актера Л. Макарова: «6 марта я навестила его в больнице. Он был бледен, но ни на что не жаловался. В больнице было довольно холодно, неуютно, и я ему сказала: «Слушай, поедem домой, хватит тебе здесь лежать». Он говорит: «До конца лечения немножко осталось, я доживу здесь, сейчас пообедая, отдохну». Я передала ему теплые ботинки, поменяла белье. И он пошел провожать меня на автобусную остановку. Это было в три часа дня. А вечером, спустя три часа после нашего расставания, возвращаюсь домой. А у подъезда — почти вся труппа и врач наш из БДТ. Говорит осторожно: с Фимой хуже стало. Тут я глянула на Стрельчика. Он стоял молча, весь какой-то... И я все поняла... Фима умер от второго инфаркта... Ему было шестьдесят два года...

Это случилось перед праздниками, врачи ушли домой, он оказался почти без присмотра. Мне потом многие советовали подать на них в суд. Какой в этом смысл? Зачем? Человека нет, что я буду разбираться, доставлять еще кому-то неприятности?..».

Отмечу, что на момент смерти Копелян снимался в роли купца Кафтанова в телесериале «Вечный зов». В те мартовские дни съемочная группа фильма заканчивала натурные съемки на Валдае (с 28 февраля по 19 марта), но Копеляна туда не взяли, поскольку эпизоды с его участием там снимать не предполагалось. Группа рассчитывала снять эти эпизоды уже в павильонах «Мосфильма», тем более что их было не так много — всего три-четыре (в них Кафтанов отдавал свою дочь на растерзание Косоротову, после чего его убивал Иван Савельев). После смерти Копеляна был подобран его дублер, который и доиграл эту роль, в основном со спины.

Эльдар Рязанов продолжает работу над «Иронией судьбы». В те дни шли съемки в павильоне «Мосфильма»: снимали признание в любви Лукашина Гале (Ольга Науменко). Последняя вспоминает:

«Помню, снимали сцену, где Женя Лукашин отдает мне ключи от квартиры. Рязанов тогда сказал: «Оля, побольше счастья, побольше радости. Стоп. Второй дубль!». Мне не хотелось переигрывать, и я имела неосторож-

ность ответить Рязанову: «Может быть, просто тень падает на мои глаза от шапки и не видно, что они у меня из орбит вылезают от счастья?». Что тут началось! В общем, не очень счастливый был день для меня... я разрыдалась. Но потом взяла себя в руки. Не знаю уж, достаточно ли счастья в результате было у меня в глазах, но на вопрос Жени: «А как же Катаняны?» я поэтому так зло отрезала: «Обойдутся!».

Кстати, с Андреем Мягковым мы за пределами съемочной площадки совсем не общались. Он вообще очень закрытый человек, был сосредоточен на роли. Сразу после отснятого дубля уходил. Почти ни с кем не общался. Не помню, чтобы я с ним между съемками перекинулась парой слов...».

Продолжает томиться в СИЗО Анатолий Марченко. Как мы помним, с момента своего ареста он держит голодовку, которая вызывает у тюремных властей яростное неприятие. Несколько раз они пытались «по-хорошему» заставить Марченко прервать голодовку, но тот пропускал эти угрозы мимо ушей. Наконец 7 марта терпение надзирателей лопнуло. Марченко привели в медсанчасть, где его дожидались сразу четыре надзирателя и один офицер. Сначала ему предложили добровольно выпить питательную смесь: дескать, при таком раскладе голодовка все равно считается. Но Марченко отказался. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Вот ты уже брошен на стул. Восемь или десять рук тебя буквально сжали тисками, нет, не тисками, а мощными щупальцами скрутили, опутали твое слабое тело. Открой рот! Не то его сейчас вскроют, как консервную банку.

Я отказался. Тогда сзади кто-то, обхватив меня локтем за шею, стал сжимать ее, еще чьи-то руки с силой нажимают на щеки, кто-то ладонью закрывает ноздри и задирает нос вверх.

Слава богу, врач велит освободить мне шею. Подступают с роторасширителем.

— Марченко, откройте рот, зачем вы доводите всех нас до озлобления?!

Роторасширитель кочует из рук надзирателя в руки врача. В конце концов его откладывают. Конечно, могли бы забить его в рот, но с риском покрошить зубы. А предстоит суд. Или, может, мои зубы пожалели?

— Будем вводить пищу через нос.

За волосы задирают мне голову вверх, приводят ее в покойное положение, фиксируют. Я по-прежнему весь скован так, что не могу шевельнуться. Врач довольно легко вводит мне в левую ноздрю тоненький катетер, и через него огромным шприцем вгоняют питательную смесь. Вогнали несколько шприцев. Слава богу, кормление кончено. Меня отпустили. Но раньше, чем отправить в камеру, велели полежать на топчане. Нет, не для того, чтобы отдышался, а чтобы не вызвал в камере рвоту. Тут уж меня не мучили проблемы: ложиться добровольно или нет? Лег...».

В американском городе Колорадо-Спрингс проходит чемпионат мира по фигурному катанию (начался 5 марта). Блистательная пара Людмила Пахомова и Александр Горшков тоже присутствуют на нем, однако выступать в обязательной программе им было не суждено — из-за перенесенной недавно Горшковым операции. Сам он вспоминает о тех днях следующим образом:

«Все врачи, кроме Перельмана, были против моей поездки в Америку. Я спросил у хирурга, не разойдутся ли швы. Он сказал, что за швы могу не беспокоиться, но будет больно...

Объем легких у меня сократился почти наполовину. Но соперники этого не знали. Высота 2000 метров над уровнем моря — нормальному-то человеку после перелета кислорода не хватает. В конце тренировок я терял сознание. Руки-ноги немели. В произвольном было движение, когда Люда должна проехать у меня под рукой. Я просил: «Подними мне руки сама, незаметно для других, я не могу...»

А вот как об этом же вспоминала супруга фигуриста Л. Пахомова:

«Мы прилетели в Колорадо-Спрингс, догоняя команду. Прошло всего три недели после операции. Широко об этом не было известно — грипп и грипп. Саша переодевался для тренировок дома, чтоб никто не видел шва. На льду мы подолгу не задерживались. Через какое-то время, чтобы иметь ясное представление о том, какую нагрузку мы можем выдержать, поехали на каток, расположенный в горах выше Колорадо. Покатались совсем немного, Саша был на грани обморока. Мы поняли, что произвольную программу не дотянем до конца. Стали вместе думать, как быть. В силу вступали тактические расчеты. Если бы мы с Сашей

выступили только в обязательных и в оригинальных танцах и отказались от третьего номера программы, то это могло поставить в тяжелое положение два других наших дуэта: Моисееву и Миненкова, Линичук и Карпоносова, соперничавших с английским Грин — Уотс. Англичане были особенно сильны в обязательных танцах, и перед произвольным могли оказаться далеко впереди по сумме мест, что не позволило бы нашим тансорам, несмотря на их явное преимущество в этом виде программы, успешно бороться с ними за золотые медали. Отстаивать свой престиж в ущерб интересам команды мы не имели права и решили в соревнованиях не участвовать...».

Леонид Ильич Брежнев продолжает привлекать к себе пристальное внимание западной прессы. Как мы помним, в январе у генсека произошли очередные нелады со здоровьем (по слухам, у него случился инфаркт), и он надолго пропал из поля зрения публики. Наконец, в середине февраля, когда в Москву приехал премьер-министр Великобритании Вильсон, Брежнев объявился вновь, а спустя несколько дней посетил художественную выставку в Москве. Накануне женского праздника — 7 марта — Брежнев присутствовал на торжественном заседании в Кремле, хотя идти туда ему было в тягость, поскольку чувствовал он себя тогда неважно. Но коллеги по Политбюро уговаривали его прийти, поскольку в народе и без того уже вовсю курсировали слухи о неладах со здоровьем генсека.

На волне этих слухов влиятельный американский журнал «Ньюсуик» опубликовал на своих страницах статью, в которой оповестил мир о том, что дни Брежнева сочтены. Якобы он настолько плох, что в скором времени вынужден будет уйти с поста генсека. Далее в заметке сообщалось, что возможными кандидатурами на его место следует считать двух человек: руководителя Украины 57-летнего Владимира Щербицкого и первого секретаря Ленинградского обкома КПСС 52-летнего Григория Романова. По прогнозам ЦРУ, преимущество в этом споре было на стороне Романова. Говорят, когда об этой заметке доложили Брежневу, то он искренне удивился, поскольку никогда не считал названных людей своими соперниками. Правда, когда-то у него были некоторые сомнения относительно Романова (в свое вре-

мя Брежнев противился его назначению на должность хозяина Ленинграда), но за эти несколько лет Романов сумел доказать генсеку свою преданность и теперь ничем не выказывал желаний занять его место. Короче, для Брежнева статья в «Ньюсуик» не явилась поводом для какого-либо беспокойства.

7 марта в центральных газетах появились указы о присвоении званий народных артистов СССР двум ведущим актерам Центрального академического театра Советской Армии Людмиле Касаткиной и Владимиру Зельдину.

В Международный женский день 8 Марта дочь генсека ЦК КПСС Галина Брежнева надумала полечить зубы у кремлевского дантиста Алексея Дойникова. Вечером Галина собиралась присутствовать на каком-то торжественном мероприятии, поэтому хотела, чтобы зубы у нее были идеальными. Она вышла из автомобиля в одних босоножках, чем искренне удивила врача — на улице было довольно холодно. А когда Дойников пригляделся к ней внимательно, он заметил, что у нее под красивой блузкой нет и лифчика. Тут уж он, как профессиональный медик, не сдержался: «Галина Леонидовна, вы же можете простудиться!». На что дочь генсека рассмеялась: «Какой же вы отсталый человек, Алексей Иванович! Надо же хоть чуть-чуть следить за модой. А сейчас модно не только лифчик, но и трусики не носить». И в подтверждение своих слов Брежнева подняла юбку, чтобы продемонстрировать дантисту отсутствие на себе нижнего белья.

Тем временем в калужском СИЗО насильственное кормление Анатолия Марченко продолжилось. 8 Марта по случаю праздника его никто не трогал, а вот на следующий день повторилась та же история, что и два дня назад. Только теперь его не пытались кормить через рот, а сразу заталкивали шланг в ноздрю. Причем не тот, что в первый раз, а втрое, вчетверо толще. Когда с ним подошли к Марченко, у него чуть глаза на лоб не полезли — это была толстая кишка чуть ли не в три пальца толщиной. Когда шланг проник в носовую полость диссидента и его стали проталкивать в носоглотку, Марченко показалось, что он чувствует, как тот раздвигает хрящи, причиняя страшную боль. Боль была такой невыносимой, что слезы у Марченко текли ручьем, и у него не было никаких сил их удержать. И так продолжалось в течение нескольких дней.

9 марта в далеком американском городе Колорадо-Спрингс закончился очередной чемпионат мира по фигурному катанию. Больших неожиданностей он не принес, поскольку практически весь пьедестал почета вновь стал советским. Так, золото в спортивных танцах завоевала пара Ирина Роднина (это была ее седьмая по счету золотая медаль) и Александр Зайцев (третья золотая медаль). Среди одиночников впервые в истории победу одержал наш спортсмен Сергей Волков. Даже в танцах на льду из-за отсутствия Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова (они откатали только показательные выступления) победили наши: Ирина Моисеева и Андрей Миненков (тренер Татьяна Тарасова поставила им танец за полторы недели!).

Вспоминает Т. Тарасова: «В чемпионы прочили Линичук и Карпоносова (близкими в стиле произвольного танца к Пахомовой — Горшкову), английский дуэт Грин — Уотс, американский дуэт Коннор — Милз, иногда вспоминали о Моисеевой — Миненкове, имеющих в этих раскладах самые мизерные шансы).

Тренировались мы в Колорадо-Спрингс в плохое время: или ночью, или рано утром, так назначили организаторы чемпионата. Тренировались тяжело, нервно. Моисеева с Миненковым поругивались, были недовольны друг другом. Но когда приехали судьи, ребята собрались — они умели прекращать все распри накануне старта — и на последних тренировках отлично поработали, показав на высоком уровне свои программы арбитрам.

Ира легче входила в соревновательный цикл, чем Андрей. Она каталась перед судьями всегда лучше, чем на тренировках. Это то замечательное качество спортсмена, которое называется «плюс старт». Я часто во время турнира удивлялась: десятки помарок перед состязаниями и ни одной в решающий момент.

По окончании обязательных танцев они шли четвертыми. После оригинального (первое исполнение нового блюза) стали первыми. Удержали лидерство в произвольной программе. Они выиграли чемпионат, выиграли честно, красиво, прокатав произвольную программу с большим эмоциональным подъемом. И Роднина с Зайцевым на том же чемпионате победили, будучи уже моими учениками. Не часто на долю тренеров в фигурном катании выпада-

ет такой триумф: из шести чемпионов — четверо твои...».

А теперь из Колорадо-Спрингс вновь перенесемся в Москву. В понедельник, 10 марта, страшная трагедия случилась во Дворце спорта «Сокольники», где проходил хоккейный матч между юношескими командами: сборной СССР и любительским канадским клубом из провинции Онтарио «Бэрри коап». Канадцы приехали в Советский Союз в начале марта, чтобы провести здесь пять товарищеских игр со своими 17-летними сверстниками из национальной сборной (две игры), «Спартаком» (две игры) и «Крыльями Советов» (одна игра). Спонсором этой поездки выступила известная фирма по производству жевательной резинки «Ригли». Именно жвачка и станет невольной виновницей разразившейся трагедии.

Приезд канадской команды вызвал небывалый ажиотаж среди столичных болельщиков, особенно среди подростков, в памяти которых еще были свежи игры суперсерии-74. Ваш покорный слуга волею случая тоже оказался в числе зрителей, видевших одну из этих игр: в час дня 8 Марта я пришел на матч СССР — «Бэрри коап» вместе со своим средним братом Ромой и другом Сергеем Фатовым. Во время матча, который закончился победой наших 5:1, мы видели, как канадские болельщики, а также игроки сборной «кленового листа» периодически бросали на трибуны различные сувениры: жвачку, цветные наклейки. Подростки, которым эти вещи были в диковинку, бросались на них, как голуби на хлеб, а довольные канадцы в это время щелкали фотоаппаратами. Видимо, у себя на родине они собирались демонстрировать эти фотографии как лишнее доказательство того, в какой нищей стране растут советские дети. Именно из-за этой чертовой жвачки и случится трагедия на повторном матче СССР — «Бэрри коап» 10 марта.

Несмотря на то, что в тот день матч начался в семь часов вечера, весь дворец был забит под завязку. Во-первых, это была последняя игра канадцев с нашей сборной, во-вторых — после первых двух игр по городу уже успели распространиться слухи о том, что канадцы раздаривают всем сувениры. Как итог — на матч пришло 4,5 тысячи зрителей.

Вспоминает А. Назаров (ему в ту пору было 15 лет): «Мне повезло. Вместе с одноклассни-

ками Андрюшей Королевым и Вовой Лазуткиным мы уселись на третьем ряду в первом ярусе. Как раз за скамейкой запасных сборной Канады. Всю игру канадцы оборачивались в нашу сторону и бросали нам жвачку, какие-то красивые наклейки. Было очень обидно, что они до нас не долетали. Позади канадцев сидели солдаты, и они не позволяли нам подбирать все это. Они гоняли многих ребят. Много иностранцев сидели в девятом секторе, но пробиться к ним тоже не позволяли солдаты и милиционеры. Поэтому, когда матч закончился (табло зафиксировало ничью 3:3. — Ф. Р.), мы заторопились к выходу, чтобы успеть к посадке иностранцев в автобусы — там еще можно было ухватить кое-что. Если бы мы знали тогда, что из-за этой жвачки Вовка погибнет!..».

Согласно выводам следствия, которое было произведено после случившегося, трагедии предшествовали следующие обстоятельства. Электрик Дворца спорта незадолго до матча выпил 200 граммов водки, после чего пришел на работу. Когда матч закончился, электрик решил вырубить лишний свет, но по причине алкогольного опьянения перепутал рубильники и выключил во дворце весь свет. А большая часть зрителей в это время еще не успела покинуть стадион и сгрудилась на лестнице у выхода номер 5. Стоит отметить, что во Дворце спорта имелись еще два выхода, но их незадолго до конца игры специально закрыли, чтобы пустить через них только иностранных туристов. Сделано это было неспроста, а по приказу свыше: там были озабочены тем, чтобы иностранные туристы первыми покинули пределы Дворца спорта и не успели устроить новый разброс сувениров и фотографирование подростков-попрошак.

Поскольку лестничные проемы в ДС «Сокольники» были узкими, на лестнице номер 5 началась настоящая «ходьнка». Вот как об этом вспоминает очевидец — Л. Биченкова: «После матча мы с мужем пошли к выходу. Когда до конца лестницы осталось ступенек 20, я увидела, как какой-то мужчина поднял мальчика и кричал: «Остановитесь!». Но народ все напирал. А началось все, как потом сказали, с группы молодых парней, которые торопились к автобусу с отъезжающими туристами. Мне удалось удачно пройти мимо упавших. Выйдя на асфальт, я начала искать мужа. Рядом пласта-

ми лежали люди, и милиция пыталась хоть кого-нибудь вытащить из завала. Сверху же продолжали давить. Я увидела, что мужа вытаскивали из кучи и делали ему искусственное дыхание. Затем я вместе с ним села в автобус и поехала в Остроумовскую больницу, где муж и скончался...».

А вот свидетельство другого очевидца — В. Коренева, который в те дни работал переводчиком в канадской делегации: «Канадцы еще не все успели уехать, а поскольку их автобусы оказались рядом с местом трагедии, то многие из них видели весь этот ужас. Трупы и искалеченных людей выносили и складывали рядами как раз перед автобусами. Все были ошеломлены. В их делегации взрослых было в несколько раз больше, чем детей. Тут и родители игроков, и специалисты хоккея, и спонсоры поездки. Кстати, среди спонсоров были руководители фирмы, производящей жвачку. Помню, каждому канадскому игроку выдали по 15-килограммовой коробке этой самой жвачки. Так что бесплатная ее раздача входила в программу пребывания. А вообще я уверен, что администрация дворца специально отключила свет, чтоб поскорее всех заставить уйти, но народ это воспринял как сигнал к обмену сувенирами. И как следствие — образовалась давка на лестнице...».

Итог этой трагедии был ужасен: 21 человек погиб (из них 13 жертвам не исполнилось и 16 лет) и 25 человек получили увечья. Следуя законам того молчаливого времени, никакой огласки в прессе эта трагедия не получила. Когда 12 марта «Комсомолка» поместила заметку о клубе «Бэрри коап», в ней ни слова не было сказано о случившемся два дня назад несчастье. Более того, канадцам разрешили продолжить турне и сыграть оставшиеся два матча с «Крыльями Советов» (14 марта) и «Спартак» (16 марта).

Забегая вперед, сообщу, что спустя два месяца состоится суд над виновниками трагедии. На скамью подсудимых сядут четыре человека: директор Дворца спорта (на момент случившегося он был на районном партактиве), его заместитель (он ушел домой с половины матча), начальник 70-го отделения милиции (он по ходу матча почувствовал себя плохо и тоже ушел домой), начальник отдела Сокольнического РУВД. Все четверо получают по три года колонии общего режима, однако уже в декабре

этого же года трое из четверых будут отпущены на свободу по амнистии.

Тем временем Эльдар Рязанов продолжает снимать павильонные эпизоды «Иронии судьбы». В разгар работы случилась неприятность — выяснилось, что исполнитель роли Ипполита актер ленинградского БДТ Олег Басилашвили приехать на съемки не может по причинам как сугубо личным, так и творческим: во-первых, у него умер отец, во-вторых — после смерти коллеги по театру Ефима Копеляна, последовавшей 6 марта, все его роли перешли к Басилашвили. В итоге Рязанову пришлось срочно искать нового Ипполита. Как вспоминает он сам: «В начале марта я позвонил старому другу, Юрию Яковлеву, и попросил исполнить роль Ипполита. Я поведал ему о случившемся, рассказал, что был отвергнут Басилашвили, почему он не может играть, и попросил выручить нас. Всегда неприятно, когда к тебе прибегают как к палочке-выручалочке, когда ты должен заменять собой кого-то. Тем более если ты сам — популярный, известный и любимый публикой актер. Но Юрий Васильевич оказался выше этих уколов самолюбия — он согласился. По счастью, у них с Басилашвили совпал размер, и все костюмы сидели на Яковлеве так, будто были сшиты именно на него. Это оказалось спасением, так как времени на шитье новых нарядов уже не было. Снег умирал на глазах...».

Кстати, снимать Яковлева стали именно с натуральных эпизодов: помните, его герой бежит на морозе по улице, пытаясь перебежать Женю Лукашина, у которого ботинки на тонкой подошве. Побеждает в этом споре Лукашин, который обнаруживает уважительную причину для возвращения в дом Нади — он забыл у нее свой веник. Эпизод снимали вечером в пятницу, 14 марта, довольно долго: Андрею Мягкову и Юрию Яковлеву пришлось плясать на морозе чуть ли не до посинения.

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. Начнем с кино. 3 марта на экраны вышел вестерн по-азербайджански «Мститель из Гянджебасара»; 11-го — советско-польская драма Сергея Колосова «Помни имя свое», где главную роль играла супруга режиссера Людмила Касаткина. Из зарубежных премьер назову французскую комедию «Великолепный» с Жаном Полем Бельмондо, который сыграл в фильме сразу две главные роли: чудаковатого

автора боевиков и неутомимого супермена (с 3 марта).

Кино по ТВ: «Цена быстрых секунд» (впервые по ТВ 1-го), «Верность» (2-го), «Укротительница тигров» (4-го), «Член правительства» (8-го), «Люди и манекены» (премьера т/ф, 3-я серия), «Начало» (9-го), «Юркины рассветы» (11—14-го), «Где ты теперь, Максим?», «Морозко» (12-го), «Лето рядового Дедова» (13-го), «Балтийское небо», «Иркутская история» (15—16-го) и др.

Из других передач назову следующие: «От всей души» (1-го), «А ну-ка, девушки!» (4-го), «Голубой огонек» (8-го), «Время и семья Конвей» (премьера т/сп), «Кинопанорама» (15-го).

Премьеры в театрах: 6-го в Театре имени Маяковского был показан спектакль «**Рассказ неизвестного человека**»; 14-го на Малой Бронной — «**Женитьба**» Н. Гоголя в постановке Анатолия Эфроса.

Эстрадные представления: 6—10 марта во Дворце спорта в Лужниках состоялись сборные концерты с участием: Валентины Толкуновой, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, Геннадия Хазанова, ВИА «Иверия» и др.; 7—9-го — в ГТЭ выступал японский вокальный квартет «Ройял Найтс»; с 10-го в ЦДКЖ начались гастролы Ленинградского театра миниатюр под управлением Аркадия Райкина со спектаклем «Избранное»; с 11-го в ГЦКЗ «Россия» Московский мюзик-холл показывал представление «Красная стрела» прибывает в Москву» с участием Льва Шимелова, Евгения Петросяна, Любви Полищук, Леонида Сметанникова, Антонины Жмаковой и др.; с 14-го во Дворце спорта выступает Московский балет на льду, в труппе которого теперь работают бывшие чемпионы мира по фигурному катанию Людмила Смирнова и Алексей Уланов.

Кинорежиссер Никита Михалков работает на «Мосфильме» над новым фильмом — «Раба любви». Как мы помним, первоначально ленту должен был снимать другой режиссер — Рустам Хамдамов, который летом прошлого года и приступил к съемкам. Однако его концепция сюжета не устроила руководство крупнейшей киностудии, и оно отстранило Хамдамова от работы. Проект был заморожен. Однако в начале 75-го на «Мосфильме» вновь вернулись к этому проекту, выбрав для его осуществления другого постановщика — Никиту Михалкова,

который своим успешным дебютом — истерном «Свой среди чужих, чужой среди своих» — доказал свою состоятельность. Однако давая согласие на постановку «Рабы любви», Михалков поставил условие: это будет совершенно новая картина. С новой съемочной группой, с новыми актерами (единственное исключение было сделано для исполнительницы роли Веры Холодной актрисы Елены Соловей, поскольку лучшей кандидатуры у Михалкова не было). Все условия были приняты. 17 марта был подписан приказ о возобновлении работ по «Рабе любви». Группа приступила к поиску актеров, выбору мест натуральных съемок, строительству декораций и пошиву костюмов.

Во вторник, 18 марта, Виктория Федорова наконец получила долгожданную визу для выезда в США. Как мы помним, в Америке ее дождался родной отец, которого она ни разу не видела и с которым давно хотела повидаться. Однако руководство киностудии «Мосфильм», где работала Федорова, чинило ей всяческие препятствия в получении визы — два собрания, где решался вопрос о выдаче характеристики в ОВИР, завершились скандалом. Короче, у Федоровой были все основания предполагать, что в Америку она никогда не попадет. Как вдруг ситуация разрешилась самым благополучным образом. Спросите почему? Судя по всему, этому во многом способствовал тот шум, который поднялся вокруг ее дела: после второго собрания Федорова дала большое интервью американским газетчикам, после чего в газете «Нью-Йорк таймс» от 27 января появилась большая статья под названием «Советское дитя войны мечтает встретиться с американским отцом». Авторы статьи, не жалея красок, расписывали создавшуюся ситуацию и обвиняли советские власти в жестокосердии, в том, что они препятствуют встрече дочери с родным отцом.

После этой публикации число сочувствующих Федоровой и ее отцу людей по другую сторону океана увеличилось. Бывший однокашник Федоровой по ВГИКу англичанин Джон Линд, который был тайно влюблен в девушку, прислал ей письмо, где предложил воспользоваться следующим вариантом: пока Федорова будет в Америке, он готов стать заложником для советских властей. Федорова, естественно, от такого варианта отказалась.

Между тем в Федорову тогда был влюблен танцовщик Большого театра Борис, который чуть ли не ежедневно бывал у нее дома и старался хоть как-то отвлечь актрису от грустных мыслей. В один из дней он сделал ей предложение, но девушка не смогла ответить ему вразумительно ни «да», ни «нет», поскольку все ее мысли были о другом — разрешат ей или нет уехать к отцу. Наконец днем 18 марта в ее доме раздался телефонный звонок. Жесткий мужской голос произнес: «Федорова В.? С вами говорят из ОВИРа. Принесите деньги — в рублях — и паспорт. Вам предоставлена виза сроком на три месяца». После чего в трубке раздались короткие гудки. Федорова от радости закричала так громко, что из другой комнаты на шум прибежала ее мать. «Что случилось?» — спросила она у дочери. А та схватила ее под руки и закружила по комнате: «Виза! Я получила ее! Получила!».

В тот же день, 18 марта, в «Комсомольской правде» была опубликована заметка Ярослава Голованова под названием «Непобежденный чемпион». Она была посвящена ситуации, которая сложилась вокруг болезни фигуриста Александра Горшкова. Как мы помним, еще в начале февраля ему была сделана сложная операция. Поскольку ни одно из средств массовой информации даже словом не обмолвилось об этом событии, в обществе стали распространяться слухи, что Горшков находится при смерти. Затем, когда фигурист вместе со своей супругой и бессменной партнершей Людмилой Пахомовой все-таки отправился на чемпионат мира в Америку, но выступал только в показательных выступлениях, в народе стали говорить, что это произошло из-за личной недисциплинированности спортсмена. Так, заметка Голованова начиналась с услышанного в столичном трамвае разговора двух мужчин:

«— А Горшков-то в показательных танцевал, а говорили «болен»...

— Да он ногу подвернул...

— Ерунда! перебрал, небось, накануне, вот и не выпустили...».

Именно возмущение от услышанного и подвигло журналиста взяться за перо и написать в деталях все события, предшествовавшие болезни Горшкова, операцию и все, что за ней последовало. Его порыв не остался без последствий: после этого слухи прекратились.

На «Мосфильме» режиссер Евгений Карелов возобновил съемки телефильма «Два капитана». Как мы помним, ровно месяц назад были проведены локальные съемки уходящей зимней природы (эпизод на катке), после чего группа вернулась к подготовительным работам. Они длились до 20 марта, после чего начались съемки. В тот день кинематографисты работали на натуре: в доме номер 3 по Хрущевскому переулку снимали кадры, где Саня Григорьев (Борис Токарев) лежит в госпитале.

20 марта в Москву из Копенгагена прилетел журналист американской газеты «Нэшнл инквайрер» Генри Грис, который являлся одним из посредников между актрисой Викторией Федоровой и ее отцом Джексоном Тэйтом, живущим в Америке. Генри приехал в столицу СССР с тайной миссией как можно скорее вывезти Федорову из страны. Как мы знаем, всего лишь несколько дней назад актриса получила долгожданную визу и уже купила билет на самолет, который в конце марта должен был увезти ее на три месяца в США. Но ее отец, узнав об этом, сразу догадался, что о дне прилета наверняка станет известно американским журналистам и они устроят из этой встречи настоящее шоу. Чтобы избежать этого, он и отправил в Москву Генри, чтобы тот вывез его дочь, соблюдая все меры конспирации.

Приехав в Москву вечером, Генри тут же связался по телефону с Федоровой и попросил ее немедленно приехать к нему в гостиницу «Берлин». Спустя полчаса актриса подъехала к месту встречи на своем голубом «жигуленке». Правда, была она не одна — с нею приехал и ее тогдашний возлюбленный — танцовщик Большого театра Борис. Генри его совсем не знал, поэтому отнесся к его присутствию весьма настороженно — он ведь прибыл в Москву с тайной миссией, о которой должны были знать только доверенные лица. Но Федорова успокоила его: дескать, Борису можно доверять. Из гостиницы они отправились на Кутузовский проспект, к Федоровым. Там Генри и поведал женщинам о предстоящей операции. Согласно его плану, завтра утром он закажет в офисе компании «Пан Америкен» два билета на воскресный рейс из Москвы в Нью-Йорк на свое и Викторией Федоровой имена. Об этом событии наверняка тут же станет известно иностранным журналистам, что, собственно, и

требуется: ведь на самом деле билеты они купят завтра, а вылет состоится в субботу.

Поведав женщинам о своем плане, Генри извлек из чемодана шпионские атрибуты: женский парик с волнистыми светлыми с проседью волосами и темные очки. Все это он попросил Викторию примерить. Когда она выполнила его просьбу, он внезапно спросил: «А нет ли у вас в доме еще и какого-нибудь пальто?». «Зачем?» — удивилась актриса. «Чтобы скрыть еще и вашу фигуру», — последовало в ответ. И девушка достала из шкафа длинное серое пальто, доходившее ей до щиколоток. Оглядев ее в этом одеянии, Генри наконец удовлетворенно произнес: «Вот теперь вы действительно неузнаваемы».

На следующее утро Виктория с матерью сидели в кухне и пили кофе, когда в коридоре зазвонил телефон. Подняв трубку, Виктория услышала голос Генри. Он спросил, каковы ее ближайшие планы, и, услышав, что она собирается вместе с Борисом поехать обменять рубли на доллары, возразил: мол, нужную сумму я дам вам сам. Но Федорову этот приказ почему-то обидел: ей показалось, что Генри слишком дотошно следит за каждым ее шагом, так, будто она неразумный ребенок. В итоге ему пришлось уступить. Они договорились встретиться у гостиницы «Берлин» в четыре часа дня.

Виктория подъехала к месту встречи практически минута в минуту. Увидев ее, Генри повел себя как заправский шпион: оглядевшись по сторонам, он затолкал ее в машину, на которой они отправились в аэропорт. Там Генри приказал девушке подойти к кассе и купить два билета на завтрашний утренний рейс из Москвы в Брюссель. «Почему в Брюссель?» — удивилась Федорова. «Так надо, — ответил Генри. — Когда вы назовете наши имена для регистрации, попросите служащую оказать вам любезность и никому не говорить, что вы летите этим рейсом». Федорова в точности исполнила все его инструкции.

Когда она вернулась в машину, Генри соизволил объяснить ей весь смысл происходящего. По его словам, Брюссель был выбран по нескольким причинам: во-первых, там уже зарезервированы места для них на самолет компании «Сабена», летящий в Нью-Йорк, во-вторых — в Брюсселе имеется один из немногих

аэропортов, где есть гостиница для транзитных пассажиров, а это значит, что они смогут отдохнуть между рейсами без предъявления визы, следовательно, никто и знать не будет, что они там. Выслушав его доводы, Федорова поняла, что у этого парня голова работает отлично.

В тот же пятничный вечер 21 марта в доме Федоровых состоялся прощальный ужин, на который были приглашены только избранные: родная сестра Зои Александра, возлюбленный Виктории Борис, подруга Зои Федоровой Зоя (они вместе сидели во Владимирской тюрьме) с дочерью, Генри. Поначалу вечер складывался вполне благополучно. Но затем Генри достал из кармана свой портативный магнитофон и попытался задать Зое Федоровой несколько интимных вопросов относительно ее отношений с Джексонном Тэйтом. Хозяйка дома наотрез отказалась это делать, а когда Генри стал настаивать, она призвала на помощь свою дочь:

— Вика, он опять мучает меня своими вопросами!

Виктория попросила журналиста спрятать его технику, а когда он отказался, вспыхнула: «Тогда уходите домой. Вы меня сердите». В итоге Генри пришлось покинуть вечеринку, что называется, не солоно хлебавши. Прощаясь, он напомнил всем собравшимся, что отъезд состоится завтра в пять часов утра.

В назначенное время Генри подъехал к подъезду федоровского дома на такси. При этом водителю он сообщил, что выполняет официальное поручение по сопровождению актрисы Виктории Федоровой в аэропорт. «Я прошу вас пресекать любые попытки иностранных журналистов приблизиться к ней, — наставлял Генри водителя. — Никто не должен задерживать машину. Вы меня понимаете?». Водитель ответил утвердительно.

Когда Генри поднялся в квартиру Федоровых, там уже все было готово к отъезду. Отправив Бориса проверить, нет ли посторонних лиц возле подъезда, Генри вскоре отдал команду собираться в дорогу. Мать собралась было надеть на себя пальто, чтобы вместе с дочерью отправиться в аэропорт, но Генри ее остановил, сказав, что ей там показываться не стоит: «Вас сразу же все узнают», — объяснил он ей. Зоя заплакала, что окончательно вывело Викторию из себя. Она заявила Генри, что ее мать поедет с ней, и точка. «Вы же сами сказали, что

всему миру известно, что мы летим завтра, а не сегодня», — аргументировала она. Видя ее решимость, Генри пришлось согласиться. Правда, одно условие он все же отстоял: мать и дочь должны были попрощаться в машине. Далее послушаем рассказ самой В. Федоровой:

«В машине мы поцеловались, и мамуля расплакалась.

— Почему, мамуля? Почему? Всего три месяца, и я вернусь.

— Знаю, — сказала она, — но это так далеко. Я снова поцеловала ее.

— Не глупи. Представь, что я на съемках в Молдавии или где-нибудь еще, какая разница?

Кивнув, она вытерла слезы.

— Я все понимаю, но не могу забыть тех лет, когда мы были в разлуке. Поэтому мне так тяжело остаться без тебя хоть на минуту.

Генри махнул нам рукой. Мы снова поцеловались.

— Я люблю тебя больше всех на свете, — шепнула я, прижавшись губами к ее щеке, и вышла из машины.

Генри снял с плеча фотокамеру и передал ее мне. Наверно, хотел, чтобы я выглядела как американская туристка. В парике и в огромных черных очках я чувствовала себя полной идиоткой, но зато Генри был доволен...».

Самолет с Викторией Федоровой на борту оторвался от земли в девять часов утра. В тот момент ни она сама, ни ее мать, да и никто другой еще не знал, что Виктория вернется в Советский Союз не через три месяца, а спустя долгие годы. Но вернемся в конец марта 75-го.

Эльдар Рязанов продолжает в поте лица снимать фильм, который станет его лучшим творением, — «Иронию судьбы». Съемки идут в бешеном ритме, практически без выходных, с утра и до глубокого вечера. В одном из павильонов «Мосфильма» были построены декорации двух квартир — Жени Лукашина и Нади Шевельковой, — в которых и велись съемки. В те мартовские дни снимали эпизоды из начала фильма: Лукашин пытается объясниться в любви своей невесте (Ольга Науменко); Лукашин засыпает в чужой квартире; Надя находит в своей постели Лукашина и поливает его водой из чайника; Надя пытается объяснить Ипполиту (Юрий Яковлев), что не знает Лукашина. Вспоминает Б. Брыльска:

«Однажды гримерша, готовя меня к очередным съемкам, сказала: «Барбара, сегодня у вас будет потрясающий партнер — Юрий Яковлев. Его любят все советские женщины». Ее слова меня заинтересовали. Пришла на площадку, жду Яковлева. Появился Юра. Я посмотрела и подумала: «Наверное, у женщин Советского Союза со вкусом что-то не то...». Яковлев прекрасный артист, но как мужчина он меня совсем не взволновал. Готовимся снимать сцену поцелуя. Чувствую, что Яковлев слишком эмоционально настроен. Я иду к Рязанову и голосом, не терпящим возражений, говорю: «Эльдар, что хочешь делай, но с Яковлевым я целоваться не буду!». Тот успокоил: «Не переживай. Я сниму вас с затылка, губ видно не будет».

Возвращаюсь на площадку, а Юра мне говорит: «Барбара, давай целоваться, надо порепетировать. Надо, чтобы все было естественно». Я ему в ответ: «Юра, ты не волнуйся. Целоваться не будем». Он здорово тогда на меня обиделся...».

Тем временем хоккеисты сборной Советского Союза, готовящиеся к предстоящему в начале апреля чемпионату мира и Европы, проводили время на тренировочной базе в Новогорске. Причем настроение у спортсменов в те дни было, скажем прямо, не самым лучшим. А причиной этому стала недавняя поездка в Чехословакию, где наши ребята сыграли два матча (18—19 марта) с национальной командой этой страны в рамках турнира на приз газеты «Известия». Обе игры советские спортсмены, что называется, «слили»: 1:6 и 2:4, после чего чехословаки стали, во второй раз обладателями почетного приза (в первый раз это произошло в 1970 году). Когда наши хоккеисты вернулись на родину, их ждал отнюдь не теплый прием. Уже спустя пару дней после возвращения игроков сборной вместе с их тренером Борисом Кулагиним вызвали на Старую площадь, в отдел спорта ЦК КПСС, где пропесочили по первое число. И назад в Новогорск хоккеисты возвращались в подавленном состоянии. В этом же автобусе находился и тогдашний корреспондент газеты «Спортивная Москва» Александр Львов, которому главред газеты дал задание взять интервью у кого-нибудь из игроков. Далее послушаем его собственный рассказ о событиях того дня:

«Уже в автобусе было ясно: настроение у ребят не для газетной беседы. А Володя Шадрин — давний мой дружбан — прямо заявил: «Зря ты, Саня, с нами катишь. Не тот момент, чтобы интервью давать...».

Но работа есть работа. Плюс партзадание: газета, в которой я в ту пору работал, была органом того самого гришинского горкома, который городом правил. Ну и заработать, конечно, немного хотелось. Жизнь-то была гонорарная...

На базе громовая тишина. Идет переваривание цеховских наставлений. К Мальцеву подошел: «Извини, — говорит, — давай до лучших...». К Петрову сунулся, к Михайлову — то же самое. И тут навстречу... Анатолий Карпов — самый шахматный в мире чемпион. Он к матчу с Фишером здесь же готовился.

Я к нему — так, мол, и так, Анатолий, давайте хоть с вами о хоккее, о мировом первенстве. Повезло. «Давайте, — как-то растерянно говорит он. — А что надо-то?». Тут мой спутник — фотокор Сергей Войков — подсуетился: «А вы на бильярде играете?» — спрашивает. «Да так, не очень, — признается чемпион, — но если надо — попробую».

Ладно, думаю, с хоккеем не вышло, хоть кадр с Карповым интересный привезем. А заодно и Фишера им попугаем. Заходим в бильярдную. А там Валерий Харламов шары в одиночку гоняет. Ну уж Валерка подвести не должен! «Давай, — говорю, — браток, для истории мы вас, двух гениев, шелкнем». — «Что за проблема, — говорит Борисыч, — давай шелкай». И кий Карпову подает. Тот берет его с толстого конца и к столу. Потом сообразил, что по-другому надо, примерился и по шару аккурат попал. А тот возьми да и в одну из шести луз и упади.

— Артист! — отреагировал Харламов. — Несдобровать Фишеру!

А затем аккуратно и свой шарик через весь аршин положил. Ас! Потом ребята подошли. Шутки посыпались. Стали высчитывать, кто кому из двух гениев бутылку должен ставить, кому за ней бежать...

И сразу как-то потеплело. И про ЦК позабылось...».

Спустя несколько дней наша сборная отправится в Швецию, где проведет два оставшихся матча в рамках все того же турнира на

приз «Известий» с национальной сборной этой страны. Одну игру наши выиграют 7:4, другая закончится вничью 3:3.

В эти же дни актриса Театра имени Маяковского Мария Бабанова находилась в больнице. Как мы помним, актрисе стало плохо еще в конце октября прошлого года прямо в театре (она играла в спектакле «Дядюшкин сон» и на сцене у нее случился гипертонический криз). Бабанову определили в больницу на Лосиноостровской улице, где тамошние врачи-гематологи привели ей в порядок кровь для предстоящей операции. Но операция должна была состояться в другом месте — в больнице в Измайлово, куда Бабанову перевели 19 марта. Через неделю хирург Владимир Александров сделал ей операцию, тяжелее которой мало что есть в этой сфере. Бабанова знала об этом, однако за несколько минут до начала операции поразила докторов своей выдержкой. Когда Александров, войдя в палату, приветствовал ее словами: «Мы еще сыграем, Мария Ивановна!», она коротко ответила: «В ящик!». К счастью, ее шутка не оправдалась и уже через несколько дней она пошла на поправку.

В среду, 26 марта, в театре «Современник» состоялась премьера спектакля «Эшелон» по пьесе Михаила Рощина. Между тем мало кто из пришедших в тот день в театр зрителей мог догадываться, что одна из исполнительниц главной роли актриса Нина Дорошина едва не сыграла «в ящик» благодаря этому спектаклю. Случилось это во время показа «Эшелона» для узкого круга лиц. Отыграв первые сцены, Дорошина убежала за кулисы, где решила промочить горло водичкой. Схватив со стола стакан, она опрокинула его в себя. А там вместо воды был нашатырь, который помощник режиссера приготовил для себя, чтобы унять волнение. В результате актриса сожгла слизистую, после чего ее немедленно увезли в больницу. Спектакль, естественно, отменили. К счастью, ожог оказался несильный, через некоторое время голос у Дорошиной восстановился и она смогла сыграть премьеру.

В те дни, когда врачи спасли Бабанову и смогли вернуть голос Дорошиной, из жизни ушла другая прима советского театра — актриса МХАТа Ольга Андровская. Она поступила в Художественный театр в 1924 году и с тех пор бессменно выходила на его сцену, переиграв

не один десяток ролей. Снималась она и в кино: широкому зрителю актриса стала известна после роли Поповой в экранизации чеховского «Медведя» (1938), где ее дуэт с Михаилом Жаровым был воистину великолепен. В 1952 году Андровская была удостоена Сталинской премии, в 74-м — Госпремии РСФСР за театральные работы. Умерла Андровская 31 марта на 77-м году жизни.

В тот же день в Калуге состоялся суд над диссидентом Анатолием Марченко. Причем для него самого это произошло неожиданно. Утром его вызвали из тюремной камеры, предупредив, чтобы взял с собой телогрейку. Марченко подумал, что его повезут в тюремную больницу (как мы помним, он долго держал голодовку, а потом его насильно кормили через шланг), а оказалось, что в суд. Но в отличие от Марченко его друзья были оповещены о дате начала суда и сумели вовремя добраться туда из Москвы.

Суд длился несколько часов. Все вызванные на него свидетели давали показания против Марченко: рассказывали о том, как он нарушил правила административно-милиейского надзора — ему нельзя было покидать пределы Тарусы, а он уехал в Москву, чтобы повидаться с родственниками. Как напишет позднее сам Марченко, все свидетели бессовестно врали: на самом деле ни в какую Москву он не ездил. В итоге суд вынес свой приговор: четыре года ссылки в Сибири.

Во второй половине марта в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов, большая часть из которых была приурочена к начавшимся 24 марта школьным каникулам: 17-го была показана лента **«Земные и небесные приключения»** И. Ветрова с участием: Михаила Глузского, Глеба Стриженова и др.; 24-го — **«Отроки во Вселенной»** Ричарда Виктора (продолжение фильма «Москва-Кассиопея»); 27-го — **«Дочки-матери»** Сергея Герасимова с участием Тамары Макаровой, Любви Палехиной, Сергея Герасимова и др. Из зарубежных премьер назову американский вестерн одного из первооткрывателей жанра вестерн Джона Форда **«Моя дорогая Клементина»**, который стартовал на столичных экранах 17 марта. Этот фильм считается классикой жанра, но я помню, что он не вызвал среди нас, подрост-

ков, большого ажиотажа. К тому времени мы уже привыкли к цветному кинематографу, а этот фильм 46-го года был черно-белым. Его сюжет, основанный на реальных фактах, повествовал о том, как Уайтт Эрп и Док Холлидей мстят банде ковбоев Айка Клэнтон за смерть младшего брата Уайтта Моргана. В роли Уайтта Эрпа снялся легендарный Генри Фонда.

Кино по ТВ: **«Отверженные»** (Франция, премьера т/ф 17—21-го), **«Мятежная застава»** (17-го), **«Медовый месяц»**, **«День счастья»** (22-го), **«Живые и мертвые»** (22—23-го), **«Олеся»** (24-го), **«Молодая гвардия»** (24—25-го), **«Трудные этажи»** (премьера т/ф 25—28-го), **«Два капитана»** (26-го), **«На войне как на войне»**, **«Максим Перепелица»** (27-го), **«Зимородок»**, **«Високосный год»** (28-го), **«Ночь ошибок»** (премьера т/сп 29-го), **«Судьба человека»**, **«Запасной игрок»** (30-го), **«Сергей Лазо»** (31-го) и др.

Из других передач выделю программу **«Песня далекая и близкая»** (25-го, 19.00), в которой состоялся телевизионный дебют нового вокально-инструментального ансамбля **«Лейся, песня»** из Кемерово, которому вскоре предстоит стать всесоюзно известным.

Театральные премьеры: 22-го в Театре имени Ермоловой был показан спектакль **«Белое лето»**; в Театре имени Пушкина — **«Недоросль»** с участием Н. Прокоповича, Л. Гриценко, И. Сыхра и др.

Эстрадные представления: 16-го в киноконцертном зале «Варшава» выступал греческий ВИА «Бузуки»; 20—28-го в ГТЭ показал свою новую программу Государственный эстрадный оркестр РСФСР под управлением Леонида Утесова; 29—30-го в ГЦКЗ «Россия» выступали артисты из Польши: Ежи Поломский, ВИА «Птицы» и др.; 30-го в ДК имени Чкалова играл ВИА «Музыка» (солистка: Стелла Мозолюк).

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю дебютный миньон легендарной рок-группы **«Би Джим»**. Вот уже доброе десятилетие мелодичными песнями этого ансамбля наслаждался весь мир, а Советский Союз стоял в стороне от этого процесса. Наконец в марте 75-го чудо свершилось: «Би Джим» вошла если не в каждый советский дом, то во многие — это точно.

1975 АПРЕЛЬ

«Желтая подводная лодка» добралась до Москвы. Олег Даль: два года «зашивке». Презенты для советских хоккеистов. Анатолий Карпов — чемпион без борьбы. Наталья Белохвостикова: из роддома — на съемочную площадку. Женился Юрий Николаев. Как едва не погибли советские космонавты. Отморозки из Сасово. «Ах, мамочка»: первый магнитоальбом Аркадия Северного и ансамбля «Братья Жемчужные». Евгения Мартынова хотя бы забречь в солдаты. Сейшны «Машины времени». Кражу в ГУМе раскрыли по горячим следам. Анатолий Марченко отправлен по этапу. Закат карьеры «железного Шурика». Как Евгения Матвеева назначили играть роль Брежнева. Борис Бабочкин заступает за своих выпускников. Интриги в КГБ. Госкино принимает фильм «Агония». Как Александр Митта не захотел променять Владимира Высоцкого на Гарри Белафонте. Шифровка для советского посла в Америке. Марченко прервал голодовку. Как Михаил Шолохов смотрел экранизацию своей книги. «Приключения Буратино»: заказчик фильма требует заменить исполнителей двух главных ролей. Любовный роман Валерия Харламова. Как в репертуаре Льва Лещенко появилась песня «День Победы». Почему Всеволод Санаев отвернулся от Ролана Быкова. Сахаров и Боннэр грозят голодовкой. Как из телеверсии фильма «А зори здесь тихие...» вырезали сцену в бане. Как студент и шлифовщик помогли задержать маньяка. Съемки «Иронии судьбы» почти закончены. Ирина Роднина и Александр Зайцев поженились. Подарок меломанам: новая пластинка группы «Свит».

Во вторник, 1 апреля, небывалое столпотворение наблюдалось возле столичного кинотеатра «Звездный», что на проспекте Вернадского. Всего лишь год назад двери этого кинотеатра распахнулись для посетителей (если быть точным — 19 марта), но за это время в нем состоялось уже несколько эпохальных премьер. Однако то, что произошло в начале апреля 75-го, должно было затмить все остальное: в «Звездный» привезли сразу несколько английских мультфильмов, среди которых гигантским айсбергом выделялся один — «Желтая подводная лодка» группы «Битлз». Учитывая, что до этого ни один битловский фильм ни разу не демонстрировался на открытых сеансах в столичных кинотеатрах, ажиотаж это событие вызвало небывалый: люди валили толпами, чтобы стать счастливыми обладателями билетов на этот музыкальный мультфильм. Те же, кому не повезло, довольствовались просмотром других,

менее известных мультфильмов, привезенных из Великобритании: «Три мушкетера», «Летающий человек», «Матрос и дьявол», «Рождественские мелодии» и др.).

Одним из счастливиц, сумевшим попасть на «Желтую подводную лодку», был лидер рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич. Много позднее он так опишет свои впечатления от того просмотра: «Мы, конечно, слышали об этом фильме и видели картинки из него в разных журналах, но все равно ну никак не верилось, что покажут его у нас. Гас в зале свет, и я ужасно волновался. И когда с первых секунд стало ясно, что фильм тот, — мы впились в экран, как клещи.

Ребята! Вы видели этот фильм на большом экране? Это, между прочим, даже сейчас выглядит блестяще. А тогда это была волшебная дверца, приоткрывшаяся на час в иной мир. Мы вышли на улицу, шел дождь. Я не мог отде-

латься от ощущения, что после настоящей жизни мы попали в черно-белый телевизор. Не глядя друг другу в глаза, мы дошли до магазина, купили бутылку какого-то жуткого ликера и, зайдя в первый подъезд, выпили его залпом и в полной тишине. Мы просто спасали себя. Нужно было срочно хоть каким-то способом смягчить силу этого удара. Сегодня «Yellow Submarine» стоит у меня на полке среди прочих хороших фильмов, и я уже знаю его наизусть, и все равно смотрю с удовольствием, и самый для меня большой праздник — если оказывается, что кто-то из моих друзей его до сих пор не видел, и я смотрю его еще раз вместе с ним, и смотрю как бы его глазами. И все равно силу того удара мне уже никогда не ощутить...».

1 апреля стукнуло ровно два года, как актер Олег Даль «зашился» — вшил в себя «торпеду», чтобы не пить спиртное. Поскольку это был тот максимальный срок, после которого «защитный» мог опять развязать, супруга актера чуть ли не с самого утра находилась в волнении — сбудется или нет предсказание врачей? Ближе к вечеру, когда Даль обычно приходил из театра домой, жена заняла исходную позицию у окна. Вскоре вдали появилась знакомая фигура. Как вспоминает сама Елизавета Даль: «Олег пришел «как стеклышко». Как потом выяснилось, он и не вспомнил даже... А у меня было такое облегчение!.. Я же видела по походке, по всему: мне не надо было близко подходить и разговаривать. Как только он в подворотню входил и шел к дому, к подъезду — я уже могла сказать, в каком он настроении, в каком состоянии.

И очень хорошо помню этот момент: у него в руках была сетка такая... плетеная «авоська», вся набитая «Явой». Вот столько было сигарет! Он шел веселый, потому что достал сигареты (Олег курил только «Яву», а ее достать было трудно)...».

2 апреля в Киеве советская сборная по футболу играла свой очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы. На тот момент из четырех команд в нашей подгруппе лучше всех дела складывались у сборных Ирландии и Турции — у них было по 3 очка. У сборных Швейцарии и Советского Союза было по нулям. В киевском матче нашим спортсменам предстояло сразиться с лидерами подгруппы турками и решить для себя гамлетовский вопрос «быть

или не быть». Оказалось, что «быть: наши ребята разгромили гостей со счетом 3:0 (дважды отличился Колотов, один раз Блохин).

В начале апреля другая наша национальная сборная — по хоккею с шайбой — прибыла в Мюнхен, где должен был состояться 42-й чемпионат мира (в его рамках проводился и 53-й чемпионат Европы) по хоккею. В первом матче, который состоялся 3 апреля, жребий свел наших ребят с национальной сборной США, которая в те годы не считалась для нас неудобным соперником. Вот и на этот раз игра получилась малоинтересной. Уже в первом периоде наша сборная вела 5:2, а общий итог игры — 10:5 в нашу пользу.

Интересную деталь подметил на том чемпионате журналист Владимир Пахомов. По его словам: «Я был свидетелем нескольких визитов в сборную СССР представителей знаменитых фирм, сгибавшихся под тяжестью своих подарков. Все доставленное относилось сначала в номер шефа делегации — Валентина Сыча. Всякий раз комплектов приносили столько, сколько людей прибыло в ФРГ из Советского Союза. Иначе говоря, дарителей не интересовало, кто есть кто среди гостей — хоккеист, массажист, переводчик или заместитель руководителя делегации. Подарки распределял своей милостью Сыч — кому дать, а кого лишить. Мне, переводчику, достался всего один спортивный костюм, да и то после того, как я поинтересовался, почему меня обходят стороной...».

Мне рассказывали, что подобный принцип дележа существовал до Всеволода Боброва (Бобров был тренером сборной в 1972—1974 годах. — *Ф. Р.*), который поломал его, но, как оказалось, все вернулось на круги своя...».

3 апреля Международная шахматная федерация (ФИДЕ) провозгласила, что двенадцатым чемпионом мира в истории шахмат стал советский спортсмен Анатолий Карпов. Причем произошло это без матча за высокое звание с одиннадцатым чемпионом, американским гроссмейстером Робертом Фишером. Причина крылась в последнем: Фишер отказался играть этот матч, мотивируя свой отказ тем, что федерация и ее внеочередной конгресс в Берген-Зее (Нидерланды) не согласились поддерживать все его требования. Они согласились проводить безлимитный матч, играть до десяти побед одного из участников без учета ничьих,

приняли его пожелание о кандидатуре в главные судьи и месте проведения состязаний, но отклонили право на преимущество в два очка, при котором Фишер сохранял свое звание, если счет становился 9:9.

На «Мосфильме» режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов с 1 апреля приступили к съемкам фильма «Легенда о Тиле». Съемки начались с натуральных объектов под Москвой, где снимали: «дюны», «берег моря», «мельницы» с участием Лембита Ульфсака (Тиль Уленшпигель), Евгения Леонова (Ламме Гудзак), Михаила Ульянова, Анатолия Солоницына. 4 апреля на съемочную площадку впервые вышла исполнительница роли невесты Тили Неле актриса Наталья Белохвостикова, которая всего лишь три недели назад стала мамой — у нее родилась дочь Наташа. А отцом девочки был один из авторов фильма Владимир Наумов. Как вспоминает сама актриса: «Я прекрасно помню свой первый съемочный день в «Легенде о Тиле». Роль Неле началась с эпизода, когда они с Тилем везут оружие в телеге, изображая свадебный кортеж, и она, разыгрывая ссору, притворно колошматит его...».

5 апреля в Москве женился популярный в будущем телеведущий Юрий Николаев, для которого это был уже второй брак. В первый раз Николаев женился в конце 60-х, когда учился в ГИТИСе. В начале 70-х он развелся и в ближайшем будущем связывать себя узами Гименея вроде бы не собирался. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминает его вторая супруга Елена:

«С Юрой мы познакомились задолго до нашей свадьбы. Мне тогда было одиннадцать лет, а ему семнадцать. Он дружил с моим братом и приходил к нам в гости. По рассказам брата я узнавала, что Юра учится в театральном, снимается в кино, потом женился. Не скажу, что это разбило мое сердце, — к тому времени первая влюбленность прошла, ведь мы совсем не виделись. Но однажды брат сказал, что Юра развелся, и я ужасно обрадовалась. Мне уже исполнилось 18. Я была девушка серьезная, училась на экономиста в Финансово-экономическом институте. И думала, что актеры не могут быть мужьями: слишком легкомысленные люди. Но случайно мы вновь встретились с Юрой, стали общаться и через два года поженились...».

Николаев в те годы был еще личностью малоизвестной (на ТВ он придет через несколько месяцев), поэтому больших денег за ним не водилось. Вот почему даже достойного для свадьбы костюма в его гардеробе на тот момент не оказалось и ему пришлось занять оный у одного из своих приятелей. Такси он тоже не стал брать по причине безденежья, а благополучно довез невесту до ЗАГСа на... троллейбусе. Но и во Дворце бракосочетания их мытарства продолжались. Как вспоминает сама невеста: «Нам не хватило денег расплатиться за шампанское в загсе. Оказалось, нужно оплатить фотографии и традиционные четыре фужера. И на эти четыре фужера у нас просто не было денег. Благо они оказались у свидетелей, и все обошлось...».

Расписались молодые утром, а уже вечером Николаев оставил молодую жену одну и умчался на спектакль в Театр имени Пушкина, где работал. Поэтому свадьбу в тот день не играли — она состоится только 10 апреля. Но вернемся на несколько дней назад.

5 апреля с космодрома Байконур в космос был запущен очередной космический корабль «Союз» с двумя космонавтами на борту: Василием Лазаревым и Олегом Макаровым (оба — Герои Советского Союза). Старт прошел удачно и ни у кого из присутствующих даже в мыслях не могло появиться, что спустя каких-нибудь пять минут (!) ситуация достигнет масштабов катастрофы.

Шла 261-я секунда полета, когда, по расчету, должно было произойти отделение второй ступени. Как вдруг Лазарев почувствовал тангажную раскачку, проходившую на этот раз гораздо сильнее, чем обычно. Он поднял руку и увидел, что ее водит. Тут же сообщил об этом на Землю. А в следующее мгновение раздалась вой сирены и на аварийном табло высветилась надпись: «Авария носителя». Гул двигателей прекратился, после чего началось вращение. А на Байконуре даже не догадывались о происходящем, и информатор продолжал бесстрастный отчет: «285-я секунда. Полет нормальный!... 290-я — полет нормальный!...».

Через несколько секунд космонавты ощутили резкий толчок. Пиротехника «раскидала» все корабельные блоки, и космонавты остались в спускаемом аппарате. Началось паде-

ние. Далее послушаем рассказ очевидца тех событий М. Реброва:

«Через секунду или две после начала падения стала подкрадываться перегрузка. Она быстро нарастала. Темп нарастания был много больше, чем они ожидали. Невидимая чудовищная сила вдавила Василия в кресло и налила веки свинцом. Дышать становилось все труднее. «Олег, попробуй кричать, это поможет, — предупредил товарища. — Сильнее кричи, сильнее!..».

Тяжесть перегрузки ломала, лишала возможности говорить, «съедала» все звуки, оставляя только гортанный храп и сдавленное сопение. Оба всеми силами старались противодействовать перегрузке. Наконец тяжесть стала спадать. Уже потом, когда анализировались записи приборов, было установлено, что после «пика», превысившего 20 g, был второй — на 6 единиц, но они его не почувствовали (замечу: в истории авиации известен случай, когда при 15-кратной перегрузке летчику-испытателю оторвало почку).

«Что же произошло?». Вопрос оставался без ответа. Были предположения. Были попытки их проверить, но все путалось, и они ничего не могли понять. Одно знали: корабль возвращается на Землю в аварийном режиме...

Было обидно и неприятно. Много и долго готовились они к этой работе, и вдруг такое... Да и сам факт «сбоя» малоприятен. Случайный «боб» поставил их на грань жизни и смерти. Впрочем, еще не все кончилось. Они ждали включения двигателей мягкой посадки. Легкий толчок. И вдруг корабль стало тянуть и разворачивать, словно он сел на воду. «Еще один сюрприз?» — мелькнула мысль. Иллюминатор, который был черным от копоти, вдруг просветлел (потом окажется — от трения о снег), и командир увидел ствол могучего дерева. «Нет, это земля!», — подумал с облегчением.

Пальцы уже давно нащупали кнопку отстрела одной из стренг парашютной системы. Нажал! Корабль обрел устойчивость. Наступила тишина, неприятная тишина. «Зачем она? — подумал. — Надо открывать люк». Отстегнулся от привязной системы и высунулся. В лицо ударила прохлада. Он жадно пил ее. Нет, глотал. Жадно, отрывисто, полным ртом. Но утоление не наступало. Осмотрелся: «Черт побери, погода здесь совсем не такая, что провожа-

ла нас на Байконуре. Ветер, снег, плотная низкая облачность, температура ниже нуля». Кругом был лес (корабль упал в горах Алтая. — Ф. Р.). Парашют зацепился за деревья, а корабль завис у края пропасти...».

А теперь послушаем рассказ того же М. Реброва о том, что происходило в эти же минуты на Земле, в Центре управления полетом: «После долгих и навязчивых «Двигатели работают устойчиво», «Полет нормальный», «Тангаж и рыскание в норме» резкое «Авария носителя!» было подобно взрыву, встряхнувшему всех, кто был на смотровой площадке. Началась суэта. Большое начальство рвалось к телефонам ВЧ-связи, чтобы доложить еще большему о случившемся и тем самым оградить себя от каких-либо упреков. Те, кто рангом пониже, пребывали в растерянности или сновали между группами «технарей», прислушиваясь к разного толка предположениям. Один из членов Госкомиссии, бросив испуганный взгляд на «кучковавшихся» в сторонке журналистов, нервно прошипел: «Немедленно в автобус и — в город. Вам здесь нечего делать!». Тут же сработала служба режима, и «пазик» с табличкой «Пресса» буквально вытолкнули со стоянки.

В Ленинске никакой информации не было. Люди с «площадки» стали возвращаться в гостиницу спустя часа два-три. Новости были печальные: «Погибли». Кто-то из коллег предложил: «Пойдемте, помянем». Достали бутылку водки, разлили. И тут появился запыхавшийся Дима Солодов — телеметрист из ОКБ МЭИ: «Живы! Живы!». Началось ликование. Димку подхватили на руки и стали подбрасывать к потолку. Его черный костюм побелел от мела, а мы продолжали что-то кричать и бросать, бросать... О водке позабыли, а вспомнив, быстро разобрали стаканы: «За экипаж! За Васю и Олега! За «Уралов»!...».

Между тем космонавты, выбравшись из корабля, стали ждать помощи. Вскоре у них над головой послышался гул самолета, а спустя еще несколько минут в небе застрекотал вертолет. Однако видимость была практически нулевая, поэтому обнаружить потерпевших аварию космонавтов спасателям с первого раза не удалось, несмотря на то, что те разожгли пусть маленький, но костер. Когда шум вертолета стих вдалеке, они решили подкрепиться. Открыли аварийный запас: галеты, тубы с соком

и банку консервов. В такой ситуации хорошо пошла бы водочка, но ее наличие в «аварийке», к сожалению, предусмотрено не было.

После ужина на какое-то время космонавтам стало теплее. Но затем холод снова взял свое. Чтобы хоть как-то согреться, космонавты сели поближе к костру и плотнее прижались друг к другу. Так прошли еще два часа. Наконец с рассветом в небе опять появился вертолет. На этот раз он заметил космонавтов и завис над соснами. Затем вниз спустили трос. «Пойдешь первым», — приказал Лазарев своему коллеге. Приказ командира — закон для подчиненного.

В тот же день, 6 апреля, настоящий детектив со стрельбой и кровью разворачивался в одном из пригородов города Сасово Рязанской области. Двое великовозрастных оболтусов села Гавриловское Сасовского района — 20-летний Сергей Погодин и 19-летний Валерий Кузьмин (фамилии изменены) — вознамерились стать крутыми гангстерами. Насмотревшись осенью прошлого года по ЦТ документального фильма про банду братьев Толстопятовых, они решили повторить «героические» подвиги братков и создать собственную банду, чтобы потом нападать на кассы магазинов и инкассаторские машины. Однако для этого им необходимо было сначала разжиться оружием. Над проблемой, как его раздобыть, новоявленные гангстеры думали недолго — они решили оружие экспроприировать. 9 марта приятели украли у своего знакомого Панина охотничье ружье, а также сделали из подручных средств кинжал и стилет. Но этого арсенала им показалось мало, и гангстеры решили присовокупить к нему еще и пару милицейских пистолетов. А для того, чтобы их добыть, они разыграли целый спектакль.

Днем 6 апреля бандиты из телефонной будки позвонили в милицию и сообщили, что в таком-то местечке недалеко от города произошел тяжкое преступление. Расчет преступников был прост: когда к месту мнимого преступления примчалась бы патрульная машина, бандиты из укрытия расстреляли бы экипаж и завладели его оружием. Однако операция сорвалась: на вызов приехал не один, а целых два милицейских «уазика», и бандиты струхнули — вступать в бой с одним охотничьим ружьем в руках они посчитали верхом безумия. Провал операции горе-гангстеры решили залить вод-

кой. А после того, как опустошили «поллитру», их вновь потянуло на подвиги. Тем более что им страсть как хотелось опробовать ружье в настоящем деле. И тут как раз подвернулся удобный случай.

Когда преступники шли по пустынной вечерней улице, им на глаза попала компания из трех человек: один мужчина и две женщины. «Смотри, какие хорошие мишени», — толкнул Кузьмин своего приятеля в бок и тут же извлек из-под пиджака охотничье ружье, переделанное в обрез. Не давая незнакомцам опомниться, Кузьмин подскокил к ним чуть ли не вплотную и хладнокровно разрядил в них два патрона. Мужчина и одна из женщин, обливаясь кровью, рухнули на землю. Еще одна незнакомка, на которую все происшедшее произвело шоковое впечатление, даже не попыталась убежать, пока Кузьмин перезаряжал свое оружие. В итоге и она была сражена выстрелом в упор.

Мужчина, в которого Кузьмин выстрелил первым, оказался только ранен — заряд угодил ему в бок. Прикрывая рану рукой, он стонал и ненавидящими глазами смотрел на убийцу. «Надо же какой живучий», — ухмыльнулся Кузьмин. Он понимал, что мужчину надо обязательно добить, однако сделать это немедленно уже не было времени — в ближайших домах зажглись огни. Тогда бандиты подхватили раненого под руки и чуть ли не волоком потащили его в темноту. Через несколько минут, притащив его на какой-то пустырь, Кузьмин довершил начатое — добил несчастного выстрелом в голову. Тело убитого сбросили в глубокую борозду и забросали землей. И с чувством выполненного долга отправились по домам.

А теперь из Сасово перенесемся в Киев. Там 9 апреля состоялся первый матч футболистов местного «Динамо» с голландским «Эйндховеном» в рамках розыгрыша Кубка обладателей кубков. Стадион, сами понимаете, был битком, поскольку не каждый день киевские болельщики имели счастливую возможность лицезреть кудесников мяча из Страны тюльпанов. Однако в тот день кудесники оказались явно не на высоте, уйдя с поля разгромленными со счетом 0:3 (отличились Колотов, Онищенко, Блохин).

Тем временем в Ленинграде знаменитый блатной бард Аркадий Северный (Звездин) написал свой первый магнитоальбом с ансамб-

лем «Братья Жемчужные». Как мы помним, до этого и бард и ансамбль уже имели опыт магнитофонной записи, но о совместном сотрудничестве даже не мечтали. Инициатором их сведения в один коллектив стал все тот же распространитель магнитоальбомов Сергей Маклаков. Это он раздобыл собственный микшерский пульт (его соорудил ему мастер золотые руки Владимир Мазурин) и тут же решил опробовать его в деле — записать Северного с «Жемчужными». Запись должна была состояться в доме на улице Огнева, на квартире приятеля Маклакова Дмитрия Колетина. Добирались туда от ресторана «Парус» на трех автомашинах-такси: в две поместились люди, в одну погрузили аппаратуру. По дороге горячо обсуждали сегодняшний репертуар — какие песни исполнять, какие нет. Северный в тот день был навеселе, поскольку почти всегда принимал «на грудь» перед записью — так лучше пелось.

Когда приехали к месту назначения, один из таксистов отказался брать деньги и напросился взять натурой — дать ему возможность присутствовать на записи. Почему бы и нет, раз человек хороший? Только предупредили, чтобы тот сидел тихо как мышь. Далее послушаем рассказ М. Шелега:

«Атмосфера на записи была свободной — на столе стояла водка, закуска, — каждый мог подойти, пропустить рюмку. Дым коромыслом. В общем, нормальная рабочая обстановка.

Пели тогда все. Ну, может, только таксист не подпел из скромности. Записали песен двадцать пять, может, и больше. Северный пришелся компании по душе своей доброжелательностью и веселостью нрава. Он напел тогда половину всех песен, вошедших в этот альбом.

Альбом назвали «Ах, мамочка!» — это был первый магнитофонный альбом Аркадия Северного с «Братьями Жемчужными». Расчет Маклакова оправдался — пленка Северного с оркестровым сопровождением быстро расходилась по рукам, принося прибыль Маклакову и популярность Северному...».

Тогда же другого популярного автора и исполнителя песен, правда, не полуподпольного, как Северный, а официального — Евгения Мартынова, — родной военкомат буквально завалил призывными повестками. Дело в том, что в мае Мартынову должен был стукнуть «потолок» — 27 лет, после чего в армию мужчин

уже не призывают. Однако кому-то из высоких воинских начальников жуть как хотелось, чтобы популярный артист обязательно был одет в «хэбэ» и обут в кирзу. Вот военкомат и слал Мартынову повестки, грозя в случае очередной неявки забрать его из дома с милицией. Видимо, понимая, что все это не шутки (помните, я рассказывал о том, как пытались силой забрить в солдаты популярного хоккеиста Александра Якушева), Мартынов обратился за помощью в Министерство культуры. Там пошли навстречу артисту, который мог принести гораздо больше пользы на гражданке, чем в армии (его концерты приносили хорошую кассу), и «отмазали» его от службы в рядах доблестных Вооруженных сил. Главным аргументом при этом было то, что именно Мартынов должен был представлять в начале лета советское искусство на фестивале «Братиславская лира».

Лидер столичной рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич в те дни все еще пребывал под впечатлением просмотра мультфильма «Желтая подводная лодка». Фильм потряс его настолько, что иногда опускались руки: было ясно, что достичь битловских вершин ему с коллегами все равно не удастся. Самоедство Макаревича было понятным, но справедливым лишь отчасти: для советских слушателей песни «Машины времени» значили не меньше, чем песни «Битлз» для английских подростков. Поэтому все концерты «машинистов» (их в группе было четверо: Андрей Макаревич, Александр Кутиков, Алексей Романов и Сергей Каватое) проходили при постоянных аншлагах. Как вспоминает А. Макаревич:

«Мы постоянно играли на сейшенах, и известность наша росла. Сейшены происходили по налаженной схеме: кто-то из организаторов звонил мне, сообщалась дата, место и условия оплаты. Платили тогда немного — от ста до двухсот рублей на команду. Часа за два до начала мы собирались на базе — тогда это был клуб швейной фабрики «Красная Роза» — и ловили автобус или рафик. Транспортные услуги обходились в пять — десять рублей. Мы забрасывали наш аппарат в транспортное средство и ехали на место. Помню басовую колонку немалых размеров с портретом тогдашнего звукорежиссера Саши Катамахины прямо на фасаде. Она постоянно не влезала в автобусную дверь, и однажды мы в отчаянии отпилили

от нее верхнюю часть прямо в процессе погрузки на глазах у изумленного водителя. Сейшены устраивались в институтах, домах культуры, особой любовью пользовалась «Кормушка» — крохотная студенческая кофейня в районе Каширки. Была она очень маленькая, денег там платили совсем ничего, но было там на редкость уютно и надежно: студенты сами заправляли все делами, и сейшены у нас практически не срывались. О других местах сказать этого было нельзя.

Итак, мы приезжали на точку и затаскивали аппарат внутрь, продираясь сквозь толпу, — слух о сейшене летел впереди нас, и проворная московская «система» спешила попасть внутрь до того момента, когда дружинники в повязках начнут проверять билеты. Билет являл собой обыкновенную открытку с какой-нибудь новогодней чепухой на лицевой стороне и самодельной печаткой на обратной. Почти всегда находился умник, который накануне изготавливал такую печатку (благо дело было нехитрое), и количество билетов удваивалось...

Вскоре после начала концерта, как правило, в зале появлялась либо насмерть перепуганная администрация заведения, либо милиция, либо товарищи в штатском, и сейшн благополучно заканчивался. Музыка обычно останавливалась поворотом рубильника, и музыкантам предлагали пройти в отделение, то есть в «легавку». Их вводили под восхищенные взгляды фанов. Если сейшн удавалось доиграть до конца и никто не обламывал — это считалось большой удачей... В «легавке» всех рассаживали поодиночке и по очереди уныло пытались выяснить, кто организовал халтуру, продавал билеты и где деньги. Первый раз было страшновато, потом мы привыкли...».

В те апрельские дни в одном из центральных столичных магазинов — ГУМе — произошло дерзкое преступление. Случилось оно аккурат перед закрытием магазина — в 20.50. Кассирша отдела культтоваров должна была сдать дневную выручку, однако проявила беспечность: сложив в чемодан 11 тысяч рублей, она поставила его на прилавок, а сама отвлеклась на реплику какой-то из продавщиц. А когда вновь повернулась к чемодану, того уже и след простыл. Выбежав из-за прилавка, кассирша успела заметить, как впереди, расталкивая тол-

пу покупателей, к выходу метнулся мужчина в синей куртке. Кассирша бросилась к телефону.

Уже спустя минуту после совершения преступления на пульт дежурного 117-го отделения милиции поступил сигнал о происшедшем. Милиционер тут же связался с ближайшими постовыми, дежурившими возле станции метро «Площадь Свердлова» и гостиницей «Метрополь». В те часы там дежурили два тезки — Анатолий Илюшин и Анатолий Гринюк. Дежурный передал им приметы преступника: мужчина в синей куртке с чемоданом в руках.

Первым заметил грабителя Илюшин: тот пытался перебежать на красный свет улицу от гостиницы «Москва» в сторону «Метрополя». Поскольку расстояние до нарушителя было приличным, Илюшин связался по рации с Гринюком и сообщил ему о подозрительном субъекте. Гринюк двинулся навстречу. Когда синекурточник увидел перед собой милиционера, он в первую секунду растерялся. Но затем взял себя в руки и как ни в чем не бывало пошел навстречу. На вопрос «Что в чемодане?» попробовал отшутиться крылатой фразой из популярного фильма: «Золото-бриллианты». Однако когда Гринюк предложил ему пройти с ним в отделение, улыбка тут же сползла с лица незнакомца. А дальше произошло вот что. Переложив чемодан из правой руки в левую, незнакомец сделал неожиданный выпад вперед и попытался достать стража порядка кулаком в челюсть. Но тот сумел среагировать на удар: перехватил руку преступника и, сделав подсечку, опрокинул его на землю. В этот миг к месту происшествия подбежал и напарник Гринюка Илюшин, с которым они на пару и скрутили грабителя. Как выяснилось чуть позже, им оказался 19-летний житель Калинина, причем ранее судимый.

Между тем в ФРГ продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею. Начав его с победы над командой США, наша сборная и в следующих играх не сбавляла оборотов, шелкая как орехи всех своих противников. Так, финны были повержены со счетом 8:4, поляки — 13:2, чехи — 5:2, шведы — 4:1. 12 апреля в чемпионате начался второй тур, и наши ребята вновь встретились с американцами. Неожиданностей не произошло и на этот раз — наши победили, да еще с разгромным счетом 13:1! После этого практически ни у кого уже не оставалось со-

мнений в том, кто именно станет чемпионом мира и Европы.

В тот день, когда наши хоккеисты встречались с американскими, диссидента Анатолия Марченко по приговору суда отправили по этапу в Сибирь (как мы помним, суд дал ему четыре года ссылки). Вот как об этом вспоминал сам А. Марченко:

«12 апреля — День космонавтики, и Калуга, «историческая колыбель космических полетов», отмечает его как свой престольный праздник. С утра на эту тему надрывались все репродукторы, а их полно. Хочу отвлечься и не могу, наверное, от злости. Передают интервью, документы, воспоминания о Гагарине, все прослоено громкоголосой оптимистической музыкой. Вот включают запись с космодрома 12 апреля 1961 года (мне тогда было 23 года, и я сидел на семипалатинской пересылке на пути в Тайшет).

Сквозь шум и треск из космоса слышится голос Гагарина:

— Поехали!

Дверь камеры распахивается, на пороге улыбающийся надзиратель с моей личной карточкой в руке:

— Ну, Марченко, поехали!

Остается собрать свое барахлишко: мыло, пасту, носки, учебник английского языка.

В тюремном блоке меня принимает конвой. Обыскивают, задают вопросы:

— До машины дойти сможете? — значит, знают, что берут голодающего.

— Есть ли возражения против этапирования?

Я делаю заявление, что голодаю 45 дней, а на прочие вопросы не отвечаю.

— Получите этапный паек.

— Не беру...».

А теперь из Калуги перенесемся в Москву. В столичных кинотеатрах демонстрируются новые фильмы: 7-го начали крутить приключенческий фильм Игоря Добролюбова «**Потому что люблю**» о летчиках-истребителях с участием Геннадия Королькова, Валентины Теличкиной и др.; 14-го — историческую драму Шухрата Аббасова «**Абу Райхан Беруни**».

Кино по ТВ: «**Девушка с характером**» (1-го), «**Товарищ генерал**» (3-го), «**Музыканты одного полка**» (4-го), «**Депутат Балтики**» (5-го), «**Ижорский батальон**» (6-го), «**Софья Перовская**» (7-го), «**Черный город**» (Венгрия, 7—13-го),

«**Безумный день**» (10-го), «**Джамиля**», «**Баллада о солдате**» (11-го), «**Приключения в Африке**» (США, премьера т/ф 12-го), «**Невероятный Иегудиил Хламида**», «**Без вести пропавший**» (14-го), «**Начальник Чукотки**» (15-го) и др.

Премьеры в театрах: 4-го — в Театре имени Маяковского был показан спектакль «**Беседы с Сократом**» Э. Радзинского с участием: Армена Джигарханяна, Владимира Самойлова, Светланы Немоляевой, Михаила Филиппова и др.; в Театре имени Гоголя — «**Мсье Топаз**»; 5-го в Театре оперетты — «**Свадьба Кречинского**»; 10-го в Театре Моссовета — «**Возможны варианты**» с участием Ростислава Плятта, Ии Саввиной и др.; 11-го в Большом театре — опера «**Зори здесь тихие**» с участием Елены Образцовой, А. Эйзена и др. 15 апреля в Театре имени Ленинского комсомола был показан спектакль «**В списках не значился**» Б. Васильева (переработка Юрия Визбора), где на столичной сцене дебютировал студент выпускного курса ГИТИСа Александр Абдулов. Он играл роль лейтенанта Советской Армии Николая Плужникова. В других ролях были заняты актеры: В. Орлова, Л. Поргина, Е. Шанина, В. Проскурин и др.

Эстрадные представления: 3-го — в ГТЭ пела Эльмира Жерздева (та самая, что пела за Принцессу в первой серии «Бременских музыкантов»); 4—7-го в ГТЭ — Галина Ненашева; 8—9-го в том же ГТЭ состоялась сборные концерты, где приняли участие Светлана Резанова, Антонина Жмакова, Федор Чеханков, Жанна Горошения и др.; 9—20-го во Дворце спорта состоялась 10-я юбилейная программа «**Мелодии друзей**» с участием артистов эстрады социалистических стран: Яноша Кооша (Венгрия), Здиславы Сосницкой (Польша), Михай Михая (Румыния) и др.; 11-го в ГТЭ пел супружеский дуэт Алла Иошпе — Стахан Рахимов. В Центральном Доме культуры железнодорожников выступал Театр миниатюр под управлением Аркадия Райкина, силами которого 8, 10, 13, 14 апреля был показан спектакль «**Избранное**».

Тем временем в Москву со всех концов страны съезжаются передовые коммунисты. 16 апреля здесь состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, на повестку дня которого были вынесены два вопроса: о созыве XXV съезда КПСС (докладчик генсек Л. Брежнев) и о международной политике КПСС (докладчик министр

иностранных дел А. Громыко). Этот пленум многомиллионная партия коммунистов ждала с особым нетерпением только по одной причине: в свете последних слухов о состоянии здоровья Брежнева в партии усиленно курсировали данные, что этот пленум может стать для генсека последним. Однако вышло наоборот: на нем Брежнев нанес очередной удар по своим скрытым противникам внутри Политбюро, выведя из состава высшего партийного органа председателя ВЦСПС Александра Шелепина. Причина этого была названа следующая: «в связи с собственной просьбой». На самом деле ничего подобного Шелепин не просил, его просто поставили перед фактом. Сразу после Пленума Шелепина, который в 64-м был одним из инициаторов снятия с высокого поста Хрущева и назначения вместо него Брежнева, был выпихнут и из кресла руководителя советских профсоюзов, опустившись до скромного поста зампреда Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию. Так закатилась звезда человека, которого совсем недавно в партии называли не иначе как «железный Шурик».

Что касается Брежнева, то он в те дни чувствовал себя как никогда хорошо. И хотя врачи все еще запрещали ему совершать поездки по стране и за рубеж, однако в различных светских раутах он участвовал: периодически принимал в Кремле руководителей разных стран. В газетах после этого обязательно появлялись фотографии генсека, призванные показать населению, что с Брежневым все в порядке. Короче, кремлевский агитпроп (идеологический отдел ЦК) делал все от него зависящее, чтобы имя Брежнева мелькало где только возможно и по любому поводу. Именно тогда у кого-то из агитпропа и появилась мысль: а не замахнуться ли нам на нечто большее, не запечатлеть ли образ Ильича Второго посредством художественного кинематографа? Это рационализаторское предложение было принято на ура.

А родилась эта идея неслучайно. Дело в том, что с лета прошлого года кинорежиссер Юрий Озеров снимал на «Мосфильме» очередной блокбастер «Коммунисты» (в прокате фильм получит название «Солдаты свободы»), показывающий борьбу народов Восточной Европы с фашизмом в годы Второй мировой войны. В

числе героев этой ленты фигурировали некоторые здравствующие лидеры социалистических стран: Тодор Живков (Болгария), Иосип Броз Тито (Югославия), Николае Чаушеску (Румыния) и др. Естественно, не могло обойтись и без Брежнева, который в последние годы войны занимал должность начальника Политуправления 18-й армии. По задумке агитпропа будущий генсек должен был появиться на экране в 4-й серии, в трех эпизодах, связанных с Яско-Кишиневской операцией. На роль молодого Брежнева был выбран популярный актер Евгений Матвеев, который внешне был очень похож на генсека в молодости.

Как вспоминает сам актер, новость о том, кого ему в будущем предстоит воплотить на экране, ему сообщил Юрий Озеров, когда они встретились в мосфильмовском буфете. Поначалу Матвеев принял это за розыгрыш и не придал услышанному большого значения. Но когда ему прислали сценарий с этой ролью, его охватила паника. Шутка ли: изобразить на экране самого генсека! Последний раз таким смельчаком был Михаил Геловани, который в 40-е годы играл Сталина в ряде фильмов. Но с тех пор столько воды утекло. Короче, Матвеев запаниковал. Он напросился на прием к гендиректору студии Николаю Сизову и честно признался в своих сомнениях: дескать, боюсь, что не сдюжу, играть-то по сути нечего. На что услышал твердый ответ: это решение секретариата ЦК, а ты — народный артист СССР и коммунист! Так что иди и выполняй приказ партии.

И все же Матвеев не успокоился. Спустя пару дней пришел уже к самому председателю Госкино Филиппу Ермашу. И выложил ему то же самое. Ермаш не стал давить на артиста своим авторитетом, а набрал на своей кремлевской вертушке номер помощника Брежнева Евгения Самотейкина и попросил того помочь актеру. И через несколько дней Самотейкин принял Матвеева. Их разговор продлился около двух часов и все это время актер выпытывал у помощника генсека сведения о характере и привычках его шефа. Самотейкин старался на все вопросы отвечать искренне. Из его ответов Матвеев узнал, что Брежнев по характеру человек добрый, сентиментальный и с острой чувствительностью. В заключение беседы Само-

тейкин предложил гостю пройти в кабинет генсека. Как вспоминает сам актер:

«Перешагнув порог кабинета Генерального секретаря, я изумился: кабинеты некоторых художественных руководителей творческих объединений «Мосфильма» пошкарнее и побольше будут. Здесь же на стульях, стоящих вдоль стен, лежали стопки книг, подшивки газет и журналов, какие-то диаграммы. На столе кроме бумаг — кусок руды, подшипники, большой и малый, металлическая труба... Самотейкин заметил мое замешательство:

— Вы, как и все зрители, чаще всего видите Леонида Ильича в кремлевских апартаментах, где он принимает высоких гостей. А здесь он работает...

Присели на свободные стулья. Я попытался как можно деликатнее спросить, почему в кабинете, мягко выражаясь, такой беспорядок. Что, хозяин не бывает здесь или он неряха?

Евгений Матвеевич, как мне показалось, даже обиделся на меня за столь непочтительное мнение о шефе.

— Что вы... Никому не разрешается даже притрагиваться к вещам. Уборщица, вытирая пыль, всегда аккуратно водружает предметы на те же места, ставит их в том «беспорядке», к которому привык хозяин. А память у него отменная. Мало того, что он многие стихи Есенина читает наизусть, и, кстати, хорошо читает, он и в быту аккуратен, все помнит. На днях спросил: «Куда ластик подевался? Он лежал здесь...».

Так, по крупичкам, по крохам собирал я «досье» на человека, которого мне предстояло воплотить, пусть и в эпизодической роли, на экране...».

В те апрельские дни съемочная группа находилась в подготовительном периоде работы перед съемками эпизодов четвертой серии. Снимать сцены с Брежневым начнут через два месяца, о чем я расскажу далее. А пока продолжим знакомство с событиями апреля.

В тот день, когда открылся Пленум ЦК (16 апреля), Борис Бабочкин написал полное тревоги письмо в редакцию газеты «Казахстанская правда». Суть послания заключалась в следующем. Год назад Бабочкин выпустил во ВГИКе актерский курс, который был набран в Алма-Ате и состоял из молодых ребят-казахов. По мнению всех, кто наблюдал этих ребят в

учебе, курс подобрался на удивление талантливым и имел все шансы громко заявить о себе после окончания ВГИКа. Но этого не произошло. Несмотря на то, что все выпускники по возвращении на родину были зачислены в штат «Казахфильма», дела в кинематографе у них не пошли. Достаточно сказать, что из полутора десятков выпускников в кино снимался только один из них. Остальные, как писал в своем письме Бабочкин, «погибали от безделья». А самый талантливый из них — Ахимов, исполнитель роли Отелло во ВГИКе — даже собрался уйти в цирк клоуном. Под впечатлением всего этого Бабочкин и решил написать свое письмо, а «Казахстанскую правду» выбрал потому, что это был орган тамошнего ЦК партии.

Забегая вперед, отмечу, что ничего кардинального после этого послания не произошло. На «птенцов гнезда Бабочкина», конечно, обратили внимание, даже стали чаще приглашать сниматься в кино, но длилось это недолго. Уж слишком далеко находился их покровитель, чтобы заставлять киношных чиновников внимательней следить за молодыми дарованиями. А без сильной протекции и в те годы ой как трудно было пробиться в кинематографе, тем более в национальном.

Непростая ситуация царит и в таком ведомстве, как КГБ. Назначенный в конце прошлого года на пост начальника Первого главка (внешняя разведка) Владимир Крючков никак не может найти нужного контакта с руководством другого габэшного подразделения — 2-го главка (контрразведка). Вообще приход Крючкова к руководству ПГУ вызвал недовольство не только у контрразведчиков, но и у представителей других главков, которые увидели в этом назначении посягательство партаппарата на профессионалов (Крючков в течение 8 лет работал в ЦК КПСС, а в КГБ пришел только в 67-м). Но контрразведчики во главе со своим начальником Григоренко роптали сильнее всех, поскольку они хорошо помнили свои стычки с Крючковым в бытность его начальником секретариата. Сложившуюся ситуацию еще сильнее обострил случай, который произошел незадолго до Пленума ЦК. Вот как об этом вспоминает очевидец тех событий О. Калугин:

«В те дни КГБ и МИД приняли решение возобновить некогда существовавшую традицию взаимных встреч в гостях друг у друга. Для начала избрали особняк Морозова на улице А. Толстого, где был организован роскошный ужин. Принимающую сторону возглавлял замминистра по кадрам Н. Пегов, в прошлом крупный цековский чиновник, замминистра И. Земсков, секретарь парткома МИДа В. Стукалин, начальники консульского и других управлений. От КГБ присутствовали Крючков, Григоренко, его первый зам Бояров, вице-адмирал М. Усатов и еще два генерала, включая меня. С приветственным тостом выступил Пегов, призвавший крепить узы дружбы и взаимодействия между чекистами и дипломатами. Все ожидали, что от КГБ первым возьмет слово Крючков, и, судя по всему, он готов был уже подняться со стула, как вдруг с рюмкой в руках вскочил Григоренко и уверенно, с нажимом повел речь о давнем сотрудничестве с МИДОм, о том, какую роль играет служба безопасности, и т. п. Бестактность Григоренко нас покорила, но положение еще более усугубилось после того, как выступил Земсков, а за ним вновь Григоренко. Вслед за начальником Управления по обслуживанию дипломатического корпуса, рассказавшим несколько сальных анекдотов, здравицы пошли одна за другой, громкий смех и шутки перемежались звоном бокалов и новыми тостами, которые уже никто не слушал.

Крючков сидел красный как рак, глубоко уязвленный и растерянный, молчаливоковыряя вилкой в подаваемых официантами блюдах. Наконец, когда веселье стихло и уже пора было расходиться, он предложил поднять бокалы за Андропова и Громыко. Все дружно захлопали. Те, кто представлял на вечере ПГУ, уходили подавленными. Дебют Крючкова оказался как первый блин — комом. Это не предвещало ничего хорошего...».

О том, как Крючков все-таки взял реванш у контрразведчиков, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями второй половины апреля 75-го.

Продолжается победное шествие хоккейной сборной Советского Союза на чемпионате мира и Европы в ФРГ. Блестяще пройдя первый круг, наши ребята с таким же успехом играли и во втором. Обыграв сборные Финлян-

дии (5:2), Польши (15:1), они 17 апреля сошлись в решающем поединке со своими принципиальными соперниками — чехословаками. Последние, уступив нам в первом круге со счетом 2:5, теперь рассчитывали на реванш, который мог обеспечить им общую победу в турнире. Короче, это был поистине решающий матч.

Чехословаки избрали свою любимую тактику — от обороны, рассчитывая ловить советских хоккеистов на контратаках. Но наши действовали настолько грамотно, что шансов у противника было не слишком много. В итоге первую шайбу забили наши — это сделал Владимир Петров с помощью своего знаменитого «щелчка». Затем Владимир Лутченко удвоил счет. Однако чехословаки сумели-таки размотать счет и какое-то время у них оставались шансы переломить ход встречи. Но тут блестяще сыграл страж наших ворот Владислав Третьяк. А вот чехословацкий вратарь Иржи Холечек сплоховал: дважды пропустил шайбы после бросков спартаковца Виктора Шалимова. В результате сборная СССР победила 4:1 и досрочно стала чемпионом мира и Европы. Золотых медалей были удостоены: вратари — Владислав Третьяк, Виктор Криволапов; защитники — Валерий Васильев, Геннадий Цыганков, Юрий Федоров, Владимир Лутченко, Юрий Ляпкин, Юрий Тюрин, Александр Филиппов; нападающие — Виктор Шалимов, Владимир Петров, Александр Мальцев, Сергей Капустин, Вячеслав Анисин, Александр Якушев, Валерий Харламов, Владимир Шадрин, Борис Михайлов, Владимир Викулов, Юрий Лебедев; тренеры — Борис Кулагин, Константин Локтев, Владимир Юрзинов.

18 апреля в Госкино СССР состоялся просмотр фильма Элема Климова «Агония», повествующего о судьбе одного из самых загадочных персонажей русской истории — великом «старце» Григории Распутине (в этой роли практически дебютировал на большом экране актер Алексей Петренко). На просмотр сбегалось чуть ли не все руководство Госкино, поскольку слухи о картине давно будоражили киношную среду. Говорили, что Климов достаточно смело показал тот разврат, который царил в верхушке дореволюционной России, а игра Петренко и вовсе называлась гениальной. В сущности никто из пришедших в ленте не разочаровался — по меркам советского кино

фильм действительно был необычный. Сам председатель Госкино Ермаш похвалил Климова за проделанную работу и пообещал как можно скорее выпустить ленту на экран. Чуть позже фильму дадут высшую категорию и выплатят съемочной группе причитающиеся деньги. Короче, все шло как по маслу, и ни у кого из авторов ленты даже мысли не могло возникнуть, что впереди картину ждут почти 15 лет забвения. Но о том, как и почему впадала в немилость «Агония», я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями апреля 75-го.

Кинорежиссер Александр Митта запустился на «Мосфильме» (с 31 марта) в подготовительный период с фильмом «Арап Петра Великого» (в прокате лента получит другое название: «Сказ про то, как царь Петр арапа женил»). Роль арапа изначально задумывалась для Владимира Высоцкого, с которым Митта тогда дружил домами (этот фильм их потом и разведет). Хотя были и другие варианты. Например, один известный французский продюсер, узнав об этом проекте, захотел, чтобы Митта снимал в роли арапа актера Гарри Белафонте (этот темнокожий антирасист был очень популярен на Западе). Но Митта отказался, чем поверг продюсера в шок.

В середине месяца посол СССР в Америке Анатолий Добрынин был озабочен шифровкой из Москвы, которая обязывала его сделать резкое заявление американцам в связи с их попытками поднять со дна Тихого океана советскую подводную лодку ПЛ-574, затонувшую в феврале 68-го с 97 членами экипажа на борту. Американцы приступили к секретной операции по подъему подлодки в июле прошлого года (кодовое название операции — «Дженифер») и достигли на этом поприще определенных успехов: не сумев поднять лодку полностью (она развалилась при подъеме), они все же извлекли на поверхность тела нескольких погибших. Однако сохранить в тайне эту операцию им не удалось, и вскоре она стала достоянием американской прессы, а также советских органов госбезопасности. Вопрос о том, как реагировать на эту проблему, решался на Политбюро. В итоге было принято решение потребовать от американцев прекращения операции.

19 апреля Добрынин встретился с госсекретарем США Генри Киссинджером и довел до него реакцию Политбюро. Киссинджер не стал ломать дурочку и честно признался, что такая операция имела место быть. Видимо, чтобы загладить вину, он заявил, что ими подняты тела 6 советских моряков и имена трех из них удалось установить. Это матросы Виктор Лохов, Владимир Костышко и Валерий Носачев. Киссинджер также пообещал советскому послу, что сделает все зависящее, чтобы в ЦРУ, которое проводило операцию «Дженифер», ушла команда «Отбой». Свое обещание госсекретарь сдержит.

Самое печальное, что тела извлеченных со дна океана моряков были преданы земле на территории США и советское правительство палец о палец не ударило, чтобы сообщить об этом родственникам погибших. Одна из жен членов ПЛ-574 Ирина Журавина — ее муж служил на подлодке старшим помощником командира — работала в 75-м на Шереметьевской таможне и случайно в ее руки попал американский журнал со статьей про операцию «Дженифер». Она тут же обратилась в ВМФ за разъяснениями, но ее быстро поставили на место, заявив: «Мы ничего не знаем. И вообще, почему вы думаете, что это ПЛ-574? Это может быть совсем другая лодка...».

Продолжаются мытарства диссидента Анатолия Марченко, который вот уже больше недели движется по этапу из Калуги в Иркутск и находится теперь в Пермской тюрьме. Все эти дни Марченко продолжает держать голодовку, которой 19 апреля исполнилось 52 дня. Однако тюремные власти и на этапе отказываются признать Марченко голодающим и не принимают от него никаких письменных заявлений. То есть он им сует бумагу, а они ее ни в какую не берут. Та же история произошла и утром 19-го. Возмущенный этим, Марченко попытался было вызвать в камеру надзирателя, но сил, чтобы барабанить кулаками в дверь, у него уже не осталось. Тогда сокамерники предложили ему сделать таран и даже сами приняли непосредственное участие в его сооружении: придвинули к двери стол и положили на него скамейку вверх ножками. Этим тараном Марченко и стал долбить в железную дверь. Сокатерники же уселись на нары и стали с любо-

пытством наблюдать, что будет (в нудной тюремной жизни рады любому развлечению).

После нескольких ударов тарана в дверь наконец послышался голос надзирателя: «Что шумим?». Марченко потребовал открыть дверь, чтобы вручить свое заявление о голодовке. Но коридорный в ответ только матюгнулся. Тогда Марченко продолжил долбежку. Наконец через пару минут дверь все-таки открылась и в камеру вошли аж сразу трое надзирателей. «Ну все, достучался», — подумал про себя Марченко, уверенный, что его сейчас выведут и хорошо бы отметелят в коридоре. Но ошибся. В коридор его действительно вывели, но не для битья: там его подждал майор, который согласился принять от него заявление. Правда, спустя час он же вновь вызвал Марченко из камеры и объявил, что руководство тюрьмы отказалось признать его голодающим. В итоге ничего он своим бунтом не добился.

На следующий день Марченко стало плохо. Еще ночью у него начались резкие боли в желудке, а утром начало трясти и заныло сердце. На утреннюю поверку он встать не смог. Не было у него сил подняться и на прогулку, что окончательно вывело из себя надзирателей. Влетев в камеру, они схватили обессиленного диссидента под руки и потащили в коридор. В дверях камеры Марченко сделал попытку опереться ногой в порог, но тут же заработал сильный удар кулаком по почкам. Марченко потерял сознание. Видимо, последнее обстоятельство напугало надзирателей, которые поспешили доложить о происшедшем тому самому майору, который вчера разговаривал с диссидентом. Майор немедленно вызвал врача — женщину в белом халате. Та принесла какое-то лекарство, которое не попыталась даже дать больному — только положила его рядом с ним на шконку. И удалилась. А следом за ней в камеру буквально ворвался сам начальник тюрьмы. Он потребовал, чтобы Марченко встал, но тот это делать отказался. Так и сказал: «Если хотите, то ложитесь рядом, но я не встану». В ответ начальник матюкнулся и пообещал Марченко отправить его дальше с ближайшим этапом.

В понедельник, 21 апреля, утром Марченко решает прервать голодовку и во время утренней раздачи берет положенную ему пайку — полбуханки черного хлеба. Но есть ее не спе-

шит, поскольку совершенно не знает, как выходить из голодовки. И спросить не у кого — никто из сокамерников до него еще не голодал. Тогда он начинает потихоньку отправлять в рот кусок за куском. И тут в нем просыпается такой аппетит, какого еще никогда не было. И два последующих дня он только и делает, что ест, ест и ест.

В тот же день представительная делегация с «Мосфильма» приехала в село Вешенское к Михаилу Шолохову, чтобы показать ему только что законченную экранизацию его книги «Они сражались за Родину» (приезд был приурочен к надвигающемуся в конце мая юбилею писателя — 70-летию). В состав делегации входили: директор студии Николай Сизов, режиссер фильма Сергей Бондарчук и актеры, снявшиеся в ленте: Вячеслав Тихонов, Иван Лапиков и др.

Просмотр состоялся во Дворце культуры, куда пришла практически вся партийная и хозяйственная верхушка области. Когда фильм закончился и в зале зажегся свет, ни один человек не поднялся со своего места, ожидая, что скажет Шолохов. Но тот в течение нескольких минут молчал, глядя куда-то впереди себя. У киношников внутри все опало: неужели не понравилось? Ситуация складывалась нехорошая: в банкетном зале уже были накрыты столы, все ждали только сигнала, чтобы начать отмечать премьеру картины, а один из виновников торжества вел себя более чем странно. Наконец Шолохов поднялся со своего места... и молча вышел из зала. Толпа последовала за ним.

Как оказалось, киношники и вся остальная братия волновались зря: Шолохову фильм понравился, а молчал он долго оттого, что был потрясен увиденным до глубины души. Когда все присутствующие заняли свои места за столом, писатель поднял тост за создателей фильма. Он сказал: «Я писал эту книгу, чтобы рассказать в ней, как тяжело приходилось на войне простому солдату. Авторам фильма удалось сохранить эту мысль и донести ее до зрителя. Поздравляю вас с успехом!».

В эти же дни на «Беларусьфильме» были внезапно приостановлены съемки фильма «Приключения Буратино», который по заказу Гостелерадио снимал режиссер Леонид Нечаев. Съемки ленты начались 1 апреля и шли соглас-

но утвержденному плану: за эти дни были отсняты эпизоды в декорациях «камерка папы Карло» (появление Буратино на свет), «кабинет Карабаса-Барабаса» (Карабас воспитывает своих кукол и знакомится с Буратино), «харчевня Три пескаря» (Карабас и Дуремар обсуждают свои коварные планы, а Буратино их подслушивает, спрятавшись в огромном кувшине). Но внезапно весь отснятый материал затребовал к себе заказчик и, осмотрев его, дал команду съемки приостановить. Что же произошло?

Камнем преткновения стали актеры, приглашенные на роли Карабаса и Дуремара, — Сергей Филиппов и Леонид Перфилов. Их игра настолько не понравилась заказчику, что он потребовал немедленно их заменить. Никакие объяснения по поводу того, что уже отснято почти 650 метров пленки, что на этих актеров пошиты костюмы и утверждена соответствующая зарплата, на руководителей Гостелерадио впечатления не произвели. «Ищите других актеров!» — были неумолимы телевизионщики. Пришлось смириться. Как мы теперь знаем, замена пошла во благо: новые актеры — Владимир Этуш и Владимир Басов — обедни не испортили и помогли сотворить из этого фильма настоящий хит.

Тем временем советская сборная по хоккею вернулась на родину из ФРГ, где проходил чемпионат мира и Европы. Вернулась с триумфом. В честь блестящей победы на этом турнире хоккеистам разрешили отдохнуть в кругу родных и близких. Одного из лучших игроков чемпионата форварда Валерия Харламова (он забил 10 голов и сделал 6 результативных передач) дома ждала невеста — 19-летняя Ирина Смирнова. Их знакомство произошло несколько месяцев назад при следующих обстоятельствах.

Однажды подруга Ирины пригласила ее к себе на день рождения в один из столичных ресторанов. Именинница с гостями расположилась в одной части заведения, а в другой гуляла веселая мужская компания. Когда в очередной раз заиграла музыка, молодые люди гурьбой подошли к столу именинницы и стали наперебой приглашать девушек потанцевать. Иру пригласил чернявый невысокий парень в кожаном пиджаке и кепочке. «Таксист, наверное», — подумала про себя Ирина, но пригла-

шение приняла. После этого молодой человек, который представился Валерием, не отходил от нее весь вечер. Когда же все стали расходиться, он вдруг вызвался подвезти девушку к ее дому на машине. «Точно, таксист», — пришла к окончательному выводу Ирина, когда усаживалась в новенькую «Волгу» под номером 00-17 ММБ.

Придя домой, девушка, как и положено, рассказала маме, Нине Васильевне, что в ресторане познакомилась с молодым человеком, шофером по профессии. «Ты смотри, дочка, неизвестно еще, какой он там шофер...» — посчитала за благо предупредить свою дочь Нина Васильевна. Но дочь пропустила ее замечание мимо ушей.

Встречи Харламова (а этим «шофером» был именно он) с Ириной продолжались в течение нескольких недель. Наконец мать девушки не выдержала и попросила дочь показать ей своего кавалера. «Должна же я знать, с кем встречается моя дочь», — сказала она. «Но он сюда приходит боится», — ответила Ирина. «Тогда покажи мне его издали, на улице», — нашла выход Нина Васильевна.

Этот показ состоялся в сквере у Большого театра. Мать с дочерью спрятались в кустах и стали терпеливо дожидаться, когда к месту свидания подъедет кавалер. Наконец его «Волга» остановилась возле тротуара, и Нина Васильевна впилась глазами в ее хозяина. Она разглядывала его несколько минут, но, видимо, осталась этим не слишком удовлетворена и заявила: «Мне надо подойти к нему и поговорить». И тут ее тихая дочь буквально вскипела: «Если ты это сделаешь, я уйду из дома. Ты же обещала только на него посмотреть». И матери пришлось смириться. А вскоре после этого случая было окончательно раскрыто инкогнито Валерия. Когда мать Ирины узнала, что кавалером ее дочери является знаменитый хоккеист, ей стало несколько легче: все же не какой-то безвестный шофер.

В те апрельские дни молодые встречались на территории хоккеиста — в его однокомнатной квартире в Тушино. Спустя девять месяцев после этого — в самом начале 76-го года — на свет появится плод этих встреч — сын Саша. Однако не будем забегать вперед и вернемся в апрель 75-го.

Именно тогда известный певец Лев Лещенко заполучил в свой репертуар песню, которая

вскоре прогремит на всю страну. Речь идет о хите Давида Тухманова и Владимира Харитоновича «День Победы». Эта песня была специально написана к приближающемуся празднику 30-летия Победы и предназначалась для исполнения женой Тухманова Татьяной Сашко. Однако на радиостанции «Юность», куда Тухманов собирался пристроить песню, ему с порога отказали, назвав при этом две причины: во-первых, песня о войне не может звучать в таком рок-н-ролльном варианте, во-вторых — ее не должна исполнять девушка. Тухманову было впору впасть в отчаяние, когда ему на помощь пришел редактор «Юности» Евгений Широков, который посоветовал отдать песню Льву Лещенко: дескать, тот певец гражданственно-лирического плана, обладает мягкой выразительностью и эта песня вполне может зазвучать в его исполнении. Композитор так и сделал.

Буквально за несколько дней Лещенко разучил «День Победы» и в апреле уехал на гастроли в Алма-Ату. Там он ее впервые и исполнил. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Вижу, что в зале творится что-то невероятное — люди встают, скандируют «Бис!», «Браво!», какой-то пожилой мужчина расплакался как ребенок и выбежал из зала... Я понимаю, что «День Победы» произвел на них ошеломляющее впечатление. Вывод один: «День Победы» — не просто песня, это великая песня. В тот же вечер звоню Давиду Тухманову в Москву:

— Адик, если бы ты видел, как народ сегодня принимал «День Победы»! Это было что-то потрясающее, в жизни еще такого не видел! Как только вернусь, немедленно надо ее записать! Так что ты придержи ее пока для меня...

А Давид отвечает:

— Лев, да я-то в принципе не против. Но дело в том, что эту песню уже вроде как отобрали для праздничного «Голубого огонька», где ее будет петь Сметанников.

Я говорю:

— Ну что поделаешь... Но все равно, когда приеду, я ее тоже запишу...».

В четверг, 24 апреля, в столичном Колонном зале Дома союзов прошла торжественная церемония провозглашения Анатолия Карпова чемпионом мира по шахматам. Как мы пом-

ним, этого титула советский шахматист был удостоен после того, как американский гроссмейстер Роберт Фишер отказался играть финальный матч. Президент ФИДЕ Макс Эйве надел на плечи Карпова лавровый венок и вручил ему золотую медаль. Таким образом звание сильнейшего в мире шахматиста после недолгого, в три года, перерыва вновь вернулось в Советский Союз. Однако сам Карпов в те минуты чувствовал себя неловко из-за того, что стал чемпионом без борьбы. Поэтому в своем ответном слове он заявил, что готов играть с Фишером в любой момент, но на условиях, удовлетворяющих обоих.

И еще одно событие произошло в тот четверг: в Кишиневе закончил свою работу 8-й Всесоюзный кинофестиваль (начался 18 апреля). Большого приза на нем были удостоены две ленты: «Выбор цели» Игоря Таланкина (история создания атомной бомбы в СССР под руководством И. В. Курчатова) и «Премия» Сергея Микаэляна. В первом фильме рассказывалась история создания атомной бомбы в СССР под руководством И. Курчатова (эту роль сыграл Сергей Бондарчук), второй, хотя и был отнесен к скучнейшему жанру «производственной драмы», однако был на порядок сильнее «Выбора цели». Говорят, даже Брежнев, посмотрев «Премия» у себя на даче, так расчувствовался, что устроил себе еще один сеанс, а на следующий день, придя на работу, настоятельно советовал своим коллегам по Политбюро посмотреть ее тоже.

После Большого приза шел Главный, и его поделили между собой аж пять фильмов: «Абу Райхан Беруни», «Помни имя свое», «Последняя встреча», «Фронт без флангов» и «Пламя». Приза за лучший фильм для детей и юношества была удостоена картина Ричарда Викторова «Отроки во Вселенной». Среди мультфильмов первую премию получила студия «Союзмультфильм» за серию фильмов: «Ну, погоди!» (8-й выпуск), «Ваня Датский», «Дарю тебе звезду», «Цапля и журавль», «Пони бегают по кругу».

Среди актеров призы распределились следующим образом: первая премия — Э. Куулл («Родник в лесу»), В. Чутак («Долгота дня»); вторая премия — Л. Виротайнен («Расколотое небо»), Д. Камбарова («Абу Райхан Беруни»), К. Джангиров («Человек из Олимпа»), У. Лиелдидж («Следую своим курсом»). Среди лучших

режиссеров был назван Ролан Быков за фильм «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Во время вручения ему приза произошел любопытный эпизод, на который обратили внимание многие из присутствующих в зале. Когда председатель жюри Всеволод Санаев вручал Быкову диплом... он делал это практически отвернувшись от награжденного. Объяснялся сей факт весьма прозаично: во время съемок «Автомобиля...» дочь председателя жюри Елена Санаева вышла замуж за Быкова, которого Всеволод Васильевич на дух не переносил.

Конец апреля был ознаменован большими неприятностями для Андрея Сахарова и Елены Боннэр. Последней требовалась срочная глазная операция (как мы помним, болезнь была следствием военной контузии), и она намеревалась провести ее за границей, в Италии, где жила одна из ее близких подруг. Эта женщина прислала Боннэр вызов, но московский ОВИР отказал ей в выдаче визы, мотивируя это тем, что она может успешно лечить глаза и у себя на родине. Сахаров попытался было добиться разрешения на поездку через президента Академии наук СССР М. Келдыша, но тот тоже отказался им помочь, сославшись все на ту же советскую медицину: дескать, она не хуже заграничной. Поняв, что добиться справедливости законным путем у них не получается, Сахаров и Боннэр выбрали самый радикальный метод — пригрозили властям голодовкой, обещая приурочить ее к 30-летию Победы.

В субботу, 26 апреля, в вечерний прайм-тайм (19.25 — 23.00), по ТВ состоялась премьера фильма Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие...». Фильм вышел на широкий экран три года назад и имел фантастический успех: стал лидером отечественного проката и собрал массу призов на различных фестивалях как внутри страны, так и за ее пределами. Короче, фильм был безоговорочно принят как зрителями, так и критиками. Хотя одно «но» все-таки было: сцена в бане. Как мы помним, еще на стадии выпуска ленты на экран худсовет студии имени Горького требовал изъять эту сцену из фильма, называя ее чуть ли не порнографической. Кондовость мышления цензоров удивляла: сцена мало того, что была абсолютно целомудренной, но она логично вытекала из всего происходящего на экране. Но ее требовали убрать. Режиссеру пришлось приложить

массу усилий, чтобы ее отстоять, правда, в несколько сокращенном виде.

Между тем для большинства советских зрителей, выросших в условиях махрового антиэротизма, эта сцена стала настоящим шоком. Хорошо помню свои собственные впечатления от этого эпизода: при виде такого количества обнаженных женщин на широком экране даже у меня, 10-летнего мальчишки, аж дух захватило. Чего уж говорить о взрослых мужиках. Ведь в те достопамятные годы не только на порнографии, но даже на невинной эротике лежало табу. Это сегодня практически в любом печатном СМИ считают уместным помещать на своих страницах фотографии женщин в negligé, а в те годы этого быть не могло. Например, мы, подростки, приобшались к «этому делу» посредством каких-то «левых» фотографий типа колоды карт с изображением обнаженных девиц, выпущенных в одной из закавказских республик. Карты были засалены, затрепаны, а фотки были такие мутные, что хорошо была видна только верхняя их часть, а нижняя была как в тумане. Но даже такие фотографии ценились на вес золота. Чуть позже мы открыли для себя новый эротический источник. Напротив нашего двора находился Институт физкультуры, душевые которого выходили аккурат на площадку, где мы часто играли в войну. И однажды кто-то из нас обнаружил в углу окна женской душевой (а оно было выкрашено краской) аккуратное отверстие, выскобленное изнутри кем-то из работников института (наверняка мужского полу). И вот к этой дырочке мы приноровились регулярно приглядываться, изучая женскую анатомию уже не по мутным фотографиям сомнительного происхождения, а живую. А глядеть там, честно признаюсь, было на что. Такого количества молодых, пышущих здоровьем обнаженных женщин разного телосложения, как в душевой Института физкультуры, больше нигде увидеть было просто невозможно. Так что в этом плане нам, ребятам с Казаковки, здорово повезло.

Но вернемся к тому, с чего мы начали: к премьерному показу по ТВ фильма «А зори здесь тихие...», а именно — к сцене в бане. Дело в том, что телена начальники пошли гораздо дальше своих предшественников из худсовета студии имени Горького: они не стали сокращать эту сцену, а взяли и вырезали ее полностью.

Тем более опыт в подобного рода делах у них был предостаточный. Мы помним, как были точно так же урезаны фильмы: «Адьютант его превосходительства» (из него вырезали постельную сцену между Кольцовым и Таней), «Бумбараш» (где главный герой облегчается «по-легкому» на воздушном шаре). Теперь в этот список угодили и «Зори». Но телена начальники не учли одного обстоятельства: того, что Станислав Ростоцкий с этим категорически не согласится. Вскоре он затеет на страницах «Литературной газеты» дискуссию на эту тему и выиграет: в редакцию придет столько писем от возмущенных произволом телена начальников зрителей (в том числе и ветеранов войны), что во время следующих показов фильма «А зори здесь тихие...» сцена в бане будет восстановлена.

Но вернемся в конец апреля 75-го.

27 апреля в Москве был задержан опасный преступник, причем схватить его удалось благодаря смелости добровольных помощников: студента МГИМО Петра Воронова и шлифовщика экспериментального оптико-механического завода Владислава Ермакова. Оба этих человека волею случая оказались в нужное время в нужном месте и... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В тот воскресный день, поздно вечером, Воронов возвращался домой. Ему оставалось пройти до дома каких-нибудь несколько сот метров, когда он внезапно услышал чьи-то приглушенные стоны. Они доносились из узкого прохода, образованного стеной школы и забором. Воронов оказался парнем не робкого десятка и немедленно бросился на шум. И, как оказалось, вовремя: неизвестный мужчина, повалив на землю молодую женщину, срывал с нее одежду. «Стой, гад!» — закричал Воронов, чем и остановил насилие. Незнакомец вскочил с земли и бросился бежать. Студент тем временем подбежал к жертве, чтобы оказать ей первую помощь. Он вытер с лица женщины кровь и попытался ее успокоить. Но та пребывала в шоке и плохо реагировала на его слова.

На крик студента к месту происшествия прибежали еще двое мужчин: рабочий Ермаков и участковый инспектор 37-го отделения милиции А. Колибабчук. Последний, оставив потерпевшую заботам добровольных помощников милиции, бросился в опорный пункт охраны порядка, чтобы сообщить о случившемся.

Знай он о том, что произойдет в его отсутствие, наверняка остался бы на месте. А случилось вот что. Насильник, то ли от переполнявшего его сексуального азарта, то ли просто из любопытства, решил вернуться к месту происшествия. Крадучись, он подобрался к школе и выглянул из-за кустов. В этот миг его голову в свете одинокого фонаря заметил Воронов. И тут же ночную тишину разбудил его крик: «Вон он, сволочь!». Преступник бросился наутек, а Воронов и Ермаков пустились в погоню.

Первым маньяка настиг студент, который буквально повис у него на плечах. Но преступник оказался не хилым малым и легко сбросил преследователя на землю. Да еще пнул его ногой. И снова побежал. Однако около высотного дома на Котельнической набережной преследователи снова его догнали и напали на него уже вдвоем. Вся троица кубарем покати-лась по земле. Какое-то время драка шла в полной тишине, затем раздался истошный крик маньяка, которому кто-то из преследователей съездил кулаком по «фейсу». Потом тишину потряс трехэтажный мат — это уже выругался кто-то из преследователей в ответ на то, что маньяк никак не хотел сдаваться на милость победителям. Вся эта возня и крики буквально переполошили жителей «высотки» (в этом доме проживали именитые жильцы: Людмила Зыкина, Александр Ширвиндт, Лидия Смирнова и др.), которые стали выглядывать из окон. Какая-то пожилая жиличка закричала: «Хулюганы! Шас в милицию позвоню!». Едва она успела сообщить об этом, как милиция уже была тут как тут: к месту драки подоспел все тот же участковый Колибабчук. Его приход оказался как нельзя кстати и перевесил чашу весов в пользу стражей правопорядка — маньяк был скручен.

Стоит отметить, что спустя несколько месяцев приказом начальника ГУВД Москвы добровольные помощники милиции Воронов и Ермаков будут награждены ценными подарками. Но вернемся в конец апреля 75-го.

Эльдар Рязанов почти закончил съемки фильма «Ирония судьбы». Говорю почти, поскольку на тот момент не была отснята одна из самых смешных сцен фильма — в бане (ее снимут в начале мая, о чем я еще расскажу) и предстояло переснять ряд эпизодов в декорации «квартира Жени Лукашина» (съемки состоя-

лись 25, 28—29 апреля). Побывавшая на съемочной площадке И. Ганелина вспоминает:

«Теплый весенний день. В одном из павильонов «Мосфильма» режиссер Эльдар Рязанов снимает последний эпизод картины «Ирония судьбы». Открывается дверь, и среди декораций появляется актриса Барбара Брыльска, играющая роль ленинградской учительницы Нади. Происходит любопытный диалог. «Мне звонить?» — спрашивает она у режиссера. «Нет. У тебя ключ». «Это нехорошо: я могу застать его в таком виде...». «Он же вошел к тебе без звонка — плати ему тем же». «Но я не могу, как он! Я же соображаю!». «Пусть так, но ведь ты влюблена. Скажи лучше, как бы ты сейчас поступила на месте Нади, — сняла бы пальто или нет?». «Ни за что! Может быть, здесь уже другая? Мужчины — они, знаешь, какие?». «Знаю, — серьезно отвечает Рязанов, и все присутствующие смеются. — А где портфель с веником? Ты зачем в Москву приехала? Отдать веник. Вот и открывай чужую дверь своим ключом. Замки тоже стандартные. Только я бы портфель вот так держал». Он показал как и скомандовал:

— Внимание! Снимаем этот бессмертный кадр!

Зажглись осветительные приборы. Тихо открылась дверь, и в квартиру Лукашиных вошла Надя. Она увидела на вешалке знакомую дубленку и на цыпочках направилась в комнату, где на тахте крепко спал Женя...».

29 апреля во Дворце спорта ЦСКА состоялось чествование национальной сборной по хоккею, вернувшейся с очередного чемпионата мира и Европы в ранге чемпионов. Сборную наградили переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ, ряд хоккеистов получили очередные звания: Сергей Капустин и Виктор Шалимов стали заслуженными мастерами спорта, Александр Филиппов и Юрий Федоров — мастерами спорта международного класса.

В тот же день в другом Дворце спорта — в Лужниках — прошли показательные выступления сильнейших фигуристов страны. Среди участников была и блистательная пара Ирина Роднина — Александр Зайцев, которые буквально накануне турнира стали мужем и женой. Впрочем, людская молва давно уже их поженила, отчего новость о походе чемпионов в загс не стала для миллионной армии болель-

щиков сенсацией (Роднина призналась об этом в интервью восточногерманской газете «Юнге Вельт», которое было перепечатано «Комсомольской правдой» 29 апреля).

Во второй половине апреля в столичных кинотеатрах состоялись две премьеры, причем оба фильма были посвящены событиям Великой Отечественной войны: 21-го на экраны вышла лента Игоря Гостева «Фронт без флангов» с участием Вячеслава Тихонова, Олега Жакова, Галины Польских и др.; 28-го — фильм Виталия Четверикова «Пламя», гля снялись Юрий Каюров, Леонид Неведомский, Михаил Глузский и др. Шумный промоушн был устроен только первой ленте, поскольку она была снята, как мы помним, по книге зампреда КГБ Семена Цвигуна (на самом деле книгу писал Вадим Трунин). В итоге газеты захлебывались от восторга, а сам фильм определили для демонстрации в один из лучших столичных кинотеатров — «Россия».

Кино по ТВ: «Ждите нас на рассвете» (17-го), «Озорные повороты» (18-го), «Ожерелье для моей любимой» (19-го), «Весна на Оudere» (20-го), «Надежда» (впервые по ТВ 21-го), «Расскажи мне о себе» (23-го), «Школа мужества», «У самого Черного моря» (премьера т/ф), «Летчики» (25-го), «А зори здесь тихие...» (впервые по ТВ 26-го), «На пути в Берлин» (27-го), «Тимур и его команда» (30-го) и др.

Премьеры в театрах: 18-го — в Театре-студии киноактера был показан спектакль «Опять премьера!»; 26-го в Театре имени Пушкина — «Судьба человека» М. Шолохова; 27-го в Малом театре — «Русские люди» К. Симонова с участием Ивана Любезнова, Юрия Каюрова, Алексея Локтева и др.

Эстрадные представления: 17-го — в ГЦКЗ «Россия» Иосиф Кобзон показал новую программу под названием «Слушайте, товарищи!»; 17—18-го — в ГТЭ демонстрировал свое искусство вокала болгарский певец Бисер Киров; 19—20-го — в ГЦКЗ «Россия» выступала чехословацкая певица Хелена Вондрачкова; 19-го — в ГТЭ состоялись сборные концерты с участием: Владимира Макарова, Светланы Резановой, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, Нины Дорды и др.; 20-го — в ГЦКЗ «Россия» прошел концерт «Любимые герои кино», в котором участвовали звезды отечественного ки-

нематографа: Борис Андреев, Николай Крючков, Марина Ладынина, Иван Переверзев, Лидия Смирнова, Иннокентий Смоктуновский, Петр Глебов, Владимир Дружников, Георгий Вицин, Татьяна Самойлова, Владимир Ивашов, Светлана Светличная, Михаил Ножкин, Надежда Румянцева и др.; 23—25-го — в ГТЭ пел супружеский дуэт Вадим Мулерман — Вероника Круглова; 23-го, 27-го — в ГЦКЗ прошли концерты под названием «Песни солдатской славы» с участием: Клавдии Шульженко, Майи Кристалинской, Гелены Великановой, Иосифа Кобзона и др.; 28-го — в ГЦКЗ выступали Геннадий Хазанов, Леонид Харитонов, Надежда Румянцева, Гелена Великанова и др.; с 28-го — в ГТЭ прошли концерты «Память сердца» с участием Клавдии Шульженко, Ларисы Голубкиной, Юрия Тимошенко и Ефима Березина, Владимира Трошина, Ивана Суржи-

кова и др.; 19, 20, 24—27-го — в ЦДКЖ выступал Аркадий Райкин со спектаклем «Избранное».

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю гибкую пластинку английской глэм-рок-группы «Свит». Вот уже почти три года как эта группа шпарит наикрутейший хард-рок, однако послушать его советский меломан может только на магнитных лентах, поскольку «Мелодия» эти песни начисто игнорирует, предпочитая выпускать их ранние, наиболее спокойные вещи. Так, в декабре прошлого года на дебютной пластинке «Свит» в СССР были представлены четыре композиции с альбома 71-го года «Funny how Sweet», а в апреле к ним добавились еще четыре песни из этого же альбома: «Солнечные сны», «Не будь строгой», «Хорошая погода», «Размышление». Мне лично больше нравился первый миньон.

Доклад КГБ о майских праздниках. Сахаров и Боннэр грозят голодовкой. Госкино мордует фильм Родиона Нахапетова. «Ирония судьбы»: съемки «бани» в мосфильмовском коридоре. Убили автора первого алтайского романа. Почему космонавты не стали Героями Советского Союза. Вечеринка у Михаила Козакова. Почему Петр Подгородецкий выбросил свой арабский диван. Драка в ресторане «Печора». Как погибла жена художника Бориса Жутовского. КГБ обкуривает Войновича. ЦСКА чемпион в 19-й раз. «Динамо» (Киев) выигрывает Кубок обладателей кубков. Как закатилась звезда советского Робертно Лоретти. На фестивале «Киевская весна» обидели Аллу Пугачеву. Ваш покорный слуга в роли школьного знаменосца. Борода Высоцкого. Анатолий Марченко прибыл к месту ссылки. Арестовали Виктора Доценко. Лагерная жизнь Сергея Параджанова. Злая роль Валентины Владимировой. За что Алексею Герману объявили выговор. Шутники из «Известий». Алексей Мажуков перебегает дорогу Вячеславу Добрынину. Марина Влади привезла из Парижа огромный «сексодром». Нахапетов и Глаголева едут на съемки в Одессу. Борис Бабочкин попадает в больницу. Почему Юрий Нагибин остался недоволен приемом в японском посольстве.

С четверга 1 мая по субботу 3 мая вся страна гуляла, традиционно отмечая День солидарности трудящихся. Все было как обычно: демонстрации в центре городов, праздничные гулянья и концерты. Не дремали в эти дни и антисоветчики, число которых в такие дни обычно увеличивалось втрое. Вот какая депеша ушла из КГБ в ЦК КПСС после первомайских праздников 75-го года:

«Празднование Первого мая в стране проходило в нормальной обстановке, с большим политическим подъемом. Вместе с тем в некоторых районах страны отмечены отдельные факты негативных проявлений. В Москве, Одессе, Кишиневе, Ростовской области были распространены листовки враждебного содержания. В районном центре Пустомыты Львовской области у обелиска воинам-освободителям сожжены 13 висевших на флагштоках флагов союзных республик. Случаи уничтожения флагов имели место также в Москве и Харькове. В городе Гродно обнаружена порча портрета основателя Советского государства... По

всем указанным актам приняты соответствующие меры. Большинство причастных к враждебным проявлениям лиц установлены».

3 мая на своей квартире в доме по улице Чкалова Андрей Сахаров и Елена Боннэр провели пресс-конференцию для зарубежных журналистов, где рассказали им о ситуации, сложившейся вокруг невозможности Боннэр выехать в Италию для глазной операции. Как мы помним, ОВИР отказал ей в выездной визе и Боннэр решила воззвать к международной общественности. В своем заявлении, зачитанном на пресс-конференции, Боннэр сообщила, что является инвалидом Отечественной войны II группы, лейтенантом запаса и имеет все основания требовать помощи у государства. Она несколько раз проходила лечение в Советском Союзе, но после того как это лечение не принесло ожидаемых результатов, больная вправе искать помощи у зарубежных специалистов. А если советские власти не хотят ей разрешить этого, то они с мужем вправе выбрать адекватные ответные меры — в дни 30-летия Победы

они проведут голодовку с целью привлечения внимания к возникшему трагическому положению (трагедия заключалась в том, что операция требовалась немедленно, иначе это грозило Боннэр потерей зрения).

Стоит отметить, что за пару часов до пресс-конференции в доме Сахарова и Боннэр появился курьер из Министерства здравоохранения СССР, который вручил им официальное письмо за подписью замминистра. В нем сообщалось, что Боннэр может быть предоставлена медицинская помощь в любом специализированном учреждении Минздрава. В письме также было упоминание о возможности привлечения для лечения Боннэр специалистов из-за рубежа с оплатой за счет государства. Однако супруги предпочли не идти на попятную и не воспользовались возможностью отменить пресс-конференцию. А про письмо из Минздрава рассказали журналистам.

Неприятности переживает в те дни и молодой кинорежиссер и актер Родион Нахапетов — Госкино не хочет принимать его фильм «На край света». В необычной ленте, посвященной проблемам молодежи, чиновники от кино узрели какую-то идеологическую крамолу. Вот как вспоминает об этом сам Р. Нахапетов:

«Посреди просмотра в зале Госкино зажегся свет и мрачный зам. Ермаша Борис Павленок вышел из зала. Наступила мертвая тишина. Комитетские чиновники, потупив головы, разбрелись по своим кабинетам, не проронив ни слова. Глаголева (Н. Глаголева — редактор фильма. — Ф. Р.) пошла разузнать, что случилось.

— Фильм не принимают, — сказала она, вернувшись. — Павленок рвет и мечет. Говорит, что такая молодежь, как у Нахапетова, нам не нужна. Один из редакторов заявил, что герой — фашист. Другая сказала, что боится за своего сына-подростка. Фильм направлен против родителей. В общем, все в один голос говорят, что ты сделал что-то ужасное, недопустимое и вредное. — Глаголева перевела дух и закончила: — Надо подключать Сизова...».

Однако и подключение к этому делу директора «Мосфильма» Николая Сизова, который, кстати, фильм принял, не принесло результата. Когда он в присутствии Нахапетова, Глаголевой и Виктора Розова (это была экранизация его пьесы) позвонил председателю Госкино Ерма-

шу, тот даже не стал его слушать и приказал немедленно приступить к переделкам. В противном случае фильм ляжет на полку. И не смотря на то, что весь негатив фильма был уже смонтирован и ни одного лишнего кадра не осталось, Нахапетову с 5 мая пришлось приступить к сокращениям.

Тем временем на том же «Мосфильме» съемочная группа фильма «Ирония судьбы» приступила к освоению декорации «баня» (как мы помним, основные съемки по фильму уже были завершены, и теперь осталось отснять именно этот, последний эпизод). Декорацию решили соорудить не в павильоне студии, а выбрали для этого совершенно неожиданное место — площадку под лестницей в одном из коридоров «Мосфильма». Там декораторы установили банные скамейки, весы. В течение двух дней шло освоение декорации, после чего 6 мая была проведена съемка с участием четырех главных исполнителей: Андрея Мягкова, Георгия Буркова, Александра Ширвиндта и Александра Белявского. Последний вспоминает:

«Сцену в бане снимали в мой день рождения — 6 мая. Съемка предстояла ночью — только тогда всех четверых актеров могли собрать вместе, и в полночь за мной пришла машина. Взяли меня прямо из-за стола, от гостей. Я прихватил с собой бутылку водки, пирожков, бутербродов и отправился на съемку. Актеры со мной пить отказались: Бурков был в сильнейшей завязке, Мягков сказал, что тут же забудет текст, а Шура Ширвиндт обещал выпить после того, как закончится съемка. Я стал угощать членов съемочной группы и сам выпил 100 граммов. Рязанов унюхал (у него стало складываться впечатление, что я без этого не могу). И спросил: «Саша, а сегодня в чем дело?» (как мы помним, в первый раз — 18 января — Белявский тоже позволил себе выпить перед съемкой, поскольку тот день совпал с годовщиной его свадьбы. — Ф. Р.). Я говорю: «Эльдар, сегодня у меня день рождения, могу паспорт показать». И тогда он произнес гениальную фразу, которую только он мог сказать: «Дорогой мой: будь добр, составь для меня список всех твоих торжественных дат, чтобы я с тобой на эти дни не назначал съемку».

А теперь перенесемся в город Горно-Алтайск, где в среду, 7 мая, произошло убийство. Жертвой отморозков стал уважаемый человек,

известный поэт, автор первого алтайского романа Лазарь Кокышев. События развивались следующим образом.

В тот день к 17-летнему учащемуся Горно-Алтайского медицинского училища Виктору Кочетову приехал его земляк Михаил Дроздов. По этому случаю в ближайшем продуктовом магазине были куплены две бутылки самого дешевого яблочного вина, и земляки уехали отмечать это событие в общаговской комнате Кочетова. Сначала они выпивали вдвоем, потом к ним присоединился и второй жилец комнаты — Владимир Ермилов. Опорожнив две бутылки, молодые люди отправились подышать свежим воздухом. Они прошли всего лишь несколько шагов, как Кочетов заметил мужчину, мирно сидевшего на лавочке. Это был Лазарь Кокышев, который, на свою беду, тоже совершал вечернюю прогулку перед сном. При виде его Кочетов потянуло на подвиги. Нетвердой походкой он подошел к мужчине и присел рядом. Заметив, что юноша пьян, писатель счел за благо ретироваться. Но едва он встал со скамейки и сделал несколько шагов в сторону, как Кочетов догнал его и схватил за руку. После чего в руках юноши появилась финка. Приставив ее к горлу писателя, он угрожающе произнес: «Гони деньги». Кокышев выгреб из кармана всю мелочь — 32 копейки. При виде этой суммы Кочетов оскорбился. «Ах ты, гад!..» — зарычал он и ударил писателя кулаком в лицо. Это стало сигналом его друзьям: они тоже стали наносить удары мужчине, единственная вина которого была в том, что он повстречался им на узкой дорожке.

Избиение продолжалось несколько минут. Писателя били сначала кулаками, а когда он упал, принялись утюжить и ногами. Жизнь несчастного могла оборваться уже тогда, но судьбе было угодно оттянуть этот момент. Поблизости послышались чьи-то голоса, и отморозки бросились наутек. Остановились они только у общаги. Там перевели дух, закурили. Но не успели они сделать несколько затяжек, как из-за угла на них вышел... все тот же Кокышев. Он утирал кровь с лица и явно был не в себе. Увидев его, Кочетов буквально взорвался: «Ты что, гад, нас выслеживаешь?!». Он первым подскочил к писателю и вновь ударил его по лицу. Затем все трое подхватили Кокышева под руки и потащили в темноту. Там отморозки бросили

жертву на землю и с еще большим остервенением стали избивать его ногами. Били до тех пор, пока писатель не затих. «Да он, кажется, очоурился», — первым опомнился Кочетов и потянул дружков прочь от места убийства. Однако у этого преступления оказалось слишком много свидетелей: все они видели, как трое юношей избивают мужчину, но никто из них даже не подумал вмешаться. Правда, на следующий день, когда милиция вызвала их для допроса, они не побоялись назвать имя Кочетова. В тот же день убийц арестовали.

8 мая — спустя месяц! — в советской печати наконец-то появилось короткое сообщение о том, что космический полет корабля «Союз» с космонавтами Василием Лазаревым и Олегом Макаровым на борту закончился неудачей. В газетах сообщалось: «На участке работы третьей ступени произошло отклонение параметров движения ракеты-носителя от расчетных значений, и автоматическим устройством была выдана команда на прекращение дальнейшего полета по программе и отделение космического корабля для возвращения на Землю. Спускаемый аппарат совершил мягкую посадку юго-западнее города Горно-Алтайска (о том, какой «мягкой» была эта посадка, мы с вами знаем. — Ф. Р.). Поисково-спасательная служба обеспечила доставку космонавтов на космодром...».

В сообщении не было ни слова об истинной причине прекращения полета, серьезнейшем отказе техники, чрезвычайно сложной ситуации, в которую попал экипаж. Однако люди в те годы умели прекрасно читать между строк и обо всем несообщенном догадались сами. Тем более на определенные мысли наводил и другой факт: впервые (!) за всю историю советской космонавтики космонавты, вернувшиеся на Землю, не были удостоены званий Героев Советского Союза, а получили в награду всего лишь ордена Ленина. «Значит, хреново слетали!» — судачили люди в очередях.

8 мая в Театре на Малой Бронной шел спектакль «Женитьба» по Н. Гоголю в постановке Анатолия Эфроса. В ролях был занят чуть ли не весь цвет театра: Лев Дуров в роли Жевакина, Леонид Броневой — Яичница, Николай Волков — Подколесин, Ольга Яковлева — Агафья, Михаил Козаков — Кочкарев. Зал на спектакле был забит под завязку и рукопле-

скал звездному составу чуть ли не после каждой реплики. Был там и актер Таганки Вениамин Смехов. После спектакля Козаков пригласил его к себе домой, где помимо них собралась теплая компания: Олег Даль с женой Елизаветой, дядя последней Игорь Эйхенбаум (во время войны он служил в знаменитой советско-французской эскадрилье «Нормандия-Неман») и ее мама Ольга Эйхенбаум (Олег Даль с женой и тещей в том мае наконец-то переехали на постоянное жительство в Москву, разменяв ленинградскую квартиру Эйхенбаумов на квартиру в столице). За столом ели судака, приготовленного супругой Козакова Региной, на десерт были ананасы, орехи и другие деликатесы, сроду невиданные в свободной продаже в столичных магазинах.

9 мая вся страна отмечала славный юбилей — 30 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Торжества были поистине всенародными, хотя ожидаемого всеми парада на Красной площади почему-то не состоялось. Зато власти отдали негласное распоряжение стражам порядка: разрешать людям пить даже на улице и в вытрезители никого не забирать. Кстати, о выпивке. Тот день запомнился музыканту Петру Подгородецкому (он вскоре встанет за клавиши в рок-группе «Машина времени») тем, что он тогда впервые в жизни напился «вусмерть». В тот день в его квартире собралась большая молодежная компания, которая веселилась до утра. Но Подгородецкий, приняв на грудь изрядное количество спиртного, вырубился ближе к ночи и заснул на дорогом арабском диване с ножками в виньетки из слоновой кости. Лучше бы он заснул на полу. Когда следующим утром Петр проснулся и взглянул на диван, ему стало плохо — тот был чуть ли не весь облеван. Пришлось в тот же день отнести чудо-мебель на свалку, поскольку отмыть его не было никакой возможности.

В еще более черные тона были окрашены те праздничные дни для писателя Виктора Доценко (литературного отца «Бешеного»). В те годы он работал на телевидении (помогал режиссеру Евгению Гинзбургу снимать его знаменитые «Бенефисы» и передачу «Артлото»), а параллельно писал сценарий о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. И надо было так случиться, но, будучи 9 мая на Красной площади Доценко встретил-

ся с героем войны, знаменитым партизанским командиром Федоровым, который теперь работал министром социального обеспечения Украины. Рассказав ему о своем сценарии, Доценко напросился на встречу, которую Федоров назначил на следующий день в номере гостиницы «Россия», где он тогда проживал.

На встречу с Федоровым Доценко пришел со своим приятелем Олегом точно в назначенное время. Просидели они там несколько часов, и, когда вышли на улицу, было уже около восьми вечера. Поскольку день был праздничный, они решили завершить его в каком-нибудь питейном заведении. Этим местом стало кафе «Печора», что на Калининском проспекте. Причем, поскольку свободных столиков в зале уже не было, им предложили подсесть на свободные места в сугубо девичьей компании. При этом Доценко заметил, что соседний столик был совершенно пуст, но официантка на его недоуменный вопрос ответила, что за него вот-вот сядут четверо посетителей. И точно: вскоре за него уселись четверо парней, один из которых оказался Доценко знакомым. Но где и когда он его видел, Виктор долго никак не мог вспомнить (позднее он вспомнит: этот парень был среди тех чекистов, которые два года назад проводили обыск в его ленинградской квартире, пытаясь найти крамольную повесть «День, прожитый завтра», где Доценко фантазировал на тему развала КПСС и прихода к власти военной хунты).

Тем временем народ в зале затянул песни, соответствующие празднику, — про войну. Люди пели «Катюшу», «Синий платочек» и даже «Вставай, страна огромная». Затянули соответствующую песню и Доценко с Олегом. Но не успели они это сделать, как вдруг их пение было прервано грязным ругательством, которое донеслось из-за соседнего столика. Оскорбленный до глубины души, Доценко поднялся со своего места и подошел к грубиянам:

— Ребята, как не стыдно. Сегодня праздник Победы, девушки вокруг, а вы матом...

Закончить фразу Доценко не успел, поскольку один из четырех парней, к кому он обратился, внезапно схватил со стола бутылку и ударил его ею по голове. Глаза Доценко залила кровь, дефицитные дымчатые очки итальянского производства оказались разбиты. Однако удар, видимо, оказался не слишком сильным,

поскольку Доценко после него не потерял сознание, а даже сумел нанести обидчику ответный удар — кулаком в физиономию. Далее слушаем его собственный рассказ:

«Почему-то я был уверен, что с тыла мне ничего не угрожает: там был мой приятель — Олег. Какой я был наивный. Олег и попытки не сделал, чтобы оказаться рядом, чем воспользовались соратники ударившего меня. Один таки разбил о мою голову бутылку, а двое других стали молотить в четыре кулака. Мне удалось сбить одного из них с ног, каким-то чудом вырваться из этой молотилки и побежать к лестнице, ведущей на первый этаж. Меня подташнивало, и голова кружилась. По дороге я встретил милиционера, которому крикнул:

— Мне разбили голову... Они на втором этаже... Арестуйте их! — и потерял сознание.

Я очнулся в отделении милиции. Огляделся: за столом сидел и тот, что разбил мне очки, и один из его приятелей. Они что-то писали.

— Очнулись? — участливо спросил дежурный майор. — Можете писать?

— Нет, мне плохо... — с трудом шевеля языком, ответил я и спросил. — А где мой приятель, Чулков Олег, где свидетели?

— Наверное, еще не добрались... — Майор почему-то смутился и торопливо добавил: — Лейтенант, который вас привез, просил свидетелей прийти самостоятельно.

— Самостоятельно? — воскликнул я и ойкнул от боли.

— Сейчас вас заберет «Скорая»: я вызвал...

Машина «Скорой помощи» действительно вскоре подъехала к отделению милиции и увезла Доценко в больницу. О том, что было с ним дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями.

10 мая в Симферополе в автомобильную аварию угодила художник Борис Жutowский (в 62-м году он был одним из участников пресловутой выставки авангарда в Манеже, во время осмотра которой Никита Хрущев орал сакраментальное: «Пидарасы!»; кстати, после своей отставки бывший персек лично извинился перед Жutowским). Авария была ужасной: два автомобиля столкнулись лоб в лоб. Поскольку дело происходило на загородном участке шоссе, «Скорую помощь» ждали в течение часа. А когда стало ясно, что ждать дальше бесполез-

но (жена Жutowского получила тяжелейшие ранения), остановили автобус, в котором ехали пионеры, и на нем помчались в город. Всю дорогу Жutowский, который сам находился между жизнью и смертью (одна его нога была расколота на пять кусков), держал на коленях окровавленную голову жены, а когда автобус доехал наконец до больницы, выяснилось, что жена уже скончалась. Когда Жutowский это понял, он потерял сознание. Очнется художник несколько часов спустя в больнице, в гипсе от пяток до макушки. Узнав об этой аварии, друг Жutowского — врач-реаниматолог Владимир Кассиль — прилетит из Москвы военный бомбардировщик, который доставит пострадавшего в столицу.

11 мая писатель Владимир Войнович, которого, как мы помним, в марте 74-го исключили из Союза писателей СССР, был приглашен для конфиденциального разговора с сотрудниками КГБ в один из номеров гостиницы «Метрополь». Чекистов было двое, они представляли 5-е (идеологическое) управление Комитета и Войновичу были хорошо известны: неделю назад он уже имел с ними беседу, но в другом месте. Тогда чекисты предложили Войновичу подумать на тему его возвращения в советскую литературу. Дескать, если он изменит свое поведение, то они помогут ему восстановиться в СП и публиковать свои книги в Советском Союзе. Войнович обещал подумать. Через неделю в «Метрополе» состоялась их вторая встреча. На ней старший чекист — он назвался начальником одного из отделов «пятерки» Петровым (младший представился Захаровым) — начал разговор с внезапной фразы:

— Смотрите, какая картина висит, деревенские мальчишки удят рыбу, — и показал рукой на противоположную от Войновича стену.

Писатель, заинтригованный сказанным, повернулся к картине, а в этот миг второй чекист незаметно подменил на столе его пачку сигарет «Интер» на точно такую же, но из собственного кармана (о том, что Войнович курит именно эти сигареты, чекисты узнали еще неделю назад). Все было сделано настолько молниеносно и виртуозно, что писатель ни о чем не догадался (он догадается о подмене только спустя несколько часов, когда подробно проанализирует всю встречу).

Между тем, не найдя в картине ничего особенного, Войнович вновь повернулся к своему собеседнику и сказал:

— Я пришел с конкретным планом «моего возвращения в литературу». Если вы действительно можете мне помочь, то пусть для начала будет опубликован мой сборник с такими-то и такими-то вещами.

— Идея хорошая, — кивнул головой в знак согласия Петров. — А где это должно быть опубликовано?

— Да где хотите, — ответил Войнович.

— А в каком издательстве у вас больше связей?

— Связи у вас есть, а у меня нигде нет никаких связей.

— Может быть, в «Советском писателе»?

— Хорошо, пусть будет там.

— А с кем у вас там есть контакты?

— Да ни с кем у меня там нет контактов.

— Ну хорошо, мы сами найдем нужные контакты.

Далее разговор зашел о Литфонде, из которого Войновича тоже в свое время исключили, и Петров пытался выяснить фамилию человека, который сообщил писателю об его исключении оттуда. Но Войнович этого человека не назвал, сказав: «Поинтересуйтесь в Литфонде сами, исключен я или нет». На что Петров возразил: «Нет, ну как же мы туда пойдем? Согласитесь, сразу подумают: КГБ интересуется Войновичем... Нехорошо». «А вы можете узнать об этом косвенно, у вас в Литфонде наверняка есть свои люди», — посоветовал чекистам писатель. Последняя фраза вывела из себя второго чекиста — Захарова, который все это время молчал:

— Какую дикость вы говорите, Войнович! Почему это у нас в Литфонде должны быть свои люди?

Однако фраза, сказанная Петровым, заставила его замолчать:

— Да, у нас в Литфонде есть один человек.

— Вот у него и спросите, — обрадовался писатель.

После этого разговор длился еще в течение нескольких минут, причем по ходу его Петров дважды делал недвусмысленные намеки своему собеседнику о бренности его бытия. Один раз он сказал: «Жизнь наша очень прерывистая: вот так течет, течет, а потом прерывает-

ся», во второй раз с его губ слетела еще более конкретная фраза: «Ну, хорошо, если бы вам было семьдесят лет, но кончать жизнь в сорок три года!..».

К концу разговора Войнович уже плохо себя чувствовал, что происходит, и периодически впадал в сумеречное состояние. В одну из таких «отключек» Захаров вновь произвел манипуляцию с сигаретами — забрал свою пачку и всучил писателю его «Интер». Чтобы все было шито-крыто. О том, что было дальше, рассказывает сам В. Войнович:

«Я спустился вниз, остановился около стеклянных дверей в фойе и очень долго размышлял, как же сквозь них пройти. Вышел на улицу и почувствовал, что едва могу ступить ногой. Я плелся, как столетний старик, маленькими шажками, каждый из которых мне давался с огромным трудом. При этом я не осознавал своего патологического состояния, мне казалось, что все так и должно быть. В полубреду я потащился на Кузнецкий, в хозяйственный, неподалеку от КГБ, по заданию жены купить нафталина.

В другой раз, если бы я почувствовал себя неважно, я плюнул бы на этот нафталин и пошел бы домой. А тут я упорно двинулся в магазин, убедился, что никакого нафталина нет, а потом решил купить хорошего пива на полученные из-за границы сертификаты. Хотел поймать такси — не поймал, дошел до улицы Горького, сел в троллейбус до Белорусской, добрал до Малой Грузинской, до «Березки», но магазин оказался уже закрытым. Вернулся к метро, преодолевая безумную тяжесть, и добрался наконец-то до дому. Чувствовал, со мной происходит что-то необъяснимо странное, но при этом абсолютно не отдавал себе в этом отчет.

Включил телевизор — не могу понять, какая команда с какой играет в хоккей. Лег спать. На следующий день в жутком состоянии я пошел к Андрею Дмитриевичу Сахарову и дал собравшимся там журналистам интервью о том, что мне грозили убийством. В течение дня состояние не улучшилось. Пульс был 140. В конце концов я пошел к одному знакомому врачу. Тому сперва показалось, что вся моя болезнь ерунда, но, осмотрев меня, он не на шутку посерьезнел: «Скорее всего это какой-нибудь наркотик, что-то вроде ЛСД».

Когда я рассказывал эту историю разным людям, некоторые стали говорить, что я сошел с ума. Я понимал, что именно на такую реакцию и рассчитывали мои отравители... Однако сумасшедшим меня не объявили. Дальше намерков дело не пошло. А Петров и Захаров, как я слышал, были потом наказаны. Но не за то, что они сделали, а за то, что действовали слишком топорно, и за то, что дело получило мировую огласку...».

12 мая в чемпионате Советского Союза по хоккею с шайбой определился досрочный чемпион — им в 19-й раз стал ЦСКА. На второй строчке в турнирной таблице разместился «Спартак», а вот андроповское «Динамо», которое ЦСКА в тот день разгромил с громким счетом 8:2, довольствовало скромным 6-м местом. Так получилось, что эти строчки я пишу аккуратно в дни, когда некогда прославленный армейский клуб вылетел из российской Суперлиги — впервые за все годы существования отечественного чемпионата по хоккею! Сказал бы кто хоккеистам ЦСКА образца 75-го года, что ожидает их команду 27 лет спустя, они бы наверняка сочли этого человека сумасшедшим. Но, как говорится, против фактов не попрешь. Однако вернемся в семидесятые.

В среду, 14 мая, большой праздник пришел на улицу советских футбольных болельщиков — киевское «Динамо» выиграло Кубок обладателей кубков. Финальная игра с венгерским клубом «Ференцварош» проходила в швейцарском городе Базеле, на стадионе «Санкт-Якоб» в присутствии 20 тысяч болельщиков. По мнению большинства специалистов, шансы обоих клубов на победу были равны. Начало игры подтвердило этот вывод: обе команды создали несколько опасных моментов у ворот друг друга, но открыть счет никому не удалось. Так продолжалось до 17-й минуты. Именно тогда последовала новая вспышка активности со стороны динамовцев, и Владимир Онищенко, после паса Олега Блохина (он вышел на поле с перевязанной правой ногой), забил первый гол в ворота венгров. А спустя 22 минуты тот же Онищенко вколотил венгерскому вратарю Геци вторую «банку».

Во втором тайме венгры пытались отыграться, создали подряд сразу несколько опасных моментов, но в каждом случае хорошо сыграла либо динамовская оборона, либо их

вратарь Рудаков. А на 66-й минуте все их потуги свел на нет Олег Блохин, обыгравший одного за другим сразу трех (!) игроков «Ференцвароша» и точно пробивший в левый от Геци угол ворот. 3:0 — и шансы отыграться у венгров растаяли как дым. В 21.55 по средневропейскому времени президент УЕФА Артемио Франки перед центральной трибуной стадиона «Санкт-Якоб» вручил киевлянам Кубок обладателей кубков. И те через несколько минут его «обмыли». Случилось это уже в раздевалке динамовцев. Пока тренеры Лобановский и Базилевич отвечали на вопросы журналистов, другой тренер — Александр Петрашевский — извлек на свет контрабандно провезенные в Базель бутылки с мускатным шампанским. В кубок влезло аж семь с половиной бутылок. И началось «обмывание», когда каждый из игроков пригубил из заветного Кубка. Начали, как водится, по старшинству — с 33-летнего Евгения Рудакова, а закончили «молодняком» — Олегом Блохиным (22 года) и Леонидом Буряком (21 год).

А теперь из Базеля вернемся в Москву. Здесь продолжается работа над телефильмом «Два капитана». После мартовских съемок в группе наступил месячный перерыв, во время которого продолжались усиленные поиски актеров-детей, которые должны были играть роли главных героев в детстве. В апреле нужных исполнителей наконец нашли. Однако в середине мая, когда съемки фильма возобновились, снимать продолжали прежних исполнителей, поскольку один из них — Борис Токарев — вскоре должен был улететь во Францию. Так, 13—15 мая временной съемочной площадкой для группы стал московский зоопарк. Там в эти дни были отсняты эпизоды, где Саня Григорьев случайно узнает в одном из работников зоопарка своего ненавистного отчима (Михаил Пуговкин), который в детстве издевался над ним и его сестренкой, а потом обокрал их и сбежал из дома. Саня бросается на него с кулаками, но отчим успевает спрятаться в своей сторожке. Находящейся рядом с Саней Кате Татариновой (Елена Прудникова) с трудом удается успокоить своего возлюбленного.

В первой половине мая на экранах столичных кинотеатров состоялись следующие премьеры: 8-го — социальная мелодрама «Еще не вечер» Николая Розанцева с участием Кирилла

Лаврова, Инны Макаровой и др.; 12-го — экранизация шолоховского романа **«Они сражались за Родину»**, осуществленная Сергеем Бондарчуком с помощью целого созвездия актеров: Вячеслава Тихонова, Василия Шукшина, Георгия Буркова, Юрия Никулина, Сергея Бондарчука, Нонны Мордюковой и др. Из зарубежных фильмов выделю боевик румынских кинематографистов **«Последний патрон»**, продолжающий серию фильмов про приключения комиссара полиции Миклована и его коллеги Михая Романа. Сам я в те майские дни ни один из этих фильмов почему-то не выбрал, а вместе со своим одноклассником Сергеем Злобиным и его мамой отправился смотреть эпопею **«Блокада»** в кинотеатр «Новатор», что неподалеку от метро «Бауманская».

Кино по ТВ: «В шесть часов вечера после войны», «Любить воспрещается» (Венгрия) (1-го), «Друг мой, Колька!», «Как избавиться от Геленки» (ЧССР) (2-го), «Освобождение», фильм 1-й — «Огненная дуга» (3-го), «Освобождение», фильм 2-й — «Огненная дуга», «По следу Тигра» (4-го), «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Освобождение», фильм 3-й — «Направление главного удара» (5-го), «Освобождение», фильм 4-й — «Битва за Берлин» (6-го), «Освобождение», фильм 5-й — «Последний штурм» (7-го), «Офицеры» (8-го), «Белорусский вокзал» (9-го), «Великое противостояние» (премьера т/ф), «Это было в разведке» (10-го), «Поднятая целина» (1-я серия), «Два Федора» (11-го), «Суворов» (12-го), «Сказание о Рустаме» (12—13-го), «Обретешь в бою» (премьера т/ф 12—16-го), «Горячие денечки» (14-го) и др.

Премьеры в театрах в основном были приурочены к юбилейной дате — 30-летию Победы: 1-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль **«Горячий снег»** Ю. Бондарева с участием Е. Меньшова, Л. Кулагина, Н. Кулинкиной и др.; 3-го в Театре имени Маяковского — **«Соловьиная ночь»** В. Ежова с участием Светланы Немоляевой, Евгения Лазарева, Анатолия Ромашина и др.; 6-го в драмтеатре имени Станиславского — **«Обелиск»** с участием Сергея Шакурова, Елизаветы Никищихиной и др.; 7-го в Театре на Малой Бронной — **«Ленушка»** Л. Леонова с Анной Каменковой в главной роли; 8-го во МХАТе — **«Эшелон»** М. Рощина (в марте он же появился в «Современнике») с

участием Евгения Евстигнеева, Вячеслава Невинного, Екатерины Васильевой, Светланы Коркошко и др.; в ЦТСА — **«Снеги пали»** с участием Нины Сазоновой, Андрея Петрова и др.; в Театре имени Моссовета — **«Прикосновение»** с участием Александра Ленькова, Яна Арлазорова и др.; 9-го в Театре имени Ермоловой — **«Звезды для лейтенанта»** Э. Володарского с участием: Владимира Андреева, Евгении Ураловой и др., песни В. Высоцкого.

Эстрадные представления: 3—4-го — в «Октябре» пела Александра Стрельченко; 6—13-го — в ГЦКЗ «Россия» высадили десант популярных актеров кино: Бориса Андреева, Всеволода Санаева, Николая Рыбникова, Аллы Ларионовой, Тамары Семиной, Натальи Фатеевой и др.; 14—15-го — в ГЦКЗ демонстрировал свое искусство югославский ВИА «Семеро молодых»; с 15 мая (до 31-го) во Дворце спорта в Лужниках начал выступать американский балет на льду «Холлидей он айс».

Между тем в субботу, 17 мая, в Москве ртутный столбик термометра достиг рекордной отметки — 30 градусов тепла. На прилавках столичных рынков появилась ранняя клубника, привезенная из Узбекистана.

В тот же день в Колонном зале Дома союзов в Москве проходил творческий вечер поэта Роберта Рождественского. Именно во время этого концерта впервые дал «петуха» советский Робертини Лоретти — солист Большого детского хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио Сережа Парамонов, после чего его карьера быстро закатилась. На том вечере Сережа должен был исполнить три старых хита («Голубой вагон», «Улыбка», «Песенка крокодила Гены») и одну новую песню — «Просьбу» («Раненая птица в руки не давалась...»), которую специально под него написали Александра Пахмутова и виновник торжества Роберт Рождественский. Именно во время исполнения последней и произошла неприятность. Как вспоминал позднее сам С. Парамонов:

«Дав «петуха», я обалдел. Дирижер Юрий Силантьев — великий человек — говорит: «Иди кланяйся». Я передвигался по сцене, словно кукла. Потом убежал и целый день гулял по Москве, Красной площади. Меня долго искали... Все были в шоке. Не потому, что дал «петуха», — оказалось, зрители этого не заметили, — просто после «Улыбки» и «Голубого ва-

гона» «Просьба» стала для них, да и для меня настоящим откровением. Вот тогда-то во мне и произошла переоценка ценностей...

Скоро меня уволили из хора. Официальная причина — мутация голоса. Переживал я это очень тяжело. Продолжал по инерции ходить на репетиции. В качестве зрителя. Весь мой репертуар передали другому солисту — Виталику Николаеву. Когда я сидел в зале, меня каждый раз душили слезы. Однажды, услышав, как Николаев поет «Просьбу», я расплакался. Что же получается? Великие люди специально для меня написали песню, а теперь ее исполняет кто-то другой. Виталика я тогда просто возненавидел и хотел набить ему морду. Во мне кипела злость. Потом понял, что дверку-то нужно закрыть и навсегда распрощаться с юностью нежной. Тогда тот мальчик Сережа Парамонов для меня и умер. Ему было 14 лет...».

18 мая на Центральном стадионе в Лужниках сборная Советского Союза по футболу встречалась с национальной сборной Ирландии в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Матч прошел при небольшом, но все же преимуществе наших футболистов. Уже на 12-й минуте Блохин, получив прекрасный пас от своего одноклубника по киевскому «Динамо» Веремея, распечатал ворота гостей. А спустя несколько минут Колотов с помощью все того же Веремея закрепил успех нашей команды. Ирландцы сумели отквитать всего лишь один гол.

В эти же дни в Киеве проходит музыкальный фестиваль «Киевская весна», в котором участвует и популярный московский ВИА «Веселые ребята». Солистка ансамбля Алла Пугачева должна была исполнить на фестивале две новые песни. Однако тамошние распорядители не дали ей этого делать. Вызвав к себе руководителя ВИА Павла Слободкина, они безапелляционно заявили:

— Вещи, которые у вас поет Пугачева, вы должны убрать из своего выступления. Иначе ваш ансамбль выступать у нас не будет.

Чтобы не обострять ситуацию, Слободкину пришлось согласиться с этим распоряжением. Знай в те дни запретители Пугачевой, что до ее международного триумфа остается каких-то две недели, они наверняка вели бы себя совершенно иначе.

В понедельник, 19 мая, пионерская организация имени В. Ленина отмечала свой очередной день рождения — 53-й по счету. Хорошо помню тот день, поскольку был одним из главных действующих лиц торжественного ритуала приема в пионеры наших третьеклассников. По установленной традиции прием в пионеры разбивался на две очереди: в первую попадали отличники и хорошисты учебы, во вторую — все остальные. Причем, если попавших во вторую очередь принимали более скромно — в школе, то первоочередникам устраивали настоящий праздник, принимая их на главной площади страны — Красной. Кстати, меня самого принимали именно там (в марте 72-го), а вот моему среднему брату Роме повезло меньше — в тот майский день 75-го в пионеры принимали его одноклассников-первоочередников, но его самого среди них не было — он не входил в число отличников или хорошистов.

В тот день я выполнял почетную миссию — выносил школьное знамя, поскольку вот уже более полугода исправно служил школьным знаменосцем. Скажу прямо, должность почетная, но очень уж обременительная. В то время как все мои одноклассники после уроков спешили домой, мне частенько приходилось оставаться в школе и вместе с двумя моими партнерами маршировать по пустым коридорам, отрабатывая необходимые знаменосцу навыки. А если учесть, что мне еще приходилось участвовать в различных районных и городских смотрах знаменосцев, то легко представить, что свободного времени у меня почти не оставалось. Короче, каторга та еще. Но это я в те дни так думал, а теперь, глядя с умилением на свои тогдашние фотографии, мое сердце переполняется гордостью: как же, я — школьный знаменосец! Но вернемся в май 75-го.

20 мая Владимир Высоцкий, только-только вернувшийся из-за кордона, приехал на квартиру к фотографу Валерию Плотникову. Причем, когда последний открыл ему дверь, в первые мгновения он приятеля просто не узнал — лицо Высоцкого украшала борода. И только знаменитый голос с хрипотцой выдавал в нем шансонье всея Руси. Между тем он пришел к Плотникову не ради праздного любопытства, а по делу — тот обещал сделать несколько профессиональных снимков актера. Теперь эти

снимки известны всему миру — на них борода-тый Высоцкий сидит на кухне у Плотникова (пол там выложен кафельной шашечкой), а за его спиной висит огромная афиша спектакля «Гамлет». На следующий день фотосессия продолжилась, причем на этот раз Высоцкий приехал не один, а со своим другом, коллегой по «Таганке» Иваном Бортником.

В тот день, когда Высоцкий с Бортником позировали фотографу, диссидента Анатолия Марченко наконец-то доставили по этапу к месту назначения — поселок Чуна Иркутской области. Его сопроводительный формуляр, представленный в местное отделение милиции, был перекрещен по диагонали широкими красными полосами, что означало: склонен к побегу. Но начальник отделения даже не обратил на этот знак никакого внимания, иначе не стал бы выпроваживать «склонного к побегу» на ночь глядя на улицу, даже не удосужившись предоставить ему место под ночлег. Крышу над головой Марченко нашел себе сам. Единственное, что сделали в милиции, — выписали ему направление на работу на лесозаготовительный комбинат. Поскольку еще в 70-м Марченко здесь же отработывал свой надзор, у него осталось множество знакомых. Работать Марченко стал там же, где и раньше, — подавал вручную к пиле сырой шестиметровый брус. Работа не для слабых, но чунские власти специально используют Марченко на тяжелой работе — видимо, чтобы не было желания куда-нибудь сбежать.

В эти же дни загремел в тюрьму и будущий писатель Виктор Доценко. Как мы помним, 9 мая его угораздило подрасться в кафе «Печора» с неизвестными людьми, которые, судя по всему, были провокаторами из КГБ (у «конторы» был давний зуб на Доценко), и в итоге вся эта история закончилась для Виктора печально — его улекли в Бутырку по статье 206 (хулиганство). Несмотря на то, что следствию так и не удалось найти в его действиях состава преступления, суд вынесет ему приговор — 2 года лагерей. Уже позднее Доценко узнает, что на судью надавили все те же чекисты — двое сотрудников КГБ в течение часа мурыжили женщину в ее кабинете и заставили-таки впать Доценко срок. Правда, они настаивали на максимальном сроке, а судья дала по минимуму — два года. Свой срок Доценко будет отбывать в

нескольких километрах от города Княж-Погоста, что в Коми АССР.

Продолжает находиться в заключении и кинорежиссер Сергей Параджанов (арестован в декабре 1973 года). До 20 апреля он отбывал свой срок в лагере в украинском местечке Губник, после чего его перевели в Стрижавку, что в 7–9 километрах от Винницы. Причиной перевода, судя по всему, был вывод о том, что Параджанов склонен к самоубийству и ему как можно чаще надо менять места обитания. Однако самому Параджанову от этих переездов легче не становится. В Стрижавке он работает в механическом цеху уборщиком отходов металла. Как он сам пишет в одном из писем своей бывшей супруге: «Плохо очень. Не могу выдержать. Резко падает зрение от напряжения... Прошла и амнистия, и отказы, и нет никаких надежд. Только время — 3 года и семь месяцев. Это сверх моих сил. Недавно приезжал следователь из Москвы. Задержан Григорян Сергей — я понадобился как свидетель. Страшно, если придется ехать в Москву свидетелем в жару, — в вагоне «Столыпин», — чтобы предстать перед торговыми сделками Григоряна — эстета и коллекционера...».

А коллега Параджанова кинорежиссер Станислав Ростоцкий трудится над новой лентой — «Белый Бим Черное Ухо». Натурные эпизоды фильма вот же несколько недель снимаются в Калуге. 22 мая исполнительница одной из ролей актриса Валентина Владимировна написала на одной из страничек своего сценария странные на первый взгляд строчки. Цитирую: «Куплю собаку, назову Бим, чтобы замолить грех, который взяла на себя, согласившись сниматься в этой мерзкой роли. Это решено!». В чем же смысл этих строк?

Дело в том, что Владимировой досталась самая отрицательная роль в ленте — злодейки, которая всеми фибрами своей черной души ненавидит животных, в том числе и Белого Бима. И актрисе, по природе своей человеку доброму, приходилось на съемочной площадке влезать в шкуру злодейки. Давалось ей это тяжело. А в роли Бима снимался ирландский сеттер Степа, которого в течение двух недель приучали подходить к Владимировой, находить ее среди большого съемочного коллектива. В итоге актриса даже не заметила, как подружилась с этим прекрасным и умным псом, а потом и

полюбила его. Но однажды случилось ужасное. В те самые майские дни настал момент съемки эпизода, где героиня Владимировой кричит на Бима. О том, что произошло в тот день, вспоминает сама актриса:

«В момент съемки, когда он подбежал ко мне, я, следуя тексту сценария, заорала, словно он меня укусид. Если бы вы видели глаза собаки в этот момент, там было все: удивление, испуг, непонимание... И Бим на меня обиделся. И уже ни перепелка, ни другие собачьи деликатесы, которые я носила ему, не изменили наших отношений. Это было ужасно... Я так расстроилась, что впервые посетовала на свою судьбу. И тогда в сердцах дала себе (и записала на странице сценария) клятву, которую и выполнила». (Владиминова завела себе собаку — щенка от сына того самого сеттера Степы, который снимался в фильме. — Ф. Р.)

Тем временем другой кинорежиссер — Алексей Герман — продолжает на «Ленфильме» работу над фильмом «Двадцать дней без войны» — в те майские дни группа снимает натуру в Калининграде (с начала апреля). Съемки идут с огромными трудностями, поскольку Герман привык работать дотошно, неторопливо. А план-то горит. Плюс к этому прибавляются и другие тормозящие факторы: плохая погода, недисциплинированность техперсонала и т. д. В итоге 22 мая директор студии В. Блинов подписывает приказ следующего содержания:

«Съемочная группа фильма «Двадцать дней без войны» работает неудовлетворительно, план в полезном метраже с начала производства выполнен на 70%, имеется перерасход в сумме 98,8 тысячи рублей. Во многом это связано с плохой организацией съемок, с низкой производительностью труда на съемочной площадке. Приказываю: за плохую организацию Герману А. и директору картины Эскину Ф. объявить выговор. Отменить экспедицию в Мурманск, перенести съемки в павильон недоснятой натуры...».

В эти же дни забавный розыгрыш случился в газете «Известия». Инициатором его стал журналист Павел Гутионтов, который на роль жертвы выбрал своего коллегу финна Валерия Х., известного под прозвищем Хил. Несколько дней назад Хил был автором поздравления газете «Пионерская правда» (ей исполнилось 50 лет), чем и решил воспользоваться шутник. Позво-

нив Хилу в соседний кабинет и представившись сотрудником Министерства культуры Кимом Ивановичем, он сделал ему лестное предложение: написать поздравление английскому журналу для подростков «Феллоу» («Приятель»). При этом было заявлено, что гонорар за публикацию будет весьма щедрым и что журнал очень и очень прогрессивный. Хил, естественно, согласился и попросил контактный телефон для оперативной связи. Гутионтов назвал ему номер домашнего телефона одной своей знакомой, у которой был огромный дог по кличке... Ким.

Спустя несколько минут Хил надумал позвонить своему недавнему визави, набрал нужный номер и, когда на другом конце провода трубку подняла женщина, попросил к телефону Кима Ивановича. А голос внезапно ответил: «Ким сегодня сдох». (Гутионтов потом узнал, что по мистическому стечению обстоятельств, 12-летний дог его знакомой действительно скончался аккурат в день розыгрыша). «То есть как — сдох? — выкатывая глаза из орбит, переспросил Хил. — Я же с ним пятнадцать минут назад разговаривал?!». На том конце провода в ответ раздалась нецензурная брань. Хил положил трубку и в течение нескольких секунд бессмысленно смотрел в стену. Он никак не мог врубиться, почему по адресу своего коллеги сотрудница Министерства культуры употребила термин «сдох», а потом обложила звонившего трехэтажным матом.

Пока Хил находился в прострации, его шефа вызвали к руководству газеты. Вернувшись через несколько минут, он чуть ли не с порога накинулся на Хила: «Ну, Валера, ты доигрался». «А в чем дело?» — не понял Хил. «Кто тебя тянул за руки поздравлять фашистский журнал?». Далее послушаем рассказ самого П. Гутионтова:

«Ну тут, я вам скажу, такое началось!.. С Хилом второй раз за эти полчаса плохо стало. «Гена! Я не виноват! Это Ким Иванович!.. Он скоропостижно скончался!.. Журнал прогрессивный!.. Их организация ближе к КГБ!..». — «Даже и слушать тебя не хочу, — отвечает суровый шеф, — совсем ты уже заврался, давай готовься, завтра на редколлегии отвечать будешь. Я за тебя уже получил свое, но уж и ты, будь уверен, свое получишь... Пошли, Пашка, кофе пить».

И вот пьем мы с шефом кофе, и распахивается дверь буфета, и заходит первый зам. главного, и произносит на весь зал: «Геннадий! Да утихомирь ты наконец своего Хила! Сижу я, работаю, влетает он в кабинет, глаза горят: какой-то журнал, кричит, придерживается прогрессивных убеждений! Кто-то, кричит, умер... Я ему: да выйди из кабинета!..».

Когда мы вернулись к себе, Валера сидел, уткнувшись лицом в руки: «Он меня даже не захотел дослушать!..» — и нам три дня пришлось всем отделом убеждать его в том, что он пал жертвой вовсе не провокации спецслужб, а веселого дружеского розыгрыша...».

Тем временем Алла Пугачева, вернувшись из Киева в Москву, с нетерпением ждет отъезда в Болгарию на фестиваль «Золотой Орфей». С неменьшим нетерпением ждет ее отъезда и композитор Вячеслав Добрынин, одну из песен которого Пугачева отобрала для фестивального конкурса. Как вдруг в конце мая случился облом — на горизонте у Пугачевой появилась другая песня. Вот как об этом вспоминает виновник происшедшего композитор Алексей Мажуков:

«Моя песня попала на фестиваль совершенно случайно. Алла пришла ко мне вместе с Павлом Слободкиным и попросила сделать аранжировки к конкурсным песням. Я спросил: «Чьи песни ты будешь петь?». Она отвечает: «Добрынина». Я ее упрекнул: «А что же тогда за аранжировками ко мне пришла? Вот к нему и иди!». Алла Борисовна так заинтересованно: «А у вас есть для меня что-то?». Я предложил «Ты снишься мне», которая ей сразу понравилась, и она взяла ее на конкурс...».

26 мая в Театре на Таганке проходила очередная репетиция спектакля «Вишневый сад» в постановке Анатолия Эфроса. Эту репетицию впервые почтил своим присутствием Владимир Высоцкий (в паре с Виталием Шаповаловым он должен был играть Лопухина), который в течение почти четырех месяцев мотался по границам. Появление Высоцкого произвело большой фурор в театре, причем всех без исключения потрясла борода артиста, которую он отпустил за эти месяцы отсутствия. Примерно в течение часа Высоцкий рассказывал коллегам про то, как хорошо оттянулся за кордоном: про Мексику, Мадрид, «Прадо», Эль Греко. Сообщил также, что напел целый диск своих песен (на родине, как мы помним, ему

этого сделать так и не разрешили), видел три спектакля Питера Брука, который чем-то сходен с Юрием Любимовым, но все-таки посильнее, и т. д.

Кстати, здесь же, в Москве, находится и жена Высоцкого Марина Влади и живут они у актера все той же Таганки Ивана Дыховичного. До этого, как мы помним, Высоцкий по большей части жил либо у матери на улице Телевидения, либо снимал квартиру, но когда купил кооперативную квартиру в доме номер 28 по Малой Грузинской, собирался вселиться туда. Однако весной 75-го выяснилось, что жилье еще не готово — строители так постарались, что после сдачи дома в квартире надо было заново перестилать пол, заделывать швы и т. д. В итоге, пока на Грузинской шел аварийный ремонт, Высоцкому предложил пожить у себя Дыховичный, благо его жилищные условия позволяли принимать гостей — он обитал в роскошной квартире своей жены, которая, как мы помним, была дочерью члена Политбюро Дмитрия Полянского.

Вселение Высоцкого и Влади в его квартиру запомнилось Дыховичному на всю жизнь. Дело в том, что Влади приехала из Парижа не с пустыми руками, а привезла на крыше своего автомобиля огромный, как теперь говорят, сексодром — трехспальный квадратный матрас «индивидуальная суперпружина». Вот как об этом вспоминает сам И. Дыховичный:

«Когда во двор въехал «Мерседес», в котором сидела Марина, а на крыше был прикреплен матрас, и вылез Володя в красенькой рубашечке, и они стали тащить матрас ко мне... это был страшный момент, потому что в нашем доме жили люди, в основном пенсионеры, которых вообще раздражала любая живая жизнь. И когда они увидели это, я понял, что это все! На меня были написаны анонимки во все существующие организации, включая Красный Крест. А у Марины тогда был период, когда она очень легко, даже фривольно одевалась... И утром, когда она проходила мимо этих людей и весело говорила: «Привет!», они роняли свои ручки. А Володя, когда узнал про анонимки, перестал с ними здороваться. У него была твердая позиция — этих людей просто не существует. Тогда они написали еще одно письмо: «Почему это Высоцкий не здоровается! Ну хотя бы он с нами здоровался!». И тогда Володя утром — мы ехали с ним на репетицию —

увидел этих людей, их сидело там человек десять: «Ну здравствуйте вам!» — поклонился, как говорится, в пояс!..».

А вот как вспоминает о своем житье-бытье у Дыховичного Марина Влади: «У этой молодой пары великолепная, огромная квартира в центре, и они отдают нам целую комнату с ванной и всеми удобствами. Мы кладем наш матрац прямо на пол, потому что они тоже только что переехали, и в квартире почти нет мебели... Мы наслаждаемся беспечной жизнью в течение нескольких недель, потому что, конечно же, строительные работы в нашем с тобой доме не двигаются. Зато у наших приятелей через короткое время все готово. Современная мебель привезена специально из Финляндии, расстелены великолепные ковры — свадебный подарок отца невесты, расставлены редкие книги — подарок семьи мужа. Если бы не купола старой церкви, которые видны из окна, можно было бы подумать, что мы где-нибудь на Западе...».

В эти же дни Никита Михалков снимает в павильонах «Мосфильма» «Рабу любви». Съемки начались 19 мая и продолжались всего лишь несколько дней. Затем группа собрала вещи и 26—27 мая переехала на натуре в Одессу. Исполнитель главной мужской роли в фильме — Родион Нахапетов — взял в поездку свою будущую жену Веру Глаголеву (на тот момент они еще не были зарегистрированы). Вспоминает Р. Нахапетов:

«По дороге в Одессу Никита Михалков пригласил нас с Верой в свое купе. Таня, жена Никиты, накрыла на стол. Все было очень вкусно. Удобно расположившись, мы скоротали вечер. Под конец мы с Никитой принялись болтать о кино, и я набрался так, что Вера чуть ли не насильно уволокла меня спать. Контакт с режиссером был налажен...».

В среду, 28 мая, в Театре на Таганке состоялась первая репетиция «Вишневого сада» с участием Владимира Высоцкого. На нее актер пришел без своей знаменитой бороды, которая произвела такой фурор два дня назад практически на всех таганковцев. Однако единственным человеком, кому растительность на лице артиста категорически не понравилась, был главреж театра Юрий Любимов. Он и приказал Высоцкому бороду сбрить. Ослушаться шефа артист не посмел.

29 мая в очередной раз угодил в больницу Борис Бабочкин. Как напишет он в одном из своих писем той поры: «Это все та же моя болезнь, от которой я и умру, если ее не опередит какая-нибудь более шустрая, — сердечная недостаточность. Можно, конечно, резко изменить образ жизни, меньше работать, но это не поможет. Нужно работать не мало, а холодно. А вот этому я так и не научился...».

В пятницу, 30 мая, в японском посольстве в Москве состоялся торжественный прием, посвященный окончанию работы над совместным советско-японским фильмом «Дерсу Узала» (его, как мы помним, снимал режиссер Акира Куросава). На прием были приглашены все главные создатели этого шедевра, в том числе и автор сценария писатель Юрий Нагибин. Однако впечатления у него от этого вечера остались не самые радужные. Вот как он описывает это в своем дневнике:

«Еще одной иллюзией меньше. Рухнули мои представления о «великом Куросаве». Все в один голос ругают фильм, который мне даже не показали. О Куросаве говорят так: старый, выхолощенный, склеротик-самодур, чудовищно самоуверенный, капризный, с людьми жестокий, а себе прощающий все промахи, ошибки и слабости. Он маньяк, а не рыцарь и даже не фанатик. Из-за его недалекости и самоуверенности упустили золотую осень, не сняли те эпизоды, которые легко могли снять».

Прием был оскорбителен. Членам съемочной группы запретили приводить с собой жен, хотя все были приглашены с женами. Поэтому они дружно ввали, что жена «приболела», «занята», «не в духе». Безобразная сцена в стиле старинного русского местничества разыгралась вокруг стола, предназначенного начальству. «Иди сюда, чтоб тебя!..» — заорал на жену Сизов и, схватив за руку, буквально швырнул ее на стул рядом с собой. Я не мог подобным же способом усадить Аллу и добровольно покинул почетный стол. Меня никто не удерживал. О Мунзуке (Максим Мунзук играл Дерсу Узала. — Ф. Р.) — единственной удаче фильма — вообще забыли. Он с палочками и миской риса устроился в вестибюле. Я нашел его и привел за наш стол. За него даже тоста не было. Пили за Куросаву и за Ермаша, похожего на чудовищного мрожекского младенца. Мацуи нас избегал, он же приглашал нас на премьеру, а поедут Ермаш с Сизовым. За пол-

тора года совместной работы японцы научились подхалимничать перед нашим начальством почище отечественных жополизов. Куросава отнюдь не являет собой исключение, бегаёт за Ермашом как собачонка. В умении подчиняться этой нации не откажешь...

На этом паршивом приеме стало до конца видно: наше общество четко поделилось на две части: начальство и все остальные. Последним отказано даже в такой видимости уважения, какое в послесталинские времена — по первому испугу — считалось обязательной принадлежностью восстановленной демократии.

Уродливо изогнутая перед Ермашом спина Куросавы — это более значительно и показательно, нежели выход то ли впрямь плохого, то ли непонятого нашими «знатоками» фильма». (Кстати, через пару месяцев фильм «Дерсу Узала» завоюет Главный приз на МКФ, а в начале следующего года и премию «Оскар» как лучший иностранный фильм. — Ф. Р.)

Во второй половине мая в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову одну: детектив Станислава Говорухина «**Контрабанда**» с участием Владимира Павлова, Раисы Рязановой и др. (с 26 мая).

Кино по ТВ: «Поднятая целина» (2-я серия), «Трудное счастье Ирины Родниной» (премьера д/ф), «Люди, как реки» (16-го), фильмы Ч. Чаплина («Бегство в автомобиле», «Чемпион», «Искатель приключений»), «Эффи Брист» (ГДР) (17-го), «Шумный день» (18-го), «Чемпион мира» (19-го), «Иван Бровкин на целине», «Наш двор» (20-го), «Александр Невский», «Сегодня новый аттракцион» (21-го), «Вольный ветер» (22-го), «Нахаленок» (23-го), «Приключения в Африке» (США, 24-го), «Поднятая целина» (3-я серия, 25-го), «Чайковский» (26—27-го), «Здесь проходит граница» (27—29-го), «Такая короткая долгая жизнь» (премьера т/сп 27—30-го), «Часы капитана Энрико», «Три плюс два» (30-го), фильмы Ч. Чаплина («Банк», «Полиция», «Его новая работа») (31-го) и др.

Премьеры в театрах: 22-го в Театре имени Вахтангова была показана новая редакция спектакля «**Фронт**»; 27-го в «Современнике» —

«**Двенадцатая ночь**» В. Шекспира с участием: Анастасии Вертинской, Марины Нееловой, Константина Райкина, Олега Даля, Юрия Богатырева и др.

Эстрадные представления: 16—18-го — в «Октябре» пел Бисер Киров; 16—19-го — в ГТЭ состоялись первые в Советском Союзе гастроли французской певицы Катрин Соваж; 20—23-го — в ГТЭ пела Эдита Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; 30—31-го — в ГЦКЗ «Россия» выступали София Ротару в сопровождении ВИА «Червона рута» и ВИА «Кобза».

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю следующие пластинки: диск-гигант ВИА «**Самоцветы**» под названием «У нас, молодых». На нем были представлены следующие песни: «У нас, молодых» (В. Добрынин, Ю. Маликов — В. Харитонов), «У деревни Крюково» (М. Фрадкин — С. Островой), «Пойду ль, выйду ль я» (русская народная песня), «Вся жизнь впереди» (А. Экимян — Р. Рождественский), «Не цветы твои люблю» (В. Добрынин — В. Харитонов), «Синица» (Ю. Петерсон — М. Пляцковский), «На земле живет любовь» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Еще раз про любовь» (М. Фрадкин — М. Пляцковский), «Багульник» (В. Шаинский — В. Петров), «Белая лебедушка» (В. Гамалия — И. Шаферан), «Ивушка» (В. Дьяконов — В. Лозовой), «Песня о радости» (Ю. Маликов — Б. Рахманин);

Миньоны: «**Песни Э. Колмановского из к/ф «Три дня в Москве»** с произведениями: «Тает снег» (слова Л. Дербенева, И. Шаферана) — исполняет В. Толкунова, «Рано или поздно» (Е. Евтушенко) — П. Кравецкий, «Ты говоришь мне о любви» (Л. Дербенев, И. Шаферан) — Н. Бродская, «Московская серенада» (Л. Дербенев, И. Шаферан) — П. Кравецкий; «**Песни разных авторов**» с произведениями: «Яблони в цвету» (Е. Мартынов — И. Резник) — исполняет Сергей Захаров, «Деревня моя» (Н. Кудрин — В. Гундарев) — Нина Пантелеева, «Я жду весну» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — Анна Герман, «Поговори со мною, мама» (В. Мигуля — В. Гин) — Валентина Толкунова.

1975 Июнь

«Раба любви» в Одессе. Приезд Аллы Пугачевой на «Золотой Орфей». Умер сын Юрия Андропова. «Мелодия» раскошелливается — переводит деньги «Роллинг Стоунз», Снимают «Стрелы Робин Гуда». Триумф Пугачевой. Виктория Федорова вышла замуж и осталась в США. Пугачева спасается бегством от домогательств болгарских повеласов. Почему Брежнев поменял спортивных комментаторов. Как Высоцкий околдовал билетных кассирш. Схватка писателя с режиссером. Торт «Чародейка». Очередной кризис в «Машине времени». Перестановки в 9-м управлении КГБ. Андрей Сахаров о советском обществе. Как Олег Романцев нашел свою будущую жену. Писатель Анатолий Злобин читает «Архипелаг ГУЛАГ». Слухи о возможной войне. Умер кинооператор Владимир Рапопорт. Как поймали насильника в Литве. Люберецкие маньяки. Нелепая гибель одного из Героев, водрузивших знамя Победы над рейхстагом. «Мерседес» для Щелокова. Срочный вызов Нахапетова в Москву. Нервные срывы Елены Кореновой. Как Олег Даль возвращал долги. Герои колхозного труда «зарубили» спектакль «Живой». Приняли «Иронию судьбы». Как Светлана Крючкова нашла свое счастье. Высоцкого режут. Как Высоцкий перебежал дорогу Шаповалову. ЧП в Одессе: футболист сорвал эмблему с судьи. Умер сын Валентины Серовой. Как и почему Юрий Шевчук угодил на Колыму.

Никита Михалков продолжает снимать в Одессе фильм «Раба любви». О тех днях вспоминает исполнитель главной мужской роли Родион Нахапетов:

«Накануне съемок мы всегда репетировали. Я помню цирковую гостиницу напротив колхозного рынка, где мы жили, и большой номер режиссера в конце третьего этажа. Мы собирались там дружной актерской компанией: Лена Соловей, Саша Калягин, Олег Басилашвили и я. Мы репетировали будущие сцены — многократно и придиричиво. Тон всему задавал Никита. Он умел увлекать своими идеями и был на редкость изобретателен. Рядом с Никитой всегда находился его верный друг художник-постановщик Александр Адабашьян. Когда репетиция подходила к концу, Никита вызывал еще и оператора Павла Лебешева, чтобы показать ему готовую сцену. Договорившись, как будем снимать, мы расходились по своим номерам.

Мы гуляли с Верой (Глаголевой. — *Ф. Р.*) по Одессе. Бродили по тихим ночным улочкам, спускались по Потемкинской лестнице, выходили к морю. Иногда Вера готовила — благо в нашей гостинице была кухня. Сладкий и нежный вкус ее сырников я помню до сих пор...».

В начале июня в болгарский город Слънчев Бряг, где должен был состояться музыкальный фестиваль «Золотой Орфей», отправилась представительная делегация из Советского Союза. В нее вошли: заместитель начальника Управления музыкальных учреждений Минкульта СССР Владимир Ковалев (член жюри), композитор Константин Орбелян (член жюри), Лев Лещенко (почетный гость), Алла Пугачева (участник конкурса). Всех прибывших на фестиваль поселили в гостинице «Сатурн», где также расположился и штаб фестиваля.

Как вспоминают очевидцы, Пугачева в те дни страшно мандражировала, хотя все, кто

был с нею рядом, уверяли ее, что здесь певицу ждет не провал, а наоборот — триумф. Но даже эти дружные заверения в успехе не смогли снять с певицы охватившее ее напряжение. А тут еще один из ее коллег, приятель Лещенко, попытался было «подъехать» к ней с флиртом, заявившись ночью к ней в номер. Но она его быстренько «отшила». Так и сказала: «Ребята, все мы тут не мужики и бабы, а прежде всего — коллеги!».

Фестиваль стартовал 4 июня в Летнем театре с обязательного конкурса, где участники должны были спеть песню на болгарском языке (среди участников были такие звезды, как: Жильбер Беко, Джани Моранди, Хулио Иглесиас, Жозефин Бекер и др). Пугачева исполнила «Песню о Ленинграде» Ангела Заберски, которую до этого исполнял Бисер Киров. Последний, после выступления Пугачевой, лично подошел к ней и признался, что теперь ему придется забросить свой оригинал и петь, как она. Эта похвала дорогого стоила.

А теперь на время оставим Сльнчев Бряг и перенесемся в молдавский город Бендеры. Там 4 июня скончался 35-летний сын самого шефа союзного КГБ Юрия Андропова Владимир Андропов. Читатель вправе спросить, каким образом сына главного чекиста занесло в Молдавию? Ответ будет следующим.

Владимир родился в марте 1940 года, когда Андропов был женат на своей первой жене Нине Енгальчевой (с ней он познакомился во время их совместной учебы в рыбинском техникуме). Это был их второй ребенок — за два года до этого у них родилась дочь Евгения. Однако незадолго до войны, когда Андропов отправился по направлению ЦК комсомола в Петрозаводск (его назначили первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелофинской ССР), судьба свела его с другой женщиной — Татьяной Филипповой. Между ними завязался роман, о котором вскоре узнала Нина, оставшаяся в Ярославле. Она тогда работала следователем и собиралась «сигнализировать» начальству о недостойном поведении своего неверного мужа. Но затем почему-то передумала. И вскоре сама вышла замуж.

В отличие от Евгении, которая росла скромной и послушной девочкой, Володя в детстве являл из себя трудное дитя. Пару раз родители пытались пристроить его в детские воен-

но-учебные заведения (Суворовское — в Москве, Нахимовское — в Ленинграде), но оба раза парень оттуда сбежал. Во время последнего побега сошелся с «урками». Как итог: в 17-летнем возрасте за карманную кражу он угодил за решетку. А когда через год освободился, пробыл на свободе недолго — вновь был пойман на карманной краже.

Андропов-старший, который к тому времени уже трудился в ЦК КПСС на должности заведующего отделом, знал о крутых виражах в судьбе своего сына и очень за него переживал. В начале 60-х он даже попросил одну из сотрудниц ЦК — некую Нонну — взять шефство над своим отпрыском. Во многом именно благодаря ее стараниям Владимир больше ни разу не угодил за решетку и в 62-м году устроился работать механиком-наладчиком в конструкторское бюро Тираспольской швейной фабрики. Женится на работнице той же фабрики Маше, и через год у них родилась дочь Евгения. Правда, жилищные условия молодых оставляли желать лучшего — в течение нескольких лет они жили в отдельной комнате в фабричном общежитии. Но когда в 67-м Андропов стал шефом КГБ, тираспольские чекисты тут же правильно сориентировались и взяли Владимира под свое крыло — пробрили ему отдельную двухкомнатную квартиру.

Говорят, именно после того как у Владимира появились высокие покровители, он заметно изменился. Причем не в лучшую сторону. Стал выпивать, уволился с фабрики. В итоге и без того слабое его здоровье стало все чаще давать сбои. В конце мая 75-го, после очередного такого кризиса, «скорая» увезла Владимира в Бендеры. Обрато из больницы он уже не вернулся: смерть наступила от почечной и печеночной недостаточности. Андропову-старшему сообщили об этом в тот же день, и он сразу же отбил телеграмму первой жене: «Похороны Владимира в Бендерах 5 июня». Однако та приехать на них не смогла — была занята имущественной тяжбой с очередным мужем. Однако и сам шеф КГБ на похоронах сына тоже почему-то не присутствовал: то ли занемог, то ли был занят более важными делами.

4 июня знаменитая британская рок-группа «Роллинг Стоунз» была повергнута в сильное недоумение сообщением, что на ее имя из Советского Союза поступили деньги от фирмы

грамзаписи «Мелодия» за использование нескольких их песен, выпущенных в СССР на дисках и одном миньоне. Последний, как мы помним, вышел в феврале этого года и включал в себя ранние вещи «Роллингов»: «Леди Джейн», «Слезы катятся», «Рубиновый вторник» и «Нарисуй это черным». Что касается песен на дисках, то они выходили чуть раньше и тоже относились к раннему периоду творчества группы — середине 60-х («Сатисфакция», «Скромная девушка» и др.). А недоумение «Роллингов» объяснялось тем, что все это время они были уверены, что не получат из коммунистического СССР ни пенни, поскольку вся здешняя пропаганда только и говорила о том, что «Мелодия» — фирма пиратская и предпочитает обходить все международные законы относительно авторских прав. Правда в этих утверждениях была: «Мелодия» действительно занималась «пиратством», но после того, как в 1973 году Советский Союз подписал соответствующий договор об авторских правах, фирма вынуждена была изменить свою политику и начала выплачивать (через 2 года!) гонорары западным исполнителям (пусть мизерные, но все-таки деньги). И первыми в этом списке оказались «Роллинг Стоунз».

В эти же дни кинорежиссер Сергей Тарасов снимает на Рижской киностудии приключенческий фильм «Стрелы Робин Гуда». Съемки ленты начались ровно месяц назад под городом Лиепая, где снимались натурные эпизоды в «Шервудском лесу». Практически все главные роли в фильме отданы прибалтийским актерам, за исключением двух: в роли Робин Гуда снимался актер московского Театра на Таганке Борис Хмельницкий, в роли Шута — ленинградский актер Юрий Каморный. Как это иногда бывает в кино, в самом начале съемок уже был отснят финал картины: 3—8 июня в местечке Дурбе (18 км от Лиепая) снимался эпизод решающей битвы Робин Гуда и его людей с рыцарями. В ролях последних снимались каскадеры из Ленинграда, которые заменили своих коллег с Рижской киностудии (последние со своими обязанностями не справились).

Тем временем продолжается музыкальный фестиваль «Золотой Орфей», где 5 июня началась конкурсная программа. Ее открыла польская певица Богдана Загурска, обладательница огромного низкого голоса. Затем выступал

болгарский композитор и певец Петр Чернев. Однако не эти исполнители могли бы угрожать будущей победе Пугачевой, а английский певец Карл Уэйн, который исполнял песню Зорницы Поповой «Сколько радости в мире» из репертуара Йорданки Христовой. Как вспоминают очевидцы, Уэйн выскочил на сцену с фальцетным криком, словно не в силах сдерживать бьющую в нем через край радость. Зал встретил его появление аплодисментами. Следом на сцену вышла Алла Пугачева. Первая песня — «Ты снишься мне» Алексея Мажукова и Николая Шумакова. Вспоминает Н. Завадская:

«Сегодня она особенно хороша — длинное черное платье оттеняет, подчеркивает ее хрупкость, женственность. И поэтому так поражает, буквально захлестывает экспрессия, сила чувства, которым наполняет артистка песню — любовное признание. А потом вдруг на наших глазах элегантная женщина превращается в циркового клоуна — маленького, смешного, несчастного. С деревянными руками, которые, словно на шарнирах, падая, сгибаются в суставах. Пугачева поет песню Эмила Димитрова «Арлекино». Из старой, запетой песни (русский текст Б. Баркаса) она создает новеллу. Перед нами проходит жизнь циркового артиста. Смех сквозь слезы. И когда характерный — клоунский — смех вдруг сменяется трагическими интонациями, когда снята маска — сжимается сердце... Мастерство Аллы Пугачевой в этой песне заставляло меня порой вспоминать знаменитую «Маленькую балерину» Вертинского.

А зал стонет, именно стонет, аплодируя...

Все вокруг поздравляют нас. «Какая выразительная певица, не просто певица, а синтетическая артистка!» — говорит о Пугачевой заместитель ректора Софийской консерватории, композитор Бенцион Элиезер. «Алла Пугачева — открытие не только «Золотого Орфея», но и мировой эстрады». Это слова директора фирмы «Балкантон», композитора Александра Иосифова...».

Вспоминает А. Пугачева: «Во время концертного выступления я вдруг перестала волноваться. И сама почувствовала, что понравилась публике. «Арлекино» пришлось по требованию публики исполнить дважды. После концерта Лев Лещенко ворвался в мой гостинич-

ный номер, долго изучающе смотрел на меня. При этом все время приговаривал: «Ну и ну! Учил, показывал! Да ты же — «Звезда»! Ты-то сама это понимаешь?». Выскочил на балкон и закричал: «Звезда! «Орфей» теперь наш!».

Кстати, этот концерт транслировался на всю Болгарию (в Советском Союзе его покажут значительно позже, о чем еще будет идти речь впереди) и одним из его зрителей был 8-летний мальчик Филипп Киркоров. Много позже он будет об этом вспоминать следующим образом:

«Я тогда очень болел, и мать повезла меня к Ванге. А та сказала: «Первая женщина, которую увидит ваш сын сейчас, — будет его женой». Мать обалдела. Какая может быть женщина? Мы живем в доме, кроме мамы, бабушки, другой бабушки и тети, никаких женщин. Не на родной же бабушке я женюсь. А в этот вечер шел «Золотой Орфей». Я проснулся и первое, что слышу: «Алла Пугачева, Советский Союз». Выходит девушка, и я понимаю, что мне она очень нравится...».

В пятницу, 6 июня, на «Таганке» прошла очередная репетиция «Вишневого сада». Высоцкий, который вошел в спектакль всего лишь неделю назад, уже поражает своей игрой многих: быстро учит текст и на лету схватывает мизансцену. После репетиции он вместе с партнерами по спектаклю Аллой Демидовой (она играет Раневскую) и Иваном Дыховичным (Петя Трофимов) едет на квартиру последнего. Там они сытно отобедали, после чего Высоцкий подвез Демидову до дома на собственной иномарке.

Продолжается фестиваль «Золотой Орфей». После того как 6 июня была завершена конкурсная программа, в «Сатурне» до глубокой ночи заседали два жюри: международное судило исполнителей, а болгарское определяло победителей среди песен. Наконец громогласно объявляется победитель: абсолютным большинством голосов «Золотой Орфей» присужден Алле Пугачевой! Зал буквально сотрясается от дружных оваций. Как скажет Георгий Ганев: «Пугачева оторвалась от всех остальных участников конкурса, как космический корабль, устремившийся к звездам». Остальные награды были распределены следующим образом: первая премия досталась Карлу Уэйну, Богдану Загурску, Ксанти Пераки, вторая — Стефке Оникян (Болгария) и Шинай (Турция),

третья — Гансу-Юргену Байеру (ГДР), премия за лучшее исполнение болгарской песни была присуждена Кончу Маркес.

Рассказывает А. Беляков: «Потом был большой банкет для лауреатов, на котором Аллу с Большим призом конкурса поздравляли болгарский министр культуры, какие-то другие высокопоставленные товарищи... Она и не пыталась запомнить их имена и должности.

Изрядно выпив, кто-то из этих раскрасневшихся толстяков стал настойчиво приобнимать Аллу и предлагать продолжить веселье у нее в номере. Когда ухаживания приняли характер «грязных домогательств», она в слезах крикнула:

— Отстаньте! Я не блядь, а советская певица!..».

А теперь из Болгарии перенесемся в Америку, где находится актриса Виктория Федорова. Как мы помним, 22 марта она покинула Москву, чтобы встретиться в Америке со своим отцом Джексоном Тэйтом. Эта встреча состоялась в конце того же месяца в Джон-Айленде и была широко освещена в американской печати. В советской прессе, естественно, об этом не говорилось ни слова. Пожив какое-то время у отца, Виктория приняла решение не возвращаться на родину. Тем более что здесь у нее появился возлюбленный — второй пилот компании «ПанАмерикен уорлд эйр-уэйз» Фредерик Ричард Пуи. Молодые познакомились на приеме, данном в честь Виктории в Нью-Йорке, и вскоре приняли решение пожениться. Свадьба состоялась 7 июня на родине жениха — в Южном Коннектикуте.

И вновь вернемся в Слънчев Бряг. 7 июня там состоялся заключительный концерт победителей фестиваля «Золотой Орфей». Вот как вспоминает о том дне Лев Лещенко:

«Перед Аллой Пугачевой по программе идет обладатель первой премии фестиваля англичанин Карл Уэйн. Публика требует повторения (Уэйн пел песню «Сколько радости в мире». — Ф. Р.). Уэйн раскланивается, но публика не успокаивается. А Алла пока ждет своей очереди за кулисами, «заряженная» на выход. Причем выход не простой, как обычно, а с фокусом, когда из глубины сцены опускается некая громадная механическая «рука», на ладони которой и стоит певица. И тут происходит следующее. Режиссер, управляющий этой меха-

нической «рукой», слышит, как стихли аплодисменты в честь Уэйна, делает из этого вывод, что певец сейчас уйдет со сцены, и дает команду, чтобы опускали «руку» с Аллой. Но это, оказывается, была всего лишь пауза перед началом песни, ибо Уэйн вдруг снова начинает петь. При этом он, естественно, не видит того, что происходит у него за спиной. А там в этот самый момент «рука» опускает на сцену Аллу. Ситуация неординарная — на сцене сразу две звезды! Что делать? В данном случае это больше относится к Алле, которая явно не знает, как выйти из такой щекотливой ситуации. Тут телевизионный оператор, стоящий перед певцом, начинает показывать ему знаками — посмотри, мол, что там у тебя за спиной! Уэйн оборачивается, видит Аллочку, тут же все понимает и находит изящный, достойный истинного джентльмена выход. Он подходит к ней, берет ее за руку и начинает петь как бы для нее. Но Алла при этом понимает в свою очередь, что нельзя же ей вот так на протяжении всей песни стоять рядом с ним! Она с улыбкой освобождает свою руку и садится на ступеньки в глубине сцены. Публика в полном восторге, ибо неловкая ситуация разрешилась самым наилучшим способом. Но надо знать характер Аллы! Потому что когда Уэйн подходит к ней снова в финале песни и готовится спеть последнюю фразу, Алла как ни в чем не бывало вдруг берет из его рук микрофон и поет вместо него эту самую фразу: «О-о, май лав!». Естественно, сия неожиданная импровизация идет под восторженный рев публики. Создается впечатление, что все это было задумано и отрепетировано заранее. Вот так в самом начале своей звездной карьеры наша будущая примадонна показала во всем блеске свои самые лучшие стороны — ум, находчивость, талант актрисы. И когда она после этого исполняет «Арлекино», зал неистово бисирует снова и снова...».

После того как Пугачева закончила свое выступление, был объявлен перерыв. А после него второе отделение было отдано Льву Лещенко, югославской джаз-рок группе и знаменитой американской четверке «Тэм-тейшен». Лещенко исполнил восемь песен, среди которых два новых хита: «Прощай» В. Добрынина — Л. Дербенева и «Соловьиная роща» Д. Тухманова — Л. Поперечного.

Той же ночью в гостинице «Кубань» устроителями фестиваля был дан прощальный ужин. На нем с Пугачевой произошел весьма неприятный инцидент. Вот как о нем вспоминает звезда болгарской эстрады Эмил Димитров (тот самый, что написал «Арлекино»):

«После ужина компания Ивана Славкова (он был в то время зятем руководителя Болгарии Тодора Живкова и занимал должность генерального директора болгарского телевидения) решила продолжить вечеринку в его апартаментах. Вместе с ним были заместитель министра культуры Иван Маринов и тогдашний шеф комитета по туризму. Мужчины начали приставать к Алле. Она попросила меня, чтобы мы покинули эту компанию, но они не пустили нас к лифту. И тогда нам пришлось спасаться бегством по запасной лестнице. Мы зашли в бар «Глобус», и там Алла расплакалась:

— Я не русская б... Что воображают себе эти господа? Я певица.

Очень много сил пришлось приложить мне, чтобы ее успокоить. После этого мы виделись с ней много раз...».

Между тем это было не последнее огорчение Пугачевой. Когда спустя несколько часов самолет Аэрофлота с советской делегацией на борту приземлился в Шереметьево, выяснилось, что певицу, которая добыла своей стране Главный приз престижного музыкального фестиваля, не приехал встречать даже какой-нибудь завалящий клерк из Минкульта. Приехал только один человек — руководитель ВИА «Веселые ребята» Павел Слободкин. Он и поздравил певицу с победой и на своей машине отвез в ее однокомнатную квартиру в Вешняках.

8 июня на Большой спортивной арене в Лужниках состоялся товарищеский матч по футболу между сборными Советского Союза и Италии. Как и полагается, ЦТ транслировало эту игру на всю страну, а комментировать ее должен был известный спортивный журналист Лев Иванович Филатов. В ту пору он был редактором популярного еженедельника «Футбол-Хоккей», а в кресло комментатора попал случайно: однажды ему пришлось подменить Николая Озерова в одном из репортажей, и дебют оказался удачным. У Филатова появились свои поклонники — люди, которым импонировала его спокойная манера, умение анализиро-

вать игру, отсутствие категоричности в суждениях, его обширный запас слов. Однако были у него и противники. К примеру, яростный спортивный фанат Леонид Брежнев терпеть не мог репортажи Филатова, а вот Николая Озерова просто обожал. Поэтому, когда он узнал о том, кто именно будет комментировать матч СССР — Италия, он чуть ли не в приказном порядке переиграл назначение комментаторов. Далее послушаем рассказ свидетеля тех событий Е. Рубина:

«Весь тот день Филатов не мог скрыть праздничного настроения. Он отправился в Лужники пораньше и предложил мне поехать с ним на редакторской машине. Мы поднялись лифтом на верхний этаж Большой арены, где размещались и ложа прессы, и комментаторская кабина. У дверей лифта его остановил какой-то человек, отвел в сторону и тихо сказал несколько слов. Филатов молча кивнул и тоже направился в ложу.

— Лев Иванович, вам туда, — показал я пальцем в сторону кабины.

— Репортаж отменяется, — будто через силу проговорил он. — Звонили из канцелярии Брежнева. Он хочет, чтобы игру комментировал Николай Николаевич...».

Тот матч закончился победой наших футболистов со счетом 1:0 (мяч забил Коньков).

9 июня в Театре на Таганке практически весь день шла репетиция спектакля «Гамлет». После ее завершения часть актеров разъехалась по домам, а некоторые — Высоцкий, Дыховичный, Демидова — собрались съездить на пару дней в Ленинград, чтобы отыграть там несколько концертов. Рванули на вокзал. Однако там выяснилось, что билетов на ближайший поезд уже не осталось. Но тут чудеса сноровки проявил Высоцкий. Просунув свою физиономию в билетную кассу, он только пробасил «Здравствуйте, девушки», как по кассе тут же пронесся восторженный шумок: «Это же Высоцкий!». Естественно, уже через несколько минут в обмен на автографы три билета на «Красную стрелу» были у него в кармане. В поезде чуть ли не полночи Высоцкий развлекал попутчиков своими новыми песнями. Демидову больше всех поразила диалогия «Погоня» и «Что за дом притих».

Приехав в Питер рано утром 10-го, таганковцы бросились искать такси. Но ни одной

свободной машины в эти ранние часы на привокзальной площади не оказалось. Тогда Высоцкий предложил коллегам отправиться пешком к своим друзьям — Кириллу Ласкари (брату Андрея Миронова) и Нине Ургант, которые жили неподалеку от вокзала. Дошли без приключений. К счастью, хозяева были дома и встретили незваных гостей с распростертыми объятиями. Завтрак прошел в теплой и дружественной обстановке. А вот ужинали таганковцы уже в другом месте — их пригласил к себе кинорежиссер Илья Авербах. А поздней ночью гости откланялись и вновь рванули на вокзал, чтобы успеть на последнюю «Красную стрелу». И вновь почти полночи не спали, а трепались.

Тем временем на «Мосфильме», в Экспериментальном творческом объединении, вовсю идет подготовка к съемкам фильма по бестселлеру Владимира Богомолова «В августе 44-го...». Идет, прямо скажем, трудно. Дело в том, что режиссером фильма был выбран Витаутас Жалакявичус, у которого с первых же дней не сложились отношения с автором романа. Богомолову резко не понравился режиссерский сценарий, и он обвинил Жалакявичуса в абсолютном незнании военной темы, тот ответил соответственно и — пошло-поехало. В итоге режиссер и автор вообще перестали разговаривать, предпочитая общаться через посредников. Жалакявичус для этого выбрал директора фильма Бориса Криштула, а писатель предпочитал общаться исключительно с руководством студии с помощью письменных депеш. К примеру, 11 июня им была послана следующая телеграмма генеральному директору «Мосфильма»:

«Как это ни удивительно, реализована только пятая часть из более чем 600 замечаний, сделанных мною по второму варианту режиссерского сценария. Замечаний, обоснованность которых была признана редактором и руководством студии. Причем при реализации только пятой части замечаний режиссером написаны многие новые нелепости и неграмотности...».

Спустя несколько дней писателем будет отправлена другая депеша: «Вся беда режиссерского сценария в том, что режиссер имеет самое отдаленное, неверное представление о людях и событиях, которые должен изображать, и при невмешательстве студии упорствует в своих заблуждениях и своем невежестве. Ни к

чему хорошему эти заблуждения режиссера и его незнание предмета изображения привести не могут...».

Пока обе стороны выясняли отношения подобным образом, другая часть съемочной группы непосредственно работала — выбирала места для натуральных съемок. Для поиска похожих деревень, городка, леса киношники отправились из Минска до Беловежской Пуши. Поехали бы и дальше, если бы их не остановил пограничник, показав на столб с Гербом СССР: за его спиной была уже Польша. Были объезжены сотни километров, а в итоге нужное место нашли у себя под носом — рядом, под Минском, на натурной площадке «Беларусь-фильма» в Смолевичах. Там все стояло как будто специально под них: гостиница, декорации, лес, небольшое озеро.

В среду, 11 июня, в прессе появилось сообщение об очередном успехе столичных кондитеров: в кондитерско-булочном комбинате «Черемушки» на свет появились два новых торта: «Чародейка» и «Москвичка». Наибольшим успехом у жителей Москвы будет пользоваться первый, который, как и «Птичье молоко», будет днем с огнем не сыскать.

Очередной кризис переживает популярная рок-группа «Машина времени» — из нее внезапно уходит басист Александр Кутиков. Вот как об этом вспоминает лидер «машинистов» Андрей Макаревич:

«У нас опять случился развал. На этот раз инициатором совершенно неожиданно стал Кутиков. У него, по-моему, начались какие-то жизненные искания. Во всяком случае он упорхнул не куда-либо, а в Тульскую государственную филармонию, где формировался новый, так сказать, ВИА, которому якобы будет дозволено после обязательной программы под видом песен народов мира сбавать что-нибудь из «Криденс». Обещались также восьмирублевые ставки, комплект аппаратуры «БИГ» и вообще золотые горы.

Я чувствовал, что прощаемся мы надолго. Очень мне не по нраву было такое идейное кутиковское ренегатство, и в глубине души решил я ни за что обратно Кутикова не брать. В том, что эта тульская затея лопнет, у меня в отличие от Саши сомнений не было. Я уже достаточно реально осознавал окружающий мир...».

На место ушедшего Кутикова вскоре был найден другой гитарист — Евгений Маргулис. Он тогда работал санитаром в какой-то больнице или морге, однако вклад его в отечественную медицину носил чисто символический характер. Сергей Кавагое тоже не был особенно обременен на работе, чего не скажешь о самом Макаревиче: он работал в «Гипротее» и учился на вечернем факультете МАРХИ (его там все-таки восстановили). Но Макаревич нашел выход из положения: на работе он добился зачисления на полставки и стал ходить туда через день, а институт и вовсе посещал два раза в год — во время экзаменов.

Репетиционная база «Машины времени» располагалась тогда на территории Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР: в конференц-зале они репетировали, а в каморке напротив хранили свою аппаратуру. Попали же туда «машинисты» случайно: выступили как-то на вечере в министерстве, и им предложили там дислоцироваться. Причем вопрос был решен чуть ли не за пять минут на низшем уровне — без участия министра.

В том июне кадровые перестановки произошли в 9-м Управлении КГБ (охрана руководителей): заместителем начальника этого управления — этот пост тогда занимал генерал-лейтенант Юрий Сторожев — был назначен Михаил Докучаев, который до этого четыре года возглавлял подразделение внешней контрразведки, задачей которого было ограждать советскую разведку от иностранной агентуры, обеспечивать безопасность учреждений, делегаций и советских граждан за границей. В «девятке» Докучаеву доверили не менее ответственную работу — обеспечивать охрану советских руководителей при выездах за границу, а также охранять иностранных государственных деятелей во время их пребывания в Советском Союзе.

Вспоминает М. Докучаев: «В первый же день моей работы в 9-м управлении я был буквально ошарашен, столкнувшись с некоторыми явлениями. Я ехал на службу в прекрасной автомашине. Раньше, работая за границей, я сам водил автомобили различных иностранных марок, но они не шли ни в какое сравнение с той прекрасной «Волгой», которая была предоставлена мне. Красивый интерьер, радиосвязь, машина могла развивать большую ско-

рость с помощью установленного в ней мощного двигателя...

Меня удивило еще и другое. На трассах проезда сотрудники ГАИ и милиции повсюду отдавали мне честь, и наша машина беспрепятственно, порой не соблюдая Правил дорожного движения, пролетала по улицам и проспектам Москвы. Пришлось предупредить водителей, чтобы они не злоупотребляли своими правами и, если в этом нет необходимости, вели себя так, как и все другие водители автотранспорта».

Между тем продолжает свою правозащитную деятельность академик Андрей Сахаров. В том июне из-под его пера в самиздате вышла большая статья под названием «О стране и мире». Приведу лишь небольшой отрывок из нее, где Сахаров описывает состояние советского общества:

«Тысячи оживленных и, видимо, довольных судьбой людей снуют у подножия стройных небоскребов Нового Арбата, высоко поднявшихся в небе Москвы. Но за этим фасадом скрывается, как, впрочем, тоже не только у нас, много такого, что недоступно постороннему глазу, скрывается море человеческого несчастья, трудностей, озлобления, жестокости, глубочайшей усталости и безразличия, которые накопились десятилетиями и подтачивают устои общества. В стране необыкновенно много несчастных, обойденных судьбой людей: одиноких стариков с ничтожными пенсиями; людей, не устроенных в жизни, не имеющих работы или возможности учиться, или прилично, даже по нашим нищенским нормам, жилья; хронически болезненных, которые не могут попасть в больницу; бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей; полтора миллиона заключенных, жертв слепой и часто несправедливой, продажной и зависимой от властей и местной «мафии» судебной машины, которые навсегда выкинуты из нормальной жизни; просто неудачников, не сумевших вовремя сунуть кому надо взятку. Всем им практически невозможно помочь, да и мало кто пытается это делать в общей обстановке трудностей, изнуряющей борьбы за пропитание большинства населения, сытой, самодовольной замкнутости у меньшинства, показной и малоэффективной социальной структуры...».

Кстати, 15 июня в лондонском журнале «Обсервер» была опубликована статья Роя

Медведева под названием «Как бы я управлял Советским Союзом», где автор дает свои характеристики видным советским диссидентам. Вот как, к примеру, Медведев отзывался о Сахарове: «У меня впечатление, что он не имеет четкой системы идей... Он действует под воздействием моральных и эмоциональных импульсов. Его взгляды носят прежде всего отрицательный характер. Он знает, чего он не хочет. Если бы Сахаров стал главой государства, то он не знал бы, что делать...».

Но хватит о политике, поговорим о вечном — о любви. Для этого мы перенесемся в Красноярск, где в эти же июньские дни известный ныне футбольный тренер Олег Романцев познакомился со своей будущей женой Натальей. Их роман развивался стремительно, впрочем, для большинства спортсменов это норма — плотный спортивный режим не позволяет им тратить много времени на ухаживания. 21-летний Романцев тогда играл в футбольной команде «Автомобилист» и во время одной из тренировок обратил внимание на симпатичную девушку, сидевшую на трибуне вместе с подругой, которую он знал, и наблюдала за игрой. Это и была его будущая жена, которая в те годы работала тренером по художественной гимнастике. В тот день она провела очередную тренировку, собралась уже было уйти домой, как вдруг подруга уговорила ее остаться понаблюдать за тренировкой футболистов.

В перерыве Романцев подошел к девушкам, и подруга представила его Наташе: «Знакомься, это Олег Романцев, звезда нашего футбола». Наташа залилась пунцовым румянцем, не сумев совладать со своей природной застенчивостью. А Романцев, которому эта скромность понравилась, вверг девушку в еще большую краску, пригласив ее этим же вечером в ресторан. В течение минуты Наташа не знала, куда себя девать от охватившего ее волнения, после чего наконец совладала со своими эмоциями и дала согласие на встречу. И тем самым предопределила свою судьбу. На следующий день после похода в ресторан Романцев уехал на сборы, а вернулся оттуда через неделю со... сломанной ногой. Еще через пару недель он сделал Наташе предложение, которое она практически сразу и приняла. Их свадьба состоится в декабре этого же года.

А теперь из Красноярска вновь вернемся в Москву и взглянем на афишу столичных кинотеатров. 9 июня на экраны вышли сразу два фильма, посвященных событиям Великой Отечественной войны: эпическая советско-чехословацкая драма Отакара Вавры «Соколово», где с советской стороны снимались Юрий Соломин, Николай Еременко и др., и фильм В. Лысенко про подвиги военных моряков «Следую своим курсом» с участием Улдиса Лилдиджа, Сергея Мартынова и др. Из зарубежных новинок выделю французскую комедию «Зануда», которая начала демонстрироваться с 2 июня.

Лидером проката на тот момент является фильм Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину»: 5 июня в кинотеатре «Октябрь» на него был продан миллионный билет. Стоит отметить, что если в первый день демонстрации фильма 12 мая на его сеансах побывали 8 400 зрителей, то в июне эта цифра увеличилась до 15 000 зрителей в день.

Кино по ТВ: «Такая короткая долгая жизнь» (премьера т/сп 1—4-го), «Композитор Глинка», «Свой» (2-го), «Неотправленное письмо» (3-го), «Девочка и эхо» (4-го), «Тайна железной двери» (6-го), «Сказка о царе Салтане», «Приключения в Африке» (США, 7-го), «К Черному морю» (8-го), «Смертный враг» (9-го), «Никого нет дома» (ЧССР, 9—13-го), «Еще раз про любовь» (11-го), «Я шагаю по Москве» (12-го), «Поздний ребенок» (13-го), «Лето в Журавлином» (премьера т/ф 14-го), «Полосатый рейс», «Яцек и его президент» (Польша, 15-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—8-го — в Зеленом театре ВДНХ выступали ВИА «Добры молодцы» и ансамбль танца «Сувенир»; 4-го — в ГЦКЗ «Россия» пела София Ротару; 8-го — на ВДНХ пели Екатерина Шаврина и Михаил Котляр; 6—8-го в ГЦКЗ состоялись выступления шведской певицы Лены Эриксон; 9—11-го на ВДНХ радовал слушателей своим искусством ВИА «Песняры»; с 10-го в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» пела Эдита Пьеха. Труппа Ленинградского Театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина в июне сменила место дислокации — теперь она выступает в ДК МИИТа. Спектакль «Избранное» был показан на его сцене 4, 5, 8, 9, 10 июня.

Тем временем известный писатель Анатолий Злобин в те дни в тайне от всех читал роман А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Скажем прямо, держа в своем доме эту книгу, писатель здорово рисковал: если бы власти узнали об этом факте, карьера Злобина была бы завершена — его бы однозначно исключили из Союза писателей. Но он предпочел рискнуть, поскольку желание познакомиться с крамольной книгой было выше страха. И книга его не разочаровала, произведя сильнейшее впечатление, о чем он 16 июня сделал соответствующую запись в дневнике. Цитирую: «Третий день живу потрясенный, разбитый, выпотрошенный — и чем ближе к концу тома, тем сильнее. Итак, теперь я буду жить с «Архипелагом», он врубился в мою жизнь и душу. Даже почерк сбился, руки дрожат. Так он на меня подействовал, этот «Архипелаг»...

В русской литературе мало найдется таких безжалостных книг, и ближе всех к ней «Бесы» Достоевского, вот уж где — с перерывом в 100 лет порезвились два гиганта, всех в навозе вывозили, никого не пожалели. И оба — каторжане! Солженицын часто поминает своего собрата, показывая, как сладко жилось на царской каторге. Так теперь эти книги и будут идти в истории русской литературы: «Бесы» и «Архипелаг ГУЛАГ», одна за другой...».

Другой известный писатель — Юрий Нагибин — в те дни был озабочен другой проблемой: его крайне заботили разговоры о скорой войне, которые так усиленно распространялись в обществе. 17 июня Нагибин записал в своем дневнике:

«Разговоры о близкой войне. Вроде бы никаких оснований для этого, тем более что война — и немалая — только что состоялась и кончилась поражением Америки, отнюдь не мечтающей о реванше. (Речь идет о войне во Вьетнаме. — Ф. Р.) Руководители по-прежнему играют в разрядку, а простые люди чувствуют, что она рядом, и приглядываются к соли, спичкам и консервам на пустынных полках магазинов. Видимо, она созрела в душах...».

В тот же день в Москве, на 68-м году жизни, скончался знаменитый кинооператор Владимир Рапопорт, снявший такие шедевры отечественного кинематографа, как: «Подруги» (1936), «Она защищает Родину» (1943, Сталинская премия в 1946-м), «Молодая гвардия»

(1948, Сталинская премия в 1949-м), «Тихий Дон» (1958), «Журналист» (1967), «Деревенский детектив» (1969), «У озера» (1970), «Любить человека» (1972), «Дочки-матери» (1975) и др. Несмотря на три Сталинские и одну Государственную премии, которые заработал за свою карьеру в кино Рапопорт, он был невероятно скромным человеком. Говорят, он абсолютно не умел ничего просить, а из вещей однажды купил только холодильник, да и тот оказался сломанным. Как вспоминает его жена актриса Лидия Смирнова: «Вот говорят: евреи все могут, уж еврей-то достанет. Если это так, то Рапопорт был такой же еврей, как я татарин или турок. У него вся семья была такая — скромная, трудолюбивая...».

Как мы помним, Рапопорт занемог семь месяцев назад — врачи обнаружили у него рак желудка. Лидия Смирнова с превеликим трудом определила его в больницу Московского комитета партии, где уход был значительно лучше, чем в Склифе, где первоначально лежал оператор. Все это время Смирнова была с ним практически каждый день. Как вспоминает сама актриса: «Я жила вместе с ним в больнице и продлевала ему жизнь. Он был очень благодарен мне. Я ловила его любящий взгляд уже тогда, когда он не мог говорить. Это был просто скелет, обтянутый кожей, с большими голубыми глазами...».

А в Литве, в окрестностях Каунаса, продолжают интенсивные поиски опасного маньяка, который вот уже в течение почти четырех (!) лет насилует женщин. Как мы помним, начав свою преступную деятельность в декабре 71-го, маньяк за это время совершил 13 изнасилований и 7 грабежей. На свои жертвы он нападал в разное время года, угрожая ножом и облачаясь в маску из капронового чулка. Несмотря на то, что в городе был создан штаб по поимке преступника, который возглавил заместитель министра внутренних дел Литвы Жемгулис, поймать маньяка никак не удавалось. В последний раз преступник дал о себе знать в феврале, когда с интервалом в четыре дня (11 и 15 февраля) совершил сразу два нападения. После этого маньяк залег на дно, поскольку на его поимку были вновь брошены значительные силы милиции. Всю весну в прилегающих к Каунасу окрестностях проводилась операция «Сети» и все это время преступ-

ник хранил молчание. Однако с наступлением лета у него, видимо, опять «засвербило».

19 июня маньяк вновь вышел на охоту. В 7 часов утра в Вайчувском лесу он подстерег 16-летнюю ученицу 9-го класса, которая шла из дома по лесной тропинке на автобусную остановку для следования в город Кайшядорис. Напялив на себя маску, маньяк выскочил из кустов на дорогу и, угрожая ножом, заставил девушку следовать в глубь леса. Там он отобрал у перепуганной насмерть школьницы все имеющиеся у нее деньги — 20 рублей с копейками, — после чего скрылся в чаще. Видимо, добыча не слишком его удовлетворила, поскольку вскоре он объявился в деревушке Сургантишкяй, где пробрался в один из домов и прихватил несколько ценных вещей на сумму в пару сотен рублей.

Ограбленная школьница, бросившись было со всех ног обратно домой, по пути все же набралась смелости заскочить в ближайшее отделение милиции. Чем и подписала маньяку приговор. Спустя считанные минуты на ноги были подняты значительные силы милиции: прилегающие к месту преступления окрестности блокировали 25 милиционеров, 30 курсантов школы милиции и несколько дружинников. Началось прочесывание леса. Длилось оно недолго. Примерно в половине десятого утра на дороге Алитус — Каунас, неподалеку от средней школы милиции, милицейский наряд во главе со старшим инспектором вневедомственной охраны старшим лейтенантом милиции М. Суславичюсом обратил внимание на мужчину средних лет, который по приметам, описанным ограбленной школьницей, был похож на разыскиваемого. Незнакомца задержали и доставили в отделение. Он, естественно, сначала возмущался, но когда в кабинет вошла ограбленная школьница, тут же отпрянул в сторону. Девушка мгновенно опознала в нем сегодняшнего грабителя.

Задержанным оказался 35-летний Аугустинас Дустарс (фамилия изменена), который работал электромонтером в Каунасском домостроительном комбинате, был женат и имел в этом браке двух несовершеннолетних детей. В биографии Дустарса имелись черные пятна: в 66-м он был судим за незаконное хранение оружия, а год спустя — за спекуляцию. Когда его опознала школьница, Дустарс не стал от-

пираться и признался в ограблении. Однако многочисленные изнасилования и грабежи начисто отрицал: дескать, это не его рук дело. Но сыщики его быстро раскрутили, обнаружив у него дома три маски из капроновых чулок и нож, который фигурировал во всех преступных эпизодах с 71-го года. Да и многочисленные жертвы во время очных ставок безошибочно указывали на Дустарса, как на того самого маньяка, который их грабил и насиловал.

А теперь из Каунаса перенесемся в Подмосковье, а точнее — в Люберецкий район. Тамощнее население с весны пребывает в ужасе от деятельности не одного, а сразу двух изощренных маньяков, которые в отличие от каунасского не только грабили и насиловали свои жертвы, но и убивали их. Их первую жертву обнаружили на пустыре неподалеку от автобусной остановки — молодая женщина была жестоко изнасилована и убита несколькими ударами тяжелого предмета по голове. Поначалу милиция отнеслась к этому преступлению как к рядовому, то есть не связанному с деятельностью какого-то маньяка. Но когда в начале лета возле другой автобусной остановки была изнасилована и убита таким же способом, как и первая жертва, еще одна женщина, стало ясно — в области объявился маньяк (о том, что преступников двое, милиция узнает чуть позже). Была создана специальная оперативная группа, которая занялась поисками зверя в человеческом обличье. Под особый контроль были взяты особо «опасные участки» — промежуточные автобусные остановки.

В пятницу, 20 июня, в автомобильной катастрофе погиб человек, которого знала вся страна, — Герой Советского Союза Михаил Егоров, который в мае 45-го вместе с Мелитоном Кантария водрузил Знамя Победы над поверженным рейхстагом. И хотя таких знаменосцев, водрузивших знамена над цитаделью Третьего рейха было еще несколько человек, однако именно этим двум, благодаря стараниям партийной печати, суждено будет стать знаменитыми на весь мир.

Карьера Егорова после войны складывалась следующим образом. Сначала его пристроили в Смоленскую областную партийную школу (семья Егорова жила в городе Рудня), после чего назначили лектором в общество «Знание». Но эта работа Егорову не нравилась. Одно время

он даже работал налоговым инспектором, но по какой-то неизвестной причине растратил государственные деньги и над ним нависла угроза тюрьмы. К счастью, в дело вмешался сам Климент Ефремович Ворошилов, который отмазал героя от неволи.

В мае 60-го, когда отмечалось 15-летие Победы, Егорова и Кантария пригласили в Москву, где они удостоились встречи с самим Хрущевым. Как гласит легенда, во время шумного застолья Хрущев спросил Егорова: «Ну, проси все, что хочешь». И Егоров попросил у главы государства... мотоцикл. Хрущев, конечно, удивился столь странной просьбе (обычно у него просили вещи куда более значимые), но обещание выполнил. Правда, лишь отчасти: Егорову дали не сам мотоцикл, а выплатили его цену, причем в трехрублевых купюрах. Последнее обстоятельство обидело героя, и он, вернувшись в Рудню, всю сумму пропил с друзьями.

Через год, когда Егорову стукнуло всего лишь 37 лет, его отправили на пенсию. Но баклуши он не бил, работая в разных местах и на разных должностях. Причем бросало его, что называется, то вверх, то вниз: то он сидел в кресле председателя колхоза, то вставал за прилавок в сельпо в качестве рядового продавца, то слесарил, а то был начальником самой короткой железной дороги (шла от станции Рудня до молочно-консервного комбината). А параллельно, пользуясь своей всенародной славой, Егоров выбивал для своего родного района все, что можно: технику, продукты, учебные пособия, запчасти для автопарка и т. д. и т. п. Короче, был главным снабженцем Руднянского района.

Во время празднования 30-летия Победы первый секретарь Руднянского обкома партии презентовал Егорову «Волгу». Знай он, к чему это приведет, может быть, подарил бы что-нибудь другое. Заимев собственное авто, Егоров стал колесить на нем по району, причем частенько будучи навеселе. Сколько раз родственники, да и многие земляки увещевали его, чтобы не садился за руль нетрезвым, но герой их не слушал. И беда не заставила себя долго ждать. Чуть больше месяца проездил Егоров на «Волге», которая 20 июня стала могилой не только для него, но и еще для двух пассажиров: директора Руднянского молочно-консервного комбината и молодого парня, направлявшегося в

сельсовет, чтобы там отпроситься на свадьбу к приятелю. На одном из участков трассы Егоров не справился с управлением и столкнулся с огромным рефрижератором, который вез в Мурманск огурцы.

Говорят, родственники собирались похоронить Егорова в родной деревне, но из Москвы пришло указание министра обороны Гречко, чтобы погибшего похоронили как героя в Смоленске. Похороны вылились в грандиозную процессию, поскольку для смолян Егоров был поистине народным героем (про таких говорят «свой в доску»).

В тот день, когда погиб Егоров, в автопарке министра внутренних дел СССР Николая Щелокова появилась крутая тачка — «Мерседес-Бенц-280-Е». Этот автомобиль был прислан фирмой «Даймлер-Бенц» советским милиционерам в рамках рекламной кампании: немцы таким образом хотели заинтересовать потенциальных покупателей из России своим товаром в преддверии Олимпийских игр-80, которые, как известно, должны были состояться в Москве. В рамках этой кампании немцы обещали безвозмездно пригнать к нам три «мерса», два из которых были оснащены приборами контроля за дорожным движением, а один был представительским. Именно этот автомобиль и попал в личный гараж Щелокова. 20 июня МВД СССР официально уведомило фирму «Даймлер-Бенц» о получении первого из обещанных автомобилей. Правда, в уведомлении не сообщалось, кому именно он достался. Стоит отметить, что в ту пору в Москве «мерсы» в личном пользовании были только у нескольких человек: например, среди артистов первым владельцем такого «коня» был киношный Остап Бендер Арчил Гомиашвили, а спустя несколько месяцев таким же автомобилем обзаведется и шахматист Анатолий Карпов.

В тот же день, 20 июня, из Одессы был срочно вызван Родион Нахапетов (он снимался там в фильме «Раба любви»). Причина вызова была не из приятных: фильм Нахапетова «На край света» в очередной раз не был принят в Госкино. Как мы помним, эта эпопея началась несколько месяцев назад, и все это время кто только не пытался разругать возникшую ситуацию: руководство «Мосфильма», сам Нахапетов и даже автор пьесы, которая легла в основу фильма, Виктор Розов. Последний на за-

седании в Госкино попробовал было апеллировать к разуму киношных чиновников: «Мы согласны, фильм раздражает. Но кого раздражает? Нас с вами, то есть взрослых людей. Но ведь фильм адресован не чиновникам, а молодежи. А молодежь именно так себя и ведет, задиристо и максималистски. Не верите? У меня есть предложение. Давайте соберем молодежь, школьников, студентов и покажем им фильм. Посмотрим реакцию и тогда сделаем заключение: правдив фильм или нет».

Однако резонное предложение драматурга было отвергнуто. Чиновники были не дураки, прекрасно понимали, на чьей стороне будет успех, согласись они на такой эксперимент. В итоге была дана очередная команда кромсать ленту. В противном случае ее грозились навсегда упрятать на полку. Вот Нахапетов и вынужден был бросить съемки в Одессе и сломя голову мчаться в столицу.

Неприятностями был отмечен тот июнь и для актрисы Елены Кореневой. Она только что окончила Шуйкинское училище и была распределена в театр «Современник», который почти через месяц должен был отправиться на гастроли в Оренбург. Однако эти гастроли для Кореневой были под вопросом — у нее стали сдавать нервы: она испытывала постоянное беспокойство и даже панику. Затем начались настоящие срывы: она задыхалась в помещениях, садиться могла только напротив окна, на нее накатывали сильные приступы страха. Ей вдруг казалось, что она слышит, о чем думают окружающие ее люди, даже посторонние, прохожие. В один из дней, находясь на даче у Андрея Кончаловского, она до жути напугала его со сценаристом Валентином Ежовым (они работали над сценарием фильма «Сибиряда»). В тот момент, когда мужчины стали вспоминать про жену кинооператора Урусевского, Кореневой внезапно померещилось, что на нее надвигается фигура незнакомой женщины, и она дико закричала. Мужчинам с трудом удалось ее успокоить. Вскоре после этого случая мама Кореневой устроила ей встречу с врачом-психоневрологом. Тот поставил ей диагноз «нервный срыв» и выписал какие-то пилюли.

Артист того же «Современника» Олег Даль вместе с женой и тещей в те дни обживали свою новую квартиру, которую им удалось обменять на ленинградскую. Переезд был хло-

потным, под него Даль занял у своих знакомых три тысячи рублей. Заемщиков было трое: писатель Константин Симонов, родная сестра актера и футболист столичного «Торпедо» (Даль с детства болел за этот клуб) Алексей Еськов. Как вспоминает жена актера Е. Даль: «Первый, к кому он решил пойти, был К. Симонов. Почему — не помню. Мы сидели у Шкловских. Симоновы жили по соседству. Олег встал и пошел. Вернулся, усмехаясь: «Заставил меня расписку написать. Я вам, конечно, верю, но для порядка». Олег брал на определенный срок. Отдавал день в день. Мог отдать раньше, но ждал этого дня. Был смущен требованием Симонова. Когда возвращал долг секретарю Симонова, попросил расписку о возврате...».

Следом за Симоновым Даль расплатился с сестрой, а затем отдал деньги и Еськову. Произошло это на дне рождения последнего — 23 июня футболисту стукнуло 31 год. Причем именинник в этой ситуации вел себя благородно: когда давал в долг, не то чтобы не требовал вернуть его в определенный срок, а сказал: «Вернешь, так вернешь, а нет — ну и черт с ними». А когда Даль все-таки деньги ему принес, Еськов их даже не пересчитал. Впрочем, настоящие друзья так и должны поступать.

24 июня в Театре на Таганке состоялся специальный показ многострадального спектакля «Живой» по одноименной книге Б. Можая. Эту пьесу таганковцы поставили еще в 1968 году, но ее премьеру запретила тогдашний министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Однако после ее смерти в октябре 74-го таганковцы вновь воспрянули духом и сделали очередную попытку пробить спектакль — на этот раз с новым министром Петром Демичевым. Тот постановку посмотрел, но ни «да», ни «нет» не сказал, пообещав подумать. А чего было думать, когда еще в прошлом году книга Можая «Живой» была выпущена массовым тиражом и получила одобрение критики во многих средствах массовой информации: от газеты «Комсомольская правда» до журнала «Дружба народов». И таганковцы никак не могли взять в голову, как это можно одновременно разрешать печатать произведение массовым тиражом и запрещать показывать его зрителям? Но Минкульт продолжал колебаться. А когда молчать стало уже просто неприлично, там изобрели хитрый ход: решили самым демократичным

образом закамуфлировать отказ. Для этого в Москву были собраны передовики колхозного строительства, которым предложили решить судьбу спектакля. Но прежде чем допустить их на показ, с ними провели соответствующий инструктаж, где открытым текстом сказали: «Нам такая правда не нужна. Мы идем к светлому будущему и вспоминать прошлые трудности сейчас не время». А поскольку передовики были людьми партийными, а значит, ответственными, они все поняли правильно. И в день показа 24 июня пришли в театр уже хорошо подкованные. Как вспоминает исполнитель главной роли Валерий Золотухин: «Когда я вышел на сцену, просто ослеп от первых трех рядов: колхозники специально нацепили все свои награды, понимая, что они пришли на серьезное мероприятие...».

Сразу после показа состоялось обсуждение увиденного. Практически все говорившие спектакль ругали. Например, заместитель министра сельского хозяйства К. Калинин заявил: «Типично ли это явление для нашего хозяйства? Да нет же. Нет. Подождите смеяться. Я глубоко, искренне убежден, что так не могло быть. Поэтому так, как было на сцене... это не годится. Так не могло быть. Это неправда».

Ему вторил другой оратор — журналист газеты «Сельская жизнь» В. Царев: «Неправда это. Неверно. Исторически не соответствует действительности. И в связи с этим я должен спросить: надо ли нам такой спектакль показывать молодежи, которую мы хотим научить, как было? Так-то не было...».

Затем выступил председатель колхоза имени Горького В. Исаев, который начал за здравие, а закончил за упокой. Он сказал: «Актеры играли замечательно, особенно Золотухин, в которого я просто влюблен. Давно мечтал увидеть его на сцене. Это перспективный актер. Но сама постановка не отражает действительности, которую хотелось бы увидеть...».

Когда хор этих спланированных голосов стал уже слишком очевиден, слово взял главреж театра Юрий Любимов. Он выразил свое недоумение происходящим: мол, министр культуры спектакль разрешил, но попросил внести в него отдельные поправки. А здесь спектакль откровенно запрещают. Его поддержал Борис Можая, который попросил минкультовца К. Воронкова (он вел обсуждение) дать слово

не только передовикам колхозного строительства, но и другим именитым людям, тоже пришедшим на просмотр: актеру Михаилу Яншину, писателям Сергею Залыгину, Григорию Бакланову и Владимиру Солоухину. Воронков вынужден был с этим согласиться, хотя для него судьба спектакля была уже решена. Весьма остроумную вещь сказал В. Солоухин: «Я не знаю, что стали бы говорить на обсуждении «Ревизора» ревизоры и городничие, если бы в свое время их туда пригласили». Однако выступления защитников спектакля так и остались гласом вопиющего в пустыне и актеры покидали театр с тяжелым чувством. До оглашения окончательного вердикта по «Живому» остается всего лишь несколько дней.

На следующий день, но уже в ином месте, состоялся еще один худсовет. На «Мосфильме» принимали комедию Эльдара Рязанова «Ирония судьбы». Как мы помним, съемки фильма начались в январе и продолжались до начала мая. Поначалу метраж фильма был определен в 4100 полезных метров, но по ходу работы Рязанов решил его увеличить еще на четыре части. В итоге фильм вырос до 5252 полезных метров, но нисколько от этого не пострадал, а даже, наоборот выиграл. Это, кстати, отметили и все члены худсовета, собравшиеся на обсуждение ленты 25 июня. Фильмом оказались довольны практически все: и мосфильмовцы, и сам заказчик в лице Гостелерадио. Только Госкино было недовольно, поскольку у председателя Госкино Ермаша были плохие личные отношения с председателем Гостелерадио Лапиным. «Ты нас предал!», — заявил как-то в приватной беседе Ермаш Рязанову. — Создал нетленку, но не для нас, а для телевидения». От такого заявления у режиссера на какое-то время пропал дар речи. Исходя из этих слов, можно было подумать, что он снял свой фильм не для советского, а для какого-нибудь уругвайского или американского телевидения.

В четверг, 27 июня, в одном из павильонов «Ленфильма» режиссер Виталий Мельников (автор такого хита, как «Начальник Чукотки») приступил к съемкам очередного фильма, в будущем не менее культового — «Старший сын» по одноименной пьесе Александра Вампилова. Актерский ансамбль был немногочисленный, но очень удачный: роль Сарафанова-старшего исполнял Евгений Леонов, Бусыгина — Нико-

лай Караченцов, Сильвы — Михаил Боярский, Нины — Наталья Егорова, Васеньки — Владимир Изотов, летчика — Николай Никольский. Актрису на роль судьи Макарской нашел оператор фильма Юрий Векслер: увидев в фильме «Премия» Светлану Крючкову, он посоветовал ассистентам Мельникова пригласить на пробы именно ее, причем фамилию актрисы он даже не запомнил. Векслер не подозревал, что этот выбор станет для него судьбоносным — еще на стадии проб между ним и Крючковой случится роман. Вот как об этом вспоминает сама актриса:

«В Юру я влюбилась в первый же съемочный день. Вечером позвонила ему домой и, набравшись смелости, предложила: «Хотите, я никуда не уеду, останусь в Ленинграде?». Вообще такое поведение мне не свойственно, но, видимо, от любви слегка помутилось сознание. Юра же совершенно спокойно отреагировал на мои слова, сказав только: «Приезжайте на съемки»...

Правда, не все у нас с Юрой сначала шло гладко. Терзаемый сомнениями, однажды он признался мне, что еще ничего не решил: «Давай еще подождем». Собираясь к маме, я сказала ему: «Ты любишь меня и всю жизнь будешь любить только меня!». Мои слова оказались пророческими.

Я уехала домой, в Кишинев, попросив Векслера позвонить, если примет решение. Целый месяц я, гипнотизируя телефон, ждала звонка и не выходила из дома. Даже бабушка, раньше вечно ругавшаяся со мной из-за частых отлучек, вдруг взбунтовалась и постоянно пыталась вытолкнуть меня на волю.

И вот, когда, вконец отчаявшись, я решила принять предложение выйти замуж от своего давнего поклонника, ночью раздался звонок из города на Неве. «Приезжай!» — только и сказал Юра. Мысли о мнимом счастье с другим тут же куда-то улетучились. Векслер выслал мне денег на дорогу, и я вылетела первым же рейсом в Ленинград...».

Однако вернемся в конец июня 75-го.

В тот же день, 27 июня, на «Мосфильме» принимали фильм «Бегство мистера Мак-Кинли» Михаила Швейцера. Работа над лентой была завершена еще три месяца назад, но Госкино заставило режиссера внести в нее существенные поправки. В результате этих измене-

ний из ленты вылетели практически все песни, написанные для фильма Владимиром Высоцким. А ведь по первоначальной задумке автор, во многом именно на этих балладах должна была держаться философская первооснова картины. На одном из своих концертов осенью этого же года актер так обрисует сложившуюся ситуацию:

«Я написал несколько больших баллад для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Сделали большую рекламу этому и написали, что я там играю чуть ли не главную роль, и что я там пою все баллады. Это вранье! Я там ничего не играю, потому что полностью вырезан. Вместо девяти баллад осталось полторы, и те — где-то на заднем плане. Поэтому не верьте! И на фильм-то пойдите, но совсем без ожидания того, что вы там услышите мои баллады...».

Кстати, в тот же день в Театре на Таганке состоялся прогон «Вишневого сада», но Высоцкий в нем не участвовал — вместо него роль Лопухина играл Виталий Шаповалов. Прогон складывался нервно: лихорадило актеров, раздражались режиссеры — Эфрос и Любимов. Последний ревнует к первому, хотя именно Любимов предложил Эфросу поставить «Сад» на сцене своего театра. Теперь, видимо, жалеет. После прогона, когда актеров собрал у себя в кабинете Любимов, разразился маленький скандал. Демидова опаздывала на «Золото Рейна» в постановке Шведской оперы, а ее никак не отпускали. Тогда она встала и, извинившись, покинула собрание. Любимова это возмутило, и он разразился гневной тирадой вслед уходящей актрисе: мол, он устал от равнодушия актеров, что его никто в грош не ставит и все такое прочее. Но Демидова все равно умчалась.

Между тем это был не последний скандал, разразившийся на Таганке в те дни. Перед самой сдачей «Вишневого сада» высокой комиссии из Минкульта поднял бучу Виталий Шаповалов. Поводом же к этому стало следующее. Актеров, занятых в спектакле, пригласили в Большой театр на примерку костюмов. И там Шаповалов внезапно узнал, что костюм-то сшили не на него, а на Высоцкого. И это при том, что Эфрос обещал Шаповалову, что сдавать спектакль будет именно он. Возмущенный актер летит в театр и врывается в кабинет Эфроса. Далее следует следующий монолог:

— Если бы вы, Анатолий Васильевич, сказали мне прямо: «Вы будете вторым, а сдавать спектакль будет Володя», — я бы не пикнул. И был бы вторым, я никогда конкуренции не боялся: кто лучше, тот пусть и будет. Пусть Володя играет вечер, вечер — я. Но вы же мне этого не сказали! Мне портной объяснил, что шьют костюм на Володю. Зачем вы меня подставили?! При ребятах, при всех? Я вам что — подзаборник?! В общем, я выхожу из игры, а Володя пусть себе играет на здоровье. Только учтите — Володя сейчас сыграет премьеру и уедет в Париж, у него своя жизнь, свои дела. А вы думаете, я буду с осени по-черному пахать? Не надейтесь, я из игры выхожу!

Эфрос пытается урезонить актера:

— Не надейтесь не играть!

— Ну, уж это теперь мне решать после всего, что вы мне устроили, — отвечает Шаповалов. — А сейчас я иду к Любимову и предупреждаю его, что если Эфрос осенью захочет, чтобы я играл Лопухина вместо Высоцкого, — даже приказом он меня это сделать не заставит.

В итоге от роли Лопухина Шаповалов отказался.

Еще одно знаменательное событие случилось в тот четверг, 27 июня: в столичных школах прошли выпускные балы. Среди звездных выпускников того года значились: Игорь Скляр, Сергей Маковецкий и др.

В субботу 29 июня беспрецедентный случай произошел на чемпионате страны по футболу. В тот день в Одессе встречались команды, расположившиеся в середине турнирной таблицы, — местный «Черноморец» принимал московский «Локомотив». Игра была напряженной, и главному арбитру матча Г. Карапетяну приходилось тяжело: ему то и дело приходилось усмирять мелкие стычки между игроками. А когда одесситы забили гол и ушли в глухую оборону, пытаясь сохранить победный счет, свистки арбитра в их пользу стали восприниматься гостями как явный подыгрыш. Поэтому едва прозвучал финальный свисток, как целая группа игроков «Локомотива» бросилась к Карапетяну с претензиями: дескать, ты чего подсуживал хозяевам? Арбитр пытался объяснить разбушевавшимся игрокам, что судил справедливо, но те его не слушали. В конце концов нервы одного из москвичей — Владимира Уткина — не выдержали, и он в порыве гнева...

сорвал с майки Карапетяна эмблему судьи все-союзной категории: мол, ты ее опозорил. Позднее, когда этот эпизод станет поводом для серьезного разбирательства на собрании команды и в спортивно-технической комиссии, Уткин будет оправдываться тем, что сделал это случайно: дескать, во время разговора с судьей взялся за эмблему, а судья резко дернулся, из-за чего она и оторвалась. Но это оправдание не спасет футболиста от наказания. На общем собрании коллектива ему влепят строгий выговор и дисквалифицируют на две игры, а СТК, посчитав это наказание слишком мягким, отстранит Уткина на 10 матчей. Чтоб другим игрокам неповадно было срывать с судей их эмблемы.

В понедельник, 30 июня, в Монино скончался Анатолий Серов. Покойный был сыном знаменитой некогда актрисы Валентины Серовой и не менее знаменитого летчика; героя гражданской войны в Испании, сталинского комбрига Анатолия Серова. Однако своего отца Анатолий совсем не знал — тот погиб в мае 1939 года во время испытательных полетов, когда его жена была на шестом месяце беременности. После гибели мужа мать очень мало уделяла внимания сыну, предпочитая устраивать свою личную жизнь (она вышла замуж за писателя Константина Симонова, родила в этом браке второго ребенка — дочь Машу). Анатолий был на попечении бабушки, матери актрисы, но рос своенравным мальчишкой. Рано приобщился к алкоголю, связался со шпаной. С матерью контактов почти не поддерживал. Когда после армии он вернулся в Москву, та отказалась его прописывать на своей жилплощади. Анатолий уехал в какую-то глубинку. Там женился на якутке, у них родился сын Вася. Но семейная жизнь не заладилась, и вскоре Анатолий вернулся в Москву. Стал сильно пить. На этой почве угодил за решетку за хулиганство. Вернувшись на свободу, поселился в Монино, у своей немолодой жены-медсестры, с которой познакомился во время очередного лечения от алкоголизма в клинике. С матерью не встречался. Только однажды, в начале 70-х, поддавшись на уговоры жены, он решил навестить мать, приехал к ней с цветами, а она, увидев его в окно, попросила своего сожителя выйти и сказать, что ее нет дома. Анатолий догадался об этом и с тех пор зарекся приезжать к матери. Серов умер от сердечной недостаточ-

ности, не дожив двух месяцев до тридцати шести лет.

Известный ныне рок-певец Юрий Шевчук вкальывает в поте лица на Колыме. Но не подумайте ничего дурного — он там не срок мотает, а работает над своим характером. Правда, не по собственной воле, а по велению родной матери Фании Акрамовны. Что же произошло в семье Шевчуков?

Год назад Юрий благополучно окончил десятилетку и поступил в Уфимский педагогический институт, однако учился без особого рвения и пуще учебы любил разного рода вечеринки, где тусовался с сомнительными личностями. К тому же выглядел он тогда как заправский хиппи: длинные волосы до плеч и борода. Но не это стало поводом к тому, чтобы уже через год после поступления в институт встал вопрос об отчислении Шевчука — он избил милиционера. А виновата во всем была девушка. Юрий приглядел ее в одном из ресторанов, пригласил на танец, но какой-то парень тоже стал претендовать на эту же даму. Началась драка. В ходе ее парень стал убегать от Шевчука, забежал на кухню, а Юрий, преследуя его, в полутемном коридоре нарвался на какого-то мужчину. Спутав его с беглецом, Шевчук отвесил ему пару увесистых тумаков. А зря: этим человеком оказался капитан милиции. Юрия, естественно, сразу же повязали и привезли в участок. Там его хорошенько поучили: избili сапогами и бросили в карцер. И светила Шевчуку перспектива сесть в тюрьму годика так на три, но ему помог тамошний старшина милиции. Он посоветовал отцу Юрия поговорить с тем капитаном и уладить проблему миром. Капитан оценил мир в несклькo сот рублей.

После этого случая мать Юрия поняла, что ее сын катится по наклонной и его надо спасать. Она была женщиной решительной и приговорила сына к ссылке в родные края — в Магаданскую область, где он родился ровно восемнадцать лет назад. И хотя у Юрия на то лето были совсем иные планы — он собирался отправиться на юга, чтобы зашибить денег на любительском ансамбле, — но перечить матери не посмел. Тем более что она тоже отправилась с ним в эту ссылку. Они устроились работать в Нижнеколымский порт: сын рядовым докером, мать — приемосдатчицей (при том, что в

Уфе она работала секретарем декана в институте). Последняя вспоминает:

«Мне говорили: «Вы жестокая мама! Как вы могли отправить вашего мальчика на такие испытания?!». Могла... Знаете, Юра к тому времени уже настолько был проблемным, что мне казалось, только через такой тяжелейший физический труд, через общение с такими суровыми людьми мой сын сумеет понять, какова жизнь и чего она стоит... Нам выдали одеяла и матрацы, но все равно был лютый холод. Помню, как однажды, чтобы согреть постель, я накалила утюг и сильно обожгла ногу. Лежала и терпела боль, потому что лучше было терпеть боль, чем откинуть одеяло, — холод стоял ужасный. Утром вода превращается в лед, а хлеб и продукты — в камень.

— Юра, вставай, тебе на вахту.

— Но я только согрелся и уснул, это не жизнь, это кошмар!..».

А теперь из Магадана вернемся в Москву. В столичных кинотеатрах во второй половине июня состоялось всего лишь две премьеры фильмов отечественного производства: это была социальная драма Соломона Шустера «День приема по личным вопросам» (с 30 июня) с участием: Анатолия Папанова, Олега Жакова, Зинаиды Шарко и др., и комедия Александра Стефановича «Дорогой мальчик» (с 26-го), где снялись: Владислав Стржельчик, Ирина Азер, Георгий Вицин и др. Из зарубежных премьер выделю: восточногерманскую комедию «Из жизни одного бездельника» с Дином Ридом

в главной роли (с 16-го), болгарский детектив «Игрек-17» (с 23-го).

Киңо по ТВ: «Яков Свердлов» (16-го), «На всю оставшуюся жизнь» (преьера т/ф 17—20-го), «Тайна двух океанов» (18—19-го), «Сказка о потерянном времени» (20-го), «Путевка в жизнь», «Влюбленные» (21-го), «Я встретил девушку» (24-го), «Огниво» (25-го), «Не отдавай королеву» (преьера т/ф 6—27-го), «Броненосец «Потемкин» (27-го), «Новый Гулливер» (28-го), «Тревожная молодость» (29-го), «Адмирал Нахимов» (30-го), «Лунный камень» (Англия, преьера т/ф 30 июня — 4 июля) и др.

Из других передач выделю: «Голубой огонек» (21-го), «Артлото» (27-го), «Утренняя почта» (в передаче выступали: скрипач В. Третьяков, балерина Н. Сорокина, режиссер А. Митта, ВИА «Самоцветы», А. Райкин с интермедией «В Доме моделей»), «Кабачок «13 стульев», «Кинопанорама» (28-го), творческий вечер композитора Игоря Лученка (29-го).

Эстрадные представления: 18—29-го — в ЦПКиО имени Горького состоялись концерты с участием: Александра Шурова, Николая Рыкунина, Геннадия Хазанова, Бориса Владимировича, Вадима Тонкова, Евгения Петросяна, ВИА «Поющие сердца»; 21-го — в Саду имени Баумана пела Нина Дорда; 30-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Поющие сердца». Ленинградский Театр миниатюр под управлением Аркадия Райкина выступал на сцене ДК МИИТ 17, 18, 21-23, 26, 28, 29 июня.

1975

Июль

Как угробили «Живого». Похороны Анатолия Серова. Две премьеры Анатолия Эфроса. Умер киношный Макаренко. Почему Лапин не хотел показывать выступление Пугачевой. Как родилась идея фильма «Женщина, которая поет». Евгений Матвеев играет Леонида Брежнева. Будущий хит «Здравствуйте, я ваша тетя!» снимают по ночам. Горящая задница Александра Калягина. Домашняя фотосессия Высоцкого. Как Эмиль Лотяну бился за Светлану Тома. Трудные съемки «В августе 44-го...». Как арестовали «референта Косыгина». Триумф Пугачевой в Сочи. Снимают рыцарский турнир в «Стрелах Робин Гуда». Высоцкий в Париже. Закрытый просмотр «Агонии». «Союз» — «Аполлон»: первое ЧП. Почему наши журналисты не поехали на старт «Аполлона». Елена Сафонова: поступление с третьей попытки. В роли неудачников Сергей Маковецкий и Елена Майорова. Как Клара Новикова потерпела фиаско на стадионе. Как Высоцкий отбивался от гомосексуалиста. Умер Борис Бабочкин. «Союз» — «Аполлон»: праздничный ужин с лжеводкой. Вадим Туманов чудом избежал смерти. Молниеносный захват вооруженного преступника. Бесславный конец вуайериста. Александр Адабашьян потерял жену. Конфликт в космосе на спиртовой основе. Вышла пластинка «Арлекино». «В августе 44-го...»: конфликты продолжаются. Жесткое приземление «Союза». Как едва не погибли астронавты «Аполлона». Высоцкий и проститутка. Кто украл кошелек у Елены Кореновой. Как Митта отказал эфиопу. Мрачные мысли Юрия Нагибина. Книжки по талонам: эксперимент продолжается. Как ПГУ одержало победу над контрразведкой. Начали снимать «Золотую речку». Сасовские отморозки убивают пастуха. Расстрел маньяка. Арестовали бывшего предсовмина Узбекистана. Елена Боннэр получает долгожданную визу. «Табор уходит в небо»: съемки в Вильнюсе. Кремлевские врачи разрешают Брежневу ехать в Хельсинки. Последний разговор с Шостаковичем. Как чертановские милиционеры ловили обезьяну.

Умер В. Познер-старший.

Продолжают бушевать страсти вокруг спектакля Театра на Таганке «Живой». После того как в конце июня состоялся его просмотр, на котором присутствовали передовики колхозного труда, мало кто надеялся на успешный исход дела. Так оно и вышло. Вскоре главрежа театра Юрия Любимова и автора «Живого» Бориса Можаяева вызвали в Минкульт, где состоялся весьма нелицеприятный для обоих «разбор полетов». Как вспоминает сам Любимов, в выражениях ни одна из сторон не стеснялась — мат стоял коромыслом. Минкультовцы обвиняли авторов постановки в антисоветчине, те в ответ называли их держимордами. В разгар пе-

репалки в кабинет вошел один из заместителей министра — Кухарский, который с порога заявил: «А чего это вы с ними разговариваете здесь? Все ясно. Надо это дело заканчивать». Можаяев, который видел зампреда в лицо впервые, спросил у Любимова: «Это кто такой?». Услышав это, Кухарский взорвался пуще прежнего и, обращаясь к писателю, сказал: «А вы вообще можете быть свободны». Можаяев встал, но, прежде чем уйти, обратился к Любимову: «Юрий, я пойду, я у них не служу, а тебе, бедному, конечно, надо сидеть». И ушел, оставив главрежа одного с минкультовцами. Спор разгорелся с прежней силой.

В среду, 2 июля, в Монино состоялись похороны сына Валентины Серовой Анатолия. Бывшая звезда советского кинематографа попрощаться с сыном не приехала, прислав вместо себя своего сожителя. Тот сообщил, что у Валентины сердечный приступ и она лежит дома пластом. Никто из присутствующих не стал допытываться, правда это или выдумка. Не приехала на похороны и сводная сестра усопшего — Мария Симонова, дочь от брака Валентины Серовой с Константином Симоновым. Как вспоминает тетка Анатолия А. Серова: «Валентина на похороны не приехала. Не захотела. Такая деградация, что ничего знать не хотела. Словно и не мать она. Мы собрались, я, Надя, Володя мой. Последняя жена Анатолия Маша. Помню только кладбище деревенское, на кладбище церквушка, и мы вошли в эту церковь, а там он лежит и вокруг стоят монашки в черных платках и отмахиваются от мух. Страшно. Вот так... Мой брат Анатолий трагически погиб в 1939-м, и вся его семья погибла... Наверное, останься брат в живых, не случилось бы трагедии с его женой и сыном...».

2 июля в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Женитьба» по Н. Гоголю в постановке Анатолия Эфроса. Зал был забит до отказа, поскольку спектакль считался премьерным — его первый показ состоялся в середине марта. Спектакль своим присутствием почтили Владимир Высоцкий и Марина Влади, которые в силу объективных причин — отсутствие в Москве — не смогли посетить его первый показ. Вспоминает болгарский театровед Л. Георгиев:

«Внешне Марина Влади с ее типично русскими чертами не выделялась из толпы. Я заметил, что, когда мы прогуливались в фойе театра, публика ее не узнавала. На ней был скромный коричневый шерстяной костюм и большие темные фиолетовые очки. Владимир тоже попытался спрятаться от публики за такими же круглыми темными очками, но «номер не удался», и, пока мы совершали обычный круг, ему пришлось дать несколько автографов.

Высоцкому протягивали программки «Женитьбы», он пробовал объяснить, что в этом спектакле не участвует и не может подписывать чужую программку, тогда люди начинали рыться в карманах и вытаскивать всевозмож-

ные бумажки, вокруг образовывалась толпа, и в конце концов Владимир махнул рукой и скрылся через какую-то внутреннюю дверь...

А мы с Мариной продолжали разгуливать по фойе, и никто нас не останавливал. Но, конечно, если бы Марина была без очков, ее сразу узнали бы... Потом мы сидели в зале, ожидая начала «Женитьбы». Высоцкий был в черном свитере крупной вязки. Я решил пошутить: не тот ли это свитер, в котором он играет Гамлета, вызывая столько недоумений.

— Не-е-ет! — протянул он, улыбнувшись. — Тот толще, настоящая шерсть, мохнатый мохер! В нем нельзя ходить в театр, задохнешься от жары, в нем можно только играть!

— Даже летом?

— Даже летом!...».

На следующий день эти же герои увиделись вновь, но уже на другой премьере — в Театре на Таганке показывали спектакль «Вишневый сад» в постановке все того же Анатолия Эфроса. Только теперь в зале сидели Георгиев и Влади, а Высоцкий был на сцене — играл Лопухина. Как вспоминает Л. Георгиев: «В антракте мы поднялись за кулисы повидаться с ним. Тот, кто был в старом здании театра, знает, какая там теснота. У актеров не было отдельных гримерных, лишь две общие «раздевалки» — на нижнем этаже для женщин и на верхнем для мужчин. Мы подошли к дверям и остановились. Марина попросила меня взглянуть, не раздет ли кто-нибудь из артистов. Я посмотрел и позвал ее. Все были одеты, за исключением Высоцкого. Голый до пояса, он разгуливал между зеркалами, которые утраивали и учетверяли его. Марина подошла и обняла Владимира. У коллег тут же нашлись какие-то неотложные дела, и они один за одним покинули гримерную. Я тоже вышел в коридор...».

4 июля в Москве скончался актер театра и кино Владимир Емельянов. Его творческая карьера началась в 1926 году на сцене Пермского театра, в котором он проработал 26 лет. В 1953 году Емельянова пригласили работать в Москву, в Театр имени Вахтангова. С этого же момента началась и его карьера в кинематографе, где Емельянов играл в основном роли положительных героев. Наибольшую известность принесла ему роль выдающегося педагога Антона Макаренко в картинах «Педагогическая поэма» (1955) и «Флаги на башнях» (1958).

Среди других ролей актера выделю: Дзержинский («Вихри враждебные», 1956), Кондратьев («Бессмертный гарнизон», 1956), Рогозин («Первые радости», 1956), «Необыкновенное лето», 1957). Была в послужном списке Емельянова и отрицательная роль: в детективе «Дело «Пестрых» он сыграл вора в законе Папашу. Но подобные роли в послужном списке актера были редким исключением. Умер Емельянов ровно через две недели после того, как справил свое 64-летие.

В тот же пятничный день, 4 июля, в Театре на Таганке Любимов собрал труппу и объявил в общем-то ожидаемую весть — о закрытии спектакля «Живой». Он сказал, что Демичев изменил свое мнение в отношении спектакля, назвав его вредным и очернительским. «Но я, как коммунист, с этим мнением не согласился и оставил за собой право жаловаться выше, — объявил Любимов. — Но нам тоже надо определиться. Кто за то, чтобы считать спектакль жизненно важным для театра, прошу поднять руки». Труппа проголосовала единогласно. Правда, на чиновников из Минкульта эта акция не произведет никакого впечатления — спектакль увидит свет только спустя 14 лет.

В тот же день, когда на Таганке состоялся сбор труппы, по ТВ был показан заключительный концерт лауреатов музыкального фестиваля «Золотой Орфей» (в 21.30). Как мы помним, этот фестиваль проходил в болгарском городе Слънчев Бряг ровно месяц назад, но советское телевидение только теперь сподобилось показать эту запись. Почему же это не было сделано раньше? Говорят, таково было распоряжение самого председателя Гостелерадио Лапина, которому жутко не понравилась победительница конкурса Алла Пугачева. Согласно легенде, увидев ее выступление, он якобы изрек: «Она с микрофоном, как с членом обращается!». И с этого момента запретил при нем даже имя Пугачевой упоминать. Однако нашлись смельчаки, которые не побоялись послушаться председателя. Главным аргументом в их просьбах показать победу Пугачевой было то, что, мол, люди нас не поймут: во всем соцлагере ее триумф был показан, а на родине нет. Разве так можно? В итоге Лапин вынужден был уступить.

Сама Пугачева смотрела эту трансляцию вдали от столицы — в Минеральных Водах, где она гастролировала с ВИА «Веселые ребята».

По ее же словам: «Я была в гостях. Помню, все шутили, много смеялись, пока выступали другие исполнители. И вот показывают мое выступление. Я смотрю и сама не верю: мне кажется, это было так давно! И вдруг чувствую, какая-то в комнате установилась напряженная тишина. Закончилась трансляция. Выключили телевизор. И снова угощает нас всех гостеприимная хозяйка. Но смотрит на меня по-другому. Обращается ко мне по-другому. А на следующий день, на концерте, зрители встретили меня бурей аплодисментов и криками: «Арлекино!» Давай «Арлекино!». А у меня в программе не было этой песни. Пожалуй, вот тогда и пришла популярность...».

Тот концерт из Болгарии смотрели известный композитор Александр Зацепин и поэт Леонид Дербенев, которые в те дни отдыхали в одном из подмосковных Домов творчества. После выступления Пугачевой Дербенев сказал: «Она неплохая актриса. Мне кажется, с ней можно было бы сделать хороший музыкальный фильм». «Ты прав, — согласился Зацепин. — А то у нас или хорошая певица, но плохая артистка или наоборот. А тут — такое удачное сочетание». Рядом с ними у телевизора была и редактор киностудии «Мосфильм» Любовь Цицина, которая тоже не упустила случая отметить: «Ну, если бы ты, Саша, взялся написать музыку, то я бы у нас на «Мосфильме» нашла сценариста под такой фильм». «Для Аллы — напишу», — ответил Зацепин. Так родилась идея будущего фильма с участием Аллы Пугачевой «Женщина, которая поет». Однако о судьбе этой картины я расскажу позже, а пока вернемся к событиям июля 75-го.

В эти же дни кинорежиссер-баталист Юрий Озеров работает над широкомасштабным кинополотном «Коммунисты» («Солдаты свободы»), в котором собирается показать освобождение Европы советскими войсками в 1944—1945 годах. Как мы помним, по приказу свыше одним из героев ленты должен был стать и нынешний генсек Леонид Брежнев, который в годы войны в звании полковника руководил политотделом 18-й армии, а затем был начальником политуправления 4-го Украинского фронта. На роль Брежнева был назначен самим Михаилом Суловым актер Евгений Матвеев. Он приехал в Ужгород, где проходили локальные съемки фильма, 5 июля и уже на

следующий день вышел на съемочную площадку. Эпизод «4-й механизированный корпус» снимали в городе Мукачево. И хотя в фильме Брежнев появится на экране всего лишь на несколько минут, съемки длились без малого 10 часов. Во время работы с Матвеевым произошел забавный эпизод. Актер вспоминает:

«На съемки пришел чуть ли не весь город — уж очень хотелось взглянуть на живого генсека. Стояла страшная жара, грим плыл, наклеенные густые брови согревали меня еще сильнее, и я скрывался от любопытствующих взглядов в теньке. И вдруг неизвестно откуда передо мной возникла женщина в украинской нарядной косынке. Она громко кричала, слезы градом лились из ее глаз. Это был такой напор, что ее не смогли сдержать многочисленные цепи охраны. «Леонид Ильич, помогите, я к вам с письмом!». Я ей, естественно, отвечаю: «Да что вы! Какой я Леонид Ильич, я же артист Евгений Матвеев!». Она — ни в какую: «Леонид Ильич, да что же ты отказываешься? У тебя и бровоньки такие, как у него, разве мы не видим!». И уже по-свойски, понизив голос: «Да все ж знают, что ты за мамой ухаживал». Тут я понял, что все бесполезно, и голосом Брежнева говорю: «Ну, давай письмо. Чем могу — помогу». Она радостно протягивает мне мятый конверт, но при этом заявляет: «Нет, ты мне сейчас помоги! Там танк мимо моей хаты проезжал, так он забор задел, а главное, повалил клозет». Я (уже полностью войдя в образ и наглухо застегнув китель), торжественно ей обещаю: «Приму меры. Все сделаю, чтобы клозет встал на место». Всю эту сцену наблюдал стоявший рядом офицер. Он засмеялся и сказал: «Не волнуйтесь, все сделаем».

В эти же дни в «Останкино» шли съемки другого фильма, в котором Матвеев страсть как хотел сниматься, но ему эту роль не отдали, пригласив другого исполнителя. Речь идет о культовой теперь комедии «Здравствуйте, я ваша тетя!». Как гласит легенда, голубой мечтой Матвеева была роль «тетки Чарлей», но в итоге он сыграл не тетку, а будущего генсека. «Се ля ви!», как говорят французы.

Экранизировал пьесу американского драматурга Б. Томаса в телевизионном объединении «Экран» Виктор Титов. Снять же этот фильм его подвиг оператор Георгий Рерберг, с которым они до этого вместе работали над ко-

медией «Ехали в трамвае Ильф и Петров». Кроме того, это была дань памяти их старшим товарищам, которые много лет назад буквально ломали окна и двери, чтобы попасть на американский фильм «Тетка Чарли». Однако, посмотрев эту ленту теперь, Титов и Рерберг были сильно разочарованы — настолько он был мертвым, неактуальным. Поэтому свой фильм они решили снимать совершенно в ином ключе.

Сценарий писался специально под Александра Калягина. Однако на ЦТ его кандидатуру долго не утверждали: хотели, чтобы снимался кто-нибудь познаменитей — Олег Табаков или Евгений Леонов. Но авторы уперлись рогом: только Калягин! А когда останкинское начальство проявило упорство, авторы стали снимать Калягина тайно — по ночам. Тем более так было удобнее собрать и других актеров, которые днем были заняты в своих театрах. А актерский ансамбль в картине подобрался на редкость интересный: Армен Джигарханян, Михаил Козаков, Валентин Гафт, Татьяна Васильева, Олег Шкловский, Тамара Носова, Татьяна Веденеева. Съемки проходят весело и непринужденно, актеры часто импровизируют, хотя практически никто из них не догадывается, что фильму суждено будет стать культовым.

Вспоминает А. Калягин: «Первый раз я почувствовал, что превращаюсь в женщину, вот когда. Фильм снимался в «Останкино», а там внизу был бар. И вот в перерыве я решил спуститься вниз, но времени было мало, и я пошел в костюме: в платье, на каблуках. В очереди за кофе я вдруг почувствовал на себе взгляд мужчины — что это был за взгляд! И этот мужчина дышал мне в затылок так, что я это почувствовал сквозь парик. Когда я повернулся, он несколько опешил, но в лицо меня никто не знал, и он продолжал советовать, какие к кофе взять пирожные. И тогда я почувствовал, что я на правильном пути... Руки этот мужчина распускать не стал, но я понял, что значит быть женщиной...».

Вспоминает В. Титов: «Для сцены, где Калягин прятал сигару под юбку, специально изготовили асбестовый кармашек, куда он должен был попасть горячей сигарой. В кармашек положили пиротехнический заряд, дым от которого должен был обволакивать всего артиста... Пиротехник перестарался, а костюмеры

недостарались... Кармашек был так неудобно сидит, что Калягин положил сигару на голое тело. Дыма долго не было — и вдруг вся задняя часть артиста не только задымилась, но и загорелась. И загорелась так, что Калягин выскочил из кадра и напрямик побежал к Останкинскому пруду. Ожог был такой силы и величины, что пришлось на некоторое время прекратить съемки...».

В понедельник, 7 июля, Владимир Высоцкий приехал на квартиру к известному фотографу Валерию Плотникову, чтобы тот сделал ряд снимков для его пластинки, которая должна была выйти на фирме «Мелодия». В течение полутора часов Высоцкий пел свои песни, а Плотников не переставая щелкал фотоаппаратом, то и дело меняя ракурсы. Окна его квартиры были открыты, голос певца вырывался наружу, однако соседи почему-то решили, что это играет всего лишь магнитофон. Хотя, может, это и к лучшему — в противном случае от поклонников вряд ли удалось бы отвертеться и снимать бы им точно не дали. Сегодня эти снимки известны всем «высоцковедам»: Высоцкий на них с бородой, сидит с гитарой на кухне у Плотникова, на которой кафельный пол в шашечку.

Кинорежиссер Эмиль Лотяну готовится к съемкам своего очередного фильма, которому в будущем суждено стать настоящим хитом — «Табор уходит в небо». В середине июля в Вильнюсе должны были начаться досрочные съемки ленты (по плану это могло произойти в конце месяца), однако у руководства киностудии «Мосфильм» вызывает тревогу кандидатура актрисы на главную женскую роль цыганки Рады — Светланы Тома. Протежировал актрисе сам Лотяну, однако генеральная дирекция, посмотрев ее пробы, предложила ему найти замену. Режиссер наотрез отказался, заявив: либо Тома — либо я ухожу из проекта. 7 июля редактор фильма В. Дьяченко в очередной раз обратился к руководству объединения ЭТО, где снимался фильм, с просьбой вернуться к поискам другой актрисы, однако его просьба так и останется без внимания. Было решено отдать это дело на откуп Лотяну. Что, как мы теперь знаем, было наиболее правильным решением.

Съемочная группа фильма «В августе 44-го», который на «Мосфильме» снимает Витаутас Жалакявичус, в эти дни уже начала натурные

съемки под Минском, на натурной площадке киностудии «Беларусьфильм» в Смолевичах. Из актеров в экспедицию отправились: Сергей Шакуров (капитан Алехин), Анатолий Азо (старший лейтенант), Борислав Брондуков (водитель Хижняк), Б. Бабкаускас (генерал Егоров) и др. В массовых сценах были задействованы солдаты Белорусского военного округа, но, чтобы продлить их пребывание на съемочной площадке дольше оговоренного срока, директору фильма Б. Криштулу пришлось идти к командующему округом генералу-полковнику Третьяку. Генерал поначалу был неумолим и отказался продлить сроки пребывания своих подчиненных. А на сетование киношника о том, что во всем виновата плохая погода, ответил: «Снимать о войне надо правду, а воевали мы в любую погоду. К тому же директивы издает Генеральный штаб, и продлить их может только он». Криштул в отчаянии приводит свой последний аргумент: «Я пришел к вам не только как к командующему, но и как к члену ЦК и депутату Верховного Совета. Ведь в известном постановлении о кино ЦК КПСС обратился ко всем руководителям с просьбой о содействии». Эту карту Третьяку бить было нечем, и он согласился.

А писатель В. Богомолов, по роману которого снимался фильм, продолжал спорить с режиссером. 9 июля писатель отправил гендиректору «Мосфильма» очередное послание следующего содержания: «Поскольку режиссер при невмешательстве студии упорствует в своем невежестве, в своих заблуждениях, считаю необходимым предупредить студию, что, если в режиссерский сценарий не будут внесены все необходимые правки, я не смогу нести ответственность за идейное содержание и художественность картины и у меня останется только один выход: снять свое имя с титров».

Тем временем в курортном городе Сочи силами тамошней милиции и сотрудников 9-го управления КГБ (охрана высших руководителей) была проведена операция по обезвреживанию опасного вора-рецидивиста Владимира Резникова 51-го года рождения, который в течение нескольких лет выдавал себя то за заместителя министра мясо-молочной промышленности, то за сотрудника КГБ, а в последнее время и того похлеще — за референта самого премьер-министра Алексея Косыгина. Причем,

все «корочки», которые преступник предъявлял облапошенным гражданам, были, что называется, супер — то бишь сделаны с ювелирной точностью. В течение нескольких лет за ним охотилась вся курортная милиция, а «девятка» подключилась только после того, как вор совершил ряд краж у их подопечных — жен высокоих руководителей. Все эти кражи были совершены в гостиничных номерах, где обычно останавливались сановные дамы.

Последним «подвигом» неувомимого преступника стало ограбление руководителя делегации из США: янки имел несчастье остановиться в сочинской гостинице «Жемчужина», и, пока он мылся в душе, в холле гостиницы пропал весь его багаж. А там одних шмоток на несколько тысяч долларов! Шум поднялся невероятный. На ноги были подняты чуть ли не все силы местной милиции, которая путем опроса свидетелей быстро установила, кто именно позарился на багаж иностранца — Резников. Во всех возможных местах появления преступника были расставлены засады.

Вечером того же дня Резников объявился в санатории «Заря». Оперативники, сидевшие в засаде на этом объекте, сразу его «срисовали» и уже готовились праздновать победу, как вдруг хитрый вор сумел их облапошить. Своим звериным чутьем заподозрив неладное, Резников предпринял трюк, не раз используемый им в прошлом. Подскочив к молоденькому сержанту милиции, стоявшему в оцеплении, вор извлек на свет ксиву «референта Косыгина» и принялся брызгать слюной: распустились тут... «пузыри» на коленях... рубашка расстегнута на две пуговицы... подниму вопрос в Москве о состоянии сочинской милиции... вы у меня на Крайнем Севере олени упряжки регулировать будете и т. д. Сержантик, естественно, растерялся, что и требовалось преступнику: он проскочил сквозь оцепление. Далее послушаем рассказ С. Золовкина:

«Взбешенные и уязвленные сыщики сели ему «на хвост» лишь через пару недель. И скрытно довели до санатория имени Ленина. Там Володя Резников в очередной раз покусился на имущество важной персоны. Но прямо под окном палаты угодил в крепкие мужские объятия оперативников Центрального райотдела.

— Как вы смеете! — ринулся было в контратаку Резников. — Вот мое удостоверение. Я —

майор КГБ. Вы срываете нам важное спецзадание...

— Чего уж там, Володя, знаем мы, какой ты майор! — с чувством глубокого удовлетворения и почти дружелюбно ворковали сыщики. И с энтузиазмом заламывали ему руки за спину...».

Алла Пугачева продолжает колесить по стране с гастроями: теперь она выступает в курортном Сочи. По этому случаю 12 июля в газете «Черноморская здравница» была напечатана большая статья В. Быстрова под многозначительным названием «Золотой Арлекин». В нем автор рассказывал о блестящей победе Пугачевой на «Золотом Орфее» и предрекал ей и ВИА «Веселые ребята» еще более значительные успехи в будущем. Еще автор публикации отмечал скромность певицы: «Алла Пугачева работает на равных со всеми остальными «веселыми ребятами», и ее имя в афише не выделено красной строкой. Она скромна, очень немногословна и — твердое мое убеждение — никогда не будет заражена «звездной болезнью». Она ехала в Болгарию без афиш и цветных фотографий в буклетах, ее никто не знал на конкурсе, и сама она предполагать не могла, что путь домой будет в буквальном, а не в переносном смысле усеян розами...».

В Сочи с Пугачевой произошел забавный эпизод. Как-то утром, находясь в своем номере, она услышала, как в одном из соседних домов крутят песню «Арлекино» в ее исполнении. Она тут же выскочила на балкон и закричала своему коллеге по ВИА Александру Буйнову, жившему в соседнем номере: мол, включи радио, там меня передают. Буйнов врубил радиоприемник, однако сколько ни крутил ручку, так и не нашел «Арлекино». А песня тем временем звучит на всю улицу. И тут до Буйнова дошло: это же не по радио — это кто-то магнитофон крутит! «Ну все, Алка, ты теперь знаменитость!» — закричал Буйнов своей коллеге по ансамблю.

В эти же дни режиссер Сергей Тарасов на Рижской киностудии продолжает работу над приключенческим фильмом «Стрелы Робин Гуда». После экспедиции в Лиепаяу, где снимались эпизоды в «Шервудском лесу», группа в начале июля вернулась в Ригу, чтобы в ее окрестностях продолжить съемки натуральных эпизодов. В местечке Баложи была построена огромная декорация «арена», на которой киношни-

кам в течение трех недель предстояло отснять эпизоды рыцарского турнира и состязание лучников. Съемки на «арене» начались 3 июля и проходили в трудных условиях. Стояла жара под тридцать градусов, и особенно тяжело приходилось актерам, игравшим рыцарей, и их лошадям, закованным в бутафорские, но все-таки латы. Массовке было полегче, хотя и она порой подводила, разбредаясь по окрестностям в самый неподходящий момент.

Кстати, автором музыки и песен для фильма выступал Владимир Высоцкий, который написал несколько прекрасных баллад. Однако из этой затеи ничего не выйдет, о чем я обязательно расскажу в свое время, а пока Высоцкий ни о чем не догадывается и пребывает в прекрасном расположении духа. 13 июля вместе со своей супругой Мариной Влади он прилетел в Париж. В тот же день туда прибыла на гастроли и труппа Ленинградского Малого театра оперы и балета. Там работал приятель Высоцкого Кирилл Ласкари (сводный брат Андрея Миронова), который вспоминает:

«Войдя в номер отеля «Скраб», я позвонил Володе и Марине, но никто не ответил. Так продолжалось до середины дня. Я начал волноваться. Но вот — решительный стук в дверь, на пороге — улыбающийся Володя.

— Телефон не работает. Одевайся. Мариночка внизу, в машине.

За рулем Марина, я рядом. Володя обнял меня и сунул в карман рубахи пятисотфранковую банкноту (тогда это была приличная сумма):

— Ни в чем себе не отказывай. На шмотки не трать. Ешь, пей, ходи в кино. Гуляй, рванина!

Они жили в районе Латинского квартала на улице Руслей в небольшой белой квартире на втором этаже. На подоконнике консьержки всегда сидел серый кот с ошейником. Напротив дома — иранский ресторанчик, где Марина с Володей часто обедали...».

На родине Высоцкого тем временем проходит очередной Московский кинофестиваль (начался 10 июля), на который съехались сотни кинематографистов со всех концов света. Во время работы фестиваля состоялся закрытый просмотр фильма Элема Климова «Агония», который бдительные цензоры запретили к выходу на экран. О том, как состоялся этот просмотр, рассказывает сам Э. Климов:

«На фестиваль приехали друзья, говорят: «Покажи фильм-то». А я не могу, фильм лежит в сейфе у министра. Спрашиваю Сизова Николая Трофимовича (Н. Сизов в те годы был гендиректором «Мосфильма». — Ф. Р.), что происходит.

— Дела плохи. Показывать «Агонию» нельзя. Но знаешь, фильм хотел бы посмотреть Иштван Сабо (совершенно очаровательный человек, имеющий одинаковые имя и фамилию с известным венгерским режиссером, председателем венгерского Госкино). Давай организуем просмотр для очень узкого круга. Ты представишь картину...

Я обрадовался. И сболтнул нечаянно об этом показе Анджею Вайде в ресторане гостиницы «Россия». А днем прихожу на «Мосфильм» в первый, репрезентативный зал с мягкими креслами. Переводчик уже на месте, не говорящий по-русски Сабо — тоже. Начинаем просмотр, и вдруг подъезжают два «Икаруса». Все избранные гости фестиваля во главе с Анджеем Вайдой! Сизов ничего не понимает, смотрит на меня, я смотрю на него и только руками развожу.

— В чем дело?

Я говорю:

— Не знаю.

А это Анджей Вайда собрал всех и привез на «Мосфильм».

И вот сидит министр, сидит венгерский переводчик (ведь заказывали же). И — полный зал народу. Так и смотрели под венгерский перевод...».

На «Ленфильме» продолжают съемки «Старшего сына». Идут павильонные съемки в декорации «квартира Сарафановых», где снимают начальные сцены — как Васенька хочет сбежать из дома, после того как ему дала от ворот поворот его великовозрастная возлюбленная судья Макарская. Однако 14 июля съемки были сорваны — в Ленинград не смог приехать Евгений Леонов, который был занят на гастролях.

Во вторник, 15 июля, в Советском Союзе и США, в рамках совместной советско-американской космической программы, с небольшим отставанием друг от друга, состоялись запуски двух космических кораблей: нашего «Союза-19» с космонавтами Алексеем Леоновым и Валерием Кубасовым на борту и американского «Аполлона» с тремя космонавтами: Томасом

Стаффордом, Доналдом Слейтоном и Вэнсом Брандом. Стоит отметить, что в те дни на орбите уже почти два месяца (с 24 мая) находилась советская станция «Салют-4» с Петром Климуком и Виталием Севастьяновым на борту, которая должна была продолжать работу и после запуска «Союза-Аполлона».

Первыми должны были стартовать Леонов с Кубасовым. Однако за час до пуска вдруг выяснилось — специально для этого полета разработанная цветная телесистема не работает. Это было ЧП: у американцев-то была цветная система, а у нас, значит, будет черно-белая? Однако и отменять старт было уже поздно. В итоге космонавты улетели в космос с поломкой, а с Земли должен был исправить ее космонавт Владимир Джанибеков. Когда корабль лег в дрейф, тот стал давать своим коллегам необходимые инструкции: открутите такие-то гайки, вскройте ту-то панель. Но тут встал вопрос: чем вскрывать толстую дюралевую панель, если на борту только маленькая отвертка, обычные ножницы и пассатижи? «Открывайте ими!» — последовал совет с Земли. Космонавты отверткой пробили дыру, вставили в нее ножницы и начали потихоньку надрезать, а потом в четыре руки рвать металл. Возились они с панелью часа два-три, порезались, но все-таки подняли лист. В глубине нашли нужный коммутатор. Но тут встала новая проблема. Нужно снимать блок, а там четыре болта, посаженные на эпоксидную смолу. Три болта космонавты отвинтили, а на четвертом хлипкая отвертка раскрошилась. Впору было впасть в отчаяние. Но тут Леонов вспомнил о своей записке. Дня за три до старта он заехал в Ленинске в магазин «Рыбак и охотник», где купил за 5 рублей 50 копеек складной нож, который предусмотрительно взял с собой в полет. Там была и отвертка, с помощью которой они и отвинтили четвертый болт. К утру цветная телесвязь была налажена.

Пока наши космонавты вместо сна возились с телекамерами, в США стартовал «Аполлон». При этом во время старта на мысе Канаверал были журналисты из многих стран мира, кроме Советского Союза. Почему? Нашим рыцарям пера запретил там присутствовать КГБ, который опасался, что в таком случае американцы смогут претендовать на ответную услугу — поездки в Тюра-Там. Как пишет Я. Голванов: «В конце 50 — начале 60-х годов амери-

канцев туда не пускали, поскольку мы лидировали в космонавтике и не хотели, чтобы они воспользовались нашими секретами. К середине 70-х мы лидерство утеряли и теперь не хотели пускать американских журналистов уже потому, что они не секреты наши могли разглядеть, а многоликий космодромный бардак. А американцы предлагали нам лететь во Флориду на запуск «Аполлона», но мы отказывались под разными глупыми предложениями. Виссарион Сиснев, например, сказал, что ему «неинтересно смотреть старт», потому что он много раз видел его по телевизору. Едва ли не единственным советским человеком, кто в те годы видел старт «Аполлона», был поэт Евгений Евтушенко, которого американцы пригласили прокатиться во Флориду и который ни о каких наших запретах просто ничего не знал...».

Кстати, аккурат в день запуска проекта «Союз—Аполлон» в московских магазинах в продаже появились изделия, приуроченные к этой знаменательной дате. Так, в табачных киосках продавались сигареты, выпущенные совместно фирмами «Ява» (СССР) и «Филипп Моррис» (США) под названием «Союз—Аполлон». Несмотря на то, что сигареты стоили намного дороже остального курева (пачка — 1 рубль), уходили они, что называется, в улет. Не были обделены по этой части и женщины обеих стран, которым парфюмеры из фирмы «Ревлон» подготовили новинку — духи «ЭПАС» («Экспериментальный полет «Союз—Аполлон»). В США флакон «ЭПАСа» стоил 10 долларов, в Москве — в пересчете — 50 баксов 75 центов.

Тем временем в творческих вузах страны идут вступительные экзамены. В том году наконец-то сумела преодолеть экзаменационные бастионы Елена Сафонова. Как мы помним, до этого она дважды пыталась поступить во ВГИК, но оба раза неудачно. Видя ее старания, добрые люди из мира кино сумели пристроить девушку в пару фильмов, пусть и на эпизоды: Елена снялась у Аиды Манасаровой в картине «Ищу судьбу» и у Алексея Коренева в «Три дня в Москве». Видимо, пребывание Сафоновой на съемочной площадке не прошло для нее даром и летом 75-го она поступила-таки во ВГИК, в мастерскую Льва Кулиджанова и Татьяны Лиозновой.

А вот для другой будущей звезды отечественного кинематографа — Сергея Маковецкого — то лето ознаменовалось провалом: окончив школу в Киеве, он подал документы в Театральный институт имени Карпенко-Карого, но, увы, провалился на первом же туре. Отложив мечту о поступлении до следующего года, Маковецкий устроился рабочим сцены в Академический Русский драмтеатр имени Леси Украинки.

Неудачей закончилась тогда попытка покорить Москву и для Елены Майоровой. Еще в 7-м классе 4-й средней школы Южно-Сахалинска она надумала стать актрисой и поступила в театральную студию «Современник». И едва окончила 10 классов (кстати, на одни пятерки), как тут же рванула в столицу учиться на актрису. Подала документы во все творческие вузы, но везде дошла только до 2-го тура. Однако возвращаться домой ни с чем ей показалось стыдно, и она подала документы на подготовительные курсы пединститута. Правда, ни на курсах, ни на экзаменах она так ни разу и не объявится и в итоге поступит в СПТУ -67 на изолировщицу.

В первой половине июля в столичных кинотеатрах прошли премьеры новых фильмов: 7-го начал демонстрироваться фильм Гунара Пиесиса «Вей, ветерок» с участием Эсмеральды Эрмак, Гирта Яковлева и др.; 14-го — фильм Валентина Виноградова по произведениям В. Шукшина «Земляки», где снимались Галина Ненашева, Владимир Заманский, Леонид Неведомский и др. 7 июля на экраны вышел польский исторический боевик «Перстень княгини Анны».

Кино по ТВ: «Ташкент — город хлебный» (1-го), «Хроника раскрытия одного преступления» (премьера д/ф 3-го), «Аркадий Райкин» (премьера т/ф 6-го), «Миклухо-Маклай» (7-го), «Семь няnek» (8-го), «Укрощение огня» (9—10-го), «Тайна старой шахты» (премьера т/ф 9—11-го), «Морской охотник», фильмы Ч. Чаплина («Бродяга», «Лавка ростовщика», 12-го), «Машенька» (13-го), «Гонщики» (15-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Поющие сердца»; 1—3-го в Ждановском ПКиО — ВИА «О чем поют гитары»; 3—6-го в Зеленом театре ВДНХ — ВИА

«Акварели»; 4—6-го в Ждановском ПКиО — ВИА «Али-бабки» (Польша); 4—6-го в «Октябре» — Анна Герман; 2—8-го во Дворце спорта в Лужниках демонстрировал свое искусство коллектив из Америки «Нью-Йорк джаз репертуари компани»; 5—10-го в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» — Эдита Пьеха и ансамбль «Дружба»; 11—13-го в ПКиО в Сокольниках состоялись юмористические концерты с участием: Евгения Петросяна, Елизаветы Ауэрбах, Клары Новиковой и др.

Клара Новикова тем летом сменила место жительства — переехала из Киева в Москву. Сделать это ее заставил замдиректора «Москонцерта» Валентин Леонидов, который посулил ей большие перспективы в Первопрестольной. Новикова приехала в столицу одна, оставив на родине родителей, а также мужа с ребенком (последних она собиралась вызвать к себе при первом же удобном случае). Поселилась артистка в гостинице «Москва», причем номер выбрала самый дешевый — под самой крышей. На остающиеся от уплаты за номер деньги Новикова баловала себя различными лакомствами: каждый вечер она посещала расположенный под гостиницей гастроном, где покупала косхалву, пирожные.

Конcertов у нее поначалу было много, но все они проходили в небольших залах и получала артистка за эти выступления весьма скромные деньги. Но однажды ей улыбнулась удача: ее включили в число артистов (а там были «Веселые ребята», Жанна Бичевская, Александр Лившиц и др.), которые должны были выступать в сборных концертах на стадионе в городе Рыбинске (за такие концерты платили двойную ставку). Окрыленная таким доверием, Новикова отправилась на гастроль, прихватив с собой монолог, с которым она победила на Всесоюзном конкурсе эстрады в октябре прошлого года. И просчиталась, поскольку он был рассчитан на зал куда меньших размеров, чем стадион. Короче, когда Новикова стала читать его в Рыбинске, тишина была как на кладбище. В итоге с двух последующих концертов Новикову сняли сами организаторы. Среди коллег-артистов пошел слух, что она на стадионах и во дворцах «не проходит». С этого дня уделом Новиковой на какое-то время стали летние театры в парках культуры и отдыха.

Продолжается пребывание Высоцкого в Париже. Как мы помним, там же находится и приятель артиста Кирилл Ласкари, над которым Высоцкий берет шефство. Зная о том, что Ласкари давно мечтает купить модный джинсовый костюм, Высоцкий ведет его в один из магазинчиков, где, по выражению артиста, этого говна немерено, причем, дешево. Далее послушаем рассказ самого К. Ласкари:

«Мы спустились в подвал, заваленный и завешанный товарами из джинсовой ткани. Глаза разбегались. Покупателей не было. Двое парней-продавцов в залатанных джинсах и жилетках из той же ткани явно скучали.

Меня обряжали черт знает во что. Руководил примеркой Володя. Неожиданно с гиканьем в подвал ворвалось странное существо с ярко накрашенными губами, шляпке с пером и манерами барышни очень легкого поведения. К моему удивлению, это был мужчина. Чмокнув в щеки хозяев, он кинулся к Володе, пытаясь его облобызать тоже.

— Но, но, но! Ты это брось! — отстраняясь от него, громовым басом на чисто русском языке прокричал Володя. — Пидерас, — объяснил он мне.

— Москва! Руссо! — обрадовалось существо и, сплывав то, что в его представлении являлось танцем уроженцев нашей Родины, кинулось на меня.

— Рассчитывайся и бежим, а то он тебя... ты ему понравился, — говорил Володя, оттаскивая от меня существо. Продавцы хохотали.

Когда, уже дома, Марина узнала, сколько мы заплатили за костюм и где его купили, она ужаснулась нашему, вернее, Володиному легкомыслию. Подвал считался одним из самых дорогих — даже для состоятельных парижан — модных магазинов...».

17 июля в Москве, на 72-м году жизни, скончался выдающийся советский актер и режиссер Борис Бабочкин. Как мы помним, в конце мая он почувствовал себя плохо и угодил в Кунцевскую больницу. Рассчитывал пролежать там до начала июля, чтобы осенью закончить работу над телевизионным спектаклем «Достигаев и другие», где ему осталось доснять каких-то 5 минут. Но, увы, не получилось — не выдержало сердце.

В тот же день на космической орбите состоялась стыковка двух кораблей: советского

«Союза-19» и американского «Аполлона». За несколько часов до того момента, когда космонавты двух супердержав заключили друг друга в крепкие мужские объятия, в Центр управления полетами прибыла высокая комиссия во главе с секретарем ЦК КПСС Дмитрием Устиновым. Тот передал одному из руководителей полета А. Елисееву напечатанное приветствие Л. Брежнева космонавтам и сказал, что оно должно быть зачитано перед телекамерами в момент космической встречи. Но эта просьба приводит Елисеева в смятение. Ведь такое приветствие нельзя передавать в то время, когда космонавты и астронавты беспорядочно плавают по кабине. Надо, чтобы все были на экране, лицом к зрителям, и делали вид, что внимательно слушают. Но открыто попросить наших космонавтов сразу после встречи разместить американцев рядом с собой и устремить взоры в камеру нельзя. Такой радиообмен вызовет немало толков. Видимо, придется обходиться намеками. И еще: кто должен читать приветствие? Короче, Елисееву пришлось изрядно поломать голову над этими вопросами.

В конце концов было принято решение пригласить для зачитки приветствия диктора с ЦТ Владимира Балашова. Когда тот появился в ЦУПе и прочитал текст брежневского послания, он внезапно отказался его читать. «Почему?» — спросили его. «Здесь стоит подпись «Л. Брежнев», а я так прочитать не могу», — объяснил он. — Могу «Леонид Брежнев», «Леонид Ильич Брежнев», или просто «Брежнев». Пришлось идти за советом все к тому же Устинову. Тот, после некоторых раздумий и советов с коллегами, разрешает зачитать имя генсека как «Леонид Брежнев». Вот такое буквоедство царило в те годы.

Между тем стыковка кораблей не обошлась без ЧП. Вспоминает А. Леонов: «Наш корабль уже подошел к «Аполлону». Есть касание. Том Стаффорд на этот раз передал управление Дику Слейтону. И тот совершенно случайно, пока происходило стягивание, включил поперечные двигатели, которые рванули их корабль вбок. Сцепленные «Аполлон» (весит 12 тонн) и «Союз» (7 тонн) стали скрипя извиваться относительно друг друга. Наш стыковочный узел от такого удара грозил развалиться. Вслед за этим — поломка корабля, потеря герметично-

сти. Счастье, что узел был сделан с хорошим запасом прочности и выдержал!

После стыковки Стаффорд вышел на связь, и сам попросил наземные службы проверить, нет ли в «Союзе» утечки атмосферы, признав ошибку своего экипажа...».

Вспоминает А. Елисеев: «Ждем открытия люка. Ждут все — космонавты, журналисты и гости. Волнующий момент. Впервые на орбите встречаются посланцы двух стран. Сейчас, кажется, произойдет символическое рукопожатие между двумя главными конкурентами в космосе и главными претендентами на мировое военное превосходство. У всех настроение такое, как будто на их глазах происходит переход от опасной конфронтации к доброму сотрудничеству.

Телевизионная камера направлена на люк. Видим, как медленно убираются замки и крышка люка плавно начинает поворачиваться. Как только образовалась щель, с обеих сторон раздалось радостные восклицания, приветствия, смех. Потом крышка освободила проход, и начались рукопожатия, объятия... По нашему напоминанию космонавты и астронавты сделали паузу для заслушивания приветствия, а потом стали обмениваться сувенирами, подписывать свидетельства о стыковке и встрече на орбите. В качестве сувениров они вручили друг другу по пять миниатюрных государственных флагов своих стран...».

Спустя некоторое время после радостной встречи состоялся праздничный ужин. Он проходил за небольшим столиком, на котором космонавты и астронавты разложили еду в тубиках. В меню значилось: борщ, индейка в желе, сыр «Янтарь», яблочно-клюквенная приправа, столовый хлеб, конфеты «Пралине», кекс «Столичный», яблочный сок и многое другое. Естественно, должно было быть и спиртное, однако его брать в космос запретили. Тогда наши космонавты решили разыграть своих американских коллег. Прихватив с Земли две этикетки от водки «Столичная», они наклеили их на два тубика: один был с борщом, другой — с приправой вроде томатной пасты. Говорят, когда американцы увидели эти тубики, их радости не было предела: выпить и они были не дураки. Но когда шутка вскрылась, все так же от души и смеялись.

А теперь на время покинем борт космического корабля и перенесемся в Париж, где находятся Владимир Высоцкий и Кирилл Ласкари. Последнему в тот день 17 июля исполнилось акkurat 40 лет. По этому случаю в гостиничный номер именинника набилось много народу, поскольку еще за пару часов до этого события по номерам, где жили артисты Ленинградского Малого театра, разнеслась весть о том, что поздравлять Ласкари придут Высоцкий и Влади. Супруги действительно пришли и подарили имениннику сверток, в котором тот обнаружил русский серебряный портсигар с его инициалами на крышке и автографами внутри. В портсигаре лежали еще два листка, на которых дарители написали короткие поздравления. Стоит отметить, что после официальной части Высоцкий и Влади собирались увезти Ласкари в Мулен-Руж, где их ждали Людмила Максакова с мужем-иностранцем, однако руководитель делегации запретил имениннику ехать в «злачное» место: дескать, отпразднуем и здесь, в гостинице.

В том же июле едва не умер будущий близкий друг Высоцкого Вадим Туманов. Судьба этого человека заслуживает куда более подробного изложения, но за неимением места придется ограничиться хотя бы кратким описанием. В юном возрасте Туманов угодил в сталинские лагеря по политической статье, где неоднократно подвергался риску быть убитым: либо конвойными, либо урками. В 1949 году Туманов участвовал в неудачной попытке угона парохода «Феликс Дзержинский», в трюме которого перевозили заключенных (операцию возглавлял фронтовой офицер Василий Куранов). Однако кто-то из своих продал заговорщиков и побег не состоялся. Туманов чудом избежал смерти и был отправлен в один из дальних лагерей. Там, выбирая к кому примкнуть — к правильным ворам или сукам, — выбрал первых. Много позже он объяснит свой выбор так: «В то безнадежно пропащее время они сумели сохранить какие-то крохи внутренней свободы. Политические убеждали друг дружку: «Сталин обманут, ничего не знает. Партия разберется!». Воры были честнее: «Сталин — тот же вор, но сучьей породы». Мне, политическому, нравились их рассуждения. Готов был быть с кем угодно, хоть с самим сатаной, лишь бы против режима. За выбор при-

шлось платить карцером, железной камерой — сейфом...».

Туманов пытался бежать и из этого лагеря. Но его опять поймали и едва не убили, избив коваными сапогами до полусмерти. После этого Туманов оставил всякие попытки бежать. Чуть позже стал бригадиром у «шерсти» (так в Колымских лагерях звали отказников, тех, кто отказывался работать). В 1956 году был освобожден из лагеря со снятием судимости. Устроился работать на золотой прииск, где быстро добился командных высот (помогла лагерная закалка). Вскоре артель Туманова «Печора» стала одной из лучших в золотодобывающей промышленности. При плане в 6,5 миллиона рублей в год она выполняла объем работ на 25 миллионов! Перевыполнила план добычи золота, проложила десятки километров дорог, построила базы, которые приезжали смотреть из других регионов страны.

В июле 75-го Туманов приехал по делам в Иркутск и поселился в гостинице «Ангара». Именно там в один из дней и случилась беда: как пишет Л. Мончинский, «лопнул вбитый в печень сапогами охранников Колымских лагерей аппендицит». Благодаря своевременной медицинской помощи Туманова удалось спасти. Но пока «скорая» мчала его в больницу, он просил кого-то из друзей не забыть... забросить на Бирюсу насосы для артельщиков.

А теперь из Иркутска перенесемся на Украину в районный центр Межевая, что в Днепропетровской области (150 км от Днепропетровска). В один из тех июльских дней в тамошнее РОВД поступила ориентировка из областного центра, что особо опасный преступник В. Соловьев, вооруженный автоматом Калашникова, скрывается в их краях. Для скорейшего обнаружения и задержания беглеца из Красногвардейского РОВД Днепропетровска в Межевую были отряжены двое опытных сыскарей: лейтенанты Евгений Гора и Леонид Задорожный.

Оба милиционера прибыли в райцентр около двух часов дня и тут же попали на инструктаж, где начальник РОВД отдавал последние указания поисковым группам. Примерно через час патрульные группы (по два человека в каждой) растекались по городу. Самое интересное, что преступник прекрасно видел все действия милиционеров, поскольку... занял позицию на

чердаке соседнего с райотделом дома номер 63, что на улице Фрунзе. Расчет его был прост: по его разумению, милиционерам вряд ли должно было хватить ума искать его у себя под носом (от дома, где спрятался Соловьев, до РОВД было 20 метров). Бандит в общем-то не ошибся — ни один сотрудник Межевого райотдела не пошел в сторону его лежбища. Но откуда Соловьеву было знать, что двое сыщиков придут совсем из других краев и в своих действиях будут исходить из противоположного. Короче, Гора и Задорожный начали свой обход с дома, где спрятался преступник.

На стук в дверь к милиционерам вышла хозяйка дома — бабушка «божий одуванчик». На вопрос, есть ли кто посторонний, ответила отрицательно. Однако сыщики решили подстраховаться. Обойдя комнаты и не найдя ни одной живой души, они обратили внимание на чердачный люк. Задорожный остался внизу, а Гора осторожно стал подниматься по ступенькам вверх, сжимая в руках «макаров». Однако достигнув люка, милиционер открыл его не сразу: подождал, когда на улице протарахтела грузовая автомашина, и под шумок приподнял люк.

Первое, что увидел Гора при свете чердачного окна, — торчащий из-за дымара ствол автомата. На счастье сыщика, бандит в этот момент контролировал оконный проем и звук открываемого люка не услышал. Решение созрело в голове Горы мгновенно: откинув крышку, он бросился к дымарю. Услышав его шаги, бандит повернул голову на шум и тут же попытался развернуть автомат в сторону люка. Но ему не хватило каких-нибудь долей секунды. Гора ногой выбил «калаш» из рук бандита, а следующим ударом опрокинул его на деревянный настил чердака. Все было кончено за полминуты. За это молниеносное задержание оба милиционера будут представлены к правительственным наградам.

Тем же июлем в Ленинграде удалось задержать не совсем традиционного преступника — вуайериста Александра Караваева. Для несведущих поясню: вуайеристы это такие граждане, которые имеют периодическую или постоянную склонность тайно наблюдать за раздевающимися людьми, за тем, как они занимаются сексом. Караваев был из этого числа, причем на «обнаженку» подсел уже давно — лет десять назад, и даже три месяца лечился в пси-

хушке. Но лучше от этого не стал. Выйдя на свободу, он вскоре вновь взялся за старое. Поскольку порнушных журналов в те годы в Советском Союзе в открытой продаже не было и даже завалившую фотографию какой-нибудь дамы, одетой «топлес», тоже было днем с огнем не сыскать, Караваев решил штамповать такие фотки собственноручно. И придумал следующее. Купив фотоаппарат, он укладывал его на дно хозяйственной сумки и выходил на охоту — в оживленные места города типа магазинов, рынков и т. д. Там он подходил к понравившейся ему женщине, опускал ниже подолы ее юбки свою сумку и с помощью фототросика приводил в действие фотоаппарат. Снимки получались, конечно, неважные, но на безрыбье, как говорится...

В июле 75-го судьба занесла Караваева в дачный поселок под Ленинградом. Там погожим днем он заметил на одном из участков несовершеннолетнюю девочку, которая нагишом принимала душ. А поскольку Караваев и здесь не расставался со своим фотоаппаратом, то он тут же пристроился у забора и стал снимать через щель в досках вожделенную «обнаженку». Однако он успел щелкнуть своим аппаратом всего лишь пару-тройку раз, как вдруг сзади ему кто-то дал увесистого пинка. Обернувшись, извращенец увидел перед собой... мать девочки, которая некстати вернулась из магазина. «Ах ты, мерзавец!» — закричала женщина и принялась охаживать соглядатая хозяйственной сумкой. Испугавшись, что она своим криком поднимет на ноги весь поселок, Караваев схватил с земли первый подвернувшийся под руку камень и обрушил его на голову женщины. На ее беду, удар пришелся аккурат в висок. Смерть несчастной наступила практически мгновенно. В тот же день убийцу арестовали. Поскольку медицинская экспертиза признает его невменяемым, суд отправит Караваева на принудительное лечение в казанскую психушку.

Но вернемся в июль 75-го.

Никита Михалков продолжает в Одессе съемки фильма «Раба любви». Работа ладится, и снята уже большая часть натурного материала. Единственное ЧП, которое произошло на съемках, — смерть жены художника-постановщика ленты Александра Адабашьяна Марины. Она работала на фильме ассистентом режиссера, но в самом начале постановки внезапно за-

болела (у нее произошло заражение крови от обыкновенного укула). Ее положили в институт Вишневого, из-за чего ее мужу тоже пришлось остаться в Москве. Но потом Адабашьяна вызвал к себе лечащий врач Марины и сказал: «Вы знаете, Марина очень беспокоится о том, что вся группа уехала, а вы нет, значит, ее положение серьезно. Я вам гарантирую, что никакой опасности нет. Поезжайте!». И Адабашьян уехал в Одессу. Далее послушаем его собственный рассказ:

«В тот день мы снимали сцену «Рабы любви». Елену Соловей окружают поклонники у кинотеатра, она кричит: «Господа! Как вы можете это смотреть — это все ложь!». На следующий день я должен был улететь в Москву. Это уже потом, вспоминая, понял, почему сцену снимал второй оператор, а Паша Лебешев (Марина была его сестрой. — Ф. Р.) с дрожавшими руками сидел рядом, и у всех в группе лица были какие-то странные. Оказывается, они договорились о случившемся мне не сообщать, мол, все равно все сам узнает. Помню, я летел в прекрасном настроении, вез жене черешню...

До сих пор не могу спокойно смотреть этот эпизод в «Рабе любви» — вспоминаю жару, эти страшные похороны и всю прилетевшую проститься с Мариной группой...».

Продолжается космический полет корабля «Салют-4» с двумя космонавтами на борту: Петром Климуком и Виталием Севастьяновым. До завершения двухмесячной программы полета остается чуть больше недели, а нервы космонавтов напряжены до предела. Два месяца в космосе — это серьезное испытание для нервной системы. Однажды между космонавтами возник конфликт из-за обычной пластмассовой бутылки с элеутерококком. Это сильное тонизирующее средство на спиртовой основе космонавты специально взяли с собой в полет, чтобы с его помощью лучше адаптироваться к условиям невесомости. Между собой решили, что полбутылки они выпьют в первые дни полета, а вторую «добьют» за неделю до спуска. Однако именно за неделю до завершения полета Климук внезапно обнаружил, что бутылка практически пуста. Естественно, подозрение сразу пало на второго члена экипажа — Севастьянова. Климук не стал ничего у него выяснять (видимо, решил, а чего выяснять, коли и так ясно, кто выпил жидкость) и перестал с

ним разговаривать. Общался только по служебной необходимости.

В течение двух дней Земля пыталась выяснить суть конфликта между космонавтами, но те ничего не объясняли. Наконец на третий день разразился скандал. Начал его Севастьянов, который тоже, оказывается, думал, что жидкость выпил его напарник, и теперь высказал ему это в открытую. Климук парировал тем же: мол, жидкость выпил не я, а ты. Так они препирались в течение нескольких минут, пока с Земли их не заставили остановиться. Видимо, осознав, что зашли слишком далеко, космонавты решили помириться и допить остатки элеутерококка. Но когда они его разлили и выпили, то поперхнулись: жидкость оказалась слишком горькой. И тут до них дошло: никто из них к жидкости не прикасался, а вся спиртовая основа испарилась через полиэтиленовые стенки сосуда. Так был разрешен этот космический конфликт.

В понедельник, 21 июля, в столичных магазинах грампластинок в продажу поступила гибкая пластинка, на которой были записаны три песни в исполнении Аллы Пугачевой. Безусловным хитом пластинки была песня «Арлекино», с которой Пугачева победила на конкурсе «Золотой Орфей». Стоила пластинка 60 копеек и была раскуплена практически мгновенно, чему я сам был свидетелем: в ГУМе за ней выстроилась громадная очередь. Кстати, на самом Апрелевском заводе грампластинок, где печатался тираж «Арлекино», администрация выставила у выхода из цеха и заводской проходной милицейский кордон, поскольку знала — будут массовые кражи (рабочие проносили гибкие пластинки под одеждой, на животе). Думаете, помогло? Вот и нет: пластинки тырили даже сами милиционеры! Так будущая Примадонна отечественной эстрады вошла в каждый советский дом.

Тем временем Витаутас Жалакявичус продолжает снимать в Белоруссии фильм «В августе 44-го...». Причем снимает вопреки мнению автора романа Владимира Богомолова. Последний так и не смог смириться с трактовкой своего произведения именитым режиссером и продолжает бомбардировать киношное руководство требованиями вмешаться в ситуацию. В одном из своих писем писатель пожаловался на то, что за те несколько недель, что идут

съемки, ему ни разу не показали отснятый материал. В итоге директору картины Криштулу по приказу свыше пришлось срочно вылетать в Москву, чтобы выполнить просьбу Богомолова.

Вспоминает Б. Криштул: «Я заказал уютный просмотровый зал на «Мосфильме». Богомолов пришел в спортивном костюме, стрижка «ежик», похож на спортсмена.

Когда зажегся свет, я понял сразу — материал ему не понравился. Все его претензии сводились к следующему:

— И это контрразведчики?! Небритые, в грязных гимнастерках (он, наверное, забыл, что его герои неделями прочесывали леса и деревни). Ваш режиссер не воевал, он не знает того, о чем делает фильм.

Пробую возражать:

— Владимир Осипович. Вашу книгу экранизирует лучший в Советском Союзе режиссер этой темы. Вы видели «Никто не хотел умирать»?

Но автор и слышать ничего не хочет. Просмотренный материал подействовал на него, как бензин на огонь. Провожая его до проходной. По дороге пытаюсь мягко объяснить, что кинематограф подчиняется своим законам, а литература — своим. В ответ Богомолов повторяет одно и то же: «Не воевал, не воевал, не воевал». Атакую его с другой стороны:

— Скоро «Мосфильм» будет делать картину о Куликовской битве. Вероятнее всего, хотя объявление дали, очевидцев найти не удастся.

Посмеялись.

— По-вашему, Владимир Осипович, фильм должен ставить не режиссер, а контрразведчик...

Огорчительно, но в отношении с автором появилось буквальное соответствие коллизиям романа. Его герои протестовали против операции «Гребенка». В. Богомолов стал противником фильма...».

21 июля завершил свой полет космический корабль «Союз» (американский «Аполлон» задержался еще на двое суток). Приземление произошло не очень гладко. Так, когда «Союз» пошел на посадку, порывы степного ветра потянули громадный парашют спускаемого аппарата вбок. Он накренился, и двигатели мягкой посадки, расположенные под днищем, не смогли полностью смягчить удар. Капсула грохнулась о землю, изрядно намяв бока Леоннову и Кубасову.

Между тем, еще когда «Союз» был в космосе, на Земле приняли решение присвоить Алексею Леонову звание генерала. Значит, рапортовать о завершении полета космонавт должен был в новом мундире. Этот костюм ему доставили прямо на аэродром: самолет только коснулся колесами посадочной полосы, как с ним поравнялась машина Центра подготовки, из которой на ходу в открытую дверь самолета был заброшен сверток с мундиром. Когда самолет наконец подрулил к месту официальной встречи, Леонов уже успел переодеться.

Кстати, и приземление американцев два дня спустя не обойдется без ЧП. При посадке Вэнс Бранд забудет переключить какие-то клапаны и экипаж едва не задохнется выхлопным газом от двигателей — гептилом. Астронавты уже начнут вырубаться, когда Стаффорд успеет раздать всем кислородные маски.

Продолжается пребывание в Париже Высоцкого и Ласкари. Последний вспоминает: «Володя обожал кино. Был день, когда мы посмотрели с ним подряд четыре кинофильма, причем он — по второму разу, из-за меня: «Ночной таксист» с Репарой, «Полет над гнездом кукушки» с Николсоном и «Эммануэль» на Елисейских Полях, где этот шедевр шел несколько лет бесценно. Всю картину Володя острил, смеялся и предвосхищал события на экране. В зале, кроме нас, сидели еще несколько иногородних. Когда включили свет, лица у многих были пунцового цвета. У меня, по-видимому, тоже. Володя — само спокойствие.

Ходили на Пляс Пигаль. Смотреть проституток.

— Хочешь прицениться?

— Нет, — твердо сказал я.

Он подошел к одной, самой вульгарной и не самой молодой...

— Нахалка, — сказал, вернувшись ко мне, — совести вот ни настолько, — показал ноготь мизинца. — Ее цена — три пары обуви. Я вот эти, — поднял ногу, — второй год ношу. — Обернулся в сторону проститутки и погрозил ей пальцем. — Совсем с ума сошла, фулюганка, — прокричал. — Пойдем перекусим...».

В эти же дни актриса Елена Коренева вместе с театром «Современник» гастролировала в Оренбурге (гастроли начались 15 июля). Коренева была занята в двух спектаклях, одним из которых была детская постановка «Принцесса

и дровосек», где она играла принцессу Жулейку. Ее партнером там был молодой актер Олег Шкловский (известный ныне как ведущий телепередачи «Как это было»), с которым у Кореневой завязались теплые отношения. Практически все свободное время они старались проводить вместе, что, естественно, не осталось без внимания завистников. Как-то вечером молодые сидели на лавочке возле гостиницы и беседовали, когда одно из окон раскрылось и голос одной из уважаемых актрис возвестил на всю округу: «Смотрите, а Коренева уже кто-то лапает!».

Еще один удар настиг молодую актрису во время очередного спектакля. Когда Коренева вернулась к себе в гримерную, она обнаружила пропажу кошелька, в котором был ее крестильный крестик и большая сумма денег — две ее зарплаты (в месяц ей платили 70 рублей). И хотя на ближайшем же собрании эта тема была поднята главрежем театра Галиной Волчек, кошелек к хозяйке так и не вернулся. Гастроли в Оренбурге продлились до 27 июля.

Кинорежиссер Александр Митта продолжает подготовительные работы к фильму «Арап Петра Великого». Как мы помним, в главной роли — арапа Ибрагима — он видел только Владимира Высоцкого и даже отказался принять предложение одного французского продюсера, который обещал ему материальную помощь в съемках, но при условии, что он возьмет на эту роль западную звезду Гарри Беллафонте. Между тем против кандидатуры Высоцкого были решительно настроены и в Госкино. Однажды зампред этого ведомства Борис Павленок вызвал к себе Митту и предложил ему не валять дурака: «Зачем мазать гуталином Высоцкого, когда можно съездить в Париж, в Национальный эфиопский театр и привезти оттуда настоящего негра. В крайнем случае найти его здесь, в Москве». «У вас есть кандидатура?» — спросил режиссер. «Да, есть: его зовут Тэсфай Гессео, он учится в Литературном институте. Готовь к роли его». Митта не стал спорить с начальством, понимая, что это бесполезно. Он решил лично взглянуть на нового кандидата на роль арапа и уже после этого что-либо решать.

Эфиоп, когда узнал, какое счастье на него свалилось, был на седьмом небе от радости. Митте он так прямо и сказал: «Если я снимусь

в роли потомка НАШЕГО национального поэта (все эфиопы считают Пушкина своим поэтом), то я сразу стану богатым человеком!». Увы, мечтам честолюбивого студента не суждено было сбыться: поговорив с ним более двух часов, Митта пришел к выводу, что эта затея полностью никчемная. И 23 июля Митта написал Павленку письмо, в котором честно рассказал о происшедшем. Он писал: «Взять его на роль задача очень трудная и творчески и производственно. Надо останавливать производство, так как полтора—два месяца, которые потребуются для разучивания текста на незнакомом языке, отработки пластики поведения и разработки роли, отнимут все мое время. Снимать без Ибрагима в фильме мне нечего. Остановка на этот срок срывает экспедицию — конец лета и осень. Стоит ли эфиоп того? Ему сорок лет, он ни разу не снимался в кино, при моем росте он на 14 кг тяжелее меня — живот, пышные бедра».

Как ни странно, но, прочитав это письмо, Павленок согласился с доводами режиссера и дал отмашку снимать в роли Ибрагима Высоцкого. Съемки фильма должны были начаться через несколько дней.

В тот день, когда Митта писал свое послание Павленку, в Москве закончился Международный кинофестиваль. Главный приз был отдан советско-японскому фильму «Дерсу Узала» режиссера Акиро Куросавы. За кулисами фестиваля говорили, что победитель был известен заранее и никакой интриги не возникло. Поздно вечером, сразу после закрытия фестиваля, сценарист фильма Юрий Нагибин записал в своем дневнике следующие строчки:

«Завершилась еще одна утомительная необходимость — кинофестиваль. Устал, как собака, от сидения за рулем (шофер в отпуске), от обилия скверных фильмов, от собственных глупых ожиданий чуда. Ну вот, чудо вроде бы свершилось: «Дерсу» получил Золотой приз, но на моей судьбе если это и отразится, то лишь в отрицательном смысле: прибавит недоброежелателей. Сценарист и вообще пария, ему не перепадает даже крох, если, конечно, он не носит имени Михалкова. Тогда ему достается весь пирог, а крохи подбирает режиссер. Впрочем, со мной и так все ясно. Мне не выскочить из той ячейки, куда меня раз и навсегда загнали, какой бы успех ни выпадал моим фильмам. То

же и в литературе: пишу я все лучше, а котируюсь официально все ниже. Если бы я не высывался, мне жилось бы легче...».

В эти же дни Госснаб СССР и Госкомиздат СССР приняли решение продлить эксперимент, который длится с осени прошлого года, — за сданную старую бумагу гражданам выдавались особые талоны на редкие книги. Эксперимент имел феноменальный успех у населения, поскольку хороших книг в магазинах найти было практически невозможно, а здесь за макулатуру можно было заполучить в свою библиотеку отличную книгу («Королеву Марго», сборник произведений Ж. Сименона, сказки Г.-Х. Андерсена). Килограмм сданной макулатуры стоил 2 копейки, и, чтобы выкупить одну книгу, гражданам приходилось сдавать порядка 50—60 килограммов. Но людей это не пугало: в те годы СССР по праву считался самой читающей страной в мире, и люди за хорошую литературу готовы были идти и не на такие подвиги. Эксперимент было решено продлить до июля 1976 года.

В недрах КГБ продолжается конфликт между руководителями двух главков: ПГУ (внешняя разведка) в лице Владимира Крючкова и 2-го управления (контрразведка) в лице Григоренко. Как мы помним, суть конфликта крылась в том, что чекисты-профессионалы видели в Крючкове прежде всего выдвигенца ЦК. Противостояние длилось вот уже более полугода с переменным успехом: незначительные уколы наносила то одна сторона, то другая. Пока летом случай не позволил команде Крючкова нанести по противнику сокрушительный удар.

В один из дней из Братиславы Крючкову позвонил венский резидент и попросил срочно вызвать его в Центр: дескать, есть ценная информация. Его просьбу выполнили. И резидент поведал начальству убойную информацию. По его словам, в личном портфеле одного из сотрудников советской контрразведки, прикрытого должностью замторгпреда, «случайно» была обнаружена огромная сумма денег, значительно превышавшая его заработки. А чуть позже, когда этого сотрудника отправили в отпуск в Москву, на его венской квартире был обнаружен целый склад импортных вещей: десятки пар обуви различных размеров, одежда, ювелирные изделия и т. д. и т. п.

Выслушав доклад резидента, Крючков отдал команду Службе безопасности Управления «К» установить скрытое наблюдение за чекистом-барыгой. И вскоре выяснилось такое... Оказалось, что сотрудник привозил дефицитные вещи в Советский Союз и здесь спекулировал ими, а часть наиболее дорогостоящих вещей преподносил в качестве подарков руководителям контрразведки. Доложенная информация стала существенным козырем в руках Крюčkова. И он им воспользовался. Вскоре состоялось расширенное заседание парткома ПГУ, на котором рассматривалось персональное дело чекиста-барыги. Было доложено, что этот перерожденец путем экономии сумел скопить за три года аж 10 тысяч долларов. Его исключили из рядов партии и выгнали из КГБ. Чуть позже это дело рассматривалось выше — на парткоме КГБ, куда вызвали непосредственных руководителей чекиста-барыги: Григоренко, Боярова и других. И хотя дело для них завершилось лишь устным порицанием, урок им был преподан серьезный.

26 июля в окрестностях города Белорецка, что в Башкирской АССР, режиссер Вениамин Дорман приступил к съемкам фильма «Золотая речка» (продолжение «Пропавшей экспедиции»). В эти места съемочная группа прибыла неделю назад, чтобы за 56 дней экспедиции отснять практически всю натуру. Стоит отдать должное киношникам: съемки фильма они решили начать с самого сложного эпизода — нападение банды Ефима Субботы (Виктор Сергачев) на поезд. В фильме снимался почти тот же состав, что и в «Пропавшей экспедиции»: Александр Кайдановский, Евгения Симонова (закрутив роман в первом фильме, на этот они приехали уже в ранге официальных мужа и жены), Николай Олялин, Вадим Захарченко, Борис Сморгков. Из новых актеров назову Александра Абдулова, для которого роль Рогова стала первой большой ролью в кино.

В понедельник, 28 июля, в окрестностях села Потапьево Петелинского района Рязанской области было совершено убийство: жертвой преступников оказался пастух Миронов. Прибывшие к месту преступления милиционеры установили, что жертва была убита из огнестрельного оружия и ограблена: с убитого сняли часы, взяли его транзистор, радиоприемник и плащ-накидку.

Это преступление совершили те же самые люди, что устроили кровавую вакханалию на улице города Сасова 6 апреля. Тогда, как мы помним, двое выродков расстреляли из охотничьего ружья трех человек: двух женщин и мужчину. За истекшие с той поры месяцы преступники успели совершить еще ряд преступлений. Так, 18 мая они совершили кражу мотоцикла, 26 мая похитили две учебные винтовки из ГПТУ, 10 июня присовокупили к этим двум винтовкам еще три мелкокалиберные винтовки. У винтовок потом обрезали приклады, соорудив из них обрезы, приделали к одной из них упорные сошки, сделали глушитель и даже лампочку подсвета для ночной стрельбы. Зачем им понадобилась ночная стрельба? Дело в том, что в ближайшие дни под покровом темноты преступники собирались напасть на часового Сасовского летного училища гражданской авиации с целью завладения его автоматом. А автомат отморозкам нужен был для нападения на кассира одного из колхозов.

В начале июля к двум преступникам присоединился третий — дважды судимый Иванов, только что справивший свое 20-летие. 16 июля троица вышла на очередное дело — украли со склада смешторга мотоцикл и транзистор. А спустя 12 дней их руки обагрились кровью пастуха Миронова. Он пас колхозное стадо за селом Потапьево, когда ночью нелегкая привела к его ночлегу трех душегубов. Чтобы не оставлять ненужного свидетеля, бандиты его застрелили. На этом преступная деятельность банды сасовских отморозков завершилась — вскоре их арестовали.

В эти же дни в Москве была поставлена последняя точка в деле маньяка Александра Столярова, решившего повторить путь небезызвестного душегуба по прозвищу «Мосгаз». В сентябре-октябре 1972 года Столяров под видом сантехника технадзора проникал в квартиры одиноких пенсионеров, убивал их и грабил. Таким образом от его рук погибли две женщины. Суд, состоявшийся в середине июня 73-го, вынес маньяку «вышку» — расстрел. Однако в течение двух лет он надеялся, что судьба окажется к нему благосклонной: то ли амнистия выйдет, то ли еще какая-нибудь благодать снизойдет. Не дождался. 27 июля палач хладнокровно разрядил в душегуба свой табельный пистолет.

29 июля, с санкции заместителя Генерального прокурора СССР Гусева в Узбекистане был арестован бывший председатель Совета Министров республики, а ныне замминистра Рахманкул Курбанов. Его обвинили во взяточничестве. Ни для кого в Узбекистане не являлось секретом, что негласным инициатором этого ареста был сам руководитель республики Шараф Рашидов. Их взаимная вражда тянулась еще с 60-х годов, когда Курбанов возглавлял кабинет министров. Рассказывает Д. Лиханов:

«Курбанов прекрасно разбирался в хлопковой ситуации и вполне отдавал себе отчет, к чему может привести афера с повышенными обязательствами. Случись что, в его руках появится отличный козырь, крыть который Рашидову будет фактически нечем. Дабы упредить удар, Шараф Рашидович предпринял все от него зависящее, чтобы Рахманкул Курбанов покинул пост Председателя Совета Министров Узбекской ССР и был назначен на несравненно низшую должность заместителя министра. Оказавшись на новом месте, Курбанов, однако, не впал в уныние и былой активности не растерял. По рассказам одного из его близких знакомых, Рахманкул Курбанович буквально при каждой встрече подчеркивал, что «смещение с поста предсовмина — дело временное, и вскоре, как только он завоюет своим поведением авторитет, ему вновь предоставят хорошее место. Однако в планы Рашидова это, кажется, не входило...».

В конце июля благополучно разрешилась эпопея с получением заграничной визы Еленой Боннэр. Как мы помним, она хотела отправиться в Италию лечить глаза, но КГБ всячески препятствовал этому, предлагая ей медицинскую помощь в пределах СССР. Но Боннэр настаивала на загранице. Чтобы сломить сопротивление властей, они с Сахаровым 9 мая провели голодовку протеста. Однако власти стоически молчали. В конце июля на дачу, где жили Боннэр и Сахаров (последний в июне перенес сердечный приступ, переехал жить за город и здесь немного поправился), позвонила сотрудница ОВИРа и сообщила Боннэр, что ей окончательно отказано в поездке в Италию, но ей будут предоставлены все возможности для лечения на родине. Боннэр ответила резко: «Я слепа по вашей вине, но ни к каким здеш-

ним врачам не пойду». И бросила трубку. После этого власти окончательно убедились, что сломить жену академика не удастся. Тогда и было принято решение рассмотреть ее просьбу положительно. Тем более выдача Боннэр визы могла благотворно сказаться на поездке Брежнева в Хельсинки, которая должна была состояться на днях.

На следующий день вечером Боннэр позвонила та же сотрудница ОВИРа и сказала, что она должна немедленно приехать за разрешением на поездку. Боннэр засомневалась: мол, уже конец рабочего дня, я могу не успеть. Но собеседница ее успокоила, что будет ждать ее до конца. И действительно дождалась. Встретив Боннэр в вестибюле, она провела ее на второй этаж в кабинет начальника ОВИРа, где гостью уже ждали хозяин кабинета и еще несколько человек, в том числе сам начальник Московского ОВИРа Фадеев. Последний повторил, что Боннэр дано разрешение на поездку в Италию и что визу она может получить через два дня. При этом кто-то из чиновников предупредил ее, что ее муж никогда не сможет выехать к ней за границу. На что Боннэр ответила: «В прошлом у меня было много возможностей остаться, но я не ваша советская чиновница. Я еду, чтобы лечиться».

Тем временем кинорежиссер Эмиль Лотяну продолжает работу над фильмом «Табор уходит в небо». Часть натуральных съемок проходит в Вильнюсе, причем не совсем гладко. Трудности возникли с первых же дней. К примеру, тяжело решался вопрос с размещением коллектива, поскольку все гостиницы были заполнены — в городе проходил праздник песни, на который съехалось аж 50 тысяч гостей. Были и другие накладки. Так, еще перед самым отъездом в экспедицию выяснилось, что из-за болезни туда не может отправиться художник по костюмам. А прибыв к месту назначения, группа убедилась, что нет костюмов для отдельных персонажей. Поэтому пришлось часть костюмов подбирать в гардеробе Вильнюсской киностудии, а часть шить заново. Но, несмотря на все эти трудности, съемки шли согласно графику. Так, 29—30 июля снимался эпизод, где цыганка Рада в компании подруг идет по городу и встречает знатного барина Силади, который мгновенно влюбляется в красавицу-цыганку.

Во вторник, 29 июля, Леонид Брежнев в компании с министром иностранных дел Андреем Громыко и секретарем ЦК Константином Черненко отправился в Хельсинки, где должно было открыться Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Причем буквально накануне поездки врачам 4-го управления Минздрава удалось вывести Брежнева из состояния мышечной астении и депрессии. Вот как об этом вспоминает Е. Чазов:

«Андропов очень волновался перед поездкой Брежнева в Хельсинки. Разработанный план дезинформации общественного мнения в отношении здоровья Брежнева рушился. Внутри страны еще можно было как-то мириться с ситуацией, связанной с болезнью Брежнева. Другой вопрос — как ее воспримут на Западе? Не будут ли болезнь лидера, его слабость влиять на позиции нашей страны? Не поднимут ли голову ее недруги? Боялся Андропов, да и я, и не без оснований, возможного срыва в ходе Хельсинкского совещания. Чтобы предупредить разговоры внутри страны, делегация и число сопровождающих лиц были сведены к минимуму — А. Громыко и начавший набирать силу К. Черненко. Мы поставили условие: чтобы во время поездки (в Хельсинки мы ехали поездом) и в период пребывания в Финляндии у Брежнева были только официальные встречи, и ни Н. (особо приближенная к генсеку медсестра. — Ф. Р.), ни кто-либо другой не встречался с ним наедине (кроме Громыко и Черненко)...».

Композитор Дмитрий Шостакович в те дни вновь угодил на больничную койку. Как мы помним, еще в начале марта, видимо, в какой-то степени разуверившись в традиционной медицине, он обратился к услугам «колдуны» — женщины-экстрасенса. В течение двух месяцев она «колдовала» над композитором, однако помочь так и не сумела. И в июле Шостакович лег в одну из столичных клиник. 29 июля ему из Ленинграда позвонил его старый приятель И. Гликман. Последний вспоминает:

«К телефону подошла Ирина Антоновна (супруга композитора. — Ф. Р.). От волнения она говорила со мной как-то отрешенно, стертым звуком, без интонаций. Она промолвила: «Сейчас к телефону подойдет Дмитрий Дмитриевич».

Поздоровавшись со мной, Шостакович сказал:

«Я чувствую себя лучше. Меньше кашляю, меньше задыхаюсь. Пиши мне на городской адрес. Здесь в больнице целый город».

После большой паузы он продолжал:

«Меня здесь продержат до 10 августа. Может быть, к 1 сентября приеду в Репино».

Мне вдруг сделалось страшно. Но я обнадеживал себя его словами, в которых не было ни одной жалобы, в которых звучала вера в то, что он вскоре вернется домой, а затем поедет в любимое Репино.

Быть может, при всей физической немощи Дмитрий Дмитриевич не хотел сдаваться, а слабыми руками, по-бетховенски, «схватить судьбу за глотку».

К сожалению, дурные предчувствия не обманули И. Гликмана — это был его последний разговор с великим композитором. Но не будем забегать вперед.

В те июльские дни большой переполох царил в 136-м отделении милиции города Москвы, расположенном в Чертаново. От жителей района стали поступать заявления о том, что в их доме побывал странный преступник. По словам потерпевших, после его посещения в квартирах ничего ценного не пропадало, однако все оказывалось перевернуто вверх дном: стулья перевернуты, покрывала с кровати сдернуты, занавески порваны. Кроме этого, таинственный преступник повалился съесть все продукты, неосмотрительно оставленные хозяевами на кухне (съестное, хранившееся в холодильнике, вор почему-то не трогал).

Судя по всему, преступник попадал в квартиры через открытые окна или форточки. Но было непонятно, каким образом ему удавалось это проделать — ведь окна некоторых квартир, куда он проникал, находились высоко от земли — на четвертом-пятом этажах. Милиционеры долго ломали головы над этой головоломкой и, вполне вероятно, никогда бы ее не разрешили, если бы не помощь самих потерпевших. В один из дней молодая семья вернулась домой из магазина и обнаружила у себя в квартире страшный погром. А на подоконнике сидел виновник этого шабаша — взрослая обезьяна. Когда глава семейства бросился на животное с кулаками, то оно изобразило на своем

лице презрительную гримасу и сбежало по водосточной трубе на крышу. Пострадавшие мигом отправились в милицию. Спустя полчаса милицейский наряд прибыл по указанному адресу и поднялся на чердак. Но поскольку никакого опыта по отлову обезьян у стражей порядка не было, поймать животное так и не удалось — проявляя чудеса сноровки, оно умудрилось перепрыгнуть на соседнее здание и скрыться.

В течение нескольких дней милиционеры гонялись за обезьяной по крышам чертановских домов, пока наконец ее не удалось поймать. Преступницу посадили в ящик и накрыли сверху сеткой из-под картошки. Принесли в отделение милиции и стали обзванивать соответствующие организации, с тем чтобы пристроить ее в надежные руки. Однако ни зоопарк, ни цирк брать животное ни за что не согласились: дескать, она же дикая. И тогда начальник отделения приказал временно пристроить обезьяну в милицейское общежитие: мол, пусть пока поживет в ящике, а мы за это время что-нибудь придумаем. Но придумать ничего не успели: спустя сутки обезьяна сбежала из своего заточения, сумев перегрызть сетку. Самое странное, но после этого побега ни одного заявления от пострадавших жителей района больше не поступало: то ли обезьяна погибла, то ли попала в хорошие руки и утихомирилась.

31 июля в Москве умер отец ныне известного телеакадемика Владимира Познера Владимир Александрович Познер. Подавляющему числу людей имя этого человека мало что говорило, хотя все жители Советского Союза без исключения были знакомы с деятельностью Познера посредством фильмов, вышедших благодаря ему. А началось все в 65-м году, когда стараниями Познера-старшего и кинорежиссера Георгия Чухрая на «Мосфильме» была создана Экспериментальная Творческая Киностудия (ЭТК), которая первой стала работать на хозрасчетной основе (то есть коллектив ЭТК получал гонорар в зависимости от кассового успеха фильмов, которые на ней снимались, в то время как на всех киностудиях оплата зависела от категории, утвержденной Госкино, а эта категория частенько не соответствовала реальному художественному качеству).

Один из первых фильмов, рожденных в ЭТК при Познере-старшем, — безусловный шедевр «Белое солнце пустыни». Именно Познер-старший, много лет проживший в США и хорошо знакомый с жанром вестерна, был одним из инициаторов создания в ЭТК вестерна по-советски.

Экспериментальная студия существовала ровно десять лет. Ее невольным губителем оказался... Леонид Гайдай. Созданный им на ЭТК шедевр «Иван Васильевич меняет профессию» принес ему премиальные в размере 18 тысяч рублей. Узнав об этом, чиновники Госкино чуть со стульев не попадали. Чухрая вызвали в ЦК КПСС и потребовали объяснений. Он объяснил: дескать, фильм Гайдая собрал рекордное количество зрителей — 60,7 миллиона — отсюда и такие премиальные. «Но другие люди получают значительно меньше», — пытались урезонить Чухрая цекисты. Но тот был непоколебим как скала: «Они и дают государству несравнимо меньше. Пусть они снимут такой фильм, как Гайдай, и они заработают столько». Однако в верхах было принято решение ЭТК закрыть. И первой жертвой этого несправедливого решения стал Познер-старший. Умер он внезапно: возвращался самолетом из командировки в Москву и прямо в полете ему стало плохо с сердцем. Врача на борту не оказалось, а пока самолет приземлился, все было кончено. Помня о том, кто был повинен в этой смерти, родственники покойного посчитали правильным не приглашать на его похороны киношных чиновников: на них не было ни венков с «Мосфильма», ни лицемерных речей руководителей Госкино и секретарей Союза кинематографистов.

Тем временем жизнь в столице идет своим чередом. На экранах кинотеатров демонстрируются новые фильмы: 24-го на экраны вышла драма Евгения Матвеева с его же участием «Любовь земная»; 28-го — сказка Бориса Рыцарева «Иван да Марья» с участием Ивана Бортника, Татьяны Пискуновой, Ивана Рыжова и др.; индийская мелодрама «Бобби» — один из фаворитов того киносеzona.

Кино по ТВ: «Счастье Анны» (18-го), «Враг» (19-го), «Яносик» (Польша, премьера т/ф 21—27-го), «Всадники» (22—23-го), «Братья Карамазовы» (впервые на ЦТ 23—25-го), «Рес-

публика ШКИД» (25-го), «Странные взрослые» (26-го), «Капитан Джек» (27-го), «Я, Франциск Скорина» (28-го), «Королевство кривых зеркал» (29-го), «Даурия» (впервые на ЦТ 29—30-го), «Моя жизнь» (29-31-го), «Только ты» (31-го) и др.

Эстрадные представления: 14—17-го — в Зеленом театре на ВДНХ состоялись сборные концерты с участием: Евгения Петросяна, Светланы Резановой, Екатерины Шавриной, Александра Лившица, Александра Левенбука и др.; 18—27-го — там же выступал ВИА «Голубые гитары»; 23—30-го — в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» высадился югославский десант в лице популярного певца Ивицы Шефреси и других артистов; 26—27-го — во Дворце

спорта в Лужниках состоялось театрализованное представление «Десять звезд» с участием многих кумиров советского кинематографа в лице Всеволода Санаева, Бориса Андреева, Лидии Смирновой, Владимира Дружникова, Николая Озерова, Николая Рыбникова, Аллы Ларионовой, Эльзы Леждей, Натальи Фатеевой и др.; 27-го — в киноконцертном зале Сада имени Баумана пела Капиталина Лазаренко.

Из пластинок, помещенных в журнале «Кругозор» (номер 7), выделю следующие: ВИА «Самоцветы» с песней «У нас, молодых» (В. Добрынин — В. Харитонов); Алла Пугачева — «Помоги мне дождик» (В. Добрынин — Н. Олев); песни из к/ф «Бобби» (Индия); песни в исполнении Ринго Старра (Англия).

1975 АВГУСТ

Андропов против «Агонии». Приключения Брежнева в Хельсинки. Шостакович в больнице. Внезапная смерть знаменитой циркачки. Начали снимать «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». «Смена» печатает «Эру милосердия». «Рожденная революцией»: съемки в деревне. Умер Дмитрий Шостакович. КГБ срывает отъезд Елены Боннэр. Женился сын Юрия Никулина. Кубок СССР по футболу достается «Арарату». Евгений Леонов и ученые: спор про НЛО. Ленинградский банкет Элизабет Тейлор. Как Клара Новикова отказала Михаилу Жванецкому. Секретариат ЦК решает судьбу «Агонии». Тайные визиты Евгения Чазова к Брежневу. «Сержант милиции»: Олег Янковский в роли матерого бандита. Как женщина-милиционер помогла задержать грабителей-наркоманов. Похороны Шостаковича. Цена картошки — жизнь ребенка. Вторая попытка сорвать отъезд Боннэр провалилась. Дерзкий налет в Ленинграде. Ограбление магазина в Москве. Андрей Миронов меняет амплуа. Умер Владимир Куц. Любовник дочери генсека придумал новый план бегства из страны. Чазов жалуется на Брежнева шефу КГБ. Анна Герман приехала на гастроли... беременная. Миронов снова крутит любовь с Егоровой. Как Ширвиндт душил Егорову. Наши в Сопоте: как фанера над Парижем. Беспокойная ночь беременной жены Никиты Михалкова. Владимир Меньшов пробивает «Розыгрыш». «Сказ про то...» в Юрмале: съемки вперемешку с криминалом. Как Семен Морозов «клеился» в лифте к Марине Влади. Скандал в Томске: куда пропала селедка? Долгожданное возвращение «знатоков» на голубые экраны. Родилась Марина Анисина. Новый набор в Школу ПГУ КГБ СССР. 40-летие своего рекорда Алексей Стаханов встретил... в психушке. Из хоккейной команды «Трактор» сбежал игрок. Как мать Виктора Мережко зазывала народ на фильм своего сына.

Как мы помним, в середине июля, во время проведения Московского кинофестиваля, на «Мосфильме» состоялся закрытый просмотр фильма Элема Климова «Агония». Тот показ вызвал бурную реакцию у всех присутствующих, в особенности у зарубежных гостей, которые предрекали фильму шумную славу. Кое-кто из них даже стал зондировать почву на предмет возможной покупки ленты для показа у себя на родине. Весь этот ажиотаж вскоре дошел до ушей шефа КГБ Юрия Андропова. В итоге 1 августа им была написана секретная записка для ЦК КПСС за номером 2058-А, в которой сообщалось следующее:

«На киностудии «Мосфильм» закончена съемка кинокартины Э. Климова «Агония» по сценарию С. Лунгина и И. Нусинова, в кото-

рой показан «распутинский» период Российской империи.

По имеющимся в органах безопасности данным, в этой кинокартине искаженно трактуются исторические события того времени, неоправданно большое внимание уделяется показу жизни царской семьи и интимной жизни Распутина. Кинокартина содержит сцены сексуального характера.

Поэтому, видимо, не случайно иностранные кинематографисты проявляют повышенный интерес к этому фильму, а прокатчики намереваются приобрести кинокартину для показа ее на зарубежном экране.

В связи с изложенным Комитет государственной безопасности считает нецелесообразным выпускать фильм «Агония» на экраны страны и для продажи его за рубеж».

О том, как повлияла эта записка на судьбу фильма, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями начала августа.

Подходит к концу пребывание Леонида Брежнева в Хельсинки. Как мы помним, по настоянию врачей число людей, находящихся рядом с генсеком, сокращено до минимума — чтобы посторонний глаз не увидел возможного ухудшения здоровья Брежнева. Вот как об этом вспоминает Е. Чазов:

«Вспоминаю, как возмущались некоторые работники МИДа СССР тем, что в зале заседаний рядом с Брежневым находились врач и охрана, а не дипломаты всех рангов. Возможно, они думали, что мы это делаем из тщеславия. А у нас была только одна мысль — хоть бы скорее все заканчивалось и лишь бы не пришлось на ходу применять лекарственные средства. К нашей радости и определенному удивлению, выступление Брежнева и подписание соглашения прошли относительно хорошо. Единственно, когда надо было ехать на официальный обед, который давал У. Кекконен в честь глав делегаций, он вдруг начал категорически отказываться от поездки, убеждая, что на обеде страну вполне может представлять Громько. С большим трудом удалось его уговорить поехать на обед. Но в связи с уговорами он несколько опоздал на обед, где его приезда ждали главы делегаций, и уехал раньше в резиденцию, размещавшуюся недалеко от дворца президента в здании нашего посольства...».

Брежнев вернулся на родину в субботу, 2 августа, триумфатором, подписав вместе с главами 33 государств эпохальный акт, провозгласивший принципы суверенного равенства, взаимного уважения прав суверенных государств, неприменения силы или угрозы силой, нарушения границы, сложившихся после Второй мировой войны, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, убеждений. Пробыв в Москве сутки, генсек уехал отдыхать в Крым, в Нижнюю Ореанду.

Продолжает ухудшаться здоровье Дмитрия Шостаковича. Как мы помним, в конце июля его положили в больницу (композитора мучили боли в печени), однако врачебный консилиум собрался только для того, чтобы констатировать: они ничем не могут помочь. И компо-

зитор вернулся домой, на дачу в Репино. Однако 3 августа ему стало так плохо, что врачи опять настояли на госпитализации. Но не лечить, а только облегчить страдания. В больнице Шостакович продолжал работать: корректировал листы Альтовой сонаты.

3 августа умерла прославленная артистка советского цирка Раиса Немчинская. Она принадлежала к славной цирковой династии воздушных гимнастов Немчинских, которую основал ее муж Изяслав Немчинский. В 1929 году Раиса пришла к нему в номер «Летающие бабочки». С 1941 года она уже стала выступать самостоятельно — с комбинированным воздушно-гимнастическим номером. Она стала первой советской гимнасткой, выступавшей на трапеции под парящим в воздухе вертолетом. Этот номер она исполнила в 1949 году на праздновании 30-летия советского цирка.

В последние годы Немчинская плохо себя чувствовала, однако уходить на пенсию не собиралась. В марте 75-го она справила свою 63-ю годовщину, но продолжала выступать. И умерла на арене. Случилось это во время гастролей в Днепропетровске. Немчинская отработала свой номер, стала раскланиваться и в этот самый момент у нее случился сердечный приступ. Она умерла прямо на глазах у сотен зрителей. Это была первая подобная смерть в советском цирке.

На «Мосфильме» режиссер Александр Митта приступил к работе (с 29 июля) над фильмом «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Поскольку исполнитель роли арапа Владимир Высоцкий все еще находится в Париже, фильм начали снимать с эпизодов без его участия. В те дни снимали один из сложных в техническом отношении эпизодов — «затопление корабля». Царь Петр созвал ассамблею на новом фрегате, но, заподозрив, что корабль сооружен тяп-ляп, лично спускает его на воду. В итоге тот тонет, а приглашенные впадают в настоящую панику. Декорацию фрегата соорудили на бетонной площадке студии и съемки проходили ночью. Из-за больших сложностей в работе эпизод снимали две недели.

Кстати, в эти же дни в журнале «Смена» начали печатать новый роман Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия». Спустя три года Станислав Говорухин начнет снимать по нему телевизионный фильм «Место встречи изме-

нить нельзя» все с тем же Владимиром Высоцким в главной роли.

Тем временем на киностудии имени Довженко режиссер Григорий Кохан работает над телесериалом «Рожденная революцией». Как мы помним, первые три серии фильма были показаны аккуратно к 57-й годовщине со дня рождения советской милиции (в ноябре 74-го) и имели феноменальный успех, сопоставимый с успехом таких сериалов, как «Тени исчезают в полдень» и «Семнадцать мгновений весны». После премьеры «Рожденной...» актеры-супруги Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова стали национальными героями. В те августовские дни они находились в деревне Рохма северо-западнее Ленинграда, где снималась 4-я серия сериала. Речь в ней шла о том, как сотрудник угро Кондратьев вместе с женой Машей приезжают отдохнуть в деревню, но вместо этого оказываются втянутыми в борьбу местных милиционеров с жестокой бандой. Кондратьева под видом уголовника внедряют к бандитам.

В пятницу, 8 августа, жена Дмитрия Шостаковича Ирина в очередной раз навестила мужа в больнице. Несмотря на то, что композитор выглядел неважно, настроение у него было бодрое. Прощаясь через несколько часов с женой, он попросил ее навестить его завтра пораньше, чтобы он затем успел посмотреть футбольный матч по телевизору (композитор с молодых лет был ярким болельщиком). Но когда Ирина 9 августа приехала в клинику, на пороге ее встретил главврач. По его лицу она поняла, что случилось непоправимое. Шостакович умер, так и не дождавшись ни ее, ни любимого футбола.

В тот день, когда умер великий композитор, Елена Боннэр собиралась уехать на лечение в Италию. Поскольку это был нерабочий день, суббота, Сахаров не смог вызвать из гаража академии на дачу служебную машину, на которой его супругу могли бы домчать до вокзала. Поэтому Боннэр позвонила сыну и попросила его приехать, а по дороге поймать на шоссе какую-нибудь машину, чтобы доехать до города. Тот в точности исполнил желание матери: спустя полтора часа приехал на дачу, причем не на обычном автомобиле, а на огромной черной «Чайке» (водитель какого-то большого начальника согласился подработать таким образом). Однако отъезд так и не состоял-

ся из-за неожиданного события. В тот момент, когда все обитатели дачи собирались уже занять места в автомобиле, внезапно стало плохо маленькому внуку Боннэр Моте (на тот момент ему было 1 год 11 месяцев): потеряв сознание, он упал на пол, изо рта у него выступила пена, глаза округлились. К счастью, кто-то из присутствующих сообразил ложкой раскрыть ребенку рот и прижать язык, избежав тем самым западания. Молодая мать тем временем вызвала «скорую», которая приехала почти сразу. Врач «скорой» оказалась очень умелой и решительной: сделав Моте противосудорожные инъекции, она спасла ему жизнь. После чего повезла его в детскую больницу. Отъезд Боннэр, естественно, был отложен до лучших времен.

Случай с внуком навел Сахарова и Боннэр на мысль о том, что все это было специально подстроено КГБ с тем, чтобы сорвать ее отъезд. Как пишет академик: «Мы сразу вспомнили, когда увезли Мотю, о странном случае, произошедшем за два дня перед этим, утром 7 августа. Взрослые были на кухне и собирались пить чай, а Мотя играл в прихожей, имевшей прямой выход во двор. Нам Мотю не было видно. Вдруг он неожиданно вскрикнул и с плачем вбежал на кухню. На вопрос, что с тобой, он пальчиком показывал на рот. Мы подумали, что его укусила оса, но никаких следов укуса или опухлости мы не обнаружили. Возможно, мальчик просто чего-то сильно испугался. Но, быть может, человек, проникший в прихожую, насильно ввел в рот ему некое вещество, вызвавшее судороги. Зачем? Чтобы сорвать отъезд Люси, вероятно, без цели убить...».

Если тот субботний день запомнился семьям Шостаковичей и Сахаровых не с самой лучшей стороны, то в семье Юрия Никулина, наоборот, царил веселье: великий клоун и его жена Татьяна женили своего единственного сына Максима. На свадьбу собралось 35 человек, причем в основном родственники жениха и невесты. Невестой была красивая девушка Маша — студентка вечернего отделения факультета журналистики МГУ (она поступила туда в прошлом году, потерпев неудачу в ГИТИСе). Медовый месяц молодожены отправятся проводить в город Канев.

Как мы помним, Юрий Никулин снимается в фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Работа идет со скрипом по не-

скольким причинам. Во-первых, Герман режиссер дотошный и привык снимать настолько скрупулезно, что порой это тормозит процесс. Во-вторых, в работу вмешиваются и другие факторы: плохая погода, нерасторопность техслужб студии, занятость актеров. Например, в начале июня съемки пришлось приостановить из-за того, что Никулин уехал с цирком на гастроли. 4 августа он должен был вновь вернуться на съемочную площадку, но подвело здоровье: врачи потребовали, чтобы он взял отпуск из-за послеоперационного осложнения в брюшной полости.

9 августа на Центральном стадионе Ленина в Лужниках состоялся финальный матч Кубка СССР по футболу между ереванским «Араратом» и ворошиловградской «Зарей». Несмотря на то, что финал получился нестоличный, народу на стадион пришло под завязку. И зрители не обманулись в своих ожиданиях — матч получился интересным. Первыми отличились украинские футболисты: на 8-й минуте игрок «Зари» Виктор Кузнецов залепил мяч-неберучку, то бишь положил его точно в «девятку». Но ереванцы быстро оправались от шока и уже спустя пять минут сравняли счет: Аркадий Андрасян ловко перекинул мяч через вратаря ворошиловградцев. А в конце тайма — на 43-й минуте — ереванец Эдуард Маркаров забил, как оказалось, «золотой» мяч. Несмотря на все потуги «Зари» во втором тайме сравнять счет, сделать это им так и не удалось. Кубок во второй раз уехал в Ереван (в первый раз это случилось в 73-м).

Евгений Леонов, в преддверии павильонных съемок на «Мосфильме» в ленте «Легенда о Тиле», приехал на несколько дней с творческими встречами в Петрозаводск. В свободное время актер навещает своих друзей, в частности побывал в компании крупных ученых. Во время застолья Леонов вдруг стал выяснять у присутствующих, правда ли, что недавно в их краях объявился НЛО. «Кто это тебе сказал?» — спросили у гостя ученые. «Да у нас в Москве все об этом говорят. И в газетах писали». Ответом на слова актера был дружный смех ученых. Когда веселье улеглось, кто-то из присутствующих пристыдил гостя: «Евгений Палыч, вы же образованный человек, а верите во всю эту чушь». Но Леонов не сдавался: «Почему это чушь? Я вчера, здесь же, ехал в такси,

так шофер мне все уши прожужжал, что сам лично видел «тарелку». Как будет вспоминать позднее сам Леонов, после этих слов часть ученых стала выспрашивать у него подробности рассказа таксиста, что убедило его в том, что они сами не слишком уверены в том, что летающие тарелки не существуют.

А в Ленинграде с грехом пополам завершились съемки первого совместного советско-американского фильма «Синяя птица». Режиссером фильма являлся американец Джордж Кьюкор, который собрал поистине звездный ансамбль. Так, от Америки были представлены: Элизабет Тейлор, Ава Гарднер, Джейн Фонда, Сесилия Тайсон, Уилл Гирр, Пэтси Кензит, от России: Георгий Вицин, Маргарита Терехова, Олег Попов, Леонид Неведомский и др. Съемки фильма шли с огромным трудом, поскольку звезд Голливуда постоянно мучали какие-нибудь болезни или плохое настроение. Так, Тайсон все время мутило, и она даже запретила всем членам группы курить в ее присутствии. У Фонда началась сыпь, Гарднер перестала пить воду, заявив, что она некачественная, а у Тейлор случился приступ амёбной дизентерии. У последней, кроме этого, случился очередной кризис в личной жизни: ее муж Ричард Бартон увлекся другой женщиной — фотомodelью «Плейбоя» Джин Белл. В итоге в какой-то из моментов съемки оказались под угрозой срыва. Однако благодаря вмешательству нового продюсера Пола Маслански их удалось благополучно завершить.

Больше всех фактом окончания съемок была удовлетворена Элизабет Тейлор. По этому случаю в воскресенье 10 августа она закатила в городе на Неве грандиозную пирушку, во время которой подарила каждому участнику съемок свою фотографию в рамке и с автографом. В разгар вечеринки Тейлор вручила телеграмму, в которой муж сообщал ей, что хочет встретиться с ней в Швейцарии для серьезного разговора. Итогом этого randevu станет очередное примирение звездных супругов. Однако оставим в покое голливудских звезд и вернемся в родные пенаты.

Клара Новикова, которая, как мы помним, в июне приехала покорять Москву, продолжает в поте лица «пахать» на «Москонцерт». После провала «стадионного» концерта в Рыбинске она переключилась на выступления в более

скромных залах: в частности, 8—10 августа участвовала в сборных концертах в Ждановском парке культуры и отдыха Москвы. Бок о бок с ней в этих концертах трудились Евгений Петросян, Зинаида Тахтарова, вокальный квартет «Аккорд».

К этому моменту Новикова сменила место жительства в силу объективных причин — временной прописки у нее не было и в гостинице она имела права жить только в течение месяца. Некая москонцертовская дама хотела ей помочь — прописать у себя под видом своей племянницы, но из этой затеи ничего не получилось. Выход из положения Новикова нашла благодаря помощи одной знакомой, которая нашла ей комнату в трехкомнатной квартире в Марьиной Роще. Хозяйкой квартиры была пожилая женщина Мария Исаевна, которая, сдавая жилплощадь артистке, сразу же поставила перед ней жесткие условия: «Я, когда меняю свою постель, буду менять и твою. Телевизор можешь смотреть вместе со мной. И никаких мужиков сюда не водить. Если подруга, то только когда я дома. Чтобы порядок был». Но Новикова была рада: во-первых, за комнату она платила вдвое меньше, чем за номер в гостинице, — 40 рублей, во-вторых — у Марии Исаевны был телефон.

Муж Новиковой, который остался в Киеве, постоянно звонил жене в Москву и требовал, чтобы она возвращалась обратно: дескать, приличной квартиры нет, меня устроить в «Москонтцерт» не можешь. Иногда он сам навещался в Москву и жил пару дней в тесной комнатухе в Марьиной Роще. В один из таких приездов Новикова взяла его с собой в гостиницу «Россия», где в те дни обитал Михаил Жванецкий: Новикова хотела раскрутить юмориста на пару текстов для своего репертуара. Вот как она сама вспоминает об этом:

«Было утро. Жванецкий встретил меня в пижаме, а в другой комнате была разостлана постель. Он налил мне водки и сказал: «Давай выпьем на брудершафт». Мы выпили, а в голове у меня было, что внизу меня ждет Новиков и я приехала к автору за текстами... И говорила все время: «Меня внизу муж ждет».

Жванецкий потом долго напоминал мне: «А у нас с тобой была возможность, но ты не захотела, чтобы другие отношения сложились...».

Во вторник, 12 августа, на Старой площади состоялось очередное заседание секретариата ЦК КПСС. Одним из вопросов, которые были вынесены на повестку дня, было обсуждение ситуации, сложившейся вокруг фильма Элема Климова «Агония». Как мы помним, в самом начале августа шеф КГБ Андропов вышел в ЦК с просьбой запретить эту картину к выходу на всесоюзный экран. Секретариат эту просьбу рассмотрел, хотя исход обсуждения был известен заранее — ленту «приговорил» еще пару месяцев назад сам Брежнев. Посмотрев ее у себя на даче, он якобы задал один-единственный вопрос: «А зачем?», тем самым подписав «Агонии» приговор. Андропов, который знал об этом, взял на себя миссию человека, который должен был узаконить запретительный вердикт по фильму. На секретариате шеф КГБ объяснил смысл своей секретной записки: дескать, в «Агонии» неоправданно большое внимание уделяется показу жизни царской семьи и интимной жизни Распутина, в ней много сцен сексуального характера и т. д. и т. п. На самом деле каждый из присутствующих (а они все уже успели увидеть фильм) понимал, что смысл запрета кроется в другом: уж больно сильно похоже то, что происходит на экране, с тем, что происходит сегодня, — то же разложение режима, фаворитизм, разврат и многое другое. В итоге секретариат полностью согласился с предложением Андропова. Об этом решении немедленно уведомили Госкино, председатель которого Ермаш 13 августа издал распоряжение: исходные материалы и копии фильма сдать на хранение в Госфильмофонд.

Тот секретариат проходил без участия Брежнева, который продолжает отдыхать в Крыму. Но этот отдых мало похож на целебный, поскольку генсек опять злоупотребляет сильнодействующими снотворными. Врачи буквально с ног сбиваются, пытаются вразумить Брежнева, но он их мало слушает, предпочитая больше прислушиваться к мнению своей медсестры. У генсека развиваются астения, депрессия, нарастающая мышечная слабость,ходящая до прострации. Однажды это едва не привело к гибели генсека. Вот как об этом вспоминает В. Медведев:

«Как-то утром Брежнев проснулся, снотворное еще не выветрилось, он сел за руль иномарки, посадил рядом двух женщин-врачей

и помчался из Нижней Ореанды в охотничье хозяйство. Это случилось без меня. Он еще не отошел ото сна, на крутом повороте не справился с управлением, но успел нажать на тормоз, и переднее колесо буквально повисло над обрывом...».

Евгений Чазов вынужден три раза в неделю, скрывая от всех свои визиты (об этом знал только Андропов), летать к Брежневу в Крым. Утром он прилетал в Нижнюю Ореанду, лечил генсека, а вечером возвращался обратно в Москву. В отдельные моменты эти визиты приносят положительные результаты: так, 14 августа Брежнев даже находит в себе силы принять делегацию палаты представителей конгресса США во главе со спикером палаты К. Альбертом.

Между тем в те дни страна прильнула к экранам своих телевизоров: по ЦТ шла премьера нового трехсерийного детектива Герберта Раппапорта «Сержант милиции», поставленный по одноименной повести И. Лазутина (13—15 августа). Несмотря на явные огрехи картины (уж больно сусальными выглядели положительные герои картины, и особенно сам сержант милиции в исполнении малоизвестного актера Алексея Минина), фильм в целом произвел хорошее впечатление на публику. Причем огромная заслуга в этом была исполнителя роли... главного злодея — актера Олега Янковского. Он с таким вдохновением играл потерявшего человеческий облик бандита, что порой казалось, будто это и не игра вовсе. Классно (по тем временам, естественно) был снят эпизод финальной ночной погони на автомобилях.

Коль речь зашла о преступниках... В Куйбышеве была поймана целая банда грабителей-наркоманов, причем изблечить бандитов помогла хрупкая девушка-милиционер — 26-летняя инспектор детской комнаты милиции Наталья Абрамова. Дело было так.

В один из летних дней в аптеку номер 23, что в Кировском районе, зашли трое молодых людей, лица которых скрывали темные повязки. Один из них, наставив на аптекарш обрез, приказал им не двигаться. Пока один держал под прицелом работников аптеки, двое его напарников резво выпотрошили содержимое всех шкафчиков, забирая из них все наркосодержащие таблетки. Эта процедура заняла всего лишь несколько минут, после чего троица удалилась так же внезапно, как и появилась.

Спустя десять минут к месту происшествия прибыла милиция. Однако потрясенные случившимся аптекарши не сумели толком описать нападавших. Из их слов стражи порядка сумели выяснить только, что один из налетчиков (тот, что с обрезом) был светло-русый, кудрявым, другой — темноволосым и в вишневой рубашке. Пришлось искать бандитов по этим скудным приметам.

Наталья Абрамова подключилась к поискам спустя час после налета. Ее попросили обойти свой участок и навестить всех подростков, вернувшихся на свободу по амнистии. Таких было несколько человек, и вся работа заняла у Абрамовой не больше часа. Но именно ей улыбнулась удача. Когда она навещала последнего подростка (поскольку того дома не оказалось, инспектор беседовала с его родителями), в квартиру заглянул незнакомый парень. Просунув свою светло-русую, кудрявую голову в дверь, он спросил Петушка. Однако, увидев милиционера, опешил и попытался ретироваться. Но Абрамова успела задержать его на несколько минут. Поинтересовавшись его именем, инспекторша обратила внимание, что парень явно обескуражен встречей и несет какую-то чушь. Затем под предлогом того, что ему надо бежать на какую-то свадьбу, он покинул квартиру своего приятеля. Абрамова решила за ним проследить.

Удача в тот день явно сопутствовала инспектору. Не успела она выбежать во двор, как увидела светло-русого в компании еще двух молодых людей: миловидной девушки с сумкой в руках и парня... в вишневой рубашке. Вся троица сидела на лавке спиной к Абрамовой и о чем-то оживленно беседовала. Стараясь не привлекать к себе внимания, Абрамова приблизилась к троице и заглянула им через плечо. То, что она увидела, рассеяло последние ее сомнения: из сумки торчал ствол обреза. Однако поняв, кто перед ней, инспектор не решилась задерживать их в одиночку. Если парни не пустили в дело обрез в аптеке, кто даст гарантию, что они не сделают это сейчас.

А светло-русый засек слежку и коршуном ринулся на инспектора. «Ты что здесь выслеживаешь? — процедил он сквозь зубы. — Тебе чего надо?». Абрамова сочла за благо отойти в сторону. Но едва троица направилась со двора, тут же засемила следом. Троица просекла

этот маневр и попыталась оторваться от преследования — побежала в сторону проспекта. Но если парни бежали достаточно резво, то их спутница уже через пару минут выдохлась. И парням пришлось сменить бег на ходьбу. Абрамова не отставала. И тут ей вновь улыбнулась удача. На перекрестке она заметила такси, притулившееся на обочине. Добежав до него, Абрамова показала водителю свое удостоверение и попросила помочь ей задержать преступников. Водитель (им был К. Мантров) оказался мужчиной не робкого десятка и вызвался помочь милиционерше. Он взял на себя миссию задержать парня в вишневой рубашке (светло-русому удалось скрыться), а Абрамовой досталась девушка. Обоих задержанных доставили в ближайшее отделение милиции. Там у девушки изъяли сумку, в которой помимо обреза была обнаружена и часть таблеток, похищенных в аптеке. За проявленное мужество и смекалку Н. Абрамову вскоре наградят медалью «За отличную службу по охране общественного порядка».

Но вернемся в август 75-го.

В четверг, 14 августа, в Москве состоялись похороны выдающегося композитора Дмитрия Шостаковича. В тот день было холодно — всего 11—12 градусов тепла, небо затянули тучи. Траурная панихида состоялась в Концертном зале имени Чайковского, что на площади Маяковского. Гроб с телом покойного был установлен на черном постаменте, покрытом бархатом. По словам очевидцев, Шостакович лежал с просветленным лицом, на устах застыла улыбка. Будто он был счастлив наконец разделиться с этим миром. Рядом с гробом был установлен стол, на котором лежали подушечки с наградами покойного. Кто-то играл на рояле произведения усопшего, какая-то певица и трио исполняли его циклы. Проститься с выдающимся композитором пришли немногие — в столице время отпусков, жители находятся за пределами города. В час дня началась гражданская панихида. Члены Союза композиторов занимают свои места слева от гроба перед микрофоном. Первым берет слово глава Союза композиторов Тихон Хренников. Он скажет хорошую проникновенную речь, которую на следующий день в газетах опубликуют в отредактированном и урезанном виде. Далее выступали замминистра культуры Кухарский, не-

мецкий музыкант Эрнст Майер, композитор Родион Щедрин и другие.

Вспоминает Г. Соболева: «После панихиды гроб вынесли по центральному проходу. Черный с белым, он был вынесен на плечах композиторов. Д.Д. в последний раз покидает столь дорогой ему зал.

На улице военный оркестр играет «Грезы» Шумана. Под эту мелодию гроб вносят в специальную машину.

«Зеленой улицей» проехали мы до Новодевичьего кладбища. Здесь уже расставили на всем протяжении главной аллеи привезенные раньше венки. На площади оркестр военных музыкантов играет похоронный марш Шопена. Последние минуты прощания.

Выступают Отар Тактакишвили и Андрей Петров, родные прощаются с Д.Д... Поднялся ветер, закрапал дождь, раздались ужасные звуки забиваемых в гроб гвоздей. Крышка навсегда закрыла великого человека.

Вот на плечах композиторов его понесли на старое кладбище, вглубь, направо. Там, под раскидистой рябиной и сиренью, лихие могильщики в синих блузах... очень ловко подхватили гроб и мигом опустили на постромках вниз.

Ирина Шостакович только успела взмахнуть рукой и схватиться за подбородок.

Максим (сын композитора. — *Ф. Р.*) стоял в середине, прижимая к себе маленькую жену и сына. Жена его, востроносенькая блондинка, испуганно смотрела на работу могильщиков.

Семья Шостаковичей, все похожие между собой — мужья, братья, сестры, дети, внуки, стояли осиротелые, не зная, что же делать дальше...

А дюжие могильщики укладывали на могилу венки. Они горой их уложили на маленькое пространство, и поднялось это цветочное возвышение выше деревьев. Венков было около ста, и все огромные, тяжелые. Последним представили венок от правительства СССР. Двойной, выше человеческого роста...

Публика стала расходиться. Мы вышли с кладбища и увидели, как милиция сняла охрану улиц. Тотчас к кладбищу устремилась огромная толпа народа. Но ворота Новодевичьего были закрыты. На видном месте висело объявление: «14 августа Новодевичье кладбище закрыто для посещения».

В тот же день, 14 августа, в «Комсомольской правде» была опубликована заметка А. Пальма, в которой рассказывалось о диком преступлении, совершенном несколько дней назад на окраине Днепропетровска. Там пенсионер К. Любченко выстрелом из ружья застрелил 14-летнего подростка Володю Янчева, заподозрив его в посягательстве... на свою огородную картошку. Причем убийство произошло среди бела дня, на глазах у еще нескольких огородников, которые копались на своих грядках. И ни один из них даже не подумал броситься на помощь к смертельно раненному ребенку — вместо этого огородники спешно покинули место трагедии. К истекающему кровью Янчеву поспешил на помощь его друг Володя Геймор, но все его старания были напрасны — мальчик умер от потери крови до того, как к нему примчалась «скорая».

Тогда же Елена Боннэр вторично готовилась к отъезду из Советского Союза. Как мы помним, первый раз она собиралась сделать это 9 августа, но внезапное несчастье с внуком заставило ее отложить поездку. За эти дни Мотя успел поправиться, и Боннэр ничто уже не держало в Москве — на 16 августа у нее был куплен билет на поезд. Как вдруг за сутки до отъезда ей по почте пришло устрашающее послание. В большой конверт были вложены жуткие фотографии, вырезанные из фильмов-ужасов, причем все они имели косвенное отношение к глазам: выкалывание глаз кинжалом, череп с ножом, просунутым через глазницы, глаз, на фоне зрачка которого — череп и т. д. На конверте письма стоял обратный адрес некоего жителя Норвегии. Позднее через знакомых корреспондентов Сахаровы установят, что адрес подлинный: по нему проживал литовец, у которого в Литве осталась жена и который послал просьбу о воссоединении со своей второй половиной Брежневу, а копию письма — Сахарову. Вот тогда и появилась версия о том, что его именем воспользовался КГБ: комитетчики вынули его письмо и положили в конверт свои ужасы. Однако эта попытка сорвать отъезд Боннэр сорвалась — она уехала в назначенное время.

Между тем культурная жизнь столицы бьет ключом. Из киношных премьер первой половины августа назову две зарубежные новинки: совместный западногерманско-югославский

фильм из индейской серии про приключения вождя апачей Виннету и его белого друга Шаттерхенда «Виннету — сын Инчу-Чуна» (с 4-го) режиссера Харальда Райяла с участием Лекса Баркера (Шаттерхенд) и Пьера Бриса (Виннету); американский фильм «О, счастливчик!» (с 10-го) Линдсея Андерсона, где в главной роли снялся Малколм Макдауэлл, а песни в кадре исполняла знаменитая английская рок-группа под управлением Алана Прайса (чуть позже в журнале «Кругозор» появится пластинка с двумя песнями из этой ленты).

Кино по ТВ: «Василиса Прекрасная», «Мегрэ и старая дама» (премьера т/сп), «Антон Иванович сердится» (1-го), «Большие перегоны» (2-го), фильмы Ч. Чаплина, «Сомбреро» (3-го), «Валерий Чкалов» (4-го), «Кыз-Жибек» (4—5-го), «Дэвид Копперфилд» (Англия, премьера т/ф 4—8-го), «Зеленые цепочки» (5-го), «Евдокия», «Кола Брюньон» (премьера т/ф 7-го), «Черная гора» (8-го), «Королевская регата» (9-го), «Мексиканец», «Двое в пути» (10-го), «В мертвой петле», «Где ты, моя Зульфия», «Свадьба Кречинского» (премьера ф/сп 11-го), «Назначение» (12—15-го), «Без страха и упрека» (15-го) и др.

Эстрадные представления: 1—4-го — в ЦПКиО имени Горького прошли выступления польского ВИА «Сине-черные»; 2—6-го в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» — ансамбля из Югославии под управлением Саши Суботы; 8—17-го на ВДНХ — ВИА «Самоцветы»; 9—10-го в гостинице «Советская» состоялись сборные концерты с участием Евгения Петросяна, Жанны Бичевской, Вадима Добужского и др.; 10-го — в киноконцертном зале «Варшава» пела Анна Герман, 11—12-го она переместилась в ГЦКЗ «Россия»; 10—17-го — во Дворце спорта «Сокольники» с программой «Путешествие Синдбада-морехода» выступал Ташкентский мюзик-холл, где пели Батыр Закиров, Наталья Нурмухамедова и др.

В эти же дни в Ленинграде произошло дерзкое преступление: среди бела дня была ограблена квартира известного профессора, заведующего кафедрой одного из высших учебных заведений города на Неве. В тот день профессор был на занятиях и в доме находилась его жена Ольга Павловна. Внезапно в дверь позвонили и приятный мужской голос произнес: «Я хочу передать вам посылку от сына...». По-

скольку профессорский отпрыск на самом деле находился в длительной командировке и общался с родителями исключительно через почту, у матери не возникло даже тени подозрения. Но едва она щелкнула замком, как в коридор вломились несколько незнакомых мужчин в нейлоновых масках, один из которых ударил женщину тяжелым предметом по голове. После этого преступники рассредоточились по огромной квартире и споро принялись за грабеж. Они знали, за чем пришли: их интересовала дорогая коллекция антиквариата, собранная профессором. Примерно за полчаса большая часть коллекции переключивалась в сумки преступников. Были похищены кубок из слоновой кости с фигуркой единорога на крышке, инкрустированной гранатовыми камнями, оправленная в серебро ваза с изумрудами и многое другое. Как выяснит позднее следствие, похищенный антиквариат был заказан одним из западных коллекционеров, который в те дни находился в Москве. Однако о том, как была найдена украденная коллекция, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями августа 75-го.

В Москве в те дни тоже случались преступления. Самым громким было то, что имело место на улице Дружбы. Там под покровом ночи преступник сумел открыть дверь в магазине номер 4 и проник в помещение. Сразу бросился складывать в сумку наиболее ценные вещи — пальто, пиджаки, забыв о том, что магазин стоит на сигнализации. Сигнал тревоги поступил в ближайшее от места происшествия 76-е отделение милиции в ту же секунду, как грабитель проник в помещение, и уже спустя три минуты туда прибыла тревожная группа в составе двух человек: В. Петровичева и В. Дремова. Первый вошел в магазин, а второй отправился осматривать территорию снаружи. Но не успел Дремов сделать и нескольких шагов, как услышал в магазине глухой удар и чей-то протяжный стон. В следующую секунду на улицу выскочил неизвестный мужчина, который со всех ног бросился бежать к лесному массиву, в сторону Ленинских гор. Дремов побежал следом.

Несмотря на то, что грабитель бежал весьма резво, шансов спастись у него практически не было — его преследователь был лучшим легкоатлетом в своем подразделении. Догнав пре-

ступника, Дремов опрокинул его на землю. Завязалась драка между безоружным милиционером и вооруженным фомкой преступником. Она могла закончиться самым непредсказуемым финалом, если бы на помощь своему напарнику не прибежал Петровичев. Оказывается, в темноте преступник не сумел нанести точный удар, и фомка только чиркнула милиционеру по голове. Вдвоем стражи порядка быстро скрутили грабителя. Как выяснилось позже, им оказался житель Тамбовской области, который специально приехал в Первопрестольную, чтобы поживиться.

В субботу, 16 августа, в 19.30 по ЦТ состоялась премьера телеспектакля «Страницы журнала Печорина» по М. Лермонтову. В главных ролях в нем снялись две звезды: Олег Даль (Печорин) и Андрей Миронов (Грушницкий). Для последнего эта роль стала своего рода переломной — на смену легким и искрометным героям в его исполнении отныне придут более серьезные персонажи. Даже герои из последующих комедий Миронова станут куда менее смешными, чем это было прежде. Эта смена амплуа рано или поздно должна была произойти. Сам Миронов давно тяготился тем, что большинство зрителей воспринимают его исключительно сквозь призму его комедийных ролей. То же самое писали и критики. Приведу слова В. Рыжовой: «С некоторых пор кое-что в его творческой судьбе стало тревожить. Глубокий и тонкий актер, Миронов часто поет и танцует на сцене и на экране. Значительно реже думает. Разнообразие обернулось узостью, универсализм стал чем-то вроде амплуа. Претензий к актеру не было — он все делает хорошо. Появилось, однако, сожаление по поводу расточительности, позволяющей так однобоко эксплуатировать талант актера...».

Роль Грушницкого призвана была вернуть Миронову авторитет артиста психологического. Роль это сделала, однако миллионы поклонников артиста с грустью подумали о том, что такие герои, как Геша из «Бриллиантовой руки», Маркиз из «Достоиния республики» или Фадиар из недавней «Соломенной шляпки», навсегда ушли в прошлое. Кстати, и сам актер заранее знал о такой реакции и в интервью накануне премьеры «Печорина» сказал: «Многие привыкли к моим беззаботным, легкомысленным, нередко поющим и танцующим на экране

героям, и, может быть, кое-кто удивится или даже разочаруется, увидев меня другим».

Месяц спустя Миронов сыграет еще одну «серьезную» роль на ТВ: в телеспектакле «Возвращение» по повести И. Тургенева «Два приятеля» он предстанет в образе Бориса Андреевича. А пока в день премьеры «Печорина» Миронов вместе с Театром сатиры отправился в месячные гастролы по Казахстану.

17 августа в Москве из жизни ушел знаменитый советский спортсмен Владимир Куц. Мировая слава пришла к этому человеку в 54-м году, когда на чемпионате мира в Берне он установил мировой рекорд в беге на длинную дистанцию. Затем был триумф в ноябре 56-го года, когда на Олимпийских играх в Австралии он пробежал 10 000 метров за рекордное время — 28 минут 45,6 секунды. Завоевав первую золотую медаль, Куц вскоре взял и вторую: в беге на 5 000 метров.

Уйдя из спорта, Куц целиком переключился на учебу: он поступил в Ленинградский институт физкультуры, надеясь в будущем стать тренером. Тренером он действительно стал, но достигнуть на этом поприще значительных результатов не сумел. Говорят, во многом это было связано с пагубным пристрастием Куца к алкоголю. По словам очевидцев, пил он чудовищно, опустошая за три дня 15 бутылок водки. А поскольку он получал приличную генеральскую пенсию (350 рублей), проблем с питьем и закуской у него никогда не возникало. На этой почве от него ушла вторая жена. За голову спортсмен взялся только тогда, когда его сразил правосторонний инсульт. Благодаря своему богатырскому здоровью Куцу тогда удалось восстановиться. Правда, навсегда бросить вредную привычку чемпион так и не сумел: теперь его доза сократилась до 400 граммов в день.

Куц умер у себя на квартире при загадочных обстоятельствах. Его ученик Сергей Скрипка проснулся в половине девятого утра и стал будить своего учителя: мол, вставайте, Владимир Петрович, на тренировку опаздываем. А Куц уже холодный. На полу валялось с десяток пустых облаток от люминала. Что это было: самоубийство или простая случайность, так и не установили. Куцу было всего 48 лет.

В эти же дни в Москве находится английский продюсер Стенли Лауден, который вновь

привез в столицу певца Роберта Янга (их гастролы по Советскому Союзу начались месяц назад, за это время они посетили Киев, Ригу и другие города). 14—19 августа Роберт Янг выступал на сцене ГЦКЗ «Россия», как и в предыдущие разы, при полных аншлагах. Лауден между тем окончательно утряс в Госконцерте вопрос о новых артистах, которых он собирался привезти в Россию осенью (на этот раз это должна была быть вокальная группа «Доули Фэмили»), и, чрезвычайно удовлетворенный этим итогом, пребывал в отличном настроении. Как вдруг к нему в номер вновь заявился любовник Галины Брежневой цыган Борис Буряца. И чуть ли не с порога преподнес продюсеру подарок своей возлюбленной — старинную икону. Лауден наотрез отказался ее брать: дескать, с ней его тормознут на первой же таможене. На что Буряца тут же извлек на свет бумагу, испещренную печатями и подписями: «Вот разрешение на провоз из Минкульта. Все законно».

После того как Лауден все-таки согласился принять дар дочери генсека, Буряца потянул его в коридор, где, по его мнению, их не могли подслушать «слухачи» из КГБ. И там он изложил Лаудену новый план своего бегства из страны: «Я уже говорил вам, что после того, как Галина пристроила меня солистом в Большой театр, я собирался дать деру с помощью цирковой труппы. Но из этой затеи тоже ничего не вышло. И я придумал другое. Если бы мне удалось жениться на девушке-иностранке, то с ее помощью я бы легко мог отсюда слиться. И поэтому мне нужна ваша помощь, Стенли». «Чем же я могу тебе помочь?» — удивился продюсер. «Вы можете привезти в концертное турне девушек-артисток, и я женюсь на одной из них», — ответил Буряца. «Но если никто из девушек не согласится стать вашей женой?» — задал вполне обоснованный вопрос Лауден. Но цыган и здесь нашел, что ответить: «На этот счет не беспокойтесь: я закидаю ее дорогими подарками, драгоценностями, и никакая девушка против этого не устоит». На том они и расстались.

Тем временем Брежнев продолжает находиться в Крыму, в Нижней Ореанде. Однако на отдых это пребывание мало похоже: увлечение генсека сильнодействующими лекарствами заходит так далеко, что у врача Евгения Чазова,

который наблюдает за ним, просто опускаются руки. В конце концов нервы его не выдерживают, и он жалуется на генсека Андропову: мол, ничего не могу с ним поделать, он меня не слушает. Может быть, стоит проинформировать членов Политбюро о состоянии здоровья Брежнева? Однако последнее предложение напугало Андропова. Он знал, что кое-кто из членов высшего руководства буквально спит и видит себя на месте генсека, поэтому весть о плохом самочувствии Брежнева может подтолкнуть их к решительным действиям. Допустить этого шеф КГБ не мог. И он немедленно вылетел в Крым. Далее послушаем рассказ Е. Чазова:

«Что было в Крыму, в каком виде Андропов застал Брежнева, о чем шел разговор между ними, я не знаю, но вернулся он из поездки удрученным и сказал, что согласен с моим мнением о необходимости более широкой информации Политбюро о состоянии здоровья Брежнева. Перебирая все возможные варианты — официальное письмо, ознакомление всего состава Политбюро или отдельных его членов со сложившейся ситуацией, — мы пришли к заключению, что должны информировать второго человека в партии — Суслова. Он был, по нашему мнению, единственным, кого еще побаивался или стеснялся Брежнев. Разъясняя всю суть проблемы Суслову, мы как бы перекладывали на него ответственность за дальнейшие шаги.

Андропов взял на себя миссию встретиться с Сусловым и все ему рассказать. Вернулся он в плохом настроении — Суслов хотя и пообещал поговорить с Брежневым о его здоровье и режиме, но сделал это весьма неохотно и, кроме того, был недоволен тем, что оказался лицом, которому необходимо принимать решение. Он согласился с Андроповым, что пока расширять круг лиц, знакомых с истинным положением дел, не следует, ибо может начаться политическая борьба, которая нарушит сложившийся статус-кво в руководстве и спокойствие в стране. Суслов проявил наивность, если он действительно думал, что все встанет на свои места и никто не начнет интересоваться, а тем более использовать болезнь Брежнева в своих целях...».

В Москве гастролирует польская певица Анна Герман. С огромным успехом ее концерты проходят в киноконцертном зале «Варшава», в

ГЦКЗ «Россия», в Зеркальном театре сада «Эрмитаж». На этих концертах Герман «обкатывает» на публике новые песни, в частности задорный шлягер от Владимира Шаинского «А он мне нравится». До этого в репертуаре Герман практически не было таких задорных песен, хотя она очень хотела их исполнять. А тут специально к ее приезду в Москву Шаинский «родил» песню, которая с первого же аккорда, что называется, легла на душу певице (в отличие от членов худсовета на «Мелодии», где песню поначалу хотели забраковать).

Залы на концертах Герман были всегда забиты до отказа, причем певице приходилось бисировать по двадцать — двадцать пять минут. В иное время это было бы ей только в радость, но теперь ситуация выглядела иначе, поскольку Герман находилась на пятом месяце беременности. Чтобы скрыть уже округлившийся живот, певица специально сшила себе широкую юбку, которую надевала на все выступления. В начале гастролей Герман чувствовала себя вполне сносно, но затем ее самочувствие резко ухудшилось. Однажды ей стало так плохо на концерте, что коллеги вызвали к ней «скорую». Врачи, сделав ей уколы, посоветовали артистке отменить второе отделение концерта, но Герман отказалась, сказав, что работа — ее лучший лекарь. В итоге на следующий день, во время очередного выступления в другом зале, у нее случился новый приступ. С трудом доведя концерт до конца, Герман ушла в гримерку, где обессиленная рухнула на диван. А спустя пару дней состоялась запись Герман на студии «Мелодия». Были записаны песни: «А он мне нравится», «Осенняя песня», «Гори, гори, моя звезда», «Письмо Шопену», «И меня пожалей», «Вы хотели мне что-то сказать», «Из-за острова на стрежень» и другие.

Столичный Театр сатиры находится на гастролях в Алма-Ате (с 16 августа). Татьяна Егорова отправилась туда не с пустыми руками: родной брат уговорил ее отвезти и продать там несметное количество рулонов иранского синтетического материала разных цветов. В первый же день актриса продала... всего лишь полметра какой-то казашке на кофточку. После чего с горечью подумала: «Такими темпами я буду продавать эти рулоны года два». Но затем произошло чудо. На следующий день Егорова пристроила рулоны в ближайшую «комиссион-

ку», а спустя неделю из магазина позвонили и попросили забрать деньги. А денег было несметное количество — несколько запечатанных пачек из одних замусоленных трешек. Оказывается, в такие материалы в Казахстане заворачивают покойников. По этому поводу Егорова закатила у себя в номере настоящий сабантуй, на который пришли ее подруги и бывший возлюбленный Андрей Миронов. Кстати, с последним у Егоровой на гастролях вновь случился кратковременный роман. По ее же словам:

«Я опять сидела в ванной в номере Андрея, он занимался своим любимым делом — тер меня мочалкой, шампунем мыл голову, вытирал насухо, потом мы менялись местами — я терла его мочалкой, выливала шампунь на его роскошные волосы. Вышла в комнату, совсем голая, за полотенцем — оно осталось на стуле — и засекла «разведку» — за окном номера, выпадая одновременно из человеческого облика и с территории своего балкона, маячило лицо одного из актеров. Он сосредоточенно вслушивался и вглядывался во все, что происходит в номере Миронова...».

Егорова описывает и другой эпизод. Однажды из Москвы Миронову позвонила его жена Лариса Голубкина. Но тот не стал с ней разговаривать: сказав, что ему некогда, повесил трубку. Бывшая в тот момент в номере Егорова пожурила Миронова: дескать, не стоит так разговаривать с женщиной, с которой живешь. Перезвони ей при случае. И Миронов чуть позже действительно перезвонил.

Александр Ширвиндт, который всегда хорошо относился к Голубкиной, воспринимал возобновление романа между Мироновым и Егоровой болезненно. Как-то он весьма нелестно отозвался о Егоровой, и Миронов ей об этом рассказал. Возмущенная актриса тут же примчалась в номер к Ширвиндту. Тот лежал под простыней и дремал (или делал вид, что дремал). Заметив у него на тумбочке откупоренную бутылку коньяка, Егорова растормошила Ширвиндта и предложила ему выпить за дружбу. Тот согласился, не подозревая, что это провокация. В тот момент когда его рука потянулась к стакану гостей, чтобы чокнуться, Егорова выплеснула содержимое своего стакана в лицо Ширвиндта. Напиток попал ему в глаза. Озверев от такой наглости, он схватил гостью

за шею и, повалив на кровать, стал душить. Но Отелло из него не получился. Потерзав террористку несколько мгновений, Ширвиндт отпустил ее восвояси. На том они и расстались.

В воскресенье, 24 августа, в польском городе Сопоте завершился 15-й Международный фестиваль эстрадной песни, собравший представителей из 21 страны. Советский Союз был представлен тремя исполнителями в лице Людмилы Сенчиной, Раисы Мкртчян (от фирмы «Мелодия») и Яака Йолы. К сожалению, больших призов никто из них на родину не привез: Мкртчян «обломилась» только 3-я премия, а Йоле вручили утешительную премию «за подборку песен, отличающихся особыми художественно-идейными качествами».

25 августа Никита Михалков закончил натурные съемки в Одессе фильма «Раба любви». О том, что случилось после того, как была дана команда «Стоп», вспоминает супруга режиссера Татьяна Михалкова:

«Я тогда была беременная, на седьмом месяце, спать ложилась рано — часов в десять. В последний съемочный день вся группа гуляла, и, разумеется, у нас в номере. Апартаменты большие, кровать широкая. Кто лишнего переберет, того укладывали рядом со мной. Часов в 11 открываю глаза — рядом лежит Адабашьян. Через час просыпаюсь — уже кто-то другой. И так до утра. Потом оказалось, что за ночь чуть ли не вся съемочная группа на моей кровати перебивалась...».

А в Москве продолжают съемки телефильма «Два капитана». Поскольку серий у фильма много — целых пять, — кадры снимают не в строгой последовательности. Например, 22 августа снимали эпизоды из 2-й серии, а четыре дня спустя — уже из третьей, причем из ее конца. А именно: 25—26 августа в 1-м павильоне «Мосфильма» был отснят эпизод «педсовет». Помните, Саня Григорьев возвращается из Н-ска в школу, а там ему сообщают, что он из нее исключен за а) самовольную отлучку на 9 дней б) избивание Ромашова (эту драку снимут чуть позже, о чем я еще расскажу). Саня приходит на педсовет и объясняет учителям всю подноготную происшедшего. В школе его оставляют.

В эти же дни актер Владимир Меньшов готовится к своему режиссерскому дебюту — съемкам фильма «Розыгрыш». Еще в начале

июня началась разработка режиссерского сценария (сценарист Семен Лунгин), и по ходу дела авторам приходится преодолевать большие трудности. Дело в том, что бдительные цензоры из сценарной коллегии постоянно предъявляют претензии авторам: то их раздражает язык героев будущего фильма (мол, много жаргонных слов), то слишком обаятельным выглядит отрицательный герой, то слишком пассивен главный положительный герой и т. д. и т. п. Однако, не соглашаясь с большинством предъявленных им претензий, авторы и не собираются что-либо менять в сценарии. Тогда 14 августа цензоры выносят решение: пусть нас рассудит «барин» — то бишь зампред Госкино Борис Павленок. Как и следовало ожидать, тот поддержал цензорскую братию: 26 августа он отдал распоряжение авторам сценария внести в свое произведение необходимые поправки и продлил срок режиссерской разработки до конца сентября.

Александр Митта продолжает работу над фильмом «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Начав съемки в конце июля со сложного в техническом отношении эпизода «затопление фрегата», группа через две с половиной недели отправилась на натурные съемки в Юрмалу. Там на берегу моря были выстроены декорации судоверфи, где по сюжету царь Петр принимал от корабелов фрегаты. Декорации впечатляли своими масштабами и денежными затратами. Ходили слухи, что кое-кто даже сумел погреть на этом руки: умудрился распродать часть стройматериалов «налево», положив себе в карман кругленькую сумму. Митта об этом, конечно же, догадывался, но предпочел не связываться в разборки с расхитителями социалистической собственности. На первом месте у него всегда стояло творчество.

Исполнитель роли арапа Владимир Высоцкий приехал на съемки вместе с женой Мариной Влади. В один из дней с ней произошел забавный эпизод. Вспоминает один из его участников Семен Морозов (он играл Мишку Говорова):

«Погода в те дни была потрясающая. Помню, со мной в лифт вошла очень красивая девушка в темных очках. Я сказал ей: «Какие у вас прекрасные очки, но то, что «подпирает» их, не поддается никакому с ними сравнению». Она так звонко расхохоталась. Двери лифта раскрылись — и стоит Высоцкий. «Сеня, —

сказал он, — мало того, что ты у меня в фильме невесту отбиваешь, ты и в жизни ту же линию гнешь». Это оказалась Марина Влади...».

Леонид Гайдай, получив в середине июля разрешительное удостоверение на выход своего фильма «Не может быть!» во всесоюзный прокат, решает предварительно обкатать свое очередное творение в глубинке. Вместе с группой писателей-юмористов в лице Виктора Веселовского (завотделом юмора и фельетонов «Литературной газеты»), Владлена Бахнова, Бориса Ласкина и Варлена Стронгина он отправляется на гастроли в Томск. Под эти гастроли тамошние власти отдают целый Дворец спорта, который, естественно, в первый же день забивается публикой под завязку. В первых рядах сидят местные партийные бонзы во главе с первым секретарем Томского обкома партии Егором Лигачевым. Все находятся в предвкушении бурного веселья от встречи с очередным шедевром Гайдая и выступления его друзей-юмористов, а вместо этого грянул скандал. Причем на первом же представлении.

Виновником скандала стал Варлен Стронгин, который прочитал собравшимся юмористический тост, придуманный им накануне ночью в местной гостинице. Тост начинался патетически: «Я поднимаю бокал за то, чтобы в Москве было построено такое высотное здание, из которого был бы виден город Томск! И было бы видно, что в этом городе живут сотни тысяч честных тружеников, десятки тысяч замечательных студентов и футбольная команда «Томич»!

Еще на два этажа надстроить это здание, да так, чтобы было видно, что в этом городе живут умные интеллигентные люди, к которым нужно присылать не только артистов Большого театра, Аркадия Райкина и Аллу Пугачеву, но и французский оркестр Поля Мориа!...».

Однако, начав за здоровье, тостующий кончил за упокой, выдав следующий текст: «Еще на два-три этажа надстроить это здание, да так, чтобы было видно — есть ли в магазинах Томска селедка и другие неизвестно куда исчезнувшие «дефициты»!...».

Об отсутствии на прилавках города селедки и других продуктов Стронгин узнал накануне концерта от водителя такси, который подвозил артистов из аэропорта в гостиницу. И, чтобы придать своему тосту «злободневность», решил вставить этот спич в текст. Огромный

Дворец спорта после этих слов буквально зашелся от экстаза, за исключением первого ряда, где сидело областное начальство. Те от услышанного разом позеленели. Спустя минуту за кулисы примчался администратор дворца, который буквально вцепился в Стронгина бульдожьей хваткой: «Лигачев рвет и мечет, говорит, кого я вызвал из Москвы... Зачем вы говорите про селедку? Немедленно выкиньте ее из текста. Тем более что она есть только в обкомовском буфете...».

Стронгин, которого реакция зала вдохновила на подвиги, не собиравшись так легко сдаваться. Вместо того чтобы тут же, при администраторе, вычеркнуть крамольный пассаж из текста, он пообещал подумать. И тут на него накинулись уже его коллеги. Они стали угрожать ему, что если он не выкинет «селедку», то они откажутся от совместных с ним выступлений. Молчал только Гайдай, который не имел к писательскому цеху никакого отношения. В итоге строчки про селедку Стронгин из текста вынужден был изъять.

26 августа небывалый наплыв зрителей случился у экранов телевизоров — показывали очередное «дело» из сериала «Следствие ведут знатоки». Ажиотаж был неслучаен: с тех пор как сыщики с Петровки, 38 ЗНАменский — ТОмин — КИбрит в последний раз радовали зрителей своим появлением на голубых экранах, прошло почти два(!) года — дело номер 9 показывали 10 ноября 73-го. Между тем Дело номер 10 было посвящено махинациям в сфере переработки мусора. В роли главного злодея выступал актер Театра сатиры Георгий Менглет, его подручного играл актер Малого театра Валерий Носик. Фильм шел три вечера подряд: с 26-го по 28 августа в самый прайм-тайм — в 19.30.

29 августа олимпийская сборная СССР по футболу играла свой очередной официальный матч группового турнира — ее соперником была национальная сборная Норвегии. Обеим командам победа была нужна как воздух, поскольку давала возможность уверенно закрепиться в подгруппе, а в последующем и обеспечить себе попадание на Олимпиаду-76. Победили наши, причем очень уверенно — 3:1. После этого советская сборная заняла 1-е место в подгруппе, норвежцы 2-е, а на 3-м обосновалась сборная Исландии.

В субботу, 30 августа, у хоккеиста столичной команды «Крылья Советов» из национальной сборной Вячеслава Анисина и фигуристки Ирины Черняевой родилась дочка, которую счастливые родители нарекли Мариной. В будущем, пойдя по стопам родителей, эта девочка станет знаменитой фигуристкой. Правда, прославит, увы, не родину, а другую страну — Францию, от лица которой будет выступать на всех крупнейших соревнованиях. Что касается ее родителей, то они спустя несколько лет разведутся и создадут новые семьи. Но это будет много позже, а пока счастливей Вячеслава и Ирины в те августовские дни нет на свете людей.

В эти же дни молодой сотрудник контрразведки КГБ СССР Владимир Кузичкин был определен на учебу в Краснознаменный институт ПГУ (внешняя разведка), или, как его коротко называли сами чекисты, Школу 101. Отправка слушателей состоялась утром в воскресенье, 31 августа, от бассейна стадиона «Динамо». Погрузив прибывших в несколько автобусов, их повезли к месту назначения — окрестности деревни Юрлово. Институт располагался за бетонным забором и представлял собой четырехэтажное здание из светлого кирпича. Направо располагалось второе похожее здание, соединенное с первым воздушным коридором на уровне второго этажа. Стоянка для машин, несколько теннисных кортов, цветы кругом — типичный подмосковный дом отдыха. С каждым из прибывших лично переговорил начальник Школы 101 генерал Волосов. Кузичкина он продержал около двадцати минут. Объяснил ему некоторые правила. К примеру, для развития у слушателей чувства конспирации и по соображениям безопасности на срок обучения им меняли фамилии, оставляя своими только имя и отчество. Кузичкин отныне стал Корсаковым. Срок обучения в школе — один год. Слушатели жили в ней всю неделю, а уходить с территории разрешалось только со второй половины дня субботы до семи часов утра понедельника. В комнатах слушатели проживали по двое, причем в каждой комнате была установлена легальная подслушка — слушателей предупредили, чтобы они ни в коем случае не выключали радио из трансляционной сети.

В тот же день 31 августа по всей стране торжественно отмечалась круглая дата — 40 лет со

дня рекорда, установленного шахтером Алексеем Стахановым, за смену вырубившим отбойным молотком 102 тонны угля, превысив установленную норму в 14 раз. Все центральные газеты еще за несколько дней до круглой даты были полны материалов об этом рекорде, но ни одна из них не написала горькой правды о нынешнем житье-бытье прославленного шахтера. А ведь Стаханов тогда находился... в Донецкой областной психушке. Однако об этом знал лишь узкий круг особо доверенных лиц, включая первого секретаря обкома и персонал больницы.

Говорят, любимым занятием Стаханова в больнице было имитировать собственные выступления на пленумах и заседаниях. А поскольку к тому времени он потерял речь, эти выступления были молчаливыми. Обычно Стаханов брал стул, ставил его как трибуну и начинал яростно жестикулировать, как будто произносил пламенную речь. Еще у него была красная папка, с которой он никогда не расставался. В хорошую погоду герой-шахтер брал ее под мышку и, выйдя на улицу, ждал персональную «Волгу», которая, по его разумению, должна была отвезти его на важное партийное мероприятие. Но машина практически никогда не приезжала, и Стаханов возвращался в палату расстроенный. Но в дни 40-летия со дня его рекорда «Волга» за героем все-таки пришла, поскольку обойтись без Стаханова в те дни никак было нельзя. Правда, областным руководителям пришлось изрядно повозиться, чтобы это явление Стаханова народу не закончилось разоблачением его болезни. Вот как об этом рассказывают С. Тимченко и Н. Сытый:

«Специально по этому случаю в больницу доставлялся костюм с иголки, туфли, галстуки, приезжал лучший парикмахер, благо что сам герой с большим пониманием относился к таким процедурам и вел себя сообразно случаю.

Параллельно со Стахановым снаряжался и опытный импозантный врач. Он должен был сидеть во время торжественного заседания рядом с Алексеем Григорьевичем и следить за тем, чтобы тот не выкинул какого-нибудь номерочка. Даже шприц со специальным препаратом на всякий «пожарный» находился в кармане доктора. Впрочем, Алексей Григорьевич ни разу не подвел ни партию, ни докторов. Во время «страстных» выступлений он изредка

кивал головой, а когда все аплодировали, делал то же самое. Торжества транслировались на всю страну, и вся процедура выглядела совершенно нормально...».

А теперь вернемся обратно в Москву. В тот же день, 31 августа, из столицы в Челябинск возвращалась хоккейная команда «Трактор». Вечером хоккеисты прибыли в аэропорт, чтобы оттуда самолетом добраться до дома. До отлета уже оставались считанные минуты, а одного игрока среди хоккеистов не оказалось — 20-летнего защитника Сергея Бабинова. Игроки бросились к тренеру. Тот их успокоил: мол, нечего беспокоиться, сейчас объявится. И действительно, за несколько минут до отлета в аэропорт примчалась «Волга». Но каково же было удивление игроков и тренера «Трактора», когда вместо Бабинова из нее вышли представители столичного клуба «Крылья Советов». Один из них протянул тренеру челябинцев лист бумаги, на котором рукой Бабинова было написано заявление о его переходе в «Крылышки».

Игроки «Трактора» были в шоке. Некоторое время назад Бабинову действительно было предложено перейти в «Крылышки», но он, после совета с товарищами по команде, принял решение остаться в «Тракторе». Сказал, что будет играть там, где его воспитали. И вот на тебе — передумал. Но хоккеистов «Трактора» потрясло даже не это, а то, как Бабинов все это обставил, — побоялся сказать им в лицо, прислав вместо себя гонцов. Спустя несколько дней бывшие партнеры перебежчика напишут возмущенное письмо в «Комсомольскую правду», где поделятся с читателями своими впечатлениями от этого поступка.

Между тем объяснение этого побега в мире спорта всем было известно. «Крылья Советов» в декабре должны были отправиться в турне по Канаде и США и Бабинов мог усилить защитные линии команды. Кроме этого, тренер «Крылышек» Борис Кулагин также возглавлял и национальную сборную и возлагал на Бабинова определенные надежды и в этом плане. Короче, для 20-летнего хоккеиста переход в «Крылышки» сулил самые радужные перспективы, что и предопределило исход дела. Другое дело, что сам переход больше похож на бегство и в этом отношении претензии бывших товарищей к Бабинову были вполне обоснованны.

А культурная жизнь столицы идет своим чередом. 25 августа на экраны столичных кинотеатров вышел новый фильм Геннадия Полоки «Одиножды один», решенный в жанре трагикомедии. Речь в нем шла о нелегкой судьбе полотера Каретникова, которого на пороге шестидесятилетия бросила жена. В роли полотера снялся Анатолий Папанов, в остальных ролях были заняты: Нина Архипова, Валентина Теличкина, Николай Караченцов и др. Песню для фильма написал Владимир Высоцкий. Для сценариста Виктора Мережко это была вторая по счету картина (первая — «Здравствуй и прощай»), поэтому он был страшно счастлив этим обстоятельством. Но, увидев фильм, он разочаровался. Впрочем, не только он. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Я позвонил маме, которая жила на Украине, в селе, и она тут же поехала в город смотреть фильм. Потом сказала: «Сынок, какая поганая картина». Но при этом на следующее утро она опять поехала в город, встала около кинотеатра и стала зазывать народ: «Люди добрые, заходите, посмотрите. Здесь идет очень смешная комедия с Анатолием Папановым. Утром билеты недорогие...». Я спрашиваю: «Мам, ну и что?». «Ты знаешь, — говорит, — сыночек, некоторых я зазвала, но потом убежала, потому что думала, что меня побьют...». Случилась очень печальная вещь. Полока не так прочитал сценарий, не как печальный, смешной и негротесковский. Он стал снимать фарс. Не трогательного и одинокого русского Дон Жуана, который под старость лет не знает, кто бы его пригрел, потому что сам все продал и предал. Он стал снимать такого хама... Там столько пошлости, столько безвкусицы. Папанов страшно обижался, он все время мне говорил: «Витюха, что он снимает? Он же гадость снимает. Ты написал гениальный сценарий, а он ничего не понимает...». (Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран», фильм «Одиножды один» будет назван в числе худших. — Ф. Р.)

Кино по ТВ: «Страницы журнала Печорина» (премьера т/сп), «Разрешите взлет» (16-го), «Истребители», «Путешествие миссис Шелтон» (премьера т/ф), «Принц и нищий», «Ма-

рыся и Наполеон» (Польша, 17-го), «Город на заре» (премьера т/сп 18-го), «А если это любовь?» (19-го), «Умные вещи» (19—20-го), «Братья Лаутензак» (ГДР, премьера т/ф, 19—21-го), фильмы Ч. Чаплина, «Два билета на дневной сеанс» (23-го), «Трое», «Прощание с Петербургом» (впервые по ТВ 24-го), «Последний гайдук» (впервые по ТВ), «Праздник святого Йоргена» (25-го), «Флаги на башнях» (27-го), «Семург» (впервые по ТВ), «Секундомер», «Улица полна неожиданностей» (29-го), «Ясь и Янина» (премьера т/ф), «Каждый вечер после работы» (впервые по ТВ), «Будьте готовы, Ваше высочество!» (премьера т/сп, 30-го), «Вот и лето прошло», «Сломанная подкова» (впервые по ТВ), «Первоклассница» (31-го) и др.

Из развлекательных передач выделю следующие: «Артлото» (16-го), «Утренняя почта» (23-го, 30-го), «Песня-75» (23-го), «Поет Ирина Понаровская» (31-го).

Эстрадные представления: 15—20-го — в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» состоялись сборные концерты с участием Геннадия Хазанова, Светланы Резановой, Екатерины и Вячеслава Троян и др.; 20—24-го — на стадионе «Динамо» состоялись концерты ВИА «Самоцветы»; 20—24-го — во Дворце спорта «Сокольники» зрителей радовал своим искусством югославский ВИА «Семеро молодых»; 21—24-го — в «Эрмитаже» пела Анна Герман; 27—31-го — в ГЦКЗ «Россия» выступали Людмила Сенчина, Александр Лившиц, Александр Левенбук и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие пластинки: диск-гигант ВИА «Ариэль» с песнями: «Старая пластинка», «Тишина», «Орган в ночи» и др.; миньоны — «Песни Юрия Антонова» с произведениями: «Дорога» (слова — В. Харитонов) — поет Юрий Антонов, «Для тебя пою» (Л. Дербенев) — Юрий Антонов, «Как же это так» (Л. Дербенев) — Валерий Ободзинский; «Песни Юрия Антонова» с двумя произведениями: «Еще вчера» (слова — О. Гаджикасимов) — Юрий Антонов, «Отчего ты молчишь» (О. Гаджикасимов) — Олег Ухналев; «Поет Валерий Ободзинский» с песнями: «Я верну тебя» (Г. Гаспарян — А. Дементьев), «Уходят любимые» (Е. Адлер — Л. Дербенев), «Еще вчера» (Ю. Антонов — О. Гаджикасимов) — поет Юрий Антонов.

1975

Сентябрь

В Ялте снимают «Небесных ласточек». Юрий Богатырев в роли негодяя Ромашова. ЦСКА обыгрывает «Теслу». Премьера передачи «Что? Где? Когда?». Театр на Таганке приезжает в Болгарию. Умер Георг Отс. Шайка грабителей из Саратова. Как Борис Токарев съездил по морде Юрию Богатыреву. Киевское «Динамо» побеждает «Баварию». Одесская «лав стори» Олега Стриженова. Брежнев попадает в больницу. Ходоки к Высоцкому. В Риге убили сотрудника КГБ. Болгарская милиция прерывает концерт Высоцкого. Галина Брежнева уговаривает английского продюсера стать ее «бриллиантовым» курьером. Запись пластинки на фирме «Балкантон». Как Валентина Малявина едва не стала жертвой маньяка. Бунт эков в угличской ИТК. За что космонавта Алексея Леонова хотели выгнать из партии. Школа для будущих Штирлицев. Привет Стаханову от Брежнева. Как Высоцкий в Склифе буянил. Грустный юбилей писателя Сергея Смирнова: его книгу пустили под нож. Новые преступления грабителей из Саратова. Очередное убийство в Риге. Свободу Луису Корвалану! Юрию Никулину советуют поберечь свою жизнь.

В Ялте самый разгар съемочного сезона: сразу несколько киногрупп с разных киностудий в поте лица снимают там будущие хиты. Причем, если для иных групп работа уже близка к завершению, то для других она только началась. Например, Леонид Квинихидзе снимает водевиль «Небесные ласточки» всего лишь несколько дней — с 28 августа. В фильме собран целый букет звезд: Андрей Миронов играет Селестена, Александр Ширвиндт — майора (вместо Владимира Басова), Людмила Гурченко — Карину. В роли красавицы Денизы снимается восходящая звезда экрана Ия Нинидзе. Ее жениха Фернена играет любимец всех женщин Советского Союза популярный певец Сергей Захаров.

Евгений Карелов продолжает экранизировать для телевидения бессмертное творение В. Каверина «Два капитана». Как мы помним, съемки фильма начались еще в феврале, однако только сейчас на съемочной площадке объявился один из главных исполнителей — Юрий Богатырев, который играл мерзавца Ромашова.

Для миллионов советских зрителей этот герой прежде ассоциировался с другим актером — Евгением Лебедевым, который сыграл его в старой, 56-го года экранизации, осуществленной Владимиром Венгеровым. С тех пор казалось, что переиграть Лебедева будет не под силу никому. Но Богатыреву это удалось. Помню, когда фильм вышел на экраны страны, я был просто потрясен уникальной способностью Богатырева, который сумел так достоверно перевоплотиться из недавнего супермена Егора Шилова в отъявленного негодяя Ромашова. 1 сентября в 1-м павильоне «Мосфильма» снимали эпизод, где Ромашов встречается в школе Саню Григорьева и Катю Татаринovu и влюбляется в девушку. Именно эта страсть потом станет поводом к совершению многочисленных подлостей с его стороны.

Во вторник, 2 сентября, в Москве в рамках Кубка европейских чемпионов по хоккею с шайбой хоккеисты ЦСКА принимали команду «Тесла» из чехословацкого города Пардубице. Это была решающая встреча за Кубок. В пер-

вой игре, которая две недели назад состоялась в Чехословакии, наши хоккеисты уступили с минимальным счетом 2:3. Учитывая это, гостям достаточно было скатать матч вничью и вождьленый Кубок улетел бы к ним на родину. Но армейцы доказали, что не зря считаются сильнейшим клубом в Европе: они разгромили гостей со счетом 6:1. Комментарии, как говорится, излишни.

4 сентября в 21.30 по московскому времени по Центральному телевидению состоялась премьера новой передачи, которой практически сразу суждено будет стать легендарной. Речь идет о передаче «Что? Где? Когда?», которую пробил на ТВ семейный тандем в лице Владимира Ворошилова и Натальи Стеценко. Как мы помним, съемки этой передачи впервые были осуществлены в декабре прошлого года, но закончились провалом — отснятое не удовлетворило ни самих авторов идеи, ни руководство ТВ. Прошло всего лишь две недели, и дуэт Ворошилов — Стеценко придумал новый вариант игры — на этот раз со студентами (до этого в качестве «знатоков» выступали две столичные семьи). Эта передача была записана 10 января, но опять вызвала недовольство руководителей ТВ. Тех не устраивало многое: и то, как непринужденно вели себя перед камерой «знатоки», какие вопросы им задавались и т. д. Однако в ходе многочасовых споров Ворошилову удалось убедить руководителей, что его передача имеет право на жизнь. Правда, ему пришлось пойти на кое-какие уступки: в частности, были вырезаны некоторые реплики «знатоков», кое-что заново переозвучено. В итоге спустя почти восемь месяцев многострадальная передача увидела-таки свет. Однако до регулярных выпусков передачи еще далеко — почти три года. Но вернемся в сентябрь 75-го.

Актеры Театра на Таганке премьеры новой передачи не увидели, поскольку в эти же дни пребывали в радостном возбуждении от предстоящих им впервые зарубежных гастролей. Поскольку на Запад таганковцев выпускать еще боялись, им досталась социалистическая Болгария. (Как говаривали в те годы: «Курица не птица, Болгария не заграница».) В Софию труппа прилетела 5 сентября на самолете «Ту-154» на 15 минут раньше объявленного времени. У трапа их встречала большая толпа почитателей: журналистов, телевизионщиков,

рядовых поклонников. Вечером того же дня артистам устроили пышный прием в Доме журналистов. Тогда же выяснилась парадоксальная вещь: все билеты на спектакли были распроданы не через кассу театра, а распределены по высоким инстанциям, хотя из тамошнего ЦК поступило указание в прессе «Таганку» особо не хвалить (видимо, такой приказ болгарским коммунистам поступил из Москвы).

5 сентября скончался популярный певец Георг Отс. Свою артистическую карьеру он начал еще в середине 40-х, поступив в труппу театра оперы и балета «Эстония». За короткое время стал там ведущим солистом, за что уже в 50-м был удостоен Сталинской премии. Спустя два года повторил этот успех. Новая волна славы обрушилась на Отса в конце 50-х, когда на широкий экран вышел фильм Юзефа Хмельницкого «Мистер Икс» (1958) по оперетте Имре Кальмана «Принцесса цирка», где Георг сыграл главную роль. Красивый, статный Отс покорила сердца миллионов советских женщин. С тех пор его так и звали — Мистер Икс.

Первой женой Отса была красавица Маргот, с которой он познакомился в начале 40-х. Но их брак длился недолго — всего полгода. Потом Маргот кто-то сообщил, что ее муж погиб на корабле, который увозил эвакуированных в Кронштадт, и она стала любовницей адъютанта немецкого коменданта Пярну. Когда выяснилось, что Отс жив, Маргот пыталась наладить с ним контакт, но разбитую чашку было уже не склеить. К тому же у Отса была другая женщина — балерина театра «Эстония» Аста, с которой он познакомился в кинотеатре, во время эвакуации, в Ярославле. Волею судьбы Отсу досталось место аккурат позади Асты, и он весь сеанс только и делал, что отпуская по ее адресу комплименты. В 1944 году у них родился сын Юло, а три года спустя дочь Юлле.

В 64-м в жизнь Отса вошла новая женщина — 24-летняя манекенщица Илона. К тому времени его брак с Астой уже был чистой фикцией, а Отсу так хотелось домашнего уюта, тепла. Поэтому на ухаживания у него просто не было времени — уже спустя две недели после знакомства Георг сделал девушке предложение, которое она так же быстро приняла. В 68-м у них родилась дочь Марианн. В том же году Отс был удостоен Государственной премии СССР.

Отс был многогранен и умел угождать самой разной публике: его с удовольствием слушали как почитатели классических произведений, так и более простая публика. К примеру, лично я открыл для себя Отса после приключенческого фильма «Последняя реликвия» (1969), где Отс так вдохновенно пропел все музыкальные номера, начиная от мрачноватой «Реликвии» до заводной «Беги, спасайся, вольное дитя».

Однако судьба отмерила певцу слишком короткую жизнь. В 72-м у Отса обнаружили рак мозга и в течение трех с половиной лет он сменил несколько различных клиник как в Эстонии, так и в Москве. Как рассказывают очевидцы, муки певца были адские. Для того чтобы вычистить пораженное опухолью место, ему каждый раз вынимали глаз, а потом вставляли обратно. Так повторялось многократно, из-за чего нерв певца атрофировался. Он был обречен и знал это. Однако даже несмотря на это, не терял самообладания. Когда он лежал в больнице перед третьей операцией, тамошние женщины узнали его и попросили спеть. И Отс выполнил их просьбу. Через полгода он скончался, ему было 55 лет.

А «Таганка» продолжает гастроли в Болгарии. Утром 6 сентября состоялась первая репетиция. Прошла она нервно, поскольку главреж Юрий Любимов требовал от актеров полной выкладки, а те берегли силы для спектакля. Любимов негодовал: дескать, приличные люди на вас билетов не могут достать, а вы хотите кое-как тут сыграть? Ожирели, понимаете, зажрались. Вечером в «Сатиричном театре» (Театр сатиры) было столпотворение. К театру пришли толпы людей в надежде, что достанут лишний билетик. Но куда там. Милиция оцепила всю улицу, да так рьяно блюла порядок, что даже не хотела пропускать председателя Союза артистов Болгарии Любомира Кабакчиева. Пришлось актеру Таганки Вениамину Смехову замолвить слово за болгарина. Он же вспоминает:

«А зори здесь тихие...» — премьера гастролей. Перед началом — речи Любимова и Кабакчиева. Прием — на ура. Корзины цветов, овалции. В гримерных — виноград и кока-кола. Загранка! Заботятся, молодцы. Ночью — клуб Союза артистов. Тосты и песни с обеих сторон. Нет границы, есть интернационал актеров

и — некоторая Грузия, судя по смуглости волос и страстным повадкам...».

Но покинем на время гостеприимную землю Болгарии и вернемся на родину. В городе Саратове объявилась очередная шайка преступников. Возглавил ее 35-летний Юрий Чубин (фамилия изменена), который совсем недавно вернулся из заключения и, напрасно попытавшись в поисках работы, решил вновь встать на скользкую дорожку преступлений. Поскольку одному заниматься этим опасным промыслом ему было неподручно, Чубин привлек в свою шайку трех своих приятелей: Маркова, Чепышева и Шапкина (фамилии изменены). Вчетвером стали прикидывать, какое дельце лучше обтяпать. Сначала хотели ограбить какую-нибудь сберкассу, но затем передумали из-за возможных сложностей такого ограбления: кассы снабжены «тревожной» кнопкой, да и огнестрельного оружия у них пока еще не было. В итоге кто-то из будущих грабителей предложил грабануть бухгалтерию учебно-производственного предприятия общества слепых. Дескать, в сейфе кассира всегда имеются в наличии крупные деньги. «А как насчет охраны?» — поинтересовался Чубин. «Никакой охраны нет, — было ему ответом. — А дверь в кассу самая обычная, деревянная». На том и порешили.

6 сентября под покровом темноты четверо преступников подошли к бухгалтерии. Пока двое стояли на шухере, двое других, выдавив стекло, проникли в помещение. Легко справившись с дверью, пробрались в кассу, где стоял вожделенный сейф. Чубин достал из сумки дрель и споро приступил к делу. Трудился он минут десять. Наконец, высверлив замки, потянул на себя дверцу. Та открылась. Той ночью в руки грабителей перекочевало 4 200 рублей.

7 сентября Театр на Таганке показывал в Софии свой второй спектакль — «10 дней, которые потрясли мир». Все присутствующие с нетерпением ждали появления Владимира Высоцкого, который вчера, в спектакле «А зори здесь тихие...», занят не был. Как пишет все тот же В. Смехов: «После сцены с Высоцким — Керенским — «Последнее заседание Временного правительства» — спектакль встал как вкопанный. Овалции не давали играть дальше. Народный Володя...».

На следующий день в пять вечера в Театре оперы состоялся правительственный концерт с участием артистов Театра на Таганке. На нем присутствовали высокие гости: глава Болгарской компартии Тодор Живков, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов (он находился в Софии с официальным визитом). Концерт длился несколько часов, после чего таганковцы вернулись в театр и репетировали до глубокой ночи гастрольные спектакли.

Продолжаются съемки телефильма «Два капитана». Работа идет достаточно интенсивно, практически без незапланированных простоев. 9 сентября в 1-м павильоне «Мосфильма» в декорации «комната общежития» снимали следующий эпизод. Саня Григорьев (Борис Токарев) заходит к себе в комнату, чтобы собрать вещи и уехать в Н-ск к родственникам, и что же видит? Подлый интриган Ромашов (Юрий Богатырев) нагло копается в его вещах. Саня вроде бы сдерживается от искушения врезать ненавистному соглядатаю по морде, но когда тот пытается остановить его, схватив за локоть, разворачивается и сбивает с ног прямым в челюсть. Перед съемкой эту сцену актеры репетировали несколько раз, естественно, только имитируя удар. Но когда дошло до дела, Токарев так «звезданул» партнера, что тот потом долго потирал ушибленную челюсть. Зато кадр получился очень даже натуральным.

Тем временем киевское «Динамо» прилетело в Мюнхен, чтобы встретиться с тамошней «Баварией» в первом финальном матче за Суперкубок (этот турнир появился в 73-м году, и главный приз в нем оспаривали победители Кубка обладателей кубков и Кубка чемпионов). Киевлян поселили в загородном мотеле, условия проживания в котором были весьма скромные, учитывая имидж лучшего клуба Европы. Однако гостям было не до комфорта, у них голова болела об одном — как достойно сыграть с «Баварией»: Положение усугублялось тем, что у киевлян ряд игроков был травмирован (Мунтян, Онищенко) и их место должны были занять дублеры.

Перый матч состоялся во вторник, 9 сентября. На предматчевой установке тренер Валерий Лобановский сделал неожиданный ход: наказал Олегу Блохину персонально опекать Франца Беккенбауэра. Блохин удивился: мол, Франц играет на позиции последнего защит-

ника, и не я должен опекать его, а он меня. Кто же у нас будет забивать? Но тренер настаивал на своем: возьми на себя Беккенбауэра, а потом и сам все поймешь. И Лобановский не ошибся. Франц хоть и играл «чистильщиком», но чаще всего именно он начинал атаки, получая мяч от своего вратаря Майера. Однако из-за постоянного присутствия поблизости Блохина Майеру пришлось изменить схему: теперь он не посылал мяч рукой Беккенбауэру, а выбивал его ногой. А в этом элементе он порой ошибался, из-за чего нервничал пуще обычного. Этим и воспользовался Блохин. В одном из моментов он на высокой скорости обыграл Шварценбека и Беккенбауэра, вышел один на один с Майером и отправил мяч в дальний угол. 1:0. После этого как немцы ни старались, но даже сравнять счет не смогли, не то чтобы выиграть.

Кстати, за этой игрой с огромным интересом наблюдали не только в Советском Союзе, но и в других странах. В частности, актеры Театра на Таганке, будучи в Болгарии, тоже изо всех сил болели за киевлян. Вот как об этом вспоминает Л. Георгиев:

«Высоцкий интересовался футболом, особенно в тех случаях, когда проводилась какая-нибудь важная международная встреча. Согласно программе 8 и 9 сентября у артистов «Таганки» не было спектаклей. Только некоторые из них участвовали в торжественном концерте. Вечером я пригласил к себе некоторых из них, чтобы посмотреть в 21 ч. матч между «Баварией» (Мюнхен) и «Динамо» (Киев). Пришел и Владимир, он не мог не прийти, после того как мы с Леонидом Филатовым сказали, что только женщины не интересуются футболом.

А на следующий день шел спектакль «10 дней, которые потрясли мир». После каждого своего выхода Высоцкий прибегал в репетиционный зал Театра сатиры, где мы установили большой цветной телевизор. Там с 18.30 мы с не занятыми в спектакле артистами смотрели международную встречу между Польшей и Голландией. Его особенно раздражало то, что голы забивали всегда в то время, когда он был на сцене...».

Другой столичный театр — МХАТ — в эти же дни гастролировал в Одессе. Актер этого театра — Олег Стриженов — волею судьбы вновь

встретился там со своей давней возлюбленной — актрисой Театра-студии киноактера Лионеллой Пырьевой. Их любовь зародилась почти полтора десятка лет назад — в самом начале 60-х, однако к более серьезным отношениям эти чувства тогда не привели и актеры шли по жизни порознь: Лионелла вышла замуж за режиссера Ивана Пырьева, Стриженов женился на актрисе МХАТа. Однако к 75-му году оба брака уже распались, предоставив бывшим возлюбленным полную свободу действий. Поэтому, когда летом судьба вновь свела их вместе на съемочной площадке фильма «Последняя жертва», они по-настоящему обрадовались такому стечению обстоятельств. Но их настоящее сближение произошло несколько недель спустя именно в Одессе.

В один из дней приятель Стриженова из Театра-студии киноактера Эдуард Машкович предложил ему выступить в их заключительном концерте. И чтобы не оставить другу никаких путей к отступлению, обронил: «Лина в нем тоже участвует». Стриженов, конечно же, согласился. Во время первого же антракта они с Пырьевой уединились на скамейке за кулисами и проговорили несколько минут. В конце разговора Стриженов пригласил Пырьеву отужинать сегодня с ним в ресторане гостиницы «Лондонская». Лионелла не стала возражать, только предупредила, что придет не одна, а с подругой — Аллой Ларионовой. Далее послушаем рассказ самого О. Стриженова:

«В «Лондонской» я сидел за нашим любимым столиком в самом углу, возле оркестра. Принесли холодные закуски, холодное «Шампанское» с коньяком и, конечно же, цветы. Я не спускал глаз с парадной двери. Наконец она распахнулась, и они вошли — Лина и Алла в сопровождении Эдика. Весь зал обернулся в их сторону. Гулящие одесситы аж заплодировали, кто-то даже встал...

Девочки действительно были прекрасны, нарядны и очень красивы. Я бы даже сказал, очень эффектны в своих легких длинных вечерних платьях. Да! Вошли настоящие звезды, ничем не уступающие западным.

Я усадил Лину рядом с собой. Глядя на мою одесскую девочку Ли, я просто пьянел и балдел... Я кивнул своим приятелям-оркестрантам, и они, зная мое желание, заиграли наш любимый знаменитый «Маленький цветок».

Лина как-то по-детски тихонько захлопала в ладоши и весело сказала, обращаясь к нам с Эдиком:

— Ну что ж, будем танцевать и даже пить! Мужчины, я разрешаю вам выпить по рюмке коньяку!

Глядя на нее, я подумал, что ее избаловало мужское внимание и что у нее появилась какая-то новая привычка становиться центром внимания. И мне на минуту вспомнилась та одесская девочка Ли, что стояла за веревочным оцеплением возле Оперного театра и которую не пускали дальше любопытной толпы... Невольно улыбнулся.

— Ты чему?

— Ничему. Просто смотрю на тебя и люблю. Ты красива, как никогда.

Я не скрывал своего восхищения, чем, вероятно, доставил ей удовольствие. Она протянула ко мне свой бокал и тихо сказала:

— За нас.

Вечер прошел прекрасно и незаметно быстро. Я проводил их из «Лондонской» в «Красную», где они остановились...».

Расставаясь, влюбленные договорились встретиться в Москве, на озвучании «Последней жертвы».

12 сентября центральные газеты публикуют поздравление Леонида Брежнева участникам Всесоюзного студенческого строительного отряда с большим трудовым успехом. Событие вполне ординарное, если бы не одно «но»: Брежнев к этому поздравлению руку не прикладывал, оно родилось в недрах идеологического отдела ЦК. А сам генсек в это время лежал в больнице на улице Грановского и ни о чем, кроме собственного здоровья, естественно, не думал. Угодил же он туда по известной причине — так «наотдыхался» в августе в Крыму.

Вспоминает Е. Чазов: «Состояние Брежнева было не из легких — нарастала мышечная слабость и астения, потеря работоспособности и конкретного аналитического мышления. Не успел Брежнев попасть в больницу, как к нему пришел Подгорный. Для меня это было странно и неожиданно, потому что никогда прежде он не только не навещал Брежнева в больнице, но и не интересовался его здоровьем. Я находился как раз у Брежнева, когда раздался звонок в дверь и у входа в палату я увидел Подгорного. В этот момент я успел сообразить, что он

пришел неспроста, хочет увидеть Брежнева в истинном состоянии, а затем «сочувственно» рассказать на Политбюро о своем визите к своему давнему другу и о том, как плохо он себя чувствует.

Пользуясь правом врача, я категорически возразил против подобного посещения, которое пойдет во вред больному. «Ты что, Председателя Президиума Верховного Совета не знаешь? — заявил он. — Не забывай, что незаменимых людей в нашей стране нет». Постоянное нервное напряжение привело к тому, что я абсолютно не реагировал даже на неоправданную критику, нападки или грубость по отношению ко мне. Я работал, выполняя честно свой профессиональный долг, и ни на что не обращал внимания. Не поколебала меня и скрытая угроза Подгорного. «Николай Викторович, я должен делать все для блага пациента, для его выздоровления. Сейчас ему нужен покой. Ни я, ни вы не знаем, как он воспримет ваш визит. Он может ему повредить. Если Политбюро интересуется состоянием здоровья Брежнева, я готов представить соответствующее заключение консилиума профессоров». Не обладая большим умом, но будучи большим политиканом, он понял подтекст последней фразы: «Кого ты здесь представляешь — Подгорного, друга и товарища нашего пациента, или Подгорного — члена Политбюро и его полномочного представителя, который должен сам убедиться в истинном положении дел?». Ворча, недовольный Подгорный ушел.

Я тут же сообщил о неожиданном визите Андропову, а тот Суслову. Суслов ничего лучшего не нашел, как сказать тривиальную фразу: «Хорошо, если бы Леонид Ильич скорее выздоровел и мог бы выступить на каком-нибудь большом собрании или совещании». На том и порешили...».

Продолжаются гастроли Театра на Таганке в Болгарии. Актеров принимают на ура, но особого внимания удостоивается Владимир Высоцкий, слава о котором давно гуляет и по Болгарии. Люди приходят толпами к театру, чтобы взглянуть на него хотя бы краешком глаза, а некоторые даже приводят к нему своих детей. Известен случай, когда после спектакля родители привели к нему в гримерную своего 5-летнего сынишку, и этот смысленный мальчишка в течение десяти минут пел Высоцкому фраг-

менты из его же песен, причем на русском языке. Потом родители сами остановили мальчика, при этом сообщив, что он бы мог петь и до утра, поскольку знает если не весь, то добрую половину репертуара певца.

Утром в субботу, 13 сентября, «Таганка» показала «Гамлета», которому был устроен чуть ли не самый неистовый прием. И все потому, что главную роль исполнял все тот же Высоцкий. Как пишет В. Смехов: «Просто грохот, а не аплодисменты... Улица запружена народом. Поздравляют, берут автографы. Прогулка в горы. Красиво ранней осенью при солнце и в горах. Вечер в Обществе болгаро-советской дружбы. Речь директора Н. Л. Дупака. Юрий Петрович Любимов прячется за моей спиной, хохочет, рыдает. Дупак, не слыша себя, с пафосом хвастается своими победами над болгарскими... фашистами. Ура. Снова песни, дружба и прием...».

14 сентября в Риге произошло убийство, которое подняло на ноги чуть ли не все правоохранительные органы в столице Латвии. В тот день в 20.40 на пешеходной дорожке, ведущей к станции Дарзини, выстрелом в затылок был убит не кто-нибудь, а старший оперуполномоченный КГБ при Совете Министров Литовской ССР С. Маркин. Спустя час об этом преступлении было доложено и министру внутренних дел республики и шефу латвийского КГБ. Что не удивительно, поскольку ничего подобного в Риге не происходило лет двадцать пять — с тех пор, как в республике были уничтожены последние «лесные братья».

Поначалу сыщики из МВД и КГБ предполагали, что с чекистом могли расправиться агенты какой-то из вражеских разведок. Но когда были готовы данные баллистической экспертизы, все ахнули: оказывается, из этого-же пистолета системы «парабеллум» марки «Борхард-Люгер» в январе этого же года был застрелен житель столицы Меккерс-Тентерис, который в свободное от работы время занимался частным извозом. Перед сыщиками встала трудная проблема: понять, какая связь могла существовать между двумя жертвами — частным извозчиком и чекистом. А душегуб — житель Риги Юрий Спицын — тем временем готовился к новому убийству.

Однако оставим на время Ригу и вернемся обратно в Москву. В здешних кинотеатрах со-

стоялось несколько премьер: 1-го на экраны вышел фильм Х. Хаджикасимова «**Всадник с молнией в руке**»; 5-го в кинотеатре «Россия» начал демонстрироваться фильм В. Савельева «**Белый башлык**» с участием Т. Кокоскира, А. Кочеткова и др.; 8-го — фильм Аиды Манасаровой «**Ишу мою судьбу**» с участием: Георгия Жженова, Эдуарда Марцевича, Галины Польских и др. С 15 сентября в прокат вышла франко-итальянская лента Жозе Джованни «**Двое в городе**» с участием двух звезд французского кино: Жана Габена и Алена Делона. Посмотрев ее в те дни, я, видевший Делона только в приключенческих картинах, внезапно сделал для себя открытие: оказывается, Делон способен не только мастерски скакать на лошади и палить из пистолетов, но и создавать глубоко психологические роли. В кинотеатре «Мир», что на Цветном бульваре, начался повторный прокат знаменитого американского блокбастера конца 60-х «**Миллион лет до нашей эры**».

Кино по ТВ: «Вихри враждебные», «Фальшивая монета» (премьера т/сп 1-го), «За двумя зайцами», «Арена сильных» (2-го), «Человек бросает якорь» (3-го), «Белые, белые аисты» (4-го), «Авария» (премьера т/ф 4—5-го), «Смелые люди», «Неподсуден» (5-го), «Незадачливые похитители», «Анна на шее» (6-го), «Судьба клоуна» (7-го), «Наковальня или молот» (8—9-го), «Твердая порода» (премьера т/ф 11—12-го), «Конек-Горбунок» (12-го), фильмы Ч. Чаплина, «Чужие дети» (13-го), «Кутузов», «Его звали Роберт» (15-го) и др.

Эстрадные представления: 4-го в ДК имени Горбунова и 5—7-го во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Голубые гитары»; 7—8-го в «Варшаве» пела Людмила Зыкина; 7—9-го в ДК МИИТа выступали: Геннадий Хазанов, Нина Бродская и др.; 7—10-го в Театре оперетты — Эмил Димитров (Болгария); 11—12-го во Дворце спорта в Лужниках публику радовал своим искусством ВИА «Самоцветы» и т. д.

Продолжаются гастроли Театра на Таганке в Болгарии. После пребывания в Софии труппа 14 сентября переехала в Стара-Загору, где в течение двух дней дала два спектакля, после чего переехала в Велико-Тырново с теми же спектаклями («А зори здесь тихие...» и «10 дней, которые потрясли мир»). Вечером 17 сентября в тырновском ресторане «Этар» был дан банкет

в честь гостей. Вот как об этом вспоминает Т. Петева:

«Мне выпала невероятная удача сидеть с левой стороны Высоцкого. Угощение, смех — как на любом банкете... Около 23 часов он обратился ко мне: «Знаете что, давайте потом соберемся где-нибудь, потому что чувствую, что меня заставят петь, а это будет мне неприятно. Да и люди не обязаны слушать...» (в ресторане, кроме нас, были и другие посетители). Он оказался прав, потому что действительно стали настаивать, чтобы он пел, но безрезультатно, так как стало ясно, что он «забыл» гитару в гостинице...

«Мы, шесть человек (пятеро болгар и он), ушли незаметно, взяли гитару. Но было невозможно пригласить компанию к себе, потому что у меня гостили родственники. И все мы пошли к одной коллеге.

Высоцкий пел до утра. Пел во все горло «Автобиографию», «Диалог у телевизора», «Посещение музы» и так далее. И так — до 6 часов утра, когда во второй раз приехала милиция и попросила нас разойтись...».

Английский продюсер Стенли Лауден в те дни вновь приехал в Москву. На этот раз он привез в Советский Союз вокальную группу «Доули Фэмили», которой предстояло вместе с группой других заграничных исполнителей из Кубы, Югославии и Аргентины принять участие в концертах под названием «Золотая осень». Первые концерты должны были состояться в Ленинграде, куда артистам надлежало отправиться после однодневного пребывания в Москве. Лауден рассчитывал, что этот день он проведет в компании своих английских коллег, не выходя из гостиницы, но не тут-то было — его опять нашел Борис Буряца. Цыган заявился в номер продюсера и пригласил его вместе с артистами на вечеринку в ресторан Дома актера. Лауден, который за время их знакомства успел хорошо узнать своего приятеля, счел за благо согласиться. Они договорились встретиться через два часа в ВТО.

Едва Буряца ушел, в номер продюсера заглянула переводчица. Она и поведала Лаудену о последних сплетнях, которые вились вокруг Бориса и дочери генсека. По ее словам, в последнее время в Большом театре стали происходить странные вещи: у многих именитых актеров стали пропадать деньги и драгоценности

прямо из гримерок. Пострадавшие долгое время не хотели выносить сор из избы и жаловаться «наверх», рассчитывая, видимо, поймать вора собственными силами, но сделать это все же пришлось. После того как у первого тенора пропала золотая зажигалка, а у меццо-сопрано изумрудное ожерелье, директор театра отправился в Минкульт. Те подключили к этому делу КГБ и спустя какое-то время вор был идентифицирован. Им, по слухам, оказался Борис Буряца. Когда об этом узнала Галина Брежнева, ее гневу не было предела. Она поставила жесткое условие: либо все украденные вещи будут возвращены их законным владельцам, либо ему не сносить головы. Цыган выбрал первое. Однако, даже несмотря на выполненное им условие, Галина отправила его на пару месяцев в почетную ссылку — куда-то в глубинку. И вот теперь, вернувшись оттуда, Буряца собирается отметить это дело в ВТО. Далее послушаем рассказ самого С. Лаудена:

«На вечеринке Борис превзошел самого себя. Многочисленные столы ломались от всевозможных яств и напитков. Борис встречал гостей в дверях. Он выглядел, как голливудский актер — в белом смокинге и цветастой шелковой рубашке, украшенной большой золотой брошью с массивными бриллиантами. Он экспансивно приветствовал гостей. Артисты «Доули Фэмили» были восхищены оказанным приемом, особенно две сестры, которым Борис преподнес огромные букеты цветов и коробки дорогого швейцарского шоколада...

Вечеринка явно удалась. Борис пригласил кабаре с цыганскими песнями, и вечер закончился совместным пением цыган и «Доули», которые создали удивительную гармоничную атмосферу. Я очень расчувствовался...».

После того как вечеринка закончилась, девушек из «Доули» домчало до гостиницы такси, а Лауден и Борис решили пройтись пешком. По дороге Борис вновь стал изливать перед англичанином душу. Рассказал он и о последнем скандале в Большом театре. Правда, по его словам, выходило, что к кражам вещей у звезд причастен не он, а его близкий приятель Сима, который тоже числился в штате театра. «Я отправил этого подонка вон из Москвы, — сообщил Буряца. — Но все это ужасно, Стенли. Прежде всего Галина не поверила мне. Она мне не поверила! Затем ей пришлось использо-

вать все свое влияние и умение убеждать, чтобы замять это дело. Ей пришлось убеждать Цвигуна в том, что я не причастен к этому делу. В конце концов он взял у меня в долг приличные деньги и только тогда сказал Галине, что я действительно не виноват».

После этого Борис стал делиться с продюсером своими планами относительно бегства из страны. «Я должен найти себе жену-иностранку, — сказал он. — Может быть, это будет одна из ваших артисток. Кажется, сегодня я произвел на них хорошее впечатление. Но, может быть, это будет кто-то другой. Один швейцарский бизнесмен пообещал мне привезти одну из своих секретарш. Это тоже неплохой вариант». Так за неторопливой беседой они добрались до гостиницы.

На следующий день вечером Лауден и его артисты должны были отбыть в Ленинград на гастроли. Однако утром, за несколько часов до отбытия, ему вновь пришлось встретиться с Буряцей. Эта встреча не была запланирована, и Лауден хотел отбрехаться от нее, сославшись на дела. Но Буряца стал настаивать и, чтобы сломить сопротивление продюсера, сообщил, что на этой встрече очень настаивает Галина. Последний аргумент заставил Лаудена подчиниться. Прибывшая вскоре к гостинице машина отвезла его в дом в Лаврушинском переулке. Галина и Борис были уже там. В большой комнате стоял накрытый различной снедью стол, за который они и усадили гостя. Вначале атмосфера за столом была несколько напряженной, но постепенно она разрядилась и собеседники завели непринужденный разговор. Галина живо интересовалась заграничным житем-бытьем Лаудена, его гастрольными делами. Затем перешла к тому, ради чего, собственно, и пригласила сюда англичанина.

Ее просьба к Лаудену заключалась в следующем. Зная о том, что он со своими артистами после гастрелей в Ленинграде отправится в Волгоград, Галина попросила его купить для нее там... бриллиантов. Дескать, если Борис или его друзья отправятся туда, то им потребуется, во-первых, специальное разрешение, во-вторых может вызвать ненужный ажиотаж вокруг имени дочери генсека. А если бриллианты приобретут заграничные артисты, то это никакого шума не вызовет. «Ну как, согласны?» — закончив свою речь, спросила у Лаудена Гали-

на. Продюсер в ответ развел руками: мол, если женщина просит...

— Вот и отлично, — с нескрываемым удовлетворением произнесла Галина и достала из-под стола черный кейс. Она открыла крышку и Лауден увидел пачки упакованных банкнот. — Здесь полмиллиона рублей. Надеюсь, вы их не потеряете?

От этого вопроса Лаудену стало не по себе, но идти на попятную было уже поздно.

А теперь вновь перенесемся в Болгарию, где проходят гастролы «Таганки». 19 сентября театр вернулся в Софию, чтобы возобновить выступления на сцене Театра сатиры. Софийцы, а особенно софийки, продолжают ломиться на представления «Таганки», причем больше всего от них достается Высоцкому — ему просто нигде не дают проходу. Самые неистовые фанатки достают его даже в гостинице, барабана по ночам в дверь его номера. Из-за этого он вынужден будет съехать оттуда и поселиться в мастерской знакомого художника. Именно в эти дни Высоцкого пригласили на радио, чтобы в одной из тамошних студий записать диск для фирмы грамзаписи «Балкантон». Он, естественно, согласился, поскольку у себя на родине такой чести удостоен так и не был. Во время записи ему аккомпанировали на гитарах двое его коллег по театру — Дмитрий Межевич и Виталий Шаповалов. Несмотря на то, что последний не знал многих песен Высоцкого, пластинка была записана сразу, без единого дубля! На ней были представлены следующие песни: «Посещение музыки», «Песня о легчике», «В сон мне желтые огни», «Диалог у телевизора», «Охота на кабанов», «Кто за чем бежит», «Вот это да» и др.

Популярная актриса театра и кино Валентина Малявина в те сентябрьские дни находилась в киноэкспедиции в городе Ульяновске, где режиссер Борис Халзанов снимал фильм «День семейного торжества». Съемки ленты начались еще 10 июля в павильонах, после чего 23 августа группа начала натурные съемки в Ульяновске. Однако из-за отсутствия на студии качественного негатива пленки работу пришлось приостановить аж на две недели. Наконец все было улажено и съемки возобновились.

Между тем, отснявшись в своих эпизодах, Малявина стала готовиться к отъезду в Моск-

ву. Как вдруг в последний день с ней происходит ужасное — она встречается с маньяком. Встреча произошла в безлюдном парке недалеко от гостиницы «Венец», где жила Малявина. В парк же ее занесло по чистой случайности — хотела подышать свежим воздухом перед сном. Когда она бродила по его тихим аллеям, то краем глаза обратила внимание на молодого человека, который мелькнул на дорожке и исчез за поворотом. Сначала актриса не придавала этому значения, но когда парень объявился перед ней снова аккуратно в тот момент, когда она повернула к выходу, ее сердце сжалось в предчувствии чего-то нехорошего. Она не обманулась: перегорев ей дорогу, парень спросил: «Вы что здесь делаете?». «Гуляю», — ответила Малявина. «Меня зовут Сережа, а вас?» — продолжил свой допрос незнакомец. Актриса назвалась. Самое интересное, несмотря на то, что открытки с ее изображением продавались чуть ли не по всей стране, а фильмы демонстрировались по ТВ с завидной частотой, он ее не узнал. Видимо, предпочитал другие фильмы.

Когда Малявина сделала попытку обойти парня, тот сделал шаг в том же направлении, тем самым показывая, что отпускать ее не собирается. Вместо этого он предложил ей пройти к гостинице другим маршрутом — по ступенькам вверх. Малявиной не оставалось ничего иного, как подчиниться. Когда они шли к поросшей мхом лестнице, незнакомец с нескрываемой гордостью произнес: «Это моя территория. Я здесь царствую». И пояснил: «Я вечером прихожу сюда. Кто-нибудь обязательно заглядывает в мои владения». Малявиной стало жутко, хотя она всегда считала себя женщиной не из пугливых. Но ведь до этого она еще ни разу не встречалась с маньяком.

Дока они поднимались, актриса внезапно вспомнила, что у нее в сумке лежит бутылка коньяка и бутерброды. Она предложила парню перекусить, а заодно и поговорить о жизни. Тот поначалу опешил (видимо, никогда еще ему не доводилось пить со своими жертвами), а потом согласился. Сам привел женщину к одинокой скамейке. Когда они выпили по первой рюмке, парень признался, что его настоящее имя не Сережа, а Саша. Это несколько обнадежило Малявину: значит, парень ей начал доверять. Но она рано радовалась. Затем Саша поведал ей, что давно ненавидит женщин. С тех

пор, как вернулся домой и застал свою бывшую жену с любовником. Сообщив это, он стал вертеть в руках нож, в рукоятку которого была вмонтирована обнаженная женщина. Малявиной хватило большого труда не закричать или не броситься бежать прочь. В таком случае участь ее была бы решена. Вместо этого она внезапно предложила Саше... посостязаться в беге. Дескать, сможешь пробежать двадцать ступенек, не отдыхая? Тот откликнулся на эту идею с энтузиазмом.

Минут десять они бегали по ступенькам, после чего вновь сели на скамейку. Снова выпили. Саша продолжил свою исповедь: «Мне давно никто не верит. Почти все меня боятся. А ты поверила. Спасибо». Когда бутылка оказалась пуста, Саша вызвался проводить актрису до гостиницы. Но когда они оказались на дороге, ведущей в город, Саша подхватил Малявину на руки и прошел с ней несколько метров. Потом опустил на землю и прижал к стене какого-то дома. В нем, судя по всему, разыгрались чувства. Расстегнув молнию на брюках актрисы, он стал расстегивать и свои. Малявина не двигалась, объятая ужасом. Это его злило, поскольку все его предыдущие жертвы, видимо, сопротивлялись. И он не выдержал: «Ты чего молчишь? С ума сошла, что ли?». В этот момент актриса наконец вышла из оцепенения. Оттолкнув насильника, она стала на него наступать: «Ты что, думаешь я испугаюсь? А ну убери сейчас же это...».

Как ни странно, но маньяк не ударил свою жертву и не предпринял новых попыток ее изнасиловать. Вместо этого он зашел за угол... и стал мочиться. Для Малявиной представился идеальный случай покончить с ужасом раз и навсегда. Она побежала. Увидев это, маньяк бросился за ней. Чтобы он отвязался, она кинула ему свой кошелек, где лежала приличная сумма денег. Схватив его, парень прекратил преследовать свою жертву. Нетвердой походкой он отправился восвояси. А Малявина продолжила свой бег к гостинице. Пока бежала, заметила, что левая ладонь у нее крепко зажата. Только в номере, когда встала под горячий душ, она наконец разжала руку и увидела, что держала в ней распытие.

А теперь из Ульяновска перенесемся в город Углич Ярославской области, в одну из тамошних исправительно-трудовых колоний. В

воскресенье, 21 сентября, в 8 часов вечера, там случился бунт заключенных. Причем большая часть бунтовщиков оказалась пьяной по явному недосмотру охраны. Дело в том, что на территории ИТК возводили производственный корпус, куда каждый день приезжал с воли экскаватор с ковшом. Ушлые эски проделали щель в его днище и ежедневно привозили в зону ящик водки. В течение недели они пили втихую, а потом не сдержались. В день бунта эски играли между собой в футбол и после игры решили отметить это дело массовой попойкой. В итоге «под парами» оказались около тысячи заключенных. Они бросились к ПКТ (помещение камерного типа) и отпустили на волю всех отъявленных нарушителей. И под руководством последних отправились грабить местный магазин. Говорят, дорвавшись до чая, эски в ту ночь заваривали его ведрами.

Дело могло обернуться для охраны совсем худо, если бы к ним не пришла помощь в лице... моряков. В городе была овощная база Северного флота и тасовавших в тот день на ней капусту морячков бросили на помощь охранникам ИТК. Вместе с охраной и сводным отрядом городских милиционеров моряки вошли на зону. Причем по приказу свыше во избежание лишнего кровопролития все вошедшие обязаны были сдать огнестрельное оружие и получить вместо него... солдатские ремни. Дуболомы-начальники, видимо, рассчитывали, что их подчиненные вполне сумеют усмирить тысячную толпу озверевших зэков с помощью металлических пряжек.

Когда силы правопорядка вошли на зону, на дворе была полночь. Подогретые спиртным и чифирем, эски гостей не испугались и сами бросились врукопашную. Охранников стали забрасывать горящими головешками. Дело могло закончиться полным поражением сил правопорядка, если бы часть милиционеров не умудрилась спрятать у себя огнестрельное оружие. Началась стрельба на поражение. Только это смогло отрезвить зэков и обратить их в бегство. А спустя пару часов они и вовсе утихомирились. Их вывели из бараков, построили в «коробочки» и в течение нескольких часов держали на улице под дулами автоматов. И только затем в колонию прибыли основные силы областного УИНа. Следы крови потом отмывали по всему лагерю. Само собой разумеется, об

этом бунте в советской прессе не было сказано ни слова. Зато радио «Свобода» вечером 22 сентября вволю поупражнялось в красноречии: оповестило весь мир о том, что в Угличе полевая жандармерия подавила выступления угличских заключенных. Причем назывались какие-то заоблачные цифры погибших и раненых.

22 сентября Леонид Брежнев принял в Кремле советских и американских космонавтов, участвовавших в космическом полете «Союз» — «Аполлон». Генсек был плох: говорил невпопад какие-то странные вещи, путал имена. Однако присутствующие из деликатности делали вид, что все идет нормально. Брежнев всем космонавтам вручил часы, а те в свою очередь подарили ему часы «Омега» с московским временем, с которым летали в космос. Часы вручал Алексей Леонов, о чем он уже скоро пожалел. Послушаем его собственный рассказ:

«Вечером в программе «Время» показали следующую картинку. Брежнев что-то говорит мне, я ему показываю свои часы, он кивает головой, и на этом передача заканчивается. Создалось впечатление, что я ему говорю: «Время, Леонид Ильич, пора». Тогда все возмутились: «Как ты посмел допустить такое хамство, перебить генсекретаря!». Меня за это даже хотели из партии исключить. Пришлось долго оправдываться...».

Продолжает свою учебу в Краснознаменном институте ПГУ КГБ СССР, или Школе 101, Владимир Кузичкин. Учебный процесс для современных Штирлицев выглядел следующим образом. По общим вопросам, таким, как структура разведок основных капиталистических стран, читались лекции всему курсу. Подробнее же вопросы разведки изучались в отделениях по тридцать человек. Причем, если лекции о структуре КГБ были поверхностны, то лекции о структурах ЦРУ или Британской секретной службы были более детальными: сопровождалась схемами и диаграммами, назывались имена американских и английских офицеров разведки.

Студентов также обучали правилам конспирации и вербовки агентов. Одновременно они изучали кучу технических дисциплин, таких, как фотография, тайнопись, подбор и подготовка тайников, использование специальной аппаратуры для ближней связи с агентами и т. п.

Уделялось внимание и физподготовке, правда, она не была основной дисциплиной.. И хотя именно с 75-го года в качестве обязательной физической дисциплины в Школе 101 ввели карате, однако студентам каждый раз напоминали, что главное в их работе не кулаки, а мозги. Та же ситуация была и с огневой подготовкой: тот же Кузичкин за год обучения будет держать пистолет Макарова всего один раз и выстрелит из него три раза.

24 сентября Леонид Брежнев вновь принял у себя большую группу делегатов — на сей раз это были зачинатели стахановского движения. Как мы помним, в самом конце августа страна праздновала круглую дату — 40 лет со дня рождения Алексея Стаханова и зарождения движения его имени. Брежнев в те дни находился не в лучшей форме, поэтому празднества прошли без его участия. Однако выздоровев, генсек решил наверстать упущенное и собрал у себя в Кремле группу именитых стахановцев: Константина Борина, Марию Виноградову, Ивана Гудова, Константина Петрова и других. Была у него задумка пригласить на встречу и самого виновника торжества, но его от этой затеи отговорили: сказали, что Стаханов неадекватен и вполне может учудить какую-нибудь неожиданность. В газетах, освещавших встречу, про это, естественно, не было сказано ни слова. В них имя Стаханова вообще было упомянуто вскользь: мол, Брежнев попросил гостей передать Стаханову большой привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Между тем Владимир Высоцкий вместе с Театром на Таганке, завершив гастроли по Болгарии, 24 сентября вернулся на родину. Два дня спустя Высоцкий был в гостях у актрисы Вахтанговского театра Людмилы Максаковой, где под хорошую закуску спел несколько песен. Среди них была и новая — «Баллада о детстве» («Час зачатья я помню не точно, значит, память моя однобока...»). Песня поразила всех присутствующих. А через день Высоцкий «развязал». Вот как об этом вспоминает Э. Володарский:

«Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Володя пьяный! И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Володя смотрит на часы и говорит: «Через три дня Мариночка прилетает». Продолжаем гудеть. На следую-

ший день Володя опять смотрит на часы: «Через два дня Марина прилетает. Надо ее встретить». На третий день: «Через два часа эта сука прилетит!». Естественно, мы ее не встретили. Фарида (жена Володарского. — Ф. Р.) отвезла Володю на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта приедет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: «Вот, любимую рубашку порвала». Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге Фарида: «Дай мне денег, я улетаю». Фарида говорит: «Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь». Она хотела их помирить. Марина зашла. Села на кухне. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы совещаемся в комнате. Володя говорит: «Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!». Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватает бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фарида: «Так нельзя. У Володи спектакли, фильм, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать».

Бутылка кончилась. Появляется Володя на пороге и говорит: «Где водка?». Фарида с Мариной молчат. Вдруг Марина говорит: «Володя, водка есть, но она не здесь». — «А где?». — «Ну, там, в Склифе». Он приходит ко мне: «Эдька, они говорят, в Склифе нам водки дадут, поехали». А мы уже такие пьяные, что не замечаем, что в Склифе водку не дают, там совсем другое дают. Я даю Володьке свой пиджак, а он щупленький, рукава висят, как у сироты. Спускаемся в лифте, выходим из подъезда.

Едем. Какой-то полуподвал. Там все Володькины друзья, вся бригада реанимации, которая его всегда спасала. Они все, конечно, сразу поняли. Мы сидим, ждем, когда нам дадут водки. Володьку увели. Ну, думаю, уже дадут. Вдруг его ведут. А ему уже какой-то укол сделали, и он так на меня посмотрел: «Беги отсюда, ничего здесь не дают». И его увели. А я вскочил на стол, размахивая ножом кухонным, который взял из дома, открыл окно и ушел на улицу. На следующий день пьянка уже кончилась, все тихо. Звонит Марина: «Володя уже вернулся из больницы, приезжайте, будем пить чай». Мы едем к ним. Действительно, на кухне

накрыт чай. Володька сидит во-о-от с таким фингалом под глазом. Руки стерты в запястьях. Говорит: «Вот что со мной в больнице сделали, санитар мне в глаз дал». Там жесточайшие способы. Они его раздевали догола, привязывали к цинковому столу и делали какие-то уколы. Он выворачивал руки, стер их в кровь и все время вопил, что он артист, что с ним так нельзя. И так надоел санитару, что тот дал ему в глаз. А он тогда снимался в «Арапе Петра Великого» у Митты. Вот так нас привели в чувство, и мы кроткие, аки голуби, сидели на кухне и пили чай...».

После посещения Склифа Высоцкому на какое-то время пришлось надеть на глаза темные очки, а запястья на руках перевязать бинтами. Всем любопытным он объяснял, что поранился во время съемок в «Арапе»: дескать, скакал на лошади, та угодила копытом в яму от старого телеграфного столба, и он вылетел из седла. Из-за этих ран было под вопросом участие Высоцкого в гастролях «Таганки» в Ростове-на-Дону, которые должны были начаться в начале октября, но актер заверил всех, что вполне работоспособен.

В эти же дни 60-летний юбилей отмечает известный писатель Сергей Смирнов. 26 сентября в «Комсомольской правде» была напечатана поздравительная заметка, в которой описывался неопенимый вклад юбиляра в летопись Великой Отечественной войны (написано несколько книг, в том числе эпохальная — «Брестская крепость», на ТВ выходит передача «Подвиг», которую он ведет). Однако в заметке умалчивались другие, неудобные факты, которые случились буквально накануне юбилея писателя. А случилось вот что. Один из главных героев книги «Брестская крепость» — Самвел Матевосян — был обвинен в злоупотреблении служебным положением (якобы при строительстве дома приобретал стройматериалы не по розничным, а по фондовым ценам, чем нанес государству материальный ущерб на 641 рубль 19 копеек), лишен звания Героя Соцтруда, исключен из партии и осужден к шести месяцам лишения свободы. А тут, накануне 30-летия Победы, в волго-вятском издательстве готовились к очередной публикации 130 тысяч экземпляров «Брестской крепости», где Матевосян фигурировал в качестве героя. В итоге по при-

казу сверху весь тираж «изрезали в лапшу» и отправили в макулатуру. А писателю сказали, что книга может остаться в планах других издательств, если он внесет в нее изменения и убереет главу про Матевосяна. Смирнов отказался, после чего его знаменитая книга «легла на полку». В «Комсомолке» про это не было ни слова.

Забегая вперед, скажу, что Матевосян будет реабилитирован десятилетие спустя — в конце 80-х. А в середине следующего десятилетия ему вернут и Звезду Героя Соцтруда. К тому времени Сергея Смирнова уже давно не будет в живых. Но вернемся в сентябрь 75-го.

В Саратове вот уже почти месяц орудует шайка грабителей. Как мы помним, свое первое ограбление — кражу из сейфа учебно-производственного комбината общества слепых 4200 рублей — эти преступники совершили в начале сентября. И вот в конце месяца они вновь проявили себя: 26 сентября пробрались в почтовое отделение, откуда похитили 6 046 рублей, а также прихватили из сейфа револьвер, а четыре дня спустя грабанаули сберкассу на сумму 2 640 рублей и завладели еще одним револьвером. Милиция буквально сбивалась с ног в поисках грабителей, но напасть на их след никак не могла. Уж больно грамотно те действовали: работали в перчатках, никаких контактов с уголовным миром не поддерживали.

В эти же дни с ног сбиваются и стражи порядка в Риге, где вот уже девять месяцев орудует неуловимый душегуб, отправивший на тот свет двух человек, один из которых старший оперуполномоченный КГБ Латвии. Все свои жертвы преступник убивал выстрелом в затылок из пистолета системы «парабеллум», после чего обязательно грабил. 27 сентября к двум его жертвам добавилась третья: на этот раз пуля настигла гражданина А. Сердечного. Судя по всем признакам, его убили по следующей схеме: убийца подсел к нему в «Жигули» где-то в городе, попросил подвезти до нужного места, а по дороге убил и ограбил. Автомобиль с убитым был обнаружен случайными прохожими в половине второго дня в жилом массиве Иманта, у дома номер 40 на улице, носящей имя одного из основоположников коммунизма Фридриха Энгельса.

27 сентября в странах соцлагеря был проведен Всемирный день борьбы за освобождение Луиса Корвалана. Сегодня имя этого человека

у нас уже изрядно подзабыто, а тогда чуть ли не на каждом заборе висели плакаты с его изображением. Вот уже почти два года Корвалан томился в застенках пиночетовского режима и советское руководство делало все от него зависящее, чтобы вырвать его оттуда. Что касается простых советских граждан, то они в большинстве своем тоже сочувствовали заключенному, однако на митинги в его защиту шли без особого энтузиазма (обычно их чуть ли не силком сгоняло туда руководство предприятий). Именно тогда в народе пошла гулять следующая шутка: «Я не знаю, кто такой Луис, я не знаю, кто такой Корвалан, но если их обоих не выпустят из тюрьмы, я завтра на работу не выйду».

В конце сентября внезапно почувствовал себя плохо Юрий Никулин. 30 сентября он отправился к врачу при цирке на Цветном бульваре, который обнаружил у него невралгический невроз и стенокардию. «Вам надо резко сократить нагрузки, Юрий Владимирович», — посоветовал артисту врач. «Как же их сократить, когда я играю в цирке и одновременно снимаюсь в кино? — развел руками Никулин. — Я и так уже столько раз подводил Германа». (Речь шла о кинорежиссере Алексее Германе, у которого Никулин снимался в фильме «Двадцать дней без войны» и где прости достигли небывалой цифры в 40 дней.) «Но в противном случае вы рискуете жизнью», — коротко резюмировал врач. Никулин принял это предупреждение к сведению.

В тот же день в «Двух капитанах» снимали эпизод, где Саня Григорьев рассказывает жене полярного исследователя Татаринова (Ирина Печерникова) о письмах ее мужа, которые волею случая попали к нему в руки еще в детстве и из которых следовало, что в гибели Татаринова виновен... его родной брат, с которым жена полярника теперь живет. Эта новость во многом станет причиной преждевременной кончины женщины.

Во второй половине сентября в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 22-го в одном из лучших кинозалов Москвы начали крутить ленту Сергея Михалкина «Премия» с участием таких звезд отечественного кино, как Евгений Леонов, Олег Янковский, Владимир Самойлов, Нина Ургант, Михаил Глузский, Армен Джигарханян, Свет-

лана Крючкова и др. На что я никогда не любил фильмы на производственные темы, но к «Премии» прикипел всей душой с первого же просмотра: с тех пор никогда не пропускаю ее во время повторов по ТВ. С 16 сентября в кинотеатре «Варшава» в рамках Дней польской культуры в СССР в течение недели демонстрировалась эпопея Ежи Гоффмана «Потоп». Поскольку фильм был длинный — аж четыре серии, — его демонстрировали по частям: две серии — в один день, две — в другой. Помнится, заинтригованный сюжетом (книги Генрика Сенкевича в нашей среде были очень популярны), я в одиночку отправился на «Войковскую» и посмотрел первую часть. Однако две заключительные серии мне посмотреть так и не удалось: то ли фильм не понравился, то ли времени свободного не оказалось. Так я и живу с ополовиненным «Потопом». С 22 сентября на экраны столичных кинотеатров вышли сразу несколько зарубежных фильмов: итальянский детектив «Дело гражданина вне всяких подозрений», польский боевик «Темная река», английская комедия «Воздушные приключения».

Кино по ТВ: «Вариант «Омега» (премьера т/ф 15—19-го), «Аршин мал алан» (17-го), «Непридуманная история» (18-го), «Город мастеров», «Мужской разговор» (19-го), «Без вины виноватые» (21-го), «Олеко Дундич», «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (премьера т/сп 22-го), «Приходите завтра» (23-го), «Карь-

ера Димы Горина», «Коллеги» (27-го), «Сережа» (28-го), «Лев Гурыч Синичкин» (30-го) и др.

Из других передач выделю следующие: «А ну-ка, девушки!» (24-го), «Бенефис» (с Ларисой Голубкиной) (26-го), «Артлото» (28-го) и др.

Из театральных премьер выделю одну: спектакль «Вечерний свет», сыгранный в Малом театре 30 сентября. В нем участвовали Руфина Нифонтова, Евгений Весник, Юрий Каюров, Валерий Носик, Николай Подгорный и др.

Эстрадные представления: 23-го — в ГТЭ пел Иван Суржиков; 26—28-го — в киноконцертном зале «Октябрь» выступал Государственный оркестр РСФСР под руководством Леонида Утесова; 26—30-го — на сцене ДК имени Горбунова пели Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята». Кстати, в сентябре вышла гибкая пластинка Пугачевой и «Веселых», на которой были записаны четыре песни композитора Р. Манукова: «Вишня» (слова — А. Прокофьев), «Ясные светлые глаза» (В. Лазарев), «Избранник» (Т. Сашко), «Не надо ждать» (В. Харитонов).

Из других новинок «Мелодии» выделю диск-гигант ВИА «Поющие сердца» с песнями: «Кто тебе сказал» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Но ты проходишь стороной» (В. Векштейн — И. Кохановский), «Оглянись во гнев» (Н. Богословский), «Подари мне улыбку» (Дж. Панков), «Возвратите любовь» (А. Днепров — О. Павлова) и др.

1975

Октябрь

Борис Буряца торгует бриллиантами. Олег Даль на грани развода. Как рязанские сыщики поймали грабителей химчистки. Гастроли Театра на Таганке в Ростове-на-Дону: Высоцкого подводят почки. «Динамо» (Киев) выигрывает Суперкубок. Беспольный день на съемках «Арапа». Высоцкому приписали очередную любовницу. В Люберцах схвачены маньяки. Нобелевская премия Андрею Сахарову. Как Эдуарда Тополя заставили переделывать сценарий. Любовь с хромоножкой. В ростовском магазине «Мелодия» не узнали Высоцкого. «Табор уходит в небо»: съемки вперемешку с пьянками. Почечный приступ заставляет Высоцкого прервать гастроли. Хворь Юрия Никулина. Спецслужбы «зачищают» Москву. Визит президента Франции. Как Брежнев «оскорбил» высокого гостя. Распад ВИА «Самоцветы». В «Таборе» снимают финал — смерть героини. День рождения министра обороны СССР. Сценарий Тополя принят. Умер актер Б. Бабкаускас. Как Олег Даль повредил ногу. Высоцкий на больничном. Как Александр Митта упал с лестницы. Рождение «Звуковой дорожки». Как Олег Даль разуверился в своих коллегах. «Дело Трионона»: начало. Кастрированное интервью Николая Щелокова. Банда из Саратова: новые ограбления. Битловская «Комтугеза» покоряет страну.

Стенли Лауден и английская группа «Доули Фэмили» после концертов в Ленинграде и Волгограде перебрались в Вильнюс. Лауден приехал туда не с пустыми руками: на полмиллиона рублей он прикупил в Волгограде бриллиантов для Галины Брежневой и теперь с нетерпением ждал, когда этот груз у него заберут. Между тем, как и обещала дочь генсека, покупка столь большой партии драгоценностей прошла без каких-либо эксцессов. Тогда же Лауден узнал, зачем Галине и Борису понадобилось покупать столь большую партию «камней»: аккуратно в эти дни было официально объявлено о государственном повышении цен на ювелирные изделия. Как правильно понял англичанин, дочь генсека и ее любовник собирались нажиться на разнице цен. Так оно и вышло. Вскоре в Вильнюс приехал сам Буряца и, забрав «камешки», стал торговать ими направо и налево в увеселительных заведениях Вильнюса. Причем, как заметил Лауден, львиную долю его покупателей составляли выходцы с Кавказа.

В один из дней Лауден стал свидетелем того, как Борис передал какому-то цыгану какие-то бумаги. Когда сделка была завершена и цыган удалился, Борис объяснил продюсеру суть происшедшего. Услышанное повергло англичанина в ужас. Оказывается, в бумагах содержались компрометирующие сведения о преступных махинациях в высших сферах кремлевского руководства. Когда Лауден спросил Бориса, зачем он это ему рассказывает, тот ответил откровенно: «Вы можете мне пригодиться. Я знаю, что вы будете молчать, но однажды, если КГБ спросит вас, вы можете им все рассказать, и это будет еще одним подтверждением, что такие документы существуют. Вы — часть моей страховой политики».

Непростое время переживает Олег Даль. Как мы помним, весной он перебрался с женой и тещей в новую квартиру на улице Новаторов, однако на новом месте новоселы практически не объявляются, предпочитая жить в Переделкинне на даче Виктора Шкловского. Там в сентябре между Далем и его женой Елизаветой

произошла серьезная размолвка. В итоге жена собрала свои нехитрые пожитки и вместе с матерью уехала на улицу Новаторов, а Даль осталась в Переделкине. Поскольку Шкловские тогда тоже жили в городе, актеру пришлось обитать на даче в гордом одиночестве. В холодильнике кроме яиц ничего не было, поэтому весь рацион Даля состоял из яичницы. А все свободное время актер проводил либо с писателем Вениамином Кавериним, жившим по соседству, либо интенсивно «закладывал за воротник».

Вспоминает теща актера Ольга Эйхенбаум: «Лиза не проявляла к нему никакого интереса в течение недели — сидела в Москве и злилась на него. А он обижался на то, что она не приезжает и «морит его голодом». Потом он плюнул и уехал не к нам, а в Люблино, к матери. Оттуда позвонил Лизе и сказал, что уходит от нас. Она стала плакать:

— Такие дела не решаются по телефону... Если тебе что-то не нравится и ты хочешь уйти от меня, так приезжай — мы поговорим... Так нельзя поступать...

— Хорошо. Я приеду за вещами.

Узнав, что он приедет забирать вещи, я в очень угнетенном состоянии ушла из дому и бродила по улицам, пока не наткнулась на какой-то кинотеатр, где шел «Фанфан-тюльпан». Купила билет, но в кино продолжала реветь, а на экран почти не смотрела, хотя очень люблю этот фильм. Никак не смотрелось... Потом опять брела по Ленинскому проспекту — уже в полной тьме. Подойдя к нашему дому, я вытерла слезы и... позвонила в дверь.

Открыла мне Лиза с веселым лицом и очень бодро подмигнула. Я сняла плащ и тихонько заглянула в их комнату. Лежавший на постели и смотрящий на меня Олег приветливо махнул рукой.

Ни тогда, ни сейчас я Лизу ни о чем не спрашивала. Сама же она сказала, что, когда Олег приехал и она увидела, что он без чемодана, оба сделали вид, что на эту тему даже в помине не было никакого разговора. Просто, пока Олег ехал, он успокоился. Лиза в ожидании его тоже успокоилась и встретила его не с зареванными глазами и трагическим заламыванием рук, а очень достойно...».

А теперь из Москвы перенесемся в Рязань. В ночь с 3 на 4 октября там ограбили... химчистку на улице Дзержинского. Не ахти какое преступление, скажет читатель, но, как говорится, чем богаты. Ведь в те достопамятные годы заказных убийств не было и в помине, а маньяки если и встречались, то крайне редко. В той же Рязани в 75-м не было ни одного, а львиная доля тяжких преступлений приходилась на скучную «бытовуху». Но вернусь к химчистке. Неизвестные грабители проникли в нее путем взлома оконной рамы и унесли оттуда одежду на сумму свыше 500 тогдашних рублей. Расследование преступления поручили сыскарям из ближайшего отделения милиции. И те нашли грабителей за считанные дни.

Начали сыщики с того, что опросили жильцов близлежащих домов на предмет выявления сомнительных личностей, ведущих антиобщественный образ жизни. Добропорядочные граждане назвали несколько имен, среди которых чаще всего мелькали фамилии двух братьев — Михаила и Вячеслава Михеевых (фамилия изменена). Люди отзывались о них весьма неодобрительно: дескать, нигде не работают, а одеваются всегда с иголки. Вот и давеча кто-то видел, что младший из Михеевых — Вячеслав — шеголяет в новой «олимпийке». Сыщики решили навестить братанов. А что же они у них обнаружили? Оказывается, «олимпийка» Михеева-младшего входила в число украденных в химчистке вещей. Поскольку отпираться на этот счет было бессмысленно, Вячеслав сознался в ограблении, но заявил следующее: что грабил один, а краденые вещи уже успел продать неизвестным людям. Но сыщики позволили себе не поверить парню. И взялись за старшего брата — Михаила.

С первого же допроса тот пошел в «несознанку»: мол, ничего не знаю, а в день ограбления был в Москве. А сыщикам уже были известны все адреса михеевских родственников в столице. Они попросили Михаила перечислить их. Когда он закончил, спросили: «А что же ты не называешь адрес своего родного папаши?». Михаил сначала сильно удивился такой осведомленности сыщиков, а когда совладал со своим волнением, ответил, что со своим непутевым отцом давно прервал всяческие отношения. Но сыщики и здесь позволили себе не поверить словам допрашиваемого. И отрядили в златоглавую двух своих товарищей с целью навестить родителя Михеевых и провести у него

обыск. Как и следовало ожидать, все украденные вещи хранились именно там. Таким образом, на распутывание этого преступления у сыщиков ушло всего лишь три дня.

Тем временем в самом начале октября Театр на Таганке начал гастроль в городе Ростове-на-Дону. Был там и Высоцкий, хотя поначалу его участие в гастролях оказалось под вопросом — как мы помним, актер «развязал», да еще обе руки у него были ранены. Свои спектакли «Таганка» показывала на сцене Театра имени Горького при неизменных аншлагах. Причем особенный наплыв публики был в дни, когда показывали спектакли с участием Высоцкого. Отдельный разговор — концерты Высоцкого, где столпотворение было просто грандиозное.

В субботу, 4 октября, к Высоцкому приехал его давний приятель — яхтсмен Всеволод Ханчин. Вот как об этом вспоминает сам спортсмен: «Я прилетел рано утром. Меня встретил Борис Ширпшин, и мы отправились в гостиницу. Приехав туда, стали интересоваться у дежурного администратора, где остановились актеры, в каком номере проживает Высоцкий.

— Мы номера комнат артистов не даем. Номер Хмельницкого? Так и быть, дадим.

Пока администратор выискивал в списке актеров, где проживает Хмельницкий, я увидел фамилию Высоцкого и номер его комнаты. Стучимся.

— Войдите! — звучит знакомый голос. Актер не спал, с книжкой лежал в постели. — Вот уж не ожидал! Каким ветром, каким галсом?

Умываясь, Высоцкий спросил, где я остановился. Узнав, что в яхт-клубе, предложил: «Живи у меня, вдвоем веселее будет!». Так мы прожили неделю. Каждый вечер — спектакли, днем — купания на Дону, концерты...».

На следующий день с утра приятели-яхтсмены решили угостить Высоцкого и его коллегу по театру Ивана Бортника настоящей донской ухой. Пришли на гребную базу «Спартак» и оттуда на мотолодке «Прогресс» отправились вверх по Дону. Высоцкий, как заправский штурман, сел за руль. Через какое-то время прибыли в яхт-клуб «Ростсельмаша», где на берегу их встретили тамошние яхтсмены. Угощение уже было готово — красная донская уха с тузлуком, подаваемым отдельно. Первый бокал шампанского — за уху. Правда, Высоцкий к напитку не

притронулся, только хлебал уху, да нахваливал ее. И еще шутил, что теперь его супруга обязательно будет варить в Париже точно такую же. Так незаметно пролетело несколько часов.

Вечером Высоцкий играл в спектакле «Добрый человек из Сезуана», однако перед самым началом вдруг почувствовал себя плохо. Коллеги тут же вызвали ему «скорую». Приехавшая на ней врач Светлана Гудцова констатировала у Высоцкого почечные колики. Спросила, нельзя ли отложить спектакль, на что Высоцкий ответил отрицательно: дескать, у меня нет замены. Молодая и красивая врачиха актеру понравилась, и он выпросил у нее домашний и рабочий телефоны для продолжения знакомства.

6 октября в Киеве состоялся второй матч финала Суперкубка по футболу между местным «Динамо» и мюнхенской «Баварией». Как мы помним, в первой игре удача была на стороне киевлян, которые победили со счетом 1:0 (мяч забил Олег Блохин). Поскольку перевес был минимальным, немцы были полны решимости одолеть своих визави у них дома, невзирая на то, что и те настроены только на победу. По немыслимому стечению обстоятельств, 6 октября в Киеве справляли знаменательную дату — день освобождения города от немецких оккупантов. Видимо, поэтому, когда накануне игры мюнхенцы прилетели в Киев, их встретили отнюдь не гостеприимно — таможенники устроили им двухчасовой досмотр багажа в аэропорту, из-за чего те вынуждены были ужинать с большим опозданием, чуть ли не ночью. Кстати, ужин у немцев был своеобразным: в меню по настоянию самих немцев входило... пиво, а также вино (его пил капитан «Баварии» Франц Беккенбауэр). Для киевлян это было настоящим открытием: до финального матча остается всего лишь несколько часов, а «баварцы» хлещут спиртное! Однако тренер немцев Крамер объяснил это просто: дескать, лучше спать будут, особенно после нервотрепки в аэропорту. И футболисты действительно хорошо спали и вставали на следующее утро, кто когда хотел (советские футболисты обязаны были вставать по сигналу общего подъема).

Стоит отметить, что киевская сторона сделала все для того, чтобы обеспечить судьям (а матч судили турки) максимальный комфорт и удобства. Перед их приездом в каждом номере гостиницы были поставлены уникальные суве-

нирные самовары с намеком на то, чтобы турки их выпросили себе. Едва они об этом заикнулись, как самовары тут же были им подарены. А за день до матча судьи были приглашены на тренировочную базу киевлян в Конча-Заспе, где с ними был сыгран товарищеский матч по мини-футболу. Причем хозяева явно поддавались гостям и проиграли с разгромным счетом 3:11. Довольные турки ушли париться в баню.

И все же игру сделали не судьи (единственное, чего от них добивались киевляне, чтобы они хотя бы не мешали), а сами динамовцы. При невероятном стечении публики, а также миллионной аудитории телезрителей они устроили немцам второй Сталинград. Героем этого матча, как и первого, стал Олег Блохин. Практически всю игру он куражился над своим подопечным — капитаном баварцев Беккенбауэром, будто тот был не признанным асом мирового футбола, а безусым новичком. Первый мяч Блохин забил в том же стиле, что и в первой игре: обыграл защитников и послал шарик в незащищенный угол ворот. Второй мяч он вколотил со штрафного. Причем обычно Блохин не бил штрафные, но в тот день он поймал такой кураж, что буквально растолкал своих одноклубников и точно пробил мимо «стенки».

После игры состоялось торжественное вручение Суперкубка победителям. Награду вручал президент УЕФА Артемио Франки, причем кубок был настолько тяжелым, что президент не стал поднимать его с пьедестала, а попросил динамовцев самим взять его в руки. С этим кубком счастливые футболисты совершили круг почета под восторженный рев многотысячного стадиона. В раздевалке кубок «обмыли»: налили в него шампанское и каждый из футболистов и тренеров сделал несколько глотков.

За победу в Суперкубке динамовцы получили премиальные в размере 400 долларов США (за победу в Кубке кубков награда была большей — 600 долларов). Однако недостающие баксы были компенсированы другим: по личному распоряжению хозяина Украины Владимира Щербицкого футболистам была дана возможность приобрести по госцене автомобили «Волга». При этом работники ЦК предупредили спортсменов, чтобы те не вздумали про-

давать машины на сторону. Но это пожелание было проигнорировано: поскольку практически у всех динамовцев в гаражах уже были автомобили, они продали «Волги» в три раза дороже, чем купили. Получился очень приличный навар.

7 октября съемочная группа фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» работала на натуре — в Подмоскovie снимали эпизод проезда арапа (Владимир Высоцкий) и его слуги Фильки (Валерий Золотухин) в карете. Оба актера приехали из Ростова-на-Дону, где проходили гастроли «Таганки», чтобы за пару дней успеть отсняться в этом, а также в ряде других эпизодов. Но работа явно не заладилась. Как будет чуть позже вспоминать сам Высоцкий: «Мы должны были снимать маленькую сцену. Приехали, как всегда... Говорят: «В кино никогда не опоздаешь». Я рвался туда, отпрашивался от спектаклей, поехал больной... Приехали — мы десять часов сидели на натуре, потом чего-то не привезли, чего-то у них не отладилось... В результате мы сняли три метра полной ночи (по-моему, можно было кошку снимать вместо меня), и на этом разъехались. Вот такое кино...».

8 октября Высоцкий вернулся в Ростов-на-Дону, где в тот же день вечером дал концерт для работников местной санэпидстанции. После концерта артиста отвезли в Комбинат прикладного искусства, где его щедро одарили сувенирами. А на следующий день Высоцкий выступил с концертом на заводе «Гранит». Туда он пригласил и свою новую знакомую — врача «Скорой помощи» Светлану Гудцкову. Она подъехала к нему в гостиницу «Интурист» на «Волге», и они отправились на выступление. Концерт начался в два часа дня и шел около двух часов. Высоцкий исполнил песни: «Всю войну под завязку», «Тот, который не стрелял», «Я не люблю», «Утренняя гимнастика», «Марафон», «Жертва телевидения», «Частный собственник», «Ой, Вань...» и др. Ближе к концу концерта Гудцкова вдруг собралась уходить (она куда-то спешила), но Высоцкий, заметив, как она встала с места, вслух попросил ее остаться и дослушать последние две песни. После концерта Высоцкому подарили хрустальную вазу с надписью «Ростов-Дон», и, когда они с Гудцковой вернулись на той же «Волге» в «Интурист», артист предложил эту вазу в пода-

рок своей новой знакомой. Но она наотрез отказалась: дескать, дареное не дарят. Сделав ему перевязку на руках, она уехала. Как будет вспоминать позднее она сама:

«В это время по городу поползли совершенно нелепые слухи о Высоцком. Один из них заключался в том, что я его любовница. Мы же были просто друзьями... Вообще, надо сказать, народ ростовский отнесся к нему с какой-то настороженностью. И когда Володя звонил мне на работу, представлялся родственником...».

А в Люберецком районе Московской области наконец-то удалось поймать маньяков, которые терроризировали область на протяжении восьми месяцев. За это время от рук выродков погибли 12 женщин, еще на 4 было совершено покушение, и лишь случайность спасла их от смерти. Уникальность этого дела состояла в том, что маньяки действовали не разрозненно, а в тесном контакте друг с другом. Объединив свои усилия, они практически каждый месяц выходили на охоту, но все время в разных местах области: то в Теплом Ключе, то в Малаховке, то в Котельниках или самих Люберцах. Сыщики буквально сбивались с ног в поисках преступников, а те, уверовав в свою неуловимость, зверели все сильнее и сильнее.

Но, как говорится, сколь веревочка ни вейся... Одного из маньяков вычислили по показаниям свидетелей и арестовали прямо на дому. Им оказался 16-летний Андрей Шувалов. Он наотрез отказался называть имя своего сообщника, уверяя, что действовал в одиночку. Но его старания оказались напрасными. Сообщник, конечно же, после ареста компаньона затих, но затем звериное нутро вновь погнало его на охоту. Вооружившись кувалдой, он занял позицию в кустах возле ТЭЦ-22, поджидая очередную жертву. Наконец она появилась: молодая женщина с сумочкой через плечо. Маньяк пропустил ее вперед, намереваясь напасть сзади. Но в тот момент, когда он уже пристраивался к жертве, его и взяли оперативники. Маньяком оказался Николай Шестаков, которого суд вскоре приговорит к высшей мере наказания — расстрелу. Его компаньона от смерти спасет несовершеннолетие — он получит 15 лет тюрьмы.

Но вернемся в октябрь 75-го.

Продолжаются съемки «Двух капитанов». Съемки чередуются: то снимают в павильонах,

то выезжают на натуру. 9 октября снимали последнюю сцену. Съемочной площадкой стал пятачок возле старенького дома в Савельевском переулке, что возле метро «Кропоткинская». Там снимали парадную дверь дома Татариновых: Саня Григорьев, не дождавшись возлюбленную в Нескучном саду, приходит к ней домой, но на его настойчивые звонки в дверь никто не реагирует. Он собирается уходить, как вдруг сталкивается с хозяйкой — Ниной Капитоновной (Вера Кузнецова). Но та встречает его неласково: говорит, чтобы он больше никогда у них не появлялся. И, не объяснив ничего толком, скрывается в доме.

9 октября в Советский Союз пришло известие, что Нобелевская премия Мира присуждена советскому академику-диссиденту Андрею Сахарову. Для Кремля эта новость стала неожиданностью: там рассчитывали, что премию получит старый друг Советского Союза и лично Леонида Брежнева президент Финляндии У. Кекконен, который недавно отпраздновал 75-летие. Но Нобелевский комитет решил по-своему. Сахарова эта новость застала в гостях у его приятеля Юрия Тувина. Причем принесли ее западные корреспонденты, которые каким-то немыслимым образом сумели разведать, где находится академик, и нагрянули туда, вооруженные диктофонами, фотоаппаратами и видеокамерами. Кстати, в этот же день жена Сахарова Елена Боннэр, находящаяся в Италии, примеряла контактные линзы (операция на глаза прошла в начале сентября, наступление глаукомы на глаз было остановлено) и узнала о награждении мужа во врачебном кабинете.

Практически всю ночь телефон в доме Сахарова не умолкал — академика поздравляли его друзья и сподвижники. Звонки были даже из-за рубежа: от Александра Солженицына, Александра Галича и др. Ничто не изменилось и с наступлением утра: звонки продолжались непрерывно, кроме этого, начались и визиты. Одними из первых пришли поздравить лауреата представители норвежского посольства с первым секретарем во главе — они принесли поздравительное письмо посла и чудесные розы в красивой вазе. В конце концов, когда от звонков и визитеров у Сахарова и его домохозяек стала пухнуть голова, было решено переехать на дачу.

В пятницу, 10 октября, в Главной сценарно-редакционной коллегии художественных фильмов состоялось обсуждение сценария Эдуарда Тополя «Инспектор по делам несовершеннолетних» (в прокате фильм получит более короткое название «Несовершеннолетние»), повествующего о судьбе трудных подростков. Фильм собирался снимать на киностудии имени Горького режиссер Владимир Роговой, прогремевший на всю страну фильмом «Офицеры» и который вместе с Тополем присутствовал на том заседании. Обсуждение получилось горячим и завершилось требованием к авторам внести в материал существенные поправки. В противном случае дорога на большой экран ему будет закрыта. Главную претензию к авторам выразил один из присутствующих, который заявил: «Да вы что? У вас же тут настоящая банда — пять хулиганов терроризируют целый город! Грабят рабочих! Пьют! Играют в карты! Нет! Нет! Сократите эту банду до трех человек».

Роговой попытался было возразить: «Я фронтовик, коммунист и всей душой за советскую власть! Главным консультантом на фильме является замминистра внутренних дел Борис Шумилин, который сценарий полностью одобрил. Но если вам так хочется... Мы согласны вписать в сценарий еще один отряд юных пионеров с барабанами, которые забьют пятерых хулиганов. Сразу станет видно: хороших ребят у нас колонны, а плохих всего пять. Договорились?».

Но выступление Рогового ни капли не тронуло сердца присутствующих. Они упорно стояли на своем: сократите число хулиганов. Торг продолжался в течение нескольких минут и завершился тем, что авторы уступили — они согласились, чтобы хулиганов стало четверо. На том и разошлись на неделю. Выходя из кабинета, Роговой как мог успокоил Тополя: дескать, не расстраивайся. Внеси им эти поправки, а уж я сниму все, что мы захотим. Тополь ему поверил и, сев в свой зеленый «жигуленок», отправился дописывать сценарий в Дом творчества в Болшево. Но по дороге туда, в Подлипках, он сообразил, что опоздал к обеду, и решил свернуть в тамошний магазин, чтобы купить чего-нибудь съестного. Как выяснилось позже, эта остановка была уготована сценаристу самой судьбой.

За прилавком продуктового Тополь обнаружил молодую продавщицу — тоненькую, лет восемнадцати, девушку с грустными зелеными глазами. Купив у нее полкило колбасы и хлеба, сценарист поинтересовался, что она делает сегодня вечером. «А что?» — лениво протянула девушка, видимо, уставшая от таких ухажеров. Но этот ухажер был не чета прежним, поскольку с ходу предложил ей поехать в Москву, да не куда-нибудь, а в Дом кино, где давали французский фильм с Ивом Монтаном. Ответ продавщицы был положительный.

В семь вечера Тополь подъехал к магазину. Девушка не заставила себя долго ждать и выпорхнула на улицу, едва «жигуль» ухажера остановился у крыльца. Но едва она появилась, как сердце Тополя упало в желудок: девушка оказалась хромоножкой и припадала на короткую левую ногу, как Баба-Яга. Сценарист заставил себя не дрогнуть ни одним лицевым мускулом и, выйдя из машины, открыл перед девушкой переднюю дверцу. По дороге они познакомились, и Тополь узнал, что девушка носит красивое русское имя Алена.

После фильма Тополь привез девушку в свой болшевский номер, где они до утра занимались любовью. А в короткие моменты отдыха и расслабления Алена рассказывала ухажеру о своем детстве. А оно у нее было ох каким нелегким. По ее словам, отец у нее был алкоголиком и постоянно третировал их с матерью. Чуть ли не каждый вечер, приходя с работы «подшофе», он заставлял дочь петь ему любимые песни, в противном случае обещая избить и ее, и мать. Инвалидность свою она тоже заработала благодаря отцу: когда Алене исполнилось четырнадцать, он попытался ее изнасиловать, но она предпочла позору бегство — выпрыгнула с третьего этажа. Эта история настолько потрясла Тополя, что он решил обязательно вставить ее в свой сценарий.

А теперь из Болшево вновь перенесемся в Ростов-на-Дону. В тот день, 10 октября, когда обсуждали сценарий «Несовершеннолетних», Высоцкий дал концерт в красном уголке Комбината прикладного искусства. Как мы помним, после выступления на заводе «Гранит» ему преподнесли в качестве подарка изделия именно этого предприятия, да еще сделанные инвалидом войны Леонидом Шихачевским. Узнав, что этот мастер практически не выходит

из дома, Высоцкий изъявил желание навестить его. Повез его туда директор КПИ на своей служебной машине (с ними был еще один актер «Таганки» — Иван Бортник). Проговорив с мастером около получаса, Высоцкий вдруг узнал поразительную вещь: оказывается, мастер не знает, кто такой актер Высоцкий, и даже песен его никогда не слышал. Естественно, гость решил исправить столь вопиющую ситуацию. Кто-то из домашних сбегал за гитарой к соседям, был настроен на запись магнитофон «Яуза». Кстати, хозяин дома оказался не единственным жителем Ростова-на-Дону, кто не знал Высоцкого. На обратной дороге на КПИ Высоцкий решил заглянуть в магазин «Мелодия», что на Пушкинской улице. Войдя, спросил у продавщицы: «А Высоцкий у вас есть?». Та ответила, что нет, потом увидела у него в руках сигарету и закричала: «Что это вы тут курите! Выйдите из магазина!». Высоцкий извинился и вышел, удивленный тем, что никто в магазине его так и не признал. Доехав до КПИ, Высоцкий дал еще один концерт — в керамическом цеху. А вечером в Театре имени Горького «Таганка» показала спектакль «Павшие и живые».

Тем временем Эмиль Лотяну продолжает работу над фильмом «Табор уходит в небо». Съемки природы начались в конце июля в Литве, в Вильнюсе и Каунасе, после чего группа переехала в Закарпатье, в город Виноградов. Но и там работа сопряжена с большим количеством трудностей. Дело в том, что Виноградов был небольшим райцентром со скудным хозяйством, в котором постоянно ощущалась нехватка чуть ли не всего и вся. С превеликим трудом киношникам удалось найти игровых лошадей, выбить для себя транспорт. Поселились киношники в гостинице «Беркут», однако питаться ходили не в тамошний ресторан (из-за высоких цен), а в обычную столовую. Отсутствие фондов на пиломатериалы (по вине студии) задержало строительство декораций. Режиссер фильма продолжал бомбардировать студию депешами о том, что актриса Светлана Тома с ролью не справляется. Дословный текст одной из его октябрьских телеграмм выглядел так: «В игре героини больше кокетливости, чем характера». В какой-то из моментов Тома не выдержала и уехала на фестиваль в Болгарию, не предупредив об этом съемочный коллектив.

Правда, отдохнув недельку, она вернулась на съемочную площадку, но к тому времени дисциплина в группе совсем разладилась. Из-за того, что ряд актеров позволил себе расслабиться со спиртным, были сорваны сразу три съемочных дня — 8—10 октября.

11 октября поздно вечером у Высоцкого случился очередной приступ почечной болезни. Бывший с ним в гостиничном номере Бортник позвонил врачу Светлане Гудцковой домой, но она ехать ночью отказалась, перенеся визит на раннее утро. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Утром, подкатила на автомобиле своей подруги в 6 утра к гостинице. Вахтер сказал, что Высоцкий просил меня подняться в номер. Захожу — Володя лежит с температурой: снова почки. С ним Ваня... Я дала несколько таблеток, сделала инъекцию анальгина.

Настроение у Володи было — хуже некуда. Сказал, что ночью ему звонили, вроде бы из КГБ, обвиняли в том, что он якобы был в казачьем курене и пел антисемитские песни.

В тот же день Володя улетел из города («Таганка» осталась в Ростове-на-Дону еще на несколько дней. — Ф. Р.). Я его не провожала, по-моему, мы распрощались в гостинице...».

Продолжает подводить здоровье и Юрия Никулина. Как мы помним, в самом конце сентября врачи констатировали у него невроз сердца и временно запретили ему сниматься (он работал у Алексея Германа в «Двадцать дней без войны»). Однако, понимая сложное положение группы, которая и без того сильно отставала от плана, Никулин соглашается сниматься. 13 октября он отправил Герману письмо, в котором писал: «Вынужден прервать съемки, но, учитывая положение группы, я согласен отсняться 14—15 октября в ранее начатых объектах. Врачи категорически требуют, чтобы я имел минимум 10-дневный отдых, после чего я согласен принять участие в съемках на условиях три рабочих дня в неделю, начиная с 27 октября по 3 ноября...».

Тогда же кремлевское руководство готовится к приезду президента Франции Валери Жискар д'Эстена, намеченному на вторник, 14 октября. За несколько дней до приезда спецслужбы работали в усиленном режиме, зачищая город от нежелательных элементов. На последнем перед приездом высокого гостя совещании

сообщалось, сколько тысяч человек будет приветствовать заграничного гостя на трассе от Внуково до Кремля, какие имеются сигналы о возможности террористических акций, что произошло или может произойти в городе в эти дни. Один из участников того совещания — Олег Калугин — вспоминает:

«Вот типичный доклад руководства московского КГБ накануне приезда президента Франции:

— на трассе задержан пьяный туняец Панков, допуская угрозы в адрес главы ГДР Хонеккера;

— обнаружены листовки с призывами «Долой партийную клику во главе с Брежневым!»; задержаны учащиеся, подозреваемые в распространении листовок;

— по доносу дочери задержан некто Красовский, у которого изъято оружие;

— из воинской части похищено 5 винтовок и 9 тысяч патронов. Ведется розыск;

— в Лужниках на почве безответной любви подорвал себя студент.

От имени ПГУ на штабе с пятнадцатиминутным сообщением о подрывной деятельности западных спецслужб и антисоветских эмигрантских центров приходилось выступать и мне...».

Президент Франции прилетел в Москву утром во вторник, 14 октября. Вот как он сам описывает свое прибытие: «Советские руководители, встречающие нас, выстроились в ряд. Вот они двинулись к трапу самолета. Группки московских школьников в сопровождении молодых учительниц размахивают маленькими бумажными флажками — трехцветными и красными. Я их приветствую, хотя в глубине души убежден, что они на самом деле не знают, кто я такой. Конечно же, они радуются — эта прогулка куда веселее, чем урок в школе; лица их раскраснелись от свежей прохлады ранней осени, но им вряд ли холодно: на них зимние спортивные курточки, девочки — в шерстяных чулках.

Затем кортеж направляется в Москву... Мы едем вдоль нескончаемых бульваров, где остановлено и без того не слишком оживленное движение, минуем пригород Москвы. Наконец мы в городе. Широкий проспект, который заканчивается поворотом к мосту через Москва-реку и к въезду в Кремль. Именно здесь и

собралась толпа любопытных, на нее нацелены телевизионные камеры; впоследствии это позволит говорить о народном энтузиазме...

Леонид Брежнев — он сидит в машине слева от меня — доверительно сообщает мне через разместившегося напротив переводчика:

— Видите, как горячо москвичи приветствуют вас!

Он считает, что все очень хорошо организовано. Я предпочитаю высказать свое мнение:

— Мне кажется, народу не так уж много.

Он удивлен, почти растерян.

— Ведь это будний день, большинство людей на работе.

Я не отвечаю. К чему продолжать этот разговор? У меня перед глазами картина выстроенных в ряд грузовиков, которые, по-видимому, перевозят заводских рабочих...».

Когда высокие гости (с Эстеном была его супруга Анна Эмона) прибыли в Кремль, их отвели в покои, где им предстояло отдохнуть с дороги. Комнаты были недавно отремонтированы, обставлены опрятно, но, на взгляд гостей, безвкусно. Единственное, что их восхитило, — паркет. На столах стояли бутылки с минеральной водой, здесь же лежали открывалки в виде красных кремлевских звезд, стояли вазы, полные шоколадных конфет в разноцветных блестящих обертках. В этих покоях президент с супругой пробыли до семи часов вечера, после чего отправились на официальный обед в Грановитую палату Кремля. После обеда Брежнев сообщил Эстене дату следующей встречи — завтра во второй половине дня.

Утром 15 октября Эстена с супругой повезли в Дом-музей Льва Толстого в Ясной Поляне. Они прилетели в Тулу на самолете, а оттуда уже на автомобилях домчались до музея. Там они пробыли около двух часов, после чего вернулись в столицу. Однако перед частным завтраком, который должен был состояться в апартаментах Эстена, до французского президента доносят неожиданную весть: Брежнев отказывается от запланированной встречи. Сотрудники президента возмущены: «Вы не должны это допустить! Журналисты уже в курсе. Они передают в Париж, что Брежнев наносит вам оскорбление!». Эстен как может успокаивает своих сотрудников, объясняя им, что полной ясности в ситуации пока нет — Брежнев ему еще не позвонил.

Через несколько минут один из помощников Брежнева просит Эстена принять его. Во время этой короткой аудиенции посланник генсека сообщает, что его шеф желает переговорить с президентом по телефону. Их соединяют. Брежнев произносит по-русски несколько слов, которые Эстен не понимает. Тогда в дело вступает переводчик: «Генеральный секретарь приносит свои извинения. Он плохо себя чувствует. Он был болен уже вчера, но хотел встретиться с вами в аэропорту. Он простудился и плохо спал ночью. Господину Брежневу необходимо отдохнуть сегодня, поэтому он просит вас в порядке личного одолжения согласиться на изменение в вашей программе. Осмотр Бородина намечен на пятницу, 17 октября, но вы могли бы съездить туда сегодня во второй половине дня. Тогда мы перенесли бы сегодняшние переговоры на пятницу. Господин Брежнев просит вас согласиться на это, так как сильно утомлен».

Как истинный джентльмен президент Франции принимает предложение генсека. Он заявляет: «Согласен перенести переговоры на пятницу. Надо проследить за реакцией прессы. Она, конечно же, будет негативной. Вам надлежит дать объяснение, почему встреча перенесена, сказать о причинах этого и взять на себя ответственность за изменения в программе. Передайте господину Брежневу, что я желаю ему хорошо отдохнуть и поскорее поправиться».

Спустя час Эстен выехал осматривать мемориал в Бородино. Стоит отметить, что, зная о том, что ему предстоит посетить это место, Эстен за пару месяцев до визита в Москву специально перечитал ту часть романа Льва Толстого «Война и мир», где речь шла о Бородинском сражении. Сразу после возвращения в Кремль Эстен дал интервью французскому телевидению, где ни словом не обмолвился о состоянии здоровья Брежнева. По его указанию служба информации французского посольства тоже хранила по этому поводу молчание.

Между тем в эстрадных кругах столицы всю обсуждают последний скандал — развал популярного вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы». Созданный четыре года назад благодаря стараниям Юрия Маликова, этот коллектив буквально за считанные месяцы приобрел фантастическую популярность, со-

бирая на своих концертах целые стадионы. Многие шлягеры ансамбля знала наизусть вся страна: «Увезу тебя я в тундру», «Приметы», «Вербас», «Там, за облаками», «Мой адрес — Советский Союз» и др. Последние концерты в Москве, состоявшиеся в сентябре во Дворце спорта в Лужниках, еще раз подтвердили, что популярность «Самоцветов» по-прежнему на высоком уровне — зал был битком (до этого ансамбль четыре месяца с успехом гастролировал по Южной и Центральной Америке). Как вдруг Юрий Маликов объявил, что распускает старый состав и набирает новый. Для большинства людей этот шаг руководителя стал полной неожиданностью, поскольку о конфликтах внутри коллектива знал только ограниченный круг людей. Эти конфликты существовали давно и как ржавчина разъедали ансамбль изнутри. Если коротко, то суть этих разногласий заключалась в творческой неудовлетворенности артистов: им хотелось выйти за рамки «комсомольского» репертуара, исполнять песни зарубежных авторов (тех же рок-групп), а Маликов им это не разрешал. Вот бомба и рванула.

Поводом к «разводу» стал вроде бы пустяк: солист ансамбля Валентин Дьяконов опоздал на репетицию, Маликов стал его отчитывать, а артист вспылал и заявил, что уходит из коллектива. Следом за ним коллектив покинули и остальные: Ирина Шачнева, Алексей Шачнев, Сергей Березин, Анатолий Могилевский, Юрий Петерсон, Геннадий Жарков, Юрий Генбачев. Спустя месяц эти люди создадут новый ВИА под названием «Пламя» (руководитель — Николай Михайлов), а Юрий Маликов приведет в «Самоцветы» новых исполнителей, среди которых будут супруги Владимир и Елена Пресняковы из Свердловска.

В первой половине октября в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 1-го — биографическая киноповесть Анатолия Вехотко и Натальи Трощенко «Воздухоплаватель», посвященная судьбе известного тяжелоатлета Ивана Заикина с участием Леонарда Варфоломеева, Екатерины Васильевой и др.; 6-го — судебная драма Александра Файнциммера «Без права на ошибку», где роль справедливого судьи сыграл мэтр отечественного кинематографа Олег Жаков, а циничного главаря шайки хулиганов Лев Прыгунов (кста-

ти, одна из немногих отрицательных ролей этого кумира экрана); 13-го — социальная драма Алексея Салтыкова «**Семья Ивановых**» с участием Николая Рыбникова, Нонны Мордюковой, Николая Еременко-младшего и др.; комедия Георгия Данелия «**Афоня**» с участием Леонида Куравлева, Евгения Леонова, Борислава Брондукова, Евгения Симоновой и др. В кинотеатре «Мир» в рамках Недели культуры ГДР с 7 по 13 октября показывают новый «дефа-вестерн» с Гойко Митичем «**Ульзана**» (продолжение фильма «Апачи»). Ажиотаж был огромный, чему я сам был свидетелем: билеты в кассах приходилось брать с боем.

Кино по ТВ: «Зеленый патруль» (1-го), «День ангела» (2-го), «Анютина дорога», «Мировой парень» (3-го), «Плохой хороший человек» (впервые по ТВ 4-го), «Первый учитель» (5-го), «Николай Бауман», «Волшебная сила искусства» (6-го), «Остров сокровищ» (8-го), «Сибирячка» (9-го), «Офицер запаса» (10-го), «Завещание турецкого аги» (Венгрия, 12-го), «Ольга Сергеевна» (премьера т/сп 13—17-го), «Нормандия—Неман» (14-го), «Наш милый доктор» (15-го) и др.

Премьеры в театрах: 10-го в Театре имени Маяковского был показан спектакль «**Третья ракета**»; 11-го во МХАТе — «**Заседание парткома**» Александра Гельмана (по этой же пьесе был снят фильм «Премия») с участием Олега Ефремова, Вячеслава Невинного, Александра Калягина, Елены Ханаевой и др.

Эстрадные представления: 1—7-го — в ГТЭ гастролирует челябинский ВИА «Ариэль»; 1—5-го — в ДК МИИТа выступают Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята»; 3—7-го — в ГЦКЗ «Россия» поет Серж Лама (Франция); 10—11-го в «Варшаве» — Жужа Конц (Венгрия); 11—15-го в ГТЭ — Валерий Ободзинский; 12-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского радовали своим творчеством Геннадий Белов и Нина Бродская.

Эмиль Лотяну не покладая рук продолжает работу над фильмом «Табор уходит в небо». В те дни середины октября снимался один из самых кульминационных эпизодов фильма — гибель Рады от рук любимого (Грегоре Григорию). Эпизод снимали в красивейшем месте Закарпатья — на Яблоницком перевале, в поселке Межгорье, что в 109 километрах от города Виноградово. В тех местах самые высокие

горы, а поляны окружены густым еловым лесом.

В пятницу, 17 октября, состоялась долгожданная встреча президента Франции Валери Жискар д'Эстена с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым. Последний выглядел вполне достойно и даже не постеснялся в конце беседы поведать своему гостю истинные причины своей позавчерашней хворобы. В советской печати, естественно, об изменениях в программе визита ничего не сообщалось, зато французские газеты были полны самых противоречивых комментариев. Тамашние газеты писали, что советский лидер нанес оскорбление президенту Франции, что дни его на престоле сочтены и все такое в том же духе.

В тот же день министр обороны Советского Союза маршал Андрей Гречко справлял свой очередной день рождения — ему стукнуло 73 года. Дата хотя и не круглая, однако именинник попытался отметить ее с размахом. По этому случаю на дачу к маршалу были приглашены многочисленные гости, которых должны были развлекать любимые артисты. Среди последних оказались певцы, чтецы и юмористы. Был там и Геннадий Хазанов, талант которого весьма импонировал имениннику. Особенно маршал, как это говорят, тащился от интермедии в его исполнении «про студента кулинарного техникума», поэтому Хазанову пришлось исполнить этот монолог на бис.

Тем временем благополучно завершилась эпопея с принятием сценария Эдуарда Тополя «Несовершеннолетние». Как мы помним, 10 октября его вернули на доработку высокие цензоры из сценарного главка, дав автору всего лишь неделю на исправления. Все эти дни Тополь провел в Доме творчества в Болшево, где не только интенсивно работал пером, но и крутил амуры с местной продавщицей-хромонужкой. Горькую историю ее жизни сценарист решил выплеснуть на страницы своего произведения. Однако именно эта сцена (там пьяный отец заставляет свою малолетнюю дочку петь ему на ночь песни) вызвала нарекания со стороны цензорши по фамилии Громыко. Но бывший рядом с Тополем режиссер будущего фильма Владимир Роговой принялся горячо убеждать редактрису, что при съемках эта сцена будет решена как можно мягче, а может быть, и вовсе вырезана. В итоге убедил. Но ко-

гда они с Тополем вышли на улицу с положительной визой на сценарии, сценарист взорвался:

— Если ты вырежешь эту сцену, я сниму свое имя с титров! Как они меня достали, эти цензоры! Сначала они курочат все, что ты напишешь, а потом презирают тебя за то, что ты пляшешь под их дудку!

Но Роговой его успокоил:

— Да не вырежу я эту сцену, не вырежу! Это же лучшая сцена сценария. Кстати, когда ты ее придумал, ведь ее раньше не было?

— Ночью придумал, — коротко ответил Тополь.

— Ночью? Дай тебе бог таких ночей побольше, старик!..

Продолжаются съемки фильма «В августе 44-го...». Несмотря на то, что автор романа Владимир Богомолов категорически недоволен отснятым материалом, съемки все равно идут. Отсняв часть природы в Белоруссии, группа была вынуждена из-за дождей передислоцироваться в октябре в более теплые места — в Ялту. Но едва прибыли на место и приступили к работе, как пришла неожиданная весть — 21 октября скончался актер Бронюс Бабкаускас, исполнявший в фильме роль генерала Егорова. Было актеру на тот момент всего 54 года. Это был сильнейший удар для всей группы — ведь большая часть эпизодов с Бабкаускасом уже была снята. Теперь предстояло искать нового актера, выбивать «окна» для пересъемок. Но ничего этого не понадобилось, поскольку смерть Бабкаускаса невольно подвела черту под всем фильмом — вскоре выйдет приказ о его приостановке, так как Владимир Богомолов подаст на киношников в суд. Однако об этом рассказ впереди, а пока продолжим знакомство с другими событиями октября 75-го.

На съемочной площадке другого фильма — «Два капитана» — в те дни снимали один из самых кульминационных эпизодов: в нем негодяй Ромашов бросает раненого Саню Григорьеву в лесу после налета фашистской авиации. Эпизод снимали в течение трех дней (20—22 октября) на 45-м километре Калужского шоссе. На дворе уже стояла поздняя осень, было холодно, однако съемки шли в обычном режиме: с 8 утра до пяти вечера. Отдельные кадры из этого же объекта доснимут в июне следующего года в Барыбино.

22 октября неприятная история произошла с Олегом Далем — он серьезно повредил себе ногу. Произошло это вечером, прямо во время спектакля «На дне», где Даль играл Ваську Пепла. В одной из сцен, когда актер шел по сцене, рант его сапога попал в щель дощатого помоста, служившего частью декорации ночлежки. Даль, не заметив этого, продолжал играть, резко повернулся, и в этот миг его пронзила дикая боль: хрустнуло что-то в колене оставшейся на месте ноги. Кое-как доиграв сцену, актер буквально ускакал на здоровой ноге за кулисы. Тут же вызвали «скорую», но врачи побоялись сделать обезболивающий укол — была опасность серьезно повредить ногу. Даль сообщил коллегам, что доиграет спектакль, поскольку замены ему не было. И доиграл так, что после его завершения никто из коллег даже не вспомнил, что случилось полтора часа назад с Далем и что его нужно отправить в Склифосовского. Актера отправили отлеживаться домой. А жил он тогда на даче Шкловских в Перedelкине (они вернулись туда с женой сразу после примирения).

Вспоминает Е. Даль: «Я поджидала Олега у калитки. Он с трудом вышел из такси и, хромя, пошел рядом со мной. Я спросила, что случилось. Он ответил: «Сначала футбол». (По телевизору был матч, Олег футбол любил и относился к нему серьезно.) С трудом поднявшись по лестнице на второй этаж, он пристроился на диване. В перерыве матча он рассказал, что во время спектакля каким-то образом рант сапога попал в щель сценического пола. Олег сделал резкий поворот. Весь корпус и нога до колена повернулись, а нога ниже колена осталась в неподвижности. Было ощущение, что по ноге хлынуло что-то горячее. Он доиграл сцену, сумев передать за кулисы о случившемся...

Когда Олег показал ногу, мы пришли в ужас. Дело было поздним вечером, за городом, без телефона. Я забила тревогу, но Олег уговорил меня и всех, что можно подождать до утра. Он умел убедить в чем угодно. Утром с первого этажа, где жил писатель Алим Кешоков с телефоном, дозвонились до поликлиники Литфонда. Отправились туда. Там выяснилось, что у Олега повреждена коленная суставная сумка. Потом была операция в ЦИТО, на которой я присутствовала. Из колена выкачивали жид-

кость при помощи шприца. Во время всей операции Олег весело улыбался мне. Домой я привезла его загипсованного от бедра до ступни...».

На следующий день в «Современнике» должен был идти очередной спектакль с участием Даля — «Двенадцатая ночь», где он играл Эггюнчика. Даль специально послал в театр жену, чтобы она рассказала о случившемся и попросила заменить спектакль другой постановкой. Но, приехав на Чистые пруды, Елизавета узнала, что руководство театра, вместо того чтобы отменить или заменить спектакль, уже назначило на роль Эггюнчика другого исполнителя — Константина Райкина. Когда Даль об этом узнал, его возмущению не было предела. А тут еще Шкловский подлил масла в огонь: «Далик, милый, они должны теперь ползти сюда на животе и просить у тебя прощения. А иначе уходи к чертовой матери из этого театра».

С большим скрипом продвигаются дела на съемочной площадке фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», который на «Мосфильме» снимает Александр Митта. На студии были воздвигнуты большие декорации «дом графа» и «изба Ибрагимы», однако съемки в них начать никак не удавалось по вине одного из исполнителей — Владимира Высоцкого. Как мы помним, во время гастролей в Ростове-на-Дону у него случилось обострение почечной болезни, из-за чего были сорваны несколько съемочных дней. А с 16 октября Высоцкий взял больничный и лег в клинику почти на две недели.

Пока Высоцкий лечился, съемочная группа «Арапа» не простаивала — снимала эпизоды с участием других актеров, готовила к съемкам новые сцены. В частности, в те дни проходили репетиции будущей дуэли арапа с графом из пролога фильма. Эту сцену ставили профессиональные рапиристы: мастера спорта Александр Литов, Петр Ренский, Давид Тышлер и др. Однажды на площадке произошел забавный эпизод. Митта, который внимательно наблюдал за тем, как рапиристы ставят бой, в один из моментов решил вмешаться в процесс. «Вы бьетесь как-то без темперамента!» — обвинил режиссер консультантов и, отодвинув в сторону рапириста, дублирующего Высоцкого, встал на его место с рапирой в руках. «Вот как

надо играть», — воскликнул Митта и стремглав бросился по графской лестнице наверх. Однако впереди его поджидала досадная неудача: Литов, игравший слугу, сумел отбить копьем его выпад, и Митта, круша перила лестницы, кувыркком полетел вниз. К счастью, у кого-то из группы хватило ума постелить с той стороны, куда упал режиссер, толстые маты и его приземление завершилось вполне благополучно.

На «Ленфильме» продолжают съемки фильма «Старший сын» — там снимают натуру. Происходит это под Ленинградом, на Ржевке, где руками умелых декораторов старый барак превращен в дом Сарафанова. Правда, есть одно неудобство — на дворе уже ударил мороз, а актерам приходится сниматься по-летнему. Например, на Михаиле Боярском брюки да рубашка (на Караченцове хотя бы свитер, а Крючкова кутается в шаль).

А в жизни молодых меломанов Советского Союза произошло знаменательное событие: в субботу, 25 октября, в газете «Московский комсомолец» появилась новая рубрика «Звуковая дорожка» (название придумал поэт Александр Аронов, за что удостоился от руководства газеты премии в сумме 3 рублей). Сегодняшний молодой читатель может возразить: мол, эка невидаль! И будет не прав. Это сегодня о популярных исполнителях пишут все, кому не лень, а в те годы даже приличной фотографии той же Аллы Пугачевой, не говоря уже о «Машине времени», достать было практически невозможно. А уж о статьях и говорить не приходится — если про Пугачеву что-то писали, то про «Машину» и другие рок-группы отечественного и зарубежного разлива отечественная пресса хранила партизанское молчание, считая рок-музыку тлетворным влиянием Запада (в «Комсомолке» существовала рубрика «Наша дискотека», но она выходила крайне редко и выглядела куце). Вот почему появление «ЗД» в официальном печатном органе МК и МГК ВЛКСМ было встречено молодежью с нескрываемым изумлением вперемешку с восторгом. И хотя первый выпуск «ЗД» оказался не самым убойным (краткий обзор новых грампластинок, заметка про новый диск Анны Герман), однако лиха беда начало: даже этот номер газеты разлетелся среди меломанов в считанные часы. Отныне «ЗД» будет выходить каждые две недели.

Олег Даль с загипсованной ногой продолжает коротать время на даче Шкловских в Перedelкине. За те несколько дней, что он находится на больничном, из родного «Современника» его приехали навестить всего лишь один раз двое коллег: актрисы Марина Неелова и Тамара Дегтярева. Кроме них, ни один «современниковец» к нему больше не заглянул. Таким образом смысл поговорки про то, что «друзья познаются в беде», Даль сполна осознал на собственном примере.

В эти же дни в КГБ завертелось дело, которому совсем скоро суждено будет найти свое отображение в литературе и кинематографе. Речь идет о «деле Трионона», по которому Юлиан Семенов напишет книгу «ТАСС уполномочен заявить», а телевидение снимет одноименный многосерийный фильм. Начиналось же это дело следующим образом.

Еще в июне в Управление внешней контрразведки ПГУ поступила информация о том, что ряд сотрудников советского посольства, расположенного в столице Колумбии городе Боготе, мог попасть в поле зрения американской разведки, а к одному из них, по всей вероятности, был сделан подход вербовочного характера. Однако кого именно могли завербовать черзушники, чекистам известно не было. Эту информацию КГБ передал в службу безопасности МИДа СССР с тем, чтобы там приняли соответствующие меры. Начальник СБ полковник Михаил Курышев поручил это дело одному из своих сотрудников, но тот с заданием не справился. В результате в конце октября оно перекечовало в другие руки — к Игорю Перетрухину. 29 октября тот завел дело оперативного розыска под псевдонимом «Кайман» и составил план мероприятий. Согласно этому плану предстояло в короткий срок выявить и проверить по оперативным учетам лиц, работавших в советском посольстве и других загранучреждениях в Колумбии в 1974—1975 годах, обратив особое внимание на изучение лиц, упоминавшихся в материалах Управления Внешней разведки ПГУ. В качестве главных подозреваемых фигурировали четыре человека: второй секретарь посольства СССР в Колумбии А. Огородник (в свое время он имел контакт с органами КГБ и был поставлен на учет под псевдонимом Дмитриев), старший ре-

ферент посольства Н. Бобин и его супруга, референт посольства А. Федотов.

В ту же среду, 29 октября, в «Литературной газете» было опубликовано полосное интервью с министром внутренних дел СССР Николаем Щелоковым под названием «Наша милиция». Ничем не примечательное в общем-то интервью: типичные хвалебные словеса чиновника всесоюзного ранга. Правда, удивляло то, что под материалом не было фамилий людей, бравших интервью у министра. Между тем журналистов было двое — Евгений Богат и Аркадий Ваксберг — и свои фамилии они сняли потому, что первоначальная версия их разговора со Щелоковым разительно отличалась от того, что было затем опубликовано. Во время разговора в кабинете министра сам Щелоков предложил им поговорить начистоту, при этом отложил в сторону уже заготовленную для себя шпаргалку. Щелоков говорил о престиже милиции — подлинном и дутом. О пагубной роли пьянства. О превышении власти — особенно такой, которая связана с правом влиять на судьбы людей. Он даже детство свое вспомнил: рассказал, как дружил в школе с мальчиками разных национальностей.

Интервью было подготовлено за два дня и отослано в МВД. Но оттуда вернулся уже совершенно иной текст. Тот самый, который был заранее подготовлен Щелоковым, его шпаргалка. Чтобы выяснить истину, Ваксберг лично позвонил министру. А тот ему выдал: «Наш разговор был вполне доверительным. А печать — это печать». Вот тогда журналисты и приняли решение не ставить свои фамилии под этим скучным и безликим текстом.

Продолжает свои похождения шайка грабителей из Саратова. Как мы помним, свои последние преступления они совершили в конце сентября — ограбили две сберкассы, прихватив оттуда 8 686 рублей вкуче с двумя револьверами. Затем в течение месяца преступники были тише воды, поскольку сведения о том, что их интенсивно разыскивает милиция, доносились до них постоянно — город-то шумел. Когда же минул месяц и добытые деньги поисскажи, грабители снова вышли на дело. Причем на этот раз решили сбить сыщиков со следа и наведались в соседний с Саратовом город Энгельс. Ночью 28 октября они проникли в одну из тамошних сберкасс и распотрошили ее сейф на 1

800 рублей. А ночью 30 октября уже отметились у себя на родине в Саратове — через окно музыкальной школы проникли в сберкассу, что на улице Минской. Правда, тамошний улов оказался самым минимальным: всего 452 рубля с копейками. Но к этой сумме они присоветовали еще один револьвер — третий в их арсенале.

А теперь из Саратова вернемся в Москву и взглянем на киношную афишу второй половины октября. 20-го в прокат вышел проблемный фильм на школьную тему «**Дневник директора школы**» Бориса Фрумина, где снялись Олег Борисов, Ия Саввина, Людмила Гурченко и др.; 23-го в «России» начали демонстрировать комедию Леонида Гайдая «**Не может быть!**», где от звездных имен буквально рябило в глазах: Михаил Пуговкин, Нина Гребешкова, Вячеслав Невинный, Олег Даль, Леонид Куравлев, Георгий Вицин, Савелий Крамаров и др. Из зарубежных премьер выделю франко-итальянскую мелодраму Клода Лелуша «**Жить, чтобы жить**» (1967) с участием Анни Жирардо и Ива Монтана (с 20-го).

Кино по ТВ: «Цирк зажигает огни» (17-го), «Голубой лед», «Семь стариков и одна девушка» (18-го), «Девичий заговор» (Польша, 19-го), «Ольга Сергеевна (продолжение)» (21—23-го), «Салют, Мария!» (22—23-го), «Приключения Толи Клюквина» (24-го), «Гипнотизер» (Франция), «Тренер» (25-го), «Дворянское гнездо» (26-го), «Михайло Ломоносов», «Жаров рассказывает» (27-го), «Великие голодранцы» (28-го), «Пятеро из Ферганы», «Татьянин день» (29-го), «Карусель» (30-го), «Следствие ведут знатоки» (по страницам цикла, 31-го) и др.

Из других передач выделю: «Поет Жильбер Беко» (17-го), «Утренняя почта» (18-го), «13 стульев» (юбилейный 100-й выпуск) (24-го), «Авторский вечер А. Пахмутовой» (25-го), «Артлото» (26-го).

Премьеры в театрах: 22-го — в Театре имени Маяковского был показан спектакль «**Энергичные люди**» В. Шукшина с участием Евгения Лазарева, Юрия Горобца и др.; 26-го в филиале МХАТа — «**Сладкоголосая птица юности**» Т. Уильямса с участием: Ангелины Степановой, Павла Массальского, Татьяны Бронзовой и др.; 28-го в Театре имени Пушкина — «**Разбойники**».

Из эстрадных представлений выделю: 15—20-го — в ГТЭ продолжал выступать Валерий Ободзинский; 19-го — в ЦДКЖ пела Гелена Великанова; 24—26-го — в «Октябре» выступал супружеский дуэт Алла Йошпе — Стахан Рахимов; 25—26-го — в ЦДСА пела Тамара Миансарова; 26-го в ДК имени Чкалова — ВИА «Музыка»; 24—31-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты артистов зарубежной эстрады с участием ансамбля «Доули Фэмили» (Англия), певицы Мариам Рамос (Куба) и др.; 31-го — в ГТЭ выступали Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята».

Из новинок «Мелодии» красной строкой выделялся очередной (четвертый по счету) миньон «**Битлз**» с тремя песнями из альбома «Abbey road» (1969): «Сад», «Что-нибудь», «Встреча». Последняя песня — небезызвестная «Комтугеза» — в рядах продвинутой молодежи пользовалась самой громкой славой. Шутники даже придумали совковый вариант песни — речь в ней шла о колхозном трактористе.

Тогда же вышел и второй миньон американской рок-группы «**Криденс**» (первый датирован июнем 74-го). В него вошли четыре лучшие песни из альбома 1970 года «Cosmo's factory»: «До того, как ты скажешь мне (М. Дэниелс), «Шуточная песня» (Мур-Пеннер), «Посмотри за дверь» (Д. Фогерти), «Она меня покинула» (А. Крадюп). Как и миньон «Битлз», эта пластинка стала обязательной в фонотеке каждого советского меломана. Песня «Посмотри за дверь» шутниками была переименована и в русском варианте звучала так: «Пассажирский лайнер «Ту» развалился на лету, потому что фирма «Ту» выпускает х...у».

В журнале «**Кругозор**» (номер 10) была помещена гибкая пластинка с записью двух песен в исполнении популярной шотландской группы «Середина дороги»: «Сакраменто» и «Луиза». Созданная в 1968 году, эта группа прославилась в Европе спустя три года, выпустив шлягер «Черпи, черпи, чип-чип». У нас в стране ее хорошо знали по гибкой пластинке (февраль 1975-го) с перепевом песни «Кристи» «Желтая река».

В октябре вышел миньон Софии Ротару с песнями: «Твои следы» (А. Бабаджанян — Е. Евтушенко), «Ложь» (А. Днепров — А. Деметьев), «Воспоминание» (Б. Рычков — И. Кохановский).

1975 Н о я б р ь

«Динамо» (Киев) — чемпион. Высоцкий на грани срыва. Загадочное убийство гостя Андрея Сахарова. Георгий Бурков клянет коммунистов. Валерий Саблин готовит восстание. Как Кончаловский напрасно ждал звонка от своей возлюбленной. Восстание на «Сторожевом». Песня «День Победы» завоевывает сердца. День рождения Трионона. «Розыгрыш»: как нашли Диму Харатьяна. Олег Стриженов делает предложение руки и сердца. Первый допрос Саблина в Лефортово. Сергей Параджанов в мире прокаженных и отвергнутых. Фотосессия Высоцкого и Влади. Андрею Сахарову отказывают в поездке за Нобелевской премией. Дебют ВИА «Пламя». За что жена Юрия Силантьева ударила мужа бутылкой по голове. Анатолий Солоницын на грани развода. Американские шпионы в Москве. Футбольный «Спартак» в кризисе. Отъезд Севы Новгородцева из СССР. Смерть актера Виктора Авдюшко. Приостановка «В августе 44-го...». Как Высоцкий носил на руках загипсованную Ирину Печерникову. Первые убийства пермской банды. Конфликт Митты и Высоцкого продолжается. Евгений Мартынов выходит в лидеры. «Песня года». Брежнев получает Премию Мира. Борьба в Политбюро за Брежнева.

В воскресенье, 2 ноября, в Тбилиси состоялся очередной матч первенства страны по футболу между местным «Динамо» и их одноклубниками из Киева. Для последних эта игра была принципиально важной — в случае победы или ничьей киевляне досрочно становились чемпионами Советского Союза. Как и следовало ожидать, гости получили то, за чем, собственно, и приехали — ничью 1:1. Все, кто видел эту игру, затем утверждали, что матч был больше похож на товарищеский и ничья выглядела полюбившейся.

Золотой состав чемпиона выглядел следующим образом: Е. Рудаков, В. Самохин, В. Трошкин, М. Фоменко, С. Решко, В. Матвиенко, А. Дамин, В. Зуев, С. Кузнецов, А. Коньков, Л. Буряк, В. Мунтян, В. Веремеев, В. Колотов, В. Кочубинский, А. Бойко, В. Онищенко, О. Блохин, П. Слободян, В. Шевченко. Лучший бомбардир команды — Олег Блохин (в 28 играх забил 18 голов).

В самом начале ноября Владимир Высоцкий закрыл «больничный» и вновь окунулся в

работу: вышел на сцену «Таганки». Он объявился там воскресным утром 2 ноября, выглядел не самым лучшим образом, но отработал всю репетицию «Вишневого сада». На следующий день с утра он репетировал «Гамлета», а вечером играл в этом спектакле главную роль. Как записала в своем дневнике А. Демидова: «Высоцкий играет «напролом», не глядя ни на кого. Очень агрессивен. Думаю, кончится опять запоем...».

К счастью, запоем на этот раз не кончилось, хотя последующие несколько дней Высоцкий был на грани: 4 ноября опять вполсилы работал на прогоне «Вишневого сада», а на следующий день кинул съемочную группу «Сказа про то...», не явившись на съемочную площадку.

Продолжаются съемки фильма «Два капитана». 4 ноября снимали эпизод, где Катя Татарина (Елена Прудникова) и Ромашов (Юрий Богатырев) пьют водку за упокой души соседки Кати, которую они только что похоронили. Затем осмелевший Ромашов набрасывается на

Катю, но она отчаянно сопротивляется и в итоге бросает в лицо насильнику фразу: «Это ты убил Саню!». Ответный монолог Ромашова снимут уже в декабре (10-го).

5 ноября на квартиру Андрея Сахарова пришел странный посетитель — молодой человек, который назвался Евгением Бруновым, и попросил академика связать его с зарубежными корреспондентами. Гость объяснил эту просьбу весьма просто: мол, он давно находится в контрах с властью и хотел бы рассказать о своих страданиях иностранным журналистам. Однако Сахаров, наученный горьким опытом (были случаи, когда чекисты подсылали к нему своих агентов), посетителю в его просьбе отказал. Но Брунов продолжал настаивать. Он вызвался проводить Сахарова до метро, всю дорогу туда помогал ему нести сумки с продуктами и продолжал уговаривать поверить ему. А поскольку Сахаров продолжал упорствовать, Брунов отправился с ним и дальше — до «Белорусской». По дороге Сахаров засек за ними слежку: четверо мужчин шли за ними по пятам. А один из них чуть позже подошел к ним и внезапно обратился к Сахарову: «Отец, что ты с ним разговариваешь? Это же — конченный человек». Академик ответил резко: «Не вмешайтесь в разговор — мы сами разберемся». Между тем слова оказались пророческими. Через месяц к Сахарову домой придет мать Брунова и сообщит, что вечером того же дня, 5 ноября, ее сын погиб — неизвестные сбросили его с электрички. Тело сына матери выдали спустя несколько дней, причем лицо у него было забинтовано и залито гипсом, поскольку глаза у парня были выколоты.

Обычно начало ноября связано у советских людей с предпраздничными хлопотами — надвигалась очередная годовщина Октябрьской революции, которую впоследствии будут именовать переворотом. Я в те годы был еще слишком юн, чтобы вникать в политические нюансы произошедшего много лет назад, поэтому относился к этому празднику как к любому другому — с радостью. Во-первых, в школу не надо было ходить, во-вторых — вечером рядом с моим домом, на «физтике», салютовали из орудий, и мы с друзьями наблюдали за этим фейерверком с крыши соседнего дома.

Но были и такие, кто этот праздник начисто игнорировал. К примеру, Олег Даль вспоми-

нал о нем, только когда начинал бить салют. Тогда он обычно спрашивал домашних: «В чем дело?». Ему отвечали, после чего он скептически замечал: «Ну, ну...».

Не менее зло относился к этому празднику и другой актер — Георгий Бурков. Тот вообще считал этот день чуть ли не позором России. Накануне 7 ноября он излил на страницы своего дневника следующие размышления по этому поводу:

«У меня нет Родины, ибо у раба ее не может быть. Но если она у меня есть, то внутри меня, и так у многих. Но мы живем на чужой территории, нашу Родину оккупировали коммунисты. Это не татаро-монголы, это свои, и, пожалуй, в этом секрет их успеха. Они нас заставили быть чужими. Они приписывают нас к одному месту, но не к тому, где ты родился и вырос. Малая родина — этот бандустан, явление обманчивое, лживое...».

Мы — лимитчики, т. е. профессиональные штрейкбрехеры. Предательство, зависть — давно стали частью имперской политики коммунистов...».

Кстати, и сами наши верховные правители прекрасно понимали, что идеи, провозглашенные в Октябре 17-го их предшественниками, оказались утопическими. Известен такой случай. Леонид Брежнев как-то прогуливался со своим братом Яковом у себя на даче, и тот его спросил: «Леня, как ты думаешь, будет когда-нибудь коммунизм?». Брежнев в ответ засмеялся: «Ты это о чем, Яша? Какой коммунизм? Царя убили, церкви уничтожили, нужно же народу за какую-то идею зацепиться...». Этот случай Яков потом описал своей дочери Любви, которая много позже поместила его в свои мемуары.

Между тем именно в дни празднования 58-й годовщины Октябрьской революции в Советском Союзе произошло первое и единственное военное восстание за послевоенные годы. Случилось оно на большом противолодочном корабле «Сторожевой», который в составе других кораблей Балтийского флота днем 6 ноября вошел в устье Даугавы, вдоль которой раскинулись старые кварталы Риги, чтобы на следующий день участвовать в военно-морском параде. Главным инициатором восстания стал замполит «Сторожевого» капитан 3-го ранга Валерий Саблин.

По давно установившейся традиции замполитов в Советской армии не любили, считая их демагогами и захребетниками. По большому счету так оно и было. Но случались, конечно же, и исключения. 36-летний Валерий Саблин был именно из этого числа. Окончив в 1960 году Высшее военно-морское училище и получив там специальность корабельного артиллериста, он девять лет прослужил на строевых должностях на надводных кораблях Северного и Черноморского флотов. В Военно-политическую академию имени Ленина поступил в 1969 году с должности помощника командира сторожевого корабля и в звании капитан-лейтенанта.

Как выяснится позднее, именно учеба в академии кардинально изменит мировоззрение Саблина. Штудирюя классиков марксизма-ленинизма, он придет к выводу о том, что нынешняя власть до неузнаваемости исказила коммунистическое учение. У Саблина возникла идея обратиться к советским правителям с открытым письмом, в котором он собирался указать им на их заблуждения. Всего в письме Саблина было 30 пунктов, в каждом из которых он предлагал провести в стране конкретные социально-политические и экономические преобразования. Чтобы читателю стало понятно, что конкретно предлагал Саблин, перечислю лишь несколько из его предложений. В частности, он призывал бороться с некомпетентностью и безответственностью лиц, принимающих государственные решения, с коррупцией и непомерным восхвалением Брежнева, выступал за многопартийность, свободу слова и дискуссий и т. д. и т. п. Однако по каким-то причинам письмо так и не было отправлено адресату.

В 1973 году Саблин с отличием окончил академию и был назначен замполитом на новый по тем временам БПК «Сторожевой». И буквально за несколько месяцев сумел стать неформальным лидером экипажа. На своих занятиях Саблин стал исподволь, осторожно, знакомить членов экипажа со своими взглядами и планами «реконструкции» советского общества. А поскольку вопиющие недостатки системы бросались в глаза каждому взрослому человеку, постулаты замполита не казались членам экипажа чем-то противоестественным. Так продолжалось два года.

Идея поднять восстание на БПК пришла к Саблину за несколько месяцев до ноябрьских праздников — после того как в мае «Сторожевой» вернулся с боевого дежурства на Кубе. Но заранее посвящать в свои планы он не стал никого из своих единомышленников, опасаясь, что это может вызвать ненужные споры. Саблин наивно полагал, что факт сдачи незадолго до парада штатного боекомплекта БПК будет ясно свидетельствовать о мирных намерениях экипажа и не должен будет вызвать вооруженного столкновения.

А теперь оставим на время Ригу и перенесемся в Будапешт, куда с гастролями приехал московский театр «Современник». Поскольку Венгрия в те годы относилась к социалистическому блоку, надвигающуюся годовщину Октябрьской революции игнорировать она никак не могла. Но даже искушенные в этом плане «современниковцы» никак не могли ожидать, что в витринах тамошних овощных магазинов, рядом с кочанами капусты, будут установлены... маленькие бюстики вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина. А непосредственно в день праздника 7 ноября гастролеры обнаружили в своих тарелках с борщом... красные свекольные звездочки, вырезанные заботливыми руками гостиничных поваров.

Сразу после обеда Елена Коренева отправилась искать телефон, чтобы немедленно позвонить в Москву своему любимому мужчине — кинорежиссеру Андрею Михалкову-Кончаловскому. Однако возле автомата ее внезапно перехватила одна из коллег-актрис, которая являлась приятельницей французской жены Кончаловского Вивиан. Актриса, в жилах которой текла цыганская кровь, взяла Кореневу под локоток и принялась горячо отговаривать ее от звонка: дескать, мужиков не надо сильно баловать, иногда их надо помучить. Коренева решила довериться ее опыту и положила трубку на аппарат. Она не знала, что это была хитрая задумка Вивиан — с помощью подруги отвести Кореневу от собственного мужа. Кстати, Кончаловский в те дни буквально сходил с ума, ожидая звонка от возлюбленной, а та ему так и не позвонила. Возможно, именно тогда между ними пробежала первая серьезная трещина, которая вскоре приведет к разрыву отношений. Но об этом чуть позже.

Тем временем военный парад в Риге с участием БПК «Сторожевой» прошел без сучка и задоринки в присутствии большого числа рижан. Все городское начальство наблюдало с высокой трибуны за его развитием. А вечером следующего дня Саблин объявил время «Ч». Причем действовал он чрезвычайно расчетливо. После ужина организовал для экипажа просмотр кинофильма «Броненосец «Потемкин», явно рассчитывая тем самым подготовить матросов и офицеров к тому, что вскоре произойдет на их корабле. Стоит отметить такой факт: после майского возвращения с Кубы матросам «Сторожевого» были выданы макароны с мучным червем. Матросы возмутились, а помощник командира по снабжению стал их уверять, что мучной червь безвреден и блюдо вполне доброкачественное. После просмотра «Броненосца» этот случай живо вспомнился всем присутствующим на сеансе.

Пока экипаж смотрел фильм, Саблин зашел в каюту к командиру и предложил ему спуститься в трюмное отделение, где якобы возникла какая-то «заварушка». Но едва капитан 2-го ранга Потульный переступил порог нижнего отсека, как Саблин захлопнул за ним дверь и запер ее на ключ. А часовым поставил одного из самых надежных заговорщиков — старшего матроса Александра Шеина. Последний вспоминает:

«Я стоял с незаряженным пистолетом у люка, в который изо всех сил бил запертый командир. Иногда он затихал и начинал со мной разговоры: «Скажи, Шеин, ну почему ты так решил? Почему ты думаешь, что прав? Ведь это преступление, Шеин».

Слышать это было тягостно. Не выдержав, я крикнул ему, что у меня был репрессирован дед, что страна умирает, и отошел в самый дальний угол. Но тут ввалились подвыпивший старшина I статьи Пospelов и матрос Набиев. Двинулись на меня. Завязалась драка, подоспели матросы...».

В 21.40 по внутрикорабельной связи был объявлен сигнал «большой сбор». Когда матросы и старшины выстроились на артиллерийской палубе, в корме, Саблин обратился к ним с речью. Приведу лишь один из ее фрагментов: «...Напряженно и долго думая о дальнейших действиях, я принял решение — кончать с теорией и становиться практиком. Понял, что

нужна какая-то трибуна, с которой можно было бы начать высказывать свои свободные мысли о необходимости изменения в стране существующего положения дел. Лучше корабля, я думаю, такой трибуны не найдешь. А из морей лучше всего — Балтийское, так как находится в центре Европы... Никто в Советском Союзе не имеет и не может иметь такую возможность, как мы, — потребовать от правительства разрешения выступить по телевидению с критикой внутреннего положения в стране...».

В заключение своей речи Саблин объявил, что те из членов экипажа, кто не хочет принять участие в восстании, могут отправиться на берег на корабельном катере. Однако ни одного отказника среди младшего состава не нашлось. Зато они нашлись среди офицеров. Когда Саблин выступил перед ними, чуть ли не половина офицеров отказалась «идти в бунтовщики» — с замполитом остались лишь один младший лейтенант, три лейтенанта и половина мичманов. Всем отказникам Саблин предложил посидеть под домашним арестом в одной из кают в глубине корабля. И по своей наивности не стал их даже запирают. В итоге, едва он удалился, как один из «заклученных» — механик лейтенант Фирсов, он же — нештатный секретарь комитета ВЛКСМ — сбежал. Выбравшись на палубу, он по швартовым канатам перебрался на соседнюю флагманскую подводную лодку. Там он объявил капитану, что на борту «Сторожевого» поднято восстание. Капитан сначала ему не поверил, но, взглянув в ту сторону, где стоял БПК, увидел, что на корабле действительно готовятся сниматься со швартовых. Он тут же связался с командованием.

Согласно плану Саблина, «Сторожевой» должен был идти в Кронштадт, а потом в Ленинград, чтобы там потребовать от правительства возможности выступить по телевидению с изложением своих требований. Саблин полагал, что его инициатива должна найти горячий отклик у военных моряков, а также у рабочих ленинградских заводов и предприятий. Ну, а за Ленинградом должна была подняться и вся страна.

В ночь на воскресенье, 9 ноября, «Сторожевой» начал движение вдоль устья Даугавы. За ним по пятам двинулись сторожевые пограничные корабли с расчехленными орудиями.

Вскоре Саблин, расположившийся на командирском месте, на ходовом мостике, получил депешу, где его запрашивали о цели выхода корабля в море. Он ответил: «Мы не изменники, идем в Кронштадт». Вскоре БПК в сопровождении пограничных катеров вышел в Рижский залив, взяв курс на север, к Ирбенскому проливу. Позднее именно это поставят ему в вину: мол, хотел сбежать в Швецию. Но это было не так: Саблин выбрал этот путь до Кронштадта, поскольку он был самым безопасным, в то время как кратчайший путь — через Моонзундский пролив — для такого большого корабля как «Сторожевой», был опасен — из-за узкостей, мелей и банок.

Той же ночью весть о восстании на «Сторожевом» достигла ушей главкома ВМФ Горшкова, и он доложил об этом выше — министру обороны Гречко. Тот в свою очередь информировал о происшедшем высшее руководство страны. Правда, Брежневу сообщили об этом позже всех, поскольку он в те часы еще спал, приняв перед сном сильную дозу снотворного. А когда узнал, сильно расстроился. Между тем помощники не стали ему докладывать о том, что с борта мятежного корабля всем членам правительства поступило предложение... посетить «свободную территорию» корабля, с тем чтобы обсудить конкретную программу переустройства общества в СССР.

По боевой тревоге в Прибалтийском военном округе были подняты в небо два авиаполка — в Тукуме и Румбуле, расположенные возле Риги. К «Сторожевому» устремились 12 истребителей-бомбардировщиков «Як-28» с полным боекомплектом авиабомб (а это 3 тонны 250-килограммовых «дур»), подвесных ракет и пушечных снарядов. А из Лиепайской военно-морской базы на перехват БПК была направлена большая группировка военных кораблей. Кольцо вокруг мятежников сжималось.

Первыми приказ остановить мятежный корабль силами своих боевых орудий получили экипажи пограничных кораблей. Но прежде чем открыть стрельбу, они передали семафорами требование остановить движение. Саблин в ответ по наружной громкоговорящей связи объяснил морякам-пограничникам свои намерения. И — о, чудо! — пограничники отказались от применения оружия. Тогда в дело была

пущена авиация. Летчики стали заходить на БПК звеньями из трех самолетов и сбрасывать бомбы с высоты 300 — 400 метров аккуратно перед носом корабля и по корме (за это ювелирное бомбометание, а также за выполнение приказа летчики затем будут удостоены боевых наград). Однако, как ни старался Саблин маневрировать кораблем, прорваться сквозь взрывное «кольцо» ему не удалось: корабль отвернул с курса, замедлил ход и стал описывать циркуляцию на месте.

В это время из своего «заточения» выбрались офицеры-отказники — старший лейтенант Сеидов и еще один офицер. Пробравшись в оружейку, они вооружились пистолетами и отправились освобождать командира корабля, запертого в трюме. И уже под его руководством они бросились арестовывать Саблина. Едва приблизившись к мятежному капитану, командир корабля выстрелил в него из пистолета. Но, видимо, рука стрелявшего дрогнула и пуля угодила Саблину в ногу. Но и этого оказалось достаточно, чтобы тот упал на палубу, после чего ему скрутили руки и уволокли в одну из кают. А спустя еще полчаса на палубу БПК высадились десантники. Весь экипаж был выгнан наверх и взят «на мушку». Раненого Саблина вывели на палубу, чтобы конвоировать на берег. Один из десантников грязно выругался в адрес мятежного офицера, на что один из сопровождавших Саблина матросов среагировал следующими словами: «Запомните этого человека на всю жизнь! Это настоящий командир, настоящий офицер советского флота!». Сам Саблин, подойдя к трапу, крикнул на прощание матросам всего две фразы: «Прощайте, ребята! Не поминайте лихом!». Его доставили в Ригу, где на следующий день, 10 ноября, с ним лично беседовали главком ВМФ Горшков и начальник Главпура Епишев. В тот же день Саблин и все моряки «Сторожевого» были отправлены самолетом в Москву. Причем, если моряки шли свободно, то Саблин был в наручниках, а по бокам его сопровождали двое дюжих особистов.

10 ноября в городе Балтийске, в половине четвертого дня, на квартиру, где проживали жена Саблина Нина Михайловна с сыном, пришла с обыском группа чекистов во главе с двумя следователями Управления КГБ по Калининградской области. Обыск продолжался в

течение нескольких часов. В итоге в присутствии двух понятых были изъяты свыше 30 предметов, принадлежащих Саблину. Среди них были: его дипломы об окончании военного училища и академии, аттестат зрелости, удостоверения к медалям, почетные грамоты в количестве 10 штук, записная книжка, тетради с записями, вырезки из газет, книги В. Ленина, К. Маркса и др., фото пленки, кортик и другие предметы.

В тот же день советская милиция отмечала свой профессиональный праздник. По этому случаю в Колонном зале Дома союзов состоялся традиционный концерт, на котором обычно почитали за честь выступать лучшие артисты отечественной эстрады. Список этих артистов всегда составлял сам главный милиционер страны Николай Щелоков и отказать ему никто не осмеливался — себе дороже. На том концерте состоялось рождение новой песни — «День Победы» Давида Тухманова и Владимира Харитоновна, которую исполнил Лев Лещенко. Как мы помним, эту песню Лещенко впервые услышал еще в апреле, но вынужден был отказаться от нее по не зависящим от себя причинам: в майском «Голубом огоньке» ее спел другой исполнитель — Леонид Сметанников — и высокое начальство песню забраковало, посчитав ее непотребной: дескать, ряд примитивных строчек, положенных на какой-то современный фокстрот. Однако с тех пор прошло несколько месяцев, и Лещенко, которого пригласили выступить в концерте на День милиции, рискнул реанимировать песню. Успех превзошел все ожидания. Собравшиеся в Колонном зале высокие милицейские чины приняли песню на «ура», а на следующий день на ЦТ косяками пошли письма с просьбой повторить «День Победы» еще раз. Так была снята опала с этой легендарной песни.

11 ноября один из высокопоставленных работников МИДа СССР Александр Огородник отмечал свой очередной день рождения — ему стукнуло 36 лет. По этому случаю на квартире именинника собралась компания его близких друзей и сослуживцев. Был накрыт стол, сервированный самыми отборными деликатесами (благо доступ к дефицитным продуктам у работников МИДа был неограниченный). Между тем Огородник не знал, что вот уже несколько недель находится в черном списке советской

контрразведки, которая подозревала его в связях с ЦРУ. Как мы помним, Огородник угодил в этот список летом, когда работал вторым секретарем посольства СССР в Колумбии. Помимо него в подозреваемых значились еще три человека, и каждого из них контрразведка проверяла по своим каналам. Вот и этот сабантуй у Огородника тоже попал на заметку контрразведывательной «наружки». Правда ничего противозаконного выявить тогда так и не удалось. Но именно Огородник и был тем Трионом, которого ЦРУ считало одним из своих самых ценных агентов.

В тот же день, 11 ноября, кинорежиссер Владимир Меньшов приступил к подготовительным работам по фильму «Розыгрыш». Помня о том, каких треволнений стоило ему и сценаристам добиться того, чтобы сценарий благополучно прошел все цензурные рогатки (а сценарий дважды возвращался на доработку), можно себе представить теперешнюю радость авторов. Подготовительные работы начались с просмотра кандидатов на главные и второстепенные роли — их должны были играть столичные школьники. Как мы теперь знаем, в итоге на главную роль — десятиклассника Игоря Грушко — будет найден будущий «гардемарин» Дмитрий Харатьян. Попал же он в картину следующим образом.

В том году Дмитрий закончил восьмой класс и на три месяца уехал в свой любимый пионерский лагерь «Метеор». По счастью, в нем же отдыхала и его сверстница Галя Ставбунская с Мосфильмовской улицы, которая уже с трех лет часто пробовалась в кино. Прознав про то, что Меньшов собирается запускаться с фильмом про молодежь и интенсивно ищет талантливых школьников, Галя, естественно, тоже пришла пробоваться на студию. Но у нее что-то не сложилось. Однако зная о том, что Меньшову на главную роль нужен красивый юноша, поющий и играющий на гитаре, Галя вспомнила про Харатьяна, который в «Метеоре» руководил тамошним ВИА и имел большой успех у публики. Девочка позвонила Диме домой и сообщила: «На «Мосфильме» снимают фильм про десятиклассников. Нужен парень, который поет. Так что бери гитару, и завтра с утра поедем на студию. Вдруг это твоя судьба».

Отправляясь на эту пробу, Харатьян не сильно верил, что именно его кандидатура заинтересует режиссера. Просто хотелось хоть раз в жизни побывать на съемочной площадке, увидеть настоящих киношников. Однако судьбе угодно будет распорядиться по-своему и именно проба Димы окажется самой удачной.

12 ноября судьба устроила новую встречу двум актерам — Олегу Стриженову и Лионелле Пыревой-Скирде. Как мы помним, взаимная симпатия друг к другу возникла у них еще в начале 60-х, но после короткого романа жизнь развела их в разные стороны. В сентябре этого года они вновь встретились в Одессе, и искра любви снова вспыхнула с невероятной силой. Они договорились обязательно встретиться в Москве, но за прошедший месяц удобного случая для этого так и не представилось. Наконец, занятые в одном фильме — «Последняя жертва» — они встретились на «Мосфильме» во время «озвучки» своих ролей. Стриженов, который был без ума от Лионеллы, первым сделал шаг к сближению. Когда работа была закончена, он опустил перед женщиной на колени и в присутствии всей группы сделал ей предложение стать его женой. Лионелла практически сразу ответила «да».

Александр Митта продолжает работу над «Арапом». В те дни группа готовилась к съемкам дуэльного поединка арапа с графом. Как мы помним, в течение некоторого времени подготовка шла без участия главного исполнителя — Владимира Высоцкого, которого на площадке заменял дублер — опытный рапирист. Наконец после ноябрьских праздников Высоцкий смог приступить к работе. В один из тех дней он приехал на студию вместе с Мариной Влади, чтобы посмотреть эпизоды, снятые некоторое время назад на натуре. После просмотра они собрались уехать домой, как вдруг к ним подошел рапирист Давид Тышлер, который предложил Высоцкому осмотреть декорации, где в скором времени ему предстоит фехтовать. Не говоря ни слова в ответ, актер отдал жене ключи от машины и отправился вместе со спортсменом в павильон.

Во время осмотра места предстоящей съемки Тышлер внезапно предложил Высоцкому пройти некоторые элементы боя немедленно. Актер согласился. Началось фехтование, которое длилось больше часа с перерывами. В итоге

подготовкой своего подопечного Тышлер остался вполне удовлетворен. Доволен был и Высоцкий, который, прощаясь, предложил своему наставнику посетить его ближайший (16 ноября) спектакль — «Пугачев». Спортсмен согласился.

Тем временем капитан 3-го ранга Валерий Саблин, поднявший восстание на БПК «Сто-рожевой», вот уже несколько дней находится в самой охраняемой тюрьме страны — Лефортовской, подведомственной КГБ. 13 ноября, в половине второго дня, ведущий дело о восстании старший следователь следственного отдела КГБ СССР О. Добровольский провел первый допрос Саблина. Подследственный выглядел неважно: небритый, осунувшийся, он лежал на госпитальной койке с перебинтованной ногой. Но, несмотря на плохое самочувствие, держался с достоинством: на его лице не проскользнуло ни тени сомнения в содеянном. На все вопросы Саблин отвечал четко, хорошо отдавая отчет каждому произнесенному слову. А утверждал он одно: я хотел изменить жизнь людей к лучшему, так дальше жить нельзя.

Продолжает томиться в тюрьме и кинорежиссер Сергей Параджанов. Как мы помним, он отбывает свой срок в колонии на Украине, в местечке Стрижавка. В одном из своих писем родственным, написанных в те ноябрьские дни, он писал:

«Скоро уже 2 года как я изолирован. Как я это пережил, не могу вспомнить. И не могу, и не хочу. Как страшный сон. Смерть. Состояние живого трупа... Я знаю свою вину, но думаю, что сижу за другое. Не надо было подписывать в свое время письма и резко выступать с трибун.

Почему я, армянин, должен был жить в центре Киева и делать украинский кинематограф. А еще получать призы на международных фестивалях. Почему? За это надо расплачиваться. Как они хотели — конфискацией.

Смогу ли я пережить еще в лагере 3 года? Это строгий режим. Если бы не помощь со стороны, на «пайке» я бы не выдержал. Все-таки я устроен и имею возможность что-то добавить — то маргарин, то консервы. Мало того, что мы лишены свободы, нас лишают всего — фруктов, витаминов. Редко в ларьке бывает лук или чеснок. Вся еда дневная стоит 37 копеек. Вычитают из зарплаты за еду 12 рублей. Поче-

му-то на свободе не хватало 100 рублей в день. Работаю уборщиком, зарплата 61 рубль. Сейчас я счастлив. Я познаю страшный мир патологии и клиники. Это мир прокаженных и отвергнутых. Но это неизбежность и естественность...».

В пятницу, 14 ноября, Владимир Высоцкий и Марина Влади приехали на квартиру фотографа Валерия Плотникова, чтобы в очередной раз позировать ему для фотографий, которые предполагалось поместить на обложку диска-гиганта, который должен был выйти на фирме «Мелодия». Супруги были в прекрасном настроении, и Плотников легко нащелкал не один десяток снимков, на которых гости были изображены в самых различных ракурсах: Высоцкий и Влади сидят на кубе, Влади обнимает Высоцкого, Высоцкий с гитарой на кубе и т. д. и т. п. После удачно проделанной работы хозяин и гости уселись пить кофе.

В тот же день Андрей Сахаров, который еще 20 октября написал заявление с просьбой отпустить его в Норвегию для получения Нобелевской премии, был вызван в Московский ОВИР. Шел он туда в хорошем расположении духа, поскольку за неделю до этого по итальянскому телевидению было передано сообщение, что ему разрешат выехать в Норвегию. Его жена, которая на тот момент находилась в Риме, даже заказала для него фрак. Но это сообщение оказалось «уткой». В ОВИРе Сахарова принял сам глава ведомства Фадеев, который объявил академику, что в его просьбе ему отказано, так как он является «лицом, обладающим знанием государственной тайны». Сахаров заявил, что будет оспаривать это решение. «Ваше право», — ответил начальник ОВИРа.

Вечером того же дня в ресторане «Золотой колос», что на ВДНХ, состоялось первое публичное выступление нового вокально-инструментального ансамбля «Пламя», который образовался из бывших участников ВИА «Самоцветы». Как мы помним, месяц назад львиная доля участников «Самоцветов» повздорили с руководителем коллектива Юрием Маликовым и тот отпустил их на все четыре стороны, видимо, надеясь, что те без него пропадут. А те довольно быстро создали новый коллектив, которому суждено будет стать не менее популярным, чем их предыдущий. Достаточно сказать, что спустя пару недель после выступлений в

«Золотом колосе» «Пламя» будет приглашено на телезапись финальной «Песни года». Что касается Юрия Маликова, то и он в те дни тоже не сидел сложа руки и, набрав новый состав, готовил их к гастролям в столице (они состоятся в декабре).

И еще одно событие случилось в ту же пятницу 14 ноября: главному дирижеру эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения Юрию Силантьеву было присуждено звание народного артиста Советского Союза. Сегодня имя этого человека практически не вспоминают, но в те годы его знала вся страна: мощная фигура Силантьева мелькала на экранах ТВ если не во всех, то в большей части концертов точно. Хорошо помню свои собственные впечатления от телевизионного Силантьева: он казался мне таким толстячком-добрячком с дирижерской палочкой в руках. Как выяснилось много позже, это была только доля правды об этом человеке.

По воспоминаниям очевидцев, Силантьев был уникальной личностью: в нем одновременно совмещались энциклопедические знания (его личная библиотека в четыре тысячи томов (!) занимала в доме две комнаты) и необъяснимая грубость к людям. Как вспоминает Л. Лещенко: «Как это могло в нем совмещаться, ума не приложу: с одной стороны — изощренный «высоколобий» интеллектуал-энциклопедист, с другой — совершенно беспардонный мужик, готовый в любой момент послать кого угодно и куда угодно! Правда, поливая кого-либо (или что-либо) матом, он никогда не делал этого просто так, от нечего делать или по причине врожденного хамства. У него всегда был точный адресат... А в лучшие моменты своей жизни Юрий Васильевич был добродушнейшим, любезнейшим человеком, гостеприимнейшим хозяином...»

Однако, по мнению знавших его близко, не добавляла ему счастья и семейная жизнь. Жену Силантьева звали Ольгой Васильевной, и это была в высшей степени своенравная и экспансивная особа. (До этого она, кстати, побывала в женах у великого театрального режиссера Юрия Любимова, когда была солисткой Ансамбля песни и пляски МВД СССР.) Ольга Васильевна считала себя вправе казнить или миловать всех и каждого, кто попадал в круг деятельности Юрия Васильевича... Причем для

того, чтобы вызвать резко негативную реакцию со стороны Ольги Васильевны, вовсе не обязательно было быть человеком чужим, посторонним, не из «ближнего круга». Ее жертвой мог легко оказаться и свой. А однажды в роли жертвы выступил и сам Юрий Васильевич, имевший несчастье своим поведением на одном из банкетов вызвать вспышку бешеной ревности со стороны своей благоверной. В результате чего она схватила со стола бутылку и звезданула ею маэстро по голове. Было много крови, присутствующим дамам стало дурно, пришлось вызывать «неотложку»... Все это выглядело крайне неприятно, безобразно, но, что характерно, почти ни у кого не вызывало удивления. Ибо нравы, царящие в семье Силантьевых, были известны практически всем, кто был с ними знаком...».

Между тем известный актер Анатолий Солоницын приехал из Ленинграда в Москву, чтобы здесь, в Театре Ленинского комсомола, приступить к репетициям в спектакле «Гамлет» в постановке Андрея Тарковского. Уезжал Солоницын в столицу в расстроенных чувствах — его семья, где у него росла маленькая дочка, практически разваливалась. Вот как об этом вспоминает родной брат актера Алексей Солоницын, который виделся с Анатолием незадолго до его отъезда:

«Однажды, во время прогулки по Ленинграду, Анатолий мне сказал, что его приглашают играть Гамлета в столичном Ленкоме. Режиссер — Андрей Тарковский.

Я обрадовался, но глянул на брата, и восторг мой сразу поутих — в его глазах была глубокая печаль.

— Не хочу, понимаешь, не хочу уезжать из Ленинграда, — сказал он. — Я здесь привык, я здесь хочу жить...

← Да зачем уезжать-то? «Стрелой» будешь ездить на спектакли, вот и все. Сколько актеров так ездят на съемки из Ленинграда в Москву, а потом обратно — на спектакль.

— Знаю, знаю... А вот ты знаешь, как Ефим Копелян назвал «Стрелу»? Нет? «Утро стрелецкой казни», понял?

— Толя, да ведь ради Гамлета...

— Не в этом дело.

— А в чем? — удивился я.

Глаза его сделались еще печальней.

— Семья развалилась, вот что...

Он помолчал, а потом заговорил, и чем больше он объяснял мне суть, тем больше я понимал, что семьи нет, что там — пепелище и что ему опять предстоит скитания, общежития, гостиницы, публичное одиночество.

— Спасение только в работе, — сказал он. — Да ты не вешай носа — ради Гамлета я все вынесу, все...».

На момент приезда Солоницына в Москву в здешних кинотеатрах демонстрировались следующие новинки: 10-го — «Звезда пленительного счастья» Владимира Мотыля с участием Василия Ливанова, Алексея Баталова, Олега Стриженова, Натальи Бондарчук и др.; «Стоянка три часа» Александра Светлова, в ролях Лаймонас Норейка, Раиса Куркина, Юрий Гусев и др.

Кино по ТВ: «Люди и манекены» (премьера т/ф, 4-я серия, 1-го), «Последний дюйм», «Верить не веришь» (2-го), «В черных песках» (впервые по ТВ 3-го), «Берега» (4-го), «Старые стены» (впервые по ТВ), «Орлята Чапая» (7-го), «Последнее лето детства» (премьера т/ф 7—9-го), «О друзей-товарищах» (8-го), «Самый жаркий месяц» (впервые по ТВ 8—9-го), «Алишер Навои» (10-го), «Рожденная революцией» (премьера т/ф, 13—14-го), «Много шума из ничего» (впервые по ТВ), «Ко мне, Мухтар!» (15-го) и др.

Из других передач выделю: «Кинопанорама» (1-го; ведущий Георгий Капралов познакомил зрителей с новым телефильмом «Волны Черного моря», с комедией «Афоня», фильмом-балетом «Спартак», об актере Осипе Абдулове рассказал Ростислав Пляйт, гостем программы был Владимир Конкин) (1-го), «Праздничный вечер в Останкине» (9-го; участники: Марис Лиела, Николай Сличенко, Сергей Захаров, Валерий Золотухин, «Песняры», «Славутич», ведущие — Анна Шилова и Игорь Кириллов), «13 стульев» (9-го).

Театральные премьеры: 12-го — в Театре миниатюр был показан спектакль «Точка зрения» по рассказам В. Шукшина; 14-го в Театре сатиры — «Ремонт» М. Рощина с участием Георгия Менглетта, Анатолия Папанова, Романа Ткачука, Спартака Мишулина, Михаила Державина и др.; во МХАТе — «Жизнь Галилея» Б. Брехта с участием: А. Попова, А. Георгиевской, М. Болдумана и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—2-го — в ГТЭ выступали Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята»; 2-го в «Октябре» — Александра Стрельченко; 9-го в «Варшаве» — ВИА «Поющие сердца»; 11—13-го в ГЦКЗ «Россия» — Стефан Реджани (Франция); 14-го в «Октябре» — Геннадий Белов, Нина Бродская; 13—17-го в ГТЭ — Анатолий Королев; 15—16-го в «Октябре» — Гелена Велликанова.

В воскресенье, 16 ноября, агенты наружно наблюдения КГБ, дежурившие у посольства США в Москве, засекали, как два работника посольства, приехавшие в Советский Союз под видом сотрудников Госдепартамента США, а на самом деле являвшиеся кадровыми сотрудниками ЦРУ — Джей Грюнер и Серж Карпович, — выехали на посольских автомашинах в город. Наружка последовала за ними. Однако ничего подозрительного в действиях американцев зафиксировано не было: в течение часа они колесили по Москве, любовались красотами города и периодически снимали наиболее красивые места. Так, ими были сделаны снимки Бережковской набережной, Новодевичьего монастыря и других мест города. В общем, обычное туристическое развлечение. Так продолжалось в течение четырех дней. И только много позже выяснится, что эти снимки на самом деле были предназначены не для личных альбомов американских дипломатов, а совсем для иного: все запечатленные на них места должны были стать объектами связи с одним из самых ценных агентов ЦРУ в Москве — работником МИДа СССР Александром Огородником, имевшим оперативный псевдоним Трион.

В тот же день завершился чемпионат страны по футболу. Как мы помним, еще две недели назад в нем определился досрочный чемпион — киевское «Динамо». Вторую строчку в турнирной таблице заняла тоже украинская команда — «Шахтер» из Донецка, который отстал от киевлян на 5 очков. Московские клубы выступили неровно: если «Динамо» и «Торпедо» заняли 3-е и 4-е места, то «Спартак» довольствовался 10-м, «Локомотив» 11-м, а ЦСКА и вовсе чуть не вылетел из высшей лиги, докатившись до 13-го места (из 16 команд).

Каждый из столичных клубов, оказавшихся в хвосте таблицы, воспринял ситуацию как угрожающую. Особенно сильно волновались в «Спартаке», что вполне объяснимо: в прошлом сезоне клуб занял 2-е место, а в этом 10-е. Главными виновниками происшедшего объявили тренера Николая Гуляева и начальника команды Николая Старостина. Им вынесли по выговору и сняли с должностей. Руководство клуба омолодило: начальником назначили Ивана Варламова, старшим тренером — Анатолия Крутикова, тренером — Галимзяна Хусаинова. Говорю об этом столь подробно, поскольку все эти перемены ни к чему хорошему так и не приведут — через год «Спартак» с треском вылетит из высшей лиги. Впервые за всю историю отечественного футбола. Но об этом рассказ впереди.

18 ноября Советский Союз покинул очередной отъезжант — Всеволод Левенштейн. Событие практически никем в те дни не замеченное, поскольку отъезжант на тот момент был известен только в узких музыкальных кругах, а всесоюзную славу приобретет только спустя полтора года, когда придет работать на Би-би-си радиоведущим. Он возьмет себе псевдоним, который станет известен практически каждому советскому подростку, помешанному на рок-музыке, — Сева Новгородцев. Новгородцев станет настолько популярен у советской молодежи, что вопрос о том, каким образом лишить его этой славы, будет рассматриваться на самом Политбюро. Но это будет чуть позже. А пока Всеволод Левенштейн известен как бывший руководитель ВИА «Добры молодцы» и агент Инфлота. В последнюю организацию он попал благодаря стараниям отца, который был заслуженным капитаном и строителем Балтийского флота. До самого последнего момента никаких планов относительно отъезда за бугор Всеволод не строил, чего нельзя было сказать о его тогдашней жене Галине. Она работала в международном отделе в аэропорту и имела там постоянные стычки с начальством. И потому буквально грезилась отъездом. Как показало будущее, женщиной двигало само провидение: если бы не она, Би-би-си не заполучила бы к себе талантливого радиоведущего, а советские подростки так и перебивались бы

скучными передачами радиостанции «Юность». Но вернемся в ноябрь 75-го.

В среду, 19 ноября, в Москве скончался популярный киноактер Виктор Авдюшко. В большое кино покойный пришел еще будучи студентом последнего курса ВГИКа — в 48-м году. Однако долгое время вынужден был сниматься исключительно в эпизодах. Первая большая роль случилась у него в 57-м, когда в фильме «Саша вступает в жизнь» он сыграл своего сверстника Павла Мансурова. Затем были роли в фильмах: «Они встретились в пути» (1957), «Все начинается с дороги» (1960), «Мир входящему» (1961), «Наш общий друг» (1962), «Живые и мертвые» (1964), «Рабочий поселок» (1966), «Тридцать три» (1966), «Освобождение» (1970) и др. Из-за своей суровой внешности Авдюшко практически никогда не играл героев-красавцев, ему доставались роли исключительно сдержанных, мужественных, но добрых и мудрых людей. В его искусстве строгость и скупость выразительных средств сочетались с большой внутренней наполненностью. Последней работой Авдюшко стала роль маршала Конева в эпопее Юрия Озерова «Солдаты свободы». А незадолго до этого он снимался в другом фильме, причем тоже о войне, и подцепил смертельную болезнь. Вот как об этом вспоминает Л. Смирнова:

«Авдюшко на Дальнем Востоке должен был сниматься на фоне военных кораблей, которые вот-вот могли надолго уйти, и съемочная группа могла не выполнить план. Группа приходила к Авдюшко и умоляла, чтобы он, больной, работал. И он в шинели с автоматом через плечо, с воспалением легких влезал в ледяную воду. Сняли два дубля, и у него образовался гнойный плеврит. Через семь месяцев он умер...».

В январе 75-го Авдюшко только справил свое 50-летие.

Продолжается скандал вокруг съемок фильма «В августе 44-го...». Как мы помним, съемки проходят в Ялте, но автор экранизируемой книги Владимир Богомолов не доволен снятым материалом и постоянно бомбардирует руководство студии и Госкино возмущенными депешами. А когда в разгар съемок внезапно умер исполнитель роли генерала Егорова актер Бабкаускас и встал вопрос о пересъемках эпизодов с его участием, судьба фильма и вовсе

повисла на волоске. Наконец спустя несколько дней после этого печального события Богомолов подал на киностудию «Мосфильм» в суд. Директор студии Н. Сизов приостановил съемки и затребовал весь отснятый материал в Москву для просмотра. Увиденное Сизову понравилось, но найти общего языка с Богомоловым даже ему так и не удалось. В итоге 20 ноября был подписан приказ номер 705 о приостановлении производства фильма.

Тем временем съемки другого мосфильмовского фильма — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» — продолжают. Причем 18–21 ноября съемочная группа попала в вынужденный простой из-за болезни Александра Митты, но едва он выздоровел, тут же принялась наверстывать упущенное: ей предстояло отснять один из самых сложных эпизодов — дуэль арапа с графом. Эпизод, который длится всего лишь полминуты, снимали в течение целого дня. Пока шла работа, рапиристы, участвовавшие в съемке, донимали своего коллегу Давида Тышлера, который успел подружиться с Высоцким, просьбами о том, чтобы он уговорил актера достать им билеты на «Таганку». Однако едва съемки завершились, как Высоцкий одним из первых покинул павильон. Спортсмены, естественно, взгрустнули. Каково же было их удивление, когда, выйдя на улицу, они увидели, что Высоцкий терпеливо ждет их в своей иномарке, чтобы развезти по домам. Как вспоминает Д. Тышлер:

«Через минуту наша компания заполнила вместительную машину. По дороге шумно обсуждали события прошедшего дня, еще раз переживая недавний бой, мечтали о будущих фильмах с дуэлями и рыцарскими турнирами... Высоцкий был немногословен. Окунувшись в атмосферу фехтовального поединка, подержав в руках оружие, он складывал о пережитом стихотворные строки, время от времени говорил пару из них, затем обращался к нам:

— Как, ребята, получается? Ничего? Похоже?...».

В эти же дни был отснят еще один эпизод из пролога фильма: где арап соблазняет жену графа. В этой крохотной роли снималась известная актриса Ирина Печерникова, которая вспоминает:

«Для роли мне шьют потрясающей красоты платья, потом их почему-то только по груди показывают в кадре, а они расшиты вручную, просто произведения искусства. И художницы умоляют меня ни на миллиметр не поправляться. Я держусь как спортсменка. Но на съемках в другой картине ломаю ногу и оказываюсь в гипсе (по части ног актрису вообще преследовали одни несчастья: четыре года назад, на съемках фильма «Города и годы» она сломала себе аж обе ноги. — Ф. Р.). Мне ищут замену, только в платье никто больше не помешается, настолько оно по моей фигуре сшито. Режиссер Митта спрашивает: «Сможешь в гипсе сниматься?». Я говорю: «Смогу, но мы же должны друг к другу по лестнице взбегать!». Как немое кино: быстрые жесты, преувеличенно выразительная мимика, чтобы выглядело смешно. Митта отвечает: «Придется Владимиру Семеновичу носить тебя на руках». И деваться некуда. Начинаются съемки. Высоцкий носит меня на руках. А мы с ним года три как поссорились и не разговариваем. И кульминация всей нашей беготни — он бросает меня на роскошную кровать, и мы изображаем там страсть. У меня сзади метров пять газового пеньюара, лицо намазано белым гримом, Володя выкрашен в шоколадный цвет (актер потом будет жаловаться, что краску ему приходилось смывать по часу, втирая мочалку по лицу чуть ли не до крови. — Ф. Р.). И когда мы дотрагиваемся друг до друга, у него остаются белые пятна, у меня — коричневые. Мы по-прежнему не разговариваем. И между нами еще моя гипсовая нога. В общем, дублей пять запароли. Режиссер кричит: «Что за актеры! У меня «Кодак»! Вы сделаете или не сделаете?!». И тут мы разозлились на самих себя и — как в огонь ухнули. «Мотор! Стоп! Спасибо! Снято!». Мы вмиг сели. А группа упала: мы выглядели как две мартышки — у меня коричневый нос, подбородок и два пятна на щеках, у него — белый нос, подбородок и пятна на щеках. Но в фильме этого не видно. Там вообще ничего не видно, ни страсти, ни гипсовой ноги...».

На «Ленфильме» режиссер Виталий Мельников заканчивает работу над фильмом «Старший сын». Отсняв практически все павильоны, он в октябре приступил к натурным съемкам, однако уложиться в сроки не сумел из-за по-

годы — в ноябре в Ленинграде повалил снег. Пришлось выезжать в теплые края — в Ростов-на-Дону. В течение недели (22—28 ноября) там будут отсняты эпизоды из начала фильма: Бусыгин (Николай Караченцов) и Сильва (Михаил Боярский), вызвавшись проводить незнакомых девушек до дома, в итоге оказываются ими «продинамлены» и, опоздав на последнюю электричку, вынуждены бродить по незнакомому городку и проситься на постой. Их, естественно, никто из жителей даже на порог не пускает. Как говорит герой Боярского: «Я их понимаю: пустить ночью в дом двух таких типов...».

В понедельник, 24 ноября, в поселке Голованово Пермской области произошло убийство. Однако из череды других жестоких преступлений того дня, совершенных на территории огромной страны, это отличалось тем, что совершено оно было преступниками, которые спустя три недели, что называется, поставят на уши не только всю область, но и в Москве заставят о себе вспомнить. Но расскажем обо все по порядку.

В тот день в одном из поселковых домов судьба свела за дружеской попойкой четырех человек: некоего Баландина, 29-летнего Александра Жидкова по кличке Спартак, Левченко и сожителя хозяйки квартиры. Последний оказался человеком неосторожным: впервые сидя за одним столом с незнакомыми людьми, стал выкладывать перед ними чуть ли не всю свою биографию. Когда же алкоголь окончательно развязал ему язык, он сболтнул собутыльникам и вовсе неожиданное: что в одной из камер хранения на вокзале Пермь-II у него спрятано «рыжье», то бишь золото. Знай болтун о том, что двое из тех, кто сидел с ним за столом, — Баландин и Жидков, — уже успели хлебнуть тюремной баланды, может быть, и остерегся бы болтать лишнее, но сказанного было уже не вернуть. В итоге уголовники стали избивать сожителя, с тем чтобы узнать номер камеры и ее код. Сожитель пошел в несознанку: дескать, выдумал все спьяну, нет никакого золота. Но кто ж ему теперь поверит? Короче, экзекуция была продолжена, причем пытки стали куда более изощренными. Так продолжалось в течение двух (!) дней. Наконец, когда сожитель от нечеловеческих пыток впал в беспамятство, но

так и не раскрыл правду о золоте, мучители решили его добить. Жидков взял полотенце и задушил им несчастного. А потом для верности расправились и с хозяйкой квартиры, которая стала невольной свидетельницей расправы со своим сожителем.

Из Голованово бандиты отправились поездом в Пермь. По дороге у Жидкова и Левченко возникла идея расправиться с Баландиным. Как сказал Жидков, тот плохо себя вел во время расправы над хозяйкой дома и мог по малодушию сдать их ментовке. Обреченного решено было убить во время сна. Но Баландин оказался хитрее подельников. Звериным чутьем заподозрив неладное, он обманул своих потенциальных убийц. Когда они договорились сойти с поезда на станции Сылва, Баландин этого не сделал и таким образом избежал верной смерти. Как ни странно, но он не стал мстить своим подельникам и не сдал их ментовке. Случись это, кровавый путь банды был бы прерван, а так все самое страшное было еще впереди.

Александр Митта продолжает снимать «Арапа Петра Великого». Съемки хотя и движутся, но с большим скрипом из-за разногласий, которые постоянно возникают между режиссером и одним из исполнителей главной роли Владимиром Высоцким. 27 ноября исполнитель роли слуги арапа Фильки Валерий Золотухин вывел в своем дневнике следующие строчки:

«Мучился усталостью на съемке. Никакой радости. Митта с Вовкой не могут работать, идет ругань и взаимораздражаемость. Я не могу быть союзником ни того, ни другого. Когда режиссер не доволен, мне стыдно отстаивать свою позицию словами. Ввязался я в это дело напрасно: хотел товарищу помочь. Ролью совсем не занимаюсь, она неинтересна для меня, значит, будет неинтересна и для зрителя. Хотя роль одна из лучших в этом сценарии. Но нет радости общения с Миттой. И вообще, от игры нет радости: слишком много забот за спиной и дел, груз суеты и жизни убил радость творчества, радость сиюминутного бытия...».

Кстати, в те ноябрьские дни на магнитофонах советских меломанов появилась новая песня Высоцкого «В Шереметьево, в ноябре третьего...», мгновенно растащенная на цитаты. А если брать эстрадную музыку, то из всех

ретрансляторов звучали песни Евгения Мартынова «Лебединая верность» и «Яблони в цвету». Именно тогда Мартынов выбился в лидеры среди отечественных композиторов, оттеснив с первой строчки Давида Тухманова (тот, в свою очередь, пару-тройку лет назад так же победил Арно Бабаджаняна). Месячный гонорар Мартынова впервые перевалил за отметку 10 тысяч рублей, причем этот доход ему принесли именно две упомянутые песни, которые крутились повсюду. Они же были включены и в финальный выпуск передачи «Песня года», которая в те дни готовилась к записи в Останкино. Полный список прозвучавших там песен выглядел следующим образом:

«**Мир дому твоему**» (О. Фельцман — И. Кохановский) — исполняет В. Коннов; «**Улыбка**» (В. Шаинский — М. Пляцковский) — Детский хор; «**Улица мира**» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Детский хор; «**Малая земля**» (М. Магомаев — Н. Добронравов) — Муслим Магомаев; «**У деревни Крюково**» (М. Фрадкин — С. Островой) — ВИА «Пламя»; «**После салюта наступает тишина**» (Е. Глебов — П. Мекаль) — Виктор Вуячич; «**Черноглазая казачка**» (М. Блантер — И. Сельвинский) — Тамара Синявская; «**Песня об океане**» (Е. Жарковский — Р. Рождественский) — Юрий Богатиков; «**Барaban**» (Л. Лядова — И. Шаферан) — Ансамбль песни и пляски; «**Я жил в такие времена**» (А. Билаш — Н. Рыбалко) — А. Мокренко; «**Сияет лампочка шахтера**» (Н. Богословский — М. Матусовский) — Юрий Богатиков; «**Московская серенада**» (Э. Колмановский — И. Шаферан) — Мики Евремович; «**Лебединая верность**» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару и ВИА «Червона рута»; «**Любимые женщины**» (С. Туликов — М. Пляцковский) — Лев Лещенко; «**Осенние мечты**» (Э. Салихов — О. Гаджикасимов) — Рано Шарипова; «**Добрый вечер, девчоночка**» (И. Лученок — слова народные) — ВИА «Песняры»; «**Сладка ягода**» (Е. Птичкин — Р. Рождественский) — Ольга Воронец; «**Надежда**» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Муслим Магомаев; «**Яблони в цвету**» (Е. Мартынов — И. Резник) — София Ротару и ВИА «Червона рута»; «**Вся жизнь впереди**» (А. Экимян — Р. Рождественский) — ВИА «Пламя»; «**Твои следы**» (А. Бабаджанян — Е. Евтушенко) — Муслим Магомаев; «**Смуглян-**

ка» (А. Новиков — Я. Шведов) — София Ротару и Мики Евремович; «Бери шинель — пошли домой» (В. Левашов — Б. Окуджава) — А. Покровский; «День Победы» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Лев Лещенко; «И вновь продолжается бой» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Лев Лещенко.

27 ноября в Кремлевском Дворце съездов Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу в торжественной обстановке была вручена Золотая медаль Мира имени Ф. Жолио-Кюри. Награду лично вручал Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра. Это событие широко освещалось во всех без исключения средствах массовой информации Советского Союза и стран социалистического блока и мельком — на Западе. Ни для кого не было секретом, что это событие было ответом на недавнее награждение академика Андрея Сахарова Нобелевской премией Мира. Таким образом Политбюро хотело показать своим гражданам, а также всему миру, кто на самом деле является истинным борцом за мир во всем мире.

Между тем только избранные знали о той сложной обстановке, которая сложилась на тот момент в высшем руководстве страны. В Политбюро тогда развернулась настоящая борьба за Брежнева: его недруги, видя, как генсек под влиянием лекарств становится неадекватен, мечтают поскорее отправить его на пенсию, а друзья, наоборот, — хотят, чтобы он остался на своем посту. Как вспоминает начальник 4-го управления Минздрава Евгений Чазов, в один из тех дней сторонник Брежнева секретарь ЦК Дмитрий Устинов решил на личный разговор с ним. Устинов сказал: «Евгений Иванович, обстановка становится сложной. Вы должны использовать все, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги. Вам с Юрием Владимировичем Андроповым надо продумать и всю тактику подготовки к съезду партии. Я в свою очередь постараюсь на него воздействовать».

Чазов отправился к Андропову. Шеф КГБ начал перечислять членов Политбюро, которые при любых условиях будут поддерживать Брежнева. Их оказалось недостаточно. «Хорошо бы, — заметил Андропов, — если бы в Москву переехал из Киева Щербицкий. Это бы

усилило позицию Брежнева. Мне с ним неудобно говорить, да и подходящего случая нет. Не могли бы вы поехать в Киев для его консультации, тем более что у него что-то не в порядке с сердцем, и одновременно подговорить, со ссылкой на нас, некоторых членов Политбюро, о возможности его переезда в Москву».

Уже через сутки Чазов был в Киеве. Щербицкий встретил его у себя дома: там гость из Москвы провел медицинский осмотр, после чего предложил перейти к служебным делам. Но Щербицкий не стал говорить на служебные темы у себя на квартире и пригласил гостя съездить к нему на дачу в окрестностях Киева. Поскольку погода была теплой, разговор состоялся в парке, где подслушать беседующих было невозможно. Чазов рассказал Щербицкому о состоянии здоровья Брежнева и изложил просьбу его друзей о возможном переезде украинского лидера в Москву. Услышанное произвело на Щербицкого тягостное впечатление. После долгого молчания он наконец произнес: «Я догадывался о том, что вы мне рассказали. Но думаю, что Брежнев сильный человек и выйдет из этого состояния. Мне его искренне жаль, но в этой политической игре я участвовать не хочу».

Чазов слово в слово передал услышанное от Щербицкого Андропову. Шеф КГБ был возмущен таким ответом. «Что же делать? — поднял он глаза на Чазова. — Подгорный может рваться к власти». Тогда Чазов позволил себе неосторожную реплику: мол, почему именно Подгорный, неужели не может быть другой руководитель — например, вы? Андропов тут же отменил эту идею: «Больше никогда и нигде об этом не говорите, еще подумают, что это исходит от меня. Есть Сулов, есть Подгорный, есть Косыгин, Кириленко в конце концов. А нам надо думать об одном: как поднимать Брежнева. Остается одно — собрать весь материал с разговорами и мнениями о его болезни, недееспособности, возможной замене. При всей своей апатии лишаться поста лидера партии и государства он не захочет, и на этой политической амбиции надо сыграть».

Самое время взглянуть на киношную афишу второй половины ноября. 24-го на широкий экран вышел фильм Бориса Степанова «Волчья стая», повествующий о событиях Ве-

ликой Отечественной войны. Из зарубежных лент выделю две: «**Турецкое копьё**» (Венгрия, с 18-го), «**Белый клык**» (Италия, с 24-го).

Кино по ТВ: «**Приговор**» (ЧССР, 17—21-го), «**Невеста с Севера**» (премьера т/ф 19-го), «**Человек с другой стороны**» (впервые по ТВ 20-го), «**Армия Трясогузки снова в бою**» (21-го), «**Альпийская баллада**» (22-го), «**Чук и Гек**», «**Конец Любавиных**» (23-го), «**Слушайте на той стороне!**» (25-го), «**Во имя жизни**» (28-го), «**Дикая собака Динго**», «**Братья Сарояны**» (29-го) и др.

Из других передач выделю: «**В вашем доме**» (23-го; участвуют Всеволод Абдулов, Сергей Захаров, Лаки Кесоглу, Дин Рид, ВИА «Мзиури»), «**Кинопанорама**» (30-го; были представлены новые фильмы: «**Звезда пленительного счастья**», «**Ольга Сергеевна**», показаны творческие портреты звезды из Голливуда Бэт Дэвис и итальянского комика Альберто Сорди).

Театральные премьеры: 16-го в Театре имени Моссовета был показан спектакль «**Ванечка**» по пьесе Виктора Мережко, в главной роли — Юрий Кузьменков; 18-го в Театре име-

ни Ленинского комсомола — «**Ясновидящий**» с участием Софьи Гиацинтовой, Елены Фадеевой, Александра Збруева, Арчила Гомиашвили и др.; в Театре имени Ермоловой — «**Ван Гог**», в главной роли — Алексей Жарков; 27-го в Театре оперетты — «**Свадьба Кречинского**»; 29-го в Драмтеатре имени Станиславского — «**Волки и овцы**» А. Островского с участием: Георгия Буркова, Леонида Сатановского и др.

Эстрадные представления: 15—16-го — в ГЦКЗ «Россия» пел Дин Рид в сопровождении ансамбля под управлением Дитера Джулика (ГДР); 22—25-го в ГТЭ — Джордже Марьянович (Югославия); 27—30-го там же — София Ротару и ВИА «Червона рута»; 29—30-го опять же в ГТЭ — Дин Рид (по этому случаю в «Московском комсомольце» в «Звуковой дорожке», была помещена большая статья Юрия Филинова про гастролера под названием «Свой парень». Из нее читатели узнали, что молодую жену певца зовут Вибка, она учительница и что в скором времени в их семействе ожидается прибавление).

1975 Декабрь

Как едва не погиб Геннадий Хазанов. Партактив против «Иронии судьбы». «Два капитана»: Григорьев у Ромашова. Смотрины джаз-рок группы «Арсенал» в Калининграде. Олег Даль встречается со зрителями. Суд над фильмом «В августе 44-го...». Как Брежнев в Польше дирижировал залом. «Два капитана»: Григорьев бьет Ромашова. Из фильма «Стрелы Робин Гуда» изымают песни Высоцкого. Как умерла Валентина Серова, Вручение Нобелевской премии Андрею Сахарову. Суд над Сергеем Ковалевым. Как обнаружили тело Серовой. Приговор Ковалеву. Высоцкий у Беллы Ахмадулиной. Валерий Золотухин соглашается играть Гамлета. Похороны Валентины Серовой. Кровавая бойня на станции Сылва. Разгон демонстрации в Ленинграде. Как СССР помогал Анголе. Мои хоккейные университеты. Любовный роман Клары Новиковой. Женился Олег Романцев. Любовь Галика Сукачева. Американский шпион Трионон убивает свою любовницу. Почему остановились съемки «Двух капитанов». Агент УГРО проникает в банду. Родилась Мила Йовович. Пресс-конференция Андрея Сахарова. Трагикомедия: как от Брежнева удалили медсестру. Громыко не хочет лететь в Японию. Приз «Известий» — у сборной СССР. Алла Пугачева в Горьком. Министерство культуры вмешивается в склоку в Малом театре. Как Раймонд Паулс помог задержать особо опасного преступника. Советские футболисты — самые ленивые в мире? Новоселье Владимира Высоцкого и Марины Влади. Страна смотрит «Здравствуйте, я ваша тетя!». Стенли Лауден читает анонимку на себя. Разгром банды в Саратове. Митта — Золотухин: конфликт продолжается. ЦСКА и «Крылья Советов» в Канаде: трудная акклиматизация. Пираты от «Мелодии». Сергей Юрский попадает в больницу. Валерию Саблину разрешили переписку с родными. Бориса Буряцу допрашивают в КГБ. Как два билета на спектакль помогли поймать грабителей. Ролан Быков в поисках коньяка. Стенли Лауден танцует с Людмилой Зыкиной. Как «развязал» Валерий Ободзинский. Клара Новикова хочет развестись с мужем.

В понедельник, 1 декабря, известному юмористу Геннадию Хазанову стукнуло 30 лет. Волею судьбы эту круглую дату ему пришлось отмечать за пределами родного отечества — в Латинской Америке, где он находился с гастролями. Причем благодаря этой поездке тот день рождения мог вообще стать для артиста последним. Впрочем, послушаем его собственный рассказ:

«На свой юбилей я перелетал из Коста-Рики в Эквадор. Самолет совершил промежуточную посадку в Панаме. После полуторачасового ожидания нас посадили в самолет, который после команды «старт» резво начал набирать скорость по взлетной полосе. Но вдруг лайнер

остановился. Мы застыли в тревожном ожидании продолжения взлета. Через некоторое время нас развернули и привезли обратно. Ничего не объяснив, нам предложили проехать в гостиницу, где мы и разместились на ночь. Наутро мы узнали страшную историю. Оказалось, что вчерашний самолет был неисправен, и если бы, не дай бог, мы взлетели, то все бы погибли. Особой радости от той поездки и нашего «непогибания», честно скажу, не было. Шампанского не пили. Я, например, пребывал в шоковом состоянии...».

В первые дни декабря в Доме творчества телевизионных работников в Софрино проходил очередной семинар. На него съехались со всей

страны секретари партийных бюро республиканских, краевых и областных комитетов Гостелерадио. Пользуясь таким случаем, председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин послал им для просмотра новую комедию Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром». Хотел проверить их реакцию на нее. Через сутки Лапин приехал в Софрино и, выступая перед участниками семинара, поинтересовался: «Как вы считаете, можем мы показать «Иронию судьбы» советскому народу?». Ответ был единодушным: нет. И партийные чиновники стали наперебой объяснять Лапину причины такого ответа: дескать, в фильме прославляется пьянство, поощряются любовные измены и т. д. и т. п. А Лапин слушал выступающих и улыбался. Дело в том, что незадолго до этого глава Гостелерадио провел точно такой же эксперимент с Леонидом Брежневым и тот просмотр закончился диаметрально противоположным результатом: картина генсеку очень понравилась. В отдельных местах он так смеялся (особенно в эпизоде, где друзья выпивают в бане), что Лапин искренне поражался: таким веселым он генсека еще не видел. И Брежнев дал «добро» на выпуск картины на всесоюзный экран. Так что мнение софринского семинара для Лапина уже ничего не значило: он таким образом развлекался.

Продолжаются съемки телефильма «Два капитана». В 12-м павильоне «Мосфильма» была выстроена декорация «квартира Ромашова», где с 1 декабря начали снимать эпизоды из конца фильма: внезапный приход Сани Григорьева к Ромашову. В старой экранизации это выглядело эффектно: Ромашов сидел за столом, смачно поедая сметану из стакана, как вдруг появлялся Саня Григорьев. В новом варианте сметаны не было, однако эпизод выглядел не менее впечатляюще: с ударами по лицу, кувырками. Однако в первый день декабря снимали прелюдию этой схватки: Саня застает дома фон Вышимирского (Александр Вокач), который в отсутствие Ромашова рассказывает гостю о том, что они ищут и уже нашли Катю Татарину.

2 декабря начали снимать приход Ромашова и его объяснение с Григорьевым: хозяин нагло врет в лицо гостю, что это именно он спас Катю от голода в блокадном Ленинграде, вселил в нее веру в будущее и т. д. На следующий

день съемки этого эпизода продолжились, только теперь снимали монолог Григорьева: мол, ты, Ромашов, все врешь, тебя будет судить судом военного трибунала. На что Ромашов, нагло улыбаясь, отвечает: не получится, у тебя нет свидетелей. Тогда Григорьев закрывает дверь и объявляет: тогда тебя буду судить я.

На следующий день, 4 декабря, начали снимать драку. В ней участвовали двое каскадеров, которые совершали кульбиты вместо актеров. Летали каскадеры профессионально, однако в фильм эти кульбиты практически не войдут, кроме одного: где Ромашов вылетел в распнутую дверь. На экране эта сцена выглядит, прямо скажем, не очень эффектно.

В эти же дни Алексей Козлов и руководимый им джаз-рок ансамбль «Арсенал» отправляются в Калининград, чтобы пройти прослушивание в тамошней филармонии на предмет зачисления коллектива в ее штат. Между тем эта история имела полугодичные корни. Где-то в начале июня «арсенальцев» нашел директор филармонии Андрей Макаров и лично предложил им работать у него. Музыканты поначалу даже не поверили: в высоких столичных кругах за ними прочно укрепилось мнение как о крамольном ансамбле, а тут вдруг такое предложение. Они как на духу выложили эти сомнения Макарову. Но он их успокоил: дескать, Калининград не Москва, там он хозяин. Договорились, что через несколько месяцев он вышлет для них приглашения.

Заветная весточка от Макарова пришла в конце ноября, когда «арсенальцы» уже отчаялись ждать. Тут же были куплены билеты на поезд «Янтарь», курсирующий между Москвой и Калининградом, и музыканты отправились в бывшую столицу Восточной Пруссии. Там их встретили представители филармонии и, усадив в «фурциваген» (так называли крохотные и оттого неудобные артистические микроавтобусы, выпущенные по приказу покойного министра культуры Фурцевой), повезли к месту конечного назначения — в ДК железнодорожников. Спустя несколько часов в зале ДК, где сидели всего лишь несколько человек из местного управления культуры, «Арсенал» сыграл свою программу. Длилась она примерно около часа. После ее завершения за кулисы примчался Макаров, который сообщил, что все прошло нормально, что ансамбль принят в штат фи-

лармонии. Однако прозвучало это как-то подозрительно просто. Музыканты стали интересоваться деталями оформления и сроками, и тогда Макаров сказал, что сейчас они должны отправляться снова на вокзал, чтобы успеть на обратный поезд в Москву, и что обо всех деталях он вскоре сообщит официально руководителю ансамбля, то бишь Козлову. На самом деле все рассказанное было неправдой. «Арсенал» высокой комиссии не понравился, но Макаров побоялся в открытую сказать об этом музыкантам, которые преодолели несколько тысяч километров, причем билеты купили на свои кровные. Так что назад музыканты возвращались ни с чем. Забегая вперед, сообщу, что Макарову все-таки удастся преодолеть сопротивление чиновников управления культуры и перетянуть «Арсенал» к себе. Но это произойдет спустя полгода, а пока продолжим знакомство с событиями декабря 75-го.

Олег Даль, который в конце октября повредил себе ногу и был закован врачами в гипс, в ноябре получил наконец-то долгожданную свободу. И тут же подписал с Всесоюзным обществом «Знание» договор на серию поездок по стране, где должен был встречаться со зрителями. Таким образом артист убивал сразу двух зайцев: напоминал о себе зрителям в глубинке и имел дополнительный заработок. Первая поездка была в Воронеж, куда Даль приехал 4 декабря. Народу в зал набилось столько, что яблоку негде было упасть. В течение двух с лишним часов Даль читал стихи, показывал отрывки из спектаклей, отвечал на вопросы. Поскольку совсем недавно по ТВ был показан многосерийный фильм «Вариант «Омега» (15—19 сентября), где Даль впервые играл разведчика, много вопросов было посвящено именно этой работе актера.

Весьма насыщена творческая жизнь и у Владимира Высоцкого. Так, 2 декабря он сыграл Гамлета на «Таганке», затем снимался у Митты в «Арапе» в эпизодах «изба арапа», а в праздничный день 5 декабря (в День советской Конституции) посетил с дружеским визитом театр «Ромэн», где спел несколько песен. Это выступление частично было записано на видеопленку и теперь хорошо известно.

6 декабря в Московском городском суде прошло заседание по одному из самых громких гражданских дел последнего времени — по

иску писателя Владимира Богомолова о запрещении съемок фильма по его книге «Момент истины» на киностудии «Мосфильм». Вот как об этом вспоминает очевидец тех событий директор фильма Б. Криштул:

«Богомолов приехал с молодой симпатичной представительницей Всесоюзного агентства авторских прав, которая хорошо поставленным голосом бойко доказывала, что в антагонизме между литературой и кинематографом виновен исключительно кинематограф.

Судья, равнодушная усталая женщина, не просила показать ей отснятый материал (книгу, похоже, прочитала, как показалось по одной ее реплике), не предлагала создать искусствоведческую экспертизу, ничего не сличала и не анализировала, как, по-моему, должен был поступить суд.

Судья пыталась сначала уговорить и вразумить истца, но тот стоял насмерть. Когда писателю дали слово, он начал так:

«Роман выдержал три издания в 30 миллионов экземпляров тиража и получил высокую оценку читателей. На мою книгу написано 76 рецензий в разных газетах, журналах Советского Союза и за рубежом. В это число входят газета «Правда» и журнал «Коммунист»... Я не хотел экранизации. Пять месяцев меня уговаривали отдать роман на «Мосфильм».

...Что вы мне говорите о таланте Жалакявичуса? Я отношусь с уважением к нему самому, но это — не его тема, он не понимает того, что делает. У каждого художника есть своя тема, — как по-написанному изложил истец и закончил не очень вразумительно: — Жалакявичус — режиссер, который должен работать на международном материале».

После таких слов я ждал, что наш юрист скажет: «Богомолов не должен писать о любви, его тема — шпионы». Но нашему юристу было уже за восемьдесят, начав говорить, он часто замирал, как бы вспоминая слова, или долго копался в бумажках в поисках шпаргалки. Судья нетерпеливо вертела карандаш, а то и покрикивала, что совсем выбивало старичка из колеи. Нервничал и второй наш представитель, директор объединения Леонид Мурса, пытаясь своим ярким выступлением спасти фильм.

Суд постановил: «Производство фильма приостановить и без согласия автора никаких съемок не производить. Попытаться автору и

киностудии найти приемлемое решение и продолжить работу, дабы не допустить убыточных расходов картины».

Забегая вперед, сообщу, что компромисса сторонам найти так и не удалось: спустя две недели состоится специальное заседание секретариата Союза кинематографистов СССР, на котором Богомолова заклеят позором, а фильм закроют. Потраченные деньги, естественно, спишут в убыток киностудии.

В понедельник, 8 декабря, Леонид Брежнев отправился с официальным визитом в Польшу. Как мы помним, его сторонники в Политбюро мечтают о том, чтобы он победил свою болезнь и остался на своем посту, в то время как недруги спят и видят, что он подаст в отставку. Между тем именно эта поездка в Польшу станет последней каплей, после чего группа Андропова форсирует события и заставит генсека изменить свое поведение. Но это будет чуть позже, а пока Брежнев отправился в Польшу, прихватив с собой аптечку с любимыми лекарствами, надеясь, что они помогут ему выдержать жесткий ритм поездки. На следующий день после своего приезда Брежнев выступил с докладом на VII съезде ЦК ПОРП. Вот как об этом вспоминает тогдашний руководитель Польской компартии Эдвард Герек:

«На съезде едва удалось избежать скандала. Во время пения «Интернационала» Брежнев встал, как дирижер, лицом к залу и начал дирижировать делегатами. Он надувал щеки и хлопал в ладоши. Издали казался пьяным, но на самом деле был напичкан лекарствами. Позже, во время моего выступления с политическим докладом, сидя во втором ряду президиума рядом с Хонеккером, Живковым, Гусаком и Чаушеску, он вел себя так шумно, что временами я подумывал об объявлении перерыва. Признаюсь, я с огромным трудом дошел до последней страницы своего выступления. Причиной его оживления была золотая ручка, которой он всю восхищался, призывая соседей также выразить свое восхищение...».

Кстати, именно в тот день, когда Брежнев отправился в Польшу, в двух крупнейших кинотеатрах столицы — «Россия» и «Октябрь» — начали демонстрировать последнюю «нетленку» про него: документальный фильм «Вручение Л. И. Брежневу «Золотой медали Мира». Показ был приурочен аккурат к 10 декабря, ко-

гда в Норвегии должны были вручать Нобелевскую премию Андрею Сахарову.

В тот день, когда Брежнев улетел в Польшу, на «Мосфильме» продолжились съемки фильма «Два капитана» — снимали продолжение драки между Григорьевым и Ромашовым. На следующий день съемки эпизода завершились. Сняли, как Ромашов, повергнутый на пол после удара Григорьева, выхватывал из-под дивана пистолет и в отчаянии кричал: «Ты меня не убейшь!». Но тут в квартиру вламывались милиционеры и уводили обоих. Победа осталась за Григорьевым.

Во вторник, 9 декабря, была поставлена финальная точка на присутствии песен Владимира Высоцкого в фильме «Стрелы Робин Гуда». Как мы помним, эту ленту на Рижской киностудии снял режиссер Сергей Тарасов. Он же пригласил Высоцкого написать для нее несколько песен. Было написано шесть прекрасных баллад: «В забавах ратных целый век...», «Робин Гуд», «Баллада о любви», «Средь оплывших свечей», «Замок времени скрыт» и др. 28 ноября фильм с этими песнями был принят на студии и отправлен в Москву. Просмотр ленты в Госкино состоялся 9 декабря, и там ее согласились принять только в том случае, если песни Высоцкого изымут. Сказали, что кино приключенческое, а песни слишком серьезные, даже трагические. На самом деле причина была в ином: Высоцкого в Госкино не любили. Тарасову не оставалось ничего иного, как пойти на попятную. Как выразится по этому поводу сам Высоцкий: «Надо было бороться за это дело, а режиссер оказался послабже душою, чем я предполагал, и просто не стал бороться...».

В итоге вместо Высоцкого пригласят композитора Раймонда Паулса и поэта Леонида Прозоровского. В течение двух недель ими будут написаны всего две (!) песни, которые и войдут в окончательный вариант фильма.

Утром 10 декабря бывшая звезда советского кинематографа 30—40-х годов (слава пришла к ней после главных ролей в фильмах «Девушка с характером» (1939) и «Сердца четырех» (1941, выпуск — 1945) Валентина Серова встала пораньше и, натянув на тощие ноги старые сапоги, отправилась в Театр киноактера за зарплатой. Получив свои кровные сто с небольшим рублей, она на радостях зашла в магазин, где купила бутылку водки и нехитрую закуску.

Домой вернулась к полудню. Прошла на кухню, где открыла бутылку, и за каких-нибудь полчаса выпила ее одна практически всю. Затем встала и, шатаясь, направилась в комнату. Но, сделав всего лишь несколько шагов, упала замертво на пол. Как установят позже эксперты, смерть актрисы наступила от сердечной недостаточности, усугубленной ударом (падая, Серова ударилась затылком). До своего 58-го дня рождения бывшая звезда не дожила 13 дней.

В тот же день в Осло состоялось вручение Нобелевских премий. Вместо академика Андрея Сахарова, которого из Москвы непустили, получать премию приехала его супруга Елена Боннэр. Сам Сахаров в тот день находился в Вильнюсе, где судили за инакомыслие одного из его сподвижников — биолога Сергея Ковалева. Суд начался накануне в здании Верховного суда Литовской Республики, однако Сахарова в зал заседаний не пустили, удалив оттуда даже свидетелей и адвоката подсудимого (поэтому Ковалев защищал себя сам). Не смогли приехать на суд многие диссиденты, которых еще в Москве заблокировали чекисты: так, во дворе дома, где жила Татьяна Великанова, стоял автобус с сотрудниками КГБ, и при каждой попытке диссидентки выйти из дома дюжина молодцов перегораживали ей дорогу. Примерно таким же образом не пустили на вокзал Мальву Ланда и других диссидентов.

Церемонии награждения Нобелевской премией Сахаров слушал по радио у своих литовских друзей — в доме Виктора Пяткуса. Там же они это дело и отметили. Вот как вспоминает об этом сам лауреат:

«Транзисторы включены. Мы слышим звук фанфар. Госпожу Боннэр-Сахарову просят пройти на место для участия в церемонии вручения Нобелевской премии Мира. Говорит председатель Нобелевского комитета Аасе Лионнес. Она оглашает решение Нобелевского комитета о присуждении премии Мира 1975 года Андрею Сахарову. Я слышу звук Люсиных шагов — она поднимается по ступенькам. И вот она начинает говорить...

По окончании передачи мы все прошли в другую комнату, где был накрыт праздничный стол. Собралось человек 15, это были литовцы, я уже всех видел накануне у дверей суда. Были произнесены слова приветствия и тосты в мой адрес, в адрес Люси, тосты за Серезу и всех,

кто не с нами... Мы отдали должное литовской кухне, в особенности удивительному, какому-то фантастическому литовскому торту...».

В разгар веселья в квартиру позвонили. Это была жена Сергея Ковалева Люся Бойцова, которая сообщила, что час назад ее мужа удалили из зала суда за то, что он назвал суд сборищем свиней (в зале кто-то из гэбистов нарочно хрюкал). С этого момента все заседания суда проходили без участия подсудимого, о чем он сильно жалел.

11 декабря сожитель актрисы Валентины Серовой по прозвищу Юкочка (он работал рабочим сцены в Театре киноактера) явился к своей возлюбленной с утра пораньше. Вторым ключом, который хозяйка выдала ему сама, открыл дверь и вошел в прихожую. И тут же увидел торчащую из кухни голову Серовой, лежащей на полу. «Опять напилась?» — недовольно пробурчал визитер и направился к женщине, чтобы помочь ей подняться. Но едва нагнулся над ней, как тут же и отпрянул — он понял, что Серова мертва. Бросился к телефону и вызвал к месту трагедии «Скорую помощь» и милицию.

Когда Серову уже увезли в морг, сюда приехала ее дочь Мария. Найдя потрепанную записную книжку матери (впрочем, искать ее долго не понадобилось — в квартире из мебели осталось только пианино да несколько стульев, а все остальное было давно пропито), она принялась обзванивать бывших коллег покойной, с тем чтобы пригласить их на похороны. Однако почти никто (!) не согласился приехать: один сослался на болезнь, другая на занятость, третья еще на что-то.

В те дни бывший муж Серовой Константин Симонов отдыхал в Кисловодске. Печальную весть ему сообщила по телефону коллега Серовой по Театру киноактера Лидия Смирнова. По ее словам: «Когда я сказала ему, что Вали нет, он закричал. Я поняла, как ему было тяжело, — такая любовь не проходит. Он попросил, чтобы купили побольше цветов и чтобы на похоронах играла музыка, чтобы она пела свои песни...».

В эти же дни на «Ленфильме» были закончены съемки фильма «Старший сын». Вернее, съемки были завершены еще в конце ноября, но несколько сцен пришлось переснимать из-за брака пленки. Так, 9—11 декабря пересняли все эпизоды «в окне», в том числе и тот, кото-

рым будет заканчиваться первая серия: там Сарафановы и их гости смеются, выглядывая из распахнутого настежь окна.

В пятницу, 12 декабря, Верховный суд Литовской ССР объявил приговор Сергею Ковалеву: семь лет колонии и три года ссылки. Публика, собранная в зале из гэбистов, встретила этот вердикт аплодисментами. Стоявший в коридоре сотрудник КГБ обратился к Сахарову и его друзьям с репликой: «Ну что, теперь вы видите, как литовцы, литовский народ одобряют приговор?». На что Сахаров ему ответил: «Неправда, литовский народ — не в зале!». Далее послушаем его рассказ:

«Мы стали пробираться к выходу. Гэбисты со всех сторон обступили нас, начали кричать, паясничать, некоторые приседали перед нами на корточки и прыгали, как обезьяны, гримасничали; другие пищали. Это было отвратительно и страшно. Так мы дошли до гардероба. Вдруг стоявшая за загородкой гардеробщица-литовка поклонилась нам и громко сказала, так, что это было слышно всем, находившимся в вестибюле, — и нашим друзьям, и гэбистам:

— Пусть бог поможет доктору Ковалеву и его друзьям!..».

12 декабря Высоцкий с Мариной Влади заехали в гости к поэтессе Белле Ахмадулиной. Вот как об этом вспоминает А. Макаров:

«Собралась компания близких друзей. Раздался телефонный звонок. Белла сказала, что сейчас приедут Володя и Марина. Вскоре они приехали. Володя спел только что написанную песню (для ленфильмовской картины «Вторая попытка Виктора Крохина») «Баллада о детстве». Она произвела фурор. Потом еще что-то спел. Все сидели за столом — это было в мастерской Бориса Мессерера, мужа Ахмадулиной. Там был длинный стол, а дальше проем со ступеньками, ведущими выше, в мастерскую. Я увидел, что Белла сидит на этих ступеньках и что-то пишет. Володя пел, пел, пел, а когда отложил гитару, Белла без всякого предварения стала читать свои новые стихи. Получилось такое невольное вроде бы соревнование. Она так зажглась и в то же время так ревновала к этому вниманию, что даже не сумела дожидаться, пока воцарится молчание, и своим небесным срывающимся голосом начала читать поразительные стихи...».

Тем временем на «Таганке» Юрий Любимов готовит замену Высоцкому в спектакле «Гамлет». На роль принца датского режиссер первоначально хотел пригласить Ивана Бортника, но тот был близким приятелем Высоцкого и поэтому от заманчивого предложения отказался. Любимов назвал его трусом и обратил свой взор на Валерия Золотухина. Уговоры длились больше часа. По словам Золотухина, Любимов объяснял свое желание заменить Высоцкого так: «С этим господином я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает... Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги, — я не против... на здоровье... но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало». Золотухин пытался возражать: «Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель. Заменить его, может быть, и следует, но, думаю, не по-хозяйски было бы терять его совсем». Любимов: «Да он уже потерян для театра давно. Ведь в «Гамлете» я выстроил ему каждую фразу, сколько мне это мук и крови стоило, ведь артисты забывают... Нет, я тебя не тороплю. Ты подумай». Золотухин: «А чего мне думать? Отказываться? Для меня, для любого актера, попробовать Гамлета — великая честь и счастье. Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение. Официальное, производственное назначение, а там уж видно будет...».

13 декабря в Театре киноактера прощались с Валентиной Серовой. Гроб с телом установили в вестибюле. Проститься с некогда популярной актрисой пришло не так много людей, в основном ее коллеги. Венки купили дешевые, бумажные. Послушаем очевидцев:

В. Вульф: «Все стояли в зимних пальто и ждали, когда начнется гражданская панихида, а она все не начиналась. Кто-то должен был приехать, то ли из Союза кинематографистов, то ли из Госкино СССР, но «начальство» все не приезжало. И вдруг за кулисами включили магнитофон, и над вестибюлем поплыл голос Серовой:

Сколько б ни было в жизни разлук,
В этот дом я привык приходить.
Я теперь слишком старый твой друг,
Чтоб привычке своей изменить.

В фойе слышались рыдания. Мгновенно началась панихида, как будто сорвалась плотина, актрисы и актеры выходили к гробу и говорили о Серовой с нежностью, болью, обидой, горечью...

Шрамы от падения не мог скрыть грим, наложенный на лицо покойной... На портрете, висевшем у гроба, у Серовой было живое, нежное лицо, очень правдивое, уникально женственное, лицо, ставшее знаменем 40-х годов, а в гробу лежала измученная женщина, совсем не похожая на ту, что была на портрете...».

А. Серова: «Когда Валя умерла, то на похоронах ее не узнавали. Так, лежит какая-то женщина, старая, дряхлая, простая. А мать сидит и кулаком на нее — дескать, «вот до чего ты дожила!». Мать еще жива была. Дочь Маша пришла в цигейковом пальто и джинсах. Симонова на похоронах не было, он в Кисловодске отдыхал. Недалеко. Но он не захотел приехать. Говорят, он послал ей сто гвоздик...».

Л. Пашкова: «Поглядела на умершую, и сердце сжалось от боли. Неужто это все, что осталось от самой женственной актрисы нашего театра и кино? Ком застрял в горле. Вынести это долго не могла. Положила цветы и ушла из театра. Часа три ходила по Мрскве и плакала...».

Продолжается кровавый путь 29-летнего рецидивиста Александра Жидкова по прозвищу Спартак. Как мы помним, в конце ноября он вместе с двумя поделщиками убил случайного собутыльника, по пьяной лавочке рассказавшего о золотой заначке в камере хранения на вокзале Пермь-II. Золото убивцы так и не нашли, но болтуна, после нескольких дней пыток, убили. Затем расправились и с невольной свидетельницей преступления — хозяйкой квартиры. Милиции найти душегубов тогда так и не удалось. В результате те вскоре объявились снова.

13 декабря Жидков и 18-летний Михаил Веретельник по прозвищу Козырь задумали взять совхозную кассу в деревне Денисово Чусовского района. Вооружившись четырьмя (!) ружьями и двумя ножами, они отправились в поселок Сылва Пермского района, чтобы подключиться к делу еще одного кореша — Мирона, с которым Жидков познакомился на лесоповале в Ныробской зоне строгого режима. После двухчасового сидения за бражкой троица отправилась на станцию. По дороге преступни-

ков сильно развезло, и Жидков с Мироном повздорили из-за какого-то пустяка. Спор разрешился в духе ковбойских фильмов: Жидков с одного выстрела уложил кореша на снег. После чего путь на станцию продолжили двое.

Однако, пройдя метров триста, Жидков внезапно вспомнил, что оставил при убитом ружье. Решили вернуться. А когда пришли на место, обнаружили, что Мирона на месте нет. Тогда по кровавым следам на снегу они отправились в погоню. Вскоре увидели, что Мирона волокут под руки две женщины и мужчина (это были мать и сестра Мирона и его знакомый). «Ах вы падлы!» — закричал Жидков и открыл огонь по невинным людям. Обе женщины были убиты наповал с первых же выстрелов, а вот мужчине повезло — он получил легкое ранение и сумел убежать. Сам Мирон стал подниматься с земли, но Жидков расстрелял его в упор. Потом выяснится, что в горячке выстрел получился неудачный — Мирон выживет.

Забрав злополучное ружье, убийцы продолжили свой путь на станцию Сылва. Но на самом подходе к ней внезапно заметили на скамейке спящего бродягу. В Жидкове вновь разыгралась жажда убийства. Достав нож, он осторожно приблизился к несчастному и хладнокровно перерезал ему горло. Просто так... Затем бандиты захотели свести счеты с дежурным милиционером, но того спасла от гибели случайность — за несколько минут до этого он покинул свой кабинет по какой-то надобности. Но бандиты компенсировали неудачу со случайными людьми — мужем и женой, ожидавшими поезда на платформе. Жидков пьяным голосом приказал супругам встать перед ним на колени, а когда те не послушались, выстрелил в них из ружья. Дробь попала женщине в ноги, и она упала. Муж нагнулся к жене, и это спасло его от смерти — следующий заряд прошел аккуратно в нескольких сантиметрах над его головой. С криком: «Всех вас надо перестрелять!» — бандиты убежали. Но их злодеяния на этом не закончились.

На свою беду, в те часы вдоль железнодорожного полотна по тропинке шла 19-летняя девушка. Жидков подскочил к ней первым и стал вырывать у нее из рук сумочку. Девушка начала кричать, и тогда душегуб выхватил финку и стал бить беззащитную жертву куда попа-

ло. Завладев сумкой, бандиты убежали с места преступления. Но и это было еще не все.

По дороге они наткнулись на барак, где жили пристанционные рабочие. На беду, в тот час в доме оказались только женщины и дети. Направив на них ружья, бандиты потребовали денег. Одна женщина отдала им 15 рублей, другая нашла только 7 рублей. А третья, беременная, отказалась отдавать преступникам последнее и заперлась в комнате. Но деревянная дверь разлетелась в щепки после первого же выстрела. Заряд угодил женщине в живот и убил еще неродившегося ребенка (сама женщина выживет).

Покинув барак, бандиты продолжили свой пеший путь до деревни. Но возле железнодорожного переезда зоркий глаз Жидкова углядел еще одну компанию людей — двух женщин и мужчину. «Ба, да это же участковый!» — вырвалось у Жидкова при виде мужчины. Выхватив нож, бандит нанес жертве несколько ударов в живот (к счастью, не смертельных). Женщин трогать бандиты не стали.

Достигнув переезда, бандиты и там сумели отметить: наставляли ружья на водителя машины, требовали отвезти их в Троицу, избив двух мужчин и двух девушек. К счастью, никого не ранили и не убили. Наконец добрались до дома, где жила мать Жидкова. Поскольку в многочисленных битвах последний получил неглубокую рану руки, он отправился на перевязку, а Веретельник решил грабануть соседний дом — у него кончились патроны, и он мечтал ими там разжиться. Но боеприпасов у хозяев не оказалось. Тогда бандит ограничился бельем и в одиночку отправился в деревню Денисово грабить совхозную кассу.

А Жидков, перебинтовав у матери руку, вышел на улицу искать кореша. Не обнаружив его, пошел вдоль по улице. И набрел на дом, где справлялась свадьба. Когда один из гостей отказался вынести ему бутылку водки, Жидков пальнул из ружья по окнам. В доме началась паника, люди стали выбегать на улицу. И Жидков встречал их огнем. В итоге тяжелое ранение получил отец невесты, еще пять человек — более легкие ранения. Жертв могло бы быть и больше, но на ружье бандита сломалось цевье, и он бросил его за ненадобностью.

Весть о побоище на свадьбе достигла местного отделения милиции. К месту происшеств-

вия выехали две опергруппы. Первым заметил Жидкова младший сержант В. Рудаков. На приказ остановиться бандит ответил бегством, после чего милиционер открыл по нему огонь на поражение из «макарова». Одна из пуль угодила бандиту в поясницу. Через несколько минут взяли и Веретельника, который попытался было отстреливаться, но когда кончились патроны, сдался стражам порядка. Когда Жидкова в Сылвенской больнице впервые навесил старший следователь облпрокуратуры В. Волков, бандит с гордостью признался: «Я с двенадцати лет по тюрьмам». Суд над бандой состоится через год, поэтому рассказ об этом впереди. А пока продолжим знакомство с событиями декабря 75-го.

Воскресным утром 14 декабря группа молодых ленинградцев вышла на улицы города, чтобы дойти до Сенатской площади и там провести митинг в честь 150-летия восстания декабристов. Однако об этой акции еще накануне стало известно властям, которые сделали все возможное, чтобы пресечь демонстрацию. Молодые люди успели только создать колонну и развернуть плакаты, как из ближайших подворотен к ним бросились люди в штатском и милиционеры. Демонстрантов стали бить дубинками, после чего затолкали в «воронки» и увезли в ближайшее отделение милиции. Там им сделали внушение и отпустили. Хорошо что не отправили на каторгу, как некогда настоящих декабристов.

В тот же день в Театре на Таганке был вывешен приказ о назначении Валерия Золотухина на роль Гамлета. Как пишет сам актер: «Труппа не прореагировала. Косые взгляды, зависть. Никто не поздравил, не выразил благожелательства... так, чушь какая-то. А я нервничаю. Но засучим рукава, поплюем в ладошки и с богом...».

Главный идеолог партии Михаил Суслов отправился 14 декабря на Кубу, на съезд компартии Острова свободы. Между тем у этого визита была тайная подоплека: Суслову предстояло прояснить ситуацию вокруг участия кубинских коммунистов в ангольских событиях. А история эта началась 11 ноября, когда в Анголе, бывшей португальской колонии, была провозглашена независимость. К руководству страной, при непосредственной помощи СССР, пришла прокоммунистическая организация

МПЛА. Однако в стране началась гражданская война, которая поставила под угрозу победу МПЛА. Союзники ангольских коммунистов встали перед дилеммой: какую помощь оказать собратьям по оружию. Куба решила направить туда своих солдат и хотела, чтобы то же самое сделал и Советский Союз. Но Брежнев побоялся это сделать, понимая, какой резонанс это может вызвать у тех же США. После долгих споров было решено помочь МПЛА оружием и инструкторами. Но американцы и этим возмутились. Их госсекретарь Генри Киссинджер заявил: «Впервые Советский Союз действует военным путем на далеком расстоянии, чтобы навязать режим, им выбранный. Впервые США не реагировали на военные действия Советского Союза вне его сферы». Наша «Правда» ему ответила: дескать, Советский Союз всегда поддерживал и будет поддерживать борьбу народов за свободу и независимость.

Между тем ваш покорный слуга был далек от ангольской проблемы так же, как небо от земли. В тот воскресный день 14 декабря я нарезал коньками лед на стадионе «Локомотив», что неподалеку от Разгуляя (теперь на месте хоккейной коробки разбита автомобильная стоянка). Причём коньки на мне были самые что ни на есть потрясные — чешские «Ботас» за 25 рублей, клюшка «ЭФСИ» за 3.70, а ноги и туловище были облачены в настоящую хоккейную форму. Кроме коньков, которые я приобрел в «Детском мире», все остальное было казенное — выданное мне в хоккейной секции одного из жэков Бауманского района.

В эту секцию я попал случайно: кто-то из друзей в начале осени сообщил о новом наборе игроков, туда и я сломя голову ринулся по указанному адресу. Секция располагалась в подвале одного из жилых домов возле Разгуляя. Тренером был Александр Розаренов, мастер спорта по хоккею с мячом. За короткое время он сколотил из полутора десятков мальчишек 13—14 лет хоккейную команду, которой в начале следующего года предстояло участвовать в первенстве Москвы по хоккею с шайбой. Всем игрокам была выдана хоккейная форма, пусть и не с иголочки, но вполне сносная для участия в столь престижном турнире. Помню, когда я принес баул с формой домой, моему счастью не было предела. Средний брат Ромка сразу бросился примерять на себе краги, а я

грозно цыкал на него и требовал положить амуницию на место: дескать, порвешь ненароком.

В то время как я в поте лица готовил себя к предстоящим хоккейным баталиям, Клару Новикову поразила стрела Амура. Как мы помним, она приехала в Москву из Киева летом этого года, оставив на родине законного мужа. Жила в снимаемой квартире и выступала в небольших залах, поскольку во время выступления в рыбинском Дворце спорта потерпела досадную неудачу. А роман у нее стал складываться с журналистом журнала «Юность» Юрием Зерчаниновым, который познакомился с ней, когда писал о ней заметку в рубрике «Дебюты». В декабре он посетил ее концерт в ДК МИИТа, после чего Новикова взяла инициативу в свои руки. Ей удалось достать два билета на фильм великого Федерико Феллини «8 1/2 недель», и она пригласила журналиста составить ей компанию, предупредив, что это далеко — в ДК имени Горбунова. Но Зерчанинов согласился, сказав, что ради этого фильма готов отправиться хоть на край света. Потом они еще ходили на каток в Лужниках, хотя Новикова каталась как корова на льду. Но чего не сделаешь, когда сердце пронзено стрелой Амура.

Коль речь зашла о любви, помяну еще несколько любовных историй того декабря. Так, в Свердловске женился бывший тренер «Спартак» и национальной сборной России по футболу Олег Романцев. А вот Гарик Сукачев, которому в ту пору не было еще 16, познакомился со своей будущей женой Ольгой. По его словам: «Рядом с «Трудиками» (стадион «Трудовые резервы». — Ф. Р.) рос чудом уцелевший яблоневый сад. Мы с ребятами там собирались, чтобы покурить и поиграть на гитарах. Моя будущая жена пришла туда со своей подругой, у которой в 14 лет были потрясающие формы, и все мальчишки из нашей компании были в нее влюблены — кроме меня. Потом мы с Ольгой не виделись полгода. Наступила зима, и я опять встретил их с подругой у нас на катке недалеко от дома — на стадионе «Салют». Все просто — с тех пор мы не расставались. Но жила она на расстоянии шести автобусных остановок. Далековато... Ей было 14, а мне почти 16...».

А вот совсем иная «лав стори» — с печальным концом. Главными действующими лицами в ней были высокопоставленный работник

МИДа СССР Александр Огородник, он же — шпион ЦРУ под псевдонимом Трионон и его возлюбленная Ольга Серова. Как мы помним, несколько месяцев назад Огородник попал в поле зрения КГБ как возможный агент американцев и проверялся по негласным каналам. Однако эта проверка его предательство не выявила. Более того, в ходе нее Огородник даже проявил себя как добросовестный служака. В конце ноября один из сотрудников службы безопасности МИДа обратился к Огороднику (он тогда замещал начальника УВМ) с просьбой позволить ему познакомиться с одной из шифротелеграмм, без которой он не смог бы составить срочного документа в ЦК КПСС. Но тот ответил, что, несмотря на их добрые отношения, он вынужден ему отказать, сославшись на необходимость соблюдения инструкции по работе с секретными документами. Наблюдение за Огородником продолжалось.

Тем временем тот готовился к свадьбе — его женой должна была стать Ольга Серова, с которой у него закрутился роман во время совместной работы в Колумбии два года назад. У влюбленных все было уже на мази: Огородник купил невесте обручальное кольцо, Ольга заказала себе свадебное платье. Как вдруг случилось непредвиденное. Однажды Ольга застала своего возлюбленного за странным занятием: он с помощью радиоприемника принимал какие-то передачи и записывал цифры в блокнот. Увидев Ольгу, Огородник поначалу опешил, а затем бросился объяснять ей суть происходящего. По его словам, он был советским разведчиком и в порядке подготовки к очередной командировке за границу сотрудники КГБ таким образом тренируют его на канале радиосвязи. Ольга ему поверила. Однако у самого Огородника оставались сомнения в этом. Он поделился ими со своими церэушными хозяевами, и те посоветовали ему... убить невесту, воспользовавшись ядом, который некоторое время назад был передан ими Огороднику. И тот согласился. А чтобы не попасть впросак и замаскировать убийство под несчастный случай, Огородник приобрел учебник по судебной медицине для юридических вузов, где описывались действия всевозможных ядов на организм человека.

Удобный случай для убийства представился Огороднику в декабре. Тогда в Москве свиреп-

ствовал грипп, и будущий душегуб заболел его легочной формой. Ольга на эти дни переехала к нему на квартиру на Краснопресненской набережной, чтобы ухаживать за любимым. И вскоре заразилась от него той же болезнью. Огородник же только этого и ждал. По его рекомендации женщина стала принимать те же антибиотики, которые были выписаны ему врачом. А запивала она их водой, уже отравленной ее женихом: убийца с помощью безопасной бритвы делал соскобы с ядовитой капсулы и в небольших количествах добавлял их в воду. А чтобы все было шито-крыто, он фиксировал в своем дневнике количество принимаемых таблеток: по этим записям выходило, что они принимали лекарства поровну. Короче, не придерешься.

Через несколько дней Ольге стало плохо, и Огородник вызвал ей «скорую». Та увезла ее в больницу, где главврачом работал ее отец. Но даже он не сумел спасти обреченную дочь — спустя два дня она скончалась на больничной койке. Отец, уверенный, что Ольга умерла от легочного гриппа, запретил проводить вскрытие умершей. Огородник торжествовал победу. Однако он не знал, что смерть его невесты насторожила службу безопасности МИДа, которая уже стала было склоняться к версии о том, что Огородник — не агент ЦРУ.

Похороны Ольги Серовой состоялись на Троекуровском кладбище. Огородник выглядел подавленным, плакал над телом невесты вполне правдоподобно. На виду у всех достал из кармана обручальное кольцо и надел его на безымянный палец покойной. А на поминках, которые прошли в доме родителей Ольги, сказал, что в лице покойной потерял горячо любимого им человека и гражданскую жену. Короче, лицемер тот еще. Однако чекисты продолжали подозревать его. Потому и решили провести тайную эксгумацию трупа умершей. Для предварительной разведки обстановки вокруг могилы на кладбище направили двух сотрудников: Владимира Гречаева и Игоря Перетрухина. Последний вспоминает:

«Рано утром мы направились на Троекуровское кладбище. Искать могилу пришлось, не прибегая к помощи ни администрации, ни могильщиков. Накрапывал дождь. Дорожки на вновь осваиваемых участках покрылись липкой грязью. Да и сама кладбищенская обста-

новка, особенно в пасмурный день, положительных эмоций не вызвала. Случилось так, что некоторых контактов все же избежать не удалось. Могилу с большим трудом нашли по надписи на траурной ленте на одном из венков. Табличка с фамилией и фотография на могиле отсутствовали. В непосредственной близости был погребен и один из могильщиков, принимавший участие в ритуале захоронения. Погиб, как сказала одна словоохотливая старушка, кладбищенский завсегдатей «от вина» и язвы желудка. Обстановка благоприятствовала производству эксгумации, так как могила располагалась в сравнительной близости от бетонной ограды кладбища, из соседних домов не просматривалась и была окружена довольно высокими деревьями и густым кустарником...

И все же в дальнейшем от проведения эксгумации пришлось отказаться, поскольку предвиделась малая вероятность обнаружения в организме ничтожного количества неизвестного нам яда, что и подтвердилось несколько позже...».

Продолжаются съемки фильма «Два капитана» на «Мосфильме». С 11 декабря в декорации «квартира Татариновых», выстроенной в 1-м павильоне, начали снимать эпизоды, относящиеся к первой серии. Однако работа остановилась, едва начавшись, из-за внезапного недуга, свалившегося на режиссера-постановщика фильма Евгения Карелова. Произошло это 15 декабря. В тот день с самого утра режиссер чувствовал себя неважно, однако съемку не отменил. Работа началась в 9 утра, но шла тяжело: в павильоне то и дело появлялись посторонние, которые мешали сосредоточиться не только режиссеру, но и актерам (а среди них были подростки, игравшие главных героев в детстве). Съемки сорвались один раз, потом второй, а когда это случилось в третий раз, у Карелова внезапно поднялась температура. Его тут же уложили на кушетку, вызвали врача. Тот, осмотрев больного, прописал ему постельный режим. В два часа дня режиссер отправился отлеживаться домой. Никто из присутствующих не мог предположить, что эта болезнь продлится больше трех недель.

Тем временем в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 1-го — «Сто дней после детства» Сергея Соловьева с участием Татьяны Друбич, Сергея

Шакурова и др.; 8-го — «Бегство мистера Мак-Кинли» Михаила Швейцера, где снимались Донатас Банионис, Борис Бабочкин, Владимир Высоцкий и др.; «Родина солдат» Юрия Чулюкина, в главной роли — Владимир Седов; 9-го — «От зари до зари» Гавриила Егиазарова с участием Николая Пастухова, Любви Соколовой, Валентины Березуцкой и др. Из зарубежных картин выделю: «Амрапали» (Индия, с 8-го), повторный выход «Фанфана-Тюльпана» (Франция).

Кино по ТВ: «Баллада о Беринге и его друзьях», «Укротители велосипедов» (1-го), «В трудный час» (2-го), «А пароходы гудят и уходят» (3-го), «Это сладкое слово — свобода!» (впервые по ТВ 4—5-го), «Коммунист» (5-го), «Доверие» (5—6-го), «К нам прилетают птицы» (впервые по ТВ), «Парад-алле» (впервые по ТВ), «Ущелье ведьм» (Польша, 7-го), «Таинственный остров» (10-го), «Берегись автомобиля» (12-го), «Жили три холостяка» (12—13-го), «Семеро смелых» (14-го) и др.

Из других передач выделю: «Поет Анна Герман» (13-го), «Бенефис С. Мартинсона» (14-го), «Поет Карел Готт» (15-го).

Из театральных премьер выделю одну: 2-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Снятый и назначенный» с участием Леонида Броневского, Льва Дурова, Ольги Яковлевой и др.

Буду краток и в перечислении эстрадных представлений: 1—8-го — в ГТЭ своим искусством публику радовала София Ротару.

А в Саратове и его окрестностях продолжают поиски банды, которая вот уже три с половиной месяца (с сентября) потрошит сейфы в сберегательных кассах. За это время неуловимые грабители обчистили пять сберкасс, завладев более чем 30 тысячами рублей и шестью револьверами. Чтобы выйти на след преступников, саратовские сыщики «напрягли» всех своих агентов в преступной среде города. Три с лишним месяца те пытались выйти на след «сберкассников», пока наконец эти попытки не увенчались успехом. Во вторник, 16 декабря, агент угро под псевдонимом Муравьев сообщил в своем донесении, что кражу денег из сейфа предприятия Всероссийского общества слепых 6 сентября могли совершить парень по кличке Лысый и его друзья. Для оперативников не составило большого труда установить,

кто скрывается под этой кличкой, — 35-летний Юрий Чуркин, некогда уже судимый. Чтобы удостовериться в верности показаний Муравьева в окружение Чуркина был внедрен другой агент — молодая особа под псевдонимом Жукова. Вот такой крутой детектив разворачивался на берегах Волги. Однако о его продолжении мы узнаем чуть позже, а пока вернемся к другим событиям декабря.

17 декабря в Киеве у киноактрисы Галины Логиновой («Много шума из ничего», «Голубой патруль» и др.) и гражданина Югославии Боги Йововича, который после учебы в московском мединституте работал в нашей стране врачом, родилась девочка, которую назвали Милой. Спустя двадцать лет эта девочка станет голливудской звездой Милой Йовович. Между тем история любви родителей будущей звезды выглядит романтично. Вспоминает Г. Логинова:

«Мы познакомились с Боги в одном столичном ресторане, куда меня пригласила актриса Ира Шевчук (стала известна после роли Риты Осяниной в фильме «А зори здесь тихие...». — Ф. Р.). Я у нее остановилась, когда приехала из Москвы в Киев после окончания съемок в фильме «Много шума из ничего». Ира познакомила меня со своими друзьями-югославами. Среди них был Боги, который учился на последнем курсе мединститута в Москве. Обоюдное притяжение, называемое любовью, возникло с первого взгляда. А полтора года спустя произошел интересный случай...

Представьте: теплые молочные сумерки опускались над селом Збруевка Херсонской области. В тоскливой одинокой избе мерцал огонек. Старушка-гадалка за рубль разложила передо мной карты моей судьбы: «Твой любимый — с тобой рядом. Через месяц вы заключите брак, а через год у вас родится дочь. Твоя судьба занесет тебя так далеко, куда рельсы не ходят».

Это было настолько неправдоподобно, что я в душе сильно иронизировала по поводу гадалки, возвращаясь обратно через кладбище на нашу съемочную базу фильма «Голубой патруль» Одесской киностудии. Но уже через месяц я оказалась замужем. Через год в Киеве у нас родилась дочь Мила. А через пять лет я с семьей пересекла Атлантический океан и приземлилась в Сан-Франциско...».

Однако вернемся в декабрь 75-го.

18 декабря на квартире Андрея Сахарова в доме на улице Чкалова была проведена пресс-конференция, посвященная состоявшемуся несколько дней назад суду над Сергеем Ковалевым. Приведу лишь небольшой отрывок из выступления Сахарова:

«Я хотел бы отметить прежде всего, что Ковалев осужден за защиту других людей, ставших, по его глубокому убеждению, жертвой несправедливости. Ни цели подрыва советской власти, ни клеветнического характера его действий обвинение не доказало. Суд был вызывающе незаконным — без гласности, без прений сторон, без защиты подсудимого, без его последнего слова...

Власти — после Хельсинки и во время нобелевской церемонии — явно хотели продемонстрировать твердость и силу, позволяющие пренебрегать даже собственными законами...».

Леонид Брежнев вот уже неделю практически безвылазно находится на даче, где в компании своих помощников работает над отчетным докладом, который ему предстоит зачитать на XXV съезде КПСС, намеченном на конец февраля следующего года. После поездки в Польшу, которая навела большого шороху на весь социалистический мир (как мы помним, Брежнев вновь вел себя неадекватно), сторонники генсека предприняли решительные шаги к тому, чтобы заставить Брежнева измениться в лучшую сторону. Андропов имел с ним серьезный разговор, где честно поведал собеседнику, что при таком отношении к собственному здоровью Брежнев рискует сложить с себя полномочия еще до съезда партии. Брежнева этот разговор испугал — в его планы совершенно не входила отставка. Далее послушаем рассказ Е. Чазова:

«К моему удивлению, план Андропова удался. При очередном визите я не узнал Брежнева. Прав был Щербицкий, говоря, что он сильный человек и может «собраться». Мне он прямо сказал: «Предстоит XXV съезд партии, я должен хорошо на нем выступить и должен быть к этому времени активен. Давай, подумай, что надо сделать».

Первое условие, которое я поставил, — удалить из окружения медсестру Н., уехать на время подготовки к съезду в Завидово, ограничив круг лиц, которые там будут находиться, и, ко-

нечно, самое главное — соблюдать режим и предписания врачей.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю те дни, потому что некоторые ситуации, как, например, удаление медсестры, носили трагикомический характер. Конечно, это сегодняшнее мое ощущение, но в то время мне было не до улыбок. Чтобы оторвать Н. от Брежнева, был разработан специальный график работы медицинского персонала. Н. заявила, что не уедет без того, чтобы не проститься с Брежневым. Узнав об этом, расстроенный начальник охраны А. Рябенко сказал мне: «Евгений Иванович, ничего из этой затеи не выйдет. Не устоит Леонид Ильич, несмотря на все наши уговоры, и все останется по-прежнему». Доведенный до отчаяния сложившейся обстановкой, я ответил: «Александр Яковлевич, прощание организуем на улице, в нашем присутствии. Ни на минуту ни вы, ни охрана не должны отходить от Брежнева. А остальное я беру на себя».

Кавалькада, вышедшая из дома навстречу Н., выглядела по крайней мере странно. Генерального секретаря я держал под руку, а вокруг, тесно прижавшись, шла охрана, как будто мы не в изолированном от мира Завидове, а в городе, полном террористов. Почувствовав, как замешкался Брежнев, когда Н. начала с ним прощаться, не дав ей договорить, мы пожелали ей хорошего отдыха. Кто-то из охраны сказал, что машина уже ждет. Окинув всех нас, стоящих стеной вокруг Брежнева, соответствующим взглядом, Н. уехала. Это было нашим первым успехом...».

Распорядок дня Брежнева на даче выглядел следующим образом: после завтрака он в течение двух часов работал с помощниками над докладом, затем обедал, спал, после чего вновь работал. Иногда позволял себе расслабиться — охотился или гулял по лесу. Коллеги по Политбюро его в те дни старались не тревожить личными встречами, общаясь исключительно по телефону. Хотя были и исключения. Так, в четверг, 18 декабря, утром, на дачу Брежнева приехал министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, который посчитал, что его проблема достойна того, чтобы отвлек генсека от работы над докладом. Пригнало министра на дачу следующее: в начале января он должен был лететь с официальным визитом в Японию, а ехать туда ему страсть как не хотелось, поскольку подготовка к поездке сожрала бы все

предновогодние каникулы. Вот он и приехал к Брежневу, чтобы уговорить его дать временный «отбой» визиту. Просил министр генсека долго — почти три часа. Говорил, что плохо себя чувствует, что хочет отдохнуть хотя бы на Новый год, да и своим подчиненным не хочет портить настроение перед праздником. В итоге Брежнев, который слыл человеком добрым, с доводами Громыко согласился.

Между тем на следующий день Брежневу исполнилось 69 лет. С утра помощники поздравляли именинника с этой некруглой датой, пожелали ему прожить еще столько же, после чего сели за стол работать. И тут Брежнев возьми да и вспомни про вчерашний визит Громыко. Дескать, приезжал вчера ко мне коллега и уговорил его отложить январский визит в Японию. «Я понимаю Андрея, тяжело ему будет в Японии: там ведь опять будут просить у нас острова, а на носу новогодние праздники», — объяснил свое решение Брежнев. Видимо, он понимал, что в какой-то мере поступил вчера мягкотело и хотел найти оправдание своему поступку у помощников. Однако поддержки он не нашел.

Один из помощников — Александров-Агентур — внезапно стал укорять генсека в негосударственном подходе. «Как же так, Леонид Ильич, мы ведь великое государство, а ведем себя как какое-нибудь государство-карлик! Наш министр иностранных дел, видите ли, не хочет портить себе праздники и боится ехать в одну из ведущих капиталистических стран, поскольку там его ждут неудобные вопросы. Разве это нормально? Как мы будем выглядеть перед остальным миром, если это станет привычкой в нашем МИДе?». Брежнев попытался было найти поддержку у других помощников, но те выступили на стороне своего коллеги. Суть всех выступлений сводилась к одному: Громыко поступает неправильно. Видя такое единодушие во мнениях, Брежнев встал из-за стола. «Ну спасибо вам, дорогие, — обиженно пробурчал он, — хороший подарочек приготовили мне ко дню рождения». И удалился к себе в кабинет звонить Громыко. Отсутствовал он примерно около часа. А когда вернулся, с облегчением сообщил, что визит Громыко в Японию состоится в первоначально оговоренные сроки — с 9 января.

Вечерние часы отдыха генсек обычно посвящал просмотру телевизора: смотрел про-

грамму «Время», а также хоккейные матчи приза «Известий», которые проходили 17—21 декабря во Дворце спорта в Лужниках. Те матчи доставили Брежневу много положительных эмоций, поскольку сборная Советского Союза выступила в них выше всяческих похвал. В первом матче наши ребята одолели финнов (6:2), потом шведов (5:3), а 21 декабря в решающем поединке встретились со сборной Чехословакии. Матч получился на редкость захватывающим. К началу третьего периода наши хоккеисты вели со счетом 3:1, но чехословаки сумели сократить разрыв до минимума. Забей они еще одну шайбу, и судьба матча могла бы сложиться совсем иначе. Но наши выстояли, благодаря чему в седьмой раз завоевали Кубок «Известий». Самым результативным игроком турнира стал Валерий Харламов, забивший пять шайб (две из них в матче с ЧССР) и сделавший две голевые передачи.

Тогда же Алла Пугачева и ансамбль «Веселые ребята» находятся с гастрольями в Горьком. Ажиотаж от их приезда таков, что все билеты на концерты, которые проходят во Дворце культуры имени Ленина, были распроданы задолго до приезда артистов (всего на концертах побывает 20 тысяч зрителей). Концерты начались необычно — с «Марша веселых ребят» Исаака Дунаевского. Затем на сцену выбегала Пугачева и заводила публику песней «Хорошо» (А. Муромцев — И. Резник). Затем следовали «Отчего» Юрия Антонова, «У той горы» Давида Тухманова, «Посреди зимы» Павла Слободкина и др. Но бурей восторга встречался, конечно же, «Арлекино» Эмила Димитрова. «Веселые ребята» исполняли песни: «Фигуристка» (солист А. Алешин), «Желтая ленточка» (солист — Р. Мушкхамбарян) и даже песню Пола Маккартни «Миссис Вандербилт». Правда, последняя по темпераменту значительно уступала оригиналу.

А в столичных театральных кругах только и разговоров, что о склоках в Малом театре, — там не могут найти общий язык директор театра Михаил Царев и главреж Борис Равенских. Некоторое время назад (весной) жена режиссера, актриса этого же театра Г. Кирюшина, даже написала письмо главному идеологу Михаилу Суслову, в котором попыталась защитить своего мужа от нападок администрации. Приведу лишь отрывок из этого послания:

«М. И. Царев (директор Малого. — Ф. Р.) сделал все для создания атмосферы, в которой невозможна нормальная творческая работа коллектива и главного режиссера. Вместо того чтобы активно организовывать коллектив на выполнение творческих планов театра, выработанных главным режиссером, он всячески старался сорвать их осуществление. Приглашение в труппу новых актеров вызывает особые трения. Например, приглашенный в труппу И. М. Смоктуновский на роль царя Федора в спектакль «Царь Федор Иоаннович» был принят со стороны директора и его последовательных проводников столь сдержанно или просто сказать, не принят, что, естественно, насторожило этого актера и вызвало нежелание работать в театре. Практически все усилия М. И. Царева направлены на срыв творческой деятельности главного режиссера. В этом используются самые вероломные средства для нанесения ударов по здоровью и творческой мобилизации Бориса Ивановича в период работы над спектаклем. Используется все: оскорбление его человеческого, творческого достоинства, грубость, игнорирование в решении важных производственных вопросов, слежка и подкарауливание его недостатков под лозунгом партконтроля — все это на возможный срыв Бориса Ивановича. Такое многолетнее нервное напряжение, которое создается вокруг работы Бориса Ивановича, меня как жену, как мать его детей очень тревожит...

Здоровье и силы Бориса Ивановича находятся на пределе. Я очень боюсь, в такой обстановке настанет день, и он физически не сможет прийти на репетицию и выпустить спектакль. Вот почему я обращаюсь к Вам, уважаемый Михаил Андреевич, с этим письмом и очень прошу вас помочь».

Суслов не стал лично разбираться в этих склоках, а поручил дело кому-то из своих подчиненных. Однако вмешательство последних не привело к положительному результату — Царев и Равенских продолжали жить как кошка с собакой. В результате в конце декабря их обоим вызвал к себе министр культуры Петр Демичев, который симпатизировал Цареву. 24 декабря в дневнике актера Малого театра Михаила Жарова появилась следующая запись, посвященная этой встрече:

«Разговор, как потом мне сказал Царев, занял три часа. Демичев высказал все претензии

к Равенских, к его поведению на собраниях, на склоки и запугивание при выступлениях выдуманными встречами его, Равенских, с правительством. В конце сказал: «Имейте в виду, что может так случиться, что в театре вообще не будет главного режиссера и тем более группировок, которые он создает».

А теперь из Москвы перенесемся в Ригу. Тамошняя милиция 24 декабря была буквально поставлена на уши — от композитора Раймонда Паулса поступил сигнал, что неизвестный рэкетир вымогает у него 10 тысяч рублей. По словам композитора, неизвестный потребовал у него деньги, в противном случае пообещав убить не только его, но и членов его семьи — жену Светлану и 13-летнюю дочь Анету. По меркам того времени это было беспрецедентное событие не только для такой небольшой республики, как Латвия, но и вообще для Советского Союза. Вот почему об этом звонке уже спустя несколько минут доложили министру внутренних дел Латвии. Тот дал команду сделать все возможное, чтобы задержать наглого рэкетира. Практически за несколько часов была разработана операция по разоблачению преступника. Поскольку тот потребовал от Паулса положить деньги в кейс и оставить его в условленном месте, сыщики так и сделали. Однако вместо денег положили в «дипломат» специальное пиротехническое устройство, которое при открытии чемодана должно было взорваться и на какое-то время нейтрализовать рэкетира.

Утром в четверг, 25 декабря, Паулс на собственной машине приехал в указанное место и оставил чемодан в названном преступником месте. За его перемещением наблюдали оперативники. Причем настолько грамотно, что преступник так и не заметил слежки. Едва он открыл «дипломат», как сработал взрывпакет и рэкетир вырубился. Дальнейшее было делом техники. Но это был не конец истории. Удивлению и радости сыщиков не было предела, когда они установили личность вымогателя: это был 37-летний уроженец Москвы, конструктор спецконструкторского бюро магнитной динамики Юрий Спицын, который в течение года совершил те самые три убийства, поставившие на ноги всю рижскую милицию: в январе он застрелил Меккерса-Тентериса, а в сентябре таким же способом убил сотрудника КГБ и еще одного рижанина, подрабатывавше-

го на своих «Жигулях» частным извозом. Так, во многом благодаря Раймонду Паулсу рижской милиции удалось обезвредить опаснейшего преступника.

25 декабря в Москве в Государственном центральном институте физкультуры прошло Всесоюзное совещание-семинар руководителей спортивной отрасли. Не стал бы выделять это событие, если бы не любопытные факты, которые прозвучали в докладе председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова. К примеру, он подверг резкой критике отечественный футбол, посетовав на то, что вот уже много лет наши кудесники кожаного мяча, за исключением киевского «Динамо», взявшего Суперкубок, не могут добиться на международной арене большого успеха (минувшей осенью из еврокубков вылетели столичные команды «Спартак», «Торпедо»). Одна из причин, по мнению Павлова, крылась... в лености футболистов. Павлов привел пример: за год футболисты высшей лиги тренируются всего лишь 500 часов, в то время как фигуристка-подросток Лена Водорезова проводит на льду аж 1500—2000 часов. Были примеры и другого рода: например, в Кубке РСФСР по футболу в 1974 году был установлен мировой рекорд — в нем принимало участие 35 тысяч команд, однако на мировой арене не выступает ни один (!) из полумиллиона игроков. Со времени этого доклада прошло вот уже более 25 лет, а наш футбольный воз и ныне там.

В тот же день Владимир Высоцкий и Марина Влади собрали у себя на квартире по адресу: Малая Грузинская улица, дом 28, два десятка гостей, чтобы отпраздновать новоселье. Собственно, в эту квартиру новоселы въехали более двух месяцев назад, однако долгое время никак не могли это событие отпраздновать: то Высоцкий был на гастролях, то его сваливала с ног болезнь, то еще что-нибудь мешало. В итоге собраться удалось только на католическое Рождество. Поздравить новоселов пришли их наиболее близкие друзья и родственники: мать, отец, Всеволод Абдулов с женой, Станислав Говорухин, Василий Аксенов и др. Вечер получился на удивление теплым. Новоселы выглядели по-настоящему счастливыми людьми, что вполне закономерно: за семь лет совместной жизни они умудрились сменить с десяток различных съемных квартир, пока наконец не обрели удобное трехкомнатное жилье в коопера-

тивном доме. Было произнесено множество тостов, но суть каждого из них в общем-то сводилась к одному: чтобы дом этот всегда был полной чашей, чтобы новоселы прожили в нем сто лет. Как покажет время, первая часть этих пожеланий подтвердится полностью, а вот вторая нет: судьба отпустит одному из новоселов — Высоцкому — всего лишь четыре с половиной года жизни в этих стенах.

26 декабря, в семь двадцать вечера, по Центральному телевидению состоялась премьера нового телефильма — «Здравствуйте, я ваша тетя!». Не думаю, что ошибусь, если скажу, что многомиллионная армия телезрителей, собравшаяся в тот час перед голубыми экранами, смеялась, что называется, до упаду. Я сам хохотал над приключениями нищего бродяги, волею обстоятельств вынужденного выдавать себя за тетушку из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян, так сильно, что буквально мешал своим домашним следить за ходом событий на экране. А уже на следующий день все мальчишки и девчонки нашего двора щеголяли друг перед другом крылатыми выражениями из этого фильма: «Я тебя поцелую... Потом... Если ты захочешь», «они как прыгнут», «мало ли в Бразилии донов педров» и др. Кстати, в этом мы были не одиноки. Вспоминает режиссер фильма В. Титов:

«Впервые я услышал в народе цитату из фильма буквально после первого ее показа по телевидению. На переднюю площадку троллейбуса поднялась стайка девчонок, а в следующую дверь вошел контролер, спросил у них билет, тогда одна из них ответила: «Билет у Дона Педро, а я — тетушка из Бразилии, где в лесах очень много диких обезьян...». Из уст в уста передавалась эта фраза — и троллейбус заходил ходуном от смеха. И только тут я понял, что картину посмотрели все, кроме контролера. Это была первая хорошая рецензия на фильм...».

В эти же дни английский продюсер Стенли Лауден вновь приехал в Москву. На этот раз целью его визита было заключение новых контрактов с Госконцертом на будущий год. Однако посещение здания на Неглинной обернулось для продюсера не только этим. После встречи с гендиректором Госконцерта его пригласили в кабинет другого начальника — Игоря Игоревича. И тот протянул гостю анонимное письмо, пришедшее несколько дней назад

в Госконцерт. В нем некий доброжелатель предостерегал власти от контактов с Лауденом. Как писал аноним: «Лауден связан с Борисом Буряцей, который организовал группу валютных дельцов по обмену рублей на валюту по курсу «черного рынка». Кроме этого, Буряца спекулирует драгоценными камнями, а Лауден выступает как его курьер и открывает для Буряцы счета в иностранных банках».

В первые секунды после чтения этого документа Лауден сидел как пришибленный. Но затем он взял себя в руки и стал начисто отмывать все обвинения, выдвинутые против него. «Я приезжаю в Советский Союз исключительно для участия в культурных обменах, — говорил он. — И не имею никакого отношения к тем махинациям, о которых говорится в этом письме. Да, я знаю Бориса Буряцу, но общаюсь с ним исключительно бескорыстно. Никаких банковских счетов я для него не открывал».

Как ни странно, но Игорь Игоревич не стал разубеждать собеседника. Более того, он сказал, что тоже не верит в причастность продюсера к махинациям Буряцы и не собирается давать ход этому письму. Короче, расстались они вполне дружелюбно. Всю дорогу до гостиницы Лауден клял на чем свет стоит Бориса и Галину Брежневу и зарекся никогда больше не иметь с ними дела. Но его решимости хватило не надолго. В вестибюле гостиницы он нос к носу столкнулся с Буряцей, и тот без лишних усилий уговорил его отправиться к нему обедать. А там их уже поджидала Галина Брежнева. Она была в прекрасном расположении духа и во время застолья вручила для жены Лаудена очередной подарок — небольшой бриллиант в строгой отделке. Во время их разговора Буряца за столом не было — он удалился в соседнюю комнату со своей молодой экономкой. Когда Лауден поинтересовался, почему его нет так долго, Галина невозмутимо произнесла: «Он забавляется с этой молодухой». И, увидев изумленные глаза англичанина, пояснила: «Я не возражаю и воспринимаю это как разминку перед настоящей игрой». «Ну и нравы в этом тандеме», — подумал про себя продюсер.

А в Саратове вступила в завершающую стадию операция по ликвидации банды грабителей сберкасс. Как мы помним, на след преступников сыщикам удалось выйти после того, как внедренный в преступную среду секретный

агент Муравьев назвал имя возможного главаря шайки — Юрия Чуркина. Чтобы проверить верность этого донесения, в ближайшее окружение главаря был внедрен еще один агент — женщина под псевдонимом Жукова. Дама оказалась чрезвычайно работоспособной: пользуясь своими чарами, она меньше чем за две недели сумела выведать, что у Чуркина имеется в наличии револьвер, похищенный в одной из сберкасс еще в сентябре. Этой информации оказалось достаточно, чтобы в штабе по раскрытию преступлений, совершенных «сберкасниками», приняли решение брать Чуркина с поличным.

Субботним утром 27 декабря Чуркин успел только проснуться и позавтракать, как внезапно в дверь позвонили. На вопрос «Кто там?» последовал ответ, что пришли из жэка поговорить насчет перерасчета квартплаты. Чуркин поверил, открыл дверь и тут же оказался повергнут на пол ворвавшимися в прихожую людьми в штатском. На его руках защелкнулись наручники. Чуркин поначалу пытался качать права, но быстро был поставлен на место найденными в его квартире убийственными вещдоками: револьвером системы «наган» с семью патронами, а также дрелью и сверлами, которыми он высверливал замки в сейфах сберкасс. Понимая, что запирается бесполезно, Чуркин стал давать чистосердечные показания и назвал еще одного своего поделника — Маркелова. Однако когда сыщики нагрянули к тому домой, тот уже успел скрыться.

Александр Митта продолжает съемки фильма «Сказ про то...». В те дни работа шла в павильонах «Мосфильма»: снимались эпизоды в декорациях «изба Ибрагима», «дом Ртищева». Но, как мы помним, ряд актеров снимается из-под палки: Высоцкий, Золотухин, успевшие за это время разувериться как в режиссере, так и в снимаемом им материале. 27 декабря Золотухин записал в своем дневнике следующие строки:

«У Митты снимаюсь без радости. И еще эта Марина (жена режиссера. — Ф. Р.) такое письмо написала: «Кроме наплевательского отношения к картине, мы от вас ничего не видели». От Сашки этот ветер дует, что ли? Он головастик, все от ума, от знаний, а не от полета...».

Кстати, спустя два дня съемки фильма прервутся — Митта возьмет больничный и обя-

вится на съемочной площадке уже в начале следующего года.

Тогда же две столичные хоккейные команды — ЦСКА и «Крылья Советов» — отправились в Канаду, чтобы помериться силами с тамошними сильнейшими профессиональными клубами. Это была новая суперсерия, только теперь на уровне клубных команд (ЦСКА был усилен несколькими лучшими игроками из столичного «Динамо», «Крылышки» — из «Спартака»). Первый пункт назначения наших клубов Монреаль, где они должны были провести первые тренировки. Как вспоминает В. Третьяк: «В Монреале мы вначале почувствовали себя очень неудобно. Во-первых, было страшно холодно. Мороз стоял просто убийственный. Разница во времени сказывалась очень остро. Все тело ломало. Постоянно хотелось спать. И почему-то всех одолевала мучительная жажда. Видимо, виной тому была непривычная для нас пища. Все красиво, аппетитно, но безвкусно или с каким-то непривычным привкусом. Даже картошка, и та казалась странной.

Поселили нас в отеле «Элизабет». Как и раньше, команду дружно осадил канадские журналисты — их вопросам не было конца...

Хозяева устроили прием в монреальском «Форуме» для ЦСКА и «Крыльев Советов». Оттуда мы сразу направились на тренировку, и все игроки «Монреала канадиенс» потянулись за нами — смотреть. Ничего похожего на прошлые серии: «профи» внимательно наблюдали за каждым советским спортсменом, что-то записывали, на лицах — смесь уважения и восторга. Я опять не мог не вспомнить сентябрьские дни 1972 года — сколько спеси, высокомерия и презрения демонстрировали нам тогда и игроки, и руководители НХЛ! Куда все это подевалось?..».

Но вернемся обратно на родину. Стенли Лауден продолжает свое пребывание в Москве и в один из тех предновогодних дней он посетил фирму грамзаписи «Мелодия». А цель у него была одна: выбить у руководства фирмы свои кровные деньги за пластинки с записью песен в его исполнении. С недавнего времени «Мелодия» стала выплачивать гонорары (пусть мизерные, но все-таки гонорары) западным исполнителям («Роллинг Стоунз», «Битлз» и др.), однако имени Лаудена в этом списке не было — ему не заплатили ни пенни за записи,

которые выходили в Советском Союзе в 70-е годы.

На «Мелодии» Лаудена встретили аж шесть тамошних высших чиновников во главе с директором фирмы Пахомовым. Несмотря на их суровые лица, продюсер был почему-то уверен, что ему удастся победить в этом споре. И главным козырем в своих планах он предполагал использовать гибкую пластинку с записью песен в его исполнении, на которой не было указано имя певца. Но он ошибся. Едва в ходе разговора всплыл этот миньон, как Пахомов заявил:

— Эта пластинка выпущена в пропагандистских целях. Артисты, музыканты, композиторы участвуют в их записи безгонорарно.

— Но позвольте, как это, безгонорарно? — удивился Лауден. — На пластинке указана цена — 60 копеек, а тираж у нее несколько миллионов. Значит, вы положили себе в карман миллионные прибыли, а тем, кто написал и спел эти песни, не заплатили ни гроша? Что это за правила такие?! В цивилизованных странах так не поступают.

— Вы не учитываете одну вещь, — вновь подал голос Пахомов. — Эти пластинки выпускаются на основе указания Ленина о том, что публичные выступления в агитационных целях производятся бесплатно.

— Да при чем здесь Ленин? — продолжал возмущаться гость. — Я со всем уважением отношусь к его декретам, но они не имеют ни малейшего отношения ни ко мне, ни к другим зарубежным артистам. Во всем мире авторам платят отчисления на основе конвенции об авторском праве 1973 года. Ваша страна ее тоже подписала и, значит, обязана платить.

Тут в разговор вступил один из заместителей Пахомова:

— Мы сотрудничаем с авторами и композиторами социалистических стран на этой основе, расплачиваясь рублями. В вашем случае требуется валюта.

— Меня это мало беспокоит, — ответил Лауден.

— Но вы же всегда были нашим другом, — попытался сыграть на чувствах Пахомов.

— Да, я друг вашей страны. Но дружба — двусторонний процесс. А в нашем случае вы поимели деньги, а я остался ни с чем.

В конце концов стороны пришли-таки к взаимному консенсусу: руководители «Мело-

дии» пообещали Лаудену заплатить причитающийся ему гонорар. Правда, не в этом году, а в следующем. Знал бы он, сколько ему заплатят, то плюнул бы в глаза своим собеседникам прямо в их кабинете. За пластинку, которая вышла тиражом 7 миллионов экземпляров, ему заплатили... 290 рублей. Как говаривал Аркадий Райкин: дурят людей.

В эти же предновогодние дни известный актер Сергей Юрский угодил в больницу. Беда приключилась неожиданно — на репетиции. Юрский ставил в ленинградском БДТ спектакль «Фантазии Фарятьева» (и играл в нем главную роль) и уже перед самой репетицией почувствовал себя неважно — у него лопнул сосудик в глазу. Однако актер надел на глаза черные очки и вышел на сцену. Но в разгар репетиции, в сцене, где его герой бился в эпилептическом припадке, Юрский упал на пол и внезапно почувствовал дикую боль в плече. С трудом доиграв сцену, он ушел за кулисы. Вызвали врача, который настоятельно порекомендовал актеру ехать в больницу. Юрского привезли в Институт травматологии (ЛИТО), где был поставлен неутешительный диагноз — перелом ключицы с разрывом сумчатого сустава. Юрскому вставили спицу и уложили в постель. В итоге Новый год актеру предстояло встретить в больнице.

Капитан 3-го ранга Валерий Саблин, поднявший в ноябре восстание на БПК «Сторожевой», по-прежнему находится в Лефортовской тюрьме. После того как в тюремном лазарете врачи залечили его простреленную ногу, следователи получили возможность допрашивать его чуть ли не каждый день. Саблин ничего не скрывает и на все вопросы отвечает искренне: да, поднял восстание, но руководствовался исключительно благими намерениями — хотел показать властям предрержащим, что страна скатывается в пропасть.

Незадолго до новогодних праздников Саблину разрешили переписку с родными. Он пишет письма родителям, жене с сыном, братьям, бабушке. Правда, он не знает, что последней уже нет в живых. После того что произошло с внуком в ноябре, бабушке сообщили, что Валерий не вернулся из похода. Пережить эту новость пожилая женщина не смогла — сторе-ла в несколько дней. Плохо себя чувствовали и родители Саблина. 28 декабря он написал им

письмо, из которого я приведу лишь несколько отрывков:

«Это письмо придет с опозданием, так как сегодня уже 28-е, но я хочу поздравить вас с Новым годом, пожелать здоровья и чтобы не было больше никаких переживаний. Я понимаю, что не из-за погоды, а из-за меня у вас ухудшилось состояние здоровья, и это мучает меня, так как я вас очень люблю.

Я тебя очень прошу, папа, выбрось из головы всякие мысли об инфаркте и гипертонии. Надо как-то собраться и перебороть это, так как тебе просто нельзя болеть! Не говоря о том, что уход за мамой весь лежит на тебе... Организуй диету, режим дня, прогулки в садик Дома офицеров перед сном, меньше кури и т. д.

Обо мне не беспокойся. Все хорошо... Много читаю книг. Прочел, кстати, книгу академика А. Н. Крылова «Воспоминания и очерки». Ты не застал его преподавание в академии? (отец Саблина окончил Военно-Морскую академию, всю жизнь прослужил на флоте. — Ф. Р.).

Получил от Нины посылку к Новому году, так что есть с чем встретить день рождения (1 января 1976 года Саблину должно было исполниться 37 лет. — Ф. Р.)...».

Продолжается пребывание Стенли Лаудена в Москве. Однажды под вечер в вестибюле «Метрополя» его встретил некий Саша и предложил посидеть в ресторане. При этом приглашающий пообещал рассказать продюсеру нечто интересное про его друга Буряцу. Лаудена это заинтриговало. Заказав водку и селедку для Саши, продюсер приготовился слушать. И не пожалел. Саша сообщил, что в то время пока они здесь выпивают, Буряцу допрашивает в своем кабинете один из заместителей Андропова. «Вы шутите?» — не поверил Лауден. «Нисколько, — покачал головой Саша. — Буряца подозревается в убийстве одного иностранца, финна. Год назад он возвращался на поезде домой и не доехал — его нашли мертвым на насыпи». «Может быть, он сам выпал из поезда?» — предположил Лауден. «Вряд ли. Имеется свидетельница, которая видела, как незадолго до гибели финн выпивал в своем купе с двумя цыганами». «И один из них был Буряца?» — предположил Лауден. «Нет, не был. Но этот финн делал секретный сейф в его квартире. Вот и возникла версия, что Буряца решил ликвидировать мастера, чтобы тот не успел кому-ни-

будь об этом рассказать». «Правдоподобно», — подумал про себя Лауден, а вслух сказал: «Почему вы решили мне об этом рассказать?» — «Из уважения к вам. Вы можете влипнуть в неприятную историю».

Лауден вернулся к себе в номер, все еще находясь под впечатлением от услышанного. Из глубокой задумчивости его вывел телефонный звонок. Когда он поднял трубку, то услышал на другом конце голос... Буряцы. Бодрым тоном тот пригласил продюсера на празднование Нового года в Центральный Дом работников искусств. Лауден, не раздумывая, согласился.

В понедельник, 29 декабря, в 19.00 по московскому времени, началась трансляция первого матча Суперсерии-75/76 по хоккею между ЦСКА и «Нью-Йорк Рейнджерс». К сожалению, для многих болельщиков в СССР этот показ был омрачен тем, что еще утром средства массовой информации оповестили о результате игры (матч состоялся накануне рано утром). И все равно желающих воочию посмотреть на игру было предостаточно.

В отличие от прошлых суперсерий, когда в первые минуты хозяева площадки плотно прижимали наших ребят к своим воротам, на этот раз все было наоборот — армейцы с первых же секунд ринулись в атаку. В немалой степени их гнала вперед злость — уж слишком неважно встретили их в Нью-Йорке: долго не могли разместить в отеле, не очень торопились накормить ужином. В итоге уже на 3-й минуте восходящая звезда ЦСКА Борис Александров забросил в ворота канадцев первую шайбу. Она подействовала на хозяев как ушат холодной воды. «Рейнджеры» бросились отыгрываться. И хотя вожака шайбу им забить удалось, но переломить ход матча в свою пользу они не сумели. Армейцы переиграли их по всем статьям. Даже когда «рейнджеры» получили возможность играть впятером против трех армейцев, у них так и не получилось «пробить» Третьяка. Наблюдая за потугами своих кумиров, нью-йоркские болельщики стали бросать на поле пластиковые бутылки, бутерброды. Игру пришлось остановить. Но даже получив такую передышку, «рейнджеры» лучше не заиграли. Финальная сирена застала их в ситуации полного разгрома — 3:7.

Но вернемся из Нью-Йорка в Москву. Здесь накануне Нового года случилась весьма занят-

ная криминальная история. Началась она со звонка в 85-е отделение милиции: взволнованный женский голос сообщил, что ее квартиру ограбили. К месту происшествия была направлена оперативная группа во главе с младшим лейтенантом Евгением Писковым. Когда они прибыли на место, то застали грустную картину: на груде перевернутых вверх дном вещей плакала хозяйка. Дождавшись, когда она успокоится, стражи порядка приступили к описи похищенного. И тут выяснилась весьма интересная деталь. Вместе с действительно ценными вещами (новые импортные джинсы, магнитофон) грабители покусались на весьма специфические вещи: на театральный бинокль и два театральных билета, лежавших на комод. «Собирались с мужем сегодня в театр пойти, да не вышло», — с грустью в голосе констатировала исчезновение билетов хозяйка. «А билеты в какой театр?» — живо поинтересовался Писков. «В Театр Советской армии, — ответила хозяйка. — Сегодня, в семь вечера». Писков взглянул на часы: они показывали начало шестого. «А вы случайно не помните указанные на билетах места?» — поинтересовался милиционер у хозяйки. «Как же не помнить, если я специально брала поближе к сцене: партер, ряд 9-й, места 23 и 24», — четко, как на уроке, сообщила женщина. «А ну, хлопцы, по коням!» — командовал Писков и первым ринулся к выходу.

Примерно через час Писков в компании двух своих коллег — старшего сержанта И. Сукманова и сержанта М. Гудкова — был уже в ЦТСА. Билетных кассиров миновали без всяких проблем, предъявив им свои корочки. Но поскольку до начала спектакля оставалось еще более получаса, сыщики решили переждать это время в кабинете у главного администратора. Тот, едва милиционеры рассказали ему о цели своего визита, сразу проникся серьезностью момента и вызвался во всем им помогать. И действительно помог. Чтобы не вызывать у грабителей лишних подозрений, именно он в одиночку отправился к ним в антракте и под благовидным предлогом попросил их пройти к нему в кабинет. Один из парней попытался было возразить — дескать, а в чем дело? — но физиономия администратора источала такое благодущие, что все подозрения у молодых людей разом улетучились. Они покорно побрели за администратором. Каково же было их удивление, когда в кабинете они застали милиционе-

ров. Писков подошел к одному из парней и, указывая на театральный бинокль в его руке, спросил: «Эта вещичка еще сегодня утром принадлежала другому человеку. Не так ли?». Вопрос явно застал молодого человека врасплох, отчего его лицо покрылось густой краской. Отпираться было бессмысленно, и уже спустя минуту оба парня стали давать признательные показания. После чего отправились встречать Новый год в следственный изолятор.

А теперь поговорим о тех, кто встречал тот Новый год в более комфортабельных условиях. Например, Ролан Быков в те дни находился на отдыхе в Юрмале и встретил наступление 76-го года в ресторане гостиницы «Дзинтарс» в компании своих коллег: Михаила Козакова, Сергея Подгорного (этот актер стал известен, сыграв роль обаятельного летчика Смуглянки в фильме «В бой идут одни «старики»). Последний вспоминает:

«Я тогда сразу на двух киностудиях снимался, а в Юрмалу прилетел, потому что влюбился. В Танечку Степину, красавицу и бывшую гимнастку, даже жениться хотел. (Эта мечта не осуществится: Степина вскоре изменит Смуглянке и уйдет к другому. — Ф. Р.) Сидим мы с ней в ресторане гостиницы, и вдруг заходит Ролан Быков, самочувствие, видно, хреновое. Просит у буфетчицы коньячку, а у той только водка. Тут я подаю голос:

— Коллега, будете «Бучинский»?

Тогда «Старики» популярны были, он меня узнал, присел за столик. А свой коньяк я из спирта делал, который маме на фармацевтической фабрике выдавали, крепкий, зараза. Ролан опрокинул рюмочку, аж задохнулся, но там травки полезные, отпустило. Тут Миша Козаков идет, Ролан ему кричит — иди со Смуглянкой знакомиться! Короче, Новый год мы с Танечкой в их компании звездной встречали, потом и Раймонд Паулс пришвартовал...».

Стенли Лауден и Борис Буряца праздновали Новый год в ресторане ЦДРИ. Причем для Лаудена эта вечеринка стала невольным экскурсом в прошлое. В последний раз в ЦДРИ он был аж в 1940 году и хорошо помнил все, что там тогда происходило. Он отметил, что внешне интерьер здания практически не изменился: то же фойе, та же широкая лестница, расходящаяся в обе стороны. Правда, все остальное было уже иным. На лестнице теперь сновали люди, одетые в живописные одежды и распе-

вающие народные песни. На середине пути стояла бочка горилки, и симпатичная блондинка, зачерпывая стакан, предлагала отведать огненный напиток всем входящим. Далее послушаем рассказ самого С. Лаудена:

«Мы вошли в основной зал. Те же хрустальные люстры ярко освещали столы, заставленные закусками и бутылками с напитками. На всех столах имелись именные карточки, и я мельком заметил: Большой театр, ансамбль Моисеева, цирк, драмтеатр, Райкин, а на некоторых столах были именные карточки таких звезд, как Пугачева, Кобзон... Борис подвел меня к нашему столу, и я сразу узнал Зыкину. Она была наиболее известной исполнительницей народных песен, и ее можно было назвать большой певицей не только из-за таланта, но и физических размеров. Когда она поднималась, все вокруг становилось мелким и небольшим. У нее было миловидное лицо, однако мужчины не могли оторвать взгляд от ее огромной груди. Когда смог оглядеться вокруг, я приветствовал сидящих за одним столом — все мы были знакомы. Атмосфера праздника была чудесной. Воздух был наполнен приятным шумом веселых голосов, мелькали бутылки, поднятые бокалы. Ансамбль балалаечников и их музыка удачно вписывались в праздничный настрой. Вскоре появился эстрадный ансамбль — и начались танцы. Мы поднимали бокалы за женщин, всех наших друзей и знакомых и — невероятно, но факт — за тех, кого мы ненавидели. Много тостов было за КГБ, и я услышал имена лиц, которых никогда не причислял к КГБ.

Может быть, сказались влияние выпивки, но я склонен думать, что сама веселая атмосфера, ритм музыки заставили мои ноги отбивать такт. Я не мог усидеть на месте. Когда оркестр заиграл танго «Кумпарсита», я вскочил и, элегантно поцеловав руку Зыкиной, пригласил ее на танец. Разговоры за столом смолкли. Казалось, все в зале замолчали. Я не крупный мужчина, и Зыкина возвышалась надо мной. Но она отлично справилась со своей ролью, грациозно выхватив красную розу из букета и зажав ее между зубами. Это была Кармен весом в 100 килограммов. Мы двинулись к танцплощадке, моя рука пыталась обнять ее за талию. Бешеный ритм танца захватил нас, последний аккорд раздался в тот момент, когда моя голова покоилась на ее груди. Весь зал взорвался сме-

хом. Музыка смолкла, и Зыкина взяла меня на руки, как ребенка. Она была очень сильной женщиной. Со всех сторон неслись приветственные крики, овации, цветы летели к нашим ногам. Когда мы вернулись к столу, я весь вспотел, а Зыкина даже не запыхалась. Борис смеялся до слез. Это был настоящий праздник...».

Вскоре после зажигательного танца Лауден вновь вынужден был выступить перед публикой. На этот раз его вызвал на эстраду сам директор ЦДРИ, который попросил его исполнить знаменитую песню «Синий платочек», которую Лауден впервые исполнил именно с этой эстрады 35 лет тому назад. Аккомпанировал ему сын того самого Владимира Ашкенази, который играл во время первого исполнения песни.

В ту же новогоднюю ночь «развязал» с алкогolem популярный певец Валерий Ободзинский. В течение 15(!) лет он не брал в рот спиртного, а тут неожиданно сорвался. Прямо за новогодним столом заявил друзьям и близким: «Я сейчас выпью!». Жена бросилась его отговаривать, то же самое попытались сделать и друзья, но Валерий был неумолим. Видимо, в нем что-то сломалось, устал он бороться с чиновниками от искусства, которые все эти годы только и делали, что гробили его: не разрешали сниматься на телевидении, выпускать пластинки. Короче, в ту ночь он напился.

Не особенно радостной выдалась та новогодняя ночь и для Клары Новиковой. Как мы помним, в Москве у нее завязался роман с журналистом Юрием Зерчаниновым, однако Новый год она вынуждена была уехать встречать к мужу, в Киев. И там у них случилась крупная ссора. Впрочем, послушаем рассказ самой К. Новиковой:

«В новогоднюю ночь все наши собрались у ФэСэ (так звали руководительницу кружка художественного слова Дворца пионеров Фаину Соломоновну Ковалевскую, у которой Новикова постигала азы эстрадного искусства. — Ф. Р.) и ждали, что я расскажу, как в Москве работаю. И я что-то рассказывала. А мой муж Новиков, постепенно напиваясь, шокируя — впрочем, не в первый раз — и ФэСэ, и моих друзей, все более настойчиво требовал, чтобы я возвращалась в Киев. Наконец мы с ним вышли на лестничную площадку, и после того,

что произошло там, я с чистой совестью решила, что между нами все кончено...».

Во второй половине декабря в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю одну: с 29-го в прокат вышел приключенческий фильм Вениамина Дормана «Пропавшая экспедиция», где снимались: Николай Гринько, Вахтанг Кикабидзе, Евгения Симонова, Александр Кайдановский и др.

Кино по ТВ: «Пятнадцатилетний капитан» (17-го), «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Соломенная шляпка» (19-го), «Я — Куба» (20-го), «Цемент» (20—21-го), «Пролог» (22-го), «Последнее лето детства» (23—24-го), «713-й просит посадку» (24-го), «Маскарад» (26-го), «Тигры на льду» (27-го), «Светлый путь», «Стоянка поезда — две минуты» (28-го), «Трактирщица» (премьера т/сп 29-го), «Самые красивые корабли» (29—30-го), «Телеграмма», «Король манежа» (30-го), «Новогодние приключения Маши и Вити» (премьера т/ф), «Иван Васильевич меняет профессию» (впервые по ТВ), «Божественная комедия» (премьера т/сп 31-го) и др.

Из других передач выделю: «13 стульев» (20-го), «А ну-ка, девушки!» (23-го), «Кинопанорама» (27-го; гостями передачи были: Сергей Герасимов, Тамара Макарова, Людмила Шагалова, Эдмонд Кеосаян и др.), «Голубой огонек» (31 декабря — 1 января; ведущие: Валентина Леонтьева, Анна Шилова, Игорь Кириллов, среди участников были Людмила Гурченко, Лариса Голубкина, Муслим Магомаев, Эдита Пьеха, София Ротару, Тамара Синявская, Полад Бюль-Бюль оглы, Николай Сличенко, десант из «Кабачка «13 стульев» в лице: Натальи Селезневой, Виктории Шарыкиной, Спартака Мишулина, Михаила Державина и др.).

Из театральных премьер второй половины декабря выделю два спектакля: «Нина», показанный на сцене филиала МХАТа 26-го, в ролях: Евгений Евстигнеев, его супруга Л. Журкина-Евстигнеева, Евгений Киндинов и др., и «Пена» С. Михалкова, показанный в Театре сатиры 29-го, в ролях Георгий Менглет, Роман Ткачук, Ольга Аросева и др.

Эстрадные представления: 21-го на сцене ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты, где выступали Майя Кристалинская, Евгений Петросян и др.; 22—23-го во Дворце спорта в Лужниках выступали Алла Абдалова, Владимир Ма-

каров, Лев Барашков, ВИА «Пламя» и др.; 23—24-го в ДК имени Горбунова состоялись концерты полностью обновленного ВИА «Самочувствы»; 26-го в ГТЭ пела София Ротару.

Из новинок «Мелодии» выделю следующие пластинки: твердый миньон «Поет Ара Бабаджанян» с песнями: «Любовь бросить невозможно» (из к/ф «Невеста с Севера»), «Парижский снег», «Пушинка белая», «Год любви» (последнюю поет В. Толкунова); диск-гигант «Песни А. Пахмутовой», на которой были представлены следующие песни: «Надежда» — поет Анна Герман, «Горячий снег» — Иосиф Кобзон, «Кто отзовется» — Муслим Магомаев, «Малая земля» — Людмила Зыкина, «Вновь продолжится бой» — Иосиф Кобзон, «Мелодия» — Муслим Магомаев, «Прощай, любимый» — Тамара Синявская, «Нам не жить друг без друга» — Муслим Магомаев, «Белоруссия» — ВИА «Песняры».

ПОСТРАДАВШИЙ ЗА ЭЛЕГИЮ

В 75-м году в городе Калининграде, что под Москвой, произошел такой случай. Двое десятиклассников гуляли по парку и по причине хорошего настроения решили затянуть на два голоса элегию Массне. А поскольку голоса у обоих были плохо поставленные, зрелище это было не из самых приятных. Услышав элегию в их исполнении, ближайший милицейский патруль счел это осквернением классического произведения и забрал певцов в отделение. Там ребят хотели посадить в «обезьянник». Поняв это, один из подростков стал рваться из-за деревянной перегородки к телефону, чтобы позвонить маме. В этот миг в помещение вошел инспектор в чине подполковника. Увидев, как юноша буквально бьется в истерику, пытаюсь пробиться к аппарату, он разом пресек его поползновения, больно ударив парня дверцей. Спустя 18 лет судьба вновь сведет этих людей в поединке друг против друга. Журналист и телеведущий Андрей Караулов (юноша) опубликует ряд статей, в которых уличит министра внутренних дел России Виктора Баранникова (инспектор) в неблагоприятных делах и напомним ему инцидент 75-го года. Сам Баранников про тот давний случай давно уже забудет.

ХИТ-ПАРАД-75

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Афоня» («Мосфильм», реж. Г. Данелия, в ролях: Леонид Куравлев, Евгений Леонов, Евгения Симонова и др., премьера — 13 октября) — 62,2 млн. зрителей;
- «Любовь земная» («Мосфильм», реж. Е. Матвеев, в ролях: Евгений Матвеев, Ольга Остроумова, Зинаида Кириенко и др., премьера — 24 июля) — 50,9 млн.;
- «Не может быть!» («Мосфильм», реж. Л. Гайдай, в ролях: Михаил Пуговкин, Олег Даль, Леонид Куравлев, Савелий Крамаров и др., премьера — 23 октября) — 50,9 млн.;
- «Они сражались за Родину» («Мосфильм», реж. С. Бондарчук, в ролях: Василий Шукшин, Георгий Бурков, Юрий Никулин и др., премьера — 12 мая) — 40,6 млн.;
- «Помни имя свое» («Мосфильм», «Иллюзион» (Польша), реж. С. Колосов, в ролях: Людмила Касаткина, Людмила Иванова, Тадеуш Боровский и др., премьера — 11 марта) — 35,7 млн.;
- «Без права на ошибку» («Мосфильм», реж. А. Файнциммер, в ролях: Олег Жаков, Лев Прыгунов, Николай Мерзликин, Светлана Старикова и др., премьера — 6 октября) — 30,7 млн.;
- «Контрабанда» (Одесская к/с, реж. С. Говорухин, в ролях: Владимир Павлов, Раиса Рязанова, Григорий Гай и др., премьера — 26 мая) — 28,4 млн.;
- «Блокада» («Ленфильм», реж. М. Ершов, в ролях: Юрий Соломин, Евгений Лебедев, Ирина Акулова и др., премьера — 3 февраля) — 27,7 млн.;
- «Фронт без флангов» («Мосфильм», реж. И. Гостев, в ролях: Вячеслав Тихонов, Галина Польских, Олег Жаков и др., премьера — 21 апреля) — 27,6 млн.;
- «Семья Ивановых» («Мосфильм», реж. А. Салтыков, в ролях: Николай Рыбников, Нонна Мордюкова, Николай Еременко-мл. и др., премьера — 13 октября) — 25,9 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно традиционному опросу, проведенному журналом «Советский экран» среди читателей (23 400 писем), были получены следующие результаты:

Лучшие фильмы: «Они сражались за Родину» (76,5% назвали его отличным, 0,1% — неудачным), «Помни имя свое» (72,0% — 0,3%), «Любовь земная» (60,5% — 0,5%), «Как закалялась сталь» (киновариант) (56,4% — 0,6%), «Звезда пленительного счастья» (54,7% — 0,6%), «Сто дней после детства» (41,6% — 1,3%), «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (37,8% — 2,3%), «Дочки-матери» (30,4% — 0,8%), «Афоня» (30,7% — 1,5%), «Премия» (35,6% — 3,0%).

Худшие фильмы отечественного производства: «Подарок одинокой женщине» (36,1% читателей назвали его посредственным, 28,3% — хорошим), «Одиножды один» (34,1% — 30,9%), «Рогатый бастион» (31,5% — 32,5%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Последний патрон» (Румыния), «Как это случилось» (Польша), «Весна грустной любви» (ЧССР), «Преступник и его досье» (Югославия), «Коперник» (Польша).

Лучшие фильмы других стран: «Двое в городе» (Франция), «День дельфина» (США), «Белый клык» (Италия), «Бобби» (Индия), «Как украсть миллион» (США).

Лучшая актриса: Людмила Касаткина (роль Зинаиды Воробьевой в фильме «Помни имя свое») — 27,3% голосов.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства:

- «Есения» (Мексика) — премьера 13 января;
 «Бобби» (Индия) — 28 июля;
 «Как украсть миллион» (США) — 20 января;
 «Великолепный» (Франция) — 3 марта;
 «Моя дорогая Клементина» (США) — 17 марта;
 «Повторный брак» (Франция) — 1 апреля;
 «Последний патрон» (Румыния) — 12 мая;
 «Зануда» (Франция) — 2 июня;
 «Виннету — сын Инчу-Чуна» (ФРГ — СФРЮ) — 4 августа;
 «О, счастливец!» (США — Англия) — 10 августа;
 «Двое в городе» (Франция) — 15 сентября;
 «Жить, чтобы жить» (Франция — Италия) — 20 октября;
 «Амрапали» (Индия) — 8 декабря.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

- «Джентльмены удачи» — впервые по ТВ 1 января;
 «Люди и манекены» (2-я серия, т/ф) — 1 января;
 «Бронзовая птица» (т/ф) — 2—4 января;
 «Соломенная шляпка» (т/ф) — 4 января;
 «Три дня в Москве» (т/ф) — 2—3 января;
 «Бенефис С. Мартинсона» — 24 января;

Фильмы Ч. Чаплина — 25 января, 31 мая, 3 августа, 13 сентября;

- «Ваши права?» (т/ф) — 14 февраля;
 «Цена быстрых секунд» — впервые по ТВ 1 марта;
 «Люди и манекены» (3-я серия) (т/ф) — 9 марта;
 «Юркины рассветы» (т/ф) — 11—14 марта;
 «Отверженные» (Франция) (т/ф) — 17—18 марта;
 «Приключения в Африке» (США) — 12 апреля;
 «Надежда» — впервые по ТВ 21 апреля;
 «А зори здесь тихие...» — впервые по ТВ 26 апреля;
 «Обретишь в бою» (т/ф) — 12—16 мая;
 «Трудное счастье Ирины Родниной» (д/ф) — 16 мая;
 «На всю оставшуюся жизнь» (т/ф) — 17—20 июня;
 «Лунный камень» (Англия) (т/ф) — 30 июня — 4 июля;
 «Хроника раскрытия одного преступления» (д/ф) — 3 июля;
 «Аркадий Райкин» (т/ф) — 6 июля;
 «Яносик» (Польша) (т/ф) — 21—27 июля;
 «Братья Карамазовы» — впервые по ТВ 23—24 июля;
 «Даурия» — впервые по ТВ 29-30 июля;
 «Мегрэ и старая дама» (т/сп) — 1 августа;
 «Дэвид Копперфилд» (Англия) (т/ф) — 4—8 августа;
 «Сержант милиции» (т/ф) — 13—15 августа;
 «Страницы жизни Печорина» (т/сп) — 16 августа;
 «Следствие ведут знатоки», Дело номер 10 — «Ответный удар» — 26—28 августа;
 «Сломанная подкова» — впервые по ТВ 31 августа;
 «Авария» (т/ф) — 4—5 сентября;
 «Вариант «Омега» (т/ф) — 15—19 сентября;
 «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (т/сп) — 23 сентября;
 «Бенефис Л. Голубкиной» — 26 сентября;
 «Плохой хороший человек» — впервые по ТВ 4 октября;
 «Ольга Сергеевна» (т/ф) — 13—17, 21—23 октября;
 «Голубой лед» — впервые по ТВ 18 октября;
 «Гипнотизер» (т/ф, Франция) — 25 октября;
 «Великие голодранцы» — впервые по ТВ 28 октября;
 «Люди и манекены» (4-я серия) — 1 ноября;
 «В черных песках» — впервые по ТВ 3 ноября;
 «Берега» — впервые по ТВ 4 ноября;
 «Последнее лето детства» (т/ф) — 7—9 ноября;
 «Старые стены» — впервые по ТВ 7 ноября;
 «Самый жаркий месяц» — впервые по ТВ 8 ноября;
 «Рожденная революцией» (т/ф, 4—6-я серии) — 11, 13—14 ноября;
 «Много шума из ничего» — впервые по ТВ 15 ноября;
 «Невеста с Севера» (т/ф) — 19 ноября;

«Человек с другой стороны» — впервые по ТВ 20 ноября;

- «Это сладкое слово — свобода!» — впервые по ТВ 4—5 декабря;
 «К нам прилетают птицы» — впервые по ТВ 7 декабря;
 «Парад-алле» — впервые по ТВ 7 декабря;
 «Здравствуйте, я ваша тетя!» (т/ф) — 26 декабря;
 «Король манежа» — впервые по ТВ 30 декабря;
 «Новогодние приключения Маши и Вити» (т/ф) — 31 декабря;
 «Иван Васильевич меняет профессию» — впервые по ТВ 31 декабря;
 «Божественная комедия» (сп) — 31 декабря.

Наиболее читаемые книги отечественных авторов, изданные в 1975 году

- А. Адамов — «Злым ветром» (роман);
 Э. Асадов — «Ветра беспокойных лет» (стихи, поэмы);
 Б. Ахмадулина — «Стихи»;
 А. Безуглов — «Инспектор милиции» (повесть-хроника);
 В. Богомолов — «В августе 44-го...» (роман);
 Ю. Бондарев — «Берег» (роман);
 К. Ваншенкин — «Избранное» в 2-х томах;
 А. Вампилов — «Избранное»;
 Б. Васильев — «Не стреляйте в белых лебедей» (роман);
 А. Вознесенский — «Дубовый лист виолончельный» (стихи);
 Э. Володарский — «Звезды для лейтенанта» (пьеса);
 Н. Доризо — «Меч Победы» (стихи, поэмы);
 Ю. Друнина — «Окопная звезда» (стихи);
 Е. Евтушенко — «Отцовский слух» (стихи), «Избранное»;
 А. Жигулин — «Полынный ветер» (стихи);
 А. Иванов — «Откуда что» (лит. пародии, эпиграммы);
 Л. Карелин — «Стажер» (роман);
 В. Карпов — «Взять живым!» (роман);
 Ю. Коваль — «Недопесок» (повесть);
 С. Куняев — «В сентябре и в апреле» (стихи);
 Л. Ленч — «Избранное»;
 В. Мережко — «Одиножды один» (лит. сценарий);
 С. Михалков — «Басни», «Пена» (комедия), «Пощечина» (пьесы);
 Ю. Нагибин — «Пик удачи» (избранные повести);
 Б. Окуджава — «Похождения Шипова...» (роман);
 Е. Парнов — «Третий глаз Шивы» (фантастический роман);
 В. Пикуль — «Слово и дело» (роман-хроника);
 Г. Поженян — «Зимний день» (стихи);

- Р. Рождественский** — «Огромное небо» (стихи);
В. Розов — «Четыре капли» (комедия);
Ю. Семенов — «Бомба для председателя» (романы);
Л. Словин — «Астраханский вокзал» (детективная повесть);
В. Солоухин — «Лирика»;
И. Стаднюк — «Хлеб истины» (роман);
А. Тарковский — «Несколько картин...» (стихи);
Э. Успенский — «Гарантийные человечки»;
О. Феофанов — «Музыка бунта» (про рок-музыку);
Э. Хруцкий — «В светлом квадрате ринга»;
В. Шукшин — «Избранное» в 2-х т.

Переводная литература (детективы)

- Ш. Иллеш** — «Табличка с фамилией» — «Человек и закон», номера 11—12;
П. Квентин — «Ловушка» (повесть) — «Простор» номер 1—3;
А. Конан-Дойл — «Знак четырех» (рассказы);
Х. Магер — «Кто убил Бартушека?» (роман) — «Подъем», номера 2—6;
Н. Мэрджану — «Заколдованный круг» (повесть) — «Звезда Востока», номера 3—5;
Я. Пальме — «Человек, который ограбил банк» — «Север» (номера 9—10);
Д. Пеев — «Седьмая чаша» (повесть) — «Искатель», номера 1—2;
М. Реняк — «Опасные тропы» — «Волга» номер 10;
Ж. Сименон — «Записки Мегрэ»;
Р. Стаут — «Сочиняйте сами» (повесть) — «Литературная Россия», номера 9—17; «Это вас не убьет» (повесть) — «Физкультура и спорт», номера 11—12;
Г. Честертон — «Рассказы»;
В. Штайнберг — «Икебана, или Цветы для иностранца» (повесть) — «Звезда Востока», номера 11—12;
 «Зарубежный детектив» (номер 5): **Х. Ранк** «Зеленый призрак»; **Э. Гарднер** «Показания одноглазой свидетельницы»; **Н. Марш** «На каждом шагу констебли»;
 «Подвиг» (т. 4): **Е. Эдигей** «Пансионат на Страндвеген».

Шлягеры года

- «Женюсь» (И. Шварц — Б. Окуджава), из т/ф «Соломенная шляпка» — исполняет Андрей Миронов, январь;

- «Песенка про дилижанс» (И. Шварц — Б. Окуджава), из т/ф «Соломенная шляпка» — Людмила Гурченко, январь;
 «Московская серенада» (Э. Колмановский — Л. Дербенев, И. Шаферан), из т/ф «Три дня в Москве» — П. Кравецкий, январь;
 «Ты говоришь мне о любви» (Э. Колмановский — Л. Дербенев, И. Шаферан), из т/ф «Три дня в Москве» — Нина Бродская, январь;
 «Татьянин день» (Ю. Саульский — Н. Олев) — Лев Лещенко, февраль, передача «Артлото»;
 «Ты и я» (М. Дельпеш — В. Сан, Л. Дербенев) — «Аккорд», февраль;
 «Кони привередливые», «Скалолазка», «Москва — Одесса», «Она была в Париже» (В. Высоцкий) — Владимир Высоцкий/оркестр, май;
 «Вся жизнь впереди» (А. Экимян — Р. Рождественский) — ВИА «Самоцветы», май;
 «И вновь продолжается бой» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Лев Лещенко, май;
 «Тишина» (Л. Гуров) — ВИА «Ариэль», май;
 «Старая пластинка» — ВИА «Ариэль», май;
 «Девятый класс» (В. Монастырский — Ю. Рыбчинский) — ВИА «Верные друзья», июнь;
 «У нас, молодых» (В. Добрынин — В. Харитонов) — ВИА «Самоцветы», июль;
 «Сладкая ягода» (Е. Птичкин — Р. Рождественский), из х/ф «Любовь земная» — Ольга Воронец, июль;
 «Лебединая верность» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару, август;
 «Яблони в цвету» (Е. Мартынов — И. Резник) — София Ротару, август;
 «Прощай» (В. Добрынин — Л. Добрынин) — Лев Лещенко, август;
 «Кто тебе сказал» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — ВИА «Поющие сердца», сентябрь;
 «А он мне нравится» (В. Шаинский) — Анна Герман, сентябрь;
 «Этот самый заревой, победный день» (Б. Троцюк — Р. Рождественский), из т/ф «Вариант «Омега» — Олег Даль, сентябрь;
 «Парижское танго» (Брун — Бушер) — Эдита Пьеха, сентябрь;
 «Малая земля» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Людмила Зыкина, сентябрь;
 «Губит людей не пиво!» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Не может быть!» — Вячеслав Невинный, октябрь;
 «Песенка про Купидона» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Не может быть!» — Олег Даль, октябрь;
 «Черные подковы» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Не может быть!», октябрь;
 «Голубой вагон» (В. Шаинский — Э. Успенский) — В. Ферапонтов, октябрь;

- «День Победы» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Лев Лещенко, ноябрь;
 «Не обещайте деве юной...» (И. Шварц — Б. Окуджава), из х/ф «Звезда пленительного счастья» — Владимир Качан, ноябрь;
 «У деревни Крюково» (М. Фрадкин — С. Островой) — ВИА «Пламя», ноябрь;
 «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — ВИА «Песняры», ноябрь;
 «Верни мне музыку» (А. Бабаджанян — А. Вознесенский) — София Ротару, декабрь;
 «Любовь бросить невозможно» (А. Бабаджанян) — Ара Бабаджанян, декабрь;
 «И кто виноват» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, декабрь;
 «Но ты проходишь стороной» (В. Векштейн — И. Кохановский) — ВИА «Поющие сердца», декабрь;
 «Бери шинель, пошли домой» (В. Левашов — Б. Окуджава), из х/ф «От зари до зари» — А. Покровский, декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...» — исп. февраль;
 «Всю войну под завязку...» — июль;
 «Замок временем скрыт», «Песня о вольных стрелках», «Баллада о любви», «Песня о двух погибших лебедях», «Баллада о борьбе» (все — из х/ф «Стрелы Робин Гуда») — август;
 «Баллада о детстве» («Час зачатия я помню не точно...») — сентябрь;
 «Граждане, зачем толкаетесь?» — сентябрь;
 «Случай на таможне» («Над Шереметьево...») — октябрь и др.

Шлягеры года (зарубежные)

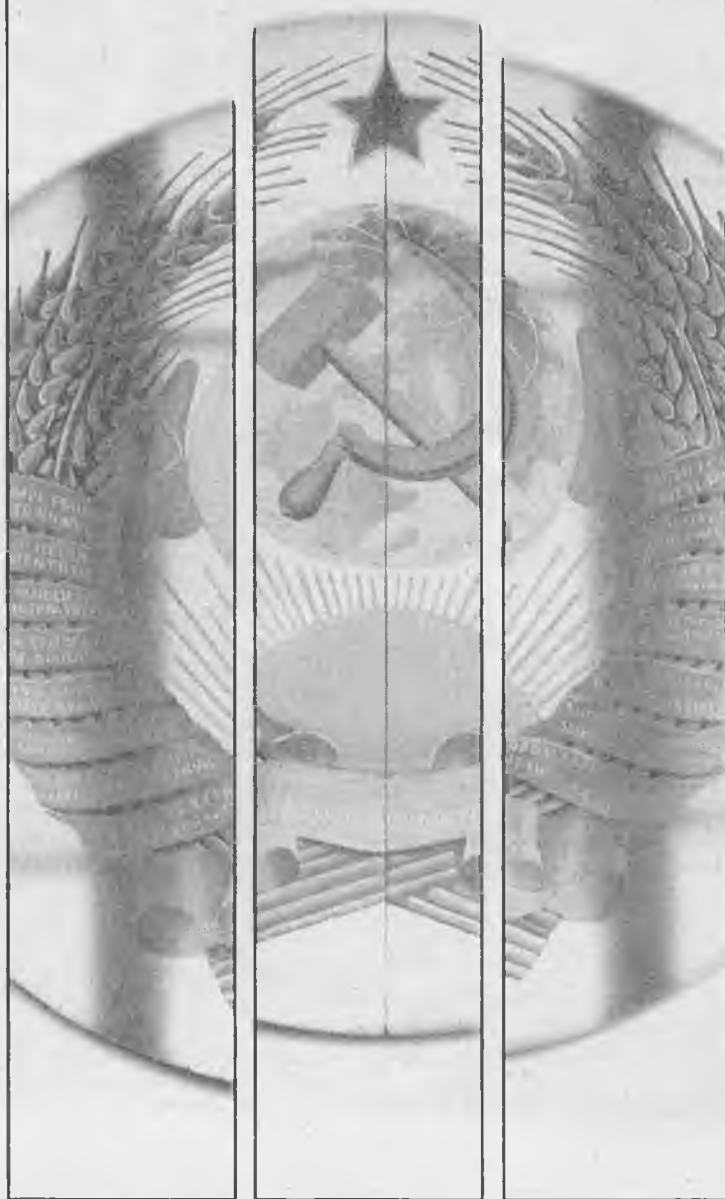
- «Lady Marmalade» — «Патти Лабел энд Блюэ Беллис», март;
 «Hair of the Dog» — «Назарет», апрель;
 «Someone saved my life Tonight» — Элтон Джон, май;
 «SOS», «I do, I do, I do» — «АББА», июнь;
 «Lyin' eyes» — «Иглз», июнь;
 «Venus and Mars», «Love in Song», «Spirit or ancient Egypt», «Medicine Jar» — «Уингз», июнь;

- «Night on Broadway» — «Би Джиз», июнь;
 «I'm not in Love» — «Тэн Си Си», июнь;
 «Sister golden Hair» — «Америка», июнь;
 «Sailing» — Род Стюар, август;
 «Shine on you crazy Diamond» — «Пинк Флойд», сентябрь;
 «Action» — «Свит», сентябрь;
 «Walk this Way» — «Аэросмит», сентябрь;
 «Fame» — Дэвид Боуи — Джон Леннон — Карлос Аломар, сентябрь;
 «Bohemian Rhapsody» — «Квин», декабрь;
 «Old, new Borrowed» — «Слэйд»;
 «I can do it» — «Раббитс»;
 «Don't play your rock'n'roll to me», «If you think you know how to love me», «Changing all the Time», «I do declare», «Back to Bradford», «What can I do», «Little Lucy» — «Смоки»;
 «L'Ete Indien», «Salut», «Et si tu N'Existais Pas» — Джо Дассен.

Преступность в СССР в 1975 году

- общее количество преступлений — 1 197 512 (в 1974-м — 1 141 108);
 умышленные убийства — 17 569 (в 1974-м — 16 850);
 покушения на убийства — 4 276 (в 1974-м — 4 348);
 убийства с разбоем — 306 (в 1974-м — 253);
 убийства с изнасилованием — 266 (в 1974-м — 257);
 убийства с хулиганством — 1 951 (в 1974-м — 2 226);
 убийства из-за ревности и ссор — 11 856 (в 1974-м — 10 981);
 убийства матерью новорожденного — 432 (в 1974-м — 438);
 посягательства на милиционеров — 351 (в 1974-м — 343);
 изнасилования — 16 139 (в 1974-м — 15 304);
 грабежи — 41 325 (в 1974-м — 38 590);
 разбои — 9 766 (в 1974-м — 9 454);
 хулиганство — 206 624 (в 1974-м — 199 820);
 умышленные телесные повреждения — 34 163 (в 1974-м — 30 655);
 преступления в армии — 16 710 (в 1974-м — 15 617);
 взяточничество — 4 039 (в 1974-м — 3 802).

1976 год

1976

Январь

В Шереметьево задержали контрабандиста. Громят банду в Саратове. Суперматч ЦСКА — «Монреаль канадиенс». Эльдара Рязанова вызывают в Останкино. Страна смотрит «Иронию судьбы». Почему вырезали выступление Сергея Юрского. Начался обмен паспортов. Снимают «Розыгрыш» и «Восхождение». Суперсерия по хоккею продолжается. Трагедия в Тульской области: погибли дети. Золотухину желают... провала. Кто тормозил съемки «Розыгрыша». Малявина у Высоцкого. За что отца Софии Ротару исключили из партии. «Песняры» покоряют американского импресарио. Как изымали из библиотек бестселлер Юрия Трифонова «Дом на набережной». Меломаны слушают «Встречу с песней». Умер Андрей Файт — «главный злодей советского кинематографа». Письмо атеистки. Как чекисты пришли описывать имущество Валерия Саблина. «Восхождение»: мороз выводит из строя технику. Сорвалась попытка угона самолета. Олег Даль «развязал». «Таганка» слушает французские записи Высоцкого. Умерла Принцесса Турандот — Цецилия Мансурова. Болезнь Алексея Германа. Как пьяная дама наезжала на Высоцкого. Снимают финал «Арапа Петра Великого». Радостные дни Валерия Харламова. Советская школьница влюбилась в бразильского писателя. Как мама Вячеслава Добрынина поверила в его композиторский талант.

Подавляющая часть советских граждан 1 января еще приходила в себя после новогодней ночи, а сотрудники таможенной службы аэропорта Шереметьево уже трудились не покладая рук. В тот день в их сети угодила крупная дичь: итальянский гражданин Лючиано Де Чета, вылетающий в Рим рейсом № 584 и пытавшийся провезти контрабанду. Иностранца выдало его нервное поведение: он беспокойно озирался по сторонам, прятал глаза и нервно покусывал губы. Таможенник решил проверить его багаж тщательнее. Итальянец занервничал еще сильнее. Причина обнаружилась достаточно быстро: в рукаве лыжной нейлоновой куртки таможенник нащупал твердый предмет. Вскоре на свет был извлечен кремневый пистолет XVIII века. Итальянец объяснил, что это оружие некогда принадлежало его знаменитому соотечественнику — Джузеппе Гарибальди — и теперь возвращается к себе на родину. Но это объяснение, естественно, не удовлетворило таможенную службу. Спустя несколько минут был обна-

ружен еще один незадекларированный предмет: под подкладкой ватной куклы-грелки находились старинные кубок и ваза. «Эти вещи тоже принадлежали Гарибальди?» — лукаво поинтересовались таможенники у итальянца. Тот счел за благо промолчать.

Как выяснится чуть позже, все эти вещи не имели к народному герою Италии никакого отношения, а до недавнего времени принадлежали известному ленинградскому коллекционеру. Тому самому, которого в августе прошлого года ограбили налетчики в масках прямо в его собственной квартире. Несмотря на все усилия питерских сыщиков, напасть на след бандитов не удалось. Казалось, что украденные ценности сгинули навсегда. Как вдруг часть похищенного всплыла в Шереметьево. Самое интересное, что принадлежность этих вещей к коллекции ленинградского коллекционера выяснится не сразу. В одной из газет будет опубликован репортаж об удачной операции таможенников с фотографиями найденных вещей.

Эта газета попадется на глаза кому-то из коллег потерпевшего, и тот покажет ее коллекционеру.

Не менее насыщенным событиями выдался первый день нового, високосного, кстати, года и для сотрудников уголовного розыска Саратова. Как мы помним, вот уже больше четырех месяцев в этом городе орудует дерзкая банда грабителей сберкасс, которая за это время сумела нажить на сумму в 30 тысяч рублей и обзавестись шестью револьверами. На след банды сыщикам удалось выйти только в середине декабря путем внедрения в преступную среду своей агентуры. В итоге перед самым Новым годом был задержан главарь банды Чуркин, от которого ниточка потянулась и к другим участникам банды. Вторым номером на задержание в списке сыщиков значился Маркелов, но он, почуяв опасность, сумел скрыться. Однако за несколько часов до наступления Нового года сыщикам стал известен его новый адрес. Бандита было решено брать «тепленьким» — вскоре после боя курантов. Операция прошла молниеносно: Маркелов был с такого бодуна, что даже сопротивляться не мог. У него были найдены два револьвера, граната, дрель со сверлами, ценности и 490 рублей наличными.

В тот момент, когда Маркелова доставили в кутузку и оформляли на него протокол о задержании, вся мужская половина населения усеялась перед своими телевизорами — в 12.00 началась трансляция матча хоккейной Суперсерии между ЦСКА и «Монреаль канадиенс» (на тот момент самый именитый клуб Канады 18 раз владел Кубком Стэнли). Этой игре (она состоялась накануне вечером) суждено будет стать самой лучшей в Суперсерии: столь высокие были ее накал и интрига.

Первый период был полностью за канадцами: они начисто переиграли армейцев, произведя по их воротам 10 бросков и забив две шайбы (Шатт на 5-й, Ламбер на 8-й). Наши ответили всего лишь четырьмя бросками, и ни один из них не привел к голу. Однако столь плачевный результат не стал поводом к разному игроков тренером Константином Локтевым: в перерыве тот посоветовал своим подопечным быстрее кататься по всему полю, точнее адресовать друг другу шайбы.

Второй период начался для армейцев с удаления: на скамейку штрафников был отправ-

лен Виктор Жлуктов. Эти две минуты могли стать переломными в игре: забей канадцы третью шайбу, и у армейцев было бы мало шансов их догнать. Но наших ребят спас Владислав Третьяк, который так и не позволил канадцам найти брешь в своей игре. А когда армейцы заиграли в полном составе, Борис Михайлов сократил разрыв до минимума.

Однако спустя несколько минут канадцы получили еще одну возможность выйти вперед: после удаления сразу двух армейцев — Солодухина и Гусева — они остались впятером против троих гостей. И Курнуайе вновь увеличил разрыв в счете. Но радость монреальцев была недолгой — в самом конце периода отличился Валерий Харламов. На огромной скорости он проскочил между двумя защитниками, хладнокровно обыграл вратаря Кена Драйдена и послал шайбу точно в цель, сократив разрыв до минимума — 2:3.

В заключительном периоде канадцы приложили немало усилий для того, чтобы первыми забить гол. Но у них на пути вновь встал Третьяк. А когда атакующий пыл канадцев несколько ослаб, армейцы перехватили инициативу и Борис Александров на 45-й минуте сравнял счет. Этот результат сохранился до конца игры.

Как я уже сказал, за этой игрой наблюдало чуть ли не все мужское население Советского Союза. Ну, разве что за исключением отдельных лиц, кто хоккеем вообще не интересовался. Но были такие, кто не сумел попасть к телевизору по не зависящим от них причинам. В числе последних оказался и Эльдар Рязанов, которого срочно вызвали в Останкино, чтобы он внес правки в свое вступительное слово перед премьерным показом фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», который намечался на 17.45 по московскому времени. Это выступление было записано накануне и, по мнению Рязанова, не содержало в себе ничего крамольного. Но тезвэшное начальство посчитало иначе. А не понравилось им следующее: во-первых, то, что Рязанов поблагодарил телевидение за то, что оно предоставило для его картины такой замечательный день, как 1 января (эта реплика показалась боссам с ТВ издевательской), во-вторых — фраза о том, что фильм является «рождественской сказкой для взрослых» (здесь режиссера обвинили в пропаганде религии). В итоге

Рязанову пришлось срочно мчаться на Королева, 12, и заново записывать свою речь. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Огромное здание телецентра было пустынным. Лишь в одном из павильонов копошились человек пятнадцать — оператор, звукооператор, видеоинженеры, микрофонщики, осветители, администратор и два куратора из парткома, призванные проследить, чтобы я все сказал как надо. Все эти люди были вызваны специально в праздничный день для того, чтобы осуществить две абсолютно несущественные поправки, не имеющие никакого, как вы понимаете, значения. Но какой-то, видно, высокий руководитель произнес глупость, и все исправно принялись ее исполнять, невзирая на бессмысленную трату денег и времени. Я сел перед телекамерой и на этот раз не поблагодарил телевидение, а также обозвал свою ленту не рождественской, а новогодней сказкой. Через несколько часов я увидел на телеэкране свое вступительное слово, а затем пошел фильм...»

С первого же показа «Ирония судьбы» имела оглушительный успех у зрителей. Достаточно сказать, что трансляция фильма закончилась в 21.00, а уже спустя несколько минут некоторые люди бросились на почту, чтобы отправить в столицу свои восторженные отзывы на ленту. Сам Рязанов с нескрываемой гордостью рассказывает, что несколько телеграмм было отправлено 1 января в 21 час 03 минуты, 05 минут, 06 минут, 08 минут. Он же поведал и о том, как его фильм спас жизнь одной женщине. Вот его рассказ:

«Однажды на встрече со зрителями в Риге я получил записку, которая меня потрясла. Женщина написала о своей подруге, враче по образованию, решившей свести счеты с жизнью. Та хотела и после смерти выглядеть красивой, поэтому приняла душ, сделала прическу, надела самое красивое платье. Как врач, она знала наилучший рецепт: положила на журнальный столик пачку снотворных таблеток, поставила бутылку коньяка, села в кресло, включила телевизор. И вот в это время на экране Ширвиндт покупал бутылку шампанского: начиналась первая демонстрация фильма «Ирония судьбы». Дальше в записке шла такая фраза: «Моя подруга жива до сих пор...»

Актера Сергея Юрского премьеры «Иронии судьбы» застала в ленинградском Институте

травматологии, куда он попал с переломом ключицы незадолго до Нового года. Телевизор был установлен в общем холле, и на просмотр очередного шедевра «от Рязанова» собрались несколько десятков больных. Лента понравилась всем без исключения. А на следующий день по тому же телевизору Юрский с нетерпением ждал еще одной премьеры — передачи «Театральные встречи» (21.30), в которой ему довелось сниматься еще в декабре. Передача была очень популярна у зрителей разных возрастов и пристрастий, поскольку в ней обычно снимались артисты самых разных жанров: эстрады, цирка, кино, театра, приглашались известные писатели, поэты, режиссеры, а также люди, не имеющие к искусству никакого отношения, — например спортсмены.

В той передаче, что была показана в пятницу, 2 января, в качестве гостей были приглашены: Михаил Жаров (ведущий), Юлия Борисова, Юрий Каюров (театр), Алла Пугачева (эстрада), Савелий Крамаров (кино), Владислав Третьяк (спорт), Сергей Юрский (театр) и др. Юрский брал слово сразу после Третьяка и исполнял интермедию Михаила Жванецкого о спорте «Монолог тренера». Однако своего появления на голубом экране популярный актер так и не дождался — его выступление вырезала безжалостная рука цензора. Юрский был в недоумении: в прочитанном монологе не было абсолютно никакой крамолы, читал он его с вдохновением, а в итоге был вырезан. Удивляло еще и то, что столь печальная участь постигла только его выступление.

Всю ночь Юрский ворочался в постели и не мог заснуть от переживаний. А утром решил позвонить в Москву, самому председателю Гостелерадио Сергею Лапину. Как ни странно, но трубку на том конце провода подняла не секретарша, а сам председатель. Узнав Юрского, Лапин обрадовался, стал интересоваться его успехами. Когда услышал, что тот находится в больнице, пожелал ему скорейшего выздоровления. После нескольких дежурных фраз Юрский наконец перешел к главному — напрямик спросил, почему вырезали его выступление в «Театральных встречах». Лапин попытался отшутиться: «Сергей Юрьевич, о чем вы переживаете, ведь это не последняя передача с вашим участием. Снимем еще». Но Юрский был настроен менее дружелюбно: «И все же,

Сергей Георгиевич, я хотел бы знать, на каком основании...» И тут Лапин выдал ему совершенно неожиданное: «Вы не там виноватых ищите, Сергей Юрьевич. Не здесь их надо искать, а у себя, в Ленинграде». Юрский намек понял: уши у этой истории росли из Ленинградского обкома партии, где у него была масса недоброжелателей.

Между тем в стране начался обмен старых паспортов на новые. В числе первых получателей краснокожих книжечек — лучшие люди страны: передовики производства, отличники учебы и т. д. Вручения паспортов этим людям обставляются с соответствующим размахом. Так, например, 3 января в Ленинграде состоялось вручение паспортов 16-летним лучшим представителям рабочей молодежи Невской заставы. Получать паспорта их пригласили на легендарный крейсер «Аврора», а в качестве вручающих выступили ветераны ВМФ.

В воскресенье, 4 января, в одном из павильонов «Мосфильма» царило оживление: режиссер Владимир Меньшов приступал к съемкам своего дебютного фильма «Розыгрыш». По давно завешенной традиции съемки начались с привычного ритуала — разбивания тарелки. Днем позже точно такую же тарелку разбили в другой мосфильмовской группе — фильма «Восхождение», который снимала Лариса Шепитько. В отличие от «Розыгрыша» этот фильм начали снимать с натуральных эпизодов, для чего группа перебазировалась под Муром. Съемки проходили в 27 километрах от города, там снимали проходы Сотникова (актер Борис Плотников) и Рыбака (Владимир Гостюхин). 6 января участники съемок поздравили своего режиссера с днем рождения — Шепитько исполнилось 38 лет.

В тот же день вечером (21.30) по ЦТ состоялась трансляция очередного матча хоккейной Суперсерии — играли «Крылья Советов» и «Буффало Сейбрз». Советские болельщики, собравшиеся у телевизоров, были поражены в самое сердце — настолько блекло выглядела игра советских хоккеистов (на 46 бросков по воротам со стороны канадцев наши ответили 21). В итоге «Буффало» наколотил в наши ворота аж 12 шайб, а «крылышки» сумели им ответить только шестью. Это была расплата «крылышкам» за их самонадеянность: пару дней назад они посетили игру «Буффало» в регуляр-

ном чемпионате НХЛ, где соперники наколотили ему аж 9 шайб. Многие игроки «Крыльев», покидая стадион в тот день, шутили: «Ну, эти нам не соперники — цирковая команда». За что и поплатились. Правда, уже спустя два дня «Крылья» все-таки реабилитируются в глазах своих болельщиков — в тяжелой борьбе выиграют у «Чикаго Блэк Хоукс» со счетом 4:2 (эту игру ЦТ не транслировало по вине канадской стороны).

Тем временем саратовские сыщики продолжают операцию по ликвидации банды грабителей сберкасс. 2 января у себя на квартире был задержан третий участник банды, Чернышов, у которого при обыске были найдены золотые кольца, револьвер и 5 тысяч рублей наличными. 6 января арестовали последнего бандита — Щепакина, на руках у которого была еще 1 тысяча рублей. Вообще «сберкассники» оказались людьми экономными: за четыре с половиной месяца они умудрились из 30 тысяч похищенных денег промотать только 9 тысяч. В итоге львиная доля награбленного вернулась государству.

7 января страшная трагедия произошла в одном из поселков Тульской области. Предшествовали ей следующие события. Несколько дней назад местные подростки, гуляя в лесу, обнаружили целый арсенал, сохранившийся со времен войны: 17 зенитных снарядов, 7 боеголовок к ним и гранату «лимонку». Посоветовавшись, пацаны приняли решение ничего не говорить взрослым о находке, а спрятать найденное в укромном месте. Этим местом стал чердак одного из поселковых домов. Туда были перенесены все снаряды и боеголовки, а вот «лимонку» ребята зарыли в лесу, рассчитывая через пару дней вернуться к ней и взорвать. Но испытания закончились плачевно. Мальчишки стали спорить между собой, кто должен метнуть гранату, стали вырывать ее друг у друга, и та рванула прямо у них в руках. Результат был трагичен: двое пацанов погибли на месте, шестеро получили тяжелые ранения и были доставлены в местную больницу. К счастью, все они выжили.

Тем временем в Театре на Таганке Валерий Золотухин продолжает готовиться к роли Гамлета. Главный исполнитель этой роли Владимир Высоцкий пребывает в откровенном недоумении, поскольку не ожидал от своего друга

такой «подлянки». Они хотя и общаются, но отношения между ними все же натянутые. 8 января на Таганке давали «Жизнь Галилея», где Высоцкий и Золотухин играли главные роли. На спектакль пришла жена первого — Марина Влади, причем не одна, а со своей родной сестрой Татьяной, приехавшей в Москву на отдых из Парижа. В перерыве спектакля Влади нашла Золотухина и с явной хитрецей в голосе спросила: «Как идут репетиции, а? Я знаю...» Из этих слов Золотухин понял, что все только и ждуть премьеры «Гамлета» с его участием, чтобы потом вволю поиздеваться над его провалом.

Между тем остановились, едва начавшись, съемки фильма «Розыгрыш». Поводом к этому стало недовольство высокого руководства игрой одной из актрис — Евгении Ханаевой, снимавшейся в роли классной руководительницы 10-го класса Марии Васильевны Девятовой. Собственно, это недовольство имело давние корни: еще на стадии кинопроб Меншову настоятельно рекомендовали взять вместо Ханаевой другую актрису — народную артистку СССР, но он это мнение проигнорировал. Меншов очень тепло относился к Ханаевой, пересмотрел все ее роли на сцене МХАТ и мечтал, чтобы она играла у него одну из главных ролей. Начальство ему этого не простило. В итоге 8 января съемки были приостановлены. «Убирай Ханаеву!» — потребовал гендиректор «Мосфильма» от Меншова, но он вновь отказался. И решил действовать хитростью. В течение следующих пяти дней он провел пробы с обеими актрисами, во время которых преимущество Ханаевой стало просто очевидным. Когда эти пробы увидели в Госкино, Меншова спросили: «Это ты специально так облажал народную артистку?» Но после этого речи о замене Ханаевой больше не заходило. Самое интересное, что, когда фильм выйдет на широкий экран, Ханаева будет признана одной из лучших актрис, сыгравших в кино учительницу. «Учительская газета» пригласит ее принять участие в дискуссии о системе народного образования, а на Всесоюзном съезде учителей Ханаеву изберут в почетный президиум. Но мало кто знал, что у этой интеллигентной женщины в жизни произошла серьезная драма. В начале 70-х она полюбила своего коллегу по театру Льва Иванова и вынуждена была уйти из семьи, где у нее рос сын. И в течение 15 лет мать

и сын не смогут общаться друг с другом даже по телефону.

В пятницу, 9 января, в семь часов вечера по ЦТ началась трансляция матча хоккейной Суперсерии между ЦСКА и «Бостон Брюинз». Последние горели желанием «положить на лопатки» самый именитый клуб Советского Союза, даже несмотря на отсутствие в их рядах травмированного Бобби Орра. Однако и ЦСКА был заинтересован в победе: в случае их успеха общая победа в Суперсерии доставалась советским клубам (на тот момент оба наших клуба набрали 7 очков).

Матч начался с яростных атак ворот Третьяка. О настрое бостонцев говорит хотя бы то, что в первом периоде они произвели по воротам соперника 19 бросков. Однако пробить армейского голкипера так и не сумели. Но только в первом периоде. Во втором после коварного броска Форбса, шайба нашла-таки лазейку в защитных редутах Третьяка. Но радость хозяев была недолгой — спустя несколько минут Харламов восстановил равновесие. Однако канадцы еще малость поднажали — и красная лампочка за воротами Третьяка зажглась вновь. И все же сил «медведей» хватило не намного, и на второй перерыв они ушли, проигрывая 2:3. А в заключительной двадцатиминутке армейцы их дожали, забросив две безответные шайбы (Харламов и Мальцев).

Несмотря на то что по общим показателям советские клубы стали теперь недостижимы для канадцев, последние две игры они постарались записать на свой счет. Но одного желания было мало. «Нью-Йорк Айлендерс» как ни старался, но 10 января так и не сумел одолеть «Крылья» — 1:2. Зато «Филадельфия Флайерс» на следующий день победила ЦСКА. Правда, ценой невероятно грубой игры. Буквально с первых же секунд матча (обе последние игры советских команд транслировались по ЦТ в воскресенье, 11 января) игроки «Флайерс» устроили настоящую охоту на игроков ЦСКА. В ход шли самые грязные приемы: тычки клюшками, удары в лицо, зацепы. А судьи безучастно взирали на это. В конце концов нервы армейского тренера Константина Локтева не выдержали, и он в первом периоде прервал игру и увел команду в раздевалку. Судьи бросились улаживать конфликт. Пауза длилась 16 минут, после чего Локтев согласился-таки доиграть

игру. Однако армейцы откровенно доигрывали оставшееся время, прилагая усилия только к тому, чтобы их проигрыш не был разгромным. Так и вышло: «Флайерс» победила 4:1. Но для канадцев это было слабым утешением, поскольку общий итог Суперсерии был за нашими ребятами: из 8 игр они выиграли 5, две проиграли и одну свели вничью. Клубный результат выглядел так: ЦСКА — 2 победы, одно поражение, одна ничья, «Крылья Советов» — 3 победы, 1 поражение.

11 января в Театре имени Вахтангова играли премьеру — спектакль о чилийских событиях «Неоконченный диалог». Роль Сальватора Альенде в нем играл Юрий Яковлев, а роль его дочери Тати исполняли попеременно Екатерина Райкина и Валентина Малявина. На последнюю все происходящее на сцене действовало удручающе — уж больно конъюнктурная была пьеса. Во время банкета, который состоялся сразу после завершения спектакля, на состоянии Малявиной обратила внимание Белла Ахмадулина (ее муж Борис Мессерер был художником спектакля). Обняв актрису за плечи, она отвела ее в сторонку и внезапно предложила: «Вам надо отвлечься. Поедем к Володе Высоцкому». И Малявина с радостью согласилась, поскольку была в приятельских отношениях с Высоцким еще с начала 60-х.

Когда они вошли в подъезд дома № 28 по Малой Грузинской, их встретил суровый вахтер: «Вы к кому? — грозно насупив брови, спросил он. — К этому? К Высоцкому?» — «К нему, к нему», — практически на бегу ответила Ахмадулина, увлекая за собой актрису. Дверь им открыл сам хозяин квартиры. Увидев Малявину, расплылся в широченной улыбке: «Ба, кого я вижу». Обняв и расцеловав обеих, пропустил их в квартиру. А там народу — уйма.

— Боже, Володя, сколько гостей у тебя! — удивилась Малявина.

— Все дороги ведут в Рим! — рассмеялся Высоцкий и попросил: — Сядьте, пожалуйста! Ничего не вижу за вашими спинами.

А видеть он хотел Женю Евтушенко, который читал свою новую работу. Далее послушаем рассказ В. Малявиной:

«Мы уселись. Я, по счастью, оказалась рядом с Володей. Мне было уютно на низком пуфике. Володя сидел на полу. Мы внимательно дослушали Женю и долго аплодировали ему.

Огромная луна тоже слушала Женю. Она прямо-таки ввалилась в комнату и не оставляла нас целый вечер. Я рассматривала дивные портреты Марины Влади, обернулась и увидела фотографию Валеры Золотухина. Володя сказал:

— Я люблю Валеру. И еще Ваню Бортника.

Женя Евтушенко попросил Володю спеть:

— Володя, прошу тебя! Что-нибудь из своей классики.

И Володя запел «Кони». Он пел стоя и глядел в окно на сумасшедшую луну. Меня трясло...

Володя сказал мне:

— Пойду позвоню Марине. Идем со мной.

Мы пришли в другую комнату. Большой письменный стол у окна, напротив — постель, телефон на полу.

Помолчали. Володя говорит мне:

— Только что заступился за тебя. Одна актриса... неважно кто... там, в комнате, сказала, что ты пьешь. Я спросил ее, словно не знаю тебя: «А книжки она читает?»

«Да... и много, наверное», — ответила актриса.

«Говорят, она рисует?» — интересуюсь я.

«Да-да, я видела ее работы».

«Она что-то сочиняет-пишет?» — продолжаю я.

«Говорят», — отвечает.

«Играет много в театре... и хорошо», — наступаю я.

«Да-да, много... и хорошо», — соглашается она.

И тогда я спросил ее:

«А когда же она пьет?»

Мы расхохотались, и Володя стал звонить Марине в Париж. Я повернулась к столу. На столе лежали совсем новые стихи Высоцкого, записанные простым карандашом. Он предложил мне почитать их. Стихи о больном человеке, о срыве, который с ним приключился. Мне думается, они были написаны Володей после гастролей в Болгарии, где он плохо себя чувствовал.

Володя дозвонился Марине. Нежно, очень нежно говорил с ней. Потом спросил:

— Ну, что стихи?

— Страшно.

— Да. Это все страшно. Очень страшно. Лучше расскажи мне о Румынии.

— Что, Володя, рассказать? В Румынии было хорошо! Сару Монтель любила Ион Дикися-

ну. Меня — Флорин Пиерсик. (В середине 60-х Маявина снималась в Румынии в фильме «Туннель». — Ф.Р.)

— А Марину? (Она снималась там же в фильме «Безымянная звезда». — Ф.Р.)

— Кристи Авраам.

— Действительно здорово.

Мы вернулись к гостям. Пили красное французское вино. Беседовали. Постепенно гости разошлись.

— Не уходи, — попросил меня Володя.

Я ушла под самое утро, чуть ли не последней. Когда прощались, он сказал: «Помни... мало ли что... Я тут как тут... Я твой дежурный».

В те дни большие неприятности свалились на голову Софии Ротару. Причем случились они аккурат на старый Новый год, 13 января. А случилось вот что. Двое братьев певицы, которые только-только вернулись из армии, решили отметить праздник по полной программе. Приняв горячительного, они забрались в сельский клуб (а жила семья Ротару в селе Маршинцы Новоселицкого района Черновицкой области), украли оттуда елку и, водрузив ее на улице, стали водить вокруг нее хоровод. Так продолжалось до раннего утра. А после трех ночи к дому братьев подъехал милицейский «воронок». Самое интересное, что самих братьев, устроивших бурное веселье, не тронули, а вместо них в околоток забрали их отца, который все это время спал в доме и ни о чем не догадывался. Эта история будет дорого стоить пожилому человеку. Местные власти обвинят его ни много ни мало в участии в религиозном обряде и накажут по полной программе — исключат из партии. Понесет наказание и один из его сыновей-хороводников — его исключат из комсомола. Далее послушаем рассказ самой С. Ротару:

«Это была трагедия. Я приехала и пошла к первому секретарю. Он принял меня и говорит: вы же, мол, все на виду, разве не понимаете, что это преступление? Езжайте домой и скажите, чтобы такого больше не повторялось. Возвращаюсь и узнаю, что папу еще и с работы выгнали, он в колхозе бригадиром был. Мы думали, что потеряем отца: он не спал, не ел, у него начались какие-то приступы...»

Тем временем коллеги Ротару — Алла Пугачева, «Песняры» и трио «Ромэн» — в эти дни находятся в Каннах, на Международной музы-

кальной выставке «МИДЕМ-76». Особенно большой успех сопутствовал там «Песнярам».

В столичных кинотеатрах в первой половине января прошли премьеры фильмов, приуроченных к школьным каникулам. Все премьеры выпали на один день — 5 января. В прокат вышли: «Финист — Ясный сокол» Геннадия Васильева с участием: Вячеслава Воскресенского, Михаила Пуговкина, Людмилы Хитяевой и др.; «Это мы не проходили» Ильи Фрэза с участием: Натальи Рычаговой, Андрея Ростоцкого и др.; 9-го — «Весенние перевертыши» Григория Аронова с участием: Романа Мадянова, Ларисы Малеванной и др. Единственным исключением стал «взрослый» фильм «Дерсу Узала» Акиры Куросавы с участием: Юрия Соломина, Максима Мунзука, Владимира Кремена и др.

Кино по ТВ: «Приключения Буратино» (премьера т/ф 1—2-го), «Эта веселая планета» (2-го), «У меня есть лев» (премьера т/ф 2—3-го), «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (впервые по ТВ 3-го), «Под крышами Монмартра» (премьера т/ф 3-го), «Большой трамплин» (впервые по ТВ 4-го), «Как закалялась сталь» (4—9-го), «Свеаборг» (5—6-го), «Котелок и Нос картошкой» (ВНР, премьера т/ф 5—7-го), «Отчий дом» (6-го), «Засекреченный город» (впервые по ТВ), «Совсем пропащий» (впервые по ЦТ), «Нежданный гость» (10-го), «Комсомольск», «Страдания молодого Богачека» (ЧССР, 11-го), «Борец и клоун» (12-го), «Директор» (12—13-го), «Подкидыш» (13-го), «Колхидская баллада» (премьера т/ф), «Осенние свадьбы» (14-го), «26 бакинских комиссаров» (15-го), «Время не ждет!» (премьера т/ф 15—16-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 4-го — в филиале МХАТ был показан спектакль «Нина», в ролях: Евгений Евстигнеев, Татьяна Миронова и др.; 5-го в Малом театре — «Горе от ума»; 9-го там же — «Золотые костры» И. Штока с участием: Евгения Самойлова, Татьяны Еремеевой и др.; 11-го в Театре имени Вахтангова — «Неоконченный диалог» В. Чичкова, в роли президента Чили Сальвадора Альенде — Юрий Яковлев; 14-го в Театре имени Маяковского — «Старомодная комедия» А. Арбузова, в ролях: Борис Тенин, Лидия Сухаревская (это их дебют на этой сцене) и др.

Эстрадные представления: 3—11-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали: Алла

Пугачева и ВИА «Веселые ребята», Нина Бродская, Владимир Шубарин, Жанна Бичевская, Евгений Петросян и др; 9—10-го, 13—14-го в ГЦКЗ «Россия» — Гелена Великанова, Владимир Макаров, ВИА «Пламя» и др.; 10—14-го в ГТЭ — Мария Миронова и Александр Менакер; 11-го в «Октябре» — Ольга Воронец; 11—12-го в ГЦКЗ «Россия» — Эдуард Хиль.

Между тем в № 1 журнала «Дружба народов» публикуется новый роман Юрия Трифонова «Дом на набережной». Ажиотаж вокруг романа стоит такой, что неподписчики журнала становятся за ним в очередь, а некоторые даже переписывают его... от руки. На черном рынке Москвы номер «ДН» с «Домом...» стоит в 30 раз дороже отпускной цены журнала! Роман суперактуальный. В нем рассказывается об обитателях знаменитого Дома правительства, что на Берсеневской набережной, о жизни советской элиты. Главный герой романа приходит туда в гости к своим школьным товарищам и постепенно тоже становится обитателем этого дома в том смысле, что становится членом советской элиты, теряя на пути вверх честь, совесть, любовь. Как этот роман допустила до публикации цензура, до сих пор непонятно. А когда опомнилась, было уже поздно — книга разошлась по стране с быстротой молнии. Правда, где только возможно, номер журнала с романом изымали: например, так было в свердловских библиотеках, где чудом удалось спрятать один экземпляр. Его потом показывали всем под большим секретом как реликвию.

В пятницу, 16 января, в девять вечера по московскому времени огромная армия радиослушателей прильнула к своим приемникам: начался очередной выпуск передачи «Встреча с песней», которую вел Виктор Татарский. Он, кстати, и поныне работает на радио, однако разве могут сравниться его передачи тридцатилетней давности с нынешними. Конечно же, нет. В те достопамятные годы его голос воспринимался слушателями как чудо, как чуть ли не единственная отдушина в тусклом радиоэфире. Сегодня, когда на радио существует несколько десятков различных станций, передающих музыку практически на любой вкус, трудно себе представить, что каких-нибудь тридцать лет назад музыкальных передач, передающих легкую музыку, было раз-два и обчелся. Лучшими из них считались две: упомина-

емая «Встреча с песней» (начала выходить с 1967 года, шла два раза в месяц) да «Запишите на ваши магнитофоны» (с 1971 года, шла раз в месяц). В них любители эстрадной музыки могли услышать не только разрешенных артистов (типа Эдиты Пьехи или ВИА «Самоцветы»), но и непочитаемых в идеологических верхах «Битлз», «Дип Перпл» или Элтона Джона. Причем в каждой передаче звучала всего лишь одна «крамольная» песня, но даже такой расклад, по меркам того времени, считался подвигом, и тысячи меломанов дежурили у приемников в надежде словить голоса любимых исполнителей.

17 января из жизни ушел замечательный советский актер Андрей Файт. За свою долгую карьеру в искусстве этот актер переиграл множество ролей (только в кино их было около шести десятков), подавляющая часть из которых были роли отрицательных героев. Особенно много их было сыграно актером в кино, за что его окрестили «главным злодеем советского кинематографа». Среди наиболее известных «злодейских» ролей Файта следует выделить: Керим в «Джюльбарсе» (1935), полковник Скуратов в «Тринадцати» (1937), официант-шпион в «Высокой награде» (1939), полковник в «Молодой гвардии» (1948), Нушрок в «Королевстве кривых зеркал» (1963), злой волшебник Магрибинец в «Волшебной лампе Аладдина» (1967), мсье Дюк в «Короне Российской империи» (1971). Последней ролью актера стала крохотная роль аббата в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». На момент смерти А. Файту было 72 года.

В среду, 21 января, исполнилось 52 года со дня смерти вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина. «Комсомольская правда» откликнулась на эту дату письмом своей юной читательницы Раи К. из Донецкой области. Это послание наглядно демонстрировало те атеистические нравы, которые пустили глубокие корни в советском обществе именно благодаря деятельности вождя. Школьница рассказывала о том, как встала на путь атеизма в ноябре 72-го. Причем произошло это под влиянием ее старшей сестры. Цитирую:

«Как сейчас помню, захожу в комнату, а сестра плачет. Я к ней, а она говорит, что родители ее будущего мужа заставляют идти в церковь венчаться. Ее не могли уговорить. Многие

ушли тогда со свадьбы, обиделись на Люду. Тогда я еще была пионеркой. Стояла в углу и думала, что, когда вступлю в комсомол, буду такой, как и она, моя сестра.

Когда у нее родилась дочь, она не хотела и думать о крестинах.

Я всегда любила сестру, а теперь я еще и горжусь ею».

Между тем капитан 3 ранга Валерий Саблин продолжает находиться под следствием по обвинению в измене родине. Несколько дней назад — 16 января — следователь КГБ Добровольский подписал постановление о наложении ареста на его имущество, которое было отправлено по месту проживания Саблина: город Калининград, ул. Чекистов (вот ведь совпадение!), дом 70, кв. 18. Спустя шесть дней коллеги Добровольского явились по этому адресу, чтобы произвести надлежащие действия. Дома они застали жену Саблина Нину Михайловну и его сына Мишу. Появление чекистов на пороге квартиры их абсолютно не удивило — с момента ареста кормильца они уже привыкли к подобному вниманию. Удивила их только цель визита — опись имущества. Ведь в двух комнатных тесной саблинской квартиры не было ни дорогих картин в тяжелых рамах, ни коллекционного фарфора и хрусталя, ни новейшей аппаратуры — ни-че-го! А была обыкновенная мебель да посуда, отнимать которые у чекистов просто не поднялась рука. В итоге они так и записали в протоколе: «Имущество состоит из самых необходимых вещей, нет также денег и ценностей...»

Под Муромом кинорежиссер Лариса Шепитько продолжает снимать фильм «Восхождение». Отсняв в первые дни проходы по заснеженному полю Сотникова и Рыбака, группа затем приступила к съемкам эпизода «бой с карателями» (возле деревни Орловка). Работа шла трудно. На улице стояли трескучие морозы (ртутный столбик термометра фиксировал в те дни минус 40), которые изводили всех: и актеров, и съемочный персонал. Даже техника отказывалась работать. Шепитько была в панике: бывало, съемки были в самом разгаре, актеры вроде бы уже раскопегарились, как вдруг техника давала сбой. Из строя выходили и аппаратура, и оружие, и игровые машины (на съемочную площадку пригнали шесть единиц спецтранспорта для избрания немецкой ав-

токолонны: бронетранспортер, «Астро-Фиат» и т. д.). Когда терпение режиссера лопнуло, из Москвы был срочно вызван для разборок замначальника автотранспортного цеха «Мосфильма».

Вспоминает В. Гостюхин: «Когда снимали эпизод боя с карателями (14—21 января. — Ф.Р.), долго не могли отладить стрелковое оружие — механизмы быстро замерзали. После подачи команды «мотор!» Лариса Ефимовна (Шепитько. — Ф.Р.) кричала: «Огонь!» — но автоматы и пулеметы не стреляли. Она командовала: «Стоп!» — начиналась стрельба, потом вдруг смолкала. И в этом кошмаре Шепитько зывала в мегафон:

— Товарищи солдаты (немцев играли наши солдаты), начали!

Ей отвечала тишина.

Шепитько снова, срывающимся голосом:

— Товарищи немцы, огонь!

И снова тишина.

Доведенная до полного отчаяния, она неистово кричала:

— Товарищи фашисты! Огонь!..

И это, как говорится, было бы смешно, если бы не было так серьезно. Она душой болела за достоверность в кадре и добывала ее всеми доступными ей средствами...»

А теперь вновь вернемся в Москву. Здесь гражданин А. Попов замыслил сбежать в Израиль. Поскольку большого выбора вариантов у него не было, он остановился на самом в те годы распространенном — захвате пассажирского самолета. Готовился к побегу тщательно. Имея доступ на киностудию «Мосфильм», он похитил оттуда 6 пиротехнических зарядов, надеясь использовать их во время захвата в качестве бомбы. Заряды рассчитывал пронести на борт, спрятав за пазухой. Взяв на работе отпуск, он в середине января, на одной из станций столичного метрополитена, приобрел в кассе «Аэрофлота» билет на самолет, вылетающий из Москвы утром 22 января. Однако его план сорвался. Перенервничав ночью накануне отлета, Попов утром проснулся в разбитом состоянии. Руки у него тряслись, как после похмелья, ноги стали словно ватные. Даже стакан водки, принятый «для храбрости», не помог. В итоге горе-угонщику пришлось мчаться в аэропорт и сдавать билет в тамошнюю кассу. А на обратном пути в Москву, уже успокоив-

шись, Попов дал себе твердое слово в ближайшее время опять вернуться к попытке угона.

В субботу, 24 января, на даче писателя Виктора Шкловского в Переделкине собралась большая компания: отмечали очередной день рождения хозяина дома. Среди присутствующих были коллеги именинника по писательскому цеху, немногочисленные родственники и ближайшие друзья. Последних представляла супружеская чета Далея — Олег и его жена Елизавета. Несмотря на то что посиделки удалась на славу, жена актера вспоминает тот день с определенной грустью. Дело в том, что именно тогда Олег Даль «развязал» со спиртным. Как мы помним, в самом начале апреля 73-го года актер благополучно «зашился» и с тех пор вел трезвый образ жизни. Жена и теща, которые до этого изрядно настрадались от его пьяных выходов, теперь не могли нарадоваться. Даль благополучно миновал двухлетний юбилей «вшивки», и все шло к тому, что таким же радостным будет и трехлетие. Но, увы — день 24 января все эти надежды перечеркнул.

25 января случился еще один день рождения — Владимиру Высоцкому стукнуло 38 лет. Никаких торжеств по этому случаю в стенах родной ему «Таганки» устроено не было, но те, кто хорошо относился к имениннику, поздравили его от всей души. Сам Высоцкий по этому случаю тоже подготовил подарок: приволок в театр магнитофонные записи своих песен, которые он минувшим летом напел во Франции в сопровождении оркестра. Практически всем присутствующим услышанное понравилось. Сам Высоцкий тоже ходил гордый и хвастался: дескать, если на родине не хотят выпустить его диск, то французы это сделают без всяких оговорок.

В тот же день в Москве скончалась легендарная актриса и преподавательница Цецилия Мансурова. В театральном мире про нее ходили легенды. Было известно, что сам граф Шереметев из-за любви к ней пошел на разрыв с родней, остался в большевистской России и добился-таки ее руки. Они работали в одном Вахтанговском театре: он был музыкантом в оркестре, она — примой театра, исполнительницей роли принцессы Турандот в легендарном спектакле 20-х годов. Чуть позже этот брак трагически прервался: бывший граф погиб на охоте при не выясненных до конца обстоятель-

ствах. Последние 30 лет Мансурова преподавала в Театральном училище имени Щукина и выпустила в свет большое количество талантливых учеников. На момент смерти ей было 80 лет.

Алексей Герман на «Ленфильме» заканчивает работу над картиной «Двадцать дней без войны». Как мы помним, съемки ленты шли с огромными трудностями: они стопорились из-за плохих погодных условий, придинок режиссера, болезни актеров (особенно часто болел главный герой — Юрий Никулин). Наконец в конце декабря были отсняты последние эпизоды в павильоне, и начался монтаж ленты. Но и здесь не обошлось без неприятностей. В течение месяца Герман дотошно монтировал каждый кадр и надорвался: 26 января, прямо на дому его тело пронзила такая боль, что он не смог подняться с постели. Вызванный врач поставил неутешительный диагноз: остеохондроз дисков поясничного отдела позвоночника. Режиссеру прописали постельный режим сроком на две недели.

27 января в столичном Театре эстрады состоялся первый концерт популярного французского певца Максима ле Форестье. Концерт почтили своим присутствием многие знаменитости, в том числе и Высоцкий. Между тем перед концертом его познакомили с Верой Савиной, которая была давней приятельницей ле Форестье. Высоцкий принялся расспрашивать ее о французе, сказал, что в Париже у него не получилось познакомиться с Максимом и вот сегодня он хочет этот пробел восполнить. Стал просить Веру помочь ему в этом. А та смотрела на него и никак не могла взять в толк, кто перед ней. Ей представили Высоцкого просто как Володю, а с его творчеством она практически не была знакома. И только в конце разговора по каким-то косвенным причинам она наконец догадалась, кто перед ней.

После концерта Вера и Высоцкий в компании еще нескольких человек (среди них была и французская актриса Катрин Денев) и самого ле Форестье отправились на ужин к французскому послу. Волею случая Вера, Высоцкий и Форестье оказались за одним столиком. Именно это обстоятельство и помогло Высоцкому познакомиться с заезжей знаменитостью. Далее послушаем воспоминания самой В. Савиной:

«На столе было красное вино, которое очень сближает. На вечере собралась в основном актерская публика. Был там Андрей Смирнов, который снял «Белорусский вокзал», была актриса Микаэла Дроздовская. А в целом было достаточно неинтересно. Французские чиновники, скусающие в Москве, пригласили к себе скоморохов. Даже при всем уважении и почтении, которым они старались окружить актеров, все равно чувствовалось, что это люди из очень разных миров и к тому же говорящие на разных языках.

С Высоцким на вечере был связан один любопытный эпизод. Присутствовавшая там же чья-то дочка или женушка, которая выпила неприличную дозу спиртного, стала приставать к нему с воспоминаниями о том, что когда-то в ее отсутствие Высоцкий был у них дома в большом подпитии и разбил всю хрустальную посуду. И вот тогда меня впервые поразило то, что он ей ответил не просто резко, а так грубо, что если бы в тот момент она не была столь сильно пьяна, то после этого она могла бы надолго впасть в глубокую депрессию. Это кошмарное выяснение продолжалось до тех пор, пока ее не увели с вечера.

Затем мы поехали в мастерскую к Белле Ахмадулиной, и там он впервые пел. То есть как впервые? Впервые я слышала его пение. Должен был подъехать и Булат Окуджава, но так и не приехал, тем самым разорвав интересную цепочку, которая уже начала выстраиваться. Дело в том, что Максим ле Форестье мечтал познакомиться с Окуджавой (он пел в концерте его песню «А как первая любовь — она сердце жжет...»).

А потом Белла читала стихи. И пел Высоцкий, а пел он «Не помогла мне ни Верка, ни водка...». Максим с удивлением уставился на меня: «Вы с ним знакомы? Тебе песню посвятил?» А я: «Представь себе, что не мне, что мы не были знакомы до этой встречи».

Потом мы поехали домой к Высоцкому и просто до утра сидели и разговаривали. Конечно, больше разговаривали они. Там тоже интересный эпизод произошел. Даже не знаю, как его назвать. Как и все французы, Максим пытался научить нас, как правильно жить. И тут у нас произошло размежевание сил: я с Высоцким против Максима. Максим даже обиделся, когда его назвали наивным...»

Между тем Александр Митта практически завершил съемки «Арапа Петра Великого». С 8 января начался монтаж ленты, однако ряд эпизодов еще предстояло доснять. Так, 29 января возле Новодевичьего монастыря прошли съемки эпизода «каток с фейерверком». Сцена выглядела впечатляюще: в ночное небо взлетали десятки салютов, огромная массовка изображала ликующую толпу. Царь Петр (Алексей Петренко) в сопровождении свиты шел по берегу скованного льдом пруда. В этот миг ему навстречу вышли арап (Владимир Высоцкий) и его невеста (Ирина Мазуркевич), чтобы просить у императора благословения на свадьбу. Учитывая, что до этого царь сильно осерчал на Ганнибала, у последнего оставались сомнения относительно благосклонности императора. Но тот был в добром расположении духа. Обняв арапа, он молвил: «Молчи, а то опять поссоримся». Этому эпизоду суждено будет стать финалом фильма.

На том же «Мосфильме» продолжают съемки другого фильма — «Два капитана». Фильм длинный — целых шесть серий, — и многие эпизоды в нем снимаются не в хронологическом порядке. Так, 30 января, в первой половине дня, были сняты сцены из 4-й серии (Саня Григорьев у Татариновых), а во второй половине дня актеру Борису Токареву нарисовали на лице грим, состарили его и сняли одну из финальных сцен: приход Сани к Николаю Антоновичу (Николай Гриценко). Григорьевым двигала одна цель: доказать своему оппоненту, что именно он виноват в гибели экспедиции в Арктику, которую возглавлял брат Николая Антоновича Иван Татаринов. И он это доказывает: приносит с собой копии документов, где черным по белому написано об этом. И слышит в ответ проклятие, которое срывается с губ уже стоящего одной ногой в могиле старика: «Ненавижу!»

30 января в «Комсомольской правде» были подведены итоги опроса читателей (свыше 3500 человек) на предмет самого популярного спортсмена прошедшего года. С большим перевесом победу одержал хоккеист национальной сборной и ЦСКА Валерий Харламов, за которого было подано 632 голоса. (По счастливому совпадению итоги конкурса совпали с еще одним радостным событием в жизни хоккеиста: на днях у него родился сын Александр.)

Остальные места распределились следующим образом: Александр Якушев (хоккей, 490 голов), Александр Мальцев (хоккей, 380), Владислав Третяк (хоккей, 375), Ирина Роднина — Александр Зайцев (фигурное катание, 333), Олег Блохин (футбол, 274), Людмила Турищева (гимнастика, 203), Людмила Пахомова — Александр Горшков (фигурное катание, 144), Владимир Петров (хоккей, 82), Валерий Васильев (хоккей, 75).

Было бы неверным утверждать, что кумирами советских школьников в те годы были только их знаменитые соотечественники. Многие отдавали предпочтение западным звездам, причем иногда самым неожиданным. Так, например, студентка из города Черновей Белгородской области Лена Белякова всей душой влюбилась... в популярного бразильского писателя Жоржи Амаду. Любовь возникла случайно. В 1974 году в Советском Союзе был показан фильм по книге Амаду «Генералы песчаных карьеров», который имел оглушительный успех у зрителей, особенно молодых. Но Лена пошла дальше всех своих сверстников: мало того, что она посмотрела картину 100 (!) раз, так она дала себе клятву, что после окончания школы поступит учиться на переводчицу и переведет книгу Амаду «Генералы песка» (по ней был поставлен фильм) на русский язык. А пока, в январе 1976 года, она написала письмо своему кумиру, подписав его просто: «Бразилия, великому бразильскому писателю Жоржи Амаду». Когда про это узнали подруги Лены, они хором назвали ее сумасшедшей. Знай они о том, что письмо не только дойдет до адресата, но что тот пришлет ответное, наверняка вели бы себя иначе. Впрочем, не будем забегать вперед.

Между тем многие любители эстрадной музыки в Советском Союзе пребывают в недоумении: что произошло с ансамблем «Самоцветы»? Включив 1 января свои телевизоры, чтобы посмотреть финальную «Песню года», зрители увидели горячо любимых ими солистов «Самоцветов» Ирину Шачневу и Валентина Дьяконова в составе совершенно другого коллектива — ВИА «Пламя». А спустя несколько дней уже в другой передаче они обнаружили, что в ансамбле «Самоцветы» играют сплошь новые музыканты. В наши дни столь странная метаморфоза разрешилась бы в считанные дни — об изменениях в жизни и деятельности

популярных коллективов пишут практически во всех изданиях. Но в те годы с этим делом был полный «швах»: люди питались исключительно слухами, поскольку газеты были в тисках мощнейшей цензуры. И все же иногда отдельным изданиям удавалось донести до своих читателей пусть скупой, но голос правды.

В субботу, 31 января, в «Московском комсомольце», в рубрике «Звуковая дорожка», была помещена заметка под названием «Куда девались «Самоцветы». В нем цитировалось письмо рассерженного зрителя: мол, смотрел по ТВ концерт «Самоцветов», но никого, кроме Юрия Маликова, не узнал. Что случилось? Отвечая на этот вопрос, газета вкратце объяснила автору письма, а с ним и многомиллионной аудитории, что теперь на отечественной эстраде существуют два коллектива: «Пламя», состоящее из бывших участников «Самоцветов», и обновленные «Самоцветы». О том, что послужило поводом к такому клонированию, газета, естественно, не сообщала (ей бы никто это не позволил), но даже в таком виде эта информация считалась прорывом.

Во второй половине января в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, причем все — фильмы зарубежного производства. Гвоздем показа стала индийская мелодрама «Зита и Гита» режиссера Рамеша Сиппи с участием: Дхармендры, Санджива Кумара, Хемы Малини и др. Учитывая, что индийское кино всегда было в почете у советских зрителей, народ валил толпами. В этих рядах оказался даже ваш покорный слуга, который в отличие от своей родной тети, являвшейся фанатом индийского кинематографа, всегда относился к нему скептически. Единственное, что мне нравилось, — песни. Кстати, в «Зите и Гите» они были хорошие. Чуть меньший ажиотаж сопровождал румынской ленте Серджиу Николаеску «Комиссар полиции обвиняет» из серии фильмов про подвиги комиссара полиции Миклована. Кстати, в этом фильме непобедимый Миклован погибает.

Кино по ТВ: «Первые радости» (16-го), «Напрасные огорчения» (впервые по ТВ), «Ночной звонок» (17-го), «Сельская учительница» (18-го), «Испытание верности» (19-го), «Почтовый роман» (19-го, 21-го), «Человек с ружьем» (21-го), «Моя судьба» (21—23-го), «Необыкновенное лето», фильмы Ч. Чаплина

(впервые по ТВ 23-го), «Пышка» (24-го), «Большая семья», «Звонят, откройте дверь!» (25-го), «Лично известен», «Простая история» (26-го), «Бриллиантовая рука» (27-го), «Трудные этажи» (27—30-го), «Чрезвычайное поручение» (28-го), «Такие высокие горы» (впервые по ТВ 29-го), «Джувльбарс» (31-го) и др.

Из развлекательных передач назову следующие: «Музыкальный серпантин» (17-го, участвуют: Нани Брегвадзе, Елена Камбурова, Карел Готт, Анна Герман, Ежи Поломски, Жан Ферра, Жильбер Беко и др.), «Концерт артистов зарубежной эстрады» (23-го), «Утренняя почта» (24-го, 31-го), «Голубой огонек» (повторение от 1 января, 24-го), «Артлото» (30-го), «Песня-75» (31-го, повтор от 1 января).

Театральные премьеры: 19-го — в Театре «Ромэн» был показан спектакль «Московская цыганка»; 23-го в Театре имени Маяковского — «Проводы» по пьесе И. Дворецкого с участием: Армена Джигарханяна, Татьяны Дорониной, Владимира Самойлова, Евгения Лазарева и др.; 25-го в Театре-студии киноактера — «Горе от ума».

Эстрадные представления: 15—24-го — в ГТЭ выступал с программой «Танцы мира» Махмуд Эсамбаев; 16—18-го — в «Октябре» прошли концерты с участием: ВИА «Пламя», Клары Новиковой, Геннадия Белова, Евгения Петросяна и др.; 17—18-го — в ЦДСА состоялась премьера эстрадного представления «С шуткой под парусами» с участием: Александра Шурова, Николая Рыкунина; 21—24-го — в ГТЭ выступали: ВИА «Цветы», «Девчата», Аида Ведищева и др.; 27—30-го — в ГТЭ выступал французский певец Максим ле Форестье; 30—31-го — в ГЦКЗ «Россия» радовал своим искусством американский певец Рой Кларк.

Из новинок «Мелодии» выделю первый авторский миньон композитора Вячеслава Добрынина, на котором были представлены четыре песни в исполнении вокально-инструментальных ансамблей: «Кто тебе сказал» (слова — Леонид Дербенев) — «Поющие сердца», «Этот день» («22+28») (В. Луговой) — «Музыка», «Двадцатый век» (Л. Дербенев, И. Шаферан) — «Лейся, песня», «Была любовь» (И. Шаферан) — «Веселые ребята».

Как гласит легенда, именно эта пластинка заставила маму композитора Анну Ивановну поверить в то, что ее сын занимается серьезным делом. До этого она считала его композиторские опыты бесполезной тратой времени. А тут, когда вышел его авторский миньон, к ней внезапно пришла соседка и говорит: «Слышь, Ань. Тут люди говорят, что у твоего Славики пластинка вышла. А там вроде одна песня есть, которая нам с дочкой нравится, — «Кто тебе сказал» называется. Дай, пожалуйста, послушать хотя бы на денек». Анна Ивановна, конечно же, выручила соседку, а сама про себя подумала: «Надо же, какой молодец мой Славик!» И с тех пор претензий к творчеству сына больше не высказывала.

Из пластинок, представленных в № 1 «Кругозора», выделю следующие: Майя Кристалинская (три песни: «И меня пожалей» (А. Пахмутова — И. Гофф), «В Подмоскowie водятся лещи» (В. Шаинский — Э. Успенский), «Колыбельная» (Э. Колмановский — К. Кулиев, Гребнев); «Песни М. Таривердиева из т/ф «Ольга Сергеевна»; Дин Рид (одна песня: «Убейте сотню — нас останутся тысячи»); Мирей Матье («Любовью и жизнью я обязана тебе» (Ф. Жеральд — П. Карли), «Рим, Рим, Рим» (Р. Бернэ — К. Брун).

1976

Февраль

«Восхождение»: тяжелые съемки. Золотухин отказывается играть Гамлета. Как наших хоккеистов хотели снять с олимпийского турнира. Брежнев плетет интриги против Подгорного. Галину Кулакову лишают медали. Генерал армии поносит «Иронию судьбы». Мой первый магнитофон. Очередная напасть Высоцкого. БАМ поет песни Евгения Мартынова. Как Любимов уговорил Филатова не уходить из театра. Как «похоронили» Муслима Магомаева и Тamarу Синявскую. Депрессия Юрия Нагибина. Суперматч СССР—ЧССР. Вернулись олимпийцы. Пересъемки в «Розыгрыше». Вторая «вшивка» Олега Даля. Высоцкий попадает в Склиф. Политбюро обрекает Валерия Саблина на смерть. КГБ в поисках террориста. Феноменальная запись Анны Герман. Как Андрей Амальрик жаловался в КГБ на своих филеров. Умер отец Михаила Горбачева. «Золотая шайба» в Москве. Последний визит на «Таганку» Эрнста Неизвестного. Подвиг Брежнева на XXV съезде КПСС. Как чекисты за две недели написали книгу про ЦРУ. Идут съемки «Аты-баты, шли солдаты...». Делегаты съезда на «Таганке». Как глава польской кинематографии воровал продукты в ресторане ЦДЛ.

В понедельник, 2 февраля, остановились съемки фильма «Восхождение». Причина — поломка игровой автомашины. Спецтехника прибыла со студии в плачевном состоянии: из шести ее единиц работала ровно половина. Остальные автомашины работать отказывались как из-за лютых морозов, так и по вине плохого ухода. Постоянно не заводились «КрАЗ» и бронетранспортер, а «Астро-Фиат» соглашался работать только на 1-й скорости. В январе из Москвы был вызван один из руководителей автотранспортного цеха, но его приезд ситуации не изменил — машины заводились через раз. А снимать было необходимо — зима-то уходила. Поэтому, пробыв в простое 2 февраля, на следующий день съемки возобновились. В тот день отсняли несколько эпизодов из проходов Сотникова и Рыбака по заснеженному полю. А неисправную технику отправили в Москву для восстановления.

В начале февраля у Владимира Высоцкого с души упал огромный камень — Золотухин при-

знался ему, что играть Гамлета вместо него не будет. Это признание вырвалось у Золотухина невольно: вечером, после «Вишневого сада», Высоцкий подвозил его на своей иномарке домой и пообещал, что уйдет из театра, если коллега выйдет вместо него в роли Гамлета. Тут Золотухин возьми и скажи: «Премьеры не будет». Сам он так объясняет свое решение: «Не потому, что я озабочен его (Высоцкого. — *Ф.Р.*) огорчениями. Хотя и ими тоже... «Гамлет» — авторский спектакль. Петрович (Ю. Любимов. — *Ф.Р.*) делит с ним успех фифти-фифти. Он играет сейчас грандиозно. Спектакль, и пьесу, и роль, и ситуацию он обмял, натянул на себя, и тут — многое за него. Все намекают, что я не должен был по-человечески соглашаться, нельзя потакать в себе низким интересам...»

Тем временем в австрийском городе Инсбруке вот-вот должны открыться XII зимние Олимпийские игры (с 4 февраля). Советским болельщикам они запомнятся не только бле-

стящими успехами наших спортсменов, но и допинговыми скандалами с ними. Первыми «под раздачу» едва не попали наши хоккеисты, которые 3 февраля в рамках предварительного турнира встречались с хозяевами игр, австрийцами. Игра получилась в одни ворота. Уже в первом периоде наши ребята вели 7:1, а в итоге матч закончился со счетом 16:1 в нашу пользу. Но, оказывается, мы рано праздновали победу. Ночью руководителей нашей делегации поднимают члены олимпийской медкомиссии и объявляют, что у одного из наших игроков — Геннадия Цыганкова — в организме обнаружен допинг. Перед советской сборной впервые за всю историю нависла угроза снятия с турнира. В 8 утра следующего дня разбираться с этой проблемой в медицинскую комиссию отправился врач команды Олег Белаковский. Он заявляет, что еще накануне игры с австрийцами он отправил в комиссию официальное уведомление, где черным по белому сообщалось: ввиду того, что у Цыганкова было сотрясение мозга, он лечил его с помощью разрешенного препарата «Гемалон» (нервный стимулятор, улучшающий кровообращение). Белаковский спросил: «Вы мое письмо читали?» А медики в ответ разводят руками: дескать, впервые слышим. «Тогда ищите его!» — потребовал Белаковский. И что вы думаете? После недолгих поисков в ворохе бумаг письмо было найдено, и конфликт был исчерпан.

4 февраля Леонид Брежнев и члены Политбюро почтили своим присутствием XII Московскую городскую партийную конференцию, которая проходила в Колонном зале Дома союзов. На фотографиях, которые на следующий день были опубликованы в центральной прессе, все выглядело цивилизно: члены Политбюро сидели в президиуме плечом к плечу, олицетворяя собой нерушимое единение. На самом деле это единение было показным. Перед приближающимся XXV съездом КПСС (он откроется 24 февраля) тот же Брежнев делал все от него зависящее, чтобы выбить почву из-под ног у своих противников. Так, по его указанию была предпринята попытка «выбить из седла» Николая Подгорного: во время выборов делегатов от Харьковской областной партийной организации, от которой Подгорный избирался неоднократно, против него проголосовали 250 из 650 коммунистов. Еще бы немного, и Подгорный оказался бы не избранным на

съезд, что автоматически вело его к отставке. Несмотря на то что этот трюк генсеку не удался, он не оставил без должного поощрения тех, кто пытался сместить Подгорного: 1-й секретарь Харьковского обкома Иван Соколов будет повышен в должности — его назначат 2-м секретарем ЦК КП Украины.

Тем временем в Инсбруке продолжается зимняя Олимпиада. Наши спортсмены с первого же дня взяли уверенный темп и лидируют в общем зачете. Однако скандалы не утихают. Так, на хоккейном турнире сборная Чехословакии, уверенно обыграв команду Польши, в итоге была вынуждена отдать ей выигранных два очка. И все потому, что у одного из ее игроков — Франтишека Поспишила — бдительные врачи обнаружили допинг. А 7 февраля в числе потерпевших оказалась и советская спортсменка — лыжница Галина Кулакова. Пробежав дистанцию в 5 километров третьей (первой была финка Хелена Такало, второй — наша лыжница Раиса Сметанина), Кулакова завоевала бронзовую медаль, но была вынуждена с ней расстаться из-за того, что врачи уличили ее в применении допинга. А она его не применяла. Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«В Инсбруке в дни Олимпиады было очень холодно, около 20 градусов мороза. На тренировках я надышалась холодным воздухом и подцепила простуду. Нос заложило так, что я не могла дышать. Доктор дал мне капли — кажется, санорин или глазолин. Поначалу я ими не пользовалась, но в ночь перед гонкой на 5 километров не выдержала. Потому что дышать было просто невозможно. Я промучилась до трех часов ночи, и если бы не закапала в нос, так и вышла бы на старт, не сомкнув глаз. Утром перед гонкой я предупредила врача команды Бориса Михайловича Сапроненкова о том, что приняла лекарство. Он обязан был сообщить об этом в медицинскую комиссию МОК. Но Сапроненков этого не сделал. Если бы он выполнил, как полагается, свои функции, у меня бы медаль не отняли...

Обидно до слез. Я в жизни запрещенных препаратов не пробовала! Ну посудите сами. Если бы я побеждала за счет допинга, то вряд ли продержалась бы в лыжном спорте так долго. А я бегала — на высшем уровне — до сорока лет.

Кстати, в той злополучной гонке нос у меня так и не открылся. Язык прилип к небу, я даже не сморкалась. Бежала на одном самолюбии.

И в таком состоянии все-таки заняла призовое место. Но в моем организме обнаружили эфедрин. Он, видимо, входит в состав глазолина. И мою медаль отдали Нине Балдычевой: она заняла в той гонке четвертое место. Нина чувствовала себя неловко: говорила, что это не ее медаль, а моя. Но... Так решили судьи. Хорошо хоть, что четвертой стала наша спортсменка, а не какая-нибудь финка или норвежка. Медаль осталась в нашей команде. А что касается нашего врача, то его потом «наказали» — перебросили с лыж на хоккей. Он стал работать у Тихонова, в ЦСКА...»

В тот же субботний день, 7 февраля, по ЦТ повторили комедию «Ирония судьбы, или С легким паром!» Сделано это было по просьбе трудящихся — после первого показа те буквально завалили Останкино письмами и телеграммами. Однако будет неверным утверждение, что картина понравилась всем без исключения. К примеру, генерал армии Н. Ляшенко (он тогда командовал войсками Среднеазиатского военного округа) смотрел его в первый раз с откровенной неприязнью, а во второй раз и вовсе не сел к телевизору, вслух удивляясь, как это руководители ТВ не видят вопиющую вредность данного произведения. Спору нет, генерал имел полное право на подобного рода выводы — вкусы у всех разные. Однако он свои мысли попытался донести до верхов. Вскоре Ляшенко засядет за стол и напишет гневное письмо министру культуры Демичеву, в котором раздолбает «Иронию судьбы» по первое число. Приводить это послание полностью нет смысла, поэтому ограничусь лишь некоторыми выдержками из него:

«Новогодняя сказка Эльдара Рязанова» это комедия, на мой взгляд, надуманная, безнравственная. Это скорее насмешка над подлинным человеческим счастьем. В этом фильме под видом «безобидных типовых поступков» зрителю преподносится пошлость, популяризуется пьянство, хамство, стяжательство и безнравственность...

Авторы с необыкновенной легкостью проповедуют с голубого экрана то, против чего следует восстать, чем нужно возмутиться. В самом деле. Солидные, образованные, со званием и положением люди по так называемой «традиции» собираются в баньке и пьянствуют, как в кабаке.

Так завязывается сюжет «сказки». Один из «добрых», «вежливых» типов напивается до невменяемости, оказывается в другом городе, в чужой квартире, и начинается предновогодняя «кутерьма»...

Пьяному, непотрезвевшему «герою» вдруг понравилась незнакомая женщина, чужая невеста. И фильм поучает: «Все бывает...»

Где же мораль? Задумался ли сочинитель сей комедии, какой вред он наносит молодежи? Удивляет, как вообще разрешили выпустить такой фильм на экран. В нем — отголоски чужой, не нашей морали. Подобные сочинения не несут в себе ничего полезного, поучительного...»

И еще об одном событии, датированном 7 февраля, мне хотелось бы упомянуть. В тот день вашему покорному слуге стукнуло 14 лет. По этому случаю родители преподнесли мне роскошный подарок — новейший катушечный магнитофон «Комета-209» стоимостью в 220 рублей. По тем временам обладание таким аппаратом было равносильно... Впрочем, сравнивать то и нынешнее время дело безнадежное: тогда мы удивлялись многому, а сегодня лишь кое-чему. В нашем дворе обладателей магнитофонов было раз-два и обчелся, поэтому гордости у меня было полные штаны (для справки: в середине 70-х в СССР выпускалось 29 моделей магнитофонов — 16 катушечных и 13 кассетных, — и на 100 семей приходилось 16 магнитофонов). Покупать аппарат мы отправились вместе с отцом в магазин, который находился напротив Бауманского рынка (тогда он еще только строился), и вся процедура заняла у нас продолжительное время — выбирали мы тщательно. Помню, что первой моей записью стал концерт Аркадия Северного и «Братьев Жемчужных», которые в те дни были в большой моде (там были песни: «На Дерибасовской...», «Цыпленок-жареный», «Гоп со смычком» и др.). Вообще про Северного в народе ходили точно такие же слухи, что когда-то про Высоцкого: мол, сидел в тюрьге, конченный алкаш. Из всего этого правдой было лишь последнее. Северный действительно сильно зашибал, пристрастившись к этому делу еще в юности (в 76-м ему было всего 36 лет, хотя мне казалось, что ему уже за 50). Северный нигде не работал, из семьи его выгнали сразу после рождения дочери в 1972 году. Он не имел ни гроша за душой, по-

скольку все заработанные на полуподпольных концертах деньги пропивал. Все, что он умел, — превосходно исполнял блатные песни, вкладывая в них всю свою душу. Тем, собственно, и прославился. Но вернемся к февральским событиям.

Воскресным днем, 8 февраля, в Театре на Таганке должен был идти спектакль «Вишневый сад». Однако собравшимся у театра зрителям объявили, что спектакль отменяется из-за болезни одного из исполнителей — Высоцкого. Что это за болезнь, никому, естественно, объяснять не стали. А люди сведущие догадались — премьер опять запил. Это была правда, но не вся. Накануне спектакля Высоцкий умудрился еще сильно подвернуть ногу. Все, как в известном фильме: поскользнулся — упал — очнулся — гипс. Запил же Высоцкий от переживаний, которых было выше крыши: тут и ситуация с «Гамлетом», и неудовлетворенность «Арапом», да еще добрые люди донесли, что Эфрос надумал заменить Высоцкого и в «Вишневом саде». На роль Лопухина предполагалось пригласить Валентина Гафта.

В эти же дни молодой композитор Максим Дунаевский гастролирует по БАМу. Компанию ему составляют поэт Наум Олев и композитор Владимир Альбинин. Во время посещения ими поселка Ургал произошел забавный случай, когда Альбину так и не удалось выступить перед рабочими по вине композитора Евгения Мартынова, которого с ними в той поездке вообще не было. Дело было так. Начали концерт Дунаевский с Олевым: поэт пел, а композитор ему аккомпанировал. Потом Олев спросил, есть ли у публики вопросы, и кто-то из первого ряда крикнул: «Есть! Спойте «Лебединую верность». Олев возразил: мол, мы не артисты, а авторы, а эту песню написали не мы, а Мартынов. Казалось бы, после этих слов проблема должна была быть разрешена, однако зал внезапно начал скандировать: «Мартынова! Мартынова!» Выступающие растерялись еще сильнее. «Я и слов толком не знаю, — начал оправдываться Олев. — Песня-то новая...» А из зала новый выкрик: «Ничего, вы начните, а мы вам поможем». Отказываться дальше было неудобно, и поэт с композитором запели «Лебединую верность». А едва они закончили эту песню, как зал потребовал начинать следующую, и опять все того же Мартынова — «Яблони в цве-

ту». И так в течение часа были спеты чуть ли не все мартыновские шлягеры: «Я сегодня там, где метет пурга...», «Если любишь, если веришь...» и др. В итоге томящемуся за кулисами Альбину так и не удалось в тот вечер выйти на сцену.

Между тем Владимир Высоцкий вынужден ускорить свою поправку. Зная о том, что Любимов готовит ему замену в «Гамлете», а Митта рвет и мечет на съемках «Арапа», он идет им навстречу. 10 февраля Высоцкий объявляется на съемках «Арапа» и, несмотря на то что хромота, снимается в коротеньком эпизоде из пролога фильма, где арап храбро сражается на поле боя. Три дня спустя Высоцкий приезжает в театр, чтобы вечером выйти на сцену в роли Гамлета. Выглядит он неважно: красные глаза, воспаленный вид, хромота. Но спектакль отыграл на «отлично». Речи об уходе из труппы он уже не заводит.

Передумал уходить из театра и другой актер «Таганки» — Леонид Филатов. Неудовлетворенный своим положением в труппе, он надумал перейти в другой театр, но Любимов предпринял решительные шаги к тому, чтобы оставить все как есть. Он пригласил Филатова к себе в кабинет и в течение полутора часов не выпускал его оттуда, расписывая небо в алмазах: дескать, и роли впереди вас ждут хорошие, и мое отношение к вам изменится. И еще Любимов давил на идеологию: «Ведь на носу съезд партии, к нам обещались приехать делегаты, а вы, Леонид, хотите подвести труппу. Нехорошо...» В итоге Филатов вышел из его кабинета убежденным «таганковцем».

А Москва тем временем полнится страшными слухами о том, что в автомобильной катастрофе погибли сразу две звезды — Муслим Магомаев и его супруга Тамара Синявская. Слухи настолько широки, что достигают ушей самого премьер-министра Алексея Косыгина. Самое интересное, что он поверил в них и попросил кого-то из своих помощников справиться в Большом театре, когда намечаются похороны. Помощник позвонил в театр, а ему ответили, что слухи эти беспочвенны, что Магомаев и Синявская живы и здоровы. Но большинство москвичей этого не знают и продолжают обмусоливать факт «гибели» популярных артистов. Чтобы пресечь эти разговоры, к делу подключают печать (исключительный вариант

в подобных ситуациях в те годы). В итоге 13 февраля в «Комсомольской правде» появляется короткая заметка Константина Смирнова. Начинает он ее с изложения разговора с одним таксистом, который оказался свидетелем «гибели» артистов. Таксист: «Вчера еду по Каланчевке, а там затор на час, милиции — видимо-невидимо. Вылез, подхожу ближе, батюшки мои, Муслим Магомаев с женой без сознания, «реанимашка» воет, «Волга», 24-я, вдребезги...»

Далее Смирнов рассказывает о том, как у них в редакции буквально оборвали все телефоны: взволнованные москвичи интересовались здоровьем любимых артистов. Тогда журналист набрал номер телефона заместителя директора «Союзконцерта» А. Гочеса и поинтересовался у него, что на самом деле случилось с Магомаевым и Синявской. «Ничего плохого, — было ему ответом. — Тот же Магомаев сейчас жив-здоров, недавно в Баку с успехом прошла новая программа Азербайджанского эстрадно-симфонического оркестра с его участием. На днях Магомаев возвращается в Москву».

Весьма непростое время переживает в те дни писатель Юрий Нагибин. Несколько месяцев назад он потерял самого близкого человека — мать — и до сих пор не может выйти из депрессии. В субботний день, 14 февраля, он записал в своем дневнике следующие строчки:

«Что делать? Что делать? Все хуже мне. Такая пустота вокруг, такая пустота внутри — хоть волком вой. Ничего мне не хочется: ни писать, ни халтурить, ни гулять, ни пить, ни слушать музыку, ни читать. Особенно плохо, что не хочется писать, совсем не хочется. Да и не получится ничего, мозг неподвижен, и один-единственный образ маячит там — мамин профиль. Просто профиль, ничего больше, но оказывается этого достаточно, чтобы весь день быть на грани слез.

А тут еще — жалкий, резко деградировавший без маминого присмотра Я. С. (отчим писателя. — Ф.Р.) и гарнир из мелких подлостей: хамские рецензии, киносвинство, ужасные газеты, от которых тошнит, ложь и смрад вконец распоясавшейся коммунистической мафии, бестактность и настырность людей, которым от меня что-то нужно, и полная безысходность.

Как ужасающе я сейчас живу! Да живу ли? Прихлопнуло меня, как крысу в крысоловке,

поперек хребта. С мамой ушло что-то такое, без чего я оказался бессилён и пуст, как робот, из которого вынули машинку...»

Поздно вечером того же дня (22.25) по ЦТ был показан решающий матч хоккейного турнира зимних Олимпийских игр в Инсбруке между сборными Советского Союза и ЧССР. Ох, и матч это был, я вам признаюсь, — просто супер! Настоящая драма на льду. Столько лет прошло с тех пор, а я до сих пор помню те чувства, которые охватывали меня на протяжении всей игры: я то скрипел зубами от отчаяния, то прыгал от счастья (кричать при этом было нельзя, поскольку все мои домашние уже давно спали).

О том, в каком предстартовом волнении находились хоккеисты, говорят слова Александра Якушева. О своей ночи накануне решающего матча он вспоминает следующим образом: «Ты должен, просто обязан заснуть. Но не можешь. Злишься, думаешь: молодые не спят — ладно, волнуются. Но ведь ты уже прошел одну Олимпиаду. Где твоё олимпийское спокойствие? Вижу, как рядом лежит с открытыми глазами Володя Шадрин. Знаю, что не спит Шалимов. Он так хочет стать чемпионом!..»

Обе команды вышли на лед «Айсштадиона», заряженные только на победу. Но в первой двадцатиминутке удача была на стороне чехословаков. Проведя несколько молниеносных атак на ворота Третьяка (кстати, у него накануне ночью поднялась температура, и врачам команды с трудом удалось ее погасить и вернуть прославленного вратаря в строй), они забили две безответные шайбы. Для такого напряженного матча это был большой задел. А тут еще в самом начале второго периода (на 7-й минуте) сразу двое наших ребят — Жлуктов и Бабинов — были отправлены на скамейку штрафников. В этой ситуации чехословакам требовалось заколотить в ворота Третьяка третью шайбу, и олимпийское золото было бы у них в кармане. Но наша четверка — Третьяк, Ляпкин, Цыганков, Шадрин — совершает немислимое: выдерживает дикий натиск противника и сохраняет свои ворота в неприкосновенности. Это стало сигналом для всей советской команды.

Когда до конца второго периода остается семь минут, наши проводят стремительную атаку. Шалимов бросает шайбу в ворота Холле-

чека, тот отбивает резиновый кругляш, но появившийся тут как тут Шадрин отправляет его в ворота — 1:2. Проходит всего лишь несколько минут, и Петров устанавливает равновесие — 2:2. Все начинается сначала.

Третий период наши ребята начали с яростных атак на ворота Холечека. Но шайба никак не хочет идти в сетку: Якушев попадает в перекладину, Мальцев — во вратаря. Но не забиваешь ты — забивают тебе. Во время очередной атаки на наши ворота шайба, брошенная Новаком, отскочила от Третьяка и упала ему за спину, угодив точно в ворота. И это за шесть минут до финальной сирены! Вот почему вся сборная Чехословакии высыпала на лед и устроила настоящий хоровод вокруг Новака. В тот момент мало у кого оставалось сомнений в том, что золото достанется чехословакам. Помню, я сам выл белугой у экрана своего черно-белого «Рекорда». Но тем и велик спорт, что все в нем могут решить доли секунды.

Проходит каких-то две минуты после чехословацкого хоровода, как наш «Як-15» — Александр Якушев — сравнивает счет. Теперь уже наша сборная в полном составе выскакивает на лед и начинает целоваться друг с другом. Видимо, эта шайба психологически надломил чехословаков, которые уже успели уверовать в свою победу и стали играть на удержание счета. А это всегда чревато. В итоге спустя две минуты Валерий Харламов забивает «золотую» для нашей сборной шайбу. 4:3. Как будет вспоминать позднее сам Харламов: «Я боялся не попасть в пустые ворота. Первый раз в жизни боялся. Никого в них не было. Зачем я бросил верхом? Не знаю. Бросил, и показалось, что шайба полетит выше, не войдет. А она вошла. Под самую штангу...»

Но вернемся в Москву. В первой половине февраля в столичных кинотеатрах прошли премьеры следующих фильмов: 2-го — киноповесть о жизни и рабочих буднях пожилого таксиста (Николай Крючков) «Горожане» режиссера Владимира Рогового; криминальная мелодрама Олега Бондарева и Владимира Чеботарева «Алмазы для Марии» с участием: Нины Поповой, Владимира Гусева, Эммануила Виторгана и др.; 9-го — драма Марионаса Гедриса «Расколотое небо» с участием: Любви Виротайнен, Антонаса Шурны и др.; 12-го — мелодрама «Повесть о человеческом сердце» Дании-

ла Храбровицкого, в ролях: Андрей Попов, Елена Козелькова, Ефим Копелян и др.; драма «Буря» Тимофея Левчука с участием: Константина Степанкова, Михаила Голубовича и др.; 13-го — историко-биографический фильм Александра Орлова «Принимаю на себя», повествующий о жизни и деятельности наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе (Э. Магалашвили).

Кино по ТВ: «Дорогой мой человек» (1-го), «Матрос Чижик» (2-го), «Большая перемена» (3—6-го), «Точка, точка, запятая...» (4-го), «В добрый час» (6-го), «Высота», «На пути к Ленину» (8-го), «Котовский» (9-го), «Миссия в Кабуле» (9—10-го), «Строговы» (премьера т/ф 10—14-го), «Девять дней одного года», «Как молоды мы были» (Болгария, 15-го) и др.

Театральные премьеры: 3-го — в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Рассказ от первого лица» А. Гребнева, в главной роли — Лев Круглый; 5-го в Драмтеатре имени Станиславского — «Волки и овцы» А. Островского; 8-го в Драмтеатре имени Станиславского — «Испытание» Г. Бокарева с участием: В. Анисько, А. Балтер и др.; 12-го в ЦТСА — «Спутники» В. Пановой, в ролях: Лариса Голубкина, Геннадий Крынкин, В. Капустина и др.; 14-го в Театре имени Моссовета — «День приезда — день отъезда» В. Черных с участием: Ии Саввиной, Георгия Тараторкина, Юрия Кузьменкова и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—2-го — в ГТЭ прошли концерты, где приняли участие мастера веселого жанра: Геннадий Хазанов, Клара Новикова, Илья Набатов, Геннадий Дудник, Борис Владимиров, Вадим Тонков и др.; 3—8-го — во Дворце спорта в Лужниках свою новую программу показал обновленный ВИА «Самоцветы», а также выступили: Геннадий Белов, Зоя Кириллова и др.; 3—8-го — в ГЦКЗ «Россия» выступили: Евгений Петросян, Жанна Бичевская, Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята»; 6-го — в «Октябре» пела Александра Стрельченко; 7-го — во Дворце спорта состоялся концерт, все средства от которого были направлены в Фонд мира, в нем приняли участие: ВИА «Самоцветы», Людмила Зыкина, Валерий Чесоданов, Борис Владимиров, Вадим Тонков, Геннадий Белов и др.; 6—7-го и 10-го — в ЦДКЖ выступали: Клара Новикова, Нина Бродская, Владимир

Макаров, Иван Суржиков и др.; 8—10-го — в ГТЭ свое искусство демонстрировали: все те же Алла Пугачева и «Веселые ребята», а также: Алла Абдалова, Нина Бродская, Геннадий Белов и др.; 9—17-го — во Дворце спорта в Лужниках на смену «Самоцветам» пришли их бывшие коллеги, образовавшие ВИА «Пламя», а также: Евгений Петросян, Жанна Бичевская и др.; 11—15-го — в ГЦКЗ «Россия» выступали: Лев Лещенко, Вадим Мулерман, Марис Лиєпа, Геннадий Хазанов, Федор Чеханков, Белла Ахмадулина, Аркадий Арканов, ВИА «Самоцветы» и др.; 15-го — в «Октябре» пленял слушателей своим голосом певец Юрий Богатиков.

Ранним понедельничным утром 16 февраля в Москву вернулись советские олимпийцы. Несмотря на плохую погоду — мокрый снег, пасмурное небо, — в Шереметьево их встречали толпы поклонников с транспарантами в руках. В своем багаже наши спортсмены привезли из Инсбрука 13 золотых, 6 серебряных и 8 бронзовых медалей. В общем зачете советские спортсмены заняли 1-е место, на 2-м оказались наши друзья по соцлагерю из ГДР (19 медалей), на третьем американцы (10 медалей).

Пообщавшись со своими поклонниками и раздав автографы, спортсмены расселись в автобусы и разъехались по базам. Но отдохнуть после перелета суждено было не всем. Например, хоккеисты столичного «Спартака», выступавшие в олимпийской сборной, приехали на свою базу в Серебряном бору. Побросав вещи, они спустя полчаса сели в спартаковский автобус, чтобы к одиннадцати часам успеть на тренировку в Лужники. Ведь до конца внутрисюзного чемпионата оставалось еще больше месяца.

Съемки фильма «Розыгрыш» идут со скрипом из-за постоянного вмешательства в ход работ бдительной цензуры. Так, в начале февраля цензорам не понравился исполнитель эпизодической роли милиционера на сцене, где тот приходит в школу и приносит благодарственное письмо с похвалой в адрес школьного ансамбля. Цензоры были неумолимы: актер плох и неверно трактует светлый образ работника милиции. Меньшову пришлось срочно искать другого исполнителя и переснимать снятую ранее сцену. Пересъемка состоялась 17 февраля.

Олег Даль в феврале в очередной раз «зашился» — вшил в себя «торпеду». Операцию

проводил двоюродный брат Александра Митты врач Г. Баснер, которого Далю сосватал Высоцкий. Вот как об этом вспоминает жена актера Е. Даль:

«Мы вместе поехали к Баснеру в Измайлово. Он работал в каком-то огромном госпитале или больнице. К этому времени я уже была «допущена». И уже понимала, что говорить, просить: Олег, надо «защититься» — нельзя! Только — когда сам. И ужасно боялась до последней минуты, потому что сначала мы позвонили Баснеру, который сказал: «Три дня — ни капли!» Олег мне говорит:

— Запри меня дома и никуда не выпускай, что бы я ни говорил!

Но это было не трудно, потому что он и не рвался, понимая прекрасно, что мне с ним не справиться, если он захочет. И он взял меня с собой, что было тоже невероятным доверием ко мне. И мы поехали в эту больницу.

Баснер очень любил болтать — это была своеобразная такая «расплата»: все сплетни. Мы ничего не знали, а он знал все. Так и говорил: «А вот слышали, что тот-то и та-то? Не слышали?!» И все это рассказывал, потому что сам слышал все. И вот так мы болтали, болтали долго, наверное, часа два у него в кабинете, а потом он сказал: «Ну, мы сейчас уйдем минут на пятнадцать...» Забрал Олега, вызвал ассистентку — молоденькую девушку, и они удалились втроем.

И действительно, спустя 15—20 минут появился сильно хромающий Олег. Мы поймали такси и уехали домой...»

Между тем Владимир Высоцкий, который под давлением обстоятельств вынужден был в разобранном состоянии выходить на работу, доигрался — 16 февраля его положили в Склиф с подозрением на инфаркт. К счастью, этот диагноз не подтвердился, однако врачи настоятельно порекомендовали артисту сбавить обороты своей деятельности. Иначе, сказали, труба. Артист обещал прислушаться к этим рекомендациям. В больнице он пробыл три дня.

В тот день, когда Высоцкий выписался из больницы (во вторник, 18 февраля), из недр КГБ СССР вышла секретная записка № 408-А, адресованная в ЦК КПСС и подписанная шефом КГБ, министром обороны, Генпрокурором и председателем Верховного суда. В ней сообщалось:

«Комитетом госбезопасности заканчивается расследование уголовного дела по обвинению капитана 3 ранга Саблина В.М. и других военнослужащих — участников преступной акции 8—9 ноября 1975 года на большом противолодочном корабле «Сторожевой». Установлено, что организатор этого преступления Саблин во время событий на «Сторожевом» выступил с антисоветской речью перед личным составом. Политическая «платформа» Саблина включала... призывы к отстранению КПСС от руководства общества, к созданию новой, «более прогрессивной» партии. Он разработал детальный план захвата военного корабля, который намеревался использовать как «политическую трибуну» для выдвижения требований об изменении государственного строя в СССР... Он организовал и осуществил самовольный угон БПК за пределы советских территориальных вод. Эти его действия квалифицированы как измена Родине...»

Спустя несколько дней эта записка будет роздана членам Политбюро на предмет вынесения их окончательного вердикта. Ни в одном из кремлевских руководителей не шевельнется сострадания к узнику, и они хлоднокровно напишут на полях записки: «Виновен».

В эти же дни на голову КГБ свалилась еще одна напасть: неизвестный террорист попытался угнать пассажирский самолет в Израиль. Этим неизвестным был уже знакомый нам москвич А. Попов. Однако и во втором случае план террориста не осуществился. Хотя на этот раз он дошел гораздо дальше. Поднявшись на борт самолета, Попов дождался, когда лайнер взмыл в небо, и вскоре подбросил в туалет записку с угрозами: мол, на борту находится террорист с бомбой, требую изменить маршрут. Как и предполагал преступник, записка дошла до адресата: кто-то из пассажиров нашел ее и отдал стюардессе. Та передала командиру корабля, который немедленно связался с землей. Через несколько минут эта новость уже стала известна начальнику столичного КГБ Алидину, и тот позвонил по вертушке Андропову. Приказ был жесткий: вернуть самолет в Домодедово и задержать преступника.

Когда лайнер приземлился в Москве, его тут же окружил спецназ. Однако его помощь не понадобилась: за это время террорист так и не объявился. Тогда руководители операции при-

няли решение провести сквозь сито обыска всех пассажиров. Особое внимание уделили шестерым — тем, кто ближе всех сидел к туалету. Однако ни у одного из пассажиров не было найдено ничего подозрительного: ни оружия, ни бомбы. Пришлось всех отпустить. Но кое-кого из отпущенных все-таки взяли на заметку и установили за ними негласное наблюдение. О том, чем закончилась эта операция, я расскажу чуть позже, а пока вернемся к другим событиям февраля 76-го.

В те дни в Москву приехала польская певица Анна Герман. На этот раз не на гастроли, а чтобы сняться на телевидении и записать несколько новых песен. Ее визит был ограничен по времени — всего три дня, поскольку она боялась оставлять надолго с мужем своего маленького сына Збышека. Прямо из Шереметьево Герман повезли в Останкино, на съемки передачи «Мелодии друзей». Там она впервые встретилась с восходящей звездой советской эстрады Аллой Пугачевой и казахской певицей Розой Рымбаевой. Каждая из певиц исполнила по одной песне (Герман спела «Возвращение романса» Оскара Фельцмана). После записи она в сопровождении своей хорошей знакомой Анны Качалиной отправилась к композитору Владимиру Шаинскому, который обещал показать польской звезде свои новые песни. По дороге Качалина посетовала на то, что профессионалы взхлеб ругают песню «А он мне нравится» в исполнении Герман: мол, слишком пошловата и не отвечает стилю певицы. А Герман в ответ возразила: «Эти критики трактуют меня слишком односторонне. Я очень соскучилась по веселым песням и с удовольствием буду петь их еще, если Володя приготовит для меня что-то новое».

Как оказалось, Шаинский действительно написал для Герман новую песню, очень похожую на предыдущую, — «Когда цвели сады». Едва певица услышала ее, как тут же заявила, что включит ее в свой репертуар. А спустя несколько часов в творческом багаже Герман оказался еще один шлягер — «Белая черемуха» Вячеслава Добрынина. Он показал его певице у себя на квартире и сообщил, что фонограмму будет писать ансамбль «Лейся, песня» завтра утром в первом тонателе Московского телецентра.

Герман должна была приехать на запись во второй половине дня, к своему выходу. Но она решила присутствовать с самого начала. И просидела в тонателе аж семь часов! Столь долгая запись объяснялась тем, что Добрынин был недоволен игрой музыкантов и раз за разом заставлял их повторять все сначала. Одни только подпевки писали полтора часа. А когда наконец все было сделано, выяснилось, что у музыкантов в запасе осталось... всего лишь десять минут. То есть на запись Герман времени не осталось. «Ну, что ж, значит, придется заказывать студию на завтра», — сказал Добрынин. Но тут подала голос сама Герман: «Может быть, все-таки попробуем? Я постараюсь уложиться в оставшееся время». И произошло неожиданное: Герман спела свою партию с первого захода, уложившись в 2 минуты 36 секунд. Присутствовавшие в тонателе музыканты чуть ли не в один голос воскликнули: «Аня, вы выдающийся профессионал!»

Москва тем временем готовится к очередному партийному форуму — XXV съезду КПСС. Правоохранительным органам дана установка: очистить образцовый коммунистический город от сомнительных личностей, праздно шатающейся по улицам молодежи, пьяниц, а также диссидентов. Ни с кем из перечисленных не церемонятся: хватают прямо на улице и сажают либо в кутузку на 15 суток, либо заставляют уехать из города. 20 февраля такая участь постигла видного диссидента Андрея Амальрика. В тот день вечером он вместе со своей женой Гюзель вышли на улицу из гостей, как вдруг к ним с двух сторон подбежали люди в штатском, отпихнули женщину в сторону, а ее супруга затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении.

Похищенного сначала привезли в ближайшее отделение милиции, где после короткого разговора снова усадили в автомобиль и куда-то повезли. Амальрик думал, что на Лубянку. Но оказалось гораздо дальше. Его привезли в Калугу, где остаток ночи и подня он провел в милицейской камере. Днем 21 февраля двое вежливых людей в штатском отвезли его в Боровск. Только там Амальрику объяснили суть происходящего с ним: районный прокурор объяснил задержание тем, что Амальрик нигде не работает. На что диссидент ответил, что это неправда: мол, мое рабочее место — письмен-

ный стол. При этом даже сослался на подписанную Советским Союзом Международную конвенцию об отмене принудительного труда. На что прокурор парировал: «Мы же не ради вас ее подписывали». В итоге Амальрик в присутствии понятых получил формальное предупреждение о трудоустройстве в течение месяца и был с миром отпущен. Но его злоключения на этом не закончились.

Приехав в Москву и спустившись в метро, Амальрик внезапно заметил за собой слежку: за ним следил молодой человек в красном шарфике. Заметив, что диссидент его разоблачил, филер подошел к нему и с откровенной злостью произнес: «Долго ты будешь, падла, с нами в прятки играть?! Пиздуй домой и сиди там — дома мы тебя не тронем! А если надумаешь поехать к своим дружкам, то тогда головы тебе не сносить». Как ни странно, но Амальрика этот монолог не испугал. Более того, сразу после него он отправился не домой, а именно к друзьям. Но по дороге ему в голову пришла еще более дерзкая мысль: пожаловаться на филера его начальникам. И он заехал в приемную КГБ на Кузнецком мосту. Как вспоминает сам А. Амальрик:

«Из-за позднего часа никого, кроме дежурных лейтенанта и прапорщика, в приемной КГБ не было, я сказал, что их сотрудники, которым поручено следить за мной, мне угрожают. Растерявшийся лейтенант звонил кому-то и говорит: «Либо напишите сейчас заявление, либо зайдите в понедельник, здесь будут товарищи, они вам окажут помощь».

— Какая же помощь в понедельник, — сказал я, — если они мне в субботу голову проломают?

Лейтенант развел руками, как и его начальник, появившийся все же. Понервничал я довольно сильно, идя по темному безлюдному переулку и слыша за собой приближающиеся шаги и тяжелое пыхтенье...»

В Москву со всех концов страны съезжают делегаты XXV съезда КПСС. Среди них был и будущий генсек ЦК КПСС, в те дни занимавший пост 1-го секретаря Ставропольского крайкома КПСС Михаил Горбачев. Как и большинство делегатов, он поселился в гостинице «Москва». Однако уже спустя несколько дней после приезда ему пришлось срочно возвращаться на родину — пришла телеграмма о том,

что при смерти находится его отец Сергей Андреевич. Двое суток сын вместе с родственниками дежурил у постели отца, но сознание к тому так и не вернулось. 21 февраля он скончался в возрасте 66 лет.

В те последние зимние дни в Москве шли финальные матчи хоккейного турнира среди школьников «Золотая шайба» (начались 2 февраля). Принимал в них участие и я, играя за команду Бауманского района. Почти все матчи мы проводили на выезде, а это требовало от нас дополнительных затрат. Мало того, что хозяева бились с нами с удвоенной энергией, так еще и болельщики делали все, чтобы мы чувствовали себя неудобно. Помню, в воскресный день, 22 февраля, мы должны были играть матч за 3-е место на выезде (это была команда то ли Пролетарского, то ли Куйбышевского района), и тамошние болельщики, подловив нас на подходе к стадиону, предупредили, что в случае нашей победы «костей своих мы не соберем». Сомнений в том, что эти слова отнюдь не пустая угроза, ни у кого из нас не было — один их внешний вид уже говорил за себя: патлатые, поддатые, со свинцовыми кастетами в руках. Казалось бы, что после такого предупреждения нашим соперникам не составит труда разбить нас в пух и прах. Но, увы...

Едва мы ступили на лед, как угрозы патлатых были забыты нами напрочь. Мы бились аки львы, буквально мертвой хваткой вгрызаясь в каждый сантиметр площадки. Не хочу показаться нескромным, но я, будучи капитаном команды, старался личным примером вести одноклубников за собой. Через несколько минут после начала игры нам забили первый гол, но я сравнял счет. Затем хозяева опять вышли вперед, но мой точный щелчок опять восстановил равновесие. Во втором периоде ситуация изменилась — на этот раз уже мы вышли вперед. И опять отличился ваш покорный слуга, зарядив шайбу аж от синей линии (в том сезоне я стал самым результативным игроком команды, забив в 6 матчах 13 шайб). Однако удержать этот победный счет нам не удалось. В конце периода хозяева восстановили равновесие, а в начале третьего вышли вперед. Как мы ни старались, но уйти от поражения так и не смогли. В итоге нам досталось лишь 4-е место в турнире, что, в общем, тоже было неплохо. Несколько игроков нашей команды (в том

числе и я) заработали 2-й юношеский разряд по хоккею. Вообще моя судьба тогда могла круто измениться. Во время товарищеской игры с юношеской командой «Крылья Советов» меня заметил их тренер и предложил перейти к ним. Надо ли говорить, что это было волшебное предложение: из жэковской команды перейти в профессиональную. Но я отказался. И как игрок 61-го года рождения, хотя на самом деле я был на год моложе. И в «крылышки» меня приглашали именно под старший возраст. Поэтому дай я свое согласие на переход, и наша афера моментально бы открылась. Короче, хоккеистом я так и не стал. Но вернемся в февраль 76-го.

В тот же воскресный день, 22 февраля, но уже поздно вечером (в 22.00), в Театре на Таганке шел спектакль «Антимиры». Как вспоминает В. Смехов, спектакль прошел на самом высоком уровне: даже Высоцкий, который еще не успел оправиться от болезни, играл на пике вдохновения. После спектакля в кабинет Любимова заглянул скульптор Эрнст Неизвестный. Выразил восхищение увиденным и тут же с грустью сообщил, что вынужден эмигрировать. А чтобы у хозяина кабинета осталась хоть какая-то память о нем, тут же нарисовал на куске ватмана рисунок.

23 февраля, в праздник Советской армии и ВМФ, практически во всех учебных заведениях и учреждениях страны слабая половина человечества поздравляла сильную. К примеру, нам, мальчишкам 7 «А» класса 325-й средней школы, одноклассницы подарили по шариковой ручке (35 копеек) и записной книжке (47 копеек). Ручку я раздолбал уже через несколько недель, а вот книжку в зеленой обложке храню у себя до сих пор как память о тех забываемых годах. Эту книжку я собирался использовать под дневник, но, к сожалению, хватило меня ненадолго — всего лишь на два дня. На следующий день, вернувшись из школы, я оставил в ней последнюю запись: «24 февраля. День XXV съезда КПСС. В школе в 8.00 была линейка. В эту неделю прочитал книги: С. Писарев «Приключения Семена Поташова», Первенцев «Кочубей», 2 альманаха «Мир приключений», Рубинштейн «Честный Эйб».

Упомянутый мной XXV съезд КПСС открылся в Кремлевском Дворце съездов в 10.00 утра. На него съехались 5 тысяч передовых

коммунистов со всей страны. С большим докладом на съезде выступил генсек Леонид Брежнев. Как мы помним, каких-нибудь два месяца назад у людей, близко наблюдавших генсека, были большие сомнения относительно его появления на съезде. Более того, кое-кому даже показалось, что дни генсека сочтены. Но, как это было и раньше, Брежнев в очередной раз не дал своим недоброжелателям возможности увидеть себя поверженным. Когда врачи порекомендовали ему не делать на съезде длинного доклада, а, раздав текст, выступить только с изложением основных положений, генсек напроць отменил это предложение: «Такого у нас еще не было, — заявил он. — Есть сложившийся стиль партийных съездов, и менять его я не намерен. Да и не хочу, чтобы кто-то мог подумать, что я немощный и больной».

Доклад Брежнева длился четыре часа. Даже для здорового человека это серьезное испытание, а для больного Брежнева — настоящая пытка. Когда он стоял на трибуне, за кулисами собралась целая толпа врачей (Е. Чазов, личный врач генсека М. Косарев и др.), которые с ужасом ждали, что их пациенту вот-вот станет плохо. Но все, к счастью, обошлось. Как вспоминает Е. Чазов: «Когда в перерыве после двух часов выступления мы пришли к нему в комнату отдыха, он сидел в прострации, а рубашка была настолько мокрая, как будто он в ней искупался. Пришлось ее сменить. Но мыслил он четко и, пересиливая себя, даже с определенным воодушевлением пошел заканчивать доклад».

Конечно, даже неискушенным взглядом было видно, что Брежнев уже не тот, который выступал на XXIV съезде партии. Появились дизартрия, вялость, старческая шаркающая походка, «привязанность» к тексту, характерные для человека с атеросклерозом мозговых сосудов...»

Между тем в фойе КДС работало несколько книжных киосков, в которых для делегатов съезда продавались газеты и журналы, а также дефицитные книги, которых в книжных магазинах днем с огнем нельзя было сыскать. Меньшим спросом пользовалась идеологическая литература, в частности книга «ЦРУ глазами американцев». Книга была выпущена издательством «Прогресс» при непосредственном участии КГБ. Причем издана в рекордные сро-

ки — за две недели. Идея выхода такой книги принадлежала лично Андропову, который переадресовал ее начальнику внешней разведки Крючкову. А тот уже напряг своих подчиненных: двух Олегов — Калугина и Нечипоренко (оба возглавляли отделы). Те, взяв себе в помощь двух машинисток, с утра до глубокой ночи работали не покладая рук и уложились точно в срок — в день открытия съезда книга поступила в киоски КДС.

Вечером 24 февраля в Театре на Таганке шел спектакль «Жизнь Галилея». Как пишет В. Смехов: «Высоцкий на служебном входе собирает оброк с поклонников. Это всегдашняя обаятельная декорация Володи при служебном входе: цветы, рулоны, книги, конверты, бутылки и т. п. Он полусумрачно (чтоб не обнаглели) благодарен...»

В эти же дни режиссер и актер Леонид Быков работает над своей очередной картиной — «Аты-баты, шли солдаты...». Съёмки картины начались в конце января под Загорском, и за это время уже была отснята добрая половина натуральных съемок, относящихся к зиме 43-го (рота Суслина в деревне, строевой смотр, марш-бросок, подготовка к отражению атаки) и зиме 76-го (возложение венков к обелиску, панорама места сражения). Съёмки идут тяжело: из-за сильных морозов глохнет техника, заблевают люди. Однако в те дни конца февраля все актеры играют через не могу. Дело в том, что тогда начали снимать кульминацию фильма — гибель взвода ефрейтора Святкина. И если в иные дни Быкову приходилось частенько призывать некоторых своих коллег к более ответственному отношению к делу, то теперь эти призывы оказались лишними: на этот раз все участники съемок вели себя на редкость самоотверженно. Почти у каждого из них в войну погиб кто-то из родных, и своим участием в фильме они отдавали дань памяти этим людям.

В Москве продолжается XXV съезд КПСС. Распорядок дня делегатов высшего форума коммунистов выглядел следующим образом: утром и днем они проводили в КДС, слушая прения по докладу Брежнева, а вечером их возили на различные культурные мероприятия. Так, в пятницу, 27 февраля, несколько сот депутатов погрузили в «Икарусы» и повезли в Театр на Таганке, на спектакль «Гамлет». Руководство театра и актеры находятся в нервном

возбуждении, поскольку понимают — стоит где-нибудь лажануться, и театр закроют к чертовой бабушке. А тут, как назло, у главного исполнителя — Высоцкого — болят почки, да еще он неудачно рванул паховую мышцу. Но роптать бесполезно — замены-то нет.

В эти же дни в Москву приехала представительная делегация польских кинематографистов, чтобы здесь с размахом отметить завершение работы над совместным советско-польским фильмом «Ярослав Домбровский». По этому случаю в ресторане ЦДЛ был устроен торжественный ужин, который в итоге превратился в обыкновенную попойку. Вот как это событие описывает непосредственный участник происходящего, автор сценария фильма Ю. Нагибин:

«Настоящий финал «Домбровского»: пьяный директор польской кинематографии Божим крадет со стола ресторана ЦДЛ апельсин и конфеты. Украденное прячет в сумку, набитую тем, что он наворовал на приеме в польском посольстве. Он хватает под столом Аллу (жена Нагибина. — Ф.Р.), кланчит у меня деньги и французское вино «Божоле» — с собой. Рядом исходит последним рыком глупый Поремба (режиссер фильма. — Ф.Р.). На другом конце стола — головой в грязную тарелку — спит пьяненький бесплотный Домбровский — Малянович. Потом Алла на руках отнесла его в нашу машину, где уже сидел директор Божим со своими туго набитыми сумками. Он уговаривал водителя не ждать «всю эту шушеру», а везти его, большого начальника польской кинематографии. Жена Маляновича Малгожата Поточка делала вид, что не имеет к происходящему никакого отношения. Так же вел себя довольно трезвый актер Шмидт...»

Премьера «Ярослава Домбровского» не за горами, а пока на столичных экранах идут другие фильмы. 16 февраля на экраны вышел новый фильм белорусского режиссера Виктора Турова «Время ее сыновей» с участием: Веры Кузнецовой, Н. Грищенко и др.; 20-го — «Когда наступает сентябрь» Эдмонда Кеосаяна, где снимались: Армен Джигарханян, Владимир Ивашов и др.; 23-го — «Выбор цели» Игоря Таланкина, в роли создателя советской атомной бомбы академика Игоря Курчатова — мэтр советского кино Сергей Бондарчук.

Кино по ТВ: «Щорс», «К новому берегу» (16-го), «Строговы» (премьера т/ф, продолжение, 16—19-го), «Трембита», «Сердце Корвалана» (премьера д/ф 17-го), «Екатерина Вороница» (19-го), «В лазоревой степи», «Мама вышла замуж» (20-го), «Мое дело» (премьера т/ф 21-го), «Красная площадь» (21—22-го), «Я — Шаповалов Т. П.» (впервые по ТВ), «Прыжок на заре» (22-го), «Офицеры», «Небесный тихоход» (23-го), «Вылет задерживается» (25-го), «Добровольцы», «Молодые» (27-го), «Человек на своем месте» (28-го), «Любить человека» (28—29-го), «Боба и слон» (29-го) и др.

Премьеры в театрах: 17-го в Театре оперетты — «Пусть гитара играет», в главной роли — Татьяна Шмыга; 19-го в ЦТСА — «Странствия Билли Пилигрима»; 24-го в Малом театре — «Мезозойская история», в ролях: Игорь Ильинский, Алексей Локтев, Александр Потапов и др.

Эстрадные представления: 20—29-го — в ГТЭ выступала Эдита Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; 20—21-го в «Октябре» — Иосиф Кобзон; 22-го там же — Ольга Воронец; 27—28-го в ЦДКЖ — ВИА «Водоград»; 28—29-го в «Октябре» — Людмила Зыкина.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие грампластинки:

миньоны — «Поет Владимир Макаров» с песнями: «Говорят, геологи — романтики» (Я. Френкель — Л. Ошанин), «Мы не старые» (А. Черный — Ф. Лаубе), «След колеса» (Я. Френкель — М. Танич), «Поговорим с тобой, сын» (Э. Колмановский — И. Шаферан); «Поет ВИА «Надежда» с песнями: «Это только начало» (Б. Ривчун — В. Харитонов), «До отправления поезда» (А. Пахмутова — Н. Добронравов), «Ты сама придумала» (В. Добрынин — М. Пляцковский), «Счастливым четверг» (Я. Френкель — И. Шаферан);

диск — «ВИА «Экспресс» (Венгрия) с композициями: «Если бы ты меня любила», «Иди ко мне», «Прошло 10 лет», «Чудесный вечер», «Береги меня», «Ветер, унеси» и др.

В «Кругозоре» (№ 2) были помещены следующие пластинки в жанре «популярная музыка»: Карел Готт — «Я встретил вас», «Паганини» (З. Боровец — К. Свобода); «Песняры» — «Стоит верба» (нар. песня), «Наши любимые» (Д. Тухманов — И. Шаферан); Лата Мангешкар — песни из индийских фильмов «Бобби» и «Взгляд».

Ловушка для террориста. Цензура запрещает к выпуску книгу о «Союз» — «Аполлон». Как Юрия Нагибина не хотели пускать в Вену. Высоцкий получает разрешение на выезд. Очередная победа советских фигуристов. Закат карьеры Дмитрия Полянского. Золотые денечки дочки секретаря ЦК КПСС. Как Брежнев кричал на Чазова. Александр Демьяненко влюбился. Валерий Харламов знакомится с будущей тещей. Олег Даль уходит из «Современника». Эрнст Неизвестный покидает страну. «Зеленая» улица для хозяина Ленинграда. Грязный матч ЦСКА — «Химик». «Спартак» — чемпион! За что министр обороны кричал на Леонида Быкова. КГБ строчит фельетоны. Насриддинову исключают из партии. «Динамо» (Киев) выбывает из Кубка чемпионов. Насриддинову восстанавливают в партии. Рок-фестиваль в Таллине. «Восхождение»: снимают казнь. Умер писатель Сергей Смирнов. «Розыгрыш»: съемки в школе. Из-за чего Лапин хотел испортить юбилей Клавдии Шульженко. Как Юрий Куклачев с Брежневым водку пил. Почему на чемпионат СССР по боксу Олега Коротаева доставили... из СИЗО. Высоцкий и Золотухин выясняют отношения. Как закатилась звезда Сергея Шевкуненко. Аполлон на Большом театре прикрылся «фиговым листком». Юрий Соломин узнает из газет о том, что фильм «Дерсу Узала» получил «Оскар». Высоцкий выезжает в Париж. Шпионские страсти в Москве.

Первый день весны столичные чекисты отметили большой победой — задержали террориста, который несколько недель назад предпринял неудачную попытку угона пассажирского самолета. Как мы помним, угонщик — москвич А. Попов — во время полета подбросил экипажу записку с угрозами, однако дальше этого не пошел — то ли испугался, то ли передумал. Вернув самолет в Домодедово, чекисты просеяли сквозь свое сито всех пассажиров, но выявить террориста так и не смогли. Но нескольких человек, в том числе и Попова, они взяли на заметку как наиболее вероятных кандидатов на роль угонщика. В течение нескольких недель попавших на заметку людей подвергали негласной проверке. В конце концов все стрелки сошлись на Попове. И в понедельник, 1 марта, была проведена операция по его задержанию. Выглядела она по-киношному эффектно. Уговорив одного из знакомых Попова помочь им, чекисты попросили его пригласить преступника на одну из столичных

квартир под видом отмечания какого-то знаменательного события. «Красивые женщины будут?» — спросил Попов. «Обязательно», — ответил приятель. Этого оказалось достаточно, чтобы Попов согласился, не заподозрив ничего.

Горе-угонщик явился в точно назначенное время, по-праздничному разодетый и пахнущий дорогим одеколоном. На пороге его встретила миловидная хозяйка квартиры, которая на самом деле была сотрудницей КГБ. Женщина произвела на Попова сильное впечатление, чего, собственно, и добивались разработчики операции: до самого последнего момента он не должен был догадываться о происходящем. Он и не догадывался. Когда хозяйка пригласила всех за стол, Попов уселся рядом с ней, намереваясь продолжить свои ухаживания. К сожалению, спустя несколько минут его ждало глубокое разочарование. В тот момент, когда он расслабился и потянулся за салатом, сидевший рядом с ним «брат» хозяйки ловко зашелкнул на его руке наручник.

В плохом расположении духа встретил начало весны журналист Ярослав Голованов. В марте должна была выйти в свет его книга, посвященная советско-американскому космическому полету «Союз» — «Аполлон», однако в конце февраля выяснилось, что книга может вообще не выйти, хотя ее уже набрали, сверстали, сделали макет, отобрали все иллюстрации. И виной всему была политика. На тот момент резко испортились отношения СССР и США (из-за поставок советского оружия в Анголу), и в «Политиздат» было спущено распоряжение приостановить выпуск книги. Узнав об этом, Голованов 1 марта написал в издательство раздраженное письмо. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Я поехал в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС к инструктору, который, как тогда говорили, «курировал» «Политиздат». Он затеял со мной долгий и тягучий разговор о том, должен или не должен издавать «Политиздат» книги по космонавтике. «Вот что они должны издавать», — сказал инструктор и положил передо мной книгу толще кирпича: «Стенограмма заседаний Первого съезда Коммунистической партии Кубы». — «Ну, хорошо. Допустим, и такая книга нужна. Три экземпляра в Институт Латинской Америки, три — в Институт Маркса — Ленина, один в ЦК КПСС, 100, 200, 500, не знаю сколько — в крупнейшие библиотеки страны. И что дальше?!» Я внутренне заклокотал и попросил инструктора: «Вы, когда эта книга поступит в продажу, вызовите к магазину наряд конной милиции: людей жалко, подавятся ведь люди в очереди...» И ушел...» (Для справки: книгу Голованова издадут только в 2000 году. — Ф.Р.)

Весьма сумбурным выдалось начало весны и для писателя Юрия Нагибина. Сначала его не пустили на кинофестиваль в Вену, где демонстрировался фильм по его сценарию «Дерсу Узала». Поскольку представлять фильм все равно кто-то должен был, туда послали одного из чиновников Госкино, а Нагибина оставили дома. Но затем ситуация резко изменилась: фильм стал реально претендовать на первую премию, и присутствие кого-нибудь из авторов стало просто необходимым. Пришлось вызывать в Вену Нагибина, хотя до этого чиновник Госкино уже успел сообщить организаторам фестиваля, что тот тяжело болен. Короче, вы-

шел конфуз. А первую премию «Дерсу Узала» действительно получил.

Удачным выдалось начало весны для Владимира Высоцкого. В течение нескольких недель он пребывал в неизвестности относительно того, разрешит ему ОВИР или нет выехать в ближайшее время во Францию. А выехать ему ох как хотелось: измученный событиями последних месяцев донельзя (скандалы в театре, на съемочной площадке, болезни и прочая-прочая), он рассчитывал хотя бы за границей отдохнуть и развеяться — они с женой наметали совершить круиз на теплоходе. Но ОВИР как будто специально тянул и тянул с ответом. И вот, когда уже казалось, что положительного ответа им не дожидаться, случилось чудо: 2 марта «добро» на выезд было получено. У обоих как гора с плеч свалилась. Кроме этого, для Высоцкого начало марта ознаменовалось еще одним приятным событием: 1 марта на экраны столичных кинотеатров вышел фильм с его участием — «Единственная» Леонида Хейфица. В нем Высоцкий играл небольшую роль руководителя хорового кружка и исполнял новую песню «Погоня» («Во хмелю слегка...»). Во многом именно это обстоятельство и подогрело интерес зрителей к фильму.

Тем временем в Швеции проходит очередной чемпионат мира по фигурному катанию. Проходит, в общем-то, без особых сенсаций. 3 марта пришло сообщение о том, что золотые медали в спортивных танцах вновь завоевали советские фигуристы Ирина Роднина и Александр Зайцев. Для Родниной это была уже 8-я по счету золотая медаль, для Зайцева — четвертая.

Под Муромом продолжают натурные съемки фильма «Восхождение». 2 марта снимали эпизод, где Рыбак и Сотников, получив от старосты деревни овцу, возвращаются в партизанский лагерь. Вспоминает В. Гостюхин, игравший Рыбака:

«Разгоряченный удачей, Рыбак рвется вперед — быстрее добраться до лагеря, уйти из деревни, вернуться к своим. Больной Сотников еле тащится за ним, отстают, мешают, задерживают его. Стоял сильный мороз, хлестала вьюга, вдобавок наметал снегу ветродуй. Я нес овцу, и когда к концу эпизода уходил вдаль и слышал команду: «Стоп!», то поворачивался и видел копошащийся белый клубок: то был Плотни-

ков, которого моментально заносило снегом (а он снимался в одной шинельке). И каждый раз, каждый дубль к нему бросалась Лариса Ефимовна (Шепитько. — Ф.Р.), накрывала своим телом, растирала ему уши, руки. И вот уже их обоих заносило снегом... Этот заметаемый снежной пеленой клубок снится мне до сих пор по ночам и вызывает в сердце щемящую боль, а может, любовь или благодарность... не знаю...»

А в Москве подходит к концу XXV съезд КПСС. 5 марта состоялось последнее заседание, после чего состоялся Пленум первого состава ЦК КПСС, который избрал новый состав Политбюро. В новый состав вошли практически все члены старого за исключением одного человека — Дмитрия Полянского, которого сняли с поста министра сельского хозяйства и вскоре отправили послом в Японию. Как мы помним, дочь Полянского является супругой актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного, у которого одно время жили Высоцкий с Влади. В тот день, когда Полянского вывели из Политбюро, они тоже были у них. Вот как об этом вспоминает М. Влади:

«Обед, поданный в восхитительном фарфоровом сервизе эпохи Екатерины II, действительно ни в чем не уступал царскому: голуби в сметане, икра и самые тонкие закуски. Нам всем было грустно: во-первых, приходилось расставаться, но главное, в то утро наша подруга сообщила нам с искаженным лицом: «Мой отец освобожден от должности и выведен из состава Политбюро».

Все мы знали, что для них золотые денечки закончились...»

Между тем если для Полянского и его родственников золотые денечки закончились, то для другой высокопоставленной семьи они только начинались. Речь идет о главном редакторе газеты «Правда» Михаиле Зимянине, которого тот же Пленум ЦК КПСС от 5 марта избрал секретарем ЦК. На тот момент дочь Зимянина Наталья лежала в роддоме и до избрания отца секретарем пользовалась минимумом благ. Как вдруг... Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«В роддоме на улице Веснина, что прямо за МИДом, десятки лет рожали дочки и невестки всех партийных, совминовских и вообще номенклатурных чиновников. Я лежала в палате

на четверых, девчонки говорили, что это рай по сравнению «с городом». Но и здесь, на Веснина, на все отделение патологии был только один туалет, а подмываться было и вовсе негде, и каждое утро нас обходила акушерка с судном в одной руке и большим ватным тампоном, намоченным в слабой марганцовке — в другой. У меня вдруг начался сильный насморк, но на просьбу дать какие-нибудь капли старая усатая врачиха (она, наверное, принимала роды еще у дочек эпохи Сталина) рявкнула, что тут не больница и насморки они не лечат.

Через несколько дней произошло чудо. Меня вдруг навестила врач из поликлиники и сообщила, что она «очень за меня рада», что папу моего куда-то там выбрали. «Теперь все будет по-другому, вот увидишь».

Жизнь перевернулась в одну минуту. Меня тут же перевели в отдельную палату, усатая хамить перестала, поставили персональный телефон. Позвонила мама: оказывается, прошел съезд и папу выбрали секретарем ЦК КПСС. Но мне это мало что говорило: «главный редактор «Правды» — по-моему, это звучало солиднее, чем какой-то там «секретарь». Но мама доложила, что они уже ездили смотреть дачу, что можно будет заказывать любые продукты, покупать любые вещи и т. п. Боже мой, много ли надо было советскому человеку? И вот я уже перестала думать о своем будущем любимом ребеночке, а только и мечтала, какие куплю себе джинсы, «лапшу», косметику и сапоги на высоких каблуках. Как же легко человека сбить с толку, с высоких и чистых помыслов, запудрить мозги жратвой и шмотками!..»

В тот же пятничный вечер, 5 марта, вскоре после закрытия съезда, по давно устоявшейся традиции, некоторые делегаты высшего партийного форума устроили прощальный банкет. На него они позвали начальника 4-го управления Минздрава Евгения Чазова (он получил личное приглашение от 1-го секретаря Ставропольского крайкома М. Горбачева, так как входил в число делегатов от этого края). Веселье продолжалось несколько часов и оставило у всех присутствующих самые приятные впечатления. Во всяком случае, Чазов вернулся домой в бодром расположении духа, насвистывая себе под нос какой-то веселый мотивчик. Но едва он переступил порог своего дома, как веселье с него слетело в один миг. В коридоре зазвонил

телефон, Чазов снял телефонную трубку и услышал на другом конце возмущенный голос Брежнева. А далее послушаем рассказ самого Е. Чазова:

«Я ожидал слова благодарности, но вместо этого услышал труднопередаваемые упреки, ругань и обвинения в адрес врачей, которые ничего не делают для сохранения его (Брежнева. — *Ф.Р.*) здоровья, здоровья человека, который нужен не только советским людям, но и всему миру. Даже сейчас мне неприятно вспоминать этот разговор, в котором самыми невинными фразами было пожелание, чтобы те, кому следует, разобрались в нашей деятельности, и нам лучше лечить трудящихся в Сибири, чем руководство в Москве. Последовало и дикое распоряжение, чтобы утром стоматологи из ФРГ, которые изготавливали ему один за другим зубные протезы, были в Москве. В заключение он сказал, чтобы ему обеспечили сон и покой.

Я понимал, что это реакция больного человека и что то, чего мы боялись, произошло — начался затяжной срыв. Но сколько можно терпеть? И ради чего? Андропов постоянно убеждает, что ради спокойствия страны, ради спокойствия народа и партии. А может быть, все это не так? Может быть, народу безразлично, кто будет его лидером? Может быть, это надо Андропову, Устинову, Черненко и другим из окружения Брежнева? Впервые у меня появились сомнения.

Несмотря на поздний час, я позвонил Андропову на дачу. Рассказав о разговоре, я заявил, что завтра же подам заявление о моей отставке, что терпеть на заслуженные оскорбления не хочу да и не могу, что я достаточно известный врач и ученый, чтобы держаться, как некоторые, за престижное кресло. Андропов в первый момент не знал, что ответить на мою гневную и эмоциональную тираду, не знал, как отреагировать на мое возмущение. Он начал меня успокаивать, повторяя неоднократно, что надо быть снисходительным к больному человеку, что угрозы Брежнева наиграны, потому что он уже не может обходиться без нас, понимает, что мы — его единственное спасение. Видимо, понимая мое состояние, начал опять говорить о наших общих заслугах в восстановлении здоровья Брежнева, который вопреки всем прогнозам смог провести съезд. Но я уже ничему

не верил. Часа через полтора, уже ночью, видимо, поговорив еще с кем-то, он позвонил снова. «Я говорю не только от своего имени, но и от имени товарищей Леонида Ильича. Мы понимаем вашу обиду, понимаем, как вам тяжело, но просим остаться, так как никто лучше вас Брежнева не знает, никому, чтобы он ни говорил, он так, как вам, не доверяет». И заключил: «И это моя личная большая просьба». Не знаю, что на меня подействовало — может быть, тон разговора с Андроповым, может быть, прошла первая реакция, но я успокоился и ответил ему, что нам надо встретиться, потому что Брежнев вступил в полосу таких непредсказуемых изменений функции центральной нервной системы, из которой уже вряд ли когда-нибудь выйдет...»

Серьезные изменения в личной жизни происходили в те мартовские дни у популярного киноактера Александра Демьяненко — он собрался расстаться со своей женой, с которой прожил 16 лет (с нею он познакомился еще в юности, когда играл в драмкружке свердловского Дворца пионеров). Поводом к такому решению послужила новая привязанность актера — к режиссеру дубляжа киностудии «Ленфильм» Людмиле Качалиной. С ней Демьяненко познакомился во время дубляжа одной из картин (а голосом этого актера говорила чуть ли не половина западных звезд, да и советских тоже), причем сама Качалина о том, что на нее положил глаз знаменитый Шурик, ведать не ведала. Вот как она сама вспоминает об этом:

«Мне тогда было не до мужчин: я только что развелась, вздохнула полной грудью, мы счастливо жили вдвоем с дочкой (Анжелика Неволлина затем станет одной из самых молодых и талантливых российских киноактрис. — *Ф.Р.*). А потом я работала на дубляже в темноте, поэтому не разглядывала мужчин, да и меня не всякий мог рассмотреть. И для меня было полной неожиданностью, когда однажды Саша явился в наш звукорежиссерский «предбанник». Вызвал меня в коридор и протянул коробочку. Коробочка была удивительно красивая, иностранная, большая редкость по тем временам. В ней лежало несколько шоколадок, и на каждой было написано «Tobler». Это меня сразило. Он как раз озвучивал западногерманский фильм «Трое на снегу», главного персонажа звали Тоблер. А перед 8 Марта явился опять —

с цветами и снова с коробочкой. Вручил и, чтобы не смущать меня, быстро ушел. В коробочке оказались французские духи «Клима»...

Если б это подарил актер, мечтающий попасть на картину и в этом смысле зависящий от меня, все было бы понятно. Но Александру Сергеевичу от меня ничего не надо было — он был королем дубляжа. Вот тут-то у меня и возникли подозрения...»

После случая с духами Демьяненко навесит даму своего сердца еще раз — подвезет ее от студии на своей машине к приятельнице. А затем как-то ночью (часы показывали два часа) в дверь Качалиных кто-то позвонил. На пороге стоял Демьяненко с чемоданом в руках. Он сказал: «Людмила Акимовна, я к вам пришел навеки поселиться». Вот такая «лав стори». Однако вернемся в начало марта.

В Международный женский день 8 Марта Валерий Харламов познакомил родителей со своей невестой Ирой Смирновой. Несмотря на то что молодые были знакомы уже около года и у них в январе родился ребенок, ни родители со стороны жениха, ни мама невесты избранников своих детей еще не видели. Вернее будет сказать, не видели родители Валерия, поскольку мама Ирины Нина Васильевна своего будущего зятя все-таки видела: один раз в сквере Большого театра из-за кустов (дочь специально привела мать на свидание со своим женихом, но строго-настрого запретила ей показываться ему на глаза) и много раз по телевизору. И вот наконец долгожданные смотрины состоялись. Утром в Женский день друзья Валерия заехали к Ирине с мамой и забрали ее с сыном знакомиться с родителями жениха. А на следующий день настала очередь ответного визита — к будущей теще приехал знакомиться сам Валерий Харламов. По словам Нины Васильевны: «Первой вошла Ирина и сразу почему-то ко мне: «Мама, ты только на него не кричи, а то он сильно тебя боится». А я думаю, боже упаси, чего это я кричать должна, хоть бы у них все сложилось. Вошел Валера с детской коляской, здороваются. А я вдруг говорю: «Вот ты какой, дай-ка я за тебя подержусь!» Он рассмеялся и отвечает: «А я думал, меня с восьмого этажа сбросят».

В эти же дни Олег Даль принял решение уйти из театра «Современник». Стоит отметить, что это желание зрело в нем давно, пару раз он

уже порывался написать заявление об уходе, но каждый раз что-то его останавливало. Даже когда он повредил ногу и практически никто из коллег не пришел поведать о его здоровье, Даль нашел в себе силы не заикливаться на этом. Для него важнее всего было творчество, но его-то как раз оставалось все меньше и меньше. В начале 76-го ему стали предлагать роли, которые он не хотел играть: в «Погоде на завтра» М. Шатрова, «Четыре капли» В. Розова. Но чашу терпения актера переполнила роль Пети Трофимова в «Вишневом саде». Эту роль он учил с таким остервенением, что близкие, наблюдавшие за ним, всерьез опасались за его здоровье. И в начале марта на одной из репетиций Даль сорвался. Когда ему сделали замечание (то ли Галина Волчек, то ли Олег Табаков), он ответил так яростно, что стены задрожали. Уйдя с репетиции, хлопнув дверью, Даль 9 марта написал заявление об уходе. Тогда же в его дневнике появились следующие строчки:

«Мозг утомлен безвыходностью собственных идей и мыслей. Нельзя и малое время существовать среди бесталанности, возведенной в беспардонную НАГЛОСТЬ... Сегодня я ушел из театра «Современник»! И ничего в душе не отозвалось...»

В среду, 10 марта, из страны уехал известный скульптор Эрнст Неизвестный. В начале 60-х он был одним из тех, на кого обрушил свой монарший гнев генсек Н. С. Хрущев (разгром выставки в Манеже), однако это не помешало Неизвестному откликнуться на просьбу его родственников и сделать прекрасный памятник Хрущеву на его могиле. Но своим убеждениям скульптор не изменил, продолжал творить нетрадиционное искусство, за что, собственно, и пострадал: власти поставили перед ним жесткое условие — либо уезжаешь, либо садишься. Скульптор выбрал первое. В общем, типичная история для тех лет.

А сильные мира сего продолжают жить в свое удовольствие. Известный писатель Федор Абрамов в те дни ехал на такси по Ленинграду и обратил внимание на то, что на Дворцовом мосту скопилось огромное количество легковых и грузовых машин, поскольку соседний мост Лейтенанта Шмидта закрыт на ремонт. Ожидая, когда наступит их черед для въезда, Абрамов глянул на Кировский мост и увидел странную картину: мост был пуст — только

трамваи да легковые машины изредка пробегали по нему. Он обернулся к таксисту: мол, в чем дело? А тот, не глядя, махнул рукой: дескать, это же «романовская трасса», имея в виду 1-го секретаря Ленинградского обкома партии Григория Романова, который ежедневно курсировал по этому маршруту из дома на работу и обратно. Столько лет с тех пор прошло, а в России-матушке так ничего и не изменилось, и даже наоборот — спецтранспорта стало еще больше.

Близится к завершению регулярный чемпионат СССР по хоккею. Шансы стать победителем сохраняются у двух команд: ЦСКА и «Спартака». Однако армейцы в последних играх играют ниже своих возможностей, да к тому же так грубо, что даже их ярые болельщики от них отворачиваются. За кулисами поговаривают, что к такой игре армейцы приобшились за океаном — когда играли в Суперсерии. Особенно грязным выдался матч ЦСКА — «Химик» (Воскресенск), который состоялся во Дворце спорта в Лужниках 13 марта. Ветеран армейцев Владимир Викулов совершенно распоясался и дважды был удален на 5 минут за грубость. Но от ветерана не отставала и молодежь. Во втором периоде на скамейке штрафников оказались сразу все (!) нападающие второй «тройки» ЦСКА в лице Бориса Александрова, Виктора Жлуктова и того же Викулова. А чуть позже к ним присоединился и Владимир Петров, «награжденный» двумя двухминутными штрафами. Короче, это была не игра, а бой гладиаторов на льду.

Помнится, когда ЦСКА играл в Суперсерии, я с восторгом наблюдал за тем, как Борис Александров, у которого рост был метр с кепкой, смело вступал в драки с рослыми канадцами, и тех эта смелость буквально ошеломляла. В советском хоккее такая игра была не принята, вот почему Александров так стремительно стал популярен даже у болельщиков противоположных команд (я, к примеру, всю жизнь болел за «Спартак»). Но в той игре с «Химиком» он, а также ряд его партнеров выглядели просто отвратно. В итоге, когда спустя несколько дней тренеры национальной сборной протрубят сбор команды, Александрова в нее не включают (хотя до этого он неплохо зарекомендовал себя на Олимпиаде). Тренер Борис Кулагин тогда заявит: «Когда игрока сборной под-

водят нервы, у него пропадают такие важные качества, как выдержка и умение владеть собой в сложных игровых ситуациях. Александрову необходимо дать время подумать над тем, как избавиться от такого недуга в дальнейшем...» Кстати, в том матче с «Химиком» ЦСКА был поделом наказан, проиграв 1:3.

После поражения армейцев у «Спартака» появился реальный шанс стать чемпионом досрочно. Повторилась недавняя ситуация. 26 февраля «Спартак» уступил ЦСКА, а 5 марта проиграл и столичному «Динамо». Причем в тот же день ЦСКА играл с «Сибирью» и в случае победы мог лишить «Спартак» золотых медалей. Говорят, вернувшись после матча в раздевалку, спартаковцы практически не рассчитывали, что «Сибирь» сделает чудо. И когда за кулисами Дворца спорта кто-то сообщил, что армейцы выиграли, они не удивились. Но спустя какое-то время в их раздевалку ворвался врач команды и заорал во все горло: «Сибирь» сделала ничью 5:5!» А тут еще и «Химик» подсобил. Короче, у «Спартака» вновь появился шанс — надо было только обыграть горьковское «Торпедо».

«Спартак» вышел на эту игру, преисполненный желанием разбить соперника в пух и прах. Поначалу так все и складывалось: уже после первого периода москвичи вели 5:2, и у большинства болельщиков не оставалось сомнений, что золотые медали уже в кармане у спартаковцев. Как вдруг горьковчане опомнились и ринулись на штурм ворот Виктора Зингера. За считанные минуты счет сократился до критического — 5:4. Но во время перерыва, получив взбучку от своего тренера Николая Карпова, спартаковцы вышли на лед злые как черти и переломили ход матча. Табло зафиксировало окончательный итог — 8:5. Победный состав «Спартака» выглядел так: вратари — Виктор Зингер, Виктор Криволапов; защитники — Федор Канарейкин, Сергей Коротков, Владимир Кучеренко, Юрий Ляпкин, Валентин Марков, Василий Спиридонов; нападающие — Александр Баринев, Валентин Гуреев, Алексей Костылев, Геннадий Крылов, Александр Мартынюк, Виктор Пачкалин, Аркадий Рудаков, Владимир Трунов, Владимир Шадрин, Виктор Шалимов, Александр Якушев; тренер — Николай Карпов.

Помимо хоккея, москвичи посещали в те дни и другие очаги культуры. В столичных кинотеатрах в первой половине марта прошли следующие премьеры: 1-го на экраны вышла мелодрама Иосифа Хейфица «Единственная» с участием: Валерия Золотухина, Елены Прокловой, Владимира Высоцкого и др.; 4-го — мелодрама Евгения Хринюка «Анна и Командор», в ролях: Алиса Фрейндлих (первая большая роль актрисы в кино), Василий Лановой, Иннокентий Смоктуновский и др.; 9-го — драма Константина Орозалиева «Красное яблоко», в главной роли — Суйменкул Чокморов.

Кино по ТВ: «Надежда» (1-го), «Обретишь в бою» (1—5-го), «Фантазия» (премьера т/ф 2-го), «Тимур и его команда», «Весна» (5-го), «Двое в пути» (6-го), «Повесть о женщине», «Свой парень» (оба — впервые по ТВ 7-го), «Ох, уж эта Настя!», «Валентина Терешкова» (премьера д/ф), «Мачеха», «Случай с Польшинным» (8-го), «Посол Советского Союза» (9-го), «В одном микрорайоне» (премьера т/сп 9-го, 11—12-го, 15-го), «Золотые рога», «Первый троллейбус» (10-го), «Балтийцы» (11-го), «Приключения желтого чемоданчика» (12-го), «Овод», «Всего одна жизнь» (14-го), «Мусоргский», «Зори Парижа» (15-го) и др.

Из развлекательных передач выделю: «Голубой огонек» (8 марта, участвуют: Игорь Старыгин, Александр Белявский, Юрий Гуляев, Сергей Захаров, Евгений Мартынов (дебют), Андрей Вознесенский, Юрий Яковлев, Клавдия Шульженко, Алла Пугачева, Людмила Зыкина, Александра Пахмутова и др.), «Концерт артистов зарубежной эстрады» (13-го, участвуют: Кати Ковач (Венгрия), Карел Готт (ЧССР), Лили Иванова (Болгария), Джо Дассен (Франция) и др.).

Премьеры в театрах: 1-го — в Театре миниатюр был показан спектакль «Сновидение» по пьесе С. Михалкова; 12-го в Театре имени Ермоловой — «Черемуха» В. Астафьева с участием: И. Соловьева, В. Павлова, Ю. Медведева и др.

Эстрадные представления: 1—3-го — в ГТЭ пела Эдита Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; 4—11-го — там же выступали: Махмуд Эсамбаев, Алла Абдалова, ВИА «Надежда» и др.; 6—7-го — в ЦДКЖ выступал ВИА «Гая» (Баку); 8-го там же — Геннадий Хазанов, Кола Бельды, Эльмира Жерздева и др.; 13—15-го в

ГТЭ — Светлана Резанова, Жанна Бичевская, Алла Абдалова и др. С 12 марта в ГЦКЗ «Россия» начались полуторамесячные гастроли Ленинградского мюзик-холла.

Настоящая беда свалилась в те дни на режиссера Леонида Быкова. Как мы помним, он работает над фильмом о войне «Аты-баты, шли солдаты...», и весь февраль шли съемки зимней природы под Загорском. За месяц было отснято более полутора километров цветной киноплёнки, но готовый материал долго не могли проявить — на студии Довженко не было лишней техники. А когда очередь до «Аты-баты...» наконец-то дошла, выяснилось ужасное — многое из отснятого оказалось браком. Причем произошло это по вине самой студии — когда группу отправляли в экспедицию, то забыли поменять рамку с обычного кадра на широкоэкранный. В итоге перед группой встала проблема: как переснять испорченное, если те же войска удалось выбить на ограниченное время с большим боем? Однако как ни крутили, но иного выхода, как вновь идти на поклон к министру обороны Андрею Гречко, придумать не сумели. Ходоком опять стал Леонид Быков.

Едва режиссер переступил порог министерского кабинета, как на него обрушился буквально поток смачного отборного мата. «Что явился, мать-перемать! Министерство обороны для тебя лакеи, что ли? Да я вас всех в...у и высушу...» Быков стоял потрясенный, вытянув руки по швам, как будто солдат-первогодок. Да и как не встать, когда в тебя бросает грома молнии член Политбюро. А Гречко между тем малость успокоился и, устало опустившись в кресло, спросил: «Что, так и будешь молчать?» Только после этого Быков сумел стряхнуть с себя оцепенение и принялся излагать суть проблемы, приведший его в столь высокий кабинет. Выслушав просителя, Гречко по громкой связи вызвал к себе своего помощника и коротко приказал: «Разберись с этими горе-кинотехниками. О проделанном доложи». В итоге «добро» на продление сроков военной экспедиции было получено, и съемки под Загорском продолжились. Однако этот разнос еще аукнется Быкову.

В среду, 17 марта, в «Литературной газете» появился фельетон об Александре Солженицыне под названием «Без царя в голове». В нем шла речь о том, что предки Солженицына вла-

дели несметными богатствами, а дядя будущего писателя был разбойником с большой дороги. Что якобы, приехав в Америку, Солженицын показал язык президенту и госсекретарю США, предварительно заявив: «Большой писатель в стране — это то же самое, что правительство». Перечислять дальнейший бред, изложенный в фельетоне, нет никакого смысла, поскольку все факты были высосаны из пальца. Под публикацией стояла подпись — Борис Данилов. На самом деле никакого Б. Данилова не существовало, а фельетон родился в недрах КГБ. Идея написать его родилась у чекистов после того, как они прознали, что Солженицын готовится опубликовать на Западе 3-ю часть «Архипелага ГУЛАГ», приурочив публикацию к съезду КПСС. Стратеги с Лубянки тут же накатали пасквиль на писателя и обратились в ЦК КПСС с предложением напечатать его в журнале «Крокодил». На Старой площади идею чекистов приняли близко к сердцу, правда, фельетон приказали напечатать в не менее уважаемой в интеллигентских кругах «Литературке».

17 марта на той же Старой площади состоялось заседание Комитета партийного контроля. На повестке дня стоял один вопрос — о непартийном поведении бывшего председателя Верховного Совета Узбекистана (1959—1970) Ядгар Насриддиновой. Как мы помним, Насриддинова входила в клан, который на протяжении долгого времени соперничал с кланом 1-го секретаря ЦК КП Узбекистана Шарафа Рашидова. Победу в этом противостоянии одержали вторые, в результате чего в 70-м Насриддинову сместили с поста председателя ВС. Но доброжелатели в Москве (в их число входил и сам Брежнев) тут же предоставили ей работу в столице, назначив председателем Совета Национальностей. И Насриддинова, привыкшая и дома жить на широкую ногу, развернулась еще пуще прежнего. Она имела квартиру в Ташкенте и дачу там же, одновременно две квартиры в Москве, соединенные в одну, и дачу в Подмосковье. Деньги гребла лопатой. Спросите откуда? Как утверждает в документах КПК, она потворствовала махинаторам одного узбекского винзавода, которые выпускали скрытую от учета водку, за что те присылали ей в Москву золото, спрятанное в коробках с фруктами. Таких изделий Насриддиновой было передано на

сумму 45 тысяч рублей. И это только один из каналов поступления огромных денежных средств на ее имя. В 1969 году весь Узбекистан обсуждал свадьбу сына Насриддиновой, сыгранную с поистине эмирским размахом. Одна дача, подаренная молодоженам влиятельной матерью жениха, тянула на 100 тысяч рублей.

Между тем свои темные делишки Насриддинова проворачивала в течение полутора десятка лет, но ей все сходило с рук. Та же дачная история дошла до самого Брежнева, но он только слегка пожурил зарвавшуюся коммунистку и... перевел работать поближе к себе. Как вдруг в 1974 году против Насриддиновой было заведено уголовное дело. Почему опомнились только тогда? По одной из версий, ветер дул из Ташкента, все из того же клана Рашидова. По другой — это был московский заказ с целью сместить Насриддинову с поста председателя Совета Национальностей. Но откуда бы корни ни росли, факт остается фактом: 17 марта Насриддинову признали виновной в многочисленных злоупотреблениях служебным положением и исключили из партии. Но это был отнюдь не конец истории.

Уже вечером того же дня на КПК начался такой накат с самого верха, какого Комитет не знал еще, наверное, никогда. Говорят, сразу после заседания Насриддинова позвонила председателю Верховного Совета СССР Подгорному и попросила его по старой дружбе заступиться за нее. «А в чем дело?» — якобы спросил Подгорный, который был не в курсе решения КПК. «Меня из партии исключили», — пожаловалась Насриддинова. У Подгорного чуть трубка из рук не выпала. В итоге уже через полчаса он разговаривал с председателем КПК Арвидом Пельше и устроил ему такой разнос, какого 77-летний блюстителю партийных норм давно не видел.

В тот же день поздно вечером (в 22.25) по ЦТ началась прямая трансляция матча розыгрыша Кубка европейских чемпионов между французским клубом «Сент-Этьен» и киевским «Динамо». Несмотря на поздний час, трансляция собрала у экранов если не все, то большую часть мужского населения Советского Союза. А все потому, что игра была решающей — в случае победы киевляне впервые в истории советского футбола выходили в полуфинал Кубка чемпионов. Шансы у «Динамо» были вполне

осязаемые, поскольку первую игру 3 марта они выиграли 2:0. Теперь нужно было либо проиграть французам с минимальным счетом (0:1), либо свести игру вничью — и путевка в полуфинал была бы у них в кармане. Однако совершить чудо динамовцы не сумели. И немалая вина в этом ложится на тренеров команды Валерия Лобановского и Олега Базилевича. Вот как об этом вспоминает игрок команды Виктор Звягинцев:

«Старики» киевского «Динамо», тогдашние его корифеи, до сих пор удивляются: как они, имея в виду Лобановского и Базилевича, умудрились за полгода развалить великую команду, которая выиграла Кубок кубков и Суперкубок? Ну вот смогли. Им, я думаю, «помог» в этом один человек — Зеленцов, кандидат наук, между прочим. Он как раз в это время какую-то научную работу писал, говорили, что для Базилевича. Методы подготовки спортсменов, которые излагались там, у нас еще не были апробированы, многое заимствовалось у ГДР. А игроки хотели сделать подопытными кроликами. Проще сказать, пытались вывести нас на высокий уровень готовности с помощью каких-то препаратов, чуть ли не анаболиков. Но мы все лекарства и таблетки, которые нам давали, выбрасывали в кусты и, может быть, поэтому остались более или менее полноценными людьми...

После первой игры с «Сент-Этьеном» мы улетели готовиться в Братиславу. Но там никакой конкретной подготовки к предстоящему матчу не было. Вновь те же нагрузки, что и перед первым матчем. Тренер, однако, был непреклонен: «Ваше дело выполнять программу».

Прибыли во Францию. Нас встретил постоянный импресарио советских команд за рубежом Юлий Осипович Украинчик. Прилетели мы часов в 9 вечера и, естественно, собирались отдохнуть. Вдруг Валерий Васильевич говорит: «Размещаемся, берем вещички и едем на стадион». Удивляемся, но что поделаешь...

На стадионе устроили нам самые настоящие гонки, часа на полтора, если не больше. Украинчик посмотрел на нас и говорит Лобановскому:

— Вы что, тренироваться приехали сюда или играть официальный матч с «Сент-Этьеном»?

Оба засмеялись.

Утром такая же тренировка. И это в день игры! Люди, можно сказать, «готовы».

И все же матч был захватывающим. Мы проиграли в основное время 0:2, хотя у нас был почти 100-процентный шанс. Блохин вдвоем с Онищенко вышли на вратаря Чурковича, но Блохин пожадничал, не отдал паса Онищенко, а сам дуэль с вратарем проиграл.

В дополнительное время нам забили третий мяч (за 7 минут до конца это сделал Рошто. — *Ф.Р.*), что и подтвердило нашу неготовность к игре.

Дома начались обычные разборки. Приехал председатель Украинского спорткомитета Михаил Макарович Бака и начал укорять Лобановского: «Как же такой важный матч проиграли? Что у вас за подготовка?» А Лобановский в ответ: «Ничего, все там, там скажется». И пальцем как бы показывает на карте Монреаль, где Олимпиада состоится. Это, мол, наша главная цель...

Между тем нам не нужна была никакая новая методика. Команда была и так готова к высоким достижениям. Игроки сами уже все знали, все умели, и не было необходимости особенно их гонять. Только поддерживать функционально. А ведь у нас Веремееву на ночь «надевали» электросон. Не мог заснуть. И не только он. Мы ложились и слышали стук своего сердца. Кому нужны были такие нагрузки?..»

Но вернемся в Москву, где продолжается скандал вокруг Ядгар Насридиновой. На следующий день после заседания КПК — 18 марта — решение об исключении Насридиновой из партии было... аннулировано. Единственное, что удалось — это оставить формулировку точно такой, как в первом решении, где перечислялись творимые Насридиновой беззакония, только с добавкой: «...заслуживает исключения из партии, но учитывая, что она освобождена от занимаемых постов и не привлекалась к партийной ответственности, объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку».

В тот же день моему отцу по месту его работы в 8-м таксопарке выписали премию — 10 рублей. Пишу об этом, поскольку в таких случаях и мне обязательно что-нибудь перепало. Отец всегда был моим спонсором — зная о моих мальчишеских нуждах, всегда подбрасывал мне то полтинник, то рубль на кино и

мороженое. А в дни премий мог отстегнуть и вовсе баснословные деньги — целую трешку. В таких случаях я тратил деньги на более существенное: например, на журнал «Советский экран», который коллекционировал, или какую-нибудь грампластинку. В том марте я потратил 60 копеек на гибкую пластинку ВИА «Лейся, песня», где звучали два шлягера: «Кто тебе сказал» (В. Добрынин — Л. Дербенев) и «Стучит дождь» (Э. Ханок — В. Харитонов). Вообще жанр ВИА в те годы был в явном фаворе, на что указывает следующий факт: в 1976 году фирма «Мелодия» выпустит сразу несколько новых пластинок с записями как популярных, так и мало кому известных ВИА. И ни одной пластинки советских рок-исполнителей. А ведь именно в том марте в Таллине состоялся рок-фестиваль «Таллинские песни молодежи-76», на который съехались многие популярные команды со всей страны. Достаточно назвать хотя бы такие: «Машина времени», «Цветы», «Удачное приобретение» (все — Москва), «Аквариум», «Орнамент» (оба — Ленинград), «Время» (Горький) и др. Причем все приехали на фестиваль по направлению какой-нибудь организации (в частности, участники «Машины времени» имели на руках бумагу от Министерства мясо-молочной промышленности, где они в ту пору базировались), и только «Аквариум» приехал в Таллин без всякого приглашения, по собственной инициативе. И был допущен участвовать в фестивале.

Между тем «машинисты» приехали в Таллин чуть позже всех остальных участников, поэтому были определены жить не в гостиницу, где мест уже не оказалось, а в студенческое общежитие. Ехали они туда на троллейбусе, причем вместе с участниками другой рок-группы — «Аквариум». Именно в салоне «рогатого» и произошла первая встреча двух будущих крифеев отечественного рока — Андрея Макаревича и Бориса Гребенщикова (последний на тот момент являл собой интеллигентного вида юношу в овчинном тулупе и с гитарой в матерчатом мешке). Рядом с Борисом притулилась его тогдашняя жена. Кстати, о последней потом будут ходить слухи, что на вечеринке в общаге, устроенной «машинистами» и «аквариумщиками» по случаю знакомства, она станет жертвой ухаживаний Макаревича, но устоит перед ними. Сам Макаревич объяснит свое

внимание к девушке джентльменским порывом: дескать, узнав, что у Гребенщикова с женой нет своего номера, он предложил им переночевать у себя.

Вспоминает А. Макаревич: «Концерты шли днем и вечером в зале Таллинского политехнического института. По три-четыре группы в каждом. Мы выступали вечером первого дня. Не знаю уж, в каком приподнятом состоянии духа мы пребывали, но зал аплодировал минут десять — было ясно, что это победа (к полной нашей неожиданности, кстати: у нас ведь до этого не было возможности сравнить себя с другими командами, кроме московских). Не знаю, что тут сработало — то ли наши песни, сделанные из очень простой музыки, то ли странное сочетание бит-группы со скрипкой, а может, наш завод, у прибалтов отсутствовавший. Наверное, все вместе.

Назавтра днем состоялось второе наше выступление. Оно прошло похуже из-за нашего состояния — очень уж нас накануне все поздравляли, но это уже было неважно...

Уезжали мы из Таллина пьяные от счастья и коктейля «Монди», увозя с собой бесценную бумагу, подписанную секретарем ЦК ВЛКСМ (ну и что, что Эстонии?), где говорилось, что мы не враги народа, а напротив, художественно и идеологически выдержанные и заняли первое место на советском молодежном фестивале...»

Лариса Шепитько продолжает работу над фильмом «Восхождение»: под городом Муромом вот уже третий месяц идут натурные съемки. С 17 марта начали снимать кульминацию — казнь Сотникова и деревенских жителей, помогавших партизанам. Без содрогания эти кадры сегодня смотреть нельзя: такое впечатление, что все, запечатленное на пленку, происходило на самом деле. Но иначе и быть не могло: Шепитько была из тех редких режиссеров, кто добивался жизненной достоверности буквально в каждом кадре. Вот как вспоминает об этом исполнитель роли предателя Рыбака Владимир Гостюхин:

«После трагической сцены казни Рыбак совершенно раздавлен происшедшим. В тот момент он — существующее по инерции полуживотное. И когда он возвращается на место, откуда начался путь на Голгофу всех участников казни, и когда он видит пустой проем подвала,

из которого они совсем недавно вместе вышли, — перед ним разверзается бездна. Тут только начинает доходить до него мучительный, непосильный смысл происшедшего. И в голову ему приходит мысль убрать, уничтожить себя, чтобы прекратить невыносимую муку.

Перед съемкой (этот эпизод снимали 19 марта. — Ф.Р.) у нас был разговор с Ларисой Ефимовной о сложности эпизода, и я рассказал ей, как я это все вижу: Рыбак после неудачной попытки повеситься в уборной выйдет на такой... плач, что ли, и в последующем кадре финала я представлял себе моего героя рухнувшим на колени. Этого в сценарии не было.

Шепитько приняла мою версию, вполне ее допустила, но как к этому прийти — мы не знали. Решили пробовать на площадке. И когда стали снимать выход из уборной, она начала просто читать сценарий, читать, как написано. В первом дубле во мне это не отозвалось. Тогда я попросил ее то же самое прочесть шепотом. И когда она стала шепотом произносить каждое слово, в моей душе что-то откликнулось и я действительно пришел в необходимое, в кризисное состояние. Николай Рыбак упал на колени, молил прощения у судьбы и, рыдая, потянулся к заснеженному полю. Так мы и сняли. Вспоминаю об этом, потому что тогда я ощутил в себе какой-то поразительный всплеск, духовное слияние с Ларисой Ефимовной...»

В понедельник, 22 марта, скончался писатель Сергей Смирнов. Как мы помним, главной книгой его жизни была «Брестская крепость». Эта книга сделала его знаменитым, она же стала невольным укоротителем его жизни. После того как некоторые герои книги попали в немилость к властям, на Смирнова посыпались все шишки: цензоры требовали изъять из последующих изданий все упоминания о провинившихся, а когда тот не соглашался, пускали под нож уже отпечатанные тиражи книги. Однако подавляющая часть читателей и ведать не ведала о том, каких мук стоили Смирнову последние годы его жизни. Для всех он был олицетворением мудрости и спокойствия, особенно это впечатление появлялось после каждого выхода в эфир телевизионной передачи «Подвиг», которую Смирнов вел. Как вспоминает сын писателя кинорежиссер Андрей Смирнов:

«Последние годы жизни отца у меня с ним был тяжелый конфликт, который мне причинял много горя, а ему, я думаю, еще больше. Это я только сейчас понимаю. Но для меня и тогда было очевидно, что, каким бы я ни был, я сформирован под бессознательным примером жизни и способа мышления отца. Не забывайте, что я из поколения, которое родилось под первые бомбежки. Мне было три месяца, когда началась война...

Отец, мне кажется, был идейным коммунистом. Именно в его, фронтовом, поколении я могу вспомнить людей, которые производили на меня впечатление искренне верующих в коммунистическую доктрину, в то, что социальная справедливость возможна и в будущем она наступит. Уже в своем поколении я таких не видел. Речь шла только о карьере...»

С этого же понедельника в школах начались весенние каникулы. Однако одна школа в Москве продолжала принимать в своих стенах учеников — № 59, что в Староконюшенном переулке. Дело в том, что там режиссер Владимир Меньшов снимал фильм «Розыгрыш», и ученикам было предложено изображать в кадре самих себя. Разумеется, никто от такого заманчивого предложения отказаться не смог, и практически половина школы исправно приходила на съемки и снималась столько, сколько требовалось.

24 марта исполнилось 70 лет легендарной советской певице Клавдии Шульженко. В тот день десятки телеграмм и телефонных звонков обрушились на юбиляршу, которая хотя и пребывала не в самом добром здравии (недавно она перенесла болезнь), но все равно источала радость и оптимизм. Хотя еще накануне юбилея у нее были некоторые поводы для огорчения. Дело в том, что Шульженко рассчитывала вскоре после юбилея дать концерт на одной из самых престижных концертных площадок того времени — Колонном зале Дома союзов, но ее противником в этом начинании стал председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин. Спросите почему? Дело в том, что некоторое время назад у них с певицей произошел серьезный конфликт. Поводом к нему послужил концерт певицы, транслируемый по ЦТ. Примерно на середине представления концерт был прерван из-за начавшейся программы «Время» (как и сегодня, она начиналась в 21.00). Шульженко

этот факт возмутил, и она тут же набрала номер телефона Лапина. Глава ЦТ попытался объяснить артистке, что «Время» — программа обязательная и выходит в строго определенное время. Тогда Шульженко привела ему пример, когда начало «Времени» однажды было перенесено на более поздний срок из-за прямой трансляции с чемпионата мира то ли по хоккею, то ли по фигурному катанию. На что Лапин ответил: дескать, это было сделано в угоду весьма влиятельным людям (намек был явно в сторону первой семьи государства: всем было известно, что фанатом хоккея был Брежнев, а его жена обожала фигурное катание). Однако этот ответ не удовлетворил певицу, и она холодно заметила: «В таком случае вам надо сидеть на скамейке запасных!» И повесила трубку.

С той поры Лапин затаил на Шульженко обиду и ждал удобного случая, чтобы вернуть ей должок. Такой случай представился в юбилейные для певицы дни. Поскольку Колонный зал был в ведении Лапина, он запретил устраивать там юбилейный концерт Шульженко. Так и сказал: «Пусть ищет другой зал». Но Шульженко была женщиной гордой, не умевшей отступать перед трудностями. Она подключила к этому делу всех своих друзей, даже написала письмо министру культуры СССР Демичеву. Последний ответил уклончиво: «Мы подумаем». Судя по всему, думал он в правильном направлении и буквально накануне юбилея Шульженко сообщили, что «добро» на Колонный зал получено.

25 марта в «Вечерней Москве» была опубликована заметка про талантливого 26-летнего клоуна из Нового цирка на проспекте Вернадского Юрия Куклачева. В публикации отмечалось, что Куклачев чуть ли не единственный в стране артист цирка, выступающий с кошками. Однако заметка была небольшой, и многое из того, о чем читателю было бы интересно узнать, осталось за кадром. Например, о том, что Куклачев в цирке был... изгоем, поскольку пришел не из цирковой династии: его отец был шофером, мать дворником. Что к идее поставить номер с кошками он пришел совершенно случайно: подобрал на улице бездомную кошку и начал ее дрессировать. Как позднее признается сам Куклачев, эта воспитанница — Стрелка — окажется самой одаренной из всех.

Между тем карьера Куклачева резко взлетит вверх, после того как его благословит сам Брежнев. Произойдет это именно в 1976 году при следующих обстоятельствах. Однажды генсек надумает посетить цирк на Вернадского и попросит, чтобы в программе обязательно был клоун (их он особенно любил). А там, как на грех, в тот момент ведущий клоун заболел. И тут кто-то из брежневского окружения вспомнил про клоуна с кошками, которого видел как-то в одной из программ. «Да вы что?! — возмутились в цирке. — Куклачев молод еще, чтобы выступать перед самим генеральным секретарем. Да и нет его сейчас в Москве — он в Горьком на гастролях». — «Значит, вызовите! — последовал грозный приказ. — А что касается молодости, то здесь не вам решать».

Спустя несколько часов Куклачева на специальном автобусе доставили в Москву. При чем не в цирк, а сразу к министру культуры Демичеву: тот лично хотел убедиться в его способностях. Куклачев показал ему несколько номеров со своими пушистыми питомцами, которые привели Демичева в неописуемый восторг. «А я думал, что кошки дрессировке не поддаются», — признался министр после просмотра. Далее послушаем самого Ю. Куклачева:

«Брежнев пришел в цирк, посмотрел мой номер и сказал: «Во-о-от эта-а да-а!» Меня пригласили в ложу, подобного вообще в цирке не припомнят. Поднимаюсь, а Брежнев говорит: «Это только в нашей стране человек мог такое придумать. Надо же! С кошками выступает. Налейте ему рюмочку». — «Да я не пью». — «Как это, русский человек — и не пьет, — растерялся Леонид Ильич. — Нехорошо». Выпил — куда денешься! И началась новая жизнь. Меня уже больше никто не трогал, не душил...»

Но вернемся в конец марта 76-го.

В эти же дни в Свердловске начался очередной чемпионат СССР по боксу. На него съехались лучшие боксеры со всей страны, а одного спортсмена доставили туда прямо... из следственного изолятора Москвы. Этим боксером был Олег Коротаев. Что же произошло?

Коротаев был лучшим полутяжем страны, побеждавшим в большинстве боев своих соперников нокаутами (в 196 боях одержал 187 побед, 160 из них с помощью нокаутов!). Некоторые спортсмены специально «нагуливали» вес и уходили из полутяжов в тяжеловесы, лишь бы

не попасть под удары коротаевских кулаков. Именно за это Коротаяева буквально боготворил Фидель Кастро, который подарил ему нож мачете в знак особого уважения после того, как он отправил в нокаут одного из любимцев вождя кубинской революции. А другой коммунистический вождь — югославский лидер Иосиф Броз Тито — подарил Коротаяеву пепельницу с золотым ободком и надписью: «С уважением от И. Тито». В 1974 году на чемпионате мира Коротаяев одержал победу над звездой мирового бокса Мохаммедом Али. Коротаяев пять раз становился чемпионом СССР, был вторым на первенстве мира-74 и третьим на Европе.

Однако в середине 70-х началась затяжная драма в жизни талантливого спортсмена. Недоброжелателей и завистников в спорте у него хватало, вот они и постарались, чтобы Коротаяев как можно раньше сошел с дистанции. В 72-м за незначительное нарушение дисциплины его не взяли на Олимпийские игры в Мюнхене, а в 75-м, когда он позволил себе в Америке зайти в гости к друзьям-эмигрантам, его и вовсе открепили от сборной и не взяли на первенство Европы. Зато сказали, чтобы он ехал на сборы перед первенством профсоюзов. Коротаяев отказался: он семь лет был в сборной, больше чем кто-либо, а тут ему предлагали, словно новичку, сборы второразрядного соревнования. Чтобы заглушить обиду, боксер пустился во все тяжкие: связался с темными личностями, кутил в ресторанах. На том и погорел.

Как-то в ресторане гостиницы «Варшавская», что возле метро «Парк Культуры», Коротаяев надумал «снять» путану. Дав ей деньги, он отправил ее в номер, а сам задержался. Однако девушка по дороге к месту назначения нашла себе более выгодного клиента — бизнесмена из Западной Германии. Увидев это, Коротаяев бросился в погоню. Он настиг воркующую парочку в лифте и, не говоря ни слова, «припечатал» своим пудовым кулаком сначала бизнесмена, а потом и путану. После чего поднял иностранца за грудки и приказал ему выворачивать карманы. Тот беспрекословно подчинился, отдав Коротаяеву всю имеющуюся у него наличность — целую «котлету» баксов. Путана потом будет рассказывать, что боксер вышел из лифта чрезвычайно довольный и, потрясая долларами, сказал: «Ну, оплатить оркестр хватит!..»

Этот инцидент так и остался бы неразглашенным (иностранец счел за благо не заявлять в милицию), если бы накануне его Коротаяев не отметился бы точно таким же образом в другом питейном заведении — ресторане «Русь». Причем там под его пудовые кулаки угораздилось попасть не какому-нибудь иностранцу... а сыну министра внутренних дел СССР Игорю Щелочкову! Поэтому на момент драки с иностранцем за Коротаяевым уже охотилась милиция, и, едва он вернулся из «Варшавской» домой, как его тут же и повязали. Во время обыска у него нашли наркотики и «боеприпасы» — сувенирный патрон, подаренный боксеру американским полицейским в знак уважения.

Самое интересное, но, даже несмотря на то что за арестом Коротаяева стояли весьма влиятельные люди, нашлись и такие, кто попытался помочь боксеру. Под их давлением уголовное дело на него было закрыто. Но затем кто-то из «доброжелателей» накатал анонимное письмо в адрес XXV съезда КПСС, и дело возбудили снова. Коротаяева поместили в СИЗО, правда, разрешили в последний раз выступить в первенстве страны, поскольку проходило оно на родине боксера — в Свердловске, и он таким образом мог в последний раз навестить родных. Прямо из КПЗ его отвезли к самолету, который и доставил боксера на турнир. Однако выступить на должном уровне Коротаяеву мешало здоровье — у него началась ангина, да такая сильная, что из ушей боксера шел гной. В полуфинале — 26 марта — он должен был биться с Квачадзе, у которого до этого уже неоднократно выигрывал. Тренеры и организаторы чемпионата поставили вопрос о том, чтобы Коротаяев пропустил этот бой и выступил в финале (28 марта). Передышка дала бы ему возможность хоть немного выздороветь. Но тренеры Квачадзе выступили против. И бой состоялся. Вот как о нем вспоминает В. Агеев:

«Квачадзе поначалу побаивался Олега, а он своеобразный был боксер, с хорошей защитой, и вот Олег его бил, бил, бил, хотел побыстрее уже в первом раунде закончить бой, но спешка в таком деле плохой помощник, хотя, конечно, она была оправданна — когда ты едва стоишь на ногах и из ушей хлещет гной, тут волей-неволей будешь спешить. Как бы там ни было, а у Олега все никак не мог пройти сильный удар. И где-то к концу второго раунда он выдохся, и

тут Квачадзе стал выходить потихоньку из защиты, отвечать ударами, и в итоге судьи отдали победу Квачадзе...»

Стоит отметить, что после этой победы у Квачадзе пошел рост — он стал чемпионом Европы, участником Олимпийских игр и так далее. А звезда Коротаява закатилась — состоявшийся вскоре суд приговорит его к 8 годам тюремного заключения. Но вернемся в конец марта 76-го.

Утром 26 марта в Театре на Таганке состоялась репетиция «Гамлета» с новым составом — роль принца датского в нем исполнял Валерий Золотухин, новыми были исполнители ролей Короля, Лаэрта и др. Здесь же присутствовал и старый Гамлет — Высоцкий. Он сидел в зале и молча наблюдал за тем, что происходит на сцене. Чувствовал он себя, судя по всему, не очень весело. Именно поэтому сразу после репетиции он пришел в гримерку к Золотухину, чтобы расставить все точки над «i». Разговор получился незлобивый, о чем можно судить по дневникам Золотухина. Судя по ним, Высоцкий говорил следующее:

«В своей жизни я больше всего ценил и ценю друзей... Больше жены, дома, детей, успеха, славы... денег — друзей. Я так живу. Понимаешь? И у меня досада и обида — на шефа главным образом. Он все сводит со мной счеты, кто главнее: он или я, в том же Гамлете. А я — не свожу... И он мне хочет доказать: «Вот вас не будет, а Гамлет будет, и театр без вас проживет!» Да на здоровье... Но откуда такая постановка? И самое главное, он пошел на хитрость: он выбрал тебя, моего друга, и вот, дескать, твой друг тебя заменит... Я не боюсь, что кто-то лучше сыграет, что скажут: Высоцкий хреново играл, а вот — как надо. Мне было бы наплевать, если бы он пригласил кого угодно: дьявола, черта... Смоктуновского... но он поставил тебя... зная, что ты не откажешься... зная твою дисциплинированность, работоспособность и т. д...»

Золотухин пытался оправдываться, даже высказал предположение, что Гамлета в его исполнении ждет провал. На что Высоцкий заметил: «Нет, Валерий, ты не провалишься... Золотухин — Гамлет, новая редакция — ажиотаж будет... Единственное скажу, может быть, неприятное для тебя... Будь у тебя такой спектакль, шеф бы ко мне с подобным предложением

не обратился бы, зная меня и мою позицию в таких делах. Но... я уважаю твой принцип: ты всегда выполняешь приказ, играешь то, что дают... не просишь никогда... Надо — надо, и честь имею...»

Золотухина эти слова обнадежили. Ему очень не хотелось, чтобы они расстались врагами, тем более что через несколько дней Высоцкому предстояла очередная полуторамесячная отлучка — он уезжал за границу. И они разошлись вполне дружелюбно.

Воскресным вечером 28 марта закатилась звезда молодого киноактера Сергея Шевкуненко. Как мы помним, слава к нему пришла в июне 1974 года после выхода на телевизионные экраны фильма «Кортик», где Шевкуненко сыграл главную роль — правильного пионера-следопыта Мишу Полякова. Не ошибусь, если скажу, что почти все девчонки Советского Союза были влюблены в этого симпатичного белобрысого мальчишку с хорошо поставленным голосом. Эта любовь лишь окрепла, когда на экраны страны вышло продолжение «Кортика» — фильм «Бронзовая птица» и истерн «Пропавшая экспедиция», где Шевкуненко предстал перед своими поклонниками уже повзрослевшим и возмужавшим. Казалось, что впереди юного актера ждут еще большие успехи на ниве киноискусства, как вдруг...

Мало кто из поклонников артиста знал, что уже на момент его дебюта в искусстве у него уже были неприятности с законом: в 13-летнем возрасте Сергей был поставлен на учет в детскую комнату милиции. Затем киношная жизнь на какое-то время отвалила его от дурной компании, но, как оказалось, не навсегда. В силу своего характера Шевкуненко всегда стремился к лидерству, причем не только на съемочной площадке, но и в обычной жизни. Явление, в общем-то, отрадное, и при том таланте и рвении, которые демонстрировал Шевкуненко, ему можно было всерьез рассчитывать на продолжение успешной карьеры в кино — ведь не каждый начинающий студент ВГИКа имел за плечами главные роли сразу в трех популярных картинах. Но Шевкуненко применил свой талант на ином поприще.

В то злополучное воскресенье, 28 марта, Сергей вместе с приятелем купили в одном из магазинов на Мосфильмовской улице бутылку портвейна и благополучно «приговорили» ее

под детским «грибочком» в каком-то скверике. Дело близилось к вечеру, каждого из них дома ждали какие-то дела, поэтому спустя какое-то время приятели разошлись в разные стороны. Когда до дома Шевкуненко на улице Пудовкина оставалось рукой подать, Сергей обратил внимание на симпатичного терьера, которого выгуливал во дворе незнакомый гражданин. Будучи с детства большим любителем собак, Сергей не смог устоять перед искушением и, подойдя к псу, стал ласково трепать его по морде. Взглянуть со стороны — вполне идиллическая картина. Однако хозяйину собаки она почему-то не понравилась. Не выбирая выражений, он потребовал от Шевкуненко, чтобы тот оставил в покое его животное. Реакция того была не менее бурной. Слово за слово, началась перепалка, которая вскоре переросла в драку. Шевкуненко оказался моложе и сильнее своего визави: повалив на землю, он стал избивать его без всякого сожаления. Избиение прекратилось только после того, как прохожие, прибежавшие на крики избиваемого, сумели оттащить озверевшего артиста от его жертвы.

На следующий день собачник отправился в ближайшее с его домом 76-е отделение милиции и написал на обидчика заявление. Для правоохранительных органов оно оказалось как нельзя кстати, поскольку появилось аккуратно в дни, когда в стране был объявлен очередной крестовый поход против хулиганства. К тому же в качестве обвиняемого в нем фигурировала уже хорошо известная стражам порядка личность. С хулиганом решено было больше не валандаться, тем более что родной «Мосфильм» отказался взять его на поруки. Впереди Шевкуненко ждал суд.

А столица между тем живет своими каждодневными заботами. Например, коллектив Большого театра в те дни пребывал в радостном возбуждении: 28 марта театру исполнилось 200 лет. По этому случаю было принято решение о реставрации здания театра, в частности его главной достопримечательности — квадриги лошадей, управляемой покровителем всех искусств богом Аполлоном. Именно тогда было принято решение «одеть» Аполлона — прикрыть фиговым листком его мужское достоинство. Как утверждают очевидцы, идея исходила снизу — от специалиста-реставратора Владимира Лукьянова, который объяснил свою

инициативу просто: мол, на большинстве греческих скульптур нагота прикрыта. Спорить с этим мнением никто не стал. За каких-нибудь пару-тройку часов в памятнике великого Клодта была просверлена аккуратная дырочка, куда и прикрепили «фиговый листок». (Для справки: в таком виде Аполлон простоят до конца 90-х, после чего вновь будет «раздет».)

Но вернемся в конец марта 76-го.

Радостное известие пришло в конце марта из Америки: премия Американской академии киноискусств «Оскар» в номинации «Лучший зарубежный фильм 1975 года» была присуждена советско-японскому фильму режиссера Акиры Куросавы «Дерсу Узала». Вот как об этом вспоминает исполнитель роли Арсеньева Юрий Соломин:

«Ни я, ни Максим Мунзук «Оскар» получать не ездили. Я вообще о присуждении узнал, можно сказать, случайно. Пришел в театр, а мне говорят: «Тебе звонили из японского посольства». Оказывается, звонил атташе по культуре, чтобы сообщить, что «Дерсу Узала» получил премию, и поздравить нас с Мунзуком. Потом мне позвонила жена, которой, в свою очередь, позвонила подруга, работавшая в «Известиях». Она поздравила Ольгу и спросила: «Юра, конечно, в Америке?» Ольга говорит: «В какой Америке? Он в театре. У него спектакль вечером». Подруга удивилась и сказала, что мы подучили «Оскар». На следующий день мы узнали об этом и из центральных газет. Затем в газетах наши фамилии уже не назывались. Как будто и не награждали никаким «Оскаром», и мы к этому ровно никакого отношения не имеем. Через какое-то время я встретил одного известного критика в Союзе кинематографистов, и он, захлебываясь от восторга, стал мне рассказывать, как в Америке он видел эту церемонию и что, когда назвали наши фамилии, весь зал встал. Я послушал, но на меня это впечатления не произвело.

Статуэтку «Оскара» позже я увидел в Японии. Там мне даже дали ее подержать, но мне стало как-то стыдно и неудобно. В Москве же меня никто даже не счел нужным пригласить в Госкино. Никто не пожал руки и не сказал «спасибо» за тот вклад, который мы сделали в мировое искусство. Не предложили мне сфотографироваться с «Оскаром» в руках на память,

чтобы моя внучка узнала, что ее дедушка хотя бы держал эту статуэтку...»

Утром 31 марта Владимир Высоцкий и Марина Влади выехали на своей иномарке из столицы. Им предстоял долгий путь сначала до Бреста, а оттуда через Польшу и сопредельные страны во Францию. Впрочем, этот маршрут им был уже хорошо известен — двигались они по нему не в первый раз. Высоцкий был в хорошем расположении духа, несмотря на то что последние события в родном театре вселяли в него мало оптимизма. Однако впереди его ждал полуторамесячный отпуск, во время которого он собирался совершить круиз на океанском лайнере.

Между тем в Москве, в парке Сокольники, готовилась к открытию выставка «Станки ФРГ-76». Она привлекла к себе повышенное внимание специалистов станкостроения из многих союзных республик, которые собирались во время ее проведения заключить выгодные для себя контракты. Однако мало кто знал, что выставка оказалась также в центре внимания и такого ведомства, как КГБ. Но чекистов интересовали отнюдь не станки, а некоторые из гостей, прибывшие в Москву в составе делегаций. Например, бизнесмен из фирмы «Дионис Хофман» Вилли Эрбеле, который подозревался в скупке советских оборонных секретов. У КГБ была информация, что во время нынешнего пребывания в Москве Эрбеле попытается выйти на контакт с одним из таких продавцов. Так оно и вышло.

Вечером 31 марта Эрбеле в компании своих компаньонов посетил один из самых популярных столичных ресторанов — «Узбекистан», что на Неглинной. Заказав самые дорогие деликатесы, компания принялась бурно отмечать свой будущий успех на предстоящей выставке. Тем временем в самый разгар веселья в ресторан вошел мужчина средних лет и, не обращая внимания на табличку «Свободных мест нет», прошел в зал. Отыскав глазами Эрбеле, он подошел к его столику и опустился на свободный стул. Это был коллега бизнесмена начальник экспортного отдела фирмы «Хофман» Карл Хайнц Роховски, который служил передаточным звеном между Эрбеле и продавцом секретов. И в ресторан его пригнал отнюдь не голод, а шпионская необходимость: он подготовил встречу с продавцом.

Перебросившись между собой несколькими фразами, Эрбеле и Роховски вскоре поднялись со своих мест и незаметно покинули ресторан. На улице их ждали «Жигули» Роховски, на которых тот повез Эрбеле к месту встречи с продавцом. Этим местом был сквер возле Большого театра. Когда они подъезжали к месту назначения, Эрбеле достал из карманов пиджака четыре продолговатых бумажных пакета и передал их своему соседу. В каждом из пакетов находилось по несколько тысяч советских рублей — деньги для продавца секретов. Эрбеле не знал, что один из пакетов Роховски оставит себе как плату за оказанную услугу.

Когда «Жигули» притормозили у сквера, Роховски вылез из салона и исчез в потоке пешеходов. Он объявился вновь спустя несколько минут, причем не один, а с невысоким темноволосым мужчиной в сером пальто. Это был старший инженер В/О «Станкоимпорт» Ваганов (фамилия изменена), который готов был за хорошую мзду выдать немецким бизнесменам коммерческую тайну, в результате которой те получали возможность более выгодных для себя условий для продажи станков. Получив причитающиеся ему за будущие услуги деньги, Ваганов покинул машину на одной из улиц столицы, а спустя пару минут уже сидел в другой — в «Волге», принадлежащей КГБ. Чекисты контролировали весь процесс встречи Ваганова с иностранцами и, едва он с ними растался, немедленно его арестовали.

Тем временем во второй половине марта в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 17-го — историко-биографический фильм советско-польского производства «Ярослав Домбровский» режиссера Богдана Порембы с участием: Зигмунта Маляновича, Виктора Авдюшко, Владимира Ивашова и др.; 22-го — лента про футбол «Одиннадцать надежд» Виктора Садовского, где снимались: Анатолий Папанов, Любовь Виролайнен, Юрий Демич и др. Из зарубежных фильмов выделяю следующие. 15-го на экраны вышла комедия западногерманских кинематографистов «Трое на снегу», которая лично меня приятно удивила: до этого я считал, что у немцев с юмором туго, а эта лента оказалась вполне удобоваримой. С 29-го начался прокат итальянской комедии Витторио де Сика «Короткий отпуск» с Флориндой Болкан в главной роли.

Кино по ТВ: «Женщины» (16-го), «Мальчишки», «Мы из Кронштадта» (17-го), «Юркины рассветы» (18—21-го), «Операция «Ы», или Другие приключения Шурика» (19-го), «А зори здесь тихие...» (21-го), «Тарас Шевченко», «Семеро сыновей моих» (22-го), «Смок и Малыш» (премьеры т/ф 23—25-го), «Приключения Буратино» (24—25-го), «Девчата» (26-го), «Назначаешься внучкой» (премьеры т/ф 27—28-го), «Не на жизнь, а на смерть» (27—28-го), «Капитан Немо» (премьеры т/ф 29—31-го), «Считайте меня взрослым» (впервые по ТВ 30-го), «Операция «Трест» (30—31-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 16-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль «Багряный бор» с участием: Леонида Кулагина, Бориса Чиркова и др.; в ГТЭ — «Номер в отеле» с участием творческого дуэта в лице Марии Мироновой и Александра Менакера; 19-го в ЦТСА — «Мы, русский народ».

Эстрадные представления: 19—21-го — в ЦДСА выступали артисты кино: Марина Ладнынина, Лидия Смирнова, Всеволод Санаев, Иван Переверзев, Зоя Федорова, Георгий Вицин и др.; в Доме офицеров Академии имени Жуковского — ВИА «Пламя»; 26—28-го в ЦДСА — ВИА «Самоцветы»; во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты «Цыганские напевы»; 27—28-го в «Октябре» выступали артисты югославской эстрады: ВИА «Ювентус» и др. 16—31 марта в ГЦКЗ продолжались гастроли Ленинградского мюзик-холла с участием кумира советских женщин Сергея Захарова.

В журнале «Кругозор» (№ 3) выделю пластинки, на которых были записаны: Геннадий Белов — «Здравствуй, мама» (Д. Тухманов — Р. Рождественский); песни из т/ф «Ирония судьбы, или С легким паром» в исполнении Аллы Пугачевой и Сергея Никитина.

1976

Апрель

Мои писательские опыты. Цензура насаждает на Алексея Германа. Людмила Гурченко играет Козу, а Никита Михалков этого не понимает. Роман Кончаловского и Андрейченко. Польские медали для «Кабачка «13 стульев». Как КГБ гонял Андрея Сахарова с женой из Москвы в Омск и обратно. Землетрясение в Газли. «Два капитана»: Ромашов приносит компромат. Чемпионат мира и Европы по хоккею: наши проигрывают полякам. Как Клавдия Шульженко пропала после юбилейного концерта. Почему не начались съемки «Усатого няня». Несуны Советского Союза. Завещание Леонида Быкова. Митту заставляют делать поправки. Уголовное дело Саблина закончено. Орден Раневской. Я вступаю в ВЛКСМ. Роман Кончаловский — Коренева завершился. Очередное поражение советской сборной. Сахаров и Боннэр в Омске: полдня за решеткой. Леонид Быков не хочет жить. Высоцкий в казино. Как Митта вырезал карликов. Олег Борисов пресекает «домогательства» коллеги. Крестный ход у Елоховской церкви. Итоги Всесоюзного кинофестиваля. Поражение советского хоккея в Катовице. Кто напал на поэта Константина Богатырева. Умер Андрей Гречко. Зоя Федорова: долгожданная встреча с дочерью. Олег Даль в погоне за нерадивым директором фильма. Скандал вокруг ВИА «Цветы». Как Алексей Козлов успокоил своего отца. Брежнев на «ЗИЛе». «Гамлет» с Золотухиным скончался, еще не родившись.

В четверг, 1 апреля, после весенних каникул, в школах возобновились занятия. Поскольку начало последней четверти совпало с Днем смеха, школьники (да и не только они) вели себя соответствующим образом — устраивали друг другу всевозможные розыгрыши. Помните, меня самого кто-то из одноклассников отправил к директору, но на полдороге я внезапно вспомнил, какой на дворе день, и вовремя повернул обратно, не дав возможности шутнику насладиться розыгрышем.

Между тем каникулы я впервые провел не в праздном шатании, а в занятиях серьезным делом — во мне проснулся писательский зуд. Не в силах унять его, я купил в канцелярском магазине толстую амбарную тетрадь (96 листов) и стал кропать в нее ни много ни мало целый роман. Причем роман юмористический. Почему я выбрал именно этот жанр? Все очень просто. В нашем дворе за мной давно закрепилась слава местного барона Мюнхгаузена: собирая вокруг себя толпы сверстников, я мог фантазиро-

вать часами подряд, сочиня всякие небылицы, иные из которых длились по несколько часов. До сих пор у меня перед глазами стоит такая картина: поздний летний вечер, я заливаюсь соловьем перед дворовой ребятней, а их родители, вышедшие, чтобы загнать своих отпрысков по домам, терпеливо ждут, когда я закончу свою сказку. Кстати, и два моих младших брата тоже засыпали под мои рассказы: младший, Валерка, вырубался раньше всех, а вот средний, Ромка, долго не засыпал, требуя продолжения рассказов. Иной раз я так расходился, что из соседней комнаты прибежала мама — усмирять неугомонного фантазера.

В конце концов с возрастом моя неумная фантазия стала требовать иных выходов, и я обратил свой взор на чистый лист бумаги. И хотя с грамматикой мои отношения всегда складывались непросто, меня это нисколько не смущало: писать-то я собирался исключительно для себя и друзей, а отнюдь не для того, чтобы увидеть свои произведения опублико-

ванными. И практически за несколько дней я накрадал свой первый роман — про приключения Пипкина. Этот герой родился на свет благодаря симбиозу двух известных киноперсонажей: герою 13 английских комедий 60-х годов Питкину в исполнении Нормана Уиздома (сам я эти ленты тогда еще не видел, но слышал о них от старших товарищей) и Высокому блондину в исполнении Пьера Ришара (эти фильмы я видел). Опробовать свое произведение на слух я отправился домой к своему однокласснику и другу Сергею Злобину. Тот сказал почти по Сталину: «Эта вещь будет посильнее «Фауста». Столь лестная оценка моего опуса меня сильно вдохновила, и я засел за новые «Приключения Пипкина». С этого момента в доме моего друга на Казакова, 25, будут проходить регулярные читки моих произведений, на которые будет приглашаться исключительно избранный круг доверенных лиц.

Между тем кинорежиссер Алексей Герман, закончив работу над фильмом «Двадцать дней без войны», бьется с чиновниками за право выхода своего произведения на широкий экран. Это ему стоит бо-о-льших нервов. 2 апреля фильм смотрели члены Главной сценарно-редакционной коллегии Госкино и сделали в нем аж 20 замечаний. Не понравилось им многое из увиденного: неуклюжая фигура Лопатина в исполнении Юрия Никулина, некрасивость его возлюбленной (эту роль играла Людмила Гурченко), убогие интерьеры (хотя речь шла о военном времени), грязь на улицах и т. д. и т. п. Но особенно возмутил цензоров ночной разговор Лопатина с летчиком (Алексей Петренко) в поезде, где летчик рассказывает свою полную драматизма историю о том, как ему изменила жена. Монолог летчика длился более пяти минут и впоследствии будет назван одним из лучших в отечественном кинематографе. Однако цензоры заставили Германа сократить его чуть ли не вдвое.

Коллега Германа режиссер Никита Михалков запустился на «Мосфильме» с очередной картиной — «Неоконченная пьеса для механического пианино» по рассказам А. Чехова. Вот уже месяц, как идет подготовительный период — строятся декорации (восстанавливают усадьбу в подмосковном Пушкино), ищутся актеры. Одну из главных женских ролей Михал-

ков собирается отдать Людмиле Гурченко. Еще зимой он специально звонил ей домой и просил освободить лето для съемок. Но Гурченко, привыкшая до этого не доверять режиссерам (сколько раз те вот так же звонили, обещали, а затем забывали про свои обещания), отнеслась к этому звонку без особой надежды. И когда ее пригласили на главную роль в совместном советско-румынском мюзикле «Мама» (на роль Козы), она с радостью согласилась.

Съемки фильма начались в середине марта, а в начале апреля актрисе внезапно позвонил Михалков. Он сообщил, что лежал в больнице, никак не мог позвонить, но теперь делает это и приглашает актрису завтра же на студию, чтобы начать подготовку к съемкам. Ошарашенная Гурченко несколько секунд была в прострации, после чего ответила: мол, не могу, уже снимаюсь в другой картине. «Как не могу? — не понял Михалков. — Где вы снимаетесь?» — «В «Маме». Играю Козу». — «Какую Козу?! — у Михалкова чуть челюсть не отвисла. — Я же вас просил освободить лето! Я же на вас писал роль!» — «Я вам не поверила, я не верю режиссерам», — только и смогла ответить актриса. Видимо, этот ответ несколько смягчил ситуацию, и Михалков стал искать выход из создавшегося трудного положения. «А если я поговорю с руководством и вам разрешат сниматься в двух фильмах сразу, вы согласитесь?» — спросил он. «Соглашусь», — ответила Гурченко. На том они и расстались. К сожалению, этим мечтам так и не суждено будет сбыться, о чем я расскажу чуть позже. А пока вернемся к другим событиям апреля.

Родной брат Никиты Михалкова — Андрей Кончаловский — тоже в запуске — готовится к съемкам фильма «Сибиряда». В те апрельские дни шились костюмы, рисовались декорации, подбирались актеры. О том, как это происходило, вспоминает сам режиссер:

«Когда я стал спрашивать, кого из талантливых вгиковских ребят пригласить ассистентом на «Сибиряду», мне посоветовали студента режиссерского курса Сашу Панкратова. Так он появился у нас в группе. Человек жизнерадостный и наивный...

Саша был и есть дамский угодник. Большой ходок. Знал весь актерский молодежь в Москве, включая всех абитуриентов. Я озадачил его

найти молодую актрису на роль Насти. Чтобы она была сибирская, ядреная, кровь с молоком.

Я в это время болел, переходил на ногах воспаление легких. Жил у родителей, в моей квартире жила Вивиан (жена режиссера. — Ф.Р.). Саша привел Наташу Андрейченко: высокая, статная, круглая, вся, как яблоко, крепкая — укусить невозможно. Она мне понравилась, я начал нести какую-то ахинею — тут же решили выпить водки, болезнь этому занятию не помеха. Она стояла готовила яичницу; я смотрел на ее икры, плотные, сбитые — вся казалась сделанной из одного куска. Сразу понял: она настоящая и, наверное, может сыграть Настю...

У нас с Наташей стало намечаться что-то романтическое. Я пригласил ее съездить со мной в Ленинград. Она пришла в малиновом бархатном берете. Берет мне как-то не очень понравился. Но поездка была приятной. Правда, потом наши отношения быстро завершились. У меня начался роман с Лив Ульман. Я вернулся из Норвегии. Пришла Наташа. Я сказал ей:

— Очень сожалею, но...»

На «Мосфильме» режиссер Евгений Карелов продолжает снимать «Два капитана». 5—6 апреля в 12-м павильоне студии, в декорации «комната фон Вышимирского», снимали эпизоды, где Саня Григорьев (Борис Токарев) приходит к фон Вышимирскому (Александр Вокач), чтобы узнать от него подробности участия Николая Антоновича Татарина (Николай Гриценко) в снаряжении экспедиции своего родного брата в Арктику. Вышимирский сообщает гостю шокирующие подробности: из-за того что Николай Антонович был тайно влюблен в жену брата, он сделал все от него зависящее, чтобы экспедиция назад не вернулась: снабдил ее негодным продовольствием, невыезженными собаками и т. д. и т. п.

В эти же дни случилось событие из разряда тех, про которые обычно говорят: награда нашла своих героев. В посольстве Польши в Москве тамошний посол вручил медали своей страны пятнадцати участникам популярной телевизионной передачи «Кабачок «13 стульев». Эта передача появилась в январе 1966 года и быстро завоевала популярность не только у себя на родине, в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Но особенно сильно ее почитали в Польше, поскольку персонажи

«Кабачка» были списаны с тамошних юмористических журналов. В итоге польское правительство пошло на беспрецедентный шаг — наградило авторов передачи медалями «Заслуженный деятель польской культуры». В числе награжденных оказались производители «Кабачка» (режиссер Георгий Зелинский, редактор Анатолий Корешков), а также 8 актеров, которые работали в передаче с первого выпуска: Ольга Аросева (пани Моника), Зоя Зелинская (пани Тереза), Наталья Селезнева (пани Катарина), Борис Рунге (пан Профессор), Валентина Шарыкина (пани Зося), Спартак Мишулин (пан Директор), Роман Ткачук (пан Владек), Вадим Байков (пан Вотруба).

Тем временем КГБ готовил два суда над видными диссидентами: Андреем Твердохлебовым в Москве и Мустафой Джамилевым (лидер крымских татар) в Омске. Пытаясь лишить Андрея Сахарова возможности присутствовать на обоих судах, КГБ назначил их на один день — 6 апреля. Академик встал перед выбором: какому суду отдать предпочтение? После консультаций с супругой Еленой Боннэр Сахаров принял решение лететь в Омск: мол, в Москве подсудимого было еще кому поддержать, а в далеком Омске нет. И вот накануне суда супруги самолетом отправились в путь. Но КГБ оказался хитрее: едва узнав о том, куда отправился Сахаров, чекисты дали соответствующий приказ своим омским коллегам. В результате суд был отменен, а причина была придумана просто смехотворная: из-за аварии водопровода в следственной тюрьме. Но академик с женой были людьми последовательными и, возвращаясь обратно в Москву, дали себе твердое обещание, что попадут на суд, чего бы это им ни стоило.

Рано утром в четверг, 8 апреля, на территории Узбекистана, в Центральных Кызылкумах, произошло сильнейшее за последних 47 лет землетрясение (8 баллов). Эпицентр его был в районе города Газли (население — 13 тысяч жителей), откуда брали начало крупные газопроводы Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр. Газли трянуло так, что из 246 его зданий были разрушены 216. Только по случайной случайности удалось избежать человеческих жертв: как писали тогдашние газеты, были только раненые — несколько десятков человек. По всей стране был объявлен клич: «Поможем

Газли!», после чего туда были отправлены специалисты и различная помощь: медикаменты, техника и т. д. Наша семья в те дни волновалась пуще других: у нас в тех краях жили родственники по линии отца, с которыми мы поддерживали телефонную и эпистолярную связь. Узнав о землетрясении, отец в тот же день позвонил родным и выяснил, что с ними все в порядке — их трясло меньше других.

В тот же день в «Двух капитанах» снимали одну из самых драматичных сцен: Николай Антонович (Николай Гриценко) приходит по вызову Сани Григорьева в его гостиничный номер и застаёт там вместе с хозяином своего лучшего ученика — Мишу Ромашова (Юрий Богатырев). Гость недоумевает: зачем вы меня сюда позвали? И Саня открывает ему глаза: сообщает, что только что Ромашов предложил ему, как теперь говорят, компромат на своего учителя. Но гость не удивляется. Он заявляет: «Вы хотите мне доказать, что Ромашов подлец? Я это знаю...» В течение двух последующих дней снимали начало этого эпизода: Ромашов предлагает Сане компромат на Николая Антоновича, а взамен просит навсегда оставить Катю в покое. Что он получил в качестве ответа, мы уже знаем.

8 апреля в польском городе Катовице открылся чемпионат мира и Европы по хоккею. На него советская сборная отправилась практически в том же составе, что выступала на Олимпийских играх (не взяли лишь Владимира Петрова, наказав его за плохое поведение), «пристегнув» к себе нескольких талантливых новичков: Александра и Владимира Голиковых («Химик», Воскресенск), Хельмута Балдериса («Динамо», Рига), Сергея Короткова («Спартак», Москва), Виталия Филиппова («Динамо», Москва).

В первый же день нашим ребятам досталась в соперники сборная Польши. Та самая, которую мы всегда легко клали на лопатки: три года назад обыграли с сенсационным счетом 20:0, а на прошлом чемпионате по сумме двух матчей выиграли со счетом 27:3. Короче, настрой перед матчем у наших хоккеистов был соответствующий: один из молодых хоккеистов в разговоре с Третьяком самоуверенно заявил, что сыграть с Польшей — пустяки. Вратаря от такого заявления покорило. И, как выяснилось, не зря.

Поскольку и наши тренеры считали поляков не самыми сильными соперниками, они решили дать отдохнуть основному вратарю Третьяку, выставив с самого начала Александра Сидельникова. Игра началась, как и следовало ожидать, с атак советской сборной. Однако сколько бы ни создавали опасных моментов наши ребята, все их атаки разбивались о неприступную твердыню — вратаря поляков Анджее Ткача. В тот вечер он буквально творил чудеса, выручая свою команду даже в безнадежных ситуациях. И, глядя на самоотверженную игру своего голкипера, вдохновилась вся польская сборная. Тем более что играли они у себя дома при бешеной поддержке болельщиков. Как результат: уже в первом периоде поляки забросили в ворота Сидельникова две безответные шайбы.

Этот матч транслировали поздно вечером (с 22.30), но ваш покорный слуга, как и миллионы других болельщиков, не спал. Когда наши ушли на перерыв, проигрывая с разницей в две шайбы, я все равно был уверен, что это всего лишь досадная ошибка. Что со второй двадцатиминутки наши обязательно воспрянут и набросают Ткачу как минимум десяток шайб. Ведь сборная Польши всегда считалась вечным аутсайдером, и никакие родные стены не могут изменить эту ситуацию. Но произошло невозможное. Второй период наши тоже проиграли, правда, с разницей в одну шайбу — 2:3. Но легче от этого не стало, ведь общий счет был для нас катастрофическим — 2:5. И это при том, что после четвертой пропущенной шайбы у нас в ворота встал Третьяк. Но разве мог он в одиночку переломить ход игры? Если защитники передвигаются, как вареные курицы, и позволяют соперникам обстреливать ворота с близкого расстояния? Если нападающие грешат неточными передачами, а порой и вовсе не видят друг друга? А поляки между тем летают по льду, будто на крыльях. Особенно усердствует их дебютант, 22-летний Веслав Шобчик, который совершил хет-трик — забил в наши ворота три шайбы. А наши дебютанты показали себя с самой плохой стороны: новая тройка Капустин — братья Голиковы свой микроматч на чистое проиграла, пропустив 4 шайбы.

В третьем периоде наши ребята предприняли попытку переломить ход игры, но было поздно: поляки, почувствовав вкус победы, бу-

квально вгрызались в каждый сантиметр площадки. А при любом удобном случае ловили соперника на контратаках и забивали новые голы. До конца игры оставалась всего минута, а мы проигрывали полякам 3:6. И только за 51 секунду до финальной сирены Харламов сократил разрыв до двух шайб. Но это было слабым утешением. Вся Польша в тот день ликовала.

Поражение от поляков стало первым звончком для миллионной армии советских болельщиков: что-то с нашей сборной не то. Это опасение усилилось на следующий день, когда сборная СССР встречалась с очередным аутсайдером — сборной ГДР — и буквально вымучила победу со счетом 4:0. Но общее впечатление от игры нашей сборной все равно было тусклое. «Что же будет, когда мы встретимся с чехословаками?» — с тревогой спрашивали себя миллионы советских болельщиков.

Но покинем на время Катовице и вернемся обратно на родину.

Клавдия Шульженко усиленно готовится к своему юбилейному концерту, который вот-вот должен состояться в Колонном зале Дома союзов. В качестве аккомпаниатора она пригласила Бориса Мандруса, с которым работала до 1968 года. Причем тот согласился вернуться к ней, несмотря на обиду, которую певица ему когда-то нанесла — «променяла» его на Давида Ашкенази. Более того, она и сейчас хотела, чтобы ей аккомпанировал Ашкенази, но тот наотрез отказался возвращаться к ней, памятуя о том, при каких обстоятельствах они расстались. Как мы помним, Шульженко обвинила пианиста в том, что он в свободное время подхалтуривает у молодой певицы, а тот, обидевшись, назвал Шульженко «старой жопой». И когда певица накануне юбилея предложила Ашкенази поработать вместе, тот замаха руками: «Ни в коем случае! А если она будет настаивать, то я возьму больничный». Мандрус был хорошо осведомлен обо всех перипетиях этого скандала, но все-таки согласился аккомпанировать Шульженко.

Юбилейный концерт состоялся 10 апреля. На нем певица исполнила 29 песен, среди которых были как старые ее хиты, так и новые, совершенно неизвестные слушателям. Для концерта Шульженко выбрала два платья: в первом отделении она была в скромном сером, во

втором — в голубом. Вот как описывает тот концерт В. Хотулев:

«Когда она вышла своей плавной и стремительной походкой на сцену Колонного зала, высоко подняв в руке шифоновый платок синего цвета, зал в едином порыве поднялся и зааплодировал. Аплодировали семь минут, и ничто не могло остановить это всеобщее признание в любви. Она стояла, еле сдерживая слезы, боясь за свою косметику, и в памяти за эти семь минут у нее всплывали почему-то самые горестные моменты ее жизни. В ложе с левой стороны сидел Леонид Осипович Утесов. Во время концерта, во время длинных пауз между песнями из-за нескончаемых аплодисментов, она дважды подходила к ложе и низко кланялась, и зал снова взрывался благодарными овациями.

Концерт открылся «Синим платочком». Его не надо было объявлять. Перед ним ничего не надо говорить. Оркестр начал вступление, а зал все аплодировал, но вот она запела — и все смолкло. И только она — высокая, статная, в сером платье со строгими линиями, с одухотворенным лицом, она возвращала всех нас в «сороковые-роковые», но взгляд ее — сегодняшний, мудрый и печальный, а голос — это мягкое бархатное контральто с нежнейшим шепотом, из которого вырастает вдруг мелодия, и эти совершенно необъяснимые паузы, как «легкое дыхание», и все это вместе вызывало оцепенение, спазм в горле...»

Во время концерта случилась всего лишь одна накладка, когда Шульженко... забыла текст песни «Записка». Произошло это по вине бывшего возлюбленного певицы Георгия Епифанова. Он сидел в ложе для телевизионщиков и практически все первое отделение ждал, когда певица обратит на него внимание — ведь она сама позвала его на этот концерт (здесь же находился и первый муж Шульженко Владимир Коралли). Но Шульженко игнорировала его. В конце концов нервы Епифанова не выдержали, он вскочил со своего места и выбежал из зала. Этот демарш не остался незамеченным со стороны Шульженко, которая уже приготовилась петь следующую песню. Но едва оркестр под управлением Юрия Силантьева заиграл мелодию, как певица осеклась уже после первой строчки: «Помню первый студенческий бал...», после чего понесла какую-то околесицу

(она потом останется на всех дисках, пластинках и кассетах певицы). Между тем нервный выплеск Епифанова оказался недолгим, и спустя некоторое время он вернулся на свое место. А когда концерт завершился, он пришел к ней в примерную и вручил букет цветов.

Колонный зал Шульженко покинула в тот момент, когда над городом уже висела ночь. Причем уехала она к себе домой на улицу Усиевича с совершенно неизвестным мужчиной — ее поклонником. Тот специально подогнал свою черную «Волгу» к выходу и, когда певицу вынесли на руках на улицу, услужливо открыл дверцу. Люди, думая, что это и есть автомобиль Шульженко, аккуратно погрузили ее в него. А певица, узнав, что попала в чужую машину, не стала ничего менять и попросила своего незнакомого фаната поскорее отвезти ее домой. А в это время ее сын Игорь, подруга певица Ольга Воронец и другие родственники и друзья буквально сбивались с ног в поисках юбиляриши. Когда же им сообщили, что Шульженко только что уехала на черной «Волге» с каким-то незнакомцем, у них волосы встали дыбом. Ведь никто не мог дать гарантии, что у незнакомца на уме не было ничего дурного. Но их опасения были напрасны: поклонник домчал своего кумира до ее дома, не причинив ей ни малейшего вреда. И всю ночь на квартире певицы проходил банкет. Только под утро гости отправились догуливать к Ольге Воронец, а Шульженко осталась наедине со своей бывшей любовью — Епифановым. Они проговорили несколько часов.

В понедельник, 12 апреля, на киностудии имени Горького должны были начаться съемки комедии «Усатый нянь». Однако накануне режиссера ленты Евгения Фридмана (снял «Остров сокровищ») внезапно скрутила дикая боль. Его немедленно госпитализировали, надеясь, что врачи быстро поставят режиссера на ноги. Увы, но госпитализация затянется, из-за чего будет принято решение работы по фильму прекратить. Затем найдут другого режиссера — Владимира Грамматикова, который и сделает то, что не получилось у Фридмана, — снимет фильм, который станет одним из лидеров проката. Впрочем, об этом чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями апреля 76-го.

Писатель Федор Абрамов в промежутках между написанием очередного романа, работает над коротенькими зарисовками из повседневной жизни под названием «Были-небыли». Свои впечатления от встреч с разными людьми Абрамов записывает в тетрадку, прекрасно отдавая себе отчет, что написанное им никогда не будет опубликовано на родине. Во всяком случае, при его жизни. Например, 12 апреля он написал зарисовку «Завод не оправдал себя». Привожу ее полностью:

«В Ленинграде запустили завод по изготовлению бритвенных лезвий, построенный по лицензии. Не оправдал себя. Расхищение на 2 миллиона рублей. А все потому, что лезвия ловко воровать. Любой работяга, как ни контролируй, сможет вынести пачку лезвий.

— Эх, дядя, — сказал племянник Борис, — а не пойти ли мне на этот завод? Хоть на месяц, на два. На всю жизнь за это время обеспечу себя лезвиями».

Да, прав был Абрамов — воровство в СССР в те годы приняло просто катастрофические масштабы. Даже термин такой придумали — несун. Эти несуну были везде: на заводах, стройках, овощных базах, институтах, короче, везде, где можно было что-нибудь унести. Приведу лишь несколько примеров. На знаменитом рижском заводе «ВЭФ», где изготавливали транзисторы, тамошние несуну придумали воровать диоды: они недокладывали в приемники по одному диоду, а стоил он 32 копейки. Учítывая, что в год завод выпускал 132 тысячи транзисторов, махинаторы кляли себе в карман, как говаривал А. Райкин, сумасшедшие деньги. Та же история приключилась и на московском Первом часовом заводе: тамошние несуну не докладывали в часы «Чайка» и «Полет» по одному камешку. А тот стоил 42 копейки. В год завод выпускал 750 тысяч часов, вот и считайте, какова была прибыль расхитителей социалистической собственности.

Но вернемся непосредственно к событиям апреля 76-го.

Тяжелое время переживает популярный кинорежиссер и актер Леонид Быков. 7 апреля съемки под Загорском были благополучно завершены, но все случившиеся треволения сказались на Быкове самым печальным образом — его свалил второй инфаркт (первый он заработал в 64-м году во время съемок своей первой

режиссерской работы «Зайчик»). Его положили в одну из столичных клиник. Видимо, чувствовал он себя там весьма неважно, если вдруг надумал написать... завещание. Причем адресовал его не жене (у нее была душевная болезнь) и детям, а своим друзьям — режиссеру Николаю Машенко и актеру Ивану Миколайчуку. Привожу текст полностью:

«Дорогой Иван! Дорогой Никола!

Обращаюсь к вам с просьбой тяжелой и не очень благодарной.

1. Никогда и никому не поверьте, что «я наложил на себя руки». Просто, если это случится, знайте, что я износился.

2. Самое главное. Моя боль, моя совесть, моя вина — Лесь (19-летний сын Быкова. — *Ф.Р.*). Помогите ему поверить в людей. На него обрушилось столько, что хватило бы этого горя на целый народ. Он столько перенес горя. Это моя вина, что я отбивал его от «своего хлеба».

3. А теперь более «второстепенно-юмористические» просьбы-зарисовки.

Вы знаете, что и «рубля не накопили кинострочки», поэтому пусть кто-то «соображающий» поможет продать машину, так как пенсии за отца детям не будет (я узнавал), а Тома моя (жена. — *Ф.Р.*), к сожалению, инвалид: работать она не сможет. Да она долго без меня и не задержится, будет догонять, так как мы красиво прожили с ней жизнь, хотя я ее своим занудным характером часто огорчал...

4. А теперь о совсем смешном. Похороны — канительное дело...

1). Как можно быстрее вынести из дома, чтобы не мучить моих.

2). Добиться, чтобы разрешили Лесику прийти в этот день (если, конечно, врачи разрешат, чтобы это его не сломало окончательно).

3). Никаких оркестров.

4). Никаких студий, Дома кино (союз) — боже сохрани. Из дома — прямо туда, куда положено. Это мой крик, мольба. Без цирка, называемого почестями.

5). Никаких надгробных речей, а то я встану и уйду: получится конфуз.

Только кто-то из вас один, кому захочется, скажет одно слово: «Прощай».

Это чтобы как-то поставить точку, а то нас «не поймут».

После этого «дерболызните» кто сколько сможет, но — умоляю — не дома. Это, конечно,

кошунство и нарушение народной традиции, но очень прошу не для меня, так как мне будет все это до фонаря, а для Тома и детей.

б). Пусть ребята споют «Журавли», «Серезку с Малой Бронной...», «Бери шинель» и «Этот День Победы». И все. Они не откажут.

А потом пусть 2-я эскадрилья «врежет» «Смуглянку» от начала и до конца...

Очень жалею, что ничего не успел сделать путного. Вы заметили, что режиссер я не по диплому, а по призванию? Даже свои похороны режиссирую?! Во дает!

Спасибо и пока!

Написав это завещание поздно ночью, когда все спали, Быков запечатал его в серый конверт и спрятал в тумбочку. А в десятых числах апреля вручил его редактору киностудии имени Довженко Эмилии Косничук, которая приехала из Киева специально его навестить и заодно сообщить, что от фильма его никто отлучать не собирается (Быков думал, что так произойдет после скандала с Гречко). Когда встреча подходила к концу, Быков извлек на свет запечатанный конверт и передал редактору. При этом сказал: «Вручите Николаю Машенко и Ивану Миколайчуку как-нибудь». — «Как это как-нибудь?» — удивилась Косничук. «А так, — улыбнулся Быков. — Когда захотите». Пожав плечами, редактор спрятала конверт в сумку. Самое интересное, что, принеся послание к себе домой, она положила его в шкаф и забыла на целых три года! Распечатают завещание Быкова через три года, за несколько дней до его трагической гибели. Но об этом будет рассказано в свое время. А пока продолжим знакомство с событиями апреля 76-го.

В среду, 14 апреля, в просмотровом зале Госкино высокое начальство принимало фильм Александра Митты «Арап Петра Великого». В зале вместе с автором фильма находились главный редактор «Мосфильма» Нехорошев и один из зампредов Госкино. Перед началом просмотра режиссер, как и положено, находился в сильном волнении, поскольку всерьез опасался, что фильм может вызвать монарший гнев в отдельных эпизодах. И хотя в отличие от той же «Агонии» фильм Митты исследовал эпоху более далекую, но аналогии с сегодняшним днем все равно могли напрашиваться. Так и вышло.

Едва в зале зажегся свет, как зампред обрушил на режиссера град претензий. Описывать

их все я не стану, назову лишь самые существенные. Так, Митте было приказано вырезать несколько эпизодов с участием царского шута Балакирева (прекрасная роль Михаила Глузского). В частности, под ножницы попала сцена, где арап приходил к шуту с просьбой о защите его перед царем, а Балакирев ему объяснял, что ничем не может ему помочь: дескать, мне хоть и дозволено говорить правду, но тоже не всегда. В этой сцене зампред обнаружил прямые аллюзии между царской властью и нынешней. Также оскорблению подлежали и сцены с карликами. Из истории известно, что у Петра Великого было 86 карликов, которые изображали сенат. Чтобы получить допуск к царю, надо было сначала согнуться в три погибели, наговорить карлику кучу любезностей и, взяв его на руки, как ключ к государеву сердцу, нести перед собой. Митта этот факт изобразил в своем полотне, правда, из 86 карликов у него в кадре фигурировали только восемь. Но зампреду и этих хватило выше крыши. Кадры с карликами вызвали в нем еще большее отторжение, чем с шутом. «Это что же, намек на то, что самые маленькие становятся самыми главными? Да у нас в Политбюро все...» — тут зампред запнулся, вовремя осознав, что сказал что-то лишнее. После некоторой паузы он сказал, как отрезал: «Карликов тоже убрать!» Также он потребовал сменить и название фильма: «У тебя ведь комедия? Вот и назови фильм соответственно жанру и Пушкиным не прикрывайся».

В тот же день было закончено следствие по делу капитана 3 ранга Валерия Саблина. Оно длилось в течение пяти месяцев, однако практически с самого начала его исход был уже предрешен. В кремлевском руководстве довольно скоро было принято решение в живых бунтовщика не оставлять, и все последующие действия следователей после этого стали пустой формальностью. Ни сам Саблин, ни его родственники об этом вердикте, естественно, ничего не знали и продолжали надеяться, что все обойдется стандартным наказанием — 15 лет строгого режима. Увы...

И еще одно событие того дня хотелось бы выделить: вышел указ о награждении замечательной актрисы Фаины Раневской орденом Ленина (в честь ее приближающегося 80-летия, которое выпадало на конец августа). В газетах этот указ появится чуть позже, а пока из

Президиума Верховного Совета позвонили в Театр имени Моссовета, где она работала, и по секрету сообщили о нем коллегам юбилярши. Несколько актеров вызвались лично сообщить Раневской о награде и отправились с цветами к ней домой. Как вспоминает одна из ходоков — Ия Саввина: «Реакция Раневской была неожиданной; мы привыкли к ее юмору — даже болела, шутила над собой. А тут вдруг — заплакала. И стала нам еще дороже, потому что отбросила завесу юмора, которым прикрывала одиночество».

Спустя несколько дней Раневскую вызовут в Кремль, чтобы в торжественной обстановке вручить ей причитающийся орден. В качестве дарителя выступал сам Брежнев. Цепляя награду к костюму актрисы, генсек внезапно выпалил: «Муля! Не нервируй меня!» Раневская надула губы: «Леонид Ильич, не ожидала этого от вас: так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы». Брежнев смутился и пролепетал, оправдываясь: «Простите, но вы моя самая любимая актриса».

15 апреля вашего покорного слугу приняли в ряды Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, коротко — ВЛКСМ. Принимали в нее с 14 лет практически каждого, за исключением отъявленных двоечников и хулиганов. Я удостоился этой чести тоже не случайно: несмотря на то что учился средне, поведение у меня было вполне удовлетворительное, тем более весь прошлый год я проходил с красным знаменем в руках — был школьным знаменосцем. Помню, недели за две до приема секретарь комсомольской организации нашей 325-й школы выдала мне вопросы, которые должны были мне задавать члены приемной комиссии, и я засел за зубрежку. Зубрил я с перерывами: полчаса зубрю вопросы про ГОЭЛРО и ордена ВЛКСМ, полчаса пишу роман про Пипкина. Однако практически все зубренное вылетело у меня из головы в день приема (принимали меня в райкоме ВЛКСМ Бауманского района, что в переулочке напротив МИХМа). Кое-что я, конечно, вспомнил, но члены приемной комиссии особо и не усердствовали: насколько мне помнится, ни одну из кандидатур они в тот день не «срезали». Из райкома я вышел со значком и красной книжечкой в кармане.

Тем временем Елена Коренева переживает личную драму — завершился ее роман с Андреем Михалковым-Кончаловским. Начавшись три года тому назад на съемках фильма «Романс о влюбленных», он за это время претерпел массу метаморфоз и в итоге пришел к своему логическому завершению. Причем инициатором расставания был режиссер. Их объяснение произошло в «Вольво» режиссера по дороге из кооперативного дома на Малой Грузинской, где Кончаловский и Коренева получили отдельные квартиры и собирались туда вселиться, до метро. За разговором о предстоящем вселении режиссер как бы между прочим сообщил, что в его квартире будет жить его французская жена Вивиан. Коренева, естественно, поинтересовалась, что это значит. «Ну как, она все-таки моя жена», — пояснил режиссер. А потом вдруг заявил, что давно влюбился в другую женщину — тоже иностранку по имени Лив. Коренева после этих слов впала в ступор, и Кончаловский, видимо, опасаясь, что она может устроить ему нечто вроде истерики, поспешил высадить ее на полдороге.

Спустя пару дней после этого Кореневой внезапно позвонили из кооператива и сообщили, что если она не оплатит половину всей стоимости квартиры в течение трех суток, то квартиры ей не видать как своих ушей. Поскольку таких денег у нее не было, Коренева позвонила Кончаловскому. Но тот заявил, что и он гол как сокол. «Я, между прочим, сделал подарки нужным людям, чтобы они внесли тебя в число кооперативщиков», — как бы между прочим, сообщил он. «В таком случае ты должен был мне...» — начала было Коренева, но собеседник ее быстро оборвал: «Моя дорогая, больше я тебе ничего не должен!» И повесил трубку. В итоге деньги за квартиру Коренева все-таки нашла — помог отец и случайно подвернувшийся знакомый.

Тем временем в столичных кинотеатрах прошли премьеры следующих фильмов: 5-го — «На край света» Родиона Нахапетова с участием: Веры Глаголевой, Вадима Михеенко, Петра Глебова и др.; 6-го — «Табор уходит в небо» Эмиля Лотяну с участием: Светланы Тома, Григоре Григориу и др.; 12-го — «Между небом и землей» Михаила Бадикяну и Валерия Харченко, в ролях: Всеволод Абдулов, Роман Ткачук, Виктор Перевалов и др. Из новых фильмов за-

рубежного производства назову приключенческую ленту мексиканских кинематографистов «Большое приключение Зорро».

Кино по ТВ: «Анискин и Фантомас» (1-го), «Судьба барабанщика» (3-го), «Гранатовый браслет», «Каштанка» (премьера т/ф 4-го), «Веселый роман» (впервые по ЦТ 6-го), «Эгей, Кроха!» (7-го), «Нежданный человек» (премьера т/ф 7—8-го), «Красные пчелы», «Белое солнце пустыни» (9-го), «Ловцы губок» (10-го), «Гамлет» (10—11-го), «Ключи от неба» (11-го), «Звездная минута» (впервые по ТВ 12-го), «Молчание доктора Ивенса» (впервые по ТВ), «Люди, как реки» (14-го), «Сверстницы» (15-го) и др.

Театральные премьеры: 5-го в Театре сатиры — «Клеменс» с участием: Веры Васильевой, Ольги Аросевой, Натальи Защипиной, Александра Ширвиндта и др.; 9-го в Театре на Малой Бронной — «Варвары» с участием: Анны Каменковой, Льва Крутлого, Георгия Мартынюка, Ольги Остроумовой и др.; 14-го во МХАТе — «Уходя, оглянись» с участием: Анастасии Зуевой, Татьяны Бронзовой, Александра Калягина, Ирины Мирошниченко и др.; 15-го в Театре имени Маяковского — «Интервью в Буэнос-Айресе», в ролях: Наталья Гундарева, Александр Лазарев и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—8-го — в ГТЭ выступал белорусский ВИА «Песняры»; 5—8-го — во Дворце спорта гастролировал японский коллектив «Токио кьюбан бойз»; 10—15-го — там же выступали артисты из социалистических стран: ВИА «Брейкаут», «Сине-черные» (оба — Польша), Ивица Шерфези (Венгрия) и др.; 12-го — в ГЦКЗ «Россия» прошли концерты с участием: Геннадия Хазанова, Ольги Вардашевой, Сергея Захарова, трио «Ромэн» и др.; 14-го — в ГТЭ выступали артисты из Югославии во главе с певицей Радмилой Караклаич.

Продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой в Катовице. Как мы помним, наши хоккеисты умудрились проиграть хозяевам турнира сборной Польши 4:6 и выиграли у сборной ГДР с не самым разгромным счетом 4:0. Казалось, что дальше, где советскую сборную ждали куда более сильные соперники, будет еще хуже. Но вышло наоборот. С третьего матча — 11 апреля, против финнов — наши ребята, что называется, раската-

лись и одолели соперника со счетом 8:1. Два дня спустя нашими соперниками стали шведы, и их постигла похожая участь — их мы обыграли 6:1. 15 апреля под нас «легла» сборная ФРГ — 8:2. В итоге на момент решающего матча с чехословаками у нас был не самый худший результат: из пяти первых матчей мы выиграли четыре, соотношение шайб было 30:10 в нашу пользу.

Матч СССР — ЧССР транслировался по ЦТ в субботу, 17 апреля, в 22.30. Ажиотаж был огромный: помню, я выглянул во двор и увидел, что практически в каждом окне мерцал в ночи телевизор. И так, уверен, было по всей стране. Да что говорить, если сам Брежнев, обычно укладывавшийся спать сразу после программы «Время» в 21.30, на этот раз уселся смотреть у себя на даче трансляцию из Катовице (для справки: матч транслировался на 17 стран).

Наши ребята вышли на ту игру с поредевшими рядами: после матча с ФРГ были травмированы два лучших нападающих: Александр Мальцев и Сергей Капустин (оба в пяти матчах забили по 3 шайбы). Да еще в самом начале игры с чехословаками травму получил Владимир Шадрин. В итоге у нас на площадке осталось 8 нападающих, 6 дебютантов, и не было ни одной сыгранной пятерки. Соотношение бросков у обеих команд было примерно равное: наши ребята бросили по воротам Холчека 47 раз, чехословаки — 55. Но последние оказались удачливее и вели в счете на протяжении всей игры. Они первыми открыли счет и удерживали его таким до второго периода. Затем Васильеву удалось отквитать эту шайбу, но в заключительной двадцатиминутке чехословаки нас дожали: довели счет до 3:2 и удерживали его вплоть до финальной сирены.

18 апреля Андрей Сахаров и Елена Боннэр вновь вылетели в Омск, чтобы присутствовать на суде над лидером крымских татар Мустафой Джамилевым. При устройстве в гостиницу с ними произошел забавный эпизод. Женщина-администратор, увидев в паспорте фамилию академика, нервным движением отбросила его и воскликнула:

— Такому мерзавцу, как вы, я куска хлеба не подам, не только что номер предоставить.

Но затем, видимо, осознав, что погорячилась, она схватилась за сердце:

— Ах, я так переволновалась, что у меня сердце заболело. Нет ли у кого-нибудь валидола?

Здесь же, в холле гостиницы, стояла группа крымских татар, но ни один из них даже не подумал откликнуться на зов администраторши. Тогда это сделал Сахаров, который обратился к своей жене:

— Люсенька, у нас в сумке должен быть нитроглицерин.

После этого супруги отправились в номер к татарам, чтобы там обсудить предстоящий судебный процесс. Не прошло и часа, как туда же пришла и администраторша.

— Товарищ Сахаров, вот ваши ключи от номера. Когда вы освободитесь, спуститесь, пожалуйста, вниз, заполните карточку.

Судя по всему, инициатива в этом вопросе исходила не от администраторши, а от КГБ, которому скандал с Сахаровым был совсем не нужен. Но чекисты отыгрались во время суда. На вторые сутки процесса, когда из зала была удалена мать подсудимого, Сахаров и Боннэр попытались вступить за нее, но дюжие гэбисты у дверей вытолкали и их в коридор. Здесь Боннэр не сдержалась и отвесила оплеуху одному из чекистов. Тут же ее и Сахарова, а также еще нескольких диссидентов схватили в охапку и затолкали в милицейский «воронок», стоявший у входа в здание суда. Так они оказались в милицейском околоте, где их продержали почти до вечера. Выйдя оттуда, они узнали, что суд приговорил Джамилева к 2,5 годам тюрьмы. Кстати, в тот же день появилось сообщение ТАСС на границу (переданное по телетайпам), в котором описывалась драка, учиненная в зале омского суда академиком Сахаровым и его супругой.

Режиссер и актер Леонид Быков продолжает находиться в больнице. Несмотря на то что врачи уверяют его, что дело идет на поправку, Быкову не мил белый свет. В последнее время на него навалилось слишком много проблем, как личного (нездоровье жены, нелады со старшим сыном), так и творческого плана (скандалы на съемках последнего фильма). Под влиянием этих событий Быков пишет завещание, которое адресует своим друзьям. 20 апреля его рука вывела не менее грустные строки, адресованные все той же Эмили Косничук (редактор студии имени Довженко): «Все цветет, лопаются почки, поют соловьи. Часами смотрю на

воду, а жить не хочется. Это не фраза кокетничающего юноши. Нет. Просто не вижу смысла. Раньше хотелось достать клочок земли, построить халупу своими руками. А сейчас даже этого не хочется... глубокая ночь».

Между тем многие коллеги Быкова в те дни находятся в столице Киргизии городе Фрунзе, где проходит 9-й Всесоюзный кинофестиваль (начался 18 апреля). Фестивальные дни весьма насыщены: ежедневно идут просмотры конкурсной и внеконкурсной программ, многочисленные гости фестиваля — звезды отечественного кино — встречаются со зрителями во дворцах культуры и на предприятиях. Однако киношная сутолока не всем из них доставляет удовольствие. Например, Олег Даль, рассказывая о своем пребывании во Фрунзе, ограничивается всего лишь одной фразой: «Никогда еще не видел такого количества идиотов, собранных в одну кучу!!»

Владимир Высоцкий далек от всего этого — с 18 апреля он вместе с Мариной Влади совершает морской круиз на лайнере «Белоруссия». В Монте-Карло они специально идут в казино, поскольку оба ни разу в подобных заведениях не были (у Влади отец был заядлым игроком, но сама она всегда боялась заразиться его азартом). Понаблюдав несколько минут за игрой, Высоцкий наконец решает сделать ставки. Он бросает крупье все свои жетоны и просит поставить их на цифру «три». Но поскольку говорит он с акцентом, крупье его не понимает и ставит на другую цифру — «тридцать три». Но эта ошибка играет на руку Высоцкому — он выигрывает. Как пишет М. Влади:

«Ты рычишь от восторга к удивлению присутствующих. Крупье сгребает жетоны и продвигает их к тебе. Ты протягиваешь руку, чтобы поставить всю эту кучу на другой номер, но я хватаю тебя за ремень и с силой тяну назад. Рассерженный, ты отбиваешься, но сил у меня много, и я вытаскиваю тебя из зала, уговаривая, что пусть этот ход лучше будет первым и последним, что это и так слишком шикарно — сразу выиграть столько денег в первый же раз. Кассир выдает тебе пачку разноцветных купюр, и ты выходишь из казино, держа выигрыш в руке, как букет цветов. Портье тебя поздравляет, ты счастлив, у меня отлегло от сердца...»

Продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею в Катовице. После поражения от

сборной ЧССР наши ребята сыграли 19 апреля с командой США и выиграли со счетом 5:2. Однако спустя два дня нашими соперниками стали хоккеисты Швеции, и вот тут нас опять ждала осечка — мы проиграли 3:4. Игра началась с быстрого гола в наши ворота, что сразу вдохновило шведов: они вели в счете до второго периода. Затем Якушев все-таки сравнял счет, но ход игры в нашу пользу этот гол не переломил. Более того, он завел шведов, которые словно с цепи сорвались. Голы в ворота Третьяка посыпались один за другим — сразу три шайбы. Наши защитники играли из рук вон плохо, позволив во втором периоде соперникам бросить по своим воротам 22 раза. И лишь в заключительной двадцатиминутке советские хоккеисты вроде бы встрепенулись, забили две шайбы, но большего сделать не смогли. Шведы победили 4:3. Их ликованию не было предела: ведь с 1970 года они никак не могли обыграть советскую сборную. После этого поражения у большинства советских болельщиков расстались последние иллюзии относительно участи нашей команды — «золота» ей было не видать.

Тем временем Александр Митта в поте лица трудится над поправками к фильму «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Он уже вырезал сцену разговора арапа с царским шутом Балакиревым и теперь кромсает эпизоды с участием карликов. Выглядит это забавно: редактор просматривал материал и, заметив в кадре карлика, восклицал: «Вот карлик пробежал, вот еще один». После чего рука монтажера бралась за ножницы, и карлики летели в корзину. В итоге ни одного эпизода с участием карликов в картине не осталось.

Между тем в Ленинградском БДТ в самом разгаре репетиции нового спектакля — горьковских «Дачников». Вот-вот должны начаться прогоны, поэтому в театре невероятная спешка — все суетятся, боятся что-нибудь недоглядеть. Со стороны это напоминает тараканьи бега. Одну из главных ролей в спектакле — инженера Сулова — играет Олег Борисов. 24 апреля он делает в своем дневнике следующую запись:

«Как всегда, особые отношения с Лебедевым. (Играет моего дядюшку.) Лезет целоваться, хотя его никто не просит. Говорит, что это ему нужно «для разогрева». Я вспоминаю чеховский этюд о Даргомыжском, который тер-

петь не мог, чтобы к нему «приставали» лица прекрасного пола. Достаточно было кому-то чмокнуть в щеку, как он начинал браниться и вытирать рукавом место поцелуя. Рассказываю это Лебедеву, он клянется, что больше «липнуть» не будет. Но тут же его рука опускается на мое колено... Я придумал замечательный способ его «вырубить». Вернее, само придумалось. Я бью со всей силой ребром своей ладони по его руке — попадаю чуть выше запястья. Получается органично, он взвизгивает от неожиданности. Держит руку в подвешенном состоянии, кисть болтается. «Я же тебя предупреждал, Женя...» Поскольку это в характере Сулова, предлагаю Либуркину мизансцену закрепить. Лебедеву клятвенно обещает, что теперь будет садиться на скамеечку на почти-тельном расстоянии...»

В ночь на воскресенье, 25 апреля, в России праздновали Пасху. Хорошо помню этот день, поскольку той ночью специально отпросился у родителей, чтобы вместе с друзьями взглянуть на Крестный ход. До ближайшей Елоховской церкви от нас было десять минут быстрого хода, поэтому дошли мы туда без проблем. Двигались дворами, чтобы не попасться на глаза милиции, которая с вечера оцепила все прилегающие к церкви окрестности и отлавливала всех подростков, желающих пробраться к месту предстоящих событий. Когда мы добрались-таки до перекрестка на пересечении улиц Карла Маркса и Новорязанской, то увидели, что таких, как мы, подростков там уже собралось несколько десятков. Как и нас, их не заставило остаться дома даже то, что по ЦТ специально пустили в тот вечер два боевика — «Инспектор уголовного розыска» и «Достояние республики».

Между тем длинная колонна верующих вытянулась вдоль всей Новой Басманной, а впереди стояли церковные служители с огромными хоругвями в руках. Эти хоругви меня особенно потрясли: они буквально светились золотом при свете ночных фонарей. В 12 ночи колонна начала движение к Елоховке. Помню, что кто-то из толпы стал зазывать нас присоединиться к ним, но мы даже не пошевелились — тогда мы были убежденными атеистами и к церкви пришли из чистого любопытства.

25 апреля во Фрунзе завершился Всесоюзный кинофестиваль. Называть всех победите-

лей не буду, ограничусь лишь некоторыми. Большого приза был удостоен фильм Болотбека Шамшиева «Белый пароход»; специальный приз достался режиссеру Георгию Данелия за фильм «Афоня»; Главный приз разделили две ленты: «Сто дней после детства» Сергея Соловьева и «Когда наступает сентябрь» Тиграна Кеосаяна. Приз за лучшую кинокомедию был присужден фильму Наны Мchedлидзе «Первая ласточка»; приз за разработку военно-патриотической темы получила лента Леонида Осыки «Тревожный месяц вересень». Лучшими актерами были названы: 1-я премия — Давид Абашидзе («Первая ласточка»), 2-я — Николай Пастухов («От зари до зари»), Юрий Горобец («Время ее сыновей»); лучшие актрисы: 1-я премия — О. Ниязбердыева (фильм «Наследник»), 2-я — Елена Проклова («Единственная»), Ж. Куанышева («Храни свою звезду»). Лучшие мультфильмы: 1-я премия — «Ежик в тумане», 2-я — «Фантик».

В тот же день в Катовице состоялся матч между сборными СССР и Чехословакии. Для последних эта игра уже ничего не решала — набрав 18 очков, они досрочно завоевали золото мира и Европы. Нашим же нужна была победа, чтобы взять серебро мира и Европы. Но чехословаки сделали все от них зависящее, чтобы испортить нам обедню. Несмотря на то что уже после первого периода они проигрывали 1:3, в двух последующих двадцатиминутках они не пропустили ни одной шайбы, а сами забили две. Итог — 3:3. Наши взяли «серебро» чемпионата мира и только «бронзу» Европы («серебро» досталось шведам). Для нашей сборной такой результат считался провальным (от чехословаков мы отстали на целых 6 очков!). Разбирая потом причины этой неудачи, специалисты упрекнули тренеров сборной Бориса Кулагина, Константина Локтева и Владимира Юрзинова в том, что они сделали ставку на «старичков», в то время как надо было смело экспериментировать с молодежью. Анатолий Тарасов, к примеру, писал: «Считаю, что со времен Олимпийских игр в Саппоро в сборной появился лишь один сильный хоккеист — Виктор Шалимов. Не бедно ли это для многомиллионного советского хоккея? А такие игроки, как Анисин, Лебедев, Бодунов, Репнев, Котов, о которых долгие годы говорилось как о талантах, как об игроках очень перспективных в два-

дцать лет, теперь, в расцвете сил, они списаны из сборной...»

И еще одно событие, датированное 25 апреля, хотелось бы отметить: в тот день в Москве было совершено нападение на известного поэта (в Союз писателей его рекомендовала сама Анна Ахматова) и переводчика Константина Богатырева. В половине девятого вечера он возвращался из ближайшего магазина к себе домой, в один из многоэтажных корпусов писательского дома на Красноармейской. В руках у него была сумка с бутылкой сухого вина и каким-то печеньем. Не успел он сделать и двух шагов от двери лифта к своей квартире, как кто-то ударил его чем-то тяжелым по голове, проломив череп. Соседи, услышав шум, застали Богатырева истекающим кровью на лестнице и немедленно вызвали «Скорую». Та увезла пострадавшего в больницу, где он спустя почти два месяца и скончается. В диссидентских кругах это нападение было немедленно связано с происками КГБ, которое таким образом мстило поэту за его правозащитную деятельность (Богатырев в молодые годы сидел в сталинских лагерях, затем был реабилитирован). Вот как об этом пишет А. Сахаров:

«С самого момента ранения Богатырева очень многими стало овладевать глубокое убеждение, что Костю убил КГБ. Не случайные собутыльники (были у него и такие при его свободной и «легкой» жизни), а подсланные убийцы, по решению, сознательно и заранее принятому в кабинетах Лубянки. Какие доказательства? Зачем? Надо прямо сказать, что на оба этих вопроса нет сколько-нибудь исчерпывающих ответов. И поэтому на главный опрос «Кто убийца?» тоже разные — хорошие и честные — люди отвечают по-разному. Даже мы с Люсей (Еленой Боннэр. — Ф.Р.) стоим тут несколько на разных позициях. Она, при отсутствии прямых доказательств вины КГБ, склонна подозревать случайную ссору с пьяными друзьями-врагами. Я же, интуитивно собирая в уме все факты, считаю почти достоверным участие КГБ. А совсем достоверно я знаю следующее: объяснить случайными хулиганскими или преступными действиями «людей с улицы» все известные нам случаи убийств, избиений, увечий людей из нашего окружения невозможно — иначе пришлось бы признать, что преступность в СССР во много раз превышает уровень

Далласа и трупоб Гонконга! Что же заставляет меня думать, что именно Константин Богатырев — одна из жертв КГБ? Он жил в писательском доме. В момент убийства постоянно дежурящая в подъезде привратница почему-то отсутствовала, а свет — был выключен. Удар по голове, явившийся причиной смерти, был нанесен, по данным экспертизы, тяжелым предметом, завернутым в материю. Это заранее подготовленное убийство, совершенное профессионалом, — опять же в полном противоречии с версией о пьяной ссоре или «мести» собутыльников...

О возможных мотивах убийства Богатырева КГБ. Богатырев был очень заметный член писательского мира, являющегося предметом особой заботы КГБ... Вел он себя недопустимо для этого мира свободно; особенно, несомненно, раздражало КГБ постоянное, открытое и вызывающее, с их точки зрения, общение Богатырева с иностранцами в Москве. Почти каждый день он встречался с немецкими корреспондентами, они говорили о чем угодно — о жизни, поэзии, любви, выпивали, конечно. Для поэта-германиста, говорящего по-немецки так же хорошо, как по-русски, и чуждого предрассудков советского гражданина о недопустимости общения с иностранцами, — это было естественно. Для КГБ — опасно, заразно, необходимо так пресечь, чтобы было неповадно...»

В ночь на понедельник, 26 апреля, скоропостижно скончался член Политбюро, министр обороны СССР Андрей Гречко. Эта смерть для большинства аналитиков на Западе стала полной неожиданностью: внешне 72-летний Гречко выглядел лучше всех членов Политбюро и никакими хворями вроде бы не страдал. Буквально за два дня до смерти он встречался с министром обороны Мозамбика Чипанде и выглядел вполне здоровым. И вдруг — смерть. Как вспоминает личный повар министра В. Бондарев:

«Гречко скончался при странных обстоятельствах. После ужина он пошел к себе, беспокоить хозяина дома было не принято. А утром семья не дождалась Андрея Антоновича к завтраку. Побежали внучки и нашли деда в кресле. Он был мертв. Смерть наступила около одиннадцати часов вечера, вскоре после ужина. Официальная причина — сердечная недостаточность. Скорее всего так оно и было, но

«смерть на объекте — всегда ЧП, поэтому пере-трясли весь персонал. К счастью, я там уже не работал. Так что бог отвел...»

У Гречко действительно было большое сердце, и в последнее время он часто жаловался на него своим близким. Как будет написано в медицинском заключении на смерть министра, тот длительное время страдал атеросклерозом с поражением брюшной аорты, сосудов сердца и нижних конечностей. Смерть министра наступила в связи с острым нарушением коронарного кровообращения. Говорят, когда о смерти Гречко сообщили Брежневу, то он отнесся к этому известию на удивление спокойно. В последнее время отношения с министром обороны у него складывались не самым лучшим образом, и генсек давно мечтал отправить его на пенсию. А тут сама жизнь вмешалась в ситуацию. Похороны Гречко состоятся 28 апреля на Красной площади. Новым министром обороны тогда же будет назначен Дмитрий Устинов.

Киноактриса Зоя Федорова в это время находится в Америке, где гостит у своей дочери Виктории. Как мы помним, последняя уехала в США к своему отцу Джексону Тэйту в прошлом году, обещая вернуться. Но в Штатах она вышла замуж за американского гражданина Фредерика Пуи и приняла тамошнее гражданство. В течение года мать и дочь общались друг с другом исключительно посредством телефонной связи, мечтая когда-нибудь увидеться. Но Зою никак не отпускали в Америку советские власти. Перелом произошел после того, как Виктория забеременела. В итоге в апреле, когда она находилась на восьмом месяце беременности, ее матери наконец разрешили навестить ее, а также встретиться со своим бывшим возлюбленным Тэйтом, с которым она не виделась ровно тридцать лет. Их встреча произошла 27 апреля в Оранж-парке. Говорили они в основном о дочери и о внуке, которому предстояло вот-вот появиться на свет (это случится 3 мая). Это была их последняя встреча — спустя почти два года Тэйт скончается в возрасте 79 лет.

Но вернемся в апрель 76-го.

Олег Даль, вернувшись с кинофестиваля во Фрунзе, отправился на съемки фильма «Обыкновенная Арктика», который снимал Алексей Симонов. Съемки начались еще 23 января и на тот момент уже практически завершались: оставалось отработать последнюю натурную экс-

педицию в городе Амдерме (Ненецкий АО) и доснять ряд эпизодов в павильоне. Экспедиция в Амдерме началась 26 апреля (до 10 мая) и запомнилась Далю не с самой лучшей стороны. Во всяком случае, ее начало. Он отправился туда вместе со своей женой Елизаветой, однако из-за сильной пурги рейсовый самолет не смог приземлиться в пункте назначения и совершил посадку в каком-то убогом поселке. В течение двух дней актер с супругой вынуждены были куковать в этом богом забытом уголке земли и чуть ли не голодать (денег у них с собой не было, и купить продукты они не могли). А директор фильма даже палец о палец не ударил, чтобы узнать, где находится артист и что с ним происходит. Поэтому, когда Даль все-таки добрался до Амдермы, первое, что он сделал, — набросился на директора с кулаками. Это видела вся съемочная группа: Даль только спрыгнул из вертолета на землю, как тут же погнался за директором. Вот как описывает это режиссер фильма А. Симонов:

«Амдерма, засыпанная двухметровым предвесенним снегом. Неуютность, какая-то нечистая пустынность аэродрома. И по летному полю, нелепо выбрасывая длинные худые ноги, от только что приземлившегося военного вертолета бежит Даль, пытаюсь наподдать уворачивающемуся от него полнотелому директору картины. Даже издали сцена не смешна, потому что исполнена какой-то беспомощной ярости, не говоря уже об общей неприглядности ее...»

Неприятно вспоминать. А вспоминаю. И довольно часто. И то, как дня три боялся к Олегу подходить, старался общаться только через Лизу, его жену, которая всю ношу Олегового негодования и ярости приняла в эти дни на себя. Но каждый день мы встречались на съемочной площадке и работали...»

Тем временем нешуточный скандал разгорелся в одном из самых популярных вокально-инструментальных ансамблей страны «Цветы». В его составе тогда трудились шесть человек: Стас Намин, Александр Лосев, Александр Слизунов, Юрий Фокин, Константин Никольский и Александр Буйнов (последний пришел в ансамбль этой весной, покинув со скандалом ансамбль «Веселые ребята»). «Цветы» на тот момент были уже в штате Московской филармонии и готовились к созданию своей первой профессиональной программы. Как вдруг на них наехал ОБХСС. Поводом к наезду послу-

жило то, что в некоторых гастрольных ведомостях ансамбля Намин получал деньги как руководитель коллектива, хотя на гастроли не ездил. Чтобы замазать этот скандал, руководство филармонии вынуждено было пойти на то, чтобы снять Намина с его должности и поставить вместо него Лосева. Но тут на дыбы встали некоторые из участников «Цветов», которые не хотели идти «под Лосева». «Кого же вы хотите?» — спросили их. «Да хотя бы Буйнова, — последовал ответ. — Он у нас человек новый, а значит, руководить будет беспристрастно». Но филармония продолжала стоять на своем. В итоге сложилась патовая ситуация, которая в итоге привела к тому, что «Цветы» покинули филармонию. Чтобы попытаться остаться на плаву, «Цветы» предприняли попытку объединиться с рок-группой «Аракс», но ее руководитель Юрий Шахназаров этого не захотел, поскольку в таком случае мог остаться без поста руководителя. Так ВИА «Цветы» на какое-то время прекратил свое существование.

В отличие от «Цветов» джаз-рок-группа «Арсенал» в это же время была наконец принята в Калининградскую областную филармонию. Как мы помним, еще прошлым летом тамошний директор Андрей Макаров захотел иметь в своем штате этот коллектив, но чиновники из Управления культуры не разрешили ему этого сделать. Но Макаров оказался человеком настырным и все это время бился за «Арсенал», что называется, не покладая рук. И победил. После этого руководитель «Арсенала» Алексей Козлов принял окончательное решение о том, чтобы перестать сидеть на двух стульях: трудиться архитектором по дизайну в НИИ технической эстетики и лагать на саксофоне. Он выбрал музыку. Его родители были просто в шоке. Особенно сильно переживал отец. Он вообще мечтал о том, что сын пойдет по его стопам, станет ученым-психологом, вступит в партию, а вместо этого тот с юных лет увлекся джазом, связался со стилистами («плесенью», как их тогда называли). В глубине души у отца еще оставалась надежда, что Алексей одумается и возьмется за голову, но этим надеждам пришел крах в тот день, когда Козлов-младший объявил об уходе из НИИ, в котором проработал 13 лет.

Между тем, видя, как глубоко переживает отец случившееся, Алексей пытался хоть как-то облегчить его страдания. Вскоре сама судьба

предоставила ему возможность хоть как-то реабилитироваться. Свет увидел очередной том Большой советской энциклопедии, где в статье «Джаз» упоминалась и его фамилия в списке имен тех, кто внес свой неоспоримый вклад в развитие советского джаза. Этот том Алексей принес домой и показал отцу. Как пишет сам А. Козлов: «Прочтя это, отец особого восторга не выказал, но я понял, что он приятно взволнован такой публикацией. Думаю, что для него здесь было важно не столько перечисление моих профессиональных заслуг, сколько сам факт официального признания человека советской властью...»

В пятницу, 30 апреля, Леонид Брежнев посетил завод имени Лихачева в Москве. Это был очередной пропагандистский трюк идеологического отдела ЦК: чтобы в канун Первомай генсек встретился с гвардейцами рабочего класса. Во время этого посещения произошел забавный случай. Брежнев и свита обходили цеха предприятия, а рабочие, сгрудившись между станками, горячо им аплодировали. Журналисты, которые были допущены до этого мероприятия, естественно, запечатлевали этот исторический момент на пленку. Внезапно один из них, самый юркий, решил снять Брежнева с возвышения. Для этого он нашел над линией конвейера какой-то тельфер, зацепился за него и направил свою камеру на Брежнева. Однако завис он явно неудачно, поскольку ботинком едва не заехал по носу главному идеологу страны Михаилу Суслову. Тот в самый последний момент успел увернуться от грязной журналистской туфли, после чего приказал охране разобрататься с «шелкопером». Дюжие молодцы подхватили парня под руки и собирались выставить из цеха. Как вдруг их остановил голос Брежнева. Оказывается, он каким-то образом увидел то, что произошло с журналистом, и решил прийти ему на помощь. «Оставьте его в покое, — сказал генсек. — Он так же, как и вы, делает свое нелегкое дело». Охранники беспрекословно подчинились: подняли журналиста на тот же тельфер, с которого минуту назад его сняли.

В тот же день Золотухин записал в своем дневнике, что спектакль «Гамлет» в новой редакции, видимо, накрылся. Любимов увлечен выпуском другого спектакля — «Обмен» по Ю. Трифонову, к тому же режиссер «Гамлета» Ефим Кучер принял решение уехать из страны.

Свое резюме по этому поводу Любимов уместил в несколько слов: «Надо работать, такую роль репетируют годами, а вы быстро хотите в дамки все...»

В столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 19-го — «**На ясный огонь**» Виталия Кольцова с участием супружеской четы в лице Татьяны Дорониной и Бориса Химичева, а также: Евгения Евстигнеева, Льва Дурова и др.; 21-го — «**Доверие**» Виктора Трегубовича и Э. Лайне с участием Кирилла Лаврова в роли Ленина, Владимира Татосова, Маргариты Тереховой и др.; 26-го — «**Шаг навстречу**» Наума Бирмана с участием: Людмилы Гурченко, Николая Волкова, Владимира Басова, Георгия Вицина и др.; 27-го — «**Соло для слона с оркестром**» Олдриджа Липского, в ролях: Евгений Леонов, Леонид Куравлев, Наталья Варлей, Савелий Крамаров и др.

Кино по ТВ: «Отдать швартовы!», фильмы Ч. Чаплина (16-го), «Внимание, черепаха!», «Весна 29-го» (премьера т/ф), «Станционный смотритель» (17-го), «Горячий снег» (18-го), «Марья-искусница» (19-го), «На всю оставшуюся жизнь» (19—22-го), «Семья Ульяновых» (20-го), «У самого синего моря» (23-го), «Инспектор уголовного розыска» (впервые по ТВ), «Достояние республики» (23-го), «Декамерон-40» (25-го), «Москва — Генуя» (26-го), «Волны Черного моря» (премьера т/ф 26—29-го), «Ночной гость» (27-го), «Алешкина любовь» (28-го), «Цемент» (29—30-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 17-го — в Малом театре был показан спектакль «**Господа Головлевы**» с участием: Ви-

талия Доронина, Бориса Тенина и др.; 23-го в Театре имени Пушкина — «**Каменное гнездо**» с участием: Ольги Викландт, Владимира Бурова и др.; 30-го в Большом театре — балет «**Ангара**», главные партии исполняют Наталья Бесмертнова и Михаил Лавровский; в Театре имени Вахтангова — «**Самая счастливая**».

Эстрадные представления: 16—18-го — в «Октябре» выступал югославский ВИА «Семеро молодых»; 20—26-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием звезд эстрады из социалистических стран: Ханса Юргена Байера (ГДР), Вани Стойковича (СФРЮ) и др.; 22—23-го — в ГТЭ давала концерты супружеская чета Вадим Мулерман и Вероника Круглова; 25-го — в ЦДКЖ выступали: Гелена Великанова, Нина Дорда, Кола Бельды, Екатерина Шаврина, Лев Барашков и др.; в «Варшаве»: Геннадий Хазанов, Евгений Петросян, Светлана Резанова, Геннадий Белов и др.; 26—28-го — в ГТЭ выступал ВИА «Магистраль», где солировали Юрий Антонов и Вадим Лынковский; 29—30-го — в ГТЭ прошли концерты с участием: Светланы Резановой, Натальи Кустинской, Владимира Мигули, Евгения Петросяна, Екатерины Суржиковой, ВИА «Надежда» и др.

На пластинках журнала «Кругозор» (№ 4) выделю записи следующих исполнителей: Эдуард Хиль — «Люблю» (Я. Дубровин — В. Гин), «И все, пожалуй» (П. Гарин — А. Ольгин); Владимир Высоцкий — две баллады из к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»; Роберт Янг — «Любовь помнит», «Всегда».

1976 Май

Трудовые будни Валентина Пикуля. Кризис «Спартака» продолжается. Брежнев становится великим полководцем. Как команда Андропова победила команду Брежнева. Письмо от Жоржи Амаду для советской студентки. Леонид Быков после инфаркта. Пересъемки в «Розыгрыше». Брежнев хочет стать генералиссимусом. Диссиденты создают МХГ. Судебный очерк «Баня» взбудоражил страну. Женится Валерий Харламов. Госкино принимает «Двадцать дней без войны». Любовь Сергея Герасимова. Сборная СССР по футболу вылетает из чемпионата Европы. В стране вводится «рыбный» день. Спецраспределители для советской знати. Скандальный матч в Киеве. Авария Валерия Харламова. Хит сезона от Давида Тухманова: диск «По волне моей памяти».

День солидарности всех трудящихся — 1 Мая — выпал в том году на субботу, что оказалось не лучшим вариантом для трудящихся страны — с понедельника вновь на работу. Успокаивало лишь то, что через год этот же праздник съедат понедельник и выходил на буднюю прямую.

Между тем известный писатель Валентин Пикуль практически не признавал никаких праздников: ни государственных, ни семейных. Единственным исключением было 9 Мая — святой праздник для всех советских людей. В остальных случаях Пикуль не вставал из-за рабочего стола и трудился как проклятый. Он как-то подсчитал, что для того, чтобы написать все намеченное им (а главной своей задачей он поставил описать в романах столетие русской истории, начиная отсчет от смерти Петра I и до восстания декабристов), ему потребуется 124 года, заполненных непрерывной работой. Понимая, что столько ему не прожить, Пикуль старался хотя бы в отведенное ему судьбой время успеть написать как можно больше. Потому и работал даже в праздники.

В ту весну Пикуль писал роман «На задворках империи», и работа над ним уже близилась к завершению. Работал Пикуль в двух местах: зимой на рижской квартире в доме на улице Петера Стучки, весной — летом — на даче на острове Булли под Ригой (они с супругой снимали верхний этаж двухэтажного дома). Между тем писатель, книги которого невозможно было достать в открытой продаже, а у спекулянтов стоящие в семь-десять раз выше номинала, жил, на удивление, скромно. Какой-нибудь писатель Пупкин, написавший одну-единственную захудалую книгу и принятый по блату в Союз писателей, в бытовом отношении мог жить гораздо роскошнее, чем автор самых раскупаемых книг в Советском Союзе. Чтобы не быть голословным, приведу слова приятеля Пикуля М. Волкова, который наблюдал жизнь-бытие писателя воочию:

«Пикуль был очень скромн. Довольствовался малым, никогда не жалуясь на трудности. Никогда не имел ни своей машины, ни своей дачи и в быту обходился минимумом удобств. Вся квартира была заставлена книга-

ми. Полки, полочки, стеллажи размещались везде, где это только было возможно. Двухкомнатная квартира на улице Петра Стучки чем-то напоминала мне подводную лодку. И даже так скажу: уж на что я, подводник, привык к тесноте и то поражался, как можно на таком маленьком пятачке уместить огромную библиотеку да еще две картотеки (предмет особой гордости Валентина Саввича). Спал он в то время на обыкновенной, с трудом втиснутой между стеллажами и картотеккой раскладушке, пробираясь к ней сложными фарватерами...

Работал Пикуль по ночам. Я видел, как до утра светилось его окно в доме напротив... После изнурительно бессонной ночи Валентин Саввич в десятом часу обычно завтракал (или, вернее, «ужинал», так как после этого ложился спать). Но перед сном обязательно прогуливался. Почти всегда он заходил ко мне в этот час в обществе симпатичного пса, прозванного Гришкой (его появление в семье Пикулей совпало с работой писателя над романом «Нечистая сила»; в котором исследуется феномен Гришки Распутина)... После прогулки следовал сон. Часов в десять вечера, а чаще всего после программы «Время», Валентин Саввич обычно уходил, чтобы вновь «жечь над столом пламя».

Вот уже месяц как идет чемпионат страны по футболу. В этом году введено новшество: как и 40 лет назад, решено провести в год сразу два чемпионата — весенний и осенний, чтобы учесть интересы сборной, готовящейся принять участие в четвертьфинале первенства Европы, а также в футбольном турнире XXI Олимпийских игр. В весеннем чемпионате к началу мая сыграно несколько туров, и уже есть сенсация: лидирует одесский «Черноморец». А вот один из фаворитов отечественного футбола, столичный «Спартак», плетется в самом хвосте, поражая своих болельщиков необыкновенно тусклой игрой. Расплата не заставляет себя ждать: неделю назад на встречу «Спартак» с «Зарей» на стадион пришла всего лишь одна (!) тысяча зрителей.

Как мы помним, кризис в «Спартаке» начался еще год назад, когда команда заняла в чемпионате непривычное для себя 10-е место. Тогда были приняты экстренные меры, и руководство клуба омолодило. Но новые тренеры — Анатолий Крутиков и Галимзян Хусаинов — так и не смогли создать в команде рабочую обстановку. Как пишет Н. Старостин:

«Более всего подводила Крутикова чрезмерная самоуверенность. Создавалось впечатление, что он решительно настроен произвести реорганизацию с помощью одного лишь топора. И началась обычная в подобных случаях чехарда с составом, что дается всегда легче. Пошли рискованные замены и перестановки без необходимых в такой ситуации осторожности и такта. Казалось, что старший тренер, не желая никого слушать (вот он, диктат!), вознамерился одним махом преобразить «Спартак», сотворить что-то вроде чуда, благодаря чему сразу показать себя сильной личностью, утвердиться в числе лучших тренеров страны. «Спартак» сделался как бы ставкой азартного, слепо верящего в удачу человека. И ставка эта была битва...»

Ярым поклонником «Спартак» был секретарь ЦК КПСС Константин Черненко. Брежнев, который болел за ЦСКА, в те дни постоянно подкалывал товарища и всегда повторял: «Костя, готовься: твой «Спартак» скоро будет в первой лиге». Черненко воспринимал это всего лишь как шутку: как и большинство болельщиков народной команды, он и в мыслях не мог себе представить, чтобы она покинула высшую лигу. Но, как выяснится, Брежнев окажется талантливим провидцем.

Между тем генсек в те дни удачно совмещал дела внеслужебные с государственными. Недавняя смерть Андрея Гречко сняла последние препоны с желания Брежнева стать великим полководцем, и накануне Дня Победы на генсека буквально пролился дождь из самых высоких наград. 7 мая ему было присвоено звание маршала Советского Союза, а на следующий день на его родине, в городе Днепродзержинске, на Октябрьской площади, был в торжественной обстановке открыт его бронзовый бюст работы скульптора В. Сонины и архитекторов С. Кулева и М. Круглова. Как писали газеты: «На торжества прибыли тысячи рабочих и тружеников сельского хозяйства, студенты, школьники, представители партийных и советских организаций Днепропетровской, Запорожской и других областей Украины...» В газетах, естественно, не сообщалось, что людей пригнали туда не по собственной воле, а по разнарядке — каждое учреждение города и прилегающих областей должно было выделить несколько десятков своих передовиков. На открытие прибыло все высшее партийное руководство Украины во главе с 1-м секретарем ЦК

Владимиром Щербицким (он же открыл митинг). На площади выстроили временную трибуну, на которую и поднялось руководство республики и города (порядка 50 человек). Поскольку к трибуне вплотную примыкал жилой пятиэтажный дом, все балконы на нем были заняты сотрудниками охраны. Вечером того же дня это событие было во всех подробностях показано в программе «Время».

Открытие бюста Брежневу ознаменовало собой начало последней и самой сильной стадии культа личности престарелого генсека. С этого момента лизоблюдство по отношению к нему достигнет небывалого размаха. Еще на XXV съезде КПСС в феврале этого года Брежнев называли «выдающимся теоретиком и политиком, лидером партии и народа, авторитетнейшим деятелем мирового коммунистического и рабочего движения». Столь лестные характеристики были не случайны: они нужны были в первую очередь идеологам со Старой площади, чтобы пресечь всяческие слухи о нездоровье Брежнева, которые вот уже несколько месяцев упорно курсировали по стране и даже вышли за ее пределы. Надо было показать всему миру, что Брежнев по-прежнему здоров как бык, по-прежнему семи пядей во лбу. Чуткие идеологи из союзных республик тут же подхватили сигнал со Старой площади. Кампания по восхвалению «великого стратега» началась повсеместно. Например, в апреле на Украине состоялся съезд тамошних писателей, и практически все выступающие считали своим долгом отдать дань уважения «дорогому Леониду Ильичу». Наиболее витиевато высказался о генсеке, о его докладе на XXV съезде, поэт Богдан Чалый: «Радостно, с пересохшим горлом припадаем мы к этому чистому источнику, наполняясь утренним настроением, щедрым духовным здоровьем».

В те часы, когда на его родине ему открывали бюст, Брежнев находился во Дворце спорта в Лужниках, где с интересом наблюдал за ходом финального матча на Кубок СССР по хоккею между горячо любимым им ЦСКА и столичным «Динамо». Компанию ему составлял шеф КГБ Юрий Андропов, который, как мы помним, был ярким динамовцем. Игра выдалась на редкость упорной. Поначалу на коне были любимцы генсека, которые на протяжении двух периодов вели с минимальным счетом 1:0. Но затем «птенцы гнезда Андропова»,

в составе которых не было двух самых титулованных игроков — Александра Мальцева и Валерия Васильева, — сумели сравнять счет, а в дополнительное время и вовсе обыграли армейцев 3:2. Андропов потом долго извинялся перед Брежневым за то, что испортил ему настроение. А когда заметил, что это не очень помогает, привел убойный аргумент: «Зато, Леонид Ильич, вы теперь маршал!»

В воскресенье, 9 мая, обычной советской студентке, первокурснице факультета иностранных языков Вологодского пединститута Елене Беляковой, пришло письмо от Жоржи Амаду. Как мы помним, посмотрев некоторое время назад фильм «Генералы песчаных карьеров», снятый по его роману, Елена влюбилась в творчество бразильца и написала ему письмо. Написала, совершенно не надеясь на ответ. Как вдруг случилось чудо — ответ пришел, да еще в День Победы. В пришедшей посылке лежала книга «Капитаны песка» (именно по нему были сняты «Генералы...») с надписью по-португальски. Чтобы прочитать этот текст, Елена сразу же после праздников помчится в библиотеку и с помощью словаря переведет следующий текст: «Дорогая Лена! Огромное нежное спасибо за твое прелестное письмо. Целую. Амаду». Сами понимаете, что творилось тогда с девушкой — она была на вершине счастья. А когда спустя несколько дней ей еще пришло письмо от писателя, она и вовсе чуть не лишилась чувств. Позднее эта любовь подвигнет Елену поступить в аспирантуру на португальский, она станет переводчиком многих португальских произведений на русский язык.

Но вернемся в май 76-го.

10 мая прошло награждение Леонида Брежнева маршалским знаком отличия «Маршальская Звезда» и грамотой Президиума Верховного Совета СССР. Награды генсеку вручил Николай Подгорный. При этом они смачно расцеловались, хотя в жизни испытывали друг к другу не самые теплые чувства. Присутствующие здесь же члены Политбюро дружно аплодировали, после чего кремлевский фотограф запечатлел это событие на пленку. Назавтра сообщение об этом появится во всех газетах от Москвы до Камчатки.

В этот же день на киностудии имени Довженко возобновились съемки фильма «Аты-баты, шли солдаты...». Пробыв в больнице около трех недель, Быков вернулся в Киев и сразу по-

сле майских праздников возобновил съемки. Причем, к удивлению всех присутствующих, начал работу не с самого легкого для себя эпизода: в нем его герой — ефрейтор Святкин — лихо отплясывал перед своими однополчанами «Цыганочку». На съемках Быков выглядел бодрым и веселым, и никто из его коллег, глядя на него, не смог бы предположить, что каких-нибудь пару недель назад этот человек готов был уйти из жизни.

Другой кинорежиссер — Владимир Меньшов — заканчивает на «Мосфильме» работу над фильмом «Розыгрыш», посвященным проблемам подростков-десятиклассников. Съемки были завершены еще 15 апреля, но из-за различных технических и цензурных накладок предстояли досъемки некоторых эпизодов. Так, 1 Мая киношники снимали несколько сцен прямо во время праздничной демонстрации. Спустя десять дней в павильоне № 8, в декорации «квартира Комаровского», была переснята одна из кульминационных сцен картины: разговор Комаровского-старшего (Олег Табаков) с собственным сыном (А. Гусев). Эта сцена была уже снята ранее, но ее не приняла цензура — ей не понравился текст, который произносил герой Табакова. Поскольку Меньшов изменил его в процессе съемок и не согласовал с художником, его обязали эту сцену переснять.

Съемочная группа фильма «Два капитана» работает на натуре в Ленинграде. 12 мая там сняли эпизод, где Саня Григорьев и Катя Татаринова гуляют по набережной Невы и счастливый от своей любви Саня читает своей возлюбленной стихи.

В тот же день Леонид Брежнев встретился со своими однополчанами — ветеранами 18-й армии. Встреча проходила в Москве, в Центральном доме офицеров, что на Суворовском бульваре. В его зале были поставлены несколько десятков столиков, за которые и рассадили участников встречи. На большом постаменте установили стол для президиума, куда должен был сесть Брежнев. Перед самым началом торжества произошел забавный эпизод. Один из членов президиума рассказал о том, как готовилась встреча. По его словам, со всех ветеранов собрали по десять рублей, и, когда Брежнева еще раз спросили, не отменяется ли встреча, он ответил с улыбкой «нет», а потом спросил: «Не на сухую же мы собираемся? По сколько скинулись?» Услышав ответ, извлек на свет

десятку и передал ее организатору. При этом рассказе зал взрывается излишне подчеркнутым смехом. Вместе со всеми смеется и Брежнев.

Эта встреча была закрытой, и от прессы на нее был допущен всего лишь один человек — работник ТАСС Евгений Иванов. Это задание ему дал сам директор Телеграфного агентства Леонид Замятин. Он сказал, чтобы Иванов ехал на встречу и подготовил протокольную информацию для печати. А в случае если возникнут вопросы, он сможет найти его в Театре имени Маяковского, где он с женой будет на спектакле. Отправляясь на встречу, Иванов рассчитывал, что его миссия не будет слишком сложной и связываться с Замятиным не придется. Но ошибся. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Стоя в зале у подоконника, я записывал речь генсека. Говорил он медленно, и я успевал. Одна страница заполнена, вторая, кончается пятая. И вдруг — о боже, что я слышу?!

— Вот и все, дорогие товарищи! А то, что вы хотели мне сказать, я слушаю, когда получите звание генералиссимуса.

Меня бросило в холодный пот. Я не ослышался? Он сказал «генералиссимус»? Как на это реагировать? Немедленно к Замятину, в Театр Маяковского!

Пулей лечу в театр. Спектакль еще не окончен, прошу дежурную вызвать из 7-го ряда генерального директора ТАСС. Та упирается, нельзя, скоро будет антракт. Как на иголках жду, переминаюсь с ноги на ногу. А вот и мой шеф. «Ну что там у тебя?» — «Да вот Брежнев сказал такое, что не знаю, как быть». Тут же идем в ТАСС, заходим в кабинет Замятина. Гендир долго читает. Молчит. Потом медленно говорит:

— Продиктуй текст машинистке. Но только в одном экземпляре. В одном. Отдай его сразу мне.

Но я уже решил для себя иначе.

Прихожу к машинистке, прошу заложить копирку. Мне показалось, что волей-неволей я причастен к некоему историческому курьезу. Не верилось, что Брежневу мало было тех званий и наград, которые он уже имел. Текст отпечатан. Забираю экземпляры, второй кладу к себе в карман, копирку рву на мелкие кусочки.

Текст с «генералиссимусом» так и не опубликовали. Ему тогда только что присвоили маршала. Видно, у Брежнева уже не срабатывали

тормоза, и собственный культ личности был у него в мыслях в полном разгаре. И в Доме офицеров, расслабившись перед своими, впервые публично он так анекдотически не сдержал себя...»

В ту же среду, 12 мая, группой видных диссидентов в лице Юрия Орлова, Елены Боннэр, Петра Григоренко, Анатолия Щаранского и других была создана правозащитная организация Московская Хельсинкская группа (МХГ). В программном документе группы было указано, что она создается для того, чтобы информировать всех глав правительств, подписавших Заключительный акт от 1 августа 1975 года, а также общественность о случаях прямых нарушений гуманитарных статей Заключительного акта. КГБ, естественно, не оставит это событие без внимания и уже в скором времени предпримет против зачинщиков МХГ репрессивные меры.

И еще одно событие датировано 12 мая: в «Литературной газете» был опубликован судебный очерк Аркадия Ваксберга «Баня». В нем впервые советскому читателю была показана криминальная изнанка жизни сильных мира сего. Речь в очерке шла о том, как в Чебоксарах руководители строительного треста превратили городок для студенческих стройотрядов в базу для своих сладких утех. В тамошней баньке, строительство которой обошлось в 15 тысяч государственных рублей, они привечали нужных людей: кормили и поили их, поставляли девочек. За банькой присматривали 17 спортсменов-самбистов, которые сами под шумок не гнушались проворачивать свои темные делишки, а однажды даже участвовали в групповом изнасиловании. Короче, дым в баньке стоял коромыслом. Проницательный советский читатель сразу смекнул, что на месте упомянутых в очерке руководителей строительного треста могли стоять любые фигуры рангом выше, имевшие точно такие же «баньки» во всех уголках необъятного Союза. Многочисленными фактами диких оргий в среде партийной, комсомольской и хозяйственной номенклатуры уже тогда полнилась земля советская, и очерк «Баня» послужил как бы первым официальным подтверждением всех этих слухов. Не случайно и на Западе к этому очерку было проявлено повышенное внимание: его суть перепечатали крупнейшие мировые газеты.

Между тем статья в «ЛГ» появилась неспроста: это была реакция на суд, который в те дни завершился в Чебоксарах над устроителями «баньки». Результаты суда были более чем странными: все стрелки были переведены на спортсменов-самбистов. Двое из них были приговорены к 15 годам тюрьмы, один — к 14, другой — к 8 и т. д. А вот непосредственные виновники всего случившегося, так сказать, идейные вдохновители и организаторы «баньки» — руководители строительного треста — сурового наказания избежали: управляющий трестом получил 6 лет тюрьмы за злоупотребление служебным положением, а два его подельника и вовсе отделались мизером — годом заключения в колонии общего режима. Статья в «ЛГ» ставила перед собой цель привлечь внимание центральных властей к результатам этого суда, и она этого добилась. Однако о том, как развивались события вокруг этого дела, рассказ впереди, а пока вернемся к хронике мая 76-го.

В пятницу, 14 мая, женился популярный хоккеист Валерий Харламов. Как мы помним, со своей невестой Ириной Смирновой он встречается уже больше года, и у них в январе этого года родился сын Александр. Поэтому это бракосочетание можно было считать обыкновенной формальностью. После посещения загса молодожены отправились в ресторан «Звездное небо», располагавшийся в самой модной гостинице того времени — «Интуристе», где их уже ждали больше сотни гостей. Веселье продолжалось до глубокой ночи. Уже под утро, когда мать невесты Нина Васильевна будет разбирать многочисленные подарки, преподнесенные молодоженам гостями, ей в руки попадет бюстик Харламова. «О боже! — всплеснула руками теща. — Это кто же додумался? Будто на могилку Валеры». К сожалению, дурные предчувствия не обманут женщину, о чем разговор будет впереди.

В столичных кинотеатрах демонстрируются новые фильмы. 3 мая в прокат вышла совместная советско-югославская военная драма режиссера Владимира Павловича «Единственная дорога» с участием: Анатолия Кузнецова, Владимира Высоцкого (он все еще находится за границей, в Москву вернется 15 мая), Ирины Мирошниченко и др.; 10-го — спортивная драма «Чудо с косичками» Виктора Титова с участием: Ирины Мазуркевич, Анны Жаровой,

Игоря Ясуловича и др.; детская мелодрама «Рикки-Тикки-Тави» Александра Згуриди; 14-го — документальный фильм «Григорий Александров и Любовь Орлова». Из зарубежных лент выделю масштабное полотно польского режиссера Ежи Гоффмана «Потоп»: 1-ю серию в 2 частях начали демонстрировать в кинотеатре «Октябрь» с 14 мая.

Кино по ТВ: «Цирк», «Расписание на завтра» (преьера т/ф), «Орлята Чапая» (1-го), «Мелодии Верийского квартала» (впервые по ТВ), «Зеленый огонек» (2-го), «Мое дело» (3-го), «Прыжок на заре» (4-го), «Долгие версты войны» (преьера т/ф 4—7-го), «Взрыв замедленного действия» (5-го), «Всадники» (5—6-го), «Все начинается с дороги» (6-го), «Минута молчания» (8-го), «В бой идут одни «старики» (впервые по ТВ), «Летят журавли» (9-го), «Солдатские мемуары» (преьера д/ф 9, 12, 14-го), «Летят журавли» (9-го), «Рассказы о Кешке и его друзьях» (10, 12, 14-го), «Беспокойное хозяйство», «Длинный путь» (13—14-го), «Старик Хоттабыч», «Кавказский пленник», «Конь, ружье и вольный ветер» (15-го) и др.

Из других передач отмечу: Кабачок «13 стульев», «Голубой огонек» (1-го), «Поет Эдита Пьеха» (2-го), «Театральные встречи» (6-го), «Кинопанорама» (7-го, в передаче речь шла о фильмах: «Когда наступает сентябрь», «Бегство мистера Мак-Кинли», были показаны творческие портреты итальянского актера Франко Неро, цыганской певицы Ляли Черной, гостями передачи были актер Лев Дуров и композитор Станислав Пожлаков), «От всей души» (8-го, 16-й выпуск был посвящен жителям города Балаково), «Артлото» (15-го).

Из театральных премьер выделю одну: 11-го в Театре на Таганке был показан спектакль «Обмен» по одноименному роману Юрия Трифонова.

Эстрадные представления: 5—6-го — в ДК МИИТа прошли концерты с участием челябинского ВИА «Ариэль»; 8—9-го — на стадионе «Динамо» состоялись праздничные концерты с участием Дмитрия Гнатюка, Яна Френкеля, Валентины Толкуновой, Геннадия Хазанова, ВИА «Самоцветы», «Ариэль» и др.; 10-го — в «Октябре» пела Эдита Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; в ДК МИИТа — ВИА из Белоруссии «Верасы»; 11—12-го — в ЦКЗ «Россия» прошли концерты с участи-

ем: Александры Стрельченко, Валентины Толкуновой, Владимира Макарова, Евгения Петросяна, ВИА «Москвички», «Лайне» и др.; 13—15-го — там же выступал ВИА «Орэра», солисты: Нани Брегвадзе и Вахтанг Кикабидзе.

В понедельник, 17 мая, в Госкино в очередной раз принимали многострадальную ленту Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Как мы помним, фильм был завершен еще в марте этого года, но цензура отказалась его принимать и мурыжила всевозможными поправками. Герману было в приказном порядке велено внести в картину 20 поправок, в противном случае — фильм на полку. Во время одного из таких просмотров председатель Госкино Ермаш изрек историческую фразу: «Ну, что же, товарищи, обсудим масштабы постигшей нас катастрофы». А его зам Павленок выразился еще более конкретно: «Ну, что же, надо поздравить «Ленфильм» с картиной о людях, проигравших Великую Отечественную войну». Коротче, поводов для того, чтобы сомневаться в том, что картину когда-нибудь примут, у ее авторов было предостаточно. Однако то ли прошедшие праздники подействовали на цензоров положительно, то ли еще какая-то метаморфоза, но 17 мая фильм был-таки принят. Правда, дадут ему всего лишь 2-ю группу по оплате, да и тираж заметно ограничат.

18 мая в 4-м павильоне «Мосфильма» на съемках будущего телевизионного блокбастера «Два капитана» снимали одну из самых драматичных сцен: приход Ромашова (Юрий Богатырев) в госпиталь к Кате Татариновой (Елена Прудникова). Пришел туда этот вышколенный подлец для того, чтобы сообщить девушке весть о том, что горячо любимый ею Саня Григорьев (Борис Токарев) погиб во время бомбежки санитарного эшелона. На самом деле, как мы знаем, Ромашов ошибался: несмотря на то что он сделал все от него зависящее, чтобы Григорьев не выжил — бросил его раненого умирать в лесу, — тот обманул костявую. А Ромашов надеялся, что, устранив со своего пути соперника, он сумеет добиться благосклонности Кати. Однако его и здесь ждало разочарование. На следующий день в той же декорации снимали эпизод, когда в госпиталь пришел живой и невредимый Саня Григорьев.

В отличие от Алексея Германа у мэтра отечественной кинематографии Сергея Герасимо-

ва творческие дела складываются гораздо успешнее. Его фильмы цензура не корежит, с ним считаются на самом высоком «верху». 21 мая «Комсомольская правда» публикует большое интервью с Герасимовым, где он делится своими впечатлениями от только что завершившегося III съезда кинематографистов, рассказывает о своих творческих планах. Но про свою личную жизнь мэтр даже не заикнулся, хотя она у него была весьма насыщенной. Будучи официально женатым на актрисе Тамаре Макаровой, Герасимов пять лет крутил роман с актрисой Любовью Виролайнен. Встречались возлюбленные тайком, но шила в мешке не утаишь — в киношной тусовке многие про эту связь догадывались и даже судачили, что и Макарова тоже в курсе происходящего. Вот как об этом романе будет вспоминать сама Л. Виролайнен:

«После съемок в фильме «Любить человека» Герасимов стал меня поддерживать: выбил огромную квартиру, каждый месяц присылал по тысяче рублей — это в то время, когда большинство людей получали зарплату около ста. Я была членом худсоветов на «Мосфильме», ездила за границу... Сидя на съезде кинематографистов, где на трибуне выступал эlegantный Герасимов, а все его слушали, затаив дыхание, я думала: «Никто в этом зале не знает, что он сердцем, и душой принадлежит мне». Когда я приезжала в Москву на конференцию, меня всегда ждал забронированный «люкс» в гостинице «Украина». Только поставлю чемоданы — раздастся звонок. Они с Макаровой жили рядом, в соседнем с гостиницей доме. Герасимов выходил на утреннюю прогулку с собакой — и тут же оказывался у меня в номере.

Нам приходилось часто расставаться, но разлуку скрашивали письма. Он писал очень часто, до востребования на почту при Балтийском вокзале. Полученное письмо я долго носила в кармане пальто, доставала в транспорте и в сотый раз перечитывала первую строчку: «Ненаглядная моя!» Мама, узнав, что я изменяю мужу с Герасимовым, сожгла все его письма, спрятавшие у нее...

И тем не менее чувств к Герасимову у меня тогда, увы, не было. Он страшно боялся, что мне с ним скучно, ведь у нас огромная разница в возрасте — 36 лет. А ведь скучно должно быть ему — в свои неполные тридцать лет я интел-

лектом не блистала. Но это его совершенно не смущало: все, что я ни говорила, вызывало у него приступы веселья — он хохотал от души. А сколько он мне дал, сколько открыл! Ахматову, Цветаеву, Блока я узнала только благодаря ему. Сидим как-то в ресторане в Ялте, у него стынет еда, он забыл о полном бокале вина — с упоением читает стихи Заболоцкого. А я, напротив, с жадностью уплетаю раков, крабов — голодное детство давало о себе знать. Сергей читает, читает, а потом вдруг спрашивает: «Тебе скучно?» — «Нет, очень вкусно». Его во мне восхищало все: наивность, непосредственность, кроме того, у них с Макаровой не было своих детей, и он, наверное, видел во мне ребенка...»

В субботу, 22 мая, наша национальная сборная по футболу встречалась в Киеве со сборной Чехословакии. Это был второй матч первенства Европы, который должен был решить, какая из этих команд продолжит свое участие в турнире. Поскольку в первой игре наши уступили 0:2, теперь нам необходимо было выигрывать. Но, увы, этого не получилось. Счет открыли гости: под самую концовку второго тайма мяч забил Модер. В начале второго тайма Буряк сравнял счет, но тот же Модер метким ударом перечеркнул надежды наших футболистов на успешный исход игры. И хотя чуть позже Блохину удалось сравнять счет, это было слабым утешением — наша команда из турнира выбыла. Но самое удивительное было то, что, когда на пресс-конференции одного из тренеров советской сборной спросили, почему так произошло, он ответил: «Все идет по плану». Из этого следовало, что на победу в этом матче наших футболистов никто всерьез не настраивал, и тренеры (Валерий Лобановский и Олег Базилевич) нацеливали игроков на успешное решение другой задачи — победить на Олимпийских играх в Монреале, которые должны были состояться в июле — августе этого года. То бишь проигрыш второго по значимости (после чемпионата мира) турнира планировался в угоду турниру любительскому!

23 мая в ЦК КПСС состоялось закрытое заседание, на котором семерка секретарей ЦК (М. Суслов, А. Кириленко, Ф. Кулаков, В. Долгих, М. Зимянин, К. Черненко) подписала секретное постановление под названием «О введении рыбных и овощных дней в системе обще-

ственного питания». На первый взгляд хорошее решение, согласно которому отныне раз в неделю — по четвергам, который назовут «рыбным днем» — советский народ должен будет в обязательном порядке потреблять витамины: тот же форсфор, которым так богата рыба. Однако на самом деле у этого решения была совершенно иная подоплека: оно было принято под давлением весьма неблагоприятных процессов, которые происходили в экономике страны. А именно: стала сильно ощущаться нехватка мяса. В постановлении значилось:

«Подсчеты показывают, что введение рыбных дней при умелой организации дела позволит, не ухудшая качества питания, добиться большого разнообразия блюд и высвободить для розничной продажи в расчете на год 400 тысяч тонн мяса (с учетом военных контингентов). Начиная с августа по декабрь, в период наибольшего наличия овощей, можно было бы, помимо рыбного дня... ввести овощной день... Следует отметить, что из-за недостатка ресурсов мясопродуктов государство вынуждено ежегодно закупать большое количество мяса по импорту. Например, в 1975 году его было закуплено 515 тысяч тонн (без живого скота) на сумму 356,1 млн. валютных рублей...»

Как видим, введение «рыбных» дней было вызвано отнюдь не заботой о советских гражданах. Просто в стране стало не хватать мяса, вот и решили в Кремле насильно «разбавить» рацион совграждан рыбой и овощами. Но это так и не помогло «разрулить» ситуацию. В Москву, где снабжение считалось самым хорошим, из ближайших провинциальных городов, где было шаром покати, ломанулись толпы изголодавшихся граждан. Ехали они за колбасой и мясом. Такие электрички в народе прозвали «колбасными». Вот как об этом вспоминает актер О. Стриженов:

«Отныне прежнего зрителя сменял новый «театрал» — автобусно-колбасный. Особенно на дневных спектаклях в воскресенье: В театре аншлаг — все билеты проданы. Но в зале пусто. Оказывается, большинство билетов распределили по подмосковным городам. Местная администрация для «культурного мероприятия» выделила автобусы, и люди поехали в Москву. Только не с целью попасть в театр, а закупить в магазинах продуктов. А если кто-то и решится заглянуть на спектакль, жалея, что билет ос-

танется неиспользованным, то артисты услышат его по звяканью бутылок или падению тела во время сна...»

Между тем сами «кремлевские небожители» и приближенный к ним спецконтингент никаких перебоев с мясом и другими продуктами, естественно, не ощущали. Они уже давно жили при коммунизме, отовариваясь в закрытых распределителях. Вот как об этом вспоминает дочь секретаря ЦК КПСС М. Зимянина (его подпись стоит под «рыбным» постановлением) Наталья Зимянина:

«Продуктами нас обеспечивала спецбаза, система была отработана, видимо, десятилетиями, и два раза в неделю водитель доставлял мне картонный ящик с любым набором продуктов. Круглый год было все. Свежие баклажаны и кабачки с приклеенной бумажкой — не то «Испания», не то «Португалия», нездешняя цветная капуста, груши, виноград, фейхоа. На день рождения я, договариваясь с мамой о некоторой «роскоши», кормила друзей, например, утиной построймой (такого и названия-то никто не помнил) — копчеными утиными ляжками и поила всеми винами подряд (они все стоили в пределах трех рублей). Все ржали, говорили, что сидим вот тут, как Сталины — и «Цинандали» тебе, и «Телави», и «Кинзмаураули»...

Фрукты мои дети ели круглый год по государственной цене. Кроме того, каждую субботу после работы папа навещал нас на квартире и всегда приносил в портфеле гостинцы для внуков. Это я его заставила. А дело было так. Однажды по какой-то нужде я оказалась у него в приемной в ЦК. Смотрю, на столе ваза с шикарными, будто бутафорскими фруктами — ну хоть бы пятнышко! Вымирающие крымские яблоки, бананы, фейхоа, груши дюшес. Когда я спросила у папы, для кого предназначена эта вазочка, он неосмотрительно пожал плечами, и тогда я приперла его к стенке: «Ну неужели ты думаешь, что твои коллеги и просители, сидящие в колотуне в приемной, будут есть эти бананы?» Так фрукты стали перекочевывать ко мне.

Потрясало искусство кремлевских мастеров-кондитеров. По праздникам мама заказывала внукам на особой кухне 60—100 штук пирожных «Малютка», на один кус каждое. В продолговатой белой коробочке ручной работы,

перевязанной крест-накрест импортной веревочкой со свинцовой печатью на главном узле, покоились просто-таки произведения искусства. Например, крошечные эклеры-лебеди с выгнутыми тонкими шеями и даже глазками и клювиками; миниатюрные, чуть ли не с пятак корзиночки, в которых разноцветный калейдоскоп фруктов был залит желе. Сейчас я уже и забыла все эти чудеса, но было их не менее 10 видов, не только изысканно-вкусных и красивых по форме, но и изумительных по окраске. Например, эффект зеленой травы вокруг ножки грибочка создавался с помощью тертых шоколада и фисташек. Пекли на особой кремлевской кухне и маленькие медовые пряники, мягкие и крохкие одновременно, с подлинным ароматом и привкусом меда, политые хрустящей (оказывается, она должна хрустеть!) глазурью; миндальное печенье размером с юбилейный рубль; делали изумительный пирог «Черносмородиновый» — это был круглый красавец на 6, 12 или 24 персоны из очень тонко раскатанного жирного, хрустящего теста, наполненный домашним вареньем, смешанным с грецкими орехами, накрытый, как и положено русскому пирогу, ромбовидной сеткой из тонких полосок теста и посыпанный зелеными фисташками...

Распределитель все называли по-разному, чтобы как-то завуалировать его суть: лавочка, секция, ателье, дырка (оно было в смежном помещении). В принципе он был маленьким супермаркетом, каких теперь полно в Москве...

Тем временем 23 мая в первенстве страны по футболу состоялся матч, которому суждено будет стать причиной большого скандала. В тот день в Киеве встречались тамошние динамовцы и их одноклубники из Тбилиси. Победили хозяева с минимальным счетом 1:0. Во многом этой победе киевляне были обязаны своему новому голкиперу Александру Прохорову, который творил в «рамке» настоящие чудеса, беря даже неберущиеся мячи. Прохоров совсем недавно верой и правдой служил в «Спартаке», но затем решил сменить цвет своей футболки. Причин было несколько: во-первых, родной «Спартак» тогда был в числе аутсайдеров, а киевляне на коне, во-вторых — переезд в Киев автоматически зачислял Прохорова в состав национальной сборной. Однако на пути Прохорова стеной встали спартаковские начальни-

ки, которые пригрозили вратарю в случае перехода суровыми карами. Но тот не испугался: в мае собрал свои нехитрые пожитки и уехал в Киев. И, несмотря на протесты Москвы, за два дня до игры с тбилисцами СТК разрешил Прохорову играть за киевлян. Но тут вышла накладка: телеграмма об этом решении была послана в Киев лишь 24 мая, то есть на следующий день после игры. Именно эта оплошность и станет поводом к большому скандалу, который разгорится спустя несколько недель в футбольном королевстве страны. Но об этом чуть позже.

В среду, 26 мая, в Москве едва не погиб хоккеист Валерий Харламов. Меньше двух недель назад он женился, и вот на тебе — вместе с женой разбился на собственной «Волге». Авария произошла утром на Ленинградском шоссе. За рулем автомобиля был Харламов, который на одном из участков трассы решил обогнать грузовик. Навстречу шла другая грузовая машина, но Харламову показалось, что он успеет проскочить между ними. Спортсмен ударил по газам, но в следующую секунду увидел, что из-за встречной машины выскакивает, идя на обгон, еще один лихач на такси. Харламов вдавил ногу в педаль тормоза, однако было поздно — его «Волга» врезалась в телеграфный столб.

В этой аварии сильнее всех пострадал Харламов: у него оказались сломаны правая нога, несколько ребер, и было сильнейшее сотрясение мозга (Ирина отделалась переломом пятки и сотрясением мозга). Пострадавших доставили в 67-ю городскую больницу, а изуродованную «Волгу» привезли на территорию Дворца спорта ЦСКА. Когда в клубе узнали об этом, тут же позвонили домой врачу команды Олегу Белаковскому. На удачу, тот оказался дома и примчался сначала в ЦСКА, а потом помчался в 67-ю. Быстро договорившись с тамошними врачами, он уже через пару часов перевез Харламова и Ирину в более комфортабельную лечебницу — в военный госпиталь. Там за выздоровление пострадавших взялся хирург-виртуоз Андрей Сельцовский.

В день, когда разбился Харламов, Владимир Меньшов переснимал очередной эпизод фильма «Розыгрыш» — в бассейне. До этого у этой сцены было иное решение и действие ее происходило в физкультурном зале. Но из-за

того, что худсовет забраковал актера, исполнившего роль учителя физкультуры (тот якобы грубо комиковал в кадре), пришлось находить нового исполнителя и переносить эпизод в другие интерьеры. Новым местом стал один из стилистических бассейнов.

Пока одни фильмы находились в стадии производства, другие выходили в прокат. Так, 20 мая в кинотеатре «Октябрь» начал демонстрироваться один из первых советских стереоскопических фильмов «SOS над тайгой» режиссеров Аркадия Кольцагого и Валентина Перова. В фильме снимались: Александр Январев, Александр Воеводин и др. Из зарубежных премьер выделю болгарский детектив «**Большая скука**», который вышел в прокат 17 мая. 29—31 мая во Дворце спорта в Лужниках показывали продолжение французской комедии про похождения высокого блондина «**Возвращение высокого блондина**».

Кино по ТВ: «Дачники», «Три тополя на Плющихе» (16-го), «Адъютант его превосходительства» (17—21-го), «Спелые вишни» (18-го), «Бей, барабан!» (19-го), «Старший сын» (премьера т/ф 20—21-го), «Беглец из Янтарного» (22-го), «Ревизор» (23-го), «Черное солнце» (24-го), «Дети капитана Гранта» (26-го), «Семейное дело Гаюровых» (26—27-го), «Таланты и поклонники» (27-го), «Над Тиссой» (28-го), «Исполняющий обязанности» (29-го), «Бег» (29—30-го), фильмы Ч. Чаплина, «Пассажир с «Экватора», «Семь невест ефрейтора Збруева» (30-го), «Волшебная лампа Аладдина», «Мичман Панин» (31-го) и др.

Театральные премьеры: 21-го — в Драматическом театре имени Станиславского был показан спектакль «**Тени**» М. Салтыкова-Щедрина; 22-го в «Современнике» — «**Вишневый сад**» А. Чехова с участием: Татьяны Лавровой, Анастасии Вертинской, Марины Нееловой, Игоря Кваши, Юрия Богатырева, Андрея Мягкова, Валентина Гафта и др.; 23-го в Театре имени

Моссовета — «**Прикосновение**»; 26-го в Театре имени Ермоловой — «**Мэри Поппинс**».

Эстрадные представления: 15—20-го — в ГТЭ выступал ВИА «Калинка» (Ленинград); 21—24-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Поющие сердца»; 24—27-го — в ГЦКЗ «Россия» прошли концерты с участием ансамбля «Бонни Дзякс» (Япония); 26—27-го — в ГТЭ пела Валентина Толкунова; 30-го — в Зеленом театре на ВДНХ прошли концерты с участием: Валерия Чегоманова, Жанны Бичевской, Нины Пантелеевой, вокального квартета «Аккорд» и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову лишь одну граммпластинку, которая затмила собой все остальные, — «**По волне моей памяти**». На диске звучало десять произведений, которые исполняли малоизвестные широкому слушателю исполнители: Олег Иванов, Александр Барыкин, Сергей Беликов и др. Самыми забойными вещами на диске считались две песни: «Из вагантов» («По французской стороне») и «По волне моей памяти» («Когда это было...»).

Вспоминает Д. Тухманов: «В альбоме не было ничего диссидентского, просто пластинка не вписывалась в стандарты того времени. Идея принадлежала моей первой жене Татьяне Сашко — она подбирала стихи. В отношении текстов все было в порядке: Бодлера и Мицкевича никто не запрещал. Что до музыкальной части, то перед записью материал должен был пройти худсовет. На прослушивании в студии фирмы «Мелодия» я сыграл песни в камерной манере, снизив до минимума роль барабанов и других рок-н-рольных атрибутов. Когда приступили к записи, тоже старались не пускать посторонних. А когда показали уже записанное, нам и впрямь повезло: комиссия была настроена либерально. Но больше всего нам повезло, что выход диска совпал со становлением нового поколения. А уже вслед за молодежью пластинку приняла зрелая интеллигенция...»

1976

Июнь

Раймонд Паулс дослужился до «народного». Моя поездка в ГДР. Очередной любовный роман Эдуарда Тополя. Олег Даль склоняет деятелей искусства. Песня «Вологда» покоряет страну. Премьера спектакля «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты». Как Анка-пулеметчица помогала Валерию Харламову поправиться. Премьера фильма «Вечный зов». Как Индира Ганди помогла улучшить жилищные условия художнику Глазунову. Электронные часы «Чайка». Чурбанов в Узбекистане: прием по высшему разряду. Мои немецкие впечатления. Слежка за Триононом продолжается. Никита Михалков снимает «Неоконченную пьесу...». Высоцкий встречается с бывшей женой. День рождения Сергея Маковецкого в Сандунах. Как Леонид Гайдай вступился за Панкратова-Черного. Как Людмиле Гурченко помогли сломать ногу. Последнее свидание Валерия Саблина с женой и сыном. Япончик уходит от погони. Как Бюль-Бюль оглы «левачил» в Казахстане. Родился Максим Галкин. Мой новый роман — на этот раз про индейцев. Охота за Аркадием Северным. Любовные страсти Юрия Визбора. Похороны поэта Константина Богатырева. Почему Леонид Зорин не пошел на съезд писателей. Премьера фильма «Красное и черное»: взошла звезда Николая Еременко. Умер Виталий Доронин. Столичная торговля бьет тревогу. Главный герой «Кортика» в тюрьме. Секс по-советски. Александр Буйнов возвращается в «Веселые ребята».

В среду, 2 июня, композитору Раймонду Паулсу было присвоено звание народного артиста Латвийской ССР. Это было справедливо: Паулс был чрезвычайно популярен у себя в республике как автор многих шлягеров, причем не только эстрадных — он, к примеру, писал и хоровую музыку. С начала 70-х, когда в моду вошли ВИА, Паулс покинул Рижский эстрадный оркестр, в котором проработал почти десять лет, и создал собственный ВИА «Модо». Слава Паулса в Латвии была настолько огромной, что на него обратили внимание даже тамошние... рэкетеры. Как мы помним, в декабре 75-го у Паулса пытались вымогать 10 тысяч рублей в обмен на жизнь его близких. Милиции удалось обезвредить шантажиста, который оказался... особо опасным преступником, на совести у которого были уже две человеческие жизни. Когда Паулсу присвоили звание народного, вся Латвия распевала его очередной шедевр — песню «Листья желтые» (в России она объявится чуть позже).

В Москве же не по-летнему пасмурно, идут дожди. В один из таких пасмурных дней начала июня ваш покорный слуга покидал столицу, отправляясь с группой учащихся родной 325-й школы в туристическую поездку в Германскую Демократическую Республику. Наша группа состояла из двух десятков человек, поехали те, у кого были хорошие отметки и соответствующее поведение. К тому же родители отъезжантов должны были наскрести полторы сотни рублей на поездку своих чад. Группу возглавили двое преподавателей: Ирина Марковна Лавовская (директор школы, а по совместительству учитель русского языка и литературы) и Михаил Петрович Эпштейн (немецкий язык).

Помню свой неописуемый восторг, когда поезд набрал разбег от Белорусского вокзала и взял путь на Запад: только тогда я понял, что все происходящее не является сном и я действительно еду на родину... не Эрнста Тельмана, а киностудии «ДЕФА», где снимались фильмы про индейцев. Всю дорогу до Бреста мы с моим

одноклассником Серегой Зикеевым и еще двумя попутчиками по купе бегали в вагон-ресторан и покупали там лимонад иностранного производства (то ли немецкий, то ли польский). В красиво рифленных бутылках было самое разнообразное питье, которого до этого мы никогда не пробовали: гранатовый сок, клюквенный морс, кока-кола и т.д. Помню, за сутки пути я осилил 12 бутылок.

Однако на территории Польши наше путешествие едва не закончилось. Где-то под Варшавой поезд сошел с рельс, но благодаря счастливой случайности — электровоз завалился на мачту ЛЭП — состав не рухнул с путей. Никто из пассажиров не пострадал: я сам в момент аварии находился в коридоре и отделался легким испугом, когда вместе с оконным поручнем рухнул на пол.

Мы лишние несколько часов — пока нам меняли электровоз — пробыли в Варшаве. Честно говоря, город произвел на меня не самое приятное впечатление — уж слишком грязным он выглядел. Поскольку из-за случившегося мы так и не успели пообедать, руководители группы повели нас в привокзальный ресторан. Это посещение осталось в моей памяти как нечто забавное. Нам дали по вареной курице и вручили вилки и ножи. Поскольку большинство из нас ножом пользоваться не умели, первое общение с этим прибором выглядело плачевно. К примеру, моя курица, после того как я попытался атаковать ее с двух сторон вилкой и ножом, заскользила по тарелке и едва не улетила на пол. Кто-то из нас первым подал пример всем остальным: плюнул на всяческие приличия и принялся уплетать курицу рабоче-крестьянским способом — с помощью рук.

Кстати, в той же столовой я обнаружил у себя под столом монетку стоимостью 20 грошей. Радости моей не было предела, и я решил сразу после трапезы купить себе в ближайшем киоске что-нибудь на десерт — типа популярной польской жвачки «Болек и Лелек». Но, увы — на эти гроши нельзя было даже газету купить.

В Берлин мы прибыли рано утром. Помню совершенно пустынный город, по которому мы ехали на такси. Что нас больше всего поразило, так это поведение таксистов: несмотря на то что улицы были пустынные, они педантично останавливались на красный свет светофоров.

У себя на родине мы привыкли видеть совсем другую картину. Жить нас определили на первом этаже жилого дома, неподалеку от школы, которая, собственно, и организовала наш приезд сюда по дружескому обмену.

Съемочная группа фильма «Несовершеннолетние» во главе с режиссером Владимиром Роговым вот уже две недели находится в Краснодаре, где снимает натурные эпизоды. Сценарист фильма Эдуард Тополь ехать в пыльный город отказался, предпочтя поселиться в его более экологически чистом пригороде — в пионерском лагере «Орленок», где приступил к написанию сценария нового фильма. Он надеялся при благоприятном раскладе управиться с этим делом максимум за пару-тройку недель, но этим надеждам не суждено было осуществиться. А все потому, что Тополя угораздило... влюбиться. Его дамой сердца стала молоденькая медсестра из лагерного медпункта. Как вспоминает сам сценарист, это была девушка с тонким станом, высокими оливково-шоколадными от загара ногами, густой копной черных волос до пояса, маленькой грудью, удлинненным нежным абрисом лица и огромными темными глазами застенчивой серны.

Роман протекал бурно. Днем влюбленные купались и загорали, а ночью отдавались во власть всепоглощающей страсти. Девушка сама приходила в комнату к сценаристу и позволяла тому себя раздеть, уложить в постель, целовать и терзать, сколько его душе, а вернее, плоти заблагорассудится. Правда, с одним «но»: полностью овладеть собой девушка не разрешала, видимо, блюдя себя для будущего мужа. Она так и говорила Тополю: «Прошу тебя, не делай этого... пожалуйста». И он, как истинный джентльмен, не делал. Но все остальное получал сполна.

Режиссер Алексей Симонов продолжает работу над фильмом «Обыкновенная Арктика»: из снежной Амдермы съемки теперь переместились в павильоны «Ленфильма». В начале июня снимались сцены в декорации «каюткомпания». Поскольку собрать всех актеров в одно время невозможно, приходится изощряться: попеременно снимать то одних, то других. 1 и 3 июня съемки были сорваны, так как на съемочную площадку не приехали сразу несколько актеров. Исполнитель главной роли Олег Даль 5 июня записал в своем дневнике

следующие строки, навеянные ему встречами в Москве с некоторыми из своих коллег:

«Нынешние деятели искусства напоминают мне обезумевшее от тупости громадное стадо баранов, несущееся за козлом-провокатором к пропасти.

Я стою на вершине холма и наблюдаю эту картину. Кое-кого хочется остановить... Но поздно... Терпение! Терпение!

Пусть все летят к чертовой матери в пропасть, на дне которой их «блага», звания, ордена, медали, прочие железки, предательства, подлости, попранные принципы, болото лжи и морального разложения...»

В воскресенье, 6 июня, по ТВ был показан первый в этом году выпуск популярной передачи «Песня-76». В нем состоялась премьера песни, которая мгновенно стала всенародным шлягером, — «Вологда» Бориса Мокроусова и Михаила Матусовского в исполнении белорусского ВИА «Песняры». Стоит отметить, что эта песня была написана достаточно давно (в 50-е), исполнялась разными исполнителями, но только «Песнярам» удалось сделать ее всенародной. Не знаю, были ли в Советском Союзе люди, у кого дома не лежала бы гибкая пластинка с этой песней, выпущенная «Мелодией» летом 76-го (на ее обложке «Песняры» выстроились друг за другом в рядок). Помимо «Вологды», в том выпуске «Песни-76» звучало еще шесть песен: «Даль великая» (Е. Птичкин — Р. Рождественский) — Галина Ненашева, «Весна 45-го года» (А. Пахмутова — Е. Долматовский), «Лишь одна» (Э. Колмановский — Р. Гамзатов) — Юрий Богатиков, «Рабочая весна» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Иосиф Кобзон, «Мне приснился шум дождя» (Е. Дога — Е. Лазарев) — Надежда Чепрага и Владимир Коннов, «От разлуки до разлуки» (В. Баснер — М. Матусовский) — Мария Пахоменко.

Вечером 7 июня в столичном Театре имени Ленинского комсомола творилось небывалое столпотворение — давали премьеру спектакля «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты». Билеты у спекулянтов стоили в пять-шесть раз выше номинала, что не останавливало желающих. Ведь это была одна из первых рок-опер в Советском Союзе: за музыкальную часть в спектакле отвечала популярная рок-группа «Аракс», роли исполняли практически все молодые звезды теат-

ра: Александр Абдулов (Мурьетта), Елена Шанина (возлюбленная Мурьетты), Николай Караченцов (главный злодей) и др.

Валерий Харламов и его жена Ирина находятся в военном госпитале, где залечивают травмы, полученные при недавней аварии на Ленинградском шоссе. Несмотря на то что врачи не гарантируют Харламову возвращения на лед, он даже мысли не может допустить, что его игровая карьера завершена. О приключившейся с ним беде он старается говорить шутя: «Из хоккеистов еще никто насмерть не разбивался, это только футболистам не везет». Настроения добавляла и легендарная соседка по больничному коридору — знаменитая чапаевка Анка-пулеметчица, в миру — Мария Попова. В конце марта ей исполнилось 80 лет, но она, несмотря на возраст и хвори, источала невероятный оптимизм. Глядя на нее, просто невозможно было предаваться унынию. Особенно веселило больных то, как Попова лихо рассказывала анекдоты про саму себя и своих однополчан — Василия Ивановича Чапаева и Петьку. Харламову она не уставала повторять: «Жить я буду, пока ты в хоккей играешь. Так что играй дольше!»

А вся страна между тем припала к экранам своих телевизоров: со 2 по 10 июня ЦТ демонстрирует многосерийный телесериал «Вечный зов». Вновь, как и четыре года назад, когда те же режиссеры В. Краснопольский и В. Усков порадовали зрителей фильмом «Тени исчезают в полдень», улицы городов вымирают с 19.45. Поскольку автором «Вечного зова» был все тот же Анатолий Иванов, сюжет его во многом повторяет «Тени»: те же примерно годы, те же конфликты на фоне предреволюционной деревни — сын против отца, брат против брата. В фильме собран великолепный актерский состав: Ефим Копелян (последняя роль актера в кино), Петр Вельяминов, Ада Роговцева, Вадим Спиридонов, Тамара Семина и др.

Во вторник, 8 июня, в Москву с официальным визитом приехала премьер-министр Индии Индира Ганди. В аэропорту ее встречал лично Брежнев. В тот же день он преподнес ей в качестве подарка портрет кисти художника Ильи Глазунова. Индийского премьера художник рисовал месяц назад в Дели, куда его специально вызвали для этой почетной миссии. До этого Ганди рисовал другого художник —

Налбандян, но его портрет Индире не понравился: она обвинила Налбандяна в том, что он нарисовал «какую-то армянку». В итоге пригласили Глазунова, и его работа Ганди удовлетворила на все сто. Более того: когда этот портрет увидел Брежнев, то он потребовал, чтобы Глазунов нарисовал и его портрет тоже и подарил ему к юбилею (в декабре Брежневу должно было исполниться 70 лет). Кроме этого, Ганди невольно помогла Глазунову улучшить его жилищное положение. До ее приезда он жил в крохотной мастерской в Калашном переулке, куда с трудом можно было протиснуться из-за расставленных повсюду картин. Когда член Политбюро Мазуров, которого художник рисовал аккуратно накануне приезда индийского премьер-министра, увидел это убожество, он немедленно потребовал, чтобы Глазунову выделили другую мастерскую — побольше. Причем делалось это отнюдь не из благих побуждений, а исключительно чтобы не ударить в грязь лицом перед именитым гостем — вдруг она изъявила бы желание навестить художника в его апартаментах.

9 июня в центральной прессе появились сообщения о новом успехе советских часовщиков: мастера Угличского часового завода выпустили в свет первые образцы мужских наручных электронных часов «Чайка». Часы были двух модификаций: с двумя календарями (показывали день недели и число) и без одного. Большим любителем таких часов был Брежнев, которому часовщики постоянно преподносили их в подарок. До конца жизни Брежнев скопил у себя несколько десятков электронных часов, которые будут храниться в специальной коробке, находящейся в сейфе его рабочего кабинета на Старой площади.

В эти же дни зять генсека генерал-майор милиции Юрий Чурбанов находился в служебной командировке в Узбекистане (с 5 июня). Он посетил Ташкент, Бухару и ряд других городов, где ознакомился с работой вверенных ему подразделений (он тогда занимал пост начальника политуправления внутренних войск МВД СССР). Встречали высокого гостя по-восточному хлебосольно да еще задарили всякими подарками. Вот как об этом позже будет вспоминать тогдашний министр внутренних дел УзССР Х. Яхьяев:

«Для Чурбанова были приготовлены: сюзане — декоративный настенный ковер стоимостью не менее 200 рублей; красивой расцветки ковер 2х3 м стоимостью не менее 250 рублей с учетом невысоких в то время цен на ковры; два чайных сервиза по 16 рублей каждый; два столовых сервиза по 24 рубля — все красиво расписаны национальным узбекским рисунком, и, несмотря на невысокую стоимость, смотрелись они очень нарядными. Помимо сервизов, сюзане и ковра, были также отрезки ткани стоимостью не менее 100 рублей.

За день-два до отлета Чурбанова в Москву рано утром я провел его в комнату и показал все эти вещи для него. Чурбанов воспринял все как должное и выразил удовлетворенность подарками. Сказал, что его жена Галина Леонидовна будет довольна. После осмотра подарков мы наедине разговаривали с Чурбановым. Он сам завел разговор о том, что в Москве жить не так просто, как кажется, очень много расходов. Я понял, что следует дать деньги. Кроме того, видел, как благосклонно Чурбанов отнесся к приготовленным для него вещам. Я и раньше хотел дать ему деньги, но были сомнения: дать ли сразу или позднее, если дать, то какую сумму. Чурбанов сам вывел меня из затруднительного положения, и я решил для себя, что хватит суммы в 15 000 рублей: это и не мало, и не слишком много, для первого знакомства достаточная сумма... Улучив удобный момент, когда мы находились одни в помещении, я отдал сверток с деньгами в руки Чурбанову и сказал, что это ему на память об Узбекистане. Чурбанов ответил: «Хорошо», и тут же положил сверток в карман брюк. Потом мы пообедали, и дальше все шло по порядку.

Или после обеда в тот день, или вечером Чурбанов похвалил узбекские фрукты. Я его намек понял и изъявил желание посылать ему фрукты. После отъезда Чурбанову регулярно направлялись коробки с овощами и фруктами в свежем и сушеном виде, виноградом, вином, коньяком. Стоимость отправленных коробок составит не менее 2500 рублей...»

Тем временем ваш покорный слуга продолжает топтать землю Восточной Германии. Поскольку наше пребывание в ГДР ограничено всего лишь десятью днями, культурная программа у нас насыщена до предела. Практически каждый день мы куда-нибудь выезжаем: то

в Музей Древнего Востока, то в Трептов-парк, то в Любенау, где катаемся на гондолье, то в оперу (в те дни в Берлине гастролировала знаменитая Ла Скала и мы попали на оперу «Тоска»), то в советскую войсковую часть на территории Берлина. В последней нам устроили поистине королевский прием: таких деликатесов, что мы едали там, нам до сих пор есть нигде не приходилось. Кстати, с едой вообще вышла занятая вещь — большинство из нас тамошней кормежкой попросту не наедались. Помню, как на второй день после нашего приезда мы сели завтракать, а на столе оказался типичный для немцев ассортимент: малюсенькие булочки, таких же размеров вазочки с джемом и столь же микроскопические чашечки с кофе. В итоге наши бездонные желудки, привыкшие на родине по утрам поглощать увесистые бутерброды с докторской колбасой, так и остались пустыми. Видя такое дело, немцы затем пошли нам навстречу — на обед стали выделять черный хлеб к первому блюду (сами они едят супы без хлеба).

Где-то на третьи или четвертые сутки пребывания наши руководители разрешили нам сделать самостоятельную вылазку в город. И мы вдвоем с Сергеем Зикеевым отправились в пешую прогулку, главной целью которой был не осмотр достопримечательностей Берлина (с нами мы знакомились во время обязательных экскурсий), а посещение магазинов. За время нашего путешествия мы побывали в двух десятках самых разнообразных торговых точек: от государственных до частных. В итоге купили практически все, что можно было купить на наши скудные командировочные (нам поменяли только 40 рублей, то есть в кармане у каждого из нас было 120 марок). К примеру, я купил: босоножки для матери, бритвенный прибор для отца, сувенирную бутылочку коньяка для знакомых и т. д. Себя я тоже порадовал: купил два десятка резиновых солдатиков-индейцев и целый блок жевательной резинки «Fruit». Последняя покупка происходила при забавных обстоятельствах. Поскольку немецкий я знал в пределах школьной программы, продавщица долго не могла понять, что же именно мне надо: то ли пластинку жвачки, то ли пачку. Наконец я не выдержал и конкретно ткнул в стоявший на витрине блок: дескать, мне его целиком, битте-дритте. У продавщицы от удивле-

ния брови взметнулись вверх: оказывается, блоками жвачку у них никто не покупает. В итоге она сняла с витрины искомую коробку, при мне сдула с нее сантиметровую пыль и вложила в мои дрожащие от волнения руки. Жвачка оказалась дерьмовая — настоящая резина, но у меня на родине она ушла за считанные дни, так как ничего подобного в наших магазинах не водилось.

Не понравилось мне и тамошнее мороженое: на вид оно было очень даже красивое — переливалось всеми цветами радуги, напоминающая собой то, что я видел в фильме «Господин Крюшо в Нью-Йорке», но, по сути, оказалось обыкновенной химией. Короче, с нашим советским мороженым немецкое не шло ни в какое сравнение. Кстати, когда через год к нам с ответным визитом приехали немецкие школьники, они сделали однозначный выбор в пользу нашего мороженого — съедали в день по шесть-семь порций. Думаю, все, кто помнит те времена, со мной согласятся — вкуснее советского мороженого ничего не было. И ведь сортов сколько тогда было: клюквенное за 5 копеек, фруктово-ягодное за 7 (эти были в бумажных стаканчиках); молочное за 9, сливочно-молочное и эскимо за 11, крем-брюле за 13, сливочно-шоколадное и ореховое за 15 (все — брикеты); сливочное с кремовой розочкой (крем я никогда не любил, но этим просто объедался, слизывая его как можно медленнее) за 19 (в вафельном стаканчике) и, наконец, мороженое-пирожное «Ленинградское» за 22, шоколадное с орехами за 28 и большой брикет сливочного мороженого за 48 копеек. Ничего не забыл? Ах, да: еще в ГУМе и ЦУМе продавали сливочное мороженое в вафельном стаканчике с «куполлом» за 20 копеек. Говорят, иностранцы специально приезжали в Москву, чтобы попробовать этот «купол».

Один из дней мы провели в немецких семьях (гостили мы парами — со мной был все тот же Сергей Зикеев). Помнится, какое-то время мы находились в городской квартире, после чего отправились отдыхать за город — в Рюбецаль (мне это место было знакомо исключительно по советско-германскому фильму «Дорога на Рюбецаль»), где был пляж. Там я опростоволосился: нас повезли кататься на лодке, а заодно и купаться, но я плавать не умел и все это время просидел в утлом суденышке. Но в

целом поездка доставила нам массу удовольствия. Хотя были и неприятные моменты. Например, уже в первые дни нашего пребывания в Берлине возле нашего дома стали вертеться какие-то темные личности, которые выкрикивали всяческие угрозы в адрес СССР и нацистские лозунги (типа «Хайль, Гитлер!»). В итоге к нам на какое-то время приставили полицейского. Под его надзором мы посетили и школу, которая пригласила нас в эту поездку (мы присутствовали на уроке русского языка, потом нам устроили дискотеку). Одним словом, если описывать все события и впечатления той десятидневной поездки, то на это уйдет слишком много бумаги. А мне надо рассказать и о других событиях июня 76-го.

В Москве Служба безопасности МИД СССР и КГБ продолжают искать агента ЦРУ в среде работников МИДа. Как мы помним, этим агентом был 36-летний работник отдела Америки Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР Александр Огородник, завербованный американцами два года назад в Колумбии. Он входит в круг подозреваемых КГБ, но конкретных доказательств его вины у чекистов пока еще нет. Вместе с ним негласную проверку проходили и несколько других высокопоставленных мидовских работников. Но наблюдение за этими людьми очень скоро дало результат — к ЦРУ они не имеют никакого отношения. А вот в отношении Огородника (он же Трионон и Агроном) КГБ продолжал сомневаться и слезки с него не снимал. Каковы же были ее результаты?

В четверг, 10 июня, бригадой наружного наблюдения было зафиксировано, что с 17.30 до 19.30 принадлежавшая Огороднику автомашина «Волга» черного цвета с госномерами МКЩ 49—92 была припаркована в двух местах: сначала на пяточке Метростроевской улицы у здания МГИМО, затем у входа в метро «Парк культуры», напротив эстакады через Садовое кольцо. Огородник вышел из машины, прошел в сторону бассейна «Чайка», постоял там две-три минуты, а затем спустился в метро. «Топтуны» неотступно следовали за ним. Доехав до станции «Библиотека имени Ленина», Огородник поднялся по эскалатору на проспект Калинина, а затем медленным шагом в 17.55 подошел к магазину «Военторг». Возле его входа он вскоре встретился с миловидной

женщиной, которая КГБ была уже хорошо известна — это была сотрудница приемной Президиума Верховного Совета РСФСР Ольга Фомина, с которой Огородник до этого уже неоднократно встречался. Парочка направилась в центр города, где долго гуляла по улицам. Возле Петровского пассажа они зашли в пирожковую, в которой пробыли около сорока минут. После этого они вернулись к «Волге» Огородника, и он отвез Фомину до ее дома, а сам вернулся к себе — на Краснопресненскую набережную. Казалось, что на этом Огородник успокоится: сядет дома возле телевизора или ляжет пораньше спать, поскольку завтра ему с утра надо было отправляться на работу. Но чекистов ждало неожиданное открытие.

Примерно в 21.20 Огородник вновь вышел из дома. Причем его не остановило даже то, что на улице моросил мелкий дождь и погода явно была не прогулочная. А Огородник «наострил лыжи» достаточно далеко. Он прошел по набережной и Конюшковской улице на остановку троллейбуса № 2, что возле здания СЭВ. Сев на «рогатого», Огородник доехал до остановки «Улица Дунаевского», где вышел. Машина с «топтунами» остановилась чуть поодаль: не выходя из нее, чекисты внимательно наблюдали, что же будет дальше. А дальше было вот что. Огородник перешел на другую сторону улицы и дождался следующего транспорта — на этот раз автобуса № 45. На нем он доехал до остановки «Девятый километр». Открыл зонт, осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, перешел на противоположную сторону шоссе и двинулся через лес в сторону Староможайского шоссе. В 21.45 он по извилистой тропинке добрался до площадки у закладного камня на месте будущего обелиска в честь Дня Победы. Дождь не прекращался, но Огородника это нисколько не смущало. Он уселся на одну из мокрых скамеек и просидел на ней минуты три. Затем он встал и совершил еще более странный маневр: направился к аллее, но затем на полдороге повернул обратно, прошел мимо той скамейки, на которой пять минут назад сидел, и опустился на следующую. Посидев на ней примерно столько же, сколько на первой, он поднялся и через заросли кустов направился к Староможайскому шоссе. Там он опять удивил чекистов: стал прогуливаться по обочине взад-вперед в течение десяти минут. Наконец около

22.20 Огородник, через лес дошел до железной дороги. Поскольку там местность плохо просматривалась, «топтуны» не рискнули идти за ним следом и наблюдение прекратили. Правда, ими были перекрыты наиболее вероятные выходы из этого района и оставлено наблюдение возле его дома на Краснопресненской набережной. Последний пост и зафиксировал новое появление Огородника: он объявился у своего дома в 23.45. Спустя полчаса в его комнате погас свет.

В этот же день в подмосковном Пушкино, что на Оке, Никита Михалков приступил к натурным съемкам (в павильоне съемки начались еще 31 мая) фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино». Актерский состав у Михалкова подобран великолепный: в роли Платонова снимается Александр Калягин (до этого Михалков снял его в «Своем среди чужих...» в роли ничтожного человечка Ванюкина), в роли его жены — Евгения Глушенко. Кстати, именно во время работы над этой картиной вдовец Калягин обратит внимание на молодую актрису и через год сделает ей предложение. В других ролях были заняты: Юрий Богатырев, Елена Соловей, Павел Кадочников, Олег Табаков. В роли Трилецкого снялся сам Никита Михалков, что получилось совершенно случайно. Первоначально на эту роль планировался Евгений Стеблов, но он накануне съемок угодил в аварию: снимался в другом фильме в Чехословакии, торопился назад в Москву, и по дороге в аэропорт его автомобиль, мчавшийся со скоростью 150 км в час, вынесло в кювет. У Стеблова сломана рука. Узнав об этом, Михалков уговаривает его играть в гипсе, но риск потерять правую руку вынуждает Стеблова отказаться. Тогда Михалков спрашивает: «Кто бы мог тебя заменить?» А Стеблов возьми да и ответь: «Играй сам». Так и вышло.

В эти же дни в Москве находится первая жена Владимира Высоцкого (они поженились в конце 50-х) Иза Жукова. В столицу она приехала из Нижнего Тагила на 60-летие отца Высоцкого Семена Владимировича, которое выпадало на 17 июня. Жила Иза на квартире своей подружки Надежды Сталиной (дочери Светланы Аллилуевой) на Малой Тульской. Примерно в начале июня подружки уехали из столицы, перебравшись на дачу Надежды в Жуковке. Там

практически каждый день собиралась шумная компания: молодые люди круглосуточно пили чай, водку, спорили на разные темы, веселились. В один из таких холодных дней (а июнь в том году выпал дождливый и стылый) Иза позвонила Семену Владимировичу, чтобы поинтересоваться, когда будет справляться юбилей. А тот внезапно огорошил ее новостью, что через пару дней в Москву возвращается Высоцкий. «Жди звонка», — предупредил Семен Владимирович.

Высоцкий позвонил 11 июня. Несмотря на то что с бывшей женой они не общались вот уже несколько лет, разговаривали так, будто расстались только вчера. Высоцкий называл Изу как и прежде — Волчонком. В конце разговора сообщил, что завтра утром он будет играть Гамлета. «Приедешь?» — «Приеду», — практически не думая, ответила Иза. Но когда сообщила о своем решении Надежде и ее друзьям, те всполошились. Практически все были против этой поездки: «Зачем ты поедешь? Все, что у вас было, давно сторело! Ты увидишь совершенно другого — чужого — человека», — наперебой уверяли Изу друзья и подруги. Но она осталась при своем мнении. Когда это стало ясно всем, начали лихорадочно собирать Изу в дорогу. Надежда вытащила из всех шкафов кучу модной одежды, но Иза наотрез отказалась одевать на себя что-либо из этого гардероба. Сказала, что поедет в том, в чем была: в брюках за 5 рублей, свитере, связанном собственноручно, и алых туфлях (последние Надежда в течение получаса яростно красила марганцовкой и йодом, чтобы погасить их яркость).

Утром следующего дня Иза отправилась в Москву в сопровождении коллеги Высоцкого по «Таганке» Феликса Антипова (он играл роль могильщика в том же «Гамлете»). Добирались на электричке, потом на метро. Поскольку до начала спектакля было еще больше часа, Антипов привел Изу в ресторан «Кама» и, заказав ей рюмку водки и трюфели, исчез. Но перед этим предупредил, что Высоцкий подъедет на голубом «Мерседесе». Далее послушаем рассказ самой И. Жуковой:

«И вот я стою у служебного входа и жду голубой «Мерседес». (Я не умею различать марки машин до сих пор.) Проходят бойкие, шумные люди. Холодными гвоздиками стучит редкий дождь. Японский зонтик не открывается. По-

тихоньку отрываюсь от толпы. Непреодолимое желание бежать. Проехало светлое, серебристое. В толпе закричали: «Владимир Семенович! Высоцкий! Володя!»

Володя почти выпрыгивает из машины, бежит ко мне, потом мы рука в руке вбегаем в театр, и он, оставив меня на вахте, бежит дальше. Грозная вахтерша чинит допрос. Потерянным голосом оправдываюсь: «Я с Высоцким».

Он снова рядом. Повешены пальто и зонтик, в руке у меня билет, и снова бег длинными переходами, и я уже знаю, что после «Гамлета» мы едем в Коломну. Там три концерта.

Фойе. Можно перевести дух. Хочется спрятаться и плакать тихо и долго. Взываю к собственному мужеству, вхожу в зал по крошечке неожиданно голой сцены. Там у стены один, совсем один Володя, и мне трудно и страшно пройти мимо, на минуту повернуться спиной, отыскать место, слава богу, оно рядом, у прохода... Место у меня было удобное, в третьем ряду, но я поначалу совсем утратила контроль над собой и в первом акте ничего не воспринимала. Во втором — стала кое-что чисто поактерски оценивать. Но не Володю. А кроме него, никого в спектакле и видно не было!..

Притихшая, вхожу в означенную дверь с зеленым огоньком и жду. Проходит Феликс и говорит: «Он сейчас». Володя появляется внезапно, и снова бег. Мы впрыгиваем в маленький автобус, и он тут же срывается с места. Мы вместе. Володя совсем Володя, как двадцать лет назад, только темнее волосы и чуть жестче рот. Мы пьем черный кофе, жуем пахучие апельсины. За окном солнце. Володя спрашивает о бабушке, маме, Наташке, Глебе, обо всем на свете.

Приехали в Коломну. В городе висят афиши: «Владимир Высоцкий и Иван Бортник». К Володе подбежала какая-то женщина:

— Вы не Бортник?

— И даже не Иван.

Организаторам выступлений Володя сказал:

— У меня к вам только одна просьба: усадите Изу поудобнее.

На первом выступлении я сидела в каком-то углублении в первом ряду, и, чтобы увидеть происходящее на сцене, приходилось голову задирать, как на солнце. Второй и третий концерты я слушала в проходе за кулисами: сидела в кресле и смотрела на Володю. Перед началом он сказал мне:

— Я сразу пойму, если тебе не понравится.

Он старался в каждом выступлении петь разные песни, почти не повторяясь, чтобы больше успеть, мне показать. В ходе второго или третьего концерта Володя снял микрофон со штатива, подошел ко мне и спросил: «Тебе удобно?» — или что-то в этом роде, точно не помню. В Москву возвращались поздно на чьей-то «Волге»... (Кстати, в эти же часы ЦТ показывало фильм «Стряпуха», где Высоцкий играл роль гармониста Пчелки. Правда, озвучивал Высоцкого другой актер.)

Между тем КГБ продолжает следить за Огородником. В субботу, 12 июня, один из руководителей операции, Игорь Перетрухин, познакомился с материалами наружного наблюдения от 10 июня и был несказанно удивлен более чем странным поведением объекта наблюдения. Что же его удивило? Во-первых, то, что Огородник оставил «Волгу» у МГИМО и отправился на встречу со своей возлюбленной пешком. Не лучше ли было, спрашивал себя Перетрухин, предстать перед девушкой, как говорится, на лихом коне? Во-вторых — поездка Огородника на троллейбусе и автобусе. Оба они следовали по одному маршруту по Минскому шоссе, и менять их, да еще поздно вечером, когда транспорт ходит реже, чем днем, не было никакой необходимости. Разве что развлечения ради. Но Огородника трудно было заподозрить в мальчишестве. И вообще, что это за прогулка такая перед сном — в труднодоступные места города?

Своими сомнениями Перетрухин поделился с непосредственным начальником — Михаилом Курышевым. Тот тоже подивился поведению Огородника, и они долго ломали голову над этим уже вдвоем. «Может быть, Огородник гомосексуалист и таким образом искал партнера?» — высказал одно из предположений Перетрухин. «Может быть, — пожал плечами Курышев. — Хотя зачем было огород городить: легче было подъехать к скверу у Большого театра и там найти кого следует». В итоге Курышев дал Перетрухину задание пройти маршрут Огородника самостоятельно: дескать, может, тогда удастся найти что-нибудь значащее. Но эта поездка мало что прояснила. После этого было принято решение проинформировать о своих наблюдениях руководство Первого американского отдела главка.

Через день Курьшев уже рассказывал Петрухину о результатах своего посещения замначальника американского отдела Рема Красильникова. И тот сообщил не менее интересную новость: оказывается, на том же маршруте, по которому ходил 10 июня Огородник, ранее был замечен сотрудник посольства США, американский разведчик Джек Даунинг (Дункан). И всегда он шел по маршруту очень медленно, как будто что-то внимательно изучая. В итоге решено было доложить об этих данных начальнику Второго главного управления КГБ СССР (контрразведка) Г. Григоренко. И тот приказал: в разработке Огородника соблюдать крайнюю осторожность, организовать наблюдение за ним с закрытых постов с использованием оптических средств, а при поездках по городу на автомашине наружным наблюдением сопровождать только в исключительных случаях.

13 июня известному ныне актеру театра и кино Сергею Маковецкому исполнилось 18 лет. Свой день рождения он отметил в Москве в гордом одиночестве. Маковецкий приехал в столицу несколько дней назад, чтобы попытаться счастья в одном из здешних творческих вузов. Стоит отметить, что еще год назад Сергей пытался поступить в такой вуз у себя на родине в Киеве — в Театральный институт имени Карпенко-Карого, но потерпел неудачу. После чего год работал рабочим сцены в Академическом театре имени Леси Украинки. И вот теперь решил податься в Москву, где подал заявления сразу во все творческие вузы. Поселился абитуриент в гостинице на Беговой.

В день своего рождения Маковецкий с утра отправился на Главпочтамт, чтобы получить телеграмму от матери. Та поздравляла его с днем рождения, желала удачи на экзаменах. Спрятав послание в карман, Сергей вышел на улицу и отправился гулять по Москве. Настроение у него было праздничное, несмотря на то что ни одного знакомого лица рядом с ним не было. По дороге он зашел в какой-то бар, где заказал себе стакан очень популярного в те годы девичьего коктейля «Шампань-коблер» за рубль тридцать две. Затем пешком дошел до Сандуновских бань, где по причине раннего времени не оказалось очередей. Маковецкий решил заодно и помыться.

Пока Маковецкий только готовится поступать в институт, другие будущие звезды его благополучно заканчивают. Так, Леонид Ярмольник отучился в Театральном училище имени Щукина и, поскольку круглым отличником никогда не был, был распределен не в самый респектабельный, а в самый скандальный столичный театр — в Театр драмы и комедии на Таганке. Близкий приятель Ярмольника Александр Абдулов в эти же дни закончил ГИТИС и попал в Театр имени Ленинского комсомола. Правда, попал он туда почти за год до окончания института — еще на четвертом курсе, когда Марк Захаров предложил ему главную роль в спектакле «В списках не значился». Поэтому на момент окончания вуза Абдулов уже был хорошо известен как в театральных кругах, так и в киношных.

Александр Панкратов (впоследствии Черный) закончил режиссерский факультет ВГИКа, причем со скандалом. Его дипломной работой стал фильм по А. Пушкину «Штрихи к портрету». Однако вместо положенных двух частей по 10 минут каждая Панкратов снял три части. Ректор института обвинил его в умышленном нарушении и пригрозил, что не поставит ему зачета. И тогда за будущего режиссера заступился Леонид Гайдай, который возглавлял экзаменационную комиссию. Он не побоялся встать со своего места и обратиться к ректору со словами: «Как вам не стыдно! До Панкратова перед вами показывали свои работы другие студенты, у которых точно такие же нарушения, но вы не сделали им ни одного замечания. Потому что это дети достаточно влиятельных родителей». Ректор ничего не смог возразить мэтру отечественного кинематографа и скрепя сердце вынужден был поставить Панкратову зачет.

В понедельник, 14 июня, несчастье случилось на съемках советско-румынского фильма «Мама»: тяжелую травму получила Людмила Гурченко. Она играла роль той самой Козы, у которой Волк (в этой роли снимается Михаил Боярский) украл козлят. Съемки фильма начались в конце марта и благополучно шли к своему экватору — через десять дней съемочной группе предстояло закончить работу в Советском Союзе и выехать в Румынию для продолжения съемок. Как вдруг буквально на последних «советских» эпизодах случилось ЧП —

Гурченко сломала ногу. Вернее, ей помогли это сделать.

Все произошло в самом начале съемок. В тот злополучный день снимали эпизод на льду с участием Козы и Медведя (в этой роли снимался знаменитый клоун Олег Попов). Поскольку Гурченко плохо каталась на коньках, она заранее предупредила Попова и всех остальных участников съемок об этом нюансе. Но эти слова, как выяснилось, в сознании Попова плохо отложились. Спустя несколько минут после команды: «Мотор!» он настолько увлекся съемками, что не заметил впереди себя Гурченко и на предельной скорости врезался в нее. Актриса рухнула на лед, а ее партнер упал сверху. В ноге Гурченко что-то хрустнуло. От дикой боли актриса на какое-то время даже потеряла сознание. Тут же вызвали «Скорую помощь», которая увезла Гурченко в Институт травматологии. Диагноз — закрытый перелом двух костей голени правой ноги. Актрисе грозила инвалидность. К счастью, она окажется не таким человеком, чтобы впадать в панику, и уже спустя два месяца не только встанет на ноги, но и продолжит съемки в «Маме».

В тот же понедельник, 14 июня, находящийся в Лефортовской тюрьме капитан 3 ранга Валерий Саблин сел писать очередное письмо родным и близким. Как окажется, это письмо станет последним. А незадолго до этого — каких-нибудь несколько дней назад — Саблину разрешили свидание с женой Ниной и сыном Мишей. Оно тоже окажется первым и последним и оставит у Нины Михайловны тягостные впечатления. Их с сыном привели в маленькую комнатку с неоткрывающимися окнами. Усадив за стол, предупредили: через стол ничего не передавать, о деле не разговаривать, о политике не говорить. При нарушении любого из этих пунктов обещали немедленно прервать свидание.

Через пару минут дверь открылась и в комнатку ввели Саблина. Увидев его, жена ужаснулась: муж был совершенно исхудавшим, на бледном лице оставались только голубые глаза. Чуть позже она обратит внимание, что у Саблина нет передних зубов. Неужели его здесь били? Но одних их не оставили — в крохотную комнатку буквально втиснулись еще четверо чекистов. Плюс еще трое остались в коридоре.

Чего они боялись? Вот как описывает это свидание А. Майданов:

«Валерий Михайлович был бледен, но с сыном беседовал так, будто сидели вдвоем на диване после возвращения Миши с уроков. Невозможно было определить, что с раненой ногой, руки велели держать под столом.

— Свидание прекращается.

Прошло от силы минут пять, даже меньше того. Но право на время было здесь в руках других.

Отец захотел обнять сына.

— Выходить запрещено. Только через стол, — приказал офицер.

Валерий Михайлович обнял сына и трижды поцеловал в щеку. И если заволновался, то только здесь — так запомнилось сыну. Голубые отцовские глаза смотрели пытливо, ласково и нежно.

Открылась дверь, на пороге вырос конвоир. Впереди встретил куда не отлучавшийся «придверник». Затем еще те, другие. Взяли в непроницаемую середину. Чувствовалось, что о времени прекращения свидания весь «эскадрон» был четко проинформирован заранее. Роботы, бывает, отказывают в работе, человеко-роботы всегда законченное совершенство...»

В своем письме Саблин писал, обращаясь к жене: «Спасибо, родная моя, за встречу!! Не сердись, что я был несколько сух и черств во время встречи. Ты должна понять, что трудно, стыдно и неловко как-то выражать свою любовь, когда между нами третье лицо при встрече или в письме, все равно. Но сейчас решил забыть об этом и еще раз (который раз уже в жизни!) сказать тебе, что люблю тебя!..»

Я тебе принес столько горя и переживаний, что никто, в том числе и я, не осудит тебя, если ты «любить и ждать меня устанешь».

Сумею ли я когда-нибудь отблагодарить тебя за все, все хорошее, что ты дала мне?! Пока одни неприятности и огорчения...»

Столица тем временем живет размеренной жизнью. 7 июня на широкий экран вышла драма Георгия Натансона «Повторная свадьба», где свою первую резко отрицательную роль в кино сыграл Андрей Миронов: его герой-ловелас бросал влюбленную в него по уши девушку, и та кончала жизнь самоубийством. В эти же дни в прокат вышли два документальных фильма режиссера И. Бессарабова, посвященных

Л. Брежнев: 11-го — «**Борцу за мир, за идеалы коммунизма**» (про открытие бронзового бюста генсека в Днепродзержинске), 14-го — «**Трудовой праздник «ЗИЛа**» (про посещение генсеком завода имени Лихачева). Под оба фильма были выделены самые крупные и комфортабельные столичные кинотеатры: «Октябрь» и «Россия». 10 июня в Доме кино состоялся просмотр первого совместного советско-американского фильма «**Синяя птица**».

Из зарубежных новинок назову следующие: «**Возвращение Белого клыка**» (Италия) (с 1-го), «**Потоп**» (Польша, 2-я серия в 2 частях) (с 7-го), «**Большие гонки**» (США) (с 7-го), «**Возвращение высокого блондина**» (Франция) (с 14-го).

Кино по ТВ: «**Преодолей себя**» (1—2-го), «**Черная гора**» (СССР — Индия) (2-го), «**Вечный зов**» (преьера т/ф 2—4-го, 8—10-го), «**Меж высоких хлебов**» (3-го), программа короткометражных фильмов «**Грузия-фильма**» (5-го), «**Руслан и Людмила**», «**Чингачгук — Большой Змей**» (ГДР) (6-го), «**Акваланги на дне**» (7-го), «**Пропало лето**», «**Белинский**» (8-го), «**Хождение за три моря**» (9—10-го), «**Старые стены**» (11-го), «**Стряпуха**», фильмы Ч. Чаплина (12-го), «**Молодая гвардия**» (12—13-го), «**Земля Санникова**», «**Прерия**» (Румыния — Франция) (13-го), «**Они встретились в пути**» (14-го), «**Старая крепость**» (14—20-го) и др.

Из развлекательных передач выделю следующие: «**А ну-ка, девушки!**» (3-го), «**Поет Радила Караклаич**» (5-го), «**Песня-76**» (6-го), концерт фестиваля «**Золотой Орфей**» (12-го).

Эстрадные представления: 1—13-го — во Дворце спорта «Сокольники» состоялись концерты с участием: Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, Клары Новиковой, Нины Бродской, квартета «Аккорд», ВИА «Магистраль» (солист — Юрий Антонов) и др.; 5—6-го — в «Октябре» пел Владимир Макаров; 2—8-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали артисты из социалистических стран: Франк Шебель, Крис Ансель (оба — ГДР), ВИА «Семеро молодых» (СФРЮ) и др.; 1—3-го, 6—8-го, 11—13-го — в ГТЭ состоялись спектакли с участием Аркадия Райкина «**Все зависит от нас**»; 14—19-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «**Самоцветы**».

В среду, 16 июня, администратор театра Михаил Глиоза явился в МУР и накатал заявление

на Вячеслава Иванькова. Сыщики торжествовали победу: это была единственная «заява» от потерпевшего против Япончика. «Ну теперь он у нас в руках!» — заявили сыщики и стали готовить операцию по задержанию рэкетира. В тот же день Глиоза позвонил Иванькову и сообщил ему, что согласен отдать ему требуемые деньги в обмен на свою машину. «Хорошо, — ответил Иваньков. — Подгребай к трем часам к скверу возле Театра Советской Армии».

Примерно за полчаса до назначенной встречи возле сквера появились сыщики. Под видом праздных прохожих они рассредоточились вокруг лавочки, на которую уселся коллекционер. И стали ждать. Точно в назначенное время напротив сквера остановились «Жигули», в которых находились Иваньков и какая-то девица. Теперь оставалось только дожидаться, когда Иваньков выйдет из машины и направится к коллекционеру. Но этого не произошло. Вместо этого хитрый рэкетира стал кружить на «Жигулях» вокруг сквера, явно стараясь обнаружить засаду. И ему это удалось. Заметив в противоположных концах сквера нескольких мужчин, он решил не рисковать и нажал на газ. «Жигули» помчались прочь от места встречи. В погоню за ними тут же рванулись два милицетских автомобиля.

Стремительная гонка по улицам столицы длилась около десяти минут. Япончик действовал как заправский гонщик: ловко закручивал лихие виражи на поворотах, петлял по переулкам. Но и сыщики тоже были не лыком шиты и плотно висели у него на хвосте. Наконец, когда погоня вынеслась на безлюдную трассу, было решено стрелять по колесам. Высунувшийся по пояс из окна страж порядка прострелил оба задних колеса у «Жигулей». Машина запетляла. Понимая, что на такой тачке далеко ему не уехать, Иваньков бросил ее в каком-то переулке, а сам, отстреливаясь от милиционеров, бросился во дворы. Догнать его так и не удалось. В брошенном им автомобиле сыщики нашли насмерть перепуганную девицу, но проку от нее было мало: Иваньков познакомился с ней пару часов назад, и она даже предположить не могла, чем обернется для нее это знакомство.

Говорят, что уже спустя час начальник ГУВД Москвы докладывал об этой погоне с перестрелкой самому министру внутренних дел страны Щелокову. Тому чуть плохо не стало: в

его вотчине разгуливает вооруженный преступник да еще имеет наглость стрелять среди бела дня! Была дана жесткая команда во что бы то ни стало поймать дерзкого бандита. «Будет сделано!» — взял под козырек столичный начальник и отдал соответствующий приказ своим подчиненным. Во всех местах, где мог появиться Япончик, были устроены засады. Но его не было. А на следующий день прокурору Краснопресненского района от его имени пришло заявление, в котором он давал свою трактовку происшедшим накануне событиям. С его слов выходило, что какие-то неизвестные люди (что они милиционеры — Иваньков не знал, поскольку те были в гражданке) ни с того, ни с сего устроили за ним погоню, открыли стрельбу. Опасаясь за свою жизнь, он скрылся. Про то, когда Иваньков собирается прийти и сдать ся, в письме не было ни слова.

В эти же дни популярный певец Полад Бюль-Бюль оглы гастролирует по Казахстану. Гастроли принесут артисту хороший приработок, но здорово подпортят репутацию, поскольку вскоре после них в одной из центральных газет — «Советской культуре» — появится разгромная рецензия на эту поездку. Суть публикации сведется к следующему: певец позволит себе в ущерб официальным выступлениям участвовать в «левых» концертах. Так, объявленные концерты в Целинограде начинались с опозданием на 4—5(!) часов — и все потому, что певец не успевал вовремя добраться на них с «левых» выступлений. Да и «левые» концерты были из рук вон плохими: один из них длился всего лишь 50 минут, причем артист выступал без оркестра (в поездке его сопровождал Государственный эстрадный оркестр Азербайджанской ССР) и аккомпанировал себе сам, да еще на расстроенном рояле. Просто художественная самодеятельность какая-то! Однако билеты на этот концерт стоили 1 рубль 50 копеек и чистый доход организаторов составил более 500 рублей.

В те дни, когда Бюль-Бюль оглы в поте лица пополнял государственный и свой личный бюджеты, на свет появился новорожденный, которому в недалеком будущем предстоит тоже посвятить себя эстраде. 18 июня в семье военного и домохозяйки родился мальчик, которому счастливые родители дали имя Максим. Фамилия отца новорожденного была Гал-

кин. Спустя четверть века мальчик станет известен всей стране как пародист Максим Галкин.

Что касается вашего покорного слуги, то он в те дни взахлеб рассказывал товарищам по двору свои впечатления от недавней поездки в ГДР. Кроме этого, я продолжал строчить романы. Если на заре своего творчества я увлекался юмористическим жанром (написал книгу «Приключения Пипкина»), то теперь целиком ушел в приключенческую литературу. Будучи ярким индееманом, я 19 июня приступил к написанию романа про индейцев под названием «Тропую слез». Трудно представить, но 180-страничную тетрадь я исписал за 6 (!) дней. А в перерывах между писаниной я взахлеб слушал песни Аркадия Северного. Кстати, он в те дни записывал свой очередной альбом — вместе с ансамблем «Четыре брата и лопата». На альбоме звучали песни: «Скокарь», «Вернулся я в Одессу», «В Одессе раз в кино...» и др. (Слова последней песни были написаны на музыку Г. Гладкова из фильма «Джентльмены удачи».) Слава Северного гремит по всей стране, за ним буквально охотятся организаторы концертов, чтобы организовать его «чес» по Союзу. Все они идут к приятелю певца Фуксу с просьбой продать его адрес, но тот непреклонен: пленки — пожалуйста, продам, но адрес — дудки! Фукс боялся, что ушлые администраторы переманят Северного, споят его и он навсегда потеряет курицу, несущую золотые яйца.

Тем временем в воскресенье, 20 июня, свой 42-й день рождения отмечал Юрий Визбор. Веселье проходило на квартире актера «Таганки» Вениамина Смехова, на нем присутствовали многие известные барды: С. Никитин, В. Берковский, Д. Сухарев. Вино и водка текли рекой, произносились шуточные тосты, звучали новые и старые песни. Глядя на хмельного и веселого именинника, никто из присутствующих даже не мог предположить, что буквально накануне из-за сильных переживаний на любовном фронте он собирался... покончить с собой. Оказывается, он решил возобновить отношения с одной из своих прошлых подруг, но та прогнала его прочь. Визбор пришел к Смехову чернее тучи и... Впрочем, послушаем рассказ самого В. Смехова:

«Юрий улегся на кровать, замкнул уста... В глазах — такая скорбь, такая тоска... Ни слова между нами, тишина. Вижу: рука Юры наби-

рает горсть лекарств, он их глотает, запивает, не меняя выражения остановившихся глаз... Я, не очень разбираясь в медицине, в ужасе мечусь, предчувствуя худшее. Дальше случилась моя идиотская импровизация, за которую впоследствии, к моему удивлению, он хвалил меня родным и близким.

Я вбежал в ванную, смочил холодной водой полотенце, вернулся к Юре и огрел его прямо по шее, по лицу, по голове... И остановился, в страхе от содеянного. А Юру именно этот шок вернул к жизни — так он потом рассудил...»

В тот же день, 20 июня, в Москве хоронили поэта Константина Богатырева. Ровно два месяца поэт пролежал в больнице, но врачам так и не удалось совершить чудо — Богатырев скончался. Многие были склонны предполагать, что поэта убрал КГБ. Как будет вспоминать А. Сахаров: «Похороны состоялись в Переделкине. Очень много народа, друзей покойного, поэтов и писателей. Была какая-то пронзительная торжественность в этих похоронах в солнечный ясный день. Гроб несли на руках по тропинке среди высокой травы, кругом тоже так много свежей, освещенной солнцем, густо пахнувшей летом зелени и полевых цветов. И где-то недалеко — могила Пастернака!..»

Кстати, за день до похорон Богатырева жена Сахарова Елена Боннэр потеряла своего младшего брата — 49-летнего Игоря Алиханова. Будучи капитаном дальнего плавания, он умер от разрыва сердца во время круиза в Бомбее.

На следующий день после похорон поэта-диссидента — 21 июня — в Москве начал свою работу VI съезд писателей СССР. Его почтил своим присутствием весь состав Политбюро во главе с Брежневым. На форум съехались писатели со всей страны, хотя некоторые из светил отечественной литературы это мероприятие проигнорировали: в частности, драматург Леонид Зорин. В своем дневнике по этому поводу он записал следующие строчки:

«Я не ходил на съезд, знал по опыту — скопление властителей дум действует на меня угнетающе. Стоило только представить зал, лица, застывшие в ожидании упоминаний, похвал, осуждения, представить литературных маршалов, вальяжно дарящих свои улыбки, бородатых периферийных писателей, глядящих им вслед с тоской и злобой, услышать искусственные интонации и деревянные голоса, то деланую

радость приветствий, то быстрый искательный говорок, увидеть всю эту вереницу творцов миражей и ловцов тиражей, толстых и тонких, измученных, взмокших, уставших от своего маскарада, и, наконец, столы президиума, почтившее форум Политбюро, бессмысленные окаменевшие маски. Нет, не в подым, ни нервов, ни сил...»

В среду, 23 июня, по ЦТ началась демонстрация 5-серийного телевизионного фильма «Красное и черное», снятого Сергеем Герасимовым по роману Стендаля. Фильм стал пропуском в большой кинематограф для молодого актера Николая Еременко, сыгравшего роль Жюльена Сореля. Несмотря на то что за последние шесть лет он успел сняться в нескольких картинах, однако ни одна из них так и не смогла принести актеру вожделенную популярность. И только с выходом «Красного и черного» ситуация резко изменится. То, что начнется сразу после премьеры этого сериала, иначе чем коллективным помешательством девочек-подростков, назвать нельзя. Десятки поклонниц станут круглосуточно дежурить в подъезде, где жил Еременко (на тот момент он был женат, у него родилась дочь Оля), другие, будучи за пределами Москвы, станут присылать ему письма с любовными признаниями, причем многие будут вкладывать в конверты локоны своих волос. Короче, началась еременкомания.

В эти же дни отечественное искусство понесло очередную утрату — скончался замечательный актер Виталий Доронин (некролог в «Советской культуре» был опубликован 25 июня). С 1945 по 1951 год Доронин играл в Театре сатиры, где у него было несколько значительных ролей. Однако зритель полюбил его прежде всего за роль веселого деревенского балагура Курочкина в спектакле «Свадьба с приданым» (в 1951 году его перенесли на широкий экран). Куплеты Курочкина («Хвастать, милая, не стану...») в исполнении Доронина в те годы распевала вся страна. Последние 25 лет Доронин работал в Малом театре.

Вот уже месяц действует постановление Политбюро, согласно которому в стране раз в неделю — по четвергам — должны проходить так называемые «рыбные» дни. Однако ситуация со снабжением населения мясом продолжает оставаться напряженной. Даже в таком

мегаполисе, как Москва, дела складываются самым печальным образом. — город атакуют тысячи жителей Подмосковья, которые специально едут сюда за мясом и колбасой. На фоне этих событий 25 июня городские власти направляют в ЦК КПСС записку под лаконичным названием «О недостатках в торговле некоторыми продовольственными товарами в г. Москве». Приведу лишь несколько отрывков из нее:

«Торговая сеть работает с большими перегрузками... Выделенные фонды на мясопродукты (свинину, баранину, птицу, колбасные изделия), а также на бакалейные товары (гречневую крупу, пшено, бобовые и кофе натуральный) не позволяют обеспечивать торговлю этими товарами бесперебойно...

Во многих магазинах допускаются перебои в продаже свинины, баранины, колбасных изделий. Ассортимент колбас не превышает двух наименований. Практически не продается гречневая крупа, пшено, кофе натуральный...

Основной причиной увеличения продажи продовольственных товаров в магазинах Москвы является рост закупок иногородними покупателями. Ежедневно в Москву организованно приезжают десятки тысяч людей на автобусах из городов и районов Московской области, а также из других областей за покупками продовольствия. На местах ничего не делается для сдерживания этого потока людей, организованно направляющегося за приобретением продуктов в Москву...

Надо запретить различным органам организовывать коллективные выезды за продовольствием в Москву на государственных автобусах и других видах транспорта».

Понять столичные власти можно — кормить сразу два региона им было не под силу. Но и согласиться с их предложением на самом кремлевском верху тоже не могли, поскольку там прекрасно понимали, что произойдет, если подмосковных жителей лишить последней возможности покупать продукты в столице — так и до голодных бунтов было недалеко. Таким образом, ситуация складывалась патовая: увеличить количество мяса власти не могли, но и запретить жителям Подмосковья совершать «набеги» на столицу тоже были не в состоянии.

28 июня миллионы советских тинэйджеров с удовольствием уселись перед своими телеви-

зорами — начали демонстрировать 3-серийный фильм «Кортик». Между тем мало кто из зрителей мог предположить, что исполнитель главной роли в фильме — актер Сергей Шевкуненко — вот уже месяц как сидит за решеткой. За принадлежность к киношному миру Шевкуненко на «зоне» дадут погоняло Артист.

Тем временем миллионы советских граждан находятся в законных отпусках — лето как-никак. Кто-то нежит свои тела на пляжах, кто-то предпочитает бродить по горам и лесам с походными рюкзаками, а иные бороздят речные и морские просторы. Со многими из отдыхающих происходят приключения, которые наглядно демонстрируют, что в ту пору секс в СССР очень даже был. Приведу лишь один пример. Вспоминает некая Галина С., которая тем летом закончила среднюю школу и вместе со сводной сестрой Леной была отправлена родителями в круиз по Волге. Видимо, родители девушки надеялись, что сестра присмотрит за их чадом, а получилось та-а-акое... Итак, Галина С. вспоминает:

«Впервые оказавшись без присмотра, мы почувствовали себя вполне готовыми к взрослой жизни и немедленно обе влюбились в молодого помощника капитана теплохода. Кирилл, жгучий брюнет с карими глазами, был неотразим. Но скоро я поняла, что он предпочитает Ленку. Проплавав ночь, я проявила благородство и отступила. Через неделю моя сестра потеряла невинность, а через две повергла меня в шок рассказами об уроках любви. Сексом они занимались в самых невероятных местах. Его вахта начиналась с четырех утра, и каждое утро она убежала к нему в рубку. В последний день путешествия Кирилл овладел ею на капитанском мостике прямо на глазах у рулевого. Кирилл при прощании был подавлен и смущен. На причале его ждала беременная жена. А Ленку мы выхаживали почти год. Родителям пришлось все рассказать, а ей сделать аборт...»

А теперь с Волги вернемся обратно в Москву и поговорим о киношных премьерах. 28 июня на широкий экран вышел фильм Григория Кроманова «Бриллианты для диктатуры пролетариата», в котором рассказывается о первых шагах в разведке молодого советского разведчика Максима Исаева — будущего Штирлица (в этой роли снялся Владимир Ивашов). В этот же день (и в два последующих) во Дворце спор-

та в Лужниках состоялся предварительный показ дилогии Евгения Ташкова «Преступление», состоящей из двух фильмов: 1-й фильм — «Нетерпимость», 2-й — «Обман».

Кино по ТВ: «Переходим к любви» (премьера т/ф 16—17-го), «Синее небо» (18-го), «Ночной визит» (19—20-го), «Степень риска» (20-го), «Мой папа — капитан» (21-го), «Море нашей надежды» (22-го), «Женитьба Бальзамина» (23-го), «Красное и черное» (премьера т/ф 23—25-го, 28-го, 30 июня, 2 июля), «Тайна горного озера», «Сердца четырех» (25-го), «Чужая родня» (26-го), «Кортик» (28-го, 30-го, 2 июля), «Суворов» (29-го) и др.

Из развлекательных передач назову следующие: «Песня-76» (весь выпуск был посвящен грузинскому ВИА «Орэра», который исполнил 5 песен, в том числе «Ах, эта красная рябина» С. Заславского), «Артлото» (25-го, с участием: Аллы Пугачевой, Эдуарда Хиля, квартета «Аккорд», Роксаны Бабаян (дебют) и др.), «Бенефис» Веры Васильевой (премьера), Фестиваль советской песни в городе Зелена Гура (26-го).

Эстрадные представления: 15—9-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Самоцветы» (Москва); 15—20-го в ГЦКЗ «Россия» — «Песняры» (Минск); 23-го на ВДНХ — «Пламя» (Москва); 24—25-го в саду ЦДСА — «Гая» (Баку); 26-го в ЦПКиО имени

Горького состоялся «Вечер поэзии», в котором выступили: Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Дементьев, Расул Гамзатов, Юлия Друнина, Булат Окуджава и др.; 16—18-го, 21—23-го, 25-го, 28—30-го в ГТЭ выступал Аркадий Райкин. 22—27 июня на ВДНХ пела Алла Пугачева и ВИА «Веселые ребята» в составе: Анатолий Алешин, Игорь Гатаулин, Валерий Дурандин, Роберт Мушкамбарян, Сергей Кукушкин, Александр Чиненков, Виталий Валитов, Александр Буйнов. Последний, как мы помним, весной ушел из «Веселых...» в «Цветы», но из-за возникшего там скандала долго в нем не задержался. Идти ему больше было некуда, и он какое-то время проскучал дома. Как вдруг... впрочем, послушаем его собственный рассказ:

«И вдруг раздается звонок. Звонит Саша Чиненков, трубач «Веселых ребят». Звонит и говорит: «Приходи назад!» Мол, всегда рады и прочие хорошие слова. А мне как раз некуда было деваться. Поэтому я с радостью принял предложение вернуться в «Веселые ребята». Слегка приниженный, но в то же время и с высоко поднятой головой, потому что не сам пришел проситься назад, назад меня позвали. Льстило только то, что Алла Борисовна Пугачева была рада... Она в те дни как раз вернулась, кажется, из Германии и привезла всем какие-то подарки. И про меня не забыла...»

1976 Июль

«Розыгрыш»: цензура свирепствует. У киевского «Динамо» отнимают победу. У актера Олега Борисова умерла любимая кошка. Погоня за вооруженным бандитом в столичной подземке. Первый усатый космонавт отправляется в полет. Звезды советского кино теряют своих родителей. Как брат заказал изнасилование своей сестры. Новые убийства маньяка-рекордсмена. Ночная погоня в Москве. Смертный приговор Валерию Саблину. Брежнев в театре... смотрит футбол. Умер создатель «Путевки в жизнь». Как Людмила Сенчина и Леонид Броневой играли «постельную» сцену. В роли абитуриентов — будущие звезды: Сергей Маковецкий, Елена Цыплакова, Елена Майорова. Будущие штирлицы сдают экзамены. Аркадий Северный поет и пьет в Одессе. «Динамо» (Москва) — чемпион СССР. Умер Михаил Яншин. Как нудист открывал Олимпиаду в Монреале. Подлянка от советского фехтовальщика. Как Геннадий Хазанов стал невыездным. Валерию Борзову угрожают расправой. Умер кинорежиссер Абрам Роом. Карпов — Фишер: тайная вечеря. Виктор Корчной бежит на Запад. Умер «отец» Незнайки. Как Высоцкому не разрешили выступить в Монреале перед советскими спортсменами. Высоцкий пробует марихуану и записывает диск. Как Чарльз Бронсон не захотел знакомиться с Высоцким. Третий инфаркт Бориса Чиркова. На задворках Театра имени Гоголя. Как Лобановский отомстил Кипиани. Скандал вокруг советского пловца Сергея Немцанова. Блохин и Буряк посещают Высоцко-го. Награда для Веры Марецкой. Возвращение в прошлое: матч ветеранов советского футбола. Как двух Олегов — Ефремова и Даля — выставили дураками.

Кинорежиссер Владимир Меньшов продолжает работу над фильмом «Розыгрыш». Работа дается буквально с кровью. Как мы помним, фильм рассказывает о жизни старшеклассников одной из столичных школ, но по причине поднятия в нем некоторых актуальных проблем, он безжалостно купирется цензурой. Меньшову приходится буквально грудью вставать на защиту отдельных эпизодов, но отстоять удается не все. В итоге уже пересняты сцены, «с физкультурником» (актера, игравшего учителя физкультуры, по требованию цензоров пришлось заменить), «с милиционером», «диалог Комаровского с отцом». В четверг, 1 июля, в 8-м мосфильмовском павильоне переснимали эпизод «вечеринка». Суть его была в следующем: десятиклассники собирались на квартире своей одноклассницы Алисы Суливар и, в отсутствие родителей девушки,

оттягивались, что называется, на полную катушку. Нет, пьянки там не было, но многие из присутствующих вели себя отнюдь не как честные комсомольцы: щеголяли друг перед другом в шикарных нарядах, вели светские разговоры и т. д. Особенно преуспевала в этом сама хозяйка дома — девочка из весьма обеспеченной семьи, квартира которой выглядела как богатый музей антикварного искусства. Короче, эпизод был снят весьма смело и поднимал очень актуальную по тем временам проблему — охвативший советскую молодежь вещизм. Но именно эта смелость и не понравилась цензорам Госкино, которые заставили Меньшова переснимать этот эпизод полностью. Причина пересъемки объяснялась так: «Из-за неправильной трактовки в изобразительном решении, неточного исполнения своих ролей учениками-школьниками. Царящая в доме атмосфера

роскоши и элитности, вечерние наряды девочек, манера их поведения дают неверное представление о советской молодежи». Да что говорить, если та же цензура заставила Меньшова выбросить из фильма любое упоминание о таких колоссах мировой рок-музыки, как «Битлз» и «Роллинг Стоунз»! А ведь весь сюжет фильма строился вокруг школьного ВИА, где его участники просто обязаны были упоминать эти популярные коллективы хотя бы в разговорах. Упомянуть-то они упомянули, но бдительные цензоры эти реплики из окончательного варианта ленты изъяли. Чик ножницами — и нету.

Между тем продолжается скандал вокруг вратаря киевского «Динамо» и сборной СССР по футболу Александра Прохорова. Как мы помним, суть скандала заключалась в следующем: Прохоров самовольно покинул свою предыдущую команду — столичный «Спартак» — и уехал в Киев. В конце мая в футболке тамошних динамовцев он вышел на матч с динамовцами из Тбилиси, после чего те подали протест в СТК: дескать, он не имел права играть за киевлян, так как не был своевременно внесен в заявочный лист и не получил билета участника первенства. 2 июля Федерация футбола вынесла этот вопрос на свое заседание. Обсуждение выдалось бурным. Киевляне защищались как могли: зампред киевского совета «Динамо» всю вину за несвоевременное оформление документов на Прохорова взял на себя и просил наказать его, а не команду. Грузинская сторона требовала засчитать киевлянам поражение (в той игре в конце мая тбилисцы проиграли 0:1). Были и другие предложения: например, Николай Озеров от имени Андрея Старостина предложил матч переиграть. Однако Федерация встала на сторону грузинской стороны: киевлянам засчитали поражение, тбилисцам — победу. В итоге конфискация двух очков, случившаяся незадолго до завершения чемпионата, самым существенным образом скажется на турнирном положении киевлян — они вылетят из списка кандидатов на медали. Говорят, это было результатом заговора в высших футбольных сферах, где у «Динамо» (Киев) было много недоброжелателей. Кстати, в результате такого же заговора в этом же году высшую лигу покинет и столичный «Спартак», но об этом рассказ впереди.

С 1 по 4 июля по ЦТ демонстрируют фильм «Крах инженера Гарина», где главную роль исполняет Олег Борисов. Поскольку картина демонстрируется поздно вечером — в 21.30, Борисову удастся ее посмотреть. Но аккурат в дни показа в семье актера случается несчастье — внезапно умирает всеобщая любимица кошка Машка, или Матильда (последнее имя получила из-за того, что по весне все время рвалась на свободу). Животное появилось в доме актера девять лет назад благодаря стараниям тестя актера. Тот работал на территории Кремля в Дирекции фестивалей искусств и однажды, когда он садился на Манежной площади в свой автомобиль, к нему в салон запрыгнула кошка. Потерлась о его щеку и уселась у заднего окна. Высадить ее тесть не решился и увез домой. А чуть позже она переехала в Ленинград, к Борисовым. Как вспоминал сам актер:

«Машка сопровождает нас куда бы мы ни тронулись. На некоторых вещах оставлены неизгладимые, несмыываемые отпечатки — например, на моем английском свитере. Вся синяя мягкая мебель на Кабинетной превратилась в букле, но она продолжает ее «месить». Она не подпустит к себе, когда ее душеньке неуютно. Зато если у тебя выкроится часок отдохнуть перед спектаклем, она снизойдет и сама явится, «замесит» твой плед и уляжется на грудь. Я люблю поспать на спине, поэтому наши желания часто совпадают. Для меня это хороший признак — значит, спектакль вечером пройдет хорошо...»

Умерла Машка по нелепости — съела отравленную мышь на даче актера в Комарово. Домой вернулась, еле волоча лапы. Аппетита никакого, моча черная. Повезли ее в город, в лечебницу, где врач выписал ей какие-то лекарства. Но они Машке не понадобились: пока жена Борисова ходила за ними в аптеку, кошка умерла на руках хозяина. Похоронили ее в Комарово, недалеко от дачи.

В понедельник, 5 июля, в «Вечерней Москве» появилась заметка В. Ермишина о задержании в Москве особо опасного преступника — некоего М. Кайриса. Тот, совершив тяжкое преступление в одной из союзных республик, скрылся в неизвестном направлении и был объявлен во всесоюзный розыск. В оперативке, отправленной во все крупные города Советского Союза, сообщались его приметы:

среднего роста, темноволосый, одет в коричневое пальто, светлые туфли, черную кепи-фуражку. Благодаря столь подробному описанию преступника и удалось задержать. Отличился столичный милиционер сержант Иван Комбаров. В тот памятный день он нес дежурство на станции метро «Фрунзенская». Дежурство только началось, когда страж порядка обратил внимание на мужчину, который стоял в глубине платформы и ждал поезда. На нем была точно такая же кепи-фуражка, что значилась в оперативке. Сержант решил проверить свои подозрения. Подойдя к мужчине, вежливо попросил его показать документы. От внимательного взгляда милиционера не скрылось, как незнакомец заметно ступенчатся после этого. Рука мужчины полезла в карман и извлекла оттуда... нож. Сержант отпрянул назад, а преступник спрыгнул на пути и помчался в сторону тоннеля. В этот момент в противоположном конце тоннеля показались огни приближающейся электрички. Но преступнику повезло: машинист издали заметил на путях человека и нажал на тормоз за несколько десятков метров до него. После чего сам спрыгнул на пути, чтобы поговорить «по душам» с нарушителем (видимо, он принял его за обычного пьянчужку, свалившегося на рельсы). Каково же было удивление машиниста, когда «пьянчужка» на справедливые упреки ударил его ножом в руку. Согнувшись от боли, машинист отпрянул в сторону, а преступник продолжил свой путь к тоннелю. Еще минута — и он скрылся в его чреве, направляясь с сторону станции «Спортивная».

Тем временем сержант Комбаров попросил одного из станционных сотрудников связаться по телефону с коллегами на «Спортивной» и предупредить о происшедшем. А сам бросился в погоню за бандитом. В сущности, шансов спастись у последнего практически не было. Из оружия у него был всего лишь один нож, а спрятаться в тоннеле было негде. Поэтому, когда его с двух сторон обступили милиционеры — с одной Комбаров, с другой — его коллеги со «Спортивной» — он предпочел сдаться. Но шуму это происшествие наделало в городе немалого.

6 июля на корабле «Союз-21» в космос был отправлен очередной экипаж космонавтов: Борис Волюнов и Виталий Жолобов. Последний был первым из советских космонавтов, кто от-

правился в полет... усатым. Вроде бы мелочь, но особо суеверным людям из Центра управления именно эта примета больше всего не понравилась. «Как бы чего не вышло, — попробовали они робко намекнуть руководителям полета. — Лучше бы Жолобов того... сбрил свою растительность на лице». Но в руководстве к этому мнению отнеслись как к неудачной шутке. Дескать, это же мракобесие какое-то — заставлять космонавта сбривать усы перед полетом из-за каких-то примет. В итоге в космос Жолобов отправился с усами. Что из этого вышло, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями июля 76-го.

7 июля популярная советская киноактриса Алла Ларионова потеряла отца — Дмитрия Андреевича Ларионова. По ее же словам: «Я пошла в своего отца. Он был очень красивый мужик, похожий на Охлопкова — высокий голубоглазый блондин. Они с матерью познакомились у Котовского. Мама у меня была простой женщиной, с четырьмя классами образования. Фамилия у нее была девичья красивая — Гончарова. Но она была настолько интеллигентна, что впечатление производила такое, словно Сорбонну окончила.

Отец был членом партии с 18-го года, депутатом райсовета, честным ленинцем. Потом по партийной линии стал директором небольшой фабрики, потом — директором райпищеторга Бауманского района. Но холодильник у нас всегда был пустой. Я просила: «Папа, принеси что-нибудь вкусненькое». Он отвечал: «Пойдите и купите себе сами». Умер отец по глупости: он брился и сбрил себе родинку, пошла меланомы...»

По злой иронии судьбы спустя два дня своего отца потеряла и другая звезда отечественного кинематографа — Ирина Скобцева. Ее отец — Константин Алексеевич — долгое время работал в Главном управлении гидрометеорологической службы при Совете министров СССР, а на момент смерти был на пенсии.

Между тем вся страна вновь во все глаза следит за приключениями штандартенфюрера СС Штирлица: с 5 по 16 июля по ТВ крутят «17 мгновений весны». Но фильм, как выясняется, смотрят не все. В частности, 16-летний ленинградский подросток Юрий Лосев занят совсем иным: он озабочен проблемой, как заста-

вить свою родную сестру Юлию изменить своим планам выйти замуж за своего сверстника, с которым познакомилась несколько месяцев назад. Нежелание юноши видеть свою сестру замужем объясняется просто: после того как из дома ушла их мать, Юлия взвалила на свои плечи все заботы о благополучии отца и брата. И получалось у нее это неплохо: оба мужика не знали с ней ни забот, ни хлопот. Как вдруг девушку угораздило влюбиться.

В течение нескольких дней Юрий размышлял, пока не придумал единственный, по его мнению, правильный выход. Жениха можно было отвадить от сестры только единственным способом — обесчестив ее. Причем сделать это должны были дружки Юрия — трое выпивох, проживавших неподалеку от их дома. Они согласились выполнить просьбу дружка с превеликим удовольствием: мало того, что это сулило им хороший кайф, так еще Юрий пообещал, что сестра не станет заявлять на них в милицию, а он сам выставит им за услугу три пузыря водки.

Заманить девушку на квартиру выпивох не составило для Юрия труда: он сказал, что одна его знакомая готова уступить по дешевке дефицитные венгерские сапоги-чулки. Юрий сам проводил сестру до дверей подъезда нужного дома, но подниматься с ней к «знакомой» не стал, сказав, что обождет на улице. И ничего не подозревающая девушка позвонила в названную ей квартиру. За дверями ее уже ждали. Не успела она опомниться, как чьи-то грубые руки затащили ее в прихожую, а там ее подхватили на руки еще двое мужчин и поволокли в комнату.

Насилие продолжалось более получаса и могло длиться еще дольше, если бы не душевизирующие крики жертвы, которые переполюжили чуть ли не весь дом. Люди как раз собрались смотреть очередную серию «17 мгновений весны», а тут такая вакханалия. К месту происшествия была вызвана милиция. Юрий, который стоял возле подъезда и нервно курил одну сигарету за другой, как раз стал свидетелем приезда милицейского «воронка». Он сразу смекнул, что дело пахнет керосином, и тут же ретировался. Но на свободе он пробегает недолго: уже на следующий день его арестуют, так как дружки сдадут его милиции без всякого зазрения совести. Что касается Юлии, то она

угодит в больницу и пролежит там чуть меньше месяца. Замуж она так и не выйдет, но братца своего непутевого простит. Даже будет носить ему передачи в психушку, куда его поместят по решению суда. Но братец ее все равно плохо кончит: шесть лет спустя он убьет свою сожительницу, после чего покончит с собой. Но это совсем другая история, поэтому вернемся в июль 76-го.

В воскресенье, 11 июля, совершил свои очередные преступления маньяк, которому суждено будет стать рекордсменом — за последующих девять лет он изнасилует и убьет еще три десятка женщин, доведя число жертв до 36. Речь идет о жителе поселка Солоники в Белорусской ССР Геннадии Михасевиче. Свое первое преступление маньяк совершил еще в 1971 году под влиянием импульса: повздорив со своей девушкой, он вечером вышел на улицу и сорвал свою злость на первой же встречной. После этого убийства долгое время дремавший в нем зверь внезапно проснулся. Началась кровавая охота.

За последующие пять лет Михасевич совершил еще несколько нападений в разных местах Белоруссии. Действовал он до банального просто: имея личный автомобиль, сажал в него голосовавших на дороге одиноких женщин, завозил их в лес, где насиловал и убивал, используя при удушении подручные средства в виде шарфа, косынки, а иногда и просто пучок травы. 11 июля все происходило по описанному сценарию с единственным отклонением — на этот раз маньяк напал сразу на двух девушек. Это были подружки, которые тем воскресным вечером посетили танцверанду в одном из поселков недалеко от Солоников. Выйдя поздно ночью на шоссе, они сели в первый же подъехавший автомобиль, за рулем которого сидел симпатичный мужчина, сыпавший шутками. Откуда им было знать, что под маской шутника скрывался душегуб, специально приехавший в эти места в поисках очередных жертв. До дома девушки так и не доедут, а когда на следующее утро их родители заявят об их исчезновении в милицию, там их успокоят: «Чего шум раньше времени поднимать? Может быть, загуляли где-нибудь ваши кралои, дело-то молодое». Однако когда через сутки тела обеих девушек найдут в лесополосе случайные прохожие, все сомнения отпадут сами собой — в округе вновь

заговорят о неуловимом маньяке, который с пугающей регулярностью нападает на одиноких женщин.

А теперь из Белоруссии вновь вернемся в Россию, в Москву. Здешние милиционеры тоже без дела не сидят. В одну из душных июльских ночей патрульные 32-го отделения милиции, инспектор угро В. Сычкин и участковый инспектор Ю. Шмольнер, заметили, как неизвестный мужчина пытается вскрыть киоск «Союзпечать» на Солдатской улице. Заметив бегущих к нему стражей порядка, злоумышленник бросил на землю фомку и попытался сделать ноги. Бежал он резво, но и милиционеры тоже были не промах — явно имели отличные показатели в нормативах по физподготовке. Особенно выделялся Шмольнер, который буквально висел на нарушителя на пятках. А на 2-м Краснокур-сантавском проезде, где неудачливый грабитель пытался преодолеть барьер из нескольких гаражей, участковый умудрился схватить беглеца за ногу. Но тот, как заправский жеребец, лягнул стража порядка в грудь, и тот рухнул на землю. Казалось, что теперь злоумышленнику ничто не помешает скрыться от преследования: ведь, преодолев гаражи, он благополучно миновал еще и забор у дома № 5/7 и собирался уже нырнуть в ближайшую темную подворотню. Но тут у него на пути встал второй милиционер — Сычкин. Вооруженный табельным пистолетом, он произвел предупредительный выстрел вверх, чем всполошил чуть ли не всю округу. В те времена pistolетные выстрелы люди слышали разве что в кино. В итоге к месту происшествия бросились находившиеся поблизости замначальника 32-го отделения милиции капитан В. Воробьев и сержант В. Хлынин. И очень даже вовремя, поскольку преступник оказался не робкого десятка и даже наличие пистолета не помешало ему наброситься на Сычкина и повалить его на землю. И кто знает, чем бы закончилось это противостояние, если бы на помощь инспектору не пришли его коллеги.

Во вторник, 13 июля, в здании Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось заседание по делу капитана 3 ранга Валерия Саблина. Поскольку заседание было закрытым, на него не допустили ни родственников подсудимого, ни его сослуживцев. Зал был заполнен исключительно гэбистами. Кто-то из

них позднее и расскажет о том, как проходило это заседание. Когда судья зачитал Саблину смертный приговор, он побледнел, явно не ожидая такого вердикта. Не давая ему опомниться, к нему подскочили сразу несколько конвоиров, которые заломили ему руки, надели наручники, заклеили рот черной лентой и поволокли к дверям. Саблин пытался сопротивляться, вырывался, мычал сквозь пластырь, но конвоиры, не обращая внимания, буквально волоком вынесли его в коридор. Говорят, после суда Саблину было предложено отказаться от своих взглядов в обмен на сохранение жизни, но он от этого предложения отказался.

В этот же день вечером один из тех, кто поставил свое «добро» на расстрельном указе Саблина — Леонид Брежнев, — посетил Театр оперетты. Там шел новый спектакль «Пока гитара играет», действие которого происходило в дорогих сердцу генсека местах — в Новороссийске, на Малой земле, где Брежнев воевал. Однако за происходящим на сцене Брежнев наблюдал всего лишь несколько минут, после чего целиком переключился на другое действие, телевизионное: в тот день на стадионе «Динамо» в присутствии 34 тысяч зрителей столичные динамовцы встречались в предпоследнем матче весеннего розыгрыша чемпионата СССР со своими одноклубниками из Тбилиси. Обеим командам необходима была только победа: москвичам для того, чтобы приблизиться к «золоту» первенства, тбилисцам — к «серебру». Удача сопутствовала первым, которые под непрекращающимся проливным дождем выиграли со счетом 2:1.

14 июля в Москве скончался кинорежиссер Николай Экк (Ивакин). В историю отечественного кинематографа этот человек вошел прежде всего тем, что снял ПЕРВЫЙ советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (1931). Успех фильма был настолько огромный (на I Международном кинофестивале в Венеции в 1932 году он был назван лучшим фильмом), что, казалось, должно было сулить его создателю любые блага. Но этого не случилось. Поставив в 30-е годы еще пару фильмов («Груня Корнакова» («Соловей-Соловушка»), 1936, ПЕРВЫЙ цветной советский фильм; «Сорочинская ярмарка», 1939), Экк затем надолго пропал из поля зрения общественности. Говорят, он ударился в пьянство, и когда в 1951 году знамени-

тый турецкий писатель Назым Хикмет, посетив Советский Союз, захотел его увидеть, Экка с трудом отыскали в каком-то гадюшнике. Отмыли, причесали, нацепили на лацкан пиджака копию ордена — и доставили к высокому гостю.

Во время официального застолья Хикмет возьми да и спроси: «Ну что, друг Коля, над чем сейчас работаешь?» У всех, кто был рядом, от испуга потемнело в глазах. А у Экка была давнишняя мечта сотворить водную феерию в цирке на Цветном бульваре. Понимая, что другого удобного случая для осуществления этой задумки может не представиться, он сказал об этом Хикмету. Тот пожелал ему удачи. Правда, это пожелание ни к чему не привело: едва писатель уехал, как чиновники из Минкульта отбrehались от Экка, назвав его идею утопической (режиссер на самом деле замахнулся слишком высоко: хотел снести Центральный рынок, чтобы на его месте возвести горы, с которых должен был низвергаться водопад вроде Ниагарского).

В 60-е годы Экк вернулся в кинематограф и снял еще несколько фильмов: «Когда идет снег» (1962), «Человек в зеленой перчатке» (1968) и др. Умер Экк ровно через месяц после своего 74-летия.

Тем временем коллеги покойного продолжают трудиться над новыми фильмами. Так, режиссер Владимир Вайншток снимает очередной «рашен-вестерн» — фильм «Вооружен и очень опасен» по произведениям Френсиса Брета Гарта. Съёмки ленты начались 28 июня в павильонах «Ленфильма», после чего 1 июля группа перебазировалась в Прагу, где предстояло отснять эпизоды, разворачивающиеся в интерьерах старинного замка (съёмки велись в замке Плосковице, бывшей летней резиденции королей). Роль главного злодея в фильме — Питера Дамфи — исполнял актер Леонид Броневой, а его любовницу — певичку из кабаре Жюли Прюдом — играла популярная эстрадная певица Людмила Сенчина. Последняя попала в картину случайно: первоначально на эту роль была выбрана Людмила Гурченко, но она на съёмках другого фильма — «Мама» — сломала себе ногу и сниматься, естественно, не могла. И тогда кто-то из съёмочной группы предложил кандидатуру Сенчиной, у которой до этого уже был опыт работы в кино (в теле-

фильме «Волшебная сила искусства» она сыграла роль учительницы английского языка).

Между тем именно в Праге снималась «постельная» сцена с участием Броневой и Сенчиной, из-за которой певицу потом долго будут обвинять в пропаганде разврата. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Пока мы ехали в замок, чтобы сниматься в шикарной спальне, Броневой рассказывал историю своей женитьбы, расписывая свою супругу, которая двенадцать лет была его поклонницей, а он на нее не обращал внимания (как мы помним, они поженились в 70-м, аккурат накануне начала съёмок фильма «Семнадцать мгновений весны». — Ф.Р.). Мы ехали снимать постельную сцену, а Броневой явно комплексовал. Ну а я уж и подавно. У меня был тогда малюсенький размер бюста... От меня создатели фильма хотели какой-то вульгарности, наклеивали ресницы, рот малевали, но, сколько меня тогда ни гримировали, моя Жюли оставалась пионеркой.

Дошло до съёмок. Я приготовила лифчик, сама вшила туда два валика (до сих пор храню этот экспонат!); у меня что-то обрисовалось. Броневой весь красными пятнами покрылся, спрашивает режиссера: «Ну как мне ее? Так?» Я тоже нервничаю. Это сейчас ко мне пришло состояние покоя, кайфа от работы. А тогда я сидела — закомплексованный, несчастный человек, «приговоренный» к постельной сцене. Наконец рука моего партнера с третьей попытки клешней легла мне на плечо. Броневой произнес какие-то слова и вдруг машинально как дернет бретельку. Камера — мотор, все на съёмочной площадке в экстазе: грудь выскочила, есть эротика! Потом долго сидели, кумекали на худсоветках: оставить или нет... Оставили...»

В эти же дни пребывающий в Москве Сергей Маковецкий благополучно сдал экзамены и стал студентом Театрального училища имени Щукина. Такого же результата добились и несколько других абитуриентов, которым вскоре предстоит стать звездами отечественного кино и театра. Так, Елена Цыплакова поступила в ГИТИС. Правда, далось ей это нелегко. Она приехала в Москву из Ленинграда и, хотя уже имела за плечами опыт работы в кино (снялась в трех фильмах: «Шаг навстречу», «Иван и Колумбина», «Ключ без права передачи»), страшно боялась провалиться. В результате в двух ву-

зах — в «Щуке» и Школе-студии МХАТ — ей показали от ворот поворот. И только в ГИТИСе ей улыбнулась удача. Жить в общежитии Цыплакова не станет и снимет в Москве комнату, деньги за которую ей будут присылать родители.

Благополучно сдала экзамены и Елена Майорова. Как мы помним, год назад она приехала в Москву из Южно-Сахалинска, чтобы учиться на актрису, но с первого захода везде провалилась. Тогда Майорова подала документы на подготовительные курсы пединститута, чтобы получить комнату в его общежитии. А через два месяца ушла оттуда и поступила в ПТУ № 67, выпускавшее строителей разных специальностей. Ох, и навкалывалась Майорова, пока училась! По ее же словам:

«Я укрепляла трубы теплоцентралей, делала изоляцию на газовых магистралях. Обматываешь трубу стекловатой, потом стягиваешь ее проволокой, потом — цемент, потом — битум... Рядом в траншее отличные девчонки, тоже приехавшие завоевывать Москву, мороз, свежий воздух, респиратор, чтоб стекло не летело в легкие — красота, да и только! К тому же я знала, что это продлится только год.

Быстренько сделаю уроки — я смышленная была — и бегу в театральную читалку. Сижу, выбираю себе репертуар, штудирую все подряд — готовлюсь.

Сначала все вокруг смеялись, а потом приехали. Мой мастер даже отпускал меня на экзамены, а девчонки в это время выполняли мою норму. Меня ведь распределили в СУ-50 — марш вперед, молодой специалист! Три года отработай, и все. Я пришла к директору ПТУ и говорю:

— Дайте мне справку, что я могу поступить в театральную.

— Какую справку? Ничего не знаю.

— Я профессию хочу сменить! Я актрисой стану! Вы что, возражаете? Если нет, то так и напишите.

И он действительно написал: «Я не возражаю». Его сняли за это потом к чертовой матери!..»

Забегая вперед, скажу, что даже после того, как Майорова благополучно поступила в ГИТИС, родное ей некогда СУ-50 продолжало жаловаться в Министерство профтехобразования, требовало, чтобы ее вернули обратно. Из министерства в ГИТИС шли соответствующие

циркуляры. В итоге одному из преподавателей Майоровой — самому Олегу Табакову — пришлось ехать в министерство и договариваться о том, чтобы от девушки наконец отвязались. Помогло: Майорова заплатила 112 рублей штрафа и навсегда избавилась от СУ-50.

В том же июле 76-го благополучно сдал экзамены в разведшколу КГБ (Школа 101) и Владимир Кузичкин (как мы помним, он поступил туда ровно год назад). Вот как он сам об этом вспоминает:

«Экзамены состояли из двух частей, практической и теоретической. Практические экзамены проходили на «вилле». «Вилла» — это кодовое название части тренировочного комплекса Школы 101, расположенного в черте Москвы, недалеко от станции метро «Речной вокзал», в начале Фестивальной улицы, как раз напротив маленькой русской православной церкви. Комплекс огорожен кирпичным забором, на воротах надпись: «Технологическая лаборатория».

На «вилле» мы должны были провести 10 дней. Обстановка воссоздавалась точно такая, как в резидентуре за границей. Резидентом являлся начальник отделения. Все десять дней мы жили в комплексе безотлучно, как в посольстве. За это время нам нужно было провести комплекс операций с «агентами», используя все, чему нас научили за год. Нам предстояло работать с «агентами», роль которых играли преподаватели (офицеры разведки КГБ, вышедшие на пенсию). Каждому слушателю выделялись два «агента», и в общей сложности нужно было провести с ними десять операций: явку — первый контакт с использованием пароля, личную встречу, моментальную встречу, две тайниковые операции, обмен информацией с помощью технических средств и последнюю личную встречу. Перед каждой операцией мы должны были проводить три часа на заранее подобранном проверочном маршруте, стараясь выявить слежку, которая не выставлялась каждый раз. Нужно было провести одну из тайниковых операций, находясь под наружным наблюдением, естественно, незаметно для него, и осуществить один чистый и легендированный отрыв от «наружки».

Естественно, все мы допускали ошибки в работе с «агентами». Перед моей первой явкой мне не удалось оторваться от наружного на-

блюдения. В соответствии с правилами, они продержали меня под наблюдением три часа и затем бросили. Из-за этого я опоздал на основную встречу, и мне пришлось выходить по запасному варианту через полчаса. «Агент» заинтересовался причиной моего опоздания, и я без колебаний сказал ему, что меня очень плотно держали под наблюдением. Мой «агент» так разозлился, что хотел уйти со встречи, но, видя мою полную наивность, сжалился и объяснил, что мы никогда не должны говорить нашим агентам о таких вещах. Это может напугать агента и привести к потере источника...

Во время нашего пребывания на «вилле» ходили упорные слухи, что нам собираются устраивать захваты. Это означало, что нас могут арестовать во время операции и подвергнуть допросу с пристрастием, то есть попросту избить и посмотреть, как мы это переносим. Это тоже, как оказалось, были слухи. Захват устроили только одному нашему слушателю, в смелости которого сомневались. Никто его и пальцем не тронул, продержали немного в милиции и отпустили.

Наконец прошли эти изнурительные десять дней, и мы вернулись в основное помещение школы (возле подмосковной деревни Юрлово. — Ф.Р.). Сразу после возвращения начали сдавать экзамены по спецдисциплинам и иностранному языку. Все они завершились успешно. И вот наконец последнее собрание, где нас поздравили с успешным окончанием Краснознаменного института КГБ и пожелали успехов в дальнейшей работе. Каждому было сказано, в каком отделе или управлении ПГУ он будет продолжать службу. Я был распределен в Управление «С» ПГУ (незаконная разведка. — Ф.Р.). После этого в столовой устроили банкет с вином. Мы знали, что преподаватели будут отмечать чрезмерное употребление алкоголя, но, несмотря на это, многие на радостях основательно набрались, включая и преподавателей. На следующее утро с большими головами мы навсегда покинули здание Школы 101...

Тем временем в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 5-го в прокат вышла комедия «Ау-у!», состоящая из трех новелл молодых режиссеров с участием актеров: Вячеслава Невинного, Леонида Курявлева, Савелия Крамарова и др.; 12-го — начался широкий прокат первого фильма дило-

гии Евгения Ташкова «Преступление» под названием «Нетерпимость» с участием: Юрия Соколомина, Владислава Стрельчика, Николая Гриценко и др.

Кино по ТВ: «Крах инженера Гарина» (1—4-го), «Марк Твен против...» (премьера т/ф 2-го), «Всадник над городом» (3-го), фильмы Ч. Чаплина, «А крепость была неприступная...» (4-го), «Свистать всех наверх!», «17 мгновений весны» (5—16-го), «Одинокий волк», «Бомба» (с Фернанделем) (10-го), «Вольница» (11-го), «Мы с Вулканом» (12-го), «Приключения Доврана» (14-го) и др.

Эстрадные представления: 1—4-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступает ВИА «Голубые гитары»; 3—4-го — в Зеленом театре на ВДНХ выступает вокальный дуэт Алла Иошпе — Стахан Рахимов; в саду имени Баумана — Екатерина Шаврина — Михаил Котляр; 6—8-го — во Дворце спорта «Сокольники» дает гастролы грузинский ВИА «Иверия»; 6—11-го на ВДНХ — ВИА «Самоцветы»; 9—11-го в «Сокольниках» гастрوليрует ВИА из Куйбышева «Синяя птица»; 13—15-го — в ГТЭ проходят творческие вечера руководителя Театра кукол Сергея Образцова; 14—15-го — во Дворце спорта в «Сокольниках» выступает грузинский ВИА «75».

Звезда блатного фольклора Аркадий Северный в те июльские дни находился в Одессе, куда его привез известный собиратель и распространитель подпольных аудиокассет Станислав Ерусланов (он даже мотал срок за распространение пленок с песнями в исполнении Александра Галича). Как мы помним, первооткрыватели Северного Рудольф Фукс и Сергей Макалов были против того, чтобы бард записывался где бы то ни было, кроме Ленинграда, и поэтому на все предложения звукобизнесменов из других городов отвечали отказом. Однако каким-то неведомым образом Ерусланову удалось раздобыть домашний адрес Северного и выйти на прямой контакт с ним. И довольно быстро уговорить артиста отработать несколько домашних концертов в Одессе. Причем обошлось ему это дешево: Северный, который был большим поклонником «зеленого змия», попросил у него за это... ящик водки. «Да хоть два!» — радостно воскликнул Ерусланов. Как пишет о тех гастролях М. Шелег: «Начали запись: Аркадий выпьет рюмочку и песенку спо-

ет, выпьет вторую — еще песенку. Пока не осушит всю бутылку. Ставь следующую! А сам уже готов — аккорды путает, текст забывает и уже не поет, а хрипит. Получалось много брака. В итоге за неделю едва-едва бобину записали.

Когда Ерусланов пригласил на запись музыкантов из ансамбля «Черноморская чайка», то вообще начался период непрерывного пьянства. Сам Стас к алкоголю равнодушен, но у музыкантов Аркадий нашел поддержку. Пришлось снять ему квартиру на Сахалинчике — в отдаленном районе Одессы. Теперь Ерусланов каждый день приезжал за ним на мотоцикле, записывал песни и отвозил обратно...»

В субботу, 17 июля, завершился весенний чемпионат СССР по футболу. Золотые медали в упорной борьбе завоевали столичные динамовцы, которые переломили ход событий практически в последних турах. Выиграв подряд в двух последних матчах (у ближайшего преследователя ереванского «Арарата» 1:0 и у динамовцев Тбилиси 2:1), они в последнем туре 17 июля одолели и ленинградский «Зенит» 1:0. Гол, забитый Олегом Долматовым, стал «золотым». Динамовцы Москвы через долгих 13 лет вновь стали чемпионами. Золотых медалей были удостоены: В. Пильгуй, Н. Гонтарь, Ю. Гаврилов, А. Петрушин, А. Бубнов, А. Новиков, В. Зенков, А. Якубик, О. Долматов, А. Моховиков, Г. Еврюжихин, А. Шепель, В. Павленко, М. Гершкович, В. Козлов, С. Никулин, А. Севидов (тренер).

По злой иронии судьбы именно в день, когда завершился чемпионат страны по футболу, из жизни ушел один из самых преданных футбольных болельщиков — народный артист СССР Михаил Яншин. Футболом он заболел еще в далекой юности — в 20-е годы — и с тех пор старался не пропустить ни одного значительного матча, отдавая предпочтение играм своей любимой команды — столичного «Спартака». Знаниям Яншина в этом виде спорта мог позавидовать любой футбольный специалист. К сожалению, в последние годы здоровье уже не позволяло артисту появляться на стадионе, и за тем же чемпионатом страны он чаще всего наблюдал по телевизору. Однако на сцене родного МХАТа (а в нем актер работал с 1924 года) он появлялся чуть ли не вплоть до своей кончины. В 1975 году Яншин был удостоен Госу-

дарственной премии СССР. На момент смерти актеру шел 74-й год.

17 июля в Монреале открылись XXI летние Олимпийские игры. Начались они с казуса: прямо во время открытия, когда на стадионе присутствовала английская королева Елизавета II и 70 тысяч зрителей, на поле внезапно выбежал мужик, на котором, кроме бороды, ничего больше не было. Нудист рванул мимы шокированных его видом полицейских прямо к главной трибуне. Самое интересное, что эту сцену транслировали по ТВ на многие страны мира, но советские телезрители ее не увидели — цензура вовремя подстраховалась. Кто был этим нудистом, так до сих пор и не известно.

Между тем, начавшись со скандала, Олимпиада ими и продолжилась. Уже на вторые сутки после начала игр в скандальную хронику угодил советский спортсмен — 31-летний фехтовальщик из Киева Борис Онищенко. Этот умелец решил добыть себе победу любой ценой и в тайне от всех придумал хитроумное приспособление, которое позволяло подсоединить его шпагу к электрической цепи для фиксации уколов, которых на самом деле не было. Такого в истории этого вида спорта еще не было. На что рассчитывал спортсмен, непонятно, поскольку его хитрость была тут же разоблачена. Подлянка Онищенко стоила советской команде фехтовальщиков, которая была одним из главных претендентов на победу, медалей. Сам спортсмен был дисквалифицирован и отправлен обратно на родину ближайшим самолетом.

Не самым лучшим образом аукнулась эта Олимпиада и артисту Геннадию Хазанову, который был послан туда с труппой других деятелей культуры, чтобы в перерывах между соревнованиями своим искусством поднимать боевой дух советских спортсменов. Дело в том, что в Канаде проживал двоюродный брат жены Хазанова, который, узнав о приезде родственника, естественно, его навестил. Во время встречи, которая не укрылась от внимания сопровождающего делегацию агента КГБ, родственник передал артисту посылку для своего дяди, проживающего в Пермской области. Отказать ему Геннадий не имел никакого морального права. За что и пострадал: после этого он в течение 12 лет будет невыездным.

Между тем скандалы продолжали сотрясать Олимпиаду. 23 июля, за сутки до финала в беге

на 100 метров, в корпус «С» олимпийской деревни, где жил советский спринтер, чемпион игр-72 27-летний киевлянин Валерий Борзов, позвонил неизвестный и попросил передать Борзову, что если он завтра выйдет на дистанцию, то будет уничтожен. Слух об этом звонке моментально облетел советскую делегацию, которая немедленно оповестила о нем службу безопасности игр. Та приняла соответствующие меры. Поскольку спринтер и не подумал подчиняться требованиям шантажиста, утром следующего дня его под усиленной охраной доставили на стадион. Борзову одному предоставили раздевалку, усиленно охраняющуюся внутри и снаружи. Спустя несколько минут он вышел на беговую дорожку. Сами понимаете, состояние у него было не из лучших. Тут еще давала о себе знать давняя травма — надрыв задней поверхности бедра. Но, несмотря на все это, спринтер завоевал бронзовую медаль (10,14 сек) и на второй подряд Олимпиаде не дал обогнать себя вечным конкурентам — американским спринтерам.

Кстати, это была не последняя атака на Борзова на тех играх. Вскоре уже радиостанция «Радио-Канада» передала сенсационную новость о том, что Борзов... попросил политического убежища. Эту «утку» тут же подхватили многие мировые издания. Нашей делегации пришлось собирать пресс-конференцию, на которой было официально заявлено, что Борзов никуда убегать не собирался. Разве что на беговую дорожку. И наш спринтер это наглядно продемонстрировал: завоевал вторую бронзовую медаль — на этот раз в эстафете 4×100 метров.

В понедельник, 26 июля, в возрасте 82 лет, в Москве скончался кинорежиссер Абрам Роом. Придя в кинематограф из театра в 1924 году, Роом начал свою киношную карьеру с эксцентрических комедий. Затем ушел в серьезный жанр: снял два фильма на детективно-приключенческую тему. Но один из самых своих известных фильмов Роом снял в 1927 году — «Третья Мещанская» («Любовь втроем»). Лента вызвала бурную дискуссию в обществе: в ней режиссер ставил актуальную для тех лет проблему новой морали в области личных отношений. За последующую половину века Роом снял еще с десятков картин, лучшими из которых были: «Нашествие» (1945, Сталинская

премия в 1946), «Сердце бьется вновь» (1956), «Гранатовый браслет» (1965), «Цветы запоздалые» (1970) и др.

В этот же понедельник Анатолий Карпов, который возвращался на родину с турнира на Филиппинах, встретился в Токио с американским гроссмейстером Робертом Фишером. Как мы помним, весной прошлого года последний отказался играть чемпионский матч на первенство мира, и ФИДЕ присудило победу Карпову. Однако тот считал эту победу в какой-то мере ушервной и лелеял надежду доказать миру, что владеет шахматной короной по праву. Для этого ему требовалось уговорить Фишера встретиться с ним в очном поединке. Именно этот вопрос и стал поводом для их первой (будет еще несколько) встречи в Токио.

По иронии судьбы именно в тот момент, когда происходила встреча Карпова и Фишера (в Токио было 7 вечера), в Амстердаме (там было 10 утра, что с учетом разницы во времени на двух материках было почти одно и то же) другой советский гроссмейстер — Виктор Корчной — явился в полицейский участок и попросил политического убежища. Видимо, очень сильно советские власти достали Корчного на родине (о том, как это происходило, я уже рассказывал ранее), если он решил не возвращаться в Советский Союз, где у него остались жена и сын. Сам гроссмейстер свое решение объясняет следующими причинами:

«Еще в конце декабря 1974 года я принял решение: чтобы спасти себя как шахматиста, мне следует уехать! Даже то, что были предприняты некоторые шаги для моего возвращения в строй (мне было разрешено сыграть в международном турнире в Москве, в Гастингсе), меня не остановило. Я не рассказывал членам своей семьи, что собираюсь сделать. Намекал только косвенно. Я провел «душеспасительные» беседы с сыном, рассказал о некоторых сторонах моей жизни, которые не были ему известны, выполнил те функции, которые, по моему мнению, надлежало выполнить отцу по отношению к сыну. Жена попала в легкую аварию на машине, которая у нас была. Нужно было отремонтировать машину. Жене предложили продать ее — по цене как за новую и более того. Я умолял ее согласиться, но тщетно. Позднее у нее были большие проблемы: маши-

на была на мое имя, а мне никак не удалось переслать ей доверенность из-за границы.

Я не остался в Англии, но перевез за границу важные документы, фотографии, книги и оставил их в Западной Европе. В июле 1976 года я поехал на турнир в Голландию и снова захватил с собой ценный груз. Я бы снова вернулся в СССР за вещами, но дал интервью — в своем обычном стиле — для «Франс Пресс». Я рассказал, почему Спасский неудачно сыграл в только что закончившемся межзональном турнире в Маниле — сколько горя он перенес, прежде чем получил выездную визу! Я обругал советские власти за то, что они отказались от участия в шахматной Олимпиаде в Израиле. Увидев свое интервью напечатанным, я понял, что в Союзе меня съедят, и попросил у голландских властей политического убежища...»

А теперь из Амстердама вновь вернемся в Москву. Здесь 27 июля невосполнимую утрату понесла отечественная литература: из жизни ушел прекрасный детский писатель Николай Носов. За свою долгую жизнь в литературе он написал множество книг, но главными из них, безусловно, были две: «Приключения Незнайки и его друзей» (1954) и «Незнайка на Луне». В Советском Союзе не было ребенка, который не прочитал этих книг и не мечтал попасть в Солнечный город, где живут замечательные герои — коротышки. В 1971—1973 годах на ЦТ был снят замечательный 10-серийный мультфильм по этим книгам, шлягер из которого — «В траве сидел кузнечик» — распевала вся страна. На момент смерти «отцу» Незнайки было 68 лет.

Продолжаются летние Олимпийские игры в Монреале. Особое внимание советских болельщиков приковано к выступлению нашей сборной по футболу. Как мы помним, прошедший сезон складывался для нее не самым лучшим образом — она проиграла все, что только можно, — но тренеры Валерий Лобановский и Олег Базилевич успокаивали общественность, что главным турниром для них является Олимпиада. Мол, там-то мы себя и покажем. Где-то наверху нашим ребятам уже и премиальные заранее расписали: каждому по ордену Трудового Красного Знамени, плюс по 500 долларов и по 5000 рублей. И действительно, старт у нашей сборной получился резвым: 19 июля мы выиграли у хозяев игр канадцев (2:1), 23-го

одолели северных корейцев (3:0), 25-го — сборную Ирана (2:1). Однако все эти сборные были на уровень слабее нас. Скептики говорили: посмотрим, что будет, когда мы встретимся с фаворитами. И вот 27 июля час испытания пробил: наши футболисты встретились в полуфинале со сборной ГДР. Табло зафиксировало печальный для нас результат: 1:2. На том матче присутствовал певец Лев Лещенко, а также Владимир Высоцкий и Марина Влади (двое последних были там неофициально и жили на квартире подруги Влади Дианы Дюфрен).

Вспоминает Л. Лещенко: «Я на следующий день должен был выступать в Олимпийской деревне. И говорю Высоцкому: «Неплохо было бы, Володя, если бы ты завтра принял участие в концерте, пошел для ребят». Он мне: «Да, Лева, с удовольствием, только проблема в том, что я здесь — без официального приглашения».

В то время с этим было строго. Но всё же Володя предложил мне перезвонить на следующее утро. Так я и сделал. Но услышал в ответ: «Ничего, к сожалению, не получилось. Извини...» Он связывался с Павловым Сергеем Павловичем, который был ответственным, что ли, за нашу команду, и получил отрицательный ответ. Впрочем, Володя воспринял это спокойно: «Что ж теперь делать! Ладно, пустилки!»

Больше в Канаде мы не общались...»

Между тем программа Высоцкого в Канаде была весьма насыщенной: спортивные соревнования он посещает изредка, а большую часть времени проводит в компании друзей своей жены. На одной из таких вечеринок он впервые пробует марихуану. Вот как об этом вспоминает М. Влади:

«Наши хозяева протягивают нам сигарету, мы сомневаемся, но друзья уверяют нас, что это совсем не противно и что особенно приятно после нескольких затяжек послушать музыку. Мы курим по очереди, ты вздыхаешь от удовольствия, мы слушаем музыку, я различаю каждый инструмент — впечатление такое, что весь оркестр играет у меня в голове. Но очень скоро я не могу больше бороться с усталостью и засыпаю. Последнее, что я вижу, — это твое удовлетворенное лицо...»

Кроме этого, Высоцкий записывает в Канаде диск-гигант, да не у кого-нибудь, а у самого Андре Перри — волшебника звука, считавшегося лучшим ухом Американского континента.

У него в студии самое сложное оборудование, какое только есть, особенно потрясюще выглядит звукооператорский пульт с восемнадцатью дорожками. В оркестре собраны самые лучшие музыканты. Под их аккомпанемент Высоцкий записывает свои лучшие вещи: «Спасите наши души», «Прерванный полет», «Погоню», «Купола», «Охоту на волков» и др.

В эти же дни с Высоцким произошла одна неприятная история. Как-то вечером вместе с женой и приятелем Бабеком Серушем (иранец, живущий в СССР, он записал несколько бобин высокого качества с песнями Высоцкого) артист возвращался к себе в гостиницу. И у самого входа увидел... самого Чарльза Бронсона — суперпопулярного киноактера. Поскольку Влади его знала, Высоцкий попросил ее познать его с ним. Влади, естественно, согласилась. Она сказала Бронсону: «Вот русский актер, очень известный, хотел бы с вами познакомиться». Но Бронсон даже слушать ее не стал: замахал руками и тут же ретировался. Высоцкий был очень оскорблен и сказал: «Ну, ладно... Вот приедешь в Москву, я тоже не захочу с тобой познакомиться».

И вновь вернемся в Москву. Здесь в конце июля у популярного актера театра и кино Бориса Чиркова случился инфаркт, уже третий по счету. Его срочно госпитализировали. Лежа на больничной койке, актер много думает, размышляет. Именно в больнице у него окончательно оформилось желание написать мемуары, он даже название для них придумал — «Азорские острова».

Борис Чирков вот уже десять лет работает в Театре имени Гоголя, который в театральной иерархии столицы занимал не самое высокое место. В его труппе практически не было звезд (только сам Борис Чирков да Леонид Кулагин), аншлаговых спектаклей тоже не наблюдалось. Театр находился в пяти минутах ходьбы от моего дома на Казаковке, и мы с друзьями иногда специально бегали к нему, чтобы хоть краем глаза увидеть знаменитого Максима. Увы, но живьем Чиркова мы так и не увидели: то ли бегали не в то время, то ли он появлялся в театре не слишком часто (в последние годы он был занят всего лишь в одном-двух спектаклях). Зато мы видели других звезд «Гоголя»: например, актера Обухова. Большинству людей эта фамилия мало что говорила даже в

те годы, но стоило произнести всего лишь одну фразу, сказанную одним из его героев в популярной комедии, как всем все становилось понятно без слов. Фраза эта: «Я Гриша!» — из фильма «Семь стариков и одна девушка». Вспомнили? Вот так можно войти в народную память, произнеся всего лишь два слова и мелькнув на экране в паре-тройке эпизодов. Увидев Обухова на автобусной остановке напротив театра, мы обычно кричали ему его же фразу из «Стариков», на что он реагировал по-разному: иногда не обращал внимания, а иногда делал к нам несколько резких шагов, явно намереваясь наподдать за надоедливость.

Видели мы и других звезд. Однажды летним днем я оказался на задах «Гоголя» с моим одноклассником Генкой Кузнецовым. И ему внезапно взбрело в голову подняться по водосточной трубе на второй этаж, чтобы заглянуть в окно одной из гримерных. Поскольку я от такого удовольствия отказался, он полез один. Парнем он был ловким и уже спустя пару минут добрался до вожденной цели, и буквально прилип лицом к стеклу. Но длился просмотр недолго — от силы полминуты. Потом я явственно услышал дикий женский визг, от которого Генка пулей слетел на землю. И мы бросились через дорогу к институту землеустройства, чуть ли не сшибая по пути прохожих.

Когда мы добежали до нашего двора, Генка, отдышавшись, наконец поведал мне причину истошных воплей. Оказывается, гримерка оказалась женской, и в тот момент, когда мой друг прилип к окну, там раздевалась молодая, но уже популярная актриса. Поскольку Генка и тогда плохо разбирался в актерской братии, а я в этом деле был признанный ас (как-никак от корки до корки штудировал «Советский экран», «Спутник кинозрителя» и другие издания), мне пришлось вносить ясность в ситуацию. «Что за актриса?» — спросил я друга. «Ну, та, что играла невесту Мягкова в «Иронии судьбы», — ответил тот. Таким образом, мой друг застал в неглиже саму Ольгу Науменко. В «Гоголя» она пришла совсем недавно, кстати, из-за неразделенной любви: ее угораздило влюбиться в сына главного режиссера одного знаменитого московского театра, но из-за боязни, что ее заподозрят в меркантильности, ушла в другой театр.

Была у меня еще одна забавная история с Театром Гоголя. Уже с другим моим другом — Сергеем Фатовым — мы забрались на склад театра, который находился на тех же задах. Нашему удивлению не было предела, когда мы обнаружили там огромное количество самой разнообразной бутафории: фрукты из папье-маше и воска, книжные стеллажи с нарисованными корешками книг, всяческую одежду. Мне лично особенно пришлось по душе рыцарские латы из картона, разукрашенные под серебро. Я тут же нацепил их на себя, намереваясь забрать с собой. Серега же запал на круглые медяки, которые предназначались для изображения денег во время спектаклей. Однако в самый разгар нашего пребывания на складе нас засекли работники театра, после чего нам спешно пришлось ретироваться тем же путем, что и пришли, — через забор. По дороге я потерял нагрудные латы, но сумел сохранить налокотники. А Сергей унес в карманах десятка два медяков. Мы их потом разбрасывали по всей Казаковке, с интересом наблюдая, как реагируют на них прохожие: некоторые из них бросались за этими кругляками, полагая, что это настоящие деньги.

Продолжается Олимпиада в Монреале. Наши спортсмены уверенно лидируют в большинстве видов спорта, а вот хозяева — канадцы — так и не сумеют завоевать ни одной золотой медали. Такое произойдет впервые за всю историю олимпийского движения — до этого хозяева всегда выигрывали «золото».

В четверг, 29 июля, советские футболисты скрестили бутсы со сборной Бразилии в матче за 3-е место. Отступать нашим было некуда, поэтому они буквально лезли из кожи, чтобы доказать себе и другим, что не зря едят свой хлеб. В итоге бразильцы были повержены со счетом 2:0 (голы забили Онищенко и Назаренко). Радость от победы была у всех наших футболистов, кроме Давида Кипиани. Почему? Вот как об этом вспоминает другой участник того матча — Виктор Звягинцев:

«Кипиани, до этого ни разу не выходявшего на поле в олимпийском турнире, Лобановский включил в запас на встречу с бразильцами. Давиду нужно было сыграть хотя бы одну минуту в матче, чтобы получить медаль. Мы вели 2:0, а тренер не сделал замены. И вот после матча вижу, сидит Кипиани на балконе и плачет. Я его понимал... Валерий Васильевич не

хотел, чтобы Кипиани ехал на Олимпиаду. Ему вроде бы его навязали. (Видимо, после скандала с вратарем Прохоровым у Лобановского появилась стойкая аллергия к тбилисцам. — Ф.Р.). И Лобановский решил отомстить. Это непорядочно. Да и Кипиани потом доказал, чего он стоит...»

Тем временем Олимпиаду продолжают сотрясать громкие скандалы. И опять в эпицентре одного из них оказывается советский спортсмен. В тот же день, когда наши футболисты встречались с бразильцами, по одному из каналов телевидения в главном пресс-центре игр диктор зачитал экстренное сообщение о том, что советский прыгун в воду, 17-летний алмаатинец Сергей Немцанов, покинул Олимпийскую деревню и попросил политического убежища. Что же произошло?

В тот злополучный день Немцанов занял в прыжках 9-е место, хотя шел на призовое. В итоге тренеры решили отстегнуть его от сборной, которая сразу после Олимпиады должна была ехать в Америку, чтобы участвовать там в гостевой встрече пловцов СССР — США. Немцанов, естественно, расстроился. А тут ему еще кто-то из коллег сообщил, что на решение тренеров повлияла недавняя история: незадолго до Олимпиады, когда Сергей выступал в соревнованиях в Торонто, в него влюбилась богатая американка Кэрол, тоже прыгунья в воду, и буквально завалила его подарками (одних пластинок подарила аж 70 штук!). Это общение не укрылось от бдительного ока КГБ. Короче, Немцанов утратил доверие по всем параметрам: и связи порочащие имел, и выступил неудачно.

Узнав о решении тренеров, Немцанов вышел на улицу и здесь дал волю чувствам — расплакался. В таком виде его и застали коллеги — канадские пловцы. Узнав, в чем дело, предложили проветриться за городом. Посадили Сергея в машину и часа два катали по Монреалу и пригороду. Видимо, то, как Немцанов сядил в машину к канадцам, увидел кто-то из тамошних журналистов и расценил это как бегство спортсмена на Запад. И вот уже ближе к вечеру по канадскому ТВ прошло сообщение: Немцанов просит политического убежища в Канаде. А у Сергея на тот момент и мысли такой не возникало. Но когда он услышал эту новость по радио, он внезапно понял, что влип в серьезный переплет. А тут еще кто-то из канадцев предложил ему не возвращаться в Олимпий-

скую деревню, а переждать какое-то время у него на вилле. Так и сделали.

На следующий день на вилле появился некто по имени Джордж, который великолепно говорил по-русски. Он буквально с порога сообщил, что у Немцанова назад дороги нет, что на родине его ждут только репрессии — выгонят из комсомола, из спорта. «А здесь люди готовы положить на твой счет 40 тысяч долларов», — сообщил Джордж и прямо на глазах Немцанова вытащил чек и заполнил его на указанную сумму. — Единственное, что от тебя требуется, — ты должен пообщаться со своими соотечественниками и сказать им, что выбираешь свободу». Немцанов согласился. Спустя полчаса они приехали в какой-то офис (это было управление канадской контрразведки), где завтра должна была состояться встреча Сергея с соотечественниками. Едва расположились там, как в комнату стали заходить коллеги Немцанова — тренеры, спортсмены. Все стали уговаривать парня одуматься и вернуться назад. И только один — Давид Амбарцумян — похвалил Сергея за смелость и одобрил его выбор. «Не соглашайся ни в какую», — напутствовал парня Амбарцумян. «Да куда там, — ответил тот, — такая каша заварилась».

Тем временем до конца Олимпиады оставались сутки. Спортсмены, которые уже успели отыграть в своих состязаниях, проводили время в праздных шатаниях по деревне либо гуляли в городе. Вот как об этом вспоминает футболист Олег Блохин:

«Мы с Леней Буряком вышли из гостиницы — подалее от четырех стен. Но от гнетущих дум никуда не денешься — на Олимпиаде мы выступили не самым лучшим образом, заняв только третье место. Побрели по монреальским улицам, заглянули в магазин — купить домашним сувениры. Народ в магазине, вдруг слышим: «Смотри, такое впечатление, будто это живые Блохин с Буряком, а?» Оглянулись злые — не до шуток нам было. Высоцкий с Мариной Влади. Они Володе кожаный пиджак подбирали. От одной его улыбки — широкой, доброй — легче на душе стало.

Мы вышли все вместе из магазина, посидели немного в близлежащем кафе, вспомнили общих московских знакомых. Высоцкий спросил, можно ли нас украсть на несколько часов. Спустя полчаса мы приехали в симпатичный

двухэтажный дом, ключи от которого оставили Марине и Володе уехавшие в Париж друзья.

У Лени недавно был день рождения (10 июля. — Ф.Р.), и мы, смущаясь, конечно, попросили записать кассету на память. Высоцкий с большим удовольствием откликнулся на нашу просьбу. Под рукой кассеты не оказалось, он пошел по дому, нашел чистую, вставил ее в магнитофон и стал петь. У него было прекрасное настроение, он смеялся, шутил. Все, что было им сказано в наш адрес, говорилось от чистого сердца... Часа два мы провели вместе в Монреале, нам нужно было в 22.30 вернуться, Володя и Марина вышли и посадили нас на такси...»

И вновь перенесемся в Москву. 30 июля в газету «Советская культура» пришел Указ о присвоении актрисе театра и кино Вере Марецкой звания Героя Социалистического Труда. Зная о том, как тяжело больна актриса, сотрудники газеты решили позвонить ей домой, чтобы порадовать ее приятным известием. Как ни странно, но актриса отнеслась к новости спокойно, поблагодарила, но была сдержанна и немногословна, а в конце сказала: «Господи, да я бы отдала все награды и звания на свете за возможность однажды тихо уснуть, сколько же это может еще продолжаться?!» А продолжаться этому суждено было еще ровно два года.

31 июля в Москве на Большой спортивной арене в Лужниках состоялся интереснейший матч по футболу: встречались ветераны ЦСКА (бывшего ЦДКА) и столичного «Динамо». Народу на стадион пришло несколько десятков тысяч человек, в основном, конечно же, пожилые люди, кто хорошо помнил участников матча еще по тем временам, когда они находились в зените славы. И, глядя на своих бывлых кумиров, будто сами скинули с плеч несколько десятков лет. На поле в тот день играли: динамовцы — Алексей Хомич (защищал цвета этого клуба в 1944—1952 годах), Евгений Байков (1951—1958), Константин Крижевский (1953—1961), Борис Кузнецов (1953—1961), Виктор Царев (1953—1966), Владимир Кесарев (1955—1965) и др.; армейцы — Алексей Гринин (1939—1952), Всеволод Бобров (1945—1949), Анатолий Башашкин (1947—1952, 1954—1958), Михаил Перевалов (1951—1952, 1955—1959), Борис Разинский (1954—1961), Владимир Агапов (1955—1960), Владимир Федотов (1960—1975), Владимир Капличный (1966—1975) и др.

Несмотря на статус товарищеской, игра получилась на редкость упорной и завершилась победой армейцев с минимальным счетом 1:0 (гол забил Агапов после паса Гринина).

В тот же день, в 21.30 по ЦТ показали передачу «Кинопанорама». В качестве гостей на нее пригласили Олега Ефремова и Олега Даля. Последний поначалу идти на запись не хотел — к Ефремову у него был особый счет, он считал его человеком, предавшим «Современник», но в конце концов согласился. Однако ничего хорошего из этого не вышло, поскольку большинство фраз и того, и другого были безжалостно вырезаны. Как вспоминает теща О. Даля Ольга Эйхенбаум: «Это была кошмарная передача. И Ефремов, и Далья выглядели в ней одинаково глупо. Сам Олег эту передачу не видел, ему о ней только рассказывали. Я, в частности, говорила, что сидела перед телевизором и мне было тошно смотреть, потому что он не договаривал свою фразу, а Ефремов тут же говорил что-то не в ту степь!.. Как будто они не видят и не слышат друг друга — каждый «лепил свое». Все вырезали телескоты!.. Иногда зрителям показывали физиономию криво улыбающегося, склонившего набок головку Георгия Капралова, ведшего передачу, вякающего невпопад и исполняющего свое словесное соло...

Ко мне потом даже в Институте культуры, где я тогда работала, подошла одна приятельница и сказала:

— Боже мой, ну что это такое?! Ефремов — такой замечательный актер и режиссер! И Олег тоже... Почему же они согласились на такое?..»

Между тем в столичных кинотеатрах во второй половине июля состоялись премьеры следующих фильмов: 19-го в широкий прокат вышел второй фильм дилогии Евгения Ташко-

ва «Преступление» под названием «Обман» и франко-итальянский приключенческий фильм режиссера Д. Тессари «Зорро» с Аленом Делонем в главной роли.

Кино по ТВ: «Миклухо-Маклай» (17-го), «Невеста», «Приключения Незнайки и его друзей» (м/ф) (18-го), «Табаго» меняет курс» (19-го), «Старший сын» (20—21-го), «Им было 18» (21-го), «Увольнение на берег» (22-го), «Мужское лето» (23-го), «Попутного ветра, «Синяя птица!» (24-го), «Александр Невский» (26-го), «Два билета на дневной сеанс» (27-го), «Круг» (28-го), «В добрый час», «На переднем крае мира» (преьера д/ф 29-го), «Герой нашего времени» («Бэла») (30-го), «Приключения Незнайки и его друзей» (м/ф), «Герой нашего времени» («Максим Максимыч», «Тамань») (31-го) и др.

Из развлекательных передач выделю: «13 стульев», «Кинопанорама» (в передаче речь шла о двух новых фильмах: «Табора уходит в небо» — его представили режиссер Эмиль Лоттяну и актеры Светлана Тома и Георгий Григориу, «Мама» — его представили режиссер Д. Кьюкор, актрисы Маргарита Терехова и Пэтси Кенсит, гости — Олег Ефремов и Олег Далья), «Поет Роберт Янг» (все — 31-го).

Эстрадные представления: 16—18-го в ЦПКиО состоялись концерты под названием «Цыганские мелодии»; 17—18-го — на ВДНХ пел Иван Суржиков; 17—25-го там же — ВИА «Голубые гитары»; 26—28-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступали ВИА «Синяя птица», «75», «Мрияны»; 23—24-го, 26—29-го — в ЦПКиО состоялись концерты с участием: Евгения Петросяна, Геннадия Белова, Нины Бродской, Клары Новиковой, Олега Марусева и др.

1976

АВГУСТ

Как едва не погиб Алексей Косыгин. КГБ хочет вернуть на родину советского пловца Немцанова. Расстреляли Валерия Саблина. Связи Трионона. Начали снимать «Сибириаду». Почему Олег Даль опять закурил. «Баня»: реакция властей. Кто собирал досье на Анатолия Карпова. Создается экспериментальная сборная по хоккею. Как Борис Буряца хотел влюбить в себя шотландскую певицу. Любовный роман Льва Лещенко: певец выдает себя за мафиози. Елена Боннэр: скандал в аэропорту. Возвращение Немцанова. Бунт в киевском «Динамо». Дерзкое ограбление сольвычегодского музея. Елена Коренева звонит бывшему возлюбленному. Олег Романцев бежит из «Спартака». Начались кинопробы в картину «Мимино». Наши в Сопоте. Тайна досрочного возвращения космонавтов на Землю. Лещенко боится оказаться в лапах ЦРУ. Ирина Понаровская покоряет Сопот талантом и... роскошной фигурой. Родилась Земфира. Как Фаина Раневская обиделась на ТВ. Гастроли Клиффа Ричарда в Москве. Брежнев охотится на уток. Сериал «Хождение по мукам» снимают на Казаковке.

Первый день августа едва не стал последним для премьер-министра страны Алексея Косыгина. В то воскресное утро Косыгин решил поплавать на своей байдарке (это была спортивная лодка-одиночка со скользящим сиденьем, с фиксацией ног) по реке в санатории Министерства обороны «Архангельское». Рядом с премьером, как и положено, находились несколько его телохранителей, которые гребли за своим подопечным на обычной лодке. Процессия достигла середины реки, как вдруг Косыгину стало плохо. Как установят чуть позже врачи, у него произошло небольшое субарахноидальное кровоизлияние: в паутинной оболочке головного мозга лопнул небольшой сосудик. Премьер потерял сознание, из-за чего его лодка перевернулась. К счастью, ноги пострадавшего были надежно закреплены, иначе несчастья было бы не миновать. К тому же к месту происшествия тут же подгребла охрана, которая мгновенно извлекла Косыгина из воды и на своей лодке домчала до берега. Вот как вспоминает о событиях того дня врач Е. Чазов:

«Стоял прекрасный летний день, и я, пользуясь свободным временем, решил съездить за город, где в двадцати минутах езды у меня был небольшой финский дом. После обеда раздался звонок, сейчас уже не помню откуда, и взволнованный голос сообщил, что только что перевернулась лодка, в которой находился Косыгин, его едва удалось спасти, и сейчас он находится в тяжелом состоянии в военном госпитале в Архангельском, вблизи места, где произошел инцидент. Это недалеко от моего дома, и уже через 20 минут я был в госпитале...

Когда я увидел Косыгина в госпитале, он был без сознания, бледный, с тяжелой одышкой. В легких на рентгеновском снимке определялись зоны затемнения. Почему Косыгин внезапно потерял равновесие и ориентацию? Было высказано предположение, что во время гребли у него произошло нарушение кровообращения в мозгу с потерей сознания, после чего он и перевернулся. Диагноз вскоре подтвердился. К счастью, разорвался сосуд не в мозговой ткани, а в оболочках мозга, что об-

легчало участь Косыгина и делало более благоприятным прогноз заболевания...»

1 августа в Монреале завершились XXI Олимпийские игры. Советские олимпийцы могли праздновать победу — они выиграли 125 медалей, из которых: 47 золотых, 43 серебряных и 35 бронзовых. Однако на родину наши спортсмены возвращались в неполном составе — канадские власти продолжали удерживать у себя 17-летнего пловца Сергея Немцанова. После встречи со своими товарищами его поселили в доме родных канадского пловца Стива Финикса. Вскоре туда наведались адвокаты, которые сообщили, что канадские власти дают ему вид на жительство и он может выбрать любой университет для учебы. Но есть одна проблема: Канада — правовое государство, и, перед тем как принять окончательное решение, Сергей должен послушать магнитофонную кассету, переданную его соотечественниками. И как только эту бобину включили, у Сергея из глаз брызнули слезы — из динамиков раздался голос его родной бабки, которая начала причитать: «Сынок, на кого ты меня покинул? У меня была вся надежда на тебя. Я ж никому не нужна. Умирать буду, никто стакан воды не поднесет» и т. д. Не дослушав записи, Сергей вскочил со стула: «Везите меня в советское посольство, я улетаю на родину!» Канадцы в шоке: мол, это невозможно, назад хода нет. А Сергей продолжает гнуть свою линию: «Да наплевать мне на карьеру, у меня бабка в Союзе осталась. Ближе ее нет человека. Не пустите, вплавь уйду».

Позднее, когда Сергей вернется на родину, он узнает, как алма-атинские чекисты записывали на магнитофон его бабку. Те вломилась к ней среди ночи, наговорили ей всякого про внука и сунули ей под нос микрофон: «Плачь давай». Она и разрыдалась.

2 августа заключенному в Лефортовской тюрьме Валерию Саблину пришел ответ из Президиума Верховного суда СССР о том, что его просьба о смягчении приговора — а его, как мы помним, приговорили к расстрелу — отклонена. За то, что Саблин отказался отречься от своих взглядов, власть отплатила ему самым жестоким образом. Утром следующего дня человека, впервые открыто поднявшего восстание на военном корабле в советское время, завели в специальное помещение, где палач хладнокровно выстрелил ему в затылок. Как известно из истории, лейтенант Петр Шмидт,

поднявший восстание на крейсере «Очаков» в 1905 году (ровно за 70 лет до Саблина), был тоже приговорен к смертной казни, но приговор долго не приводился в исполнение в силу того, что палачи отказывались убивать русского героя. С Валерием Саблиным этого не произошло: время от объявления приговора до его исполнения исчислялось всего двадцатью днями. Как и Шмидту, Саблину в момент смерти было всего 38 лет.

Тем временем КГБ продолжает разработку Александра Огородника, или Трионона. Проверяются все его контакты, места посещений. Например, за эти полтора месяца удалось выяснить, что Огородник старается знакомиться с людьми, которые имеют хоть какое-то отношение к носителям секретной информации. Так, в любовницах у него состоит молодая секретарша одного из отделов Президиума Верховного Совета РСФСР Ольга Ф. Он также имеет в приятельницах работницу телетайпного зала Министерства обороны СССР, знакомится с 1-м секретарем обкома КПСС в одной из областей Восточной Сибири (именно от него он узнает о плачевном состоянии сельского хозяйства области). Кроме этого, его родная сестра была замужем за племянником маршала Советского Союза Сергея Соколова, который в те годы занимал пост 1-го замминистра обороны СССР. Именно от этого источника Огородник получил информацию о том, кто именно возглавит минобороны после смерти Гречко — Устинов, о чем он незамедлительно оповестил ЦРУ.

Были у Огородника и более чем странные связи: например, он близко общался с неким преподавателем МГИМО Николаем, который на поверку оказался... гомосексуалистом. Кстати, в МГИМО в те годы «голубых» было много: в середине 70-х там даже случился грандиозный скандал на этой почве, после которого было уволено и отчислено около 20 (!) преподавателей и студентов.

Между тем Андрей Михалков-Кончаловский приступил к съемкам очередного своего блокбастера — фильма «Сибириада» (первые два фильма, всего их будет четыре). Работа над лентой началась со съемок природы, для чего съемочная группа в конце июля приехала под Калинин. На тамошних болотах был разбит объект под названием «Чертова грива», где в те дни и проходили съемки. Работать было труд-

но, поскольку стояла невыносимая жара, людей донимали комары, а зелень снимаемого болота пришлось вытравливать аммиачной селитрой. В это же время поблизости от места съемок декораторы достраивали объекты «село Елань» и «Афонины дорожки». В первые два фильма Кончаловский пригласил сниматься актеров: Виталия Соломина, Павла Кадочникова, Сергея Шакурова, Александра Панкратова-Черного, Наталью Андрейченко и др.

Другой кинорежиссер — Надежда Кошеверова — снимает на «Ленфильме» фильм-сказку «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил». Съемки фильма начались в середине июня с павильонов, затем через месяц переместились на природу — в живописные места у поселка Первомайское Ленинградской области. На главную роль — Иванушки-дурачка — Кошеверова пригласила своего любимого актера — Олега Даля, с которым уже встречалась на фильмах «Старая, старая сказка» и «Тень». Съемки фильма складываются вполне благополучно, и на начало августа снята практически большая часть материала. Как вдруг посыпались простои: 2—5 августа группа не смогла снять ни метра из-за испортившейся погоды.

Между тем на этих съемках Даль впервые за долгие годы сделал попытку бросить курить, и эта попытка поначалу ему удалась — он не притрагивался к сигаретам несколько дней. Но случившаяся на съемках трагедия заставила его вновь взяться за старое. А случилось вот что. Для съемок был найден очень интересный конь по имени Федька, которого Даль безумно полюбил. Он от него не отходил буквально ни на шаг, кормил его, ухаживал. Эта трогательная дружба умиляла всю группу, которая тоже, кстати, животное обожала. Но уберечь животное не удалось. Федьку перевозили в машине. На железнодорожном переезде внезапный гудок электровоза испугал коня, и тот выскочил из машины. Приземление оказалось неудачным, и животное сломало себе ноги. Несчастного Федьку пришлось пристрелить. Многие тогда впервые увидели, как Даль плачет.

Продолжается скандал вокруг статьи Аркадия Ваксберга «Баня», напечатанной в начале мая в «Литературной газете». Речь там шла о том, как руководители строительного треста № 5 Чувашского территориального управления строительства построили на государственные деньги баньку, в которой предавались утехам

сами, а также привечали в ней «нужных» людей. Статья наделала большого шума по всей стране и даже за ее пределами — ее цитировали многие западные издания. Естественно, властям надо было как-то реагировать. Поскольку статья ставила своей целью прежде всего опротестовать результаты суда над организаторами «баньки» — как мы помним, главные застрельщики сурового наказания избежали, — власти в первую очередь откликнулись на это: результаты приговоров в этой части были опротестованы и отправлены на новое рассмотрение. Затем дошла очередь и до тех, кто «крышевал» эту «баньку». 12 июля приказом министра внутренних дел Чувашской АССР был освобожден от своей должности начальник Калининского РОВД города Чебоксары, на территории которого была банька. Но на этом процесс не закончился.

В пятницу, 6 августа, в прокуратуре РСФСР состоялось специальное заседание, посвященное этой же теме. Итог его был следующим: прокурору Чувашской АССР был объявлен выговор, а его заместитель Царев и прокурор Калининского района Чебоксар Николаев были освобождены от своих должностей. В итоге цели своей «Литературка» все-таки добилась. Так что как ни крути, но пресса даже в те застойные годы была одним из самых действенных орудий в борьбе с существовавшими недостатками.

Тем временем в Спорткомитете СССР прознали о том, что Анатолий Карпов встречался в Токио с Робертом Фишером и имел с ним разговор о проведении неофициального матча. Это чрезвычайно взбудоражило руководство комитета. В результате 11 августа его глава Сергей Павлов написал в ЦК КПСС секретную записку. Приведу лишь некоторые выдержки из нее:

«В настоящее время А. Карпов как спортсмен высказывает определенную заинтересованность в проведении матча, так как Р. Фишер, по его мнению, является единственным из выдающихся зарубежных шахматистов, с кем он еще не играл, а матч с Фишером может вызвать значительный интерес шахматной общественности.

Однако, по мнению Спорткомитета, ситуация, сложившаяся на сегодня в международном шахматном движении, показывает, что проведение подобного матча в 1976—1977 г. может

вызвать больше негативных моментов, которые серьезно отразятся и на официальной системе выявления чемпиона мира по шахматам...

Как известно, в прошлом году Фишер уклонился от матча с Карповым на звание чемпиона мира. Есть основания полагать, что он откажется и от участия в официальных соревнованиях за звание чемпиона мира в наступившем цикле, подменив эти состязания упомянутым матчем с Карповым...

Фишер в тактическом плане избрал для себя очень выгодный момент. Он отчетливо представляет, что Карпов после провозглашения его чемпионом мира не занимался углубленной теоретической работой, и в оставшиеся два года ему невозможно будет успешно подготовиться и выступить в двух бескомпромиссных соревнованиях, каждое из которых должно продолжаться не менее трех месяцев. При этом, безусловно, Фишер учитывает и то, что при поражении он практически ничего не теряет, в то же время как проигрыш Карпова не только в какой-то мере развенчает его как чемпиона мира, но и нанесет ему психологическую травму, как это случилось с Б. Спасским...»

Стоит отметить, что ЦК согласится с доводами Павлова и поддержит его инициативу. Но шахматист на этом не успокоится, попробует вновь поднять эту проблему два месяца спустя. А пока расскажу о других интригах вокруг Карпова, которые плелись в те дни. К примеру, тренер Александр Никитин, который и сообщил в Москву о встрече Карпова с Фишером, стал инициатором идеи собрать на Карпова досье и согласовал этот вопрос в КГБ, а также с замминистра спорта Ивоным (в его ведении были международные шахматные дела). Однако сохранить в тайне эту инициативу не удалось — ленинградский переводчик Александрович, помогавший Никитину систематизировать тексты из иностранной печати, быстро смекнул, каким грязным делом занимается, и рассказал об этом Карпову, который жил в Ленинграде. Далее послушаем рассказ самого шахматиста:

«Я отправился в столицу, в спорткомитет, к министру спорта Павлову и рассказал ему о досье и о том, как Карпов «продает» свое звание американцам. Он был не в курсе дела и тут же позвонил в шахматную федерацию Никитину, который, как сейчас помню, вышел... за моло-

ком. Наконец Никитина отыскали. Я еще сидел у Павлова и поэтому слышал их разговор по громкой связи. «Кому вы готовите досье на Карпова?» — спросил министр. Никитин растерялся и ответил: «Сергей Павлович, вас ввели в заблуждение». — «Пишите объяснение», — велел Павлов и бросил трубку. А на следующий день поступила докладная записка от Никитина на имя Павлова: «Будучи застигнутым врасплох вопросом министра, я не решился ответить прямо и в результате дезинформировал его о том, собираются ли материалы на Карпова».

Понятно, что после такого конфликта Никитина с министром не надо было прилагать особых усилий, чтобы его уволили. Впоследствии это представили как расправу Карпова над тренером Каспарова. Смешно, ведь о Гарри тогда мало кто знал, ему было всего 13 лет...»

Но вернемся в август 76-го. В те дни сборная СССР по хоккею готовится к предстоящему в сентябре Кубку Канады и проводит последние репетиционные матчи. После поражения в Катовице на высшем спортивном веру состоялся «разбор полетов», на котором старший тренер Борис Кулагин сумел отбиться от нападков и остался на своем посту. Более того: он предложил дать отдохнуть ведущим игрокам сборной и не брать их на Кубок Канады, сосредоточив все силы на будущем чемпионате мира в Вене (Кулагин говорил, что чемпионат в Польше был проигран во многом оттого, что лидеры сборной отдали слишком много сил успеху нашей команды на Олимпийских играх). Слова Кулагина были одобрительно встречены большинством специалистов, хотя были и иные мнения. Так, тренер рижского «Динамо» Виктор Тихонов настаивал на том, чтобы в Канаду наша сборная отправилась в сильнейшем составе, и тогда ей по силам взять первое место. Но это мнение было чуть ли не единственным: остальные настаивали на поездке экспериментальной команды, прочили ей 4—5-е места и назначили старшим тренером... того же Виктора Тихонова. Видимо, таким образом хотели проверить его «на вшивость»: мол, раз ты такой умный, поезжай и докажи, на что ты способен в деле. В поддержку Тихонову были направлены еще два тренера: Борис Майоров («Спартак», Москва) и Роберт Черенков («Кристалл», Саратов).

В экспериментальный состав сборной не попали такие звезды, как: Валерий Харламов (он находился в больнице), Владимир Петров, Борис Михайлов, Александр Якушев, Владимир Шадрин, Геннадий Цыганков. Вместо них пришли: Виктор Жлуктов (ЦСКА), Хельмут Балдерис («Динамо», Рига), Владимир Крикунов, Владимир Репнев (оба — «Крылья Советов»), Александр Скворцов, Владимир Ковин (оба — «Торпедо», Горький), Валерий Белусов («Трактор», Челябинск). Взяли в сборную и 19-летнего армейца Бориса Александрова, который все это время находился в опале: как мы помним, он отличался весьма драчливым характером и был отлучен от сборной после одной из игр союзного первенства с «Химиком», где он проявил себя с самой худшей стороны — участвовал чуть ли не во всех потасовках. В сборной Александрова поставили играть в одном звене с Хельмутом Балдерисом и Виктором Жлуктовым. 13 августа в тренировочном матче в Москве хоккеисты национальной команды скрестили клюшки с игроками ЦСКА и одолели их со счетом 9:4, что неудивительно — лучшие армейские игроки играли под знаменами сборной.

Тем временем в Москву вновь приехал английский импресарио Стенли Лауден, который привез с собой уже хорошо знакомые столичным зрителям коллективы «Доули фэмилы» (в состав ансамбля входила рабочая семья из Манчестера) и «Мун лайт», а также новую исполнительницу — фолк-певицу из Глазго Ислу Сент-Клер. Дав в течение нескольких месяцев гастроли по стране (в Киеве, Баку, Ташкенте), зарубежные звезды приехали в Москву, где в течение нескольких дней (14—19 августа) выступали на сцене концертного зала «Россия». Как и в прошлые разы, на всех концертах были аншлаги. И вновь их посетил любовник дочери генсека Борис Буряца. Им давно овладела идея фикс — сбежать из Советского Союза, и в этих планах большое место отводилось Стенли Лаудену: с его помощью Буряца хотел жениться на ком-нибудь из его артисток и под видом любящего супруга уехать из страны. Но, как он ни старался, охмурить заезжих знаменитостей у него не получалось. Потерпел он фиаско и в этот раз, сделав ставку на певицу Сент-Клер. Вот как об этом рассказывает С. Лауден:

«Сент-Клер была приятной, жизнерадостной шотландкой, с которой было легко работать. У нее был только один недостаток, если это можно назвать недостатком, — она легко и быстро влюблялась! Это случалось очень часто. Когда казалось, что наконец ей удалось влюбиться и любовь продлится вечно, все быстро заканчивалось, не успев по-настоящему начаться. Все это сопровождалось улыбками, весельем, смехом, и все мы ждали, когда наконец появится вновь именно тот человек.

Борис появился на сцене во всем блеске. Он роскошно одевался и делал все возможное, чтобы произвести на нее впечатление. Странно, но все попытки Бориса совратить ее провалились. Он не мог этому поверить и просил меня вмешаться и уговорить Ислу содействовать его плану выйти за него замуж.

Я отказался, заявив: «Ты красив, очарователен и богат, тебе не нужно помогать. Не убеждай меня, что цыган не может влюбить в себя шотландскую девушку!»

Борис старался, и еще как! Его внимание и ухаживания привели к тому, что Исла пришла ко мне рассказать о предложениях Бориса, которые звучали слишком неприлично. В этот момент я не колебался. Я рассказал ей — конечно, не все — из истории Бориса и посоветовал не связываться с ним. Он мог доставить ей большие неприятности. Думаю, что она правильно восприняла мои предупреждения, хотя и не без доли сомнения. В конечном итоге она сказала: «Между мной и Борисом ничего не может быть». Я мог бы сказать Борису, почему его план не сработал. В то время Исла страстно влюбилась в молодого русского певца по имени Гриша, и, конечно, он был человеком ее мечты. Конечно, эта связь закончилась слезами и истеричным прощанием перед возвращением в Лондон. Она быстро забыла Гришу, сделав прекрасную карьеру и став популярной телеведущей...»

Если у Буряцы дела на любовном фронте закончились полным фиаско, то у популярного певца Льва Лещенко наоборот — все шло о'кей. Еще в конце 60-х он женился на своей сокурснице Алле Абдаловой, однако к середине следующего десятилетия их отношения зашли в тупик. В начале 74-го Лещенко ушел от Абдаловой и стал жить на своей квартире в Сокольниках. И хотя через год они вновь попо-

бовали начать с чистого листа и вновь съехались, из этой попытки тоже ничего не получилось. И всему виной было новое увлечение Лещенко. События развивались следующим образом.

Вернувшись после Олимпиады в Москву, Лещенко вскоре уехал на гастроли в Сочи. А там в это же время выступали и другие популярные исполнители, например, коллега Лещенко Валерий Ободзинский. И вот однажды в гостинице к Лещенко подошел администратор певца и предложил сегодняшней вечер провести в приятной компании: дескать, познакомился с двумя девушками, не будешь ли четвертым? У Лещенко на вечер были совсем иные планы — он хотел отдохнуть от концертов, — поэтому ответил уклончиво: мол, подумаю. Но думать пришлось недолго. Едва они с администратором вошли в лифт, как туда же вошли и две упомянутые девушки. Администратор тут же оживился:

— Легки на помине, я о вас только что своему другу рассказывал. Знакомься, Лева, это — Галя, а это — Ирина.

Лещенко сразу стало понятно, что Галя — девушка приятеля, а Ирину он «сватает» для него. Но поскольку никакого особенного впечатления протее администратора на него не произвела — девушка хоть и была высокая, хорошо сложенная брюнетка с длинными распущенными волосами и темными карими глазами, но уж больно сублина, если не сказать худа, почти как известная топ-модель 60-х Твигги, которая довела себя голодовками чуть ли не до 20-килограммового веса, — он подумал: «Ну нет уж, дружище, ничего у тебя не выйдет!» Короче, Лещенко стал отказываться от знакомства под видом занятости, но его приятель оказался крайне настырным типом. Он так посмотрел на певца, что тому стало понятно — для его приятеля все происходящее вопрос жизни и смерти. И согласился составить ему компанию. Вся четверка направилась обедать в ближайшую шашлычную.

Едва они появились на пороге заведения, как стоявший в дверях швейцар, узнав популярного певца, расплылся в широченной улыбке и тут же услужливо распахнул двери: «Кто к нам пришел! Пожалуйста, проходите». Та же картина наблюдалась и в самом ресторане: тамошние официанты засуетились, усадили чет-

верку за самый лучший столик. И при этом услужливо заглядывали в глаза Лещенко, чуть ли не пылинки с него сдували. Глядя на все это, Ирина с удивлением взирала на своего кавалера, не понимая, что же происходит. Спросите почему? Дело в том, что с 1972 года она проходила учебу в Венгрии (ее направили от кафедры зарубежных стран экономического факультета МГУ в Будапештский университет в порядке обмена опытом) и лучше разбиралась в тамошних кумирах, чем в советских. Достаточно сказать, что из всех советских певцов она хорошо знала только одного — Иосифа Кобзона, а кто такой Лев Лещенко, понятия не имела, хотя он на тот момент был куда популярнее Кобзона: две его последние песни — «Прощай» и «Соловьиная роща» — звучали даже из утюгов (лично я на своей «Комете-209» заслушал «Рощу» до дыр, а шутники из народа переиначили ее первую строчку на свой манер: «И с полей доносится «налей»).

Между тем, отобедав в ресторане, четверка разбилась на пары: каждый кавалер отправился провожать свою пассию. По дороге Ирина задала Лещенко давно мучивший ее вопрос: мол, кто ты, если перед тобой все расшаркиваются. А тот решил отделаться шуткой: сказал, что является местным крутым мафиози. Поэтому, как Ирина загадочно улыбнулась, было непонятно — поверила она в услышанное или нет.

Тем временем их свидание в тот день на этом не закончилось. Когда они шли к люксу Ирины, Лещенко предложил продолжить знакомство у себя в номере. Как ни странно, но девушка согласилась. В итоге в течение часа они сидели на балконе, пили кофе и говорили за жизнь. Правда, ни она, ни он так и не раскрыли друг перед другом своего инкогнито. Когда пришла пора прощаться, Лещенко пригласил девушку встретиться сегодня вечером еще раз — после одиннадцати, но уже у нее в номере: «Почему так поздно?» — спросила девушка. «Зато романтично», — ответил Лещенко, который не хотел рассказывать Ирине о том, что встретиться раньше никак не удастся — у него будет концерт. А пригласить на него девушку он пока не решился.

Точно в назначенное время певец постучал в дверь Ириного люкса. Но та открыла не сразу, объяснив, что примеряет на себе новое

платье. «Зачем платье?» — удивился Лещенко, у которого на эту ночь были совсем иные виды. «Как зачем? — удивилась Ирина. — Ведь мы идем в ресторан». — «Какой ресторан, если время уже почти двенадцать, а он работает до одиннадцати?» — сообщил певец, надеясь, что это объяснение развеет недоразумение. Ан нет, девушка была настойчива: «Ничего не хочу знать, зато очень хочу есть! И если уж ты такой крутой мафиози, то что для тебя какой-то там ресторан? Заодно посмотрим сейчас, как тебя здесь уважают!» Что оставалось Лещенко? Как говорится, назвался груздем...

Короче, вскоре они спустились в гостиничный ресторан. Как и следовало ожидать, он был уже закрыт, и Лещенко пришлось приложить максимум старания, чтобы их обслужили. Для этого он оставил Ирину в обществе своих знакомых-артистов (они сидели за одним из столиков), а сам побежал к поварам. Назад он вернулся с подносом в руках, на котором стояли блюда с салатами, дефицитной колбаской, ветчиной и другими деликатесами. Каково же было его удивление, когда он увидел, что его пачки за столом нет — она уже танцевала с известным пародистом. Но еще большее удивление его ждало впереди. Когда девушка вернулась и спросила, кто эти люди, он ответил, что это его коллеги. «Хороши твои коллеги, — усмехнулась Ирина. — Как только ты отошел от стола, тут же начали ко мне приставать. Особенно вот этот...» Лещенко, естественно, тут же вскипел: «Мне что теперь, вызвать его на дуэль?» И тут Ирина впервые показала ему, что она неплохой психолог и вообще покладистый человек. Вместо того чтобы продолжать выяснять отношения, она примиряюще улыбнулась и сказала: «Успокойся. Подумаешь, какая ерунда». И конфликт был исчерпан. Что было дальше, рассказывает сам Л. Лещенко:

«У меня, честно говоря, в этот момент камень с души упал. Что может быть лучше для мужчины, чем иметь дело с женщиной без признаков занудливости? Это же просто счастье какое-то!.. И после того как мы отужинали в опустевшем зале ресторана чем бог послал, приглашаю Ирину опять к себе в номер выпить кофе. Она долго сопротивляется, но я не отступаю. Наконец, она дает себя уговорить. И вот мы вновь, потягивая кофе с коньяком, сидим на моем балконе. Над нами — роскошное юж-

ное небо, запах моря, буйство звезд и все такое прочее. Настроение у обоих прекрасное. В душе у меня — необыкновенная легкость, как если бы среди серых будней вдруг объявился какой-то звонкий искрометный праздник. Одним словом, в эту самую ночь Ирина так и осталась у меня...»

В воскресенье, 15 августа, в городе Локарно (Швейцария) закончил свою работу Международный кинофестиваль художественных фильмов. От Советского Союза на него был послан фильм «Афоня» вместе с тремя его создателями: режиссером Георгием Данелия и актерами Леонидом Куравлевым и Евгенией Симоновой. Как писала наша пресса, фильм был тепло принят тамошней публикой и даже некоторыми членами жюри. Однако этот теплый прием не помог — «Афоня» уехал без какого-либо приза.

А теперь вернемся в Москву и взглянем на киношную афишу. На столичные экраны вышли несколько картин, из которых выделю одну: детектив рижского режиссера Алоиза Бренча «Ключи от рая» с участием: Владимира Осенева, Улдиса Пуцитиса, Елены Козельковой и др. (со 2-го).

По «ящику» крутили следующие фильмы: «Валькины паруса» (4-го), «Таинственный остров капитана Немо» (Франция, премьера т/ф 4—6-го), «Поезд в далекий август» (5-го), «Маленький беглец», «Дело было в Пенькове» (6-го), «Приключения в Африке» («Приемыш») (8-го), «Пакет», «Право на прыжок» (9-го), «Человек в футляре» (10-го), «Приваловские миллионы» (впервые по ТВ 10—11-го), «Зачарованная Десна» (11-го), «Джентльмены удачи», мультфильмы для взрослых (13-го), «Алеша Птицын вырабатывает характер» (14-го), «Барьер неизвестности», «Приключения в Африке» («Испытание мужества») (15-го) и др.

На эстрадных площадках выступали: 2—6-го на ВДНХ — ВИА «Голубые гитары»; 4—9-го во Дворце спорта «Сокольники» — Рик Серока (Бельгия), Роже Варней (Франция) и др.; 6—8-го на стадионе «Динамо» свое великолепное мастерство демонстрировали каскадеры из чехословацкого шоу «Автородео»; в эти же дни в ЦПКиО выступал эстрадный ансамбль «Современник» под управлением Анатолия Кролла; 7—8-го в Ждановском ПКиО выступал ВИА «Акварели»; 8-го в «Варшаве» — ВИА «Орфей»;

на ВДНХ состоялись сборные концерты с участием: Майи Кристалинской, Евгения Петросяна, Геннадия Дудника и др.; 13—15-го в ПКиО «Сокольники» выступали: Геннадий Белов, Клара Новикова, Вадим Добужский, ВИА «Акварели» и др.; 14—15-го на ВДНХ давал гастроль ВИА «Синяя птица».

Тем временем Андрей Сахаров и Елена Боннэр находятся в Якутии, в Нюрбе, куда они приехали, чтобы навестить находящегося там в ссылке коллегу-диссидента Андрея Твердохлебова. Встреча с ним произошла 15 августа, а уже на следующий день супруги отправились обратно. Летели до Мирного, оттуда — в Иркутск. В последнем с ними произошел неприятный инцидент. В тамошнем аэропорту они должны были пересесть на самолет до Ленинграда, но его все не было и не было. Несколько рейсов было отменено, на аэродроме скопилось несколько сот людей. А когда один из самолетов все-таки приземлился, людям запретили к нему подходить, поскольку на нем должна была вылететь группа иностранцев. Первую, кого это возмутила, была Боннэр. Она направилась напрямик к руководителю аэропорта и устроила ему грандиозный скандал. Напуганный ее напором, начальник приказал загрузить самолет под завязку — запустить в него супругов Сахаровых, а также еще три десятка других пассажиров.

Во вторник, 17 августа, благополучно разрешился скандал с советским прыгуном в воду Сергеем Немцановым. Как мы помним, во время Олимпиады в Монреале канадские спецслужбы хотели заставить его не возвращаться на родину, но советские спецслужбы их перехитрили: привезли 17-летнему парню аудиокассету с записью голоса его бабушки. И Немцанов дрогнул — потребовал, чтобы его вернули на родину. Но канадцы продолжали упорствовать. В начале августа перевезли его с озер обратно в Монреаль, в одну из тамошних гостиниц, где продолжили обработку. Сулили денег, обещали дать сумму в два раза больше, чем предлагали раньше (а вначале сулили 40 тысяч долларов). Но бабкин голос так и стоял у парня в ушах, и он на все посулы отвечал одно и то же — хочу домой. Видя, что сломить его не удастся, канадцы дрогнули. В десятых числах августа Немцанова отвезли в какую-то забегаловку, где передали представителям советского

посольства. Те привезли парня в свой офис, где тут же обыскали с ног до головы — опасались, что на нем имеются микрофоны. Там Немцанов провел четыре дня.

17 августа пловца повезли в аэропорт, причем везли как шпиона — на заднем сиденье автомобиля, забросав его тряпками. Часа два петляли по городу. Заехали куда-то, покормили его от пуза украинским борщом и снова повезли. Спустя час привезли в аэропорт. Едва машина остановилась, как к ней подскочили двое дюжих молодцов-чекистов, которые схватили Немцанова под белы ручки и мухой домчали до самолета. Он даже опомниться не успел. Вместе с ним в Москву летели всего девять человек. Много позже парень узнает, что канадские власти, передавая его советской стороне, в качестве главного условия ставили то, чтобы на родине парню не портили карьеру. Это условие будет выполнено: Немцанов продолжит выступления и даже закончит институт. Правда, многие алма-атинские товарищи от него отвернутся.

Между тем футбольный клуб «Динамо» из Киева лихорадит — там случился бунт игроков против тренеров Валерия Лобановского и Олега Базилевича. После того как оба они, будучи тренерами национальной сборной, за прошедший сезон проиграли всевозможные турниры, игроки «Динамо», которые устали от тренировочных экспериментов этих тренеров, поняли, что лучшего времени для смены руководства у них не будет (и это при том, что всего лишь год назад именно Лобановский привел киевлян к победе в Суперкубке!). В итоге родилось заявление в Спорткомитет Украины, подписанное всеми игроками команды. Вот как об этом вспоминает игрок киевского «Динамо» В. Звягинцев:

«Наконец собралась команда. Пошли в комитет. Пригласили Фоминых (руководитель украинского футбола. — Ф.Р.). Первым написал заявление Колотов, капитан команды, затем по кругу — остальные. Писали, что не хотим с этим составом работать. Потом поехали на базу в Конче-Заспе. Но тренировки не было. Лобановского вызвали в ЦК. А через несколько дней состоялось общее собрание. Команда, тренеры, заместитель председателя Совмина Украины Семичастный. Бывший председатель КГБ, «историческая личность!».

Начали разбираться, разговаривать. Затем — голосование. В итоге было принято решение — отстранить от работы Лобановского, Базилевича и Петрашевского. Причем Базилевича и Петрашевского — единогласно. Лобановский собрал несколько голосов в свою пользу, но большинство высказалось за его отстранение...»

Однако, несмотря на результаты голосования, Лобановский сумел остаться на своем посту, поскольку имел крепкий щит — самого 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого. А тут еще и сама команда ему подмогла: 18 августа в очередной игре с «Днепром» безвольно продула 1:3 у себя дома, что дало повод сочувствующим Лобановскому людям усомниться в таланте нового тренера Пузача.

А теперь с Украины перенесемся в Архангельскую область. Там в ночь с 18 на 19 августа произошло громкое преступление: был ограблен Сольвычегодский историко-краеведческий музей. Преступник каким-то образом сумел отключить сигнализацию и, пользуясь тем, что музей не охранялся, в течение часа беспрепятственно «потрошил» закрома музея. Потрудился он от души: похитил 24 ценнейшие пелены строгановского шитья золотом и серебром XVI—XVII веков (в том числе редчайшие «Деисус» и «Спас Нерукотворный», которых по всей стране насчитывались единицы), несколько десятков складней, икон, наперстных и нагрудных крестов, панагий XIV—XVII веков и другие реликвии. В общей сложности было похищено 59 уникальных экспонатов. Пропажу обнаружили музейные работники утром следующего дня (а это была пятница) и немедленно поставили об этом в известность милицию. Вечером того же дня информация об этом дерзком преступлении легла на стол самому министру внутренних дел Щелокову, который понимал толк в антиквариате (сам коллекционировал редкие картины) и легко представил себе реальный ущерб от этой кражи: счет шел на миллионы рублей. Была дана команда во что бы то ни стало найти преступника и все похищенные ценности.

Были созданы две оперативные группы: одна — в Архангельске во главе с заместителем начальника управления полковником Алексеем Матюшенковым, другая — в Котласе, ее возглавил начальник горотдела УВД Борис Кар-

пов. Описания похищенных вещей были отправлены в десятки городов Союза, в том числе и в Москву. Вообще на столицу надеялись больше всего: именно сюда вели все антикварные пути, и именно здесь, вероятнее всего, и должны были всплыть сольвычегодские реликвии. Так оно, собственно, и оказалось, но об этом чуть позже. А пока продолжим знакомство с другими событиями августа.

Елена Коренева в те дни находится в Восточной Германии, где снимается в главной роли в фильме Иосифа Хейфица «Ася» по И. Тургеневу. Съемки длятся уже несколько недель, и все это время Коренева старательно избегает каких-либо нерабочих контактов с членами съемочной группы: сразу после съемок она запирается в номере гостиницы и спит до утра. Даже телевизор, который стоял в коридоре гостиницы, она вместе со всеми не смотрела. На съемках работали два сына Хейфица — молодые симпатичные парни, причем оба нравились Кореновой, — но даже их она сторонилась. Зато 20 августа, в день рождения ее бывшего возлюбленного Андрея Михалкова-Кончаловского, Коренева не забыла позвонить ему в Москву и поздравила с 39-летием. Тот страшно обрадовался звонку, сказал, что соскучился и очень хочет встретиться. Еще он спросил, как ей работает с этим «старым хреном», имея в виду Хейфица. В этот момент в трубке кто-то хихикнул, и Коренева догадалась, что их подслушивают. Кстати, слова Кончаловского о том, что он соскучился и жаждет встречи, оказались всего лишь пустым звуком: когда Коренева вернется, она узнает, что у режиссера развивается роман с Натальей Андреевской. Пусть мимолетный, но все же...

Между тем вот уже неделя как начался чемпионат страны по футболу (осенний этап). Столичный «Спартак», который в весеннем розыгрыше занял позорное для себя 14-е место, никаких выводов для себя, похоже, не извлек — играет он по-прежнему без особенной выдумки. Это тем более странно, что незадолго до этого он умудрился выиграть международный турнир в Пальма-де-Майорке, где победил английский клуб «Куинз парк рейнджерс» (3:0) и сгонял вничью с самой «Барселоной» (2:2). Но вернувшись домой, опять стал играть спустя рукава. Так, 17 августа он продел «Зениту» 1:2, но спустя четыре дня реабилитировал-

ся в глазах болельщиков и обыграл столичный «Локомотив» 3:1. Однако обстановка в команде все равно оставляла желать лучшего. Иначе с какой такой радости из нее ушел бы перспективный защитник Олег Романцев? Он был приглашен в «Спартак» несколько недель назад из красноярского «Автомобилиста» и был на хорошем счету. Во всяком случае, тот же А. Пискарев в своем интервью «Вечерней Москве» за три дня до начала осеннего первенства сказал: мол, мы верим в Романцева и других молодых игроков. Как вдруг вскоре после матча с «Локомотивом» Романцев принимает решение покинуть именитый клуб. Много позже он сам раскроет тайну этого ухода:

«Коллектив в «Спартаке» был не таким хорошим, как мне бы хотелось. Он очень сильно отличался от тех, в которых я играл в Красноярске как в баскетбольной, так и в футбольной команде. В то время в «Спартаке» было два лидера, фамилий называть не буду, да это и не нужно. Они ненавидели друг друга, даже по утрам не здоровались, и каждый из них пытался перетянуть в свою группу большинство игроков. И, как назло, поддерживающих ту и другую кандидатуру оказалось равное количество. На тренировках иногда доходило до того, что противники, если их так можно назвать, уходили в крови. Эта атмосфера мне ужасно не нравилась, поэтому я запирался в комнате и читал. Но покоя практически не было, так как и я должен был принять чью-либо сторону. Соответственно, то одни приходили и приглашали посидеть чаю попить, то другие — музыку послушать. Но я говорил: «Нет, ребята, мое дело тренироваться и хорошо играть, а вы уж сами в этой ситуации разбирайтесь». В общем, я не общался ни с теми, ни с другими. А потом взял и уехал... Проснулся в шесть утра, разбудил Витю Папаева (мы жили с ним в одном номере), попросил его передать бутсы, которые я получил в «Спартаке», собрался и уехал. А чтобы меня где-нибудь не перехватили и не вернули назад, купил билет на поезд. Трое с половиной суток я ехал домой. С какого-то полустаночка отправил матери телеграмму, в которой сообщил, что жив-здоров, еду домой на поезде, но ты всем говори, что не знаешь, где я. Пока ехал, в Красноярск прилетали из «Спартака», чтобы забрать меня обратно, но не тут-то было! Возвратившись домой, стал играть в «Автомо-

билисте». Ну и естественно, когда звонили из «Спартака», говорил, что не вернусь, что мне хватит высшей лиги, что могу играть только в команде. В тот момент мне не показалось, что «Спартак» был командой в полном смысле этого слова. Но не подумайте, что я сбежал из команды, как крыса с тонущего корабля. За «Спартак» я играл в первом круге, команда шла где-то пятой, так что и речи быть не могло, что она «вылетит» из высшей лиги...»

Кстати, чуть позже Романцев все-таки вернется в «Спартак», даже станет капитаном команды, но об этом будет рассказано в свое время, а пока вернемся к событиям августа 76-го.

Кинорежиссер Георгий Данелия приступил к актерским пробам в очередную комедию под названием «Мимино». Сценарий написан двумя давними знакомыми режиссера — Ревазом Габриадзе (с ним Данелия работал над фильмом «Не горюй!») и Викторией Токаревой (с ней поставлены фильмы: «Джентльмены удачи», «Совсем пропащий», кроме этого, у Данелия с ней был роман в начале 70-х). В первоначальном варианте сценария главными героями будущего фильма должны были стать русский и грузин. При этом русский тоже должен был быть из Грузии, и на эту роль предполагалось пригласить Евгения Леонова. Однако цензура посчитала невозможным использовать Леонова в подобной роли, и тогда сценаристы придумали другой дуэт — армяно-грузинский. Так на съемочной площадке появился замечательный армянский актер Фрунзе Мкртчян, которого Данелия мечтал снять еще в «Джентльменах удачи», но тогда эта задумка не осуществилась. На роль грузина с самого начала был выбран Вахтанг Кикабидзе.

Актерские пробы проводились непосредственно в тех местах, где предполагалось снимать картину. Так, 23 августа этим местом стал вестибюль гостиницы «Россия», а также один из ее номеров. Там, с 8 утра до пяти вечера, Кикабидзе и Мкртчян репетировали сцены первого знакомства своих героев друг с другом, а также зажигательные танцы в ресторане.

Во вторник, 24 августа, в польском городе Сопоте открылся традиционный международный фестиваль эстрадной песни. От Советского Союза на него отправилась представительная делегация, в которую входили: композиторы Раймонд Паулс и Александр Колкер (оба

входили в состав жюри), дирижер Станислав Горковенко, артисты Ирина Понаровская, Геннадий Бойко (оба представляли фирму «Мелодия»), вокальный дуэт из Риги Нора Бумбиере и Виктор Лапченко. В качестве почетного гостя на фестиваль была приглашена Алла Пугачева.

Главным исполнителем в этом списке была Понаровская, на которую возлагались особые надежды. В Сопот она повезла песню «Мольба» Александра Журбина и Ильи Резника. Однако незадолго до конкурса случился неприятный инцидент, который едва не поставил на грань срыва отъезд Понаровской. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Я искала песню для конкурса, и Журбин пригласил меня к себе, сказав, что у него есть интересные мелодии. Но все, что он играл, меня не устраивало. И тут Лора Квинт, бывшая тогда его женой, напомнила еще о какой-то мелодии. Он сыграл, и я вскрикнула: вот эта песня! Он сказал: хорошо, а о чем должен быть текст? Я ответила, что не знаю, но стихи надо заказать Илюше Резнику. Я уже исполняла одну из его первых песен. И Журбин заказал текст Илье. На радостях, что у меня будет такая песня, я пообещала Саше записать на пластинки и остальные его творения. И вот прихожу на фирму «Мелодия» и вижу Резника. А из студии слышу свою конкурсную песню уже со словами, которые выпекает мужской голос. Голос Сергея Захарова. Со мной истерика, я требую от Ильи объяснений. К нам вышел Сережа и спросил: «Что случилось?» Я рассказала. Захаров уже был в то время звездой, и Резник, забрав у Журбина фонограмму, предпочел этого исполнителя. Сережа поступил как джентльмен, сказав: «Ира, песня твоя». Хотя ему она тоже не помешала бы...»

Вспоминает А. Колкер: «Чтобы добраться до Сопота, надо с варшавского аэродрома переехать на другой, маленький. Там погрузиться на допотопный самолетик. И, если количество взлетов будет равно количеству посадок, ты через час окажешься в столице международного песенного форума.

Стояла жара. Я был засупонен, как будто отправлялся в Гренландию. Строгий, застегнутый наглухо плащ. Строгий скучный галстук. Строгие черные полуботинки. Член международного жюри, представлявший великую дер-

жаву, должен был выглядеть респектабельно. И я выглядел.

Вылет в Сопот задерживали. Член жюри от другой великой державы — США — закирял в каком-то варшавском кабаке. Найти его не удавалось. Я тихо плавился.

Но вот какой-то старомодный «супер-бьюик», вспомнив молодость, с шиком подкатил к аэропорту. Прибыл американец!

Я приготовился к чопорному знакомству с коллегой.

Из авто вылез человек лет шестидесяти с плойками редких волос, босиком, в трусах и в ситцевой мятой бобочке. На американской груди топорщились седые заросли.

— Дай закурить, — обратился он ко мне, — жара, как на Дерибасовской! Слушай, — продолжал он фамильярно, — твой фейс мне явно знаком. По-моему, мы встречались на Привозе в Одессе...

Скудные злотые, выданные представителю великой державы, были истрачены в первый день. Я купил в «комиссе» дочери вельветовый костюмчик. Она просила.

Вечером ко мне в номер пришла вся наша гопа. Они приехали сюда днем раньше. Возглавлял компанию Костя Щербаков. Сейчас он первый заместитель министра культуры России, человек, пользующийся заслуженным авторитетом у артистов и музыкантов, художников и библиотекарей, а тогда пил здорово!

Страшный пожирающей силы смерч пронесся над моим столом. Коньяк, водка, икра двух цветов, обязательная в загранпоездках копченая колбаса. Короче. Утром я случайно обнаружил на полу пачку хрустящих хлебцев.

Смерть отступила...»

Тем временем 24 августа в 21.33 по московскому времени на землю вернулись космонавты Борис Волинов и Виталий Жолобов. Как мы помним, они отправились в полет в начале июля и должны были по плану пробыть в космосе два месяца. Но вернулись на две недели раньше срока. В газетах, естественно, не было ни слова про то, что полет прекратился раньше срока, поэтому о случившемся знал только узкий круг избранных лиц. Один из них — А. Елисеев — так описывает закулисы тех событий:

«Недели за две до запланированного окончания полета мы получаем экстренный вызов в

Центр управления для досрочного возвращения экипажа. Волынов как командир корабля потребовал немедленного спуска в связи с тем, что у Жолобова резко ухудшилось состояние здоровья. По его словам, Жолобов был бледен, слаб, выглядел как тяжело больной человек, и состояние его быстро ухудшалось. Жолобов подтверждал свое плохое самочувствие и необходимость срочной посадки. Тревожное сообщение с борта выбило всех из колеи. Медицинские параметры обоих космонавтов находились в норме, и у врачей не было формальных оснований для беспокойства. С Борисом Волыновым решил доверительно переговорить Герман Титов — второй космонавт планеты. Германа все, безусловно, уважали, и мы надеялись, что ему удастся узнать какие-то детали. Но зря. Борис лишь добавил, что у него тоже сильно болит голова, и повторил, что состояние Жолобова совсем плохое. Полет был прерван. К удивлению группы встречающих, оба космонавта сразу после посадки выглядели вполне здоровыми. После возвращения в Москву специалисты попросили их объяснить, что же произошло. Оба сказали, что в станции появился сильный запах азотной кислоты и находиться там стало невозможно. Очень странное явление. Азотная кислота на станции действительно была — она использовалась в качестве окислителя в двигательной установке, но попасть в жилой отсек не могла. Баки с топливом находились в вакууме, снаружи герметического корпуса станции. Поскольку оба космонавта настаивали на наличии запаха кислоты, следующая экспедиция полетела на станцию с противогАЗами и большим набором реагентов, позволяющих провести объективный анализ химического состава атмосферы жилого отсека. При анализе отклонений от нормы обнаружено не было. Космонавты, проводившие этот анализ, после снятия противогАЗов посторонних запахов не почувствовали. Спрашивается, что же случилось в предыдущем полете? Никакая гипотеза, кроме психологического расстройств, объяснения происшедшему не давала...»

Между тем Лев Лещенко продолжает крутить роман в Сочи со студенткой МГУ Ириной Багудиной. О том, что она вот уже несколько лет практически безвылазно живет в Венгрии, он еще не знает, а на все его вопросы об этом девушка отвечает смехом либо попросту отмал-

чивается. На этой почве с Лещенко однажды произошел забавный казус. Будучи в номере Ирины, он зашел в ванную комнату и обалдел от обилия туалетных аксессуаров, причем все они были сплошь заграничные (и это в советские времена!). Такого количества забугорных шампуней, гелей и кремов с яркими наклейками Лещенко еще ни разу не видел (хотя сам иногда бывал за границей). И тут его внезапно пронзила страшная мысль: Ирина — агент ЦРУ! Вдруг все, что у них с ней сейчас происходит, есть не что иное, как вербовочная операция, подобная той, которую он неоднократно видел в кинодетективе «Возвращение резидента» (там в роли соблазнительницы молодого советского ученого выступала обольстительная немка, роль которой исполняла коллега Лещенко по эстраднему цеху Эдита Пьеха). Короче, пока в голове певца проносилась вся эта чушь, он чувствовал себя не совсем комфортно. Он потребовал от Ирины объяснений относительно ее местожительства. Видя, что ее возлюбленный действительно всерьез переживает по этому поводу, она рассказала ему все как на духу. У Лещенко буквально камень упал с души.

Продолжается фестиваль эстрадной песни в Сопоте. После того как в первый день на нем выступили представители хозяев — поляки, два других дня — 25—26 августа — были отданы конкурсантам, которые соревновались в конкурсе студий и фирм грамзаписи. Вот как о тех днях вспоминает А. Колкер:

«По Сопоту ездил пикап. На его борту огромными буквами было выведено — «Алла Пугачева». Поляки произносили Пугачева, делая акцент на втором слоге. Наша звезда капризничала. То горло, то мигрень. Ее выступление в рецитале с Кшиштофом Кравчиком было под вопросом.

Конкурсные концерты проходили в Зеленой опере, вмещающей тысяч пять поклонников этого вида искусства. Жюри располагалось в центре зала. Нас было много, больше двадцати человек. Все мужики. Перед нами стоял легкий элегантный стол, на котором заранее разложили программу выступлений — «кто за кем» и «кто есть кто».

Я голосовал за наших изо всех сил. На концерте грамзаписей фирму «Мелодия» представлял Геннадий Бойко. Маленького роста, в смокинге с блестящими атласными лацкана-

ми, он смахивал на официанта. За оркестровый пульт встал Стасик Горковенко... Театр в виде огромного амфитеатра расположен на морском берегу. В вечерние часы море щедро делится своим теплом. Музыка, роскошные дамы (все — «экстры» и «полуэкстры»), приближение ночи. Зал наэлектризован. В воздухе витает любовь... И на зал обрушился громоздкий, кондовый марш. Бойко пел, нет, Бойко орал про красное знамя, про комиссара, про кровь и смерть! Оркестр закончил фортиссимо — та-та-та-та!

Певец стоял с высоко поднятой рукой, как рабочий, оторванный от колхозницы из знаменитой мухинской скульптуры. Взгляд его был устремлен в космос!

В зале была тишина. Гробовая. Низко опустив голову, я незаметно проглотил большую таблетку валидола. По сценарию, цокая каблучками, уходил за кулисы Бойко. Комиссар, рабочий, трибун.

Утром я не вставал. Я лежал в койке и неотрывно смотрел на авиабилет, который скоро унесет меня к моей Маше. Она накормит меня до отвала белорусскими драниками со сметаной...

А сейчас надо было лежать, чтобы экономить энергию. Один хрустящий сухарик утром и один вечером, перед сном. Тень голодного обморока повисла над моей кроватью...

В тот же вечер состоялся последний конкурсный концерт. В длинной череде исполнителей, которые выходили на сцену, ярче всех выделялась наша певица Ирина Понаровская: она и песни спела вдохновенно («Мольбу» и «Была птица» на польском), и выглядела потрясающе сексуально — на ней было длинное платье с глубоким вырезом на спине, которое произвело ошеломляющее впечатление на мужской состав жюри. Да и мужчины из числа зрителей, которых в зале было предостаточно, тоже пали ниц перед Понаровской — ее аж девять (!) раз вызывали на бис. В итоге Гран-при фестиваля достался именно ей.

Вспоминает А. Колкер: «Вечером решили вмазать за нашу победу, сбросившись «на немецкий счет» по сто злотых. Сославшись на большую печень, я отказался и вышел на воздух.

Возле входа в отель стоял, держась двумя руками за стенку, бедолага Бойко (наш певец от «Мелодии». — Ф.Р.).

— Какие суки! — пьяно твердил он. — Какие суки! Обидно, бля!..»

В том банкете участвовала и Алла Пугачева, которая преподнесла Понаровской красную розу и поздравила с победой. На следующий день они поехали в Варшаву, где их снимало тамошнее телевидение. Жили певицы в одном номере, причем это был «люкс» со всеми соответствующими прибабасами: фирменной едой, привозимой на тележке по первому требованию, великолепной ванной, прекрасным видом из окна и т. д. Понаровская могла себе позволить такую роскошь: вместе со статуэткой «Янтарного соловья» ей заплатили 25 тысяч злотых. Причем из этой суммы Госконцерт не взял себе ни одного гроша. Но вернемся на родину.

26 августа, когда фестиваль в Сопоте был в самом разгаре, в столице Башкирской АССР городе Уфе на свет появилась девочка. Она родилась в семье учителя истории и врача, которые назвали свое чадо Земфирой. Поскольку мать девочки неплохо пела, она по наследству передала это качество и дочери. Теперь эту девочку знают как певицу Земфиру Рамазанову.

27 августа исполнилось 80 лет, замечательной актрисе Фаине Раневской. Юбилей прошел отменно: в родном для юбилярши Театре имени Моссовета был устроен вечер в ее честь, правительство наградило ее орденом Ленина (еще в апреле). Только телевидение подкачало: там готовили передачу о Раневской, но почему-то не показали. Как запишет в своем дневнике сама актриса: «Сцены по просьбе телевидения. Показ сцен не состоялся. Забывчивое оно, это телевидение.

Все было в фонотеке, была пленка, пропавшая на телевидении. Ко дню моего 80-летия нечего показать! Мерзко!..»

В субботу, 28 августа, в Москве начались гастроли мировой звезды рок-музыки, английского певца Клиффа Ричарда (звезда даст 20 концертов в столице и Ленинграде). Начав свою музыкальную карьеру в 1958 году, Ричард за эти годы достиг поразительных результатов — выпустил 5 золотых и 20 серебряных дисков. Его имя знали во всем мире, он объездил множество стран и наконец добрался и до Советского Союза. Ему выделили самую лучшую эстрадную площадку в столице — ГЦКЗ «Россия», куда, естественно, простому смерт-

ному попасть было практически невозможно — все билеты оказались в руках элиты. Это было несправедливо, поскольку вместо истинных ценителей рок-музыки — молодых меломанов — в зале сидели по большей части сытые советские буржуа, которым эта музыка была до фени, им лишь бы на заезжую знаменитость поглазеть да потом похвастаться перед друзьями и знакомыми о том, кого они видели и слушали. Клифф Ричард на этих выступлениях показывал не только свои старые вещи, но и обкатывал песни из своего последнего альбома с ироничным названием «Я почти знаменит». В скором времени эту пластинку выпустит фирма «Мелодия», чем несказанно порадует тех, кто не сумел попасть на концерты певца в «России»:

Тем временем Леонид Брежнев догуливает последние дни своего отпуска. По давно заведенной традиции, в конце августа он охотился на гусей — тогда как раз начинался их перелет. Происходило это под Астраханью, куда Брежнев лично приглашал глава тамошнего обкома Бородин. Вот как об этом вспоминает телохранитель генсека В. Медведев:

«В этих краях — целые заросли бамбука, можно было часами любоваться ими, подстерегая пролетающих птиц. Все же надо было очень любить охоту, чтобы вставать в три часа ночи, в теплую погоду надевать плотную, жаркую одежду, чтобы не съели комары, которые летали тучами — большие, злые, они, как мы шутили, прокалывали кирзовые сапоги.

В Астрахани прибавляется чувство бессилия и тревоги. Никакие кабаньи тропы не внушали нам столько чувства опасности, как здесь — астраханские поймы. У катера мы вынуждены были оставлять Леонида Ильича, дальше он отправлялся с егерями. Потом пересаживался в плоскодонку, которую лодочник толкал шестом. Темнота, река, заросли... Ни охраны рядом, ни врача. В Завидове мы хоть местность знали, егеря — свои, солдаты спецбата по округности.

Лодочник с егерем бесшумно доходили до мостиков, где пролетали или садились на отдых птицы. Каждого гуся, в которого целился генсек, опытный егерь тоже держал на мушке, и если гусь оказывался только подранен, без промаха добивал его. Поэтому добыча всегда оказывалась внушительной, за утреннюю зорь-

ку — десятка два гусей или уток. Леонид Ильич возвращался довольный. И мы вздыхали свободно.

Возвращался он часов в одиннадцать. То есть целых восемь часов охраняемый был вне нашей досягаемости...»

Кстати, в тех же астраханских поймах полтора месяца назад режиссер Александр Серый снимал натурные эпизоды своего нового фильма — комедии «Ты — мне, я — тебе». Именно здесь герой фильма — Иван Кашкин в исполнении Леонида Куравлева — нес рыбнадзорную службу вместо приболевшего брата Сергея. На конец августа съемки фильма были уже давно завершены и теперь шел монтаж картины и досъемки отдельных эпизодов. Так, 30 августа снимали сцену в концертном зале.

На том же «Мосфильме» режиссер Василий Ордынский работает над многосерийным телефильмом «Хождение по мукам». За три года работы группа добралась до 7-й серии (всего их будет 13): в те дни конца августа снимались эпизоды, происходящие в Самаре (Даша приезжает туда к своему отцу). Прекрасно помню те съемки, поскольку они происходили на улице Казакова, в двух минутах ходьбы от моего дома. Я тогда только начал писать свой очередной роман про индейцев — «Приключения на берегах Светлого озера», два дня чуть ли не безвылазно сидел дома, как вдруг утром 30 августа мне в окно стукнул кто-то из приятелей: «Бежим, у нас кино снимают!» Пулей выбегаю из дома и мчусь к месту съемок — на площадку перед 46-й поликлиникой. Кстати, эти места киношники выбирают для своих съемок уже не в первый раз. В мае 1967 года режиссер Илья Фрез снимал здесь же эпизоды фильма «Я вас любил»: центральный вход в Институт физкультуры (бывшая усадьба Разумовского) на время съемок превратился во вход в хореографическое училище. Правда, по причине своего малолетства (было мне в ту пору всего 5 лет) я эти съемки совершенно не помнил, но сам фильм знал наизусть.

Когда мы с пацанами примчались на съемочную площадку, там шла предварительная работа: возводилась декорация заколоченного досками памятника, настилалась резиновые имитаторы бульжной мостовой. Вскоре сюда же подвезли пушку. Чуть в сторонке соорудили макет того же памятника, но в уменьшенном

виде. Наблюдать за этим было жуть как интересно, и мы провели на площадке практически весь день, не отлучаясь даже на обед (вместо этого дожевывали остатки жвачки «Fruit», привезенной мной из ГДР). К середине дня народу к съемочной площадке подвалило еще больше — подошли люди из дальних домов. Тогда же начались и съемки. В первый день снимали следующие эпизоды: солдат охраняет пушку, две женщины из окна соседнего здания что-то кричали офицеру у памятника, офицер ходит возле памятника. Крохотные вроде бы эпизоды, но снимали их в течение нескольких часов.

Между тем все, кто наблюдал за съемками со стороны, с нетерпением ждали появления на площадке кого-нибудь из звезд, которых в фильме было предостаточно: Юрий Соломин, Михаил Ножкин, Ролан Быков, Михаил Козаков (Ирина Алферова тогда была еще Ириной Гуровой и широкой публике знакома не была). Но увы — никто из них в тот день так и не объявился, поскольку в снимаемых эпизодах они заняты не были. И только на следующий день — 31 августа — на своей «Волге» к месту съемок подрулил Ролан Быков. Он прошествовал мимо нас в светлом костюме, подошел к какому-то мужчине (это был режиссер фильма Ордынский, которого мы, естественно, в лицо не знали) и в течение нескольких минут о чем-то с ним говорил. Потом сел в свою машину и укатил восвояси. В тот день снимали эпизоды: толпа пытается сорвать доски с памятника, офицер разгоняет толпу.

Тем временем во второй половине августа в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 16-го на экраны вышел фильм Ильи

Авербаха «Чужие письма» с участием: Светланы Смирновой, Ирины Купченко, Ивана Бортника и др.; и киновариант комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы»; 23-го — комедия для детей и юношества «Потрясающий Берендеев» Игоря Вознесенского, где снимались: Сергей Образов, Андрей Харыбин и др.; 30-го — историко-приключенческий фильм Александра Лейманиса «В клешнях черного рака» с участием: Лилиты Озолина, Ульдиса Думписа и др.

Кино по ТВ: «Мальчишки острова Ливов», «Открытие» (17-го), «Карино» (премьера т/ф 17—19-го), «Герцог Боб» (18-го), «Наследники» (премьера т/ф 19—20-го, 24—26-го), «Аленка» (20-го), «Приключения в Африке», «Авария» (21-го), «Приключения в Африке», «Дети партизана», «Старшая сестра» (22-го), «Иван Франко» (24-го), «Процесс о трех миллионах» (26-го), «Мечта» (27-го), «Приключения в Африке» («Найти и уничтожить»), «Только один телефонный звонок» (28-го), «Седьмое небо» (29-го), «Волны Черного моря» («Зимний ветер») (премьера т/ф 30—31-го), «Совість» (30 августа — 4 сентября) и др.

Эстрадные представления: 17—19-го — в саду ЦДСА выступал ВИА «Калинка»; 22-го там же прошли концерты с участием: Ивана Суржикова, Кола Бельды, Светланы Резановой и др.; 27—28-го — в «Октябре» пела Галина Ненашева.

В журнале «Кругозор» (№ 8) звучали записи английской группы «Доули Фэмили»: «Джамбалая» (Вильямс — Хэнк), «Дорога на Чаттанугу» (Гордон — Уорен), «Любовь и дружба» (Ковар — Лауден), «Спасибо» (Лауден).

1976

Сентябрь

За что арестовали французского туриста. Брежнев в Казахстане: борьба за урожай. Интриги вокруг Косыгина. Кубок СССР по футболу выигрывает «Динамо» (Тбилиси). Кубок Канады по хоккею: наши разочаровывают. Как Наталья Сайко разбила машину Высоцкого. ЧП на съемках фильма «Судьба»: умер оператор. Снимают новый финал в «Ты — мне, я — тебе». Начались съемки «Служебного романа». Угон секретного советского истребителя в Японию. Умер Мао Цзэдун. Съемки в Сандунах. Марк Захаров снимает «12 стульев». Алла Пугачева учится в ГИТИСе и уходит из «Веселых ребят». Как жена Льва Лещенко выставила его за дверь. Страна горячо обсуждает развод Пьехи и Броневицкого. Андропов и Щелоков — генералы армии. Наши хоккеисты проигрывают канадцам. Как недоплатили Третьяку, Мальцеву и Шалимову. Мой поход в райвоенкомат. Очередной космический старт. Срочный ввод Юрия Соломина в спектакль «Царь Федор Иоаннович». Как столичные сыщики помогли архангельским напасть на след музейного грабителя. Настоящий полковник: Базилевич против молдавской мафии. Банда Матроса из Днепропетровска. За что Владимиру Войновичу отключили телефон. Соломин учит роль... с собакой. Новый угон самолета за кордон. Как поймали музейного грабителя. Почему Эмиль Лотяну обиделся на Светлану Тому. Подвиг Шаварша Карапетяна. Бюст на родине Подгорного. Братья Билюки бегут от правосудия. Премьера спектакля «Царь Федор Иоаннович». Как Высоцкий не стал петь «Баньку» при советском после. Страна слушает группу «Тич-Ин».

Первый день осени выпал на среду. С утра ваш покорный слуга отправился в школу — за три месяца каникул я обычно успевал соскучиться по одноклассникам, но одного дня мне вполне хватало. Потом в школу я уже ходил без особого энтузиазма. А в тот день я сидел на уроках будто на иголках — хотелось поскорее сорваться на съемки фильма «Хождение по мукам». Поэтому едва прозвучал звонок, как меня сдуло из школы будто ветром. К сожалению, на съемки я не успел — они уже завершились, и теперь съемочная группа разбирала декорации и паковала вещи. Но зато все отснятое за три дня теперь осталось на пленке, и каждый раз, когда по ТВ идет этот фильм, я с особенным нетерпением жду 7-ю серию, где запечатлена моя Казаковка и где за кадром нахожусь я — юный и счастливый.

В те самые часы, когда я сидел за партой, в Москве был арестован турист из Франции

Жан-Кристиан Тира. Арест его был не случаен: приехав в столицу накануне вечером, он следующим утром, вместо того чтобы отправиться знакомиться с достопримечательностями города, возле станции метро «Пушкинская» принялся раздавать москвичам антисоветские листовки, выпущенные НТС. Раздача длилась всего лишь несколько минут, после чего прокламатора схватили под руки двое мужчин и отвели в ближайшее отделение милиции (мужчины представились как рабочие). В тот же день его препроводили в следственный изолятор КГБ в Лефортово.

В четверг, 2 сентября, закончился отпуск Леонида Брежнева, и он приехал в Алма-Ату, где в 50-е возглавлял партийную организацию республики. На этот раз генсека пригнала туда служебная необходимость: дела с урожаем во многих областях страны были «швах», а вот в Казахстане, наоборот, все складывалось как

нельзя лучше — тот обещался дать 27 миллионов тонн зерна. Эти показатели были необходимы властям, что называется, дозарезу — торговый дефицит социалистических стран постоянно увеличивался: если в 1974 году он составлял 2,4 миллиарда долларов, то в 1975 году достиг уже цифры 6,9 миллиарда. В нынешнем году он возрастал примерно на 20% ежемесячно.

А в Москве его соратники делят портфели. В связи с тем, что Алексей Косыгин после несчастного случая на байдарке, до сих пор находится в больнице, в Совете министров делами заправляет протеже Брежнева Николай Тихонов, которого 2 сентября назначили 1-м замом Косыгина. Вот как об этом пишет Р. Медведев:

«Именно во время болезни Косыгина особую активность развил Н. Тихонов, почти не скрывавший ни своей неприязни к Косыгину, ни своего желания занять пост главы правительства. Как вспоминает В. Новиков (он в те годы был одним из замов председателя СМ), Тихонов был не только непригодным к руководству страной человеком, но также крайне завистливым интриганом. Он часто жаловался Брежневу на Косыгина, наушничал. Однако, хотя у Брежнева стала уже в то время развиваться болезненная подозрительность, хотя он и не слишком хорошо разбирался в делах, он все же не решился отправить Косыгина в отставку...»

3 сентября на Центральном стадионе имени Ленина в Москве состоялся финальный матч Кубка СССР по футболу, в котором встречались две закавказские команды: тбилисское «Динамо» и ереванский «Арагат». Последних хватило где-то на полтайма: после того как Давид Кипиани забил им гол, ереванцы как-то быстро сникли и затем напропускали еще два мяча. Итог — 3:0. Кубок уехал в Тбилиси.

Тем временем сборная СССР по хоккею с шайбой находится в Канаде, где в начале сентября стартовал первый Кубок Канады, в котором участвуют сильнейшие сборные Европы (СССР, ЧССР, Швеция, Финляндия) плюс хозяева — канадцы и американцы. С первого же матча по воле организаторов турнира нам в соперники досталась одна из сильнейших команд — сборная Чехословакии. Этот матч состоялся 3 сентября (по ТВ демонстрировался в записи на следующий день в 16.40) и вызвал к себе повышенный интерес публики и спе-

циалистов, что, впрочем, всегда сопутствовало встречам этих соперников.

Игра началась весьма плачевно: уже в первом периоде советские игроки несколько раз нарушали правила и отправлялись на скамейку штрафников (один Владимир Репнев фоллил 3 раза), чем не преминули воспользоваться чехословаки, забросив Третьяку две безответные шайбы. Во втором периоде наши тренеры сделали перестановки: посадили на скамейку запасных плохо зарекомендовавших себя Виктора Жлуктова и Бориса Александрова, но это мало помогло: вторую двадцатиминутку мы закончили при счете 1:3. Крайне плохо мы играли в большинстве, в отличие от соперника, который чуть ли не каждый раз наказывал нас голом, едва мы оставались вчетвером. Короче, фортуна в тот день отвернулась от советской сборной, и она проиграла 3:5.

Не получилось у наших ребят обыграть шведов и два дня спустя. Начало игры было похоже на игру с Чехословакией: уже на восьмой минуте матча Нильсон вывел скандинавов вперед, а затем Сальминг сделал счет 2:0. По броскам шведы перебросали наших ребят, как школьников: 16 против 3. Только во втором периоде игра советской сборной стала напоминать что-то осмысленное. На 30-й минуте Сергей Капустин отквитал одну шайбу, а в середине третьего Хельмут Балдерис сравнял счет. Спустя пару минут тот же Капустин проливает бальзам на души советских болельщиков, выведя нашу команду вперед. Но недолго музыка играла: прошло всего лишь полторы минуты, как шведы сравняли счет. Причем помог им в этом Капустин: он передал шайбу прямо на клюшку Сальмингу, защитник Куликов в это время замешкался, и Сальминг точно адресовал шайбу своему партнеру Хедбергу, который оказался один на один с Третьяком. Парировать удар наш вратарь не сумел (хотя именно ему после матча вручили приз как лучшему игроку). Победа уплыла от нас на последних минутах матча.

Но покинем на время Канаду и вернемся обратно на родину. В Театре на Таганке аврал — через несколько дней ему предстоит лететь в Югославию на фестиваль БИТЕФ, а у Любимова куча претензий к игре актеров. На одной из репетиций «Гамлета» он так накричал на молодую актрису Наталью Сайко, что та от ис-

пуга чуть роль не забыла. Присутствовавший здесь же Высоцкий сумел отвлечь внимание режиссера, и этого времени актрисе вполне хватило, чтобы прийти в себя. Однако полностью восстановиться ей все равно не удалось: когда она вышла на улицу, у нее продолжали дрожать руки, тело била нервная дрожь. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Мы вышли с репетиции, я тогда только начала водить машину. Села за руль, естественно, не посмотрела ни направо, ни налево, стала выезжать и въехала в машину Высоцкого. А у него была какая-то иностранная марка. Вышла — и уж тут я расплакалась окончательно и бесповоротно. Стою и жду — сейчас Володя выйдет и такое мне скажет! Что будет? Он выходит. Я — к нему: «Володя, понимаешь...» А он: «Да ладно, подумаешь...»

И целый день я переживала. Попросила мужа позвонить Высоцкому: может быть, надо что-то сделать, достать краску... Муж позвонил: «Володя, тут Наташа целый день ревет...» А Высоцкий отвечает: «Яша, да ты скажи ей, пусть она плюнет на это дело. Что она переживает — это же железка...»

Кинорежиссер Евгений Матвеев в те дни в поте лица трудился над новым фильмом — продолжением «Любови земной» картиной «Судьба». Съемки фильма начались в середине июня с натурных эпизодов — их снимали в деревне Трубино Жуковского района Калужской области. В самом конце июля группа перебазировалась в Смоленск, где в самом начале осени случилось несчастье. 5 сентября, во время съемок эпизода «пороховой погреб», у главного оператора фильма Г. Цекавого случился инсульт. Его срочно доставили в больницу, однако все усилия врачей спасти больного не приведут к успеху — спустя четыре дня он скончается. Фильм будет заканчивать другой оператор — В. Якушев.

Другой кинорежиссер — Александр Серый — заканчивает работу над комедией «Ты — мне, я — тебе». Основные съемки были завершены еще в начале августа, но ряд эпизодов приходится переснимать. В частности, по предложению сценариста фильма Григория Горина полностью изменен финал. Первоначально фильм заканчивался эпизодом погони Кашкина за браконьерами, но теперь придумана новая сцена: на квартиру Кашкина приходит его

приятель, который просит хозяина дома закрыть глаза: мол, когда откроешь — увидишь сюрприз. Этим сюрпризом должна была стать огромная рыбина, которую принес новый знакомый приятеля Кашкина. Но когда тот открывает глаза, то удивляется не рыбине, а ее хозяину — он узнает в нем браконьера Пентюхова (актер Роман Ткачук). Эпизод снимали в течение двух дней — 5–6 сентября.

В эти же дни Эльдар Рязанов приступил к съемкам очередного фильма — «Служебный роман». Как и ряд предыдущих картин, это была очередная экранизация тех же самых авторов — Эльдара Рязанова и Эмилия Брагинского, пьеса называлась «Сослуживцы». Она шла в доброй сотне театров (если точно — в 134) по всей стране и пользовалась огромным успехом у зрителей. Идея снять по ней фильм возникла у Рязанова почти сразу после завершения съемок «Иронии судьбы», причем побудительным мотивом в этом решении было огромное желание режиссера наконец-то встретиться на съемочной площадке с прекрасной ленинградской актрисой Алисой Фрейндлих. Дело в том, что вот уже на протяжении пятнадцати лет Рязанов приглашал ее сниматься в своих фильмах, но каждый раз обстоятельства складывались так, что партнерства не получалось. В «Гусарскую балладу» Фрейндлих не подошла по внешним данным, в «Зигзаг удачи» потому, что была беременна. И только с третьей попытки творческие пути Рязанова и Фрейндлих наконец пересеклись.

Стоит отметить, что желание Рязанова снять этот фильм созрело также из-за согласия сразу нескольких прекрасных актеров работать вместе с ним. Речь идет о таких звездах, как Андрей Мягков, Олег Басилашвили, Светлана Немоляева, Лия Ахеджакова, Петр Щербаков, Людмила Иванова. В этом фильме не проводились обычные кинопробы, которые практически являются конкурсом, соревнованием артистов. Ведь на каждую роль пробовался только один претендент.

Съемки фильма начались в воскресенье, 5 сентября. Почему в выходной? Дело в том, что съемочной площадкой в тот день стал вестибюль Министерства речного флота, что на Кузнецком мосту, персонал которого в тот день отдыхал. В съемках участвовали: Андрей Мягков, Лия Ахеджакова, Людмила Иванова и

массовка в количестве 30 человек. На следующий день тоже снимали на выезде: на перроне Ярославского вокзала был снят эпизод, где героиня Светланы Немоляевой выходит из электрички и идет под зонтом (за кадром в это время будут звучать стихи).

6 сентября все мировые агентства разнесли весть о том, что из Советского Союза летчик-истребитель угнал сверхсекретный самолет «МиГ-25». Беглецом оказался 29-летний старший лейтенант Советской армии В. Беленко: он взлетел для учебного полета с одного из аэродромов на Дальнем Востоке и рванул прямоком в Японию. Его приняли там с распростертыми объятиями, поскольку «МиГ-25» был напичкан самыми совершенными секретами, в частности системой опознавания «свой — чужой». Советская сторона в течение 9 дней будет хранить гробовое молчание по этому поводу, в то время как западная печать отзовется о нем тут же. Например, парижская газета «Русская мысль» приведет слова из заявления перебежчика, где он заявит, что бежал из Советского Союза потому, что господствующий там режим хуже царского строя. В ответ на это КГБ распространил по Москве слухи о том, что Беленко... специально заслан за границу для проникновения в тайны американской авиации (Беленко попросит политического убежища в США) и для дезинформации: его самолет якобы представляет собой «липу», умышленно ухудшенный вариант для усыпления бдительности. Однако сведущие люди прекрасно знали, что угнанный «МиГ» был совсем не «липой». Иначе почему сразу после побега Беленко несколько высокопоставленных советских военачальников лишились своих должностей, а кое-кто и звездочек на погонах? Между тем горькую пилюлю от этого инцидента советскому руководству подсластило сообщение из Китая: 9 сентября там скончался враг Советского Союза № 1, многолетний лидер КПК Мао Цзэдун. Вот почему его смерть советская печать отметила сразу же, хотя в иных случаях такой оперативностью никогда не отличалась — иные некрологи печатала с опозданием в несколько дней.

Утром того же дня, когда умер «главный кормчий» (а это была среда), в Москве, у входа в знаменитые Сандуновские бани, наблюдалось большое столпотворение народа. Впрочем, та-

кая картина там наблюдалась практически всегда, поскольку эти бани считались престижными и в них парились сплошь одни «блатные»: популярные актеры, спортсмены, партийные функционеры, директора магазинов, рынков и прочая, прочая. Но в то утро очередь, выстроившаяся у входа в бани, состояла сплошь из актеров мосфильмовской массовки. Дело в том, что там снимался один из начальных эпизодов комедии «Ты — мне, я — тебе»: приезд банщика Ивана Кашкина (Леонид Куравлев) в баню. Этот эпизод уже был снят ранее, но из-за брака пленки полетел в корзину, и теперь его приходилось переснимать по новой. Киношникам это влетело в копеечку — было истрачено 399 рублей 50 копеек.

Еще один известный режиссер — Марк Захаров — трудился над телевизионной экранизацией бессмертных «12 стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. В роли Остапа Бендера там был занят Андрей Миронов, Кису играл его партнер по Театру сатиры Анатолий Папанов. В те сентябрьские дни шли съемки натуральных эпизодов: в окрестностях Мячково Люберецкого района (в карьере) снимали эпизод, где отец Федор (Ролан Быков) отнимает у концессионеров колбасу и забирается с ней на скалу. На дворе было холодно, поэтому Быков постоянно мерз и просил для внутреннего сугреву спирту.

Алла Пугачева грызет гранит науки в ГИТИСе, куда она поступила этим летом на факультет эстрадной режиссуры. Четыре года назад она уже собиралась поступить туда, но тогда ее терпения хватило только на походы на консультации. Теперь же она была полна решимости получить профессию режиссера и довольно легко сдала все экзамены. Причем в ГИТИС ее постоянно сопровождала толпа фанатов, которая терпеливо ожидала ее у выхода и, когда она появлялась там, встречала громкими аплодисментами и цветами. Руководителем курса, куда поступила Пугачева, был известный клоун Андрей Николаев, который, говорят, без особого энтузиазма встретил новость о том, что у него будет учиться Пугачева. Он даже сказал: «Не знаю, как я с ней полажу». В его практике уже были случаи, когда он выгонял с курса самых именитых артистов, казалось, что и в случае с Пугачевой может произойти то же

самое. Но, как ни странно, учитель и ученик сумели поладить.

В это же время Пугачева приняла решение покинуть ВИА «Веселые ребята». Почему? Во-первых, к тому времени она уже обрела популярность и теперь могла в одиночку сделать сольную карьеру, во-вторых — у нее совершенно разладились отношения с руководителем ансамбля Павлом Слободкиным. В эстрадной тусовке ходили слухи, что их связывали не только творческие отношения и что родители Слободкина весьма скептически относились к Пугачевой. Поэтому, когда они узнали о том, что она уходит из «Веселых ребят», радости их не было предела. Как пишет А. Беляков:

«Слободкин впоследствии утверждал, что это он отказался жениться на Алле. На самом деле все было совсем не так, и их общие знакомые особо не таили, как он звонил им и умолял поговорить с ней, объяснить, что надо вернуться. А потом, когда уже понял, что Пугачева никогда не вернется, отзывался о ней в самых неизящных выражениях как о даме легкого поведения...»

Коллега Пугачевой певец Лев Лещенко в те дни расстался с женой Аллой Абдаловой. Причем на этот раз окончательно. Как мы помним, в первый раз это случилось в начале 74-го, но спустя год молодые вновь сошлись. Однако летом этого года во время гастролей в Сочи Лещенко увлекся юной студенткой, и кто-то из коллег стукнул его жене об этом романе. Причем расписано было все до мельчайших подробностей: где гуляли, в каких ресторанах сидели, где ночевали. Сообщили Алле и то, что Лещенко, не доиграв гастроль, сорвался в Москву и, поскольку дома до сих пор не объявился, значит, находится у своей новой зазнобы. Так оно и было: Лещенко действительно прямо с самолета нагрянул на квартиру подруги своей возлюбленной, где она обитала. Там он прожил несколько дней. Но вечно так продолжаться не могло, и вот однажды Лещенко приехал к своей жене на Лесную улицу. Однако дальше порога его в квартиру не пустили. Едва он позвонил в дверь, как Алла вынесла ему на лестничную площадку два чемодана с вещами (собрала заранее) и сказала «адью». Но Лещенко это даже обрадовало. Он поблагодарил жену за этот шаг, за то, что не устроила ему скандала: «Алла, какая же ты все-таки мудрая женщина!

Спасибо тебе огромное за то, что ты все так просто решила. Желаю, чтобы все у тебя было хорошо».

Лещенко переехал жить к своим родителям на Тишинскую площадь. Те не стали задавать ему лишних вопросов, видимо, хорошо знали о том, как нелегко складывалась в последнее время семейная жизнь их чада. Мать постелила ему на диване, сказала: «Будешь пока спать здесь, а мы уж с отцом и Валею (сестра певца) как-нибудь устроимся в другой комнате. Поскольку ты у нас теперь великий человек, имешь право на отдельную «жилплощадь».

Кстати, это был не последний громкий развод в тогдашней эстрадной тусовке. Еще больший резонанс, чем уход Лещенко от Абдаловой, произвел на публику развод Эдиты Пьехи и Александра Броневицкого. Эта пара «спаялась» в семейный союз еще в 1958 году и на протяжении всего этого времени считалась олицетворением самой крепкой семьи в советском искусстве. Поэтому, когда осенью 76-го (через два месяца после 45-летия Броневицкого) страну облетела весть, что Пьеха разводится со своим мужем, мало кто поверил этой новости. За последние несколько лет такие слухи про эту пару курсировали в обществе неоднократно, но затем оказывались «уткой». Однако на этот раз все происходило взаправду. Как признается позднее сама Пьеха, в последнее время их брак был похож на фикцию — они даже спали в разных комнатах. У Броневицкого была на стороне другая женщина, да и у Пьехи появился воздыхатель — полковник КГБ Геннадий Шестаков, который был на семь лет младше ее. Собственно, к нему она и ушла той осенью. По ее же словам:

«Наступил момент, когда я почувствовала, что больше не могу с ним вместе жить. «Я не виновата, Шура, — сказала я ему, — я от тебя ухожу. Во что ты превратил нашу жизнь? В сплошную работу! Скажи, мы когда-нибудь отдыхали с тобой за двадцать лет? Нет! А ведь когда мы сидели тогда на подоконнике и ты клялся в любви... все же было иначе! Куда все девалось? Где же наша любовь?»

Поскольку инициатива развода исходила от Пьехи, Броневицкого этот уход оскорбил. Он предрек бывшей супруге скорый закат ее карьеры: мол, без меня и «Дружбы» ты — ничто. А Пьеха взяла да и создала собственный ан-

самбль, с которым стала готовиться к выступлению на Всероссийском конкурсе исполнитель советской песни в Сочи. И выступила там блестяще. Но это случится через месяц, а пока вернемся в сентябрь 76-го.

Продолжаются съемки «Служебного романа». 8—9 сентября в одной из квартир в доме № 54 по Большой Чертановской снимались эпизоды с участием секретарши Верочки (Лии Ахеджаковой) и ее жениха (Александр Фатюшин). Последний попал в картину благодаря стараниям Рязанова, который буквально «умыкнул» его со съемок другого фильма из Чернигова. Съемки велись передовым методом — впервые в художественном кино была применена система «Электроник Кам», когда съемка велась на магнитную ленту. Преимущество у этого способа было в том, что он давал возможность тут же, не отходя от места, прокрутить по видео только что отснятое, исправить просчеты.

В пятницу, 10 сентября, свет увидел Указ о присвоении званий генералов армии председателю КГБ Юрию Андропову и министру внутренних дел СССР Николаю Щелокову. Эти люди в жизни друг друга не переваривали, а по иронии судьбы оказались в одном списке на присвоение высоких званий. Сразу после награждения Андропов позвонил своему приятелю послу Олегу Трояновскому и удивленно спросил:

— Олег Александрович, что же вы меня не поздравляете?

— С чем, Юрий Владимирович? — искренне удивился Трояновский.

— Ну как же? С тем, что мне присвоили звание генерала армии.

Трояновский набрался духу и сказал:

— А мне кажется, что тут нет предмета для поздравления, вы ведь политический деятель, а не военный. Зачем вам генеральские чины?

Андропов несколько секунд переваривал услышанное, после чего произнес:

— Пожалуй, вы правы, предмета действительно нет.

Продолжается Кубок Канады по хоккею. Сборная Советского Союза, проиграв первую игру и сведя вничью вторую, бросилась наверстывать упущенное. 7 сентября она выиграла у финнов 11:3, а два дня спустя одолела и сборную США 5:0. Но затем случилась новая осечка. 11 сентября нашим ребятам противостояли

хозяева турнира канадцы, которые были нацелены исключительно на победу, так как в противном случае в финал турнира выходили бы мы, а не они. Поэтому с первых же секунд игры они обрушили на ворота Третьяка шквал атак. Одна из них увенчалась успехом: на 8-й минуте счет открыл Перро. Однако вскоре Владимир Викулов восстановил равновесие, но перед самым перерывом Халл снова вывел хозяев льда вперед. Во второй двадцатиминутке Барбер забил третью шайбу, после чего канадцы сумели до финальной сирены сохранить свои ворота в неприкосновенности. В итоге мы взяли третье место, а канадцы в финале схлестнули клюшки с чехословаками и оба матча выиграли — 6:0 и 5:4. Первый Кубок Канады остался на родине.

Несмотря на проигрыш канадцам, наши хоккеисты пользовались на Кубке Канады огромной популярностью. Например, перед матчем с хозяевами в Торонто было устроено хоккейное шоу с участием игроков разных сборных. В итоге в конкурсе вратарей победил Владислав Третьяк, а среди нападающих лучшими оказались Александр Мальцев и Виктор Шалимов. Всех их по-королевски одарили баксами: Третьяку присудили 15 000 долларов, на порядок меньше получили Мальцев и Шалимов. Но поддержать всю сумму в руках никому из победителей не удалось, поскольку по решению советских спортивных чиновников им достались только крохи: Третьяк получил 399 «зеленых», Мальцев на сотню меньше, а Шалимову и вовсе достались какие-то гроши. Вот такие в те годы царили нравы.

Продолжаются съемки фильма «Служебный роман». С 10 по 13 сентября снимались эпизоды «у института». Съемочной площадкой служил все тот же вход в здание Министерства речного флота, что рядом с «Детским миром». В съемках были задействованы практически все главные герои фильма: Андрей Мягков (с 10-го), Алиса Фрейндлих (с 11-го), Олег Басилашвили (с 11-го), Лия Ахеджакова (с 12-го). Так, 12 сентября на Кузнецком мосту был снят эпизод с участием Оли (Светлана Немоляева) и Самохвалова (Олег Басилашвили): женщина просит вернуть ей ее любовные письма к нему. Самохвалов делает это с удовольствием, хотя на лице изображает скорбную мину. Негодяй как-никак.

День 13 сентября выпал на понедельник. Ваш покорный слуга первую половину этого дня провел в Бауманском райвоенкомате, что в Армянском переулке. Ох, и муторное это было дело — проходить медосмотр. Насколько я помню, никто из нас, пацанов 7 «А» класса, не горел большим желанием его проходить, несмотря на то что ради этого нас освобождали от нескольких уроков. Эх, знали бы мы, что впереди многих из нас ждет еще более муторное дело — служба в армии.

15 сентября, в 12 часов 48 минут по-московскому времени, с земли стартовал космический корабль «Союз-22» с двумя космонавтами на борту: Валерием Быковским и Владимиром Аксеновым. По плану их полет должен продолжаться неделю.

В столичных кинотеатрах в первой половине сентября состоялась премьера всего лишь одного отечественного фильма: 6-го на экраны вышла лента Ярослава Лупия «**Мои дорогие**», где чуть ли не единственную в своей долгой творческой карьере главную роль сыграла замечательная актриса-эпизодница Любовь Соколова.

Кино по ТВ: «Антон Иванович сердится» (2-го), «Тропой бескорыстной любви» (3-го), «По шучьему велению» (4-го), «Поединок» (5-го), «Браслет-2» (7-го), «Девочка и эхо» (8-го), «Бумбараш» (8—9-го), «Василиса Прекрасная», «Чудаки», «Парень из нашего города» (11-го), «Салават Юлаев» (13-го), «Им покоряется небо» (14-го), «Седьмая пуля» (15-го) и др.

Из развлекательных передач выделю: «Кабачок «13 стульев» (4-го), Международный фестиваль эстрадной песни «Сопот-76» (11-го).

Из театральных премьер назову следующие: 6-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль «67 по диагонали»; 11-го в филиале Малого театра — «Униженные и оскорбленные» с участием: Никиты Подгорного, Юрия Соломина, Эдуарда Марцевича и др.

Эстрадные представления: 1—12-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты «Золотая осень-76» с участием артистов из зарубежных стран: трио «Амазонки» (Польша), ВИА «Сентябрь» (Югославия), Мирю Унгара (Югославия), Дойны Бадя (Румыния) и др.; 4—5-го — в «Варшаве» выступал ВИА «Голубые гитары»; 10—12-го в «Октябре» — ВИА «Синяя птица».

Тем временем Театр на Таганке вот уже неделю (с 9 сентября) находится в Югославии, где участвует в 10-м международном театральном фестивале «БИТЕФ». Москвичи привезли туда свой лучший спектакль — «Гамлет» с Владимиром Высоцким в главной роли. Постановка пользуется огромным успехом и претендует на Гран-при (который и получит). Юрий Любимов, который до фестиваля таил на Высоцкого обиду и был с ним холоден, за границей внезапно потеплел и публично демонстрирует всем присутствующим свое расположение к актеру. Как вспоминает В. Золотухин: «Любимов дружит с Володей, приглашает его обедать и по разным приемам, и это логично. Володя — герой фестиваля, много играет, везет огромный воз и достоин уважения, но я помню, что шеф высказывал нам обоим перед выездом...»

Между тем свободное время Высоцкий предпочитает проводить не только на светских раутах, но и в других заведениях. Например, в казино, куда он ходит не один, а в сопровождении кого-нибудь из коллег по театру. Однажды в качестве партнера с ним отправился Борис Хмельницкий. Что из этого вышло, рассказывает сам актер:

«В Загребе мы с Высоцким «завязли» в казино. Пошли попытать счастья в рулетку. Я честно говоря, уже достаточно давно выработал свою схему игры, и, как правило, она позволяет кое-что выигрывать. Так вот, сели мы с ним за игровой стол, и я показал ему свою схему. Поначалу неплохо выигрывали. Вернулись к нему в номер, и я на радостях выпил все, что было в мини-баре (Володя тогда не пил). Потом он говорит: «Пойдем еще поиграем!» Я отказываюсь, убеждаю его, что во второй раз не надо дразнить судьбу. Но остановить Высоцкого было невозможно. Пошли. Не успел я оглянуться, как он проигрался в пух и прах. Взял у меня все суточные — и тех мигом не стало. Вернулись в номер, с расстройства я допил оставшееся в баре. Сидим, думаем, что предпринять, — нам еще оставалось почти две недели гастролей. Он позвонил Марине Влади, и она выручила, прислала нам деньги, строго-настрого наказав обходить казино стороной...»

В другом столичном театре — Малом — в те дни случилась неприятность: не сработавшись с Михаилом Царевым (директор театра), из труппы ушел актер Иннокентий Смоктунов-

ский, который исполнял главную роль в спектакле «Царь Федор Иоаннович». Встал вопрос, кого ввести на его роль. Выбор пал на Юрия Соломина. Последний вспоминает:

«Меня вызвал Царев и сказал: «Ты должен выручить театр. Нам нужно, чтобы спектакль состоялся». Таким образом, предстояло вестись в готовый спектакль, имеющий успех. И на все это дается не больше десяти дней.

Я прекрасно отдавал себе отчет, что Смоктуновский — актер грандиознейший. У меня к тому времени тоже была дикая популярность. Только что вышел «Адъютант» и несколько других фильмов, так что надо было не ударить лицом в грязь. Ответственность огромная. Я согласился, хотя понимал, насколько сложно сделать это после такого артиста да еще в такой фантастически короткий срок. Между Царевым и Равенских шел спор. Потом Борис Иванович (Равенских. — *Ф.Р.*) мне сказал: «Давай попробуем, но есть еще несколько артистов на эту роль». Я ему ответил: «Мне предложил эту роль Царев, и в конкурсе я участвовать не собираюсь. Если вы не хотите, чтобы играл я, так и скажите, а если согласны, давайте не трагить времени зря и начнем репетировать». Надо отдать должное Борису Ивановичу, мы начали репетировать, хотя некоторые актеры ставили палки в колеса, стараясь, чтобы из этого ничего не вышло. Иногда во время репетиций, когда все должны работать на меня, вдруг кто-то пытался перевести внимание на себя. Я не хочу никого называть. Я никогда никому не мщу. Знаю, что недруг будет наказан без меня. Но было нелегко...»

Продолжаются поиски преступника, ограбившего месяц назад сольвычегодский музей. Архангельские сыщики раскинули сети чуть ли не по всей стране, рассчитывая на то, что в каком-нибудь из уголков необъятной родины грабитель должен объявиться. Уникальные экспонаты он явно похищал не для себя, а значит, должен был их куда-нибудь пристроить: либо здешним коллекционерам, либо заграничным. Так оно и получилось.

Удача улыбнулась столичным сыщикам, которые вот уже месяц плотно опекают все точки, где обретаются антикварные спекулянты. В понедельник, 20 сентября, на одной из них внимание муровцев обратил на себя харьковчанин Михаил Кондрацкий, который пред-

ложил сыщику, выдававшему себя за коллекционера, купить аж 14 складней. Когда сыщик взглянул на эти предметы, его прошиб холодный пот: «Мама дорогая, да это же из сольвычегодского музея!» Кондрацкого тут же задержали и немедленно дали об этом знать архангельским сыщикам. В тот же день в Москву вылетели тамошние сыскари: Вячеслав Дудоров, Лонгин Черных и заместитель начальника отделения угро Борис Уемлянин.

Между тем Кондрацкий поначалу изворачивался как мог. Сказал, что все складни... нашел в каком-то сквере под лавкой. Дескать, шел-шел — и нашел. Ему, естественно, не поверили и предупредили об ответственности за дачу ложных показаний. «Эти складни месяц назад украли из музея, и они могут повиснуть на вас, Кондрацкий! — сообщили харьковчанину сыщики. — Так что подумайте, прежде чем плести нам всякие байки». Тут до Кондрацкого наконец дошло, что с ним не шутят, и он пошел «в сознанку». Рассказал, что складни купил у одного парня в Харькове. «Какого парня? Имя, фамилия, где живет?» — спросили сыщики. «Зовут его Виктор, но ни фамилии, ни адреса я не знаю, — сообщил Кондрацкий. — Меня с ним свел знакомый коллекционер — Калитенко». Это была уже хорошая ниточка. Архангельские сыщики отправились в Харьков.

Однако повременим с Харьковом и перенесемся в столицу Молдавии город Кишинев, где нешуточные страсти разгорелись в системе тамошнего МВД, в частности, вокруг начальника ОБХСС МВД Молдавии полковника Анатолия Базилевича. Назначенный на эту должность несколько лет назад, Базилевич взялся рьяно наводить порядок в своей вотчине. Первое, что он сделал, — переориентировал своих людей с «мелочовки» на расследование серьезных дел. Ведь чем раньше чаще всего занимались обэзэсники? Например, в Кишиневе в середине 70-х существовала такая директива: ловить тех, кто откармливает свиней отходами из столовых. И весь горотдел бежал к черному ходу точек общепита. Помои выливали сразу, а вещественные доказательства в виде мешков с кусками надкусанного хлеба долго плесневели в кабинетах горотдела милиции. Выкидывать их было нельзя — вешдоки!

При Базилевиче начали трясти серьезную клиентуру: директоров торгов, крупных администраторов и даже министров. Вскоре он нашёл себе таких врагов, что вопрос о его скором снятии с должности ни у кого из подчиненных не вызывал сомнений. Хотя поначалу враги хотели договориться с Базилевичем «по-доброму» — например, предлагали ему баснословные откупные от 50 000 рублей и выше. Но полковник оказался неподкупен и продолжал свою деятельность. Он возбудил уголовное дело против завмага Манделя, у которого отоваривались дефицитом более ста ответственных работников, в том числе работники прокуратуры и МВД. Взятки в этом деле исчислялись сотнями тысяч рублей! Но это дело благополучно похерили, хотя из-за него покончили с собой заведующий промышленным отделом ЦК партии и зампреда Верховного суда республики. Для видимости были осуждены 27 человек, так называемые стрелочники — они занимали менее ответственное положение.

Но Базилевич не успокоился. Вскоре он замахнулся... на жену одного из первых лиц республики. Та совершала махинации с золотом в ювелирном магазине «Ауреола», что на улице Ленина, а Базилевич, узнав об этом, велел хорошенько тряхнуть эту точку. Когда же ему стали поступать угрозы — мол, остепенись, — он доложил обо всем министру внутренних дел Молдавии Брадулову. Но тот не стал помогать полковнику. И на Базилевича начался форменный накат: вскоре состоялась коллегия МВД республики, где его службу обвинили в бездеятельности, плохих показателях в работе. Понимая, откуда дует ветер, Базилевич в сентябре отправился в Москву — к союзному министру внутренних дел Николаю Щелокову. Причем поехал не с пустыми руками — прихватил с собой убойные документы о коррупции среди высших должностных лиц Молдавии. В частности, в одном из этих документов говорилось:

«Министр внутренних дел республики Брадулов укрывает от возмездия высокопоставленных должностных лиц, зато на каждом совещании вместе с прокурором Чебаном настоятельно требует усилить борьбу с мелкими хищениями, которые совершают рядовые рабочие и колхозники. Требуя привлечения к уголовной ответственности исключительно за мелкие хищения, республиканский министр

тем самым создает лишь видимость борьбы с преступностью, зато получает возможность хорошо отчитываться в вышестоящих инстанциях. Большая численность мелких хищений может увеличить раскрываемость до ста процентов. Судьба рабочих и колхозников, многих из которых можно было бы просто оштрафовать, не сажая в тюрьму, никого не интересует. Они берут пример «сверху», но крупные преступники остаются безнаказанными, а рядовых по требованию министра и прокурора республики тысячами сажают в тюрьмы, по несколько месяцев ведут следствие, затем объявляют приговор на срок не менее трех лет, чем наносят еще больший ущерб семье и государству. Попав в тюрьму, такие люди становятся уже профессиональными преступниками, а дети их всю жизнь носят несмыслимое клеймо...»

Щелоков внимательно ознакомился с документами, которые привез Базилевич, но особого восторга они у него не вызвали. Отложив в сторону папку, он сказал:

— Мои возможности не беспредельны, и я не имею полномочий для наказания того же Бодюла (1-й секретарь ЦК КП Молдавии. — Ф.Р.). Что же касается прокурора Чебана и вашего министра Брадулова, то я приму меры к тому, чтобы они были строго наказаны и в дальнейшем прекратили против вас какие-либо преследования. Однако вам будет непросто. При таком отношении руководителей вам надо менять и место работы, и место проживания. Не хотите переехать в другую республику? Смогу оказать содействие.

Базилевич понял, что его миссия закончилась провалом: Щелокову легче снять с должности его, чем вступать в конфликт с руководством республики. Поэтому и ответил соответственно:

— Если не в ваших силах наказать тех, кто меня преследует, ускорьте, пожалуйста, мою отставку.

Щелоков сразу оживился:

— Это я сделаю. И сегодня же позвоню Бодюлу и прокурору республики, чтобы они прекратили на вас давление и предоставили работу уже как пенсионеру. Вам ведь нет еще и пятидесяти... А документы я оставляю у себя — они пойдут в особую инспекцию для проверки и принятия мер. Вам же даю полную гарантию:

пока я живой, с вашей головы ни один волос не упадет.

Базилевич вернулся в Кишинев и стал ждать отставки. 20 сентября его назначили помощником Кишиневского транспортного прокурора МССР. Забегая вперед, отмечу, что полковник и там не приживется: спустя два месяца по ложному обвинению его переведут на другую работу — в отдел по учету и распределению жилой площади в горисполкоме.

Не менее странные дела на ниве борьбы с преступностью происходят и в другой союзной республике — Украине. Там, в городе Днепропетровске, вот уже почти год существует банда рэкетиров, а местные стражи порядка упорно не желают этого замечать, опасаясь испортить статистику. Во главе банды стоит 28-летний Александр Мильченко, больше известный под прозвищем Матрос (в детстве упал в речку и, не умея плавать, сумел-таки выбраться живым на берег).

Мильченко родился в Майкопе в обыкновенной советской семье и с малых лет, отличаясь исключительно бойцовским характером, всегда верховодил среди многочисленной дворовой ребятни. Школьные науки ему давались с трудом, и основной свой авторитет Мильченко зарабатывал не глубокими знаниями точных и гуманитарных наук, а крепкими мышцами и кулаками. «Спортивная» подготовка привела в начале 70-х годов Мильченко на футбольную стезю: попал сначала в команду родного вагоноремонтного завода, а затем был замечен «наверху» и зачислен в дублирующий состав набравшей тогда разбег команды «Днепр» (в 72-м Валерий Лобановский вывел «Днепр» в высшую лигу). Из «Днепра» молодая знаменитость вскоре переметнулась в периферийный, по футбольным понятиям, Волгоград, однако дела там у Мильченко совсем не заладились, и ему пришлось возвращаться в родной Днепропетровск, на пыльные улицы тихой рабочей окраины, именуемой старожилками звучным именем Амур. И если в Волгограде совсем туго было со славой и с друзьями, то на Амуре все обстояло наоборот, и Матроса знала вся местная шпана, доверяла ему и беспрекословно подчинялась. Так в днепропетровской Марьиной Роще — Амуре — появилась команда Матроса, занявшаяся тем, что на Западе именуется словом «рэкет». Правда, к рэкету матросовцы

пришли не сразу, первоначально они «стригли» деньгу с обеспеченных клиентов, обыгрывая их в карты на своем «катране» в кафе «Льдинка». Но вкус шальных денег вскоре вынудил Матроса и его бойцов перейти к насильственным действиям, так как некоторые клиенты весьма неохотно расставались со своими сбережениями.

Первая «заява» на матросовцев в милицию поступила в сентябре 76-го в Амур-Днепропетровский РОВД. В качестве пострадавшего выступал некто Зотов, который описал в своем заявлении, как под покровом ночи к нему в дом ворвались несколько вооруженных огнестрельным оружием (обрезами) молодых людей и стали требовать деньги. В противном случае Зотову и его домочадцам налетчики грозили расправой. Перепуганный насмерть глава семейства отдал грабителям всю свою денежную наличность. Когда его спросили, узнал ли он кого-либо из нападавших, тот набрался смелости и назвал фамилии Мильченко и еще нескольких его дружков. Но едва стражи порядка услышали фамилию лидера амурских, как у них тут же пропала всякая охота расследовать это дело. И его положили под сукно. В итоге банда Матроса будет куролесить в Днепропетровске и его окрестностях аж до 83-го года. Но вернемся на семь лет назад — в первый месяц осени 76-го.

20 сентября писатель Владимир Войнович надумал позвонить со своего домашнего московского телефона в американский город Бостон, где проживал его давний друг и коллега поэт Наум Коржавин. Разговор длился несколько минут и был посвящен исключительно творческим и житейским проблемам: друзья обсуждали новые книги, передавали приветы родным и близким друг друга. Никаких государственных секретов этот разговор в себе не нес. Поэтому велико было удивление Войновича, когда на следующий день он вновь поднял трубку телефона, чтобы позвонить уже кому-то из своих московских друзей, но вместо привычного длинного гудка услышал мертвую тишину. «Что за черт?» — выругался писатель и немедленно позвонил в бюро ремонта. А там ему внезапно сообщили, что его телефон отключен... за хулиганство. «Вы что, белены объелись?» — возмутился Войнович, сочтя это явление за неудачную шутку. Но на другом

конце провода не шутили. «Ничего мы не обьелись! — ответили писателю. — Ваш телефон отключен по распоряжению сверху». — «С какого верху?» — продолжал недоумевать Войнович. «Сами знаете с какого», — ответили ему и повесили трубку.

Но Войнович решил все-таки докопаться до истины. Он вновь позвонил телефонистам и после долгих объяснений узнал, что его телефон отключен по распоряжению самого начальника Московской телефонной сети Виктора Васильева. И тут до писателя наконец дошло: поводом к отключению стал его вчерашний разговор с Бостоном. Видимо, этот разговор попал на заметку КГБ, и оттуда поступило немедленное распоряжение наказать Войновича. Как мы помним, Войнович уже давно был на особом счету у Конторы Глубокого Бурения, но продолжал себя вести так, как ему заблагорассудится. За что и поплатился.

Продолжаются съемки «Служебного романа». На улицах Москвы снимается натура: в частности, во вторник, 21 сентября, на Кузнецком мосту сняли эпизод, где Шурочка (Людмила Иванова), после того как Калугина отняла у нее письма Оли (Светлана Немоляева) и отравила заниматься своими прямыми обязанностями в бухгалтерию, продолжает нервировать коллектив. Она подстерегает Ольгу на улице (та покупает арбузы с лотка) и сообщает о том, что ей все известно про ее любовные письма к Самохвалову. Оля, естественно, расстраивается, плачет.

Тем временем Юрий Соломин в спешном порядке продолжает репетировать роль царя Федора Иоанновича. И в этом ему помогал... его пес Кузя. По словам артиста, происходило это следующим образом:

«Мы репетировали и утром, и вечером. Конечно, я страшно выматывался. Мне никак не удавалось ухватить нужные интонации, но, как сказал поэт, «когда б вы знали, из какого сора растут стихи». В это время у меня жил пес Кузя. Дворняга, подобранная женой. В промежутке между репетициями в театре я учил текст дома. Солнечным сентябрьским днем жена, чтобы мне не мешать, ушла с дочкой гулять. Я сидел на тахте, в окно виднелась церквушка с колокольней. Я смотрел на нее и пытался заучить текст. Вдруг увидел глаза, которые смотрели на меня очень внимательно. Это был Кузя. В ком-

нате уже стемнело. Оказывается, он вместе со мной, не шелохнувшись, просидел весь день. Я ему сказал: «Ты знаешь, что такое царь? Ты помнишь батюшку-царя?» Я сказал это очень тихо, и вдруг Кузя медленно пополз ко мне. Я продолжил: «А, ты знаешь!» — и услышал свою интонацию. Именно в этот момент я поверил, что сыграю эту роль. Я считаю, эта сцена у меня лучшая в спектакле. И на следующий день я ее сыграл. Кузи давно нет, он прожил у нас шестнадцать лет и умер от старости, но по сегодняшний день я сохранил эту интонацию. Ее подарил мне Кузя...»

23 сентября в небе Советского Союза случилось новое ЧП: был угнан за кордон еще один военный самолет. На этот раз примеру Беленко последовал летчик Зосимов, который на легком военно-почтовом самолете перелетел советско-иранскую границу и сдался иранским властям. Он тоже попросил предоставить ему политическое убежище, но ему в этом отказали. Видимо, потому, что его самолет никакой цены для разведки не представлял. Когда об этом стало известно в Советском Союзе, ряд правозащитников (А. Сахаров, П. Григоренко и др.) обратились в международные организации по делам беженцев, к шаху Ирана и даже Генеральному секретарю ООН с просьбой посодействовать Зосимову остаться на Западе. Но даже эти обращения не привели к положительному результату. В итоге перебежчика вместе с самолетом вернули на родину. Состоявшийся вскоре суд приговорит Зосимова к 10 годам лишения свободы. Но вернемся в сентябрь 76-го.

В тот же день, когда Зосимов драпанул в Иран, в испанском городе Сан-Себастьяне закончился международный кинофестиваль. Он завершился полным триумфом советской кинематографии. Первую премию фестиваля — «Большую золотую раковину» — получила картина Эмилия Лотяну «Табор уходит в небо». Однако сам создатель фильма узнал об этой новости... из газет, поскольку его на фестиваль не выпустил Госкино по причине слишком строптивного характера. В итоге в Испанию отправилась исполнительница главной женской роли Светлана Тома, из-за чего у нее надолго испортились отношения с Лотяну: тот хотел, чтобы она поддержала его в борьбе с Госкино и отказалась ехать на фестиваль. Но она, в отличие от

режиссера, была менее конфликтным человеком.

Тем временем в Харькове архангельские сыщики разыскали коллекционера Калитенко, на которого указал задержанный в Москве спекулянт антиквариатом. Коллекционер не стал отпираться и честно признался: да, именно я свел продавца складней со спекулянтом. «Продавца действительно зовут Виктор, но ни фамилии, ни точного адреса его я тоже не знаю», — огорошил сыщиков Калитенко. «Как же вы с ним общались?» — удивились сыщики. «Да мы и общались с ним всего-то пару раз. Причем один раз у него дома, но вез туда он меня сам на своей машине». — «То есть вы ничего не запомнили: ни улицы, ни самого дома?» — «Нет, кое-что я запомнил: дом на южной окраине города, дом белый, ворота зеленые». — «Вот и отлично: сейчас поедем и будем искать», — обрадовали коллекционера сыщики.

Поиски длились несколько часов. Наконец, когда у всех присутствующих уже не осталось сомнений, что сегодня удача от них отвернулась, Калитенко заорал как резанный: «Вот он! Нашел!» Сыщикам повезло: мало того, что хозяин дома, тот самый Виктор, оказался на месте, он и юлить не стал — тут же во всем признался. Он рассказал, что музей ограбил его знакомый Путивцев, и назвал его адрес: общага в центре города. Сыщики рванули туда. Но здесь их везение закончилось: выяснилось, что Путивцев несколько дней назад уволился с работы, собрал вещички и скрылся в неизвестном направлении. Однако бежать ему, собственно, было некуда — времена были иные, чем сегодня. Забегая вперед, скажу, что Путивцева поймали через несколько дней на квартире его брата в Белгороде. Там же, в сарае, будет найдена большая часть похищенного из музея. Остальное придется искать по всему Союзу: Путивцев успел продать часть экспонатов коллекционерам из Еревана, Харькова и других городов. Но вернемся в сентябрь 76-го.

Столица Армении город Ереван находится под впечатлением случая, который произошел там на днях — с плотины Ереванского водохранилища сорвался троллейбус, в котором находились почти три десятка пассажиров. Виновиком аварии был не водитель, а какой-то сумасшедший из числа пассажиров. На плотине он вдруг поднялся с кресла и потребовал, что-

бы водитель остановил машину. Тот ответил: «Это вам не такси». Тогда псих схватил монтировку в кабине и ударил водителя по голове. Троллейбус потерял управление и свалился в воду.

По счастливой случайности, рядом с местом трагедии оказался рекордсмен мира, многократный чемпион Европы и СССР по подводному скоростному плаванию Шаварш Карапетян, который, не раздумывая ни секунды, бросился под воду. Троллейбус упал на дно на глубину 10 метров. Шансов спастись практически ни у кого не было, поскольку пассажиров обреченного троллейбуса охватил шок. И тут появился Карапетян. Несмотря на сопротивление воды, он сумел сначала камнем, а потом ударами обеих ног разбить заднее стекло машины. Порезав ноги, смельчак вплыл в салон и стал руками нащупывать людей. Они были как бесчувственные куклы. Вытаскивая их по одному, Карапетян выталкивал их на поверхность, где их подхватывал родной брат спортсмена.

Вспоминает Ш. Карапетян: «Я выныривал, делал вдох и снова погружался, это 4—5 секунд. У меня даже не было времени сделать гипервентиляцию легких. Надо было спасать, но под конец я уже был в таком полуобморочном состоянии, что вместо человека поднял дерматиновое сиденье. Не почувствовал...»

За те несколько минут, пока Карапетян нырял в воду, он спас 20 человек. Мог бы больше, но силы спортсмена были не беспредельны — он был уже практически без сознания и весь в крови от порезов. Он сам едва не погиб, когда вытаскивал последнего пассажира, но люди на берегу помогли ему выбраться из воды. Карапетян и до этого был очень популярным человеком, но после этого случая и вовсе стал национальным героем. Правда, из всех спасенных им в тот день людей ни один (!) не поблагодарил его за этот подвиг. Кстати, и власти тогда тоже оказались не на высоте: наградили героя скромным орденом «Знак Почета». Зато для себя, любимых, высоких наград никогда не жалели. И хроника сентября 76-го это наглядно демонстрирует.

В субботу, 25 сентября, на родине председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного — в городе Карловке Полтавской области — был открыт его бронзо-

вый бюст. Памятник появился вполне по закону: Подгорный был дважды Героем Соцтруда. Но в кулуарах ходили упорные слухи о том, что главным побудительным мотивом для Подгорного было желание не отстать от своего противника — Брежнева, которому четыре месяца назад поставили бюст в Днепродзержинске.

В тот же день в поселке Комсомолец Комсомольского района Кустанайской области произошла драка. Дрались два молодых человека, перебравшие лишку: 21-летний Петр Билык и его сверстник Владимир Виноградов. Молодые люди мутузили друг друга до тех пор, пока точный удар одного из них не опрокинул другого навзничь. Проигравшим оказался Виноградов, который упал так неудачно, что ударился затылком об асфальт и тут же потерял сознание. Билык немедленно скрылся с места происшествия. К сожалению, свидетелей у этой драки не оказалось, и Виноградова нашли случайные прохожие спустя несколько минут после случившегося. Парня отправили в больницу, где он спустя два дня скончался. Узнав об этом, Билык, естественно, струхнул. И тут же рассказал о случившемся своему старшему корешу Афанасию Ставничему. Тот был мужик ушлый, имевший за плечами три судимости (у Петра их было две), поэтому посоветовал другу «рвать когти». «Тебя рано или поздно все равно вычислят, а скроешься — будет шанс. Страна-то большая», — сказал Ставничий. Причем сам тоже согласился рвануть да еще посоветовал прихватить с собой и младшего брата Петра 15-летнего Владимира. Дескать, пора парня к настоящему делу приобщать. Эти люди впоследствии станут прототипами фильма «Грачи», который в 1982 году поставит режиссер Михаил Ершов. Старшего брата будет играть Леонид Филатов, младшего — Ярослав Гаврилюк, Ставничего — Виталий Шаповалов. Однако оставим на время Билыков и продолжим знакомство с другими героями книги.

27 сентября в Малом театре состоялась премьера спектакля «Царь Федор Иоаннович» с новым исполнителем — Юрием Соломиным. До последнего момента у создателей спектакля не было уверенности, что на премьеру придет такое же количество зрителей, что ходило на спектакль, когда там играл Смоктуновский. Даже в самом Малом ходила шутка, что из «адъютанта» царя не получится. Но прогнозы недобро-

желателей не оправдались — зал оказался заполнен до отказа.

Между тем никто из зрителей не догадывался, что премьера до самого последнего момента висела буквально на волоске. Дело в том, что Соломин, который был назначен на эту роль каких-то десять дней назад, еще не успел как следует пройти финал, да еще у его жены на 27-е выпал день рождения. Короче, он просил перенести премьеру на более поздний срок. Но художник спектакля Евгений Куманьков решительно заявил: «Либо играть сегодня, либо — никогда». И премьера состоялась.

28 сентября в Югославии завершился театральный фестиваль «БИТЕФ». Три равноправных Гран-при получили следующие спектакли: «Гамлет» Театра на Таганке, «Племя Ик» парижского театра под руководством Питера Брука и «Эйнштейн на пляже» нью-йоркской труппы «Хофмен фаундейшн» под руководством Роберта Вилсона. В тот же день «Таганка» переехала на гастроли в Венгрию. Там 30 сентября главрежу театра Юрию Любимову исполнилось 59 лет. Торжество происходило в гостиничном номере именинника, куда пришли не только артисты, но и советский посол в Венгрии Павлов. Вот как об этом вспоминает актер «Таганки» Д. Межевич:

«Мы жили в комнате с Ваней Бортником, смотрю — он собирается на торжество. Мне навязываться не хотелось, но вдруг звонит Любимов: «Дима, я приглашаю...» Пришел, пошел. Народу много собралось. Был там и Высоцкий. Любимов попросил его спеть. Володя спел «Еще не вечер», затем «Баньку» — и запнулся на ней. А после сказал мне, что не стал ее петь именно из-за Павлова...»

Но вернемся из Венгрии в Москву. Здесь 30 сентября был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Красной Звезды младшего сержанта милиции Николая Чекулаева. Причем наградили его посмертно за подвиг, который он совершил несколько недель назад. Произошло это в вагоне пригородной электрички, следовавшей из Москвы в Крутое. Обходя состав, страж порядка обратил внимание на подвыпившего мужчину, который задирает прохожих. Чекулаев, естественно, вмешался. В ответ хулиган выхватил из кармана нож и нанес милиционеру несколько ударов — в грудь и живот. После чего бросился

наутек. Превозмогая боль, Чекулаев догнал преступника и, повиснув у него на плечах, повалил на пол. Скрутить хулигана помогли подоспевшие пассажиры электрички. Это происшествие произошло поздно вечером. А в 8 утра на следующий день Чекулаев скончался в одной из столичных больниц. Было ему 22 года. Коллеги по работе называли его Огонек — за рыжий чуб и веселый характер.

А столица живет обычной жизнью. Из премьер второй половины сентября отмечу фильм Никиты Михалкова **«Раба любви»**, который вышел в прокат 27 сентября. В фильме снимались: Родион Нахапетов, Елена Соловей, Константин Григорьев и др.

Кино по ТВ: **«Монолог»** (17-го), **«Следствие ведут знатоки»** (повтор Дела № 10 — **«Ответный удар»**, 17—19-го), **«Конек-Горбунок»**, **«Здравствуй и прощай»** (18-го), **«Капитанская дочка»**, фильмы Ч. Чаплина, **«Пришел солдат с фронта»** (с субтитрами) (19-го), **«Мартин Иден»** (преьера т/сп), **«Жили-были старик со старухой»** (22-го), **«Марья-искусница»**, **«Весна 29-го»** (25-го), **«Старики-разбойники»** (26-го), **«Девочка ищет отца»** (27-го), **«Наперекор судьбе»** (преьера т/ф 30 сентября — 1 октября) и др.

Из развлекательных передач выделю: **«Артлото»** (17-го), **«Песня-76»** (прозвучали песни: **«Верни мне музыку»** А. Бабаджания — София Ротару, **«Ласковая песня»** М. Фрадкина — **«Самоцветы»**, **«Не остуди свое сердце, сынок»** В. Мигули, **«Лишь одна»** Э. Колмановского, **«Лирический вальс»** Е. Жарковского — Юрий Богатиков), **«Поет Клифф Ричард»** (24-го), **«Кинопанорама»** (были представлены новые фильмы: **«Сын председателя»**, **«Раба любви»**, **«Ярослав Домбровский»**, **«Анна Каренина»** (с Майей Плисецкой), **«Алиса здесь больше не живет»** (США), **«Песня-76»** (25-го). Последняя передача была целиком посвящена Алле Пугачевой и ВИА «Веселые ребята».

Были исполнены четыре песни, две из которых звучали в фильме **«Ирония судьбы»**. Однако, глядя в экран, зрители еще не знали, что дороги Пугачевой и «Веселых ребят» разошлись в разные стороны — передача была записана накануне их разлада.

Театральные премьеры: 16-го — в Малом театре был показан спектакль **«Беседы при ясной луне»** В. Шукшина с участием: Ивана Любезнова, Виктора Хохрякова, Евгении Глушенко, Романа Филиппова и др.; 27-го в ЦТСА — **«Фантазии Фарятьева»** А. Соколова с участием: Любови Добржанской, Алины Покровской и др.; 29-го в Театре имени Вахтангова — **«Ричард III»**, в главной роли — Михаил Ульянов.

Эстрадные представления: 16—19-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись сборные концерты с участием: Жанны Бичевской, Юлии Слободкина, Светланы Резановой, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, ВИА «Синяя птица» и др.; 20-го — в ГТЭ пел Карел Готт; 29—30-го — там же выступали: Алла Абдалова, Галина Улетова, В. Мамонов и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю лицензионный диск голландской рок-группы **«Тич-Ин»**. Этот коллектив стал широко известен в 1975 году, когда успешно выступил на конкурсе Евровидения. Шлягеры в исполнении «Тич-Ин» (солисткой группы была певица Гитти) были лидерами многих европейских хит-парадов и вошли в диск **«Лучшие песни»**, который и выпустила «Мелодия». Мало кого оставлял равнодушным жалостливый медляк **«Я одинок»**, звучавший на всех танцплощадках страны от Москвы до Владивостока. Среди других шлягеров этого диска назову следующие: **«Нет времени»**, **«Летней ночью»**, **«Прекрасный день»**, **«Дин-Дон»**, **«До свиданья, старый друг»**, **«Улетай»**.

1976 Октябрь

Анатолий Карпов хочет сразиться с Фишером. Бюстомания продолжается. Как попадали на концерты «Машины времени». МУР арестовал Япончика. КГБ бдит за Глазуновым. Интриги против режиссера Бориса Равенских. Юрий Любимов влюбляется в иностранку, а у него в помощниках — главный идеолог Венгрии. Владимир Войнович пишет письмо министру связи. Старт «Союза-23». Любимов объясняется с женой. Как актер Шаповалов пародировал Брежнева. В Москве гастролирует Чеслав Неман. Очередная неудача советской космонавтики: десять часов в ледяной воде. Умер киношный Александр Пархоменко. Карпов получает отказ. Приговор банде отморозков. Покаянное заявление французского туриста. Как хотели убить академика Лихачева. Косыгин вернулся с того света. Брежнев обещает молочные реки. Борис Ельцин приходит к руководству Свердловской области.

Анатолий Карпов продолжает лелеять надежду на то, что власти разрешат ему сыграть с Робертом Фишером. Как мы помним, Спорткомитет СССР выступил резко против этой идеи, опасаясь, что Карпов может проиграть американцу, и ЦК КПСС это мнение поддержал. Карпова этот отказ уязвил: получалось, что не только на Западе, но и на Старой площади сомневаются в его силе и мощи. Поэтому 1 октября Карпов отправил главе Спорткомитета Павлову очередное послание по этому поводу. Приведу лишь несколько отрывков из него:

«Убежден, что моя встреча с Фишером (официальная или неофициальная) неизбежна по крайней мере по двум причинам:

а) Фишер никогда не появлялся на околошахматном горизонте как манекен — всегда за своим появлением он начинал активную практическую шахматную деятельность;

б) имеются сведения о том, что в настоящее время Фишер твердо намерен начать выступления в шахматных соревнованиях...

Я очень тщательно готовился к матчу с Фишером в 1975 году... Реально и, насколько это возможно, объективно подходу к этому вопросу, я могу сказать, что, с одной стороны, уверен в своих силах, а с другой — у меня нет никаких оснований уклоняться от встречи с американцем за шахматной доской. Нашей Родине нужен шахматный король, а не, как пишет зарубежная пресса, «принц, наделенный королевскими полномочиями»...

Нисколько не переоценивая своих возможностей, я убежден сегодня, так же, как был убежден 1,5 года тому назад, что у меня есть все шансы добиться успеха в матче с Фишером. Я считаю необходимым решить вопрос о его организации...»

В воскресенье, 3 октября, бюстомания среди высшего руководства страны получила свое продолжение: в тот день на родине главного идеолога страны Михаила Сулова — в селе Шаховском Павловского района Ульяновской области — был открыт его бронзовый бюст, по-

ложенный ему как дважды Герою Соцтруда. Как мы помним, в мае «бюстовый» почин среди членов Политбюро открыл Брежнев, затем его поддержал в этом начинании Подгорный, и вот теперь к этому списку добавился Сулов. На очереди был Андрей Кириленко, которому месяц назад, к 70-летию, присвоили второе звание Героя Соцтруда. Глядя на эту катавасию, народ отреагировал на нее невеселой присказкой: «Нет ни мяса, ни шмотья, зато бюстов до х...я».

Между тем Андрей Макаревич живет в бешеном ритме. Он работает в «Гипроттеатре», учится заочно в архитектурном институте да еще выступает с концертами в составе рок-группы «Машина времени». Причем последней деятельности он отдает практически всю свою душу, в то время как работа и учеба занимают его гораздо меньше. Например, в «Гипроттеатре» он явно отбывает время. Им была придумана хитроумная штука: в его столе под чертежами была проделана дырочка, куда вставлялся грифелем твердый карандаш, на который можно было повесить кисть правой руки, левой рукой подпиралась голова — и образ архитектора, задумавшегося над проектом, был налицо. В этой трудной позе Макаревич спал до семнадцати тридцати, после чего сломя голову летел в институт засветиться, узнать, когда и какие зачеты, и, наконец, к девятнадцати ноль-ноль он объявлялся на репетиции в ЖЭК № 5 (там у «Машины» была база).

Той осенью «Машина времени» интенсивно гастролировала, давая концерты как в Москве, так и в ее окрестностях. Концерты были полуподпольные — то есть государственные гастрольные организации к ним не имели никакого отношения. Обычно за один такой концерт «машинистам» платили 250 рублей. О том, каким образом люди попадали на эти выступления, рассказывает очевидец — Алексей Мускатин:

«Свой первый концерт я организовал 4 октября 1976 года. Это был концерт «Машины времени». Мне тогда было 14 лет. Все началось летом на даче. Мы играли в карты, в «очко». И я продел 33 рубля. Это были тогда бешеные деньги. Стипендия в машиностроительном техникуме, куда я только-только поступил, была 30 рублей. А кружка пива стоила 20 копеек. На 33 рубля можно было целый месяц, не вылезая, сидеть в пивнушке. Встал вопрос, как отдать долг.

А наш район Кожухово, надо заметить, был тогда своеобразной «Меккой подпольного рока». Дело в том, что на его территории находилось много общаг. В них были красные уголки. И там оседали разного рода самодельные рок-группы, в том числе легендарные «Високосное лето», «Рубиновая атака», «Удачное приобретение». Руководство общаг на них смотрело сквозь пальцы. Им нужно было ставить галочки, что они проводят какую-то культмассовую работу.

Большая часть такого рода групп выступала бесплатно. Но некоторым — «Машине времени», «Араксу», «Високосному лету» — уже устраивали концерты за деньги. Разумеется, нелегально. У нас в техникуме ходили люди и из-под полы предлагали билеты на них. Как я потом узнал, они получали их у бас-гитариста одной из групп, который выступал под псевдонимом Юрий Мулявин. Он отдавал билеты по 2—3 рубля. А распространители перепродавали их по 3—4. Я смекнул, что, продав 30 билетов, можно сразу отдать долг. Конечно, к Мулявину меня никто не подпустил. Но мне повезло: я получил билеты на «Машину времени» с минимальной наценкой, так сказать, из вторых рук. Продавая их, я всем говорил, как это клево и круто, хотя сам никогда эту группу не слышал.

Перед началом концерта происходил бардак полный: те, кто распространял билеты, стояли на входе, отбирали их у входящих и тут же перепродавали их по второму разу. В какой-то момент у дверей никого не оказалось. И зрители начали отдавать билеты мне. Мгновенно нашлись и желающие их купить. Так я заработал еще около 70 рублей. После этого я решил заниматься этим делом постоянно...»

В эти же дни в милицмейские сети угодили Вячеслав Иванов, больше известный в криминальных кругах как Япончик. Мы помним, что в начале июня он «наехал» на одного антикварщика — забрал у него автомобиль, — тот заявил на него в милицию, и Иванову была устроена засада у Театра Советской Армии. Но он тогда сумел скрыться. В течение нескольких месяцев беглец скрывался за пределами столицы, а милиция буквально сбивалась с ног в его поисках. За это время друзья Иванова делали все от них зависящее, чтобы «отмазать» кореша (его обвиняли в разбое и покушении на жизнь сотрудников милиции). В частности, хорошо известная в криминальных кругах Калина Ни-

кифорова дала показания, что коллекционер, у которого якобы Иваньков отобрал автомобиль, пострадал справедливо — он, дескать, «кинул» друга Япончика на кругленькую сумму, а отдавать деньги не хотел. Вот Япончик и забрал у него временно автомобиль — до того дня, пока деньги не найдутся.

Старания друзей Иванькова принесли свои плоды: вскоре вменяемые ему преступления — разбой и сопротивление работникам милиции — отпадают. Остается только вымогательство и хранение оружия, по которым наказания — чисто символические. Ходили слухи, что следователь, который помог смягчить участь Иванькова, получил за это сумму, равную стоимости четырех «Волг». Однако, даже несмотря на это, беглец не спешил сдаваться в руки правосудия. Пока во вторник, 5 октября, его не задержали оперативники МУРа.

В тот день Иваньков собрался уехать из Москвы, куда он тайно приехал несколько дней назад, в Сочи. Оперативники вели его «Жигули» практически от дома, где он скрывался, и все ждали удобного момента, когда его можно будет взять. На площади Маяковского Иваньков вышел из машины, чтобы купить что-то в киоске, но муровцы брать его не рискнули — на площади было слишком оживленно, а у Япончика мог быть с собой пистолет (на самом деле оружия у него не было). Слежка продолжилась. На площади Ромена Роллана «Жигули» вновь притормозили — на этот раз у продуктового магазина, — и Иваньков снова вышел наружу. На этот раз он решил затариться фруктами и пивом. Вместе с приятелем они купили ящик «Жигулевского», какие-то плоды и уже собирались спрятать все это в багажник, как тут со всех сторон к ним бросились оперативники. На одном Япончике повисли сразу трое муровцев, чем и был предreshен успех операции — беглец был задержан.

Непростое время переживает в те дни художник Илья Глазунов. Как мы помним, с недавнего времени он стал чуть ли не придворным художником, рисуя портреты членов Политбюро (портрет Брежнева его кисти был опубликован в сентябрьском номере «Огонька»), а также зарубежных деятелей (Индиру Ганди, Сальвадора Альенде, Фиделя Кастро и др.). Благодаря этому художник сумел добиться, чтобы ему предоставили более просторную мастерскую, чем у него была до этого, про него

снимают документальный фильм (преьера состоится 20 октября). Но дружба Глазунова с властью предержажими вызывает недоверие у тех же спецслужб, которые подозревают художника в неискренности: мол, он только внешне выражает свое почтение к верхам, а на самом деле является чуть ли не диссидентом. В то же время КГБ заинтересован в том, чтобы Глазунов, имеющий определенный вес в творческих кругах, был целиком на стороне власти. Об этом наглядно говорит записка от 8 октября, которую председатель КГБ Андропов направил в ЦК КПСС. Приведу лишь некоторые отрывки из нее!

«...С одной стороны, вокруг Глазунова сложился круг лиц, который его поддерживает, видя в нем одаренного художника, с другой — его считают абсолютной бездарностью, человеком, возрождающим мешанский вкус в изобразительном искусстве...

Глазунов — человек без достаточно четкой политической позиции. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям. Сумбурность его политических взглядов иногда не только настораживает, но и отталкивает. Его дерзкий характер, элементы зазнайства также не способствуют установлению нормальных отношений в творческой среде.

Демонстративное непризнание его Союзом художников углубляет в Глазунове отрицательное и может привести к нежелательным последствиям, если иметь в виду, что представители Запада не только его рекламируют, но и пытаются влиять, в частности склоняя к выезду из Советского Союза.

В силу изложенного представляется необходимым внимательно рассмотреть обстановку вокруг этого художника. Может быть, было бы целесообразно привлечь его к какому-нибудь общественному делу, в частности, к созданию в Москве Музея русской мебели, чего он и его окружение настойчиво добивается...»

Не менее трудное время выпало на долю главного режиссера Малого театра Бориса Равенских. Как мы помним, у него давно не складываются отношения с директором театра Михаилом Царевым (как мрачно пошутил главреж Театра на Малой Бронной Анатолий Эфрос: «Отношения между Равенских и Царевым носят ярко выраженный аграрный характер: оба хотят друг друга поглубже закопать в землю»).

Несмотря на шумный успех лучшего спектакля Равенских «Царь Федор Иоаннович» с новым исполнителем Юрием Соломиным, дирекция добивается снятия Равенских с поста главного режиссера. В эту травлю активно включается и часть труппы, которая откровенно травит Равенских, совершая по отношению к нему разные мелкие пакости: срывают его фамилию с вешалки в гардеробе, его фото в фойе, крадут ключи от его кабинета и т. д. Короче, создают ему все условия для того, чтобы он поскорее написал заявление об уходе. Но Равенских находит в себе силы остаться в театре.

А вот другой столичный режиссер — руководитель Театра на Таганке Юрий Любимов — в эти же дни переживает совсем иные чувства: он по уши влюбился. Как мы помним, «Таганка» находится в Венгрии, куда привезла два своих лучших спектакля: «Гамлет» и «10 дней, которые потрясли мир». И вот в насыщенном графике гастролей Любимов умудряется найти время для любовного романа, которому впоследствии суждено будет стать для него судьбоносным. Между тем объектом страсти Любимова была молодая венгерская переводчица Каталин Кунц. Стоит заметить, что в Москве режиссера ждала жена — актриса Людмила Целиковская, с которой он состоял в браке вот уже более десяти лет. Но Любимова это не остановило. Как вспоминает он сам:

«Сначала ко мне приставили другую переводчицу, она мне не понравилась, и я со свойственной мне глупой непосредственностью стал что-то едкое говорить, когда мы проезжали мимо снесенной статуи Сталина. «Только сапоги остались от товарища Сталина?» А она мне — вопросы провокационные. Я ей ответы — сообразно своим взглядам по разным вопросам. Короче говоря, как потом выяснилось, дама все доносила в советское посольство. После этой переводчицы-провокаторши Общество венгерско-советской дружбы прислало мне другую — Каталину, или Катерину. И она мне сразу очень понравилась. На ней было такое платьице — довольно обыкновенное, летнее. Она была очень подтянута, деликатна и тогда какая-то очень стеснительная. Она была очень пунктуальна, аккуратна в работе. А потом куда-то исчезла. Когда ее начальница читала речь по бумажке на какой-то важной встрече, я отметил, что она как-то очень грамотно составлена. «Кто же сочиняет?» — поинтересовался

я. «Да вот она стоит», — и показали на Каталину. Тут я и понял, что, видимо, она исчезла сочинять речи. «А нельзя ли, чтобы она была со мной?» — попросил я...»

Стоит отметить, что Каталин, которая закончила филфак МГУ, на тот момент тоже была не свободна — у нее был муж, известный ученый-астроном. Но ее это обстоятельство тоже не остановило. По ее же словам: «Я ждала Юрия в гостинице. Вижу — идет человек, седой. Красивый, как лев. Порода в нем видна. Светлые волосы, джинсовый костюм, платочек на шее, ворот рубашки нараспашку. Он мне сразу понравился. И второе потрясение я испытала, когда увидела его спектакли. У меня перехватило дыхание... Мне абсолютно наплевать было, дарит он мне что-то или нет. Наоборот, это у меня была внутренняя потребность завоевать этого человека. Первый раз в жизни я почувствовала, что хочу понравиться мужчине. Но я не показывала виду. И он тоже. Не надо, чтобы нашу симпатию кто-то видел...»

Однако влюбленные были наивны — про их роман уже вовсю судачили, как в Обществе венгеро-советской дружбы, так и на «Таганке». Более того, кто-то из актрис, подруг Целиковской, позвонил ей в Москву и рассказал о том, чем здесь занимается ее муж в свободное время. А влюбленные тем временем искали малейший повод, чтобы встретиться наедине. Например, в один из дней Любимов назначил Каталине свидание в одиннадцать вечера, но перед этим он должен был посетить светский раут в советском посольстве. Когда стрелки часов стали неумолимо приближаться к заветной цифре, а вечер и не думал завершаться, Любимова охватила паника. «Что делать?» — лихорадочно размышлял он, пытаясь найти выход из глупого положения. Спасение, как всегда, пришло с неожиданной стороны. Причем выручил Любимова второй человек в компартии Венгрии, главный идеолог Ацэл. Он собрался уходить домой, и Любимов тут же к нему «приклеился»: мол, не возьмете меня с собой? Ацэл сначала удивился: «Какие могут быть у вас срочные дела в одиннадцать вечера?» А сам смеется, видимо, уже зная о романе режиссера. Поняв это, Любимов ответил: «Но вы же догадались. Мне обязательно надо быть». И они вдвоем направились к выходу. Но у самых дверей им закрыл дорогу советский посол Павлов: «Вы, собственно, куда?» Слово взял Ацэл:

«Я просил товарища Любимова проводить меня. У меня с ним серьезный разговор». Посол отступил. Ацэл домчал Любимова до гостиницы, где его уже заждалась Каталина.

В понедельник, 11 октября, свет увидели Указы о присвоении званий народных артистов СССР двум популярным советским актерам — Олегу Ефремову и Юрию Яковлеву. Народ встретил эту новость с одобрением — оба действительно пользовались всеобщей любовью и давно заслужили эти высокие звания.

На следующий день в Москве выпал снег, чего в столице не случалось более тридцати лет — последний раз белое покрывало накрывало город в эти сроки 1 октября 1945 года. Из-за раннего снега были отменены натурные съемки в фильме «Служебный роман» — в тот день снимались только фоны, после чего в группе наступит недельный перерыв.

Тем временем у писателя Владимира Войновича продолжает молчать телефон. Взяв чистый лист бумаги и ручку, Войнович сел за письмо самому министру связи СССР Н. Талыzinу. На календаре было утро вторника, 12 октября. Поскольку Войнович обладал врожденным даром сатирика, послание у него вышло соответствующее. Приведу лишь несколько отрывков из него:

«Уважаемый Николай Владимирович!

С глубочайшей тревогой довожу до Вашего сведения, что в возглавляемой Вами отрасли народного хозяйства скрывается враг разрядки международной напряженности, захвативший ответственный пост начальника Московской городской телефонной сети...

С невероятным трудом мне удалось установить, что телефон мой отключен по распоряжению начальника Московской телефонной сети Виктора Фадеевича Васильева. Но за что?..

Поэту Коржавину я ничего хулиганского не сказал. Вы можете позвонить ему и проверить, если, конечно, не боитесь, что и Ваш телефон после этого замолчит... Может быть, хулиганством считается сам факт разговора с другой страной? Для чего же тогда предоставляются абонентам подобные хулиганские услуги?

А вот то, что Ваш подчиненный Васильев подслушивает чужие разговоры, лжет сам, заставляя лгать других и лишает людей возможности общаться между собой — это и есть самое настоящее хулиганство...

Отключая мой телефон, Васильев не только самого себя позорит как хулигана, но пытается посеять сомнения в искренности усилий Советского Союза по развитию процесса разрядки и ставит в неловкое положение лично товарища Брежнева.

Не мне Вам говорить, Николай Владимирович, что врагов разрядки во всем мире еще немало. Хорошего помощника они нашли себе в нашей стране!.. Захватив телефонную сеть, враги разрядки могут пойти и дальше. А если они возьмут в свои руки еще и почту, телеграф, радио и телевидение, то тогда...

Чтобы уберечь нашу страну от столь неприятных последствий, я прошу Вас безотлагательно отстранить Васильева от занимаемой должности, а новому начальнику МТС приказать включить мой телефон...»

Как ни странно, но письмо Войновича возымело действие: нет, Васильева от занимаемой должности не отстранили (это было бы уж слишком), но телефон у писателя заработал. За что он, собственно, и ратовал в первую очередь.

14 октября с космодрома Байконур был произведен очередной старт космического корабля — на этот раз «Союза-23», пилотируемого экипажем в составе командира корабля подполковника Вячеслава Зудова и бортинженера подполковника Валерия Рождественского. Цель перед космонавтами была поставлена следующая: после досрочного возвращения на землю космонавтов Воынова и Жолобова они должны были состыковать свой корабль со станцией «Салют», перейти на ее борт и провести тщательную проверку работоспособности системы жизнеобеспечения, исследовать атмосферу и, в случае необходимости, сменить газовый состав в помещениях «звездного дома».

В тот же день в Москву из Венгрии вернулся Театр на Таганке. В аэропорту Шереметьево артистов встречали немногочисленные поклонники и родственники. Среди последних была и жена главрежа театра Юрия Любимова актриса Людмила Целиковская. Поэтому, когда Любимов, еще спускаясь по трапу, заметил внизу свою супругу, сердце его сжалось — но не от боли, а от предчувствия неминуемого скандала. А его жуть как не хотелось в присутствии стольких любопытных глаз. Но режиссер опасался зря: Целиковская была умной жен-

щиной, к тому же она всегда стояла на принципиальной позиции, что творческий человек имеет право на мимолетные романы. Поэтому встретила мужа как подобает любящей жене — с улыбкой на устах. И даже дома, когда они остались наедине, она ни словом не вспомнила о том, что ей наговорили по телефону доброжелатели. Она надеялась, что и на этот раз мужу под хвост попала всего лишь мимолетная вожа. Увы, она ошиблась, но до их расставания с Любимовым еще оставалось несколько месяцев.

Между тем для Любимова это было не последнее испытание. Буквально на следующий же день после возвращения в Москву его вызвали в горком партии. Один из тамошних боссов, отвечавших за идеологию, приняв его в своем кабинете, чуть ли не с порога огорошил заявлением: его актеры занимаются откровенной антисоветчиной. «А вы этому потворствуете!» — закончил свою гневную речь партначальник. «Позвольте, но в чем дело?» — искренне удивился Любимов. «А в том, что ваш актер Шаповалов оскорблял товарища Брежнева, изображая его в самом непотребном виде!»

У Любимова отвисла нижняя челюсть. В течение нескольких секунд он никак не мог понять, пока наконец до него не дошло. Действительно, артист Виталий Шаповалов, или, как его называли за глаза, — Шопен, обладал уникальным даром копировать речь Брежнева. Да еще к тому же он и внешне чем-то смахивал на генсека. И на одной из гастрольных вечеринок, проходившей в номере будапештской гостиницы, выпив лишку, он в течение нескольких минут изображал то, как Брежнев читает доклад на съезде. Ржачка стояла поголовная. Однако, как теперь выясняется, среди ржавших был и стукач, который уже на следующий день оперативно донес на имитатора в советское посольство, а оттуда информация пошла уже в Москву. И теперь Любимову надо было либо выручать артиста, либо отречься от него, чтобы самому не попасть под раздачу. Он выбрал первое. Вернув челюсть в нормальное положение, режиссер сказал: «Да вы с ума сошли! Шаповалов и не думал оскорблять уважаемого Леонида Ильича. Он всю жизнь мечтал сыграть его на сцене, даже меня достал своими предложениями дать ему такую роль. А поскольку таковой у меня нет, а желание у него

есть, вот он и репетирует на публике. А что тут такого? Ведь играли же артисты Ленина, Сталина».

То ли Любимов говорил слишком убедительно, то ли партначальник попался очень доверчивый, но услышанное заставило его сменить гнев на милость. Пообещав не принимать никаких мер против артиста, он попросил Любимова передать ему, чтобы впредь он репетировал роль генсека исключительно дома и желательнее без свидетелей.

Самое время взглянуть на киношную афишу. В первой половине октября в столичных кинотеатрах были показаны следующие премьеры: 4-го — «Стрелы Робин Гуда» Сергея Тарасова с участием: Бориса Хмельницкого, Юрия Каморного, Бориса Химичева и др.; 11-го — «Последняя жертва» Петра Тодоровского с участием: Маргариты Володиной, Олега Стриженова, Михаила Глузского и др. 9 октября в столичном Доме кино был открыт новый сезон показом фильма Ларисы Шепитько «Восхождение». Из фильмов зарубежного производства выделю следующие: 4-го в прокат вышла лента американского режиссера Майкла Андерсона «Вокруг света за 80 дней», 11-го — лента режиссера этой же страны Мартина Скорсезе «Алиса здесь больше не живет». С 7 октября в «Ударнике» прошла Неделя фильмов ГДР, где была показана новая картина с участием главного индейца Советского Союза Гойко Митича — «Братья по крови» (его партнером там был не менее популярный у нас в стране певец Дин Рид, который одновременно являлся и режиссером фильма).

Кино по ТВ: «Друг мой, Колька!» (1-го), «Деловые люди», «Офицеры» (с субтитрами), «Учитель пения» (3-го), «Юнга со шхуны «Колумб» (4-го), «Сибирь» (преьера т/ф 4—5, 8, 13—15-го), «Поздний ребенок» (5-го), «Ждем тебя, парень» (6-го), «Такие высокие горы» (7-го), «Новые похождения Кота в сапогах» (9-го), «Ну что же ты, папа?» (9—10-го), «Мать», «Ночь ужасов» (преьера т/ф 10-го), «Михайло Ломоносов» (11-го), «Красные поляны» (12-го), «Город у моря» (преьера т/ф 15-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 9-го в Театре имени Моссовета — «На полпути к вершине»; 12-го в Театре имени Пушкина — «Мужчины, носите мужские шляпы»; 15-го в ЦТСА — «Конец» с участием: Ларисы

Голубкиной, Алины Покровской, Геннадия Крынкина и др.

Эстрадные представления: 4—6, 9—11, 14—16-го — в ГТЭ выступал Аркадий Райкин в спектакле «Зависит от нас»; 7—8-го — там же пел Юрий Богатиков. В эти же дни в Москве гастролирует известный польский композитор и рок-музыкант Чеслав Неман (Выджицкий). Сын настройщика роялей, Чеслав закончил музыкальное училище (Гродно) и высшую музыкальную школу (Гданьск). В конце 50-х играл в студенческом Жан-клубе на бас-кларнете. В 1962 году на Щецинском фестивале молодых талантов вошел в «золотую десятку», после чего его пригласили в известную группу «Небеску-чарни». Во время триумфальных гастролей в парижской «Олимпии» Чеслав взял себе псевдоним — Неман (в честь одноименной реки, где прошло его детство). В 1965 году Неман получил главный приз фестиваля в Ренне — «Серебряного горностая» — и приз за оригинальное выступление. Два года спустя создал группу «Акварели» и был удостоен главной награды на фестивале в Ополе за песню «Странный этот мир». В Советском Союзе Немана хорошо знали, и здесь у него было множество поклонников. Однако до 76-го года он ни разу не приезжал в нашу страну. Поэтом его первые гастролы вызвали небывалый ажиотаж — в ГТЭ яблоку негде было упасть. Правда, не все из пришедших остались довольны увиденным, услышав в исполнении Немана достаточно сложную программу, состоящую из композиций на стихи поэтов XIX века: «Лицом к солнцу», «Моя отчизна», «Похвала труду», «Цветы радуги» и др. Выступал Неман в сопровождении всего трех музыкантов: соло- и бас-гитаристов, ударника.

Между тем советскую космонавтику продолжают преследовать неудачи. Два месяца назад раньше срока вернулись на землю космонавты Волинов и Жолобов, как та же участь постигла и двух других — Зудова и Рождественского, которые стартовали всего лишь несколько дней назад — 14 октября. Они летели в долгую командировку на станцию «Салют», но уже с самого начала полета у них отказала система сближения. А это свело на нет и всю долгую наземную подготовку, и все попытки экипажа попасть на станцию. И хотя космонавты были готовы повторить еще раз попытку сты-

ковки, однако с земли был дан приказ «отбой». И правильно: соударение двух многотонных объектов на орбите могло трагически закончиться и для людей, и для техники. Однако приключения космонавтов на этом не закончились.

На земле наступила суббота, 16 октября, когда капсула с космонавтами начала приземление в районе озера Тенгиз, что в 195 километрах юго-западнее города Целинограда. По злой иронии судьбы, аппарат приземлился не на землю, а аккурат в само озеро. Холодная вода пропитала ткань парашюта, и она пошла на дно, а капсула, как поплавок, перевернулась люком вниз, в воду, двигателями мягкой посадки вверх. Космонавты оказались пристегнутыми в ложементах вверх ногами. Ощущение, скажем прямо, не из приятных.

Тем временем к месту падения аппарата мчались спасатели. Их путь был труден, поскольку мела сильная пурга, да еще накануне ударил мороз (минус 20). Но на помощь космонавтам пришли местные жители, которые первыми появились у места падения и, разобрав заборы, развели огромные костры. Они и стали ориентирами для спасателей. Однако густой туман и порывистый ветер никак не позволяли «вертушкам» приблизиться к бултыхающейся капсуле. Запросили Москву — мол, может, спасти космонавтов как-нибудь иначе, — но оттуда поступил приказ: только с вертолетов (опыта вызволения корабля из воды не было). Кстати, из-за этого едва не случилось массовое побоище: несколько подвыпивших местных жителей стали спускать на воду лодку, опасаясь, что космонавты могут замерзнуть, а спасатели бросились их оттаскивать от берега. С большим трудом, но конфликт удалось ликвидировать.

Между тем космонавты ждали помощи. Как вспоминает В. Зудов:

«Мы выключили все приборы, даже на радиосвязь с группой поиска выходили лишь в строго определенное время. Синтетические скафандры, надетые на голое тело, лишь помогали быстрее замерзнуть. Полезли в аварийный запас, нашли нож и, искромсав ткань, стянули их с себя. Потом минут пятнадцать влезали в шерстяные спортивные костюмы. Ощущение было, будто мы вдвоем забрались вверх тор-машками в платяной шкаф и там передеваем-

ся. Дышать старались через раз: воздух заканчивался, поскольку вентиляция была залита водой. Ждем. Терпение уже на исходе. Вдруг снаружи стук, и мы услышали: «Ребята, вы живы?» Наконец-то! Но это, оказывается, на резиновой лодке приплыл командир одного из вертолетов — Чернявский. Из Москвы поступила команда: «Спасать экипаж!» А поскольку вертолет он поднять в воздух не мог, то, как дисциплинированный офицер, решил выполнить команду по-другому.

— Выходите, я вас доведу до берега! — предложение было заманчивое, но невыполнимое. Ведь люк, через который мы могли бы выбраться, был под водой. Да и лодка у «спасателя» была одноместной. Очень быстро Чернявский понял, что и сам оказался в западне: уйти не сможет, так как до берега далеко, и сил гребсти против ветра у него не хватит. Он привязал лодку к капсуле и тоже стал ждать. Нас, замерзших, стало трое.

Тем временем на металлических частях внутри корабля появилась изморозь, мы ею растерли виски, чтобы не потерять сознания...»

Только ближе к утру к месту приземления привезли аквалангистов. Но приступить к спасению космонавтов «с пылу, с жару» не получилось — мешала плохая погода. Опять пришлось ждать. Когда наконец на небе появилось просветление, космонавты находились в ледяной воде уже десятый час. Но вот опытные пилоты Николай Кондратьев и Олег Нефедов зависли на вертолете над капсулой и спустили вниз лестницу — для Чернявского. Тот уже настолько замерз на ветру, что еле передвигал конечностями. (Чуть позже его захотят выгнать из авиаотряда за самоуправство, но благодаря заступничеству космонавтов дело обойдется лишь порицанием.) После этого аквалангисты закрепили трос к стренге капсулы, и ее подняли над водой. Затем почти час летели до берега. Когда космонавты наконец появились наружу, их встретило громогласное «ура», вырвавшееся из сотни глоток. Кстати, пресса об этом спасении ничего не написала, сообщив советским гражданам, что «произошло благополучное приводнение космического корабля в расчетную точку».

17 октября из жизни ушел актер Александр Хвыля. Начав свой путь в кино в начале 30-х с малозначительных ролей, этот актер затем вы-

тянул счастливый билет — сыграл двух национальных героев и сразу стал знаменит. Речь идет о герое Украины Кармелюке и герое Гражданской войны Александре Пархоменко (одноименные фильмы 1939 и 1942 годов). Чуть позже с ролей героических персонажей Хвыля перешел на роли характерные, комедийные. Большой успех сопутствовал его ролям в фильмах-сказках: «Марья-искусница» (1960), «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1961), «Морозко» (1965), «Огонь, вода и... медные трубы» (1968). На момент смерти актеру шел 72-й год.

В среду, 20 октября, глава Спорткомитета СССР Павлов направил в ЦК КПСС очередное письмо, касающееся предполагаемого матча за шахматную корону между Карповым и Фишером. И он в своем письме в ЦК написал следующее:

«Спорткомитет СССР продолжает считать в принципе нецелесообразным проведение подобного матча... В случае получения конкретных условий от Фишера и его компаньонов полагаем целесообразным вести дело на затяжку переговоров, а также совместно с А. Е. Карповым разработать такие контрпредложения, которые создавали бы предпочтительные условия для чемпиона мира и были неприемлемы для Р. Фишера».

В тот же день, 20 октября, в Перми был оглашен приговор банде отморожков (главарь — 29-летний Александр Жидков по прозвищу Спартак), которые в декабре прошлого года за несколько часов убили пять человек (среди них был и ребенок в утробе матери) и около десяти ранили. Это преступление имело столь большой резонанс, что эхо его докатилось до Москвы. Оттуда пришел приказ рубить головы всем провинившимся. Были сняты со своих должностей начальники Пермского и Орджоникидзевского ОВД, линейного отдела милиции Пермь-II. Начальника управления угро предупредили о неполном служебном соответствии. Начальнику штаба ОблУВД объявили выговор. Вообще наказанных было много — список их фамилий растянулся на полторы страницы. Но особый счет был предъявлен к убийцам.

В своем последнем слове на суде главарь банды Жидков сказал: «Заслуживаю только смертную казнь. Лично для меня 15 лет заключения — это равносильно механической смерти в рассрочку. Предпочитаю пулю, а не само-

едство». Ему пошли навстречу — Жидков был приговорен к «вышке». Эта же участь постигла и двух его поделщиков — Веретельникова и Левченко (последний, не смирившись с приговором, после окончания суда попытался напасть на караульного, но был сбит с ног и утихомирен). Четвертый бандит — Баландин — был осужден на 15 лет заключения с отбыванием первых пяти лет в тюрьме, с последующей ссылкой. Еще пятеро преступников получили более мелкие сроки — от 3 до 6 лет тюрьмы.

И еще одно событие, датированное 20 октября, хотелось бы отметить: в перерыве футбольного матча на Кубок европейских чемпионов между киевским «Динамо» и греческой командой «ПАОК» (Солоники) (матч начался в 19.00 и завершился победой киевлян со счетом 4:0) было показано покаянное заявление французского гражданина Жана-Кристиана Тира, арестованного в Москве 1 сентября. Как мы помним, в тот день он распространял антисоветские листовки у метро «Пушкинская», но был схвачен и препровожден в СИЗО КГБ в Лефортово. Там с Тиром была проведена определенная работа, которая дала прекрасные результаты — он согласился выступить с покаянным заявлением, которое было озвучено не только по ТВ, но и публиковалось в центральных газетах. Приведу лишь несколько отрывков из него:

«Перечислить все, что мне понравилось, просто невозможно (речь идет о СИЗО в Лефортово. — *Ф.Р.*)... В камерах отопление было включено намного раньше, чем в кабинетах следователей! Питание — хорошее, дежурные — вежливы и не грубы, гигиенические условия — нормальные и т. д...

Советские граждане, которых я встречал на улицах, совершенно не имели того облика, который представляют угнетенные народы. Они хорошо одеты, вежливы, а при общении с ними я ощущал гражданское чувство, человеческую теплоту, которые давно уже исчезли у нас. Особенно это чувство я испытал в метро, которое при первом взгляде уже представляет собой грандиозное достижение, а его чистота в сравнении с парижским или нью-йоркским метро оставляет великолепное впечатление. Никакой толкотни, шума, нет ни нищих, ни банд оголтелых хулиганов, представляющих настоящее бедствие для нашего транспорта!..»

Кто помнит Москву того времени, наверняка согласится с французом: СИЗО в Лефортово действительно было лучшим в стране, а метро и сейчас, спустя четверть века после описываемых событий, поражает своей чистотой. Банд оголтелых хулиганов в нем не появилось, но вот с нищими беда — они теперь курсируют в подземке регулярно, донимая пассажиров одной и той же песней: «Сами мы не местные...» Но вернемся в год 76-й.

В те октябрьские дни в Ленинграде едва не погиб академик Дмитрий Лихачев. Неприятности для него начались еще в мае, когда он позволил себе публично защищать Александра Солженицына и Андрея Сахарова: за это неизвестные облили бензином дверь его квартиры и подожгли. По счастью, огонь удалось быстро потушить. Но даже после этого Лихачев не отступил от своих убеждений и продолжал защищать диссидентов. И тогда его приговорили к смерти.

В один из тех октябрьских дней Лихачев должен был выступать на филфаке Ленинградского университета с докладом о «Слове о полку Игореве». Доклад лежал в широком боковом кармане пальто, а книжка с самим «Словом...» — во внутреннем, у сердца. Именно она и спасла жизнь академика. Когда за час до выступления он вышел из дверей своей квартиры, на лестничной площадке на него набросился неизвестный мужчина среднего роста. Он ударил Лихачева кулаком в солнечное сплетение; а когда тот согнулся, выхватил нож и нанес удар точно в сердце. Но лезвие не смогло пробить обложку. Отбросив академика к стене, нападавший убежал. Стоит отметить, что спустя месяц Лихачеву исполнится 70 лет и только два печатных издания — «Комсомольская правда» и «Литературная газета» — возьмут на себя смелость поздравить юбиляра с этой датой. Но вернемся в октябрь 76-го.

В те дни на свое рабочее место вернулся председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин. Как мы помним, в самом начале августа он едва не погиб, перевернувшись в лодке-байдарке. Брежнев, который давно недолюбливал премьера, обернул это несчастье себе во благо — назначил в замы к Косыгину своего человека Николая Тихонова. Тот все эти дни (да еще И. Архипов) и сидел «на хозяйстве». У недругов Косыгина была надежда на

то, что тот не сумеет полностью поправиться (как-никак ему шел 73-й год) и сам запросится на пенсию. Но этого не произошло. 19 октября Косыгин появился на переговорах с монгольским руководителем Цеденбалом, а три дня спустя встретился в Кремле с премьер-министром Польши Ярошевичем. Выглядел он при этом вполне нормально.

Вспоминает Н. Байбаков: «После выздоровления Алексей Николаевич снова включился в работу. И однажды, после рассмотрения какого-то документа по здравоохранению, завел со мной странную беседу. Он любил иногда поговорить на отвлеченные темы, вероятно, чтобы снять напряжение. На сей раз после длительной паузы он вдруг спросил:

— Скажи, ты был на том свете?

Я ответил, что не был, да и не хотел бы там быть.

— А я там был, — с грустноватой ноткой отозвался Алексей Николаевич и, отрешенно глядя перед собой, добавил: — Там очень неуютно...»

В понедельник, 25 октября, в Москве открылся очередной Пленум ЦК КПСС (шел два дня). На нем с большой речью выступил Брежнев. Он с гордостью сообщил собравшимся, что «битва за хлеб 1976 года выиграна и выиграна с честью». По его словам, колхозниками на день Пленума было уже намолочено более 216 миллионов тонн зерна, а это значит, что еще чуть-чуть — и будет побит рекорд 73-го года, когда было намолочено 222 миллиона тонн (рекорд действительно побьют). Правда, сведущие люди знали, что вся эта цифирь от лукавого — ведь намолоченное зерно еще надо было довести до амбаров (в Советском Союзе той поры цифры потерь от перевозки достигали 30—40%).

Кроме этого, Брежнев пообещал повысить к концу X пятилетки, то бишь к 1980 году, среднюю зарплату рабочих и служащих до 170 рублей, а колхозников — до 116 рублей. Зал встретил это сообщение громом аплодисментов. Стоит отметить, что хлопали сплошь люди, зарплата которых уже тогда, за четыре года до X пятилетки, составляла свыше 500 рублей. Нахлопавшись вдоволь, эти люди потянулись в кремлевский буфет, который по этому случаю выставил на столы самые изысканные разносолы и все по дешевке: черную икру за 40 копеек, красную рыбу за 36 копеек, грибной жульен за

44 копейки и т. д. и т. п. Кстати, в эти же дни по советскому ТВ показали интервью с президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном. Тот сообщил, что заработная плата французского рабочего составляет 1676 франков, что в пересчете на советские деньги равно 324 рублям. Так наш переводчик, шельма, эту часть речи президента попросту не перевел. Видимо, испугался сравнений.

В дни работы Пленума в Москве находился Борис Ельцин, который тогда работал завотделом строительства Свердловского обкома партии, а в столице находился на учебе — грыз гранит науки в Академии общественных наук при ЦК КПСС. На следующий день после окончания Пленума его прямо с занятий вызывают на Старую площадь. Отправляясь туда, Ельцин в глубине души догадывался о возможной причине вызова: после того как на Пленуме 1-й секретарь Свердловского обкома Рябов был избран секретарем ЦК, его кресло осталось вакантным, и Ельцин был главным претендентом на него. Правда, был еще 2-й секретарь обкома Коровин, но его шансы занять пустующее кресло были равны нулю — уж больно сложный у него был характер, о чем знали даже в Москве.

В ЦК Ельцин обошел несколько кабинетов: был сначала у Капитонова, затем заглянул к Кириленко, потом к Сулову. И только после того, как главный партийный идеолог дал свое «добро», Ельцина привели к Самому — к Брежневу. Далее послушаем самого Б. Ельцина:

«Брежнев сидел в торце стола для заседаний. Я подошел, он встал, поздоровался. Потом, обращаясь к моим провожатым, Брежнев говорит: «Так это он решил в Свердловской области власть взять?» Капитонов объясняет: да нет, он еще ни о чем не знает. «Как не знает, раз уже решил власть взять?» Вот так, вроде и всерьез, вроде и в шутку, начался разговор. Брежнев сказал, что заседало Политбюро и рекомендовало меня на должность первого секретаря Свердловского обкома партии...

«Ну как?» — спросил Брежнев. Все это было, конечно, неожиданно для меня, область очень крупная, большая партийная организация... Я сказал, если доверят, буду работать в полную силу, как могу. Поднялись, он вдруг говорит: «Только пока вы не член ЦК, поскольку уже прошел съезд, выборы закончились». Я, естественно, и вопроса такого не мог

здать, но он почему-то таким оправдывающимся голосом это проговорил. Потом смотрит, а у меня нет депутатского значка Верховного Совета, и говорит: «Вы не депутат?» Я говорю: «Депутат». Он оглядывается на секретарей с удивлением: «Как депутат?» Я вообще-то совершенно серьезно говорю: «Областного Совета». Это, надо сказать, вызвало большое оживление, поскольку депутат областного Совета на таком уровне за депутата не считался. Ну, в общем, на том и расстались. Давайте, говорит, с Пленумом не тяните...» (Пленум, на котором Б. Ельцин был избран 1-м секретарем, состоится 2 ноября. — *Ф.Р.*)

Эльдар Рязанов продолжает снимать «Служебный роман». После натурных съемок группа переместилась в 10-й павильон «Мосфильма», где была выстроена декорация «кабинет» и «приемная Калугиной». Съемки там начались 25 октября. На следующий день снимали сцену разговора Калугиной и Новосельцева в приемной, 27—28-го — эпизоды в приемной и кабинете, 29-го — в рабочем зале института.

Во второй половине октября в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 18-го в прокат вышла комедия Сергея Николенко «Трын-трава», где главную роль сыграл сам создатель фильма, в остальных ролях снимались: Лидия Федосеева-Шукшина, Николай Бурляев и др.; 25-го — фильм В. Никифорова «Сын председателя», где председателя сыграл Владимир Самойлов, а в роли его сына выступил сын актера Александр Самойлов; 29-го — «Маяковский смеется» Сергея Юткевича и Анатолия Карановича, где снялись: Леонид Броневой, Ия Саввина, Галина Волчек и др. С 14 по 20 октября в кинотеатре «Россия» прошла Неделя фильмов Франции, где были показаны следующие фильмы: «Пистолет «Питон-357», «Мадо», «Дикарь», «Священный год» и др.

Кино по ТВ: «Вся королевская рать» (15—17-го), «Королевство кривых зеркал» (16-го), «Доктор философии» (преьера т/сп 17-го), «Николай Бауман» (18-го), «Юркины рассветы» (19—22-го), «Включите Северное сияние» (20-го), «Четвертый жених» (21-го),

«Морозко», «Неуловимые мстители» (23-го), «Дон Кихот», «Новые приключения неуловимых», «Мы с вами где-то встречались» (24-го), «Зоя» (25-го), «Нежность» (27-го), «Эти непослушные сыновья» (преьера т/ф 27—29-го), «Великие голодранцы» (29-го), «Варвара-краса, длинная коса», «Большая руда», фильмы Ч. Чаплина (30-го), «Человек-амфибия» (31-го) и др.

Из других передач назову: «Утренняя почта» (23-го, 30-го), «Кинопанорама» (23-го; в передаче был показан сюжет, посвященный 40-летию «Союзмультфильма», были представлены новые фильмы: «Страх высоты», «...И другие официальные лица», т/ф «Дни хирурга Мишкина», вспомнили про хит 20-х — комедию «Поцелуй Мэри Пикфорд», а на «десерт» гостем ведущего передачи Георгия Капралова стала актриса Ирина Мирошниченко).

Театральные премьеры: 21-го — в Театр-студии киноактера был показан спектакль «Чудо» с участием: Владислава Дворжецкого (дебют на сцене ТКА); 22-го в Театре на Малой Бронной — «Отелло», в роли Отелло — Николай Волков, Яго — Лев Дуров, Дездемоны — Ольга Яковлева; 26-го в филиале Малого театра — «Господа Головлевы»; 28-го в Театре имени Гоголя — «Старым казачьим способом» с участием: Бориса Чиркова, Ольги Науменко, Евгения Меньшова и др.; 29-го в ЦТСА — «Васса Железнова» с Ниной Сазоновой в главной роли.

Эстрадные представления: 16—18-го — в Кремлевском Дворце съездов высадился десант из Ленинграда в лице: Ирины Понаровской, Людмилы Сенчиной, Таисии Калиниченко и др.; 17—18-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали ВИА «Лайне» и «Акварели»; 20—25-го в ГЦКЗ — ансамбль Саши Суботы (Югославия); 24—25-го — во Дворце спорта состоялись концерты с участием: Льва Лещенко, Геннадия Хазанова, ансамбля «Мелодия» и др.; 20—21, 23—25, 30—31-го — в Театре эстрады продолжил свои выступления Аркадий Райкин.

1976 ноябрь

«Мимино»: съемки без Фрунзика. Письмо в защиту Сахарова. Как Подгорный хотел отучить генсека от зазнайства. «Торпедо» (Москва) — чемпион СССР по футболу. Обидели Ирину Понаровскую. Почему Пугачева была недовольна своим выступлением в «Огоньке». Трагическая судьба писателя Виктора Курочкина. Юрий Поляков в армии. Москвичи рвутся на американскую выставку в Сокольниках. «Сибиряда»: снимают пожар на нефтепромысле. Футбольный «Спартак» вылетает в первую лигу. Как Ирина Понаровская вытащила из петли режиссера Семена Арановича. Легендарная овчарка Пальма нашла нового хозяина. КГБ ищет книгу про советскую коррупцию. Возвращение Валерия Харламова. Заседание по НЛО. Снимают суд в «Мимино». Любовный роман Пугачевой и Стефановича: роспись кровью. Как «квасили» комсомольцы. Ноябрьские маршруты Высоцкого. Цензура не принимает фильм «Несовершеннолетние». Бесхитовая «Песня года». Пол Маккартни мечтает приехать в СССР.

Кинорежиссер Георгий Данелия снимает на «Мосфильме» комедию «Мимино». Съемки фильма начались еще в середине сентября в Грузии — в Телави и поселке Омала снимали эпизоды, относящиеся к деревенской жизни летчика Мизандари (Вахтанг Кикабидзе). В конце октября съемочная группа вернулась в Москву, чтобы здесь начать работу над столичными эпизодами. Так, в понедельник, 1 ноября, в 6-м павильоне студии должны были снимать эпизод, где Мизандари и его армянский друг Хачикян (Фрунзе Мкртчян) случайно встречаются с земляком Мизандари, Палишвили (Арчил Гомиашвили), который много лет назад обещал сестре летчика жениться на ней, однако «поматросил и бросил». Несмотря на то что все в тот день у киношников было на мази, съемки не состоялись — из Еревана не смог прилететь Мкртчян. Причина у него была уважительная, но неожиданная: премьеру спектакля, в котором он играл главную роль, перенесли с конца октября на месяц позже. И все эти дни Мкртчян был занят в прогонах.

Поскольку простаивать было накладно, решили снимать те эпизоды, где его герой не участвовал. Так, 2 ноября сняли несколько мизансцен, где Мизандари выясняет отношения с женой Палишвили (Микаэла Дроздовская). К сожалению, эти сцены в окончательный вариант фильма не войдут.

В тот же день в газету «Труд» было направлено письмо от ветерана партии, члена КПСС с 1926 года, Р. Лерт. Не стал бы упоминать об этом факте (мало ли писем приходило в те годы в газеты), если бы не одно «но»: старая партийка в своем послании брала на себя смелость защищать академика Андрея Сахарова, которого «Труд» в своем политическом фельетоне от 28 октября под названием «Хроника великосветской жизни» припечатывал к позорному столбу как отщепенца и наймита капиталистов, а его жену упрекал в том, что она сделала себе глазную операцию не на родине, а в Италии (операция состоялась 3 сентября). Между тем защищать Сахарова в те годы было крайне опасно: иным за это могли испортить

карьеру, а иных и вовсе на тот свет отправить (вспомним случай с академиком Дмитрием Лихачевым, которого только чудо спасло от смерти). Приводить весь текст весьма обширного письма я не стану, ограничившись лишь избранными местами:

«То, что напечатано в вашей газете, — не полемика. И никакая не «идеологическая борьба». Это просто ушат грязи, обдуманно вылитый на голову чистого, честного и гуманного человека, который «поднял голову от научных расчетов, огляделся и усмотрел общую неустроенность дел человеческих».

Вот за это вы и ненавидите его и поливаете грязью. Сидел бы за своими научными расчетами и не нарушал бы монополию: говорить о «неустроенности дел человеческих» положено только вам — и только то, что приказано...

Вы осмеливаетесь упрекать Сахарова в том, что, будучи 1921 года рождения, не принимал участия в войне, а «продолжал спокойно получать образование». Да где была бы сейчас наша страна, если бы в мясорубку войны были брошены все ученые и вся студенческая молодежь?.. Вот в «Книжке партийного активиста» я читаю биографии членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Это — высший штаб нашей страны. Двадцать два человека. Почти все — участники Великой Отечественной войны; большинство значительно превосходят А. Д. Сахарова по возрасту. Однако среди двадцати двух я насчитала четырех человек сахаровского поколения, которые на фронте не были и в войне не участвовали. Одному из них в 1941 году исполнилось 23 года, другому — 24, двум по 27 лет. Возраст, как мы видим, самый цветущий, призывной. Все они, конечно, в годы войны работали или учились. Как ни относиться персонально к каждому из них, но чье-либо утверждение, будто эти люди «по склонностям своим не торопились разделить героическую судьбу своего поколения», справедливо рассматривалось бы как бессовестная клевета. А в отношении Андрея Дмитриевича Сахарова бессовестная клевета, значит, допустима?.. У вас поворачивается язык упрекать в продажности человека, который всю свою Ленинскую премию (сто тысяч рублей) отдал на строительство онкологического центра в Москве...

Кончаю тем же, чем начала: стыдно. Мне — стыдно вдвойне: я — член того же Союза совет-

ских журналистов и той же партии, что и редактор «Труда».

На «Мосфильме» продолжают съемки фильма «Мимино». Поскольку Фрунзе Мкртчян по-прежнему не отпускают из театра, приходится снимать эпизоды без его участия. Так, 4 ноября в 6-м павильоне снимали сцену, где Мизандари приходит на квартиру супругов Синицыных (Владимир Басов и Валентина Титова), чтобы те помогли ему устроиться в Москве. Они выбивают ему номер в гостинице «Россия», а после его ухода недоумевают: кто это такой? Смешной эпизод.

5 ноября в Кремлевском дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 59-й годовщине Октябрьской революции. С большим докладом выступил член Политбюро Федор Кулаков. Между тем за несколько минут до начала заседания случился любопытный инцидент между Брежневым и Подгорным. Невольным его свидетелем стал тогдашний заместитель генерального директора ТАСС Евгений Иванов. Он вспоминает:

«Мне поручили написать отчет о торжестве. За кулисами перед выходом на сцену — полумрак, тишина. Пропущенный охраной к телам «всех святых», я с блокнотиком пристроился за одной из кулис так, чтобы меня не было видно. Стою в ожидании, чтобы «открыжить» в своей рабочей заготовке прежде всего членов Политбюро. Остались буквально считанные секунды до появления за кулисами членов президиума торжественного заседания. Тишина. И вдруг до моих ушей доносится знакомый голос Подгорного, с которым я также ездил в командировки, общался, разговаривал. Тихо, но и не шепотом он говорил Брежневу, который чуть недослышивал, буквально следующее: «Леонид Ильич, вот сейчас опять будут славословия в твой адрес. Мы же сами против культуры. Тебе стоит только встать и сказать, чтобы это прекратилось». Я оторопел, не часто услышишь такие откровенные советы друг другу хозяев Кремля. Собеседники меня не видели, и я, замерев как вкопанный, весь отдался слуху: каким будет ответ? Но ответа не последовало. Брежнев промолчал и, не проронив ни слова, тяжело пошел на сцену, в президиум.

Я пребывал в некоем стрессовом состоянии. То, что Подгорный озвучил Ильичу, народ говорил тогда почти открыто. Но одно дело услышать такое от соседа по площадке или в

пивной очереди, а другое — от главы государства...»

В субботу, 6 ноября, в регулярном чемпионате страны по футболу (осенний турнир) определился досрочный чемпион — им стала столичная команда «Торпедо», которая в тот день выиграла 1:0 у динамовцев из Тбилиси. Победный гол на 16-й минуте забил Евгений Храбростин. Набрав 20 очков, торпедовцы стали недосягаемы для своих ближайших конкурентов — футболистов киевского и тбилисского «Динамо», львовских «Карпат». Золотой состав «Торпедо» выглядел следующим образом: А. Заряпин, Круглов, С. Пригода, Н. Худиев, В. Бутурлакин, Ю. Миронов, В. Белоусов, В. Юрин, В. Филатов, В. Сахаров, В. Сучилин, А. Дегтярев, С. Петренко, С. Гришин, Е. Храбростин, А. Беленков, Ю. Сарайкин; тренер — В. Иванов.

7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Принимали его, как и положено, члены Политбюро, выстроившиеся на трибуне Мавзолея. Парад продлился два часа. На улице было морозно, поэтому, чтобы руководители государства не замерзли, им включили обогреватели (они располагались под трибуной), накрыли неподалеку столы с горячей закуской (члены Политбюро подходили к столу поодиночке и таким образом грелись). Но главный «сугрев» начался после парада — в банкетном зале Кремля. Там, под икорку и балычок, членам Политбюро был показан концерт, в котором принимали участие сплошь звезды советской эстрады. Но были среди них и дебютанты: например, ленинградская певица Ирина Понаровская, которая удостоилась чести быть приглашенной туда после своего недавнего успеха на фестивале в Сопоте. Певица ехала в Москву на крыльях радости, а уезжала, глубоко оскорбленная. Впервые она воочию увидела, что такое петь перед жующей публикой, причем не простой, а самой высокопоставленной. Концерт завершился в половине третьего дня, после чего всех артистов скоренько выпроводили восвояси, даже не накормив. Понаровской сунули билет на «Красную стрелу», который отбывал из столицы... глубокой ночью. В итоге в течение семи часов она просидела на вокзале, продрогшая и голодная. С тех пор она дала себе зарок никогда больше не выступать на подобных мероприятиях.

Те праздничные дни принесли огорчение и другой советской певице — Алле Пугачевой. Вечером 7 ноября по ЦТ был показан праздничный «Голубой огонек», в котором она исполнила две песни: одну из телефильма «Ирония судьбы» (ей подпевала Барбара Брыльска) и одну новинку — песню «Ты любил, и я любила». Что было потом, вспоминает сама певица:

«Выступив на «Огоньке», я сделала промах. Алексей Зубов написал отличную аранжировку в стиле регтайма: самой интересно, но выйти с этой песней на многомиллионную аудиторию, думаю, было преждевременно. На следующий день спрашивала знакомых: «Ну как?» Они отвечали: «А что, ничего, ты была в порядке, прическа эффектная». — «А песня-то как?» — «А ты какую пела?» Вот это меня просто подкосило. Певица имеет право на телевизионное выступление, когда есть полная уверенность, что запомнят не ее прическу, а ее работу. А то появилась Пугачева, телезритель зовет соседа: «Вась, твоя поет». Вася садится перед телевизором и отмечает: она сегодня в новом платье (или, допустим, похудела). Разве это в пользу исполнительницы? Вот если Вася, или Петя, или, точнее, миллионы зрителей послушают и улыбнутся радостно, а может, завздыхают — значит, что-то хорошее, личное вспомнили... Но главное — забудут, как выглядела певица, зато завтра станут говорить: «Песня-то вчера была какая душевная...»

Кроме Пугачевой, в том «Огоньке» также выступили: София Ротару, Юрий Богатиков, Юрий Гуляев и др. Зарубежную эстраду представила Мирей Матье, которая на борту легендарного крейсера «Аврора» спела песню про Октябрьскую революцию. Гостями передачи были также две дочери чилийского коммуниста Луиса Корвалана: Вивиана и Мария-Виктория.

10 ноября в Ленинграде на 51-м году жизни умер писатель Виктор Курочкин. Придя в большую литературу в 50-е годы, он за два десятилетия написал несколько книг. Однако самой блистательной из них стала повесть «На войне как на войне» — о фронтовых подвигах танкистов-самоходчиков (сам Курочкин в 40-е закончил самоходное училище). В конце 60-х режиссер Леонид Трегубович снял по этой повести фильм, который по праву вошел в сокровищницу отечественного военного кинематографа. К несчастью, в дни, когда снимался фильм — в 68-м, — Курочкин попал в беду. Од-

нажды, возвращаясь из гостей, он был остановлен милицейским патрулем. Стражи порядка, придравшись к подвыпившему писателю, затолкали его в «воронок» и отвезли в отделение. Там Курочкина избили. Да так жестоко, что у него случился инсульт. И хотя врачам удалось спасти писателю жизнь, однако вернуть ему полноценное здоровье было уже не в их силах. Как напишет в своем дневнике Федор Абрамов:

«Виктор Курочкин отмучился. Его поразили неизлечимый недуг в сорок лет. Да, последние восемь лет — это годы муки. Он был обречен на молчание. Все понимать, все знать и ничего не мочь. Это ли не страшно?»

И что еще: болезнь застала его в пору расцвета. Одна из самых ярких «звезд» на литературном небе послевоенном. И вот только что разработался, набрал силы и — катастрофа.

Но Виктор Курочкин не зря прожил жизнь...

Он был с чудинкой, выражаясь шолоховским языком. И не это ли делало его поэтом.

В последние дни видел: с собакой. Поводырь. Но он и этого поводыря лишился. Собака умерла...»

В эти же дни будущий писатель Юрий Поляков был далек от литературы и служил в армии — он загремел туда аккурат месяц назад. 12 ноября, в свой 22-й день рождения (его взяли в армию позже сверстников), Поляков оказался на пересыльном пункте в ГДР. Настроение у парня было неважное. Он даже забыл, что у него сегодня день рождения! А когда вспомнил, то не удержался и поделился этой новостью со своими сослуживцами. А те внезапно обрадовались: как же, появился повод отвлечься от грустных мыслей. Тут же был сооружен импровизированный стол, на который каждый из присутствующих выложил остатки своей домашней снеди. Гуляли до вечера. Такого душевного дня рождения у Полякова больше не было.

Но вернемся обратно на родину. В те дни чуть ли не вся Москва рвалась в Сокольники, где с 11 ноября функционировала выставка «200 лет США». Причем народ по большей части стремился туда совсем не за тем, чтобы знакомиться с экспозицией, а только ради сувениров, которые бесплатно (на халяву) раздавались организаторами всем посетителям. Но добраться до этих сувениров было не просто — требовалось отстоять километровые очереди

при уже морозной погоде. Именно по причине трудности попадания ваш покорный слуга не поехал на эту выставку (хотя на автобусе № 78, который ходил прямо от моего дома, мне до Сокольников было рукой подать), но я хорошо помню тот ажиотаж, который сопутствовал этому событию. После этой выставки чуть ли не половина москвичей шеголяла с полиэтиленовыми пакетами «Мэйд ин USA». Эти пакеты люди берегли как зеницу ока: стирали их, а если на них появлялись дырки, заклеивали скотчем. Когда я теперь рассказываю об этом своей дочери, она не верит. По сегодняшним меркам это действительно выглядит просто дико. Но ведь было!

Кинорежиссер Андрей Михалков-Кончаловский продолжает съемки фильма «Сибиряда». С 10 ноября началась работа над одним из самых кульминационных и сложных эпизодов ленты — пожаром на нефтепромысле. Эпизод снимался в одном из лесных районов в Татарии. Там была специально поставлена списанная нефтяная буровая вышка, под которой провели нефтепровод с выбросом нефти под давлением на 60 метров в высоту. Вокруг вышки были возведены декорации, выкопаны грейфоны (ямы), в которые должна была падать искореженная от пожара техника — трактора, машины (тоже, естественно, списанные). К месту съемок нагнали тучу пожарных, которым предстояло этот грандиозный пожар тушить. Короче, съемки получились не менее впечатляющие, чем в Голливуде. Продлятся они до 30 ноября.

В субботу, 13 ноября, завершился регулярный чемпионат страны по футболу. Как мы помним, досрочными чемпионами стали футболисты столичного «Торпедо», набравшие 20 очков, 2-е место заняли киевские динамовцы (18), 3-е их одноклубники из Тбилиси (17). Беда пришла на улицу болельщиков столичного «Спартака» (к ним относится и ваш покорный слуга) — их любимая команда ВПЕРВЫЕ в истории отечественного футбола вылетела из высшей лиги в первую. «Спартак» набрал всего лишь 13 очков и занял предпоследнее, 15-е место. В болельщических кругах ходили упорные слухи, что этот вылет был специально подстроен недоброжелателями всенародно любимой команды. Судите сами: в последнем туре «Спартак» встречался в Киеве с лидером чемпионата — тамошним «Динамо» — и проиграл 1:3.

Однако шансы остаться в высшей лиге у него еще были, если бы его земляки — торпедовцы и железнодорожники из «Локомотива» — обыграли его ближайших конкурентов — ереванский «Арат» и донецкий «Шахтер». А те, как будто нарочно, проиграли с минимальным счетом 0:1.

Продолжаются съемки «Служебного романа» — вот уже почти месяц как съемочная группа переместилась с улиц Москвы в 10-й павильон «Мосфильма», где выстроены декорации «кабинет Калугиной», «приемная», «рабочий зал». Так, 15 ноября снимался один из самых кульминационных эпизодов ленты: Новосельцев (Андрей Мягков), узнав о том, что Самохвалов (Олег Басилашвили) вынес на суд общественности любовные письма Ольги к нему, возвращает ему долг и отвешивает увесистую оплеуху. Самохвалов, вместо того чтобы ответить по-мужски (тем более что свидетелем этой сцены становится их начальница Калугина), трусливо ретируется.

Пока одни фильмы снимаются, другие выходят на широкий экран. В первой половине ноября в московских кинотеатрах демонстрировались следующие новинки кинематографа: 1-го — спортивная мелодрама «**Центровой из поднебесья**» Исаака Магитона с участием: Сергея Кретьова, Людмилы Суворокиной и др. (в фильме звучали новые песни Александра Зацепина на слова Леонида Дербенева в исполнении Аллы Пугачевой: «До свидания, лето» и «Любовь одна виновата»); историко-революционная драма «**Победитель**» Андрея Ладынина и Эдгара Ходжикяна с участием: Александра Збруева, Георгия Тараторкина и др.; 15-го — детская комедия «**Ар-хи-медь!**». Из новинок зарубежного кино выделю две ленты: итальянский фильм «**Конформист**» и «**Дефа-вестерн**» «**Ульзана**» (продолжение фильма «Апачи») с Гойко Митичем в главной роли (последний фильм демонстрировался в «Октябре» и «России» с 15 ноября).

С 9 ноября на экраны вышел фильм ленинградского режиссера Семена Арановича «...И другие официальные лица». Фильм откровенно слабый, из разряда пропагандистских: в нем рассказывалось о том, как высокопоставленные чиновники из советской внешнеторговой организации блюдут честь страны. Ленту не спасало даже присутствие в ней классных актеров: Вячеслава Тихонова, Ирины Мирошни-

ченко, Всеволода Санаева, Льва Круглого, Николая Волкова, Евгении Ханаевой. Странно, но эту серость снял хороший режиссер, который в последующем создаст настоящие шедевры: «Рафферти», «Торпедоносцы», «Противостояние».

Мало кто знал, что за несколько месяцев до премьеры «Лиц» Аранович едва не свел счеты с жизнью. Причины — сугубо личные. Аранович имел несчастье влюбиться в девушку, почти ровесницу его дочери от первого брака, и та от него забеременела. Однако, увидев, что эта новость не слишком обрадовала режиссера, девушка сделала аборт и заявила, что между ними все кончено. Пытаясь отговорить от этого шага, Аранович послал к ней в качестве парламентаря свою хорошую знакомую — певицу Ирину Понаровскую. Но миссия не привела к успеху — возлюбленная Арановича и ей объявила, что уходит от режиссера. И тогда он решился на отчаянный шаг.

Вечером Аранович позвонил Понаровской и попросил навестить его завтра утром — взять какое-то важное письмо на «Ленфильм». Певица повесила трубку, как вдруг ее пронзила ужасная догадка. Она выскочила из квартиры и со всех ног помчалась в дом режиссера — Аранович жил напротив. Она успела вовремя. Режиссер уже успел выбить из-под себя стул и болтался в петле на кухне. Понаровская обхватила его за ноги, приподняла, а потом дотянулась до ножа, лежавшего на столе и перерезала веревку. Затем в течение нескольких минут пыталась привести самоубийцу в чувство, обливая холодной водой. В итоге режиссер пришел в себя. И утром следующего дня даже отправился на работу. А чтобы у его сослуживцев не было к нему вопросов, повязал на горло шелковый платок. Но вернемся в ноябрь 76-го.

Из кинофильмов, демонстрируемых по ТВ; назову следующие: «Дни Турбиных» (премьера т/ф 1—2-го), «Первая девушка» (3-го), «Дети Дон Кихота» (4-го), «Земные и небесные приключения», «Улица без конца» (6-го), «Москва—Кассиопея» (впервые по ТВ 7-го), «Посланные вечности», «Отроки во Вселенной» (впервые по ТВ 8-го), «Без страха и упрека», «Я, Франциск Скорина...», «Помни имя свое» (впервые по ТВ 9-го), «Дикая собака Динго», «Песнь о Маншук» (10-го), «Неподдающиеся», «Это сладкое слово — свобода!» (с субтитрами,

1-я серия) (11-го), «Деревенский детектив» (12-го), «Новый Гулливер», «Рожденная революцией» (премьера т/ф 7-я серия) (13-го), «И был вечер, и было утро...», «Рожденная революцией» (премьера т/ф 8-я серия), «Пристань на том берегу», «Это сладкое слово — свобода!» (с субтитрами, 2-я серия) (14-го), «За нами Москва» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю: 3-го — в Театре имени Маяковского был показан спектакль «Долгожданный» с участием: Светланы Немоляевой, Бориса Тенина, Игоря Костоловского, Александра Фатюшина и др.; 12-го в Театре имени Вахтангова — «Лето в Ноане»; 13-го в Театре имени Пушкина — «Мораль пани Дульской»; 14-го в ЦТСА — «Экзамены никогда не кончаются» с участием: Владимира Зельдина, Любви Добржанской, Ларисы Голубкиной и др.

Эстрадные представления: 6—8-го — в ГТЭ прошли концерты с участием: Геннадия Хазанова, Иосифа Кобзона, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, Вадима Мулермана, Вероники Кругловой, Марии Лукач и др.; 7—14-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали: ВИА «Голубые гитары», Нина Бродская, Евгений Петросян, Геннадий Хазанов и др.; 11—13-го — в ГТЭ выступал Аркадий Райкин; 12—13-го — в «Октябре» пел Иосиф Кобзон; 15-го — в Кремлевском дворце съездов состоялись концерты с участием: Иосифа Кобзона, Валентины Толкуновой, Екатерины Шавриной, Геннадия Дудника, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова и др.

В те ноябрьские дни благополучно завершилась история, за которой с замиранием сердца наблюдала вся страна. А началось все с заметки Юрия Роста, которая появилась 19 сентября в «Комсомольской правде». В ней рассказывалось о том, как немолодая уже овчарка ждала на Внуковском аэродроме своего хозяина, который бросил ее... два (!) года назад. Она встречала каждый прилетающий самолет, надеясь, что в нем увидит своего хозяина, но, увы — все было тщетно. Очерк всколыхнул всю страну — на газету обрушилась лавина писем и телефонных звонков. Приходили бланки переводов, на которых детской рукой было выведено: «Посылаю пять рублей на кормление Пальмы» (так внуковские летчики называли овчарку). И вот в середине ноября

эта душщипательная история благополучно завершилась. В Москву в командировку приехала доцент Киевского пединститута Вера Котляревская, которая по совместительству возглавляла городское общество любителей животных. Прочитав тот давний номер «Комсомолки» со статьей Роста, она загорелась желанием забрать Пальму. Но это оказалось не так просто — собака никому не давалась в руки. Котляревской пришлось в течение нескольких дней приходить на аэродром, как на работу, и приручать к себе овчарку. Она подолгу разговаривала с собакой, даже пела ей песни. И — о, чудо — та откликнулась: человек и животное стали играть в догонялки, в прятки.

Между тем во Внуково ожидался прилет какой-то важной иностранной делегации, и, чтобы ускорить отъезд Пальмы, руководство аэропорта решило увезти ее силой. Вызвали из МУРА ветеринарного врача с ошейником, намордником и снотворными таблетками. Но Пальма как будто что-то почувствовала. Ее загнали в сарайчик, а подойти никак не могли — не подпускала. Наконец удалось подмешать ей в еду снотворное, и она, проголодавшись, все съела. Проснулась Пальма уже в Киеве. Там эта легендарная собака станет городской достопримечательностью — Котляревская будет выступать с ней в школах, институтах. Проживет Пальма еще четыре года. Могла бы дольше, но ее укусил заразный клещ. Однако вернемся в ноябрь 76-го.

Во вторник, 16 ноября, в дверь московской квартиры адвоката Дины Каминской позвонили. Открыв дверь, хозяйка увидела на пороге нескольких мужчин в штатском. Представившись сотрудниками КГБ, они предъявили ордер на обыск ее квартиры. Наученная за свою многолетнюю адвокатскую практику не спорить с органами, Каминская пропустила гостей в дом. Этот визит стал для нее и ее мужа полной неожиданностью. Это было тем более странно, поскольку муж Каминской написал книгу о коррупции в СССР и, значит, должен был быть готов к любым неприятностям. Первый вариант книги той осенью был отослан в Америку. И хотя все было сделано с соблюдением всех мер конспирации, утечка все же произошла, о чем и свидетельствовал визит кагэбэшников. Те прекрасно ориентировались в квартире адвоката и довольно быстро нашли

то, что искали. Вскоре после этого мужа Каминской лишат всех научных степеней и званий, уволят из Института советского законодательства. А еще через некоторое время их обоих заставят уехать из страны. Как говорится, спасибо и на этом — могли и просто посадить.

В тот же день, 16 ноября, вечером, во Дворце спорта в Лужниках состоялся очередной матч первенства страны по хоккею — играли две столичные команды — ЦСКА и «Крылья Советов». Не стал бы заострять внимание на этом факте, если бы не одно важное событие — в том матче впервые после долгого перерыва на лед вышел Валерий Харламов. Как мы помним, в конце мая он попал в серьезную автомобильную аварию, в результате которой у него было несколько переломов ног, ребер, сотрясение мозга. Врачи вынесли однозначный вердикт: с хоккеем покончено навсегда. Но Харламов с этим диагнозом не смирился. Вскоре после того как с него сняли гипс, он стал понемногу тренироваться. Осенью перенес тренировки на лед, причем тренировался самостоятельно — на хоккейной коробке возле своего дома, рано утром, чтобы никто не видел. В итоге вскоре забегал, как прежний Харламов.

Вспоминает врач команды ЦСКА Олег Белаковский: «Накануне его первой игры с «Крыльями Советов» я поехал в эту команду и с разрешения тренера Бориса Кулагина выступил перед ребятами. Я сказал, что Валера Харламов впервые после аварии выходит на лед, и попросил их отнестись к нему по-человечески. Ребята меня поняли и очень бережно сыграли против него. После игры я позвонил генерал-лейтенанту, замначальника ЦСКА по медицинскому обеспечению, который однажды накричал на меня, когда я его уверял, что Валера будет играть. Я доложил: «Сегодня после тяжелой травмы старший лейтенант Харламов впервые играл и забил шайбу». В трубке прозвучало «Спасибо», и раздались гудки...»

Свою шайбу Харламов забил уже на 4-й минуте игры, чем поверг трибуны в неопиcуемый восторг — ему аплодировали все, даже болельщики «крылышек». Отыграв два периода, Харламов в третьем сел на скамейку запасных, поскольку играть весь матч ему еще было тяжело (вместо него вышел Вячеслав Анисин, перешедший в этом сезоне в ЦСКА из... «Крыльев Советов»). В тот день армейцы выиграли 7:3.

17 ноября в Академии наук СССР прошло весьма любопытное заседание. На Океанографической комиссии обсуждался вопрос... «О подводных аспектах НЛО». Дело в том, что за последние несколько лет в разных частях страны наблюдались необычные явления, которые специалисты отнесли к проявлениям НЛО. Этой проблемой в те годы даже занималось разведуправление ВМФ СССР, где скопилось серьезная подборка донесений с наших флотов и флотилий о наблюдениях за неопознанными летающими объектами. Например, начальник разведки Тихоокеанского флота контр-адмирал В. Домысловский не так давно докладывал о наблюдениях «гигантского цилиндра», периодически зависавшего над поверхностью океана. Из объекта то и дело вылетали мелкие НЛО, погружались в воду, а через некоторое время опять возвращались в «корабль-матку». Пролетав несколько подобных маневров, НЛО загрузались в «цилиндр», после чего тот улетал за горизонт. Эти данные не были известны в Академии наук, но там скопилось своя, не менее обширная информация о других подобных случаях. На упомянутом заседании все они обсуждались, но какие-либо выводы о принадлежности этих НЛО к внеземным цивилизациям делать не спешили. Было принято решение продолжить сбор и анализ информации о появлении НЛО над морскими акваториями и на глубинах в гидросфере Земли.

Георгий Данелия продолжает работу над фильмом «Мимино». В частности, 10 ноября был отснят эпизод, где Мизандари посещает цветочный магазин и переговорный пункт (все это снималось на проспекте Калинина). На следующий день группа переместилась к гостинице «Россия», где снимался эпизод встречи Мизандари со своими коллегами-летчиками. Затем работа была приостановлена: ждали Мкртчяна. Наконец, 21 ноября тот, к радости всего коллектива, объявился, и на следующий день в 6-м павильоне начали снимать один из самых смешных эпизодов ленты — свидетельские показания Хачикяна. Надеюсь, читатель хорошо помнит то, что творил герой Мкртчяна: он нес такую абракадабру, что запутал не только всех присутствующих, но даже самого себя. Этот эпизод снимали до 24 ноября.

В эти же дни начался один из самых громких любовных романов того времени — между

Аллою Пугачевой и кинорежиссером Александром Стефановичем. Возник он во многом благодаря поэту Леониду Дербеневу, с которым она дружили. Их первая встреча состоялась в доме у поэта, на одной из домашних вечеринок. Спустя какое-то время режиссер и певица встретились на Ленинградском телевидении: Пугачева снималась в музыкальной передаче, а Стефанович там же что-то снимал. После съемки Стефанович отвез Пугачеву на своей машине в аэропорт, и они договорились встретиться в Москве. Стоит отметить, что на тот момент оба они не были свободными: у певицы был роман с Константином Орбеляном — руководителем эстрадного оркестра Армении, в котором она работала и исполняла четыре песни, одна из которых — «Сто часов счастья» — принадлежала перу Орбеляна, а у Стефановича — с молодой актрисой, с которой они уже подали заявление в ЗАГС. Однако эта встреча заставила обоих круто изменить свои планы.

В среду, 24 ноября, Стефанович пригласил Пугачеву отужинать с ним в ресторане Дома кино. Однако певица от этого предложения отказалась, выдвинув встречное: посетить другое заведение — ресторан «Сосновый бор» (Пугачева называла его «Еловая шишка»), что на Рублевском шоссе. «Мне там больше нравится», — объяснила свое желание певица. Стефанович не стал артачиться. Через полчаса он подхватил Пугачеву в условленном месте, и они поехали на Рублевку. И там во время застолья певица проделала впечатляющий трюк, который сразил режиссера в самое сердце: она взяла нож, разрешила себе палец, открыла записную книжку режиссера и, выдавив на страничку каплю крови, написала: «Определите на досуге мою «группу», потому как петь — это мое кровное дело». Определить «группу» Стефановичу пришлось той же ночью в гостинице «Мосфильма», где он тогда жил. А утром следующего дня, когда любовники отправились завтракать, режиссер сказал:

— Не знаю еще, как ты поешь, но артистка ты замечательная, это твоя самая сильная сторона, развивай ее. Постарайся все свои песни обыгрывать, преврати это в театр.

Пугачеву это предложение чрезвычайно заинтересовало. Она остановилась и спросила:

— Как это — обыгрывать?

— Ну, делать из песен маленький спектакль. У тебя должно быть такое платье, кото-

рое трансформируется в разные сценические костюмы, чтобы ты могла разыгрывать несколько разных ролей. Вообще любой реkvизит ты должна обыгрывать.

— Но у меня в руках только микрофон.

— Правильно. Но кто тебе мешает сделать из него, к примеру, скипетр или бокал?

— Да, точно! — всплеснула руками Пугачева. — Отличная идея, молодец!

25 ноября в Москве открылся очередной Пленум ЦК ВЛКСМ, на который съехались более сотни руководящих комсомольских деятелей со всей страны. Утром и днем они заседали, а вечером культурно развлекались: кто-то ходил по театрам, а кто-то попросту «квасил». Поскольку комсомол всегда считался передовой частью советской молодежи, пили там тоже по-передовому. Вот как об этом вспоминает В. Никонов, который в те годы учился в МГУ и был комсомольским секретарем курса:

«Ни одно заседание комитета комсомола не обходилось без выпивки. Это было очень тяжело, особенно во время комсомольской учебы где-нибудь в подмосковных пансионатах. Каждый из нас брал с собой туда по две бутылки водки, но она заканчивалась в первый же день, так что приходилось слать гонца. Целыми днями пили, а по ночам резались в преферанс. Скажу честно, так много, как в те комсомольские годы, я никогда больше в жизни не пил. Однажды к нам на учебу приехал секретарь комитета комсомола факультета и, увидев все это безобразие, объявил: «Завтра все бегут пять километров на лыжах». Что делать, приказ комсомольского вожака — закон. Утром опухший от выпитого народ кое-как встал на лыжи. Первым пришел один из наших активных комсомольцев. Но на финише его вырвало прямо на секретаря факультета. Тот, утершись, произнес: «Вот это люди, вот это комсомольцы — ведь все пять километров терпел!»

Владимир Высоцкий в те ноябрьские дни дал несколько концертов: 23 ноября выступил в МВТУ имени Баумана, а два дня спустя съездил в Ленинград и отметился в ВАМИ. 26 ноября он посетил мастерскую Бориса Мессерера, где в тот вечер собралась теплая компания в лице: Беллы Ахмадулиной (супруги Мессерера), Юрия Любимова, Андрея Вознесенского и др. Там Высоцкий не пел, а лишь читал свои стихи. Кстати, акkurat в эти дни на «Мелодии»

вышла пластинка с песнями Высоцкого к сказке «Алиса в стране чудес».

Тем временем цензура продолжает мытарить фильм «Несовершеннолетние», который на киностудии имени Горького снял режиссер Владимир Роговой по сценарию Эдуарда Тополя. Работа над лентой была завершена в конце октября, и в начале следующего месяца ее благополучно приняли на студии. Но с Госкино вышла осечка — Главная сценарно-редакционная коллегия на своем заседании 26 ноября его не приняла, найдя в нем массу крамольного. Особенно цензоров возмутила чрезмерное, по их мнению, акцентирование внимания на хулиганах: мол, уж слишком красиво они выглядят на экране. И действительно, их лидер Гоголь (Леонид Каюров) хотя и представлял эдаким циничным и наглым типом, однако каким-то образом в этих вроде бы отталкивающих проявлениях выглядел уж больно впечатляюще. Ни один положительный герой картины ему и в подметки не годился. Поэтому цензура потребовала от авторов ленты сократить эпизоды с участием Гоголя по всему фильму, а также урезать следующие эпизоды: драку на танцплощадке, пристаивание хулиганов к девушкам в центре города, хулиганскую вольницу на берегу реки, глумление пьяного отца над своей женой и детьми и др. Кроме этого, цензорам не понравилась и музыка фильма — уж больно она была рок-н-ролльная, а требовалась более лирическая.

В Останкино готовится к записи очередная «Песня года». В отличие от прошлых лет нынешняя «Песня года» была, на удивление, скромной — в ней должно было прозвучать всего 16 песен, причем подавляющая часть никакого отношения к хитам сезона не имела. Но я уже говорил, что произведения в эту передачу отбирало лично руководство Гостелерадио, и декларируемый им же принцип отбора лучших песен по письмам на самом деле не действовал — песни отбирали не лучшие, а благонадежные. У таких песен и авторы должны быть соответствующие — маститые и обязательно члены Союза композиторов СССР. Например, в течение года чуть ли не из каждого окна раздавались песни «Кто тебе сказал» и «Ты мне не снишься» в исполнении ВИА «Лейся, песня» и «Синяя птица», но их в «Песню года» даже и не подумали включить. А все потому, что их автор — композитор Вячеслав Добрынин — ни в

одном из творческих союзов не состоял. Однако и хиты более именитых авторов тоже не звучали в «Песне-76». Взять того же Давида Тухманова (песня «По французской стороне» («Из вагантов») в том году по хитовости обогнала даже песни Добрынина) или Александра Зацепина («Волшебник-недоучка», «До свидания, лето» — последняя песня даже была отмечена призом на музыкальном фестивале в Америке). Полный список песен, прозвучавших в «Песне года-76», выглядит следующим образом:

«Признание в любви» (С. Туликов — М. Танич) — Виктор Вуячич; «Не остуди свое сердце, сынок» (В. Мигула — В. Лазарев) — Юрий Богатиков; «Обещания» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Миро Унгар и Людмила Сенчина; «Дударики» (И. Лученок — А. Гречанинов) — Александра Пахоменко; «А Русь остается» (В. Левашов — В. Крутецкий) — Виктор Вуячич; «Солнечный дождь» (А. Экимян — Р. Рождественский) — А. Мокренко; «Прозрение» (О. Фельцман — М. Геттуев) — Эдита Пьеха; «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — «Песняры»; «Вологда» (Б. Мокроусов — М. Матусовский) — «Песняры»; «Голубой вагон» (В. Шаинский — Э. Успенский) — Большой детский хор под управлением В. Попова; «Через две зимы» (В. Шаинский — М. Пляцковский) — Юрий Богатиков; «Шумят хлеба» (А. Пахмутова — С. Гребенников) — Геннадий Белов; «Матросские ночи» (В. Соловьев-Седой — С. Фогельсон) — Александра Пахоменко; «Память» (М. Таривердиев — Д. Самойлов) — Иосиф Кобзон; «Темная ночь» (Н. Богословский — В. Агатов) — София Ротару, А. Мокренко; «День Победы» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Лев Лещенко и детский хор.

Не утихают страсти вокруг вылета футбольной команды «Спартак» в первую лигу. Поскольку армия болельщиков у этой команды была самой большой в стране (потому и врагов у нее всегда было предостаточно), этот вылет не мог остаться незамеченным. В Спорткомитет СССР со всей страны посыпались письма, в которых люди буквально умоляли вмешаться в ситуацию и позволить «Спартаку» остаться в высшем дивизионе. При этом выдвигались вполне резонные аргументы. Чемпионат в этом году носил экспериментальный характер: был разбит на два турнира — весенний и осенний, причем команды, проигравшие первый тур-

мир, высшую лигу не покидали, а те, кто занял два последних места в осеннем — вылетали. Кроме этого, в весеннем чемпионате большие уступки были сделаны киевскому «Динамо» и ряду других команд, которые делегировали своих игроков в национальную сборную и участвовали в еврокубках, а остальные команды вынуждены были играть без каких-либо поблажек. Поэтому болельщики «Спартак» и просили пойти их команде навстречу и позволить остаться в высшей лиге. Конечно, народная команда во многом сама была виновата в случившемся (как мы помним, ее начало лихорадить еще в прошлом сезоне), но несомненно, что, случись нечто подобное с другими столичными командами — ЦСКА или «Динамо», — их бы стопроцентно «отмазали» от участия играть в низшем дивизионе. А все потому, что за их спинами стояли весьма влиятельные люди: Брежнев поддерживал ЦСКА и «Днепр», Шелоков — «Динамо». «Спартак» же помочь было некому, поэтому тысячи писем, которые обрушились на Спорткомитет, так и не принесли положительного результата — гранд отечественного футбола, который 9 раз становился чемпионом страны, вынужден был покинуть высший дивизион.

В конце ноября страшная трагедия произошла в аэропорту Шереметьево. Утром при взлете там потерпел катастрофу пассажирский лайнер «Ту-154», который должен был лететь из Москвы в Ленинград. Все находившиеся на борту самолета пассажиры — а их было около ста человек — погибли. Редкий случай: на эту катастрофу откликнулись центральные газеты, которые 28 ноября поместили на своих страницах пусть небольшое, но сообщение об этом инциденте. В нем советское правительство выражало соболезнование родным и близким погибших людей.

Во вторник, 30 ноября, в «Советской культуре» была опубликована статья А. Шальнева под названием «Поль¹ Маккартни: имя и символ». Из всей четверки «Битлз» именно Маккартни больше всего уделяли внимания в советской прессе: в мае про него и его группу «Уингз» была публикация в «Московском комсомольце», теперь к этому хору присоединилась и газета ЦК КПСС. В заметке не без восторга рассказывалось о последних трехдневных выступлениях «Уингз» на сцене лондонского Дворца спорта «Эмпайр пул». В завершении публикации Шальнев спрашивал экс-битла,

когда его можно ждать в Советском Союзе. Маккартни отвечал: «Нам хотелось бы съездить к вам. Это было бы здорово!» Сердца миллионов советских меломанов, прочитавших этот пассаж, зашли от восторга: раз об этом пишет орган ЦК КПСС, значит, гастроли Маккартни не за горами. Увы, увы... То ли денег у Госконцерта не хватало, то ли сам Маккартни передумал, но по стопам своего соотечественника Клиффа Ричарда он так и не пойдет.

Тем временем в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 22-го — «Белый пароход» Болотбека Шамшиева с участием: Н. Сыдыгалиева, С. Кумушалиевой и др.; 27-го — «Прошу слова» Глеба Панфилова с участием: Инны Чуриковой, Николая Губенко и др. Из новинок зарубежного кино выделю фильм Чарли Чаплина «Король в Нью-Йорке», прокат которого начался с 22 ноября (фильм был снят в 1957 году и добрался до нас спустя почти два десятилетия). С 15 по 21 ноября в кинотеатре «Россия» прошла Неделя фильмов Англии, где были показаны следующие картины: «Багси Мэллоун», «Посланец», «Асы в небе» и др.

Кино по ТВ: «Здесь наш дом» (16—17-го), «Тот станет всем» (18—20-го), «Пятнадцатилетний капитан», «Подвиг разведчика» (19-го), «Золотой ключик» (20-го), «За облаками — небо» (21-го), «Вратарь» (23-го), «Битва на Неретве» (24—25-го), «Когда деревья были большими» (25-го), «Любовь при нуле градусов» (26-го), «Каменный цветок», «Мертвый сезон» (27-го), «Петербургская ночь», «Исполнение желаний», «Самолет уходит в 9» (28-го), «Петерс» (29-го), «Самые красивые корабли» (30 ноября — 1 декабря) и др.

Премьеры в театрах: 16-го — в филиале Малого театра был показан спектакль «Ураган» с участием: Евгения Самойлова, Ивана Любезнова, Юлии Бурьгиной и др.; 19-го в Театре имени Ермоловой — «Эти странные новые люди» с участием: Всеволода Якута, Ольги Николаевой и др.; 26-го в Театре имени Моссовета — «Дом на песке» с участием: Георгия Тараторкина, В. Сошальской и др.

Эстрадные представления: 16—18-го — в ГТЭ выступал Аркадий Райкин; 20—21-го в «Октябре» — Иван Суржиков; 21-го в ЦДСА — Арутюн Акопян; 22—25—28-го в ГТЭ — ВИА «Голубые гитары».

¹ Поль (так в тексте. — Ф.Р.)

1976 Декабрь

Занемог Эльдар Рязанов. Илья Глазунов выигрывает суд. Кобзон в Прибалтике: а была ли девочка? Анна Герман в «Песне года». Как «Песняры» учили американцев водку пить. Разгон «молчащей демонстрации» на Пушкинской площади. Бриллиантовый чорон в подарок Брежневу. Моя новая книга про индейцев. Съёмки «Мимино» продолжатся. «Служебный роман»: группа теряет Александра Фатюшина. За что наказали главреда «Огонька». Япончик: очередное обследование. Юбилей Карандаша... в проруби. КГБ разоблачает валютчиков. Лев Лещенко: 13 тысяч рублей за разговоры с любимой. Как Орбелян ревновал Пугачеву. Прощальный танец Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. Поток фильмов про Брежнева. «Ларису Ивановну хочу!» Как нашли «усатого няня». На «Таганке» репетируют «Мастера и Маргариту». Наградной дождь на Брежнева. Как обменяли Корвалана. Концерт в Кремле: все хотят в туалет. Почему перенесли концерты Высоцкого. «Женщина, которая поет»: не приняли сценарий. Пугачева уходит к Стефановичу. Михаил Жаров работает на износ. Приз «Известий» у сборной СССР. Популярную актрису бросают в психушку. Корвалан в Москве. Как Андрей Вознесенский огорчил Лилю Брик. «Мимино»: от аэропорта до Бутырки. Операция Юрия Завадского. Инфаркт Владислава Дворжецкого. Как Стефанович переименовал ресторан.

Начало декабря Эльдар Рязанов встретил на больничном — простуда свалила его в конце ноября, из-за чего были приостановлены съёмки фильма «Служебный роман». До этого, как мы помним, съёмки велись ударными темпами, и к этому моменту была отснята большая часть картины, включая натурные и павильонные эпизоды.

Между тем начало месяца принесло сенсацию — советский художник Илья Глазунов выиграл международный судебный процесс. Проигравшим оказался известный американский публицист Джон Баррон, который в своей книге «КГБ» (в 1976 году свет увидело ее третье издание) назвал Глазунова стукачом. Цитирую: «Всем на удивление он (Глазунов. — Ф.Р.) получил огромную квартиру, которая превратилась в место встреч поэтов, писателей и художников. Еще удивительнее было то, что Глазунов получил возможность выставлять свои работы за границей, хотя не мог их выставлять в Советском Союзе, и особенно часто общался

с иностранцами. Однако, если учесть, что все эти привилегии Глазунов получил в награду за то, что доносил на советских интеллигентов и иностранцев, они не должны вызывать удивления...»

Прочитав этот пассаж (этот отрывок был опубликован в одной из западногерманских газет), Глазунов, естественно, возмутился. Он решил подать на обидчика в суд, хотя советские власти его от этого шага отговаривали: мол, отшутитесь и забудьте. Но художник поступил по-своему. Суд по этому иску состоялся в Гамбурге 3 декабря и завершился полной победой Глазунова, несмотря на то что на стороне Баррона выступили сразу несколько видных деятелей русской эмиграции: Александр Галич, Анатолий Гладилин, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Михаил Шемякин и др. Суд счел все приведенные ответчиком и его защитниками факты необидительными и вынес вердикт: запретить распространять книгу Баррона в ФРГ, если из нее

не будут вымараны строчки со 138-й страницы, где утверждалось, что Глазунов — агент КГБ. Это был первый в истории западной юриспруденции прецедент, когда советский гражданин обратился в «буржуазный» суд и тот его оправдал.

Гастрольная судьба занесла в те дни Иосифа Кобзона в столицу Эстонии город Таллин. Он выступал там с концертами в компании с другими артистами, и ничем примечательным те гастроли вроде бы не отличались — обычная эстрадная рутина. Хотя много лет спустя эти гастроли ему здорово аукнутся. Дело в том, что артистка оригинального жанра, танцовщица Галина Глотова будет утверждать, что именно на тех гастролях у нее случился мимолетный роман с популярным певцом, итогом чего станет появление на свет их совместной дочери Виктории. По словам будущей роженицы, все выглядело следующим образом:

«Нас вместе с другими артистами пригласили выступать на «разогреве» перед Кобзоном. С мужем Альбертом Винбергом мы к тому времени уже не были семьей. Он постоянно пил, мы ссорились, несколько месяцев не спали. А на Кобзона тогда заглядывался весь кордебалет: он мужчина видный, народный артист! Ну и я обратила на него внимание...»

Как-то в Таллине меня вечером пригласили в номер к Левону Оганезову — мол, надо отметить рождение дочери Кобзона Наташи. Но я сразу все поняла: пригласили-то без мужа... Захожу — точно, никакой вечеринки. Нас вскоре оставили с Кобзоном одних. Ну, тут все и произошло. Потом мы еще бывали близки. А через месяц закончились гастроли, мы с мужем уехали выступать в Ханты-Мансийск, Кобзон — в Москву. И перестали общаться...»

Между тем популярный ансамбль «Песняры» в те дни гастролит по США, тем самым став первым советским ВИА, который посетил родину рок-н-ролла. Столь высокой чести коллектив был удостоен после того, как в январе этого года успешно выступил в Каннах на Международной музыкальной ярмарке. Там они играли в небольшом зальчике, но резонанс от их выступления был настолько огромен, что туда сразу же набежала туча разных импресарио с контрактами. Артисты отослали их в Госконцерт: дескать, все контракты только через

них. Импресарио в шоке: какой Госконцерт, мы хотим заключить контракты с вами напрямую. В итоге через всю советскую волокиту пробился только один — администратор американской группы «Нью-Кристи Минстрельс» Сит Гэрисон. Он и организовал поездку «Песняров» по США (гастроли длились с 30 ноября по 14 декабря).

Белорусский ВИА выступал в 15 штатах, дал 13 концертов, причем площадки были самые разные: от клубов в студенческих городках до дворцов спорта, рассчитанных на 1,2—2 тысячи зрителей. Стоит отметить, что если в начале гастролей первыми выпускали «Песняров» (как говорится, для разогрева публики, что менее престижно), а потом уже американскую группу, то потом уже все делалось наоборот — так популярны стали «Песняры». Даже Госконцерт не ожидал такого успеха, из-за чего сильно прогадал, продав «Песняров» задешево — за 500 долларов, из которых: 250 — суточные на всех артистов, 250 — Госконцерту. А прибыль с этих выступлений составила аж 150 процентов.

Гэрисон относился к советским артистам замечательно: оплачивал им гостиницы и питание («Песняры» прихватили с собой консервы, колбасу, чай с кипятильниками и все это привезли назад). Более того, он отвел их в студию звукозаписи, где некогда работали «Битлз», и «Песняры» записали там с американцами совместный диск (от советской стороны на нем звучали песни: «Купалинка», «Косил Ясь конюшину», «Вероника», «Добрый вечер, девчоночка», «Расцвела сирень»). Во время записи басист «Минстрельс» влюбился в советскую костюмершу и даже посвятил ей одну композицию. Далее послушаем рассказ ударника «Песняров» Александра Дымешко:

«Нас принимали очень хорошо, а в свободное время таскали на приемы, в гости. Как-то пригласили к мультимиллионеру. Приходим, там вилла шикарная, столы накрыты, полуобнаженные дочери хозяина дома стоят за стойкой бара, угощают гостей. Мы в уголочек сели, официант подходит: «Шампанское, виски, водка?» Говорим: «Пивка бы». Он несколько опешил: «Надо спросить у мэм». Приходит мэм с корзиной, полной банок с пивом. Пьем, и

вдруг Толя Гилевич: «Ребята, тихо начинаем «Вихри враждебные веют над нами», потом громче, громче, песня выходит на улицу, американские рабочие подхватывают ее, строят баррикады и... через два года живут так же плохо, как и мы». За такие шуточки в те времена можно было здорово поплатиться...

Однажды мы научили американцев водку пить. Я пошел как-то с ними в бар, было нас человек шесть, заказали все по 150 граммов водки. И вдруг американцы спрашивают, дескать, слабо за всех выпить? А во мне тогда было 120 килограммов, чего слабо-то? Выпиваю. Они опять заказывают — и опять: «Слабо?» Выпиваю. И так три раза. Чувствую, хватит: все-таки на голодный желудок. Прощаюсь и иду спать. Утром закупаю десяточек баночек пива (благо там везде автоматы, 25 центов банка) — и к автобусу. Поставил чемодан и махаю одну за другой, опохмеляюсь. Гляжу, американцы вещи сбросали и плятятся на меня. Вдруг переводчица говорит: «Из-за вас мы будем стоять 30 минут, но вас ждет приятный сюрприз». Смотрю, несут чан, а внутри огромное количество банок с пивом во льду. «Шеф этого пива, — говорит Гэрисон, — мистер Александр, все остальные могут угоститься, только если он им разрешит». Потом он мне значок подарил с надписью: «Кто пьет много пива, тот делает большую любовь».

А теперь из Америки вернемся на родину. В воскресенье, 5 декабря, в День сталинской Конституции, в Москве, на Пушкинской площади, прошла очередная диссидентская акция. По установившейся традиции, которая брала свое начало с 1966 года, группа правозащитников устраивала возле памятника Пушкину так называемую «демонстрацию молчания». Практически каждый раз эта акция заканчивалась одним и тем же: сотрудники КГБ в гражданском и милиция разгоняла демонстрантов, не давая им молча постоять и пяти минут. Не стал исключением и декабрь 76-го. Только теперь разгон «молчащих» сопровождался массовой свалкой. Как вспоминает А. Сахаров, во время свалки ему на голову кто-то из чекистов высыпал снег с грязью. Другим демонстрантам повезло меньше: им поставили «фингалы» под глазами.

Между тем в «верхах» вовсю идут приготовления к празднованию 70-летия Леонида Брежнева. Лизоблюды всех мастей лезут из кожи вон, стараясь поразить воображение юбиляра. И чего только они не придумывали! К примеру, 1-й секретарь Якутского обкома КПСС Чиряев вызвал к себе в кабинет народного художника РСФСР Аммосова и дал ему задание выточить из мамонтового бивня чорон — якутский национальный сосуд для кумыса. Талантливый умелец постарался на славу — кубок был сделан к началу декабря. 7 декабря на московском заводе «Кристалл» из пяти природных алмазов, общим весом 2,387 грамма — 11,933 карата, были получены 6 бриллиантов, которые вставили в кубок. Кроме этого, из обрезков, вышедших при огранке, было выточено 12 роз. Более крупные остатки весом 5,13 карата были возвращены в Якутский обком КПСС. В эти же дни на Московской ювелирной фабрике изготовили из серебра обложки для трех ножек кубка и пластинчатый обруч, в которые умельцы фабрики «одели» сувенир. Здесь же отлили из серебра 6 фигурных оправ, в которые были вставлены по бриллианту и розы. А в трех верхних оправках между бриллиантом и розами вставили по два альмандин — красных камня.

Ваш покорный слуга в те дни тоже не сидел сложа руки. В будние дни я грыз гранит науки в школе, в выходные — играл в хоккей в районной команде, готовясь к предстоящему первенству на приз «Золотой шайбы». И еще графоманил. Так, во вторник 7 декабря, вернувшись из школы, я поставил последнюю точку в первой книге задуманного мною многотомного романа про индейцев «Приключения на берегах Светлого озера». Как и полагается подобным книгам, она завершалась хеппи-эндом: главный герой книги белый мальчик Джеймс, прозванный индейцами Твердой Рукой, был принят в племя дакотов. Книга заканчивалась следующими строчками: «Праздник Большой Победы был в разгаре. День кончался, а большая и полная приключений жизнь наших героев только начиналась».

Тем временем продолжают съемки фильма «Мимино». После того как в Москву наконец-то добрался Мкртчян, снова стали снимать эпизоды с его участием. Так, 7 декабря с утра съемочная группа работала в одном из

ресторанов гостиницы «Россия», где снимался музыкальный эпизод — зажигательный танец в исполнении героев Кикабидзе и Мкртчяна. Много из того, что тогда сняли, было чистой импровизацией двух замечательных актеров. На следующий день снимали уже другие эпизоды — сцены с участием этих же героев в гостиничном номере.

Продолжаются съемки и другого фильма — «Служебный роман». Съемки возобновились 6 декабря с эпизода «в институте», в котором участвовали: Андрей Мягков, Лия Ахеджакова, Олег Басилашвили, Людмила Иванова, Петр Щербаков, Алиса Фрейндлих (7-го). 8 декабря на съемочной площадке появился актер Александр Фатюшин, который играл роль жениха секретарши Верочки. Как покажет будущее, это будет последнее появление Фатюшина в кадре, поскольку вскоре после этого он повредит глаз. Произойдет это случайно. Во время спектакля в Театре имени Маяковского он с коллегами будет поднимать кресло, в котором сидел актер Мукасян, держащий в руках скипетр. Последний и стал причиной травмы Фатюшина. Актера увезут в больницу, где ему будет сделана операция. Сниматься он, естественно, не мог, но Рязанов будет долго ждать его возвращения. Но потом, когда все сроки выйдут, приедет в больницу и честно сообщит, что больше ждать не в силах. Фатюшин скажет: «Эльдар Александрович, если роль рушится, то вырезайте ее целиком. Чтоб не было кое-как». Рязанов так и делает, оставив от роли Фатюшина только два крохотных эпизодика. Но вернемся в начало декабря 76-го.

В те дни большие неприятности обрушились на голову главного редактора популярного журнала «Огонек» писателя Анатолия Софронова: 8 декабря Комитет партийного контроля при ЦК КПСС вынес ему строгий выговор. Хотя за свои грехи Софронов мог бы схлопотать и наказание пострее. В чем же он провинился? КПК установил, что писатель принимал на работу лиц, скомпрометировавших себя в прошлом, нарушал штатно-финансовую дисциплину, используя служебное положение, широко публиковался в собственном журнале, увлекался поездками за рубеж за счет редакции. Думаете это все? Отнюдь. Софронов еще систематически недоплачивал партийные взносы (всего с суммы более 48 тысяч рублей),

продал Литфонду СССР собственную дачу по завышенной стоимости, а на участке вновь приобретенной дачи самовольно возвел ряд строений. Между тем от более сурового наказания — а за одно недоплачивание партвзносов Софронова должны были выгнать из партии с волчьим билетом — его, по слухам, спас сам Михаил Шолохов. С патриархом советской литературы на Старой площади считались и, когда он попросил не наказывать главреда «Огонька» слишком строго, пошли ему навстречу.

Продолжает находиться в тюрьме Вячеслав Иваньков. Все это время он находился в Бутырке. Свою вину он начисто отвергал: мол, он ни у кого ничего не вымогал, ни в кого не стрелял. Когда сидеть в неудобной тюрьме ему стало в тягость, он решил сменить место заключения и пошел на хитрость — вновь стал симулировать невменяемость. И 10 декабря его направили на обследование в институт имени Сербского. Там он пробудет до начала февраля следующего года.

В тот день, когда Иванькова отправили в Сербского, знаменитый клоун Карандаш, он же Николай Румянцев, отмечал свой юбилей — 75-летие. Причем отмечал его не в Москве, где жил и работал, а в Ленинграде да еще умудрился искупаться в Неве, хотя на дворе стоял мороз в 15 градусов! Вот как об этом вспоминает его внучка — сценаристка Овена Румянцева:

«Зима, пронизывающий вечер. Деда везут на представление, а он просит остановить машину на берегу Невы. Задумчиво спрашивает: «Может, мне искупаться?...» Сопровождающие думают, что Карандаш чудит, и поддерживают шутку: «Ну, давайте». — «Сами не пойдете, ребята?» — «Нет, не пойдём».

Карандаш спустился на лед, разделся и нырнул в прорубь. Ребята рассказывали, что их чуть инфаркт не хватил. Они-то знали, что моржом он никогда не был. Дед вынырнул, поплескался, вылез на лед и довольный сказал: «Во хорошо! Теперь и юбилей можно справлять. Поехали в цирк!»

В пятницу, 10 декабря, в «Советской культуре» начинается публикация очерка В. Титова под названием «Тараканы» (будет опубликован в трех номерах). В публикации шла речь о разоблачении органами КГБ шайки валютчиков во главе с бакинцем Мансуром Илизаровым. Будучи представителем старой династии ба-

кинских ювелиров, Мансур в начале 70-х организовал целый преступный синдикат, который занимался скупкой и вывозом за рубеж золота, бриллиантов и антиквариата. Заработки главаря были настолько огромны, что он жил как король: имел роскошный дом, автомобиль «Форд»-фургон стоимостью 27 тысяч рублей и т. д. В Баку его знали чуть ли не все жители от мала до велика. Курьером шайки был 50-летний Давид Клайн — бывший житель Закарпатской области, живший теперь в Венгрии, но не утративший советского гражданства. Четыре раза в год Клайн приезжал в Москву, где Мансур и его поделщики скидывали ему товар: «камешки», картины, золотые монеты (из последних особенно ценились монеты времен Петра I и Екатерины II, каждая из которых шла за 12 тысяч рублей).

Деятельность Мансура и К^о была сопряжена с массой опасностей. Мало того что их могли схватить за «жабры» спецслужбы, так еще и бандиты не давали спокойной жить. Одного из близких поделщиков Илизарова — 40-летнего москвича Мишу К. — неизвестные убили прямо на его квартире, перерезав ему горло. Перед этим они с помощью покойного пытались заманить туда же и Илизарова, но тот оказался человеком ушлым и на хитрость не поддался — похватал свои вещи и тут же бежал на родину. Там его вскоре и арестовали. Суд воздал каждому из преступников по заслугам: главарь был приговорен к 15 годам тюрьмы с конфискацией имущества и трем годам ссылки, Клайн получил «десятку».

Продолжается роман между Львом Лещенко и Ириной Багудиной. Как мы помним, влюбленные славно провели отпуск в Сочи, затем встречались в Москве, после чего вынуждены были на время расстаться — Ирина уехала в Будапешт, где училась в тамошнем университете. Но связь между ними не прерывалась — они общались по телефону. Причем так интенсивно, что только в ноябре Лещенко заплатил за международные переговоры аж 13 тысяч (!) рублей. По его же словам: «Родные, хотя и столбенели каждый раз от вида моих телефонных счетов, никогда мне никаких комментариев по этому поводу не делали. Во-первых, они люди воспитанные, во-вторых, понятно, что мой личный вклад в

материальное благосостояние всей нашей семьи был более чем весомым».

Тем временем Ирина, сдав осеннюю сессию, приехала на несколько дней в Москву. И надо же так случиться, что она прилетела в девять часов вечера, а у Лещенко в час ночи — вылет на гастроли в Новосибирск! Что делать? Выход был найден певцом молниеносно: он примчался на улицу 26-ти Бакинских Комиссаров, где Ирина жила с родителями, и предложил ей лететь с ним. «Да ты что? — изумилась девушка. — Я только что из Будапешта прилетела». Но певец так напорист и настойчив, что уже спустя несколько минут Ирина меняет решение на диаметрально противоположное. И вот она уже летит в квартиру, хватая свои нехитрые пожитки, на ходу объясняет родителям причину своего отъезда и упархивает с любимым на гастроли. Как вспоминает Л. Лещенко:

«В аэропорт приезжаем с опозданием. Я лечу в кассу, беру ей билет, и вот через три часа сорок минут мы уже в Новосибирске... У меня там шесть сольных концертов в местном Дворце спорта на пять тысяч мест, битком забитом публикой. Я выступаю, как никогда, ощущая какой-то необыкновенный душевный подъем. А вечером в честь Ирины устраиваю шикарный банкет... После чего мы проводим с ней в Новосибирске целых три «медовых» дня. Затем Ирина возвращается в Москву, какое-то время живет у родителей и снова улетает в Будапешт. И вновь начинается наш «телефонный роман»...

Вовсю «романят» и Пугачева со Стефановичем. Как мы помним, пару недель назад режиссер посоветовал своей возлюбленной играть свои песни как мини-спектакли. Той это предложение понравилось, но осуществить его она была пока не в силах, поскольку, выступая в оркестре Константина Орбеляна, имела весьма хилый репертуар. Стефанович сам в этом убедился, посетив один из ее концертов в ГЦКЗ «Россия» (концерты проходили 3—9, 11—12 декабря). На нем Пугачева спела две сеньские песни, да еще была весьма неважно одета — на ней было парчовое платье, а на колене прикреплена большая искусственная бумажная роза. Когда после концерта Стефанович высказал ей свое «фи», Пугачева с этим полностью согласилась. А потом попыталась объяснить ему ситуацию: мол, своего коллек-

тива у меня нет, вот и выступаю с этим оркестром (вторым солистом был Ара Бабаджанян). Более того, его руководитель — мой жених. «То есть я от него завишу, пою его песни и одеваюсь, как армянская девушка».

Между тем Орбелян вскоре узнал, что его возлюбленная у него за спиной крутит шашни с режиссером. А мужчина он был горячий — как-никак кавказец. И в один из дней так поговорил с Пугачевой, что та прибежала к Стефановичу жаловаться. Мол, помоги жениха образумить. И режиссер нашел выход: разыграл целый спектакль с привлечением своей собственной невесты Маши. Спектакль состоялся на нейтральной территории — на квартире Леонида Дербенева, куда был приглашен Орбелян. Увидев, что режиссер явился туда со своей невестой, тот поверил, что между его девушкой и Стефановичем нет ничего амурного. Говорят, глядя на это, Дербенев и его супруга буквально умирали со смеху.

В эти дни во Дворце спорта в Лужниках проходят международные соревнования по фигурному катанию на приз газеты «Нувель де Москву». Не стал бы заострять внимание на этом, если бы на них не произошло одно событие — 12 декабря в рамках этого турнира на лед в последний раз вышла блистательная пара Людмила Пахомова и Александр Горшков. Семикратные чемпионы СССР, шестикратные чемпионы мира и победители Олимпийских игр (1976, первые олимпийские чемпионы в спортивных танцах на льду) в тот вечер простились с большим спортом. Начав свою совместную карьеру с танца «Кумпарсита», ставшего благодаря им эталоном концертного танца, они им же и закончили свою ледовую карьеру. Зал встретил эту танцевальную феерию оглушительными аплодисментами. Забегая вперед, отмечу, что, уйдя со льда, фигуристы не уйдут из спорта: Пахомова, закончив балетмейстерский факультет ГИТИСа, уйдет на тренерскую работу, Горшков будет работать в Спорткомитете. Но вернемся в декабрь 76-го.

Считанные дни остаются до юбилея Брежнева. Все средства массовой информации буквально лезут вон из кожи, чтобы отразить на своих страницах эту дату: например, в далеком от политики журнале «Наука и жизнь» генсеку была посвящена публикация аж на 18 страницах под названием «Пламенный борец за мир,

за коммунизм». Не отстают от своих коллег и кинематографисты: в кинотеатрах Москвы в те дни шло 14 (!) документальных фильмов про Брежнева, среди них: «Борцу за мир, за идеалы коммунизма», «За выдающийся вклад в дело мира», «На переднем крае мира», «Родина славит героя» и др. 14 декабря к этому внушительному списку добавился еще один фильм — лента «Повесть о коммунисте» (режиссеры Игорь Бессарабов и Александр Кочетков, текст за кадром читает Иннокентий Смоктуновский). На премьеру фильма в кинотеатр «Октябрь» пришли передовики производства столицы, ветераны партии, участники Великой Отечественной войны, деятели культуры и науки и другие деятели. Естественно, сразу после премьеры в прессе была дана самая высокая оценка фильму (попробовал бы кто-нибудь написать что-то иное — враз бы стал изгоем). Практически в каждой публикации генсека вылизывали, что называется, вдоль и поперек. Чтобы не быть голословным, приведу отрывок из одной такой публикации — статьи кинорежиссера Бориса Рычкова из журнала «Советский экран»:

«Простые люди уверены: Леонид Ильич знает вкус выращенного своими руками хлеба, жар горячего металла, сырость солдатского окопа, настоящую цену простому человеческому счастью. Поэтому он всегда среди народа. Поэтому лица людей расцветают в ответ на его улыбку, добрую улыбку человека, много повидавшего и много сделавшего на своем веку...»

Тем временем в Москву один за другим приезжают лидеры братских компартий, чтобы вручить генсеку-юбиляру свои подарки — высшие награды своей родины. Так, 13 декабря «подарочный» марафон открыл глава ГДР Эрих Хонеккер, который преподнес Брежневу Звезду Героя ГДР и орден «Большая звезда дружбы народов». На следующий день эстафету подхватил руководитель Ю. Цеденбал, который прицепил к лацкану генсековского пиджака Золотую Звезду Героя МНР и орден Сухэ-Батора. На другой день Брежнева чествовал 2-й секретарь ЦК Компартии Кубы Рауль Кастро: он присовокупил к вышеназванным наградам свою — орден «Плайя-Хирон».

Вспоминает Я. Голованов: «Юбилей Брежнева: ему 70 лет. В номерах (Голованов в те дни отдыхал в Дубултах. — Ф.Р.) телевизоров нет, а

в холлах на всех этажах есть, и мы каждый день по вечерам приходим смотреть, от кого на этот раз Леонид Ильич получит Золотую Звезду или орден. Очевидно, составлено расписание, когда кому приезжать с орденами, так как весь этот конский цирк продолжается без малого неделю. Вот и сегодня цепляют очередную Золотую Звезду. Стоя в проеме двери, Юло Туулик (эстонский прозаик. — *Ф.Р.*) улыбается доброй улыбкой и говорит с сильным прибалтийским акцентом, ласково и напевно:

— О...о, нашу елочку все наряжают...»

Продолжаются съемки «Мимино». Во вторник, 14 декабря, в гостинице «Россия» снимались эпизоды пребывания Мизандари и Хачикяна в гостинице «Россия» (в частности, была снята сцена, где Мизандари звонит по телефону девушке своей мечты и произносит фразу, которой суждено будет стать легендарной: «Ларису Ивановну хочу!..»). На следующий день должен был сниматься эпизод, где Мизандари и Хачикян ждали Ларису Ивановну возле Большого театра, но съемки сорвались по не зависящим от киношников причинам: из-за приезда в Москву важной делегации (приезд приурочен к дню рождения генсека) площадь перед ГАБТОм была взята «в режим» КГБ. Поэтому съемки этого эпизода пришлось перенести на послезавтра — 17 декабря. А за день до этого киношники опять трудились в «России»: снимался эпизод, где Мизандари и Хачикяна выселяли из номера.

Между тем до выхода «Мимино» на широкий экран еще далеко, и в кинотеатрах столицы пока идут другие фильмы. 6 декабря в прокат вышла лента Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» с Владимиром Высоцким в роли арапа и Алексеем Петренко в роли Петра I; 9-го — «Крестьянский сын» Ирины Тарковской с участием: Сережи Куракина, Наташи Горевановой, Вячеслава Глушкова и др.; 13-го — «Страх высоты» Александра Сурина с участием: Андрея Мягкова, Анатолия Папанова, Ирины Мирошниченко и др.; «Там, за горизонтом» Юрия Егорова с участием: Анатолия Солоницына, Всеволода Санаева, Юрия Богатырева и др.; советско-болгарская лента «Братушка» с участием: Анатолия Кузнецова, Светланы Тома и др.

Кино по ТВ: «Солдатские мемуары» (фильм 4-й, премьера д/ф 2-го), «Тренер» (3-го),

«Обычный месяц» (премьера т/ф 3—5-го), «Свинарка и пастух» (4-го), «Руслан и Людмила» (4—5-го), «Назовите ураган «Марией» (5-го), «Жизнь на грешной земле» (6-го), «Начальник Чукотки», «Академик Иван Павлов» (7-го), «Это было в разведке», «Первая перчатка» (8-го), «Дикий мед» (9-го), «Двадцать лет спустя» (10-го), «Сказка о царе Салтане», «Хевсурская баллада» (11-го), «Госпожа Бовари» (Франция, премьера т/ф 11—12-го), «Военная тайна», «Океан» (13-го), «Причал» (13—14-го), «Тигры» на льду», «Небесные ласточки» (премьера т/ф 15-го) и др.

Из других передач выделю следующие: «Кинопанорама» (3-го; были представлены две новинки: фильмы «Ключ без права передачи» и «Слово для защиты»), «Концерт артистов зарубежной эстрады» (4-го), «Артлото» (10-го; выступали: Александра Стрельченко, Вахтанг Кикабидзе, ВИА «Музыка», Людмила Сенчина спела песню из нового советско-американского фильма «Синяя птица»), «Поет Дин Рид» (11-го), «От всей души» (14-го).

Эстрадные представления: 5, 8—9, 15—16-го — в ГТЭ выступал Аркадий Райкин; 10—24-го там же — ВИА «Орэра»; 11-го в ЦДКЖ — дуэт Алла Йошпе — Стахан Рахимов; 11—12-го в ЦДСА — ВИА «Водограй»; 12—13-го в «Варшаве» — ВИА «Ариэль»; 13—14-го в ЦДСА — Людмила Зыкина.

В четверг, 16 декабря, на киностудии имени Горького начались съемки фильма «Усатый нянь» (снимались эпизоды в красном уголке ЖЭКа). Как мы помним, ленту собирались начать снимать еще в апреле, но из-за внезапной болезни режиссера-постановщика Евгения Фридмана работы пришлось приостановить. В августе они возобновились, но уже с другим режиссером — Владимиром Грамматиковым, который чуть ли не на половину обновил съемочный коллектив. Нашел он и нового исполнителя на главную роль — «усатого няня» Кешу Четвергова должен был играть выпускник «Шуки», артист Театра имени Моссовета Сергей Проханов. Вернее будет сказать, сам Проханов напросился на эту роль. Вот как об этом вспоминает сам В. Грамматиков:

«Проханов сам ко мне пришел. Довольно нахально, Сережа вообще парень такой. Пришел ко мне и говорит: «Я знаю, что вы ищите героя, так вот, можете больше его не искать, он

перед вами». Я ему отвечаю: «Сереза, как актера я вас не знаю, поэтому давайте прежде всего пройдем в 202-ю комнату». А в этой комнате как раз и находились 18 бармалейчиков, которые «съели» уже не одного актера и с разыгравшимся аппетитом готовы были приняться за очередную жертву.

Я впустил его в комнату и закрыл за ним дверь. Раздался визг, треск, лязг, звон, а через некоторое время все вдруг стихло. Мертвая тишина. Думаю, ну вот, еще один доэкспериментировался. Открываю дверь. Сереза лежит на полу, извиваясь, а рядом с ним лежат дети. Проханов говорит: «Мы — рыбы, а рыбы молчат». Потом он вскочил, полетел бабочкой, и я увидел то, что искал: глаза детей, которые восторженно смотрели на него. Если бы он тогда вылетел в окно со второго этажа, они, не раздумывая, выбросились бы за ним. Все. Я нашел героя...»

В Театре на Таганке полным ходом идут репетиции спектакля «Мастер и Маргарита» по М. Булгакову. Вот уже почти восемь месяцев идет обкатка с одним и тем же составом, как вдруг 17 декабря Любимов выводит на сцену другой состав: в нем роль Бездомного исполняет Высоцкий, Берлиоза — Штейнрайх, Коровьева — Подколзин, Пилата — Пороховщиков. Многим присутствующим этот состав понравился больше, чем прежний. Однако Высоцкий в итоге от своей роли откажется.

Тем временем неумолимо приближается 70-летие Брежнева. По этому случаю на его голову продолжает сыпаться дождь подарков. Так, 17 декабря в этом деле отметились лидер Венгерской компартии Янош Кадар и президент Финляндии У.К. Кекконен, которые вручили юбиляру высшие награды своей родины: первый — орден Знамени ВНР, второй — Большой крест ордена «Белой розы Финляндии». На следующий день настала очередь соратников по Политбюро порадовать юбиляра дорогим подарком: в тот день вышел Указ о награждении генсека второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и орденом Ленина. Кроме этого, его наградили Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР.

И еще один дорогой подарок был преподнесен Брежневу в тот день, 18 декабря: его личного друга, лидера компартии Чили Луиса

Корвалана, который долгое время томился в застенках хунты, обменяли на диссидента Владимира Буковского. Обмен состоялся в Цюрихе, причем Буковского туда сопровождала спецгруппа КГБ «Альфа» (это была первая серьезная операция этого подразделения, созданного в 1974 году). Стоит отметить, что, когда за Буковским в Лефортовскую тюрьму (туда его перевели незадолго до обмена из «Владимирки») приехал один из «альфовцев» — Николай Берлев, который был одет в милицейскую форму, диссидент сразу догадался, к какому ведомству тот принадлежит. Уж больно вежливо себя вел: разорвал свой носовой платок и обмотал Буковскому запястья, чтобы наручники не резали кожу. Из Лефортова диссидента доставили на «рафике» в Чкаловское, чтобы оттуда лететь на «Ту-134» в Цюрих. С Буковским летели его мать, сестра и племянник (мальчика забрали прямо из палаты онкологического отделения больницы, где он лежал).

Самолет приземлился в цюрихском аэропорту после полудня. Место приземления было тут же оцеплено полицией — их было человек семьдесят. Все вооружены автоматами. Вскоре сюда же подъехал черный представительский автомобиль, в котором находился Корвалан. Еще через несколько секунд чилийский коммунист вместе с женой вышли на бетонку и направились к самолету. Как вдруг Буковский взъерепенился: «Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую...»

Корвалан с женой уже поднялись по трапу, заняли места в переднем салоне, а Буковский наотрез отказывался покидать самолет. Люди, приехавшие в автомобиле, заподозрив подвох со стороны чекистов, тут же выхватили из-под плащей автоматы и наставили их на «альфовцев». Ситуация создалась критическая. Тогда чекисты связались со своим шефом — Андроповым. Тот, когда ему сообщили о происшедшем, вдруг рассмеялся: сказал, что опять «вражки голоса» поднимут вой о происках КГБ. Было приказано успокоить Буковского и передать, что никто не собирается его обманывать. Узнав, что свое честное слово ему дает сам Андропов, диссидент согласился покинуть самолет. Далее послушаем рассказ М. Болтунова:

«Командир экипажа сообщил: летим в Минск. Теперь заволновался Корвалан. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, оказалось, дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: «Как же так, исчез, а куда?» Доложили в Москву. Вскоре было дано «добро», и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати.

В полете Берлев передал ему фотографию из журнала «Советский экран», где генеральный секретарь был изображен в национальной одежде, попросил автограф. Корвалан с удивлением рассматривал фото, потом написал несколько слов для Николая Васильевича.

В Минске они доставили Корвалана по назначенному адресу и поездом возвратились в столицу. На Белорусском вокзале их встречал генерал Бесчастнов...»

В воскресенье, 19 декабря, Брежневу стукнуло семьдесят. Утром, еще на даче, его поздравили домочадцы и охрана, после чего он отправился в Кремль — получать поздравления и подарки от соратников по Политбюро. Душа его радовалась — подарков должно было быть немерено, многие из которых, и он это знал, должны были поразить его воображение. Так и вышло: в тот день генсеку подарили замечательное охотничье ружье, большое декоративное панно, золотые запонки (от дочери Галины и ее мужа Юрия Чурбанова), чорон с бриллиантами (последний генсеку лично доставил 1-й секретарь Якутского обкома КПСС Гавриил Чиряев) и многое другое. Работать в тот день юбиляр, конечно же, не стал, поскольку он и в другие дни не особенно загружал себя, а тут сам бог велел отдохнуть и веселиться. А веселье в тот день лилось через край. В Георгиевском зале Кремля состоялся концерт, на который были приглашены сплошь одни звезды отечественной эстрады. Например, Аркадий Райкин, которого Брежнев просто обожал. Однако Райкин едва не опоздал к началу концерта, чего делать даже ему, мэтру, было непозволительно. Вот как об этом вспоминает Р. Ткачев — тогдашний главный администратор Ленинградского театра миниатюр:

«В день 70-летия Брежнева мы работали в Московском театре эстрады. Предполагая, что Аркадий Исаакович будет приглашен на пра-

вительственный концерт, я спланировал спектакль на дневное время и назначил начало на 13 часов. За два или три дня до юбилейной даты выяснилось, что в отличие от прошлых лет торжество в Кремле начнется в 16 часов. Все билеты к этому времени были уже распроданы, и мы решили спектакль не отменять, а сократить на 10—15 минут (обычно он шел не менее 3 часов). К антракту из Министерства культуры СССР приехал заместитель начальника Управления музыкальных учреждений Коновалов, чтобы лично сопровождать Аркадия Исааковича в Кремль. Антракт немного сократили, и Аркадий Исаакович решил, что в финале спектакля он вместо обычных трех монологов прочтет только один: оставшегося времени хватит, чтобы успеть в Кремль, благо от Театра эстрады до Кремля не более пяти минут езды. Кончилась последняя миниатюра, и Райкин вышел на сцену с заключительными монологами. Прочитал первый. Как всегда, бурные аплодисменты. Он начинает второй. На часах — без пятнадцати четыре. Несчастный Коновалов побледнел, а Аркадий Исаакович приступил к чтению третьего. Когда занавес закрылся, он с виноватой улыбкой сказал, что не мог обидеть зрителей...»

Пианист Андрей Гаврилов тоже был участником того исторического концерта и вспоминает о нем следующим образом:

«Мы, несколько актеров и музыкантов, сидели отдельно, недалеко от главного стола, который по форме напоминал букву «Г». В президиуме члены Политбюро, за столом родственники и другие приглашенные. В паузах между тостами нас выпускали на маленькую эстрадку. Кто-то пел, кто-то декламировал стихи, а я играл Шопена. Когда банкет подходил к концу, к нам подсел какой-то странный человек и стал по очереди со всеми шептаться. «Кто это?» — спросил я Хазанова, сидевшего рядом. «Завотделом культуры Шауро, — сказал Хазанов и добавил: — Он сейчас желания исполнять будет». — «Как это?» — «Ну проси, что захочешь».

Шауро подсел ко мне, поблагодарил за выступление и спросил, не нужен ли мне рояль Стэнвей, который, по его словам, можно было достать через Совет министров. Не знаю почему, но я отказался, хотя дома у меня был старый, раздолбанный рояль...»

Между тем с соседом Гаврилова по столу Геннадием Хазановым на том концерте произошёл забавный случай. Но прежде чем рассказать о нем, стоит вспомнить, как юморист вообще попал на него, ведь до последнего момента его участие в концерте стояло под большим вопросом, поскольку у него не было интермедии. Вернее, интермедий в его творческом багаже был вагон и маленькая тележка, но ни одна из них не была принята чиновниками из Минкульта, перед которыми артист выступал за несколько дней до концерта. Тогда Хазанов обратился к своему постоянному автору Лиону Измайлову: мол, напиши. Тот откликнулся и буквально за пару часов написал интермедию «Арбуз», в которой действовал уже популярный в народе герой — студент кулинарного техникума. Суть интермедии сводилась к следующему: студент съел арбуз, после чего отправился провожать свою девушку и всю дорогу искал «маленький домик».

По воле распорядителей концерта Хазанов оказался в списке выступающих под 33-м номером. Когда он вышел на сцену, на часах было уже около десяти вечера и практически все присутствующие мучились одной проблемой — как бы «отлить» (антракт в концерте почему-то предусмотрен не был). Поэтому интермедию Хазанова про «маленький домик» слушатели встретили громом оваций. Более того, сам Брежнев подошел к Хазанову, чтобы поблагодарить его за выступление, и внезапно спросил: «Я так и не понял, получилось у него или нет?» Хазанов ответил: «Леонид Ильич, это на ваше усмотрение». Брежнев засмеялся: «Не знаю, как у твоего героя, но у меня сейчас точно получится».

Из-за дня рождения Брежнева были отменены концерты Владимира Высоцкого в Подольске. В тот день он должен был дать их сразу три, причем организатором выступал ныне известный кинодеятель (основатель «Кинотавра») Марк Рудинштейн. Однако в самый последний момент Рудинштейну позвонили из горкома и приказали концерты перенести на другое число: дескать, таково распоряжение из Москвы. Видимо, боялись, что Высоцкий позволит себе какую-нибудь неуместную шутку или споет что-нибудь «не то». Рудинштейну пришлось ехать к певцу на Малую Грузинскую и сообщать ему эту неприятную новость. «Но концерты мы обязательно проведем в ближай-

шее же время», — пообещал Рудинштейн Высоцкому. И слово свое сдержал — эти выступления состоятся 25 декабря. Но вернемся на несколько дней назад.

В те дни на «Мосфильме» собирались снимать фильм, в котором главную роль должна была сыграть Алла Пугачева. Как мы помним, идея такого фильма созрела в голове сразу нескольких человек — редактора студии Любови Цициной, композитора Александра Зацепина и поэта Леонида Дербенева — полтора года назад: после того как Пугачева победила на фестивале «Золотой Орфей». Именно Цицина нашла сценариста — Анатолия Степанова, который довольно быстро написал сценарий про молодую безвестную певицу, которая благодаря своему таланту становится звездой. Пугачевой сценарий понравился. Однако совсем иного мнения были представители Госкино, к которым этот сценарий попал на визирование — они его не приняли. Вот что они написали в своем заключении, датированном 20 декабря 1976 года: «Сценарий представляет собой драматургически слабо организованное произведение. Поступки главной героини лишены всяких мотивировок — все объясняется общей эксцентричностью ее характера: уход от мужа, уход из ансамбля, приход к поэту и т. д. Какова цель ее жизни, чему этот образ по-человечески должен заинтересовать и научить зрителя, сказать трудно».

Героиня лишена интеллигентности и душевной привлекательности. Она словно еще одно повторение вздорной певицы из фильма К. Воинова. Сценарий рыхл, лишен темпа и темперамента. Он скучен...»

Между тем сама Пугачева в те дни окончательно разобралась со своими возлюбленными: она ушла от Константина Орбеляна к Александру Стефановичу. Вернее будет сказать, что Стефанович ушел к Пугачевой, поскольку жить они стали в однокомнатной квартире певицы на Вешняковской улице (дочь Кристина жила в квартире ее мамы на Рязанском проспекте). Правда, увидев жилище Пугачевой в первый раз, Стефанович едва не лишился дара речи — так убого оно выглядело. По его же словам, это была абсолютно пустая квартира, в углу которой лежал голый матрас, а весь пол был заставлен огромным количеством пустых бутылок. Когда Стефанович выносил эту «батарейку» к мусоропроводу, он любопыт-

ства ради пересчитал ее и ахнул — бутылок было 140 штук. Однако убожество жилища не отпугнуло режиссера — как говорится, с милой рай и в шалаше. Пока Пугачева что-то готовила на кухне, он нашел в пустой картонной коробке елочную мишуру и выстлал из нее на полу дорожку, украсив ее по краям еще и игрушками. Когда Пугачева вошла в комнату с подносом в руках и спросила, что это, он ответил: «Это путь жизни Аллы Пугачевой». Метафора певице понравилась.

Популярный актер театра и кино Михаил Жаров в те дни работает буквально на износ, являясь единственным добытчиком в семье (помимо жены, у него еще две дочери). 21 декабря он оставляет в своем дневнике следующую запись:

«...Шумные утомительные репетиции с криком. Три с половиной часа репетиции без минутного перерыва для меня...

Усталый, измученный, поехал на радио — «С добрым утром!», в отдел сатиры. Вел новогодний концерт и читал рассказ Нариньяни. А что делать? Ни «сантима» не зарабатываю, кроме театра. Это при том, что Маечка (жена. — Ф. Р.) экономит, все делает, готовит сама, ходит, стирает. Так плохо и бедно никогда не было. А девочки мои — невесты, деньги (добытчик) могу найти я один. Что будет, не знаю! Кругом в долгах!..»

В тот же день, 21 декабря, в Москве завершился очередной (10-й) международный турнир по хоккею на приз газеты «Известия» (начался 16 декабря). Он предыдущих турниров он отличался тем, что его почтили своим присутствием (после семилетнего отсутствия) родоначальники хоккея — канадская команда из ВХА «Виннипег Джетс», в составе которой играл кудесник шайбы Бобби Халл. Но, несмотря на присутствие Халла, канадцы выступили неудачно: выиграли всего лишь одну игру (у финнов 2:1), один матч свели вничью (2:2 со шведами) и две встречи проиграли (нашим — 4:6 и чехословакам — 2:3). А победителем турнира (в 8-й раз) стала сборная СССР, которая в последний день встретилась с чехословаками. Игра получилась упорная. На 9-й минуте наши открыли счет, (Виктор Жлуктов), но вскоре Мартинец восстановил равновесие, а затем Эберман вывел гостей вперед. Но следующие полтора периода оказались за нашими хоккеистами: на 47-й минуте Хельмут Балдерис срав-

нял счет, а чуть позже Владимир Петров забил и третью шайбу. Как ни старались чехословаки спасти игру, ничего у них не получилось: Третьяк защищал ворота самоотверженно. Да и не мог он иначе, поскольку накануне турнира у него в семье случилось прибавление — родилась дочь Ирина.

22 декабря по телевидению показали добрую старую ленту 60-го года выпуска «Ждите писем». Одну из главных ролей в нем играла актриса Александра Завьялова, прогремевшая на всю страну ролью Пистимей Морозовой в телесериале «Тени исчезают в полдень». Между тем практически никто из тех, кто в тот вечер смотрел «Ждите писем», даже не догадывался о том, в каком жутком состоянии находится популярная актриса.

Беды Завьяловой начались практически сразу после выхода на экран «Теней». Когда отмечалась его премьера, пригласили всех участников фильма... кроме Завьяловой. Несмотря на ошеломительный успех ленты, Завьялову отлучили от кинематографа. Ее перестали приглашать сниматься, а то, что ей присвоено звание заслуженной артистки РСФСР, она и вовсе узнала из газет. Время для Завьяловой остановилось: она могла целыми днями лежать на диване в своей ленинградской квартире, смотреть в потолок и плакать. Короче, полное забвение в кино вылилось в глубокую депрессию. Так могло продолжаться до бесконечности, если бы актриса не совершила мужественный шаг. В 76-м, когда ей исполнилось 40 лет, Завьялова родила второго ребенка (дочери на тот момент было уже двенадцать). Казалось, что после этого в ее душе наступит покой. Но получилось иначе. Вскоре после рождения сына Завьялову упекли... в психушку. Вот как об этом вспоминает сама актриса:

«Когда раздался резкий звонок в дверь, я посмотрела на часы — два часа ночи. Спрашиваю: «Кто там?» — «Откройте, врачи, нужна ваша помощь». Я, конечно, открыла. Ворвались двое в белых халатах, огромные, страшные, настоящие бандиты! Заломили грубо руки за спину и поволокли вниз по лестнице. Я кричу: «Оставьте меня в покое, пожалейте моих детей!» Все это произошло на их глазах: дочери только 12 исполнилось, а сын был еще грудным. Никто не пожалел, никто не пришел на помощь, несмотря на мои крики. Меня посадили в машину и увезли, не объясняя куда. Ма-

шина затормозила у какого-то серого здания с решетками. В комнате без окон заставили надеть казенную рубашку, потом отвели в палату, молча указав на постель у окна. Я легла, меня сильно знобило, мысли о детях не оставляли — ведь они остались одни! Подошла какая-то женщина с безумными глазами и стала что-то кричать прямо в лицо. И только тогда я поняла, что нахожусь в психиатрической больнице. До сих пор не могу об этом вспоминать без содрогания.

... Меня держали особняком и от больных, и от врачей — перевели в отдельную палату, со мной не разговаривали, не пускали посетителей, не лечили, хотя я в этом нуждалась после ужаса происшедшего. Домой я вернулась только через два месяца. Меня встретила пустая и холодная квартира: все, что заработала, было унесено грабителями. Меха, бриллианты, фарфор. Что касается детей... Танечку взял к себе ее отец, а сына забрали в детский дом и долго потом мне не отдавали. Через год меня снова увезли в лечебницу, но уже вместе с сыном. На этот раз с помощью угроз и шантажа врачи заставили написать заявление о выходе на инвалидность. Я испугалась, что иначе будут держать там вечно, и согласилась... Тем самым я подписала себе смертный приговор — после этого я потеряла «Ленфильм» и 25 лет жизни: не снималась в кино, меня забыли, вычеркнули из памяти...»

Позволю себе не согласиться с последними словами актрисы: ее не забыли. Несмотря на те ужасные события, которые с ней произошли, тогдашнее телевидение периодически демонстрировало фильмы с ее участием. Я сам очень любил большинство из этих картин: и «Ждите писем», и «Встречу у старой мечети», и «Сергея Лазо», и бесподобную «Алешкину любовь». Правда, сериал «Тени исчезают в полдень» с середины 70-х показывать прекратили (последний раз показали в феврале 75-го, после чего положили на полку почти на десять лет).

Но вернемся в декабрь 76-го.

В четверг, 23 декабря, в Москва из Минска приехал Луис Корвалан. В газетах написали, что чилийские власти отпустили Корвалана под давлением мировой общественности. Обмен Корвалана был приурочен к 70-летию Брежнева, который считал лидера чилийских коммунистов своим личным другом. Он и

встретил его как подобает настоящему товарищу: едва не задушил в своих объятиях и облобызал так, как иной мужчина не целует любимую женщину.

Вечером того же дня поэт Андрей Вознесенский выступал в Доме актера. В назначенное время зал был заполнен практически до отказа, но поэт почему-то не спешил выходить на сцену. Минуту пять минут, десять. Наконец кто-то обратил внимание, что в первом ряду пустуют два кресла. «Наверное, ждут кого-то из ЦК», — пронесся шепоток по рядам. Каково же было удивление публики, когда на эти места сели мужчина в старомодных очках и миниатюрная старушка, согнувшаяся под тяжестью похожего на шаль старомодного шарфа. Подавляющая часть публики видела этих людей впервые. Между тем имя старушки наверняка знали все — это была бывшая возлюбленная Владимира Маяковского Лиля Брик. Она только что прилетела из Парижа и, узнав о вечере Вознесенского, чуть ли не из аэропорта поспешила сюда, в Дом актера.

После концерта избранная публика, в том числе и Брик, была приглашена в директорский кабинет на импровизированный фуршет. На столе стояли шампанское, фрукты, конфеты. Там Брик выразила восхищение талантом Вознесенского и пригласила его завтра к себе в гости. Отказать женщине Вознесенский, естественно, не мог. Вот как вспоминает об этой встрече И. Ваксберг:

«Кутузовский проспект — возле гостиницы «Украина». На шестом этаже нас уже ждут. Из прихожей виден накрытый стол, посреди возвышается гигантская редька — такие растут только в Узбекистане.

Лия Юрьевна отдохнула и теперь благоухает французскими духами. Ухоженное лицо, где морщины выглядят как искусная графика, кажется творением великого мастера. Ее рыжие, тронутые не скрываемой уже сединой волосы изумительно сочетаются с темно-кариными глазами, серебряной брошью с большим самоцветом посредине, цепочками разноцветных бус и благородно-черным тоном модного платья, для нее сочиненного, ей одной посвященного. В кокетливые сапожки засунуты ноги немислимой тонкости. Спички — не ноги...

«За стол! За стол! Адски хочу есть. Ни за кем не буду ухаживать — каждый берет сам».

А уж брать-то есть что!.. В Москве тех лет с пустыми полками магазинов — просто богатство. Икра, крабы, угри, миноги, заливной судак — память о детстве, копченый язык, колбасы всевозможных сортов... Французский сыр... Марокканские мандарины... «Не стесняйтесь — берите побольше: все из «Березки», я победила».

Впрочем, победа, пожалуй, одержана вовсе не ею. Арагон (Луи Арагон — французский писатель, коммунист. — *Ф.Р.*) прислал деньги, но в валютных магазинах продавали только вышедшую из моды одежду и устаревшую бытовую технику. Продуктов, даже и за валюту, едва хватало на иностранцев. Исключение из правил мог допустить только министр внешней торговли. Лиля ему написала — ответа не было полгода. Наконец, позвонил глава Госбанка Алхимов: «Вопрос утряслся... Рад сообщить: вам все-таки разрешили». «Утрясали» на самом верху, не иначе как с Сусловым. Ей-то бы он отказал, но не рискнул дразнить Арагона из-за каких-то миног. Поиздевавшись полгода, решил уступить. «Зато теперь у нас камамбер. И колбаса похожа на колбасу, а не на бумагу из туалета...»

Тот вечер закончится грустно: Вознесенский в самый разгар застолья внезапно сообщит, что ему и двум его спутникам надо успеть заскочить еще на одну вечеринку, и начнет прощаться. Брик будет в смятении: она-то рассчитывала, что компания просидит у нее до утра. «Я столько всего накупила, — растерянно произнесет она. — Конфеты... Торг... И больше никого не позвала...» Но поэт будет неумолим и умчится в морозную ночь, уводя с собой спутников. А Лилия Брик останется коротать вечер в компании своего верного спутника — Василия Катаняна.

Георгий Данелия продолжает работу над комедией «Мимино». За прошедшую неделю удалось снять несколько новых эпизодов: Мизандари и Хачикян ждут Ларису Ивановну у Большого театра (17 декабря), Мизандари на аэровокзале. 24 декабря, в первой половине дня, сняли сцену, где герой Кикабидзе, имея в кармане всего лишь несколько копеек, покупает в буфете аэропорта Внуково чай за 6 копеек. Он дает буфетчице (Лариса Барабанова) 10 копеек, а по поводу сдачи заявляет: «Сдачи не надо». А буфетчица отвечает: «И мне не надо».

Во второй половине дня сняли сцену, где на Мизандари в том же буфете обращает внимание пожилой мужчина — Волохов (Евгений Леонов). Поскольку Мизандари очень похож на его погибшего фронтового друга, Волохов думает, что это его сын, и берется разрешить все его проблемы.

Три дня спустя съемки переместились из аэропорта в Бутырскую тюрьму: там снимали эпизод, где Мизандари знакомится со своей молодой адвокатшей по фамилии Кукушкина (Марина Дюжева). Еще через два дня — 29 декабря — съемочная группа работала уже на родном «Мосфильме»: в приемной и кабинете гендиректора студии Николая Сизова снимались эпизоды, где Волохов приводит Мизандари к своему фронтовому приятелю (Николай Граббе). Но там выясняется, что Мизандари не имеет никакого отношения к их погибшему фронтовому товарищу.

Тем временем в театральных кругах столицы ходят невеселые слухи о руководителе Театра имени Моссовета Юрии Завадском: в конце декабря ему сделали операцию в хирургической больнице на Ленинских горах, но его состояние близко к критическому. Говорят, что у него рак. Драматург Леонид Зорин и режиссер Роман Виктюк 29 декабря пишут ему ободряющее письмо в больницу. Но предчувствия у них самые мрачные.

В эти же дни едва не умер и популярный актер Владислав Дворжецкий. Он находился в Ялте, где снимался в телефильме «Встреча на далеком меридиане», и в среду, 29 декабря, прямо в гостиничном номере у него случился инфаркт. Актер упал в обморок, и кто-то из постояльцев гостиницы тут же вызвал врачей. Но те инфаркта не распознали, сказали: «Давление у вас нормальное, а кардиограмма не показывает нам ничего такого, о чем можно волноваться». Однако заподозрив, что у Дворжецкого может быть что-то с легкими, направили его в Ливадийскую больницу. И только тамошние врачи установили: батенька, да у вас инфаркт, причем тяжелейший! Во медицина дает!

Тем временем продолжается роман Пугачевой и Стефановича. В один из тех предновогодних дней по предложению Стефановича влюбленные отправились в Одинцово, в новый грузинский ресторан «Сакартвело», который открыл Торнике Копалеишвили (теперь он владеет целой сетью ресторанов в Москве). И

там во время ужина Стефанович внезапно предлагает Торнике переименовать его ресторан: мол, для русского слуха слово «сакартвело» непривычно. «А что ему привычно?» — спросил, в свою очередь, ресторатор. «Например, «Арлекино», — ответил Стефанович. «Это в честь кого?» — вновь спросил Торнике. «В честь вот этой девушки, — и Стефанович указал на Пугачеву. — Помнишь песню «Арлекино»? Это она ее поет». У Торнике аж челюсть отвисла. «Вай, какая удача!» — воскликнул он. Чувствуя, что он на верном пути, Стефанович продолжил натиск: «Значит, мы делаем так. Здесь на стене вешаем ее портрет, на сцене размещаем музыкантов, а ты каждому из посетителей не забываешь повторять, что Пугачева поет в твоём ресторане чуть ли не каждый вечер. И публика повалит к тебе валом». Забегая вперед, отметим, что эта задумка полностью удалась — ресторан действительно за короткий срок станет чрезвычайно популярен у столичной богемной публики.

Во второй половине декабря по «ящику» крутили следующие фильмы: «Садко», «Гонщики» (18-го), «Добровольцы», «Ленинским путем» (преьера д/ф про Л. Брежнева) (19-го), «Когда-то в Калифорнии» (преьера т/сп 21-го), «Флаги на башнях», «Ждите писем» (22-го), «Огненный мост» (преьера т/ф 22—23-го), «Александр Пархоменко» (23-го), «Ташкент — город хлебный» (24-го), «Новогодние приключения Маши и Вити», «Ирония судьбы, или С легким паром» (25-го), «Вечера на хуторе близ Диканьки» (26-го), «Чудак из 5 «Б», «Семь стариков и одна девушка» (27-го), «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (первые по ТВ 28-го), «На руинах любви» (США, преьера т/ф), «Много шума из ничего» (29-го), «Тайна двух океанов» (29—30-го), «Шесть медведей и клоун Цибулька» (ЧССР), «Невеста с Севера» (30-го), «Приключения Калле-сыщика» (преьера т/ф 30—31-го), «От и до...» (преьера т/ф), «Дамы и гусары» (преьера т/сп), «Голубой лед» (31-го) и др.

Из других передач выделю: «А ну-ка, девушки!» (22-го), «Артлото» (24-го), «Утренняя почта» (25-го), «Поет Эдита Пьеха» (26-го), «Кинопанорама» (28-го, 200-й выпуск передачи, в котором речь шла о фильме «Табор уходит в небо», выступали артисты: Людмила Гур-

ченко, Леонид Утесов, Л. Стриженова), «Шире круг» (30-го).

Театральные премьеры: 20-го — в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Их четверо»; 24-го в «Современнике» — «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева с участием: Олега Табакова, Александра Вокача, Людмилы Крыловой и др.; 26-го в МХАТ — «Иванов» А. Чехова с участием: Иннокентия Смоктуновского (дебют в МХАТ), Ангелины Степановой, Марка Прудкина и др.

Эстрадные представления: 16—17-го — в ЦДСА выступали звезды кино: Марина Ладынина, Зоя Федорова, Иван Переверзев, Надежда Чередниченко, Надежда Румянцева и др.; 19-го — в ГТЭ состоялся концерт под названием «Миру и человеку» с участием: Иосифа Кобзона, Гелены Великановой, Александры Стрельченко, Валентины Толкуновой и др.; 19-го — в ДК МИИТ выступал дуэт из Риги в составе Маргариты Вильцане и Ояrsa Гринберса; 16, 18—19, 21, 23-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты из разряда «сборная солянка» с участием: Нонны Мордюковой, Владимира Дружникова, Аллы Ларионовой, Натальи Фатеевой, Георгия Вицина, Светланы Резановой, Геннадия Хазанова, Софии Ротару, ВИА «Самоцветы», Валерия Брумеля, Ларисы Латыниной и др.; 24—26-го — в «Октябре» выступал ВИА «Поющие сердца».

Из пластинок журнала «Кругозор» (№ 12) выделю две: на одной звучали две песни в исполнении английской рок-группы «Уингз» с Полом Маккартни во главе («Ты ответил мне», «Госпожа Вандербилд»), на другой — песни в исполнении Аллы Пугачевой: «До свидания, лето» (А. Зацепин — Л. Дербенев), «Это очень хорошо» (А. Мажуков — Д. Усманов).

ХИТ-ПАРАД-76

Самые кассовые фильмы отечественного производства

«Табор уходит в небо» («Мосфильм», режиссер Эмиль Лотяну, в ролях: Светлана Тома, Григоре Григориу, Бронислав Брондуков и др., преьера — 6 апреля) — 64,9 млн. зрителей; «Единственная» («Ленфильм», реж. Иосиф Хейфиц, в ролях: Валерий Золотухин, Елена Проклова, Владимир Высоцкий и др. преьера — 1 марта) — 33,1 млн.

«Стрелы Робин Гуда» (Рижская к/ст, реж. Сергей Тарасов, в ролях: Борис Хмельницкий, Регина Разума, Юрий Каморный и др., премьера — 4 октября) — 28,9 млн.

«Преступление» (фильм 1-й — «Нетерпимость») («Мосфильм», реж. Евгений Ташков, в ролях: Игорь Озеров, Елена Габец и др., премьера — 12 июля) — 27 млн.

«Соло для слона с оркестром» («Мосфильм», «Готвальдов», Чехословакия, реж. Олдржих Липский, в ролях: Евгений Леонов, Наталья Варлей, Савелий Крамаров и др., премьера — 27 апреля) — 24,8 млн.

«Преступление» (фильм 2-й — «Обман») («Мосфильм», режиссер Евгений Ташков, в ролях: Юрий Соломин, Владислав Стржельчик, Валентина Шарыкина и др., премьера — 19 июля) — 23,3 млн.

«Алмазы для Марии» («Мосфильм», реж. Олег Бондарев, Владимир Чеботарев, в ролях: Нина Попова, Владимир Гусев и др., премьера — 2 февраля) — 22,2 млн;

«Звезда пленительного счастья» («Ленфильм», реж. Владимир Мотыль, в ролях: Алексей Баталов, Олег Стриженов, Наталья Бондарчук и др., премьера — 10 ноября 1975) — 22,0 млн.

«Пропавшая экспедиция» (К/ст имени Горького, реж. Вениамин Дорман, в ролях: Николай Гринько, Вахтанг Кикабидзе, Александр Кайдановский, Евгения Симонова и др., премьера — 29 декабря 1975) — 20,9 млн.

«Дерсу Узала» («Мосфильм», реж. Акира Куросава, в ролях: Юрий Соломин, Максим Мунзук и др., премьера — 5 января) — 20,4 млн.

«Горожане» (К/ст имени Горького, реж. Владимир Роговой, в ролях: Николай Крючков, Марина Дюжева и др., премьера — 2 февраля) — 19,2 млн.

«Когда наступает сентябрь» («Арменфильм», реж. Эдмонд Кеосаян, в ролях: Армен Джигарханян, Владимир Ивашов и др., премьера — 20 февраля) — 16,9 млн;

«Раба любви» («Мосфильм», реж. Никита Михалков, в ролях: Елена Соловей, Родион Нахапетов и др., премьера — 27 сентября) — 11,2 млн.

«Чужие письма» («Ленфильм», реж. Илья Авербах, в ролях: Ирина Купченко, Светлана Смирнова и др., премьера — 16 августа) — 10,6 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран» (20 000 писем), были получены следующие результаты:

Лучшие фильмы

1. «Ирония судьбы, или С легким паром» (82,1% читателей назвали его отличным, 0,2 — неудачным);
2. «Табор уходит в небо» (56,4% — 0,5%);
3. «Дерсу Узала» (50,2% — 0,3%);
4. «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (47,3% — 0,4%);
5. «Это мы не проходили» (43,4% — 0,5%);
6. «Пропавшая экспедиция» (37,5% — 0,7%);
7. «Когда наступает сентябрь» (39,2% — 1,0%);
8. «Преступление», фильм 1-й — «Нетерпимость» (39,8% — 0,6%);
9. «От зари до зари» (36,5% — 0,8%);
10. «Чужие письма» (39,2% — 0,8%).

Худшие фильмы отечественного производства

1. «Вкус халвы» (13,9% читателей назвали его неудачным, 27,0% — хорошим);
2. «Танец орла» (10,7% — 27,1%), «В клешнях черного рака» (10,5% — 29,4%).

Лучшие фильмы социалистических стран

1. «Потоп» (Польша);
2. «Пойми меня, мама» (ГДР);
3. «Комиссар полиции обвиняет» (Румыния);
4. «В пустыне и джунглях» (Польша);
5. «Ульзана» (ГДР).

Лучшие фильмы других стран

1. «Возвращение Белого клыка» (Италия);
2. «Цирк» (США);
3. «Зорро» (Франция);
4. «Преступление во имя любви» (Италия);
5. «Профессия: репортер» (Италия — Франция — Испания).

Лучшая актриса: Светлана Тома (роль Рады в фильме «Табор уходит в небо») — 15,4% голов.

Лучший актер: Андрей Мягков (роль Жени Лукашина в «Иронии судьбы») — 39,1% голосов.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

- «Зита и Гита» (Индия) — премьера 26 января;
 «Возвращение высокого блондина» (Франция) — 14 июня;
 «Большие гонки» (США) — 38,7 млн. зрителей, 7 июня;
 «Зорро» (Франция—Италия) — 19 июля;
 «Ульзана» (ГДР) — 15 ноября;
 «Трое на снегу» (ФРГ) — 15 марта;
 «Король в Нью-Йорке» (Англия) — 22 ноября;
 «Вокруг света за 80 дней» (США) — 4 октября;
 «Комиссар полиции обвиняет» (Румыния) — 26 января;
 «Ответ знает только ветер» (ФРГ) — 24 мая;
 «Потоп» (Польша) — 14 мая, 7 июня;
 «Народный роман» (Италия) — 20 сентября;
 «Возвращение Белого клыка» (Италия) — 1 июня;
 «Большое приключение Зорро» (Мексика) — 2 апреля;
 «Алиса здесь больше не живет» (США) — 11 октября;
 «Коррупция во Дворце правосудия» (Италия) — 18 октября;
 «Профессия: репортер» (Италия) — 6 декабря.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

- «Ирония судьбы, или С легким паром» — (т/ф) 1 января;
 «Приключения Буратино» (т/ф) — 1 января;
 «У меня есть лев» (т/ф) — 2 января;
 «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» — впервые по ТВ 3 января;
 «Под крышами Монмартра» (т/ф) — 3 января;
 «Совсем пропащий» — впервые по ТВ 10 января;
 «Время не ждет!» (т/ф) — 15—16 января;
 «Засекреченный город» — впервые по ТВ 10 января;
 Фильмы Ч. Чаплина — 23 января, 30 мая, 4 июля, 19 сентября, 30 октября;
 «Такие высокие горы» — впервые по ТВ 29 января;
 «Строговы» (т/ф) — 10—14, 16—19 февраля;
 «Мое дело» (т/ф) — 21 февраля;
 «Фантазия» (т/ф) — 2 марта;
 «Свой парень» — впервые по ТВ 7 марта;
 «В одном микрорайоне» (т/сп) — 9, 11—12, 15 марта;
 «Смок и Малыш» (т/ф) — 23—25 марта;
 «Назначаешься внучкой» (т/ф) — 27—28 марта;
 «Капитан Немо» (т/ф) — 29—31 марта;
 «Странная миссис Сэвидж» (т/сп) — 3 апреля;
 «Каштанка» (т/ф) — 4 апреля
 «Веселый роман» — впервые по ТВ 6 апреля;
 «Звездная минута» (д/ф) — 12 апреля;

- «Молчание доктора Ивенса» — впервые по ТВ 14 апреля;
 «Весна 29-го» (т/ф) — 17 апреля;
 «Инспектор уголовного розыска» — впервые по ТВ 24 апреля;
 «Расписание на завтра» — впервые по ТВ 1 мая;
 «Мелодии Верийского квартала» — впервые по ТВ 2 мая;
 «Долгие версты войны» (т/ф) — 4—7 мая;
 «В бой идут одни «старики» — впервые по ТВ 9 мая;
 «Солдатские мемуары» (д/ф) — 9 мая;
 «Кавказский пленник» (т/ф) — 15 мая;
 «Старший сын» (т/ф) — 20—21 мая;
 «Вечный зов» (т/ф) — 2—4, 8—10 июня;
 «Переходим к любви» (т/ф) — 16—17 июня;
 «Красное и черное» (т/ф) — 23—25, 28—29 июня;
 «Бенефис В. Васильевой» — 26 июня;
 «Марк Твен против...» (т/сп) — 2 июля;
 «Таинственный остров капитана Немо» (Франция) — 4—6 августа;
 «Приключения в Африке» (США) — 8, 21—22, 28 августа;
 «Приваловские миллионы» — впервые по ТВ 10—11 августа;
 «Открытие» — впервые по ТВ 17 августа;
 «Наследники» (т/ф) — 19—20, 24—26 августа;
 «Утренний поезд» — впервые по ТВ 28 августа;
 «Волны Черного моря» («Зимний ветер») (т/ф) — 30—31 августа;
 «Мартин Иден» (т/сп) — 22—24 сентября;
 «Наперекор судьбе» (т/ф) — 30 сентября — 1 октября;
 «Сибирь» (т/ф) — 4—5, 8, 13—15 октября;
 «Ну, публика!» (т/сп) — 9 октября;
 «Ночь ужасов» (т/ф) — 10 октября;
 «Доктор философии» (т/сп) — 17 октября;
 «Эти непослушные сыновья» (т/ф) — 27—29 октября;
 «Дни Турбиных» (т/ф) — 1—2 ноября;
 «Москва — Кассиопея» — впервые по ТВ 7 ноября;
 «Отроки во Вселенной» — впервые по ТВ 8 ноября;
 «Помни имя свое» — впервые по ТВ 9 ноября;
 «Рожденная революцией» (7—8-я серии) (т/ф) — 13—14 ноября;
 «Госпожа Бовари» (Франция) (т/ф) — 11—12 декабря;
 «Небесные ласточки» (т/ф) — 15 декабря;
 «Когда-то в Калифорнии» (т/сп) — 21 декабря;
 «Огненный мост» (т/ф) — 22—23 декабря;
 «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» — впервые по ТВ 28 декабря;
 «На руинах любви» (США) — 29 декабря;

- «Приключения Калле-сыщика» (т/ф) — 30—31 декабря;
 «От и до...» (т/ф) — 31 декабря;
 «Дамы и гусары» (т/сп) — 31 декабря.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов, изданные в 1976 году

- А. Адамов — «Петля» (роман);
 В. Алексин — «Поздний ребенок» (повести, рассказы);
 Э. Асадов — «Созвездие Гончих Псов» (стихи, поэмы);
 Г. Бакланов — «Друзья» (роман);
 Ю. Бондарев — «Ожидание»;
 А. и Г. Вайнеры — «Эра милосердия» (роман);
 Е. Винокуров — «Пространство» (стихи);
 А. Вознесенский — «Витражных дел мастер» (стихи);
 С. Высоцкий — «Пропавшие среди живых» (повести);
 Г. Горин — «Самая правдивая...» (комическая сказка);
 Е. Евтушенко — «Спасибо» (избранная лирика);
 С. Залыгин — «Комиссия» (роман);
 В. Каверин — «Петроградский студент»;
 Л. Карелин — «Перед экраном» (рассказы);
 Е. Карцева — «Вестерн. Эволюция жанра»;
 Ю. Кларов — «Черный треугольник» (роман);
 С. Куняев — «Свиток» (стихи);
 Б. Можаяев — «Мужики и бабы» (роман);
 Ю. Нагибин — «Маленькие рассказы о большой судьбе»;
 Л. Ошанин — «Вода бессмертия» (стихи);
 Е. Парнов — «Повесть о Яне Райнисе»;
 Р. Рождественский — «Баллада о красках» (стихи);
 А. Рыбаков — «Выстрел» (повесть);
 Э. Хруцкий — «Иного пути нет» (повесть).

Переводная литература (детективы)

- Ф. Гарсиа Павон — «Рыжие сестры» (роман) — «Иностранная литература» № 3;
 Т. Константин — «Балтазар прибывает в понедельник» (роман) — «Заря Востока» № 5—7;
 В. Ланге — «Загадка танцующих столов» (повесть) — «Наука и религия» № 8—9;
 Р. Лускач — «Белая сорока» (повесть);
 Д. Марани — «Записки Терезы Наумы» (роман);
 Н. Мизийски — «Желтая маска» (повесть) — «Дон» № 10—11;
 П. Вале, М. Шеваль — «Подозревается в убийстве» (повесть) — «Вокруг света» № 5—10;
 А. Гуляшки — «Приключения Аввакума Захова» в 2 томах;

- А. Кристи — «Смерть в облаках» (повесть) — «Радуга» № 8—11;
 Б. Райнов — «Бразильская мелодия» (повесть) — «Смена» № 16—20;
 Ж. Сименон — «Мегрэ и долговязая» (повесть) — «Неман» № 7—8;
 Р. Стаут — «Это вас не убьет» — «Физкультура и спорт» № 1;
 Г. Честертон — «Происшествие в Боэн Биконе» — «Наука и жизнь» № 1;
 В. Штайнберг — «Икебана, или Цветы для иностранца» — «Звезда Востока» № 1;
 «Зарубежный детектив» (выпуск 6): Д. Пеев «Седьмая чаша», Б. Маг «В тупике», Б. Навроцкая «Останови часы в 11», И. Несвадба «История Золотого Будды»;
 «Подвиг» (том 4): Ю. Хен «Миссия в Грауштадт».

Шлягеры года (отечественные)

- «Мне нравится» (М. Таривердиев — М. Цветаева) — Алла Пугачева, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «По улице моей» (М. Таривердиев — Б. Ахмадулина) — Алла Пугачева, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «На Тихорецкую» (М. Таривердиев — М. Львовский) — Алла Пугачева, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «Никого не будет в доме» (М. Таривердиев — Б. Пастернак) — Сергей Никитин, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «Если у вас нету тети» (М. Таривердиев — А. Аронов) — Сергей Никитин, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «Я спросил у ясеня» (М. Таривердиев — М. Киршон) — Сергей Никитин, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «Со мною вот что происходит» (М. Таривердиев — Е. Евтушенко) — Сергей Никитин, январь, т/ф «Ирония судьбы»;
 «Бу-ра-ти-но!» (А. Рыбников — Ю. Этин) — Нина Бродская, январь, т/ф «Приключения Буратино»;
 «Поле чудес» (А. Рыбников — Б. Окуджава) — Ролан Быков и Елена Санаева, январь, т/ф «Приключения Буратино»;
 «Песня Кота и Лисы» (А. Рыбников — Б. Окуджава) — Ролан Быков и Елена Санаева, январь, т/ф «Приключения Буратино»;
 «Песенка про сапожника» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — «Лейся, песня», февраль;
 «До отправления поезда» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — ВИА «Надежда», март;
 «Пришла пора любви» (Л. Гарин — Н. Олев) — Валерий Ободзинский, март;

- «Стучит дождь» (Э. Ханок — В. Харитонов) — «Лейся, песня», апрель;
 «Кто тебе сказал» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», апрель;
 «Верни мне музыку» (А. Бабаджанян — А. Вознесенский) — София Ротару, апрель;
 «Из вагантов» («По французской стороне») (Д. Тухманов) — Олег Иванов, май;
 «По волне моей памяти» (Д. Тухманов) — Олег Иванов, май;
 «Вологда» (Б. Мокроусов — М. Матусовский) — «Песняры», май;
 «За полчаса до весны» (О. Фельцман — Н. Олев) — «Песняры», май;
 «Ты мне не снишься» (В. Добрынин — М. Рябинин) — ВИА «Синяя птица», июнь;
 «Десятый класс» (Б. Монастырский — Ю. Рыбчинский) — «Чаривни гитары», июнь;
 «У нас, молодых» (В. Добрынин, Ю. Маликов — В. Харитонов) — ВИА «Самоцветы», июнь;
 «Сладка ягода» (Е. Птичкин — Р. Рождественский) — Ольга Воронец, июнь;
 «Очень хорошо» (А. Мажуков) — Алла Пугачева, июнь;
 «Любовь одна виновата» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, июль;
 «До свидания, лето» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, июль;
 «Волшебник-недоучка» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, июль;
 «Аленушка» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — Евгений Мартынов, сентябрь;
 «Нам не жить друг без друга» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Лев Лещенко, октябрь;
 «Багульник» (В. Шаинский — И. Морозов) — ВИА «Самоцветы», декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Как во смутной волости...» — январь;
 «Как засмотрится мне нынче, как задышится...» — январь;
 «Лихие карбонарии, закушав водку килечкой...» — март;
 «Заказана погода нам удачею самой...» — июль;
 «На стене висели в рамках...» — июль;
 «Жил я славно в первой трети...»;
 «Вы в огне, да и в море вовеки не сыщете брода...»;
 «Этот день будет первым всегда и везде...» и др.

Шлягеры года (зарубежные)

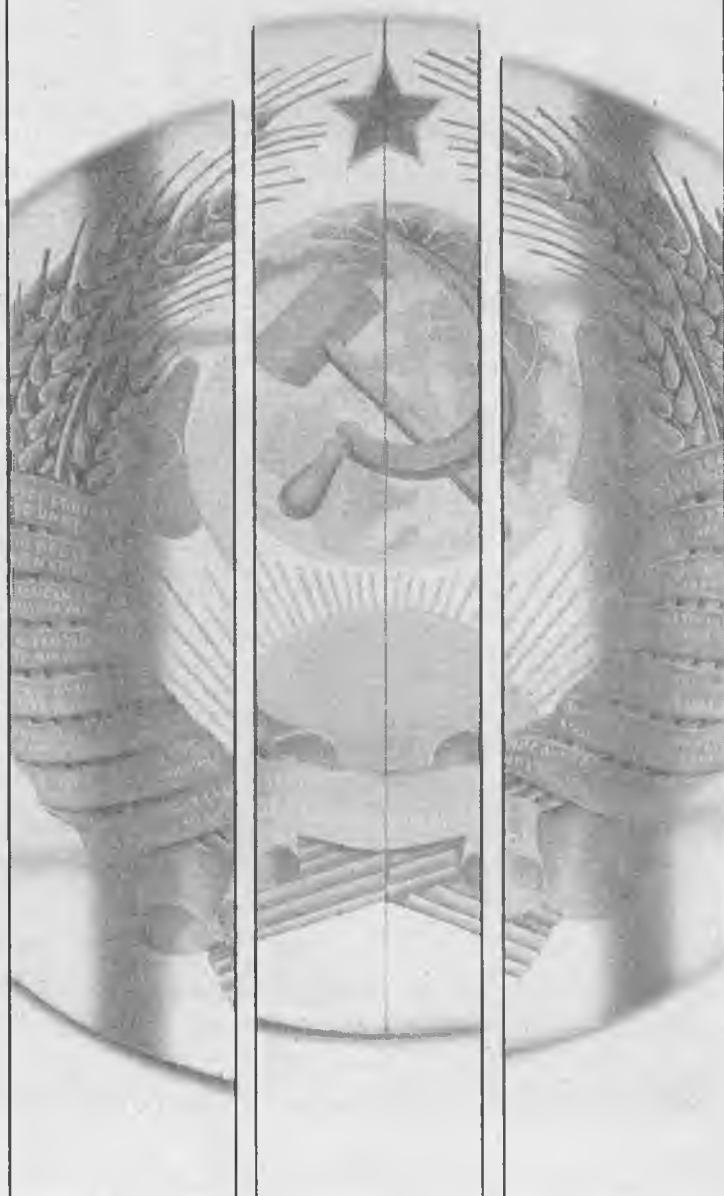
- «Nobody's Fool» — «Слэйд», март;

- «Let me in», «She's my baby», «Wino Junko», «Silly love songs», «Time to hide», «Must do something about it San Ferry anne» — «Уингз», апрель;
 «I wish», «Sir Duke» — Стиви Уандер, сентябрь;
 «Люби брата своего», «Свадебная песня», «Слова для Юлии», «Пойте нашу песню» — Дин Рид, сентябрь;
 «If you leave me now» — «Чикаго», октябрь;
 «Dancing Queen» — «АББА», ноябрь;
 «Telephone line», «Showdown» — «Электрик Лайт Оркестр» (ELO), ноябрь;
 «Evergreen» — Барбара Стрэйзанд, ноябрь;
 «Hotel «California» — «Иглз», декабрь;
 «Wild, wild Angels», «Something's been making me blue», «Stranger», «Poor Lady», «I'll meet you at Midnight» — «Смоки»;
 «Daddy cool», «Sunny», «Baby do you wanna Bump», «No woman no cry» — «Бонни М»;
 «I can't ask for anymore than you», «Devil Woman», «You've got to give me all your lovin» — Клифф Ричард;
 «Rocket man», «Don't go Breaking», «Sorry seems» — Элтон Джон;
 «Don't break my Heart» — Сюзи Куатро;
 «Rock'n'Roll love letter to you» — «Бэй Сити Роллерс»;
 «When I need you», «Raining in my Heart» — Лео Сейер;
 «Hafanana» — Африк Симон.

Преступность в СССР в 1976 году

- Общее количество преступлений — 1 232 166 (в 1975 — 1 197 512);
 умышленные убийства — 17 842 (в 1975 — 17 569);
 покушения на убийства — 4002 (в 1975 — 4276);
 убийства с разбоем — 284 (в 1975 — 306);
 убийства с изнасилованием — 290 (в 1975 — 266);
 убийства с хулиганством — 2056 (в 1975 — 1951);
 убийства из-за ревности и ссор — 11 732 (в 1975 — 11 856);
 убийство матерью новорожденного — 400 (в 1975 — 432);
 посягательства на милиционеров — 369 (в 1975 — 371);
 изнасилования — 16 575 (в 1975 — 16 139);
 грабежи — 35 601 (в 1975 — 37 270);
 разбои — 9727 (в 1975 — 9766);
 хулиганство — 199 049 (в 1975 — 206 624);
 умышленные телесные повреждения — 35 686 (в 1975 — 34 163);
 преступления в армии — 16 653 (в 1975 — 16 710);
 взяточничество — 4311 (в 1975 — 4039).

1977 год

1977

Январь

День рождения Валерия Саблина. Ревнивый майор убивает свою любовницу. В Москве задержали грабителя. О деле Трионона ставят в известность Андропова. Советские хоккеисты-юниоры — сильнейшие в мире. Владислава Дворжецкого навещает в больнице жена. Олег Даль не хочет сниматься у Леонида Гайдая. «Мимино»: крохотный эпизод Савелия Крамарова. Как Брежнев решил судьбу «Несовершеннолетних». Очередные звания отечественным звездам. Цены: что-то дешевеет, что-то дорожает. Концерт Высоцкого на АЗЛК. Хит-парад-76. Террор добирается до Москвы. Очередное турне сборной СССР по хоккею в Канаде. Как я купил книгу «Вестерн». Юрий Любимов «выставляет» директора «Таганки». Очередное обращение Андрея Сахарова к мировой общественности. Контрразведка в поисках террористов. В КГБ завелся «крот». Клару Новикову кладут на сохранение. Как Надежде Бабиной изменил муж. Дворжецкий идет на поправку. Скандал в Театре сатиры: Татьяна Пельтцер уходит в Театр им. Ленинского комсомола. Новинка ТВ: «Мелодии и ритмы планеты». Как появилась идея о мемуарах Брежнева. Как и почему закончил с собой знаменитый танцор балета. Евгений Петросян в Туле: концерт для генсека. Борьба Брежнева с лишним весом. Как три работницы почты помогли задержать грабителей. Сахарова вызывают в прокуратуру. Новикова родила. В кинотеатре «Перекоп» задержали вооруженного преступника. Андрей Миронов дарит школьному другу супермодный галстук. Закончились съемки «Служебного романа». Начались съемки «Инкогнито из Петербурга». Аркадий Райкин звонит Раневской: В Ереване готовится ограбление банка. Хоккейный «Спартак» одерживает первую победу.

Прошло ровно десять минут с того момента, как куранты на Спасской башне возвестили о наступлении нового, 1977 года, уже пять минут по ЦТ шел «Голубой огонек» (в нем впервые в роли ведущих выступили литературные персонажи — Швейк, Мегрэ, Насреддин — которые соединяли своими интермедиями различные номера), а в семье капитана 3 ранга Валерия Саблина его родные подняли бокалы за его здоровье — Саблину в 00 часов 10 минут исполнилось 38 лет. Как вспоминает жена капитана Нина: «Начали открывать бутылку рано, а потом держали пробку, чтобы не выскочила раньше времени. Этот год мы встречали в более бодром настроении, с мыслями, что, может быть, все кончится не так печально...»

Увы, в тот момент, когда родные капитана желали ему счастья и здоровья, Саблина уже не

было в живых: как мы помним, в самом начале августа прошлого года его расстреляли по приговору закрытого суда в Лефортовской тюрьме. При этом родным капитана об этом своевременно не сообщили, отложив эту весть на будущее.

Между тем в те самые часы, когда большая часть населения нашей страны еще отходила от последствий новогодней ночи, старший военный следователь по особо важным делам Главной военной прокуратуры Сергей Громов вынужден был расследовать убийство. Громов в ту ночь дежурил в ГВП и первым узнал о трагедии, произошедшей в одном из домов в центре Москвы. Сообщил о преступлении дежурный по Московской военно-инженерной академии имени Куйбышева, которому, в свою очередь, об этом рассказал преподаватель академии инженер-полковник Иванов. Последний и стал

непосредственным свидетелем убийства: вместе с женой он мирно спал в своей квартире, когда за стеной, в комнате, где проживал сосед Иванов адъютант той же академии майор Вересов, раздались два pistolетных выстрела. Иванов бросился на шум, стал стучать в дверь соседа, но ему никто не ответил. И тогда он позвонил дежурному академии.

Громов примчался к месту происшествия спустя примерно полчаса после случившегося. Компанию ему составляли представитель военной комендатуры города и судебный медик. Встретивший их на лестничной площадке Иванов коротко изложил суть происшедшего, а также ответил на ряд вопросов прибывших. В частности, он сообщил, что Вересов был холост и в их ведомственном доме занимал отдельную однокомнатную квартиру. В новогоднюю ночь он явно был не один, поскольку из его квартиры долго доносились чьи-то посторонние голоса, а также звучали музыка и пение — хозяин до трех утра смотрел «Голубой огонек».

Выслушав показания свидетеля, Громов приказал вызвать слесаря из жэка и, когда тот явился, дал задание вскрыть дверь. Тот справился с возложенными на него обязанностями легко — в ту пору металлические двери были редкостью, да и замок был стандартный. Ступив через порог единственной большой комнаты, гости застали жуткую картину — на кровати лежали мужчина и женщина в одном нижнем белье. Оба были мертвы: смерть женщины наступила в результате выстрела в сердце, мужчина погиб от выстрела в висок. Налицо было явное убийство с последующим самоубийством (на это указывали два факта: pistolет в руке мужчины и ключ во входной двери, вставленный изнутри), хотя поначалу у Громова и были сомнения. Дело в том, что на обеденном столе, заставленном бутылками с шампанским и едой, наличие предметов указывало на то, что гуляли трое. Двое были в наличии, а где же третий? Его личность удалось установить довольно скоро: это был друг погибшего — инженер-конструктор часового завода в Москве, которого Вересов пригласил встретить Новый год у себя дома. Инженер во многом и помог раскрыть тайну происшедшего.

Оказывается, погибшая женщина была любовницей Вересова. Она проживала с пожилым

мужем-профессором, 16-летним сыном и дочерью-первоклассницей в Ленинграде и при любом удобном случае старалась вырваться в Москву, чтобы отвести душу с молодым любовником. При этом действовала хитро: поскольку муж всегда провожал ее на вокзал, она врала ему, что ездит в Петергоф к подруге, а сама проезжала несколько станций, после чего пересаживалась на другой поезд и в столицу. Поступила она таким же образом и в этот раз, о чем наглядно свидетельствовали билеты, обнаруженные в ее сумочке.

Инженер рассказал, что в ту новогоднюю ночь он сильно выпил и стал весьма активно ухаживать за любовницей друга: приглашал ее танцевать, отпускал по ее адресу весьма недвусмысленные комплименты, целовал руки. Вересов все это видел и то и дело одергивал обоих. В конце концов, когда его терпение лопнуло, он попросту выпроводил друга вон. Что произошло впоследствии, легко представить: любовники легли в постель, и здесь Вересов, видимо, стал доставать свою возлюбленную нелепыми подозрениями. Та могла ему в ответ сказать что-то нелицеприятное, после чего тот и схватился за pistolет. Короче, типичная разборка из-за ревности.

Это уголовное дело будет расследовано в кратчайшие сроки. При этом в целях ненанесения душевной травмы родственникам погибшей, ее мужу Громов сообщит, что женщина погибла от рук грабителей в поезде Москва—Ленинград: дескать, в тамбуре на нее напали неизвестные, хотели ограбить, но она стала сопротивляться и была убита. Обман удался: к этой выдумке профессор и родители его жены отнеслись с полным доверием.

И еще одна история про успешную борьбу стражей порядка с преступностью. В Москве был обезврежен рецидивист Борис Ларин, известный в криминальных кругах под прозвищем Кот. Он был специалистом по разного рода аферам и кражам. Последним его делом стало ограбление продуктового магазина № 55 Октябрьского райпищеторга. Произошло это среди бела дня, причем себе в сообщники Коту удалось подрядить некую Валентину Агееву из Калужской области. С этой дамой он познакомился несколько часов назад на вокзале, довольно быстро сумел охмурить ее посулами, что можно заработать много денег по-легкому.

«Как это?» — удивилась женщина. «Да так, милая: ты отвлечешь кассиршу, а я схвачу деньги — и поминай как звали». «А как же я?» — продолжала удивляться женщина. «А ты остаешься в стороне, — последовал ответ. — Пойди докажи, что ты работала со мной, а не была случайной покупательницей». Короче, Агеева согласилась. За что и поплатилась.

Первая часть плана Кота удалась на славу: Агеева вполне невинным вопросом «А что еще продается в вашем магазине?» действительно сумела отвлечь кассиршу, и Кот, выхватив из кассового ящика всю наличность, был таков. Но дальнейшие события нарушили все планы грабителей. Работники магазина оказались не лыком шиты и буквально повисли у женщины на руках. Под конвоем ее препроводили в ближайшее к магазину отделение милиции (130-е), где Агееву достаточно быстро раскололи. Она поведала сыщикам, что знает своего сообщника всего ничего, но догадывается, где он может находиться — где-то в окрестностях Казанского вокзала. По ее же словам был составлен фоторобот преступника, благодаря которому вскоре была установлена его личность: в картотеке МУРа он значился как Борис Ларин. На задержание преступника были отправлены лучшие сыщики 130-го: капитан Николай Турчинов и лейтенанты Станислав Полиоха и Валентин Лаврентьев.

Примерно в течение часа сыщики курсировали в окрестностях Казанского вокзала, внимательно вглядываясь в лица тамошних обитателей. Наконец, в одной из тамошних забегаловок они обнаружили того, кого искали: Кот мирно хлебал рассольник, купленный на награбленные деньги. Трапеза была в самом разгаре, когда грабителя с трех сторон обступили сыщики. Турчанинов произнес: «Пошли, Ларин, дело есть». — «Какое дело?» — удивился Кот. «Уголовное», — последовал ответ. Только тут до Ларина дошло, кто эти люди и чего они от него хотят. Со злостью отодвинув от себя тарелку, он с горечью в голосе резюмировал: «Вот и доверяй после этого бабам».

Тем временем КГБ продолжает плотно опека́ть ответственного работника МИД СССР Александра Огородника (он же Трионон и Агроном), подозревая его в сотрудничестве с ЦРУ. Как мы помним, целый ряд фактов, зафиксированных наружкой КГБ, указывал на

то, что Огородник может быть агентом американской разведки, поэтому слежка за ним велась постоянно. С 1 января по инициативе одного из руководителей операции — Игоря Перетрухина — разработка Огородника была включена в оперативный план Главного управления. Хотя кое у кого и были сомнения по этому поводу. Так, начальник Службы безопасности МИД Михаил Курышев не был уверен в том, что Огородник — американский шпион. И он даже советовал Перетрухину не торопиться с выходом этого дела на уровень главка. Однако тот поступил иначе. В итоге оперативный план на Огородника был представлен на утверждение председателю КГБ, и с этого момента он взял это дело под свой личный контроль. Таким образом, это налагало на разработчиков операции еще большую ответственность: если бы выяснилось, что Огородник не шпион, пришлось бы отвечать по самому высшему разряду.

В воскресенье, 2 января, радостная весть пришла из Чехословакии, с чемпионата мира по хоккею среди юниоров — золотые медали первенства завоевала советская сборная, которая в последнем матче одолела канадских хоккеистов (клуб из Сан-Катарине) со счетом 6:4 (уже к 17-й минуте наши юниоры вели 6:0, но малость расслабились и позволили канадцам забить четыре шайбы). Набрав 14 очков, советская сборная заняла 1-е место, на 2-м были канадцы (11 очков), на 3-м расположились хозяева турнира чехословаки (9 очков). В нашей сборной играли: Вячеслав Фетисов, Сергей Макаров, Сергей Стариков, Валерий Евстифеев (капитан команды), Иван Авдеев, Александр Кабанов, Михаил Толочко, Игорь Ромашин, Вячеслав Швецов, Сергей Мыльников, Василий Паюсов, Алексей Фроликов и др.

Популярный киноактер Владислав Дворжецкий вынужден был встречать Новый год в Ливадийской больнице, куда он угодил несколько дней назад с инфарктом. Жена актера Наталья Литвиненко сразу после праздников отправилась к мужу в Ялту. Через друзей нашла адрес, где можно было остановиться (поскольку с гостиницами была проблема), бросила сумки — и в больницу. На дворе было 3 января. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«На дрожащих ногах вошла к лечащему врачу: «Я хотела бы повидать Владислава Вацлавовича Дворжецкого...» — «Да, вы можете его повидать. У него тяжелейший инфаркт. Как жив остался — не знаю, благодарите случай... Чем дело кончится — не знаю, пока ничего обещать не могу». Вошла к Владу, увидела его бледное, заросшее щетиной лицо. Он, конечно, ужасно обрадовался и вообще делал вид, что все у него прекрасно (как всегда!) и что он вообще сюда заскочил на минутку, случайно, просто отоспаться решил... Никаких разговоров о сердце, никакой печати страданий на челе, как это бывает у некоторых мужчин, которым просто необходимы благодарные зрители их «страшной боли». Владик же строил глазки всегда, как бы ему плохо ни было...»

В эти же дни Олег Даль окончательно и бесповоротно отказал Леониду Гайдаю, который активно зазывал его в свою новую комедию — «Ревизор», где актеру была предложена главная роль — Хлестаков. Гайдай очень хотел видеть Даля в этой роли, долго его уговаривал и уже, казалось бы, уговорил, как вдруг в начале января актер пошел на попятную. В своем дневнике по этому поводу Даль запишет: «Окончательно отказался от мечты сыграть Хлестакова. Фильм Гайдая. Соображения принципиального характера. Не по пути!!!»

3 января стало первым рабочим днем в наступившем году для съемочной группы фильма «Мимино». Киношники выехали к ближайшему к студии зданию суда, где сняли эпизод, в котором свою крохотную, но весьма запоминающуюся роль сыграл прославленный комик Савелий Крамаров. Зрители наверняка помнят этот эпизод: Хачикян (Фрунзе Мкртчян) ищет свидетеля, который мог бы дать показания в пользу его друга Мизандари (Вахтанг Кикабидзе), и у дверей суда встречает незнакомого мужчину (Савелий Крамаров). «Друг, пойдем, свидетелем будешь», — просит Хачикян незнакомца. Но тут внезапно появляются милиционеры и ведут незнакомца к «воронку». Забираясь в него, герой Крамарова кричит: «Извини, генацвале, лет через пять...»

На следующий день должны были снимать эпизоды, где Мизандари и Хачикян едут на «КрАЗе» по Москве, но съемки пришлось отменить из-за срочного вызова в Ереван Мкртчяна. Актер обернется быстро — уже на

другой день работа возобновится (снимут ряд эпизодов в гостинице «Россия»). 6 января съемки переместятся на проспект Вернадского, где снимут проезд героев на «КрАЗе», 7 января тот же «КрАЗ» будет накручивать километры по другим столичным улицам. Несмотря на собачий холод, съемки пройдут весьма успешно.

4 января наконец-то решилась судьба многострадального фильма Владимира Рогового «Несовершеннолетние» — был подписан акт о его выпуске на широкий экран. Причем неоплачиваемую услугу картине оказал Леонид Брежнев. Когда в ноябре фильм не приняла Главная сценарная редакция коллегия, найдя в нем кучу идеологических недостатков, Роговой бросился за помощью к консультанту картины от МВД генералу Борису Шумилину. Тот отвез фильм своему шефу — Николаю Щелокову. Тот сказал: «Хорошее кино». Однако его мнения оказалось недостаточно. Тогда ленту повезли на дачу к самому генсеку. Под Новый год тот посмотрел «Несовершеннолетних» и выразил свое недоумение: «И какая же здесь крамола? В жизни и не такое бывает». Так Брежнев уже в который раз решил в положительную сторону судьбу очередного художественного фильма.

Продолжаются съемки комедии «Служебный роман». В отличие от создателей «Мимино», которые ведут съемки на натуре, съемочная группа «Романа» работает в теплых павильонах «Мосфильма» (павильон № 10). 5—7 января снимались самые интимные эпизоды фильма: Новосельцев (Андрей Мягков) приходит в гости к своей начальнице Калугиной (Алиса Фрейндлих), в которую его угораздило влюбиться. Там он с трудом объясняется своей возлюбленной в любви, попутно проливая шампанское ей на платье и воспитывая по телефону двух своих непослушных сыновей. Эпизод заканчивается долгим поцелуем влюбленных.

И еще пару слов о делах киношных. В те дни очередные звания получили сразу несколько звезд отечественного кинематографа. Так, заслуженными деятелями искусств РСФСР стали: драматург Эмиль Брагинский, кинорежиссеры Эдмонд Кеосаян, Элем Климов, Сергей Микаэлян, Глеб Панфилов, Сергей Соловьев, Виктор Трегубович, мультипликатор

Вячеслав Котеночкин. Звания заслуженных артистов РСФСР были удостоены: Петр Вельяминов, Инна Гулая, Владимир Гуляев, Евгений Жариков, Роза Макагонова, Ирина Мирошниченко, Никита Михалков, Нелли Мышкова, Андрей Мягков, Родион Нахапетов, Лев Прыгунов, Алексей Смирнов, Георгий Тараторкин, Валентина Теличкина, Маргарита Терехова, Борис Токарев, Геннадий Юхтин, Сергей Яковлев и др. 5 января отдельным указом звания народного артиста СССР был удостоен кинорежиссер Юрий Озеров, который первым из советских кинорежиссеров изобразил в художественном кинематографе Леонида Брежнева. Звание, конечно, ему присвоили не за это, но и эта заслуга наверняка тоже имелась в виду.

А страна тем временем вовсю обсуждает постановление правительства об одновременном понижении и повышении цен на ряд товаров широкого потребления, которое было объявлено 5 января. Согласно этому постановлению, были снижены цены на следующие товары: на верхние трикотажные изделия из эластичных тканей — на 12%; мужское, женское и детское белье из ацетатных и капроновых тканей — 10%; сапожки женские с верхом из искусственной и синтетической кожи — 10%; холодильники емкостью до 120 литров — 12%; пылесосы — 10%; магнитофоны «Соната», «Иней», «Томь», «Воронеж», «Электроника» — 20%; магнитную ленту — 23%; телевизоры «Горизонт» — 17%; радиолы и радиоприемники «Рига», «Орион», «Гиола» и др. — 5%; шариковые и перьевые ручки — 5%. Цены повысились: на ковры, хрусталь, ткани из натурального шелка, на некоторые книги улучшенного оформления. Дороже теперь стал обходиться пошив одежды по индивидуальным заказам.

Вечером в пятницу, 7 января, у АЗЛК наблюдалось столпотворение — там выступал с концертом Владимир Высоцкий. Стоит отметить, что приехал он туда в качестве... лектора от общества «Знание». Спросите почему? Дело в том, что вот уже год он вынужден маскировать свои выступления под лекторские, чтобы не иметь претензий от властей. Перед каждым концертом он теперь вынужден «литовать» свой репертуар: отсылал список песен «наверх», и там их тщательно фильтровали. Если что-то не нравилось, заставляли выкинуть. В тот день на АЗЛК Высоцкий исполнил десять

песен: «Не славы и не короны...», «Утренняя гимнастика», «Я бегу, бегу...», «Жираф», «Кто верит в Магомета...», «Я не люблю», «Про Джеймса Бонда», «Я вышел ростом и лицом...», «Песня завистника», «Ой, Вань...».

8 января столичные меломаны имели счастье познакомиться с итоговым хит-парадом «Звезды-76», опубликованным на страницах газеты «Московский комсомолец» в рубрике «Звуковая дорожка». Согласно его итогам (а они составлялись по письмам читателей), советские граждане в прошедшем году отдали предпочтение следующим исполнителям: отечественные артисты — Алла Пугачева, Александр Градский, зарубежные — Мирей Матье (Франция), Демис Руссос (Греция). Отечественные ансамбли — «Песняры», «Магистраль» (оба коллектива набрали равное количество голосов), зарубежные — «АББА». Лучший отечественный композитор — Давид Тухманов, зарубежный — Пол Маккартни. Лучший отечественный альбом — «По волне моей памяти», зарубежный (изданный по лицензии) — «В прекрасной гармонии» (группа «Нью-сикерс», Англия). Лучшая песня — «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — в исполнении ВИА «Песняры».

Январский хит-парад выглядел следующим образом: диски отечественных исполнителей. — 1. «По волне моей памяти». 2. «Лабиринт» (оркестр Г. Гараняна). 3. «Поет София Ротару» (третья пластинка). 4. «Поет Валентин Никулин». 5. «Песни А. Градского из к/ф «Романс о влюбленных»; диски зарубежных исполнителей — 1. «Тич-ин» (Голландия). 2. «В прекрасной гармонии» («Нью-сикерс», Англия). 3. «Мигель Рамонс играет на хэмонд органе» (Испания). 4. «Стэн Гетц и оркестр Мишеля Леграна» (США, Франция). 5. «Доули фэмили» (Англия).

А теперь от приятного перейдем к печальному. В ту же самую субботу, в те самые часы, когда свежий номер «МК» только дошел до своих подписчиков, в Москве произошли беспрецедентные преступления: сразу в трех местах неизвестные террористы взорвали несколько бомб. Если учитывать, что последний раз нечто подобное в СССР произошло ровно 50 лет назад (6 июля 1927 года в Ленинграде террористы бросили две бомбы в помещение Партийного клуба, когда там проходило важное

совещание), легко представить себе тот резонанс, который вызвали эти взрывы — он был огромный. Чуть ли не на каждом углу люди только и говорили о произошедшем, причем факты преподносились в самом ужасающем виде: мол, рвануло не в трех, а минимум в десяти местах, и счет жертв идет на сотни. На самом деле все выглядело иначе.

Стоит отметить, что террористы выбрали самое удобное время для диверсии. Буквально две недели назад в Москве прошли торжества по случаю 70-летия главы государства Леонида Брежнева; в связи с массовым приездом в город иностранных правительственных делегаций в столице были усилены все меры безопасности. В усиленном режиме работали как милиция, так и КГБ. В результате принятых мер торжества прошли без единого инцидента. После них наступило пред- и посленовогоднее затишье, когда вплоть до 10 января 1977 года в страну не въехала ни одна иностранная делегация. Город, что называется, «расслабился», чем и воспользовались террористы.

8 января, как я уже отмечал, была суббота. В тот день многие москвичи отправились на вечерние киносеансы, в театры, концертные залы, на новогодние елки. В вечерние часы на улицах города было оживленно, и преступники осознанно шли на то, чтобы убить и покалечить как можно больше ни в чем не повинных людей.

Первая бомба взорвалась в 17.33 в вагоне метропоезда между станциями «Измайловская» и «Первомайская». Этот взрыв повлек за собой наибольшие жертвы, так как в те часы в поезде было много людей. В результате взрыва погибли и дети, которые вместе с родителями возвращались с новогодних елок.

Второй взрыв прогремел ровно через 32 минуты после первого — в 18.05 бомба взорвалась в торговом зале продуктового магазина № 15 Бауманского райпищеторга. А через 5 минут после этого прозвучал и третий взрыв — на этот раз бомба была подложена в чугунную мусорную урну около продовольственного магазина № 5 на улице 25 Октября (в нескольких сотнях метров от здания КГБ СССР). Здесь заряд взлетел вверх и упал на крышу Историко-архивного института. Общий итог всех трех взрывов был не столь впечатляющ, как описывали сплетники, но все равно ужасен: погибли

7 человек и 37 человек получили ранения различной тяжести.

Теракты вызвали настоящее потрясение не только в среде простых горожан, но и на самом кремлевском верху. Брежневу в тот же день доложили о случившемся, после чего он связался с шефами спецслужб: Андроповым и Щелоковым. Приказ был один: как можно быстрее установить личности преступников и арестовать их. После этого, несмотря на воскресный день, 9 января в обоих ведомствах прошли экстренные совещания, посвященные произошедшим накануне взрывам. На поиски преступников были брошены все лучшие силы из числа розыскников Прокуратуры, МВД и КГБ СССР. Эта операция получила кодовое название «Взрывники».

9 января в 15.00 по московскому времени, по ЦТ был показан заключительный (8-й) матч хоккейной Суперсерии-76-77 между командами «Квебек нордикс» (ВХА) и сборной СССР. Эта серия матчей началась накануне Нового года и складывалась для нашей сборной весьма удачно. На тот момент советские хоккеисты выиграли в 6 матчах (поверженными оказались клубы ВХА: «Индианополис Рейсерз», «Сан-Диего Мэринерз», «Эдмонтон Ойлерз», «Виннипег Джетс» и др.) и один проиграли. Видимо, тот факт, что число побед значительно преобладало над количеством поражений, и сыграл с нашими хоккеистами злую шутку в последней игре — выступили они ниже своих возможностей. Зная об этом руководители нашего ТВ, они наверняка предпочли бы не показывать эту игру в эфире (все остальные игры не показывали). Но матч уже был заранее поставлен в эфирную сетку, о нем оповестили в газетах. В итоге миллионы советских болельщиков вынуждены были наблюдать за тем, как канадцы положили наших ребят на обе лопатки, выиграв матч со счетом 6:1 (единственную шайбу у нас забил Борис Михайлов, причем в начале игры).

В понедельник, 10 января, в последний день зимних каникул ваш покорный слуга в компании своих лучших друзей — Сергея Фатова и Леши Круга — отправился в кинотеатр «Октябрь» на фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». После сеанса мы двинулись пешком до метро «Арбатская», но, проходя мимо величественного Дома книги, решили за-

глянуть «на огонек». На втором этаже, в отделе научно-популярной литературы (сейчас на этом месте продают книги по музыке) я обратил внимание на новинку — книгу Елены Карцевой «Вестерн. Эволюция жанра». Обложка книги была более чем скромной: на черно-белом фоне красовались два «кольца» и подкова. Однако внутри открывался настоящий «клондайк» для индеенома, каковым я по праву себя считал: рассказ о лучших американских вестернах с начала их зарождения до сегодняшних дней и целая россыпь снимков из легендарных фильмов, включая «Дилижанс» с Джоном Уэйном, «В самый полдень» с Гэри Купером, «Симаррон» с Гленом Фордом, «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером, «Буч Кэсседи и Сэнданс Кид» с Полом Ньюменом и Робертом Редфордом и др. Короче, невзирая на то что в кармане у меня оставались последние гроши (а книга стоила 1 рубль 44 копейки), я выгреб их все до одного, занял что-то у друзей и купил вожделенную книгу. Когда это произошло, я был счастлив до умопомрачения.

Тем временем в 10-м павильоне «Мосфильма» близятся к завершению съемки «Служебного романа». С 11 января начали снимать эпизоды, относящиеся к вечеринке на квартире Самохвалова (Олег Басилашвили): это там Оля Рыжова (Светлана Немоляева) объясняется в любви Самохвалову, а Новосельцев (Андрей Мягков) устраивает спектакль перед Калугиной (Алиса Фрейндлих). Съемки этих эпизодов заняли несколько дней (13—14, 19 января).

11 января дождь из званий, обрушившийся на головы звезд отечественного театра и кино, продолжился. На этот раз званиями народных артистов РСФСР были отмечены: Владимир Басов, Майя Булгакова, Георгий Вицин, Людмила Гурченко, Зинаида Кириенко, Сергей Колосов, Леонид Куравлев, Александр Лазарев, Нина Меньшикова, Михаил Пуговкин, Ия Саввина, Любовь Соколова, Олег Табаков, Федор Хитрук, Марлен Хуциев, Людмила Шагалова, Михаил Швейцер.

В эти же дни из Театра на Таганке ушел его директор — Николай Дупак. Причем ушел не по своей инициативе, а по воле главрежа Юрия Любимова. Вот как об этом вспоминает сам Н. Дупак:

«13 января — я как раз занимался вопросами будущих гастролей театра в Париже в связи

с 60-летием советской власти на очень выгодных условиях — Юрий Петрович вошел ко мне в кабинет и говорит: вы либерал. Вы распустили артистов, дверь в кабинет у вас всегда открыта — проходной двор. Я хочу сосредоточить всю власть в театре в одних руках и быть директором и худруком. Со всеми я уже согласовал.

Я сказал: честь имею! Дверью захотелось хлопнуть так, чтобы стены задрожали. Прохожу фойе и замечаю на стене, рядом с портретом Любимова, свой. Представил, как кто-то будет этот мой портрет снимать... Взял его подмышку, открыл багажник машины — у меня была тогда 21-я «Волга» — бросил туда и уехал. Так завершились мои первые 14 лет работы с Юрием Петровичем Любимовым...»

Самое интересное, но после ухода Дупака директором театра назначили отнюдь не Любимова, который так этого хотел, а совсем другого человека — Илью Ароновича Когана. Горком партии слишком хорошо знал Любимова, чтобы позволить сосредоточить всю власть в театре в его руках. Но Любимов не шибко огорчился, а даже обрадовался, когда узнал, что Коган в прошлом был юристом: дескать, его знания в этой области помогут находить выход из любых сложных ситуаций.

Тем временем недавние взрывы в Москве наделали много шума в городе, но особенно имели сильный резонанс в среде диссидентов. Дело в том, что 11 января «вражьи голоса» сообщили, что в одной из западных газет появилась публикация московского корреспондента английской газеты «Ивнинг ньюс» Виктора Луи, где он привел мнение советских официальных лиц об ответственности за эти преступления диссидентов. Стало ясно, что корреспонденция Луи, которого давно подозревали в сотрудничестве с КГБ, была пробным шаром, прощупыванием реакции. За ней при отсутствии отпора мог последовать удар по инакомыслящим. Поэтому 12 января Андрей Сахаров составил «Обращение к мировой общественности», где писал:

«Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов. Именно это ощущение и связанные с ним опасения, что эта провокация может привести

к изменению всего внутреннего климата страны, явились побудительной причиной для написания этой статьи...»

Между тем советские спецслужбы в поте лица ищут террористов, устроивших взрывы в Москве. Основную оперативную работу по розыску преступников взвалили на свои плечи контрразведчики из КГБ. Последний свой взрыв террористы, видимо, не случайно произвели между Красной площадью и зданием КГБ, тем самым как бы бросая вызов руководству страны и чекистам. Поэтому делом чести для последних было как можно скорее напасть на след преступников.

Оперативники КГБ опросили более 500 свидетелей, видевших, как предполагаемые преступники оставляли на месте преступления свои адские машины. Однако ни один из опрошенных свидетелей так и не смог толком описать внешность террористов. Многие свидетели просто путались в своих показаниях, чем заметно усложняли работу розыскников.

Пока одна группа сыщиков опрашивала свидетелей, вторая группа специалистов собирала вещественные доказательства преступлений. Главными среди них были осколки взрывных устройств и те емкости, в которых они находились. Осколки от бомб собирались наиболее кропотливо. Они извлекались из тел убитых и раненых, подбирались на крыше Историко-архивного института, извлекались из обшивки вагона метропоезда, для чего эту обшивку предварительно полностью сняли.

Наиболее «ценный» осколок был найден в теле одного из убитых в метро мужчин. Этот осколок напоминал собой ручку от утятницы и был окрашен в синий цвет. Именно по этому осколку сыщики сумели установить, что в качестве корпуса взрывного устройства террористы использовали обыкновенную чугунную утятницу вместе с крышкой. Эту крышку они накрепко прикрутили к корпусу с помощью гаек и болтов, после чего прошлись по ним сваркой. Но о том, как будет продвигаться следствие дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями января 77-го.

В то время, как контрразведчики искали террористов, их коллеги из 5-го Управления (идеология) разрабатывали новые операции против диссидентов. Однако с недавнего вре-

мени они вдруг стали замечать, что многие их тайные замыслы становятся известны противнику. «Уж не завелся ли среди нас «крот»?» — удивлялись сотрудники «пятерки» и тут же гнали от себя эту крамольную мысль — подобное казалось просто сумасшествием. Но «крот» в «пятерке» действительно существовал. Это был капитан КГБ Виктор Орехов. Поскольку его случай проходит по разряду уникальных, стоит более подробно осветить карьерный путь Орехова.

Орехов пришел в КГБ по собственной инициативе. После срочной военной службы в пограничных войсках он поступил в «Вышку» — Высшую школу КГБ имени Дзержинского. Учился на 2-м, самом престижном факультете: разведка и контрразведка. Поскольку этот факультет готовит специалистов для работы не только в стране, но и за рубежом, там студентов обучали иностранным языкам. Орехов в совершенстве овладел турецким. Однако при распределении его оставили на родине, поскольку «волосатой лапы», где надо, он не имел — потому и попал в Москворецкий районный отдел КГБ в Москве. Начинать с младшего оперуполномоченного (звание — лейтенант), обслуживал Институт текстильной промышленности, где искал шпионов среди иностранных студентов. За несколько лет дослужился до капитана, после чего его перевели в Московское областное управление, все на ту же «пятую линию».

Все эти годы Орехов был на хорошем счету у начальства и изменять чекистским идеалам совсем не хотел. Он считался элитой общества: получал приличную зарплату (330 рублей), всюду входил без стука (чекист же!), никого не боялся. За хорошую службу был поощрен заграничной поездкой — вместе с труппой Большого театра ездил в Японию. И вот этот, во всем благонадежный чекист внезапно стал сочувствовать диссидентам. По словам самого Орехова, произошло это не сразу, а постепенно — по мере того как он знакомился с соответствующей литературой, изымаемой у диссидентов. Он вдруг понял, что в этих книгах пишут про то, о чем люди давно шепчутся на кухнях: и про бардак в стране, и про разложение верхов. И он стал им помогать как мог: предупреждал о готовящихся арестах, возвращал изъятую литературу. В январе 77-го он, к примеру, предупредил о пред-

стоящем аресте видного правозащитника Юрия Орлова, после чего тот на неделю исчез из дома. Причем его дом был под наружным наблюдением КГБ и там никак не могли взять в толк — как же Орлов сумел так ловко их провестить? Они же не знали, что все это стало возможным благодаря деятельности «крота» в их рядах.

Артистка эстрады Клара Новикова в те январские дни лежала на сохранении в родильном доме на Шаболовке — у нее вот-вот должен был родиться ребенок от журналиста «Юности» Юрия Зерчанинова. Определили ее к одному из лучших столичных врачей в этой области — Владиславу Скопу (у него рожали жены Геннадия Хазанова, Полада Бюль-Бюльоглы и многих других звезд). Как вспоминает сама К. Новикова:

«Скоп счел нужным положить меня несколько раньше срока, чтобы я находилась под наблюдением врачей. И я ждала родов почти две недели. В моей палате лежали еще три женщины. Одна — самая молоденькая — на сохранении. И оказалось, что она работает в обувном магазине рядом с нашим домом, и я буду потом приходить к ней — Маше башмачки куплю. У другой женщины был металлический зуб, а третья слепой была.

И муж ее, который приходил каждый день, был слепой, а ребенка, к счастью, она родила зрячего. И когда ей приносили мальчика, постоянно просила приткнуть его к ее груди. Но что поражало меня — мальчик сам, как звереныш, нанохивал мамину грудь и вцеплялся в нее.

А я не могла дождаться — когда же...

И старого врача, который приходил с трубкой и прикладывал ее к моему животу, непременно спрашивала:

— Когда, когда?

А он говорил:

— Только бог знает, когда...»

В эти же дни в таком же «интересном» положении находилась и другая эстрадная артистка — Надежда Бабкина. Но в отличие от Новиковой она рожала ребенка, будучи не в самом лучшем расположении духа. Дело в том, что буквально за несколько дней до родов ей изменил супруг, и убитая горем женщина едва не покончила с собой. Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«В принципе мы хорошо жили с Володей и до появления сына были абсолютно близки друг другу душой. А потом произошло то, чего ни одна женщина не может простить мужчине. Он мне изменил, к тому же в тот момент, когда я ждала ребенка. Малыш вот-вот должен был появиться на свет. Мы жили в маленькой комнате. Однажды Володя привел в дом компанию, в которой была и его прежняя подружка. Я утомилась к вечеру и легла спать. Ночью проснулась от шума... Я была в шоке. Выгнала из квартиры их обоих. Не помня себя, бросилась к окну... Но вовремя остановилась, сказала: «Надя, стоп! У тебя ребенок. Все будет хорошо, замечательно. Забудь! Забудь все немедленно! И постарайся простить».

Бабкина родит в субботу, 15 января. Новоорожденным окажется мальчик, которого назовут Данилой. На какое-то время это радостное событие примирит супругов, но, видимо, обида, нанесенная мужем, все равно будет кровоточить: в итоге спустя какое-то время Бабкина подаст на развод.

Владислав Дворжецкий продолжает лежать в Ливадийской больнице и, кажется, идет на поправку. 15 января он записал в своем дневнике следующие строчки: «Разрешили в кровати лежать как угодно! Сестры заулыбались. Но само разрешение официальное — это уже значит, что все сдвинулось! Сорок пять минус восемнадцать равно двадцати семи. Осталось двадцать семь дней! До двадцать шестого я должен хорошо научиться сидеть на стуле (долго)...»

А теперь из Ялты вернемся в Москву. Театральные круги столицы потряс скандал: из Театра сатиры ушла его старейшая актриса (с 1947 года) — Татьяна Пельтцер. Произошло это внезапно, из-за ссоры актрисы с главрежем театра Валентином Плучеком прямо накануне премьеры спектакля «Горе от ума», которая была назначена на 18 января. Вот как об этом вспоминает коллега Пельтцер по театру Ольга Аросева:

«Шла последняя перед премьерой репетиция. Не занятая в нем, я слушала в своей гримуборной сцены бала у Фамусова. Вдруг в плавное и слитное течение грибоедовского текста ворвался раздраженный вопрос Пельтцер: «Куда мне идти?» Плучек недовольным голосом, потому что прервалась репетиция, ответил, что идти она может куда захочет.

Она еще более раздраженно, вызываяще даже, спрашивает: «А куда мне сесть?»

Он, взорвавшись, отвечает: «Ну, конечно, вы должны быть в центре, а остальные — вокруг... Между прочим, здесь еще и Чацкий, и Софья есть! Вы, конечно, не заметили?» (Чацкого играл Андрей Миронов, а Софью — молодая, очень талантливая актриса Татьяна Ицыкович (Васильева), которую Плучек особенно любил и всячески выдвигал).

Что тут началось! Следовал текст не по Грибоедову, который я повторить не решаюсь. Кричит она. Кричит он. Оба словно обезумели. Понимаю, что сейчас Татьяна репетицию бросит и со сцены уйдет. Бегу вниз, в вестибюль, чтобы ее встретить. Схватила с вешалки свое и ее пальто. Жду. Она спускается. Тоже бегом. Я пытаюсь ее одеть, увести из театра. А она, еще докрикивая, вдруг поворачивает обратно, рвется из моих рук — договорить Плучеку то, что она не успела. Я ее умоляю ехать домой. А по трансляции голос: «Аросеву немедленно на сцену!» Это чтобы Пельтцер заменить в спектакле.

Выбежал Миша Державин в костюме Скалозуба: «Ольга Александровна, уходите немедленно, Плучек вас репетировать зовет». Мы с Пельтцер выскочили из театра. Тут актер Козловский сбегает по ступенькам служебного входа, догоняет нас: «Ольга Александровна, вас зовет Валентин Николаевич». Я понимаю, что, если пойду на сцену репетировать Хлестову, Пельтцер больше не переступит порога нашего театра. Кричу на Козловского: «А если бы я в метро спустилась, ты меня и с эскалатора бы снял?! Нету меня, понимаешь, нету!»

Сели в такси, я умоляю Татьяну успокоиться. А она только и повторяет, как в затмении разума: «Я к Марку Захарову пойду! К Марку пойду, к Марку...» Кое-как довезла ее до дому, а утром звонок: «Ольга, дай мне твою машину. Я поеду жаловаться в министерство». У меня тогда «жигуленок» был с водителем. Вместе с шофером я поехала к ней. И опять мы по Москве два часа катались. И снова я ее уговаривала, но не отговорила. Она к Марку Захарову в «Ленком» ушла...»

Тем временем в первой половине января в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 3-го — боевик Вениамина Дормана «Золотая речка» (продолжение фильма «Про-

павшая экспедиция») с участием Александра Кайдановского, Евгении Симоновой, Бориса Сморгчова и др.; советско-американская сказка Джорджа Кьюкора «Синяя птица» с участием Элизабет Тейлор, Джейн Фонды, Маргариты Тереховой, Георгия Вицина и др.; 7-го — мелодрама Владимира Шамшурина «Безотцовщина» с участием Льва Прыгунова, Елены Драпеко и др.; 10-го — «Розыгрыш» Владимира Меньшова с участием Дмитрия Харатьяна, Евгении Ханаевой, Олега Табакова и др.; военная драма Леонида Головни «Мать человеческая» с Тамарой Семиной в главной роли.

Кино по ТВ: «Веселое свидание, или Смех и слезы» (премьера т/ф), «Дядя Федор, пес и кот» (премьера м/ф), «Эта веселая планета» (1-го), «По секрету всему свету» (премьера т/ф), «Мелодии Верийского квартала» (2-го), «12 стульев» (премьера т/ф 2, 8—9-го), «Путь к причалу» (5-го), «Судьба барабанщика» (премьера т/ф 5—7-го), «Мастер» (премьера т/ф), «Пятьдесят на пятьдесят» (с субтитрами, 6-го), «Даурия» (6—7-го), «Остров сокровищ» (7-го), «Золушка», «Броненосец «Потемкин», «Человек с орденом на квартиру» (9-го), «Гуттаперчевый мальчик», «Серебряные трубы» (10-го), «Приключения на далеком Севере» (Италия—Югославия, премьера т/ф 11—13-го), «Детство Горького» (12-го), «Карнавальная ночь» (13-го), «Сомбреро», «Насреддин в Бухаре» (14-го), «Разрешите взлет!» (15-го) и др.

Из других передач назову следующие: «Человек и закон» (6-го; выпуск был посвящен судебному процессу над жителем Еревана Сагомяном, который на спекуляции цветами в месяц зарабатывал 120 тысяч рублей. Он коллекционировал уникальные картины, изделия из золота, фарфора и фаянса, которые после конфискации уместились в 5 залах городской картинной галереи), «В мире бизнеса» (7-го; в передаче разоблачались конкурсы красоты, проводимые на Западе), «С песней по жизни» (13-го; участники: Галина Улетова, Виктор Ланцов, Геннадий Суханов, Альберт Асадуллин, почетный гость — София Ротару), «Голубой огонек» (15-го, повтор от 1 января).

Но одну из передач хочется выделить особо. Во вторник, 11 января, по 1-й программе свет увидела 45-минутная передача «Мелодии и ритмы планеты» (21.30—22.15). Надеюсь, мало кому из тех, кто помнит те времена, надо объ-

яснить, что это была за передача, которая чуть позже несколько изменит свое название — станет «Мелодиями и ритмами зарубежной эстрады». Едва на экранах возникла ее заставка — вращающийся вокруг своей оси скрипичный ключ, — как миллионы людей буквально прилипали к экранам своих телевизоров, невзирая на поздний час показа (позже передачу сдвинули на 23.00). На скучноватом советском ТВ «Мелодиям и ритмам» суждено будет совершить революцию. Именно в ней сидящий на голодном пайке отечественный меломан получит возможность воочию увидеть своих кумиров с «загнивающего Запада», поскольку до этого он их только слышал. Причем создатели передачи втюхивали западных исполнителей «на десерт» — в самый конец передачи. А перед ними в течение получаса показывали в общем-то мало кому интересных (в силу частого показа в других программах) артистов из соцлагеря типа Хелены Вондрачковой или Ганса Дитера Байера. И только последние 15 минут передачи были отданы на откуп западным исполнителям. Ради этих минут подавляющая часть телезрителей и высидивала у экранов. Именно в «Мелодиях и ритмах» впервые были увидены живьем те, кто пел строчки, известные каждому советскому человеку: «водки найдут» («Смоки»), «мани, мани, мани» («АББА»), «Распутин — секс-машин» («Бони М») и многие другие.

Из театральных премьер назову следующие: 7-го в Большом театре — «Каменный гость»; 9-го в Театре имени Ермоловой — «Юнона и Павлин» с участием А. Жаркова, Л. Галлис, Э. Кирилловой и др.; в филиале Малого театра — «Над светлой водой» с участием Д. Павлова, К. Мякишева, Г. Деминой и др.

Эстрадные представления: 1—9-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Валентины Толкуновой, Ивана Суржикова, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, ВИА «Поющие сердца» и др.; 7—9-го — в ГТЭ шел спектакль «Зависит от нас» с участием Аркадия Райкина и артистов Ленинградского театра миниатюр; 9-го — в ГЦКЗ выступали: Алла Пугачева, Лев Лещенко, ВИА «Голубые гитары» и др.; 11—18-го — в ГТЭ выступал Валерий Ободзинский в сопровождении ВИА «Верные друзья»; 14—16-го — в «Октябре» состоялись концерты

с участием Аллы Абдаловой, Галины Улетовой, Светланы Резановой, ВИА «Москвички» и др.

Утром в понедельник, 17 января, Леонид Брежнев поездом отправился в Тулу, чтобы вручить этому городу Звезду «Города-героя» (указ о награждении города появился 7 декабря 1976 года). Эта поездка ознаменовалась знаменательным событием: именно в поезде появилась идея о мемуарах Брежнева. О том, как развивались события, вспоминает тогдашний генеральный директор ТАСС Леонид Замятин:

«Неожиданно меня приглашают в вагон к Брежневу. А там уже сидит Черненко, помощник генерального секретаря Саша Бовин и личный секретарь Леонида Ильича Галина Дорошина.

— Вот, — обиженно говорит Леонид Ильич, — сколько прошу о Малой земле написать, о солдатах погибших, и все впустую. Может, ты возьмешься?

Черненко, конечно, тут как тут.

— Правильно, Леонид Ильич, народ задался ваших воспоминаний.

Стою ошарашенный.

— Так я же не умею книги писать. Вот Бовин — тот мастер на все руки. К тому же он ваши рассказы слышал.

Санька на меня аж волком посмотрел.

— Да какой я писатель! Я могу статью, речь вашу, Леонид Ильич, а книгу — нет, не справлюсь.

Генеральный только огорченно махнул рукой. Ну, думаю, слава богу, пронесло...»

Замятин ошибался — не пронесло. Однако о том, как развивались события дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с январскими событиями.

Вместе с Брежневым в Тулу отправилась и большая группа столичных артистов, которая должна была участвовать в праздничном концерте. Среди них был и Евгений Петросян, который попал в эту делегацию благодаря желанию... Брежнева, являвшегося большим поклонником творчества этого артиста. А сообщил Петросяну об этом замминистра культуры Кухарский. Но артист этой новости не сильно обрадовался, поскольку Кухарский стал уговаривать его выйти на сцену в роли конферансье. «Но позвольте, я уже больше года не конферирую, — попытался напомнить чиновнику артист. — Я не могу выступать в этом жанре». —

«Это ваше личное дело, — холодно отреагировал Кухарский. — А концерт должны вести именно вы». — «Но у меня нет конферансных текстов, за это время я отчасти потерял квалификацию», — продолжал отбрыкиваться Петросян. Тогда Кухарский привел убойный по тем временам аргумент: «Вы что, против советской власти?» Петросян понял, что дальнейшие возражения бесполезны. Но в итоге все равно выкрутился: по совету одного коллеги попросил разрешить ему вести концерт с каким-нибудь диктором телевидения и весь конферанс взвалил на него. Сам же выступал только с номерами. Но этот концерт состоится чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями.

17 января в Ленинграде покончил с собой народный артист СССР, 36-летний солист балетной труппы Театра оперы и балета имени Кирова Юрий Соловьев. Поскольку до сегодняшнего дня истинной подоплеку этого самоубийства никто не знает, можно опираться только на слухи. А они в те дни ходили по городу один круче другого. Так, коллеги покойного утверждали, что Соловьев покончил с собой из-за ревности, а «вражьи голоса» утверждали, что он угорел в бане. Была еще одна версия, которая больше всего походила на правду: Соловьев застрелился на даче из охотничьего ружья, поскольку так и не смог простить себе предательства, которое он совершил 15 лет назад по отношению к своему коллеге — Рудольфу Нуриеву. А произошло вот что.

В июне 1961 года Театр Кирова гастролировал в Париже, и сотрудники КГБ, которые долгое время пытались уличить Нуриева в гомосексуализме, специально подсадили к нему в номер Соловьева (оба артиста хорошо знали друг друга еще по совместной учебе в хореографическом училище при интернате). И не ошиблись: Нуриев тут же бросился соблазнять коллегу. А тот, испугавшись домогательств, стукнул на него чекистам. Над Нуриевым дамочным мечом повисла 121-я статья — мужеложество. И тогда он попросил политического убежища во Франции. Говорят, все эти годы Соловьев никак не мог простить себе того поступка, и именно эти душевные муки заставили его взяться за ружье в январе 77-го. Много лет спустя младший брат покойного Игорь так описал события тех дней:

«Моя семья жила на Фонтанке. Как-то вечером Юрий вместе с женой Татьяной Легат приехал к нам в гости. Брат выглядел очень уставшим и постаревшим. С ним творилось что-то непонятное. Вскоре они уехали домой. А буквально за день до смерти Юра позвонил и стал уговаривать меня поехать с ним на дачу. Я отказался, поскольку в понедельник (17 марта. — Ф. Р.) меня ждали на работе. Брат продолжал настаивать, но уговорить не смог... В общем, уехал брат на два дня. В четверг обещал вернуться на репетицию. Но...

О его смерти мне сообщил друг брата, тоже танцовщик из Кировского. Он сосед Юры по даче. Решил навестить его, а когда вошел в помещение, увидел Юру лежащим на полу, а рядом — охотничье ружье... Видимо, брат не случайно звал меня с собой. Наверное, его что-то терзало. Ему хотелось с кем-то поговорить, облегчить душу... Через несколько дней меня вызвали к следователю. Задали несколько вопросов: какие отношения у меня были с братом, о его жене и родителях. Завели уголовное дело, но нам о результатах так ничего и не сообщили...»

18 января в Туле состоялось торжественное заседание, посвященное вручению городу медали «Золотая звезда». Высокую награду вручил Леонид Брежнев. После церемонии награждения в помещении драматического театра состоялся большой праздничный концерт, на котором выступили многие популярные исполнители, в том числе и Евгений Петросян. Вот как он сам об этом вспоминает:

«На том концерте я увидел Брежнева в партере — как обыкновенного зрителя. Такое было впервые — обычно в Большом театре, во Дворце съездов он сидел в ложе и не был виден артистам. Надо сказать, что зрителем Леонид Ильич оказался прекрасным — добрым, непринужденным. Он смеялся как ребенок, всплескивая руками, откидываясь туловищем назад, прикладывая ладони к груди, вытирая слезы, появившиеся от смеха, а в случае согласия кивал головой. Я еще подумал, этим наивным человеком, наверное, легко управлять тем, кто находится в его непосредственном окружении. А может, он так доверчив и сентиментален просто от старости и умственной немощи?..»

19 марта в Ленинграде, в здании Театра оперы и балета имени Кирова состоялась гражданская панихида по народному артисту СССР Юрию Соловьеву. Несмотря на то что официальные власти сделали все, чтобы истинные причины смерти артиста были скрыты от общественности (в некрологе, опубликованном в «Вечернем Ленинграде», было написано, что актер «безвременно скончался»), практически все пришедшие на панихиду знали правду и недоумевали: почему? Но ответа на этот вопрос ни у кого, увы, не было.

Продолжаются съемки комедии «Мимино». За эти дни Георгий Данелия успел слетать в Западный Берлин для выбора природы (12—15 января), а вернувшись в Москву, возобновил съемки. Так, 17 января в 6-м мосфильмовском павильоне был снят эпизод, в котором Мизандари приходит в сельскую школу, а 19—21 января съемки переместились на улицы Москвы. Тогда был снят один из самых смешных эпизодов картины — кража «КрАЗа». Помните, Хачикян не находит во дворе свою машину, и Мизандари оставляет его на месте происшествия, дав задание стеречь следы преступления, а сам спешит в милицию. Хачикян ревностно исполняет возложенные на него обязанности: когда в подворотню заходит припозднившийся прохожий, спешащий домой, он хватается за землю кирпич и просит прохожего не приближаться: дескать, «здесь следы». Мужчина убегает прочь, тем более что в подворотню возвращается сообщник стерегущего следы — Мизандари. Между тем тот приносит Хачикяну радостную весть: оказывается, «КрАЗ» никто и не думал угонять — он стоит в соседнем дворе.

В пятницу, 21 января, Леонид Брежнев написал в своем дневнике (оказывается, генсек вел таковой) следующие строчки: «Первую половину отдыхал дома. Обедал дома. Вес 85.200.

Вторая половина — работал в Кремле. Подписал протокол Политбюро — от 20 января. Докладывал Боголюбов...»

Из всего этого текста самым интересным, на мой взгляд, являются строчки про вес генсека. Дело в том, что в последние годы Брежнев весьма ревностно следил за своим весом и каждый день обязательно вставал на весы. Если вдруг обнаруживал, что поправился (даже на несколько граммов), сильно огорчался. За столом он следил за каждой ложкой, чтобы не пе-

реесть, совершенно отказался от хлеба. На ужин ел только капусту и чай. Или творог и чай. Иногда мог позволить себе пару сырников. Самое интересное, он и охранников своих так же кормил, урезав их рацион питания чуть ли не до минимума. А поводом к этому послужил один случай. Как-то во время обеда директор завидовского охотхозяйства увлекся за столом черной икрой — отправлял ее в рот большой ложкой одну за другой. Брежнев возмутился: дескать, это же не гречневая каша. А директор и бровью не повел: а я, мол, и не заметил. Но иногда Брежнев понимал, что дает лишку: как-то заметив, что его телохранитель Владимир Медведев встал из-за стола голодным, он попросил жену нарезать ему колбасы.

Брежнев любил украинский борщ и исключить его навсегда из своего рациона никак не решался. Был случай, когда он плотно набил живот этим борщом, потом взвесился, и весы показали прибавку в 500 граммов. И что вы думаете, распорядился сделать Брежнев? Он приказал охране поменять весы. А когда и те показали ту же самую прибавку, разнервничался, но от борща не отказался.

Вспоминает В. Медведев:

«Иногда с утра взвесится — все в порядке, вес в норме, даже поменьше. Он совершенно счастлив:

— Вот видишь! — улыбается. — Буду еще меньше есть. А гулять побольше.

И весь день у него радостное настроение, окружающие — и дома, и на работе — тоже все довольны. Потом встанет на весы — опять эти лишних 500 граммов!.. Опять меняем весы. Тут еще провоцировали его верные соратники. Встретятся, он жалуется на полноту, а они дружно успокаивают:

— Да что вы, Леонид Ильич, вы прекрасно выглядите, подтянуто, свежо.

— Да вес же, вес...

— Нет-нет, все в порядке. У вас весы врут.

И, конечно, советы: побольше двигаться, гулять.

Леонид Ильич спросит кого-нибудь:

— Ты чего на завтрак ешь?

— Одно яйцо и чай.

Он, может быть, с утра десять яиц ест, но разве скажет. «Одно...»

На другое утро повара спрашивают, что приготовить на завтрак. Леонид Ильич отвечает:

— Одно яйцо и чай.

Все весы, а их было десятки, надо было держать на контроле, не дай бог — разнорядной...».

21 января в «Комсомольской правде» была опубликована статья Т. Илларионовой под названием «Почтовый детектив». Речь в ней шла о трех работницах почты села Меновное, что в окрестностях Усть-Каменогорска, которые умудрились отбить вооруженное нападение грабителей да еще помогли милиции их задержать. События в тот день развивались следующим образом.

Примерно около четырех часов вечера, когда до закрытия почты оставалось меньше часа, туда зашел неизвестный мужчина с бородой. Работницы почты — а их было трое: Евдокия Иванова (47 лет), Вера Проходова (30) и Галина Медведева (29) — сразу обратили внимание на подозрительное поведение позднего посетителя: он почему-то прикрывал лицо платком, а сам так и зыркал глазами, внимательно оглядывал помещение. Истинный смысл его поведения стал понятен уже спустя минуту, когда на почту вбежали двое мужчин с ножами в руках и масках-чулках на лицах. Бородатый тут же спрятал платок и, выхватив из кармана пальто пистолет, приказал женщинам не двигаться. Когда же одна из работниц почты — Иванова — попыталась было приподняться со своего места, бородач стукнул ее рукояткой пистолета по голове, тем самым наглядно демонстрируя, что церемониться ни с кем не собирается. Но бандиты просчитались. Именно этот предательский удар заставил двух других женщин превратиться в тигриц. Проходова и Медведева набросились на одного из бандитов и, отняв у него нож, забросили его подальше за сейф. После этого они сорвали с грабителя маску, чем повергли его в еще больший ужас. Бандит попятился к выходу. Воспользовавшись моментом, Медведева разбила окно и стала громко звать на помощь. Этот демарш окончательно добил грабителей — они бросились к выходу. А женщины вошли в такой раж, что бросились за ними в погоню. На крыльце они догнали самого нерасторопного и буквально вцепились в него мертвой хваткой. И висели на нем вплоть до приезда милиции. Двух других грабителей милиционеры задержали на автобусной остановке, где они пытались зарыть в снег похищенные деньги. Всех трех му-

жественных женщин за проявленный героизм наградили медалями «За отвагу».

Во вторник, 25 января, Андрей Сахаров получил вызов к заместителю Генерального прокурора СССР Гусеву в Прокуратуру СССР (Пушкинская, 15). Цель вызова — официальное предупреждение Сахарову об уголовной ответственности в связи с его заявлением от 12 января о взрывах в Москве. Во время встречи Сахаров отказался подписать предупреждение, на что Гусев заявил: «Ваш отказ не имеет значения. Все равно предупреждение останется в анналах прокуратуры». Что он хотел этим сказать, Сахаров так и не понял. Зато он хорошо понимал, что вслед за этим вызовом обязательно последуют новые репрессии. Поэтому вечером того же дня академик собрал у себя дома пресс-конференцию, где рассказал западным журналистам о своем сегодняшнем посещении прокуратуры. На следующий день во многих западных газетах появилась информация об этом.

В тот же вторник у Клары Новиковой родилась дочь Маша. Как вспоминает сама актриса: «Схватки у меня начались ночью, и я уже знала, что, когда интервал между ними снизится до пяти минут, надо звать няню. Но не подумала, что в роддоме мне часы понадобятся, и всю ночь — знала бы, что схватки продлятся восемнадцать часов! — в коридор выходила, где часы висели.

Моя соседка, лежавшая на сохранении, проснулась и, узнав, что у меня все началось, так разнервничалась, что у нее тоже начались схватки. Она кричала, хваталась за мою кровать. Я пыталась ее успокоить. Просила: «Не можешь свою кровать потаскать?..» Она раньше меня родила. Родила в семь месяцев двойню — двух девочек. Говорили, что муж, придя утром ее навестить, был так ошарашен...

Наконец меня положили рожать. Ужасные были боли. Но я начиталась книг — Юра принес мне Спока, — что во время родов надо глубоко дышать, и я дышала. Это отвлекло, конечно. И постоянно думала, как бы сыграла роды — это жуткое состояние, когда ты целиком во власти инстинктов, ничего с собой сделать не можешь и в конце концов смиряешься, что в данный миг ты — совершенное животное.

Пришел Скоп и сказал, что у меня будет девочка, и меня принялись стимулировать, что-

бы ускорить роды. В кино роженицы обычно кричат, и я думала, что тоже буду кричать, но не кричала...

Появилась Маша, и ее ткнули мне в нос:
— Посмотри, у тебя девочка...

Мне было дико холодно. Я лежала на каких-то носилках, меня должны были отвезти в палату. Но тут меня отпустило, и я стала анекдоты рассказывать, всякие байки. Вокруг меня собрались врачи, медсестры. Они узнавали меня — хохотали...»

Продолжается скандал вокруг академика Сахарова. После того как на Западе поднялась буча по поводу его вызова в прокуратуру, советские власти попытались дать достойный ответ: в сообщении ТАСС (для заграницы) Сахарова обвинили в заведомой клевете на государственные органы страны, в данном случае на КГБ, который академик обвинил в возможной причастности к московским взрывам. Сразу после этого Госдепартамент США выступил с заявлением, в котором выражал беспокойство по поводу угроз академику со стороны властей. Самое интересное, что это заявление не нашло должной поддержки у нового президента США Джеймса Картера, который заявил: «Я озабочен преследованиями академика Сахарова. Но считаю, что Госдепартамент не должен делать подобных заявлений без согласования их с канцелярией президента».

Между тем в Москве удалось задержать опасного вооруженного преступника. Попался он, в общем-то, по собственной глупости. Придя подшофе в кинотеатр «Перекоп», что возле трех вокзалов, он устроил там дебош с административной культурного заведения, которая не хотела пускать его в таком виде в зал. Видя, что его словесные угрозы не возымели должного эффекта на администраторов, дебошир извлек на свет... пистолет и стал размахивать им перед носом ошарашенной публики. В это время кто-то расторопный позвонил в милицию. На счастье, поблизости с кинотеатром несла дежурство патрульная группа в составе лейтенанта Николая Долгих и сержантов Геннадия Донцова и Михаила Орехова.

Когда стражи порядка приехали к месту происшествия, в фойе их встретила взволнованная администраторша. «Где он?» — спросил Долгих. «Убежал вниз, в туалет», — сообщила женщина. Решение приняли на ходу: Долгих

стал спускаться вниз по левой лестнице, его коллеги — по правой. Первым напоролся на преступника лейтенант. Причем встреча была не из приятных: дебошир вынырнул из-за угла и навел на милиционера дуло пистолета. «Не подходи — убью!» — пригрозил преступник. И ведь действительно убил бы, не подоспей на помощь к Долгих его коллеги. Они напали на преступника сзади и, выбив у него из рук оружие, повалили на пол.

В те дни судьба совершенно случайно свела вместе двух бывших одноклассников столичной школы № 170 — Андрея Миронова и А. Макарова. Пересеклись их пути в кафе Дома литераторов, где Миронов был в компании своего друга Игоря Кваши, а Макаров пришел туда один. Встречу, естественно, отметили по-русски — возлиянием, для чего из кафе перебрались за ресторанный столик. За роскошным столом друзья протрепались несколько часов: вспоминали школьных друзей, учителей. А когда пришла пора расставаться, Миронов внезапно предложил продолжить встречу у него дома. Далее послушаем рассказ самого А. Макарова:

«Андрей сообщил, что Лариса будет рада. Она и впрямь оказалась рада, его жена Лариса Голубкина. Во всяком случае, даже после совсем недурного застолья в ЦДЛ мы не отказались от замечательного ужина. Андрей ставил на магнитофон роковые танго Остапа (имеются в виду песни из телефильма «12 стульев», который только-только прошел по голубым экранам. — Ф. Р.), потом заводил джазовые пластинки, привезенные из Канады, и, как в школьные благословенные времена, пел вместе с Армстронгом и Синатрой. Я понимал, что присутствую на уникальнейшем вечере, когда любимцы публики дают концерт для самих себя, от полноты души и жизненных сил.

Часа в три стали наконец прощаться. Отпустить старого друга без подарка Андрей не мог. Он распахнул шкаф и достал галстук, только что привезенный из той же Канады. У меня екнуло сердце: именно о таком галстуке — шерстяном, трикотажном, по моде тех лет широким — я как раз и мечтал. Именно в таких галстуках в те времена совершал на экране свои подвиги очень популярный у нас французский актер Лино Вентура.

Потрясенный щедростью друга, я отрешивался от подарка, но Андрей собственноручно повязал мне его модным тогда большим узлом...»

27 января в Хельсинки завершился чемпионат Европы по фигурному катанию. Завершился полным триумфом советской школы: золотые медали завоевали Ирина Роднина и Александр Зайцев, серебряные достались Ирине Воробьевой и Александру Власову, бронзовые — Марине Черкасовой и Сергею Шахраю. В эти же дни советский спорт добился еще одной победы: на чемпионате мира по хоккею с мячом в Норвегии «золото» взяла наша сборная (кстати, в 10-й раз!).

В тот же день Эльдар Рязанов благополучно завершил съемки фильма «Служебный роман» — были сняты последние кадры: крупные планы в декорации «квартира Самохвалова» с участием Олега Басилашвили, Андрея Мягкова, Светланы Немолояевой, Людмилы Ивановой. Впереди группу ждали монтажно-тонировочные работы.

В то время, как Рязанов съемки завершил, его коллега и такой же мэтр комедийного жанра Леонид Гайдай, наоборот — съемки начал. 29 января он приступил к работе над фильмом «Инкогнито из Петербурга» по бессмертной комедии Николая Гоголя «Ревизор». Обращение к этому произведению для Гайдая было несчастливым. Своим последним фильмом «Не может быть!» он завершил свою трилогию — экранизацию произведений советских классиков, начатую «Двенадцатью стульями» (вторым фильмом был «Иван Васильевич...») и перед ним встала дилемма: что снимать дальше? Поскольку возвращаться к оригинальным сценариям ему не хотелось, он решил вновь взяться за экранизацию, но теперь уже русской классики. И начал с «Ревизора», с помощью которого намеревался ударить по недостаткам, которые имели место в жизни советского общества в те годы (да и теперь имеют): раболепие перед начальством, бюрократия, показуха, разгильдяйство и т. д. В первый съемочный день были сняты эпизоды из начала фильма: Хлестаков (Сергей Мигицко) и его слуга Осип (Сергей Филиппов) живут в гостинице.

В субботу, 29 января, Фаина Раневская записала в своем дневнике строчки: «У меня сегодня день особый, счастливый день. Сейчас звонил Аркадий Райкин, а он ведь гениальный.

Он сказал, что хотел бы что-то сыграть вместе со мной. Горжусь этим, очень горжусь. Что-то, значит, хорошее во мне есть — в актрисе...»

В этот же день умер отец Валерия Саблина капитан 1 ранга Михаил Петрович Саблин. В годы войны он проводил сверхопасные и такие нужные полярные конвои и не получил ни одной царапины. Но арест сына и обвинение его в государственной измене надломили его волю к жизни. С июня 76-го от сына не было никаких известий, и это отнимало у Михаила Петровича последние силы. В начале января он отправил шефу КГБ Андропову письмо, где просил дать ответ, что с сыном. Однако ответа так и не дождался. Смерть мужа подкосит и мать мятежного капитана — она сляжет и больше уже не поднимется.

Тем временем в Ереване готовится дерзкое преступление — ограбление Ереванского банка. Учитывая, что в те годы такие крупные учреждения, как банки, в Советском Союзе еще не грабили (в основном совершали налеты на сберкассы), это преступление вызовет широкий резонанс по всей стране. Однако расскажем обо всем по порядку.

Эта история началась 28 января, когда 23-летний ревизор Армянской республиканской конторы Госбанка СССР Завен Багдасарян был назначен председателем комиссии по инвентаризации запасного и оборотного денежных фондов в своем учреждении. Во время этой проверки Багдасарян лично убедился в том, какой бардак царит в Ереванском банке: крупные суммы бумажных денег хранятся на специальных стеллажах в помещении, которое не охраняется сигнальной системой, что потолок хранилища — бетонный и что он и пол находящейся на третьем этаже Госбанка семинарской комнаты являются общими. Обо всем этом Багдасарян на следующий день рассказал своим приятелям, которых мы с вами уже хорошо знаем. Речь идет о двоюродных братьях Николае и Рамзике Галачянах, которые в апреле 1974 года ограбили ювелирную фабрику в Ереване, но не сумели вынести похищенное. Милиция обнаружила награбленное, а вот самих преступников вычислить так и не смогла. В итоге это аукнулось в 77-м.

Выслушав рассказ Багдасаряна, Николай Галачян загорелся идеей грабануть Ереванский банк. Багдасаряна эта мысль не удивила, поскольку он тоже придерживался идеи, что надо

брать то, что плохо лежит. В течение нескольких часов они втроем обсуждали всевозможные детали предстоящего ограбления. Причем, учитывая неудачу трехлетней давности, братья решили на этот раз не спешить и подготовиться к осуществлению задуманного как можно тщательнее. Однако оставим на время будущих грабителей и вернемся к другим событиям того января.

31 января в чемпионате СССР по хоккею состоялось несколько игр. Но из всех выделю одну — с участием столичного «Спартака» и ленинградского СКА. Победу в нем одержали москвичи, буквально вырвав ее у соперников со счетом 5:4. Но, даже несмотря на столь скромный успех, радости у победителей и их болельщиков было, что называется, полные штаны. Я сам, будучи спартаковцем, тоже ликовал. А все потому, что это была первая победа прошлогоднего чемпиона СССР после 9 (!) игр. Так плохо «Спартак» давно уже не выступал, поэтому и место в турнирной таблице занимал соответствующее — 8-е. Ударное звено, где играл Александр Якушев, было просто не узнать. И это при том, что Якушев в недавнем турне национальной сборной по Канаде был одним из лучших игроков — забил 7 шайб. Но, видимо, и его возможности оказались небеспредельными.

Между тем в столичных кинотеатрах во второй половине января состоялись следующие премьеры: 24-го — боевик **«Тревожный месяц вересень»** Леонида Осыки с участием Виктора Фокина, Борислава Брондукова, Антонины Лефтий и др.; 31-го — драма **«Бешеное золото»** Самсона Самсонова с участием: Майи Эглите, Бориса Иванова, Валентина Гафта и др.; сказка **«Степанова памятка»** Константина Ершова с участием Ларисы Чикуровой, Геннадия Егорова, Натальи Андрейченко и др. Из новинок зарубежного кино не могу не отметить фильма французского режиссера Робера Энрико **«Старое ружье»**, который вышел в столичный прокат 17 января. В фильме снялся звездный дуэт Роми Шнайдер—Филипп Нуаре. Последний играл скромного профессора-филолога Антуана Лемересье, этакого увальня из тех, что даже муху не обидят. Однако после того, как фашисты жестоко убивают его жену и

дочь, он достает свое старое ружье и устраивает настоящую вендетту на убийц. Классная картина!

Кино по ТВ: **«Конец Санкт-Петербурга»**, **«Странные взрослые»** (16-го), **«Над нами Южный крест»** (17-го), **«В людях»**, **«Прощайте, голуби!»**, **«Приключения на далеком Севере»** (Италия—Югославия, 19—20-го), **«Ход белой королевы»** (с субтитрами), **«Верись, не верись»** (20-го), **«Дети Памира»**, **«Ленин в Польше»**, **«Сердце России»** (21-го), **«Снежная королева»**, **«Люди на мосту»** (22-го), **«Человек с ружьем»**, **«Золотой эшелон»** (23-го), **«Белый пудель»**, **«Его звали Сухэ-Батор»** (24-го), **«Дни хирурга Мишкина»** (премьера т/ф 25—27-го), **«Мои университеты»**, **«Зеленая карета»** (26-го), **«Дума про казака Голоту»**, **«Ночной мотоциклист»** (28-го), **«Старая, старая сказка»** (29-го), **«Депутат Балтики»**, **«Небесные ласточки»** (30-го), **«Чук и Гек»**, **«Василий Суриков»** (31-го) и др.

Театральные премьеры: 18-го в Театре сатиры — **«Горе от ума»**; 21-го в Драмтеатре имени Станиславского — **«Два веронца»** с участием Натальи Варлей, Георгия Буркова и др.; 29-го в Театре на Малой Бронной — **«Душа поэта»** с участием: Семена Соколовского, Анны Каменковой, Ольги Остроумовой и др.; 30-го в ЦТСА — **«Святая святых»** с участием Николая Пастухова, Игоря Ледогорова и др.

Эстрадные представления: 21—23-го — в «Октябре» выступал греческий ВИА «Бузки»; 21—22-го в ЦДСА — Иван Суржиков; 28—29-го в «Октябре» — Галина Ненашева; 28—30-го в ГТЭ — Вадим Мулерман и Вероника Круглова; 29-го — в Кремлевском Дворце съезда пела Елена Образцова; 29—30-го в ЦДСА — ВИА «Синяя птица»; 30-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием: Евгения Петросяна, Геннадия Белова, Юрия Богатикова, Александры Стрельченко и др.; в «Октябре» радовали своим искусством Александра Стрельченко, Арутюн Акопян, Татьяна Лейбель, Владимир Никольский и др.

Из пластинок журнала **«Кругозор»** (№ 1) выделю следующие: Ирина Понаровская — **«Мольба»** (А. Журбин — И. Резник); Клифф Ричард — **«Если ты меня покинешь»**, **«Люби только меня»**.

1977

Февраль

Владимир Винокур на конкурсе эстрады. Грабители планируют преступления: в Москве — нападение на кассу, в Ереване — ограбление банка. КГБ продолжает охоту на диссидентов. На Сахарова давят через его родственников. Как Вениамин Смехов получил ожог глаза. Вячеславу Иванькову ставят диагноз. За что наказали хоккеиста Бориса Александрова. Почему плакал Анатолий Солоницын. С кем Владимир Винокур пропил свою премию. Арест Юрия Орлова. Возвращение Владислава Дворжецкого домой. Алла Пугачева покоряет Дворец спорта в Лужниках. Страсти по жвачке «Калев». Прогон «Мастера и Маргариты». «Крылья Советов» громят «Дуклу». Последнее появление Юрия Завадского в родном театре. Советский «секретчик» Адольф Толкачев хочет стать агентом ЦРУ. Как друг Дворжецкого выдал себя за него. Закончились съемки «Белого Бима». Съемки «Мимино» продолжают-ся. Интервью Сахарова «Франс суар». Как Лев Лещенко сетовал на судьбу. Пожар в гостинице «Россия». Как Олега Борисова приняли за гэбэшника.

Во вторник, 1 февраля, в Москве, в Государственном театре эстрады на Берсеневской набережной, открылся VI Всероссийский конкурс артистов эстрады. Среди его участников был хорошо ныне известный артист Владимир Винокур. Он в то время выступал в составе ВИА «Самоцветы» как солист, а параллельно баловался пародиями на известных артистов. У него был номер «Осечка», который имел хороший прием у публики, и именно его Винокур и решил вынести на суд жюри конкурса. Причем на тот момент «Самоцветы» находились на гастролях в Белгороде, но это не остановило Винокура — он рванул в Москву, хотя, честно говоря, особых надежд на успех у него не было. А что получилось? Жюри «Осечка» понравилась, и Винокура допустили на второй тур, который должен был состояться 4 февраля. И тут перед молодым артистом встала серьезная проблема. Его вызвал главный режиссер ГТЭ Александр Конников и сказал: «Володя, ты сделал пародийный номер. А в комиссии много известных артистов. Короче, тенденция — против пародии.

Лучше будет, если ты какой-нибудь монолог прочитаешь». Далее послушаем рассказ самого В. Винокура:

«Легко сказать «какой-нибудь»! Его еще и взять где-то надо. Компания у нас была молодая, загульная — Леня Якубович (нынешний ведущий «Поля чудес». — Ф. Р.), Марк Спивак. Звонят мне и говорят:

— Приезжай к нам на стройку. Миша Кочин и Леня Якубович написали для тебя номер.

Марк в то время работал мастером на строительном участке, а Леня в пуско-наладочном управлении по теплоизоляции трубопровода. Строили Крылатское.

Я приехал на стройплощадку, прочитал текст «Монолога старшины». Мне он понравился тем, что герой в нем был живой, добрый человек с мягким юмором.

— Мне нравится, — говорю, — но надо режиссеру показать, Сереже Дуганову..

Поехали. «Москвич»-«каблук». Впереди, рядом с водителем — Марк. А сзади, в кузове, бочка с краской. Ее надо было перевезти на

другой объект. Мы с Леной садимся к бочке. Едем. Придерживаем бочку руками, потому что от тряски она плюется краской. На Лене — пальто «на выход», перелицованное, от отца. Все перемазались в краске. Кое-как доехали, выбрались из машины, чумазые, как черти.

На наше счастье, Сережа номер одобрил. Мы добавили в него музыкальные куски, и я стал ждать следующего тура...»

Между тем в Москве группа злоумышленников готовится совершить дерзкое преступление — вооруженное ограбление кассира Московского института химической промышленности (МИХМ), что на улице Карла Маркса. В банду входят три человека: Виктор Величко (51 год), Владимир Качурин (33 года) и Василий Прохоров (21 год) (фамилии изменены). Мотором банды является Величко, который работал в институте «Аэропроект» и давно грезил мечтами о богатстве. И поскольку институтская должность — он возглавлял проектную группу — не приближала его к заветной мечте, он стал вынашивать планы достичь желаемого преступным путем. Вместе со своим дружкой Качуриным, который, кстати, тоже не принадлежал к деклассированным элементам, а занимал должность старшего инженера на кафедре в МИХМе, они стали прикидывать, где удобнее всего провернуть задуманное. И Качурин однажды придумал: «А что, если у меня в институте? Каждый месяц в кассе выдают зарплату, а кассирша — пенсионерка. Дело можно обтять в два счета». Услышанное заинтересовало Величко чрезвычайно. Загвоздка была в одном: где взять оружие? Но Качурин и здесь не подкачал — вызвался лично смастерить в мастерской кафедры самопальные пистолет и стреляющие трубки.

В течение двух недель Качурин исправно выполнял обещанное — в нерабочее время мастерил оружие. Но и Величко тоже не сидел сложа руки — в январе нашел еще одного подельника. Им оказался его сослуживец, пришедший работать под его начало в проектный отдел, житель поселка Апрелевка Василий Прохоров. Зная, что тот занимается фарцовкой — спекулирует модными грампластинками на «толчке» у «Беговой», — Величко предложил ему куда более радикальный способ разбогатеть — ограбить кассу. Как ни странно, но Прохоров довольно быстро согласился, тем более что Величко расписал будущую акцию чуть

ли не как легкую прогулку: мол, в кассе сидит старушка — «божий одуванчик», и обтять дело — как два пальца об асфальт.

Ограбление было намечено на 3 февраля — в тот день в МИХМ должны были привезти очередную зарплату. У преступников все было на мази: распределены роли, роздано оружие (в их арсенал входили пистолет и три стреляющих трубки). Но задуманное сорвалось по независящим от злоумышленников причинам: у кассы в тот день скопилось слишком много народу, и гарантии, что их не схватят, у грабителей не было. Поэтому Величко дал команду «отбой» до следующего удобного случая.

Продолжают подготовку к совершению преступления и другие злоумышленники — будущие грабители Ереванского банка. После январского совещания, где Багдасарян в подробностях рассказал о системе охраны банка, один из братьев Галачянов — Николай попросил Багдасаряна лично провести его в банк, чтобы он убедился в наличии слабой охраны. Этот визит случился в начале февраля. Он помог преступникам окончательно утвердиться в способе ограбления. Согласно ему, грабители собирались под покровом темноты пройти по крыше прилегающего к зданию банка жилого дома, подойти к окнам кабинета отдела труда и зарплаты банка, снять металлическую сетку с окна и проникнуть в здание банка. В хранилище они должны были проникнуть через семинарскую комнату: для этого предполагалось разворотить коловоротом ее бетонный пол, используя при этом еще и раскрытый зонтик — туда должен был сыпаться мусор.

А теперь из Еревана вновь вернемся в Москву. После того как Андрей Сахаров позволил себе обвинить КГБ в причастности к январским взрывам в Москве, а диссиденты на Западе предприняли активные попытки воззвать к тамошнему общественному мнению (так, Андрей Амальрик требовал аудиенции у президента Франции и в течение часа держал в осаде Елисейский дворец), репрессии против диссидентов усилились. Обыски в их квартирах были опустошительными (кроме документов, конфисковывались деньги и вещи Фонда помощи политзаключенным и их семьям, личные вещи и деньги, пишущие машинки, магнитофоны, приемники), кое-кого из правозащитников арестовали. 3 февраля был схвачен Александр Гинзбург. Его арестовали прямо на улице, ко-

гда он вышел позвонить из телефона-автомата (он жил в те дни у Сахарова, где домашний телефон был отключен). Как вспоминал А. Сахаров:

«На другой день после ареста, 4 февраля, мы с Люсей поехали к Шафаревичу — я хотел вместе с ним выступить с обращением в защиту Гинзбурга. Составление совместного документа всегда очень трудное, мучительное дело. Несколько часов мы работали вместе. Уже поздно вечером, совершенно обессиленные, мы с Люсей вышли от Игоря Ростиславовича, наспех выпили кофе в близлежащей булочной и, приехав домой, к трем часам ночи составили окончательный вариант обращения. На другой день Шафаревич после некоторых колебаний подписал его...»

Будь такая возможность, КГБ с большим удовольствием арестовал бы и самого Сахарова, но это было себе дороже — слишком большой величиной он был в диссидентском движении. Поэтому против академика использовались иные методы. К примеру, на него давили через его многочисленных родственников, в частности через дочь Таню. Та числилась фиктивным работником в цехе, которым руководила ее свекровь (там производились препараты медицинской диагностики), и КГБ был прекрасно об этом осведомлен. В декабре 1976 года против свекрови Татьяны были выдвинуты обвинения в нарушении финансовой дисциплины, и ее уволили с работы. Но главной жертвой этой интриги стала дочь Сахарова. В конце того же месяца в газете «Ленинское знамя» появилась большая статья под названием «Лаборантка-призрак», в которой Татьяну выставили в самом нелицеприятном виде (даже упоминали, как она однажды ездил без билета в электричке). А в начале февраля, когда против ее свекрови возбудили уголовное дело, дочь академика попала в число свидетелей, и ее беспрестанно стали вызывать в прокуратуру.

Тем временем в Театре на Таганке всюду идут репетиции булгаковского «Мастера и Маргариты». До премьеры остается чуть больше месяца, поэтому все ужасно нервничают. 6 февраля было все как обычно: Любимов требовал от актеров собранности, сосредоточенности, те старались как могли. Где-то в середине репетиции случилось ЧП с исполнителем роли Воланда Вениамином Смеховым. В сценах, где он не был занят, Любимов попросил его находиться за занавесом и манипулировать «беби-

ком» (осветительный прибор среднего размера). Но, поскольку большую часть времени Смехов наблюдал за тем, что происходит на сцене, в один из таких моментов он увлекся и слишком близко поднес «бебик» к правому глазу. В итоге получил ожог, к счастью, легкий. Но из-за этого он вынужден будет пропустить завтрашнюю репетицию.

В эти же дни закончился срок пребывания Вячеслава Иванькова (он же Япончик) в Институте имени Сербского. Как мы помним, он угодил туда в декабре прошлого года с подозрением на невменяемость. 7 февраля медицинская комиссия, обследовавшая Иванькова, вынесла свой вердикт: «Больной страдает психическим заболеванием в форме шизофрении, невменяем в отношении инкриминируемых ему деяний, нуждается в направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа». Позже будут ходить слухи, что этот вердикт появился на свет не без участия друзей Иванькова — таким образом они спасали приятеля от колонии.

В тот же день во Дворце спорта в Лужниках состоялся очередной матч чемпионата СССР по хоккею. Играли два принципиальных соперника — «Спартак» и ЦСКА. Несмотря на то что эти команды в турнирной таблице разделяла пропасть — ЦСКА лидировал, а «Спартак» плелся в хвосте, — ажиотаж вокруг матча все равно был огромный: лишние билетки спрашивали еще у выхода из метро «Спортивная». Хорошо помню эту игру по нескольким причинам: во-первых, в тот день мне стукнуло 15 лет, во-вторых, в ходе нее произошел инцидент, который наделал много шума в спортивных кругах. Однако расскажем обо всем по порядку.

Игра началась с яростных атак «Спартака». Давно болельщики народной команды не видели своих кумиров такими нацеленными на ворота соперников, как в те несколько минут в начале игры: в течение трех смен спартаковцы не выпускали армейцев из их зоны. Если бы Третьяк тогда пропустил шайбу, дальнейший ход игры мог сложиться совсем иначе. Но голкипер № 1 мирового хоккея выстоял, передав свою уверенность и партнерам по команде. В итоге армейцы оправались от первого шока и пошли в наступление. И уже на 11-й минуте Харламов зажег красный свет за воротами Зингера. Однако спустя две минуты Брагин восстановил равновесие. Все началось сначала.

Роковой для спартаковцев стала 19-я минута игры, когда в их ворота с интервалом в несколько секунд залетели сразу две шайбы: отличились Михайлов и Викулов. Потом во втором периоде, на 22-й минуте, Жлуктов увеличил разрыв — 4:1. Казалось, что после этого судьба матча уже решена. Но тут спартаковцы совершили невозможное: Куликов на 30-й и Пачкалин на 35-й сократили разрыв до минимума. На трибунах началась настоящая свистопляска: речевки спартаковских болельщиков одна за другой стали сотрясать своды Дворца спорта. Вдохновленные поддержкой трибун спартаковцы бросились на штурм ворот Третьяка... и прозевали атаку на свои ворота. На 38-й минуте Петров вновь увеличил разрыв до двух шайб. А потом произошло то, что навсегда выбило спартаковцев из колеи.

До конца второй двадцатиминутки оставалось меньше минуты. Шайбой в спартаковской зоне владел армеец Борис Александров, когда спартаковец Валентин Гуреев ловким финтом отнял у него резиновый кружок. Разобидевшись на соперника, Александров ударил его кулаком в спину, но Гуреев, не обращая внимания на тычок, устремился в зону соперника. Александров бросился следом. Погоня длилась недолго: когда Гуреев находился в углу армейской зоны и собирался отдать пас кому-то из своих партнеров, ему в спину на полной скорости врезался Александров. Гуреев со всей силы ударился головой о борт и потерял сознание. Судья немедленно дал свисток. Так как нарушение было очевидным да еще явно грубым, Александров был отправлен на скамейку штрафников на 5 минут. А Гуреева унесли с площадки на носилках, после чего на «Скорой помощи» отправили в больницу — он получил сильнейшее сотрясение мозга.

Этот инцидент видели миллионы зрителей: и те, кто сидел во Дворце спорта, и те, кто наблюдал за встречей по телевизору. Среди моих друзей были болельщики ЦСКА, так вот, когда на следующий день мы обсуждали этот эпизод, даже они дружно осудили поступок Александрова. Как я уже говорил, этот молодой хоккеист (а шел ему в ту пору 22-й год), обладая небольшим ростом и весом, отличался весьма драчливым характером. Не скрою, когда ЦСКА играл против канадских профессионалов, многим болельщикам (и мне в том числе) очень

импонировала смелость Александрова: наконец-то, говорили мы, в нашем хоккее появился парень, который не дает себя в обиду. Но когда эти же качества Александров стал применять на родных просторах, от былого восторга не осталось и следа. А все потому, что практически все эпизоды силовой борьбы с участием Александрова перерастали в обыкновенную драку. Устрой Александров нечто подобное на улице, его бы сразу уpekли на 15 суток в кутузку. А на хоккейной площадке ему все сходило с рук. Короче, на почве звездной болезни у талантливой, в общем-то, парня явно снесло «башню». Вот что писал по следам этого инцидента журналист «Советского спорта» Д. Рыжков:

«Мне не раз приходилось слышать этакое снисходительное: «Ну что вы (то есть мы, журналисты) придираетесь к Борису. Он еще мальчишка. Повзрослеет — поумнеет».

Взрослеть Александров действительно взрослеет. Но умнеть?! Этот «мальчик» даже не подъехал к лежащему на льду Гурееву, а в раздевалку шел с этакой ухмылкой на лице... Вальяжной походкой, вразалочку шествовал Александров по коридорам Дворца спорта. Шуба, пробор — все как полагается. А мне вспомнились первые послевоенные годы: эдакие молодцы в кепках-малокозырочках с челкой, свисающей на низкий лоб, и их наглое: «А ты шо-о?!» Тогда в темных переулках можно было столкнуться со шпаной, желающей покуражиться.

Эти типы давно ушли в прошлое. И вот на тебе: на ледяной арене, залитой светом прожекторов, перед тысячами зрителей хоккейный шлем вдруг обернулся той самой кепкой-малокозырочкой...»

Говорят, зрителем того матча был сам Леонид Брежнев, который тоже возмутился инцидентом с участием Александрова. «Что этот мальчишка себе позволяет?» — якобы молвил генсек и приказал разобраться, хотя сам болел за ЦСКА. К делу подключили Главное политуправление Советской армии. Уже на следующий день после игры в команде ЦСКА было собрано открытое комсомольское собрание, которое посетил помощник начальника Главпура по комсомольской работе В. Сидорик. Выступившие на собрании капитан команды Борис Михайлов, комсорг Владислав Третьяк,

игроки Николай Адонин, Виктор Жлуктов и другие резко осудили неспортивный поступок Александра. Один из тренеров команды, обращаясь к Александру, сказал:

«Александров, еще выступая за команду Усть-Каменогорска, страдал зазнайством, хотя действительно был сильным игроком. С ним приходится много работать в нашей команде. После серьезных разговоров он мог на некоторое время сдерживаться, но потом снова возникали рецидивы. Ни один советский спортсмен не может так поступать, как поступил Александров. Стыдно здесь сидеть всему руководству клуба и краснеть за твои действия, Борис».

Итогом собрания стало объявление провинившемуся строгого выговора. В тот же день по этому поводу собралась и спортивно-техническая комиссия Федерации хоккея, которая тоже вынесла свой вердикт: Александров был дисквалифицирован на 2 игры. Однако едва про это решение стало известно в Спорткомитете СССР, там посчитали его слишком мягким и пообещали впясть Александру более суровое. Сказано — сделано: СТК наложил на хоккеиста условную дисквалификацию до конца сезона. В случае повторного нарушения хоккеисту грозило немедленное запрещение выступать за хоккейные команды мастеров.

8 февраля в столичном «Ленкоме» наблюдалось настоящее столпотворение — публика рвалась на премьеру спектакля «Гамлет» в постановке знаменитого кинорежиссера Андрея Тарковского. В постановке был занят поистине звездный состав: в роли принца датского выступал Анатолий Солоницын, Офелию играла Инна Чурикова, Гертруду — Маргарита Терехова, Полония — Всеволод Ларионов, Лаэрта — Николай Караченцов, Горацио — В. Корецкий. Премьера прошла с большим успехом: в течение получаса рукоплещущая публика не отпускала артистов со сцены. Между тем главный герой — Гамлет — в исполнении Анатолия Солоницына... был совершенно недоволен собственной игрой. Вот как об этом вспоминает его родной брат Алексей:

«После премьеры в крохотной комнатке Анатолия разместились человек десять. Были здесь друзья-свердловчане, специально приехавшие на премьеру, были и случайные люди.

Режиссер сразу же после спектакля уехал домой.

Все поздравляли Анатолия, провозглашали здравицы в его честь. А он никак не мог прийти в себя — был бледен и отрешен.

Среди общих похвал кто-то сказал, что в спектакле не хватает накала чувств.

Анатолий встрепенулся.

— Да если бы режиссер разрешил, от моих страстей кулисы бы рухнули! — голос его зазвенел. — Но в том-то и дело, что наш Гамлет совсем другой! А, да что говорить! Я играл плохо. Если бы у меня были хоть какие-то условия... Хоть какой-то свой угол... (Солоницын жил в крохотной комнатке в Ленкомовской общаге. — Ф. Р.). Мне же почти не давали работать! — Неожиданно слезы полились из его глаз. — Я бы сыграл в сто раз лучше!

— Толя, успокойся, ну что ты!

— Толенька, да ты играл великолепно...

— Нервы ни к черту. — Он вытирал слезы, но никак не мог их остановить. — Извините... Да не надо меня успокаивать! Ничего, это только первый спектакль... Еще посмотрим...»

В среду, 9 февраля, завершил свою работу VI Всероссийский конкурс артистов эстрады. Владимир Винокур, которому буквально накануне второго тура друзья в спешке написали монолог, получил в своем жанре (речевом) вторую премию (первая досталась Любви Полищук, третья — Илье Олейникову и Роману Козакову), разделив ее с актером Театра на Таганке Леонидом Филатовым (он мастерски читал литературные пародии). Премия равнялась 105 рублям и, едва попав в руки победителей, была мгновенно пропитана.

В день завершения конкурса состоялся заключительный концерт лауреатов. Вот как об этом вспоминает Л. Якубович:

«Володя Винокур позвонил мне совершенно ошарашенный. Он прошел конкурс. Все было замечательно. Вызвало восторг.

— Ты должен присутствовать на концерте лауреатов, — сообщил Вова.

Я не знал, где находится Театр эстрады, потому что в то время был очень далек от «шоу-бизнеса». Баловался сценками для КВН, писал рассказы, когда ребята просили. Но от эстрады я был совсем далек. Я же строитель! Какая может быть эстрада?

Я выяснил у него, где находится Театр эстрады. Приехал и оказался брошенным в чужом, незнакомом мне обществе. На меня постоянно нападали странного вида люди и требовали тексты. Я пытался им объяснить, что у меня нет никаких текстов. Они страшно обижались и что-то бурчали мне вслед.

Потом был концерт лауреатов, и я с огромным удивлением обнаружил, что из того, что мы написали, получился настоящий эстрадный номер.

Я не узнал Вову на сцене. Это был совершенно другой человек, в костюме и даже выше ростом. У него был мягкий, я бы сказал, интимный стиль общения со зрителем... Ему аплодировали. А в конце объявили, что авторы «Монолога старшины» — Леонид Якубович и Михаил Кочин. Нас с Мишей вытащили на сцену, и я тогда как-то по-новому услышал фамилию — Винокур...»

Тем временем КГБ продолжает охоту на диссидентов. 10 февраля длинные руки Лубянки дотянулись до еще одного известного правозащитника — члена-корреспондента Армянской академии наук физика Юрия Орлова. Как мы помним, схватить его должны были еще в январе, но тогда диссидента предупредил об опасности «крот» — чекист из «пятерки» Виктор Орехов. Орлов на какое-то время скрылся из Москвы, но в феврале вернулся. У его коллег теплилась надежда, что известность защитит его от репрессий, но для Лубянки в этом отношении было одно-единственное табу — Андрей Сахаров, а всех остальных диссидентов она хватала без всякой оглядки на мировое общественное мнение.

12 февраля в Москву из Ялты вернулся Владислав Дворжецкий. Как мы помним, в конце декабря, во время съемок, у него случился самый страшный инфаркт, после которого врачи оценивали его шансы на жизнь «фифти-фифти». Но организм актера сумел справиться. В больнице, где Дворжецкий пробыл почти два месяца, он буквально научился заново сидеть, ходить, даже дышать. Теперь в течение нескольких месяцев ему предстояло долечиваться дома — на даче в Переделкино.

В кинотеатрах Москвы тем временем идут новые фильмы. 7 февраля в прокат вышли три картины: первые две серии 4-серийного политического детектива Анатолия Бобровского

«Жизнь и смерть Фердинанда Люса» с участием Донатаса Баниониса, Всеволода Сафонова, Эве Киви и др.; комедия Андрея Разумовского «Развлечение для старичков» с участием Веры Васильевой, Николая Засухина, Станислава Чекана и др.; фильм-балет «Спартак» с Владимиром Васильевым в главной роли. 14-го состоялись премьеры еще двух новых картин: мелодрамы Яна Стрейча «Мой друг — человек несерьезный» с участием Яниса Паукштемо, Галины Мацулевич и др. и судебной драмы Вадима Абдрашитова «Слово для защиты» с Мариной Нееловой и Галиной Яцкиной в главных ролях. Из зарубежных премьер выделю фильм Чарли Чаплина «Огни рампы».

Кино по ТВ: «В твоих руках жизнь» (1-го), «Егор Булычев и другие», «Праздник святого Йоргена» (2-го), «Гадюка» (3-го), «Доктор Айболит», «Чисто английское убийство» (5-го), «Мы из Кронштадта», «Заккрытие сезона» (впервые по ТВ 6-го), «Генерал Рахимов» (7-го), «Бесприданница» (8-го), «Дядя Ваня» (9-го), «Пароль не нужен» (9—10-го), «Неподсуден» (11-го), «Город мастеров», «Беспокойное хозяйство», «Мужской разговор» (12-го), «Чапаев», «Вей, ветерок!» (впервые по ТВ), «Ущелье ведьм» (13-го), «Отверженные» (Франция, 14—16-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 2-го в театре «Современник» был показан спектакль «Фантазии Фарятьева» с участием Марины Нееловой, Игоря Кваши, Людмилы Ивановой и др.; 3-го в Театре имени Моссовета — «Дон Карлос», в главной роли — Геннадий Бортников.

Эстрадные представления: 1—5-го — в ГТЭ выступал ВИА «Пламя»; 1—3-го в ДК МИИТа — ВИА «Синяя птица»; 6-го там же — ВИА «75»; 5-го в ЦДКЖ — Мария Лукач и Геннадий Белов; 6-го в ГТЭ — Майя Кристаллинская; 11—12-го — в ЦДСА с программой «Монологи» выступал Евгений Петросян; 11—13-го — в «Октябре» состоялась программа «Танцы в современных ритмах» с участием танцора Владимира Шубарина. Продолжаются гастроли в Москве Аркадия Райкина и Ленинградского театра миниатюр, их концерты состоялись в ГЦКЗ «Россия» 4, 6, 9, 11—13 февраля. С 12-го на сцене ГТЭ начал демонстрироваться спектакль «Беспокойтесь, пожалуйста!» с уча-

стием Ефима Березина и Юрия Тимошенко (Тарапунька и Штепсель).

В среду, 16 февраля, в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, начались концерты с участием звезд отечественной эстрады (продлятся 6 дней). Не стал бы заострять на этом ваше внимание, если бы не одно «но»: среди участников концерта была молодая певица Алла Пугачева, которая впервые выступала на такой огромной площадке (вместимость ДС — 12 тысяч зрителей). Пугачева «делила» второе отделение концерта вместе с мэтром эстрады Львом Лещенко (в первом выступали: Жанна Бичевская, Геннадий Белов, Светлана Резанова, Юлий Слободкин, Алла Абдалова, ВИА «Москвички») и впервые пела не три, четыре или пять песен, а целых девять. Среди них были как старые песни («Арлекино», «Мне нравится», «Хорошо», «Волшебник-недоучка»), так и совершенно новые («Сонет Шекспира», «Кто виноват?», «Синие глаза» и др.). Вот как описывает увиденное побывавшая на одном из тех концертов преподаватель Пятигорского пединститута Н. Прокопец:

«Из услышанного в тот вечер ошеломляющее впечатление на меня произвела песня молодого композитора Бориса Горбоноса (под этим псевдонимом скрывалась сама А. Пугачева, о чем еще будет рассказано впереди) «Сонет Шекспира». Свет красных прожекторов, стекая струями с широкого одеяния певицы, обволакивает ее фигурку, стоящую спиной к залу. Ее одиночество еще более усиливают размеры сцены в Лужниках. Руки выброшены над головой, кисти и пальцы напряжены, будто бы пытаются остановить неминуемо надвигающуюся беду. Вдруг резкий поворот к зрительному залу, подчеркнутый музыкальным акцентом.

«Уж если ты разлюбишь, так теперь, теперь, когда весь мир со мной в раздоре...» — произносит речитативом Алла, как вопль отчаяния вырываются из ее груди бессмертные шекспировские строки.

Богатейшие голосовые модуляции, виртуозность интонационных красок, пластическое решение — все создает театр высоких страстей периода позднего Возрождения. Наверное, так и играли в шекспировском «Глобусе». Мастерство прежде всего и интуиция художника по-

могли Алле подняться до трагического в искусстве...»

Между тем в столице одной из союзных республик — Таллине — в разгаре самая настоящая «резиномания». Дело в том, что с начала года таллинская кондитерская фабрика «Калев» наладила выпуск отечественной жвачки, которая хотя и уступала лучшим западным образцам, но по советским меркам тоже была вполне удобоваримой. Чтобы купить жвачку, в магазинах, где ее продают, выстраиваются огромные очереди: люди берут дефицитный продукт блоками, из-за чего вскоре придется ввести строгую отпускную норму — сначала один блок, а потом 10 пачек в руки. Администрации всех таллинских школ в панике — все дети поголовно только и делают, что жуют на уроках родную резинку. Не менее озабочены происходящим и родители учащихся, поскольку жевательный процесс у их чад не прекращается и после уроков. На местном ТВ в феврале даже вышла специальная передача для домохозяек, в которой давались советы о том, как лучше очищать одежду и мебель от резинки. В не меньший транс были повергнуты и спекулянты, которым таллинские кондитеры перебили всю мазу: до этого они продавали иностранную жвачку по 60—80 копеек за пластинку, а после выпуска калевской жвачки спрос на заграничный «чунгам» резко упал и цены пришлось снизить.

До жителей других городов (и Москвы в том числе) калевская жвачка дойдет чуть позже. Лично мне она не нравилась, что вполне понятно: благодаря своей бывшей соседке по парте Наташе Зимелевой я успел уже познакомиться чуть ли не с десятком лучших образцов импортного «чунгама», поэтому на советскую жвачку не реагировал. Хотя на жвачку «Калев» очереди и у нас, в столице, выстраивались километровые. Общественность даже забеспокоилась — в газеты пошел поток писем, в которых задавался один и тот же вопрос: когда же в РСФСР тоже начнут выпускать свою жвачку? Ответ был обнадеживающим: в конце 77-го года власти собирались запустить в строй автоматическую линию на московском комбинате «Рот-Фронт».

Тем временем труппа Театра на Таганке продолжает готовить к премьере спектакль «Мастер и Маргарита». В разгар репетиций —

18 февраля — главрежа театра Юрия Любимова вызвали в югославское посольство в Москве, где в торжественной обстановке вручили Гран-при фестиваля БИТЕФ, который театр завоевал осенью прошлого года, показав спектакль «Гамлет». А на следующий день после этого на «Таганке» состоялся первый прогон двух актов «Мастера и Маргариты». По этому случаю в театр съехались многочисленные гости: Юрий Карякин, Людмила Максакова, Людмила Целиковская, Марина Влади, Юлия Хрущева (внучка Н.С. Хрущева) и многие другие. Как вспоминает Вениамин Смехов (он играл Воланда), увиденное гостям понравилось: многие из них лично подходили к актерам и выражали свой восторг. Остался доволен прогоном и сам главреж Юрий Любимов: после того как гости удалились, он собрал труппу и похвалил всех за игру.

В тот же день вечером в Москве состоялся решающий матч на Кубок европейских чемпионов по хоккею между столичной командой «Крылья Советов» и «Дуклой» из чехословацкого города Йиглавы. Первая игра между ними состоялась два дня назад на родине «Дуклы» и завершилась ее победой со счетом 3:2. И вот последний, решающий поединок. Зрители, пришедшие на него во Дворец спорта и собравшиеся у голубых экранов, рассчитывали увидеть не менее захватывающую игру, чем предыдущая, но их постигло разочарование. Несмотря на то что в составе «Дуклы» выступали сразу несколько игроков чехословацкой национальной сборной (Аугуста, Черник, Халула, Кралик, Вейт), «крылышки» разделили их, что называется, под орех. Матч завершился победой советских хоккеистов со счетом 7:0. Так Кубок европейских чемпионов остался в Москве.

И еще о хоккее. В те дни шло первенство Москвы по хоккею на приз «Золотая шайба», и я тоже участвовал в нем, играя за команду Бауманского района. Однако в отличие от прошлого года, когда мы заняли 4-е место, на этот раз наши успехи были куда как скромнее. На нашей игре сказывалось отсутствие нескольких игроков, а новички себя никак не проявили. Игры заканчивались поздно вечером, и до дома каждый из нас добирался на перекладных. Помню, я приходил уже тогда, когда все мои домочадцы крепко спали. Да и не только

они: когда я входил во двор из нашей арки, в большинстве окон свет уже не горел. Придя домой, я наскоро заглатывал холодный ужин, оставленный мамой на плите, и ложился спать. Перед этим обязательно смотрел в окна третьего этажа дома, что стоял напротив моего, — там жила моя одноклассница, в которую я был влюблен. Свет у нее давно не горел.

Главный режиссер Театра имени Моссовета Юрий Завадский в те дни находился на постельном режиме у себя дома. В начале января он выписался из хирургической клиники на Ленинских горах, где ему в декабре была сделана операция, и все эти дни пролежал у себя на квартире. Несмотря на проведенную операцию и заверения врачей, что все прошло благополучно, Завадский знал, что обречен. Когда его самочувствие несколько поправилось и он уже мог встать с постели, режиссер надумал приехать в родной театр. На календаре было 22 февраля. Вот как об этом пишет М. Любомудров:

«Это была последняя беседа Завадского с коллективом. Она происходила, как и обычно, в большом репетиционном зале... Завадский говорил минут сорок. Рассказал о только что состоявшейся встрече в Министерстве культуры... Завадский снова повторял наболевшее на сердце: живому театру принадлежит непроходящая роль... Общий уровень сегодняшней сцены, пожалуй, четверочный. А театр советский должен быть не только пятерочным, но и выше этих оценок.

Он говорил тихо, как на исповеди. Было заметно, что произнесение фраз требовало от него немалых усилий.

Он, видимо, чувствовал, что обязан сказать все слова, которые, быть может, напрасно не произносил вчера и успеет ли произнести завтра.

Актеры долго аплодировали ему...»

КГБ продолжает негласное наблюдение за ответственным работником МИД СССР Александром Огородником (Триономом), подозревая его в связях с ЦРУ. Однако тот ведет себя крайне осторожно — никаких конкретных фактов его связей с американской разведкой у чекистов нет. Между тем в эти же дни контактов с ЦРУ ищет еще один советский гражданин — ведущий специалист Советского Союза по аэронавигационным системам Адольф Толкачев. Долгое время он вынашивал планы выйти на контакт с какой-нибудь из зарубежных

разведок, чтобы продавать им за приличные деньги оборонные секреты своей страны. В феврале 77-го им была предпринята первая такая попытка. В течение нескольких дней он внимательно следил за всеми перемещениями сотрудников американского посольства в Москве и, выбрав момент, когда один из них отлучился в центре города за покупками, прикрепил под стеклоочистителем его машины записку, в которой сообщал, что имеет доступ к секретной военной информации и готов передать ее ЦРУ. Однако американцы сочли это послание провокацией КГБ — уж слишком просто все выглядело.

Между тем Толкачев, который не знал о сомнениях цэрэушников, посчитал, что записка не наша своего адресата. Тогда он предпринял новую попытку — подбросил таким же способом записку другому сотруднику того же посольства. В ней он уже не только предлагал свои услуги, но и привел описание технических деталей одной из советских радарных систем. Но цэрэушники продолжали поражать своим непрофессионализмом: они и эту записку отправили в мусорное ведро, даже не удосужившись проверить правдивость приведенной в ней схемы. Более того, они продолжали упорствовать даже тогда, когда узнали от своих английских коллег в Москве, что в поле их зрения попал худошавый мрачный человек, настойчиво предлагавший свои услуги по передаче секретной информации. Короче, Толкачеву было впору оставить свои попытки завязать контакты с иностранными разведками, но он оказался человеком упорным. Но о том, как будут развиваться события в этой истории дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями февраля 77-го.

Владислав Дворжецкий продолжает свой отдых в Переделкине. Там его постоянно навещают родные: жена с сыном, старый приятель Дмитрий Виноградов. Причем последний приезжает на дачу на машине Дворжецкого, имея на руках его же документы. Поскольку он всегда старался соблюдать правила дорожного движения, неприятных инцидентов на этой почве у него не возникало. Во всяком случае, так было до 22 февраля. В тот день на Минском шоссе Виноградов превысил скорость и тут же попал на заметку гаишнику. Взмах жезла — и от нарушителя потребовали остановиться.

Проверка грозила Виноградову самыми серьезными последствиями, обнаружь гаишник подмену документов. Но фортуна в тот день явно благоволила другу артиста. Взглянув на фотографию в правах (а Дворжецкий там весьма сильно смахивал на друга), страж порядка спросил:

— А вы не... Я вас где-то видел?

— В кино могли меня видеть, — соврал нарушитель.

— А, да, да! Конечно, в кино! — радостно закивал головой гаишник. — А знаете, я бы вас никогда не узнал, если бы не фамилия ваша.

И тут взгляд милиционера упал на буклет, посвященный творчеству Владислава Дворжецкого, — он лежал на бардачке. Понимая, что от презента ему не отвертеться, Виноградов протянул книжку гаишнику:

— Возьмите, пожалуйста, на память.

Милиционер с явным удовольствием схватил буклет и тут же вернул права обратно. Помахав ему на прощание рукой, Виноградов рванул в сторону Переделкино. Как он потом скажет Дворжецкому: «Надо всегда возить с собой твой буклет — помогает».

Во вторник, 22 февраля, на Киностудии имени Горького Станислав Ростоцкий закончил съемки фильма «Белый Бим Черное Ухо». Картине суждено будет стать бестселлером (она даже удостоится Ленинской премии, что станет редким случаем, когда мнение широкого зрителя и властей совпадут), однако пока об этом никто еще не догадывается. В тот день были отсняты последние кадры фильма в декорации «квартира Ивана Ивановича» (эту роль исполнял любимый актер Ростоцкого Вячеслав Тихонов), после чего группе предстояли монтажные работы. Между тем, расставаясь с актерами, исполнявшими главные роли, Ростоцкий больше всех благодарил Валентину Владимирову, которая за свою долгую карьеру в кинематографе переиграла массу положительных героинь, а у Ростоцкого согласилась сыграть отъявленную мерзавку. Вот почему по давно заведенной традиции, оставляя в рабочем экземпляре сценария актрисы свои пожелания, режиссер написал: «Дорогой Валечке в благодарность за великую ее жертву, принесенную на алтарь этой картины. С. Ростоцкий, 22 февраля 1977 года».

Георгий Данелия продолжает снимать «Мимино». В начале февраля группа выезжала в Грузию (в Телави), где в течение недели снимала «деревенские» эпизоды картины. Затем, вернувшись в Москву, продолжила работу над «городскими». Так, 22 февраля в 5-м мосфильмовском павильоне в декорации «квартира Ларисы Ивановны» были отсняты эпизоды, где младшая сестренка Ларисы Ивановны и ее подружка разыгрывают по телефону Мизандари: выдавая себя за хозяйку квартиры, несовершеннолетние подружки сначала соглашались прийти на свидание к Большому театру, а во время повторного звонка раскрывают свое инкогнито и предлагают Мизандари «катиться колбаской».

23 февраля съемочная группа переместилась в аэропорт «Домодедово», где снимался эпизод «в салоне самолета». На следующий день поздно вечером группа оккупировала Большой театр. Усадив в первые ряды массовку и двух главных героев — Мизандари и Хачикяна, — киношники сняли эпизод просмотра ими спектакля, а также отрывок из самого спектакля.

В тот же день Андрей Сахаров дал большое интервью парижской газете «Франс суар», в котором познакомил читателей не только со своими политическими воззрениями, но и рассказал о своей повседневной жизни. Приведу лишь один отрывок:

«В театре в последний раз я был в начале лета 1975 года, зато под давлением друзей был последнее время дважды на концертах — слушал Рихтера и Баха. Оба концерта оставили неизгладимое впечатление и при нашей жизни казались путешествием в другой мир. В кино не был очень давно. Читаю мало. Нет ни времени, ни сил, но иногда перед сном вслух читаю жене английские детективы, что-нибудь во втором или третьем часу ночи мы позволяем себе такой «релакс». Зарплата у меня по советским нормам большая — 350 рублей старшего научного сотрудника и 400 как академика, жена получает пенсию 120 рублей, теща — 85. Это наш семейный доход. Расход всегда его превышает — наша семья 7 человек. Мы живем вместе с тещей и семьей дочери жены в квартире из двух комнат, к которой я не имею никакого формального отношения, стеснив тещу и семью Тани, а последний год попросту выселив их на дачу...»

23 февраля в ГЦКЗ «Россия» состоялся праздничный концерт, приуроченный ко Дню Советской армии и Военно-Морского флота СССР. В нем участвовали многие известные исполнители, в том числе Лев Лещенко и Геннадий Хазанов. Последний несколько припозднился и приехал в «Россию» чуть позже всех. Входит он в гримерную, чтобы подготовиться к своему выходу, а там сидит Лещенко и, не обращая внимания на гримера, который приводил его лицо в порядок, что-то бухтит себе под нос. Хазанову стало интересно, и он спрашивает коллегу: «В чем дело, Лева?» И тот рассказывает ему жуткую историю. «Понимаешь, Гена, захотел я на днях купить себе импортный мебельный гарнитур, приезжаю в магазин, а мне говорят: кончился. Представляешь, мне такое говорят. Да я для них себя не жалею, всю эту херню совковую пою, а они мне — кончилось». — «Да, грустная история», — пожалел коллегу Хазанов. «Не то слово — паскудная», — согласился с ним Лещенко. И вновь принялся бухтеть про гадов-мебельщиков. В этот миг по громкой связи объявили о его выходе. А Лещенко все никак не может успокоиться. «Вам пора, Лев Валерьянович», — напоминает певцу гример. А он: «Нет, где все-таки справедливость, а? Я работаю, как ишак, даю по два десятка концертов в месяц, а мне — кончилось. Я что, должен еще об этом думать: как себе гарнитур достать?» «Лещенко — на выход!» — вновь донеслось из «громкой». Лещенко: «Да я сейчас вот возьму и не выйду!» Всем, кто находился в гримерке, стало не по себе: вдруг и правда не выйдет. Скандал! Но, к счастью, это был только секундный порыв певца. Он в последний раз взглянул на себя в зеркало, одернул на себе костюм и отправился на сцену — петь «совковую херню».

В пятницу, 25 февраля, Москва была потрясена новым ЧП, равным по своему резонансу январским взрывам: поздним вечером загорелась гостиница «Россия». Первое сообщение диспетчер получил в 21.24. Тут же был поднят на ноги караул ближайшей пожарной части во главе с лейтенантом Букановым. В тот момент о масштабах случившегося ничего известно не было, поэтому диспетчеры надеялись, что гостиничные службы справятся с пожаром собственными силами. Однако спустя какие-нибудь две-три минуты после первого

звонка на службу «01» обрушилась лавина звонков — более 50. Стало ясно: «Россия» в серьезной опасности.

Между тем прибывшим к месту происшествия пожарникам открылась жуткая картина: в чреве северного корпуса по всей длине фасада, выходящего на улицу Разина, мерцали всполохи, из окон валил бурый дым, слышались крики людей. Судя по цвету дыма, горела синтетика, что было плохим знаком — огонь в таких условиях движется со скоростью 8 метров в минуту. Учитывая, что пожар длится уже 10—15 минут, легко было представить его масштабы и то, что будет дальше. Не теряя времени, пожарные бросились разворачивать шланги. Спустя еще 5—10 минут к месту пожара подтянулось еще несколько десятков пожарных бригад во главе с начальником УПО Москвы Иваном Антоновым (всего у «России» будет сосредоточено 35 автоцистерн, 61 автонасос, 8 машин газодымозащитной службы, 20 специальных автоходов, 19 автолестниц, столько же «трехколенок», число пожарных насчитывало 1400 человек). Вскоре к месту трагедии примчался и сам городской глава — 1-й секретарь МГК Виктор Гришин, который по радиотелефону держал в курсе происходящих событий председателя Совмина Косыгина. Однако ничего утешительного Гришин пока сообщить ему не мог.

Тем временем бригада разведчиков отправилась к очагу возгорания — на пятый этаж. Туда же стали подтягивать пенные и водяные стволы. Однако побороть пожар никак не удавалось: стоило пожарным сбить пламя в одном месте, как оно тут же возникало в другом. А внутри гостиницы нарастала паника. На этажах, где бушевал пожар, люди в отчаянии пытались найти выход. Удавалось это не всем. Очевидцы потом будут рассказывать, что многие люди, отчаявшись найти спасение, связывали простыни и пытались спуститься по ним вниз. Но, поскольку узлы вязались на скорую руку, впопыхах, они развязывались в самый ответственный момент — когда люди только начинали свой путь вниз. В итоге многие постояльцы гостиницы разбивались. Трагизм ситуации усугублялся еще и тем, что пожарные лестницы доставали только до седьмого этажа, а выше пожарные добирались с помощью 4-метровых «штурмовок» — гибких ручных лестниц

с крюком. Но «штурмовок» было меньше, чем требовалось, да и были они менее надежны, чем обычные лестницы. Пожарные несколько раз запрашивали у Минобороны вертолеты, но оттуда каждый раз поступал один и тот же ответ: «Нет». А все потому, что военные боялись гнева «свыше» — там могло не понравиться, что их вертолеты летают над Кремлем.

В те самые минуты, когда горела гостиница, в ГЦКЗ «Россия» проходил концерт Аркадия Райкина. Когда до конца представления оставалось полчаса, кто-то из артистов обратил внимание на легкое марево за кулисами. Воздух стал каким-то сиреневатым, появился дымок. Когда после очередной интермедии за кулисы пришел Райкин, он спросил: «Мне кажется? Или что-то горит? Пахнет какой-то гарью. Надо бы проверить». Тут же несколько человек из администрации вышли служебным ходом во двор гостиницы. И обалдели, поскольку зрелище было то еще: напротив, в северном корпусе, на втором этаже в одном из освещенных окон то ли официантка, то ли горничная, стоя у окна, перетирала бокалы и проверяла их чистоту, поднимая к свету, а над ней на третьем этаже полыхало в огне окно. Тут же сообщили об этом Райкину, предложив прекратить спектакль. Но артист возразил: «Ни в коем случае! Никакой паники! Иначе будет Ходынка!»

В этот момент за кулисы прибежали пожарные, которые стали спрашивать, где можно получить план расположения водонапорных люков во дворе концертного зала. Но никто из присутствующих не мог ничего толком ответить. А пожар наверху продолжал бушевать. Свободные от спектакля артисты, чем могли, стали помогать пожарным. Например, они стали относить выпрыгивающих из окон постояльцев в сторону машин «Скорой помощи». А в это время публика в зале, ничего не ведая о происходящем, смеялась и аплодировала. Но артисты, которые были в курсе событий, буквально последним усилием воли заставляли себя играть интермедии. Когда представление закончилось, Райкину стало плохо. Его немедленно увезли домой — в Благовещенский переулок.

Только к 23 часам пожарным удалось сделать, казалось бы, невозможное — состав четырнадцати боевых участков взял огненный

фронт с севера в клещи, и обитатели трех остальных корпусов могли вздохнуть свободно — до них огонь добраться уже не мог. Но про обитателей 22-этажной высотки, примыкавшей к северному корпусу, этого сказать было нельзя. Там располагались номера-«люкс», в которых проживали по большей части иностранцы. Весть о пожаре дошла до них слишком поздно — когда едкий дым уже успел окутать все лестничные проемы и коридоры. Несколько человек попытались пробиться вниз, но, наглотавшись дыма, упали замертво в коридорах. Остальные предпочли остаться в своих номерах и ждать помощи там. А помощь никак не могла до них добраться. Спасательными работами на этом участке руководил полковник Кононов, который приказал в качестве трамплина для автолестницы использовать крышу концертного зала. Первыми на лестницу шагнули сержант Рашкин и пожарный Маклецов. Они добрались до ресторана, где скопилось большое количество людей. Увидев пожарных, они едва их не задавили, пытаясь пробраться к лестнице. На счастье, следом в окно протиснулся майор Анатолий Брежнев, который был отменным здоровяком, и сумел сдержать толпу, заехав первому же паникеру кулаком в ухо. После этого он приказал людям успокоиться, смочить платки и салфетки водой, приложить их к лицу и по одному подходить к лестнице. Так были спасены почти 50 человек. Однако спасти удалось не всех.

Рассказывает И. Панков: «В одном из номеров 16-го этажа пожарные, взломав дверь, застали незабываемую сцену: на диване и в креслах сидели четверо — как потом выяснилось, первый заместитель министра внешней торговли Болгарии Иванов, два советника и горничная. На лицах мертвых — безмятежность и покой. Огонь сюда не проник. Они отравились угарным газом. Магнитофонная запись переговоров Иванова с диспетчерами службы «01» хранится до сих пор где-то в архивах Генпрокуратуры.

Более двадцати раз поднимал болгарин трубку, ровным голосом просил ускорить вызовление... Поняв, что выхода нет, высокий гость обреченно спросил: «Какую смерть мне предпочесть — задохнуться или броситься из окна?»

Он не знал того, что обязана была знать горничная: спасение ждало в десяти шагах — за углом по коридору, где находился балкон-отстойник. Десятки людей пережидали кошмарную ночь именно на таких балконах. Впрочем, спастись торопились не все. Заезжего торговца цветами вместе с путаной пришлось выволакивать силой — сначала из постели, потом из номера. Практичные японцы, набросив на лица мокрые полотенца, послушно дожидались пожарных на полу...»

Между тем Аркадий Райкин, вернувшись домой, долго никак не мог успокоиться, переживая за часть своих артистов, которые жили в Восточном корпусе «России». Наконец, где-то около двенадцати ночи он позвонил артистке своего театра В. Горшениной, которая жила в гостинице «Москва», и попросил ее с балкона взглянуть, что делается в «России». Через пару минут та ответила: «Северный корпус все еще горит». Тогда Райкин решил немедленно вернуться к «России». Далее послушаем рассказ самой В. Горшениной:

«Нацепив на себя что попало под руку, я выбежала из номера и через несколько минут стояла на углу улицы Горького и проспекта Карла Маркса, у «Националя». Подъехал Аркадий. Я взглянула на него — лицо измученное, бледное. Ехали молча. Развернулись на площади Ногина и поняли, что проехать к гостинице невозможно: наряды милиции, ряды солдат. Все оцеплено. Когда машина стала гудеть, чтобы дали возможность хоть чуть-чуть проехать, в свете фар возникла фигура. Расставив руки и исторгая истошный мат, человек остановил машину. Аркадий открыл дверцу и тихим голосом сказал орущему: «Моя фамилия Райкин. У нас в «России» наши товарищи. Я волнуюсь за них...» Но орущий, узнав его, не дал закончить фразу и, несмотря на сумасшедшую обстановку, вдруг по-доброму произнес: «Аркадий Исаакович, здравствуйте. Извините, проезжайте, сколько сможете, а как дальше, не знаем, наверное, не пропустят...» Мы медленно продвигались. Застава. И опять грозный окрик... и опять тихая просьба Аркадия. Ласковое: «Товарищ Райкин, продвигайтесь, сколько сможете». Потом было уже не проехать, и мы бросили машину где-то на углу Разина и Ногина. Водитель шел рядом и не отставал, не бросал нас. Пробрались с трудом в вестибюль

концертного зала. К нашей радости, все наши ребята были там. Их не пустили в Восточный корпус, в свои номера, боялись, что там вот-вот вспыхнет. Зина Зайцева (костюмер Аркадия Исааковича) подвела нас к какому-то иностранцу, который лежал на банкетке в вестибюле. Мужчина средних лет. Западный немец. Худошавый, лысый. Лежал с закрытыми глазами, а рядом стояла полная простая русская женщина и со слезами на глазах гладила его голову и щеки. Он приоткрывал глаза и устало ей улыбался, лицо его было в саже. Кто-то подошел к Аркадию и стал рассказывать, что этот человек во время пожара был у себя в номере. Понимал, что из номера ему не выйти. Выбежал на балкон и увидел, что на соседнем балконе металась полная женщина-горничная, она не могла вернуться в номер, который убирала, там уже все плавилось от огня. Немец рязорвал пододеяльники, простыни, связал их, перепрыгнул к ней на балкон, привязал к себе, и они вдвоем спустились вниз. Выяснилось, что он бывший альпинист... Одна к другой вокруг «России» стояли машины «Скорой помощи». Одни уезжали, увозили раненых, трупы, подъезжали другие, опять увозили... Пожарные, военные машины... Все это было уже вокруг всей гостиницы «Россия».

Убедившись, что наши все живы-здоровы, Аркадий устало сказал: «Ребята, кто хочет, пойдете к нам домой. Места хватит, выспитесь». Ребята отказались, не захотели тревожить и просили только одно, чтобы Аркадий Исаакович после такого нечеловеческого напряжения поехал домой, успокоил Рому (жена А. Райкина. — Ф. Р.) и сам бы уснул...»

Уже на следующее утро вся Москва только и говорила, что о пожаре в «России». Как и положено в таких случаях, версий случившего было немерено: кто-то валил на американских шпионов, кто-то на диссидентов, кавказцев, пьяного электрика и кого-то из постояльцев. «Вражьи голоса» упирали на происки самих советских спецслужб: дескать, те таким образом хотели создать благоприятную обстановку для закручивания гаек в стране. Но о том, как будет продвигаться официальное следствие, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями февраля.

В конце месяца актер ленинградского БДТ Олег Борисов оказался счастливым обладате-

лем билетов на концерт выдающегося дирижера Е. Мравинского, который состоялся в Большом зале Филармонии. Билеты туда достать было невозможно, но актеру и его сыну Юрию помогла сама жена дирижера Александра Михайловна. Она сообщила Борисову, что, оказывается, Мравинский любит смотреть фильмы с его участием и вообще внимательно следит за его творчеством. Актеру было лестно услышать подобное.

Концерт потряс всех присутствующих. После его завершения Борисова пригласили в артистическую, чтобы познакомить его с Мравинским. Артист поначалу отказывался туда идти, мотивируя это тем, что как-то неудобно напрашиваться в друзья к выдающемуся дирижеру, но его уговорили. И там, в артистической, с Борисовым произошел забавный казус. Во время обсуждения концерта артист позволил себе реплику, где сравнил один из эпизодов балета «Щелкунчик» в исполнении Мравинского с эпизодом из «Короля Лира» Шекспира. Когда Мравинский это услышал, его лицо внезапно вытянулось. Он произнес: «По-моему, сравнение с Шекспиром здесь неправомерно. Вот к Шостаковичу это сравнение подошло бы. У него даже специальная музыка к «Лире» есть. И чудная! А к Чайковскому — нет, навряд ли... Но все равно за добрые слова — спасибо!» И, сказав это, дирижер очень приветливо положил руку на плечо артиста.

А вечером Борисову позвонил приятель, тоже бывший в артистической, и, громко смеясь в трубку, поведал следующее. Якобы, когда актер с сыном вышли от Мравинского, тот сказал: «Видите, какой у меня новый гэбэшник. Образованный!» Оказывается, в тот день дирижеру должны были представить нового «стукача» для будущих гастролей в Австрию, и Мравинский принял за него Олега Борисова. А когда дирижеру открыли глаза на происшедшее, он сильно удивился: «Да не может быть! Я же помню Борисова по недавнему фильму — там у него было совсем другое лицо». Видимо, речь шла о фильме «Крах инженера Гарина», где Борисов играл главную роль с накладной бородкой. Как ни странно, но Борисов этому случаю несколько не удивился, привыкший к тому, что его все время с кем-то путают: например, незадолго до этого на улице в нем признали... Олега Анофриева.

Но вернемся обратно в Москву и взглянем на киношную афишу. Во второй половине февраля в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 21-го — фильм Павла Любимова **«Весенний призыв»** с участием Игоря Костолевского, Анны Каменковой, Александра Фатюшина и др.; 28-го — **«Сентиментальный роман»** Игоря Масленникова, где снялись: Елена Проклова, Елена Коренева, Николай Денисов и др.

Кино по ТВ: «Иудушка Головлев» (16-го), «Цена быстрых секунд» (18-го), «Последний подвиг Камо» (**впервые по ТВ** 19-го), «Лаутары» (19—20-го), «Юность Максима» (20-го), «Пропавшая экспедиция» (с субтитрами, 20-го и 24-го), «Верность» (21-го), «Юнга Северного флота» (**впервые по ТВ** 22-го), «Орленок», «Белорусский вокзал» (23-го), «Угол падения» (24—25-го), «Первые радости» (25-го), «Два капитана» (**преьера т/ф** 26—27-го), «Возвращение Максима» (27-го), «Софья Перовская» (28-го) и др.

Из театральных премьер выделю две: 19-го в МХАТе был показан спектакль **«Дачники»** с участием Ии Саввиной, Владлена Давыдова,

Юрия Пузырева, Всеволода Абдулова и др.; 22-го в Малом — **«Заговор Фиеско в Генуе»** с участием Михаила Царева, Евгения Самойлова, Виталия Соломина, Евгении Глушенко, Бориса Клюева, Александра Потапова и др.

Эстрадные представления: 23-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялся праздничный концерт с участием: Геннадия Хазанова, Майи Кристалинской, Александры Стрельченко, Льва Лещенко, ВИА «Москвички» и др.; 26—27-го — в ЦДСА пел Лев Барашков; в ГТЭ — певица из Югославии Радмила Караклаич; в «Октябре» состоялись творческие вечера композитора Марка Фрадкина, где выступили: ВИА «Пламя», Алла Иошпе и Стахан Рахимов, Татьяна Рузаева и др.

Из пластинок журнала **«Кругозор» (№ 2)** выделю следующие: Музыка из к/ф «Табор уходит в небо»; «Песняры» — «Вологда», «Не остуди свое сердце, сынок»; Геннадий Хазанов — пародии на Р. Рождественского, З. Высоковского, интермедия **«Жениться пришел»**; Кати Ковач (Венгрия) — «Все та же улица», «Ты, как ты».

Отмена «сухого закона» в Набережных Челнах. Запоздалое извещение о смерти Валерия Саблина. «Санаторный» день Владислава Дворжецкого. Землетрясение в Москве. ЦСКА становится чемпионом... и меняет тренера. ЦРУ принимает решение идти на контакт с Толкачевым. Успешные прогоны «Мастера и Маргариты». Драка, потрясшая Ленинград. «Мимино»: съемки за границей. Как Татьяну Егорову хотели завербовать в «стукачи». Высоцкий запил. Кто поджег «Россию»? Арест Анатолия Щаранского. Как поймали грабителя сберкассы. Исключение из СП Владимира Корнилова. Минкульт принимает «Мастера и Маргариту». Мемуары Брежнева. Контакт ЦРУ с Толкачевым. Брежнев клеймит диссидентов. Высоцкий: запой продолжается. Рок-группа «Цветы» возвращается. Юрий Завадский пытается пробить «Царскую охоту». Лев Копелев отказывается присутствовать на собственном исключении из Союза писателей. «Мимино»: возвращение в «Россию». Как обкуривали Брежнева. Кто писал мемуары генсека. Новая попытка добраться до убийц — Бразинских. Ростислав Плятт бьется с цензурой. СССР—США: переговоры впустую. «Ну, погоди!» № 10: почему Анатолий Папанов не озвучивал Волка. Диски «АББА» и «Би Джиз» добрались до СССР.

Во вторник, 1 марта, в Набережных Челнах закончился уникальный эксперимент, который не имел аналогов в истории страны лет этак 50: там был отменен «сухой закон». Ввели его ровно семь лет назад с одной-единственной целью: чтобы не сорвать строительство ударной стройки — КамАЗа. В этих целях в магазинах была резко ограничена продажа спиртного, особенно «огненной воды» — водки. В итоге вскоре город превратился чуть ли не в оазис трезвости на огромной территории спивающейся страны. И это принесло свои впечатляющие плоды. Во-первых, резко сократилось количество преступлений, во-вторых, вверх пошла рождаемость, причем дети появлялись на свет здоровыми.

И все же, несмотря на столь впечатляющие результаты, из Центра на этот эксперимент взирали без особого энтузиазма. Там внезапно испугались последствий: а что, если и другие крупные города захотят пойти этим же путем и ограничат продажу спиртного? А ведь эта статья в бюджете приносила казне колоссальные

прибыли (2-е место после кинопроката). В результате сразу после того, как была пушена первая очередь КамАЗа, эксперимент в Набережных Челнах был прекращен: там была открыта продажа спиртных напитков по общим правилам.

2 марта КГБ города Горький прислало повестку на имя отца Валерия Саблина Михаила Петровича с просьбой явиться к ним в управление. Поскольку вот уже больше месяца, как вызываемый скончался, по вызову явился его младший сын Николай. В КГБ его встретили неласково: мол, почему пришли вы, а не отец, нам нужен именно он. Поскольку сказано это было в не самой мягкой форме, нервы Николая не выдержали: «Да вы что! Отец умер. Сердце. И вам это известно. Как вы смеете!»

А тамошняя канцелярская крыса ему в ответ: «Умер, говорите? Удостоверьте соответствующим документом».

И только когда Николай выложил на стол свидетельство о смерти отца, ему небрежно бросили свернутый вчетверо документ. Это

было еще одно свидетельство о смерти — на этот раз его брата Валерия Саблина. В нем значилось, что «гражданин Саблин Валерий Михайлович умер третьего августа 1976 года в возрасте 37 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1977 года февраля месяца 22 числа произведена запись за № 344». В графе «причина смерти» стоял прочерк. Так, спустя семь месяцев после казни Саблина его родным благоволили сообщить об этом, причем причину смерти скрыли. Поэтому больная мать мятежного капитана и напишет письмо в Военную коллегия Верховного суда СССР, где будет вопрошать: «Почему мы не получили никакого ответа на ходатайство о помиловании сына, поданное моим мужем в Президиум Верховного Совета СССР еще 20 июля 1976 года?.. Облегчение сейчас может принести мне только объяснение того, что произошло с сыном, ответы на волнующие меня вопросы, знание того, что все случившееся согласуется с Законами Советского государства и с человеческими нормами». Однако письменного ответа на свое послание мать Саблина так и не дожидается.

В тот же день в Мюнхене футболисты киевского «Динамо» встретились в матче розыгрыша Кубка европейских чемпионов с тамошней «Баварией». Гости приехали с твердым намерением сыграть вничью, чтобы в ответном матче на своем поле решить исход противостояния в свою пользу. Увы, из этой затеи ничего не вышло. Но выигрыш немцев получился минимальный (1:0), и при таком счете у киевлян оставались хорошие шансы на выход в полуфинал престижного турнира. Этот шанс они не упустят — в повторной игре выигрывают у немцев 2:0.

Владислав Дворжецкий продолжает залечивать раны на даче в Переделкине. 3 марта он записал в своем дневнике следующие строчки: «Вчера у нас был «санаторный» день. Договорились с Митькой (приятель актера Дмитрий Виноградов. — Ф. Р.), что никуда не пойдём и будем проводить время, как в санатории: бездумно и беззаботно. Целый день играли в карты, ели, смотрели телевизор... Мне постоянно шла карта, и я выигрывал (кому в карты не везет, того вряд ли кто полюбит). Все было очень тихо-мирно, без всплесков, а сердце почему-то разболелось, даже страшно стало... Сегодня

поликлиника, ЖСК со справками — опять ехать в Москву...»

В эти же дни в Токио проходил чемпионат мира по фигурному катанию. Золотые медали в спортивных танцах завоевали советские фигуристы Ирина Роднина (в 9-й раз) и Александр Зайцев (в 5-й). 13-летняя Елена Водорезова стала первой из советских фигуристок, кто завоевал малую серебряную медаль в сумме произвольной и короткой программ, а в произвольной выступила лучше всех.

В субботу, 5 марта, в 22 часа 22 минуты по московскому времени миллионы жителей столицы пришли в панику — в городе произошло землетрясение. К счастью, сила его оказалась слишком мала, чтобы нанести городу какие-либо повреждения (всего 3—4 балла), но страху эта встряска наделала в Москве порядочного. Я сам был свидетелем этого. В тот вечер я смотрел по «ящику» фильм «Служили два товарища», как вдруг услышал за окном какой-то шум. Выглянул и увидел своих соседей по ближайшим домам. Все они проживали на верхних этажах и страшно перепугались, когда в их квартирах закачались люстры, задрожала посуда в сервантах, а у кого-то даже рухнули полки. Наша семья последствий землетрясения не ощутила, поскольку дом у нас был двухэтажный, а сами мы жили на первом этаже. Я даже не помню, чтобы у нас хотя бы люстра задрожала.

Между тем эта встряска была всего лишь слабым отголоском сильнейшего землетрясения, которое в тот день произошло в Румынии и сильно повредило ряд тамошних городов, в том числе и столицу — Бухарест, а также нанесло урон и соседней Молдавии. Что касается Москвы, то она за всю свою историю пережила лишь одно сильное землетрясение, которое случилось в XV веке. А в 1940 году, после Карпатского землетрясения, столицу потрянуло лишь слегка — было зафиксировано 2—3 балла.

Волею судьбы популярный певец Вячеслав Малевич в те дни находился с гастролями в Николаеве. В тот момент, когда в Румынии началось землетрясение, он стоял на сцене и пел песню «Зеленый крокодил» («Фонари и окна гасит город сонный, а мне опять приснился крокодил зеленый — зеленый-презеленый, как

моя тоска»). Далее послушаем его собственный рассказ:

«Ну, стою пою. И вдруг слышу гул какой-то, штукатурка на меня начинает сыпаться. Я, правда, подумал, что меня кто-то разыгрывает из своих — и круг на сцене вот-вот поедет, или еще какую каверзу придумали. Но — пою. Так до конца и допел, а потом, как выяснилось, по всему городу паника была страшная, люди из домов выскакивали, метались, не знали, куда спрятаться. И только те, что на концерте были, так ничего и не заметили, и никакой паники. А самый сильный толчок — как раз и был под «крокодила»...»

7 марта, за четыре тура до завершения XXXI чемпионата СССР по хоккею с шайбой определился его победитель — ЦСКА. Армейцы набрали 55 очков и стали недосягаемы для своих ближайших преследователей — столичных динамовцев. Золотой состав ЦСКА выглядел следующим образом: вратарь — Владислав Третьяк; защитники — Алексей Волченков, Сергей Гимаев, Александр Гусев, Виктор Кузнецов, Владимир Лутченко, Владимир Палилов, Вячеслав Фетисов, Геннадий Цыганков; нападающие — Борис Александров, Вячеслав Анисин, Владимир Викулов, Александр Волчков, Виктор Жлуктов, Александр Лобанов, Борис Михайлов, Владимир Петров, Владимир Попов, Валерий Харламов; тренер — Константин Локтев. Кстати, для последнего это был последний успех в ЦСКА: на тот момент высшее спортивное руководство уже приняло решение назначить главным тренером ЦСКА Виктора Тихонова, который до этого руководил рижским «Динамо», а год назад стоял у руля национальной сборной на Кубке Канады. Большинству специалистов назначение Тихонова на должность тренера в сильнейший клуб страны казалось странным: дескать, неужели у нас в столице перевелись тренеры, если потребовалось вызывать такового из Риги? Но объяснение этому факту лежало, в общем-то, на поверхности: Тихонова сначала назначили главным тренером сборной страны, а это автоматически повлекло и назначение его тренером сильнейшего клуба. Хотя сам Тихонов какое-то время упорно отказывался взваливать себе на плечи два тяжелых «мешка» одновременно и возглавлять ЦСКА не хотел. Но раз партия приказала...

Прошлогодний чемпион страны столичный «Спартак» на этот раз довольствовался 6-м местом, что явилось провалом. Помню, в нашем классе мне сочувствовали все, особенно девчонки. Дело в том, что я тогда здорово фанател и был на всю школу чуть ли не единственным фанатом «Спартака» (тогда это движение только зарождалось). Даже в школу я ходил со спартаковским значком и периодически сотрясал коридоры учебного заведения фанатскими кричалками. Именно поэтому я и был выбран своими товарищами по классу политинформатором: отвечал за блок спортивных событий. Когда ЦСКА стал чемпионом и мне пришлось сообщать об этом одноклассникам, я являл собой грустное зрелище.

Тем временем Адольф Толкачев продолжает искать контакта с ЦРУ. Как мы помним, впервые он отважился на этот шаг в прошлом месяце, но тогда две его попытки завершились провалом. И вот — новая. На этот раз он не стал оставлять записку под стеклоочистителем посольского автомобиля, а пошел в открытую: когда американец остановил машину у светофора, Толкачев подбежал к нему и попытался передать записку непосредственно в руки. Но американец, посчитав это провокацией КГБ, ударил по газам. Толкачев снова остался ни с чем.

В тот же день американец (а был он цэрэушником) доложил об этом инциденте своему непосредственному начальнику — московскому резиденту Гарднеру Гасу Хэтэуэю, а тот уже отправил шифровку в Лэнгли. Ответ пришел непосредственно от шефа ЦРУ Тернера: тот был убежден, что налицо грубая провокация Лубянки. Однако Хэтэуэй был иного мнения: сопоставив предыдущие случаи, он вдруг предположил, что человек, так настойчиво стремившийся выйти на контакт с ними, на самом деле делает это искренне. «Если бы это была провокация КГБ, то они бы избрали более изощренный способ», — рассуждал Хэтэуэй. Поэтому в новой телеграмме Тернеру резидент попросил разрешения связаться с искателем контакта по домашнему телефону, благо он был указан в одной из его записок. Как ни странно, но вскоре из Лэнгли пришел ответ: «Контакт разрешаем».

В Театре на Таганке продолжают репетиции «Мастера и Маргариты». Вся театральная тусовка только и ждет того часа, когда состоится премьеры, и пребывает в жутком волнении. В не меньшем мандраже пребывает и труппа театра. Прогон следует за прогоном, причем на каждый приходит весьма именитая публика: писатели, художники, ученые, журналисты, короче — элита. Практически все в восторге от увиденного. 9 марта после прогона исполнителя роли Воланда Вениамина Смехова лично поздравил его не самый большой поклонник Юрий Карякин. Да и сам главреж Юрий Любимов пребывает в весьма добром расположении духа, чуть ли не всех артистов называет «душками», а особенно благоволит к тому же Смехову.

Съемочная группа фильма «Мимино» в эти дни пребывает в Западном Берлине (со 2 марта), где снимаются «заграничные» эпизоды с участием Мизандари (Вахтанг Кикабидзе) и Ларисы Ивановны (Елена Проклова). Были сняты эпизоды: Мизандари покупает надувного крокодила; летчики гуляют по городу и др. Съемки продолжались до 10 марта.

Громкий скандал в те дни потряс Ленинград. В его эпицентре оказался популярный эстрадный певец Сергей Захаров, который в течение нескольких дней выступал в составе труппы Ленинградского мюзик-холла на сцене Дворца культуры имени Ленсовета со спектаклем «Нет тебя прекрасней» (выступления были приурочены к Международному женскому дню). Спектакль пользовался огромным успехом у публики, и достать билеты на него было практически невозможно. Простые ленинградцы буквально дневали и ночевали у билетных касс, а так называемые «блатные» старались попасть на представление, заполучив контрамарки через администраторов дворца либо через самих артистов. Собственно, именно из-за контрамарок и разгорелся весь сыр-бор.

В тот злополучный день Захаров в компании нескольких друзей, которым нужны были контрамарки, зашел в кабинет администратора Дворца культуры Роднова, чтобы с ним утрясти эту проблему. В тот момент в кабинете, кроме хозяина, находился и главный администратор мюзик-холла Михаил Кудряшов. Услышав про просьбу Захарова, тот заметил, что

свои контрамарки артист уже получил от него накануне и на большее рассчитывать не вправе. Это замечание Захарову не понравилось, и он попросил Кудряшова не вмешиваться: мол, я же не у тебя прошу. Тот тоже оказался не робкого десятка (как-никак бывший боксер-разрядник) и ответил артисту той же монетой — так же грубо. Захаров вспылил и бросился на администратора с кулаками. Если бы не присутствовавшие здесь хозяин кабинета и коллеги Захарова, то заварушка могла бы вспыхнуть нешуточная. Но драчунов мигом разняли, развели по разные стороны, а администратор дворца, дабы погасить конфликт, согласился пропустить друзей певца на спектакль. Но, как показали дальнейшие события, инцидент этим не исчерпался.

В антракте Захаров отыскал своего обидчика и предложил продолжить выяснение отношений где-нибудь в удобном месте — например, на улице. Кудряшов, который, как я уже упоминал, был боксером, согласился, тем более что Захаров пообещал, что они будут биться тет-а-тет. Здесь же определили и время поединка — сразу после завершения спектакля.

Представление закончилось поздно вечером, но Захаров еще какое-то время был занят — давал интервью для Киевского ТВ. Вопросы были стандартные: каковы ваши ближайшие планы, собираетесь ли продолжать свою карьеру в кино (Захаров снялся в водевиле «Небесные ласточки», премьеры которого состоялась в декабре прошлого года) и т. д. Все это время Кудряшов терпеливо ждал, когда его будущий противник освободится. Наконец, соперники вышли на улицу. Но едва они приняли стойку, как к месту поединка подбежали те самые друзья Захарова, которых он провел на спектакль: ученик студии мюзик-холла, неистовый меломан и бармен одного из ленинградских ресторанов. Не говоря ни слова, они накинулись на администратора и принялись избивать его с шести рук. В итоге бывший боксер получил множественные травмы лица, а также повреждение паха. Травмы были настолько серьезные, что в тот же день администратора отправили в больницу, где он вынужден был пролежать почти месяц. Инцидент хотя и получил огласку, однако пока ни к каким серьезным последствиям для певца не привел — это случит-

ся чуть позже. А пока Захаров продолжал выступать с концертами и раздавать бодрые интервью (8 марта он пел в «Голубом огоньке», правда, не зная, что это одно из его последних выступлений по ТВ).

Тем временем в Москве актрису Театра сатиры Татьяну Егорову КГБ пытается... завербовать в свои агенты. Произошло это аккуратно в те дни, когда Егорова пребывала на седьмом небе от счастья — ждала ордер на новую квартиру. Как мы помним, актриса жила в арбатской коммуналке, а тут ей должны были выдать ордер на отдельную квартиру на проспекте Вернадского. И хотя это окажется 16-метровая хрущоба, да еще грязная и старая, но она будет своя, отдельная. Так вот, незадолго до получения ордера в один из мартовских дней раздался звонок во входную дверь. Егорова открыла и увидела на пороге мужчину в черном тулупе. Не говоря ни слова, он сунул ей под нос красную книжечку, на которой была вытеснена аббревиатура из трех букв — «КГБ», и прошел в комнату. Там он уселся на стул, нагло раздвинув ноги. Чтобы унять дрожь, которая стала бить хозяйку по всему телу, она предложила гостю выпить вина, «Каберне». Но тот ответил, что на работе не пьет. Тогда Егорова стала пить одна маленькими глотками. Видимо, взирать на это гостю было не слишком приятно, поэтому он попросил налить и ему. Пока он пил, Егорова успокоилась. И даже пошутила:

— Вот вы на работе и пьете! Как вы в КГБ-то оказались, такой парень симпатичный?

— Просто оказался: учился в Плехановском... мне предложили... я пошел, — последовал ответ.

Закончив с вином, гость спросил:

— Вы где отдыхаете?

— Обычно в Латвии... на берегу моря.

— А в Сибирь не хотите?

— Я там была, на гастролях, — ответила Егорова. — А вы были? Нет? Вот вам бы туда и поехать!

Видимо, вино ударило хозяйке в голову, и последние остатки страха у нее улетучились. Поэтому, когда гость достал из кармана пачку «Примы» и попытался закурить, Егорова его быстро осадила:

— У меня не курят! И вообще мне пора в театр. Подъем!

Когда они вышли на улицу, Егоровой казалось, что здесь-то чекист от нее отвяжется. Но он засеменил рядом с ней, дымя на ходу сигаретой. Тогда актриса спросила его без обвиняков:

— Что вам от меня надо?

— Мы хотим, чтобы вы нам помогли.

— В чем?

— Я вам расскажу, — оживился парень. — Мы даем вам «девочку», вы с ней сидите в ресторане «Националь», стреляете иностранных «мальчиков». Короче, знакомитесь с ними для того, чтобы выведать интересующую нас информацию.

После всего услышанного Егорову буквально переполняло жгучее желание врезать наглцу по морде, но она сдержалась. И решила ему подыграть.

— Хорошо, пошла я в ресторан, а этот «мальчик» приглашает меня к себе в номер. Мне идти?

— Конечно! — закивал головой чекист.

— А если в номере он начнет ко мне приставать, на кровать заваливать?

— Вы ему в морду! — последовал ответ.

— Но тогда я не смогу выведать интересующую вас информацию.

У парня на лице отобразилось смятение. Наконец он произнес:

— В вашем театре нам многие помогают. И остаются довольные — мы и народных даем, и заслуженных. А вы почему не хотите?

Тут они подошли к Театру сатиры, и Егорова вскочила на ступеньки, как на безопасную территорию. И решила больше не хитрить. Когда чекист спросил о будущей встрече, она высказала ему все, о чем думала все это время:

— Пошел отсюда, ничтожество! Не смей ко мне близко подходить! Что стоишь? Вон я сказала!

Чекист действительно больше к ней не подходил, но зато в течение месяца настойчиво звонил по телефону и обкладывал трехэтажным матом. Но Егорова каждый раз бросала трубку. За что и поплатилась: осенью КГБ ей отомстит, не пустив вместе с театром на гастроли в Югославию.

Но вернемся в март 77-го. В воскресенье, 13 марта, в Театре на Таганке должен был состояться спектакль «Гамлет». Как и положено

на представлениях этого театра, зрителей пришло столько, что яблоку негде было упасть. А спектакль не состоялся по причине того, что Гамлет — Владимир Высоцкий — элементарно запил. Причем пил он уже несколько дней, из-за чего до этого был сорван еще один спектакль с его участием — «Пугачев». А «Гамлета» на этот раз заменили «Обменом» по Ю. Трифонову. Описывая события тех дней, В. Золотухин отозвался на очередной запой своего коллеги следующим образом:

«Что-то он перемудрил со своей жизнью. Чего, казалось бы, не хватает: талант, слава, успех повсюду и у всех? Ведь он так сорвет парижские гастроли...» (В конце года, к славному юбилею 60-летия Октябрьской революции власти обещали выпустить «Таганку» на первые западные гастроли — в Париж. — Ф. Р.).

Полным ходом идет следствие по делу о пожаре в гостинице «Россия». Возглавляет его следователь по особо важным делам Прокуратуры Москвы Александр Шпеер. Несколько десятков следователей и экспертов буквально рыли носом землю, чтобы установить причины возгорания, но в этой работе было много таинственного. Например, официально было объявлено, что пожар начался у лифта на пятом этаже, откуда огонь стал распространяться по шахтам. Однако производители лифтов финны, узнав об этом, тут же командировали в Москву своих специалистов, чтобы те опровергли эту информацию: мол, наши лифты не могли стать разносчиком огня. И ведь доказали!

Тогда дознаватели сосредоточились на другом объекте — радиоузле рядом с лифтом. И тут же появилась новая версия: мол, кто-то из рабочих оставил в розетке включенный паяльник, из-за которого произошло замыкание. В пользу этой версии говорил такой факт: накануне пожара коллективу гостиницы вручили переходящее Красное знамя за успехи в социалистическом соревновании, и рабочие якобы отметили это дело массовой попойкой. Однако обвинение в пьянстве на рабочем месте никому предъявлено почему-то не было.

Стремительное распространение пожара стало возможным благодаря облицовке помещений в «России». На полу в коридорах лежали ковровые дорожки без спецпропитки, на стенах были самоклеющиеся импортные обои,

которые быстро и удушливо горят. Оказываться, еще за 9 месяцев до трагедии Госпожнадзор вынес очередной протест администрации «России» по этому поводу, но там положили его под сукно.

Рассказывает И. Панков: «У двух десятков экспертов пищи для размышлений было достаточно. Выяснилось, что за 9 месяцев до катастрофы Госпожнадзор вынес очередной протест, где указал, что облицовка помещений «России» сверхпожароопасна. Экспертная комиссия посчитала, что огонь расплылся по отложениям органики в воздуховодах и междуэтажных проемам. А система дымоудаления сработала с точностью до наоборот. Огромные вентиляторы на дне лифтовых шахт должны были оттягивать дым из помещений и гнать его под крышу к выходным отверстиям. Но верхние жалюзи открылись частично — вентиляторы закачивали губительный поток на этажи. Кроме того, в «России» не было системы оповещения людей и автоматических средств пожаротушения (так сегодня оснащен столичный отель «Космос»), когда спринклерные головки в номерах срабатывают на значительное повышение температуры и превращаются в холодный душ.

Словом, форс-мажор, трагическое стечение обстоятельств.

Как показал пожар, ни жильцы, ни персонал «России» к этому готовы не были. Подавить первоначальный очаг силами двух радиостов и дежурной по этажу не удалось. Люди в панике распахивали двери и окна, словно пригласив огонь к себе. О самодельных платках-респираторах, как о путях спасения, мало кто имел представления...»

Между тем параллельно официальной версии — случайное возгорание — существовала и другая — диверсия. Одним из тех, кому эта мысль первому пришла в голову, был автор проекта гостиницы Виталий Мазурин (он же станет и главным архитектором проекта восстановления «России»). После того как на второй день после пожара ему на стол легли схемы всех этажей гостиницы, он сделал вывод о том, что сплошного фронта огня не было и заключения экспертов по этому поводу — липа. По мнению Мазурина, распространение огня по горизонтали или по вертикали невозможно не только с большой скоростью — оно невозмож-

но вообще. Согласно схемам, вентиляционные шахты были проложены таким образом, что магистральные воздухоходы пронизывали санузел номеров снизу доверху, то есть отрезали воздушный (или дымовой) поток от соседних комнат и выводили его к чердаку, где огню тоже никак было не разгуляться — вентиляция проходила внутри огнеупорных железобетонных блоков.

Главным доводом в пользу умышленного поджога было то, что пожар возник не в одном месте, а сразу в нескольких. Об этом говорили многочисленные свидетели, а также имелись вещественные доказательства. Например, было известно, что наиболее сильно пострадали от огня 5-й и 13-й этажи (последний особенно), но в промежутках между ними были этажи, которые огнем вообще не были тронуты. Значит, можно было предположить, что злоумышленники подожгли 5-й этаж (оттуда подавалось электропитание) и 13-й (там располагалась автоматика, приводящая в действие систему дымоудаления). Кстати, версией о диверсии занимались МВД и КГБ, но их представители позднее заявили, что подтверждения эта версия не нашла. Но так могло произойти по причине боязни официальных властей побеспокоить общественность: в таком случае это было бы очередным провалом спецслужб, которые за полтора месяца «проспали» сразу несколько ЧП — сначала взрывы в Москве, теперь вот пожар в крупнейшей гостинице.

По слухам, которые распространяли независимые источники, пожар в «России» был результатом интриг между КГБ и МВД. В последнем совсем недавно была создана оперативно-розыскная часть (ОРЧ), которая собирала компромат на расхитителей социалистической собственности и коррупционеров. Одна из штаб-квартир ОРЧ располагалась именно в «России», что не давало покоя КГБ, который тоже имел свои «очаги влияния» в гостинице. Поджог в «России» и мог явиться результатом этой борьбы: его могла организовать как одна, так и другая сторона, заинтересованная в вытеснении конкурента с выгодной территории. Другое дело, что поджигатели, видимо, надеялись обойтись малым уроном и совсем не рассчитывали, что пожар примет столь катастрофические размеры. Кстати, все документы по расследованию этого ЧП будут спрятаны в

спецчасти Мосгорсуда и доступ к ним будет засекречен.

Еще одна версия пожара — поджог организовала внутренняя оппозиция. Версия тоже вполне правдоподобная, если учитывать последние события — ужесточение репрессий против диссидентов. Устроив такую акцию, ее организаторы из числа оппозиционеров убивали сразу двух зайцев: и спецслужбы подставляли, и в то же время имели возможность свалить этот пожар на них же.

Тем временем КГБ продолжает репрессии против диссидентов. Его очередной жертвой стал активист еврейского движения за эмиграцию Анатолий Щаранский. О том, что над ним реально нависла угроза ареста, Щаранский знал за несколько дней до этого. Знали об этом и его друзья: например, дочь Сахарова Таня предлагала Щаранскому спрятаться у себя на даче. Но тот сослался на то, что ему необходимо уладить в городе срочные дела. КГБ, прознав о том, что друзья пытаются спрятать Щаранского от ареста, тут же форсировал события. Утром 15 марта, когда Щаранский выбежал на пару минут на улицу, чтобы позвонить из телефона-автомата, на его руках зашелкнулись наручники.

Самое время взглянуть на киношную афишу столицы. 1 марта на широкий экран вышла лента Валерия Чечунова «Иван и Коломбина», рассказывающая о том, как демобилизованный солдат (актер Александр Харитонов) возвращается на «гражданку» и приходит работать в автоколонну. Фильм стал дебютом для молодого сценариста Валерия Приемыхова, который ждал его выхода буквально с замиранием сердца. А потом едва со стыда не сгорел — так не понравилось ему увиденное. Кстати, не только ему: критики назовут эту ленту «худшим фильмом года».

Кино по ТВ: «Доверие» (1—2-го), «Выбор цели» (с субтитрами, 1-я серия, 3-го), «Необыкновенное лето» (4-го), «Дубравка», «Служили два товарища» (5-го), «Снегурочка», «Прощание с Петербургом», «Два капитана» (премьера т/ф, 6—7-го, 12—13-го), «Сюжет для небольшого рассказа» (7-го), «Мы вместе, мама» (премьера т/ф), «Евдокия» (8-го), «Журавушка», «Москва, любовь моя» (впервые по ТВ 9-го), «Сибирячка» (9—10-го), «Три товарища» (10-го), «Молодо-зелено» (11-го), «Кукла»

(Польша) (12—13-го), «Коммунист», «Всадник с молнией в руке» (15-го) и др.

Из других передач назову следующие: Праздничный концерт в Большом театре (5-го), «Шире круг» (6-го), «Ритмы зарубежной эстрады» (7-го), «Для вас, женщины!» (8-го, концерт с участием Муслима Магомаева, Татьяны Шмыги, Беллы Руденко, ВИА «Пламя», «Орэра» и др.), «Голубой огонек» (8-го, с участием Эдуарда Хилия, Майи Плисецкой, Ларисы Голубкиной, Людмилы Гурченко, Розы Рымбаевой, Ирины Понаровской, Сергея Захарова, Геннадия Хазанова, Савелия Крамарова, Александра Белявского, Ивана Дыховичного и др.), Заключительный концерт лауреатов и дипломантов VI Всероссийского конкурса артистов эстрады (11-го).

Из театральных премьер выделю одну: 10-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Обвинительное заключение» с участием Геннадия Сайфулина, Леонида Каневского, Георгия Мартынюка и др.

Эстрадные представления: 4—6-го — в «Октябре» пела Людмила Зыкина; 6-го в ЦДКЖ — Нина Дорда; 11—12-го в ЦДСА — ВИА «Поющие сердца»; 12—13-го в ГЦКЗ «Россия» — Мичел (Испания); 13-го в ЦДСА — Александра Стрельченко; 13-го — в «Варшаве» состоялся творческий вечер Сергея Михалкова; 14-го там же выступал Лев Лещенко.

В четверг, 17 марта, на страницах «Комсомольской правды» было опубликовано письмо, вызвавшее потом бурную дискуссию. Авторами письма (комментарий к нему написала Инна Руденко, озаглавив материал «Моя хата... с кафелем») была молодая супружеская чета Андрей и Лариса К. (обоим — по 24 года). Они писали, что делом всей своей жизни избрали борьбу за собственное материальное благополучие. Получив в наследство старый деревенский домик, они сумели создать из него нечто вроде дворца, эдакий «полированный роскошный рай». Деньги на обустройство своего «гнездышка» супруги находили, где только возможно: колымили на сельской стройке, экономили на жизненно необходимом и т. д.

Эта публикация не останется незамеченной, и в «Комсомолку» посыплется сотни писем, где их авторы будут соглашаться, либо, наоборот, осуждать героев. К примеру, супруги Мамаевы напишут: «А дальше что? Ну, маши-

на. А потом? Что они вспоминать будут лет через 10—20? Как кафель доставали? Самые лучшие годы убить на «хату»!» А вот отклик иного рода — от О. Иваненко: «В их письме — вызов нытикам. Всем, кто вечно жалуется на свою «несчастную судьбу», кто считает, что квартиру, мебель и пр. пр. им кто-то должен преподнести на подносе. Считаю, что Андрей и Лариса — очень волевые люди...»

Через год эта история разрешится самым неожиданным образом: Лариса заберет с собой дочь и уйдет от Андрея к родителям. А он продаст свою «хату с кафелем», о чем и сообщит в ту же «Комсомолку». Но вернемся в март 77-го.

В Москве очередное ЧП: неизвестный молодой человек ограбил сберкассу. Преступление произошло вечером, перед самым закрытием банковского учреждения. В зале в тот момент находилась одна из работниц кассы — заведующая Людмила Кувшинова. Незнакомец через кассовое окошко схватил ее за кофту и, ткнув под нос пистолет, потребовал отдать ему всю наличность. Кувшинова сделала вид, что согласилась выполнить требование преступника, а сама незаметно нажала на кнопку тревоги. Грабитель, видимо, догадался об этой хитрости, поэтому стал действовать в три раза быстрее. Рассовав пачки с вожделенными купюрами по всем карманам, он бросился вон из кассы. А Кувшинова... бросилась за ним, причем не с пустыми руками — с табельным пистолетом, который до этого покоился в ее сейфе.

Выбежав на улицу, женщина стала оглашать ее громкими криками: «Помогите! Ограбили!» Наудачу в этот миг из-за ближайшего поворота выехал «уазик», за рулем которого сидел военнослужащий Академии Генштаба Сергей Пазухин. Заметив женщину с пистолетом в руке, он тут же притормозил рядом. В двух словах объяснив ему, что произошло, Кувшинова сунула Пазухину в руки пистолет и указала рукой на мужчину, который бежал в сторону обводного канала. Пазухин нажал на «газ». В считанные секунды он догнал грабителя и стал кричать ему, чтобы тот остановился. Но тот, остановившись, шархнул по «уазу» из своего пистолета. Выстрел получился каким-то неестественным, будто взорвалась хлопушка. Оказалось, что в руках у грабителя был... пугач, смастеренный из стартового пистолета. Пазухин в ответ жажнул из своего оружия, которое

было настоящим. Пуля пролетела в нескольких сантиметрах над головой преступника и, срикошетив от каменного бордюра, улетела в сторону. Грабитель понял, что шансов уйти по земле у него не осталось, и сиганул в холодную воду обводного канала. Но и здесь его шансы оказались на нуле. Когда он, дрожа от холода, вылез на берег, там его уже поджидала милиция.

18 марта из Союза писателей СССР был исключен очередной неугодный — писатель Владимир Корнилов, который имел смелость, после того как его произведения зарубила родная цензура, опубликовать их в западных журналах «Грани» и «Континент». Речь идет о повести «Девочки и дамочки», романе «Демобилизация» и стихах. Повесть была написана еще в конце 60-х, и ее собирался опубликовать в «Новом мире» сам Твардовский. Но цензура этого не позволила. В «Девочках...» рассказывалось о женщинах, рывших противотанковые рвы под Москвой в 41-м году. «Демобилизация» была посвящена послевоенным годам: в нем техник-лейтенант, уже немало отслуживший, пытался вырваться из казармы на волю, в гражданскую жизнь. Что касается стихов (они появились в 1975 году в 5-м номере журнала «Континент»), то они были не менее смелы: например, в одном из них речь шла о расстреле большевиками Николая Гумилева в 1921 году.

Заседание, где решался вопрос об исключении Корнилова, длилось несколько часов. Вел его председатель Московского отделения СП Феликс Кузнецов. Практически все литераторы выступили с резким осуждением поступка Корнилова, а также припомнили ему массу других грехов. Например, один переводчик вспомнил, что во время похорон писателя Константина Богатырева (они состоялись еще летом прошлого года) Корнилов обронил фразу: «Костю убил КГБ». На слова переводчика тут же отреагировал именитый писатель, который закричал: «Ну-ка, давайте сюда свидетелей — мы его здесь и арестуем!» Чтобы читателю стало понятно, что представляло из себя то заседание, приведу отрывки из его стенограммы.

А. Рекемчук: «Демобилизация» — ужасный роман. Корнилов оскорбляет Советскую армию. Я знаю, по чьему заданию написан роман. По заданию Солженицына!..»

Медников: «Мы все говорим об антисоветчине. Это неверно. Говоря о Корнилове, следует говорить об антикоммунизме...»

М. Прилежаева: «...Это ужасно! Ведь у него есть дети! Они ходят в школу, они несут туда антисоветскую заразу. Что же будет с его детьми?! Мы обязаны подумать о его детях! Если дети не верят ему — они проклянут своего отца! Это трагедия! Если же они воспримут его антисоветскую пропаганду — это тоже ужасно. Они будут ее распространять...»

М. Алексеев: «Я хочу вас спросить, где вы были в 41-м году? Где был ваш отец?»

В. Корнилов: «Мне в 41-м году было 13 лет. Я был в эвакуации, в Сибири. А мой отец был на фронте.»

М. Алексеев: «А я в это время был комроты... Я кровь свою проливал под Сталинградом! И вот какого поганца и мерзавца мы вырастили...»

В. Корнилов (разрывая свой блокнот): «Я мог сюда не прийти. Но я сюда пришел. Я знал, что вы будете нарочно себя распалать, чтобы в конце концов сказать, что вам велено. Но все-таки я сюда пришел. Пришел, потому что писатель не имеет права отказываться ни от какого жизненного материала, тем более от того, который сам плывет к нему в руки.

Вы любите нас учить, что надо окунаться в жизнь, ездить в творческие командировки? Прекрасно! Я никогда никаких творческих командировок не брал и считаю и вас прошу считать, что мой приход сюда, к вам, взглянуть на вас — это и есть моя первая и моя последняя творческая командировка.»

В тот день, когда Корнилова исключали из СП, в Театре на Таганке проходила сдача «Мастера и Маргарита» высокой комиссии из Управления культуры. У всех актеров, занятых в спектакле, был сильный мандраж, вполне объяснимый, — решалась судьба спектакля. К огромному счастью всего коллектива, просмотр прошел без единого (!) замечания, чего на «Таганке» за тринадцать лет ее существования не было ни разу. Поэтому, едва эта новость облетела театральную Москву, как таганковцам стали звонить их преданные друзья и поздравлять. Звонили коллеги — актеры, режиссеры, писатели, ученые. Позвонил даже известный булгаковед Абрам Вулис (а уж он-то как никто другой разобрался в творчестве Ми-

хаила Булгакова). Сами таганковцы той же ночью отметили это событие дружеским застольем в ресторане ВТО.

В эти же мартовские дни голова главного идеолога страны Михаила Суслова внезапно озаботилась мемуарами Брежнева. Как мы помним, впервые эта проблема возникла два месяца назад — в поезде, на котором генсек ехал в Тулу. Там же возникла и кандидатура человека, кто мог бы это дело протолкнуть, — генерального директора ТАСС Леонида Замятина. Вспомнив об этом, Суслов вызвал Замятина к себе в кабинет. «Ну, как идут дела с книгой?» — взял с места в карьер Суслов. «С какой книгой?» — не понял Замятин. У главного идеолога аж брови взметнулись до потолка. «Что значит, с какой? Вы что забыли, что Леонид Ильич поручил вам написать о подвиге солдата 18-й армии, а вы, как я понял, еще даже и не начинали? Позор! Немедленно приступайте. Соберите небольшую группу, и больше никому ни слова. Работать в строжайшем секрете. Чтобы даже члены Политбюро не знали. Считайте это важнейшим поручением партии. Вам ясно?» — «Ясно», — ответил обескураженный Замятин и поспешил распрощаться. Далее послушаем его собственные воспоминания:

«Расстроенный — уж больно тяжела ноша — возвращаясь к себе в ТАСС и говорю своему заму Игнатенко: «Вот, Виталий, велено писать книгу за Брежнева. Что будем делать?» А тот ко мне недавно перешел из «Комсомолки», молодой, пряткий, глаза горят энтузиазмом. «Так сделаем, Леонид Митрофанович, не сомневайтесь».

Вскоре приглашают к Самому. И Леонид Ильич говорит: «В Институте международных отношений работает подполковник Пахомов. Он был моим помощником по политотделу 18-й армии. Сейчас, правда, совсем больной, жалко мужика. Я его в институт и пристроил. Так вот, он каждый день вел записи боев. Возьмите у него все тетрадки, возьмите у Дорошиной, что я ей навспоминал, и, пожалуйста, напишите наконец о солдатах».

К Пахомову я отправил Игнатенко, он забрал дневники и предложил передать их известному журналисту Аркадию Сахнину. Я позвонил в «Новый мир» и пригласил Аркадия к себе.

— Есть важнейшее партийное поручение, совершенно секретное и очень ответственное.

Тот немедленно согласился...»

Между тем Адольф Толкачев наконец-то добился желаемого — на контакт с ним вышли цэрэушники. Как мы помним, в последний раз он пытался обратить на себя внимание ЦРУ в начале месяца, но работник американского посольства, с которым он собирался пообщаться, умчался на машине прочь. Толкачеву было впору лезть в петлю. Как вдруг спустя пару недель после этого вечером в его доме зазвонил телефон. На другом конце провода он услышал незнакомый голос, который говорил по-русски, но с большим акцентом. «Это господин Толкачев? — спросил незнакомец. — Мы получили вашу записку и согласны на ваше предложение. За телефонной будкой, что вторая слева от входа в Институт радиопромышленности, вас ожидает пакет. До свидания». От счастья у Толкачева аж сперло в зобу.

Не теряя ни минуты, он накинул на себя пальто и выскочил из дома. Дорога до указанного места заняла у него несколько минут. Найдя указанную телефонную будку, Толкачев без труда отыскал за ней бумажный пакет и, сунув его под пальто, засеменил домой. Он был настолько взволнован, что не заметил, как на противоположной стороне улицы из автомобиля за ним внимательно следят двое мужчин. Это были цэрэушники. В пакете содержался перечень вопросов о советских радарх, подробные инструкции, как и где оставить ответы, и небольшая сумма советских денег, равная 500 долларам.

Толкачев самым внимательным образом изучил все вопросы, изложенные цэрэушниками, и уже на следующий день приступил к их реализации. Имея доступ к секретной информации, он в течение нескольких дней выносил с работы данные о радарх, интересовавших американцев, а также присовокупил к этому материалы о других секретных разработках. Ему хотелось с первого же раза поразить воображение своих новых хозяев. И ему это удалось. Когда через несколько дней цэрэушники развернули перед собой его послание, у них аж дыхание сперло от восторга: о таких секретах они даже не мечтали. Вот тогда им стало абсолютно понятно, что все происходящее не ин-

триги КГБ и что к ним в руки угодила курица, которая будет нести золотые яйца.

В понедельник, 21 марта, в Москве открылся съезд профсоюзов. В первый день на нем с трехчасовой речью выступил Леонид Брежнев, который впервые в открытую высказал свое отношение к внутренней оппозиции. Брежнев заявил: «У нас не возбраняется «мыслить иначе». Другое дело, когда несколько оторвавшихся от нашего общества лиц активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим центрам — пропагандистским и разведывательным. Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма...»

Сей пассаж генсека был не случаен. После того как новый президент Америки Джеймс Картер вкупе со своим советником по национальной безопасности ярым антисоветчиком Збигневом Бжезинским стали привечать советских диссидентов, в Кремле было решено сделать наоборот — как следует их поприжать. За короткое время сразу в нескольких республиках Союза были арестованы более десятка видных диссидентов, чего еще ни разу не было за всю историю существования диссидентского движения в стране. Американская администрация явно не ожидала подобной реакции, убежденная в том, что престарелые члены Политбюро пойдут им на уступки. А оказалось, что кремлевские старики еще способны на какие-то серьезные поступки.

Тем временем Владимир Высоцкий весьма далек от всех этих баталий — он продолжает пить горькую. В то время как практически вся труппа «Таганки» находится под впечатлением успешной сдачи Управлению культуры спектакля «Мастер и Маргарита», Высоцкому на это дело, как говорится, с пробором. А чего ему радоваться, если у него была мечта сыграть в этой постановке Ивана Бездомного, но из этой затеи так ничего и не вышло. Вот он и запил. 21 марта из-за неявки Высоцкого в театр спектакль «Гамлет» заменили на репетицию «Мастера и Маргариты».

В эти же дни фирма «Мелодия» выпустила гибкий миньон новой столичной рок-группы. Вернее сказать, группа-то была старая, но название у нее было иное: вместо ВИА «Цветы» — Группа Стаса Намина. Как мы помним, «Цветы» появились на свет в 1970 году, а свою первую пластинку выпустили осенью 73-го. Тот миньон имел колоссальный успех и в миг разошелся миллионным тиражом. Потом были его допечатки. Так «Цветы» стали первой рок-группой страны, которая официально добилась всесоюзного признания. В 1974 году «Цветы» были приняты на работу в Московскую филармонию, получив статус профессионального коллектива. Однако потом в жизни коллектива наступили тяжелые времена. Как вспоминает сам основатель «Цветов» Стас Намин: «Мы были первой супергруппой, известной на всю страну, на которой чиновники культуры захотели зарабатывать «бабки». И хоть мы работали по пять-шесть концертов в день, нам почти не платили. Как-то выступали дней двадцать подряд по пять раз в день, и на нас все, кроме нас самих, заработали большие деньги... и «правые», и «левые». «Правые» — филармония, а «левые» — администраторы. Каждому же из нас выдали на руки по 5 рублей 50 копеек с концерта. Мы были супергруппой, но не по документам. Не знали, как оформить для нас документы на соответствующие ставки. Ведь у нас были волосы ниже плеч, и не знали, как в таком виде провести нас для оформления ставок через Министерство культуры!...»

В итоге в 1975 году «Цветы» прекратили свое существование. Однако спустя полтора года коллектив вновь собрался, но уже под другим названием — Группа Стаса Намина. И тут же фирма «Мелодия», видимо, памятуя о том бешеном успехе двух первых миньонов ансамбля, предложила им записать новую пластинку. В нее вошли четыре песни: «Красные маки» (В. Семенов — В. Дюнин), «Ах, мама» (В. Сахаров, С. Дьячков — С. Намин), «Вечером» (С. Намин — И. Кохановский) и «Старый рояль» (А. Слизунов, К. Никольский — В. Солдатов). Самой популярной в народе суждено будет стать последней песне. Но знал бы слушатель, какого труда стоило музыкантам ее пробить. Во время приемки пластинки худсовет тот прицепился к одной из строчек в «Рояле»: «...и стерлись клавиши моей души...», объ-

явив их декадентскими. С большим трудом тогда удалось отстоять и эту строчку, и саму песню.

Между тем Группой Стаса Намина в те дни заинтересовался кинорежиссер Олег Бондарев (снял «Мачеху» с Татьяной Дорониной), который задумал использовать их музыку в своем очередном фильме. Через своего знакомого — Николая Добрюху — он вышел на Стаса Намина. Далее послушаем рассказ непосредственного участника тех событий — Н. Добрюхи:

«Намин пригласил меня с Бондаревым обсудить эту затею у него дома, где при необходимости к разговору могли бы подключиться и его товарищи по группе. Так мы и сделали. Начало переговоров обнадеживало, однако вскоре разговор по разным причинам перестал клеиться, и я, почувствовав это, от нечего делать взялся осматривать достопримечательности квартиры. Квартира № 19, довольно светлая, находилась на втором этаже, окнами на набережную, которая отделялась от дома широкой полосой сквера. Дело было ранней весной 1977 года. Только что круто подняли цены на такси, и это событие тогда не бывало забытым ни в одном разговоре. Не стал исключением и наш. Стас, помнится, заметил: дескать, уже на такси люди перестали ездить; если так пойдет и дальше — вряд ли долго продержатся эти новые «шизовые» цены... Слушая его комментарии относительно очередной политики цен, я невольно обратил внимание на надпись на стене, у которой стоял небольшой жесткий деревянный кресло-диван. «Сталинская Конституция» было написано крупными буквами на плакате 30-х годов. Шрифтом поменьше излагались конституционные статьи. Над плакатом был прикреплен портрет деда, Анастаса Ивановича Микояна, и Сталина. По всему было видно, что в этой семье благодаря самым достоверным источникам о Сталине знали больше правдивого, нежели все мы...

Перед нашим уходом Стас мне и Бондареву подарил по новой гибкой пластинке, где были записаны песни в исполнении его группы: «Ах, мама», «Старый рояль» и другие...»

Главреж Театра имени Моссовета Юрий Завадский, который совсем недавно перенес тяжелую операцию, пытается пробить в Минкульте спектакль по пьесе Леонида Зорина «Царская охота» (борьба за эту постановку тя-

нется вот уже два года). Только благодаря его авторитету и тому, что чиновники знали о тяжелом положении здоровья Завадского, постановку удалось-таки пробить. Однако цензура, куда пьеса ушла в середине марта, медлит с ответом, и тогда Завадский, силы которого уже были на исходе, собственной волей назначает генеральный прогон на 23 марта. Но сам прийти на нее не сможет — подведет здоровье. Вот как вспоминает об этом автор пьесы Л. Зорин:

«С утра у театра толпились люди, бог весть как узнавшие о просмотре. Чем ближе к полудню, тем больше крепчал напор желавших пробиться внутрь. Разыгрывались и просто комические и трагикомические сценки — запомнилась пожилая дама с оранжевым шарфом в нелепой шляпке, кричавшая, что ее дни сочтены, а значит, она должна быть пропущена. Я дрогнул, помог ей пройти сквозь контроль, за что был высмеян администратором: «Очень уж вы легко раскисаете». Спектакль начался с опозданием...

Начальства в тот день не было. Оно сочло наиболее верным проигнорировать тот факт, что пьеса, не получившая визы, играется при переполненном зале. Совсем как Еремов с «Медной бабушкой», Завадский бестрепетно, по-молодому нарушил все правила игры, которым, казалось бы, строго следовал. Наконец-то он ощутил, что свободен, больше не было для него ни сановников, ни хозяев, ни партийных удавок. Земля со всей ее маетой, с ее неволей была все дальше, а небо становилось все ближе...

После того как просмотр закончился, мы сразу же стали звонить Завадскому. Когда черед дошел до меня, я пожелал ему и себе скорее увидиться на премьере. Он тихо проговорил: «Нет, все кончено. Я не хочу, чтоб мне продлевали бессмысленное существование». Я слушал, не зная, как возразить, делая яростные усилия, чтобы постыдно не разреветься. Сдал и несокрушимый Виктук, ему дважды потребовалась неотложка. Перегрузки оказались чрезмерны...»

Тем временем в Союзе писателей СССР готовятся к исключению из своих рядов очередного неугодного — на этот раз Льва Копелева (как мы помним, 18 марта оттуда был исключен Владимир Корнилов). Экзекуция над Копелевым намечена на конец марта, однако за

несколько дней до этого — 24 марта — он присылает руководству СП письмо, в котором пишет:

«Меня пригласили на заседание секретариата. Я не сомневаюсь в исходе этого заседания и даже могу представить себе, что именно должны говорить ораторы. Ведь то, что происходило, когда исключали таких известных, многими любимых писателей, как Лидия Чуковская, Владимир Войнович и Владимир Корнилов, свидетельствует о стандартно выработанной оскорбительной процедуре.

Ритуал моего исключения призван лишь оформить фактическое отстранение от литературной работы, которому я подвергаюсь почти десять лет.

Просить «помилования» я не могу, так как все, что вменяется мне в вину, определено моим сознанием нравственного и гражданского долга... Ни в каких заседаниях такого рода я не буду участвовать. Авось это поможет тем из вас, кто думает и чувствует по-иному, чем велено: им не придется лишний раз выступать, кривя душою, обрекая себя на запоздалое раскаяние, на презрение своих же детей и внуков...»

Георгий Данелия продолжает работу над «Мимино». В среду, 23 марта, в клубе ОДТС прошла досъемка эпизода «Большой театр»: случайный знакомый Мизандари артист Синицын (Владимир Басов) исполняет арию на сцене Большого театра. На следующий день группа перебазировалась на территорию гостиницы «Россия», которая после недавнего пожара какое-то время была закрытым объектом для посторонних. В одном из номеров сняли эпизод, где настоящий профессор Хачикян (Леонид Куравлев) предъявляет претензии своему однофамильцу (Фрунзе Мкртчян), которого по ошибке приняли за него: «Такие, как вы, позорят нацию!»

25 марта Леонид Брежнев в компании своих соратников по Политбюро отправился в залы Академии художеств, где была развернута выставка «Сатира в борьбе за мир». На крыльце выставочного зала, как и положено, высоких гостей встречали организаторы выставки. Когда машина генсека затормозила у входа и открылись дверцы, у встречающих в течение нескольких секунд душа ушла в пятки: из салона повалил такой густой дым, будто внутри

случился пожар. Можете себе представить, что подумали в те мгновения художники. Но все обошлось: вскоре из салона показалась голова живого генсека, которая сияла блаженной улыбкой. А объяснялось все происшедшее просто: после того как в 75-м врачи запретили Брежневу курить, он заставлял своих охранников обкуривать его. Вот как об этом вспоминает телохранитель генсека В. Медведев:

«Обкуривать генсека мы начали со страшной силой. Едем в машине — Рябенко (начальник охраны. — Ф. Р.) и я еще с кем-нибудь из охраны — и курим по очереди без передышки. Пытался и он сам иногда закурить, но мы отговаривали: «Лучше мы все еще по разу курнем». И он соглашался. Зато когда подъезжаем, нас кто-то встречает, распахиваем дверцы машины, и оттуда — клубы дыма, как при пожаре.

У меня первый месяц очень болела голова. Однажды на даче в беседке он попросил меня покурить. Я вытащил сигарету и стал пускать дым в его сторону. Он смотрит:

— Так ты же не куришь — балуешься.

— Как не курю, дым-то идет.

— Ну и правильно...

Даже когда проводил Политбюро, просил:

— Посиди рядом, покури.

Конечно, не всем членам Политбюро — старикам — это нравилось, были ведь и некурящие, но возразить никто не смел... А вот на каких-нибудь армейских совещаниях или республиканских партийно-хозяйственных акциях картина выглядела потрясающе. Местное партийное начальство сидит, все чинно, благородно, а мы, охрана, в присутствии Генерального прямо за его столом дымим, смолим. В глазах у всех удивление, чуть ли не испуг: во дают, лихие ребята, да просто нахалы.

Это была большая его слабость. Мог попросить и любого члена Политбюро: закури, Коля, Миша...

А нас просил — везде, даже когда плавал в бассейне. Подплывет к бортику:

— Закури...

Мы уже ставили к бортику ребят-выездников, настоящих курильщиков. Не вылезая из бассейна, прямо в воде он надышится, наглотается дыма и доволен:

— Молодцы, хорошо курите! — и поплыл дальше...»

Но вернемся на выставку «Сатира в борьбе за мир». В тот день руководители государства в течение доброго часа ходили по залам, внимательно разглядывая выставленные там картины. Шедевров среди них не было, да и не могло быть, поскольку вся тогдашняя советская сатира, да еще политическая, являла собой грустное зрелище. Излюбленными мишенями художников-сатириков были чилийский диктатор Пиночет да маоисты. Но генсеку со товарищи все увиденное жутко понравилось.

Тем временем другая группа товарищей корпит над будущими мемуарами генсека. Один из участников этого процесса — тогдашний завотделом корреспондентской сети в «Правде» Александр Мурзин — вспоминает:

«Однажды меня вызвал к себе Виталий Игнатенко. Прихожу — все знакомые, еще по «Комсомолке», плюс Сахнин, который тоже там печатался, и Аграновский из «Известий». Сидит Замятин, сидит Игнатенко.

Замятин говорит: «Вот недавно я и Константин Устинович Черненко ехали в поезде с Леонидом Ильичом. Он нам рассказывал о своей жизни, о своей молодости, о войне. Какая память! Какой человек! Какая потрясающая биография, совпадает со всеми важными вехами жизни государства». Я потом уже подумал: а у кого, собственно, не совпадает? Индустриализация, коллективизация, война — через это прошли все.

«Так вот к вам просьба — не согласились бы вы помочь Леониду Ильичу в написании его мемуаров? Ему некогда ездить по местам, собирать фактуру, встречаться со своими соратниками. Вот вы и напишете болванки. А потом Леонид Ильич сам подключится. Почему именно вы? Вас Виталий Никитич всех знает, вы испытанные бойцы советской журналистики, «золотые перья». Вот так и собрали команду — по дружбе, по знакомству.

На самом деле у Замятина уже была готова разработочка, которую он нам роздал. Там и Малая земля, и восстановление народного хозяйства после войны, и всенародная эпопея — целина, и Молдавия. Виталик же знает нас всех как облупленных. Губарев ведет отдел науки — ему космос. Сахнин — военный писатель, ему — Малая земля. Ну кто поедет на Украину? Вызвался Аграновский. Ганюшкина на этой встрече не было, но тему он себе уже взял —

Молдавия. «Ну а вам, Александр Павлович, выходит, остается целина». Понятно. Я же занимаюсь сельским хозяйством.

Через день или два нас собрали у Черненко. Приходим. Замятин, Игнатенко и мы все. «Спасибо, ребята, мне уже доложили, что вы согласились помочь. Потом Леонид Ильич с вами поработает, а пока собирайте предварительные материалы. Работа ваша будет оплачена».

У нас глаза на лоб: когда это нам такую работу оплачивали? Это же партийное задание, почетное поручение. Сколько мы в «Комсомолке» Хрущеву речей насочиняли? И всегда мы работали бесплатно. А тут вдруг «оплатить» — значит как бы признать, что не сам Брежнев автор. Поэтому мы словам Черненко удивились, но всерьез не восприняли.

Черненко говорит: «Потом Леонид Ильич с каждым из вас встретится, надиктует, даст вам адреса своих соратников. Будете сидеть на даче, работать над своим разделом». С тем мы и разошлись...»

В понедельник, 28 марта, в Центральном Доме журналистов в Москве состоялась пресс-конференция, на которой выступили двое членов экипажа самолета, угнанного в октябре 1970 года в Турцию отцом и сыном Бразинскасами (при этом погибла стюардесса Надежда Курченко): пилот Сулико Шевидзе и бортмеханик Оганес Бабаян. Они ознакомили журналистов с письмом на имя президента США Д. Картера, которое они сегодня отправили в американское посольство в Москве. В письме содержалось требование выдать Бразинскасов советскому правосудию (в сентябре прошлого года те получили политическое убежище в США). К сожалению, письмо не возымеет никакого действия — американские власти Бразинскасов не выдадут. Но кара небесная все равно настигнет преступников: в 2001 году сын зарезал отца во время ссоры. Но вернемся в конец марта 77-го.

В Театре Моссовета предпринимаются отчаянные попытки добиться у Главлита разрешения на выпуск спектакля «Царская охота». Миссию «толкача» взял на себя мэтр театра Ростислав Плятт, который за эти дни пять раз звонил главному цензору страны Фомичеву. На пятый раз актеру наконец удалось поймать чиновника на его рабочем месте. Цензор долго допытывался у мэтра, чем привлекла театр эта

пьеса. А выслушав ответ актера, многозначительно произнес: «Сказка — ложь, да в ней намек...» Тогда Плятт решил использовать последний козырь: «Могу я сказать Завадскому, чье состояние очень опасно, что дело ограничится частностями?» Помедлив, Фомичев согласился на эту расплывчатую формулу.

После этого разговора из Главлита позволили автору пьесы Леониду Зорину и предложили «вынуть» из пьесы Фонвизина и вычеркнуть несколько важных реплик. С большим трудом драматургу удалось отстоять покойного собрата по перу, а также отбить большинство своих фраз. В итоге 31 марта Главлит разрешил «Царскую охоту» к выпуску.

В этот же день Москву покинул госсекретарь США Сайрус Вэнс. Приехал он сюда по заданию нового президента Америки Джимми Картера, чтобы тот прощупал почву по вопросу о сокращении вооружений. Но эти переговоры (они шли с 26 по 31 марта) завершились ничем. Сразу после отъезда Вэнса из Москвы министр иностранных дел СССР Громыко собрал пресс-конференцию для иностранных журналистов (редчайший случай в практике этого министра), где раздраженно заявил, что американские руководители «недостаточно учитывают интересы безопасности Советского Союза». Вот что вещал в те дни по «вражьему голосу» М. Геллер:

«Приход новой администрации обеспокоил Москву, еще больше она встревожилась после целого ряда выступлений президента Картера в защиту прав человека (5 февраля Картер написал письмо Андрею Сахарову, а 1 марта принял у себя Владимира Буковского. — Ф. Р.). В советской печати началась кампания запугивания американского президента, очень скоро принявшая грубые формы личных нападок на Джимми Картера. Одновременно советские журналисты уверяли своих читателей, что «антисоветское словоизвержение из Конгресса и Белого дома» — это «всего лишь трескотня горстки политиканов». Этой «горстке политиканов» противопоставлялись «хорошие американцы» из финансовых и промышленных кругов, из некоторых политических кругов. Советские руководители рассчитывали на то, что администрация Картера «на деле», а не на словах будет продолжать внешнюю политику Киссинджера...

Привыкшие вести переговоры с Киссинджером, который всегда, в любых обстоятельствах старался достичь соглашения, даже если приходилось жертвовать своими интересами, советские руководители отвергли предложения президента Картера о сокращении вооружений. Они увидели в этих предложениях попытку нарушить положение, которое кажется им очень выгодным для них, достигнутое в результате соглашения, подписанного во Владивостоке президентом Фордом и Брежневым в 1974 году...»

Тем временем банда грабителей, замысливающих нападение на кассу в МИХМе, продолжает готовиться к операции. Как мы помним, они планировали осуществить ее в начале февраля, но она сорвалась по не зависящим от преступников причинам. То же самое случилось и во второй раз — 30 марта. Грабители опять пришли в МИХМ, вооруженные до зубов, но в тот день деньги в кассу не привезли, перенесли это мероприятие на 1 апреля. Тогда, чтобы не терять времени даром, преступники решили еще раз опробовать свое оружие. Неподалеку от МИХМа они нашли строительную площадку, на которой и произвели испытания: сначала Качурин выстрелил в забор с расстояния 30—40 метров, а затем Прохоров проделал то же самое, но стрелял уже в дерево, стоявшее от него в 5—6 метрах. Результатами испытаний будущие грабители остались довольны: пистолет и трубки стреляли исправно, без осечек.

Вечером накануне преступления — 31 марта — главарь банды Величко навестил дома Качурина. Поскольку последний, являясь работником МИХМа, участвовать в предстоящем ограблении непосредственно не мог, он передал своему подельнику все оружие: три огнестрельные трубки, окленные газетой, пистолет, а также пули. Расставаясь, подельники договорились встретиться завтра уже после ограбления.

Между тем город живет обычной жизнью. Из киношных премьер второй половины марта, которые состоялись в столичных кинотеатрах, назову следующие. Отечественный кинематограф был представлен продолжением (3—4-я серии) политического боевика Анатолия Бобровского «Жизнь и смерть Фердинанда Люса» с Донатасом Банионисом в главной

роли и фильмом Игоря Шешукова «**Офицер за паса**», где главную роль сыграл Николай Гринько (с 21-го). Из новинок зарубежного экрана назову «Дефа-вестерн» Дина Рида «**Братья по крови**», в котором главные роли исполнили сам режиссер картины и главный индеец Советского Союза Гойко Митич (с 21-го широкий прокат).

В эти же дни на экраны вышел 10-й выпуск (предыдущий вышел в сентябре прошлого года) популярного мультика «**Ну, погоди!**» (Волк и Заяц на стройке). Мало кто из зрителей знал, что роль Волка в нем озвучивал не Анатолий Папанов, который говорил за него в девяти предыдущих сериях, а пародист Геннадий Дудник. Замена произошла по банальной причине: во время «озвучки» Папанов находился на гастролях и никак не мог вырваться в Москву. Тогда и пригласили Дудника, который славился своими пародиями не только на Папанова, но и на других популярных актеров: Николая Крючкова, Михаила Жарова, Эраста Гарина и др. Вспоминает В. Котеночкин:

«Мне до сих пор кажется, что настоящего папановского Волка у нас в приключениях на стройке не получилось. В движениях — он. Его наши художники изучили до мелочи. А голос чуть-чуть ненастоящий. Впрочем, это я, возможно, вдолбил себе тогда в голову и с тех пор не могу от этой мысли отделаться. Вижу на экране, как тяжеленная чугунная чушка, подвешенная на кране, бьет в стену дома, слышу, как при этом милый голосок Клавдии Шульженко мурлычет: «Любимый мой, родной...», а голос Волка, его рык, мне опять напоминает, что Анатолий Дмитриевич был тогда где-то на гастролях...»

Кино по ТВ: «Выстрел», «Рудобельская республика» (16-го), «Сказание о земле сибирской», «Еще раз про любовь» (17-го), «Три толстяка», «Эти разные, разные, разные лица», «Хозяин тайги» (19-го), «Первый учитель», «Ксения, любимая жена Федора» (20-го), «Непридуманная история» (22-го), «Семья Зацепиных» (премьера т/ф 22—23-го), «Волга-Волга», «Семь невест ефрейтора Збруева» (с субтитрами), «Родная кровь» (24-го), «Огниво»,

«Вертикаль» (27-го), «Максим Перепелица» (27-го), «Свадьба с приданым» (29-го), «Под крышами Монмартра» (30—31-го), «Врача вызывали?» (31-го) и др.

Из других передач назову следующие: «Поет Далида» (16-го), «А ну-ка, девушки!» (17-го), «Кинопанорама» (25-го; ведущий Г. Капралов представил новые фильмы: «Деревня Утка», «Несовершеннолетние», «Жизнь и смерть Фердинанда Люса», рассказал о съемках фильма «Абсолютный слух», поговорил по душам с гостями передачи Ириной Купченко, побывал на выставке фотографа Николая Гнисяка в Доме кино), «Артлото» (26-го, с участием Евгения Мартынова, Роксаны Бабаян, Светланы Калужной и др.).

Эстрадные представления: 19—27-го — во Дворце спорта в Лужниках выступал ВИА «Самоцветы»; 23—31-го в ГТЭ — ВИА «Поющие сердца»; 24—27-го в ГЦКЗ «Россия» — Радмила Караклаич, Ненад Райчевич и другие звезды югославской эстрады.

Новинки фирмы «Мелодия»: диск-гигант «Поет ВИА «Ариэль» с песнями: «Русские картинки» (В. Ярушин), «Народное гуляние», «Аленушка», «Я на камушке сижу» и др.

Из зарубежных новинок выделю диски двух западных супергрупп, впервые издаваемых в СССР. Начну со шведского квартета «АББА». С апреля 1974 года, с тех пор как этот ансамбль победил на конкурсе Евровидения, весь мир с удовольствием слушал его новые шлягеры. Даже в странах соцлагеря выходили их пластинки: например, в Польше, Венгрии. И только у нас их стойчески игнорировали. Так продолжалось почти три года — до марта 77-го, когда «Мелодия» наконец выпустила у нас 3-й по счету диск «АББЫ» (этот одноименный альбом вышел в Швеции в июне 1975 года). На нем звучали песни: «Мамма мия», «Элен», «SOS», «Бумеранг», «Ай ду, ай ду», «Танцуй со мной», «Прощай» и др.

Тогда же вышел и первый в СССР «гигант» супергруппы «Би Джиз» под названием «Главный курс» (1975). До этого, как мы помним, песни этого коллектива у нас выходили только на миньонах.

1977 Апрель

Ограбление кассы в МИХМе. Милиция в поисках неуловимого фальшивомонетчика. Очередной срыв Высоцкого. Неудачный вояж Николая Подгорного. Потери советского искусства: скончались актер Владимир Осенев и режиссер Юрий Завадский. Высоцкий в Склифе. Премьера «Мастера и Маргариты» на «Таганке». Как палестинцы спорили друг с другом, кому из них идти к Брежневу. Похороны Завадского. За что сняли руководителей журнала «Аврора». Дневник Брежнева. Арест неуловимого фальшивомонетчика Виктора Баранова. Мытарства спектакля «Царская охота». Вручение Брежневу комсомольского билета № 1. «Соловьиная роща» покоряет страну. Экстрасенсы о здоровье Высоцкого. Начались съемки «Трактира на Пятницкой». Письмо Баранова министру внутренних дел. Как Юрий Нагибин попался на крючок пожилой авантюристки. КГБ следит за Трионом. Первая советская публикация о пожаре в гостинице «Россия». «Царская охота» состоялась. «Динамо» (Киев) терпит поражение. Ваханг Кикабидзе записывает «Читу-гриту». 13 лет Театру на Таганке. Наши футболисты громят греков. «Трактир на Пятницкой»: съемки остановились, едва начавшись. Вышел буклет «Владимир Высоцкий». Чемпионат мира по хоккею: сборная СССР рвется к «золоту». Первый диск группы «Уингз» в Советском Союзе.

В пятницу, 1 апреля, двое злоумышленников, задумавших ограбить кассу МИХМа — Величко и Прохоров, — около 11 утра подошли к предстоящему месту операции. Третий поделник — Качурин в эти часы находился на своем рабочем месте — на одной из кафедр МИХМа — и с не меньшим волнением ждал осуществления задуманного. Сдав верхнюю одежду в гардероб (в противном случае их бы не пустили внутрь), злоумышленники поднялись на 2-й этаж, где располагалась касса. Величко имел при себе все огнестрельное оружие, а у его поделника в руках был только портфель для денег. В те минуты, когда преступники поднялись к кассе, в коридоре толпился народ — шла перемена между занятиями. Но уже спустя пару минут прозвенел звонок, и толпа студентов разбрелась по аудиториям.

Подойдя к дверям кассы, Величко передал Прохорову две стреляющие трубки, а себе оставил такую же трубку и пистолет. Внутри вошел Прохоров. В кассе, кроме кассирши А.

Павловой (она работала в МИХМе с 1958 года), никого больше не было, что и требовалось преступникам. Когда Прохоров вошел внутрь, женщина не заподозрила ничего подозрительного в действиях молодого и симпатичного человека — она сочла его за студента. Тем более что он назвал ее по имени и отчеству (научил Качурин) и протянул ей конверт — якобы от декана. Кассирша, сидевшая к вошедшему левым боком, принялась открывать конверт. В этот миг Прохоров выхватил из кармана пистолет и выстрелил женщине в грудь. Видимо, он рассчитывал, что женщина упадет после первого же выстрела, но этого не произошло. Обливаясь кровью, кассирша вдруг встала из-за стола и пошла прямо на грабителя. От этого зрелища у Прохорова не выдержали нервы: забыв о деньгах, он выскочил в коридор и побежал к лестнице. «Ты куда?» — только и успел спросить удивленный Величко. В этот миг из кассы вышла кассирша, которая истошно завопила чуть ли не на все здание: «Держи

вора!» И тут же замертво рухнула на пол — пуля, попав ей в грудь, повредила брюшную полость, легкие, сердце и печень.

Тем временем Прохоров, сбежав вниз, едва не попал в руки членов оперативного студенческого отряда, которые, услышав крик касирши, выскочили из своей комнаты. Увидев оперативников, грабитель выстрелил в их сторону из пистолета и вынужден был искать спасения в другой стороне. Студенты-оперативники бросились за ним. Погоня продолжалась недолго — уже через несколько минут Прохоров был сбит с ног и обезврежен. Что касается его подельника Величко, то ему из МИХМа выбраться удалось. Однако далеко уйти и ему не дали. На улице Лукьянова он привлек к себе внимание двух сотрудников 92-го отделения милиции — Провоторина и Щербинина — и был ими задержан. Щербинин вызвался сопровождать задержанного в отделение, а его напарник отправился в МИХМ.

Между тем на углу улиц Лукьянова и Фридриха Энгельса Величко, выбрав удобный момент, выхватил из кармана стреляющую трубку и выстрелил в своего конвоира. Пуля угодила милиционеру в бедро, но тот, преодолевая боль, бросился в погоню за убегающим преступником. В несколько прыжков Щербинин настиг бандита и, повиснув у него на плечах, повалил на землю. Силы уже оставляли стража порядка, и ему наверняка пришлось бы несладко, если бы не прохожие, которые проходили мимо, — они бросились к нему на выручку (Щербинин три месяца проваляется на больничной койке, а в августе выйдет указ о награждении его орденом Красной Звезды). Так был задержан Величко. В тот же день был арестован и третий преступник — Качурин.

Ограбление кассы МИХМа наделало много шума в Москве. Знаю это по себе, поскольку жил я в десяти минутах ходьбы от этого института. Уже на следующий день после преступления в нашей школе только и было разговоров, что про это нападение. Правда, подробностей мы не знали и потому вовсю изощрялись в своих фантазиях: кто-то упоминал грабителей в масках и с автоматами, кто-то клятвою заверял, что тем удалось скрыться, причем погоня протянулась чуть ли не через весь город и стрельба была слышна в разных концах столицы.

Большой переполох царил в те дни в союзном МВД. Но вызван он был не случившимся в МИХМе, а совсем другим: тамошние сыскари буквально с ног сбивались, пытаясь выйти на след неуловимой банды фальшивомонетчиков. Между тем никакой банды не существовало, а фальшивые купюры печатал хорошо уже знакомый нам по предыдущему повествованию житель Ставрополя Виктор Баранов. Как мы помним, будучи с детства весьма изобретательным человеком, он разобиделся на власти за то, что те похерили многие его новаторские начинания, после чего и решил отомстить им таким вот способом — начал печатать на самодельном оборудовании (с февраля 1974 года) высококлассные фальшкупюры достоинством 25 рублей (купюры этого достоинства было сложнее всего подделать, что и подкупило Баранова).

«Дело фальшивомонетчиков» взяло старт в ноябре 1976 года, когда в одной из торговых точек России были выявлены четыре его «четвертака». Их тут же отправили в Москву, в Управление эмиссионно-кассовых операций Госбанка СССР. Оттуда они поступили на Госзнак для более тщательной экспертизы. Это исследование выявило, что все «четвертаки» поддельные, принадлежат к одному источнику изготовления и имеют огромное внешнее сходство с настоящими. Гравюры на них с лицевой и оборотной сторон воспроизведены способом глубокой печати, волнистая сетка на лицевой стороне и нумерация на оборотной стороне — высоким способом. Бумага имеет водяной знак в виде темных и светлых звездочек. Из выводов экспертов выходило, что основными признаками поддельных билетов были следующие: бумага «вялая», изготовлена из 100-процентной целлюлозы, толщина от 100 до 130 микрон. В ультрафиолетовых лучах имеет голубое свечение. При осмотре бумаги под микроскопом была хорошо видна различная ее структура с лицевой и оборотной сторон билета. Выводы экспертизы заканчивались так: данную подделку следует отнести к разряду опасных, выполненную квалифицированно и практически не распознаваемую в обращении.

Стоит отметить, что обнаружение этих четырех «четвертаков» насторожило правоохранительные органы, но не настолько, чтобы впасть в панику. Она началась месяца два спус-

тя, когда сразу в 80 (!) городах Советского Союза (от Москвы до Благовещенска) стали всплывать точно такие же двадцатипятирублевки. Вот тогда в союзном МВД поднялся настоящий переполох, потому что стало ясно — фальшивые деньги выпускает целая группа высокопрофессиональных специалистов. На каком-то этапе кто-то из высоких милицмейских чиновников даже предположил, что это не что иное, как происки ЦРУ, которое таким образом пытается подорвать денежную систему СССР. В итоге в МВД была создана специальная следственная группа, которая занялась поисками «денежных террористов». Сотни типографских рабочих, служащих Гознака и его филиалов были взяты под негласный контроль с целью выявить их причастность к данной провокации. Однако все было напрасно. Преступники были неуязвимы, а фальшивые деньги не иссякали. К началу 1977 года их сумма уже составляла 23 тысячи рублей.

Тем временем кольцо вокруг Баранова сжималось. В марте в УБХСС Ставропольского крайисполкома из Центрального хранилища ветхих денег в Москве пришла купюра достоинством 25 рублей, принятая из Ставропольского банка. На ней прямо было указано: фальшивая. Единственное отличие — отслоение бумаги на сгибе. Все остальное — не подкапешься. Обэхаэсэсники в течение месяца шерстили весь район Минеральных Вод, откуда «родом» был этот «четвертак», блокировали все торговые точки, оповестили всех работников торговли под роспись в том, чтобы в случае обнаружения фальшивок те немедленно сообщали в милицию. Вскоре выяснилось, что большой сбыт фальшивок идет через рынки. Перекрыли и те. И стали ждать, когда рыба сама попадет на расставленные сети.

2 апреля, вечером, в Театре на Таганке давали «10 дней, которые потрясли мир». Народу в зале собралось, как и обычно, под самую завязку. А тут как на грех опять напился исполнитель роли Керенского Высоцкий. Он явился на спектакль, с трудом ворочая языком, но заверил Любимова, что сумеет отыграть так, что зрители ничего не заметят. Главреж ему поверил, поскольку такие примеры в прошлом действительно были. Но в этот раз хитрость не удалась. Какое-то время Высоцкий действительно контролировал ситуацию, но потом от

жары его развезло так сильно, что он не только стал путать текст, но и вообще вел себя неадекватно. Зрителей в зале стал разбирать смех. Тогда Любимов бросился за помощью к Золотухину: мол, выручай. Тот поначалу опешил (такого на «Таганке» еще не бывало!), да и находился не в лучшем расположении духа (в тот период дома у него то и дело вспыхивали конфликты с женой, актрисой того же театра Ниной Шацкой), но в итоге все же внял мольбам шефа. Короче, второй акт за Высоцкого доигрывал Золотухин.

В воскресенье, 3 апреля, в Москву вернулся Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. В течение двух дней он находился с официальным визитом в Сомали, куда его направили соратники по Политбюро с заведомо не выполнимой миссией: он должен был отговорить тамошнего президента Сиада Барра передавать американцам советскую военную базу. Как и предполагалось, Барр начал на эту просьбу и ответил отказом. Поэтому Подгорный вернулся в Москву несолоно хлебавши, о чем и доложил соратникам по Политбюро. Те его подвергли самой суровой обструкции, особенно старался Брежнев, который давно искал повода ткнуть Подгорного лицом в дерьмо. Повод, как вы сами понимаете, был самый удобный. В итоге было решено больше никогда не посылать Подгорного на переговоры за границу. Кроме того, это дало серьезный козырь в колоду Брежнева, который замыслил отправить Подгорного на пенсию. Но об этом речь еще пойдет впереди, а пока вернемся к другим событиям апреля 77-го.

4 апреля скончался актер Театра имени Вахтангова Владимир Осенев. К сожалению, я не видел этого замечательного актера на театральной сцене, но очень хорошо знал его по киноролям. В основном это были роли отрицательных персонажей: разного рода пройдох и преступников. В последние годы это амплу талантливого актера эксплуатировал рижский детективщик Алоиз Бренч, который снял Осенева в двух своих детективах: «Свет в конце тоннеля» (1974) и «Ключи от рая» (1975). Еще Осенев обладал запоминающимся голосом и озвучил множество мультфильмов. К примеру, это он говорит за Автора в мультике про Винни-Пуха.

5 апреля советское искусство понесло еще одну утрату — в Москве скончался выдающийся театральный режиссер Юрий Завадский. Как мы помним, в декабре прошлого года ему была сделана операция в клинике на Ленинских горах, однако она принесла лишь временное облегчение больному — у него был рак, и дни его были уже сочтены. В конце марта у Завадского наступило резкое ухудшение, болезнь перешла в завершающую стадию. Его вновь положили в больницу. Там его практически каждый день навещали родные, друзья. Не было рядом только преданной подруги режиссера Галины Сергеевны Улановой, которая в этот момент находилась в Париже — сопровождала группу танцовщиков Большого театра. Зная, что его дни сочтены, Завадский несколько раз заказывал телефонный разговор с Парижем. В последнем из них снова спрашивал, скоро ли закончатся гастроли. Уланова ответила, что дня через четыре будет в Москве. Но застать Завадского живым балерина уже не успела.

Вечером 4 апреля, когда Завадский пошел умываться перед сном, у него пошла горлом кровь. Практически всю ночь врачи пытались остановить кровотечение. Это удалось только к утру. После этого Завадский уснул. И во сне скончался.

А Высоцкий тем временем угодил в Институт Склифосовского и тоже находился между жизнью и смертью. О его тогдашнем состоянии оставил записи в своем дневнике Валерий Золотухин:

«Володя лежит в Склифосовского. Говорят, что так плохо еще никогда не было. Весь организм, все функции отключены, поддерживают его исключительно аппараты... Похудел, как 14-летний мальчик. Прилетела Марина, он от нее сбежал и не узнал ее, когда она появилась. Галлюцинации, бред, частичная отечность мозга. Господи! Помогите ему выскрестись, ведь, говорят, он сам завязал, без всякой вшивки, и год не пил. И это-то почему-то врачей пугает больше всего. Одна почка не работает вообще, другая еле-еле, печень разрушена, пожелтел. Врач сказал, что, если выкарабкается, а когда-нибудь еще срыв, он либо умрет, либо останется умственно неполноценным. Водка — это серьезная вещь. Шутка...»

Пока Высоцкий боролся с болезнью, его коллеги по театру готовились к знаменательно-

му событию — премьере «Мастера и Маргариты». Она состоялась 6 апреля. Народа к театру собралось столько, что пришлось стягивать к Таганской площади милицию, которая только и делала, что кричала в рупор: «Освободите по возможности проезжую часть...» Простым смертным путь в театр в тот вечер был заказан, туда попали только лица, особо приближенные. Среди них были замечены: работники ЦК КПСС Георгий Шахназаров и Павел Черняев, поэт Андрей Дементьев, кинорежиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, драматург Афанасий Салынский, музыкант Артур Эйзен, писатели Фазиль Искандер, Борис Можаев и Юрий Карякин, а также Лиля Брик, Наталья Ильина, Александр Штейн и многие другие. Премьера была принята «на ура». О том, что было после спектакля, вспоминает В. Смехов:

«23.20 — одиноко уезжаю на «Фиате», а Шопен (Виталий Шаповалов. — Ф. Р.) и Лебедев остались в гримерной, вытащив по бутылки, — молодцы, это премьера! И у Славиной выпивка — ее день рождения. Хлопали сильно, зал стоял. Любимов кейфовал и поздравлял. Цветы, цветы, цветы. Все — в чашу. Я свои отнес к портрету Булгакова. Все. Юрий Петрович простился за ручку, дружка дружке откомплиментировавшись. И его библикнула «дип-мерседесина», и он куды-то с ними уchapал. Еду. Я — за семь минут по зеленой волне (Воланд, однако) — домой. Пью коньяк. Хорошо. Пьяно...»

Звонила Лилия Брик. Очень ругала спектакль, «повесть, ерунду» и т. п. Меня хвалила за выгладку и пластику, но — «мало слов, нет роли»... Гм. Беда с этими музами. Спать!..»

На следующий день вечером на «Таганке» вновь был показан «Мастер и Маргарита» вместо ранее объявленного «Гамлета» — Высоцкий все еще находился в Склифе.

В эти дни в Москве находится председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат (прилетел 4-го). Это был первый официальный приезд лидера ООП в СССР. До этого он посетил Москву в 1968 году, но сделано это было тайно: Арафата привез президент Египта Насер и неожиданно объявил в Кремле во время беседы с Брежневым, что в особняке на Ленинских горах находится лидер палестинцев. Наш генсек поначалу в это не поверил, но когда Насер предложил ему лично встретиться

с Арафатом, понял, что это не шутка. На встрече с лидером ООП Брежнев тогда так и не пошел, а отправил на нее Бориса Пономарева. На этот раз Арафат прилетел в Москву по личному приглашению руководителя советского МИДа Андрея Громыко, который хотел уговорить Арафата, а через него и других палестинских лидеров сделать шаг к признанию Израиля и тем самым взять инициативу в этом вопросе в свои руки. По замыслу Громыко, это позволило бы Советскому Союзу прочно контролировать ход ближневосточных переговоров и «вставить перо» американцам, так как те не имели выхода на палестинцев.

Разместили палестинскую делегацию в гостевом особняке на Ленинских горах. В день прилета их принял Громыко, а вот Брежнев со встречей тянул. Наконец, 6 апреля палестинцам внезапно сообщили, что генсек сможет принять только Арафата и еще двоих палестинцев по его усмотрению. Эту новость гости встретили без особого энтузиазма: они-то прилетели в Москву большим «курултаем» — порядка десяти человек — и хотели попасть на прием к Брежневу все. А тут такой облом. На этой почве среди палестинцев случился конфликт, который приобрел весьма критические формы. Примерно около двух часов ночи на квартире заместителя министра иностранных дел Сытенко, который отвечал за визит, зазвонил телефон. Дежурный по особняку на Ленинских горах срывающимся голосом сообщил:

— Приезжайте скорее, здесь такое творится!

Сытенко, на ходу натягивая на себя одежду, помчался на зов. И вскоре очутился в самом пекле разборки. По коридорам особняка бегали разъяренные палестинцы, выкрикивали друг другу какие-то ругательства и размахивали пистолетами. При виде последних нашего мидовца чуть кондратий не хватил. Наконец, собравшись с духом, он спросил:

— Товарищи, в чем дело? Что случилось?

И что же он услышал в ответ? Оказалось, что таким радикальным методом палестинцы решали, кому из них завтра идти на прием к Брежневу. Понимая, что берет на себя слишком большую ответственность, наш дипломат пообещал гостям, что сделает все от него зависящее, чтобы уговорить генсека принять палестинцев всех сразу. «Только идите спать, пожалуйста!» — взмолился он в конце. Видимо, па-

лестинцы поверили дипломату, потому что сразу же вернули пистолеты в кобуры и разошлись по своим спальням.

Утром 7 апреля, когда Сытенко доложил о ночном происшествии Громыко, тот не преминул его отчитать:

— Молодой человек, вы превысили свои полномочия. Кто вам дал право обещать такое палестинцам?

— Но что мне было делать, Андрей Андреевич? — взмолился Сытенко. — Они же могли друг друга перестрелять!

— Ничего они не могли! — отрезал Громыко.

Короче, не сумев уговорить своего непосредственного шефа, Сытенко принял решение действовать через его голову. Он обратился к помощнику Брежнева Александрову-Агентову, с которым у него были хорошие отношения. Дипломат объяснил помощнику, что генсеку стоит принять всех приехавших палестинцев, в противном случае в арабском мире может произойти раскол: дескать, там могут сделать вывод, что кто-то из них Москве мил, а кто-то нет. «Резонно», — согласился с выводом Сытенко Александров и пообещал немедленно переговорить с Брежневым. Видимо, генсек тоже принял доводы Сытенко близко к сердцу, поскольку в тот же день принял всю палестинскую делегацию. Во время этой встречи произошел забавный казус. Арафат, перечисляя в приветственном слове регалии генсека, назвал его Героем Советского Союза. На что Брежнев, четко выговаривая каждое слово, молниеносно отреагировал:

— Не Герой, а дважды Герой Советского Союза!

Рассказывает О. Гриневский: «Все сели за большой стол, и хозяин, запинаясь, стал читать по бумажке позицию Советского Союза (известную из любой советской газеты) и при этом часто вытирал платком потеющий лоб. Палестинцам, заявил он, нужно добиваться своих прав на создание собственного государства, но при этом уважать права других народов, живущих в этом регионе. Это обоюдное признание и есть ключ к миру на Ближнем Востоке.

Обескураженные всем увиденным палестинцы никак не прореагировали на это заявление Брежнева...»

В пятницу, 8 апреля, Москва прощалась с Юрием Завадским. Урна с прахом выдающегося режиссера была выставлена в его родном Театре имени Моссовета, которым покойный руководил на протяжении 36 лет. Проститься с режиссером пришла практически вся театральная Москва, было много и рядовых москвичей. Знаменитый тенор Иван Козловский со слезами на глазах исполнил любимый романс Завадского «Выхожу один я на дорогу...». После панихиды траурная процессия отправилась на Ваганьковское кладбище. По воле покойного его прах захоронили в могилу матери.

А теперь из Москвы на время перенесемся в Ленинград, где в те дни разразился громкий скандал. Поводом к нему послужило снятие со своих постов главного редактора журнала «Аврора» Владимира Торопыгина и его заместителя Андрея Островского. Эка невидаль, скажет читатель. И будет не прав. Дело в том, что поводом к этим увольнениям явилось то, что эти люди позволили опубликовать на страницах своего издания стихотворение Нины Королевой, в котором выражалось сочувствие к расстрелянной царской семье. А это придавало скандалу уже не только литературную, но и политическую окраску. Приведу отрывок из злополучного произведения:

И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком...
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна.

А теперь вернемся в Москву и заглянем «на огонек» к самому генсеку Леониду Ильичу Брежневу. Читателю наверняка интересно будет узнать, чем жили сильные мира сего. Но, если судить по дневнику Брежнева, жизнь у кремлевских небожителей была не шибко бурная: и возраст уже не тот, и время на дворе не нынешнее. Вот как, к примеру, провел Брежнев день 10 апреля (текст приводится без правок): «Был дома на даче — обедал. Борщ из свежей капусты. Отдых был на дворе дочитывал материалы.

Смотрел хоккей сборная ССР Швеция — итог — 4 — 2 в пользу ССР (наша сборная, готовясь к чемпионату мира, проводила серию

товарищеских встреч в Скандинавии. — Ф. Р.). Смотрел «программу времени». Ужин — сон».

12 апреля свершилось то, чего с таким нетерпением ждали сразу несколько учреждений страны: МВД, Министерство финансов и Госбанк. А именно: был арестован Виктор Баранов, который вот уже несколько лет наводнял страну фальшивыми купюрами самой высокой пробы. Произошло это следующим образом.

Утром того дня Баранов приехал на рынок города Черкесска, чтобы сбыть очередную партию фальшивок. Но нарвался на дотошного агронома совхоза «Унцукульский» Шарапутдина Магомедалиева, который торговал фруктами и заподозрил в протянутой ему покупателем двадцатипятирублевке фальшивку. Агроном тут же поднял такой вселенский крик, что на него сбежался чуть ли не весь рынок (чуть позже за оказанную органам МВД помощь агроном будет вызван в Москву, и сам шеф МВД Щелоков вручит ему именные часы). У Баранова был шанс скрыться с места преступления в первые же секунды скандала, но он предпочел остаться, решив, видимо: будь что будет. Его привели в отделение милиции и изъяли из карманов 77 фальшивых «четвертаков». У него и здесь был шанс откеститься от этого «добра» — сказать, что нашел, купил, да мало ли что еще, но он опять предпочел не юлить и во всем сознался. Так и сказал: «Я тот, кого вы ищете».

Однако пиком операции явилось даже не само задержание, а поразившая бывалых обэхаэсэсников картина, которая открылась в са-рае Баранова на улице Железнодорожной в Ставрополе. Когда они увидели специальное прессовое оборудование, типографские заготовки, пластины, красители, клише и даже «шаровую мельницу», у них глаза на лоб полезли. Только тут им стало ясно, что задержанный не врал, когда утверждал, что работал исключительно в одиночку.

Продолжаются мытарства спектакля «Царская охота» по пьесе Леонида Зорина, который из-за претензий цензуры никак не может выпустить труппа столичного Театра имени Моссовета. Как мы помним, главным мотором этого процесса выступал руководитель театра Юрий Завадский, но он несколько дней назад скончался. Цензоры из Главлита надеялись, что теперь-то заступников у этой постановки

поубавится, но ошиблись. 13 апреля (спустя пять дней после похорон Завадского) автор пьесы и еще несколько драматургов организовали новый прогон спектакля (первый, как мы помним, состоялся в конце марта). Вспоминает Л. Зорин:

«Было странно, что после этих двух лет актеры не возненавидели пьесу. Но нет! Хотя зал был фактически пуст, со сцены бил электрический ток, сошлись, сплелись в едином пучке отвага, отчаяние, вдохновение. И после того, как в последний раз вознесся голос Елизаветы: «Алеша, милый!..» и стоном, рыданием откликнулся Алексей Орлов, в зале раздались аплодисменты, что на просмотрах такого рода всегда считалось недопустимым.

На следующий день я узнал, что требуются очередные купюры. Я отказался «пойти навстречу» — больше не трону и запятой. В конце концов было сообщено, что дата премьеры еще неизвестна, однако 20 апреля мы можем сыграть «спектакль с публикой», так называемую «замену»...»

И вновь заглянем в дневник Леонида Брежнева. 13 апреля его рука вывела следующие строчки: «Утро — обычные мероприятия домашние. Брали кровь из вены. С 11 часов переговоры с Даудом. Вопрос о встрече один на один отпал. Отдыхал — здорово — обед. Работа с Дорожиной (Галина Дорошина — помощник Брежнева. — Ф. Р.)».

А вот запись от 14 апреля: «Сделал дома — помыл голову Толя. Вес 86-700. Переговоры с Подгорным — о вручении мне комсомольского билета. Вручение комсомольского билета № 1 (Брежневу также вручили высшую награду комсомола — золотой Почетный знак ВЛКСМ. — Ф. Р.). Речь Тяжелникова (тогдашний 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. — Ф. Р.). Мое выступление. Галя читает подвал из «правды» об ограничении стратегических вооружений. Кто авторы этого материала. Обед и отдых 2.30 — 4.10».

В пятницу, 15 апреля, когда вся страна работала, Брежнев, судя по дневнику, отвел душу на охоте. Отдых спорился: генсек подстрелил аж четырех уток и одного кабана (последнего, вполне вероятно, «подкосил» не он, а кто-то из охраны).

Между тем страна наслаждается новым шлягером от Давида Тухманова и Анатолия Попе-

речного — «Соловьиной рощей» в исполнении Льва Лещенко. Песня столь популярна, что доносится чуть ли не из всех щелей и ретрансляторов — как говорится, даже из утюгов. В апрельском номере журнала «Кругозор» появился ее гибкий вариант, что послужило причиной еще более мгновенного пропадания этого и без того популярного журнала с прилавков магазинов. Как и положено истинно народному хиту, песня имеет и свою интерпретацию: первая строчка припева поется «и с полей доносится «налей»».

Кстати, самому Лещенко эта песня поначалу совершенно не глянулась. Он даже подумал, что ее ждет та же участь, что и предыдущее их с Тухмановым творение — песню «Двадцать три часа полета», которая, что называется, не пошла. Однако в истории с «Рощей» Тухманов настаивал, что уж эта песня обязательно станет шлягером. Лещенко его оптимизма не разделял: ему казалось, что у песни полуцыганский припев, да и все остальное — не очень. С дачи композитора в Переделкино, где произошло его первое знакомство с песней, певец уезжал в подавленном состоянии. Не самым лучшим образом он чувствовал себя и во время записи будущего шлягера в пятой студии Дома радиовещания. Там всем заправляла жена Тухманова поэтесса Татьяна Сашко, что едва не привело к скандалу. Впрочем, послушаем рассказ самого Л. Лещенко:

«Все бы ничего, но тут к нам на запись явилась Татьяна и начала буквально, что называется, вытягивать из меня душу, а проще говоря, привязываться к каждому моему слову. То, по ее мнению, я не так спел фразу, то это слово надо петь «открыто», а вот это — «закрыто»... Здесь надо учесть, что я все-таки был в то время уже достаточно зрелым и опытным артистом, прекрасно знающим свои певческие и актерские возможности. И потому к концу записи я находился в предыстерическом состоянии, еще бы немного — сорвался бы, послал всех подальше и хлопнул дверью. Тем более что писали мы эту песню, по моим меркам, чудовищно долго — три или четыре часа, «колдуя» буквально над каждым ее словом! Я же привык записываться «с лету», делая обычно один или два дубля, так как пел всегда интонационно очень чисто и актерски точно, что ав-

торов устраивало полностью. А тут — настоящий кошмар...

Таня не позволила мне ни одной неверной интонации, не говоря уже о «нечистой» ноте. Но тем не менее я вышел тогда из студии совершенно измочаленным и с одной-единственной мыслью в голове: «Стоило ли так долго мучиться, чтобы записать еще одну никому не нужную песню?»

И вдруг спустя какое-то время до меня стали доходить слухи, что «Роща», прозвучавшая в радиоэфире, начала пользоваться все возрастающим успехом у слушателей. Я, грешным делом, в это не поверил. Но тут одна из наших девочек-гримерш, обычно очень иронично относившаяся к солистам из вокальной группы Гостелерадио, делает неожиданное заявление: «Знаешь, Лещенко, у тебя наконец-то появилась довольно приличная песня. Она очень современная, модная, в стиле диско, и в то же время в ней есть настоящая русская удаля, размах...» Ну, я чуть не упал от удивления...

В первой половине апреля в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 4-го — современная сказка «Деревня Утка» Бориса Бунеева с участием Ролана Быкова, Оксаны Дубень, Елены Санаевой и др.; 9-го — биографический фильм про детские годы Юрия Гагарина «Так начиналась легенда» Бориса Григорьева, где роль первого космонавта сыграл школьник Олег Орлов, его мать — Лариса Лужина, отца — Георгий Бурков; 11-го — военная драма «Восхождение» Ларисы Шепитько с участием Бориса Плотникова, Владимира Гостюхина, Анатолия Солоницына и др. Из зарубежных премьер назову фильм «Золотая лихорадка» с участием Чарли Чаплина (с 4-го).

Кино по ТВ: «Медведь» (1-го), «Встречи с Аркадием Райкиным», «Мужчины» (2-го), «Если я полюблю...» (премьера т/ф), «Время, вперед!» (1-я серия), «Девичий заговор» (Польша) (3-го), «Овод», «Похождения Насреддина» (6-го), «Дела сердечные», «У твоего порога» (7-го), «Боба и слон», «Королевская регата» (8-го), «Король Дроздобород» (ГДР), «Смерть под парусом» (премьера т/ф (9-го), «Время, вперед!» (2-я серия), «После полуночи» (10-го), «Петька в космосе» (11-го), «Дама с собачкой», «Туманность Андромеды» (13-го), «Судьба че-

ловека» (с субтитрами), «Часы капитана Энрико» (15-го) и др.

Из других передач выделю: «Утренняя почта» (2-го, 9-го), «Песня-77» (3-го, звучали песни: «Наша биография» (А. Мажуков — О. Писаржевская) — Виктор Мамонов, «Поздняя любовь» (Ю. Гуляев — А. Дементьев) — Юрий Гуляев, «Звезды 19-го года» (М. Зив — М. Светлов) — Галина Улетова, «Если с другом вышел в путь» (В. Шаинский — М. Танич) — Большой детский хор ЦТ и радио, «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (9-го), «Клуб путешественников» (телезрители совершили путешествие по Уссурийской тайге, побывали на островах Пасхи, на самом большом вулканическом кратере Нгоронгоро).

Театральные премьеры: 5-го — в «Ромэн» был показан спектакль «Чары»; в Театре имени Гоголя — «Доходное место»; 6-го в Театре имени Пушкина — «Без вины виноватые»; 11-го в Театре имени Вахтангова — «Ожидание» с участием Юлии Борисовой, Николая Гриценко, Василия Ланового и др.

Эстрадные представления: 2—3-го — в ГТЭ выступал Валерий Ободзинский; 7-го там же гастролировала болгарская певица Йорданка Христова; 5—12-го — во Дворце спорта в Лужниках выступал ВИА «Веселые ребята»; 5—19-го — в ГТЭ гастролировали Ташкентский мюзик-холл и ВИА «Ялла», которые показали эстрадное ревю «1977-е путешествие Синдбада-морехода»; 8-го — в ЦДСА пел «чукотский соловей» Кола Бельды; 8—10-го — в «Октябре» выступал ансамбль «Модо» (Рига) под управлением Раймонда Паулса; 9, 11—13-го — в ГЦКЗ «Россия» давал концерты азербайджанский ВИА «Гая». Продолжаются гастроли в Москве Аркадия Райкина и Ленинградского театра миниатюр, их выступления состоялись 2—3, 5—7, 14—15-го в ГЦКЗ «Россия».

Владимир Высоцкий продолжает находиться в Склифе. Уже почти весь город знает о его пребывании там, из-за чего в народе ходят самые противоречивые слухи: одни говорят, что дела артиста совсем плохи — мол, долго не протянет, другие, наоборот, утверждают, что он идет на поправку. К делу подключили даже экстрасенсов. В субботу, 16 апреля, Валерий Золотухин оставил в своем дневнике следующую запись:

«Позвонил Мережко... Есть очень хорошие люди, занимающиеся провидением. Создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди, с нимбами над головами, и все про тебя знают... Устанавливают связь с твоим энергетическим полем через фотографии. Так, по фото Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа...»

В этот же день на «Мосфильме» режиссер Александр Файнциммер приступил к съемкам детектива «Трактир на Пятницкой» по одноименной повести Николая Леонова. Съемки пришлось начать в авральном порядке, несмотря на то что ряд персонажей были еще вакантны: не было актеров на роли Пашки Америки, Варвары, Аленки, Сержа. На роль последнего режиссер тянул популярного актера Льва Прыгунова, но «верха» его методично браковали по причине своей нелюбви: Прыгунов давно был у них как бельмо на глазу из-за своей неблагоденности — актер водил дружбу с «отъезжантами» типа Иосифа Бродского (до его отъезда из СССР, разумеется), был остер на язык. Короче, режиссера заставляли подыскивать на роль Сержа другого актера. Но, надо отдать должное Файнциммеру, он сумел-таки отстоять кандидатуру Прыгунова. Между тем фильм начали снимать чуть ли не с конца — с эпизода, где бандитская атаманша Василиса (Тамара Семина) приходит на квартиру к чекисту-предателю Шленову (Юрий Назаров). Съемки проходили в 10-м павильоне с 10 утра до вечера и были продолжены 18 апреля.

Продолжается уголовное дело по фальшивомонетчику Виктору Баранову, которого арестовали 12 апреля. Он содержится в ставропольском СИЗО, а следователи до сих пор не могут поверить, что это именно он в одиночку наладил выпуск и сбыт высококачественных фальшивых купюр. Однако против фактов не попрешь. Найденный в сарае Баранова мини-Гознак наглядно демонстрировал сыщикам гениальные способности фальшивомонетчика. Эта супермастерская была показана руководству краевого УВД, затем демонтирована и перевезена в здание того же УВД. По фактам

этого дела позднее снимут шестичасовой (!) учебный фильм, одну копию которого отправят в Москву в союзный МВД.

Тем временем Баранов на четвертый день после своего ареста (16 апреля) написал на имя союзного министра внутренних дел Николая Щелокова письмо, в котором откровенно поделился своими идеями относительно слабых сторон советских денежных купюр. Так и написал: «К производству фальшивых купюр я готовился в течение 8 лет и пришел к выводу, что наши бумажные деньги недостаточно снабжены защитными свойствами, исключаящими подделку. В связи с этим я считаю необходимым внести ряд важнейших предложений...» Однако инициатива Баранова так и останется неостребованной: то ли из-за излишней брезгливости, то ли из-за недостатка ума власть не захочет выслушать советы самородка-фальшивомонетчика. Хотя его гениальные способности тогда признали даже специалисты. К нему в Ставрополь из Москвы срочно прилетит группа высокопоставленных начальников из Следственного управления МВД и Управления Гознака. В ходе 12 следственных экспериментов будет фрагментарно воспроизведен весь процесс изготовления фальшивых купюр от самого начала до конца. После этого начальник 17-го отдела Управления Гознака СССР государственный эксперт Тимофеев скажет: «Вы, Баранов, единственный в России человек, работавший так профессионально. Вы — одиночка, профессионализм которого стоит на одном уровне с Гознаком». Эксперт знал, что говорит. Вот всего лишь один факт, говорящий в пользу этих слов. На советской сотенной купюре один из водяных знаков был — профиль Ленина. Под микроскопом было видно, что у Ильича ресничка находится в микроне от глаза. Это сделали специально — как одну из степеней защиты. На самом Гознаке из десяти купюр одна-две с брачком — ресничка залипает. А у Баранова таких не было ни одной.

Но вернемся к событиям апреля 77-го.

Писатель Юрий Нагибин вот уже почти три недели поправляет здоровье в санатории, что в нескольких километрах от города Чехова. Места там заповедные — эти земли некогда принадлежали дворянам Ланским, — и отдыхается писателю хорошо: ежедневно он ходит в лес, где с интересом наблюдает за тамошним зверь-

ем. Однако пребывание там Нагибину запомнилось не только этим. А тем, что судьба свела его с одной пожилой авантюристкой. Эта дама жила на одном этаже с писателем и как-то, улучив момент, пошла на сближение. Она представилась дочерью знаменитого адмирала Исакова (кстати, члена Союза писателей) и женой заместителя заведующего отделом ЦК КПСС. Одним словом, не хухры-мухры! Правда, когда Нагибин в одном из разговоров спросил даму о звании ее отца, она почему-то назвала его контр-адмиралом, хотя тот был адмиралом флота. Но тогда эта оговорка не насторожила писателя: он подумал, что женщине и не положено разбираться в чинах и званиях. А новая знакомая между тем так и сыпала последними сплетнями из жизни сильных мира сего. Она рассказала Нагибину о том, как покойная министр культуры Екатерина Фурцева и ныне здравствующая певица Людмила Зыкина парились под водочку в бане, как седовласые маршалы заводят себе молоденьких любовниц и т. д. и т. п. Заинтригованный этими байками, писатель слушал их, что называется, развесив уши. А потом внезапно узнал, что все рассказанное дамой в большинстве своем неправда, а сама рассказчица никакая не дочь адмирала и даже не жена замзава отделом ЦК. Вот что запишет в своем дневнике Ю. Нагибин:

«Мы стали звонить этой женщине. Телефон оказался липовым — сплошь частые гудки. Вот уж поистине — сфинкс без загадки. Придумала себе аристократические связи, высокое положение, папу-адмирала и все прочее, чтобы придать себе значения и блеска в сердечно-сосудистом Версале. А сведения эти она собирает по санаториям 4-го управления, куда изредка проникает. Следующая ее жертва узнает много волнующего про ее приятеля (возможно, поклонника) Нагибина. Дешевый и опасный авантюризм, к тому же провокационный. А ведь она далеко не молода, у нее взрослые дети (они раз приезжали к ней), почтенный муж-снабженец. Она может здорово подвести и себя самое, и семью, и тех, с кем она водится, ведь трепотня ее вовсе не безобидна. Возможно, она далеко не всех угощает этими байками, а лишь избранных дураков вроде меня...»

Продолжается слежка КГБ за высокопоставленным работником МИД СССР Алексан-

дром Огородником (Трионон), подозреваемым в связях с ЦРУ. Во вторник, 19 апреля, в 18.50 наружка зафиксировала, что объект наблюдения на своем автомобиле возвратился домой на Краснопресненскую набережную. Далее в рапорте наблюдения сообщалось следующее:

«Было замечено, что он задернул шторы, через которые сначала пробивался очень слабый свет, а спустя 20—25 минут была включена люстра. Около 21.00 объект полностью раскрыл окно, выключил большой свет и включил настольную лампу. В 21.40 наблюдаемый с небольшим портфелем или кожаной сумкой, похожей на портфель, вышел из дома. За несколько минут до этого было зафиксировано, как объект, уже одетый, прохаживался по комнате. Затем взял портфель, поставил его на стол, сел в кресло. Посидев несколько минут, встал, взял портфель и вышел из комнаты...»

В 23.30 объект в автомашине МКШ 42-92 был взят под наружное наблюдение на повороте с Минского на Старомогайское шоссе. Он доехал до въезда на площадку, где должен быть установлен памятник в честь Дня Победы. Остановился на середине проезжей части и, не выходя из машины, сидел 30—40 секунд. Затем выехал на Кутузовский проспект...»

Как запишет один из руководителей операции по слежке за Огородником И. Перетрухин, «сопоставляя эти сведения с информацией, полученной в американском отделе от Р.С. Красильникова, можно было с определенной долей уверенности предположить, что между прогулками Дункана (сотрудник американского посольства в Москве. — Ф. Р.) и поведением Огородника могла быть какая-то связь. Приходится только сожалеть, что в те годы мы не имели возможности накапливать все получаемые различными подразделениями материалы в банке данных компьютерной системы, что в значительной мере позволило бы нам действовать оперативнее».

В среду, 20 апреля, в «Литературной газете» появилась публикация под названием «Следствие продолжается. Пожар в гостинице «Россия»: факты и домыслы». Как мы помним, этот пожар случился 25 февраля, однако почти за два месяца в советской прессе появилась только одна публикация, посвященная этому трагическому событию: 1 марта в газетах было опубликовано коротенькое соболезнование со-

ветского правительства родственникам погибших при пожаре. И все. Естественно, в таком информационном вакууме в народе пошли гулять самые противоречивые версии случившегося. Не имея возможности узнать правду о пожаре из родных средств массовой информации, люди стали жадно слушать то, что говорят по этому поводу «вражьи голоса». В итоге, когда слухи достигли критической отметки, сверху была дана команда оповестить народ о произошедшем более подробно. В заметке, что была опубликована в «Литературке», приводилась пусть не все, но все же кое-какие факты. В частности, сообщалось, что при тушении было использовано 143 машины, что пожар длился 4,5 часа, что пожарные вынесли из горящего здания 463 человека. О жертвах практически ничего не говорилось: написали только, что погибли 5 иностранцев (это скрыть все равно было невозможно), а сколько было погибших с советской стороны, не упомянули.

Тем временем продолжают мытарства спектакля Театра имени Моссовета «Царская охота» по пьесе Леонида Зорина. Как мы помним, после смерти Юрия Завадского, последовавшей в начале апреля, Главлит некоторое время мурыжил постановку, после чего разрешил сыграть спектакль 20 апреля с публикой, так называемую «замену». Однако по тому, как это было сообщено, у автора пьесы и актеров сложилось впечатление, что дело еще отнюдь не выиграно. Так оно и вышло: буквально за несколько часов до начала спектакля одного из руководителей театра — Лосева вызвали в горком партии и сообщили, что «замена» отменяется. Он в ответ взорвался — заявил, что в таком случае оставляет за собой право отбить телеграмму лично Брежневу, слов так на двести. «Я напишу свой лучший текст и гарантирую вам неприятности», — заявил Лосев. «Да на здоровье! — ответили ему. — Давайте свою телеграмму! Еще он будет нас шантажировать!..» Но Лосев не унимался: «А будет ли это хорошо? В предпраздничный день на стол к Леониду Ильичу ляжет подобная телеграмма. На двести слов. Как полагаете?» И он уже развернулся, чтобы покинуть кабинет, как его хозяин дрогнул: «Ну хорошо, мы подумаем».

Автор пьесы Зорин тоже не сидел сложа руки и позвонил одному высокопоставленному чиновнику из Министерства культуры. И в

разговоре с ним обронил: «В противном случае я готов к крайним мерам». Что это были за «крайние меры», Зорин не объяснил, но чиновник насторожился. На носу были майские праздники, и портить себе настроение разборками с творческой интеллигенцией ему явно не хотелось. Короче, чиновник отдал соответствующее распоряжение, и «замену» разрешили, а официальную премьеру назначили после майских праздников. Зорину сообщили об этом в половине третьего дня, когда он сидел у себя дома в компании жены и нескольких актеров, занятых в спектакле. По словам драматурга, когда это произошло, у него отказали ноги — их сковал паралич. К счастью, длилось это около минуты.

Спектакль прошел на ура, и сразу после его окончания Зорин в компании своей жены и режиссера Романа Виктюка заглянул на огонек к актеру Леониду Маркову, который играл в «Царской охоте» главную роль — Алексея Орлова. Далее послушаем рассказ самого драматурга:

«У Леонида, кроме его молодой супруги, сестры его Риммы — известной артистки, — мы встретили усталую Терехову и несколько актрис и актеров. Все были вымотаны до предела, один лишь хозяин был бодр и свеж.

Он поднимался не раз и не два со здравицами — я обратил внимание на то, что в них не было общих мест. Когда он пил за свою жену, вдруг признался, что не рассчитывал на чувство, которое окольцует, заставит сосредоточиться душу. Но странно, как он разбогател и как расширил свои владения, когда отказался от всех на земле и отдал все, что имел, одной. Он попросил у сестры прощения за эту невольную измену: «Ты — моя кровь, она — любовь».

Потом он заговорил о Тереховой. Сказал, что знает, в чем ее тайна и в чем ее сила, — она несчастливая. И Терехова не возразила. Да и могла ли она быть счастлива с ее постоянным томлением духа, осадком, занозой от каждой встречи, с игрой в бронированность и уязвимость, с обидой на свою беззащитность, которую нужно надежнее прятать, чтоб не сразу разнесли тебя в клочья. Всегда и повсюду — от глаз и ушей — упрятать, утаить свою сущность, в которой так странно совмещены и ахматовская гордыня, и цветаевская самозабвенность...»

В те самые часы, когда Зорин и К^о отмечали успешный показ «Царской охоты», миллионы болельщиков прильнули к экранам своих телевизоров: в десять вечера началась трансляция матча розыгрыша Кубка европейских чемпионов по футболу между западногерманской «Боруссией» и киевским «Динамо». В первой игре, которая состоялась две недели назад в Киеве, удача сопутствовала динамовцам, которые одолели соперника с минимальным счетом 1:0. Теперь, чтобы пройти дальше, им надо было опять либо выиграть, либо свести матч к ничьей. Увы, из этого ничего не вышло. Уже на 26-й минуте матча Бонхоф с пенальти открыл счет. После этого впору было надеяться, что киевляне бросятся в атаку. Но вместо этого они ушли в оборону, за что и поплатились. Во втором тайме немцы забили еще один гол и сумели удержать этот счет до финального свистка.

Георгий Данелия продолжает работу над комедией «Мимино». Как мы помним, съемки фильма завершились в конце марта и теперь шли монтаж и озвучивание ленты. 13 апреля сделали досъемку крупных планов в декорации «Большой театр» (снимали Вахтанга Кикабидзе и Владимира Басова), а 21 апреля в тонателе «Мосфильма» записали заглавную песню фильма в исполнении Кикабидзе «Чита-грита, чита-маргарита» («Птичка-невеличка»), которой после выхода фильма на экран суждено будет стать всесоюзным шлягером.

В тот же день в столице Австрии городе Вене открылся 44-й чемпионат мира по хоккею с шайбой. Советская сборная приехала туда в хорошем настроении, удачно проведя турне по Скандинавии: наши выиграли два матча у сборной Финляндии (7:1, 4:0) и у сборной Швеции (4:2). Да и первый день чемпионата не принес советским хоккеистам неожиданностей: она легко переиграла команду ФРГ со счетом 10:0. Скажи кто тогда, что этот турнир закончится для наших ребят хуже всех предыдущих, ему бы просто не поверили. Но не будем забегать вперед.

В субботу, 23 апреля, столичному Театру на Таганке исполнилось 13 лет. Вот как об этом дне вспоминает старожил театра актер Вениамин Смехов:

«В нашем фойе — столы и суета, праздник — своими руками. Мы с Давидом Боров-

ским (художник театра. — Ф. Р.) придумали елку: население театра и дорогие гости, просим всех к новогоднему столу. Нам тринадцать лет, в полночь поднимем бокалы за наступающий новый год «Таганки». Конфетти и серпантин, всюду по стенам цифры «13», а на елке приметы команды Воланда: голова Берлиоза, голова Бенгальского, груди Геллы и прочие забавы Сатаны. Забавы соответствуют и понятию «чертова дюжина», и главной победе уходящего года — премьере «Мастера и Маргариты». Очень грустно вспоминать такой счастливый апрельский «новый год»... Почему-то хорошее нам кажется вечным. Да и как было представить себе этот круг разорванным, если так крепко связаны все звенья: актеры—зрители—любовь—литература—Любимов—Трифонов—Высоцкий—Окуджава—Шнитке—Визбор и все, все, все... Звучат заздравные тосты, льются горючие речи, звенит и звенит гитара... Кто это придумал, что Юрий Трифонов сумрачен и нелюдим? Крутится лента памяти, весело разговорчивы, милы друг другу и ни за что не хотят расставаться гости таганковского праздника. Можаяев слагает тосты, ему что застолье, что Колонный зал, что новгородское вече — это проповедник на амвоне...

В тот вечер только один из друзей театра не отозвался веселым настроением и, когда по традиции я позвал его к микрофону — спеть свое новое, — отказался, потом его очень попросили, и тогда он, сердясь на себя ли, на погоду ли, взял гитару и, поглядев на Трифонова, пропел ему посвященное... Булат Окуджава — Юрию Трифонову: «Давайте восклицать, друг другом восхищаться...»

24 апреля в Москве, на Большой спортивной арене в Лужниках, сборная СССР принимала в рамках отборочного цикла чемпионата мира по футболу сборную Греции. Учитывая недавнее разочарование, постигшее советских болельщиков в Кубке европейских чемпионов (как мы помним, киевские динамовцы не смогли пройти дальше, проиграв «Боруссии»), на этот матч возлагались особые надежды. «Уж здесь-то, надеемся, не облажаемся?» — спрашивали друг друга болельщики, заполнившие трибуны лужниковского стадиона. Не облажались: обыграли греков со счетом 2:0 (голы забили Коньков и Кипиани).

В павильонах «Мосфильма» продолжают съемки боевика «Трактир на Пятницкой»: с 19 по 23 апреля снимались эпизоды в декорации «квартира Фалина» (актер Юрий Волков), после чего съемки переместились в другую декорацию — «уголовный розыск». 25 апреля наконец-то разрешилась проблема с исполнителями главных ролей: директор студии Николай Сизов подписал приказ о назначении на роль Пашки Америки актера Александра Галибина, Аленки — Марины Дужековой, Сержа — Льва Прыгунова. У съемочной группы как гора с плеч упала и настроение заметно улучшилось. Как результат — хорошие показатели. Так, 25 апреля было отснято более сорока полезных метров пленки, в частности эпизод, где начальник угро Климов (Геннадий Корольков) делает последнее предупреждение Пашке Америке: будешь воровать — посадим.

Однако уже на следующий день не удалось снять и десяти метров пленки — внезапно заболел режиссер Александр Файнциммер. Простой продлится аж до 10 мая.

Владимир Высоцкий, чье здоровье совсем недавно вызывало серьезные опасения у его близких и друзей, кажется, оклемался. Несколько дней назад он выписался из Склифа и вновь стал выходить на работу — в Театр на Таганке. А тут как раз случилось радостное для него событие — свет увидел буклет «Владимир Высоцкий», написанный Ириной Рубановой. 25 апреля Золотухин специально притащил его в театр, чтобы Высоцкий поставил на нем свой автограф. Был он при этом грустный и обронил: «Когда уж совсем конец, думаешь: ну и хрен с ним... Легко становится... Но когда выкарабкался, начинаешь болеть месяц, два, думаешь: зачем столько времени потерял? Стоять за конторкой и писать, и больше ничего... У меня уже это не получится...»

Тем временем продолжается победное шествие советской хоккейной сборной по льду венского «Штадтхалле». 22 апреля наши ребята разгромили финнов 11:6, а два дня спустя встретились со сборной Канады. В составе последней играли профессионалы, пусть и не лучшие, поскольку последние были заняты в играх Кубка Стэнли (в Вену, к примеру, приехал хорошо знакомый нам по Суперсерии-72 Фил Эспозито). Игра СССР—Канада вызвала горячий интерес по обе стороны океана. Дос-

точно сказать, что сразу две западные фирмы — автомобильный концерн «Дженерал Моторс» и пивоваренная компания «Керлинг О'Кид» — пообещали канадским хоккеистам, если они победят русских, крупное денежное вознаграждение (пивные короли прислали в Вену 9 тысяч банок пива для поддержания тонуса у канадских хоккеистов). Однако ни баксы, ни пиво не помогли хваленом профессионалам: уже к середине второго периода мы вели со счетом 8:0! Потом Рик Хэмптон «размочил» счет, но эта шайба оказалась единственной в воротах Третьяка. Табло зафиксировало общий итог матча — 11:1 в нашу пользу.

На этом победное шествие советской сборной не закончилось. 25 апреля состоялся матч СССР—Румыния. Сомневающимся в том, кто победит в этой игре, не было, все только гадали, с каким счетом советская команда повергнет на лопатки дебютантов мирового первенства. Кто-то называл счет 10:0, кто-то 15:2. Ошиблись все: наши забросили румынам 18 шайб, а пропустили только одну, да и ту в третьем периоде. Таким образом, после четырех игр у советской сборной был самый лучший баланс шайб: 50 заброшенных и 8 пропущенных. Даже наши ближайшие преследователи чехи и шведы по заброшенным шайбам отставали от нас чуть ли вдвое. Поэтому стоит ли говорить, кому отдавали предпочтение букмекеры, да и большинство остальных болельщиков, когда 28 апреля на лед «Штадтхалле» вышли сборные СССР и Чехословакии.

Вспоминает В. Третьяк: «Видимо, наши соперники нервничали сильнее нас. Вратаря сборной ЧССР Холечека окружила вся команда — что-то говорят ему, хлопают по щиткам клюшками. На первой же секунде сильный бросок по моим воротам сделал Эберман. Я отбил. Затем с глазу на глаз со мной вышел Бубла, он бросил, я подставил клюшку и сразу грудью упал на шайбу. Момент был напряженный. Много зависело от того, кто откроет счет. К счастью, это удалось нам. На 6-й минуте Капустин стремительно прошел вдоль борта за ворота Холечека, затем выдал пас назад, и Жлуктов с ходу забросил шайбу в ворота. Вскоре Мартинец, когда чехи играли в большинстве, швырнул шайбу издалека. Я был закрыт игроками и не среагировал на бросок. Счет сравнялся — 1:1.

На второй период мы вышли совсем с другим настроением: мы чувствовали, что сильнее соперников, что можем убедительно выиграть. Так и случилось. Капустин (дважды), Михайлов и Бабинов довели счет до 5:1, а в третьем периоде Якушев поставил точку — 6:1.

После игры ко мне подошел чехословацкий игрок Новак.

— Все правильно, — сказал он. — Вы сильнее, вы будете чемпионами.

— Посмотрим, — уклончиво ответил я.

Когда мы пришли в душ, Эберман, явно опечаленный неудачей, сказал:

— Ну что ж, мы чуть не выиграли Кубок Канады, а вы выиграете звание чемпионов мира. Так будет, вот увидишь...

— Ты, наверное, шутишь, — перебил я его. — Вся борьба на чемпионате еще впереди.

Я действительно думал так, как говорил. Но этого отнюдь не скажешь о некоторых других наших хоккеистах и тренерах.

Они, кажется, поверили в то, что «золото» нам уже обеспечено. Слишком рано поверили... Смелые интервью журналистам, преждевременные выступления перед болельщиками, которые приехали в Вену, самоуверенность — все это было совершенно не в стиле нашей команды...»

Между тем до печального итога еще остается время, а пока наша сборная продолжает приумножать число своих побед: 30 апреля легко обыграна команда США со счетом 8:2. Наша результативность поражает: мы забросили 64 шайбы и только 11 пропустили.

А вот сборная СССР по футболу в тот субботный день, 30 апреля, своих болельщиков подвела: играя в Будапеште в рамках отборочного цикла чемпионата мира против сборной Венгрии, наши футболисты уступили 1:2 (единственный гол у нас забил Давид Кипиани).

Однако вернемся из Будапешта в Москву. Во второй половине апреля в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 25-го — **«Аты-баты, шли солдаты»** Леонида Быкова с участием Леонида Быкова, Владимира Конкина, Елены Шаниной и др.; **«Птицы наших надежд»** Эльера Ишмухамедова с участием Ирины Печерниковой, Натальи Сайко и др.; **«Принцесса на горошине»** Бориса Рыцарева с участием Ирины Малышевой, Андрея Подольяна, Иннокентия Смоктуновского и др.;

30-го — **«Ключ без права передачи»** Динары Асановой с участием Елены Прокловой, Алексея Петренко, Лидии Федосеевой-Шукшиной и др. Из зарубежных премьер выделю фильм выдающегося польского режиссера Анджея Вайды **«Земля обетованная»** с Даниэлем Ольбрыхским в главной роли.

Кино по ТВ: **«Старик Хоттабыч»**, **«Счастливый рейс»**, **«Весна 29-го»** (16-го), **«Семеро смелых»**, **«Взлетная полоса»** (17-го), **«Мандат»** (18-го), **«С тобой и без тебя...»**, **«Девушка с коробкой»** (19-го), **«Железный поток»** (20-го), **«Салют, Мария!»** (20—21-го), **«Верность матери»**, **«Седьмое небо»** (с субтитрами) (21-го), **«Где ты теперь, Максим?»** (22-го), **«День приема по личным вопросам»** (впервые по ТВ), **«Лекарство от любви»** (23-го), **«Комсомольск»** (24-го), **«Армия «Трясогузки»** (25-го), **«К Черному морю»** (26-го), **«Армия «Трясогузки» снова в бою»** (27-го), **«Выбор цели»** (27—28-го), **«Мировой парень»** (29-го), **«Цирк зажигает огни»** (30-го) и др.

Из других передач выделю одну: 18 апреля состоялась премьера передачи **«Спутник кинозрителя»**. В ней телезрители смогли познакомиться с творческими портретами двух дебютантов: Бориса Плотникова (**«Восхождение»**) и Евдокии Алексеевой (**«Деревня Утка»**), узнали о двух новинках: фильмах **«Жизнь и смерть Фердинанда Люса»** и **«Золотая лихорадка»**.

Из театральных премьер назову следующие: 17-го — в филиале Малого театра был показан спектакль **«Плутни Скапена»** с участием Романа Филиппова, Валерия Носика и др.; 26-го в Театре имени Ермоловой — **«Горное гнездо»** с участием Всеволода Якута, Юрия Медведева и др.

Эстрадные представления: 15—17-го — в ЦДСК выступал ВИА **«Лейся, песня»**; 16—17-го, 23—24-го — в **«Октябре»** прошли концерты с участием Аллы Пугачевой, Жанны Горощени, Юрия Григорьева и др.; 21—24-го — в ГТЭ выступали: Галина Ненашева, ВИА **«Коробейники»** и др.; 22—23-го в ЦДКЖ — ВИА **«Лейся, песня»**; в ЦДСА — Ольга Воронец; 23-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского — ВИА **«Акварели»**; 23-го в ГТЭ — Сергей Юрский — с программой **«Ситуации и характеры»**; 29—30-го — в ДК МИИТа пела Алла Пугачева; 30-го — в ГТЭ состоялись концерты с участием Ивана Суржикова, Евгения

Петросяна, квартета «Аккорд», ВИА «Лейся, песня» и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю миньон **«Евгений Мартынов поет свои песни»**, на котором были представлены следующие произведения: «Аленушка» (стихи — А. Дементьев), «Соловьи поют, заливаются» (Д. Усманов), «Начни сначала» (А. Вознесенский), «Ты приносишь мне рассвет» (А. Дементьев, Д. Усманов).

Из новинок зарубежной музыки прежде всего выделю первый диск супергруппы из Англии **«Уингз»** во главе с Полом Маккартни. Наша родная грамзапись расщедрилась настолько, что подарила отечественным меломанам диск 1973 года **«Оркестр в движении»** («Band on the Run»). Правда, не обошлось без

ложки дегтя в бочке меда: заглавную песню диска (кстати, одну из лучших на нем) в русском варианте выкинули, сочтя слово «band» крамольным для уха советского слушателя. Чудны дела твои, «Мелодия»!

Также были выпущены диски **Адриано Челентано** (Италия) и **Рафаэля** (Испания).

В журнале **«Кругозор»** (№ 4) были помещены пластинки: Лев Лещенко — «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный), «Я люблю тебя всегда» (А. Пахмутова — Н. Добронравов); «Песняры» и «Нью Кристи Минстрелс» — «Расцвела сирень, черемуха в саду», «Вероника»; Мирей Матье — «Мамушка» (Э. Марнэ — К. Брюн), «Все дети спят со мной» (Марнэ) и др.

1977 Май

Высоцкий в Доме отдыха. Первое поражение советских хоккеистов в Вене. Дневник Брежнева. Наши опять проигрывают. Грязная игра в исполнении канадцев. «Повесть о коммунисте» крутят по ТВ. КГБ вмешивается в любовный роман внучки Брежнева. «Бронза» сборной СССР. Дайте народу мяса! Как «усатого няня» отмазали от армии. Трионон: операция «Сауна». Андрей Тарковский приступает к съемкам «Сталкера». Футбольный «Спартак» борется за выход из первой лиги. Трионон отбывает на юг. «Смоки» покоряют Союз. Братья Билыки: похищение оружия в Новосибирске. Как нашли наро-фоминских грабителей. Кто получит Госпремии. Мемуары Брежнева отданы другому. Победа-поражение сборной СССР по футболу. Взяли афериста, выдававшего себя за дипломата. Гайдай снимает в Касимове. Испорченный день рождения Андрея Сахарова. Брежнев убирает Подгорного. Элем Климов готовится к съемкам фильма «Убейте Гитлера». Всесоюзный кинофестиваль в Риге: почему Нонна Мордюкова задержала вылет самолета. Смена руководства в сборной СССР по хоккею. «Ирония судьбы» проходит. Захват самолета. Новый лидер комсомолии. Толкучка на Беговой. Приятная встреча Юрия Нагибина. «Правда» бьет по «Таганке».

Владимир Высоцкий, жизнь которого пару недель назад буквально висела на волоске, на майские праздники отправился поправить свое здоровье в Дом отдыха «Известий», что на Красной Пахре. И был приятно удивлен, когда 1 мая встретил там своего давнего приятеля поэта Игоря Кохановского. Последний вспоминает:

«Мы дико обрадуемся, что встретились, пойдем в сауну и просидим там, наверное, часов пять в компании очень симпатичных людей, но словно забудем о них и будем друг с другом говорить, говорить, говорить, а сидящие рядом с нами, видимо, поймут, что мы истосковались по «нашему трепу» (лучшего собеседника у меня никогда не было и не будет — в Магадане, куда он внезапно прилетел, мы с ним проговорили, кажется, все трое суток, что он там был), не будут нам мешать и — даже наоборот — своим «отсутствием присутствия» создадут вполне удобную атмосферу для «задушевки».

А теперь с Красной Пахры перенесемся в Вену, где продолжается чемпионат мира по

хоккею с шайбой. Как мы помним, наша сборная творит там чудеса — щелкает, как орехи, всех своих соперников, забивая в среднем по 10 шайб за игру. Таких великолепных показателей нет ни у одной команды, приехавшей в Вену. Поэтому 2 мая, когда нашей сборной предстояла игра со шведами, подавляющее число экспертов спорили: сумеет ли наша сборная и ее обыграть с крупным счетом? О том, что советская сборная может проиграть, речи вообще не шло. Да и о каком проигрыше можно было говорить, если нашим хоккеистам достаточно было одолеть шведов, и золотые медали досрочно были бы у них в кармане? Как вдруг... Впрочем, послушаем рассказ непосредственного участника той игры — В. Третьяка:

«Никто из нас не сомневался в победе. Подумаешь, шведы... Скольким раз их побеждали! Безусловно, на настроение наших игроков повлияли и слишком оптимистические высказывания газет. «Русские сильнее всех, — писали они. — Чемпионат закончен. Чемпионы уже известны».

Напрасно тренеры не нарушали этой идиллии, не напоминали игрокам о том, где они находятся. Впрочем, и тренеров отчасти можно было понять. За шесть матчей наша команда забросила соперникам 64 шайбы. Трудно было не поверить в то, что мы действительно сильнее. Одна победа, и мы — чемпионы!

И вот начался матч со шведами. На первой же минуте Харламов едва не забил гол. Через некоторое время шайба еще трижды могла влететь в ворота «Тре крунур». Как ни странно, но и это пошло нам во вред. Мы решили: ну, все в порядке — «поймали» свою игру, сейчас забросаем соперников шайбами. Но время шло, а ничего похожего на успех не было. Первый гол шведы забили нам в первом периоде. Наши игроки напоминали рыб, бьющихся об лед. У них было огромное желание победить, у них было мастерство, но все это не приносило реальной пользы.

Во втором периоде шведы стали играть активнее, а на нашу защиту напало какое-то оцепенение. Соперники без помех бросают по моим воротам, смело идут на добивание, мои же товарищи по команде... спокойно стоят и наблюдают. Прямо мистика какая-то! К тому же шведы грамотно построили защиту. Даже играя в меньшинстве, они запросто лишали наших хоккеистов возможности атаковать ворота, а при первом же удобном случае, не медля, контрнаступали...»

Третьяк прав — наша команда в тот день была просто на себя не похожа. Утверждаю это как очевидец, который отсмотрел весь матч от начала до конца. Плохо играли все: и защита, и нападение. Третьяк тоже не показал своей лучшей игры, но в большинстве голов его вина была минимальная — прозевала защита. Именно поэтому уже в середине игры наши тренеры посадили на скамейку запасных двух защитников — Александра Гусева и Сергея Бабинова, которые не справлялись со своими обязанностями. И матч мы доигрывали с двумя парами защитников. Был посажен отдыхать и Валерий Харламов, у которого в этой игре тоже ничего не получалось. Да что говорить: будь у тренеров такая возможность, они бы посадили на скамейку запасных чуть ли не всю команду. А играть тогда с кем? В итоге оставшиеся игру домучили, уступив шведам со счетом 1:5. Для

нашей сборной это был первый тревожный звонок.

Вечером во вторник, 3 мая, Леонид Брежнев открыл у себя на даче в Заречье дневник и записал в него свои впечатления о прошедшем дне. Впечатления были следующими: «Вес — 85 300. Беседа с Рябенко (начальник охраны генсека. — Ф. Р.). Разговор с Черненко К. У. По повестке дня Политбюро.

Портные — костюм серенький отдал — и тужурку кож. прогулочную взял.

Позвонил Ю. В. Андропов — приехал мы с ним беседовали. Работал с Дорошиной».

4 мая в Вене сборная СССР по хоккею встречалась с командой Чехословакии. Это была вторая игра на чемпионате этих команд, и, как мы помним, первую выиграли советские хоккеисты со счетом 6:1. Однако после того, как наши ребята уступили шведам и полоса везения для них закончилась, никто из специалистов уже не брался безоговорочно отдавать им победу. И если каких-нибудь несколько дней назад все австрийские газеты только и делали, что предрекали советской сборной досрочную победу на чемпионате, то теперь комментарию были более осторожными.

Вспоминает В. Третьяк: «После поражения от шведов атмосфера в команде переменялась. На смену благодушию пришло нервическое ощущение потери. Как будто нам теперь предстояло участвовать в погоне за чем-то украденным.

И посыпалось с разных сторон: «вы должны», «вы обязаны», «вам надо», «должны, должны, должны»... Человек посторонний, услышав все это, мог, наверное, решить, что, если мы не выиграем первое место, настанет конец света. Такая «накачка» не сулила ничего хорошего — это подтвердил уже следующий матч, с чехословацкой командой.

На этот раз соперники поставили в ворота Дзуриллу. Первый же период окончился со счетом 3:0 в пользу ЧССР. Что случилось — до сих пор не могу понять. Защита опять играла из рук вон плохо. Нападающие были беспомощны.

Понурые, потерянные, мы брели в раздевалку. Не хотелось смотреть друг другу в глаза. Никто не узнал бы в этот момент сборной СССР. В коридоре меня догнал Владимир Петров.

— Ты кончай шайбу вперед отбивать, — проворчал он.

— А ты лучше бы обороне помогал, — огрызнулся я.

И это было непохоже на нас — чтобы в перерыве между периодами, как бы трудно ни складывался матч, мы затевали перепалку. И это говорило о том, что команда больна.

Второй период начался с того, что соперники забросили нам четвертую шайбу. При явной пассивности защитников они били, били и забивали-таки нам гол. Я почувствовал нечто похожее на панику. «Ну давайте, ребята, возьмите себя в руки, — мысленно умолял я. — Мы же десятки раз выигрывали у сборной Чехословакии! Мы же сильнее...» Харламов, Михайлов и Балдерис отквитали три гола, но большего сделать не удалось. Дзурилла был на высоте. И так, еще одно поражение...»

Два проигрыша подряд хотя и отбросили нашу сборную назад, но не настолько, чтобы впасть в панику. У нас еще была возможность собраться и довести чемпионат до победного конца. Но для этого надо было выиграть следующий матч — с канадцами, который должен был состояться 6 мая. Но канадцы, которые начало чемпионата откровенно провалили (нам они проиграли 11:1), теперь наверстывали упущенное: они сыграли вничью с чехословаками (3:3), затем разгромили шведов (7:0). И теперь то же самое собирались проделать и с советской сборной.

Обе команды вышли на лед за час до начала игры — чтобы размяться. И тут канадцы показали себя во всей своей хулиганской красе. Когда шайба из их зоны случайно залетела на советскую сторону и ее коснулся Геннадий Цыганков, сразу несколько канадцев как коршуны налетели на него, и только вмешательство других игроков остановило намечавшуюся драку. А когда разминка закончилась и команды потянулись в раздевалки, один из канадцев демонстративно швырнул шайбу прямо в Третьяка. Но и это было еще не все. В коридоре канадцы внезапно стали грязно ругаться в адрес наших ребят, обзывая их самыми последними словами. Лица у заокеанских профи были перекошены от злобы, на губах у многих появилась чуть ли не пена. Третьяк, который много чего успел повидать, и тот удивился и спросил у своего старого приятеля Аги Кукуловича

(тот долго работал в московском представительстве авиакомпании «Эр Канада»): «Что же это за банду вы привезли в Вену?». На что Аги ответил: «Мне самому за них стыдно».

Вспоминает В. Третьяк: «Счет в этой встрече открыл Цыганков. Вскоре канадцы забили ответную шайбу, и здесь снова произошло то, о чем до сих пор я вспоминаю с отвращением. Соперники подкатывали к моим воротам и орали прямо в лицо: «Что, съел, проглотил шайбу?!» Они хотели вывести меня из равновесия, но добились обратного. Я сказал себе: «Все, этот гол последний в твоих воротах». Так и получилось.

Больше они мне не забивали.

Их бесило то, что наши игроки не поддаются на мелкие провокации, не отвечают ударом на удар. Канадские хоккеисты были просто вне себя. План запугивания провалился. Судьи проявили твердость, не прощая ни одной из их выходов. Удаления назначались одно за другим, канадцы сорвали голоса, ругаясь с арбитрами, но все было напрасно. Нарушителей отправляли на скамью, а мы в это время забивали шайбы. (Канадцы установили в этом матче рекорд чемпионата, набрав 52 минуты штрафного времени. — Ф. Р.)

Грубиян Пэйман, приставленный глядеть за Якушевым, выполнял свою миссию весьма «оригинально»: он цеплял Сашу крюком за шею. Рассел орудовал своей клюшкой, как оглоблей в деревенской драке, а когда его наказали, он устроил на скамье штрафников настоящую истерику — швырнул на землю шлем и разразился потоком брани. После сирены, известившей о том, что профессионалы проиграли со счетом 1:8, Маккени в бессильной злобе ткнул клюшкой в живот Шадрина...»

В субботу, 7 мая, в пять вечера Леонид Брежнев специально отложил все дела и занял место у телевизора. Нет, показывали не его любимый хоккей или концерт не менее любимого Николая Сличенко. Состоялась премьера документального фильма «Повесть о коммунисте», в котором речь шла о ратном пути генсека. Премьера этого фильма, снятого режиссерами И. Бессарабовым и А. Кочетковым, на широком экране состоялась, как мы помним, в декабре прошлого года — в дни, когда отмечалось 70-летие Брежнева. Люди шли на него вяло, предпочитая более зрелищное кино,

из-за чего было принято решение загонять на него публику по разнарядке: людей освобождали от работы и вели в кинотеатры. Потом, когда и это мало помогло, решили прогнать картину по «ящику». Не знаю, как другие, но я эту фильму проигнорировал.

Но отложим в сторону дела серьезные и поговорим о делах амурных. В те дни внучку генсека Викторию Брежневу, которая училась на театроведческом факультете ГИТИСа, угораздило влюбиться в студента факультета музыкальной медики этого же института Геннадия Варакуту. Ситуация усугублялась тем, что Виктория на тот момент была замужем, имела ребенка, а ее кавалер слыл в студенческих кругах как отъявленный плейбой (по слухам, до Виктории он крутил амуры с одной из дочерей главного коммуниста Чили Луиса Корвалана). Естественно, когда про эту связь узнал Брежнев, он приложил максимум усилий к тому, чтобы расстроить эти отношения. Но сделал это не сам, а передоверил дело своему человеку на Лубянке — первому заму председателя КГБ Георгию Циневу. Тот, в свою очередь, решил посоветоваться с Андроповым, на что тот ответил коротко: «А чего думать: надо выгнать парня из института и отправить из Москвы на родину, в Киев». Идея Андропова всем понравилась, однако прежде чем парня выгнать, его нужно было на чем-то поймать. За этим дело не стало. Вскоре в общаговской комнатухе Варакуты, в его прикроватной тумбочке, были якобы случайно найдены легкие обезболивающие медикаменты, которые объявили наркотиками. Встал вопрос об отчислении Варакуты из института. Но тут на его сторону встал ректор ГИТИСа, который знал провинившегося как талантливого и прилежного студента. «Пропесочим его как следует на комсомольском собрании, но отчислять-то зачем?» — возмутился ректор. Пришлось чекистам подключать к этому делу самого министра культуры Демичева. После его телефонного звонка ректор вынужден был сложить оружие.

И все же любовь оказалась сильнее интриг КГБ. Когда Виктория прознала про те неприятности, которые обрушились на голову ее возлюбленного, она привела в движение все свои связи. В частности, пожаловалась своей бабушке — жене генсека, которая во внучке души не чаяла. И та позвонила Андропову. В итоге

Варакута отправился не в Киев, а в Ленинград, в Институт театра, музыки и кино. И его роман с внучкой генсека продолжился. Но о том, как в нем развивались события дальше, мы узнаем чуть позже, а пока вернемся к событиям мая 77-го.

Продолжается чемпионат мира по хоккею с шайбой в Вене. После того как наша сборная обыграла с разгромным счетом канадцев (8:1), миллионы советских болельщиков воспряли духом. «Ну, теперь-то мы снова всех уделаем!» — таков был всеобщий вывод после той победы. 8 мая наша сборная встречалась с командой Швеции. Это была решающая игра: успех в ней выводил нашу команду в чемпионы, поражение отбрасывало аж на третье место. Вот как об этой игре вспоминает В. Третьяк:

«После холодного душа, который устроила нам «Тре крунур» 2 мая, прошло шесть дней. Мы детально разобрались в причинах поражения и были убеждены в том, что произошла просто нелепая случайность. Нам нужно было теперь не повторить грубых ошибок, допущенных в тот злополучный день, просто не повторить, и все. Не изменять коллективной игре, вовремя возвращаться в свою зону для организации прочной обороны, нападающим — точнее бросать по воротам Хегюсты, тренерам — без нужды не перетасовывать звенья. Вот и все. Чего проще...

Но... Все наши планы рухнули в первом же периоде. Мы будто забыли то, в чем еще недавно клялись друг другу. Опять — нервозность и суета, снова — провалы в средней зоне, куда беспрепятственно входили соперники, опять — робость и неуверенность в действиях форвардов. Даже такой хладнокровный хоккеист, как Якушев, несколько раз умудрялся не попасть в пустые ворота...»

Поскольку Третьяк оставляет за бортом своих воспоминаний подробности того матча, возьму эту миссию на себя. Игра началась для наших хоккеистов вполне неплохо: уже на 8-й минуте Владимир Шадрин «распечатал» ворота Хегюсты. Но радость советских болельщиков длилась недолго: вскоре Эрикссон восстановил равновесие. Причем невольно помог ему в этом Вячеслав Фетисов — это от его конька шайба изменила направление полета и влетела в ворота Владислава Третьяка. А в начале второго периода уже ошибся другой наш защитник —

ветеран сборной Валерий Васильев. Получив шайбу, он небрежно послал ее через центр, и все тот же Эрикссон снова оказался тут как тут. Подхватив шайбу, он мощным шелчком послал ее в сетку наших ворот. Этот же Эрикссон забил и третью шайбу. Поражение со счетом 1:3 отбросило советскую сборную на третье место. Первое место взяла сборная ЧССР, второе — Швеция.

Но вернемся на родину. 9 Мая страна отмечала 32-ю годовщину Победы. Парадокс: вроде бы со дня окончания войны прошло достаточно времени, а жизнь в победившей стране лучше почему-то не стала. Особенно сильно это ощущалось вдали от Москвы, где-нибудь в провинции, где не было даже самого необходимого — того же мяса. А если его все-таки привозили в магазины, то очереди выстраивались километровой. К примеру, съехавшиеся в Волгоград со всей страны ветераны войны (те, кто отстоял Сталинград в 42-м), в тот день, 9 Мая, не смогли даже водки себе купить, поскольку в магазинах ее тоже не оказалось. Не было на прилавках волгоградских магазинов и других продуктов: масла, колбасы, рыбы. Из деликатесов были только плавленый сырок «Дружба» да консервы «Завтрак туриста». А в это время... Впрочем, послушаем А. Зоркого:

«Тем же днем в обкомовской гостинице, которую охраняли мордатые отставники и гэбисты, за кисейными занавесями в уютном зале ресторана звякали ножи и вилки, девицы в накрахмаленных передничках и наколках разносили снедь рубающим обед сановитым коммунистам. Горячие горшочки с ухой и солянками. Желаете язычка заливного или отварного горяченького? Рыбки красненькой? Судачка по-польски или зажаренного с картошечкой фри? Поросенка с гречневой кашей? Пивка чешского, боржоми или графинчик водки? Все уютненько, по-домашнему. Почем? Да нипочем. Никаких наценок, сплошные скидки...»

Тем временем в самом разгаре весенний призыв в армию. В числе призванных оказался молодой актер Сергей Проханов, который в те дни снимался в главной роли своей жизни — играл добродушного воспитателя детсада Кешу Четвергова в комедии «Усатый нянь». Съемки фильма двигались к своему логическому завершению, оставалось снимать меньше двух недель, как вдруг Проханова вызывают в военко-

мат и «забривают» в солдаты. Когда об этом узнал режиссер фильма Владимир Грамматиков, его чуть удар не хватил. Естественно, начались лихорадочные попытки спасти парня от призыва. И кто знает, чем бы закончилась эта эпопея, если бы Проханов не был женат на внучке маршала Советского Союза Василевского. Именно благодаря заступничеству последнего его и «отмазали» от службы в армии. Причем на тот момент Проханова уже успели обрить наголо и он находился на Государственном сборном пункте на Угрешской улице в Москве. Еще бы немного, и лететь бы ему в армию ясным соколом, а зрителям не смотреть бы веселую комедию. Но все обошлось как нельзя лучше. Правда, снимать Проханова теперь пришлось в парике.

КГБ продолжает слезку за Александром Огородником (он же цэрэушный агент Трионн). В те майские дни в отношении него чекистами была предпринята операция под названием «Сауна». Суть ее заключалась в следующем. Той весной в квартиру Огородника въехала новая семья — вместо старушки-пенсионерки, которая решила воссоединиться со своей дочерью, там поселилась работница завода «Серп и молот» с сыном-четвероклассником. Поскольку в отношении Огородника у КГБ возникало все больше и больше подозрений, было решено провести негласный обыск у него в квартире. Но для этого необходимо было удалить оттуда на определенное время соседей и самого Огородника. С первыми было проще: подключили к этому делу профсоюзную организацию «Серпа и молота», и те пообещали отправить на лето соседку с сыном в пионерский лагерь. А вот с Огородником пришлось повозиться и разработать против него более сложную операцию — ту самую «Сауну». В первой стадии операции известный нам работник Службы безопасности МИДа Игорь Перетрухин вышел на Огородника и попросил его помочь в одном важном деле — завязать знакомство с интересующим КГБ человеком. А поскольку объект в компании друзей систематически посещает сауну при бассейне «Чайка» в районе Крымского моста, сделать это необходимо именно там. Заманивая Огородника в сауну, чекисты ставили перед собой две цели: первая — добраться до его записных книжек и ключей от квартиры, вторая — увести из дома.

Операция «Сауна» была проведена в первой декаде мая. Причем в первые полчаса чекистам пришлось изрядно поволноваться, поскольку Огородник в назначенное время к месту встречи не пришел. Перетрухин ждал его около получаса, после чего доложил по телефону о случившемся своему начальнику. Но тот его успокоил, сообщив, что буквально пять минут назад ему звонил Огородник и просил прощения за опоздание: мол, тому виной неожиданно возникшие обстоятельства. Огородник просил передать Перетрухину, что он будет ждать его у магазина «Кулинария» на Зубовском бульваре ровно в 11.00.

От «Кулинарии» Перетрухин и Огородник направились на «Волге» первого к бассейну. Там они припарковались на автостоянке, после чего чекист отправился к директору «Чайки» за билетами в сауну, а Огородник остался ждать его у входа. Он не знал, что практически каждый третий из находившихся поблизости людей — агенты КГБ. Даже женщина с коляской, сидевшая на лавочке, была с Лубянки: в коляске у нее находилась кукла. А в сауне вообще из двух десятков парившихся людей все были наследниками «железного Феликса». Даже массажист был свой — чекист Владимир Каспаров. Он и должен был задержать Огородника на своем столе как можно дольше, пока его коллеги копались бы в вещах цэрэушника. После массажа Огородник наконец сделал то, ради чего и пришел, — завязал знакомство с нужным КГБ человеком.

Вскоре вокруг Огородника как бы невзначай собралась небольшая компания, которая устроила импровизированное застолье. Были сдвинуты столы, вытащены водка и закуска. Во время этого застолья Перетрухин засек несколько интересных моментов в поведении Огородника: например, он выходил в раздевалку — явно чтобы убедиться, что дверь закрыта изнутри, а также допивал пиво из чужих бокалов (при своей природной брезгливости) и категорически отказывался от закуски, видимо, опасаясь, что его могут «отключить». Однако все это были меры, так сказать, превентивного характера — никакой слежки Огородник за собой так и не обнаружил. И уже на следующий день доложил об этом своим хозяевам из Лэнгли.

В четверг, 12 мая, Андрей Тарковский приступил к съемкам своего очередного фильма —

«Сталкер» по мотивам повести братьев Стругацких «Пикник на обочине». Работа началась со съемок натуральных объектов в окрестностях Таллина. Причем поначалу снимать фильм предполагалось в Средней Азии, где-то в пустыне, но Тарковский в самый последний момент передумал и развернулся на 180 градусов, найдя для натуральных съемок болотистую местность неподалеку от столицы Эстонии, где находилась заброшенная электростанция. На главную роль (Сталкера) он пригласил Александра Кайдановского, а в компанию к нему присовокупил двух своих самых любимых актеров — Анатолия Солоницына (писатель) и Николая Гринько (профессор). Никто из участников съемок еще не знал, скольких мук им будет стоить эти съемки.

Продолжаются съемки детектива «Трактир на Пятницкой». Как мы помним, они были прерваны в конце апреля внезапной болезнью режиссера-постановщика Файнциммера, которая продлилась до конца майских праздников. 10 мая съемки возобновились в той же декорации, в которой остановились — «уголовный розыск». Объект отсняли ударными темпами за четыре дня. В последний день, 13 мая, сняли эпизоды из конца фильма: Цыган (Николай Еременко) дает сыщикам признательные показания.

Тем временем футболисты столичного «Спартака» месяц поля первой лиги. Дела у них складываются не столь удачно, как того хотелось бы их болельщикам: те полагали, что «Спартак» вылетел из высшей лиги случайно, а значит, будет на голову сильнее своих конкурентов и легко завоюет обратный пропуск в высший дивизион. Ан нет. Не хуже, чем «Спартак», в первой лиге играли еще несколько команд, в том числе и ташкентский «Пахтакор», который в те майские дни возглавлял турнирную таблицу (после 8 игр у ташкентцев было 12 очков, у «Спартака» — 11). 15 мая судьба свела двух лидеров в Москве в принципиальном поединке. Посмотреть его на стадионе в Лужниках пришли 40 тысяч зрителей, что для матча 1-й лиги было хорошим показателем. Обе команды выставили свои лучшие составы (за «Спартак» играли: Прохоров, Богач, Самохин, Хидиятуллин, Букиевский, Шавло, Ярцев, Кокорев, Гладиллин, Сидоров, Булгаков). Практически до конца игры никому из сопер-

ников никак не удавалось открыть счет. Наконец, на 75-й минуте это сделал 18-летний полузащитник москвичей Вагиз Хидиятуллин, выступавший в майке под № 4. Трибуны ликовали — казалось, что судьба матча уже решена. Но ташкентцы думали иначе. Прошло всего лишь 6 минут, и игрок «Пахтакора» Анатолий Могильный восстановил равновесие. По иронии судьбы Могильный тоже выступал под № 4. Так ташкентцы сумели отстоять свои позиции в турнирной таблице.

Между тем цэрэушный агент Александр Огородник был далек от футбольных баталий: в тот день, когда в Лужниках шел футбольный матч, он вместе со своей любовницей Ольгой отправился отдыхать на юг. Перетрухин попытался было навязать ему свои услуги — например, предложил помощь в размещении в гостиницах, но Огородник от его услуг отказался. И вообще попытался затруднить возможность слежки за ним: города, где он собирался побывать, назвал, но время пребывания в них назвал разное. Однако КГБ это не испугало. С Лубянки полетели депеши в те края, куда отправился Огородник: были информированы Председатель КГБ Грузинской ССР и начальник УКГБ Краснодарского края. А чтобы Огородник «не заблудился», с ним в поездку (естественно, негласно) отправился капитан Гречаев. Причем ему пришлось пойти на некоторые неудобства. Поскольку из-за светлого цвета волос и бровей он имел несколько броскую внешность, ему дали задание перекраситься. Он пришел в парикмахерскую на Арбате, а парикмахерша вдруг стала уговаривать его не делать этого: дескать, вам так идут светлые волосы. Видя, что переубедить словами мастера никак не удастся, Гречаев вынужден был соврать: сказал, что работает в МУРе и перекраска необходима ему по делам службы. Только тогда парикмахерша сдалась.

Но оставим на время дела шпионские и обратим свои взоры на жизнь повседневную. 14 мая «Звуковая дорожка» газеты «Московский комсомолец» опубликовала большую статью о британской рок-группе «Смоки». На тот момент этот ансамбль был чрезвычайно популярен в Европе, удостоившись за свои синглы 9 «золотых» пластинок. Но в отличие от Европы, которая имела возможность купить эти «синглы» в открытой продаже, советские мело-

маны сидели на голодном пайке: «Мелодия» их пластинки не выпускала, и только отечественное радио изредка включало в какую-нибудь из своих передач (типа «Запишите на ваши магнитофоны») шлягеры в исполнении «Смоков». К счастью, тогда существовали альтернативные источники приобщения советской молодежи к новинкам западной рок-музыки: в частности, люди, имевшие возможность периодически выезжать за «железный занавес», возвращались на родину не с пустыми руками, а привозили из-за бугра свежие диски, которые затем распространялись по стране с помощью магнитофонной ленты. Так до нас дошли все четыре альбома «Смоков», выпущенные за три года их существования. На май 77-го у «Смоков» был самый высокий рейтинг среди меломанов Советского Союза, хотя у группы были и свои противники. Например, приверженцы классического рок-н-ролла считали «Смоков» группой «однодневкой», нечто вроде «Серединны дороги» или «Тич-ина». И всех, кто слушал «Смоков», называли лохами. Лично мне, к примеру, такой снобизм был не по нраву. Сам я всегда мог с равным удовольствием слушать виртуозные пассажи Джимми Пейджа из «Лед Зеппелин» и незамысловатые песни в исполнении «Смоков». И дележку музыки на «плохую» и «хорошую» не признавал. Как говорится, не нравится — выключи.

В том же выпуске «Звуковой дорожки» сообщалось об итогах хит-парада «Звезды-76», опубликованного на страницах британского журнала «Музыкальная неделя». Среди звезд из 23 стран впервые фигурировал представитель Советского Союза: это был белорусский ВИА «Песняры». Сей факт был тем более приятен, что наша группа стояла в одном ряду со шведским ансамблем «АББА». Судя по всему, попасть в этот список «Песнярам» помогли недавние гастролы по Северной Америке.

Тем временем в первой половине мая в столичных кинотеатрах прошли следующие премьеры: 1-го на широкий экран вышла военная драма Алексея Германа «Двадцать дней без войны» с участием Юрия Никулина, Людмилы Гурченко, Алексея Петренко и др.; 2-го — мелодрама Бориса Яшина «Долги наши», где снялись: Леонид Марков, Людмила Зайцева, Лидия Федосеева-Шукшина и др.; драма Ивана Лукинского и Владимира Златоустовского «Ко-

лыбельная для мужчин» с участием Люсьены Овчинниковой, Юрия Шлыкова и др.; 12-го — мюзикл Светланы Дружининой «Солнце, снова солнце» с участием: Бориса Грошикова, Мэрле Тальвик, Олега Анофриева и др. Из новинок зарубежного кино выделю фильмы: «В сетях мафии» (Франция), «Солти» (США).

Кино по ТВ: «Не болит голова у дятла» (впервые по ТВ), «Я шагаю по Москве» (1-го), «Тимур и его команда» (премьера т/ф 1—2-го), «Начало», «Быть братом» (премьера т/ф 2-го), «Освобождение» («Огненная дуга») (3-го), «Повесть о настоящем человеке», «Офицер запаса» (4-го), «Освобождение» («Прорыв») (5-го), «Это было в разведке», «Александр Попов» (6-го), «Парень из нашего города», «Освобождение» («Направление главного удара») (7-го), «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Освобождение» («Битва за Берлин») (8-го), «Освобождение» («Последний штурм»), «Командир счастливой «Щуки», «В 6 часов вечера после войны» (9-го), «Соколово» (11—12-го), «Огненные версты» (12-го), «Коллеги» (13-го), «Удар! Еще удар!» (14-го), «Большая жизнь», «Дочки-матери», «Чужие дети» (15-го) и др.

Из других передач выделю: «Голубой огонек» (1-го, участвовали: Татьяна Грушина и Николай Караченцов — ведущие, исполнители — Геннадий Хазанов, София Ротару, Леонид Сметанников, ВИА «Верасы», «Контентпоранул» и др.), «От всей души» (7-го), «Кинопанорама» (13-го, в передаче речь шла о новых фильмах «Ночь над Чили», «Кадкина всякий знает», «Фантазия Веснухина»; Наталья Гундарева рассказала о своей работе в фильме «Сладкая женщина»; гостем передачи был мультипликатор Федор Хитрук, был также показан репортаж со съемок комедии «Усатый нянь»); «С песней по жизни» (14-го).

Из театральных премьер назову следующие: 11-го — в «Современнике» был показан спектакль «А поутру они проснулись» по В. Шукшину с участием Олега Табакова, Константина Райкина, Игоря Кваши, Станислава Садаевского, Анастасии Вертинской и др.; 12-го в Театре имени Маяковского — «Да здравствует королева, виват!» с участием Татьяны Дорониной, Бориса Химичева, Армена Джигарханяна, Михаила Филиппова и др.

Эстрадные представления: 1—9-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концер-

ты с участием Геннадия Хазанова, Александры Стрельченко, Евгения Петросяна, ВИА «Ариэль» и др.; 5—9-го — в ГТЭ выступали: ВИА «Лейся, песня», Евгений Петросян, Иван Суржиков; 7—9-го — в Зеленом театре на ВДНХ: Геннадий Белов, Нина Бродская, Иван Суржиков, Борис Владимиров и Вадим Тонков и др.; 8—9-го — в «Варшаве» играл ВИА «Самоцветы»; 11—13-го в ГТЭ — ВИА «Песняры»; 13—14-го в ЦДКЖ — ВИА «Лира».

А теперь перенесемся на другой конец страны — в Новосибирск. Там нашли свое временное пристанище братья Билыки, которые, как мы помним, в сентябре прошлого года покинули Кустанайскую область после того, как старший из Билыков — Петр — в пьяной драке убил своего собутыльника. Билыки вместе со своим приятелем Ставничим жили в разных городах Союза, пока не осели в Новосибирске. Парни нигде не работали и промышляли случайными заработками, колыма где придется. Петр к тому же занимался мошенничествами с «куклами»: обещал людям достать дефицитные вещи — автомобили, ковры — и в ходе торгов умудрялся подменять их деньги на «куклу» — нарезанную бумагу. Однако суммы, которые братья и их приятель имели с этих махинаций, были незначительными, а им хотелось всего и сразу. В итоге кто-то из них предложил грабнуть инкассаторов. Но для такого промысла им позарез необходимо было раздобыть огнестрельное оружие. И именно в те майские дни они им и разжились.

Все произошло в понедельник, 16 мая, на вокзале Новосибирска, где Ставничий и Билык-старший обратили внимание на группу солдат срочной службы, у которых с собой были автоматы АКМ. Упустить такой удобный случай приятели не могли. Выбрав удобный момент, когда один из солдат отошел от своих сослуживцев, чтобы сходить в привокзальный буфет, заговорщики отправились следом. Познакомиться с солдатиком для них не составило особого труда: пригласили его за свой столик и угостили водкой под хорошую закуску. А чего еще надо солдату-срочнику, у которого зарплата — трешка с копейками? В ходе общения приятели выяснили, что солдатик этот служит в батальоне обеспечения Кемеровского высшего военного командного училища связи и на данный момент возвращается с сослужив-

цами в родную часть после выполнения ответственного задания. «Так ты, значит, не один? — разыграли удивление будущие грабители. — Тогда зови своих корешей до нашего стола». Сказано — сделано, и вот уже за столом в привокзальном буфете пирует теплая компания молодых людей: четверо солдатиков и двое гражданских.

Выяснив, что солдаты едут в Кемерово на ночном поезде, Ставничий и Билык принимают решение ехать вместе с ними. Задача у них была одна: попытаться напоить солдат до невменяемого состояния и похитить их автоматы. Роли при этом распределили следующим образом: Билык-старший должен был пить с солдатами и развлекать их игрой в карты, а Ставничему отводилась роль похитителя оружия. Операция прошла без сучка и задоринки, хотя поволноваться злоумышленникам все-таки пришлось. Когда Билык-старший предложил солдатам отправиться в вагон-ресторан за новой порцией горячительных напитков, те с радостью согласились, но все же оставили в купе с оружием одного из своих товарищей — Таганиязова. Тогда Билык по дороге в ресторан незаметно отстал от своих компаньонов и, вернувшись в купе, поведал Таганиязову жуткую историю о том, что на его товарищей напали какие-то пьяные отморозки. Тот, естественно, отправился на выручку вместе Билыком. Едва они скрылись из вида, как Ставничий, который находился в соседнем купе, проник в солдатское купе и похитил оттуда два автомата и 240 патронов в 8 магазинах. На первой же станции злоумышленники скрылись.

Между тем криминальная тема на этом не исчерпывается. В эти же дни очередное преступление удалось раскрыть сыщикам Москвы и области. Вышло это, в общем-то, случайно. Старшина милиции А. Кузин поздно вечером возвращался с дежурства домой, как вдруг его внимание привлек худосочный паренек лет семнадцати. Что-то в его облике милиционеру не понравилось, и он решил проверить его личность. Однако, услышав приказ остановиться, парень чуть ли не вприпрыжку бросился бежать, при этом издавая странный звон. Но старшина довольно быстро нагнал беглеца. «Куда бежим?» — поинтересовался Кузин. «Домой», — ответил парень. «А в карманах что звенит?» — не отставал милиционер.

Оказалось, что в карманах парня находились медные деньги на сумму около 40 рублей. «Где достал?» — спросил Кузин. «Накопил», — последовал ответ. Но старшина позволил себе не верить в эту версию и препроводил парня в отделение милиции. Там и выяснилось происхождение найденной мелочи. Оказалось, что сутки назад в Наро-Фоминском районе неизвестные преступники ограбили магазин, из сейфа которого были похищены 350 рублей мелочью. «Где остальные деньги?» — спросили у задержанного. Но тот молчал. Тогда помогла его записная книжка, в которой Кузин обратил внимание на странный номер из четырех цифр — 3664. «Это что, номер ячейки камеры хранения?» — ткнул старшина книжку под нос задержанному. Тут парень и сломался, назвав место, где хранилось украденное — на Ленинградском вокзале.

В эти же майские дни состоялась весенняя сессия Комитета по Государственным премиям. Это был первый этап (предварительный) отбора будущих претендентов на самую высокую награду. По разделу «Киноискусство» в тот раз на Госпремию претендовали несколько художественных фильмов («Выбор цели», «Белый пароход», «Афоня», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Ирония судьбы»), несколько документальных, а также телепрограмма «Время». Последняя попала в списки претендентов в самый последний момент благодаря стараниям председателя Гостелерадио СССР Сергея Лапина. Из всех представленных художественных лент больше всего шансов было дойти до осенней сессии у «Выбора цели», «Бегства...», «Белого парохода». С комедиями было посложнее — одну из них могли завернуть по причине перебора. 17 мая состоялось первое заседание секции кино и телевидения, на котором присутствовали: председатель Госкино Филипп Ермаш, кинорежиссеры Сергей Герасимов (председатель секции кино и ТВ), Станислав Ростокский, Роман Кармен, Лев Кулиджанов и др. Заседание было бурным, и когда речь зашла о комедиях, то Герасимов сообщил, что телевизионных выдвижений много, из-за чего, вполне может быть, придется пожертвовать «Иронией судьбы».

Продолжаются съемки фильма «Трактир на Пятницкой». После завершения объекта «угро», группа стала обживать другой — «трактир».

17 мая был снят эпизод, когда в банду Серого внедряется один из агентов МУРа (актер Виктор Перевалов). Под видом родственника любовницы Серого Василисы (Тамара Семина) он устраивается в трактир в качестве полового. Именно первую встречу агента и Василисы в тот день и снимали.

Между тем «золотые перья» советской журналистики вовсю корпят над мемуарами Брежнева. Как мы помним, журналистов этих пятеро, и каждому из них поручена своя тема: кому-то космос, кому-то военная тематика. Писать о целине поручили «правдисту» Александру Мурзину, который 11 мая специально прилетел в Алма-Ату, чтобы собирать там недостающий материал. Встретил журналиста сам глава республики Кунаев и выдал ему карт-бланш: дескать, работай сколько хочешь и где хочешь — везде тебе будет зеленый свет. Но Мурзин никуда не ездил, а как засел в Центральном архиве в Алма-Ате, так оттуда почти 20 дней и не вылезал. Целину он знал. Концепция книги у него давно сложилась в голове, поскольку он из года в год освещал и посевные, и уборочные, наматывал по 3 тысячи километров каждый раз по всем целинным районам. Так что своего материала у него было предостаточно, а в архиве он надыбал еще больше.

Если у Мурзина дела шли прекрасно, то к другому «мемуаристу» — Аркадию Сахнину — капризная Муза так и не явилась. Свою часть мемуаров он откровенно завалил. Видимо, эта писанина ему была явно в тягость и он корпел над ней чуть ли не с пистолетом у виска. Отсюда и результат. Когда он принес отпечатанную в единственном экземпляре рукопись генеральному директору ТАСС Леониду Замятину, который, собственно, ему это дело и поручил, тот пришел в ужас. Ничего более скучного и казенного он еще в жизни не читал. Да еще чуть ли не на каждой странице был Брежнев, Брежнев, Брежнев. Короче, руководителей мемуарной эпопеи охватила паника. Надо было срочно что-то решать. Выход подсказал... сам Брежнев. Когда Черненко доложил ему о провале Сахнина, тот сначала огорчился, а потом вдруг вспомнил: «Я вот на последнем съезде комсомола речь читал. Первая речь, которая мне самому понравилась. Живая такая, умная, яркая. Может быть, и книгу тому предложить, кто речь писал?»

Узнав об этом, Замятин бросился к Игнатенко: «Кто речь писал?» — «Анатолий Аграновский», — ответил тот. «Ба, да он же нами уже охвачен — пишет про Украину. Значит, напишет и остальное — за Сахнина». Правда, тот поначалу отбрыкивался как мог, но после того, как с ним лично поговорил Черненко, стал смирным и послушным. Работа над мемуарами продолжалась.

В среду, 18 мая, состоялся матч отборочного цикла чемпионата мира по футболу между сборными СССР и Венгрии. Матч ключевой в этой подгруппе. Обеим командам нужна была только победа, особенно нашим: после двух поражений в предыдущих играх советских футболистов для попадания на чемпионат мира устраивала только победа. Но не только она. Кроме этого, необходимо было, чтобы десять дней спустя венгры и греки, которые опережали нас по очкам, сыграли между собой вничью. Первая задача была вполне выполнима, а вот вторая... Короче, венгров мы «укатали» уже в первом тайме (на 5-й минуте гол забил Буряк, на 13-й — Блохин), но этого оказалось недостаточно, поскольку в матче венгров с греками победили первые. В итоге с чемпионатом мира мы пролетим, как фанера над Парижем.

19 мая в «Вечерней Москве» была опубликована заметка из разряда «Если кто-то кое-где...», то есть на тему нарушения законности. В ту пору про преступников писали редко, поскольку они портили общую картину развитого социализма. В большинстве публикаций, посвященных преступности, речь шла о мелкой рыбешке: спекулянтах, мошенниках, каких-нибудь алиментщиках. Крайне редко писали о матерых бандитах — их как будто в природе не существовало. Вот и в упомянутой заметке Б. Соколова из «Вечерки» речь тоже шла о ловком мошеннике, однако не самом мелком. Некий Бахтияр-оглы Ширинов, выдавая себя за дипломата, обещал доверчивым гражданам продать дефицитные вещи, якобы привезенные им из заграницы, брал деньги и бывал таков. Действовал аферист на удивление нагло и изобретательно: знакомиться с жертвами предпочитал в элитных местах столицы — ресторанах ЦДРИ, «Яхта», «Ангара» и др., всегда был облачен в роскошный смокинг (что в большинстве своем и подкупало жертвы), а само «кидалово» осуществлял непосредствен-

но в сотне метров от здания МИД СССР, что на Смоленской площади. И все это тянулось аж с 1974 года, когда Ширинов был объявлен во всесоюзный розыск.

Задержать ловкого мошенника помог инспектор угро 5-го отделения милиции Москвы Вячеслав Булгаков. Это он в течение нескольких недель выслеживал Ширинова, пока не схватил его за руку. Правда, аферист предпочел не сдаваться, а бросился бежать. Сыщик не отставал. Понимая, что от длинноногого милиционера ему не оторваться, да еще будучи в смокинге, Ширинов решил схитрить. Забежав в один из дворов, он заскочил в котельную. Там, недолго думая, он зарылся в кучу угля, рассчитывая, что уж тут-то его не найдут. Может быть, и не нашли бы, если бы не смокинг, фалды которого так и остались торчать из-под угля. За них Булгаков и вытянул афериста наружу.

20 мая вновь собралась на свое очередное заседание секция кино и телевидения при Комитете по Государственным премиям. Жаркая дискуссия вновь закрутилась вокруг двух комедий — «Афоня» и «Ирония судьбы». Председатель секции Сергей Герасимов сообщил, что оба фильма — произведения значительные, но «Афоня» крупнее. Но поскольку год нынче на дворе юбилейный (близилось 60-летие Великого Октября), пропускать комедии трудно, а надо довести их до осенней сессии, а там перенести на следующий год. На что заместитель председателя Гостелерадио Стелла Жданова заявила: «Нельзя откладывать. Картины стареют». Тогда Герасимов пообещал, что на следующем заседании к ним еще обязательно вернутся.

В тот же пятничный день в «Трактире на Пятницкой» снимали один из самых драматичных эпизодов: разоблачение бандитами сотрудника угро Фалина (Юрий Волков). Тот пришел в трактир, чтобы предупредить своего агента об опасности, но был случайно опознан одним из преступников (тот знал его еще по дореволюционным временам). Главарь банды Серый (Константин Григорьев) отдает приказ убить «легавого», а внедренный в банду сыщик (Лев Прыгунов) даже не может этому помешать, поскольку будет немедленно разоблачен.

Леонид Гайдай продолжает работу над комедией «Инкогнито из Петербурга». С конца

января до начала мая шли павильонные съемки, после чего группа выехала в экспедицию — в город Касимов. Там с 16 мая начались съемки натуральных эпизодов, но пока без участия основных актеров (они приедут в конце месяца). В те дни снимали искусственную лужу, здание почтовой станции, памятник и другие объекты. Корреспондент «Приокской правды» Л. Родина писала: «В эти дни в Касимове происходят довольно странные вещи. В центре города появился монументальный памятник — конная статуя прошлого века, рядом с современными опорами для электропередач стоят полосатые верстовые столбы, по главным улицам едут кареты...»

Андрей Сахаров вместе с женой Еленой Боннэр и трехлетним внуком Мотей в те дни находились на отдыхе в Сочи. Там Сахаров отметил свое 66-летие, пришедшее на 21 мая. Торжество устроили в ресторане на пристани, из напитков пили исключительно «Пепси-колу» (этот напиток только начали производить в южных городах Союза в качестве одного из результатов разрядки). Однако хорошее настроение именинника вскоре было испорчено. Едва супруги вернулись к себе в гостиницу, как им в номер позвонила московская знакомая и сообщила пренеприятную новость: дочь академика Татьяна, которая проходила свидетелем по уголовному делу своей свекрови (последняя, как мы помним, была начальником цеха, где производились препараты медицинской диагностики, и была уличена в наличии «мертвых душ» у себя на предприятии), теперь была переведена в обвиняемые. Следователь должен был в ближайшие дни описать ее машину (единственное имеющееся у нее имущество). Узнав об этом, Сахаровы тут же поехали на аэродром, обменяли на ближайший рейс купленные заранее, на следующую неделю билеты и к 9 вечера уже были в Москве.

Во вторник, 24 мая, в Москве состоялся очередной Пленум ЦК КПСС. На нем с большой речью о новом проекте Конституции СССР выступил Леонид Брежнев. Но сенсацию произвел не этот доклад, а один из организационных вопросов, который решил Пленум: со своих постов был снят член Политбюро и председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. Ни у нас в стране, ни на Западе суть этого смещения не была тай-

ной: все понимали, что на место Подгорного давно метил сам Брежнев. Вот наконец и добился своего. Однако мало кто тогда знал, что идею занять это кресло Брежневу невольно подбросил... сам Подгорный. Дело было так.

Осенью прошлого года Брежнев вдруг подумал занять кресло председателя Совета Министров СССР, в котором сидел Алексѣй Косыгин. Эта идея пришла в голову генсеку сразу после того, как с Косыгиным случился несчастный случай: 1 августа он перевернулся на байдарке. Пока Косыгин лежал в больнице, Брежнев стал усиленно готовить почву для его смещения, причем втайне от него. Но от этой затеи его отговорил... Подгорный. Он сказал Брежневу, что Совмин — это исполнительная власть, надо много вкалывать, а за недостатки в работе придется нести ответственность. А Брежнев к тому времени работать в полную силу уже не мог — его рабочий день состоял из трех-четырех часов. Короче, от этой идеи он отказался, но теперь уже стал подумывать о кресле Подгорного. Как мы помним, у Брежнева с Подгорным были натянутые отношения, и генсек таким образом убивал сразу двух зайцев: и недруга смещал, и взбирался на недостижимую высоту.

Первый тревожный звонок прозвучал для Подгорного за месяц до Пленума, когда на партсобрании аппарата Президиума Верховного Совета СССР его партсекретарь А. Копенкин выступил с критикой в адрес Подгорного и секретаря Президиума Михаила Георгадзе. Оба руководителя обвинялись в бездеятельности, а Подгорный — еще и в том, что оторвался от коллектива, не встречается с работниками аппарата и за все время своего председательствования не принял лично ни одного (!) избирателя по своему избирательному округу. Как рассказывают очевидцы, после этого выступления в зале поднялся шум, присутствующие разделились на два лагеря: одни одобряли выступление, другие резко осуждали. Однако сам Подгорный встретил это выступление спокойно, у него даже не екнуло в груди от нехорошего предчувствия. Вот почему до последнего дня Подгорный даже не догадывался о том, что готовят ему на майском Пленуме.

Брежнев все обставил очень хитро: на трибуну поднялся секретарь Донецкого обкома КПУ Качура и внес предложение: соединить

пост Председателя Президиума Верховного Совета с постом Генерального секретаря ЦК КПСС. Подгорный, как это услышал, сразу спросил у Брежнева, который сидел слева от него: «Леня, это что такое?» А хитрец Брежнев ему и отвечает: «Сам не пойму, но, видать, народ хочет так, народ...» В итоге собравшиеся проголосовали за предложение Качуры единогласно. Говорят, Подгорный был в таком шоке, что еле добрался до дома и в течение нескольких дней лежал там чуть ли не пластом.

Кинорежиссер Элем Климов в те дни готовился к своей очередной постановке — он собирался снимать фильм «Убейте Гитлера!» («Иди и смотри») по «Хатынской повести» Алеся Адамовича. Еще весной прошлого года он получил разрешение на эту постановку, фильм был включен в темплан «Мосфильма» на 1978 год, и теперь шла шлифовка сценария.

Вспоминает Э. Климов:

«История с фильмом «Агония» обернулась для меня двойной бедой. С одной стороны — запрет, фильм положили на полку. С другой — я не мог тогда о том распространяться, но сам про себя хорошо понимал, что картина у меня не очень-то и вышла. Я не сумел по-настоящему воспользоваться этим грандиозным историческим материалом; выжать из него все, что можно было выжать. Картину били совсем за другое, но у меня был счет и к самому себе. Я так был недоволен своей работой, что тут же стал искать материал для новой работы, чтобы «реабилитироваться». Наверное, если бы я предложил тогда что-либо простенькое, незатейливое, может, и не возникло бы больших проблем. Но снимать абы снимать — об этом не могло быть и речи. А уж тогда, в той ситуации — тем более. Я искал какой-то особый, сверхсложный, сверхтрудный для реализации материал, чтобы взять «реванш», чтобы доказать всем и себе самому, что я — «могу». Вот тогда я и набрел на «Хатынскую повесть» Алеся Адамовича.

Мы познакомились, мгновенно подружались, и оба загорелись этой работой, ее возможностями. Мы договорились, что делаем не обычный «партизанский фильм», а попробуем заглянуть в бездну, сатанинское, глубины ада. Если я искал встречи с «запредельным» материалом, то тут его было с головой...»

В среду, 25 мая, в Риге завершил свою работу 10-й Всесоюзный кинофестиваль (открылся 19 мая). Главный приз среди художественных фильмов разделили между собой, и вполне справедливо, три ленты: «Восхождение» Ларисы Шепитько, «Древо желания» Тенгиза Абуладзе и «Соната над озером» Гунара Целинского, Вариса Брасла. Специального приза и диплома жюри была удостоена картина Виктора Трегубовича «Доверие», рассказывающая об одном дне вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина — 31 декабря 1917 года, когда было принято решение о признании независимости Финляндии. Премиями были также отмечены фильмы: «Карпаты, Карпаты...» Тимофея Левчука (за воплощение героико-патриотической темы), «Слово для защиты» Вадима Абдрашитова (за глубокое решение темы), «Потерянный кров» Альмантаса Грикявичюса. Из документальных лент премии была удостоена (явно по конъюнктурным соображениям) «Повесть о коммунисте», посвященная Леониду Брежневу.

Среди актеров лучшими были названы: Марина Неелова, Галина Яцкина («Слово для защиты»), Людмила Зайцева («Воскресная ночь»), Константин Степанков («Карпаты, Карпаты...»), Витаутас Томкус («Быть лишним»), Александр Фатюшин («Весенний призыв»), Елена Ханаева («Розыгрыш»), Алексей Петренко («Ключ без права передачи»), Х. Абрамян («Рождение»), Б. Кыдыкеева («Зеница ока»).

В последний день фестиваля, когда его участники разъезжались по домам, произошел инцидент, который наделал много шума. Поскольку в эпицентре его оказался популярный киноактер Геннадий Корольков, послушаем его собственный рассказ об этом:

«Женщины непредсказуемы, они сами не знают, что выкинут через 15 минут. Однажды Нонна Викторовна Мордюкова решила, что без меня с фестиваля в Риге не уедет. Почему ей так пришлось в голову, не знаю, однако из-за ее желания самолет задержали в аэропорту на целый час. Все пассажиры, а в основном это были артисты, страшно возмутились, но...»

В тот же день, 25 мая, на свое очередное заседание собрался Спорткомитет СССР. На повестке дня был один-единственный вопрос: отчет тренеров сборной СССР по хоккею с шайбой Бориса Кулагина и Константина Локтева о

проделанной работе и выборы нового тренера. Отчет был выдержан в мрачных тонах. Да это и понятно: за последних полтора года похвалиться сборникам было особо нечем — были проиграны два чемпионата мира и Европы подряд, причем на последнем турнире наши хоккеисты заняли 3-е место, чего не было с 1961 года. По меркам сегодняшнего времени, когда мы привыкли, что российские сборники значатся в середнячках, подобный итог не был бы чем-то из ряда вон выходящим. Но в советские времена это было равносильно трагедии. Короче, работа обоих тренеров сборной была признана неудовлетворительной и их отправили в отставку. А на освободившееся место был назначен новый рулевой — тренер ЦСКА Виктор Тихонов.

26 мая вновь состоялось очередное заседание секции кино и телевидения при Комитете по Госпремиям. Члены секции приняли решение пропустить на осеннюю сессию все представленные художественные фильмы, а из шести документальных лент допустили четыре. Некоторые споры опять вызвала «Ирония судьбы». Шеф Госкино Ермаш сообщил, что фильм, выпущенный в широкоформатном варианте, имеет не меньший успех, чем на ТВ — его уже посмотрели 20 миллионов зрителей. Эта реплика перетянула чашу весов на сторону фильма. Правда, тот же Ермаш выразил сомнения насчет Барбары Брыльской: дескать, она же полька, а премия наша. Но ему тут же разъяснили, что это не проблема: дескать, полька — не американка.

В тот же день в Советском Союзе произошло очередное воздушное ЧП: некто дважды судимый Сосновский пронес на пассажирский самолет Ан-24 обрез, который пустил в дело, едва самолет взмыл в воздух. Угрожая расстрелять пассажиров (а на борту их было 18 человек плюс 4 члена экипажа), он приказал командиру корабля изменить маршрут и лететь в Стокгольм. Командир вынужден был подчиниться. Забегая вперед, отмечу, что уже спустя сутки шведские власти вернут и самолет, и всех пассажиров на родину, а вот Сосновского оставят у себя. Его будут судить, но дадут по минимуму — всего 4 года.

В пятницу, 27 мая, в Москве состоялся VIII Пленум ЦК ВЛКСМ. Он знаменателен тем, что на нем советская комсомолка обрела своего нового руководителя: вместо Евгения Тя-

жельникова, который рулил ВЛКСМ в течение последних девяти лет и теперь пошел на повышение — получил должность заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, в кресло первого секретаря ЦК ВЛКСМ сел 34-летний Борис Пастухов (с 1964 года он был секретарем ЦК ВЛКСМ).

28 мая в «Вечерней Москве» появилась заметка об одной из значных достопримечательностей столицы тех лет — толкучке возле «комка» (комиссионного магазина) № 59 на Беговой улице. Нынешняя молодежь и слыхом не слыхивала про это место, а мы, тогдашние пацаны 70-х, знали про это место не меньше, чем про Мавзолей. Поскольку именно там можно было достать все, чего душа попросит: джинсы, жвачку, диски с западными исполнителями и многое другое. «Толчок» этот существовал вот уже несколько лет. «Вечерка» однажды про него писала, требуя закрыть, но власти выводов никаких не делали — он продолжал существовать как ни в чем не бывало. Сей парадокс объяснялся просто: здешние милиционеры тоже имели свою часть прибыли с этого нелегального рынка.

В тот же день писатель Юрий Нагибин отправился на обед в ресторан Дома кино со своими соавторами-датчанами. И там у него произошла встреча из разряда приятных. Вот как он сам об этом вспоминает:

«В дверях меня остановила дежурная. «Простите, вы куда идете?» — «В ресторан. Он что — закрыт?» — «Нет, нет! Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия? Тут спрашивали». Пожилая женщина была очень смущена. «Нагибин», — сказал я, начиная злиться. «Так вот вы какой! Будьте счастливы, милый, дорогой вы наш человек. Дай вам бог здоровья, только бы здоровья!»... Растерянный и сбитый с толку, я неловко пошутил: «А что — прошел слух, что я помирую?» — «Господь с вами! Как можно такие слова говорить? Вы нам дороги, вы всем нужны. Будьте, будьте очень здоровым и счастливым. И огромное вам спасибо...» Вот это было, и никуда тут не денешься...»

Утром 29 мая актеры Театра на Таганке пришли на репетицию, а у служебного входа их уже ждала новость от вахтера: тот развернул перед ними свежий номер главной газеты страны «Правды», где была помещена статья про новый спектакль труппы «Мастер и Маргарита». Этой новости можно было бы радоваться,

поскольку до этого «Правда» ни разу не писала о «Таганке», если бы не одно «но»: статья была из разряда зубодробительных. Ее автор — зав. отделом газеты Н. Потапов — назвал свое творение весьма хлестко: «Сеанс черной магии на «Таганке». Суть публикации сводилась к следующему.

Автор возмущался, что в год 60-летия Великого Октября, когда вся страна готовилась достойно встретить юбилей и театры соревновались в спектаклях на революционную тему, режиссер «Таганки» Юрий Любимов поставил булгаковского «Мастера и Маргариту», где главным героем вывел Сатану. «Нет! — восклицал Потапов. — Там, где «правит бал» булгаковский Сатана, шаги реальной истории не слышны». Как вспоминает актер «Таганки» В. Смехов, «статья всполошила общественность. Нам звонили, просили крепиться и не сдаваться... Из ободряющих звонков коллег выделю телефонный звонок Коли Бурляева. Коля жарко уверял меня, что наступают черные дни для «Таганки», что ему страшно за нас и он просит не забывать, что он — всегда с нами...»

Самое интересное, но эта статья ни к каким оргвыводам по отношению к театру не приведет. То ли по причине шумной реакции на Западе, то ли по какой иной причине, но власти и спектакль не закроют, и театр осенью отпустят в первые гастроли по Западу — во Францию. Но шуму все равно было много.

Ваш покорный слуга в те дни был далек от околотеатральных интриг и выходные провел вдаль от столицы: вместе с одноклассниками я отправился в поход по Подмоскovie. Мы разбили наш палаточный лагерь в лесу под Дубной и славно провели там субботу и воскресенье. Ловили лягушек, чтобы потом пугать ими девчонок, пекли картошку в золе, танцевали до глубокой ночи под кассетный магнитофон (в памяти почему-то особенно четко зафиксировался битловский медляк «Что-нибудь» с альбома «Abbey Road» и последний шлягер Софии Ротару «Песня о Родине» с речитативом «Я, ты, он, она, вместе дружная семья...»). Эх, где мои пятнадцать лет?..

А теперь перенесемся в ГДР, где в понедельник, 30 мая, начался чемпионат Европы по боксу. Наша сборная приехала на турнир в несколько облегченном составе — среди спортсменов не было одного из лучших боксеров легкого веса, 24-летнего Василия Соломи-

на. Причем виноват в этом был сам Соломин, который буквально накануне турнира стал виновником громкого скандала. Беспрецедентного в спортивном мире, поскольку Соломин... едва не избил тренеров национальной сборной. Произошло это в Кисловодске, где сборная находилась на сборах. Как-то вечером Соломин выпил лишку и отправился выяснять отношения со старшим тренером команды Алексеем Киселевым. Самое интересное, последний, будучи когда-то серебряным медалистом Олимпиад в полутяжелом весе, легко справился бы с «легковиком» Соломиным, но тренер предпочел не связываться с пьяным. Получив удар по печени, Киселев предпочел спастись бегством. Соломин погнался за наставником, однако по пути встретил другого тренера — Бориса Гранаткина, на которого у него тоже имелся зуб. Но Гранаткин не стал дожидаться, пока ему съездят по печени, и спрятался в своей комнате. А едва опасность миновала, тут же накатал на разбушевавшегося спортсмена «телегу» в Спорткомитет. В итоге Соломина из сборной турнули, а в газетах написали, что тот неожиданно приболел. И в легком весе от советской сборной никто на турнире не выступал.

И вновь вернемся в Москву. Во второй половине мая в столичных кинотеатрах прошли следующие премьеры: 16-го в прокат вышла детективная киноповесть Григория Аронова и Владимира Шределя «Длинное, длинное дело» с участием Евгения Леонова, Владимира Заманского, Олега Янковского и др.; 19-го — «Сделано в «Фитиле» Александра Столбова с участием Ольги Аросевой, Георгия Вицина, Ролана Быкова, Савелия Крамарова и др.; 23-го — мелодрама Владимира Фетина «Сладкая женщина» с участием Натальи Гундаревой, Олега Янковского и др.; комедия Б. Бушмелева, А. Маркелова и Г. Шукина «Сто грамм для храбрости», где снялись Владимир Басов, Михаил Светин, Юрий Кузьменков, Борислав Брондуков и др. Из новинок зарубежного кино выделю следующие фильмы: французский приключенческий фильм «Картуш» с Жан-Полем Бельмондо в главной роли, американский фильм «Золотое путешествие Синдбада» и японский мультфильм «Корабль-призрак».

Кино по ТВ: «Счастье Анны» (16-го), «Казнены на рассвете» (17-го), «Донская повесть» (18-го), «Здравствуй, это я!» (18—19-го), «Волшебная лампа Аладдина», «Спроси себя» (премьера т/ф 21-го), «Член правительства», «Два дня тревоги» (впервые по ТВ), «Улица полна неожиданностей» (22-го), «Дума о Ковпаке» (23-го), «Блеск и нищета куртизанок» (Франция, премьера т/ф 23—28-го), «Чайковский» (24—25-го), «Станционный смотритель» (25-го), «Открытие» (26-го), «Выстрел на границе» (27-го), «Трактористы», «Семь нянек» (29-го), «Эквилибрист» (премьера т/ф 31-го) и др.

Из развлекательных передач выделю следующие: «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (20-го), «Песни Марка Фрадкина» (21-го), «Утренняя почта» (28-го), Концерт артистов французской эстрады (29-го).

Театральные премьеры: 18-го во МХАТе был показан спектакль «Чеховские страницы» с участием Анастасии Георгиевской, Ангелины Степановой, Марка Прудкина и др.; в Театре имени Гоголя — «Проделки Ханумы» со Светланой Брагарник в главной роли; 19-го в Драмтеатре имени Станиславского — «Повесть об одной любви» с участием Натальи Варлей, Майи Менглет и др.; 21-го в «Ленком» — «Мои Надежды» с участием Татьяны Пельтцер (роль работницы ткацкой фабрики Надежды Бурыгиной стала дебютом актрисы на сцене этого театра), Елены Фадеевой, Веры Орловой, Александра Абдулова и др.

Эстрадные представления: 18—22-го — в ГЦКЗ «Россия» выступали артисты из Великобритании Роберт Янг и женский вокальный дуэт «Липс»; 21—23-го — в ГТЭ состоялись гастроли американского коллектива «Нитти Гритти Дет Бэнд»; 22-го — в «Октябре» пела Александра Стрельченко; 27—29-го в ЦДСА — Аида Ведищева; 28—29-го в «Октябре» — Вадим Мулерман и Вероника Круглова в сопровождении ВИА «Ребята с Арбата».

Из пластинок журнала «Кругозор» (№ 5) выделю следующие: ВИА «Ялла» (Ташкент): «Кто он» (Х. Изамов — Э. Рахим), «Тайны моей души» (М. Левиев — Т. Тула); «АББА» (Швеция): «Деньги, деньги, деньги», «Танцующая королева».

1977 Июнь

Фигуристы женятся. Черные дни Сергея Захарова. Брежнев охотится на кабанов. Очередная встреча со «Знатоками». Новая Конституция СССР. Как Цвигун лишил Евгения Матвеева бороды. Как погиб бывший глава МВД Сергей Круглов. Снимают фильм про ВДВ. Трионон на Кавказе. Андрей Макаревич в Джубге. КГБ в поисках Евгения Матвеева. С улицы Казакова — в Орехово-Борисово. В Москве взрывают такси. Гимн СССР обретает новые слова. Как Олег Даль едва не сорвал свою поездку в Прагу. Переполох на «Динамо»: Брежнев и Шеварднадзе приезжают на футбол. Махинаторы из ЦПКИО. Как Брежнев обидел Подгорного. Слежка за Трионом продолжается. Правительственная «Чайка» убивает известного радиожурналиста. Принято решение арестовать Трионона. Как сорвалось покушение на Брежнева в Париже. «Сталкер»: трудные съемки. Андрей Макаревич меняет дислокацию. Трионон отравился. «Сибириада»: съемки вперемешку со скандалами. Сергей Параджанов: письмо из зоны. Еще один агент ЦРУ — Анатолий Филатов. Как Высокский не выручил Даля. Триумф Розы Рымбаевой. Умер Сергей Лемешев. «Трактир на Пятницкой»: экспедиция в Ростов-Ярославский. КГБ лепит двойника Трионона. Как Элем Климов заработал себе тяжелую болезнь. «Трактир на Пятницкой»: в Москву за самоваром. Страна увлечена спиритизмом.

В первый день лета сыграли свадьбу две звезды спорта — фигуристы Ирина Моисеева и Андрей Миненков. Придя на смену звездному дуэту Людмила Пахомова — Александр Горшков, они сумели достойно представлять честь страны на высших спортивных соревнованиях: в частности, ровно три месяца назад они выиграли свой второй (и, к сожалению, последний) чемпионат мира, который проходил в Токио. Эта победа стала одним из поводов к тому, чтобы у молодых людей наконец окончательно укрепилось желание связать себя узами Гименея. Еще в Японии Моисеева обратилась к своему тренеру Татьяне Тарасовой помочь ей выбрать свадебное платье. Они отправились в английский магазин (в японском на рост будущей невесты выбрать было ничего нельзя) и пробыли там аж до самого закрытия. И все-таки нужное платье выбрали. Денег оно стоило больших, но шло Моисеевой необыкновенно.

Вспоминает Т. Тарасова:

«Я была их свидетелем во Дворце бракосочетания. Из дворца они поехали к могиле Не-

известного солдата, а потом красивые и счастливые явились в Лужники на каток «Кристалл», где шла тренировка. Занятия прервались, дети бросились к Ире и Андрюше. То, что Моисеева и Миненков в свой самый счастливый день пришли на каток, без сомнения, говорило о том, какое огромное значение имеет для них фигурное катание...»

В начале июня получил свое продолжение скандал, связанный с именем популярного певца Сергея Захарова. Как мы помним, в начале марта артиста угораздило стать участником драки с администратором Ленинградского мюзик-холла Михаилом Кудряшовым, после чего последний угодил в больницу с травмами разной степени тяжести. Инцидент вполне мог быть исчерпан любовным соглашением между подравшимися, однако Кудряшов предпочел подать на Захарова и его дружков, которые участвовали в драке, в суд. Как будет утверждать впоследствии сам певец, такой поворот событий был вызван одним: желанием первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Гри-

гория Романова расправиться с ним чужими руками. Якобы Романов питал романтические чувства к известной певице Людмиле Сенчиной, и ему показалось, что и Захаров питает к ней нечто подобное. Романов долго искал повод, чтобы убрать молодого соперника с дороги, и этот повод представился в марте, когда имя Захарова всплыло в драке. Соответствующим инстанциям было дано указание сделать этот инцидент достоянием широкой общественности. В итоге в начале июня в журнале «Крокодил» (№ 17) появилась статья Н. Лабковского под названием «Скоропортящийся талант». В ней был подробно описан мартовский инцидент и давался весьма нелицеприятный портрет Сергея Захарова. Там, в частности, писалось:

«И не смог устоять перед этой лавиной славы молодой человек без мало-мальски путного музыкального образования, без устоявшегося вкуса, без твердых моральных норм. И пошло веселье, пьяные загулы, забубенные компани...

В московской гостинице «Россия» происходит пьяный дебош. В главной роли Сергей Захаров. «Знаменитость» отделяется пятнадцатирублевым штрафом. Из южного города приходит сигнал о далеко не рыцарском обращении с девушкой. Захарова журят: «Ай, ай, как не стыдно!» Захаров добродушно ухмыляется: «Ладно, обойдется».

В самом деле обходилось.

И вот премьер мюзик-холла выходит в ночной переулочек. Мстительный, уверенный в себе. Ведь за ним трое. А свидетелей ни одного...

Михаил Кудряшов пролежал в больнице около месяца. Медики засвидетельствовали повреждения головы и паха.

— Избиение? Что вы! Просто драка. Один на один! — заявляет Захаров. — Секунданты? Но они только смотрели...

Получается, что пострадавший Кудряшов сам изловчился и нанес себе повреждения, чтобы бросить тень на доброе имя певца. Получается, что в драке «один на один» боксер получил серьезные травмы, тогда как певец отделался лишь легкими ссадинами. Любопытно, не правда ли?

Впрочем, независимо от того, как разъясняются подробности, нравственная сторона всей этой истории ясна. На примере Захарова мы

видим, что не всякий талант выдерживает проверку успехом. Бывают таланты скоропортящиеся. Их нельзя все время держать в тепле. Их нужно иногда охлаждать. Чтобы не разлагались».

Последнее пожелание автора будет вскоре исполнено: на Захарова заведут уголовное дело, и в течение пяти с половиной месяцев он будет «охлаждаться» в камере Крестов. Затем будет суд, который приговорит певца к 1 году тюремного заключения по статье «пресечение служебной деятельности» (он избил администратора во время исполнения им служебных обязанностей). Пока певец сидел, был отдан приказ изъять из продажи все грампластинки с его записями, а видеовиль «Небесные ласточки» надолго упрятали в запасники Центрального телевидения (последний раз фильм показали за пять недель до злосчастной драки — 30 января).

В четверг, 2 июня, по ЦТ выступил Леонид Брежнев: выступление было приурочено к окончанию Недели Франции на советском телевидении, поэтому это выступление транслировали и на Запад. Как отмечали тамошние источники, «Брежнев выглядел как памятник самому себе: золотые медали украшали пиджак от одного борта до другого, за плечами виднелась небольшая полочка, на которой лежали пять томов собрания сочинений Леонида Брежнева».

На следующий день Брежнев пробыл на рабочем месте в Кремле до обеда (работал с бумагами), после уехал домой, на дачу. Оттуда на вертолете он скоренько долетел до другой своей вотчины — Завидово, где принял участие в любимой своей забаве — охоте на кабанов. Забава удалась на славу, и пожилой генсек лично уложил 5 кабанов (во всяком случае, именно такая цифра фигурирует в его дневнике). О том, что это такое — Брежнев на охоте, вспоминает телохранитель генсека Владимир Медведев:

«Больше всего Брежнев любил охотиться на кабана. Этого зверя развелось много, охота на него была просто праздником, тут сходилась все — и огромный спортивный азарт, и риск, и наслаждение удачей...

В район, где находится зверь, заранее подъезжаем на машине. Каждый егерь предупреждает, чтобы из машины выходили аккуратно,

без шума, дверцей не хлопать, Двигаемся осторожно, чтобы не зацепить корень дерева, не хрустнуть веткой. Так крадемся километра полтора; где-то рядом кормятся кабаны, тут же, неподалеку, пасутся пятнистые олени. Вожак стада, почувствовав наше приближение, издает пронзительный свист, невольно останавливаясь, слышишь топот и треск веток — это разбегаются кабаны. Общий вздох разочарования, иногда смех, у кого-то вырывается крепкое словцо. Вызываем по рации машину, садимся, едем на другое место, все начинается сначала.

Когда удавалось подобраться незамеченными, пути наши расходились — Леонид Ильич шел к вышке с егерем без охраны. Мы нервничали, это было грубым нарушением с нашей стороны: вышку мы обязаны заранее проверить и сопровождать до нее шефа. Но дело в том, что несколько наших проверок закончились тем, что при всей осторожности мы спугивали кабанов. Мы же не профессиональные охотники. Леонид Ильич с егерем притаятся на вышке, ждут — час, два, три...

— Почему нет кабанов? — спрашивает Брежнев у егеря.

— Откуда им взяться, ваши ребята тут побывали...

Он накидывался на нас, всякие проверки запретил. Но после случая с Борисом Пономаревым, когда его обстреляли браконьеры, вместе с егерем Брежнева всегда сопровождал кто-то из охранников...

По окончании охоты следовал привычный ритуал, который как бы продлял удовольствие охоты. Брежнев поручал начальнику охраны, кому какой кусок мяса отрезать в подарок. Вначале через охрану, а позже через фельдсвязь Брежнев отправлял кабанятину некоторым членам Политбюро, министрам. Вдогонку звонил, рассказывал подробности охоты, советовал, как лучше готовить вырезку, грудинку и т. д....

4 июня в 19.10 вся огромная страна прилипла к экранам своих телевизоров: начался показ очередного «дела» из сериала «Следствие ведут Знаатоки». С момента своего возникновения в 1971 году этот сериал стал одним из самых любимых у советских телезрителей, но вот беда — с каждым годом он стал выходить все реже и реже. Если в первые годы своего суще-

ствования в год выходило по две-три серии, то затем их количество сократилось до одной в год, а потом и вовсе до одной серии в несколько лет. Например, последнее дело (№ 10) было показано почти два года назад — в конце августа 1975 года. Новое, одиннадцатое «дело» называлось «Любой ценой» и было не менее смотрибельным, чем все остальные (за одним-двумя исключениями). На этот раз речь шла о молодом подонке (эту роль играл актер-обаяшка Евгений Герасимов), который совершил преступление и спрятался за широкую спину своих состоятельных родителей.

Между тем в тот же субботний день, 4 июня, страна получила новую Конституцию: во всех газетах Советского Союза был опубликован проект Основного закона жизни. До этого страна жила по сталинской Конституции 1936 года, что, естественно, было нонсенсом. В советской печати новый проект встретил безоговорочный «одобрямс», а вот на Западе спектр мнений был более разнообразным. К примеру, М. Геллер писал: «В 1936 году сталинская Конституция была уже «Конституцией победившего социализма». Никита Хрущев, царь Никита, мечтал, введя бесплатный проезд в трамваях, провозгласить «Конституцию победившего коммунизма». Более сдержанный Брежнев провозглашает государство «развитого социализма». Брежневский социализм ничем не отличается от сталинского, ибо Конституция сохраняет принцип «От каждого по способностям, каждому по труду»... Новая советская Конституция мало чем отличается от старой. В конечном счете ее главная цель свелась к возведению Генерального секретаря на самую верхушку советской пирамиды власти. Теперь ему желать уже нечего. Памятник в Москве обеспечен...»

А теперь перенесемся в окрестности города Вышний Волочек, где кинорежиссер Игорь Гостев работает над продолжением фильма про подвиги партизанского отряда майора Млынского (эту роль играет Вячеслав Тихонов) «Фронт за линией фронта». Это был третий и последний выезд группы на натуру, который должен был продлиться до 19 июля. Снимались эпизоды, относящиеся к пребыванию партизанского отряда в лесу, а также предстояло доснять ряд сцен из начала фильма. В одной из этих досъемок предстояло участвовать актеру Евгению Матвееву (он играл секретаря под-

польного обкома партии), который в те дни был с головой погружен совсем в другую роль: ему вот-вот предстояло начать сниматься у Алексея Салтыкова в роли Емельяна Пугачева. Для этой роли актер специально отпустил окладистую бороду, которую буквально лелеял и холил. Как вдруг...

Вызов из Вышнего Волочка обрушился на Матвеева как снег на голову. «Какие досъемки, у меня же борода?» — схватился он за голову и бросился к директору «Мосфильма» Сизову. Но тот лишь развел руками: «Надо, Женя, надо! Ведь фильм лично курирует Цвигун». (Как мы помним, именно по произведениям зампреда КГБ ставился фильм.) Но Матвеев решил сражаться до конца. И когда его вновь потревожили из Вышнего Волочка, сказал, что согласится сниматься только со спины. В ответ на это заявление директор фильма Борис Криштул «стуканул» на строптивного актера Цвигуну: дескать, он ставит нам невыполнимые условия. Тот, естественно, принял меры.

Утром 5 июня домой Матвееву позвонили и сообщили, чтобы он никуда не отлучался — за ним приедет машина с Лубянки. Жена актера всплеснула руками: «Сухари-то можно начинать сушить?» Это была шутка, но Матвеев ей даже не улыбнулся: понял, что дело приняло серьезный оборот. Вскоре к его дому подкатила «Чайка», на которой они в мгновение ока домчались до Лубянки. Поднялись в кабинет Цвигуна. Тот встретил гостя, как и полагается, радушно. Даже преподнес ему подарок — модель пограничного столба, сделанную из янтаря. После чего усадил в кресло и принялся обрабатывать по полной программе: завел речь о патриотическом воспитании молодежи, о высокой миссии фильмов про Великую Отечественную войну. Потом изрек главную фразу: «Ты пойми, этот фильм будет смотреть сам Леонид Ильич...» Далее послушаем рассказ самого Е. Матвеева:

«Я стал объяснять, почему не могу сейчас сбривать бороду. Что-то доказывал, рассказывал об актерских задачах, о достоверности в создании образа и — чуть не плакал:

— Поймите, в том эпизоде я буду стоять одну минуту. И ради этого лишаться бороды, которую растил, холил два месяца?! Ведь меня можно снять со спины, чтобы не было видно моего лица. Кто на экране тогда увидит, с бо-

родой я или нет. А тут — такая роль! Пугачев! Какой тип! Какое время было! Какие люди...

— Да кому он нужен, твой Пугачев, сегодня? А тут фильм о военных, о современной армии... — не дал договорить мне генерал.

— ???

— Диссидентам подыграть хочешь? Призвать хотите их брать топоры и вилы?..

В то время шла ошалелая борьба с инакомыслием...

В общем, повез меня другой генерал, Пипия, в район Вышнего Волочка, где доснимали злополучный эпизод. На площадке построили взвод солдат, стал в строй и я, побритый, — спиной к камере. Подходит ко мне (по роли) Слава Тихонов, говорит какую-то фразу. Камера снимает его с лица... Сняли все, как надо было режиссеру. Но оказалось, что на экране в кадре зрителю так и осталось неясно — я ли стою спиной или кто другой...»

6 июня на одной из железнодорожных станций в Подмоскowie электричкой был сбит пожилой мужчина. Не стал бы упоминать этого факта, если бы не одно «но»: погибшим был 70-летний Сергей Никифорович Круглов, который в 1945—1956 годах занимал пост наркома внутренних дел СССР (он сменил на этом посту Лаврентия Берия). На работу в НКВД СССР Круглов попал в конце 1938 года вместе с тем же Берией: последний стал тогда наркомом, а Круглов — его заместителем. Как будет вспоминать позднее А. Зверев, работавший в 1952—1960 годах в аппарате ЦК КПСС, «Круглов — очень порядочный, авторитетный, грамотный, знающий свое дело, оперативный и энергичный работник. Умел из большой массы вопросов выбрать главное. Был довольно крут, но справедлив».

В феврале 1956 года Круглов был снят с поста министра внутренних дел и отправлен работать совсем в иную сферу — его назначили замминистра строительства электростанций. Через год его отправили руководить Кировским экономическим административным районом. При Хрущеве ему жилось несладко: сначала Круглову урезали пенсию — с 280 рублей аж до 40, а в 1960 году исключили из партии за былые грехи (участвовал в выселении жителей из Чечено-Ингушетии в 1944 году). И только когда к власти пришел Брежнев, бывший нарком вздохнул свободнее: хотя в партии его не

восстановили, но пенсию назначили почти прежнюю — 210 рублей. Весь последний отрезок жизни Круглов добивался восстановления в рядах КПСС, но все его попытки оказались тщетными. Круглов погиб нелепо: переходя ж/д пути, не заметил впереди идущего поезда. Смерть наступила мгновенно. Какое-то время в народе ходили слухи, что эта смерть была несчастливой: дескать, кто-то из обиженных Кругловым чеченцев или ингушей решил таким образом свести с ним счеты и толкнул под поезд. Однако официального подтверждения эта версия не нашла.

Тем временем на одном из военных полигонов под Каунасом режиссер «Мосфильма» Андрей Малюков вот уже неделю (с 1 июня) снимает натурные эпизоды фильма про десантников «В зоне особого внимания» (объект «городок ВДВ»). На тот момент в советском кинематографе уже было снято достаточно фильмов про армию, но к ратному труду десантников киношники обращались впервые. До этого героями армейских картин были представители каких угодно родов войск — матросы, летчики, танкисты, — но только не служащие ВДВ. Молодой режиссер Андрей Малюков решил этот пробел восполнить. И под патронажем легендарного главома десантных войск (1954—1959, 1961—1978), Героя Советского Союза Василия Маргелова (мы помним, что сами воздушные десантники расшифровывали аббревиатуру ВДВ как: Войска Дяди Васи) приступил к съемкам первого «вэдэвэшного» фильма. Как мы теперь знаем, кино получится удачное. Советская молодежь и до этого всеми силами рвалась служить в ВДВ, а после выхода в прокат творения Малюкова число желающих стать воздушными десантниками увеличится в геометрической прогрессии.

Между тем продолжается слежка КГБ за Александром Огородником-Триононом. Как мы помним, в середине мая он, прихватив с собой свою невесту Ольгу, отправился погреть косточки на юг — сначала в Сочи, потом в Грузию. Вместе с ним КГБ отправил в качестве соглядатая своего агента В. Гречаева, который работал в тесном контакте с местными коллегами-чекистами. В процессе «наружки» за Огородником выяснились любопытные вещи. Например, он периодически делал какие-то конспиративные записи и тут же уничтожал чер-

новики, проявлял явное недоверие к своей невесте, тайно читая ее письма домой. Последнее обстоятельство выглядело странным, если учитывать, что на 5 августа у них была назначена регистрация брака в Москве.

В Тбилиси у Огородника оказалось довольно много хороших знакомых еще по совместной работе по линии Комитета молодежных организаций, которые теперь занимали высокие посты в ЦК КП Грузии. Эти люди встретили старого приятеля по-кавказски радушно: поселили в лучшей интуристовской гостинице «Иверия», возили его на экскурсии по городу на машинах со спецсигналами, брали с собой в элитные рестораны. Огородник при этом вел себя как Хлестаков: представлялся советским разведчиком, работающим за границей, а в Грузию приехавшим отдохнуть. Ему, как ни странно, верили. Кстати, любимым героем Трионона был... Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны». Он знал чуть ли не наизусть фильм Татьяны Лиозновой, а также прочитал все книги Юлиана Семенова про этого героя.

В начале июня Огородник и Ольга отправились для продолжения отдыха в Батуми. По дороге туда в поезде произошел неприятный инцидент, который мог разоблачить чекистов перед Огородником. А случилось вот что. Поскольку поблизости от железной дороги проходила турецкая граница и чекисты опасались, что их объект может драпануть за кордон, следить за ним выделили сразу несколько человек. Но в какой-то из моментов они потеряли Огородника из поля своего зрения. Тогда один из чекистов обратился к проводнице с вопросом, не видела ли она, куда подевался интересующий его гражданин. А поскольку выглядел чекист непрезентабельно — куцая одежонка, шрам на щеке, — то проводница сочла его за преступника (двумя днями ранее в этом поезде было совершено два дерзких ограбления) и поспешила поделиться этим разговором с Огородником. Тот, естественно, насторожился и попытался выяснить у батумских товарищей подоплеку этого инцидента, но те уже были предупреждены чекистами и сумели отвести от него подозрения, заставив Огородника поверить в то, что незнакомец мог быть одним из тех грабителей, что орудовали в этом поезде двумя днями ранее.

Во вторник, 7 июня, Огородник и Ольга посетили Новый Афон, где сфотографировались на фоне древнего монастыря, прикрытого мощными кипарисами и субтропическими пальмами. Оба на фото выглядели счастливыми: улыбающиеся лица, загорелая кожа. Никто из них в тот момент даже не мог себе представить, что этот снимок станет последней их совместной фотографией. Что одному из них осталось жить считанные дни, а другая навеки проклянет это знакомство. Впрочем, не будем забегать вперед.

Андрей Макаревич со товарищи в те дни тоже рванули на юга — отдыхать, а заодно и вкалывать в качестве музыкантов на танцульках. Вспоминает сам лидер «Машины времени»:

«Когда в начале июня мне позвонил какой-то массовик-затейник и сообщил, что нас ждут в такой-то точке Кавказа, в таком-то пансионате с такого-то числа, — я лично принялся считать дни до отъезда. Дальше случилось непредвиденное — на южной станции нас никто не встретил. Чувствуя неладное, но не теряя надежды, мы поймали грузовик, закидали туда колонки и с большим трудом отыскивали в темноте южной ночи нужный нам пансионат, где нам хмуро сообщили, что массовик такой-то в отъезде, а оркестр для танцев у них уже есть. На чем беседа и закончилась.»

Ночевали мы на лавочках того же пансионата, стараясь во сне прикрывать какой-либо частью тела часть аппарата, стоявшего тут же. Утром на оставшиеся деньги были куплены яблоки, и мы с Легасовым двинулись вдоль побережья в поисках работы. Баз отдыха и пансионатов вокруг располагалось хоть отбавляй. К сожалению, все они уже имели своих музыкантов.

Прошагав целый день и вдоволь наунижавшись, мы набрали на палаточный лагерь в поселке Джубга. Не помню, какому ведомству он принадлежал. Кажется, МВД. Во всяком случае, начальник лагеря в недавнем прошлом был начальником совсем другого лагеря, о чем нам сразу сообщили. Но музыкантов у них не было. К счастью, наше название, уже вызывавшее трепет в хиппово-студенческой среде, оставалось еще совершенно неизвестным административной прослойке Черноморского побережья, и нас взяли на неопределенный испытательный срок. Очень скоро зав. культ-

сектором лагеря (он же баянист-затейник) почувствовал, что совершена крупная идеологическая ошибка. «Опять одни шейки! — в ужасе кричал он после очередных танцев. — Слишком много шейков!»

Мы попробовали перейти на блюзы, но сметливый работник культуры справедливо заметил, что блюз — тот же шейк, только медленный. По побережью шныряли разного рода комиссии — проверить идеологически-художественный уровень отдыха трудящихся, а заодно выпить и отдохнуть, и баянист понимал как лицо ответственное, что его южная жизнь висит на волоске...»

Продолжаются съемки фильма «Фронт за линией фронта» под Вышним Волочком. 10 июня в одном из эпизодов вновь предстояло сниматься Евгению Матвееву, а его никак не могли найти. Плюс к этому он еще зачем-то понадобился самому председателю Госкино Ермашу, который буквально рвал и метал: найдите мне Матвеева! Это задание поручили директору картины Борису Криштулу. Тот бросился в местное КГБ, поскольку силами съемочной группы народного артиста найти не удалось. Чекисты же, которые были прекрасно осведомлены о том, кто курирует съемки фильма — сам Цвигун! — рьяно подключились к поискам Матвеева. И вскоре тот был найден в каком-то гостеприимном доме. Но вид у него был тот еще — как после долгого запоя. Как вспоминал Криштул: «Я искренне пожалел, что он сбрил бороду — она бы хоть пол-лица скрыла...» Снимали Матвеева два дня — 10 и 11 июня.

Ваш покорный слуга в те дни был погружен совсем в иные хлопоты — наша семья переехала на новое место жительства. Закончилось наше 12-летнее проживание на улице Казакова, и теперь нас ждала трехкомнатная квартира в новом доме на Ясеновой улице в Орехово-Борисово. Событие, в общем-то, волнующее, но я особенного восторга почему-то не испытывал. Грустно было уезжать из старой Москвы, покидать школу, друзей, с которыми съел не один пуд соли. И хотя дом, в котором мы жили все эти годы, буквально разваливался от старости (ему было больше ста лет), но все равно для меня он был гораздо роднее, чем новая панельная коробка в спальном районе на окраине Москвы.

Наш переезд состоялся в субботу, 11 июня. Отец с грузчиками, помогавшими грузить нам мебель и вещи, добирался до нового места на грузовике, а я с матерью и двумя братьями доехал до Ясеновой на перекладных — то бишь сначала на метро до станции «Каширская», а оттуда на автобусе № 148. Помнится, пока ехал, всю дорогу ужасался: ну и занесло же нас к черту на рога. Ужас достиг еще больших масштабов, когда мы добрались до места нашего нового обитания: местность возле дома представляла из себя сплошное месиво из грязи. До подъезда мы ковыляли по деревянным мосткам, проложенным прямо в лужах грязи. Все вокруг казалось таким страшным и неблагоустроенным, что даже не верилось, что когда-нибудь здесь сумеют навести порядок. Не придавала энтузиазма и наша новая квартира: хоть и было в ней три комнаты, но убивали размерами потолки (в доме на Казаковке они были трехметровыми), кухня, а коридора как такового вообще не было (а в коридоре нашей коммуналки мы с братьями гоняли в мини-футбол!). Короче, никакой радости от переезда я не испытал.

В тот день, когда наша семья переезжала на новое место жительства, в Москве опять напомнили о себе террористы. 11 июня возле гостиницы «Советская», что на Ленинградском проспекте, было взорвано такси. Произошло это среди бела дня, когда мимо гостиницы сновали многочисленные прохожие. Правда, взрыв получился не столь мощный, как на то рассчитывали террористы, и серьезных жертв не последовало. Однако в стране, где ни одно средство массовой информации не имело права без указания сверху опубликовать ни строчки (а такого указания на этот раз не последовало), тут же стали роиться всевозможные слухи и версии. Естественно, в них масштабы преступления и число жертв были куда более внушительными, чем это было на самом деле. У страха, как говорится, глаза велики. Забегая вперед, сообщу, что первую информацию об этом происшествии газеты опубликуют почти месяц (!) спустя. Но об этом речь впереди, а пока продолжим знакомство с событиями июня.

13 июня во всех центральных газетах были опубликованы слова нового Гимна СССР. Как это ни странно, но более 30 лет в советском

Гимне не было слов, ибо в старом тексте было упоминание имени Сталина («нас вырастил Сталин...», «партия Ленина, партия Сталина»), а написать новый текст у властей все никак не доходили руки. И поэтому Гимн все эти годы звучал без слов. И только теперь по указанию Брежнева авторы текста старого Гимна Сергей Михалков и Эль-Регистан убрали упоминание Сталина, кое-что еще подретушировали, и новый-старый Гимн был готов к исполнению. Официальной датой его выхода в жизнь было объявлено 1 сентября.

В середине июня Олег Даль должен был отправиться в свою первую зарубежную поездку — на фестиваль телевизионных фильмов в Прагу, в программу которого был включен фильм с его участием «Вариант «Омега». Однако эту поездку он чуть не сорвал. Накануне отъезда, 14 июня, Даль снимался в Пушкине у Анатолия Эфроса в фильме «В четверг и больше никогда». Там же находился и писатель Андрей Битов, с которым актер приятельствовал. После съемок друзья решили отметить встречу и здорово «наклюкались». Потом Даль вспомнил, что ему нужно срочно ехать домой, менять деньги для поездки, и он рванул в Москву. Увидев его в таком состоянии, жена Лиза выступила категорически против того, чтобы он ехал в Прагу. Она понимала, что там он вообще может слететь с катушек, а тогда не избежать международного скандала. Но тут на стороне актера выступила его теща. Она сумела убедить дочь, что Даль сумеет удержать себя в руках — ведь это его первая поездка за рубеж.

В тот же вторник, 14 июня, в 19.00 на стадионе «Динамо» в Москве состоялся очередной матч по футболу на первенство страны между командами «Динамо» — столичным и тбилисским (обе команды находились во главе турнирной таблицы). Не стал бы заострять внимание на этом событии, если бы не один знаменательный факт: на этом матче присутствовал Леонид Брежнев. Попал же он на него не по собственной инициативе. В те дни в Москве с официальным визитом находился первый секретарь ЦК КП Грузии Эдуард Шеварднадзе (Брежнев в своих дневниках ни разу не написал его фамилию правильно, именуя исключительно как Шерванадзе), который был заядлым футбольным болельщиком и не мог пропустить игру своих земляков. Брежнев, как мы

помним, тоже любил футбол, но к тому времени возраст и здоровье не позволяли ему, как это бывало ранее, часто посещать стадион. Вот и 14 июня планы на вечер у него были совершенно иные. Но просьба гостя да плюс хорошая погода, установившаяся в Москве (+22), перевесили чашу весов в пользу футбола.

Часть стадиона «Динамо» тогда находилась на реконструкции к предстоящим Олимпийским играм, и Северная трибуна была закрыта. Все официальные службы — судейская, раздевалки, пресс-центр и правительственная ложа — были переведены на Южную трибуну. Правительственная ложа давно никем не посещалась, поэтому находилась не в самом лучшем виде. И можно себе представить чувства руководителей стадиона, когда в конце первого тайма им пришло сообщение, что к ним на полных парах мчится сам генеральный секретарь ЦК КПСС. То есть Брежнев свалился как снег на голову. Что тут началось! Все забегали, засуетились, принялись лихорадочно наводить лоск и блеск на давно не посещаемую ложу.

Вспоминает главный арбитр того матча Микелис Рубенис:

«Появление высших государственных и партийных мужей вызвало настоящую панику, а у многих и вовсе какой-то животный страх. От контролеров и обслуживающего персонала до высших милицейских чинов и спортивных функционеров. То, что происходило, иначе как абсолютным культом партии и ее генерального секретаря не назовешь...»

Я выглянул в окно: все обозримое пространство перед трибунами было забито черными «Волгами». Время начинать первый тайм. К нам вбежал какой-то человек, отчаянно жестикулируя трясущимися руками, и в полупросительном-полуприказном тоне сказал:

— Игру возобновите только после моего разрешения. Товарищи судьи! Сегодня на трибунах... на трибунах... — Он словно подбирал самые яркие слова, — ...самые высокие гости. Организуйте красивый футбол.

— Но как? — улыбнулся я.

— Почему вы смеетесь. Меньше свистков — больше голов, — последовал ответ. (На тот момент на табло сверкали одни нули. — Ф. Р.).

— Но мы же голы не забиваем, разговаривайте с командами.

— С командами работа уже проведена, а у меня нет времени...

«Что же происходит, ребята?» — не успел я обратиться к коллегам, как открылась дверь, и к нам вошли капитаны обеих команд — Олег Долматов и Давид Кипиани.

— Посоветуйте, что делать, как играть? Нам ведь нужны очки, и никакого цирка мы здесь устраивать не собираемся.

— Ребята, — сказал я, собираясь их успокоить, но и до сегодняшнего дня не могу сказать, правильно ли они меня поняли. — Играйте в основном вничью...»

Когда начался второй тайм, Брежнев и Шварцнадзе уже заняли свои места в ложе. За спиной генсека пристроился один из его телохранителей. В его задачу входила даже не охрана Брежнева, а обеспечение его... очками разных диоптрий. Если генсеку надо было следить за ходом матча, ему подавались очки с сильными стеклами, если он хотел заглянуть в программку — послабее. Работа была не менее ответственная, чем охрана, поскольку требовалось не перепутать очки, иначе генсек мог расстроиться.

Между тем вторая половина игры выдалась куда более напряженной. Если в первом тайме команды осторожничали, то теперь заиграли острее, опасные моменты стали следовать один за другим у обоих ворот. В итоге на 7-й минуте тайма москвича Парова сбили в штрафной тбилисцев, и Рубенис решительно указал на 11-метровую отметку. Тбилисцы, естественно, стали возмущаться: мол, не было никакого нарушения. Ситуация накалилась настолько, что Рубенису пришлось напомнить игрокам, кто следит с трибун за их игрой: «Вам что, нужен скандал?» Только после этого тбилисцы наступились. И Андрей Якубик забил первый гол.

После пропущенного гола гости не сдались, а даже наоборот — заиграли еще более напористо. В результате во время одной из их атак мяч пересекает линию ворот москвичей. Рубенис дает свисток и указывает на центр поля. Однако эпизод был настолько спорным, что москвичи тут же подняли крик: «Откуда гол? Не было гола! Проституция, а не судейство! Опять грузины всех купили!» Точно такие же реплики неслись и с трибун. Положение у Рубениса было незавидное. А тут еще боковой

судья развел руками: дескать, я ничего толком не увидел. И все же главный арбитр зафиксировал взятие ворот. Счет стал 1:1 и до конца встречи уже не изменился. Когда команды уходили в раздевалки, москвичи не скрывали своих чувств: «Он же сказал, что надо сыграть вничью, потому и засчитал гол, которого не было».

После душа Рубениса ждала пресс-конференция, на которой он должен был отчитаться о проделанной работе. Она получилась напряженной, поскольку все столичные судьи стали доказывать, что гола в ворота москвичей не было. Рубенису грозила «тройка» за матч, после которой его могли на какое-то время отстранить от судейства игр высшей лиги. Но тут случилось чудо. С самого верха пришла новость, что высокие гости остались очень довольны увиденной игрой, и отношение к Рубенису сразу изменилось. Ему выставили «четверку». А в 21.30, когда в программе «Время» появился отчет об этой игре, стало окончательно ясно, что второй гол был засчитан справедливо — камера четко зафиксировала взятие ворот.

Между тем в те июньские дни футбол был не единственным развлечением москвичей: например, настоящее столпотворение творилось в ЦПКиО имени Горького, где работало несколько десятков различных аттракционов, включая и новинку — «Американские горки». Однако мало кто из посетителей парка мог догадываться, что здесь вот уже два месяца (с апреля) вовсю орудует целая шайка преступников, костяк которой состоял из 21 человека. Во главе шайки стоял заведующий комплексом аттракционов Московской дирекции всесоюзного объединения «Союзаттракцион» Кумовик (фамилия изменена), который специально оформил на работу в ЦПКиО 17 ранее судимых за различные преступления человек. Эти люди занимали должности кассиров, механиков, рабочих по обслуживанию посетителей (посадчики) и активно занимались махинациями с билетами. Например, кассиры аттракционов разрезали входные билеты вначале на две, а затем на три части и продавали каждую по цене полного билета — 40 копеек на аттракционе «Альпенблиц» и по 30 копеек на аттракционах «Эйперпрайз» и «Тройка», а также занимались повторной продажей ранее использованных

билетов. Полученные от посетителей деньги махинаторы по кассе полностью не оприходовывали, а сдавали в центральную кассу аттракционного комплекса суммы денег, равные стоимости полученных ими в подотчет и реализованных целых билетов. Остальные деньги в размере от 50 до 75% общей выручки, что составляло от 500 до 2000 рублей ежедневно по каждому аттракциону, преступники изымали из выручки касс аттракционов как лично, так и через других лиц и делили в конце каждой рабочей смены между соучастниками в зависимости от должностного положения и преступной роли каждого (в первые недели существования шайка похищала из касс 50% выручки, затем, осмелев, довела размер хищения до 75%). В частности, сам главарь — Кумовик — получал ежедневно в качестве личной доли 40% похищенной суммы, остальные организаторы и активные участники шайки — от 100 до 350 рублей ежедневно, а контролеры, посадчики и другие второстепенные участники хищения от 5 до 25 рублей в смену. К июню 77-го (то есть за два месяца существования) шайка похитила из выручки трех названных аттракционов 168 538 рублей.

Тем временем в столичных кинотеатрах в первой половине июня состоялись следующие премьеры: 1-го — «Горянка» Ирины Поплавской с участием Татьяны Шумовой, Ислама Казиева и др.; 6-го — «Красное и черное» Сергея Герасимова (киновариант) с участием Натальи Белохвостиковой, Николая Еременко-младшего и др.; 13-го — «Быть лишним» Алоиза Бренча с Витаутасом Томкусом в главной роли.

Кино по ТВ: «Три плюс два» (1-го), «Обвиняются в убийстве» (2-го), «Игра без ничьей» (3-го), «Эгей, Кроха!», «Дом с мезонином» (4-го), «Живые и мертвые» (1-я серия), «Первый рейс» (премьера т/ф), «Поздний ребенок» (5-го), «Композитор Глинка» (6-го), «Середина жизни» (премьера т/ф 7—8-го), «Сегодня — новый аттракцион» (8-го), «Дело Румянцева» (9-го), «Жили три холостяка» (10-го), «Ивана в нападении», «Крах» (11-го), «Живые и мертвые» (2-я серия), «Проснись и пой!» (сп.), «Старые стены» (12-го), «Валерий Чкалов» (13-го), «Просто Саша» (премьера т/ф 14-го), «По Руси» (15-го), «Дни хирурга Мишкина» (15—17-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 5-го — в ЦТСА был показан спектакль «Комическая фантазия про барона Мюнхгаузена» Г. Горина с участием Людмилы Касаткиной, Владимира Зельдина, Ларисы Голубкиной и др.; 8-го в Театре сатиры — «Многоуважаемый шкаф» с участием Романа Ткачука, Нины Архиповой, Спартака Мишулина, Михаила Державина и др.

Эстрадные представления: 3—12-го — во Дворце спорта «Сокольники» прошли концерты с участием ВИА «Голубые гитары», Евгения Петросяна, Бориса Владимирова, Вадима Тонкова и др.; 12—14-го — в ГТЭ выступали артисты югославской эстрады: Ивица Шерфези, ВИА «Загреб» и др. С 10 июня по 3 июля во Дворце спорта в Лужниках выступал балет на льду из США «Холидей он айс».

16—17 июня в Москве прошла 6-я сессия Верховного Совета СССР 9-го созыва. На ней Верховный Совет избрал Леонида Брежнева Председателем Верховного Совета СССР вместо смещенного с этого поста Николая Подгорного, которому даже не сказали и нескольких слов благодарности за 12 лет работы. Подгорный на этой сессии не присутствовал, поскольку плохо себя чувствовал: он жил на своей даче в Подмосковье, где за ним приглядывала его родная сестра. Чуть позже он попытается связаться по телефону с Брежневым, но генсек будет всячески его отфутболивать. А потом его помощник Цуканов скажет Подгорному открытым текстом: «У Леонида Ильича нет к вам никаких вопросов». И Подгорный взорвется: «Передайте Брежневу, что с сего дня и у меня нет к нему никаких вопросов и что я никогда ему не позвоню». Вот так сделались врагами люди, которые на протяжении долгих лет общались локоть к локтю друг с другом, выпили не один стакан водки в разных теплых компаниях и вообще считались соратниками.

В пятницу, 17 июня, в Москву вернулся Александр Огородник, он же агент ЦРУ Трионон. Как мы помним, он в течение месяца отдыхал на Кавказе в компании своей невесты Ольги. Поскольку его отпуск заканчивался в понедельник, два последующих дня Огородник провел дома. Наружка КГБ продолжала наблюдение за ним и отслеживала буквально каждый шаг даже в пределах его квартиры. Несмотря на то что окна квартиры Огородника были

плотно зашторены, технические средства чекистов позволяли им беспрепятственно проникать сквозь эти препятствия. Вспоминает И. Перетрухин:

«Вел себя Огородник нервно, мастурбировал, манипулировал с карманным фонариком, разговаривал сам с собой: «Последний раз... не хочу...»

В воскресенье, 19 июня, в автомобильной катастрофе погиб один из лучших тогдашних радиожурналистов (работал на «Маяке») Вадим Горелов. Причем невольным убийцей стал шофер «Чайки», которая везла «срочную почту» на дачу первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Василия Кузнецова. Как записал в своем дневнике друг погибшего журналист Ярослав Голованов, «Вадим с женой и тещей ездили повидать сына Дениса в пионерский лагерь и уже возвращались в Москву, когда «Чайка» на обгоне вылетела на встречную полосу и ударила «Жигули» Вадима. Теща тоже погибла, жена с изрезанным осколками лицом и сотрясением мозга в шоке лежит в одинцовской больнице, еще не знает, что муж и мать погибли. Вадику не было и 40. Очень бы хотел узнать, что было в этой «срочной почте».

Тем временем Огородник утром 20 июня уехал на работу в МИД, а вернулся вечером. Спустя какое-то время наружка засекла новый тайник с контейнером. Огородник взял в руки лежавший на книжной полке фонарик, вытряхнул оттуда батарейки, снял с одной из них картонную оболочку, развинтил металлический корпус, откуда достал проявленную фотопленку. Затем, при свете настольной лампы и вооружившись сильной лупой, Трионон принялся читать текст, воспроизведенный на пленке. Длилось это несколько минут, после чего пленка была спрятана обратно в батарейку, а та вернулась в фонарь.

В те самые минуты, когда Трионон колдовал над шпионской тайнописью, съемочная группа фильма «Трактир на Пятницкой» работала на натурном объекте: возле Новодевичьего монастыря снимался эпизод конспиративной встречи начальника угро (Геннадий Корольков) с секретным агентом (Виктор Перевалов). Съемки начались в 11 вечера и завершились в 6 утра 21 июня.

Тем же утром информация о ночных манипуляциях Трионона была доложена руководству КГБ: сначала начальнику главка генерал-лейтенанту Г. Григоренко, а тот, в свою очередь, переслал ее выше — самому Андропову. Шеф КГБ отдал приказ активизировать работу по реализации дела оперативного учета с тем, чтобы подготовить почву для немедленного ареста Огородника. Приказ шефа КГБ начал выполняться немедленно. Перетрухин позвонил Огороднику и назначил ему встречу у выхода из станции метро «Смоленская». Оттуда они должны были направиться на конспиративную квартиру, чтобы обсудить детали еще одной выдуманной операции КГБ. Однако в назначенное время Огородник к месту встречи не явился, чем заставил сильно поперевничать Перетрухина. По плану КГБ, в те минуты, когда Огородник находился бы на встрече, чекисты должны были обыскать его квартиру. План грозил сорваться, когда наконец Огородник объявился у «Смоленской». Свое опоздание он объяснил какими-то срочными делами в МИДе. Но для Перетрухина тревожения на этом не закончились.

Они ехали к конспиративной квартире на «Волге» Огородника, и тот, находясь за рулем, сам выбирал маршрут следования. И, к ужасу чекиста, выбрал тот путь, который проходил аккуратно рядом с его домом на Краснопресненской набережной. Перетрухин стал лихорадочно прокручивать в мозгу варианты на тот случай, если Огородник вздумал бы заглянуть к себе домой. Но все обошлось: они миновали это место без остановки. Перетрухин незаметно вытер носовым платком выступивший на лбу холодный пот. Но на этом тревожения чекиста не закончились. Прямо возле конспиративной квартиры их «Волгу» внезапно подрезал другой автомобиль, в котором сидел какой-то напыщенный мужчина. Огородник насторожился: «Это что, наружное наблюдение?» Перетрухину пришлось объяснять ему, что никакой наружки за ними нет, хотя она была, но в глаза не бросалась. А эта «подрезка» на самом деле была случайной. Огородник вроде бы поверил.

Пока длилась беседа на конспиративной квартире, в доме Огородника шел обыск. Во время него было найдено множество свидетельств, указывающих на то, что хозяин квар-

тиры — агент ЦРУ. Например, в карманном фонарике китайского производства был обнаружен хитроумно замаскированный контейнер с проявленной фотопленкой, где содержалась инструкция для Трионона. В ней значилось: «Дорогой С.!.. Благодарим Вас за отличный выбор материалов, переданных нам в апреле, особенно за материалы о КНР и о США... Лично рискуя, Вы много сделали для нас и в пользу нашего общего дела. Мы приветствуем Вас и уверяем, что всячески будем продолжать защищать Вас и поддерживать...»

Из других найденных в доме документов чекисты узнали, сколь высоко оплачивалась работа Трионона. Например, с января по июнь этого года он заработал 10 000 долларов, а всего на его счету уже было 319 928 долларов. На тот момент он являлся самым высокооплачиваемым агентом ЦРУ, действующим на советской территории.

Тем временем Леонид Брежнев находится во Франции (с 20 июня). Это была первая поездка генсека на Запад за последних два с лишним года. Как писал в журнале «Культура», издававшемся в Париже, М. Геллер, «поездка Брежнева во Францию дала два результата. Первый — французы смогли увидеть тяжелобольного человека. Все французские газеты обошла фотография: Брежнев, схватившийся за голову, явно не понимающий, где он находится, перед памятником Неизвестному солдату. Впечатление тяжелобольного человека не меняет тот факт, что Брежнев два часа читал приветственную и поучающую речь Жискара д'Эстена. Как выразился главный редактор «Ле монд», наркотики не имеют права принимать только велосипедисты. Второй результат — французский президент после бесед с Брежневым выступил как защитник советской политики «детант», упрекая президента Картера в том, что тот нарушил «кодекс благопристойного поведения в условиях детант». Антиамериканские выступления обязательны для всех французских политических деятелей, тем более в предвыборный период...»

Мало кто знает, но именно во время той поездки на Брежнева готовилось покушение. Вот как об этом вспоминает человек, непосредственно отвечавший за безопасность генсека в этой поездке, — М. Докучаев: «По программе визита в Париже Брежнев должен был

возложить венок к вечному огню у Триумфальной арки. За день до этого мероприятия по линии советской разведки были получены данные о том, что в момент возложения венка Брежнев будет обстрелян из винтовок с оптическим прицелом со зданий улиц, выходящих к Триумфальной арке.

Немедленно была организована встреча с префектом Парижа, который заверил, что примет все меры по обеспечению безопасности высокого советского гостя. Однако сложность предотвращения этой акции заключалась в том, что к Триумфальной арке выходят двенадцать улиц, и откуда террористы намеревались стрелять, трудно было предположить. Поэтому руководство парижской полиции бросило на ликвидацию угрозы и предотвращение террористического акта 12 тысяч полицейских (по одной тысяче на каждую улицу), 6 тысяч пожарников (по 500 человек на крыши домов каждой улицы) и одну тысячу полицейских (особый резерв префекта) для обеспечения безопасности в окрестностях. Мероприятие по программе визита прошло нормально, но какой большой ценой!..»

Андрей Тарковский продолжает работу над «Сталкером» в окрестностях Таллина. Работа идет тяжело. Когда был отснят и проявлен первый материал, Тарковский и оператор Рерберг оказались недовольны увиденным (их не устроило качество изображения) и обратились к руководству «Мосфильма» с просьбой заменить формат фильма на обычный. Однако, отсняв и проявив вторую партию пленки, они вновь остались недовольны. Тарковский попросил генерального директора студии создать специальную комиссию по оценке технического качества материала, поскольку мнение группы о материале резко расходилось с мнением ОТК цеха обработки пленки, которая выдала материал группе, не бракуя его. Короче, на тот момент «Сталкер» был главной головной болью «Мосфильма», и конца этой боли видно еще не было.

Продолжает свое пребывание на Кавказе Андрей Макаревич. Как мы помним, он вместе с коллегами по группе «Машина времени» осел в палаточном лагере в поселке Джубга, где за крышу над головой и паек играет на танцах. Однако место это оказалось настолько глухим и удаленным от цивилизации (на танцах при-

существовал только мрачный престарелый туристский контингент, который никак не мог врубиться в музыку, которую играли «машинисты»), что вскоре нервы у музыкантов не выдержали, и они сменили дислокацию — переехали на турбазу «Приморье» в Ново-Михайловке. Вспоминает А. Макаревич:

«После скучной плоской Джубги место показалось райским. Дорога, идущая вдоль моря, упиралась в ворота базы и заканчивалась. Дальше шли дикие скалы. С другой стороны база была ограничена лагерем Ленинградского политеха, наполненным милыми девушками. Сама база стояла на крутом склоне горы, утопая в зелени. Между деревянными домиками бродили куры, чудом удерживаясь на склоне. Место было что надо. Старшим инструктором оказался могучий человек по фамилии Черкасов — любитель походов, Высоцкого, туристской песни. Не знаю, чем мы ему понравились. Знаю, что он принял на себя несколько атак всяких идеологических комиссий, но нас отстоял. На счастье, в ларьке «Союзпечати», стоявшем прямо на территории базы, продавалась наша пресловутая пластиночка с трио Линник, то есть «Зодиак», подтверждавшая наше, так сказать, официальное существование...»

Во вторник, 21 июня, высшее руководство КГБ СССР отдало приказ арестовать агента ЦРУ Александра Огородника. Выглядело это вполне буднично. Несколько физически крепких чекистов спрятались в кустах во дворе дома шпиона, что на Краснопресненской набережной, а Игорь Перетрухин, которого тот знал, занял позицию возле арки. Когда над городом ступили сумерки, в арку въехала «Волга» Огородника. Едва он вышел из автомобиля, как к нему подошел Перетрухин и сообщил, что по просьбе своего руководства должен немедленно обсудить с Огородником ряд важных вопросов. Это сообщение не вызвало у шпиона абсолютно никаких подозрений. Затаившись папками с бумагами, которые Огородник извлек из багажника, они направились к дому. Возле подъезда им навстречу вышли двое чекистов, которых Перетрухин представил как своих коллег и сказал, что они тоже будут участвовать в обсуждении. Огородника и это не насторожило.

Первые подозрения возникли у шпиона в тот момент, когда он попытался открыть своим

ключом дверь в квартиру. Незадолго до этого здесь побывали «технари» из наружки, которые что-то напортачили с замком. В итоге ключи заели, и Огородник с тревогой в голосе воскликнул: «Здесь кто-то был!» Но Перетрухин быстро сообразил, что ответить: сказал, что это могли быть соседка с сыном, внезапно приехавшие из пионерлагеря. Эта реплика шпиона вроде бы успокоила. Открыв наконец дверь, он пригласил гостей войти внутрь. В комнате он сложил папки в угол и предложил гостям на выбор кофе, виски или коньяк. Однако распивать напитки никому не пришлось: едва вся компания уселась на стулья, как в комнату вошли сотрудники следственного отдела КГБ во главе с полковником Алексеем Кузьминым и понятые. Огороднику было предъявлен подписанный прокурором ордер на арест и производство обыска. Тот сначала растерялся, но потом вопросительно взглянул на Перетрухина:

— Игорь Константинович, здесь какое-то недоразумение! Это нелепая ошибка!

Но поддержки у Перетрухина он не нашел. Тот заявил:

— Александр Дмитриевич, будьте мужественны! Вы имеете дело со следователями, которые действуют согласно закону.

Обыскав Огородника, следователи предложили ему сесть на диван. Едва он подчинился, как по бокам заняли свои места двое чекистов, пришедших с Перетрухиным. В комнате приступили к обыску. Начался он с фонарика, в батарейках которого у шпиона хранилась пленка с инструкциями. Когда ее извлекли на свет, Огородник заметно побледнел и здорово струхнул: его ноги стали дрожать так сильно, что ему пришлось держать их обеими руками. Когда в комнату вошел начальник Службы безопасности МИД СССР Михаил Курышев, Огородник первым делом спросил у него:

— Скажите, а меня расстреляют?

— Ну, я сказать этого не могу, — последовал ответ. — Но вы можете облегчить свою вину, если пойдете на сотрудничество с нами.

— Да, я понимаю, но вы меня обманули! — заявил вдруг Огородник. — Как я теперь могу вам верить?

— Не торопитесь с ответом, Александр Дмитриевич, — посоветовал ему Курышев. — Мы с вами эту беседу еще продолжим.

Когда Курышев ушел, обыск продолжился. За каких-то полчаса-час были найдены еще несколько предметов, подтверждавших то, что Огородник работал на ЦРУ: блокнот для расшифровки полученных радиogramм, копирка для нанесения тайнописи и пленки с инструкциями американской разведки, огнестрельное оружие и др. Примерно около часа ночи Перетрухина вызвали в оперативный штаб, который располагался поблизости от дома Огородника. Там ему сообщили, что он может ехать домой отдыхать, поскольку завтра еще будет много работы. Едва это произошло, как Огородник внезапно попросил у следователей чистый лист бумаги и авторучку, чтобы написать объяснение на имя руководства КГБ СССР. Ему дали и то, и другое.

Огородник склонился над листом, но вскоре пожаловался на то, что выданная ему авторучка плохо пишет. И попросил подать ему другую — ту, что лежала на другом конце стола. Эту ручку один из следователей до этого уже тщательно осмотрел, не найдя в ней ничего подозрительно. Поэтому просьба Огородника была удовлетворена. Между тем в колпачке ручки оказался быстродействующий яд. Огородник, для отвода глаз написав несколько слов на бумаге, в следующую секунду нажал на потайную кнопку в колпачке и, когда на поверхность выскочила миниатюрная ампула, молниеносно отправил ее себе в рот. Подскочившие следователи попытались разжать ему зубы металлической линейкой, однако драгоценные секунды были уже потеряны — шпион успел раздавить зубами смертоносную ампулу. В следующую секунду изо рта у него стала выделяться кровавая пена. Следователям не оставалось ничего иного, как вызвать по рации «Скорую помощь». Та примчалась буквально через несколько минут, а еще через 15 минут Огородник был доставлен в Склиф. Но все потуги врачей были тщетны: в 4 часа утра 22 июня Огородник скончался не приходя в сознание. В тот же день его тело (под фамилией Сидоров) перевезли в морг военного госпиталя имени Н. Бурденко МО СССР, где была проведена патологоанатомическая экспертиза.

С момента смерти Огородника прошло всего лишь три часа, а начальник 2-го главного управления КГБ СССР Григоренко уже поднял телефонным звонком с постели Андропова.

В девять все сотрудники, присутствовавшие на обыске, были уже на Лубянке, в кабинете шефа КГБ. Все, естественно, были расстроены, но духом не падали. Первый заместитель начальника 2-го управления Виталий Бояров рассказал Андропову подробности произошедшего. В конце заметил: мол, если вы санкционируете дальнейшее проведение операции, то ручаюсь, что мы доведем ее до конца и сорвем планы американцев. Андропов в ответ пошутил: «Твои бы слова да богу в уши». Но санкцию дал.

В эти же дни Андрей Михалков-Кончаловский продолжает работу над киноэпопеей «Сибиряда». С 7 июня группа начала работу над натурными эпизодами в Калининe, до этого отсняв в Феодосии объект «гнилое море» (16—24 мая). Съемки в Калининe сопровождались целой серией скандалов, про самый громкий из которых вспоминает А. Михалков-Кончаловский:

«Художником на третьей и четвертой сериях картины был Саша Адабашьян. Он был с нами и в Калининe. Они с Панкратовым-Черным напились до такого состояния, что полезли к девушкам на четвертый этаж по вертикальной вывеске «Ресторан», торчавшей из стены гостиницы. Был большой скандал. Лишь много позже я узнал про все эти похождения: был поглощен фильмом, а группа в это время жила своей ночной жизнью.

Группа была большая, ночи длинные и светлые — июнь, Калинин. Ночная жизнь была ключом, закипала где-то в восемь часов вечера и затихала под утро. Я в это время спал мертвым сном...»

Кинорежиссер Сергей Параджанов вот уже три с половиной года сидит за решеткой. Срок он тянет на Украине, в городе Перевальске Ворошиловградской области. Дни его похожи один на другой: с утра до вечера работа, вечера Параджанов посвящал своему хобби — мастерил забавные поделки, предназначенные друзьям на воле. Еще режиссер-зэк смотрел кино: по телевизору либо в клубе. Одним из последних фильмов, просмотренных им, стал «Табор уходит в небо» Эмиля Лотяну. Увиденное на экране Параджанову жутко не понравилось. 23 июня он написал своей бывшей жене Светлане: «Видел «Табор уходит в небо» — цыганщина, пошлость и «Тенизм» (то есть сделанный под влиянием параджановского фильма «Тени

забытых предков». — Ф. Р.), непонятный и бессмысленный. «Авторитет ушел в небо». Тома с уцененным бюстом и современные песни в кафе «Романе». Наконец в Союзе есть свой Радж Капур. Из студии Горького создать «Индия-фильм» (хотя «Табор...» был снят на «Мосфильме». — Ф. Р.)...»

А в КГБ тем временем ломают голову, как скрыть от ЦРУ гибель их самого ценного агента — Трионона, или Александра Огородника. Целой группе чекистов поставлена задача: сообщить родственникам легендарную смерть шпиона (мол, он погиб у себя на квартире после посещения его каким-то иностранцем) и взять с них слово никому об этом не говорить. Хуже всех смерть Огородника восприняла его мать — ей стало плохо, а вот отец отнесся к этому на удивление спокойно. Сложнее обстояло дело с сестрой шпиона и ее мужем, который был племянником маршала СССР Соколова. Последний даже заявил, что в версию смерти Огородника от рук иностранца не верит. Разубедить его не стали, попросили только хранить эти сведения в секрете. Что касается невесты Огородника Ольги, то она, узнав о смерти любимого, впала в шок. Это была естественная реакция женщины, у которой с погибшим было назначено бракосочетание через полтора месяца. Когда шок прошел, Ольга согласилась уехать на время в один из домов отдыха КГБ в Московской области.

Между тем в КГБ еще не догадываются, что у американской разведки в Москве действует еще один агент из числа советских граждан — 37-летний майор ГРУ Анатолий Филатов. Этого человека ЦРУ завербовал в январе 1974 года, когда тот работал в Алжире. Филатов угодил в «медовую ловушку» — то есть погорел на женщине. Зная эту его слабость, цэрэушники умело подвели к нему своего агента — красивую женщину, которая легко заманила советского дипломата в свои апартаменты и в течение нескольких часов показывала ему не один, а сразу несколько сеансов виртуозной любви. Все сеансы были записаны на пленку цэрэушниками, которые, истекая слюнями, засели в соседней комнате. Потом эту пленку показали самому Филатову, и он предпочел стать агентом американской разведки, чем сдаваться на милость своего начальства. В течение трех лет Филатов исправно работал на своих новых хо-

зьев, а когда в 77-м вернулся в Москву (он работал в НИИ аналитики), продолжил работу и там.

В субботу, 25 июня, на Костомаровской набережной в Москве была назначена очередная передача информации ЦРУ своему агенту. Но она сорвалась, так как за носителем контейнера от самого американского посольства следовала наружка КГБ. Поплутав по городу в надежде оторваться от нее, но так и не добившись результата, цэрэушник вернулся в свое логово на улице Чайковского. А на имя Филатова была отправлена шифровка, в которой объяснялось, почему встреча не состоялась. В ней же агента оповещали о новом расписании радиоэфиров (по пятницам в 24.00, по воскресеньям — в 22.00) и советовали ему купить новый радиоприемник «Рига 103-2», который мощнее остальных и поможет ему в его радиоконтактах с ЦРУ.

25 июня Олег Даль вернулся в Москву из Праги, где он принимал участие в фестивале телевизионных фильмов. Мы помним, что накануне поездки он вновь стал выпивать и домой вернулся преисполненный желанием вновь «защититься». А лекарство он брал у Владимира Высоцкого, у которого этого добра было предостаточно (целая тумбочка была заставлена). Однако когда Даль позвонил ему и попросил выручить, Высоцкий внезапно ответил отказом. Сказал: «У меня нет... Сейчас стало сложно». То ли он успел раздать лекарство другим людям, то ли просто пожалел — тайна сия неведома.

Вечером того же дня (в 21.30) по ТВ был показан заключительный концерт лауреатов международного конкурса эстрадной песни «Золотой Орфей», проходящего ежегодно в Болгарии. Советский Союз на нем представляла 19-летняя казахская певица Роза Рымбаева, причем представила великолепно — завоевала Главный приз. Рымбаева ворвалась на отечественный эстрадный Олимп внезапно. Как-нибудь несколько месяцев назад про нее и не знал никто, и вдруг такой триумф. Роза была типичной провинциальной девушкой: жила в глухом местечке под названием Разъезд № 9 в 150 километрах от Семипалатинска — поселке, где было всего 18 домов. Ее родители были самыми простыми людьми: отец — путевой обходчик, мама — домохозяйка. Роза училась в

школе при интернате, где впервые и приобщилась к музыке — выступала в самодеятельности. В 8-м классе ее пригласили в ВИА «Орфей», которым руководил Анатолий Людолин. Он же и открыл будущую звезду: после 10-го класса привез ее в Алма-Ату на республиканский конкурс солистов художественной самодеятельности. Рымбаева произвела там фурор. В итоге она поступила в музыкальное училище и затем была принята в ВИА «Гюльдер». В ее составе она вскоре стала лауреатом премии Ленинского комсомола. В июне 77-го к этой награде прибавилась еще одна — «Золотой Орфей».

26 июня в Москве скончался гениальный российский тенор Сергей Лемешев. Как писали о нем специалисты, до Лемешева были тенора и с более потрясающими голосами, но только ему, сыну батрака из затерянной в лесной глуши деревеньки Старое Князево, удалось взлететь на недосыгаемую высоту. Главное в феномене Лемешева в том и состоит, что он обрел всесоюзную славу не столько благодаря, сколько вопреки обстоятельствам, которые он умел преодолеть волей, настойчивостью. Долгие годы Лемешева называли первым соловьем Руси, хотя ему больше подошло бы другое определение — Ленский на все времена. Роль этого героя в опере «Евгений Онегин» стала одной из самых ярких в творческой биографии Лемешева.

Как утверждали близкие певца, все свои болезни он переносил на ногах. В 1968 году у Лемешева случился первый инфаркт, потом последовали еще два. Вдобавок у него было «поддутое» легкое (в войну сильно простудился на вокзале и получил воспаление). Заработал туберкулез. За месяц до смерти Лемешева положили в больницу 4-го управления Минздрава, в палату № 415. Певца постоянно навещала его жена — певица Вера Кудрявцева. 25 июня до восьми вечера она тоже находилась подле него, а когда пришла к нему на следующий день, он уже умер. До своего 75-летия певец не дожил двух недель.

Съемочная группа фильма «Трактир на Пятницкой» в это время находилась в экспедиции в Ростове-Ярославском, где ей в течение десяти дней предстояло отснять московские сцены, происходящие в торговых рядах на Пятницкой улице, возле Китайской стены (в са-

мой столице, к сожалению, это сделать было невозможно). Съёмки начались 26 июня с общих фонов торговых рядов. На следующий день сняли эпизоды, где Павел Антонов, он же вор Пашка Америка (Александр Галибин), помогает Аленке (Марина Дюжева) найти ее пропавший кошелек. Как мы помним, кошелек у девушки выкрал местный уркаган, а Пашка, пожалев Аленку, выкупил кошелек у воришки за пару червонцев.

Но вернемся в Москву, где КГБ ломает голову над проблемой: как после внезапной смерти Трионона разоблачить американских разведчиков, работавших с ним и окопавшихся в Москве. В итоге было решено сделать это с помощью двойников. Среди сотрудников 7-го управления КГБ (наружка) были подобраны двое агентов — мужчина и женщина: один по внешним данным имел некоторое сходство с Огородником, другая — с его невестой Ольгой. Видимо, выбор этих людей был удачным, если даже один из родственников Трионона — муж его сестры — не признал в Огороднике агента КГБ. Правда, это могло дорого стоить Лубянке. Дело в том, что, увидев случайно на улице в проезжавшей «Волге» живого и невредимого Огородника, родственник немедленно позвонил в КГБ и уличил их в обмане: дескать, вы раззвонили всем родственникам, что Огородник умер, а я только что видел его живым. Пришлось срочно с ним встречаться и разъяснять существо дела.

Благодаря имеющимся в распоряжении 2-го главка сведениям, полученным в результате обыска у Трионона, было известно, что 26 июня на Ленинских горах с шести до семи вечера должен быть выставлен сигнал под условным названием «Прогулка» — автомашина с Триононом, а два дня спустя, в одиннадцать вечера, должна была быть произведена очередная тайниковая операция в парке Победы на Поклонной горе. Во время последней Трионон должен был подобрать обломанную ветку и спустя 15 минут положить в другом известном ему месте смятую жестяную банку с вложенной в нее информацией. Однако было одно «но»: точное место встречи в парке чекистам было неизвестно. Учитывая это, было решено заблокировать весь парк с помощью 120 агентов наружного наблюдения. Однако 28 июня в назначенное время в парке так никто и не объявился. Чекисты задержали двух подозрительных

мужчин, слонявшихся по парку, но они оказались жителями близлежащего дома, и их после проверки отпустили.

Кинорежиссер Элем Климов в эти же дни находился в Белоруссии, где готовился к съемкам фильма «Убейте Гитлера!» («Иди и смотри») по повести Алеся Адамовича «Хатынская повесть». Казалось, все уже было на мази: интерес к работе проявлял хозяин Белоруссии Петр Машеров (в войну он сам партизанил), была сформирована сильная съемочная группа, найден мальчик на роль главного героя (это всем ныне известный Алексей Кравченко). Загвоздка была только в одном: сценарий все еще находился на рецензии в Главной сценарно-редакционной коллегии, но всем почему-то казалось, что особых претензий высказано не будет — ведь фильм уже был готов к запуску. Ошиблись. Верхам не нужна была такая шокирующая правда о войне, какая была показана в «Хатынской повести» Адамовича. Фильмы о войне теперь должны были сниматься по иным лекалам: например, типа «Фронта без флангов» или какой-нибудь «Схватки».

Вспоминает Э. Климов:

«Неожиданно в Минск прикатили Павленок (зампред Госкино. — Ф. Р.) и Даль Орлов (глава ГСРК. — Ф. Р.). Они привезли с собой официальное заключение Комитета на наш сценарий, где значилось двенадцать замечаний. Любое из них убивало фильм наповал. Дорогие гости затем и пожаловали.

Кстати, случайно мы заранее узнали, как именно нас собираются «кончать». Павленка и Орлова возил на «Волге» шофер, который до этого работал в нашей группе. Он-то и рассказал, как московские начальники надрались в ресторане, а по дороге в гостиницу, не выбирая выражений, обсуждали ход предстоящей боевой операции. Так что сценарий казни был нам известен наперед.

Все должно было произойти на худсовете, к которому мы тщательно готовились. Мы показали пробы. Выставили эскизы, старые фотографии, собранный документальный материал. И решили показать одну из «героинь» фильма — настоящую партизанскую винтовку. На стене висел портрет Гитлера, а винтовка была нацелена на него. Пиротехник спрашивает: «А может, и зарядить?» Я не долго размышлял, говорю: «Давай». Зарядили, к счастью, холостыми...

Народу пришло невероятное количество. Казалось, что в комнату набился весь Минск. Началось обсуждение. Грандиозную речь сказал Адамович. Хитрый Павленок ушел в тень, оставался все время где-то «за кадром», а главным палачом был Даль Орлов. Зачитал он свои претензии. Выслушивать все это было невозможно. Алесь слушал-слушал и вдруг вскочил. Я будто прочитал его мысли: сейчас он схватит винтовку и жахнет в упор в нашего мучителя. И у меня у самого было абсолютно то же желание. И я тоже вскочил! И Алесь, наверное, понял это и схватил меня за руки. А я схватил его. Наверное, это было зрелище! Наступила какая-то мертвая пауза... Потом как-то разом все поднялись. Мало кто понял, что с фильмом все кончено. Кто-то даже двинулся ближе к двери, кто-то стал досматривать эскизы, фотографии, которые всем так понравились. Вот тут-то и наступила долгожданная развязка. У нас был директор картины, пожилой, замечательный дядька. Он подошел к винтовке и, не зная, что она заряжена, почему-то нажал на курок. И грохнул выстрел, да еще какой!

Что тут было! Все врассыпную. Женщины завизжали. Кто-то рухнул на пол. И в этот момент я увидел лицо Даля Орлова. Он в одну секунду все проиграл и понял, к чему шло дело, когда мы с Алесем вскочили и схватили друг друга за руки. Он весь побелел...

Но он свое дело сделал. Ультимативные требования, которые нам предъявили, принять было невозможно. Я отказался их выполнить. Тогда картину мгновенно и с радостью закрыли. Мне это дорого обошлось...

Я страшно увлекся этой работой и уже слишком глубоко в нее погрузился. Пережить столь внезапное ее прекращение было очень трудно. И произошел нервный срыв, я тяжело заболел. Весь стал покрываться какими-то волдырями, язвами. Кожа на мне трескалась, сползала кусками... Лариса (жена Климова кинорежиссер Лариса Шепитько. — Ф. Р.) мазала меня каждый день какими-то жуткими мазями и забинтовывала. Всего! Я потом с трудом одевался и мог ходить только с палкой. Потом выяснилось, что дело мое еще хуже. Оказалась поражена левая половина мозга. Отходил я долго — почти год...»

Продолжаются съемки «Трактира на Пятницкой» в Ростове-Ярославском. Во вторник,

28 июня, был снят объект «шляпный магазин» (там Пашка Америка покупал своей возлюбленной Аленке роскошную шляпу), а на следующий день сняли эпизоды из начала фильма: Пашка Америка ловко «вскрывает» карман у приезжего колхозника. Между тем съемка 29-го имела все шансы не состояться из-за халатного отношения к своим обязанностям режиссеров. Дело в том, что в Ростове-Ярославском оказалось большой проблемой отыскать для съемок настоящие самовар, чайники и другую посуду, которая была так необходима для съемок объекта «торговые ряды». Причем это выяснилось в самую последнюю минуту — накануне съемок. Работа была под угрозой срыва, что было чревато серьезными неприятностями — группа и без того отставала по метражу от всех графиков. Однако ситуацию спас сам режиссер. На студийной машине он рванул ночью в Москву, хотя до нее было 160 км езды. И ведь успел: вернулся под самое утро с нужным самоваром и другой необходимой для съемок посудой.

Под Каунасом продолжают съемки фильма «В зоне особого внимания». С 15 июня в тамошних лесах снимают эпизоды погони «северных» за диверсионной группой десантников во главе с капитаном Тарасовым (Борис Галкин). 28—30 июня съемки на время переместились на другой объект — в поселок. Там снимали ограбление магазина бандой сбежавших из колонии уголовников.

В четверг, 30 июня, на страницах «Комсомольской правды» появилась весьма интересная публикация. Некий Вячеслав Вагин из города Боровичи, что в Новгородской области, сообщал в своем письме в редакцию, что его молодая жена (студентка 5-го курса медицинского института) вместе со своей подругой — однокурсницей увлечена... сеансами спиритизма. Дескать, чуть ли не каждый день они закрываются в своей комнате и гадают на блюдце, вызывая духов Ломоносова, Пушкина, а то и Авиценны. И вопросы, что их мучают, житейские: куда их распределят, как будут жить дальше и т. д. Заканчивал свое письмо удивленный муж следующими словами: «Грамотные (5-й курс), естественники по образованию (психология для них — родной предмет), молодые современные люди (увлекаются искусством, музы-

кой) — что с ними происходит, когда они садятся за стол с блюдом? Самовнушение?..»

Вслед за письмом шел пространный комментарий академика Академии педагогических наук А. Леонтьева. В нем он объяснил вращения блюда во время спиритических сеансов вполне естественными причинами — так называемыми идиомоторными движениями. Правда, объяснил так, что человеку, который хотя бы раз занимался подобными гаданиями, так и не стало ясно, как же все это происходит. И вообще большая часть ответа была выдержана в духе марксизма-ленинизма, была этакой агиткой в пользу материалистического мировоззрения. Уверен, никого из интересующихся этой проблемой этот ответ не удовлетворил. А интересующихся в стране победившего социализма было очень много. В те времена духов знаменитых людей вызывали все кому не лень: начиная от школьников и заканчивая пенсионерами. Известен случай, когда в начале 70-х кинорежиссер Андрей Тарковский во время такого сеанса спросил у духа, сколько всего фильмов он снимет за свою творческую карьеру, и тот назвал точную цифру — семь. Вот вам и идиомоторика!

Но вернемся к делам шпионским. 30 июня КГБ перехватил зашифрованную телеграмму ЦРУ, предназначенную для Трионона. В ней сообщалось о том, почему сорвалась встреча в парке Победы двумя днями ранее. Оказалось, что американцы приехали в назначенное время к месту встречи, но засекали каких-то подозрительных людей и предпочли не рисковать. Поэтому в шифровке назначалась новая операция под кодовым названием «Сетунь» и Трионону приказывалось подтвердить готовность к операции следующим сигналом: надо было поставить «Волгу» у «Паркплац» (место для стоянки машины) 1 июля с 18.30 до 19.00. В тот же день в КГБ состоялось заседание оперативного штаба, на котором были выработаны необходимые меры для проведения новой операции против ЦРУ.

Однако оставим на некоторое время дела шпионские и вернемся к делам повседневным.

Во второй половине июня в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову одну: фильм Бориса Кимягарова «Сказание о Сиявуше» (с 20-го).

Кино по ТВ: «Волны Черного моря» (премьера т/ф, часть 3-я, 1-я серия, 18—19-го), «Два бойца», «Вылет задерживается» (19-го), «Рядовой Александр Матросов» (20-го), «Три мушкетера» (Франция—Италия, впервые по ТВ 21—22-го), «Ваши права?» (23-го), «Золото», «Идущие за горизонт» (24-го), «А зори здесь тихие...» (1 серия), «Семь невест ефрейтора Збруева» (26-го), «Джамбул» (27-го), «Легко быть добрым» (премьера т/ф 28—29-го), «Дорога к морю» (30-го) и др.

Из других передач назову: «Поет Мирей Матье» (21-го), «Кабачок «13 стульев», Концерт лауреатов международного конкурса эстрадной песни «Золотой Орфей» (25-го).

Из театральных премьер выделю одну: «Последний срок» в филиале МХАТа с участием Петра Чернова, Владимира Трошина и др. (17-го).

Эстрадные представления: 18—26-го — на стадионе «Динамо» выступали популярные ВИА «Синяя птица» и «Лейся, песня»; 17—19-го — в кинотеатре «Минск» прошли концерты с участием звезд советского кино прошлых лет Марины Ладыниной, Георгия Юматова, Музы Крепкогорской, Сергея Мартинсона, Михаила Кузнецова и др.; в ГТЭ в эти же дни выступал японский ансамбль «Дак-Дакс»; 17—22-го — в «Октябре» пел чешский «соловей» Карел Готт; 17—25-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал тульский ВИА «Красные маки»; 18—26-го — на «Динамо» пел композитор и певец Владимир Мигуля; 22—30-го — на ВДНХ радовал слушателей своим искусством ВИА «Голубые гитары»; 23—30-го в ЦПКиО имени Горького — греческий ВИА «Бузуки».

Из пластинок журнала «Кругозор» (№ 6) назову следующие: «Леонид Филатов читает свои пародии»; Песни из к/ф «Розыгрыш»; Роза Рымбаева — «Мелодия надежды» (В. Мигуля — П. Бабаков), «Алия».

1977 Июль

КГБ выманивает цэрэушников. Эмиль Лотяну находит свою новую Музу — Галину Беляву. Как Инна Чурикова испугалась нудистов. Виктор Тихонов наводит дисциплину в ЦСКА. Страсти по «Картушу». Убийство приемной дочери известной певицы. Высоцкий в Мексике. Как лечили Елену Проклову. Билык-старший уходит от погони. Донос на Майю Плисецкую. Справедливая победа фильма «Восхождение». «Эспераль» для Олега Даля. Террорист, взорвавший такси, арестован. «Трактир на Пятницкой»: бой в подвале. Почему Евгений Мартынов сбежал из Ялты. Тайные встречи Галины Брежневой с любовником в Крыму. Андрей Макаревич на юге: погоня за курами. В роли абитуриентов — будущие звезды: Олег Меньшиков, Игорь Бочкин. Почему расстроилась дочка Лидии Федосеевой-Шукшиной от первого брака. Воздушные пираты угоняют самолет. Преждевременная смерть кинорежиссера Евгения Карелова. Обнаружен труп приемной дочери известной певицы. Похороны Трионона. Телефонный роман Валентины Малявиной. В автомобильной аварии пострадал один из инициаторов ограбления Ереванского банка. Захват КГБ американской шпионки. Япончик в психушке. Пермские страсти по Алле Пугачевой. Умер Константин Федин. Как Борис Александров едва не угодил за решетку. Высылка американской шпионки из Москвы. Трупные мухи помогают следствию. В роли роженицы — Людмила Максакова. Мемориальная доска в память Василия Шукшина. Как поймали мошенника, «бомбившего» провинциалок. Почему Андрея Громыко звали «Косорылый». Снос «дома Ипатьева». Мой актерский альбом. Эдита Пьеха отмечает день рождения.

КГБ продолжает свою игру против американской разведки. 1 июля в соответствии с инструкцией, полученной от ЦРУ на имя Трионона, чекисты припарковали две черные «Волги» в предполагаемых местах постановки сигнала «Паркплатц». Теперь важно было определить, какое именно из этих двух мест и является местом встречи для цэрэушников. Поначалу показалось, что этим местом был небольшой пустырь на улице Плющиха. Именно там остановил свою машину сотрудник американского посольства в Москве Артур и в течение получаса копался в моторе. Однако при выезде на это место чекисты не обнаружили там ничего подозрительного.

Другим местом был район Краснолужского моста в Лужниках, куда тем вечером были стянуты значительные силы наружки. Однако и там все было впустую: около одиннадцати ве-

чера на мост хлынула толпа людей, которые возвращались из Дворца спорта, с представления американского балета на льду «Холидей он айс» (гастроли начались 10 июня). Поскольку люди шли по мосту в течение часа, а это могло напугать американцев, был дан сигнал отбоя.

В эти же дни кинорежиссер Эмиль Лотяну на «Мосфильме» готовится приступить к съемкам своего очередного фильма — «Мой ласковый и нежный зверь» по повести А. Чехова «Драма на охоте». Съемки должны были начаться в начале июля, а актерский состав все еще не был до конца укомплектован: не хватало исполнителей ролей графа, Корнеева, Надежды и, самое главное, Оленьки Скворцовой. Ввиду этого руководство студии подписало 29 июня приказ о продлении подготовительного периода еще на неделю. И уже через несколько

дней Лотяну находит актрису на роль Оленьки — 16-летнюю Галю Беляеву.

Беляева родилась в семье, далекой от искусства. Ее мама работала энергетиком, а отца она не помнила — тот ушел из семьи до рождения дочери. Беляевы жили тогда в Воронеже, где Галина поступила в хореографическое училище. Однако балет так и не смог захватить ее целиком, потому что на первом месте у девочки всегда стояло кино. В 15 лет она отправила свою фотографию на «Мосфильм» в тайной надежде, что ее заметят. И чудо произошло — снимок попался на глаза Эмилию Лотяну, который вот уже несколько месяцев безуспешно пытался найти юную актрису на роль Оленьки Скворцовой.

Вспоминает сам режиссер:

«Среди прочих фотографий выскакивает маленькое черно-белое паспортное фото — сзади чернилами написано: «Мне пятнадцать лет». Я увидел эти косульки глаза, воскликнул: «Вот она!» Ее притащили из балетного училища в Воронеже. Пришла девочка, я три дня репетировал с ней, рассказывал. Никакой реакции. Я был в отчаянии. Сказал: «Сейчас придет Янковский, мы проведем пробу и потом отправим девочку в Воронеж». Мне показалось, что все бесполезно. Пришел Янковский, мы поставили камеру, свет... И вдруг после команды «Мотор» из нее выперло все, что я три дня в нее вбивал, оказывается, все это собралось в пружину — и она выдала все с такой свежестью, с таким напором, что Олег Янковский опешил...»

В эти же дни в Западном Берлине проходит очередной международный кинофестиваль «Берлинале-77». Советский Союз на нем представляет картина Ларисы Шепитько «Восхождение». Помимо автора фильма, на фестиваль прибыла внушительная делегация, в которую входили: кинорежиссеры Андрей Михалков-Кончаловский (он входил в жюри), Глеб Панфилов, актрисы Инна Чурикова, Елена Коренева, а также несколько чиновников Госкино. В один из дней советскую делегацию повезли в «оазис социализма» — Восточный Берлин. Однако стыда от этой поездки было больше, чем от посещения любой капиталистической вечеринки. После ужина, который проходил в советском посольстве, гостям предложили посмотреть несколько западных фильмов. Как

выразился один из посольских: «Врага нужно знать, чтобы с ним бороться!». Фильмы оказались порнографическими. Как вспоминает Елена Коренева, они сидели в зале как загнанные звери, а когда в зале наконец зажегся свет, они сослались на усталость и попросили немедленно доставить их обратно. Но это было не последнее эротическое приключение членов советской делегации. Вот как об этом вспоминает А. Михалков-Кончаловский:

«Во время фестиваля я часто ходил загорать на крышу отеля, там был большой спортивный клуб с бассейном. Оказавшись там в первый раз, я не поверил глазам: все — голые. Немцы вообще очень свободно относятся к обнаженному телу — голыми были все: мужчины, женщины, дети. Ходили, переступая друг через друга, пили пиво.

Я решил привести туда Чурикову с Глебом Панфиловым, они пришли в купальных костюмах и оторопели от увиденного — по коридору, ведущему к душам, шла толпа, преимущественно состоящая из голых мужчин и женщин.

— Пойдем, пойдем быстрее, — заторопил я.

— Что это?

— Это люди из бассейна.

— Не понимаю.

— Ну, нудисты.

У входа лежал, накрыв лицо газетой, спящий человек, выставив на всеобщее обозрение сильно возбужденный детородный орган. Бедная Чурикова потеряла дар речи. Не знала, куда смотреть. Наконец, ей удалось выдать:

— Пошли от... от... отсюда...

Она убежала, остановить ее мне не удалось. Хотя я ее понимаю. Зрелище было не для девственного российского сознания. Глеб тоже слегка потяжелел, и он не ожидал такое увидеть.

— Сюда бы автобус наших туристов! — задумчиво сказал он...»

Между тем Виктор Тихонов, пришедший в марте к руководству хоккейного клуба ЦСКА, готовит команду к очередному чемпионату страны. Работа продвигается со скрипом, поскольку не все игроки прославленного клуба восприняли приход нового тренера с восторгом. Причем среди недовольных не только «старики», но и молодежь. Вот как вспоминает о тех днях Вячеслав Фетисов, которому в ту пору было 19 лет:

«Виктор Васильевич пришел в команду поджарым, подтянутым, кроссы бегал с нами, и бегал прилично. Он привел в ЦСКА Балдериса и Капустина. А меня вместе с Сергеем Бабиновым (его как раз привезли из Челябинска) решили перевести из первой «пятерки» в звено Жлуктова. Идея Тихонова заключалась в том, что он начал строить команду по «пятеркам». Я пришел к Виктору Васильевичу: «Почему вы меня убираете из звена Петрова?» Он мне объясняет — Петрову, Михайлову, Харламову пора заканчивать, надо создавать новое первое звено: «И я рассчитываю на то, что вы с Сережей Бабиновым составите в нем пару защитников». Я лезу в бутылку: «Не хочу в другом звене играть, а хочу с людьми, которым я многим обязан. Если вы считаете, что я справлюсь со своими задачами, то оставьте меня с ними». Весь мой запал выглядел по-юношески наивно, и Тихонов быстро прекратил разговор: «Вообще я не собираюсь с тобой дискутировать. Будешь играть там, где тебе сказали». А я майку первого звена не стал переодевать, и меня выгнали с тренировки. Потом провели собрание, созвали на него всех армейских тренеров, и меня убедили, что так лучше для команды. И я начал играть в паре с Сережей Бабиновым и с «тройкой» Жлуктова...»

Не менее сложно складывались у Тихонова отношения и с отдельными «старичками». Как он сам вспоминает, «некоторые мастера могли справиться с любыми заданиями тренера, но не хотели тренироваться с полной отдачей сил и потому порой уваливали от работы. Тон здесь задавал Владимир Петров. Едва начались серьезные тренировки, как он обратился к врачу. Я слышал, что Володя и раньше не проходил полностью подготовительный период. Как только начинался базовый цикл подготовки, он тотчас же жаловался на недомогание... Владимир говорил мне: «Я знаю лучше всех, сколько мне надо тренироваться». Или: «Я могу нарушать спортивный режим, на мне это не отражается». И выдвигал главный, с его точки зрения, аргумент: «У меня свои взгляды на хоккей, на тренировку». Короче, Петров вел себя в коллективе как отдельный коллектив. Работать с ним оказалось непросто...»

4 июля ваш покорный слуга взялся писать новый роман — на тот раз из разряда «плаща и шпаги». До этого я изошрялся в написании ро-

манов юмористических и про индейцев. Но в июне меня угораздило сходить на фильм французского режиссера Филиппа де Брока «Картуш» с Жан-Полем Бельмондо в главной роли, и с этого момента у меня появилось желание написать нечто подобное. Свое новое произведение я назвал «Бесстрашный Банно» и предварил его следующим эпиграфом: «Все герои этой повести и события, происходящие в ней, вымышлены, хотя, может быть, и существовал такой человек, как Банно де Трауль, близкий друг знаменитого Луи-Доминика Бургиньона по прозвищу Картуш, который кончил жизнь в 1771 году на Гревской площади в Париже. Пережив своего друга, Банно де Трауль еще много лет странствовал по родной Франции, удивляя людей своим мужеством и ловкостью».

Много лет спустя я вновь пересмотрел фильм «Картуш» и удивился своей наивности: настолько слабым показался он мне. Но в 15 лет я считал его чуть ли не эталоном кинематографа. Кстати, именно этот фильм явился поводом к небольшому инциденту в семье актера Олега Даля. В начале июля «Картуш» шел недалеко от его дома — в кинотеатре «Казахстан», и жена Елизавета стала уговаривать мужа сходить на картину. Даль как мог отбрыкивался. Тогда в дело вмешалась его теща, которая, будучи в Ленинграде, уже успела увидеть фильм, и он ей понравился. А поскольку к мнению тещи Даль всегда прислушивался, он отправился на «Картуша». О том, что из этого получилось, рассказывает сама теща — Ольга Эйхенбаум:

«Олег устроил мне разнос, кажется, в первом же телефонном разговоре:

— Ну, Оля, ты даешь! Отправить меня на такое... хэ! «кино»!!! Да-а-а...

Лиза, естественно, заняла сторону Олега, а мне в результате пришлось «заглаживать вину» в письменном виде: «Я извиняюсь, что ввела вас в заблуждение с «Картушем», но я на этот счет зритель не безвкусный, но гораздо более обыкновенный, чем вы оба».

В субботу, 5 июля, в Москве было совершенно убийство: в своей квартире была убита Леля Ведникова. Погибшая была приемной дочерью очень известной в 30-е годы эстрадной певицы Анны Ланской-Грюнфельд (та взяла девочку из подмосковного детского дома в самом конце войны). Они жили вдвоем в трехэтажном

В 325-й средней школе города Москвы я в течение целого учебного года (1975—1976) был школьным знаменосцем. Выбор пионерской дружины мне казался странным: я был троечником и явно не тянул на столь почетную должность. Но в пионерской дружине мне сказали, что главное не отметки, а внешность: я был высок и симпатичен. На фото: я несу школьное знамя по Красной площади во время принятия в пионеры пятиклашек. На календаре 19 мая 1976 года.

2 мая 1977 года. Я провожаю своего друга Сашу Саидова в ряды Вооруженных Сил. Я стою слева с прической «под битла».

Выдающийся советский хоккеист Александр Мальцев в январе 1975 года стал героем громкого скандала, выплеснувшегося на страницы центральной прессы. Спортсмена обвинили в зазнайстве, в пренебрежении к родному коллективу. Звезда спортсмена легко могла закатиться, но... не закатилась.

Леонид Брежнев первой половины 70-х продолжает удивлять мир. В самом начале августа 1975 года советский генсек приехал на совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, где подписал фундаментальные договоренности, провозгласившие принципы суверенного равенства, нерушимости границ, уважения прав человека и т. д.

Первой ласточкой, возвестившей о потеплении отношений между двумя сверхдержавами СССР и США, стал совместный полет в космос советских и американских космонавтов в рамках программы «Союз — Аполлон». Это произошло накануне Хельсинкских договоренностей: в середине июля 1975 года.

Сильнейшим советским футбольным клубом в 70-е было киевское «Динамо». В 1975 году оно добилось самого весомого результата в своей карьере — выиграло европейский Суперкубок, дважды обыграв мюнхенскую «Баварию». В том составе «Динамо» блистали такие звезды, как: Олег Блохин, Леонид Буряк, Владимир Онищенко, Евгений Рудаков, Владимир Веремеев, Анатолий Коньков, Владимир Мунтян.

Фигуристы Людмила Пахомова и Александр Горшков считались одной из самых красивых и романтичных пар в советском фигурном катании. Они побеждали даже тогда, когда, казалось, победа была невозможна. Так было в 1972 году в Калгари, когда перед выступлением их отравили в столовой, так было в 1975 году в Колорадо-Спрингс, куда Горшков приехал после сложнейшей операции — ему отрезали часть легкого.

Самый культовый фильм 70-х «Ирония судьбы, или С легким паром!». Был снят за пять месяцев — с января по май 1975 года. На фото кадр, который был отснят в павильоне «Мосфильма» в апреле: Женя Лукашин (А. Мягков) объясняется в любви Наде Шевелевой (Б. Брыльска).

Снимок, сделанный на XXV съезде КПСС в феврале 1976 года: генсек Леонид Брежнев источает бодрость и оптимизм. На самом деле ситуация была куда драматичнее. К тому времени здоровье Брежнева было сильно подорвано неумеренным потреблением успокоительных таблеток, и врачи сомневались в том, что генсек сумеет выдержать съездовский марафон. Однако Брежнев собрался и съезд отсидел. Но после этого его здоровье стало стремительно ухудшаться.

В начале июня 1975 года Алла Пугачева завоевала «Золотого Орфея», блестяще исполнив своего «Арлекина». С этого момента началась «эпоха Пугачевой».

Вячеслав Иванов, известный в криминальных кругах как Япончик, в 70-е годы считался одним из самых дерзких и влиятельных криминальных авторитетов. В 1976 году МУР устроил ему засаду у Театра Советской Армии, но он сумел вырваться из западни и скрыться. За ним охотилась вся столичная милиция, но поймать не смогла — он сдался сам. В тюрьме его короновали на вора в законе.

Один из самых популярных советских ВИА «Самоцветы» в первоначальном варианте просуществовал четыре года. В середине 1975 года его участники вдрызг разругались с руководителем ансамбля Юрием Маликовым и создали свой коллектив — «Пламя». В новый ансамбль ушел весь костяк «Самоцветов», в том числе и красавец-вокалист Валентин Дьяконов, в которого были влюблены чуть ли не все девчонки Советского Союза. На правом фото он сидит слева, скрестив руки.

ВИА «Лейся, песня» стал популярным во второй половине 70-х. Проникновенный вокал их солиста Владислава Андрианова покорял слушателей на всей территории СССР. Хитов у ансамбля было много: «Песенка про сапожника» (1976), «Кто тебе сказал» (1976), «Где же ты была?» (1977), «Вот увидишь» (1977), «Стучит дождь» (1978) и др. Руководил ансамблем ныне известный певец Михаил Шуфутинский (на фото он с бородой, а его сын Дэвид сидит в нижнем ряду справа).

На ноябрьские праздники 1975 года в Советском Союзе произошло беспрецедентное ЧП: взбунтовался целый противолодочный корабль «Сторожевой». Восстание поднял замполит корабля капитан 3-го ранга Валерий Саблин, который таким образом хотел добиться от советского руководства смены политического курса. Восстание было быстро подавлено, а сам зачинщик приговорен к расстрелу. На фото: Валерий Саблин (он стоит) за несколько месяцев до мятежа.

Моя коллекция открыток с изображением актеров советского кино продолжала пополняться. Во второй половине 70-х туда влилось еще несколько десятков фотографий. На фото показана лишь малая часть из них, где запечатлены: Наталья Гвоздикова, Андрей Миронов, Эве Киви, Светлана Тома, Олег Янковский.

В 1978 году Станислав Говорухин снял один из самых культовых советских сериалов «Место встречи изменить нельзя». Главную роль в нем — муровца Глеба Жеглова — исполнил Владимир Высоцкий. На снимке запечатлен первый съемочный день сериала — 10 мая 1978 года. Съемки проходили в бильярдной парка культуры и отдыха имени Шевченко города Одессы.

Популярный певец Лев Лещенко на протяжении почти десяти лет был женат на певице Алле Абдаловой. Но в августе 1976 года в Сочи он познакомился с молодой студенткой Ириной Багудиной и закрутил с ней роман. Сразило певца в девушке прежде всего то, что она совершенно не знала, кто такой... Лев Лещенко. А все потому, что Ирина училась в Будапеште и советскую эстраду практически не слушала. На фото запечатлена кульминация этого романа — регистрация брака 2 июля 1978 года.

Самая популярная рок-команда Советского Союза «Машина времени» образца 1978 года. Знаменитый ныне «смаковец» Андрей Макаревич стоит вторым слева. Именно в том году группа выпустит в свет свой первый магнитоальбом «День рождения», который будет записан в учебной речевой студии ГИТИСа. В альбом вошли почти все известные песни группы, и кассета с записью с быстротой молнии расплодилось по всему Советскому Союзу. Я сам до сих пор с благоговением вспоминаю один из тех осенних дней 1978-го, когда эта кассета оказалась и на моем катушечном магнитофоне «Комета-209».

Наш дорогой Леонид Ильич в конце 70-х превратился в пародию на самого себя. Правильно говорят историки, что уйдя он со своего поста в середине 70-х, и он запечатлелся бы в народной памяти как полностью положительный персонаж. Но соратники по Политбюро его на пенсию не отпустили. В итоге Брежнев к концу жизни стал всеобщим посмешищем. Особенно сильно люди злословили по поводу его книг: даже тогда все понимали, что пишет их не сам генсек, а его литературные негры.

В июле — октябре 1978 года в Багио состоялся матч за шахматную корону между Анатолием Карповым и Виктором Корчным. Матчу был придан политический подтекст: советский гроссмейстер сражался за победу с «врагом народа, отщепенцем и перебежчиком». Естественно, ни о каком поражении не могло быть и речи. В итоге Карпов победил, правда, ценой невероятных усилий.

25—28 апреля 1978 года состоялся XVIII съезд ВЛКСМ. На фото: делегация советских спортсменов в лице Льва Яшина, Владислава Третьяка, Ирины Родниной и др. отчитывается перед делегатами о своих достижениях.

Блистательная пара советских фигуристов: Ирина Роднина и Александр Зайцев в феврале 1979 года произвели на свет наследника — сына Александра Зайцева-младшего. Вообще-то у фигуристов должна была родиться двойня, но роды были тяжелыми, пришлось делать «кесарево», и жизнь удалось сохранить только одному ребенку. К сожалению, рождение сына не уберезет семью от скорого развода. Но в 79-м об этом пока никто не догадывается.

Кошмарная трагедия произошла в Советском Союзе 11 августа 1979 года: в авиакатастрофе под Днепродзержинском разбилась футбольная команда высшей лиги «Пахтакор» (Ташкент). Роковую роль сыграл человеческий фактор: ошибка авиадиспетчеров, которые направили два гражданских самолета в один воздушный коридор. «Пахтакор» летел в Минск, чтобы сыграть очередной матч первенства страны с местным «Динамо». Уже были проданы билеты на эту игру, отпечатаны программки (на снимке). Но матч, назначенный на 13 августа, не состоялся. В катастрофе погибли 178 человек, из них 17 — «пахтакоровцы».

Стадион «ТРАКТОР»

42-Я ЧЕМПИОНАТ СССР
(высшая лига)

ФУТБОЛ

ФУТБОЛ

13 августа 1979 года

„ДИНАМО“ — „ПАХТАНОР“
(МИНСК) (ТАШКЕНТ)

«АББА»

«Кисс»

«Бони М»

Во второй половине 70-х на смену рок-н-роллу пришло «диско». Из представителей этого направления в Советском Союзе наибольшим успехом пользовались шведский квартет «АББА» и западногерманская группа выходцев с Ямайки «Бони М». Из «роковых» групп самый фантастический успех на дискотеках сопутствовал английскому ансамблю «Смоки», где о любви надрывался вокалист Крис Норман. Американская группа «Кисс» в основном славилась не своими песнями, а своей боевой раскраской.

Из зарубежных эстрадных исполнителей больше всех в Советском Союзе любили французских артистов. Практически ни один телевизионный концерт не обходился без их участия. Особенно часто их показывали в любимой телепередаче молодежи «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». На фото представлены два самых ярких представителя французской песенной школы: Мирей Матье и Джо Дассен.

«Как украсть миллион»

«Старое ружье»

Самые кассовые фильмы зарубежного производства в СССР второй половины 70-х: американская комедия «Как украсть миллион» (преьера — 20 января 1975 года), французский боевик «Старое ружье» (17 января 1977 года), французская комедия «Игрушка» (29 мая 1978 года). Отдельная история — индийское кино. Народ продолжает на него ходить толпами, причем названия картин значения не имеют — все они про любовь, с музыкой и танцами.

«Игрушка»

В конце 1978 года Владимир Меньшов приступил к съемкам мелодрамы «Москва слезам не верит». На «Мосфильме» к этому фильму относились с пренебрежением, оператор даже хотел сбежать из группы — ему было стыдно, что он снимает такой низкий жанр, как мелодрама. Что в итоге получилось, мы теперь знаем — фильм стал кассовым хитом, завоевал «Оскар». На снимке запечатлен один из самых драматичных эпизодов фильма: подлец Рачков (Ю. Васильев) бросает Катерину (В. Алентова). Эпизод снимали на Гоголевском бульваре в Москве 3 — 4 октября 1978 года.

Владимир Высоцкий в свободное время любил побродить по московским закоулкам. На снимке запечатлен один из таких моментов: в мае 1979 года Высоцкий бродит по дворам за Театром на Таганке. Теперь на этом самом месте находится... Музей В. Высоцкого.

Еще один блокбастер советского кинематографа — фильм-катастрофа Александра Митты «Экипаж». На снимке запечатлен эпизод, который снимался в июле 1979 года: Скворцов (Л. Филатов) и второй пилот (А. Васильев) на фоне горящего аэропорта в Бадри.

В 1979 году Брежнев был уже совсем плох: с трудом передвигался, плохо говорил. Однако продолжал занимать высшие государственные посты. В июне 79-го он встретился в Вене с президентом США Д. Картером и подписал очередные договоренности. Однако спустя всего лишь несколько месяцев все они оказались в мусорном ведре — советские войска в конце декабря вошли в Афганистан.

особняке в Среднем Каретном переулке (младшая сестра Ведниковой Вера жила с мужем отдельно). Здесь же долгие годы работал и вокальный кружок, которым руководила Анна и через который прошел не один десяток учеников. Один из них и оказался убийцей.

Преступника звали Павел Михнюк. В свое время он окончил Гнесинское музыкальное училище (был лирическим тенором), а в кружке Ланской-Грюнфельд в течение нескольких лет оттачивал свое мастерство. Хозяйка дома прекрасно к нему относилась (впрочем, как и ко всем ученикам) и даже не могла помыслить, что именно этот человек поднимет руку на ее приемную дочь. Между тем мотив убийства был банален: корысть. После смерти Ланской-Грюнфельд все ее состояние (а оно было весьма солидным) перешло к Ведниковой. Вокальный кружок она закрыла, поскольку существовал он исключительно благодаря ее приемной матери. И с тех пор жила одна. А у Михнюка в это время возникли большие финансовые проблемы. Некоторое время назад они с женой решили вступить в кооператив, и срочно нужны были деньги для вступительного взноса. Выручил тесть, который одолжил молодым 2 тысячи рублей. Однако эти деньги Михнюк бездарно профукал на ипподроме, надеясь выиграть еще большую сумму — на трехкомнатную квартиру. Ситуация сложилась настолько безнадежная, что Михнюк даже подумывал о самоубийстве. И тут он вспомнил про Ведникову.

Когда Михнюк пришел к будущей жертве, он не думал убивать ее, а хотел одного: выпросить у нее хотя бы одну уникальную брошь из коллекции покойной матери. Но Ведникова даже слушать его не захотела — тут же указала на дверь. Михнюк упал на колени, стал буквально умолять хозяйку войти в его положение. Но она была неумолима: «Не надо было проигрывать деньги!» В общем, справедливое замечание. Но именно оно переполнило чашу терпения Михнюка и превратило его в разъяренного зверя. Выхватив из напольных часов тяжелую гирику, он со всей силы обрушил ее на голову несчастной. Убедившись, что женщина мертва, убийца вернул гирику на место и отправился искать ключ от сейфа, где хранились драгоценности. Но судьба жестоко посмеялась над ним: несмотря на то что он пере-

вернул вверх дном полдома, вожделенного ключа так и не нашел. И ушел ни с чем.

Владимир Высоцкий в эти же дни находится вдали от родины — вместе со своей женой Мариной Влади он путешествует по Мексике. 5 июля Ивану Бортнику, приятелю и коллеге Высоцкого по «Таганке», пришло письмо от друга-путешественника. Приведу лишь некоторые отрывки из него:

«Здесь почти тропики. Почти — по-научному называется суб. Значит, здесь субтропики. Это значит жара, мухи, фрукты, жара, рыба, жара, скука, жара и т. д. Марина неожиданно должна здесь сниматься в фильме «Дьявольский Бермудский треугольник»... Роль ей не интересна ни с какой стороны, только со стороны моря, которое, Ванечка, вот оно — прямо под окном комнаты, которая в маленьком таком отеле под названием «La Ceiba» (супруги жили на острове Косумель. — Ф. Р.). В комнате есть кондиционер — так что из пекла прямо попадаешь в холодильник. Море удивительное, никогда нет штормов, и цвет голубой и синий и меняется ежесекундно...

Съемки — это адский котел с киношными фонарями. Я был один раз и... баста. А жена моя — добытчица, вкалывает до обмороков. Здоровье мое без особых изменений, несмотря на лекарства и солнце, но я купаюсь, стораю, мажусь кремом и даже пытаюсь кое-что написать...»

Киноактриса Елена Проклова в эти же дни находится в Сальских степях, где снимается в истерне на тему гражданской войны «Ищи ветра». Фильм снимает режиссер Владимир Любомудров, который собрал на съемочной площадке поистине звездный актерский ансамбль — помимо Прокловой, в фильме заняты: Павел Кадочников, Лев Прыгунов, Александр Пороховщиков, Михаил Кононов, Константин Григорьев. Съемочная группа прибыла в Сальск для съемок натуральных эпизодов в самом начале июня, однако к съемкам удалось приступить почти три недели спустя — подкачали снабженцы, которые не сумели вовремя раздобыть оружие и лошадей (последних требовался целый табун, поскольку речь в фильме шла о спасении племенных лошадей от ужасов гражданской войны).

Вспоминает Е. Проклова:

«Каждое утро, когда с самых ранних часов наваливалась жара сорок градусов, мы сади-

лись на лошадей, на которых и снимались в рабочее время, и ехали за три километра к озеру. Чудесное было там озеро, родниковое, с чистой холодной водой. Мы в нем купались утром и вечером. Влетали в воду, не сходя с коней, поднимая веером брызги — кристальной чистоты и прозрачности. Очень все было красиво, романтично, замечательно... Но у меня стало плохо с почками — острый пиелонефрит. Боли начались такие, что ни встать, ни пройти, ни даже лежать спокойно нельзя. Для работы меня кололи морфием и только так снимали боли в продолжение нескольких дней. Став на время морфинисткой, я снималась, скакала верхом и все остальное. Но еще надо было что-то есть. Эта проблема стояла перед всей группой вообще. Я, будучи на особом положении из-за болезни, не могла решать ее самостоятельно, наравне со всеми. Обо мне приходилось заботиться. Для этого сложилась своеобразная возможность. Рядом находился город Зерноград. Название ему было дано неслучайное — там находились в буквальном смысле закрома родины, огромные наземные, цилиндрической формы хранилища зерна. На этом зерновом изобилии кормились голуби, целые стаи, которым не было ни надобности, ни возможности клевать всякую дрянь на помойках. Голубей ловили, варили их, и я пила этот замечательный, вкуснейший бульон, ела нежное отварное мясо. Ни о каком вегетарианстве я не задумывалась тогда, это понятно. Хотя и сама на тех зерноградских голубей не охотилась...»

Продолжается преступная эпопея братьев Билыков и их приятеля Ставниченко. В последний раз мы встречались с ними в Новосибирске, где в мае они похитили два автомата АКМ у военнослужащих Кемеровского училища связи. Теперь судьба занесла преступников в Саратов. 6 июля около трех дня Петр Билык (старший из братьев) совершал променад по улице Ленина, держа в руках сумку, в которой находился автомат со спиленным прикладом и 3 магазина с патронами. То ли шел он как-то неестественно, то ли выглядел подозрительно, только на него обратил внимание милиционер, да еще не простой — а сам начальник ОУР Кировского РОВД Юшков. Остановив Билыка, страж порядка попросил его предъявить документы. А тех у преступника не оказалось. «Тогда прошу пройти в отделение, там разберем-

ся», — предложил Юшков парню. Билык малость повозмутился, но затем вынужден был подчиниться.

Понятно, что попадать в отделение для Билыка было равносильно смерти. Поэтому едва у него появился удобный момент, как он выхватил из кармана пиджака нож и попытался ударить им милиционера. Но тот был начеку. Отпрыгнув в сторону, он избежал удара, но внезапно оступился и упал. Билык бросился прочь, бросив сумку с автоматом на землю. Погоня продолжалась несколько минут. В ходе нее к Юшкову присоединился еще один страж порядка — старший инспектор штаба УВД Саратовского облисполкома Гаюн. Вдвоем они стали загонять Билыка в глухие переулки, рассчитывая, что в одном из них он угодит в тупик. Но и Билык понимал это, поскольку города этого практически не знал. Надо было срочно придумать другой путь оторваться от преследования. Спасение пришло в виде попутной машины, вынырнувшей из-за ближайшего поворота. Тормознув автомобиль, Билык приставил к горлу ее владельца нож и приказал немедленно выбираться из салона. Заняв освободившееся место за рулем, преступник ударил по газам. И только таким образом скрылся от погони.

В тот же день, 6 июля, из советского посольства в Париже в Москву был отправлен донос на балерину Майю Плисецкую. Донос предназначался для министра культуры СССР Петра Демичева и был подписан самим послом СССР во Франции С. Червоненко. В нем сообщалось:

«Уважаемый Петр Нилович, хотелось бы поставить перед Вами некоторые вопросы, связанные с публикацией буржуазными изданиями интервью М.М. Плисецкой, которое она дала французским журналистам во время своего пребывания во Франции в июне с.г. в составе балетной труппы ГАБТ. Во-первых, М. М. Плисецкая высказывала мысль о застое в нашем балетном искусстве, его якобы косности и консерватизме. Во-вторых, М. М. Плисецкая подвергла критике Большой театр... В-третьих, М. М. Плисецкая осыпала похвалами (незаслуженными, на наш взгляд) современных западных балетмейстеров, и прежде всего М. Бежара... Как сообщила нам тов. Бутрова, она несколько раз беседовала с М. М. Плисецкой по поводу ее интервью. Реакция балерины

была, к сожалению, несомакритичной. Видимо, в Москве было бы полезным провести беседу с М. М. Плисецкой на уровне ответственных лиц, которые являются для нее авторитетом, не предавая пока всю эту историю широкой огласке...»

Стоит отметить, что артисты ГАБТа прибыли во Францию две недели, где показали 11 представлений, на которых присутствовали свыше 70 тысяч зрителей. Особенно много восторженных откликов было посвящено Плисецкой, которая буквально покорила французскую публику. Но советский посол во Франции, как видим, обеспокоен совсем другим: ему бы святость идеологических риз соблюсти.

И еще одно событие датировано днем 6 июля: в Западном Берлине на кинофестивале «Берлинале-77» был оглашен победитель: из 24 фильмов, представлявших 17 стран, победу одержала советская лента «Восхождение» Ларисы Шепитько. Говорят, жюри спорило до хрипоты, особенно старался Михалков-Кончаловский, который был в восторге от прекрасного фильма Шепитько. Ему возражал режиссер Фассбиндер, которому, в свою очередь, нравилась другая советская картина — студии имени Довженко. Кончаловский негодовал: «Но это же очень плохой вкус!» На что его оппонент отвечал: «Именно поэтому она мне и нравится». Он был большой любитель кича. К счастью, победил Кончаловский, и «Золотой медведь» достался «Восхождению».

В четверг, 7 июля, в Кремлевском Дворце съездов торжественно был открыт 10-й Международный московский кинофестиваль, на который съехались кинематографисты из 90 стран. После церемонии открытия гостям фестиваля были показаны первые две серии новой эпопеи Юрия Озерова «Солдаты свободы», где в одной из эпизодических ролей был показан полковник Леонид Брежнев (актер Евгений Матвеев). Говорят, во время показа этого эпизода кто-то из особо лизоблюдствующих особ даже начал аплодировать.

В тот же день актер театра «Современник» Валентин Никулин справлял свой 45-й день рождения. Среди приглашенных гостей оказалась и жена актера этого же театра Олега Даля Елизавета. Сам Даль пойти на торжество не смог, поскольку в этот же день уехал в Пушкино на съемки фильма «В четверг и больше нико-

гда». Елизавета тоже не горела большим желанием ехать на этот день рождения: во-первых, из-за отсутствия рядом мужа, во-вторых — у нее были прохладные отношения как с именинником, так и с его женой. Но последняя ее заинтриговала, сообщив, что может помочь достать для Даля «эспераль»: дескать, придет приятельница, у которой этого добра хватает. И Елизавета собралась. Посадив мужа в служебный «рафик», она сама на перекладных отправилась к Никулиным на Ленинский проспект. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«И действительно, там я познакомилась со Светланой Сергучевой, с которой и до сих пор дружна очень. И она абсолютно безвозмездно (тогда уже «эспераль» стоила от 300 до 500 рублей одна штука) вручила мне эту ампулу и сказала, что, если она «хоть чем-то может помочь Олегу Ивановичу — для нее это уже счастье». Она была женой очень крупного следователя по особо важным делам...»

И еще одно событие, датированное 7 июля, хотелось бы отметить: в тот день ТАСС опубликовал коротенькое, всего лишь в несколько строчек, сообщение, что органами правопорядка задержан преступник, который 11 июня взорвал такси возле гостиницы «Советская». Никаких подробностей относительно того, кто этот человек, какого рожна он взорвал автомобиль, не сообщалось. Читателям вновь предлагалось догадываться об этом самостоятельно. В те годы о подобных публикациях обычно говорили: «И на том спасибо».

Продолжаются съемки фильма «Трактир на Пятницкой». Вернувшись 5 июля из экспедиции в Ростове-Ярославском, группа через два дня приступила к съемкам в павильонах «Мосфильма». В 8-м павильоне, где была построена декорация «портовые подвалы», снимались заключительные эпизоды фильма: ликвидация банды Серого. 7 июля был снят эпизод, в котором Пашка Америка приходит в подвал, чтобы удостовериться, здесь ли бандиты. Кстати, сцена явно надуманная: такой профессионал, каким был показан в фильме Пашка, не мог не знать, что с такой информацией бандиты ни за что не выпустят его из подвала. А он ведь хотел сообщить об этом сыщикам. Но те, на его счастье, догадались за ним проследить и нагрянули в подвал чуть ли не следом. 8 июля снимали

бой сыщиков и бандитов в подвале (часть кадров из боя снимут также 12 июля). Честно говоря, сцена была снята без особого блеска: стрельба, крики, картинные падения. Даже главаря — Серого — убивали как-то по-театральному. Короче, не Голливуд. Съемки длились шесть часов, после чего исполнитель роли Серого — Константин Григорьев — сняв с себя бутафорский костюм и облачившись в родные одежды, отправился на суд. Что за процесс и кого на нем судили, автору доподлинно неизвестно.

Тем временем популярный композитор и певец Евгений Мартынов вместе со своей юной 18-летней невестой-киевлянкой Эллой отдыхают в Ялте. Туда их пригласил коллега Мартынова певец Юрий Богатиков, который был в тех краях большой шишкой — то ли депутатом, то ли председателем какого-то Совета. Гостей встретили шикарно и поселили их в роскошный люкс в лучшей гостинице. Но идиллия длилась максимум дня два. На третьи сутки к Мартынову заявился некий деятель из Крымской филармонии и буквально ошарашил его заявлением: «Женя, мы вас хорошо встретили, все условия вам создали, но и вы нам за это должны самую малость: отработать пару концертов на стадионе». Хитрец, однако: Мартынов в те годы был суперпопулярен, и этих два стадионных концерта сулили филармонии хорошие барыши. Но Мартынов им все планы поломал. «Да вы в своем уме? — возмутился он. — Я же сюда отдыхать приехал, а не работать. Да и как работать, если у меня с собой нет ни партитур, ни клавиров, ни ансамбля?!» Но посланец не унимался: «Да об чем речь, Женя? Инструментальный ансамбль уже готов, а что касается остального — то ребята знают наизусть ваш репертуар. Все получится отлично! Вы нас тоже поймите: на концертах будут большие люди из ЦК, обкома и горкома, для вас ведь это тоже важно и престижно». В итоге филармонист удалился, пообещав завтра утром прислать за артистом служебную «Волгу», которая должна была отвезти его напрямик на стадион. Но ничего из этого не вышло.

Вполне вероятно, Мартынов согласился бы отыграть этих два концерта, если бы чашу его терпения не переполнил ночной эпизод. После одиннадцати вечера в их номер стала ломиться дежурная по этажу, которая требовала, чтобы

из номера Мартынова немедленно удалась его невеста, поскольку люкс этот мужской и дамам в нем разрешено находиться до 23.00. «Иначе я милицию вызову!» — рвала и метала дежурная. К счастью, до этого дело не дошло, но терпение Мартынова лопнуло. Ни свет ни заря они вместе с невестой поднялись с постелей, собрали свои нехитрые пожитки и покинули негостеприимную Ялту. Их путь лежал в Феодосию, где в те же дни отдыхал родной брат Мартынова Юрий. Поселились влюбленные в гостинице «Астория».

Вспоминает Ю. Мартынов:

«В Феодосии мне запомнился один случай. В магазине детских игрушек невеста Евгения увидела красивые большие плюшевые игрушки, они ей очень понравились. Женя, недолго думая, купил Элле все игрушки, что стояли на прилавке! И мы потом никак не могли уехать с ними в гостиницу: такси не вмещало сразу и нас, и плюшевое зверье. Пришлось добираться на грузовом такси. Когда же подошло время уезжать домой, Женя предложил оставить половину тигров, львов и медведей в гостинице, но Элла, обняв своих братьев меньших, жалобно заявила, что они без нее здесь попросту пропадут от голода и обиды. В результате весь этот зверинец пришлось на «рафике» подвозить к поезду и давать телеграмму в Киев, чтобы там были готовы его вынести из купе и приютить дома...»

В эти же дни в Крыму отдыхают и дочь генсека Галина Брежнева, и ее кавалер Борис Буряца. Историк Рой Медведев по этому поводу пишет:

«Один из знакомых мне артистов рассказывал: «Я видел в первый раз Галину Брежневу в 1977 году, летом, в Доме творчества Театрального общества (ВТО) в Мисхоре в Крыму. Она приезжала туда с дачи отца к своему любовнику Борису Буряце, цыгану. Ему было тогда 29 лет, и он окончил отделение музыкальной комедии Института театральных искусств. У него был неплохой тенор, но весьма слабые актерские данные. Это был красивый брюнет с серо-зелеными глазами, довольно полный для своего возраста. У него были весьма изысканные манеры и утонченные вкусы — в еде, одежде, музыке. Носил он джинсы, джинсовую рубашку на молнии, остроносые сапоги на каблуках и иногда черную широкополую шля-

пу. На безымянном пальце сверкал перстень с огромным бриллиантом, а на шее — толстая крученая золотая цепь, которую он не снимал, даже купаясь в море. Он появлялся на пляже в коротком махровом халате. Иногда он читал, но чаще играл в карты с несколькими знакомыми и с младшим братом Михаилом, 25 лет. Борис жил в двухкомнатном номере-люкс с отдельным душем, телевизором, холодильником. Питался он не в столовой, а дома — с немногими друзьями. На столе стояла черная икра в больших жестяных банках, мясо (шашлыки готовились тут же на пляже), подавался только что испеченный хлеб, язык, раки, виноград, шампанское и водка. Все эти недоступные рядовому отдыхающему деликатесы в неограниченном количестве поставлялись ему Галиной Брежневой-Чурбановой, которая приезжала изредка с шофером Валерой на белой «Волге». Приезжать ей, видимо, было сложно, и она была вынуждена хитрить, так как отец старался всячески блюсти честь дочери, уже ставшей к тому времени бабушкой...

«Мадам», — так называл Галину брат Бориса Михаил. Это был высокий и удивительно красивый парень с несколько грубоватым лицом, кареглазый и темноволосый, очень похожий на актеров, играющих в Голливуде роли добрых индейцев. Он был не особенно умен и не слишком развит, но это был добрый парень, страшно скучавший в номере-люкс Дома творчества ВТО и желавший лишь послушать музыку, подцепить на пляже какую-либо девчонку, а когда становилось совсем невмоготу, просто выпить дармовой водки, ящиками стоящей в комнате. Напившись, он мрачнел и позволял себе презрительно отзывать по поводу «мадам», которую явно ненавидел...»

Андрей Макаревич продолжает свой отдых на турбазе «Приморское» в Ново-Михайловке. Все бы хорошо, да вот одна беда донимает «машинистов» — им постоянно хочется есть. И всему виной распорядок дня, которого они вынуждены придерживаться. Дело в том, что на танцах они играли до раннего утра, а посему спать ложились за час до завтрака. Из-за этого обед у них переходил в завтрак, ужин — в обед, а вечером они уже кусали локти. Тут еще у самых ворот базы оборотистые кавказцы наловчились стряпать люля-кебабы, запах от которых разносился по всем окрестностям и вызывал у го-

лодных «машинистов» чуть ли не обмороки. У них не было денег, даже чтобы купить себе хотя бы порцию люляшек. И тогда был придуман другой план борьбы с костлявой рукой голода. Вспоминает А. Макаревич:

«Расхаживающие по территории куры, толстые, как свиньи, не давали нам покоя. Принадлежали они, видимо, обслуживающему персоналу базы, и было их много, из чего возникло предположение, что пропажу одной из них никто не заметит. Духовая секция разработала несколько планов покушений. Хитрые куры, спокойно гулявшие под ногами, проявляли небывалую прыть при попытке просто поймать их руками. Первым делом была испробована мышеловка. Она щедро усыпалась крошками хлеба и заряжалась. При этом делалось предположение, что если курицу и не прихлопнет, то, во всяком случае, неожиданный удар по голове лишит ее на мгновение бдительности и тем самым позволит ее пленить. Терпеливый Легусов полдня просидел в кустах, но догадливые птицы склевывали все, кроме последнего кусочка непосредственно на мышеловке. Было предложено использовать мое ружье для подводной охоты, но я не мог позволить осквернить честное оружие таким образом. Наконец однажды путем сложных уговоров Легусов заманил курицу в душевую. Душевая представляла собой бетонный бункер с единственным дверным проемом, впрочем, без двери. В качестве вратаря в этот проем встал трубак Велицкий, и Легусов медленно пошел на птицу. Когда курица осознала, что попала в скверную историю, она закричала страшным голосом, вышибла худенького Велицкого из дверей на манер ядра и унеслась в южное небо. Я и сейчас вижу ее, дерзко парящую над зелеными кипарисами и лазурным морем...»

В то время как одни граждане загорали и купались в прохладных водах различных советских курортов, другие были озабочены иным — как бы не завалить экзамены. Речь идет об абитуриентах творческих вузов, у которых в те дни в самом разгаре была экзаменационная пора. К примеру, Олег Меньшиков поступил в Театральное училище имени Щепкина.

Вспоминает педагог Н. Афонина:

«В тот год мы вместе с Монаховым набирали курс. Смотрели, слушали многих. Олег выделялся сразу: умный, очень живой, весь ка-

кой-то мажорный мальчик. Мы его взяли на заметку. Советовали Олегу, что читать на следующих турах. Могу признаться по прошествии времени, что стали тогда его болельщиками. Он того заслуживал. Прошел все испытания без сучка и задоринки...»

Студентом ГИТИСа стал в те дни и ныне известный актер Игорь Бочкин. Он только только отслужил в танковых войсках на Кольском полуострове (службу закончил в звании старшины танковой роты), вернулся в Москву и сразу подал документы в театральный институт. Причем до этого никаким боком к искусству отношения не имел, даже в самодеятельности нигде не участвовал. Его приняли с первого же захода, без всякого конкурса.

А вот дочери Лидии Федосеевой-Шукшиной от первого брака Насте Ворониной не повезло: она приехала из Киева, чтобы поступить во ВГИК, прошла успешно два тура, но на третьем «накрылась». Однако больше всего девушка расстроилась по другому поводу. Она решила заехать в гости к своей маме, купила коробку конфет. Но, сколько ни звонила в дверь, ей никто не открыл. То ли все домочадцы были в отъезде, то ли еще что... Настя села в такси, психанула, бросила конфеты на заднее сиденье и разревелась.

В воскресенье, 10 июля, в Советском Союзе случилось очередное громкое ЧП: преступники угнали пассажирский лайнер Ту-134, следовавший рейсом Петрозаводск—Ленинград. Угонщиками были двое молодых людей: Г. Шелудько и А. Загирняк, которые, как и большинство их предшественников, мечтали сбежать из Советского Союза на Запад в поисках более счастливой доли. За эту долю они готовы были взорвать самолет, на борту которого находились 72 пассажира. К счастью, командир экипажа не стал вступать в пререкания с террористами и послушно выполнил все их команды — лишь бы спасти пассажиров. Спустя примерно час самолет совершил вынужденную посадку в аэропорту Хельсинки. Все были счастливы: террористы — что оказались на Западе (до самого последнего момента они боялись, что их обманут и посадят самолет на родной территории), пассажиры — что остались живы в этой передрыге. Но, как окажется, угонщики радовались преждевременно. Спустя несколько дней финские власти выдадут их советским

властям, и самый гуманный суд в мире воздаст им по заслугам: Шелудько получит 15 лет тюрьмы, Загирняк — 8 лет. Но вернемся к июльским событиям.

11 июля советское киноискусство понесло очередную утрату — из жизни ушел кинорежиссер Евгений Карелов. Он пришел в кино в середине 50-х, когда учился на 4-м курсе ВГИКа (мастерская Г. Александрова): поставил вместе с Юрием Чулюкиным короткометражку для детей «Дым в лесу». В 1960 году Карелов снял свой первый полнометражный фильм «Яша Топорков». Затем из-под его руки вышли подряд сразу несколько фильмов, принесших ему заслуженную славу крепкого режиссера. Причем это были фильмы разных жанров: здесь и прекрасная экранизация шолоховского «Нахаленка» (1962), комедии «Дети Дон Кихота» (1965) и «Семь стариков и одна девушка» (1969), героическая драма «Служили два товарища» (1968). В первой половине 70-х Карелов снял дилогию «Высокое звание», состоявшую из фильмов: «Я — Шаповалов Т. П.» (1973) и «Ради жизни на земле» (1974), которые имели гораздо меньший зрительский успех, чем его предыдущие работы. Последней работой кинорежиссера стала телевизионная экранизация романа В. Каверина «Два капитана», которая вновь заставила заговорить о Карелове как о крепком профессионале. К сожалению, достичь большего он не успел, поскольку давно был мучим извечной российской болезнью — алкоголизмом. Еще в 60-е годы, когда болезнь уже крепко взяла его в оборот, Карелов пытался лечиться, но все было безуспешно. На момент смерти режиссеру было всего 45 лет.

11 июля в 14 часов 18 минут по телефону «02» позвонил взволнованный женский голос и сообщил дежурному по ГУВД, что в доме таком-то по Среднему Каретному переулку убита женщина. Жертвой оказалась та самая Леля Ведникова, которая была убита еще 5 июля и могла пролежать в своей квартире еще неизвестно сколько дней, если бы не случай в лице сестры погибшей, Веры. Еще 6 июля она ждала Лелю к себе в гости, но та не пришла. Вера позвонила ей домой по телефону, но телефон не отвечал. «Наверное, на дачу уехала», — решила она и успокоилась. Однако через пару дней она вновь стала названивать сестре, но телефон не отвечал. Тогда 11 июля она отправила к сестре

своего гражданского мужа Стогова, чтобы тот проведаль, не случилось ли что. Оказалось, что случилось. Примерно через час муж позвонил жене и сообщил страшную весть: Леля убита, в доме все перевернуто. Однако Вера не сразу набрала «02». Перед этим она примчалась на квартиру сестры и, достав из матраса ключ от сейфа (где он хранился, знали лишь сестры), выпотрошила его содержимое. При этом Вера приговаривала: «Ей все равно уже не понадобится, а другие этого добра не заслужили». И только вернувшись домой, Вера набрала «02».

Следственная группа во главе со следователем столичной прокуратуры Петрушиным примчалась к месту происшествия вскоре после звонка. Труп, который уже начал разлагаться (на улице стояла жара), лежал на кухне лицом вниз, на затылке виднелся след от удара тяжелым предметом. В квартире был форменный хаос: все перевернуто, перерыто. Было видно, что преступник явно что-то искал, а значит, был ясен и мотив преступления — ограбление.

КГБ продолжает свою игру с американской разведкой, пытаясь вывести ее агента к тайнику для передачи информации Трионону. Как мы помним, 1 июля чекисты выставили в двух местах «маяки», на которые цэрэушники должны были клюнуть. Так и вышло, после чего на имя Трионона пришла шифровка с указанием, где и когда будет осуществлен следующий контакт. До него оставалось чуть больше недели.

Тем временем в разгар работы по подготовке нового мероприятия выяснилось, что срок возможного пребывания тела Огородника в морге военного госпиталя истек, его надо было предать земле. Подготовкой к похоронам занялся уже хорошо нам известный сотрудник Службы безопасности МИД СССР Игорь Петрухин. Благодаря его стараниям о предстоящих похоронах были оповещены практически все родные и близкие Огородника: мать, отец, брат, сестра с мужем, невеста Ольга. Не сообщили только бывшей жене Трионона, которая нарушила обещание, данное КГБ, и рассказала о смерти Огородника своей подруге.

Похороны Трионона состоялись утром 12 июля. В ритуальном зале госпиталя имени Н. Бурденко состоялось прощание с покойным. Первыми к гробу подошли родители Огородника и стали внимательно осматривать голову сына. До этого они высказывали предположе-

ние, что в смерти их сына замешаны никакие не иностранцы, а КГБ, что чекисты якобы застрелили его при задержании. Однако никаких признаков смерти от огнестрельного оружия они у покойного не обнаружили. После прощания гроб с телом погрузили на автобус, который взял курс на Хованское кладбище (тогда оно только осваивалось). Погода в тот день была пасмурная, накрапывал мелкий дождик. На кладбище специально приглашенный чекист-фотограф делал енимки, чтобы запечатлеть событие для отчетности. Увидев это, один из могильщиков возмутился: дескать, какое имеете право? Но его тут же успокоили, продемонстрировав ему соответствующие корочки. Кстати, этот могильщик раньше работал... в МУРе. Все расходы, связанные с похоронами, взял на себя КГБ.

Актриса Театра имени Вахтангова Валентина Малявина в те дни снималась под Одессой в фильме Валерия Гажиу «Когда рядом мужчина». А ее тогдашний возлюбленный — актер того же театра Станислав Жданько — снимался в Ленинграде у Бориса Фрумина в картине «Ошибки юности». Связь возлюбленные поддерживали исключительно по телефону, причем Жданько звонил почти каждый день. И вдруг 11 июля, накануне дня рождения Жданько, от него приходит телеграмма: «Валенька, пал духом. Приедь! Стас». Актриса немедленно бросилась к режиссеру, чтобы тот позволил ей съездить в Ленинград хотя бы на пару деньков. Но тот отказал: сказал, что аренда сейнера, на котором идут съемки, обходится студии слишком дорого. Короче, к любимому Малявина не пошла. Вместо этого 12 июля она отправила ему сразу две телеграммы — одну с поздравлением, другую — с успокоением. И сразу после этого отправилась к морю, прихватив с собой бутылку шампанского и печенье. Усевшись на берегу, она выпила из красивого стаканчика шампанское за здоровье Жданько.

Вечером состоялась съемка аж за 80 километров от города. Снимали эпизод, где героиня Малявиной танцует румынский танец «Пириница» (танцевать его она научилась еще в 60-х, когда снималась в фильме «Туннель»). В гостиницу вернулись около двух часов ночи, чтобы сразу лечь спать, поскольку в шесть утра предстояло опять подниматься и ехать сниматься уже в море. Однако по дороге в номер Маляви-

ну остановил администратор и сообщил, что ей целый вечер звонил из Ленинграда какой-то мужчина. Актриса сразу догадалась, кто это мог быть: конечно же, Жданько. Не успела она войти в номер, как он позвонил снова. Первое, что он у нее спросил: почему она не приехала. Малявина объяснила, что ее не отпускает режиссер. На что Жданько ответил: «Если бы я получил телеграмму, что ты пала духом, я бы туннель прорыл из Ленинграда к морю и был бы у тебя в тот же день». И положил трубку.

В течение какого-то времени Малявина не могла заснуть — все думала о звонке любимого. А когда все-таки сон сморил ее, спала недолго. Вскоре кто-то вновь забарабанил в дверь: «Вам опять звонят из Ленинграда!» Это снова был Жданько. Голос у него был недовольный: «Ты почему не звонишь?» Малявина стала оправдываться: дескать, в гостинице нет в номерах телефонов, к тому же рано утром ее ждут съемки. «Я же тебе все сказала», — подытожила она свой ответ. «Ты считаешь — все?» — «Стасик, я не могу к тебе приехать, приезжай лучше ты. Здесь очень хорошо. Поедем на косу...»

Но Жданько не приехал: в его планах приехать должна была она, а ее отказ злил его, и он ничего не мог с собой поделать.

13 июля в городе Цахкадзоре произошла автомобильная авария, в результате которой один человек получил телесные повреждения средней тяжести и угодил в больницу. Не стал бы заострять на этом, в общем-то, рядовом событии внимание, если бы не одно «но»: пострадавшим был один из будущих участников ограбления Ереванского банка. Это был Николай Галачян. Как мы помним, с конца января он в компании со своим братом Рамзиком, ревизором банка Багдасаряном и еще одним сообщником — своим однофамильцем Феликсом Галачяном — готовит ограбление, причем так тщательно, что это длится вот уже полгода. За это время преступники уже успели запастись подручными средствами: купили коловорот, сверла к нему, перчатки, карманный фонарь и батарейки к нему, отвертку, плоскогубцы, пилы для резки металла и дерева, полотно к ножовке, веревку и другой необходимый инвентарь. Преступление должно было совершиться в середине июля, как вдруг эта неожиданная авария. Хотя для самого Николая Галачяна она стала хорошим поводом для того, чтобы обжа-

пать преступление чужими руками. Не доверяя Багдасаряну, а также не желая впутывать в это дело своего двоюродного брата Рамзика и себя, Николай предложит совершить ограбление одному Феликсу. Как ни странно, но тот с этим согласится.

Между тем КГБ продолжает водить за нос американскую разведку. Получив и расшифровав за Трионона депешу из Лэнгли, чекисты сделали ответный ход: подали цэрэушникам сигнал о том, что Трионон готов принять от них новый контейнер, который надлежало оставить в тайнике на Краснолужском мосту, что напротив Новодевичьего монастыря (тайник находился в прямоугольном проеме правой башни моста со стороны монастыря). Для этого в ночь с 14 на 15 июля на улице Крупской, перед домом № 8, на фонарном столбе под дорожным знаком «Дети», указывающим на то, что рядом находится средняя школа, была поставлена губной помадой видная издали метка — 10-сантиметровая красная черта на уровне пояса.

Утром 15 июля из американского посольства в разные стороны выехало сразу несколько автомобилей. Таким образом цэрэушники хотели «расташить» кагэбэшную наружку, чтобы дать возможность своему агенту выполнить его задание. Однако американцы просчитались, поскольку чекисты были заранее готовы к такому повороту событий и сосредоточили у посольства достаточное количество своих агентов. И того, кто должен был выйти на контакт с Триононом, тоже засекли. Это была вице-консул посольства Марта Петерсон, которая на своем автомобиле проследовала мимо сигнала на улице Крупской. После этого она отправилась к кинотеатру «Россия», где в те дни проходил Международный кинофестиваль. В кинотеатре она пробыла где-то около часа. Вернувшись в машину, она там переоделась: легкое белое платье сменила на темные брюки и такую же кофточку. Волосы распустила. В таком виде она покинула автомобиль и направилась в сторону улицы Горького. Наружка запросила у руководства инструкций, как быть дальше, на что получила ответ: наблюдение прекратить. Объяснялось это просто: руководители операции намеревались схватить цэрэушника непосредственно у тайника на Краснолужском мосту.

Между тем операция у моста могла провалиться по нелепой случайности: возле бензозаправки какие-то люди затеяли свару, и кем-то была вызвана милиция. Выручил чекистов их же сотрудник Михаил Колобашкин, который под видом работника заправки шепнул милиционерам пару слов, и те быстренько ретировались с места скандала. У всех, кто был задействован в операции, отлегло от сердца.

Цэрэушный агент появился возле моста в тот момент, когда подавляющая часть москвичей уже отошла ко сну — в половине двенадцатого. Когда он поравнялся с бензоколонкой, чекисты смогли ясно различить его внешность. «Ба! Да это же сама Марта Петерсон!» Она шла к мосту медленным шагом, внимательно осматривая окрестности. Стоит отметить, что американцы не случайно выбрали для тайника именно это место: железнодорожный мост у Лужников просматривался со всех сторон. Появись на нем хоть бы один подозрительный человек, связник мог сразу же ретироваться, а если уже достал пакет из тайника, тут же бросить его в реку. Но и чекисты тоже свой хлеб не даром ели. Поскольку ни на мосту, ни в самой башне спрятаться было невозможно, они спрятали двух своих сотрудников... в люк рядом с башней. Разварили его крышку, «нарастили» перекрытия — и укрытие для засады было готово. Еще две группы захвата находились в Лужниках и на соседней бензоколонке. Контрольный же пункт был на Бережковской набережной, в строительном вагончике. Именно там находился руководитель операции Виталий Бояров, который вспоминает:

«Как только Петерсон положила в нишу контейнер, закамуфлированный под камень (в нем находились новые условия связи, ампулы с ядом, крупная сумма денег и ювелирные изделия, которые заказал Огородник), я дал команду «плюс». Шпионку задержали, когда она уже начала спускаться по ступенькам вниз. Хватали довольно бережно — все-таки женщина. Но она, понятно, отбивалась: «Это провокация!» Кричала по-английски: «Не хватайте меня за грудь!»... В принципе Петерсон была довольно привлекательной дамой. Правда, на мой взгляд, несколько мужеподобной...» (Как вспоминает И. Перетрухин, Петерсон, которая владела приемами карате, во время задержания нанесла несколько сильных ударов в пах и бед-

ро сотруднице КГБ Людмиле Назаровой, но отбиться от мужчин уже не смогла. — Ф. Р.).

Петерсон привезли в приемную КГБ, что на Кузнецком мосту, куда вскоре был вызван и американский консул Гросс. На столе перед ними разложили тот самый контейнер, который Петерсон пыталась спрятать на мосту. Перед консулом выступил генерал-майор КГБ Евгений Расщепов, который рассказал о том, в чем повинна вице-консул. Поскольку ситуация была понятна как божий день, никаких возражений или протестов консул не выражал. В три часа ночи американцев отпустили во-свои.

Юрий Андропов в тот день находился в Кисловодске, в санатории «Красные камни». Однако он не спал, ожидая доклада об окончании операции. Примерно в час ночи начальник 2-го главка Григоренко доложил ему, что все завершилось благополучно. На другое утро Андропов прилетел в Москву и подписал приказ, где объявил благодарность всем сотрудникам, участвовавшим в операции.

По иронии судьбы именно 15 июля на съемочной площадке фильма «Трактир на Пятницкой» начали снимать натурный объект «под мостом». И в те самые часы, когда чекисты проводили операцию по захвату Марты Петерсон на железнодорожном мосту в Лужниках, киношники снимали эпизоды под другим мостом — рядом с гостиницей «Россия» (съемки шли с восьми вечера до трех утра).

Между тем 15 июля Вячеслав Иваньков, он же Япончик, был доставлен из Москвы в Смоленск, в тамошнюю специальную психиатрическую больницу отдела исправительных учреждений УВД Смоленского облисполкома. Сделано это было после того, как в начале февраля стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в Институте имени Сербского признала его невменяемым и направила на принудительное лечение. В психушке Иваньков пробудет до октября следующего года.

А Алла Пугачева в те дни готовится к гастролям в Перми. Но пока она готовится, Пермь, что называется, сходит с ума. 15 июля в 10 часов утра в цирке, где должна выступить Пугачева, началась предварительная продажа билетов, на которую сбежался чуть ли не весь город. Вот как об этом писала газета «Вечерняя Пермь»:

«Алла Пугачева может гордиться своей популярностью: у нас в Перми столько поклонников ее таланта, что администрация цирка, где, как известно, будут проходить концерты певицы, вынуждена была обратиться за помощью в милицию.

— А что оставалось делать? — сказали нам по телефону. — Началась такая давка, что треснули стекла в дверях. Если бы мы не прекратили продажу билетов, то могли бы даже быть жертвы...

К нам в редакцию пришли двое молодых людей — Андрей Мурашов и Александр Кузнецов. Один из них работает слесарем-сборщиком, другой — сменный мастер одного из пермских заводов. Оба они, узнав из объявлений в газетах и радио о том, что предварительная продажа билетов на концерт с участием Аллы Пугачевой начнется 15 июля в 10 часов, отработали накануне две смены подряд и в половине седьмого утра были возле цирка. Один из них оказался в очереди 839-м, другой — 841-м (они показали нам эти номера, написанные химическим карандашом на ладони). И что же? Простояв полдня в очереди, они так и ушли ни с чем, потому что по громкоговорителю объявили: «Расходитесь, граждане! Сегодня билеты продавать не будут!»

— А когда будут? — совершенно справедливо возмущаются молодые рабочие. — Что же нам теперь, специально отгул брать или с работы отпрашиваться? Плохо организовали руководители цирка продажу билетов! Разве они не могли предполагать, сколько желающих будет попасть на концерты Аллы Пугачевой? Можно было продавать билеты прямо на предприятиях, в магазинах, в учебных заведениях. Не было бы никакой давки возле касс, и все стекла в цирке остались бы в целости...»

И еще одно событие, датированное пятницей, 15 июля, стоит отметить: в тот день скончался патриарх отечественной литературы писатель Константин Федин. Слава пришла к нему в 1924 году, после выхода романа «Города и годы», в котором рассказывалось о путях русской интеллигенции в революции. Об этом же были и его последующие книги: «Братья» (1927—1928), «Первые радости» (1945), «Необыкновенное лето» (1947—1948). Два последних романа были удостоены Сталинской премии в 1949 году. С 1959 года Федин стоял у

руля Союза писателей СССР. В последние годы его руководство было чисто номинальным: в силу своего возраста (а умер писатель на 86-м году жизни) он практически не появлялся на рабочем месте, передоверив свои обязанности более молодым коллегам. Верхушку СП эта ситуация вполне устраивала. После смерти Фебина к руководству Союзом придет 66-летний фаворит Брежнева Георгий Марков.

Самое время взглянуть на столичную киноафишу. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: 4-го — «**Стажер**» Дамира Вятич-Бережных с участием Владимира Пучкова, Натальи Кустинской, Николая Гриценко и др.; 12-го — «**Соната над озером**» Гунара Цилинского и Вариса Брасла с участием Астриды Кайриши, Гунара Цилинского и др.

Кино по ТВ: «Адам и Хева» (1-го), «Господин Никто» (впервые по ТВ 2-го), «А зори здесь тихие...» (2-я серия), «Чемпион мира» (3-го), «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (ф/сп.), «Адмирал Нахимов» (4-го), «Три дня в Москве» (6—7-го), «Дело № 306» (7-го), «Сорванец» (8-го), «Валькины паруса», «Путина» (9-го), «Баллада о солдате» (10-го), «Рыцарь мечты» (11-го), «Опровержение» (премьера т/ф 12—14-го), «Всмотритесь в это лицо» (13-го), «Улица младшего сына» (15-го) и др.

Театральные премьеры: 4-го в Театре имени Ермоловой был показан спектакль «Стечение обстоятельств» с участием А. Назарова, А. Жаркова и др.

Эстрадные представления: 2—3-го — в «Октябре» выступал ВИА «Акварели»; 2—7-го на ВДНХ — ВИА «Самоцветы»; 7—8-го — в ГТЭ состоялись концерты с участием Владимира Мигули, Оскара Фельцмана, Светланы Резановой, Жанны Горошени и др.; 12—16-го — в ЦДСА выступал ВИА «Синяя птица»; 12—17-го на ВДНХ — ВИА «Поют гитары». 8—10 июля на стадионе «Локомотив» гастролировало польское «Автомоторевю».

В субботу, 16 июля, в 13.30 в Отделе США МИД СССР был принят советник американского посольства в Москве Дж. Мэтлок. В связи с инцидентом, произошедшим накануне с вице-консулом посольства США Мартой Петерсон, Мэтлок сообщил, что принято решение немедленно отозвать ее на родину. Мэтлок просил советскую сторону не предавать этот инцидент огласке.

Свое слово Мэтлок сдержал: на следующий день Петерсон действительно вылетела самолетом в Вену, а оттуда уже на родину. Вскоре после прибытия в США она была награждена медалью ЦРУ «за проявленное мужество при исполнении служебного долга».

Лето еще в самом разгаре, а столичные хоккеисты уже спешат на первые тренировки, чтобы начать подготовку к предстоящему вскоре чемпионату страны по хоккею с шайбой. Первыми из отпусков вернулись хоккеисты ЦСКА, которые в понедельник, 18 июля, собрались в своем Дворце спорта, что на Ленинградском проспекте. Однако начали они не с хоккея, а с политики (куда без нее!): на открытом собрании спортсмены единогласно одобрили опубликованный в печати проект новой Конституции СССР. И только в пять вечера армейцы вышли на лед Дворца спорта. Среди них был и хорошо нам знакомый Борис Александров, который некоторое время назад стал героем громкого скандала — не первого в его спортивной карьере. Как мы помним, еще в феврале Александров едва не лишился права играть в команде мастеров, отправив во время игры недозволенным приемом на больничную койку спартаковца Гуреева. Но на этот раз армеец отличился уже за пределами спортивной площадки.

Все произошло теплым летним вечером, когда Александров возвращался из гостей, будучи в изрядном подпитии. Поскольку на общественном транспорте добираться он не привык — звезда как-никак! — хоккеист отправился напрямик на остановку такси. А там уже выстроилась очередь из страждущих. Когда Александров понял, что ему придется куковать в очереди неизвестно сколько времени, в нем разыгралось самолюбие. Короче, едва к стоянке подъехало такси, хоккеист шагнул к нему первым. Что вызвало законное возмущение очереди, в частности 55-летней женщины, которая стояла перед Александровым. Дама схватила наглеца, уже успевшего опуститься на сиденье автомобиля, за руку и стала вытягивать его обратно из машины. Александрова это, естественно, возмутило до глубины души, и он ударил женщину кулаком в лицо. Однако умчаться вдаль ему так и не пришлось: возмущенные очередники набросились на хоккеиста и стали шпынять его со всех сторон. Александров вяло отбивался. И неизвестно, чем бы закончилась

эта потасовка, если бы к месту происшествия не подоспела милиция. Виновника происшествия задержали и завели на него уголовное дело по статье 112 ч. 1 УК РСФСР. Хоккеисту грозило тюремное заключение сроком до трех лет, однако благодаря руководству ЦСКА, которое вовремя вступилось за талантливого форварда, дело удалось замять. Говорят, пострадавшей дали «отступных», после чего она забрала свое заявление из прокуратуры. С Александрова было взято очередное клятвенное обещание исправиться. Однако из ЦСКА его все равно вскоре выгонят, о чем в последующем я обязательно расскажу. А пока вернемся к другим июльским событиям 77-го.

В четверг, 21 июля, завершил свою работу 10-й Международный московский кинофестиваль. Золотых наград на нем были удостоены три фильма: «Пятая печать» (Венгрия, режиссер Золтан Фабри), «Мимино» (СССР, Георгий Данелия) и «Конец недели» (Испания, Хуан-Антонио Бардем).

22 июля в «Советской культуре» было опубликовано письмо за подписью сразу нескольких широко известных людей, которые открыто выражали протест против возможного закрытия магазина «Антиквар», что располагался в здании гостиницы «Метрополь». Видимо, эти люди (а среди них были такие личности, как Роберт Рождественский, Иракий Андроников, Леонид Леонов, Марлен Хуциев и др.) были постоянными завсегдатаями этого магазина, существовавшего в центре столицы вот уже четверть века. Магазин действительно был очень популярен, говорю это как свидетель: я сам периодически его посещал, докупая там открытки с изображениями актеров советского кино, коих не было в моей коллекции. Благодаря письму магазин удалось отстоять.

В тот же день заметное оживление наблюдалось на пяточке возле гостиницы «Россия», что со стороны улицы Разина. Там с утра развернула свою бурную деятельность съемочная группа фильма «Трактир на Пятницкой». Киношники водрузили на пяточке трамвайную остановку времен нэпа, пустили массовку, облаченную в одежды тех лет. А в эпицентре съемок оказались два персонажа: секретный агент угро Серж (Лев Прыгунов) и вор-карманник Пашка Америка (Александр Галибин). Снимали эпизод, где Серж просит Пашку о по-

мощи: мол, скажи главарю банды Серому, что я могу помочь в поисках милицейского стукача. Пашка от прямого ответа уходит.

Тем временем продолжается следствие по делу об убийстве Лели Ведниковой. Дело движется медленно, и пока никаких серьезных зацепок у следователя Петрушина нет. Молоток, который был найден на месте преступления, согласно выводам экспертизы, оказался ни при чем — жертву ударили другим предметом. Но каким именно, пока было неясно. Не был пока установлен и другой важный факт: когда произошло убийство. Из-за того, что тело пролежало на жаре несколько дней, эксперт так и не смог установить точную дату смерти. Он сообщил Петрушину только примерные часы преступления — после завтрака, поскольку в желудке убиенной были обнаружены остатки пищи, входившие в типичный завтрак горожанина: сыр, хлеб, сливочное масло. Но Петрушин проявил удивительную смекалку. Обнаружив на теле убитой личинки мух, он запаковал их в полиэтиленовый пакет и отправил на кафедру энтомологии биофака МГУ. И вскоре оттуда пришел ответ. Согласно ему, «личинки, представленные на экспертизу, приобрели такой вид за шесть суток, т. е. для того, чтобы достичь такого возраста и размера при заданной температуре, им было необходимо время 6 суток». Это был первый успех Петрушина. Отняв от даты обнаружения трупа — 11 июля — шесть дней, он установил точную дату убийства — 5 июля.

В воскресенье, 24 июля, актриса Театра имени Вахтангова Людмила Максакова родила второго ребенка — дочь Машу. Первого ребенка — сына Максима — она родила несколько лет назад от художника-графика Андрея Збарского, сына знаменитого врача, который баллотировал тело Ленина. Но Андрей вскоре после рождения сына эмигрировал в Америку, чем здорово осложнил жизнь своей жене: ее на какое-то время перестали приглашать сниматься в кино, выпускать за границу. Но постепенно гнев властей сменился на милость, и творческая жизнь Максаковой вновь наладилась. Как вдруг ее угораздило влюбиться в иностранца — гражданина Австрии Ингеберга Петера Андреаса. Как мы помним, они поженились в конце марта 73-го. И только спустя четыре года после свадьбы решились завести

общего ребенка. Однако незадолго до родов с ними произошел очередной инцидент, о котором рассказывает Маша Максакова:

«Проблемы родителей не закончились — сначала не выпускали из страны маму, потом Макса, а когда наконец собрали все визы, родителей в аэропорту арестовали — на Максе была модная майка, отпечатанная, как газета. Таможня почему-то решила, что таким образом они хотят вывезти секретную информацию о стране. Майку оставили в аэропорту и потом всю дорогу шутили — мама уже была беременна мною, — что, если, родится мальчик, его назовут Овир, а если девочка — Виза. Слава богу, что меня назвали Машей в честь бабушки (Мария Максакова была примой Большого театра. — Ф. Р.), а то бы неизвестно, как сложилась бы моя судьба...»

25 июля, в день 48-летия Василия Шукшина, на доме № 5 по улице Бочкова, где он прожил последних два года своей короткой жизни (с 1972 по 1974-й), была открыта мемориальная доска. Борьба за ее установку длилась почти три года, поскольку столичные власти еще при жизни Шукшина считали его не слишком благонадежным и не собирались менять своего мнения и после смерти выдающегося писателя и режиссера. Однако родным и коллегам Василия Макаровича ценой больших нервов удалось-таки пробить это решение. Авторами мемориальной доски были скульптор В. Клыков и архитектор С. Смирнов.

В Москве задержан очередной преступник — профессиональный аферист Михаил Бурдаков, 31 года от роду. Специализировался сей фрукт на облапошивании провинциальных девушек, приехавших в столицу за покупками либо в поисках приятных впечатлений. Мошенник профессиональным взглядом выделял среди этих особ наиболее доверчивых и легко входил к ним в доверие, предлагая себя в качестве гида по столице. От одного его импозантного вида девушки млели и соглашались прогуляться с ним по центру города. В ходе этой прогулки доверие провинциалок к своему кавалеру становилось настолько глубоким, что они даже позволяли ему нести свои сумочки. Чего, собственно, и добивался преступник. В какой-то момент он указывал своим экскурсанткам на очередную достопримечательность и, пока те пялились на нее, скрывался в толпе вместе с

сумочкой. За те два летних месяца в милицию обратились несколько жертв ловкого мошенника, после чего сыщикам была спущена команда разоблачить негодяя. С этого момента в центре города принялись курсировать сразу несколько оперативных бригад. И дичь угодила-таки в сети. Бурдакова поймали в тот самый момент, когда он познакомился возле ГУМа с очередной жертвой — провинциалкой из ближнего Подмосковья. Он успел сказать ей всего несколько слов и уже взял под локоток, чтобы начать «экскурсию», когда его самого с двух сторон обступили двое суровых мужчин. Это были старший инспектор угро Свердловского РУВД А. Карпов и инспектор угро 17-го отделения милиции П. Белолипецкий.

Между тем КГБ продолжает разгребать завалы, доставшиеся ему от цэрэушного агента Трионона. В частности, в Службе безопасности МИД СССР возникла идея создать специальную комиссию для того, чтобы та разобралась с тем, какие именно сведения из МИДа были переданы Огородником в ЦРУ США. Однако против этого резко выступил сам министр иностранных дел Андрей Громыко. Он прекрасно понимал, что создание этого органа вскрыет такие огрехи в работе его ведомства, что это вполне может стоить ему карьеры. Тогда эсбэшники обратились напрямую к Андропову, чтобы тот каким-то образом повлиял на Громыко. Но шеф КГБ, который когда-то был в подчинении у Громыко (в конце 50-х Андропов был послом в Венгрии), так и не смог преодолеть барьера послушания своему бывшему начальнику, и вопрос о комиссии был снят.

Вспоминает И. Перетрухин:

«Вопреки существовавшей в те времена традиции «беззаветно любить» членов Политбюро ЦК КПСС у нас, по крайней мере в Службе безопасности МИДа, А. А. Громыко более чем не любили, и у него даже была довольно обидная кличка, в которой отразился некоторый перекосяк его лица, а именно — Косорылый. Наше резко отрицательное отношение к нему не было случайностью: работая непосредственно в аппарате министерства, мы располагали более достоверными данными о его личности и «деятельности» его почтенной супруги, чем наши коллеги на площади Дзержинского...»

На улицах Москвы продолжают съемки фильма «Трактир на Пятницкой». На этот раз киношников занесло в Парк культуры имени Горького, где должна была сниматься сцена встречи Сержа с Цыганом. Съемки были назначены на 26 июля, но едва не сорвались из-за нерасторопности службы перевозки. Та должна была выделить автобусы для перевозки масовки к месту съемки, а также грузовой автотранспорт для доставки реквизита (столики и стулья в летнем кафе). Но в тот день у службы не оказалось в достаточном количестве ни автобусов, ни грузчиков. В итоге масовка и реквизит приехали в ЦПКиО только после двенадцати часов дня. Поэтому в тот день сняли всего лишь три кадра: Цыган (Николай Еременко) узнает в молодом человеке своего однополчанина Сержа (Лев Прыгунов) и заключает его в свои объятия. На следующий день сняли предысторию этой встречи: Серж продает даме и ее кавалеру фамильное кольцо.

В эти же дни высшее руководство страны по предложению Юрия Андропова приняло решение снести так называемый «дом Ипатьева» в Свердловске (Ипатьевским дом прозвали по имени его последнего владельца — инженера, штабс-капитана Николая Ипатьева), где в июле 1918 года была расстреляна семья последнего российского императора Николая II. Этим сносом власти хотели прекратить раз и навсегда паломничество людей к месту уничтожения российского монарха. Приказ о сносе лично получил по телефону от Андропова тогдашний первый секретарь Свердловского обкома Борис Ельцин, который, в свою очередь, немедленно информировал об этом заместителя председателя горисполкома Букина.

Операция по уничтожению «дома Ипатьева» началась в ночь на 28 июля. Во двор дома № 49 по улице Карла Либкнехта въехали кран с подвешенной на тросе тяжелой чугунной «бабой», экскаватор и мощный бульдозер. «Баба» начала рушить старые стены. Все это продолжалось в течение нескольких часов. Затем началось оформление документов о сносе, причем задним числом. Так, 3 августа выйдет приказ о снятии с дома охраны (он находился под охраной как памятник истории и архитектуры), а 21 сентября свет увидит решение о сносе самого дома. В нем говорилось, что ипатьевский дом случайно попал «в зону

строительства дороги и расширения улицы». Никакого «расширения» потом не производилось.

В субботу, 30 июля, ваш покорный слуга взял свою школьную тетрадь по истории, вырвал из нее все исписанные страницы (а было их не так много) и соорудил из этой тетради альбом «Актеры советского кино». Сделано это было не случайно. Вот уже в течение нескольких лет я скупал открытки с изображениями любимых киноактеров в киосках «Союзпечати» и хранил их в своей тумбочке, что называется, в навал — то бишь стопочкой. А так хотелось, чтобы мои кумиры покоились в красивом альбоме. Однако в те времена в отличие от нынешних, таковых практически не продавали. Вернее, альбомы для фоток были, но они являлись из себя такие громоздкие создания, что ими можно было смело заколачивать гвозди (я называл их амбарными). И стоили эти махины соответствующих денег. Короче, за неимением средств и достойной продукции я воспользовался услугами своей школьной тетрадки, соорудив из нее самопальный альбом. В него вошла добрая сотня фотографий, на которых были изображены: Савелий Крамаров, Виталий Соломин, Наталья Фатеева, Лев Прыгунов, Вячеслав Тихонов и многие другие звезды отечественного кинематографа. Был представлен в альбоме и зарубежный кинематограф, правда, весьма оригинальными фотографиями. Поскольку в официальной продаже фоток с изображением кумиров западного кино не было, я смастерил таковые опять же из подручных средств — вырезав фотки из журналов про кино и наклеив их на ватман. Так в моем альбоме появились фотографии Дина Риды, Гойко Митича, Луи де Фюнеса, Жан-Поля Бельмондо, Алена Делона и др.

31 июля исполнилось 40 лет популярной певице Эдите Пьехе. По ее словам, «в тот день рождения у меня в буквальном смысле слова были настежь открыты двери. Я купила много-много спиртного, было много закусок, были даже поросята, которых из Абхазии привезли. Красивый был праздник, но после него пришлось сделать капитальный ремонт квартиры...»

Из новых кинофильмов, вышедших на экраны столичных кинотеатров, назову один: комедию Александра Серого «Ты — мне, я тебе»

(с 25-го) с участием Леонида Куравлева, Романа Ткачука, Валерия Носика и др.

Кино по ТВ: «Приключения Кроша» (16-го), «Ошибка резидента» (16—17-го), «Отец солдата» (17-го), «Черные тучи» (18—21-го), «Морской охотник» (19-го), «Ночной звонок» (20-го), «Пастух Янка» (21—22-го), «Музыканты одного полка» (22-го), «Отважный Ширак», «Лето рядового Дедова» (23-го), «Судьба резидента» (23—24-го), «Дом, в котором я живу», «День счастья» (24-го), «Завещание старого мастера» (25—28-го), «Почти смешная история» (премьера т/ф 27-го), «Ливень», «Встречи с Игорем Ильинским» (28-го), «Тихая Одесса», «Таня» (30-го), «Судьба человека», «За тех, кто в море» (31-го) и др.

Из других передач назову следующие: «Кинопанорама» (речь в ней шла о X Международном московском кинофестивале, далее зрители встретились с авторами фильма «Вы мне писали» режиссером Аидой Манасаровой и актерами Андреем Мягковым и Анастасией Вознесенской, после чего ведущий Г. Капралов представил зрителям фильмы, работа над которыми еще не закончена, — «Беда» и «Открытая книга»), «Песня-77» (в очередном выпуске передачи звучали песни в исполнении дуэтов Галина Беседина — Сергей Тараненко, Маргарита Вилцане — Оярс Гринбергс, Розы Рымбаевой и др.), «Утренняя почта» (16-го, 23-го), «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (17-го), Фестиваль советской песни в г. Зелена Гура (23-го), Концерт артистов французской эстрады (30-го).

Эстрадные представления: 17—24-го — во Дворце спорта «Сокольники» выступал ВИА «Веселые ребята»; 18—23-го в ЦПКиО имени Горького — ВИА «Синяя птица»; 19—24-го на ВДНХ — ВИА «Водограй»; 24—29-го в ГЦКЗ «Россия» — Английский молодежный джаз-оркестр; 23—24-го в ЦДСА — Алла Йошпе и Стахан Рахимов; в Саду имени Баумана — ВИА «Музыка»; 29—31-го на ВДНХ — ВИА «Акварели»; 31-го в ГЦКЗ «Россия» состоялся концерт с участием Майи Кристалинской, Евгения Петросяна, Арутюна Акопяна, ВИА «Москвички» и др.

Пластинки журнала «Кругозор» (№ 7): «Играет ВИА «Апельсин» (Галлин); Элтон Джон — «Прощай, желтая кирпичная дорога», «Крокодил-ритм» (Э. Джон — Б. Топин).

1977 АВГУСТ

«Женщина, которая поет»: идут пробы. Начали снимать комедию «По семейным обстоятельствам». КГБ И МВД в поисках террористов. Готовится ограбление Ереванского банка. Как Наталья Гундарева спасла от смерти режиссера Леонида Марягина. Михаил Боярский женился. Первый визит грабителя в Ереванский банк. Как КГБ заставил актера Стржельчика стать «манекеном». Все улики против троих. Орган ЦК КПСС пишет про «Роллинг Стоунз». Как калининская милиция ловила голых актеров. Ограбление Ереванского банка. Высоцкий на мексиканском ТВ. Преступление в Ереване всполошило Москву. «Мой ласковый и нежный зверь»: трудные съемки. Как торпедовцы испортили праздник динамовцам. Столпотворение в «Детском мире». Инфаркт Микаэла Таривердиева. Готовится ограбление в Гаграх. Короткое возвращение Брежнева в Москву. Как Александр Кайдановский угодил в милицию. Поиски грабителей в Ереване. Аяла Пугачева: афера с Горбоносом. Встреча Высоцкого с Бродским. Похищенные в Ереване деньги всплывают в Москве. Разбился Всеволод Абдулов. Ереванские грабители едут на отдых в Сочи. Убийство под Ленинградом. Арест цэрзушника Филатова. Начался фестиваль в Сопоте. Кто разбросал денежные упаковки в столичном подъезде. Квартирное ограбление в Москве.

В столице в те дни устанавливается небывалая жара: воздух прогревается до плюс 34 градусов. Подобное пекло в последний раз в Москве наблюдалось в душное лето 1972 года. Но, несмотря на столь тяжелые погодные условия, жизнь в городе не замирает. На «Мосфильме» вовсю идет подготовка к съемкам фильма с участием Аллы Пугачевой под названием «Женщина, которая поет». С понедельника, 1 августа, начались пробы актеров на главные и второстепенные роли. Особенно тщательно подыскиваются актеры, которые могли бы сыграть мужа певицы и поэта. Ряд актеров, к которым обратились с этой просьбой, послали приглашавших куда подальше. Так и сказали: «Делать рекламу этой певичке не собираемся!» Однако были и те, кто согласился пройти пробы. Среди них такие актеры, как Александр Кайдановский, Владислав Дворжецкий.

1 августа на том же «Мосфильме» режиссер Алексей Коренев приступает к съемкам очередной комедии — «По семейным обстоятельствам». Съемки начались практически с пер-

вых кадров, что случается нечасто: снимали эпизоды в «кабинете» Галины Аркадьевны (Галина Польских). Помните, она не торопится после работы домой и просит задержаться своего заместителя (Николай Парфенов). На что тот ворчит: мол, неужели у вас дома нет никаких дел? На следующий день съемки в «кабинете» продолжились: досняли кадры из начала фильма, а во второй половине дня зафиксировали на пленку кадры из конца ленты, где Галина Аркадьевна теперь уже вовсю торопится домой — она успела выйти замуж. Три последующих дня съемочная группа работала на натуре: на улице Герцена снимались сцены прогулок Игоря (Евгений Стеблов), Лиды (Марина Дюжева) и няньки из Бюро добрых услуг (Анатолий Папанов) с ребенком.

Правоохранительные органы страны продолжают искать террористов, взорвавших в начале января бомбы в Москве. Как мы помним, уже в первые дни поисков следствию удалось установить несколько важных деталей. В частности, в теле одной из жертв был найден оско-

лок от утятницы, которая служила корпусом для адской машинки. Поиски мест, где изготавливались эти утятницы, длились около двух месяцев (этим занимались чекисты). За это время было «просеяно» несколько предприятий в ряде союзных республик, пока не удалось выйти на «родного» изготовителя утятницы, использованной террористами. Тот завод оказался в Харькове, однако оттуда вся продукция была отправлена... в 45 различных городов Советского Союза. Так появилось еще одно препятствие на пути сыщиков к истине.

Нечто подобное произошло и с поиском других вещдоков. Например, было установлено, что в вагоне метро бомба была оставлена в большой дорожной сумке бежевого цвета. По оставшимся кусочкам этой сумки было определено, что эта кожа была изготовлена на Белгородском заводе в Горьковской области. Но и там выяснилось, что вся подобная продукция была отправлена затем в 40 городов Союза. Однако чекисты сфотографировали дубликат этой сумки и фотографии ее разослали во все территориальные органы КГБ и МВД СССР. Как покажут дальнейшие события, именно это обстоятельство во многом поможет раскрытию этого дерзкого преступления.

Тем временем выяснилось, что, кроме осколков от утятницы, в местах взрывов фигурируют и другие осколки. Материал, из которого они были изготовлены, имел в себе примесь мышьяка. Сыщики пошли и по этому пути и установили, что рудник, где добывается эта руда, находится в районе Керчи. Руда оттуда поставлялась в три места страны: на Украину, в Закавказье и Литву. Как только это стало ясно, было предположено, что к взрывам в Москве вполне могли быть причастны или украинские националисты, или представители армянской организации «Дашнакцутюн», или литовские экстремисты. Однако пока это было всего лишь предположением. КГБ подозревал в терактах и советских диссидентов, для чего через своих людей на Западе опубликовал в «своих» изданиях статьи соответствующего содержания. Но эта линия поисков вскоре заглохла ввиду своей неперспективности.

Между тем террористов искало и союзное МВД. Так, в Тамбове местная милиция арестовала некоего Платова, который с помощью самодельной бомбы попытался убить своего со-

седа-лесника. В результате взрыва лесник не пострадал, однако были убиты его жена и две дочери. Об этом теракте тут же дали знать в Москву. Причем было сообщено, что Платов создался в том, что он осуществил и январские взрывы в столице. В Тамбов тут же выехали контрразведчики.

Однако уже с первых же допросов Платова стало ясно, что все, что он говорит о взрывах в Москве, — «липа». Судя по всему, таким образом местная милиция пыталась отличиться перед собственным министерством. Ведь мнение Н. Щелокова на этот счет было хорошо известно, вот на местах, как говорится, и «рвали службу».

Тем временем по одному из вещдоков круг поисков был гораздо уже, чем по другим предметам. Этим вещдоком оказалась стальная шпилька, которая была изготовлена на заводе в Ивановской области и оттуда рассылалась всего в 12 городов страны. Одним из городов в этом списке был Ереван. Он также проходил и по всем остальным спискам вещдоков, а это уже кое о чем говорило.

В том же Ереване между тем продолжается подготовка к ограблению местного банка. Как мы помним, один из инициаторов этого преступления Николай Галачян после автомобильной аварии лечится в больнице. Оттуда же он руководит и предстоящим ограблением. В самом начале августа его навестил будущий непосредственный исполнитель преступления Феликс Галачян, который пришел не с пустыми руками, а принес с собой будущие орудия преступления: ломик и сверла с победитовыми головками. Осмотрев эти инструменты прямо во дворе больницы, Николай одобрил выбор сообщника. После чего спросил: «А как с зонтиком?» (Зонтик предполагалось использовать для поднятия мусора во время сверления пола.) На что Феликс ответил: «С зонтиком проблема: в магазинах его нет. Даже не знаю, где искать». — «Не надо ничего искать, — успокоил напарника Николай. — У меня в Сари-Тахе есть одна знакомая, у которой есть детский зонтик. Поехали сейчас к ней и заберем его». Так они и сделали. Знакомая без проблем отдала Николаю зонтик, поскольку тот сказал, что он нужен ему для того, чтобы укрываться от солнца во время прогулок во дворе больницы. Знай сердобольная хозяйка, для

чего на самом деле понадобился ее зонтик, который она купила своему ребенку, наверняка погнала бы просителей прочь.

В Таганроге режиссер Леонид Марягин снимает фильм «Вас ожидает гражданка Никанорова» (съемки начались 18 июля), где главную роль — Никанорову — играет Наталья Гундарева. Сценарий фильма написал Виктор Мережко, который вспоминает:

«Один из эпизодов мы снимали в Ростове на пригородном вокзале. И вдруг я вижу — прямо на съемочную площадку несется «Волга», потерявшая управление. Я успел отскочить в сторону, машина пронеслась мимо — туда, где стояли Гундарева, режиссер, оператор, осветительные приборы... И «Волга» летела напрямиком на режиссера Леонида Марягина. Тут Гундарева хватает его, с невероятной силой дергает на себя, и они падают. Автомобиль в результате сбивает камеру, немножко поранив оператора, и врезается в какой-то парапет. Таким образом Наташа спасает жизнь Марягину. Мы тут же прекратили съемку, поехали в гостиницу и напились, такой у всех был стресс. Если бы не Наташина реакция, Марягин был точно бы сбит!..»

Между тем многочисленным поклонницам актера Михаила Боярского впору было рвать на себе волосы — их кумир женился. Его женой стала его же коллега по Театру имени Ленсовета Лариса Луппиан. Как мы помним, роман между ними начался еще в 1973 году, когда судьба свела их вместе в одном спектакле — «Трубадур и его друзья» (Боярский играл Трубадура, а Луппиан — Принцессу).

Вспоминает Л. Луппиан:

«В один прекрасный день 77-го, когда я стала будить Мишу с очередным (20-м!) ультиматумом: «Пойдем в загс!» — он, сонный, чтобы отвязаться от меня, неожиданно согласился. А мы уже как-то подавали заявление, пришлось три месяца ждать, потом было некогда, словом, ему удалось увильнуть. Он решил, что и теперь отсрочка его спасет, и спокойно подчинился. Миша не подумал только об одном — загс был тот же самый, и, на мое счастье, нас узнали: «Ой, а что же вы не пришли в прошлый раз? Давайте ваши паспорта!» Миша, ни о чем не подозревая, отдал свой паспорт (мало ли зачём, может, для заявления что-то нужно уточнить), а они — шлеп! — и

выносят наши паспорта уже со штампами! Так мы и поженились — без свидетелей, фаты и колец... Миша очень обрадовался, был просто счастлив, что удалось избежать этой нудной процедуры. Мы с ним зашли в маленькое кафе «Сайгон» на углу Владимирской, выпили по пятьдесят граммов коньячку и отправились на репетицию. Месяц никому ничего не говорили, а осенью в театре очень скромно отпраздновали свадьбу...»

А теперь вновь перенесемся в Ереван, где готовится ограбление банка. Накануне этого события, в четверг, 4 августа, в шесть часов вечера Феликс Галачян отправился в парк имени Комсомола, где забрал из тайника, расположенного в разрушенном здании кинотеатра, наполненную инструментами сумку. С этой поклажей он отправился домой. Но по дороге внезапно встретил своего приятеля Сергея Хлебникова, которому внезапно предложил... участвовать с ним в ограблении (видимо, делать это в одиночку Феликсу было все-таки страшновато). Тот на удивление быстро согласился, но когда узнал, что за этим делом стоит Николай Галачян, попросил Феликса отвести его к нему в больницу, чтобы тот лично дал «добро» на его участие в этом деле. Но этого благословения получено не было. Николай, услышав, с какой просьбой пришли к нему приятели, тут же обернул все в шутку: заявил, что у Феликса поехала крыша, что никакого ограбления не предвидится, и посоветовал Хлебникову забыть об этом деле. Едва тот удалился, как Николай сначала хорошенько отчитал своего напарника, а когда наконец успокоился, приказал ему отправляться на ограбление в одиночку.

Из больницы Феликс зашел в магазин, где запасся тремя бутылками минералки «Джермук». Затем в течение какого-то времени слонялся по городу, а около 12 ночи пришел к жилому дому № 8 по улице Налбандяна. Поднявшись на чердак, он добрался до стены здания Госбанка и с применением принесенных с собой ломиков и других инструментов начал работу по разбору стены. Трудился он до 4 часов утра 5 августа, однако разобрать полностью стену так и не успел. Устав от работы, он сложил все инструменты в сумку и вернулся в больницу к Николаю. Тот выслушал его сооб-

щение и передал ему ключ от квартиры, где Феликс мог отдохнуть до вечера.

Оставим на время Ереван и вернемся в столицу Союза, а если точнее — в один из павильонов «Мосфильма». Там 4 августа проходили съемки сразу нескольких картин, но нас интересует только одна — военная драма Игоря Гостева «Фронт за линией фронта». В тот день в ней снимали эпизод в декорации «кабинет Сталина», где Верховный главнокомандующий (актер Кобаладзе) выслушивал доклад начальника Генштаба Антонова (Владислав Стржельчик). Последний попал на эту роль случайно: он играл этого же героя в эпопее «Освобождение» и, естественно, не мог остаться незамеченным со стороны Гостева. Хотя большого желания играть эту роль у него не было. Рассказывают, что, когда режиссер «Фронта» предложил ему снова побыть в мундире Антонова, Стржельчик вспыхнул: «Ищите другого дурака! Надоело быть манекеном!» Но Гостев тут же настучал на строптивного актера своему куратору от КГБ Цвигуну, и тот быстренько остудил пыл Стржельчика. Прямо во время отдыха на даче к нему приехал посыльный из КГБ и привез билет на ближайший поезд до Москвы. 4—5 августа актер благополучно отснялся в своих сценах и собрался уезжать обратно в Ленинград. Далее послушаем рассказ Б. Криштула:

«После съемки Стржельчик зашел ко мне.

— Кому отдать это? — Он рассеянно мямл в руках железнодорожный билет, который обычно артисты сдают для отчета.

— Не знаю, — чистосердечно ответил я.

— Не отвозить же его на Лубянку? — растерянно спросил актер.

— Зачем? Если им понадобится, сами придут, — успокоил я Владислава Игнатьевича.

— Да, эти, пожалуй, придут, — мрачно согласился Стржельчик...»

И вновь вернемся в Ереван. 5 августа в 12 часов ночи Феликс Галачян опять проник на чердак дома № 8 и принялся за продолжение начатого прошлой ночью — долбежку стены. Но работа шла тяжело. Стена оказалась намного прочнее, чем казалось ранее. Тогда Феликс решил проникнуть в банк другим путем. По крыше дома он добрался до окон отдела труда и зарплаты банка. Ему сопутствовала удача: оказалось, что одна рама на одном из окон

была полностью снята и никакого препятствия для его проникновения внутрь практически нет. «А я, дурак, столько часов со стеной промучился!» — выругался про себя Феликс и полез в окно. Из этого помещения он вскоре очутился в другом — в семинарской комнате, под которой находилось хранилище денег.

С помощью лома грабитель оторвал паркет на полу, после чего взял коловорот и стал сверлить отверстия в бетонном полу. Когда отверстие стало довольно широким, грабитель осветил вниз фонариком, чтобы убедиться, что не зря старается. Выяснилось, что не зря — стеллажи внизу были полны денег. Однако работать дальше было опасно — на дворе рассветало, поэтому Феликс решил продолжить начатое в другой раз.

В Москве тем временем продолжается следствие по делу об убийстве приемной дочери известной певицы Ланской-Грюнфельд Лели Ведниковой, убитой в своей квартире 5 июля. В поле зрения следователя прокуратуры Петрушина на тот момент попали трое подозрительных типов, которые могли иметь причастность к этому убийству. Первым был бывший ученик вокального класса Ланской-Грюнфельд Павел Михнюк (он, как мы помним, и являлся убийцей), вторым — гражданский муж сестры Ведниковой Стогов (по показаниям многочисленных очевидцев, это был человек крайне агрессивный, к тому же находившийся с убитой в натянутых отношениях) и третьим — некий житель Запорожья Черемных, который числился в кавалерах у погибшей. Именно в отношении последнего Петрушин и грешил, поскольку сумел установить весьма нелицеприятные факты его жизни.

Как выяснилось, Черемных был типичным альфонсом, который знакомился с состоятельными дамами, кружил им головы, чтобы какое-то время пожить за их счет. При этом Черемных был женат и имел ребенка. С Ведниковой он познакомился четыре года назад — в январе 73-го — во время отдыха в Доме товарищества ВТО «Руза» и тоже не держал в мыслях ничего серьезного: его интересовало исключительно ее благосостояние и близость с известной певицей. Раскопав эту информацию, Петрушин немедленно отправил в Запорожье своего коллегу Красина, чтобы тот разузнал о Черемных дополнительную информацию, а

сам принялся отрабатывать две другие версии: с Михнюком и Стоговым.

5 августа газета «Советская культура» была сметена с прилавков киосков «Союзпечати» в считанные часы, чего с ней давно не происходило (с тех пор как газета стала органом ЦК КПСС, интерес публики к ней заметно упал). Причем львиную долю покупателей в тот день составляла молодежь. Ажиотаж объяснялся просто: в газете была опубликована огромная (чуть ли не во всю полосу) статья про знаменитую английскую рок-группу «Роллинг Стоунз». Учитывая, что в те годы редко какое отечественное издание уделяло рок-музыке толику своего внимания, а если и уделяло, то ограничивалось двумя-тремя строчками мелким шрифтом, слух про эту публикацию мгновенно облетел меломанов, и этот номер мгновенно попал в разряд раритетных. Ведь в Советском Союзе у «Роллингов» была огромная армия поклонников. (Хотя лично мне гораздо ближе были «битлы», а из «роллинговского» репертуара я больше всего любил их проникновенные баллады типа «Пока льются слезы», «Леди Джейн» или «Энджи». Но речь не обо мне.)

Между тем статья была из разряда критических. Ее автор — Ю. Осипов не оставлял от «Катящихся камней» камня на камне, убеждая читателей, что группа — типичное порождение западной масс-культуры. Статья заканчивалась в духе коммунистических агиток тех лет: «Памятуя старую пословицу «Под лежачий камень вода не течет», они продолжают «катиться» по этому «безумному, безумному, безумному миру», собирая свою щедрую дань с толп бесноватых подростков и пресыщенных буржуа...»

Съемочная группа фильма «Сибиряда» находится под Калинином, где снимаются эпизоды из третьей серии. 2 и 5 августа там снимали один из самых мелодраматичных эпизодов: любовную сцену на Лебедином озере с участием Никиты Михалкова (Алексей Устюжанинов) и Людмилы Гурченко (Тая). По меркам советского кинематографа сцена была снята весьма смело. Что неудивительно: обстановка в съемочном коллективе была по-настоящему свободолобивой. Вот как об этом вспоминает сам режиссер ленты А. Михалков-Кончаловский:

«В одну из бурных ночей, проходивших вне пределов моего внимания, Наташа Андрейченко, Саша Панкратов и Павел Петрович Кадочников, народный артист СССР, были арестованы милицией за то, что купались голыми в реке — посреди Калинина, нарушали общественный порядок, громко кричали и пели. Подъехала милицейская коляска, их выудили из воды и, мокрых, доставили в участок. Но у Павла Петровича была с собой волшебная бумага, заботливо упакованная в целлофан, о существовании которой я тогда не знал.

Происхождение этой бумаги таково. «Подвиг разведчика» очень понравился Сталину. Был банкет, Сталин сказал Павлу Петровичу:

— Вот это настоящий чекист! — И спросил: — Что я вам могу сделать приятное?

— Не могли бы вы это же самое мне написать на бумаге? — сказал Павел Петрович.

В результате из кремлевской канцелярии Кадочникову прислали бумагу с Гербом СССР, где было написано: «Павлу Петровичу Кадочникову, артисту киностудии «Ленфильм», присваивается звание майора всех родов войск СССР. Сталин. Ворошилов».

Эта бумага была для Кадочникова палочкой-выручалочкой и «Сезамом, откройся» многие годы. Даже спустя двадцать с лишним лет после смерти Сталина, когда снималась «Сибиряда», ее магическое действие не иссякло...»

В лесу под Каунасом продолжают съемки боевика «В зоне особого внимания». 6 августа там снимали эпизоды «в лесу»: группа Тарасова пленила одного из офицеров «северных» — майора Морошкина (Анатолий Кузнецов) и вынуждена водить его с собой по лесу. Эти пробежки в тот день и снимали.

И вновь перенесемся в Ереван. Субботним вечером 6 августа Феликс Галачян вновь вернулся в здание Ереванского банка, чтобы продолжить долбежку пола, под которым находилось хранилище с деньгами. Работал он часа два. Прodelав в полу внушительное отверстие, он имевшейся у него ножовкой для резки металла перепилил находившиеся в бетоне перекрытия из двух арматурных стержней толщиной в 8 и 10 сантиметров. Согнув их во внутрь комнаты, грабитель опустил вниз веревку и спустился по ней в хранилище. С собой у него была вместительная сумка и рюкзак. За час грабитель сноровисто набил оба этих предмета

деньгами, что называется, под завязку. В них оказались: 55 пачек 100-рублевых купюр по 20 тысяч рублей в каждой, 10 пачек 50-рублевых купюр по 25 тысяч рублей в каждой, 3 пачки 25-рублевых купюр по 25 тысяч рублей в каждой. Все купюры были абсолютно новые, не бывшие в обороте (как говорится, и муха не сидела). Всего было похищено порядка 1,5 миллиона рублей! Астрономическая сумма по тем временам. Здание банка грабитель покинул в 5 часов утра 7 августа, так и не потревожив охрану, которая в эти часы мирно спала двумя этажами ниже.

Прямо от банка Феликс на попутной «Волге» отправился напрямик в больницу к Николаю Галачяну. Вдвоем они на той же машине поехали в дом на улице Димитрова, где Николай снимал комнату. Там поделщики разделили награбленное: каждый взял себе по 100 тысяч рублей, а все остальное спрятали в диване. После этого они расстались: Феликс уехал к себе в Леникан, а Николай вернулся в больницу. Встретиться они договорились через несколько дней.

Владимир Высоцкий продолжает свое путешествие по Мексике. Как мы помним, сначала он жил на острове Косумель (там Марина Влади снималась в очередном фильме), затем супруги переехали в Мехико и поселились у знакомой Влади — балерины русского происхождения по имени Макка. Ее сын работал на местном телевидении, и это обстоятельство явилось поводом для приглашения туда Высоцкого. 9 августа он выступил в специальной передаче, где рассказал о себе и спел несколько песен. Вот что писала М. Влади:

«Мы срочно готовим программу. Надо отобрать и перевести тексты на испанский, написать биографию, пусть даже не всю, потому что здесь тебя совсем не знают. Надо подумать о декорации и подобрать аккомпанемент. После долгих споров мы выбираем сольный концерт — это то, что ты предпочитаешь, и последние записи, сделанные в США для Си-би-эс, доказывают, что это и для публики лучшее решение...»

Написанный тобой текст настолько не нуждается в комментариях, что передача проходит без интервью. Ты поешь, как всегда, не щадя сил. И телефонная станция телевидения буквально разрывается от звонков восхищен-

ных зрителей. За час ты завоевала публику всего Мехико...»

В тот день, когда Высоцкий выступал по мексиканскому ТВ, в Ереване стоял большой шумер: охрана обнаружила пропажу 1,5 миллиона рублей из Госбанка. Учитывая астрономическую сумму похищенного, Ереван немедленно телеграфировал об этом происшествии в Москву, надеясь, что оттуда придут помощи. Так оно и вышло. Из столицы в Ереван отправилась представительная делегация в составе заместителя министра внутренних дел СССР Бориса Шумилина (он курировал угрозыск страны), заместителя начальника УУР СССР Анатолия Волкова и других следователей УУР МВД Союза. На месте группу розыска усиливал шеф МВД Армении А. Поталов и начальник республиканского угро Э. Шахназаров.

А грабители тем временем заматали следы. 10 августа Николай и Феликс встретились вновь, чтобы снять для Николая новую квартиру, где и предполагалось пока хранить украденное. Этим новым убежищем стала комната в доме № 43 2-го тупика улицы Нар-Доса. В этот же день Николай отпросился на пару дней из больницы, и они вдвоем с Феликсом в один заход перевезли украденные деньги на новое место.

Эмиль Лотяну продолжает работу над фильмом «Мой ласковый и нежный зверь». Натуру снимают в местечке Валуево (с 11 июля), но работа продвигается с большим трудом. В группе царит настоящий административный хаос, о чем свидетельствует смена одного за другим сразу трех (!) директоров картины (12 августа был назначен А. Фрадис). Никак не ладятся сами съемки. На середину августа по плану надо было отснять 704 полезных метра пленки, но группа сумела уложиться в вдвое меньший метраж, из которого 100 метров предстояло переснимать. Короче, скажи тогда кто, что из этого адова труда получится настоящий шедевр, никто бы не поверил. Но Лотяну работает неистово: во-первых, он всегда так работает, во-вторых, у него опять появился предмет для вздыханий в лице дебютантки Гали Беляевой. Девушке предстоит пойти по стопам двух других недавних дебютанток, которые потом стали женами режиссеров, открыв им двери в большой кинематограф: Веры Глаголевой и Татьяны Друбич. Последняя, кстати, в те дни

стала студенткой вечернего факультета 3-го медицинского института. Это было странно, учитывая, что на тот момент Друбич была уже известна по главной роли в фильме «Сто дней после детства» и могла бы поступить во ВГИК, куда ее настоятельно звал сам Сергей Бондарчук. Но мама Татьяны захотела, чтобы ее дочь получила иную профессию. К тому же ее будущий муж режиссер Сергей Соловьев тоже не советовал поступать во ВГИК: говорил, что идти туда для нее дело бесполезное — все, чему там учат, у нее уже есть от природы.

В субботу, 13 августа, в Москве состоялся финальный матч за Кубок СССР по футболу между двумя столичными командами: «Торпедо» и «Динамо». Игра получилась интересной, изобилывала массой острых моментов, но завершилась с минимальным счетом 1:0 в пользу динамовцев (гол забил на 17-й минуте Казаченок). Однако финальная часть матча оставила у всех присутствовавших неприятный осадок. Виной всему были торпедовцы, которые внезапно сразу после финального свистка удалились в раздевалку, не пожелав остаться на церемонию награждения соперников Кубком. Так сильно расстроились.

В то время, как мужчины были озабочены футбольными страстями, их жены парились в очередях в «Детском мире». В те дни в этом магазине наблюдалось настоящее столпотворение: там продавали школьную форму. Однако досталась она не всем, поскольку швейное объединение «Старт» вместо заказанных 400 тысяч комплектов прислало только 250 тысяч. А поскольку форму продавали только в одном столичном магазине (как объяснит один чиновник, чтобы не распылять дефицитные размеры от 44-го до 48-го по всему городу(?)), можно себе представить, что творилось в залах магазина. Люди вынуждены были стоять в очередях по три-четыре (!) дня, вести специальные списки очередников. В не меньшем ужасе были и продавцы, на которых выпала дикая нагрузка, усугубляемая жарой, установившейся в те дни в Москве. Вообще такое понятие, как «очередь», утраченное ныне, в те годы было самым распространенным явлением.

В понедельник, 15 августа, композитору Микаэлу Таривердиеву исполнилось 46 лет. И надо же было такому случиться, что именно в тот день именинника сразил инфаркт. Про-

изошло это в тот самый момент, когда он пришел в больницу навестить своего отца. Ему стало плохо еще там, все время болела левая рука и за грудиной. Он позвонил своей жене Мире, и та предложила поехать в Бакулевский институт, который Таривердиев всегда старался избегать стороной — там умерла его мама. Но в этот раз он согласился. До института домчались на такси. У Таривердиева там работал знакомый врач, но в тот момент он был в отпуске. Однако коллеги врача не менее хорошо относились к Таривердиеву и тут же сделали ему кардиограмму. И буквально на глазах позеленели. «Да у него же обширный инфаркт!» — воскликнули они. Обернулись — а композитора уже и след простыл. Одевшись, он направился к такси, чтобы вернуться домой. Врачи бросились вдогонку.

Поймали Таривердиева уже у самого выхода и стали уговаривать его остаться хотя бы на трое суток. Композитор ни в какую. Но все решил таксист, который, наслушавшись этих разговоров, наотрез отказался везти композитора домой и умчался прочь. В это время прибежали два медбрата с носилками, чтобы погрузить на них композитора-инфарктника. Но тот лечь на носилки отказался. Тогда принесли стул, чтобы он хотя бы не стоял. Так он и добирался до лифта: на стуле, пешком, на стуле, опять пешком.

А теперь из Москвы перенесемся в Гагры. Один из местных жителей — Кеворк Сарьян (фамилия изменена) — задумал разом решить все свои финансовые проблемы, ограбив кассира СОУР-17. Будучи знакомым с работой этой организации, Сарьян давно заметил, как беспечно там обращаются с деньгами: в день зарплаты кассирша привозит деньги из банка одна либо в компании кого-нибудь из своих подружек. Искушение большими деньгами, лежащими буквально под ногами, было столь велико, что Сарьян решился на преступление. Правда, жар загребать он решил чужими руками. Познакомившись на пляже с двумя приезжими студентами — Сергеем Ляпкиным и Владимиром Левиным (фамилии изменены), — он именно им предложил осуществить ограбление. Когда те согласились, Сарьян пригласил их к себе на квартиру, дабы обсудить все детали предстоящего преступления. По его словам, опасаться налетчикам было нечего:

кассирша — слабая женщина, которую можно свалить одним ударом. Пути отхода обеспечит он, Сарьян, раздобыв в день ограбления автомобиль. Он же поможет им скрыться. «Короче, минимум риска — максимум денег», — закончил свою речь инициатор преступления. Ацию наметили на ближайшую зарплату в СОУР-17 — 9 сентября.

15 августа из Крыма в Москву вернулся Леонид Брежнев. Возвращаться из благодатного края в экологически неблагоприятную столицу генсеку жуть как не хотелось, но пришлось — работа заставила. Успокаивало одно: что возвращение обещало быть кратковременным. Брежневу надо было встретиться с прилетевшим в Советский Союз руководителем Югославии Иосипом Броз Тито и вручить ему орден Октябрьской Революции. И спустя четыре дня вновь отчалить на свою крымскую дачу.

Между тем в первой половине августа в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 15-го — киноповесть о семье потомственного рабочего «**День семейного торжества**» Бориса Халзанова с участием Игоря Ледогорова, Нины Ургант, Геннадия Сайфулина, Валентины Малявиной и др.; спортивная драма про футбол «**Такая она, игра**» Никалая Малецкого и Владимира Попкова с участием Степана Алексеенко, Вячеслава Жолобова, Георгия Жженова и др. Из новинок зарубежного кино назову японский боевик «**Опасная погоня**» и политическую драму «**Лихорадка на белой полосе**» (с 1-го).

Кино по ТВ: «Сажены» (1-го), «Гончарный круг» (2-го), «Человек в проходном дворе» (2—4, 6-го), «Шумный день» (4-го), «Приключения Толи Клюквина» (5-го), «Парад-алле», «Про Клаву Иванову» (6-го), «Сельская учительница», «Джентльмены, которым не везло» (премьера т/сп 7-го), «Освободительный фронт действует» (СФРЮ) (9—10-го), «Кошка на радиаторе» (премьера т/сп 10-го), «Рассказы о Кешке и его друзьях» (10—11-го), «Учитель», «Море студеное» (11-го), «Маленькие комедии большого дома» (12-го), «На руинах любви» (13-го), «Большая семья», «Семь стариков и одна девушка» (14-го), «Черная гора» (СССР—Индия), «Проверено — мин нет» (15-го) и др.

Из других передач выделю: «Кинопанорама», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (6-го), «Поет ВИА «Иверия» (10-го), «Артлото»

(12-го), «Клуб путешественников» (14-го, телезрители побывали в Комсомольске-на-Амуре, в Польше и на Ямайке).

Эстрадные представления: 3-го — в ГЦКЗ «Россия» выступала исполнительница романсов Галина Карева; 1—15-го — во Дворце спорта в Лужниках проходили выступления Московского балета на льду; 13-го — в ЦДСА выступал ВИА «Балтийские чайки»; 13—14-го на ВДНХ — Ирина Бржевская.

Подходят к концу съемки фильма «Трактир на Пятницкой» — осталось отснять всего лишь несколько объектов. 16 августа в 1-м павильоне «Мосфильма» снимали эпизоды из начала ленты: Аленка в гостях у Пашки Америки. Это там наивная девушка интересуется у парня, кем он работает, даже не предполагая, что он вор-карманник.

На съемках фильма «Сталкер», который Андрей Тарковский снимает под Таллином, с 8 августа был объявлен перерыв. Вызван он был тем, что Тарковский потребовал разобраться с тем, почему три четверти отснятого им материала оказались испорчены в лаборатории студии. После этого часть группы уехала в Москву, а часть осталась в Таллине и пустилась в жесточайший запой. Короче, настроение у киношников было самое преотвратное. Даже самые ярые приверженцы Тарковского в те дни стали сомневаться в его таланте, говорили, что его звезда закатилась.

Наверное, больше всех эту ситуацию переживал исполнитель главной роли Александр Кайдановский. У него эта роль была не первой, но сам он считал ее чуть ли не самой важной — ведь он снимался у самого Тарковского! И вдруг такой облом. Было от чего опустить руки. О его тогдашнем состоянии говорит хотя бы такой факт: однажды он ни с того ни с сего ударил кулаком по лицу своего друга Евгения Цымбала. А когда тот захотел дать ему сдачи, Кайдановский внезапно упал ему головой на грудь и стал... рыдать. При этом причитал: «Прости меня... понимаешь... если картину закроют, такого больше не будет никогда... никогда не будет такой роли... а я не могу сниматься у режиссеров глупее меня... И Андрея жалко».

Именно с Цымбалом они вдвоем угодили в милицию. Причем совершенно ни за что: сидели себе на травке возле гостиницы «Виру», как

вдруг возле них остановился милицейский микроавтобус, из которого выскочили аж восемь милиционеров. Не говоря ни слова, они заломили приятелям руки, защелкнули на них наручники и бросили в микроавтобус. Как выяснилось чуть позже, поводом к задержанию послужило то, что приятели сели отдохнуть аккуратно напротив дома, в котором жили члены ЦК Компартии Эстонии. Местные гэбэшники, охранявшие дом, увидев двух подозрительных субъектов — а выглядели друзья-киношники не самым лучшим образом: у Кайдановского было вытравлено белое пятно на голове, а Цымбал своей короткой стрижкой напоминал уголовника, — тут же позвонили в милицию. Те примчались буквально через несколько минут.

В отделении друзей обыскали, и, когда стало известно, что они имеют непосредственное отношение к кинематографу, милиционеры злорадно изрекли: «Ага! Артисты, мать вашу! Клоуны!!!» Кайдановский в ответ буквально взорвался: стал кричать, возмущаться тем, что их забрали незаконно да еще так хамски с ними обходятся. В ответ на это стражи порядка сгребли друзей в охапку и чуть ли не волоком потащили в «обезьянник». Первым туда втокнули Цымбала. Внутри «обезьянника» находились какие-то люди — судя по наколкам, уголовники. Один из них сказал то же самое, что и милиционеры: «Ага! Артисты! Клоуны» — после чего съездил Цымбалу по физиономии. Тот ответил тем же. Завязалась драка. Кайдановский стал орать, чтобы его друга оставили в покое, но тут наступила и его очередь попасть в «обезьянник». Но милиционеры просчитались. Кайдановского обуяла такая ярость, что он буквально смял своим напором уголовников. Вдвоем с другом они так отдубасили урок, что минуты через три трое из них были уже на полу в отключке, а оставшиеся двое стали громко кричать, что хулиганы их зрения лишают. Милиционерам пришлось вмешаться. Вытащив из камеры друзей, они втокнули их в другой «обезьянник». При этом один из стражей порядка с восхищением обронил: «А ничего деретесь!»

Между тем на этом приключения друзей-киношников не закончились. В камере, куда их втокнули, находился еще один человек — мужчина лет пятидесяти. Он спал, сотрясая камеру своим могучим храпом. Однако вскоре

храп внезапно сменился кашлем — мужик стал натурально задыхаться, покрываясь синими пятнами. Друзья подняли крик, требуя вызвать врача. Вскоре милиционер действительно привел женщину в белом халате. Она сунула мужику в нос вату с нашатырем и, когда тот очнулся, сказала: «Ничего, не подохнет». И ушла.

Вспоминает Е. Цымбал:

«Нас привели в дежурную комнату. Саша стал возмущаться — почему нас арестовали, почему так плохо с нами обращались — и даже пообещал пожаловаться. Тогда рассудительный лейтенант-эстонец прочитал нам протокол, из которого следовало, что восемь милиционеров осуществляли патрулирование, а мы набросились на них и принялись их избивать. Милиционеры в порядке самозащиты вынуждены были отразить нападение и задержать нас для выяснения личности. «Я не советую вам жаловаться, потому что мы можем составить такой же протокол о вашей драке в милиции, в которой вы избili пятерых последственных, причем одного из них удалось привести в себя только через одиннадцать часов...»

А теперь из Таллина перенесемся в Ереван. Там высокая комиссия из высших чинов МВД буквально роет носом землю в поисках похищенных из Госбанка денег. В ходе этого расследования вскрываются факты, один кошмарнее другого. Оказывается, в банке царил такой бардак, что, будь у преступников возможность, они могли бы похитить из хранилища не 1,5 миллиона рублей, а раз в десять больше. К примеру, незадолго до ограбления милицейский пост располагался аккуратно рядом с семинарской комнатой, откуда грабители проникли в хранилище, но затем этот пост перевели на первый этаж. Сама семинарская комната раньше была надежно защищена сигнализацией, но когда из нее сделали учебный класс, сигнализацию сняли. Не работала сигнализация и в самом хранилище, что вообще выходило за рамки всяческого понимания. Когда об этом спросили управляющего банком, он, не моргнув глазом, ответил: «Это не мое дело. Это дело моего заместителя или завхоза. Или самой милиции». Тогда его спросили: «А ваше дело какое?» — «Мое дело — это деньги считать!» — последовал ответ.

Между тем на след ереванских грабителей пытались напасть не только в Армении, но и в

России, в частности в Москве. Вот уже неделю, с тех пор как из Еревана поступило сообщение о дерзком ограблении, столичная милиция зорко следит за лицами кавказской национальности, надеясь, что в их руках обнаружатся купюры, похищенные в столице Армении. Утром 18 августа один из тайных агентов 6-го отдела МУРа обратил внимание на двух молодых армян, которые отирались у комиссионного магазина радиотоваров на Садово-Кудринской улице. Под видом «делового» агент подошел к армянам и поинтересовался: «Что ищем, ребята?» Те сообщили, что ищут человека, у которого можно приобрести дорогостоящий автомобильный магнитофон иностранной марки. «Грюндиг устроит?» — закинул удочку агент. «Канечна, дарогой», — ответили армяне. «Тогда встречаемся здесь же в три часа дня», — сообщил агент время и место встречи.

В назначенное время обе стороны встретились, и агент извлек на свет искомый магнитофон. «Вай, вай, какой красивый! — запричитали покупатели. — Сколько хочешь?» «Семьсот рублей», — последовал ответ. «Берем», — ответили армяне, даже не торгуясь. Тут же были отсчитаны семь сотенных и стороны разошлись, как будто и не знали друг друга. Однако армяне далеко уйти не смогли. Едва выяснилось, что в переданных ими деньгах значатся несколько купюр той самой серии АИ, которая фигурировала в похищенных из Ереванского банка деньгах, как их задержали муровцы. В отделении милиции, куда армян немедленно доставили, у них изъяли 10 500 рублей сотенными купюрами, часть из которых была серии АИ.

На вопрос, откуда у них эти деньги, армяне стали давать противоречивые сведения. Один из них сообщил, что деньги он снял с аккредитивов в сберегательной кассе в Москве, но когда его попросили назвать адрес кассы, ответил коротко: «Забыл». Его напарник тоже темнил: сказал, что деньги принадлежат ему и по его просьбе его товарищ обменял старые купюры на новые в Сухуми. Короче, задержанные юлили, как могли, и их решено было поместить в изолятор временного содержания ГУВД. Естественно, в камеру с «подсадными». Армяне оказались людьми не искушенными в сыщицкой науке и уже спустя час попросили одного из «подсадных», который «освобождался», позвонить по одному московскому телефону и

сообщить, что они находятся в ИВС. Сыщики этот телефон проверили. Выяснилось, что он принадлежит молодым супругам, проживавшим на Самаркандском бульваре, которые систематически пускали к себе жить за деньги лиц кавказской национальности. За квартирой было установлено скрытое наблюдение.

Тем временем продолжается подготовка к съемкам фильма «Женщина, которая поет». 17—18 августа в павильоне № 2 «Мосфильма» прошли репетиции с участием исполнителей главных ролей: Аллы Пугачевой и Владислава Дворжецкого. Ввиду загруженности Пугачевой длились они недолго — по два с половиной часа.

18 августа в комедии «По семейным обстоятельствам» снимали начальные кадры фильма: пробуждение молодоженов Игоря и Лиды, встречу Игоря с тещей в коридоре. Весьма идиллические кадры. Совсем иные сцены в тот же день снимались в другом фильме — «В зоне особого внимания». В местечке Бадтай (Литва) на пленку фиксировалось нападение десантной группы Тарасова на охраняемый мост.

19 августа в домашней студии Александра Зацепина Пугачева записала первые несколько песен для фильма. Эта запись впоследствии станет поводом к большому скандалу, который разведет в разные стороны композитора и певицу. А произошло вот что. Первоначально в фильме должны были звучать только песни Зацепина. Но Пугачева, которая к тому времени стала пробовать себя в качестве композитора, захотела, чтобы и ее песни тоже звучали в картине. Но объявить себя автором песен в открытую она побоялась и придумала вместе со своим мужем Стефановичем хитрый ход: они сочинили историю про безвестного, но талантливого композитора Бориса Горбоноса из Люберец, прикованного к инвалидному креслу. Правда, перед Зацепиным она все-таки открылась: «Александр Сергеевич, запишите мне, пожалуйста, четыре песни. Я их сама написала. Но выпустить их хочу под псевдонимом Борис Горбонос. Я ведь не член Союза композиторов, и под своим именем мне не разрешат их выпустить. Эти песни я хочу отдать на радио и петь в концертах». И Зацепин согласился, назначив на 19 августа первую запись (три других состоятся 22—24 августа). Он еще

не знал, что Пугачева эти песни пристроит не только на радио, но и в их совместный фильм. Впрочем, о дальнейшем развитии этой истории рассказ пойдет впереди, а пока продолжим знакомство с августовскими событиями.

Тем временем Владимир Высоцкий и Марина Влади находятся в Америке. В субботу, 20 августа, в Нью-Йорке они встречаются с поэтом Иосифом Бродским, уехавшим из Советского Союза несколько лет назад. Как пишет В. Новиков: «Посидели втроем в кафе, потом в маленькой квартире Бродского. Стихи Высоцкого он слушал внимательно, не обнаруживая собственных эмоций. Потом произнес что-то доброжелательное о рифмах, о языке — таким, наверное, и должен быть отзыв признанного мэтра. Сказал, что только что прослушанное гораздо сильнее, чем стихи Евтушенко и Вознесенского. Это Высоцкого не слишком обрадовало, ему такие вещи никогда не доставляют удовольствия. К тому же по части рифм и языка Евтушенко и Вознесенский не так уж слабы. Разница, наверное, все-таки в другом, но до вопросов философских с первого раза пока не дошли.

Потом Бродский прочел им собственное стихотворение, написанное по-английски, а на прощание подарил маленькую книжечку русских стихов с названием «В Англии». Такую же надписал для Миши Козакова и попросил передать ему в Москве. Марина считает, что встреча прошла замечательно и что отныне можно говорить: Бродский признал Высоцкого настоящим поэтом...»

Но вернемся на родину. Сыщики МУРа, которые следили за квартирой супругов с Самаркандского бульвара, пускавших к себе на постой кавказцев, 22 августа получили санкцию прокурора провести в этой квартире обыск. Длится он два часа и привел к неожиданным результатам. В стенном шкафу у супругов было обнаружено 15 900 рублей 100-рублевыми купюрами, часть из которых значилась в списке похищенных из ереванского банка. «Откуда деньги?» — спросили у супругов. «Постояльцы расплачивались», — ответили те. Тут же находился один из новых постояльцев супругов, который на вопрос, где он взял 100-рублевые купюры серии АИ, ответил, что обменял их на вокзале в Сухуми у какого-то земляка. Проверить его слова было нельзя, но и не ве-

рить ему сыщики тоже не имели права. В итоге супругов пришлось оставить в покое. Что касается двух задержанных ранее армян, с которых и потянулась цепочка, их тоже отпустили, поскольку у них было железное алиби: в момент ограбления банка их не было в Ереване.

Актер МХАТа Всеволод Абдулов в те дни был далеко от Москвы — в Баку, где снимался в детской сказке (играл роль доброго волшебника). 21 августа съемки эпизодов с его участием закончились, и Абдулов засобиравшись в Москву. Перед отъездом заехал на коньячный завод, где взял две канистры коньяка, фруктов, овощей и тронулся в путь. Однако по пути его ждало несчастье. 23 августа, когда Абдулов подъезжал к городу Ефремову Тульской области, у его автомобиля лопнуло переднее колесо. Машина пошла юзом, после чего сделала шесть (!) полных переворотов через капот. Спустя несколько минут, когда к месту аварии примчалась «Скорая помощь», Абдулова извлекли из искореженной машины и отвезли в хирургическое отделение Центральной районной больницы Ефремова. Сразу взяли пробу на алкоголь, но она показала отрицательный результат. Поставили диагноз: ушиб головного мозга средней тяжести с поражением правого полушария, закрытая травма черепа с подбололочным кровотечением, ушибленная рана в теменной области.

23—24 августа в фильме «По семейным обстоятельствам» снимали один из самых сложных эпизодов: монолог продавщицы (Людмила Зайцева). Помните, Галина Аркадьевна в поисках вариантов обмена своей квартиры приходит по объявлению в одну из квартир и выслушивает от ее хозяйки полный драматизма рассказ о ее беспредельной любви к мужу. Эта сцена, которая на первый взгляд совершенно не монтируется в ткань комедийного повествования, стала настоящим украшением фильма.

И вновь вернемся в Ереван, который вот уже несколько дней бурлит от слухов по поводу ограбления Госбанка. Пока высокая эмвэдэшная комиссия ищет хотя бы малейшие зацепки, которые могут привести ее к дерзким грабителям, те живут себе и в ус не дуют. В середине августа Николай и Феликс Галачяны обратились в мастерскую по изготовлению жестяных изделий, что возле колхозного рынка № 2, чтобы там им соорудили ящик из оцинкованной

жести. Когда через пару дней их заказ был выполнен, они сложили в этот ящик практически все похищенные деньги и спрятали его в тайник под досками пола в снимаемой Николаем квартире. После этого Николай вновь лег в больницу, где пробыл до 22 августа. Затем он выписался из нее окончательно, и они с Феликсом рванули развезаться в город Сочи. Перед отъездом Николай одарил своих родственников деньгами: сестре дал 2 тысячи рублей, матери — 1 тысячу.

А в Москве между тем продолжают курсировать деньги, похищенные из Ереванского банка. 25 августа в полдень неизвестный мужчина кавказской национальности вошел в магазин «Ожерелье», что на Пушкинской улице, 9, и пытался купить кольцо с бриллиантом стоимостью 1142 рубля. Однако кассирша, предупрежденная руководством, сразу обратила внимание, что деньги, которыми расплачивался кавказец, в основном новые, достоинством 25 рублей «похищенной» серии КГ. Бдительность-то женщина проявила, но в дальнейшем повела себя не самым лучшим образом: она слишком явно разволновалась и чуть ли не бегом бросилась в комнату, где сидел милиционер. Кавказец, естественно, это заметил и тут же ретировался. Найти его так и не удалось.

Точно такая же история случилась и на следующий день, 26 августа. Только в этом случае в качестве менялы выступал русский — молодой светловолосый парень. Около четырех вечера он зашел в магазин ОРС Речного пароходства, что на Ленинградском шоссе, 100, и попытался разменять в кассе 100-рублевую купюру из «похищенной» серии. И здесь кассирша обнаружила чрезмерное волнение, из-за чего парень убежал, оставив «стурублевку» в магазине.

В эти же дни ленинградские сыщики озабочены поисками убийцы, отправившего на тот свет 85-летнюю старушку. Преступление было совершено в середине августа в дачном поселке на отшибе города под названием Коломяги. Судя по всему, преступник пришел сюда отнюдь не для того, чтобы убивать, а всего лишь хотел пожить в домах дачников. Он залез в два таких дома, и везде ему сопутствовала удача — хозяева были в отъезде. Однако третий дом подкачал — в одном из его помещений типа чулана находилась старушка, которая, как

на грех, не спала. Услышав, как кто-то ходит по дому, она выглянула из своей конурки и тут же поняла, кого занесла нелегкая в ее жилище. Другая на месте бабушки сочла бы за благо притаиться, но эта оказалась не из робкого десятка. Она неслышно подкралась к грабителю и в тот момент, когда он запустил свою руку в сервант, вцепилась ему в волосы. Нападение оказалось настолько неожиданным, что вор в первые мгновения опешил и даже хотел дать деру. Но затем, увидев, кто перед ним, осмелел. «Ах ты карга старая!» — выругался он и оттолкнул хозяйку в сторону. В этот миг та закричала что есть мочи. Этот крик испугал преступника, и он, выхватив из своей сумки молоток, обрушил его на голову несчастной. Бил до тех пор, пока жертва не затихла.

Расправившись со старушкой, преступник продолжил начатый им до этого обыск. Длился он недолго, поскольку грабитель спешил. Но даже эта спешка не помешала ему затариться, что называется, под завязку: он прикарманил 300 рублей наличными и банку с металлическими юбилейными рублями (200 штук). Не побрезговал он также взять бутылку «Русского бальзама» в экспортном исполнении, пластмассовый женский браслет, выполненный под янтарь, и проездные талоны на такси. Грабитель оказался человеком нечитающим, иначе наверняка обратил бы внимание на дефицитную книгу, лежащую буквально на виду — на тумбочке в комнате. Это был роман Болеслава Пруса «Кукла», коим в те годы зачитывалось население (по нему еще поляки сняли одноименный фильм). Но книга была интересна не только этим: между ее страниц хозяева умудрились спрятать двадцать 25-рублевых купюр.

Милицию к месту преступления вызвал через час после убийства сожитель дочери погибшей, вернувшийся с работы. Сыщикам повезло: преступника засекала соседка из дома напротив, аккуратно в тот момент, когда тот покидал ограбленный дом. По словам соседки, это был длинноволосый шатен лет тридцати в модной замшевой куртке и ростом выше метра восьмидесяти. Правда, лица его соседка не увидела, но, как говорится, и на этом спасибо. Особую надежду сыскари возлагали на другое, а именно: на проездные талоны на такси, которых преступник похитил аж сразу 50 штук. Наверняка именно ими он и расплачивался, когда

покидал окрестности дачного поселка. Поскольку талоны были номерные и сдавались таксистами в бухгалтерию, была возможность обнаружить их через администрацию таксопарков. И ведь обнаружили!

Таксистом, который увозил преступника из Коломяг, оказался некто Андрей Борткевич, который когда-то тянул с душегубом срок на зоне. По его словам, кореш нанял его на полдня, чтобы съездить в Коломяги, а расплатился металлическими рублями и несколькими проездными талонами. Однако ни как звать этого кореша, ни где он живет, таксист не знал. Знал только его кличку — Артист. Но и этой информации оказалось вполне достаточно, чтобы через пару дней установить точное имя и место проживания убийцы. Это был Леонид Бойцов, живший с родителями на Московском проспекте. Правда, когда сыщики явились по указанному адресу, выяснилось, что парень вот уже неделю как не объявлялся в родном доме и где теперь обитает, неизвестно. Но оставим на время Ленинград и вернемся обратно в Москву.

В конце августа КГБ сумел установить личность человека, который с 1974 года шпионил в пользу ЦРУ — майор ГРУ Анатолий Филатов. Он работал в закрытом НИИ аналитики и на протяжении всего времени значился в числе лучших работников. Однако добытые контрразведчиками факты наглядно показывали, что именно этот человек на протяжении трех последних лет снабжал ЦРУ секретными сведениями оборонного значения. Чтобы пресечь этот канал утечки информации, Филатова было решено немедленно арестовать. Прodelано это было, что называется, без шума и пыли. Филатова попросили доставить пакет с документами по указанному адресу, где его ждала засада. Не успел предатель переступить порог дома, как на его руках защелкнулись наручники.

А теперь из Москвы перенесемся в польский город Сопот, где проходит очередной Международный фестиваль эстрадной песни. Впервые на нем проводится сразу два конкурса: для исполнителей стран — участниц Интервидения и конкурс певцов, представляющих фирмы грамзаписи. Советское телевидение впервые транслирует весь фестиваль: только в августовские дни трансляции из Сопота шли в течение трех вечеров — 26—28 августа. На мой

взгляд, по количеству шлягеров это был один из самых интересных фестивалей за все годы. Чего стоит хотя бы маленькое шоу, устроенное польской певицей Марьлей Родович, исполнившей песню Я. Ласковского «Разноцветные ярмарки», или хит от «Червоных гитар» «Не отдыхая», или задорная песня в исполнении английского дуэта «Липс». Короче, зрителям, собравшимся непосредственно в «Лесной опере» или у экранов своих телевизоров, было что послушать.

Между тем состояние Всеволода Абдулова продолжает оставаться тяжелым. Из Тульской областной больницы за ним специально приезжал врач Валерий Драбушев, чтобы перевезти к себе, но сделать это сразу не удалось — была опасность навредить больному. Это произошло только 29 августа, когда в состоянии Абдулова появилось некоторое улучшение. В Тулу, в нейротравматологическое отделение областной больницы в Глушанках, его доставили с помощью санитарной авиации. В карточке больного в те дни были сделаны записи: «Ведет себя неадекватно», «сознание затемненное».

Но вернемся обратно в Москву. 29 августа в оперативную группу УУР поступило сообщение от сотрудника Отдела спецслужбы МВД СССР, что некая гражданка Масолова, проживающая по 1-й Владимирской улице, несколько дней упоминала в разговоре с сослуживцами о том, что она видела в подъезде своего дома большое количество банковской упаковки для денег. Сыщики, которые вот уже больше месяца ищут грабителей Ереванского банка, тут же насторожились: а не их ли это клиенты? По указанному словоохотливой гражданкой Масоловой адресу была немедленно отправлена оперативная группа. Увы, но и эта ниточка оказалась ведущей в никуда. Как выяснилось в ходе опроса жильцов дома, банковскую упаковку в подъезде оставили отнюдь не грабители, а некая гражданка, которая, произведя уборку в помещении Гомеопатической поликлиники, где в тот день выдавали зарплату, принесла коробку с мусором в подъезд дома по 1-й Владимирской, чтобы выбросить в мусоропровод.

В эти же дни в Москве объявилась дерзкая шайка грабителей, во главе которой стоял некто Михаил Зацепин (фамилия изменена). Мечтая о красивой жизни, члены этой шайки (а их

было пятеро вместе с главарем) выбрали своим преступным промыслом квартирные грабежи. Первое их преступление было датировано 30 августа. В тот день Зацепин и двое его поделщиков — Чудаков и Коркин (фамилии изменены) — пришли на улицу Профсоюзная. В начале улицы они приметили дом, первый этаж которого был скрыт от проезжей части кустарником. Роли среди преступников были распределены следующим образом: главарь встал на шухере на углу дома, а его поделщики отправились непосредственно на дело. Подойдя к окну, они с помощью фомки взломали раму окна и проникли в квартиру. Пробыли они там около получаса, набив несколько сумок ценным добром на сумму 2637 рублей. И покинули место преступления тем же путем, каким пришли.

Тем временем во второй половине августа в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову две: детектив Иосифа Шульмана «**Всего одна ночь**» с участием Михаила Глузского, Владимира Новикова, Сергея Проханова и др., и мелодраму Степана Пучиняна «**Самый красивый конь**» с участием Олега Жакова, Саша Симакина, Евгения Жарикова, Леонида Куравлева и др. (оба — с 22-го).

Кино по ТВ: «Моя улица» (16-го), «Иркутская история» (17—18-го), «Смерть филателиста» (18-го), «Голубой патруль», «Истребители» (19-го), «Встречи с Аркадием Райкиным» (20-го), «Весна на Заречной улице», «Расскажи мне о себе» (21-го), «Двое в пути» (22-го),

«Пристань на том берегу», «Вероника» (23-го), «Вероника возвращается», «Большие перемены» (24-го), «Вот и лето прошло» (26-го), «Рассказ о простой вещи» (27-го), «Труффальдино из Бергамо» (премьера т/ф 27—28-го), «Высота», «Король манежа» (28-го), «Большая перемена» (29 августа — 1 сентября), «Цыплят по осени считают», «Вихри враждебные» (31-го) и др.

Эстрадные представления: 16—17-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты болгарской певицы Лили Ивановой; 19—26-го — в ЦПКиО имени Горького прошли концерты с участием Геннадия Хазанова, Ивана Суржикова, Нины Бродской, Геннадия Белова, Владимира Мигули, Марии Кодряну и др.; 20—25-го — в Ждановском ПКиО выступал молдавский ВИА «Оризон»; 20—26-го — в саду «Эрмитаж» выступал мим Александр Жеромский; 25—27-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Рината Ибрагимова, Маргариты Вилцане, Ояrsa Гринбергса и др.; 30—31-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали Лев Лещенко, Галина Ненашева и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю миньон ВИА «**Поющие сердца**», на котором ансамбль из Ленинграда среди прочих исполнял и шлягеры шведского квартета «АББА», но на русском языке: «Ты всегда другая» и «Танцующая королева». Кроме этого, на миньоне звучали песни: «Ты мне больше не звони» (В. Векштейн — И. Кохановский) и «О, как я люблю» (Д. Арель — С. Мейер, И. Кохановский).

1977

Сентябрь

Из школы — в ПТУ. КГБ разоблачает очередного шпиона. Высоцкий в Харькове. Клара Новикова вышла замуж. Награды фестиваля в Сопоте. Кто родился у Кобзона? Дочь Сахарова покидает родину. Закончились съемки фильма «Трактир на Пятницкой». Елена Коренева: отравление грибами. В Москве проходит секретная операция «Ереван». Начались съемки фильма «Женщина, которая поет». Блуждающий форвард. Как нашли убийцу. Вор в домашних тапках. Как Александр Абдулов сделал предложение Ирине Алферовой. Черные дни актера Валентина Зубкова. Агент ЦРУ пробрался в советский МИД. Трагедия в горах Южного Домбая. В Москве объявился очередной маньяк. Высоцкий навещает друга в больнице. Новая жертва маньяка. Самоубийство родственника Сахарова. Столичный «Спартак» рвется в высшую футбольную лигу. НЛО над Петрозаводском. Удачный дебют обновленной сборной СССР по хоккею. Закат «Артлото». Михаил Горбачев с женой колесят по Франции. Алла Пугачева про Софию Ротару. Как киношники поздравляли Цвигуна. Как Валентина Титова «изменила» мужу. Цензоры против фильма «Ошибки юности». Как помирились Любимов с Эфросом. Съемки «Сталкера» остановлены.

В четверг, 1 сентября, миллионы советских учащихся вернулись в учебные классы: кто в школы, кто в институты. Ваш покорный слуга переступил порог профессионально-технического училища (ПТУ) № 56, что возле метро «Коломенская», чтобы через три года получить профессию монтажника связи. Попал я туда отнюдь не по призванию, а токмо по велению сложившихся обстоятельств — из-за переезда на новое место жительства. Однако первоначально в мои планы входила отнюдь не учеба — я мечтал начать вкалывать на каком-нибудь производстве, чтобы зарабатывать «мани-мани». Примером в этом для меня был мой старший товарищ Валера Якушев, который вот уже год как работал учеником мастера на часовом заводе и зарабатывал 60 рублей. Для 16-летнего подростка это были приличные деньги. Я тоже загорелся желанием достичь такого же благосостояния и подбил отца съездить со мной на Таганку, на часовой завод. Однако мастер, вышедший к нам в проходную, быстро сбил с меня спесь: он сообщил, что взять меня учени-

ком может только при наличии крайних обстоятельств (например, при отсутствии кормильца в семье, что было в случае с моим другом — он рос без отца). А поскольку у меня в семье все благополучно, мне надо не о работе думать в мои юные годы, а продолжать учебу дальше. Поэтому я купил в киоске толстый grosбух под названием «Куда пойти учиться» и после долгих поисков выбрал упомянутое ПТУ. И хотя в те годы к учащимся подобного рода учреждений отношение было не самое благожелательное (считалось, что в ПТУ идут одни школьные отбросы), меня это нисколько не смущало. К тому же со своими друзьями из школы № 325 я отношений не прерывал и чуть ли не каждые выходные мотался из Орехово-Кокосова на Казаковку.

2 сентября в Москве КГБ осуществил очередную операцию против окопавшихся в столице цэрэушных агентов. Эти агенты должны были передать очередные материалы майору ГРУ Анатолию Филатову, которого несколько дней назад КГБ благополучно арестовал. Но в

ЦРУ этого не знали. В ту пятницу контейнер для Филатова должен был оставить у объекта «Река» (поворот под мостом на Костомаровской набережной) 30-летний работник американского посольства Винсент Крокетт. Вместе со своей женой Бекки он должен был выехать из посольства на машине, направляясь якобы за покупками, покрутиться по городу, после чего, ближе к вечеру, свернуть на набережную. В момент поворота под мостом Крокетт должен был выбросить из окна автомобиля контейнер, закамouflированный под камень, и удалиться. Филатову надлежало пройти под мостом спустя несколько минут. Короче, цэрэушниками все было рассчитано до мелочей. Но КГБ переиграл противника.

В тот момент, когда Крокетт подъезжал к мосту, в его окрестностях дежурили аж 8 групп захвата. Чекисты расположились на самом мосту и в его окрестностях. В эфир никто из них не выходил, поскольку у Крокетта мог быть с собой специальный прибор для прослушки эфира. Далее послушаем рассказ Л. Сергеева:

«Крокетт ехал небыстро. Когда автомашина проезжала мимо осветительного столба, сразу после того, как набережная делает крутой поворот, Бекки по команде мужа выбросила из окна автомашины по направлению к забору контейнер. А затем машина словно получила дополнительные лошадиные силы. Набрав скорость, она понеслась по Костомаровской набережной до развилки, ведущей к улице Чкалова. Крокетту и его жене казалось, что дело сделано, что все неприятности остались позади. Американскому разведчику не пришла в голову никакая тревожная мысль, даже когда он увидел поднятый светящийся жезл сотрудника ГАИ. «Наверное, превысил скорость», — подумал Крокетт, спокойно протягивая свои водительские права. Но случилось непредвиденное — последовала не очень приятная процедура, которая происходит с людьми, пойманными с поличным в шпионском деле. Трудно отрицать, что контейнер не твой, когда сиденье автомобиля, платье жены и ее руки вымазаны мазутом; что можно сказать, если находят специальную радиоаппаратуру, а из уха выпадает миниатюрный наушник; как оправдаться, если все шпионские атрибуты налицо. Неудачливый разведчик пытался, правда, имитировать «дипломатический инци-

дент». Потрясая рукой, кричал, что его кто-то укусил в ладонь: «Смотрите, у меня кровь, а я американский дипломат». Крокетт осмотрел специально приглашенный врач. Оказалось, что рана на ладони у него действительно имеется. Правда, давняя, полученная Винсентом при тушении пожара в посольстве США. При задержании он сорвал повязку и расковырял болячку для пущей «драматичности». А вот жена Крокетта, Бекки, даже стала кусаться. Следы ее зубов еще долго оставались на руке одной из понятых, присутствовавшей при задержании...»

Владимир Высоцкий, который в конце августа вернулся из заграницы (он присутствовал на кинофестивале в Монреале), практически сразу отправился на гастроли. В субботу, 3 сентября, он давал несколько концертов в Харькове. Конферировал на них Николай Тамразов, который впоследствии станет сопровождать Высоцкого во многих его гастролях. Однако в тот первый раз их общение едва не завершилось скандалом. Началось же все с невинного вопроса Тамразова к Высоцкому, как того объявлять. Артист попросил сделать это коротко: «Поет Владимир Высоцкий». Но Тамразов решил повыпендриваться и произнес перед зрителями напыщенную речь: «А теперь все оставшееся время вы проведете с тем, ради которого вы сюда пришли... Для вас поет артист, поэт, композитор...» И все, что мог Высоцкий, конферансье возвел в ранг самых больших эпитетов и громких звучаний! Причем не сказал, а буквально прокричал свой монолог, поскольку дело было во Дворце спорта. Когда Высоцкий вышел на сцену, его взгляд буквально испепелял Тамразова. Однако затевать скандал перед выступлением он не стал, решив сделать это чуть позже.

Отыграв концерт, Высоцкий нашел за кулисами Тамразова и зло его спросил: «Слушайте, вы!.. Мы ведь договорились, как меня объявлять?! Так какого же...» — дальше шел набор ненормативной лексики. Короче, конферансье был осажен. Далее послушаем рассказ самого Н. Тамразова:

«Следующий концерт в этот же день. Я снова на сцене:

— Нас частенько спрашивают: волнуется ли артист перед выходом? Если артисту есть что сказать — то волноваться необязательно, а если нечего — то волноваться все равно беспо-

лезно. Возьмем, к примеру, меня — у меня всегда есть что сказать. Сейчас скажу три слова — и будут аплодисменты, будет успех. Итак, три слова: «Поет Владимир Высоцкий!»

Зал грохнул аплодисментами. Володя выходит. Я, не обращая на него внимания, раскланиваюсь... Володя стоит, смотрит. Поворачиваюсь к нему:

— Володя, смотрите, как меня не хотят отпустить! Какой успех у меня сегодня!

Смотрю — он заулыбался. Ну, слава богу, кажется, «попадаю»... Я говорю:

— Товарищи зрители! Ну я же не бдин здесь... Есть еще Высоцкий! Давайте послушаем его. А вдруг у него тоже есть что сказать...

Я понял, что ему это понравилось, потому что в конце концерта он поднял руку и сказал свою любимую фразу:

— Поберегите ладошки — детей по головам гладить. А потом добавил: — А теперь давайте послушаем Тамразова — у него всегда есть что сказать...»

В тот же день, 3 сентября, известная юмористка Клара Новикова вышла замуж за журналиста журнала «Юность» Юрия Зерчанинова. Как мы помним, их знакомство состоялось в конце 1975 года, когда Новикова была еще замужем за первым мужем. Но тот сильно поддавал, к тому же жил в Киеве и не хотел, чтобы его жена делала себе карьеру в столице. Короче, по многим вопросам они смотрели на жизнь иначе. В итоге Новикова увлеклась журналистом, и в январе 77-го у них родилась дочка Маша. Кстати, ее они тоже взяли с собой в загс. Это было летом, когда они все втроем отдыхали в пансионате издательства «Правда». Но в загсе внезапно выяснилось, что невеста забыла прихватить с собой паспорт, и бракосочетание было отложено на сентябрь.

Вспоминает К. Новикова:

«К тому времени мы в Москву возвратились, и я Маше платьишко такое сшила — она как ангелочек была. А когда регистраторша принялась попрекать нас — дескать, дурной пример показываем другим молодоженам, я попросила ее показать закон, который запрещал бы детям присутствовать при бракосочетании своих родителей.

Это ее озадачило, а когда свидетелей наших увидела, то окончательно смягчилась. С моей стороны была Аня Дмитриева, которая пришла

со своей дочерью Мариной, а Юра, как обычно, игру затеял — с его стороны был не только свидетель, Петр Фоменко, но и дублер свидетеля, Аркадий Арканов...»

Вечером того же субботнего дня (21.00—23.00) ЦТ транслировало заключительный концерт фестиваля эстрадной песни в Сопоте. Для советских исполнителей он запомнился не с самой лучшей стороны — они были удостоены лишь утешительных призов. Так, Роза Рымбаева и Владимир Мигуля получили награду Польского комитета по ТВ и радиовещанию. Рымбаева также была награждена призом как самая молодая участница конкурса. Единственной нашей удачей можно было считать Главный приз «Янтарная антенна» в конкурсе на лучшую развлекательную передачу ТВ (он проходил впервые), которого удостоилась передача советского ТВ «Бенефис Ларисы Голубкиной» (реж. Е. Гинзбург).

Между тем основные призы сопотского фестиваля достались следующим исполнителям: Главный приз Интервидения — Гелена Вондрачкова (ЧССР) за песню И. Грабеца «Разукрашенный кувшин», 1-я премия Интервидения — Фара Мария (Куба) за песню Т. Русева «Воспоминания о далеком путешествии», 2-я — «Червоны гитары» (Польша) за песню С. Краевского «Не отдыхая», 3-я — Лили Иванова (Болгария) за песню М. Штерева «Хризантемы», приз зрительских симпатий Интервидения — Марыля Родович (Польша) за песню Я. Ласковского «Разноцветные ярмарки». Главный приз конкурса грамзаписи достался Здиславе Соснишкой (Польша), 1-я премия — Айле Альган (Турция), 2-я — дуэту «Липс» (Англия), 3-я — Марии Кристине Мартинес (Куба).

И вновь вернемся на родину. 4 сентября артистка оригинального жанра Галина Глотова-Винберг родила девочку, которая получила красивое имя Виктория. Мужем роженицы на тот момент был ее же партнер по жанру (они танцевали в дуэте) Альберт Винберг, однако, по словам Глотовой, дочку она родила не от него, а от... известного певца Иосифа Кобзона. Как мы помним, судьба свела их в конце прошлого года на гастролях в Прибалтике, и там же между ними вспыхнул мимолетный роман, результатом которого и стало рождение Виктории. Во всяком случае, так будет утверждать

сама Глотова: «Когда я поняла, что беременна, то позвонила Кобзону. Он сказал: «Ну рожай, если хочешь». А я рожать не хотела. Но что делать, когда концерты идут два раза в день! Так и каталась на роликах аж до седьмого месяца. Девочка родилась в сентябре. Я и имя ей дала то, которое Кобзону нравилось, — Виктория. А выйдя из роддома, послала Кобзону сообщение через нотариальную контору — мол, ты стал отцом. Но он ничего не ответил...»

5 сентября КГБ торжествовал очередную победу: только на этот раз связана она была не с поимкой очередного шпиона, а с отъездом из Советского Союза в Италию дочери Андрея Сахарова Татьяны, которая покидала родину вместе с двумя детьми и мужем. Этот отъезд был прямым итогом многомесячного давления на Сахарова и его родственников со стороны КГБ. Как мы помним, на Татьяну даже пытались давить через судебные органы, переведя ее из категории свидетелей по делу ее свекрови в разряд обвиняемых. Это событие стало последним толчком к тому, чтобы дочь Сахарова решила покинуть родину. Вместе с ними в Рим летела и жена академика Елена Боннэр, но ею двигала иная причина — она собиралась долечиться в глазной клинике, после чего должна была вернуться на родину. А Татьяна с семьей через три месяца уедут в США.

5—6 сентября на съемочной площадке фильма «По семейным обстоятельствам» снимали эпизоды из финала фильма: в летнем кафе. Помните, Изольда Тихоновна (Евгения Ханаева) приходит туда вместе со своим женихом-грузином (Бухути Закариадзе), а там оказывается кто-то из земляков жениха и делает широкий жест: присылает им бутылку дорогого коньяка. Жених отправляется на поиски дарителя, чем вызывает явное неудовольствие строгой Изольды Тихоновны.

Режиссер Александр Орлов продолжает подготовку к съемкам фильма «Женщина, которая поет». До начала съемок остается всего лишь несколько дней, а все еще не найден один из главных мужских персонажей — муж певицы Анны Стрельцовой (в этой роли должна сниматься Алла Пугачева). За эти полтора месяца было просеяно несколько кандидатур, в результате остались две: Олег Янковский и Александр Хочинский. 5 сентября на «Мосфильме» состоялась их решающая проба, после

чего худсовету предстояло отобрать наиболее приемлемую. На следующий день худсовет решил: быть Хочинскому. Именно с ним 7—8 сентября Алла Пугачева отыграет несколько пробных сцен. Всем понравится.

Во вторник, 6 сентября, снимали заключительные кадры фильма «Трактир на Пятницкой». Съемки проходили на одной из платформ Рижского вокзала. Туда был подогнан железнодорожный состав 20-х годов, на котором по сюжету должны были уезжать Пашка Америка и его возлюбленная Аленка. Заскочив на подножку уезжающего поезда, Пашка просит начальника угро Климова позаботиться о беспризорном мальчишке, обитающем на углу Пятницкой и Клементовского переулка. Того, который имеет привычку приговаривать «гражданин-товарищ-барин».

Съемочная группа другого фильма — «Сибиряда» — находится в эти же дни в экспедиции — в Томске, куда она прибыла еще 21 августа. Там снимаются эпизоды 3—4-й серий. Так, 3—4 сентября в естественных интерьерах одного из бревенчатых домов снимались эпизоды из объекта «изба Таи» с участием Никиты Михалкова и Людмилы Гурченко. А три следующих дня группа работала над куда более массовым эпизодом — проводы новобранцев на фронт. Среди провожающих была все та же Тая, только более юная (ее играла Елена Коренева), у которой среди новобранцев был жених (Евгений Леонов-Гладышев). В съемках эпизода участвовало до полутора сотни человек, избравших новобранцев и деревенских жителей. В качестве плавсредства, увозившего солдатиков от родимого порога, фигурировал теплоход «Томич». Сцену предполагалось снимать в два захода: сначала — общий план, Тая стоит в толпе и вырывается вперед в тот момент, когда теплоход двигается с места. Затем девушка бежит вдоль берега с криком «Алеша!», но вскоре падает на прибрежный песок.

Как вспоминает сама Коренева, первый день прошел без проблем, он был примерочным, и от нее мало что требовалось. Отснявшись в своих эпизодах, она была в прекрасном настроении и не спешила покидать съемочную площадку, общаясь с другими членами группы. В итоге через полчаса ее ненароком прибило к ассистенту режиссера, который держал в руках тарелку с аппетитными грибами. Здесь стоит

отметить такой факт: в первые же дни пребывания киношников в этих краях им настоятельно рекомендовали не есть здешние грибы, поскольку была опасность радиоактивного заражения (поблизости находилась закрытая воинская часть). Однако грибов в лесах было такое количество, что соблазн употребить их в пищу у киношников был огромный. Поэтому многие из них игнорировали запрет и практически каждый вечер совершали вылазки в лес — по грибы. В числе этих «грибников» был и ассистент режиссера. Он уже собирался отправить первую ложку аппетитных даров леса в рот, когда перед ним нарисовалась Коренева. Ассистент поступил как истинный джентльмен: первую ложку он предложил отведать молодой актрисе. Знай он, да и она тоже, чем это впоследствии обернется, наверняка бы бежали от этих грибочков куда-нибудь подальше.

Вечером того же дня Коренева попарилась в баньке, после чего вернулась в гостиницу и легла спать. Однако уже через час вынуждена была проснуться от резкой боли в желудке. Поднявшись, актриса обнаружила, что ее бьет сильный озноб. Взглянув на себя в зеркало, Коренева отшатнулась от собственного изображения: на нее смотрела незнакомая девушка с бледным лицом и лиловыми губами. Сомнений не оставалось: она отравилась грибами. С трудом перебирая ногами, актриса отправилась в номер к Михалкову-Кончаловскому, с которым ее некогда связывали романтические отношения. Тот, несмотря на поздний час, встретил ее без упреков. Более того, он в течение нескольких часов колдовал над девушкой, ставя ей клизму (режиссер всегда возил ее с собой, поскольку увлекался голодовками).

Утром Кончаловский вызвал врача, который сообщил, что у девушки случилось тяжелое отравление, но манипуляции с клизмой сделали свое дело — опасность более тяжелых последствий миновала. Он сделал Кореневой укол и прописал постельный режим. «До завтрашнего утра не вставайте», — сказал доктор и удалился. Но соблюдения режима не получилось. Отоспавшись в теплой постели, Коренева вскоре проснулась и решила пройтись по номеру. На режиссерском столе она заметила кучу открыток, которые были исписаны ров-

ным женским почерком. Текст в них был сплошь любовный. И хотя романтические отношения между актрисой и режиссером давно уже были достоянием прошлого, в Кореневой разыгралась ревность. Когда Кончаловский вернулся в номер и предложил ей остаться еще на несколько дней и сниматься, когда она выздоровеет, Коренева это предложение отвергла. «Доснимусь в ближайшие дни и уеду», — заявила она. И слово свое сдержала. 7—8 сентября Коренева отснялась в эпизоде проводов и тут же улетела в Москву.

В эти же два дня на другой съемочной площадке — фильма «В зоне особого внимания» — снимали эпизоды, где противник загоняет десантную группу Тарасова в болото и предлагает сдать. Десантники же упорно ищут лазейку, чтобы выбраться из ловушки. А по мегафону им методично предлагают сдать, обещая взамен теплый кров, одежду и радушное гостеприимство.

Продолжаются поиски преступников, ограбивших Ереванский банк. Похитив 1,5 миллиона рублей, грабители некоторую часть этих денег уже пустили в оборот, из-за чего деньги стали всплывать в самых различных городах Союза. Так, в конце августа эти деньги поставили на уши московскую милицию, а теперь добрались и до города Запорожье. 8 сентября в тамошнем ювелирном магазине «Жемчуг» некий кавказец попытался купить золотое кольцо с бриллиантом стоимостью 8600 рублей. Бдительная кассирша обратила внимание, что часть купюр принадлежит к «похищенной» серии. В отличие от своих московских коллег, которые были плохими артистами, эта сумела достаточно достоверно разыграть перед покупателем небольшой спектакль и убедить его подождать, пока покупку как следует не упакут. А пока кавказец ждал, кассирша сбегала за милиционером. В результате покупатель был задержан. Но и эта ниточка оборвалась, едва появившись. Кавказец сообщил, что деньги эти обменял в поезде в начале сентября у какого-то земляка. Он описал его внешность, но найти этого человека так и не удалось.

Московская милиция тоже не сидела сложа руки. Вот уже месяц, как чуть ли не ежедневно в места возможного появления ереванских грабителей или их пособников — в основном возле крупных магазинов — направлялось 138

оперативных групп, в которые входили 318 сотрудников милиции. С 6 по 9 сентября в столице была проведена секретная операция под кодовым названием «Ереван», в которой было задействовано 128 милиционеров и несколько десятков тайных осведомителей. Было перекрыто 40 ювелирных, мебельных и комиссионных магазинов, скупок и центральных универмагов. В ходе операции были привлечены к уголовной ответственности (по статье 144 ч II УК РСФСР) 10 человек, выявлено 41 лицо, прибывшее из республики Закавказья, на руках которых находилось 9650 рублей аналогичных серий, что были похищены из Ереванского банка. Однако напасть на след самих грабителей так и не удалось.

Между тем в пятницу, 9 сентября, в 9 часов утра начались съемки фильма «Женщина, которая поет». Съёмочной площадкой для киношников в тот день стала территория Останкинского телецентра. Перед началом съемки, как и положено, была разбита тарелка — на удачу. Осколки тарелки разобрали себе участники съемок. Работа продолжалась до семи вечера и была весьма плодотворной: за 10 часов были отсняты несколько важных эпизодов с участием Аллы Пугачевой (ее ежедневная ставка — 40 рублей).

А теперь перенесемся в Гагры, где в ту пятницу, 9 сентября, произошло ограбление кассира СОУР-17. Как мы помним, это преступление задумал житель города Кеворк Сарьян, который в качестве исполнителей нашел двух студентов — Сергея Ляпкина и Владимира Левина. В назначенное время те должны были поджидать в условленном месте сигнала от Сарьяна: его человек должен был произнести студентам пароль из двух слов «автобус выехал». Это означало, что кассирша получила деньги в банке и едет в СОУР-17.

Ограбление было разыграно как по нотам. Отследив, как кассирша Семенюк получила в банке деньги, Сарьян поспешил оповестить об этом подельников. Но сделал это не сам, а с помощью своего приятеля Артура Кешаяна (фамилия изменена). Артур в тот день собирался встретить на вокзале свою девушку, приехавшую из Москвы, и согласился помочь Сарьяну. Тем более что просьба была пустячной: надо было подъехать к двум приезжим студентам, которых Кешаян знал (он помог им

снять комнату у своей родственницы), сказать им, что «автобус выехал», и довести до ресторана «Космос». Делов-то. Однако знай Кешаян, что это «пустячное дело» упечет его за решетку на долгие годы, бежал бы от студентов куда глаза глядят. Но кто же знает заранее, как сложится его судьба? Короче, Кешаян сделал все, как его просили: сказал про автобус, посадил студентов к себе в автомобиль и повез к ресторану. Однако по дороге, возле пансионата «Солнечный путь», студенты вдруг попросили водителя тормознуть. «Нам надо с другом встретиться, — объяснили они свою просьбу. — Это недолго — минут десять». Поскольку время в запасе у Кешаяна еще было, он согласился. Тем более что студенты пообещали щедро с ним расплатиться.

Сойдя у пансионата, студенты отправились не к другу, а напрямик к зданию СОУР-17, куда вот-вот должна была прибыть машина с кассиршей. Они успели вовремя: спустя три-четыре минуты кассирша действительно объявилась, держа в руках потрепанный портфель, в котором находилось 33 929 рублей наличными. Нападение заняло меньше минуты. Один из преступников подскочил сзади к женщине и, ударив ее два раза короткой металлической трубой по голове, выхватил портфель и бросился наутек. Через пять минут они уже были в машине Кешаяна, который взял курс к ресторану «Космос».

В тот же день 9 сентября в «Комсомольской правде» появилась заметка из разряда разоблачительных — «Блуждающий форвард». Героem ее стал 27-летний футболист Анатолий Шепель, который за последних три года успел сменить сразу три клуба: одесский «Черноморец», киевское и столичное «Динамо». Шепель был талантливым футболистом: он дважды становился чемпионом СССР (в 74-м с киевским «Динамо» и в 76-м — со столичным), выиграл Кубок СССР в 74-м. Даже сыграл один матч за национальную сборную страны. Мог бы и дальше поживать на лаврах, но, видимо, слава вскружила ему голову. В августе 76-го, будучи вместе со своими одноклубниками по столичному «Динамо» проездом в Киеве, он отпра-сился на пару дней навестить свою больную жену, но вместо этого пропал аж на 45 дней. Видимо, рассчитывал, что ему, как звезде, все сойдет с рук. Не сошло. Когда он вернулся об-

ратно, одноклубники указали ему на дверь, обвинив в неуважении к коллективу и рвачестве. В доказательство последнего приводился такой факт: Шепель продал обе свои «Волги», которые ему помогло купить руководство команды — одну через пять, другую через четыре месяца после покупки. Я уже отмечал, что по меркам того времени подобного рода публикации в центральной прессе могли поставить крест на карьере любого человека. Не стал исключением и герой заметки «Блуждающий форвард». После нее Шепель в течение года не мог устроиться ни в один из клубов высшей лиги, пока тот же «Черноморец», где он когда-то играл, не взял его обратно. Но особенных лавров футболист там уже не снискал и через год ушел на тренерскую работу.

Продолжается следствие по делу об убийстве Лели Ведниковой. Как мы помним, следствие выделило трех лиц, на которых падало подозрение в этом преступлении: кавалер покойной Черемных, сожитель ее родной сестры Стогов и бывший ученик вокального класса ее матери Михнюк. Первым отпал Черемных. Следователь Петрушин выяснил, что тот хоть и находился в день убийства Ведниковой в Москве, но был совершенно в другом месте. Со Стоговым ситуация выглядела несколько иначе. При проверке его алиби выяснились любопытные подробности. Оказывается, обнаружив Ведникову мертвой, он не покинул ее квартиру, а, позвонив жене, стал дожидаться ее прихода на месте преступления. А когда та пришла, они достали из тайника в матрасе ключ от сейфа и выпотрошили его подчистую. После чего позвонили в милицию. Ушлую семейку удалось разоблачить, после того как в одной из скупок были обнаружены драгоценности, которые Стогов сдал на продажу.

И, наконец, Михнюк. Этот долго водил следствие за нос, пока на одном из допросов не сломался и рассказал все, как было. Про то, как проиграл 2 тысячи рублей на бегах, как умолял Ведникову отдать ему любую из своих драгоценностей, а когда та указала ему на дверь, убил ее, ударив гирькой от часов по голове. И ведь ничего с этого убийства не помел, поскольку так и не смог найти ключ от сейфа, где хранились драгоценности.

В те же дни в Москве был разоблачен еще один преступник, правда, куда более миролю-

бивый. Да и само его задержание было больше похоже на эпизод из комедии. Судите сами. Этот злоумышленник оказался квартирным вором, который среди бела дня забрался в одну из богатых квартир на Калининском проспекте. Содержимое шкафов этого жилища вору настолько понравилось, что он немедленно облачился в одежду хозяев: надел цивильный костюм, брюки, а ноги просунул в домашние тапочки. И в этот самый момент в квартиру вернулась хозяйка. Увидев постороннего да еще облаченного в одежду ее благоверного, женщина подняла дикий визг, который явно не входил в планы преступника. Оттолкнув кричавшую хозяйку в сторону, вор стремглав бросился вниз.

Вполне возможно, преступнику так и удалось бы остаться безнаказанным, если бы не маленькая оплошность: он забыл на месте преступления свои туфли и теперь вышагивал по оживленному Калининскому проспекту в домашних тапочках. Согласитесь, зрелище странное: мужчина в костюме с иголки и в тапках. Именно поэтому на него и обратил внимание страж порядка из 122-го отделения милиции Анатолий Сидоров. «Гражданин, минуточку, — обратился милиционер к странному прохожему. — Разрешите взглянуть на ваши документы». Мужчина в тапках протянул милиционеру свой паспорт. Сидоров сразу обратил внимание на то, что печать в документе какая-то размытая, да и фотография наклеена косо. «Прошу пройти в отделение», — сказал милиционер и уже хотел указать задержанному направление, куда следовало идти, как тут произошло неожиданное. Мужчина ударил стража порядка кулаком в лицо и бросился бежать. Бежал он резво. Вполне возможно, от погони он бы скрылся, не допусти промашку: решив поберечь свои ноги, вор заскочил в первый же автобус. А тот долго не отправлялся. В итоге страж порядка успел заскочить на подножку автобуса в тот момент, когда тот уже трогался. Преступник оказался в ловушке.

А в Гаграх люди всю обсуждают недавнее нападение на кассиршу СОУР-17. У этого преступления оказалось несколько свидетелей, которые хорошо видели нападавших и сумели описать сыщикам их приметы. По их словам, их было двое, это были молодые люди лет 20—25. Один из них был высокого роста, худо-

щавый и с длинными волосами на голове, другой наоборот — коротко стрижен, пониже ростом и с рыжей бородкой. Артур Кешаян был в курсе этих слухов и сразу понял, кого именно он подвозил в тот злополучный день к пансионату. Ему бы сразу явиться в милицию и чисто-сердечно обо всем рассказать, но он струсил. Подумал, что в таком случае его вполне могут обвинить в соучастии и упечь за решетку. На самом деле максимальное, что ему грозило — прохождение по делу в качестве свидетеля. В результате парень, что называется, огребет на полную катушку. Когда спустя месяц преступников все-таки вычислят и задержат, они расскажут о том, кто именно подвозил их к месту преступления. Кешаяна обвинят в недоносительстве и осудят на 9 лет тюрьмы. Такой окажется расплата за проявленное им малодушие. Но вернемся в сентябрь 77-го.

Столичный Театр им. Ленинского комсомола в те дни находился на десятидневных гастролях в Ереване (с 4 сентября). Он привез туда 7 спектаклей из которых один премьерный — «Парень из нашего города». Одну из главных ролей в нем — Варю — играла Ирина Алферова. На тот момент актриса хотя и снялась в нескольких фильмах (ее дебют — роль в фильме «Учитель пения», 1973), однако пока была еще малоизвестна широкому зрителю, поскольку ее звездная роль — Даша из телесериала «Хождение по мукам» — до широкого экрана еще не дошла. Зато Алферова уже была известна в киношных кругах как одна из самых ослепительных выпускниц ГИТИСа (закончила его в 72-м).

Придя в Театр им. Ленинского комсомола в начале 77-го, Алферова сразу же обратила на себя внимание первого красавца отечественного кинематографа Александра Абдулова, сердце которого на тот момент было свободным. Их роман развивался стремительно. Во время ереванских гастролей Абдулов сделал Алферовой предложение руки и сердца, которое девушка практически сразу же и приняла. Правда, поставила перед кавалером одно условие: он должен был пронести ее на руках через весь парк, где они гуляли. И Абдулову не оставалось ничего иного, как подхватить Ирину на руки и пронести через весь парк.

В воскресенье, 11 сентября, по ТВ в который уже раз показывали фильм Виктора Трегу-

бовича «На войне как на войне». Однако, несмотря на неоднократный показ ленты по «ящику» (а с момента выхода фильма на широкий экран прошло уже 8 лет), он неизменно собирал самый высокий рейтинг. Как говорится, хорошее кино, как старое вино, с годами только хорошеет. Ваш покорный слуга вместе со своим средним братом Ромой (младший обычно в это время засыпал) в тот вечер (в 21.30) тоже уселся перед экраном своего черно-белого телевизора, чтобы вновь и вновь переживать за судьбу самоходки под водительством младшего лейтенанта Малешкина. Эту роль в фильме блистательно исполнял Михаил Кононов; впрочем, под стать ему были и другие исполнители: Олег Борисов, Виктор Павлов, Федор Одинок, Михаил Глузский. Совсем крохотную роль в картине сыграл актер Валентин Зубков: он играл командира полка, заступавшегося за Малешкина перед комбатом, который был явно несправедлив по отношению к младшему лейтенанту. Этот эпизод — один из самых моих любимых в фильме. Особенно нравился мне в нем Зубков: статный, справедливый. Этот актер всегда входил в число моих самых любимых исполнителей, причем я одинаково любил всех его героев, как положительных, так и отрицательных (последних он играл редко: в «Коммунисте» это он убивал главного героя, а в «Над Тиссой» изображал матерого вражеского шпиона). Однако в последние несколько лет Зубков пропал с широких экранов, превратившись в звезду, сошедшую с небосклона отечественного кинематографа. В новые фильмы его практически не приглашали, а если и брали, то только в эпизоды. И единственным местом, где актер Зубков продолжал радовать зрителей своими ролями, оставался телевизор, поскольку по ТВ старые фильмы с его участием крутили регулярно.

Между тем мало кто из почитателей таланта этого прекрасного актера знал, что в тот воскресный вечер, когда по ТВ крутили «На войне...», Зубков переживал страшное горе: этим летом он потерял своего единственного сына. 23-летний Сергей Зубков, только-только вернувшийся из армии, поехал отдыхать в деревню к тетке под Угличем и утонул в речке. Как это произошло, до сих пор непонятно. В лодке Сергей был не один, а со своим приятелем, и, когда она внезапно перевернулась, оба они не

сумели вынырнуть на поверхность воды. Целые сутки их искали, но течение отнесло тела далеко от места трагедии. Только рано утром туристы, отдохавшие в тех краях, обнаружили тела. Рассказывают, что, когда кто-то из поселковых прибежал в дом Зубковых с этой вестью, на Зубкова-старшего было страшно смотреть: он зарылся в какие-то телогрейки, висевшие на вешалке в сенях, и закричал так громко, что было слышно на другом конце деревни. Эта смерть подкосит Зубкова под самый корень, и проживет он после этого... Впрочем, об этом рассказ еще пойдет впереди. А пока вернемся в сентябрь 77-го.

В те дни в Москве с официальным визитом находится генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. 12 сентября он имел в Кремле разговор с Брежневым, на котором с советской стороны также присутствовал заместитель Генсека ООН Аркадий Шевченко. Не стану утомлять читателя подробностями того разговора, лучше сообщу более любопытные детали. Например, никто из присутствующих даже в кошмарном сне не мог себе представить, что среди них будет... агент ЦРУ. Этим «засланным казачком» был Шевченко, который работал на американскую разведку вот уже два года. Какие конкретные причины толкнули высокопоставленного дипломата на связь с ЦРУ, неизвестно до сих пор. Ведь он имел все: высокое положение, приличную зарплату, дачу в престижной Валентиновке. И вот на тебе — стал работать на врага. Причем на контакт с цэрэшниками Шевченко вышел сам: во время официального приема подловил американского дипломата и попросил его прозондировать почву на предмет политического убежища в США. Американец же посоветовал Шевченко повременить с побегом, а пока поработать на ЦРУ. Советский дипломат согласился, тем самым став самым высокопоставленным агентом ЦРУ в советской среде на тот момент. Он работал на американцев с таким вдохновением и усердием, что те за его рвение даже организовали ему двухнедельный отдых вместе с женой в райской Флориде. Шевченко поставлял своим новым хозяевам самые разнообразные сведения: от позиции Советского правительства на переговорах с США по ограничению стратегических вооружений до прогнозов о добыче нефти в Волго-Вятском бассейне.

Продолжается работа над фильмом «По семейным обстоятельствам». 12 сентября там снимали один из самых смешных эпизодов — в квартире Прохорова. Помните, художник (Евгений Евстигнеев) в поисках варианта для обмена квартиры попадает в дом к алкашу Прохорову (Юрий Кузьменков), а тот, будучи явно с перепоею, никак не может врубиться, чего от него хотят. На этой почве возникает масса забавных сценок.

На съемочной площадке другого фильма — «Женщина, которая поет» — идут съемки натуральных объектов. В тот же день, 12 сентября, в одном из заброшенных домов в Черкизове снимали эпизод, где Стрельцова (Алла Пугачева) и ее муж (Александр Хочинский) совершают ностальгическую прогулку по прошлому. На следующий день с утра съемки эпизода продолжили, после чего переехали в Останкино, где в Телецентре был снят новый эпизод — Стрельцова исполняет одну из песен. 14 сентября новым местом съемок стала одна из платформ Белорусского вокзала: там сняли эпизод проводов Стрельцовой на гастроли. Было снято несколько дублей, но что-то в них режиссера не устроило, и было принято решение продолжить съемки на следующий день. Но не случилось: с утра небо над Москвой затянули тучи, зарядил дождь.

А теперь покинем на время столицу и перенесемся в горы Южного Домбая. В середине сентября там произошла трагедия: погибли альпинисты. Причем трагедия произошла по вине инструкторов, которые уже не первый раз ходили в горы. Инструкторов было трое — они возглавили группу из 9 альпинистов-любителей, чтобы покорить с ними одну из вершин. До вершины они добрались 14 сентября, а вот спуститься сразу не смогли. Погода резко испортилась, пошел дождь со снегом. Группе пришлось заночевать на вершине. Чтобы не замерзнуть, альпинистам пришлось спать стоя. В результате под утро они недосчитались одного из товарищей — молодой парень умер от переохлаждения. Можно было запросить помощь, но в главном инструкторе разыграло самолюбие: дескать, сами справимся. И они начали спуск самостоятельно, причем по почти отвесным стенкам. Учитывая, что большая часть альпинистов были любителями, этот спуск отнял у них последние силы. За несколько часов

они прошли всего 150 метров и вынуждены были снова заночевать на холодном снежном склоне. А когда утром они возобновили спуск, случилась новая трагедия: сорвалась альпинистка. Но она погибла не сразу, а, пролетев 50 метров, упала в расщелину и там пролежала несколько часов. И замерзла. Спасательная группа обнаружила альпинистов 16 сентября. Итог этого похода был ужасен: два человека погибли, десять получили сильные обморожения. Трех инструкторов, повинных в случившемся, потом будут судить. И приговорят... к 1 году исправительных работ по месту работы с удержанием части зарплаты. Но вернемся в сентябрь 77-го.

В первой половине этого месяца в столичных кинотеатрах прошли премьеры новых фильмов. 5-го в прокат вышла лента Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино» с участием Александра Калягина, Евгении Глушенко, Юрия Богатырева и др.; 12-го — фильм Анатолия Вехотко и Натальи Трощенко «Кадкипа всякий знает» с участием Георгия Буркова, Людмилы Зайцевой и др.; 15-го — лента Станислава Ростоцкого «Белый Бим Черное Ухо» с Вячеславом Тихоновым и ирландским сеттером Степой в главных ролях.

Кино по ТВ: «Кыш и Двапортфеля» (впервые по ТВ 1-го), «На крутизне», «Новенькая» (2-го), «Девять дней одного года», «Следствие ведут Знатоки. Дело № 2 «Ваше подлинное имя?» (4-го), «Новые приключения Дони и Микки» (5-го), «Обратной дороги нет» (5—7-го), «Карьера Димы Горина» (9-го), «Незадачливые похитители» (10-го), «Укрощение огня» (1-я серия), «Сокровища республики», «На войне как на войне» (11-го), «Человек с планеты Земля» (12-го), «Фаворит» (премьера т/ф 13-го), «Инженер Прончатов» (14—15-го) и др.

Утром в пятницу, 16 сентября, съемочная группа фильма «Женщина, которая поет» вновь приехала на Белорусский вокзал, чтобы отснять новые дубли эпизода проводов певицы Анны Стрельцовой. Однако установившееся в городе ненастье не позволило это сделать и на этот раз. В итоге было решено оставить те дубли, что были отсняты два дня назад.

В те самые часы, когда киношники коротали время на вокзале, в Москве было совершено

жуткое преступление. Молодая москвичка отправилась вместе со своей трехмесячной дочкой в магазин на улице Бирюзова за молочной смесью. Зайдя в магазин, женщина оставила девочку в коляске у входа, надеясь, что покупателька займет от силы две-три минуты. Так, собственно, и получилось. Однако, когда женщина вышла обратно, коляски на месте уже не было. Ее украл москвич Анатолий Бирюков, у которого давно созрела мысль похитить и изнасиловать малолетнего ребенка. В тот день он специально пришел к магазину, где продавали смеси для младенцев, надеясь, что кто-то из молодых матерей оставит коляску с ребенком у входа. И вскоре дождался.

Завладев коляской, Бирюков долго катил ее по улицам, пока не убедился, что никакой погони за ним нет. Затем, достав спящую девочку из коляски, он зашел с ней в подъезд ближайшего дома. Там он поднялся на один из этажей, надеясь осуществить свой замысел — изнасиловать малышку. Но в тот самый миг, когда маньяк уже раздел ребенка, наверху раздались чьи-то голоса. Испугавшись, что его застигнут на месте преступления, Бирюков отказался от своего замысла. Но выродок не оставил ребенка живым: выхватив из кармана нож, он вспорол малышке живот.

В субботу, 17 сентября, Владимир Высоцкий сел в свой «Мерседес» и отправился в Тулу, чтобы навестить в местной больнице своего близкого друга Всеволода Абдулова. Как мы помним, последний в конце августа угодил в страшную автомобильную аварию и буквально чудом остался жив. Высоцкий в те дни находился далеко от родины — в Канаде, потом во Франции, поэтому не мог навестить друга в больнице. Но он чуть ли не каждый день звонил туда по телефону.

Вспоминает врач В. Дробышев:

«Высоцкий несколько раз звонил. Когда я был дежурным врачом, он попадал на меня, и я разговаривал с ним. Высоцкий звонил из Парижа. Я это знал потому, что в телефонной трубке было хорошо слышно, как телефонистки кричали: «Мадмуазель, мадмуазель...» В основном весь разговор касался здоровья Абдулова.

Когда Высоцкий в первый раз позвонил, это было несколько неожиданно. Мы уже привыкли к тому, что здоровьем Абдулова интере-

совались многие люди, но чтобы Высоцкий! Да еще из далекой страны... Когда Абдулову передавали, что звонил Высоцкий, он очень живо на это реагировал. У него была эйфория после травмы, он очень долгое время не совсем четко ориентировался, где находится. После сообщения о звонке Высоцкого он всегда рассказывал по этому поводу какой-нибудь анекдот.

Часто Абдулов проговаривал текст ролей из различных спектаклей, а потом только вспоминал, что речь идет о чем-нибудь другом. А вот звонки Высоцкого придавали ему больше оптимизма. И в первое время он всегда спрашивал: «А Володя не здесь?» Судя по всему, они были большими друзьями, людьми очень близкими...»

Едва вернувшись из Франции (11 сентября Высоцкий выступал на празднике газеты «Юманите»), актер тут же отправился навестить своего друга. Причем шансов на то, что его пропустят к больному, было мало: накануне ему позвонила мать Абдулова и предупредила об этом. Но она же посоветовала ему средство, которое могло помочь: надо было обратиться к фельдшеру больницы Владимиру Мартынову. Высоцкий так и сделал. Фельдшер действительно помог: позвонил в приемное отделение и попросил дежурную сестру пропустить к Абдулову Высоцкого. Дежурная засмеялась: «Хватит шутить, Володя! Какой еще Высоцкий? Он, наверное, сейчас во Франции». На что Мартынов ответил: «Это правда, он сейчас у меня, и я его направляю к вам».

Вспоминает фельдшер:

«Во время этого разговора Высоцкий, помню, все возмущался нашим больничным режимом, внутренним «драконовским» (это его слово мне хорошо запомнилось) законом. Его, как и везде в нашей стране, и тут не пускали.

Мы вышли с Высоцким в коридор. Из большого окна я показал ему дверь для посетителей, куда ему следовало идти. Одновременно я увидел «Мерседес» — автомобиль, редкий в то время даже для Москвы, не говоря уже о Туле, который стоял в самом центре площади перед главным входом больницы, прямо под знаком «Стоянка запрещена». Бесспорно, это была машина Высоцкого. Владимир Семенович, глядя в окно, внимательно выслушал меня, затем сказал: «Спасибо, до свидания»,

повернулся и направился к выходу из нашего корпуса.

На улице его уже ждали. Весть о приезде Высоцкого мгновенно разнеслась по больнице, и те врачи и медсестры, кто не был загружен работой, вышли посмотреть на певца и артиста. Конечно, их было не очень много, но не стоит забывать, что был выходной день и многие отдыхали дома. Зато много было тех, кто находился на излечении и кто, нарушив режим (а было время тихого часа), также вышли на улицу...»

В понедельник, 19 сентября, вновь напомнил о себе маньяк Анатолий Бирюков. Утром он вышел на очередную охоту, на этот раз облюбовав магазин «Детский мир», что на проспекте Мира. Ждал примерно около получаса. Наконец, одна из молодых мамаш, оставив коляску с дочкой у входа в магазин, сама зашла внутрь. Бирюков выждал еще несколько секунд, после чего подошел к коляске, как ни в чем не бывало достал из нее ребенка и быстро направился с ним в метро. И снова никто из прохожих не обратил на него никакого внимания.

Бирюков проехал с девочкой несколько остановок, после чего поднялся наверх. Какое-то время он бродил по улицам, подыскивая укромное место для своего черного дела. Этим местом стал заброшенный пустырь. Там маньяк изнасиловал младенца и выбросил его в мусорный бак, стоявший неподалеку. После этого, удовлетворенный проделанным, отправился домой, где его ждали жена и две дочки.

После второго случая похищения младенца это дело попало на контроль к министру внутренних дел Союза. Стало понятно, что в городе объявился жестокий маньяк, который будет продолжать свою кровавую охоту до тех пор, пока его не поймают. Перед столичным ГУВД была поставлена задача сделать это как можно быстрее. Но одно дело задачу поставить, и совсем другое дело — ее решить. Короче, поимка преступника оказалась не таким быстрым делом, как этого хотелось бы руководителям МВД.

В тот день, когда была похищена вторая девочка, в Москве покончил жизнь самоубийством муж двоюродной сестры Андрея Сахарова Виталий Рекубратский. Практически для всех, кто его знал, это было полной неожиданно-

стью. Буквально за несколько часов до рокового шага Рекубратский пришел на день рождения известного адвоката Софьи Калистратовой и выглядел вполне адекватно. А когда вернулся домой, наложил на себя руки.

Между тем футбольный клуб «Спартак» (Москва) бьется аки зверь в первой лиге, чтобы вернуться в высший дивизион. Эта ситуация для большинства болельщиков явилась полной неожиданностью, поскольку им-то казалось, что «Спартаку» удастся легко разобраться с командами первой лиги, которые и классом пониже, и составом пожиже. Ан нет: «Спартаку» чуть ли не в каждом матче приходилось преодолевать упорное сопротивление соперников и буквально с кровью вырывать у них победу. Например, 19 сентября «Спартак» играл с кишиневским «Нистру» и уже в первом тайме проигрывал 0:2. Но затем именитый клуб показал свое мастерство. Гладилин и Ярцев (это был его 14-й гол в первенстве) сумели сравнять счет. И хотя кишиневцы вскоре опять вышли вперед, «Спартак» уже сумел поймать свою игру. За какие-то 2 минуты Ловчев и Гладилин не оставили «Нистру» никаких шансов на успех. Выиграв этот матч, «Спартак» набрал 39 очков и возглавил турнирную таблицу (на 2-м месте шло минское «Динамо» — 39 очков, на 3-м — ташкентский «Пахтакор» — 38).

20 сентября на территории Советского Союза был зафиксирован, наверное, первый в стране явный случай появления НЛО. Произошло это в небе над Петрозаводском, причем НЛО видели не только тысячи петрозаводчан, но и жители близлежащих городов, включая и Хельсинки. В четыре утра в небе появилась гигантская «медуза», от которой на Землю струились лучи яркого света. С воздуха это чудо наблюдали экипажи рейсовых гражданских самолетов и три пилота истребителей ПВО. Все, видевшие НЛО, были в шоке — он передвигался с большой скоростью, и после его пролета в окна многих петрозаводских домов появились странные дырки. Замолчать это событие власти были не в силах, поэтому в печати тут же появилось разъяснение: дескать, люди стали свидетелями запуска спутника «Космос-955», взлетевшего с космодрома в Плесецке и попавшего в преломление света от северного сияния. Однако ученые-уфологи уже тогда определили, что имело место и то и другое: и запуск баллистической ракеты, и

прилет НЛО, которого, видимо, привлек этот запуск. Именно после этого случая советские власти вынуждены будут всерьез заняться проблемой неопознанных летающих объектов.

В эти же дни сборная СССР по хоккею с шайбой под руководством Виктора Тихонова находится в Праге, где проходит обкатку на международном турнире на приз газеты «Руде право». Перед нашей сборной поставлена только одна цель — выиграть турнир. Это тем более необходимо, поскольку весной следующего года именно здесь, во Дворце спорта в Парке культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика, состоится очередной чемпионат мира и Европы. С поставленной задачей наши хоккеисты справились, хотя сделать это было отнюдь не легко.

На «Руде право» играли всего три команды: наши, чехословаки и канадцы (клуб из ВХА «Цинциннати стингерс»), которые встречались друг с другом дважды. Наши начали резво: 16 сентября обыграли канадцев со счетом 11:4, а два дня спустя положили на лопатки и хозяев — 4:1. Но во втором круге победы стали даваться нашим ребятам гораздо большей кровью. Так, 19 сентября в повторной игре с «Цинциннати» советские хоккеисты победили уже с куда более скромным результатом — 5:2. Причем поначалу мы проигрывали 0:2, но потом за 33 секунды забили сразу две шайбы, чем и сломали канадцев. Спустя два дня состоялся решающий матч — СССР—ЧССР. Наши устраивала либо ничья, либо поражение с минимальным счетом. Получился второй вариант: чехословаки победили 5:4, но, поскольку в первой игре с нами они проиграли с разницей в три шайбы, Кубок достался сборной СССР.

В Москве продолжают съемки фильма «Женщина, которая поет». Работа идет на натурных объектах: 21 сентября снимали проход Аллы Пугачевой по Кутузовскому проспекту и на Воробьевском шоссе, 22-го — возле Никитских ворот и на Малой Молчановке, 23-го — у Театра эстрады на Берсеневской набережной. У последнего объекта снимали короткий эпизод разговора Анны с ее подругой Машей (Алла Будницкая). Но начать съемки долго не могли: нужна была пасмурная погода, а с утра, как назло, светило солнце. Пугачева с Будницкой удалились в тонваген, а съемочная группа расположилась на улице. Когда к обеду солнце так и не скрылось, стали сворачивать

аппаратуру. Как вдруг набежали тучи и заморосил мелкий дождик. «Снимаем, снимаем!» — разнеслось по площадке. Актрисы выбежали из тонвагена и заняли исходные позиции на аллее. Остальные спрятались от дождя под деревья. Спустя несколько минут нужный эпизод был благополучно отснят. Когда прозвучала фраза «Стоп! Снято!», режиссер Александр Орлов внезапно подпрыгнул и дернул за ветку дерева, окатив спрятавшихся под ним коллег дождевой водицей. Так была восстановлена справедливость по отношению к двум актрисам, которые, пока снимались, уже успели промокнуть. Кстати, одна из них — Алла Будницкая — была женой режиссера.

23 сентября очередной смешной эпизод снимали в комедии «По семейным обстоятельствам» — в квартире маклера. Это там Галина Аркадьевна (Галина Польских) приходит к маклеру (Владимир Басов), который, начитавшись детективных романов, ведет себя как заправский шпион. Он настолько осторожен, что конспирирует чуть ли не каждую свою фразу. Из-за обилия в его речи завуалированных слов гостя чувствует себя не в своей тарелке, а в какой-то из моментов ей кажется, что у нее едет крыша. Но затем она понемногу осваивается, и вот уже сам маклер не может понять из ее слов, где у нее нормальная речь, а где конспиративная. Короче, сцена жутко уморительная.

В субботу, 24 сентября, по первой программе ЦТ состоялся показ очередного выпуска передачи «Артлото». Как мы помним, передача появилась на свет в 1971 году и быстро обрела популярность у зрителей: в ней участвовали практически все звезды отечественной эстрады, которые исполняли самые модные шлягеры. А молодые артисты, впервые показанные в «Артлото», на следующее утро просыпались знаменитыми. У передачи был бешеный рейтинг, о чем свидетельствовали мешки писем, приходившие в адрес передачи. Но этот показатель оказался ничем, когда председатель Гостелерадио Лапин распорядился закрыть популярный проект: то ли за то, что в нем участвовали «не те» артисты, то ли по иной причине. И 24 сентября в свет вышел последний выпуск «Артлото». Естественно, миллионы телезрителей, собравшиеся в тот час перед экранами своих телевизоров, о печальной участи любимой передачи даже не догадывались.

Тем временем будущий первый и единственный президент СССР Михаил Горбачев вместе с женой Раисой находятся на отдыхе во Франции (это их вторая поездка туда). За 21 день супруги проехали на автомобиле 5 тысяч километров. 11 сентября побывали на празднике газеты «Юманите», после чего отправились дальше — сначала на родину Сент-Экзюпери, в город Лион, затем в Марсель.

Вспоминает М. Горбачев:

«В море недалеко от берега живописные острова, на одном из них угрюмый замок, где томился будущий граф Монте-Кристо. Поездка туда на катере доставила большое удовольствие, но на обратном пути усилился ветер, волны, качка, крики: «Тонем!» Капитан в духе французского юмора приговаривает: «Может быть, может быть». Обедали в районе боен, где нас угощали знаменитой марсельской кухней...

Покидаем Канны и через Арль, Авиньон, Бон, Дижон — с ночевкой в кемпинге — на исходе дня 25 сентября прибываем в Париж. Встречаемся с послом Червоненко. Делимся своими впечатлениями, обмениваемся мнениями о ситуации во Франции. Главная тема — каковы шансы на сотрудничество между социалистами и коммунистами...»

26 сентября съемочная группа фильма «Женщина, которая поет» работала в 50 километрах от Москвы — в деревне Марфино. Там сняли несколько эпизодов с участием Аллы Пугачевой. На следующий день на студии состоялся просмотр всего отснятого материала, после чего группа начала паковать вещи, чтобы ехать в Сочи — снимать местную натуру. А Пугачева пока отправилась на короткие гастроли в Ригу, где должна была участвовать в записи передачи на Латвийском ТВ. Там она даст интервью газете «Советская молодежь», в котором заявит: «В последнее время у меня, кажется, идет полоса удач. Но я — человек, в общем-то, суеверный и никогда не загадываю, что будет завтра. Я глубоко убеждена в том, что успех нельзя эксплуатировать: чаще записываться на радио, сниматься на телевидении. Я стремлюсь к тому, чтобы зрители и слушатели радовались не столько встрече со мной, сколько с моей новой работой, о которой могли бы сказать: «О! Молодец Пугачева! Опять интересно!» Вот чего я хочу добиться, а не того, чтобы стать популярной...

Из современных исполнителей как «головосвая» певица мне нравится София Ротару. Она не близка мне по своим творческим устремлениям, но я считаю, что она занимает достойное место на эстраде. Из зарубежных вокалистов мне близки Катарина Валенте, Барбара Стрейзанд, французские шансонье. Но идеалом для меня была и остается Эдит Пиаф...»

27 сентября исполнилось 60 лет заместителю председателя КГБ СССР Семену Цвигуну. Свой юбилей Леонид Брежнев (они были женаты на родных сестрах), естественно, не мог обойти вниманием это событие и вручил имениннику поистине царский подарок: наградил его званием Героя Социалистического Труда (в комплект входили орден Ленина и золотая медаль «Серп и молот»). Не остались в стороне от этого события и другие организации. В частности, «Мосфильм», на котором в те дни завершалась работа над очередной «нетленкой» по книге Цвигуна — фильмом «Фронт за линией фронта», — тоже подготовил поздравительный адрес в тисненой кожаной папке. Вручить его выпало группе студийных товарищей, среди которых были: режиссер фильма Игорь Гостев, директор Борис Криштул и исполнитель главной роли Вячеслав Тихонов. В 10.45 киношники отправились в путь — к зданию КГБ СССР на Лубянке. Поскольку видок у мосфильмовского автомобиля был весьма потрепанный, водителю была дана команда остановиться где-нибудь в сторонке от гэбэшного логова.

В подъезде гостей уже поджидал представительный мужчина в строгом костюме. Проведя их мимо двух автоматчиков, он повел их прямо к лифту, изнутри обитому белым шелком, с зеркалом и скамеечкой. Пока тот поднимал их на нужный этаж, гости с интересом осматривали внутреннее убранство кабины. Когда они вышли из лифта, в глаза снова бросились часовые с автоматами, стоявшие в коридоре. Но те даже бровью не повели, когда мимо них проществовала делегация.

В просторной приемной юбиляра толпился народ — человек пятнадцать. Тут же за своими столами сидели трое дежурных, каждый из которых занимался своим делом: один запускал в кабинет делегации, другой отвечал по телефону, третий сортировал поздравительные телеграммы, коих на тот момент накопилось уже вагон и маленькая тележка. Одну из телеграмм

дежурный протянул киношникам: это было поздравление от генерального директора «Мосфильма» Николая Сизова, присланное из Сочи. Далее послушаем рассказ очевидца тех событий — Б. Криштула:

«Наконец пришел наш черед, и мы переступили порог громадного кабинета. В глаза бросился невероятной длины стол для заседаний — торцом к массивному письменному, — сейчас он был завален подарками, из которых размерами и роскошью выделялись высоченная хрустальная ваза и бюст самого Цвигуна.

Сияя улыбкой и распространяя легкий аромат хорошего коньяка, юбиляр вышел нам навстречу. Вячеслав Тихонов проникновенно, как отрывок из «Малой земли» (этот «шедевр» Брежнева он чуть позже запишет на радио и озвучит по ТВ), прочитал приветственный адрес; Гостев сказал несколько слов на тему «фильм и день рождения», а я озвучил шутивную телеграмму от съемочной группы. Семен Кузьмич, без сомнения, считал день своего рождения днем историческим и нашего шутивного тона не принял. Сказав «спасибо», он начал благодарить Коммунистическую партию за то, что она разглядела талантливого паренька из простой семьи, открыла все дороги, а потому он, генерал Цвигун, всем обязан ей, родной... Со стороны все это выглядело достаточно нелепо: рядовые коммунисты и затесавшийся в наши ряды беспартийный Тихонов принимали от члена ЦК заверения в истинной преданности партии.

Закончив зауценную речь, хозяин открыл неприметную дверь в деревянной панели стены и пригласил в персональную комнату отдыха — по существу, в квартиру. Застеленный белой крахмаленной скатертью стол был уставлен вазами с фруктами и шикарными коробками «кремлевских» конфет. Семен Кузьмич лично разлил по рюмкам марочный коньяк и, подняв свою, принялся опять благодарить Коммунистическую партию. Дождавшись, когда мы выпьем и деликатно закусим конфеткой, он откровенно посмотрел на часы. Мы поспешили откланяться, потому что в приемной ждали те, кто еще не принял клятву верного коммуниста. Семен Кузьмич проводил нас до двери и с каждым троекратно расцеловался...»

Кинорежиссер Игорь Таланкин трудится над очередным фильмом — экранизирует по-

весть Льва Толстого «Отец Сергей» с Сергеем Бондарчуком в главной роли. Главную женскую роль в картине исполняет Валентина Титова, для которой эта работа станет судьбоносной: здесь она встретит свою новую любовь, после чего распадется ее 14-летний брак с Владимиром Басовым, в котором нажито двое детей. Человека, пленившего Титову, звали Георгий Рерберг, он работал на «Отце Сергии» главным оператором (вместе с Анатолием Ивановым). До этого, как мы помним, Рерберг снимал с Андреем Тарковским «Сталкера», но их содружество закончилось скандалом: Тарковский обвинил Рерберга в порче дорогой пленки, и оператор предпочел уйти с картины.

Первая встреча Титовой и Рерберга на съемочной площадке произошла в среду, 28 сентября (кстати, муж актрисы Владимир Басов в тот день тоже снимался: в фильме «По семейным обстоятельствам» он играл эпизод уличной встречи с Галиной Аркадьевной). Группа «Сергия» работала в Псково-Печорской лавре. Рерберг первым подошел к актрисе, чтобы познакомиться, на что та ответила: «А мы с вами уже давно знакомы». — «Разве мы виделись?» — удивился Рерберг. «Мы не виделись, но вы как-то звонили Басову, а его не было дома. Я хорошо помню тот наш разговор». Но Рерберг внезапно обиделся. «Я этого что-то не помню», — пробурчал он и удалился. На что Титова про себя подумала: «Ну почему мужики все время лгут?»

Вечером настоятель Лавры пригласил режиссера, оператора и нескольких актеров к себе на ужин. При этом каждому из гостей были вручены презенты: Таланкину, Титовой и Николаю Гринько перепали простые наручные часы, а вот Рербергу достались золотые — у него в тот день был день рождения, ему стукнул «сороковник». Как ни странно, но, когда Титова встретила Басова, тому тоже было 40 лет. Судьба, однако...

Вспоминает В. Титова:

«Рерберг мне поначалу не очень понравился. Гога выглядел очень жестким и говорил жестко, его все боялись. Я к тому времени уже много о нем слышала, смотрела его фильмы: «Первый учитель», «Дворянское гнездо», «Зеркало». В нашем доме часто произносили его имя, я знала, что он самый-самый. Правда, слава его была со скандальным оттенком: талантливый оператор и жгучий сердцеед.

Но за ужином я вдруг поняла: да он же ничей... В его глазах была боль одинокого человека. Поздно вечером он зашел ко мне в номер — якобы за спичками. Мы разговорились. А когда на следующий день я вернулась в Москву, вместе со мной прилетели сплетни. Гога ведь покорял всех женщин, поэтому все были убеждены, что и я не устояла. Конечно, эти разговоры дошли до Басова, он все время пытал меня: правда это или нет? Наконец я ему сказала: «Ты веришь? Ты считаешь, что мне не дорога моя семья, мой дом, мой муж? Если спросишь еще раз, выйду замуж за Рерберга». Тогда он отстал. А потом я действительно ушла к Рербергу...»

На «Ленфильме» режиссер Борис Фрумин снимает фильм «Ошибки юности» по сценарию Эдуарда Тополя. Съемки ленты начались в середине июля, но шли чрезвычайно нервно из-за постоянных претензий цензуры. Претензии были обоснованны, поскольку то, что написал Тополь и снимал Фрумин, однозначно попадало под понятие «антисоветчина». Речь в фильме шла о молодом парне Дмитрие Гурьянове (эту роль исполнял актер Театра имени Вахтангова Станислав Жданько), который, с отвращением отслужив в Советской армии, затем возвращается на гражданку, но и там никак не может найти себя. Уже в первоначальном виде сценарий фильма был непроходным, но каким-то непостижимым образом был запущен в производство. А потом, когда была уже снята треть картины, и Главлит понял, что из него получается, начались сплошные наезды. К примеру, главпур Советской армии потребовал изъять из него все эпизоды, связанные с армейской жизнью героя. 28 сентября черновой вариант фильма посмотрел худсовет студии и поддержал генералов: армейские эпизоды надо изъять! Их не волновало даже то, что в таком случае в корзину полетят несколько сот метров пленки и сюжет во многом потеряет свою стройность. Но у цензоров была другая задача: «Черт с ним, с сюжетом, главное, чтобы крамола не проскочила!»

Вспоминает Э. Тополь:

«В истории, которую я написал, не было ничего необычного, она проста и банальна, тысячи таких вот Гурьяновых кочуют по советским стройкам, городам и весям, я встречал их повсюду — на Тюменском Севере, и в Хибинах, и в Тольятти, и на якутских алмазных рудниках, и на строительстве киргизских горных

электростанций. Но именно эта реальная маета молодежи, ее неосмысленные поиски чего-то другого в советской жизни приобретают в картине характер осмысленности, характер недовольства окружающей жизнью, которая снята была режиссером с неподдельной достоверностью, поскольку все — и армию, и черноморские пляжи, и деревню, и северную стройку, и столичных мебельщиков-грузчиков — он снимал в реальных казармах, деревнях, селах, с реальными солдатами, офицерами, колхозной и заполярной молодежью. И эта реальная советская жизнь со всей ее бытовой явью — с убогими танцами в сельском клубе, кондовыми офицерами в армии, пьянками и мордобоем на ударной стройке и жирным житьем хамеющих столичных мебельщиков, — эта реальная жизнь больше всего привела в ярость кинематографическое начальство...»

В четверг, 29 сентября, главный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов получил к своему 60-летию от властей предержавших подарок: его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Подарок был более чем неожиданный, учитывая то, что каких-нибудь несколько месяцев назад «Правда» раздолбала его спектакль «Мастер и Маргарита», и большинство специалистов предрекали после этого закат карьеры прославленного режиссера. Ан нет — его наградили орденом да еще пообещали через месяц отпустить с труппой театра в первую западную гастроль — во Францию.

Свой день рождения Любимов отмечал на следующий день. Эта дата была знаменательна тем, что именно тогда произошло примирение юбиляра с его коллегой Анатолием Эфросом. Судьба развела двух этих великих режиссеров два года назад, когда Эфрос поставил на «Таганке» «Вишневый сад». Причем Любимов сам пригласил Эфроса поставить эту пьесу на сцене своего театра, а когда увидел — возненавидел ее создателя. Спрашивается: зачем тогда звал? Вражда двух режиссеров угнетала весь театр. Они не только не здоровались друг с другом, но старались даже не встречаться на одной территории: если к театру подъезжал кто-то из них и видел у входа машину недруга (у Любимова был «Ситроен», у Эфроса — «Жигули»), то тут же разворачивался и уезжал. Высокский три раза приглашал режиссеров к себе

в гримерную, чтобы попытаться их помирить, но все было напрасно. Как вдруг в день 60-летия Любимова это чудо свершилось. Вот как об этом вспоминает В. Золотухин:

«Таганка» празднует 60-летие своего создателя... В театре шумно. Труппа сидит на полу, на афишах знаменитых любимовских спектаклей. Праздник, победа, удача, впереди — Париж, огромное, месячное турне. Бренчат гитары, работает дешевый ресторан. Это актрисы под капусту и соленые огурчики наливают именитым гостям по шкалику водки. Пьянство коллективное еще не запрещено. Любимов разгорячен. Только что знаменитый поэт Вознесенский преподнес юбиляру огромного глиняного раскрашенного Петуха Петровича. Держит его в руках, говорит разные слова и заканчивает: «Чтобы в ваших спектаклях никогда не было пошлости и безвкусицы!» — и расшибает вдребезги Петьку об пол... Лихо! Лихо! Мало кто понял метафору, но — лихо. Может быть, Андрей Андреевич намекал Мастеру на живого петуха, появляющегося в «Гамлете»... раздражал его живой петух в трагедии Шекспира или просто ради хохмы?.. Но вдруг среди грома, шума и веселья образовалась та самая звенящая тишина. Она образовалась не сразу, а с первым шепотом-известием, что по маршу лестницы поднимается Эфрос и с ним два-три его артиста. Эфрос поднимается в логово к своему врагу, сопернику, жуткому скандалисту. Он поднимается... он приближается. Театр замер, обмер... что-то будет, что, думали все, может выкинуть в первую очередь Любимов — вот чего боялись знающие о конфликте. Эфрос подошел близко и тихо-тихо, но точно ставя слова в ряд образной формулы, произнес: «Юра, я хочу в этот день подарить тебе то, что ты так любишь и что так хочешь и стремишься иметь», — и подает ему старую книгу. Юра разворачивает и читает: А. Чехов, «Вишневый сад». И Юра поплыл. Он заплакал. Хотя он ненавидит у мужчин, у артистов слезы. «Слезы — это сантимент, который надо задавить сразу, как гаденыша, в зародыше...»

Любимов провел свой день рождения в стиле антиюбилея. Актеры сидели на полу, каждого, кто выступал, угощали рюмкой водки. Кто только не приветствовал «Таганку»: либеральные журналы и московская милиция, коллеги

из театров и «Скорая помощь». Любимов был в джинсовом костюме, балагурил, вспоминал недоброе слово министров культуры, смело шутил.

Начальство с удовольствием откушивало водку и закусывало этими остротами, не подавившись...»

30 сентября по «Мосфильму» был издан приказ о приостановке съемок фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Как мы помним, снимать ленту начали в середине мая под Таллином, но работа не заладилась с самого начала: по техническим причинам в лаборатории было запорото три четверти отснятого материала. Тарковский буквально рвал и метал, обвиняя в происходящем сначала техотдел студии, а затем переведя стрелки на оператора фильма Георгия Рерберга. Тот в ответ с картины ушел. В начале августа в группе был объявлен сорокадневный отдых, который закончился 17 сентября. Но работа продлилась чуть меньше двух недель, после чего и появился вышеупомянутый приказ о приостановке съемок. На тот момент затраты по фильму уже составили 380 тысяч рублей.

Но вернемся в Москву и взглянем на киношную афишу. Во второй половине сентября в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 16-го — «Несовершеннолетние» Владимира Рогового с участием Владимира Летенкова, Станислава Жданько, Леонида Каюрова и др.; 26-го — «Повесть о неизвестном актере» Александра Зархи с участием Евгения Евстигнеева, Аллы Демидовой, Игоря Кваши и др.; «По волчьему следу» Валерия Гажиу с участием Евгения Лазарева, Анатолия Ромашина, Ирины Бразговки и др.

Кино по ТВ: «Свадебные колокола» (16-го), «Города и годы» (17—18-го), «Укрошение огня» (2-я серия, 18-го), «Первоклассница» (19-го), «Личное счастье» (премьера т/ф 20—24-го), «Найди меня, Леня!» (21-го), «Семург», «Мой остров синий» (24-го), «У озера», «Общественная деятельность» (премьера т/ф 25-го), «Нахаленок» (26-го), «Лютый» (27-го), «Каштанка», «Заноза» (28-го), «Последний свидетель» (29-го) и др.

Из других передач выделю: «В вашем доме» (участники: Майя Плисецкая, Ольга Воронец, Борис Владимиров, Вадим Тонков, Алла Пугачева и др.), «Мелодии и ритмы зарубежной эст-

рады» (23-го), «Артлото» (24-го), «Кинопанорама» (25-го).

Театральные премьеры: 17-го в Малом театре был показан спектакль «Маленькая эта земля» с участием Николая Анненкова, Евгения Самойлова, Руфины Нифонтовой, Александра Голобородько (дебют на столичной сцене), Николая Подгорного и др.; 24-го в Театре имени Ермоловой был показан спектакль «Память»; 30-го в Театре на Малой Бронной — «Враги» с участием: Льва Круглого, Семена Соколовского, Анны Каменковой и др.

Эстрадные представления: 13—21-го — в ГЦКЗ «Россия» прошли гастроли Берлинского мюзик-холла «Фридрихштадтпаласт»; 16-го — в «Октябре» гастролеровали гости из солнечного Узбекистана: ансамбль народного танца «Бахор», ВИА «Ялла» и др.; 17—18-го — в «Октябре» выступали: Жанна Бичевская, ВИА «Москвички» и др.; 19—20-го — в ГТЭ пела Галина Ненашева; 23-го — в «Октябре» состоялся концерт с участием иллюзиониста Арутюна Акопяна, певца Геннадия Белова и др.; 23—25-го — в ДК МИИТа выступали: Жанна Бичевская, Юлий Слободкин и др.; 24—25-го — в ЦДСА пел ВИА «Крайне»; 25—27-го — в ГТЭ гастролеровал болгарский певец Эмил Димитров.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю: миньоны — «ВИА «Веселые ребята» поет песни О. Фельцмана» («Летайте самолетами «Аэрофлота», «Первый лед», «Разлука», «Дальняя песня» (стихи А. Вознесенского); «Евгений Мартынов поет свои песни» («Веселый зонтик» (стихи — И. Кохановский), «Я тебе весь мир подарю» (И. Резник), «Чайки над водой» (А. Дементьев), «Время думать о девчонках» (В. Харитонов). Тогда же вышел очередной миньон любимого мною певца Ары Бабаджяня (сына композитора Арно Бабаджяня) с песнями, которые он сам же и написал: «Не пойму, какого цвета», «Через две зимы», «Парижский снег», «Золотое танго».

Из пластинок журнала «Кругозор» (№ 9) назову следующие: Лев Лещенко — «Сквозь ветры беспокойные» (В. Шаинский — М. Лисянский); Мария Пахоменко — «Край родной» (Е. Птичкин — В. Татаринов); Песни из к/ф «Мама»; Джо Дассен — «Бабье лето», «Если тебя зовут «грусть».

1977

Октябрь

Олегу Ефремову стукнул «полтинник». В Москве объявились «кукольники». Черненко поднимается вверх. Крупная кража икон. Горе в семье Муслима Магомаева. Как Высоцкий не узнал свою знакомую. Брежневская Конституция. Волнения в Вильнюсе. НЛО атакуют советский корабль. Как Олега Борисова тянули в КПСС. Почему Высоцкий не пошел на день рождения к Юлиану Семенову. Новое ЧП в космосе. Один «Спартак» выигрывает, другой проигрывает. Новые беспорядки в Вильнюсе. Писатель Георгий Владимов добровольно покидает СП. «В зоне особого внимания»: как прапорщик Валентир уделал четырех эзков. Алла Пугачева ставит автографы на гальке. Космонавты спасены. Новое преступление братьев Билыков. Высоцкий в Казани. Звание для Льва Лещенко. Олег Даль ругает Анатолия Эфроса. Новые страсти по «Иронии судьбы». Как поймали маньяка. Высоцкий в Лицее. Как журналист «Петровки, 38» до смерти напугал Аллу Пугачеву. Судьба уникального вора. «Ирония судьбы» прошла. Награда за Трионона. Конкурс ВИА в Москве. Футбольный «Спартак» возвращается в высшую лигу. Как Анна Герман превзошла Чеслава Немана. Высоцкий как поэт. Эльдар Рязанов узнает о победе. Награда нашла героя: секретный указ о награждении Якова Джугашвили.

В субботу, 1 октября, Олегу Ефремову исполнилось 50 лет. По этому случаю власти наградили юбиляра тем же орденом, что и Юрия Любимова, — Трудового Красного Знамени. Торжество состоялось на сцене МХАТа, где работал именинник, сразу после спектакля «Сталевары». В отличие от «Таганки», которая отпраздновала день рождения своего шефа по антиюбилейному, во МХАТе все было иначе: чинно и благородно. И эту строгость официоза испортили все те же таганковцы: Высоцкий спел посвящение Ефремову, в котором просил юбиляра не избираться в «академики».

Тем временем в МУРе идут поиски так называемых «кукольников» — преступников, которые обирают свои жертвы, обещая им содействие в покупке автомобиля, а сами втюхивают доверчивым покупателям вместо денег нарезанную бумагу — «куклу». Действовали преступники изобретательно. Один из них знакомился в Южном порту, возле магазина «Автомобили», с будущими жертвами, представляясь работником одного из столичных министерств.

Говорил, что его шеф — очень влиятельный человек — может посодействовать в покупке новенького автомобиля. И чтобы у покупателя не было никаких сомнений в его честности, вез его прямо в министерство. По дороге жертва проникалась к новому знакомому таким доверием, что без страха отдавала ему конверт с деньгами. Дальнейшее было делом техники. Преступник и жертва заходили в министерство, где в одном из коридоров к ним выходил «шеф». Но в разгар общения с жертвой к ним подходил третий сообщник преступников и важным голосом сообщал, что «шефа» срочно требуют к начальнику главка. Когда тот уходил, его напарник возвращал жертве якобы его конверт с деньгами (на самом деле это была уже «кукла») и просил подождать его внизу. Сами понимаете, после этого жертва своих благодетелей не видела как своих ушей.

Таких махинаций где-то с конца лета было совершено несколько, однако только в сентябре об этом стало известно в МУРе (до этого жертвы предпочитали в милицию не обращаться).

ся). Была создана оперативная группа по розыску преступников. Ее возглавил заместитель начальника одного из отделов капитан милиции Михаил Шестопалов. Он сам подобрал инспекторов, включив в группу тех, с кем уже не раз приходилось участвовать в самых сложных операциях.

Поиски начали с самой колоритной фигуры в шайке — шефа. Судя по тому, как он себя вел, это был матерый и хитрый преступник, хорошо разбирающийся в психологии людей. В коридорах различных министерств он чувствовал себя как рыба в воде, совершенно не тушуясь и никого не боясь. Именно с министерств сыщики и начали. Опросили тамошних секретарш и вахтеров и спустя какое-то время уже имели на руках подробное описание «шефа» и его подельника. Сделали их фотороботы, с которыми и стали шерстить центр города, пытаясь выйти на преступников. Но те никак не хотели идти в расставленные сети.

3 октября в Москве состоялся очередной Пленум ЦК КПСС. На нем сразу два протеже Брежнева получили повышения: стали кандидатами в члены Политбюро. Это Константин Черненко (в партийном аппарате за ним закрепилось негласное прозвище Кучер по первым буквам имени-отчества-фамилии) и Василий Кузнецов (он также стал первым заместителем Брежнева в Верховном Совете).

В Сочи продолжают съемки фильма «Женщина, которая поет». В тот день, когда в Москве шел Пленум ЦК КПСС, снимали объект «хутор» с участием Аллы Пугачевой: она исполнила одну из своих песен. На следующий день работа продолжилась, но уже в другом месте — в 56 километрах от города на берегу моря была снята еще одна песня. Но в три часа дня погода внезапно испортилась, на море начался шторм, и съемки решено было прекратить. На другой день сняли проход Пугачевой по набережной Сочи.

Продолжает свою деятельность шайка Михаила Зацепина. Как мы помним, свое первое преступление — ограбление квартиры — преступники совершили 30 августа, похитив вещей почти на 3000 рублей. Продав большую часть похищенного, грабители месяц жили на эти деньги. Потом те закончились, и перед любителями красиво пожить за чужой счет опять встала проблема — где добыть новые средства.

Путь был один — новая квартирная кража. Но тут Зацепин предложил иной способ заработать шальные деньги. Некоторое время назад судьба свела его с двумя иностранцами — гражданином Республики Нигерия Майклом и работником посольства ФРГ в Москве Штеффаном, которые проявляли повышенный интерес к старинным иконам. Обещали за них хорошие деньги — по 300—500 рублей за штуку, а то и больше. Когда главарь сообщил об этом своим подельникам, те с радостью согласились участвовать в этом промысле. По их мнению, красть иконы было куда безопаснее, чем взламывать чужие квартиры.

Поскольку добывать иконы предстояло вдаль от Москвы, преступникам нужен был автомобиль. Обзавестись им было решено с помощью угона. В середине сентября злоумышленники угнали «Волгу ГАЗ-24» с территории Академии наук СССР и спрятали в укромном месте. Там она стояла почти три недели. Наконец, 5 октября трое преступников выехали на ней из Москвы. Их путь лежал в Палехский район Ивановской области. В селе Красное они заметили церковь Знаменскую и стали дожидаться ночи. Непосредственно на кражу отправились двое — Чудаков и Коркин, а Зацепин опять остался на шухере: сидел в машине и по радию должен был предупредить подельников о возможной опасности. Но все прошло без сучка и задоринки. В ту ночь церковь лишилась сразу 50 икон XVII—XIX веков (7 икон по 1000 рублей каждая, иконы «Всех скорбящих радость» за 3000, «Святого Николая» за 2500 и т. д.). Самое поразительное, что весь этот набор Зацепин продал нигерийцу Майклу за 6000 рублей, хотя реальная стоимость похищенного была 72 000.

В среду, 5 октября, большое горе пришло в семью популярного певца Муслима Магомаева — скончался его родной дядя Джамал-Эддин Магомаев. Покойный был самым дорогим человеком для певца, заменив ему отца, погибшего на фронте. Джамал-Эддин работал главой постпредства Азербайджана в Москве и умер из-за того, что принял слишком близко к сердцу одну проблему, инициатором которой сам и явился. Он задумал в здании постпредства переоборудовать свой большой кабинет под кабинет для главы Азербайджана Гейдара Алиева. До этого у того были маленькие апартамен-

ты возле лестничного пролета, где постоянно ходили люди. Получался проходной двор, который Джамал-Эддин и решил ликвидировать. Сам Алиев был не в курсе этих планов, но кто-то из правительства республики, не желая возиться с проблемами, связанными с перепланировкой в здании постпредства и выделением денег под это дело, позвонил в Москву и соврал постпреду о том, что Алиев крайне недоволен его инициативой. Джамал-Эддин так расстроился, что у него заболело сердце.

Между тем Алиев в начале октября приехал в Москву, чтобы принять участие в сессии Верховного Совета СССР, которая должна была открыться 4 октября и где должна была быть принята новая Конституция СССР. Постпред лично встречал Алиева в аэропорту, надеясь, что тот сам объяснит ему свое отношение к задуманной им перепланировке. Но Алиев ничего ему не сказал, поскольку был абсолютно не в курсе происходящего. А дядя Магомаев объяснил это по-своему: что глава республики не желает с ним об этом разговаривать. Поэтому, когда он вернулся домой, ему стало плохо. Магомаев в тот момент вместе с друзьями был в ресторане «Баку», что на улице Горького (в конце мая он открылся после длительной реконструкции). В разгар веселья певец позвонил домой, чтобы узнать, вернулся ли дядя, и узнал от домашней хозяйки о случившемся. И тут же помчался к дяде.

Вспоминает М. Магомаев:

«Смотрю, дядя лежит с полотенцем на голове. «Очень, — говорит, — голова болит». Как мог, начал успокаивать его: «Голова может болеть и от погоды. На улице дождь». Спросил про Алиева. Дядя оживился: «Очень хорошо меня встретил, очень хорошо. Сердечно...» Вижу, что говорить ему трудно — скажет слово и отдыхает, дыхание переводит. Потом ему стало хуже. Неотложка. Одна, вторая... Уколы...

Он держался до последнего, просил нас с Тamarой (Тамара Синявская — жена певца. — Ф. Р.) выйти из комнаты, не хотел, чтобы мы его видели таким — ослабевшим, беспомощным... Последние его жесты были в сторону шкафа. Я понял, о чем он хотел сказать: там, в шкафу, — дедовские архивы. Дядя завещал мне хранить их.

Его увезли в больницу. Что-то оборвалось во мне. Я сидел у телефона. Выпил водки, но

не опьянел — настолько был в подавленном состоянии, что она показалась мне простой водой. Такой была реакция организма на то, о чем предупредили врачи, — дядя безнадежен.

Поздно вечером позвонили из больницы и сказали, что мы можем приехать. Я застал дядю Джамала уже без сознания...

Гейдар Алиевич тоже звонил в Кунцево. Не знаю уж, что там отвечали ему врачи. Наверное, обычные в таких случаях слова: состояние тяжелое, но стабильное. Возможно, скрывали от него, тянули время. В течение двух дней дядю всячески поддерживали, делали прямые уколы в сердце. Алиев должен был спокойно сделать свой ответственный доклад. Нельзя было в такой ситуации говорить ему о смерти постпреда республики. Как только закончилась телевизионная трансляция заседания, врачи уже могли сообщить о случившемся: Джамал-Эддин Муслимович Магомаев скончался, не приходя в сознание...

Гейдар Алиевич спросил: где бы я хотел похоронить дядю? Конечно, на родине, в Баку, рядом с дедом, его отцом... Мы отправились с телом дяди на самолете Алиева. Похоронили с большими почестями. Гейдар Алиевич нес его гроб...»

5 октября на съемочной площадке фильма «По семейным обстоятельствам» группа работала в декорации «квартира художника». Снимали эпизод, где героиня Галины Польских приходит в дом художника (Евгений Евстигнев), надеясь обсудить проблему возможного обмена жилплощади. Но тут выясняется, что на самом деле речи ни о каком обмене идти не может, поскольку объявление в газете фикция: на самом деле мама художника таким образом пытается подыскать ему невесту. В тот день сняли начальные и заключительные кадры эпизода, где раздосадованная гостья бросает в лицо художнику фразу: «Вы похожи на старого и не очень удачливого Дон Жуана». Середину эпизода снимут позднее (8 октября).

6 октября в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Перекресток» по мотивам произведения Василия Быкова. Владимир Высоцкий в нем занят не был, поэтому приехал позже других — аккуратно к банкету. Когда он вошел в зал, все ахнули: на нем был черный костюм (а его он практически никогда не надевал), белая рубашка, галстук. Кто-то из при-

сутствующих с удивлением сказал: «Володя, мы тебя таким еще не знали!» А тот в ответ: «Я и сам себя таким не знаю».

На том банкете присутствовала Вера Савина, с которой Высоцкий познакомился в январе прошлого года на концерте французского певца Максима ле Форестье. Однако, когда Вера встала, чтобы поприветствовать Высоцкого, тот ее не узнал. Как вспоминает она сама: «И тут я просто от его взгляда покрылась коркой льда. Потому что в его взгляде было такое отчуждение, такое отстранение. Я повторяю: «Мы с вами знакомы». А он снова: «Нет, я не помню».

Все с любопытством смотрят на нас... Так вот, сначала я покрылась льдом, а потом запылала. Он увидел мою реакцию и уже мягким голосом: «Господи, да вы напомните мне». Я было уже начала лепетать, что, помните, год назад с Максимом ле Форестье... Он сразу: «Спокойно, Веронька! Больше мне ничего не надо. Просто ты изменила прическу».

Тем временем 7 октября на сессии Верховного Совета СССР была принята новая Конституция СССР.

Вот как описывает это очевидец тех событий Ю. Королев:

«Как выступали депутаты? По сорок шесть человек в каждой палате, как сговорились. Причем более бесцветных выступлений я просто не слышал.

Это был 1977 год, страна медленно втягивалась в кризис, приближалась экономическая, политическая и национальная катастрофа. Но о ней ни слова ни в одном выступлении. Как будто загипнотизированными были народные депутаты в огромном зале Дворца съездов...

Много было сказано красивых и пышных слов как в адрес Председателя, так и самой Конституции. Даже в период «труб и барабанов, салютов и здравиц» это было довольно-таки ярким событием, привлечшим внимание всего мира. Проект Конституции был опубликован за два месяца до ее принятия, в обсуждении участвовали миллионы людей, поступило почти полмиллиона замечаний и предложений, которые сводились в многотомные фолианты в аппарате Председателя, обобщались, анализировались и оценивались (какой это был адский труд!). Спектакль был отлично поставлен умелыми людьми, показан послушной, загипноти-

зированной народной массе, привычно управляемой разветвленным партийным аппаратом. В результате — всенародное одобрение. День 7 октября стал Днем Конституции — выходным днем...» (Взамен 5 декабря, когда отмечалось принятие сталинской Конституции. — Ф. Р.).

В тот день, когда в Москве была принята Конституция, в Вильнюсе произошли массовые беспорядки, спровоцированные футбольными фанатами клуба «Жальгирис». Эта команда, выступавшая в низшем дивизионе, обыграла витебскую «Двину», чем привела в неопикуемый восторг своих поклонников. После матча несколько сот фанатов двинулись по улицам Вильнюса, выкрикивая отнюдь не футбольные кричалки. Люди скандировали: «Долой Конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!». По дороге к фанатам присоединялись другие горожане, которые вели себя так же агрессивно: они срывали со стен плакаты к 60-летию Октября, били витрины с наглядной агитацией. Милиция, которая в течение какого-то времени безучастно наблюдала за происходящим, затем получила приказ разогнать манифестацию. В воздухе замелькали дубинки, пролилась первая кровь. В тот день органами правопорядка были задержаны 17 человек.

А теперь оставим на время Вильнюс и перенесемся в Баренцево море, где 7 октября произошло не менее серьезное ЧП, а именно: атака НЛО плавучей базы Северного флота «Волга». Это был уже второй случай за последние две недели, когда непознанные летающие объекты посещали Землю. В первом случае, который произошел 20 сентября над Петрозаводском, НЛО вели себя вполне миролюбиво и даже позволили себя сфотографировать. А вот в Баренцевом море все было иначе: там НЛО будто взбесились. В течение 18 минут 9 фосфоресцирующих тарелок размером с вертолет подвергли многочисленным атакам плавучую базу, ведомую капитаном третьего ранга Таранкиным. Тарелки носились рядом с судном на высоте нескольких метров, перепугав до смерти экипаж «Волги». При этом радиосвязь на судне отключилась и восстановилась только после того, как тарелки умчались за горизонт.

О происшествии немедленно было доложено командованию Северного флота, которое, в свою очередь, телеграфировало об этом в Мо-

ску. Вечером того же дня свет увидела директива начальника Главного штаба ВМФ П. Навойцева, которую разослали по флотам. Директива называлась «Методические указания по организации в Военно-морском флоте наблюдений аномальных физических явлений и их воздействий на окружающую среду, живые организмы и технические средства». В директиве указывались характерные формы «аномальных явлений» («сфера, цилиндр, прямоугольник, диски с одной или двумя выпуклыми сторонами, диски с куполом, наличие внешних деталей, окон, люков, разделение на части с последующим полетом каждой части в отдельности и другие особенности») и характеристики их движения («очень большие скорости и необычные траектории полета, зависание, снижение, резкие маневры, колебания, вращение, переход из воздушной в водную среду и обратно»). В заключение документа указывалось, что «имеющаяся информация об аномальных явлениях в целом позволяет считать, что данная проблема заслуживает серьезного исследования...».

В эти же дни актера БДТ Олега Борисова усиленно тянули вступить в ряды КПСС. Была в те годы такая традиция: накануне или во время важных событий (а принятие новой Конституции было событием суперважным) принять в ряды коммунистов как можно больше людей. Однако Борисов всеми силами отбредивался от этого вступления, и эта бодяга тянулась уже три месяца. Вот как сам артист вспоминает об этом:

«Действительно, опасность нависла. Как дамодлов меч. Уже третий месяц Пустохин, секретарь парткома, за мной ходит. По пятам. Не было заботы, так подай. Я — ему: болен, Толя. Действительно, лежу с гриппом, плохо себя чувствую. Он говорит: хочешь я к тебе с марлевой повязкой домой приду, сразу договоримся? Я — ему: Толя, ты как клещ, дай поболеть спокойно. Потом — съемки, уезжаю на десять дней в Москву. По возвращении звонит, не успел в дом войти: надо поговорить. Опять отлыниваю. Начинаются репетиции «Тихого Дона», он как заладил: Григорий должен быть членом, ты не имеешь права... Я объясняю по-человечески: у меня Алена (жена артиста. — Ф. Р.) в рядах, ей положено по должности, она у меня голова, на семью одного коммуниста достаточ-

но. Он ни в какую: народный — ты, партия тебя признала. (Партия??) Я свои аргументы: посуди сам, Толя. Хотя я и народный, но ни народ, ни твоя партия в широком, массовом значении слова меня не знают. Уважает кучка психов, вредных интеллигентов — изгоев, блокадников, собаководов, алкоголиков, — и то не тех, что политику, самогон, мебельный лак... Такая маленькая кучка. Все!..

Конечно, я все это вливал в Пустохина по капле, не сразу. Еще напомнил ему про героев. Ведь вам, Толя, нужны красивые, социальные. А что у меня? Посмотри внимательно — не тот парад на лице!.. Знаешь, я сейчас читаю «Крейцерову сонату» Льва Николаевича... Могу срисовать оттуда портрет, который тебе нужен. Присмотрись в театре к кому-нибудь еще — и ты найдешь то, что ищешь: «миндалевидные влажные глаза, красные улыбающиеся губы, прическа последняя, модная... сложение не уродливое, с особенно развитым задом, как у женщины». По-моему, вполне... «Кто написал эту сонату? — переспросил Пустохин. — Надо будет почитать...» Он малость уже подкис, задумался. «Да, — говорит, — на трибуну тебя не поставишь. Кочергин тоже не может в партию, он — католик. Пойду-ка я к Стрельчику, поговорю с ним. Как ты думаешь, согласится?..»

В субботу, 8 октября, популярному писателю Юлиану Семенову исполнилось 46 лет. Он в тот день вернулся из Ленинграда и собирался ехать к себе на дачу на Пахру, чтобы в кругу друзей отметить это событие. В том же поезде в столицу возвращались и Владимир Высоцкий с Вадимом Тумановым. Семенов, естественно, стал зазывать их к себе: мол, выпьем-закусим. Но Высоцкий от этого приглашения вежливо отказался, сославшись на то, что ему сейчас недосуг.

Вспоминает В. Туманов:

«Мы были в тот момент совершенно свободны, хотели есть, кажется, еще в Ленинграде и как раз, выйдя из вагона, обсуждали, куда пойти. Почему он не пошел? Точно не могу ответить, но, кажется, что-то в приглашении, в форме его, что ли, показалось Володе некорректным. Он был очень чуток к нюансам...»

9 октября в 5.40 утра по-московскому времени с Земли стартовал космический корабль «Союз-25» с двумя космонавтами на борту: Владимиром Коваленком и Валерием Рюми-

ным. Они должны были достичь новой станции «Салют-6» и, согласно программе полета, состыковаться с ней. Однако в ходе этого полета космонавты едва не распростились с жизнью. Причем произошло это уже в самом начале полета, непосредственно во время стыковки. Корабль подошел к станции вплотную, коснулся ее, но штырь стыковочного механизма не попал в приемный конус. Такой же неудачей закончилась и вторая попытка. Коваленок остановил корабль около станции, пытаясь оценить ситуацию, и в это время с Земли обнаружили, что топливо, отведенное на стыковку, израсходовано полностью. Больше того — основная топливная система пуста, а это совершенно недопустимо. В ней должно было оставаться топлива хотя бы на одну попытку спуска. Оставался последний шанс — топливо, находившееся в резервной системе. Но тут всплыла еще одна неприятность: корабль и станция до сих пор не разошлись на оптимальное расстояние. Почему это произошло, было непонятно, но ситуация стала критической: корабль, оказавшись в тени станции, которая защищает его от встречного потока, мог вообще не развестись. Вместе они могли летать до бесконечности, а ведь кораблю нельзя долго находиться на орбите, поскольку запасы кислорода на нем небольшие. Короче, в ЦУПе схватились за голову и стали лихорадочно придумывать, как выйти из создавшегося положения. Вот как об этом вспоминает руководитель программы А. Елисеев:

«Баллистики потом объяснят, что произошло, а сейчас надо думать над тем, что делать. Ситуация из разряда невероятных. Такого идеального зависания мы не могли ожидать ни от автоматики, ни от космонавтов. Что, если полет рядом со станцией будет продолжаться до завтрашнего дня и, не дай бог, она стукнет по иллюминатору корабля? Как от этого застраховаться? Можно, конечно, на короткое время включить двигатели, которые отведут корабль от станции, но для этого надо знать, где он находится: сзади, спереди, сверху или снизу станции. Ни космонавты, ни станции слежения не могли дать координаты, а не имея такой информации, включать двигатели опасно — вместо расхождения можно вызвать столкновение. С другой стороны, и ждать долго нельзя. Я впервые почувствовал себя в ловуш-

ке, из которой не было выхода. Получалось, что в любом варианте приходится рисковать жизнью экипажа. Никогда раньше я такого не переживал...»

Но оставим на время космос и вернемся на грешную землю.

В тот день, когда в космос стартовал «Союз-25», в Москве футбольный «Спартак», выступающий в первой лиге, нанес поражение динамовцам из Ленинграда — 1:0. Эта победа позволила москвичам закрепиться в лидерах турнира: набрав 45 очков, «Спартак» занимал 2-е место, уступая всего лишь очко ташкентскому «Пахтакору».

А вот хоккейный «Спартак» своих болельщиков, наоборот, огорчал. 1 октября стартовал чемпионат страны, были сыграны уже два тура, и в обоих спартаковцы потерпели поражения: от ЦСКА (1:5) и свердловского «Автомобилиста» (1:9) (проиграет он и третью игру с рижским «Динамо»). В результате этого москвичи занимали последнее, 10-е место в турнирной таблице, чего со «Спартаком» давно уже не было. И это при том, что в команде появился новый старший тренер — Роберт Черенков, до этого возглавлявший саратовский «Кристалл». Волею судьбы жить его с семьей определили аккуратно в доме, в котором проживал и ваш покорный слуга, причем в одном подъезде: мы жили на 5-м этаже, а Черенков двумя этажами выше. И меня в те дни все время подмывало спросить у тренера, когда же моя любимая команда начнет выигрывать. Так и не спросил — духу не хватило.

10 октября новые беспорядки произошли в Вильнюсе. И вновь, как и в первом случае, поводом к ним послужил футбольный матч. В тот день вильнюсский «Жальгирис» встречался со смоленской «Искрой», и 10 тысяч разгоряченных игрой зрителей сразу после матча направились в центр города, выкрикивая лозунги против советской власти. У моста Жалясис к ним присоединились еще около 500 человек, включая русских. Милиция попыталась остановить шествие, но силы оказались явно неравны: демонстранты прорвали хилую цепочку стражей порядка и вышли на проспект Ленина. Но здесь их встретил второй, куда более мощный заслон из милиционеров и солдат внутренних войск. На площади началась настоящая битва, в которой органы правопорядка

применили дубинки, а демонстранты пустили в дело камни и цепи. Были выбиты стекла в здании ЦК КПЛ, разбиты витрины с политическими плакатами, прославляющими КПСС и новую Конституцию. Потери с обеих сторон были внушительными, хотя демонстрантам досталось больше: на десяток раненых стражей порядка пришлось около трех десятков раненых манифестантов. 44 человека были задержаны, причем большая часть из них — студенты. Их всех затем исключают из вузов, некоторых посадят.

10 октября из рядов членов Союза писателей СССР в добровольном порядке вышел писатель Георгий Владимов. Как мы помним, за последнее время из СП были исключены сразу несколько талантливых писателей, чьи произведения не укладывались в русло «социалистического реализма» (Владимир Корнилов, Лев Копелев), и следующим на очереди должен был стать именно Владимов, роман которого — «Верный Руслан» — был недавно опубликован на Западе. Но тот оказался хитрее. Чтобы лишиться руководителей СП радости присутствовать на очередном судилище, он написал заявление сам. В нем он написал: «Оставаясь на этой земле, я в то же время не желаю быть с вами. Уже не за себя одного, но и за всех, вами исключенных, «оформленных» к уничтожению, забвению (пусть не уполномочивших меня, но, думаю, не ставших бы возражать), я исключаю вас из своей жизни. Горсточке прекрасных, талантливых людей, чье пребывание в вашем союзе кажется мне случайным и вынужденным, я приношу сегодня извинения за свой уход. Но завтра и они поймут, что колокол звонит по каждому из нас и каждым этот звон заслужен: каждый был гонителем, когда изгоняли товарища, — пускай мы не наносили удара, но поддерживали вас — своими именами, авторитетом, своим молчаливым присутствием.

Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны и призваны, — давите, преследуйте, не пушайте. Но — без меня.

Билет № 1471 возвращаю...»

Подходят к концу съемки фильма «В зоне особого внимания». Вот уже почти месяц в теплых павильонах «Мосфильма» снимают объекты «хутор», «кинозал «Южных», «штаб «Северных». 10 октября снимали один из самых

динамичных эпизодов фильма — поединок прапорщика Валентира (Михай Волонтир) с озверевшими уголовниками на хуторе. Помните, прапорщик возвращается на хутор и застаёт в избе связанного хозяина и четырех матерых эсков, нагло хозяйничающих в доме. Эски отнимают у непрошеного гостя автомат, но забывают, что для десантника главное оружие не он, а его руки и ноги. С их помощью прапорщик и вырубает эсков, да так лихо, что просто дух захватывает. Что неудивительно: ведь во время съемки эпизода дублером актера был знаменитый специалист по восточным единоборствам, старший тренер центральной школы карате Добровольного спортивного общества профсоюзов Тадеуш Касьянов.

В Сочи снимают другой фильм — «Женщина, которая поет». 10 октября там снимали эпизод на пляже с участием Аллы Пугачевой и Николая Волкова. Поскольку в те часы на пляже находилась масса отдыхающих, все они ринулись к съемочной площадке, чтобы своими глазами увидеть звезду — Аллу Пугачеву. Вот как это описывает режиссер фильма А. Орлов:

«Во время перерыва вокруг Аллы собралась большая толпа, и все стали просить у нее автографы. Но поскольку на пляже у многих людей просто не нашлось, на чем писать, стали подбирать гальку, и Алла расписывалась на камушках. В конце концов когда мы вернулись на берег продолжать съемку, то, к нашему ужасу, обнаружили, что гальки на пляже просто не осталось...»

Тем временем ситуация вокруг космического корабля «Союз-25» продолжает оставаться опасной. Руководитель полета Алексей Елисеев мучительно ищет выход из тяжелого положения, в котором оказались космонавты. Ему пытаются помочь многочисленные советчики из числа его подчиненных. Некоторые из них предлагают дать экипажу указание немедленно включить систему ручного управления и с помощью двигателей отойти от станции. По их мнению, вероятность столкновения через полвитка крайне мала. Однако баллисты возражали против этого варианта: они заявили, что, если космонавты включают двигатели — может быть столкновение. В итоге Елисеев принял решение продлить еще на виток полет в пассивном режиме. Рассуждает он при этом следующим образом: на предыдущем витке столк-

новения не было, значит, оно не должно случиться на следующем. Хотя шансы были фифти-фифти.

В разгар этих работ Елисееву позвонил министр общего машиностроения Сергей Афанасьев. Поинтересовался, как развивается ситуация, и сообщил, что при любом раскладе он будет на стороне Елисеева. Эти слова несколько успокоили руководителя полета. Хотя до полного успокоения еще было далеко.

В течение всего пассивного полета в ЦУПе сохранялось напряженное ожидание. Никто из работавших там не вышел даже покурить, так велико было напряжение. Все только и думали: столкнутся — не столкнутся? Как вдруг в эфире раздался радостный голос Коваленка: «Расходимся, расходимся, «Заря», как слышите? Мы расходимся!» — «Слышим вас отлично, какое сейчас расстояние?» — ответил Елисеев. «Мы думаем, метров семьдесят, а может быть, и сто». — «Отлично. Примите радиограмму о программе полета». Спустя некоторое время корабль совершил благополучную посадку на Землю. На календаре было 11 октября.

Тем временем наши хорошие знакомые — братья Билыки и их поделщик Ставничий — готовятся к новому преступлению. Как мы помним, в мае они похитили два автомата у солдат-срочников, но один ствол Петр Билык вынужден был бросить, когда спасался бегством от милиционеров в Саратове. Однако и с одним стволом банда представляла из себя грозную силу и от своих намерений ограбить инкассаторов не отказалась. А поскольку в этом деле им до зарезу нужен был автомобиль, именно с него они и решили начать. Поиски длились недолго, и вот уже в поле зрения преступников появилась жертва — владелец «Жигулей» из поселка Медведовская Краснодарского края (сами преступники обитали под Краснодаром) Суховерхов. Поскольку в планы бандитов не входило оставлять владельца автомобиля в живых, Билыки специально сшили из двух мешков один — для трупа. Была сочинена и легенда: Суховерхов должен был отвезти их на свадьбу к другу в город Тимашевск. За это злоумышленники пообещали автовладельцу 30 рублей. Операция была назначена на 13 октября.

Преступники приехали к Суховерхову в середине дня. Тот уже был готов, и спустя ка-

ких-нибудь пять минут вся компания тронулась в путь. В салоне разместились так: Билыки сели на заднее сиденье, а Ставничий занял кресло рядом с водителем. У каждого из преступников было по ножу, плюс у Билыка-старшего была металлическая болванка, возвращенная в журнал «Крокодил». Ехали недолго. На окраине Ставничий попросил водителя притормозить, якобы чтобы сбегать «по-маленькому». Как только автомобиль остановился, все и началось. Билык-старший ударил водителя болванкой по затылку, после чего он же вонзил ему в грудь нож чуть ли не по самую рукоятку. Переместив труп на заднее сиденье, Билык-старший уселся за руль. Теперь их путь лежал в станицу Новорождественскую. Там они вынесли труп наружу, уложили его в мешок и спрятали в багажник. Затем их путь пролегал через Тихорецк в сторону Ростова-на-Дону. На 89-м километре трассы кто-то из преступников заметил в окно обломок железобетонной конструкции, который тут же был отправлен в багажник — чтобы в последующем сыграть роль грузила для трупа. Однако избавиться от него преступникам было не суждено.

Переехав Дон по Аксайскому мосту, бандиты вынуждены были остановиться, чтобы сменить лопнувшее колесо. Пока Билык-старший его менял, Ставничий и Билык-младший уничтожали улики: сожгли в лесополосе одежду убитого и три окровавленных чехла от сидений. Далее их путь лежал в сторону Новочеркасска. Однако около 12 часов ночи у них на пути возникли двое гаишников — Геннадий Богатиков и Георгий Вернигоров, которые не могли не обратить внимания на то, что у их «Жигулей» не работали фары освещения. Но вместо того, чтобы остановиться, Билык-старший еще пуше стал выжимать педаль газа. Милиционеры бросились в погоню.

Преследование длилось 7 километров (до развилки шоссе на Воронеж). Затем бандиты, понимая, что гаишники от них не отвяжутся, решились их убить. Для этого Билык-старший нажал на тормоз, а Ставничий взял в руки автомат. Милиционеры остановились неподалеку и первыми вышли из своего автомобиля. Этого и ждали преступники. Ставничий выскочил из салона и практически в упор стал поливать огнем стражей порядка. Первый залп

пришелся в сторону Богатикова, поскольку он единственный из милиционеров был вооружен пистолетом. Но пули прошли мимо, и Богатиков попытался забежать за автомобиль. Однако вторая очередь настигла его: одна из пуль угодила ему под левую лопатку, разорвала легкое и застряла в позвоночнике. Вернигоров не стал прятаться за автомобиль, а бросился бежать, но Ставничий рванул следом, стреляя в милиционера на ходу. Семь пуль угодили в гайшника, и он упал. Но Ставничий, привыкший все делать основательно, подошел к нему и произвел контрольный выстрел в голову.

Разгоряченные боем бандиты не стали обыскивать гайшников, а быстро пересели в их патрульные «Жигули» и скрылись с места преступления. В 2 часа 05 минут ночи мимо этого места проезжал пассажирский рейсовый автобус, который едва не сбил человека, вынырнувшего из темноты. Это был тяжело раненный Богатиков. Когда к нему выбежал водитель автобуса, гайшник прошептал: «Обстреляли нас... сволочи», — и попросил, чтобы у него взяли пистолет. После чего потерял сознание. Но его фраза про «нас» заставила водителя осветить фарами прилегающую местность. И вскоре был найден второй гайшник — Вернигоров. Но он был уже мертв. Богатиков умрет чуть позже — через несколько минут в автобусе, при въезде в Новочеркасск.

Тем временем Владимир Высоцкий с 11 октября находится с гастрольями в Казани. Он дает концерты на самых вместительных площадках: во Дворце спорта и в Молодежном центре. Вместе с ним там же выступает и ВИА «Шестеро молодых», однако народ идет прежде всего на Высоцкого, слава которого не сравнима ни с какой другой. Именно казанцам суждено будет стать первыми слушателями нового шлягера от Высоцкого — песни «Дорогая передача». Помните: «Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача, вся Канатчикова дача к телевизору рвалась...» Когда Высоцкий ее исполнял, за общим хохотом зала порой не было слышно слов. Да я сам, когда впервые слушал ее по магнитофону, ржал как заведенный, из-за чего приходилось по нескольку раз перематывать ленту обратно. Чего греха таить, в те годы Высоцкий здорово посерьезнел и практически прекратил работать в жанре сатиры. Его последние удачи на этом поприще — песни

«Диалог у телевизора» («Ой, Вань, гляди, какие клоуны...»), «Про козла отпущения», «Смотрины» («Там у соседа — пир горой...»), «Инструкция перед поездкой за рубеж», «В Шереметьево...» — были написаны три-четыре года назад. Поэтому многим казалось, что Высоцкий времен «Милицейского протокола», «Мишки Шифмана» и «Чести шахматной короны» кончился. Ан нет: оказалось, жив курилка!

Вспоминает А. Кальянов:

«Шестеро молодых» аккомпанируют Высоцкому. За пультом — я. Владимир Семенович дал мне строгое указание: чтобы по монитору он себя — не слышал! Нет проблем. Только занял свое место за пультом в зале, как повалил народ с магнитофонами. Умоляют подключить их к нашей аппаратуре. Но ладно бы один магнитофон, так ведь их набралось больше двадцати! А Владимир Семенович уважал коньячок. «Аист». И каждый из фанов с магнитофонами преподнес мне по бутылке этого «птичьего» коньяку. После концерта я Высоцкому все рассказал и честно заслуженным поделился. И он очень даже обрадовался. Тут же выпили по стаканчику с ним — для пробы. А потом перед каждым концертом Владимир Семенович принимал чай с коньяком. Пропорция, как сегодня, перед глазами: на четверть стакана коньяк, остальное чай...

Был еще один забавный случай. Высоцкий всегда выходил на сцену с немного расстроенной гитарой. Профессионалы думали: может быть, он не слышит, что у него гитара расстроена? На гитаре он шустро шпарил, а вот насчет того, что он знает ноты, многие сомневались. Наш руководитель Дима — царство ему небесное, умер в тюрьме — решил Высоцкому помочь. Перед началом концерта, пока не было Высоцкого, подкрался к «гитарке» — Высоцкий так свой инструмент называл — и быстро настроил как надо. Высоцкий вышел, исполнил первую песню. И вдруг призадумался: чертовщина какая-то! Тут же при всех стал «гитарку» свою вновь расстраивать. Ну, все профи в трансе. Грешат по-черному на Высоцкого: мол, у него вообще слуха нет... Дима наш едва не плачет: так обидно за хорошего человека стало. Улучил момент, в перерыв снова нырк к «гитарке», опять настроил. Высоцкий вышел на сцену. Один аккорд взял, другой... Тут же со сцены громко сказал: «Если кто еще хоть разок

мою гитарку подстроит, получит по морде. Ясно, нет?» И почему-то выразительно посмотрел на меня. Тогда все с облегчением вздохнули: со слухом у любимца публики все оказалось в порядке. Видимо, слегка расстроенная гитара изумительно гармонировала с доверительной хрипотцой артиста. Нарочно создавалась атмосфера дворовости. Что притягивало...»

В пятницу, 14 октября, свет увидел указ о присвоении звания заслуженного артиста РСФСР певцу Льву Лещенко. Указ вполне своевременный: на тот момент Лещенко был одним из самых популярных певцов Советского Союза. Это событие певец встретил в прекрасном расположении духа: в те дни была на взлете его творческая карьера, вполне благополучно складывалась и личная жизнь. Как мы помним, после разрыва отношений с первой женой, певицей Аллой Абдаловой, Лещенко связал свою судьбу со студенткой Ириной Багудиной. Правда, они еще не были официально женаты и находились в ранге жениха и невесты.

Вспоминает Л. Лещенко:

«Первое время перед нами остро стояла проблема, где жить. Поначалу я снимаю квартиру на «Маяковской», но она мне что-то не очень нравится. Кроме того, нужно учитывать и ситуацию Ирины — девочка живет с родителями, поступает в аспирантуру МГУ и одновременно находится с артистом Лещенко в не совсем понятных отношениях — не то любовница, не то жена... Мы каждый вечер с ней встречаемся, проводим время вместе, а в час ночи я отвожу ее к родителям домой на своих «Жигулях». После чего возвращаюсь в свою одинокую квартиру. Или же мы вместе отправляемся на мои гастроли, где Ира мужественно переносит все прелести советского гостиничного сервиса со сквозняками, тараканами и общепитовскими натюрмортами. И все это, как я вижу, начинает ее здорово нервировать. Чувствую, пора что-то срочно предпринимать — и разводится надо с Аллой, и квартиру новую каким-то образом построить... Но возможности построить новый кооператив у меня нет, так как за мной уже числится та квартира в Сокольниках, которую я оставил Алле. Тогда я обращаюсь к ней с просьбой: «Я сейчас подаю на развод. Но квартиру я разменивать не хочу. Давай мы с тобой лучше разделим на двоих

наш лицевой счет». Алла соглашается. И вот я с этим лицевым счетом, в котором указано, что у меня для проживания имеется всего лишь одна комната, получаю право на покупку себе новой кооперативной квартиры. Но — только однокомнатной. Тогда я прописываю к себе своего папу, строю новую двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте на имя папы, затем я уже сам прописываюсь у папы и таким образом становлюсь ее полноценным владельцем...»

В субботу, 15 октября, «Московский комсомолец» опубликовал очередной выпуск «Звуковой дорожки». Почитателей этой рубрики ждал приятный сюрприз: к привычному хит-параду лучших дисков теперь добавился и хит-парад лучших отечественных и зарубежных песен, звучащих на территории СССР. Однако начнем с дисков: 1. «По волне моей памяти» 2. «Тич-ин» 3. «Поет Энди Уильямс» 4. «Песняры» (диск II) 5. «Мигель Рамос — орган «Хаммонд» 6. «АББА» 7. «Ариэль» («Русские картинки») 8. «Поет Глория Гейнор» 9. «Поет Булат Окуджава» 10. «Лабиринт» (анс. «Мелодия»).

Песни (отечественные): 1. «Родина моя» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — София Ротару 2. «Из вагантов» (Д. Тухманов) — Игорь Иванов 3. «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный) — Лев Лещенко 4. «Не отрекаются любя» (М. Минков — В. Тушнова) — Алла Пугачева 5. «Все, что в жизни есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Самоцветы» 6. «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — «Песняры» 7. «За полчаса до весны» (О. Фельцман — Н. Олев) — «Песняры» 8. «Ты мне не снишься» (В. Добрынин — М. Рябинин) — «Синяя птица» 9. «Волшебник-недоучка» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева 10. «Облака в реке» (А. Днепроv — И. Кохановский) — «Поющие сердца».

Песни (зарубежные): 1. «Бабье лето» — Джо Дассен 2. «Сувенир» — Демис Руссос 3. «Деньги, деньги, деньги» — «АББА» 4. «SOS» — «АББА» 5. «Я одинок» — «Тич-ин» 6. «El bimbo» — разные исполнители 7. «Прощай, желтая кирпичная дорога» — Элтон Джон 8. «Июльское утро» — «Юрай Хипп» 9. «Sunny» — «Бони М» 10. «Ciao, bambino, sorry» — Мирей Матье.

От эстрады плавно перейдем к кино. В первой половине октября в столичных кинотеат-

рах состоялись следующие премьеры: 3-го — военная драма «Обелиск» Ричарда Викторова с участием Евгения Карельских, Игоря Охлупина, Леонида Охлупина и др.; мелодрама «Вы мне писали» Аиды Манасаровой с участием супружеской четы в лице Андрея Мягкова и Анастасии Вознесенской; 10-го — истерн «Не-нависть» Самвела Гаспарова с участием Евгения Солякова, Ивана Мацкевича, Евгения Леонова-Гладышева и др.; 13-го — эпопея «Солдаты свободы» (фильмы 1—2-й) Юрия Озерова, где снимались: Иван Любезнов, Евгений Матвеев, Виктор Авдюшко и др. Последний фильм, судя по тогдашним газетам, был посильнее «Фауста». Сей вердикт неувидителен: в картине впервые в отечественном художественном кинематографе отображен образ нынешнего генсека Леонида Брежнева, а пройти мимо этого факта партийные идеологи просто не имеют права. В одной из статей режиссер Станислав Ростоцкий так отзывается об этом фильме: «Солдаты свободы» — свидетельство здоровья, силы, зрелости нашего кинематографа». Во как завернул!

Кино по ТВ: «Веселая экскурсия» (ЧССР, впервые по ТВ), «Врача вызывали?» (с субтитрами) (1-го), «У озера» (2-я серия), «Долг» (премьера т/ф), «Доживем до понедельника» (2-го), «Доверие» (5—6-го), «Волшебник Изумрудного города» (м/ф, 8, 15-го), «Сто дней после детства» (впервые по ТВ), «Самый жаркий месяц» (9-го), «Школа мужества», «Олеко Дундич» (10-го), «Принц и нищий», «Сибирский дед» (впервые по ТВ), «А пароходы гудят и уходят» (13-го), «Повесть о первой любви» (14-го), «Сотвори бой» (15-го) и др.

Театральные премьеры: 4-го — в Театре имени Моссовета был показан спектакль «Версия» с Георгием Тараторкиным в роли Александра Блока; 6-го в Театре на Таганке — «Перекресток»; 7-го в Театре киноактера — «Третье поколение»; 8-го в Театре им. Ленинского Комсомола — «Хория» с участием Татьяны Пельтцер, Елены Шаниной, Александра Збруева и др.; 15-го в филиале МХАТа — «Мятеж» с участием Юрия Богатырева, Светланы Коркошко, Владимира Кашпура и др.

Эстрадные представления: 3—4-го — в ГТЭ выступал ВИА «Добры молодцы»; 5—6-го там же — оркестр «Современник»; 7—9-го в ЦДКЖ — семейный дуэт Вадим Мулерман и

Вероника Круглова; 8-9-го в ГТЭ — певица из ГДР Регина Тосс; 11-15-го в ЦДКЖ — Юрий Тимошенко (Тарапунька) и Ефим Березин (Штепсель); 14-го в «Софии» — Екатерина Шаврина, Светлана Резанова и др.; 15-го в «Октябре» — Галина Улетова, Людмила Рюмина, Жанна Горошеня и др.

Олег Даль вот уже несколько месяцев работает в Театре на Малой Бронной. Главреж театра Анатолий Эфрос его выделяет: дал ему роль Беляева в премьерном спектакле «Месяц в деревне», снял в своем фильме «Заповедник». Однако актер этим сотрудничеством не удовлетворен. Спектакль ему не нравится, фильм тоже особо не радует. В понедельник, 17 октября, Даль записывает в своем дневнике следующие строчки:

«Раздражение... Театр... В общем, все понятно. Чужой. Артисты довольно примитивны, я бы сказал, провинциальны. Раздражает даже Любшин, Петренко, не говоря о... Яковлевой. Раздражают даже Дуров, Козаков, Сайфулин и т. д.

Эфрос... Наделен ярким талантом видения. Умением почувствовать общий внутренний ритм пьесы и сцены... Как человек. Примитивен и неинтересен, а иногда просто неприятен. Женский характер... С одной стороны, ему нужны личности, с другой — марионетки... Он мечтает собрать вокруг себя личности, которые, поступившись своей личной свободой, действовали бы в угоду его режиссерской «гениальности», словно марионетки. Он мечтает не о содружестве, а о диктатуре. Но это его мечта, тщательно скрываемая. Он весь заведомо ложен, но несложен... Вот в чем для меня заключен основной момент раздражения к Эфросу, к его коллективу, к его искусству...»

В те дни состоялись решающие сессии по выдвижению кандидатов на получение Государственных премий. Как мы помним, в секции кино и телевидения были выдвинуты на соискание сразу 9 претендентов (пять художественных фильмов, три документальных плюс программа «Время», без которой было нельзя — ее обожал Брежнев). А премий в этой номинации было всего три.

Между тем особые споры возникли вокруг двух комедий: «Афоня» Георгия Данелии и «Ирония судьбы» Эльдара Рязанова. Мнения здесь разделились: кто-то предлагал вообще убрать их из списка (мол, год-то юбилейный,

не до комедий), кто-то предлагал перенести на следующий год, а кто-то настаивал на том, чтобы оставить хотя бы одну комедию. 10 октября, когда начались осенние сессии, эта проблема опять встала перед членами секции. Спорили до хрипоты, но так ни до чего и не dospорились. Решили продолжить разговор через неделю — 17 октября. Далее приведу отрывки из стенограммы того заседания:

«С. Жданова (зампред Гостелерадио): Давайте решать конкретно: выдвинем режиссеров за две хорошие й состав.

С. Герасимов: Хорошая мысль.

С. Жданова: Но у «Иронии судьбы» есть преимущество в массовости, в тиражности картины. По ТВ ее показывали три раза.

И. Кириллов (диктор телевидения): «Афоня» пользовался большикомедии.

С. Герасимов (председатель секции): Это упирается в стену нежелания других секций.

Ф. Ермаш (председатель Госкино): Нет оснований, что секции поддержат «Иронию судьбы». Говорят «хи» да «ха».

С. Герасимов: А по-моему, она нравится.

В. Ждан (ректор ВГИКа): Не пройдет!

С. Герасимов: Нам придется отстаивать по достоинствам и социальному значению сильнее. Может быть, все-таки перенести Дanelию. Надо его сохранить обязательно.

С. Ростокский (кинорежиссер): На двух комедиях настаивать нельзя.

С. Жданова: Но выбор одной будет субъективным. Это трудно.

Ф. Ермаш: Для меня нетрудно. «Афоня» выше по искусству.

С. Жданова: А по-моему, «Ирония судьбы».

В. Ждан: У Рязанова комедия, но по стилю Дanelия выше...

Ф. Ермаш: Если уж переносить, то я за перенос «Иронии судьбы». В «Служебном романе» тот же состав плюс Фрейндлих. А у Дanelии в «Мимино» другом успехом в Гане.

Ф. Ермаш: И в Англии, в США, во всех социалистических странах. Дanelия всегда социальную проблему решает.

С. Герасимов: Наведем справки, что пользуется у членов комитета большей популярностью, и решим. Для меня вопрос решен в пользу «Афони». Это решение более стабильно

у нас в секции. Голосуем список: «Белый паром», «Выбор цели», «Афоня», программа «Время», «Сто дней после детства». А «Иронию судьбы» переносим на будущий год».

Объясняя причины такого решения, Э. Рязанов пишет: «Соотношение сил в секции было понятно. Ермаш был активно против нашей картины. Он считал мой уход на телевидение чем-то вроде измены, не выносил Лапина, кино соперничало с телевидением и так далее. А следовательно, Ждан, Кармен, Кулиджанов, Ростокский и другие кинематографисты шли за ним в фарватере (Ермаш очень не любил, когда выступали против него). Герасимов занимался балансировкой, что называется «и нашим и вашим», а может быть, был искренен в своих бесконечных виляниях. Единственным человеком, который последовательно выступал за нашу ленту, была Жданова...»

17 октября на свалке возле подмосковного поселка Мамыри (недалеко от Хованского кладбища) была найдена страшная находка — труп девочки трех месяцев от роду. По мнению экспертизы, малышка перед смертью была изнасилована. Как выяснилось вскоре, это была та самая девочка, которая пропала 19 сентября у магазина «Детский мир», что на проспекте Мира. Как мы знаем, маньяком, убившим малышку, был москвич Анатолий Бирюков. За этот месяц он совершил еще три аналогичных преступления, несмотря на то что на его поимку были брошены значительные силы столичной милиции. Но маньяк оказался хитрее. Поняв, что его усиленно разыскивают, он решил сменить место своих преступлений и обратил взор на Подмоскovie. Там его и поймают.

Произойдет это в городе Чехове. В тот день Бирюков изменил своей привычке: не стал выслеживать жертву вблизи магазинов, а пошел на преступление спонтанно. Возвращаясь домой, он случайно увидел, что возле продуктового магазина стоит коляска. Маньяк не смог удержаться и заглянул внутрь. В коляске мирно спала девочка. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, Бирюков достал девочку из коляски и засеменял прочь. Но на этот раз удача отвернулась от душегуба. Он сделал всего лишь несколько шагов, как ребенок внезапно заплакал. Да так сильно, что этот плач услышала молодая мама-

ша. Выбежав на улицу, она подняла такой крик, что на него сбежались около десятка прохожих. Понимая, что осуществить задуманное ему не удастся, маньяк бросил ребенка и побежал прочь. Однако на этот раз у преступления оказалось слишком много свидетелей. Люди не только сумели обратить внимание на то, как был одет преступник, но и запомнили его внешность. И эти показания сыграют решающую роль в поимке маньяка — спустя несколько дней его арестуют.

Владимир Высоцкий 17 октября вернулся из Казани, где был на гастролях, и на следующий день отправился домой к своему другу Всеволоду Абдулову на улицу Немировича-Данченко (вот уже две недели, как Абдулов выписался из Тульской областной больницы и теперь долечивался дома). Высоцкий пришел не просто в гости к другу: он предложил ему завтра с утра махнуть на денек в Ленинград, с тем чтобы посетить лицей, где учился Пушкин, поскольку 19 октября — день Лицея. Абдулов, будучи, как и Высоцкий, заядлым пушкинистом, естественно, с радостью согласился.

В Питер ехали на новеньком «Мерседесе» Высоцкого.

Вспоминает В. Абдулов:

«Ни до, ни после такого Ленинграда я не видел. Отмытое до мраморного блеска небо, нет даже обычной ленинградской дымки. Город словно окунули в голубую чашу с голубым воздухом. Еще вечером северную столицу мучил серый, нудный дождик, а сейчас морозец, неожиданно схвативший лужи, навел на весь облик города строгий лоск, отчего он стал сказочно-торжественным. Мы едем в Лицей возбужденные, радостные. И вдруг — бац! Лицей закрыт: вечером будет какое-то мероприятие. Люди стоят, смотрят, переговариваются потихоньку. Мы среди них, но говорить ни о чем не хочется. Молчим. А потом короткий взгляд одной из сотрудниц самым чудесным образом нашел в толпе опечаленное лицо Володи. Она быстро повернула голову, что-то сказала остальным. Они даже не совещались, просто подошли и спросили:

— Кто с вами, Владимир Семенович?

И мне захотелось отозваться, крикнуть: «Я! Мы вместе!» Дурацкая боязнь, что о тебе забудут. Не крикнул. Пошел за Володей, ожидая злых шепотков в спину. Лучше бы через

«черный ход» пропустили, как в магазин пропускают тех, о ком ты частенько поешь. Тихо, по-домашнему.

Но был только один спокойный голос седого человека в старомодном пальто с бархатным воротником:

— Сегодня у поэтов такой день. Их день.

Володя улыбнулся старику, а тот слегка приподнял велюровую шляпу. И на душе у меня стало уютно. Мир добр, есть особенная, целебная прелесть в человеческом слове, произнесенном от доброты сердечной. Я, признаться, здорово ругал себя за худые мысли, действительно, разве могли прийти к Пушкину ранним утром люди, способные зло шептать в спину? Чепуха какая-то!

Нам разрешили посидеть за партой Поэта, показали все, что можно было показать. И слова здесь, в стенах Лицея, звучали музыкой, отраженной от старых стен, как от прошлого времени. Эхо пушкинских дней. И молчали мы наедине с Пушкиным, и расставание было не легким. Володя в пояс поклонился нашей доброй спутнице, поцеловал ей руку...

За поворотом, у раскидистого дерева, опустившего к земле тяжелые ветви, прямо на нас вышла большая компания школьников. Ребята узнали Володю и остановились, а он вдруг спасовал перед детским любопытством, покраснел даже. Вообще Высоцкий был человеком застенчивым, никакая популярность другим его сделать не могла... Самый ближний к нему мальчишка, такой стройный, пружинистый, держал в руках гитару. Володя, стараясь замаять неловкую ситуацию, скрыть смущение, немного торопливо сказал:

— Раз уж ты с гитарой, сыграй нам что-нибудь.

Мальчишка вопреки ожиданиям не растерялся. Глаза у паренька озорные, в их открытой синеве плывет багряный цвет далекой осени Поэта. Потом поднял гитару, с вызовом, с любовью, вздрагивающим от собственной дерзости голосом запел:

— Извозчик стоит. Александр Сергеевич прогуливается...

Когда он кончил петь, Володя улыбнулся:

— Ты все угадал. Ты даже не представляешь, как мы тебе благодарны! Спасибо.

А мальчишка в ответ протягивает гитару и говорит:

— Теперь ваша очередь, Владимир Семенович.

И остальные подошли ближе, лица подняты к Володе, теперь на них нет любопытства. Ожидание, волнение есть. Они еще не умеют прятать свои чувства, не научились... Им очень хочется послушать Высоцкого. Я ни секунды не сомневаюсь — споет, он просто не может им отказать.

Володя пожал плечами:

— Спеть? Право, не знаю, что тебе ответить. Давай лучше почитаю.

Высоцкий откашлялся. И лицо его вдруг ушло от нас, стало совсем другим, и смотрел он уже глазами человека, который видит Пушкина. Живого. И не верить ему нельзя: там он — перед Александром Сергеевичем...

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей...

В Сочи продолжают съемки фильма «Женщина, которая поет». Снимают практически каждый день: так, 11—13 октября снимали в ресторане «Кавказский аул» (эпизоды с участием Пугачевой и Николая Волкова), 14-го — в Зеленом театре (Пугачева, Волков), 15-го — на берегу моря (Пугачева, Александр Хочинский), 16-го — на пляже Ривьера (Пугачева), 18-го — на пляже Ривьера и в бассейне (Пугачева).

В эти же дни в газете «Петровка, 38» появилась идея опубликовать в праздничном номере 10 ноября (ко Дню милиции) интервью с Аллой Пугачевой. Дело это поручили журналисту Эдуарду Попову. Тот раздобыл домашний номер певицы, но ее мама Зинаида Архиповна сообщила, что дочь находится на съемках в Сочи. Тогда Попов позвонил в сочинскую гостиницу «Приморская». Портье продиктовал ему телефон в номере Пугачевой, но журналист звонил туда до глубокой ночи, и все безуспешно. Отчаявшись, работник пера перезвонил портье и попросил передать Пугачевой, что журналист Попов из «Петровки, 38» будет звонить ей в 10 часов утра: дескать, пусть ждет. Знай он, во что обойдется певице и всей съемочной группе этот звонок, он бы, может, и не стал бы все это затевать. А так вышло вот что. Получив записку от портье, Пугачева ударилась в панику: раз звонят из милицейской газеты,

значит, случилось что-то нехорошее. Обокрали ее квартиру? Что-то с дочерью Кристиной? Пожар? Короче, съемки в тот день были отменены. Не смыкавшая всю ночь глаз Пугачева со страхом ждала звонка из Москвы. А когда дождалась и узнала, в чем суть, смеялась до слез. И на радостях согласилась дать интервью настырному журналисту. Они проговорили по телефону аж полтора часа.

В те дни закатилась звезда уникального советского преступника, этакое гения преступного мира Бориса Венгровера. Человек недюжинного ума и выдающихся способностей, Венгровер занимался воровским ремеслом с настоящим упоением и истинной выдумкой. Помимо милиции Советского Союза, на территории которого он уже успел «схлопотать» 13 судимостей, его искали еще в нескольких европейских странах, чтобы предать суду за квартирные кражи. Однако Венгровер был неуловим. Как представитель поколения «идейных» воров, он грабил только состоятельных людей. Если воровская судьба заносила его в квартиры бедных, оттуда ничего не пропадало. Взяв несколько богатых квартир, Венгровер на какое-то время залегал на дно или, меняя место пребывания, выезжал за границу. С приятной, импозантной внешностью, он обычно выдавал себя то за бухгалтера, то за финансиста какой-нибудь солидной организации.

В молодости Венгровер искренне и самоотверженно влюбился в девушку из приличной семьи и даже женился на ней. У них родилась дочь. Однако в скором времени родители девушки узнали, какому роду деятельности отдает свои силы и страсть их зять, и тут же потребовали от дочери порвать с ним всякие отношения. После этого Венгровер решает «завязать» со своим ремеслом. Отсидев очередной срок, он устроился рядовым путейским рабочим на железную дорогу. Вскоре за отменные человеческие качества — а был он щедрым и великодушным — Венгровер снискал в коллективе истинное уважение. Не имея возможности общаться со своей родной дочерью, он всю свою нерастрченную отцовскую любовь отдавал чужим детям. Именно для них на собственные деньги он построил детский спортивный городок в районе Селезневки.

Говорят, именно обида за свою неудавшуюся семейную жизнь толкнула Венгровера

на прежнюю воровскую стезю. Он вспомнил лихую молодость и решил тряхнуть стариной. Числясь истопником Саженовской специальной школы-интерната, что в Рязанской области, он стал частенько отлучаться к своим якобы дальним родственникам. Назад же возвращался не с пустыми руками, и почти все это богатое барахло раздаривал саженовцам. До своего ареста в 1977 году он успел обокрасть семь квартир в Рязани и три — в Москве. В последней его и поймали. Звезда уголовного мира СССР и нескольких европейских стран был случайно задержан во время своего очередного ограбления в доме в Токмаковом переулке, с которым в ту пору соседствовал ваш покорный слуга. Венгровер уже собрал в сумки богатые пожитки, когда в квартиру внезапно вернулась хозяйская дочка — студентка. Вор не растерялся: сказал, что увидел дверь открытой, зашел и спугнул воров. «Надо немедленно сходить за милицией, — не давал опомниться девушке домовник. — Я схожу в отделение, а вы здесь ничего не трогайте и ждите». Однако на этот раз фортуна изменила Венгроверу. Он уже вышел на улицу, как вдруг девушка обо всем догадалась, высунулась в окно и закричала на всю улицу: «Держите вора!» Его и задержали, поскольку был он уже в возрасте и далеко убежать не сумел.

На суде, который состоялся осенью 77-го, Венгровер вел себя честно, во всем признался и, более того, изъявил желание помочь советским гражданам уберечь свои квартиры от посетителей вроде него. Он говорил о дверях, изготовленных из пластинок спрессованного картона, о непрочных замках, которые можно было открыть при помощи спички. Все это вор рассказывал искренне, отнюдь не стремясь «купить» представителей правосудия. Он был уже старым и искушенным в жизни человеком и прекрасно понимал — это его последняя судимость. Выйти живым из тюрьмы он уже не надеялся и чистосердечным признанием стремился хоть как-то облегчить душу.

20 октября на свое очередное заседание вновь собралась секция кино и телевидения, которая должна была выдвинуть кандидатов на получение Госпремий. Как мы помним, на заседании, состоявшемся три дня назад, члены секции большинством голосов поставили крест на фильме «Ирония судьбы», отдав пред-

почтение «Афоне» Георгия Данелии. Однако на своем новом заседании ситуация развернулась на 180 градусов. Председатель секции Сергей Герасимов вдруг сообщил, что «Иронию судьбы» поддерживают другие секции, а посему именно «Афоню» надо перенести на следующий год. Ему возразил другой кинорежиссер — Станислав Ростоцкий: он предложил вместо комедий отстаивать... документальный фильм «Голодная степь». Мол, если нам дадут еще одну премию, то не для комедии, а для документального фильма. Герасимов поступил так же, как и в предыдущие разы, — тут же славировал. Сказал: есть в этом резон. Тогда уступим «Иронию судьбы».

На следующий день состоялся пленум, на котором присутствовали все секции, участвовавшие в выдвижении кандидатов. Там произошло чудо: все присутствовавшие единогласно выступили за выдвижение на премию рязановскую «Иронию судьбы», а «Афоню» перенесли на следующий год. Сам Рязанов об этом пока ничего не знает, поскольку в те дни вместе с женой находится в Америке.

В пятницу, 21 октября, вышел секретный указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы сотрудников КГБ СССР, участвовавших в операции по обезвреживанию агента ЦРУ Александра Огородника-Трионона. Как мы помним, несмотря на то что во время проведения этой операции американскому шпиону удалось покончить жизнь самоубийством, чекисты скрыли от ЦРУ этот факт и заманили их агентов в ловушку. За это четыре участника операции (руководители) были отмечены орденами Красного Знамени, двое — Красной Звезды, трое — медалями «За боевые заслуги».

Вспоминает И. Перетрухин (он был награжден орденом Красной Звезды):

«Ордена и медали сотрудникам Седьмого управления и других подразделений Комитета вручал в торжественной обстановке первый заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник С. К. Цвигун. Как-то позже Михаил Иванович Курышев рассказал мне, что Цвигун, сравнивая Огородника с разоблаченным ранее агентом американской разведки Пеньковским, назвал последнего «паршивым щенком».

Лишь много лет спустя мы узнали, что процедура нашего награждения была не столь уж безоблачной. Не все руководители КГБ СССР на самом высоком уровне искренне радовались успеху Второго главного управления, которым руководил Григорий Федорович Григоренко (он за эту операцию был награжден орденом Красного Знамени. — Ф. Р.). Несмотря на уже принятое Ю. В. Андроповым решение представить к награждению боевыми орденами и медалями ряд отличившихся в этом деле сотрудников, его первый заместитель, замещавший на время болезни Председателя КГБ, всячески затягивал вопрос о направлении соответствующих документов в ЦК КПСС, ссылаясь на то, что Трионову в процессе проведения операции удалось отравиться, а это нельзя рассматривать иначе, как провал, и так далее. Эта история завершилась тем, что после выздоровления Ю. В. Андропов сделал все сам. Справедливость, таким образом, восторжествовала...»

В эти же дни в столичном Театре эстрады закончился конкурс на лучшее исполнение советской песни. На него съехались несколько десятков исполнителей со всей страны, в том числе и два десятка вокально-инструментальных ансамблей. К тому времени этот жанр в советской эстраде был одним из самых доминирующих, и не было в стране даже отдаленного населенного пункта, где бы не существовал хотя бы один ВИА. Практически все ансамбли были похожи один на другой, поскольку свой репертуар они строили исключительно на копировании профессиональных ВИА типа «Самцветов» или «Веселых ребят». Правда, в упомянутом конкурсе оба эти популярных ВИА не участвовали, поскольку являлись мастодонтами эстрады, а туда допускались только молодые коллективы. Места среди победителей распределились следующим образом: 1-е — «Иверия» (Тбилиси), 2-е — «Наво» (Ташкент) и «Гунеш» (Ашхабад), 3-е — «Модо» (Рига), «Синяя птица» (Куйбышев), «Сябры» (Гомель), «Пламя», «Ровесники» (Москва).

Подходят к концу съемки комедии «По семейным обстоятельствам»: осталось отснять один объект на натуре и ряд павильонных. Так, 24—25 октября на одной из платформ Рижского вокзала сняли финал картины — «провода» Изольды Тихоновны и ее жениха-грузина. Од-

нако на самом деле исполнители этих ролей никуда не уехали, поскольку на следующий день после съемок «проводов» уже снимались в павильонных сценах.

25 октября большой праздник пришел на улицу болельщиков футбольного клуба «Спартак» (Москва): их команда получила право снова играть в высшей лиге. Вообще-то истинные поклонники клуба и не сомневались, что так оно и будет, но предполагать, что этот путь окажется настолько трудным, никто не мог. Буквально до последнего момента за выход в высшую лигу боролись три клуба: «Спартак», ташкентский «Пахтакор» и минское «Динамо». Но выйти в высший дивизион должны были только двое из трех. «Спартак» это сделал первым. Произошло это 25 октября на стадионе «Локомотив», где столичные футболисты принимали симферопольскую «Таврию». Несмотря на холодную и дождливую погоду, на стадион пришли 20 тысяч зрителей. Москвичи начали игру, что называется, с места в карьер, но пробить вратаря гостей долго не могли. Наконец на 31-й минуте лучший бомбардир первенства спартаковец Ярцев после точного паса Ловчева открыл счет, доведя число забитых мячей до 16. Спустя 7 минут Сорокин, с помощью все того же Ловчева, удвоил результат. На 66-й минуте Гаврилов сделал счет 3:0. Затем «Спартак» несколько сбавил обороты, что позволило гостям забить гол престижа: это сделал футболист с веселой фамилией Коробочка. После этой победы «Спартак» набрал 51 очко и завоевал путевку в высшую лигу. Вторым счастливым станет ташкентский «Пахтакор».

Польская певица Анна Герман гастролирует в Донецке. Она выступает в одном концерте с другим популярным польским певцом и композитором Чеславом Неманом: тот выступает в первом отделении, Герман — во втором. Оба ревностно относятся к успеху друг друга и негласно соревнуются между собой. Побеждает Герман, что вполне объяснимо: Неман был рок-музыкантом, к тому же приверженцем сложной музыки. Он даже на сцене выглядел сурово: в черном, по-военному скроенном костюме со стоячим воротничком. А Герман вся лучилась весельем и песни пела доходчивые: «Быть может», «Это, наверное, май», «Когда цвели сады», «Надежда». Последняя пользовалась особым успехом, ее неоднократно

просили исполнить на «бис». Герман была счастлива и даже черкнула несколько слов об этом успехе своей московской подруге Качалиной. У той муж был ярым фанатом Немана и Герман. Зная об этом, певица не преминула заметить: «Передай Боре, что меня приняли лучше, чем самого пана Чеслава. Так что есть еще порох в пороховницах!» Кстати, сам Неман относился к Герман вполне доброжелательно, чего нельзя было сказать о других коллегах певицы. К примеру, Марьяля Родович на дух ее не переносила и при каждом удобном случае старалась это подчеркнуть. Впрочем, в мире искусства это вполне распространенное явление.

Другой пример из этой же области. Многие советские поэты завидовали славе Владимира Высоцкого и не хотели причислять его к своему цеху. При словах «поэт Владимир Высоцкий» их буквально передергивало. И даже когда 26 октября Высоцкий произвел фурор на поэтическом вечере в Париже, где прочитал несколько своих стихов, даже тогда они не признали в нем своего собрата. А вечер получился отменный. Вот как об этом вспоминал Р. Рождественский:

«Компания подобралась достаточно солидная: К. Симонов, Е. Евтушенко, О. Сулейменов, Б. Окуджава, В. Коротич, М. Сергеев, Р. Давоян, В. Высоцкий и др. Устроители вечера явно сэкономили на рекламе. Точнее, она отсутствовала напрочь! И, конечно же, нам говорили: «Стихи?! В Париже?! Абсурд!.. Вот увидите — никто не придет!..»

Мы увидели. Пришли две с половиной тысячи человек.

Высоцкий выступал последним. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера, потому что это была никакая не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!..»

В среду, 26 октября, Эльдар Рязанов вместе с женой вернулись из США. И едва успели ступить на родную землю, как тут же были оповещены о радостном событии — о том, что «Ирония судьбы» выдвинута на Госпремию. Вот как сам режиссер вспоминает об этом:

«Пройдя процедуру паспортного контроля, мы с Ниной оказались в таможенном зале. Мы не думали, что нас кто-нибудь будет встречать. И вдруг за барьером, где толпились встречающие, увидели наших близких друзей Василия и

Инну Катанян. Вася, мой самый дорогой друг еще с институтских годов, размахивал руками и орал на весь зал аэропорта Шереметьево:

— Единогласно, единогласно! Поздравляю! Ни одного голоса против!..

Голосование было тайным. Каждый член комитета, голосуя за «Иронию судьбы», понимал, что кто-то будет против. Поэтому знал — его не удастся уличить в том, что он предпочел безыдейную пустышку произведениям магистрального направления. Никто не хотел выдвигать нашу ленту, но при тайном голосовании выяснилось, что члены комитета в глубине души оказались нормальными зрителями. И все они, включая тех, кто при обсуждении выступал против, отдали свои голоса нашей комедии. Все-таки род человеческий, освобожденный от страха, догм и заклятий, не так-то уж плох!..»

28 октября Президиум Верховного Совета СССР выпустил очередной указ, и опять секретный. Но на этот раз он был посвящен не героическим подвигам сотрудников КГБ, а восстанавливал справедливость по отношению к человеку, которого давно не было в живых. Речь идет о награждении орденом Отечественной войны I степени старшего сына Сталина Якова Джугашвили. В самом начале войны он ушел на фронт и практически сразу угодил в плен. Вел себя там героически и погиб 14 апреля 1943 года в концлагере Заксенхаузен. За прошедшие тридцать лет в открытой печати о старшем сыне вождя всех времен и народов практически ничего не упоминалось, и большинство фактов его биографии было покрыто мраком. Единственный источник, по которому большинство людей черпали информацию, был фильм «Освобождение», где был показан знаменитый эпизод: в ответ на предложение фашистского командования обменять Якова на фельдмаршала Паулюса, Сталин изрекает крылатую фразу: «Я солдат на генералов не меняю».

Между тем с этим указом вышла поистине детективная история. Говорят, Брежнев долго тянул с его подписанием, а когда все-таки поставил под ним свою роспись (специально к 60-летию Октября), потребовал, чтобы об его появлении нигде не сообщалось. Так и сделали. Хотя утечка все-таки будет: бессменный секретарь Президиума ВС СССР Михаил Геор-

газде не выдержит и объявит об этом своим соотечественникам во время торжественного собрания в Тбилиси, посвященного 60-летию Великого Октября. Вскоре об этом каким-то образом узнает хранительница музея МИИТа, в котором учился Яков Джугашвили, Анелли Володина и попытается уточнить в наградном отделе Президиума ВС СССР номер и дату указа о награждении, чтобы внести это в анналы своего музея. Но ей ответят, что ничего про такой указ не знают (!) и посоветуют про него забыть. А когда она начнет проявлять настойчивость в этом деле, заместитель заведующего наградным отделом лично ее предупредит: «Прекратите заниматься этой личностью, иначе все это плохо кончится!» В итоге только в середине 80-х, когда в стране задуют ветры перемен, Володина добьется справедливости и установит и номер и дату того секретного указа.

В конце октября в Москве опять была паника: люди только и говорили, что в городе опять объявились террористы. Слухи эти были небеспочвенны. Дело в том, что на Курском вокзале была обезврежена адская машинка. Произошло это, в общем-то, случайно. Террористы, которые были причастны к январским взрывам в Москве, решили вновь напомнить о себе, приурочив новый взрыв к ноябрьским праздникам. Объектом для взрыва они выбрали Курский вокзал. На одной из лавочек в зале ожидания преступники оставили хозяйственную сумку, начиненную мощной взрывчаткой. Поставив часовой механизм на 20-минутное включение, они с уже купленными на обратный рейс билетами спокойно отправились к своему поезду. Если бы взрыв произошел, то шрапнель унесла бы на тот свет не менее сотни человек. Но взрыва не произошло, хотя преступники вроде бы учли в своих расчетах все. Делая ставку на такую человеческую слабость, как любопытство, они сконструировали часовой тумблер на взрывчатке «в обратную сторону», рассчитывая, что люди, находящиеся рядом, поймут, что сумку забыли, заглянут туда и, увидев взрывной механизм, попытаются его отключить. Для этого они переключат тумблер, и именно это и приведет к взрыву. Но все вышло наоборот.

Сидевшая рядом со «взрывной» сумкой семья оказалась одной из самых нелюбопытных

и не заглянула в сумку до утра следующего дня. А когда глава семьи все-таки сделал это, то батарейка, питавшая детонатор, села настолько, что силы тока уже не хватило для подрыва детонатора. Естественно, что свою находку этот человек тут же отнес в милицию.

Когда весть о новой бомбе в Москве разнеслась по городу, среди населения возникла очередная паника. На улицах города тогда вновь появились усиленные наряды милиции, в вагонах метро постоянно курсировали военные патрули, которые «шарили» глазами по всем подозрительным сумкам и пакетам.

В конце главы, как обычно, краткая хроника культурной жизни столицы. Начнем, как водится, с кинопремьер, которых во второй половине октября оказалось как никогда много. 17 октября на широкий экран вышли сразу три новые ленты: политическая драма Себастьяна Аларкона **«Ночь над Чили»** с участием Григоре Григориу, Гиули Чохонелидзе и др., советско-румынский мюзикл **«Мама»** Элизабеты Бостан, где снялись: Людмила Гурченко, Михаил Боярский, Савелий Крамаров, Олег Попов и др., детектив **«Транссибирский экспресс»** Эльдора Уразбаева с участием Асанали Ашимова, Нонны Терентьевой, Константина Григорьева, Олега Видова и др.; 18-го — биографический фильм Маноса Захариаса **«Псевдоним Лукач»** с Андрашом Козаком в главной роли; 19-го — мелодрама Сергея Соловьева и Тасаюки Касикуры **«Мелодии белой ночи»** с участием Юрия Соломина, Камаки Курихары и др.; 24-го — психологическая драма Константина Худякова **«Жить по-своему»** с участием: Анатолия Кузнецова, Ларисы Лужиной, Льва Дурова и др.; мелодрама Олега Николаевского **«Встретимся у фонтана»** с участием Владимира Смирнова, Валентины Теличкиной и др.; 25-го — эпопея Юрия Озерова **«Солдаты свободы»** (фильмы 3—4-й); 28-го — производственная драма Юлия Карасика **«Собственное мнение»**, где снялись Владимир Меньшов, Людмила Чурсина, Александр Лазарев и др.

Кино по ТВ: «Собор Парижской Богоматери» (Франция, 16-го), «Николай Бауман» (17-го), «Рустам и Сухраб» (18-го), «Приходите завтра» (19-го), «Хождение по мукам» (премьера т/ф 19—20-го, 22—23-го, 25, 27, 29—30-го), «Запасной игрок» (20-го), «Мама вышла за-

муж» (22-го), «Премия» (впервые по ТВ 23-го), «Товарищ Арсений» (24-го), «Нет дыма без огня» (25-го), «А если это любовь?» (26-го), «Ровесник века» (29-го), «Октябрь», «Укротители велосипедов» (30-го), «Яков Свердлов» (31-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 22-го — в Театре имени Пушкина был показан спектакль «Третье поколение» с участием В. Безрукова, Ю. Аверина и др.; 25-го в Театре имени Гоголя — «Берег» по Ю. Бондареву; в Театре сатиры — «Бег» по М. Булгакову с участием Анатолия Папанова (Хлудов), Спартака Мишулина (Чарнота), Валентины Шарыкиной (Серафима), Татьяны Васильевой (Люська) и др.; 26-го в Драмтеатре имени Станиславского — «Повесть об одной любви»; 29-го в Театре имени Моссовета — «Успех» с участием Георгия Жженова, Леонида Маркова, Александра Ленькова и др.

Эстрадные представления: 15—16-го и 22—23-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты «Товарищ кино-77», в которых приняли участие многие звезды советского кинематографа: Борис Чирков, Иннокентий Смоктуновский, Нонна Мордюкова, Николай Крючков, Всеволод Санаев, Георгий Вицин, Арчил Гомиашвили, Светлана Светличная, Евгений Жариков, Наталья Фатева, Алла Ларионова и

др.; 23-го — в «Октябре» пела Майя Кристалинская; в «Варшаве» — Алла Абдалова, Нина Бродская, Людмила Рюмина; 26-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали: Алла Пугачева, Людмила Зыкина, Геннадий Хазанов, Валерий Ободзинский, ВИА «Пламя» и др.; 30-го — в «Варшаве» пел Владимир Макаров.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие пластинки: миньоны — «Поет Лев Лещенко» с песнями: «Нам не жить друг без друга» (А. Пахмутова — Н. Добронравов), «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный) и др.; «Поет ВИА «Красные маки»: «Первая любовь» (Д. Руссос — А. Григорьев), «Есть закон у тайги» (Н. Богословский — М. Танич), «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный), «Шаги» (Я. Френкель — А. Поперечный); «Поет ВИА «Самоцветы»: «Все, что есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Сколько в мире дорог», «Первое свидание».

Пластинки журнала «Кругозор» (№ 10): ВИА «Пудис» (ГДР) — песни «Камни», «Воскресные поездки»; «Песни из к/ф «Служебный роман»; София Ротару — «Родина моя» (Д. Тухманов — Р. Рождественский), «Лишь раз цветет любовь» (В. Ивасюк — Б. Стельмах); Карел Готт — «Золотой прииск» (К. Свобода — И. Сухи), «Город огромный» (А. Зацепин — Л. Дербенев).

1977 Н о я б р ь

Террористы арестованы. Поиски убийц двух гаишников продолжаются. Новый взлет Юрия Чурбанова. Умер человек-легенда Алексей Стаханов. «Динамо» (Киев) — чемпион! Госпремия для Таривердиева. Почему Леонид Быков не хотел принимать премию. В роли антисоветчика — сын Александра Ширвиндта. Как поймали двух воров. Не самые лучшие годы «Голубого огонька». Почему футболист Адамов покончил с собой. «Десять дней...», которые не потрясли Париж. Как Луи Арагон просил Брежнева отпустить на волю Параджанова. Тяжелое время Петрухи. Убийство из-за ревности. Смелая продавщица. Чествование «Спартака» в Моссовете. Как напали на след братьев Билыков. Арест убийцы-ревнивца. Как Анатолий Собчак познакомился со своей будущей женой. Гастроли «Таганки» в Париже продолжаются. Новый недуг Владислава Дворжецкого. Студия Олега Табакова переезжает в подвал на улице Чаплыгина. Джинсы по-советски. Как разошлись пути Аллы Пугачевой и Александра Зацепина. Умер Алексей Грибов. НЛЮ над Забайкальем. Проблемы «Ошибок юности» продолжаются. Как КГБ обманул Петра Григоренко.

Продолжаются поиски террористов, взорвавших бомбы в Москве в январе этого года. Как мы помним, в конце октября они вновь дали о себе знать, оставив бомбу на Курском вокзале в Москве. По счастливой случайности взрыва не произошло. Между тем эта сумка помогла сыщикам напасть на след террористов. Дело в том, что те настолько были уверены, что адская машинка сработает, что... оставили в сумке свои личные вещи: синюю куртку и шапку-ушанку. На последней эксперты обнаружили несколько черных курчавых волос. Ориентированные на поиски людей без верхней одежды, на ноги были подняты милицейские силы на всех железнодорожных вокзалах и в аэропортах страны в направлении таких городов, как Ереван, Тбилиси и Баку. Но особенно дошито шерстили Ереван, поскольку на него указывали и другие улики. Например, такая. Незадолго до обнаружения взрывчатки на Курском вокзале в ташкентском аэропорту один из чекистов-стажеров обратил внимание на дорожную сумку бежевого цвета в руках у одной женщины, спешившей на самолет. Сумка эта

была идентична той, которая была запечатлена на фотографии, присланной из Москвы (именно в такой сумке лежала взрывчатка, что взорвалась в вагоне столичного метро). Женщину ту попросили на несколько минут задержаться и проверили ее сумку. Она была набита обыкновенными хозяйственными вещами, однако чекистов интересовали не они, а ярлык завода-изготовителя сумки. Оказалось, что эту сумку из белгородской кожи сшили на заводе... в Ереване. Как только эта информация достигла Москвы, оттуда в столицу Армении на личном самолете председателя КГБ СССР вылетела оперативно-следственная группа.

Тем временем сыщикам, шерстившим поезда кавказского направления, повезло: они задержали молодого армянина, при котором не было документов, но самое главное — он был без верхней одежды. А на дворе было начало ноября. Этот задержанный — 24-летний рабочий Акоп Степанян — возвращался в Ереван из Москвы вместе со своим приятелем — 32-летним художником Завеном Багдасаряном. Его тоже задержали. Обоих приятелей этапировали

в Ереван, но обвинений пока никаких не предъявляли. Все произошло на следующие сутки.

Матерые оперативники решили сыграть на неопытности задержанных. К тому времени из Москвы были присланы в Ереван сумка с Курского вокзала и обнаруженные в ней вещи. Следователь КГБ вызвал к себе Багдасаряна и сообщил ему, что Степаняна перевели в милицию и что он там мерзнет в камере, просит передать ему его куртку. Поэтому и вызвали его, Багдасаряна, чтобы он нашел среди кучи вещей куртку друга. Багдасарян не почувствовал в этой просьбе подвоха, подошел к разложенным вещам и уверенно взял синюю куртку, ту самую, что обнаружили на Курском вокзале. «Вот она!» — сказал Багдасарян и тут же попал в объектив фотоаппарата.

После этого к следователю была вызвана мать Степаняна, которая опознала и сумку сына — ту самую, в которой лежала бомба. Круг, как говорится, замкнулся. Однако в этот момент в дело внезапно вмешалась третья сила.

Руководителю следственной группы лично позвонил первый секретарь ЦК Компартии Армении Демирчян и потребовал немедленно прекратить... беззаконие и произвол, якобы творимые следователями из Москвы на территории его республики. В противном случае Демирчян грозился дойти до самого Леонида Брежнева (через несколько дней правительственная делегация Армении должна была вылететь в Москву на празднование 60-летия Великого Октября). К возмущенному голосу своего секретаря тогда присоединили свои голоса и руководители КГБ Армении, которые тоже не верили, что террористы имеют «пропуск» на их родине. У следственной группы оставался последний шанс, они согласились освободить задержанных... после того как проведут на их квартирах обыски. В конце концов разрешение на это было получено, и следователи отправились по нужным адресам.

Обыск на квартире Степаняна расставил все точки над «i», у него были найдены детали новых бомб, во многом идентичные тем, что были взорваны в Москве. Кроме этого, у него нашли записку, из которой следовало, что руководителем преступной группы был известный армянский диссидент, один из создателей Национальной объединенной партии Армении, слесарь-сборщик с Армэлектрозавода 32-летний Степан Затикян. Как только это выясни-

лось, армянские чекисты сами произвели арест Затикяна и во время обыска в его квартире нашли схему взрывного устройства, использованного в январе в Москве. Это было, наверно, последним аргументом в споре о виновности задержанных, который убедил даже самого Демирчяна.

Милиция Ростова-на-Дону продолжает искать преступников, убивших три недели назад двух гаишников (как мы знаем, это сделали братья Билыки и Ставничий). Поскольку дело имело большой резонанс, был создан штаб по раскрытию этого преступления, который возглавил начальник областного УВД. Два раза в день (утром и вечером) он собирал у себя в кабинете сотрудников — работников угро, следователей, экспертов, — и те докладывали ему о проделанной работе. И хотя самого главного — личности преступников — установить пока не удалось, но и без этого сделано было уже немало.

В багажнике «Жигулей», которые бандиты бросили на дороге, был обнаружен труп мужчины; личность его удалось установить достаточно быстро (по детскому рецепту, найденному в салоне) — это был житель станицы Медведовской СухOVERXОВ. Проверили его связь и установили, что он частенько являлся с подозрительными людьми с темным прошлым и вполне мог пасть жертвой их мести. Сыщики даже нашли одного из таких людей, с которым у покойного были самые плохие отношения, но эта ниточка оборвалась, едва наметившись: у подозреваемого оказалось железное алиби на момент убийства СухOVERXОВА.

Установили сыщики и то, каким образом бандиты обзавелись автоматом. Обратились к милицейским сводкам за последние несколько месяцев и наткнулись на тот новосибирский случай, когда в поезде у солдат-срочников неизвестные молодые люди похитили автоматы. В Кемерово, где служили солдаты, отправился следователь, который подробно допросил проштрафившихся вояк на предмет личностей похитителей оружия. Те описали их достаточно подробно. Хотя ни настоящих имен, ни места их проживания указать не смогли. Но, как говорится, и на этом спасибо.

Однако оставим на время ростовских сыщиков и вернемся в Москву.

Съемочная группа фильма «По семейным обстоятельствам» доснимает последние эпизо-

ды будущего телехита. С 27 октября начался монтаж картины, но параллельно по мере освобождения занятых в других съемках артистов, доснимаются и недостающие эпизоды. Так, в четверг, 3 ноября, на съемочную площадку удалось завлечь Ролана Быкова, с помощью которого была снята одна из самых смешных сцен — приход к ребенку логопеда. Последнего и играл Быков, причем играл виртуозно. Помните, этот логопед сам страдал дефектами речи и половину слов выговаривал неправильно. Девочку он называл февочкой, дефект — фефектом, рыбу — ыбой и т. д. Некоторые из выражений, прозвучавших из уст героя Быкова, после выхода фильма на экран станут крылатыми. Например, улицу Горького отныне переименуют в «улицу кой-кого».

В те дни очередное повышение по службе получил зять генсека Юрий Чурбанов — его назначили заместителем министра внутренних дел СССР. Вообще с тех пор, как Чурбанов женился на Галине Брежневой (в 1971-м), его карьера стала расти как на дрожжах. Вскоре после свадьбы он был назначен заместителем начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР, а в 75-м и вовсе сделался его начальником. В том же году его наградили орденом Красной Звезды. Спустя два года восхождение Чурбанова продолжилось: он удостоился звания генерал-лейтенанта и сел в кресло зама Щелокова. Делалось это все с подачи Брежнева, который ценил Чурбанова в первую очередь за его терпение: уж генсек-то знал, каково жить с его взбалмошной дочерью. А у Чурбанова это получалось. Во-вторых, свой человек в МВД генсеку тоже был необходим до зарезу.

Вспоминает Ю. Чурбанов:

«Приближались ноябрьские праздники, до парада на Красной площади оставалось еще несколько дней. Мы с Галиной Леонидовной ехали на дачу, как вдруг в машине раздался телефонный звонок из приемной Леонида Ильича, и дежурный секретарь спросила, на каком отрезке шоссе мы сейчас находимся. Получив ответ, она сказала: «Юрий Михайлович, сейчас с вами будет говорить Леонид Ильич». Первая мысль была — что-то случилось, какое-то ЧП во внутренних войсках. Мы остановились. Стало тихо. В машине раздался телефонный звонок. Леонид Ильич поздоровался, тоже спросил, на каком участке пути мы находимся,

и, получив ответ, сказал: «Поздравляю тебя с новой должностью». Я опешил. Спрашиваю: «Какая должность?» — «Ты назначен заместителем Щелокова». — «Как же так, — говорю, — Леонид Ильич, со мной же никто не посоветовался». «Ну вот еще, — полушутя, говорит он, — надо мне с тобой советоваться! Это решение Политбюро, я его только что подписал. Кстати, тебя рекомендовал Щелоков. И еще: тебе только что присвоено звание генерал-лейтенанта...»

Не могу сказать, что от счастья у меня сердце в пятки ушло, наоборот, я говорю: «Леонид Ильич, к такому объему работы я, наверное, просто не готов». — «Ничего, — усмехнулся Леонид Ильич, — ты возьмешь на себя кадры и о всех кадровых проблемах будешь докладывать лично мне». Тут я понял, что докладывать надо так... в общем, минуя Щелокова. Почему, чем это было продиктовано, не знаю. Леонид Ильич тут же сказал, что к кадрам в МВД нужно относиться очень бережно и уважительно, с максимальной щепетильностью. Не думаю, чтобы Леонид Ильич не доверял Щелокову. Скорее всего он просто нуждался в объективной информации, в том числе и по вопросам кадровой политики МВД СССР...»

В субботу, 5 ноября, страна потеряла человека-легенду — умер Алексей Стаханов. В далеком 1935 году он установил рекорд по добыче угля, и с тех пор его имя стало нарицательным. В Советском Союзе не было человека, кто бы не знал имени Алексея Стаханова. Но судьбу человека-легенды нельзя было назвать счастливой. Как мы помним, примерно лет двадцать он был на вершине успеха, после чего его потихоньку задвинули на задворки истории. И хотя имя его продолжало приносить идеологические дивиденды, сам Стаханов от этого мало что имел. В результате конец жизни он прожил в психушке. Там и умер. Некролог на его смерть поместила только одна центральная газета — «Правда». Естественно, про психушку там не говорилось ни строчки.

6 ноября в чемпионате СССР по футболу определился досрочный чемпион: за несколько туров до конца первенства им стало киевское «Динамо», разгромившее в тот день алма-атинский «Кайрат» со счетом 4:0. Это были 8-е золотые медали киевлян в чемпионатах СССР. К очередному чемпионству команду

привели: В. Юрковский, Е. Рудаков, М. Москаленко, А. Коньков, М. Фоменко, В. Матвиенко, С. Решко, В. Трошкин, С. Лозинский, А. Бережной, В. Веремеев, Л. Буряк, В. Бессонов, В. Мунтян, В. Колотов, В. Онищенко, О. Блохин, П. Слободян, С. Кузнецов, Ю. Ковалев, А. Хапсалис, В. Зуев, тренер — В. Лобановский.

В тот же день определился и победитель Кубка СССР по хоккею: им стал столичный ЦСКА, обыгравший в финальном матче земляков из «Спартака» со счетом 8:4. Интрига в этом матче возникла только один раз: когда при счете 7:1 в пользу ЦСКА спартаковцы за минуту сумели забить три (!) шайбы. Казалось, надали они посильней, и армейцы дрогнули. Но... Спустя несколько минут армеец Борис Александров забил восьмую шайбу, которая стала финальной точкой в этом поединке.

Микаэл Таривердиев продолжает находиться в Институте имени Бакулева, где лечится после тяжелого инфаркта, который произошел с ним в середине августа. Чувствует себя композитор уже хорошо, всюду гуляет, но врачи все равно не торопятся его выписывать. Однажды с ним произошел забавный случай. Врач, лечивший его, никак не мог завести во дворе больницы свою машину. Крикнул нескольких коллег, чтобы те подтолкнули непослушный автомобиль. Этот зов услышал Таривердиев и тоже присоединился к толкающим. Машина завелась. Но когда ее владелец вылез из салона, чтобы поблагодарить коллег за помощь, и увидел Таривердиева, ему тут же стало плохо.

В начале ноября Таривердиеву приснился странный сон. Якобы он входит в кабинет к самому Брежневу (хотя он его видел исключительно по телевизору) и закуривает сигарету. Брежнев делает ему замечание: «Микаэл Леонович, если вы хотите курить в моем кабинете, не курите «БТ». Я курю «Беломор». Композитор отвечает: «Так у меня нет «Беломора». В этот миг к нему подходит какой-то мужчина и предлагает за грешку сбежать в табачный киоск напротив за «Беломором». На этом месте Таривердиев проснулся и долго ломал голову над увиденным. А разгадка пришла утром 7 ноября. Ему позвонил Роберт Рождественский и поздравил с премией. «Какой премией?» — не понял композитор. «С государственной». — «Да иди ты...» — грубо выругался Таривердиев.

Между тем это была не шутка: композитор был удостоен Госпремии в компании создателей фильма «Ирония судьбы».

В эти же дни Госпремию Украинской ССР получил актер и режиссер Леонид Быков за два своих фильма: «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты». Однако радость от этого события испортил 19-летний сын лауреата Олесь, который оказался замешан в криминальной истории. А произошло вот что. Друзья Олесь предложили ему покататься на отцовской «Волге», на что тот ответил согласием. Он выпросил у отца ключи от «Волги», объяснив ему, что хочет восстановить водительские навыки. А едва выехал за порог дома, как тут же в салон подсади его друзья. Но у тех на уме было совсем иное. Накатавшись вволю, они тормознули «Волгу» возле ювелирного магазина и, попросив Олесь подождать их, скрылись в ювелирном. А спустя пять минут гуртом выбежали обратно и приказали Олесею что есть силы жать на газ. Оказывается, они ограбили магазин и скрылись с места преступления на быковской машине. Но кто-то из случайных прохожих успел заметить ее номер, и уже вечером этого же дня всю гоп-компанию повязали. Включая и Быкова-младшего. Когда Леонид узнал об этом, у него случился второй инфаркт (первый, как мы помним, он заработал на съемках «Аты-баты...» в начале 76-го). Однако лечь в больницу Быков отказался. Не смог он приехать и на церемонию награждения его Госпремией, поскольку ему было стыдно за сына. Он даже заявил, что отказывается от столь высокой награды, поскольку ее недостойн. Когда об этом узнал первый секретарь ЦК КП Украины Щербицкий, который обожал фильмы Быкова, он распорядился отправить премию лауреату на дом. Быков принял награду прямо в постели, а на все его возражения ответил был один: «Таково пожелание товарища Щербицкого...» Что касается Олесь, то ему помогут избежать более сурового наказания именно заслуги его отца: в то время как его приятели, ограбившие ювелирный, получают по 15 лет тюрьмы, он отделается годом пребывания в психушке.

В эти же дни едва не подвел под монастырь своего именитого отца еще один звездный отпрыск — сын Александра Ширвиндта Михаил. Он тогда учился на третьем курсе Щукинского

училища и в славный день 7 ноября вместе с двумя своими приятелями шутки ради сорвал с ворот Архитектурного института государственный флаг и давай с ним дурачиться: бегали с ним, подкидывали его в воздух, при этом громко улюлюкая. За этим занятием их и застукал милиционер, которого вызвал к месту происшествия институтский сторож. Далее послушаем самого Михаила Ширвиндта:

«Милиционер сказал: «Та-ак...» Друзья тут же бросили флаг и выбежали в подворотню. За ними со словами «Стой, стрелять буду» побегал милиционер. А я остался один... Тогда одним касанием я перепрыгнул через какой-то жуткий забор и оказался в еще более маленьком дворике. И надо было сидеть себе спокойно, потому что там меня никто в жизни бы не нашел! Но у страха глаза велики... Я перелез обратно, забежал в ближайший подъезд. Врываюсь в какую-то квартиру, вижу — старуха стоит у плиты. Я как заору: «Где у вас сортир?» Она мне — туда. Забегаю в сортир, сижу там и думаю — а что я здесь делаю-то? Ведь даже если меня никто не преследовал, то старуха уже точно сейчас позвонила в милицию!

Тогда я спускаюсь вниз, приоткрываю дверь подъезда, смотрю в одну сторону — никого. Выхожу, смотрю в другую сторону, а там — «воронки», толпа народа, все мигает... В общем, уйти мне не удалось. А дальше все было очень неприятно. Меня привели к следователю, стали допрашивать. И главное, что в эту же ночь документы с нашим делом были уже на столе у Гришина, тогдашнего секретаря МК партии, который написал санкцию «разобраться и наказать». Потом на помощь уже было брошено все — и здоровье, и силы родителей... К счастью, попался какой-то уникально порядочный следователь, который прекрасно понимал, что какие-то идиотские балбесы просто дурью маялись, а все шло к тому, что их надо посадить на семь лет...»

Кроме следователя, который вел это дело, ребятам здорово помогли и другие люди. Например, приятель Александра Ширвиндта Андрей Миронов. В свое время с ним в одном классе учился Михаил Мишин, который в те годы занимал должность первого секретаря горкома ВЛКСМ. Миронов обратился к нему за помощью, и тот сделал все, чтобы Михаил Ширвиндт получил минимально суровое нака-

зание. Парня не стали сажать, но из комсомола и театрального училища все-таки исключили. Он потом устроится работать монтировщиком сцены в театр «Современник». Но вернемся в ноябрь 77-го.

Не стоит думать, что в те ноябрьские дни столичная милиция ловила только подвыпивших юнцов, срывающих государственные флаги. К примеру, тогда же были задержаны двое особо опасных преступников, прибывших в Москву для совершения дерзкого ограбления. Волею случая их задержали аккурат в тех местах, где протекало мое детство — на Казаковке. Преступников угораздило снять там комнатуху, куда они и возвращались после того, как провели рекогносцировку предстоящего места преступления. А время было позднее — одиннадцать ночи. На двух припозднившихся мужчин обратил внимание сотрудник 92-го отделения милиции сержант Виктор Мишин. Он попросил у них предъявить документы и сразу обратил внимание на то, что мужчины с его появлением заволновались. Страж порядка успел раскрыть только один из документов, как вдруг на его голову обрушился удар кулака. Затем еще один. Мишин упал на землю. Добывать милиционера преступники не стали, подобрали свои паспорта и бросились бежать в глубь двора. Но будь они местными, никогда бы не рванули в ту сторону: за домом № 8 по улице Казакова был тупик. А вот Мишин это прекрасно знал. Связавшись по рации со своими коллегами, он доложил о случившемся, после чего бросился в погоню. И практически один повязал преступников: когда те увидели в его руках пистолет, желание сопротивляться у них уже начисто пропало. Правда, они хотели схитрить: пока бежали к тупику, выбросили в кусты портфель с набором воровских инструментов. Но в памяти Мишина тот портфель хорошо зафиксировался. И когда к нему на помощь прибежали его коллеги, преступников заставили найти тот портфель и самим донести его до отделения.

7 ноября по ЦТ был показан очередной «Голубой огонек». Эта передача считалась долгожителем: ее премьера состоялась в начале апреля 62-го, и за эти годы вышло уже порядка двухсот пятидесяти выпусков. И хотя первых несколько лет у передачи был самый высокий рейтинг, а потом он несколько снизился, все

равно передача считалась одной из самых любимых. Что неудивительно: учитывая общий тусклый фон тогдашнего отечественного ТВ, которое держало зрителя на голодном пайке, у «Огонька» и в самые неблагоприятные годы были хорошие показатели. Однако о том, что дела у передачи идут неважно, отмечали даже тогда, в конце 70-х. Писалось, что из передачи исчез тот домашний уют, который был присущ ей в первые годы существования: тогда концерт не был самоцелью и главным было общение людей между собой. Благодаря такой непринужденности и телезритель чувствовал себя гостем той уютной гостиной со столиками и приглашался к участию во встрече с интересными людьми. Но где-то с начала 70-х «Огонек» превратился в этакое помпезное мероприятие, где приглашенные выполняли роль статистов, а артисты тупо отрабатывали свои номера. В итоге «Огонек» в народе стали называть «Доской почета с песнями». Вот и ноябрьский выпуск 77-го года являл собой именно такое зрелище. В тот раз гостями его были: ветераны революции В. Виноградов и М. Синезерский, участники Гражданской войны генерал В. Васильев и бывший латышский стрелок З. Пиген, Герой Социалистического Труда тракторист Л. Картаузов, молодые рабочие с БАМа, «Атоммаша», Нурекской ГЭС и других строек. Развлекали гостей следующие артисты: Мария Биешу, Людмила Зыкина, Юрий Гуляев, Муслим Магомаев, Аркадий Райкин, София Ротару, Иосиф Кобзон, Геннадий Хазанов, Борис Владимирова и Вадим Тонков, Карел Готт, Анна Герман и др.

В среду, 9 ноября, покончил с собой футболист Леонард Адамов. В начале 60-х он выступал за столичный «Спартак», после чего перешел в минское «Динамо». Там провел семь сезонов. Причем неплохих сезонов: в 65-м он стал финалистом Кубка СССР, сыграл один матч за национальную сборную страны. В 1974 году Адамов стал тренером минского «Динамо». Тренировал бы и дальше, если бы не нелады в семейной жизни. Его жена, бывшая некогда красавицей-блондинкой, в последние годы их совместной жизни подседа на «зеленого змия», из-за чего ее уволили с работы — из престижного КБ, куда муж ее с большим трудом устроил еще в пору своей футбольной играющей славы. Но это было бы полбеда, если

бы жена не втягивала в свои попойки и 18-летнюю дочь. Как пишет А. Ткаченко: «Адамчик понимал, что с женой уже не справиться, и больше всего боялся за дочь. Каждый раз, когда он возвращался домой, он осторожно открывал дверь своим ключом и видел с ужасом то компанию жены в диком подпитии, то компанию дочки — покуривающих, надменных юношей, не обращающих на него никакого внимания. Адамчик разгонял всех, ставил на рога дом, отвязывался на дочку, на жену, укладывал их спать кое-как, сам на кухне в тоске раздавливал пузырек на ночь и засыпал на кухонном диванчике. Утром он пытался собрать всю семью и вместе провести целый день. Но у всех были уже свои интересы. Он видел, что все уходит из его рук; чем лучше сыграла его команда, тем хуже становились дела семейные. Это было выше его сил, и он срывался сам...»

В день трагедии Адамов приехал домой поздно — был по делам в другом городе. Едва подъехал к дому, сразу понял, что там неладно — окна во всех комнатах горели, гремела музыка. Адамов в несколько прыжков добежал до своей квартиры. Распахнул дверь и обмер: жена копошилась в кровати с двумя голыми мужиками. В соседней комнате то же самое делала и дочь. Причем, увидев отца, она даже бровью не повела и продолжила свое дело. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения футболиста. Уйдя в большую комнату, где на столе стояли остатки трапезы, он влил в себя целый стакан водки, после чего ударом ноги распахнул окно и, разбежавшись от дальней стены, выпрыгнул с 9-го этажа. Было Адамову 36 лет.

Столичный Театр на Таганке в те дни находился на гастролях во Франции (с 4 ноября). Продюсером этой поездки был знаменитый французский коммунист Зориа, который сумел-таки уговорить советские власти выпустить опальный театр в свои первые западные гастроли. «Таганка» привезла во Францию свои лучшие спектакли: «Десять дней, которые потрясли мир», «Гамлет», «Мать», «Тартюф». Спектакли проходили во дворце Шальо, этаким громоздком здании типа столичного Театра Советской Армии, и поначалу собирали очень мало зрителей — всего-то 200—300 человек при вместимости под тысячу. Тогда Юрий Любимов пошел на хитрость: дал интервью га-

зете «Монд», где сообщил, что собирается судиться с газетой «Правда», было напечатано письмо против его постановки «Пиковой дамы». Прочитав это, парижане ринулись на штурм Шальо, поскольку им стало интересно взглянуть на спектакли режиссера, который собирается судиться с советской властью.

Между тем один из спектаклей — «Десять дней, которые потрясли мир» — критика не приняла. Французская печать обвинила авторов постановки в антиисторизме (мол, много вранья вокруг событий октября 17-го), в легкомысленном подходе к историческим событиям. Можно было бы не обращать внимания на эти упреки, но главреж театра Юрий Любимов поступил иначе: он начал заменять «Десять дней...» на другие спектакли («Гамлет», «Мать»), а когда «Десять дней...» все-таки шли, не появлялся в театре. Как пишет В. Золотухин: «Я считаю это политической недалезоркостью. Забыли, что спектакль и делался как плакат, как художественная агитация, как политическое представление, вот в такой форме — буфф... Оказалось, только на словах мы гражданский, политический театр, а как с нашей политикой не согласны, так мы давай открещиваться, что-де и старый, и разболтанный спектакль и пр. Я предчувствовал, что это «не вечер», и пресса еще будет хорошая, и зритель пойдет, и спектакль будет жить в Париже. Так оно и вышло. Появились роскошные статьи, и зритель кричит «браво», хоть шеф и не приезжает в театр. Директор собирает все положительные отзывы, в особенности о «10 днях». Он был против замены. «Все это не так просто», — на что-то намекал Высоцкий. Кстати, мне показалось, особенно в первые дни, что он неловко себя чувствует среди нас в Париже. Ведь он тут никто, не более как муж Марины Влади, хотя и она уже здесь почти никто, вчерашний день... Какая может быть речь о том, чтоб он остался здесь?»

Но оставим на время Париж и вернемся на родину, в Москву. Здесь гостит известный французский коммунист, писатель Луи Арагон. Приехать в столицу первого в мире государства рабочих и крестьян Арагона вынудила необходимость: в связи с 80-летием его удостоили ордена Дружбы народов и попросили приехать за ним лично. Но тот внезапно воспротивился: сослался на нездоровье и попро-

сил прислать награду с посылным. Однако чуть позже вынужден был забрать свои слова обратно. Дело в том, что к нему из Москвы примчалась Лиля Брик и стала буквально умолять отправиться в Москву, чтобы встретиться там с Брежневым и уговорить его отпустить на свободу кинорежиссера Сергея Параджанова. Тот вот уже четыре года сидел в тюрьме и должен был отсидеть еще год. Арагон хорошо относился к Параджанову, поэтому принял просьбу Брик близко к сердцу. И приехал в Москву.

10 ноября в Кремле Арагону вручили высокую награду, после чего в компании с Брежневым он отправился в Большой театр на балет «Анна Каренина». И там в антракте французский гость решил завести разговор о Параджанове. «А кто это?» — спросил Брежнев, который чуть ли не впервые слышал эту фамилию. «Это известный кинорежиссер», — ответил Арагон. «А что он снял?» — продолжал допытываться генсек. Арагон назвал несколько параджановских картин, но Брежнев не только ни одну из них не смотрел, но даже ничего о них не слышал. Но был он в тот раз в хорошем расположении духа, к тому же не хотел обидеть своего французского гостя и поэтому пообещал обязательно решить его просьбу положительно. Кстати, обещание свое генсек сдержит, о чем речь еще пойдет впереди.

В пятницу, 11 ноября, по ТВ крутили нетленный хит «Белое солнце пустыни» (в 21.30). Несмотря на то что со дня премьеры этого фильма прошло 7 лет, популярность его не уменьшалась: в дни его показов по «ящику» чуть ли не полстраны собиралось у телевизоров, чтобы вновь и вновь восторгаться смекалкой и храбростью красноармейца Сухова и переживать по поводу героической гибели Верещагина, Гюльчатай и Петрухи. Кстати, о последнем. Актер Николай Годовиков, исполнивший эту роль, в ноябрьские дни 77-го пребывал не в самом лучшем расположении духа. Так и не сумев сделать достойной карьеры в кино, он теперь перебивался случайными заработками и жил в обшарпанной комнатухе в одной из ленинградских коммуналок. А незадолго до показа фильма он, как и его киношный герой Петруха, едва не был зарезан. Правда, не штыком, а так называемой «розочкой» — разбитой бутылкой. В роли нападавшего вы-

ступил сосед Годовикова по коммуналке, с которым они вместе пили, а потом внезапно разругались вдрызг. Сосед оказался человеком невосдержанным, разбил об угол стола бытылку и нанес бывшему актеру предательский удар в спину. Только искусство врачей спасло Годовикова от неминуемой смерти. После выписки из больницы он устроился работать грузчиком в магазин. Короче, в отличие от большинства других актеров из «Белого солнца...» жизнь его не задалась.

Между тем в те самые часы, когда полстраны сидело у телевизоров и наблюдало за приключениями красноармейца Сухова, в Москве случилось убийство. Поводом к нему послужила причина старая как мир — ревность. Местом преступления стал дом № 42 по Нагатинской улице. В одной из его квартир, где проживала разведенная гражданка Лескина (фамилия изменена), тем вечером собралась теплая компания из семи человек. Среди них были бывший муж хозяйки 26-летний Николай и нынешний ее ухажер Михаил. Нетрудно догадаться, что именно между ними и вспыхнула ссора. Затеял ее бывший супруг, который, приняв на грудь несколько стаканов «огненной воды», стал требовать от Михаила, чтобы тот перестал «клеиться» к его бывшей жене. Тот соответственно послал бывшего мужа куда подальше, и, в общем-то, был прав — муж-то бывший. Но тому этот ответ не понравился, и он затаил обиду. Она достигла еще более гигантских масштабов после того, как хозяйка квартиры в конце вечера, выпроваживая гостей, именно Михаилу предложила остаться. Тут уж у бывшего супруга совсем башню снесло. Поскольку жил он в доме напротив, в его голове созрел коварный план.

Вернувшись домой, бывший супруг занял место у окна и стал дожидаться, когда из дома выйдет его соперник. Ждать пришлось долго. Наконец, когда любовник вышел из подъезда, бывший супруг бросился следом, не забыв прихватить с собой кухонный нож. Догнав Михаила, ревнивец не стал тянуть волынку и практически сразу нанес ему тесаком несколько ударов в грудь. Эту расправу увидел приятель ревнивца Лобачев (фамилия изменена), который бросился к месту трагедии и попытался разнять дерущихся. Но у него это плохо получилось, поскольку ревнивец сумел нанести

своему сопернику еще несколько точных ударов в грудь. В результате тот от полученных ран скончался на месте. «Ты ничего не видел!» — предупредил убийца Лобачева и тут же испарился с места происшествия.

Однако на этом криминальная хроника того ноября не исчерпывается. 12 ноября в «Комсомольской правде» была опубликована заметка о том, как рядовая продавщица помогла задержать сразу трех преступников. Звали смелую женщину Александра Рублевская, она работала в магазине поселка Грузско-Зорянское Донецкой области. Фабула происшествия выглядела следующим образом. Перед самым закрытием магазина туда вошли трое мужчин, один из которых, достав из кармана нож, обратился к Рублевской: «Выкладывай, тетка, деньги!» Та не растерялась. Сделала вид, что согласилась, и, завернув деньги в газету, бросила ее на пол. А когда преступник нагнулся за ними, схватила с прилавка 5-килограммовую гирию и выбила ею нож у второго грабителя, что загоразживал ей проход. Взыв от боли, преступник выронил оружие и отскочил в сторону. Храброй женщине только это и было надо: той же гирей она разбила окно и стала громко звать на помощь. К счастью, в этот момент мимо магазина проходили плитовой шахтоуправления И. Чуприн и домохозяйка Людмила Кудрявцева. Они бросились на крик и успели задержать одного из грабителей: того, которому смелая продавщица нанесла травму гирей. Чуть позже задержали и его поделничков. За проявленное мужество Рублевскую и двух ее добровольных помощников местное УВД наградило ценными подарками.

Продолжаются съемки фильма «Женщина, которая поет». Вернувшись в конце октября из Сочи в Москву, съемочная группа отдыхала, поскольку главная исполнительница — Алла Пугачева — была занята на гастролях, а затем участвовала в праздничных концертах. Съемки фильма возобновились 9 ноября: в тот день сняли несколько коротких эпизодов на Беговой улице, а на следующий день съемки переместились на Кутузовский проспект. 11 ноября пересняли эпизод с участием Пугачевой в Марфине (тот, что снимали в конце сентября). На этом съемки натуральных эпизодов пока прекратили и приступили к павильонным. 14 ноября в 4-м павильоне «Мосфильма» начались съем-

ки в декорации «квартира Валентина»: Пугачева и Хочинский разыгрывали семейные сцены (до 17 ноября).

В понедельник, 14 ноября, в Белом зале Моссовета столичные власти чествовали футболистов московского «Спартака», которые сумели после годичного перерыва вернуться в высший дивизион отечественного футбола. Когда год назад, не без участия нескольких столичных команд, сливших свои матчи соперникам, «Спартак» вылетел в первую лигу, нашлось немало людей, которые злорадно потирали руки и пророчили закат народной команде. «Уж теперь-то «Спартаку» не подняться», — утверждали они, в чем был свой резон. С той игрой, которую продемонстрировал «Спартак» при прежнем руководстве, действительно ловить было нечего. Но у руководителей клуба хватило ума пойти на кардинальные перемены и пригласить в команду «варяга» — динамовца Константина Бескова, который за короткий период сумел создать по-настоящему боеспособный коллектив. Так что поговорка «Нет худа без добра» здесь вполне применима: «Спартаку» надо было вылететь в низшую лигу, чтобы обрести новое, куда более современное лицо.

Ростовская милиция продолжает поиски убийц, застреливших двух гаишников на ночной трассе под Новочеркасском. К середине ноября следствие сумело значительно продвинуться в своих поисках: было установлено имя одного из убийц — Петр Билык. В Кустанай, где он был прописан с семьей (мать, отец, брат и сестра), лично вылетел заместитель начальника угро Ростовского УВД Николай Зинковский. Однако ему не повезло: в поселке сыщику сообщили, что семья Билыков некоторое время назад снялась с места и отбыла в неизвестном направлении. Был шанс узнать, куда они отправились, в паспортном столе, но и там их маршрут был обозначен приблизительно: Киев — Винница. Но сыщик хорошо знал свое дело. Он рассуждал так: если Билыки отбыли со всем своим скарбом, значит, должны были отправлять контейнер. И Зинковский объехал все железнодорожные станции области, пытаясь обнаружить необходимый ему след. Перелопатил сотни квитанций, но ничего не нашел. Тогда он забросил удочки в соседние области и начал с Челябинской (если Билыки ехали в Киев, то она по ходу поезда). И здесь удача

улыбнулась сыщику. На станции Троицка он нашел ту самую заветную квитанцию, по которой Билыки отправили свой контейнер. На документе значился адрес: Краснодар, Красная улица, дом № 63.

В тот же день по телетайпу в Краснодар был передан новый адрес Билыков. Его принял капитан Власов — ростовский сыщик, отработавший краснодарское направление. В тот же день он отправился по этому адресу, но его ждало сильное разочарование: на месте дома под номером 63 он обнаружил... большую стройку будущего телеграфа. Впору было опустить руки, но Власов окажется не менее настойчивым, чем его коллега Зинковский и в конце концов все-таки найдет новое пристанище семьи Билыков. Но это произойдет чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями ноября.

15 ноября московская милиция арестовала ревнивца, убившего четыре дня назад ухажера своей бывшей жены. Найти убийцу оказалось делом нетрудным: сыщики допросили свидетелей, которые тем злополучным вечером собрались в доме на Нагатинской улице, и легко определили, кому была выгодна смерть любовника хозяйки. Сам убийца, естественно, все отрицал, но недолго: до того момента, пока у него в доме не нашли тот самый нож, которым он расправился с соперником. Тут преступник во всем и сознался. Причем рассказал даже о том, что у преступления был свидетель — Лобачев. Это будет стоить последнему трех лет лишения свободы за недоносительство. А сам убийца получит за содеянное 10 лет.

В первой половине ноября в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 1-го — производственная драма про сварщика с атомной электростанции «Кафе «Изотоп»» Георгия Калатошишвили с участием Александра Сафронова, Игоря Васильева, Людмилы Макаковой и др.; 14-го — фильм Александра Алова и Владимира Наумова «Легенда о Тиле» (часть 1-я — «Пепел Клааса») с участием Лембита Ульфсака, Натальи Белохвостиковой, Евгения Леонова и др.

Кино по ТВ: «Хождение по мукам» (премьера т/ф 3—6-го), «Татьянин день» (4-го), «Они были первыми» (5-го), «Умные вещи» (5—6-го), «Ленин в Октябре» (7-го), «Волшебный круг» (премьера т/ф — 8-го), «Светлый путь» (8-го),

«Живет такой парень» (9-го), «Человек, которого я люблю» (10-го), «Белое солнце пустыни» (11-го), «Рожденная революцией» (11—12-го, 14—16-го), «Приключения Буратино» (12-го), «Влюбленные» (13-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 5-го — в ЦТСА был показан спектакль «Дело жизни»; 6-го в Малом театре — «Любовь Яровая» с участием Ивана Любезнова, Элины Быстрицкой, Юрия Соломина и др.; 7-го в Театре имени Вахтангова — «Гибель эскадры» с участием Юлии Борисовой, Михаила Ульянова, Юрия Яковлева, Василия Ланового и др.; в Театре имени Ермоловой — «Диалоги» с участием Всеволода Якута, Юрия Медведева, Алексея Жаркова и др.; 11-го в «Современнике» — «Обратная связь», где главную роль — Леонида Сакулина сыграл дебютант театра Валерий Шальных; 13-го в Театре имени Маяковского — «КПД одержимости» с участием Юрия Горобца, Николая Волкова, Игоря Костолевского и др.

Эстрадные представления: 6-го — в ЦДКЖ выступал ВИА «Акварели»; 3—5, 6—8, 13-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием: Виктора Вуяичича, Кола Бельды, Евгения Петросяна, Светланы Резановой и др.; 12—13-го — в «Октябре» пел Владимир Макаров; в «Варшаве» — Ирина Бржевская; 13—14-го в ГТЭ — Людмила Зыкина.

В те ноябрьские дни будущий демократ и мэр города Ленинграда Анатолий Собчак познакомился со своей будущей женой Людмилой Нарусовой. Произошло это при следующих обстоятельствах. Незадолго до этого распалась семья Собчака: он развелся с первой женой Нонной, от которой у него была дочь Маша. Собчак преподавал на юрфаке в Ленинградском университете (был доцентом) и иногда помогал людям, попавшим в запутанные ситуации, профессиональными советами. А у Людмилы Нарусовой (она училась в аспирантуре в Академии наук) осенью 77-го как раз возникла именно такая ситуация: она собиралась разводиться со своим мужем-психиатром и хотела оставить за собой однокомнатную квартиру. Но не знала, как это сделать. Узнав о ее проблеме, научный руководитель посоветовал ей пойти к Собчаку. И тот действительно помог — нашел для Нарусовой нестандартное решение.

В середине ноября Людмила вновь пришла к Собчаку, чтобы отблагодарить его: принесла ему букет хризантем и 300 рублей в конверте. Цветы Собчак принял, а вот деньги вернул обратно. Сказал: «Во-первых, я не практикующий адвокат, а ученый, поэтому ни о каких конвертах не может быть и речи. Во-вторых, вы так плохо выглядите, что вам следует немедленно пойти на рынок и купить себе хурмы или гранатов». Забегая вперед скажу, что их новая встреча произойдет спустя полгода. Именно она и станет решающей — между ними вспыхнет роман, который и приведет к скорой женитьбе.

Театр на Таганке продолжает свои гастроли в Париже. Вот как о тех днях вспоминает А. Демидова:

«На гастролях мы ходили вместе: Филатов, Хмельницкий, Дыховичный и я. Они меня не то чтобы стеснялись, но вели себя абсолютно по-мальчишески, как в школе, когда мальчишки идут впереди и не обращают внимания на девчонок. Тем не менее я все время была с ними, потому что больше — не с кем...»

После спектакля мы обычно собирались у Хмельницкого в номере, он ставил какую-нибудь бутылку, привезенную из Москвы. Леня Филатов выпивал маленькую рюмку, много курил, ходил по номеру, что-то быстро говорил, нервничал. Я водку не люблю, тоже выпивала немножечко. Иногда говорила, но в основном — молчала. Ваня Дыховичный незаметно исчезал, когда, куда — никто не замечал. Хмель выпивал всю бутылку, пьянел совершенно, говорил заплетающимся языком: «Пошли к девочкам!» — падал на свою кровать и засыпал. Наутро на репетицию приходил Леня — весь зеленый, больной, я — с опухшими глазами, Ваня — такой же, как всегда, и Хмельницкий — только что рожденный человек, с ясными глазами, в чистой рубашке и с первозданной энергией...»

Актер Владислав Дворжецкий, который в конце прошлого года перенес инфаркт, вновь заболел. Несколько дней назад он ездил смотреть свою новую квартиру (ему выпала честь жить там же, где и нашей семье, — в Орехово-Борисове) и по дороге здорово замерз. Ночью 17 ноября ему стало плохо — начались жуткие боли в животе. Дотерпев до утра, актер затем вызвал своего лечащего врача Нелли Кухарчук.

Та поставила диагноз: анаэробная инфекция (грипп такой), не за горами инфаркт задней стенки. Выписала необходимые лекарства. Едва она ушла, Дворжецкий позвонил на киностудию, где тогда снимался, и сообщил, что приехать на съемки не сможет. Там сразу впали в панику: как? почему? у нас же план горит! Не дослушав эти причитания, Дворжецкий в сердцах бросил трубку. Однако так легко отделаться ему не удалось. Спустя полчаса к нему домой приехал ассистент режиссера и вновь стал уговаривать выйти на съемку. При этом привел убийственный аргумент: дескать, некоторые актеры и не с такими болезнями выходили на съемочную площадку и — ничего — живут и здравствуют до сих пор. В итоге Дворжецкий просто выгнал посланца вон. И правильно сделал, поскольку этой же ночью ему опять стало плохо. Всю ночь родные только и делали, что меняли ему рубашки. Только под утро актеру стало легче. В тот же день Дворжецким вручили ордер на новую квартиру.

Продолжаются съемки фильма «Женщина, которая поет». Отсняв павильонные эпизоды, группа вновь вышла на натуру. 18 ноября должны были состояться съемки на Белорусском вокзале, но их пришлось отменить из-за начавшегося дождя со снегом. На следующий день киношники облюбовали Дом культуры завода ЗИЛ, где был отснят один из самых кульминационных моментов фильма — выступление Анны Стрельцовой на телевизионном конкурсе. Она исполнила песню, взятую в название фильма.

В воскресенье, 20 ноября, в подвальчике на улице Чаплыгина, 1а, куда только что переехала театральная студия Олега Табакова (15 человек), состоялась генеральная уборка. Несмотря на то что пришли не все, подвал, что называется, вылизали до блеска. А ведь когда несколько месяцев назад этот подвал выделили под театр-студию, он представлял из себя жалкое зрелище, поскольку до этого в нем располагался... угольный склад.

Вспоминает О. Табаков:

«Повсюду не убираемый никем десятилетиями, рассыпавшийся в прах уголь, увенчанный пирамидками дерьма, которые оставляли после себя местные алкаши и бомжи. Все это выгребли, вычистили, отмыли мы с ребятами собственными руками. С помощью все того же

Гольцмана (начальник РСУ Бауманского района, именно он выбил для студии этот подвал. — Ф. Р.) подвал отремонтировали, придали ему человеческий вид и приспособили к тому, чтобы можно было начать репетировать и показывать спектакли зрителям...»

В тот же день в «Комсомольской правде» был опубликован ответ на статью Юрия Щекочихина «Подделка» от 10 августа (речь в той статье шла о фарцовщике, который искусно подделывал отечественные футболки и продавал их втридорога). Ответ содержал в себе странное интервью одного из руководителей легкой промышленности, в котором тот обещал читателям все немислимые блага: мол, скоро у нас по части молодежной одежды все будет зашибись. Взять те же джинсы, которые в Советском Союзе были в страшном дефиците и за которыми молодые люди гонялись, как за жар-птицей. По словам чиновника, если в прошлом году отечественная промышленность выпустила 21 миллион джинсов, то в нынешнем планируется выпустить 27,8 миллиона. Кроме этого, будет выпущено 7 миллионов джинсовых костюмов, а мужских сорочек типа «батник» — 4 миллиона. Но на самом деле все приведенные цифры, конечно же, ничего хорошего по-прежнему не сулили. Во-первых, что такое 27,8 миллиона джинсов в стране, где молодых жителей насчитывалось почти 100 миллионов человек? Капля в море. Во-вторых, джинсы советского производства — это была такая лажа (их выпускал Родниковский меланжевый комбинат, фабрика «Рабочая одежда», и назывались эти штаны «Орбита»). Помню, мы их в своей среде называли «чюхасы». И по их адресу отпускали язвительную фразу: «Сойдет для сельской местности». Поэтому люди и шли к фарцовщикам, у которых цены, конечно, кусались (штаны стоили от 200 рублей), зато можно было приобрести настоящую «фирму».

22—23 ноября в «Женщине, которая поет» продолжили съемки эпизодов «телевизионный конкурс», но уже в 4-м мосфильмовском павильоне. 24 ноября съемочной площадкой на время стала столовая киностудии, а на следующий день Пугачева и ансамбль «Ритм» переместились в тонстудию, где прошла перезапись музыки и песен к фильму. Кстати, о песнях. К тому моменту вокруг них разгорелся нешуточный скандал, который едва не поставил под со-

мнение дальнейшую работу над картиной. Как мы помним, первоначально всю музыку к ленте должен был написать Александр Зацепин. Но Пугачева решила воспользоваться случаем и пристроить в фильм несколько песен собственного сочинения. Но, поскольку это был ее дебют на композиторском поприще, она решила схитрить: с подсказки своего супруга Александра Стефановича выдумала композитора-инвалида Бориса Горбоноса (фамилию Горбонос носил один из одноклассников Стефановича), надеясь, что к калеке будет иное отношение. И не ошиблась. В фильм эти песни действительно взяли. Но тут возмутился Зацепин, которому Пугачева первоначально обещала, что песни Горбоноса записываются исключительно для того, чтобы звучать по радио и на пластинках. Композитор отправился к директору «Мосфильма» Сизову и заявил, что уходит из картины. Но Сизов буквально взмолился: «Александр Сергеевич, не губите! Вы же на студии 20 лет работаете и должны войти в наше положение. У нас одна картина уже закрылась. Если мы закроем и эту, нам сотрудникам зарплату будет нечем платить. К тому же этот Горбонос — парализованный юноша. Неужели вы не хотите ему помочь?» Зацепину стоило большого труда не выдать Пугачеву: ведь он являлся единственным посторонним человеком, кто был посвящен в аферу певицы, и прекрасно знал, что никакого Горбоноса в природе не существует. Но он сдержался и из картины не ушел. Но это будет его последняя совместная работа с Пугачевой.

26 ноября советское искусство понесло тяжелую утрату: на 76-м году жизни скончался замечательный актер, один из последних великих «стариков» МХАТа Алексей Грибов. Как мы помним, в 74-м, во время гастролей театра в Ленинграде у Грибова прямо на сцене случился инсульт. Доиграв спектакль, артист угодил на больничную койку, после чего врачи вынесли однозначный вердикт: к сценической деятельности не пригоден. Какое-то время Грибов с полной серьезностью относился к заключению врачей, но затем вновь стал рваться на сцену. Режиссер Всеволод Шиловский в 75-м году взялся за постановку пьесы Т. Уильямса «Сладкоголосая птица юности», где роль Босса Финли предназначалась для Грибова. Но, увы, здоровье так и не позволило великому

актеру снова выйти на сцену. Премьера состоялась без него (роль досталась П. Массальскому).

В тот же день, когда скончался Грибов, ваш покорный слуга отправился на хоккей: во Дворце спорта в Лужниках состоялся матч между столичным «Спартаком» и челябинским «Трактором». На тот момент дела у народной команды продолжали оставаться «швах»: она уже умудрилась проиграть 7 игр и находилась на 8-м месте. Она и «Трактору» проудет, но речь не об этом. На этот матч я отправился не один, а в компании своего лучшего друга Сергея Глушкова и своей бывшей одноклассницы Наташи. С последней у нас были взаимные чувства друг к другу, но дальше мимолетных общений в школе наши дела не заходили. А потом я и вовсе сменил место жительства. Но мысль продолжить наши отношения меня не покидала. И вот в конце ноября я набрался смелости и пригласил ее на хоккей. Почему именно на хоккей, я до сих пор понять не могу: видимо, думал, что ей это тоже будет интересно. Много позже выяснится, что все происходящее на площадке моей девушке было до лампочки, но она терпеливо высидела весь матч, поскольку боялась меня обидеть. Самое забавное, что я расценил это молчание как знак одобрения и с тех пор стал приглашать Наталию чуть ли не на все московские матчи «Спартака».

27 ноября над Советским Союзом снова объявился НЛО. Произошло это в Забайкалье, возле города Читы. Неопознанный летающий объект видели тысячи людей — как в самом городе, так и за его пределами. Так, строители БАМа, прокладывавшие временную автодорогу к новой станции, заметили его на стыке Якутской АССР с Амурской и Читинской областями. По их описаниям, это был «летательный аппарат с пятью прожекторами». Поначалу строители решили, что это за ними прилетели их коллеги из Тынды, но, приглядевшись, поняли, что это не так: никакой вертолет не рискнет летать так низко в ущелье, да еще ночью, и вообще вся малая авиация летала только в светлое время.

Спустя некоторое время НЛО уже парил над Читой. Это было пять сияющих дисков (или шаров) лунно-желтого цвета. От каждого из них вверх и вниз расходились по два ярких

пучка света, как от мощнейших зенитных прожекторов. Они летели четким строем в виде правильного пятиугольника. Этот полет наблюдали сотни людей. Корреспондент ТАСС по Забайкалью Леонид Фадеев тоже был в их числе и тут же позвонил своему коллеге — заведомо пропаганды областной партийной газеты «Забайкальский рабочий»: мол, выйди на улицу. Тот вышел и обалдел — в полной ноябрьской тьме через зенит двигалась пятерка ярких объектов. Он немедленно вернулся в кабинет и перезвонил Фадееву. А тот сообщил, что уже связался с дежурным управления Гидрометеослужбы, но тот отрекся от принадлежности этих огней к их службе. Тогда Фадеев позвонил ракетчикам, чьи радары были натяканы на всех сопках, окружающих город, но и они сказали, что не имеют к НЛО никакого отношения и вообще заметили их еще в момент появления на горизонте. «Мы пытались отслеживать их радары, но на экранах ничего не видно — радиоволны их не фиксируют!» — сказали ракетчики.

В понедельник, 28 ноября, с утра в «Забайкальский рабочий» посыпались звонки от свидетелей вечернего происшествия. Приведу лишь некоторые свидетельства. Так, инженер Е. Туезова сообщила: «После работы я шла в детсад за дочкой. Неожиданно сверху упал свет, и я остановилась. Подняв голову, увидела большущее серебристо-оранжевое пятно. Оно излучало свет, направленный прямо на меня. Я чувствовала, что меня разглядывают, словно букашку, и не могла сдвинуться с места, пока луч не погас».

В. Казанюк, горнопроходчик: «Я шел на вечернюю смену и вдруг почувствовал яркий свет за спиной. Оглянулся — прямо на меня бесшумно пикировала летающая тарелка, желто-серебристая, с тонкой фиолетовой каймой! Эта штукавина на всем газу промчалась у меня над головой, со столбом света впереди, сзади только лампочки мигали. Ее видели еще несколько человек из нашей смены».

Между тем продолжают мытарства картины «Ошибки юности», который на «Ленфильме» снял режиссер Борис Фруммин. Работа над лентой только-только завершилась, но цензоры, которые начали придирается к фильму еще в самом начале съемок, по-прежнему

не оставляли его в покое. Под их давлением Фруммин был вынужден отказаться от множества сильных эпизодов: например, была полностью выброшена в корзину та часть фильма, где главный герой служит в армии. Нападкам подверглись и другие линии, например, лирическая. По фильму у главного героя Дмитрия Гурьянова было две сильные любви — Полина (Марина Неелова) и Зина (Наталья Варлей) — и он одинаково любил обеих девушек. Цензура была против такой раздвоенности и предлагала режиссеру определиться. 28 ноября главред темгруппы И. Садчиков писал в своем заключении по фильму: «Режиссер продолжает упорствовать, предлагает на выбор три варианта финала. Герой должен стремиться вернуться к Полине, в картине должен быть один духовный центр, а не два, как сейчас — Полина и Зина...»

30 ноября КГБ провел очередную успешную операцию: заставил покинуть страну одного из самых именитых правозащитников — генерала Петра Григоренко. Этот человек в диссидентском движении занимал такое же положение, как и академик Андрей Сахаров. Оба они при советской власти достигли самых больших высот и оба сумели отказаться от положенных им привилегий и посвятили остаток жизни правозащитной деятельности. Причем Григоренко начал заниматься ею еще до Сахарова — в начале 60-х. К каким только угрозам по отношению к нему не прибегали власти, однако испугать боевого генерала, фронтовика так и не смогли. Даже психушка не смогла сломить Григоренко. Он мог замолчать только в одном случае — умерев, но убивать его КГБ опасался, поскольку это придало бы генералу образ мученика. И тогда появилась идея выдворить его из страны. Однако сам генерал никуда уезжать не собирался, о чем в КГБ прекрасно были осведомлены. Поэтому был избран иной путь — обманный. У Григоренко в США проживал сын, которого он давно не видел. В начале ноября к генералу пришел работник КГБ и сообщил ему, что получено «добро» на встречу генерала с сыном в Америке. «Вы даже можете взять обратный билет, чтобы быть уверенным в том, что вернетесь обратно», — обнадежил генерала и его жену гэбэшник. И Григоренко поверил. Так на территории Со-

ветского Союза еще одним диссидентом стало меньше.

В тот день, когда Григоренко улетал в США, в фильме «Женщина, которая поет» снимали очередной эпизод: в павильоне № 4 в декорации «квартира Валентина» главная героиня фильма Анна Стрельцова, после того как самый близкий ей человек — муж Валентин (Александр Хочинский) усомнился в ее певческом таланте, приняла решение уйти от него. Примирить супругов не удалось даже присутствовавшей при разрыве близкой подруге певицы (Алла Будницкая).

Между тем в столичных кинотеатрах пока идут другие фильмы. 21-го на широкий экран вышла мелодрама Валерия Рубинчика «**Венок сонетов**» с участием Игоря Меркулова, Иры Зеленки и др.; 28-го — берущая за живое драма Николая Губенко «**Подранки**» с участием Юозаса Будрайтиса, Алеши Черстова, Георгия Буркова и др.; 28-го — экранизация тургеневского «**Рудина**» Константина Воинова, где снялись Олег Ефремов, Армен Джигарханян, Светлана Переладова и др.

Кино по ТВ: «Пламя» (с субтитрами, 17-го, 24-го), «Озорные повороты» (18-го), «Приключения Буратино» (2-я серия, 19-го), «Добровольцы» (20-го), «Рожденная революцией»

(21—22-го, 24-го, 26—27-го **преьера** 9—10-й серий), «Здравствуйте, доктор!» (22-го), «Первая перчатка» (24-го), «Исход» (25-го), «Парни музкоманды», «Подозрение» (с субтитрами) (26-го), «Анна на шее» (27-го), «Щорс» (28-го), «Моя судьба» (29 ноября — 1 декабря) и др.

Из театральных премьер выделю одну: 19-го в Театре имени Маяковского был показан спектакль «**Нас водила молодость**» с участием Михаила Езепова, Александра Мартынова и др.

Эстрадные представления: 17-го — в ГЦКЗ «Россия» пел Юрий Богатиков; 19—20-го — в ЦДКЖ состоялись концерты с участием Татьяны Лейбель, Владимира Никольского, Светланы Резановой, Альберта Писаренкова, вокального квартета «Аккорд» и др.; 22—27-го — в ГТЭ выступали: ВИА «Пламя», Любовь Полищук и др.; 25-го — в ГЦКЗ «Россия» пел Иосиф Кобзон; 25—26-го — в «Октябре» выступали: оркестр «Современник», Евгений Мартынов, Леонид Серебренников; 27-го в «Октябре» — Ольга Воронец; в ГЦКЗ «Россия» — Галина Карева, Иван Суржиков, Мария Лукач и др.; 29—30-го там же — Лев Лещенко, Ольга Воронец, Людмила Сенчина, Ринат Ибрагимов и др.; в ЦДКЖ — ВИА «Аиси».

1977 Декабрь

«Женщина, которая поет»: съемки продолжаютя. Гастрольный роман Олега Видова. В Москве бурян. Умер маршал Василевский. Как взяли братьев Билыков. Звездные свадьбы. Загул Высоцкого в Марселе. Как шмонали «Таганку». Дебютанты «Песни года»: Алла Пугачева и Анна Герман. «Полтинник» Эльдара Рязанова. Парижский концерт Высоцкого: кровь на струнах. Приз «Известий»: удачный старт сборной СССР. Донос на новый фильм Григория Чухрая. Крупное поражение сборной СССР по хоккею. Зачем Юрий Андропов вызывал к себе тренера Виктора Тихонова. Талисманом Олимпиады-80 выбран медвежонок. Цирк на Ленинских горах возглавляет бывший зять генсека. Главпур против фильма Чухрая. Как зэка Олега Коротаева хотели вернуть на ринг. Страна взбудоражена слухами о гибели одного из «Песняров». Звания актерам Театра им. Ленинского комсомола. Как Андрей Сахаров смотрел «Иронию судьбы» в мордовском лагере. За что Высоцкий пропесочил свою жену. Ереванский грабитель гуляет по Москве. Очередное заокеанское турне сборной СССР по хоккею. Кто помог досрочно освободить Сергея Параджанова. Польские «битлы» в Москве.

Продолжаются съемки фильма «Женщина, которая поет». 1 декабря снимали на натуре: во дворе знаменитого «дома на набережной», что возле Театра эстрады, снимали короткий эпизод, где Анна Стрельцова (Алла Пугачева) вместе с мужем Валентином (Александр Хочинский) выходят из подъезда и беседуют во дворе. После съемки Пугачева уехала домой, а спустя несколько часов уже выступала на сцене Дворца спорта в Лужниках в сборном концерте, где, помимо нее, участвовали: Владимир Винокур, Галина Улетова и др. А на следующий день в «Женщине...» снимали выступление Пугачевой на сцене Дворца культуры.

Популярный киноактер Олег Видов в эти же дни находится в Одессе, где снимается в очередном фильме. Правда, в отличие от недавних лет роль не главная. Дело в том, что после того, как год назад Видов развелся со своей второй женой Татьяной Федотовой, у которой отец был генералом КГБ и которая во многом способствовала успешной карьере мужа, дела у Видова испортились. Его перестали пригла-

шать на главные роли, хотя каких-нибудь три-четыре года назад любая киностудия готова была пойти на любые уступки, лишь бы заполучить к себе Видова. Но теперь — как отрезало. И уделом актера стали лишь эпизоды. Видимо, желание не зависеть от посторонних людей и стало поводом к тому, что в 73-м году Видов поступил на режиссерский факультет ВГИКа. Однако вернемся в Одессу декабря 77-го.

Видов приехал в «жемчужину у моря» всего лишь на несколько дней, чтобы отснять в своих эпизодах и вернуться обратно в столицу. Но этих нескольких дней ему вполне хватило, чтобы «наследить» в Одессе на всю жизнь. Как-то актер отправился на вечеринку к одной своей знакомой и познакомился там с очаровательной комсомолкой, студенткой (она училась в мединституте), спортсменкой (занималась художественной гимнастикой), подружкой хозяйки дома Татьяной. Миниатюрная брюнетка с карими глазами сразила именитого актера в самое сердце, и он практически весь вечер только и делал что ухаживал за ней. А на

следующий день пригласил ее продолжить знакомство в ресторане. Девушка, естественно, не устояла, что вполне объяснимо: сам Морис Джеральд советского кинематографа набивался ей в кавалеры! В итоге между молодыми людьми случилось то, что и должно было произойти. Потом Видов уехал в Москву, а девушка обнаружила, что забеременела. Самое интересное, но она не стала сообщать отцу ребенка о случившемся, видимо, посчитав не его, а себя виновной в случившемся. В итоге именитый папаша узнает о том, что в Одессе у него есть сын... спустя 20 с лишним лет!

В ночь с 4 на 5 декабря (с воскресенья на понедельник) в Москве бушевал настоящий буран. Когда утром москвичи выглянули в окна, на улицах красовались огромные сугробы. Наступила настоящая зима. К сожалению, порадоваться ей суждено было не всем. Тем утром из жизни ушел один из последних выдающихся полководцев Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза Александр Василевский.

О том, что у него неизлечимая болезнь — рак, Василевский знал давно, но держался мужественно. Ни его родные, ни тем более посторонние люди ни разу не видели его унывающим. По просьбе самого маршала последние месяцы перед смертью он проходил курс лечения на дому. Вызвано это было тем, что он писал книгу воспоминаний и хотел во что бы то ни стало ее закончить. Работал он день и ночь, хотя врачи были против такого графика. Но Василевский им неизменно отвечал: «Осталось мне немного, надо успеть!» В итоге книга вышла в свет еще при жизни Василевского.

В тот день, когда умер Василевский, съемочная группа фильма «Женщина, которая поет» работала в аэропорту Домодедово: там снимали прилет Анны Стрельцовой с международного конкурса. Работа длилась с 8 утра до двух часов дня. Затем Пугачева сослалась на недомогание, и съемки были прекращены. Два последующих дня съемки проходили в 4-м павильоне «Мосфильма», где снимали репетицию стрельцовского ансамбля.

На съемочной площадке другого фильма — «По семейным обстоятельствам» — снимаются последние эпизоды. Так, 8 декабря была снята сцена с Львом Дуровым, этакий мини-бенефис этого замечательного актера. Помните, героиня Марины Дюжевой встречает на лестнице

своего дома милого дедушку (его и играл Дуров), и тот произносит ей монолог о пользе семейных традиций: о том, как хорошо, когда за круглым столом собираются вместе представители всех поколений семьи — дедушки, бабушки, дети, внуки. Хорошо-то хорошо, но на момент съемок таких семей — где бы ценились старые семейные традиции — в той же Москве уже практически не осталось. Не говоря уже о нынешних временах.

А теперь из Москвы перенесемся в Краснодар. Там продолжают поиски братьев Билыков и их приятеля Ставничего, которые месяц назад убили трех человек: автовладельца и двух сотрудников ГАИ. Как мы помним, сыщикам удалось установить краснодарский адрес, по которому проживало семейство Билыков, но он оказался липовым: на месте указанного дома шла большая стройка. Однако сыщики рук не опустили и расширили зону поисков. И удача им улыбнулась. Семейство Билыков было обнаружено под Краснодаром, в станице Медведовской. Однако ни братьев Билыков, ни Ставничего в доме не оказалось — они где-то скрывались. Тогда было решено выставить у дома засаду.

В четверг, 8 декабря, возле дома объявился высокий парень. По приметам — Петр Билык. Повертевшись возле калитки и проверив, нет ли за ним хвоста, он прошмыгнул в дом. Руководитель засады тут же дал знать об этом наверх — замначальнику Краснодарского УВД. Тот немедленно приехал к дому Билыков. «Будем брать!» — последовала команда.

Бандита решили брать не в самом доме, а на открытой местности. Для этого разыграли хитрую комбинацию: с малолетним пацаном послали в дом записку — мол, милиция ищет Петра, обходит дома. Как и ожидалось, уже через минуту из дома выскочил Билык-старший. Но не один — с ним был и его младший брат Владимир. Беглецы затрусили к камышам. Милиционеры бросились следом. Увидев погоню, преступники прибавили ходу, но грозный окрик «Стоять! Стрелять будем!» заставил их остановиться. Билык-старший поднял руки и пошел на стражей порядка: «Вы что-то напутали, ребята». Но капитан Власов, стоявший к нему ближе всех, поднял пистолет и приказал братьям лечь на землю. Те подчинились.

Когда братьев привезли в здание УВД и начали допрашивать, они наотрез отказались признать свою вину. «Ничего не знаем, никого не убивали!» — твердили они. Но было видно, что младший из братьев держится менее уверенно, чем старший. Тогда давить стали именно на него. Через полчаса интенсивной обработки нервы 15-летнего парня не выдержали. Он расплакался, а затем стал давать признательные показания. Сказал, что не знает, где скрывается Ставничий, но указал место, где был зарыт автомат — в лесу под Куйбышевом. Субботним утром 10 декабря его должны были посадить в самолет и отвезти к этому месту. Как вдруг перед самой посадкой к следователю подбежал посыльный и сообщил, что только что при задержании был убит Ставничий.

Ставничий ничего не знал про арест Билыков и поэтому пришел к ним в дом без всякого страха. И нарвался на засаду. Когда он поднялся на веранду, сзади его окликнули. Он обернулся и увидел направленный на себя автомат. Бандит поднял руки и стал спускаться с крыльца. Но, ступив на землю, внезапно выхватил из кармана нож и бросил в ближнего милиционера. Тот по инерции нажал на курок. И свинцовая очередь прошла грудь бандита наискосок. Довезти раненого до больницы живым не удалось.

В тот же субботний день в космос стартовал очередной космический экипаж: Юрий Романенко и Георгий Гречко. Им суждено будет установить рекорд пребывания в космосе — 96 дней.

И еще одно событие, датированное днем 10 декабря, стоит отметить. В Киеве состоялась звездная свадьба: поженились гимнастка Людмила Турищева и легкоатлет Валерий Борзов. В те годы не было в стране человека, кто бы не знал эти имена: Турищева была обладательницей четырех Олимпийских медалей, Борзов — одной, но он был единственным русским спринтером, которому удавалось побеждать чернокожих бегунов. Их знакомство произошло во время Олимпиады-76 в Монреале, в тот самый день, когда Борзову угрожали убийством (помните, за несколько минут до старта ему сообщили, что на трибуне сидит снайпер). Будущих супругов познакомил тренер Турищевой Владислав Ростороцкий, который посоветовал

Борзову обратить внимание на его воспитанницу.

Молодые встречались больше года, а Борзов все никак не решался сделать девушке предложение. По его же словам: «Лопух был! Недотепа в любовных делах». Тогда инициативу взяла в свои руки Турищева. Однажды она спросила жениха, что называется, в лоб: «Так ты собираешься на мне жениться или нет?!» Борзов хоть и растерялся, но потом взял себя в руки и коротко ответил «да». Но допрос на этом не закончился. «Когда? — спросила Турищева. — Скажи хотя бы месяц и приблизительно день». — «Давай посмотрим график наших выступлений», — предложил Борзов. Они открыли календарь и стали вместе высчитывать предполагаемую дату свадьбы. Жребий выпал на 10 декабря — один из немногих свободных дней между соревнованиями, в которых они участвовали. «Тогда ты должен обязательно съездить к моим родителям в Ростов и познакомиться перед свадьбой», — не унималась Турищева. На что Борзов ответил: «У меня нет времени. Давай так: я поеду, познакомлюсь с твоими родителями, и в тот же день, там же, в Ростове, мы сыграем свадьбу!» Так и сделали.

Между тем это была не последняя спортивная свадьба в те дни. 11 декабря женился будущий тренер российской сборной по футболу Валерий Газзаев, который в то время был действующим игроком — выступал за столичный «Локомотив». Его молодая жена носила лермонтовское имя Бэлла.

Театр на Таганке продолжает свои гастроли во Франции. После Парижа труппа выступала в Лионе (с 24 ноября), после чего переехала в Марсель (с 7 декабря). Но последняя часть гастролей оказалась самой скандальной. И виновником этого стал Владимир Высоцкий. 8 декабря в советском консульстве был устроен семейный прием, на который были приглашены и артисты. Высоцкий весь вечер тянул джин с тоником, чего делать не стоило бы: вечером ему предстояло играть Гамлета. Тот спектакль он отыграл, но вот на следующий, что называется, забил. Представьте себе картину: полный зал зрителей, вся труппа в сборе, а Гамлета нет. Кто-то прибежал к Любимову и доложил ему, что Высоцкий послал всех на три буквы и уехал гулять в какой-то ресторан. Взяв с собой художника Давида Боровского и ре-

жиссера Марсельского театра Пьера, главреж «Таганки» отправился на поиски загулявшей звезды.

Поиски длились недолго. По счастливой случайности Высоцкого в компании его приятеля Михаила Шемякина удалось обнаружить в ближайшем же ресторане. Но актер, увидев Любимова, даже не подумал спешить ему навстречу. Вместо этого они с другом тормознули такси и бросились прочь. Преследователи сделали то же самое: поймали попутку и рванули следом. Беглецов они поймали, и Любимов буквально стал умолять Высоцкого вернуться в театр. Аргументы были убойные: мол, и зрителей полный зал, и КГБ театру никогда этого не простит. И Высоцкий сдался. Далее послушаем очевидцев:

В. Смахов:

«Смирился буйный дух, и «Гамлет» состоялся. Но что это был за спектакль!.. За кулисами — французские врачи в цветных халатах. Жестокий режим, нескрываемая мука в глазах. Мы трясемся, шепчем молитвы — за его здоровье, чтобы выжил, чтобы выдержал эту нагрузку. Врачи поражены: человека надо госпитализировать, а не на сцену выпускать...

За полчаса до начала, когда и зал в Марселе был полон, и Высоцкий с гитарой уже устроился у сцены, Юрий Петрович позвал всю команду за кулисы. Очень хорошо зная, какие разные люди перед ним и кто из них как именно его будет осуждать, он сказал нам жестко, внятно, и голос зазвучал как-то враждебно: «Вот что, господа. Вы все взрослые люди, и я ничего не собираюсь объяснять. Сейчас вам идти на сцену. Соберитесь и — с богом. Прошу каждого быть все время начеку. Врачи очень боятся: Володя ужасно ослаблен. Надо быть готовыми и быть людьми. Иногда надо забывать свое личное и видеть ситуацию с расстояния. Высоцкий — не просто артист. Если бы он был просто артист — я бы не стал тратить столько нервов и сил... Это особые люди — поэты. Но мы сделали все, чтобы риск уменьшить. И врачи, и Марина прилетела... И еще вот что. Если, не дай бог, что случится... Вот наш Стас Брытков, он могучий мужик, я его одел в такой же свитер, он как бы из стражи короля... и если что... не дай бог... Стас появляется, берет принца на руки и быстро уносит со сцены... а король должен скомандовать, и ты, Вениамин,

выйдешь и в гневе сымпровизируешь... в размере Шекспира: «Опять ты, принц, валяешь дурака? А ну-ка, стража! Забрать его...» и так далее... ну ты сам по ходу сообразишь... И всех прошу быть как никогда внимательными... Надо, братцы, уметь беречь друг друга... Ну, идите на сцену... С богом, дорогие мои...»

А. Демидова:

«Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда — ни до, ни после. Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а — по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен как полотно. Роль, помимо всего прочего, требовала еще и огромных физических затрат. В интервалах между своими сценами он прибежал в мою гримборную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину струйками крови. Марина, плача, руками выгребала это.

Володя тогда мог умереть каждую секунду. Это знали мы. Это знала его жена. Это знал он сам — и выходил на сцену. И мы не знали, чем и когда кончится этот спектакль. Тогда он, слава богу, кончился благополучно...»

Два дня спустя Театр на Таганке вернулся на родину. Но та встретила трупку негостеприимно. Аукнулись депеши, которые все гастроли слали в Москву новый директор «Таганки» Коган и «люди в штатском» из числа сопровождающих: в них сообщалось, что Любимов ведет себя вызывающе, раздает нехорошие интервью, а некоторые из артистов встречаются с отщепенцами (так, Вениамин Смахов был в гостях у писателя Виктора Некрасова). В итоге в Шереметьеве «Таганку» стала усиленно трясти таможня. И у нескольких ведущих актеров была найдена «компра» — валюта и антисоветская литература (последнюю они не покупали — ее специально разложили в гостиничных номерах хозяева, надеясь, что кто-то клонет). Вот как описывает эти события В. Смахов:

«В Москве так наш театр был встречен на таможене как группа преступников. Двенадцать фамилий громко объявили, и всех бдитительно обыскали. Два с половиной часа наглядного урока любви и благодарности к театру-«пропагандисту». Не скрывая своей сопричастности, рядом со «шмоном» стояли Бычков («человек в штатском». — Ф. Р.) и Коган-директор. Трофеи КГБ были богатейшими: у Зины Славинной лежали неистраченные франки (нельзя ввозить

валюту в страну девственного рубля); у Б. Глаголина — общепопулярные журналы с неприкрытой любовью к женскому телу на обложке; у меня — авторучки, купленные... в киоске советского посольства в Париже (в протоколе обыска сказано: «изъяты две а/ручки с а/художественным оформлением»); у Рамзеса Джабраилова — книжки «а/советских» авторов... Чекист открывает чемодан Рамзеса и сразу глядь — книжки. Обалдел офицер: почему не спрятано, почему искать не надо, почему на видном месте ТАКОЕ? Рамзес честно признался: «В Париже времени не было, привез, чтобы дочитать, разве нельзя?» Впоследствии Ю. Любимов мощно отыгрался «на ковре» в ЦК, описав и гастроли, и «благодарный шмон» в Шереметьеве, и крупный улов КГБ — в виде комичного «библиотекаря» Рамзеса Джабраилова.

Но я пережил тяжелые часы, глядя на «работу» лейтенанта с моими вещами... И пока он обшаривал сувениры — побрякушки да детские колготки, — я молил бога, чтобы пронесло. Причина моего страха: Виктор Некрасов вручил мне увесистую коробку с драгоценными лекарствами — другу в Питере, со страшной болезнью. Лекарства из Швейцарии, очень дорогие — все это должно быть, конечно, изъято, но главное: я поленился перепаковать коробку. Так и красовалась надпись, сделанная рукой Вики... Вика — не Татищев, он, и в надписи не соблюдал конспирации... Мол, Веня, отвези другу милому в Питер, скажи ему то-то и то-то, что я живу хорошо вдаль от Советов и дай вам Бог держаться... И слово «Бог» было с большой буквы. И почерк Некрасова скорее всего им известен. Да и «наводчики» стоят рядом... Однако пронесло...»

Кстати, антисоветскую литературу из Парижа привезли не только актеры, но и рабочие сцены. Но они оказались хитрее: спрятали ее в трубе, на которой крепился занавес, а после шмона в Шереметьеве сложили в мешок и в таком виде спустились в метро. Но там на них обратил внимание постовой милиционер. Он их тормознул и отвел в дежурку. Там содержимое мешка обнаружилось, и рабочим грозило суровое наказание. Но тем удалось откупиться.

В Останкине тем временем отсняли очередную финальную «Песню года». В отличие от прошлогоднего выпуска, который был весьма скуден на песни (всего 16 штук), на этот раз

песен звучало гораздо больше — 30. И хотя подавляющая часть из них не имела никакого отношения к настоящим хитам (на которые приходят мешки писем), но прогресс был notable — последний раз такое изобилие песен было отмечено в 1973 году, когда в финальном выпуске прозвучало 33 произведения. Между тем дебютантами передачи в том году стали две популярные исполнительницы: Алла Пугачева и Анна Герман. Причем в отличие от последней, Пугачева стала популярной всего-то ничего — два года назад, но в «Песню года» ее не пускал сам председатель Гостелерадио Лапин, который считал певицу вульгарной. Однако постоянно игнорировать Пугачеву было нельзя, в итоге она пробилась-таки в финал с двумя песнями: «**Не отрекаются любя**» Марка Минкова и Вероники Тушновой и «**Волшебник-недоучка**» Александра Зацепина и Леонида Дербенева.

Что касается Анны Герман, то и она удостоилась чести спеть сразу два шлягера: «**Эхо любви**» Евгения Птичкина и Роберта Рождественского и «**Когда цвели сады**» Владимира Шаинского и Михаила Рябинина. Но если последнюю песню Герман согласилась исполнить без всяких уговоров, то с «Эхом» заупрямилась. Она казалась ей слишком печальной, драматичной для новогоднего исполнения. И редактору передачи Татьяне Коршиловой пришлось приложить максимум старания, чтобы переубедить певицу.

Между тем эту песню Герман должна была исполнять не одна, а дуэтом с Львом Лещенко. И обязательно под фонограмму. Последнее обстоятельство тоже не удовлетворило певицу, но здесь ее уговорили быстрее: сказали, что концертная студия не приспособлена для оркестра (хотя оркестр там был!), а также отметили, что они с Лещенко не смотрятся рядом — Герман была выше, — из-за чего их придется развести по разные стороны сцены: он будет стоять в глубине ее, а она с краю. Короче, эту песню сняли на пленку. Но Герман все происходящее продолжало не нравиться, и она сделала попытку записать «живьем» вторую песню — «**Когда цвели сады**». Она позвонила Шаинскому и стала уговаривать его позвонить «кому следует», чтобы те разрешили спеть песню «живьем». Шаинский поначалу отбрыкивался: мол, вы зря думаете, что я имею такое влияние

на «верха». Но потом согласился. И его миссия удалась — фонограмму песни заменили живым исполнением. После чего случилось чудо: Герман исполнила «Сады» так вдохновенно, что стала единственной артисткой в передаче, что исполнила песню на бис. Но в полную версию передачи этот эпизод не вошел. Кроме названных двух песен, в «Песне-77» прозвучали следующие произведения:

«Такая нам судьба дана» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Анатолий Чепурной; «Комиссары» (Е. Жарковский — М. Матусовский) — А. Мокренко; «Звезды 19-го года» (М. Зив — М. Светлов) — Галина Улетова и хор мальчиков; «Песня о солдате» (В. Мигуля — М. Агашина) — Иосиф Кобзон; «Алия» (С. Байтерек — Б. Тажибаев) — Роза Рымбаева; «Фронтальная сестра» (А. Экимян — М. Рябинин) — Арташес Аветян; «Помнят люди» (О. Фельцман — Е. Долматовский) — Людмила Зыкина; «Где же вы, друзья однополчане» (В. Соловьев-Седой — А. Фатьянов) — Виктор Вуячич; «Бамовский вальс» (С. Туликов — М. Пляцковский) — «Самоцветы»; «Река родная» (П. Аедоницкий — И. Шаферан) — Лев Лещенко; «Не отрекаются любя» (М. Минков — В. Тушнова) — Алла Пугачева, «Всегда и снова» (М. Фрадкин — Е. Долматовский) — Людмила Сенчина и Евгений Головин; «Если с другом вышел в путь» (В. Шаинский — М. Танич) — Большой детский хор под управлением В. Попова, солист — Дима Голов; «Товарищ песня» (И. Шамо — Р. Рождественский) — А. Мокренко и Дима Голов; «Беловежская пуща» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — детский хор, солист — Виталий Николаев; «Мне приснился шум дождя» (Е. Дога — В. Лазарев) — Надежда Чепрага и Виктор Коннов; «Весенний край» (М. Магомаев — Наби Хазри, В. Лазарев) — Муслим Магомаев; «Наша биография» (А. Мажуков — О. Писаржевская, В. Монастырев) — В. Мамонов; «Мне доверена песня» (Г. Мовсесян — Л. Ошанин) — Иосиф Кобзон; «Я люблю этот мир» (В. Мигуля — Л. Дербенев) — «Самоцветы»; «Черемуха» (В. Гаврилин — О. Фокина) — Людмила Сенчина; «Звездная песня неба» (Д. Тухманов — В. Фирсов) — Евгений Головин; «Волшебник-недоучка» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, «Тихие города» (Ю. Саульский — И. Шаферан) — Ольга Воронец; «И снова солнцу

удивлюсь» (П. Бюль-Бюль оглы — И. Резник) — Роксана Бабаян; «Мне нравится» (М. Таривердиев — М. Цветаева) — Г. Беседина и С. Тараненко; «Чайки над водой» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару; «Вероника» (И. Лученок — М. Богданович) — «Песняры».

Алла Пугачева продолжает работу в картине «Женщина, которая поет». 12 декабря все в том же 4-м павильоне снимали репетицию Анны Стрельцовой с ансамблем, ее разговор с поэтом (Николай Волков). Через день в том же павильоне, но уже в иной декорации — «квартира Стрельцовой» — начали снимать следующие эпизоды: Стрельцова нянчит ребенка; коллеги забирают ее на гастроли, а ребенка оставляют на попечение одного из своих коллег (кстати, это реальная история из жизни Пугачевой: когда она в начале 70-х уезжала на гастроли, с ее Кристинкой нянчился Юрий Непомнящий).

В четверг, 15 декабря, в Доме кино справляли 50 лет Эльдара Рязанова. Вообще-то юбилей у режиссера случился почти месяц назад (18 ноября), но отметить его в срок он не смог: находился за океаном, в Америке. Поэтому решили перенести торжество поближе к Новому году. Мероприятие получилось пышное и предвеселое, что вполне понятно: великого комедиографа и поздравлять должны были с юмором. Власти тоже не оставили это событие без внимания и в качестве подарка преподнесли юбиляру орден Трудового Красного Знамени.

Владимир Высоцкий продолжает находиться во Франции, куда он приехал вместе с коллегами по «Таганке», но после их отъезда решил задержаться на французской земле еще на десять дней. Выглядит он неважно: пьет горькую, а потом с похмелья дает концерты. Один из них состоялся 15 декабря, аккуратно в тот день, когда в Париже трагически погиб Александр Галич (купив магнитофон, он попытался самостоятельно подключить его к сети и был убит разрядом электрического тока).

Вспоминает М. Шемякин:

«Я был на одном концерте Высоцкого в Париже... Этот концерт был как раз в тот день, когда погиб Саша Галич. Володя был после большого запоя, его с трудом привезли... Никогда не забуду — он пел, а я видел, как ему

плохо! Я и сам еле держался, буквально приполз на этот концерт — и Володя видел меня. Он пел, и у него на пальцах надорвалась кожа (от пьянки ужасно опухали руки). Кровь брызгала на гитару, а он продолжал играть и петь. И Володя все-таки довел концерт до конца. Играл блестяще!..»

Об этом же воспоминания жены Шемякина Ревекки:

«Это был страшный концерт — Володе было плохо, плохо с сердцем... В зале, конечно, никто ничего не знал, но мы-то видели! Володя пел, пел как всегда замечательно, — но мы-то знали — какое это было напряжение! Потом мы зашли к нему за кулисы — в артистическую, — я подошла к Володе... Помню, он так схватился за меня — весь зеленый и в поту. Страшно...»

Но вернемся на родину. В первой половине декабря на столичные экраны вышли следующие новинки: 5-го — мелодрама Леонида Мартынюка «**Семейные обстоятельства**» с участием Игната Данильцева, Владимира Басова, Валентины Титовой и др.; 12-го — детектив Герберта Рапппорта «**Меня это не касается**» с участием Александра Збруева, Ирины Понаровской и др.

Кино по ТВ: «Впереди — крутой поворот» (2-го), «Опасный поворот» (3-го), «Дневник директора школы», «Где вы, рыцари?» (4-го), «О друзьях-товарищах» (5-го), «Свеаборг» (7—8-го), «Я — Шаповалов Т. П.» (с субтитрами, 8-го), «Приключения желтого чемоданчика», «Стрекоза» (10-го), «Детектив без детектива» (преьера д/ф 10—11-го), «Безумный день» (11-го), «Секретарь парткома» (12—13-го), «Это было в Коканде» (13—15-го), «Баллада о Беринге и его друзьях» (14-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 10-го — в Театре им. Ленинского комсомола был показан спектакль «**Парень из нашего города**», где роль Вари сыграла дебютантка театра Ирина Алферова; в Театре имени Пушкина — «**Когда город спит**» с участием Афанасия Кочеткова, Николая Прокоповича и др.

Эстрадные представления: 1—4-го — во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты с участием Аллы Пугачевой, Галины Улетовой, Владимира Винокура и др.; 7—11-го, 15-го — в ГЦКЗ «Россия» выступали: Олег Анофриев, Евгений Петросян, Владимир Винокур, Лев Лещенко и др.; 10—11-го — в ГТЭ выступал эс-

традный дуэт Мария Миронова—Александр Менакер; в «Октябре» — Иосиф Кобзон; в ЦДСА — Нина Бродская; 11-го — в ДК ГПЗ-1 выступал ВИА «Надежда»; 13—14-го — в ГЦКЗ высидился звездный десант из Румынии: исполнитель популярного шлягера «Пой, гитара» Дан Спатару (давненько его не было в Москве), Илона Моцика и др.

В пятницу, 16 декабря, в Москве начался традиционный хоккейный турнир на приз газеты «Известия». В нем участвовало пять команд: четыре национальных сборных из СССР, ЧССР, Швеции, Финляндии и представитель Канады — команда из ВХА «Квебек Нордикс». Именно с последней нашим ребятам и пришлось помериться силами в первый же день. Наши победили 5:3, тем самым взяв реванш за свое поражение от этого клуба в начале года (тогда мы уступили 1:6).

На следующий день в столичном Доме кино состоялся общественный просмотр нового фильма Григория Чухрая «Нетипичная история» (в прокате — «Трясина»). Лента рассказывала о том, как во время войны жительница одной из русских деревень (ее роль играла Нонна Мордюкова), испугавшись за своего младшего сына, которому предстояло идти на войну, спрятала его на чердаке собственного дома. Тема, прямо скажем, нетрадиционная для советского кинематографа, который до этого старался не касаться таких темных сторон Великой Отечественной. Однако обращение Георгия Чухрая к этой теме было неслучайным. Дело в том, что много лет назад он сам столкнулся с предательством одного из своих близких друзей. Дело было в годы войны. У Чухрая было трое фронтовых товарищей, с которыми он съел не один пуд соли. Их называли друзьями не разлей вода. И вот один из этих друзей испугался быть убитым на фронте и сбежал домой. Он вернулся в родной Николаев и устроился на работу: стал петь с эстрады. При этом родителям одного из своих фронтовых товарищей он сообщил, что их сын погиб — так ему было легче скрыть свое предательство. К счастью, ложь вскоре вскрылась, и этот человек, благополучно довоевав, вернулся домой. С другом-дезертиром он, естественно, все отношения прервал. А когда его навещил Чухрай, рассказал ему эту историю. И Чухрай, кипя от возмущения, отправился к дезертиру домой,

чтобы посмотреть этому парню в глаза. Вот что писал сам режиссер:

«Я пришел, позвонил в дверь. Дверь открыла его жена и ответила, что мужа нет дома. Тогда я попросил разрешения подождать его. Женщина согласилась.

В ожидании я просидел у них часа четыре, но хозяин дома так и не появился. Я встал, попрощался и ушел...

А позже их соседи рассказали мне, что в тот день все четыре часа, пока я ждал его, мой бывший товарищ был дома и прятался от меня в другой комнате...

На фронте мы вчетвером верили друг другу как самим себе. Мы очень любили друг друга, были братьями и однажды поклялись, что, если кто-то из нас погибнет на войне, другие, если останутся живы, обязательно расскажут, как погиб наш товарищ. Рассказывать об этом не пришлось. Братья выжили. Правда, каждый по-своему...

В день премьеры фильма зал Дома кино был переполнен. Слухи о том, что Чухрай снял нетрадиционную картину, давно ходили в киношном мире, что, естественно, подогревало к ней интерес. И большинство пришедших (а среди них были и иностранцы) не разочаровались — фильм понравился. Но без ложки дегтя все равно не обошлось. Нашлись и такие, кто усмотрел в увиденном посягательство на самое святое. Этими людьми оказались несколько работников «Мосфильма». В тот же день из-под их пера на свет родился донос на имя генсека Брежнева и министра обороны Устинова. Поскольку донос был обстоятельный и уместился на нескольких страницах, я приведу лишь некоторые отрывки из него:

«В двухсерийной большой картине подробно рассматривается не героизм матери, а ее предательство. Такой она и запомнится в ярком исполнении Нонны Мордюковой, и чем лучше она играет, тем страшнее и отвратительнее остается в памяти этот образ матери-предательницы героического неповторимого времени Великой Отечественной войны...

Зачем с экрана показывать миллионам зрителей эту стряпню? Зачем обвинять в напраслине миллионы еще живущих матерей и вдов, потерявших в эту войну своих сыновей и мужей?! Зачем развенчивать образ нашей героической матери, перенесшей столько горя в Ве-

ликую Отечественную войну и выстоявшей назло всем врагам?!

Мы убеждены, что эта выдуманная антинародная, а, значит, и антипартийная картина вызовет справедливый и великий гнев народа не только к тем, кто создал эту мерзость, но и к тем, кто выпустил ее на экран. Вызовет громкое недоумение у друзей за рубежом. Вызовет неприкрытую и огромную радость наших врагов. Такого вреда они не смогли бы нанести и миллиардами долларов со своими радиостанциями клеветы, со своими агентами ФБР...

Видимо, определенная группа, которая в последнее время на «Мосфильме» служит определенным интересам, настолько уже обрела силу, что ей удается свободно проводить политику «Нетипичной истории». Эта политика, к сожалению, есть и в других фильмах, также получивших высокую оценку руководства. Об экранизации классики тут уже и не стоит говорить. Здесь коммерция соседствует с извращением благородных и социальных идей. Если народ можно лишить Матери-Родины, то, думаешь, что там Алексей Толстой («Хождение по мукам»), Гоголь (был «Ревизор», стал просто «Инкогнито»), Чехов (была пьеса «Платонов», стала «Механическое пианино»). Эти классики давно покойники. Их можно похоронить еще раз, а деньги получить хорошие — самые большие, столько и классики не получили за свои произведения!

Ставить этот важный вопрос перед своей парторганизацией не можем, партком «Мосфильма» давно стал придатком данной политики и покрывает ее вместе с генеральной дирекцией. Вышестоящие органы не раз отмечали крупные политические ошибки в работе «Мосфильма», но этим и кончалось. Неудобные за критику лишались куска хлеба, становились безработными на многие годы, а то и получали удар ножом в сердце, как это было с режиссером Гончаровым. (Экспертиза установила три удара ножом в сердце. Мог ли «самоубийца» ударить себя три раза ножом в сердце?!)

Написали Вам потому, что молчать не имеем права и самим бороться уже нет возможности.

Киноработники».

18 декабря на турнире на приз «Известий» состоялся один из самых решающих матчей: СССР—ЧССР. После своего поражения дома

на турнире «Руде право» чехословацкие хоккеисты приехали в Москву за реваншем. Они не скрывали своих намерений и в открытую заявляли об этом. В Москве этому верили мало, поскольку тихоновская сборная показывала хорошую игру и тоже была нацелена на победу. Но правы оказались гости, которые уже с первых же секунд игры прочно захватили инициативу в свои руки. Чехословацкие хоккеисты играли легко, с выдумкой, в то время как наши выглядели на льду как сонные мухи. У советской сборной игра не ладилась по всем линиям: проваливались и защитники, и нападающие. В итоге голы в наши ворота сыпались как горох: на 10-й минуте счет открыл Бубла, затем его удвоил Мартинец. Вторая двадцатиминутка тоже началась с гола в ворота Третьяка: шайбу провел Штясны. Четвертую шайбу гости умудрились и вовсе забить в меньшинстве — это сделал Глинка. А Пуозер довел счет и вовсе до разгромного — 5:0. Игра была, по сути, сделана. И хотя нашим хоккеистам удалось забросить в третьем периоде три шайбы, однако и гости забили столько же. Итог — 3:8 в пользу гостей.

Шок испытали все советские болельщики: от простых до самых именитых. Например, Юрий Андропов вызвал к себе для беседы старшего тренера нашей сборной Виктора Тихонова. Правда, ругать его не стал, а вежливо так поинтересовался, что произошло с командой. Спросил, сумеет ли она и дальше не опозориться. Тихонов пообещал, что таких осечек больше не произойдет. И действительно: 20 декабря наши ребята разбили финнов (7:3), а на следующий день повергли в уныние и шведов (9:2). Однако взять первое место все равно не сумели: оно досталось чехословакам, опередившим нас на одно очко (7 против 6).

В эти же дни (19 декабря) отдел печати МИД СССР и оргкомитет Олимпиады-80 провели пресс-конференцию для советских и зарубежных журналистов. На ней было объявлено, что официальным талисманом московской Олимпиады выбран бурый медвежонок работы столичного художника В. Чижикова.

Столичный цирк на Ленинских горах, или, как его называли в народе, Новый цирк, в декабре обрел своего нового руководителя — вместо скончавшегося Петра Аболимова в кресло директора сел Евгений Милаев. В 60-

годы он был мужем дочери генсека Галины Брежневой и пользовался его покровительством. Но когда их брак распался, Брежнев к бывшему зятю заметно охладел. Хотя врагом его все-таки не считал. Иначе не видать бы Милаеву ни директорского кресла, ни звания Героя Социалистического Труда.

Помимо Милаева, в кресло директора Нового цирка метил еще один известный циркач — Мстислав Запашный, которого поддерживал председатель «Союзгосцирка» Колеватов. Говорят, как только весть о смерти Аболимова достигла его ушей, он тут же рванул к министру культуры Демичеву и стал уговаривать его отдать Новый цирк Запашному. А когда министр спросил его, почему бы не Милаев, Колеватов ответил: «Да он малограмотный человек да еще морально не чист. Народ его не любит». Демичев обещал подумать. А через два дня вызвал к себе Колеватова и объявил: директором Нового цирка будет Милаев. И пришлось Колеватову прямо здесь же, в приемной министра, расцеловывать нового назначенца в обе щеки. Хотя сделать это ему было ой как нелегко. Колеватов подозревал, что Милаев теперь будет метить и в его кресло.

Продолжается скандал вокруг фильма «Нетипичная история». Тот донос, который был отправлен «киноработниками», достиг цели: он лег на стол начальника Главпура Епишева, который 21 декабря отправил срочное послание секретарю ЦК КПСС Михаилу Зимянину, отвечавшему за идеологию. В нем автор отмечал, что в Главпуре специальная комиссия посмотрела фильм «Нетипичная история» и целиком согласилась с мнением «киноработников»: фильм вреднейший. Вывод: комиссия считает, что выпуск кинофильма на экраны страны может нанести ущерб делу коммунистического воспитания советских людей. В итоге на «Мосфильм» будет спущена директива: акт о приемке фильма аннулировать и немедленно начать переделку картины.

В эти же дни в Москве во Дворце спорта «Крылья Советов» проходил Всесоюзный турнир по боксу памяти призера Олимпийских игр Сергея Сивко. В соревнованиях приняли участие 144 советских боксера со всей страны. Не было на нем только Олега Коротаева, который, как мы помним, в прошлом году угодил за ре-

шетку. Однако с его именем на турнире была связана одна любопытная история.

Вспоминает К. Копцев:

«На турнире выступала команда «Буревестник», в которой я был старшим тренером. В один из дней ко мне подходит полковник в малиновых погонах и грозно так спрашивает: «Вы Копцев Константин Николаевич?» — «Я», — отвечаю. «С Коротаяевым Олегом Георгиевичем знакомы?» — «Знаком», — говорю, а у самого душа в пятки: вдруг Олег что-то в лагере натворил? Я был готов ко всему, но только не к тому, что составляло цель визита этого полковника. «Я начальник ИТУ, в котором отбывает срок наказания Коротаяев, — продолжает он, колючим таким взглядом впиваясь в мое растерянное лицо. — Мы Коротаяева поставили на дополнительное питание и возим его на тренировки в Рязань. Не сомневаюсь, что в настоящее время сильнее его боксера в стране нет. Он в прекрасной форме. Предлагаю вам включить его в состав команды «Буревестник» с тем, чтобы Коротаяев выступил на первенстве СССР». — «Так он же в зоне!» — воскликнул я, пораженный этим предложением. — «В том-то и суть. Но у меня есть возможность досрочно освободить его. Условие одно — в случае его победы на первенстве мне присвоят звание «Заслуженный тренер РСФСР». Все это было сказано на полном серьезе. Но я понял, что это совершеннейшая авантюра. Никакого продолжения она не имела...»

В Москве тем временем то морозит, то греет: 22 декабря ртутный столбик показывал ночью 21 градус холода, а два дня спустя уже всего 6 градусов. Больше всего от подобных скачков страдали гипертоники.

Давно что-то я не вспоминал про разного рода слухи. В те годы их в обществе барражировало огромное количество, и все потому, что средства массовой информации находились под тяжелой цензурной пятой и держали народ на голодном пайке. И только в исключительных случаях, когда слухи достигали немыслимых размеров и грозили перерасти в нечто неуправляемое, газетам давалось «добро» на их развенчивание. Так было, как мы помним, со слухами о трагической гибели Муслима Магомаева, о массовом подорожании продуктов и ряде других подобных случаев.

В конце 77-го общество взбудоражила новая сенсация: на всех углах люди обсуждали слух о трагической гибели солиста «Песняров» Анатолия Кашепарова. Этот худенький на вид вьюноша так проникновенно пел «Вологду», что мгновенно стал кумиром миллионов советских граждан, особенно слабого полу. Говорят, из всего состава «Песняров» именно за ним девочки бегали не то что толпами, а чуть ли не стадами. И вот грянул слух: Кашепарова зарезали в ресторанной драке! У девушек страны от горя помутились рассудки. Помню, как одна из знакомых моего приятеля, услышав эту новость, разрыдалась прямо на улице, как будто у нее умер кто-то из родных. Короче, гибель «песняра» многие восприняли почти так же, как в 53-м смерть «вождя всех времен и народов». В газеты посыпались письма с просьбой разъяснить ситуацию.

Говорят, в Минске местная пресса оперативно откликнулась на этот слух и опубликовала опровержение. Из столичных масс-медиа на этом поприще отметился «Московский комсомолец», который 24 декабря поместил на своих страницах статью «Не сотвори себе кумира». Начиналась статья с письма некой Галины. Она писала: «Мечусь в отчаянии из стороны в сторону, а толком ничего не знаю. Мне недавно сказали, что... убили Толика Кашепарова, солиста вокально-инструментального ансамбля «Песняры».

Если это правда, то мне жизнь искалечена и перечеркнута навсегда, хотя мне будет только 19 лет. Жизнь без Толи — это пустое и ничемное существование. Лишь бы он был жив, пусть я даже больше не увижу бы его. Я за него бы жизнь отдала. Умоляю, помогите!»

Газета помогла: связалась с Минском и узнала, что сладкоголосый «песняр» жив-здоров и в данный момент находится на гастролях. О чем и оповестила Галю и всех остальных поклонников «Песняров». Страна облегченно вздохнула... до следующих слухов.

В тот же день, 24 декабря, большая группа работников столичного Театра имени Ленинского комсомола была удостоена очередных званий. Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР получил главреж театра Марк Захаров, заслуженными артистами РСФСР стали: Александр Збруев, Николай Караченцов, Инна Чурикова, Олег Янковский.

На следующий день в 19.20 по московскому времени по ЦТ была в очередной раз показана комедия Эльдара Рязанова «Ирония судьбы». С декабря прошлого года это стало доброй традицией — показывать этот фильм накануне Нового года. И вновь, как и в прошлый раз, у голубых экранов собралось рекордное число зрителей: фильм смотрели практически во всех уголках необъятной страны. К примеру, Андрей Сахаров лицезрел его в Мордовии, в одном из тамошних лагерей. В те края судьба академика занесла не случайно — он приехал навесить своего коллегу по правозащитному движению Эдуарда Кузнецова, отбывавшего там срок. Как вспоминает сам А. Сахаров:

«В клубной («ленинской») комнате мы по вечерам смотрели кино, в том числе очень смешную комедию Рязанова «С легким паром». Надзиратели приносили из своих комнат стулья и тоже смотрели фильм, изредка с интересом посматривая на нас (в Мордовию Сахаров приехал с женой Кузнецова. — *Ф. Р.*): все же приезд Сахарова был событием в этом уголке страны. Впрочем, лица некоторых уже были красными: видимо, они успели «принять свою порцию». Позднее мы из своей комнаты слышали крики, брань, звуки драки, кого-то за ноги выволакивали на мороз — алкоголь делал свое ежедневное дело...»

В те дни Владимир Высоцкий благополучно вернулся из Парижа в Москву (23 декабря). Вместе с ним прилетела и Марина Влади. И первыми, кого они навестили в столице, были писатель Юрий Нагибин и его жена. По этому поводу в дневнике писателя читаем следующие строчки: «Накануне Марина Влади проповедовала у нас на кухне превосходство женского онанизма над всеми остальными видами наслаждения. В разгар ее разглагольствования пришел Высоцкий, дал по роже и увел...»

Тем временем в Москве вот уже почти месяц обретается Николай Галачян — один из тех дерзких преступников, что ограбили Ереванский банк. Как мы помним, Николай был организатором этого ограбления, а непосредственным исполнителем выступил его земляк и однофамилец Феликс Галачян. Последний предпочел не ездить в столицу и сорил украденными деньгами на курортах Крыма и Кавказа. А у Николая на Москву были далекоиду-

щие планы: он собирался подыскать здесь одинокую женщину, с ее помощью занять московскую прописку и получить (за деньги, разумеется) диплом юриста. А пока Николай жил в гостинице Академии наук Узбекской ССР по подложному паспорту на имя Владимира Акопяна и чуть ли не каждый день кутил в ресторанах, высматривая для себя жертву. Он нашел ее 26 декабря в ресторане «Прага». Это была 24-летняя экономист из «Мосводопровода» Людмила Аксакова (фамилия изменена). На тот момент у нее уже был жених, но он вот уже два года как сидел в тюрьме, поэтому охмурить ее Галачяну, у которого карманы трещали от денег, не составило большого труда. Кстати, Людмила между делом поинтересовалась у своего кавалера, откуда у него столько денег, но он ловко вывернулся: сообщил, что является профессиональным картежником, которому постоянно везет. Это объяснение женщину вполне удовлетворило. Тем более что кавалер оказался совсем не скрягой и в тот вечер устроил ей роскошное времяпрепровождение. Вскоре их отношения станут настолько близкими, что Николай переедет жить к своей пассии. С ее же помощью Николай обменяет 8 тысяч рублей 10-рублевыми купюрами на 100-рублевые. Когда Людмила спросит, зачем ему это, тот ответит: дескать, сторубливки занимают в карманах меньше места.

Между тем сборная СССР по хоккею с шайбой по давно заведенной традиции отправилась в новогоднее турне за океан — в Японию. 29 декабря ЦТ транслировало ее первую игру — с канадским клубом из ВХА «Виннипег Джетс». Игра выдалась напряженной. Уже к 10-й минуте наши вели 2:0 (голы забили Александр Голиков и Борис Михайлов), но Хедберг сократил разрыв до минимума. Затем у нас был удален Владимир Голиков, и это удаление стоило нам еще одного гола. А потом впервые в этой игре канадцы вышли вперед: шайбу забросил Данн. Но Владимир Голиков сумел реабилитироваться за свое удаление и счет сравнял. А вскоре Владимир Петров своим коронным мощным щелчком вывел нашу сборную вперед — 4:3. Итог матча — 7:5 в пользу советской сборной.

На следующий день состоялся второй матч. Его судьбу решила наша молодежь, которая

сыграла выше всяких похвал. Первый гол забил столичный динамовец Василий Первухин. Спустя 12 минут канадец Паулс восстановил равновесие. А потом армейская связка Александр Лобанов — Борис Александров вкатила канадцам сразу две шайбы: первый забивал, второй ассистировал. И только одна шайба в нашей сборной выпала на долю «старичка» — четвертую шайбу забил Геннадий Цыганков. Итог матча — 4:2 в нашу пользу.

В пятницу, 30 декабря вышел на свободу кинорежиссер Сергей Параджанов. Произошло это неожиданно, поскольку по приговору суда режиссеру предстояло сидеть за решеткой еще целый год. 24 декабря Параджанов писал в своем письме на волю: «Настроение плохое, так как меня ознакомили с характеристикой, которую составил начальник отряда. Это так страшно! Как это меня не расстреляют?.. Где взять силы еще на год? Где? Где?..» И вдруг — освобождение! Позднее режиссер узнает истинную подоплеку столь внезапной милости к нему властей: за него заступился Луи Арагон, которого об этом попросила Лиля Брик. Последняя, кстати, на Параджанова здорово обидится: вместо того чтобы сразу же из лагеря мчаться в Москву, к ней, он отправится в родной Тбилиси. Но обида Брик будет длиться недолго — ровно до того момента, когда Параджанов не явится пред ясные очи своей освободительницы.

Во второй половине декабря в столичных кинотеатрах прошли премьеры следующих фильмов: 19-го — «Приключения Нуки» Евгения Осташенко с участием Саши Заболотина, Андрея Махова, Валентина Смирнитского и др.; 29-го — «Служебный роман» Эльдара Рязанова с участием Андрея Мягкова, Алисы Фрейндлих, Олега Басилашвили и др.

Кино по ТВ: «Его звали Роберт» (17-го), «Мертвый сезон» (19—20-го), «Новый аттракцион» (21-го), «Кто есть кто?» (премьера т/сп 22-го), «Бумбараш» (22—23-го), «Дети» (23-го), «Женитьба Бальзаминова» (24-го), «12 месяцев» (24—25-го), «Ирония судьбы, или С легким паром!» (25-го), «Первая ласточка» (первые по ТВ 27-го), «Соломенная шляпка» (27—28-го), «От и до» (29-го), «Большой трамплин», «Нос» (премьера т/ф), «Король-олень» (30-го), «Незнайка в Солнечном городе» (1-я

серия, премьера м/ф), «Фантазия Веснухина» (1-я серия, премьера т/ф), «Про Красную Шапочку» (премьера т/ф), «Орех Кракатук» (премьера т/ф) и др.

Из других передач выделю: «Что? Где? Когда» (после двухлетнего перерыва передача снова вышла в эфир), «Кинопанорама», «Поэт Мичел (Испания)» (24-го), «А ну-ка, девушки!» (29-го), «Кабачок «13 стульев» (31-го).

Эстрадные представления: 13—20-го — в ГТЭ пела Алла Пугачева; 19—21-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием звезд югославской эстрады Радмилы Караклаич, Милоша Милаковича и др.; 16—17-го — в «Октябре» выступал ВИА «Надежда»; 16—18-го — в Московском Доме офицеров пела Тамара Миансарова; 17—18-го — в ГТЭ состоялись концерты с участием Геннадия Белова, Светланы Резановой, Ивана Суржикова, Александра Лившица, Александра Левенбука и др.; 18-го — в «Октябре» пел «югославский соловей» Ивица Шерфези; 26—29-го — в ГЦКЗ гастролировал Государственный эстрадный оркестр Армянской ССР под руководством Константина Орбеляна с участием Ары Бабаджаняна, Ларисы Долиной; 29—30-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали: Борис Владимиров, Вадим Тонков, Роксана Бабамян, Геннадий Белов, ВИА «Поющие сердца» и др.

21—22 декабря в Театре эстрады состоялись концерты польской рок-группы «Червоны гитары». На мой взгляд, одного из лучших рок-коллективов соцлагеря, этаких польских «битлов». В те годы в Советском Союзе пропагандировались многие группы из социалистических стран, но «Червоны гитары», несмотря на то что вели свое существование с середины 60-х, несправедливо замалчивались. Я помню, как в любом музыкальном магазине можно было купить пластинки немецкого «Пудиса», венгерского «Экспресса», польских «Скальдов» и даже югославского Ансамбля Саши Суботы, но «Червоных...» днем с огнем было не сыскать — их практически не выпускали (в 70-м вышла пластинка с одной-единственной их песней «Не задирай носа»). И это при том, что песни Северина Краевского (руководителя группы) очень высоко котировались в европейских рейтингах и некоторые из них

даже входили в тамошние топ-чарты. Особенный успех выпал на песню «Усіекај тоје сетсе». Только в 77-м «Мелодия» выпустила миньон «Червоных гитар» с их последним шлягером «Не отдыхая» и эту же песню показали по ТВ в программе «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Так польские «битлы» наконец-то добрались до широкого советского слушателя.

Кстати, и в журнале «Кругозор» (№ 12) была помещена пластинка, на которой звучала песня в исполнении «Червоных гитар» — та самая «Не отдыхая». Кроме них, на этом же миньоне была помещена песня в исполнении английского дуэта «Липс» под названием «Бабочка». Из других пластинок этого же номера выделяю следующие: «Песня из к/ф «Мимино» («Чита-грита»); Джонни Нэш (Ямайка) — «Прекрасное время» (Б. Марли), «Люблю тебя» (М. Стивенсон).

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие пластинки: диск-гигант «Поет ВИА «Синяя птица» с песнями: «Мамина пластинка» (С. Дьячков — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Первая любовь» (Б. Терентьев — В. Харитонов), «Не обижайся» (В. Добрынин — М. Танич), «Жасмин» (С. Дьячков — Л. Ошанин), «Прости» (С. Каминский — В. Харитонов), «Родина» (Б. Терентьев — Е. Евтушенко), «На перепутье» (С. Дьячков — О. Гаджикасимов), «Нелетная погода» (Т. Ефимов — Д. Усманов), «Горько» (В. Добрынин — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Здравствуй, песенка» (Б. Терентьев — И. Шаферан), «Клен» (Ю. Акулов — Л. Шишко); «Эстрадные песни»: «За полчаса до весны» (О. Фельцман — Н. Олев) — «Песняры», «Желтый лист» (Р. Паулс — Я. Петерс, И. Шаферан) — Галина Бовина и Владислав Лынковский, «Как молоды мы были» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Александр Градский, «Все могут короли» (Б. Рычков — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный) — Лев Лещенко, «Всегда и снова» (М. Фрадкин — Е. Долматовский) — «Поющие сердца», «Мольба» (А. Журбин — И. Резник) — Ирина Понаровская, «Твои следы» (А. Бабаджанян — Е. Евтушенко) — София Ротару, «Все, что есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Самоцветы».

ХИТ-ПАРАД-77

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Несовершеннолетние» (К/ст. имени Горького, реж. Владимир Роговой, в ролях: Владимир Летенков, Станислав Жданько, Леонид Каюров и др., премьера — 16 сентября) — 44,6 млн. зрителей;
- «Безотцовщина» («Мосфильм», реж. Владимир Шамшурин, в ролях: Елена Драпеко, Лев Прыгунов, Надежда Федосова и др., премьера — 7 января) — 43,0 млн.;
- «Ты — мне, я — тебе» («Мосфильм», реж. Александр Серый, в ролях: Леонид Куравлев, Роман Ткачук, Валерий Носик и др., премьера — 25 июля) — 41,6 млн.;
- «Аты-баты, шли солдаты» (К/ст имени Довженко, реж. Леонид Быков, в ролях: Леонид Быков, Владимир Конкин, Елена Шанина и др., премьера — 25 апреля) — 35,8 млн.;
- «Розыгрыш» («Мосфильм», реж. Владимир Меньшов, в ролях: Дмитрий Харатьян, Андрей Гусев, Елена Ханаева и др., премьера — 10 января) — 33,8 млн.;
- «Сказ о том, как царь Петр арапа женил» («Мосфильм», реж. Александр Митта, в ролях: Владимир Высоцкий, Алексей Петренко, Ирина Мазуркевич и др., премьера — 6 декабря 1976) — 33,1 млн.;
- «Сладкая женщина» («Ленфильм», реж. Владимир Фетин, в ролях: Наталья Гундарева, Олег Янковский, Светлана Карпинская и др., премьера — 23 мая) — 31,3 млн.;
- «Ар-хи-ме-ды!» (Одесская к/ст, реж. Александр Павловский, в ролях: Сергей Иванов, Мовсес Мурадян, Александр Хочинский и др., премьера — 15 ноября 1976) — 26,4 млн.;
- «Ненависть» (Одесская к/ст, реж. Самвел Гаспаров, в ролях: Евгений Соляков, Иван Мацкевич, Евгений Леонов-Гладышев и др., премьера — 10 октября) — 24,1 млн.;
- «Белый Бим Черное Ухо» («Мосфильм», реж. Станислав Ростоцкий, в ролях: Вячеслав Тихонов, Валентина Владимирова и др., премьера — 15 сентября) — 23,1 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран» среди читателей (22 000 писем), были получены следующие результаты:

Лучшие фильмы: 1. «Белый Бим Черное Ухо» (72,0% читателей назвали его отличным, 0,2% — неудачным); 2. «Розыгрыш» (60,9% —

0,1%); 3. «Подранки» (59,7%—0,1%); 4. «Легенда о Тиле» (59,8%—0,7%); 5. «Ночь над Чили» (57,0%—0,8%); 6. «Восхождение» (57,3%—1,0%); 7. «Мама» (54,2%—0,7%); 8. «Красное и черное» (52,6%—0,7%); 9. «Аты-баты, шли солдаты...» (47,7%—0,4%); 10. «Неоконченная пьеса для механического пианино» (58,6%—2,7%).

Худшие фильмы отечественного производства:

1. «Иван и Колумбина» (42,5% читателей назвали его посредственным, 35,3% — хорошим), 2. «Время московское» (36,8% — 35,3%), 3. «Кафе «Изотоп» (34,6% — 31,0%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «С любовью» (Польша), «Бессмертные» (Румыния—ГДР), «Земля обетованная» (Польша), «Братья по крови» (ГДР), «Гибель корабля «Эмма» (ГДР).

Лучшие фильмы других стран: «Старое ружье» (Франция), «Лихорадка на белой полосе» (США), «Доктор Франсуаза Гайян» (Франция), «Золотая лихорадка» (США), «Принцесса подводного царства» (Япония).

Лучшая актриса; Наталья Гундарева (роль Анны Доброхотовой в фильме «Сладкая женщина») — 11,6% голосов; лучший актер: Александр Калягин (Платонов в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино») — 14,4% голосов.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Старое ружье» (Франция) — премьера 17 января;
 «Картуш» (Франция) — 23 мая;
 «Незнакомка» (Индия) — 17 января;
 «Братья по крови» (ГДР) — 21 марта;
 «Опасная погоня» (Япония) — 1 августа;
 «Прощай, полицейский» (Франция) — 16 мая;
 «Золотое путешествие Синдбада» (США) — 30 мая;
 «Седьмое путешествие Синдбада» (США) — 26 сентября;
 «Огни рампы» (США) — 7 февраля;
 «Золотая лихорадка» (США) — 4 апреля;
 «В сетях мафии» (Франция) — 9 мая;
 «Большое приключение Зорро» (Мексика) — 24 января;
 «Грибной человек» (Мексика) — 25 июля
 «Корабль-призрак» (м/ф, Япония) — 16 мая;
 «Мулен Руж» (Англия) — 18 апреля;
 «Мне нравится эта девчонка» (Аргентина) — 1 августа;
 «Юный Робин Гуд» (Англия) — 24 октября.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

«Судьба барабанщика» (т/ф) — 5—7 января;
 «12 стульев» (т/ф, 3—4-я серии) — 8—9 января;
 «Приключения на далеком Севере» (Италия) — 11—13, 19—20 января;
 «Дни хирурга Мишкина» (т/ф) — 25—27 января;
 «Заккрытие сезона» — впервые по ТВ 6 февраля;
 «Вей, ветерок!» — впервые по ТВ 13 февраля;
 «Пропавшая экспедиция» — впервые по ТВ 20 февраля;
 «Юнга Северного флота» — впервые по ТВ 22 февраля;
 «Два капитана» (т/ф) — 26—27 февраля, 6—7, 12—13 марта;
 «Москва, любовь моя» — впервые по ТВ 9 марта;
 «Семья Зацепиных» (т/ф) — 22—23 марта;
 «Смерть под парусом» (т/ф) — 9 апреля;
 «День приема по личным вопросам» — впервые по ТВ 23 апреля;
 «Выбор цели» — впервые по ТВ 27—28 апреля;
 «Тимур и его команда» (т/ф) — 1—2 мая;
 «Не болит голова у дятла» — впервые по ТВ 1 мая;
 «Два дня тревоги» (т/ф) — 22 мая;
 «Блеск и нищета куртизанок» (т/ф, Франция) — 23—28 мая;
 «Следствие ведут Знаатоки», № 11 — «Любой ценой» — 4 июня;
 «Волны Черного моря», часть 3-я (т/ф) — 18—19 июня;
 «Три мушкетера» (Франция) — впервые по ТВ 21—22 июня;
 «Господин Никто» (Болгария) — впервые по ТВ 2 июля;
 «Опровержение» (т/ф) — 12—14 июля;
 «Почти смешная история» (т/ф) — 27 июля;
 «Джентльмены, которым не везло» (т/сп) — 7 августа;
 «Кошка на радиаторе» (т/сп) — 10 августа;
 «Труффальдино из Бергамо» (т/ф) — 27—28 августа;
 «Кыш и Двапортфеля» — впервые по ТВ 1 сентября;
 «Фаворит» (т/ф) — 13 сентября;
 «Долг» (т/ф) — 2 октября;
 «Сто дней после детства» — впервые по ТВ 9 октября;
 «Сибирский дед» — впервые по ТВ 12 октября;
 «Хождение по мукам» (т/ф) — 19—20, 22—25, 27, 29—30 октября, 3—6 ноября;
 «Премия» — впервые по ТВ 23 октября;
 «Горе от ума» (сп) — 19 ноября;
 «Кто есть кто?» (т/сп) — 22 декабря;
 «Первая ласточка» — 27 декабря;
 «Нос» (т/ф) — 30 декабря;

«Незнайка в Солнечном городе» (м/ф) — 31 декабря;

«Фантазии Веснухина» (т/ф) — 31 декабря;

«Про Красную шапочку» (т/ф) — 31 декабря;

«Орех Кракатук» (т/ф) — 31 декабря.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов

А. Адамов — «Час ночи» (повести);

А. Ананьев — Избранное в 2 томах;

В. Ардаматский — «Последний год» (роман-хроника), «Разведчик Николай Жарков»;

Б. Ахмадулина — «Метель» (стихи), «Сны о Грузии»;

Г. Бакланов — Избранное в 2 томах;

Ю. Бондарев — «Малярия», Избранное в 2 томах;

С. Высоцкий — «Наводнение» (повести);

Ю. Друнина — «Новые стихи»;

Е. Евтушенко — «В полный рост»; «Просека» (поэма);

А. Жигулин — «Горящая береста» (стихи);

Ф. Искандер — «Сандро из Чегема» (рассказы, роман);

В. Каверин — Избранное в 2-х томах;

Р. Казакова — «Набело» (стихи);

С. Куняев — «Рукопись» (стихи);

С. Михалков — «О Ленине» (поэмы), «Чудо» (стихи);

Б. Можаев — «Живой» (повесть и рассказы);

Ю. Нагибин — «Острова любви» (повести и рассказы);

Л. Измайлов — «Трудный случай» (комедия);

Р. Рождественский — «Все начинается с любви», «Голос города» (новые стихи);

А. Рыбаков — «Кортик»; «Бронзовая птица»; «Выстрел» (трилогия);

Ю. Семенов — «Схватка»;

Э. Успенский — «Чебурашка»;

А. Чаковский — Собрание сочинений в 6 томах.

Переводная литература (детективы)

И. Гариш — «Операция в Стамбуле» (повесть) — «Звезда Востока» № 4—6;

Н. Мизийски — «Кто нацарапал на стене?» (повесть) — «Дон» № 12;

Р. Перес-Валеро — «Не время для церемоний» (повесть) — «Искатель» № 5—6;

А. Уайз — «Мелкие рыбки» (повесть) — «Наука и религия» № 6—8;

А. Збых — «Разыскивается группенфюрер Вольф» (повесть) — «Кодры» № 12;

Х. Иннес — «Белый юг» (роман) — «Вокруг света» № 6—12;

А. Кристи — «Смерть в облаках» (повесть) — «Радуга» № 1—2;

Х. Пентекост — «И пусть я погибну...» (повесть) — «Искатель» № 4;

Ж. Сименон — «А Фелиси-то здесь!» — «Искатель» № 1—2; «Самый упрямый клиент на свете» — «Смена» № 23—24; «Тень на шторе» — «Литературная Россия» № 3—9;

«Зарубежный детектив» (№ 7): Д. Хэммет «Стеклянный ключ», У. Айриш «Окно во двор», Й. Маттяшовски «Дебют Хоода», Г. Прошкова «Месяц с трубкой»;

«Современный детектив ГДР»: В. Штайнберг «Шляпа комиссара», Г. Шнайдер «Ночь без алиби», Х. Ранк «Дорожное происшествие»;

«Современный французский детектив»: Буало-Нарсежак «Инженер слишком любил цифры», П. Александер, М. Ролан «Увидеть Лондон и умереть», С. Жапризо «Дама в очках и с ружьем в автомобиле».

Шлягеры года (отечественные)

«Прощальный вальс» (А. Флярковский — А. Дидуров), из х/ф «Розыгрыш» — ВИА «Добры молодцы», январь;

«Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный) — Лев Лещенко, февраль;

«Сонет Шекспира» (А. Пугачева) — Алла Пугачева, февраль;

«Любовь одна виновата» (А. Зацепин — Л. Дербенев) + Алла Пугачева, февраль;

«Женщина, которая поет» (А. Пугачева, Л. Гарин — К. Кулиев, Н. Гребнев) — Алла Пугачева, март;

«Старый рояль» (А. Слизунов, К. Никольский — В. Солдатов) — Группа Стаса Намина, апрель;

«Вечером» (С. Намин — И. Кохановский) — Группа Стаса Намина, апрель;

«Как молоды мы были» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Александр Градский, апрель;

«Яростный стройотряд» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Александр Градский, апрель;

«Отчий дом» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару, май;

«Родина моя» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — София Ротару, май;

«Звездная песня неба» (Д. Тухманов — В. Фирсов) — Геннадий Белов, май;

«Ленинград» (А. Пугачева — О. Мандельштам) — Алла Пугачева, июль;

«Приезжай» (А. Пугачева) — Алла Пугачева, июль;

«Все, что в жизни есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — ВИА «Самоцветы», август;

«Когда цвели сады» (В. Шаинский — М. Рябинин) — Анна Герман, август;

- «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — «Песняры», август;
 «До свидания, лето» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, август;
 «Любовь одна виновата» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, август;
 «Время думать о девчонках» (Е. Мартынов — В. Харитонов) — Евгений Мартынов, сентябрь;
 «Не отрекаются любя» (М. Минков — В. Тушинова) — Алла Пугачева, сентябрь;
 «Песенка про меня» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, сентябрь;
 «Этот мир» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, сентябрь;
 «Ты не стал судьбой» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, сентябрь;
 «Если долго мучиться» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, сентябрь;
 «Нам не жить друг без друга» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Лев Лещенко, октябрь;
 «Золотое танго» (А. Бабаджанян) — Ара Бабаджанян, октябрь;
 «Первая любовь» (Д. Руссос — А. Григорьев) — ВИА «Красные маки», октябрь;
 «Последний лист» («Листья желтые») (Р. Паулс — Я. Петерс, И. Шаферан) — Г. Бовина, В. Лынкровский, ноябрь;
 «Не обижайся» (В. Добрынин — М. Танич) — ВИА «Синяя птица», ноябрь;
 «Ты мне не снишься» (В. Добрынин — М. Рябинин) — «Синяя птица», ноябрь;
 «На дальней станции сойду» (В. Шаинский — М. Танич) — ВИА «Пламя», ноябрь;
 «Все могут короли» (Б. Рычков — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, декабрь;
 «Прости» (С. Каминский — В. Харитонов) — ВИА «Синяя птица», декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Ах, как тебе родиться подфартило...» — сентябрь;
 «Дорогая передача!...» — октябрь;
 «Друг в порядке...» — октябрь;
 «Мы из породы битых, но живучих...» — октябрь, и др.

Шлягеры года (зарубежные)

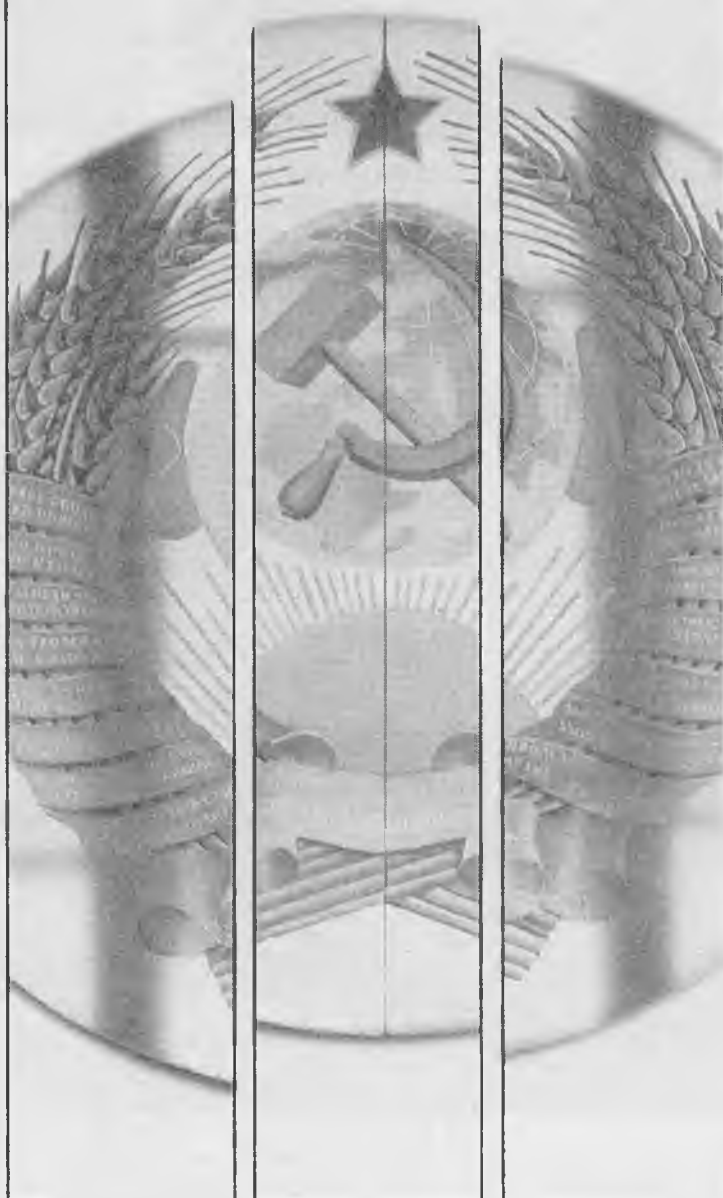
- «Dreams», «Don't stop» — «Флитвуд Мэк», февраль;
 «Dandy in the Underworld» — «Ти Рекс»;

- «Shock me», «Love gun» — «Кисс», июнь;
 «We will rock you», «We are the Champions» — «Квин», ноябрь;
 «Standing in the Rain», «Night in the City», «Turn to stone», «Mr. bly cky» — «ELO», ноябрь;
 «Jive Talkin'», «Nihgt fever», «You Should be dancing» — «Би Джиз», ноябрь;
 «Mull of Kintyre» — Пол Маккартни, декабрь;
 «It's your life», «Needles and Pins», «I can't stay here tonight», «Baby it's you», «Living next door to Alise», «Lay hack in the Arms of Someone», «If you think you know to love me» — «Смоки»;
 «Ma Baker», «Belfast», «Plantation boy» — «Бони М»;
 «Magic fly», «Ballad for Space lovers», «Tango in Space», «Prison», «Air force» — «Спэйс»;
 «Uciekaj moje serce», «Nie spoczniemy», «Wshod slonca w stanine kopii» — «Червоны гитары»;
 «Ciao, bambino, sorry» — Мирей Матье;
 «Souvenir» — Демис Руссос;
 «Wonderous Stories» — «Йес»;
 «Love machine», «World of today» — «Супермакс»;
 «Yes sir, i can boogie» — «Баккара»;
 «Disco sound», «Black is black», «Bamalama» — «Биль Эпок»;
 «When i need you», «Raining in my Heart» — Лео Сейер.

Преступность в СССР в 1977 году

- Общее кол-во преступлений — 1 212 022 (в 1976 — 1 232 166);
 умышленные убийства — 18 930 (в 1976 — 17 842);
 покушения на убийства — 3960 (в 1976 — 4002);
 убийства с разбоем — 288 (в 1976 — 284);
 убийства с изнасилованием — 304 (в 1976 — 290);
 убийства с хулиганством — 2 188 (в 1976 — 2 056);
 убийства из-за ревности и ссор — 12 161 (в 1976 — 11 732);
 убийство матерью новорожденного — 381 (в 1976 — 400);
 посягательства на милиционеров — 336 (в 1976 — 369);
 изнасилования — 16 971 (в 1976 — 16 575);
 грабежи — 41 615 (в 1976 — 39 686);
 разбои — 10 748 (в 1976 — 9727);
 хулиганство — 147 024 (в 1976 — 199 049);
 умышленные телесные повреждения — 40 041 (в 1976 — 35 686);
 преступления в армии — 16 304 (в 1976 — 16 653);
 взяточничество — 4 162 (в 1976 — 4311).

1978 год

1978 Январь

Как Алла Пугачева смотрела себя по телевизору. Альбом «Зеркало души». Геннадий Хазанов выпускает спектакль. Храбрая милиционерша. В Москве поймали угонщиков и грабителей. Столичная милиция в поисках тунейдцев-писателей. Почему Владимир Шубарин напился. Как Владимир Путин помогал следить за внучкой Брежнева. Генсек раздает награды. Наши хоккеисты громят канадцев. Очередное «золото» советских хоккеистов-юниоров. Как «песнярь» женился на гимнастке. Очередные потери советской кинематографии. Михаил Боярский становится д'Артаньяном. Концерт Дина Рида в гостинице «Украина». Космический старт. Как разжаловали майора, оскорбившего Марию Пахоменко. Барбара Брыльска получает награду. Как Маргарита Терехова не попала в стриптиз-бар. Любовный роман в стенах Театра Ленсовета. В роли убийцы — подросток. Игорь Николаев навещает родные места. Как Вячеслав Добрынин обскакал Александру Пахмутову. Владимир Высоцкий на Украине. Гибель хоккеиста Владислава Найденова. Как Польша Мориа заказал в ресторане блюдо под названием «ГУЛАГ». Брежнев пристраивает свои мемуары в «Новый мир». В Москве разоблачили банду душегубов. Как закатилась звезда Бориса Александрова. 18 часов на поиски преступников. Ереванский грабитель прячет свой миллион. У Вячеслава Добрынина родилась дочь.

Спустя пять минут после наступления Нового года по ЦТ запустили новогодний «Огонек». Начался он традиционно: с патетической оды, которую мало кто смотрел. Ведь в эти минуты миллионы советских граждан еще допивали шампанское и налегали на салат «оливье». Все знали: самое интересное в «Огоньке» начнется ближе к половине первого ночи. Так оно и вышло: после нескольких оперных арий и сцен из балетов сплошным косяком пошли выступления звезд отечественной эстрады. Выступали Эдита Пьеха, Лев Лещенко, София Ротару, Михаил Боярский, Татьяна Доронина, ансамбль «Апельсин», Алла Пугачева. Последняя в ту ночь исполнила новый шлягер — песню Бориса Рычкова и Леонида Дербенева «Все могут короли». Причем у авторов песни не было уверенности, что ее в самый последний момент не вырежут из эфира, сочтя крамольной: ведь под королем Луи люди могли подразумевать Брежнева. Сама Пугачева следила за «Огоньком» из подмосковного ресторана «Арлекино», куда она приехала вместе со своим

гражданским мужем Александром Стефановичем. Зал ресторана был забит, что называется, под завязку, гости от души пили и веселились. Пугачева спела с эстрады несколько новых песен, однако большую часть времени провела вместе с мужем у маленького черно-белого телевизора, который обнаружился на кухне ресторана. Тамошние повара долго не могли взять в толк, зачем это Пугачева вперилась в маленьких экранчик телевизора и так нетерпеливо чего-то ждет. Загадка сия раскрылась вскоре: едва в эфире зазвучала песня «Все могут короли», Пугачева с мужем радостно заплодировали.

Сразу после «Огонька» был показан концерт Ленинградского мюзик-холла (правда, без его главного солиста Сергея Захарова, который в это время «парился» на зоне), после чего эстафету подхватили «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» с участием Карела Готта, Клиффа Ричарда, Сдеславы Сосницкой и других звезд заграничной эстрады. Однако Пугачева со Стефановичем этого уже не видели: сразу после окончания «Огонька» они отпра-

вились в Переделкино, на дачу друга детства Стефановича известного фотографа Валерия Плотникова. Он тогда был женат на дочери писателя Льва Кассиля, поэтому и обретался в писательской вотчине. Там Стефанович уговорил своего друга сделать несколько фотографий Пугачевой, которые совпали бы с ее сценическим образом. Эти снимки затем будут распахиваться куда только возможно: в газеты, журналы и даже на пластиковые сумки для покупок. Однако на обложку первого пугачевского диска «Зеркало души», который уже был отпечатан на «Мелодии» и готовился к поступлению в продажу, попала фотография совсем другого фотографа — Вячеслава Манешина. Вышло это случайно. Стефанович заехал на «Мелодию», чтобы узнать, как идут дела с диском, и увидел на сигнальном экземпляре совсем безыскусную фотографию певицы в сарафане. И уговорил Пугачеву написать письмо протеста руководству фирмы грамзаписи. В итоге те вынуждены были приостановить печать пластинки, чтобы заменить фотографию на обложке. Кстати, создавалась она оригинально: Пугачева распустила волосы, Стефанович положил ее животом на стол, схватил за ноги, а Манешин лег на пол и снизу фотографировал певицу, словно парящую в небе.

Поскольку на одну пластинку все новые песни Пугачевой не уместились, первый альбом певицы сделали двойным. Первый назывался «Зеркало души», второй — «Арлекино и другие». В первую пластинку вошли песни: «Бубен шамана», «Верю в тебя», «Песенка про меня», «Сонет Шекспира», «Приезжай», «Женщина, которая поет», «Не отрекаются любя». Львиная доля песен, включенных во вторую пластинку, была написана Александром Зацепиным, с которым певица на тот момент была в ссоре (из-за фильма «Женщина, которая поет»). Автором стихов выступил Леонид Дербенев. Все песни этого тандема были «киношными», то есть звучали в разных фильмах. Так, песни «Куда уходит детство», «Найди себе друга» звучали в ленте «Фантазии Веснухина»; «Волшебник-недоучка», «Полно вокруг мудрецов» — в «Отважном Шираке»; «Мы не любим друг друга», «Если долго мучиться» — в «Поваре и певице»; «До свидания, лето», «Любовь одна виновата» — в «Центровом из поднебесья». Един-

ственной «некиношной» песней на диске была «Все могут короли».

В понедельник, 2 января, у дверей столичного Театра эстрады наблюдалось столпотворение: народ ломился на первый моноспектакль Геннадия Хазанова «Мелочи жизни». Билеты в кассах были распроданы еще несколько недель назад, поэтому ушлые спекулянты продавали их по цене в десять раз выше номинала: вместо 5 рублей требовали все 50. И все равно билеты уходили как горячие пирожки. Еще бы: спектакль по тем временам считался суперактуальным. В первом отделении на сцене царствовал один Хазанов: он читал восемь монологов. Во втором отделении (оно называлось «Золотой ключик») на помощь юмористу выходил эстрадный балет. Здесь Хазанов исполнял пародии на известных артистов: Аркадия Райкина, Льва Лещенко, Николая Озерова и др. Как писала Н. Слонова, «публика дружно вызывала автора, режиссера, художника, балетную группу и, естественно, сердце программы — Хазанова. Участники раскланивались, поздравляли друг друга на виду у публики. При закрытом занавесе радость была безудержной. Закончилась большая работа! И все сошлось: музыка, переодевания, смена света — все без осечек, все слаженно общими усилиями А. Хайта, художников Э. Стенберга и М. Барт, композитора В. Добрынина, режиссера Б. Левинсона, но в первую очередь энергией и волей Хазанова. Ранее он вышел в концерте, отработал номер и ушел, а теперь ведет спектакль — огромную многоплановую махину! Немало было вложено им сил в период репетиций: все проверял, всем напоминал, бранился, просил, подбадривал. И добился: спектакль вышел, спектакль имеет успех! Гене было чему радоваться и чем гордиться. Все прошло, как положено на премьерах...».

3 января «Комсомольская правда» сообщила о смелом поступке младшего инспектора отдела угро УВД Ростовского горисполкома Веры Пиденко. Эта хрупкая 18-летняя девушка сумела в одиночку задержать опасного преступника. Вышло все случайно. Милиционерша возвращалась с очередного дежурства домой, как вдруг ее внимание привлек мужчина, который вышел из подъезда ближайшего дома с увесистым чемоданом в руках. Поравнявшись с ним, Пиденко обратила внимание на то, что

из кармана неизвестного торчит рукоятка «финки». Решение пришло мгновенно. Девушка остановила мужчину и попросила предъявить документы. Но тот вместо этого выхватил из кармана нож. Однако то, что произошло после этого, повергло в изумление прохожих, оказавшихся невольными свидетелями этой сцены. Хрупкая девушка выбила оружие из рук нападавшего и, проведя болевой прием, опрокинула его на землю. Затем уселась ему на спину и так заломила руку преступнику, что тот закричал на всю улицу и запросил пощады. За этот смелый поступок храбрая милиционерша была удостоена ценного подарка от родного УВД.

Но криминальная хроника января этим не исчерпывается. В Москве разоблачена шайка угонщиков автомобилей. Попались преступники случайно. Один из угонщиков в компании своей подруги ехал на угнанном автомобиле по Москве. Причем номера на этой машине тоже были криминальные — с ранее угнанного «Москвича». Они и помогли напасть на след преступников. В районе Киевского вокзала угонщик не справился с управлением и врезался в фонарный столб. Девушка получила легкие травмы и осталась в машине, а водитель отправился за помощью. Однако когда информация об этой аварии поступила в базу данных ГАИ, там сразу установили, что дело нечисто — номера-то угнанные. Дали знать в 48-е отделение милиции, за которым числился угнанный «Москвич». Те допросили девушку, но она притворилась дурочкой: мол, ничего не знаю, ничего не видела. Ее отпустили, но приставили «хвост». Как и предполагали сыщики, сразу после встречи с ними девушка бросилась рассказывать о допросе своим друзьям. В одном из кафе в Серебряном Бору всю шайку и задержали. Шайка оказалась серьезной: за ней числилось 20 угонов автомобилей в разных концах Москвы.

В эти же дни отличился инспектор 2-го отделения ГАИ города Москвы Александр Медведев. Он объезжал на служебной «Волге» подотчетную ему территорию, как вдруг услышал женский крик. Вскоре к нему подбежала женщина, которая сообщила, что несколько минут назад в сквере возле Академии им. Жуковского на нее напали двое неизвестных и отняли сумочку. «Садитесь, будем их искать», — пригласил

потерпевшую гаишник. Двигались они со средней скоростью, чтобы женщина смогла опознать нападавших среди редких прохожих, проходивших по улице. Так они доехали до аэровокзала. И здесь им улыбнулась удача. «Да вот же они!» — воскликнула женщина, указав рукой на двух мужчин, скрывающихся в вестибюле вокзала. «Ждите меня здесь!» — бросил ей инспектор, а сам побежал за преступниками.

В тот час в фойе вокзала было полно народу, поэтому отыскать преступников в такой толпе было непросто. Медведев несколько минут ходил по залу, внимательно вглядываясь в каждого встречного. Но грабителей среди них не было. Инспектор заглянул в один из коридоров вокзала. И здесь его взгляд наткнулся на предмет, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор: у мусорного бака лежала женская сумочка. Подняв ее, Медведев убедился, что сумка пуста. Поблизости от бака находился мужской туалет, и милиционер резонно предположил, что преступники могли скрыться именно там. Едва он успел сделать несколько шагов в этом направлении, как его догадка подтвердилась: из дверей туалета появились те самые типы, на которых потерпевшая указала как на грабителей. Увидев стража порядка, они бросились бежать. Однако далеко скрыться им было не суждено: одного из них Медведев догнал и опрокинул на пол, а второго помог задержать случайный посетитель вокзала — водитель такси.

В те же дни начала января столичная милиция вкуче с сотрудниками КГБ из «пятерки» (5-го управления КГБ, занимающегося идеологией) провела широкомасштабную операцию под кодовым названием «Тунеядцы». Суть ее была проста: милиционеры нанесли визиты в квартиры исключенных в разное время из Союза писателей СССР литераторов — Владимира Корнилова, Льва Копелева, Георгия Владимова, Владимира Войновича, историка Роя Медведева. Корнилова и Копелева дома не оказалось, и объяснения за них приходилось давать их женам. Так, супруга Корнилова на заявление, что ее муж нигде не работает, ответила, что он является членом ПЕН-клуба. «А телефон там есть?» — поинтересовались милиционеры. Жена писателя ответила утвердительно и продиктовала соответствующий номер. Жена другого писателя — Копелева — заявила, что ее муж не обязан где-то работать —

он пенсионер. Тут участковый проговорился: он смущенно заявил: «Я им так и сказал», тем самым выдав заказчиков этой акции.

4 января возобновились съемки фильма «Женщина, которая поет». В тот день на «Мосфильме» сняли эпизод, где Анна Стрельцова (Алла Пугачева) участвует в искрометном шоу. Партнером Пугачевой по этой сцене впервые стал популярный танцор Владимир Шубарин. Встреча с певицей настолько потрясла танцора, что он... Впрочем, послушаем рассказ его супруги Галины Шубариной:

«Володя и Алла практически не пересекались на съемках. Только в сцене, где поют вместе. Он вошел на площадку, а она ему с ходу: «Может, ты хоть им скажешь, что петь надо так, как я хочу?» Он предложил спеть вместе. Спел выше ее и фактически ее вытянул. После съемок Пугачева устроила банкет. И Володя вместе со всеми там надрался. А я не выносила, когда он выпивал и пьяный садился за руль. Его допоздна не было. Тут звонок в дверь — на пороге стоят поддатые Пугачева и Алла Будницкая. Пугачева говорит: «Галь, мы заехали, Володя там машину закрывает». Я ей: «В принципе я гостей не ждала. Ну раз уж пришли...» Алла боком вошла в квартиру, и тут Володя поднимается веселенький. Я его отвела в другую комнату и устроила выволочку за то, что пьяный за руль сел. «Ну, я на радостях, что с Пугачихой спел!» — оправдывался он. Будницкая и Орлов жили в соседнем с нами доме, и Будницкая позвонила своей маме: «Мы сейчас придем». Мне, если честно, не хотелось, чтобы веселье у меня в квартире продолжалось. Поэтому я спокойно пошла с ними гулять к Алле. Позже Пугачева возмущалась: «Да все за счастье почитают, если я к ним в гости приду, а она меня из своего дома выставила!» Потом мы с ней помирились...»

Между тем продолжается любовный роман внучки генсека студентки театроведческого факультета ГИТИСа Виктории Брежневой и студента того же института, но другого факультета — музыкальной комедии — Геннадия Варакуты. Как мы помним, узнав об этом романе, Брежнев приказал Андропову «отвадить» парня от его внучки, поскольку та была замужем и имела ребенка. Чекисты рьяно взялись за дело, и в итоге ухажер был сослан в Ленинград, в Институт театра, музыки и кино. Однако роман

на этом не прекратился, и влюбленные при первой же возможности старались встретиться, в основном в городе на Неве. И КГБ снова пришлось вмешиваться. К делу вновь был подключен лейтенант КГБ, специализирующийся на ГИТИСе, Сергей Андриянов. Он в начале января собирался уехать в отпуск, как вдруг его вызвал к себе заместитель Андропова генерал Цинев и приказал отправляться в Ленинград следить за Варакутой. В помощь Андриянову были даны трое сотрудников питерского УКГБ, но двое из них вскоре отпали в силу своей ненадежности: они могли догадаться о том, что главным фигурантом в этой любовной истории является внучка генсека. В итоге у Андриянова остался один помощник: сотрудник 1-й службы (разведка территории), кандидатуру которого лично одобрил Юрий Андропов. Это был... будущий Президент России Владимир Путин. Он не догадывался о той миссии, с которой приехал в Ленинград Андриянов, а спрашивать в открытую в той организации, где работал Путин, было не принято. Путин помог коллеге устроиться в гостинице напротив Александроневской лавры. Они гуляли по центру города, иногда вместе ходили в театры, на Михаила Боярского в Театр Ленсовета, в БДТ к Георгию Товстоногову. Перед самым отъездом Андриянов вдруг вспомнил, что никогда не был на «Авроре». Вечером Путин сказал, что готов показать ему корабль. Как вспоминает С. Андриянов:

«Подъезжаем к кораблю. Выходим, а там ресторан, варьете. Спрашиваю: «Неужели это «Аврора»?»

Люди мы были молодые, неженатые. Загуляли допоздна. Мосты развели, и в гостиницу я попасть не мог. Поехали ночевать к Владимиру Владимировичу. Жил он с родителями в очень скромной, почти аскетической обстановке, может быть, это была обычная питерская коммуналка, сейчас плохо помню. Родители его тоже произвели впечатление очень скромных людей...»

Забегая вперед, скажу, что усилия КГБ так и не увенчались успехом: через несколько месяцев внучка генсека и Варакута поженятся. Но вернемся в январь 78-го.

В то время как его внучка крутила «амуры», сам генсек раздавал очередные награды своим верным соратникам. Страна уже вступила в

эпоху пышных награждений, и чуть ли не каждый день самые высшие награды Родины раздавались чуть ли не каждому встречному-попечечному: политикам, дипломатам, артистам, режиссерам, передовикам производства и даже зарубежным деятелям. Этот «наградной дождь» привел к тому, что большинство высших наград Родины попросту девальвировались в глазах людей. Но кремлевским руководителям мнение людей было до лампочки. 5 января Брежнев лично вручил высшие награды СССР своим соратникам: ордена Октябрьской революции достались главному идеологу Михаилу Суслову, министру внутренних дел Николаю Щелокову, министру культуры Петру Демичеву, начальнику Генштаба Николаю Огаркову, министру гражданской авиации Борису Бугаеву. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана получил из рук генсека отличия Героя Социалистического Труда — орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот».

Весьма успешным выдалось начало нового года для наших хоккеистов. Как мы помним, сборная СССР по хоккею с шайбой совершает свое традиционное турне за океаном, где встречается с лучшими профессиональными клубами США и Канады. В конце декабря наши хоккеисты сыграли в Японии два матча с профессиональным клубом из ВХА «Виннипег Джетс» и оба выиграли. Победой наших ребят завершилась и третья игра, сыгранная в первый день нового года: 5:1. Однако спустя четыре дня канадцы сумели взять реванш: выиграли 5:3. Героем этого матча, безусловно, стал Бобби Халл, который забил в наши ворота три шайбы. У нас лучшим на площадке был Борис Александров, отметившийся двумя шайбами. К сожалению, эти строчки я пишу аккуратно в те дни, когда из Челябинска пришла скорбная весть: Борис Александров погиб в автокатастрофе. Было ему всего 46 лет.

В те же январские дни добрая весть пришла из Монреаля, где проходил чемпионат мира по хоккею с шайбой среди юниоров. Золотые медали второй раз подряд завоевала советская дружина, которая в финальном матче одолела сверстников из Швеции со счетом 5:2. А до этого наши ребята в упорном поединке обыграли канадцев 3:2. В составе «кленовых листьев» играл юная звезда Уэйн Грецки, но наш защитник Вячеслав Фетисов сыграл против него

настолько надежно, что полностью выключил из игры.

7 января в Минске состоялась звездная свадьба: свои судьбы соединили звезда спорта Ольга Корбут и звезда эстрады, солист ВИА «Песняры» Леонид Борткевич. По словам гимнастки, ее встреча с «песняром» была предопределена самой судьбой. Как-то она рассматривала фотографию «Песняров» и сказала своей маме: «Какие они все страшенькие! Ну, может, разве что за этого я бы вышла замуж. Он — ничего». Этим красавцем был Борткевич.

У того, кстати, тоже было нечто подобное. Однажды он услышал по радио интервью Корбут, где ее спросили, какую песню она бы хотела услышать. Гимнастка и говорит: «Олесю», ту, что поет Борткевич». И польщенный «песняром» тогда подумал: «Надо же, она меня знает!» Хотя что в этом удивительного: вся страна знала всех «песняров» не только по лицам, но и пофамильно.

Гимнастка и «песняром» познакомились поздней осенью 76-го в самолете, который держал курс на Америку: Корбут в составе советской сборной по гимнастике летела на международные соревнования, а Борткевич с «Песнярами» направлялся на первые гастроли по США. Как утверждает Борткевич, с его стороны это была любовь с первого взгляда. Это он записал ей в книжку свой телефон, сказав при этом, что с нетерпением будет ждать звонка. А она вспомнила про это... через год. На тот момент Борткевич был женат, но этот звонок перевернул его жизнь — он подал на развод и сделал предложение спортсменке. Та ответила, что выйдет замуж только после того, как уйдет с гимнастического помоста. Это событие произошло осенью 77-го...

Однако звездная свадьба едва не сорвалась из-за досадного происшествия. Дело в том, что за несколько недель до визита в загс Корбут была в Америке, где купила себе сногшибательное подвенечное платье за 300 баксов. Однако перед самым возвращением на родину платье выкрали из багажа. Эта кража наделала много шума в американских СМИ: целые сутки во всех выпусках новостей только и говорили об этой пропаже и просили людей помочь звезде отыскать ее платье. И что бы вы думали? В самый день отлета оно нашлось: воришки, поняв, что столь «знаменитое» платье вряд ли

удастся сбыть, выбросили его в мусорный бак. Там его и нашел кто-то из жителей близлежащего дома. Таким образом, в Минск невеста вернулась со своей драгоценной обновой. Свадьба состоялась в одном из лучших минских ресторанов. На нее были приглашены 150 человек. Гости танцевали и пели, естественно, под «Песняров». Причем «живых».

В тот день, когда поженились две звезды, советский кинематограф потерял двух своих талантливых представителей. 7 января из жизни ушли режиссер Виллен Азаров и актриса Валентина Сперантова. Азаров окончил ВГИК в 1950 году, но в большом кинематографе дебютировал только спустя десять лет — вместе с Николаем Досталем снял прекрасную мелодраму «Все начинается с дороги» (1960). Затем он переключился на комедии: «Взрослые дети» (1961), «Зеленый огонек» (1965). А потом решил попробовать свои силы в «шпионско-героическом» жанре: «Путь в «Сатурн», «Конец «Сатурна» (оба — 1967), «Бой после победы» (1972). Последней его работой опять же стала комедия — «Неисправимый лгун» (1974). Талантливый режиссер ушел из жизни в возрасте 53 лет.

Валентина Сперантова принадлежала к более старшему поколению представителей отечественного искусства. Ее карьера на театральной сцене началась в середине 20-х, а в кино она дебютировала четверть века спустя: сыграла роль бабушки Симы в фильме «Алеша Птицын вырабатывает характер» (1953). Первая роль определила дальнейшее амплу актрисы: она переиграла массу бабушек и мам во множестве комедий. Лучшими ее ролями стали: мама в «Шумном дне» (1961), школьная вахтерша в «Большой перемене» (1973), бабушка в «Три дня в Москве» (1975). Смерть застала актрису в возрасте 73 лет.

В эти же дни кинорежиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич готовился на Одесской киностудии к съемкам очередного фильма — «Д'Артаньян и три мушкетера», заказ на который поступил от Гостелерадио СССР. С ноября прошлого года начался подготовительный этап, во время которого были перепробованы многие актеры на главные и второстепенные роли. У Хилькевича не было сомнений только в двух исполнителях, которых он выбрал задолго до начала работы над фильмом: Олег Та-

баков должен был сыграть Людовика XVI, а Алиса Фрейндлих — Анну Австрийскую. Остальных исполнителей пришлось искать. Так, одно время сняться в роли д'Артаньяна больше всего шансов было у Александра Абдулова. Но в итоге дорогу ему перебежал Михаил Боярский, которого поначалу Хилькевич видел в роли главного злодея — Рошфора. Но ему запретила сниматься... его мама. Дескать, сколько можно играть одних злодеев, хватит с тебя! Ослушаться родную мать сын не посмел.

Спустя какое-то время гастрольная судьба занесла Боярского в столицу. И здесь на улице Горького он встретил поэта Илью Резника. Тот спросил: «Снимаешься в «Трех мушкетерах»?» — «Какие еще «Мушкетеры»?» — «Ну ты даешь! У тебя же, Мишель, физиономия как раз из прошлого века, и волосы длинные. Обязательно скажу Хилу». «Какому Хилу?» — не понял Боярский. «Режиссеру Юнгвальду-Хилькевичу». И действительно сказал. Но тот уже знал об отказе Боярского от роли Рошфора, поэтому воспринял это предложение скептически. Но все изменилось 1 января, когда Хилькевич посмотрел по ЦТ премьеру — телефильм «Собака на сене», где Боярский блестяще сыграл одну из главных ролей. Вот тут в сердце Хилькевича что-то екнуло. Он отбил Боярскому телеграмму: «Предлагаю на выбор две роли: Арамис или Атос». А спустя еще несколько дней — другую: «Ждем на пробы д'Артаньяна». Тут уж мама актера не возражала — роль-то положительная. Но решающую роль в утверждении Боярского сыграет композитор фильма Максим Дунаевский. Узнав, что у Михаила музыкальное образование и он свободно читает ноты, композитор обрадовался и стал «давить» на руководство Гостелерадио, пробивая кандидатуру Боярского. И пробил.

На роль Атоса Хилькевич выбрал актера «Таганки» Вениамина Смехова. Сам актер этого не ожидал. Когда режиссер позвонил ему домой и сообщил, что утверждает его на роль без всяких проб, он, конечно, обрадовался, но в душе засомневался. Он-то знал, как «наверху» относятся к актерам «Таганки». Тем более что резонанс от последнего скандала — гастролей во Франции, состоявшихся прошлой осенью, — еще был очень памятен партийным чиновникам. Актер окажется прав в своих сомнениях, но об этом чуть позже.

В Москве в эти же дни гостит Дин Рид. Он приехал в Советский Союз всего лишь на несколько дней по приглашению Советского комитета защиты мира, чтобы получить из рук его руководителей медаль «Борцу за мир». Никаких концертов в Москве Дин Рид давать не собирался. Однако действительность внесла изменения в планы певца. Он поселился в гостинице «Украина», персонал которой встретил его с таким радушием, что певец решил оплатить ему тем же. И 8 января он дал концерт для работников гостиницы. А на следующий день в СКЗМ ему вручили медаль «Борцу за мир».

10 января, в 15.26 по московскому времени, стартовал космический корабль «Союз-27» с двумя членами экипажа на борту: Олегом Макаровым и Владимиром Джанибековым. Для первого это был уже третий полет в космос, причем во время второго он, как мы помним, едва не погиб (это было в начале апреля 75-го). Как писали газеты, цель нынешнего полета была сугубо испытательная. Космонавтам предстояло выполнить стыковку пилотируемого корабля с пилотируемой станцией, опробовать в работе стыковочный узел, подвергшийся нерасчетным нагрузкам, отработать процедуры смены кораблей в ходе полета. Однако была еще одна цель, о которой не писали в газетах и про которую знал только узкий круг избранных: членам «Союза-27» предстояло отремонтировать насос, который поддерживал комфортный тепловой режим на станции. В космосе в те дни находился экипаж другого корабля — «Союз-26» с космонавтами Георгием Гречко и Юрием Романенко на борту (они стартовали 10 декабря 1977 года), которые работали с резервным насосом. Но если бы отключился и он, тогда их полет пришлось бы срочно прекратить. Чтобы этого не произошло, в космос и отправили второй экипаж для ремонта главного насоса. Пребывание Джанибекова и Макарова в космосе должно было ограничиться неделей. Все прошло гладко: заменив старый насос на новый, космонавты благополучно вернулись на Землю.

Кстати, за этим стартом наблюдали люди, которых на Байконуре не должно было быть по определению: певица Мария Пахоменко и ее супруг композитор Александр Колкер. А попали эти гражданские лица на Байконур благодаря командиру космодрома, генерал-полковни-

ку. Тот посадил их в свой личный автомобиль с зашторенными окнами и провез мимо охраны на стартовую площадку. А все потому, что жутко любил песни в исполнении Пахоменко.

Тогда же с популярной певицей и ее мужем произошел еще один интересный случай. Они жили в Ленинске, в гостинице № 1. Питались в ресторане на первом этаже, где все и произошло. Вот как об этом вспоминает сам А. Колкер:

«К нашему столу подошел пьяный рыжий майор. В Ленинске майор был большой редкостью. По улицам сновали исключительно полковники.

Пьяный рыжий майор захотел пригласить жующую Машу на танец. Маша отказалась.

— Что, вы обожаете только евреев? — отпрыгнул пьяный рыжий майор.

На следующий день нас пригласили в кабинет к командующему. Мы уезжали. Всем подарили памятные подарки. Передо мной и сейчас стоит макет ракеты из нержавеющей стали с дарственной надписью и фотография — Королев и Гагарин. Даже такие бесценные сувениры не могли погасить вчерашнюю обиду. Перед прощанием наш администратор, женщина решительная и опытная (про таких говорят — «баба с яйцами»), задержалась на минуту и рассказала начальству про выходку пьяного рыжего майора.

У трапа самолета к жене подошел наш обидчик. Он положил к Машиным ногам необъятный букет красных тюльпанов. На его плечах горели новенькие погоны старшего лейтенанта...»

Но вернемся в Москву. В пятницу, 13 января, в Свердловском зале Кремля состоялось вручение Государственных премий СССР. Среди награжденных были создатели фильма «Ирония судьбы»: режиссер Эльдар Рязанов, композитор Микаэл Таривердиев, актеры Андрей Мягков и Барбара Брыльска. Последняя приехала в Москву за пару дней до награждения и осталась жить в гостинице, хотя ее пригласила к себе на постой ее подруга — ассистент режиссера с «Мосфильма» Светлана Богуславская (она тоже работала в «Иронии»). Женщин связывала не только чисто профессиональная дружба, но и сугубо личная: у обеих у них росли дочери-одногодки. Кстати, 9 января Барбара впервые отвела свою дочь, которую тоже звали Барбарой, в детский сад. Когда вечером мама вернулась, чтобы

забрать ее обратно, дочь внезапно огорошила ее вопросом: «Почему ты уже пришла?» Так ей понравилось в садике. К сожалению, судьба девочки сложится в дальнейшем трагически: в возрасте 20 лет она погибнет в автокатастрофе. Но вернемся в январь 78-го.

В ночь с 13 на 14 января в стране встречали Старый Новый год. В Москве в ту ночь до утра работали многие питейные заведения: рестораны ВТО, ЦДРИ, Дома кино и т. д. Богема веселилась до упаду. Те же, кто по разным причинам был вдали от столицы, тоже пытались каким-то образом отметить эту дату. К примеру, Маргарита Терехова в те дни находилась в Вильнюсе, где снималась в фильме «Расписание на послезавтра». А столица Литвы по советским меркам считалась чуть ли не границей. Достаточно сказать, что там работал ночной — страшно сказать! — стриптиз-бар. Вот в это заведение и наострила лыжи заслуженная артистка РСФСР. Однако ни высокое звание, ни узнаваемое лицо (а буквально только что по ЦТ прошел фильм «Собака на сене», где Терехова сыграла главную женскую роль — Диану) не смогли открыть для актрисы двери этого заведения. Вахтеры были неумолимы так же, как будто дело происходило в занюханной провинции: «Местов нет!». В итоге Терехова вынуждена была встречать Старый Новый год в гостиничном номере своего коллеги по Театру Моссовета и участника того же фильма Евгения Стеблова. По его словам: «Нас было трое: я, моя супруга и Маргарита. Открыли шампанское, друг друга поздравили, беседа не клеилась. Скорее был монолог. Монолог Маргариты Тереховой. Она рассказывала мне и жене о том, как трудно быть известной актрисой...»

Тот же Старый Новый год стал поводом к завязке любовного романа между двумя известными актерами. Дело было в Ленинграде, в Театре Ленсовета. Там служили актер Анатолий Равикович, которому спустя три года предстоит прославиться ролью Хоботова в фильме «Покровские ворота», и Ирина Мазуркевич, которая уже прославилась, сыграв главную роль в фильме «Сказ о том, как царь Петр арапа женил». Оба актера на тот момент в личном плане были несвободны, кроме этого у них была большая разница в возрасте: Равиковичу был 41 год, Мазуркевич — 19. По словам актера: «Мы стали репетировать роли в одном спек-

такле, и я влюбился. Я проклинал, ругал себя, но ничего не мог с собой поделать. Мне даже в голову не приходило, что между нами что-то может быть. Ведь у меня была семья: дочь, которую я любил и люблю до сих пор, жена очень хорошая... Помню, у нас в театре Старый Новый год отмечали, 78-й год: банкет, танцы-шманцы... Мы с ней танцевали и, будучи выпивши, как-то незаметно объяснились. И у нас сразу начался роман, который длился около года. Причем она стала инициатором. Всем было не просто: и мне, и моей бывшей жене, да и Ире — у нее самой был муж...»

Но вернемся обратно в Москву и взглянем на киношную афишу. В первой половине января кинопрокат порадовал зрителей следующими новинками, львиная доля из которых вышла на экраны 2 января. В тот день стартовали: экранизация гайдаровской повести «Р. В. С.» Юрия Чулюкина с участием Вадика Шумейко, Володи Чубарева, Николая Мерзликина и др.; мелодрама «Поле перейти» Юрия Григорьева, где снялись Борис Григорьев, Андрей Маталев, Валя Чулкова и др.; сказка Надежды Кошеверовой «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил» с участием Олега Даля, Елены Прокловой, Михаила Глузского и др.; экранизация костеровского «Тиля Уленшпигеля» под названием «Легенда о Тиле» (3—4-я серии) Александра Алова и Владимира Наумова с участием Лембита Ульфсака, Натальи Белохвостиковой, Евгения Леонова и др. 9-го в прокат вышел «рашен вестерн» Владимира Вайнштока «Вооружен и очень опасен», где снялись Леонид Броневой, Людмила Сенчина, Всеволод Абдулов и др.; 11-го — драма Никиты Хубова «Предательница» с участием Ларисы Блиновой, Гоши Киянцева и др.

Кино по ТВ: «Собака на сене» (премьера т/ф), «Маленькие комедии большого дома» (сп), «Здравствуйте, я ваша тетья!» (1-го), «Миг удачи» (премьера т/ф), «Гиперболоид инженера Гарина» (2-го), «Лэсси» (США, 2—7-го), «Дэвид Копперфилд» (Англия, 3—5-го), «Следствие ведут знатоки» (премьера Дела №11 «Любой ценой»): «Каждый вечер после работы» (6-го), «Стоянка поезда — две минуты» (7-го), «Вечный зов» (7—13, 15-го), «Табачный капитан» (8-го), «Приключения Калле-сыщика» (9—10-го), «Нашествие» (9-го), «Лев Гурьич Синичкин» (10-го), «Свой среди чужих,

чужой среди своих» (с субтитрами), «Олеся» (12-го), «Красные листья» (13-го), «Новые похождения Кота в сапогах» (14-го), «Украли зебру», «Ко мне, Мухтар!» (15-го) и др.

Из развлекательных передач выделю: «Песня-77» (1-го), «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (7-го), «Голубой огонек» (14-го).

Из театральных премьер: 7-го — в Театре им. Ермоловой был показан спектакль «Конец — делу венец» с участием В. Иванова, А. Жаркова, А. Шейнина и др.; 8-го в Театре на Малой Бронной — «Если...» с участием Георгия Мартынюка, Геннадия Сайфулина, Ростислава Янковского и др.

Эстрадные представления: 1—13-го во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты с участием Ивана Суржикова, Евгения Петросяна, Роксаны Бабаян, ВИА «Поющие сердца», незабвенных «бабулек» Авдотьи Никитичны (Борис Владимиров) и Вероники Маврикиевны (Вадим Тонков) и др.; 2—5-го в ЦДКЖ выступал ВИА «Акварели»; 6—8-го там же — семейный дуэт Вадим Мулерман — Вероника Круглова; 8—16-го в ГТЭ пел Валерий Ободзинский; 11-го, 14—15-го на сцене ГТЭ выступал семейный тандем Мария Миронова — Александр Менакер; 14—18-го во Дворце спорта выступали Борис Владимиров и Вадим Тонков, Евгений Петросян, Светлана Резанова, ВИА «Лейся, песня» и др.

17 января в Москве произошло убийство из разряда бытовых. Но от большинства подобных преступлений оно отличалось тем, что главным действующим лицом в нем фигурировал подросток — 16-летний Виктор Фроликов (фамилия изменена). Парень рос в неблагополучной семье, где отец и мать жутко пили. От этого нервы парня были ни к черту. Чуть ли не каждый день он приходил домой, а там — очередная пьяная оргия. Рано или поздно это должно было кончиться бедой. В тот злополучный день Виктор вернулся домой поздно вечером и застал привычную картину: родители вповалку лежали на кровати, мертвецки пьяные. Сын молча прошествовал мимо, но на пороге собственной комнаты застыл. На его кровати спал незнакомый ему мужчина, видимо, из числа случайных собутыльников родителей. Виктор попытался его поднять и выгнать из квартиры, но мужик оказался нетранспортабельным: он только мычал и осоловело вращал

глазами, отказываясь покидать нагретое место. И парня, что называется, переключило. С диким ревом он сбросил незнакомца на пол и принялся жестоко избивать его ногами. Бил так долго и усердно, что тот скончался. Когда мужчина затих, юный убийца сбросил с себя штаны и рубаху и завалился спать.

Но хватит о грустном, поговорим о любви. Популярный нынче композитор, любимец всех российских женщин Игорь Николаев в те январские дни 78-го года был никому не известным студентом 2-го курса музыкального училища при Московской консерватории (класс скрипки). По причине начавшихся в училище новогодних каникул Николаев решил съездить к себе на родину, в небольшой портовый город Холмск, что на острове Сахалин, где у него жили родители (его отец Юрий Николаев был известным в городе поэтом) и любимая девушка Лена. 17 января в тесном семейном кругу будущий знаменитый композитор отметил свое 18-летие. Однако не только этим запомнились Николаеву те каникулы. Именно тогда его избранница понесла под сердцем их будущего ребенка — дочь Юлю. Причем молодые явно потеряли головы: ведь Лена только-только выписалась из больницы, где ей вырезали аппендицит.

21 января большой переполох случился в московском горкоме партии. Один из его руководителей развернул с утра газету «Московский комсомолец» и чуть со стула не упал: в очередном хит-параде лучших песен «Звуковой дорожки» была напечатана та-а-акая крамола, что хоть святых выноси. Однако чтобы понять, о чем идет речь, стоит познакомиться со злополучным хит-парадом полностью. Песни в нем расположились в следующем порядке: 1. «Все, что есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Самоцветы». 2. «Последний лист» (Р. Паулс — Петерс, И. Шаферан) — Н. Бумбиере и В. Лапченко, М. Вилцане и О. Гринберг 3. «Родина моя» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — София Ротару. 4. «Из вагантов» (Д. Тухманов) — Игорь Иванов. 5. «Не отрекаются любя» (М. Минков — В. Тушнова) — Алла Пугачева. 6. «Ты мне не снишься» (В. Добрынин — М. Рябинин) — «Синяя птица». 7. «Белоруссия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов). 8. «Как молоды мы были» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Алек-

сандр Градский. 9. «Старый роаль» (А. Слизунов, К. Никольский — В. Солдатов) — Группа Стаса Намина. 10. «Крик птицы» (В. Мулявин — Ю. Рябчинский) — «Песняры».

На взгляд рядового меломана ничего крамольного в этом хит-параде не было. Но у горкомовского начальника, у которого от партийных инструкций все мозги сбились набекрень, было иное мнение. Крамолу он узрел в том, что на 1-м месте списка расположилась песня композитора, который мало того что не являлся членом ни одного из творческих союзов, но даже не был членом КПСС — Вячеслава Добрынина. А любимица самого Леонида Ильича Александра Пахмутова с песней «Белоруссия» скромно притулилась на 7-м месте! Самое интересное, но это был не первый случай «зажима» именитого композитора: 17 декабря 1977 года в хит-параде за ноябрь эта же песня Добрынина возглавляла список лучших песен, а «Белоруссия» занимала 5-е место. Но тот хит-парад горкомовский начальник, наверное, не видел. Короче, его охватил такой приступ гнева, что он немедленно вызвал к себе главного редактора «Московского комсомольца». Далее послушаем рассказ очевидца — одного из ведущих «звездной дорожки» Ю. Филинова:

«На следующий день после публикации меня вызывают к главному редактору. И он рассказывает, что его по поводу «парада» приглашали в горком партии, где были немало удивлены, а еще более недовольны тем, что песня Добрынина, которому надо еще учиться и учиться писать песни, оказалась на первом месте, в то время как признанный Мастер песенного жанра композитор Александра Пахмутова с песней «Белоруссия», в отличие от добрынинской, глубокой, лиричной и в то же время патристичной песней, занимает всего лишь седьмую строчку парада. Более того, на шестом месте тоже песня Добрынина «Ты мне не снишься». Это уже вообще ни в какие рамки не влезает.

И главному редактору посоветовали, пока советовали, подумать о соответствии занимаемым должностям сотрудников газеты, готовивших к публикации этот, с позволения сказать, «музыкальный парад», поскольку есть все основания говорить о их профессиональной некомпетентии.

— Так и сказали?

— Слово в слово, — отвечает он.

— Да при чем здесь профессиональная компетенция? — закричал я, задетый за живое. — Это же статистика. Без всяких комментариев. Прислали люди письма. Мы подсчитали. Получилось: Добрынин на первом месте, Пахмутова — на седьмом.

Кто спорит, песня «Белоруссия» — классная. «Песняры» поют ее гениально. Она и в предыдущем «параде» была в десятке лучших и даже не на седьмом, а на пятом месте. Кто виноват, что сейчас появились новые песни, и они потеснили старые? Что из этого?

— Думать надо, когда считаешь, вот что из этого, — горько усмехнувшись, подвел черту в нашем разговоре Главный. — И сделай так, чтобы меня в горком больше не вызывали...»

Владимир Высоцкий, проведя неделю у своей жены во Франции (12—18 января), 21 января был уже на Украине, в Северодонецке, чтобы дать несколько концертов в тамошнем Ледовом Дворце спорта. Для Высоцкого эти концерты проходили по новой финансовой системе, предложенной ему администратором Владимиром Гольдманом. Тот поймал артиста прямо в его машине, когда он собирался уезжать домой после спектакля, и предложил выгодное дело: давать по 4—5 концертов в день и получать за каждое выступление 300 рублей наличными. Это было заманчивое предложение. Ведь Высоцкий получал в театре фиксированную зарплату в 150 рублей, а его концертные гонорары были бессистемными: иногда больше, иногда меньше. А тут ему предложили сразу 300 целковых. При таком раскладе он за месяц заработал бы приличную сумму, после чего мог спокойно заниматься любимым творчеством. Правда, 5 концертов в день — это было очень много, но Высоцкий знал свои силы, был человеком двужилым, потому и не отказался.

В одной программе с Высоцким в Северодонецке выступали ВИА «Красные маки» и его коллега по «Таганке» Иван Бортник. Последний вспоминает: «Очень хорошо помню вечер 24 января 1978 года. Концерты в Северодонецке, день накануне его сорокалетия. Мы очень долго говорили в номере гостиницы. Я предложил сделать программу — куски из «Пугачева» и его песни к фильму «Арап Петра Великого».

Тогда эти песни («Купола», «Сколь веревочка не вейся») Володя в концертах не исполнял. Я ему говорю, что пропадают, пропадают песни. Как он загорелся:

— Молодец! Давай будем делать вместе!..»

День своего 40-летия, 25 января, Высоцкий отметил ударным трудом: дал сразу три концерта. Первый начался в 10 утра в северодонецком Ледовом Дворце спорта. Устроители концерта постарались: едва именинник вышел на сцену, как на табло зажглась надпись: «Поздравляем любимого Володю с днем рождения!». Высоцкого это тронуло чуть ли не до слез. И концерт он отыграл на высоком подъеме. Затем были еще два выступления: в три часа дня и в шесть вечера. А на следующий день Высоцкий отправился работать в соседний город — Ворошиловград. Приехать туда с концертом его попросил обком партии. Когда Высоцкий прибыл в ДК им. Чкалова, там его ждал громадный шоколадный торт — килограммов на восемнадцать! — и потрясающие гвоздики.

Тем временем возобновились игры чемпионата страны по хоккею с шайбой. 25 января в Москве, во Дворце спорта в Лужниках состоялся матч между столичным «Спартаком» и рижским «Динамо». Мой любимый клуб проиграл рижанам 3:5. Хорошо помню другое: шокирующую новость, которая витала в кулуарах Дворца спорта про одного из нападающих «Спартак» — Владислава Найденова. Этот игрок был одним из самых перспективных молодых нападающих столичного клуба, ему прочили хорошее будущее. И вдруг новость: Найденов погиб! Поскольку в газетах о судьбе игрока не сообщалось ни слова, слухи ходили самые различные. Говорили, что в деле была замешана девушка: какой-то парень приревновал ее к Найденову, подстерег его в подъезде и зарезал. По другой версии хоккеист попал под нож по пьяному делу. Жизненный путь хоккеиста оказался слишком короток — ему шел 24-й год.

Между тем в Москве с недельными гастролями находится оркестр Поля Мориа. 21 января в ГЦКЗ «Россия» состоялся первый концерт этого суперпопулярного коллектива из Франции (он был создан в 1965 году), собравший чуть ли не весь цвет столичного бомонда. Это был второй приезд Мориа в Советский Союз: в первый раз это случилось в 1967 году, когда ор-

кестр приезжал как аккомпанирующий коллектив певицы Мирей Матье. На этот раз оркестр приехал уже сам по себе. Как вспоминает сам П. Мориа: «У нас было запланировано семь концертов, зал был полон. Успех оказался настолько большим, что пришлось давать дополнительные концерты. Но в зале были (и это меня удивило) одни и те же люди — депутаты...

Знаете, что я хорошо помню? В ресторане однажды я сделал ужаснейшую ошибку. В меню было блюдо, которое называлось «гуляш». Но я не смог его запомнить и сказал: «Дайте мне ГУЛАГ». Представляете удивление официанта, ведь это было во времена правления Брежнева. Кстати, его фотограф, которому очень нравилась моя музыка, преследовал меня восемь дней. Он ходил с нами на экскурсии. Например, в Мавзолей. Туда стояла километровая очередь, но нам разрешили войти сразу. А однажды этот фотограф привел меня к... священнику, который тоже оказался очень большим моим почитателем — у него были все мои пластинки. Батюшка благословил меня. Хотя, признаться, я полный атеист, но это мне не повредило...»

Тем временем в одном из самых популярных толстых журналов — «Новом мире» — готовится к печати книга Леонида Брежнева «Малая земля». Причем инициатором публикации в журнале был сам генсек. Брежнев лично настоял, чтобы его творение опубликовали в «Новом мире». Поэтому генеральный директор ТАСС Леонид Замятин позвонил главному редактору журнала Сергею Наровчатову и попросил его «пристроить» один важный материал в ближайший — февральский — выпуск. Но Наровчатов поначалу отказался: дескать, у меня уже четыре ближайших номера в печати. На что Замятин сказал: «Материал очень важный. Я тебе его сейчас же пришлю». Наровчатов положил трубку, в душе твердо уверенный, что этот материал он все равно не напечатает. Но едва увидел имя автора материала, как тут же пошел на попятный. В итоге из 500 тысяч экземпляров московского выпуска журнала вырезали уже отпечатанные страницы и вклеили туда первые воспоминания Брежнева «Малая земля».

В Москве тем временем только и разговоров, что про душегуба-милиционера, который возглавлял банду грабителей и убийц, отпра-

вившую на тот свет 13 человек. Причем жертвами душегубов были исключительно владельцы автомобилей. Убийцы действовали по одной и той же схеме: ночью останавливали на улице какого-нибудь частника, просили подбросить до дома в одном из отдаленных районов города и по дороге несчастного автовладельца убивали. Машину затем продавали гостям столицы из солнечного Закавказья. Попались убийцы в общем-то случайно на 14-м автомобиле. Они предложили его купить очередному клиенту, но тот оказался человеком мнительным. Испугавшись слишком низкой цены за новенькие «Жигули», он отправился посоветоваться прямиком в МУР. Там его рассказом чрезвычайно заинтересовались и устроили засаду на продавцов дешевого авто. Когда банду взяли, выяснилось, что этот автомобиль вот уже несколько недель был в розыске, а тело его хозяина со следами удушения выловили в Москве-реке. Главаря банды затем приговорят к расстрелу.

В субботу, 28 января, во Дворце спорта в Лужниках состоялся очередной матч всесоюзного первенства по хоккею с шайбой: играли извечные соперники «Спартак» и ЦСКА. Дворец спорта был забит до отказа — пришло 12 тысяч зрителей. Интрига у матча была на редкость интересной. Уже к 10-й минуте игры счет был 4:1 в пользу армейцев. Когда на 11-й минуте Борис Александров увеличил разрыв до 5:1, практически ни у кого из зрителей, наблюдавших за игрой как во Дворце спорта, так и по телевизору, не осталось сомнений в том, что игра сделана. Как вдруг спартаковцы встрепенулись. В течение нескольких минут они забили подряд три шайбы, тем самым сократив разрыв до минимума. Казалось, что еще чуть-чуть, и им удастся и вовсе обыграть армейцев. Но этим надеждам не суждено было сбыться. На 40-й минуте Владимир Петров забил в ворота «Спартака» шестую шайбу, и игра завершилась победой ЦСКА 6:4. Кстати, для молодого форварда армейцев Бориса Александрова этот матч стал последним, когда он вышел на лед в форме ЦСКА. Мы помним, что у этого талантливого игрока давно появились проблемы: еще при прежнем тренере Константине Локтеве он частенько нарушал режим, позволял себе неэтичные поступки. Об этом даже писалось в центральной прессе. Но, учитывая талант

Александрова, тренеры закрывали глаза на его многочисленные прегрешения. Так продолжалось до того дня, пока в ЦСКА не пришел новый тренер — Виктор Тихонов. При нем Александрову (да и другим нарушителям режима) стало жить куда менее вольготно. Сделав Александрову одно внушение, потом второе, Тихонов на третий раз решил попросту открепить его от команды, сослав в периферийную команду — СКА МВО, базирующуюся в Липецке. Оттуда Александров в ЦСКА уже не вернулся. Вспоминает В. Тихонов:

«Начав работать с командой, вплотную познакомившись с хоккеистами, я увидел, что Борис — парень, безусловно, одаренный, талантливый, но уж очень избалованный и не то что капризный, скорее, просто вздорный. Боюсь, что уже таким он попал в ЦСКА.

Я поразился, услышав, как плохо отзывались о нем хоккеисты. Иногда ложно понимаемое товарищество побуждает спортсменов защищать своего провинившегося партнера, но здесь все, к сожалению, было проще: команда не пожалела Бориса и рассталась с ним без особых, прямо скажем, огорчений. Знаю, что хоккеисты без подсказок тренеров пытались что-то объяснить Александрову, спорили, ругались с ним, причем воевали с ним игроки с разными взглядами и темпераментами, разного возраста. Предлагали отчислить Бориса из команды и Анатолий Фирсов, и Геннадий Цыганков...

В лучшие годы Александрову были свойственны необычная обводка, смелость, игровая сметка. Его напористость и удачливость бросались в глаза. Впрочем, в глаза бросались и его грубость, хамство, откровенная неприязнь к соперникам... Дисциплины для Бориса не существовало. Я наказывал его уже не раз и по-разному: снимал с игры, выводил из состава команды до конца сезона. Он каялся, просил простить его в последний раз. Прощали, но все опять начиналось сначала...»

А теперь из Москвы перенесемся в Свердловск. В воскресенье, 29 января, там погибла женщина. Она переходила улицу возле бензозаправочной станции под городом Ревда и угодила под колеса «Жигулей», выскочивших из-за поворота. Сбив несчастную, автомобиль не стал останавливаться, а, наоборот, прибавил газу и скрылся с места происшествия. Не

случись этого, женщину еще можно было спасти, домчав ее до ближайшей больницы. А так она умерла прямо на дороге.

Следователям повезло: у происшествия были свидетели — работники автозаправки. Они видели злополучные «Жигули», правда, не запомнили номер. Но и этой информации оказалось достаточно. Сыщики доехали до железнодорожного переезда и поинтересовались у тамошней дежурной обо всех автомобилях, проезжавших мимо нее за последние полтора часа. Женщина вспомнила, что примерно час назад мимо шлагбаума, невзирая на то, что он был опущен, на большой скорости промчались «Жигули». «Номер случайно не запомнили?» — спросили сыщики скорее для проформы. А дежурная возьми да и ответь: «Почему же не запомнила? Я всех нарушителей обязательно беру на карандаш». И протянула сыщикам листок, где был записан номер нарушителя.

Спустя час была установлена личность владельца «Жигулей». Когда милиционеры нагрянули к нему домой, дверь им открыла супруга владельца. Первое, что она спросила: «Она жива?» Оказывается, за рулем «Жигулей» в момент трагедии был сын владельца — 18-летний юноша. Водительских прав он не имел, однако родители разрешали ему порулить. Вот и в то утро он тоже сел за руль, поскольку отец вынужден был остаться у родственников в Ревде, а сын с матерью отправились в Свердловск. Когда автомобиль сбил женщину, мать приказала сыну не останавливаться и гнать что есть мочи с места происшествия. Остановились они только на станции Решеты. Там мать с сыном смыли с капота следы столкновения, спрятали машину в надежном месте, а сами на переключенных отправились в Свердловск. Им казалось, что найти их никак не сумеют — свидетелей-то преступления практически не было. Но ошиблись: свидетели нашлись, да еще весьма активные. В итоге сыщикам понадобилось на раскрытие этого преступления всего 18 часов.

Тем временем один из грабителей ереванского банка — Николай Галачян — привез в Ереван свою невесту — москвичку Людмилу, с которой он, как мы помним, познакомился в декабре минувшего года. Людмиле он сказал, что хочет познакомить ее со своими родителями, на самом деле планы у преступника были

совсем иные: он собирался перевезти украденные деньги к своему отцу, проживавшему в поселке Мостовской Краснодарского края, и женщина ему была нужна исключительно для прикрытия: выдавая ее за свою невесту, он мог ездить с ней, не опасаясь привлечь к себе внимание милиции. Ну кто заподозрит во влюбленной парочке перевозчиков крупной суммы денег? В Ереван молодые приехали 24 января, а 29-го они выехали в Мостовской. При этом в чемодане у Галачяна (в ящике из оцинкованной жести) покоились 1 миллион 325 тысяч рублей, о которых его невеста даже не догадывалась. Приехав к отцу, Галачян той же ночью закопал ящик с деньгами во дворе дома.

И снова вернемся в Москву. 30 января у популярного композитора Вячеслава Добрынина, из-за которого неделю назад газета «Московский комсомолец» имела нешуточные неприятности, родилась дочь Катя. Как мы помним, Добрынин женился летом 75-го и они с женой Ириной заводить ребенка не торопились. Условия для этого созрели только в середине 77-го. По всем расчетам жена композитора должна была родить в конце января, и Добрынин чуть ли не умолял ее разрешиться от бремени аккурат 25 января — в его день рождения. «Вот это был бы подарок!» — говорил Добрынин. Жена обещала. Имя для девочки они выбрали заранее — Катя, в честь бабушки Добрынина. Однако всю обедню испортили врачи, которые ближе к родам заявили, что у молодых родится мальчик. Узнав об этом, супруги зарыдали в голос — так им хотелось девочку. Поплакав, успокоились и тут же выбрали новое имя — Петя. Но врачи ошиблись. Спустя пять дней после дня рождения композитора его супруга произвела на свет очаровательную девочку. Оба родителя были счастливы неимоверно. Однако спустя несколько месяцев молодые разлетятся в разные стороны...

Во второй половине января в кинотеатрах Москвы состоялись следующие премьеры: 16-го в прокат вышел боевик Николая Розанцева «Убит при исполнении» про красного дипломата Вацлава Воровского с участием Владимира Седова, Юрия Демича и др.; 23-го — мелодрама Станислава Любшина и Германа Лаврова по рассказам Василия Шукшина «Позови меня в даль светлую» с участием Лидии

Федосеевой-Шукшиной, Станислава Любшина и др. Из зарубежных новинок выделю индийскую мелодраму «Мститель».

Кино по ТВ: «Вечный зов» (7—12-я серии — 16—19-го, 21—22-го), «Ижорский батальон» (18-го), «Судьба Марины» (19-го), «Рассказы о Ленине» (21-го), «Назовите ураган «Марией» (22-го), «Александр Невский» (23-го), «Цирк» (25-го), «Огонь, вода и... медные трубы», «Душечка» (28-го), «Красная площадь» (28—29-го), «Его зовут Сухэ-Батор» (30-го), «Балтийская слава», «Великий перелом» (31-го) и др.

Из развлекательных передач: «Песня-77» (повтор от 1 января, 20-го), «Кинопанорама», «Поет Шарль Азнавур» (28-го), «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (29-го).

Театральные премьеры: 16-го в Театре им. Моссовета — «Царствие земное» с участием Георгия Жженова, Валентины Талызиной, Геннадия Бортникова и др.; 19-го в Театре им. Вахтангова — «Постоялец»; 21-го в «Современнике» — «Монумент» с участием Зиновия Гердта, Константина Райкина, Сергея Сазонтьева и др.; 24-го в Малом театре — «Вина» с участием Юрия Каюрова, Александра Голобородько и др.; в Большом театре — опера «Отелло», где главные партии исполняли Татьяна Милашкина и Александр Ворошило; 29-го в ЦТСА — «Орфей спускается в ад» с участием Людмилы Касаткиной, Маргариты Пастуховой и др.

Эстрадные представления: 18—22-го в «Варшаве» пел Валерий Ободзинский; в эти же дни в ГТЭ радовал слушателей своим творчеством «испанский соловей» Мичел; 20—22-го в «Октябре» выступал ансамбль «Дружба»;

21—27-го в ГЦКЗ — оркестр Поля Мориа; 28—29-го в «Варшаве» и 31-го в ЦДКЖ — ВИА «Синяя птица». Кстати, в январе фирма «Мелодия» выпустила первый диск-гигант этого популярного ВИА под названием «Мамина пластинка». В него вошли следующие песни: «Мамина пластинка» (Дьячков), «Первая любовь» (Терентьев), «Не обижайся» (Добрынин), «Жасмин» (Дьячков), «Прости» (Каминский), «Родина» (Терентьев), «На перепутье» (Дьячков), «Нелетная погода» (Ефимов), «Горько» (Добрынин), «Здравствуй, песенка» (Терентьев), «Клен» (Акулов).

Из других новинок «Мелодии»:

диски-гиганты — «Добры молодцы» (6 песен из к/ф «Розыгрыш», а также «Россия», «Кеды»); «Для вас, женщины» («Ни минуты покоя» — «Веселые ребята», «17 лет» — «Поющие сердца», «Остановите музыку» — В. Павлов и др.); «Эстрадные мелодии» со шлягерами: «Желтый лист» (Р. Паулс — сл. Я. Петерса, русс. текст И. Шаферана) — Галина Бовина и Владис Лынковский, «Соловьиная роща» (Д. Тухманов — А. Поперечный) — Лев Лещенко, «Все, что есть у меня» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — ВИА «Самоцветы» и др.

В журнале «Кругозор» (№ 1) были помещены следующие пластинки: «Поют Николай Караченцов и Роксана Бабаян» («Эти летние дожди» М. Минков — С. Кирсанов — Н. Караченцов, «И снова солнцу удивлюсь», «До свидания» — Р. Бабаян); «Поет ВИА «Водограй» («Моя любовь — моя земля», «Три трембиты»); «Песни индийского кино» (к/ф «Лейла и Меджнун», «Факира», поют Л. Мангешкар, К. Кумар).

1978

Февраль

Брежнев смотрит «Трубадура». Почему Сергея Захарова перевели в «Кресты». Дебют «Бони М» на советском ТВ. Как появился альманах «Метрополь». Анатолий Карпов получает шахматного «Оскара». Как Вениамин Смехов добился роли Атоса. Генерал Петр Григоренко лишен советского гражданства. Федор Кулаков — новый фаворит Брежнева. Маньяк Бирюков вменяем. Ругают Пугачеву. Очередной хит-парад «Звуковой дорожки». Умерла подруга Штирлица. Госкино против «Ошибка юности». Конфликт между Пугачевой и Зацепиным оформлен документом. «Новый мир» публикует мемуары Брежнева. Политбюро в ногах у генсека. Начались кино-пробы в два будущих телехита: «Обыкновенное чудо» и «Место встречи изменить нельзя». Как Александра Абдулова «сняли» путаны на улице Горького. Орден Победы — Брежневу. Министр обороны вспоминает про Сталина. Скандал вокруг оперы «Пиковая дама».

В среду, 1 февраля, в Большом театре царил переполох — на вечернее представление оперы Д. Верди «Трубадур» (200-й выпуск спектакля) должен был приехать Брежнев в компании еще нескольких членов Политбюро. Спектакль должен был начаться в семь вечера, однако еще за несколько часов до назначенного часа к зданию подкатили черные «Волги», в которых находились сотрудники «девятки» (охраны генсека). Часть охранников принялась «зачищать» территорию вокруг театра, другая часть отправилась наводить порядок внутри. Примерно за полчаса до начала спектакля к театру подъехал кортеж правительственных «Чаяк». Из них выбрали Брежнев, Косыгин, Сулов, Кулаков, Кириленко. С генсеком была его супруга Виктория Петровна. Она не являлась большой поклонницей оперного искусства и тем вечером вполне могла бы найти для себя более приятное занятие: например, посмотреть репортаж с чемпионата по фигурному катанию, которое обожала. Однако предпочла составить компанию супругу. А за ходом борьбы на европейском чемпионате по фигурному катанию жена

генсека начала наблюдать со следующего вечера: Тот день, 2 февраля, оказался «золотым» для советских фигуристов: золотые медали в спортивных танцах завоевали (в 6-й раз) Ирина Роднина и Александр Зайцев. А другие наши фигуристы — Марина Черкасова и Сергей Шахрай первыми в мире исполнили параллельный прыжок в три оборота, завоевав серебряные медали.

С 1 февраля в Москве, в ГЦКЗ «Россия», начались гастроли Ленинградского мюзик-холла, который привез в столицу свой новый спектакль «Балтийский ветер». Народу пришлось порядочно, могло бы быть еще больше, если бы в составе мюзик-холла выступал певец Сергей Захаров. Но он в те дни находился за решеткой — сидел в ленинградских «Крестах». Причем перевели его туда по его же собственной просьбе. А до этого он тянул срок (1 год исправработ) в городе Сланцы, где работал на «химии». Когда он туда прибыл (в конце прошлого года), учителя из местной школы стали водить к нему экскурсии, чтобы на его примере показать детям, как следует себя вести. «Ви-

дите вон того дядю? — спрашивала учительница и показывала в сторону Захарова. — Совсем недавно он выступал по телевизору, пел песни, а теперь месит раствор. А почему? Потому что по Конституции у нас перед законом все равны». Слушал Захаров эти речи, слушал, да и не выдержал. Попросил, чтобы его перевели в другое место. И его перевели поближе к дому — в питерские «Кресты». Там он работал на картонажной фабрике и делал коробочки для мелков.

С тех пор как Захаров угодил за решетку, единственный фильм с его участием — водевиль «Небесные ласточки» — надолго упрятали на полку. Было обидно вдвойне, поскольку в фильме снимался целый букет звезд: Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Людмила Гурченко и другие, а тэвэшная программа и без того была скудна на развлекательные передачи. Здесь в пору было задуматься о создании новых интересных передач, а не о закрытии старых. Получалось, что у людей отнимали и хлеб (перебои с продуктами становились хроническими), и зрелища (как мы помним, в прошлом году без всякого совета с аудиторией была закрыта всенародно любимая передача «Артлото»). Однако зрелища, пусть дозированно, но все-таки показывали. Например, 4 февраля в 23.10 по 1-й программе ЦТ начался очередной выпуск передачи «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Советскому зрителю показали выступления нескольких исполнителей из социалистических стран (Ханс Юрген-Бауэр, ансамбль Фридрихштадтпаласт и др.), а на десерт был показан клип на песню «Санни» в исполнении группы «Бони М». Это было первое появление популярного коллектива на советском ТВ.

Между тем в недрах столичной писательской организации объявились крамольники, которые задумали ни много ни мало — выпустить в свет свой собственный альманах. Идея безумная, если учитывать, что печатное слово в Советском Союзе контролировалось особо тщательно и самодетельные организации, тем более литературные, приравнивались к антисоветским. Однако у людей, задумавших издать свой альманах, другого выхода не было — их произведения в официальных издательствах не печатали — создать собственное издание. Самое любопытное, что возникновению этой идеи способствовали... плохие зубы будущих

авторов альманаха. Вот как об этом вспоминает писатель Василий Аксенов:

«Идея «Метрополя» зародилась в начале 1978 года в стоматологическом центре Тимирязевского района столицы. В большом светлом зале над двумя дюжинами пыточных кресел чехословацкой работы висел неброский лозунг «Пятилетке качества — рабочую гарантию!»; обстановка, словом, была вполне кафкианская. В двух соседних креслах полулежали два обвисших пациента, 45- с чем-то летний я и мой младший друг, 30-летний Виктор Ерофеев. Наш общий мучитель, доктор Гуситинский, сделал нам уколы новокаина, удалился. Лучшего момента для разговора о текущей литературной ситуации не найти. Виктор пожаловался, что у него опять что-то зарубили, да и у Женьки, мол, Попова положение ничуть не лучше. Я сказал, что хорошо бы нам всем уехать на какой-нибудь остров и там издать что-нибудь неподцензурное. Да что нам острова искать, промычал Виктор, давай здесь издадим альманах чего-нибудь хорошего. Так под влиянием не исследованных еще свойств зубной анестезии зародилась идея...»

В те дни телетайпы мира отбили новость, встреченную в Советском Союзе с чувством глубокого удовлетворения: Международная ассоциация журналистов, пишущих о шахматах, присудила шахматный «Оскар»-77 советскому гроссмейстеру Анатолию Карпову (в опросе принимали участие 55 журналистов из 20 стран). Этой высокой награды Карпов удостоивался уже в пятый раз подряд. В тот день, когда пришло это сообщение — 8 февраля, — Карпов защитил на экономическом факультете Ленинградского госуниверситета дипломную работу на весьма актуальную по тем временам тему «Свободное время и его экономическое значение при социализме».

На Одесской киностудии Георгий Юнгвальд-Хилькевич продолжает подготовку к съемкам фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Как мы помним, на роль Атоса режиссер пригласил актера «Таганки» Вениамина Смехова, причем без всяких проб. Однако когда он отправил список всех отобранных им актеров на роли в объединение «Экран», которое выступало заказчиком фильма, оттуда пришел неожиданный ответ: никакого Смехова не потерпим. Отказ объяснялся просто: «Таганка» считалась театром опальным (на этой основе

вместе со Смеховым в «Экране» не захотели утверждать и другого «таганковца» — Александра Трофимова, которому досталась роль кардинала Ришелье). Но Хилькевич не захотел менять актеров и решил схитрить. Он позвонил Смехову и попросил его засветиться перед начальством: выступить на вечере в Доме кино, посвященном 10-летию объединения «Экран».

Вечер состоялся 8 февраля. В нем приняли участие многие известные артисты: Юрий Визбор (он был ведущим), Андрей Миронов, Александр Ширвиндт (они пародировали дуэт «журналист-актер», который чуть позже покажут в «Кинопанораме»), Владимир Высоцкий, Николай Сличенко и др. Смехов прочитал шуточный монолог собственного сочинения, посвященный телевидению. Приведу несколько отрывков из него:

«Стоит только закрыть глаза, и сразу встает прошлое: битком набитые залы кинотеатров, фильмы идут один другого... лучше не вспоминать, а нынче — поглядим в окно, постучим в любую дверь... Что идет сегодня в кинотеатре «Перекоп»? Пожмут плечами, не ответят. А спросите любого, что шло сто семьдесят четыре дня назад по второй программе ЦТ в 21.15? И любой улыбнется наивности вопроса и нежно ответит с точностью до...

Дорогие «экранные»! Ваши фильмы снискали любовь, ваши фильмы снискали славу, они снискивали и будут снискивать еще больше любви, они снизят себе самую великую, эпохальную, они снизят — «Любовь Эровую»! И для этого каждый работник «Экрана» не должен бояться «Хождения по нервам». Тогда-то и будет высота, достойная Останкинской башни.

Кстати, это старое название. Когда-то здесь не было бюро пропусков, а стояли только музеи да крепостной строй. Тогда и называли место: «Отстань, кино».

Ну что это за название — «Отстань, кино»? Я бы в честь юбилея «Экрана» переименовал бы район в «Экранкино», а башня бы тогда звучала: «Экранкинская башня». А саму студию за подъем надежд и духа дальше бы звали «Подъемный экран»...»

Естественно, после столь восторженного спича в честь «Экрана» у его начальника Хесина, который сидел в первом ряду партера, отношение к Смехову резко изменилось. Поэтому, когда после завершения концерта Визбор подвел Смехова к Хесину, тот благосклонно

похлопал актера по плечу: дескать, молодец, хорошо выступил. И тут же напросился на один из самых скандальных спектаклей театра — «Мастер и Маргарита», где Смехов играл Воланда. Смехов, естественно, отказаться не смог. И только после этого Хесин смилоствовался и дал отмашку утвердить на роли и Смехова, и Трофимова.

9 февраля на свое очередное заседание собралось Политбюро ЦК КПСС. Среди вопросов, обсуждаемых в тот день, был и вопрос о генерале-правозащитнике Петре Григоренко. Как мы помним, еще в конце ноября прошлого года генерал выехал в США, чтобы встретиться там с сыном и подлечить свое пошатнувшееся здоровье (Григоренко шел 71-й год). Между тем КГБ дал «добро» на эту поездку не из альтруистских целей — в планы Лубянки возвращение генерала на родину не входило. Вот почему 4 февраля 1978 года Андропов направил в Политбюро записку, где сообщал о том, что Григоренко ведет себя за границей вызывающе (встречается с деятелями из антисоветских организаций) и заслуживает того, чтобы его лишили советского гражданства. Члены Политбюро эту просьбу шефа КГБ одобрили, после чего занялись более приятными делами. В частности, вручили одному из своих соратников — Федору Кулакову — орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот». В советских СМИ это награждение было освещено скупно, зато на Западе газеты были полны самыми разными комментариями. А все потому, что именно Кулакову зарубежные аналитики отводили роль возможного преемника Брежнева. И определенная доля правды в этих выводах была. Во-первых, Кулаков был одним из самых молодых членов Политбюро (он стал им в 53 года, в апреле 71-го), во-вторых — Брежнев относился к нему с явным уважением.

9 февраля в Институте имени Сербского решалась судьба серийного маньяка Анатолия Бирюкова, который в сентябре прошлого года держал в страхе всю Москву: он похищал из колясок грудных младенцев, насиловал их и убивал. Поймали его спустя месяц, когда он уже успел совершить два нападения (третье не удалось). Поскольку Бирюков прекрасно понимал, какое наказание ждет его, он предпочел косить под сумасшедшего. Но хитрость не удалась. Психиатры из Института Сербского нашли его абсолютно вменяемым, о чем и напи-

сали в своем заключении от 9 февраля. Впереди 38-летнего душегуба ждал суд и расстрел.

11 февраля киевская «Рабочая газета», что называется, долбанула по Алле Пугачевой. Заметка некой Л. Петровой называлась «Если долго мучиться...» и была посвящена недавним гастролям Пугачевой в Киеве. Гастроли эти прошли с огромным успехом, однако автора публикации волнует не это (во всяком случае, не только), а то, как вела себя на сцене популярная певица. В те годы ведь эстрадным артистам была положена одна поза на сцене — поза «солдатика» (это когда артист стоял вытянувшись во фронт и единственное, что мог себе позволить, — пройти туда-сюда, да еще взмахнуть пару раз свободной от микрофона рукой). А Пугачева вела себя на сцене куда более раскованно, став практически зачинательницей такого стиля на советской эстраде. А таких, как водится, всегда долбают сильнее всех. Вот и долбанули. Цитирую:

«Были и аплодисменты, и цветы. Легко и непринужденно обращается Алла Пугачева к зрителям, затрагивая самые разнообразные темы...

Но... Если все так хорошо, то почему же меня охватывает неприятное чувство неловкости за актрису? Во всей этой легкости и непринужденности уж очень много «чересчур», какого-то нарочитого желания заинтриговать и подчеркнуть: «Я не такая, как все». А где начинается нарочитость, там кончается искренность и душевность — то есть то, к чему, по словам самой певицы, она стремится.

— Ах, как ты красив, — говорит она парню из первого ряда. — Тебя как зовут? Гена? Будешь вдохновлять!..

Глядя, как красивая тетя так нелепо ведет себя на сцене и даже валяется по полу, исполняя их любимую песенку «Волшебник-недоучка», дети (а их много в зале) недоумевают. Да и многие взрослые тоже.

И уж совсем странно поступает певица, когда в конце незатейливой лирической песенки с припевом «Если долго мучиться, что-нибудь получится» кричит одному из музыкантов: «Софрон, давай!» — и смачно провозит Софрона физиономией по электрооргану.

Алла Борисовна, дорогая, да за что же вы так с бедным Софроном, с нами, любящими вас зрителями, и с собой поступаете?

Зачем вам, талантливой актрисе, это дешевое трюкачество, эти вызывающие жесты? Правда, мне приходилось как-то слышать от одного знатока эстрады, что эстрадный артист должен зрителя поразить, заинтриговать, даже раздражить и вообще эпатировать.

Я с этим не согласна. Такую позицию еще можно простить бесталанному — ему нечем «брать» публику. Но для настоящего артиста — это не путь к успеху.

Мне кажется, в душе и сама Алла Пугачева чувствует это свое «чересчур». Иначе зачем ей так упорно доказывать во время выступления и во многих интервью, что зря некоторые зрители упрекают ее в вульгарной манере исполнения, что на самом деле она стремится не к вульгарности, а к свободе и раскованности общения...

В заключение скажу: концерт мне все-таки понравился. Да, понравился. Хоть и хотелось бы мне, говоря о нем, обойтись без этого «все-таки». Да и не только мне. Потому и пишу».

В тот же день в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен «Звуковой дорожки». Как мы помним, предыдущий хит-парад стал поводом к большому скандалу: из-за того, что песня беспартийного Вячеслава Добрынина стояла впереди песни мэтра отечественной эстрады Александры Пахмутовой, главного редактора газеты вызвали в горком партии и хорошенько там пропесочили. После чего тот вызвал к себе ответственного за хит-парад журналиста Юрия Филинова и дал ему задание в следующий раз распределять места в списке лучших песен не по справедливости (то есть соответственно количеству пришедших писем), а руководствуясь партийными инструкциями. В итоге февральский хит-парад существенно отличался от предыдущего. Так, теперь на 1-е место вышла песня Марка Минкова и Вероники Тушновой «Не отрекаются любя» в исполнении Аллы Пугачевой. Зато на 2-е место переместилось произведение «обиженной» в прошлый раз Александры Пахмутовой и ее супруга Николая Добронравова «Как молоды мы были» (Александр Градский). Третью строчку заняла песня «Последний лист» (Р. Паулс — Я. Петерс, И. Шаферан), а возмутительница спокойствия песня Вячеслава Добрынина и Леонида Дербенева «Все, что есть у меня» («Самоцветы») скромно притулилась на 4-й позиции. Далее места рас-

пределились следующим образом: 5. «Крик птицы» (В. Мулявин — Ю. Рыбчинский) — «Песняры». 6. «Все могут короли» (Б. Рычков — Л. Дербенев) — Алла Пугачева. 7. «Вероника» (И. Лученок — Богданович) — «Песняры». 8. «Остановите музыку» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Тынис Мяги (шутники прозвали, эстонского певца Мягим Пенисом). 9. «Родина моя» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — София Ротару. 10. «Старый рояль» (А. Слизунов, К. Никольский — В. Солдатов) — группа Стаса Намина.

Хит-парад лучших дисков выглядел следующим образом: 1. «По волне моей памяти». 2. «Оркестр в движении» (Пол Маккартни и «Уингз»). 3. «АББА». 4. «Би Джиз» («Главный курс»). 5. «Ариэль» («Русские картинки»). 6. «С Новым годом!» (разные исполнители). 7. «Тич-ин». 8. «Песняры-II». 9. Мирей Матье («Любовь и жизнь»). 10. Оркестр «Мелодия» («Хорошее настроение»).

12 февраля умерла актриса Эмилия Милтон. Почти два десятка лет она проработала в Театре им. Гоголя, где переиграла массу разных ролей. А популярность обрела благодаря телевидению, снявшись в двух сериалах: в «Семнадцати мгновениях весны» она сыграла роль милой партнерши Штирлица по шахматам фрау Заурих, а в «Следствие ведут знатоки» (Дело № 6 — «Шантаж») — матерую уголовницу Антонину Валерьяновну Прахову. Актриса дожила до 85 лет.

Продолжаются мытарства фильма Бориса Фрумина «Ошибки юности». Как мы помним, работа над картиной была завершена в конце прошлого года, но цензура отказалась его принимать без существенных 'купюр. Режиссер упорствовал, пытаясь обойтись минимумом исправлений. В итоге сдачу фильма несколько раз переносили. 15 февраля фильм смотрело руководство Госкино. Вердикт был убийственный: «Полностью не удался «военный» комплекс (сцены в армии), обстановка на Севере обрисована как безрадостная и отталкивающая. Увлечение сценами пьянок и драк чрезмерно. Рекомендуем приостановить работу для выработки конструктивной платформы для его завершения».

Вот как описывает тот день автор сценария Э. Тополь: «Борис Николаевич Павленок, первый заместитель министра кинематографии,

посмотрев «Ошибки юности», вызвал к себе в кабинет Фрижетту Гукасян (редактор К/ст имени Горького. — Ф. Р.), Бориса Фрумина и меня грешного и, в упор глядя на Фрумина своими синими от гнева глазами, сказал медленно, отбивая каждое слово ударом кулака по столу:

— Советский... режиссер... должен... знать... на кого... он... работает! Если... вы... не знаете... на кого... вы... работаете... вам не место... в советском... кино!..

Он, конечно, имел в виду, что мы обязаны работать на них, павленков и громых, а иначе нам не место в их советском кинематографе.

— Но картину можно исправить, переписать финал... — попробовала Фрижа смикшировать удар.

— Эту картину исправить нельзя! — совершенно справедливо сказал Павленок. — Каждый кадр этого фильма позорит наш советский строй и нашу страну! Даже иностранные корреспонденты уже не снимают нашу жизнь через такие мусорные задворки!

И тем не менее студия еще пыталась что-то переделать в картине, что-то вырезать, переозвучить...»

В те дни был закончен производством еще один фильм — «Женщина, которая поет». Уже упоминалось о том, что именно эта картина развела в разные стороны двух талантливых людей — композитора Александра Зацепина и Аллу Пугачеву. 15 февраля этот конфликт был отражен в документах: в тот день Пугачева написала письмо на имя главного редактора музыкальной редакции «Мосфильма» Е. Птичкина и режиссера фильма А. Орлова, в котором сообщала:

«1. В к/к «Третья любовь» (так «Женщина...» называлась до того, как вышла в прокат. — Ф. Р.) используются четыре написанные мной песни. Эти произведения зарегистрированы в ВААП под моим псевдонимом «Борис Горбонос». Кроме того, в фильме используются песни, написанные А. Зацепиным.

На основе законов об авторских правах, действующих в СССР; учитывая, что в интересах производства картины я выполнила беспрецедентное требование А. Зацепина о раскрытии моего псевдонима; чтобы определить в документе вклад каждого из нас в создание песен для фильма и исключить возможность конфликтов в будущем, прошу включить в титры

картины «Третья любовь» титр, строго разграничивающий работу, выполненную мной, от работы А. Зацепина...» (Далее Пугачева перечисляет четыре свои и шесть зацепинских песен.)

...Я даю согласие на использование моих песен в фильме только при условии, что моя работа и работа А. Зацепина будет разделена специальным титром...

2. Учитывая, что А. Зацепин, ранее взявший на себя обязательство по созданию фоновой музыки, несколько раз то «давал», то «забирал» назад свое разрешение на использование моих песен в фильме, выставляя все новые и новые условия; учитывая также то, что в окончательный монтаж фильма вошли мои песни, я полагаю, что наступило время заключить со мной договор на использование моих песен для фильма.

Это исключит возможность конфликтов между съемочной группой и А. Зацепиным в будущем, так как опыт работы показывает, что установленная договоренность с А. Зацепиным непрочна и наши взаимоотношения по созданию песен для фильма должны быть оформлены юридически...»

В первой половине февраля в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 9-го — «Фронт за линией фронта» Игоря Гостева с участием Вячеслава Тихонова, Евгения Матвеева, Галины Польских и др.; 13-го — «Судьба» Евгения Матвеева, в ролях Евгений Матвеев, Валерия Заклунная, Зинаида Кириенко и др.; «Вдовы» Сергея Микаэляна с участием Геннадия Ложкина, Борислава Брондукова, Нины Мазаевой и др.; «Карпаты, Карпаты» Тимофея Левчука, где роль известного партизанского командира Ковпака сыграл Константин Степанков.

Кино по ТВ: «Встреча на далеком меридиане» (1—3-го), «Алло, Варшава!» (4-го), фильмы Ч. Чаплина, «За двумя зайцами» (5-го), «Котовский» (6-го), «Черный хлеб» (премьера т/ф, 6, 8—10, 13, 15—17-го), «Белый квадрат» (8-го), «Медовый месяц» (10-го), «Воздушный извозчик» (11-го), «Высокое звание» («Я — Шаповалов Т. П.»: «Ради жизни на земле») (12-го), «Долгие версты войны» (13—15-го), «Слово Андроникова» (премьера д/ф, 15-го) и др.

Из театральных премьер выделим одну: 3-го в Театре им. Пушкина был показан спек-

такль «Жил-был я» с участием Веры Алентовой, Ольги Викландт, Константина Григорьева и др.

Эстрадные представления: 2—5, 8—9-го в ГТЭ шел спектакль с участием Геннадия Хазанова «Мелочи жизни»; 4—5-го в «Варшаве» выступали Жанна Бичевская, Юлий Слободкин, Нина Бродская, Геннадий Белов, Евгений Петросян и др.; 10—12-го — в Доме офицеров выступал ВИА «Синяя птица»; в ГТЭ в эти же дни пел Яак Йоала и другие артисты из Эстонии.

Вот уже почти две недели, как к подписчикам поступил свежий номер журнала «Новый мир», в котором напечатаны мемуары Брежнева «Малая земля». В газетах появилось короткое сообщение об этом, однако главные словесия по поводу творения вождя еще впереди. Скоро такое начнется по всей стране с этими мемуарами, что никому мало не покажется. А пока помимо мемуаров Брежневу готовят новые, еще более крутые подарки. Так, 16 февраля Политбюро собралось на свое очередное заседание, где утвердило решение о награждении Брежнева орденом Победы. Этот орден был учрежден в 1943 году для награждения командующих фронтами, полководцев, осуществивших победоносные операции стратегического значения. Награжденных им было очень немного. И Брежнев никоим образом не мог быть причисленным к их числу. Но его причислили, поскольку возразить-то было некому: практически все обладатели ордена Победы к тому времени уже скончались. Кстати, на кремлевском вершуре прекрасно понимали, какие разговоры могут пойти в связи с этим награждением, поэтому подстелили соломки: дали задание историкам обосновать правомерность вручения Брежневу этого ордена. И те обосновали. Вскоре в книжках появились такие объяснения: мол, поскольку от Малой земли зависела судьба Кавказа, откуда Гитлер мог выйти на Ближний Восток и в Индию, а затем перенести войну на территорию США, именно Брежнев обеспечил победу союзников в войне.

Но вернемся к заседанию Политбюро от 16 февраля. Прочитую выписку из рабочей тетради того заседания, где речь велась об орденах Победы.

«Брежнев: Я хотел бы посоветоваться по некоторым вопросам: о вручении ордена Побе-

ды. Все вы проголосовали решение о награждении меня орденом Победы. Я благодарю товарищей за эту высокую награду. Поскольку решение такое есть, и товарищи предлагают вручить его мне 20 февраля.

Все: Правильно. 20 февраля будет заседание.

Брежнев: Видимо, для вручения ордена Победы, может быть, целесообразно было бы одеть военную форму.

Все: Правильно, это было бы целесообразно.

Брежнев: Но вместе с тем, насколько мне известно, по статуту орден Победы носят также и на гражданской одежде.

Сулов: В статуте нигде не сказано, что он носится на военной форме.

Черненко: Этот орден можно также носить и в гражданской одежде».

Главный режиссер столичного Театра Ленком Марк Захаров готовится к съемкам своего очередного фильма для ТВ — «Обыкновенное чудо» по пьесе Е. Шварца. 16 февраля в одном из павильонов «Мосфильма» начались пробы актеров на роли. Самое интересное, что пробы эти были чисто формальными, поскольку исполнителей главных ролей Захаров мысленно давно уже отобрал и менять их ни на кого не собирался. Так, среди отобранных им актеров было несколько ленкомовцев: Евгений Леонов (Король), Олег Янковский (Волшебник), Александр Абдулов (Медведь), Всеволод Ларионов (Охотник). Остальные актеры принадлежали к разным театрам: Андрей Миронов (Театр сатиры; роль Администратора), Юрий Соломин (Малый театр; хозяин трактира), Евгения Симонова (Театр им. Вл. Маяковского; Принцесса), Ирина Купченко (Театр им. Вахтангова; жена Волшебника) и др. В первый день проб на съемочной площадке присутствовали Евгений Леонов, Олег Янковский, Евгения Симонова, Ирина Купченко, Александр Абдулов.

В отличие от всех вышеперечисленных актеров Александра Абдулова широкий зритель почти не знает. Он известен разве что всегдашним Театром Ленком, где играет чуть ли не в каждом спектакле. Слава Абдулова уже не за горами: в 78-м году он, помимо «Обыкновенного чуда», будет сниматься еще в одном телеблокбастере — «Место встречи изменить нельзя», где, правда, играет преотвратного типа — бан-

дита с обезображенным лицом. Но пока Абдулов малоизвестен.

«Идем мы как-то с ним вечером, веселые, по Тверской. Саша в длинной импортной дубленке и копеечной кроликовой шапке. У «Националя» нас останавливают роскошные красотки и начинают что-то лепетать по-английски, почему-то при этом показывая на свою грудь. Быстрее сориентировался я, толкнул Сашку в бок и, процедив сквозь зубы: «Сними кролика!», широко улыбнулся: «Пардон, мадам. Же ву за при, сильву пле, антанде и орэвуар». Девушки явно обрадовались заморским клиентам и потащили нас в машину. Саша, сидя впереди, только широко улыбался и периодически громко вставлял: «Ейс, оф коз», при этом почему-то изображал, что стреляет в прохожих из автомата. Видимо, хотел продемонстрировать, что он Джеймс Бонд. Девки просто плавились от счастья: «Глян, ну фирма!». В квартиру с нами поднялся их шофер и расположился на кухне, приготовившись ждать окончания банкета. Это явно не входило в наши планы. Пришлось действовать: я достал бордовые корочки театрального пропуска и издала показал сутенеру Толе: «Мы из 9-го отдела. Чтоб духу твоего здесь не было!» Он мгновенно испарился. Банкет набирал силу, мы изображали загулявших фирмачей, играли этюды, якобы доставая из «аквариума» рыбок, и, закусывая ими водку, хором пели на ломаном русском «Подмосковные вечера». Случайно я наступил на собачку и выругался было: «Бля...», но тут же спохватился и продолжил: «Бляремонд де парти, не спа?» Минут через пятнадцать зазвонил телефон. В комнату входит одна из девушек и говорит другой: «Представляешь, Толя от любви к тебе совсем с ума сошел, утверждает, что они — менты!». Через какое-то время мы, конечно же, раскололись, но самое интересное, что спустя много лет к Саше на каком-то фестивале подскочила девушка и завопила: «Саша, помнишь, как вы с Долинским нас на Тверской сняли?» Вот была умора...»

Но вернемся в февраль 78-го.

Фильм «Место встречи изменить нельзя», где Абдулов будет играть одну из ролей, тоже находится в стадии кинопроб. Ленту на Одесской киностудии собирается снимать режиссер Станислав Говорухин. Между тем идея этой постановки пришла первому не ему, а его другу

Владимиру Высоцкому. Это он два года назад запоем прочитал книгу братьев Вайнеров и буквально загорелся идеей перенести перипетии этого романа на экран. Причем себе в этой экранизации он выбрал самую выигрышную роль — начальника отдела по борьбе с бандитизмом МУРа Глеба Жеглова. В самом начале января 78-го начался подготовительный период, в ходе которого 14 февраля съемочная группа приехала в Москву, чтобы выбрать места натурных съемок, а также отобрать актеров на главные и второстепенные роли. Пробы проходили в ДК издательства «Правда». Параллельно с этим на Одесской киностудии всюду строили декорации: «МУР» и «квартиру Груздева».

20 февраля в Кремле Брежневу торжественно вручили орден Победы. Высокую награду на грудь венценосного маршала нацепил главный идеолог Михаил Сулов. Он же сказал торжественную речь, в которой отметил: «Этой высокой наградой отмечаются Ваш большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, Ваши выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, а также в разработке и последовательном осуществлении внешней политики Советского государства, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях...»

В народе ходили слухи, что тот орден Победы, который Сулов повесил на грудь Брежнева, должен был украсить грудь другого человека — генерала И. Черняховского, который был смертельно ранен на поле брани в 1944 году. Вообще подавляющая часть советских граждан встретила очередное награждение Брежнева отнюдь не с воодушевлением, как об этом в захлеб писали газеты. Людям было стыдно за престарелого генсека, который обвешался орденами самых разных стран, будто елка. Даже анекдот тогда был соответствующий придуман. В стране случилось сильнейшее землетрясение. Специалистов попросили найти его эпицентр. Те вскоре ответили: «Кремль, кабинет Брежнева. Там с вешалки упал его парадный китель с орденами».

И еще один эпизод, касающийся этой темы. Правовой инспектор труда ВЦСПС, лектор общества «Знание» Всеволод Кувакин, узнав о награждении Брежнева орденом Победы, написал в Политбюро письмо, в котором выразил

сомнения в правомерности награждения генсека таким орденом. Свое послание он отправил в МГК КПСС. И спустя несколько дней получил ответ: его уволили с работы за «идеологическую незрелость». А когда Кувакин стал обивать пороги многочисленных инстанций с тем, чтобы найти ответ на один-единственный вопрос «за что?», его попросту упрятали за решетку. На 3 года.

Но вернемся в февраль 78-го.

23 февраля в КДС состоялось торжественное заседание, посвященное 60-летию Советской армии. С докладом выступил министр обороны СССР Дмитрий Устинов. Не хочу утомлять читателя подробным изложением этого огромного документа, отмечу всего лишь одну деталь, на которую обратили внимание большинство западных наблюдателей. Устинов вспомнил «товарища Сталина» как одного из организаторов и вдохновителей победы в Великой Отечественной войне. Говорят, когда маршал произнес это имя, весь зал (а это б тысяча генералов и старших офицеров) в течение нескольких минут неистово аплодировал, не давая министру продолжать свой доклад. В этом всплеске эмоций можно было прочесть не только любовь к генералиссимусу, но и тоску по сильной руке, которая все сильнее охватывала общество, уставшее от власти дряхлеющих старцев из Политбюро.

Между тем серьезный скандал разразился в те дни в Министерстве культуры. В его эпицентре оказались известные деятели искусства: режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов, художник этого же театра Давид Боровский, композитор Альфред Шнитке и дирижер Геннадий Рождественский. Весь сыр-бор случился из-за оперы «Пиковая дама» П. Чайковского, которую эта четвертка собиралась поставить на сцене парижской «Гранд-опера». Эта затея возникла еще осенью 76-го, причем ее инициаторами были французы. Минкульт СССР ответил согласием. Работа закипела и какое-то время шла вполне плодотворно. Но когда в январе 78-го постановщики представили Союзу композиторов СССР и репертуарно-редакционной коллегии Минкульта СССР клавиру оперы, грянул скандал. Министерские чиновники вдруг узрели в клавиру изменения, с какими не могли согласиться. Как писал министр культуры СССР Петр Демичев в ЦК КПСС, «по мнению

специалистов, в результате вмешательства в партитуру, сокращения жанровых и лирических сцен, перенесения места действия в игорный дом и других изменений искажается замысел композитора, нарушается художественное единство оперы».

В итоге Минкульт запретил постановщикам даже близко приближаться к этой опере и не отпустил их на рабочее совещание по ней в Париж. А «Гранд-опера» уже практически была готова к премьере: были произведены внушительные финансовые затраты, проведены репетиции, развешена реклама. И тут такой облом! Пытаясь спасти ситуацию, постановщики напросились на прием к министру культуры. Эта встреча состоялась 24 февраля, однако полной ясности в происходящее не внесла. Трех ходатаям (четвертый — Рождественский — находился на гастролях) было заявлено, что «над проблемой надо еще работать и работать». Договорились встретиться еще раз в середине марта.

24 февраля в «Комсомольской правде» была опубликована заметка о смелой девушке из Свердловской области. Звали девушку Валя Конарева, она работала в Алапаевском химлесхозе. Как-то вернувшись вечером после работы домой, она застала там двух квартирных воров, запихивавших в огромные сумки ее личные вещи из шкафов. У каждого из непрошенных визитеров в руках было по охотничьему ружью. Один из воров, направив ствол на девушку, процедил: «Будешь рыпаться — пристрелю!» В подобной ситуации большинство людей предпочло бы не связываться с вооруженными преступниками — жизнь дороже. Но Валя Конарева оказалась человеком иного склада. И не вещи ее в тот миг волновали, а то, что эти подонки, ограбив до нитки ее, уйдут восвояси и будут продолжать грабить других честных тружеников. А этого гордая душа девушки снести не могла. Короче, вместо того чтобы тихо забиться в какой-нибудь укромный уголок, девушка бросилась на одного из преступников и попыталась вырвать у него ружье. Во время короткой схватки грянул выстрел. Пуля угодила в стену, что тут же привлекло внимание соседей. Воры бросились вон из квартиры, но одному из них не повезло. На лестничной площадке он столкнулся с двумя дюжими мужиками, выскочившими на выстрел из своих квартир, и те, сбив его с ног, разоружили. Второму вору под-

фартило больше: он успел выбежать на улицу и бросился бежать к спасительному лесу. Однако по пятам за ним бежала все та же Валя Конарева. Девушка в те мгновения совершенно не представляла себе, каким образом она сумеет в одиночку совладать с преступником, который мало того что был в два раза крупнее ее по комплекции, но еще вдобавок был вооружен ружьем. Но сила инерции гнала ее за грабителем. Эта погоня продолжалась до тех пор, пока преступник не скрылся за ветками деревьев. Здесь девушка остановилась, предпочтя не заходить в лес, а дожидаться прибытия милиции. Когда стражи порядка появились, погоня продолжилась. И вновь не без участия Валентины. Дело в том, что она выросла в семье профессионального охотника и знала в лесу чуть ли не каждую тропинку. Преступник такими знаниями не обладал, поэтому понятно, на чьей стороне оказалась победа в этом поединке.

Но вернемся в столицу нашей Родины город-герой Москву. В здешних кинотеатрах состоялось несколько премьер. Так, 20-го в прокат вышли сразу два фильма, повествующие о нелегком труде испытателей: «Отклонение — ноль» Александра Столпера с участием Георгия Тараторкина, Любови Виролайнен, Ольги Яковлевой и др. и «Гарантирую жизнь» Бориса Степанова с участием Александра Фатюшина, Елены Козельковой, Натальи Гундаревой и др.

Кино по ТВ: «Тимур и его команда» (18-го), «Тайна железной двери», «В бой идут одни «старики», «Баллада о солдате» (19-го), «Весна на Одере» (20-го), «Балтийское небо» (21—22-го), «Океан», «Офицеры», «В 6 часов вечера после войны» (23-го), «Актриса» (24-го), «Путь к Софии» (Болгария, премьера т/ф 25 февраля — 2 марта), «Первый троллейбус» (26-го), «Високосный год» (28-го) и др.

Театральные премьеры: 19-го в ЦТСА был показан спектакль «На исходе дня»; 23-го в Театре имени Ермоловой — «В порядке исключения»; 25-го в Театре им. Гоголя — «Дикая утка».

Эстрадные представления: 15—16-го — в ГТЭ с программой «Стихи и проза» выступал Сергей Юрский; 18-го в «Октябре» состоялось выступление грузинского ВИА «Иверия»; 24-го — оркестра «Современник»; 25—26-го — Александры Стрельченко; 22—26-го во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Всеволода Санаева,

Евгения Петросяна, Владимира Винокура, Бориса Владимировича и Вадима Тонкова, ВИА «Веселые ребята». Последние за эти выступления были раскритикованы на страницах «Вечерней Москвы». Б. Евсеев в номере от 25 февраля писал: «Далее следует обширное выступление ансамбля «Веселые ребята», которое никакого отношения к действию, к сожалению, не имеет. Полное безразличие к программе и ее теме. Ансамбль пел все те же легковесные «шлягеры» в манере «лишь бы погромче да ритм почетче!». Это тем более обидно, что в ос-

тальном музыкальная часть представления на высоте...»

Журнал «Кругозор» (№ 2): «Поет Людмила Сенчина» («Черемуха», «Все-таки вальс»); «Песни Давида Тухманова» («Песня о Ташкенте» (сл. Л. Ошанина — Р. Бабаджана) — Альберт Ассадудин, «Остановите музыку» (В. Харитонов — В. Павлов); «Поет «Бони М» («Спокойный отец» (Фариан — Реям), «Солнечно» (Хебб); «Поет ВИА «Ариэль» («Частушки», «Я на камушке сижу»); «Поет Миро Унгар (Югославия)».

1978

М а р т

Очередной «подарок» Госкомцен. Чех в космосе. ЦСКА чемпион в 21-й раз. Как закатилась звезда боксера Вячеслава Лемешева. Скандал на чемпионате СССР по боксу. Триумф «Машины времени» в Свердловске. Страну покидает спортивный журналист Евгений Рубин. Страсти вокруг платья Пугачевой. Аксель Ирины Родниной. «Правда» бьет «Пиковую даму». Почему проиграли Моисеева и Миненков. Шолохов пишет письмо Брежневу. Новая звезда советского спорта — Владимир Яценко. Съёмки «Баламута» начались в проурби. Драка в одесском кафе: Боярский спасает Хилькевича. В Куйбышеве готовится налет на инкассаторов. Госкино не принимает «Женщину, которая поет». Вишневецкую и Ростроповича лишили советского гражданства. Скандал вокруг спецталонов. «Белый Бим...» возглавляет список лучших фильмов прошедшего года. Таривердиев бросает вызов «Правде». Налет на инкассаторов. В Москве ходят слухи об очередном подорожании. Как искали налетчиков. Галина Брежнева в кафе «Охотник». Владимир Конкин в роли Шарапова. Брежнев дает отлуп КПК. Как Косыгин провожал Брежнева. Дипломат Аркадий Шевченко бежит на Запад.

Весна началась для советских граждан с очередного «подарка» от Госкомцен. 1 марта тот сообщил об очередном понижении-повышении цен. Вниз скатились цены на следующие товары: телевизоры с черно-белым изображением на 20%, капроновые ткани — на 20%, пальто и куртки из искусственного меха — на 15%. Цены скакнули: на ювелирные изделия из золота — на 60%, на натуральный кофе — до 20 рублей за 1 кг, на шоколадные кондитерские изделия, на бензин — он стал стоить 15—20 копеек за 1 литр, подорожал и ремонт легковых автомобилей.

2 марта в истории отечественной космонавтики произошло знаменательное событие: вместе с советским космонавтом Алексеем Губаревым в космос отправился первый иностранец — гражданин Чехословацкой Республики Владимир Ремек. Корабль «Союз-28» стартовал с Земли в 18.28 по московскому времени. Как вспоминает А. Елисейев: «В Советский Союз прилетели руководители Чехословакии. Они присутствовали на космодроме при старте

ракеты, а потом приехали к нам в Центр управления, чтобы увидеть стыковку и встречу на орбите двух экипажей (в космосе тогда находились Романенко и Гречко. — *Ф. Р.*). Их сопровождало много наших руководителей. Обстановка была, как в театре. Мы чувствовали себя, словно актеры на сцене. На нас были направлены прожекторы, телекамеры, на балконе собралось много зрителей, которые смотрели в нашу сторону и что-то оживленно обсуждали, иногда аплодировали. А нам надо было не обращать на все это внимания и заниматься своим делом...»

4 марта в чемпионате СССР по хоккею с шайбой определился досрочный чемпион — команда ЦСКА. В тот день армейцы играли со свердловским «Автомобилистом», и их устраивала даже ничья. Но тренер команды Виктор Тихонов ставил перед своими наставниками только одну цель — победить. Что армейцы и сделали, обыграв соперника со счетом 9:3. Набрал за 7 туров до конца чемпионата 50 очков, ЦСКА стал недосыгаем для своих ближайших

конкурентов (на 2-м месте шло столичное «Динамо» с 34 очками, на 3-м — «Спартак» с 27) и в 21-й раз стал чемпионом страны. «Золотой» состав ЦСКА выглядел следующим образом: вратари: Владислав Третьяк, Александр Тыжных; защитники: Сергей Бабинов, Алексей Волченко, Сергей Гимаев, Владимир Лутченко, Вячеслав Фетисов, Геннадий Цыганков; нападающие: Борис Александров, Вячеслав Анисин, Хельмут Балдерис, Михаил Варнаков, Владимир Викулов, Александр Волчков, Виктор Жлуктов, Сергей Капустин, Александр Лобанов, Борис Михайлов, Владимир Петров, Владимир Попов, Валерий Харламов; тренер — Виктор Тихонов.

В эти же дни в Тбилиси проходил чемпионат страны по боксу. Там закатилась звезда прославленного советского боксера Вячеслава Лемешева. Его звездный час состоялся в 1972 году, когда на Олимпийских играх в Мюнхене Лемешев произвел фурор, одержав 4 победы нокаутом в 5 поединках, включая финальный бой с финном Рейно Виртаненом. Лемешев стал самым молодым олимпийским чемпионом по боксу в истории российского спорта — ему было всего 20 лет (рекорд не побит до сих пор). После этого Лемешев дважды становился чемпионом Европы (1973, 1975). Однако потом Лемешев стал частенько нарушать режим, пытаясь снять с помощью алкоголя напряжение после тяжелых тренировок. В итоге «допинг» быстро превратился в привычку. В 76-м талантливого боксера не взяли на Олимпийские игры в Монреале, хотя на тот момент он был сильнее своего заместителя — Руфата Рискиева, победив его по всем статьям на предолимпийской спартакиаде.

На чемпионат Союза в Тбилиси Лемешев возлагал определенные надежды. Но не сложилось. Вот как об этом вспоминает его коллега Василий Соломин:

«Я жил с Лемешевым в одном номере и знал, что незадолго до соревнований он сильно отравился. Обычно к началу турнира ему приходилось слегка сгонять вес, но в тот раз в этом не было необходимости: он весил всего семьдесят два килограмма. Я сказал тренеру Родоняку: «Снимай!» Он подошел к Славе, спросил: «Ну как? Снимать?» Но тот и слушать об этом не хотел.

Другого и спрашивать не стали, сняли бы, и все. Но Лемешев — олимпийский чемпион,

двукратный чемпион Европы, тренеры с ним считались. А вдруг у него все получится и он выкарабкается и из этой ситуации? Не получилось.

Его противник (Александр Крупин, в будущем — чемпион Европы. — *Ф. Р.*) так ему жахнул два раза, что он юлой завертелся. Он никакой был. Зеленый. Слабый человек... Во втором раунде бой был остановлен. Тяжелое это было зрелище. На Славу жалко было смотреть...»

Концовка чемпионата ознаменовалась грандиозным скандалом. Случилось это 4 марта, когда игрались полуфиналы. Во время одного из них, где бились боксеры Пак из Узбекистана и Хизанишвили из Тбилиси, случился скандал. Судьи присудили победу Паку, хотя весь зал, естественно, болел за своего земляка Хизанишвили. А ситуация такова: кто победил в полуфинале, тот выиграет и в финале, потому что в их весе им равных нет. Поэтому в зале началась настоящая буча: зрители пувскакивали с мест, затрещали кресла, кто-то из особо дерзких обступил судей. Из зала никого не выпускают. Понимая, что унять разбушевавшуюся толпу иным способом не удастся, судьи объявили, что изменили свое решение и присудили победу Хизанишвили. Толпа возликовала.

На следующий день этот инцидент стал темой для обсуждения сначала в Спорткомитете, потом — аж в ЦК республики. Часть судей предложила провести повторный матч в другом, нейтральном городе, но представители грузинского Спорткомитета выступили категорически против: дескать, медаль наша, и баста. Как вспоминает очевидец событий А. Киселев: «Мне очень хорошо запомнился конец этой истории. В комнату вошла секретарь ЦК по идеологии и сказала: «Я связалась с Москвой, ЦК утверждает победу Хизанишвили». В тот день на соревнованиях был образцовый порядок: в качестве зрителей прислали организованные группы с предприятий».

В том, что Москва отдала победу Хизанишвили, был свой политический подтекст. Дело в том, что в те дни Грузия была как на вулкане. В тамошних газетах был опубликован проект новой Конституции кавказских республик, в которой, как оказалось, было выброшено упоминание о национальном языке. Зато в Конституции говорилось о необходимости развития всех языков народов СССР и запрещении дискриминации какого бы то ни было из них.

Намек был очевиден: развивать необходимо было русский язык и его же запрещалось дискриминировать. Население Грузии встретило это новшество в штыки. Особенно взрывоопасная складывалась обстановка в Тбилиси, где власти опасались стихийных демонстраций. Москва об этом тоже знала, поэтому делала все от нее зависящее, чтобы не будоражить Тбилиси.

А в Свердловске в те дни проходил городской смотр-конкурс исполнителей советской песни под названием «Юность комсомольская моя», приуроченный к юбилейной дате — 60-летию ВЛКСМ. В члены конкурсного жюри был приглашен известный московский музыковед Артемий Троицкий, который задумал подложить под этот комсомольский сейшн идеологическую бомбу — заманил туда рок-группу «Машина времени». «Машинисты» согласились приехать, думая, что этот фестиваль станет вторым «Таллином-76» с его изобилием рок-групп и духом свободы. Но ошиблись: на фестивале было около 60 ансамблей, но к рок-музыке относились всего лишь два — «Машина времени» и группа Пантыкина. Но делать было нечего.

Вспоминает А. Макаревич: «Не знаю уж, в каких лживых розовых красках расписал Артем «Машину» организаторам, но, когда они увидели наши концертные костюмы, они заметались — все остальные выходили на сцену либо при комсомольских значках, либо в военной форме, либо в том и в другом. Наше первое выступление должно было состояться вечером. По мере приближения назначенного часа росла паника комсомольцев и ажиотаж зрителей. К началу зал был заполнен минимум дважды — люди стояли у стен, толпились в проходах, сидели на шеях у тех, кто стоял у стен и в проходах. К тому же все музыканты шестидесяти групп-участников потребовали мест в зале, а когда им попытались объяснить, что мест нет, они заявили, что приехали сюда не комсомольцев тешить, а посмотреть «Машину», и, если их не пустят, они сейчас запросто двинут домой. Согласитесь, это было приятно. Музыкантов запустили в оркестровую яму, в боковые карманы сцены и за задник. Концерт задержали почти на два часа. Последней запрещающей инстанцией оказался обезумевший пожарный, который, наверное, никогда во вверенном ему

зале не видел такой пожароопасной обстановки. Я не помню, как мы играли. Видимо, хорошо.

Вечером состоялся банкет для участников — последнее место, куда нас пустили. Дальше фестиваль уже продолжался без нас. Члены жюри хлопали нас по плечу и улыбались, музыканты жали руки, комсомольцы обходили стороной. В конце вечера они, отводя глаза, сообщили, что лучше бы нам уехать с их праздника. Возражений, собственно, не возникало — мы уже выступили и доказали, что хотели. Правда, трусливые и мстительные комсомольцы не выдали нам денег на обратную дорогу, и не помню уж, каким чудом мы их наодалжили...»

В Москве тем временем готовится к эмиграции известный спортивный журналист Евгений Рубин. Долгие годы он работал в газете «Советский спорт», где был редактором отдела футбола и хоккея. Однако из-за трений с великим тренером Анатолием Тарасовым Рубина сместили с должности, перестали выпускать за границу. Тогда он ушел в другое популярное спортивное издание — «Футбол-хоккей». Но, проработав там несколько лет, подал документы на эмиграцию. Говорили, что поводом к этому послужили непрекращающиеся нападки на Рубина все того же Тарасова, но сам журналист это опровергает. «Никогда мне не жилось так вольготно, как в последние годы перед эмиграцией. Именно в эти годы я понял, что такое настоящая любовь — к женщине и родительская. Я много, продуктивно и с увлечением работал. Я ни минуты не сожалел о смещении с редакторского поста: ни столько писать, ни столько зарабатывать, оставаясь во главе отдела, я бы не мог. Эта отставка привела меня в «Футбол-хоккей», в котором, хвала Филатову, была обстановка почти ирреальная для советского учреждения — доброжелательная, без окриков и взысканий, без взаимного подсиживания...»

Разрешение на эмиграцию семья Рубина получила в феврале, а сам отъезд был запланирован на Международный женский день — 8 марта. Однако в течение нескольких дней до отъезда в дом Рубина приходили его друзья — чтобы проститься. Многие спрашивали: «Что ты будешь делать в Америке?» Рубин в ответ мямлил нечто неопределенное: «Поглядим на месте... Может, лифтером устроюсь... Или в

магазин грузчиком». Но его жена Жанна была настроена более оптимистично: «Он будет делать там то же, что и здесь, — писать». «Да кому там его писания нужны?» — слышалось в ответ. «Может быть, ваши не нужны, — отвечала жена. — А его нужны». И ведь не ошиблась — журналистский талант Рубина действительно пригодится ему в Америке.

8 марта по ЦТ транслировали Праздничный вечер в Останкино. Среди его участников было множество звезд советской эстрады, в том числе и Алла Пугачева. Она исполнила одну из своих новых песен, однако многомиллионную публику поразила не этим — наверное, впервые за долгое время она выступала в обыкновенном платье вместо столь привычного балахона от Вячеслава Зайцева. На следующий день чуть ли не все женское население страны только и делало, что обсуждало новый наряд артистки. Как я уже говорил, это было вполне в духе того времени — в стране повального дефицита людям не оставалось ничего иного, как обсуждать роскошные наряды звезд. У Пугачевой платье было не самое эффектное, но после балахона, в котором она чаще всего появлялась на голубом экране, выглядело просто чудом. Самое интересное, что сама Пугачева к своей обновке отнеслась без должного пиетета и уже в следующем своем тэвэшном выступлении вновь облачилась в балахон, который очень любила — он помогал ей создавать на сцене образы ее песен. Но многие зрители этого не понимали. Один из них в своем письме на имя певицы даже напишет: «Вам самой-то не стыдно выступать в таком балахоне? Был у вас какой-то проблеск, когда Вы выступали 8 марта в Останкино, но Вы снова взяли за старое. Неужели Вам самой не хочется нравиться не только голосом, но и внешностью? У кого ни спросишь, все говорят — Пугачева прекрасная певица, ее можно поставить на один уровень с выдающимися мастерами мировой эстрады. Но вот насчет внешности всегда слышишь отрицательный ответ. Неужели так трудно сшить нормальное платье с рукавами, а не брать пестрый кусок материала и прорезать в нем дыру для головы? Другие могут скрывать под таким платьем свои физические недостатки — а у Вас же очень красивые руки и фигура...»

10 марта на чемпионате мира по фигурному катанию в Оттаве золотые медали в спортив-

ных танцах завоевали советские спортсмены Ирина Роднина и Александр Зайцев. Но эта победа далась именитым фигуристам очень нелегко. Их тогдашний тренер Т. Тарасова вспоминает об этом так:

«Я боялась, что у нас будут проблемы с акселем в 2,5 оборота. Ира никогда при мне его не срывала, но в ответственный момент он мог разладиться. Я целый год долбила с ней этот прыжок. В Оттаве я велела ей прыгнуть аксель сразу, когда шла еще акклиматизация. Ира взлетела... и потеряла прыжок. И на протяжении десяти дней она пыталась прыгнуть аксель, но не могла. Я говорила: «Ирочка, ты не волнуйся, ты все равно его сделаешь». За два дня до старта он наконец получился. Тут вмешался Зайцев и стал требовать, чтобы Ира если прыгает, то прыгать должна параллельно. Пришлось успокаивать и его, объясняя, чтобы на параллельность он не рассчитывал. На разминке Ира такую колбасу из прыжка устроила, что я даже собиралась его снять, но, подумав, решила: «Нет, она сделает». И Роднина прыгнула свой злополучный аксель абсолютно чисто. В этом она вся. Десять дней не прыгать на тренировке, а лихо сделать первым же элементом в соревновании. И как она засмеялась, и как понеслась. И шаги на радости перепутала. Программу катала, как безумная. Не устала совсем, хохотала, до того была сильна. Дальше в программе для нее уже ничего не существовало, никакие там тройные подкрутки смутить ее не могли...»

Но вернемся на родину. 11 марта главная газета страны «Правда» жахнула по опере «Пиковая дама», которую, как мы помним, собирались ставить во Франции четыре советских деятеля искусства: режиссер «Таганки» Юрий Любимов, композитор Альфред Шнитке, дирижер Геннадий Рождественский и художник той же «Таганки» Давид Боровский. Статья в главной газете принадлежала дирижеру Большого театра Альгису Жюрайтису и называлась вполне недвусмысленно — «В защиту «Пиковой дамы». Автор статьи писал: «Готовится чудовищная акция! Ее жертва — шедевр гения русской музыки П. И. Чайковского. Не в первый раз поднимается рука на несравненное творение его — «Пиковую даму». Предлог — будто либретто не соответствует Пушкину. Эдакие самозванцы, душеприказчики Пушкина.

Какая демагогия!.. Придет ли кому-нибудь в голову (разве только сумасшедшему) под тем или иным предлогом переписать Рафаэля, да Винчи, Рублева, улучшать помпейские фрески; приделать руки Венере Милосской, исправить Адмиралтейство или храм Василия Блаженного? А ведь затея с оперой Чайковского — то же самое. Кто же дал право любителям зарубежных сенсаций под ложно сфабрикованным предлогом «осовременивания» классики истязать, уродовать эту гениальную музыку и тем самым четвертовать душу Чайковского, породившего ее?..»

И ему было понятно, что эта статья была явным заказом сверху: то ли из Минкульта, то ли еще повыше — из Идеологического отдела ЦК КПСС. Уже в наши дни выяснились любопытные подробности ее появления. Оказывается, за пару-тройку недель до публикации Жюрайтиса пригласили в один из высоких кабинетов и попросили съездить в Париж, чтобы лично удостовериться в качестве скандального произведения. При этом заметили: «А если бы вам удалось раздобыть и партитуру его, было бы вообще замечательно!» Дирижер намек понял.

Поскольку с расположением внутренних помещений «Гранд-опера» Жюрайтис был хорошо знаком (не раз здесь выступал), он легко нашел комнату переписчика нот. И раздобыл пресловутую партитуру. Правда, это не осталось незамеченным со стороны руководства театра, которое в тот же день обнаружило пропажу и сразу догадалось, кто к этому причастен. Скандал поднялся грандиозный. Уже на следующее утро чуть ли не все французские газеты опубликовали на своих страницах открытое письмо директора «Гранд-опера» Рольфа Либермана. В нем он писал: «Господин Жюрайтис! Мы вас уважаем как музыканта, ценим ваш талант, всегда принимали вас и будем принимать в нашем театре. Но мы пришли к выводу, что ваше присутствие в стенах «Гранд-опера» должно быть ограничено минутой начала музыкального произведения и минутой его окончания. Ибо дальнейшее ваше присутствие сопровождается действиями, подпадающими под статью уголовного законодательства...»

Юрий Любимов и его сподвижники почти сразу написали в «Правду» ответное письмо. В нем они привели убедительный список опер и

балетов, идущих на сцене того же Большого театра с сокращениями и досочинениями, а иногда и в переоркестровке. Они вспомнили и новый текст к «Ивану Сусанину», и то, что балет «Иван Грозный» вообще не написан Прокофьевым, а составлен (кстати, при участии Жюрайтиса) из музыки Прокофьева к одноименному фильму, и многое другое. Однако это письмо «Правда» не напечатала. Его авторам из газеты пришел лишь ответ за подписью главреда Афанасьева. В нем сообщалось: «Мы решили не печатать Ваше письмо. Главная причина в том, что у нас нет убеждения в Вашей искренности... Кстати, о содержании Вашего письма в «Правду» знают многие в Москве — от студентов до академиков... Но кому все это на пользу? Уверен, что ни стране, ни партии, членом которой Вы являетесь (письмо было адресовано Ю. Любимову. — Ф. Р.). На письмо Жюрайтиса «Правда» получила сотни откликов. Увы, в Вашу пользу — ни одного».

В воскресенье, 12 марта, на чемпионате мира по фигурному катанию в Оттаве на высшую ступень пьедестала почета вновь поднялись советские спортсмены — Наталья Линичук и Геннадий Карпоносов, которые победили в танцах на льду. Их главными конкурентами были их земляки Ирина Моисеева и Андрей Миненков, и этот поединок двух пар выглядел весьма драматично. Вот как об этом вспоминает тренер проигравших Т. Тарасова:

«При исполнении обязательного танца — романтического танго — Ира споткнулась. И тут же, на этом же шагу, вслед за ней споткнулась и Наташа, но оценки Линичук и Карпоносов получили выше. Такая ситуация не смутила, а раззадорила Моисееву и Миненкова, произвольный танец они прокатали на таком высоком уровне, вложив в него столько экспрессии, что в зале установилась абсолютная тишина. Кроме музыки, можно было услышать, наверное, только как я дышу. И когда в финальном такте Андрей поднял Иру на руки, я сказала: «Все». Я не сомневалась — победа за нами. Он повторил за мной: «Все!» И тут же споткнулся, уронил партнершу, и они покатались кубарем по льду.

Потом Андрюша говорил, что я его сглазила, но, конечно, дело не в одном слове, сказанном вроде бы под руку. Они могли выиграть, но могли и проиграть, что и случилось. В тот

год дуэт Моисеева — Миненков не выглядел абсолютно сильнейшим, это был не чемпионский дуэт. Они плохо тренировались накануне решающего старта, тратя время на выяснение, кто у них в паре главный, и совсем перестали меня понимать...»

Но вернемся на родину. 14 марта мэтр отечественной литературы Михаил Шолохов написал письмо Леониду Брежневу, в котором выражал свою обеспокоенность судьбой русской культуры. Поскольку письмо это слишком объемное, приведу лишь некоторые отрывки из него. Шолохов писал:

«До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными... Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патристического направления, работающего в традициях русской реалистической школы... Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников...»

Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм... Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру...»

В конце своего письма Шолохов предлагал создать авторитетную комиссию, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет. Но мэтр зря надеялся. Комиссию никакую не создали, а в Вешенскую, к автору письма, отправили группу идеологических работников со Старой площади, чтобы они с цифрами в руках показали Шолохову, как глубоко он заблуждается. Гости вывалили на писателя уйму информации: мол, и русская классическая литература повсеместно изучается во всех учебных заведениях страны, и в театрах ставятся пьесы русских драматургов, и художники в РСФСР не ущемляются и т. д. и т. п. Говорят, когда Шолохов провозжал гостей из своего дома, в его глазах была тоска. И больше подобных писем он в ЦК не писал.

14 марта в советских газетах появилось сообщение о том, что в Милане закончился IX зимний чемпионат Европы по легкой атлетике. С триумфом на нем выступил 18-летний советский спортсмен Владимир Яценко, который установил новый мировой рекорд в прыжках в

высоту — 2 метра 35 сантиметров. На небосклоне отечественного спорта взошла новая яркая звезда.

Многие специалисты за глаза называли Яценко «пришельцем». Уж слишком случайным выглядело его появление в спорте. Парня воспитывала мама-почтальон, которая, опасаясь того, что сын, росший без отца, может связаться со шпаной, чуть ли не силком привела его в секцию легкой атлетики при заводе «Трансформатор» в Запорожье. И парень практически без всякой подготовки начал выдавать такие результаты, что у тренеров глаза на лоб полезли. «Да он гений!» — только и смогли сказать они. При своем весе в 72 килограмма Владимир метнул ядро так далеко, что этому могли позавидовать 120-килограммовые атлеты-метатели. В другой раз он взял в руки другой снаряд — копье — и метнул его на 59 метров — выдающийся результат. А уж о прыжках в высоту и речи не шло — тут ему просто не было равных. Он прыгал по-иному, чем остальные, — «перекидным» способом, как это делал в свое время другой гений спорта — Валерий Брумель. Как шутили специалисты про Яценко, «последний представитель вымирающего стиля!». Когда в 77-м году Яценко победил на матче молодежных сборных СССР и США (он там побил прославленного десятиборца Стоунза), восторженные болельщики разорвали на сувениры всю его одежду, оставив Яценко в одних плавках. А организаторы турнира преподнесли ему в подарок автомобиль «Форд». Говорят, руководители сборной чуть умом не тронулись от такого подарка: ведь на родине это могли расценить как подачку капиталистов. Поэтому на обратном пути Яценко посоветовали оставить «Форд» на таможне. Он и оставил.

На Киностудии имени Горького режиссер Владимир Роговой приступил к съемкам очередной картины. Автор таких фильмов, как «Офицеры» (1971) и «Несовершеннолетние» (1977), на этот раз решил попробовать свои силы в комедии. Проба окажется успешной: фильм про студентов «Баламут», съемки которого начались в середине марта 78-го, станет одним из лидеров отечественного проката. Однако до этого триумфа еще далеко, а пока съемочная группа работает в Подмосковье, под Домодедовом. Там, возле одной из деревень, 14—16 марта

были отсняты начальные кадры фильма: Петя Горохов (эту роль играл студент 4-го курса ВГИКа Вадим Андреев) купается в проруби. Скажем прямо — рискованные съемки, тем более в самом начале съемочного процесса. Если бы актер заболел, съемки могли остановиться, едва начавшись. Но здоровье у актера-дебютанта оказалось богатырское. То ли от природы, то ли спиртовые растирания помогли.

На Одесской киностудии режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич заканчивает подготовительные работы по фильму «Д'Артаньян и три мушкетера». До съемок остается чуть больше двух недель, и практически все актеры на главные роли уже подобраны. На роль неистового гасконца утвержден Михаил Боярский, на Атоса — Вениамин Смехов, на Портоса — Валентин Смирнитский, на Арамиса — Игорь Старыгин, на кардинала Ришелье — Александр Трофимов, на Бонасье — Ирина Алферова. Последнюю Хилькевичу навязали сверху, поскольку сам он хотел снимать в этой роли Евгению Симонову. Когда это случилось, от роли Бэкингема отказался Игорь Костолевский, поскольку хотел сниматься только с Симоновой.

С исполнительницей роли Миледи вышла иная история. В этой роли Хилькевич очень хотел снимать Елену Соловей, и та уже дала свое согласие. Причем, когда незадолго до съемок актриса внезапно забеременела, она согласилась сделать аборт, лишь бы сниматься у Хилькевича. А потом внезапно передумала. Сообщила, что решила рожать: «Он уже шевелится, не могу я сделать аборт». А до съемок оставались считанные недели. Хилькевич сел за срочную переделку сценария. В итоге из Миледи он сделал этакого Джеймса Бонда в юбке и пригласил на эту роль Маргариту Терехову. Но телена начальники эту кандидатуру внезапно не утвердили, спустив режиссеру другую актрису — партнершу Ирины Алферовой по сериалу «Хождение по мукам» Светлану Пенкину. Но Хилькевич хотел снимать только Терехову. Тем более что он и так ряд актеров взял в картину по протекции сверху. Короче, он уперся: либо Терехова, либо сериала вообще не будет. Видимо, он источал такую решимость, что с ним решили не связываться.

Вспоминает М. Терехова: «Помню, на территорию двора нашего театра въехала машина, такой маленький «уазик», и остановилась пе-

ред служебным входом. Меня вызвали с репетиции и говорят:

— Там тебя ждут.

Вышла я и автобус увидела не сразу. И слава богу! Оказывается, изнутри меня внимательно разглядывали. Одета я была в черные брюки и сапоги. На мне была зайцевская черная блузка и на ней белые полосы. Что-то вроде основного костюма Миледи. Оглядываюсь, ищу, кто пришел?

Наконец из автобуса выходит Юра Хилькевич. Подошел ко мне и сказал:

— Выручай.

Честно сказал, что в роли Миледи должна была сниматься Соловей, но это сорвалось. Съемки уже начались, уже была записана музыка. Я ответила, что должна послушать эту музыку. Мне включили ее чуть ли не в автобусе. Когда же я услышала песни, то пришла в ужас. Встала и сказала:

— Спасибо, я в этом участвовать не буду. По-моему, то, что там написано, очень пошло. Я — не певица из мюзик-холла.

Текст там был ужасающий: «Я с самого детства обожаю, тра-ля-ля-ля-ля». И это они вдвоем с Рошфором должны были петь. Смех.

Юра тоже поднялся, пожал мне руку и говорит:

— Спасибо! Я тут один кричал, что это пошло и омерзительно. А теперь мы вдвоем. Клянусь, музыку Макс уже переписывает.

От неожиданности я замолчала. И тут он начал меня убеждать, что из-за такой ерунды отказываться от роли не стоит. На этом мы и сошлись. И в роль я вскочила буквально на самом ходу...»

Далее послушаем рассказ Г. Юнгвальда-Хилькевича:

«Терехова приехала на пробу. Мы надели на нее шифоновую кофточку, без лифчика. Впервые в истории советского кинематографа в кадре была видна женская грудь не в течение одного стыдливого мгновения, а практически постоянно.

Привез я на телевидение эти пробы показывать. Главный редактор погрозила мне пальцем и сказала:

— И хотя так делать нельзя, это очень красиво. Если хотите — снимайте. Терехова хороша. Но вкус у вас все равно плохой...»

Когда все пробы были утверждены, в Одессе собрались все главные исполнители во главе с режиссером и композитором фильма Максимом Дунаевским, чтобы отметить это дело. Засели в кафе, расположенном в полуподвальном помещении. Все шло хорошо, пока Дунаевский не пригласил на танец симпатичную девушку с соседнего столика. А та была не одна, а с кавалером. А тот оказался «крутым» и решил проучить композитора. Схватив его за грудки, поволок в угол разбираться. Дунаевскому, который драться не умел, однозначно светила инвалидность. Но тут на помощь пришел Хилькевич. По словам последнего, дальнейшие события выглядели следующим образом:

«Я заехал бандиту по зубам. Макс тут же сбегал, а я остался. И тут начали мочалить меня. Я отбиваюсь. А сам смотрю — нет ли подмоги. Кто-то из дам побежал за подкреплением. Их-то двое, а я — один. Боюсь только одного: кто-нибудь меня пнет по ноге, я упаду, и тогда все...

Одного я ударил, он упал, образовалась легкая свалка. Боли не чувствовал. Потом выяснилось, что три пальца сломал. А Мишка Боярский за толстым слоем льда сидит себе с девицами и ничего не слышит. И вдруг в тот момент, когда мне в зубы залепили, откуда ни возьмись Боярский. И — враги побежали! Как в фильме. И тут появляется Макс Дунаевский: «Где они? Сейчас я...» Ну прямо Планше из романа Дюма...»

Но вернемся из Одессы в Москву. В здешних кинотеатрах в первой половине марта состоялись следующие премьеры: 2-го в широкий прокат вышел советско-болгарский фильм «Юлия Вревская» режиссера Николая Коробова с участием Людмилы Савельевой, Стефана Данаилова и др.; 6-го — мелодрама Гавриила Егиазарова «Портрет с дождем» с участием Игоря Ледогорова, Галины Польских, Алексея Петренко и др.; 13-го — социальная драма Динары Асановой «Беда», где снялись Алексей Петренко, Елена Кузьмина, Лидия Федосеева-Шукшина и др.; экранизация тургеневской «Аси», осуществленная Иосифом Хейфицем, где главную роль исполняет Елена Коренева. Из зарубежных премьер выделю французскую политическую драму «В Сантьяго идет дождь».

Кино по ТВ: «Кража зарплаты» (ГДР, 2-го), «Алешкина любовь» (3-го), «Тигры» на льду»,

«Это сладкое слово — свобода» (с субтитрами), «Борец и клоун» (4-го), «Три тополя на Плющихе» (5-го), «Тепло твоих рук» (6-го), «Екатерина Воронина» (7-го), «Кавказская пленница», «Что с тобой происходит?», «Женщины» (8-го), «Как избавиться от Геленки?» (10-го), «Флаги на башнях», «Джузеппе Верди» (Италия, впервые по ТВ, 11-го), «Кошка на радиаторе» (т/сп), «Укротительница тигров» (12-го), «Первый курьер» (13-го), «В начале века», «Лунный камень» (Англия, 14—17-го), «Павел Луспекаев» (д/ф, 15-го) и др.

Из театральных премьер: «Недоросль» в Театре сатиры; «Передышка в Арко Ирис» в Театре Моссовета, в главной роли Георгий Тараторкин (оба — 12-го).

Эстрадные представления: 7—9, 11-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Владимира Винокура, Ирины Грибулиной, ВИА «Магистраль» и др.; 8-го в ГЦКЗ «Россия» выступали Евгений Леонов, Мария Пахоменко, Евгений Петросян, ВИА «Москвички» и др.; 9—11, 13—15-го там же Аркадий Райкин и руководимый им Ленинградский театр миниатюр показывали спектакль «Зависит от нас» («Дерево жизни»); 11—12-го в ЦДКЖ играл ВИА «Поют гитары»; 12-го в ГТЭ — ансамбль Саша Суботы (Югославия).

Из Москвы перенесемся в Куйбышев. Там группа молодых людей готовит дерзкое преступление — нападение на инкассаторов. Люди эти нам хорошо известны еще по хронике за август 72-го. Помните, тогда двое молодых людей — Сергей Рамьянов и Александр Долотов — напали в Донецке на участкового милиционера и завладели его табельным пистолетом. Оружие им понадобилось для будущего нападения на инкассаторскую машину. Потом в их банду влился еще один участник — Игорь Ишимов. Однако он, узнав о планах дружков, решительно их забраковал. Сказал, что такие вещи с бухты-барахты не делаются. «Одного пистолета мало, да и людей надо побольше: еще одного человека хотя бы», — сказал Ишимов.

Второй пистолет бандиты добыли в октябре 74-го, напав на стрелка военизированной охраны Митякину, охранявшую территорию сталелитейного завода. При этом было обговорено, что охранницу обязательно убьют, но Рамьянов, который и должен был привести приговор

в исполнение, испугался. И женщина осталась жива. Когда об этом узнал Ишимов, его гнев не было предела. «Слюнтяи, молокососы! — ругался он. — Даже бабу замочить не можете! А еще на серьезное дело собрались!..» Однако от своих планов в отношении инкассаторов преступники не отступили.

Именно Ишимов привел в банду четвертого человека. Им был некто Бирюков — спортсмен-стрелок, имевший за свои успехи в стрельбе не одну грамоту. Ему дозарезу нужны были деньги, а какой ценой они ему достанутся — его не волновало. Главное, чтобы этих денег было много. Ишимов сказал: «Пойдешь с нами — будешь эти деньги лопатой грести». Это все и решило.

В середине марта бандиты собрались, чтобы обсудить план нападения на инкассаторов. Выбрали день — 20 марта. Потом стали обсуждать место. Первоначально планировалось совершить налет в районе улиц Аэродромной и Мориса Тореза. Но Рамьянов предложил иной вариант: у сберкассы на Партизанской. «Там место глухое, — сообщил он и добавил: — И название соответствующее: мы ведь как партизаны — незаметно подкрадемся».

16 марта в Госкино принимали фильм «Женщина, которая поет». Просмотр закончился скандалом — высокая комиссия отказалась принимать картину в представленном виде. Свои претензии участники просмотра зафиксировали документально. Цитирую:

«Фильм сделан на низком художественном уровне, режиссура его крайне примитивна, что сказалось на общей стилистике фильма, подборе актерского ансамбля, работе с исполнительницей главной роли — актрисой А. Пугачевой, чьи творческие возможности использованы плохо. Музыкальное решение фильма бледно и не отражает масштабы незаурядного дарования этой популярной певицы. В фильме допущены серьезные отступления от сценария...»

Высокая комиссия вынесла свой вердикт: в фильм должна быть внесена существенная правка, некоторые сцены необходимо доснять. Режиссеру не оставалось ничего иного, как согласиться с этим решением. Сама Пугачева восприняла это событие на удивление спокойно, поскольку предполагала подобный исход. Она успела посмотреть картину во время сдачи

ее на студии в самом начале месяца и осталась недовольна увиденным. «Ну и лажа!» — вроде бы сказала она, выходя из просмотрового зала.

16 марта в «Известиях» было опубликовано сообщение о том, что певица Большого театра Галина Вишневская и ее муж, виолончелист Мстислав Ростропович, лишены советского гражданства. Как мы помним, супруги выехали из Советского Союза четыре года назад, как считалось, в творческую командировку. Все это время они с детьми жили в Париже, где вели активную концертную деятельность. Советские власти не имели ничего против такого положения, пока супруги не стали активно заступаться за своих гонимых коллег. В частности, после статьи Жюрайтиса в «Правде» они встали на защиту постановщиков оперы «Пиковая дама». Были у них и другие «прегрешения» по этой же линии. В конце концов терпение кремлевских руководителей лопнуло: Политбюро по ходатайству КГБ и Минкульту приняло решение о лишении Вишневской и Ростроповича гражданства. А чтобы у людей не было никаких сомнений в правильности такого решения, прямо под указом была опубликована заметка под названием «Идейные перерожденцы». В ней сообщалось: «Выехавшие несколько лет назад в зарубежную поездку М. Л. Ростропович и Г. П. Вишневская, не проявляя желания возвратиться в Советский Союз, вели антипатриотическую деятельность, порочили советский общественный строй, звание гражданина СССР. Они систематически оказывали материальную помощь подрывным антисоветским центрам и другим враждебным Советскому Союзу организациям за рубежом. В 1976—1977 годах они дали, например, несколько концертов, денежные сборы от которых пошли в пользу белоэмигрантских организаций...»

На следующий же день лишенные гражданства супруги написали письмо Брежневу, в котором напрочь отвергали выдвинутые против них обвинения. Они писали: «Мы никогда не занимались, не занимаемся и не намерены заниматься политикой, ибо органически не расположены к этому роду деятельности. Но, будучи артистами по профессии и по призванию, мы не могли и не можем остаться равнодушными к судьбе своих братьев по искусству. Этим и были продиктованы все наши человеческие и гражданские поступки...»

Мы требуем над нами суда в любом месте СССР, в любое время, с одним условием, чтобы этот процесс был открытым.

Мы надеемся, что на это четвертое к Вам обращение Вы откликнетесь, а если нет, то может быть, хотя бы краска стыда залет Ваши щеки».

Брежнев на это послание не отреагировал: то ли не получил, то ли не снизошел.

Между тем на эти же дни выпадает еще один громкий скандал — со спецталонами. Суть его была в следующем. Среди высшей партийной и государственной элиты были распространены два вида автомобильных спецталонных, позволявших их владельцам беспрепятственно передвигаться по улицам советских городов. Первый вид предназначался для работников правоохранительных органов — КГБ и МВД, второй — для владельцев частных автомобилей. Причем второй появился недавно — каких-нибудь два-три года назад благодаря стараниям начальника столичного ГАИ Ноздрякова. Лично у него в кабинете хранилась картотека на владельцев подобных спецталонных, он же выдавал эти талоны особо доверенным людям. На Старой площади знали о существовании «ноздряковских» спецталонных, но до поры до времени закрывали на это дело глаза. Но когда число «блатных» автовладельцев превысило в Москве всякие разумные пределы (лихачи с талонами гоняли по городу направо и налево, нередко сбивая насмерть ни в чем не повинных пешеходов, да еще один из таких талонов был найден у главаря вооруженной банды), то этим делом решил заняться Комитет партийного контроля. В середине марта к Ноздрякову явилась группа работников КПК во главе с ответственным контролером В. Севастьяновым. Гаишник встретил гостей нелюбезно. Даже потребовал предъявить удостоверения. А когда они были ему показаны, все равно не успокоился. Достал из сейфа фотоальбом в типографском исполнении и бросил его на стол. На обложке альбома красовался крупный портрет Брежнева, а на титульном листе рукой генсека было выведено: «Уважаемому Алексею Петровичу Ноздрякову с благодарностью. Л. Брежнев». Этим жестом генерал хотел показать гостям, что абсолютно их не боится и при случае знает, где найти защиту. Но сотрудников КПК такое поведение хозяина кабинета нис-

колько не смутило. Они-то знали, что их тылы тоже надежно прикрыты их начальником — председатель КПК Арвид Пельше был членом Политбюро. Поэтому Севастьянов, для приличия полистав фотоальбом, сразу перешел к сути вопроса: попросил показать ему картотеку на владельцев спецталонных. Гаишник стал вальять дурочку: сначала достал из сейфа одну папку, затем вторую, в которых фигурировали какие-то мертвые души. Но гость оказался настырным: заявил, что не уйдет из кабинета, пока не получит желаемое. Ноздряков попробовал зайти с другого боку: сказал, что сотрудник, у которого хранятся карточки, уехал в отпуск и прибудет через две недели. «А нам известно, что эта картотека хранится именно у вас», — продолжал стоять на своем Севастьянов. В конце концов гость пересидел хозяина. Гаишник скрепя сердце извлек из тайника в нижней части сейфа искомую картотеку. Контролер спрятал ее в портфель и, пообещав обязательно вернуть, раскланялся.

Севастьянов сдержал свое слово — через два часа действительно вернул Ноздрякову его гроссбух. Но перед этим успел снять со всех бумаг копии. А в бумагах этих содержалась масса интересной информации. По ним выходило, что всего частным лицам через столичное ГАИ было выдано 900 спецталонных. Среди их обладателей сплошь одна элита — директора крупных гастрономов, стадионов и пансионатов, руководители медицинских учреждений, спортивных и охотничьих обществ, деятели культуры и науки, спортсмены, журналисты и т. д. Причем часть талонов была именная (то есть с фамилиями владельцев), а другая — безымянная. Именно один из таких оказался в руках главаря банды Иванова, который 9 лет скрывался от милиции и три последних года передвигался по столице, имея на руках спецтalon. Иванов жил в Подольске, в особняке площадью 200 квадратных метров, в котором было все, что душе угодно: сауна, бильярдная, бассейн, винный погреб, гараж на четыре машины, охранники. Ну чем не «новый русский»?

Между тем 19 марта в «Комсомольской правде» были подведены итоги опроса на лучшие фильмы прошедшего года. В адрес редакции пришло 84 тысячи писем со всех концов страны, на основе которых и были выявлены лидеры отечественного проката. Бесспорным

победителем из 140 картин, выпущенных на экраны Союза в 1977 году, стала лента Станислава Ростоцкого «Белый Бим Черное ухо», вторую строчку занял фильм Владимира Меньшова «Розыгрыш», третью — «Несовершеннолетние» Владимира Рогового. В десятку победителей также вошли: «Безотцовщина», «Легенда о Тиле», «Аты-баты, шли солдаты...», «Центровой из поднебесья», «Мелодии белой ночи». Странно, но факт: за бортом «десятки» остались многие настоящие шедевры советского кинематографа, принесшие нашей стране множество призов на престижных зарубежных фестивалях. Речь идет о таких фильмах, как: «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Подранки», «Восхождение», «Двадцать дней без войны». На основе этого «Комсомолка» сокрушалась, что наша молодежь не любит думать, предпочитая ходить в кинотеатры исключительно в целях развлечения. Знала бы любимая газета, что станет с отечественным кино через полтора десятка лет...

В тот же день в Куйбышеве преступники, собирающиеся напасть на инкассаторов, собрались на свою последнюю «стрелку». И тут выяснилось неожиданное: двое из них участвовать в нападении не смогут. У Ишимова поднялась температура, а Рамьянов честно признался, что боится. «Давайте перенесем операцию на другое время, когда Ишимов поправится», — предложил он. Но Бирюков и Долотов это предложение отвергли. «Нам больше достанется», — сказали они.

Продолжают бушевать страсти вокруг оперы «Пиковая дама». 20 марта шеф КГБ Юрий Андропов направил в ЦК КПСС докладную записку о реакции творческой интеллигенции на письмо дирижера А. Жюрайтиса. Андропов общал:

«...Высказанная автором письма озабоченность безответственным отношением к опере Чайковского в целом встретила поддержку и одобрение. Ряд видных деятелей культуры и искусства нашей страны считает, что затронутая Жюрайтисом проблема неоправданной модернизации национального классического наследия перестала быть проблемой, касающейся отдельных видов советского искусства, что необходимо серьезный разговор об отношении к классике...»

Между тем было бы неверным утверждать, что вся творческая интеллигенция как один выступила в поддержку Жюрайтиса. Многие творческие работники осудили эту публикацию, но об их реакции мало кто знал — СМИ об этом молчали. Например, композитор Микаэл Таривердиев, выступая в Ленинградском университете, назвал статью Жюрайтиса несправедливой и даже грубой. Ему это тут же припомнили. Тот концерт вызвал в городе большой ажиотаж, студенты ломались на него чуть ли не в окна, в результате два человека пострадали. Как вспоминает сам композитор: «Скандал разразился грандиозный. В этом скандале смешали все — и давку, и беспорядки, как будто я их устраивал, и мою резкую отповедь газете «Правда». У меня должны были состояться другие концерты в Ленинграде. Но секретарь Ленинградского обкома Романов личным распоряжением их запретил. Почти год из Ленинграда мне не звонили...»

20 марта в Куйбышеве было совершено дерзкое преступление — нападение на инкассаторов Советского отделения Госбанка. Инкассаторов было двое — Архипов и Буданов, которые вместе с шофером Байкиным объезжали торговые точки города. Их маршрут уже подходил к концу, и последней точкой была сберегательная касса, что в доме № 184 на Партизанской улице. Подъехав к дому в пять вечера, инкассаторская «Волга» остановилась возле самого подъезда. За деньгами отправился Буданов (была его очередь), а его напарник с шофером остались в машине. В тот самый миг, когда Буданов скрылся в дверях, к автомобилю внезапно подбежали двое молодых парней — Бирюков и Долотов — с пистолетами в руках и открыли огонь по сидящим в машине. Архипов был убит сразу (пуля попала в сердце), а вот Байкину повезло: ему пули попали в плечо, руку и ягодицу. Превозмогая боль, он вывалился из автомобиля и отполз в кусты. А преступники вскочили в машину и умчались в неизвестном направлении, забрав с собой и убитого инкассатора, и 30 сумок с деньгами — почти 100 тысяч рублей.

Буданов ничего этого не слышал, занятый сбором выручки в кассе. В тот миг, когда кассирша передавала ему сумку с деньгами, в кассу ввалился окровавленный Байкин. Он и сообщил о нападении. Буданов тут же позвонил в

милицию. Та приехала очень быстро, но преступников к тому времени и след простыл. Однако немногочисленные свидетели сумели запомнить ряд важных деталей. Например, один из них, заставший момент, когда инкассаторская «Волга» с преступниками выезжала со двора, услышал, как один преступник назвал своего напарника по имени. А имя у того было редкое — Герман. Другой свидетель упомянул, что на одном из преступников было кожаное пальто. Однако только последнее показание окажется верным. Что касается первого, то тут свидетель ошибся: один из бандитов крикнул напарнику: «Брось наган», а свидетелю послышалось имя — Герман. Этот ложный след отнимет у сыщиков много лишнего времени.

Грабителей пытались задержать по горячим следам. Район нападения оцепил батальон милиции, на дорогах появились усиленные наряды патрулей. На железнодорожный и автомобильный вокзалы, в аэропорт были направлены группы захвата. Самым тщательным образом провели осмотр места происшествия: собрали снег, пропитанный кровью, бережно завернули в бумагу стреляные гильзы от пистолета. А уже через полчаса появились первые результаты: в седьмом микрорайоне города, на Воронежской улице, была обнаружена инкассаторская «Волга». Оба ее колеса застряли в глубокой колдобине, и преступники ее попросту бросили. На заднем сиденье лежал мертвый инкассатор Архипов. На его боку висела пустая кобура. По словам жителей ближайших домов, двое молодых людей, бросивших «Волгу», ушли в сторону гаражного комплекса. Были названы их приметы: один с усиками, второй ростом повыше, худощавый, черный, похож на цыгана. У гаражей молодые люди сели в автомобиль «ГАЗ-53» или «ГАЗ-66» зеленого цвета и поехали в сторону Московского шоссе.

Пока сыщики проводили опрос свидетелей на Воронежской улице, грабители были уже далеко. С частью инкассаторских сумок (взять все они не смогли, поэтому 15 сумок спрятали под дном перевернутой лодки) они прошли несколько кварталов и здесь спрятали оставшиеся сумки в контейнере с пищевыми отходами, рассчитывая завтра же их забрать. Затем на попутке доехали до квартиры Долотова в Стара-Загоре. Всю ночь не спали. Рано утром оделись во все рыбацкое — на ногах валенки с га-

лошами, на руках рукавицы, один взял ледоруб, другой — пешню. В таком виде благополучно добрались до Воронежской улицы, где забрали из тайников инкассаторские сумки с деньгами (уложили их в рюкзаки) и вернулись к Долотову. Там приступили к самому приятному — пересчету денег. Их оказалось 96 451 рубль. Вечером на машине Рамьянова перевезли деньги на квартиру Бирюкова, где их и поделили. Двум, не участвовавшим в ограблении, досталось, естественно, меньше — по 10 тысяч. Бирюков и Долотов взяли себе два раза больше, а оставшиеся деньги спрятали в подвале дома № 227 по улице Тухачевского, где жила тетка Рамьянова. Прокипяченные инкассаторские сумки бандиты разбросают по кюветам вдоль шоссе в районе дачного массива Сорокин Хутор. В тот момент бандитам казалось, что все у них получилось «тип-топ» и найти их вряд ли удастся.

В Москве тем временем люди в панике бегут по магазинам и скупают все подряд — продукты, посуду, одежду: по городу ходят упорные слухи о новом подорожании. Да, грустные времена наступили в стране: лет пять назад все было тихо-мирно, а за последние пару лет все как с цепи сорвались — подорожания следовали одно за другим. Чтобы унять страсти, в ход пустили проверенное средство — прессу. В четверг, 23 марта, в самой читаемой столичной газете — «Вечерняя Москва» — был опубликован фельетон Ю. Золоторева под названием «Мыльные пузыри». В нем автор убедительно доказывал, что разговоры о скором повышении цен на продукты, посуду и другие товары — досужие вымыслы. Паника вроде бы улеглась.

И вновь перенесемся в Куйбышев. Тамошние сыщики вместе с сыскарями из Москвы — их возглавлял генерал-майор милиции Анатолий Волков — буквально рыли носом землю, пытаясь выйти на след дерзких грабителей, напавших на инкассаторов 20 марта. Честно говоря, зацепок у сыщиков было мало. Преступники работали в резиновых перчатках, поэтому ни одного отпечатка их пальцев найти не удалось. Грешным делом думали, что бандиты залетные — приехали в Куйбышев из другого места, но проверка по вокзалам, аэропорту и курумочскому порту ничего не дала. Мало чем помогла и неожиданная находка: 24 марта в

кювете на Волжском шоссе были обнаружены похищенные инкассаторские сумки. Естественно, без денег. Экспертиза установила, что все сумки были прокипичены на следующий день после ограбления. Этот факт еще раз наглядно продемонстрировал сыщикам, что грабители явно не дураки. Стали шерстить судимых. Но и здесь все было глухо — у каждого из проверяемых на момент совершения преступления было железное алиби.

В столичном кафе «Охотник», что на Тверской, в субботу, 25 марта, наблюдалось сильное волнение персонала. Туда должна была приехать сама Галина Брежнева. Новость об этом сообщил директору заведения Лидии Пироговой начальник личной охраны Брежневой, полковник, который поинтересовался обстановкой и попросил предупредить об этом персонал. Спустя полчаса полковник приехал уже лично и внимательно осмотрел не только стол, где должна была сидеть его подопечная, но и весь зал. Ничего подозрительного он не заметил. Спустя несколько минут в кафе появилась дочь генсека, сопровождаемая четырьмя телохранителями. Галина Леонидовна уселась за свой стол, а охрана расположилась за соседним, изображая из себя рядовых посетителей. К Брежневой тут же подошла официантка, чтобы выслушать заказ. Он был вполне стандартным, как и в прошлые разы: Брежнева заказала стакан водки и черный хлеб. Но дело было не в заказе: дочь генсека давала щедрые чаевые — обычно червонец (10 рублей). Кстати, на столе уже заранее были приготовлены различные рыбные деликатесы, но Брежнева никогда к ним не притрагивалась. Она просидела в «Охотнике» около часа, выкурив при этом несколько сигарет. Перед самым уходом она «хлопнула» свой стакан с «огненной водой», занюхала его хлебом, после чего поднялась и так же молча удалилась.

В тот же день в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен (за февраль). Львиная доля песен перекочевала в него из январского хит-парада, но были и новинки. Так, первое место теперь возглавлял «медляк» от Давида Тухманова и Владимира Харитонова «Остановите музыку», на 7-е место угодила песня Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Беловежская пуша» в исполнении «Песняров», а за-

мыкала хит-парад (10-е место) душещипательная песня Вячеслава Добрынина, Леонида Дербенева и Игоря Шаферана про неразделенную любовь под названием «Горько» в исполнении ВИА «Синяя птица».

Станислав Говорухин продолжает подготовительный период по фильму «Место встречи изменить нельзя». После кинопроб, прошедших в Одессе и Москве, определился приблизительный актерский состав. В роли Жеглова должен был сниматься Владимир Высоцкий, на Шарапова претендовал Сергей Шакуров, на Фокса — Борис Химичев. 21 марта эти кинопробы были обработаны на Киностудии им. Довженко. И там же Говорухину предложили попробовать в роли Шарапова другого актера — Владимира Конкина. Причем попросили с самого «верха», так что отказать он никак не мог. Однако, сделав эту пробу, Говорухин внезапно понял — это то, что надо. Как он сам объяснил Конкину: «Мне нужна антитеза Жеглову. Зная характер Высоцкого — напористый, пружинистый, с шипами, я убежден, что он просто создан для роли Жеглова. А в тебе есть то, что я увидел еще в «Как закалялась сталь». Ты там строил узкоколейку и махал шашкой, но в тебе чувствовалась интеллигентность, породе. Кувалду ты сжимал тонкими, чуткими руками. Вот твоя интеллигентность и необходима мне в качестве противовеса напору, натиску и темпераменту Высоцкого. На этом контрасте мне и хотелось бы строить ваш дуэт».

Тем временем продолжается история со спецталонами. Как мы помним, контролер КПК Севастьянов сумел раздобыть секретную картотеку Ноздрякова на владельцев спецталонных и доложил об этом своему шефу — председателю КПК Пельше. Севастьянов сообщил, что кроме создания системы спецталонных, развращающей организацию движения автотранспорта, при попустительстве Ноздрякова сложилась преступная практика вымогательства взяток за получение водительских прав. Только за два года 600 автолюбителей приобрели свои права за взятки. Кроме этого, докладывал Севастьянов, Ноздряков искажал госотчетность об авариях и травмах на автомобильных дорогах Москвы. Короче, материалов против влиятельного гаишника собралось столько, что можно было смело поднимать вопрос о лишении его партийного билета. Пельше с этим вы-

водом полностью согласился. «Будем собирать заседание КПК, — сказал он, выслушав доклад. — На него надо обязательно пригласить не только Ноздрякова, но и его руководителей: замминистра Рожкова и начальника Управления госавтоинспекции Лукьянова». Однако тут в дело вмешались непредвиденные обстоятельства.

30 марта Брежнев должен был вылететь на Дальний Восток. Но перед самым отлетом к нему пришел министр внутренних дел Николай Щелоков, который стал жаловаться на Пельше: мол, тот возрождает в стране 37-й год. «Я знаю Ноздрякова как честного и ответственного работника, а его обвиняют черт знает в чем, — негодовал Щелоков. — Хотят из партии исключить». Брежневу был недосуг разбираться в претензиях, предъявленных главному гаишнику столицы, поэтому он спросил напрямую: «Чего ты от меня хочешь, Николай?» «Надо дать отлуп Пельше, пусть старик не зарывается», — последовал ответ. «Отлуп так отлуп», — ответил Брежнев и взялся за телефонную трубку. Далее послушаем рассказ В. Севастьянова:

«В 11 часов 25 минут в моем кабинете по городскому телефону раздался звонок: «Товарищ Севастьянов?» — «Да». — «Валентин Степанович?» — «Да». — «Сейчас с вами будет говорить Леонид Ильич Брежнев». Честно признаться, я не поверил и хотел даже положить трубку. Через 25 секунд слышу знакомый голос: «Здравствуйте, товарищ Севастьянов!» — «Здравствуйте, здравствуйте». — «Вы там занимаетесь проверкой анонимки на Ноздрякова, беспокоите его, дергаете нервы. Не надо проверять эту анонимку, беспокоить Ноздрякова. И вообще не надо проверять анонимки». — «Мы не анонимку проверяем и вообще не заявление, мы интересуемся отдельными вопросами...» — «Ну все равно не надо. Заканчивайте проверку».

Вроде бы на розыгрыш не походило. Да и голос! Быстро, по памяти, записал разговор и отнес Ивану Степановичу Густову (первый зампред КПК. — *Ф. Р.*), тот в свою очередь доложил Пельше...»

Густов на всякий случай решил подстраховаться: позвонил Константину Черненко, который всегда был в курсе всех событий, и поинтересовался, правда ли, что звонил Брежнев.

Черненко подтвердил: звонил генсек после визита к нему Щелокова. «Так что делайте выводы сами», — закончил разговор Черненко. В итоге все материалы по Ноздрякову вскоре будут направлены в МВД. Главный гаишник Москвы отделается легким испугом: ему всего лишь «укажут» на недостатки, а чуть позже отправят на пенсию. Но вернемся в март 78-го.

В два часа дня Брежнев со свитой прибыл в аэропорт Внуково-2, чтобы оттуда лететь в Свердловск. Выгрузились из своих лимузинов и направились в специальный зал, как вдруг на полпути Брежнев застыл как вкопанный. Навстречу ему шел предсовмина Алексей Косыгин, которого он уж никак не ожидал, да и не хотел здесь видеть. Дело в том, что Косыгин должен был находиться с рабочей поездкой в Тюмени, но никак не в Москве. И вдруг на тебе — он каким-то чудесным образом объявился во Внуково аккурат перед отлетом генсека. Как же это произошло?

29 марта, накануне отлета Косыгина из Норильска в Свердловск, куратор этой поездки от 9-го управления КГБ Михаил Докучаев решил позвонить в принимающий город, чтобы поинтересоваться, все ли готово к приему высокого гостя. Трубку на другом конце взял заместитель начальника Свердловского УКГБ генерал-майор В. Самодуров. Как выяснилось, для него завтрашний прилет Косыгина явился полной неожиданностью. «Вы что, ничего не знаете? — удивился он. — Слушай, я тебе сообщаю, но на наш разговор нигде не ссылайся. Считаю, что я тебе этого не говорил. Завтра к нам прилетает Брежнев. Отсюда он полетит дальше, а потом поедет поездом во Владивосток. Что означает их стыковка в Свердловске, ты сам понимаешь. (Как мы знаем, Брежнев с трудом переносил Косыгина. — *Ф. Р.*) Принимайте там решение на свое усмотрение». Далее послушаем рассказ самого М. Докучаева:

«В ответ я сказал, что мне картина ясна и я начинаю действовать. Мысленно же я представил себе, что будет с Косыгиным, если он прилетит в Свердловск и узнает, что туда спустя 2 часа прилетает Брежнев. Мне также пришла в голову мысль о том, как этот факт воспримут в Москве и Свердловске, как это будет выглядеть в глазах советской общественности и особенно как это расценит пресса. Одновременно передо мной встал вопрос, почему о поездке

Брежнев не предупредили Косыгина как члена Политбюро и председателя Совета Министров СССР.

Нужно было немедленно докладывать об этом самому Алексею Николаевичу, который в это время проводил большое совещание в горкоме партии. Мне было неудобно входить в зал заседаний, но и дело не терпело отлагательства. Помогло то, что как раз оттуда вышел Н. Байбаков, и я обратился к нему с убедительной просьбой срочно вызвать Алексея Николаевича, чтобы довести до него весьма важное сообщение.

Через некоторое время Косыгин вышел с совещания, и я рассказал ему о предстоящей поездке Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока. Когда я сообщил ему, что завтра в 14 часов Брежнев будет в Свердловске, Косыгин побледнел. Он сказал: «Почему я ничего об этом не знаю?» Он переспросил меня снова и очень хотел узнать, из каких источников исходит моя информация. Я ответил ему, что эти данные получил только что из 9-го управления, но уклонился от ссылки на конкретный источник.

Косыгин был человеком мудрым, любил советоваться с другими по любым вопросам, знать их мнение и только тогда принимал и высказывал свое решение. Вот и на сей раз он прямо задал мне вопрос: «Что вы думаете по этому поводу?» Вопрос не застал меня врасплох, и я ответил: «Мне трудно вникать в существо дела, но мне кажется, что нам необходимо срочно вылететь в Москву и прибыть туда завтра до отлета Брежнева. У нас мало времени, но мы успеем. В Свердловск нам ехать нельзя, — добавил я, — ибо этим можно вызвать недоумение у советской общественности. Кроме того, мы зададим много хлопот руководителям Свердловска».

Я не договорил при этом, но подумал, что отсутствие Косыгина при проводах Брежнева в Москве также может быть расценено как неуважение к первому лицу в партии и государстве и может стать предметом кривотолков о том, кто же остался вместо Брежнева в Кремле...

Через два часа мы были уже на аэродроме, а в 10 часов прилетели в Москву. В определенное по протоколу время А. Косыгин прибыл во Внуково-2 на провода Брежнева. И не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, с каким удивлением встретили

его появление некоторые члены Политбюро и работники ЦК партии. Особенно кислая мина была у Суслова. Всем своим видом он давал понять, что участие Косыгина в церемонии проводов явно нежелательно, поскольку в таком случае Суслов оказывается на втором месте среди провожающих...»

А теперь перенесемся в Нью-Йорк, на квартиру заместителя генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко. Как мы помним, этот человек давно уже работал на ЦРУ и являлся одним из его самых ценных агентов. Американцы берегли Шевченко как зеницу ока и делали все от них зависящее, чтобы на него не упала даже тень подозрения. Долгое время цэрэушникам это удавалось. Но после провала Огородника-Триоанона КГБ стал подозревать Шевченко и начал готовить почву для его отзыва на родину. Однако повод придумали топорный: послали шифровку, что ему надлежит прибыть в Москву для консультаций с министром иностранных дел по вопросам предстоящей сессии Комиссии ООН по разоружению. Шифровка пришла в Нью-Йорк в пятницу, 31 марта, и в ней сообщалось, что в начале следующей недели Шевченко должен был вылететь в Москву. Но дипломат был не дурак: сразу смекнул, что повод липовый — по таким банальным вопросам с ним никогда не советовались. Как пишет сам Шевченко, «вероятно, в Москве сочли — и не без оснований, — что вызвать меня для одних только консультаций недостаточно убедительно, поэтому кто-то решил прибавить эту необычную фразу: «для обсуждения некоторых других вопросов». Это была ошибка, я моментально насторожился. Не понимаю, как мог произойти такой ляпсус, но мне крупно повезло, что он произошел...»

Тут еще масла в огонь подлил приятель Шевченко, который несколько дней назад приехал в Нью-Йорк из Москвы и рассказал, что в отношении Шевченко КГБ предпринимает какие-то странные телодвижения. Короче, поводов к беспокойству у Шевченко было предостаточно.

А теперь вернемся на родину и взглянем на афишу столичных кинотеатров второй половины марта. 27-го в широкий прокат вышли сразу несколько картин: приключенческая «Ветер Надежды» Станислава Говорухина с участием Виталия Махова, Павла Махотина, Алексея Миронова и др.; сказка «Кольца Альяманзора»

Игоря Вознесенского с участием Светланы Смирновой, Михаила Кононова, Валентины Талызиной и др.; спортивная драма **«Риск — благородное дело»** Якова Сегеля с Александром Михайловым в роли спортсмена-десятиборца. Но безусловным хитом стала комедия Георгия Данелия **«Мимино»** с искрометным грузинско-армянским дуэтом в лице Вахтанга Кикабидзе и Фрунзика Мкртчяна. В кинотеатре «Россия» в тот день состоялась встреча с творческой группой фильма. Из зарубежных картин выделю **«Семейный портрет в интерьере»** итальянского режиссера Лукино Висконти, предварительный показ которого состоялся во Дворце спорта в Лужниках 20—22 марта.

Кино по ТВ: «Стоянка три часа» (17-го), «Без вины виноватые» (18-го), «Джентльмены удачи» (19-го), «Мой папа — капитан», «Испытание верности» (20-го), «Конь, ружье и вольный ветер» (21-го), «Конец Любавиных» (23-го), «Девочка и эхо», «Секундомер» (24-го), «И это все о нем» (24—28, 30-го **премьера т/ф**), «Начальник Чукотки» (26-го), «Судьба барабанщика», «Фома Гордеев» (27-го), «Флиппер» (США, 27—31-го), «Друг Тыманчи» (28-го), «В день свадьбы» (29-го), «Африканыч» (30-го) и др.

Театральные премьеры: 17-го в МХАТе состоялась премьера спектакля **«Эльдорадо»** с участием Ии Саввиной, Андрея Мягкова, Анастасии Вознесенской и др.: 19-го в Театре на Малой Бронной — **«Веранда в лесу»** с участием Ольги Яковлевой, Станислава Любина, Олега Даля, Ольги Остроумовой и др.; 23-го в филиале Малого — **«Головокружение»**; 25-го в Драмтеатре имени Станиславского — **«Первый вариант Вассы Железновой»** с участием Аллы Балтер, Георгия Буркова, Елизаветы Никиши-

хиной и др.; 30-го в Театре им. Ермодовой — **«Лодка в лесу»**; в Театре-студии киноактера — **«Гармония»**.

Эстрадные представления: 20—26-го в ГТЭ выступал рижский ВИА «Модо»; 24-го — в «Октябре» пела Мария Лукач; 25—26-го там же — испанский певец Мичел; 26, 28, 30-го — в ГЦКЗ «Россия» продолжал выступать Аркадий Райкин со спектаклем **«Зависит от нас»** («Дерево жизни»).

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты — **«Песняры»** («Белоруссия», «Беловежская пушка», «Вологда» и др.); **«Ялла»** («Песня о Ташкенте», «Пой, друг, в руках джигита», «Песня друзей» и др.):

миньоны — **«Лейся, песня»** («Наше лето» Б. Рычков — А. Днепров, «Я вижу тебя» И. Якушенко — Л. Ошанин, «Вот увидишь» В. Добрынин — И. Шаферан, «Нам с тобою по пути» Б. Майоров — Д. Усманов, солист — В. Андрианов); **«Скоморохи»** («В полях под снегом и дождем», «Наш старый дом», «Песня шута»); **«Голубые гитары»** («Весенняя бессонница» Г. Мовсесян — Л. Ошанин, «Кольца обручальные» О. Фельцман — Н. Олев, «Ожидание любви» И. Гранов — Л. Дербенев);

диски-гиганты — **«Поет Мирей Матье»** (4-й диск в СССР, со шлягером «Чао, бамбино, сори»).

Журнал **«Кругозор»** (№ 3): «Поет ВИА «Гая»: «Песни из т/ф «Собака на сене» (исполняют: М. Боярский, Н. Караченцов, А. Джигарханян); «Поет Демис Руссос» («Сувенир» С. Флавианос — Р. Костандинос, «Голубая Бахия» Р. Рупен — А. Силвер, «Падающий» Р. Рупен — А. Саймог).

1978

Апрель

Женился Юрий Чернов. В Москве поймали квартирных воров. Дипломат Аркадий Шевченко замыслил побег. Брежнев в Чите: воспоминания о молодости. Начались съемки фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Почему Михаил Боярский чурался Валентина Смирнитского. Как летчики Быково выручили Высоцкого. «Женщина, которая поет»: в Тольятти снимают народ. Побег Аркадия Шевченко. Сына беглеца отзывают в Москву. Орден для Галины Брежневой. Как Алла Пугачева расплачивалась с Эдуардом Ханком. Актерский роман: Малявина — Жданько. В Москве избили дружинников. Бунт «мушкетеров». Ограбление в Нижневартковске. Ереванские грабители истратили первые 100 тысяч рублей. Письмо Аллы Пугачевой. Гибель Станислава Жданько. Алла Пугачева справляет день рождения. Дочь Михаила Горбачева выходит замуж. Начали снимать «Обыкновенное чудо». В Нижневартковске ищут грабителей. Москва обсуждает гибель Жданько. Высоцкий в Белгороде. Нижневартковск: ложный след. Минздрав предупреждает: курение опасно. Александр Митта подбирает «экипаж». Страсти по ВИА. «Машина времени» записывает свой первый альбом. Как советские ПВО сбили пассажирский «Боинг». Нижневартковск: признание грабителя. Как нашли «Боинг». Щелоков угрожает КПК. Банда из Юрмалы. Советское киноискусство несет потери: умерли киношная Анка-пулеметчица и Иван Перверзев. Крик души Михаила Ульянова. Неласковый прием советских хоккеистов в Праге. «Сиськи-масиськи» от Брежнева. Елена Проклова на съезде ВЛКСМ. Закрыли фильм «Ошибки юности». Как Миша Ефремов потерял невинность. «Место встречи изменить нельзя»: заказчик утверждает кинопробы. Проклова: хождение по ресторанам. Владислав Дворжецкий на даче. Умер Роман Кармен. За что Евгения Мартынова забрали в милицию. Высоцкий в Запорожье. Вышла книга Брежнева «Возрождение». Новое мороженое — «Филевское». Как власти боролись с Пасхой. «Д'Артаньян и три мушкетера»: съемки вперемишку с гулянками. Как Лев Дуров шокировал Львов. Как взяли банду из Юрмалы. Чемпионат мира по хоккею с шайбой в Праге: наши в лидерах.

1 апреля в Москве женился актер Юрий Чернов, известный широкому зрителю по роли двоюродного брата Сыромятникова из фильма «Доживем до понедельника». Это был второй брак актера — с первой женой он развелся несколько лет назад. С нынешней женой — Валентиной — Чернов познакомился в ГИТИСе, где он заочно учился на режиссерском факультете, а она была аспиранткой. По иронии судьбы, в день свадьбы Чернов играл в Театре миниатюр роль... жениха в спектакле «Точка зрения». Отыграв спектакль, Чернов отправился с невестой в загс уже по-настоящему. Свадьбу иг-

рали в коммуналке, где жил актер. Но брачная ночь у молодоженов прошла в более приличных апартаментах — в роскошной квартире подружки невесты.

В Москве в те дни задержали квартирных воров. Причем задержали случайно. Те действовали весьма профессионально: один из них залез на балкон второго этажа и затаился там, а второй встал у дверей подъезда, ожидая, когда оттуда на работу уйдет хозяйка намеченной к ограблению квартиры. Однако женщина оказалась глазастой: уже находясь в коридоре перед выходом из дома, она в последний раз взгляну-

ла в зеркало, поправляя прическу, и увидела в нем, как на балконе мелькнула чья-то тень. Хозяйка предпочла не играть с огнем и, вместо того чтобы лично проверить балкон, сочла за благо набрать «02». Минут через пять из 82-го отделения милиции к месту вызова подкатила милицейская «канарейка». Стражи порядка свалились на воров, как снег на голову. Одного повязали у подъезда, а другого на балконе. Тот сидел на приступке и все никак не мог дожидаться, когда же хозяйка покинет квартиру. Легко представить его физиономию, когда на балкон к нему вышли двое милиционеров.

А теперь покинем Москву и перенесемся в Нью-Йорк. Советский дипломат Аркадий Шевченко все эти дни мучительно размышлял о том, чем вызван его срочный вызов на родину (как мы помним, шифровка пришла 31 марта). Причин для вызова могло быть две: либо КГБ разоблачил его предательство, либо во всем виновата его жена. Последняя пряталась с супругой Громыко и под ее патронатом занималась спекуляцией: покупала в США женские меховые изделия и антикварные вещи и пересылала через знакомых жене министра для последующей перепродажи в Москве по завышенным ценам. Шевченко много раз пытался отвадить свою жену от этого опасного бизнеса, но та и слышать ни о чем не хотела. Говорила, что за спиной такого человека, как жена Громыко, ей ничего не страшно.

В результате долгих раздумий Шевченко пришел к выводу, что жена тут ни при чем. Он хорошо был осведомлен о всех последних интригах внутри Политбюро и знал, что позиции Громыко по-прежнему сильны. А отсюда следовало, что наезжать на жену министра КГБ не имел никаких оснований. «Значит, им известно, что я работаю на ЦРУ», — сделал вывод Шевченко. В воскресенье 2 апреля он связался со своими хозяевами из ЦРУ и назначил им срочную встречу на конспиративной квартире в Манхэттене. Там, изложив им свои опасения, дипломат попросил предоставить ему политическое убежище в США. Цэрэушники возражать не стали. Был разработан план: Шевченко дает в Москву телеграмму, что он собирается вылететь на родину в конце недели, как только закончит неотложные дела в Комиссии ООН, а ЦРУ утрясет «наверху» все детали его побега,

который состоится в четверг, 6 апреля. На том и расстались.

Леонид Брежнев тем временем находится в рабочей поездке по Дальнему Востоку. 3 апреля он посетил Читу. В 1935—1936 годах он проходил там службу в танковой части, расположенной в поселке Песчанка близ Читы. Естественно, генсек не мог не заехать в родное ему войсковое подразделение. Встреча оказалась на редкость теплой. Брежнева провели по территории части, которая за прошедшие годы изменилась до неузнаваемости, показали казармы, столовую, отвели в музей. Особое умиление у Брежнева вызвала огромная экспозиция, посвященная лично ему: на стенде имелась даже газета с заметкой про него, да еще снабженная портретом. Растроганный генсек написал в журнале посещений несколько строчек: «Спасибо за то, что вы храните традиции воинов, защищавших нашу Родину в дни Великой Отечественной войны. Будьте же достойны тех, кто, не щадя своей жизни, свято сражался и защитил рубежи Советской Родины...»

На следующий день Брежнев посетил станцию Сковородино в Амурской области, где встретился с передовиками БАМа. Его поездка по Дальнему Востоку продлится до 8 апреля, и за эти дни генсек посетит следующие пункты: Хабаровск (5-го), Владивосток (6-го), Комсомольск-на-Амуре (8-го). 7 апреля Брежнев побывает на Тихоокеанском флоте.

В понедельник, 3 апреля, во Львове начались съемки фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Они едва не сорвались из-за нелепой случайности. Михаил Боярский специально отращил длинные усы, которые выглядели просто блестяще — даже закручивались на кончиках. Но буквально за час до съемок случилась беда. Симпатичная гримерша решила подвить кончики усов, а Боярский из озорства ушипнул ее за упругую попку. Девушка взвизгнула и сожгла один ус начисто. Боярский чуть не умер от расстройств. Успокоившись, он попросил девушку сделать хоть что-нибудь, иначе режиссер его просто убьет. И гримерша наклеила ему искусственный ус.

Съемки начались с натуральных эпизодов. Снимали эпизод драки д'Артаньяна с Рошфором из начала фильма. Там герой Боярского, спасаясь от людей Рошфора, должен был выпрыгнуть с деревянной балюстрады на уровне

пятого этажа и приземлиться на стог сена, под которым были спрятаны картонные коробки. Естественно, за актера этот прыжок должен был осуществить каскадер. Но Боярский внезапно решил прыгнуть сам. Настаивал на этом решительно: дескать, мой герой ничего не боялся, значит, и мне негоже прятаться за спину каскадера. Короче, ему разрешили. Далее слушаем рассказ Г. Юнгвальда-Хилькевича:

«Смотрю наверх, а Боярский стоит на антресоли бледный. Думаю: не прыгнет. А он разбежался и... Я только успел скомандовать: «Камеры. Мотор!» И... Ба-бах! Боярский уже внизу. Провалился в сено. На площадке воцарилась тишина. Все замерли. Наконец показалась его голова.

Спрашиваю:

— Миша, ты как? Ноги? Руки? Целые?

Он:

— Все в порядке. А сколько за трюк платят?

У всех — гора с плеч, отвернулись, разговариваем. Вдруг слышу за спиной: БА-БАХ! Поворачиваюсь, а это, оказывается, Боярский прыгнул второй раз. Без камер, без всего, просто так.

— Миша, ты что? С ума сошел?

А он мне:

— Первый раз ничего не понял. Я должен был это почувствовать.

Говорил, что хотел заработать друзьям на ресторан. Но на самом деле себя на прочность пробовал...»

В первые дни съемок с Боярским случилась еще более забавная история, когда он всячески сторонился своего партнера Валентина Смирнитского, игравшего Портоса. Спросите, почему? Дело в том, что по дороге во Львов кто-то из коллег Боярского предупредил его, что Смирнитский — «голубой». То ли подшутить хотел, то ли просто передавал чью-то сплетню. В итоге Боярский поверил. Послушаем его собственный рассказ:

«Впервые встретившись со Смирнитским на съемках, я держался в сторонке от него, чтобы, не дай бог, чего не случилось.

А он мне:

— Ты чего как козел бегаешь?

Я говорю:

— Я не бегаю.

А сам от него еще дальше.

— Пить-то будем? — спрашивает.

Я говорю:

— Будем.

Сели мы за стол, выпили одну, вторую, третью, пятую... седьмую... десятую... Потом артисты подошли, вокруг нас столпились. Я жил в той гостинице, где мы пили, а Валя — в другой. Кто-то предложил продолжить. Опять выпили... пятую, седьмую.

Потом ушел один артист, следом — второй, третий.

Проснулся я в объятиях Вальки. У меня была всего одна койка. Мы с ним так нажрались, что обнялись и по-родному легли в постель. Но ничего не произошло, и я понял — не верь слухам...»

В те дни Владимир Высоцкий должен был прилететь с краткосрочными гастролями (на три дня) в Кривой Рог. Его концерты должны были состояться в тамошнем цирке в период с 6 по 8 апреля. Все билеты были распроданы заранее, и люди буквально считали минуты, остающиеся до встречи с их кумиром. Как вдруг утром 6 апреля выясняется, что аэропорт Кривого Рога не принимает самолеты. Узнав об этом, организатор гастролей позвонил в Москву администратору Высоцкого Владимиру Гольдману: «Делай что хочешь, но Высоцкий должен быть сегодня!» Тот в ответ: «Но мы уже опаздали...» «На первый концерт. А остальные надо спасти!» Делать нечего, и Гольдман с Высоцким мчатся в Быково. Там они договариваются с пилотами, и те организуют для них спецрейс. Летели на маленьком самолетике: пилот, стюардесса, Высоцкий и Гольдман. В Кривом Роге их посадили на военном аэродроме. Там случается забавный казус. На Гольдмане была французская кепочка-восьмиклинка, подаренная ему Высоцким, да еще в руках он держал гитару. Поэтому толпа встречающих, спутав его с Высоцким, бросилась к нему. Но Гольдман их быстро осадил: «Высоцкий — сзади, а я его администратор...» В тот день Высоцкий дал три концерта: в 15.00, 18.00 и 21.00.

Алла Пугачева в те дни находилась на гастролях в Тольятти. В этот же город приехала и съемочная группа фильма «Женщина, которая поет», чтобы произвести досъемки. Они стали необходимы после того, как Госкино отказалось принимать фильм в первоначальном варианте. Сказано было следующее: «У вас в фильме одна Пугачева, а где же народ?» Генеральный директор «Мосфильма» Николай Сизов дал за-

дание режиссеру фильма Александру Орлову ехать на концерты Пугачевой в Тольятти и снять побольше зрительских планов. Орлов покинул Москву не в самом благостном расположении духа: 4 апреля приказом того же Сизова ему был объявлен выговор и снижено постановочное вознаграждение на 20% за срыв сроков сдачи фильма. 6—7 апреля съемочная группа побывала на двух концертах Пугачевой и сняла все, что нужно: саму певицу и, главное, зрителей.

6 апреля в Нью-Йорке состоялся побег Аркадия Шевченко. Произошло это во второй половине дня. Шевченко из рабочего кабинета, расположенного в миссии ООН, позвонил своей жене и сообщил, что к обеду вряд ли успеет, и просил садиться за стол без него. Затем он собрал личные досье на сотрудников миссии и сунул их в портфель. Туда же положил и фотографию, на которой были запечатлены его жена и супруга министра иностранных дел Лидия Громыко. После этого Шевченко написал письмо, адресованное жене и близким. В нем были такие строчки: «Я в отчаянии. Я не могу жить и работать с людьми, которых ненавижу, ни в Нью-Йорке, ни в Москве...»

Спустившись вниз, Шевченко сел в свой служебный «олдсмобиль». Шофер быстро домчал его до дома. Когда Шевченко вошел в квартиру, жена уже крепко спала. Стараясь не разбудить ее, дипломат наскоро собрал необходимые вещи, просунул конверт с письмом под дверь спальни и навсегда покинул дом. На улицу он вышел не через парадный подъезд, а спустился по запасной лестнице. На другой стороне 64-й улицы его уже поджидал цэрэушный автомобиль с погашенными фарами. Спустя несколько часов беглец был уже в Пенсильвании, в конспиративном доме в Поконосе.

Побег Шевченко обнаружился утром следующего дня, как только его жена прочитала оставленное им письмо. Для нее это было настоящим шоком: она ожидала от своего благоверного чего угодно, но только не такого шага. Передавая письмо коллегам супруга, она прекрасно отдавала себе отчет, что отныне их безмятежная жизнь закончилась. Так оно и вышло. Уже на следующий день ее первым же авиарейсом отправили в Москву. Туда же вызвали и сына Геннадия, который работал в Же-

неве. Сам он об этом вспоминает следующим образом:

«Я находился в заграникомандировке в Женеве, являясь членом делегации СССР в Комитете по разоружению. В субботу, 8 апреля, меня вызвал посол В. Лихачев и сказал, что нужно отвезти секретный пакет в МИД СССР, а затем вернуться назад. Я был срочно оформлен в качестве дипкурьера, получил пакет и на следующий день прилетел в Москву. В аэропорту Шереметьево таможенники держали меня в течение часа, проверяя мои документы, хотя я имел и диппаспорт, и дипкурьерский лист, где указывалось, что я еду по поручению министра и все должностные лица должны беспрепятственно пропускать меня, оказывать всяческое содействие.

В аэропорту меня встречали сотрудники МИДа. Мне не разрешили сесть в машину, в которой меня встречали родственники, а посадили в свою. Когда мы приехали в МИД, в кабинете заведующего отделом мне сообщили, что мой отец пропал и что сведения об этом поступили от американцев. По инициативе КГБ я написал письмо отцу с просьбой возвратиться в СССР...»

Это письмо, а также письмо жены, дипломату-беглецу передали 9 апреля во время встречи на Уолл-стрит посол СССР в США А. Добрынин и представитель СССР в ООН О. Трояновский. Оба они настоятельно рекомендовали Шевченко одуматься и вернуться в СССР. Но тот наотрез отказался это сделать. Сказал, что устал всего бояться, что хочет жить в демократическом обществе. А когда его коллеги снова затеяли уговоры, попросту оборвал их: «Прекратим все это!» По его же словам: «С меня было достаточно. Разъяренный, я ушел в личный кабинет Гросса (работник ООН. — Ф. Р.). Но и здесь все мои попытки успокоиться были напрасны. Закрыв лицо руками, я разрыдался, выплакивая всю свою злость, горечь, чувство потери и утраты...»

Говорят, когда министр иностранных дел СССР Андрей Громыко узнал про этот побег, он был в шоке. Шевченко считался его фаворитом, которому он лично протезировал и которого всегда высоко ценил. И вдруг — такое! Однако на тот момент положение Громыко в советской кремлевской иерархии было столь высоким, что никто даже намеком не посмел

упрекнуть его в побеге Шевченко. Более того, Брежнев именно ему доверил в те апрельские дни право вручить своей дочери орден Ленина, который Политбюро подарило ей к 50-летию. Произошло это так. Сразу после своего возвращения с Дальнего Востока Брежнев вызвал Громыко к себе в кабинет и сказал:

— Андрей, принято коллективное решение наградить мою дочь, Галину Леонидовну, орденом Ленина к ее 50-летию. Однако все куда-то запропастились, а мне вручать награду собственной дочери, сам понимаешь, несподручно. Поэтому это сделаешь ты.

— Но я ведь министр иностранных дел, — попытался было отбрыкаться Громыко.

— Ты — член Политбюро, — сказал, как отрезал, Брежнев.

В итоге награду Галине Брежневой вручил именно Громыко. В СМИ об этом, естественно, не было ни звука.

Продолжаются гастроли Аллы Пугачевой в Тольятти. В этой поездке певицу сопровождал композитор Эдуард Ханок, песни которого звучали в репертуаре популярной певицы. Он вспоминает:

«Алла вызвала меня в Тольятти неожиданно. Меня встретили просто по-королевски, поселили в шикарном номере. А тут и она приехала с концерта. Я рванул к ней. Она меня сразу остудила — взглядом, отношением. Молча так посмотрела, что я отскочил, как ошпаренный. Больше я к ней не подходил, и никаких репетиций, естественно, не было.

Уже перед окончанием гастролей я зашел к ней в номер. Она приехала с какого-то приема и была настроена очень благодушно. На столе лежало огромное по тем временам количество денег — сиреневые двадцатипятирублевки. Вдруг Алла поворачивается ко мне и спрашивает: «Ханок, ты сколько дней уже здесь?» Я отвечаю: «Семь!» Она говорит: «У нас в коллективе рабочий день стоит 25 рублей». С этими словами берет со стола деньги и отсчитывает мне семь бумажек по двадцать пять...»

В Москве продолжается роман двух актеров Театра им. Вахтангова — Валентины Малявиной и Станислава Жданько. Вот уже несколько месяцев про этот роман судачит вся столичная богема. Еще бы: 36-летняя актриса, побывавшая в любимых женщинах у таких звезд советского кино, как Александр Збруев, Андрей

Тарковский, Павел Арсенов, Александр Кайдановский, сумела вскружить голову 23-летнему начинающему актеру. Жданько влюбился в Малявину так сильно, что буквально не давал ей проходу, ревнуя чуть ли не к фонарному столбу. Когда она сломала ногу и несколько недель провела в больнице, Жданько ежедневно бегал к ней в больницу. Описывая свои чувства к актрисе, Жданько записал в своем дневнике следующие строчки: «Я делаю вид, что мне все равно, бросит она меня или нет. А на самом деле страшно боюсь, ревную и мучаю ее и себя. Я живу, и мне тошно, и мне жутко. Катастрофа неминуема...» Как в воду глядел.

Некоторое время назад Жданько купил в Новоарбатском магазине кухонный нож, который стал первым предметом в домашнем хозяйстве влюбленных. Однако нож затупился, и Малявина неоднократно напоминала Жданько, чтобы тот наточил его. Но тот постоянно забывал это сделать. 9 апреля, идя на работу в театр, Малявина заметила возле магазина «Диета», что на углу Плотникова переулка и Арбата, точильщика и прямо из театра позвонила домой, где остался Жданько (он должен был прийти на репетицию чуть позже). «Стас, сбегай к «Диете» и наточи наконец нож», — попросила актриса возлюбленного.

Через некоторое время, когда Малявина проходила мимо служебного входа в театр, на пороге нарисовался Жданько. Он широко улыбался. Посмотрев на себя в большое старинное зеркало у входа, он неожиданно достал из рукава тот самый кухонный нож и ловким движением секанул им себя по кончикам волос. В итоге в руке у него осталось несколько волосинок. Так он продемонстрировал любимой, что выполнил ее задание. Потом он засмеялся, спрятал нож в рукав и отправился на репетицию. Говорят, там он тоже не преминул покрасоваться этим ножом. В самый неожиданный момент извлек его и, направив на режиссера Евгения Симонова, угрожающе произнес: «Шеф, не дашь роль — убью!» Режиссер испугался, поскольку хорошо знал взрывной темперамент своего актера. Но тот обернул все в шутку. Пройдет всего лишь четыре дня, и этот самый нож станет героем уже не шуточной истории, а самой настоящей трагедии.

В понедельник, 10 апреля, Жданько должен был играть спектакль в Театре Моссовета. Но

ехать туда он не хотел из-за скверного настроения. Ему казалось, что все у него идет кувырком: в театре он играет проходные роли, в кино сниматься не дают (как мы помним, фильм «Ошибки юности», где Жданько сыграл главную роль, собираются положить на полку). Видя его грусть-тоску, Малявина перед спектаклем пригласила Жданько пообедать к своей маме. Она же вызвалась проводить его до театра. По дороге, видя, что он никак не может отвлечься от грустных мыслей, предложила: «Давай после спектакля сходим в ресторан ВТО, посидим там в веселой компании». Только после этого Жданько повеселел. Малявина проводила его до гримерной, а когда уходила, оставила у дежурной записку: «Ты живешь в Москве! (Жданько был родом из Сибири. — Ф. Р.). В самом центре ее! В знаменитом доме, где жили великие люди! Работаешь в лучшем театре нашей страны! Играешь хорошие роли! Тебе симпатизируют замечательные актеры нашего времени! И тебя любит, очень любит Валя М.!

Ты не должен грустить. У тебя все хорошо!...»

Пока Жданько играл в спектакле, Малявина находилась в учебном театре, где смотрела спектакль студентов-шукинцев по пьесе В. Шукшина «А поутру они проснулись». После его окончания поспешила назад к возлюбленному. Но едва с ним не разминулась, поскольку спектакль в Театре Моссовета закончился раньше обычного. Жданько уже заскочил в троллейбус и собирался ехать к учебному театру, как вдруг увидел в окне Малявину. Он тут же выскочил обратно. По пути в ВТО, на углу улицы Горького и Пушкинской площади, Жданько купил своей возлюбленной букет цветов. Однако вручив его актрисе, внезапно попросил: «Давай не пойдем в ресторан. Поедем лучше домой». Малявина согласилась.

Они успели пройти всего лишь несколько шагов, как вдруг встретили своих знакомых: бывшего однокурсника Жданько Попкова и его девушку. Увидев друга, Жданько обрадовался и стал рассказывать ему о своей недавней встрече с писателями-«деревенщиками» Василием Беловым и Валентином Распутиным. На что Попков насмешливо сказал: «И, конечно, ты был среди них главным?» Хорошее настроение у Жданько сразу улетучилось. Хотя он-то прекрасно знал, почему Попков его недолюбливал. Это была давняя история. Когда Ждань-

ко и Попков учились на первом курсе Школы-студии МХАТа, они внезапно увлеклись национал-социалистической идеей. Причем так серьезно, что повесили в своей общежитской комнате на Трифоновской флаг со свастикой (и это в Москве в начале 70-х!). В итоге разразился грандиозный скандал. Однако в этой истории все шишки достались одному человеку — Попкову, которого в результате выгнали из Школы-студии. А Жданько остался как бы в стороне. С тех пор их отношения и испортились. Жданько клял себя за трусость и при каждой встрече с другом (а их теперь было не так много) пытался загладить свою вину. Но у него это плохо получалось.

Вечером того же понедельника в Москве случилась драка: толпа подростков избила дружинников. Да так сильно, что те угодили в больницу. Произошло это возле бара на Вешняковской улице. Там практически каждый вечер собиралась местная шпана, которая считала себя полноправной хозяйкой близлежащих кварталов. Шпана вела себя вызывающе. К примеру, в тот вечер группа из пяти человек во главе с парнем по прозвищу Зеленый распивала в баре спиртное, ругалась. Администрация заведения вызвала дружинников. Последних было двое, поэтому их появление абсолютно не напугало хулиганов. Тогда дружинники вызвали подкрепление: наряд милиции из 82-го отделения. Но те повели себя более чем странно: мирно переговорили с Зеленым и его компанией, после чего удалились. А хулиганы продолжили свои художества. Они распоясались настолько, что Зеленый прилюдно отхлестал по щекам сидящую рядом с ним девушку. В конфликт вновь вмешались дружинники. И тут хулиганы предложили блюстителям порядка выйти на улицу и там переговорить. Предложение звучало угрожающе, но иного пути у дружинников не было: ведь за конфликтом наблюдали десятки глаз.

То, что произошло на улице, дракой назвать было трудно — это было форменное избиение. Пятеро хулиганов, среди которых один был мастером спорта по борьбе, напали на двух дружинников и принялись избивать их всем, чем только можно: руками, ногами, бляхами от брючных ремней. Когда один из дружинников попытался убежать, его догнали, свалили на землю и продолжили избиение. Били и приго-

варивали: «Будешь еще легавых вызывать?! Будешь?!» Избиение прекратилось только после того, как к месту драки вновь прибыл наряд милиции из 82-го отделения милиции. Только на этот раз хулиганов задержали (за содеянное их потом осудят). Что касается дружинников, то они больше месяца проваляются на больничной койке.

Во Львове, где продолжают съемки фильма «Д'Артаньян и три мушкетера», грянул первый скандал — взбунтовались актеры. Причем по делу. Дело в том, что директор картины Михаил Бялый решил сэкономить на них и поселил в гостинице «Колхозная». А сервис в ней соответствовал названию — то есть его там вообще не было. Прожив там пару дней, артисты решили, что с них хватит, и в знак протеста... завалились спать в номер «люкс» в другой гостинице, где жил режиссер Юнгвальд-Хилькевич. Послушаем его рассказ:

«Я прихожу к себе в номер после съемки, открываю двери и вижу: все артисты — у меня. На моей кровати торчат ноги в чулках — спит Рита Терехова. Ноги запачканы, потому что она туфли сняла и ходила босиком. На другой кровати спит Смехов, на третьей — Смирнитский. У меня был двухкомнатный номер с кучей кроватей и диванов. Я жил с женой Татьяной. Она у меня вторым режиссером была на картине.

Я захожу. Они проснулись. Смотрят на меня зло и молчат.

Я говорю:

— Понял. Сейчас директора приглашу.

Набираю телефон Бялого и говорю: «Михаил Абрамович, зайдите, пожалуйста».

Пришел Бялый. Я улыбаюсь ему и приглашаю войти. А сам вышел в коридор. Слышу за дверью дикий мат...

Через минуту выходит Бялый красный, как свекла:

— Ну что? — спрашиваю.

— Вы были правы, Георгий Эмильевич. Это очень хорошие актеры, им нужно сделать номера лучшие во Львове.

Ушел и расселил их тут же...» (Акторов поселили в одной из лучших львовских гостиниц, принадлежавших обкому, — «Ульяновск». — Ф. Р.).

В ночь на 12 апреля дерзкое преступление было совершено в городе Нижневартовске: там была ограблена касса Управления технологи-

ческого транспорта № 1. Касса охранялась двумя сторожами, но ни один из них не смог защитить казенные деньги, поскольку нападение оказалось внезапным. Нападающих было двое: как описывали их сами сторожа, это были молодые люди лет 25—30, в масках и с металлическими прутьями от арматуры в руках. А проникли преступники в помещение УТТ-1 следующим образом. В 3.20 утра они отжали ригель замка в двери столовой, которая была расположена на первом этаже. Оттуда они поднялись на второй этаж, где находились касса и бухгалтерия. В последней в тот момент находился сторож Барышев, а его напарник Краюхин отдыхал на раскладушке в коридоре перед холлом (Краюхин в ОВО не работал, а служил в УТТ-1 слесарем, а на дежурство его отрядили всего лишь на одну ночь). Барышева налетчики вырубili практически с первого удара, после чего один из них бросился на Краюхина, но тот стал защищаться — схватил стул и выставил его впереди себя. Однако спустя несколько секунд под ударами стального прута стул разлетелся вдребезги, и сторож упал, сраженный ударом по голове. Пока один из преступников связывал сторожей капроновой веревкой, другой вывел из строя внутреннюю сигнализацию. И только после этого грабители вошли в помещение кассы. Их целью был массивный сейф, в котором находилась крупная сумма денег — 75 тысяч рублей. Вскрыть стальной ящик на месте грабители не стали, предпочтя более изобретательный способ: они дотащили сейф до окна и сбросили его вниз. Затем тем же путем, которым пришли, выбежали на улицу и, подогнав к лежащему на земле сейфу автомобиль «ГАЗ-66», погрузили в него вожделенную добычу и укатили восвояси.

В 4.05 утра к зданию УТТ-1 подкатил автобус, из которого вышла вольнонаемная отделения вневедомственной охраны. Женщина поднялась на крыльцо и принялась энергично стучать кулаком в дверь. Однако на ее стук никто не отозвался. Тогда женщина повернулась к двери спиной и принялась стучать по ней каблуком. Но и тут никто не отозвался. Женщина вернулась в автобус. «Не пойму, спят они, что ли?» — обратилась она к водителю. «Да наверно, — ответил тот. — Мы же их сегодня в час ночи проверяли. Вот они и решили, что больше не заявимся, и завалились спать. Сторожа

ведь тоже люди». «Я им покажу, как спать на дежурстве, — выругалась проверяющая. — Сегодня же напишу рапорт».

Женщина ошибалась. Когда она барабанила в дверь, сторожа не спали: один из них — Барышев, — связанный по рукам и ногам, лежал в помещении бухгалтерии без сознания, а второй — Краюхин — тоже связанный, перекатывался по коридору, пытаясь добраться до бытовки, где мирно спала техничка. Автобус с проверяющей уехал, хотя по инструкции этого делать было нельзя: не достучавшись до сторожей, проверяющая должна была вызвать милицию, а сама обойти здание вокруг и удостовериться, что все в порядке. Если бы она это сделала, то сразу бы обнаружила беспорядок — открытую дверь в столовой. В итоге об ограблении в милиции узнали значительно позже, после того, как сторож Краюхин сумел-таки доползти до бытовки.

Около шести утра в УТТ-1 уже вовсю хозяйничала оперативно-следственная группа. Несмотря на то, что грабители не оставили на месте преступления ни одного отпечатка своих пальцев (работали в перчатках), других следов было предостаточно. Например, на линолеуме четко виднелись отпечатки их обуви: они наступили на лужу крови в бухгалтерии, и эти следы теперь были повсюду. Кроме этого, сыщики установили, что грабители знали, за чем пришли: в кассе стояло два сейфа, но преступники взяли именно тот, в котором хранилась зарплата служащих УТТ-1, привезенная на предприятие вчера (самое интересное, в первом сейфе тоже лежали деньги — 28 тысяч рублей, но грабители, видимо, про это не знали, поэтому даже не удосужились туда заглянуть, хотя сделать это было проще пареной репы: сейф был всего лишь заклеен полоской бумаги с печатью кассира). Значит, грабители либо сами были из местных, либо имели сообщника внутри УТТ-1. По словам одного из сторожей — Краюхина (второй — Барышев — находился в больнице с черепно-мозговой травмой) — грабители выглядели следующим образом: первый — возраст 20—25 лет, рост около 160 сантиметров, был одет в замасленную куртку синего цвета из ткани болонья, второй — высокого роста, плотного телосложения, в темной куртке. Лиц разглядеть не удалось, поскольку оба натянули на подбородок стоячие

воротники свитеров, которые издали сходили за маски.

Однако пора вернуться к рассказу о других грабителях — тех, что ограбили ереванский Госбанк. Минул почти год со дня этого громкого преступления, а сыщикам так и не удалось хотя бы приблизиться к разгадке этого ограбления. Преступники же этим пользовались, что называется, вовсю. К апрелю 78-го Николай и Феликс Галачяны успели истратить почти все имевшиеся у них 10-рублевые купюры, общая сумма которых составила 100 тысяч рублей. Однако у преступников еще оставались в запасе немалые деньги — почти 1 400 000 рублей, часть которых хранилась в поселке Мостовском Краснодарского края, а часть в Ереване. Но главным было не это: один из них — Николай — надумал избавиться от своего напарника, а также еще от одного сообщника, не принимавшего участия в ограблении, но знавшего о нем, — Завена Багдасаряна. Николай стал подыскивать киллера, который согласился бы отправить на тот свет двух человек. Но затем, поняв, что двойное убийство может привлечь еще большее внимание милиции, Николай от этой затеи отказался в пользу другой: он решил имитировать пожар в комнате, где якобы хранились украденные деньги. Поджечь комнату должен был некто Грант Варданян, которому Николай обещал за это дело 500 рублей. Свою просьбу Николай объяснил следующим образом: мол, они с компаньоном продали большую партию гашиша, но он, Николай, не желает с ним делиться, а хочет завладеть всеми деньгами, симитировав поджог. Но Варданян счел эту просьбу неэтичной и послал Николая куда подальше. А сам поджигать квартиру Николай испугался. Короче, страсти вокруг украденных из ереванского банка денег кипели поистине шекспировские.

Продолжают бушевать страсти и вокруг фильма «Женщина, которая поет». Вернувшись с гастролей в Тольятти, Алла Пугачева узнала очередные подробности битвы за фильм и 13 апреля села за стол — писать письмо главному редактору ГСРК Далию Орлову. В нем сообщалось следующее:

«Я полностью согласна с той оценкой, которую Вы и Госкино СССР дали фильму. Все опасения, которые я высказывала Вам перед запуском картины, к сожалению, оправдались.

На мой взгляд, необходимо кардинально переделать фильм и прежде всего:

1) убрать или значительно сократить эпизоды, художественное решение которых отдает «пошлостью» (шоу, репетиция шоу, телеинтервью);

2) найти пристойное драматургическое решение взаимоотношений героини фильма с мужем и Андреем, учитывая хотя бы фактуру актеров, снимавшихся в этих ролях (или перенять эти роли с другими актерами);

3) включить в фильм еще одну или две веселые песни, чтобы в музыкальном материале не возникало ощущение монотонности.

Есть у меня и другие предложения, но это главное.

Так как «Мосфильм» поручает переделывать фильм тем же автору и режиссеру, которые уже сняли один печально известный вариант, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой взять под свой личный контроль их предложения по переделке. Новые съемки выбивают меня из графика моей основной работы на эстраде, и я бы хотела использовать свое время действительно на дело».

В тот четверг, 13 апреля, столичные термометры зафиксировали 15 градусов тепла. И хотя это был не рекорд (в 1975 году в это же время ртутные столбики поднялись до отметки в 25 градусов), москвичи радовались: светило солнце, журчали ручьи. Между тем этот день стал последним в жизни актера Станислава Жданько.

Утром Жданько и Малявина посмотрели по телевизору первую серию герасимовского «Тихого Дона». Жданько знал, что Герасимов в эти дни готовится приступить к съемкам фильма «Юность Петра», и очень хотел сыграть в нем Меншикова. «Позвони ему, попроси за меня», — попросил он Малявину. Та не смогла отказать любимому, хотя с самого начала сомневалась в благополучном исходе такого звонка. Так и получилось: мэтр ответил, что на роль Меншикова он пригласил своего ученика Николая Еременко. Это было первое серьезное огорчение Жданько в тот день.

Второе случилось спустя час, когда они с Малявиной отправились в Ленком на спектакль «Вор», где главную роль играл их общий приятель — Виктор Проскурин. По словам Малявиной, после спектакля Жданько заметно сник, позавидовав другу: в отличие от него,

ему приходилось играть в Вахтанговском театре одни эпизоды. Затем влюбленные на время расстались: Жданько отправился за кулисы поздравлять с успехом друга, а Малявина поехала в театр, где намечался юбилей Юрия Яковлева. Однако торжества в самый последний момент перенесли на другой день, и Малявина зашла проведать своего отца. Оттуда она позвонила домой Жданько. Тот ее огорошил сообщением, что они с Проскуриным вот уже час пьют, отмечая успех «Вора». «Умоляю тебя, не напейся! — попросила Малявина возлюбленного. — Тебе же завтра ехать в Минск на съемки». (Жданько должен был сниматься на «Беларусь-фильме» в картине «Время выбрало нас»). На что Жданько ответил: «Валена, если ты хочешь, чтобы я не напился, приезжай ко мне. Мы ждем». Малявиной пришлось ехать, тем более что билеты в Минск были у нее. Она приехала к Жданько примерно через полчаса. Далее слушаем ее рассказ:

«Они с Витей много выпили, я не пила ни грамма. Видя, что я совершенно спокойно не пью, что за меня можно не волноваться, сам Стас захотел еще (Витя к тому времени уже ушел). А у него давление очень высокое, я ему запрещала. Завтра он должен был уезжать в Минск, настроение взвинченное, плохое. В дороге я ему купила бутылку «Гурджаани», и он стал просить ее открыть. Я видела, что он не в себе, но ведь никогда не знаешь, что будет потом. Мы сидели, он снова собрался уйти, в ресторан ВТО. Я возмутилась, встала, достала эту бутылку, открыла ее ножом, налила себе полный бокал, выпила демонстративно залпом, вышла на кухню и вылила все остальное в раковину. Чисто по-женски. Из принципа. Стою у окна, психую. Приблизительно в 21.30 я вошла в комнату и увидела, как Стас медленно валится с кресла на пол. Я помогла ему прилечь на ковер. Ножа я нигде не заметила. Кровь я вначале тоже не заметила, потом лишь увидела, что она сочится из его груди. Я зажала рану ладошкой, прижималась головой. Крови было мало. Я брала его голову, прижимала к себе, спрашивала его: «Стас, что с тобой?». Вначале глаза Стаса были открыты, и он смотрел на меня. Потом Стас прошептал: «Пойдем со мной...» После этих слов он добавил: «Голову...» Больше до приезда «Скорой помощи» ни одного слова он не сказал...»

Вызов на станцию «Скорой помощи» поступил в 21 час 33 минуты. Однако адрес был назван неверно, и врачи около получаса проплутали в арбатских переулках. Затем сами презвонили, уточнили адрес и только после этого прибыли к месту происшествия. Но спасти актера им было уже не суждено. Он умер. Впрочем, даже если бы врачи прибыли оперативно, печального исхода все равно бы избежать не удалось. Как затем установит следствие, удар 30-сантиметровым кухонным ножом (тем самым, который Жданько остро наточил у точильщика 9 апреля) был слишком силен, а рана оказалась слишком глубока — 9 сантиметров. Сердце было пробито насквозь. Направление удара резко сверху вниз, из-за чего была задета и печень. После этого пострадавший жил всего лишь несколько минут.

Все время, пока врачи хлопотали над погибшим, Малявина стояла рядом. Как только врач констатировал смерть, женщина внезапно схватила злополучный нож и с криком: «Я хочу умереть с тобой!» — попыталась вонзить его себе в грудь. Но ей это не удалось. Схватив нож за лезвие, она только поранила себе пальцы.

Вскоре к месту трагедии прибыл наряд из 60-го отделения милиции. Как и положено, был составлен протокол, соблюдены другие формальности. Пока все это происходило, врачи свозили Малявину в институт Склифосовского, где ей были наложены на руки швы. Затем женщину привезли в отделение милиции. Там ее подробно допросили. Однако в уголовном деле этот протокол впоследствии так и не появится: сначала про него «забудут», а затем и вовсе потеряют.

Между тем продолжает лихорадить Грузию. Как мы помним, в марте там была опубликована новая Конституция, в которой отсутствовала статья о государственном статусе грузинского языка. Народ воспринял это весьма болезненно. 14 апреля в Тбилиси состоялась демонстрация сторонников сохранения этой статьи в Конституции (среди собравшихся была в основном студенческая молодежь). Десять тысяч демонстрантов с лозунгами и транспарантами прошли по центру города и собрались у здания Дома правительства, где состоялся митинг. Площадь моментально была оцеплена милицией и войсками, однако отдать команду к разгону митинга власти испугались. Митингующие

объявили, что будут стоять на площади до победного конца. Победа пришла во второй половине дня. Чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений».

В субботу, 15 апреля, в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен (за март). Первое место в нем продолжал удерживать «медляк» Давида Тухманова «Остановите музыку». Единственной новинкой хит-парада была песня Стаса Намина и Владимира Харитоновы «Рано прощаться» в исполнении группы Стаса Намина. Несмотря на то, что песня была очень популярна на всех танцплощадках огромной страны, она почему-то скромно притулилась на последнем, 10-м, месте упомянутого хит-парада.

В этот же день Алле Пугачевой стукнуло 29 лет. Дата не круглая, но отмечена была с большой помпой. Вот как об этом событии вспоминает дочка именинницы Кристина Орбакайте, для которой этот мамин день рождения стал первым, который она запомнила:

«Мне тогда было почти семь лет, но я все очень хорошо запомнила. Я тогда жила у бабушки в Кузьминках. Вернулась из детского сада — а в доме полно людей. Квартира небольшая, двухкомнатная. Огромный стол поставили в гостиной. В гости к маме пришли музыканты из группы «Ритм», она тогда с ними работала. Я помню, что именно тогда, в 7 лет, на дне рождения мамы я поняла, что такое эстрадная община, и то, что, возможно, с такими веселыми, добрыми и талантливыми людьми я свяжу в дальнейшем всю свою жизнь. Помню, маме в тот день подарили смешного пузатого человечка, напоминающего Будду. Таких раньше в огромном количестве продавали. Ему в руки вложили плакат с какой-то прикольной надписью — что-то забавное о маме, не помню, что. У мамы тогда были длинные волосы, одета она была в коричневую юбку в клеточку, которую потом на меня перешили. Юбка была до полу, а тогда девочки не носили длинных юбок, так что я модничала...»

В этот же субботний день в Ставрополе первый секретарь тамошнего крайкома КПСС Михаил Горбачев и его жена Раиса Максимовна выдавали замуж свою единственную дочь Ирину. Невеста всегда была девушкой целеустремленной. Она прекрасно училась в школе и

окончила ее с золотой медалью. Занималась музыкой. К 16 годам прочитала всю отечественную и зарубежную классику, которая имела в родительской библиотеке. Легко поступила в медицинский институт. И практически сразу влюбилась: в своего однокурсника Анатолия Вагилянского. В конце четвертого курса молодые решили пожениться. На свадьбу было приглашено около полусотни человек, подавляющую часть приглашенных составляла молодежь. Гости танцевали под оркестр, который играл большинство тех шлягеров, о которых речь шла выше: «Остановите музыку», «Рано прощаться», «Горько», «Последний лист», «Все могут короли» и др. Короче, весь джентльменский набор ресторанного оркестра образца апреля 78-го.

В тот же день на «Мосфильме», в павильоне № 7, Марк Захаров приступил к съемкам фильма «Обыкновенное чудо». Съемки начались с эпизодов «в доме Волшебника»: Волшебник (Олег Янковский) и его жена (Ирина Купченко) готовятся к появлению Медведя (Александр Абдулов). На следующий день снимали первое появление Медведя в доме Волшебника.

А в Нижневартовске продолжают поиски преступников, совершивших налет на кассу УТТ-1. Весь город уже знал об этом ограблении, но достоверных сведений о нем было мало — прессы хранила стоическое молчание. Поэтому люди изошрались в сочинении разного рода небылиц: говорили, что одного из сторожей убили (на самом деле оба были живы, но один находился в больнице с тяжелой травмой головы), что похищено огромное количество денег (на самом деле всего 75 тысяч рублей), что милиция бездействует. На самом деле милиция работала. На следующий же день после преступления в город прилетел специалист из Москвы — старший инспектор по особо важным делам УУР МВД СССР полковник Азарных. Под его руководством в городе и окрестностях начала проводиться операция по розыску и задержанию грабителей. Был блокирован аэропорт: там тщательно проверяли вещи каждого уезжавшего из города пассажира. Был произведен облет окрестностей города на вертолете с целью обнаружения вскрытого сейфа. Со слов одного из сторожей — Краюхина — был составлен фоторобот одного из преступников и разослан во все отделения милиции

города и за его пределы. Кроме этого, сыщики пришли к окончательному выводу, что грабители — местные, да еще дилетанты. Опытные преступники не стали бы возиться с массивным сейфом, а открыли бы его на месте — замок на нем был не ахти какой.

А теперь вернемся в Москву. В здешних кинотеатрах состоялись премьеры нескольких фильмов, из которых назовем один: эстонскую молодежную драму «**Эта опасная дверь на балкон**» (с 3-го).

Кино по ТВ: «Сердца четырех» (1-го), «Они были первыми», «Неотправленное письмо» (2-го), «Сокол в орлином гнезде» (ВНР, 4—5-го), «Верись, не верись», «Кольцо с голубым сапфиром» (с субтитрами) (6-го), «Зеленый огонек» (7-го), «Паруса» (преьера т/ф 7—8-го), «Цемент» (8-го), «Семейное счастье» (9-го), «Хозяин» (10-го), «Воздухоплаватель» (11-го), «Тихий Дон» (11, 13—14-го), «Монолог» (12-го), «Капкан» (Румыния, с субтитрами), «Человек на своем месте» (13-го), «Ребята с Вороньей улицы», «Повторная свадьба» (с субтитрами), «Игрек-17» (Болгария) (15-го) и др.

Из других передач: «Утренняя почта», «Песня-78», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (1-го), «Вокруг смеха» (2-го), «От всей души» (9-го).

Театральные премьеры: 4-го в Театре им. Вахтангова был показан спектакль «**Чем люди живы**» с участием Владимира Этуша (он же и режиссер постановки), Василия Ланового и др.; 5-го в Театре Гоголя — «Дело»; в Театре им. Пушкина — «**Римская баня**»; 10-го в Театре сатиры — «**Замшевый пиджак**» с участием Владимира Козела, Зиновия Высоковского, Михаила Державина, Спартака Мишулина, Татьяны Егоровой и др.

Эстрадные представления: 2-го в Окружном Доме офицеров пела Капитолина Лазаренко; 4-го в «Энтузиасте» выступал ВИА «Аква-рели»; 4—8-го — в ГТЭ Геннадий Хазанов давал спектакль «Мелочи жизни»; 8—15-го — там же ВИА «Голубые гитары» показывал мюзикл «Красная Шапочка и Серый Волк»; 9-го в «Варшаве» пела Майя Кристалинская; 14—16-го в ЦДКЖ пел Владимир Макаров. 8—9, 12, 15-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись выступления Аркадия Райкина в спектакле «Зависит от нас» («Дерево жизни»).

Москва гудит от слухов в связи с гибелью актера Станислава Жданько. В те годы подобные случаи в творческой среде были не так часты. Лишенные правдивой информации, люди изошрялись в придумывании всевозможных версий случившегося. Одни уверяли, что Жданько был убит в пьяной драке, заступившись за честь известной актрисы Валентины Малявиной, другие утверждали противоположное — что сама Малявина и убила Жданько из ревности. И так далее.

Чиновникам из Министерства культуры и Госкино вся эта шумиха была не с руки: их больше устраивало, чтобы факты этого чрезвычайного происшествия не всплыли наружу. Поэтому ими будет предпринято все возможное, чтобы уголовное дело по факту гибели молодого актера было быстро закрыто. Вывод следствия был однозначный: самоубийство в состоянии аффекта. Что касается самого погибшего, то за его телом в Москву приехала мать — Александра Александровна (она воспитывала сына одна). Похороны Жданько прошли на его родине в Ярках, где его похоронили на кладбище рядом с могилами дедушки и бабушки. Была на тех похоронах и Валентина Малявина. Забегая вперед, сообщу, что спустя пять лет дело по факту гибели Жданько будет вновь открыто, и теперь уже все стрелки переведут на Малявину. В итоге ее осудят на 9 лет тюрьмы по обвинению в убийстве возлюбленного. Но это уже другая история. Вернемся в апрель 78-го.

17 апреля Владимир Высоцкий приехал в Белгород с краткосрочными гастролями (на три дня), переполошив чуть ли не весь город. Чтобы попасть на его концерты, люди организовывали круглосуточное дежурство у единственной в городе кассы филармонии. Желаящих попасть на те концерты было значительно больше, чем могли вместить концертные залы. Чтобы с его творчеством сумело познакомиться как можно больше белгородцев, Высоцкий согласился давать по нескольку концертов в сутки. К примеру, в первый же день он дал их целых три на сцене Дворца культуры завода «Энергомаш». В перерыве одного из них с гостем встретился работник местного радио М. Поляков, который вел рубрику «Портрет» и хотел сделать героем следующей передачи Высоцкого. По словам журналиста, «мы встрети-

лись в гримерной ДК. Мы сидели, пили чай, и я поразился, что Высоцкий такой невысокий, такой вроде тщедушный человек, но от него исходил такой напор, что казалось, роста он примерно два пятьдесят...

Высоцкий сказал: «Времени у меня мало. Хотите, попьем чай вместе? Только мы не будем говорить пространно, а будем говорить только на одну какую-нибудь тему». Я предложил поговорить о войне. Разговаривали мы минут двадцать. Я спросил его, как он пишет военные песни, не зная войны. Он ответил: «Нет, я помню войну, по ощущениям своим помню». Думаю, что проговорил он со мной так долго, хотя мог бы и послать подальше минут через пять, поскольку я сказал ему, что у меня сложилось ощущение, что он в большей степени поэт, чем актер. Этим я его «зацепил», видно было, что эта тема его очень волновала. Его очень, конечно же, задевало то, что многие считали его просто человеком сочиняющим — хоть и здорово — какие-то песенки...»

Эти гастроли Высоцкого не на шутку переположили белгородские власти. С их подачи, вскоре после того как Высоцкий уехал, в местной газете «Ленинская смена» появилась статья под названием «Левые радости». В ней Высоцкого объявят рвачом, погнавшимся за длинным рублем: мол, давая в день по несколько концертов, он не о людях заботился, а хотел исключительно одного — заработать «сумасшедшие» деньги. Досталось на орехи и тем, кто пробил на белгородском радио выход передачи «Портрет» с Высоцким: Полякова вызвали в обком и хорошенько пропесочили (был бы он членом партии, наказание было бы куда более серьезным), а человека, который разрешил выход передачи, сняли с должности секретаря парткома.

В Нижневартовске продолжают поиски преступников, ограбивших кассу УТТ-1. С момента преступления прошла ровно неделя, и у сыщиков, кажется, появились первые серьезные зацепки. Оказывается, один из сторожей — Краухин — говорил неправду: когда грабитель ударил его по голове металлическим прутом, он не потерял сознание. Но признаться об этом милиции сразу не решился — испугался преступников. По его словам, один из них однозначно его знал по работе в УТТ-1 (как мы помним, Краухин работал там слеса-

рем). «Когда я выскочил из холла в коридор, — рассказывал Краюхин сыщикам, — этот... который с прутом... мне показалось, что он испугался. Как будто узнал меня! Дело в том, что я работаю слесарем, и водителей, конечно, всех не знаю, а они, шоферы, нас, слесарей, знают лучше, потому что им приходится к нам обращаться. Поэтому я думаю, что преступника надо искать в гараже!».

Первым подозреваемым из числа водителей стал некто Уманов. Его внешность совпала с описаниями Краюхина, кроме этого он часто подвозил продукты в столовую УТТ-1, а значит, хорошо знал, как открыть ее дверь. Знал он и расположение комнат в самой конторе. Но главное — у Уманова не было железного алиби на момент ограбления. Сам он утверждал, что в это время спал в своей общежитской комнате. Но трое парней, живших с ним в этой же комнате, как один утверждали, что в ночь на 12 апреля Уманов дома не ночевал. Это же показывала и вахтерша общежития, заявившая, что Уманов ушел из дома 11 апреля вечером и возвратился лишь утром. Тут еще и Краюхин на очной ставке уверенно опознал в Уманове парня, который напал на него с прутом. В итоге Уманова посадили в КПЗ. Но, как выяснилось вскоре, зря. Правда обнаружилась на следственном эксперименте: Уманов вел себя таким образом, что сыщики однозначно определили — не он. Ведь настоящий преступник постарался бы запутать следствие, отвести от себя подозрения, а Уманов наоборот — всячески следствию помогал. А тут еще выяснились и другие подробности: оказалось, что все, кто утверждал, будто Уманова в ночь на 12-е не было в общежитии, признали, что ошиблись: парень не ночевал дома в предыдущую ночь.

Казалось бы, после такого провала сыщикам впору было отчаиваться. Но в тот же день, когда из КПЗ выпустили Уманова, в их поле зрения попал еще один водитель «без алиби». Это был 25-летний Байков, который два года назад был условно осужден за автодорожное происшествие. Несмотря на то, что сам он категорически утверждал, что в ночь на 12-е был дома, прокурор дал санкцию на проведение обыска в его квартире. Интуиция сыщиков не подвела: в доме Байкова были найдены ботинки, подошва которых в точности совпала с кро-

вавыми следами, оставленными одним из преступников на месте ограбления. В тот же день был задержан и второй преступник — некто Базов. Но оставим на время Нижневартовск и вернемся вновь в Москву.

На прилавках табачных киосков столицы в те дни появились новые сигареты «Ява». Вернее, сигареты были прежними, а вот на пачках появился новый «орнамент»: там красовалась надпись «Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья!». Вряд ли это предупреждение оказалось действенным. Скорее всего, ни один из курильщиков, прочитав эту надпись, не только не бросил курить, но даже не сократил количество выкуриваемых сигарет. Ведь курение — тот же наркотик. Если человек приобщился к этому делу, то его вряд ли можно было свернуть с этого пути какой-то надписью. Хотя в жизни, конечно, всякое бывает. К примеру, мой отец курил на протяжении 20 лет, причем самое тяжелое куруево — папиросы «Беломорканал». А потом взял и бросил. Прямо при мне скомкал пачку «Беломора» и выбросил ее в окно, сказав, что больше ни одну папиросу в рот не возьмет. И не взял. Я пошел дальше отца: за всю жизнь сделал всего лишь три затяжки в 15-летнем возрасте. Это дело мне так не понравилось, что с тех пор ни одна сигарета в мой рот не попадала. Зато два моих родных брата смолят как паровозы. Но это так, к слову. А пока вернемся в апрель 78-го.

На «Мосфильме» кинорежиссер Александр Митта готовится к постановке первого отечественного фильма-катастрофы «Экипаж». Идея подобного фильма пришла к Митте три года назад. Были найдены сценаристы — знаменитый дуэт в лице Юлия Дунского и Валерия Фрида, которые за короткий срок написали сценарий под названием «Запас прочности». Речь в нем шла о том, как экипаж «Аэрофлота», выполняя обычный рейс по доставке продовольствия и медикаментов для населения, пострадавшего от землетрясения, попалал в нештатную ситуацию — извержение вулкана, — но находил в себе силы с честью из нее выйти. Мало кто знает, но когда Митта пришел с этим сценарием к министру гражданской авиации Бугаеву, тот чуть ли не с порога заявил: «Никакого фильма-катастрофы не будет! Вы разве не знаете, что наша гражданская

авиация работает без происшествий?!». Но едва Митта сообщил, что речь в фильме будет идти не о катастрофе «у нас», а о землетрясении «у них», где наши летчики показывают себя настоящими героями, сердце министра оттаяло. «Тогда валяй, снимай. Чем можем — поможем», — напутствовал он режиссера.

18 апреля Митта посетил актерский отдел «Мосфильма», где тамошнее руководство порекомендовало ему сформировать «экипаж» из следующих актеров: Петр Вельяминов (командир Тимченко), Юрий Назаров (Ненароков), Михаил Кокшенов (Анатолий), Анатолий Кузнецов (Миша), Наталья Гвоздикова (Люся), Людмила Зайцева (Анна Максимовна). Как мы теперь знаем, ни один из этих, без сомнения, прекрасных актеров в картину не попадет, поскольку Митта сформирует другой «экипаж». Но об этом чуть позже.

Теперь от кино перейдем к музыке. В частности, к музыке вокально-инструментальных ансамблей (ВИА). Первый советский ВИА появился 12 лет назад: это был ансамбль «Поющие гитары» из Ленинграда. Создал его музыкант Анатолий Васильев, успевший до этого поиграть в эстрадных ансамблях под руководством Пожлакова и Броневицкого. Затем он создал собственный коллектив из пяти человек, вооружив их тремя гитарами, ударными и клавишными. Солистом должен был стать певец Анатолий Королев, но он в самый последний момент из группы ушел, видимо, не поверив в успех этого начинания. Тогда Васильев назначил солистами... всех музыкантов коллектива (отсюда и название — «Поющие гитары»).

Первое же выступление нового ансамбля привело публику в восторг. Что неудивительно: ничего подобного на советской эстраде еще не было. Ведь как до этого пели участники ансамблей: сгрудившись кучкой вокруг одного микрофона. А здесь у каждого исполнителя был свой микрофон, да еще присутствовал неизвестный доселе аппарат — ревербератор (он был собран из магнитофона «Яуза»). На волне успеха «Поющих гитар» в стране, как грибы после дождя, стали возникать и другие ВИА: «Веселые ребята», «Песняры», «Самоцветы», «Ариэль» и др. Настоящий бум ВИА выпал на середину 70-х, когда в стране уже работало несколько десятков тысяч профессиональных и

самодельных ВИА. Стали регулярно проводиться смотр-конкурсы ВИА, фирма «Мелодия» расширила выпуск пластинок с музыкой ВИА, поскольку такие «пласты» спасали ей план — приносили гигантские прибыли, раскупаясь, как горячие пирожки. Но к концу 70-х ситуация резко изменилась: если раньше любые пластинки с записями ВИА шли, что называется, в улет, то теперь покупатель стал разборчивее: выбирал только тех исполнителей, кто исполнял качественную музыку. Например, по-прежнему большим спросом пользовались записи «Песняров», «Веселых ребят» или группы Стаса Намина и совсем не раскупались пластинки с записями таких ВИА, как «Москвички», «Лада» или «Акварели». Приведу слова популярного композитора Давида Тухманова: в газете «Советская культура» за 18 апреля он заявил следующее:

«Наша молодежь очень интересуется грампластинками с записью ВИА. Однако спрос на советские пластинки не так велик, как следовало бы ожидать. Причина в том, что хотя фирма «Мелодия» и предлагает в большом количестве записи ВИА, эта продукция малоинтересна в художественном отношении и вовсе не отвечает современным требованиям звукозаписи...»

«Мелодия» могла бы приносить государству миллионные прибыли, если бы обратилась в другую сторону — к творчеству отечественных рок-групп, которых в конце 70-х было чуть поменьше, чем ВИА, но популярность у некоторых из них была не менее высокой. Взять ту же «Машину времени»: она существовала почти 10 лет (с 1969 года), про нее знали все меломаны Советского Союза, но ни одной пластинки коллектива издано не было (миньон с «Зодиаком» не в счет, там «Машина» выступала всего лишь как аккомпанирующая группа). Поэтому все записи коллектива распространялись по стране полуподпольно, через «магнитиздат» (то есть с помощью магнитной ленты). Так станет и с первым альбомом «Машины времени» «День рождения», который был записан в студии ГИТИСа как раз в те весенние дни 78-го.

Все началось с того, что Макаревич как-то прознал о том, что группа «Високосное лето» записывает альбом в учебной речевой студии ГИТИСа. И хотя оборудование студии было бедным — два СТМа, тесловский пультик и все, однако Макаревич искренне позавидовал

«Високосникам», получившим реальную возможность выпустить в свет настоящий СТУДИЙНЫЙ АЛЬБОМ. «Вот бы и нам такой», — подумал лидер «машинистов»... и вскоре получил реальную возможность свою мечту осуществить. В свое время в «Машине» играл Александр Кутиков, который теперь подвизался в «Високосном лете» и был на дружеской ноге с работником речевой студии ГИТИСа Олегом Николаевым. Прознав о мечте Макаревича, Кутиков вызвался помочь в ее осуществлении. Спустя несколько дней он сообщил ошалевшему от счастья «машинисту», что Николаев согласился отдать студию под нужды «Машины времени», а он сам готов быть на этой записи звукорежиссером.

Поскольку Макаревич в те дни работал в «Гипротее», ему пришлось упрашивать начальство предоставить неделю отгулов. Если бы начальство уперлось, страна потеряла бы великую вещь — первый студийный альбом «Машины времени». Но все обошлось: фортуна была явно на стороне рок-музыки, поскольку и четверо других «машинистов» (Евгений Маргулис, Сергей Кавагоз, Евгений Легусов, Сергей Кузьминок) тоже сумели отпроситься на своих работах на целую неделю. Писать предстояло по ночам, но это не пугало, а даже, наоборот, радовало — никто не будет мешать. Хотя публика на записи все равно была. Хипповая Москва прознала, что «Машина» пишется в ГИТИСе, и потянулась туда косяком. Правда, вели себя хиппари на редкость интеллигентно: сидели тихо в коридоре, потягивая из горла дешевый вермут.

Вспоминает А. Макаревич: «Первый день, то есть ночь ушла на настройку. Назавтра работа пошла. У нас не было определенной концепции альбома (мы в этом отстали от ленинградцев — они сразу начали мыслить альбомами). А мы просто хотели записать по возможности все, что у нас есть...

Технология была проста. Сначала на первом СТМе писалась болванка, то есть, скажем, барабан, бас и гитара. Если все получалось, то эта запись переписывалась на втором СТМе с одновременным наложением дудок и еще одной гитары. Если опять все получалось, то все переписывалось обратно на первый магнитофон с наложением голосов. Какое-либо микширование исключалось, вернее, происходило

в момент записи, и если кто-то сляжал, то приходилось начинать заново. Все приборы обработки состояли из сиротского пленочного ревербератора «Swisseecho», купленного случайно по газетному объявлению. Кутикову, конечно, за работу в таких условиях следовало тут же в студии поставить памятник...

Мы работали как звери. Может быть, с тех самых пор мы на студии постоянно работаем быстро, и это, кстати, не всегда идет на пользу конечному результату. Но тогда у нас были все основания спешить — никто не знал, сколько еще ночей у нас впереди, а успеть хотелось как можно больше. Помню странное ощущение, когда мы, измученные, опухшие и небритые, выходили на Арбатскую площадь часов в восемь утра (примерно в это время приходилось заканчивать), и я с удивлением видел свежих, выспавшихся людей, спешащих на работу, и всякий раз не мог отделаться от мысли, что у них уже сегодняшняя ночь, а у нас еще вчера, так как мы не ложились и отстали на сутки...

В ту сессию было записано 24 песни, большинство из которых вскоре ждет поистине звездная судьба: их будет распевать вся прогрессивная молодежь страны. Назову лишь несколько: «Марионетки», «День рождения», «Ты или я» («Солнечный остров»), «Маски», «Флаг над замком», «Песня о капитане», «Наш дом», «Это было так давно», «Телега», «Люди в лодках», «Снег».

В четверг, 20 апреля, в небе над Советским Союзом произошла трагедия: советским ПВО был сбит южнокорейский пассажирский самолет «Боинг-707», летевший из Франции в Южную Корею. На его борту находилось более ста пассажиров: корейцев, французов, японцев, немцев. А поводом к атаке на самолет послужило то, что он сбился с курса и нарушил территорию СССР в районе Мурманска. Как общал ТАСС: «Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО страны в ночных условиях эволюциями самолетов и бортовыми огнями неоднократно подавали ему команды следовать за ними для посадки на близлежащие аэродромы, однако самолет эти команды не воспринял и совершил посадку на озере в районе города Кемь Карельской АССР лишь через два часа после вхождения в воздушное пространство Советского Союза».

Как видим, в сообщении ТАСС не было ни слова об атаке «Боинга» советскими силами ПВО. Между тем советские истребители принуждали самолет-нарушитель ровно до того момента, когда пилоты блуждающего в карельском небе лайнера ни с того ни с сего «прозрели» и рванули в сторону Финляндии. Вот здесь и последовала команда: «Атаковать!». В 21.42 капитан Босов, преследовавший «Боинг» на «СУ-15», выпустил по нарушителю тепловую ракету. Но едва это случилось, как с ЦКП войск ПВО поступила новая команда: «Не сбивать, все выяснять». Но было поздно: самолет-нарушитель уже пошел на снижение по спирали. Однако «Боингу» повезло: лишившись одного из четырех двигателей и консоли крыла, он тем не менее сохранил способность продолжать полет и вскоре сел на замерзшее озеро. Часы показывали 23 часа 05 минут.

Но оставим на время замерзшее озеро в Карелии и перенесемся в Нижневартовск, где тамошним сыщикам за короткое время (всего 8 дней) удалось раскрыть дерзкое преступление — ограбление кассы УТТ-1. Как мы помним, преступников было двое — некие Байков и Базов. Их арестовали через шесть дней после ограбления, однако оба они категорически отказывались указать место, где спрятали сейф с 75 тысячами рублей. Наконец нервы не выдержали у Байкова. Когда 20 апреля полковник Азарных из УУР МВД СССР вызвал его на очередной допрос и сообщил, что его ждет за сокрытие важной информации, парень сломался. Он написал чистосердечное признание, в котором указал место, где спрятан сейф — у буровой за городом. В тот же день Байкова повезли к указанному месту.

Деньги нашли не сразу — Байков никак не мог вспомнить точно, где они с напарником спрятали сейф. Пришлось долго ездить вокруг да около. Ситуацию усугублял снег, который обильно сыпался с неба в тот день, сбивая со следа. Наконец он вспоминает, что ориентиром у них была береза, от которой надо было сделать несколько шагов в сторону. Пошли в этом направлении и, о чудо, — из-под снега ясно виднелся уголок белого ящика. Так за восемь дней было раскрыто преступление, всполошившее весь Нижневартовск.

На «Мосфильме» продолжают съемки фильма «Обыкновенное чудо». В павильоне № 7,

в декорации «дом Волшебника» снимают эпизоды из начала фильма: к примеру, 19 апреля сняли первую встречу Медведя (Александр Абдулов) с Принцессой (Евгения Симонова), на следующий день — разговор Принцессы и Волшебника (Олег Янковский), а 21-го вновь вернулись к эпизодам с участием Медведя и Принцессы. Затем в работе наступил трехдневный перерыв.

А теперь вновь перенесемся в Карелию, где совершил вынужденную посадку «Боинг» компании «Кореан эйр». Западные радиостанции только и говорят об этом происшествии, называя советских пэвэошников не иначе, как «воздушными пиратами». Советские СМИ пока хранят гробовое молчание (сообщение об этом появится только вечером 21 апреля в программе «Время»). Между тем утром того же дня на СКП ПВО творилось нечто невообразимое: туда прилетели чуть ли не с десятков самолетов и вертолетов, из которых на свет вылезли столько маршалов и генералов, сколько никогда еще здесь не бывало. Всех их пригнал сюда страх: они боялись понести ответственность за сбитый пассажирский самолет.

Тем временем «Боинг» находился в нескольких сотнях километров от СКП. Первым из советских военных к нему добрался старший прапорщик К. Крабан. Он заметил, что правое крыло самолета было повреждено при ударе о деревья, а вот нос был в целости и сохранности. Из четырех аварийных люков свисали надувные рукава аварийных трапов. Левое крыло было повреждено ракетой. Турбина на одном двигателе была заклинена, в фюзеляже самолета виднелись пробоины от осколков. Когда за прапорщиком подтянулись солдаты, он отдал команду окружить лайнер, а сам по резиновому желобу добрался до потайной ручки люка. Открыв его, Крабан проник в самолет. Послушаем его рассказ:

«В салоне стоял столбом дым от сигарет, запах спиртного. Некоторые пассажиры ходили, другие сидели с каким-то отрешенным видом, видно, в шоке. Среди пассажиров один был тяжело ранен в грудь, осколок прошил его насквозь, помощь ему никто не оказывал. Другой — на последнем сиденье — был убит осколком в висок, справа и слева места были свободны. У одной женщины осколком была отрезана пятка, и еще у нескольких человек были легкие

ранения, в том числе у двоих детей. Один из пассажиров, который сидел в конце салона, встал со своего места, когда мы с сержантом В. Коломийцем, разговаривая, осматривали убитого человека, подошел к нам.

Я ему говорю: мы русские. Он на ломаном русском языке сказал, что учился в Москве, и все время повторял: «Парис, Парис». Над каждым сиденьем в специальной нише находились журналы и газеты, на одном из них увидел карту мира с обозначениями международных авиалиний. Все стрелки показывали, что трассы сходились в Сеул. Я посчитал пассажиров (их было 110 человек и 13 человек экипажа) и подошел к кабине пилота, которая перед этим приоткрылась. Летчики сидели на своих местах также с отрешенным видом. Только командир самолета что-то проговорил на своем языке, оставшись сидеть на своем месте...»

21 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялась торжественное заседание, посвященное 108-й годовщине со дня рождения В. Ленина. Оно началось в 10 утра, а за несколько минут до этого за кулисами Дворца произошло следующее. Министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, заметив в толпе пришедших первого зама председателя КПК ЦК КПСС И. Густова, подошел к нему и громко, чтобы слышали все, сказал: «Кто позволил вашему работнику проверять членов Политбюро и их семьи? Таким не место в центральном партийном аппарате, и их надо убирать». Щелоков имел в виду контролера КПК В. Севастьянова, который, как мы помним, по заданию своего непосредственного руководства «наехал» на начальника столичного ГАИ Ноздрякова, обнаружив его секретную картотеку, в которой значились имена многих влиятельных людей, получивших за взятки спецталоны для частных автомашин. Возмущенный тем, что КПК посмел замахнуться на его людей, Щелоков пожаловался лично Брежневу, и тот дал «отбой» операции «спецталон». И хотя с того дня прошло около трех недель, Щелоков не преминул воспользоваться моментом, чтобы публично отчитать одного из руководителей КПК. Цель при этом преследовалась одна: люди должны были понять, что министр внутренних дел никого не боится. Люди это поняли.

А теперь из Москвы перенесемся в прибалтийский город Юрмалу. Там 21 апреля произошло громкое происшествие: неизвестные, позвонив домой гражданину Стренчу (фамилия изменена), потребовали выплатить им 10 тысяч рублей, в противном случае обещая крупные неприятности. Стренч не испугался и ответил отказом. Спустя полчаса рэкетеры привели в исполнение свои угрозы: проезжая на белых «Жигулях» мимо дома Стренча, они произвели несколько выстрелов из ружья и револьвера по окнам дома. Только благодаря счастливой случайности никто не пострадал. Стренч немедленно позвонил в милицию, а оттуда информация ушла в КГБ Латвии, поскольку в этом обстреле усмотрели политическую диверсию.

Оперативная группа КГБ прибыла на место происшествия во всеоружии. Были прочесаны ближайшие окрестности, осмотрен тротуар возле дома жертвы, его сад. В ближайшей от дома будке телефона-автомата были сняты десятки отпечатков пальцев в надежде, что среди них имеются и отпечатки вымогателей. Собрав необходимые вещдоки, чекисты вскоре уехали. А спустя час после этого в доме Стренча вновь раздался телефонный звонок. Тот же самый неизвестный, что звонил в первый раз, вновь потребовал от хозяина дома денег, но теперь куда более значительную сумму — 30 тысяч рублей. И опять грозил неприятностями. Стренч опять ответил отказом. Через час его дом снова обстреляли. Приехавшие по вызову чекисты обнаружили в стенах дома и в мебели три пули от нагана и несколько пуль, выпущенных из карабина. А в телефонной будке снова были сняты отпечатки пальцев. К утру эксперты установили, что некоторые из них полностью совпали со снятыми в предыдущий раз. Так в поле зрения КГБ попал некто Мартиньш-Райтис Зилбертс. Парню было всего лишь 20 лет, но он уже был дважды судим за хищение личной и госсобственности. В настоящее время Зилбертс не имел постоянного места работы, и в его гараже имелись «Жигули» белого цвета. Причем точно такая же машина была замечена не только возле дома Стренча, но и в местах совершения других преступлений, совершенных в Юрмале и ее окрестностях за последние несколько месяцев. Вскрылось, что эти «Жигули» были замечены в связи с целой вереницей поджогов и хищений автома-

шин в Цесисе, разграблений дач в Юрмале, квартирных краж со взломом в Риге.

22 апреля советское искусство понесло очередную утрату: ушла из жизни киноактриса Варвара Мясникова. За свою долгую жизнь в кино (а сниматься она начала еще в немом кинематографе — в 1928 году) Мясникова сыграла несколько десятков ролей, но поистине всенародную известность ей принесла роль Анки-пулеметчицы в фильме братьев Васильевых «Чапаев» (1934). Среди других более-менее известных ролей, сыгранных актрисой, были: Фея в «Золушке» (1947), мать Гринева в «Капитанской дочке» (1958). Прожила Мясникова 78 лет.

23 апреля отечественное кино лишилось еще одной своей звезды: из жизни ушел Иван Переверзев. Он стал известен широкому зрителю с 1940 года, когда сыграл красавца инженера Гришу в фильме «Моя любовь». С этого момента отечественный кинематограф стал вволю эксплуатировать прекрасные внешние данные Переверзева, и во всех последующих фильмах он играл красивых и мужественных людей самых разных специальностей: в «Морском ястребе» (1942), «Иване Никулине, русском матросе», «Это было в Донбассе» (оба — 1945) он играл военных, в «Первой перчатке» (1947) — боксера-самородка, в «Адмирале Ушакове» (1952) и в «Корабли штурмуют бастионы» (1953) — адмирала Ушакова, в «Сильных духом» (1967) — комиссара партизанского отряда, в «Прощай» (1967) — адмирала, в «Освобождении» (1970) — генерала Чуйкова и т. д. и т. п.

Несмотря на то что внешне Переверзев производил впечатление человека достаточно благополучного, эдакого ловеласа, в реальной жизни он был далек от этого образа. Да, любовных романов в его судьбе было множество, причем с самыми красивыми женщинами советского кинематографа (Надежда Чередниченко, Алла Ларионова). Однако в доверительных беседах с друзьями Переверзев признавался, что никогда не одерживал побед над женщинами и все его женитьбы — результаты побед женщин над ним. В киношной тусовке за Переверзевым даже закрепилось прозвище Строитель: разводясь, он обычно оставлял квартиру и все нажитое добро своей бывшей возлюбленной.

Несмотря на огромную популярность в народе, звания народного артиста СССР Пере-

верзев удостоился лишь на склоне жизни — в 1975 году. Говорят, так чиновники мстили актеру за его прямоту в суждениях. Одной из последних киношных работ замечательного артиста была роль дворецкого в телефильме «Чисто английское убийство» (1977). К тому времени, несмотря на то, что он бросил пить и курить, здоровье Переверзева было уже подорвано. Он даже не смог самостоятельно озвучить роль в этом фильме, и за него это сделал его старый друг Евгений Весник. Переверзев умер в возрасте 63 лет.

23 апреля благополучно разрешилась судьба пассажиров южнокорейского «Боинга-707», сбитого над территорией СССР три дня назад: все они были эвакуированы из поврежденного лайнера, и в Мурманском аэропорту их передали представителям генерального консульства США в Ленинграде и авиакомпании «Пан-Америкэн». В тот же день они покинули пределы Советского Союза, за исключением командира корабля Ким Чанг Кью и штурмана Ли Чын Сина, которые были задержаны в связи с проводимым расследованием. Признав свою вину за невыполнение международных правил полетов, летчики были прощены советскими властями и отпущены на родину.

23 апреля Владимир Высоцкий дал два концерта в ДК завода «Микрон», что в Зеленограде. Эти выступления были первоначально запланированы на 19 апреля, но по дороге к месту концертов Высоцкому внезапно стало плохо, и он вернулся в Москву. И только спустя четыре дня смог повторить свой выезд. С «Микрона» за ним прислали «Икарус», в который вместе с Высоцким сели его коллега с «Таганки» Иван Бортник и администратор Валерий Янклович с маленьким сыном. Когда автобус подъехал к Дому культуры, Высоцкий внезапно увидел большую афишу, объявляющую о его концертах, на которой снизу было приписано: «Фотоаппараты, магнитофоны проносить запрещается!» Высоцкого это задело. Это раньше он был против того, чтобы зрители его снимали и записывали на магнитофоны, а теперь пришел к другому выводу: лучше пусть записывают и слушают хорошую запись, чем трижды переписанную, где и слова-то разобрать трудно. Поэтому прямо в автобусе Высоцкий сделал Янкловичу выволочку: «Сколько это может продолжаться? Я же предупреждал! Если

такое снова повторится, я выступать не буду». В итоге Янклович отдал команду кому-то из работников ДК, и эту афишу сняли.

На том концерте каким-то образом оказался артист Михаил Ульянов. За несколько минут до начала концерта он подошел за кулисами к Высоцкому и, пожимая ему руку, произнес слова, которых от него, честно говоря, никто не ожидал. Это был своеобразный крик души. А сказал Ульянов следующее: «Спасибо тебе, Володя! Я сейчас снимаюсь у Панфилова в Суздале (в фильме «Тема». — Ф. Р.) — слушаю только твои песни. Благодаря им и жив. Так тяжело... И в театре — семнадцать лет в первом ряду одни и те же рожи!..»

24 апреля сборная СССР по хоккею с шайбой прилетела в Прагу, чтобы участвовать в очередном чемпионате мира и Европы. Из аэропорта наших ребят привезли в один из лучших пражских отелей, однако поместили не в самые лучшие номера — их окна выходили на трамвайную линию. Отдыхать из-за постоянного шума было невозможно. Руководители советской сборной терялись в догадках: то ли чехословаки таким образом хотели им насолить, то ли сделали это по недосмотру. В итоге уже через час вопрос был поставлен ребром: либо вы переселяете нас в другие номера, либо... Что означало это «либо», наши тренеры объяснить не успели, поскольку хозяева бросились выполнять их требования. И номера нашим спортсменам выделили самые лучшие.

После обеда советская сборная отправилась во Дворец спорта имени Фучика, чтобы провести там свою первую тренировку. За ней внимательно наблюдали канадские хоккеисты: как любопытные подростки, они сгрудились у бортика и с интересом смотрели на то, как тренируется один из главных фаворитов будущего мирового чемпионата. А через час уже наши ребята наблюдали за ходом тренировки канадцев, но это продолжалось недолго: спустя 15 минут нашим стало скучно, и они отправились ужинать. Закончился вечер в сборной СССР открытым комсомольским собранием, на нем был принят текст письма съезду ВЛКСМ, который открывался в Москве на днях. Наши хоккеисты обещали отдать победе все силы.

18-й съезд ВЛКСМ открылся 25 апреля в 10 часов утра в Кремлевском Дворце съездов. На нем с большой речью выступил Леонид Бреж-

нев. Речь была малопримечательной по сути, но обратила на себя внимание другим. Дело в том, что незадолго до съезда у Брежнева произошел микроинсульт, после которого у него было парализовано верхнее небо: оно не участвовало в артикуляции. Плюс к этому добавились и другие причины: наши стоматологи сделали Брежневу зубной протез, но из-за мозговой хвори генсеку трудно было с ним справляться. В итоге некоторые слова, произнесенные им со съездовской трибуны, обрели совершенно иное звучание. Например, слово «систематически» трансформировалось чуть ли не в «сиськи-масиськи», а «социалистические страны» в «сосиськи (извините) сраные». Все это сразу дало повод для язвительных анекдотов.

Одним из делегатов того съезда оказалась и популярная актриса Елена Проклова. Вступив в ряды ВЛКСМ еще в школьные годы, она с тех пор никоим образом связей с этой организацией не поддерживала. То есть членский билет в красной корочке у нее был, но взносы она не платила, поскольку то и дело пропадала на съемках. Однако на съезд ее все-таки пригласили не случайно: год назад Проклова стала лауреатом премии Ленинского комсомола. Накануне съезда актрису вызвали в райком комсомола и вручили новый с иголки билет, где были аккуратно проставлены все печати за якобы уплаченные членские взносы. Актриса вспоминает:

«На съезде я вдруг оказалась в мире, совершенно мне незнакомом, новом и прелюбопытном для меня. Он произвел впечатление такое же грандиозное, как несколькими годами раньше — мемориал на Мамаевом кургане. Больше всего с первых минут меня поразила степень организованности — еще бы, по контрасту с кинематографическим хаосом, со всякими нашими вечными нестыковками. Четкость, стройность, массовость, однородность были такими красивыми, такими вдохновляющими. Я все принимала за чистую монету: лозунги, которые скандировались всем залом, песни, которые пелись так же: дружным хором нескольких тысяч собравшихся молодых людей, хорошо одетых, радостных и оживленных... Первый день съезда прошел в эйфории полной. Вот так все должно быть, эти люди вокруг меня — лучшие в моей стране, они идут правильным курсом — прямо в светлое наше будущее, в коммунизм.

И обещанный этот коммунизм, который настанет в будущем, — один на всех, как царство небесное, можно было увидеть и потрогать собственными руками уже в настоящем времени... Я была совершенно ошарашена объемом льгот, свалившихся на меня. В моих руках кроме программы съезда, проектов резолюций и прочих деловых бумаг оказались талоны на дефицитные сапоги, колготки, сумочки кожаные — совершенно невиданные и недоступные для простых смертных. За ними я могла по билету какому-то в конвертике прийти в Кремль, в какой-то подвал. Там за мизерную денежную мзду меня грузили, как ишака, всякими прелестями жизни. В киосках Дворца съездов продавались книги — ну просто замечательные, которые я иначе бы никогда, ни на каком черном рынке, ни за какие деньги... В перерывах я приходила в буфет и ела икру ложками — за цену меньшую, чем брали с меня в театре за квашеную капусту...»

25 апреля была поставлена финальная точка в многострадальной судьбе фильма «Ошибки юности». Как мы помним, работа над картиной была завершена еще в конце прошлого года, но из-за придинок цензуры ленту пришлось неоднократно отправлять на переделку. Внося в свое творение правку, режиссер Борис Фрумин надеялся, что это поможет его детищу выйти на экран. Он не знал, то в Госкино давно было принято решение «Ошибки» в прокат не выпускать — фильм был крамольным не в отдельных своих кусках, а по сути. А спектакль с поправками продолжался. Картину трижды отправляли на исправление, а Фрумину объявили выговор — за то, что плохо слушает советы исправителей. Последний просмотр в Госкино состоялся накануне съезда ВЛКСМ, и был он чисто формальным. На тот момент один из актеров, сыгравший главную роль в фильме, — Станислав Жданько — ушел из жизни при весьма скандальных обстоятельствах, а сценарист фильма Эдуард Тополь подал документы на эмиграцию. Поэтому никто не сомневался в том, что фильм запретят. Так и вышло: Госкино выпустило приказ о бесперспективности продолжения работ по фильму, а все затраты на него предлагалось списать за счет «Ленфильма».

Тем временем режиссер Инна Туманян снимает в Ялте и Севастополе (с 6 апреля) под-

ростковую мелодраму «Когда я стану великаном». Главную роль в ней — восьмиклассника и поэта Петю Копейкина — исполняет сын Олега Ефремова Миша (кстати, его отец тоже играл в картине одну из ролей). Роль была положительная: 13-летний дебютант играл своего сверстника, который страдает от своего маленького роста и непрезентабельного вида, но тем не менее всегда находится в центре внимания и даже влюбляет в себя красавицу Машу Горошкину. Но кино и жизнь — вещи разные. Вот и Михаил в жизни являл собой несколько иной тип советского подростка, чем он показывал это на экране. Сын звездных родителей (его мама — Алла Покровская — тоже была актрисой), Михаил с детских лет доставлял им массу неприятностей. В 4-м классе его исключили из пионеров и выгнали из школы за то, что он раздел своего одноклассника и закрыл с девочками в раздевалке. После этого парня устроили в блатную школу — там учились дети разных «шишек», но он и там вел себя так же вызывающе. Начал курить, выпивать, стал организатором так называемой шоблядской партии, в которой отвечал за... контрразведку. На момент съемок в «Великане» эта партия как раз только-только организовалась. М. Ефремов вспоминает:

«На съемках «Великана» я потерял невинность. Это произошло в Ялте, мне тогда было тринадцать лет. В качестве моих учителей выступили тамошние проститутки. Причем не я их снимал, а они меня. Хорошенький мальчик, да еще артист. Им было любопытно...»

26 апреля в Останкино состоялось утверждение кинопроб для фильма Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Обсуждение было бурным. У заказчиков практически не было возражений против кандидатур Евгения Евстигнеева (Ручников), Светланы Светличной (сестра Груздевой), Сергея Юрского (Груздев), Леонида Куравлева (Копченый), Армена Джигарханяна (Горбатый), но вот в отношении остальных... К примеру, они никак не могли смириться с тем, что на роль Глеба Жеглова режиссер упрямо тянет Владимира Высоцкого, и постоянно «капали на мозги» Говорухину: «Найдите другого, найдите другого...» Говорухин поступил хитро: сделал микрофильм с участием Высоцкого и там же — кинопробы других актеров, кандидатов на эту

роль. Причем последних попросил специально играть плохо, чтобы не перебежать дорогу Высоцкому. В итоге заказчик был вынужден смириться с присутствием Высоцкого, тем более что за него заступились и высокие консультанты из МВД СССР.

Та же история была и с Владимиром Конкиным, которому предназначалась роль Володи Шарапова. Тут уж к отрицательному мнению заказчика присоединились и сами авторы романа — братья Вайнеры. Они наотрез отказывались видеть в роли бывшего разведчика исполнителя роли Павки Корчагина. «Ну какой из него, на хрен, фронтовик, да еще матерый разведчик!» — бушевали писатели. — Вот Губенко, Шакуров или Никоненко — это да, но не Конкин!». Однако Говорухин и здесь прибег к испытанному способу. Вместо перечисленных актеров, которые вполне могли «забить» Конкина, сделал пробы с менее подходящими на эту роль кандидатурами: Станиславом Садалским (ему потом достанется роль Кирпича) и Иваном Бортником (он сыграет Промокашку). Увидев эти пробы, Вайнеры отступили. Правда, против была еще одна сторона — заказчик, — но его удалось уломать с помощью другой хитрости. Вот как об этом вспоминает сам В. Конкин:

«Нам повезло: глава Гостелерадио Лапин уехал в служебную командировку в ГДР, чем мы с Говорухиным и решили воспользоваться. Заместитель Лапина был человеком восточным и, естественно, не оставался равнодушным к хорошему спиртному и красивым женщинам. Прознав про это, мы со Станиславом Сергеевичем приехали «на дело» с коньяком и двумя очаровательными девицами. Дамы знали свое дело — одна к замку на коленочки присела, другая уже рюмочку ему наливает, я анекдот рассказываю... А Слава Говорухин в это время лысиной подталкивал акт о приемке. Девицы ему что-то на ушко воркуют, мужик расчувствовался и подписал не глядя. В ту же секунду мы со Славой испарились из кабинета. Когда Лапин приехал из ГДР, он только руками развел — остановить процесс было уже невозможно...»

В Москве продолжается 18-й съезд ВЛКСМ. Его участница — Елена Проклова — вспоминает:

«На второй день съезда, 26 апреля, вскоре после начала заседания, сидящие рядом предложили мне сыграть в морской бой. Я думала,

что ослышалась. Я потрясла головой, переспросила, огляделась — и меня словно током ударило. В первый-то день я не различала никаких подробностей, не видела деталей, захваченная огромным чувством в целом, вообще. А на вторые сутки временная дальнорукость прошла, вернулась способность видеть не только панораму горизонта, но и различать мелкие предметы. Тут я просто обалдела...»

Как школьники какие-то, держа руки под партой, делегаты — кто бутербродом перекусывал, кто в этот самый морской бой резался, кто кроссворды решал, кто симпатичных женщин по залу высматривал... Господи, а как же судьбы страны, светлый путь ее молодого поколения?..»

Неожиданные открытия для Елены Прокловой на этом не закончились. В перерыве съезда к ней в фойе подошли несколько представительных молодых людей и предложили... сходить в ресторан, чтобы отметить знакомство. «А как же съезд?» — удивилась актриса. «А никто не заметит нашего отсутствия: мы договорились, что нас отметят», — последовал ответ. Но Проклова посчитала это приглашение за дурную шутку и продолжала отказываться. А молодые люди не отставали: «Лен, ты чего? Не зацикливайся, все так делают. Все нормально. Пошли». В итоге уговорили. Как вспоминает сама актриса: «Пошли мы с ними в ресторан, прекрасно пообедали. Потом не захотелось расставаться, пошли куда-то еще. И так до конца съезда... Кто-то нас там отмечал, а мы прекрасно кутили, разъезжая по всей Москве, по сети каких-то очень приятных заведений, известных моим новым друзьям. Приятность, впрочем, зависела не от того, что заведения были сугубо специальными. Ресторанов и кафе в Москве было много, но с ходу попасть туда, где уютно, где вкусно, — для этого требовалось что-то большее, чем простое человеческое желание, и большее, чем деньги за еду и питье. Хотя, кстати, и вопрос денег был не последним. Не очень-то тянуло в ресторан с моей атральной зарплатой... Но когда делегатские суточные оказались равны месячному заработку, разговор пошел совсем другой. Захотелось и в ресторан, и в Большой театр — а эта крепость была во много раз неприступнее, чем хорошее «злачное место». Только не для делегатов, им — милости просим, хоть каждый вечер. Тут

уж я постаралась почти ничего не упустить из репертуара. Мои спутники, впрочем, тоже...»

26 апреля в Праге стартовал 45-й чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой. Советской сборной в тот день достался не самый сильный соперник — команда США. Но есть такой фактор в спорте — «недооценка соперника». Он играет злую шутку даже с самыми сильными спортсменами. Наши ребята, видимо, вышли на эту игру именно в таком состоянии. И едва за это не поплатились. Советские хоккеисты четырежды выходили вперед, и американцы столько же раз сравнивали счет. На начало заключительного периода на табло значилась ничья — 4:4. При таком отношении к сопернику нам грозила потеря очков в первом же матче. Однако в последнем периоде наши ребята сумели переломить ход поединка и на одну американскую шайбу ответили сразу пятью. Итог — 9:5 в нашу пользу.

В тот же день популярный актер Владислав Дворжецкий справил свое 39-летие. Перед этим он в течение нескольких недель находился в Одессе, где выступал в спектакле «Сильнее смерти» по пьесе Б. Лавренева. Эта поездка вымотала его, поэтому единственным желанием актера было уединиться на своей маленькой даче в подмосковной Салтыковке. И уже на следующее утро после дня рождения Дворжецкий эту мечту осуществил: забрал из дома самое необходимое (еду, вещи, блокнот для записей и собаку) и отправился на дачу. А жена каждый день после работы его там навещала. По ее словам: «Я спешила туда с полными сумками, где на перроне в одно и то же время в сумерки в течение недели поджидал меня Влад. При походах на вокзал он опирался на огромную палку. Рядом неизменно собака — колли Карри, преданно его любившая. Казалось, в этот период они были одни в дачном поселке, где допоздна светились окна нашего домика.

Как он снимал напряжение, усталость? Углублялся в вязание, которое было всегда под рукой, даже в поездках. Меня забавляло, когда он с серьезным видом снимал мерку с меня, перед тем как начать вязать. А увидев у какой-то актрисы более модный силуэт, безжалостно распускал работу и начинал все сначала...»

В пятницу, 28 апреля, в Москве скончался выдающийся кинорежиссер Роман Кармен. В 1932 году он окончил ГИК и стал работать в

кино в качестве оператора и режиссера хроники. В 1936—1939 годах вместе с К. Макасеевым Кармен снимал эпизоды гражданской войны в Испании, затем создавал киновыпуски, посвященные борьбе китайского народа за независимость. Его фильмы пользовались большим успехом как у рядового зрителя, так и у кремлевских небожителей: к примеру, Кармена ценил сам Сталин. Когда в начале 40-х сын генсека Василий увел у Кармена жену-красавицу, Сталин приказал сыну вернуть супругу режиссеру. В 1945 году именно Кармен руководил съемками Нюрнбергского процесса, на основе которых затем создал как режиссер и сценарист фильм «Суд народов» (в 1947 году фильм был удостоен Сталинской премии).

В последующие годы Кармен создал еще около трех десятков публицистических фильмов, в том числе и первую советскую панорамную ленту «Широка страна моя...» (1958). Среди других фильмов режиссера: «Великая Отечественная» (1965), «Пылающий континент» (1973), «Сердце Корвалана» (1975) и др. Для телесериала «Великая Отечественная» (1978) Кармен снял два фильма: «22 июня 1941» и «Неизвестный солдат». Кармен умер на 72-м году жизни.

В тот день, когда умер Кармен, в Москве завершился свой работу 18-й съезд ВЛКСМ. На последнем заседании были избраны руководящие органы ЦК ВЛКСМ. Среди избранных в ЦК оказалась и Елена Проклова, для которой это событие стало настоящим шоком. Услышав свою фамилию, она вскочила с кресла и долго стояла между рядов, не веря в услышанное. Люди уже стали на нее шикать: «Да сядьте вы наконец! Успокойтесь!». Но актрису продолжала бить дрожь, губы ее непроизвольно выкрикивали бессвязные фразы: «Нет, ну как же это... Нет, я не могу... Я не понимаю, вы скажите им...» Успокоили Проклову только ее новые друзья, с которыми она в течение нескольких съездовских дней кутила в ресторанах. Они были людьми ушлыми и легко объяснили актрисе, что ничего страшного не произошло. «Ну, будешь ты членом ЦК, ну и что? Это же чистая формальность».

А вот популярному композитору и певцу Евгению Мартынову тот съезд ВЛКСМ запомнился другим — пребыванием в милицейском «обезьяннике». Он участвовал в концерте для

делегатов съезда, после которого был устроен шикарный банкет. Мартынов там, естественно, выпил, а потом сел за руль своего «жигуленка» (с ним был и его родной брат Юрий, тоже подшофе). Однако далеко уехать братья не смогли: Евгений попытался выехать из тесного бокса на улице и врезался в столб. Никто в этой аварии не пострадал, разве что машина оказалась слегка помятой да столб накренился. А тут откуда ни возьмись появились гаишники. Он приказали братьям вылезать из своего «жигуленка» и перебираться к ним в «воронок». Юрий возмутился: «Да вы что, не узнаете, кто перед вами? Да это же Мартынов! «Яблони в цвету», «Аленушка», не помните?» Но гаишники то ли не поверили, то ли любили другую музыку. Короче, братьев привезли в отделение милиции. Далее послушаем рассказ самого Юрия:

«Мы ведь как думали: приедем, Женя отзвонит своим генералам, я — комсомольцам, кому следует, и нас отпустят. Но вышло немного иначе. Вызывают меня сначала, давай протокол писать. Я им объясняю опять: «Мартынов, Евгений! Съезд! Что тут непонятно?» Вдруг слышим — Женькин голос доносится, красивый такой, звонкий: «Ты прости меня, люби-и-и-мая, за чужо-ое зло, что мое крыло счастье не спасло!..» Собралась вся ментовка: и фараоны, и бабы в милицейской форме, и гражданские с улиц... «Мартынов! — галдят. — За что же его посадили-то? Отпустите человека!..» Короче, пел Женька минут двадцать под радостные аплодисменты этой публики. Потом пришел начальник, глянул на все это дело, сделал нагоняй своим бестолковым подчиненным и нас к себе заволок: поставил бутылку водки, вытащил закуску, включил магнитофон, Женя ему свою кассету подарил... Домой нас развезли в милицейской машине уже к ночи, с песнями. А Женино авто на следующий день отремонтировали в том же отделении милиции ихние мастера...»

Владимир Высоцкий в те дни находился с гастрольями в Запорожье. 28 апреля, вместе с коллегой по «Таганке» Иваном Бортником и администратором Владимиром Гольдманом, он приехал в Мелитополь, чтобы на сцене концертного зала Глинки и Дворца спорта «Юность» дать несколько концертов вместе с ВИА «Фестиваль» (это он участвовал в записи

песен к фильму «Д'Артаньян и три мушкетера»), «Здравствуй, песня» и «Музыка» (ВИА выступали в первом отделении, Высоцкий — во втором). Вспоминает режиссер тех концертов Н. Тамразов:

«В Мелитополе я выхожу на сцену концертного зала — и замираю: зал на тысячу мест, а продано две тысячи билетов! Вот, говорят, «как сельди в бочке», — точно так было в этом зале. Люди не могли ни вздохнуть, ни пошевелиться. Я понял, что если хоть кто-нибудь сделает неосторожное движение, то может произойти давка. И я попросил, чтобы люди сидели абсолютно спокойно, чтобы не было никаких аплодисментов... А Володя стоял за кулисами, не очень понимая, что там происходит... Почему это я запрещаю людям разговаривать?!

После того (двухкомплектного) концерта в Мелитополе мы опоздали на концерт в Запорожье, опоздали на час сорок минут! Когда я вышел на сцену, начать было совершенно невозможно. Какая-то жуть! Все, что могло свистеть, — свистело. Все остальное топало ногами и кричало. Я пытался что-то «проявлять» — бесполезно. Я ушел за кулисы:

— Позовите Володю! Без него начать невозможно.

Володя вышел, поднял руку и сказал только: — Ребята, все нормально. Я — с вами.

Мгновенно все успокоилось...»

28 апреля свет увидела вторая книга Леонида Брежнева — «Возрождение». В ней речь шла о партийной и хозяйственной деятельности Брежнева в довоенные и послевоенные годы. Как и «Малая земля», эта книга стала обязательным предметом изучения во всех партийных и комсомольских организациях страны.

Но хватит о политике, лучше о вкусной и здоровой еде. В эти же дни появилось сообщение, что работники столичного хладокомбината № 8 начали выпускать новое мороженое — «Филевское». Новинка представляла из себя нечто доселе необычное: это был двухслойный пломбир с орехами и джемом (вместо последнего могло также использоваться варенье из клюквы или черной смородины). Кстати, к тому времени уже перестали выпускать некоторые сорта мороженого, имевшие устойчивый успех у покупателей: например, «Клюквенное» в стаканчике за 5 копеек, «Пломбир» на палочке за 11 копеек (в золотце).

В субботу, 29 апреля, православная Россия справляла Пасху. Все было, как обычно: в домах красили яйца, ночью состоялся крестный ход. А власти сделали все от них зависящее, чтобы отвлечь молодежь от участия в этих событиях: по ТВ до глубокой ночи крутили самую убойную развлекуху. В 19.55 началась премьера двухсерийной комедии Алексея Коренева «По семейным обстоятельствам», после которой (в 22.35) был показан «Бенефис Людмилы Гурченко». Едва он закончился, как в 23.50 начали крутить не менее рейтинговые «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Причем в этот выпуск специально вставили номера с участием мегазвезд западной эстрады: шведского квартета «АББА» и английской рок-группы «Смоки».

Между тем Вениамин Смехов 29 апреля приехал во Львов, чтобы, облачившись в мушкетерскую форму, отсняться в очередных сценах фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Съемки идут в ускоренном темпе, поскольку заказчик в лице Гостелерадио требует закончить работу в кратчайшие сроки — по 22 съемочных дня должно уходить на каждую серию (а их намечается четыре). И в этом бешеном ритме съемок актеры еще находили время для пьнянок и гулянок. Вот как об этом вспоминает режиссер Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Во Львове с утра они наряжались в свои мушкетерские доспехи и так жили весь день. Ходили в ресторан, в столовую, за пивом. Так и спали.

Приходят на площадку, от всех — амбре в сто лошадиных сил. Разозлился я и решил узнать, что у них такое происходит. Прихожу в «Ульяновскую» рано утром, стучу. Смотрю: все лежат кто в чем. Пьяные, грязь, бутылки. А Валя Смирнитский уже проснулся. Огромный такой стоит и маленькой тряпочкой трет стол. Стребают окурки! Такой чистюля...

Внимание к «Трем мушкетерам» было колоссальное. Во Львове следом за нами во время съемок ездила «Волга». Я никак не мог понять: почему? Решил, что просто какая-нибудь поклонница преследует кого-то из актеров. Потому что, кроме «Волги», еще целый автобус с женщинами, влюбленными в мушкетеров, не отставал от съемочной группы ни на шаг. Там были и жены высокопоставленных работников. Красотки, длинноногие. Каждый день гоня-

лись за нами в автобусе. Мы останавливаемся снимать, а они уже тут как тут. Где-то метрах в двадцати от замка, который мы снимали, раскидывалась скатерть, на ней выставлялись шикарные ужины, обеды, с выпивкой, конечно. Для нас это было настоящим мучением.

И что вы думаете? Оказывается, в той «Волге» была вмонтирована канистра размером с багажник, полная вина. С краником, к которому мои дорогие мушкетеры все время прикладывались...»

А вот как вспоминает о тех съемках актер Лев Дуров, который играет капитана королевских мушкетеров де Тревиля:

«Все говорят, что лошади дальтоники. Но я-то теперь знаю, что это неправда. Моя лошадь, к примеру, реагировала на голубой цвет. Почему-то ее раздражала эта ориентация. Как только видела голубые камзолы, начинала беситься, лезла на чугунную изгородь. А так как я уже на ней начал сниматься, подменить лошадь было нельзя. И вот в одном эпизоде высыпали голубые камзолы, лошадь, как водится, взбесилась и понесла. Мы снимали в старинном замке, который в советские времена переделали под Дворец бракосочетаний. И вот лошадь меня вынесла через арку дворца на главную улицу Львова, прямо в автомобильный поток. Представляете себе квадратные глаза автомобилистов, прохожих? Я — среди машин, в шляпе с перьями, шпага на боку, кресты на спине и на груди. Скачу, делаю вид, что так каждый день на работу езджу. Когда я подумал, сколько же можно так скакать, впереди показался милиционер-регулирующий. Я выбросил руку налево, для поворота, он совершенно ошалевшими глазами посмотрел на меня, остановил движение, показал мне палочкой, и я свернул. Получилось, что я сделал круг и въехал обратно во двор этого Дворца бракосочетаний. А там уже царил паника: «Куда делся Дуров?». Пришлось сказать, что я таким образом и сам размялся, и лошадь разогрел. Честно говорить никому не стал, потому что тут же представил, сколько было бы хохота, они издевались бы надо мной до конца картины. Зато в самом городе после этого случая много разговоров было!..»

Тем временем в Юрмале тамошние чекисты ищут рэкетиров, пытающихся вытянуть из гра-

жданина Стренча 30 тысяч рублей и дважды обстрелявших его дом. Как мы помним, один из преступников уже установлен — это 21-летний Мартиныш-Райтис Зилбертс без определенного рода занятий. К концу апреля установлены и остальные члены банды. Это: А. Кандерс, тоже безработный, Р. Тинте, только что получивший паспорт, Хардий Скрибановскис, уже прошедший первую «школу» в исправительной колонии, и Владимир Шатровский, тоже успевший отбыть наказание за хищение социалистической собственности. Банда базировалась в частном домике в Тукумском районе, который вожак — Зилбертс — купил некоторое время назад, судя по всему, на ворованные деньги. Там бандиты отрывались на полную катушку: устраивали оргии, отлеживались после грабежей, там же демонтировали краденые автомобили. Когда вся эта информация попала в руки чекистов, была дана команда на ликвидацию банды. Случилось это в ночь на 30 апреля.

В ту ночь трое преступников — Зилбертс, Кандерс и Тинте — намеревались отправиться в Цесисский район на очередное преступление. Братья бандитов решили на Псковском шоссе за поворотом на Цесис. Там белые «Жигули» должен был тормознуть патруль ГАИ, якобы под видом проверки документов. А в кустах должны были спрятаться чекисты во главе с подполковником Янсонсом. Но все планы пошли насмарку. Когда бандиты увидели на своем пути гаишников, нервы у них не выдержали, и они промчались мимо патруля не сбавляя скорости. Чекисты бросились в погоню.

В течение десяти минут преступники пытались оторваться от преследователей, выжимая максимальную скорость из своих «Жигулей», но все было напрасно. Когда они поняли, что таким образом им от погони не уйти, бандиты пошли на хитрость. Возле Иерики «Жигули» делают резкий поворот на боковую дорогу, надеясь, что преследователи на скорости проскочат мимо. Но маневр не удался: Зилбертс, сидевший на месте водителя, слишком резко вывернул руль, и его автомобиль покатился кубарем. Однако никто из бандитов не пострадал: Зилбертс и Кандерс вылезли наружу и спрятались в кустах, а Тинте бросился в лес. Первых двоих чекисты нашли почти сразу. Те притворились «шлангами»: мол, извините, превысили скорость, заплатим штраф. Чекисты спросили,

где третий, как его зовут. И вновь увертки: честное слово, не знаем, посадили по дороге. Но спектакль, разыгрываемый бандитами, прекратился, едва в кустах, где они до этого прятались, были найдены наган, карабин и патроны. Как установила потом экспертиза, именно из этого оружия был обстрелян дом гражданина Стренча. В итоге под тяжестью неопровержимых улик бандиты чуть ли не наперегонки начали давать чистосердечные признания. Из их показаний выяснилось, что оружие они добывали у некоего Виктора Римуса, проживавшего в Риге. О том, как будет проходить операция по его задержанию, я расскажу чуть позже, а пока вернемся в конец апреля.

Продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой в Праге. Как мы помним, советская сборная начала свой путь с трудной победы над командой США. Затем мы с меньшим трудом одолели не менее слабую сборную ФРГ — 7:4 (до третьего периода мы были впереди всего лишь на две шайбы, хотя в былые времена клали западных немцев на лопатки уже в первом периоде). Наконец, 30 апреля наша сборная играла с командой Финляндии. Эта игра началась для нас и вовсе провально: в первом периоде у нас последовали одно за другим четыре удаления, и финны в двух случаях сумели «распечатать» ворота Александра Пашкова. 2:0 — с таким счетом закончилась первая двадцатиминутка.

Во втором периоде наши ребята вроде бы проснулись и бросились на штурм финских ворот. Они произвели 17 бросков в створ ворот соперника, но Илонен стоял как скала — все отразил. Но, как говорится, капля камень точит. Ближе к середине периода силы Илонена иссякли, и ему одну за другой забили три шайбы (Жлуктов, Мальцев, Фетисов). В третьем периоде Харламов увеличил разрыв до двух шайб, но Порвари вновь возродил в финских болельщиках надежду, забив третью шайбу. Однако на большее сил у финнов не хватило. В конце периода дважды отличился Михайлов, доведя счет до 6:3 в пользу нашей сборной.

Из Праги вернемся в Москву. В здешних кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 17-го — «Обратная связь» Виктора Трегубовича с участием Михаила Ульянова, Олега Янковского, Людмилы Гурченко и др.; «Доброта» Эдуарда Гаврилова с участием Тамары Семиной, Леонида Неведомского и др.; 20-го —

1978

«Блокада» (3—4-я серии) Михаила Ершова, в ролях Юрий Соломин, Евгений Лебедев, Ирина Акулова и др.; 27-го — «Приезжая» Валерия Лонского с участием Жанны Прохоренко, Лены Иконицкой, Александра Михайлова и др. Из зарубежных новинок назову шведский фильм «Элвис! Элвис!». В эти же дни на экранах страны по последнему кругу (подходили к концу дни лицензионного проката) шли французские фильмы «Железная маска», «Замороженный».

Кино по ТВ: «Гонщики» (16-го), «Непрощенная любовь» (19-го), «Последний подвиг Камо» (с субтитрами), «Исполнение желаний» (20-го), «Сердце Бонивура» (21—23-го), «Красные пчелы», «На пути к Ленину» (22-го), «Шаг навстречу» (23-го), «Татьянин день» (24-го), «Комсомольск», «Первая девушка» (25-го), «Верность» (26-го), «Ждем тебя, парень!» (27-го), «Мы с Вулканом», «По семейным обстоятельствам» (преьера т/ф 29-го), «Взрослые дети» (30-го) и др.

Из театральных премьер назову спектакль Театра им. Ермоловой «Деньги для Марии» (с 30-го).

Эстрадные представления: 21—30-го в ГЦКЗ «Россия» прошли выступления Киевского мюзик-холла, показавшего представление «Снимаемся в ревю»; 21—23-го в «Октябре» пел Бисер Киров; 23-го в «Варшаве» — Маргарита Суворова; 26—30-го во Дворце спорта в Лужниках выступали артисты эстрады социалистических стран: ВИА «Сине-черные» (Польша), Дойна Спатару-Олинеску (Румыния), Катя Филипова (Болгария) и др.; 27—30-го — в ГТЭ состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Евгения Петросяна, Игоря Дивова и др.; 28—30-го в «Октябре» радовали зрителей своим творчеством Лев Лещенко и ансамбль «Мелодия».

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю гибкий миньон группы Пола Маккартни «Уингз» с тремя композициями: «Я люблю тебя», «Джет», «Нет слов».

Журнал «Кругозор» (№ 4): «Песняры» («Мой край родной» И. Лученок — Я. Колас, «Поцелуй» И. Лученок — В. Коризна; Алла Пугачева («Сонет Шекспира», «Что вы, плакать? Никогда!»); Геннадий Хазанов («Телевизор», «Олимпиада-80»).

1978 М а й

Умер Арам Хачатурян. Высоцкий в Запорожье: концерты в ущерб здоровью. Как Высоцкий раздаривал свои рубашки. Натаскивают Владислава Третьяка. Грабители ереванского банка тратят деньги. «Обыкновенное чудо»: бой на шпагах. «Мушкетеры» пьют вино. Пропаганда восхваляет мемуары Брежнева. Визит генсека в ФРГ: сплошные ЧП. Зачем немецкая разведка охотилась за экскрементами Брежнева. СССР—ЧССР: наши проигрывают. Очередное ЧП с Брежневым. Жена сбежавшего дипломата покончила с собой. Владислав Дворжецкий уезжает в Саратов. Власть давят на Сергея Довлатова. «31 июня»: Татьяна Анциферова вместо Аллы Пугачевой. Наши хоккеисты обыгрывают канадцев. Грабители без стыда и совести. Я получаю паспорт. Съёмки фильма «Место встречи изменить нельзя» начались с ЧП. Святослав Федоров делает предложение. Умерла мать Зои Космодемьянской. Умер актер Василий Меркурьев. Лиля Брик ломает бедро. Первый брак Александры Марининой. «Мимино» берет приз. Взяли банду в Таллине. СССР—ЧССР: наши выигрывают. Брежнев награждает хоккеистов. Драма баскетболиста Александра Белова. Как КГБ подслушивал «мушкетеров». Юбилейный вечер Майи Плисецкой под угрозой срыва. «Обыкновенное чудо»: на съемках появляется Евгений Леонов. Судят диссидента Юрия Орлова. Приговор нелюдю. Инфаркт Андрея Тарковского. Чекист Виктор Орехов продолжает помогать диссидентам. Чествуют сборную СССР по хоккею. Ереванские грабители в Ташкенте. Письмо Константина Симонова Эльдару Рязанову. Как едва не погиб кинорежиссер Тенгиз Абуладзе. Брежнев помогает Плисецкой. «Обыкновенное чудо»: карьер едва не погубил Евгению Симонову. «Место встречи изменить нельзя»: почему Конкин хотел покинуть фильм. Последний приезд Владислава Дворжецкого домой. ЧП в Москве: террорист захватил офис финской авиакомпании. ЧП в Ленинграде: студент против грабителя. Как жена Андрея Сахарова уговорила его сестру за мемуары. Взорвали церковь в Камышловле. Смехов и Дуров летят на съемки «Трех мушкетеров». Приняли фильм «Женщина, которая поет». Встреча Аллы Пугачевой со своим будущим мужем. Автомобильная авария Владислава Дворжецкого. Майю Плисецкую подводит спина. Как Брежнев получил травмы на охоте. Умер актер Владислав Дворжецкий. Умер писатель Юрий Домбровский. Как Олег Басилашвили попал в «Осенний марафон». Майя Плисецкая летит в Аргентину. Брежнев летит спасать Гусака. Ереванские грабители в Москве.

В понедельник, 1 мая, в Москве скончался выдающийся советский композитор Арам Ильич Хачатурян. В 1943 году он окончил Московскую консерваторию (педагог Н. Мясковский) и практически сразу стал работать в кино. Его дебют на этом поприще состоялся в фильме «Пэпо» (1935). Однако мировую известность Хачатуряну принесли другие произведения: балеты «Гаянэ» (1942) и «Спартак» (1954). Ха-

чатурян четыре раза удостоивался Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1950), один раз Ленинской (1959) и Государственной (1971). Хачатурян умер, не дожив пяти недель до своего 75-летия.

Продолжаются гастроли Владимира Высоцкого в Запорожье. Утром 1 мая он дал концерт в райцентре Вольнянск. Выступление прошло успешно, хотя в тот день Высоцкий

чувствовал себя неважно. На тот момент он уже употреблял наркотики, а они как назло закончились. Организм на это реагировал плохо. Нужно было срочно достать «лекарство», но где его возьмешь в незнакомом городе? В Москве с этим у Высоцкого не было проблем, а в Запорожье... Вот как об этом вспоминает корреспондент газеты «Комсомолец Запорожья» Ю. Сушко:

«В тот день Высоцкий выглядел неважно. Пояснил просто:

— Устал, — а потом неожиданно спросил: — У тебя врачи знакомые есть?

— Есть, конечно. А что, простуда? — простодушно интересуюсь я (на столе вижу упаковку панангина).

— Да так, неважно себя чувствую. Только надо, чтобы они на «скорой» работали.

— А зачем именно на «скорой»? — вновь недоуменно спрашиваю я, юный наивняк.

— Да ладно, обойдусь... Ладно, — бормочет в ответ Высоцкий...»

В отличие от Сушко, которому повезло общаться с Высоцким, другим его коллегам — корреспондентам газеты «Индустриальное Запорожье» — в этом праве было отказано. Высоцкий не захотел давать им интервью, сославшись все на то же плохое самочувствие. А те расценили это как оскорбление: мол, выпендривается звезда. В итоге журналисты Колосов и Лисовой займутся расследованием финансовой стороны гастролей Высоцкого и выяснят, что за день гастролей Высоцкому «капало» 500 рублей. Столько же получал секретарь обкома партии, но только в месяц!

Между тем, выступив в Вольнянске, Высоцкий вернулся в Запорожье, где в тамошнем Дворце спорта «Юность» дал еще три (!) концерта: в 15.00, 18.00 и 21.00. Причем на первом концерте зал был заполнен не полностью — праздник все-таки. В первом отделении выступил ВИА «Фестиваль», а все второе пел Высоцкий. Перед началом концерта он сказал: «Пусть вас сегодня меньше. Зато петь для вас я буду больше, чем во время предыдущих выступлений. Ведь вы оставили своих друзей, праздничные столы и в праздничный день пришли на встречу со мной...»

В тот самый час, когда Высоцкий выступал с концертом, в Москву из Парижа прилетела его жена Марина Влади. Высоцкий рассчитывал сразу после последнего концерта отпра-

виться в столицу. Но из-за того, что запорожские авиарейсы были неудобны, а поезд Запорожье—Москва шел долго — 14 часов, было решено ехать в Харьков, а оттуда уже самолетом в Москву. Все было рассчитано вплоть до секунд: как только Высоцкий закончил свое последнее выступление (на этот раз он выступал в первом отделении), он пулей забежал в артистическую, подхватил свою спортивную сумку и вместе с Николаем Тамразовым и Владимиром Гольдманом поспешил на улицу, где их уже ждала машина. Торопились так, что на одном из лестничных пролетов Высоцкий стукнул сумку о лестничные перила и разбил банку с вишневым вареньем, которую ему подарил кто-то из поклонников. Однако выбрасывать осколки было некогда, и Высоцкий так и доехал до вокзала, залив полсумки вареньем.

В поезде Высоцкий решил расслабиться и принял на грудь энное количество спиртного. Вагон «СВ» был почти пуст, поэтому ехать было удобно — никто к Высоцкому не приставал. Разве что проводницы, которых он сам пригласил в свое купе. А у Высоцкого была такая привычка: как только он перебирал, то тут же начинал раздаривать свои вещи всем, кто находился рядом, даже незнакомым людям. В итоге он подарил все свои рубашки проводницам. А поскольку одежда у него была не с фабрики «Большевичка», а привезенная из-за границы, девушки с радостью эти презенты приняли. Что сильно возмутило Гольдмана, который видел, что все это делается Высоцким по пьяни (наутро он обычно об этом жалел). Вот почему рано утром 2 мая, перед самым Харьковом, Гольдман пришел в купе к проводницам и попросил вернуть рубашки обратно. Те удивились, но все отдали. В Харькове гастролеры сели в самолет и вылетели в Москву. Они прилетели в столицу около одиннадцати утра и сразу рванули на такси в Театр на Таганке, где ровно в двенадцать должен был начаться спектакль с участием Высоцкого — «Десять дней, которые потрясли мир». Пока они ехали, в театре была паника: зритель уже заполнил зал, а Высоцкого все нет. Хотели уже заменить спектакль другой постановкой, как за пять минут до начала в театре объявился Высоцкий. Взысленный, но довольный.

Продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой в Праге. Как мы помним,

наши хоккеисты хоть и с трудом, но сумели выиграть три встречи подряд. Причем в последней (30 апреля, с финнами) вместо Владислава Третьяка, который выступил неуверенно и в двух играх пропустил 9 шайб, играл Александр Пашков. Он же занял ворота и 1 мая, когда наша сборная играла с командой ГДР. Эту команду мы прошли легче всего, победив 10:2. Третьяк, естественно, свое отсутствие в воротах переживал, но старший тренер команды Виктор Тихонов его успокоил: «Я тебя специально не ставлю в этих матчах. Отдохни. Верю, что потом не подведешь».

В игре с финнами получил серьезную травму ноги один из лучших нападающих советской сборной Александр Голиков. Весь день 1 мая он бодрился, а когда вечером сели ужинать, на его глазах выступили слезы. Он даже есть не мог — такая была боль. Товарищи тут же кликнули врача. Голикова подхватили на руки и перенесли в номер. Там ему на больную ногу положили лед, сделали массаж. И всю ночь врачи колдовали над игроком. И совершили чудо: на следующий день Голиков уже вышел на тренировку.

Вспоминает В. Третьяк: «Утром 2 мая вся команда поехала на экскурсию в ботанический сад, а Юрзинов, Цыганков, Саша Голиков и я тренировались. Впереди у нас были шведы.

...Тренировка. Пот заливает глаза. На льду две дюжины шайб, и чуть ли не одновременно они летят в ворота. Но разве я фокусник? Разве у меня десять рук? Эту отбил. И эту... Поймал в ловушку. Отбил... Уф-ф! Подъезжаю к бортику, чтобы сделать глоток воды, перевести дух. Знакомый чехословацкий журналист — он стоит у скамьи — молча поднимает вверх большой палец. «Спасибо», — киваю ему и снова еду к воротам. Юрзинов, Цыганков и старший Голиков опять, как из пулемета, обстреливают меня шайбами.

— Внимание! — говорит тренер. — Теперь договариваемся так: мы делаем восемнадцать бросков и если забиваем меньше шести голов, то победа присуждается вратарю. Если шесть и больше, то выигрываем мы. Согласен, Владик?

Я молча встаю в ворота и постукиваю себя клюшкой по щиткам. Бах-бах-бах... Пять шайб в сетке. Хорошо! Мои «соперники» под смех случайных зрителей кувыркаются на льду — таково условие нашей «дуэли».

— Согласен на пять! — кричу Юрзинову.

— Ух, сейчас мы тебе покажем! — шутливо грозит Гена Цыганков и, широко замахнувшись, делает первый бросок...

Теперь из восемнадцати четыре шайбы в воротах. Мои товарищи и тренер опять кувыркаются на льду. Я снимаю маску и еду к бортику. Пот льет с меня ручьями. Мокрые волосы слиплись. Кажется, клюшка весит целый пуд. Со скамейки и с трибун ловлю сочувственные взгляды: мол, достается же человеку.

Но усталость не мешает мне почувствовать, что шайбы постепенно становятся «дрессированными», что я близок к своей лучшей форме. А это главное...»

В эти же дни грабители ереванского банка Николай и Феликс Галачяны были озабочены одним: истратив все 10-рублевые купюры (100 000 рублей); они решили пустить в оборот другие — 100, 50 и 25-рублевые, но опасались, что эти деньги, не бывшие еще в обороте, могут быть на контроле у милиции. Поэтому преступники и решили обменять их на облигации 3 процентного займа. Причем сделать это должен был за них кто-то другой. Но кто? После некоторых раздумий Николай назвал кандидатуру родного брата своей московской любовницы Людмилы — Владимира Купцова (фамилия изменена), кстати, однажды уже судимого.

Купцова уговаривать долго не пришлось. Едва Николай предложил ему уволиться с работы и заняться обменом денег на облигации за ежемесячную мзду в 300—350 рублей, как он тут же согласился. Еще бы: в случае успешного завершения обмена Галачян пообещал ему подарить еще и автомобиль «Жигули» 6-й модели. Как только его согласие было получено, Галачяны приступили к осуществлению задуманного. 3 мая они приехали в поселок Мостовской Краснодарского края, забрали из тайника деньги (1 325 000 рублей) и привезли их в Москву, на квартиру Людмилы (спустя два дня деньги для пущей надежности были перевезены по другому адресу — на съемную квартиру, где жил Николай Галачян).

И вновь перенесемся в Прагу, где бушуют хоккейные баталии. 3 мая там встречались сборные СССР и Швеции. Наши ребята вышли на лед и увидели перед собой не просто очередных соперников, а хоккеистов, дважды «наказавших» их в прошлом году и оттого слегка самоуверенных. Последнее было нам на

руку. К тому же не прошли бесследно последние тренировки, во время которых наш голкипер Владислав Третьяк прошел серьезную обкатку. В итоге целых два периода шведы никак не могли «распечатать» его ворота, в то время как наши хоккеисты трижды зажигали красный свет за спиной их вратаря. И только в третьем периоде Андерссон усмотрел щель и верхним броском забил гол Третьяку. Но шведов это не спасло. Игра закончилась со счетом 6:1 в пользу сборной СССР.

На «Мосфильме» Марк Захаров продолжает работу над фильмом «Обыкновенное чудо». В павильоне № 7 выстроена декорация «трактир», где снимаются эпизоды, когда царская свита в поисках сбежавшей Принцессы останавливается на ночлег в трактире. В частности, 3—4 мая снимали сцены неожиданной встречи Принцессы (Евгения Симонова) и Медведя (Александр Абдулов) и их боя на шпагах. В последнем героиня Симоновой должна была разбить шпагой лампу, а у электрика имелось их в наличии только 6 штук. Поэтому он попросил актрису использовать не более 6 дублей. Та ответила: «Будем стараться». Однако в первом же дубле она, прежде чем разбить лампочку, ударила по стеклянному колпаку. «Стоп! Повторить!» — скомандовал режиссер. Второй дубль тоже оказался заперот. И только с третьего раза у всех, кто находился на съемочной площадке, вырвался вздох облегчения: лампочка разлетелась вдребезги без накладок.

Во Львове продолжают съемки другого будущего телехита — «Д'Артаньян и три мушкетера». Съемки длятся уже месяц и за это время отсняты многие эпизоды первой и второй серий. В частности, сняли приезд д'Артаньяна в Париж, его встречу с Де Тревилем, мушкетерами и т. д. Поскольку на съемки каждой серии отводилось 22 дня, работа шла весьма интенсивно. Но не менее активно бурлила жизнь и после съемок. Вот как вспоминает об этом В. Балон (он играл роль злодея де Жюссака и учил актеров фехтованию):

«Нас было четверо (имеются в виду Боярский, Смирнитский, Старыгин, Балон, а Смехов приезжал на съемки реже остальных. — Ф. Р.), и все у нас было поровну. После того как нас поселили в «Ульяновскую», мы решили обмыть это событие. Пригладели мамзельку на касе в магазине, этакую томную, с маникюром и взором зовущим, пригласили ее к себе в

номер. Конечно же, об этом тут же забыли, но в разгар нашего сабантуя она заявила. Пару часов посидела с открытым ртом, послушала наши рассказы и убежала. А еще через некоторое время на пороге появляется солидный грузин. Мы уже вдыхали пьяные были и никак не могли понять, что ему от нас надо. Грузин вытащил из кармана связку ключей, протягивает нам и говорит: «Та девушка, которая у вас была, — моя любовница. Я директор магазина напротив. Вот вам ключи от винного склада — пользуйтесь, только прошу вас, оставьте ее в покое. Я ее дублю!». В знак согласия мы выпили. И скажу честно, мы старались не злоупотреблять подарком. Но это было время, когда после 19.00 достать спиртное было просто невозможно, а тут «Посольская», «Лимонная»... Разве ж устоишь? Конечно, мы записывали, сколько взяли бутылок, в надежде, что когда-нибудь расплатимся, но... скромные доходы советского артиста никак не успевали за нескромными запросами.

Мы с Мишкой Боярским жили в одном номере. Малюсенькая комнатка, где стоят две кровати, разделенные двумя тумбочками. Такая дислокация нас не могла устраивать, ибо мы жили под девизом мушкетеров «Один за всех, и все за одного». То есть все девушки были нашими общими, а значит, две узкие кровати мы превращали в одну широкую. Наутро приходила уборщица, убирала следы ночной тусовки и расставляла мебель на места. А на следующее утро она видела прежнюю картину. Наверное, она решила, что мы гомосексуалисты...»

И вновь вернемся в Москву. В пятницу, 5 мая, столица прощалась с двумя выдающимися деятелями искусства: Романом Карменом и Арамом Хачатуряном. Панихида по первому проходила в Доме кино, на ней с траурными речами выступили Филипп Ермаш, Сергей Герасимов, Александр Чаковский; с Хачатуряном прощались в Большом зале консерватории. На панихиде по композитору присутствовали представители Политбюро Алексей Косыгин и Петр Демичев. Похороны Кармена состоялись на Новодевичьем кладбище, а Хачатуряна — на его родине, в Ереване.

Тем временем официальная пропаганда буквально лезет вон из кожи, расписывая достоинства мемуаров Брежнева. И делает это зря. Если бы этим произведениям власти уделяли меньше внимания, люди, глядишь, и не стали

бы их отторгать. Ведь на Руси как повелось: что хвалит власть — народ игнорирует. А власть хвалит мемуары генсека без меры. 3 мая в Минске состоялось собрание идеологического актива по книгам Брежнева. Два дня спустя точно такие же мероприятия прошли и в других союзных республиках. В Москве 5 мая подобное мероприятие состоялось в Министерстве обороны. Выступивший там глава этого ведомства Д. Устинов заявил: «Эти книги — выдающееся свидетельство беспримерного мужества и стойкости советского народа в Великой Отечественной войне, правдивый и волнующий документ о том героическом времени, яркий рассказ о возрождении разрушенного врагом народного хозяйства...» Кто бы спорил! Но сколько пафоса по поводу двух тонюсеньких, в общем-то, брошюр. К примеру, «Воспоминания» Г. Жукова, уместившиеся в два тома, таких эпитетов от власти не удостоились. А ведь маршал Жуков в войну повидал поболее, чем полковник Брежнев.

Генсек в те дни в Москве отсутствовал: 4 мая он уехал с официальным визитом в ФРГ. На следующий день в Бонне состоялась его встреча с канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. Последний был озабочен одним: ракетами СС-20, которые строились в СССР и для Западной Европы были куда более опасными, чем их предшественницы — ракеты СС-4 и СС-5. Кроме того, большая часть целей для новых, как и для старых ракет, находилась на западногерманской земле. Шмидт надеялся, что Брежнев не в курсе всех планов своих генералов, поэтому отнесется к его беспокойству на этот счет разумно. А получилось... Впрочем послушаем самого Г. Шмидта:

«Я развернул на столе большую карту Европы, простирающуюся аж за Урал. На ней было нанесено все известное нам советское и западное ядерное оружие с дальностью действия, выходящей за рамки собственно поля боя. Наряду с местами размещения и числом различных систем вооружений на карте была обозначена и дальность их действия.

Брежнев последовал моему примеру и велел своему помощнику Александрову тоже развернуть на столе большую карту Европы. Обе карты — неувидительно! — были очень похожи по структуре, если и не в деталях. Обе имели грифы секретности...

Когда я на карте гостя показал ему, почему меня так беспокоят ракеты СС-20, Брежнев рассердился. Может быть, обсуждение деталей было для него слишком сложным, а может, он был зол, что зашел слишком далеко, — во всяком случае, с какими-то раздраженными словами он смахнул свою карту рукой со стола. Александров поднял ее и отложил в сторону. Я же отдал Брежневу свою карту, попросив его проверить дома обозначенные на ней данные. Атмосфера переговоров оставалась дружеской, хотя по делу мы так и не пришли к согласию...

Большой обед, данный федеральным президентом В. Шеелем в замке Аугустусбург, и ответный обед, данный Брежневым, предоставили многим немецким гостям блестящую возможность близко увидеть советского лидера... Тот, кто имел возможность наблюдать за ним вблизи, мог подметить интересные человеческие черты. Например, то, как Брежнев умел пить. Он пил — в том числе и во время еды — водку из фужера; по его едва заметному знаку личный камердинер подходил и подливал ему в фужер из плоской бутылки, которую он носил в кармане. Или, например, как дисциплинированно он подчинялся запрету на курение. Он превратился в пассивного курильщика и неоднократно просил меня закурить сигарету, дым которой затем с наслаждением вдыхал. Или, например, нескрываемое любопытство, с каким Брежнев хотел узнать, каким образом достигается столь хорошее состояние сельского хозяйства, а также маленьких городов и населенных пунктов, что он успел заметить во время длительных автомобильных поездок...»

Между тем эта поездка Брежнева оказалась одной из самых насыщенных по части разных ЧП. Так, во время официального обеда, который устраивал в честь высокого гостя Г. Шмидт, охране Брежнева поступил сигнал, что на их подопечного готовится покушение. Некто неизвестный позвонил по телефону и сообщил, что при выходе из Редута (здание, где проходил обед) Брежнев будет убит выстрелом из винтовки. Сотрудникам «девятки» пришлось тогда применить свой метод, чтобы скрыть от наружного наблюдения выход из Редута Брежнева, посадить его в машину и быстро увезти из резиденции.

Много позже стали известны подробности и другой провокации, предпринятой против Брежнева. Западногерманская разведка (БНД)

поставила своей целью узнать всю подноготную о состоянии здоровья советского лидера и предприняла для этого необычный метод. Зная о том, что Брежнев остановится в гостинице «Петерсберг», немцы специально оборудовали внутренности его туалета так, чтобы иметь возможность извлечь экскременты генсека и тщательно их исследовать. Говорят, именно эти анализы позволили Западу узнать о том, что Брежнев серьезно болен.

А теперь вновь перенесемся в Прагу, на хоккейный чемпионат. 6 мая там играли фавориты: хозяева турнира сборная Чехословакии против советской сборной. Сказать, что матч вызвал небывалый ажиотаж, значит ничего не сказать: интерес был суперогромный. Вся Чехословакия только тем и жила, что надеялась на то, как их сборная «опустит» русских.

Игра началась с бешеных атак хозяев на ворота Третьяка. Наши ребята хоть и были готовы к подобному, но все равно подрастерялись: столь мощно атаковали чехи. На 8-й минуте Черник открывает счет. Однако спустя восемь минут Балдерис восстановил равновесие, чем оказал своим коллегам неоценимую услугу — они воспряли духом. И уже спустя минуту Первухин забивает вторую шайбу. Над стадионом имени Фучика повисла тягостная пауза. «Неужели и здесь, у себя дома, мы проиграем русским?» — думал в эти минуты каждый. Но советские хоккеисты сами упустили нить игры из своих рук. Во втором периоде наши ребята стали неоправданно грубить, чем облегчили сопернику дело. На 22-й минуте, после удаления Фетисова, тот же Черник сравнял счет. Четыре минуты спустя Балдерис повторил ситуацию первого периода, забив свою шайбу после гола Черника. Но последний стал поистине героем той игры. За четыре минуты до конца второй двадцатиминутки он сравнивает счет — 3:3. А через минуту Глинка впервые в этом матче выводит хозяев поля вперед.

Трудно сказать, о чем говорили в раздевалках своим подопечным тренеры команд, но приблизительный смысл этих установок мог быть таким: чехословацкие наставники требовали от своих игроков собранности, выдержки, наши настраивали игроков на решительный штурм. В итоге более восприимчивыми к словам тренеров оказались чехословацкие спортсмены. Уже на пятой минуте заключительного периода Штясны увеличивает разрыв — 5:3.

А еще через четыре минуты Эберман окончательно хоронит надежды советской сборной, забив шестую шайбу. И хотя через полминуты Лутченко сумеет сократить разрыв, но спасти игру нашим ребятам так и не удастся. Как пишет В. Третьяк, «у меня после этой неудачи такое ощущение, будто я чего-то недоделал, будто безвозвратно ушло что-то важное. Положа руку на сердце, могу сказать, что две из шести пропущенных шайб (третью и пятую) я, наверное, мог взять...»

Заканчивается официальный визит Брежнева в ФРГ. 7 мая генсек посетил Гамбург и оттуда должен был самолетом вылететь обратно на родину. Но этот полет едва не завершился трагедией. Как вспоминает М. Докучаев, «когда самолет с Брежневым и главными членами советской делегации выруливал к взлетной полосе, буквально перед ним без предупреждения осуществил посадку громадный транспортный самолет ВВС США. Это произошло в то время, когда нашему самолету было дано разрешение на взлет и когда в воздушном пространстве над аэродромом не должно было находиться других летательных аппаратов. Катастрофа была предотвращена только благодаря бдительности командира корабля А. Г. Майорова и членов его экипажа...»

В воскресенье, 7 мая, покончила с собой жена советского дипломата Аркадия Шевченко Леонгина (Лина). Как мы помним, месяц назад Шевченко сбежал на Запад, поставив всю свою семью под удар. Его сына, тоже дипломата, отозвали из Швейцарии, от жены отвернулись практически все ее подруги. Не ладилась и жизнь у младшей дочери дипломата: долгое время она устраивала на даче отца веселые компании, была в центре внимания, а затем в один момент стала изгоем. Лина больше всех переживала свалившуюся на их семью беду. Однажды она позвонила своей подруге и попросила: «Если что-то случится со мной, не оставляйте Анечку». Смысл этой просьбы стал ясен вскоре: в середине апреля Лина попыталась наложить на себя руки. Однако в доме в этот момент оказалась ее мать, которая сумела спасти дочь от смерти. Но от своей идеи жена дипломата так и не отказалась. В начале мая она под каким-то предлогом отослала мать к родственникам и, оставшись одна, довела задуманное до конца. Утром в день самоубийства она написала короткую записку своей дочери. В ней

были такие строчки: «Дорогой Анютик... Я не могла поступить иначе... Врачи тебе все объяснят... Жаль, что мама не позволила мне умереть дома... Может быть, моя смерть тебя как-то вразумит, наставит на путь истинный и поможет одуматься». Положив листок на самое видное место, Лина прошла на кухню, где налила в кружку немного воды. Вернулась в спальню, вскрыла упаковку со снотворным (60 таблеток) и отправила все таблетки в рот, запивая водой.

7 мая актер Владислав Дворжецкий уезжал из Москвы на гастроли в Саратов. Провожать его на Павелецкий вокзал пришли жена Наталья Литвиненко и сын Саша. Супруга актера вспоминает:

«В Саратове Влад не был с тех пор, как окончил школу. Там у него была первая любовь — Наташа, которую он пошел искать: Спросил у мальчишки: «Живет здесь Наташа?» «Живет», — и навстречу ему вышла маленькая девочка Наташа...

Когда мы шли по перрону к поезду, вдруг услышали: «Смотри, вон идет Дворжецкий с сыном и дочерью!» Эта фраза повергла его в шок. Он был удручен: «Неужели я выгляжу таким старым?! Какой ужас...» (Как мы помним, в конце апреля актер справил свое 39-летие. — Ф. Р.). Мы начали его успокаивать: «Ну что ты! Это просто кто-то глупость сморозил, не подумав! А ты слушаешь...» Конечно, он выглядел старше своих лет, с этой сединой, лысиной, но ведь он был такой молодой — фигура, осанка! А улыбка так просто мальчишеская...»

В Ленинграде власти упорно добиваются того, чтобы писатель Сергей Довлатов как можно скорее покинул родину. Довлатов сопротивляется, хотя сил на это у него становится все меньше и меньше. Уж очень изощренными были провокации властей. Вот как сам Довлатов описывает эту ситуацию в письме от 7 мая на имя своей возлюбленной Тамары Зибуновой (она жила в Таллине и воспитывала 3-летнюю дочь от Довлатова):

«Милая Томушка! Это письмецо сразу же истреби. И сведения не разглашай. Дела обстояли так. Последние три-четыре недели ощущался заметный нажим. Опрашивали знакомых. Тех, кому я должен быть антипатичен. Чтобы охотнее давали показания. Как и в твоём случае. И снова ошиблись. Затем меня поколотили среди бела дня в милиции. Довольно

ощутимо. Дали подписать бумагу, что я оказывал «злостное сопротивление». Чего не было и в помине. Я подписал, а те снова начали бить и вышибли передний зуб. Эта бумага с моей подписью (если они захотят) — 191 статья, до 5 лет. После этого меня вызвали и отечески спросили: чего не едешь? Я сказал — нет вызова. Да и не решил еще. Они сказали, не надо вызова. Пишите, мол, хочу соединиться в Риме с женой. Я говорю: нас развели в 71-м году. Что же я в СССР восемь лет не соединялся, а теперь вдруг соединюсь в Риме. Они говорят: ваш развод — формальность. А мы не формальности...»

На «Мосфильме» режиссер Леонид Квинихидзе готовится к съемкам мюзикла, которому вскоре предстоит стать хитом — «31 июня» по мотивам одноименной пьесы Джона Б. Пристли (парадокс, но эта вещь считалась у него самой неудачной). Подготовительный период по фильму начался 1 марта, и к этому времени был уже написан новый сценарий (Нина Фомина сочинила совершенно иную сказку, где прежними остались разве что имена героев), подобраны исполнители главных ролей: первый красавец советского кино Николай Еременко должен был перевоплотиться в художника Сэма, дебютантка кино балерина Наталья Трубникова — в принцессу Мелисенту (кстати, на эту роль пробовались такие звезды Ленкома, как Ирина Алферова и Елена Шанина, но не подошли), танцовщик Александр Годунов — в трубадура Лемисона Тейлора (эту роль хотел сыграть Андрей Миронов), Владимир Зельдин — в короля Диммока, Владимир Этуш — в злого волшебника Малигрима. Музыка к фильму должен был написать Александр Зацепин, а на главные вокальные партии предполагалось пригласить Аллу Пугачеву. Однако из-за известного конфликта между композитором и певицей последняя из проекта вышла. Надо было срочно подыскивать другую исполнительницу, и ее вскоре нашли. Это была совершенно неизвестная певица — 23-летняя Татьяна Анциферова из Ужгорода (ее сосватали Зацепину знакомые музыканты, которые были на гастролях в Западной Украине и были поражены вокалом Анциферовой). На майские праздники певицу вызвали в Москву, где Зацепин сделал с ней черновые записи песен «Ищу тебя» и «Мир без любимого». По словам самой

Анциферовой, ехать в столицу она не хотела: ей хотелось остаться дома и «ловить» телевидение с нормальной музыкой (у них в Закарпатье и Чехословакию можно было смотреть, и Венгрию с Польшей, где ТВ было гораздо либеральнее, чем у нас). И все же в Москву Анциферова все-таки приехала. Спела как сумела и тут же укатила на гастроли. Однако именно эта черновая запись и войдет в итоге в картину. Другие песни в этом фильме исполняют Яак Йоала, Лариса Долина (ария Нинет), Сергей Беликов.

8 мая в Праге советская хоккейная сборная встречалась с канадцами. После досадного поражения от сборной Чехословакии нам нужна была только победа, и на эту игру наши ребята настраивались особенно тщательно. Была еще и другая причина для особого настроения: ровно год назад в этот же день советская сборная проиграла в Вене шведам и в итоге осталась с «бронзой». Однако и канадцам тоже не было никакого резона проигрывать. Короче, баталия ожидалась упорная. Так оно, собственно, и вышло.

Несмотря на заметное преимущество нашей сборной, первую шайбу ей удалось забить ближе к концу первого периода. Вторая двадцатиминутка и вовсе закончилась нулевой ничьей. А в заключительном периоде случилось невообразимое. Канадцы сначала сравняли счет, а за четыре минуты до финальной сирены Левер вывел сборную «кленовых листьев» вперед — 2:1. Что тут было! Левер, как ребенок, три раза вынимал из сетки шайбу и снова забрасывал ее в ворота, чтобы все видели: это он ее забил. Короче, в стане канадцев уже праздновали победу. Но, как вспоминает В. Третьяк, «кто знает, не забей Левер эту злополучную шайбу, возможно, матч так и закончился бы ничью, и тогда нам, скорее всего, нужно было бы расстаться с мечтой о «золоте». Гол же буд-то подхлестнул наших игроков, красный свет за воротами стал для них неким сигналом к яростному штурму. Профессионалы смяты, загнаны в угол, растеряны, они явно не могут понять, что происходит. Харламов — 2:2. Капустин — 3:2. Фетисов — 4:2. И какие красавцы голы!..»

Два дня спустя турнирная судьба вновь свела этих же соперников, но интриги уже не получилось. Наш ребята сравнительно легко обыграли канадцев со счетом 5:1.

В светлый праздник 9 Мая вновь дала о себе знать банда похитителей икон, возглавляемая Михаилом Зацепиным (фамилия изменена). Впервые эти люди дали о себе знать в октябре 1977 года, когда совершили кражу икон из церкви Знаменская, что в деревне Красное Палехского района Ивановской области. Тогда преступники похитили около 50 икон XVII—XIX веков на общую сумму в 72 тысячи рублей. Похищенное предназначалось для перепродажи иностранцам, причем те заплатили вору значительно меньше той суммы, что реально стоили иконы — всего 6 тысяч рублей. В течение полугода преступники травили нажитые грабежом деньги, после чего решились на новое преступление. В ночь с 9 на 10 мая Зацепин и двое его дружков совершили ограбление Свято-Никольской церкви, что в деревне Чихачево Пестяковского района Ивановской области. Действовали грабители уже опробованным однажды способом: приехали в деревню под покровом ночи на двух автомобилях («Волга» и «Жигули»), после чего Зацепин остался на «шухере» (стоял снаружи с рацией), а его напарники вскрыли с помощью ножниц по металлу решетку на окне и проникли внутрь. Добычей «клюквенников» (так в преступном мире именуют грабителей церковей) стали 18 икон на общую сумму 1 650 рублей и церковная утварь на сумму 3 600 рублей. Как и в первом случае, все похищенное предназначалось для продажи иностранцам. Последних еще можно было как-то оправдать: для них православные святыни абсолютно ничего не значили. Но вот грабителей... Хотя Советский Союз считался государством атеистическим, про таких людей и в те годы говорили: «Ничего святого». А банду Зацепина можно было называть кошунственной вдвойне: последнюю церковь они ограбили в День Победы.

Среда, 10 мая, оказалась на удивление богата самыми разными событиями. Рискуя показаться нескромным, начну все же с себя. В тот день с утра я отправился получать паспорт в 143-е отделение милиции Красногвардейского района (на Домодедовской улице). На душе было радостно, в голове крутились строчки хрестоматийного стихотворения пролетарского трибуна Маяковского «Я достаю из широких штанин... я гражданин...» и т. д. Однако радость от этого события была омрачена молодой

паспортисткой. Эта дамочка, выводя тушью мою фамилию, сделала ошибку: вместо буквы «а» написала «о». Получилось — Роззаков. Читатель вправе удивиться: эка невидаль, взять и дорисовать закорючку. Я тоже так думал. А оказалось, чтобы это сделать, надо завизировать эту операцию у начальника паспортного стола. А того, как назло, на месте не оказалось. В итоге я просидел в отделении чуть ли не полдня. Так я впервые по-настоящему столкнулся с советской бюрократической системой (кстати, с тех пор она мало в чем изменилась, хотя живем мы уже вроде бы в другой стране).

В те самые часы, когда я сидел в отделении милиции и клял советских бюрократов, в Одессе Станислав Говорухин приступил к съемкам сериала «Место встречи изменить нельзя». В одесском парке культуры и отдыха начали сниматься эпизоды «в бильярдной»: Жеглов (Владимир Высоцкий) находит там вора Копченого (Леонид Куравлев) и, гоняя с ним шары, заставляет его признаться, откуда он взял браслетик в виде змейки, принадлежавший до этого убиенной гражданке Груздевой. Съемки начались около десяти утра и продолжались до четырех вечера (бильярдную будут снимать два дня). Вот как об этом вспоминает один из участников — актер Лев Перфилов (он играл фотографа Гришу Ушивина):

«Высоцкий совершенно не умел играть в бильярд, и все забытые им на экране шары были забиты на съемках Куравлевым...

Из-за отсутствия вентиляции в бильярдной курить там было нельзя, и нам периодически предоставляли пятиминутный перерыв. Выйдя на воздух в один из таких перерывов, я увидел стоявших неподалеку Марину Влади с какой-то женщиной.

Мы вежливо поздоровались, улыбнулись друг другу, и я, естественно, решил вернуться и позвать Высоцкого. Но он появился в дверях сам, увидел Марину и, вместо того чтобы броситься к ней, уйти вместе от посторонних глаз... затанцевал на крыльце бильярдной. Это был какой-то непонятный, сумбурный, радостный танец, похожий и на «цыганочку», и на «яблочко», с чечеткой, криками и какими-то восторженными восклицаниями. Марина Влади улыбнулась. А я с любопытством ждал — что же дальше?

А Высоцкий эффектно закончил танец, широко раскинул руки, засмеялся и... ушел в бильярдную: Марина Влади и ее слутница пошли к ближайшей скамейке, сели, о чем-то тихо заговорили...

Свидетели же этой сцены разочарованно переглянулись — так хотелось, чтобы он бросился к жене и все стали бы свидетелями их встречи «при всем честном народе».

Удивленный, я вернулся в бильярдную и увидел, что съемка продолжается, жужжит камера, Высоцкий работает... Я был убежден, что приезд Марины Влади достаточная причина, чтобы немедленно отменить съемку. Или Говорухин ничего не знает? Неужели Высоцкий ему ничего не сказал? Надо ему сообщить — в конце концов, она прилетела из Франции, чтобы повидаться с Володей!

Я решительно направился к режиссеру, но тут он хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Спасибо! На сегодня все! Съемка окончена!

Ну, вот так-то лучше.

Я смотрел, как удалялись Марина Влади, Володя и незнакомая женщина по аллее парка, и очень хотелось услышать, о чем они говорили...»

10 мая у Марины Влади был день рождения — ей исполнилось ровно 40 лет. Отмечать это событие избранные члены съемочной группы отправились на дачу за городом, которую имениннице и ее мужу помог снять Говорухин. У всех было прекрасное настроение, но его едва не похоронила (вместе с фильмом) сама именинница. Вот как об этом вспоминает С. Говорухин:

«Случилась неожиданность. Марина уводит меня в другую комнату, запирает дверь, со слезами на глазах говорит:

— Сними другого актера,пусти Володю! Он не может сниматься.

— Давай его сюда, — говорю я. Володя приходит и объявляет:

— Славик, я тебя прошу... Пойми, я не могу сниматься, ну не могу тратить год жизни на эту картину. Мне так мало осталось. (У него это предчувствие близкого конца всегда было.) У нас большие планы: мне хочется на Таити поехать.

Он страшно любил путешествовать, а тут открылась такая возможность: последние три-четыре года он мотался уже по всему миру.

Ну, конечно, я тут же нажал на все педали:

— Это ж трагедия! Ты что, сумасшедший? Так хотел сниматься в «Эре милосердия», можно сказать, был зачинателем идеи — сделать фильм по роману Вайнеров, так волновался — утверждают, не утверждают на Жеглова, и вдруг... Как это так? Что ты? Ты можешь себе представить?.. Ну, хотя бы о деньгах подумай — это бешеные деньги: остановить все производство, искать нового актера! Кто нам после этого вообще даст это кино снимать?!.

Короче, с трудом, но мне удалось их уговорить...»

10 мая благополучно разрешились отношения между известным офтальмологом Станиславом Федоровым и его возлюбленной Ирэн. Как мы помним, роман между ними начался несколько лет назад, но все эти годы влюбленные предпочитали жить порознь. Но после майских праздников Федоров, кажется, созрел для того, чтобы забрать Ирэн к себе. Но в его планы вмешались непредвиденные обстоятельства. Дело в том, что у мамы Ирэн врачи обнаружили рак, и все мысли дочери теперь были связаны только с этим. Какая любовь, когда родной человек неизлечимо болен! Короче, когда Федоров в начале мая предложил Ирэн переехать к нему, она вместо этого уехала к маме. Однако офтальмолог оказался настойчивым. Выждав неделю, он вновь обратился к возлюбленной с таким же предложением. И, видимо, угадал. То ли женщине необходимо было опереться на сильное мужское плечо, то ли еще что-то, но с 10 мая влюбленные стали жить вместе.

10 мая родственники дипломата Аркадия Шевченко, сбежавшего на Запад, хватились его жены Лионгины (Лины). Как мы помним, три дня назад она покончила жизнь самоубийством, приняв большую дозу снотворного. Сделала она это дома, в спальне, но по роковому стечению обстоятельств, упала в шкаф с одеждой и все эти дни пролежала там. Родственники покойной (мать и дочь) все это время находились на даче за городом, поэтому о происшедшем в доме не знали. Только 10 мая дочь вернулась в Москву и обнаружила в спальне матери ее предсмертную записку. Она позволила своему брату Геннадию, который немедленно приехал к ним домой. Была вызвана милиция, а также сотрудники службы безопасно-

сти МИД СССР. Они осмотрели дом, заглянули также в шкаф, но сделали это так небрежно, что труп с первого раза не обнаружили. Во многом это объясняется тем, что в предсмертной записке покойной была такая строчка: «Жаль, что мама не позволила мне умереть дома...» (как мы помним, один раз жена дипломата уже пыталась покончить с собой, но мать сумела ее спасти). Эта строчка натолкнула сыщиков на мысль, что Лионгина покончила с собой вне пределов квартиры. Нашли самоубийцу на следующий день, 11 мая. Сделал это ее сын, который учуял сладковатый запах, исходящий из платяного шкафа.

11 мая из жизни ушла легендарная мать — Любовь Тимофеевна Космодемьянская. В Советском Союзе не было человека, кто бы не знал двух детей этой женщины: Зою и Александра Космодемьянских. Оба они героически погибли во время Великой Отечественной войны, оба посмертно были награждены званиями Героев Советского Союза.

12 мая страну потрясла еще одна смерть: в Ленинграде умер замечательный актер Василий Меркурьев. Чуть больше месяца назад — 6 апреля — он справил свой 74-й день рождения и был полон новых творческих планов. Но судьба распорядилась по-своему.

Окончив в 1926 году Ленинградский институт сценических искусств, Меркурьев пришел работать в Театр актерского мастерства. Во время работы там женился. Однако в 1934 году в его жизнь внезапно вошла другая женщина — дочь впоследствии репрессированного режиссера Всеволода Мейерхольда Ирина (от брака с Ольгой Мунт). Она в то время работала режиссером в Красном театре (потом Ленком), была преподавателем биомеханики, а кроме того работала ассистенткой на киностудии «Белгоскино». Однажды ей было поручено уговорить актера Меркурьева сняться в одном из фильмов студии. Тот вроде бы согласился и уехал с первой женой отдыхать на юг. Однако когда ему стали слать телеграммы с вызовами, он их попросту игнорировал. Тогда Ирина отослала ему хулиганский текст: «Милый Васечка! Стоят хорошие погоды, надо снимать фильм. Целую — Ириша». Когда эту телеграмму прочитала жена актера, она закатила скандал: мол, кто эта Ириша? В итоге Меркурьев рванул на студию. Как гласит легенда, съемочная группа си-

дела из-за дождя в каком-то доме, когда дверь с грохотом открылась — Меркурьев открыл ее ногой. Как потом говорила сама Ирина: «Вот так, ногой, он открыл дверь и в мою жизнь».

Вскоре они поженились, у них родилась дочка. В 1937 году Меркурьев перешел в Ленинградский театр драмы имени Пушкина, в котором играл до конца своей жизни. С этого же времени стал сниматься в кино: первая роль — студент-меньшевик — в фильме «Возвращение Максима» (1937). Тогда же на его семью обрушилось горе: был репрессирован брат Меркурьева Петр, у которого осталось трое детей — от 9 до 2 лет. Этих детей Меркурьев и Ирина взяли к себе. А в 1943 году, когда семья была в эвакуации в Сибири, у них родился собственный сын — Петр (назван в честь репрессированного брата). Так у них стало пятеро детей.

Всенародную славу Меркурьеву принесли следующие кинороли: старший лейтенант Туча в «Небесном тихоходе» (1946), Лесничий в «Золушке» (1947), Степан Иванович в «Повести о настоящем человеке» (1948, Сталинская премия в 1949), архитектор Нестратов в «Верных друзьях» (1954), Синичкин в «На подмостках сцены» (1956), Федор Иванович в «Летят журавли» (1957) и др.

Актер Борис Чирков, с которым Меркурьева связывала трогательная дружба, в те дни написал в своем дневнике следующие строчки: «Вчера позвонил Саша Борисов (тоже актер, он снимался с Меркурьевым и Чирковым в фильме «Верные друзья». — *Ф. Р.*) — умер Вася.

Не стало на свете большого актера, большого художника Василия Васильевича Меркурьева...

Нет. Я уже не могу позвонить по телефону и сказать: «Василий Васильевич, до отхода «Красной стрелы» есть еще время, заезжайте к нам!..»

Совсем другой поезд увез его, и не в Ленинград, а туда, откуда возврата нет. Это горько! И хотя нельзя, конечно, говорить о справедливости там, где человек не может управлять обстоятельствами, все равно это несправедливо — что большой, талантливый, сильный Человек уходит из жизни тогда, когда мог бы еще доставлять людям радость...»

12 мая беда приключилась с бывшей возлюбленной Владимира Маяковского Лилей Брик: утром она упала возле своей кровати на даче в Переделкино и сломала шейку бедра.

В старости это довольно часто случаемая беда, а Брик в ту пору было без малого 88 лет. Близкие немедленно доставили пострадавшую в ближайшую больницу, однако легче ей от этого не стало. На календаре была пятница, конец рабочей недели, поэтому нужных врачей в больнице не оказалось. В результате Брик полночи провела в холодном коридоре без какого-либо нормального ухода. Когда ей предложили сделать операцию, она от нее отказалась, попросив отвезти ее обратно домой. Перелом заживал медленно и с трудом и стал причиной рокового шага, на который Брик решилась спустя три месяца. Но об этом рассказ впереди.

13 мая вышла замуж Марина Алексеева, ныне известная как писательница-детективщица Александра Маринина. В ту пору «мама» Насти Каменской еще не помышляла о литературной карьере и училась на юрфаке МГУ по специализации уголовный процесс (ее мама была специалистом именно в этой области). Как вспоминает сама А. Маринина:

«Мой первый брак очень типичен. Знакомство получилось келейное: муж — сын подруги моей матери. Когда мы познакомились, я была студенткой, он — слушателем Высшей школы милиции, приехал из Омска в Москву на каникулы к маме. Наши мамы решили вместе пообедать, с детьми. Причем к моменту нашего знакомства у меня был жених, с которым было подано заявление в загс, а Сергей буквально накануне просил руки у своей девушки. Последствия нашего знакомства оказались просто катастрофическими. Пройдя через мучительные объяснения с моим женихом и его невестой, мы буквально через две-три недели подали заявление в загс и 13 мая 1978 года поженились. Нам не было и двадцати. Это сейчас можно пожить вместе, присмотреться, понять, что тебе нужно. В те времена все проверялось экспериментально. Чтобы жить с любимым человеком, был необходим штамп в паспорте. Чтобы переспать, нужно было жениться. И не потому, что это осуждалось морально, а просто негде было. Этим и мотивировалось восемьдесят пять, а то и девяносто процентов браков...»

Забегая вперед, сообщу, что первый брак будущей детективщицы сложится неудачно: он распадется спустя четыре года (из них всего лишь два супруги прожили вместе). Разводить-

ся они будут весело, травя в загсе анекдоты. Второй раз Маринина выйдет замуж, когда ей будет сорок. Однако вернемся в май 78-го.

13 мая в Ереване завершил свою работу 11-й Всесоюзный кинофестиваль. Главный приз этого престижного форума достался сразу четырьмя фильмам: «Подранки» Николая Губенко, «Наапет» Генриха Маляна, «Цену смерти спроси у мертвых» Калье Кийска и «Мачеха Саманишвили» Захария Бершвили и Константина Марджанова. Специальных призов были удостоены Евгений Матвеев (за фильм «Судьба»), фильм «Легенда о Тиле». Лучший приключенческий фильм — «Транссибирский экспресс» Эльдора Уразбаева, лучшая комедия — «Мимино» Георгия Данелия. Представлять последний в Ереван приехал всего лишь один человек — сценаристка Виктория Токарева. По ее же словам: «На мне были тесные туфли, и пока я сидела на сцене, я их сняла под стулом. Дама с «Мосфильма», увидев, что никто не идет за призом, пошла его получать, и все подумали, что это и есть Токарева. А я тогда по молодости была весьма честолюбива: я сочинила «Мимино», а лавры кому-то? Засунула ноги в туфли, выскочила вперед и отобрала у дамы вазу...»

Призы среди лучших актеров распределились следующим образом: Первую премию получила Диломор Камбарова («Дом под жарким солнцем»). Вторую — Наталья Бражникова («Черная береза»), Мария Кленская («Цену смерти спроси у мертвых»), Суйменкул Чокморов («Улан»), Петр Вельяминов («Пыль под солнцем»), Сергей Коренев («Тачанка с юга»). Первой премии как лучший актер, снявшийся в фильме для детей и юношества, был удостоен Фрунзе Мкртчян («Солдат и слон»).

13 мая в латвийский город Валгу приехал старший лейтенант КГБ Латвии Зариньш. Миссия у него была ответственная: ему надо было втереться в доверие к гражданину Виктору Римусу, снабжавшему оружием бандитов из Юрмалы, которых, как мы знаем, разоблачили некоторое время назад. Незадолго до этого Зариньш уже звонил Римусу домой, объяснил, что вышел на контакт с ним по совету главаря банды с тем, чтобы купить для себя оружие. Римус назначил ему встречу на утро 13 мая.

Зариньш приехал в Валгу не один — с ним был его коллега лейтенант Пупе, который вы-

ступал в качестве водителя. Когда они на своих «Жигулях» подъехали к месту встречи, Римус их уже ждал. Поздоровавшись, он сел в машину и сообщил, что им предстоит ехать в Таллин. Примерно в половине двенадцатого дня они въехали в город. И почти сразу же чекисты обратили внимание на то, что за их машиной «прицепился хвост» — такого же типа «Жигули» с обычным таллинским номером. Но волноваться не стоило: за этим «хвостом» следовал другой — чекистский.

На одной из улиц, возле телефона-автомата, Римус попросил притормозить. Выйдя из машины, он вошел в будку, в которой пробыл меньше минуты. Вернувшись, сообщил, что ровно в час дня им надо быть на ипподроме. Надо так надо. Когда в назначенное время они подъехали к ипподрому, рядом с ними остановился «жигуленок», в котором находились двое молодых людей. Подозрительно оглядев автомобиль с рижским номером, они переглянулись с Римусом, и тот подал им условный знак: все в порядке. Только после этого те двое вышли из машины и поздоровались с приезжими. Но имен своих не назвали. «Вам придется проехать с нами за город», — сообщили они. И машины вновь тронулись в путь.

Они ехали около часа. Наконец в пригородном лесу процессия остановилась. Оба таллинца вышли из машины и тщательно проверили, нет ли за ними «хвоста». Убедившись, что все нормально, они приказали Римусу и Пупе оставаться в машине, а Зариньша попросили пересест в их «жигуленок». Тот подчинился, хотя здорово рисковал. Ведь если таллинцы его разоблачили, то им не составило бы большого труда избавиться от него в каком-нибудь укромном месте и бесследно исчезнуть. Но операцию надо было довести до конца. Зариньш не знал, что его коллеги, спрятавшиеся в ближайших кустах, уже подстраховались — отдали команду блокировать все выезды из леса.

Между тем таллинцы отвезли Зариньша в глубь леса и на одной из опушек притормозили. Здесь один из них достал из багажника чемодан, в котором находилась винтовка с оптическим прицелом. «Хороша», — восхищенно произнес чекист, поглаживая приклад винтовки, после чего спросил: — А где наган? — «В багажнике», — последовал ответ. — Но только один. Если хотите, то сегодня же можете полу-

чить еще несколько штук. Расплата та же — се-ребро, наличка». «Согласен», — ответил Зариныш.

Они вернулись к месту, где их с нетерпением поджидали Римус и Пупе. Зариныш рассказал коллеге о предложении таллинцев, и тот согласился вернуться в Таллин. Однако по пути туда руководители операции приняли решение задержать торговцев оружием с поличным. На шоссе был выставлен гаишный наряд, который должен был тормознуть процессию якобы с целью проверки документов. Но торговцы предпочли не останавливаться на сигнал жезла, а еще сильнее поддали газу. Тут уж было не до конспирации: из кустов за ними вслед рванули несколько машин с чекистами плюс «Жигули», где сидели Зариныш и Пупе (Римус находился с таллинцами).

Погоня длилась около двадцати минут. На въезде в город преступники решили разделиться: Римус побежал в одну сторону, один из торговцев с чемоданом в другую, а водитель на машине рванул в третью. Но все было тщетно. Первым задержали Римуса, который забежал в подъезд дома и хотел там отсидеться. Но его засекли и, загнав на последний этаж, задержали. Водителя взяли спустя двадцать минут на одном из перекрестков. А вот третьему беглецу повезло больше, он находился на свободе дольше своих напарников — почти сутки. Ему удалось затеряться в лабиринтах таллинских улиц и спрятаться на одной из квартир в центре города. Но чекисты быстро установили его фамилию — Оссеп — и за одну ночь установили все его явки. Утром 14 мая беглеца взяли возле газетного киоска. Все произошло так быстро и внезапно, что даже прохожие толком не поняли, что у них на глазах обезврежен опасный преступник.

В тот же день в Праге советская сборная по хоккею с шайбой играла свой решающий матч с хозяевами турнира. В нем нашим ребятам, чтобы завоевать «золото», надо было обязательно обыграть соперника с разницей в две шайбы. Задача была, как говаривал вождь мирового пролетариата, архисложная, поскольку у чехословацкой сборной на этом турнире была самая надежная защита (они пропустили меньше всех шайб — 21). Кроме того, им помогала группа штатных психологов, настраивая их на каждую игру. У наших ребят тоже были свои

«психологи» — артисты Евгений Леонов, Борис Владимиров и Вадим Тонков. Накануне решающего матча произошел такой эпизод. Леонову нужно было срочно улетать в Москву, в театр, однако в вестибюле гостиницы он случайно столкнулся с кем-то из наших хоккеистов. «Вы что, уезжаете, Евгений Павлович?» — удивился спортсмен. «Да вот, пора, в Москве ждут», — развел руками артист. «А как же мы?» — последовал новый вопрос. И столько печали было в голосе спортсмена, что сердце Леонова дрогнуло. «Да гори оно все огнем!..» — махнул он рукой и отправился назад в свой номер.

Вспоминает В. Третьяк: «В воскресенье, 14 мая, я проснулся в 8.30. С улицы почти не доносился шум автомобилей — верный признак выходного дня. Приведя себя в порядок, я спустился на второй этаж, где в просторной комнате рядом с рестораном столовалась наша команда. Почти все уже оказались в сборе. Завтракали молча. Я обратил внимание на лица ребят: они были, как бы это сказать, отрешенные, что ли... Или замкнутые.

Позавтракав, каждый молча вставал и спешил к дверям. Я понимал своих товарищей, потому что и сам испытывал желание побыстрее остаться один, избежать лишних разговоров. Проглотил яичницу с ветчиной и тоже направился к себе в комнату. В коридоре меня догнал наш врач: «Ты знаешь, — сказал он, — сегодня заболел Сережа Капустин (один из лучших игроков того чемпионата, войдет в символическую сборную мира. — Ф. Р.). У него высокая температура». — «Играть не сможет?». Сапроненков с сомнением пожал плечами. Кажется, и сегодня спать ему не довелось: глаза у него запали, под ними — черные круги...

Перед обедом я пригласил Сашу Пашкова на прогулку. В Праге было прохладно. Белые церемонные свечи прятались в кронах каштанов. Над Влтавой сдержанно пели дрозды. Я вдруг поймал себя на мысли, что и сейчас совсем не испытываю волнения.

Пообедав, я по своему обыкновению крепко уснул. Сон был глубоким и чистым, как у младенца. Через полтора часа я встал свежим и еще более спокойным. Чем ближе был матч, тем увереннее я себя чувствовал...

Мы вышли на лед, и я сразу увидел, что наши соперники выведены из равновесия: блед-

ные лица, скованные движения. Хозяев не взбудрило даже то, что болен Сергей Капустин. И хотя он (вот настоящий парень!) вышел на площадку, чтобы поддержать нас, соперники, конечно, знали о том, что у Сергея высокая температура...»

В том матче наши потеряли не только Капустина. По ходу игры был травмирован Мальцев, а затем и Лутченко (у нас на площадке играло пятеро защитников вместо шести). Но желания победить у наших ребят все-таки было поболее, чем у хозяев. Вот и первую шайбу забили именно они: Балдерис, прозванный за виртуозное катание «балериной», филигранно проскочил между двумя чехами — Кайклом и Бублой — и забил первый гол. Как ни старались хозяева отыграть эту шайбу, ничего у них не получалось. Наши защитники и Третьяк стояли, как стена, на их пути. Здорово играли и нападающие. О чем свидетельствовал следующий факт: во втором периоде наши играли в меньшинстве и сумели увеличить разрыв. Все произошло неожиданно для чехов. Михайлов поймал рукой летящую по воздуху шайбу и, вместо того чтобы отбросить ее к бортику, бросил ее себе на клюшку и переадресовал Петрову. И тот забил гол. Счет стал 2:0. Но и это была еще не победа.

На последей минуте периода, когда уже хозяева играли в меньшинстве, к нашим воротам прорвался Мартинец. Третьяк выкатился из ворот и загадал желание: мол, если отобью эту шайбу, мы — чемпионы. И ведь отбил! Вот как он сам об этом вспоминает:

«Я отразил шайбу, но в следующее мгновение Мартинец наткнулся на меня, сбил с ног, сразу образовалась куча-мала... А где шайба? Вот она миленькая, лежит в двадцати сантиметрах от линии ворот.

Соперники на всякий случай всей командой высыпали на лед, начали обниматься, а гола-то нет! «Ноу! — кричу я судьбе Пирсу. — Ноу!». А он и сам видит, что гола не было...»

В начале третьего периода, когда Владимир Голиков забил третью шайбу, многим показалось, что судьба матча решена. Многим, но только не чехословацким хоккеистам. Они словно проснулись после долгой спячки и ринулись на штурм ворот Третьяка. И уже спустя две минуты капитан сборной ЧССР Иван Глинка сумел наконец «распечатать» ворота

«непробиваемой двадцатки» (так называли нашего голкипера). До конца игры оставалось чуть больше 10 минут, и у хозяев появился реальный шанс испортить нам «обедню»: ведь нам нужна была победа с разницей в две шайбы. И чехи решили во что бы то ни стало забить еще один гол. Для этого в бой были брошены лучшие силы. А у нас чуть ли не полкоманды было травмировано. Не играли Капустин, Мальцев, Лутченко, Васильев (прямо на скамейке у него случился сердечный приступ). А тут в самом конце игры получил двухминутный штраф Билялетдинов. Трибуны буквально взорвались, требуя от своих любимцев подвига. Это был, наверное, самый драматичный момент игры. Как вспоминает все тот же В. Третьяк:

«Я никогда не смотрю на табло во время матча, не считаю оставшегося времени. А тут, каюсь, не выдержал, поднял голову — осталось продержаться пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, и все — мы чемпионы. Только пятнадцать... Это были самые длинные секунды в моей жизни. Я считал про себя: «...три, две, одна».

А когда прозвучала сирена, я на мгновение потерял контроль над собой — клюшку разнес о лед вдребезги. Я что-то кричал, и нам что-то кричали.

А на скамейке, не стыдясь, плакал Тихонов...»

В те минуты плакал не только тренер нашей команды, но и многие из советских болельщиков, кто смотрел эту трансляцию по телевизору. Я сам не смог сдержать слез восторга, после того как сирена возвестила о том, что наши ребята стали чемпионами. Да что там я, сам Брежнев, как мальчишка, орал и свистел от восторга на своей даче после этой грандиозной победы, чем здорово напугал своих домочадцев. Говорят, на следующий день генсек приехал в Кремль и первое, что сказал своим соратникам: «С победой, товарищи!» Некоторые из членов Политбюро, кто не интересовался хоккеем и не знал о вчерашней игре, удивились: «С какой победой, Леонид Ильич?» «С нашей, победой, — ответил генсек. — Вчера наши хоккеисты выиграли чемпионат мира. И я думаю, что будет правильным, если мы по достоинству их за это наградим. Возражения есть?» Возражений, естественно, не было. Когда наши хоккеисты вернутся на родину, их на-

градят орденами «Знак Почета» и «Дружба народов». А двое игроков — Борис Михайлов и Владислав Третьяк — впервые за победу на чемпионате мира будут удостоены орденов Ленина.

Но если для Владислава Третьяка и его товарищей по команде те дни запомнились с самой лучшей стороны, то для баскетболиста ленинградского «Спартака» и национальной сборной страны Александра Белова — с самой худшей. А произошло вот что. После чемпионата страны (он завершился в конце апреля, и ленинградский «Спартак» взял на нем «серебро») команда Белова должна была отправиться для товарищеских игр в Италию. Поездка эта считалась престижной, поскольку в такой стране, как Италия, можно было хорошо «прибарахлиться». Что имеется в виду? В те годы многие советские спортсмены, выезжавшие за рубеж, вывозили с собой дефицитные для западного покупателя товары (вроде икры, водки) и обменивали их на вещи, дефицитные у нас: аудио- и видеоаппаратуру, одежду, обувь и т. д. Для этих целей в каждой группе отъезжающих спортсменов были специальные люди, которые в своем багаже и провозили контрабанду (их называли «зайцами»). В основном это были игроки-середнячки, потеря которых для команды в случае разоблачения была бы несущественна. Однако в той злополучной поездке ленинградского «Спартака» в Италию игроки почему-то решили доверить контрабанду Александру Белову. Тому бы возмутиться за такое «доверие», отказаться... Но, видимо, на то и был сделан расчет, что Александр при своей природной доброте воспримет это без скандала. Так оно и получилось. Взяв сумку, в которой на этот раз лежали не какие-нибудь водка или икра, а иконы (!), спортсмен ступил на пункт таможенного контроля. И именно его багаж внезапно решили проверить таможенники.

Позднее выяснится, что произошло это отнюдь не случайно. Один из игроков команды, мечтавший играть в стартовой пятерке и видевший в Белове основное препятствие к этому, решил его убрать чужими руками. Он «стукнул» куда следует о том, что в багаже Белова не предназначенные для провоза вещи, и знаменитого центрального задержали.

По другой версии, эту провокацию специально подстроили чиновники из Спорткомите-

та, чтобы выбить знаменитого центрального из ленинградского «Спартака» и переманить его в Москву. На эту версию косвенно указывает ряд фактов. Например, такой: вскоре после скандала на таможне тот человек, который всучил ему злополучные иконы, настоятельно советовал переходить в ЦСКА, где ему сразу восстановят все звания и возьмут обратно в сборную. Белов это заманчивое предложение отверг. Не мог он предать команду, тренера, которые, собственно, и сделали из него настоящего спортсмена. Между тем именно этот инцидент во многом станет поводом к преждевременному уходу великолепного спортсмена из жизни. Но не будем забегать вперед.

Во Львове, на съемках «Д'Артаньяна и трех мушкетеров», разгорелся нешуточный скандал: актеров обвинили... в антисоветской пропаганде. Выяснилось же это следующим образом. Как мы помним, съемочную группу поселили в одну из лучших гостиниц города — «Ульяновскую», принадлежавшую обкому. И практически все номера в ней были нашпигованы «жучками», имевшими «прописку» в львовском КГБ. А актеры, как мы помним, чуть ли не каждый день после съемок устраивали в своих номерах пьяные посиделки с девочками, на которых не только похвалялись кусками из своих ролей, но и травили анекдоты, а Боярский даже пародировал самого Брежнева. В итоге режиссера фильма Юнгвальда-Хилькевича вызвали в КГБ. «Вы знаете, что ваши артисты пародируют Брежнева?» — спросили его с порога. «Нет», — честно ответил режиссер. «А что они кроют матом Ленина?» Тут Хилькевичу вовсе стало дурно. «Не верите? — продолжали бушевать чекисты. — Тогда мы вам это сейчас продемонстрируем», — и они включили гостью магнитофонную ленту, на которой Лев Дуров называл вождя мирового пролетариата фашистом и лысым кретином. Услышав это, Хилькевич понял, что фильм вот-вот накроется медным тазом, а всю съемочную группу ждут Соловки. Надо было срочно спасать и себя, и всех остальных. Но как? Идея пришла в тот самый момент, когда чекистский палец нажал на кнопку «стоп» в магнитофоне. Режиссер сказал: «Я вас прекрасно понимаю. Но и вы нас поймите. Это же артисты. Они — обезьяны. Они и меня кривляют постоянно, и директора фильма. Они же без этого не могут. Хотя и говорят они

такое, все равно они патриоты своей родины. Ведь Чехов тоже ругал русский народ. И — ничего». Короче, ему удалось убедить чекистов, что больше таких случаев в его группе не будет. И слово свое сдержал. Когда он рассказал об этой встрече актерам, те перепугались и с тех пор завязали и с анекдотами, и с пародиями. Но не с пьянками-гулянками.

Но вернемся в Москву. Здесь знаменитая балерина Майя Плисецкая угодила в сложную ситуацию. Близится юбилейный вечер, посвященный 35-летию работы Плисецкой в Большом театре, и она хочет, чтобы он запомнился надолго. Для этого она выбрала для показа второй акт «Лебединого озера», а также «Айседору» и «Болеро» обожаемого ею Мориса Бежара. Причем «Болеро» с ее участием видели чуть ли не во всем мире, но только не на родине балерины. Значит, полагает Плисецкая, это должно произвести особенное впечатление на столичную публику. Как вдруг... директор Большого театра Иванов грудью встает на пути «Болеро». Вызвав к себе Плисецкую, он заявляет: «Станцуйте что-нибудь другое». Та в недоумении: «Зачем другое?». «Москвичам это чуждо», — следует ответ. «Но это мой вечер. В мою честь», — пытается вразумить директора балерина. «Да, ваш. Но в театре нет стола под «Болеро». — «Стоимость постройки стола для моего танца я оплачу из своего кармана». — «А я говорю, что «Болеро» на сцене Большого театра идти не может», — продолжал упорствовать директор. «Но почему? Ведь явно не из-за стола», — пыталась докопаться до истины балерина. Но Иванов правду не говорил и продолжал бубнить: не пойдет, не может, нельзя. Так они ни о чем и не договорились. Плисецкая покинула кабинет крайне раздраженная.

И только спустя несколько дней ее коллега по театру Петр Хомутов раскрыл балерине глаза на происшедшее. Оказывается, Иванов считал «Болеро» разнузданным порнографическим балетом: там полуголая женщина танцевала на столе, а вокруг толпились мужики. По его мнению, «Болеро» был предназначен для «Фоли Бержера» и «Мулен Ружа», но ни в коем случае не для Большого. Плисецкая удивилась: «А разве Иванов видел «Болеро»?» «Вряд ли, — ответил Хомутов. — Но кто-то из ездивших с вами в Австралию написал ему докладную записку. И даже фотографии приложил».

Однако даже после всего услышанного Плисецкая не оставила попыток добиться справедливости. Довод у нее был тот же: «Вечер мой, и я вправе танцевать то, что мне нравится». Плисецкая отправилась напрямик в ЦК КПСС, к тамошнему секретарю Зимянину. Увы, и там ее ждало разочарование. Иванов уже успел доложить Зимянину об этом инциденте и расписал «Болеро» в таких красках, да еще продемонстрировав фотографии, что секретарь ЦК сразу встал на его сторону. И Плисецкая встала перед непростой дилеммой: либо идти до конца и отменять юбилейный вечер, либо заменить «Болеро» чем-то другим, например «Кармен-сюитой». Весь театр застыл в ожидании того, что же будет. Однако о том, что произошло дальше, я расскажу чуть позже, а пока взглянем на афишу столичных кинотеатров.

В первой половине мая состоялись следующие кинопремьеры: 1-го в прокат вышла комедия Владимира Грамматикова «Усатый нянь» с Сергеем Прохановым в роли шебутного воспитателя детсада; 15-го — «Хочу быть министром» Екатерины Сташевской с участием Валерия Никифорова, Валерия Шальных и др.; «Прыжок с крыши» Владимира Григорьева с участием супружеского дуэта в лице Виталия и Марии Соломиных; «Марка страны Гонделупы» Юлия Файта с участием Ии Саввиной, Паши Македонского, Данилы Перова и др.

Кино по ТВ: «Малыш и Карлсон» (т/сп), «Весна» (1-го), «Три веселые смены» (1—2-го), «Перед экзаменом» (премьера т/ф 3-го), «Опровержение» (3—5-го), «Великие голодранцы» (5-го), «Мужчина и женщина» (премьера ф/сп), «Это мы не проходили» (с субтитрами), «Случай с Польшинным» (7-го), «Мальчишки ехали на фронт» (8-го), «Освобождение», «Первый день мира» (9-го), «Там, где цветут эдельвейсы» (11-го), «Здравствуй и прощай» (12-го), «Васек Трубачев и его товарищи», «Повесть о человеческом сердце», «Преступление», фильм 1-й — «Обман» (с субтитрами), «Алло, такси!» (13-го), «Сказка о потерянном времени», «Проснись и пой!» (ф/сп), «Ожерелье для моей любимой» (14-го), «Невеста с Севера» (15-го) и др.

Театральные премьеры: 8-го в Театре им. Вл. Маяковского — «Бег» с участием Армена Джигарханяна (Хлудов), Владимира Самойлова (Қорзухин), Светланы Немоляевой (Серафима), Евгения Лазарева (Чарнота), Анатолия

Ромашина (Голубков), Натальи Гундаревой (Люська) и др.; 10-го в Театре им. Моссовета — «А существует ли любовь?» — спрашивают по-жарные» Э. Радзинского.

Эстрадные представления: 7-го в ДК 1-го ГПЗ пела Мария Лукач; 7—9-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием: Иосифа Кобзона, Ирины Понаровской и др.; 8—9-го — в ЦПКиО с участием: Иосифа Кобзона, Ивана Суржикова, ВИА «Самоцветы» и др.; 11—15-го в ГТЭ выступала Эдита Пьеха с ансамблем Григория Клеймица; 12-го в «Октябре» — Галина Карева; 14-го в ГЦКЗ «Россия» выступали артисты английской эстрады: Грег Бонам, Джулия Вильямс, вокальный дуэт «Липс». С 1-го в парке «Сокольники» начал принимать москвичей чехословацкий комплекс аттракционов «Луна-парк» (город Оломоуц).

15 мая в столицу солнечного Узбекистана город Ташкент прибыл один из грабителей ереванского банка Николай Галачян и его новый поделщик Владимир Купцов. Приехали они туда с одной целью: совершить первую попытку обмена похищенных из Госбанка денег (300 тысяч рублей) на облигации 3-процентного займа. Эта операция должна была показать, установлен ли контроль за украденными деньгами достоинством выше 10 рублей, или нет. Обмен должен был совершить, естественно, не сам Галачян, а его напарник, за что тому были обещаны хорошие комиссионные.

Марк Захаров продолжает работу над фильмом «Обыкновенное чудо». 16 мая на съемочной площадке (а съемки начались месяц назад) впервые появился исполнитель роли Короля Евгений Леонов. До этого он в работе над картиной не участвовал, поскольку играл другую роль: был главным в группе поддержки советских хоккеистов, участвовавших в чемпионате мира по хоккею с шайбой в Праге. Поспособствовав победе наших ребят на этом турнире, Леонов 15 мая вернулся в Москву, а на следующий день с утра был уже на «Мосфильме». В тот день снимались эпизоды первого появления Короля со свитой в трактире. Герой Леонова представлял трактирщику (Юрий Соломин) себя, свою свиту и просил предоставить им ночлег на время непогоды. На следующий день съемки эпизода были продолжены.

15—18 мая в Люблино проходил суд над видным диссидентом — доктором физических

наук, членом-корреспондентом армянской Академии наук (из которой его перед самым судом исключили), основателем московской группы наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений Юрием Орловым. Арестованный в прошлом феврале, Орлов просидел более года в тюрьме КГБ в Лефортово. Вот как вспоминают об этом судебном процессе разные люди.

А. Сахаров: «На суд приехало очень много друзей обвиняемого, много иностранных корреспондентов и представители некоторых иностранных посольств. Но на этот раз нас не пустили даже к зданию суда — специальные ограждения и наряды милиции не подпускали ближе 15—20 метров. Во время процесса жену и сына Орлова дважды обыскивали с применением грубой физической силы, срывали одежду — искали магнитофон с записью этого формально открытого суда. Даже адвоката однажды разошедшиеся гебисты подвергли насилию — заперли во время процесса в комнате рядом с залом...»

М. Геллер: «Ирина Орлова, жена обвиняемого, и двое его сыновей были единственными зрителями в зале суда, не работающими в «органах». Зал был целиком занят сотрудниками КГБ, и никому из «посторонних» войти не разрешалось. Ирину Орлову и ее сыновей обыскивали перед входом в зал, раздевая догола, чтобы они не пронесли магнитофон или карандаш с бумагой. Выйдя после первого дня заседаний с суда, Ирина Орлова заявила, что суд — это цирк, правда, для обвиняемого не смешной. Председательница суда отказалась вызвать свидетелей, названных обвиняемым, отказалась удовлетворить все его просьбы. Зато были вызваны все «свидетели» обвинения. Не считаясь с расходами, государство привезло из лагеря в Мордовии двух заключенных, которые заявили, что «условия жизни в лагере нормальные», спят эски «в больших и чистых бараках», в лагере «есть магазин, в котором продаются разные продукты». Короче — все советские люди не прочь жить, как живут советские заключенные...»

А. Сахаров: «В последний день суда, 18 мая, перед вынесением приговора, когда я стал громко настаивать, чтобы присутствующих друзей подсудимого пустили на суд, и стал протискиваться сквозь толпу, возникла потасовка. Меня,

а потом и других, поволокли в стоящие рядом милицейские машины; я ударил кого-то из гебистов, один из гебистов очень сильно и профессионально ударил Люсю по шее, она ему ответила. При заталкивании в машину Люся уже по инерции нечаянно ударила начальника местного отделения милиции. Нас с Люсей вскоре отпустили, а потом вызвали повесткой в суд. Обвинение — хулиганские выкрики во время суда; штрафы: мне — 50, Люсе — 40 рублей...»

Что касается Юрия Орлова, то суд приговорил его к высшему наказанию по статье 70 (антисоветская агитация и пропаганда) — к 7 годам лагеря строгого режима и 5 годам ссылки. Про этот суд советские СМИ практически ничего не писали, зато про другой процесс — тоже над диссидентами — писали обильно. Речь идет о суде над Звиадом Гамсахурдиа и Михаилом Коставой, состоявшемся в эти же дни в Тбилиси. Интерес советских СМИ к нему объяснялся просто: оба грузинских диссидента признали себя виновными и активно сотрудничали со следствием. За что и получили минимальные сроки: по 3 года лагерей и 2 года последующей ссылки.

В эти же дни в Москве состоялся еще один судебный процесс: над нелюдем, который держал в страхе всю столицу осенью прошлого года. Имя его — Анатолий Бирюков. Это он в течение месяца охотился на улицах города за грудными младенцами, насиловал их и убивал. Когда его поймали, Бирюков стал «косить» под сумасшедшего. Однако экспертиза в Институте психиатрии им. Сербского признала его вменяемым. 17 мая был вынесен приговор Бирюкову: расстрел.

Андрей Тарковский готовится на «Мосфильме» к очередным съемкам фильма «Сталкер». Как мы помним, в первый раз съемки ленты проходили летом прошлого года. Однако из-за брака пленки большая часть отснятого полетела в корзину. Тарковский обвинил в происшедшем цех обработки пленки, а также своего давнего партнера — оператора Георгия Рерберга. Последний не смог простить режиссеру этих обвинений и вышел из проекта. В начале этого года Тарковский закончил новый вариант сценария к фильму, собрал новую съемочную группу. 17 мая был подписан приказ о новом запуске «Сталкера» в производство,

вот-вот должны были начаться съемки, но случилось неожиданное: Тарковского свалил инфаркт. Его уложили в больницу, а съемочный период перенесли на начало июня.

18 мая в советских газетах появилось сообщение, что в швейцарском городе Лугано были объявлены лауреаты на получение медалей Международного фестиваля спорта. Среди награжденных впервые оказались спортсмены из Советского Союза: фигуристы Ирина Роднина и Александр Зайцев. По счастливому совпадению спустя две недели после этого сообщения Роднина забеременеет двойней.

19 мая в Москве КГБ арестовал известного правозащитника Александра Подробиника. Самое интересное, что за три дня до этого ареста диссидент уже знал о нем. Ему сообщил об этом тот самый капитан КГБ Виктор Орехов, о котором я уже рассказывал. Это он, внезапно разочаровавшись в целях и методах работы своего ведомства, переметнулся на сторону диссидентов и стал регулярно выдавать им секретную информацию: когда и кто из них будет арестован, за кем следят и т. д. В истории 5-го управления КГБ (идеология) это был, наверное, единственный случай подобного рода. Что касается Подробиника, то он поблагодарил Орехова за ценную информацию, но прятаться от КГБ не стал. Поэтому, когда те заявили на его московскую квартиру с ордером на арест, он лично открыл им дверь.

21 мая в столичном Доме кино, что на Васильевской улице, состоялся вечер в честь сборной Советского Союза по хоккею с шайбой, выигравшей, после двухлетнего периода, чемпионат мира и Европы в Праге. Зал был заполнен до отказа, поскольку хоккей в те годы любили все, а среди работников отечественного киноискусства таких людей было особенно много. Вся сборная СССР по хоккею во главе со своими тренерами Виктором Тихоновым и Владимиром Юрзиновым расположилась в углу сцены, откуда им прекрасно был виден не только зал, но и то, что происходило непосредственно на сцене. Вечер вел кинорежиссер Станислав Ростоцкий, который раз за разом вызывал для приветствия своих коллег. И те старались на славу. Особый восторг у спортсменов вызвала группа актрис (Надежда Румянцева, Людмила Хитяева и др.), которые,

водрузив на головы хоккейные шлемы, спели задорные куплеты про хоккей.

Между тем подошло к концу пребывание в Ташкенте одного из грабителей ереванского банка Николая Галачяна и его напарника Владимира Купцова. Как мы помним, прибыли они туда с разведывательной целью: обменять 300 тысяч рублей на облигации 3-процентного займа и выяснить, не установлен ли контроль за украденными из банка деньгами достоинством выше 10 рублей. Обмен производил Купцов, а Галачян в это время дежурил на улице возле сберкасс. Недельное пребывание в Ташкенте показало, что никакого контроля за украденными деньгами, во всяком случае в Ташкенте, не установлено. Что чрезвычайно обрадовало Галачяна. Он щедро расплатился со своим напарником за оказанную помощь, да еще расщедрился на то, что снял для себя и для него двух девиц, как тогда принято было говорить, легкого поведения. С этими девушками они практически каждый вечер «зависали» в дорогих ресторанах, где сорили деньгами направо и налево. Причем так сильно к ним «прикипели», что, когда пришла пора покидать гостеприимный Ташкент, предложили девушкам махнуть с ними в Москву. Девушки с радостью согласились. 22 мая четверка покинула столицу Узбекистана.

В тот же день писатель Константин Симонов написал письмо кинорежиссеру Эльдару Рязанову, с которым они были соседями по дачному поселку. Несмотря на свое соседство (а оба жили там больше десяти лет), они практически не общались, и их встречи носили мимолетный характер: здравствуй — до свидания. Причем Рязанов-то знал, с кем здороваются, а вот в отношении Симонова сомневался: знает ли тот, кому отвечает на приветствие. Но Симонов знал, только почему-то не считал возможным вступать с режиссером в более теплые отношения. Так продолжалось до тех пор, пока в руки Симонова не попала книга Рязанова «Грустное лицо комедии». Вот тут в душе классика советской литературы что-то шевельнулось, и он решил выразить свои чувства ему в письме (хотя мог бы и в гости зайти). Симонов писал:

«Дорогой Эльдар Александрович, прочел Ваше «Грустное лицо комедии», книгу, по-моему, очень хорошую, и захотелось сказать Вам

то, что как-то все не приходилось сказать, — хоть мы и соседи, — что я видел все Ваши фильмы (кроме «Девушки без адреса») и люблю их, и, судя по сказанному в Вашей книге, больше люблю те из них, которые больше любите Вы. Вот, собственно, и почти все. Кроме того, Вы делаете дело, которого я совершенно не умею делать, что в то же время не мешает мне чувствовать себя Вашим единомышленником в чем-то очень, особенно важном для Вас, для меня и для очень многих других людей, важном прежде всего в жизни, а затем уже и в наших профессиях.

От души желаю Вам всего самого доброго...»

Рязанов был чрезвычайно тронут этим письмом, перечитал его несколько раз. Потом он сядет и напишет ответное послание. А несколько лет спустя внезапно узнает, что Симонов прислал ему копию своего письма, отпечатанную на ксероксе, а подлинник оставил себе. Как пишет Э. Рязанов: «Я был потрясен вторично! Какая же забота о вечности! Какая сосредоточенность на бессмертии! Какого же он был мнения о каждом своем шаге, если так старался сохранить его для истории! Я уж не говорю о том, что он ни в грош не ставил меня, будучи, очевидно, убежденным, что я не сохраню его послания, вышвырну вон.

Я даже вспотел от напряжения. Ну, в крайнем случае оставил бы в своем архиве копию (ведь сохранилось бы!), а адресату все-таки отослал бы подлинник. Это было бы по-людски. Какое тщеславие! Какая мелочность! А рядом щедрость и доброта! Как неоднозначны люди! И как мы, в сущности, мало знаем о них.

Поостыв, я подумал: а может, это не сам Симонов так поступил, а его литературный секретарь, когда получила письмо Константина Михайловича для отправки мне. «Пусть лучше подлинник останется в архиве писателя, а с адресата будет достаточно и копии», — подумала, может быть, секретарь. Может быть! Не знаю. Не хочетсяневажно думать о Константине Михайловиче, удобнее так думать о литературном секретаре...»

Киношный мир Москвы тем временем живет вестями из Тбилиси. Несколько дней назад оттуда пришло тревожное сообщение: в автомобильную катастрофу угодила кинорежиссер Тенгиз Абуладзе. Он возвращался домой, когда ему навстречу выскочила легковушка. В лобо-

вом столкновении знаменитый режиссер получил серьезные увечья. Когда его привезли в больницу, врачи лишь развели руками: шансов на спасение практически не было. Но судьба оказалась благосклонной к режиссеру: целую неделю он пролежал в больнице без сознания, после чего медленно, но пошел на поправку.

А теперь вернемся к ситуации вокруг юбилейного вечера Майи Плисецкой, который должен состояться в Большом театре. Как мы помним, балерина хотела станцевать на нем «Болеро» Мориса Бежара, но директор театра, заручившись поддержкой в ЦК КПСС, запретил ей это делать, сочтя «Болеро» чистой порнографией. Любой другой в такой ситуации предпочел бы уступить, но только не Плисецкая. И она... Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Выход все же нашелся. Кто в иерархии Системы выше секретаря ЦК Зимянина? Только Брежнев. Надо добраться до него. Или — до одного из его ближайших помощников.

Ценою невероятных усилий удается встретиться с Андреем Михайловичем Александровым. Он — как бы правая рука Брежнева. Профессиональный политик. Человек достаточно образованный, знавший иностранные языки. Ему не пришлось, а это редкость, объяснять, что такое «Болеро», кто такой Морис Равель и при чем тут Морис Бежар...

Помогли мне и иностранные журналисты. Из театра в преддверии моего юбилея повеяло «запахом жареного», и журналисты активно стали помогать интервью со мной. А телефон-то прослушивают... Это уже чистая политика.

Но главной силой, поколебавшей дремучий тандем Иванов — Зимянин, был, повторю, Александров. Со слов его дополню — Александров говорил о моем отчаянии Брежневу, тот что-то промямлил доброжелательное в ответ, и Александров получил основание сослаться на авторитет первого официального лица страны...»

Юбилейный вечер Плисецкой состоялся во вторник, 23 мая. Зрителей пришло — яблоку негде было упасть. И особенный восторг у публики вызвало именно «Болеро», поскольку уже вся театральная Москва знала о противостоянии юбилярши со Старой площадью. Поэтому рукоплескала победительнице, что называется, не жалея ладоней. А Иванов от злости чуть

язык не проглотил. И потом целую неделю, по словам Плисецкой, ходил по театру с пепельно-фиолетовым лицом.

22—24 мая непривычное оживление царило в Горловском карьере, что в Одинцовском районе. Доселе безлюдное место стало вдруг местом паломничества... съемочной группы фильма «Обыкновенное чудо». Киношники приехали туда, чтобы снять всего лишь несколько натурных эпизодов в своей «безнатурной» картине (как мы помним, все действие фильма разворачивается в студийных декорациях). Первый день работы в карьере был целиком подготовительным: актер Александр Абдулов под руководством опытного наставника-дублера вскакивал на лошадь и мчался по карьере. 23—24 мая состоялись сами съемки: снимали эпизод, где Медведь и Принцесса мчатся на лошадях (вместо Евгении Симоновой снималась дублерша — Горячева). Кстати, Симонова на тех съемках едва не погибла. И не по вине лошади. Симонова стояла на краю карьера, как вдруг песок под ее ногами внезапно поехал. А внизу была огоромная лужа, глубина которой исчислялась несколькими метрами. Упав туда актриса, живой бы ее точно не достали. К счастью, ее дикий визг услышали находившиеся поблизости пожарные, один из которых и успел схватить сползающую вниз актрису за руку. Больше к краю карьера она уже не подходила.

На Одесской киностудии продолжают съемки другого будущего телехита — «Место встречи изменить нельзя». Съемки проходят без исполнителя главной роли Владимира Высоцкого, который, отснявшись в сценах «в бильярдной», уехал из Одессы (ему предстояло играть на сцене «Таганки», а также провести ряд гастрольных туров по стране). Пока на съемочной площадке не было Высоцкого, работа не останавливалась и снимались эпизоды без Жеглова. В частности, пролог фильма, который в окончательную редакцию не вошел: Шаррапов (Владимир Конкин) и Левченко (Виктор Павлов) выполняют разведывательное задание за линией фронта. Между тем буквально накануне этих съемок они едва не сорвались из-за того, что Конкин надумал... уйти из картины. О том, почему ему в голову пришла такая мысль, рассказывает сам актер:

«Работа над фильмом началась, но первые результаты никому не понравились. Тогда вдруг, совершенно неожиданно, Станислав Сергеевич Говорухин сказал фразу, которая меня просто сразила наповал: «Володя, ты меня предаешь! Я так тебя отстаивал, а у нас ничего не получается...»

Наверное, Говорухин не хотел меня обидеть. Должно быть, слово «предательство» для него значит гораздо меньше, чем для меня. Но я почувствовал себя уязвленным, униженным — как будто пощечину получил. И впервые отчетливо понял: никому я в этой картине не нужен.

Тогда я тихо собрал свой чемодан и уже решил было уезжать, как вдруг в дверь моего гостиничного номера постучался Виктор Павлов, с которым мы должны были сниматься в прологе фильма. Витя спрашивает: «Чего это ты чемодан собрал?» — «Да вот, Вить, уезжаю я. Не могу больше работать в такой обстановке, когда все тебя не любят, не понимают, а теперь еще и в предательстве упрекают. Да и Высоцкий давит, как танк, ничего не слушает, тянет одеяло на себя...» А именно так и было, чего скрывать? Не знаю, может, кому-то и приятно, когда на него орут. Мне приятно не было, у меня просто руки опускались... Другая порода, понимаете? Не толстокожий я, что ж поделаешь.

А Вите Павлову я буду по гроб жизни благодарен. Он взял сценарий и говорит: «Ладно, давай пойдем подышим. На поезд ты еще успеешь, я тебя даже провожу». Мы вышли на улицу. Смеркалось. А неподалеку от нашей гостиницы был то ли институт марксизма-ленинизма, то ли еще что-то в этом роде, и там стояли на пьедесталах Маркс и Ленин. Вот в этих декорациях Витюша начал читать сценарий. Как смешно было!.. Мне и в голову прийти не могло, что это, оказывается, просто комедия, водевиль, канкан на тему борьбы с бандитизмом! По крайней мере в интерпретации Витюши все выглядело именно так. Он вообще прекрасный рассказчик, знаток анекдотов и всяких смешных историй. Как он читал!!! И в обнимку с Карлом Марксом, и в обнимку с Лениным... Я просто умирал от смеха! В общем, ему удалось вырвать меня из атмосферы всеобщей агрессивности, поддержать и успокоить. Мы вернулись в гостиницу, распили бутылочку сухого вина, и я, умиротворенный, заснул. Наутро

моих страданий и след простыл, и я уже был готов к дальнейшей работе...»

Владислав Дворжецкий находится на гастролях в Поволжье. 21 мая он позвонил жене и сообщил, что у него вырисовывается несколько свободных дней, которые он хочет провести дома. На следующий день он приехал в Москву. Вот как об этом вспоминает его жена Н. Литвиненко:

«Мы договорились, что я его встречу. Хотя он делал вид, что не любит проводов-встреч, но на самом деле всегда был очень рад и тому, и другому.

Утром пытаюсь поймать такси, а его все нет... Катастрофически опаздывая, я все-таки долетела до вокзала, прибежала на перрон — а там нет не только Владика, даже поезда уже нет. Расстроилась ужасно!.. Опять в такси — и домой. Подъезжаю к подъезду — и, о радость, вижу, как Владик выгружает вещи и коробки из такси. Увидев меня, шагнул и сказал: «А я уж было подумал, что ты у мамы в Подольске!». Потом мы поехали к Таисии Владимировне (мать Владислава. — Ф. Р.) и весь день были у нее.

К вечеру я засобиравшись домой, так как там осталась одна моя собака — колли Карри. Ее надо было вывести погулять, накормить... Таисия Владимировна стала просить Владика переночевать. Тогда он попросил меня тоже остаться. А собака?.. И я уехала. Но на следующий день (23 мая), уже рано утром, Владик был дома. И пожаловался: «У меня всю ночь так болел живот...» Но это были уже спазмы, связанные с заболеванием сердца и сосудов, которые отдаются в животе и пищеводе. У моего отца тоже было больное сердце, он перенес ранний инфаркт, поэтому я с детства знаю, что это такое...

— Владик, я тебя прошу, давай поедем в больницу, давай покажемся врачам...

— Я не могу ничего изменить, ты же понимаешь... Вот приеду и обещаю — буду лечиться столько, сколько нужно.

На другой день в четыре часа с Белорусского вокзала у него отходил поезд (Дворжецкому предстояли недельные гастроли по Белоруссии. — Ф. Р.). Я прибежала с работы. Договорилась с машиной, чтобы не ловить такси. Купила ему новый плащ. Он очень ценил это, поскольку... я думаю, не очень много ему в жизни

перепало заботы... Идем мы по перрону. Влад возвышается над толпой (рост-то метр восемьдесят!), красивый, в новом плаще, только бледнее обычного. И потихонечку от меня засовывает таблетку под язык. «Тебе плохо?» — «Прекрасно», — и улыбка во все лицо...

У нас с Владиком был уговор: простившись, развернулись в разные стороны и уже не оглядываемся друг на друга. «Не оглядывайся» было законом. Но когда я провожала его в последний раз, уже уходя по перрону, я вдруг оглянулась. Какая-то тяжесть навалилась на меня, и я не выдержала. Владик плохо себя чувствовал, но я не боялась, все-таки надеялась, что, когда он вернется, мы будем серьезно его лечить. Оглянувшись, наткнулась на его взгляд, и он тоже смотрел мне вслед. И вот это меня поразило больше, чем то, что я сама оглянулась... Мы помахали друг другу, и я сломя голову побежала проводить комиссию по делам несовершеннолетних. Хотя мне так хотелось постоять и подождать, когда уйдет поезд... Это было нашим последним прощанием...»

В тот же день, когда Дворжецкий покидал Москву (в среду 24 мая), в столице случилось ЧП: вооруженный террорист захватил офис финской авиакомпании «Финнэйр», что в проезде Художественного театра. Это произошло утром. Преступник, вооруженный обрезом и в черной маске, забежал в офис и, произведя выстрел по витрине, потребовал вызвать к нему руководителя компании. Когда тот появился, террорист заявил, что хочет улететь в Финляндию и компания должна ему в этом помочь. «Иначе всех перестреляю!» — орал преступник.

Спустя пять минут к месту происшествия уже подтягивались милицейские службы. Первым возле «Финнэйра» оказался наряд во главе с лейтенантом Дмитрием Титенковым из Фрунзенского РУВД. Милиционеры подогнали к дверям офиса «рафик», груженный книгами, пытаясь тем самым лишить террориста обзора. Под прикрытием автомобиля Титенков добрался до входной двери и заглянул внутрь. То, что он увидел, смахивало на кадры из западного боевика: сотрудники компании лежали на полу, а террорист в маске и с обрезом стоял над ними и кричал, чтобы ему предоставили возможность улететь за границу. Титенков сделал попытку разрешить конфликт по-хорошему. Он предложил преступнику выйти и сдаться,

на что тот ответил выстрелом из обреза. Пуля угодила в «рафик». Лейтенанту не оставалось ничего иного, как идти на штурм (у милиционеров была собака, но пускать ее внутрь было нельзя — она могла не разобраться, кто преступник).

Выждав момент, когда террорист отвлекся, Титенков проскочил в предбанник офиса. Затем с помощью палки он приоткрыл первую дверцу, потом вторую. Прямо перед собой, в нескольких шагах, он увидел лежавшего на полу заложника — мужчину средних лет. Лейтенант попытался подать ему сигнал, но в это время его заметил преступник. «Ах ты падла!» — заорал террорист и выстрелил в милиционера. Однако пуля и на этот раз не достигла цели, ударившись в стену. Пока бандит перезаряжал обрез, Титенков крикнул заложнику, чтобы тот бежал на улицу, а сам сменил дислокацию — отбежал к другой перегородке. Едва он успел это сделать, как террорист выстрелил еще раз. Но пуля снова угодила в бетон. Титенков произвел ответный выстрел из «макарова», но и он оказался неудачным.

Поединок милиционера и террориста продолжался в течение нескольких минут. За это время лейтенант семь раз подставлял себя под пули, пытаясь тем самым лишить преступника патронов. Сам лейтенант произвел из табельного пистолета всего три выстрела. Но решил исход этого поединка отнюдь не свинец. Когда нервы террориста не выдержали и он подбежал к тому месту, где спрятался лейтенант, чтобы расстрелять того в упор, Титенков бросился ему навстречу. Ударом ноги страж порядка выбил у бандита из рук обрез, после чего повис у него на плечах. В тот же миг в офис ворвались коллеги лейтенанта, и общими усилиями террориста удалось обезвредить. За проявленное мужество лейтенант Дмитрий Титенков был награжден орденом Красной Звезды.

В эти же дни громкое преступление было совершено в Ленинграде. Там среди бела дня, прямо в центре города, некий молодой человек выхватил из кармана пиджака молоток и разбил витрину ювелирного магазина «Аметист». Пока работники магазина приходили в себя, преступник быстро сгреб все выставленные на витрине драгоценности в портфель и бросился бежать. На углу он передал портфель своему сообщнику, и они разбежались в разные сторо-

ны. Казалось, что преступники предусмотрели все: и внезапность ограбления, и передачу портфеля друг другу, и пути возможного отхода. Не учли только одного: реакцию свидетелей. Между тем среди них нашелся тот, кто не согласился с ролью немого статиста, а смело бросился в погоню. Смелчаком оказался студент 5-го курса Ленинградского технологического института холодильной промышленности Михаил Дороднов. Парнем он оказался не только смелым, но и настырным: бежал за преступником несколько сот метров, пока не догнал его и не сбил с ног. Студент держал преступника в низком партере до тех пор, пока ему на помощь не прибежал милиционер — участковый С. Костомаров. Вдвоем они скрутили грабителя и доставили его в отделение милиции. И хотя в течение доброго часа преступник ломал дурочку — утверждал, что витрину разбил по пьяни, а где драгоценности и вовсе не ведает, — но ему никто не поверил. В итоге был изобличен и он сам, и его сообщник, в доме которого были найдены все похищенные драгоценности. А храброго студента наградили денежной премией.

25 мая Елена Боннэр уговорила-таки своего мужа Андрея Сахарова сесть за написание мемуаров. По ее словам выглядело это следующим образом: «Мы шли на день рождения к моей тете. Из большинства нашей родни она ни в какие годы — ни в тридцать седьмые, ни в Андреевы — не прерывала дружбы с нами, и Андрей пользовался ее особой симпатией. Мы подымались по лестнице. Андрей шел впереди. В какой-то момент свет, падающий из окна и через лестничный пролет, отделил его от меня. Он стал уходить за свет. Туда... высокий. Еще совсем не сутулый. В зеленоватом костюме... И я поняла: он должен написать эту книгу...»

А теперь из Москвы перенесемся в городок Камышлов, что в Свердловской области. Там в эти дни был уничтожен до основания замечательный памятник архитектуры — Александр-Невская церковь. Построенная в конце XIX века, она стояла в центре города, и вплоть до 1930 года ее прихожанами были несколько тысяч горожан и жителей близлежащих деревень. Церковь была красива как снаружи, так и внутри: на ее стенах размещались уникальные росписи из жития святых. При большевиках церковь закрыли, крест сбросили, колокольню

разбили. Там разместили столовую для учащихся профтехучилища, а в доме настоятеля разместили автостанцию. В таком виде здание просуществовало до мая 78-го. А потом камышловские власти надумали строить на этом месте новый горисполком и запросили «добро» на снос здания у 1-го секретаря Свердловского обкома Бориса Ельцина. Тот проконсультировался с Москвой и дал отмашку: взрывайте. А чтобы верующие люди особо не возмущались, камышловцам объяснили, что церковь сносится «ввиду аварийного состояния» (на самом деле она была в хорошем состоянии — наши предки строили надолго, не чета современным строителям).

Уничтожение церкви назначили на 25 мая. Саперов-подрывников пригласили заранее из Свердловска. Несмотря на рабочий день (четверг), перед церковью собралось чуть ли не полгорода. Однако милиция, вызванная для оцепления, не пускала людей ближе чем на 300 метров. Как утверждают очевидцы, все было кончено за какие-нибудь полминуты. Не обошлось без мистики. Говорят, во время взрыва раскололся алтарь, и оттуда вырвался огромный фонтан воды, который бил несколько дней подряд. А ведь водопровода под зданием никогда не было. Люди потом долго судачили, что таким образом плакала церковь.

А теперь вновь вернемся в Москву. В тот же день вечером во Львов на съемки фильма «Д'Артаньян и три мушкетера» должны были улететь исполнители двух главных ролей: Вениамин Смехов (Атос) и Лев Дуров (де Тревиль). Но у обоих на вечер были назначены спектакли: Смехов играл злодея Клавдия в «Гамлете», Дуров — злодея Яго в «Отелло». Требовались какие-то экстренные меры, чтобы артисты смогли успеть во Внуково на последний рейс самолета. И меры были приняты: оба актера уговорили своих партнеров чуточку ускорить ход спектакля, а администраторов театра ужать антракт минут на пять. В итоге оба спектакля закончились на 15 минут раньше обычного. Пулей вылетев из своих театров, Смехов и Дуров поймали такси и рванули в аэропорт. Вот как об этом вспоминает один из участников той гонки — В. Смехов:

«Несутся из двух театров в одну точку два шекспировских негодяя. В одну точку земного шара стремятся их мечты: во Львов... Таксист

мой ловко объезжает всех, дает резкий вираж из туннеля Садового кольца вправо, к Ленинскому проспекту. Его прижимает машина ГАИ. Радиоголос велит прибиться к обочине. Таксист, не сбавляя скорости, сближается с врагом, кидает в окно начальнику десятку, орет: «Извини, дорогой, мушкетер на самолет опаздывает!»

Я — во Внуково. А вот и Дуров. А вот и очередь на посадку. Дуров каким-то чудом уже сговорился с пилотами, нас ждут! Но дежурная, проверяя пассажиров, вдруг страстно возненавидела нас обоих — нё пушу, и все! Мы и так, и эдак — она уже кричит: «Отойдите без билетов, самолет не пойдет, здесь командую я!» И правда, без ее слова взлета не будет.

Лева с разбегу прошмыгнул и исчез вдали. Тетка совсем обозлилась. Я в отчаянии: не быть мне во Львове, а завтра — все актеры будут в кадре, без меня нельзя, другого дня такого не предвидится, Хилькевич сойдет с ума. И при последних свидетелях из очереди я внезапно и вдохновенно пророчествую: «Слушайте, вы! Запомните мои слова! Скоро выйдет фильм «Три мушкетера». Его полюбит весь советский народ! И когда его все полюбят, я найду ваш дом, приеду к вашим детям и скажу им: дети, хотите знать, кто эта тетка, Баба-яга, которая одна на всю страну мешала снимать ваш любимый фильм? Это ваша мать, дети!»

Тетка остолбенела от моей наглости и крика, а я скрылся в момент ее столбняка и вспорхнул по трапу в салон самолета. Команда и пассажиры — наши болельщики. Когда дежурная вошла на проверку, нас нигде не оказалось. Народ секрета не выдал! Самолет взлетел. Мы вышли из своих укрытий: Яго — де Тревиль покинул рубку пилотов, а Клавдий — Атос вышел из гардероба, где задыхался меж синих габардиновых пальто летчиков...»

Когда актеры прибили, в аэропорту их никто не встретил. Но они этому не удивились: знали, какой бардак царит в съемочной группе. Поймали такси и сами добрались до гостиницы «Ульяновская», где обитали киношники. Но там их поджидали новые приключения: обоих поселили не в отдельные номера, а с постояльцами. А у актеров завтра съемки, им выспаться хочется. Но директор фильма в ответ заявляет: «Ничего, не прынцы. Вот до вас здесь жила Алиса Бруновна Фрейндлих, вот это жен-

щина! Звезда покруче вашего, а хоть бы какой каприз учудила. Даже голову холодной водой мыла и молчала!»

Утром Смехов и Дуров приехали на съемочную площадку позже всех — ночь-то была бурной. Штаб группы расположился в здании Дома культуры, там же находились и гримерные. Когда актеры вошли в ДК, они ахнули: на полу, прямо вповалку, спали их коллеги-мушкетеры: Михаил Боярский (д'Артаньян), Валентин Смирнитский (Портос) и Игорь Старыгин (Арамис). От них несло таким перегаром, что проходивших мимо чуть ли не с ног валило. Самое интересное, но когда вскоре будет дана команда «по коням!», мушкетеры мгновенно вскочат на ноги и, взобравшись на своих лошадей, будут выглядеть уже как огурчики.

В тот день за городом снимались эпизоды проезда мушкетеров по полю на лошадях. Четверка мушкетеров неслась галопом навстречу оператору с камерой, и лица их были серьезны и сосредоточенны. Глядя на них и не скажешь, что их обладатели вчера провели бурную ночь: один нелегально пробрался на борт самолета, трое других пропьянствовали в гостиничном номере. Кстати, для Смехова и этот день оказался беспокойным. Когда оператор скомандовал: «Стоп! Снято!» — три мушкетерских коня разом остановились, а вот смеховский — его звали Воск — и не подумал. Он еще шибче понесся по полю, унося своего всадника в безбрежную даль. И что только не делал Смехов: кричал «Стой, сволочь!», натягивал узду, бил коня пятками по бокам — все напрасно. А впереди уже маячил овраг. У Смехова буквально душа ушла в пятки от мысли о том, что будет, если Воск надумает перемахнуть через него. И он в очередной раз изо всех сил натянул узду. Воск сделал «свечку»... и Смехов рухнул на землю. К счастью, падение оказалось не слишком болезненным, и Смехов благополучно встал на ноги. Ему потом за эту «свечку» еще и трюковые заплатили.

26 мая в Госкино состоялся просмотр фильма «Женщина, которая поет». Как мы помним, с тех пор как работа над лентой была закончена (а случилось это еще месяц назад), ее никак не хотела принимать Главная сценарно-редакционная коллегия. Там обнаружили в фильме массу недостатков: и пошлый он, и актеры играют безобразно и т. д. и т. п. Фильм был от-

правлен на доработку, а режиссеру-постановщику Александру Орлову даже вклеили выговор и снизили ему размер постановочного вознаграждения на 20%. Ленту вполне могли бы и вовсе положить на полку, а убытки списать за счет студии (подобное тогда практиковалось), но случай был не тот: все-таки в главной роли снималась сама Алла Пугачева, а это обещало создателям картины, даже при наличии ее низкого художественного уровня, колоссальные прибыли. Короче, Госкино фильм приняло и заставило это сделать и ГСРК.

В тот же день, 26 мая, в судьбе одного из главных участников этой истории — Аллы Пугачевой — произошла знаменательная встреча: певица познакомилась со своим очередным будущим мужем — Евгением Болдиным. Тот тогда работал директором программ фестивального отдела Росконцерта, и именно ему поручили переманить к себе Пугачеву. Идея эта появилась неспроста. Дело в том, что до этого Пугачева числилась за Москонцертом, но в последнее время ее отношения с этой организацией сильно испортились. Певице платили там мизерные деньги — 21 рубль 50 копеек за концерт, — хотя она была уже суперпопулярной. И сколько она ни просила повысить ей ставку, все ее просьбы разбивались как о стену горох. Вот тогда-то на ее горизонте и возник Росконцерт.

В тот знаменательный день Болдин навестил Пугачеву в ее квартире в Вешняках. Они просидели на кухне три часа, потягивая из высоких фужеров вино и обстоятельно беседуя о будущей совместной работе. В предложениях, которые высказал ей Болдин, Пугачеву устроило практически все: и размер ставки, и гострольные графики, и то, что директором у нее будет ее нынешний гость. Как вспоминает сам Е. Болдин, «у Аллы не было тогда ни своего коллектива (ансамбль «Ритм», с которым она выступала, ей не принадлежал и был приписан к Харьковской филармонии. — Ф. Р.), ни своего звукорежиссера, ни своего костюмера, ни своей аппаратуры — ничего не было. Все это она должна была получить в Росконцерте...»

Владислав Дворжецкий находится с гастролями в Белоруссии. 25 мая вечером он с приятелем мчался на машине в Гомель, где завтра у него должна была состояться очередная встреча со зрителями, и едва не погиб. Автомо-

биль несся на приличной скорости, и километров за 30 от города ездки не заметили стоявший на обочине неосвещенный трейлер. Удар был настолько сильным, что крышу автомобиля срезало как бритвой. Однако находившиеся в салоне Дворжецкий и его пассажир не получили даже царапины.

Злоключения Дворжецкого на этом не закончились. На следующий день в Гомеле состоялась его очередная встреча со зрителями. Казалось, все было прекрасно: удобный зал, большое количество зрителей, пришедших на встречу со своим любимым актером. Но все испортил пьяный киномеханик. Он начал ставить бобины с кусками из фильмов, где снимался Дворжецкий, не в той последовательности, как того требовал сценарий, и актер вынужден был прервать вечер где-то на середине. Извинившись перед публикой, Дворжецкий пригласил их прийти на следующий день по этим же билетам. И хотя в день концерта он чувствовал себя неважно, но отменить его никак не мог — он же обещал людям.

27 мая балерина Майя Плисецкая свалилась в постель после резкой боли в пояснице. Произошедшее было вдвойне обидно, поскольку через три дня Плисецкая должна была лететь в Аргентину, чтобы участвовать в открытии очередного чемпионата мира по футболу. Спросите, при чем здесь футбол? Дело в том, что Плисецкая была очень популярна в Аргентине, поэтому устроители чемпионата и замыслили, чтобы именно она сделала первый символический удар по мячу в первом матче чемпионата. Однако за три дня до вылета, собирая вещи, она сняла с высоких антресолей чемодан и почувствовала, как в спине кольнуло. Она не придавала этому большого значения и была наказана за это. Ночью на нее внезапно обрушилась нестерпимая боль — такая пронзительная, что бесконтрольно начали стучать зубы, била лихорадка. Супруг балерины композитор Родион Щедрин вызвал «Скорую помощь». Врач сделала балерине укол, прописав постельный режим.

Леонид Брежнев на выходные (27—28 мая) приехал в Завидово, чтобы поохотиться на кабанов. Настроение у генсека было прекрасное, охоту он любил страстно, что называется, до самозабвения. Однако на этот раз удовольствие от любимого занятия было смазано двумя

инцидентами. Один из них произошел в первый же день. Брежнев решил пострелять в кабанов не с вышки, а из мчащегося по лесной чащобе автомобиля, и был за это наказан. На одном из участков трассы машину подбросило вверх, и Брежнев, уже взявший ружье на изготовку, прикладом разбил себе бровь. Причем так сильно, что из-за обильной крови даже перестал на какое-то время видеть.

На другой день Брежнев продолжил охоту, но теперь уже в более спокойной обстановке — взобрался на вышку. Здесь риска не было никакого: лежи себе и жди, когда кабаны выйдут к приманке. Но, как говорится, если не везет — так не везет. Брежнев и здесь умудрился получить травму: во время выстрела так неловко обращался с ружьем, что приклад угодил ему в переносицу. И вновь — боль, кровь. Врачам опять пришлось экстренными мерами останавливать кровотечение. После двух этих случаев Брежнев с грустью заметит: все, я больше не стрелок. И с тех пор перестанет охотиться сам: это за него будут делать его телохранители, а он будет только наблюдателем.

Утром 28 мая Владислав Дворжецкий сделал попытку позвонить домой в Москву, чтобы сообщить жене, что у него все нормально. Однако к телефону никто не подошел: жена домой вернулась только в половине девятого вечера. И стала ждать звонка из Гомеля. Но телефон как-то странно потренькивал, как будто кто-то хочет, но не может пробиться по междугороду. Жена даже сказала другу мужу Андрею, который заехал к ней в этот час: «Это Владик пробивается. Точно он». Но звонка так и не последовало.

До позднего вечера Дворжецкий действительно пытался пробиться в Москву, а когда понял, что это бесполезно, бросил трубку. Нещадно болело сердце. Таблетка, положенная под язык, не помогала, тогда он взялся за сигареты (хотя врачи категорически запретили ему курить). В половине десятого вечера он лег на кровать и взял в руки книгу «Животный мир Белоруссии», подаренную ему на одном из концертов. Но смог прочитать всего лишь несколько страниц. В 21.45 сердце актера остановилось.

В тот же день, но уже в Москве, скончался писатель Юрий Домбровский. Этот литератор принадлежал к числу запрещенных, поскольку

писал книги, не соответствующие духу «социалистического реализма». Свой первый роман — «Державин» — Домбровский написал в начале 30-х годов, когда отбывал ссылку в Алма-Ате. Роман, естественно, не напечатали. Та же участь постигла и вторую книгу — «Обезьяна приходит за своим черепом», тоже написанную в Алма-Ате, но уже в начале 40-х. В 1949 году Домбровского арестовали и отправили в Озерлаг.

Первая книга Домбровского была напечатана во времена хрущевской «оттепели» и вызвала фурор: это был роман «Хранитель древностей», опубликованный в 1964 году в «Новом мире». Он был признан лучшей публикацией года, вызвал волну читательских откликов, сотни переводов и рецензий на Западе. Однако родная критика про роман стоически молчала, поскольку команды сверху на этот счет не поступало. Но Домбровского это мало волновало. В марте того же 64-го он сел за продолжение «Хранителя» — роман «Факультет ненужных вещей». Он заключил на него договор с тем же «Новым миром», хотя и отдавал себе отчет, что роман из «плана 2000 года». Книгу действительно в Советском Союзе никто не собирался публиковать, зато западные издатели буквально осаждали Домбровского. В результате в 1978 году роман был напечатан во Франции. Домбровский успел полистать это глянцево издание, а спустя месяц — через 16 дней после своего 69-летия — скончался. По словам жены писателя Клары Тумановой-Домбровской, произошло это следующим образом: «28 мая он встал со стула, прошел два шага и упал на пол. Я вызвала «Скорую» и бросилась делать ему искусственное дыхание. Когда «Скорая» приехала, врач спросил меня: «Вы что, собственно, делаете?» Я посмотрела и поняла, что тело уже остекленело...»

А теперь послушаем воспоминания другой женщины — жены актера Владислава Дворжецкого Натальи Литвиненко: «В двенадцать часов дня 29 мая я поехала к маме в Подольск. Целый день мы с родителями провели в воспоминаниях о Владе, в разговорах о нем: как себя чувствовал перед отъездом? что решили с лечением? с отпуском? какой свитер надел в дорогу? теплый?.. Вечером я возвращаюсь домой, в Москву, сажусь на вокзале в троллейбус... Деревья в цвету... так красиво все, я думаю: «Какая же я

счастливая!..» Я уже рвалась домой, почти бежала, знала и ждала, что сейчас будет звонок от него... Все эти два года, связанные с Владом, я жила с ощущением того, что «так не бывает!.. так хорошо — не бывает...» Я помню, что меня совершенно переполняло это счастливое ожидание звонка.

Ключей у меня не было, я отдала их другу Влада Андрею, который должен был вернуться домой раньше. Звоню. Дверь открывает совершенно бледный Андрей. Говорит: «Пойдем на кухню... Я тебе должен что-то сказать...» А я вижу, что на нем нет лица, и понимаю: с Владиком что-то случилось... Он рассказал мне все.

Выяснилось, что как только мы с Андреем днем разехали из дома, начались звонки. Первому позвонили Мите Виноградову, но его тоже не оказалось дома, он был на даче. Трубку взяла его мама, Ольга Всеволодовна Ивинская. Она в ужасе позвонила приятелю Мити, и тот помчался на эту дачу в Луговой, по Савеловской дороге. Очень скоро Митя с Валерием Нисановым (друг Владислава), убедившись, что меня нет, поехали в аэропорт Быково... Я слушала Андрея, и до меня ничего не доходило. Я не понимала всего до конца... Только помню ощущение, что сейчас надо куда-то мчаться — чем-то Владiku вроде помочь, что-то сделать для него... Осознания того, что его больше нет и все кончено, у меня не было. Я не плакала, не рыдала. Андрей даже боялся меня оставить хотя бы на минуту. Говорю ему: «Ты спускайся, я сейчас что-то возьму...» — «Нет-нет, выйдем вместе».

Мы сели в такси и поехали в дом к Ольге Всеволодовне Ивинской, куда тоже привезли Таисию Владимировну с Сашей (мать и сын В. Дворжецкого. — *Ф. Р.*)... Наконец раздался звонок из Гомеля. Митя попросил к телефону меня: «Ты знаешь... — сказал он мне, — я видел его... у него такое спокойное, разглаженное лицо, что это вселило в меня какое-то спокойствие... Он успокоился, понимаешь? Он устал... а сейчас успокоился. У него на лице даже какое-то умиротворение... Ему сейчас там хорошо. Тебе ехать не надо. Займись организацией похорон, возьми все на себя». Это меня, как ни странно, тоже успокоило, если можно так сказать...»

Весть о смерти старшего сына застала актера Вацлава Дворжецкого на гастролях. Один из

очевидцев потом рассказывал, что встретил Вацлава в гостинице. Тот ходил по длинному коридору и машинально гасил свет. За ним тихо ступала горничная и включала свет опять. В конце коридора они разворачивались, и все повторялось заново. Так продолжалось около часа.

И снова воспоминания Н. Литвиненко: «За организацию похорон я взялась с каким-то остервенением. Делала все сама: должна была съездить на кладбище, достать и купить все необходимое... Этими заботами я хотела себя как-то занять, как будто хлопотала о нем живом. Мне все хотелось сделать своими руками так, как мог бы желать Влад...»

К понедельнику (29 мая) пошли звонки, какие-то команды... Позвонили из Гомеля, где Влад умер. Что-то нужно было им уточнить насчет костюма — прежде чем положить в гроб, надо ведь переодеть во все новое... Его вещи приехали потом...

Когда Витя с Валерой приехали в Гомель, мест в гостинице не было, и их поместили в номер Влада. Первую ночь Митя спал на кровати Владика. Там ему приснился сон о том, как он его везет домой... И потом это в точности повторилось. Они с Валерой нашли за бешеные деньги какой-то пикапчик со страшной надписью на борту «Перевозка мелких грузов». Митя говорил: «Я спал на этом гробе... Тесно, даже приткнуться некуда, а ехать далеко, долго...»

В эти же дни на «Мосфильме» режиссер Георгий Данелия проводит активные кинопробы, пытаясь найти нужных исполнителей для своей новой комедии — «Горестный плут» (в прокате — «Осенний марафон»). Пробы начались 24 мая во 2-м павильоне киностудии, и за эти дни на них побывали многие известные актеры и актрисы. Так, на роль «горестного плута» Бузыкина пробовались: Александр Калягин (24 мая), Леонид Куравлев (26 мая), на роль его любовницы: Елена Прудникова (26 мая), Елена Коренева. 29 мая перед взором режиссера предстали те, кто впоследствии и сыграет эти роли: Марина Неелова и Олег Басилашвили. Последнему эта роль досталась практически случайно. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Моим ангелом-хранителем была ассистент режиссера по подбору актеров Елена Судакова. Эта женщина, с которой мы не были даже зна-

комы, почему-то считала, что я обязательно должен играть эту роль. Мне кажется, сам ДANELIA даже и не помышлял о вызове меня на пробы. Но она тайком позвонила, сказав, что ДANELIA ждет. А Георгию Николаевичу ничего не сказала, рассчитывая, что у того очень мягкий характер и обидеть приехавшего из Ленинграда молодого артиста он просто не сможет. Так и произошло.

Я вошел в кабинет ДANELIA и сказал, что приехал на кинопробы. По всем законам он должен был мне ответить: «А я вас не вызывал!» Он, понимая, что поставит меня таким образом в неловкое положение, сказал: «Да, да, конечно, мы вас ждем». И была устроена кинопроба чуть ли не в кабинете. После пробы меня и утвердили на главную роль...»

30 мая балерина Майя Плисецкая все-таки вылетела в Аргентину. Как мы помним, несколько дней назад ее настигла резкая боль в спине, после чего врач прописал ей постельный режим. Однако балерину ждали в Аргентине, где она должна была участвовать в открытии чемпионата мира по футболу. Поэтому она приложила все силы к тому, чтобы встать на ноги. По ее же словам: «Мой муж (Родион Щедрин. — Ф. Р.) сидел на телефоне. Нужен гениальный специалист. Катя Максимова, только что тяжело переболевшая с той же спиной, дала ему телефон Владимира Ивановича Лучкова. Он ей здорово помог. Созвонившись, Щедрин привез Лучкова к нам домой. Он произвел отличное впечатление. «Через два дня вы полетите, а теперь начнем лечение...»

Что он только со мной не делал. Взаправду полегчало, и я, похрамывая, отправилась на другой конец земли...»

В тот же день Леонид Брежнев отправился с официальным визитом в Чехословакию. Причем видок у него был еще тот: как мы помним, два дня назад, во время охоты на кабанов, он умудрился дважды разбить себе прикладом бровь и переносицу, поэтому лицо у него выглядело как после драки. Коллеги по Политбюро пытались уговорить генсека отложить поездку на потом (дескать, с такой физиономией надо дома сидеть), но Брежнев их не послушал. И не в силу своего упрямства, а совсем по иной причине. Дело в том, что поездка-то была не официальной, а скорее личной. До Брежнева дошли слухи, что его лучший друг Густав Гусак, у которого недавно в автомобильной ката-

строфе погибла жена, впал в депрессию и «запил горькую», а вывести его из этого состояния мог только друг Леонид. Поэтому и речи не могло идти о том, чтобы перенести поездку — Гусак к тому времени мог вообще спиться.

Вспоминает В. Медведев: «По дороге в самолете Брежнев рассказывал сопровождавшим его лицам о состоянии Гусака. Слов не помню, но помню интонацию — сочувствие, желание помочь. Такого, что вот, мол, он нас всех подводит, — не было, нет.

В аэропорту Брежнева встречал, как и положено, Густав Гусак со свитой. Мне бросилось в глаза, что он постарел, как-то сгорбился, лицо потускнело. Очки с сильными диоптриями придавали ему беспомощный вид. Он и прежде видел плохо, но тут еще стал ходить как-то неуверенно, мелкими шажками, медленно и осторожно, опустив голову, глядя себе под ноги.

Внешне все было как всегда. При подъезде к резиденции в Пражском Граде советскую делегацию приветствовало много народа. Войска, почетный караул. После торжества во дворце Пражского Града все вместе вошли в резиденцию, где в специальной комнате советская делегация во главе с Генеральным секретарем сфотографировалась вместе с Гусаком. Справа — представительские апартаменты, слева — личные апартаменты Брежнева и его ближайшего окружения. Прежде всего хозяин с высоким гостем удалялись в одну из представительских комнат, беседовали, пили чай или кофе, могли выпить и что-нибудь покрепче, и через полчаса хозяин провожал гостя в его комнаты, чтобы тот отдохнул с дороги. Они прощались до встречи.

На этот раз беседа длилась всего несколько минут, Брежнев очень быстро распрощался с Гусаком. Оба знали о предстоящей неизбежной беседе на неприятнейшую тему, оба чувствовали себя скованно, неловко. Внешне, для посторонних, это было незаметно — те же поцелуи, объятия, но я, как человек опытный, хорошо знавший их обоих, видел всю искусственность короткой беседы, они даже не смотрели друг другу в глаза. Предстоящая беседа тяготила обоих...»

На следующий день с утра Брежнев отправился знакомиться с Прагой. Ехать он должен был не один, а вместе с Гусаком, который должен был поджидать его вместе со свитой возле

входа на одной из станций метрополитена (гость хотел осмотреть пражское метро). Однако когда процессия остановилась в условленном месте и Брежнев вышел из машины, он увидел, что его друг... совершенно пьян. Гусака держал под локоть его телохранитель, иначе лидер чехословацких коммунистов наверняка бы рухнул на землю. Однако Брежнев сделал вид, что все нормально. Он обнял Гусака, расцеловал его и, взяв за другой локоть, повел в метро. Как вспоминает все тот же В. Медведев:

«Представьте себе двух целующихся, обнимающихся коммунистических лидеров. Один совершенно пьян, у другого — разбиты бровь и переносица... По программе нужно было проехать в метро одну остановку. Когда стали спускаться по ступенькам, Гусак едва не упал, и Брежнев попросил, чтобы мы помогли ему. Я пошел рядом с Гусаком, незаметно придерживая его за руку с одной стороны, с другой вел своего шефа мой знакомый чех. Я чувствовал, как моему коллеге неудобно смотреть нам в глаза, улучив момент, он виновато-оправдательно шепнул мне:

— Беда у нас. После той семейной трагедии никак не возьмет себя в руки.

— Да, я вас понимаю, — сочувственно ответил я.

В тот же день после обеда лидеры встретились для личной беседы, которая обоих смущала, один на один. Гусак уже привел себя в порядок и приехал в Пражский Град, как всегда, без переводчика.

Они уединились надолго. Часа на два, не меньше. Вышли наконец — оба раскованные, улыбающиеся, словно и не было никогда напряженности. Только тот, кто хорошо знал чехословацкого лидера, мог заметить, что он как-то излишне подобоострастен, благодарственно суетлив, рассыпается в мелкой любезности. Он быстро попросился и с сосредоточенным лицом двинулся к выходу. Леонид Ильич же, направляясь к себе, сказал в коридоре:

— Беседа удалась, разговор был теплый, благожелательный.

Разговор ли повлиял, или Гусак сам взял себя в руки, но больше ни одного сигнала из Праги не было...»

А теперь вернемся в Москву. Здесь уже неделю обретається грабитель ереванского банка Николай Галачян и его пособник — брат его

любовницы Владимир Купцов. Как мы помним, до этого они съездили в Ташкент, где провернули удачное дельце — купили на украденные из банка деньги облигации 3-процентного займа. Из солнечного Узбекистана дружки приехали не одни, а в компании двух тамошних путан, которым в Москве было обещано «продолжение банкета». Компания в течение нескольких дней кутила в столичных ресторанах, после чего девиц отправили обратно на родину. Покупка облигаций продолжилась в Москве. К концу мая Купцову удалось купить этого добра на общую сумму 175 440 рублей. Кроме этого была провернута еще одна операция: 31 мая Галачян, как и обещал, купил для Купцова у частника 6-ю модель «Жигулей», выложив за нее 13 650 рублей. Покупку оформили на имя любовницы Николая, сестры Купцова.

Между тем во второй половине мая в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 22-го — «Женитьба» Виталия Мельникова с участием Светланы Крючковой, Алексея Петренко, Олега Борисова и др.; «Гонки без финиша» Алексея Очкина с участием Петра Вельяминова, Валерия Бабатинского и др.; 26-го — «Степь» Сергея Бондарчука с участием Сергея Бондарчука, Иннокентия Смоктуновского, Ирины Скобцевой и др.; 29-го — «Красные дипкурьеры» Виллена Новака, где снимались Игорь Старыгин, Михаил Матвеев, Наталья Вавилова и др.; «Моя любовь на третьем курсе» Юрия Борецкого с участием Анвара Молдабекова, Натальи Головки, Тимофея Спивака и др. Из зарубежных премьер выделю: итальянский детектив «Сиятельные трупы» (с 22-го), французскую комедию «Игрушка» с Пьером Ришаром (с 29-го).

Кино по ТВ: «Попрыгунья» (16-го), «Голубка» (премьера т/ф 16—19-го), «Посланники вечности» (17-го), «Гранитные острова» (19-го), «Преступление» (с субтитрами), «Отряд Трубачева сражается», «Следствие ведут знатоки», Дело № 12 — «Букет» на приеме» (премьера т/сп), «Мистер Икс» (20-го), «Весенние перевытыши» (впервые по ТВ), «Повесть о женщине» (21-го), «Журавушка» (22-го), «Здесь проходит граница» (23—25-го), «Родные» (премьера т/ф 25—26-го), «Кто поедет в Трускавец» (26-го), «Алые маки Иссык-Куля», «Внимание, черепашка!» (27-го) «Семеро смелых», «Над Тис-

сой» (28-го), «Пролог», «Длинный путь» (ЧССР, 30—31-го) и др.

Театральные премьеры: 19-го — в Малом театре был показан спектакль «**Возвращение на круги своя**», где в роли Льва Толстого зрители увидели Игоря Ильинского, а в роли жены писателя выступила супруга актера Татьяна Еремеева; в Ленкоме — «**Вор**».

Эстрадные представления: 15—29 мая в ГТЭ продолжились выступления Эдиты Пьехи и оркестра Григория Клеймица; 15—31 мая в ЦДКЖ Геннадий Хазанов показывал свой моносpectакль «Мелочи жизни»; 19—21-го — в «Октябре» выступал ВИА «Музыка»; 27—28-го в ГЦКЗ «Россия» пел Эдуард Хиль; 31-го в «Новороссийске» — Вадим Мулерман и Вероника Круглова. 17—18, 20—21, 24, 27, 30—31-го в ГЦКЗ «Россия» со своим спектаклем «Зависит от нас» («Дерево жизни») выступал Аркадий Райкин и Ленинградский театр миниатюр.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю диск-гигант **Софии Ротару** с песнями: «Родина моя» (Д. Тухманов), «Чайки над водой», «Отчий дом» (обе — Е. Мартынов), «Зима», «Я вернусь», «Пригласи в сны» (все — В. Ивасюк) и др.; «**Веселые ребята**» — «Дружить нам надо» с песнями: «Дружить нам надо» (С. Дьячков — Л. Дербенев), «Напиши мне письмо» (В. Добрынин — М. Рябинин), «Наш долг» (В. Голут-

вин, А. Буйнов — Ф. Гольвик), «Летние каникулы» (П. Слободкин — И. Резник), «В синем омуте» (О. Фельцман — М. Лисянский), «Встреча» (Ю. Антонов — В. Дюнин), «Песенка для всех» (В. Добрынин, А. Пузырев — М. Пляцковский), «Мамина пластинка» (С. Дьячков — Л. Дербенев), «Дальняя песня», «Проходят годы». Тогда же вышел доптираж двойного альбома **Аллы Пугачевой** «Зеркало души» (по 10 тысяч экземпляров каждый), только теперь эти диски продавались не под одной обложкой, а были разбиты на две пластинки: «Зеркало души» («Бубен шамана», «Верю в тебя», «Песенка про меня», «Сонет Шекспира», «Приезжай», «Женщина, которая поет», «Не отрекаются любя») и «Арлекино и другие» (песни А. Зацепина).

Из дисков зарубежных исполнителей выделю «гиганты» **Луи Армстронга** «Какой удивительный мир» и **Барбры Стрейзанд** «Отдых в полдень».

Журнал «**Кругозор**» (№ 5): ВИА «Оризонт» («Четыре мельницы», «Монолог»); «Играет оркестр Поля Мориа» («Мэми блю» Ю. Жиро, «Эль Бимбо» К. Морган); «Поет Донна Саммер» («Я помню вчерашний день», «Я переполнена любовью» Д. Саммер — Дж. Мородер — П. Белотте).

1978

Июнь

Украденные из ереванского банка деньги всплывают в Москве. На помощь Майе Плисецкой спешит доктор из Австралии. «Обыкновенное чудо»: запись песен в исполнении Андрея Миронова. ЧП на ТВ: в кадре пьяный Юрий Николаев. Столичная милиция ищет грабителей ереванского банка. 40 лет Всеволоду Шиловскому: начал за здоровье, кончил... коликами. Угрозыск против службы БХСС. Ереванские грабители схвачены. Врачи заставляют Андрея Тарковского отложить съемки и пройти лечение. Юлиан Семенов пишет «ТАСС уполномочен заявить...». Кумир советских девчонок Валентин Дьяконов. Приключения Аллы Пугачевой в круизе. Мохаммед Али прибывает в Москву. Трагедия на крейсере «Андрей Синявин». В Ялту с преступником. «Обыкновенное чудо»: песня Администратора. День рождения Юрия Андропова. Жена шефа КГБ требует наркотиков. Звездные выпускники: Андрей Ташков, Татьяна Догилева. Почему на Олега Видова давили «сверху». Как Олега Даля приняли за слесаря. Лектор ЦК КПСС распространяет слухи о Высоцком. Брежнев принимает Мохаммеда Али. «Место встречи изменить нельзя»: дебют Высоцкого в роли режиссера. Переезд Олега Даля на новую квартиру. «Машина времени» в Гурзуфе. Самоубийство академика Келдыша. Олег Даль играет бандита. Аргентина — чемпион. Как Александр Белявский стал Фоксом. «Баламут»: съемки в деревне. Елена Яковлева мечтает стать знаменитой актрисой. Как Эдита Пьеха следила за дочерью из кустов. Трагедия в Москве: псих убивает иностранных туристов. Начались съемки «Сталкера». Юрия Николаева оставляют на ТВ.

Утром в четверг, 1 июня, москвич Владимир Купцов сел за руль своей новенькой «шестерки», подаренной ему на днях его дружкой — грабителем ереванского банка Николаем Галачяном, — и отправился покупать на украденные в банке деньги облигации 3-процентного займа. Подобный поход был не первым: первую покупку облигаций в Москве Купцов предпринял 27 мая, посетив за сутки сразу четыре сберкассы на улицах: Пятницкая, Марии Ульяновой и двух проспектах: Комсомольском и Вернадского. Тогда он истратил 12 тысяч рублей и ни разу не вызвал ни у одной из кассирш никаких подозрений. Рассчитывал он на удачу и в этот раз, выбрав точку на окраине Москвы — на Чертановской улице, в доме № 1. Там он собирался обменять 6 тысяч рублей. Но операция сорвалась.

Когда Купцов протянул кассирше Наталье Мироновой первую стопку денег, в которой лежали 3 тысячи рублей (30 купюр по 100 рублей), женщина проявила неожиданную бдительность и сделала то, что должны были сделать и все ее коллеги из тех сберкасс, куда до этого обращался Купцов. Заметив, что все купюры еще не были в обороте, имеют одну и ту же серию и начальные цифры их номеров тоже одинаковы, кассирша предложила клиенту подождать несколько минут, пока она заполнит необходимые бумаги. Купцов согласился, не заподозрив в этом ничего необычного. А кассирша тем временем отправилась к заведующей сберкассой Галине Макаровой и с ее помощью установила, что серии и номера предъявленных клиентом купюр полностью совпадают с указанными в памятной записке

МВД сериями и номерами разыскиваемых денег.

Заведующая немедленно позвонила в ближайшее 133-е отделение милиции. А вот стражи порядка подкачали. Вместо того чтобы сразу же выслать к сберкассе наряд, дежурный начал дотошно выяснять у заведующей, не померещилось ли ей, а те ли это купюры, которые разыскиваются, и все такое прочее. В итоге выяснение затянулось еще на лишние пять минут. Они-то и решили исход дела. Продав уже больше десяти минут кассиршу, Купцов наконец понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее, и предпочел больше не искушать судьбу: бросил деньги и спасся бегством. Он умчался на своей «шестерке» от сберкассы ровно за две минуты до того, как туда приехал милицкий наряд. Милиционеров за их нерасторопность потом как следует отчитают, а вот работниц сберкасс — Миронову и Макарову — поощрят: их наградят медалями «За трудовое отличие».

Несмотря на бегство преступника, положительный итог у этого происшествия был: в МВД наконец ухватились за кончик ниточки, который безуспешно искали вот уже почти год (ереванский банк, как мы помним, ограбили в августе 77-го). В сберкассе на Чертановской тут же примчались сотрудники МУРа, у которых это дело было на контроле. Самым тщательным образом была допрошена кассирша Наталья Миронова, которая непосредственно контактировала с владельцем украденных денег. Она подробно описала приметы клиента: высокий, светловолосый, русский. Последнее обстоятельство озадачило сыщиков, поскольку они-то прежде всего ориентировались на представителей кавказской диаспоры. Однако сыщики вполне резонно предположили, что сами кавказцы могли поостеречься участвовать в операции по обмену денег и подключили к этому делу русского. Поэтому в ориентировку было внесено необходимое дополнение: искать русского в компании кавказцев.

1 июня в Аргентине открылся чемпионат мира по футболу. Как мы помним, одним из участников открытия этого турнира должна была стать советская балерина Майя Плисецкая. Но, увы... За несколько дней до вылета ее подвела спина и, хотя доктор Лучков сумел поставить ее на ноги, многочасовой перелет

сильно отразился на ее здоровье: в Буэнос-Айрес она прилетела совершенно измученная. Говорят, увидев ее в аэропорту, импресарио Давид Цвилик рвал на себе волосы: «Крах, разорение».

Вспоминает М. Плисецкая: «Я лежала в отеле «Эсмеральда», косясь одним глазом в телевизор на открывшийся без меня чемпионат. Боль сводила с ума. Местный доктор Душацкий сделал мне варварский укол в бедро, после которого я сутки выла на весь отель. Переговаривались с Щедриным по телефону. Он донимал Лучкова вопросами. Телефонные советы не действовали. Может быть, прилет Лучкова помог бы, но советскому врачу оформлять поездку в Аргентину надо было бы добрых полгода. Тогда Щедрин созвонился с Мельбурном. Там жил легендарный кiroprактик Фрэнк Фостер. Он магически поставил меня на ноги в 1970 году во время австралийского тура. Тот согласился немедленно прилететь, купив дорогостоящий авиабилет за свой счет. Вот какие есть еще люди на планете Земля!

Лечение Фрэнка помогло, и я станцевала последний из запланированных спектаклей. Станцевала опасно, вполне...»

Но вернемся на родину. В Одессе продолжают съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Со среды, 31 мая, по пятницу, 2 июня, там снимали один из самых драматичных эпизодов — обнаружение тела убитой гражданки Груздевой, допрос ее сестры (Светлана Светличная) и бывшего мужа (Сергей Юрский). Обоим приходится несладко, но более всего Груздеву — сыщики именно его подозревают в убийстве бывшей супруги. Мотив: дележка жилплощади.

В Москве продолжают съемки фильма «Обыкновенное чудо». 2 июня снимали эпизоды в декорациях «дом Волшебника» и «трактор» с участием Олега Янковского, Александра Абдулова и Евгении Симоновой. А в тонстудии «Мосфильма» в 11 утра началась запись двух песен Администратора в исполнении Андрея Миронова, ансамбля «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна и хора из 12 человек. Песни назывались: «Пальнул я в девушку» и «Бабочка». Последней суждено будет стать шлягером. Помните: «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, а за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг...»

Между тем в Аргентине начался очередной, 11-й по счету, чемпионат мира по футболу (с 1 июня). Несмотря на то, что советская сборная на этот мундиаль не попала, наше телевидение достаточно подробно освещало его ход. Так, в первый день турнира по 1-й программе ЦТ в 21.45 был показан матч между командами Польши и ФРГ. А на следующий день в это же время транслировалась игра Франция — Италия. Именно в этой игре был забит первый гол чемпионата: это сделал француз Лякомб, причем уже на 35-й секунде матча. Но французы рано радовались: итальянцы в дальнейшем перехватили инициативу и победили со счетом 2:1. Эта игра интересна не только тем, что происходило на поле. Дело в том, что перед ее началом на советском ТВ случилось грандиозное ЧП: диктор Юрий Николаев, читавший программу передач на завтра, оказался пьян, что называется, в стельку. Спросите, как его допустили до эфира в таком виде? Дело в том, что это была пятница, глубокий вечер, и вся творческая группа находилась в расслабленном состоянии. И никто не обратил внимание на то, что Николаев прибыл на эфир в нетрезвом виде. Во всяком случае, когда он садился в дикторское кресло, этого видно не было. Но тут включили софиты, заработали камеры, и Николаева окончательно развезло. Буквально заплетающимся языком он стал бубнить в эфир какие-то нечленораздельные слова, и это зрелище было одновременно потешным и ужасным. Ужас усугублялся еще и тем, что телевизор в те минуты смотрели миллионы зрителей, ожидавших начала трансляции с чемпионата мира по футболу. В итоге скандал разразится грандиозный, о чем еще речь пойдет впереди.

Субботним днем, 3 июня, Владимир Купцов, еле унесший ноги из сберкассы на Чертановской, отправился в продуктовый магазин поблизости от дома, где он проживал вместе с Николаем и Феликсом Галачьянами. В кармане у Купцова было несколько сот рублей, на которые он должен был купить побольше продуктов и тут же вернуться обратно. Но когда он подошел к кассе, чтобы выбить чек на покупки, его чуть кондратий не хватил. С фоторобота, лежавшего рядом с кассовым аппаратом, на него смотрел... он сам собственной персоной. Но Купцову повезло: кассирша была настолько увлечена пересчетом денег, что на фоторобот практически не смотрела, а значит опознать в

покупателе особо опасного преступника никак не могла. Купцов покинул магазин не разоблаченным.

Вернувшись домой, он тут же рассказал о происшедшем своим друзьям. Те ему не поверили. «Неужели кассирша в сберкассе сумела тебя так хорошо запомнить, что с ее слов сделали твой фоторобот?» — удивлялись они. «Да клянусь вам, я там как живой!» — уверял Купцов. Николай обратился к Феликсу: «Надо проверить его слова. Сходи в магазин...» Феликс отправился выполнять этот приказ. Вернулся он минут через двадцать запыхавшийся. «Ну что?» — нетерпеливо спросил его Николай, сидевший на диване у телевизора: по «ящику» крутили матч чемпионата мира по футболу между командами Венгрии и Аргентины. «Ничего не скажешь — похож», — только и смог ответить Феликс. Купцов торжествующим взором обвел своих подельников, как бы спрашивая: «Ну, а я что говорил?» Чудак, он даже представить себе не мог, что с этого момента его жизнь повисла буквально на волоске.

А теперь перенесемся в Свердловск, где с гастролями находится МХАТ. 3 июня там исполнилось 40 лет актеру и режиссеру этого театра Всеволоду Шиловскому. В народе говорят, что справлять эту дату не стоит — примета плохая. Но Шиловский поступил иначе. Что из этого вышло, рассказывает он сам:

«Женя Евстигнеев предложил справить мой день рождения в Свердловске. Но я собирался ехать в Челябинск, на спектакль.

— Ночь-то наша, — сказал Евстигнеев.

С Мишей Зиминым они уговорили руководство театра снять для меня номер «люкс». Утром в этот «люкс» должен был приехать Сергей Герасимов читать лекции о кино. Зимин и Евстигнеев приготовили шикарный стол, с громадным количеством спиртного. Приехал Иван Менджеричский. Я был завален подарками, окружен любовью артистов. Иван заказал банкетный зал в ресторане «Охотничий» в Челябинске. И мы поехали в Челябинск продолжать день рождения.

Я провел репетицию, спектакль, а вечером мы поехали в «Охотничий», под Челябинском. Гости уже находились в ресторане, ждали моего приезда. И только я поднял первую рюмочку, как почувствовал, что роняю ее из рук. Я тихо поставил ее на стол и вышел из ресторана. Иван выбежал за мной. У меня начался при-

ступ отвратительной вещи — почечных колик. Со мной такое уже было несколько лет назад — я тогда играл Кота в «Синей птице». И вот — новый приступ. Я буквально выполз на дорогу. Мы поймали самосвал и на перекладных доехали до Челябинска. Я бросился в номер, в горячую ванну. Приехали врачи, сделали мне укол, и я заснул. Утром как будто ничего и не было...»

В Одессе продолжают съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Там снимаются эпизоды без участия Жеглова—Высоцкого: Шарапов приходит в МУР, Шарапов знакомится с Гришей Ушивиным по прозвищу Шесть-на-девять, Шарапов общается по телефону с рабочим, нашедшим клад, и др. Что касается Высоцкого, то он в эти дни находится в Москве, где плотно загружен работой в театре: 3 июня играет Лопухина в «Вишневом саде», 4-го — Гамлета, 5-го — пишет заявление в ОВИР с просьбой оформить ему очередную поездку к жене в Париж (с 15 июня). Кроме этого Высоцкий затеял строить дачу под Москвой, о чем его давно просила Марина Влади. Дачу решили строить на участке сценариста Эдуарда Володарского. Вот как он сам об этом вспоминает:

«У меня была дача в писательском поселке Красная Пахра. Володя с Мариной часто бывали в моем доме, вместе встречали Новый год, оставались ночевать. Марина в те годы все время долбила мужу в темя, что пора приобретать дачу или дом. Мол, надоело жить в Москве, в квартиру вечно припираются его пьяные друзья. Высоцкому купить дачу тогда было сложно. Одиозность его фигуры у властей предрешающих и жена-иностранка не давали это сделать. Ведь дачные поселки вокруг Москвы были, по сути, закрытыми зонами. Все Володины начинания кончались провалами. Были случаи, что и участок подбирался и даже задаток давался, а сделка срывалась: не проходила кандидатура Высоцкого через чиновничье сито...

Мой участок в поселке был самым маленьким, полгектара. Раньше он принадлежал вдове Семена Кирсанова, чьи стихи Володя очень любил. От вдовы осталась только временка, в которой жила прислуга. Эту дачу я, кстати, покупал за огромные по тем временам деньги — 56 тысяч рублей. Как-то предложил Володе — отремонтируй временку и живите с Мариной, жалко, что ли? Он загорелся, пошел, посмотрел и говорит: «Слушай, а что, если временку

снести и из бруса, мне обещали достать, построить дом? Потом все равно вступлю в кооператив и дом перевезу».

Началась стройка. Это было летом 78-го. Честно говоря, я сам, а больше моя жена Фарида просто охренели от такой бредовины. Представьте, она готовила жрать рабочим, которые пили по-черному. Замучился собирать бутылки по участку. Володя иногда приезжал, охал, ахал и уезжал. Иногда навевывалась и Марина... Кроме этого меня еще начали долбить соседи — Юлиан Семенов, Эльдар Рязанов, Андрей Дементьев, Григорий Бакланов: у тебя Высоцкий строит дачу, это запрещено, ты не имеешь права. Отнекивался, как мог. Говорю, да не дача строится, архив мой и библиотека, на строительство которых имел полное право. Осаждали страшно. Они же совковые люди, которым до всего было дело...»

Столичная милиция продолжает искать грабителей ереванского банка. На ноги подняты значительные силы стражей порядка: патрульные экипажи рассекают город направо и налево, имея на руках фоторобот одного из разыскиваемых, участковые посещают на своих участках подозрительные квартиры. А пока низшие звенья розыскной машины пытаются выйти на след преступников, высшие чины МВД уже заранее предвкушают победу. Так, когда из Омска в столицу вернулся начальник уголовного розыска страны Игорь Карпец, начальник дежурной части МВД генерал Ложкин сообщил, что преступление «объявлено раскрытым». Обрадованный Карпец позвонил в Управление, где его радость быстро остудили: сказали, что все это беспардонная ложь и липа.

Через час Карпец собрал всех, кто был занят в этом деле, в том числе и тех, кого привлекли к работе в его отсутствие по приказу Щелокова. Один из них сообщил, что все нити происходящего ведут к секретному агенту, который и поведал руководству БХСС о том, что якобы знает преступников, за что без всякой проверки и без задержанных преступников получил вознаграждение. На самом деле агент врал, пытаясь таким образом выслужиться перед начальством и заработать деньги. Этот агент также сообщил, что у него намечена встреча с преступниками в ресторане гостиницы «Пекин» 6 июня. Далее послушаем рассказ самого И. Карпца:

«И тут, как говорят, я пошел ва-банк. Взял и поставил за этим агентом собственными силами (я не доверял специальной службе, сплошь задействованной на выполнение плана, возглавляемого министром), силами сотрудников уголовного розыска, наружное наблюдение. Мои люди, сменяясь, целый день и вечер просидели в ресторане, наблюдая за агентом БХСС. Как и следовало ожидать, никто с ним на встречу не пришел. Зато он «честно» целый день не объявлялся пред светлые очи обманутых им сотрудников БХСС. Его «проводили» до самого дома, стерегли до утра, но он из квартиры не вышел. Вечером, уже зная обо всем, вскоре после того, как этот агент под нашим наблюдением отправился домой, я позвонил начальнику УБХСС Перевознику и вежливо спросил: ну, как дела, что нового, ведь его человек встречался с преступниками, когда будет проведена операция по их задержанию, сегодня крайний для этого срок? В ответ прозвучало невразумительное объяснение, что, мол, операция задерживается, что его человек виделся с преступниками (!) и что ему якобы сообщили об изменении планов.

Я, не скрываю, получил тогда огромное внутреннее удовлетворение и от звучавшей в его голосе растерянности, и от понимания того, что он бессовестно лжет — он ведь даже не предполагал, что я за его человеком поставлю наружное наблюдение и в любой момент смогу уличить его во лжи...»

Между тем именно в ночь с 6 на 7 июня силами столичного угрозыска были задержаны неуловимые грабители ереванского банка. Для последних все случившееся стало полной неожиданностью. Ведь после того, как они узнали, что за одним из них, Купцовым, охотится вся столичная милиция, они решили покинуть город, уехав в Сочи. Но этим планам не суждено было осуществиться. О том, как развивались события, рассказывает их непосредственный участник сыщик МУРа Виктор Иванов:

«Утром 6 июня в МУР позвонил один из секретных агентов и сообщил, что в Южном речном порту два парня армянской национальности и русская девушка хотят снять квартиру за приличные деньги. Источник назвал номер телефона для предложений. Мы уточнили его: владелицей дома (№ 179 по улице Лобачевского. — Ф. Р.) оказалась дама лет пятидесяти. Мы нагрянули к ней. Женщина поведала, что у нее

снимали комнату два армянских парня — Николай и Феликс, но они только что переехали к какой-то девушке, и дала ее телефон. Мы упростили женщину позвонить незнакомке и сказать, что ребята оставили сверток, пусть придут и заберут его. Трубку взяла девушка и сообщила, что ребят дома нет, но скоро будут, и она сообщит им о звонке хозяйки.

Через полчаса позвонил парень и спросил: «Что в свертке?» Женщина ответила: «Разворачивать боюсь, приезжайте сами и смотрите».

Спустя примерно час, около одиннадцати вечера, у дома остановились «Жигули», из кабины вышли два парня: один — русский, другой — армянин. Мы взглянули на фоторобот и узнали в русском того, что сбежал из кассы на Чертановской улице. Ребята поднялись в квартиру, прошли в дальнюю комнату, где ранее жили, где мы их и арестовали.

На Петровке, 38, Феликс говорить отказался, мол, ничего не знает, а русский парень Володя откровенно поведал, что его сестра Людмила дружит с Николаем Галаच्याном, что тот дал ему денег, чтобы купить облигации в сберкассе. Но он не сделал этого, потому что испугался. Сказал, что Николай и Людмила должны сегодня уехать в Сочи на отдых и он должен отвезти их на вокзал.

Мы посадили Володю в машину и помчались по указанному адресу (ул. Медынская. — Ф. Р.). Здание окружили. На просьбу брата дверь открыла Людмила. Молодая пара была занята хлопотами перед дальней дорогой. Мы объявили об аресте и тут же произвели обыск. Деньги нашлись сразу: они были в чемодане, а облигации находились в кейсе (всего у преступников изъяли 228 900 рублей наличными и 175 440 рублей в облигациях 3-процентного займа. — Ф. Р.). Помимо денег и облигаций мы изъяли маски, перчатки и схемы всех сберегательных касс Москвы.

С деньгами вышло недоразумение. Когда их пересчитали, не оказалось приличной суммы (872 000 рублей. — Ф. Р.). На вопрос: где? ответили, что в машинном колесе. А машину уже отогнали на стоянку. Снимут колесо — пропали деньги. Я помчался на стоянку, снял покрышку. Деньги оказались на месте...»

Еще 100 тысяч рублей преступники спрятали во дворе квартиры Феликса Галаच्याна по улице Камо в Ленинанкане. В этом они признались на следующее утро после ареста. Карпец

лично позвонил начальнику угро Армении Э. Шахназарову и попросил проверить эту информацию. Сказанное полностью подтвердилось. Таким образом из похищенных в Госбанке денег в сумме 1 525 000 рублей у преступников было изъято 1 276 340 рублей.

В те дни, когда настоящие муровцы успешно завершили операцию по задержанию ереванских грабителей, киношные «муровцы» из фильма «Место встречи изменить нельзя» потерпели провал. В эти самые дни в Одессе снимали эпизод, где МУР пытается внедрить в банду «Черная кошка» своего агента Васю Векшина (Евгений Леонов-Гладышев), но во время встречи с посланцем бандитов последний довольно легко разоблачает сыщика. И хладнокровно убивает Векшина одним ударом заточки в сердце. МУР теряет агента и упускает из своих сетей его убийцу, который ловко уходит от погони на трамвае. Этот эпизод снимали в течение двух дней на одном из одесских бульваров.

Съемочная группа фильма «Сталкер», находящаяся в Таллине, была готова приступить к съемкам. Их намечалось начать 6 июня, но к назначенному сроку из Москвы не явился режиссер-постановщик Андрей Тарковский. Он позвонил на следующий день, что врачи категорически запрещают ему приступать к активной работе после перенесенного месяц назад инфаркта. Врачи обязали его пройти двухнедельное санаторное лечение, в противном случае обещая «гроб с музыкой». Режиссер вынужден был подчиниться.

Писатель Юлиан Семенов в те дни приступил к работе над новой книгой — это был шпионский роман о деятельности КГБ «ТАСС уполномочен заявить...». В центре повествования была история годичной давности: разоблачение высокопоставленного работника советского МИДа Александра Огородника (Трианон), работавшего на ЦРУ. Идея написать этот роман пришла к Семенову с подачи Андропова. Шеф КГБ нуждался в активной пропаганде деятельности своего ведомства, но без кондового прославления. И лучше Юлиана Семенова сделать это вряд ли кто бы мог. Писателю была обещана всесторонняя помощь, а выделены люди, непосредственно участвовавшие в разоблачении Огородника: Виталий Бояров и Вячеслав Кеворков. Они провели с Семеновым много времени, показывали ему подлинные материалы «дела Трианона». Писателя на-

столько поразила эта история, что он с ходу согласился сесть и написать книгу. Писать он ее будет... три недели! Да-да, дорогой читатель, ровно 21 день. Как говорится, гениям все подвластно. Через три недели он придет в кабинет к Боярову с рукописью и прямо оттуда позвонит Андропову: «Юрий Владимирович, я вам докладываю — «ТАСС уполномочен заявить...» готов».

11 июня в «Комсомольской правде» появилось интервью с человеком, по которому сохли чуть ли не все девчонки Советского Союза. Речь идет о солисте ВИА «Самоцветы» Валентине Дьяконове. Не будет преувеличением утверждение, что этот артист был первым парнем на деревне, то бишь в вокально-инструментальном жанре. Правда, был еще Анатолий Кошечпаров из «Песняров», но этого парня любили отнюдь не за внешность (на вид он был совсем невзрачный), а за удивительный голос. В случае с Дьяконовым все было наоборот — там главным был внешний вид. Каждый раз, когда ансамбль «Самоцветы» появлялся на голубых экранах, миллионы девчонок прилипали к экранам, впиваясь глазами только в одно лицо — лицо Валентина Дьяконова. В эти мгновения его поклонницам было абсолютно не важно, как он пел, главное — как выглядел. А вид у него был поистине плейбойский: длинные светлые волосы, голубые глаза, чувственные губы. Не будет преувеличением сказать, что во многом именно Дьяконов обеспечивал тот устойчивый успех «Самоцветам», который сопровождал ансамблю на протяжении многих лет. Сумасшествие вокруг Дьяконова было таким повальным, что после концертов его приходилось выводить из залов потайными ходами, а иначе его бы просто разорвали на куски.

Когда в 75-м году «Самоцветы» распались и Дьяконов со товарищи пропал с экранов телевизоров, на ЦТ посыпались письма с требованиями вернуть красавца в «ящик». Его вернули, но уже в составе другого коллектива — «Пламя». И снова та же картина: толпы поклонниц, спасение через черные ходы. Так продолжалось до 1977 года. Потом Дьяконов пропал. «Пламя» продолжало функционировать, их регулярно показывали по телевизору, но своего длинноволосого кумира среди его участников девчонки уже не находили. В СМИ посыпались письма с одним вопросом: где? Но пресса хранила молчание. Пока наконец в

июне 78-го «Комсомолка» не вспомнила о пропавшем кумире, напечатав с ним интервью. Номер газеты мгновенно стал раритетом. Помнится, на третьем этаже нашей школы был специальный стенд «Комсомолки», так вот этот номер с него бесследно исчез в первые же несколько минут после того, как его туда повесили. Думаю, объяснять, кто это сделал, не надо.

В своем интервью Дьяконов сообщил, что ушел из «Пламени» по принципиальным соображениям: надоели бесконечные гастроли, погоня за длинным рублем (редкая откровенность по тем временам, да еще растиражированная на всю страну). Он поступил в Гнесинское музыкальное училище, где собрал небольшой коллектив единомышленников, и они теперь играют песни собственного сочинения на шефских концертах. Из интервью также следовало, что в свободное время Дьяконов увлекается электроинструментами. На вопрос, может ли случиться новое возвращение Дьяконова на большую сцену, артист ответил уклончиво: «Может быть». Как покажет будущее, этого «может быть» так и не случится. Эпоха «Самоцветов», да и других ВИА подходила к концу.

В то время как у Валентина Дьяконова его звездный час остался позади, у другого эстрадного кумира тех лет — Аллы Пугачевой — он был в самом зените. Песни Пугачевой регулярно крутят по радио и телевидению, ее пластинки идут в «улет», она много и плодотворно гастролирует по стране. Однако работа работой, но надо и отдых знать. Тем более что у Пугачевой времени на отдых тем летом было мало: в июле она должна была отправиться в гастрольное турне по маршруту Свердловск — Ростов-на-Дону — Таллин — Ереван, а в конце августа ее ждал фестиваль в Сопоте. Вот и получалось, что свободным оставался только июнь. Но куда поехать отдыхать, не знали ни Пугачева, ни ее тогдашний супруг кинорежиссер Александр Стефанович. Помощь пришла, как это часто бывает, с неожиданной стороны. Известный творческий дуэт в лице композитора Леонида Гарина и поэта Наума Олева отправлялся в творческий круиз по Черному морю на теплоходе «Иван Франко». Узнав о проблеме звездной четы, они пригласили ее присоединиться к ним. Условия были отменные: за два концерта и творческую встречу Пугачевой и Стефановичу гарантировались комфортабель-

ная каюта и бесплатная кормежка на протяжении всего двухнедельного круиза.

До Одессы Пугачева и Стефанович добрались поездом. Они приехали туда рано утром, а пароход отплывал в четыре часа дня. Им надо было как-то убить оставшееся время. Но как? Ничего путного в голову не шло. В итоге они сдали вещи в багаж и присели на скамеечку возле гостиницы «Лондонская». Пугачеву по дороге так разморило, что она закинула ноги на скамейку, голову положила мужу на колени и задремала. А в это время по бульвару экскурсовод вел группу туристов. И Стефанович слышит следующее:

— Товарищи, слева от нас — знаменитая Потемкинская лестница, известная нам по фильму «Броненосец Потемкин». Справа — гостиница «Лондонская». А прямо перед вами на скамейке лежит певица Алла Пугачева.

Но на этом курьезы не закончились. Часа за два до отплытия Пугачева с мужем отправилась в ресторан «Лондонской». Едва они пообедали, как к ним подошел администратор и обратился к Пугачевой с неожиданной просьбой. Оказывается, у него есть сын Изя, которому он купил скрипку, но он совершенно на ней не занимается, предпочитая слушать пластинки Пугачевой. И администратор просил певицу зайти к нему домой — благо это было рядом с рестораном — и сделать его сыну внушение. «Вас он обязательно послушает», — объяснил свою странную просьбу администратор. Делать было нечего: звездная чета отправилась по указанному адресу, и Пугачева лично попросила мальчика учиться играть на скрипочке.

В четыре часа дня «Иван Франко» отчалил от причала одесского порта. А спустя еще час Пугачева закатила истерику. Она узнала, что ей досталась каюта хуже, чем у Гарина с Олевым (у них было два иллюминатора, а у нее всего один), и потребовала себе другое жилище. Она так разволновалась, что к ней пришлось вызывать врача, который сделал ей укол. Потом примчался директор круиза и попытался внести ясность в возникшую проблему. Он объяснил, что «Иван Франко» — не круизный пароход, а бывший танковоз, поэтому кают типа «люкс» всего три. Но одну занимает секретарь ЦК, другую — министр, а третью — семья начальника пароходства. Однако Пугачеву это объяснение не удовлетворило, и она стала вновь требовать свое. Тогда пришел капитан и сурово

сообщил: дескать, будете шуметь — отправитесь жить в трюм. Это заявление подействовало на певицу отрезвляюще: она успокоилась, но пообещала, что во время первой же остановки сойдет с теплохода. И свое обещание выполнила: на следующее утро, когда «Иван Франко» пришел в Ялту, Пугачева и Стефанович покинули борт судна. Но на этом их приключения не закончились.

Когда они стали подыскивать себе гостиничное жилье, выяснилось, что свободных мест нигде нет, даже для Пугачевой. «Совсем охренели!» — ругалась звезда, но поделата ничего не могла. В итоге ей пришлось позвонить своей коллеге и негласной сопернице Софии Ротару. Та помогла: выбила для них номер в престижной гостинице. Но только на одну ночь. «Больше ничего сделать не могу!» — сочувственно сообщила Ротару. Короче, отпуск Пугачевой летел в тартарары. Как вдруг...

Все произошло в тот момент, когда они отнесли свои вещи в гостиницу и вышли на набережную подышать свежим воздухом. Тут к ним подбежал плотного телосложения мужик и, представившись директором круизного теплохода «Леонид Собинов», предложил отправиться с ним в круиз. Пугачева, естественно, послала мужика куда подальше, но тут в дело вмешался ее супруг Стефанович. Он взял мужика под локоть и вежливо сказал: дескать, если вы сделаете нам каюту «люкс» и обеспечите другими удобствами, то мы согласимся. «Об чем речь? — расплылся в довольной улыбке директор. — Все будет по высшему разряду. Наш теплоход хоть и староват, но обслуживает заграничные круизы и ходит по линии «Гонконг — Австралия».

Директор не соврал: «Собинов» действительно оказался комфортабельным теплоходом, не чега предыдущему танковозу. Звездной чете выделили лучшую каюту, а сам капитан теплохода Николай Сопильняк пригласил их на капитанский мостик, где устроил легкий фуршет с отменным французским шампанским, да еще под музыку Нино Рота из фильма «Крестный отец». И с этого момента все у Пугачевой и ее супруга пошло как надо.

12 июня в столичном аэропорту Шереметьево наблюдалось оживление: толпа поклонников и чиновников из Спорткомитета СССР встречала высокого гостя — выдающегося профессионального боксера из США Мохаммеда

Али. Это был первый его приезд в Советский Союз. 36-летний боксер прилетел на 8 дней по приглашению советских властей как в личных целях (знакомство со страной, посещение таких городов, как Москва, Ташкент, Самарканд), так и в пропагандистских (встреча с Брежневым). Последнее обстоятельство заставляло принимающую сторону уделить этому визиту максимум внимания.

Продолжаются съемки фильма «Обыкновенное чудо». Несмотря на то, что работа над лентой длится уже два месяца (с середины апреля), только сейчас — со вторника, 13 июня, — приступили к съемке начальных эпизодов фильма: первого появления Короля (Евгений Леонов) в доме Волшебника (Олег Янковский). Помните, герой Леонова появляется в дверях и объявляет: «Я — Король». После чего предлагает хозяевам выпить из его фляжки вина за знакомство, но Волшебник его разоблачает. «Не пей! — говорит он своей жене. — Вино отравлено». Смотреть без смеха этот эпизод невозможно.

В фильме «Место встречи изменить нельзя» снимают эпизод поимки вора-карманника Кости Сапрыкина, в криминальных кругах известного под погонялом Кирпич (Станислав Садальский). Этот эпизод снимали на улицах Одессы с привлечением большого числа масовки, изображавшей пассажиров трамвая, в котором Желов и Шаратов «вяжут» карманника прямо «на кошельке». Кстати, это тот самый трамвай, который фигурировал в эпизоде «убийство Векшина» — на нем убийца сыщика скрывался от погони (бортовой номер 2170).

Того же 13 июня, во вторник, в Советском Союзе произошло ЧП: на артиллерийском крейсере Тихоокеанского флота «Адмирал Синявин» во время показательных стрельб погибли 37 человек экипажа. Однако ни одно из советских СМИ не поместило об этом инциденте даже пары строчек. И все потому, что за каких-нибудь два месяца и шесть дней до этого этот крейсер посетил Леонид Брежнев (во время своей поездки по Дальнему Востоку). Видимо, наверху посчитали: крейсер, по которому ступали ноги генсека, не имеет права попадать в хронику происшествий.

Трагедии предшествовали следующие обстоятельства. После посещения Брежневым крейсера «Синявин» мгновенно превратился в место массового паломничества: на него стали

водить экскурсии, про него писали в газетах, от него требовали «идти дальше и делать больше». А крейсер-то был уже старый: ему было более двух десятков лет. Вот и в тот злополучный день на «Синявин» пришла очередная делегация: артисты, писатели. Чтобы поразить гостей, командование крейсера устроило зачетные стрельбы, хотя по плану они намечались на август. Но командование хотело блеснуть и перед гостями, и перед главкомом. Тем более что во время подготовительных стрельб экипажу сопутствовала удача, вот и появилось искушение на волне этого успеха отстрелять и зачетные. Командира корабля не остановило даже то, что буквально накануне уволились в запас опытные матросы и старшины из боевого расчета и стрелять придется новичкам. Далее послушаем очевидца тех событий — капитана 2-го ранга Л. Мрочко:

«День был муторный: на корабле полно гостей — артисты, писательская делегация. Сначала выполнили (и довольно успешно!) подготовительную стрельбу. А потом якобы по просьбе экипажа командир соединения контр-адмирал Варганов разрешил отстрелять и зачетную. Мы с корреспондентом «Красной звезды» капитаном 2-го ранга Л. Климченко должны были идти в носовую башню, но мне принесли гранки свежего номера газеты, и я задержался. Он пошел один. Пока я вносил правку, началась стрельба. И вдруг — взрыв. Выбежал на верхнюю палубу и увидел, что носовая башня окутана дымом. Никто еще толком не понимал, что же произошло.

Когда отдраили бронированную дверь, живых в башне не оказалось. Все тридцать семь человек — расчеты боевого и перегрузочного отделений, а также присутствующие на стрельбе — погибли...»

Как установит следствие, непосредственной причиной трагедии стало то, что при подаче электросигнала на производство девятого залпа правое орудие первой башни не выстрелило, и туда ошибочно был послан очередной снаряд. В результате чего произошло воспламенение заряда в камере орудия. От вылетевшей струи газов воспламенились приготовленные к стрельбе заряды, в башне возник пожар, быстротечно перекинувшийся на верхнее перегрузочное отделение. После этого помещенные башни превратилось в настоящий ад: за-

крытые в башне люди умирали в страшных муках.

Непосредственные виновники случившегося были наказаны следующим образом: командир крейсера и его заместитель по политической части и командир артиллерийской боевой части были сняты со своих должностей и назначены с понижением. Командир соединения контр-адмирал В. Варганов, разрешивший перенос стрельбы с августа на июнь, был предупрежден министром обороны о неполном служебном соответствии. Получили взыскания и другие должностные лица. Что касается погибших, то их похоронили без положенных в таких случаях почестей, можно сказать, втихую. Не хотели, чтобы шум от этой трагедии дошел до ушей Брежнева. Говорят, он об этом так и не узнал: в газетах про это не писали, по ТВ не сообщали, а министр обороны Устинов, который встречался с генсеком чуть ли не каждый день, счел за благо не огорчать шефа плохой новостью. Тогда такое было в порядке вещей.

А теперь перенесемся в Саратов, где продолжают поиски преступников, ограбивших инкассаторов в конце марта этого года. Как мы помним, тогда был убит один из инкассаторов и похищено почти 100 тысяч рублей. Это преступление было на контроле у министра внутренних дел СССР, который прислал в Саратов своих лучших сыскарей во главе с генерал-майором милиции Анатолием Волковым. Однако минуло вот уже два с половиной месяца, а каких-нибудь серьезных зацепок у сыщиков не было. Как вдруг в начале июня неожиданная новость пришла из Ростова-на-Дону. Там во время ограбления киоска (в ночь со 2 на 3 июня) был задержан трижды судимый гражданин Демидов, который внезапно признался, что хорошо знает одного из убийц инкассаторов и даже может показать, где он скрывается. Из Саратова туда срочно вылетел инспектор угро Александр Алексеев. Он встретился с Демидовым. По словам задержанного, убийцу инкассатора зовут Кцоев, они вместе отбывали срок в одной из колоний. Последний раз Демидов видел своего кореша на второй день после нападения на инкассаторов, когда тот вместе со своим дружкой прятал чемоданы с деньгами в камере хранения вокзала. Их встреча длилась около получаса, после чего они расстались: Демидов уехал в Ростов, а Кцоев собиравшись отправиться к себе домой, в Ялту. «Адрес

знаешь?» — спросил его Алексеев. «Название улицы не помню, но на глаз найти смогу», — последовал ответ. Алексеев насторожился: преступник вполне мог мухлевать, чтобы во время поездки в Ялту совершить побег. Но и отмахнуться от этой версии тоже было нельзя: ведь других зацепок у следствия пока не было. Тем более все, что Демидов рассказал о своем пребывании в Саратове, подтвердилось: он действительно жил в гостинице «Жигули» в конце марта. В итоге Алексеев связался со своим непосредственным начальством и выбил у них «добро», на поездку в Ялту.

Сопровождать Демидова на юг вместе с Алексеевым отправился еще один человек — следователь по особо важным делам областной прокуратуры Виктор Казберов. Ялта жила своей привычной жизнью: по улицам фланировали толпы отдыхающих, еще больше их было на пляже. А сыщикам было не до отдыха: приковав к себе наручниками Демидова, они ходили по окрестностям вокруг города, пытаясь с его помощью найти нужный дом. Однако дни шли, а результатов не было никаких. Демидов оправдывался: «Гражданин начальник, у меня же адрес не записан. Но я хорошо помню: дом этот в горах, перед окнами два кипариса, во дворе — каменный амбарчик. Найдем».

Истинная подоплека этого путешествия открылась на седьмые сутки. Когда они в очередной раз безуспешно обошли несколько пригородных улиц, Демидов сумел изловчиться и открыл под накинутым ему на руки пиджаком (чтобы люди не шарахались) наручники. И на перекрестке, где скопилась изрядная толпа отдыхающих, бросив пиджак в лицо Алексееву, Демидов помчался на противоположную сторону улицы. Он все рассчитал вроде бы правильно: в такой мешанине людей стрелять по нему из пистолета невозможно — наверняка заденешь случайных прохожих. Но он просчитался. Алексеев оказался человеком не робкого десятка и, едва Демидов рванул на противоположную сторону улицы, выхватил пистолет и выстрелил в воздух. «Стой! Стрелять буду!». И столько в этом крике было уверенности, что Демидов понял: этот — выстрелит. И остановился. В тот же день все трое вернулись в Саратов.

И снова вернемся в Москву. 14—15 июня в «Обыкновенном чуде» снимали очередной смешной эпизод: Администратор (Андрей Миронов) останавливает в саду жену Волшебника

(Ирина Купченко) и без всяких предисловий назначает ей любовное свидание, мотивируя свою поспешность тем, что нет времени на ухаживания. Дескать, вы — привлекательны, я — чертовски привлекателен, чего зря время терять. «Приходите ночью на сеновал — не пожалеете», — произносит герой Миронова фразу, которой потом суждено будет уйти в народ. После чего поет веселую песенку про бабочку («Бабочка крылышками бяк-бяк...»). Однако виртуозное исполнение шлягера не производит на хозяйку должного впечатления. Она возмущается: «Да я на вас мужу пожалуюсь!». — «А кто у нас муж?» — интересуется ловелас. «Волшебник. Он из вас крысу сделает». — «Предупреждать надо, — тут же идет на попятную Администратор. — Прошу прощения. Был неправ».

15 июня председателю КГБ Юрию Андропову стукнуло 64 года. Никаких торжеств по этому поводу именинник не собирал, поскольку, во-первых, не любил это делать, во-вторых — дата была не круглая. Вот как описывает тот день начальник 4-го управления Минздрава Е. Чазов:

«Мы встретились с Андроповым в его кабинете на Лубянке, чтобы обсудить состояние здоровья Брежнева. Когда, закончив, я поздравил Андропова с днем рождения, раздался звонок его самого близкого друга Д. Ф. Устинова. В тот период возникающие с Брежневым проблемы Андропов скрывал от всех, даже от самых близких друзей. На вопрос: «Что делает «новорожденный» в данный момент?» — Андропов, понимая, что Устинов может каким-то образом узнать о моем длительном визите, ответил: «Меня поздравляет Евгений Иванович». Заводной, с широкой русской натурой Дмитрий Федорович тут же сказал: «Я этого не потерплю и еду к вам. Только скажи, чтобы открыли ворота, чтобы я въехал во двор, а то пойдут разговоры, что я к тебе ездю по вечерам». Короче говоря, через 30 минут в кабинете был Дмитрий Федорович, поздравлял, громко смеялся и требовал положенных в таких случаях 100 грамм. Андропов ответил, что не держит в кабинете спиртного. Настойчивый Дмитрий Федорович предложил вызвать помощника и попросить чего-нибудь достать. К моему удивлению, вслед за ним, извиняясь, появился Цинев (заместитель Андропова. — Ф. Р). Конечно, нашлись 100 грамм за здоровье именинника, было шумно, весело, но меня не

покидало ощущение, что нас не хотели оставлять втроем — о чем могли говорить председатель КГБ и приехавший внезапно и тайно министр обороны с профессором, осуществляющим лечение Брежнева, у которого появились проблемы со здоровьем? Может быть, я был излишне мнителен, но интуиция меня никогда не подводила. Так что Брежнев рассчитал точно — КГБ его не только защищал, но и помогал скрывать его немощь и создавать ореол славы...»

Но не менее, чем здоровье генсека, Андропова волновало и здоровье его собственной жены, которая плотно подседала... на наркотики. Вспоминает врач П. Мошенцева:

«Мне несколько раз доводилось встречаться с супругой Андропова. Она не раз лежала в больнице («кремлевке». — Ф. Р.) в неврологическом отделении и непрерывно требовала уколов. Врачом в этом отделении работала моя приятельница. Часто она приходила ко мне за советом:

— Как быть? Что делать? Она не может обходиться без наркотиков...

— Делайте сердечные уколы, — советовала я. — Успокоительные, но эти — нет. Ничего с ней не будет, не умрет.

Коллега последовала моему совету. Но жена председателя КГБ... пожаловалась больничному начальству, что с ней якобы грубо обращаются... Это в нашей-то больнице! Через несколько дней приятельница-невропатолог без всяких объяснений была уволена. Тогда-то к жене Андропова стали вызывать меня. Но я уже была в курсе ее диагноза: она просто придумывала себе разные недомогания и требовала наркотиков. От успокоительных уколов отмахивалась. Видимо, она привыкла к наркотикам с молодых лет. Может быть, виной тому был фронт. Сейчас мне кажется, что виноваты врачи. Это они уступали ее настойчивым просьбам, подсознательно трепеща пред одним именем ее мужа. Врачи и приучили ее к наркотикам.

Когда она лежала в больнице, всегда спрашивала, кто сегодня дежурит. Если узнавала, что дежурю я, приставала к другим врачам или сестрам, жалуясь на боли в животе. Я приходила, осматривала ее с ног до головы и выписывала другие успокоительные лекарства, безопасные... Завидя меня еще с порога, она обычно говорила:

— Ах, это вы, Прасковья Николаевна... Значит, ничего не будет.

Однажды в палате я увидела самого Андропова. Он ни во что не вмешивался, только наблюдал, как я осматриваю больную, что говорю.

— Я человек добрый, — сказала я. — Но вредить вам не буду.

— Знаю, знаю, — проговорила больная, усмехнувшись. — О вашей доброте ходят легенды. Но пожалейте меня. Я умираю... Сделайте укол.

— Нет, — ответила я. — Не просите, не сделаю.

Я взяла ее за руку и стала применять свой метод. Меня ведь обучали гипнозу... Вскоре больная расслабилась. Рука стала мягкой и безвольной. Через минуту сказала:

— Буду спать. Через силу, но постараюсь заснуть... Но больше ко мне не приходите.

Выходя из палаты, я опять увидела Андропова. Сердце мое упало: что он скажет? Отругает, конечно... Юрий Владимирович обнял меня за плечи, поцеловал в щеку, сказав только одно слово: «Молодец!» И еще раз повторил: «Молодец!» Взял под руку и проводил до двери.

Мы, врачи, сочувствовали Андропову — жена была его заботой и болью, он очень переживал за нее. И, конечно, это отражалось на его и без того плохом здоровье...»

Но вернемся в июнь 78-го.

В вузах страны началась горячая экзаменационная пора. Из числа тогдашних выпускников несколько человек вскоре станут звездами. К примеру, Андрей Ташков через два года покорила сердца миллионов зрителей ролью милиционера Жени Кулика в боевике «Сыщик». А пока Ташков с успехом окончил Театральное училище имени Щукина и был принят в труппу Малого театра.

Другая выпускница — Татьяна Догилева — окончила тем летом ГИТИС. Во время учебы там она играла в пьесах Ануя, Фриша и О'Нила и считала себя актрисой на роли западных лирических героинь. Правда, мысли о будущем омрачало одно «но» — в столичные театры студентов ГИТИСа брали неохотно, считая этот институт плохой школой. Поэтому большинство выпускников ГИТИСа трудились в провинциальных театрах. На эту же участь рассчитывала и Догилева. Чтобы не терять попусту времени, незадолго до окончания института она стала заранее подбирать себе театр и остановила свой выбор на Минском драматиче-

ском русском театре. Набралась смелости и однажды позвонила туда. «Вас беспокоит студентка ГИТИСа Татьяна Догилева. Могу я поговорить с главным режиссером?» — уверенным голосом произнесла она в трубку. На том конце провода воцарилось молчание, которое затем было прервано недоуменным вопросом: «А, собственно, зачем вам понадобился главный режиссер?» «Я хочу у вас работать», — ответила Догилева. Последнюю фразу она произнесла с такой твердостью в голосе, что ее невидимый собеседник сразу позвал к телефону главного режиссера Бориса Луценко.

Судя по всему, тот разговор произвел хорошее впечатление на режиссера, и он дал свое предварительное согласие на приезд Догилевой в Минск. Затем, когда театр оказался на гастролях в Москве, Луценко лично встретился с Догилевой и окончательно утвердился в правильности своего решения. Мысленно Догилева уже собирала вещи, прощаясь с Москвой, как вдруг в дело вмешался Его Величество Случай.

Ее дипломным спектаклем был «Много шума из ничего» В. Шекспира, она играла Батриче. Игра Догилевой произвела настолько потрясающее впечатление в театральной среде, что она получила приглашения сразу в несколько театров: в ленинградский БДТ, московский ТЮЗ, на Малую Бронную и в Ленком. Самой Догилевой больше всего хотелось играть у Г. Товстоногова в БДТ, но она в то время готовилась выйти замуж за москвича, поэтому волею судьбы вынуждена была вычеркнуть Ленинград из своего списка. Она остановилась на Ленкоме, где Марк Захаров пообещал ввести ее на главную роль — Нели в спектакле «Жесткие игры» по пьесе А. Арбузова.

Популярный киноактер Олег Видов тогда получил второй диплом — окончил режиссерский факультет ВГИКа. Его дипломной работой стала короткометражка «Переезд» с участием таких звезд отечественного кино, как Евгений Евстигнеев, Петр Вельяминов, Ирина Муравьева. Фильм удался, однако диплом Видову выдавали через силу. Почему? Вот как он сам об этом вспоминает:

«В 1976 году я развелся с Натальей Федотовой. С сыном Вячеславом общаться мне не разрешалось (как мы знаем, у Видова в Одессе есть еще один сын — незаконнорожденный, но он и его не видит, поскольку о его рождении не осведомлен. — *Ф. Р.*) Регулярные попытки

бывшей жены испортить мне жизнь и карьеру послужат причиной моего последующего отъезда (бывшая жена имела влиятельного родителя — генерала КГБ. — *Ф. Р.*)»

Когда я оканчивал режиссерское отделение ВГИКа, руководство института оказалось перед выбором: вручать мне диплом или нет, потому что «сверху» требовали «не выдавать!». Слава богу, диплом я получил. А потом — по той же причине — сколько ролей я потерял!..»

За последующие годы он действительно снимется всего лишь в четырех фильмах, причем роли будут сплошь эпизодические или второго плана. А свой режиссерский диплом в полнометражном кино он так и не подтвердит — фильмов снимать ему не дадут. Однако вернемся в июнь 78-го.

В первой половине месяца в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 5-го — комедия «Багдасар разводится с женой» Григория Мелик-Авакяна; молдавский приключенческий фильм «Честь гайдука» Мирчи Молдована с румынским актером Флорианом Пьерсиком в роли смелого гайдука Пинти.

Кино по ТВ: «Кто, если не ты» (**впервые по ТВ**), «Станционный смотритель» (1-го), «Дети как дети», «Следствие ведут знатоки», Дело № 12 «Букет» на приеме» (повтор) (3-го), «Капитан Немо» (1-я серия), «Чудо с косичками» (**впервые по ТВ**), «Когда-то в Калифорнии» (т/сп), «Ясь и Янина» (4-го), «Талант» (**премьера т/ф 5—9-го**), «Ткачихи» (7-го), «Человек с другой стороны» (8-го), «Капитан Немо» (2-я серия), «Секрет великого рассказчика», «Музыкальная история» (11-го), «Мать», «Кошка на радиаторе» (т/сп), «Странные взрослые» (13-го), «И снова Анискин» (**премьера т/ф 14—16-го**) и др.

Эстрадные представления: 1, 3—4-го в ГЦКЗ «Россия» выступала Роза Рымбаева в сопровождении ансамбля «Гульдер»; 2—4-го в ГТЭ — Эдита Пьеха с ансамблем Григория Клеймица; 4-го в Зеленом театре ВДНХ состоялись концерты с участием Геннадия Белова, Евгения Петросяна и др.; 9—11-го в Зеленом театре ЦПКиО состоялись выступления звезд отечественного кино в лице Николая Крючкова, Марины Ладыниной, Лидии Смирновой, Георгия Вицина, Зои Федоровой и др.; 9—18-го там же выступал ВИА «Поющие сердца».

Олег Даль в те дни справил новоселье: сдав государству две квартиры «на выселках», он

получил новое жилье в элитном доме в начале Смоленского бульвара. Вот как об этом вспоминает соседка актера по лестничной площадке И. Хондарян:

«В середине июня 78-го во всем нашем огромном доме морили тараканов. То есть морили мы сами — жильцы, облаченные в соответствующие одежды, защитные маски и «вооруженные» какой-то отвратительной дрянью.

Вытрясая эту отраву из пакета по наружному краю порога квартирной двери, я услышала, как на нашем 17-м этаже за моей спиной открылись створки лифта. Я обернулась и увидела высокого, на первый взгляд неприметного молодого человека в джинсовом костюме и с сумкой на плече. Он неторопливо осмотрел коридоры, сориентировался и направился в наше крыло. Пройдя мимо меня, стал открывать ключами квартиру № 207 — соседнюю с нами и тогда пустующую.

Трудно представить себе более идиотскую ситуацию, но я спросила его:

— Скажите, вы наш новый слесарь?..

Он посмотрел на меня с двояким выражением: как на полную дуру, но очень по-доброму...

Ответа я не дождалась, так как на следующем лифте подъехала не менее молодая и симпатичная женщина, и они прошли внутрь квартиры. Он пробыл там недолго. Выйдя в коридор, уже как «у своей» спросил:

— Вы не скажете, как отсюда покороче... э-э... пройти на Малую Бронную?

Совершенно ошарашенная тем, что слесари в наш дом (пусть и элитный) стали ездить аж с Бронной, я, объяснив ему дорогу, решила получить ответ на этот вопрос у «хозяйки» и постучала в эту недавно освободившуюся квартиру:

— Простите, но сантехник...

— Это мой муж!

— Вы знаете, мне очень знакомо лицо вашего «мужа»...

— Да, да! Это мой муж — артист Даль! Меня зовут Лиза. Вы не знаете, какой номер телефона в этой квартире?

Потом она мне объяснила ситуацию с их обменом, что они все еще думают, въезжать сюда или нет, и я тут же стала ее уговаривать:

— Немедленно соглашайтесь! Квартира прекрасная, место великолепное! Обязательно соглашайтесь!..»

В субботу, 17 июня, отец Владимира Высоцкого Семен Владимирович справил свой 63-й

день рождения. По этому случаю в доме именинника собрались его близкие и друзья. Был там и сын именинника, который пришел чуть позже остальных — на «Таганке» в тот день играли «Антимиры». С Высоцким была и его неизменная гитара. Стоит отметить, что отец певца больше всего ценил его военные песни, поэтому в тот день исполнялись только они. Разошлись гости за полночь.

А в понедельник настроение Семена Владимировича оказалось испорчено. Ему позвонил его близкий приятель и сообщил, что только что вернулся с лекции в Военной академии, которую проводил лектор из ЦК КПСС. В конце выступления ему стали задавать вопросы, и кто-то спросил про Владимира Высоцкого: мол, правда ли, что тот подал документы на выезд из страны? И лектор ничтоже сумняшеся ответил: да, правда, он уже давно уехал из страны, а на родину приезжает только иногда, чтобы здесь лишний раз подзаработать на концертах. И добавил: «Вы разве не знаете, что Высоцкий — предатель родины?» Приятеля отца Высоцкого это так возмутило, что он дождался конца лекции и подошел к лектору. «Как вам не стыдно! — начал он чихвостить сплетника. — Да я только на днях был на дне рождения отца Высоцкого и видел его собственными глазами. Никуда он не уезжал и уезжать не собирается. Я сегодня же ему расскажу о том, какие сплетни вы здесь распускаете!» Лектор в ответ чуть на колени перед ним не упал: «Ради бога, не надо! Мне в ЦК дана установка так отвечать».

Однако отец в тот же день рассказал сыну об этом звонке, и Высоцкий, узнав телефон этого лектора, позвонил ему домой. Лектор разволновался пуще прежнего. «Владимир Семенович, не губите! — запричитал он. — У меня семья, дети, не портите мне карьеру. Я глубоко извиняюсь перед вами, только, ради бога, ничего не делайте, иначе меня уволят с работы». Высоцкий пообещал ничего не предпринимать со своей стороны только в том случае, если лектор даст слово никогда больше таких слухов про него не распускать. Тот пообещал.

Продолжается пребывание в Советском Союзе боксера Мохаммеда Али. Он приехал в Москву 12 июня, после чего сразу уехал в Среднюю Азию — в Ташкент и Самарканд. Пробыв там несколько дней, он вернулся в Москву, где 19 июня встретился в Кремле с Ле-

онидом Брежневым. Беседа длилась чуть больше получаса. Прощаясь, генсек подарил американскому гостю свою книгу «Малая земля».

В тот же день Мохаммед Али собрал пресс-конференцию, на которой рассказал о своей встрече с советским лидером. Естественно, выдержана она была в самых радужных тонах. Боксер рассказал: «Я нахожусь под огромным впечатлением от встречи с Леонидом Ильичом Брежневым... Мне трудно найти слова... Я простой американский боксер, но мне была оказана высокая честь быть принятым господином Брежневым... Я привык слышать, что русские всегда угрожают американцам. Но я убедился, что это не так. Брежнев — горячий сторонник мира, я это понял, беседуя с ним 35 минут. Он не похож на того, каким его представляет кто-то в нашей стране. Это — великий человек, который руководит великой страной...»

Брежнев в хорошей форме! Вы много лет будете слышать его. Когда я сходил с трапа самолета в Москве — ожидал увидеть солдат с автоматами... За 8 дней я не видел ни одного ружья или пистолета. У нас в стране на улицах грабят, повсюду можно встретить проститутку... Когда в Москве моя жена пошла в парикмахерскую и оставила там на столе сумочку с драгоценностями и деньгами, она не боялась, что их украдут. Когда я в 2—3 часа ночи выбежал на темные московские улицы, чтобы потренироваться, я был в полной уверенности, что на меня никто не нападет...»

Не знаю, как насчет сумочки супруги выдающегося боксера (она могла не пропасть по чистой случайности, поскольку в советских учреждениях всегда хватало тех, кто воровал то, что плохо лежит), а вот по поводу уличной преступности могу лично засвидетельствовать — боксер попал в самую точку. В Москве тех лет можно было безбоязненно гулять как днем, так и ночью. Знаю это по себе, поскольку тем летом часто возвращался домой запоздно: перед самым закрытием метрополитена около 12 ночи вбегал на «Курскую» и ехал через всю столицу аж до Орехово-Борисово. И, в общем, без особых инцидентов.

А вот на родине Мохаммеда Али мне бы так спокойно по ночам точно не было. Достаточно сказать, что в той же нью-йоркской подземке в 1978 году было совершено 12 906 зарегистрированных преступлений (около 35 в день). В том числе вооруженных налетов на будки кас-

сиров — 229, убийств — 9. Да и жетон на одну поездку там стоил 50 центов, а у нас всего лишь пятак. Но это к слову.

Продолжаются съемки фильма «Обыкновенное чудо». 19 июня там снимали эпизоды в декорации «сад». Это там Король (Евгений Леонов) зовет на помощь своего Администратора (Андрей Миронов), чтобы тот спас его от нападок подданных, которые критикуют Короля за его нерешительность в деле выведения Принцессы из душевного кризиса. Администратор въезжает в сад на автомобиле с открытым верхом. С ходу начинает фамильярничать: «Кто тут обижает этого рубаху-парня, этого, как я его называю, королька?».

А в Одессе, на съемочной площадке другой картины — «Место встречи изменить нельзя» — 19 июня исполнитель одной из главных ролей Владимир Высоцкий стал еще и режиссером. Правда, временным. Дело в том, что Станислав Говорухин уехал на 10 дней в ГДР, на кинофестиваль, и оставил вместо себя Высоцкого. Сказал: «Ты ведь сам скоро кино снимать собираешься, вот и поучись: сними четыреста метров без меня». Высоцкий несказанно обрадовался и в первый же день, снимая сцену допроса Груздева (Сергей Юрский) загонял всех своих коллег чуть ли не до седьмого пота. Но материал получился добротный. На следующий день снимали другие эпизоды: опознание женой Груздева (в этой крохотной роли снялась бывшая жена Говорухина актриса Юнона Карева) Фокса, освобождение Груздева из-под стражи.

Вспоминает А. Свидерский: «Обычно осветители тянутся, опаздывают. И вообще люди они капризные. Пока свет, пока декорации, пока все актеры соберутся... Но как только на площадке появлялся Высоцкий, подменявший Говорухина, — дисциплина была идеальной! Все было готово заранее: декорации, свет, актеры... Володя каждому объяснял задачу, делал две-три репетиции и говорил: «Все, снимаем». Снимал один-два дубля, никогда — четыре или пять. Я видел, что работа ему нравилась.

Был такой знаменитый на всю студию осветитель, по-моему, его звали дядя Семен. Человек суровый и дисциплинированный. Какой бы там ни был гениальный режиссер, какие бы ни были знаменитые актеры — ровно в шесть часов вечера он всегда вырубал свет. Все — ни минуты больше! А у Володи он спрашивал:

«Владимир Семенович, может быть, еще что нужно снять? Это мы — пожалуйста!..»

А вот как вспоминает о тех съемках Ю. Карева: «Прилетела я в Одессу и совсем растерялась в незнакомой обстановке. Ничего не знаю, ничего не умею... Не умею держаться перед камерой, не понимаю, кто чем занимается на съемочной площадке, к кому с каким вопросом можно подойти. И в такой круговерти меня спас Володя. Он окружил меня самой настоящей отцовской заботой. Он помогал абсолютно во всем — рассказывал, показывал, объяснял, что к чему и как, знакомил с людьми, делал все, чтобы я чувствовала себя уверенно и естественно. Хотя он сам, как я сейчас понимаю, очень волновался и чувствовал себя совсем неопытным в режиссуре, и ему самому нужна была надежная поддержка. Но виду он, конечно, не подавал. Был очень собран, доброжелателен ко всем членам съемочной группы. Здорово Володе помог Сергей Юрский. Он, как изумительный профессионал, какправский режиссер, держал всю группу в своих руках, никому не давал расслабиться, халтурить, следил, чтобы каждый был на своем месте.

Сняли эпизод очень быстро, и сняли, по-моему, совсем неплохо, но когда вернулся Станислав Сергеевич и посмотрел отснятый материал, то остался ужасно недоволен. Они жестко и откровенно разбирали с Володей по косточкам весь эпизод. Станиславу Сергеевичу не нравилось все — как я хожу, как я говорю, как и во что меня одели. Не знаю почему, но больше всего раздражал его платок, который был накинут мне на плечи. А ведь Володя просил снять этот платок. Но я сказала, что в нем мне как-то уютнее, и он настаивать не стал, а только улыбнулся: «Ну, раз тебе уютнее...»

После съемок я вышла на пустынный, уютный двор Одесской киностудии. Было так тоскливо и одиноко, такое чувство, что все тебя бросили, забыли... Вдруг я услышала замечательный теплый голос Володи:

— Сколько можно тебя ждать? Проголодались, наверное? Пойдем, пообедаем.

И мы поехали обедать. Но сначала заехали в гостиницу, потому что он должен был позвонить Марине в Москву. Полчаса они разговаривали. Говорил он замечательно. Нежно, с юмором. Я больше никогда и нигде не слышала такого трогательного разговора. А потом спустились в ресторан. Володя сел лицом к залу:

— Смотри, сейчас меня начнут узнавать.

— Так давай поменяемся местами.

— Сиди-сиди...

Но так никто и не подходил. Я вижу, что Володя начинает нервничать. Наконец, к нашему столику подошел парень:

— Извините, вы — Высоцкий? — У Володи в тот момент было такое трагическое, страдальческое лицо... Он только устало и надоедливо отмахнулся от парня...

Когда Станислав Сергеевич уезжал в Германию, он наказал непременно купить Сереже (сын Каревой и Говорухина. — Ф. Р.) джинсы. Но где я могла в то время за два дня в Одессе достать джинсы? А на Володе были совершенно новые замечательные португальские джинсы. Светлые такие, все в каких-то клепках, замочках, молниях... Утром он появился в невероятных галифе и на мой удивленный взгляд ответил:

— А те штаны повезешь Сереже. К вечеру они успеют высохнуть.

Я, естественно, начала отказываться, но он и слушать не хотел.

— Это подарок Сергею от нас со Славой. И не говори больше ничего — зря я, что ли, стирал их всю ночь?..»

22 июня Олег Даль вместе со своей мамой Павлой Петровной, женой Елизаветой и тещей переехали в новую квартиру на Смоленском бульваре. Площадь на новом месте распределялась следующим образом: спальня Даля и его жены, комната Павлы Петровны, комната тещи и еще оставался большой проходной холл. И у Даля опять не получилось его кабинета, о котором он всегда мечтал. Но спустя всего лишь несколько дней выход найдется: теща артиста увидит в каком-то западном фильме эпизод с тайной комнатой (в нее попадали через потайную дверь) и придумает сделать в холле книжные стеллажи и отгородить ими этот злополучный холл. Далю эта идея понравится, и он пригласит для ее осуществления своего знакомого — Валерия Кульчицкого, который когда-то работал декоратором в театре «Современник» и был мастером на все руки.

Андрей Макаревич и другие участники группы «Машина времени» в те дни находятся на юге. На этот раз предложение поехать туда поступило «машинистам» от Московского авиационного института, который имел свой лагерь в Алуште. Однако уже вскоре пребывание

в этом лагере музыкантам разонравилось: он оказался палаточным и стоял на совершенно голом глиняном откосе над мутноватым морем. Но самое главное: большинство обитателей его были особи мужского пола, что навело еще большую тоску. Поэтому, когда в лагере объявился деловой человек из Гурзуфа и предложил «машинистам» переехать к нему на танцплощадку, те согласились не раздумывая.

Вспоминает А. Макаревич: «Поселили нас в Гурзуфе совершенно замечательно. Бывавшие там, конечно, знают узенькую древнюю лестницу, спускающуюся от центральной площади, где автобусы, к морю. В самом ее узком и древнем месте слева оказывается бывший дом Коровина, а ныне — Дом творчества художников, справа — двухэтажное здание, на втором этаже которого в те времена был расположен ресторан, а на первый этаж вела загадочная дверка, выходящая прямо на вышеуказанную лестницу. Сколько я помню, дверка эта всегда была заперта. Так вот за ней обнаружился самый настоящий клуб с фойе, залом и даже каменным Лениным на сцене. Клуб занимал весь первый этаж и не функционировал, видимо, никогда. Ловкий человек, пригласивший нас, оказался директором этого самого клуба. Нам был вручен ключ от заветной дверцы. Когда эйфория от возможности круглосуточно владеть самым центральным в Гурзуфе зданием прошла, мы робко осведомились, на чем, собственно, спать. Директор задумался, и к вечеру на грузовике подвезли полосатые матрасы — штук тридцать. Это было все. Матрасы, видимо, списали в казарме по истечении двадцатипятилетнего срока годности. Это был настоящий рок-н-ролл.

Танцплощадка наша находилась (и находится) в другом конце городка, возле «Спутника». Аппарат убирать было некуда, посему один из нас еженощно оставался спать на сцене под южным небом во избежание кражи. Обещались нам за работу деньги в размере шестидесяти процентов от сбора. Мы было возрадовались, но зря. Ловкие ребята на контроле забирали у входящих билеты и тут же продавали их вновь, поэтому танцплощадка была полна, а по количеству проданных билетов нам выходило по червонцу на рыло. Впрочем, мы не голодали. Приличная уже известность группы, древний родной Гурзуф, друзья и подруги из Москвы, Киева, Питера, дикие

ночи с ними на сцене клуба под бесстрастным монументом в темноте (свет нам включать не рекомендовали), утреннее пиво в тени кустов туи и под шум моря и восхитительная вяленая ставридка — это была наша последняя настоящая южная поездка. Мы и потом ездили на юг, играли там (это уже называлось — гастролировали), но вот этот святой бесшабашный хиппово-рок-н-рольный дух — он остался там, в Гурзуфе семьдесят восьмого...»

В Москве установилась на редкость не летняя погода: на улице пасмурно, всего 14 градусов тепла, люди вынуждены надевать плащи, выходить с зонтиками. Так продолжалось несколько дней, после чего 23 июня лето взяло свое: выглянуло солнце, ртутный столбик термометра скакнул до 20 градусов тепла. Зонты и плащи сразу исчезли.

24 июня в Москве ушел из жизни знаменитый советский ученый, известный во всем мире работами в области математики и освоения космоса, бывший президент Академии наук Мстислав Келдыш. Как писали в газетах, его смерть наступила «в результате тяжелой и продолжительной болезни». На самом деле 66-летний ученый наложил на себя руки. Пойти на такой шаг его побудили чисто личные мотивы: несколько лет назад ему была сделана сложная операция по поводу атеросклеротических поражений аорты (ее проводили американские врачи), после которой Келдыш ушел с поста президента АН. Какое-то время ученый чувствовал себя вполне благополучно, но затем у него начались приступы тяжелой депрессии с элементами самообвинения. Он не раз говорил своим близким и друзьям о том, что наделал много ошибок и в жизни, и в работе. Видимо, в июне 78-го случилось обострение этой депрессии.

Вспоминает Е. Чазов: «В субботу 24 июня, воспользовавшись свободным днем, я уехал к себе на дачу. Солнце пекло невероятно, стояла духота, которая обычно бывает лишь на Черном море, в Сочи. К этому времени я уже привык к неожиданным телефонным звонкам, которые несли неприятности, сложнейшие ситуации, срочные вызовы и тяжелое нервное напряжение. Так было и тогда, 24 июня, когда дежурный позвонил и сообщил, что случайно в гараже, на даче, в своей автомашине обнаружен угоревший от выхлопных газов машины с работающим вхолостую мотором М. В. Келдыш. Известный в медицине феномен «кали-

форнийского» отравления угарным газом в собственном гараже. Келдыша случайно обнаружил его большой друг и сосед по даче академик В. А. Кириллин.

При первой же встрече я спросил его: «Владимир Алексеевич, вы не помните, двери гаража были открыты или закрыты?». Подумав, он ответил: «Они были прикрыты».

Вечером того же дня по ЦТ прошла премьера детектива Евгения Татарского «Золотая мина». Главного злодея — бандита Косова — в нем сыграл Олег Даль. Актер тем вечером находился дома и вместе со своей семьей смотрел премьеру. Все участники просмотра остались довольны его игрой. Да что говорить про родственников актера — я сам хорошо помню впечатление от игры Даля: я был потрясен. До этого актер ассоциировался у меня исключительно с положительными киношными образами, а тут вдруг — матерый бандит. Но не кондовый, а своеобразный — одновременно с грустными и злыми глазами.

Вспоминает соседка актера по лестничной площадке И. Хондкарян: «По телевизору прошла премьера фильма «Золотая мина», где Даль играл жуткого преступника — убийцу. Мой муж Армен, ехавший с ним вскоре вместе в лифте, как-то робко заговорил об этом фильме, этой роли, что-то спросил... И, к своему удивлению, нашел в Олеге... собеседника! При том, что оба были мужиками, очень много повидавшими в жизни (конечно, каждый по-своему) и не очень общительными в обычном понимании этого слова. Тот диалог, о полном содержании которого, естественно, не рассказывалось, столь впечатлил Армена, что через некоторое время он вдруг сказал мне:

— Давай позовем соседей... Испеки что-нибудь вкусное...

Лиза потом передала мне такую благодарность:

— Олег очень оценил ваш пирог!..».

В воскресенье, 25 июня, по ЦТ транслировался финальный матч чемпионата мира по футболу: хозяева турнира аргентинцы играли против голландцев (накануне в матче за 3-е место встречались сборные Бразилии и Италии, там победа досталась бразильцам 3:1). Героем же финального матча стал аргентинец Кемпес. Находясь в окружении двух голландских защитников, он сумел каким-то невысказанным образом изловчиться и послать мяч в сетку во-

рот. Счет 1:0 в пользу Аргентины сохранялся почти до конца игры. Но за 9 минут до финального свистка голландцы сумели сравнять счет: это сделал Наннинга. А под занавес матча гости едва не вырвали победу: Ренсенбринк нанес сильный удар в дальний угол, но мяч угодил в штангу. После этого было назначено дополнительное время. И в нем удача сопутствовала хозяевам, которых горячо поддерживали почти 80 тысяч зрителей стадиона «Ривер Плейт». Сначала все тот же Кемпес вывел хозяев вперед, а спустя девять минут Бертони поставил победную точку — 3:1. Так сборная Аргентины впервые завоевала «золото» мирового чемпионата. Но вернемся к нам на родину.

25 июня Высоцкий, отыграв в спектаклях «Вишневый сад» и «Антимиры», вылетел в Одессу, чтобы продолжить съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Станислав Говорухин по-прежнему находится в ГДР, и бразды правления на съемочной площадке принадлежат Высоцкому. Он вызывает в Одессу актера Александра Белявского, которому предтоит сыграть роль злодея — бандита Фокса. До этого на роль был утвержден другой актер — Борис Химичев, но он в итоге не подошел. Говорухин счел, что Химичев не подходит своей фактурой — он из современного времени (вскоре Химичев это прекрасно докажет, сыграв главаря банды в фильме «Сыщик»). Когда кандидатура Химичева отпала и требовалось как можно быстрее найти нового исполнителя (съемки-то уже шли), Высоцкий вспомнил про Александра Белявского. Но у того на лето были совсем иные планы. Он получил шесть соток в деревне Ершово. Его голова была полна заботами о том, какой забор поставить, где разместить туалет и т. д. По его же словам: «Я ставил забор, что-то копал, достраивал и так далее. Крестьянствовал от зари до зари, соседи мне кричали: «Трактор, отдохни!». И вот однажды к моему участку подъезжает на велосипеде какой-то парень и спрашивает: «Белявский?». Я говорю: «Да, Белявский». А он: «Давай два рубля!». Прикидываю: бутылка водки стоит три двенадцать. А тут всего два рубля. Парень на велосипеде, до сельмага — полтора километра, а для полного счастья сто граммов никогда не помешает... Я вручаю ему эти два рубля, а он мне взамен... дает телеграмму из Одессы: «Надеюсь на вашу отзывчивость, предлагаем роль Фокса в фильме «Эра мелосердия». Верим, что

не откажетесь, ввиду нашего давнего знакомства. Директор картины Панибрат» (потом я выяснил, что Панибрат — это женщина). Я размышляю. Одесская киностудия. Детектив. Сколько их было. Чего это я полечу, когда у меня еще забор не закончен? А приемы у нас, актеров, есть испытанные, как отказаться так, чтоб не обидеть съемочную группу. Доберусь до деревни Ершово, там есть телефон. Закажу разговор с Одессой и выясню: мол, кто у вас из артистов снимается? Скажут, к примеру: «Тюткин!». А я на это — а, у вас Тюткин снимается! Ну извините, господа! Я с этим человеком не в одной картине! Давайте в другой раз. Но после ответа я стоял как громом пораженный. Оказалось, что в фильме снимаются Высоцкий, Юрский, Конкин, Куравлев, Джигарханян. Я решил, что мое сельское хозяйство не пострадает, и вылетел в Одессу...»

С 26 июня начали снимать эпизод, где Шараров допрашивает Фокса. Помните, последнего выловили из реки и привезли на Петровку, 38, чтобы расколоть на убийство Груздевой. А он идет в несознанку: мол, ничего не знаю, никого не убивал. И Шараров идет на хитрость: под видом сличения почерка вынуждает Фокса написать записку-пароль, чтобы с ней проникнуть в банду. О том, как проходили съемки, рассказывает А. Белявский:

«Утром я пришел на съемочную площадку. Съемки должны были начаться со сцены допроса пойманного Фокса. Я сижу уже загримированный. Мне нарисовали какие-то царалины на лице, можно идти в павильон репетировать. А я сижу, смотрю в зеркало «на этого» (в отражении), хочу сказать себе, мол, я Фокс, — и не могу! Вижу в зеркале Сашу Белявского! Думаю, дай-ка я себе лицо изменю. Прошу у гримерши кусочек ватки, кладу за щеку, как будто опухоль. Противно! А дело было летом. Июнь месяц, вишня в Одессе поспела, все наварили вишневого варенья. Вижу, девочки, закончив свою работу с гримом, уселись пить чай именно с вишневым вареньем. Взял ватку, как следует извозил ее в варенье и засунул в рот. А варенье жидкое, если на вату надавить языком, то будто кровь по подбородку течет! Хорошо! Уже есть за что зацепиться! И я на допросе был занят в основном тем, что представлял последствия «ментовской» выволочки. Ведь я там то ли ударился, то ли меня побили. И я полез языком к этой ватке, надавил на нее, и чувст-

вую, что у меня из края рта потекло что-то. Я пальцем дотронулся, смотрю — вроде как кровь. Но Фокс-то себя уважает! Ну, не об себя же! Правда? Я взял и об стол следователя со смаком промазал, украсил ему стол. Это не репетировалось, не искалось. Это произошло. Это было так неожиданно. И это вошло в фильм...

После выхода картины ко мне будут подходить люди и спрашивать, мол, сидел? Я честно буду отвечать, что нет. А они не поверят и напомнят про кровь на столе следователя...»

Владимир Роговой продолжает на Киностудии имени Горького работу над комедией «Баламут». Съемки фильма начались в середине марта, и за это время пройдена уже половина пути: снята большая часть павильонов и естественного интерьера (последний снимали в Институте управления). С июня начались съемки натуральных эпизодов, для чего группа выехала в одну из деревень Домодедовского района Подмосковья. Там в течение 12 дней (21 июня — 2 июля) снимались эпизоды, где студенты под руководством своего неунывающего однокурсника Пети Горохова (Вадим Андреев) работают в колхозе.

26 июня в школах страны состоялись выпускные балы. Среди выпускников того года были, естественно, и будущие звезды. Так, будущая «интердевочка», а также Настя Каменская — актриса Елена Яковлева — окончила среднюю школу в Харькове (там служил ее отец, военный). На выпускном балу ее одноклассники решили опустить в бутылку из-под шампанского записки со своими заветными желаниями — чтобы когда-нибудь проверить, сбываются ли они. Так вот, Яковлева, громящая деревянными сабо на высоченной платформе (супермодная по тем временам обувь), первая подошла к бутылке и просунула в ее горлышко записку. В ней была всего одна строчка: «Хочу быть знаменитой актрисой».

Дочка популярной певицы Эдиты Пьехи Илона справляла свой выпускной в одной из школ Ленинграда. Ее мама страстно желала попасть на этот вечер, чтобы посмотреть на свою дочь в ослепительно красивом платье, а также на ее одноклассников. Тем более что практически все родители на этот выпускной пришли. Но певицу ждало разочарование: дочь категорически запретила ей даже близко приближаться к школе. Она сказала: «Ты что, хочешь, чтобы полгорода сбежалось на тебя

смотреть?!». Но Пьеха все равно обманула дочь: прихватив с собой свою университетскую подружку (они окончили ЛГУ в конце 50-х), она приехала к школе и спряталась в школьном саду. Поэтому, когда выпускники высыпали на улицу, певица смогла увидеть и свою дочь, и ее одноклассников.

27 июня Москву потрясло жуткое преступление: в самом центре города, возле гостиницы «Интурист», были зарублены топором трое иностранцев-шведов. Произошло это среди белого дня на глазах у десятков свидетелей. Зрелище было жутким. Туристы стояли у входа в гостиницу, ожидая прибытия автобуса, который должен был отвезти их на экскурсию. Настроение у всех в этот теплый солнечный день было праздничное. Поэтому никто не обратил внимания на странного молодого человека, который стоял чуть в стороне от туристов и внимательно за ними наблюдал. На парне был пиджак, левую сторону которого он почему-то придерживал рукой. Почему он это делал, стало ясно чуть погодя, когда незнакомец направился напрямик к туристам. Все произошло очень быстро. Едва парень поравнялся с первым иностранцем, как выхватил из-под пиджака топор и обрушил его на голову шведа. Тот, как подкошенный, рухнул на землю. Увидев это, его земляки на какие-то мгновения оцепенели от ужаса, и этого времени убийце вполне хватило, чтобы ударить топором еще двух туристов. Сделать большее маньяк не успел — на него навалились прохожие и вырвали из рук орудие убийства.

Вечером того же дня вся Москва знала об этом преступлении: у молвы в те годы были длинные ноги. Тем более что западные радиоголоса только и делали, что описывали в своих новостях эту трагедию. На следующий день в ряде центральных газет появилась скупая информация об этом инциденте: сообщалось, что психически ненормальный человек напал на шведских туристов и с помощью топора двух человек убил и одного тяжело ранил. Представитель «Интуриста» выразил соболезнование послу Швеции в СССР. Больше ничего не сообщалось. И только спустя много лет стали известны подробности инцидента.

Нападавшим действительно был псих. Этот парень впервые попал на заметку медиков еще в 1972 году, когда с помощью все того же топора нанес травму своему сверстнику. Того уго-

раздило сняться в кино, а его душевнобольной приятель на этой почве весь обзавидовался. В итоге он решил восстановить «справедливость» с помощью топора. За это его улекли в психушку, где он пробыл несколько лет. Потом тамошние врачи сочли его выздоровевшим и выписали на свободу. Как оказалось, зря. 27 июня 1978 года псих опять взялся за любимое оружие. Повздорив дома из-за какого-то пустяка с племянником, он в порыве гнева схватил топор и раскроил несчастному череп. Но этому ему показалось мало, и он отправился вершить «правосудие» на улицу. Вскоре ноги привели его к гостинице «Интурист». Что было дальше, мы уже знаем.

В тот же день 27 июня под Таллином начались съемки фильма «Сталкер». Как мы помним, начаться они должны были еще в начале этого месяца, но в дело вмешались врачи: они запретили Андрею Тарковскому приступать к съемкам, обязав его пройти санаторное лечение после перенесенного инфаркта. Режиссер вынужден был подчиниться. Пока он лечился, съемочная группа строила декорации под Таллином и с нетерпением ждала появления режиссера на съемочной площадке. В конце июня это наконец произошло. Поскольку болезнь Тарковского отняла у группы почти месяц работы, снимать пришлось в ускоренном темпе: всего 1—2 дубля на эпизод. Объект «Зона» снимали на территории маленькой заброшенной электростанции, построенной в начале 50-х (24 км от Таллина). Там рядом протекала речка, торчали из земли какие-то железяки и рос густой мох на старом бетоне. Говорят, Тарковский был буквально заворожен этим ландшафтом. Но он вносил в него и свои изменения: по его приказу рабочие перекрасили деревья в темно-серый цвет и повырывали из земли все желтые цветы, которые придавали пейзажу слишком радостный оттенок. Доминирующим цветом должен был стать подавленный зеленый и крупички белого внутри — и ничего жизнерадостного. Фильтром утемнялось небо, и если где-то зелень была слишком яркой, тогда ее запыляли темной краской. Так Тарковский создавал в кадре ощущение тревоги.

Между тем в Останкино продолжают бушевать страсти вокруг популярного диктора Юрия Николаева. Как мы помним, его угораздило в пьяном виде не только явиться на работу, но и выйти в эфир. Поскольку ничего подобного за

всю свою историю советское телевидение еще не переживало, скандал разразился грандиозный. Решение вопроса было вынесено на коллегию Гостелерадио СССР, и перед диктором реально маячила угроза быть выкинутым с телевидения с волчьим билетом (из кандидатов в члены КПСС его успели выкинуть на второй день после случившегося). Однако на сторону провинившегося внезапно встал сам глава Гостелерадио Сергей Лапин. В конце коллегии он вынес свой вердикт: «Строго наказать, но на телевидении оставить». Все аж ахнули: подобного либерализма от шефа никто не ожидал. Однако истинная подоплека этого решения вылезла наружу достаточно скоро. Как гласит легенда, это решение Лапин принял после того, как узнал, что Николаев очень нравится дочери одного из членов Политбюро. Якобы она лично звонила Лапину и просила быть к Николаеву снисходительным. Проиигнорировать этот совет глава Гостелерадио не решился.

Тем временем во второй половине июня в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 20-го — «**Дервиш взрывает Париж**» Ш. Махмудбекова и К. Рустамбекова с участием Сергея Юрского, Мирзы Бабаева и др.; «**Журавль в небе**» Самсона Самсонова с участием Александра Демьяненко, Людмилы Зайцевой, Сережи Заидитдинова и др. Из зарубежных премьер назовем итальянский фильм «**Семейный портрет в интерьере**» (с 20-го).

Кино по ТВ: «**Цитадель ответила**» (16-го), «**Часы с кукушкой**» (премьера т/сп), «**Семь стариков и одна девушка**» (18-го), «**Сельская учительница**» (19-го), «**Баллада о комиссаре**» (20-го), «**Парень из нашего города**» (21-го), «**Секретарь райкома**» (22-го), «**Сказание о храбром витязе Фэтрумосе**» (1-я серия), «**Золотая мина**» (премьера т/ф), «**Первая любовь**» (24-го), «**Пусть прилетают чайки**» (25-го), «**Рожденная революцией**» (26—30-го), «**Ну и молодежь!**» (29-го) и др.

Из театральных премьер: 18-го в ЦТСА был показан спектакль «**Лес**» А. Островского с участием Нины Сазоновой, Николая Пастухова, Федора Чеханкова и др.; в Театре на Таганке — «**Ревизская сказка**» Н. Гоголя с участием Ивана Бортника, Феликса Антипова, Бориса Хмельницкого и др.

Эстрадные представления: 15—16-го — в ГТЭ пел «испанский соловей» Рафаэль; 15—17, 23—25-го в ГЦКЗ «Россия» выступал Аркадий Райкин в спектакле «**Зависит от нас**

(«**Дерево жизни**»); 23—25-го на Водном стадионе «**Динамо**» слушателей радовал своим творчеством целый десант ВИА в лице таких ансамблей, как «**Синяя птица**», «**Апрель**», «**Поющие юнги**», «**Мрияны**»; 24—25-го в ГТЭ состоялись концерты с участием ВИА «**Коробейники**»; 27—30-го на ВДНХ — ВИА «**Поющие сердца**».

Из новинок фирмы «**Мелодия**» выделю следующие пластинки:

диски-гиганты — «**Белые крылья**» с песнями: «**Белые крылья**» (В. Шаинский — В. Харитонов) — В. Ободзинский, Группа Стаса Намина, «**Рябина**» — София Ротару, Группа Стаса Намина, «**Время думать о девчонках**» (Е. Мартынов) — Евгений Мартынов, «**Не знаю, что и думать**» (Д. Тухманов) — «**Лейся, песня**», «**Рано прощаться**» (С. Намина) — Группа Стаса Намина, «**Давно прошло детство**» (А. Днепров) — «**Поющие сердца**», «**Скажет девчонка**» (Д. Тухманов) — «**Веселые ребята**», «**Сквозь сон**» (С. Намина) — Группа Стаса Намина, «**Давай помиримся**» (А. Днепров) — «**Поющие сердца**», «**Остановите музыку**» (Д. Тухманов) — В. Павлов;

миньоны — «**Поет Валерий Ободзинский**» с песнями: «**Олеанд**» (С. Влavianос), «**Мне снится море**» (Рахбани), «**Где же ты?**» (Б. Уорд); «**Поет ВИА «Пламя»** с песнями: «**Белые крылья**» (В. Шаинский — В. Харитонов), «**Оксана**» (Г. Мовсесян — Л. Ошанин), «**Колдунья**» (И. Голяк — В. Журавцев), «**На дальней станции сойду**» (В. Шаинский — М. Танич); «**Поет ВИА «Орфей»** с песнями: «**Скажите, лебеди**» (Н. Богословский — Н. Андропова), «**Я верю в любовь**» (В. Мигуля — Я. Гальперин), «**Сердцу поверь**» (Б. Ревчун — Б. Дубровин), «**Где ты, лето**» (В. Усманов).

Журнал «**Кругозор**» (№ 6): Аида Ведишева («**Комсомольская песня**» О. Иванов — В. Харитонов), Ринат Ибрагимов («**Талая вода**» О. Иванов — Л. Ошанин); Н. Бумбиере и В. Лапченко («**Листья желтые**» Р. Паулс — Я. Петерс, И. Шаферан); ВИА «**Самоцветы**» («**Я люблю этот мир**» В. Мигуля); Владимир Винокур (пародии). В рубрике «**Зарубежный гость**» был представлен чернокожий певец Африк Симмон, чей шлягер «**Хафанана**» (из альбома «**Рамайя**») два года назад потряс Европу. Теперь эта заводная песенка достигла и пределов Советского Союза. Кроме нее на звуковой страничке звучала еще одна песня: «**Все пройдет, Мария**».

1978

Июль

Как Говорухин принимал отснятое Высоцким. Корчной пишет Брежневу. Женился Лев Лещенко. Любовник Галины Брежневой снова «клеит» иностранок. Снимают «Сталкер». Как КГБ помогал готовить убийство болгарского диссидента. ЧП в Ленинграде: отмена советско-американского музыкального фестиваля. Горбачев на даче Кулакова. Никита Михалков приступил к съемкам «Обломова». Высоцкий и «Аэрофлот». Новый удар по Алле Пугачевой. Как Высоцкому собирали деньги на ремонт автомобиля. «Москва слезам не верит»: Меньшов ищет главных героинь. Суды над диссидентами. Страсти вокруг кресла Корчного. 50 лет Валентину Пикулю. Как погиб «песняр» Валерий Мулявин. Бред Всеволода Абдулова. Загадочная смерть Федора Кулакова. Вера Сотникова сдает экзамены. Похороны без Брежнева. Матч в Багио: «буря в стакане кефира». Марис Лиэпа: любовный роман на фоне Парижа. Ялтинская встреча Стенли Лаудена и Галины Брежневой. Корчной против психолога. «Пастор Шлаг» теряет жену. Генерал-рогоносец. В погоне за Кристиной Онассис и ее женихом. Как Андропов спас фильм про подвиги КГБ. Банда из Саратова: пауки в банке. Парижский день рождения Мариса Лиэпы. В Москве задержан очередной маньяк с топором.

1 июля режиссер фильма «Место встречи изменить нельзя» Станислав Говорухин вернулся с кинофестиваля из ГДР в Одессу и первым делом отсмотрел весь материал, который в его отсутствие снял Владимир Высоцкий. Увиденное Говорухину понравилось. По его же словам: «Съемочная группа встретила меня словами: «Высоцкий нас измучил!». Шутка, конечно, но, как в каждой шутке, тут была лишь доля шутки. Объект, рассчитанный на неделю съемок, был «готов» за три или четыре дня, он бы, наверное, снял в мое отсутствие не четыреста метров, а всю картину, если бы не нужно было строить новые декорации, готовить новые объекты. Почти все, что снял Высоцкий, вошло в картину. В частности, допрос Груздева Шараповым. Причем сам играл в этой сцене и снимал...»

Между тем вся мировая спортивная общественность с нетерпением ждет начала встречи за мировую шахматную корону между советским гроссмейстером Анатолием Карповым и бывшим гражданином СССР Виктором Корч-

ным, который должен начаться через две недели в Багио. Учитывая этот интерес, Корчной предпринял очередную попытку уговорить советское правительство разрешить его жене и сыну выехать к нему в Швейцарию. 2 июля, перед своим отлетом из Цюриха в Манилу, Корчной обнародовал свое открытое письмо Брежневу. В нем он писал:

«Глубокоуважаемый господин Брежнев!

В Советском Союзе осталась моя семья — жена и сын. Лояльные советские граждане, они, однако, движимые чувством любви к мужу и отцу, в июле 1977 года подали заявление на выезд из СССР. В ноябре 1977-го моей семье было отказано в визе на выезд. В устной беседе руководители милиции в Ленинграде не скрывали, что члены моей семьи — это заложники, которым предстоит расплачиваться за мой побег.

С момента подачи заявления на выезд прошло около года. Положение моих родных катастрофическое. Они лишены средств к существованию, возможности работать или учиться.

К ним с подозрением и злобой относятся власти, люди избегают контактов с ними. Права, дарованные конституцией, сейчас резко ограничены для членов моей семьи, а обязанности — нет! Моего сына, который уже год как решил проститься с родиной, хотят забрать в армию.

Вы, господин Маршал Советского Союза, прославляете доблесть Мохаммеда Али, который отказался воевать во Вьетнаме. А мой сын тоже не хочет воевать, не хочет быть солдатом армии страны, где бессовестно травили его отца!

Странно, господин Председатель Верховного Совета СССР, что за развал работы, за создание нездоровых отношений в спорте, наконец, за профессиональную некомпетентность советских руководителей — наказывают не тех, кто виноват, а тех, кто беззащитен...

Я обращаюсь к Вашему политическому благоразумию, господин Генеральный секретарь! Для того чтобы матч на первенство мира по шахматам прошел в нормальной спортивной обстановке, без политических осложнений, я прошу Вас разрешить моей семье покинуть СССР...»

Это письмо в тот же день было передано в советское посольство в Цюрихе. Однако уже спустя несколько часов оно было возвращено Корчному. Конверт был надорван, внутри — ни слова ответа. Видимо, сотрудники посольства познакомились с содержанием письма, связались с Москвой, но оттуда поступил ответ, что никакого ответа от Брежнева не будет. И письмо вернули его автору.

2 июля в Москве, в загсе, известном как «Грибоедовский» (потому что находится на улице Грибоедова), состоялось бракосочетание известного певца Льва Лещенко и студентки экономического факультета МГУ Ирины Багудиной. Как мы помним, эта пара познакомилась два года назад на отдыхе в Сочи. Влюбленные не могли оформить свои отношения раньше: Лещенко никак не мог развестись со своей первой женой, а также был занят проблемой получения новой жилплощади. Наконец, получив развод, Лещенко разделил с первой супругой лицевого счета на их бывшую квартиру и приобрел себе новое жилье — двухкомнатную кооперативную квартиру на Ленинском проспекте. Туда молодожены и приехали, после того как справили свадьбу в ресторане.

В Ленинграде между тем находится с гастролями певец из Англии Питер Гордино, которого в Советский Союз привез известный нам импресарио Стенли Лауден. По этому случаю в город на Неве специально приехал любовник дочери генсека Борис Буряца. Он поселился в том же отеле, в котором жили и гости из Англии, — в «Европейской». Увидев его там, Лауден сразу смекнул, какая нелегкая принесла Буряцу в Ленинград: он явно не оставил мечту охмурить какую-нибудь иностранку и с ее помощью покинуть СССР. Но его затея опять провалилась: все танцовщицы ансамбля Питера Гордино заявили, что они обручены и их ожидают женихи в Лондоне. Лаудена это удивило, он-то знал, что это неправда — во всяком случае пара-тройка танцовщиц были точно свободны. Правда вскрылась неожиданно. Оказывается, переводчица, которая была представлена к англичанам, была хорошей знакомой Галины Брежневой и по ее заданию наговорила про Буряцу англичанкам массу неприятных вещей: мол, он и мафиозо, и ловелас, и вообще редиска — нехороший человек. Естественно, после таких слов танцовщицы стали шарахаться от Буряцы, как черт от ладана.

Своей бедой Буряца как-то поделился с Лауденом во время завтрака. Англичанин как мог его успокаивал: сказал, что еще не все потеряно, что вокруг полно других иностранок. Но Борис все равно выглядел удрученным. «Если бы меня мучило только это, — признался он Лаудену. — Только Господь знает, сколько еще протянет Брежнев. А не станет его — убьют и меня». Пытаясь отвлечь его от плохих мыслей, Лауден спросил о дочери генсека. Но Буряцу и эта тема не вдохновила. «Она меня по-прежнему защищает, но взамен требует рабской покорности, — сообщил Буряца. — Она даже приставила ко мне своего родственника Семена Цвигуна. Я должен играть с ним в карты и постоянно проигрывать ему, чтобы он как можно меньше огорчался. Как меня все это достало!..»

А под Таллином, на заброшенной электростанции, что в 24 километрах от города, Андрей Тарковский снимает «Сталкера». Вспоминает участник съемок Арво Ихо:

«Съемки всегда начинали, когда уходило солнце. Они сидели и ждали этого проклятого

света — как они говорили: света, в котором цвета нету.

Первыми на площадку приезжали плотники, чтобы поставить рельсовый путь. Андрей приходил примерно в три, и тогда начинали читать текст, потом ставилась камера, репетировали перед камерой без текста, потому что Тарковский добивался предельно точного движения — я просто поражался — с точностью до миллиметра. Он относился к кинокадру, как к живописи, — там не должно было быть ничего лишнего, ничего случайного. Я впервые видел, чтобы режиссер делал репетицию только через кинокамеру — оператора это очень раздражало. Я думаю, это одна из причин, почему они ссорились... Андрей сам ставил композицию и разводил панорамы, а оператору оставалось только хорошее техническое исполнение.

Тарковский все время находился в каком-то напряжении. Когда он сидел с нами, студентами, — анекдоты травил, дурачился. А на съемочной площадке я просто не помню, чтобы он когда-нибудь смеялся. Он внутренне натянутый был и все время как бы неуверенный в себе...

У него никогда не было все досконально готово, все время надо было искать детали и что-то добавлять, и перед самой съемкой как будто собиралось высоковольтное напряжение и все это закладывалось в кадр. Анатолий Солоницын говорил мне: ну выматывает Андрей, с Андреем мучительно работать, зато знаешь — кайф получишь в конце! Кайдановский был в восхищении, потому что Солоницын ведь много раз с Андреем работал, он давний соратник его, а Кайдановский — в первый раз, потому внутренний напруг у него был большой...»

Вернемся в Москву. КГБ озаботился судьбой болгарского диссидента Георгия Маркова. Болгарские спецслужбы, которых Марков буквально достал своими острыми репортажами из Лондона, обратились к своим московским коллегам за помощью в деле физического устранения Маркова. Болгары так и заявили: у нас таких возможностей нет, а вы по этой части — доки. В любом другом случае наши чекисты имели бы полное право вежливо отказать своим коллегам из Софии, но здесь случай был особый — просьба исходила от самого лидера

Болгарии Тодора Живкова. Далее послушаем рассказ очевидца тех событий О. Калугина:

«Как-то Владимир Крючков пригласил меня на очередную встречу с Андроповым. В конце встречи, после обсуждения текущих вопросов, Крючков сообщил, что получил от министра внутренних дел Болгарии Стоянова просьбу помочь в реализации указания Т. Живкова о физическом устранении Георгия Маркова, в прошлом близко общавшегося с семьей Живкова, а потом эмигрировавшего на Запад и работавшего на Би-би-си. Когда Крючков доложил суть дела болгарского лидера, Андропов, терпеливо слушавший сообщение своего подчиненного, неожиданно резко встал и зашагал по кабинету. Несколько секунд длилось молчание. Затем так же резко Андропов сказал: «Я против политических убийств. Прошли те времена, когда это можно было делать безнаказанно. Мы не можем возвращаться к прошлому. Я против». Крючков заерзал на стуле: «Юрий Владимирович, но товарищ Живков просит. Войдите в положение министра Стоянова. У нас с ним очень теплые отношения. Если мы не пойдем ему навстречу, Живков расценит это либо как признак нашего недоверия к МВД, либо как сигнал, свидетельствующий об охлаждении советского руководства к Живкову. Поймите, это личная просьба Живкова».

Председатель молча продолжал широкими шагами ходить по кабинету. Затем, остановившись, сказал: «Хорошо, но никакого нашего участия. Дайте болгарам все, что нужно, научите их пользоваться, направьте в Софию кого-нибудь для инструктажа. Но не более. На большее я не согласен». Крючков удовлетворенно кивнул головой. Я лишь слушал и наблюдал происходящее, не вымолвив ни слова...»

4 июля громкий скандал разразился в Ленинграде, где должен был состояться советско-американский музыкальный фестиваль, приуроченный к Дню независимости США. На это мероприятие ожидалось прибытие таких грандов западной рок-музыки, как Карлос Сантана, Джоан Баез, группы «Бич бойз» и других исполнителей. Еще за несколько недель об этом было оповещено по радио (причем не только по «Голосу Америки», но и по советскому), поэтому ажиотаж вокруг фестиваля был грандиозный. В Питер, что называется, лома-

нулись рок-фаны со всей страны. Но их надежды были растоптаны: фестиваль отменили в самый последний момент. Как вспоминает А. Троицкий: «Фаны со всей страны собирались на Дворцовой площади, но не обнаружили там никого, кроме милиционеров. Оказалось, что вся затея лопнула за несколько дней до праздника, и никто не позаботился о том, чтобы предупредить людей. Тысячи недоумевающих поклонников слонялись по Невскому проспекту, скандируя «Сан-та-на!» и натываясь на охраняемые кордоны. К ночи все разошлось. Несколько человек были ранены в процессе рассеивания толпы. Пострадал в административном порядке и главный редактор «Ленинградской правды».

В среду, 5 июля, на подмосковной даче члена Политбюро Федора Кулакова собралась теплая компания: хозяин и его супруга Евдокия Федоровна отмечали 40-летие свадьбы. На торжество были приглашены родственники юбиляров и коллеги по работе. В числе приглашенных был и преемник Кулакова на посту 1-го секретаря Ставропольского крайкома КПСС Михаил Горбачев со своей супругой Раисой Максимовной (Горбачев приехал в Москву на Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 3—4 июля и посвященный сельскому хозяйству). Как он сам вспоминает: «Было в тот вечер все, как обычно. Строго выдерживая субординацию, каждый из присутствовавших произносил тост в честь хозяйки и хозяина, который, как правило, заканчивался категорическим требованием «пить до дна».

В тот же день, 5 июля, Никита Михалков приступил к съемкам очередной картины. На этот раз он выбрал для экранизации роман И. Гончарова «Обломов», назвав свою версию бессмертного произведения куда длиннее: «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». На роль Обломова был приглашен Олег Табаков, его приятеля Штольца играл Юрий Богатырев. Работа началась с натуральных эпизодов, все происходило в тех же местах, где имели место съемки предыдущей ленты Михалкова — «Неоконченная пьеса для механического пианино» — в Пушино на Оке.

6 июля Владимир Высоцкий посетил Министерство гражданской авиации. Вот как вспоминает об этой встрече тогдашний начальник

Центрального рекламно-информационного агентства МГА А. Гридин:

«Жаркий летний полдень. Звонок по министерской «вертушке». Голос самого Бориса Бугаева (министр гражданской авиации. — *Ф. Р.*): «Должен подойти к тебе Высоцкий, придумай, как ему помочь». Просьба министра слегка озадачила: что бы это означало? Тогда ведь к поэту отношение было неоднозначное. А вот и Высоцкий собственной персоной. Пришел в очень потертых, но аккуратных джинсах, рубашке-тенниске. Что поразило (и не только меня) — подкупающая манера держаться скромно. Естественно, все мое агентство работу бросило. Каждый норовил под разными предлогами заглянуть в кабинет. А просьба действительно была необычной. В съемках очередного фильма в Канаде участвовала Марина Влади. Киноработа могла растянуться на месяцы, не видеться с ней далее невозможно. Надо бы слетать в Монреаль, да билеты не по карману. Как раз в это время на Владимира наложили достаточно крупный штраф за «незаконно» выпущенную за рубежом пластинку его песен. Не мог бы в какой-то степени помочь «Аэрофлот»?

Ну кто бы на моем месте отказал?..»

В тот день между Высоцким и ЦРИА был подписан договор, согласно которому артист обязался пропагандировать МГА в своих произведениях, предоставлять ЦРИА исключительное право на издание своих стихов и песен о гражданской авиации, участвовать в рекламных кинофотосъемках, выступать в МГА с концертами, а ЦРИА взамен обязалось предоставлять Высоцкому и его жене 50-процентную скидку с основного тарифа при полетах по внутренним и международным линиям «Аэрофлота».

Тем временем в 10-м павильоне «Мосфильма» режиссер Леонид Квинихидзе вот уже больше месяца снимает мюзикл «31 июня». В большой декорации «тронный зал замка» снимаются «музыкальные» эпизоды фильма: песни принцессы Мелисенты «Ищу тебя» и «Мир без любимого». В скором времени этим песням предстоит стать всенародными шлягерами, они возглавят все хит-парады страны. А пока в списке лучших песен фигурируют другие. Вот как выглядел хит-парад лучших песен июня, опубликованный в «Московском комсомоль-

це» 8 июля. На первом месте вот уже третий месяц подряд стоит забойный «медляк» от Давида Тухманова «Остановите музыку» (исполняет Тынис Мяги). Далее следуют: 2. «Сонет Шекспира» (Алла Пугачева). 3. «Как молоды мы были» (Александр Градский). 4. «Беловежская пуша» («Песняры»). 5. «Все могут короли» (Алла Пугачева). 6. «Крик птицы» («Песняры»). 7. «Рано прощаться» (Группа Стаса Намина). 8. «Вероника» («Песняры»). 9. «Песенка про меня» (Алла Пугачева). 10. «Горько» («Синяя птица»).

Список лучших дисков выглядит следующим образом: 1. «АББА» 2. «Уингз» («Band on the Run») 3. «Зеркало души» 4. «По волне моей памяти» 5. «Би Джиз» 6. Джон Леннон («Imagine») 7. «Песняры» 8. «Ариэль» («Русские картинки») 9. Клифф Ричард («Я почти знаменит») 10. «Для вас, женщины».

Как видим, в списке лучших песен несомненным лидером была Алла Пугачева — сразу три песни в ее исполнении попали в хит-парад. Между тем в день, когда «МК» опубликовал этот «хит-лист», в другой советской газете, и тоже молодежной — «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), — появилась совсем иная публикация про Пугачеву — критическая. Долбали ее там, что называется, от души. Заметка была анонимная — фамилии автора под ней не было — и посвящена она была недавним гастролям певицы в составе бригады Москонцерта в Ростове-на-Дону. Приведу несколько отрывков из этой публикации:

«...На сцене появилась Пугачева. Очарованные песнями, мы поначалу как-то забываем о ней самой. Но Пугачева не из тех, кто способен это позволить:

— Прежде всего я хочу реабилитироваться перед вами. Исправить то впечатление, которое складывается от моих выступлений по телевидению.

Вот те раз! Чем же виновато телевидение, которое буквально выпестовало певицу, начиная от «Золотого Орфея» и «Иронии судьбы» и кончая многочисленными концертными роликами и целыми программами?

Оказывается, на голубом экране манеры, прическа и в особенности наряд певицы производят довольно вульгарное впечатление.

Честно говоря, не соответствуют они и сейчас мыслям и настроениям большинства песен Пугачевой.

И, словно почувствовав это, певица бросает в зал:

— Не вульгарная я, а свободная!

Трудно сказать, что вкладывает Пугачева в понятие «свободная». Судя по дальнейшему — возможность делать или, по крайней мере, говорить все, что вздумается. Чего стоит хотя бы такое заявление зрителям:

— Дети — единственные, кто меня любит и понимает. Если бы не они, взрослые меня бы давно сожрали...

Кто бы вас «сожрал», дорогая Алла? Те рабочие, колхозники, строители, которые работали, пока вы учились в музыкальном училище и разъезжали на гастроли, а сейчас сидят в зале? Те самые люди, что шли на ваш концерт как на праздник? Сколько же пренебрежения к ним нужно иметь, чтобы так сказать? Ведь у нас не Запад, где распоясавшиеся панк-идолы сознательно плюют на публику, сравнивая ее с дворнягой, которую чем сильнее пнешь, тем крепче будет любить и помнить!

Но вернемся к детям. Звучит песенка «Волшебник-недоучка». К сцене устремляются малыши. И тут реплика со сцены:

— Ну и ну! Я же не могу наклоняться за каждым букетом — так мы никогда не закончим концерт. Впрочем, если им так хочется — пусть складывают цветы к соседнему микрофону.

Но, может, певица просто устала? Три концерта в день — не шутка. Работая на износ, очень легко пресытиться песнями...

Образ раздвоился. Так какая же она на самом деле — «женщина, которая поет»?

Договариваемся о встрече (певица — «за», редакция — тем более). Два раза Пугачева переносит ее, а на третий раз встречает милой улыбкой:

— Интервью не будет. Я передумала...»

8 июля Владимир Высоцкий ушел в отпуск. Сроки у этого отпуска были огромные — аж до 16 сентября. За это время Высоцкий вместе с женой Мариной Влади собирались вволю попутешествовать по миру: пожить во Франции, съездить на Таити и т. д. Отпускные, что выписали Высоцкому в театре на Таганке, тоже оказались не «хилыми» — 400 рублей 84 копейки.

Между тем начало отдыха сложилось для отпускников не самым лучшим образом. Они ехали на «Мерседесе» до Бреста, и километрах в 500 от Москвы у машины внезапно взорва-

лось переднее колесо. В результате аварии у «мерса» были разбиты дно и одна из фар. Супруги еле-еле дотянули до Берлина, где в тамошнем автосервисе все и починили. А в следующем городе — Кельне — поставили автомобиль на двухмесячный ремонт. Тамошние мастера долго цокали языками и удивлялись: мол, как это можно довести такую хорошую машину до такого безобразного состояния. Высоцкий отшучивался: «Как видите, можно, если даже не захотеть». Но когда немцы назвали сумму за ремонт, ему стало уже не до шуток: 2 500 марок. Таких денег у супругов с собой не было. Помог случай. В Кельне жила хорошая знакомая Высоцкого — Нэлли Белаковски (ее брат работал вторым режиссером на «Мосфильме» и через него она знала многих артистов), к которой Высоцкий и отправился за помощью. Но у той тоже таких денег не было. Однако выход женщина нашла: она предложила организовать концерт Высоцкого для русскоязычного населения. Отступать Высоцкому было некуда. Далее послушаем рассказ самой Н. Белаковски:

«Было это в воскресенье (9 июля. — Ф. Р.). Я начала обзванивать своих друзей:

— Вы знаете, в городе — Высоцкий, и будет концерт. Только не в театре, а у меня дома.

Значит, нужно подготовиться. Первое — гитара, второе — водка, третье — еда... Один мой друг поехал доставать гитару, второй — на вокзал, в воскресенье магазины в городе не работают, купил там ящик водки. А третий отправился во Францию, в Льеж, — там по воскресеньям бывает ярмарка. Можно купить все, что угодно: от дичи до грибов... Кроме того, этот товарищ мой — отличный повар, так что все было на самом высшем уровне!

Многие, кому я звонила, не верили мне. Ведь никто даже подумать не мог, что когда-нибудь сможет увидеть живого Высоцкого в Кельне! Однако я развеяла их сомнения. И ближе к вечеру в мой дом стали подтягиваться люди. Стол был шикарный: от грибов до фазанов и рябчиков. Я сделала свой «фирменный» салат. Пришел Володя, гитару уже принесли... Все сначала выпили за него, закусили... Причем сам Высоцкий не выпил даже рюмки. Расселись кто где мог. У меня была большая гостиная, но половина людей сидели прямо на полу, на ковре.

К сожалению, этот необыкновенный концерт мы не сняли на видео. Но мы его записали на магнитофон. Володя не только пел, он очень много рассказывал — про Москву, про театр, вспомнил и про нашу квартиру... Пел и рассказывал очень много — я думаю, это продолжалось до часу ночи. А начали мы, наверное, часов в девять. Володя был в черной рубашке — ужасно вспотел, даже взмок. И он мне говорит: — Лелек, дай мне во что-нибудь переодеться...

А я жила одна, и никаких мужских вещей в доме не было. И я дала ему белую блузку, которая, в общем, была как мужская рубашка, и Володя ее надел. И продолжил петь. И вы знаете, наши реагировали по-разному: кто-то задумывался, кто-то смеялся, кто-то потихоньку плакал. В общем, Володя добрался до наших душ...

И когда Володя закончил петь, я взяла ведерко для шампанского — оно было сделано в виде черной шляпы, положила туда сто марок...

— А теперь, мужики, по столынику!

Как сейчас помню, Галя Бабушкина прошла с этой шляпой по кругу... Мы потом посчитали — там было две тысячи шестьсот марок. Я сказала:

— Володя, чини машину!..

Да, была еще одна очень прискорбная вещь... После концерта Володя попросил у меня шприц. Я говорю:

— Да у меня тысячи шприцев, а дальше что? (Белаковски работала зубным врачом. — Ф. Р.)

— Ну, тогда чего-нибудь легкое...

— Есть только то, чем я зубы обезболиваю, а больше ничего...

Я, конечно, догадалась, в чем дело, и, честно говоря, была очень поражена...»

В Кельне супруги разделились: Влади улетела в Лондон, а Высоцкий отправился поездом в Париж. Но вернемся на родину.

10 июля другая супружеская чета — Олег и Елизавета Даль — тоже покинули столицу. Только в отличие от Высоцкого и Влади их путь лежал не в Парижи и Кельны, а в самую что ни на есть российскую глубинку — в Карелию, в славный город Петрозаводск, где вскоре должны были начаться съемки фильма «Утиная охота». Далю в нем предстояло играть глав-

ную роль — Зилова. Между тем путь к этой роли у Даля был непростой. Когда актер узнал, что на «Ленфильме» режиссер Виталий Мельников готовится к экранизации пьесы Александра Вампилова, он был твердо уверен в том, что именно его без всяких проб пригласят на роль Зилова. Но режиссер тогда этого не сделал. И Даль обиделся. Так сильно, что даже когда ему все-таки позвонили со студии и предложили эту роль, он категорически отказался от нее. Его уговаривали несколько дней, он ломался, растягивая паузу, и, когда ситуация накалилась до нужного ему предела, дал свое согласие.

На «Мосфильме» Владимир Меньшов подыскивает актеров на главные роли в картину «Москва слезам не верит». За последний месяц он перепробовал множество актрис на роли трех главных героинь, но ни одна из них его не устроила. Хотя, нет: Ирина Купченко имела все шансы сыграть Катерину, но отказалась от нее сама: сказала, что эта работа ее совершенно не интересует. И тогда Меньшов предложил эту роль своей жене Вере Алентовой. Та, кстати, тоже, прочитав сценарий, сказала: ну и мура. Но на пробы пришла (7—12 июля). И вроде бы неплохо отыграла. Именно она и была утверждена в этой роли.

В эти же дни в Москве и других городах состоялись судебные процессы над видными деятелями диссидентского движения. Так, в столице 10—13 июля судили Натана Щаранского (он обвинялся в шпионаже и передаче иностранным разведкам государственных секретов), в Калуге — Александра Гинзбурга, в Вильнюсе — Виктора Пяткуса, в Городне, что на Украине, — Льва Лукьяненко (трое последних обвинялись в антисоветской агитации и пропаганде). Особенность этих процессов была в том, что все обвиняемые отказались признавать себя виновными. Во всем остальном они ничем не отличались от предыдущих: родных и друзей обвиняемых на них не пускали, иностранных корреспондентов тоже. И приговоры были такие же высокие: Щаранский получил 13 лет, Гинзбург — 8, Пяткус и Лукьяненко — 10.

Несколько особняком стоял суд над предателем родины Анатолием Филатовым, который в течение нескольких лет работал на американскую разведку. Здесь приговор был еще более

суров — расстрел. Впрочем, за измену родине меньше и не давали.

Тем временем в Багио всю идет подготовка к шахматному матчу века между Анатолием Карповым и Виктором Корчным. До начала поединка остается несколько дней, а страсти уже накалились до предела: обе стороны строят друг другу разные каверзы, в основном психологического характера. Так, Карпов обнародовал 12 июля меморандум из нескольких пунктов. В частности, там указывалось, что он готов для поддержания нормальной спортивной обстановки обмениваться со своим противником рукопожатием, за исключением случаев, когда один из участников опаздывает на игру. Далее говорилось, что Карпов не возражает против использования Корчным специального кресла, но требует подвергнуть его проверке. Что за кресло такое, вправе спросить читатель. Отвечаю. Корчной привез с собой чудо-кресло фирмы «Жиро-флекс», в котором можно было легко отклоняться назад, подаваться вперед, крутиться. Карпов заподозрил в этой «мебели» какой-то подвох и потребовал сделать ее лабораторный анализ. Корчной согласился. Кресло подвергли рентгеновскому просвечиванию, и врач-рентгенолог выдал официальную справку о том, что «подозрительных затемнений не обнаружено». После этого Карпов отдал команду своим людям обеспечить его таким же креслом. Приказ был выполнен.

Еще большие страсти разгорелись, когда всплыл вопрос о гражданстве Корчного. Он жил в Швейцарии, но гражданства никакого не имел, поэтому на государственный флаг на своем столике рассчитывать не мог. Швейцарские власти пошли ему навстречу и согласились взять под свою опеку. Но советские представители выступили категорически против этого. Они заявили, что Корчной не имеет права на флаг — он живет в Швейцарии меньше года. Швейцарцы позвали на помощь юристов, и те вынесли вердикт: для того чтобы обеспечить правовое равенство в матче, Корчному должны предоставить возможность играть под государственным флагом. Наш представитель Батурицкий стоял на своем: «Корчной может играть только с надписью «Stateless» («без гражданства»).» Жюри его не поддерживает. Тогда Батурицкий впадает в ярость: «Я — ответственный представитель советского государства!

Если у Корчного будет флаг, мое правительство не согласится начать этот матч!». Это заявление напугало жюри, и оно пошло на попятную: большинством голосов (четыре против двух) Корчного лишили флага. Но тот давать спуска не захотел и подал встречный протест. В итоге было принято компромиссное решение: на сцене рядом с флагами ФИДЕ и Филиппин будет флаг СССР, а на столике для игры флагов не будет вообще.

15 июля исполнилось 50 лет писателю Валентину Пикулю. В Советском Союзе это был самый известный и самый скандальный писатель: его исторические книги вызывали массу нареканий со стороны историков, а читатели готовы были отдать за его творения любые деньги. В открытой продаже книг Пикуля не было, а у спекулянтов они стоили в пять-шесть, а то и в десять раз дороже номинала.

Несмотря на свою фантастическую популярность, Пикуль жил скромно. Он обитал в Риге, в доме на улице Весетас вместе со своей женой Вероникой Феликсовной. Вот как описывает жите-быте писателя Эдуард Лунев, который посетил Пикуля накануне его 50-летия:

«Набравшись храбрости, звоню в квартиру писателя. Представляюсь, Валентин Саввич — удивительно — сразу согласился на встречу. В квартиру впускает домохозяйка. Кругом завалы из книг. Иду по пробитой между ними тропинке. Оказалось, Валентин Саввич, «выдавленный» Даниилом Граниным из Ленинграда, теперь жил в этой квартире. Мебели в доме — никакой, и умирающая от рака жена Вероника Феликсовна лежала прямо на полу на каких-то тюфяках... Кстати, благополучие Валентина Саввича в конце 70-х — миф. Все гонорары уходили Веронике Феликсовне на наркотики — ничто другое от болей не спасало...

В тот день наша встреча была короткой. Он нагрузил меня своими книгами и отправил читать: «Изучайте, молодой человек, а уж во что выльются ваши впечатления, принесете, покажете», — напутствовал он меня...»

В Москве в первой половине июля в кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову одну: фильм Вадима Лысенко «Последний год Беркута» с участием Олега Корчикова, Алексея Араштаева и др. (с 3-го). Из зарубежных премьер назову эфэргэшный

вестерн Петера Шамони «Просчет лейтенанта Слэйда» (с 3-го), французскую комедию «Жандарм женится» с Луи де Фюнесом. Три года назад этот популярный актер был на грани смерти, перенес два инфаркта. Он даже заявил, что больше никогда не вернется в кино. Но обещание свое не сдержал: снова вернулся на съемочную площадку. Однако до советского зрителя эти фильмы пока не дошли, и ему приходилось довольствоваться старыми работами прославленного комика: фильм «Жандарм женится» был снят в начале 60-х.

Кино по ТВ: «Рожденная революцией» (3—5-го), «Первые радости» (преьера т/ф 4, 6—7-го), «Кубанские казаки» (6-го), «Морские ворота» (7-го), «А зори здесь тихие...» (8-го), «Часы с кукушкой» (т/сп, 9-го), «Ураган в степи» (11-го), «Последний дюйм», «Мятежная застава» (13-го), «Легко быть добрым» (14-го) и др.

Эстрадные представления: 1—2-го — в «Октябре» выступал польский певец Ежи Поломский; 3—9-го — на ВДНХ состоялись концерты ВИА «Самоцветы»; 7—8-го в Сокольниках — ВИА «75»; 14—16-го на Водном стадионе — ВИА «Чаривни гитары» и «Алые маки». Вообще, как и в прошлом году, в столице тем летом наблюдается небывалый наплыв всевозможных ВИА: с середины июня их побывало в Москве аж 16. Объяснялось это просто: ни один эстрадный артист не приносил концертным организациям столько прибыли, как самый захудалый ВИА. Мода на них была все еще в силе.

Между тем про один из самых популярных ВИА страны — белорусские «Песняры» — вновь поползли слухи: говорили, что в пьяной драке был убит один из основателей коллектива гитарист Валерий Мулявин (родной брат Владимира Мулявина). Как мы помним, некоторое время назад уже ходили подобные слухи, но тогда молва похоронила другого «песняра» — Анатолия Кошепарова. Это оказалось досужим вымыслом. Но в случае с Валерием все было правдой. Он действительно погиб, но не в пьяной драке, а из-за нелепейшей случайности. Случилось это в Ялте, где ансамбль находился с очередными гастролями. Вот как описывает те события участник ансамбля Александр Демешко (ударные):

«Как-то вечером мы справляли день рождения. Выпили тогда, кстати, немного. Валерий вышел на набережную и сел на парапет покурить. А мимо ехала поливальная машина. Он поднял ноги и перекувырнулся. Парапет высокий был, внизу камни, вот и разбился насмерть. Сколько потом слухов ходило, что его убили!..»

Продолжается пребывание Владимира Высоцкого в Париже. Он приехал туда 14 июля, в праздники, когда вся Франция гуляла три дня. В эти дни по столице гулять было опасно: толпы молодых людей ходили по улицам и взрывали петарды. Поэтому все прогулки Высоцкий и Влади перенесли на понедельник, 17 июля. А пока Высоцкий безвылазно сидел дома и читал, читал. В воскресенье нашел время позвонить в Москву своему старому приятелю Всеволоду Абдулову. И страшно за него перепугался. Почему? Вот как рассказывает об этом сам Высоцкий в своем письме Ивану Бортнику: «Позвонил Севке, он пьет вмертвую, не какую-то чушь... Я даже перепугался этого бреда, думал, что «стебанулся» Севка...»

В ночь на 17-е июля, на своей даче в Подмосковье, внезапно скончался член Политбюро Федор Кулаков. Эта смерть выглядела очень странно, ведь Кулаков был относительно молод (60 лет) на фоне дряхлеющих членов Политбюро и являлся одним из главных претендентов на кресло генсека. Кулаков отличался от своих соратников неординарным мышлением, смелостью в суждениях и неумемной энергией. И хотя отрасль, которую он курировал в Политбюро, — сельское хозяйство — год от года хирела, однако на авторитет Кулакова это особенно не влияло. Короче, перед Кулаковым маячили очень неплохие перспективы, как вдруг бац — он неожиданно умирает.

Относительно этой смерти ходило множество версий, одна детективнее другой. Самыми распространенными были три. Первая: после поездки в Югославию Кулаков вернулся на родину под впечатлением увиденного там и вынес на Политбюро вопрос о кооперативном переустройстве сельского хозяйства. Но соратники его не поняли и обозвали ревизионистом. Не выдержав этих оскорблений, Кулаков приехал к себе на дачу и застрелился. Версия вторая: Андропов боялся, что Кулаков станет реальным преемником Брежнева на руководя-

щем посту в государстве, и сделал упреждающий шаг: отдал команду убрать фаворита физически. И Кулакова отравили, подсыпав ему яд в бутылку «Посольской» водки (она тогда только появилась, и Кулаков ее очень любил).

Третья версия была самая прозаическая. Все последние дни перед смертью Кулаков выглядел этаким живчиком: много шутил, с утра до вечера пропадал на работе (14 июля посетил выставку «Инпродторгмаш-78» в Сокольниках). В пятницу, 15 июля, он приехал к себе на дачу, где на следующий день у него состоялся серьезный разговор с сыном. Тот злоупотреблял спиртным, хотя и служил в МВД, носил погоны подполковника. Было это вечером. Накричав на сына, Кулаков сильно расстроился, взял из бара бутылку «Посольской» водки и поднялся к себе на второй этаж. Жена попыталась его вразумить (мол, оставь бутылку), но он и с ней поскандалил. Больше его никто живым не видел. Когда утром жена поднялась к мужу, он лежал на кровати мертвый. Врачи затем поставят диагноз: паралич сердца.

17 июля в Багио, во Дворце конгрессов, начался шахматный матч между Анатолием Карповым и Виктором Корчным. Зал Дворца был переполнен, несмотря на то, что билеты были относительно дорогими: самый дешевый стоил 50 песо (7 долларов). Эта партия окажется не слишком волнующей и завершится ничьей. А вот дальше...

Тем временем в творческих вузах страны идут приемные экзамены. Студенткой Школы-студии МХАТа стала тогда Вера Сотникова. Год назад она пыталась поступить в Саратовское театральное училище, но провалилась. По ее словам, комиссии не понравилось, что она была в брюках. Вернувшись в свой родной Волгоград, она стала готовиться к экзаменам на филфак МГУ. Летом 78-го приехала в Москву. И вновь облом: у нее не приняли документы в университет из-за того, что не хватало двух справок — из туберкулезного и психоневрологического диспансеров. Расстроенная, она поехала на вокзал, заняла очередь за билетом. А поскольку очередь была длинная, решила даром времени не терять и поехала в Театральное училище имени Щукина. Там она тоже заняла очередь и пока стояла, познакомилась с парнем, брэнчавшим на гитаре. Тот ее надомил: «Пока ждем, можем успеть сбежать в

Школу-студию МХАТа». Они и сбегали. Там прослушивал будущих актеров Андрей Мягков. Послушав Сотникову, он спросил: «А что это вы так плохо читаете?». Она ответила честно: «У меня документы в университет не приняли, и очередь за билетом на Казанском вокзале подходит». А Мягков вдруг говорит: «Никуда вы не поедете!». 19 июля, в свой день рождения, Сотникова увидела свою фамилию в списках принятых в Школу-студию.

В этот же день в Москве хоронили Федора Кулакова. Несмотря на то, что покойный принадлежал к высшему партийному руководству — был членом Политбюро — генсек Леонид Брежнев счел возможным не прерывать свой отдых в Крыму и на его похороны не приехал. Говорят, узнав о том, что Кулаков умер после того, как выпил лишнего из-за ссоры в семье, Брежнев обронил: «У меня тоже нелады в семье, но я в рот ни грамма не беру» (под «неладями» генсек, видимо, подразумевал «художества» своей дочери Галины). Короче, на похоронах присутствовало все Политбюро, кроме генсека и главного идеолога Михаила Суслова. Это было странно, и люди это сразу отметили. Причем не только простые граждане сделали соответствующие выводы, но и высокие руководители тоже. Например, М. Горбачев, который в тот день произнес проникновенную речь про своего бывшего шефа, позднее напишет: «Тогда я, может быть, впервые понял, как невероятно далеки друг от друга эти люди, которых судьба свела на вершине власти...»

Продолжается шахматный матч в Багио, где после второй партии счет по-прежнему ничейный — 0:0. Игру продолжают сотрясать скандалы. Так, в середине 2-й партии Карпов получил от своих помощников фруктовый кефир, на что Корчной немедленно отреагировал протестом. Дело в том, что по правилам ФИДЕ во время партии связь игрока со зрительным залом запрещена, и поступок Карпова тянул на явное нарушение. Игроку разрешалось иметь рядом с собой напитки или что-то из легкой еды (например, шоколад), но ни в коем случае не получать их из зала. Жюри потратило целый день, обсуждая этот инцидент. После чего главный арбитр матча вынес свой вердикт: еда должна была передаваться Карпову в одно и то же время — 19 часов 15 минут, примерная сере-

дина игры. Газетчики метко окрестили этот инцидент «бурей в стакане кефира».

В Париже в те дни гастролирует балетная труппа Большого театра. Именно там берет свои истоки любовный роман между звездой театра Марисом Лиепой и юной дебютанткой Большого Ниной Семизоровой (21-летняя балерина пришла в труппу всего лишь несколько месяцев назад). Вот как она сама вспоминает о тех днях:

«Наверное, в том, что Марис, как вихрь, ворвался в мою жизнь, виновата я сама. Ведь я первая попросила его помочь мне. Париж, конечно, в наших отношениях сыграл огромную роль. Оказаться в таком романтическом городе, где сам воздух пропитан любовью! И потом, на гастролях все остается позади: не давят семейные обязанности, можно на время забыть о бытовых хлопотах, проблемах... Ты чувствуешь пусть иллюзорную, но свободу. Так сложилось, что Париж околдовал и нас...»

Разучивать «Жизель» мы с Марисом могли, когда все после репетиций уходило из зала. Оставались в театре одни до позднего вечера, а Париж-то посмотреть хочется! Один раз отправились вместе гулять, потом другой... Вначале Марис приглашал меня на прогулки за компанию, а потом уже стал опекать неопытную балерину, оказавшуюся впервые за границей, не «по обязанности». Мы бродили по городу, ходили на выставки, сидели в кафе и рестораниках. Марис, прекрасно говоривший по-английски, любезно взял на себя роль гида. С ним я чувствовала себя в чужом городе уверенно.

Очень скоро о наших прогулках стало известно сопровождавшему труппу Большого сотруднику: поспешили стукнуть. Не думаю, что его беспокоил назревавший в недрах театра роман, просто ему было велено следить за нарушением режима. И меня из отдельного номера переселили в общий. Но я все равно умудрилась сбежать от его недремлющего ока, и мы с Марисом путешествовали по ночному Парижу. У меня сохранилась карта города, вся исчерканная нашими маршрутами. Мы в упоении бродили по набережным. Я от счастья даже не чувствовала усталости, несмотря на высокие каблуки. Однажды мы зашли в маленький антикварный магазинчик. «Что тебе здесь нравится?» — поинтересовался Марис. Я подошла к нему и просто сказала: «Ты». Он засмеялся и

сам выбрал мне в подарок старинный подсвечник.

Марис прекрасно разбирался во французской кухне и, как истинный парижанин, уверенно заказывал официанту фуа гра. Благодаря ему я открыла для себя театры Парижа. На свои суточные я себе таких развлечений позволить не могла. По карману мне были только магазины «Тати», там я покупала дешевые сувениры родственникам...»

И вновь вернемся на родину. Английский певец Питер Гордино и его импресарио Стенли Лауден, отработав серию концертов в Ленинграде, перебрались с трехнедельными гастролями в Ялту. Заморских гостей встретили там по высшему разряду и поселили в отеле «Ялта» с прекрасным видом на горы и море. И хотя сервис в отеле не шел ни в какое сравнение с тем, что артисты привыкли видеть у себя на Западе, однако они и этому были рады. А однажды им вообще сообщили сногшибательную новость: на их ближайший концерт придет сам Леонид Брежнев. К этому выступлению артисты готовились особенно тщательно, включив в свое выступление даже несколько песен на русском языке. Но в итоге вместо Брежнева на концерт пришла его дочь Галина вместе со своим сыном от первого брака и нынешним мужем Юрием Чурбановым. Лауден лично засвидетельствовал им свое почтение, поскольку считался давним знакомым Галины. Дочь генсека представила Лаудену своего сына и сообщила, что тот без ума от английской эстрады. Пообщавшись с парнем, Лауден убедился, что тот отменно разбирается в поп-музыке и знает практически всех ведущих исполнителей Англии. Затем начался концерт, который прошел с огромным успехом.

После того как концерт завершился, Лауден вновь пришел в ложу Галины, чтобы узнать ее мнение об увиденном. Услышанные из уст дочери генсека похвалы ему польстили. Затем дочь генсека взяла Лаудена под локоть и, отведя в сторону от мужа и сына, задала ему вопрос, услышать который он никак не ожидал:

— Вы не знаете, где Борис?

Лауден удивился:

— Откуда же я могу это знать?

— Я слышала, что он собирался приехать сюда, а значит, он обязательно должен был вас навестить, — продолжила свой допрос Галина.

— Нет, он ко мне не приходил, — честно признался Лауден.

— Жаль. Значит, мне придется искать его в другом месте.

Борис Буряца действительно собирался посетить южные края, однако не Ялту, а Батуми. Причем отнюдь не в целях отдыха: он намеревался встретиться там с турецким контрабандистом Ахмедом Факризмом и с его помощью наладить канал утечки из Советского Союза золота и бриллиантов. Часть оплаты за товар по просьбе Буряцы должна была осуществляться в валюте, путем открытия счета на его имя в банке Стамбула.

И вновь перенесемся на Филиппины, в Багио, где продолжают бушевать страсти на матче за шахматную корону. Во время 4-й партии произошел очередной инцидент. Корчной внезапно узрел в первых рядах партера неизвестного субъекта, которого до этого ни разу не видел. Мужчина сидел как истукан, вперив свой взгляд в Корчного и практически не шевелясь. «Что за идолище?» — подумал Корчной. Чуть позже он узнал его имя: это был Владимир Зухарь, психолог. Узнав о его профессии, Корчной сразу смекнул, с какой миссией прибыл в Багио этот человек: своими чарами «околдовать» его и вывести из равновесия. Поэтому Корчной потребовал от жюри отсадить Зухаря подальше от сцены. Но эта просьба была оставлена без внимания.

Из Багио вернемся в Москву. Здесь 22 июля скончалась жена «пастора Шлага» — актера Ростислава Плятта — заслуженная артистка РСФСР Нина Бутова-Плятт. Эта пара была вместе несколько десятков лет и даже на работе не расставалась — оба актера работали в Театре им. Моссовета. Самое интересное, став вдовцом в 65 лет, Плятт вскоре женится вторично — на дикторе радио Людмиле Маратовой. Как утверждают очевидцы, с этой женщиной Плятт обретет подлинный домашний уют и супружескую заботу.

В эти же дни в Москве случился громкий скандал, в котором оказался замешан один из высокопоставленных чинов Министерства обороны — генерал-майор Владимир Орский (фамилия изменена). В тот злополучный день он вернулся домой раньше обычного и застал свою молодую супругу в постели с неизвестным мужчиной. Генерал, естественно, бросил-

ся на незнакомца с кулаками, но тот оказался не робкого десятка: будучи чуть ли не вдвое моложе, парень опрокинул хозяина квартиры на пол и стал его избивать. Жена, увидев это, с дикими криками выбежала на лестничную площадку. Вскоре к месту происшествия приехала милиция, которую вызвали соседи генерала. Незнакомец был задержан и препровожден в отделение. Поскольку в деле фигурировал высокий чин Минобороны, это дело передали в Военную прокуратуру.

Как выяснили следствие, назнакомцем оказался работник одного из московских промышленных предприятий Владимир Гуцин (фамилия изменена). На вопросы следователя, каким образом он оказался в квартире генерала, Гуцин повторял лишь одно: «Спросите у генеральши». Спросили. И женщина поведала следующую душераздирающую историю. По ее словам, в тот злополучный вечер она легла спать раньше обычного, оставив открытым настежь окно (генеральская квартира находилась на втором этаже). Однако через некоторое время женщина была разбужена посторонним шумом в квартире. Открыв глаза, она обнаружила возле себя незнакомого мужчину, который схватил ее за горло и под угрозой смерти изнасиловал. Когда все было закончено и насильник собрался было уже уходить, домой вернулся муж пострадавшей. Дальнейшее известно.

Когда Гуцина попросили подтвердить этот рассказ генеральши, он подтвердил: «Да, так и было. Бес попутал. Шел мимо, увидел, как в открытом оконном стекле отразилась голая женщина, и не смог с собой совладать». Дело направили в суд. На суде Гуцин подтвердил данные им на следствии показания и был осужден на шесть лет тюрьмы. Хотя на самом деле если и был он в чем-то виноват, то только в одном: в том, что... безумно любил генеральшу. Как выяснилось спустя три года, Гуцин и генеральша были давними любовниками. По нескольку раз в неделю они встречались на квартире генерала, пользуясь тем, что тот допоздна засиживается на работе. Но однажды график военного дал сбой... Опасаясь гнева супруга, генеральша выдумала историю про мнимое изнасилование, а ее любовник, который в ней души не чаял, вынужден был полностью согласиться с версией своей возлюбленной. И отправился за решетку. Но терпения у него хва-

тит лишь на три года. Потом он напишет покаянное письмо в Прокуратуру СССР, и его дело вернут на доследование. Итог у этой истории окажется «хеппиэндный». Гуцина выпустят на свободу раньше срока, и они с генеральшей, теперь уже бывшей, поженятся. Но вернемся в июль 78-го.

В Москве в эти дни гостит дочь знаменитого греческого судовладельца Аристотеля Онассиса, 26-летняя Кристина Онассис. В нашу столицу ее привели отнюдь не служебные дела, а сугубо личные: она собиралась выйти замуж за советского гражданина, 40-летнего Сергея Каузова. История их любовного романа такова.

Каузов и Кристина подвизались в одной области: он был сотрудником Министерства морского флота СССР, работал во внешнеэкономической организации «Совфрахт», она — после смерти своего отца в 1975 году — унаследовала не только его состояние, но и судовладельческие дела. Их знакомство произошло в Париже, куда служебные дела привели Каузова в 1977 году: надо было утрясти вопрос об аренде СССР пяти нефтяных танкеров. Поскольку Каузов особой красотой не блистал — это был 40-летний мужчина с редеющими волосами, да еще с искусственным глазом, — он сначала не произвел на 26-летнюю миллионершу особого впечатления. Но когда она предложила ему крупную сумму премиальных за помощь в выгодной сделке, а он от нее отказался, этот факт потряс женщину. Таких мужчин она в своей жизни еще не встречала. В итоге спустя несколько недель Каузов уже оказался в ее постели. По одной из версий, в тот момент Каузовым двигала отнюдь не любовь, а служебная необходимость — он выполнял задание КГБ, сотрудником которого он якобы являлся. Но миллионерша об этом, естественно, не догадывалась. Говорят, когда родственники Кристины узнали, с кем она завела очередные шашни, они чуть ли не на коленях уговаривали ее одуматься. Говорили, что он коммунист, агент КГБ и метит только на одно — на ее миллионы. Но все было напрасно: Кристина влюбилась в Каузова, что называется, по уши. И когда он сделал ей предложение, согласилась немедля. Причем, узнав, что он никак не может оформить развод со своей первой супругой, выделила ей крупную сумму денег, а его дочери —

ежемесячное пособие вплоть до наступления совершеннолетия.

Приехав в Москву, Кристина поселилась в гостинице «Интурист». Простому смертному пройти к ней было невозможно, поскольку ее покой охраняли дюжие телохранители, привезенные из Греции. Они допускали к своей госпоже только одного человека — Сергея Каузова. Несколько раз молодые покидали пределы гостиницы и ездили гулять по городу на «Волге» Каузова. А однажды посетили с визитом мать жениха, которая работала вторым режиссером на «Мосфильме» и жила в скромной двухкомнатной квартире на Мосфильмовской улице. Но большую часть времени молодые все же предпочитали проводить в «Интуристе» — так было спокойнее.

Фотокорреспондент Главной редакции фотоинформации Феликс Дунаевский стал тем человеком, которого его руководство отрядило составить фотоотчет о пребывании Онассис в Москве. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Однажды один из телохранителей Кристины на несколько минут вышел в коридор, оставив дверь открытой. Я сразу шмыгнул внутрь. Прошел по комнатам, затем попал в спальню... В номере никого не было. Я пошел к выходу и... попался на глаза охранникам! Они, ругаясь по-гречески, скрутили меня и, несколько раз ударив рукояткой пистолета по плечу и рукам, выставили за дверь.

В другой раз охранник заметил меня выходящим из номера с фотоаппаратом и, схватив за подбородок, вытолкнул на лестничную площадку.

Как я только ни ухищрялся, чтобы снять Кристину и Сергея в неформальной обстановке! И в конце концов мне удалось это сделать.

В квартире матери Сергея на Мосфильмовской тогда всю кипела работа: мама и сын, готовясь к визиту необычной гостьи, в срочном порядке затеяли капитальный ремонт, но не успели закончить его до приезда Кристины. Я зашел туда под видом водопроводчика с газовыми ключами в руках и фотоаппаратом под мышкой. Кристина сидела в одной из комнат на стульчике перед кучей строительного мусора. Гречанка была одета в длинное просвечивающее платье с короткими рукавами, на ногах — босоножки, на шее — тонкая золотая цепочка. Нажав на кнопку фотоаппарата, я сразу выдал себя. Кристина вздрогнула и бросилась в

соседнюю комнату. Я тут же ретировался, не дожидаясь появления милиции. Это была моя первая фотография Кристины Онассис — на фоне кучи мусора...

В другой раз я караулил их возле дома матери Каузова, спрятавшись в строительном вагончике. И вдруг вижу: из-за угла дома показалась Кристина. Она словно ребенок прыгала на одной ножке и лизала эскимо! А следом появился совершенно счастливый Каузов. В этот момент я слишком сильно нажал на оконное стекло в вагончике, оно хрустнуло... Кристина с Сергеем мгновенно изменились в лице и, развернувшись, скрылись за углом...»

25 июля, в 19.55 по московскому времени, по 1-й программе ЦТ состоялась премьера документального фильма «Тихие американцы», созданного при активном участии КГБ. О том, какие передраги предшествовали этой премьере, вспоминает один из непосредственных участников событий — бывший сотрудник КГБ Олег Калугин:

«В 1978 году Центральная киностудия документальных фильмов с участием внешней контрразведки создала фильм «Тихие американцы», показывавший ЦРУ в самом неблагоприятном свете. До выхода на экран презентация фильма руководству КГБ была поручена мне. В малом просмотровом зале на Лубянке собрались зампреды, начальники главков. После демонстрации посыпались упреки и замечания: почему президент Картер показан как простой симпатичный человек? Почему директор ЦРУ Тернер выглядит эдаким добряком и скромником? Зачем показывать на экране, как в телефонную трубку закладывается «жучок» для подслушивания? Наши граждане начнут развинчивать все телефонные аппараты. Почему ЦРУ преподносится как богатая организация, щедро оплачивающая своих агентов? Это может вызвать у граждан ненужный соблазн. Общий вывод: фильм нуждается в серьезной доработке. Его пропагандистский накал слаб, хотя текст Генриха Боровика вполне пригоден.

Слушая своих старших коллег, я приходил в тихий ужас. Эти люди в лучшем случае не понимали особенностей документального жанра. О другом думать не хотелось, спорить тоже. Понуро я выходил из зала. Неужели вся работа насмарку? Неожиданно при выходе я столкнулся с помощником Андропова Игорем Синицыным. Он отозвал меня в сторону и не-

громко сказал: «Председатель видел этот фильм, и он ему понравился. Пускайте на экран». И мы пустили...»

В Саратове продолжают поиски преступников, которые в марте этого года ограбили инкассаторов. Милиция проверила более сотни подозрительных лиц, опросила десятки свидетелей, однако так и не сумела приблизиться к разгадке преступления. Личности преступников как были неизвестны с первого дня, так и продолжали таковыми оставаться через четыре месяца после совершения нападения. Поэтому бандиты торжествовали победу. В течение всего этого времени они вели себя тише воды, ниже травы, а потом, видя, что все потуги сыщиков выйти на их след закончились провалом, осмелели. В июле они решили наконец-то расслабиться и гульнуть по полной программе — отправиться в Прибалтику. Благо денег было в избытке: из 96 451 рубля, похищенных у инкассаторов, бандиты взяли себе 60 тысяч (по 20 тысяч досталось непосредственным исполнителям ограбления Долотову и Бирюкову, а Рамьянову и Ишимову — по 10 тысяч).

Погреть свои косточки на прибалтийском курорте отправились только трое — Ишимов, Долотов и Бирюков, а Рамьянову было в этом отказано: ему приказали стеречь оставшиеся 36 тысяч рублей, спрятанные в подвале дома по улице Тухачевского, где жила его тетка. Знай бандиты, чем это обернется, сто раз бы подумали, прежде чем решились на это. Дело в том, что пока они предавались курортным забавам, их сообщник решил присвоить себе все деньги и спрятал их у себя на даче. А когда его дружки, счастливые и загоревшие, вернулись назад и не обнаружили денег в обычном месте, он, не моргнув глазом, заявил: «Ничего не знаю, ничего не ведаю». Наивный малый! Ведь кроме него, никому более о тайнике известно не было, и свалить случившееся на какого-то постороннего дядю было верхом безрассудства. Короче, дружки не стали долго выяснять подоплеку случившегося, а просто стукнули Рамьянова резиновым молотком по голове и вывезли на машине в укромное место — в лес у Красной Глинки. Там парню накинули на шею брючный ремень и заявили: скажешь, где деньги, — оставим в живых, а нет... Зная своих дружков, Рамьянов сразу понял, что они не шутят. И во всем сознался. После чего стал бу-

квально умолять оставить его в живых. Друзья пошушукались между собой и решили не пачкать руки кровью. Но отнюдь не из жалости: не хотели давать милиции лишний повод сесть им на «хвост». Но Рамьянову все равно оплатили: через день сожгли его дачу. Хотя тот не шибко по этому поводу расстроился — дача-то была им застрахована на кругленькую сумму.

А в Париже продолжается роман Мариса Лиепы и Нины Семизоровой. 27 июля Лиепе исполнилось 42 года. О том, как они отмечали эту дату, рассказывает сама Н. Семизорова:

«Марис не устраивал из дня рождения большого праздника, но мне почему-то очень захотелось сделать ему подарок. И на проходившей в эти дни выставке «Париж—Москва» на оставшиеся от мизерных суточных 700 франков я купила ему каталог. Он был безумно тяжелый, тем не менее Марис очень растрогался. В этот день мы вдвоем пили его любимое французское вино — розовое с пузырьками...»

Вернемся в Москву. В субботу, 29 июля, здесь было совершено убийство, которое удалось раскрыть по горячим следам. Преступление произошло рядом с зоной отдыха на Киевском шоссе. Некий маньяк, вроде того, что напал на шведских туристов возле гостиницы «Интурист», устроил охоту на людей в лесопарковой зоне. Как и его предшественник, этот убийца тоже избрал в качестве орудия преступления топор. С его помощью он убил ни в чем не повинного мужчину, прогуливавшегося по лесной тропинке зоны отдыха. К счастью, у этого преступления оказался свидетель, иначе жертв было бы гораздо больше. Мужчина, увидевший нападение, выбежал на шоссе и торгонул патрульную машину ГАИ, которая двигалась в сторону центра. «Там только что убили человека!» — сообщил очевидец преступления милиционерам. Гаишники тут же связались со своими коллегами, чтобы те перекрыли дорогу на своих направлениях и искали светловолосого мужчину в сером пиджаке и черных брюках. Сообщение появилось как нельзя кстати. Едва инспектор ГАИ младший лейтенант милиции В. Катунский принял его, как из леса на шоссе вышел мужчина, приметы которого в точности совпадали с описанными. «Ваши документы!» — шагнул к нему Катунский. То что произошло дальше, со стороны напоминало эпизод из детективного фильма. Незнакомец вы-

хватил из-под пиджака топор и бросился на милиционера. Но тот, кажется, только этого и ждал. Увернувшись от удара, он одной рукой перехватил руку с топором, а второй нанес сильный удар снизу вверх в лицо нападавшего. Хук с правой оказался отменным: убивец оказался в глубоком нокауте. С момента совершения убийства прошло около 40 минут...

Во второй половине июля в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 17-го — **«Инкогнито из Петербурга»** Леонида Гайдая с участием Сергея Мигицко, Анатолия Папанова, Анатолия Кузнецова и др.; **«Трактир на Пятницкой»** Александра Файнциммера с участием Геннадия Королькова, Льва Прыгунова, Александра Галибина, Тамары Семиной и др.; **«А у нас была тишина»** Владимира Шамшурина с участием Алеши Черстова, Тамары Семиной, Любви Соколовой и др.; **«Ералашный рейс»** Олега Фиалко с участием Витаутаса Томкуса, Николая Скоробогатова, Ирины Шевчук и др.; **«Девочка, хочешь сниматься в кино?»** Адольфа Бергункера с участием Марины Бугаковой, Николая Волкова-младшего, Ады Роговцевой, Любви Соколовой и др.; 31-го — **«Смятение чувств»** Павла Арсенова с участием Сергея Нагорного, Елены Прокловой, Ии Саввиной и др. Из новинок зарубежного кино выделю детектив **«Убийство в Восточном экспрессе»** (Англия) и **«Новобранцы идут на войну»** (Франция) (с 31-го).

Кино по ТВ: **«Девушка с характером»** (16-го), **«Жизнь испытывает нас»** (17-го), **«Уильям Шекспир»** (Англия, 17—21-го), **«Че-**

ловек в футляре» (18-го), **«Браслет-2»** (19-го), **«Во всем виновата Залина»** (20-го), **«Далеко от шоссе»** (Польша, 21—23-го), **«Дети как дети»** (23-го), **«На всю оставшуюся жизнь»** (24—27-го), **«Тихие американцы»** (премьера д/ф 25-го), **«Слепой музыкант»**, **«Поколение победителей»**, **«Быть человеком»** (28-го), **«Жагда»** (29-го), **«Гроза»** (30-го) и др.

Эстрадные представления: 19—23-го в ЦПКиО выступал ВИА «Самоцветы»; 21—24-го на ВДНХ состоялись концерты с участием ВИА «Веселые ребята», Евгения Петросяна, Светланы Резановой, Татьяны Лейбель, Владимира Никольского и др.; 25-го в «Энтузиасте» выступал семейный певческий дуэт Алла Иошпе — Стахан Рахимов; 26-го в ГЦКЗ «Россия» выступали ВИА «Поют гитары», вокальный квартет «Аккорд», Любовь Полишук, Мария Лукач и др.; 27—30-го на ВДНХ пела Галина Ненашева; 28—30-го на Водном стадионе играли ВИА «Водограй», «Балтийские чайки»; в «Октябре» — «Голубые гитары».

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю следующие пластинки: диски-гиганты — **«Мамас энд Папас»** («Лучшие вещи»); миньоны — **«Поет ВИА «Метроном»** с песнями: «В первый раз» (Я. Френкель — И. Шаферан), «Ошибка» (И. Шаферан), «Танго для двоих» (В. Радзионтковский — Ю. Соснин), «Мне теперь все равно» (А. Шульга — Л. Дербенев).

Журнал **«Кругозор»** (№ 7): «Поет вокальный дуэт «Липс» (Англия): «Хабл-бабл», «Меня поведет музыка»; «Поет ВИА «Модо» (Рига).

1978 АВГУСТ

Греческая миллионерша выходит замуж за русского. Вайнеры против Конкина. Куда подевались проститутки Кубы. Белая лягушка хватается за задницу советского режиссера. Карпов и Корчной не здороваются. Самоубийство Лили Брик. Савелий Крамаров ищет пути на Запад. «Место встречи изменить нельзя»: съемки в Москве. Панихида по Лиле Брик. Людская молва уличает Ирину Понаровскую в пляжном сексе. «Москва слезам не верит»: как Владимир Меньшов нашел Гошу. «Динамо» (Киев) выигрывает Кубок. Почему плакал Евгений Мартынов. Как советские чекисты помогали своим болгарским коллегам убить Георгия Маркова. «Крот» в КГБ схвачен. ЧП в горах. Умерла Вера Марецкая. Почему Анатолий Эфрос назвал своих актеров неинтеллигентными людьми. Евгений Мартынов женился. Корчной вызывает в Багио своего психолога. «Сталкер»: Тарковский достает всех. В Москве поймали шайку квартирных воров. Первое дело шайки «иконников». Матч в Багио: как Карпов качался на стуле. Как Аллу Пугачеву отправили в Сопот. Ученого-ядерщика лишают наград и отпускают на Запад. «Взлет»: в роли Циолковского — опальный Евгений Евтушенко. Очередная победа Карпова. Пугачева покоряет Польшу. Почему Лев Лещенко не хотел выступить в гала-концерте. Жестокое убийство в Сочи. Банда «Тяп-Ляп» громит Казань.

Месяц начался с сенсационного события мирового масштаба: 1 августа в Москве, во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова, сочетались законным браком советский гражданин Сергей Каузов и греческая миллионерша, дочь знаменитого судовладельца Аристотеля Онассиса Кристина Онассис. Вот как описывает тот день 1 августа фотограф Феликс Дунаевский, который был отправлен запечатлеть это событие на фотопленку по заданию Главной редакции фотоинформации:

«Перед зданием Грибоедовского загса царило настоящее столпотворение: западные журналисты и телеоператоры осаждали центральный вход. Однако статные молодые люди в костюмах и галстуках, очевидно, сотрудники КГБ, внутрь никого не пускали. Я с трудом проник в здание через черный ход. Возбравшись на подоконник второго этажа, я начал снимать всю эту бурлящую толпу. Среди прочих заметил своего старого знакомого, журналиста из ФРГ Норберта Кухинке (он потом

сыграет роль журналиста в «Осеннем марафоне» Г. Данелия. — Ф. Р.).

Минут через двадцать после этого в загсе появились Онассис и Каузов. На Кристине было легкое шелковое платье и туфли на низком каблуке. Красавицей я бы гречанку не назвал: выше среднего роста, худая, с маленькой неразвитой грудью, короткая стрижка. Привлекали внимание лишь ее необычно большие темные глаза. Жених был в темном костюме в тонкую светлую полоску.

Оркестр заиграл марш Мендельсона, ведущая церемонии произнесла дежурные слова. Сергей и Кристина поставили в книге регистраций свои подписи. Цветы, шампанское, поздравления, поцелуи. В общем, ничего особенного.

Самое интересное началось, когда молодожены вышли из загса. Люди в черных костюмах сдерживали натиск журналистов, а Кристина и Сергей, закрывая лица руками, прорывались к своей машине. Тогда мало кому

удалось сделать нормальный кадр. Некоторые журналисты от бессилия просто плакали!..

Не успел я сесть в черную «Волгу», которая специально меня ждала, как ее обступили зарубежные репортеры. Один из них спросил меня по-английски (переводил наш водитель): «Сколько пленок отснято?» Я ответил, что шесть. Тогда он, подняв вверх палец, заявил: «За одну пленку с хорошим кадром я отдам всю свою аппаратуру!» А у него, между прочим, были высочайшего качества камеры — мечта всех советских фотографов! Я отшутился, и мы поехали догонять новобранцев.

А на следующее утро в АПН коллеги меня спрашивали: «Ты что, американцу пленку за аппаратуру продал?» Оказывается, такую информацию передал «Голос Америки». Между тем за свою работу я получил 400 рублей премии. И это при том, что АПН получил от «Шпигеля», где были опубликованы мои фотографии, порядка 14 тысяч долларов. Но мне было все равно. Я никогда не считал эту съемку своим журналистским достижением...»

В Москве вот уже несколько дней (с 29 июля) находится съемочная группа фильма «Место встречи изменить нельзя», которая прибыла в столицу для нескольких целей: во-первых, показать отснятый материал заказчику в лице Гостелерадио, во-вторых — провести съемку натуральных эпизодов в Москве. Просмотр отснятого материала состоялся в просмотровом зале в Останкино и завершился... грандиозным скандалом. Присутствовавшие там авторы сценария — братья Вайнеры — назвали эпизоды с участием Владимира Конкина, который играл Шарапова, полной лажей и потребовали немедленно заменить актера на другого исполнителя. «Мы же вас предупреждали, что Конкин не годится для этой роли! — бушевали сценаристы. — У вас он похож на кого угодно, но только не на кадрового разведчика. Это мальчишка какой-то, а не фронтовой офицер!» Но все упреки сценаристов были напрасны: к этому времени было уже отснято большое количество материала, и замена главного исполнителя потребовала бы новых значительных затрат как материальных, так и физических. А идти на это заказчик явно не хотел. В итоге Говорухину было рекомендовано оставить Конкина, но провести с ним разъяснительную работу, с тем чтобы тот играл своего героя чуть пожестче.

Тем временем на Кубе проходит очередной, 11-й по счету, Всемирный фестиваль молодежи и студентов (с 29 июля). От Советского Союза туда отправилась представительная делегация в лице Микаэла Таривердиева, Иосифа Кобзона, Марка Захарова, Александры Пахмутовой, Роберта Рождественского, Льва Лещенко, Владимира Винокура, Николая Машенко, Ирины Понаровской, Светланы Резановой, Александра Ворошило, Владимира Шаинского, ВИА «Пламя» в полном составе и других. Приведу воспоминания лишь некоторых из них.

В. Винокур: «Целую неделю мы жили на Кубе. Фестиваль был потрясающе ярким, красочным. Мы жили в бунгало, ели какую-то необыкновенную еду. Пили ром. Я сначала сопротивлялся, мы не привыкли к этому напитку. Кубинцы научили. Оказалось, что в жару ром пьется, как «Крем-сода». Куба была нищая страна, еда по талонам. Но на нас это не отразилось.

Я слышал еще до поездки, что на Кубе — очень красивые женщины. Почему-то я ни одной не видел.

«Может, нас не теми дорогами возят?» — подумал я и решил выяснить, в чем дело.

Оказывается, перед нашим приездом Фидель Кастро собрал на стадионе всех девушек и сказал, что, если он узнает, что во время фестиваля кто-то занимается проституцией, отправит в тюрьму на пять лет. Профессиональных проституток власти Кубы вывезли в провинцию, а остальных девушек прятали по домам и не разрешали выходить на улицу...»

М. Таривердиев: «Меня боялись отпускать на фестиваль молодежи и студентов. Борис Пастухов поставил условия: я поеду, если врачи дадут мне медицинскую справку о том, что мне это можно. Я очень хотел поехать. И пошел в районную поликлинику, где понятия не имели, что я перенес инфаркт, и дали мне такую справку. Я полетел. Помню ощущение, с каким я вышел из самолета. Жара стояла такая — градусов пятьдесят, — что в первый момент нельзя было вдохнуть этот горячий влажный воздух. Но я довольно быстро акклиматизировался и замечательно провел время. Хотя началось все с довольно неприятного для меня момента: Кобзон должен был петь на открытии фестиваля песни из «Семнадцати мгновений

весны», но в последний момент передумал и спел какую-то песню о Че Геваре, упав перед портретом на колени. Я был раздосадован. Но потом плюнул на это и наслаждался океаном, небом, кубинской экзотикой, которая меня просто покорила. На Кубе только что прошли «Семнадцать мгновений весны», и меня принимали просто как национального героя. Возили в машине в сопровождении мотоциклистов. Это было ужасно забавно: мчались без остановки на огромной скорости прямо на красный свет...

Однажды с Марком Захаровым и Колей Машенко, режиссером из Киева (он снял сериал «Как закалялась сталь». — Ф. Р.), нас повезли отдохнуть в Варадеро. Потрясающее место! Черный песок, океан, который, как и море, волновал меня всегда бесконечно. Жили мы в коттеджах, каждый — в своем. Там водились огромные белые лягушки. Как-то слышим нечеловеческий вопль Коли Машенко. Прибегаем к нему. А он, бедный, пошел в туалет, сел, прошу прощения, на унитаз, а ему на место, которым он сел, прилепилась эта огромная белая лягушка. Нам было смешно ужасно! Ему, конечно, было не до смеха. Потом все время прошло под страхом нападения белых лягушек. Я как-то лег в постель. Чувствую, что-то холодное коснулось тела. Пробкой выскакиваю и обнаруживаю на кровати... записную книжку. Это Марк Захаров забавлялся — точно рассчитал реакцию...»

Продолжается шахматный матч в Багио. Как мы помним, некоторое время назад Корчной потребовал, чтобы психолога его соперника — доктора Зухаря — отсадили из партера куда-нибудь подальше. Однако главный арбитр матча оставил все, как было. И Корчной вынужден был вести 7-ю партию из укрытия — сидеть в основном не на сцене, а в комнате отдыха перед монитором. Только когда Карпов делал ход, Корчной волей-неволей садился за доску. С непривычки — обычно он сидел за доской почти все пять часов — он играл далеко не лучшим образом. Правда, 7-я партия закончилась ничьей. А 8-я принесла новый скандал.

Перед ее началом Карпов внезапно заявил, что не станет больше приветствовать соперника рукопожатием. Поэтому, когда Корчной протянул ему руку, наш гроссмейстер даже не поднялся. Корчной обернулся к главному ар-

битру: «Вы понимаете, что происходит?» Тот в ответ только пожал плечами, хотя по правилам Карпов обязан был предупредить его о своем решении. Потом представитель Карпова объяснит журналистам, что столь неожиданный шаг был вызван тем, что в своих предматчевых интервью Корчной позволил себе оскорблять не только Карпова, но и его друзей — Батуринского и Таля. Кто-то из журналистов задал резонный вопрос: «Но почему реакция Карпова так запоздала: до восьмой партии он отвечал на рукопожатия?» Вопрос так и остался без ответа.

По словам Корчного, этот инцидент выбил его из колеи — в 8-й партии он играл как ребенок. В итоге 3 августа счет в матче был «размочен» — Карпов повел 1:0.

И вновь вернемся на родину. 4 августа, на своей даче в Переделкино, покончила с собой Лиля Брик. Как мы помним, еще в мае этого года она, вставая с кровати, не удержалась на ногах, упала и сломала шейку бедра. Травма, в общем-то, не самая серьезная, если бы не возраст пострадавшей — 87 лет. Как ни старались врачи, но кость никак не срасталась, и Брик все это время была прикована к постели. А для нее, человека активного, такое положение было самой худшей пыткой. В конце концов, видимо, поняв, что ходить, как прежде, ей больше уже не суждено, Брик приняла огромную дозу амбутала. Перед смертью, уже теряя сознание, она написала предсмертную записку, в которой просила никого в случившемся не винить.

Продолжается пребывание Стенли Лаудена в Ялте. Однажды утром, когда импресарио коротал время в сквере возле отеля за игрой в шахматы, к нему подошел неизвестный мужчина. Похвалив игру Лаудена, он внезапно предложил ему пройти в бар и выпить чего-нибудь прохладительного. Англичанин согласился. По дороге неизвестный назвал себя: «Я актер Савелий Крамаров. Вы слышали что-нибудь обо мне?» Лауден честно признался, что нет. «Странно, — удивился Крамаров. — Но фильмы с моим участием демонстрировались за рубежом». На что Лауден сообщил, что сей факт ничего не значит: «Фильмы могут идти, но широкий зритель их не видит».

Пока они шли в бар, Лауден заметил, что за ними следят. Во всяком случае, ему показалось, что молодая пара, изображавшая из себя влюбленных, как-то странно на них посмотре-

ла, когда они проходили мимо них. Крамаров это тоже отметил, но промолчал. В тот момент его волновало совсем другое. Он вновь обратился к Лаудену:

— Послушайте, в этой стране я звезда, меня все знают, но я хотел бы использовать свой талант в других странах.

— А чего вам не хватает на родине? — спросил англичанин.

Крамаров секунду помедлил, после чего произнес:

— В последние годы меня здесь зажимают все сильнее. Я человек верующий, а это, как вам известно, у нас не приветствуется.

Это была сушая правда. В последние несколько лет Крамаров перестал скрывать свои религиозные воззрения, в открытую посещал синагогу. Он даже отказывался сниматься в такие дни, чем сильно раздражал режиссеров и киноначальников. Поэтому предложений сниматься год от года становилось все меньше и меньше. Дело дошло до того, что актер, который каких-нибудь пять лет назад был нарасхват, снимаясь в четырех-пяти фильмах одновременно, да еще в главных ролях, теперь перебивался одной ролью в год, к тому же эпизодической. Вот и в 78-м у него была всего лишь одна роль — он играл бандита Свирепого Гарри в фильме «Новые приключения капитана Врунгеля».

— Так чего же вы хотите от меня? — спросил своего собеседника Лауден.

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы взяли несколько роликов с моими ролями и были бы в Лондоне моим спонсором.

Лауден, конечно, удивился такой просьбе, но огорчать актера не стал: сказал, что согласен ему помочь. По лицу Крамарова было видно, что он на седьмом небе от счастья. Они договорились, что завтра же Крамаров передаст Лаудену пленки со своими ролями. Однако импресарио прихода своего нового знакомого на следующий день так и не дождался. Причина стала известна вечером, когда Лаудена познакомили с директором Крымской филармонии, кстати, личным другом самого Брежнева с детских лет, Николаем Гаспаровым. В ходе их разговора тот внезапно коснулся личности Крамарова. Он сказал:

— Маэстро, многие обратили внимание на то, как вы сегодня общались с актером Крама-

ровым. Уверен, что это была деловая беседа двух творческих людей, но мне хотелось бы вас предостеречь. Дело в том, что такие люди, как Крамаров, всегда стремятся вовлечь других в свои личные дела.

— Вы хотите сказать, что мне нельзя общаться с советскими актерами? — изумился Лауден.

— Ни в коем случае, общайтесь ради бога. Но только не с такими, как Крамаров. Он пытается установить контакты с представителями Запада, ищет любую возможность эмигрировать из страны. И мы не хотели бы, чтобы помощь ему исходила с вашей стороны.

— Да, но Крамаров известный, популярный актер! Разве это не так?

— Так, конечно, но он еврей, и поскольку пользуется популярностью, у него меньше шансов выехать из страны, чем у рядовых евреев. Вы меня понимаете?

Лауден не стал ничего говорить, только кивнул головой. Его собеседник продолжил:

— Вы обратили внимание, что после того вашего разговора Крамаров к вам больше не подходил? Мы попросили его прервать свое пребывание в Ялте и вернуться в Москву. Мы не хотели каких-либо неприятностей.

В понедельник, 7 августа, в Москве начались натурные съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Как мы помним, съемочная группа приехала в столицу еще в конце июля, однако к съемкам удалось приступить только теперь — спустя десять дней. Простой был вызван скандалом вокруг Владимира Конкина (сценаристы требовали заменить его другим актером, но потерпели неудачу) и тем, что пленочный цех никак не мог прислать результаты проб пленки. Поскольку один из исполнителей главных ролей — Владимир Высоцкий — в те дни находился вдали от родины (акkurat в этот день он приехал на Таити), пока снимали эпизоды без его участия. В частности, был снят начальный эпизод фильма: счастливый Шарапов идет по дышащей жаром Москве, из репродуктора звучит голос Леонида Утесова, поющего песню про Брестскую улицу (эпизод снимали на спуске возле памятника Ивану Федорову).

В тот же понедельник в Переделкино состоялась панихида по Лиле Брик. Луи Арагон из Франции приехать не сумел, зато пришло

множество других друзей покойной. Вот как вспоминает об этом драматург Л. Зорин:

«У гроба толпились разные люди, почти не стыкующиеся друг с другом. Подтянутый, респектабельный Симонов выступил не то от себя, не то от советской литературы. Он заверил, что «никому не удастся оторвать от Маяковского Брик». Добавил, что «эти попытки смешны». С ним рядом неподвижно стоял редковолосый худой человек, полуседой, в серебряной щетине, с остановившимися глазами. Он страстно крикнул: «Сестра моя! Друг мой! Никто на земле, кроме тебя, не смог вернуть мне свободу, ты вырвала меня из застенков, вернула меня мирозданию, жизни!» Я узнал его. Это был Параджанов...

Поднятую Параджановым тему продолжила хрупкая Рита Райт. «Если бы все, — сказала она, — кому помогла ты, сюда пришли, то им бы не хватило здесь места». Ее поддержала одетая в черное, совсем незнакомая мне старуха. Объяснили, что это Шевардина, первая любовь Маяковского, которая вошла в его жизнь еще до встречи с Марией Филипповой, впоследствии увековеченной в «Облаке». Судьба Шевариной была черной — она просидела семнадцать лет, вернулась в пустой, равнодушный мир. Лиля Юрьевна ее нашла и пригрела.

Шкловский, сидевший у гроба безмолвно, крикнул высоким рыдающим голосом, с трудом вытalkingая слова: «Маяковского... великого поэта... убили! Убили после его смерти! Его разрубили на цитаты! Но... из сердца... никто...» Тут он замолк...

Спустя несколько часов тело Лили Брик кремировали в том же самом крематории, где огню был предан Владимир Маяковский. С последним надгробным словом к покойной обратились поэтесса Маргарита Алигер и кинорежиссер Александр Зархи. Затем, согласно завещанию покойной, ее прах был развеян в поле неподалеку от одного из самых живописных мест Подмосковья — старинного Звенигорода. Позднее там будет установлен камень с выбитыми на нем инициалами: ЛЮБ.

8 августа на родину возвратилась советская делегация, участвовавшая во Всемирном фестивале молодежи и студентов на Кубе. Не успели члены делегации разъехаться из аэропорта по домам, как по гордо с быстротой молнии полетели разного рода слухи о том, как по-

сланцы великой страны вели себя на острове Свободы. Один из самых душераздирающих слухов касался певицы Ирины Понаровской. Молва утверждала, что певица предалась на фестивале распутной любви с одним известным советским артистом, причем сексом они занимались прямо на пляже. Естественно, их застукали и приняли соответствующие меры. Понаровскую немедленно выслали домой, а с наказанием в отношении ее пляжного партнера решили повременить, поскольку на нем держался финальный концерт советской делегации. Понаровская отправилась домой не самолетом, а на теплоходе, и якобы умудрилась учудить и там. Выпив лишнего, она упала в бассейн и была извлечена оттуда членами команды. Между тем слух не имел под собой никакой реальной основы: Понаровская весь фестиваль пробыла в Гаване, ни в каких сексуальных оргиях не участвовала и домой вернулась вместе со всеми — то бишь на самолете. Но времена тогда были такие, что только слухами наш народ и кормился.

Кинорежиссер Владимир Меньшов продолжает подготовку к съемкам своего знаменитого фильма «Москва слезам не верит». В самом разгаре подготовительный период, во время которого идет интенсивный поиск актеров на главные и второстепенные роли. Исполнителей на главные женские роли Меньшов уже подобрал, хотя далось ему это, как мы помним, нелегко. В течение двух месяцев перед его взором прошла целая вереница актрис, среди которых были как безвестные, так и самые именитые. Например, на роль Людмилы пробовались такие звезды советского кино, как Валентина Титова, Людмила Савельева, Жанна Болотова, на роль Катерины — Ирина Купченко, Тамара Семина, Алла Ларионова, на роль Алевтины — Галина Польских, Людмила Зайцева. Но в итоге на эти роли были выбраны актрисы куда менее именитые: Вера Алентова (Катерина), Ирина Муравьева (Людмила), Раиса Рязанова (Алевтина).

Еще более тяжелыми оказались поиски исполнителей мужских ролей. Там тоже выбор был огромный, в пробах участвовали такие звезды, как Олег Видов, Евгений Жариков, Владимир Ивашов, Лев Прыгунов и другие. И опять Меньшов отдал предпочтение актерам нераскрученным: Борис Сморгчов был утвер-

жден на роль Николая, мужа Алевтины, Юрий Васильев — на роль обольстителя Рачкова. Александр Фатюшин — на роль хоккеиста Гурина. Но дольше всех искали главного персонажа — Гогу. На него пробовались Анатолий Кузнецов, Леонид Дьячков, Анатолий Васильев, Владимир Меньшов и другие. Больше всех худсовет удовлетворил актер Театра Ленсовета Леонид Дьячков. Сам Меньшов, у которого голова уже опухла от этих проблем, тоже согласился с этой кандидатурой. Как вдруг случилось неожиданное. Вечером того же дня по телевидению был показан фильм Иосифа Хейфица «Дорогой мой человек» (4-я программа, 21.30). И хотя фильм этот Меньшов видел неоднократно, но ни разу ему в голову не пришла мысль, что исполнитель главной роли в нем — Алексей Баталов — может иметь что-то общее с его Гогой. Он даже на пробы этого актера ни разу не вызывал. А тут бац — и Меньшова озаарило. И уже на следующий день Баталов был оповещен о том, что его приглашают для пробы в меньшовскую картину. И хотя прежняя кандидатура на эту роль — Леонид Дьячков — будет еще какое-то время устраивать худсовет, сам Меньшов будет иметь иное мнение: только Алексей Баталов.

12 августа на столичном стадионе «Торпедо», в присутствии 22 тысяч зрителей, состоялся финальный матч на Кубок СССР по футболу между двумя украинскими командами: киевским «Динамо» и донецким «Шахтером». Как и положено кубковой игре, она прошла в острой борьбе. Первыми успеха добились посланцы Донецка. Их «золотая голова» (еще его называли «золотой лысиной») Виталий Старухин точным ударом своей уникальной головы отправил мяч в ворота киевлян. Случилось это на 15-й минуте. И в течение последующих 40 минут как ни старались киевляне отыграться, у них ничего не получалось. Но, как говорится, капля камень точит. На 55-й минуте одна из очередных атак на ворота «Шахтера» закончилась голом — мяч забил вездесущий Олег Блохин. С таким счетом закончилось основное время игры, после чего было назначено дополнительное. Однако оно закончилось, едва успев начаться: уже на второй минуте все тот же Блохин дальним ударом поставил точку в этом поединке. Кубок уехал в Киев.

Миллионы болельщиков наблюдали за этим поединком по телевизору, а вот популярный композитор и певец Евгений Мартынов, который был страстным болельщиком «Шахтера» (он был родом из Донецка), вынужден был следить за ним по радиотрансляции, да еще летя в самолете (он возвращался из США). Вот как об этом вспоминает один из его коллег, который летел в том же самолете:

«В кабине пилотов был радиоприемник, и мы с Женей несколько раз заходили туда и справлялись о счете. Наконец нам сказали, что «Маяк» передал: после первого тайма «Шахтер» ведет 1:0. Жене — как бальзам на душу! Решили даже по такому поводу глотнуть немного с бортпроводницами. После этого чуть-чуть прикорнули и проснулись, когда самолет уже выруливал на посадку. Едва приземлились, Женька сразу в пилотскую: «Как там «Шахтер»?» Ответ был для него подобен нокауту: «Проиграл 1:2.» Слезы потекли по щекам, как у ребенка, словно случилось что-то совсем страшное или неспособность обидное. Элла (невеста композитора. — Ф. Р.), приехавшая в аэропорт его встречать, даже перепугалась, увидев Женю, выводимого в неопишемом горе из самолета! Притом все уже вышли, а мы со стюардессами и пилотами его еще несколько минут успокаивали. А Эллка-то сама киевлянка и, услышав о причине мужских слез, сразу своего жениха на место поставила: «Играл бы хорошо твой «Шахтер», так мне бы, может быть, пришлось плакать из-за проигрыша «Динамо». А если он почти сам себе голы забивает, то хоть болей за него, хоть пой для него, хоть плачь — все без толку!..»

Леонид Брежнев тем временем находится в Крыму, где совмещает отдых с деловыми встречами с лидерами социалистических стран. Так, 14 августа Брежнев принял у себя болгарского руководителя Тодора Живкова. Во время встречи были обсуждены несколько проблем сотрудничества между двумя странами, о которых потом было сообщено в газетах. Но одна тема осталась за скобками газетных передовиц. Речь идет о помощи КГБ болгарским спецслужбам в деле физического устранения видного болгарского диссидента Георгия Маркова, который окопался в Лондоне и работал на Би-би-си. Как мы помним, некоторое время назад болгары обратились к советским чеки-

стам с просьбой о такой помощи, на что Андропов поначалу хотел ответить отказом. Но потом, под давлением своих коллег, согласился помочь болгарам, но только технически, не участвуя конкретно в покушении. В итоге в Софию отправились посланцы КГБ: некто Голубев и один из технических специалистов, которые должны были обучить болгар практическому использованию специальных ядов, не оставляющих следов после убийства. Действие яда было опробовано на лошади: миллиграммовая доза свалила животное. Однако болгарам этого показалось мало, и они решили приблизить эксперимент к реалиям дня. Они испытали действие яда на одном из заключенных, приговоренных к смерти. Причем опыт провели, моделируя реальную обстановку. Сотрудник МВД подошел к смертнику на расстояние около метра и произвел бесшумный выстрел из вмонтированного в зонтик механизма. Заключенный вздрогнул, как от укуса пчелы, и дико закричал — видимо, он понял, что с ним на самом деле произошло. Однако кричал он напрасно: дни шли за днями, а яд на него не действовал. Болгары заволновались и стали предъявлять претензии советским специалистам: дескать, яд — бракованный, лошадь берет, а человека нет. Голубеву пришлось срочно возвращаться в Москву для дополнительных консультаций со своими коллегами из 12-го оперативно-технического управления КГБ. Те, выслушав его рассказ, предложили альтернативный способ покушения: смазать ручку двери автомобиля специальным составом, вызывающим инфаркт у прикоснувшегося к ручке через день-два. Однако болгары отказались от такого способа, сочтя его опасным — ведь к ручке мог прикоснуться не только Марков, а, к примеру, кто-то из его близких или друзей. Тогда решено было вернуться к первоначальному варианту — выстрелу из зонтика. Доза яда была увеличена, и Голубев вернулся в Софию для дальнейшего инструктажа. До устранения Маркова оставалось меньше месяца.

Между тем коллеги «химиков» из 12-го управления — сотрудники 5-го управления (идеология) КГБ по Москве и области торжествовали победу: в те дни им наконец-то удалось разоблачить и арестовать «засланного казачка» в своих рядах — Виктора Орехова, который вот уже почти два года исправно помогал

диссидентам, предоставляя им ценную информацию о намерениях КГБ в их отношении. Из-за этого многим правозащитникам удалось либо избежать ареста, либо надежно спрятать, а то и уничтожить все важные документы, интересующие Лубянку. Орехов был судим военным трибуналом и получил 8 лет тюрьмы (наказание отбыл от звонка до звонка в спецзоне для бывших работников правоохранительных органов в марийских лагерях).

В первой половине августа в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 14-го — советский детектив «Подарки по телефону» Алоиза Бренча с участием Стасиса Петронайтиса, Эугении Плешките и др.; и французский фильм этого же жанра «Частный детектив».

Кино по ТВ: «И тогда ты вернешься» (1-го), «В добрый час!» (2-го), «Право на прыжок» (3-го), «Страх высоты», «Ночная смена» (4-го), «К новому берегу» (5-го), «Пятнадцатилетний капитан», «Дорога жизни» (6-го), «Увольнение на берег» (8-го), «Диалог» (премьера т/ф 8—10-го), «Марианна» (9-го), «Дорогой мой человек» (10-го), «Минута молчания», «Дело «пестрых» (11-го), «Собака на сене», «Тренер» (12-го), «Конец старой Березовки» (13-го), «Меж высоких хлебов» (14-го), «Мой старший брат» (15-го) и др.

Эстрадные представления: 1-го в «Энтузиасте» выступал греческий ансамбль «Бузуки»; 1—2-го в Ждановском ПККО — посланец солнечного Узбекистана ВИА «Ялла» (3—4-го — в «Софии»); 1—3-го в ГЦКЗ «Россия» — японский квартет «Ройял Найтс»; 2, 6-го на ВДНХ — Лата Мангешкар (Индия); 8-го в «Энтузиасте» — татарский певец Ильгам Шакиров; 11—17-го на ВДНХ — ВИА «Синяя птица»; 11—14-го в ГЦКЗ «Россия» — Роза Рымбаева из Казахстана.

Из Москвы перенесемся в Ставрополье, в альплагерь «Узункол». Утром 16 августа там произошло несчастье, о котором рассказывает Татьяна Визбор (дочь Юрия Визбора, который в те дни находился там же):

«На «Узункол» опустился сплошной туман. Как шутили тогда, «в раю было холодно, шел снег и дул ветер». На зарядке свою же вытянутую руку невозможно было разглядеть. Наша группа новичков должна была выходить на занятия в ущелье Мырды. Когда мы стояли на

построении, мимо, казалось, не видя ничего перед собой, пробежал отец с перекошенным лицом в полном альпобмундировании. Я тогда ничего не поняла, а после мы узнали, что произошло несчастье... Группа из пяти человек, участвовавшая в соревнованиях Центрального совета «Спартака»... Короче, Олег Коровякин погиб, Ковуненко, Зыбин, Башкиров получили многочисленные ожоги разной степени, Капров — единственный не пострадавший. Ночью к ним в палатку залетела шаровая молния... Коровякин умер, даже не проснувшись (26 лет, женат, дочери 6 лет). Самое обидное, что все было сделано по правилам, ошибки не было: они ночевали за 100 метров от гребня и все металлические вещи отнесли за пределы лагеря. На спасательные работы были брошены все разрядники, все значкисты, четыре новичка (остальных просто не пустили) и весь преподавательский состав лагеря. Первая группа ушла в восемь часов утра, как только все выяснилось (ребята долго не могли связаться по радиации с лагерем, что-то, как всегда, барахлило). Последняя — пришла в два часа ночи. Отец ассистировал доктору прямо на горе. Оставаясь в лагере, мы готовили палату для раненых...»

17 августа в Москве умерла популярная актриса театра и кино Вера Марецкая. Окончив в 1924 году Школу-студию при Театре им. Вахтангова, она вступила в студию под руководством Юрия Завадского. Очень скоро 17-летняя Марецкая стала любимицей всей студии. Ей прощалось все: даже регулярные опоздания на занятия и хроническая рассеянность. Особенно сильно на нее злился Завадский, но в то же время и сильно ее любил. В 1925 году они поженились. Правда, брак этот продлился недолго, однако даже расставшись как муж и жена, они продолжали работать вместе: в 1940 году Завадский взял Марецкую в свой Театр им. Моссовета, где она сразу же стала примой, играя исключительно главные роли в таких спектаклях, как «Хозяйка гостиницы», «Машенька», «Надежда Дурова» и др.

Но всесоюзную славу Марецкой принесло, конечно же, кино. Сниматься она начала давно — с 1925 года (первая роль — домработница Катя — в комедии «Закройщик из Торжка»), однако широкая известность пришла к Марецкой только в 1940 году, когда на экраны страны

вышел фильм «Член правительства», где она сыграла простую деревенскую женщину Александру Соколову, которая сумела дорасти до члена правительства. Затем на ее счету были не менее популярные фильмы: «Она защищает Родину» (1943, Сталинская премия в 1946), «Сельская учительница» (1947, Сталинская премия в 1948), «Мать» (1956). В 43 года Марецкая стала народной артисткой СССР (1949). В 70 — Героем Социалистического Труда (1976).

Марецкая долгие годы была одной из лучших актрис Театра им. Моссовета, там ее уважительно называли «Вэ Пэ» (сокращенное от Веры Петровны). Женщиной она была веселой и частенько хвалилась перед более молодыми коллегами своими прошлыми амурными победами (а в числе ее любовников были такие видные представители творческой элиты, как кинорежиссер Иосиф Хейфиц, писатель Михаил Зощенко и др.). Как частенько хвалилась Марецкая: «Я люблю доводить мужиков до безумия и покидать их в последний момент... Так им и надо!..»

В последние годы Марецкая сильно болела. Однако полостные операции и трепанация черепа не надломил ее — пусть режет, чем всегда, но она выходила на сцену. В последний раз она вышла на сцену родного театра в спектакле «Миллион за улыбку». Умерла Марецкая спустя две недели после того, как справила свое 72-летие.

В тот день, когда не стало Марецкой, столичный Театр на Малой Бронной уезжал в шотландский город Эдинбург, где должен был участвовать в театральном фестивале, показав два спектакля: «Женитьбу» и «Месяц в деревне». Однако перед самым вылетом труппы из Москвы, в аэропорту Шереметьево, произошел забавный казус, который, впрочем, был вполне типичен для тех лет. Дело в том, что советским гражданам, выезжавшим за границу, выделялись крайне скудные средства на жительство, поэтому они восполняли этот пробел тем, что брали с собой в дорогу как можно больше дешевой и не скоропортящейся пищи — то бишь консервов. Актеры «бронновцы» поступили точно так же, рассчитывая, что родная таможня не станет к ним за это придираться. И та действительно закрыла на этот факт глаза, хотя поволноваться актерам все-та-

ки пришлось. Первой тормознули Ольгу Яковлеву, которая на просьбу открыть огромный баул с легкостью согласилась и явила глазам потрясенного таможенника десятка три или четыре банок консервов.

Когда вся труппа оказалась на борту самолета, началось пиршество. Из всех баулов и сумок были извлечены припасенные продукты, и актеры интенсивно заработали челюстями. Эта же картина продолжилась и на чужой земле — в Шотландии. Когда в Лондоне актеры пересели в поезд, отправлявшийся в Эдинбург, пиршество продолжилось. Бедные англичане, которые впервые в жизни наблюдали подобное зрелище, были в шоке. Когда труппа приехала в Эдинбург, первое, что сделал главный режиссер театра Анатолий Эфрос, — собрал актеров на короткую летучку. И объявил, что все его актеры — неинтеллигентные люди! В его устах это было самым страшным ругательством. Однако уже спустя несколько часов актеры полностью реабилитировались в глазах своего шефа, покорив тамошнюю публику своей бесподобной игрой. Особенным успехом пользовалась гоголевская «Женитьба».

И вновь вернемся в Москву. В субботу, 19 августа, здесь женился популярный композитор и певец Евгений Мартынов. Его женой стала 19-летняя киевлянка Эвелина Старенченко, с которой он познакомился около года назад. Девушка давно была согласна стать женой Мартынова, да он все тянул — ждал, когда получит новую квартиру. Наконец незадолго до свадьбы это событие произошло — Мартынов стал обладателем роскошной квартиры на втором этаже в доме № 32 на Большой Спасской улице. Вехав туда, артист заявил: «Ну вот, теперь можно и жениться!» Вспоминает его брат Ю. Мартынов:

«Зеркальный зал ресторана «Прага» буквально ломился от гостей, цветов, улыбок, поздравлений! Женя весь вечер прикасался к бокалу только символически, потому что в конце торжества должен был петь сам: так он для себя решил и держал в тайне этот сюрприз для всех. И вот Женя поет! Поет самозабвенно, переполняемый любовью и радостью. Поет для счастливой супруги. Для друзей и близких, искренне желающих ему счастья и удачи в семейной жизни — следующей главе в судьбе...»

В Багио продолжается матч Карпов — Корчной. После того как Корчной обратился к жюри матча, чтобы они убрали из первого ряда личного психолога его соперника — Зухаря, последний дал честное джентльменское слово, что отсядет в 7-й ряд. И действительно какое-то время он там сидел. Но потом вновь пересел поближе — в 4-й ряд. Тогда Корчной вызвал в Багио своего «знахаря» — Бергинера. Но тот работал значительно хуже своего соперника. В итоге Карпов выиграл две отложенные партии и к 20 августа уже вел 3:1. По словам самого Корчного, в тот злополучный день, когда доигрывались две партии, он хотел предложить Карпову ничью, но не смог этого сделать — ведь они друг с другом словесно не общались. И еще он заметил, как после первого доигрывания, когда они с Карповым поменялись за столом местами, Зухарь, сидевший в правой половине зала, вслед за Карповым поменял свое место и перешел на левую сторону.

Под Таллином идут съемки фильма «Сталкер». 20 августа съемочную группу покидала уже известная нам киновед Ольга Суркова, которая оставила в своем дневнике следующую запись:

«Я возвращаюсь в Москву поездом. Вместе со мной в купе едет администратор картины Татьяна Глебовна. Всю дорогу она рассказывает мне о том, как медленно работает Андрей (Тарковский. — Ф. Р.). И приводит, в частности, в пример съемки кадра с деревом: «Это дерево мы один день снимали пять часов, а на следующий день — еще восемь!!! Вначале мы обдирали листья. Потом их приклеивали. Потом делали паутину. Потом поливали дерево водой. Потом его красили. Потом припыливали. Потом Андрей долго кусал усы и наконец заявил, что кадр готов для съемок!»

Еще она жаловалась на то, что Андрей стал груб на площадке, кричит и на рабочих, и на актеров: «Бестолочи... бараны...» Ну, ладно бы на актеров... А ведь рабочие вообще все могут бросить, им-то что?! Кроме того, ведь сам Тарковский — художник-постановщик. И если он кричит, что кадр не готов, то кто виноват? Это художник-постановщик должен был этот кадр сдать в готовом виде режиссеру-постановщику, вот и сдавал бы! И Княжинский совершенно не при деле: «Андрей сам, лично по пять часов устанавливает кадр, который опера-

тор-профессионал устанавливал бы семь минут... А он все хочет сам, сам...»

Все это было слушать грустно и тревожно. Андрей после перенесенного инфаркта жил под Таллином, на загородной вилле близ моря, на втором этаже, с верандой. Заделался вегетарианцем, ел все без соли «по Брегу», делал часовую дыхательную гимнастику «по йогам» и вообще был полон благих намерений. А Лара (жена режиссера Лариса Тарковская. — Ф. Р.) пила... как будто бы «втихаря»...»

В Москве задержали шайку квартирных воров. Этого успеха удалось добиться благодаря бдительности старшего инспектора угро 114-го отделения милиции капитана Кунина. Это он поздно вечером, возвращаясь с дежурства, обратил внимание на молодую женщину, которая стояла у припаркованного возле дома № 3 на улице Строителей «Запорожца», нервно курила и озиралась. Наметанный глаз сыщика сразу учуял в поведении незнакомки что-то подозрительное. «Не иначе как на шухере стоит», — предположил Кунин и решил понаблюдать, что будет дальше. А дальше было вот что. Не докурив очередную сигарету, женщина щелчком отбросила ее в сторону и села в автомобиль. И через пару минут достала новую сигарету. Кунин решил больше не испытывать судьбу и подошел к незнакомке. Представившись и предъявив ей свое служебное удостоверение, сыщик поинтересовался: «Ваша машина?». «Моя», — последовал ответ. «А права у вас имеются?» — вновь озадачил женщину сыщик. «Имеются... только я оставила их дома», — ответила незнакомка. «Тогда попрошу вас выйти и пройти со мной в отделение», — приказал Кунин женщине. Та попыталась было возмутиться, но увидев, что милиционера таким образом не прошибешь, вынуждена была подчиниться.

Доставив дамочку в отделение, Кунин взял с собой трех напарников и вновь отправился к дому № 3 по улице Строителей. Интуиция подсказывала ему, что если женщина кого-то ждала, значит эти люди непременно должны объявиться возле «Запорожца». Спустя двадцать минут из дома вышли двое мужчин, причем у каждого в руках было по огромному тюку с вещами. Мужики успели сделать всего лишь несколько шагов, как сзади на них набросились стражи порядка и ловко защелкнули на руках

незнакомцев наручники. Оба задержанных оказались матерыми квартирными ворами, а женщина исполняла в их шайке роль наводчицы.

В том же августе в Москве на свет появилась банда так называемых «клюквенников» — похитителей церковной утвари и антиквариата, которой суждено будет войти в анналы отечественной криминалистики в качестве самой дерзкой группировки этого «профиля». Создал и возглавил банду не кто-нибудь, а сын известного полководца, командующего артиллерией Войска Польского Петра Дейнеховского Анатолий. Перед парнем маячили весьма радужные перспективы, но он предпочел избрать иную стезю — криминальную. Начинал он рядовым «кидалой» у магазина «Весна» на Мичуринском проспекте — «кидал» доверчивых приезжих, жаждущих приобрести дефицитные ковры, представляясь им как заведующий складом. Интеллигентные манеры и синий халатик, накинутый на плечи, делали свое дело — никто из жертв даже предположить не мог, что этот юноша может их «кинуть». А он кидал. Да еще как кидал — на тысячи рублей.

«Побомбив» приезжих лохов примерно годик, Анатолий решил переквалифицироваться в другую криминальную профессию — в «клюквенники». Произошло это не вдруг, а после того как парень изрядно пообщался с «деловыми» в «Стегляшке» — ресторане «Хрустальный», что на Кутузовском проспекте. Поскольку одному «бомбить» церкви было несподручно, Анатолий подобрал себе бригаду из трех человек. В нее вошли Андрей Зиновкин (выпускник Бауманского высшего технического училища), Александр Займовский (сын академика, ближайшего сподвижника самого И. Курчатова) и Игорь Лапшин (без именной родословной, но зато с задатками хорошего альпиниста, что было очень даже кстати).

Дебют банды состоялся в августе 78-го. Местом совершения первого преступления главарь выбрал Донской монастырь, причем осуществить задуманное должен был «альпинист» Лапшин. Ему предстояло под покровом ночи взобраться на купол монастыря, выставить стекло и, спустившись вниз по веревке, взять икону Иоанна Воина в золотом окладе и уйти опять через купол. Лапшин сказал, что ему это дело повернуть — как два пальца об асфальт. И поначалу так оно и было. Вооружившись ве-

ревкой, он добрался до купола и стал спускаться вниз. Однако узел на конце он завязал не слишком туго, отчего тот развязался, и вор рухнул вниз. В итоге Лапшин сломал ключицу и заорал благим матом. На шум прибежали старушки, жившие при монастыре, но впотьмах приняли стонущего не за вора... а за посланца Божьего. И, рухнув на колени, принялись бить ему челом и целовать землю. Однако прибежавший вслед за ними сторож оказался не столь наивным и препроводил Лапшина в милицию. Там вор разыграл целый спектакль: стал клясться, что в монастырь забрался по причине своей набожности — дескать, хотел свечку поставить Иоанну Воину и помолиться. Но стражи порядка оказались не лыком шиты и возбудили-таки против ночного визитера уголовное дело. Но у Лапшина на этот случай была «отмазка»: он имел на руках справку о своей психической неполноценности, которая помогла ему в дальнейшем избежать уголовного наказания — его отправили лечиться в психушку. После этого провала Анатолий Дейнеховский заречется работать в Москве и будет «бомбить» церкви исключительно за ее пределами.

23 августа в Багио игралась 15-я партия матча Карпов — Корчной. И опять — в условиях «холодной войны» между шахматистами. В тот момент когда Корчной погрузился в глубокие раздумья перед очередным ходом, Карпов начал раскачиваться в своем кресле. Корчной, которого сей факт отвлекал от мыслей, вынужден был встать и уйти изучать позицию у демонстрационной доски. В этот миг к нему подошел главный арбитр матча Шмид и спросил, в чем дело. Корчной объяснил и попросил сделать Карпову замечание. Арбитр согласился. Однако Карпов оказался неуступчив, он сказал: «Ему мешает это, а мне мешают его зеркальные очки!» Далее послушаем рассказ В. Корчного:

«Прошло минут пятнадцать, прежде чем его наконец уговорили вести себя прилично. Дело, по-видимому, было не в красноречии главного судьи — просто позиция обрела ничейный характер, и Карпов понял, что даже техническая новинка не поможет ему выиграть...

Вопрос о поведении Карпова обсуждался на жюри. Мы предлагали зафиксировать кресла, чтобы на них нельзя было вертеться во вре-

мя игры. Но Батуринский заявил, что, согласно правилам ФИДЕ, каждый участник вправе выбирать себе кресло по своему усмотрению. Жюри послушно приняло «поправку Батуринского».

Нам так и не удалось ни пристыдить, ни усмирить Карпова: время от времени он применял свой прием — особенно когда судьям наскучивало следить за игрой и поведением участников. Вспоминаю, как однажды я отсел от столика во время своего хода, потому что сидеть за доской было невозможно; как к Карпову подошел Шмид и посмотрел на него с укоризной. Тот перестал качаться. Шмид обратился ко мне: «Ну, пожалуйста, сядьте за доску, видите — он больше не качается!» Так и хотелось ответить: «А где гарантия, что он дальше будет вести себя нормально?» Но я понимал главного судью: что мог поделаться он, лишенный апелляциям жюри каких-либо полномочий!

Кстати, насчет зеркальных очков, которые я надевал на игру. Кто придумал, что я спасался таким образом от вредного воздействия советского психолога? Ведь я носил очки, начиная с первой партии, когда Зухарь был еще «в резерве главного командования!» Цель была проста: лишить Карпова его любимого занятия — стоя у стола, в упор смотреть на противника. Пока на мне были очки, он мог любоваться лишь собственным отражением...»

23 августа в польском городе Сопоте начался традиционный Международный фестиваль эстрадной песни. От Советского Союза на конкурс отправились следующие делегаты: вокальный дуэт Галина Беседина и Сергей Тараненко (конкурс телецентров), Алла Пугачева, Валерий Топорков, Роксана Бабаян (от фирмы «Мелодия»), Лев Лещенко (почетный гость фестиваля), зампред Гостелерадио СССР Стелла Иванова (член жюри). Главным действующим лицом в нашей делегации, естественно, была Алла Пугачева, которая везла в Сопот две песни: «Все могут короли» и «Посидим — поokaем». Мало кто знает, но эта поездка едва не сорвалась из-за того, что Пугачева буквально накануне отъезда свалилась с воспалением легких. Однако желание выступить на престижном конкурсе было столь велико, что певица собрала остатки сил и рванула покорять «Лесную оперу». Тем более что ее об этом лично

просил председатель Гостелерадио Сергей Лапин. Тот Пугачеву не любил, но победы державе своей хотел: СССР вот уже несколько лет не привозил из Сопота главных наград, одни утешительные призы. А Пугачева была признанной суперзвездой, с чем даже Лапин был согласен. Он вызвал ее к себе и сказал: надо ехать. Пугачева удивилась: «Конечно, надо. Странно только, что вы раньше меня туда не отправляли». «Нам нужно первое место», — сказал Лапин. «А мне первое место не нужно, — ответила Пугачева, отчего у Лапина вытянулось лицо. — Мне нужен Гран-при». Лапин расплылся в довольной улыбке, после чего спросил: «А что вы там будете петь? Надеюсь, не «королей» этих?» «Ну, это мы еще подумаем», — неопределенно ответила Пугачева, хотя именно в тот момент и поняла: она будет петь только «Королей».

В Сопот Пугачева захватила свой знаменитый балахон «размахайку», который ей сшила мама ее подруги актрисы Аллы Будницкой (они вместе снимались в фильме «Женщина, которая поет»). Последняя вспоминает: «Моя мама хорошо шила, и Алла заказала ей наряды для Сопота. Кстати, знаменитая «размахайка» получилась совершенно случайно. Мама как-то шила мне платье, но не хватило материала на рукава. Недошитый наряд засунули в шкаф и забыли. Когда Алла собралась в Сопот, его достали и скрепили по боковым швам квадратом. Для второй песни «Посидим — поокаем» мама сшила Алле ситцевое платье а-ля рюс. Собирали Аллу на конкурс всем домом: мама вынула из сундука свои розовые атласные босоножки, я вручила конкурсантке кружевную шаль из Валенсии. Кстати, босоножки и шаль у Аллы в Сопоте украдут фанаты, причем прямо из машины...»

25 августа советские власти разрешили выехать из страны на постоянное место жительства в капиталистическую страну известному физики-ядерщику С. Поликанову (он работал в Объединенном институте ядерных исследований). Поликанов давно бомбардировал «верха» просьбами отпустить его вместе с семьей на Запад, но власти каждый раз ему в этом отказывали, мотивируя это тем, что ему «известны государственные секреты». Однако когда Поликанов пригрозил, что в случае очередного отказа «он за себя не ручается», власти сочли за благо больше его на родине не удерживать.

Правда, перед самым выездом «отъезжанта» лишили всех наград и титулов: у него забрали ордена и медали, лишили звания лауреата Ленинской премии, ученой степени доктора физико-математических наук, исключили из членов-корреспондентов Академии наук СССР. Сказали: «Вам это уже не понадобится». Кстати, в том же августе страну навсегда покинули еще несколько знаменитостей, в частности, писатели Александр Зиновьев и Сергей Довлатов.

* А теперь перенесемся в Калугу, где в 30 километрах от города, на берегу речки Угры режиссер Савва Кулиш работает над своим очередным фильмом — «Взлет», рассказывающим о жизни и деятельности выдающегося русского ученого Константина Циолковского. В роли последнего снимается не профессиональный актер, а... поэт Евгений Евтушенко, которого утвердить на эту роль оказалось не так-то просто. Вот как об этом вспоминает сам С. Кулиш:

«Мне категорически запрещали снимать Евтушенко. Он тогда только что женился на англичанке и, как сказал мне один чиновник, «стал совсем неуправляемым». Но Женя боец опытный, он на съемках в Малоярославце дал интервью, которое каким-то чудом напечатала «Советская культура», а потом все мировые агентства цитировали: Евтушенко снимается в фильме. И все, поезд ушел, неудобно стало уже зажимать. Меня вызывали, орали, топтали ногами, называли бандитом, но дело было сделано. Хотя картину гробили страшно. Не давали ни денег, ни возможности работать. Пьяный директор однажды мне сказал: «Знаешь, ты хороший парень, я к тебе хорошо отношусь, но мне приказали тебя убить, и я тебя убью!» А что значит убьет? Это значит, что он ничего не будет делать, тем самым не давая хода картине. Например, надо на время убрать телеграфные столбы вокруг дома Циолковского. Их не убирают, говорят, что это невозможно. Тогда замечательный художник Володя Аронин ставит три поллитры, и ночью эти столбы вырывают, а днем я снимаю нужные кадры. Или, например, не привозят пиломатериалы, декорацию закончить не можем. Ставится энное количество поллитровок, на соседнем складе покупается лес и достраивается декорация. Я продолжаю съемки. И так далее. Много было всего...»

В субботу, 26 августа, в Багио игралась 17-я партия. Как всегда, со скандалом. Уже в ее начале Корчной узрел в 4-м ряду ненавистного ему психолога Зухаря, подозвал к себе самого руководителя ФИДЕ Кампоманеса и потребовал отсадить «колдуна» на три ряда дальше. Однако Кампоманес колебался. Тогда Корчной заявил, что в противном случае он сделает это сам, причем насильно. Кампоманес отправился советоваться с советской делегацией. В это время к месту поединка подошел Карпов. Увидев, что происходит, он улыбнулся и ушел в комнату отдыха. А пауза длилась в течение десяти минут. Затем наконец шесть первых рядов очистили от зрителей, а Зухаря усадили в первом доступном ряду. Только после этого матч возобновился.

Вспоминает В. Корчной: «Можно ли играть серьезную, напряженную партию после сильной нервной встряски? Оказывается, трудно. В 17-й партии Карпов был переигран вчистую: он потерял пешку без всякой компенсации, а его попытка завязать осложнения тоже не имела успеха. А дальше... Дальше я сделал много грубых ошибок и сперва упустил очевидный выигрыш, а затем, в цейтноте, умудрился получить нелепейший мат в ничейной позиции! Счет стал 4:1 в пользу Карпова...

Состояние мое было ужасное. Я взял два своих последних тайм-аута и вместе с фрау Лееверик (руководитель делегации Корчного. — Ф. Р.) уехал в Манилу, чтобы хоть немного отдохнуть и прийти в себя....»

Между тем в Сопоте советская певица Алла Пугачева удостоилась высшей награды фестиваля — Гран-при «Янтарный соловей», исполнив песню «Все могут короли» (трансляция по ЦТ 25—27 августа, в 21.30). Причем в тот день певица плохо себя чувствовала — давали о себе знать последствия воспаления легких, — но стоило ей выйти на сцену, как она забыла обо всех болячках. И так лихо исполнила песню, что огромный зал «Лесной оперы» аплодировал ей стоя, требуя повторения песни (по условиям конкурса «бисировать» песни запрещалось). Короче, триумф был полный. Результатом чего стало то, что Гданьское телевидение сняло про победительницу 45-минутную передачу.

А вот для другого нашего исполнителя — Льва Лещенко — тот фестиваль запомнился с

иной стороны. Он приехал туда в качестве почетного гостя и должен был выступать в гала-концерте вместе с такими исполнителями, как Хелена Вондрачкова (ЧССР), Друппи (Италия), «Пуссикэт» (Голландия), «Темптэйшнз» (США) и др. Лещенко предполагал исполнить на гала-концерте 8 песен, но руководители фестиваля заартачились: мол, это слишком много, достаточно будет двух. Лещенко это обидело, и он заявил: тогда я вообще выступать не буду! Поляки, стараясь избежать скандала, бросились торговаться. В итоге пришли к мировой: Лещенко согласился выступать, но исполнить не две, а три песни. Ими стали одна старая, но очень популярная песня — «Соловьиная роща» — и две новые — «Притяжение Земли» и «Родная земля».

Курортный город Сочи всю обсуждает жуткую историю — убийство курортницы из Ташкента Маргариты Тернавиной. Сочи никогда не считался безопасным по части криминала, однако подавляющая часть преступлений, происходящих в нем, приходилась на долю мошенничеств, краж и других не «тяжких». Убийства в Сочи были редкостью, поскольку местная братва блюла традиции — город-курорт и без того приносил им колоссальные прибыли. Зачем же было пакостить в своем доме?

Психолог Маргарита Тернавина приехала в Сочи в начале августа вместе со своей 20-летней дочерью Лилией. Мужчины рядом с ними не было — их муж и отец ушел от них к другой женщине несколько лет назад. И все это время Маргарита безуспешно пыталась подыскать себе достойного жениха, но в родном Ташкенте сделать это ей так и не удалось. Поэтому в Сочи она отправлялась, надеясь, что, может быть, в этом курортном городе ей повезет. А случилось то, что могло привидеться разве что в кошмарном сне.

Уже на вторые сутки пребывания в Сочи к Маргарите подошел статный мужчина кавказской наружности в дорогом велюровом костюме. Он назвался Гариком и представился как директор обувной фабрики «Масис», что в Ереване. На Маргариту он сразу произвел впечатление, а вот ее дочери не понравился. Взглянув на его стоптанные ботинки, Лилия язвительно заметила: «Что же это вы, директор обувной фабрики, в такой обуви ходите?» Матери бы прислушаться к мнению дочери, но

разум застили другие мысли: она подумала, что дочерью движет слепая ревность. Видимо, на этот раз Маргарита решила своего шанса не упускать. И куда только в тот миг девальсировали навыки профессионального психолога с 15-летним стажем работы? Женщина попала на удочку матерого убийцы по кличке Спица, который получил это прозвище за то, что предпочитал убивать свои жертвы с помощью именно этого мирного инструмента, поскольку боялся запачкаться кровью.

Спица ухаживал за своей жертвой в течение двух дней, покоряя ее сердце все больше и больше. Он водил мать и дочь в дорогие рестораны, где под звон бокалов с искристым шампанским рассказывал им о своем богатом доме в Ереване. Компанию им в этих походах составлял юный спутник «Гарика», которого он представил как своего референта Левона.

На третий день ухаживаний кавалер пригласил своих дам на пикник в реликтовой Тисосамшитовой роще. «Накормлю вас изумительными шашлыками!» — пообещал он дамам. Дочь идти не хотела, но мать была непреклонна: дескать, мы приехали сюда отдыхать, а не скучать в одиночестве. И они отправились на пикник. Он прошел великолепно: вино лилось рекой, шашлыки на самом деле были изумительны. Женщины слегка опьянели, чего, собственно, и добивались преступники. Когда мать и дочь на какой-то миг отвернулись от своих кавалеров, у тех в руках оказались массивные походные трости, которые они запасливо прихватили с собой. Первый удар нанес Спица — матери. Женщина ойкнула и замертво рухнула на землю. Левону досталась дочь, которая, увидев, как упала ее мать, от ужаса застыла на месте. Это облегчило работу душегубу: дочь рухнула рядом с матерью. Однако Спица остался недоволен ударом своего компаньона. «Разве так бьют, шенок?» — зарычал он на напарника и показал тому, как надо бить: ударил тяжелой самшитовой дубиной девушку по голове, а потом, для верности, сделал «контрольный» удар по ее коленной чашечке. Лилия не шелохнулась. «Готова», — удовлетворенно произнес Спица и принялся стаскивать с пальца матери дорогой прабабушкин перстень, ради которого, собственно, и затевалось убийство. Перстень с большим бриллиантом, неосмотрительно взятый Маргаритой на курорт, тянул чуть

ли не на две «Волги». Убийцы прихватили и паспорт жертвы, чтобы в скором времени нанести визит в Ташкент и вдоволь пожить в квартире убиенных. Не зря ведь Спица так до тошноты выпытывал у женщин, с кем они живут и что из вещей имеют.

Когда Левон выдирал из ушей девушки сережки, та вдруг очнулась. Девушке понадобилось огромное усилие воли, чтобы не закричать от боли и ужаса, в противном случае убийцы бы ее просто добились. Но те и в мыслях не могли допустить, что их жертва жива после того, как по ее голове прошли сразу два тяжелых посоха. Хотя нет, Спица что-то заподозрил, едва они отошли на несколько десятков метров от места преступления. Не говоря напарнику ни слова, он поспешил обратно. Лилия в этот миг пыталась поползти до матери, но вовремя услышала приближающиеся шаги и снова вернулась на прежнее место, да еще нашла в себе силы принять прежнюю позу. Спица склонился над нею, пытаясь уловить ее дыхание. Но тело было бездыханно. Тогда, чтобы не чувствовать себя пробегавшим напрасно, Спица ударил девушку каблуком в висок и столкнул в канаву. Но ангел-хранитель и в этот раз отвел от девушки смерть. Когда спустя час мимо этого места проходили рыбаки, они слышали из канавы приглушенные стоны девушки.

На следующий день весь Сочи говорил об этом преступлении. На ноги была поднята вся местная милиция, а в Москву ушла телефонограмма, которая легла на стол самого министра внутренних дел Щелокова. Тот отрядил в Сочи своих лучших сыщиков.

Преступников могли схватить по горячим следам — прямо на ташкентской квартире потерпевших, — но подвела тамошняя милиция. Она очухалась только на третий (!) день после сообщения из Сочи. Поэтому, когда милиционеры нагрянули на квартиру Тернавиных, все ценное оттуда уже исчезло. Однако справедливое возмездие душегубов все равно не миновало. И помогла его свершить Лилия Тернавина. Она вспомнила, как за час до их ухода на пикник мамин ухажер встретил на пляже какого-то толстяка и что-то зло ему говорил. «На каком пляже это было?» — спросили девушку. «У морпорта», — ответила она.

На следующий день курортники, загоравшие у морпорта, могли наблюдать необычную картину: дюжие мужчины в пиджаках с оттопыренными подмышками носили между загорающими носилки, на которых лежала перебинтованная девушка. На недоуменные вопросы отдыхающих носильщики отвечали: мол, сестра в аварию попала, а врачи прописали прогулки на свежем воздухе. Все верили. А девушка внимательно всматривалась в их лица. И в итоге нашла того толстяка. Им оказался судья ереванского суда, который восемь лет назад судил Спицу. И хотя ни имени, ни фамилии преступника он не помнил, однако это была уже серьезная зацепка. Прихватив Лилию, сыщики отправились в Ереван. Там они подняли архивы Ереванского горсуда, и в ворохе фотографий девушка отыскала фото ненавистного убийцы своей матери. Это был 37-летний Альберт Вартанян. Через свою агентуру сыщики пустили слух, что Спица собирается расправиться со своим племянником Арсеном, который участвовал в этом же преступлении (он играл роль того самого «референта»). Испугавшись, Арсен явился в милицию добровольно. И рассказал, что его дядя на днях собирается драпануть в Турцию. Эту информацию передали пограничникам. И Спицу взяли. С момента убийства Маргариты Тернавиной прошло всего лишь тринадцать дней.

Если случившееся в Сочи нельзя было назвать типичным, то в другом городе страны — Казани — убийства в те дни стали чуть ли не повседневным событием. Именно в этом городе в конце 70-х стали появляться на свет молодежные преступные группировки, в учебниках криминалистики это явление даже называли «казанским феноменом». Специалисты, изучавшие эту проблему, позднее объяснят, что криминализация казанской молодежи (впрочем, как и всей остальной) происходила по причине отставания социальной инфраструктуры, рассчитанной на обслуживание подростков, когда в микрорайоне города, где проживает около 150 тысяч человек, работает всего лишь один кинотеатр, да и тот на 200 посадочных мест. Эти же специалисты отмечали, что Татарская АССР на рубеже 70—80-х годов стала регионом с невиданными ранее масштабами возведения крупнейших промышленных объектов («Атоммаш», «КамАЗ», «Химмаш» и т.

д.), и поэтому централизованное субсидирование и средства республиканского бюджета направлялись главным образом для решения социальных проблем именно новых городов. Казань же из этого списка выпадала и оставалась на «голодном пайке». И молодежь города ответила на это резким ростом криминала.

Именно в 1978 году в районе завода «Теплоконтроль» образовалась крупная группировка (до 200 человек в возрасте от 15 до 25 лет) под названием «Тяп-Ляп». Несмотря на такое название, это преступное формирование представляло собой серьезную силу и отличалось от других группировок строгой дисциплиной и дерзостью. Группировка была разбита на «пятёрки», причем боевики знали только свое окружение, но никак не «высшее руководство». В ней имелась своя «касса», созданная за счет ежемесячных сборов со всех членов (деньги вносились в зависимости от возраста и категории совершаемых преступлений), и члены группы были вооружены не только ремнями, цепями и кастетами, но и огнестрельным оружием. Расширяя и укрепляя свой авторитет среди молодежи, «Тяп-Ляп» начала осуществлять регулярные набеги на близлежащие и дальние районы города. Одна из первых таких вылазок датирована 31 августа 1978 года. Вот как это выглядит в документе:

«31 августа в 20.30 группа хулиганствующей молодежи в количестве 40—50 человек, вооруженных огнестрельным оружием (обрезами) и металлическими прутьями, в масках, двинулась от речного вокзала по улице Новотатарской слободы. Банда рассредоточилась по обеим сторонам улиц с целью забивать и стрелять в граждан. В результате беспорядочной стрельбы в направлении стоящих на обочине людей убит 74-летний Абдулбарий Закиров, ранены 10 человек, в том числе двое сотрудников милиции, пытавшихся остановить толпу...»

Короче, в тот день «тяп-ляповцы» устроили в городе настоящую вакханалию, которую жители Казани ранее видели разве что в западных боевиках. Малолетние бандиты с гиканьем и улюлюканьем обстреляли микроавтобус, двух мотоциклистов, а когда из-за поворота вынырнул автобус с милиционерами, вызванными жителями близлежащих домов, обрушили град пуль и на него. В людей, которые гуляли в палисаднике, кто-то из отморозков бросил оско-

лочную гранату. К счастью, она оказалась учебной и не взорвалась.

Когда весть об этом побоище достигла Москвы, на головы казанских правоохранителей посыпались все мыслимые кары. Со своего поста немедленно был снят министр внутренних дел Татарской АССР генерал С. Япеев, который бесценно возглавлял министерство в течение последних 24 лет (рекорд для СССР!). Кроме него пострадали еще несколько министерских работников рангом пониже. Для наведения порядка в Казани, а также разоблачения деятельности «Тяп-Ляп» и других подобных группировок была создана специальная опергруппа. О том, как шла борьба с молодежными бандгруппами в Казани, я расскажу чуть позже, а пока вернемся в конец августа 78-го.

На эстрадных площадках Москвы в те дни выступали следующие артисты: 16—23-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты английского певца Питера Гордино; 18—20-го в «Октябре» пела другая заграничная знаменитость — бельгийский певец Жан Валле; 18—27-го в ЦПКиО прошли концерты с участием Семена Соколовского, Геннадия Дудника, ВИА «Синяя птица» и др.; 30—31-го там же выступал ВИА «Акварели».

Кино по ТВ: «Когда деревья были большими» (16-го), «Прыжок на заре» (18-го), «Квартет Гварнери» (премьера т/ф 19-го), «Барьер неизвестности» (20-го), «Улица 13 тополей» (21-го), «Гранатовый браслет» (23-го), «Ре-

шающая схватка» (24-го), «Противник» (Индия, впервые по ТВ 25-го), «Наш дом» (26-го), «Дуэнья», «Антрацит» (27-го), «Вот моя деревня» (28—31-го), «Анна и Командор» (впервые по ТВ 29-го), «Ждите писем», «Сверстницы» (30-го), «Бродди» (премьера т/ф), «Я вас любил» (31-го) и др.

Из других передач выделю: «Кинопанорама», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (18-го), «По страницам «Голубого огонька» (20-го), Конкурс в Сопоте (25—27-го).

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты — «Поэт ВИА «Оризонт» с песнями: «Монолог» (О. Мильштейн — Ш. Петраке); «Апрель» (О. Мильштейн — А. Дементьев), «Оризонт» (П. Теодорович — Е. Криерман), «Край мой» (В. Дынга — Ш. Петраке), «Калина» (М. Новикас — А. Саулина) и др.

миньоны — «Поэт Нина Бродская» с песнями композитора А. Мажукова: «Первая любовь» (слова — Л. Кретов), «Утраченная любовь» (Н. Шумаков), «Говори мне» (Н. Шумаков), «Напрасно ходишь» (В. Харитонов); «Поэт ВИА «Метроном» с песнями зарубежных авторов: «Кукушка» (Л. Дакен), «Шутка» (И. Бах), «Молдавская хора» (Н. Раду), «Чероки» (Р. Нобл).

Журнал «Кругозор» (№ 8): Михаил Боярский («Песенка д'Артаньяна» М. Дунаевский — Ю. Ряшенцев, «Бармалей» А. Зацепин — Ю. Энтин); «АББА» («Благодарю за музыку», «Я — марионетка»).

1978

сентябрь

Кристина Орбакайте в роли первоклашки. Умер сын кинорежиссера Григория Александрова. Корчной грозит прекращением матча. Как ВИА «Лейся, песня» собирал деньги на взятку. Высоцкий в ОВИРе. Похороны Дугласа Александрова. Вячеслав Старшинов снова на льду. Как Никита Богословский придумал мировую сенсацию. Убийство в Горьком. Начались съемки фильма «Москва слезам не верит». Родители Андрея Миронова получают звания. В Горьком ищут убийц. Покушение на болгарского диссидента. «Москва слезам не верит»: съемки на улице Горького. Найдены горьковские убийцы. «Табакерка» на овощной базе. Йоги спешат на помощь Корчному. «Лейся, песня» в Сочи: плохой прием. Премьера передачи «Вокруг смеха». Алла Пугачева смотрит «Утреннюю почту» и... возмущается. «Песенка д'Артаньяна» покоряет страну. Как Иосиф Кобзон спас ВИА «Лейся, песня». Кража икон. «Место встречи изменить нельзя»: падение «Студебеккера» в Язу. Переполох в советском МИДе. В СССР секс есть! Историческая встреча в Минводах: Леонид Брежнев в окружении трех будущих генсеков. Почему Кончаловский переснимал в «Сибириаде» эпизод с членом ЦК. «Пиррова победа» сборной СССР по футболу. Похитители икон умирают от инфаркта. Высоцкий в Ставрополе: раки от директора ликероводочного завода. Антирусская демонстрация в Тарту. Столичный «Спартак» побеждает тбилисское «Динамо». Серебряная свадьба Михаила Горбачева. Кто подсказал Никите Михалкову идею «Пяти вечеров». Ругают «Кабачок «13 стульев». Как Андрей Миронов едва не умер в Ташкенте. «Лейся, песня» побеждает. Второе место Ларисы Долиной. Алла Пугачева выходит замуж.

В пятницу, 1 сентября, многомиллионная армия советских учащихся вновь переступила пороги своих учебных заведений. Но были и такие, кто сделал это впервые — первоклашки и первокурсники. Среди первых была дочь Аллы Пугачевой Кристина Орбакайте, которую мама лично привела в тот осенний день в первый класс средней школы № 55 в Кузьминках. Кстати, за все десять лет пребывания дочери в стенах этого учебного заведения с углубленным изучением английского языка звезда советской эстрады побывает здесь еще два раза, да и то ближе к концу обучения Кристины.

1 сентября в Москве скончался сын знаменитого кинорежиссера Григория Александрова Дуглас. Матерью покойного была актриса Ольга Иванова, с которой Александров познакомился в начале 20-х годов, будучи, как и она,

актером театра «Синяя блуза». В мае 1925 года у них родился сын, которого решили назвать в честь популярного в те годы американского киноактера Дугласа Фербенкса (он в те дни как раз гостил в Москве). Однако этот брак оказался непрочным, и спустя несколько лет Александров и Иванова развелись. В 1934 году кинорежиссер встретил другую женщину — Любовь Орлову, — с которой и прожил счастливо более сорока лет. Что касается Ивановой, то она тоже вышла замуж за актера Бориса Тенина, однако ее дальнейшая судьба сложилась трагически: в 41-м году, рожая второго ребенка, она умерла.

Практически с раннего детства Дуглас рос без родителей: мать постоянно ездила с гастролями по стране, отец (пока они жили вместе) уезжал еще дальше — за океан. Поэтому воспи-

танием мальчика занималась сестра его матери Елизавета Иванова. Когда началась война, Александров взял сына с собой в эвакуацию — в Баку. Там мальчик впервые стал по-настоящему нужен своему отцу: Александров привлекал его к монтажу своих фильмов, давал писать титры. Незадолго до конца войны Дуглас стал курсантом Тульского пехотного училища и в этом качестве участвовал в Параде Победы на Красной площади. И все же родительские гены взяли свое: окончив училище, Дуглас подался... во ВГИК и поступил на сценарный факультет. Тогда же женился на красавице Галине Крыловой. Но в 1952 году случилась беда: по доносу одного из приятелей его арестовали и бросили в тюрьму (в вину ему поставили чтение журнала «Америка» и просмотры американских фильмов в Доме кино). В Бутырке Дуглас просидел целый год. Допросы были жестокими, с избиениями: от него требовали дать показания на своего отца (мол, он тоже является американским шпионом), заставили смениить американское имя Дуглас на русское Василий. От лагерей его спасло только то, что в марте 53-го умер Сталин. Именно в Бутырке у Дугласа случился первый инфаркт. Второй случился спустя 26 лет и стоил сыну знаменитого кинорежиссера жизни. Было ему 53 года.

В начале сентября возобновился шахматный матч в Багио. Как мы помним, после поражения в 17-й партии (27 августа) Виктор Корчной взял тайм-аут на несколько дней и вместе с главой своей делегации Петрой Лееверик уехал в Манилу, чтобы хоть немного отдохнуть и прийти в себя. Для большинства специалистов стало окончательно понятно, что победит в этом матче Анатолий Карпов. Пока Корчной отсутствовал, член его делегации — англичанин Кин — решил взять бразды правления в свои руки. Он послал президенту второй европейской зоны ФИДЕ телеграмму, в которой просил посодействовать в деле смещения Лееверик с ее поста и назначения вместо нее — себя. А Корчной тем временем провел в Маниле пресс-конференцию, на которой рассказал о сложившейся ситуации, о том, какие невыносимые условия созданы ему в Багио. Судя по всему, это был жест отчаяния: матч почти проигран, и нужно найти этому факту хоть какие-то оправдания.

Вспоминает В. Корчной: «Особо я остановился на проблеме Зухаря. Я отметил, что советская «шахматная» новинка была подготовлена еще к матчу с Фишером. Шахматист находится в гипнотической связи с психологом, который внушает ему, например, что он играет как Фишер и Алехин, вместе взятые! Я заявил, что тандем Зухарь — Карпов непобедим; этого кентавра с головой Зухаря и торсом Карпова надо раздвоить, иначе матч невозможен.

Пресс-конференция вызвала большой интерес, была освещена во всех газетах. Оказалось, что Кампоманес контролировал в Багио все сообщения прессы, запрещая публиковать материалы о предосудительном поведении Карпова и советской делегации! Впервые на Филиппинах люди заговорили о скандальном характере шахматного матча. Филиппинская публика решительно встала на мою сторону!..»

Корчной объявил, что в тех условиях, в которых он играл до этого, матч продолжен быть не может. Это заявление вызвало панику в стане ФИДЕ, и к Корчному тут же была направлена делегация из двух человек, которые стали убеждать его продолжать матч. В качестве весомого аргумента в пользу этого они сообщили Корчному о том, что заключено письменное «джентльменское» соглашение, Карпов не возражает против того, чтобы доктор Зухарь размещался в аудитории в секторе, отведенном для официальных членов советской шахматной делегации, а Корчной должен перестать пользоваться своими зеркальными очками. Корчной эти условия принял и 1 сентября вернулся в Багио.

Известный ныне певец Михаил Шуфутинский в те годы был художественным руководителем ВИА «Лейся, песня». В этот коллектив он пришел полтора года назад по протекции своего приятеля композитора Вячеслава Добрынина, который был главным поставщиком шлягеров для этого коллектива. Ансамбль был прописан в Кемеровской филармонии, хотя базировался в Москве. В те годы он был очень популярен прежде всего благодаря таким хитам, как «Песенка про сапожника», «Прощай», «Вот увидишь» и др. Голос солиста ансамбля Владислава Андрианова входил в пятерку лучших голосов в вокально-инструментальном жанре.

Между тем «наверху» к «Лейся, песня» отнеслись с некоторым недоверием, поскольку репертуар ансамбля состоял сплошь из одной лирики, а песен про патриотизм, партию и комсомол в нем не было. В результате при каждом удобном случае коллективу вставляли палки в колеса. Так, в 1976 году его должны были отправить на фестиваль эстрадной песни в югославский город Сплит, но в самый последний момент вместо «Лейся, песня» отправили другой ансамбль. Причем без всякого объяснения причин. Таким образом «Лейся, песня» вынужден был доказывать свою творческую состоятельность исключительно в пределах родного отечества.

Летом 78-го стало известно, что «Лейся, песня» будет участвовать в очередном фестивале советской песни в Сочи, который намечался на середину сентября. В ансамбле это известие было встречено с большим воодушевлением: музыканты знали свои возможности и были уверены в том, что сумеют завоевать на конкурсе самое высокое место. Как вдруг оказалось, что особых талантов для этого как раз и не требуется, а нужно совсем другое. Что именно? Вот как об этом вспоминает сам М. Шуфутинский:

«Незадолго до отъезда на фестиваль меня посещает дирижер Москонцерта Сергей Мелик, и у нас происходит приватный разговор:

— Послушай, Миша, ты вообще хочешь занять на конкурсе первое место?

— Конечно, хочу.

— У вас очень сильная группа, но, понимаешь, этого мало.

Я, кажется, догадываюсь, куда он клонит, но молчу.

— Надо подмазать.

— И сколько надо подмазать?

— Три тысячи рублей, — не моргнув глазом отвечает он. — Первая премия конкурса — три тысячи, вот с ними и нужно расстаться. А я их там в жюри распределю. Жюри присудит вам первую премию.

— Я подумую.

— И при этом первое место вы все-таки должны заработать. Но чтобы получить его, надо дать деньги. Понятно?

Чего ж тут непонятного. Я посоветовался с ребятами, объяснил, в чем суть дела. Тогда было в порядке вещей спрашивать мнение кол-

лектива. Сегодня я бы не спрашивал, а сделал бы так, как считаю нужным. «О'кей, — сказали ребята, — мы согласны».

И зачастил Сережа Мелик к нам на репетиции. Помогал режиссировать, хотя мы в его советах особо не нуждались. Он как бы опекал нас и при случае говорил мне, оправдывая свое присутствие: «Ну как я могу прийти в жюри и просто дать деньги. А они мне заявят: «Сережа, это же плохой, слабый коллектив, а нам нужен хороший».

Дней через десять Мелик отводит меня в сторону:

— Миша, ситуация несколько изменилась. Деньги нужны сейчас. Три тысячи.

— Но...

— Никаких «но», старик. Откровенно говоря, вы еще не готовы, и уже есть проблемы. Так что мне там, — он кивнул в потолок, — надо кое с кем разобраться.

Пришлось поднапрячься и при следующей встрече передать ему требуемую сумму.

— Ну, вот теперь порядок. Спокойно работайте, ни в какое Кемерово на гастроли ехать не надо. Я все устрою, договорюсь с кем надо...»

В Москве тем временем продолжают съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Как мы помним, начались они в столице почти месяц назад без участия одного из главных исполнителей — Владимира Высоцкого, который был в отпуске за границей. Но 30 августа он вернулся в Москву, и его удалось задействовать в съемках. В частности, в те дни сняли эпизод на Крымском мосту: Шарапов уговаривает Жеглова помочь ему поймать вора-карманника Кирпича, а тот артачится. Но затем все-таки соглашается.

В субботу, 2 сентября, Высоцкий отправляется в ОВИР, где пишет очередное заявление с просьбой отпустить его к жене во Францию с 8 сентября. Стоит отметить, что во время своего последнего выезда за границу Высоцкий нарушил правила: ОВИР разрешил ему посетить только Францию, а он побывал также на Таити и в США. Однако никаких объяснений по поводу этого Высоцкий давать не собирался, поскольку в ОВИРе его надежно прикрывал сам начальник Отдела С. Фадеев.

3 сентября в Москве состоялись похороны Дугласа (Василия) Александрова. Вот как

вспоминает о том дне сын покойного Григорий Александров:

«После панихиды мы приехали с Ваганьковского кладбища во Внуково, на дачу. Дед (кинорежиссер Григорий Александров. — Ф. Р.), по обыкновению встав поздно, пил в столовой кофе, ел тосты... «А что, Васи больше нет?» — вдруг спрашивает он меня. Я промолчал. Закончив завтрак, дед, не сказав ни слова, поднялся к себе в кабинет. Феноменальное самообладание!..»

Начался чемпионат страны по хоккею с шайбой (с 1 сентября). 4 сентября в Москве встречались столичный «Спартак» и киевский «Сокол». Матч, прямо скажем, был так себе, о чем и счет говорит — 7:0 в пользу «Спартака». Но я упомянул об этом по другой причине: в этой игре после трехлетнего перерыва на лед вновь вышел легендарный хоккеист Вячеслав Старшинов. Он играл в тройке с Александром Якушевым и Владимиром Шадриним и, прямо скажем, игры не портил. А ведь было ему тогда уже 38 лет — по советским хоккейным меркам возраст запредельный. В том матче ветеран советского хоккея забил один гол, доведя общее число шайб, забитых им в чемпионатах СССР, до рекордной отметки — 394.

В те дни великий мастер розыгрышей композитор Никита Богословский придумал очередную сенсацию, которая стала чуть ли не мировой. В те годы мир переживал очередной бум по поводу НЛО, и наша страна не была исключением: сообщениями о неопознанных летающих тарелках были полны многие газеты, об этом же рассказывалось по ТВ и радио. Короче, психоз стоял тот еще. Вот Богословский и решил этим воспользоваться. У него в приятельницах была милая интеллигентная женщина, которая страсть как любила разговоры про все загадочное: НЛО, телекинез, парапсихологию, хиромантию и т. д. Ее композитор и выбрал как распространителя своей «сенсации». Однажды при встрече с ней Богословский обмолвился о том, что у него имеется уникальная фотография, присланная ему когда-то его болгарскими друзьями, где запечатлен НЛО. Приятельница мгновенно загорелась желанием взглянуть на это фото. Композитор утолил ее страсть, более того — подарил ей эту фотографию. А та попросила его обязательно связаться с болгарскими друзьями и узнать

подробности встречи с НЛО. За Богословским дело не стало. 4 сентября он собственноручно накатал письмо, якобы написанное в Париже одним из тех болгар, кто видел НЛО и запечатлел его на пленку. В нем «автор» описывал, как в конце этого июля пил кофе на балконе своей софийской квартиры и стал свидетелем прилета НЛО. Объект представлял собой полупрозрачный, слегка выгнутый диск, в середине которого находился темный, чуть вытянутый по оси шар, похожий на кокон. От диска исходил слабый белый свет, совершенно не освещающий окружающее пространство. Поскольку у «автора» под рукой оказался фотоаппарат, он немедленно им воспользовался. Вот такое письмо выдумал Богословский. Да что там письмо, он и злополучную фотографию, с которой и начался розыгрыш, тоже смастерил собственноручно. Мякиш черного хлеба он скатал в шарик и вставил его в круглое отверстие прозрачной стеклянной розетки, какую надевают на подсвечник, чтобы в нее стекал стеарин. Воткнул в хлебную мякоть спичку с привязанной к ней тончайшей прозрачной рыболовной леской, подвесив это сооружение на балконную палку для сушки белья. После чего взял в руки фотоаппарат и сделал несколько снимков в контражуре, на фоне темных предвечерних облаков. Изображение получилось таким достоверным, что приятельница композитора аж зашлась от восторга. А когда он еще вручил ей письмо «из Парижа», вообще чуть сознание не потеряла от счастья. И понеслось-поехало. Эту фотографию чуть позже специалисты-эксперты признают подлинной, и этот случай будет включен в ряд сообщений о других аналогичных явлениях в качестве еще одного доказательства реального существования НЛО. Кто не верит, может взять журнал «Эхо планеты» № 14 за 1979 год и убедиться лично: там помещена та самая фотография «НЛО из хлебного мякиша», которую смастерил Никита Богословский. Но вернемся в сентябрь 78-го.

Город Горький. 5 сентября в 9 утра дежурный УВД Горьковского облисполкома сообщил руководству областной прокуратуры о том, что на улице Новикова-Прибоя обнаружен труп мужчины с признаками убийства. На место происшествия немедленно выехала следственно-оперативная группа.

Труп мужчины средних лет лежал напротив угла дома № 9, в четырех метрах от обочины дороги. Судмедэксперт обнаружил на трупе множественные колотые, колото-резаные, равно-ушибленные и ушибленные повреждения в области головы, грудной клетки спереди и сзади (всего эксперты насчитают на теле погибшего 36 колотых ранений). Вокруг трупа было разбросано множество вещей и предметов, что указывало на то, что пострадавшего пытались ограбить. Неподалеку от трупа находилась поврежденная машина марки «Запорожец» со следами, похожими на кровь. Среди вещей, найденных на месте преступления, были водительские права на «Запорожец», выписанные на имя Юрия Кашникова, 1951 года рождения, жителя города Ряжска Рязанской области. Таким образом имя погибшего было установлено почти сразу же.

Опрос свидетелей показал следующее. Некая гражданка, проживавшая в доме напротив, сообщила, что около 4 утра услышала крики с улицы и выглянула в окно. Ее взору открылась следующая картина: трое мужчин толкали «Запорожец» в сторону проспекта Ленина. Другой свидетель — житель этого же дома — тоже был разбужен криками с улицы и выглянул в окно. Он увидел тех же людей, один из которых спрашивал другого: «Ты взял у него деньги?» Поскольку расстояние до незнакомцев было слишком большим, свидетели так и не смогли в точности описать их внешние данные.

В тот день, когда в Горьком произошло убийство, в Москве начались съемки фильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Будущий блокбастер начали снимать с фоновых эпизодов без участия актеров: 5 сентября снимали Ленинский проспект, на другой день — улицы Красной Пресни, потом площадь Восстания (7-го).

Днем позже в Ленинграде начали снимать комедию Георгия Данелая «Осенний марафон». Там снимали проходы Андрея Бузыкина (Олег Басилашвили) по городу: 6-го съемки проходили на Мойке, 7-го — у метро на площади Восстания, 8-го — у метро возле Гостиного Двора.

6 сентября появилось сообщение о том, что родители популярного актера Андрея Миронова удостоились высоких званий: Мария Миронова стала народной артисткой РСФСР, а

Александр Менакер — заслуженным артистом РСФСР. Это событие застало их сына вдали от Москвы: в те дни Андрей Миронов в компании своих коллег по Театру сатиры Александра Ширвиндта и Михаила Державина заканчивал натурные съемки в фильме Наума Бирмана «Трое в лодке, не считая собаки», которые проходили на берегу реки Неман, в Калининградской области. Как вспоминают очевидцы, на дворе стояла осень, было холодно, а актерам приходилось изображать в кадре изнывающих от летней жары людей.

В Горьком продолжается следствие по делу об убийстве гражданина Юрия Кашникова. В записной книжке убитого сыщики обнаружили адрес автоколонны, где он проходил курсы повышения квалификации. Наведавшись туда, сыщики установили, что Кашников приехал в Горький за день до смерти и сразу после занятий уехал вместе с тремя другими сокурсниками. Этим людям тут же нашли и допросили. Они показали следующее: вечером 4 сентября они действительно уехали с занятий вместе с погибшим, решив отметить знакомство в ресторане. Там они познакомились с девушками. Около 23 часов, покинув ресторан, парни разделились: двое отправились провожать своих девушек пешком, а Кашников и еще один сокурсник — Шумаков — отправились на «Запорожец» первого в Сормовский район, где проживала знакомая Шумакова по имени Рита. Однако, подъехав к дому девушки около часа ночи, парни заметили, что Рита входит в подъезд дома с двумя мужчинами. Кашников и Шумаков отправились следом. Однако девушка, первой заметив их, спустилась к ним и попросила не устраивать скандала, а приехать часа через полтора, когда мужчины уйдут. Парни согласились и поехали в гостиницу «Заречная». Там Шумаков расстался с Кашниковым и больше его не видел, поскольку уснул и к Рите больше не поехал. По его словам, Кашников тоже не собирался возвращаться к девушке, так как был выпивши и сильно устал. Рита тоже подтвердила: Кашников к ней больше не возвращался.

7 сентября на допрос были вызваны те двое мужчин, что провожали Риту в ночь перед убийством. Как выяснилось, они были полностью не причастны к убийству Кашникова. У них было твердое алиби на момент совершения

преступления, к тому же они являлись профессиональными водителями и легко могли бы осуществить ту задумку, с которой не справились настоящие преступники, — угнать «Запорожец». Таким образом, на третьи сутки с момента совершения преступления в руках у сыщиков были только две весомые улики: отпечатки пальцев и ладоней в салоне «Запорожца» и ученическая тетрадка, найденная рядом с трупом. На обложке последней не было надписи, но внутри имелся текст неотправленных писем на двух страницах. В этих письмах автор сообщал своим дяде и тете последние новости своей, прямо скажем, малособытийной жизни. Судя по тексту, у автора были большие проблемы с русским языком: например, вместо слов «потому что» он писал «потамужто», вместо «пока» — «пака», вместо «чего» — «чево», вместо «жить» — «жыть» и т. д. В этих посланиях было сразу несколько серьезных зацепок, ухватившись за которые можно было установить личность автора писем. Во-первых, автор упоминал, что зовут его Володя, во-вторых, что скоро у него состоятся проводы в армию, в-третьих, что некий Коля не поступил в водный институт и теперь будет поступать на вечернее отделение политехнического института, в-четвертых, что его перевели на другую работу — на головки перпендикулярного поворота. По этим зацепкам можно было наметить пути поиска Владимира: по учетам военкоматов; по учетам приемных комиссий водного и политехнического институтов, путем выборки абитуриентов по имени Николай; через предприятие, где изготавливаются упомянутые в письме «головки перпендикулярного поворота». Успех сопутствовал сыщикам в последнем направлении. Однако о том, как продвигалось следствие дальше, я расскажу чуть позже.

7 сентября в Лондоне был убит болгарский диссидент Георгий Марков. В то роковое утро он, как обычно, вышел из своего дома, чтобы, проехав несколько остановок на автобусе, добраться до своего рабочего места — радиостанции Би-би-си. Однако когда он сел в автобус, неизвестный мужчина сзади кольнул его зонтиком и тут же, извинившись, исчез. Марков сначала не обратил на этот случай никакого внимания, однако в середине дня ему стало плохо прямо на рабочем месте. Чувствуя недомогание, Марков рассказал сослуживцам о том,

что с ним произошло на автобусной остановке, и те тут же вызвали врача. Маркова срочно госпитализировали. Однако спасти уже не смогли. В теле Маркова нашли остатки капсулы с ядом рицином, и это дало основание предполагать, что его отравили. Подозрение сразу же пало на болгарские спецслужбы, однако доказать это тогда так и не смогли. А в Софии тем временем торжествовали победу: самый опасный диссидент был уничтожен. Убийца с зонтиком был награжден орденом. А Тодор Живков выразил устную признательность Юрию Андропову за помощь в деле «врага Болгарии № 1».

И вновь вернемся на родину.

8 сентября у магазина № 5, что на улице Горького в Москве, царил необычный оживление: толпы людей собрались на противоположной стороне улицы, чтобы лицезреть необычное зрелище — съемки фильма, повествующего о событиях двадцатилетней давности. Люди с интересом глазели на то, как киношники сменили вывески на магазинах и выставили в витринах товары, о существовании которых помнили разве что старожилы. Вдоль магазина фланировали дружинники, которые сурово надзирали за поведением прохожих: гражданам надлежало иметь скромный внешний вид, соответствующий облику строителя коммунизма, а влюбленным парочкам нельзя было даже обниматься. Думаю, читатель наверняка уже догадался, о чем идет речь: в тот день на улице Горького снимался очередной эпизод фильма «Москва слезам не верит».

В тот же день следователь горьковской прокуратуры В. Донцов обратился в научно-техническую библиотеку города с тем, чтобы отыскать там наименование предприятий, где могли присутствовать «головки перпендикулярного поворота». Увы, поначалу сыщика ждало разочарование: в карточках указывалось более пятидесяти различных наименований головок, но нужных не было. И тут в голову сыщика пришла неожиданная мысль: а вдруг парень мог умышленно, в целях того, чтобы покрасоваться перед родственниками, назвать обычные поворотные головки столь заковыристо. Если это так, то искать надо там, где изготавливаются детали обычных металлорежущих станков. Ближайшим к месту убийства предприятием такого рода было Горьковское стан-

костроительное производственное объединение. Туда Донцов и отправился.

Встретившись с главным технологом объединения, Донцов понял, что он на верном пути: производственник сообщил, что на участке сборки поворотных головок и консолей рабочие часто употребляют термин «головки перпендикулярного поворота». Поэтому в цехе, в состав которого входил участок сборки головок, сыщик попросил показать ему список рабочих тетрадей. В его пяти бригадах работало 9 человек по имени Владимир. Трое из них являлись призывниками и допризывниками, что значительно сужало круг подозреваемых. Но больше всего подозрений вызывал один человек — Владимир Мирончук, который был переведен на этот участок совсем недавно — в марте 78-го. Донцов прихватил с собой заявление парня о приеме на работу (чтобы слить его почерк с тем, что фигурировал в письмах) и отправился к экспертам. Те вынесли однозначный вердикт: рука одна и та же. А когда отпечатки пальцев, оставленные на месте преступления, совпали с отпечатками Мирончука в его уголовном деле (он был судим три года назад), последние сомнения отпали. В одиннадцать вечера Мирончук был задержан на своей квартире. Туда же доставили и его друга — Дубова. Парни были настолько напуганы случившимся, что тут же сознались в убийстве Кашникова. По их словам, все произошло на удивление глупо и нелепо.

В тот день они в компании со своим сверстником Сафоновым полдня пили водку. Около двенадцати ночи все трое вышли от Сафонова на улицу, чтобы поймать такси. Тут рядом с ними остановился «Запорожец», водитель которого попросил показать ему дорогу на Москву. В пьяных мозгах трех парней созрела идея: обмануть приезжего и заставить его довезти их бесплатно домой. В итоге они поехали в обратную сторону от Москвы. Но на улице Новикова-Прибоя мотор у «ушастого» заглох, и Кашников вышел из машины. В этот миг один из парней — Мирончук — самовольно занял место водителя и стал заводить машину с помощью стартера. «Эй, парень, кончай баловаться!» — крикнул ему хозяин «Запорожца». Но Мирончук продолжил свое дело. Тогда Кашников подбежал к нему и стал вытаскивать из салона. Это не понравилось парням, и они на-

бросились на приезжего с кулаками. Тот схватился за монтажный ломик. Это еще больше распалило парней, и они совершенно утратили над собой контроль. Мирончук схватил ножицы и отвертку, лежавшие в салоне автомобиля, Сафонов — монтажный ломик, отнятый у Кашникова, Дубов — камень с земли. И спустя несколько минут Кашников был убит. За это преступление все трое вскоре были осуждены к 10 годам лишения свободы каждый.

Олег Табаков продолжает руководить собственной студией на улице Чаплыгина. Как мы помним, студийцы переехали сюда ровно год назад, но за это время их ряды уже успели поредеть. В июне Табаков отчислил трех человек, один ушел к другому режиссеру сам. Таким образом, теперь в студии, ласково именуемой «Табакеркой», осталось 14 человек, среди которых некоторых вскоре ждет звездная судьба. Это актеры Василий Мищенко, Елена Майорова, Сергей Газаров, Игорь Нефедов, Марина Шиманская.

11 сентября актеры «Табакерки» отправились работать на овощную базу (в те годы это было распространенным явлением — отправлять работников различных предприятий на помощь «овощевикам»). Вот как об этом пишет Е. Майорова в студийном дневнике:

«С утра пришли на овощную базу. Подтягивались долго — не привыкли рано вставать, а тут к восьми надо. День начался, в общем, диетически: мы на сырой картошке; ребята на помидорах; от союзников перепало винограда, дынь, арбузов. Все же устали, там пыльно, сыро — девчат с ящиков сдувает сквозняком. «Трудно!»

Сегодня в 18.30 репетиция «Маугли». После базы волком ходить легче, плечи ссутуливаются без труда, леопарды лишь к вечеру проклеиваются...»

Продолжается шахматный матч в Багио. После того как в самом конце августа Корчной провел пресс-конференцию и пожаловался на интриги против него, творимые советской делегацией, число сочувствующих ему увеличилось. У него и раньше их было предостаточно — во всем мире считали, что Корчной практически в одиночку сражается не с Карповым, а с коммунистическим режимом, а теперь их число увеличилось в геометрической прогрессии. В итоге в начале сентября в Багио приеха-

ли двое американских йогов — Стивен Двайер и Виктория Шеппард (кстати, оба выпускники Гарвардского университета), которые своим поведением подбросили новых поленьев в костер шахматной войны. Как вспоминает сам Корчной, когда эти два йогов заняли свои места в зале, доктор Зухарь и его приближенные встали со своих мест и покинули помещение. Это была поистине какая-то чертовщина. В этот же день советская делегация подала протест, который обсуждался в ФИДЕ. Было принято следующее решение: йогов имеют право находиться в зале, но должны сидеть в отдалении от советской делегации и быть одетыми в европейскую одежду, а не в свои традиционные оранжевые балахоны. Йогв с этим согласились. Но спустя два дня по ним ударили еще сильнее: Кампоманес официально объявил, что эти йогов — члены организации «Ананда Марга», которые обвиняются в покушении на индийского дипломата. Они находятся под следствием, но за недостатком улик отпущены под залог. Вывод: поскольку йогов — потенциальные преступники, то не должны находиться в зале. И йогов удалили с матча. Самое интересное, но на Корчного этот выпад произвел совсем иное действие, чем предполагалось: в 21-й партии он разыграл блестящую комбинацию и сократил разрыв в счете до 2:4.

12 сентября Корчной пишет письмо-протест в ФИДЕ. Несколько отрывков из него: «...Запрещенная правилами ФИДЕ связь между Карповым и Зухарем во время партий была очевидной, но сами организаторы до сих пор ничего не сделали для того, чтобы навести порядок. Вот почему я принял помощь членов «Ананды Марги». Это — моя защита и контрмера. Они мне нужны. Они поддерживают меня, и я беру их под свою ответственность. Я гарантирую их безупречное поведение в зале. Я согласен на то, чтобы их обыскивали, я даже согласен, чтобы они сидели в зале в рядах для моей делегации. Но не могу же я во всем уступать Кампоманесу, который обнаружил в ходе матча свое далеко не нейтральное поведение...»

Это письмо ничего не дало: с ним ознакомились и вернули обратно Корчному. А йогов запретили не только появляться в зале, но и в отеле, где жил Корчной, а также пользоваться автомобилями, приданными делегации Корчного. Короче, их попросту выживали из Багио.

То ли в них действительно видели реальную угрозу победе Карпова, то ли просто таким образом хотели вывести из равновесия Корчного.

Идут съемки фильма «Осенний марафон» в Ленинграде. 11 сентября в естественных интерьерах сняли эпизод встречи Бузыкина с главным редактором издательства (Никита Подгорный). Два дня спустя на территории 12-го отделения милиции был снят эпизод, где Бузыкин приходит в медвытрезвитель, чтобы вызвать оттуда своего друга — датского журналиста (эту роль исполнял журналист из ФРГ Норберт Кухинке).

Рабочая атмосфера царит и на съемочной площадке другого фильма — «Москва слезам не верит». Съёмочная группа перебазировалась на время под Ногинск, где 12 сентября должны были начаться съемки эпизодов «на даче». Однако проливной дождь помешал работе. В итоге съемки сдвинулись на день и состоялись 13—14 сентября. В них участвовали все главные персонажи картины в лице актеров Веры Алентовой, Ирины Муравьевой, Раисы Рязановой, Бориса Сморгцова, Александра Фатюшина.

В эти же дни в Сочи начали съезжаться участники 2-го Конкурса исполнителей советской песни, который должен был открыться 14 сентября. Как мы помним, одним из участников этого конкурса был ВИА «Лейся, песня», которому была обещана победа в конкурсе... за взятку в три тысячи рублей. Коллектив прилетел в Сочи на самолете, однако артистов там никто не встретил. А у них гора аппаратуры, ящики с инструментами и костюмами. Да еще худрук ансамбля Михаил Шуфутинский умудрился привезти с собой жену и двух маленьких детей, надеясь, что те заодно и отдохнут. Увидев, что в аэропорту их никто не встречает, Шуфутинский позвонил в местную филармонию. Там ему ответили, что не приехали их встречать, поскольку не были уверены, что те приедут, к тому же гостиницы для размещения артистов у них нет. «А где же нам жить?» — спросил Шуфутинский. «Можем выделить для вас маленький театрик на окраине», — последовал ответ.

Когда гостей привезли к месту их проживания, настроение у них испортилось окончательно: жить им предстояло в коридорах театра на раскладушках. Правда, Шуфутинскому по-

обещали комнату в санатории, но он от этого отказался, не желая бросать своих товарищей. Вместо этого он рванул в филармонию. Послушаем его рассказ:

«Врываюсь в кабинет директора, устраиваю небольшой скандал.

— Мы приехали выступать, у нас есть официальный вызов, и вы обязаны нас поселить.

— Но мы не получили вашей телеграммы. Гостиница бронируется заранее.

— Ничего не знаем. Телеграмму давала филармония. Вот наше направление. Ни в каких коридорах мы ночевать не будем. Останемся на улице. И если произойдет какое-то ЧП — я вас предупредил — по вашей вине...

С грехом пополам к двум часам ночи нас кое-как расселили по разным гостиницам с обещанием соединить потом вместе. Никто, конечно, нас потом не соединил. Музыканты добирались до Зимнего театра, где проходили репетиции, кто как мог. Впрочем, и расходились так же. Все это было противно, и уже тогда меня все чаще и чаще посещала мысль об отъезде из Союза навсегда...»

В пятницу, 15 сентября, в половине десятого вечера, по 1-й программе ЦТ состоялась премьера новой передачи, которой мгновенно суждено будет стать одной из самых популярных на ТВ. Речь идет о передаче «Вокруг смеха». Она появилась благодаря стараниям режиссера Г. Черняховского и редактора Татьяны Пауховой. Претендентов на роль ведущего было, наверное, около сотни, однако выбор пал на бесспорного любимца публики Андрея Миронова. Но дальше произошло неожиданное — запись первого выпуска выпала на лето, когда Театр сатиры проводил очередные гастроли. Как ни старался Миронов, но вырваться в Москву ему так и не удалось. И тогда создатели передачи предложили (причем временно) занять место ведущего ленинградскому пародисту Александру Иванову, который был заявлен в список участвующих в дебютной передаче. Помимо него в том выпуске под № 1 также участвовали Ирина Понаровская (она спела песню об улыбке), Любовь Полищук (монолог «Что такое счастье»), Людмила Гурченко (лукавые куплеты), клоун Андрей Николаев (плясовая «Светит месяц»), Рина Зеленая (монолог зрительницы из зала), Григорий Горин (рассказ), Александр Жеромский (зарисовки

мима), а также Леонид Утесов, Владимир Андреев, Татьяна и Сергей Никитины, Людмила Касаткина, Владимир Зельдин, Владимир Веселовский, Екатерина и Вячеслав Трояны.

В первой половине сентября в столичных кинотеатрах прошли премьеры фильмов, что называется, на все вкусы. Так, 5-го в прокат вышла экранизация повести Льва Толстого «Отец Сергей», осуществленная режиссером Игорем Таланкиным при участии актеров Сергея Бондарчука, Валентины Титовой и др.; 11-го — мелодрама «Странная женщина» Юлия Райзмана, где в главных ролях снялся семейный дуэт Ирина Купченко — Василий Лановой; детектив «Исчезновение» Вениамина Дормана с участием Алексея Мокроусова, Евгения Герасимова и др.

Было что посмотреть из киношной продукции и по «ящику»: «Седьмое небо» (1-го), «Комедия ошибок» (премьера т/ф), «Это мы не проходили» (с субтитрами) (2-го), «Знакомьтесь, Балувев!» (3-го), «Коллеги», «День моих сыновей» (5-го), «Красная скрипка», «Дневной поезд» (7-го), «Инспектор и ночь» (Болгария, 8-го), «Кавказская повесть» (премьера т/ф), «Пропавшая экспедиция» (1-я серия, с субтитрами), «Осторожно, листопад» (9-го), «Василиса Прекрасная», «Операция «Ы», «Жаворонок» (10-го), «Жребий» (11-го), «Я шагаю по Москве», «Софья Перовская» (12-го), «Возвращения Василия Бортникова» (13-го), «Где ты был, Одиссей?» (премьера т/ф 13—15-го), «Африканыч» (14-го), «Профессор» (Польша, 15-го) и др.

Эстрадные представления: 1—4-го в «Октябре» выступала итальянская певица Ориетта Берти; 8—10-го там же — Дино Сартти из той же Италии; 10—14-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Розы Рымбаевой, Евгения Петросяна, Светланы Резановой, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, ВИА «Добры молодцы» и др.; 11, 15—16-го в ГТЭ пел «чешский соловей» Карел Готт (12—14-го — в «Октябре»).

16 сентября в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен прошедшего месяца. В нем забойный «медляк» от Давида Тухманова «Остановите музыку», который с марта возглавлял хит-парад, сменил куда более серьезный хит от Аллы Пугачевой под названием «Сонет Шекспира». Среди новинок также были: на 7-м месте рас-

положилась задорная песня Вячеслава Добрынина и Михаила Рябина «Напиши мне письмо» в исполнении ВИА «Веселые ребята», на 8-м — «комсомольский» хит И. Мовсесяна и Л. Ошанина «Это говорим мы» («Пламя»), на 9-м — «Фотографии любимых» Д. Тухманова и В. Харитонова (Я. Йоала), на 10-м — «Кукла» А. Морозова и Г. Горбовского («Веселые ребята»).

В тот же субботний день, 16 сентября, по ТВ вышел очередной выпуск передачи «Утренняя почта». В ней ее ведущий (реабилитированный после июньского скандала Юрий Николаев) зачитал сердитое письмо одного из телезрителей, который возмущался тем, что по ТВ мало показывают его любимую певицу Аллу Пугачеву. «Ну что ж, мы учли эту просьбу, — радостно сообщил зрителям ведущий, — сейчас вы встретитесь со своей любимой певицей». И в подтверждение этих слов на экране возник клип на песню «Хорошо». Алла Пугачева, которая в то утро оказалась у экрана своего телевизора, чуть из кресла не вывалилась. Дело в том, что этот клип, записанный аж два года назад, телевидение регулярно крутило чуть ли не по всем программам, несмотря на то, что сама певица неоднократно писала возмущенные письма-протесты с требованием прекратить потчевать зрителей ее старыми песнями, а показать что-нибудь новенькое, тем более что такие записи в архиве ЦТ имелись. Но все было тщетно. Объяснений сему факту могло быть несколько: либо песня «Хорошо» сильно нравилась кому-нибудь с самого «верху», либо наиболее полно отражала настроения самих телевизионщиков.

И еще пару слов об «Утренней почте». Огромную популярность в народе ей обеспечивал эксклюзив — то есть песни, премьеры которых звучала именно в ней. В сентябре именно «Почта» запустила в народ новый хит — песню Максима Дунаевского и Юрия Ряшенцева «Песенка д'Артаньяна» в исполнении Михаила Боярского и полтавского ВИА «Фестиваль». Песня эта звучала в телефильме Г. Юнгвальда-Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетера», съемки которого еще не закончились. То есть работа над фильмом еще шла, а главный его хит уже покорял необъятные просторы страны. Особенно эту песню полюбили алкаши и дети, видимо, за ее незатейливый припев

«Пора-пора-порадуемся...». Кстати, именно с припева этот шлягер и начинался. Когда Хилькевич приступал к съемкам фильма, он попросил Дунаевского написать хотя бы одну песню-хит. Так и сказал: «Чтобы она заменила алкашам «Шумел камыш». Помнишь, был один западный фильм с песней «Вар-Вар-Вар-Варвара». Надо придумать что-то подобное». Как мы теперь знаем, Дунаевский с поэтом Ряшенцевым потрудились на славу.

Продолжается конкурс советской песни в Сочи. В первом туре его участники исполняли обязательные песни, причем авторами некоторых из них были композиторы, входившие в жюри. ВИА «Лейся, песня» выступил с огромным успехом, сразу же выбившись в лидеры. Как вдруг случилось неожиданное. Худрука ансамбля Михаила Шуфутинского вызвали в жюри, и его председатель — Александр Пахмутов — показала ему телеграмму от начальника Управления музыкальных учреждений при Министерстве культуры РСФСР Макарова. В ней сообщалось: «Снять ансамбль «Лейся, песня» с конкурса в связи с невыездом на гастроли в Кемерово». «Вам все ясно?» — грозно сверкая очами, спросила ошарашенного Шуфутинского Пахмутова. — Тогда вопрос исчерпан. Можете ехать домой».

Шуфутинский попытался объяснить. Он рассказал, что в Кемерово они не обязаны были ехать, поскольку гастрольный план не был подписан, и вообще они теперь работали уже в другой филармонии — тульской. Но Пахмутова была неумолима: телеграмма-то от из Минкульта! Шуфутинский вышел из кабинета, как молотком пришибленный. И отправляться бы «Лейся, песня» назад, если бы не чудо в лице мэтра советской эстрады Иосифа Кобзона. Когда Шуфутинский изложил ему суть проблемы, тот ответил коротко: «Не переживай. Я помогу». И ведь действительно помог. Как рассказывали потом очевидцы, на заседании жюри он стукнул кулаком по столу и заявил, что «Лейся, песня» будет выступать, несмотря ни на какие телеграммы. Спорить с ним ни у кого, в том числе и у Пахмутовой, духу не хватило.

В ночь на воскресенье, 17 сентября, в селе Елохино Некрасовского района Ярославской области ограбили местную церковь Успения Богородицы — украли две иконы. Кражу рано

утром обнаружила служительница церкви и тут же позвонила в милицию. И хотя в те годы церковь была не в почете у властей, на место происшествия выехали двое оперативников райотдела внутренних дел. Пока один осматривал место преступления, другой проводил опрос местных жителей. И спустя полчаса уже были известны имена предполагаемых преступников. Многочисленные свидетели показали, что видели, как вчера вечером двое парней из соседней деревни — Виктор Калханов и Олег Шульманов — с ломом в руках крутились возле церковной калитки. Опера отправились в указанную деревню. Однако родственники обоих парней сообщили, что те как ушли вчера вечером из дома пьяные, так с тех пор и не объявлялись. «Как объявятся, пусть лучше сами к нам придут, иначе хуже будет», — предупредили родственников опера и укатили восвояси. Никто из них еще не знал, что эта на первый взгляд обычная история закончится самым неожиданным образом. Но об этом чуть позже.

А теперь вновь вернемся на съемочные площадки будущих блокбастеров. В «Осеннем марафоне» в те дни снимались эпизоды из начала фильма: так, 17 сентября съемочная группа работала в одной из аудиторий ЛГУ, где Бузыкин общался со своими сослуживцами по работе, 18-го в естественном интерьере дома № 22 на Невском проспекте снимали эпизод, где Бузыкин навещает переводчицу Варвару (Галина Волчек).

В другом фильме — «Москва слезам не верит» — 18 сентября на пленку был запечатлен эпизод из 1958 года: главные герои в лице Катерины, Людмилы, Алевтины и жениха последней Николая (Борис Сморгчов) гуляют по улицам Москвы (эпизод снимался на Ленинском проспекте).

А вот в детективе «Место встречи изменить нельзя» в эти же самые дни был отснят один из самых крутых эпизодов — падение «Студбеккера» в Язу. Помните, Фокс бежит из ресторана и пытается уйти от муровской погони на «студере», но Жеглов метким выстрелом сражает его водителя, и тяжелый грузовик, пробив парашют, падает в реку. В съемках этого опасного трюка принимали участие двое каскадеров — Владимир Жариков и Олег Федулов. Самое интересное, что Говорухин, в целях подстраховки, пригласил на этот трюк еще и двух

известных автогонщиков. Те приехали, посмотрели план, составленный каскадерами, и сказали: «Нет, ребята, вам это не сделать. Башку разобьете». Далее послушаем рассказ В. Жарикова:

«Мы «загорелись» этим трюком, вымучили разрешение у режиссера, даже подписку дали: «За наши жизни и здоровье киногруппа ответственности не несет». Сцену репетировали две недели: изучали трассу, подходы, рассчитали скорость. Местом съемок выбрали участок на Язуе, у Электрозаводского моста. Подготовили «Студбеккер», вынули из кабины все стекла. Наконец день съемки... Сентябрь кончается. Холодно. Наступает вечер, действие должно проходить в темноте. Ждем «режима», то есть нужного освещения. Подъезды перекрыты ГАИ, но на мосту толпа зрителей. Мы уже сидим в машине, а команды все нет, что-то там с камерами заело. Олег за рулем, я — рядом, держу в руках провода от аккумулятора: мы хотели, чтобы фары машины продолжали гореть под водой. Наконец, видим, машут рукой; мы трогаемся, но к нам бросаются навстречу: оказалось, помахали «просто так»... Пятимся обратно. Ждем. Опять сигналият. Теперь уже по-настоящему. Разгоняемся до шестидесяти километров в час. Машина ударяется колесами о тротуар, подпрыгивает, и я чувствую, что мы летим. Никаких привязных ремней применить нельзя, мы упираемся во что можем руками, ногами, спинами... Что-то черное несется нам навстречу...»

За трюком с огромным волнением наблюдала вся группа плюс многочисленные зеваки. Когда машина снесла парашют, все ожидали, что она на скорости вылетит и брюхом упадет на воду (для этого в кузов была специально положена многокилограммовая плита). Но вместо этого грузовик перевернулся в воздухе и упал прямо кабиной, а глубина реки в этом месте была небольшая. У многих видевших это в голове пронеслась мысль: «Все! Смялась кабина!»

И вновь — воспоминания В. Жарикова: «Удара о воду я, например, почти не почувствовал — так напряжены были мышцы. Весь удар приняла на себя машина. Только ощутил воду — плотную, жирную. Задержал дыхание, попытался сориентироваться. Да, крыша лежит на дне. Машина почему-то чуть покачива-

ется... Нашупал проем окна, протянул правую руку, она попала в вязкий ил. Значит, уходить надо через левое окно. Олега нет, уже ушел, теперь моя очередь. Осторожно, чтобы не зацепиться за острые выступы, выдавился из окна, оттолкнулся ногами и — наверх. Все!.. Разве все?.. Вынырнул, посмотрелся, увидел катер со спасателями. Медленно поплыл, неудобно в ватнике! Спасатель протянул руку, помог взобраться на катер. «Дай стакан чистой воды!» — прошу спасателя, прикрывая лицо рукой: глаза очень щиплет от речной грязи. Вижу, спасатель выскакивает на палубу со стаканом и залпом выпивает воду. «Ты что?» — говорю. Он спохватывается: «Ой, извини! Очень долго тебя не было, думал, уже не вынырнешь...»

Потом нам рассказали: когда машина перевернулась, на мосту была полная тишина. Вдруг кто-то крикнул: «Конец ребятам!» А у нас с режиссером было условлено, что Олег под водой отплывет от машины подальше, ведь, по сценарию, вынырнуть должен только один человек. Олег вынырнул аж под мостом, там его и подобрал катер. А зрители наверху этих нюансов не знали, с кем-то случилась истерика...

Я шел по мосту, с одежды текла вода. Толпа молча расступалась, на меня смотрели с каким-то ужасом, как на выходца с того света... Я не выдержал и побежал. Потом, переодевшись, поймали такси и поехали в гостиницу; шофер сообщил нам, что только что на Электрозаводском мосту автобус с людьми пробил ограждение и упал в воду. Мы расхохотались. Шофер остановил машину, обернулся и очень строго сказал: «Ребята, так нельзя! Такими вещами не шутят, там люди погибли...» Но самое смешное было в другом. Одна из трех кинокамер, самая главная, которая должна была снимать нас в кабине крупным планом, в момент падения не сработала!.. Правда, когда мы об этом узнали, нам почему-то было не до смеха...

В советском МИДе в те дни царил настоящий переполох. Дело в том, что 17 сентября в резиденции президента США в Кемп-Дэвиде был подписан мирный договор между Израилем и Египтом, что считалось большой внешнеполитической удачей США, которые выступали в этих переговорах как посредники. Утром следующего дня весть об этом долетела до Москвы — и началось. Вот как об этом вспоминает О. Гриневский:

«Этот день для дипломатов-«ближневосточников» в МИДе на Смоленской выдался кошмарным. Громыко улетал в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Брежнев уезжал поездом в Баку, где должен был вручить городу орден Ленина и произнести речь, подобающую этому торжественному случаю. И всем срочно требовалась оценка кемп-дэвидских договоренностей.

Оставшийся в отсутствие Громыко на пульте Корниенко, человек на удивление спокойный и выдержанный, на этот раз, кажется, впервые потерял самообладание — такой перезвон «вертушек» раздавался в его кабинете. Поэтому он даже прикрикнул на своих «ближневосточников»:

— Да пошевеливайтесь вы побыстрее!

А как быстрее, когда толком неясно, что там соорудили в Кемп-Дэвиде. Хотя все и так, без самого документа понятно: что иное, кроме отвратительной сепаратной сделки, там могут сочинить! Через час членам Политбюро ушла следующая оценка: «Соглашение в Кемп-Дэвиде — новая антиарабская сделка между Израилем и Египтом, выработанная при активном участии Вашингтона. Это еще одна попытка расколоть арабов, противопоставить их друг другу, навязать арабским странам угодные агрессору и поддерживающим его силам условия, что затрудняет достижение справедливого мира на Ближнем Востоке и усиливает взрывоопасный характер обстановки в этом районе».

Громыко молча прочитал эту бумажку, хмыкнул, повертел ее зачем-то и передал помощнику. Самолет улетел, а Громыко так ничего и не сказал.

Зато волну гнал помощник Брежнева по внешнеполитическим вопросам Александров. И вовсе не потому, что считал эти соглашения столь важными для судьбы советского государства. Просто на руках у него была речь Брежнева, которую тот должен был произнести в Баку. Почти три месяца Генеральный секретарь ЦК КПСС не появлялся на публике, отдыхая в Крыму, хотя сообщения о его кипучей деятельности постоянно публиковались в газетах. Теперь предстояло его явление народу в столице Азербайджана — с неременной речью, где даны эпохальные оценки современного внутреннего и международного положения.

Речь-то уже готова. Но тут в самую последнюю минуту, и очень некстати, появились эти кемп-дэвидские соглашения. Поэтому Александров вызвал заведующего ближневосточным отделом МИДа. Невысокого роста, худой, с острым личиком, Андрей Михайлович и внешностью, и повадками напоминал лису — умную, хитрую и коварную.

— Так ли уж все безнадежно плохо в этих соглашениях, как вы тут понаписали? — вкрадчиво спросил помощник Брежнева, держа бумажку, подготовленную в МИДе.

Ему ответили, что соглашение действительно очень плохое: решение палестинской проблемы и возвращение Голанских высот Сирии откладывается на долгие годы.

— А так ли уж важно для Советского Союза создание Палестинского государства, чтобы ради этого мы ссорились со всем цивилизованным миром? — очевидно, пошутил Александров. — Ладно, нет времени спорить. Возьмите речь Леонида Ильича и быстренько добавьте пару абзацев в том духе, как вы тут написали. Только поизящнее и трудных слов не употребляйте...»

В съемках фильма «Москва слезам не верит» наступила короткая пауза. Вызвана она тем, что до сих пор не найден исполнитель на роль одного из главных персонажей — Гоши. Как мы помним, месяц назад Владимир Меньшов, увидев по телевизору фильм «Дорогой мой человек», решил попробовать на эту роль актера Алексея Баталова. Но тот согласился не сразу: сначала какое-то время отказывался, а затем попросил дать почитать сценарий. А пока он раздумывал, Меньшов примерял эту роль на себя: во вторник, 19 сентября, на «Мосфильме» состоялась его кинопроба, где ему подыгрывала Наталья Вавилова (она играла взрослую дочь Катерины).

В «Осеннем марафоне» в тот день продолжали снимать сцены из объекта «квартира Варвары» (Невский проспект, 22). Пока снимали, произошло ЧП: служебная «Волга» киношников по дороге на съемочную площадку попала в серьезную аварию. Виноват в случившемся был водитель посторонней машины, который, не справившись с управлением, выскочил на встречную полосу. К счастью, никто не пострадал, кроме обоих автомобилей — их пришлось отдавать в ремонт.

В тот же вторник по ТВ, по 3-й учебной программе, в 14.15 по московскому времени, была показана весьма любопытная передача. Называлась она «Сексуальные нарушения при хроническом алкоголизме». То, что алкоголизм в Советском Союзе являлся весьма серьезной проблемой, ни для кого, думаю, не секрет. С сексом — совсем другое дело. Как будет провозглашено несколько лет спустя, его в СССР не было. Но, как видим, это заблуждение: секс у нас был, о чем наглядно демонстрирует присутствие на подцензурном ЦТ подобного рода телепередач.

Леонид Брежнев мчится на поезде к Баку. В крупных городах поезд делает остановки, чтобы генсек имел возможность встретиться с тамошними руководителями и порасспросить их не только о житье-бытье, но и проделанной работе. Иной раз встреча происходила прямо на перроне, естественно, заранее очищенном сотрудниками «девятки» от посторонних лиц.

Поздно вечером 19 сентября поезд генсека достиг Минеральных Вод, где произошла знаменательная встреча, вошедшая потом чуть ли не во все учебники истории: тогда на несколько минут в одном месте сошлись сразу четыре генсека: один действующий (Брежнев) и трое будущих (Андропов, Черненко, Горбачев). Вот как это описывает все тот же О. Гриневский:

«На перроне Брежнева уже ждали Андропов, отдохнувший неподалеку, в Кисловодске, и секретарь крайкома партии Горбачев. Но вопреки обыкновению Леонид Ильич вышел из вагона в сумрачном настроении. После традиционного обмена приветствиями и вопросами о здоровье Брежнев замолчал.

Стояла темная ночь, и черное южное небо было усыпано яркими звездами. А по перрону двигались четыре фигуры: Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев — один действующий и три будущих генеральных секретаря ЦК КПСС. Сцена прямо из детективного романа — вот где произошел тайный сговор о порядке передачи власти в Советском Союзе. Трое — в официальных костюмах, при галстуках, и только Черненко не к месту обрядился в тренировочный.

Впрочем, на самом деле все обстояло куда как прозаично, хотя для Горбачева это действительно будут смотрины. Брежнев, явно не расположенный к разговору, спросил только:

— Ну, как дела, Михаил Сергеевич, в вашей овечьей империи?

Горбачев, как и положено молодому, подающему надежды секретарю крайкома, стал с воодушевлением рассказывать об успехах вверенного ему края на ниве овцеводства. А кончил свою красноречивую и многословную историю, наступила томительная пауза — Брежнев молчал. Наконец подошли к вагону. Уже стоя в тамбуре и держась за поручень, Брежнев спросил у Андропова:

— Ну, как речь?

— Хорошо, хорошо, Леонид Ильич, — ответил тот.

Те, кто слышал этот диалог, сильно удивились: неужели Брежнева так волнует его речь в Баку? Горбачев тоже удивился. Уже потом, в машине по дороге из Минеральных Вод, он спросил у Андропова, какое выступление имел в виду генеральный секретарь. Но Андропов только усмехнулся: мол, Леонид Ильич имел в виду совсем другое — в последнее время у него возникли затруднения с речью...»

Андрей Михалков-Кончаловский продолжает работу над широкомасштабным кинополотном «Сибиряда». Основные съемки фильма к тому времени были уже закончены, и в те сентябрьские дни шли досъемки и пересъемки отдельных эпизодов, на которых настояли в Госкино. В частности, 20 сентября в одном из павильонов «Мосфильма» заново снимали эпизод «в кабинете ЦК». Вот как об этом вспоминает сам режиссер-постановщик:

«Самым удивительным было для меня указание переснять сцену в кабинете члена Политбюро, которого играл Ларионов. Причина пересъемки: у Ларионова на левой щеке — бородавка, и, как оказалось, точно там же, где у Косыгина. Надо, чтобы ее не было видно. Кафкианская ситуация. Заново построили декорацию, пересняли на совершеннейшем серьеze. До сих пор не могу избавиться от абсурдной магии советского страха...»

В тот же день в Ереване советская сборная по футболу играла свой первый матч отборочного цикла чемпионата Европы-80 с командой Греции. С тех пор как наша национальная сборная потерпела фиаско на Олимпиаде-76, в ней сменилось два тренера, каждый из которых пытался изменить лицо команды на свой лад. К примеру, В. Николаев удалил из нее всех ки-

евлян, оставив практически одних представителей московских клубов. Но эта сборная из рук вон плохо провела турне по Южной Америке, и Николаева заменили на Никиту Симоняна. Этот тренер вернулся к старому варианту: вернул в сборную киевлян (О. Блохина, Л. Буряка, А. Конькова, В. Бессонова), добавив к ним игроков из московских клубов (Ю. Чесноков, А. Минаев, А. Маховиков, А. Бубнов, С. Пригода, В. Жупиков), а также представителей Тбилиси (Д. Кипиани, Ш. Хинчагашвили), Ташкента (Ю. Ан, В. Федоров), Донецка (Ю. Дегтярев). Свой первый официальный матч в таком составе наша сборная сыграла 20 сентября с Грецией и победила 2:0 (мячи забили Чесноков и Бессонов). Сколько было радости по этому поводу! И скажи тогда кому-нибудь из наших болельщиков и футбольных специалистов, что эта победа у нашей команды будет единственной в отборочном цикле, что все остальные игры она либо проиграет, либо сведет вничью, никто бы не поверил. А это будет именно так. Мы-то с вами знаем.

Но вернемся в сентябрь 78-го.

21 сентября самым неожиданным образом разрешилась история с кражей икон из церкви Успения Богородицы села Елохино Некрасовского района Ярославской области, которая произошла четырьмя днями ранее. Как мы помним, подозрение в этой краже сразу пало на двух жителей соседней деревни — Виктора Калханова и Олега Шульманова, но задержать их по горячим следам не удалось — они скрылись в неизвестном направлении. И только спустя четыре дня объявились, но... мертвые. Тела парней нашли случайные прохожие недалеко от леса. Вид у покойников был жуткий: на мертвых лицах с широко открытыми глазами застыла маска ужаса. Что так напугало парней перед смертью, так и осталось загадкой, но эксперт-патологоанатом вынес вердикт: оба умерли от обширного инфаркта миокарда, видимо, вызванного каким-то сильным испугом. Это было более чем странно, поскольку до этого парни никогда на здоровье не жаловались. Вот почему вся округа потом судачила, что парни умерли после того, как их проклял местный поп за кражу икон. Последние, кстати, нашлись — их обнаружили местные жители у дороги, завернутыми в тряпицу.

Владимир Высоцкий, который 16 сентября вернулся из недельной поездки во Францию, через три дня отправился с гастролями по маршруту Ставрополь — Кисловодск — Грозный. В первый же день по приезде в Ставрополь (20 сентября) Высоцкий дал сразу три концерта в тамошнем цирке. Концерт состоял из двух отделений: в первом играл ВИА «О чем поют гитары», во втором — Высоцкий. Народ, естественно, пришел послушать именно его. Среди почитателей его таланта был и 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС Михаил Горбачев. После концерта, вместе со своим помощником, он пришел к Высоцкому за кулисы и поблагодарил за доставленное удовольствие. Потом спросил: «Мы ничего не могли бы для вас сделать? К нам на днях пришла партия шведских дубленок...» Высоцкий улыбнулся: «Спасибо... Не надо».

На следующий день Высоцкий опять дал три концерта, а в перерыве одного из них был приглашен в гости к директрисе местного ликероводочного завода. Вот как об этом вспоминает спутник Высоцкого Николай Тамразов (многие телезрители знают его как ведущего «Детектив-клуба»):

«В филармонии работала одна старушка — довольно заботливая. И она попросила Володю приехать к ней в гости. Володе было как-то неудобно ей отказать, и мы поехали. Мы сели в машину и по дороге туда заехали в гостиницу, чтобы оставить там гитару. И тут старушка стала почему-то настаивать:

— Владимир Семенович, ну зачем вы оставили гитару? Возьмите...

— Но вы уже наслушались моих песен на концертах. Посидим, поговорим...

Но что-то было не так, что-то шальное появилось в ее глазах... Приезжаем. Открывается дверь — и мы видим совершенно роскошную квартиру. Разноцветный паркет ковровой отделки. Огромный стол, на котором огромные миски с черной и красной икрой, и не ложки, а половники торчат в этих мисках. Роскошь — дикая! И посреди этой роскоши лежат раки таких размеров, каких я никогда в своей жизни не видел! Гигантские раки!

Хозяйка дома, директриса ликероводочного завода, звеня золотыми зубами, тянет руку. А рядом стоит очень ухоженная публика... Володя смотрит на старушку...

— Владимир Семенович, они мне как родные... Я как в свой дом вас привела...

До этих котлов с икрой мы не дотрагивались, мы ели раков. Нам объяснили, что эти раки (специально для Высоцкого!) выловлены в соседней республике. Володя скрипел зубами — он был очень недоволен трюком этой бабули...

Володя не пил, его уговаривали... Много говорили о фирменной водке «Стрижамент» — она на каких-то травах. Потом стали умолять:

— Владимир Семенович, спойте... Ну, Владимир Семенович...

— Ради бога, приходите завтра на концерт.

А в конце нам сообщили, что раки, которых мы съели, неделю пролежали в ванне. В ванне с молоком! Все это время они пили молоко, облагораживая свою суть.

Когда мы вернулись в гостиницу, Володя сказал по этому поводу:

— Совсем обалдели: раков — в молоке! Люди сошли с ума...»

22 сентября на территории страны была зафиксирована очередная националистическая буча. По сравнению с нынешними временами в те годы таких проявлений были единицы, но они все же случались. В последний раз нечто подобное было зафиксировано в апреле 78-го в Тбилиси, теперь местом подобного ЧП стал эстонский город Тарту. В тот пятничный день, 22 сентября, около 150 школьников, видимо, науськанные более взрослыми товарищами, собрались перед зданием горкома партии и стали выкрикивать лозунги отнюдь не детского (типа: «Меньше уроков в школе!» или «Больше хорошей музыки на ТВ!»), а самого что ни на есть взрослого содержания: «Да здравствует Эстонская республика!», «Больше образования — меньше политики!», «Вон славян!». Школьники сорвали несколько вывесок на здании и разбили пару витрин в соседнем магазине. Митинг продолжался всего лишь несколько минут, после чего был разогнан милицией. Серьезно пострадавших ни с одной, ни с другой стороны отмечено не было. Зачинщиков доставили в милицию, где с ними были проведены разъяснительные беседы.

Близится к завершению чемпионат страны по футболу. Во главе турнирной таблицы на тот момент находилось тбилисское «Динамо», которое набрало 34 очка. Столичный «Спар-

так» отставал от лидера на 8 очков, расположившись на 7-м месте. Однако матч между этими командами, который состоялся 24 сентября на стадионе «Локомотив», вызвал небывалый ажиотаж в столице. Билеты на него были раскуплены за неделю до игры, а в день матча спекулянты продавали их втридорога. Естественно, подавляющая часть болельщиков болела за «Спартак». И он не подкачал. Первым у москвичей отличился Евгений Сидиров. Затем Юрий Гаврилов забил второй гол, приведя спартаковских фанатов в неописуемый восторг. Но гости и не думали сдаваться. Спустя три минуты они проводят блестящую атаку и сокращают разрыв до минимума. Потом на протяжении тридцати минут чаша весов могла склониться на сторону любой из команд, но более удачливыми в итоге оказались москвичи. Они победили 2:1, и эта игра была у «Спартака» одной из лучших в сезоне.

25 сентября Михаил и Раиса Горбачевы отметили серебряную свадьбу — 25 лет совместной жизни. Торжество проходило в местечке Бекешевка под Ставрополем, где у Горбачевых имелась дача. Место красивейшее: чистейшая речка, горы. Как вспоминает 2-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС В. Казначеев:

«Дача прекрасно вписалась в горный ландшафт. Огромный охотничий зал здесь обставили трофеями, отвели специальную комнату для игры в бильярд. За обеденным столом могли разместиться несколько десятков званных гостей. Имелись шикарные спальни для хозяев, много комнат для приезжих. В цоколе каждый мог попариться в русской и финской банях. В холлах в красивых чашах распускались живые цветы. Не дача, а роскошные барские хоромы в лесу, где можно было и поохотиться. Здесь хозяева и отметили свою серебряную свадьбу, которая завершилась в кисловодском ресторане «Театральный»...»

В тот же день генеральная дирекция «Мосфильма» утвердила без проб (редкий случай!) актеров на фильм Никиты Михалкова «Пять вечеров». Идея этого фильма возникла благодаря Олегу Табакову. Он играл главную роль в михалковском фильме по «Обломову» (съемки его начались в начале июля), и, когда вся летняя натура и павильоны были отсняты, а до зимней натуры оставалось три месяца (они начнутся в начале января следующего года),

предложил Михалкову взяться за экранизацию пьесы А. Володина «Пять вечеров»: дескать, действующих лиц мало, место действие почти не меняется (все происходит в пределах коммунальной квартиры). «Ты и кино сделаешь, и коллектив сохранишь», — закончил свою мысль Табаков. И Михалков с ним согласился. Далее послушаем рассказ автора пьесы А. Володина:

«Мне позвонил Никита Михалков и сказал, что хочет снять картину по давней моей пьесе «Пять вечеров». «Зачем вам это? — сказал я Михалкову. — Не позорьте себя, не позорьте меня!» — «Ну ладно, тогда хоть приезжайте к нам, в Пушино, просто отдохнуть».

Там он снимал картину «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» и прислал машину. Но когда я приехал, сразу сказал ему:

— Одно условие: никаких разговоров о «Пяти вечерах». Вы пригласили меня отдохнуть, вот я и приехал отдохнуть.

— Не будет, не будет, — пообещал он.

Мы поднялись в номер, где был накрыт стол с набором бутылок спиртного. Через некоторое время выпили на брудершафт, и он сказал:

— Ну, завтра за работу. Что не нравится — вычеркивай. Но учти, мы решили снять картину за 25 дней... Так что времени в обрез...»

Практически сразу Михалков нашел исполнителей на главные роли: удалого воркутинского шофера Сашу Ильина должен был сыграть Станислав Любшин, а ударницу-цехкомовку Тамару Васильевну — Людмила Гурченко. И 25 сентября этих актеров утвердила гендирекция «Мосфильма» без всяческих проб.

26 сентября газета «Советская культура» долбанула по телевизионной передаче «Кабачок «13 стульев». Эта передача существовала вот уже 12 лет и считалась одной из самых рейтинговых на советском ТВ. И даже несмотря на то, что в последние несколько лет ее выпуски стали выходить все реже и реже (раньше это случалось каждый месяц, теперь — только по праздникам), а содержание становилось все хуже и хуже, зритель все равно любил «Кабачок». Во всяком случае, рядовой. Что касается высоколбых интеллектуалов, то они при упоминании о «Кабачке» непременно морщились, считая его верхом телевизионной пошлости. В их среде считалось плохим все, что не содержало фигу в кармане. У «Кабачка» такой «фиги» не было. В истории передачи было несколько

моментов, когда «высоколобые» требовали закрыть передачу, но председатель Гостелерадио Лапин отвечал решительным отказом. И не потому, что сам был горячим поклонником «Кабачка», а по причине того, что знал — фанатом передачи является сам Брежнев.

И все же, даже несмотря на такую влиятельную, как сейчас сказали бы, «крышу», прессы периодически наезжала на «Кабачок», причем чаще всего прикрываясь мнением своих читателей. Вот и «Советская культура» поступила точно так же, опубликовав письмо некой гражданки Е. Перминой из Гомеля, которая кроет «Кабачок» последними словами. Эх, знала бы эта читательница, какими «юмористическими» передатчиками будет потчевать своего зрителя российское телевидение два десятка лет спустя! Е. Пермина написала следующее:

«Он («Кабачок». — Ф. Р.) существует давно. Пережил многие неплохие выпуски. Вначале был очень веселый, остроумный, но чем дальше, тем все чаще вызывает лишь недоумение. А последний выпуск (был показан 3 сентября. — Ф. Р.) настолько неостроумный — слов нет. Подумайте сами, о чем, для чего написан сценарий? Неужели никто из наших авторов не может написать что-либо остроумное, жизне-радостное, раз уж так необходимо продолжать показ «Кабачка»? Очень жаль, что таким хорошим актерам, как Мишулин, Ткачук, приходится разыгрывать просто дешевую клоунаду. Интересно, а как сами участники «Кабачка» относятся к этим бездарным сценариям?»

В тот момент, когда в газете появилось это письмо, сами «кабачковцы» в составе родного Театра сатиры находились с гастрольями в Ташкенте. И там с одним из актеров — Андреем Мироновым (кстати, первые выпуски «Кабачка» в далеком 66-м вел именно он) — случилась беда: у него лопнул сосудик в мозгу. По счастью, это был всего лишь микроразрыв, однако тамошние врачи поставили неверный диагноз: серозный менингит. Миронова положили в больницу, к нему, прервав гастроль в Одессе, немедленно вылетела жена Лариса Голубкина. Она вспоминает:

«Месяц я провела у его постели... Придумала эту жуткую историю с менингитом. Если бы тогда сделали обследование и поняли, что это было первое кровоизлияние, то все-таки он мог бы лечиться. В то время в Америке уже де-

лали такие операции. Цареву в таком почтенном возрасте сделали операцию, и он семь месяцев прожил. Значит, если в молодом возрасте это сделать, как знать... Андрею было тогда тридцать семь лет.

Кризис случился сразу после съемки фильма «Трое в лодке...» Я не врач, но я так себе представляю: работали в Тильзите, там уже была осень, прохладно, они, раздетые, сидели в реке все время, в холодной воде. Все время в воде торчали. Он не простой был человек. Вот, скажем, если Шура Ширвиндт и Миша Державин могли бы и посидеть в стороне, то Андрияша все время вострел в режиссерские дела, он все время что-то советовал, суетился постоянно. Ну и в результате — болезнь...»

А вот как про эти же дни вспоминает актриса Театра сатиры Т. Егорова: «Осень 1978 года. Малые гастрольи в Ташкенте. Я в Москве, и, как под дых, известие:

— Миронов в Ташкенте умирает. У него что-то с головой!

Что? Говорят, клещ укусил! Какой клещ? Менингит! У меня подкосились ноги. Вся трясусь. Бегу к Наташе (Н. Селезневой. — Ф. Р.) — она только оттуда вернулась, — слушаю и плачу, а в груди громко бьется сердце, и я кричу внутри себя: «Какая же я сволочь бесхарактерная, ну почему я не могу его разлюбить? Ну почему? Я ведь так стараюсь...» — и вместе мешаю в платке и слезы, и сопли, и вопли...»

По Москве пошли слухи, что Миронов... умер. Но он был жив, лежал в больнице. Но лечили его совершенно от другой болезни — от менингита, хотя у него аневризма сосудов головного мозга. Спустя девять лет именно она все-таки настигнет его в Риге. Кстати, в роду Миронова многие умерли именно от аневризмы: и отец (аневризма сердца), и сестра отца, и тетка. Но вернемся в сентябрь 78-го.

Продолжаются съемки фильма «Москва слезам не верит». 26 сентября там доснимались эпизоды «на даче» (на Симферопольском шоссе), а на следующий день группа переместилась в Москву, на улицу Алабяна (возле метро «Сокол»), где сняли эпизод «в химчистке». Это там Людмила (Ирина Муравьева), работая приемщицей, пытается кокетничать с бравым генералом (Владимир Гусев), но его жена (Муза Крепкогорская) быстро пресекает это дело и уводит своего благоверного от греха подальше.

28 сентября съемки переместились уже в Ясенево: там сняли эпизод, где Алевтина (Раиса Рязанова) и Николай (Борис Сморгочев) въезжают в новую квартиру. А на следующий день группа приехала на улицу Воровского, чтобы на ступеньках здания снять один из самых ностальгических эпизодов: приезд звезд кино 50-х в Дом кино. Звезд должны были изображать сами звезды: Георгий Юматов, Леонид Харитонов, Татьяна Конюхова. Съемки планировалось провести ночью, однако подкачала погода: дождь зарядил до самого утра. Поэтому съемки эпизода перенесли на более благоприятное время.

Продолжают снимать в Ленинграде «Осенний марафон». 28 сентября туда на день приехала Марина Неелова, которая исполняла в фильме одну из главных ролей — молодую любовницу Бузыкина Аллу. В тот день сняли эпизод, где Бузыкин и Алла гуляют по городу и встречают знакомого Аллы, который тоже в нее влюблен, но безответно (эту роль исполнял Владимир Грамматиков).

28 сентября в Сочи закончился 2-й Конкурс исполнителей советской песни. Первое место на нем занял ВИА «Лейся, песня». Тот самый, который собирались снять с «пробега» в самом начале конкурса (2-е — «Метроном», «Фантазия», 3-е — «Молодые голоса»). Как вспоминает худрук ансамбля М. Шуфутинский:

«Мы заняли первое место вполне заслуженно, публика просто визжала и по три-четыре раза вызывала нас на «бис».

Получили премию, и тут вновь появляется наш старый «опекун» Сережа Мелик. Как ни в чем не бывало приказывает:

— Премию получили? Гоните деньги!

— Как? Мы же честно...

— Деньги пойдут на банкет.

— На какой банкет?

— Вы как победители обязаны банкет устроить. Для членов жюри, организаторов...

Я отдал деньги. Я не знал, может, так положено, такая традиция. Банкет действительно состоялся, но, как я узнал, не за наши деньги, а за счет специально выделенных средств, и не только для жюри, а для всех участников конкурса.

Я не в обиде на Сережу Мелика — такая у него была должность, и, вероятно, кому-то он

все-таки дал. Думаю, кто-то его дергал сверху, но и свой шанс он не упустил. Человек он был, в общем, неплохой. Я встречался с Сережей и раньше, до конкурса, и он всегда был готов протянуть руку помощи.

В Москву мы вернулись триумфаторами. Наконец я вздохнул облегченно, полагая, что теперь-то все пути, в том числе и за границу, будут открыты. В Росконцерте меня поздравляют, а потом с ехидцей сообщают:

— Вас сняли с гастрольного графика.

— Кто снял?

— Начальник управления Макаров.

Иду к нему на объяснение. Он меня даже слушать не хочет:

— Конкурс, не конкурс — вы сорвали гастролы в Кемерово. Больше вы у нас работать не будете. Дороги я вам не дам! Для вас все закрыто! До свидания!

Я уже не хотел ничего, просто для себя решил: все, уеду, здесь я жить не хочу!

В Росконцерте мы все-таки остались, нас отфутболили в фестивальную отдел...

На том же конкурсе в Сочи выступала и популярная ныне певица Лариса Долина (Кудельман), которая до этого в течение четырех лет пела в Армении, а потом перебралась в сочинский ресторан «Хрустальный». На конкурсе Долина заняла 2-е место. Этой победой она обратила на себя внимание руководителя известного джазового ансамбля «Современник» Анатолия Кролла, и тот пригласил ее в свой коллектив. Так Долина оказалась в Москве, куда до этого лишь приезжала время от времени (к примеру, полгода назад она была здесь на съемках фильма «Бархатный сезон»: в нем она играла негритянскую певичку в кабаре, а ее партнером в кадре был будущий муж Ирины Понаровской чернокожий Вейланд Родд).

Другая звезда отечественной эстрады — Алла Пугачева — той осенью официально зарегистрировала свои отношения с Александром Стефановичем. До этого они два года жили в гражданском браке и жили бы дальше, если бы в Советском Союзе не существовало правило, согласно которому незамужним нельзя было селиться в одном номере гостиницы. Поэтому у Пугачевой и Стефановича, которые часто вместе гастролировали, это вызывало массу неудобств.

В столичных кинотеатрах во второй половине сентября состоялись премьеры следующих фильмов: 18-го — «Мой ласковый и нежный зверь» Эмиля Лотяну с участием Олега Янковского, Галины Беляевой, Кирилла Лаврова и др.; «Хомут для Маркиза» Ильи Фрэза с участием Димы Замулина, Анатолия Кузнецова и др.

Кино по ТВ: «Десятая вершина Ирины Родниной» (д/ф), «Все начинается с дороги» (16-го), «Конек-Горбунок», фильм о Юрии Никулине (премьера д/ф), «Адрес вашего дома» (17-го), «Повесть о настоящем человеке» (18-го), «Дачники» (19-го), «26 бакинских комиссаров» (20-го), «Золотая речка» (впервые на ТВ, с субтитрами), «Дом, в котором я живу» (21-го), «Дервиш и смерть» (22-го), «Отдать швартовы!», «Крепостная актриса» (23-го), «Принимаю на себя» (24-го), «Мужчины сидят рано», «Никто не хотел умирать» (26-го), «Весна на Заречной улице», «Человек бросает якорь» (28-го), «Цирк зажигает огни» (29-го), «Перстень княгини Анны» (с субтитрами), «Потому что люблю» (впервые на ТВ 30-го) и др.

Из других передач: «Поет Яак Йоала» (24-го), «Кинопанорама» (29-го; в передаче рассказывалось о новинках проката, фильмах «Отец Сергей» (в студии были режиссер Игорь Таланкин и актер Сергей Бондарчук), «Фронт за линией фронта» (были — режиссер Игорь Гостев и актеры Галина Польских, Игорь Ледогоров, Евгений Шutow).

Из театральных премьер: 19-го — «Генрих IV» в «Современнике» с участием Валентина Гафта, Аллы Покровской, Бориса Сморчкова,

Валерия Хлевинского и др.; 22-го — «Деньги для Марии» в Театре им. Ермоловой.

Эстрадные представления: 17-го в «Варшава» пел югославский певец Мирко Унгар; 17—24-го в ГТЭ выступал ленинградский ансамбль «Дружба», где некогда блистала Эдита Пьеха, а теперь вокальные партии исполняют молодые певцы Александр Троицкий и Ирина Романовская; 27—30-го в ГЦКЗ «Россия» пришли почитатели таланта знаменитой аргентинской певицы Лолиты Торрес.

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты — «Синяя птица» — «От сердца к сердцу» с песнями «От сердца к сердцу» (В. Лозовой — И. Машбаш), «Это ошибка» (Я. Френкель — И. Шаферан), «Не обещай меня любить» (А. Днепров — В. Харитонов), «Купи мне шарик» (С. Дьячков — Ю. Цейтлин), «Желтый зонтик» (Г. Гаспарян — Н. Олев), «Не забывается, что не сбывается» (Б. Ривчун — В. Семернин), «Между мною и тобою» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Неужели» (В. Семенов — Н. Шумаков), «Хочешь, я стану дождиком» (Т. Ефимов — С. Каминский), «Урок сольфеджио» (Кациопонасис — В. Луговой). Вышли также «гиганты» ряда известных западных исполнителей: Бинга Кросби, Поля Анки, Ширли Бэсси, Даны.

Журнал «Кругозор» (№ 9): Яак Йоала («Солнечные часы» В. Мигуля — И. Резник; «Дьявольская женщина» Т. Бриттен — Х. Кармо); «Поет ВИА «Диско»; Грег Бонам (Англия) («Куда уводит музыка», «Глупые песенки о любви»); вокальный дуэт «Баккара» (Испания) («Простите, леди» З. Досталь, «Моя милая» З. Досталь — О. Брайн-Докер).

1978

Октябрь

Почему Анатолию Карпову плохо спится. Как Олег Борисов звание получал. Умер баскетболист Александр Белов. Вячеслав Иваньков возвращается в Москву. Высоцкий в Грозном. Как препирались Косыгин и Громыко. Ночная погоня по Москве. Корчной сокращает разрыв до минимума. Как разбился мотогощик Висоцкас. Высоцкий у парикмахера. «Осенний марафон»: в лес по грибы. «Москва слезам не верит»: Баталов спасает фильм. Звание для Высоцкого. Мои рок-н-рольные пристрастия. Рок-фестиваль в Черноголовке. Высоцкий в ресторане Дома литераторов. Самая большая статья про Аллу Пугачеву. Как Наталья Гвоздикава не хотела целоваться с Львом Прыгуновым. Корчной сравнивает счет. Родилась дочь у Родиона Нахапетова и Веры Глаголевой. Анна Герман: в Москву без ансамбля. Гибель смоленского «анискина». «Осенний марафон»: как Брондуков разбирался с нарушителем. «Москва слезам не верит»: пикник на природе. Анатолий Карпов выигрывает матч. Умер кинорежиссер Владимир Вайншток. Роман Михаила Козакова и Анастасии Вертинской. Умер убийца Троцкого. Умер Анастас Микоян. Новая пассия Владимира Высоцкого. 30 лет фильму «Молодая гвардия». Как грабанули артиста. Заболел Алексей Баталов. Триумфальное возвращение Анатолия Карпова на родину. Похороны убийцы Троцкого. «Опасные друзья»: ограбление сберкассы.

В шахматном матче в Багио счет прежний — 5:2 в пользу Карпова. Советскому гроссмейстеру теперь достаточно выиграть всего лишь одну партию, и дело, как говорится, в шляпе. Но именно это обстоятельство и мешает Карпову покончить с противником — слишком тяжел груз ответственности, свалившийся на плечи молодого спортсмена. А Корчному, наоборот, терять уже нечего, и он впервые за весь матч чувствует себя легко и непринужденно. Как вспоминает он сам:

«Карпову осталось выиграть всего одну партию, только одну! Ну что ж, пожалуйста. Я не стану делать ничью за ничьей, для того чтобы помучить противника или установить рекорд продолжительности матчей на первенство мира. Нет, я буду продолжать играть так, как играл. Чуть больше собранности, чуть меньше пренебрежения... Интересно, почему я так презираю своего противника? По-видимому, это неприязнь ко всему его облику — и к внешнему, и к политическому, да, пожалуй, и к шахматному...

...Хотя Карпов имеет явное преимущество в счете, ему трудно; у него начинает сдавать нервная система. Он стал жаловаться на плохой сон, пытается спать то в отеле, то на даче, то в кантри-клубе. Газета итальянских коммунистов «Унита» сообщила, что в Багио некие хулиганы устраивают оргии под окнами чемпиона — советская пресса перепечатала это без комментариев...»

А. Карпов: «Вот когда у меня пропал сон... Я промучился полночи и позвал Зухаря. Он колдовал-колдовал надо мной — тщетно. Следующий день я ходил как ватный, ночью не стал испытывать судьбу, попросил Зухаря сразу братья за дело. И опять все зря...»

В те дни звания народного артиста СССР был удостоен популярный актер театра и кино Олег Борисов. Этим событием он был обязан прежде всего своему шефу — главному режиссеру БДТ Георгию Товстоногову. Это он почти год назад, будучи в Москве с гастролями (БДТ показывал «Тихий Дон»), пришел в Минкульт

и попросил присвоить Борисову высокое звание. Там ему было ответили: мол, мы же ему недавно дали «народного РСФСР», и пяти лет не прошло. Но Товстоногов был настойчив: очень прошу, дайте! Обидеть именитого режиссера в Минкульте не решились. Награждение прошло в Смольном. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Вскоре появился Романов в сопровождении свиты. (Г. Романов — 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС. — Ф. Р.). Все в одинаковых, мышиного цвета «футлярчиках», а он один — в синем. Роста небольшого, в голосе слышится «наполеончик». Все окружение и прежде всего он — вручающий — делают вид, что им некогда, что тратят время на какую-то мелюзгу. Ладно, снизошли. Все посматривают на часы. Пока Романов вступительное слово делает, пытаюсь вспомнить чеховский афоризм; кажется, звучит он так: если хочешь, чтобы у тебя не было времени, — ничего не делай! Это про них. Моя фамилия на «Б» — значит, я в начале списка. Григорий Васильевич протянул мне свою партийную руку: «Вот тебе, Олег, звание. Бери, а то придумаем (радуется своей проверенной шутке). Знаю, ты — хороший артист, но ведь можешь еще лучше, еще красивше. Играешь всякую белогвардейскую сволочь, черти тебя... (Видит, что на моем лице улыбка застыла, реакции никакой, начинает что-то шептать помощникам, до меня доносится: «Это тот, артист?») Получает утвердительный ответ). Ну вот, я же знаю, что не могу спутать... Думаю, это у нас не последняя остановка по пути к великой цели... (Он что, «под мухой?»). Вот сыграл бы ты донора, мать твою... чтоб кровью всех бескорыстно... Красного донора! «Если группа крови совпадет», — еле выдавливаю из себя.

Потом — шампанское, еще несколько напутствий, но уже всей массе: «Давайте, родные, чтоб область нашу Ленинградскую не посрамили. Картошки в этом году нет, так чтоб наукой и культурой досыта!..» Про себя думаю: звание — вещь полезная. Во-первых, зарплата 400 рэ, выше уже не прыгнешь. Дача отдельная в Комарово — чтоб в одной комнатенке не ютиться. Может, и «Волгу» под это дело... раз уж не последняя остановка. А главное, больше независимости...»

3 октября в столице Филиппин городе Маниле открылся очередной чемпионат мира по баскетболу. Сборная СССР приехала туда в своем сильнейшем составе, но без одного игрока — Александра Белова. По злой иронии судьбы, талантливый спортсмен в день открытия чемпионата... скончался. Было ему всего лишь 26 лет. А ведь казалось, что ничто не предвещало такого исхода.

Как мы помним, весной этого года Белова подставили: во время выезда в заграничные командировки заставили взять к себе в багаж иконы, которые немедленно были обнаружены таможней. Спортсмена лишили звания заслуженного мастера спорта, стипендии, вывели из национальной сборной и из состава ленинградского «Спартака». Опала продолжалась почти три месяца, после чего судьба вроде бы вновь улыбнулась Белову: в августе его вновь пригласили в национальную сборную, которая в рамках подготовки к чемпионату мира тренировалась в Латвии. По словам очевидцев, когда Белов приехал на сборы, его с восторгом встречала вся команда, даже те из игроков, кого он неизбежно должен был вытеснить из сборной. Казалось, что справедливость восторжествовала и новые победы спортсмена не за горами. Однако...

Буквально через несколько дней после начала тренировок Белов стал жаловаться на недомогание. Врачи обследовали его и определили отравление. Больного отправили в инфекционную больницу, где тамошние эскулапы посадили его на уколы. От них у Белова внезапно разболелось сердце. Тогда его перевезли в Ленинград, в Институт усовершенствования врачей.

Знаменитого спортсмена лечила целая группа именитых профессоров, которая и установила причину его заболевания: панцирная сетка. Болезнь, когда известь, как панцирем, из года в год покрывает сердечную мышцу. В конце концов человек перестает дышать. Болезнь была неизлечимой, и врачи прекрасно это знали. По одной из версий, знал об этом и сам Белов, только виду не подавал. Его тренер В. Кондрашин в свое время даже пытался найти в США врача, который смог бы вылечить его талантливого ученика, но эта попытка не увенчалась успехом.

По горькой иронии судьбы, Белов умирал в том же институте, в котором несколько лет назад ушел из жизни и его отец. Более того, он лежал на той же самой кровати, на которой провел свои последние минуты жизни его родитель.

3 октября обрел долгожданную свободу Вячеслав Иваньков, он же Япончик. Как мы помним, он угодил в руки правосудия в конце 76-го, однако отбывать наказание был отправлен не в тюрьму или колонию, а в психушку, поскольку экспертиза в Институте имени Сербского нашла его невменяемым. Как гласит легенда, на самом деле Иваньков был здоров как бык, а сумасшествие либо симулировал, либо купил психиатров. Местом пребывания Япончика была определена психушка отдела исправительных учреждений УВД Смоленского облисполкома. Там он находился год и три месяца (с 15 июля 1977 года). После повторной экспертизы, которая на этот раз признала Иванькова полностью вменяемым, он был выписан. И улетел белым лебедем в родную Москву.

Продолжаются съемки фильма «Москва слезам не верит». После трехдневного перерыва съемочная группа приехала на Гоголевский бульвар, где 3 октября начала снимать эпизод «объяснение Катерины (Вера Алентова) и Рачкова (Юрий Васильев)». Помните, она сообщает ему, что ждет от него ребенка, а он, подлец, уговаривает ее сделать аборт, а когда она отказывается, бросает ее. Этот эпизод относился к 1958 году. На следующий день на том же самом месте и на той же самой лавочке сняли эпизод из другого времени — двадцать лет спустя. Герои те же — Катерина и Рачков, а вот разговор уже другой: Рачков просит разрешить ему встретиться с его взрослой дочерью, которую он ни разу не видел, но Катерина отвечает отказом. Эпизод снимали до 12 дня, после чего съемки были прекращены из-за дождя. 5 октября сняли эпизод на Шаболовке, относящийся к более ранним событиям: Рачков приводит Катерину на «Голубой огонек», где она сидит в зале вместе с гостями (на сцене в это время поет популярный дуэт Рудаков — Нечаев).

Вспоминает В. Меньшов: «С супругой (Верой Алентовой. — Ф. Р.) мне работалось сложно. Мы оба трудные люди и до сих пор еще не избавились от комплекса взаимного перевоспитания. А уж когда отношения перешли на

стадию «режиссер — актриса»... Наши «концерты» на съемочной площадке доставляли окружающим огромное удовольствие. Иногда случались совершенно безобразные моменты. А потом все повторялось дома. Я уставал, клал голову на подушку... Но на соседнюю подушку клала голову Вера, и споры продолжались до семи утра.

Я ведь для всех был грозным режиссером. На «Москва слезам не верит» я был недоволен женой все время, я доводил ее до слез. У Веры даже появилась своя группа поддержки: женщины собирались вокруг нее и утешали, хвалили... Что касается нашей дочери Юли, то ей тогда было уже девять лет, и она прекрасно могла себя обслужить. Со второго класса просыпалась по будильнику, завтракала и шла в школу...»

3 октября Владимир Высоцкий приехал в город Грозный на четырехдневные гастроли. Его выступления проходили на стадионе ручных игр по три раза в день. На каждом концерте аншлаг. На второй день после приезда Высоцкого пригласили к себе недавние студенты ЛГИТМиКа, которые теперь играли в здешнем драмтеатре. Произошло это сразу после второго концерта, и Высоцкий поначалу не хотел ехать — сказал, что очень устал. Но гонец — Х. Нурадилов — поступил хитро: когда его миссия завершилась провалом, он отправил к Высоцкому других гонцов — двух красивых девушек из своей студии. Устоять перед их чарамы Высоцкий не сумел.

Высоцкий пришел к коллегам один, прихватив с собой гитару. Но взял ее на всякий случай, поскольку петь не хотел и думал отделаться одними рассказами о театре, в крайнем случае стихами. Но по ходу встречи одну песню решил все-таки спеть. Причем это было совершенно новое произведение, до этого исполненное им всего лишь два раза. Перед тем как спеть эту песню, Высоцкий попросил присутствующих выключить магнитофоны. Почему он об этом попросил, стало понятно вскоре. Новая песня была посвящена проблеме, которая в Советском Союзе тщательно замалчивалась: депортации чеченцев войсками НКВД в начале 40-х (со своих насиженных мест были выселены 650 тысяч жителей Чечено-Ингушетии, многие из них погибли). Песня называлась «Летела жизнь» и заканчивалась следующими строчками:

А те, кто нас на подвиги подбили,
 Давно лежат и корчатся в гробу, —
 Их всех свезли туда в автомобиле,
 А самый главный (Сталин. — Ф. Р.) —
 вылетел в трубу».

О том, какой была реакция на эту песню, вспоминает очевидец — М. Нурбиев:

«Помню паузу. Только великий мастер, великий актер выдерживает после выступления такую паузу. Буквально пятиминутная пауза! Никто не мог шелохнуться — все шокированы. Был какой-то шок, действительно. Все сидели молча, и вдруг один заплакал, второй заплакал, третий... Смотрим: актеры старшего поколения плачут; слезы у всех...»

Больше песен не было. Не было даже настроения говорить друг другу какие-то слова, потому что этой песней было все сказано. А потом, когда актеры разошлись (Высоцкого поблагодарили за встречу, он посмотрел театр), поднялись к Руслану в кабинет кофе попить. Мы не знали, что подарить гостю на прощание, но в итоге подарили ему белую чабанскую папаху. Он ее надел, улыбнулся...»

В политических кругах СССР продолжает муссироваться тема о сепаратном договоре в Кемп-Дэвиде. В МИДе возникает замысел: в противовес кемп-дэвидской сделке устроить паломничество арабов в Москву за поддержкой. Дескать, пусть ведущие лидеры арабского мира один за другим приезжают в Москву, демонстрируя неприятие сепаратных соглашений с Израилем. И первым в этом списке гостей стоял президент Сирии Хафез Асад, который приехал в Москву 5 октября. Здесь его лично принял Брежнев. Как пишет О. Гриневский:

«Все было так же в Екатерининском зале, как год назад. За огромным столом Брежнев хриплым голосом невнятно читал листочки приготовленной для него памятки. Асад снова долго рассказывал свою ближневосточную сагу о коварстве сионизма. Но на этот раз расхождений между ними не было — оба говорили не об урегулировании, а об осуждении ненавистной кемп-дэвидской договоренности...»

Брежнев говорил то же самое, хотя и не в столь резких выражениях. В общем, все было хорошо, и никаких проблем не возникало. Но как сильно сдали за прошедший год советские руководители! Физическую и духовную не-

мощь генерального секретаря уже невозможно скрывать: все у него валится из рук... Брежнев не в состоянии оторваться от заранее подготовленной памятки. Косыгин если и врубается, то невпопад. А Громыко, верный своему жизненному кредо — «не высовываться», больше помалкивает. Если нужно что-то решить, согласовать — делается это в кулуарах экспертами, а Громыко потом подтверждает договоренности...»

Гриневский описывает забавный эпизод, который произошел во время этих переговоров. Читая текст сообщения для печати, Косыгин не нашел в нем фамилии министра иностранных дел Сирии и стал выяснять этот вопрос у Громыко. А поскольку между ними сидел Брежнев, который в это время вслух читал свою памятку, Косыгину пришлось откинуться на спинку своего кресла и общаться с Громыко за спиной генсека. «Где здесь министр иностранных дел Сирии?» — шепотом стал спрашивать Косыгин Громыко. Тот вопроса не слышал и спросил: «Что?» Косыгин спросил на полтона выше. Но ухо Громыко и на этот раз ничего не услышало. Тут Брежнев, которому эта дискуссия за его спиной явно мешала, перестал бубнить и взглянул на своих коллег поверх очков: «В чем дело?» Косыгину наконец удалось объяснить Громыко, чем он недоволен, и тот немедленно подозвал к себе одного из своих помощников. «Где?» — затряс министр бумажкой у него перед лицом. «Что где?» — не понял помощник. «Где здесь сирийский министр?» — пояснил наконец то, что ему нужно, Громыко. Помощник взял у него злополучный листок, перевернул его на другую сторону и показал: «Вот». После чего объяснил: «Существует порядок, согласно которому вначале идут те, кто непосредственно ведет переговоры, а потом те, кто присутствует на них». Услышав это, Косыгин забурчал: «Не знаю, не знаю, что у вас за порядки!» На что Брежнев произнес: «Алеша, ну что ты пристал к человеку? Ведь он тебе дело говорит». Стоит отметить, что за этой дискуссией во все глаза наблюдали члены сирийской делегации и, видимо, получили массу удовольствия — ведь до этого за столом была скука смертная.

Столичным милиционерам в те дни скучать не приходится: в городе случаются разного рода ЧП. Об одном из таких происшествий по-

ведала «Вечерка». Некий подвыпивший гражданин, возвращаясь поздно вечером домой, заметил на одной из улиц грузовик «ЗИЛ-164» с работающим мотором. Видимо, шофер куда-то на время отлучился, надеясь, что за время его отсутствия ничего страшного не произойдет. И ошибся. Вскочив в кабину, пьяный угонщик ударил по газам и на бешеной скорости помчался в город. На повороте с Балаклавского проспекта на Варшавское шоссе грузовик попал в поле зрения патрульного экипажа в лице милиционеров А. Иванова, В. Владимировича и В. Рассудовского. Стражи порядка бросились в погоню за лихачом. Только у Окружного моста патрульной машине удалось настичь угонщика и поравняться с ним. Однако когда лихачу приказали остановиться, он резко вывернул руль и попытался ударить патрульную машину левым крылом. Только тут стражам порядка стало понятно, сколь серьезный противник им противостоит. Этот вывод подтвердился спустя несколько минут, когда угонщик на полном ходу ударил такси, стоявшее на обочине. После этого было решено применить против нарушителя оружие. Сержант Иванов высунулся из окна и произвел сначала предупредительный выстрел вверх, а потом стал стрелять по колесам. Одна из пуль достигла цели, и грузовик зацепился. Возле кинотеатра «Правда» «ЗИЛ-164» наконец остановился, но угонщик сдаваться не собирался. Выпрыгнув из кабины, он бросился наутек. Но разве убежишь от патрульной машины? Метров через сто угонщик был задержан.

6 октября на съемках фильма «Москва слезам не верит» наконец объявился исполнитель роли Гоши актер Алексей Баталов: прошла его репетиция с Верой Алентовой. Как мы помним, кандидатура этого актера возникла еще в августе, но все это время Баталов раздумывал, играть или не играть эту роль, поскольку всегда очень тщательно подходил к подобным предложениям. Из-за этого в киношной тусовке о нем закрепилось мнение, как об одном из самых талантливых, но мало снимающихся актеров (за 25 лет работы в кино — чуть больше 15 ролей). Как вспоминает сам В. Меньшов: «По сценарию Баталов не подходил мне совершенно: я искал ровесника своей 35-летней жены, а Алексею Владимировичу было уже под

пятьдесят. Да и все мои авторитетные знакомые меня отговаривали.

Но я все равно послал актеру сценарий. Баталов очень вежливо отказался, сославшись на какие-то неотложные дела. У меня все внутри просто упало! Я стал искать новых кандидатов на роль, подумал о Вячеславе Тихонове. Но в два часа ночи в моей квартире раздался телефонный звонок. Баталов сказал: «Знаешь, я прочел сценарий еще раз. Ну к черту все эти дела! Давай снимать!»

На шахматном матче в Багио за эти дни ситуация кардинально изменилась: бывший все это время на коне Карпов за какие-то считанные дни растерял все свое преимущество, проигрывая одну партию за другой. 6 октября Корчной сумел сократить разрыв до 3:5, а два дня спустя и вовсе до минимума — 4:5. Как он сам вспоминает:

«Ох, что творилось в те дни в советском лагере! Высокие официальные лица — Ивонин (государственный шеф советских шахмат), космонавт Севастьянов (шеф, так сказать, общественный) уже давно в Багио, ждут не дождутся заключительного банкета. А банкета все нет!..»

8 октября разбился один из лучших мотогонщиков СССР Станислав Висоцкас. Висоцкас родился в Литве и гонять начал еще мальчишкой — сутки напролет проводил в вильнюсской мотошколе, возясь с мопедами. Когда родители спрашивали его, кем он хочет стать, парень без тени сомнения отвечал: «Я буду лучшим гонщиком в мире!» Свой путь к этой мечте он начал еще в школе, став победителем первенства среди юниоров. Затем стал чемпионом Литвы среди взрослых, чемпионом Прибалтики, чемпионом СССР, обладателем Кубка Дружбы народов. В те годы советским мотогонщикам не было равных в мире, и 21-летний Висоцкас был одним из лучших среди них. Впереди его ждала еще более блестящая карьера, но злополучный день 8 октября 1978 года все перечеркнул.

В тот день во Львове проводились очередные соревнования на первенство страны. Висоцкас после первого круга был в числе лидеров. Но на втором круге его очки заляпало грязью, он сорвал их и... Колесо его мотоцикла угодило в яму и на огромной скорости гонщик вылетел из седла и перекувырнулся через голо-

ву. Все произошло так неожиданно, что спортсмен даже не успел сгруппироваться. В итоге у Высоцкаса оказались сломанными шейные позвонки. Карьера в спорте была закончена. В течение трех лет Высоцкас будет находиться в клиниках Каунаса и Москвы. От него уйдет жена, забрав с собой двух дочек-близняшек. В какой-то из моментов, в порыве отчаяния, он захочет выброситься из инвалидной коляски и доломать себе шею. Но разум возьмет верх. Он встретит женщину, которая станет ему не только верной женой, но и другом. С ней он поверит в свои силы, станет старшим тренером сборной России по мотокроссу.

Но вернемся в октябрь 78-го.

9 октября Владимир Высоцкий приехал с гастролями в столицу Северо-Осетинской АССР город Орджоникидзе. И в тот же день посетил парикмахерскую в гостинице «Владикавказ», чтобы постричься. Вот как об этом вспоминает парикмахер П. Баранов:

«Слух о приезде Высоцкого разлетелся по гостинице мгновенно. Многие хотели повстречаться. Лишь я хранил спокойствие — парикмахерскую почти ни один гастролирующий артист не обходил. Но вот не думал, что оконфузит меня приятель, швейцар Чермен. Надо было ему зайти в ту минуту, когда Высоцкий уже сидел в кресле, обвязанный простыней.

— Леонидыч, — обращается Чермен, — этот блатной с хриплым голосом к тебе не заглядывал?

Я обомлел. В углу на балалайке брэнчал мой приятель Сергей Саркисов — парикмахер с железнодорожного вокзала, он аж присвистнул. Клиент в кресле подчеркнуто хмыкнул.

Когда Чермен разглядел его в зеркале, то моментально исчез. Высоцкий, однако, виду не подал, после стрижки протянул трояк, хотя я, как мог, упирался, чтобы не взять, и собрался на выход. Но тут же обратился к Сергею:

— Можно мне тоже на балалайке поиграть?

Я воспользовался паузой и придумал, как вину Чермена заглядить.

— Владимир Семенович, — говорю, — ради бога, не обижайтесь. Если время позволит, может, по стопочке? — а сам достаю початую бутылку «Сибирской», которую тогда только у нас в гостинице можно было достать.

— Ни одной, — категорически отвечает Высоцкий.

А я ее прямо на стол. Он же, как увидел бутылку, сразу подобрел:

— Ну ладно, давайте по одной.

На каждого из нас пришлось граммов по семьдесят. После этого Высоцкий отправился в номер. Мы еще пару минут посудачили с Сергеем, но тут Высоцкий опять возвращается:

— Знаете что, я решил с вами продолжить знакомство, — и ставит на стол бутылку водки вместе с вареной курицей. — Давно играете на балалайке? — спрашивает моего приятеля.

— Деточка, мне иногда кажется, что я и родился с ней, — отвечает Сергей.

— Давайте старую тбилисскую песню споем, — предлагает Высоцкий.

Вот под эту песню мы бутылку и распечатали.

— Очень люблю кавказские мелодии. Давайте что-нибудь еще споем, — говорит Высоцкий.

За песнями бутылка и кончилась. Вдруг раздался громкий стук в дверь.

— Владимир Семенович, я вас уже полчаса ищу, пора на концерт ехать, — это был голос администратора.

— А вы скажите, что я заболел, придумайте что-нибудь, — отвечает тот через дверь.

Я, конечно, моментально усек, что хорошим наше представление не кончится. И правда, через пару минут стучится в дверь сам директор гостиницы:

— Баранов! — кричит. — Открой немедленно!

Что делать? «Под мухой» с директором не хотелось общаться, да еще в присутствии Высоцкого. К тому же мысль мелькнула: вдруг меня заставят неустойку за сорванный концерт платить? Пришлось капитулировать через черный ход.

Чем дело наверху закончилось, мне после Сергей рассказал. Двери директору все-таки открыли. Корить он никого не стал, лишь пообещал мне трепача задать. Администратор, поняв, что концерта сегодня не будет, от Высоцкого отстал, а тот, в свою очередь, предложил Сергею и еще одному нашему общему другу, который ко мне подошел до того, как мы заперлись, прогуляться по набережной Терека. Вышли они из гостиницы и наткнулись на фотографа Моисеенко. Вот тогда он их и сфотографировал возле Суннитской мечети вместе, а потом поодиночке.

После бродили по городскому парку, пока не наткнулись на открытые двери ресторана «Нар». Продолжили знакомство. Через час получили от официантки счет на 87 рублей. Сергей потянулся за бумажником и вдруг услышал над собой зычный голос капитана Жеглова:

— Сидеть всем на месте и не шевелиться!

Высоцкий встал, отсчитал девять червонцев официантке...

Выйдя из «Нара», Высоцкий сослался на усталость и отправился в гостиницу...»

Продолжаются съемки фильма «Осенний марафон». 9 октября в лесу под городом Павловском Ленинградской области снимали натурный эпизод. Это там Василий Игнатьевич Харитонов (Евгений Леонов) приводит-таки в лес по грибы двух своих друзей: Бузыкина (Олег Басилашвили) и журналиста-иностранца (Норберт Кухинке). Больше всего прогулкой недоволен Бузыкин: ему необходимо сделать срочную работу, а он по лесу шатается в поисках редких грибов. А Харитонов сетует: «Не тот лес, не тот. Понаехали на машинах ханурики дешевые, и нет грибов!» На следующий день сняли окончание эпизода: Бузыкин отказывается продолжать грибную прогулку. Так и заявляет: «Вы, Василий Игнатьевич, волевой человек. Но и я тоже — волевой!». Разворачивается и уходит.

10 октября в другом фильме — «Москва слезам не верит» — снимали эпизод, который не удалось снять в конце сентября — у Дома кино. Суть его в следующем: подружки-лимитчицы Катя, Люда и Алевтина становятся свидетелями приезда к Дому кино кумиров нации конца 50-х в лице актеров Георгия Юматова, Леонида Харитонова, Татьяны Конюховой. Тут же находится и скромный молодой человек, на которого никто не обращает внимания. Он представляется Иннокентием Смоктуновским и вскоре станет не менее знаменит, чем трое перечисленных кумиров. Эпизод снимался на улице Воровского с девяти вечера до шести утра следующего дня. Затем группа была распущена на отдых и собралась для продолжения съемок вечером: на Ленинском проспекте должны были снимать эпизод прогулки Гоши и дочери Катерины (Наталья Вавилова). Но съемки едва не сорвались... Послушаем рассказ режиссера фильма Владимира Меньшова:

«Наташа Вавилова тогда училась на курсах стенографистов при МИДе. И родители ее, решив, что учеба важнее, прямо накануне съемок запретили девочке играть. Я был в шоке. Потом подошел к Баталову и сказал: «Алексей Владимирович, поехали!» Удивительно, но он согласился! Мы сели в машину, вошли в дом, где жила Наташа, позвонили в дверь... Родители чуть не упали в обморок, увидев Баталова на пороге своей квартиры. Естественно, согласие на съемки было получено...»

Владимир Высоцкий с 9 октября гастролирует в столице Северной Осетии — городе Орджоникидзе. И там едва не становится народным артистом. Дело в том, что, несмотря на всю свою фантастическую популярность, Высоцкий не имел никакого звания, что, конечно же, было несправедливо. Однако мечтать о том, что в родной Москве чиновники от культуры позволят ему стать хотя бы заслуженным артистом РСФСР, было бы по меньшей мере наивно, поэтому и возникла идея пробить это дело вдаль от столицы (так в те годы поступали многие артисты: например, Иосиф Кобзон стал заслуженным артистом от Чечено-Ингушской АССР).

Вспоминает Н. Томразов: «В Северной Осетии, где я проработал много лет, министром культуры был тогда Сослан Евгеньевич Ужegov, по работе мы хорошо знали друг друга. Когда я стал работать в Москве, наши отношения не прерывались, в республике меня «держали за своего». К этому времени Сослан Евгеньевич работал уже заместителем председателя Совета Министров Северной Осетии. Звоню ему:

— Такой человек, как Высоцкий, работает в нашей республике, работает по всей стране от Вашей филармонии. Примите нас...

— Приходите, — отвечает Ужegov.

Мы пришли в его кабинет втроем: Володя, Гольдман (организатор концертов Высоцкого. — Ф. Р.) и я. Говорили обо всем, потом подняли тему звания для Высоцкого. Ужegov сказал:

— Никаких проблем. Нам будет приятно, что такой человек носит имя нашей небольшой республики.

Он дал команду заполнить документы, и на этом мы с Ужegovым расстались. Документы такие: Высоцкого — на заслуженного артиста, меня — на заслуженного деятеля искусств.

Выходя из кабинета, Володя говорит:

— Томразочка, ты представляешь, я — заслуженный артист Северной Осетии. Как-то смешно...

— Действительно смешно. Вот — народный...

Я вернулся в кабинет:

— Сослан Евгеньевич! Уж давать так давать! Это же Высоцкий — его вся страна знает. Я уже не говорю, сколько он нашей филармонии денег заработал...

— Но мы же говорили о заслуженном... Народного? Почему нет?

Он тут же позвонил и переиграл ситуацию: в филармонии стали заполнять документы на народного.

А что произошло дальше? Я думаю, что для реализации этой идеи Ужегову пришлось выходить на обком партии, а там это дело задавили. Скорее всего, эти перестраховщики из обкома подумали: как это так — в Москве Высоцкому не дают, а мы — дадим?! А может быть, и позвонили «наверх», не знаю. Но чтобы Высоцкий сам отказывался — этого я не помню...

11 октября Вашего покорного слугу вызвали на плановый медосмотр в поликлинику по месту жительства, а я не пошел: жуть не любил ходить по врачам, да еще выстаивать эти километровые очереди. Короче, на это дело я «забил», предпочтя вместо медосмотра просидеть на занятиях в ПТУ № 56. А вообще тот октябрь в моей памяти запомнился прежде всего другим: целыми днями я слушал ПЕРВЫЙ альбом «Машины времени», который мне удалось раздобыть все в том же 56-м училище. Не знаю, как сейчас, но в те годы столичные ПТУ были рассадниками самых передовых рок-н-рольных идей. Восемь лет я проучился в средней школе в центре Москвы, но о рок-н-ролле знал до скудности мало. Весь мой багаж заключался в том, что я знал по именам участников самых знаменитых западных рок-групп, мог отличить их друг от друга по голосам — вот, пожалуй, и все. А придя в училище, я за месяц-другой расширил свои знания о рок-музыке чуть ли не до энциклопедических. Мало того что я теперь знал составы всех без исключения рок-групп (порядка сотни), но также знал историю их возникновения, слышал все их лучшие альбомы и имел по нескольку их фотографий. Последние вообще ценились на вес золота. В на-

шем училище был свой «толчок», где можно было за деньги (от 50 копеек до 1 рубля, в зависимости от качества изображения) приобрести фотографию любой западной рок-группы, включая и переснятые на фото пленку обложки их альбомов. Поэтому из каждой стипендии (она составляла 30 рублей в месяц) я тратил до 5 рублей на приобретение фотографий западных рок-групп (до этого я с таким же увлечением коллекционировал фотки любимых актеров, которые, кстати, покупал и дальше, только уже выборочно). Короче, спустя год после моего появления в стенах ПТУ № 56 меня можно было разбудить среди ночи, и я с ходу узнал бы по голосам чуть ли не любую западную рок-группу, мог рассказать историю ее создания, состав и описать, как выглядят ее участники. Училище в этом отношении меня здорово просветило.

Будучи ярким поклонником английских рок-групп, я с некоторым пренебрежением относился к деятельности советских рок-исполнителей, считая их игру чем-то вроде художественной самодеятельности. Так продолжалось до тех пор, пока я не стал обладателем ПЕРВОГО магнитоальбома «Машины времени», который смело можно назвать «Сержантом Пеппером» советского рока». Он совершил настоящий переворот в моем сознании, в мгновение ока переделав меня из хулителя в ярого сторонника советской рок-музыки. Помню, больше всего из этого альбома (а там было записано свыше двадцати песен) мне нравились: «Марионетки», «День рождения», «Солнечный остров», «Черно-белый цвет», «Я раскрасил свой мир» (две последние были записаны в 76-м, но стараниями составителя вошли в эту кассету) и особенно — «Тихая гавань». Эту вещь я мог слушать до бесконечности.

Кстати, именно в том октябре в подмосковной Черноголовке (20 км к востоку от Москвы, рядом с Центром подготовки космонавтов) состоялся рок-фестиваль, в котором участвовало несколько отечественных рок-групп, в том числе и «Машина времени» (из других участников назову «Високосное лето» (Москва), «Магнетик Бэнд» (Таллин), «Сонанс» (Свердловск) и др.). Вот как о тех днях вспоминает один из главных организаторов фестиваля и член его жюри А. Троицкий:

«Конечно, на фестивале было жюри. Это мания всех наших музыкальных сходок: комиссия из заслуженных людей ради веса, солидности и, как предлог, для вручения участникам всевозможных бумаг. Бумаги — то есть дипломы и призы — очень важны для советских рок-музыкантов, ибо в отсутствие прессы и «золотых дисков» это единственные вещественные знаки официального признания, которые они могут получить. Жюри во главе с джазовым композитором и милым человеком Юрием Саульским (чей сын Игорь играл на клавишных в разных московских рок-группах) присудило главные призы «Машине времени», Варгису Стакенасу и «Магнетику Бэнду»...

Конец фестиваля я провел лежа под колонкой в кафе, где все музыканты играли джемсейшнз. Главным номером, как всегда, был нескончаемый минорный блюз...

Высоцкий тем временем вернулся из Северной Осетии в Москву. 12 октября он пришел пообедать в ресторан Дома литераторов. Рассказывает свидетель событий — корреспондент болгарской газеты «Народна култура» А. Абаджиев:

«12 октября. За два дня до этого я приехал в Москву в качестве корреспондента и крутился, чтобы улаживать неизбежные формальности. В обеденное время я оказался недалеко от Дома литераторов и зашел туда, чтобы наскоро перекусить. У входа на меня буквально налетели двое знакомых болгар. У них была встреча с Евгением Евтушенко, и им был нужен переводчик. Пока я пробовал отказаться, явился и сам Евгений Александрович. У него было очень веселое настроение — недавно родился его сын Саша, и, естественно, все Александры были ему очень симпатичны (Абаджиева зовут Александр. — *Ф. Р.*). «Давайте пообедаем!» Мы обедали и разговаривали по службе, так как знали, что через час он должен был уйти. После того как это время истекло, Евтушенко и мои болгарские знакомые встали из-за стола, я тоже поднялся, чтобы проводить их, но собирался остаться еще немного — до следующей встречи в МИДе еще оставалось время. И пока мы с Евтушенко обменивались номерами телефонов, в дверях появился Владимир Высоцкий. Зал был переполнен, свободных мест не было. Но Евтушенко помахал ему рукой, указал на наш столик, и артист подошел к нам.

Он поздоровался со мной как со старым знакомым и, явно торопясь, сразу же заказал обед прилетевшей официантке. У меня не было никакого намерения воспользоваться случаем и взять интервью. Я вообще не собирался писать о Высоцком, а кроме того, видел, что он очень устал и напряжен. Но речь пошла о вчерашнем сенсационном футбольном матче (сборная СССР в отборочном турнире чемпионата Европы играла с командой Венгрии и уступила 0:2. — *Ф. Р.*), о невероятно теплой московской осени. Так как я не знал, какой была погода неделю назад и как закончились предыдущие матчи, Высоцкий «поймал» меня. Ага, болгарский журналист! На минуту в его взгляде промелькнуло неодобрение. Потом он оценил то, что я не навязываюсь и не настаиваю на интервью, не расспрашиваю его о будущих ролях и новых песнях. Он сам начал говорить о Болгарии, о своих болгарских друзьях. Когда выяснилось, что у нас обоих масса общих знакомых в Софии и Москве, переход на «ты» и обмен телефонами были вполне логичны.

— Если зайдешь в театр, скажи, что ты мой друг из Болгарии, тебя сразу же впустят.

Мы оделись и вышли вместе. У дверей он сказал мне: «Надоели, но что с ними поделаешь! Вот теперь ты увидишь их!»

Действительно, на улице его ждали несколько девушек и юношей. Они шли за нами на известном расстоянии, дошли до автобусной остановки, ждали, пока мы не сели в «восьмерку». Я сошел у Московской консерватории, а он поехал дальше, чтобы сесть в метро в сторону «Таганки»... (вечером этого же дня Высоцкий играл в «Гамлете». — *Ф. Р.*)

С 12 октября в течение четырех дней в «Московском комсомольце» публиковались заметки Льва Никитина (настоящее имя Лев Гушин) про Аллу Пугачеву — самая большая публикация в отечественной прессе про певицу за предыдущие годы. В ней звезда подробно рассказывала свою творческую биографию, делилась планами на будущее. Как выяснится много позже, Пугачева не имела к этой публикации никакого отношения, а появилась она благодаря расторопности ее супруга Александра Стефановича. Это он в течение нескольких дней водил своего приятеля-журналиста в ресторан Дома кино, где под шашлык и грузинское вино наговорил ему весь текст интервью на дикто-

фон, после чего тот тиснул его в газете. Это был типичный, как теперь говорят, пиар. Причем успешный: номера с этими публикациями были раскуплены в считанные минуты.

Кинорежиссер Владимир Шамшурин приступил к съемкам фильма «Опасные друзья». Фильм из разряда воспитательных: в нем рассказывалось о том, как хороший, в общем-то, парень — Юрий Громов (Лев Прыгунов) — попадает под влияние нехороших людей — уголовников — и оказывается в колонии. Там он, естественно, перевоспитывается, даже совершает подвиг: помогает задержать сбежавших из колонии экзков. Однако съемки в колонии еще впереди (они будут проходить на Валдае в декабре этого и январе — феврале следующего года), а пока съемочная группа снимает московскую натуру (с 6 октября). Это эпизоды ретроспекции: те картинки, которые будут всплывать в памяти Громова в заключении. В них он вспоминает обстоятельства, при которых угодили за решетку (помогал преступнику Сатане в ограблении сберкассы), а также вспоминает маму (эту роль играла главная киномама Советского Союза Любовь Соколова) и любимую девушку (Наталья Гвоздикова). Эпизодов с последней было больше всего: в них влюбленные гуляли по осенним бульварам, целовались. Кстати, последнее давалось с трудом, особенно Гвоздиковой. Дело в том, что она и в жизни к поцелуям относится, мягко скажем, не очень хорошо, а в кино и вовсе старается избегать. Достаточно сказать, что за ее плечами съемки более чем в пятидесяти картинах, но целуется она от силы в трех-четыре (своеобразный рекорд). «Опасные друзья» относятся к последней категории, но снятый там поцелуй можно смело отнести к «братским»: таким целомудренным он выглядит. Вот как об этом вспоминает сама актриса:

«По сюжету нас севой ожидали всевозможные радости любви. Представляете мое самочувствие? Как сейчас помню, привезли нас в сад около Театра Советской Армии, мы севой идем по аллее, а потом должны слиться в поцелуе. Поверите — нет, как подходит этот миг, так меня нервный смех разбирает, не могу собраться, и все. Семь дублей мы с ним тогда целовались. А рядом на скамеечке какая-то старушечка говорит: «Это куда же Жариков

смотрит, Гвоздикова тут с Прыгуновым вовсю целуется!»

В фильме была и одна «постельная» сцена. Но я в постель с Прыгуновым не легла. Тогда еще жуткий застой стоял на дворе, и мне удалось убедить режиссера, что сцену все равно вырежут, а она, мол, бесконечно важна для сюжета... Нашли выход из положения: Лева лежал в постели, а я сидела рядом...»

13 октября в шахматном матче в Багио игралась 31-я партия. Счет в матче был 5:4 в пользу Карпова, и выиграл он эту партию, он побеждал в матче и сохранял за собой звание чемпиона мира. Но последние две партии он проиграл и чувствовал себя явно неуверенно. Эта неуверенность сыграла с ним злую шутку и в этот раз. Во время доигрывания партии он просмотрел промежуточный ход Корчного, потерял важную пешку и в итоге сдался. Счет стал 5:5. Это была уже сенсация. Карпов вынужден был взять тайм-аут. Как будет вспоминать он сам: «Потерпев поражение в 31-й партии, я расстроился не на шутку... Сами понимаете, иметь возможность получить 5:1 (в случае победы, например, в 18-й или в 20-й партии), добиться 5:2 и вот теперь «докатиться» до 5:5... Было от чего потерять голову».

Как выяснится много позже, именно в день проигрыша 31-й партии Карпов заключил контракт с фирмой «Новаг» в Гонконге на рекламу шахматного компьютера. Согласно этому договору, чемпион мира обязался делать соответствующие заявления и позволять использовать свои фотографии для рекламы компьютеров. Взамен за каждый проданный компьютер он должен был получать по 2,5 доллара. Посредником в сделке выступил деловой партнер Карпова, западногерманский тележурналист Гельмут Юнгвирт, который впоследствии утаит от шахматиста ни много ни мало полмиллиона долларов. Когда эти подробности всплывут, многие будут задаваться вопросом: помогли ли советские власти Карпову в этой сделке или просто закрыли на нее глаза?

14 октября, в праздник Покрова Божьей Матери, у кинорежиссера Родиона Нахапетова и актрисы Веры Глаголевой родился первенец — дочь Анна. Как мы помним, молодые познакомились четыре года назад на съемках фильма «На край света»: Нахапетов выступал как режиссер-постановщик, а Глаголева — ис-

полнительницей главной роли. Причем на тот момент она была не профессиональной актрисой, а всего лишь выпускницей средней школы, случайно оказавшейся на «Мосфильме». И с Нахапетовым ее разделяла большая разница в возрасте — он был старше ее на 13 лет. Но это не помешало их роману.

Польская певица Анна Герман в эти же дни находилась в Москве. Она всегда с огромной радостью приезжала в Советский Союз, но на этот раз хотела отказаться от гастролей. Дело в том, что ансамбль, который ей всегда сопровождал — под руководством Бояджиева, — уехал во внеплановую поездку за рубеж, и польский Минкульт так и не сумел найти других музыкантов. И тогда ей предложили ехать в Москву... вместе с одним пианистом — Рышардом Сивой. Ей сказали: мол, вы пользуетесь в СССР неизменным успехом, и вас с восторгом будут принимать и без ансамбля. Герман была в отчаянии, но отказаться от гастролей не могла — в Москве уже были развешаны афиши, проданы билеты на ее концерты. И она согласилась.

14—15 октября Герман выступала в столичном кинотеатре «Варшава». Зал был переполнен. Вот как описывает эти концерты А. Жигарев: «Уже само ее появление на сцене вызывало шквал оваций. Зрители видели любимую певицу и слышали ее голос. Кто там в глубине сцены с бесстрастным лицом ударял пальцами по клавишам — уже не имело для публики особого значения. Хотя сама певица страдала от этого. Ей казалось, что теперь она расходует в два раза больше сил, что теперь ее задача — не только показать саму себя, но и заменить целый оркестр: заменить скрипки, контрабас, тромбон и трубы... Никто ни разу не спросил ее, почему она поет без ансамбля или оркестра, никто из зрителей не упрекнул ее в этом. Больше всего она страшилась этих упреков. В ее сознании они были равнозначны поражению...»

Кроме Анны Герман на столичных эстрадных площадках в первой половине октября выступали следующие исполнители: 6—8-го в ГЦКЗ «Россия» — «Браньо Гронек Саунд» (Чехословакия); 9—10, 11, 15-го в ГТЭ — Геннадий Хазанов в моноспектакле «Мелочи жизни»; 14—15-го в ЦДСА — ВИА «Крайне».

Кинопремьеры: 9-го в широкий прокат вышел киноальманах «Гадание на ромашке» с уча-

стием Лембита Ульфсака, Александра Хабалова и др.; французская комедия «Четыре мушкетера», где главные роли исполняли четверо участников популярного ансамбля «Шарло».

Кино по ТВ: «Гипнотизер», «Фрак» (фильмы с участием Фернанделя, 1-го), «Премия» (с субтитрами), «Зов пустыни», «Таблетка под язык» (преьера т/сп, 2-го), «Клятва Гиппократа» (3-го), «Пуск» (преьера т/ф 3—5-го), «Эхо любви» (4-го), «Озорные повороты» (5-го), «Доверие» (6-го), «Член правительства» (7-го), «Варвара Краса — длинная коса» (1-я часть), «Доктор философии» (т/сп), «Простая история» (8-го), «Голубка» (9—12-го), «Лица» (преьера т/сп 11-го), «Высота» (12-го), «Младшая сестра» (преьера т/ф), «Бег иноходца» (13-го), «Дети капитана Гранта», «Председатель ревкома» (преьера т/ф), «Стряпуха» (14-го), «Варвара Краса — длинная коса» (2-я часть 15-го) и др.

Театральные премьеры: 7-го — в Ленкоме был показан спектакль «Сержант, мой выстрел первый!»; 12-го в филиале Малого театра — «Ревнивая к себе самой» с участием Ирины Печерниковой, Вячеслава Езепова и др.; в Большом театре — «Снегурочка».

В те октябрьские дни на Смоленщине погиб один из тамошних «анискиных» — участковый инспектор милиции Николай Голубев. Он был уроженцем этих мест, отсюда ушел на фронт, дошел до Берлина. В милицию пришел в 1956 году. Все эти годы он проработал в Новогудинске и всегда был на хорошем счету не только у начальства, но и у простых граждан. Даже нарушители общественного порядка уважали Голубева за прямоту и справедливость.

Трагедия произошла в деревне Корнеево, что в 20 километрах от Новогудинска. Там с недавних пор поселился четырехжды судимый 28-летний Николай Капунов, который чуть ли не каждый день устраивал в деревне экзекуции: напивался и задирали мирных граждан. И как только те его ни вразумляли, но все без толку. В итоге вызвали милицию. Брать дебошира отправились вчетвером: вместе с Голубевым туда отправились сержант милиции Новиков и двое дружинников. На место прибыли поздно вечером, когда деревня уже легла спать. Ехали не таясь, поэтому Капунов еще издали услышал шум мотора и успел подготовиться:

сунул в левый рукав одну финку, а вторую зажал в правой руке. Его приятель — несовершеннолетний Дмитриев — хотел было убежать, но Капунов заставил его остаться.

Первыми в дом шагнули милиционеры. Голубев шел впереди, поэтому ему все и досталось. От первого ножа, который Капунов метнул в него, участковый успел увернуться. «Кончай дуришь, Коля!» — обратился к хозяину Голубев. Он все еще считал, что парня можно исправить, наставить на путь истинный. Ошибся участковый, за что и заплатил жизнью. Как только он приблизился к рецидивисту на расстояние вытянутой руки, тот выбросил вперед руку с зажатым в ней ножом и вонзил клинок точно в сердце милиционера. Голубев рухнул на пол. Бежать Капунов даже не пытался. Суд приговорил его к расстрелу. А участковый Николай Голубев Указом Президиума Верховного Совета СССР будет награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

В Ленинграде продолжают съемки фильма «Осенний марафон». 15—16 октября там снимали один из самых веселых эпизодов: наезд на Бузыкина. Помните, он, прогуливаясь по улице, ссорится со своей любовницей Аней (Марина Неелова), и та его в очередной раз бросает. Но не успевает она пробежать и нескольких метров, как слышит за спиной визг тормозов. Чувствуя неладное, она бежит обратно и застаёт своего возлюбленного в шоковом состоянии: тот едва не угодил под машину. Как разъяренная львица, Аня набрасывается на шофера (актер Фирсов). Но самым смешным в этом эпизоде был герой Борислава Брондукова: актер играл случайного прохожего, который вмешивается в конфликт, но поначалу наказывает не того, кого надо — он заламывает руку Бузыкину. Но потом ему объясняют, что к чему, и он все тем же болевым приемом заставляет согнуться в три погибели уже шофера.

Продолжаются съемки и другого будущего блокбастера — «Москва слезам не верит». 17—18 октября там тоже снимали натурные эпизоды: Гоша (Алексей Баталов) вывозит Катерину (Вера Алентова) и ее дочь (Наталья Вавилова) в лес на пикник, чтобы на природе справить свой очередной день рождения. Гоша там сама любезность: он весел, обаятелен и, главное, очень внимателен к Катерине: даже накрывает ее пледом, когда она задремала в

кресле. Съемки проходили в живописных местах в Петрово-Дальнем.

В Багио Карпов взял 13 октября тайм-аут, проиграв 31-ю партию. Внезапно он ставит перед судьями ультиматум: он не возобновит матч, если йоги из секты «Ананда Марга», помогающие его сопернику, не покинут Багио. Ультиматум выглядел странно, поскольку йоги вот уже несколько недель безвылазно сидели на даче Корчного и в зале не появлялись. Но новый руководитель делегации Корчного Кин (прежнего руководителя — госпожу Лееверик — от этой должности отстранили) счел за благо не спорить с Карповым и дал свое согласие удалить от своего подопечного йогов. 17 октября состоялась 32-я партия. Вот как об этом вспоминает В. Корчной:

«Я пришел на игру. Очевидцы рассказывали, что в этот день зал напоминал скорее арену полицейских маневров, нежели мирное шахматное соревнование. Здание было переполнено одетыми в штатское и в форму полицейскими. Пройти из зала в буфет было невозможно...

Началась партия. В первом ряду партера сидели руководители советских шахмат, а в 4-м разместился... наш старый знакомый — Зухарь!

Кин, побуждаемый Стином и Мурем, обратился к Батуриному за разъяснениями. Батуринский ответил просто: «Это джентльменское соглашение, оно обязательно лишь для джентльменов!»...

Несмотря на то, что Стин просил Кина прервать партию, тот отказался под предлогом, что это сильно подействует мне на нервы. Могли остановить партию и судьи — ведь они же знали о подписанном соглашении! Но разве чех и югослав могли перечить советским?!

В начале восьмого в зале появилась фрау Лееверик. Она тут же попросила Кина послать телеграмму протеста д-ру Эйве. Однако Кин уклонился от своей обязанности. Примерно без четверти восемь телекс был послан Стином.

А партия? Все шло своим чередом. Я подготовил вариант, вернее — новый ход в известном, хотя и не очень легком для черных варианте. Я анализировал его много дней, рассчитывая на психологический эффект новинки. Каково же было мое удивление, когда Карпов в критический момент ответил не раздумывая!

Он знал этот ход, более того — я вдруг почувствовал, что он ждал его именно сегодня!

По идее я должен был быть к этому психологически готов — о том, что наши комнаты прослушиваются, я догадывался уже после 7-й партии. И все-таки я почувствовал себя плохо. (Факт выдачи Кином моего дебютного построения в 32-й партии так и не доказан. Зато достоверно известно, что в 1981 году он приезжал в СССР и помогал Карпову готовиться к нашему матчу в Мерано)...

Да, Карпов играл неплохо. По дебюту, правда, он не использовал всех возможностей — дал мне высвободить игру. Но я упустил свой шанс. Трудности черных оказались уже стабильного характера. Потом я попал в цейтнот, понес серьезный урон и — партия была отложена.

Вечером друзья рассказали мне в деталях о событиях дня. Ситуация скандальная. Доигрывать партию я не собирался, я намерен был обжаловать ее как незаконную. Единственный, кто не хотел поднимать шума, был Кин. Наутро 18 октября, в 9 часов, он по собственной инициативе позвонил Филипу и сообщил, что... Корчной сдает партию!..»

Вспоминает А. Карпов: «Спать я лег очень поздно, где-то под утро. Сказал, чтобы меня не будили до обеда. Но нормально отдохнуть практически не удалось: в 12 часов ко мне в номер пришла целая делегация — главный арбитр матча чехословацкий гроссмейстер Филип, его заместитель югослав Кажич, член бюро ФИДЕ американец Эдмонсон и другие. Я встретил их, как говорится, «при полном параде». Филип вскрыл конверт, где находилось письмо претендента о сдаче матча. Затем начались поздравления...»

Между тем в своем письме В. Корчной писал: «Я не буду доигрывать 32-ю партию. Но я не собираюсь и подписывать бланк, ибо партия игралась в совершенно незаконных условиях. Я не считаю эту партию законной. Матч не окончен. Я оставляю за собой право жаловаться в ФИДЕ на недопустимое поведение советских, враждебность организаторов, недостаточную активность судей. В. Корчной».

В тот же день 18 октября Карпов рапортовал в Москву телеграммой на имя Леонида Брежнева. В ней сообщалось: «Товарищу Брежневу Леониду Ильичу.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Счастлив доложить, что матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой. Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча. Завещаю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы. Чемпион мира Анатолий Карпов».

В день, когда А. Карпов стал чемпионом, в Москве скончался известный кинорежиссер Владимир Вайншток. Он пришел в кино в 1924 году, когда ему было всего 16 лет, и он не имел за плечами никакого киношного образования. Четыре года он работал, что называется, «на подхвате», пока не удостоился собственных постановок. В 1928 году он снимает свой первый фильм — документальные очерки «Спасайте миллионы». А первая художественная картина Вайнштока увидела свет в 1931 году — «Рубикон». Однако всесоюзная слава пришла к режиссеру спустя пять лет, когда он экранизировал знаменитый роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта». В 1938 году свет увидела еще одна знаменитая экранизация Вайнштока — «Остров сокровищ». Без преувеличения можно сказать, что на этих фильмах воспитывалось не одно поколение советских людей. Не меньший успех выпал и на другие его фильмы: «Всадник без головы» (1973), «Вооружен и очень опасен» (1976). Кроме того, Вайншток был автором сценариев к таким фильмам, как «Перед судом истории» (1965), «Мертвый сезон» (1968), «Сломанная подкова» (1973) и др. Как ни странно, но несмотря на свою плодотворную деятельность в кино, звание заслуженного деятеля искусств РСФСР Вайнштоку было присвоено буквально накануне смерти — в марте 78-го, когда ему исполнилось 70 лет.

В Останкино идет «озвучка» 3-серийного фильма «Д'Артаньян и три мушкетера» (съемки закончились в начале августа). Вот как об этом вспоминает Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Бонасье озвучивала Вертинская Настя. И сделала это просто великолепно. Таким дрожащим голосом. Потому что сама была влюблена. У нее в то время был роман с Мишей Ко-

заковым, который озвучивал кардинала. Они не скрывали своих чувств.

Это были глаза, устремленные друг на друга. Остроумный Миша Козаков, который великолепно и тонко шутил, который был весь наэлектризован этой любовью. И трепетная Настя. Козаков только закончил свою картину «Безымянная звезда», на мой взгляд просто потрясающую. Там, видимо, и начался этот роман, а продолжался он у меня в залах озвучания. Миша настоящий мужчина, кавалер, а Настя — настоящая женщина. От его взгляда она вспыхивала, как бенгальский огонь, и смотреть на это было очень приятно...»

20 октября на Кубе, после полутора лет тяжелой болезни, умер Рамон дель Рио Меркадер — человек, который в 1940 году по заданию советской разведки ударом ледоруба ликвидировал Льва Троцкого. Меркадер был схвачен на месте преступления, судим и приговорен мексиканским судом к 20 годам лишения свободы. Этот срок он отбыл от звонка до звонка и был освобожден в мае 60-го. Советское правительство все эти годы не забывало о нем, отпуская значительные средства на его приличное содержание в тюрьме. А когда Меркадер освобождился, его пригласили в Москву на работу — он был зачислен сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Однако в середине 70-х у Меркадера была обнаружена неизлечимая болезнь — саркома — и он уехал умирать на остров Свободы.

В субботу, 21 октября, в Москве скончался бывший член Политбюро Анастас Микоян. Это была уникальная личность. Достаточно сказать, что Микоян, вступивший в ряды КПСС до революции (в 1915 году), стал членом высшего ареопага партии в 1935 году (кандидат с 1926) и благополучно пережил все чистки, которые проходили в партии. Практически все его соратники, начавшие с ним восхождение к вершинам власти, в разные годы были либо расстреляны, либо отправлены на пенсию, а Микоян продолжал жить и работать на разных ответственных постах: он был наркомом внутренней торговли (1926—1930), наркомом снабжения (1930—1934), наркомом пищевой промышленности (1934—1938), наркомом внешней торговли (1938—1946), министром торговли (1953—1955) и т. д. С 1965 года Микоян был членом Президиума Верховного

Совета СССР. В народе про Микояна даже анекдот придумали. Идет он как-то под проливным дождем без зонта. Ему говорят: «Возьмите зонт, Анастас Иванович». А он: «Ничего, я между струйками».

Умер Микоян после воспаления легких, которое он подхватил в начале октября во время одной из своих прогулок в Подмоскowie. Было ему 83 года.

В день, когда умер Микоян, Владимир Высоцкий отправился в очередной вояж (на 10 дней) во Францию, где его ждала супруга. Однако Марина Влади не знала, что в Москве у ее мужа появилось новое увлечение — студентка второго курса Текстильного института Оксана Афанасьева, с которой он познакомился буквально накануне своего отъезда за границу. Вот как она сама об этом вспоминает:

«В Театр на Таганке меня привел актер Вениамин Смехов. Он дружил с моей тетей и лечил у нее зубы. Так что я пересмотрела буквально все спектакли, но больше всего нравились «Гамлет» и «А зори здесь тихие...». «Гамлета» я видела и до знакомства с Высоцким, и раз сорок потом.

Вы не поверите, но я никогда не была фанаткой театра и не влюблялась в актеров, как многие девочки, — к этому я всегда относилась с большой иронией. Так что Высоцкий покорила меня вовсе не актерской популярностью: притягивали его обаяние, сила и внутренняя энергия. Наше знакомство произошло при следующих обстоятельствах.

Володя случайно увидел меня в комнате администратора театра. Потом Яков Михайлович уверял, что специально позвал туда Высоцкого: «Володя, зайди ко мне, придут такие девочки, с такими глазами! Обалдеть!» И когда мы с подружкой зашли после спектакля в администраторскую, Володя уже сидел там и беседовал с кем-то по телефону. Увидев нас, он попытался положить трубку на рычаг и несколько раз так смешно промахнулся мимо телефона, сказав при этом: «Девочки, я вас подвезу домой». Мы застеснялись, начали отказываться: ведь Венья тоже предложил меня подвезти. У служебного входа стояли их машины — Володин «Мерседес» и зелененькие «Жигули» Смехова. Они оба даже двери распахнули. Тут Смехов воскликнул: «Ну, конечно, где уж моим «Жигу-

лям» против его «Мерседеса!» Это было очень забавно.

Первый шаг, разумеется, сделал Высоцкий: попросил телефон и пригласил на спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Но мы с подругой собирались в Театр на Малой Бронной, и я отказалась. Тогда он назначил мне свидание... Нечего скрывать, принимать ухода такого человека было очень приятно — я ведь выросла на песнях Высоцкого. Однако у меня и мысли не возникало влюбиться, скорее я испытывала растерянность, он ведь был намного старше (в феврале 78-го Оксане исполнилось 18 лет, Высоцкому было 40. — Ф. Р.)...

В тот вечер я не видела ни актеров, ни сцены. Весь спектакль только и гадала — пойти на свидание или нет. А выйдя из театра, увидела его машину. Высоцкий ждал меня, и мы поехали куда-то ужинать. Он стал за мной ухаживать, и ухаживал очень красиво. Так начался наш роман. Хотя до этого я уже собиралась выйти замуж. За очень красивого интеллигентного мальчика, внука известного футболиста. Он был студент иняза, будущий переводчик. Наверное, если бы не Высоцкий, нас ждала спокойная семейная жизнь, поездки за границу, но я поспешила все ему рассказать, и мы расстались навсегда...»

24 октября в кинотеатре «Октябрь» отмечали 30 лет со дня выхода на широкий экран фильма «Молодая гвардия». Нельзя сказать, что зал кинотеатра был переполнен, но людей все равно пришло много. В основном это были, конечно же, пожилые люди, которые хорошо помнили те далекие годы, когда эта лента произвела настоящий фурор (1-е место в прокате 1948 года). На встречу со зрителями пришли создатели фильма: кинорежиссер Сергей Герасимов и актеры, исполнявшие в нем главные роли. Среди них были Инна Макарова (Любовь Шевцова), Нонна Мордюкова (Ульяна Громова), Людмила Шагалова, Евгений Моргунов, Клара Лучко и др. Актеров, игравших в фильме центральные роли — Сергея Гурзо (Сергей Тюленин), Владимира Иванова (Олег Кошевой), — в это время уже не было в живых.

24 октября в «Вечерке» появилась очередная заметка на криминальную тему. На этот раз речь шла об одном столичном актере, который пострадал из-за своей беспечности.

Как-то после концерта его встретил у театрального подъезда неизвестный молодой человек, который, не жалея выражений, стал восхищаться его талантом. То ли дифирамбы, произносимые незнакомцем, то ли его внешний облик так понравились актеру, что он пригласил молодого человека к себе в гостиницу «Россия». По дороге купили в ресторане несколько бутылок вина, которые затем благополучно распили в номере. Что было потом, «Вечерка» умалчивает. Известно только, что когда утром артист проснулся, поклонника рядом с ним уже не было, а вместе с ним пропали и некоторые личные вещи артиста, включая и деньги. Сгорая от стыда, служитель Мельпомены вынужден был все-таки заявить в милицию. Раскрыть это дело взялись сыщики из Пролетарского РУВД. Работали они профессионально: уже спустя 4 часа в одном из столичных комиссионных магазинов вор был задержан. На руках у него были обнаружены вещи, похищенные у артиста.

На съемках фильма «Москва слезам не верит» возникла внезапная пауза. После въезда на натуру — в Петрово-Дальнее, где снимался «пикник Гоши», — серьезно заболел Алексей Баталов. 24 октября он должен был приехать на съемку очередного эпизода, однако вынужден был остаться дома из-за плохого самочувствия. Съемку, естественно, отменили. А на следующий день не вышла на работу и Вера Алентова. Впору было кричать «караул» — выпадание из съемочного процесса сразу двух главных исполнителей грозило группе большим простоям. К счастью, хворь Алентовой оказалась не серьезной, и уже 26 октября она вновь объявилась на съемочной площадке: снимали эпизод на АЗЛК, когда Рачков (Юрий Васильев) внезапно узнает в одной из работниц свою возлюбленную Катерину. Что касается Баталова, то его болезнь подкосила основательно, и съемочной группе пришлось отложить съемки эпизодов с его участием аж до конца ноября и снимать пока других исполнителей.

26 октября в Москву из Багио вернулся триумфатор — чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Встреча ему была подготовлена достойная. В аэропорту Шереметьево собралось несколько сот встречающих с транспарантами в руках, прославляющих победу советских шахмат и лично Карпова. В здании

аэропорта была организована пресс-конференция, на которой победителю был вручен почетный Знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть». На следующий день триумфатора ждала куда более весомая награда — орден Трудового Красного Знамени.

В Москве прошли похороны убийцы Троцкого Рамона Меркадера, скончавшегося от саркомы на Кубе. Гаванские руководители хотели похоронить его у себя как героя, но Москва ответила, что сделает это не хуже. Место под захоронение выбрали на Кунцевском кладбище. Как рассказывает свидетель тех событий, уже известный нам «кремлевский землекоп» Г. Коваленко, к нему в контору пришли двое в штатском и попросили в срочном порядке, но без лишней суеты и шума подготовить место для захоронения праха одного иностранца. При этом «штатские» назвали его Рамоном Лопесом, сказали, что он вполне «заслуженный товарищ и, между прочим, Герой Советского Союза».

Вспоминает Г. Коваленко:

«Похороны прошли как-то очень быстро, по-деловому и практически молча. Народу было много, в основном все из Комитета. Но ни речей, ни слов прощания, ничего: только цветы на могилу положили, постояли немного и разъехались. А вечером того же дня приходит ко мне в контору иностранец и спрашивает, где, мол, тут похоронили Рамона Лопеса. Пока шли до могилы, выяснилось, что он испанец, только что прилетел в Москву. Подходим к могиле. Тут мой гость сразу посерьезнел, встал смирно, поднял согнутую в локте и сжатую в кулак руку и сказал: «Салют, компаньеро!». А потом поворачивается ко мне и говорит: «Знаешь, кто здесь лежит? Человек, который убил Троцкого, — Рамон Меркадер». Так я узнал правду, но официально еще лет восемь после этого настоящая личность Рамона Лопеса держалась в секрете. Даже когда памятник поставили, на нем было выбито «Рамон Иванович Лопес»...»

Вот уже три недели идут съемки «воспитательного» фильма «Опасные друзья». К концу месяца должна была быть отснята вся московская натура, что, собственно, и произошло. Однако один из самых ключевых эпизодов — ограбление сберкассы — оказался запорот, из-за чего его пришлось переснимать. Про-

изошло это 30 октября. Суть эпизода состояла в следующем. Опасный рецидивист Сатана, имея в сберкассе своего человека — кассиршу, — проходит в подсобное помещение и поджигает его. В возникшей панике грабитель успевает забрать деньги и выбежать на улицу, где в машине его поджидает сообщник — студент Юрий Громов (Лев Прыгунов). Погода в тот день выдалась на славу — светило солнце, было тепло, поэтому съемки удалось уложить в один съемочный день. Сначала сняли, как Сатана заходит в сберкассу, затем клубы дыма из подсобки, верхний план горящей сберкассы с массовой, напряженное лицо Прыгунова и, наконец, отъезд грабителей.

Между тем до выхода «Опасных друзей» в прокат еще далеко, и в столичных кинотеатрах идут премьеры других фильмов. Так, 16-го на широкий экран вышла лента «**Потерянный кров**» Альмантаса Гриквичюса с участием Юозаса Будрайтиса, Регимантаса Адомайтиса и др.; 23-го — «**В зоне особого внимания**» Андрея Малюкова с участием Бориса Галкина, Михая Волонтира, Анатолия Кузнецова и др.; «**Строгая мужская жизнь**» А. Гранина с участием Анатолия Матешко, Юрия Каюрова и др.

Кино по ТВ: «Песнь о Маншук» (16-го), «Как закалялась сталь» (16—22-го), «Сережа» (18-го), «Циклон начнется ночью» (19-го), «Если есть паруса» (20-го), «Всадник без головы» (с субтитрами), «Фантазеры» (21-го), «Марья-искусница» (часть 1-я), «Добровольцы» (22-го), «Когда женщина оседлает коня» (23-го), «Мальчишки» (премьера т/ф 24—26-го), «Юркины рассветы» (24—27-го), «Однокашники» (премьера т/ф), «Пламя» (с субтитрами), «Нежность» (28-го), «Марья-искусница» (часть 2-я 29-го), «И это все о нем» (30—31-го), «Сапоги всмятку» (премьера т/ф 31-го) и др.

Театральные премьеры: 18-го — в Театре им. Гоголя был показан спектакль «**Лали, Любовь и другие**»; 19-го в Театре им. Вахтангова — «**Дела давно минувших дней**»; 27-го в Драмтеатре имени К. Станиславского — «**Брысь, костлявая, брысь!**».

Эстрадные представления: 16—17-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием Людмилы Зыкиной, Рината Ибрагимова, Светланы Резановой, ВИА «Поют гитары» и др.; 17-го в Театре им. Вахтангова пела Жанна

Бичевская; в «Энтузиасте» — Александра Стрельченко; 16, 18—19, 22—23-го в ГТЭ прошли представления моноспектакля с участием Геннадия Хазанова «Мелочи жизни»; 19—23-го в ГЦКЗ выступал оркестр Константина Орбеляна (солист Ара Бабаджанян и др.); 20—21-го в ГТЭ выступал югославский ВИА «Лидеры»; 20—22, 27—28-го в «Октябре» — столичный ВИА «Голубые гитары»; 24—29-го в ГЦКЗ состоялись концерты программы «Золотая осень-78» с участием артистов зарубежной эстрады — дуэта «Дон и Кора» (Болгария), Анеты Ластик (ГДР) и др.; 27—31-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Геннадия Хазанова, Яака Йоалы, Евгения Петросяна, Любви Полишук, Валентины Толкуновой и др.

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты — «Это песни твои, комсомо́л» («Ленин всегда с тобой» С. Туликов — Л. Ошанин — поэт В. Анисимов, «Наш паровоз» — хор, «Малая земля» А. Пахмутова — Н. Добронравов — Людмила Зыкина, «И вновь продолжается бой» А. Пахмутова — Н. Добронравов — Иосиф Кобзон, «Бамовский вальс» С. Туликов — М. Пляцковский — ВИА «Самоцветы», «Не расстанусь с комсомолом» А. Пахмутова — Н. Добронравов — Иосиф Кобзон, «Родина моя» Д. Тухманов — Р. Рождественский — София Ротару); «Поет ВИА «Сябры» («Кася» И. Лученок — А. Пашкевич, «Гимн Земле» А. Пахмутова — Н. Добронравов, «Мне снится лето» Н. Подгорнов — А. Кириллов, «Белый снег» В. Успенский — Л. Полевой, «Не обижайся» Я. Дубровин — М. Пляцковский, «Всем на планете», «Мария» и др.); «Поет вокальный дуэт «Липс» (Англия) («Куда меня

уводит музыка», «Памяти Элвиса Пресли», «Фигаро», «Ты ушла», «Анджело», «Хабл-бабл», «До свидания» и др.).

миньоны — «Песни Давида Тухманова («Памяти гитариста», слова — Р. Рождественский, «Памяти поэта» А. Вознесенский; исполняет Б. Пивоваров, орган — Д. Тухманов, бас-гитара — А. Фельдберг); «Поет ВИА «Красные маки» («Поцелуй для любимой» Дж. Хилтон — А. Григорьев, «Зеркало» Ю. Антонов — М. Танич, «Не успокоимся» С. Краевский — А. Осецка, И. Кохановский, «Остановите музыку» Д. Тухманов — В. Харитонов); «Поет ВИА «Лейся, песня» («Где же ты была?» В. Добрынин — Л. Дербенев, «Есть на Севере хороший городок» Т. Хренников — В. Гусев, «Троллейбус» Б. Рычков — Н. Олев, «Самая красивая» В. Добрынин — М. Рябинин); «Поет ВИА «Поющие сердца» («Приснившаяся песня» А. Симон — С. Ригол, «Твои шаги» Е. Марней, Паллавичини, Массари, «Прощальный тост» М. Маллери, Ж. Ренар — И. Кохановский, «Распахни поскорее окно» З. Бинкин — В. Гин); «Поет дуэт «Липс» (Англия) («Дон Вальдо», «Рок-н-ролл» С. Лауден, «Влюбленная женщина» Д. Бугатти — Лускар).

Журнал «Кругозор» (№ 10): Александр Градский («Как молоды мы были» А. Пахмутова — Н. Добронравов); Татьяна и Сергей Никитины («Диалог у новогодней елки», «Кольца любви»); «Музыка из к/ф «Мой ласковый и нежный зверь», композитор — Евгений Дога; «Поет группа «Уингз» (Англия) («Маленькая радость», «Мыс Кинтайр»); «Поет группа «Крайс» (ГДР) («Придешь ли ты», «Хочу жениться» А. Фрич — Ф. Герц, Г. Мартин).

1978 Н о я б р ь

Советский футбол за бортом еврокубков. Новый космический рекорд. Концерт Высоцкого в Метрострое. Театр сатиры открыл сезон без Андрея Миронова. Трагедия актрисы Микаэлы Дроздовской. «Целина» — новая книга Брежнева. Эльдар Рязанов пробивает «Гусара». София Ротару: премьера песни. Григорий Романов рвется к власти. Дин Рид: за и против. Смерть Микаэлы Дроздовской. Наводнение в Ленинграде. Эдуард Тополь покидает родину без любимой девушки. 400-я шайба Вячеслава Старшинова. «Москва слезам не верит»: Алексей Баталов выздоровел. Высоцкий об орденах Брежнева. Концерт Высоцкого в МГУ. Шарапов в бандитском логове. Как искали Михаила Горбачева. Пленум ЦК КПСС. Леонид Гайдай на выборе природы в Финляндии. КГБ крадет мемуары Сахарова. Трагедия в московском зоопарке. «Экипаж»: кто «похоронил» Николая Караченцова.

Начало ноября принесло сплошные разочарования советским футбольным болельщикам. 1 ноября тбилисское «Динамо» в ответном матче Кубка УЕФА принимало западно-берлинскую «Герту», выиграло 1:0, но по итогам двух игр (первую игру проиграли 0:2) вылетело из дальнейшей борьбы (самое интересное, что спустя четыре дня тбилисцы станут чемпионами СССР). Та же печальная участь постигла и столичное «Торпедо», проигравшее «Штутгарту» 0:2. Чуть раньше из розыгрышей европейских кубков вылетели киевское «Динамо» и донецкий «Шахтер». Короче, дела в советском футболе и в те годы обстояли самым плачевным образом.

2 ноября, в 14.05 по московскому времени, на землю вернулись космонавты Владимир Коваленок и Александр Иванченков, которые своим полетом установили новый рекорд пребывания человека в космосе — 140 дней. Они еще только готовились приземлиться, а Брежнев уже подписал Указ о присвоении обоим звания Героев Советского Союза.

После того как заболел Алексей Баталов, в работу съемочной группы фильма «Москва

слезам не верит» были внесены коррективы: эпизоды с его участием были отодвинуты на будущее и на первый план вышли эпизоды с другими исполнителями. Так, в среду, 1 ноября, съемочной площадкой стал подъезд высотного дома на Котельнической набережной, где сняли эпизод первого прихода туда Катерины (Вера Алентова) и Людмилы (Ирина Муравьева). На следующий день киношники перебазируются на Красную Пресню, где на хлебозаводе отсняли сцены с теми же исполнителями. 3 ноября Алентова снималась уже одна, причем поздно вечером: с половины одиннадцатого вечера до шести утра ее снимали в помещении кинотеатра «Москва», что на площади Маяковского.

4 ноября Владимир Высоцкий, только что вернувшийся из Парижа, дал концерт в ДК Метростроя. На этот концерт Высоцкий впервые пригласил свою новую привязанность — Оксану Афанасьеву. Вот как она об этом вспоминает:

«Песни, которые я давно знала, звучали «живьем» совсем по-другому. Я помню, что хохотала как ненормальная... Рядом со мной си-

дела женщина — так она просто сползала вниз, от смеха у нее текли слезы! От этого я еще больше заводилась... Вообще народ Володю принимал, ну, как явление природы... Какая-то безумная любовь и громадный интерес к личности... Просто не с чем сравнить!..»

В воскресенье, 5 ноября, в Театре сатиры открылся очередной сезон: в тот день играли «Клопа» В. Маяковского. В зале был аншлаг, хотя лучшего исполнителя роли Присыпкина — Андрея Миронова — на сцене не было. Вот уже почти полтора месяца он находится в больнице, где его лечат от менингита (ошибочный диагноз).

Популярная киноактриса Микаэла Дроздовская, известная зрителям по фильмам «Добровольцы», «Семь нянек», «Бег» и другим, в те дни была в очередной командировке — снималась в Орджоникидзе в новом фильме. Роль была не самая выдающаяся, однако на тот момент шумная слава Дроздовской уже прошла, и она была рада любой роли — лишь бы работать. Знай она, что эта поездка станет для нее роковой, никогда бы не уехала из дома. А ведь какие-то нехорошие предчувствия ее мучили.

Вспоминает А. Будницкая: «В августе я с Микаэлой возвращалась с дачи в прекрасном настроении: в машине одуряюще пахло полевыми цветами, мы весело шутили и без конца смеялись. Вдруг Мика, посерьезнев, сказала: «Булка, если со мной что-нибудь случится, не оставляй Дашку!» (Младшая дочь Дроздовской. — Ф. Р.).

Тогда эту фразу я пропустила мимо ушей. Да и что может случиться с молодой, полной сил женщиной, которой судьба, кажется, дала все: муж — известный кардиолог Смоленский, две крохотные дочурки-красавицы, роскошная квартира напротив Дома кино?! В гостеприимном доме Микаэлы и Вадима Семеновича в любое время можно было застать кого-нибудь из знаменитостей: Ларису Шепитько с Элемом Климовым, итальянских режиссеров — Антониони и Тонино Гуэрру...

«Бред какой-то!» — постаралась я побыстрее забыть те странные слова подруги. Вспомнить о них мне пришлось, увы, через несколько месяцев, когда с моей подругой на съемках произошел несчастный случай. Случилось это 7 ноября в Орджоникидзе. Вся съемочная группа отправилась в город, и Мика осталась одна в неотопляемом домике, где жили ки-

ношники. Она устала, решила прилечь, а чтобы согреться, включила осветительные приборы — маленький и большой прожекторы — и заснула, укрывшись с головой одеялом. Ночью одеяло сползло на раскаленную лампу и загорелось. Отравившись во сне угарным газом, Мика не смогла спастись — у нее сильно обгорели ноги. Когда открыли дверь и ее обнаружили, огонь от сквозняка перекинулся дальше... Микаэлу срочно отправили в Москву...

7 ноября, к 61-й годовщине Великого Октября, свет увидела очередная книга Леонида Брежнева под названием «Целина». Как мы помним, две предыдущие книги — «Малая земля» и «Возрождение» — вышли несколько месяцев назад, и вот теперь трилогия обрела свою последнюю часть. Народ встретил это событие безмолвно, а вот пропагандистский аппарат наоборот — буквально захлебываясь от восторга. Вообще, все эти несколько месяцев, с тех пор как первая книга генсека вышла в свет, людей только и кормили, что восторгами по поводу этих, в общем-то, вполне обычных произведений. Устраивались их обсуждения, писались диссертации, ставились спектакли. Так, в июне в Москве состоялся концерт, в котором звучали песни о Малой земле, в августе артист-чтец Альберт Ирричев читал «Малую землю» со сцены киноконцертного зала «Октябрь» и т. д. и т. п. Нечто подобное в Советском Союзе в последний раз происходило при Сталине: тогда произведения «вождя всех народов» тоже восхвалялись до небес (правда, в отличие от Брежнева Сталин их писал собственноручно). Однако Брежнев пойдет еще дальше — он себя и Ленинской премией в области литературы награждает. Но об этом чуть позже.

Кинорежиссер Эльдар Рязанов в те дни был занят насущной проблемой — пробивал на «Мосфильме» свой (совместно с Григорием Гориним) сценарий «О бедном гусаре замолвите слово». В октябре он дал читать его на студию, но главреду Л. Нехорошеву тот ужасно не понравился, причем по идеологическим причинам: он сразу раскусил суть прочитанного, найдя там откровенный намек на сегодняшнее время, на произвол КГБ. Тогда Рязанов отнес сценарий на самый верх — генеральному директору «Мосфильма» Николаю Сизову. Тот пообещал дать ответ в праздники.

8 ноября Рязанов приехал в МХАТ к Олегу Ефремову, чтобы договориться с ним об осво-

бождении от репетиций актеров Андрея Мягкова, Ии Саввиной и Вячеслава Невинного для участия в съемках фильма «Гараж», который был запущен в подготовительный период. Из кабинета Ефремова Рязанов позвонил Сизову. Улыбавшееся режиссеру польстило: генеральный восторженно отозвался о прочитанном и дал свое «добро» на его постановку. Окрыленный Рязанов тут же позвонил своему соавтору Григорию Горину и передал ему слова Сизова. Однако их восторги оказались преждевременными.

10 ноября Рязанов пришел к Сизову, чтобы уточнить детали. Однако хозяин киностудии встретил его неласково. Видимо, за эти дни он уже успел связаться с Нехорошевым, и тот объяснил ему те нюансы сценария, которые до генерального не дошли. Поэтому Сизов был хмур, мялся и о сценарии уже не сказал ни одного доброго слова. Он сообщил, что не может решать вопрос запуска картины без ведома Госкино, и советовал отнестись сценарий туда. Рязанову не оставалось ничего иного, как последовать этому совету: он отдал сценарий главному редактору Кинокомитета А. Богомолу.

В тот же день страна отмечала День милиции. По давно заведенной традиции вечером того дня состоялся праздничный концерт, который транслировался по телевизору (1-я программа ЦТ, 19.30). В нем новый шлягер исполнила София Ротару — песню Николая Мозгового «Родной край» («Чаривний край»). Вот как об этом вспоминает сам композитор:

«С Сонечкой мы выросли, можно сказать, вместе. Наши села — ее Маршенцы и мое Новоселица — расположены так, что улица одного села переходит в улицу другого. Знакомство наше началось со школьных олимпиад и смотров самодеятельности — практически с третьего класса. Она пела украинские и молдавские песни, что-то мы даже исполняли с ней дуэтом...

А с «Родным краем» произошла такая смешная ситуация: мы совершали трехмесячный тур по городам Польши. В тот день выступали в «Зале конгрессов» в Варшаве. В холле за кулисами, где артисты ждали своего выхода, работал телевизор. Вдруг прибегает наш солист Виктор Шпортько и кричит: «Ребята, переключите канал, сейчас Ротару будет песню Коляна петь!» И тут как раз меня зовут на сцену. Получилось так: я пел эту песню в зале, а Соня в тот же момент — по телевизору. Те, кто это видел, пришли в зал, машут мне, а я не могу понять, в

чем дело, осматриваю себя — может, что-то расстегнуто?..»

11 ноября в Москву приехала делегация конгресса США во главе с сенатором Абрахамом Рибиковым. В этих переговорах впервые принял участие член Политбюро, 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов, что тут же дало повод к массовым слухам на Западе: дескать, Романов — явный претендент на кресло премьера. Вот как об этом пишут В. Соловьев и Е. Клепикова:

«Американскую делегацию приняли в Кремле Косыгин и Романов — событие крайне необычное. Косыгин, конечно, иногда участвовал в международных делах — не только во внутренних экономических... Он ездил в Канаду, в Пекин и другие города, где весьма успешно вел переговоры. Однако к середине 70-х годов Брежнев это у него отобрал. Он сам любил высокое представительство: поездки за границу, приемы гостей тешили его имперское тщеславие. И Косыгин, человек дельный и отнюдь не тщеславный, отказался с легкостью от зарубежных полномочий. Поэтому прием им американских сенаторов и участие в этом приеме Романова воспринимались событием чрезвычайным — попыткой престарелого премьера ввести в свою должность Романова при полном согласии на то и с санкцией Сулова, главного распорядителя кремлевских постов. К слову, американские сенаторы были поражены грубостью Романова, бесцеремонной резкостью, с которой он обрывал переводчика, хамской манерой разговора с Абрахамом Рибиковым и полным невежеством в иностранных делах. Однако он думал не об американских сенаторах, он старался — и, быть может, перестарался — выслужиться перед покровителем в этой своей первой международной встрече на столь высоком уровне.

Встреча с американской делегацией оказалась поворотной для карьеры Романова. Увы, в нежелательном для него направлении. Стало ясно, что высокие покровители метят его либо в премьер-министры — на место Косыгина, либо в Секретариат ЦК — на место Брежнева. Это было настолько очевидно, что западные журналисты начали писать о нем как о человеке, идущем на повышение... и очень вероятном наследнике Брежнева. К тому же он и без неуклюжего эпизода с американскими сенаторами выводился как очевидный кандидат в прием-

ники — путем исключения всех других кандидатов по возрасту, по национальности, по отчеству высококого покровительства...»

Практически все советские газеты в те дни были полны материалами о лучшем друге Советского Союза певце и киноартисте Дине Риде. Дело в том, что в конце октября тот приехал на свою родину, в США (Дин Рид жил в ГДР), чтобы показать там свой последний фильм — «Эль Кантор» («Певец»), посвященный памяти чилийского певца Виктора Хары, зверски замученного пиночетовской хунтой. Главную роль в фильме играл сам Дин Рид. Демонстрация картины состоялась в стенах Миннесотского университета, куда актер приехал по приглашению студентов. После показа фильма Дин Рид принял участие в мирной демонстрации в городке Делано, чем навлек на себя гнев тамошних властей. В числе двух десятков демонстрантов его арестовали за «нарушение общественного порядка» и бросили в кутузку. В Советском Союзе этот арест расценили как личное оскорбление, поскольку Дина Рида здесь хорошо знали, он считался лучшим другом советских людей. 11 ноября в газетах было опубликовано открытое письмо президенту США Д. Картеру с просьбой отпустить певца на свободу. Под этой петицией стояли подписи именитых людей: Майи Плисецкой, Максима Шостаковича, Давида Ойстраха, Юрия Темирканова, Евгения Нестеренко. Судя по всему, президент это письмо не читал. Но ситуация и без этого «разрулилась» благополучно. 13 ноября Дин Рид предстал перед судом присяжных в округе Райт (штат Миннесота) и был признан невиновным. Об этой радостной вести сообщили практически все советские газеты, даже «Пионерская правда».

Но было бы преувеличением сказать, что Дина Рида любили все без исключения. Лично я, к примеру, любил, но не за его политическую деятельность, а исключительно за его песни. Диск с песнями певца я, что называется, заездил до скрипа, отдавая особенное предпочтение нескольким вещам: «Будь братом моим» (из фильма «Братья по крови»), «Свадебная песня», «Гуантанамера». Но, подчеркиваю, политические пристрастия певца меня удивляли: иной раз он так восторгался кремлевской властью, что становилось неловко за него — это пахло явным лизоблюдством. Поэтому многие деятели культуры Дина Рида

откровенно не любили. Вот как об этом вспоминает предприниматель В. Туманов:

«В один из вечеров мы с Володей (Высоцким. — Ф. Р.) приехали к нему домой на Малую Грузинскую, зашли в квартиру, включили телевизор. На экране — известный тогда международный обозреватель. Володя смотрел-смотрел и говорит: «И где только они такие рожи находят?! Ну явно на лице — ложь». Володя предложил мне сесть в другой комнате. Каждому предстояло составить список из ста фамилий — самых неприятных, на наш взгляд, людей. Первая четверть у нас совпадала, хотя порядок был разным, примерно семьдесят процентов фамилий у нас были одни и те же, а под четырнадцатым номером у нас с Володей был один и тот же человек — Дин Рид...»

15 ноября в Москве скончалась киноактриса Микаэла Дроздовская. Как мы помним, неделю назад с ней случилось несчастье: на съемках в Орджоникидзе она угорела в номере гостиницы во время пожара и получила ожоги. В тяжелом состоянии актрису доставили в Москву, где за ее жизнь стали бороться лучшие врачи (муж Дроздовской тоже был врачом — кардиологом). Однако все попытки помочь Дроздовской оказались тщетными. Умирала актриса в страшных мучениях.

Вспоминает А. Будницкая: «Когда у Мики родилась младшая, Дашка, я стала ее крестной мамой. (Старшую дочь Нику крестили Уля и Вика Федорова.) Своих детей у меня не было, и я часто брала маленькую Дашку к себе. Иногда об этом просила Мика: «Булка, Дашку забережь?» Словно предчувствуя беду, Микаэла все время заставляла Дашу называть меня мамой: «Это мама! Повтори!» Даша собиралась в первый класс, когда случилась беда. Едва увидев меня, она бросилась мне на шею и прошептала: «У меня умерла мама. Теперь ты будешь моей мамой, правда?!»

Случилась эта чудовищная трагедия, и все в доме Микаэлы в одночасье рухнуло. Вадим растерялся и не смог сохранить семью. Нику взяла к себе Микина подруга, сценаристка Соня Давыдова, а Дашку отправили учиться на пятидневку. Вскоре в доме Вадима появилась другая женщина, что было естественным, но, к сожалению, с девочками у нее отношения не сложились. Я решила и забрала Дашку к себе...»

15 ноября в Ленинграде случилось сильное наводнение — второе за последние две недели (241-е по счету за 275 лет существования города). Порывы ураганного ветра достигали скорости 25 метров в секунду. Их совместное воздействие привело к подъему невской воды почти на 2 метра. В результате под водой оказались аллеи и газоны парков Кировских островов, ряд прибрежных улиц и набережных. К счастью, человеческих жертв не было, да и материальный ущерб был не таким огромным, поскольку власти города были заранее оповещены о предстоящем бедствии и успели к нему подготовиться.

Москва. В первой половине ноября в здешних кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 3-го — «**Право первой подписи**» Владимира Чеботарева с участием Владимира Ивашова, Натальи Фатеевой, Владимира Кенигсона и др.; 6-го — «**Пыль под солнцем**» Марионаса Гедриса с Петром Вельяминовым в главной роли; 10-го — «**Лекарство против страха**» Альберта Мкртчяна с участием Александра Фатюшина, Владимира Седова, Юрия Гусева и др.; «**Право на любовь**» Анатолия Слесаренко с участием Андрея Поддубинского, Ирины Шевчук и др.

Кино по ТВ: «Артем» (преьера т/ф 3—4-го), «Соленый пес», «И был вечер, и было утро...» (5-го), «Подруги» (6-го), «Человек с ружьем», «Красный агитатор Трофим Глушков», «Нахаленок» (7-го), «Москва — Генуя» (8-го), «Таня» (9-го), «Среди добрых людей» (10-го), «Алешка и валет» (11-го), «Следствие ведут знатоки», Дело № 13 «До третьего выстрела» (преьера т/сп 11—12-го), «Садко» (часть 1-я), «Моя улица» (12-го), «Камилла» (Италия, преьера т/ф 13—17-го), «Хевсурская баллада» (14-го) и др.

Из развлекательных передач: «Голубой огонек» (7 ноября; его открыла песня М. Магомаева — Р. Рождественского «Жизнь моя — Отчизна» в исполнении Муслима Магомаева, закрыла — песня «Октябрь» Д. Тухманова — А. Кымытваль в исполнении Софии Ротару, среди других участников назову Валентину Толкунову, Рината Ибрагимову, Людмилу Сенчину, Андреаса Хольма, Еву Пиларову, Ежи Поломского и др.), «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (11-го; участники: М. Хранова (Болгария), У. Йензен (ГДР), М. Родович (Польша),

«Бразерхуд оф мэн» (Англия), Ф. Роби (Франция), К. Барри (Ямайка), М. Шавез (Куба).

Театральные премьеры: 5-го в ЦТСА был показан спектакль «**Расстояние в 30 дней**»; 10-го в Театре им. Ермоловой — «**Крейцеров соната**» с участием Владимира Еремичева, Елены Папановой и др.;

Эстрадные представления: 3-го в «Софии» выступал ВИА «Кобза»; 7—8-го в ЦДКЖ — ВИА «Акварели»; 10—11-го в ЦДСА — «Музыка»; 13-го в Театре им. Вахтангова выступали Евгений Петросян, Геннадий Белов и др.; 13—15-го в ГТЭ — ВИА «Пламя»; 14—16-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием ВИА «Лейся, песня», «Красные маки», эстрадного ансамбля «Ритмы планеты».

Тем временем Владимир Меньшов продолжит снимать «Москва слезам не верит». 15 и 17 ноября местом съемок стали залы Ленинской библиотеки: там снимали эпизоды, где Катерина и Людмила корпят над учебниками. Причем если первая делает это ради повышения своего образования — она предполагает поступить в институт, то ее подругой двигают исключительно личные мотивы: она мечтает «подцепить» в Ленинке умного и перспективного жениха.

Между тем пока одни снимают, другие... навсегда уезжают из страны. В том ноябре так поступили сценарист Эдуард Тополь и кинорежиссер Борис Фрумин. Как мы помним, оба они приложили руку к созданию фильма «Ошибки юности», повествующего о непростой судьбе молодого советского парня, вернувшегося из армии, но долго не могущего найти свое место в жизни. Фильм мог стать для советского кинематографа настоящим прорывом в запретное, но прорыва не случилось. Вернее, ему не дали случиться. На пути выхода фильма на широкий экран встала цензура, и ленту отправили на полку. А режиссера наказали — лишили постановочного вознаграждения, чтобы неповадно было впредь снимать подобные произведения. Но снимать Фрумин больше ничего не хотел: он подал документы на эмиграцию. Чуть раньше это сделал и Тополь. Держать их не стали, поскольку тогда было взято за правило: хотя бы уехать — скатертью дорога.

Фрумин уезжал вместе с женой, а вот у Тополя на тот момент супруги не было. Однако была любимая девушка Валя Кулагина, с кото-

рой он, как мы помним, познакомился на съемках фильма «Несовершеннолетние» в Краснодаре. Роман у них был страстный, что называется, до умопомрачения. Затем судьба разбросала их в разные стороны, однако Тополь нет-нет да и вспоминал про девушку, сумевшую по-настоящему тронуть его душу. Уж сколько разных любовей случалось у него до этого, но Валя оказалась самой трелетной. Вот почему, когда Тополь разрешили покинуть страну, он решил взять с собой и Валентину. Но, увы... Сама девушка была вроде бы не против уехать с любимым за океан, но вот ее родители... Особенно категоричен был отец-врач. Когда Тополь встретился с ним, чтобы обговорить возможный отъезд его дочери, тот даже слушать ничего не захотел. «Какая Америка?! — воскликнул отец. — Ни в какую Америку мы ее не отпустим. И вообще через три месяца Валя выходит замуж за подводника». Тополь сделал последнюю попытку уговорить неговорчивого родителя: «Я прошу вас: не делайте этого! Отдайте ее мне! Я увезу ее в Америку, она будет жить по-людски, мы будем счастливы! Ведь она же согласна, она меня любит!» Но отец лишь презрительно усмехнулся и ушел. Как пишет сам Тополь: «Отъезд его дочки из СССР в Америку с каким-то евреем-эмигрантом и «предателем родины» был для него, провинциального врача и члена КПСС, не только равновелик ее безвозвратному отъезду в другую галактику, но и чреват потерей должности главврача и всей карьеры...»

18 ноября в «Московском комсомольце» был напечатан очередной хит-парад лучших песен прошедшего месяца. На 1-е место в нем вырвалась песня в исполнении Аллы Пугачевой «Песенка про меня», которая в предыдущем хит-параде занимала 9-е место. На 2-м месте оказался еще один хит от Пугачевой — «Возьми меня с собой», впервые угодивший в топ-лист. Из других новинок там фигурировали еще две песни: «Земное притяжение» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — Лев Лещенко, 8-е место; «Наше лето» (Б. Рычков — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», 10-е место.

Вечером того же дня по ЦТ был показан творческий вечер Андрея Миронова, состоявшийся в концертной студии в Останкино несколько месяцев назад. По Москве тогда ходили слухи, что Миронов чуть ли не при смерти,

и трансляция должна была как бы развеять эти домыслы. На самом деле на тот момент все плохое было уже позади: артист выписался из больницы, и эту передачу смотрел по телевизору у себя дома. Миронов в ней был просто бесподобен, буквально ошарашив зрителей целым каскадом номеров: здесь были и отрывки из его спектаклей, и новые интермедии.

Вот уже почти три месяца продолжается чемпионат страны по хоккею с шайбой. Уверенно лидирует ЦСКА (42 очка), на втором месте — столичное «Динамо» (32), на третьем — столичное «Спартак» (28). 19 ноября последний играл у себя дома с рижским «Динамо» и с трудом его одолел со счетом 3:2. Но тот матч запомнился не только этим: в нем ветеран «Спартака», да и всего советского хоккея Вячеслав Старшинов забил свою 400-ю шайбу в первенствах страны. Знаменательный рекорд!

На съемках фильма «Москва слезам не верит» наконец-то объявился Гоша — Алексей Баталов. Как мы помним, он выбыл из строя — заболел — ровно месяц назад, и все это время съемочная группа вынуждена была снимать эпизоды без его участия. 23 ноября съемки с Баталовым возобновились: в тот день на Мосфильмовской улице сняли проход Гоши, Катерины и ее дочери. А на следующий день, уже на платформе Белорусского вокзала, сняли эпизод, где Гоша и Катерина, сойдя с электрички, идут в город (сцену в вагоне снимут много позже).

На Брежнева продолжают, как из рога изобилия, сыпаться награды. 23 ноября ему была вручена международная Димитровская премия. Умиление Брежнева просто не знает границ. Вся страна видит это на экранах своих телевизоров. Под впечатлением подобных просмотров из-под пера Владимира Высоцкого выходят строчки:

«Какие ордена еще бывают?» —
 Послал письмо в программу «Время» я.
 Еще полно — так что же не вручают?!
 Мои детишки просто обожают, —
 Когда вручают — плачет вся семья...

Сами понимаете, эти строчки Высоцкий писал «в стол», то есть никогда их не озвучивал на своих концертах. Поступи он иначе, давно бы хлебал баланду где-нибудь в солнечном Магадане. Однако и в тех песнях, которые Высоц-

кий исполнял на своих концертах, тоже было полно крамолы, чаще всего метафорически завуалированной.

24 ноября Высоцкий выступал в МГУ, причем дал там сразу два концерта: в шесть вечера (на геологическом факультете) и в восемь (на географическом). Вот как об этом вспоминает свидетель тех выступлений А. Тюрин:

«Тогда на геологическом факультете очень активно работал геоклуб. Практически каждый день в общежитии проводились различные мероприятия, а каждую неделю на факультете проходили встречи с интересными людьми — артистами, певцами, бардами, писателями. Не было только Высоцкого.

О Высоцком все говорили (правда, больше было сплетен), но увидеть его можно было только в театре, хотя на спектакль с его участием можно было попасть только чудом.

Дерзость его стихов казалась безумием, думаю, почти для всех. Вряд ли кого можно было поставить рядом с ним в этот период. Поэтому организация концерта была чревата. То есть неизвестно, чем все могло закончиться для организаторов мероприятия. Мы это понимали и старались делать все официально. Через общество «Знание» была оформлена лекция с тематикой приблизительно такого характера: «Музыка и гитара в спектаклях Театра на Таганке». В общество «Знание» надо было сдать репертуар концерта. Естественно, отдана была «рыба», состоящая из пристойных по тем временам текстов. Оговорить же вопрос репертуара с Высоцким было невозможно: если бы он понял, что мы чего-то боимся, то концерт бы не состоялся.

Организация «лекции» была на факультете достаточно тайной. Делалось это по понятным причинам: так как милиции в то время на входе в МГУ не было, то 611-ю аудиторию желающие туда попасть просто разнесли бы. Поэтому для общей огласки это был концерт Валерия Золотухина.

В такси Высоцкий рассказал, что поздно лег и разбудил его телефонный звонок какой-то поклонницы, которую он, мягко выражаясь, отшил. По дороге в университет он намекал на то, чтобы остановить машину — подышать, так как «съел чего-то не того». Тут же вспомнил, что подобное состояние бывало у него, кажется, на Таити: переел то ли кокосо-

вых орехов, то ли бананов... Эти воспоминания несколько улучшили его самочувствие, но все равно было ему тяжело.

Зрителей собралось много, но аудитория выдержала. Вы можете представить реакцию ошеломленных студентов, которые ждали увидеть на сцене Золотухина, а вместо него вышел... Высоцкий. Реакция была такой, что мне как организатору стало страшно.

Волновали и другие моменты. Ведь люди по-разному относились к Высоцкому, были и такие, кто его не воспринимал и считал все его песни «блатными». Шли такие люди на концерт, а неизвестно, что они там могли «выкинуть». Помню, как на вечер собирались женщины из учебной части, и одна из них, почтенного возраста Валентина Ивановна, ворчала: мол, вот пойду и выскажу этому хулигану все, что о нем думаю. На мое возражение «Ну какой же он хулиган?» — она безапелляционно заявила: «А кто же он? Хулиган — он и есть хулиган». Вот, думал я, встанет такая с места и выскажет свою мысль вслух. Что делать тогда?

К счастью, этого не случилось: уже после предъявления своей «визитной карточки» — «На братских могилах», когда аудитория притихла и каждый чувствовал, как у него мурашки бегают по спине, — все встало на свои места: Высоцкий моментально всех расположил к себе. Со стороны я наблюдал и за Валентиной Ивановной. Когда он пел свои юмористические песни и все буквально лежало на столах, было видно, что она сдерживается. Потом ей это притворство надоело. А при исполнении песни «Письмо из сумасшедшего дома в передачу «Очевидное — невероятное» она вместе со всеми вытирала слезы от смеха...

Концерт промелькнул в одно мгновение, и всем хотелось, чтобы он не кончался. Но, увы, «на бис» Высоцкий не пел. Не нарушил он своего правила и на этот раз. По окончании концерта председатель геоклуба Сергей Фролов подарил Владимиру Семеновичу другу, кажется — горного хрусталя.

По традиции после концерта организаторы с виновником торжества шли пить чай. Запомнился такой эпизод. В районе лифтового холла на пятом этаже к Высоцкому буквально подскочила женщина и так по-простецки заявила: «Ой, Владимир Семенович, большое вам спасибо! Вы меня извините, я была о вас такого

плохого мнения...» Честно говоря, я думал, что он мирно отпустит ей грех. Однако Высоцкий серьезно и довольно резко заметил, не сбавляя шага и не глядя на женщину: «А нечего слагать свое мнение о человеке по сплетням и слухам»...

Помню, что Высоцкий никак не мог сесть за стол и выпить чай — его постоянно выводил из комнаты и буквально оттаскивал в сторону один из прибывших с ним молодых людей «в джинсе». Причем делал это бесцеремонно — было видно, что они в дружеских отношениях...

На географическом факультете Владимира Семеновича ждали студенты-географы, установив рекорд по заполнению аудитории. Войдя, Владимир Семенович показал другу: «Геологи подарили мне камень. Надеюсь, что вы подарите мне материк». Гул оваций заглушил его слова, студенты приветствовали своего кумира...»

Пока Высоцкий выступает с концертами, в Одессе продолжают съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». Там в павильонах снимают эпизоды в декорациях «квартира Верки-модистки», «логово банды». Последний эпизод снимали дольше всего — больше недели. Что вполне объяснимо: эпизоду в картине предстоит стать кульминационным. Больше всего волнений выпало на долю Владимира Конкина, который должен был очень достоверно изобразить, как его герой, сыщик Шарпов, ловко водит за нос аж семерых бандитов, включая двух женщин, и в итоге все-таки заманивает их в муровскую засаду. Только в единственной сцене Конкину понадобился дублер: когда его герой играет на пианино сначала Шопена, потом «Мурку», место актера занял дублер, вернее дублерша — профессиональная пианистка.

В Москву со всей страны съезжаются партийные бонзы, чтобы принять участие в очередном Пленуме ЦК КПСС. Приехал сюда и Михаил Горбачев, судьба которого должна круто измениться: именно на этом пленуме его назначат секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству вместо внезапно скончавшегося Федора Кулакова. Однако перед самым началом этого важного форума с Горбачевым едва не случился конфуз. Вот как об этом вспоминает сам М. Горбачев:

«В воскресенье, 26 ноября, в двенадцать часов дня, я оказался на юбилее у моего земляка и друга еще по комсомолу Марата Грамова. Ему исполнилось пятьдесят. Это, конечно, был повод для встречи друзей. На Малой Филевской улице в новом доме, в квартире на четвертом этаже, собрались несколько человек, в основном ставропольцы. Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски — широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней... За тостами пошел разговор. Говорили, в частности, о том, кто заменит скончавшегося Кулакова на посту секретаря ЦК КПСС.

Мы, областные секретари, члены ЦК, обычно знали, как говорили тогда, «кто на подходе». Иногда с нами по таким вопросам советовались. На сей раз консультаций не было.

В застолье прошло несколько часов. А в конце дня выяснилось, что меня тщетно целый день разыскивают сотрудники Черненко. Оказывается, со мной хотел встретиться Леонид Ильич Брежнев. Позвонили в гараж Управления делами ЦК, выяснили, что Горбачев вызвал машину, нашли шофера, который меня отвозил по адресу Грамова. В середине дня позвонили на квартиру. Никто из сидевших за столом не обратил внимания на телефонный звонок. А сын Грамова на просьбу пригласить к телефону Горбачева ответил: «Не туда попали»...

Прошло еще два-три часа. И уже где-то около шести часов приехал еще один ставрополец и сказал, что в гостинице всех поставили на ноги — ищут Горбачева.

Я набрал номер телефона, который мне сообщил приехавший земляк. Ответили из приемной Черненко: «Вас вызывает Генеральный секретарь. Нас с работы повыгоняют...» «Хорошо, сейчас приеду», — успокоил того, кто звонил.

Надо сказать, нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Правда, у меня пристрастия к алкоголю не было никогда. Поэтому и на сей раз мое состояние было вполне нормальным. Но все-таки известная, я бы сказал, неловкость присутствовала. Оказавшись в кабинете Черненко, я в шуточной форме сказал: «Знаете, сошлись земляки, посидели, поговорили...» Константин Устинович шутки не принял и без всяких пре-

дисловий сообщил: «Завтра на Пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарем ЦК партии. Поэтому он и хотел встретиться с тобой...»

Известно, что на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству рассматривались несколько кандидатур: кроме Горбачева это были министр сельского хозяйства В. Месяц и 1-й секретарь Полтавского обкома партии Ф. Моргун. У последних шансов было больше: сельское хозяйство они знали изнутри, не один год проработав на этом поприще (например, Моргун работал на целине в самые трудные годы (1955—1960), затем четыре года работал в сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС). Однако чашу весов в пользу Горбачева перевесило отнюдь не профессиональное знание предмета, а... расположение Андропова. Шеф КГБ успел хорошо узнать Горбачева во время своих вояжей в Кисловодск на отдых и был уверен в его преданности себе. В отношении других кандидатов у него такой уверенности не было. Именно Андропов и убедил Брежнева принять кандидатуру Горбачева. Кстати, если на этом Пленуме взойшла звезда Горбачева, то звезда другого члена Политбюро закатилась. Речь идет о Кирилле Мазурове, который попал в Политбюро еще в 1965 году и все эти годы занимал пост 1-го заместителя председателя Совета Министров. С Брежневым у него в последние годы были натянутые отношения, вот тот его и «ушел». Вместо него в состав Политбюро был введен верный «оруженосец» генсека Константин Черненко.

Комедиограф Леонид Гайдай в те дни находился в Финляндии (24 ноября — 1 декабря), где выбирал натуру для съемок своего очередного фильма — «За спичками», который должен был сниматься в содружестве с финскими кинематографистами. В Суоми Гайдай приехал вместе с художником и оператором фильма. В компании с представителями финской стороны они ездили по тамошним хуторам и подыскивали подходящее место. Работать было трудно, поскольку в те дни выпало много снега и проехать к местам будущих съемок было затруднительно. Да еще холод стоял собачий. Короче, намучились киношники изрядно. А тут еще и хозяйева стали создавать неудобства. Они согласились предоставить нам для съемок переносную записывающую аппаратуру «На-

гра», но без обслуживания, а оплатить брались только проезд группы из 20 человек. Наши попросили их дать часть материалов для шитья костюмов героям фильма (грубые ткани, кожу), но финны и здесь отказали.

Но вернемся в Москву. 27—28 ноября, в павильоне № 8 «Мосфильма», снимались очередные эпизоды фильма «Москва слезам не верит». В большой декорации «общезитие» были сняты следующие сцены: с вахтершей (Зоя Федорова); с матерью Рачкова (Евгения Хананова) — это там она уговаривает Катерину сделать аборт, но девушка отказывается и прогоняет свою несостоявшуюся свекровь.

29 ноября сотрудники КГБ предприняли очередную акцию против Андрея Сахарова — провели негласный обыск в его квартире. Проведено это было на высшем профессиональном уровне. В операции было задействовано до семи чекистов. Двое из них отправились в качестве «хвоста» за академиком и его женой, которые на академической машине поехали в книжный магазин, двое рассредоточились возле подъезда, чтобы не пропустить внезапного появления хозяев, трое других поднялись к квартире Сахарова и, пользуясь отмычкой, открыли дверь и проникли внутрь. Интересовала чекистов одна вещь — мемуары Сахарова, над которыми он работал последние несколько месяцев и слухи о которых только теперь достигли ушей КГБ. О том, что происходило дальше, рассказывает сам А. Сахаров:

«В этот день случилось так, что на некоторое время (около полутора часов) наша квартира на улице Чкалова осталась пустой. Обычно мы избегали этого, а когда уезжали все вместе из квартиры, то брали с собой на всякий случай наиболее важные документы. В этот раз мы этого не сделали. Около часа дня мы с Люсей поехали на академической машине в книжный магазин, а вскоре после нас Руфь Григорьевна и Лиза поехали на международный телефонный переговорный пункт. Лиза в это время уже жила у нас, став членом нашей семьи... Но на этот раз они вернулись ни с чем. Одновременно с ними вернулись и мы с Люсей. Вскоре из ванной раздался голос Лизы:

— Где халат? Не могу найти...

Тут мы обнаружили, что не хватает еще некоторых вещей; подбор их был очень странным — это были поношенные Люсины и мои

вещи (в их числе мои домашние брюки и любимая мной синяя куртка, купленная еще Клавой и заштопанная Руфью Григорьевной после того, как куртку изгрызла собака Малыш), мои очки. Более ценные Люсины вещи, лежащие на самом виду, не были взяты.

На следующий день приехала Лидия Корнеевна и попросила что-то показать ей из написанного мною. Тут я обнаружил, что в коробке для документов лежит совсем не то, что там находилось. Исчезло письмо Брежневу, машинописный и рукописный текст первого варианта моих воспоминаний — то, что я успел написать за 5 первых месяцев работы. Исчезли также многочисленные письма с угрозами убить или искалечить меня и моих близких и копии многих моих общественных обращений по разным поводам и других документов, в основном (кроме письма Брежневу) уже опубликованных. Вместо этого коробка была аккуратно заполнена такой же массой других писем и документов, менее важных и интересных, которые до этого лежали в нижнем ящике секретера. Это была первая кража, или конфискация — называйте как хотите, — в многолетней истории моего «труда Сизифа»...

В ночь на 29 ноября жуткая история приключилась в столичном зоопарке: там были зверски убиты самец и самка кенгуру. Животные принадлежали к очень редкой породе кенгуру бенетта, и в московском зоопарке их было всего двое. Вернее, трое, поскольку незадолго до трагедии у них родился детеныш, который был совсем крохотный и все время сидел в сумке у матери. Он тоже погиб. Растерзанные тела животных обнаружил рано утром сотрудник зоопарка. Как установило следствие, кенгуру буквально забили палками и ножами какие-то выродки, сумевшие пробраться на территорию зоопарка ночью. Этих мерзавцев найдут спустя несколько дней, о чем я обязательно расскажу чуть позже.

Александр Митта продолжает подготовку к съемкам блокбастера «Экипаж». Из тех актеров, которых режиссеру рекомендовали в актерском отделе «Мосфильма» (П. Вельяминов, Ю. Назаров, Н. Гвоздикава, А. Кузнецов и др.), Митте не подошел ни один. В итоге он выбрал своих кандидатов, тоже неплохих и популярных актеров. Так, на роль бортинженера Скворцова был вызван Олег Даль, хотя сам он поначалу

был против. Считал, что этот фильм — не из его «оперы». Но Митте каким-то чудом удалось уговорить его изменить свое мнение. Роль командира экипажа досталась Георгию Жженову, второго пилота — Николаю Караченцову. На роль стюардессы была приглашена Елена Проклова, которую Митта считал своим талисманом: сняв ее в 12-летнем возрасте в фильме «Звонят, откройте дверь!», он с тех пор приглашал ее чуть ли не во все свои картины.

30 ноября генеральный директор «Мосфильма» утверждал окончательный состав «Экипажа». Вот как об этом вспоминает директор фильма Б. Криштул:

«Руководству киностудии Митта представил самый что ни на есть звездный экипаж. В маленьком ролике кинопроб блистали Жженов, Караченцов, Даль, Проклова. Попал в эту компанию и Анатолий Васильев, которого мы вызвали как дублера Караченцова.

При обсуждении за Караченцова выступали все: Митта, актерский отдел, худрук объединения, директор киностудии.

— Если желающих выступить больше нет, — объявил генеральный, — утверждаем представленный коллектив и пожелаем группе успеха.

Сейчас или никогда! Я попросил слова и сообщил, что в силу крайней занятости Караченцова мы можем рассчитывать на него не более двух дней в неделю, а у Васильева всего два спектакля в месяц.

— С аргументами директора картины нельзя не согласиться. Утверждаем Васильева, — заключил, уже вставая, Сизов.

Итак, Караченцов был «похоронен»! Сизов дал это понять столь решительным тоном, что даже Митта отступил. Все, на что его хватило, это бросить на меня испепеляющий взор, не предвещающий ничего хорошего. Несколько дней Митта дулся и так подозрительно посматривал в мою сторону, будто я собрался увести его жену...»

Во второй половине ноября в столичных кинотеатрах состоялись премьеры сразу нескольких фильмов, из которых выделю одну: драму Георгия Чухрая «Трясина», где в главных ролях снялись Нонна Мордюкова, Андрей Николаев, Вадим Спиридонов.

Кино по ТВ: «Друг мой, Колька!», «Угрошение огня» (1-я серия, с субтитрами), «О чем не узнают трибуны» (18-го), «Садко» (часть

2-я), «Капкан» (Румыния, впервые по ТВ, с субтитрами), «Ключи от неба» (19-го), «Чужая родня» (21-го), «Аревик» (преьера т/ф 21—22-го), «Ключи города» (23-го), «Человек без паспорта» (24-го), «Острова в океане», «На подмостках сцены» (25-го), «Морозко», «Антон Иванович сердится» (26-го), «Долг» (27-го), «Стратегия риска» (преьера т/ф 28—30-го), «У нас новенькая» (29-го), «Ночной звонок» (30-го) и др.

Из других передач: «Кинопанорама», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (24-го), «Песня-78» (25-го), «Спутник кинозрителя» (28-го).

Из театральных премьер: «Чайка» в Театре им. Маяковского с участием Татьяны Дорониной (Аркадина), Бориса Тенина (Сорин), Евгении Симоновой (Заречная), Игоря Костолевского (Треплев) и др. (22-го); «Берег» в Малом театре с участием Нелли Корниенко, Владимира Кенигсона, Юрия Соломина, Никиты Подгорного и др. (24-го).

Эстрадные представления: 16—19-го в ГТЭ выступал ВИА Пламя»; 17—19-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты болгарской певицы Богданы Карадачевой; 22-го — там же прошли концерты с участием Яака Йоалы, Ларисы Долиной, Владимира Мигули, Заура Тутова, Надежды Чепраги, Альберта Асадуллина, Леонида Серебренникова и др.; 24—26-го в «Звездном» пел венгерский певец Ивица Шерфези; 24—28-го в ГЦКЗ прошли спектакли «Беспокойтесь, пожалуйста!» с участием Ефима Березина и Юрия Тимошенко (Тарапунька и Штепсель); 29—30-го в ГЦКЗ радовал своим искусством ирландский певец Джо Долан; 22, 25—26, 29—30-го в ГТЭ Геннадий Хазанов показал свой моноспектакль «Мелочи жизни».

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты: «АББА» — «Прибытие» («Когда я поцеловал учителя», «Танцующая

королева», «Зная меня, зная тебя», «Деньги, деньги», «Почему это я?», «Тигр», «Прибытие» и др.); «Альбом» («Орел», «Название игры», «Будь в движении», «Рана души», «Спасибо за музыку», «Мне интересно», «Я — марионетка» и др.);

миньоны: «Поет ВИА «Солнце» («Моей душе покоя нет» А. Петров — Р. Бернс, «Праздник дождя» Л. Добров — А. Ольгин, «Белая лодка» Л. Добров — В. Вербин, солист — Альберт Асадуллин; «Поют ВИА» («Белым снегом» Р. Майоров — В. Харитонов — «Пламя», «Река родная» П. Аедоницкий — И. Шаферан — «Акварели», «Только скажи» А. Шульга — В. Харитонов — «Сибирью рожденные», «Сердце морское» В. Мигуля — Л. Ошанин — «Надежда»); «Песни о зиме» («Зима» А. Изотов — С. Гершанова — София Ротару, «Вот и зима» Р. Майоров — В. Харитонов — Ара Бабаджанян, «Зимняя сказка» Л. Иванова — Раиса Неменова); «Поет ВИА «Акварели» («Три слова про любовь» Б. Ривчун — В. Гин, «Теория» Т. Ефимов — Н. Олев, «Пусть будет все по-прежнему» О. Иванов — А. Дементьев, «Это только начало» Б. Ривчун — В. Харитонов); «Поет ВИА «Рапсодия» («Санни» Б. Хебб и др.); «Песни на стихи Игоря Шаферана» («Желтый лист» Р. Паулс, исполняет Н. Бумбиере и В. Лапченко, «Главные слова» В. Добрынин — исп. Нина Бродская, «Ты из Вологды, а я из Костромы» Э. Ханок — исп. ВИА «Пламя», «Выпуская синицу» А. Мажуков — исп. ВИА «Самоцветы»; «Поет «Бони М» («Спокойный отец», «Солнечно» плюс две песни эстонской группы «Апельсин»).

Журнал «Кругозор» (№ 11): Лев Лещенко («Притяжение земли» Д. Тухманов — Р. Рождественский, «Ни минуты покоя» В. Добрынин — Л. Дербенев); Алла Пугачева («Этот мир», «Песенка про меня»); «Апельсин» («Гималаи», «Вестерн», «Песня медведя»); Питер Гордино (Англия).

1978 Декабрь

«Экипаж»: Елена Проклова отказывается от роли. Скандалы на «Песне года»: Льва Лещенко обвинили в пропаганде сионизма; София Ротару против Ксении Георгиади. Высоцкий в МГУ. «Экипаж»: как нашли замену Прокловой. Чета Горбачевых прощается со Ставрополем. Разгон молодежного митинга в Ленинграде. «Бони М» в Москве. Владимир Меньшов катит «телегу» на художника. Как Евгению Мартынову впаривали билеты на концерт «Бони М». Эльдар Рязанов отдает «Гусара» на телевидение. Эдуард Стрельцов снова на поле. Премьера на ТВ: передача «Спор-клуб». «Маленькие трагедии»: почему Швейцер взял Высоцкого на роль Дон Гуана. «Сталкер»: финальная пьянка. Как женщина победила волка. Митта пишет объяснительную. «Москва слезам не верит»: как снимали «соблазнение». Нашли убийц трех кенгуру. Скандал в хоккейном «Спартаке»: рукопашная с тренером. Новая вылазка банды «иконников». Почему Высоцкий не хотел ехать на концерт в МГУ. Третья Звезда Героя для Брежнева. Триумфальное возвращение Андрея Миронова на сцену. Олег Борисов в больнице. Первая кровь маньяка Чикатило. СССР — ЧССР: ничья в нашу пользу. Работа над альманахом «Метрополь» закончена. В Шахтах ищут маньяка. «Д'Артаньян и три мушкетера»: за что Хилькевич дал в глаз киномеханику. «Место встречи изменить нельзя»: как брали Фокса в ресторане. Где вы, Борис Александров? Внезапный приход Иннокентия Смоктуновского в Театр на Таганке. Умерла актриса Вера Алтайская. За что Высоцкий отчитывал зрителей. «Москва слезам не верит»: Табаков и Алентова в объятиях друг друга. Премьера на ТВ: передача «Веселые ребята». Чикатило вывернулся. Что напроорочила гадалка Вахтангу Кикабидзе. Морозы в Москве: жители бунтуют. Горбачевы справляют Новый год на казенной даче. Ансамбль «Интеграл» на БАМе: драка у городской елки. Мои новогодние впечатления.

В пятницу, 1 декабря, на «Мосфильме» состоялось утверждение очередных кандидатур на фильм Александра Митты «Экипаж». Заседание завершилось скандалом: одна из главных исполнительниц — Елена Проклова (она должна была играть стюардессу) — внезапно отказалась от роли. Мотивировала она свой отказ тем, что ее партнерша по МХАТу Ирина Мирошниченко улетела в срочную командировку в Южную Америку и все ее роли перешли к Прокловой. «Я очень хочу сниматься, — уверяла киношников актриса, — но подвести Олега Николаевича Ефремова просто не могу. Он же так мне доверяет!»

В Останкино тем временем снимается очередная финальная «Песня года». За всем происходящим, как и положено, чуть ли не с лу-

пой надзирает председатель Гостелерадио Сергей Лапин. Если что не нравится — выкидывает безжалостно, невзирая на имена. Вот как об этом вспоминает Лев Лещенко:

«Я исполнял песню Вячеслава Добрынина «Родная земля» на Сопотском фестивале. Там она имела успех и была вполне достойна того, чтобы ее включили и в «Песню года». Но тут вдруг на нашем со Славой пути оказывается товарищ Лапин. Вызывает меня к себе:

— Что это ты хочешь протолкнуть в «Песню года»? Какие-то еврейские напевы?

Я обалдеваю:

— Почему еврейские?

Как выясняется, некие не в меру ретивые редакторы положили ему на стол клавиш «Род-

ной земли», прокомментировав его в том смысле, что тут «явно отдает ближневосточными интонациями». Раз такое дело, дай, думаю, сыграю на интернационализме.

— Ну а как же, Сергей Георгиевич, быть со всемирной дружбой всех народов и наций? Мы ведь должны быть ориентированы не только на Север, но и на Ближний Восток?

Но, увы, мои доводы не возымели действия — песня осталась за бортом финала...

Участницей другого скандала стала София Ротару. Она собиралась исполнять на «Песне года» две вещи: «Отчий дом» Евгения Мартынова и Андрея Дементьева и «Только тебе» Оскара Фельцмана и Роберта Рождественского. Как вдруг, приехав в Москву на запись, Ротару внезапно узнает, что песню «Обычная история» Юрия Саульского и Игоря Шаферана, которая числилась в ряду ее самых забойных шлягеров, собирается исполнить молодая певица Ксения Георгиади. Естественно, в Ротару вышло самолюбие. Она пришла к Лапину и закатила скандал, заявив: «Я — народная артистка, а кто такая эта Георгиади, чтобы выйти в финал с моей песней?» Формально она была права, поскольку первой исполнительницей этой песни была именно она, Ротару. Однако и Георгиади на тот момент была на вершине успеха, и ее отсутствие в финальной «Песне года» выглядело бы странно. Но Лапин сумел «разрулить» ситуацию; он распорядился, чтобы Георгиади записала «что-нибудь другое» (этим «другим» станет песня «Добрая столица»), а Ротару вернул ее шлягер. Таким образом София обскакала всех: на той «песне года» она единственная спела три песни, в то время как большинство участников удостоились двух, а некоторые признанные мэтры и вовсе одной (Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха). Полный список песен, прозвучавших в финальной «Песне года», выглядел следующим образом:

«**Любовь, комсомол и весна**» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Лев Лещенко; «**Вместе весело шагать**» (В. Шаинский — М. Матусовский) — Детский хор; «**Песня о Ташкенте**» (Д. Тухманов — Р. Бабаджанян, Л. Ошанин) — Детский хор и М. Ташматов; «**Камушки**» (А. Морозов — М. Рябинин) — Людмила Сенчина; «**Песня Красной Шапочки**» (А. Рыбников — Ю. Михайлов) — Детский хор и Лена Могучева; «**Песня первоклассника**» (Э. Ха-

нок — И. Шаферан) — Алла Пугачева; «**Лучше нашего солдата не поет никто**» (А. Экимян — В. Харитонов) — Ансамбль песни и пляски, солист — В. Романов; «**Кружится лист**» (Н. Богословский — И. Шаферан) — Валентина Толкунова; «**Два брата**» (В. Гаврилин — В. Максимов) — Эдуард Хиль; «**Придет и к вам любовь**» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Эдита Пьеха; «**Солнечные часы**» (В. Мигуля — И. Резник) — Яак Йоала; «**Пришла любовь**» (С. Туликов — А. Тесаров) — Ольга Воронец; «**Это говорим мы**» (И. Мовсесян — Л. Ошанин) — ВИА «Пламя»; «**Озарение**» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Роза Рымбаева; «**Любимой**» (Э. Колмановский — Е. Евтушенко) — Иосиф Кобзон; «**Веселый ветерок**» (Э. Каландаров — Н. Нурзуллаев) — Рано Шарипова; «**Обычная история**» (Ю. Саульский — И. Шаферан) — София Ротару; «**Высокие звезды**» (И. Лученок — Р. Гамзатов) — А. Мокренко; «**Отчий дом**» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару и Карел Готт; «**Притяжение земли**» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — Лев Лещенко; «**Новый день**» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Детский хор; «**Любовь к Отчизне**» (В. Левашов — В. Лазарев) — Юрий Богатиков; «**Вихола**» (А. Билаш — Б. Олейник) — А. Мокренко; «**Добрая столица**» (П. Аедоницкий — И. Романовский) — Ксения Георгиади; «**Идет солдат по городу**» (В. Шаинский — М. Танич) — Юрий Богатиков и ВИА «Пламя»; «**Посвящение**» (Е. Птичкин — А. Поперечный) — Ольга Воронец; «**Наш город**» (Р. Паулс — О. Гаджикасимов) — Ринат Ибрагимов; «**Носики-курносики**» (Б. Емельянов — А. Булычев) — Валентина Толкунова; «**Сережка ольховая**» (Е. Крылатов — Е. Евтушенко) — Эдуард Хиль; «**Уроки музыки**» (В. Ильин — Ю. Рыбчинский) — Татьяна Кочергина; «**Калина**» (И. Новикас — А. Саулинас) — ВИА «Оризонт»; «**Только тебе**» (О. Фельцман — Р. Рождественский) — София Ротару; «**Если город танцует**» (А. Журбин — И. Резник) — Виктор Кривонос; «**У природы нет плохой погоды**» (А. Петров — Э. Рязанов) — Людмила Сенчина; «**Влюбился я**» (П. Бюль-Бюль оглы — Ш. Рашидов, О. Гаджикасимов) — А. Днишев; «**Голос сердца**» (В. Дмитриев — М. Рябинин) — Валентина Толкунова, Эдуард Хиль, Иосиф Кобзон; «**ВИА «Пламя» и «Оризонт»; «Не исчезай**» (М. Таривердиев — А. Вознесенский) — Гали-

на Беседина и Сергей Тараненко; «Моя песня» (Г. Канчели — П. Грузинский) — Вахтанг Кицабидзе; «Женщина, которая поет» (И. Гарин, А. Пугачева — К. Кулиев) — Алла Пугачева; «Скрипка Паганини» (К. Свобода — А. Вознесенский) — Карел Готт.

В воскресенье, 3 декабря, Владимир Высоцкий отыграл в спектакле «Гамлет» главную роль и сразу же рванул в Школу-студию МХАТа, которую некогда ему посчастливилось закончить. Пропустить мероприятие, которое там проходило в эти часы — 35-летие Студии — он просто не имел права. Вот как об этом вспоминает сотрудница Школы-студии Вера Кацнельсон:

«Торжество проходило еще в старой студии. Было расширенное заседание педсовета со студентами, и выпускников много пришло. А внизу был кинозал театра, мы им пользовались, когда нам надо было. И после торжественной части все спустились туда. Выпускников пришло много: Кваша, Женя Лазарев и другие. А Володи не было, у него — «Гамлет». Я собралась уходить домой, а в зале продолжались выступления: кто читал, кто рассказывал, — и тут прибежал Володя с гитарой. Я с ним разошлась, когда выходила. А когда мне сказали, что он пришел, я вернулась, он уже пел. Там не было сцены, эстрадный помост поставили, на нем он и пел. Он так пел! И много. Все были просто поражены: после «Гамлета»! После такого трудного спектакля, это же очень тяжело! Он песен семь, неверное, спел. Никто не записывал, потому что все это было экспромтом. Мы даже не знали, кто придет, придут ли вообще: ребята сами договаривались. Потом мы в коридоре немножко поговорили, было уже поздно, мне надо было идти домой. У меня тогда состояние было неважное: муж умер...»

В 8-м павильоне «Мосфильма» продолжают съемки фильма «Москва слезам не верит». Отсняв эпизоды «в общежитии» (28—30 ноября), группа перешла из одной декорации в другую — «квартира Рачкова». 4 декабря там сняли эпизод, где Катерина знакомится с матерью своего возлюбленного (Евгения Ханаева). Это randevу оставило у девушки тягостное впечатление: чопорная и надменная мамаша буквально испепеляла ее своим взглядом, придиралась к каждому движению. Ей в будущей не-

вестке не нравилось буквально все: как она одета, как сидит за столом, как разговаривает.

В тот же день начались съемки еще одного будущего блокбастера киностудии «Мосфильм» — фильма-катастрофы «Экипаж». Работа началась в тяжелых условиях: в двадцатиградусный мороз съемки проходили в салоне настоящего самолета в аэропорту Внуково. Снимали эпизоды с участием Олега Даля (Скворцов) и Александры Иванес (в будущем — Александра Яковлева, она заменила Елену Проклову в роли стюардессы). О появлении последней вспоминает Б. Криштул:

«Как только Митта утвердил на роль стюардессы студентку Сашу Иванес, я поехал в училище просить разрешение на ее участие в съемках, подготовившись, конечно, к самому худшему. Вспоминал муторные переговоры в разных театральном училищах с ректорами, стоящими на страже «неокрепших организмов».

Только вошел в здание, как встретившийся мне преподаватель огорошил:

— Вы по поводу Иванес? Снимайте! Она свободна!

Впервые в моей практике училище «без боя» разрешило студентке сниматься. Чутье подсказывало мне: что-то здесь не то. Письмо «Мосфильма» оказалось ненужным. Два дня назад Иванес выгнали из училища. И я бросился к ректору на ее защиту.

— Бесчеловечно, негуманно, антипедагогично, — с ходу заявил я, — за что же вот так, на корню, губить молодой талант?

Ректор не сразу оправился от моей внезапной атаки, а когда пришел в себя и понял, о чем речь, объяснил, что приглашение в кино и исключение — просто совпадение.

— Эту студентку мы выкинули за бесконечные опоздания и срывы репетиций. И вам не советую с ней связываться. Попомните мое слово, хлебнете вы с ней лиха!

Я не очень-то поверил ректору, а зря...»

В «роли» самолета снимался настоящий самолет, который до этого осуществлял перелеты по маршруту Москва — Киев. Некоторое время назад на его борту некий гражданин разлил ртуть, после чего самолет отправили на ремонтный завод во Внуково. Этим и решили воспользоваться киношники, которые буквально с ног сбились в поисках нужного объекта. Правда, для того чтобы им дали «добро» на

это дело, им пришлось идти на прием к самому министру гражданской авиации Б. Бугаеву. Министр оказался в хорошем расположении духа и просьбу ходяков уважил. Более того, он даже согласился свозить их за счет «Аэрофлота» за границу, для съемок «забугорных» эпизодов. А на прощание Бугаев попросил: «Только сделайте такой же хороший фильм, как «Небесный тихоход».

В эти дни Михаил Горбачев и его супруга готовятся к отбытию в Москву, где Горбачеву предстояло работать на посту секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству (их дочь Ирина и ее муж временно оставались в Ставрополе). Расставаться с городом, где они прожили 25 лет, было грустно. Вот как вспоминает об этом сам М. Горбачев:

«Проехав через весь город и вырвавшись за его пределы, машина остановилась у края леса. Это было 5 декабря. Зима. Мы с Раисой Максимовной вышли из автомобиля и пошли пешком. Лес не был таким нарядным, как осенью. Сгущавшиеся сумерки придавали ему печальный вид, словно и он прощался с нами. Зашемило сердце.

На следующий день, оторвав шасси от ставропольской земли, самолет взял курс на Москву...»

А теперь перенесемся в «колыбель революции» город Ленинград. Там некоторое время назад появилась тайная молодежная организация СМОТ («Свободное межпрофсоюзное объединение трудящихся»). Инициатором создания этой группы был 19-летний Александр Скобов, который отдал свою комнату в коммуналке под штаб-квартиру СМОТа. Там коммунары дискутировали о прошлом и будущем, читали Кропоткина, Бакунина, Кон-Бендита и «Правду о Кронштадтском восстании». Там же была написана и программа СМОТа. В ней декларировалось следующее: «Группа молодежи вступает в политическую борьбу не ради игры в революцию или достижения эгоистических целей, но движимая единым желанием спасти страну от надвигающейся катастрофы и вывести ее из ужасающего положения, в котором она находилась последние 60 лет. Мы глубоко озабочены будущим как русского народа, так и других народов Советской империи. От судьбы народов России теперь зависит будущее народов всего мира...»

Члены СМОТа избрали ненасильственный путь свержения существующего режима: они собирались воздействовать на массы с помощью пропаганды. Объявили о всесоюзном слете своих сторонников. Чем и подписали себе приговор: КГБ моментально стало об этом известно. И последовали аресты руководителей СМОТа. Оставшиеся на свободе рядовые члены организации оказались не робкого десятка и 5 декабря решили провести митинг в защиту своих товарищей около Казанского собора. Эту акцию от КГБ удалось скрыть, и в назначенный час к месту событий пришли около 200 студентов и школьников. Однако уже спустя десять минут к собору подкатили милицейские «воронки», и участников митинга загрузили в них, что называется, под самую крышу. Руководителей СМОТа, естественно, на свободу никто не выпустил.

Поздно вечером 6 декабря Москву посетила очередная заграничная знаменитость: ансамбль из ФРГ «Бони М». Надеюсь, сегодняшняя молодежь тоже знает этот коллектив, а в те годы он был на самом пике популярности. Группа выходцев с Ямайки в лице трех женщин (Лиз Митчелл, Мейзи Вильямс, Марши Барет) и одного мужчины (Бобби Фаррел) вот уже два года взрывала Европу своими хитами. В Советский Союз песни ансамбля проникли более года назад, а первый показ по ТВ состоялся только в этом году — в начале февраля в «Мелодиях и ритмах зарубежной эстрады». Короче, «Бони М» в Москве обожали не меньше, чем «АББА» или «Смочков». Перед прилетом в столицу СССР ансамбль три недели гастролировал в ФРГ, два дня выступал с концертами в столице Ирландии Дублине, затем посетил Англию и только потом завернул в Москву.

На следующий день после приезда гости отправились гулять по столице. Причем в самом начале вышел конфуз: Фаррел собрался гулять в одном костюме, видимо, забыв, что находится не на родной Ямайке, где круглый год стоит жара. Пришлось срочно подыскивать ему шубу. Гости сначала посетили Ленинские горы, после чего поехали в Кремль, на Красную площадь. В этой прогулке их сопровождала творческая группа с Центрального телевидения во главе с режиссером Евгением Гинзбургом и диктором ЦТ Татьяной Коршиловой. Вся прогулка снималась на видеоплен-

ку, чтобы в будущем из этого получился фильм.

В съемках блокбастера «Москва слезам не верит» наступил вынужденный простой. 7—8 декабря, в 8-м павильоне, в декорации «квартира профессора» должны были снимать один из самых крамольных эпизодов — соблазнение Рачковым Катерины. Однако съемки были сорваны по вине художника Меньшикова, который не сумел к сроку подготовить декорацию. Два дня Меньшов ждал, что все будет «тип-топ», но когда утром 8 декабря ему сообщили, что декорация все еще не готова, нервы его не выдержали. Режиссер взял в руки перо и бумагу и накатал на художника «телегу». Художника на первый раз предупредили.

А Москва тем временем стоит на ушах от приезда «Бони М». Все хотят попасть на концерты в ГЦКЗ «Россия», но всех желающих, естественно, зал вместить не может. Поэтому попадают туда только избранные. Например, композитор и певец Евгений Мартынов. Правда, поначалу он хотел отказаться от этого похода. Дело в том, что человек, которого он попросил достать три билета (себе, брату и молодой жене), затребовал за них астрономическую сумму — по 250 рублей за штуку. У Мартынова аж челюсть отвисла. И было от чего: на билетах черным по белому стояла госцена в 5 рублей, а «доставала» требовал за них сумму в 50 раз больше. Поэтому Мартынов взревел: «Да ты что, белены объелся?! Сам-то ты идешь на концерт?» «Конечно, иду, с женой», — последовал ответ. «И что, за два своих билета ты тоже пятьсот рублей выложил?» «Доставала» потупил очи долу. Мартынов сразу все понял. «Значит так, — вынес он свой вердикт. — Мартынов, возможно, дурак, но не до такой степени. За такие деньги нужно три месяца грузчиком вкалывать или полгода — дворником. Вы хотите, чтобы вся Москва меня на смех подняла?» И дальше — нецензурная лексика. «Доставала» понял, что переборщил, и сразу снизил цену чуть ли не вдвое — попросил за один билет 150 рублей. На том и стоворились.

А вот как вспоминает о своем посещении концерта «Бони М» морозным вечером 8 декабря Татьяна Друбич: «Бони М» в Москве — это шок, сенсация. Москву трясло. Билеты распространялись через профкомы и партийные организации. Началась спекуляция и об-

мен билетами. В нашей институтской компании я тянула жребий и вытащила билет. Он стоил 4 рубля. В Москве стояли жуткие холода. У концертного зала «Россия» парень, специально приехавший из Краснодара, чтобы увидеть «Бони М», упал передо мной на колени, держа в одной руке столик, а в другой полтинник, и слезно умолял отдать ему билет. Искушение забрать сто пятьдесят рублей и уйти греться в другое место, конечно, было страшное, но я была делегирована от компании и пошла на концерт, о чем не жалею.

Публика была в основном солидная, напряженная. В основном был партийно-хозяйственный актив. Они совершенно не знали, как себя вести, потому что это был шок, это была почти откровенно эротическая музыка. Со мной рядом сидела пышногрудая женщина в пушистой ангорской кофте, которую весь концерт волновало. Она вздыхала: «О господи! О господи!», когда Бобби Фаррел бегал по креслам, а Лиз Митчелл спускалась и тащила на сцену кого-нибудь из зала. Это было очень здорово!..»

Кинорежиссер Эльдар Рязанов продолжает попытки пробить постановку фильма «О бедном гусаре замолвите слово». Как мы помним, он отдал сценарий фильма главному редактору Госкино Богомолу, чтобы тот вынес свое окончательное решение. Произошло это сразу после ноябрьских праздников. Однако минул уже почти месяц, а воз и ныне был там. Рязанов пытался достать Богомолу, но того постоянно не было на месте: то он на совещании, то куда-то уезжал. Наконец Рязанову удалось поймать неуловимого главреда на его рабочем месте. Но ответ Богомолу режиссеру не понравился: тот сообщил, что сценарий прочитал, но принять автора не может, поскольку завтра отбывает за границу в служебную командировку. Рязанов понял, что это его единственный шанс расставить все точки на «i», и стал чуть ли не умолять принять его перед отъездом. Видимо, делал он это так убедительно, что Богомолу сломался. Однако та встреча оставит у Рязанова горький осадок. Вот как он сам ее описывает:

«Когда я вошел к нему в кабинет, он, не отрывая глаз от какой-то рукописи, не глядя на меня, протянул мне сценарий и сказал:

— По тематическим причинам нам этот сценарий не нужен. У нас уже много картин на историческом материале.

Я ждал разговора, но Богомолов держал вытянутую руку со сценарием и продолжал якобы читать рукопись, тем самым давая понять, что встреча наша окончена.

Я вспыхнул. Кровь бросилась мне в голову. Это был отказ, причем бесцеремонный, не обставленный хотя бы из приличия политесом и демагогией.

Я взял сценарий и произнес:

— Ну да! Сценарии о чести и совести вам действительно не нужны. Их у вас навалом!

И, не прощаясь, вышел из кабинета, хлопнув дверью. Аудиенция продолжалась не больше двух минут. Все произошло мгновенно. Когда я отдавал сценарий Богомолову для чтения, я, естественно, предполагал, что результат может быть отрицательным. Тем более я уже был подготовлен реакцией на сценарий со стороны Нехорошева и резкой переменной в поведении Сизова. Но то, что ответ будет дан в хамской, небрежной форме, я не ожидал. Я спустился с четвертого этажа Госкино и вышел на улицу. Во мне все колотилось от бешенства, от унижения, от желания взорвать этот особняк в Гнездниковском переулке, с которым, как правило, в моей жизни связывались неприятные, отрицательные эмоции...

Я подошел в переулке к первому же телефону-автомату и набрал номер председателя Гостелерадио С. Г. Лапина. Секретарша тут же соединила меня с министром. Я попросился на прием. Лапин, словно чувствуя ситуацию, сработал по контрасту. Он был очень вежлив, извинился, что не может принять меня сегодня, и спросил, в какой час мне удобно посетить его завтра. Я оторопел от такой любезности. Обычно, чтобы мне попасть на прием к Ермашу, требовалось не менее месяца. В Госкино с нами никогда не церемонились, обращались как с холопами, как с крепостными. Впрочем, мы ими и были...»

Утром следующего дня Рязанов был уже у Лапина. Приняли режиссера, что называется, по высшему разряду. Не успел он подойти к входу в телецентр, как его уже встретил референт Лапина, который провел его через «вертушку» без всякого пропуска и лично доставил на четвертый этаж, где располагались служеб-

ные апартаменты председателя Гостелерадио. Тот встретил Рязанова не менее любезно. Взял у него сценарий, пообещав в ближайшее же время его прочитать. После чего завел речь... о поэзии. К своему удивлению, Рязанов узнал, что Лапин является большим ценителем русской поэзии XX века, причем многие произведения классиков знает наизусть. Как вспоминает сам режиссер: «Такого образованного начальника я встречал впервые». Короче, это randevu оставило у Рязанова самые приятные впечатления.

10 декабря в Ленинграде состоялся интересный футбольный матч, где играли ветераны, кумиры прошлых лет. С одной стороны выступали футбольные ветераны города на Неве, с другой — игроки сборной СССР, победительницы Олимпийских игр 1956 года. Последнюю в том ленинградском матче представляли такие звезды, как Игорь Нетто, Анатолий Ильин, Анатолий Масленкин, Николай Тищенко, Сергей Сальников, Борис Татушин, Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов. Матч проходил в равной борьбе, с некоторым преимуществом «олимпийцев». Это преимущество отразилось и на табло: «олимпийцы» выиграли 1:0, мяч забил Стрельцов.

11 декабря в 16.10 на ТВ состоялась премьера новой передачи — «Спор-клуб». Подготовленная в Молодежной редакции, эта передача стала настоящим прорывом в отечественном ТВ: до этого столь острых дискуссионных передач на нем еще не было. А здесь в студии собирались молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет и вели острые споры на всякие злободневные темы. Например, в первом выпуске «Спор-клуба» (его вел Ролан Быков) речь шла о проблемах лидерства в коллективе. Говорят, этот выпуск долго мариновало руководство Гостелерадио, но в итоге все-таки вынуждено было выпустить его в эфир, правда, в несколько урезанном виде. Вообще в конце 70-х до нашего ТВ наконец добрались свежие ветры, итогом чего и стало появление таких передач, как «Вокруг смеха», «Что? Где? Когда?» (передача возобновилась именно в конце десятилетия), «Спор-клуб» и др.

Кинорежиссер Михаил Швейцер проводит на «Мосфильме» интенсивные кинопробы, готовясь к съемкам фильма «Маленькие трагедии» по произведениям А. Пушкина. Пробы

начались еще 29 ноября, и за эти дни на них успели побывать многие актеры: Валерий Золотухин, Лидия Федосеева-Шукшина, Игорь Старыгин, Маргарита Терехова, Сергей Юрский, Иннокентий Смоктуновский, Юрий Каюров. 11 декабря впервые на пробах появились Владимир Высоцкий и Татьяна Догилева (коллектор 10-го павильона). Как покажет будущее, первого на роль утвердят (он станет Дон Гуаном), вторую нет (вместо нее возьмут Наталью Белохвостикову). О своем выборе М. Швейцер выскажется так:

«Приступая к работе над «Маленькими трагедиями», я решил, что Дон Гуана будет играть Высоцкий. Он был предназначен для нее еще тогда, когда мы впервые собирались эту вещь поставить — в 72-м году. Мне казалось, что все, чем владеет Высоцкий как человек, все это есть свойства пушкинского Дон Гуана. Он поэт, и он мужчина. Я имею в виду его, Высоцкого, бесстрашие и непоколебимость, умение и желание взглянуть опасности в лицо, его огромную, собранную в пружину волю человеческую — это все в нем было. Понимаете, пушкинские герои живут «бездны мрачной на краю» и находят «неизъяснимы наслажденья» существовать в виду грозящей гибели. Дон Гуан из их числа. И Высоцкий — человек из их числа...»

В тот же понедельник, 11 декабря, на том же «Мосфильме» Андрей Тарковский закончил съемки своего многострадального фильма «Сталкер». Группа вернулась с натурных съемок в Таллине в середине октября с отставанием в метраже и все это время снимала в ускоренном темпе: с 9 утра до 11 ночи. Но в последний съемочный день работа завершилась гораздо раньше — около шести, после чего вся группа отправилась в кабинет Тарковского отмечать это событие. Вот как вспоминает об этом О. Суркова:

«Когда мы с Димой (муж Сурковой. — Ф. Р.) пришли в кабинет Тарковского, то застали там пир горой. Гуляла вся съемочная группа, рабочие, осветители. Впереди всех, как обычно, «гуляла» Лариса (жена Тарковского. — Ф. Р.), которая первым делом сообщила, что «специально для нас» ею сделаны «зачапки»...

Андрей не пил... Но в какой-то момент все-таки не выдержал и решился пригубить. Это была настоящая победа Ларисы: как она

ненавидела и за спиною мужа брезгливо презирала его «вегетарианство» — тем более что, по ее всегдашнему убеждению, он был «здоров, как бык» и «бегал, как мальчик». В возбуждении Лариса носилась в поисках водки: «Тарковский решил выпить, а водки нет — такого не бывает!» Андрей и ей «разрешил» выпить рюмочку. И эта проблема выяснялась через весь стол.

В длинной узкой комнате стоял длинный стол, в противоположных концах которого сидели Андрей и Лариса. Лариса у выхода, а Андрей был заперт в самом «изголовье», для того чтобы обезопаситься от его «противоалкогольного» «занидливового» контроля. Нетрудно догадаться, что к моменту, когда Андрей «разрешил» рюмку водки Ларисе, она и без того уже была «в полном порядке».

Больно было за унижительное положение Андрея, потому что так было каждый день, за его спиной шла пьянка, и всем все было известно, и спектакль разыгрывался только ради него, которому по отведенной ему роли надлежало ничего не знать и не замечать. Лариса, теряя всякое чувство меры и вкуса, поднимала разрешенную ей рюмку и «кокетливо» кричала Андрею: «Андрюша, а теперь не нюхайте!» (то есть теперь от нее естественно и законно будет пахнуть алкоголем), при этом мужики-рабочие усмехались...

К тому времени Толя Солоницын — единственный актер на этом торжестве (именно его крупные планы доснимались в последний день) — уже благополучно спал в углу дивана. Он очень быстро пьянел. Где-то в середине пьянки он неожиданно продрал воспаленные глаза и заголосил свой любимый припев: «И с полей доносится «налей», — что означало, что он готов принять еще.

В тот вечер Андрей поднял только одиност: «За врагов!». Я думаю, что речь прежде всего шла о Рерберге (оператор, с которым Тарковский снял большинство своих фильмов, но на «Сталкере» разругался вдрызг. — Ф. Р.). Все загаддели, мол, «не надо об этом вспоминать». Но Андрей заявил, что надо, и вспомнил о том, как в прошлом году осенью вся съемочная группа уехала из Таллина (после брака пленки на первом «Сталкере») и они остались совсем одни: «Лара, Араик и я сидели, шел осенний дождь, и мы пили, и пили, и пили и

боялись остановиться — так было страшно! Две тысячи метров брака пленки!..»

Тарковский снова и снова вспоминал, как они начинали ту же самую картину с нуля. Говорил о тех, кто так и не вернулся, и благодарил тех, кто снова, несмотря ни на что, пришел работать на картину. И он снял эту картину!

Андрей говорил о том, что на «Сталкере» окончательно перестал верить в понятие «русская интеллигентность», снова имея в виду Рерберга, и что все разговоры о единстве и понимании на «одном классовом уровне» оказались всего лишь «болтовней». Он сетовал, что «этот человек окончательно спился», и говорил, что ему в конце концов всех этих «предателей» жаль, потому что они потерялись, потеряли самих себя...

После всего этого Маша Чугунова в коридоре чуть ли не со слезами на глазах сказала мне о том, как Андрей не прав относительно Рерберга. Маша продолжала дружить с ним и уверяла меня, что Андрей не верит, что Рерберг — «это единственный человек, который его искренне любит и понимает» и что «даже к Ларисе он относится искренне, понимая, что она нужна Андрею как женское начало»... В этот момент Маша махнула рукой на дверь комнаты, за которой проходило торжество: «А там на самом деле всем на них совершенно наплевать: над ними все смеются... Что касается Ларисы, то это уже просто болезнь: стоит ей прийти на студию, так тут же — она, Араик и бутылка, и все это видят. А Рерберг страдает ужасно. Он потерял два года, ничего не снимает, потому что Андрей для него все. Порывается то письмо ему написать, то позвонить...»

...Домой мы возвращались вместе с Толей Солоницыным. Он был, что называется, «готов», и мы предлагали ему, как не раз бывало прежде, ехать ночевать к нам. Но он категорически отказался и все лепетал, что поедет домой к своей «няне» (так он называл свою вторую жену Свету), что совершенно с ней счастлив, что они живут в полной гармонии: «Ну, вот клеточка к клеточке... вы не представляете!..» А потом, перед тем как расстаться на «Киевской», плакал, что его дочь от первого брака Лариса прошла мимо него на студии «Молдова-фильм», не заметив...»

12 декабря Высоцкий вместе со своими коллегами по Театру на Таганке участвует в

спектакле-концерте «В поисках жанра», который проходит в ДК завода имени Лихачева. Любимов игрой Высоцкого почему-то недоволен. Он сетует ему: «Берете, надеваете образ, не обращаетесь, не действуете...». Высоцкого эти слова крайне задели, он ищет поддержки у Валерия Золотухина. И тот, дабы успокоить коллегу, дарит ему книгу своих повестей «На Исток-речушку, к детству моему» с дарственной надписью: «Володя! Ближе человека «по музам, по судьбам» у меня нет, спасибо за дружбу, любящий тебя В. Золотухин».

А теперь перенесемся в Мордовию, в село Шейн-Майдан, где 12 декабря произошел поразительный случай: одна из тамошних жительниц сумела совладать в схватке с матерым волком. Героиню звали Антонина Грошева, в тот вечер она возвращалась домой с фермы, где кормила телят. Волк, видимо, учуял этот запах и напал на женщину неожиданно, вцепившись в валенок. Антонина поначалу решила, что это одна из деревенских собак, и попыталась на нее прикрикнуть. Но глянув повнимательней, вдруг с ужасом поняла — волк. А тот перестал рвать валенок и прыгнул ей прямо на грудь. Женщина упала на спину. Зверь метил в горло, но помешал платок, заматанный вокруг шеи. Пока он рвал его, Антонина сумела изловчиться, схватила зверя за челюсти и, разжав их, правой рукой схватила за язык. Волк мгновенно перестал дергаться, что позволило ей подняться на ноги. Зверь рычал, пытаясь освободиться от захвата, но его жертва уже пришла в себя и теперь не собиралась так просто отпускать хищника. Тем более гарантии, что волк убежит, у нее не было. Антонина попыталась позвать на помощь, но сколько ни кричала, никто не отозвался — дело-то было на краю деревни. Что делать? И тогда женщина... потащила волка к своему дому. А идти надо было полкилометра. Можете себе представить, каково ей было: рука-то в пасти у хищника, а тот, гад, рычит, упирается, мотает головой. И все же Антонина дотащила зверя до дома. В сенях нащупала деревянную лопату и стала что есть силы бить ею по голове волка. Била она так яростно, что черенок у лопаты вскоре сломался. Тогда она взяла тяжелый дверной засов и стала бить им. И убила-таки хищника. Вынуть руку из пасти зверя у самой Антонины уже не было сил, сделать это помогли соседи,

которые прибежали, услышав шум борьбы. Вся эта история наглядно подтверждала хрестоматийные строчки про то, что «есть женщины в русских селеньях».

Александр Митта продолжает съемки фильма «Экипаж». Как мы помним, работа идет в салоне настоящего самолета, отогнанного в ремонтный ангар аэропорта Внуково. О том, с каким трудом даются эти съемки, свидетельствует письмо Митты, которое он написал 13 декабря директору 2-го творческого объединения. Цитирую:

«Группа не выполняет норм выработки, несмотря на все усилия. На это есть ряд причин:

1. Съемки происходят в самолете, где невозможна никакая заранее заготовленная схема света, каждый план освещается заново и с большими усилиями.

2. Метраж кадров из-за тесноты дробится.

3. В эпизоде занято 8—9 детей, четверо имеют возраст 4—5 лет, поэтому после обеда приходится менять характер съемок.

4. Съемки назначаются исходя из окончания смены к 23 часам — начало в 14 часов, а снимать можно только с 17 часов в ночное время. В 18 часов мы вынуждены давать перерыв на обед. Рабочее время сокращается.

5. 2,5—3 часа ежедневно за счет съемочного времени происходят переезды группы во Внуково и обратно.

6. Во Внуково все службы разбросаны на километры. Группе постоянно нужны консультанты по разным вопросам и технические специалисты. Между тем администрация на площадке не имеет своего транспорта. Тот, что есть, развозит по домам детей, а из-за этого постоянно назревают вынужденные простои внутри смены.

7. В творческом отношении плотность насыщения кадра из-за тесноты в салоне самолета лишает меня возможности пользоваться массовой. Даже мельком появляющиеся персонажи выходят на крупный план и требуют актерского исполнения. Это создает проблему занятости актеров».

Владимир Меньшов, после вынужденного простоя, продолжает снимать «Москва слезам не верит». 12 декабря сняли эпизод первого появления Катерины и Людмилы в квартире профессора. А два следующих дня были посвящены съемкам самого сложного эпизода — соблазнение Рачковым Катерины. Помните, он

заваливает ее на диван, она пытается сопротивляться, но он слишком настойчив, и в итоге... гаснет свет. Короче, кто делал, тот поймет. Съемки велись в 8-м павильоне с трех дня до двенадцати ночи. Причем, прежде чем начать снимать, долго репетировали, обсуждали, как сделать так, чтобы все происходящее не выглядело пошло. Как мы теперь знаем, получилось неплохо.

А теперь перенесемся в другой мосфильмовский павильон — № 3. Там 13—15 декабря снимали один из самых смешных эпизодов фильма «Осенний марафон» — на кухне. Действующих лиц трое: Бузыкин (Олег Базилашвили), его друг журналист-иностранец (Норберт Кухинке) и сосед по дому Василий Евгеньевич Харитонов (Евгений Леонов). Последний жуткий выпивоха и пытается склонить к выпивке Бузыкина и журналиста, которым надо выполнить срочную работу. Но Харитонов настойчив. В итоге он усаживает-таки за стол обоих. Бузыкин узнает на нем свою куртку, которую ему подарила молодая любовница, а жена выбросила в окно, и просит ее продать. Но Харитонов отказывается: мол, самому нужна. И бахвалится перед иностранцем: «Вот у вас за границей выбрасывают из окон такие куртки? А у нас выбрасывают!»

В ночь на 14 декабря в Москве было совершено преступление из разряда негромких — была ограблена торговая палатка, унесено два десятка плиток шоколада, столько же пачек сигарет и банок с растворимым кофе. Все похищенное потянуло на сумму 196 рублей 62 копейки. Не стал бы упоминать об этом мелком происшествии, если бы не одно «но»: грабителем был тот самый изувер, что в конце ноября участвовал в убийстве семейства кенгуру в столичном зоопарке. Это был учащийся СГПТУ № 142, всего-то 17 лет от роду. Зверство он совершил не один, а в компании со своим однокурсником, причем все произошло по пьяни. В тот стылый ноябрьский день они с другом распили на двоих бутылку вина, и их потянуло на подвиги. Парни проникли в зоопарк и, увидев кенгуру, решили их освободить. Открыв вольер, они стали выгонять животных на свободу, но те не хотели покидать обжитую территорию. И тогда малолетки их забили палками и ножами. Преступление вызвало широкий резонанс в городе, и была дана команда во что бы то ни стало найти изуверов. Однако в течение

двух недель милиция шерстила подростковый контингент ближайшей к зоопарку округи (то, что это преступление совершили подростки, сомнений не вызывало), но все было безрезультатно. Как вдруг дичь сама угодила в сети. Ограбив палатку, один из убийц вскоре попадет в поле зрения милиции (его угораздит проговориться об этом друзьям во дворе) и будет арестован. В КПЗ он сознается и в убийстве беззащитных животных. Суд, который состоится весной следующего года, воздаст убийцам по заслугам: один из них получит 7 лет колонии, другой — 6.

14 декабря в Москве, во Дворце спорта в Лужниках (он был открыт 4 декабря после 7-месячного ремонта), состоялся первый из двух финальных матчей на Кубок европейский чемпионов по хоккею с шайбой между столичным «Спартаком» и чехословацким клубом «Польди» из города Кладно. Матч получился на редкость интересным, но еще более интересным было то, что произошло после него.

Матч начался с яростных атак хозяев поля — спартаковцев. В итоге уже ко второму периоду они вели со счетом 2:0. Но столь успешное начало матча, видимо, усыпило бдительность москвичей, и это позволило гостям сравнять счет. В итоге хозяевам так и не удалось обыграть гостей у себя дома и им пришлось довольствоваться ничьей — 4:4. Ответный матч должен состояться в феврале будущего года в Кладно.

Сразу после матча спартаковцы отправились на обычный товарищеский ужин. И там случилось неожиданное. Тренер «Спартака» Роберт Черенков высказал претензии кому-то из игроков относительно его сегодняшней игры, а тот возьми да и ответь наставнику: мол, на себя посмотри. Здесь стоит сделать небольшое отступление. Черенков пришел к руководству популярной командой чуть больше года назад, но так и не сумел найти общего языка с коллективом. Если с предыдущим тренером — Николаем Карповым — у игроков было взаимопонимание (это привело к тому, что команда завоевала «золото» 76-го года), то с Черенковым, который до этого трудился на посту старшего тренера саратовского «Кристалла» и национальной сборной, отношения были натянутые. Отсюда и результаты: «Спартак» в сезоне 1977—78 занял в чемпионате СССР 8-е место. И случай на ужине, где игрок нагрубил

тренеру, был вполне закономерен и показателен. Более того, как утверждают очевидцы, одной грубостью дело не закончилось: когда Черенков попытался вразумить игрока с помощью окрика, тот полез на тренера с кулаками. При этом несколько стульев было сломано, часть посуды перебита. Этот скандал получил широкую огласку и стал поводом к разбирательству в Спорткомитете. В результате Черенков подал прошение об отставке и эта просьба была удовлетворена. Место на тренерском мостике занял Анатолий Ватутин, с которым команда завоеует бронзовые медали первенства.

В ночь с 14 на 15 декабря вновь дала о себе знать банда «иконников» во главе с Михаилом Зацепиным. Как мы помним, свою последнюю вылазку они совершили в День Победы, ограбив церковь в деревне Чихачево Пестяковского района Ивановской области на сумму свыше 5 тысяч рублей. И вот — новое ограбление. На этот раз они проникли в Николо-Вашскую церковь села Вашка Переславского района Ярославской области. Действовали как обычно: разбили окно на первом этаже и, пользуясь тем, что церковь не охранялась, похитили оттуда 41 икону (общая сумма составила 10 050 рублей) и два десятка других предметов церковной утвари (11 050 рублей). Все похищенное предназначалось для продажи иностранцам.

В первой половине декабря в столичных кинотеатрах прошли премьеры следующих фильмов: 4-го — комедия Сергея Никоненко «**Целуются зори**» с участием Бориса Сабурова, Ивана Рыжова, Андрея Смолякова и др.; 11-го — мелодрама Марка Донского «**Супруги Орловы**» с участием Нины Руслановой, Анатolia Семенова, Сережи Тегина и др.; мелодрама Олега Никитина «**Пятое время года**», в которой снялись Семен Морозов, Александр Денисов, Валентина Теличкина и др.; комедия Михаила Швейцера «**Смешные люди**» с участием Евгения Леонова, Владимира Басова, Олега Басилашвили, Леонида Куравлева и др.; драма Булата Мансурова «**Сюда не залетают чайки**» с участием Миши Егорова, Павла Кадочникова, его сына Петра Кадочникова и др. Из зарубежных новинок выделю французскую комедию «**Четверо против кардинала**» с участием группы «Шарло» (продолжение «Четырех мушкетеров»).

Кино по ТВ: «Отчий дом» (1-го), «Таинственный остров капитана Немо» (Франция,

2-го, 9-го), «Певец» («Эль Кантор») (ГДР, впервые по ТВ), «Маскарад» (3-го), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (с субтитрами, 4-го), «Доброе утро» (5-го), «Антонина Брагина» (6—7-го), «Выбор цели» (с субтитрами, 7-го), «Не буду гангстером, дорогая» (премьера т/ф 8-го), «Три ненастных дня» (премьера т/ф 9-го), «Маленькие комедии большого дома», «Однажды осенью» (10-го), «Железный поток» (11-го), «Красное яблоко» (впервые по ТВ 12-го), «Тихоня» (13-го), «Какая у вас улыбка?» (15-го) и др.

Премьеры в театрах: 2-го в Театре им. Пушкина был показан спектакль «Джельсомино»; 8-го в Театре-студии киноактера — «Много лет спустя» с участием Зинаиды Кириенко, Георгия Шпигеля, Татьяны Логиновой и др.

Эстрадные представления: 1—3-го в ГЦКЗ «Россия» пел ирландский певец Джо Долан; 2-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского выступал белорусский ВИА «Верасы» (5-го — в «Энтузиасте»); 2—3-го в «Варшаве» — певица из Венгрии Магда Боди; 2—4-го в «Октябре» — ВИА «Ариэль»; 6-го в ГТЭ Сергей Юрский выступал с программой «Стихи и проза».

16 декабря Владимир Высоцкий вновь посетил с концертом МГУ (он выступал на геологическом факультете). Организацией концерта занималась та же группа людей, которая устраивала и предыдущие его выступления, состоявшиеся 24 ноября. Вот как об этом вспоминает А. Тюрин:

«На концерт ехали с Таганки на двух машинах: Владимир Семенович — на своей, организаторы — на такси. На Ленинском проспекте Высоцкий собирался оставить машину у друга (кажется, Ивана Бортника) и пересесть в такси. Поручив не отставать от него, он поехал первым. Однако после первых двух светофоров его «Мерседес» исчез из виду. В ответ на упрек таксист в сердцах воскликнул: «Я в своем автопарке самый опытный водитель, но угнаться за Высоцким — это самоубийство! Его номер машины известен всей милиции Москвы — вот и догони его попробуй, если ему — ни красных, ни зеленых...» Хорошо, что Владимир Семенович подождал нас на обочине, иначе могли бы его не найти. Он пересел к нам в такси.

Чтобы не ошарашить Высоцкого в университете, мы попросили Виталия Попенко, одного из организаторов этих встреч, чтобы он

«подготовил» Владимира Семеновича к изменению репертуара. Сидя рядом, Виталий обратился к нему:

— Володя, не могли бы вы немного изменить свой репертуар?

Высоцкий удивленно:

— Это еще зачем?

— Ну, понимаете, мы снова едем к геологам.

— Это к каким геологам? К тем, которые мне камень подарили?

— Да.

Высоцкий таксисту:

— Поворачивай назад.

Попенко таксисту:

— Вперед!

Высоцкий таксисту — повышенным тоном, с хрипотцой:

— Я сказал — поворачивай назад!

Таксист останавливает машину и говорит, что он разворачивается.

Попенко таксисту:

— Кто вызывал такси? Я или он?

— Вы.

— Вот и слушайте меня. Вперед!

Это был невероятно дерзкий шаг. Я вспоминаю — и мне не верится, но это было действительно так. Мы понимали: если концерт сорвется, то будет катастрофа. Он хоть и шел под маркой «Золотухин», но информация ведь просочилась, народ уже заполнил аудиторию. Билеты отбирались при входе, и если 200 человек вошли по билетам, то столько же, а может, и больше проникло в аудиторию без билетов через любые щели. Если концерт не состоится, нужно вернуть деньги. Но кому? А если все потребуют?! Думаю, что Владимир Семенович все понял, быстро смирился со своим «пленением» и дальше вел себя тихо, молча курил и периодически ухмылялся. С опозданием минут на пятнадцать мы приехали в университет...»

В том концерте Высоцкий исполнил полтора десятка песен («Милицейский протокол», «Про бича», «Я самый непьющий...», «Я когда-то умру...» и др.), а в перерывах между ними, как обычно, рассказывал о своей работе в театре, отвечал на записки. В одной из них его спросили, как он относится к Алле Пугачевой. Высоцкий ответил так: «Я вообще к ней отношусь с уважением. Мне кажется, что она работает очень много актерски — то есть она исполнительница песен очень любопытная. Мне не на что посетовать, за исключением од-

ного: думаю, ей нужно быть разборчивей в выборе текстов. А как исполнитель она у меня вызывает уважение, потому что работает над песней...»

В те самые минуты, когда Высоцкий выступал в МГУ, во Дворце спорта в Лужниках открылся очередной турнир по хоккею с шайбой на приз газеты «Известия». В половине восьмого вечера наша сборная скрестила свои клюшки с хоккеистами из Швеции. Матч получился не очень интересным, поскольку наши ребята уже с первых же минут захватили инициативу и не выпускали ее до конца встречи. Игра закончилась разгромом гостей со счетом 6:0.

В преддверии приближающегося очередного дня рождения Леонида Брежнева (ему исполнилось 72 года) пропагандисты всех мастей только и делали, что вешали на всех углах об этом. В кинотеатрах идут документальные фильмы о «выдающемся деятеле партии», газеты и журналы пишут о его ярком писательском таланте. В связи с выходом третьей книги его мемуаров «Целина» в столице устраиваются различные мероприятия. Так, в начале декабря в Доме кино состоялась встреча героев книги «Целина» с московскими кинематографистами в лице Марины Ладыниной, Льва Кулиджанова, Афанасия Кочеткова и др.; 14 декабря в Центральном лектории в Москве прошла читательская конференция по этой же книге, на которую пришли несколько десятков человек. Пришли не по собственной воле, а согнанные туда по разнарядке партийных комитетов своих предприятий. И как апогей: 19 декабря, в день рождения генсека, соратники по партии наградили именинника высшим подарком — третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза.

20 декабря в столичном Театре сатиры наблюдалось необычайное столпотворение. Честно говоря, и до этого в этот популярный театр люди валили толпами, но в тот день они хотели попасть туда особенно. Объяснялся сей факт просто: впервые после долгого перерыва, связанного с болезнью, на сцену возвращался Андрей Миронов. Как мы помним, летом этого года актеру стало так худо в Ташкенте, что народная молва тут же его похоронила. К счастью, слухи оказались безосновательными. Пока Миронов лежал в больнице, его родной театр открыл сезон без него. Все роли Мироно-

ва перешли к молодому актеру Юрию Васильеву, пришедшему в театр всего лишь год назад. Для театральной Москвы случай был беспрецедентный: дебютанту сразу досталось 6 ролей, да еще главных, да еще от самого Андрея Миронова! Более того, Васильев и роман закрутил с женой Миронова, правда, бывшей, — Екатериной Градовой. Однако, как бы Васильев ни старался, но достичь на сцене высот своего предшественника ему было не под силу.

Первой ролью Миронова после болезни стал Чацкий в «Горе от ума». Как вспоминает Н. Пушнова: «У театрального подъезда снова закипела жизнь. В тот день грузины на Центральном рынке потирали руки: дамы скупали все цветы, самые дорогие букеты.

Ему снова рукоплескали и забросали цветами на поклонах, долго не отпускали. Просто не верилось, он жив! После сплетен о том, что никогда уже Андрей не сможет играть, после страшных разговоров о менингите, о том, что он стал неизнаваем, неизлечимо болен.

Глаза огромные, синие, очень печальные. Но он жив и играет по-прежнему...»

Если Андрей Миронов в те дни благополучно покинул больничные покои, то другой известный актер — Олег Борисов — наоборот, туда угодил: его положили в Институт переливания крови. В последнее время актер испытывал слабость, его шатало из стороны в сторону, все время клонило в сон. Сам он считал, что просто перетрутился в театре, но врачи были более категоричны — нужно срочное переливание крови. Актера уложили в палату № 12, из окна которой открывался унылый вид: облезлая стена и ржавые трубы. О своих тогдашних впечатлениях Олег Борисов оставил в дневнике следующие воспоминания:

«Посадили завтракать с тремя женщинами. Как они говорят, «будем столоваться вместе». Они ходят со своими кружками и своим чесноком. Я говорю им: «Здрасьте. Я из двенадцатой». Они: «Очень приятно. А мы из пятой». Пытаюсь шутить: «Хорошо, что не из шестой». Они юмор не поняли, отвечают настороженно: «Вы что, хотите в шестую перелечь? Так там тоже женщины...»

После обеда зашел главврач, оттянул мои веки, ужаснулся и спросил: «Сколько?» Я ответил: «Сорок девять. И лет, и гемоглобина». — «Будем повышать. Придется полежать месяц, а

то и полтора». Меня это не обрадовало: Новый год, значит, здесь...»

В эти же дни заболел и Олег Даль, который снимается в фильме «Экипаж». Как мы помним, съемки проходят в тяжелых условиях: в тесном салоне самолета, стоящего «на приколе» в ремонтном ангаре во Внуково. На дворе стоят сильные морозы, и единственное спасение в таких условиях — стакан водки после съемок. Вот Даль и «завелся». В итоге 22 декабря он не смог приехать на съемки и появился на съемочной площадке только месяц спустя.

А теперь перенесемся в город Шахты Ростовской области, где проживает один из самых жестоких маньяков современности — учитель Андрей Чикатило. Мы помним этого человека по предыдущему повествованию, но тогда он совершал невинные поступки — приставал к малолетним девочкам. Так продолжалось до 22 декабря 1978 года, когда Чикатило совершил свое первое убийство. Его жертвой стала 9-летняя Лена Закотнова.

Эту красивую и общительную девочку маньяк заметил месяц назад на улице. Подойдя к ней, он предложил ей пластинку жвачки, на которую любой советский ребенок был охоч. Поскольку Чикатило внешне выглядел как вполне добропорядочный мужчина, никаких подозрений у девочки он не вызвал. В течение месяца она периодически общалась с ним и брала у него жвачку. Когда она рассказывала об этом своим подружкам-одноклассницам, те даже ей завидовали: им такую жвачку никто не дарил.

В пятницу, 22 декабря, отучившись в школе, Лена отправилась домой. Но пока шла, заметила невдалеке ледяную горку и решила покататься. Каталась она примерно час, после чего внезапно вспомнила, что в пять часов у нее назначена очередная встреча с дедушкой, который угощает ее жвачкой. Они встречались на трамвайной остановке «Трампарк» на Советской улице. Там обычно Чикатило давал девочке жвачку и минут десять разговаривал с ней, расспрашивая о ее жите-бытье. На этот раз поначалу было все, как обычно: маньяк передал Лене очередную пластинку «чуингама» в яркой обертке, спросил, как прошел день в школе. А потом неожиданно предложил пойти к нему в гости. Девочка заколебалась, поскольку родители предупреждали ее, чтобы она ни в коем случае не общалась с незнакомыми людьми,

тем более не ходила к ним домой. Но этот дедушка был ей уже хорошо знаком, тем более он пообещал ей передать у себя дома целую пачку вкусной жвачки. И она согласилась. Их путь лежал в мазанку маньяка, которую он держал вдали от своей городской квартиры. Что было дальше, много позже расскажет сам маньяк (заранее прошу у читателя прощения за шокирующие подробности):

«Мы зашли в мою мазанку. Я включил свет, как только закрыл дверь, и сразу навалился на нее, подмяв под себя, повалил на пол. Девочка испугалась, закричала, а я стал зажимать ей рот руками, срывать с нее нижнюю часть одежды, оголяя тело, расстегнул пальто. Она вырывалась, но против меня ничего не могла поделать, так как я лег на нее, прижав всем телом. Спустив с себя брюки, я стал водить половым членом по ее промежности, но эрекция полового члена не наступала, и мне не удавалось ввести его ей во влагалище. Но желание удовлетворить себя затмило весь мой рассудок, и мне хотелось любым путем совершить это... Ее крики возбудили меня еще больше. Лежа на ней и покачиваясь, как бы имитируя половой акт, я достал нож и стал наносить ей удары... У меня произошло сымявыделение... Руками я залез вовнутрь половых органов, хотелось все рвать и трогать. Она хрипела, я ее душил, и это принесло какое-то облегчение. Когда я понял, что убил девочку, встал, оделся и решил избавиться от трупа...»

На дворе было уже темно (около восьми вечера), поэтому на окраинной Межевой улице никого уже не было. Взмавнув легкое тельце жертвы себе на плечо, маньяк отнес его на берег речушки Грушевки и сбросил в воду. Туда же полетел и портфель девочки. Остальное, рассудил маньяк, сделает течение.

А теперь вновь вернемся в Москву, где продолжается хоккейный турнир на приз газеты «Известия». В те самые минуты, когда в городе Шахты происходило леденящее душу убийство, во Дворце спорта в Лужниках игрался решающий матч — СССР — ЧССР. У обеих команд было равное количество очков — по 6, однако у советских хоккеистов была лучшая разница забитых и пропущенных шайб, поэтому их вполне могла устроить и ничья. Поэтому игроки чехословацкой сборной с первых же минут устроили нашим настоящую головомойку. В итоге за 50 минут игры чехи заколотили в

наши ворота три безответные шайбы. Практически у всех, кто наблюдал за игрой с трибун Дворца и по телевизору, уже не оставалось сомнений в том, что кубок уедет в Чехословакию. Как вдруг...

Наши проснулись на 51-й минуте, когда 20-летний дебютант советской сборной Сергей Макаров распечатал-таки ворота противника. Советская сборная встрепенулась и пошла на решительный штурм. Соперники явно этого не ожидали, видимо, убаюканные крупным счетом. И вот уже Валерий Васильев сокращает разрыв до минимума — 3:2. Трибуны Дворца спорта ожили, раздалось знаменитое «Шайбу! Шайбу!». Но чехословацкие хоккеисты буквально каменной стеной встали у своих ворот, думая теперь только об одном: во что бы то ни стало удержать победный счет. А наши продолжали атаковать. И такая жажда победы была в их действиях, такой азарт их охватил, что устоять перед их натиском было просто невозможно. Тем более в их родных стенах. Короче, за 58 секунд до финальной сирены капитан нашей сборной Борис Михайлов забил решающую шайбу в ворота гостей. Счет стал ничейным, но эта ничья была равнозначна для наших хоккеистов победе. Приз «Известий» в очередной раз достался советской сборной.

И еще одно событие, датированное 22 декабря, хотелось бы упомянуть: в тот день завершилась работа над альманахом «Метрополь». Как мы помним, идея его создания пришла более года назад двум писателям: Василию Аксенову и Виктору Ерофееву. Оба были недовольны тем, что их произведения не принимают родные издательства, и надумали разрешить эту проблему созданием независимого альманаха, в котором должна была печататься «отверженная литература». Тем более что таких, как они, «отверженных» в писательском стане было предостаточно, а, значит, недостатка в авторах быть не могло. В итоге под их знамена согласились встать: Андрей Битов, Фазиль Искандер, Инна Лиснянская, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Евгений Попов и др. Каждый из перечисленных авторов представил «Метрополю» несколько своих произведений, которые не имели никакого отношения к антисоветчине, но не прошли цензуру по каким-то чиновничьим претензиям. Один экземпляр составители альманаха собирались предложить Госкомиздату, другой — ВААП. То есть с их

стороны не было никакой «фиги» по отношению к государству, все было по-честному. Как вспоминает В. Ерофеев: «Вся работа была, в общем-то, весельем, потому что никто не думал о каких-то зубодробительных последствиях. Да и не думалось и не хотелось думать. Было ощущение того, что делается что-то настоящее, реальное; ощущение того, что происходит жизнь...»

И вновь вернемся в городок Шахты Ростовской области. 24 декабря там было найдено тело Леночки Закотновой. Его обнаружили случайные прохожие, проходившие утром по Грушевскому мосту. К месту происшествия тут же приехала милиция. Естественно, стали опрашивать свидетелей, но что те могли сказать: да, обнаружили тело, но кто эта девочка, никто ответить не мог. Помог случай, вернее целых два. Сначала неподалеку от моста был найден портфель Лены, по содержимому которого была установлена личность жертвы. А затем в милицию пришла гражданка Гуренкова, которая сообщила, что два дня назад видела погибшую живой в компании с каким-то мужчиной. В руках незнакомец держал сумку, из которой торчали бутылки. «Описать внешность незнакомца сможете?» — спросил Гуренкова следователь. «Кажется, могу», — последовал ответ. И женщину свели с художником Владимиром Бельмасовым, который с ее слов набросал портрет незнакомца. Глянув на него, Гуренкова воскликнула: «Ох, похож». Рисованный портрет мужчины сфотографировали, снимок размножили и раздали милиционерам. Машина розыска заработала.

25 декабря был закончен монтаж фильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Теперь картину предстояло показать директору Одесской киностудии Геннадию Збандуту, после чего тот должен был дать свое «добро» на показ его в Госкино. Как вдруг... Рассказывает режиссер фильма Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Ночью я заканчиваю монтаж и утром показываю ее директору. Приходит Збандут, я зажигаю картину, и вдруг все распадается, вся синхронность летит кувырком. И ничего не понять — кто чего говорит? Текст звучит непонятно, актеры рты, как рыбы, открывают.

Тамара — монтажер — берет картину на монтажный стол и видит: во многих местах вырезано по два кадрика. Я, взбешенный, мчусь домой к киномеханику. А у него целая гора

этих кадров. В общем, не выдержал я и дал ему по зубам...

И так дал, что кольцо папино золотое в лепешку сплющилось. А механик был огромного роста, гораздо выше меня, здоровый такой. Получился нокаут. Его мать написала на меня «телегу», хотела в суд подать. Но меня Збандут защитил. Когда они явились к нему в кабинет, он им сказал:

— И правильно, судите его. Только я подаю в суд встречный иск на возмещение убытков, которые нанес студии ваш сын. А это порядка ста тысяч рублей (по тем временам сумма немалая). И вам придется все это вернуть.

Истцы быстро забрали заявление. Так что я был спасен...

Продолжаются съемки фильма «Место встречи изменить нельзя». В течение последних двух месяцев съемочная группа работала в Одессе, после чего в конце декабря вновь приехала в Москву, чтобы здесь снять один из кульминационных эпизодов картины — засаду на Фокса в ресторане. Местом съемок выбрали ресторан «Центральный», что на улице Горького, время съемок — две ночи с 25-го на 26-е и с 26-го на 27-е декабря. Поскольку бюджет фильма был строго лимитирован, а массовка требовалась большая, было решено привлечь к работе всех своих знакомых. Так, в кадре оказались: дочь Георгия Вайнера Наталья (в будущем Дарьялова), сын Вадима Туманова Владимир (оба они сидели за столиком с Жегловым), администратор Владимир Гольдман (подвыпивший посетитель ресторана), жена бизнесмена иранского происхождения Бабека Серуша Наталья Петрова (она играла официантку Марианну, которую Фокс выбрасывал в окно). В роли последней должна была сниматься профессиональная актриса, но она в самый последний момент заболела. Времени на поиски практически не было (съемки-то ночные), поэтому Высоцкий и вспомнил про жену своего приятеля Серуша, которая: а) была симпатична, б) имела актерские навыки (выпускница Института иностранных языков, она несколько лет назад снялась у самого Александра Птушко в фильме «Руслан и Людмила» в роли Людмилы). Позвонили ей домой на Речной вокзал, но та стала отказываться: дескать, это так неожиданно, да и поздно уже (на часах было около 12 ночи), а мне еще голову мыть, собираться. А кроме того — муж запретил ей сн

маться. «А если мы мужа твоего уговорим, согласишься?» — спросил Высоцкий. «Ну, если уговорите...» — ответила Наталья.

Высоцкий немедленно позвонил Серушу и спросил: «Ты почему жене сниматься запрещаешь, деспот?» Серуш удивился: «Ничего я ей не запрещаю». Высоцкий сразу потеплел: «Ладно, ты где находишься? Я сейчас за тобой заеду, и мы вместе поедem за Натальей». Так и сделали. Но когда они были на месте, Наталья заявила: «Я буду сниматься только в том случае, если Бабек будет рядом». Что делать? Пришлось Серушу тоже ехать в «Центральный». По дороге Наталья спросила: «А что за сцена-то, где я буду сниматься?» «Да ерунда, а не сцена, — ответил Высоцкий. — Будешь играть официантку. Делов всего на пару минут». Что это была за «ерунда», мы теперь с вами знаем. Сцену эту снимали до шести утра.

26 декабря в «Комсомольской правде» была опубликована заметка С. Шачина под названием «Форвард за бортом». Речь в ней шла о судьбе талантливого хоккеиста ЦСКА и национальной сборной Бориса Александрова. Как мы помним, в начале этого года он в очередной раз нарушил спортивный режим, и тренер армейцев Виктор Тихонов сослал его в Липецк, в команду СКА МВО. Поскольку команда эта играла в первой лиге, имя Александрова выпало из поля зрения его поклонников. А их у него за эти годы появилось предостаточно: играл-то он в лучших командах, да и как играл — залюбуешься. Поэтому в центральные газеты хлынул поток писем с просьбами сообщить, куда пропал знаменитый форвард. Ответила на эти письма только «Комсомолка»: форвард, мол, за бортом, причем по собственной вине. В заметке рассказывалась вся подноготная конфликта Александрова с ЦСКА, которая до этого от большинства болельщиков была скрыта. Упоминались его грубость на льду, плохие отношения с товарищами по команде, сообщалось даже об уголовном деле, которое было заведено на Александрова по факту уличного хулиганства. Короче, читатель узнал шокирующие подробности из жизни своего кумира. Заканчивалась публикация следующими строчками: «Спортсмен оказался эгоистом. И эгоизм погубил в нем спортсмена». Это была последняя крупная статья про Бориса Александрова в советской прессе.

В тот же день в Театре на Таганке состоялся третий прогон спектакля «Преступление и наказание». На него специально пришел Иннокентий Смоктуновский, который играл роль Порфирия Петровича в одноименном фильме Льва Кулиджанова. Увидеть Смоктуновского на репетиции никто из таганковцев не ожидал. А он отсидел весь прогон и затем подошел к Валерию Золотухину. Последний затем записал в своем дневнике их диалог:

«— Здравствуйте, очень рад видеть вас (это — Смоктуновский. — *Ф. Р.*). Кажется, нам с вами предстоит работать вместе, сниматься (речь идет о фильме «Маленькие трагедии», где у Золотухина роль Моцарта, у Смоктуновского — Сальери. — *Ф. Р.*). Но, скажу вам откровенно, я вашу пробу страшно разругал. Угостите меня сигареткой. Нет у вас? Ну позвольте, я вашу несколько раз курну? Ну вот. Когда мне сказали о вас как о Моцарте, я очень обрадовался. Я вас люблю как артиста, индивидуальность, но то, что я увидел на экране, страшно разругал. Швейцеры — замечательные, милые люди, но... понимаете, ведь он — гений... Гений, понимаете? Как ты да я... немного помоложе. Вот, как хорошо вы на меня смотрите... А так что-то на вас нацепили, какие-то побрякушки... Разрешите, я еще курну?.. Я вас не обидел? Вы не сердитесь на меня?

— Что вы. Я вас люблю и когда хорошо, и когда плохо.

— Да, вы знаете, меня стоит, право, и когда удачи, и неудачи... я... в общем, хороший... и добрый, так что вы не сердитесь.

Подошел Высоцкий:

— Иннокентий Михайлович, я испугался, увидев вас в зале. Ведь это всего лишь третья репетиция у меня... Как вы замечательно выглядите. Подтянутый, в такой спортивной форме...»

Сразу после репетиции Высоцкий отправился в ресторан «Центральный», но не насыщения ради, а по служебной необходимости: там продолжались ночные съемки фильма «Место встречи изменить нельзя».

Продолжаются съемки «Осеннего марафона». После небольшой паузы, возникшей 25—27 декабря из-за болезни одной из главных героинь — Марины Нееловой, которая играла любовницу Бузыкина Аллу, — съемки благополучно продолжились. 28 декабря, в 3-м павильоне «Мосфильма», снимали сцены в декорации

«квартира Аллы» с участием Нееловой и Олега Басилашвили.

В тот же день в Москве скончалась киноактриса Вера Алтайская. Она пришла в кино в конце 30-х годов, окончив актерскую школу «Мосфильма». Играла преимущественно комедийные роли, причем почти сплошь отрицательные. Уверен, что большинству читателей это имя ничего не говорит, однако стоит мне назвать несколько ролей, сыгранных этой актрисой, как у вас тут же всплывет в памяти ее лицо. Она сыграла главную злодейку со смешной фамилией Шкапидар в фильме «Евдокия» (1961), злобную мамашу дебильной Марфушки в сказке «Морозко» (1965). Вообще в последние годы Алтайская снималась исключительно в сказках, переиграв в них всех возможных злодеек: «Марья-искусница», «Снежная сказка», «Королевство кривых зеркал». Умерла актриса сравнительно молодой: она не дожила пяти месяцев до своего 59-летия.

Еще более молодым ушел из жизни в тот же день украинский писатель и кинорежиссер Геллий Снегирев — ему было чуть больше сорока. Снегирев был известным правозащитником и некоторое время назад был обвинен в антисоветской пропаганде и отправлен в колонию. Там его и настигла смерть. По свидетельству очевидцев, умер известный диссидент не своей смертью, а был умерщвлен. То ли уголовниками, то ли сотрудниками КГБ.

29 декабря Высоцкий отыграл Хлопушу в спектакле «Пугачев» и отправился на концерт в город Железнодорожный Московской области. Концерт проходил в тамошнем ДОКе № 6. Высоцкий спел 17 песен и ни разу не сбился. Только один раз его вывели из себя какие-то зрители, которые в момент исполнения им песни уходили куда-то из зала. Когда они вернулись обратно, Высоцкий выдал по их адресу следующую тираду:

«Вот мне любопытно: если бы вы достали билет на «Бони М», скажем, — они стоят рублей по сто, кажется, за билет, — интересно, кто-нибудь из тех, которые выходили и приходили, ушел бы хоть на минуту, нет? За свой रुपь бы остался... Мне-то это не важно, — у меня все равно есть люди, для которых я работаю. И поначалу, когда я начал вести свою программу и просил оставить свет в зале, мне показалось, что все-таки у нас установится доверие, атмосфера. И с большей половиной так

оно и случилось. Но я скажу товарищам, которые вставали посередине песни и уходили: мне очень вас жаль. Потому что через некоторое время — запоздало — вы очень захотите услышать то, что здесь было. А вы уже пропустили, больше никогда не услышите. Это жалко...»

Продолжаются съемки блокбастера «Москва слезам не верит». После того как в середине декабря был снят один из самых смелых (по меркам советского кино) эпизодов — соблазнение Рачковым Катерины, — группа в течение десяти дней работала в декорации «квартира профессора» (25-го там были отсняты последние эпизоды). Затем три дня в съемках был перерыв, после чего началась работа в другой декорации — «квартира Володи». Напомню, что Володей звали любовника Катерины (до Гоши), которого играл Олег Табаков. С его участием был снят еще один крамольный эпизод — любовная встреча Володи и Катерины. Эпизод снимали 29 декабря в 8-м павильоне поздно вечером, поскольку именно в это время все руководство студии благополучно отбывало по домам и можно было не бояться взбучки. И все равно эту сцену из фильма в последующем вырежут. Как вспоминает сам В. Меньшов:

«Я хотел свидание Катерины с любовником, которого играет Табаков, сделать более плотским, чем сцена ее соблазнения, когда она была еще девочкой и не знала, что и как. Они с Табаковым стояли друг перед другом и судорожно, быстро раздевались, бросались друг на друга. Это вызвало такую бурю негодования, хотя что там: она оставалась в комбинации, он в трусах. И жаль, что пришлось убрать, потому что я хотел, чтобы было видно в Катерине женщину — не девочку, но мать... Ничего особенного в этой сцене не было, кроме страстного поцелуя и бурного раздевания, хотя само нетерпение было гораздо сексуальнее, чем если бы мы показали сам акт, потому что оба прямо с ума сходили. Взрослая женщина, взрослый мужчина — нормальные отношения...»

В тот же пятничный день 29 декабря, в те самые минуты, когда Табаков и Алентова набрасывались друг на друга, по ТВ состоялась премьера передачи, которой суждено будет стать одной из самых популярных. Речь идет о передаче Молодежной редакции ЦТ «Веселые ребята». Это был конкурс пародий на различные явления жизни, которые придумывали и исполняли молодые актеры. Поскольку пародии действительно были смешными, к тому же исполнялись под популярные ритмы эстрады, успех у передачи был огромный, особенно среди молодежной аудитории. На общем фоне скучающего советского ТВ это было очередным глотком свежего воздуха (как и появление «Вокруг смеха», «Спор-клуба» и ряда других передач).

В городе Шахты Ростовской области милиция ищет маньяка, убившего второклассницу Лену Закотнову. За те несколько дней, когда в речке Грушевке был найден труп девочки, сыщикам удалось насобирать множество улик. Так, у забора дома № 25, что находился поблизости от мазанки Чикатило, были найдены следы крови, которые принадлежали убитой (на этом месте маньяк клал тело жертвы на землю, чтобы отдохнуть). Кроме того, в доме № 24 была найдена свидетельница, которая показала, что вечером 22 декабря, возвращаясь домой из кино, видела, как в мазанке ее соседа Чикатило горел свет. Она тогда еще удивилась: надо же, сосед допоздна засиделся (тот вечерами редко появлялся в мазанке, предпочитая бывать там днем). Короче, у сыщиков были все основания вызвать Чикатило на допрос и поинтересоваться, что он делал вечером 22 декабря в мазанке, рядом с которой была обнаружена кровь убитой девочки. И его вызвали, причем не одного, а с женой. На том допросе выяснилось сразу несколько любопытных деталей. Во-первых, оказалось, что Чикатило купил мазанку, не сказав об этом ни слова своей жене (та еще скандал ему закатила прямо на допросе). Следователю бы спросить, для каких таких целей Чикатило понадобилось покупать мазанку втайне от жены, но он этот факт решил почему-то не педалировать. Не придавал он значения и другому факту: Чикатило наотрез отказался от того, что вечером 22 декабря был в своей мазанке, а слова соседки, заявившей, что у него в окнах горел свет, назвал клеветой либо заблуждением: мол, померещилось женщине. И еще один вопиющий просчет допустило следствие: гражданке Гуренковой, которая днем 22 декабря видела Лену Закотнову в компании с мужчиной, Чикатило даже не показали. Случись это, она без всякого сомнения узнала бы в нем незнакомца, фоторобот которого был расослан всем милиционерам.

Объяснение всем этим несуразностям все же было: дело в том, что на тот момент у след-

ствия уже появился реальный подозреваемый, на которого и упало главное подозрение в убийстве. Это был некто Александр Гуренков, который проживал в том же Межевом переулке, что и Чикатило. Парню не повезло, что называется, по всем статьям: его дом стоял к реке ближе, чем мазанка Чикатило, плюс он был судим, да не за какую-нибудь кражу или хулиганство, а за... изнасилование и убийство. Короче, видимо, самому дьяволу было угодно, чтобы Чикатило остался на свободе.

Известные артисты Вахтанг Кикабидзе и Нани Брегвадзе перед самым Новым годом приехали на гастроли в Сухуми. Их концерты пользовались большим успехом, но речь я хочу повести не об этом. Дело в том, что оба они узнали там о себе такое... Рассказывает В. Кикабидзе:

«Нани мне там говорит: «Знаешь, здесь есть одна старая гадалка, зовут ее Лили. Правда, она уже в возрасте и никого не принимает, но мои друзья обещали устроить с ней встречу». Короче говоря, Лили нас приняла, очень обрадовалась, нам был устроен прекрасный обед. Потом в другой комнате она приступила к гаданию Нани. Через какое-то время, смотрю, выходит Нани в полном потрясении: «Слушай, она такие вещи мне сказала... Я и представить себе не могла, что такое возможно!» И вдруг Лили мне говорит: «Хотите, я вам тоже погадаю? Если, конечно, не боитесь...» Я, конечно, стою, виду не подаю, но сейчас могу признаться, что в ее глаза смотреть мне было очень трудно. Все время отводил глаза, заставлял себя смотреть на нее через силу. Словом, усадила она меня на стул, взяла мою руку в свои и, как сейчас помню, начала говорить следующее, внимательно глядя в мой ноготь: «У тебя вскоре случится очень серьезная болезнь, ты будешь на грани жизни и смерти. Но не волнуйся, проскочишь. Еще у тебя будет новая работа. Но там, в том доме, куда ты придешь со своими новыми проектами, тебя не примут, и ты пойдешь в другое место. Но потом, по окончании этой своей работы, ты получишь очень много похвал. И те, которые поначалу тебя не примут, будут перед тобой извиняться».

Сказанное ею мне показалось не внушающим доверия. Я во все это, честно говоря, не врубился, не воспринял всерьез. А Лили добав-

ляет: «Есть у тебя что-нибудь такое, на чем бы я могла поставить свой знак, чтобы он всегда был при тебе?» Ну достаю я свое филармоническое удостоверение, протягиваю ей, и она пишет на нем какие-то непонятные каракули...»

О том, каким образом сбылись пророчества Лили, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с событиями декабря 78-го.

В Москве установились такие холода, что кровь стынет в жилах, — аж сорок (!) градусов ниже нуля, а по области и все сорок пять. Даже ртутные термометры замерзли. За прошедшие 100 лет то были самые сильные холода в столице. Как писали газеты, холод этот был вызван вторжением на материк очень холодного воздуха с Атлантики. Объяснение, конечно, правильное, но москвичам от этого было не легче. Гражданку Франции и жену Владимира Высоцкого Марину Влади судьба в те дни занесла в Москву (приехала 24 декабря), и она испытала эти холода на себе. Вот как она об этом вспоминает:

«Приближается Новый, 1979 год. В нашей новой квартире батареи едва теплые и совершенно не греют. Везде, кроме кухни, где весь день горит плита, просто костенеешь от холода. На градуснике за окном минус сорок. Мы не снимаем стеганых курток, шапок и меховых сапог. Окна заледенели и покрылись причудливыми геометрическими узорами. Из дома мы не выходим.

И вот однажды вечером мы слышим сначала какой-то шум на улице, а подойдя к окну, видим, как, отражаясь на кафельной отделке соседнего дома, пляшут высокие языки пламени. Ты выходишь на лестничную площадку, возвращаешься через несколько минут взбудораженный и говоришь, что во дворе происходит нечто невообразимое. Мы бросаемся на улицу. Из всех домов выходят закутанные до самых глаз люди. Все кричат, особенно женщины — их ясные сильные голоса выделяются на фоне общего шума. Нам удается разобрать обрывки фраз: «Так больше невозможно! Изверги! Позор! Все спалим!» И правда, пламя уже пожирает доски, которые люди с остервенением вырывают из забора на стройке. В первый и единственный раз в жизни я видела московскую толпу, с яростью демонстрирующую свое негодование. Во многих домах уже совсем не топили — лопнули котлы. Старики и дети

свалились с воспалением легких. Ситуация трагичная, потому что в новых домах нет ни печей, ни вспомогательной системы отопления, а электрообогреватели уже давным-давно исчезли из магазинов. Некоторым удалось отправить детей к бабушкам и дедушкам в деревню, где в любую стужу в избах тепло. Но не у всех есть такая возможность, и гнев нарастает.

Уже не осталось больше досок, которыми можно было бы поддержать костер, некоторые грозятся начать жечь деревянные двери подъездов, другие стараются снять шины у машин со стройки, и все это начинает напоминать бунт. Приезжает милиция. Толпа недовольно шумит, рассыпается, постепенно расходится, и вскоре мы остаемся почти одни. С замерзшими лицами, со склеивающимися от мороза ноздрями, с заиндеветыми бровями мы возвращаемся домой после того, как нам было категорически предложено «освободить площадку».

Это длилось всего несколько минут, но результат не замедлил сказаться. Ночью были посланы специальные бригады для ремонта лопнувших котлов, и на завтра все поздравляли друг друга. Без вчерашнего случая, говорили, никто бы ничего не сделал...»

Новый год Высоцкий и Влади встречали в тесной компании своих друзей у себя в квартире на Малой Грузинской, 28. Среди гостей был и сценарист Эдуард Володарский, на участке которого, как мы помним, Высоцкий строит свою дачу. Однако в ту новогоднюю ночь их разговоры шли совсем не о строительстве: Высоцкий внезапно предложил Володарскому написать совместно сценарий по рассказам своего хорошего знакомого генерала Виталия Войтенко. Судьба этого человека была настолько драматична, что буквально сама просилась на экран. Вот как об этом вспоминает Э. Володарский:

«Во время войны Войтенко угодил в плен и попал в лагерь на юге Германии. Лагерь был расположен высоко в горах, там имелся завод; где немцы производили ФАУ и первые реактивные самолеты. Был тогда Войтенко старшим лейтенантом, летчиком. Вместе с тремя солагерниками он бежал из лагеря, а война в тот момент кончилась. И вот четверо бывших военнопленных разных национальностей, ошалев от радости освобождения, живут в свое удовольствие на одной заброшенной вилле,

потом перебираются на другую, на третью, никак не могут надышаться вольным воздухом. Но в то же время новые сложности жизни встают перед ними. Американский военный патруль принимает их за переодетых эсэсовцев и пытается арестовать. В драке они убивают сержанта и скрываются. Военная полиция начинает их разыскивать. И вот Войтенко и его друзья, только успевшие ощутить вкус свободы, вновь оказываются в положении преследуемых, вновь отовсюду им грозит опасность. И в то же время в душе каждого горит желание скорее вернуться на родину...»

Итак, Высоцкий с женой встретили наступление 1979 года у себя дома. А как же другие?

Актер Олег Борисов волею судьбы вынужден был встретить наступление 1979 года в больнице, в одиночной палате. На душе было тоскливо, хотя накануне к нему приходили жена с сыном и украсили палату живой елочкой. Она хоть и скрасила одиночество актера, но вернуть ему ощущение праздника так и не смогла.

Михаил Горбачев, которого месяц назад назначили секретарем ЦК и перевели в Москву, Новый год встречал на казенной даче в Сосновке, что неподалеку от Крылатского. В 30-е годы на этой даче жил Серго Орджоникидзе, а до Горбачевых — Константин Черненко, ставший теперь членом Политбюро. Как вспоминает сам М. Горбачев:

«Строение не отличалось особой архитектурной мыслью. Старый деревянный дом, изрядно износившийся, но уютный. Заботились о нем мало, поскольку на его месте хотели построить новый. Дача была своего рода перевалочным пунктом для вновь избранных. Раиса Максимовна съездила в Ставрополь, вернулась с ребятами (дочерью Ириной и зятем Анатолием. — Ф. Р.) и пожитками и начала обустроить новое местожительство. В кругу семьи встретили мы Новый, 1979 год. Под звон курантов подняли бокады, поздравили друг друга, в душе надеясь, что все образуется...»

Популярный ВИА «Интеграл» под руководством Бари Алибасова в те дни гастролировал по БАМу. Судьбе было угодно, чтобы Новый год артисты встретили в маленьком городке, причем самым неожиданным образом — забарикадировавшись в номерах гостиницы от ме-

стных хулиганов. Рассказывает участник ансамбля Юрий Лоза:

«Это была большая сеча. Настоящее Ледовое побоище. Дело было на центральной площади, у главной городской елки. Мы выломали огромный восьмиметровый флагшток и отбивались им от местной шпаны, отступая к гостинице. В гостиницу пришли все побитые. Но главное, что до двенадцати мы успели в гостинице забаррикадироваться и выпить. Это был 1978 год — первая большая поездка ансамбля «Интеграл». Мы ездили по БАМу... как самодеятельность Иркутского аэропорта...»

Во второй половине декабря в московских кинотеатрах состоялось несколько кинопремьер, из которых выделяю одну: истерн Евгения Шерстобитова «Тачанка с юга» (с 25-го).

Кино по ТВ: «Таинственный остров капитана Немо» (Франция, 16-го, 23-го) «Машенька» (16-го), «Нет рая для ветров» (ГДР), «Уроки французского» (преьера т/ф, 5-го), «Аленка» (18-го), «Весна 29-го» (19-го), «Хозяин красных гор» (20-го), «Самолет уходит в 9» (22-го), «Нормандия-Неман» (с субтитрами) «Исход» (23-го), «Новогодние приключения Маши и Вити», «Прошлогодня кадрили» (преьера т/ф), «Просто Саша» (24-го), «Приехали на конкурс повара» (преьера т/ф), «Вратарь» (26-го), «По семейным обстоятельствам» (27—28-го), «Трын-трава» (впервые по ТВ), «Про Красную Шапочку» (29-го), «Большая новогодняя ночь» (30-го), «Волшебный голос Джельсомино» (преьера т/ф), «Боба и слон», «31 июня» (преьера т/ф) (31-го) и др.

Эстрадные представления: 19—20-го в ГЦКЗ «Россия» пел Иосиф Кобзон; 17-го в Центральном лектории читал свои стихи Евгений Евтушенко; 23—24-го в ГЦКЗ состоялись концерты с участием Веры Васильевой, Никиты Богословского, Гелены Великановой, Владимира Макарова, Марии Лукач и др.; 29—30-го там же прошли концерты Людмилы Зыкиной; во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Валентины Толкуновой, Майи Кристалинской, Екатерины Суржиковой, Евгения Петросяна, Роксаны Бабян, Бориса Владимировича и Вадима Тонкова, Геннадия Белова и др.; 29—31-го в ГТЭ выступали ВИА: «Лейся, песня», «Метроном», «Фантазия».

Новинки фирмы «Мелодия»:

диски-гиганты: «Песни Булата Окуджавы» («Давайте восклицать», «Мой конь», «Бери шинель, пошли домой», «Песня Верещагина», «Соломенная шляпка», «Женюсь, женюсь» и др.); «С Новым годом!» («Где же ты была?» В. Добрынин — Л. Дербенев — «Лейся, песня», «Фотографии любимых» Д. Тухманов — В. Харитонов — Яак Йоала, «В первый раз» Я. Френкель — И. Шаферан — ВИА «Метроном», «Татьянин день» Ю. Саульский — Н. Олев — Бисер Киров, «Белым снегом» Р. Майоров — В. Харитонов — ВИА «Пламя», «Все сбудется» А. Хаславский — «Здравствуй, песня» и др.); «Поет ВИА «Орфей» («Я люблю этот мир» В. Мигуля — Л. Дербенев, «Наша юность» Б. Ривчун — В. Бут, «Найду тебя» Р. Майоров — А. Жигарев, «Напишите, что хорошего» В. Шаинский — В. Гин, «Я помню день» Ю. Саульский — А. Поперечный, «Любит, не любит» А. Флярковский — Р. Рождественский и др.); «Песни на стихи Леонида Дербенева» («Сколько в мире дорог», композитор — Машков, исполняет ВИА «Самоцветы», «Мы песни поем» В. Добрынин, исп. Лев Лещенко, «Наше лето» Б. Рычков, исп. «Лейся, песня», «Кто тебе сказал» В. Добрынин, исп. Нина Бродская, «Между мною и тобою» В. Добрынин, исп. ВИА «Синяя птица», «Да» А. Зацепин, исп. Алла Пугачева, «Ни минуты покоя» В. Добрынин, исп. ВИА «Веселые ребята» и др.);

миньоны: «Песни В. Добрынина из спектакля «Мелочи жизни» («Золотой ключ» слова — А. Хайт, исполняет — ВИА «Веселые ребята», «Андрей Петрович» М. Шабров, ВИА «Лейся, песня», «Мелочи жизни» А. Хайт, «Вечер» А. Хайт, ВИА «Лейся, песня»); «Песни Владимира Мигули исполняет автор» («Созвездие любви» слова — А. Дементьев, «Почему — не ведаю» А. Поперечный, «А мне не надо от тебя» А. Дементьев, «Гвоздики» М. Суворова, А. Байбаков); «Поет ВИА «Рапсодия» («Полюби меня или уходи» Б. Андерсон — Б. Ульвеус, «Санни» Б. Хебб и две песни советских композиторов).

Журнал «Кругозор» (№ 12): Эдита Пыха («Придет и к вам любовь» М. Фрадкин — Р. Рождественский, «Завтра» А. Морозов — Ю. Бодров, «Баллада о Тане Савичевой» Е. Дога — В. Гин); Аманда Лир («Голубое танго» П. Андерсон, «Кровь и мед» А. Монн); группа «Пуссикэт» (Голландия) («Джордж»).

ХИТ-ПАРАД-78

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Служебный роман» («Мосфильм», режиссер Эльдар Рязанов, в ролях Алиса Фрейндлих, Андрей Мягков, Олег Басилашвили и др., премьера — 29 декабря 1977 года) — 58, 4 млн зрителей;
- «Судьба» («Мосфильм», реж. Евгений Матвеев, в ролях Евгений Матвеев, Юрий Яковлев, Валерия Заклунная и др., премьера — 13 февраля) — 57, 8 млн;
- «Вооружен и очень опасен» («Ленфильм», реж. Владимир Вайншток, в ролях Донатас Банионис, Леонид Броневой, Людмила Сенчина и др., премьера — 9 января) — 39, 2 млн;
- «В зоне особого внимания» («Мосфильм», реж. Андрей Малюков, в ролях Борис Галкин, Михай Волонтир, Анатолий Кузнецов и др., премьера — 23 октября) — 35, 4 млн;
- «Трактир на Пятницкой» («Мосфильм», реж. Александр Файнциммер, в ролях Лев Прыгунов, Николай Еременко, Константин Григорьев и др., премьера — 17 июля) — 30, 0 млн;
- «Странная женщина» («Мосфильм», реж. Юлий Райзман, в ролях Ирина Купченко, Василий Лановой др., премьера — 11 сентября) — 28, 9 млн;
- «Фронт за линией фронта» («Мосфильм», реж. Игорь Гостев, в ролях Вячеслав Тихонов, Галина Польских, Евгений Матвеев и др., премьера — 9 февраля) — 27, 6 млн;
- «Приезжая» («Мосфильм», реж. Валерий Лонской, в ролях Жанна Прохоренко, Лена Иконникая, Александр Михайлов и др., премьера — 27 апреля) — 27, 4 млн;
- «Усатый нянь» (К/ст имени Горького, реж. Владимир Грамматиков, в ролях Сергей Проханов, Людмила Шагалова и др., премьера — 1 мая) — 26, 8 млн;
- «Мой ласковый и нежный зверь» («Мосфильм», реж. Эмиль Лотяну, в ролях Олег Янковский, Галина Беляева, Кирилл Лавров и др., премьера — 18 сентября) — 26, 0 млн;
- «Мимино» («Мосфильм», реж. Георгий Данелия, в ролях Вахтанг Кикабидзе, Фрунзе Мкртчян, Елена Проклова и др., премьера — 27 марта) — 24, 4 млн;
- «Схватка в пурге» («Мосфильм», реж. Александр Гордон, в ролях Валентин Гафт, Леонид Марков, Виктор Павлов и др., премьера — 27 февраля) — 23, 9 млн;
- «Транссибирский экспресс» («Мосфильм», реж. Эльдор Уразбаев, в ролях Асанали Ашимов,

Нонна Терентьева, Константин Григорьев и др., премьера — 17 октября 1977 года) — 23, 8 млн;

- «Меня это не касается» («Ленфильм», реж. Герберт Раппапорт, в ролях Александр Збруев, Ирина Понаровская, Юрий Демич и др., премьера — 12 декабря 1977 года) — 20, 0 млн;
- «Подранки» («Мосфильм», реж. Николай Губенко, в ролях Алеша Черствов, Юозас Будрайтис, Николай Губенко и др., премьера — 28 ноября 1977 года) — 19, 3 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран» среди своих читателей (22 000 писем), были получены следующие результаты:

- Лучшие фильмы:** 1. «Служебный роман» (76,5% читателей назвали фильм отличным, 3,6% — посредственным). 2. «Судьба» (67,7% — 44%). 3. «Мой ласковый и нежный зверь» (64,8% — 5,6%). 4. «Фронт за линией фронта» (60,2% — 5,1%). 5. «Странная женщина» (64,1% — 8,0%). 6. «Школьный вальс» (56,0% — 9,0%). 7. «Блокада», фильм 4-й — «Операция «Искра» (51,1% — 6,3%). 8. «Блокада», фильм 3-й — «Ленинградский метроном» (50,2% — 6,1%). 9. «В зоне особого внимания» (53,0% — 9,2%). 10. «Трясина» (52,9% — 8,7%).

Худшие фильмы: «Дипломаты поневоле» (13,4% читателей назвали его неудачным, 33,1% — хорошим), «Багдасар разводится с женой» (9,6% — 28,1%), «Целуются зори» (7,5% — 35,1%), «На горе стоит гора» (1,1% — 34,8%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Прокаженная» (Польша), «Две матери» (Вьетнам), «Одноклассники» (Монголия), «На грани провала» (Югославия), «Пятая печать» (Венгрия).

Лучшие фильмы других стран (впервые весь пьедестал заняли фильмы французского производства): «Игрушка», «Частный детектив», «Знакомство по брачному объявлению», «Последний выстрел», «Вендетта по-корсикански».

Лучшие актрисы: Алиса Фрейндлих (Людмила Калугина в «Служебном романе») — 25,3% голосов; Ирина Купченко (Евгения Шевелева в «Странной женщине») — 23,8%.

Лучшие актеры: Андрей Мягков (Анатолий Новосельцев в «Служебном романе») — 12,9%; Вахтанг Кикабидзе (Валико Мизандари в «Мимино»); эта прекрасная комедия, согласно «СЭ», даже не вошла в десятку лучших фильмов!) — 10,8%.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

- «Игрушка» (Франция) — 29 мая;
- «Жандарм женится» (Франция) — 3 июля;
- «Просчет лейтенанта Слэйда» (ФРГ) — 3 июля;
- «Мститель» (Индия) — 16 января;
- «Четыре мушкетера» (Франция) — 9 октября;
- «Четверо против кардинала» (Франция) — 11 декабря;
- «Частный детектив» (Франция) — 14 августа;
- «Новобранцы идут на войну» (Франция) — 31 июля;
- «Убийство в Восточном экспрессе» (Англия) — 31 июля;
- «Сиятельные трупы» (Италия) — 22 мая;
- «Семейный портрет в интерьере» (Италия) — 20 июня.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

- «Собака на сене» (т/ф) — 1 января;
- Фильмы Ч. Чаплина — 5 февраля;
- «Черный хлеб» (т/ф) — 6—10, 13, 15—17 февраля;
- «Джузеппе Верди» (Италия) — впервые по ТВ 11 марта;
- «Стоянка три часа» — впервые по ТВ 17 марта;
- «И это все о нем» (т/ф) — 24—28, 30 марта;
- «Паруса» (т/ф) — 7—8 апреля;
- «Капкан» (Румыния) — впервые по ТВ 13 апреля;
- «Шаг навстречу» — впервые по ТВ 23 апреля;
- «По семейным обстоятельствам» (т/ф) — 29 апреля;
- «Бенефис Л. Гурченко» — 29 апреля;
- «Преступление» — впервые по ТВ 13, 20 мая;
- «Голубка» (т/ф) — 16—19 мая;
- «Следствие ведут знатоки», Дело № 12 — «Букет на приеме» — 20 мая;
- «Весенние перевертыши» — впервые по ТВ 21 мая;
- «Родные» (т/ф) — 25—26 мая;
- «Кто, если не ты» — впервые по ТВ 1 июня;
- «Дети как дети» (т/ф) — 3 июня;
- «Чудо с косичками» — впервые по ТВ 4 июня;
- «Талант» (т/ф) — 6—9 июня;
- «Секрет великого рассказчика» — впервые по ТВ 11 июня;
- «И снова Анискин» (т/ф) — 14—16 июня;
- «Часы с кукушкой» (т/сп) — 18 июня;
- «Золотая мина» (т/ф) — 24 июня;
- «Первые радости» (т/ф) — 4, 6—7 июля;
- «Ураган в степи» — впервые по ТВ 11 июля;
- «Уильям Шекспир» (т/ф, Англия) — 17—21 июля;
- «Тихие американцы» (д/ф) — 25 июля;
- «Страх высоты» — впервые по ТВ 4 августа;
- «Диалог» (т/ф) — 8—10 августа;
- «Квартет Гварнери» (т/ф) — 19 августа;
- «Противник» (Индия) — впервые по ТВ 25 августа;

- «Дуэнья» (т/ф) — 27 августа;
- «Анна и Командор» — впервые по ТВ 29 августа;
- «Бродди» (т/ф) — 31 августа;
- «Комедия ошибок» (т/ф) — 2 сентября;
- «Кавказская повесть» (т/ф) — 9 сентября;
- «Где ты был, Одиссей?» (т/ф) — 13—15 сентября;
- «Золотая речка» — впервые по ТВ 21, 23-го сентября;
- «Потому что люблю» — впервые по ТВ 30 сентября;
- «Таблетка под язык» (т/сп) — 2 октября;
- «Пуск» (т/ф) — 3—5 октября;
- «Лица» (т/сп) — 11 октября;
- «Младшая сестра» (т/ф) — 13 октября;
- «Председатель ревкома» (т/ф) — 14 октября;
- «Мальчишки» (т/ф) — 24—26 октября;
- «Однокашники» (т/ф) — 28 октября;
- «Сапоги всмятку» (т/ф) — 31 октября;
- «Артем» (т/ф) — 3—4 ноября;
- «Следствие ведут знатоки», Дело № 13 — «До третьего выстрела» — 11—12 ноября;
- «Камилла» (т/ф, Италия) — 13—17 ноября;
- «Встреча с А. Мироновым в Останкино» — 18 ноября;
- «Аревик» (т/ф) — 21—22 ноября;
- «Стратегия риска» (т/ф) — 28—30 ноября;
- «Певец» («Эль Кантор») (ГДР) — впервые по ТВ 3 декабря;
- «Не буду гангстером, дорогая» (т/ф) — 8 декабря;
- «Три ненастных дня» (т/ф) — 9 декабря;
- «Спор-клуб» (телепередача) — 11 декабря;
- «Красное яблоко» — впервые по ТВ 12 декабря;
- «Уроки французского» (т/ф) — 17 декабря;
- «Прошлогонья кадрили» (т/ф) — 24 декабря;
- «Приехали на конкурс повара» (т/ф) — 26 декабря;
- «Трын-трава» — впервые по ТВ 29 декабря;
- «Веселые ребята» (телепередача) — 29 декабря;
- «Волшебный голос Джельсомино» (т/ф) — 31 декабря;
- «31 июня» (т/ф) — 31 декабря.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов

- А. Адамов. — «Инспектор Лосев» (диалогия);
- И. Акулов. — «Касьян остудный» (роман);
- Э. Асадов. — «Годы мужества и любви» (стихи и поэмы);
- Л. Безыменский. — «Укрощение «Тайфуна»;
- Ю. Бондарев. — «Мгновения»;
- Г. Боровик. — «Контора на улице Монтэра»;
- А. и Г. Вайнеры. — «Лекарство для Несмеяны»; «Не потерять человека»;
- А. Ваксберг. — «У крутого обрыва» (очерки);
- А. Вознесенский. — «Соблазн» (стихи);
- Ю. Друнина. — «Мир под оливами» (лирика);

- Е. Евтушенко.** — «Компромисс Компромиссович»; «Присяга простору»; «Утренний народ»;
А. Иванов. — «Красная Пашечка» (пародии, эпиграммы);
Ф. Искандер. — «Начало» (рассказы);
Н. Леонов. — «Явка с повинной» (повести);
С. Михалков. — «Коты и мыши» (басни);
Б. Можжевель. — «Старые истории» (повести, рассказы);
Ю. Нагибин. — «Берендеев лес» (рассказы, очерки);
Е. Парнов. — «Звездные знаки»;
П. Проскурин. — «Имя твое» (роман);
В. Розов. — «Всадники со станции Роса»; «Гнездо глухаря» (пьесы);
Ю. Семенов. — «Каприччиозо по-сицилийски»;
В. Токарева. — «Летающие качели» (рассказы, повесть);
Э. Хруцкий. — «Четвертый эшелон»;
А. Яхонтов. — «Кардиограмма при свечах» (рассказы).

Переводная литература (детективы)

- Г. Веральди.** «Акция в Страсбурге» (повесть) — «Вокруг света» № 7—10;
П. Вале, М. Шеваль. — «Наемные убийцы» (роман);
А. Збых. «Разыскивается группенфюрер Вольф» (роман) — «Кодры» № 1;
К. Козьневский. «Человек в парике» (повесть) — «Искатель» № 4;
Д. Криси. «Тайна маленького парашютиста» (повесть) — «Звезда Востока» № 3—5;
Р. Макдональд. «Следы ведут в Эль-Ранчо» (повесть) — «Огонек» № 30—36, 38—43;
У. Мастерсон. «Когда наступает полночь» (повесть) — «Вокруг света» № 2—3;
Р. Молина. «Люди молчаливой профессии» (роман);
Ж. Сименон. «Гнев Мегрэ» — «Октябрь» № 3; «Мегрэ в меблированных комнатах» — «Искатель» № 5—6; «Мегрэ в тревоге» — «Нева» № 2; «Мегрэ и сумасшедшая» — «Памир» № 1—4; «Мегрэ сердится» («Детская литература»);
Д. Френсис. «Кураж» (повесть) — «Дон» № 11—12;
Д. Хэммет. «Человек, которого зовут Спейд» (повесть) — «Радуга» № 1;
Д. Х. Чейз. «Дело о наезде» (повесть) — «Искатель» № 2—3;
Г. К. Честертон. «Разбойничий рай» (рассказ) — «Наука и жизнь» № 11;
Е. Эдигей. «Смерть ждет у окна» (повесть) — «Волга» № 5—6;
- «Зарубежный детектив» (N8):** К. Земский «Золотые шупальца»; Д. Хадсон «Экстренный случай»; П. Вале, М. Шеваль «Полиция, полиция, картофельное пюре!»;
«Подвиг» (т. 5): Д. Болл. «Душной ночью в Каролине».

Шлягеры года (отечественные)

- «Остановите музыку»** (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Тынис Мяги, январь;
«Песня о Ташкенте» (Д. Тухманов — Р. Бабаджан, Л. Ошанин) — Альберт Асадуллин, январь;
«Бармалей» (А. Зацепин — Ю. Энтин) — Михаил Боярский, январь;
«Чита-грита» (Г. Канчели — П. Грузинский) — Вахтанг Кикабидзе, январь;
«Ни минуты покоя» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Веселые ребята», февраль;
«Напиши мне письмо» (В. Добрынин — М. Рябинин) — «Веселые ребята», февраль;
«Летние каникулы» (П. Слободкин — И. Резник) — «Веселые ребята», февраль;
«Кукла» (А. Морозов — Г. Горбовский) — «Веселые ребята», февраль;
«Рано прощаться» (С. Намин — В. Харитонов) — Группа Стаса Намина, февраль;
«Беловежская пуша» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — «Песняры», февраль;
«Клен» (Ю. Акулов — Л. Шишко) — «Синяя птица», февраль;
«Горько» (В. Добрынин — Л. Дербенев, И. Шаферан) — «Синяя птица», февраль;
«Мамина пластинка» (В. Дьячков) — «Синяя птица», февраль;
«Не обижайся» (В. Добрынин — М. Танич) — «Синяя птица», февраль;
«Олеандр» (С. Влavianос) — Валерий Ободзинский, март;
«Белые крылья» (В. Шаинский — В. Харитонов) — Валерий Ободзинский, март;
«Весенняя бессонница» (Г. Мовсесян — Л. Ошанин) — «Голубые гитары», март;
«Талая вода» (О. Иванов — Л. Ошанин) — Ринат Ибрагимов, март;
«Вместе весело шагать» (В. Шаинский — М. Матусовский) — Детский хор, март;
«Эти летние дожди» (М. Минков — С. Кирсанов) — Алла Пугачева, апрель;
«Родная земля» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», Лев Лещенко, апрель;
«Озарение» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Роза Рымбаева, апрель;
«Фотографии любимых» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Яак Йоала, май;

- «Обычная история» (Ю. Саульский — И. Шаферан) — София Ротару, май;
 «Урок сольфеджио» (Коциопанасис — В. Луговой) — «Синяя птица», май;
 «Между мною и тобою» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Синяя птица», май;
 «Притяжение земли» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — Лев Лещенко, май;
 «Это говорим мы» (Г. Мовсесян — Л. Ошанин) — «Пламя», май;
 «Идет солдат по городу» (В. Шаинский — М. Танич) — «Пламя», май;
 «Носики-курносики» (Б. Емельянов — А. Булычев) — Валентина Толкунова, май;
 «Песенка д'Арганьяна» (М. Дунаевский — Ю. Рышенцев) — Михаил Боярский, июнь;
 «Солнечные часы» (В. Мигуля — И. Резник) — Яак Йоала, июнь;
 «Песенка первоклассника» (Э. Ханок — И. Шаферан) — Алла Пугачева, июль;
 «Ты возьми меня с собой» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, июль;
 «Наше лето» (Б. Рычков — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», июль;
 «Наш город» (Р. Паулс — О. Гаджикасимов) — Ринат Ибрагимов, август;
 «Придет и к вам любовь» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Эдита Пьеха, сентябрь;
 «Белым снегом» (Р. Майоров — В. Харитонов) — «Пламя», сентябрь;
 «Созвездие любви» (В. Мигуля — А. Дементьев) — Владимир Мигуля, декабрь;
 «А мне не надо от тебя» (В. Мигуля — А. Дементьев) — Владимир Мигуля, декабрь;
 «Спорит Вологда и спорит Кострома» (Э. Ханок — И. Шаферан) — Геннадий Каменный, декабрь;
 «Если город танцует» (А. Журбин — И. Резник) — Виктор Кривонос, декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Мне судьба — до последней черты...»,
 «Ах, черная икорочка...»,
 «Пожары над страной...»,
 «Я сам с Ростова...»,
 «Сбиваются из досок столы во дворе...»,
 «Какой был бал!...»,
 «Я когда-то умру...»,
 «Реальней сновидения и бреда...»,
 «Словно бритва рассвет полоснул по глазам...».

Шлягеры года (зарубежные)

- «California Nights», «Love is Like Oxygen», «Strong Love» — «Свит», январь;

- «How Deep is your Love», «Stayin Alive», «Too Much Heaven» — «Би Джиз», март;
 «Denis» — «Блонди», март;
 «London Town», «Cafe on the Left bank», «Cuft Link», «Children, Children», «With a Little Luck» — Пол Маккартни, апрель;
 «Stumblin' in» — Крис Норман и Сюзи Куатро, август;
 «Dreadlock Holiday» — «Тэн-Си-Си», сентябрь;
 «Honesty», «My Life», «Big Shot» — Билли Джоэл, октябрь;
 «Mustapha», «Bicycle Race», «Don't Stop me Now» — «Квин», ноябрь;
 «D'Ya Think i'm Sexy» — Род Стюарт;
 «Porgve te Vas?» — Джанет;
 «Power of Love», «Mexican Girl», «For a Few Dollars More» — «Смоки»;
 «Rasputin», «Rivers of Babylon», «Brown Girl in the Ring», «Painter man» — Бони М;
 «If you Can't Give me Love», «Don't Change my Luck», «The Race is on» — Сюзи Куатро;
 «Tanti Auguri» — Рафаэла Кара
 «Left me in the Rain», «One Way Ticket» — «Ирапшн»;
 «Just Blue», «Final Signal», «Sumhony», «Blue Tears» — «Спэйс»;
 «Macho Man» — «Виллидж Пипл»;
 «Parlez vous francais?» — «Баккара»;
 «Bandido», «Black and White» — «Ла Бионда»;
 «For you Love», «Dance with me», «Better Stop» — «Чилли».

Преступность в СССР в 1978 году

- Общее количество преступлений — 1 308 466 (в 1977 — 1 212 022);
 умышленные убийства — 20 385 (в 1977 — 18 930);
 покушения на убийства — 4 145 (в 1977 — 3 960);
 убийства с разбоем — 323 (в 1977 — 288);
 убийства с изнасилованием — 345 (в 1977 — 304);
 убийства с хулиганством — 2 114 (в 1977 — 2 188);
 убийства из-за ревности и ссор — 12 400 (в 1977 — 12 161);
 убийства матерью новорожденного — 328 (в 1977 — 381);
 посягательства на милиционеров — 368 (в 1977 — 336);
 изнасилования — 18 495 (в 1977 — 16 971);
 грабежи — 44 878 (в 1977 — 41 615);
 разбои — 12 698 (в 1977 — 10 748);
 хулиганство — 159 424 (в 1977 — 147 024);
 умышленные телесные повреждения — 45 015 (в 1977 — 40 041);
 преступления в армии — 18 150 (в 1977 — 16 304);
 взяточничество — 4 501 (в 1977 — 4 162).

1979 ГОД

1979 Январь

Авария на Белоярской АЭС. Высоцкий и Володарский пишут сценарий. Снимаются будущие блокбастеры. Проблемы звукозаписи в СССР. «Машина времени» затевает спектакль-концерт «Маленький принц». Валерий Лобановский в гостях у Олега Борисова. Попытка ограбления в Новоалтайске. Паника в Москве: будут ли крепчать морозы? «Москва слезам не верит»: в поисках Гоши. Зрители обиделись на Майю Плисецкую, Высоцкий и Володарский закончили сценарий. Вместо Чикатило арестовали другого. «Осенний марафон»: эпизод с курткой. Триумф Аллы Пугачевой. Высоцкий — в Париж, Брежнев — в Софию. Умер кинорежиссер Александр Столпер. Хорошая новость для Эльдара Рязанова. Вячеслав Фетисов обругал врача. Убийство отчима в Ростове-на-Дону. Цензура правит Брежнева. Суд над террористами. Началась перепись населения. Альманах «Метрополь»: перед грозой. Скандал вокруг Евгения Евтушенко. Высоцкий в Нью-Йорке. Умер киноактер Валентин Зубков. Концерт Высоцкого в Квинс-колледже. Скандал вокруг «Метрополя». Первая жертва каннибала Джумагалиева. Как сорвали презентацию «Метрополя». Алла Пугачева: как белка в колесе. Юрий Любимов осерчал на Владимира Высоцкого. Приговор террористам. Появилась на свет банда братьев Самойленко. Обсуждение кинопроб для фильма «Маленькие трагедии». Дебют Эльдара Рязанова в роли ведущего «Кинопанорамы». Возвращение Высоцкого в Москву. Андрей Сахаров защищает террористов. Был ли Григорий Александров предателем? Первое убийство маньяка Нагиева.

Звездные роды.

Наступление Нового, 1979 года граждане СССР встретили по большей части в своих теплых квартирах. Если в былые годы уже вскоре после боя курантов толпы людей высыпали на улицы, чтобы продолжить празднование на свежем воздухе, то на этот раз жуткие морозы заставили всех остаться в четырех стенах, возле телевизоров. До трех часов утра ЦТ потчевало людей «Голубым огоньком», гостями которого были следующие звезды отечественной эстрады и кино: Клавдия Шульженко, Юрий Соломин, Александр Демьяненко, Полад Бюль-Бюль оглы, Вахтанг Кикабидзе и «Орэра», Геннадий Хазанов, Анна Герман, Алла Пугачева, Дин Рид, четверка мушкетеров в лице Михаила Боярского, Вениамина Смехова, Валентина Смирнитского, Игоря Старыгина и многие другие. Сразу после «Огонька» начались «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» с не менее звездным составом. Неизбалованного со-

ветского зрителя в тот раз порадовали записью песен в исполнении таких звезд зарубежной эстрады, как «АББА», «Бони М», «Смоки», Джо Дассен, Мирей Матье, Демис Руссос, Карел Готт, Хелена Вондрачкова и др.

В те самые часы, когда миллионы советских граждан наслаждались «Голубым огоньком», в Свердловской области случилось ЧП: в ночь на Новый год из-за сильных морозов (а там ртутный столбик опустился до отметки 57 градусов ниже нуля) на Белоярской атомной станции не выдержали металлоконструкции в машинном зале, которые, падая, выбили искру, и случился пожар. Поскольку ситуация сложилась угрожающая, к месту происшествия из Свердловска были присланы все пожарные силы. Надо было во что бы то ни стало поставить заслон огню, который рвался в реакторный зал. Случись это — произошла бы чудовищная катастрофа. Пока пожарные боролись

с огнем, власти подготовили сотни автобусов, на которых должны были эвакуировать жителей поселка. Но эвакуация не понадобилась: пожарные сумели побороть огонь.

Владимир Высоцкий в первые часы Нового года тоже был далек от просмотра «Огонька»: он думал о том, как бы поскорее начать писать сценарий будущего фильма, основанного на рассказах генерала Виталия Войтенко. Нетерпение Высоцкого было столь велико, что практически всю ночь он дергал сценариста Эдуарда Володарского, который дал свое согласие стать его соавтором, и уговаривал его начать писать сценарий немедленно.

Вспоминает Э. Володарский: «Рано утром 1 января мы взялись за работу. Кое-какие сцены были уже придуманы, и мы долго обговаривали сюжетную схему, искали и находили новые детали, повороты, фантазировали по поводу биографии героев. Я думал, что на сегодня этим и ограничимся, но Володя просто не выпустил меня из кабинета, поставил на стол машинку.

— Ну напиши хоть две-три первые сценки, ну что тебе стоит, Эдька!

Я горестно вздохнул и сел за стол. В гостиной Володиной квартиры о чем-то спорили, доносились смех, музыка. А я сидел и стучал на машинке, как каторжанин. Иногда осторожно заходил Володя, говорил негромко:

— Я тут еще один поворот придумал. В сцене на вилле. Вот послушай. Как тебе покажется?

Я отодвигал машинку, слушал, записывал, что-то начинал добавлять свое, опять записывал. Вновь стучал на машинке. Ни до этого, ни после я никогда так много и быстро не работал. Володина неумная энергия и напор подталкивали меня. И вот меня уже самого охватил неистовый азарт. Мы обговаривали сцену за сценой, и я тут же садился за машинку. Володя перечитывал напечатанные сцены, что-то возражал по диалогам, предлагал свое. Я ерепенился, спорил. Иногда он соглашался, иногда настаивал на своем, убеждал, чуть ли не просил:

— Ну сделай так, Эдька, ну что тебе стоит?..

Давно ушли гости, давно спали моя жена и Марина Влади, мы работали. От кофе и сигарет гудела голова. Когда я посмотрел на часы, было пять утра. Я рухнул на диван и заснул сразу. Володя разбудил меня в восемь утра, на столе уже стояла чашка горячего кофе, лежал на

тарелке кусок поджаренного мяса. Володя сказал, что уезжает на репетицию, придет днем. И уехал.

Позавтракав, я сел за работу и просидел до трех часов дня, когда приехал Володя. Он ворвался в кабинет сияющий, ни тени усталости на лице:

— Я тут еще две сценки придумал. Дай почитать, что написал!

Он прочел написанное, потом рассказал придуманные сцены, мы поспорили. Потом я показал ему, что придумал сам и успел вчерне набросать. Володя слушал жадно, когда сцена нравилась, начинал смеяться, говорил, глядя с обожанием:

— Здорово, а? Здорово получается!

В семь часов вечера, наспех поев, он уехал на спектакль, а я снова уселся за машинку. Вставал только для того, чтобы сварить кофе...

— Кончайте с ума сходить, ребята! Пошли чай пить! — говорила нам Марина Влади.

— Мы работаем! — кричал в ответ Володя, и лицо становилось злым.

И мы снова просидели до пяти утра. В восемь утра Володя опять поднял меня, сварил кофе и умчался в театр...»

Пока Высоцкий с Володарским корпят над сценарием будущего фильма, большая часть советских граждан продолжает догуливать Новый год. Вовсю уплетается салат «оливье», допивается оставшееся с новогодней ночи шампанское. Вечером вниманием населения вновь завладевает телевизор: в 16.00 начинается премьера фильма Марка Захарова «Обыкновенное чудо», после чего показывают финальную «Песню года». Вторая часть концерта начинается сразу после программы «Время» (21.35), причем программа составлена таким образом, что по 4-му каналу в это время показывают рязановский хит «Гусарская баллада». Фильм смотрят те, кому шлягеры «Песни года» хуже горькой редьки. Читатель вправе спросить: а где же неизменная «Ирония судьбы?» Отвечаю: здесь она, родимая. Фильм показывают 2 января в 19.20—23.00.

Во вторник, 2 января, на «Мосфильме» возобновились съемки фильма «Осенний марафон» и будущего мосфильмовского блокбастера — «Экипаж».

3 января в «Комсомольской правде» публикуется заметка О. Петриченко о студии звуко-

записи на улице Горького, 4. Эта студия — одна из первых в стране, которая удовлетворяет нужды населения в современной музыке. Однако, судя по заметке, деятельность ее не совсем удовлетворяет тех, кто блюдет за идеологией. Оказывается, в репертуаре студии сплошь одни новинки зарубежной эстрады и мало родной советской музыки. К примеру, там есть песни таких грандов западного рока, как Билл Хейли («Рок вокруг часов»), Пол Маккартни («Бип-боп») и так далее (одних альбомов насчитывалось 17 штук), а советская эстрада представлена только десятком произведений (среди них: «Поговори со мною, мама» Валентины Толкуновой, «Лебединая верность» Софии Ротару, «Остановите музыку» Тыниса Мяги и др.). Вот почему автор заметки удивленно вопрошал: «Ведь в «Положении о студиях звукозаписи» записано, что в репертуар фонотеки могут входить только произведения, включенные в каталоги грампластинок фирмы «Мелодия», а также в программы Всесоюзного и местного радио».

Сей парадокс объяснялся просто: будь в студиях звукозаписи перекося в сторону советской эстрады, то они бы попросту прогорели. Родная эстрада успела набить оскомину слушателям, звуча ежедневно из радиоточек и с экранов телевизоров, а вот западная была в диковинку. Рынка типа «Горбушки» в те годы не было и в помине, а фирма «Мелодия» не справлялась с выпуском новинок зарубежной эстрады. Поэтому единственным местом, где можно реально утолить музыкальный голод, были студии звукозаписи. Их в Москве не так много (меньше десяти), но народ туда валил толпами. Я сам был завсегдатаем одной из них: у метро «Каховская». С каждой стипендии я покупал магнитофонную катушку (брал самую маленькую — за 4 рубля) и записывал на нее сразу четыре альбома. Запись одного диска стоила 4 рубля, в итоге мои общие траты составляли 20 рублей. Для подростка — сумма внушительная, но денег было не жалко, поскольку записываемая музыка того стоила. Ведь я стал обладателем всех (!) альбомов Пола Маккартни, лучших альбомов «Битлз», «Би Джиз», «Иглз» и т. д.

Андрей Макаревич и группа «Машина времени» задумали необычное дело — постановку спектакля «Маленький принц» по А. де Сент-Экзюпери. К привычному спектаклю это дей-

ство должно было иметь весьма отдаленное отношение: читались отрывки из книги, после чего звучала песня, смысл которой имел близкое отношение к прочитанному. Идея такого спектакля принадлежала одному из «машинистов» — Сергею Кавагое, а читать текст пригласили поэта Александра Бутузова, известного в андерграундной среде под прозвищем Фагот. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Сижу я дома. 3 января 1979 года. Со своим дружкой. Играю в шахматы. Раздается звонок. «Фагот, привет! Это Макаревич. Приезжай к нам на репетицию, ты нам можешь очень помочь». Приезжаю. База у них тогда была на каком-то автокомбинате, то ли на «Полежаевской», то ли на «Октябрьском поле». От метро надо было ехать на автобусе, а потом проходить через свору собак, которые на тебя гавкали со всех сторон. В группе тогда играли Женька Маргулис, Сережа Кавагое, Саша Воронов. У него был самодельный синтезатор, и когда светорежиссер Александр Заборовский включал в сеть свою электробритву, синтезатор начинал дымиться, что крайне огорчало нашего клавишника.

Надо сказать, что «Машина» каждый год удивляла. То менялся состав, то дудки какие-то звучали, то скрипка, то просто новый репертуар. На этот раз Макар придумал гениальный ход. В чем тогда было главное обвинение: «одиозная направленность философии, выраженная в стихотворной форме». Тогда Макар решил вложить этот одиозный материал в уста отрицательного персонажа. Допустим, Урфин Джюс ненавидит детей — он имеет на это полное право. И Макаревич решил поставить спектакль. Обратиться к «Маленькому принцу» придумал Кавагое. В спектакле были положительные герои: Летчик и этот самый Маленький Принц Антуана де Сент-Экзюпери. И отрицательные персонажи, в данном случае «плохие взрослые». «Машина времени», естественно, была за детей. А в уста «плохих взрослых» вкладывалась, к примеру, песня «Синяя птица».

Тогда за дело взялся лихой комсомол. В каком-то комсомольском закрытом пансионате должен был состояться один (единственный!) концерт, на котором они должны были решить судьбу группы. Меня он позвал для того, чтобы я перед каждой песней читал по фрагменту из этой книги. В спектакле не было соблюдено ни-

какого сюжетного рисунка. Просто эпитафия связь. Великая вещь! Устроили этот концерт для комсомольцев. Комсомольцы промолчали, не сказав ни да, ни против, как их учил Лев Троцкий. А нам самим понравилось. И стали эту программу катать на концертах. С тридцатой попытки я свой текст выучил наизусть, позволяя себе забывать его и даже импровизировать...»

Олег Борисов продолжает лежать в ленинградском Институте переливания крови. В те дни, кроме жены и сына, которые навещали его каждый день, у него были и другие посетители. Например, его старый приятель, тренер киевского «Динамо» Валерий Лобановский. Сам Борисов зовет его Шампусик, за пристрастие тренера к шампанскому. По словам самого Борисова: «По количеству выпитого шампанского у камина Шампусику равных нет. Ни одна печень в мире не смогла бы этого выдержать».

С Лобановским Борисов тесно сошелся еще в 60-х, когда жил в Киеве. С тех пор они регулярно общались, и даже когда Борисов переехал в Ленинград, эти встречи не прекратились. Каждую зиму Лобановский приезжал к другу на каникулы, иногда привозя с собой и всю свою команду, чтобы та посетила БДТ. Сам он весь репертуар театра знал наизусть, пересмотрев многие спектакли не по одному разу. Как пишет в своем дневнике сам актер:

«Шампусик приезжает «совершенствоваться». И даже в каникулы выполняет программу, которую составляет для себя сам. Утром бегают вокруг гостиницы «Ленинград» (в ней он любит останавливаться), днем его Юра (Базилевич. — Ф. Р.) образует по части музеев, потом у них партия в шахматы, вечером — обязательное посещение БДТ. (Цель — пересмотреть весь репертуар — давно перевыполнена. В тот день, когда в БДТ выходной, идет в МАЛЕГОТ слушать «Евгения Онегина», но выдерживает недолго: не находит идеи.) После спектакля — неизменный ужин в «Садко». Выполняет программу даже тогда, когда подается его любимое блюдо: «осетрина по-монастырски». У нас текут слюнки, летится водочка, но его мозг работает! Чуть расслабляется он только к двум часам ночи, когда на сцену выходят цыгане...

Теперь в больницу Василич принес график бега. Разработал специально для меня — легкая трусца! Все высчитал по секундам с учетом

даты и времени моего рождения, биоритмов. Вот выйду отсюда, куплю секундомер и побегу...»

А теперь перенесемся в город Новоалтайск. Там в первые дни января была совершена попытка ограбить магазин. В качестве преступника выступил рецидивист из солнечного Ташкента, который вот уже несколько месяцев жил в Новоалтайске. Видимо, климат этого города не пришелся ему по душе, поэтому все это время ташкентец пил горькую, чтобы согреться. Так продолжалось до тех пор, пока у парня были деньги. Потом они кончились, а пить-то хочется. А поскольку бывший зэк нигде не работал, раздобыть деньги на выпивку он мог только одним путем — нечестным. Короче, он решил ограбить овощной магазин № 46. По задумке преступника, акция не должна была занять много времени: он собирался подбежать к кассирше, показать ей нож и, забрав деньги, скрыться. Но в своих расчетах грабитель не учел одного — реакции кассирши.

В тот день за кассой сидела Наталья Косарева, которая оказалась женщиной отнюдь не робкого десятка. В тот момент, когда преступник с криками подбежал к кассе, она в отличие от своих подруг-продащиц, которые с визгом убежали в подсобку, успела закрыть кассовый ящик на замок и выскочила в зал. Грабитель рванул за ней, чтобы отнять ключ, но кассирша и здесь не испугалась. Когда он настиг ее, она схватила нож за клинок и попыталась вырвать его из рук преступника. Этого матерый рецидивист ну никак не ожидал. Он попятился назад и тут же попал в руки двух молодых людей, которые прибежали в магазин с улицы, услышав крики женщин (этими смельчаками были рабочий В. Стахеев и учащийся ПТУ № 10 О. Махнытко). Грабителя-неудачника доставили в милицию. А храбрая кассирша своим ходом отправилась в ближайшую поликлинику, чтобы обработать раненую руку. Но судьбе было угодно послать ей новое испытание. Из-за сильных морозов, свирепствовавших тогда чуть ли не по всей стране, в поликлинике был объявлен выходной (не работало отопление). И кассирше пришлось ехать в другую, в центр города. В конце концов все завершилось хорошо.

А в Москве наблюдается паника: среди населения ходят упорные слухи, что в ближайшие дни морозы на дворе достигнут отметки минус 50 градусов. Хорошо помню эти разго-

воры: вот уже несколько дней мы ходили по дому в верхней одежде и в ней же спали и, услышав об усилении морозов, подумали: все, хана. Видимо, так думали не только мы. Телефоны большинства редакций центральных газет в те дни буквально разрывались от звонков: люди в панике вопрошали: неужели это правда? Чтобы успокоить людей, газеты выступили с опровержением ложных слухов. Так, 5 января в «Комсомольской правде» сообщалось, что вчера температура в Москве была божеской — всего-то 18 градусов холода. В ближайшие дни, обещала газета, хоть и будет наблюдаться понижение температуры, но не до панических 50 градусов, а всего до 19—24. Так что не надо паники. Далее сообщалось, что в буржуазной Европе людям тоже несладко приходится: в Лондоне, например, из-за холодов парализован аэропорт Хитроу.

В пятницу, 5 января, на «Мосфильме» возобновились съемки фильма «Москва слезам не верит». Съёмочной площадкой на один день стал выселенный дом на улице Сретенка. Там в одной из квартир была сооружена декорация «квартира Гоши». Это там оскорбленный герой Алексея Баталова скрывался от своей возлюбленной, но в итоге был разыскан Николаем (Борис Сморгчов). Поначалу Гоша принимает незваного гостя настороженно, но после того, как тот лихо опрокидывает в себя стакан водки, всякая натянутость между мужчинами исчезает. Во время работы над этой сценой произошел забавный эпизод. В разгар съемки кто-то из киношников по забывчивости выбросил в окно окурки из пепельницы, которые фигурировали в предыдущем кадре. Оператор тут же заметил накладку и остановил съемки. Стали искать окурки, но их уже и след простыл. Что делать? Тогда была дана команда всем присутствующим... начать курить. В течение пятнадцати минут нужная гора окурков вновь заняла свое место в пепельнице. И еще. По сценарию в этой сцене Гоша должен был быть в плаще, под которым ничего, кроме плавок, не было. Сцену так и сняли (плавки мелькали в кадре, когда Гоша вставал из-за стола). Но в итоге бдительная цензура заставит Меньшова сцену с плавками вырезать.

Вечером того же пятничного дня в Кремлевском Дворце съездов состоялось закрытие фестиваля «Русская зима». Оно было ознаме-

новано сенсацией: на сцену КДС впервые после долгой болезни вышла Майя Плисецкая, которая исполнила «Умирающего лебедя». В первом ряду сидел лечащий врач балерины Владимир Лучков, который, наверное, один знал, каких мук стоило Плисецкой станцевать этот четырехминутный танец. Дело в том, что у балерины была тяжелая травма спины и чуть ли не каждое движение доставляло ей боль. Она даже на «бис» не станцевала, хотя зал в течение нескольких минут заходился аплодисментами. По ее же словам: «Я не бисировала, потому что могла не дотянуть до конца. Я ведь даже не выбегала к публике на поклон — ХОДИЛА кланяться, потому что еще болело...»

Многие зрители, не знавшие о болезни Плисецкой, тогда здорово на нее обиделись. После выступления ей принесли ворох записок, в одной из которых она прочла: «Публика завалила вас цветами, вызывала целый час, а вы не пожелали даже маленький кусочек станцевать на «бис». Стыдно!»

6 января Владимир Высоцкий и Эдуард Володарский закончили работу над сценарием. Как вспоминает Э. Володарский: «Занятый работой, я даже не подумал, что Володя за это время спал меньше меня, почти все время был на ногах, ездил на репетиции, на спектакли (5 января у Высоцкого была очередная проба в «Маленьких трагедиях». — Ф. Р.), варил кофе, подбадривал, подталкивал меня и при всем этом был весь поглощен сценарием, который мы сочиняли. У меня раньше бывали моменты большого подъема сил, когда, так сказать, волшебное вдохновение посещает тебя, — я мог работать по двенадцать-четырнадцать часов кряду, но работать сутки напролет... не смыкая глаз... и при этом чувствовать себя как рыба в воде, быть жизнерадостным, агрессивным, напористым... Просто дьявольская работоспособность была у этого человека. Словно в один день своей жизни он умудрялся прожить пять, если не больше. Такое сумасшествие продолжалось пять суток.

Утром 6 января сценарий был закончен. Конечно, это был еще только первый вариант, конечно же, над ним еще предстояло работать, отшлифовать, «доводить», углублять, усложнять, но он был! Восемьдесят семь страниц, отпечатанных на машинке, лежали передо мной на столе. Еще громоздились везде чашки с ко-

фейной гущей на дне, пепельницы были полны окурков, у Володи и у меня были красные от бессонницы глаза. Я упал на диван и проспал до одиннадцати вечера, а Володя в это время поехал на репетицию в театр, потом проводил Марину Влади в аэропорт Шереметьево, затем поехал на какой-то завод давать концерт, а оттуда — в театр на спектакль. И в начале двенадцатого вернулся домой. Ввалился в квартиру со словами:

— Эдька, ты меня просто потряс — за пять дней написал сценарий! Ну кто еще на такое способен, а?

И я совершенно серьезно ответил:

— Это ты, а не я...

А теперь на время перенесемся в город Шахты Ростовской области. Там живет маньяк Андрей Чикатило, который в конце декабря прошлого года совершил свое первое кровавое преступление — изнасиловал и убил девятилетнюю девочку. Однако самый кровожадный маньяк СССР совершил столько оплошностей, что, потянув за них, сыщики имели реальную возможность поймать душегуба практически сразу. Но Чикатило повезло. На той же улице, где он совершил убийство, жил человек, в свое время отбывавший наказание за аналогичное преступление. И сыщики арестовали именно его. Парня звали Александр Кравченко.

У арестованного на момент совершения преступления оказалось железное алиби: в день гибели девочки — 22 декабря — он пришел домой с работы в начале седьмого вечера и весь остаток дня провел дома. Это алиби могли подтвердить два человека: жена Кравченко и ее подруга, которая в тот вечер у них гостила. Причем обе женщины давали показания независимо друг от друга, сговориться между собой и с Кравченко никак не могли. Но следствие этот факт абсолютно не волновал. Сыщики мечтали поскорее отрапортовать о поимке убийцы, и лучшей кандидатуры, чем бывший наильник Кравченко, у них не было. Поэтому первое, что они сделали, — лишили его железного алиби. Каким образом? У соседки Кравченко некоторое время назад пропало с вешалки развешанное сушиться белье. Обвинение в этой краже они предъявили... жене Кравченко. Так и сказали: будешь защищать мужа — повесим эту кражу на тебя. Будешь упорствовать, сделаешь только хуже. За добровольное при-

знание ему жизнь сохранят, как в прошлый раз, а если не сознается — шлепнут. Поэтому сделай это за него. Тогда и ему жизнь сохранишь, и своему ребенку отца вернешь. Жена Кравченко поначалу сопротивлялась, но когда ее пару дней подержали в тюремной камере, сразу стала сговорчивей. В итоге она сдалась: сообщила, что муж пришел домой не в начале седьмого, а на час позже. Да еще выпивший.

Получив эти показания, сыщикам уже никакого труда не составляло обработать и подругу жены. Ей просто пригрозили арестом за лжесвидетельство: мол, жена Кравченко во всем созналась, а ты продолжаешь убийцу покрывать. Подруга держалась три дня, после чего и у нее нервы не выдержали (прессовали-то ее тоже в тюремной камере). Судьба Александра Кравченко была решена. Когда на очной ставке и жена, и ее подруга наотрез отказались подтверждать его алиби, он понял, что все кончено. И вскоре тоже сознался в том, чего не совершал. Думал таким образом смягчить свою вину: следователь пообещал ему, что в случае добровольного признания суд не даст ему «вышака». И жестоко ошибся: его приговорят к расстрелу. А Чикатило еще более десяти лет будет вершить свои кровавые дела.

8 января в «Осеннем марафоне» снимали эпизод, где сосед Бузыкина Харитонов (Евгений Леонов) приходит к нему, чтобы узнать, удалось ли вызволить из вытрезвителя друга-иностранца. Бузыкин говорит, что удалось. «Про меня треп был?» — спрашивает сосед. «Был, — отвечает Бузыкин. — Сказали, что ты портвейн с водкой мешаешь». «Ну и что?» — возмущается Харитонов. Мол, их какое дело?

9 января праздник пришел на улицу Аллы Пугачевой: одна из самых влиятельных газет — «Советская культура», которая была органом не чего-нибудь, а самого ЦК КПСС, — опубликовала на своих страницах положительный отзыв на ее творчество. Учитывая, что за последнее время в различных изданиях появилось сразу несколько сердитых откликов на то, что делала Пугачева, этот отклик не только грел душу, он ее буквально ублажал. Тем более что принадлежал он перу влиятельного композитора, мэтра советской эстрады Никиты Богословского. Тот, в частности, писал:

«Обратите, например, внимание, как осмысленно и профессионально владеет движе-

нием и жестом Алла Пугачева. Она не суетится, не бродит без толку взад-вперед по сцене, прочно «присосавшись к микрофону». Она не спускается в зал, нервно путаясь на ступеньках в складках концертного платья, не разгуливает по проходу, «по-бурлацки» таща за собой микрофонный шнур. Нет, Пугачева создает точный художественный образ. Какую бы песенку, подчас даже самую непритязательную, она ни исполняла, каждое ее движение, жест подсказаны характером музыки, содержанием произведения».

Кстати, это была не первая радость Аллы Пугачевой в те январские дни. 6 января по ТВ был показан первый документальный фильм о ней «Театр Аллы Пугачевой», снятый эстонским телевидением, а чуть раньше этого на страницах «Московского комсомольца» опубликован итоговый хит-парад ушедшего года, согласно которому именно Алла Пугачева стала лучшей певицей года, набрав рекордное количество голосов — 2 037. Даже ее ближайшую конкурентку — Софию Ротару — отделяла от нее пропасть в 1 338 голосов (Ротару набрала 699 очков). Другие места распределились следующим образом: Роза Рымбаева — 380, Ирина Понаровская — 196, Валентина Толкунова — 64, Роксана Бабаян — 61, Людмила Сенчина — 51, Жанна Бичевская — 41, Эдита Пьеха — 39, Мирдза Зивере — 29.

Раз уж речь зашла об этом хит-параде, приведу его полностью. Среди мужчин-певцов лучшим стал «таллинский соловей» Яак Йола — 1050 голосов. Следом шли: Александр Градский — 849, Лев Лещенко — 703, Михаил Боярский — 276, Ринат Ибрагимов — 242, Тынис Мяги — 123, Евгений Мартынов — 58, Альберт Асадулин — 38, Эдуард Хиль — 25, Валерий Ободзинский — 24.

Места в номинации «Лучший композитор» распределились следующим образом: Давид Тухманов — 1 625, Александр Зацепин — 753, Раймонд Паулс — 255, Александра Пахмутова — 240, Алла Пугачева — 216, Вячеслав Добрынин — 212, Эдуард Ханок — 136, Евгений Мартынов — 90, Владимир Мигуля — 80, Игорь Лученок — 57.

Номинация «Лучшие ВИА»: «Песняры» — 1 189, «Ариэль» — 426, «Веселые ребята» — 291, «Лейся, песня» — 288, «Синяя птица» — 281, «Пламя» — 204, Группа Стаса Намина — 158,

«Оризон» — 122, «Модо» — 105, «Самоцветы» — 102.

Номинация «Лучшие песни»: «Остановите музыку» — 743, «Сонет Шекспира» — 602, «Как молоды мы были» — 549, «Крик птицы» — 542, «Песенка про меня» — 511, «Беловежская пуца» — 335, «Фотографии любимых» — 309, «Песенка первоклассника» — 264, «Все могут короли» — 239, «Не отрекаются, любя» — 235, «Приезжай» — 206, «Горько» — 202, «Рано прощаться» — 186, «Вероника» — 185, «Ты возьми меня с собой» — 183, «Напиши мне письмо» — 126, «Все, что есть у меня» — 120, «Последний лист» («Листья желтые») — 116, «Кукла» — 110, «Наш город» — 103.

Номинация «Лучшие диски»: «АББА» — 815, «Зеркало души» — 772, «По волне моей памяти» — 657, «Уингз» — 642, «Зеркало души-2» — 401, «Би Джиз» — 317, «Имэйджн» (Джон Леннон) — 315, «Русские картинки» («Ариэль») — 270, «Я почти знаменит» (Клифф Ричард) — 269, «Песняры-3» — 216.

10 января Владимир Высоцкий летит во Францию, к жене Марине Влади. В ОВИРе еще не знают, что в тайных планах Высоцкого стоит посещение с концертами США, иначе они могли и не выпустить его вовсе. Но большого страха Высоцкий не испытывает, поскольку они с женой придумали ловкую отговорку, объясняющую посещение Высоцким Америки: Влади собиралась там лечиться, а Высоцкий был как бы при ней.

В трудах праведных пребывал в те дни Леонид Брежнев. 9 января он принял в Кремле делегацию американских журналистов, на следующий день встретился с делегацией американских сенаторов, а 11 января отправился с дружественным визитом в Болгарию.

В тот же четверг, 11 января, скончался кинорежиссер Александр Столпер. Он начал работать в кино с 1927 года, когда пришел в сценарную мастерскую киностудии «Межрабпомфильм». Первый же сценарий, который Столпер написал в соавторстве с двумя своими коллегами — Н. Экком и Р. Янушкевичем — прогремел на всю страну: в 1930 году по нему был снят фильм «Путевка в жизнь». Как режиссер Столпер дебютировал в 1930 году, сняв короткометражную «агитку» «Простая история». Но подлинный успех к режиссеру пришел только в годы войны, когда в 1942 году свет увидел его

(совместно с Б. Ивановым) фильм «Парень из нашего города». Не меньший успех имели и другие творения Столпера: «Жди меня» (1943), «Повесть о настоящем человеке» (1948, Сталинская премия в 1949-м), «Далеко от Москвы» (1950, Сталинская премия в 1951-м), «Живые и мертвые» (1964, 1-е место в прокате), «Возмездие» (1969), «Четвертый» (1973) и др. Последний фильм Столпера — «Отклонение — ноль» (1978) — был посвящен опасной работе летчиков-испытателей. Смерть настигла Александра Столпера в возрасте 72 лет. Писатель Ю. Нагибин отозвался на его смерть следующими строчками:

«И Столпера не стало. Но его уход подготавливался загодя. Его сломало в пояснице, и он стал похож на уродцев Босха, в таком виде он попал в автомобильную аварию; окончательно искалеченный, он зачем-то развелся с женой, с которой прожил лет пятьдесят, и женился на женщине, с которой почти столько же лет находился в незаконной связи. Он был похитрей и посложней Арнштама, но, по нынешним меркам, тоже очень хороший человек. Теперь среди киношников таких людей не водится. Холодные алкоголики или окаянные карьеристы. Сволочи. Все, как один. Даже лучшие из них...»

Эльдар Рязанов готовится к съемкам очередного фильма «Гараж», которые должны начаться 1 февраля. Но режиссера заботит и другое: реакция руководства Гостелерадио на сценарий «О бедном гусаре...», который он передал в «Останкино» еще месяц назад. Все эти дни Рязанов не переставал ждать ответа, но его все не было. А когда нервы его не выдержали и он сам решил напомнить о себе, в семье председателя Гостелерадио Сергея Лапина случилось несчастье. Его взрослая дочь с ребенком поднимались на лифте, как вдруг кабина сорвалась и полетела вниз. Во время падения дочь погибла, а ребенок спасся. Когда Рязанов узнал об этом, всякое желание тревожить Лапина у него пропало. Режиссер понял, что судьба сценария решена, что на телевидении его тоже поставить не удастся. Но он ошибся. Через несколько дней ему позвонил директор творческого объединения «Экран» Борис Хессин и сообщил, что «Гусар» будет ставиться на телевидении. Как вспоминает сам Э. Рязанов: «Как я обрадовался! Как я был благодарен телевидению! Не скрою, к моему ликованию примеши-

валось и чувство злорадного торжества: мол, утер я нос этим перестраховщикам из Госкино, вопреки им сделаю картину!..»

Советская сборная по хоккею с шайбой в те дни находилась в Голландии, где готовилась к предстоящим в феврале играм с канадскими профессионалами. Наши ребята встречались с голландскими командами и без особого напряжения их побеждали. Однако для одного из наших игроков эти «прогулочные» игры вышли боком. Речь идет о защитнике Вячеславе Фетисове, который получил сильнейшую травму спины. Лечиться его привезли на родину, причем аккуратно на Старый Новый год — 13 января. Вот как он сам об этом вспоминает:

«В субботу вечером, накануне Старого Нового года, меня привезли на носилках из Голландии и бросили в коридоре, так как свободных мест в палатах госпиталя имени Бурденко не оказалось. Кровать попалась слишком высокая, и, доставая из-под нее «утку», я чуть не разбился. А подать было некому: девочки-медсестры и санитарки отмечали праздник. (По ТВ в те часы крутили премьеру телефильма про любовь — «Джульетта живет рядом». — Ф. Р.)

Двигаться я не мог, ниже пояса ничего не чувствовал. Пришел дежурный врач-полковник, сел ко мне на кровать. А рядом мои кроссовки «Адидас» стояли, нам их в сборной только-только выдали, зеленые такие, необычные, со светящимися отражателями. Я ими так и не успел попользоваться. Они всем бросались в глаза, тогда хорошая спортивная обувь была чем-то особым, для избранных, как и фирменный спортивный костюм, который я тоже привез из Голландии. Полковник смотрит на кроссовки: «Да-а-а, хоккеист. Да-а-а. Дела твои плохи, парень, похоже, о хоккее забудешь. Играть больше не сможешь. Не то что играть, тебе хозяйственную сумку нельзя будет носить в одной руке». Я его матом обложил, выгнал. Прибежал персонал меня успокаивать.

У меня произошло выпадение межпозвоночного диска, он защемил нерв, поэтому я не мог ходить и не чувствовал ног. Но операцию я делать не разрешил, а мне хотели диски из позвоночника вырезать. Я уперся: «Нет, не дам резать». А потом профессор Яков Михайлович Коц занялся моим восстановлением. Он придумал электроды, которые стимулировали мышцы, закачивал их, наращивая мышечный кор-

сет вокруг позвоночника, для того чтобы сами мышцы могли поставить диск на место. Короче, занимался мною Яков Михайлович неустанно и здорово помог...»

14 января, в 19.30, по ТВ показали второй выпуск передачи «Вокруг смеха». Прекрасно помню этот показ, поскольку во время его просмотра я смеялся так сильно, как никогда до этого. И виной всему отрывок из спектакля БДТ «Энергичные люди» в исполнении Евгения Лебедева (муж) и Валентины Коведь (жена). Лебедев так гениально играл мучимого похмельным синдромом спекулянта, что зрители в зале и у экранов телевизоров буквально захлебывались смехом. Говорят, трюк артиста с полотенцем (когда он с его помощью укрощал свои трясущиеся руки и добирался до стакана с водкой) с тех пор взяли на вооружение все советские алкаши. Помимо упомянутых актеров в том выпуске также выступили Сергей Юрский, Михаил Боярский, Валерий Золотухин, Никита Богословский, Лион Измайлов, Владлен Бахнов.

А теперь перенесемся на юг страны — в Ростов-на-Дону. 15 января там произошло убийство из разряда бытовых. На улице Шефской жила семья из трех человек: мать, дочь Марина и ее отчим, 37-летний Костельницкий. Последний был склонен к злоупотреблению спиртных напитков и в такие моменты терял всяческий человеческий облик: бил своих женщин, что называется, смертным боем. Те иной раз даже домой боялись возвращаться и ночевали у соседей. Несколько раз отчима забирали в милицию, но вскоре отпускали, поскольку мать и дочь, по своей сердобольности, не хотели отправлять его за решетку. Как говорится, злой — но свой. В итоге все завершилось смертоубийством.

Виновником трагедии стал, естественно, пьяница отчим, а вот вторым участником ее был ухажер Марины — 16-летний парень по имени Женья. Он прекрасно знал про художества отчима, но сделать ничего не мог, только сочувствовал. Так продолжалось до рокового понедельника 15 января. Вечером того дня Женья пришел к Марине, чтобы уговорить ее отправиться погулять. Однако дверь в дом оказалась закрытой, а на настойчивые звонки парня ему никто так и не открыл. Тут поблизости нарисовался участковый милиционер. Он хорошо знал обитателей этой квартиры, поэтому на

просьбу Жени помочь ему попасть внутрь отреагировал с пониманием. Но после того, как и на его звонки никто не откликнулся, милиционер развел руками: дескать, ломать дверь мне закон не позволяет. И удалился. А Женья решил обойти дом вокруг. И, на свою беду, в соседнем дворе столкнулся с отчимом своей девушки, который находился в привычном состоянии — то есть был пьяным. Увидев парня, отчим сразу полез драться, поскольку с первого дня знакомства относился к ухажеру своей падчерицы с пренебрежением. Обхватив парня за шею руками, Костельницкий стал его душить. Парню пришлось бы совсем туго, не скользя его рука в карман полушубка душителя, где лежал раскрытый перочинный нож. Что было дальше, понятно: отбиваясь от отчима, парень нанес ему несколько ударов в грудь. От полученных ранений Костельницкий скончался. Кстати, его семья встретит эту новость если не с восторгом, то с большим облегчением. А вот Евгению все происшедшее выйдет боком: его на несколько лет отправят за решетку.

В первой половине месяца в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 1-го — триллер про медведя-людоеда «Злой дух Ямбуя» Бориса Бунеева с участием Юрия Заборовского, Ольги Ензак, Родна Ешенова и др.; 2-го — военная драма «Черная береза» Виталия Четверикова с участием Евгения Карельских, Натальи Бражниковой и др.; 15-го — комедия «Вас ожидает гражданка Никанорова» Леонида Марягина с участием Натальи Гундаревой, Борислава Брондукова, Евгения Киндинова и др. Из зарубежных новинок выделю французский детектив «Следователь по прозвищу «Шериф».

Кино по ТВ: «Волшебный голос Джельсомино» (2 серия), «Обыкновенное чудо» (премьера т/ф), «Гусарская баллада» (1-го), «Телеграмма», «Ирония судьбы» (2-го), «Скиппи» (Австралия, премьера т/ф 2—6-го), «Самые красивые корабли» (3—4-го), «Девочка и крокодил», «Маленькие комедии большого дома» (сп.), «Как вырвать зуб у кита» (5-го), «Театр Аллы Пугачевой» (премьера д/ф), «Каждый вечер после работы», «Дворянское гнездо» (6-го), «Вариант «Омега» (7, 13, 14, 20-го), «Ксения, любимая жена Федора» (8-го), «Расмус-бродяга» (премьера т/ф 8—9-го), «Испытательный срок» (9-го), «В горах мое сердце»

(11-го), «Тихие американцы» (д/ф), «Джультета живет рядом» (премьера т/ф), «Птицы над городом», «Пристань на том берегу» (13-го), «Сказка о царе Салтане» (14-го), «Люди как реки» (15-го) и др.

Театральные премьеры: 6-го в Малом театре был показан спектакль «Мамуре» с участием Елены Гоголевой, Виталия Соломина, Юлии Бурьиной, Евгении Глушенко и др.; во МХАТе — «Живи и помни» В. Распутина с участием Владимира Трошина, Д. Шутова и др.; 10-го во МХАТе — «Утиная охота» А. Вампилова с участием Олега Ефремова, Андрея Попова, Ии Саввиной, Владимира Кашпура, Саши Стриженова и др.; 12-го в «Современнике» — «НЛО» с участием Вацлава Дворжецкого, Михаила Жигалова, Марины Нееловой, Валерия Шальных, Лидии Толмачевой и др.; в Театре имени Гоголя — «Мы так долго живем».

Эстрадные представления: 1—14-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Валентины Толкуновой, Майи Кристалинской, Евгения Петросяна, Бориса Владимирова и Вадима Тонкова, Роксаны Бабаян, ВИА «Синяя птица» и др.; 9-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты Льва Лещенко; 11—14-го там же — Людмилы Зыкиной; 8—9, 13—15-го — в ГТЭ выступал Геннадий Хазанов с моноспектаклем «Мелочи жизни»; 12—14-го — в «Октябре» прошли концерты с участием Аллы Пугачевой, Светланы Резановой, Екатерины Шавриной, Екатерины Суржиковой, ВИА «Веселые ребята» и др.; 13-го — в ЦДСА пела Елена Камбурова; 15-го в ГЦКЗ «Россия» — Галина Карева.

16 января все центральные газеты опубликовали ответы Леонида Брежнева на вопросы американского журнала «Тайм». Ничего нового в них в общем-то не содержалось, но интересно другое: Брежнев ответил на семь вопросов, а советская пресса опубликовала только пять (американский народ, естественно, прочитал все семь ответов). Таким образом глава государства подвергся (вольной или невольной) цензуре! Правда, ничего крамольного в этих ответах не содержалось, и под нож цензуры они попали исключительно из-за своей чрезмерной эмоциональности, не принятой в политической журналистике. К примеру, в числе купированных ответов оказался такой: «Мир, мир и еще раз мир — наша главная

цель, — заявил Брежнев. — Если хоть одна ядерная бомба взорвется в какой-либо части мира, не поздоровится ни журналистам, ни мне, никому на земле».

16 января в Москве начался закрытый процесс над террористами, устроившими взрывы в Москве в январе 1977 года. На скамью подсудимых сели трое: 32-летний слесарь-сборщик Степан Затикиан (организатор взрывов), 32-летний художник Завен Багдасарян и 24-летний рабочий Акоп Степанян. Стоит отметить, что в ходе следствия только один из них — Багдасарян — полностью признал свою вину в совершении терактов. Степанян сделал это частично (при этом отрицая участие Затикиана), Затикиан вообще отказался признавать себя виновным. По указанию сверху процесс решено было сделать закрытым: на него не были допущены не только представители прессы, но даже родственники подсудимых.

В среду, 17 января, в 8.00 утра по-московскому времени в Советском Союзе началась очередная (шестая по счету) перепись населения (последняя проходила в 1970 году). Точнее будет сказать, что перепись началась еще минувшей ночью, затронув пассажиров поездов дальнего следования. Штаб переписи находился в Москве на улице Кирова — туда стекалась вся информация по стране.

В тот же день два организатора и составителя альманаха «Метрополь» — Виктор Ерофеев и Евгений Попов — принесли свое творение (его копию) в Московскую писательскую организацию с тем, чтобы там с ним ознакомились и дали добро на публикацию. Настроение у «метропольцев» было прекрасное: отдав рукопись в секретариат, они спустились в ресторан, чтобы «обмыть» случившееся. Когда спустя час они покидали это заведение, их чуткий слух уловил яростный стук пишущих машинок: это 1-й секретарь Московской писательской организации Феликс Кузнецов отдал приказ размножить альманах в количестве 10 экземпляров, чтобы раздать его для ознакомления членам секретариата. Ерофеев и Попов могли быть довольны: их творение тиражировалось чужими руками. Но оба еще не подозревали, какой грандиозный скандал ждет их уже в ближайшем будущем.

Между тем, если до скандала с «Метрополем» осталось несколько дней, другой литера-

турный скандал уже грянул. Речь идет о декабрьском номере журнала «Аврора», который «Союзпечать», чуть запоздав, начала распространять среди подписчиков в январе. В нем было опубликовано стихотворение Евгения Евтушенко «Москва—Иваново», которое и стало поводом к грандиозному скандалу. Спросите, почему? В своем произведении Евтушенко описал суровые будни жителей «города невест», в частности — рассказал о том, как они мотаются в Москву в поисках хлеба насущного (эти электрички в народе не случайно называли «колбасными»). Как вспоминает ивановец Д. Губин:

«Ох уж этот нескорый поезд № 662! Я изучил его, пока был студентом, вдоль и поперек и навеки запомнил, какое тяжкое зрелище он представляет даже в купейном варианте, не говоря уж про общие вагоны, где с третьих полок капает на вторые оттаявшее в поезде мясо, где люди сидят голова на голове и две соседки ночь напролет спорят, сколько зарабатывает Эдуард Хиль и стухнет колбаса «Останкинская» до Иванова или же обождет...»

Евтушенко описал в своем стихотворении этот «рейд за продуктами» со всей, присущей ему резкостью. Прочитую лишь несколько строчек:

Прижимала к сердцу бабушка
ценный сверток, где была
с растворимым кофе баночка.
Чутко бабушка спала.
Прижимал командированный,
истерзав свою постель,
важный мусор, замурованный
в замордованный портфель...
Мы за столько горьких лет
заслужили жизнь хорошую?
Заслужили или нет?..

Стихотворение стало поводом к скандалу, разразившемуся непосредственно в самом Иванове. Если народ буквально выхватывал номер «Авроры» с этим стихотворением друг у друга из рук, то партийное начальство скрежетало зубами в бессильной ярости. 17 января по этому поводу был даже созван идеологический актив области, на котором публикация была подвергнута дружному остракизму. Евтушенко называли антисоветчиком, идеологическим диверсантом и все такое прочее. Короче, нашли стрелочника: в отсутствии продуктов в магази-

нах был повинен поэт! Итогом совещания стало распоряжение об изъятии из всех ивановских библиотек крамольного номера «Авроры» (тираж номера по Союзу был 169 тысяч), а также приказ запретить передавать по радио песни на стихи Евтушенко, за исключением одной — «Хотят ли русские войны» (покуситься на нее у ивановских идеологов смелости не хватило). Почин ивановцев поддержали и в Москве: на ТВ запретили двухчасовую программу Евгения Евтушенко, которая была записана еще в сентябре и прошла все цензурные рогатки. Кстати, обо всех этих перипетиях поэт узнал, будучи далеко от дома — в Америке, куда он выехал с чтением своих стихов. «Москва—Иваново» он там тоже читал.

В той же Америке находится и Владимир Высоцкий. 17 января концертом в Бруклин-колледже в Нью-Йорке он начал свои выступления в США. Неделю назад Высоцкий выехал к своей жене во Францию, и только — никакой Америки он посещать не должен был. Но Высоцкий власти обманул: Марина Влади отправилась туда на лечение, а Высоцкий составил ей компанию, попутно спланировав там свои концерты. В первый же день своего пребывания в Нью-Йорке Высоцкий совершил смелый поступок: дал интервью радиостанции «Голос Америки» (в СССР ее постоянно глушили) и спел три песни: «Что за дом притих...», «А ну отдай мой каменный топор...» и «Песенку про слухи».

18 января в Москве скончался известный актер Валентин Зубков. В кино он пришел в конце 50-х, не имея за плечами никакого профессионального образования: только участие в художественной самодеятельности. Однако прекрасная фактура — доброе и открытое лицо, ладная фигура — Зубкова привлекла внимание кинематографистов. Свою первую роль он сыграл в 1955 году, снявшись в фильме «Это началось так». Эта лента стала его пропуском в большой кинематограф. В следующем десятилетии Зубков снялся в нескольких десятках фильмов, многие из которых вошли в сокровищницу советского кинематографа. Среди них «Летят журавли» (1957), «Коммунист», «Трое вышли из леса» (оба — 1958), «Северная повесть» (1960), «Евдокия» (1961), «Иваново детство» (1962), «День счастья» (1964), «Поезд милосердия» (1965), «На войне как на войне»

(1969) и др. Примерно с середины 60-х в советском кинематографе выросло новое поколение актеров, которое оттеснило своих предшественников с главных ролей. Ушел в тень и Валентин Зубков. Теперь если он и появлялся на экране, то крайне редко и преимущественно в эпизодических ролях.

Летом 1977 года в семье актера произошло несчастье — погиб его единственный сын, 23-летний Сергей Зубков. Будучи на отдыхе в деревне у своей тетки под Угличем, он вместе с другом отправился кататься на лодке и утонул. Смерть сына подкосила актера, что называется, под корень. Вскоре после этого Валентин Зубков серьезно заболел: врачи обнаружили у него глубокий склероз. Актер практически ничего не помнил, даже не мог назвать по имени свою жену Нину, с которой прожил тридцать лет (они поженились в 1947 году). В последнее время болезнь прогрессировала: когда Зубков выходил погулять, супруга клала ему в карман записку с домашним адресом, чтобы он мог вернуться назад. Сразу после Нового года актер в очередной раз угодил в больницу, откуда живым уже не вернулся. Было ему 56 лет.

Продолжается пребывание Владимира Высоцкого в Нью-Йорке. Там он посетил своего родственника — бывшего советского гражданина, поэта-песенника Павла Леонидова, который вспоминает об этом следующим образом:

«День жаркий и душный. Мы идем по Третьей авеню. Володя бледен и молчалив. Идет быстро. Я прошу его притормозить. Напоминаю о моих инфарктах. Он говорит: «Да, да!», на минутку замедляет шаг и снова бежит.

Утром он несколько раз прикладывался. И запырался в ванной, хотя мы все знали. И все понимали. И мы боялись за Володю...

Подшли к углу Третьей авеню и 72-й улицы. Тут Володя остановился возле дома, который строился и вырос уже наполовину. Он поглядел на недостроенный дом и сказал: «Здесь хочу жить! Знаешь, я много ездил. Шарик круглый и безуглый. По-моему, без балды, мир — провинция, а Нью-Йорк — столица. Сумасшедший город! Потрясающий город! Жди меня совсем в восемьдесят втором. Только не трепи. А Марина тебя еще с Москвы не любит...» Я спросил: «Может, оттого, что она, хоть и французская, но коммунистка?»

«Нет, — сказал он, — не потому а потому, что — собственница. А потом: птицам плевать на корни. Им нужны плоды и черви. На худой конец — кора. Глубина и нутро не для птиц. А ты тоже пернатый», — вдруг озлился он в который раз и пояснил: «Да как ты мог! Как ты мог проситься назад! Знаю, что не ты, не в тебе дело. Это я слышал, но и в тебе. В те-бе! Хочешь ломаться — вали, но не гнишь, не гнишь, болван. Помнишь, я ей розы в роддом принес? Так я не ей. А Ваське твоему. Ваське!..» Он замолчал. Стало еще жарче. Мы пошли назад. Он сказал: «Хочу и буду жить в Нью-Йорке. Как? Не знаю, но догадываюсь. Деньги? Деньги у нас найдутся... Ты говоришь, какая из двух моих половин хочет в Нью-Йорк, а какая боится поехать с Россией. Да обе хотят сюда, и обе хотят забредать туда. Раз в пять лет. Нет, раз в год. Приехать из Нью-Йорка на пароходе и подгадать рейсом прямо в Одессу. Мой город. Первый фильм, первые песни в кино, опять же женщины жгучие, да!.. Но эмигрировать — нет!..»

19 января Высоцкий дал очередной концерт в Нью-Йорке — на этот раз в Квинс-колледже. На него явились генеральный консул СССР в США и атташе посольства СССР, которые поинтересовались, каким образом Высоцкий оказался в Нью-Йорке, когда должен быть в Париже. Тот ответил: мол, жена здесь лечится, а он при ней. «Но концерты?» — последовал новый вопрос. Тут на помощь артисту пришел профессор-славянист Альберт Тодд, который взял всю вину на себя: сказал, что это он пригласил Высоцкого выступить перед студентами славянских факультетов. Но допрос на этом не закончился. Консул поинтересовался, почему эти концерты организовал Виктор Шульман — недавний эмигрант из СССР. Но Тодд и здесь нашел, что ответить: «Мы ведь славянский факультет, а не контора импресарио. Мы не можем сами это дело организовать: у нас ни денег нет, ни связи, ни опыта, поэтому и пригласили Шульмана, у которого все перечисленное в избытке».

Зал Квинс-колледжа, рассчитанный на 2600 зрителей, в тот вечер был заполнен до отказа (стоит отметить, что в этом же зале вскоре будут выступать Булат Окуджава и Евгений Евтушенко, причем на выступление первого придут 1600 зрителей, на второго — 260). Высоцкого пришли послушать представители трех

русских эмиграций, а также американцы. Вел концерт Барри Рубин, он же переводил песни на английский язык (вернее, не переводил, а лишь передавал их краткое содержание). Всего в тот вечер Высоцкий исполнил 24 песни. Среди них: «Марафон», «Прыгун в высоту», «Милицейский протокол», «Инструкция перед поездкой за рубеж», «Письмо с Канатчиковой дачи» («Дорогая передача...»), «Кони привередливые», «Старый дом», «Все не так», «Охота на волков» и др. Вот как вспоминают о том концерте очевидцы.

М. Поповский: «Зал в Квинс-колледже был переполнен. Мы с женой сидели в хороших рядах — где-то впереди. И вот что нас поразило — Высоцкий был какой-то мертвенный. Дело в том, что когда человек поет со сцены, то кроме таланта его текста, его музыки и так далее, есть еще и талант исполнения. Талант исполнения предполагает присутствие человека в мелодии, он исполняет то, что он чувствует, что он думает, а этого не было. Я видел лицо отстраненное, бледное, и весь он был какой-то невыразительный. Пел он профессионально, но какое-то неблагополучие в этом лице и в этом облике для нас было...»

П. Вайль: «На концерте Высоцкий вел себя очень по-командному так: резко, жестко, без всякой любезности и, по-моему, довольно сильно разочаровал публику, особенно по контрасту с Окуджавой, который официально выступал в Штатах с лекциями. Высоцкий был лапидарен очень: «Сейчас я вам сыграю песню...». «Стоп» — прекращал овации таким повелительным жестом и голосом. Но пел, как всегда, выкладываясь, насколько я знаю и слышал от других. Он в этом смысле не халтурил...»

В Москве разгорается скандал вокруг альманаха «Метрополь». 20 января состоялся секретариат Московской писательской организации, посвященный этой проблеме. Этот день был выбран не случайно: дело в том, что 21 января «метропольцы» собирались провести официальную презентацию своего творения, поэтому «наверху» приняли решение действовать на опережение. Как вспоминает В. Ерофеев:

«Все было заранее срежиссировано. Вставали один деятель за другим и кричали, возмущались, пугали. Кто-то даже всплакнул от ненависти. Грибачев сказал мне в коридоре с блатной доверительностью: «Что бы вы там ни

говорили, все равно вам, ребята, хана». Нас было пятеро — составителей. Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя «героически». Искандер сказал о том, что в своей стране мы живем как будто под оккупацией. На Попова особенно разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей «детским садом усиленного режима».

Нас всячески пытались расколоть. Говорили, что нам не по пути с Аксеновым — у него на Западе миллион! Мерзко шутили с фамилией Липкина: Липкин-влипкин. Искандера старались «отбить», но он не «отбивался»...»

Покинем на время Москву и перенесемся южнее — в Казахстан, в поселок Фабричный Каргалинского района. Там в субботу, 20 января на свалке Каргалинского суконного комбината была найдена страшная находка — части женского тела: две ноги, в пятнадцати метрах от них резиновые сапоги, распоротые острым предметом у голени. Под кучей камней, земли и проволоки были обнаружены другие части тела: грудная клетка, руки... обе груди вырезаны. При осмотре ног было установлено, что надрезы начинаются на 15 сантиметров выше пятки и идут далее до сустава, то есть икры отсутствуют. Это навело сыщиков на мысль, что с жертвой поработал каннибал. Так оно и было на самом деле. Убийца — каннибал Николай Джумагалиев, а убитая — его первая жертва. Это была гражданка Н. Андронник, на которую душегуб напал еще 6 января, когда она возвращалась из молитвенного дома в селе Узун-Агач в поселок Фабричный, где жила.

В Москве не утихает скандал вокруг альманаха «Метрополь». Те угрозы, которые прозвучали на секретариате писательской организации, так и не вразумили «метропольцев», и они объявили, что официальная презентация «Метрополя» состоится в намеченный день — 21 января. Мероприятие наметили провести в кафе «Ритм», что на Миусской площади, разослали около трехсот приглашений. Однако власти сделали все от них зависящее, чтобы презентация не состоялась. Так, двух именитых приглашенных — Олега Ефремова и Юрия Любимова — вызвали в Министерство культуры и потребовали отдать им приглашения. «Иначе хуже будет!» — пригрозили им. Когда те ответили отказом, им сообщили: «Все равно меро-

приятие не состоится». Не обманули. За несколько часов до начала презентации милиция оцепила территорию, примыкающую к кафе, под предлогом того, что в кафе... состоится травля тараканов. Чтобы ни у кого не было сомнений в этом, на дверь кафе повесили табличку «Санитарный день». Мероприятие не состоялось.

Алла Пугачева сдает экзамены на режиссерском факультете ГИТИСа. Причем ей приходится разрываться даже не надвое, а на все четыре части. Дело в том, что с 16 января начались ее концерты в Театре эстрады, и экзамены приходится сдавать в перерывах между ними. Кроме этого ей надо решать и другие насущные проблемы. Например, в один из дней с утра она несколько часов корпела над учебником, затем помчалась в Министерство культуры, чтобы решить вопрос о техническом оснащении ее ансамбля. Оттуда рванула в спортивный магазин, чтобы купить новые лыжи для своей дочери Кристины (она училась в первом классе). Из магазина путь певицы пролегал в телецентр в Останкино, где предстояло обсудить намечающиеся съемки совместного советско-финского фильма о себе любимой. Короче, в те дни Пугачева вертелась как белка в колесе.

22 января в Театре на Таганке должен был состояться спектакль «Гамлет». Однако из-за того, что исполнитель главной роли Владимир Высоцкий продолжает свои незапланированные гастроли по США, спектакль пришлось отменить. Юрий Любимов был в ярости. Далее послушаем рассказ В. Смехова:

«В январе 1979 года, когда Володя продлил свое пребывание в США с концертами, а на «Таганке» без него «Преступление и наказание» уже шел на выпуск, меня вызвал Любимов. Разговор был тяжелый:

— Я прошу тебя, Вениамин, сегодня же возьми роль Свидригайлова и давай активно в нее входи...

— Как это? Володя приедет и...

— Не надо мне про Володю! Надоели его штучки и заграничные вояжи! Бери роль и работай!

Я еле отговорился: сказал, что смогу глядеть в текст роли только тогда, когда смогу глядеть ему, Высоцкому, в глаза. При нем — это одно дело, а за его спиной — другое. «Хотя, конечно, Юрий Петрович, если как человек я

против, то как солдат я готов подчиниться приказу командира...» Хитрость удалась, ибо покушаться на чужую свободу, видимо, не было в правилах создателя «Таганки»...

Съемочная группа фильма «Место встречи изменить нельзя» снимает зимнюю натуру без его участия. В те дни в городе и его окрестностях снимали эпизоды: проезд фургона «Хлеб» по проселочной дороге; доставка Фокса к магазину, для проведения следственного эксперимента и др.

24 января в Москве был объявлен приговор террористам, устроившим взрывы в Москве в январе 1977 года, в результате которых 7 человек погибли и 37 получили ранения различной тяжести. Суд признал всех троих виновными в теракте и приговорил к высшей мере наказания — расстрелу. Как я уже говорил, процесс этот был закрытым, на него даже не допустили родственников обвиняемых. Им сообщили о суде уже в последний его день и организовали приезд в Москву с тем, чтобы родственники смогли проститься с осужденными.

В те дни в Майкопе зародилась одна из самых жестоких банд в криминальной истории СССР, промышлявшая грабежами и убийствами на автомобильных дорогах. В нее входили три брата Самойленко: Дмитрий, Юрий и Валерий. Старшим в семье и в банде был 40-летний Дмитрий, неоднократно судимый за грабежи, волевой и жесткий, его авторитет в любом коллективе был непререкаем. За спиной у него было несколько побегов из мест заключения, его тело «украшали» семь пулевых ранений. Так же, как и старший брат, несколько судимостей имел и средний отпрыск Самойленко — Юрий. И лишь Валерий, самый младший в семье, был к тому времени чист перед законом. Но при наличии таких старших это могло длиться лишь до поры до времени.

В октябре 1978 года Дмитрий в очередной раз освободился из заключения и приехал в Майкоп с одной-единственной целью — уговорить братьев встать под его знамена, то бишь создать вооруженную банду. К его удивлению и радости, уговаривать младших долго не пришлось — они практически сразу согласились. Более того, сразу после первой встречи Юрий принес мелкокалиберную винтовку с патронами. А еще через некоторое время они обзавелись револьвером системы «наган» и угнали в

Майкопе автомашину «Жигули», которую выследил на улицах города младший из Самойленко — Валерий. Угон состоялся 24 января поздно ночью. С помощью газорезущего аппарата (в этом деле вновь помог Валерий, который работал сварщиком) братья срезали с гаража замок, заблокировали противоугонную систему внутри автомобиля. За руль сел средний брат — Юрий. Машину отогнали в дом Валерия. Этот автомобиль банда собиралась использовать при нападении на инкассаторов, которое они планировали совершить в ближайшее время.

26 января в 5-м творческом объединении «Мосфильма» состоялось обсуждение кинопроб для фильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии». На суд членов худсовета были представлены следующие кандидатуры на роли: Сергей Юрский (Рассказчик), Георгий Тараторкин (Чарский), Владимир Высоцкий, Николай Еременко (Дон Гуан), Леонид Куравлев (Лепорелло), Татьяна Догилева, Наталья Белохвостикова (Дона Анна), Валерий Золотухин (Моцарт), Иннокентий Смоктуновский (Сальери) и др. Обсуждение вышло бурным. Швейцер, например, сказал, что ему хочется снимать и Юрского, и Высоцкого. Его поддержала Власова: «Мне очень понравился Высоцкий, это может быть его лучшей ролью в кино. Ведь как актер он еще не сказал своего слова...» А вот кандидатура Натальи Белохвостиковой практически всем не понравилась: многие говорили, что она явно проигрывает на фоне остальных кандидатов. Но именно Белохвостиковой в итоге будет суждено сыграть Дону Анну.

Продолжаются съемки фильма «Москва слезам не верит». 24 января там снимали эпизод первого прихода Гоши в квартиру Катерины, его знакомство с ее дочерью. Как мы помним, Гоша поразил девушку своей уверенностью: он чувствовал себя в чужой квартире, как у себя дома. Два дня спустя в этой же декорации — «кухня квартиры Катерины» — сняли другой эпизод: внезапное появление бывшего возлюбленного Катерины и отца ее дочери Рачкова (Юрий Васильев). Помните, тот свалился как снег на голову, да еще с цветами в руках, чтобы объявить взрослой уже девушке о том, что он ее отец (эпизод доснимали 29 января).

Станислав Говорухин в эти же дни снимает зимнюю натуру в фильме «Место встречи из-

менить нельзя»: проезд бандитского автофургона «Хлеб» по заснеженной дороге; Промкашка (Иван Бортник) обследует вход магазина; приезд к магазину следственной бригады для проведения следственного эксперимента с Фоксом и др.

27 января по ТВ показали очередной выпуск «Кинопанорамы». В нем в качестве ведущего впервые выступил кинорежиссер Эльдар Рязанов, которому суждено будет стать вторым суперведущим этой передачи после Алексея Каплера (он вел передачу с 1964 по 1972 год). О том, как он попал в эту передачу, сам Э. Рязанов вспоминает следующим образом:

«В начале 1979 года мне позвонили из редакции «Кинопанорамы» и предложили провести в качестве ведущего январский номер. Я вообще люблю братья за то, что никогда не пробовал. А тут такое неожиданное, интересное предложение! Не стану скрывать: иной раз, сидя перед телевизором, в те годы, когда ведущие все время менялись, я прикидывал, а как бы сам повел себя, окажись на этом месте. Кое-какие идейки мелькали, но, поскольку маниловщиной заниматься было бессмысленно, я всерьез об этом не задумывался.

Я был бы не я, если б отказался от такой заманчивой возможности! И потом, если вдуматься, я ничем не рисковал. Рисквала только «Кинопанорама». «В общем, надо попробовать! — решил я. — В конце концов, не боги горшки обжигают. Подумаешь — приду, сяду и расскажу!»

И действительно, пришел и сел! Это на самом деле оказалось несложно. А вот рассказать... Не стану скромничать, на телекамеру я не обращал никакого внимания. Ее присутствие, нацеленный на меня огромный блестящий глаз почему-то не повергал меня в смущение и не мешал чувствовать себя самым собой. Думаю, это происходило в какой-то степени оттого, что меня ласково встретили работники передачи и сделали все, чтобы я ощущал себя как дома. А с другой стороны, я хотел показать народу, как надо вести передачу, хотел «утереть нос» всем ведущим всех передач!

Потел я сильно, не только в переносном смысле, но и в прямом. Во-первых, было жарко от осветительных приборов, во-вторых, от напряжения. Все-таки я впервые вел передачу. Мне сразу же подсунили написанный кем-то

текст. Началась съемка первого дубля. Я покорно попробовал прочитать текст, делая вид, что не заглядываю в него, но чужие слова застревают в горле и в моем исполнении звучали очень неестественно. Я взбунтовался, отложил текст и начал говорить обо всем не только своими словами, но и своими мыслями. Создатели передачи помогали мне. Иногда они укрощали некую мою развязность (это шло оттого, что мне очень хотелось быть свободным, раскованным); порой боролись с моими жаргонизмами, которые я нарочно вставляю в свою речь, так как считаю, что нужно разговаривать живым, современным, а не дистиллированным языком. Кроме того, я стремился, чтобы в передаче были не монологи, плохо связанные друг с другом, а диалог. Поэтому беспрерывно перебывал гостей передачи, не давая им высказаться. Желание поделиться своим опытом, рассказать об историях, случившихся со мной, очень выпирало...»

Чтобы читателю было понятно, о чем шла речь в том выпуске «Кинопанорамы», приведу краткий перечень тем, затронутых в ней. В частности, были представлены два новых художественных фильма — «След на земле» и «Вас ожидает гражданка Никанорова» — и один телевизионный — «Униженные и оскорбленные». Гостями передачи стали актеры Юрий Соломин, Никита Подгорный, Валентина Теличкина. В заключение выпуска было рассказано о Неделе французского кино, прошедшей недавно в Москве:

27 января в Москву из Америки вернулся Владимир Высоцкий. В тот же день он участвует в двух представлениях спектакля-концерта «В поисках жанра». На следующий день он вынужден писать объяснительную руководству своего театра по поводу своей задержки в США. Цитирую: «22 января я должен был играть спектакль «Гамлет». Мною послана телеграмма из Парижа с просьбой разрешить мне задержаться на несколько дней, вернее, с сообщением о необходимости остаться до 26 января за рубежом, т. к. моя жена именно 22 января легла на трехдневное обследование в Нью-Йорке по поводу травмы, полученной ею на съемках. Я находился с нею там же и не мог оставить ее, не узнав результатов...»

Итак, судя по тексту, Высоцкий задерживается в США из-за любви к жене. Но как быть

с другим фактом: в Москву он вернулся аккуратно ко дню рождения своей молодой возлюбленной Оксаны Афанасьевой, которой 29 января исполнялось 19 лет.

В воскресенье, 28 января, к Андрею Сахарову пришла сестра известного диссидента А. Твердохлебова и сообщила, что в Москве на днях закончился суд над террористами, устроившими взрывы в январе 1977 года. Гостья сообщила, что все трое приговорены к расстрелу. Далее послушаем рассказ самого академика:

«На другой день утром (в понедельник) я позвонил в иностранные агентства и сообщил полученные мною сведения. Так я делал всегда, когда узнавал что-либо важное, практически каждую неделю...»

Вечером во вторник я написал обращение к Брежневу. Я просил его способствовать приостановке исполнения смертного приговора и назначению нового судебного разбирательства. Я сообщил известные мне сведения, заставляющие меня сомневаться в вине обвиняемых в совершении ужасного, не имеющего оправдания преступления. Главный мой аргумент — что в суде не были обеспечены необходимые для исключения судебной ошибки и несправедливости гласность и публичность, о суде никому не было известно: ни общественности, ни даже родственникам осужденных. Я закончил составление документа и собирался ложиться спать. В это время позвонил корреспондент Би-би-си в Москве Кэвин Руэйн. Он сообщил, что только что было передано по телетайпам сообщение об осуждении трех армян за взрыв в метро и одновременно сообщено, что приговор приведен в исполнение.

Совершенно потрясенный, я почти что прокричал в трубку:

— Это убийство! Я объявляю в знак траура однодневную голодовку...

Кэвин воскликнул:

— Андрей, зачем вы это делаете? Ведь они — террористы!

— Их вина не доказана. Как можно считать их террористами?..

На другой день утром я пошел отправлять оба письма (я сдал их, как всегда, в приемную писем Президиума Верховного Совета в Кулафьей башне). По дороге я прочитал в вывешенной газете сообщение «В Верховном суде СССР»...

О своем письме Брежневу я сообщил по телефону иностранным корреспондентам и в агентства. Через час или два начались звонки в нашу квартиру. Звонившие обычно говорили, что они присутствовали на суде над террористами, которых я защищаю, и выражали свое возмущение моей позицией защиты убийц. Форма, в которой это говорилось, в разных звонках была различной: иногда это было только сожаление по поводу моей неосведомленности и наивности, иногда ирония, насмешка, иногда — гневное возмущение, угрозы расправиться со мной самим...»

30 января в Москве, на доме № 29 на Большой Бронной, была открыта мемориальная доска (скульптор Ю. Чернов, архитектор И. Шадрин) в честь легенды советского кинематографа актрисы Любови Орловой (она жила здесь в 1966—1975 годах). На церемонии открытия присутствовали представители столичной власти, видные деятели искусства. Был там и супруг актрисы кинорежиссер Георгий Александров. Его появление вызвало недовольный ропот среди собравшихся. Было известно, что Александров собрался жениться, причем в жены себе выбрал... вдову собственного сына Дугласа, который умер осенью прошлого года. Люди восприняли эту новость как кощунство над памятью Любови Орловой. Между тем ничего необычного в этом решении не было. Жена Дугласа еще при жизни мужа всячески заботилась об Александрове, поскольку тот был абсолютно не приспособлен к реалиям повседневной жизни. Он не умел ни готовить, ни стирать, ни ходить в магазин, даже посуду за собой не мыл. Короче, большой ребенок. Кроме этого, Александров боялся допустить к своему наследству постороннего человека, а жене Дугласа доверял безраздельно. Так что этот брак был скорее по расчету, чем по большой любви.

А теперь перенесемся в город Печору, куда 30 января приехал 21-летний Анатолий Нагиев. Этому молодому человеку суждено войти в криминальную историю СССР как одному из самых жестоких преступников — за один день он изнасилует и убьет сразу четырех женщин, ехавших с ним в одном поезде. Но рассказ об этой истории впереди, а пока познакомимся с тем, что ей предшествовало.

Нагиев родился в Ангарске, в пятилетнем возрасте переехал в село Ивницы Курской области. Там и начались его сексуальные похож-

дения. В мае 1975 года он изнасилował лаборантку одного местного СГПУ, которая имела неосторожность принять его ухаживания и согласилась прогуляться с ним вечером в парке. Это было первое преступление Нагиева, которое сошло ему с рук: пострадавшая предпочла не заявлять на него в милицию. Видимо, это и вдохновило парня на другие подобные преступления. В течение двух последующих месяцев он совершил еще два изнасилования. На последнем его «повязали» и присудили пять лет колонии. Четыре года он сидел за решеткой, после чего за хорошее поведение его перевели досиживать срок на вольное поселение — в поселок Чикшино. Знали бы руководители колонии, чем это обернется, сто раз подумали бы над своим решением.

Почувяв свободу, Нагиев взялся за старое. Но поскольку «следить» в поселке, где проживал, ему было несподручно, он отправился в Печору. Едва сошел с поезда, как тут же приметил жертву — молодую женщину в каракулевом пальто. Той симпатичный парень очень даже понравился, и она пригласила его к себе в гости. Благо жила рядом с вокзалом. Что было дальше — позже расскажет на следствии сам А. Нагиев:

«Она пригласила меня домой... Сидела, как я помню, на кровати. Я сидел рядом с ней на стуле. При этом я увидел ее полные красивые ноги... В этот момент я бросился на нее. Она стала кричать, сопротивляться, отталкиваться. Это еще больше меня возбудило... Стал, помню, душить. Когда она затихла, я взял на кухне нож и стал наносить ей удары в грудь, в шею... Затем изнасиловал ее в извращенной форме... Уходя, снял с нее кольцо и наручные часы... Из Печоры я вернулся в Чикшино...»

В Москве 31 января случилось прибавление в звездном семействе актеров Бориса Хмельницкого и Марианны Вертинской: у них родилась дочь Даша. У обоих актеров это был не первый брак. Особенно много «любовей» было у Вертинской. В начале 60-х громкий роман с Андреем Михалковым-Кончаловским, затем она встречалась с Андреем Тарковским, оператором Александром Книжинским, художником Львом Збарским. В 1967 году вышла замуж за молодого архитектора Илью Былинкина, от которого родила дочь Александру. Однако в начале 70-х этот брак распался, и Вертинская ушла к оператору Григорию Рербергу. Разме-

няв прежнюю квартиру, она теперь поселилась в двухкомнатной квартире на улице Чехова. Но и этот союз оказался недолговечным — он продлился всего лишь два года. Причем разрыв был тяжелым. После этого в жизнь Марианны и вошел ее бывший однокурсник по «Шуке», актер Театра на Таганке Борис Хмельницкий. Он давно был тайно влюблен в нее и все ждал, когда же она станет свободна. И дождался. Несмотря на то что Рерберг не хотел отпускать Марианну от себя, даже грозился в случае ее ухода покончить жизнь самоубийством, Вертинская ушла к Хмельницкому. А Рерберг нашел утешение в объятиях бывшей жены Владимира Басова Валентины Титовой. Что касается Вертинской и Хмельницкого, то они переехали в новую квартиру на Нижней Масловке, где в январе 1979 года у них и родилась дочь Даша. Забегая вперед, сообщу, что и этот союз просуществует не долго: всего два года. Но это уже другая история, а пока продолжим знакомство с событиями января 79-го.

Во второй половине января в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 22-го — мелодрама для взрослых «Объяснение в любви» Ильи Авербаха с участием Эвы Шиккульской, Юрия Богатырева, Ангелины Степановой и др.; мелодрама для подростков «Школьный вальс» Павла Любимова с участием Елены Цыплаковой, Евгении Симоновой, Сергея Насибова и др.; политическая драма «Кентавры» Витаутаса Жалакявичюса с участием Донатаса Баниониса, Регимантаса Адомайтиса и др.; 29-го — социальная драма «Улан» Толомуша Океева, где снялись Суйменкул Чокморов, Наталья Аринбасарова, Вацлав Дворжецкий и др. Из зарубежных новинок назову итальянскую комедию «Синьор Робинзон».

Кино по ТВ: «Голубой лед» (16-го), «Три сестры» (17-го), «Проводы» (премьера т/ф 18—19-го), «Двое в пути» (19-го), «Дети Памира» (20-го), «Доверие» (впервые по ТВ), «Со-

хранившие огонь» (21-го), «Серебряные трубы» (22-го), «Гори, чтобы светить» (Болгария, премьера т/ф 23—26, 29-го), «Ленинградская симфония» (24-го), «Кемпинг-кемпинг!» (26-го), «Бумбараш» (27—28-го), «Каменный цветок», «Отцы и дети» (28-го), «Валерий Чкалов» (31-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 17-го — в Театре имени Вахтангова был показан спектакль «Степан Разин» по В. Шукшину, в главной роли — Михаил Ульянов; в Театре-студии Киноактера — «Много лет спустя»; 19-го в Ленкоме — «Синие кони на красной траве» с участием Олега Янковского (Ленин), Евгения Леонова, Татьяны Пельтцер, Виктора Проскурина, Татьяны Догилевой и др.; 26-го в Театре имени Маяковского — «Праздник души» с участием Владимира Самойлова, Александра Самойлова, Александра Фатюшина и др.

Эстрадные представления: 16—20, 22—23, 25—27-го в ГТЭ пела Алла Пугачева; 22—23-го в ГЦКЗ «Россия» — Эдуард Хиль; 26—28-го в ЦДСА состоялись концерты с участием Евгения Петросяна, Нины Бродской, Любви Полищук, Юрия Григорьева и др.; 26, 29, 31-го в ГЦКЗ выступал ВИА «Песняры» с новой программой (в 1-м отделении была показана фольклорная постановка «Гусляр», во 2-м звучали популярные песни ансамбля).

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю гибкую пластинку «Песни из т/ф «31 июня». На ней были записаны три самых популярных шлягера А. Зацепина — Л. Дербенева из этого телехита: «Ищу тебя» (исполняет Ксения Георгиади, хотя в фильме ее пела Татьяна Анциферова), «Любовь нас выбирает» (Як Йола), «Что было однажды» (Алла Пугачева).

В журнале «Кругозор» (№ 1) выделю следующие пластинки: «Смоки» — «Что мне делать», «Иголка и булавка»; Дин Рид — «Певец», «Братья по крови».

1979

Февраль

«Гараж»: актерский сбор. КГБ допрашивает Высоцкого. Драки в советском кино. Очередная «вшивка» Олега Даля. Умер актер Николай Плотников. «Гараж»: съемки начались. Дело «Океан»: одних к расстрелу, других — на пенсию. Виктор Корчной удостоивается шахматного «Оскара». «Кубок вызова»: первый блин комом. Константин Симонов диктует последнюю книгу. «Кубок вызова»: наши берут реванш. Высоцкий клянет Хазанова. «Кубок вызова» наш! Сахарову угрожают расправой. Репрессии в «городе невест». Юрий Антонов и «Аракс» записывают первый совместный миньон. Можно ли носить украшения в советских школах. «Гараж»: съемки в разгаре. Травля Бориса Равенских. Как ловили грабителя во Владивостоке. «Москва слезам не верит»: снимают хоккей. «А теперь — Горбатый!» Олег Даль покидает «Экипаж». Пуля для маньяка. Родина родила. Страсти по «Метрополю» продолжаются. Начались съемки фильма «Приключения Шерлока Холмса». Как Олег Даль стал принцем Флоризелем. ЦСКА — чемпион. Умерла мать Валентины Серовой. Приговор грабителям ереванского банка.

В четверг, 1 февраля, в 10-м павильоне «Мосфильма» наблюдался небывалый сход кинозвезд разной величины. В то утро там можно было увидеть Валентина Гафта, Андрея Мягкова, Ию Саввину, Георгия Буркова, Леонида Маркова, Ольгу Остроумову, Лию Ахеджакову, Игоря Костолевского, Анастасию Вознесенскую, Светлану Немоляеву, Вячеслава Невинного, Глеба Стриженова, Борислава Брондукова, Семена Фараду, Ольгу Будницкую, Марию Виноградову, Наталью Гурзо и др. Столь внушительный сбор знаменитых артистов в одном месте и в одно время объяснялся отнюдь не участием в каком-нибудь профсоюзном собрании, а началом съемок фильма Эльдара Рязанова «Гараж». Правда, сами съемки должны были начаться со следующей среды, а пока в течение ближайших двух дней предстояло отрепетировать наиболее сложные сцены. Как вспоминает сам Э. Рязанов:

«В своей «тронной» речи в первый съемочный день, когда наконец-то удалось увидеть в кинопавильоне всех артистов одновременно,

я дал недвусмысленно понять, что, если какой-нибудь актер не явится на работу, я съемку не отменю, а его реплики отдам другому исполнителю. Я знал, что артисты этого ох как не любят. Но на самом деле это была с моей стороны чистой воды провокация, военная хитрость, запугивание. Я не мог механически передавать текст одной роли другому персонажу. Сценарий с этой точки зрения был написан довольно тщательно, и реплики выражали состояние и характер в каждом случае именно данного образа...»

В тот же день, но уже в другом павильоне «Мосфильма» — в № 8 — продолжались съемки фильма «Москва слезам не верит». Снимали эпизод, когда Гоша, Катерина и ее дочь сидят за столом на кухне и беседуют. В этом же составе съемки продолжились и на следующий день.

Владимиру Высоцкому, который несколько дней назад вернулся из США, позвонили из КГБ и попросили приехать в гостиницу «Белград» для конфиденциальной встречи. При этом

вежливо попросили никому об этом не говорить. Но Высоцкий их просьбу проигнорировал и взял с собой на встречу своего приятеля Валерия Янкловича. Спустя полчаса они уже были в указанной гостинице. Правда, в номер, на встречу, Высоцкий отправился один, а друга попросил подождать его в машине.

В номере Высоцкого встретили двое сотрудников «пятерки» (5-го Управления КГБ, курировавшего идеологию). Первое, о чем спросили артиста: как он решился без официального разрешения вылететь в США. Последовал хорошо известный нам ответ: дескать, жена там лечилась, а я ее сопровождал. А когда этот ответ чекистов не удовлетворил и они попытались приструнить артиста, тот неожиданно резко сказал: «Я сам знаю, что мне можно и что нельзя. И что вы можете мне сделать? Я всего достиг сам».

Следующей темой, которой коснулись чекисты, будет участие Высоцкого в альманахе «Метрополь». Но Высоцкий и здесь не спасовал: сказал, что готов обсуждать эту тему только в присутствии остальных участников альманаха. Тогда чекисты задали ему следующий вопрос, ради которого, как понял артист, его сюда и позвали: дескать, не он ли переправил оригинал альманаха в Америку? Уж больно, мол, подозрительное совпадение: Высоцкий приезжает в Штаты, и тут же издатель Карл Проффер заявляет о том, что у него имеется оригинал сборника и что он немедленно готов приступить к изданию альманаха. Высоцкий ответил честно: «Нет, не я. Это простое совпадение». И так уверенно это произнес, что у чекистов не осталось сомнений — не врет. Тогда последовал еще один вопрос: где деньги за американские концерты (Высоцкий заработал 38 тысяч долларов)? Артист ответил вопросом на вопрос: «А вы знаете, сколько стоит лечение в Америке?» Больше вопросов ему не задавали.

В субботу, 3 февраля, газета «Советская культура» опубликовала любопытную заметку, принадлежащую перу заместителя начальника Куйбышевского областного УВД В. Николича. Речь в ней шла о проблеме жестокости в советском кинематографе. Да-да, мой читатель, в те годы эта проблема тоже имела место быть, хотя та киношная жестокость не шла ни в какое сравнение с нынешней. В те годы человека если и били по лицу на экране, то кровь из раны не била фонтаном, забрызгивая экран

чуть ли не наполовину. Все тогда было гораздо невиннее. Но даже такие эпизоды не давали покоя блюстителям нравственности. Вот как об этом пишет тот же В. Николич:

«Драться в наших фильмах стали так же продолжительно и изощренно, как в пресловутых западных боевиках. Но стоит ли копировать образцы чуждой нам «массовой культуры»?..

Не могу забыть «классической» драки в фильме «Любовь земная». Кстати, тоже в целом хорошей ленты. Но что добавляет к характеристике персонажей это бесчеловечное побоище (речь идет о сцене, где братья Поливановы избивают Захара Дерюгина за то, что он гуляет с их сестрой. — *Ф. Р.*)? При чем здесь, скажите, реалистическое искусство, призванное будить в сердцах высокие чувства? Чистейший натурализм!..»

Кстати, именно в тот момент на киностудиях страны находились в производстве сразу несколько фильмов, где драки должны были стать чуть ли не двигателем сюжета. В частности, на Киностудии имени Горького готовились съемки блокбастера «Пираты XX века», где речь шла о захвате советского грузового судна с медикаментами бандой вооруженных до зубов пиратов. По сценарию драк в этом фильме в избытке, причем не просто кулачных, а каратешных. По задумке авторов фильма — режиссера Бориса Дурова и сценариста Станислава Говорухина — драки должны быть сняты эффектно, с привлечением лучших специалистов этого дела. Вот почему на главные роли пригласили многократного победителя чемпионатов Узбекистана по карате Талгата Нигматулина и мастера рукопашного боя Тадеуша Касьянова.

Олег Даль в те дни озвучивал на телевидении фильм «Утиная охота», где он играл главную роль — Зилова. 5 февраля он специально отпросился пораньше с озвучания, чтобы захватить к доктору Г. Баснеру, который делал ему три «шивки». На этот раз была произведена четвертая. Она нужна была артисту как воздух: в те дни он не только озвучивал «Утиную охоту», но еще снимался в фильме «Экипаж», а летом собирался начать сниматься сразу в двух телефильмах: «Приключения принца Флоризеля» и «...На стихи А. С. Пушкина».

В тот день советское искусство потеряло еще одного своего яркого представителя: из жизни ушел актер Николай Плотников. С 1938

года он играл на сцене Театра имени Вахтангова. В кино Плотников начал сниматься с середины 30-х, создавая образы противоположного характера. Он мог быть генералом Домбровским в фильме «Зори Парижа» (1937) и кулаком в ленте «Ленин в 1918 году» (1939), красавчиком Смитом в «Белом клыке» (1946) и Лениным в «Прологе» (1956). Талант этого актера был настолько самобытен, что в 1972 году на ТВ сняли фильм о нем — «Николай Сергеевич Плотников». Было ему 82 года.

6 февраля Эльдар Рязанов приступил к павильонным съемкам фильма «Гараж». Поскольку фильм предполагалось снять в минимальные сроки (за месяц), работа шла в жестком ритме — практически без простоев. Достаточно сказать, что в первый же день сняли аж 140 полезных метров пленки. В частности, сцены начала собрания гаражного кооператива. Как вспоминает сам Э. Рязанов:

«Итак, начались съемки! Метод, которым снималась наша комедия, можно было бы окрестить методом бури, натиска, непрерывной атаки. И мне кажется, что атмосфера съемочной площадки проникла и в ткань самого фильма, в его ритм, в его нерв, в его напряженность...»

Мне, как режиссеру, было невероятно трудно. Держать одновременно в поле зрения, направлять, корректировать игру тридцати исполнителей, каждый из которых — личность и дарование, невероятно сложно. Один я с этой задачей, да еще в такие короткие сроки, не смог бы справиться. И здесь мне помогла дружеская, творческая атмосфера, где подначка, насмешка и взаимопомощь были основой отношений между партнерами. Гафт помогал Ахеджаковой, Немоляева — Остроумовой, Бурков — Брондукову, и наоборот. Причем дружеская помощь и советы перемешивались с язвительными шуточками и убийственными островами в адрес партнеров. И неизвестно, что помогло больше...»

В тот же день в газетах появилось сообщение о том, что министр рыбного хозяйства СССР Александр Ишков отправлен на пенсию. Сообщение короткое — всего лишь несколько строк. Однако сведущие люди знали, что подоплека у этого смещения куда более серьезная и тянет на несколько томов уголовного дела. Эта история началась еще в 1977 году, когда в не-

драх КГБ СССР зародилась идея провести «профилактическую» чистку в среде зарвавшихся государственных и партийных чиновников. Так на свет явилось дело «Океан», в котором расследовались факты взяточничества в системе Минрыбхоза СССР. По этому делу арестовали заместителя министра рыбхоза Рытова и начальника Рыбпромсбыта Рогова. КГБ был готов арестовать и самого министра Ишкова, однако тот был другом Брежнева и отделался легким испугом — отправлен на пенсию после полутора десятков лет сидения в министерском кресле. А вот подчиненные министра получили, что называется, по полной программе: например, Рытова суд приговорил к расстрелу.

6 февраля четырехкратный чемпион СССР по шахматам, бывший советский гражданин Виктор Корчной (гражданства он был лишен в декабре 78-го) признан лучшим шахматистом прошедшего года и получил шахматного «Оскара». До этого в течение пяти последних лет эту награду получал Анатолий Карпов, о чем советская пресса обязательно оповещала своих сограждан. В случае с Корчным наша пресса набрала в рот воды, и советские шахматные болельщики узнали об этом из «вражбых» голов. Те сообщили, что решением 64 журналистов из 22 стран мира, входящих в Международную ассоциацию журналистов, пишущих на шахматные темы, пальма первенства присуждена Корчному за его мужество в поединке с Анатолием Карповым в Багио.

Советская сборная по хоккею с шайбой находится в США, где должна помериться силами с тамошними профессионалами в новом турнире «Кубок вызова». В нем участвовали только две команды — наша сборная и «Олл Старз НХЛ». Они должны были сыграть между собой три игры и выявить победителя — сильнейшую сборную мира. Ажиотаж вокруг турнира огромный, что, впрочем, для таких игр дело привычное.

Руководители НХЛ призвали под свои знамена лучших игроков, причем национальная принадлежность в расчет не бралась: в их команде, например, играли трое шведов. Кроме этого, в сборную добавили пятерку игроков, которых выбрали болельщики (невиданное дело).

Наша команда приехала за океан чуть ли не полностью омоложенная. Среди молодых

были: Сергей Стариков, Юрий Федоров, Василий Первухин, Зинетула Билялетдинов, Александр и Владимир Голиковы, Сергей Макаров, Александр Скворцов, Владимир Ковин, Михаил Варнаков, Ирек Гимаев, Виктор Тюменев, Сергей Бабинов, Владимир Мышкин. Не было только Вячеслава Фетисова, который накануне игр получил тяжелую травму.

Первая встреча состоялась 8 февраля в Нью-Йорке, в «Мэдисон сквер-гардене» (у нас в это время была еще ночь, поэтому игру показали в записи поздно вечером — в 22.15). Матч начался яростными атаками хозяев поля. Повторился сценарий сентября 72-го: уже на 16-й секунде Ги Лефлер «распечатал» ворота Владислава Третьяка. Наши стали неоправданно грубить и во время очередного такого удаления, когда на скамейку штрафников сел Владимир Петров, Босси увеличил разрыв до двух шайб. Но этот счет продержался недолго. Вскоре уже удалили канадца, и наши ребята разыграли великолепную комбинацию: Харламов отдал пас Васильеву, тот бросил, а отскочившую от вратаря Кена Драйдена шайбу добил капитан команды Борис Михайлов. Однако под занавес периода канадцы вновь ушли в отрыв — шайбу забросил Гейни.

Следующие два периода игра шла с переменным успехом, но хозяевам везло больше: на две их шайбы наши ответили одной (отличился Владимир Голиков). Нашим пришлось играть в пять защитников, поскольку из-за неуверенной игры тренеры посадили на скамейку запасных Геннадия Цыганкова. Задора нашим игрокам это, естественно, не прибавило. Окончательный итог встречи — 4:2 в пользу профи.

Писатель Константин Симонов в те дни находился в больнице. Жить ему оставалось немного, и он, видимо, это понимал. Поэтому и задумал написать вещь, которая станет, по сути, его литературным завещанием. Речь идет о рукописи «Глазами человека моего поколения», посвященной личности Сталина. Поскольку силы у Симонова были уже не те, он надиктовывал рукопись своему бессменному секретарю Ларисе Жадовой. Понимая, что эта книга относится к числу непроходимых, Симонов начал ее словами: «Рукопись, к которой я сегодня приступаю, не предназначается для печати... В полном виде я намерен сдать ее на

государственное архивное хранение с долей надежды, что и такого рода частные свидетельства... смогут когда-нибудь представить интерес...» Забегая вперед сообщу, что рукопись Симонова будет опубликована спустя 10 лет — в 1989 году.

И снова перенесемся в США, где 9 февраля состоялся второй матч по хоккею с шайбой между сборными СССР и Канады. Как мы помним, в предыдущей игре успех сопутствовал хозяевам площадки, и в случае второй победы они досрочно становились победителями. По ту сторону океана после первой игры мало кто сомневался, что успех в этом турнире будет сопутствовать «Олл Старз НХЛ». В дебютной встрече наши ребята играли ниже своих возможностей, что соперниками было воспринято как показатель общего состояния советской сборной. Вот почему впервые за долгие годы канадцы даже не пришли на тренировку нашей команды перед второй игрой, поскольку были уверены — мы русских и так одолеем. Между тем наши тренеры приготовили канадцам сразу несколько сюрпризов. Главный из них: была дана команда нашим нападающим насмерть стоять на вражеском «пяточке». Защитникам же велено не «выгрывать» клюшкой шайбу из-под канадцев, а попросту «вырубать» их.

Начало матча за нашими ребятами: гол забил Сергей Капустин. Но затем инициатива перешла к хозяевам, и Босси, Тротье и Перро трижды зажгли красный свет за воротами Третьяка. Во втором периоде наши поднажали, и Варнаков сократил разрыв до одной шайбы. Но вскоре Робинсон вернул все к прежней ситуации — 4:2. Однако концовка периода прошла под нашу диктовку. Сначала отличился Борис Михайлов, а затем все тот же Сергей Капустин сравнял счет. А когда начался третий период, Владимир Голиков вывел нашу команду вперед. В течение последующих пятнадцати минут канадцы делали все от них зависящее, чтобы уйти от поражения, но пробить Третьяка им оказалось не под силу. Не помог даже шестой полевой игрок, которого они выпустили на площадку за несколько секунд до финальной сирены вместо вратаря Драйдена. Наши выиграли 5:4. Теперь победитель должен был определиться в заключительной, третьей игре.

10 февраля Владимир Высоцкий выступил с двумя концертами в городе Дубне, в тамошнем ДК «Мир». Концерты прошли вполне обычно, за исключением одного эпизода, где Высоцкий коснулся пародии на себя, которую исполнял в своем спектакле «Мелочи жизни» Геннадий Хазанов. Автором ее был Аркадий Хайт, который зло высмеивал Высоцкого, показывая его этаким пасквилянтом, клеветущим на свою страну и катающимся по границам. Вообще, подобное отношение к Высоцкому было чрезвычайно распространено среди части интеллигенции, о чем свидетельствует тот факт, что на него было написано несколько подобных пародий. Одна из них принадлежала барду Александру Дольскому. Начиналась она так:

В королевстве, где всем снились кошмары,
Где страдали от ужасных зверей,
Появилось чудо-юдо с гитарой,
По прозвищу Разбойник-Орфей.
Колотил он по гитаре нешадно,
Как с похмелья Леший бьет в домино,
И басыщем громобойным, площадным
В такт ревел, примерно все в до-минор...

О реакции Высоцкого на эту пародию ничего не известно, что позволяет сделать вывод о том, что он ее либо не слышал, либо не обратил на нее внимания. С пародией Хайта—Хазанова вышло иначе — Высоцкий на нее обиделся. Даже вроде звонил Хазанову домой, чтобы объясниться. А на концерте в Дубне поведал слушателям следующее:

«Мне недавно показали пародию на меня... у Хазанова в спектакле. Омерзительная, на мой взгляд, пародия, написанная Хайтом. Они считают себя людьми «левыми», не знаю, из каких соображений. Во всяком случае, вот в этой пародии они выглядят просто отвратительно, на мой взгляд. Это самые... Ну, в общем, я не знаю. Если у вас будет возможность с ними встретиться — с Хазановым и его авторами — и вы услышите это, вы сами это поймете... Если в том нет никакого намерения — бог с ними. Но все равно неприятно. А если в этом есть намерение — надо в суд...»

Большинство слушателей не видели спектакля «Мелочи жизни», поэтому плохо понимали, о чем идет речь. Поскольку читатель тоже находится в таком же положении, позволю себе процитировать несколько строчек из той пародии:

Я в болоте живу,
Ем сплошную траву.
Я под панцирем прячусь от страха.
Вот уже триста лет
Счастья в жизни мне нет!
Я — озлобленная черепаха!
Ненавижу людей,
Люди — хуже зверей!..
Засосало меня!
Я живу, все кляня,
Просто белого света не вижу!
Я не вижу семью!
Я в болоте гнию,
А жена загнивает в Париже!..»

Концерт Высоцкого начался в половине десятого вечера. Он был в самом разгаре, когда по ТВ (в 22.00) началась трансляция (опять в записи) третьего, заключительного матча «Кубка вызова» между сборными СССР и Канады. Хозяева вышли на лед, преисполненные решимости во что бы то ни стало победить, поскольку поражение было равносильно самоубийству — ведь игры проходили у них на родине. Эта решимость обрела у канадцев еще большую силу, когда они увидели, какой состав выставили против них советские тренеры. У сборной СССР не играли такие виртуозы шайбы, как Валерий Харламов, Владимир Голыков и Владислав Третьяк. Вместо них зеленая молодежь, некоторые из которых вообще играли против профессионалов впервые: Ирек Гимаев, Виктор Тюменев, Сергей Макаров. А место в воротах занял Владимир Мышкин, за плечами которого было всего один (!) серьезный матч — он сыграл его минувшей осенью в турнире на приз газеты «Руде право». Как вспоминает сам В. Тихонов:

«Почему я решил заменить Третьяка в последнем матче «Кубка вызова»? Профессионалы великолепно знают Владислава. Побаиваются его. Но я опасался, что они подметят одну его слабость, которая неожиданно проявилась в двух первых матчах (очевидно, Третьяк был не в лучшей своей форме — больше я эту слабость не замечал ни разу!), — он не был готов к мгновенной реакции на второй бросок, на добивание. Мышкин, если судить по тренировкам, был в тот период подготовлен лучше...»

Собственно, Владимир Мышкин во многом и решил исход поединка. В течение почти двух периодов канадцы штурмовали его ворота, производя броски из всех возможных положений. Его визави Чиверс, наоборот, стоял в

тот день гораздо хуже. Первый период закончился «всухую» — 0:0. Во втором наши нашли брешь в воротах канадцев и забили две шайбы (Михайлов, Жлуктов). В третьей двадцатиминутке, когда Балдерис забил третью шайбу, стало ясно — канадцы повержены. Поняли это и сами «Олл Старз». В итоге Чиверс пропустил еще три безответные шайбы (Ковин, Макаров, А. Голиков). Итог матча — 6:0 в пользу нашей сборной. «Кубок вызова» уехал в Москву.

В те дни очередные серьезные проблемы возникли у Андрея Сахарова. После того как он позволил себе усомниться в справедливости суда над террористами, устроившими взрывы в Москве в январе 77-го, ему буквально не стало прохода. Каждый день ему домой звонили неизвестные, которые оскорбляли его и даже угрожали расправой. 8 февраля в «Известиях» было опубликовано письмо Д. Тюжина — родственника (дяди) погибшего от взрыва в метро 16-летнего мальчика, — в котором он обвинял Сахарова в пособничестве террористам. Письмо так и называлось — «Позор защитникам убийц». Но на этом неприятности Сахарова не закончились.

Примерно 11 февраля к нему домой явились два неожиданных посетителя — мужчины, которые представились родственниками погибших во время терактов 77-го. Чуть ли не с порога они спросили академика: «Зачем вы защищаете убийц?» Сахаров попытался было объяснить гостям, что он не защищает убийц, а пытается доказать, что суд над ними был неправый, закрытый. «Почему, например, не были извещены о суде родственники подсудимых?» — спросил он у гостей. На что те ответили: «Да мы бы их растерзали: это они виноваты, что вырастили таких убийц». Далее послушаем рассказ самого А. Сахарова:

«Я говорил нарочно размеренно, а они — все громче и возбужденнее. Маленький начал подступать ко мне с криками и выбрасывать у меня перед лицом сжатый кулак. Я продолжал, стараясь соблюдать спокойствие и неподвижность, свои аргументы. В квартире были Лиза и Мальва Ланда. Они прибежали на шум. Один из посетителей сказал Мальве:

— Вам, Мальва Ноевна, тут делать нечего. Опять клевету напишете!

(Выдав тем самым окончательно свою гэбистскую принадлежность.) Крики и размахи-

вание руками усилились. Обстановка становилась все напряженной. Лиза стала протискиваться между мной и гэбистами, пытаясь как-то защитить меня. В этот момент один из гэбистов быстро нанес ей — незаметно для меня — сильный и болезненный, как она потом призналась, удар в живот, но тогда Лиза даже не поморщилась. Продолжая кричать, «посетители» постепенно двигались к двери и, наконец, ушли, пообещав напоследок прийти со всеми родственниками погибших и окончательно разделаться со мной.

Потом начался поток писем. Всего их пришло более 20, может, около 40 — с оскорблениями, упреками (Почему ты защищаешь убийц, а не их жертв? И тебе не стыдно?..), угрозами. Примерно в 15 письмах содержались прямые угрозы убийства. В одном из них мне обещали отрезать голову и положить ее напротив американского посольства. Авторы многих писем сообщали, что они уже отсидели немало и готовы посидеть еще ради того, чтобы покарать такого мерзавца, как я...»

Тем временем в «городе невест» Ивановы бушуют не менее бурные страсти, и тоже политические. Поводом к ним стал январский номер журнала «Аврора», где было напечатано стихотворение Евгения Евтушенко о «колбасных» поездах. Как мы помним, по этому поводу провели идеологический актив области, где эту публикацию назвали идеологической диверсией и дали команду изъять номер журнала из всех ивановских библиотек. Едва эта новость ушла в народ, как тут же люди бросились воровать журнал из библиотек, а потом переписывать стихотворение от руки и распространять его наподобие газеты «Искра» — то бишь подпольно. Более того — на свет стали появляться стихотворения-подражания, которые ходили по рукам даже в средних школах среди подростков. Власти, которые явно не ожидали такой реакции на свои действия, схватились за голову: что делать? В итоге решили спуску «пасквилянтам» не давать. А чтобы люди поняли, что шутить с ними никто не собирается, провели показательную акцию — арест молодой машинистки, которая имела смелость распечатать одно из крамольных произведений у себя на работе. Эта акция возымела определенное воздействие: многие из тех, у кого дома хранились подобные стихи, бросились от них осво-

бождаться — сжигать в печках. Однако некоторые их все-таки сохранили, тем самым донеся до потомков.

Композитор и певец Юрий Антонов далек от политических проблем — он занят записью своего нового миньона. Стоит отметить, что первая пластинка-миньон Антонова увидела свет еще в 1971 году: на ней он пел свои песни в составе ВИА «Добры молодцы». Пластинка имела умеренный успех у публики. Гораздо большую популярность приобрели другие: те, где песни Антонова исполняли другие исполнители (например, миньоны ВИА «Поющие гитары» с хитом «Нет тебя прекрасней» и «Веселых ребят» с хитом «Отчего» разошлись многомиллионными тиражами). В 1974, 1976 и 1978 годах вышли еще три миньона с песнями Антонова в авторском исполнении. Последняя пластинка — «Бабье лето» — получилась самой слабой, из-за чего в эстрадной среде пошли упорные разговоры, что Антонов, как композитор, исписался. Видимо, эти слухи подстегнули самолюбие Антонова, и он решил доказать обратное.

Антонов понимал, что его песням может сопутствовать успех только в том случае, если они получают иное, чем прежде, звучание. Более рок-н-рольное или дискотечное. Предыдущие коллективы, с которыми он работал, исполняли его произведения совсем в ином ключе — вокально-инструментальном. От их услуг он отказался и принялся искать новую группу. И нашел. Этим коллективом стала рок-группа «Аракс», которая работала в Ленкоме. Причем поначалу участники группы приняли Антонова настороженно, не понимая, каким образом он, автор песен для ВИА, собирается их заинтересовать. Но, услышав его новые произведения, которые он предложил им для записи, поняли, что из этого может выйти весьма неплохое сотрудничество. В феврале Антонов и «Аракс» засели в студии фирмы «Мелодия» и в течение трех недель записали четыре песни, которым суждена будет звездная судьба — они станут шлягерами всех дискотек Советского Союза. Среди них две «забойные» вещи — «Зеркало», «Золотая лестница» и два «медляка» — «Анастасия», «Тебе».

Александр Митта продолжает снимать «Экспаж». 12 февраля должна была сниматься сцена «у санатория» с участием Олега Даля, Геор-

гия Жженова, Екатерины Васильевой, но съемку пришлось отменить. Дело в том, что в тот день ударил сильный мороз — до 20 градусов, — а в числе актеров находился 8-месячный ребенок. Опасаясь за его здоровье, решили снять эпизод в более благоприятных условиях. На следующий день съемку перенесли в помещение — снимали эпизод, где герой Жженова (Тимченко) приходит в кабинет к своему начальнику. 14 февраля работа остановилась — заболела одна из главных исполнительниц Александра Иванес.

13 февраля «Советская культура» опубликовала сердитое письмо одной из читательниц, которая высказывала в нем свое недовольство по поводу внешнего вида советских школьников. Такая проблема в те годы действительно существовала. Каких-нибудь десять лет назад, в шестидесятые, советское общество было куда более однородным, как тогда выражались, «серым». Тогда по улицам советских городов ходили люди в одинаковой одежде, причем не самого лучшего качества. А дети в школах носили мышинного цвета форму, которая обязана была подчеркнуть их равное друг с другом положение. Но в 70-е ситуация начала меняться. Общество стало расслаиваться, пусть и не так стремительно, как в наши дни, но все равно заметно. В гардеробах советских граждан появились многочисленные импортные обновки, которые буквально преобразили некогда серую толпу — теперь она стала куда более привлекательной. Такая же картина наблюдалась и в учебных заведениях страны, где молодежь щеголяла друг перед другом самыми немислимыми обновками (и это при том, что в 1976 году была введена новая, более приятная на взгляд форма синего цвета). Причем такая ситуация наблюдалась не только в крупных городах, но и на окраинах. О чем наглядно свидетельствует упомянутое письмо в «Советской культуре»: автором его была жительница поселка «Заветы Ильича» Московской области В. Искра. Она писала:

«Хочу задать вам вопрос: можно ли ученицам ходить в школу в сережках, в золотых перстнях? Не только десятиклассницы, но даже маленькие девчонки, десятилетние, смотрю, носят украшения. Меня это удивляет. Я росла в других условиях, мне было 11 лет, когда кончилась война, и в школу мы ходили в кирзовых

сапогах. Только с 1948 года стали жить лучше... Конечно, сейчас время настало другое, все одеваются хорошо. Но дети-то все равно остаются детьми. Хорошо ли их так баловать?»

Эльдар Рязанов продолжает работу над комедией «Гараж». Как мы помним, павильонные съемки начались 6 февраля и идут в максимальном ритме — в день снимается по 120—140 полезных метров пленки. Так было и 12—15 февраля, когда снимали эпизоды, где обиженные члены гаражного кооператива требуют справедливости, а когда понимают, что их никто не слушает, пускаются на крайнюю меру — похищают поименный список членов кооператива. О съемках вспоминает Э. Рязанов:

«Мы снимали сразу тремя камерами. Но ни один актер точно не знал, какая именно камера фиксирует его, не знал, снимают ли его крупно или же общим планом. Поэтому весь клубок человеческих тел и страстей кипел, как в жизни, эмоции выливались, возникали конкретные взаимоотношения между партнерами в каждом новом эпизоде. Естественно, надо было следить, чтобы «градус» игры был кинематографическим, то есть приближенным к жизни, чтобы не было театральных «переборов». Благодаря такой съемочной манере возникла и довольно своеобразная стилистика фильма. Артисты знали, что их игру фиксируют на кинопленку, и тем не менее съемка велась в какой-то степени как бы скрытой камерой. Причем задания операторам-камерменам менялись от дубля к дублю. Вследствие этого артисты не могли приспособиться ни к одной из снимающих камер. Исполнителям ничего не оставалось, как жить жизнью своих героев, быть наполненными, играть во всю силу. Тем более что пространство, место действия, было ограниченным, и когда камера делала акцент на одном артисте, в поле ее зрения невольно попадали и те, кто был рядом, на фоне или впереди. Все это должно было создавать впечатление документальности, жизненности, достоверности...

Параллельно с кинопленкой все фиксировалось и на видеоленту. Исполнители приглашались после снятого дубля к монитору и смотрели, как сыграли. Стоя около телевизора, артисты охали, ужасались себе, издевались над партнерами, дискутировали, делали замечания друг другу, выслушивали мои пожелания и

просьбы операторов. Вносились поправки. Причем всеми — и мной, и исполнителями, и художником, и оператором. После этого снимался следующий дубль. Почти всегда он был значительно лучше предыдущего... Надо добавить, что «Гараж», в отличие от других фильмов, снимался последовательно. То есть сначала снимались первые кадры фильма, затем — последующие, как написано в сценарии. Развитие действия репетировалось и фиксировалось съемочными аппаратами по порядку. Поэтому нарастание эмоционального градуса каждой новой сцены вытекало из накала предыдущего эпизода...»

Режиссер Малого театра Борис Равенских переживает не лучшие времена. В родном коллективе его травят, пытаются отправить куда подальше — преподавать в ГИТИС. А он не мыслит своей жизни без сцены. Поэтому настойчиво просит министра культуры СССР Петра Демичева принять его. Но тот тянет, поскольку прекрасно знает, откуда ветры дуют: во главе травли режиссера стоит сам Михаил Царев. В те февральские дни Равенских записывает в своем дневнике следующие размышления:

«Стиль руководства в Малом театре основан на страхе, царит холуйство, барство, высокомерие, чванство, ложь. Решение моего вопроса длится два года. Цель — не дать мне работать. Травля, расправа... Почему? За что? В Малом театре — трагедия. Судьба Зубова, Судакова, Дикого, Бабочкина, Смоктуновского... Но я прошу работы и уважения. Помогите, что делать? Какой репертуар я дал Москве — Шолохова, Леонова, Н. Островского, Толстого... Я заработал право иначе относиться к себе...»

А теперь перенесемся на другой конец страны — во Владивосток. Там вечером 15 февраля было совершено дерзкое преступление. Некий неизвестный мужчина в белом плаще вошел в проходную одного из заводов и, достав нож, приставил его к горлу вахтерши. После чего преступник бесцеремонно расстегнул на поясе женщины кобуру, достал оттуда пистолет и тут же спешно ретировался. Спустя пять минут сообщение об этом поступило на пульт дежурного Ленинского РОВД. К месту происшествия немедленно отправили усиленный наряд милиции, но задержать охотника за огнестрельным оружием по горячим следам не уда-

лось. А утром следующего дня поступило новое сообщение: минувшей ночью неизвестный мужчина в белом плаще и вооруженный пистолетом пытался ограбить одну из районных сберкасс. Однако кассирша успела нажать на тревожную кнопку, и грабитель, испугавшись, скрылся, так и не поимев ни копейки.

Едва это сообщение пришло в милицию, там поняли — преступник на этом не успокоится, в ближайшее время следует ждать новых налетов. Только где? Поскольку знать об этом никто, кроме грабителя, не мог, решили взять под усиленную охрану все городские сберкассы. Но преступник оказался хитрее. Вечером 16 февраля, когда почти весь город во все глаза смотрел заключительную серию боевика «Майор Вихрь» (фильм шел в 19.50—21.00), грабитель вышел на очередное дело. В темном переулке он подстерег хорошо одетую молодую женщину, возвращавшуюся с работы, и, угрожая пистолетом, потребовал отдать ему сумочку. Женщина закричала, за что тут же получила удар рукояткой пистолета по голове. Но грабителю не повезло. Аккурат в нескольких десятках метров от места нападения оказались двое инспекторов угро: Владимир Скулкин и Эдуард Кудрявцев. Услышав крик женщины, они бросились на зов. Увидев убегающего мужчину, сыщики разделились: Скулкин бросился в погоню, а Кудрявцев забежал в ближайший магазин, чтобы по телефону оповестить коллег о происшествии.

Эта погоня наделала много шума в городе — как в прямом, так и переносном смысле. Увидев, что за ним погоня, грабитель два раза выстрелил в сыщика. К счастью, Скулкин успел заметить, как преследуемый целится в него, и в последний момент отпрянул в сторону. Пули просвистели мимо. Но шум выстрелов слышали двое коллег Скулкина: капитан милиции Илья Яковлев и сержант Николай Сливков. Спустя несколько минут они уже составили компанию своему коллеге и бежали с ним нога в ногу. А преступник уже достиг центра города. Несмотря на позднее время, здесь было относительно многолюдно. Поэтому открывать ответную стрельбу по преступнику никто из преследователей не решился. А грабитель, уже изрядно запыхавшийся, решил воспользоваться услугами городского транспорта. Увидев, как к остановке подходит трамвай, он

бросился к нему в надежде в последний момент заскочить на подножку. Но просчитался. Какой-то смельчак из толпы, которая поджидала тот же трамвай, бросился ему наперерез и свалил с ног. Пистолет выпал из рук грабителя, что и решило исход поединка: он был скручен подоспевшими к месту драки сыщиками.

И вновь вернемся в Москву. В первой половине февраля в здешних кинотеатрах прошли премьеры следующих фильмов: 5-го — мелодрама «Когда рядом мужчина» Валерия Гажиу с участием Валентины Малявиной, Геннадия Сайфулина и др.; 9-го — боевик «Бархатный сезон» Владимира Павловича с участием Сергея Бондарчука, Иннокентия Смоктуновского, Николая Крючкова, Татьяны Сидоренко и др. Из зарубежных картин выделю итальянскую криминальную драму «Вендетта по-корсикански» (с 12-го).

Кино по ТВ.

Из театральных премьер назову одну: 12-го в Театре на Таганке был показан спектакль «Преступление и наказание» по Ф. Достоевскому (сценическая обработка Ю. Карякина) с участием Владимира Высоцкого, Аллы Демидовой, Константина Желдина и др.

Эстрадные представления: 1—7-го в ГЦКЗ «Россия» выступал ВИА «Песняры»; 2—3-го в «Октябре» состоялись концерты с участием Валентины Толкуновой, Альберта Писаренкова, Владимира Винокура, Светланы Резановой и др.; 3—4-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского мим Александр Жеромский показал программу «Причуды мима»; 3—6-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали Маргарита Суворова, Алла Йошпе и Стахан Рахимов, ВИА «Акварели» и др.; 8—10-го там же — София Ротару, Михаил Водяной, Юрий Тимошенко и Ефим Березин (12—13-го они выступили в Кремлевском Дворце съездов); 10—11-го в ГЦКЗ «Россия» пела звезда югославской эстрады Радмила Караклаич; в «Октябре» состоялись концерты с участием Клары Новиковой, Екатерины Суржиковой, Заура Тутова, Ирины Понаровской и др.

16 февраля съемочной площадкой фильма «Москва слезам не верит» стал Дворец спорта в Лужниках: там снимали эпизоды из первой серии, где хоккеист Гурин (Александр Фатюшин) приводит свою возлюбленную Людмилу (Ирина Муравьева) на матч со своим участием.

Играет он блестяще, забивает шайбу, посвящая ее своей невесте. В съемках принимали участие 30 профессиональных хоккеистов, которые за несколько часов интенсивной работы (с 12.00 до 22.00) заработали по червонцу на брата. По тем временам неплохие деньги, если учитывать, что обычно массовка получала по трешнику. Однако этот «хоккейный» эпизод из окончательного варианта картины почему-то вылетит.

В субботу, 17 февраля, на задах продовольственного магазина на Таганке снимали один из финальных эпизодов фильма «Место встречи изменить нельзя» — арест бандитов «Черной кошки». Помните, Шарапов заманивает бандитов в подвал продовольственного магазина, а муровцы блокируют окрестности. Это там Жеглов произносит свою коронную фразу: «А теперь — Горбатый!» По случаю приезда популярных артистов работники магазина расшедрились и разрешили им прикупить дефицитных конфет, которых в открытой продаже, что называется, днем с огнем было не сыскать.

Съемки начались без Высоцкого — он днем был занят в спектакле «Павшие и живые». Приехал после обеда, и не один, а с Иваном Бортником, который играл в фильме роль Промакашки. Спустя час сняли эпизод ареста Промакашки. Как мы помним, бандиты вылезали из подвала один за другим весьма монотонно: бросали на землю оружие, поднимали руки и сдавались. После третьего такого выхода режиссер Станислав Говорухин с раздражением сказал: «Что же вы молчите-то все?!» Бортник это пожелание учел и, когда очередь дошла до него, придал своему эпизоду музыкальное решение: загнусавил блатную песню, знакомую ему еще с детства: «А на черной скамье, на скамье подсудимых...». Получилось очень даже живенько.

На другой день снимали убийство Жегловым Левченко. Вот как об этом вспоминает актер Виктор Павлов (он играл Левченко): «Приехали мы с Высоцким на съемочную площадку очень рано. Работа предстояла важная, должны были снять сцену, где Жеглов убивает Левченко, то есть меня. Чувствую, настроение у Володи какое-то праздничное. Говорит: «Вить, пойдем, чего покажу. Видишь, вон машина новая? Это моя. Поехали, прокачу». Сели мы в «Мерседес», сделали круг. А я ему и предлагаю:

«Чего на месте-то топтаться? Поехали на Птичий рынок. Тут рядом». Поехали — и решили по «Птичке» пройтись.

Накупили голубей... Раньше они стоили «трешку» за пару. Привезли птиц на съемочную площадку, стали выпускать. Все просто обалдели от такой прелести. Приступили к съемкам. Я бегу по снегу, Высоцкий в меня стреляет. Бабах... падаю. Помню: Володя подбегает с бледным лицом, берет мою руку, целует: «Голубятник, вставай. Я тебя никогда не убью».

Между тем в съемках другого блокбастера — «Экипаж» — произошло неожиданное: от роли отказался исполнитель роли Скворцова Олег Даль. Последний раз он появился на съемочной площадке 12 февраля, но съемки тогда не состоялись. Даль выглядел плохо, жаловался на здоровье. А спустя несколько дней и вовсе заявил, что уходит из картины. Вот как об этом вспоминает директор фильма Б. Криштул:

«Ко мне в кабинет зашел Даль.

— Директор, — в своей обычной грубовато-панібратской манере обратился он ко мне, — есть разговор. Наедине!

Я попросил всех выйти, а Олег закрыл дверь на ключ:

— Роль не идет, режиссер недоволен, текст не держу, ночами не сплю — психую. В общем, сниматься не могу...

От неожиданности я потерял дар речи, а про себя подумал: за что? Караченцов, Проклова, а теперь еще и Даль. Это уже перебор! Опомнившись, несвязно и суетливо принялся убеждать:

— Олег, что ты говоришь? Столько съемочных дней псу под хвост, и куча денег туда же... Ты профессионал... От таких ролей не отказываются...

— Я болен, — прервав мои излияния, коротко ответил Даль, резко поднялся с места, вытянул перед собой руки и замер, закрыв глаза. Руки сильно дрожали. Что-то глубоко трагическое и одновременно беззащитное было в его тощей фигурке.

Я понял, что он не лукавит, и на самом деле не может сниматься. Но по инерции продолжал:

— Я тебя очень прошу, Олег, не спеши, подумай, не руби сплеча!

— Давай бумагу, я напишу заявление.

— Да я сам не могу это решить! Надо идти к Сизову.

— Пошли. Прямо сейчас.

Генеральному Олег сказал: «Режиссер классный, сценарий хороший, но я впервые в жизни не могу сниматься. Не могу, поверьте». Олег произнес это так мучительно и искренне, что отставка была принята...»

Поскольку съемки фильма в самом разгаре, замену Далю надо найти срочно, чуть ли не в пару дней. Но как это сделать? Тогда нашли самый простой вариант: еще в период кинопроб вместе с Далем на роль Скворцова должен был пробоваться Леонид Филатов. Но он тогда отказался. Теперь ситуация изменилась. Вспоминает А. Митта:

«Леонида Филатова я знал давно. Перед «Экипажем» он снялся всего в одном фильме («Иванцов, Петров, Сидоров». — Ф. Р.), и там его сняли неудачно. Перед тем, как его пригласить на роль, я смотрел этот фильм — целых сорок минут гляжу на экран, и ни разу мне не дали увидеть его глаза! Ничего нельзя было понять про него как актера. В то время обязательными были актерские пробы. Я позвонил Филатову, сказал, что буду пробовать его и Дая. Он был уверен, что я все равно возьму Дая, и отказался. Даль стал работать, но заболел. Фильм нельзя было останавливать на два месяца, я звоню Филатову — приходи, роль свободна. Но он сперва сам позвонил Далю, выяснил, что за этим нет никаких интриг, согласился...»

19—20 февраля прошли пробы Леонида Филатова в 113-м колллекторе 3-го блока «Мосфильма». Подыгрывала ему его будущая партнерша Александра Иванес. В ближайшем же будущем им предстояли сложные съемки — постельные сцены в квартире Скворцова.

В эти же дни была поставлена точка в судьбе одного из самых жестоких маньяков 70-х — Анатолия Бирюкова. Этот душегуб выслеживал на улицах Москвы молодых мамаш, выгуливающих своих младенцев в колясках, похищал детей, насиловал их и убивал. К счастью, его удалось поймать в самом начале его кровавого пути, когда он только-только входил во вкус своих преступлений. Понимая, что ему грозит «вышка», Бирюков попытался симулировать психическое заболевание. Но этот трюк у него не прошел: экспертиза признала его вполне вменяемым и способным отвечать за свои по-

ступки. Суд приговорил маньяка к расстрелу. Во вторник, 20 февраля, штатный палач Бутырской тюрьмы привел этот приговор в исполнение.

23 февраля в семье прославленных фигуристов Ирины Родниной и Александра Зайцева появилось пополнение — родился сын Саша. Вообще-то у фигуристов должна была родиться двойня, но роды были тяжелыми, пришлось делать «кесарево», и жизнь удалось сохранить только одному ребенку.

Вспоминает Т. Тарасова: «Саша Зайцев все время ходил на тренировки, сам катался и с молодежью работал. Ира вот-вот родит, а на лед приходила. Я ее умоляла, чтобы она убралась с катка, чтобы я ее не видела на льду. Она же пыталась еще и подпрыгивать и продолжала упорно ходить на каток и помогала мне работать с парами.

Двадцать третьего февраля, в день Советской армии, родился Саша-маленький. Саша-большой пришел к нам, и мы втроем, с нами был мой муж, поехали к Ире в больницу. Под окнами клиники мы пели, кричали, танцевали, бурно выражая свою радость...»

В этот же день в газете «Московский литератор» появилась первая публикация о крамольном альманахе «Метрополь» под хлестким названием «Порнография духа». Целая группа именитых советских писателей не оставляла от этого литературного сборника камня на камне. Вот лишь несколько таких отзывов.

С. Наровчатов: «Откровенно говоря, ожидал от этого альманаха чего угодно, но не такого низкого уровня. Добрую половину его заполняет этакая приклатненность. Будто уголовникам разрешили без контроля администрации выпустить свой литературный орган... Другая часть материала — отходы производства писателей-профессионалов. То, что заведомо не могло пойти в любые журналы по причинам художественной несостоятельности, отдано многотерпеливым страницам «Метрополя».

Ю. Бондарев: «Большая часть прозы альманаха вызывает ощущение стыда, раздражения, горькой неловкости за авторов, ибо отсутствуют здесь чувство реальности и сообразности, чувство меры и умение распорядиться словом. Проза эта натуралистична, неряшлива, грязно замусорена, и говорить всерьез о ее художественной стороне нет оснований».

С. Залыгин: «Я думаю, что целый ряд авторов этого альманаха, которых я прочитал, просто не являются писателями и не могут делать профессиональную литературу... Ни одно уважающее себя издательство в мире не потерпит такого диктата слабой, беспомощной литературы!»

23 февраля на «Ленфильме» режиссер Игорь Масленников приступил к съемкам первого фильма «Приключения Шерлока Холмса». Как вспоминает сам режиссер, который никогда не любил детективы, идея снять эту ленту пришла к нему совершенно случайно:

«В свое время сценаристы Дунский и Фрид принесли к нам в творческое объединение телевизионных фильмов, где я был худруком, сценарий картины о Холмсе — о сериале тогда и речи не было, — и никто не хотел за него браться. А во мне, кстати, всегда сидел вкус и интерес ко всему английскому. Еще во время войны, когда в эвакуации мы жили в Челябинске, в доме, где нас поселили, единственным чтением было полное собрание сочинений Диккенса. С тех пор я, можно сказать, специалист по Диккенсу, я прочел его всего. Вот и подумал, а почему бы не поиграть в англичанство? Не снимать детектив, а именно поиграться. Конечно, главным вопросом был актер на роль Холмса. Многие предлагали Александра Кайдановского. Но я сомневался. С самого начала в этой роли мне представлялся Василий Ливанов. Он снимался у меня в «Ярославне — королеве Франции», и я успел хорошо его изучить. В нем были порода, мальчишество и позерство, свойственные, как мне казалось, и Холмсу, вкус к тому же англичанству, да и форма черепа у него была подходящая. Гораздо сложнее дело обстояло с Ватсоном. У него же роли-то нет, все истории написаны от его лица, и он всегда находится как бы за кадром. Я очень долго его искал, пока не наткнулся на фотографию Виталия Соломина с наклеенными усами. И попало! Чистый эдинбургский англичанин.

С картиной меня долго не запускали. Из-за Ливанова. Василий Борисович был широко известен как шумный, разудалый московский барин, и никто не верил, что он может быть «сухим» Холмсом. А он-то как раз Холмса и «размочил». Когда два первых фильма покажут по Би-би-си и их увидит Маргарет Тэтчер, она

заявит, что из всех Холмсов русский оказался лучшим...»

На том же «Ленфильме», и опять же по заказу Гостелерадио, другой режиссер — Евгений Татарский — готовится к съемкам трехсерийного фильма «Приключения принца Флоризеля», в основу которого легли два рассказа Р. Стивенсона: «Клуб самоубийц» и «Алмаз раджи» (подготовительный период начался с 30 января). Этот проект пришел в руки Татарского тоже случайно. Как-то он играл в шахматы с главным редактором Ленинградского объединения телефильмов и обратил внимание на рукопись, лежавшую на столе. «Это что у тебя такое?» — поинтересовался режиссер. Редактор махнул рукой: «Да так, один сценарий. Мы его хотели дать одному режиссеру, но он отказался». И вдруг редактор преобразился: «Слушай, а может, ты его возьмешь?» «Может и возьму», — ответил Татарский, сам еще не уверенный в своих словах. Но дома все его сомнения отпали — сценарий был отличный. Его автором был Эдгар Дубровский.

Еще во время чтения сценария Татарский уже знал, кого он пригласит на главную роль — принца Флоризеля — только Олега Даля, с которым он близко сошелся во время предыдущей работы — детектива «Золотая мина». Да и большинство других актеров он пригласил оттуда же: Игорь Дмитриев должен был стать другом принца полковником Джеральдином, Любовь Полищук — любовницей Председателя, Евгений Киндинов — священником, нашедшим алмаз. Однако когда эти фамилии услышали в Гостелерадио, там резко возразили: «Да сколько же можно снимать одних и тех же актеров! Да, Даль хорошо сыграл бандита Косова, но какой из него принц? У него же пустые глаза! К тому же вы знаете, что Даль уже покинул одну картину — у Митты?» «Мой фильм он не покинет!» — твердо заявил Татарский. — И вообще, или вы разрешаете мне снимать кино с этими актерами, или я его вообще снимать не буду!» А фильм уже включен в план, на него выделены деньги. Короче, Татарский победил. И слава богу, поскольку кино с этими актерами получится отменное.

24 февраля «Комсомольская правда» опубликовала очередные итоги конкурса на лучший фильм прошедшего года. На адрес редакции пришло более 36 тысяч писем. После кропот-

ливого подсчета голосов составлен список 15 лучших фильмов 1978 года. Его безоговорочно возглавила комедия Эльдара Рязанова «Служебный роман», в пользу которой высказалось более половины респондентов. Далее места распределились следующим образом: 2. «Мой ласковый и нежный зверь». 3. «Судьба». 4. «В зоне особого внимания». 5. «Усатый нянь». 6. «Школьный вальс». 7. «Трактир на Пятницкой». 8. «Странная женщина». 9. «Мимино». 10. «Черная береза». 11. «Приезжая». 12. «Фронт за линией фронта». 13. «Красные дипкурьеры». 14. «Трясина». 15. «Смятение чувств».

25 февраля досрочно определился чемпион страны по хоккею с шайбой — им стала команда ЦСКА, которая в тот день одолела свердловский «Автомобилист» со счетом 8:4. Армейцы завоевали золотые медали в 22-й раз (на 2-м месте динамовцы столицы, на 3-м — «Спартак»). Состав победителей выглядел следующим образом: вратарь — Владислав Третьяк; защитники — Сергей Бабинов, Алексей Волченков, Сергей Гимаев, Алексей Касатонов, Владимир Лутченко, Вячеслав Фетисов, Геннадий Цыганков; нападающие — Вячеслав Анисин, Хельмут Балдерис, Владимир Викулов, Александр Волчков, Виктор Жлуктов, Сергей Капустин, Владимир Крутов, Александр Лобанов, Сергей Макаров, Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов; тренер — Виктор Тихонов.

28 февраля скончалась мама популярной некогда актрисы Валентины Серовой — Клавдия Половикова. Она родилась в Харькове, а в Москву приехала в 1919 году, чтобы поступать в школу-студию Малого театра. Вот как об этом вспоминает режиссер Н. Смирнова, принимавшая у нее экзамен:

«На сцену вышла довольно нескладная девушка, и хотя все мы в тот тяжелый год не очень франтили, в ней по костюму и прическе можно было сразу узнать провинциалку. Она начала читать и тотчас же остановила на себе внимание, с одной стороны, звуком красивого трепетного голоса, с другой — сильным украинским акцентом, придававшим ее речи комический оттенок. Но, несмотря на этот акцент, в ее чтении было так много чувства, искренности, простоты, что она меня глубоко заинтересовала... Я горячо ратовала за несомненно талантливую девушку, убеждая всех, что ее ак-

цент исправим. Половикова прошла большинством только одного голоса...»

На момент своего поступления Половикова уже успела побывать замужем, но муж — Василий Половиков — бросил ее с малолетней дочерью на произвол судьбы. Этот факт Клавдия долгое время скрывала как от преподавателей, так и от сокурсников по студии. Это было нелегко сделать, поскольку дочь ее до 6 лет жила в деревне под Харьковом. Что касается Клавдии, то после окончания студии она поступила в труппу театра Каверина (студии Малого театра) и довольно скоро стала там примадой. Особенно большой популярностью пользовался спектакль «Кинороман» (1926), где она играла главную роль — Карин Братт. Тогда же она перевезла свою дочь к себе в Москву и стала постепенно приобщать ее к театральной сцене: девочка играла в спектаклях эпизодические роли своих сверстниц. Позднее она станет звездой советского кинематографа Валентиной Серовой.

Много позже жизнь разведет мать и дочь в разные стороны: Валентина станет сильно пить, и мать не сможет ей этого простить. Состоится несколько судов, где мать попытается отсудить у дочери двух ее детей от разных браков: сына Анатолия (от брака с летчиком Анатолием Серовым) и дочь Машу (от брака с писателем Константином Симоновым). Но по некоторым свидетельствам, мать судилась с дочерью в первую очередь не из-за детей, а из-за денег, которые они получали за своих отцов. Говорили, что Клавдия была хорошей актрисой, но женщиной жадной и грубой. Много раз было так, что какой-нибудь театр хотел взять к себе Валентину, но мать тут же их отговаривала: сообщала, что ее дочь горькая пьяница и обязательно будет срывать им спектакли. В те годы единственным человеком, кто как-то поддерживал Валентину, был ее отец Василий Половиков.

Валентина Серова умерла в 1975 году. Мать пришла на панихиду, которая проходила в Театре-студии киноактера. Вот как об этом вспоминает Л. Смирнова:

«Меня огорчила Клавдия Половикова, мать Серовой. Та самая Клава Половикова, актриса Театра Революции, которая дружила с Раневской. Она приехала. Всю жизнь у матери с дочерью были плохие отношения. Мне кажется, они ревновали друг друга. На похороны дочери

она пришла с каким-то мужчиной, постояла у гроба и ушла. Не поехала на кладбище. Мы Валу похоронили...»

28 февраля в Ереване судили преступников, совершивших одно из самых громких преступлений времен социализма — ограбление ереванского госбанка. Оно было совершено в августе 77-го, а поймали грабителей почти год спустя — в самом начале июня 78-го. На скамью подсудимых сели трое непосредственных организаторов и исполнителей преступления — 27-летний Николай Галачян, 28-летний Феликс Галачян, 24-летний Завен Багдасарян — и четверо их сообщников, в разное время помогавших им скрываться от правосудия. Из похищенных в Госбанке 1 525 000 рублей государству удалось вернуть 1 276 340. Таким образом прокутить грабители сумели чуть меньше 250 тысяч рублей. Вроде бы не так много в свете похищенной суммы, но и не так мало по тем временам. Короче, суд счел это преступление особо тяжким и приговорил двух его организаторов и исполнителей — Николая и Феликса Галачянов — к высшей мере наказания — расстрелу. Имущество их подлежало конфискации. Что касается Багдасаряна, то суд учел его неучастие в ограблении и приговорил его к 11 годам лишения свободы. Остальные подсудимые получили еще меньшие сроки наказания — от 1 до 7 лет тюрьмы.

Во второй половине февраля в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю следующие: 19-го в прокат вышел детектив Самвела Гаспарова «Свидетельство о бедности» с участием Александра Хочинского, Бориса Хмельницкого, Константина Степанкова и др.; 23-го — «Голубые мол-

нии» И. Шмарука с участием Андрея Градова, Ольги Жулиной, Юрия Каморного и др.; «Крепость» В. Паскару с участием Эммануила Виторгана, Ирины Азер и др. Из зарубежных новинок выделю японскую «страшилку» «Легенда о динозавре» (с 19-го).

Кино по ТВ: «Подкидыш» (16-го), «Старые стены», «Ель — королева ужей», «Безымянная звезда» (премьера т/ф) (17-го), «Доверие» (17—18-го), «Генерал Рахимов» (18-го), «Звезда» (20-го), «Москва. Чистые пруды» (премьера т/ф 21-го), «Вижу цель!» (премьера т/ф 22-го), «Два бойца» (23-го), «Они сражались за Родину!» (впервые по ТВ 23—24-го), «Лэсси» (США), «Офицеры» (с субтитрами) (24-го), «Смерть под парусом» (24—25-го), «Надежда», «Свадьба» (25-го), «Призвание» (26-го), «В начале века» (27-го), «Активная зона» (премьера т/ф 28-го) и др.

Эстрадные представления: 16—17-го в ЦДКЖ выступал Владимир Макаров; 17—20-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Геннадия Белова, Владимира Винокура, Роксаны Бабаян, Екатерины Шавриной, Галины Бовиной и др.; 18-го — в Колонном зале Дома союзов выступали Клавдия Шульженко, Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Ринат Ибрагимов, Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова; 23-го в ГЦКЗ «Россия» выступали Иван Любезнов, Майя Кристалинская, Людмила Лядова, Александр Ворошило и др.; 27—28-го в ГТЭ выступал ВИА «Добры молодцы».

В журнале «Кругозор» (№ 2) отмечу следующие пластинки: Андрей Миронов — песни из т/ф «12 стульев», «Обыкновенное чудо»; «Би Джиз» — «песни из х/ф «Лихорадка субботним вечером».

1979

М а р т

«Москва слезам не верит»: цензура свирепствует. Как студенты-дружинники задержали опасного преступника. Брежнев на выборах. Петруха сел в тюрьму. Новая выпазка банды «иконников». Мытарства «Агонии» продолжаются. «Экипаж»: как снимали эротику. «АББА» в ГУМе. Страсти по футболкам. Раису Горбачеву строили по ранжиру. Орган ЦК КПСС пишет про «Битлз». В Москве задержаны дерзкие грабители. «Гамлет» и наркотики. Самый большой куш банды «иконников». Эльдар Рязанов нецензурно ругался на съемках. Неудача советских фигуристов. Раскол в «Машине времени». Едва не погиб Святослав Федоров. Афганистан просит о помощи. Высоцкий в Ташкенте: курьез с Бюль-Бюль оглы. «Гараж»: финальная сцена. За что Митта ругал Иванес. Первая пробежка Ирины Родниной. Начали снимать «Пиратов XX века». От «Баккары» до Криса Нормана и Сюзи Куатро. Алексей Смирнов в больнице. Начали снимать «Сыщика». Новый хит от Высоцкого. Террорист захватывает американское посольство в Москве.

В четверг, 1 марта, на «Мосфильме» собрался худсовет, чтобы обсудить уже почти законченную ленту «Москва слезам не верит». Обсуждение получилось жарким, поскольку члены худсовета нашли в увиденном массу недостатков. Особенно возмутили их эпизоды интимного характера. В частности, Меньшову было в приказном порядке указано, чтобы он вырезал из фильма сцену соблазнения Рачковой Катерины, ее встречу с любовником Володей, ее мытье нагишом в общаговской душевой, переодевание в женской раздевалке в булочной. Была подвергнута остракизму и сцена дебоша пьяного Гурина на даче. Взамен этих купюр Меньшову было рекомендовано доснять ряд производственных эпизодов с участием Катерины. «А то у вас один секс на уме, а производственные подвиги только мельком показаны!» — было заявлено режиссеру.

По иронии судьбы, в тот самый день, когда Меньшова ругали за обилие эротики в его ленте, другой мосфильмовский режиссер — Александр Митта — эту самую эротику готовился снимать в своем фильме «Экипаж». 1 марта, в

6-м павильоне студий, прошло освоение декорации «квартира Скворцова». На следующий день приступили к съемкам эпизодов, где Скворцов (Леонид Филатов) принимает у себя дома свою возлюбленную (Александра Яковлева). Квартира летчика представляла из себя мечту любого Дон Жуана: широкая постель, аквариум с золотыми рыбками (последних, кстати, взяли напрокат из зоопарка за плату в 5 рублей за сутки), цветомузыка, которая врубалась в тот самый момент, когда хозяин садился на кровать. Поскольку сами актеры поначалу были чрезвычайно зажаты (у обоих это был первый опыт в подобных сценах), в тот день сняли только пару их невинных поцелуев, а всю эротику оставили на ближайшее будущее.

2 марта в «Комсомольской правде» появилась очередная заметка из разряда героических. Журналист Юрий Филинов рассказывал о студентах МИФИ, которые сумели задержать особо опасного преступника. Произошло это в тот момент, когда студенты совершали рейд по вечерним улицам города в качестве дружинников. Было их пятеро во главе с 18-летним Лео-

нидом Микулиным. Собственно, именно он и отличился. Возле универсама студенты услышали какой-то странный хлопок, будто кто-то открывал бутылку. Микулин решил поинтересоваться его происхождением, заглянул за угол и увидел мужчину, который копался в своей сумке. «Алкаш, наверное», — мелькнула первая мысль у студента, и он уже собирался оставить незнакомца в покое. Как вдруг взгляд его уперся в странный предмет, торчавший из сумки. Приглядевшись, Микулин узнал в нем... приклад от обреза. А друзья уже дергали его за рукав: мол, пошли дальше. Решение созрело у Микулина мгновенно. Он подошел к незнакомцу и вежливо попросил составить ему компанию до ближайшего опорного пункта милиции. «Это зачем еще?» — удивился мужчина. Удивились и товарищи Микулина, которые не нашли в действиях незнакомца никакого состава преступления. «Пройдемте, я вам там все объясню», — продолжал настаивать на своем Микулин. И тут незнакомец не выдержал. Рука его потянулась к сумке, лицо исказила недобрая гримаса. «Проваливай, парень!» — процедил незнакомец. Дальнейшее произошло молниеносно. Микулин бросился к незнакомцу и, прежде чем тот успел выхватить из сумки свое смертоносное оружие, свалил его с ног. Стоявшим рядом товарищам не оставалось ничего иного, как броситься ему на помощь. Задержанным оказался преступник, который планировал нападение на одну из городских сберкасс.

Леонид Брежнев 2 марта выступает перед избирателями Бауманского района (встреча проходила в Кремлевском Дворце съездов), а два дня спустя вместе со своей супругой Вероникой Петровной участвует в выборах в Верховный Совет СССР. На своем избирательном участке (возле дома № 26 на Кутузовском проспекте, где он проживал) глава государства объявился в десять часов утра в прекрасном расположении духа. Прежде чем опустить в избирательную урну бюллетень, в течение нескольких минут разговаривал с женщиной-учетчицей. Говорят, даже шутил. Затем оттуда направился на дачу, поскольку городскую квартиру не любил.

Обычно накануне таких всенародных праздников, как выборы власти, проводили всевозможные чистки в среде налогооблаженных граждан: пьяниц, проституток, тунеядцев. В том году под эту чистку угодили исполнитель роли Петрухи в культовом фильме «Белое солнце

пустыни» Николай Годовиков. Несмотря на огромный успех этой ленты у населения, он так и не смог стать пропуском в большой кинематограф для Годовикова. Снявшись после него в нескольких посредственных фильмах, он ушел из кино, переквалифицировавшись в разнорабочие. А в последние несколько месяцев бывший актер и вовсе нигде не работал, перебиваясь с хлеба на воду в обшарпанной ленинградской коммуналке. Как вспоминает он сам:

«Кино сыграло отрицательную роль в моих отношениях с милицией. У меня не сложились отношения с участковым. Он мне говорил: «Ты вот снимался в кино, сыграл Петруху, а я простой участковый. Но, если захочу, я тебя посажу». Я спрашивал: «А тебе-то какой интерес от этого?» И он мне вот так простенько объяснил: «Ты живешь один в 25-метровой комнате, а я с семьей мыкаюсь в восемнадцати метрах». Это меня взбесило, я могу иногда резкое что-то сказать или какой-то поступок резкий совершить, даже, может быть, неожиданно для себя самого. И я сказал ему прямо: «Послушай, ты приехал из Псковской области и хочешь, чтобы у тебя сразу дворец был. У тебя в твоём Скабаристане дом с участком стоит, моего рядом нет, но меня, ты знаешь, как-то жаба не давит, мне это безразлично». Ну и в итоге он меня посадил за тунеядство...»

Забегая вперед сообщу, что на этом участковый не успокоился. Не пройдет и нескольких месяцев после того, как Годовиков сядет в тюрьму на год, участковый соберет в ЖЭКе дворников и разрешит им взять из квартиры бывшего артиста все, что понравится. Те и забрали практически все. А что не понравилось, по приказу того же участкового снесли на помойку.

Вот уже почти полтора года в стране действует дерзкая банда «иконников» под руководством Михаила Зацепина. Свое первое преступление банда совершила в октябре 77-го, ограбив церковь «Знаменскую» в селе Красное Ивановской области. Все похищенное было продано гражданам иностранных государств, которые затем вывезли предметы церковной утвари за пределы Советского Союза. Легкость, с которой было совершено это преступление, и деньги, которые грабители за это получили, подвигли их на новые и новые преступления. В ночь с 4 на 5 марта 79-го они ограбили Никольскую церковь в городе Солнечногорске

Московской области. Взято 15 икон и десяток других предметов на общую сумму 6 347 рублей.

Запрет фильма Элема Климова «Агония» вызвал большой резонанс на Западе. 6 марта председатель Госкино Ф. Ермаш пишет очередную записку в ЦК КПСС по поводу дальнейшей судьбы картины. Цитирую:

«...В настоящее время студия «Мосфильм» провела серьезную дополнительную работу по уточнению ряда политических аспектов, удалению натуралистических подробностей, реализации пожеланий историков, в том числе Героя Социалистического Труда лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца.

В новых сценах и в дикторском тексте дана более точная оценка предреволюционной ситуации в России конца 1916 — начала 1917 года, усилена характеристика царя как тирана и душителя народа, недаром прозванного «Кровавым», более точно выявлен политический авантюризм Распутина как орудия самых реакционных сил. Все это придало фильму более точную идейную целенаправленность и историческую достоверность...

В зарубежной прессе («Экспресс», «Экран-78» (Франция), «Вэрайти» (США), «Панорама» (Италия) и др.) периодически поднимается вопрос о «запрете» фильма «Агония». Этот вопрос, по свидетельствам обозревателей, был предметом обсуждения на «Бьеннале несогласия» в 1977 году в Венеции.

Дальнейшая задержка выпуска на экраны фильма вызывает обстановку нездорового ажиотажа вокруг картины и ее авторов. Зарубежные корреспонденты неоднократно пытались спровоцировать режиссера на интервью о причинах задержки выпуска фильма. Э. Климов на провокации не поддался, вел себя на протяжении этих лет достойно...

С учетом этих обстоятельств Госкино СССР считает возможным ограниченным тиражом и в сокращенном варианте выпустить в 1979 году доработанный вариант фильма «Агония» на экраны страны. Демонстрацию фильма целесообразно организовать таким образом, чтобы зрители имели возможность в этом же кинотеатре посмотреть выдающиеся картины историко-революционной тематики выпуска прошлых лет.

Выход «Агонии» на зарубежный экран сыграт определенную пропагандистскую роль и даст немалый коммерческий успех.

Казалось бы, все ясно: «Агонию», где надо, подправили, ее выход сулит государству хорошие прибыли. Короче, выпускай и подсчитывай барыши. Ан нет! В ЦК КПСС эту записку внимательно прочитают... и положат под сукно. Дескать, гори они огнем эти барыши, главное — чистоту идеологических риз соблюсти. И фильм будет мариноваться на полке еще шесть лет.

Тем временем Александр Митта в «Экипаже» тоже снимал крамолу, только иного характера — не идеологического, а интимного. 5—7 марта в 6-м павильоне «Мосфильма» снимали постельную сцену с участием Леонида Филатова и Александры Иванес. Чтобы представить себе, как это было, послушаем непосредственных участников съемок.

А. Митта: «Поскольку «Экипаж» был энциклопедией всего того, чего в нашем кино не делалось, — там были катастрофы, мелодрамы, немислимые комбинированные эффекты, — то само собой подразумевалось, что там должно быть и что-то эротическое. Сизов тогда был директором «Мосфильма», и я ему сказал: «Надо бы, чтобы и любовные сцены носили сенсационный характер». Он на меня так косо посмотрел: «Ну, попробуй...»

Естественно, назначили съемку на ночь. Никаких предварительных репетиций я не проводил, чтобы не спугнуть артистов. Саше Яковлевой, которая была фантастически хороша в то время, я сказал: «Саша, мы снимаем любовную сцену, как полагается в западном фильме». — «Никаких проблем, Александр Наумович». На словах, конечно, никаких проблем. Филатов был сразу тверд: «Я буду сниматься голый по пояс и в джинсах». — «Ты что, с ума сошел? Хотя бы что-то такое из-под джинсов». — «Нет, меня закрой по пояс, а она пусть делает все, что хочет...»

Короче, раздеться до трусов Саше проблемы не составило. Я говорю: «Нет, это не то. Это будет странно смотреться. Бриджит Бардо снимается в обнаженном виде, Клаудиа Кардинале, Софи Лорен». — «Нет, ни за что». — «Ну, хорошо, как хочешь». Укладываем — Филатов прикрыт, говорю Саше: «Крупным планом рука Филатова идет по твоей голове, по твоей прекрасной шее, спине. Грудь он не трогает, хотя мы ее видим, а как доходит до ложбинки, все — камера «стоп», перерыв, и потом дальше будем снимать». А сам люблюсь: «Но как фантастически освещено! Просто неверо-

ятно! Такой дивный контровой свет на твою задницу, чистый силуэт, просто очень красивый силуэт!» И тут Шурка сломалась. И как только она осталась без трусов, в нее как бес вселился. Видно, она мечтала, просто ждала оказаться в чем ее мать родила. Она стала скакать, как обезьяна. Бегала около кровати, укладывалась рядом, прыгала на Филатова, удержу не было. В самый кульминационный момент раздался дикий грохот. Мы оборачиваемся — осветитель упал с «лесов». Засмотрелся. Сашу даже это не смутило. Снимали до утра. Я был доволен. Сняли хорошую сцену. По тогдашним временам она казалась сенсационной — много разнообразных привлекательных поз общения, то, что сейчас называют эротической сценой. Даже Филатов разделся до трусов...»

А вот как об этих съемках вспоминает каскадер Ю. Сальников: «Снимали любовную сцену в «Экипаже». Леня Филатов говорит: «Приходи, приходи, у меня такая сцена будет!» А как это снимается? В павильоне пыльно, грязно, никто не проветривает. Притаскивают старую кровать из загашников, покрывало встряхнули пару раз. Поставили юпитеры, все это начинает нагреваться. По колосникам кто-нибудь пройдет — пыль сыплется. В общем, неприятная обстановка. И вот начинают снимать. То рыбка не так проплыла, то рыбки замерли, то актриса вдруг грудь больше, чем положено, показала. В общем, после 12-го дубля Леня вышел и говорит: «Юр, я не могу уже больше. Ты меня здесь не можешь отдублировать?» Я ему: «Нет уж, это твоя, актерская судьба. Я тебя там дублирую, а здесь ты должен попахать! Докажи, что ты настоящий мужик!»...»

И вновь рассказ А. Митты: «Отсняли и отправились в лабораторию. Утром разразился дикий скандал. Возмущенные редакторы отправились прямо к Сизову: «Митта ночью вместо съемок устраивает оргии и снимает их на камеру». Меня вызвали к Сизову: «Ты что себе позволяешь?». Я говорю: «Мы же с вами об этом говорили. Это нормальный рабочий материал. Давайте я вырежу лишнее, и мы посмотрим, что должно войти в картину». Он говорит: «Нет, на этот раз мы будем смотреть все!»

Сели смотреть. Когда снимаешь — дубль за дублем, камера крутится, — многого не замечаешь, так что производило это впечатление сильное. Редакторы пыхтели, возмущались — как это можно, что же это такое? Выкинуть, за-

быть, просто смыть! Сизов говорит: «А знаете, мы позволим Александру Наумовичу привести эту сцену в соответствие с нашими этическими нормами. Не будем полностью лишать его этой возможности». Я поклялся привести в полное соответствие...»

Страна всю готовится к празднику — к Международному женскому дню 8-е Марта. Как и положено, накануне этого дня в советские магазины поступали некоторые дефицитные вещи, чтобы граждане могли себя хоть чем-то порадовать. На всех желающих дефицита, естественно, не хватало, но ничего не подедаешь... Так, 6 марта 79-го в ГУМе продавали диск популярного шведского квартета «АББА». Очередь выстроилась километровая — ее хвост растянулся аж на улицу. Про это событие потом даже «Комсомольская правда» написала. В газете опубликовали письмо одного из тех, кто парился в этой самой очереди. По его словам, то, что творилось на гумовской линии, напоминало встречу профессиональных хоккеистов. Только здесь каждый играл за себя. В руки отпускалось строго по одному диску. Однако счастливых на выходе уже поджидали спекулянты, которые предлагали им продать пластинку по цене в 5 раз выше номинала (диск стоил 2 рубля 70 копеек). Кто-то соглашался, но большинство отказывались: что такое 10 рублей за то, что ты столько часов гробил себя в очереди?

Кто не сумел стать обладателем заветного диска, пытал счастье на следующий день. Занимали очередь у дверей магазина... с ночи. Чтобы не было путаницы, завели списки. Однако утром им объявили, что «АББЫ» не будет — не привезли со склада. Тут же в толпе объявился гражданин, который стал предлагать неудачникам ценную информацию: мол, я называю вам адрес магазина, где сегодня будут торговать «АББОЙ», а вы мне — 2 рубля. Нашлись люди, кто ему поверил. Поехали по указанному адресу, а там и магазина никакого нет — обычный жилой дом. Вот такие страсти в те годы бушевали в среде меломанов.

Вообще, перед любимыми праздниками в стране резко активизировали свою деятельность разного рода спекулянты. Помню, зайдешь, бывало, в крупный универмаг, и тут же к тебе подходит какой-нибудь дядька с таинственным прищуром и, взяв за локоток, отводит в сторону: «Дефицит нужен?» У таких барыг купить можно было все: от импортных лезвий до дуб-

ленок. Милицию они не боялись, видно, наладили отношения. Страх на них наводили только летучие отряды союзного БХСС, которые периодически устраивали облавы. Но в стране повального дефицита переловить всех спекулянтов невозможно. Ловили лишь отдельных представителей, а потом оповещали об этом население посредством прессы. Так, накануне Женского дня в «Вечерке» была опубликована подобная заметка. Речь в ней шла о разоблачении в Москве шайки спекулянтов футболками. Возглавлял шайку резчик тканей производственного швейного объединения «Вымпел» Баранов. Он скупал футболки в магазине «Спорттовары» по госцене в 3 рубля 50 копеек, после чего дома, при помощи трафарета, наносил на них краской различные рисунки, которые придавали изделиям более товарный вид (например, ляпал туда фотографию группы «АББА» или лик Христа). Готовые изделия паковались в полиэтиленовые мешочки, аккуратно заклеивались при помощи паяльника. На мешочки вешались бирки, снятые на «Вымпеле» с импортных тканей. Когда все было готово, товар отдавался посреднику, который платил Баранову за каждую футболку от 7 до 12 рублей. А посредник продавал футболки москвичам и гостям столицы уже по 20—25 рублей. Взяли спекулянтов в общем-то случайно. Гонец нес партию товара к спекулянту на толчок, что издавна функционировал на Беговой улице, и на него обратил внимание милиционер. «Что в чемодане?» — поинтересовался страж порядка у парня. Тот попытался убежать, но был схвачен. В отделении милиции чемодан открыли и обнаружили там 99 упакованных в мешочки футболок. В итоге Баранов получил по суду 3 года колонии, его напарник — на год больше.

8 марта в Кремле был устроен торжественный прием, на который явились жены всех руководителей государства. Для жены секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева Раисы Максимовны это мероприятие стало первым выходом в кремлевский свет. В Москву эта чета переехала в ноябре прошлого года, и все это время жена Горбачева была далека от кремлевского истеблишмента: она все время проводила либо на казенной даче в Сосновке, что неподалеку от Крылатского, либо в Институте философии. И вот — первый выход в свет. Раиса Максимовна готовилась к нему с большим волнением. Но ничего, кроме разочарования, он

ей не принес. Вот как об этом вспоминает М. Горбачев:

«Все жены руководителей выстроились при входе в зал, чтобы приветствовать иностранных гостей и соотечественниц. Раиса Максимовна встала там, где было свободное место, нисколько не подозревая, что тут действует самая строгая субординация.

Одна из «главных» дам — жена Кириленко, рядом с которой оказалась Раиса Максимовна, обратившись к ней, без стеснения указала пальцем:

— Ваше место — вот там... В конце.

Раиса Максимовна все время повторяла: что же это за люди?..»

В тот же праздничный день 8-е Марта в «Советской культуре» появилась первая в Советском Союзе крупная статья о «Битлз». До этого времени о легендарной ливерпульской четверке в СССР, конечно, писали, но главным образом либо в ругательном, либо в пренебрежительном тоне. А упомянутая статья в органе ЦК КПСС (!) и размерами своими поражала (почти две полосы: на одной была пересказана краткая биография группы, на другой рассказывалось о всплеске «битломании» в наши дни), и написана была в доброжелательном тоне. Жаль только, что вышла поздновато — с момента распада группы прошло уже 9 лет. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Истинные битломаны меня поймут. Ведь Советский Союз на тот момент, наверное, был той редкой страной в мире, где пока еще не было выпущено ни одного (!) большого диска ливерпульской четверки — только миньоны. По ТВ ни разу не показали даже кусочек их концертного выступления, и единственным своим кратчайшим появлением на советском ЦТ «битлы» были обязаны передаче «Международная панорама» — в ее заставке демонстрировался кадр из их фильма «Вечер после трудного дня». Короче, битломанам в СССР приходилось несладко.

Вот уже почти три месяца Москва полнилась слухами о неуловимых преступниках, которые грабили людей, нападая на них поздно вечером и раздевая чуть ли не до нижнего белья. Молва утверждала, что за преступниками числилось уже несколько десятков нападений. На самом деле слухи были несколько преувеличенными. Грабители действительно существовали, но на серьезную шайку они явно не тя-

нули. Главарем был 18-летний Болтунов (фамилия изменена) — учащийся одного из столичных СГПТУ, который встал на скользкую дорожку в январе этого года. Испытывая острую нужду в деньгах, он как-то вечером нагнал на темной улице припозднившегося прохожего и, сорвав с его головы заячью шапку, был таков. Добычу он продал на следующий же день за немалые деньги. «Неплохой приработок за пару-тройку минут работы», — подумал Болтунов и решил продолжить. Пригласил в напарники своего сокурсника, 17-летнего Монетчика (фамилия изменена). Но тот оказался плохим учеником. На первом же ограблении, что называется, погорел — был схвачен. На него завели уголовное дело, но продвигалось оно как-то вяло, а потом и вовсе заглохло. И мерзавцы снова взялись за старое. Только теперь действовали осторожнее и расторопнее.

За два с половиной месяца двое грабителей-пэтэушников ограбили пятерых москвичей. Шестой пострадал сильнее всех, поскольку попытался оказать преступникам сопротивление. Его сбили с ног и стали жестоко избивать. Несчастному нанесли тяжелую травму головы, сломали лучевую кость правой руки. Затем сняли с него дубленку (ее надел Болтунов) и шапку (она досталась Монетчику). Но грабителям не повезло. Пока они избивали жертву, это заметили жители соседнего дома и вызвали по телефону милицию. Неподалеку от места преступления грабителей и повязали. Их будут судить и воздадут по заслугам: Болтунов отправится за решетку на 15, Монетчик на 10 лет.

Вечером 12 марта Владимир Высоцкий играл в театре «Гамлета». По словам самого актера, это была самая трудная роль в его репертуаре — после нее он приходил в гримерку выжатый, как лимон. И силы восстанавливал только наркотическим уколом. Как вспоминает О. Афанасьева:

«Я познакомилась с Высоцким в довольно благоприятный момент: он целый год не пил совсем или пил очень мало — глоток или два шампанского и больше ничего! — неплохо себя чувствовал, все в его жизни стабилизировалось. Это был, наверное, один из самых светлых периодов его жизни. Наркотики тогда употреблял редко, только после спектаклей. Чаще всего после «Гамлета», потому что «Гамлет» его выматывал совершенно. И Володя делал себе укол, просто чтобы восстановить силы. И ни-

каких таких эффектов — как у наркоманов — у него не было. Он как-то мне рассказывал, что первый раз ему сделали наркотик в Горьком, чтобы снять синдром похмелья. Одна женщина-врач уверяла, что приводит своего мужа-алкоголика в чувство только с помощью каких-то инъекций и таблеток. Решили попробовать, сделали укол — помогло. Второй, третий... Запоя нет, похмелья тоже, Володя работает. Вроде все замечательно, осталось только побороть стресс и страшную усталость. Ведь когда актер выкладывается в таких ролях, как Гамлет, ему необходима реабилитация. Наверное, наркотики — это единственное, что ему помогало снимать напряжение. Он от меня все это скрывал вначале...»

В ночь с 12 на 13 марта вновь дала о себе знать банда «иконников» Михаила Зацепина. Как мы помним, свою последнюю вылазку они совершили неделю назад, но она не удовлетворила запросы грабителей — украденное потянуло всего лишь на 6 тысяч рублей. А они привыкли брать в два-три раза больше. Поэтому через неделю спланировали новый налет. На этот раз святотатцы выбрали местом преступления Свято-Введенскую церковь, что в поселке с неблагозвучным названием Холуй Южского района Ивановской области. Трое грабителей приехали туда поздно вечером на двух автомобилях. Действовали по давно отработанному сценарию: главарь оставался в головной машине с рацией, а двое поделщиков с помощью ножниц по металлу срезали замок с церковной двери и проникали внутрь. На этот раз грабители сорвали куш, который стал самым крупным за все существование банды. Они украли 32 иконы на общую сумму в 132 350 рублей, а также прихватили другие предметы (венцы наголовные венчальные, серебряные ковши, кадило из белого металла, кресты и т. д.) на сумму в 61 500 рублей. Всего они вынесли из церкви пять мешков с предметами религиозного культа и, вернувшись в Москву, спрятали их в гараже главаря. Преступники были настолько удовлетворены количеством похищенного, что следующее ограбление совершат только спустя восемь месяцев.

В «Гараже» снимают финальные сцены фильма. В частности, сложнейший эпизод — «сумасшествие Гуськовой» (Светлана Немоляева). После того как из гаражного кооператива вывели «блатных» (директора рынка Кушакова и

сына Милосердова), под эту «гребенку» угодил и ни в чем не повинный Гуськов. В итоге его жена стала заговариваться: назвала Карпухина (Вячеслав Невинный) своим сыном и отправила его делать уроки.

Вспоминает Л. Ахеджакова: «Сцена «сумасшествия» никак не давалась, и Рязанов очень волновался. А тут еще за декорацией начали разговаривать, причем голос был то громкий, то тихий, то шипящий, то хихикающий. Тогда Эльдар Александрович вдруг развернулся всей своей массой, сшиб декорацию и несколько фонарей, побежал и закричал такое нецензурное и непечатное!.. А на другой день у него была температура сорок один. И был еще один взрыв, когда в «большой» перерыв не обошлось без возлияний. После перерыва Рязанов пришел и выяснил, что войско пало, снимать невозможно. И первым схватил за грудки Жору Буркова, поднял, что-то стал кричать. А Жорка висел в воздухе, хотя тоже, как и Рязанов, высокий. Так вот после этого взрыва опять у Рязанова сорок один температура была. Он во время таких «взрывов» как зверь становился, мог все сокрушить...»

В столице Австрии, городе Вене, в те дни проходил очередной чемпионат мира по фигурному катанию. Для советских фигуристов он завершился не самым лучшим образом: впервые за последние 14 лет они не смогли стать первыми в парном катании. «Золото» турнира завоевали фигуристы из Великобритании Тай Бабилония и Ренди Гарднер, а наши Марина Черкасова и Сергей Шахрай взяли «серебро». И хотя 2-е место тоже ценилось высоко, но только не для советских спортсменов, которые привыкли брать только «золото».

Популярная рок-группа «Машина времени» переживала в те дни не самое лучшее время — она оказалась на грани раскола. Главным инициатором случившегося стал Сергей Кавагое, который обвинил Андрея Макаревича в том, что тот выпячивает себя: мол, его имя упоминается гораздо чаще, чем имена остальных «машинистов». Макаревич пытался сгладить конфликт, даже ездил с Кавагое на рыбалку, где пытался наладить с коллегой отношения. Но это не помогло. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Макаревича, стал концерт «Машины времени» у художников-графиков на Малой Грузинской улице. У Макаревича с ними были хорошие отношения,

поэтому, когда они попросили выступить у них бесплатно, он согласился. Но Кавагое встал на дыбы. Он заявил, что если художникам интересно, пусть они приходят к ним на концерт и там слушают, а специально для них он играть не поедет. Его поддержал другой «машинист» — Евгений Маргулис. А Александр Воронов сохранял нейтралитет. И все же Макаревичу ценой невероятных усилий удалось уговорить своих коллег выступить на том концерте. Лучше бы он этого не делал. Как он сам признается: «Если можно представить себе ситуацию, когда музыканты, играя, издеваются над зрителями, то именно так все и выглядело. Очень надеюсь, что честные художники ничего не поняли. Мне еще никогда не было так стыдно».

После того «концерта-издевательства» Макаревич объявил «машинистам», что покидает коллектив. При этом он предложил всем, кроме Кавагое, последовать за ним. Однако на его призыв никто не откликнулся. Даже Маргулис, на которого он сильно надеялся. Макаревич снова остался один.

В первой половине марта в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 2-го — «След на земле» Наума Бирмана с участием Виктора Павлова, Владимира Самойлова, Натальи Гундаревой и др.; «Комиссия по расследованию» Владимира Бортко с участием Олега Ефремова, Ирины Мирошниченко, Михаила Боярского и др.; 5-го — «Женщина, которая поет» Александра Орлова с Аллой Пугачевой в главной роли; «Живите в радости» Леонида Миллионщикова с участием Леонида Куравлева, Владимира Басова, Савелия Крамарова и др.; «Звезда надежды» Эдмонда Кеосаяна с участием Армена Джигарханяна, Лауры Геворкян и др.

Кино по ТВ: «Светлый путь» (1-го), «Премия» (с субтитрами), «Трембита» (3-го), «Семья Зацепиных» (3—4-го), «Летучая мышь» (премьера т/ф), «Офицер запаса» (4-го), «Огненные дороги» (премьера т/ф 5—7-го), «Эскадра уходит на запад» (6-го), «Дело было в Пенькове» (7-го), «По секрету всему свету», «Теплое осеннее солнце» (8-го), «Девчонка, с которой я дружил», «Счастье Анны» (с субтитрами), «Евдокия» (9-го), «Три толстяка», «Кошка на радиаторе» (т/сп) (10-го), «А паромы гудят и уходят» (11-го), «Семейный альбом» (премьера т/ф), «Крушение империи» (13-го), «Целина — судьба моя» (премьера д/ф),

«Девушка без адреса» (14-го), «Зори Парижа» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю две: 15-го в «Современнике» был показан спектакль «Доктор Стокман», где играли Александр Вокач, Игорь Кваша, Константин Райкин, Олег Табаков и др.; в Театре имени Моссовета — «Смерть Пазухина».

Эстрадные представления: 1—3-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Ирины Понаровской, Яака Йолы, Роксаны Бабаян, Любви Полищук и др.; 2-го в ЦДРИ прошел вечер кинорежиссера Татьяны Лиозновой; 1—4-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали ВИА «Лейся, песня» и «Красные маки»; 4-го в ГТЭ — Роза Рымбаева, Арутюн Акопян, Борис Владимиров и Вадим Тонков; 11-го в ГЦКЗ «Россия» — Гелена Великанова, Иосиф Кобзон, Ирина Понаровская, Александр Ширвиндт и др.

В те дни едва не погиб офтальмолог Святослав Федоров. Произошло это на его даче, куда он в выходной день пригласил гостей, а пока они были в пути, решил полчаса заняться любимым делом — покататься на своем коне Шахе. От него едва и не принял смерть, как некогда вещей Олег. Далее слушаем рассказ С. Власова:

«Стоял март, по-весеннему припекало солнце, в лесу на тропинке под слоем воды притаился лед. Шах, на котором скакал Святослав Николаевич, поскользнулся, упал в лужу, уронил, конечно, и седока, разволновался, заторопился вскочить на ноги и впопыхах со всего маху вlepил хозяину копытом в челюсть. В полтора сантиметрах от виска пришелся удар, чуть-чуть бы повыше и — верная смерть. На несколько минут Святослав Николаевич потерял сознание, как добрался до дому, уже и не припомнит.

Жена готовит праздничный стол, а ей Евгений Иванович Дегтев и говорит:

— Иришка, ты не волнуйся, Слава немножко упал с лошади, немножко поцарапал щеку... Ты не волнуйся.

И что же она видит? Идет ее Слава, бледно-зеленый, с невообразимо раздутой щекой. От удара, видно, порвалась артерия, образовалась огромная гематома.

— Считаю, что мне сегодня крупно повезло, — сообщает он, пытаясь улыбнуться, без

особого, впрочем, успеха, — могло кончиться намного хуже.

Утешил.

— Тебе же завтра в Америку лететь! — всплеснула руками Ирэн. — Как же ты с такой?..

— Это днем, — уточнил Святослав Николаевич, — а утром еще в Совет Министров.

Плохо вы знаете Федорова, если думаете, что он лег в постель с грелкой со льдом (как положено при сотрясении мозга, которое у него несомненно было). Нет, сидел с гостями за столом, шутил, произносил тосты. Ирэн, правда, время от времени прикладывала ему целлофановый мешок, наполненный снегом. Это и помогло — гематома скоро спала, и, когда гости стали разъезжаться, Федоров уже сидел на Шахе, чтобы ехать их провожать.

— Ну, меня-то хоть пожалей, — взмолилась жена, — если себя не жалеешь.

Еле отговорила. Наутро у него впол-лица свиново отливал «фонарь»...»

В Афганистане происходят события, которые вскоре аукнутся нам большими проблемами. Недавно там к власти пришла Народно-демократическая партия во главе с Бабраком Кармалем, которая рьяно взялась за установление в стране социализма. Советский Союз это, естественно, приветствовал и чем мог помогал НДПА — присылал советников, поставлял за четверть цены оружие, продукты и медикаменты. Однако в марте поступательное продвижение НДПА к своей цели было остановлено — оппозиция подняла мятеж в третьем по величине городе страны Герат (200 тысяч жителей). Весть об этом пришла в Москву поздно вечером в пятницу 16 марта. Несмотря на то что следующий день был выходной, Политбюро вынуждено было собраться на экстренное заседание. Правда, без своего полководца — Леонида Брежнева, который в тот день плохо себя чувствовал. Поэтому бразды правления в свои руки взял на том заседании Андрей Кириленко. Докладчиком выступил другой Андрей — Громыко. Он сообщил, что обстановка в Афганистане резко обострилась — 17-я дивизия афганской армии распалась, и часть ее перешла на сторону оппозиции. Из-за границы, из Пакистана, на помощь мятежникам приходят все новые и новые отряды вооруженных оппозиционеров. Сдержать их невозможно, несмотря на то что СССР выделил Афганистану дополнительно 10 миллионов рублей в валюте для

охраны границы. Закончил свою речь Громыко следующими словами: «Ни при каких обстоятельствах мы не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве. И если сейчас Афганистан мы потеряем, он отойдет от Советского Союза, то это нанесет сильный удар по нашей политике...»

На следующий день дискуссия продолжилась. Лейтмотивом этого заседания стало выступление шефа КГБ Юрия Андропова. Он сказал: «Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т. д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане? Там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас... Я думаю, мы должны прямо сказать Тараки (президент Афганистана. — Ф. Р.), что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан...»

Дискуссия по Афганистану длилась три дня — 17—19 марта. На последнем заседании присутствовал Брежнев, который присоединил свой голос к тем, кто выступал против ввода войск в Афганистан. В итоге было принято постановление, в котором значились следующие меры: поручить Косыгину переговорить с Тараки; Громыко, Андропову, Устинову, Пономареву — разработать «политический документ»; оказать помощь афганской армии вооружением, советниками и «силами наших воинских подразделений»; обратиться к Пакистану с предупреждением; разрешить Министерству обороны развернуть две дивизии на границе и т. д.

Владимира Высоцкого события в Афганистане застали в непосредственной близости от очага напряженности — в Ташкенте. Он приехал туда 17 марта, чтобы участвовать в трехдневных сборных концертах, в которых также

выступали Роман Карцев, Виктор Ильченко, Полад Бюль-Бюль оглы и др. В первый же день произошел курьезный случай. Высоцкий и его администратор Владимир Гольдман чуть-чуть припозднились и пришли за кулисы в тот момент, когда там шли жаркие споры между артистами, кому начинать концерт, а кому его заканчивать. Далее послушаем рассказ режиссера той программы Николая Тамразова:

«Я поставил номера согласно логике: Полад должен был заканчивать первое отделение, а Владимир Семенович — весь концерт. Но ко мне подходит Бюль-Бюль оглы: «Николай! Я лауреат и заслуженный артист — заканчивать должен я!» — «Хорошо, я поговорю с Высоким». Подхожу к Володе, он не возражает: «Да, ради бога, пожалуйста...» Карцев и Ильченко тут же заявили: «Мы будем работать перед Володей». Хитрые одесситы сразу смекнули, что после Высоцкого «ловить нечего»...

Володя выступил... В сборных концертах он пел почти всегда не менее тридцати минут — ведь шли-то на Высоцкого. Итак, Володя «отстоял» эти полчаса, всю публику повернул на себя — после этого вышел Полад. А зрители стали уходить. И Полад — большой мастер эстрады, опытный человек — вдруг взорвался, стал кричать: «Прекратите ходить! Если вы не уважаете себя, то я себя уважаю!». Но люди все равно уходили...

На следующий день ко мне приходит директор Полада и говорит: «Давайте менять...» Следом пришел и сам Полад с этим же предложением: мол, поставь меня на прежнее место. Конечно, с Высоцким любому артисту было трудно работать, очень трудно. Люди хотели не только слышать, но и видеть Володю, потому что по разговорам он раз двадцать разбивался на машине и раз пятнадцать умирал...»

19 марта подошли к концу павильонные съемки «Гаража», и оставалось отснять несколько эпизодов на природе (в Столешниковом переулке, на Петровке). А в последний день сняли финал фильма, где члены гаражного кооператива тянут из шапки лотерейные бумажки. В первоначальном варианте сценария этой сцены не было: там все заканчивалось тем моментом, когда пайщики только приступают к жеребьевке. Но в ходе съемок решили расставить все точки над «i». Была только одна загвоздка: кого выбрать несчастливцем. Любого из положительных героев наказывать было

жалко. Можно было наказать кого-то из отрицательных, но это казалось примитивным ходом. Вот, мол, зло и наказано! После долгих раздумий выбор пал на спящего пайщика, которого сыграл сам режиссер фильма — Эльдар Рязанов. Во-первых, он весь фильм проспал и в борьбе не участвовал. Во-вторых — он был толстый, а таких обычно не жалеют, над ними смеются.

Продолжаются съемки «Экипажа». 20 марта доснимали последние сцены в декорации «квартира Скворцова»: герои Леонида Филатова и Александры Иванес выясняли отношения. Вот как об этом вспоминает Б. Криштул:

«Через три месяца работы я бы с наслаждением вышиб Сашу Иванес из съемочной группы за капризы. Но приходилось терпеть, на пересъемки не было денег, а от одной мысли, что снова придется искать героиню, бросало в дрожь. Недоучившаяся студентка вытворяла такое, что даже ветераны кино поражались.

Обычный съемочный день. Саша входит в павильон, а на ней платье из другой сцены. Режиссер останавливает съемку:

— В чем дело?

— Художник по костюмам велела, — потупившись, как послушная школьница, отвечает Саша.

Взрывоопасный Митта, страстно выругавшись, бросается к художнице по костюмам.

— Ты почему срываешь съемку? Это платье для другой сцены!

— И я ей сказала то же самое, — побледнев, оправдывается художница, — но актриса заявила, что именно это платье попросили вы...

Митта вплотную приближается к Саше и задушевно спрашивает:

— Признайся, ты ненормальная? Ты идиотка?

Вместо извинений Саша бубнит, что ей в этом платье сниматься удобнее...

— Точно идиотка! — заключает Митта и раздражается отборным матом.

Саша, рыдая, убегает с площадки ко мне в кабинет и жалуется на грубость режиссера. С трудом найденная интонация сложной сцены нелепой выходкой актрисы разрушена вмиг. Несколько часов, пока все не успокоилось, камера «отдыхала». Затем съемки возобновились...»

Ирина Роднина, которая месяц назад в муках родила ребенка, теперь спит и видит, когда вновь выйдет на лед. Ее желание вернуться в

большой спорт столь велико, что она решается начать тренировки через 26 дней после родов. В среду, 21 марта, фигуристка выходит на свою первую утреннюю зарядку. Надев на себя тренировочный костюм и кеды, она отправилась на набережную Москвы-реки, чтобы, взяв старт у Крымского моста, в среднем темпе пробежаться до Лужников и обратно. Пока бежала, встречала по пути прохожих, спешащих на работу, которые, естественно, ее узнавали и провожали кто улыбкой, а кто и недоуменными взглядами: многие ведь из прессы знали, что Роднина недавно родила.

В тот же день режиссер Борис Дуров приступил на Студии имени Горького к съемкам будущего блокбастера «Пираты XX века». Начал с самых сложных эпизодов — подводных: главные герои — члены экипажа советского парохода, захваченного пиратами, — выбираются на свободу из затопленных кают. Первоначально предполагалось снимать эти эпизоды на студии, для чего в 4-м павильоне возводился бассейн с декорациями внутри. Однако управиться в нужные сроки рабочие не смогли, и тогда решили перенести декорации в плавающий бассейн гостиницы «Ялта» в Ялте. Вот как об этом вспоминает одна из исполнительниц главной роли — Наталья Хорохорина:

«Как-то вечером на балконе гостиницы «Ялта» обсуждалась новая сцена — Борис Дуров с оператором продумывали разные планы, как снимать, как что приспособить, и вдруг спрашивают нас (имеется в виду актрис Хорохорину и Майю Эглите. — Ф. Р.): «А вы хорошо плаваете под водой?» Отвечаем: «Пока не пробовали...» Они в ужасе: все планы насмарку...

Ночью мне снились кошмары: падающие потолки, вода и закрытые люки... Наутро у нас уже зуб на зуб от страха не попадал. Что-то с нами будет? Эту сцену снимали в открытом бассейне гостиницы: декорации отсеков без одной стенки опустили в воду, а дело было в марте. Мы никак не хотели «тонуть»: наши платья в воде раздувались — и режиссер тогда кричал: «Да притопите их!» После съемок нам с Майей дали водки, чтобы мы не простудились. А в подводных съемках — в коридоре — нас обеих продублировала одна ялтинская женщина, фотограф из группы...»

Михаил Швейцер на «Мосфильме» снимает «Маленькие трагедии» (с 6 марта). 22 марта начались съемки эпизодов с участием Валерия

Золотухина (Моцарт) и Иннокентия Смоктуновского (Сальери). Помните, оба сидят в трактире и спорят о жизни. Эти сцены снимут за 6 съемочных дней (кроме 24—25 марта).

23 марта в «Московском комсомольце» увидел свет очередной выпуск «Звуковой дорожки». Ее гостем на этот раз стал испанский вокальный дуэт «Баккара» в составе двух зажигательных певиц: Марии Мендиолы и Майте Матеос. Дуэт появился на свет чуть больше двух лет назад благодаря стараниям продюсера Леона Дина — это он случайно увидел их на сцене ресторана в Лас Пальмасе на Канарах и предложил сотрудничество. В начале 77-го в гамбургской студии «Эр-Си-Эй» был записан их первый сингл — «Да, я умею танцевать буги», который имел ошеломительный успех — за первые четыре месяца он был распродан тиражом в 3 миллиона экземпляров. Еще больший успех ждал следующую песню дуэта — «Простите, я — леди». Весной 78-го дуэт «Баккара» выступил в финале конкурса «Евровидение» с песней «Говорите ли вы по-французски?». Популярность «Баккары» в Советском Союзе началась в том же 78-м, когда один из ранних клипов дуэта показали в «Мелодиях и ритмах зарубежной эстрады». Потом их песни стали крутить на радио, и только неразворотливая «Мелодия» хранила молчание (первый миньон дуэта она выпустит только в 79-м). Однако и без «Мелодии» записей «Баккары» в Союзе было предостаточно: меломаны переписывали их либо с дисков, привозимых из-за рубежа, либо с радиозэфиров.

Популярный киноактер Алексей Смирнов, известный широкому зрителю по множеству комедийных ролей (Верзила из «Операции «Ы» и др.), в те дни угодил в больницу — у него случился сердечный приступ. Поводом к нему послужили как личная, так и творческая неустроенность актера. Некоторое время назад у него умерла мама — единственный родной человек для Смирнова. В кино его звали редко: за последние четыре года он снялся в трех картинах («Маринка, Янка и тайны королевского замка», 1976; «Дипломаты поневоле», 1977; «Лес, в который ты никогда не войдешь», 1978), но все роли эпизодические. Смирнов сильно страдал от этого, все чаще прикладывался к бутылке. Как итог — больница, где его практически никто не навещал. Наверное, единственным коллегой и другом, кто вспомнил про него в те дни

(а лежал Смирнов в больнице почти полгода!), был Леонид Быков. 25 марта он навещал Смирнова в клинике, специально приехав для этого в Ленинград. Их встреча длилась около часа. Быков попросил друга держаться, не впадать в уныние. На прощание, похлопав его по плечу, сказал фразой из их совместного фильма «В бой идут одни «старики»: «Будем жить, Макарыч! Будем жить». Кто из них мог представить, что жить им оставалось всего-то ничего — одному чуть больше двух недель, другому чуть больше месяца.

26 марта режиссер Валерий Фокин на Киностудии имени Горького приступил к съемкам будущего блокбастера — фильма «Сыщик». Речь в нем шла о вроде бы непутевом молоденьком милиционере Жене Кулике, который в итоге совершает подвиг — в одиночку задерживает матерого рецидивиста Паленого. Мало кто знает, что на главную роль режиссер собирался пригласить актера Леонида Ярмольника. Однако худсовет студии забраковал эту кандидатуру, сославшись на то, что «с таким лицом ему только бандитов играть» (что Фокин и сделал, доверив Ярмольнику сразу две бандитские роли: Гнуса и Крота), и посоветовал режиссеру поискать актера с положительной внешностью. Так в поле зрения Фокина оказался 21-летний актер Малого театра Андрей Ташков. На главную отрицательную роль — рецидивиста Паленого — был приглашен актер Борис Химичев.

26 марта Владимир Высоцкий дал сразу три концерта в МВТУ имени Баумана, где исполнил песню с длиннющим названием «Впечатление от лекции о международном положении человека, который получил 15 суток за мелкое хулиганство» («Я вам, ребята, на мозги не капаю...»). Учитывая, что в последние годы из-под пера Высоцкого рождалось все меньше и меньше сатирических произведений, эту новинку публика приняла на «ура». В ней содержалось много узнаваемых реалий того времени: иранская революция, выборы римского папы, свадьба Каузова и Онассис и т. д.

В среду, 28 марта, в Москве случилось беспрецедентное ЧП: некий молодой человек, представившийся Юрием Власенко, взял в заложники... работников американского посольства. Произошло это среди бела дня — в 14.30, причем террориста провёл на территорию посольства сам второй секретарь Р. Прингл. По-

следний, естественно, не подозревал об истинных намерениях посетителя, думая, что того привели в посольство вполне мирные причины. Но случилось неожиданное: посетитель внезапно показал сотрудникам посольства спрятанную под одеждой взрывчатку и потребовал от них немедленно выдать ему разрешение на выезд в США. Поначалу американцы рассчитывали сами договориться с террористом, но когда у них ничего не вышло, они сообщили об этом советским властям. Те среагировали немедленно: в 15.35 к зданию посольства на улице Чайковского примчались бойцы спецподразделения КГБ «Альфа».

Когда спецназовцы вошли в посольство, первое, что они сделали — спросили, что делает террорист. Ответ был обескураживающий: «Читает стихи». Это оказалось сущей правдой, в чем «альфовцы» убедились, заглянув в приемную: террорист стоял посреди комнаты, держа палец в кольце взрывного устройства, и декламировал следующие стихи:

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак — и мудрых убивали,
Ныне свет, а меньше ль палачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо... но от рабов Христовых
За порыв создать из них людей!

Стало ясно: у парня явно что-то не в порядке с головой. А это еще больше осложняло ситуацию: поди пойми, что он выкинет в следующую секунду. Спецназовцы предприняли попытку подослать к нему переговорщика, но террорист резко пресек эту попытку, заявив, что если кто-нибудь приблизится к нему, он немедленно взорвет себя. Тогда было решено использовать слезоточивый газ. Но и с этим вышла неувязка: спецназовец перепутал расположение окон и швырнул гранату не туда. В итоге газовая атака не получилась. Хорошо еще, что террорист оказался человеком с юмором — посмеявшись над горе-метателем, он так и не дернул кольцо взрывателя и вновь заладил старую песню: «Хочу улететь в Америку! Хочу улететь...»

За развитием ситуации с Лубянки лично следил Андропов. После того как ему доложили, что газовая атака закончилась неудачей, он приказал форсировать события. Это и понятно: минул час с момента прибытия к посольству спецназа, а воз и ныне там. Что подумают

американцы? Получив команду от Андропова, старший группы Роберт Ивон взял с собой трех бойцов — Филимонова, Шестакова и Картофельникова — и направился напрямик к террористу. Войдя в приемную, Ивон поманил к себе террориста:

— Эй, мужик, иди сюда, поговорим.

— А вы кто такие? — удивился тот.

— Да мы военные. Наша часть здесь, по соседству, — последовал ответ.

— А звание у вас какое? — не унимался Власенко.

— Я — старшина, а ребята мои сержанты.

— Тогда что же с вами говорить, — усмехнулся террорист, — вы же ничего не решаете.

Ситуация явно выходила из-под контроля спецназовцев. Последовала долгая пауза, во время которой Ивон только и думал, что предпринять теперь. Спас положение сам Власенко. Видимо, этот затянувшийся спектакль ему самому давно надоел, и ему захотелось хоть с кем-то отвести душу.

— А я поначалу подумал, что вы из милиции. Не люблю я их. Если здесь ничего не получится, пойду и подорву их.

Ивон решил уцепиться за эту тему.

— А чем они тебе не угодили? — спросил он у террориста.

— Избили однажды. Как футбольный мяч катали, гады.

Ивон посочувствовал парню, а потом предложил:

— Да брось ты это дело, Юра. Пойдем лучше посидим где-нибудь, выпьем.

Но парень только мотнул головой:

— Нет, не могу. Не везет мне в жизни: два раза в институт поступал и оба раза завалили. Да и квартиру мне в Москве надо выхлопотать.

Сказав это, Власенко какое-то время помолчал, а потом вновь начал читать стихи:

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят,
Ловите святые минуты!..

На столе в приемной стояла початая бутылка коньяка, и Власенко, дочитав стихи, предложил отпить из нее спецназовцам. Те отказались: мол, не дело это из горла хлестать, да еще без закуски.

— Ну, как хотите, — сказал Власенко... и выбросил бутылку в открытое окно.

Это не осталось не замеченным с улицы. Один из дежуривших там альфовцев — Голов — подтянулся на руках и заглянул в окно. Террорист стоял боком к нему и явно его не видел. Голов вернулся и доложил руководству: можно достать террориста выстрелом в окно. Ему дали «добро». Но ни к чему хорошему этот вариант не привел: пуля действительно попала террористу в грудь, но он, падая, успел выдернуть кольцо на взрывателе, и грянул взрыв. Хорошо еще, что в тот момент Ивон и трое его напарников уже спускались вниз по лестнице, а то бы и им досталось. Как пишет М. Болтунов:

«Когда сотрудники во главе с Ивоном вновь вбежали в кабинет, Власенко без чувств лежал на полу. Рядом горел диван. Они пытались сбить пламя. Кто-то из американцев услужливо сунул в руки Картофельникова огнетушитель. Михаил ожидал увидеть мощную струю пены, но огнетушитель лишь зашипел и на издыхании выплеснул пар. «Вот так Америка, — удивился он тогда, — совсем как у нас».

Впрочем, через несколько минут все было кончено. Власенко отправлен в больницу на «Скорой помощи». По дороге он скончался...

В субботу, 31 марта, в Москве случилось еще одно ЧП, но уже бескровное. Жители Перовского района Москвы, включив вечером свои радиоприемники, внезапно услышали на средних волнах вместо любимого «Маяка» каких-то неизвестных радиоведущих, которые представились странными именами Миллиметр, Интеграл и Тройка. В этом, может быть, не было бы ничего предосудительного, если бы эта троица не была под изрядным градусом и не несла всяческую ахинею. Это выступление длилось больше часа. На следующий день уже пол-Москвы знало об этом и живо обсуждало услышанное. По тем временам это было нечто: по государственному радио выступали радиохулиганы!

В столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 17-го — «Емельян Пугачев» Алексея Салтыкова с участием Евгения Матвеева, Тамары Семиной, Ольги Прохоровой и др.; 19-го — «Шествие золотых зверей» Теодора Вульфовича с участием Игоря Ледогова, Гражины Байкштите и др.; 26-го — «Четвертая высота» Игоря Вознесенского с участием Риты Сергеевой, Ларисы Лужиной и др. Из зарубежных картин выделю английскую мелодраму «Леди Каролина Лэм» (с 19-го) и фран-

цузский приключенческий фильм «Капитан» (с 26-го).

Кино по ТВ: «С любовью к Вам. Мария Биешу» (премьера т/ф), «С тобой и без тебя» (16-го), «Валерка, Рэмка +...», «Секрет великого рассказчика» (с субтитрами), «Расскажи мне о себе» (17-го), «Старая, старая сказка», «Взлетная полоса» (18-го), «Совесть» (18, 24—25, 31-го), «Рассказ о простой вещи» (19-го), «Жан-Кристоф» (Франция, премьера т/ф 19—23, 26—29-го), «Ночной сеанс» (20-го), «Орленок», «Трактористы», «Я, бабушка, Илко и Илларион» (24-го), «Эти разные, разные, разные лица» (25-го), «Чайка» (26-го), «Каникулы» (Польша, премьера т/ф 26—29-го), «Адмирал Нахимов» (28-го), «Парни нашей улицы» (29-го), «Чапаев», «Всадник с молнией в руке» (30-го), «Театр» (премьера т/ф), «Что с тобой происходит?» (с субтитрами) (31-го) и др.

Из других передач выделю: «Вечер поэзии Евгения Евтушенко» (21-го), «Концерт артистов французской эстрады» (25-го), «Кинопанорама» (30-го; были представлены новые фильмы: «Великая Отечественная», «Старомодная комедия», «Пять вечеров», последний представляли Никита Михалков, Александр Адабашьян, Людмила Гурченко; вел передачу Ростислав Плятт).

Театральные премьеры: 17-го во МХАТе показан спектакль «Мы, нижеподписавшиеся...» с участием Александра Калягина, Евгении Ханасовой, Евгения Евстигнеева и др.; в Театре миниатюр — «Когда мы отдыхали» с участием Романа Карцева и Виктора Ильченко; 24-го в Театре имени Ермоловой — «Коварство и любовь».

Эстрадные представления: 16—18-го в ЦДКЖ давал концерты ВИА «Голубые гитары»; 19—21, 23, 25, 27—28, 30—31-го в ГТЭ состоялись выступления Геннадия Хазанова с моноспектаклем «Мелочи жизни»; 23-го — в ЦДКЖ выступала Мария Лукач; 30—31-го в «Октябре» — ансамбль Саши Суботы из Югославии.

В журнале «Круозор» (№ 3) назову следующие пластинки: Виктор Кривонос — «Если город танцует» (А. Журбин — И. Резник); Песни из т/ф «Обыкновенное чудо» поют Леонид Серебренников и Лариса Долина; «Бони М» — «Ночной полет к Венере», «Реки Вавилона», «Не изменяйте любимым».

1979 Апрель

Коварный весенний лед. Эпидемия сибирской язвы в Свердловске. Преступник получил по заслугам. Славят мемуары Брежнева. «Сыщик»: истерика Паленого. КГБ смотрит «Сибириаду». Свердловская трагедия продолжается. В Москве переезжает дом. Почему болгарский космонавт сменил фамилию. Гибель Леонида Быкова. Пробы в «Тегеран-43». «Сыщик»: в монастыре. ЧП в космосе: возвращение «с того света». «Машина времени» меняет состав. Похороны Леонида Быкова. Радиохулиганы пойманы. В Москве стартовал чемпионат мира по хоккею с шайбой. КГБ мстит Сахарову. Скандал на дне рождения Аллы Пугачевой. Почему не выпускают «Д'Артаньяна и трех мушкетеров». Возвращение Александра Якушева в сборную. «Приключения принца Флоризеля»: Олег Даль хандрит. «Через тернии к звездам»: трудные съемки. «Пираты XX века»: Нигматулин против Еременко. КГБ мстит Александру Стефановичу. Пугачева в лидерах. «Место встречи изменить нельзя»: мучения с Высоцким на монтаже. Застрелился генерал МВД Сергей Крылов. Хоккей: наши громят чехословаков. Брежнев просится на пенсию. Ленинская премия в подарок генсеку. «Советская культура» бьет по Александру Градскому. Концерт Высоцкого в ДК «Москворечье». Высоцкий обиделся на коллег. Эпидемия в Свердловске: военные скрывают вакцину. Хоккей: наши — чемпионы! Откровения Брежнева президенту Франции. КГБ меняет диссидентов на разведчиков. «Москва слезам не верит»: мытарства продолжаются. Новая рубрика «Комсомолки»: «33 1/3». Разбилась Марина Влади.

Владимир Меньшов продолжает работу над фильмом «Москва слезам не верит». Мы оставили его в тот момент, когда худсовет заставил его внести существенные правки в картину, исключив оттуда все сцены интимного характера. Однако Меньшов оказался не из пугливых: он проигнорировал это распоряжение и продолжил съемки заключительных эпизодов фильма. В понедельник, 2 апреля, на Савеловском вокзале начали снимать один из самых важных эпизодов ленты — знакомство Катерины и Гоши. Как мы помним, их первая встреча происходила в электричке: Катерина возвращалась поздно вечером в Москву с дачи, а Гоша ехал туда же непонятно откуда. Видок у него был тот еще: грязные ботинки, усталые глаза. Катерине он поначалу совсем не понравился, она даже приняла его за алкаша. Но слово за слово — и вот уже в глазах женщины появился неподдельный интерес к собеседни-

ку. Эпизод снимали два дня в вагоне настоящей электрички, правда стоящей на месте, с трех часов дня до двенадцати ночи.

Ирина Роднина в те дни вышла на свою первую после родов тренировку на лед лужниковского катка «Кристалл». Больше года она не надевала коньки, поэтому все ей теперь давалось тяжело, будто в первый раз. По ее же словам: «Ощущение было такое, что учусь кататься заново. Думаю, вот сейчас разбежусь и сделаю прыжок. Но это мне только казалось, что я бегу. На самом деле — ползу по льду. И прыжка не получается. Один круг по катку сделаю, и уже нет сил... Зайцев, увидев мои мук, засмеялся: «Придется новую партнершу искать».

3 апреля едва не стало последним днем для четырех столичных пятиклассниц. В тот день, отучившись в школе (это был второй учебный день после весенних каникул), девочки отпра-

вились на Головинский пруд, чтобы покорить тамошних уток. Но не учли девчонки, что лед в это время года уже хрупкий, и ступать на него опасно. В итоге все четверо вскоре оказались в воде. Две девочки сумели быстро выкарабкаться на берег, а вот две их подружки — Марина и Света — как ни старались зацепиться за кромку льда, ничего у них не получалось. В течение нескольких минут они безуспешно хватались за лед, поранили себе все пальцы, но так и не добились желаемого результата. Еще немного — и обе отправились бы ко дну. Но на их счастье, поблизости оказались двое мужчин — инженер «Союзэнергострома» Седельников и водитель-испытатель Штефанов. Они бросились в воду и помогли девчонкам удержаться на плаву. Затем Седельников дотянул свою пострадавшую до берега и буквально вытолкнул ее из воды. А вот его напарнику это сделать не удалось: девочка так перепугалась, что мертвой хваткой схватила за руки своего спасителя и сковала его будто обручем. Не приди ему вовремя на помощь Седельников, он бы вместе с девчонкой скрылся под водой. А так они вдвоем дотащили полуживую девочку до берега. Обогреть промокших насквозь девочек и их спасителей помогли жильцы дома № 40, что по улице Михалковской. Стоит отметить, что для Седельникова это был не первый подобный подвиг: три года назад он уже спасал тонущего в столичном водоеме ребенка.

В Свердловске в те дни случилось беспрецедентное ЧП — эпидемия сибирской язвы. Весь город знает, что пришла она из военного городка — «объекта № 19», но власти настаивают, что виноват во всем ослабевший за зиму скот. Но им никто не верил. Лишь много лет спустя станет известно, что утечка «сибирки» произошла утром 3 апреля, во время наладки новой установки в сушильном цехе военного городка. Причиной послужили ошибки рабочих, допущенные при монтаже. Произошла авария, и зараза вырвалась на свободу через трещины в вентиляции.

Вспоминает бывший главврач горбольницы № 24 Маргарита Ильенко:

«Первые больные начали поступать 3—4 апреля. Наша больница тогда была меньше, и часть пострадавших госпитализировали в 20-ю больницу на Химмаше. И вот мне звонит главврач 20-й Яков Клиппницер и спрашивает:

«У тебя умирают люди?» — «Нет». — «А у меня умирают. «Твои» умирают. От пневмонии».

На следующее утро опять звонит: «Еще трое твоих умерло». Я говорю: уточняйте диагностику. От пневмонии давно уже не умирают.

На третий день прихожу в больницу рано утром. На крыльце встречаю плачущего дежурного врача Розу Газиеву: «Маргарита Ивановна, у меня за ночь умерли пять человек!»

Я поднимаюсь на третий этаж в терапию. Боже мой! Мертвые и живые. Все лежат рядом. Захожу в одну палату. Мужчина лет тридцати. Он со мной разговаривает, а по телу уже трупные пятна. Вдруг у него рвота с кровью. И все. Конец.

Всех умерших перенесли в одну палату. Потом в морг. Первые два дня мы просто не понимали, что ЭТО такое. Вскрытие делала Фаина Абрамова, рядовой патологоанатом 40-й больницы. Она-то первая и сказала: сибирская язва. Но об этом не стали распространяться. В горздравотделе решили, что все подозрительные больные должны госпитализироваться в 40-ю больницу. Там было отдельное инфекционное отделение.

После этого к нам приезжала дезостанция в противочумных костюмах, проводили обработку. Шума было много.

Дифференциацию диагноза врачам «Скорой помощи» производить было трудно. И к нам в больницу все-таки завозили таких больных. Жалобы были те же, что при обычных инфекциях: высокая температура, головная боль, слабость, в конце — рвота.

Самое страшное, что люди иногда умирали прямо в поликлиниках и заводских здравпунктах. Мы кодировали это заболевание как «сепсис 002». Но первые два дня хоронили под разными диагнозами: неизвестный яд, пневмония. Хоронили на обычных кладбищах...»

А вот еще одно свидетельство — Ирины Мироновой, которая тогда училась в Уральском госуниверситете: «Мы с двумя подругами снимали квартиру в Чкаловском районе, на территории которого и находился «объект № 19». О царившем там режиме сверхсекретности мы знали от своей преподавательницы немецкого: ее муж-офицер служил в этом военном городке. В начале апреля в ближайших к нашему дому магазинах, на остановках люди начали рассказывать друг другу, что районные больни-

цы заполнены больными, которые «сгорают за несколько часов». Вскоре нас всех собрали на медицинской кафедре университета и сказали, что в городе «вспышка той самой сибирской язвы, о которой нам говорили, что ее не было в Союзе последние пятьдесят лет». Преподаватели, работавшие еще и врачами в клиниках и больницах города, старались придерживаться официальной версии: «Носитель заразы — скот». Но мы задавали «неудобные» вопросы: «Почему тогда поражается не желудочно-кишечный тракт, а легкие?» и «Откуда такая избирательность по половому и возрастному признаку?». Преподаватели уходили от ответов и тем самым подтверждали наводнившие город слухи, что виной всему утечка бактериологического оружия из военного городка...

6 апреля «Вечерняя Москва» опубликовала очередную заметку из разряда криминальных. Журналист М. Михайлов сообщил читателям, что столичный суд воздал по заслугам 34-летнему особо опасному преступнику Владимиру Чурляеву, который год назад наводил ужас на москвичек. В свое время Чурляев отсидел четыре года за грабеж и в 1976 году вышел на свободу. Однако к честной жизни возвращаться не пожелал и вновь взялся за старое. Устроившись для отвода глаз работать в пожарную часть города Ясногорска, он в свободное от работы время выезжал на «дело» в Москву. Поздними вечерами он выслеживал на улицах города одиноких женщин, возвращавшихся домой, нападал на них в подъездах и грабил. Но, видимо, тех денег, что он находил в сумочках москвичек, ему не хватало, поэтому он расширил зону своей деятельности, включив туда и магазины. Однажды он среди бела дня напал на кассиршу булочной № 225 и под угрозой ножа отобрал у нее 557 рублей. В следующий раз объектом нападения он выбрал популярный магазин «Власта», где похитил три вазы общей стоимостью 360 рублей.

Изобличить преступника помог... его собственный пиджак. Однажды Чурляев напал в подъезде на женщину, но та подняла крик. Грабитель выскочил на улицу, где тут же угодил в руки трех мужчин, которые проходили мимо. Они заломили ему руки и поволокли в милицию. Но по дороге допустили ошибку: Чурляев стал жаловаться, что ему больно, и попросил ослабить хватку. Мужики, видимо, по-

надеявшись на свою силу, поверили преступнику и тут же за это поплатились. Чурляев, как заправский циркач, вынырнул из пиджака и бросился наутек. Бежал он так резво, что поймать его так и не смогли. Но пиджак-то его остался, а в нем оказалось удостоверение с фамилией беглеца и местом его работы. В тот же день его и арестовали. Суд приговорил грабителя к высшей мере наказания — расстрелу.

А в стране тем временем продолжают славить мемуары Леонида Брежнева. 17 марта по ТВ был показан очередной выпуск популярной передачи «От всей души», в которой речь шла о людях, которые упоминались в книге Брежнева «Целина». А 7 апреля в Москве начались гастроли Государственного театра пантомимы из Грузии. В столицу артисты привезли спектакль «Малая земля», под который столичные власти выделили кинотеатр «Россия». Как признался в интервью режиссер театра А. Шаликашвили: «Прочитав «Малую землю» Брежнева, я почувствовал, что не могу остаться в стороне от описанных в ней событий».

Эти же дни решалась судьба фильма Андрея Михалкова-Кончаловского «Сибириада». Госкино собиралось послать его на Каннский фестиваль, но прежде хотелось заручиться поддержкой на самом верху. Далее послушаем рассказ самого режиссера:

«Ермаш заслал картину на дачи членов Политбюро. Реакция последовала кисло-сладкая. Косыгину картина не понравилась — я узнал это от Ермаша.

— Мы не позволим Кончаловскому, — сказал Косыгин, — учить нас, как развивать индустрию и строить социализм.

Имелась в виду тема строительства гидростанции, которая должна была затопить пол-Сибири, а с ней и деревню, ту самую, откуда родом все наши герои. Накат на картину был серьезный, но кому-то из членов Политбюро она все же понравилась. Не помню, кому именно. Не исключаю, что Андропову. Помню, Сизов позвал смотреть картину Бобкова, генерала КГБ, заместителя Андропова. Я тоже был позван на этот просмотр и увидел человека, надзиравшего за всей интеллигенцией и диссидентами: сидел забавный, совсем не страшный, грузный мужчина в сползших носках и генеральских черных полуботинках с резиночками. Я смотрел на них и думал: какая магическая

власть у хозяина этих стоптанных башмаков! В зале были только мы трое. Сизову было очень важно, что Бобков скажет.

— Хорошая картина, — сказал после просмотра Бобков. — Глубокая. Ничего антисоветского в ней нет...»

В апрельском номере журнала «Наш современник» начали печатать роман Валентина Пикуля «У последней черты», посвященный жизни и деятельности старца Григория Распутина. Ажиотаж вокруг этой публикации стоял такой, что номер с ней нельзя было найти нигде: ни в продаже, ни в библиотеках. Помню, мне давали читать несколько страниц этого романа, отпечатанных на машинке, с эротическими сценами. Там описывалось, как Распутин насилует жену одного царского генерала. Вполне вероятно, это была подделка «под Пикуля», поскольку в романе такой откровенной сцены не было. Но мне сказали, что это отрывок, который цензура из романа выкинула. Короче, этой книге еще до публикации сопутствовали всевозможные слухи и сплетни, а уж когда роман вышел, то шум достиг и вовсе заоблачных высот.

А в Свердловске продолжает бушевать сибирская язва — люди умирают один за другим. Причем среди жертв в основном мужчины зрелого возраста. Это и наводило людей на мысли о том, что что-то здесь не чисто, ведь при сибирской язве болезнь должна была косить всех подряд. Как выяснится позже, еще в 72-м году с помощью генной инженерии ученым удалось изобрести оружие массового поражения, которое воздействовало исключительно на сильную половину человечества. Это оружие и вырвалось на свободу в Свердловске. Хотя власти делали все, чтобы свалить все происходящее на другие источники. Как я уже говорил, их главная версия — во всем виноват зараженный скот. У Дома офицеров в военном городке даже установили щит: «Граждане! Эпидемиологические службы Свердловска предупреждают вас не употреблять в пищу мясные продукты. В городе началась эпидемия сибирской язвы в связи с недоброкачественным мясом!» Не отставали и газеты, которые опубликовали обращение санэпидемслужб к населению с просьбой воздержаться от приобретения мяса на рынках. Что после этого началось! На рыночных торговцев мясом люди стали смотреть как на вра-

гов. Им кидали мясо в лицо, устраивали митинги с требованием снести все рынки в городе. В те дни мусорные контейнеры были буквально доверху забиты мясными продуктами. Чуть позже найдут и стрелочника: им станет директор керамического завода Юрий Гусев, который имел несчастье незадолго до трагедии закупить в соседнем подшефном колхозе две туши коров для своих подчиненных. Во время эпидемии на заводе скончались 26 человек, и в этих смертях обвинили директора. Завод закроют якобы по санитарным условиям. Пятисот человек уволятся. Но это будет позже, а пока в городе царит паника, люди продолжают умирать. Медперсонал больниц не справлялся с переноской трупов, поскольку желающих переносить тела в морг не было — все боялись заразиться. Санитарам помогали больные, которые сами были уже обречены и знали это. Даже родственники покойных боялись подходить к телам. Вспоминает все та же главврач больницы № 24 М. Ильенко:

«Ко мне в кабинет приходили жены ребят, которые погибли, кидали паспорта на стол и уходили. Все боялись заразиться. В итоге хоронить людей оказалось некому. Все морги были переполнены. Каталки с трупами стояли на улице. По городу ежечасно проезжали с включенными даже днем фарами глухие микроавтобусы-«уазики». «Покойника язвенного везут», — говорили прохожие и шарахались. Нам в больницу доставляли тяжеленные гробы. Мы «упаковывали» тела в полиэтилен, сверху засыпали хлоркой. Медсестры не в состоянии были таскать эти гробы. Тогда я подошла к нашему сторожу. «Дядя Степа, я дам вам по бутылке спирта, пускай слесари помогут похоронить людей», — умоляла я. А потом гробы закончились, и людей провожали в последний путь просто в пакетах...»

Страна и ведасть не ведает, что происходит в Свердловске — СМИ-то молчат, как в рот воды набрали. И жизнь идет своим чередом. В ночь на 10 апреля в Москве случилось редкое событие — начал свой переезд к новому месту обитания дом под № 18, что по улице Горького (бывшая типография Сытина). Десятитонная машина двигалась по рельсам, преодолевая за час по несколько сантиметров. В итоге к утру дом достиг отметки в 33 сантиметра из тех 33

метров, что ему предстояло пройти. Переезд будет длиться до 13 апреля.

10 апреля, в 20.34 по московскому времени с космодрома Байконур стартовал очередной интернациональный экипаж (четвертый рейс по программе «Интеркосмос»): Николай Рукавишников (СССР) и Георгий Иванов (Болгария). Мало кто знал, что этому полету предшествовала весьма необычная ситуация, первая из подобных в истории космонавтики. Состояла она в следующем. Дело в том, что болгарский космонавт носил весьма распространенную у него на родине фамилию Какалов, которая в Советском Союзе воспринималась иначе — неприлично. Ни один диктор Советского радио и телевидения не согласился бы произносить ее в эфире, прекрасно зная, какую реакцию это вызовет у публики. То бишь требовалось срочно ее поменять на что-то благозвучное. Вопрос решался в самом ЦК КПСС, причем в течение нескольких дней. Эту проблему согласовывали с болгарской стороной, которая, в принципе, была не против такой замены, но упирался сам космонавт — ему его фамилия была дорога. Однако, когда ему пригрозили, что в таком случае в космос вместо него полетит другой человек, космонавт вынужден был согласиться. И взял фамилию Иванов, которая была то ли у его отца, то ли у матери.

Леонид Быков в Киеве готовится к съемкам нового фильма — «Пришелец». А ведь совсем недавно дела у Быкова шли из рук вон плохо. После того как его сына едва не отправили за решетку и заменили ему тюрьму отбыванием наказания в психушке (на год), Быков собрался навсегда уйти из кинематографа. Он написал заявление, однако директор Киностудии имени Довженко отказался его принять. Тогда Быков отдал заявление секретарю под роспись. Директор немедленно позвонил самому 1-му секретарю ЦК КП Украины Владимиру Щербицкому, который единственный мог хоть как-то воздействовать на режиссера и актера. Щербицкий вызвал Быкова к себе. Их встреча продолжалась больше часа. О чем они говорили за плотно закрытыми дверями, неизвестно, однако, выйдя оттуда, Быков свое заявление забрал. Вскоре в Комитете кинематографии Украины специально для Быкова был подобран сценарий — комедия «Пришелец». В ней Быкову предстояло сыграть сразу две роли — со-

вершенно непохожих друг на друга двойников из параллельных миров. Многие тогда удивились выбору Быкова — ведь до этого он снимал серьезные вещи, а тут вдруг комедия. Но это была не просто комедия, а философская. Этим фильмом он хотел разобраться и попробовать ответить на некоторые вопросы окружающего его бытия при помощи фантастики. Например, устами Быкова пришелец Глоуз произносил такой монолог: «Я понял смысл таких архаичных, рудиментарных явлений, как угодничество и карьеризм, равнодушие и рвачество, демагогия и дефицит. И прочих явлений, столь редко встречающихся на земле».

10 апреля на студии состоялось обсуждение кинопроб к «Пришельцу». Все они были приняты практически без замечаний. Быкова утвердили на обе роли: механизатора Тишкина и пришельца из космоса Глоуза. В этот же день Быков собирался отправиться на дачу в Страхолесье. Его дочь Марина тоже захотела поехать с отцом, но он почему-то резко воспротивился этому. Когда она самовольно заняла место в автомобиле, он чуть ли не силком вытащил ее оттуда и уехал один. Как выяснится вскоре, тем самым он спас дочери жизнь.

Быков пробыл на даче почти сутки и днем 11 апреля отправился в обратный путь. Он ехал на своей «Волге-ГАЗ-24» со скоростью 100 километров в час. На часах было 16.30, когда он достиг 47-го километра шоссе Минск— Киев. Как назло, на подъеме к поселку Дымер дорогу оккупировал трактор с культиватором. В течение нескольких минут Быков ехал за продвигающимся черепашью ходом трактором, после чего решил его обогнать. Он ударил по газам и на большой скорости выскочил на встречную полосу. А там, на беду, ему навстречу шел грузовик «ГАЗ-53», до верху груженный стеклотарой. Быков буквально вдавил ногу в педаль тормоза и практически не отпустил ее вплоть до столкновения (а это 22 метра!). У Быкова было несколько способов избежать столкновения. Во-первых, он мог резко повернуть руль вправо и врезаться в «задницу» культиватора. Тот ведь двигался медленнее, и сила удара оказалась бы значительно слабее. В худшем случае Быков повредил бы решетку или сорвал бы с подушек двигатель. Сам актер наверняка бы не пострадал, поскольку, как дисциплинированный автолюбитель, был при-

стегнут ремнями безопасности. Второй вариант: «Волга» могла бы продолжать движение под углом к дороге, миновала бы четыре метра проезжей части и могла свернуть на обочину — на ровное травяное поле. В таком случае вообще бы никто не пострадал. Но Быков выбрал иной вариант.

Грузовик врезался бампером в правую дверцу «Волги» и протащил ее 18 метров. Удар был настолько сильным, что Быков умер практически мгновенно. Как установят затем эксперты, печень, легкие, другие внутренние органы Быкова — все имело механические повреждения. Ребра в том месте, где они уперлись в ремень безопасности, оказались переломанными, как по линейке. Лишь сердце оказалось нетронутым. Экспертиза также установила, что Быков был абсолютно трезвым. Как рассказывают очевидцы, первым к «Волге» подбежал водитель грузовика — 22-летний молодой человек из Чернобыльского района. Он ножом перерезал ремень безопасности и вытащил тело Быкова из салона. А когда признал в нем популярного актера, схватился за голову: «Ну все, сидеть мне теперь долго-долго».

На киностудии «Мосфильм» режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов готовятся к съемкам очередного фильма — после экранизации костеровского «Тиля» они решили снять ленту по собственному сценарию, причем на политическую тему. Фильм называется «Тегеран-43» и посвящен актуальной проблеме — терроризму. О том, как им пришла идея обратиться к такому материалу, вспоминает В. Наумов:

«Идея картины возникла очень странно. Мы с Аловым были в гостях у одного нашего приятеля — сидели, беседовали, и работал телевизор. Звук мы выключили, чтобы он не мешал нам разговаривать. Алов сидел к телевизору спиной, а я — лицом. И вдруг, через плечо Алова, я увидел на экране человека на носилках. У него была прострелена голова, и он умирал. Какие-то люди волокли его вдоль кирпичной стены. Он вдруг посмотрел в камеру, и у меня возникло жуткое ощущение, что он смотрит прямо на меня... и мы с ним встретились глазами. Я толкнул Алова: «Смотри!» Он успел обернуться и на мгновение увидеть этого человека. Мы кинулись включать звук — что это? где? в какой стране? Но там уже был другой сюжет. Наш хозяин был страшно перепуган —

не мог понять, что с нами случилось. А когда мы немного пришли в себя, Алов сказал: «Знаешь, мне показалось, что он посмотрел прямо на меня!» Вот так — из крохотного, неозвученного сюжета новостей — родилась мысль сделать фильм о терроризме. А одна из наиболее запутанных и таинственных попыток покушений такого рода была совершена в Тегеране в 1943 году на Рузвельта, Черчилля и Сталина. И мы начали собирать материал...»

Роль двух главных героинь фильма — Мари Луни и ее дочери Натали — писалась на жену Наумова Наталию Белохвостикову. Что касается остальных актеров, то их предстояло найти в ходе кинопроб. Они начались в конце февраля. Так, на роль партнера Белохвостиковой — советского разведчика Андрея Бородина, он же Андрэ — пробовались разные актеры: Александр Михайлов, Анатолий Васильев. Однако всех победил красавчик-кавалергард Игорь Костолевский. 11 апреля в 7-м павильоне «Мосфильма» прошла их первая с Белохвостиковой проба. Она и расставила все точки над «i».

Продолжается космический полет экипажа корабля «Союз-33» — Николая Рукавишникова и Георгия Иванова. По плану они должны были достичь орбитальной станции «Салют-6», на борту которой находились их коллеги В. Ляхов и В. Рюмин, и состыковаться с ней. Однако уже в момент сближения со станцией начались неполадки. На Земле обратили внимание, что система радиоизмерений «Игла» и двигатель «Союза» выключаются самостоятельно. Сближающе-корректирующий двигатель недоработал: вместо расчетных шести секунд проработал лишь три. Было непонятно: это случайный сбой в «Игле» или же неполадки в самом двигателе? Любая заминка в участке сближения могла привести к срыву стыковки, а вместе с этим и всей программы полета.

Истина вскрылась через несколько минут: двигатель включился на разгон, отработал несколько секунд и тут же выключился. Корабль и станция не смогли состыковаться и разошлись в разные стороны. Стало понятно, что сбой не был случайным, есть какой-то скрытый дефект. С Земли поступила команда космонавтам «Союза» пока снять скафандры. Затем Земля связалась со станцией и попросила сообщить тамошний экипаж, что они видели. Ляхов рассказал, что видел, как двигатель корабля работал в сторону, что наблюдалось све-

чение из агрегатного отсека. Стало ясно: дефект серьезный, двигатель барахлит, и дальнейшее его использование невозможно. Земля сообщила об этом экипажу «Союза» и приказала ложиться спать. Было 2 часа ночи 12 апреля. Как будет вспоминать позднее сам Н. Рукавишников:

«Я знал, что завтрашний день будет нелегким, но не хотелось обострять обстановку. На Земле и так переживали за нас... Как командир, я отвечаю не только за корабль, но и за Георгия. Он после слов Елисеева (руководитель полета на Земле. — Ф. Р.) загрузил и даже снял немного. «Командир, — говорит, — неужели мы не попадем на станцию?» Я пожал в ответ плечами, а про себя подумал, что дело может кончиться значительно хуже, и мы можем остаться пленниками орбиты...»

В ту ночь космонавты спать так и не легли. Не спали и в ЦУПе, ломая головы над тем, что делать дальше. Практически все сходились во мнении, что пробовать работать с опасным двигателем — риск большой. Есть резервный, но он вряд ли пригоден для сближения. Когда кто-то предложил использовать двигатели малой тяги, чтобы с их помощью погасить скорость корабля, ему возразили: малый остаток топлива не гарантировал благополучный сход с орбиты. Споры до хрипоты продолжались несколько часов. Тем временем наступило утро Дня советской космонавтики — 12 апреля.

Космонавты вышли на связь с Землей на полтора часа раньше положенного времени — такое у них было нетерпение. Им разрешили совершить посадку с помощью резервного двигателя. Если тот отработает меньше 90 секунд, «Союз» останется на орбите, если не менее 188 — корабль совершит посадку. Причем неизвестно где. Вспоминает Н. Рукавишников:

«Бросил взгляд на часы и жду. Двигатель включился. Работает. Вот здесь напряжение стало нарастать. «60... 80... 90... 150... 160... 170...», — ведет отсчет секунд Георгий. Потом говорит: «Командир, на 188-й секунде будет выключение». Вот она, эта секунда! Но двигатель не выключается, продолжает работать. Что делать? Если дать ему работать и дальше, то мы очень круто войдем в атмосферу. Это опасно. А тут еще корабль начал терять стабилизацию. Это было кошмаром. К счастью, стабилизация через несколько секунд восстанови-

лась сама... Двигатель отработал 213 секунд. Идем на баллистический спуск (корабль падал отвесно, словно камень, перегрузки были сильнейшие. — Ф. Р.), — кричу я ЦУПу. Под нами была ночная Атлантика... Прошло 20 минут, 25. Невесомость. Я заметил пылинку, которая висела прямо перед нами. «Смотри, — говорю Георгию, — это наша судьба. Если она пойдет вниз — мы спасены — начнется торможение». Мы не отрывали от нее глаз. Но вот пылинка дрогнула и начала оседать...»

Корабль приземлился в степи, но у себя на родине. Хотя в первые минуты космонавты этого не знали, все гадали: где мы? Затем так же стали гадать, когда слышали над собой гул вертолетов. «Кто это: китайцы, арабы, наши?» Сомнения рассеялись, когда из вертолета показались люди в белых халатах. «Наши, врачи», — поняли космонавты. Когда с них сняли скафандры, у обоих тела представляли сплошные синяки. Но синяки ерунда — заживут. Ведь они вернулись, как говорят, «с того света».

Андрей Макаревич, который месяц назад распустил к чертовой бабушке свою группу «Машина времени», теперь вновь озаботился ее восстановлением. Но уже с другими участниками. Причем произошло это совершенно случайно. Погожим днем Макаревич брел по улице Горького, как вдруг встретил своего старого приятеля Александра Кутикова. У Макаревича и в мыслях не было звать Кутикова с собой, так как он был осведомлен, что тот вполне благополучно играет в группе «Високосное лето». Как вдруг выясняется, что Кутиков из «Лета» собрался уходить вместе с барабанщиком Валерием Ефремовым и как раз подыскивает новую группу. Как понимаете, этим коллективом стала «Машина времени». Четвертым ее участником стал пианист Петр Подгородецкий, который только-только вернулся из армии.

В пятницу, 13 апреля, в Киеве, на Байковом кладбище, состоялись похороны популярного режиссера и киноактера Леонида Быкова. Его трагическая гибель в автокатастрофе породила в народе множество слухов. Самый устойчивый — Быков покончил жизнь самоубийством. И почва для таких разговоров была. Как мы помним, еще три года назад, во время работы над фильмом «Аты-баты, шли солдаты...», Быков написал завещание, в котором признавался, что «износился», что жить дальше ему

не хочется. В том завещании он даже похороны свои срежиссировал: просил друзей похоронить его без всякого шума и патетики. Однако следствие эту версию однозначно отмело: Быков вдавил ногу в педаль тормоза и держал ее в таком положении все 22 метра, пока его машина неслась навстречу грузовику. То есть Быков пытался предотвратить столкновение, но скорость у «Волиги» была огромной (почти 100 километров в час). Приятель Быкова Виталь Кондратьев, который разговаривал с ним вечером накануне гибели, утверждает, что причиной гибели режиссера стала остановка сердца. Однако это тоже навряд ли: если у Быкова случился инфаркт, он не смог бы так долго давить на педаль тормоза — нога ослабла бы самопроизвольно.

В день похорон погода выдалась ясная. Кто-то из присутствующих даже обронил такую фразу: «Удачный съемочный день, о таком всегда мечтал Быков». Как и просил Быков в своем завещании, провожали его без патетики: не было ни оркестра, ни траурных речей. Вместо этого друзья исполнили его любимую песню «Смуглянка» от начала до конца.

14 апреля в Москве опять объявились радиохулиганы. Как мы помним, в первый раз это случилось в самом конце марта, когда трое пьяных молодых людей, скрывающихся под кличками Миллиметр, Тройка и Интеграл, в течение полутора часов вещали на территории Перовского района на средних волнах, перекрывая передачи «Маяка». Как их ни искали, но найти так и не сумели. Это разожгло аппетит хулиганов еще сильнее. Субботним вечером 14 апреля они объявились вновь, правда теперь вещал только один из них — Миллиметр. Однако, как и в первый раз, был он пьян и нес в массы что-то непотребное. Как покажет скорое будущее, это станет последним выходом в эфир перовских радиохулиганов. Очень скоро специалисты из службы технического радиоконтроля Государственной инспекции электросвязи Минсвязи СССР засекут их и повяжут. Хулиганами окажутся 24-летний рабочий (Миллиметр), его одноклассник из одного столичного НИИ (Интеграл) и учащийся ПТУ № 38 (Тройка). Все они будут осуждены по статье 206 (хулиганство) к 1 году колонии.

14 апреля в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, открылся 46-й чемпионат мира и

Европы по хоккею с шайбой (в последний раз наша столица принимала этот турнир шесть лет назад — в 1973 году). В первый день нашим ребятам досталась в соперники команда Польши. Скажем прямо, не самый сильный участник турнира. Однако то ли из-за предстартового волнения, то ли из-за недооценки соперника, но советская сборная продемонстрировала не самую яркую игру. В первом периоде мы вели с минимальным счетом 2:0, во втором забросили еще одну шайбу и только в третьем, наконец, «раскошегарились» — забили еще четыре шайбы. Итог — 7:0 в нашу пользу.

На следующий день советской сборной противостояла сборная ФРГ. Соперник по сильнее поляков, но тоже не слишком грозный. Однако его мы одолели с превеликим скрипом — всего-то 3:2. Короче, по всем показателям стартовала наша команда не самым лучшим образом. И это в родных-то стенах!

В воскресенье, 15 апреля, Андрей Сахаров отправился в Шереметьево встречать свою жену Елену Боннэр, прилетавшую из-за границы. Ехал он туда на своей личной машине, но вел ее не сам — за руль сел его друг Арий Мизякин. До места доехали без приключений, хотя будь они повнимательней, обязательно бы заметили за собой «хвост» — на «Жигулях» за ними следовали чекисты. В аэропорту Сахаров отправился встречать жену к таможенному посту, а Мизякин остался в машине. Однако на одну минуту он все же покинул кабину — чтобы помочь супругам донести тяжеленные чемоданы. Этим шансом немедленно воспользовались чекисты. Один из них подскочил к автомобилю академика и несколькими ловкими ударами шилом проколол шины. Это было наказание Сахарову за то, что пять дней назад он ходил во французское посольство и оставил там письмо для президента Франции Жискара д'Эстена (через две недели он приезжал в СССР) в защиту крымских татар.

Когда проколы были обнаружены, супруги обратились к запаске. На их счастье, поблизости оказались два французских журналиста, которые их знали и вызвались помочь в смене колеса. Чекисты им этого тоже не забыли. Пока французы возились с сахаровским автомобилем, тот же «виртуоз шила» из КГБ, что спустил шину у «железного коня» академика, проделал то же самое и с автомобилем одного

из французов-помощников. Но, видимо, этого ему показалось мало, и уже на следующий день он проколол все колеса на автомобилях обоих французов. Кроме этого, супруги Сахаровы уже дома обнаружили, что во время таможенного досмотра у них пропали разные мелкие вещи на общую сумму в 500 рублей. Вот таким образом сотрудники 5-го управления КГБ устраивали академику и его жене разные мелкие пакости.

В тот же день, 15 апреля, Алле Пугачевой исполнилось 30 лет. Дата круглая, поэтому певица требовала соответствующего торжества. Гуляние устроили в ресторане «Белград». Однако в самый разгар веселья случился скандал, в центре которого оказалась дочка именинницы Кристина. А случилось вот что. Торжество проходило в малом зале, поскольку в большом гуляла другая веселая компания. Однако 8-летняя Кристина, естественно, этих нюансов не знала и подумала, что веселиться можно в обоих залах. Когда в большом заиграл оркестр, она выбежала туда и принялась танцевать вместе со всеми. Но, как говорится, недолго музыка играла... Маневр девочки заметил администратор ресторана, который как хищный зверь подскочил к Кристине и чуть ли не вшащей вытолкнул ее на свою территорию — в малый зал. Девочка, обливаясь слезами, побежала жаловаться отчиму — Александру Стефановичу. И в доказательство своих слов продемонстрировала ему свежий синяк на своей руке. Стефанович бросился к администратору и прилюдно обложил его даже не трехэтажным, а более высоким матом. Тот сначала оторопел, а потом заявил: «Как вы смеете со мной так разговаривать, я сотрудник госбезопасности!» На что Стефанович отреагировал еще более жестко: «А вас, гнид гэбэшных, мы еще повесим на всех фонарных столбах!» Чекист оскорбление проглотил, но обиду затаил жутчайшую. Однако о том, во что это выльется, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями того апреля.

Режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, закончив четыре месяца назад работу над фильмом «Д'Артаньян и три мушкетера», никак не может добиться выпуска его на экран. А все потому, что против выступили его соавторы — сценаристы Марк Розовский и Юрий

Ряшенцев. Вот как об этой тяжбе вспоминает сам режиссер:

«Я переделал полностью первую и третью серии, вторую — процентов на тридцать. Собственно, в том виде, в котором его дали авторы, телевидение сценарий не приняло, хотя этих авторов мне буквально навязали, сказав:

— Хотите снимать «Мушкетеров», берите готовую авторскую компанию. У нас уже есть с ними договор.

Воспользовавшись ситуацией, я переписал сценарий так, как я считал нужным, «под себя», то есть осуществил свой замысел экранизации. Сценарий телевидение приняло, даже не догадываясь, что практически автором был уже я. Ни на деньги, ни на титры я не рассчитывал. Авторы подали на меня в суд. На нем был один из авторов — Ряшенцев, я и представитель ЦТ. Судья спросил:

— Какие у авторов претензии к Юнгвальд-Хилькевичу?

— Правовые и финансовые, — ответил истец.

Судья с ехидством:

— А товарищ Юнгвальд-Хилькевич не претендует на право авторства, ничего не получает и не интересуется гонораром. В титрах его фамилия не стоит.

Ряшенцев был в шоке. Суд продолжался полчаса. Я победил...»

В столичных кинотеатрах в первой половине апреля шли следующие новинки: 2-го на широкий экран вышла лента Бараса Халзанова «В ночь лунного затмения», где снимались Наталья Аринбасарова, Михаил Державин, Нелли Корниенко и др.; 9-го — «Поворот» Вадима Абдрашитова с участием Олега Янковского, Ирины Купченко, Олега Анофриева и др.; «Сумка инкассатора» Августа Балтрушайтиса с участием Георгия Буркова, Донатаса Баниониса, Елены Наумкиной и др. Из новинок зарубежного кино выделю: две американские ленты «Жестокое лицо Нью-Йорка» и «Принцип «Домино», английскую «Возвращение Робин Гуда».

Кино по ТВ: «Золушка», «Малыш и Карлсон» (т/сп), «Совесть» (5-я серия), «Старик-разбойники» (1-го), «Строговы» (1—6-го, 9—10, 12—13-го), «Белый квадрат» (3-го), «Невеста с Севера» (4-го), «Еще раз про любовь» (5-го), «Волшебная сила искусства», «Сергеев ищет Сергеева» (6-го), «Большое космическое

путешествие» (впервые по ТВ), «Вижу цель» (7-го), «Во имя жизни» (8-го), «Поезд в далекий август» (9-го), «Мое дело» (10—11-го), «Человек с планеты Земля» (12-го), «Здравствуйте, я ваша тетя!» (13-го), «Петька в космосе», «Так начиналась легенда» (впервые по ТВ 14-го), «Одной жизни мало» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю: 5-го в Театре имени Моссовета был показан спектакль «Смерть Пазухина» с участием А. Баранцева, Т. Бестаевой, Б. Иванова и др.; 6-го в Театре сатиры — «Мы, нижеподписавшиеся» с участием Андрея Миронова, Георгия Менглетта, Михаила Державина, Нелли Корниенко и др.; 7-го в Театре на Малой Бронной — «Жестокие игры»; 11-го в Театре-студии киноактера — «Комедия ошибок».

Эстрадные представления: 5-го в ГТЭ выступал ВИА «Добры молодцы»; 6-го в «Октябре» — Мария Лукач; 8-го в ГТЭ состоялась концерт с участием Александры Стрельченко, Марии Кодряну, Геннадия Белова, Яна Арлазорова и др.; 13-го в ЦДКЖ пела Эльмира Жерздева; 13—15-го в ГТЭ выступал чехословацкий ансамбль «Бране Гронек Саунд»; 15-го в ДК МИИТа — ВИА «Поющие юнги», солист — Олег Ухналев.

В Москве продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой. 17 апреля соперником нашей сборной стала команда Швеции. Дворец спорта в Лужниках был заполнен до отказа, и люди, пришедшие на матч, рассчитывали увидеть захватывающую игру двух соперников, каждый поединков которых практически всегда отличала борьба до последнего. Увы, на этот раз никакой интриги не получилось. Советские хоккеисты оказались наголову сильнее своих соперников и уже к началу третьего периода вели со счетом 6:1. Между тем та игра имела одну особенность: восьмую шайбу в ворота шведов (из девяти) забил наш нападающий Александр Якушев. Эка невидаль, скажет читатель. И будет не прав. Дело в том, что за последние полтора года это была первая шайба Якушева, забитая им в официальных матчах за национальную сборную (в последний раз он отличился в играх на приз газеты «Руде право» в сентябре 1977 года). После того турнира Якушева перестали приглашать в сборную, и многие специалисты поспешили списать его со счетов. Однако знаменитый суперфорвард на-

шел в себе силы вернуться в сборную и заиграл, если и не с прежним блеском, то, во всяком случае, не хуже остальных ветеранов. Тем более что на нынешнем чемпионате «Як-15» (так прозвали Якушева канадцы) играл не в своем привычном спартаковском звене — Шадрин—Якушев—Шалимов, а рядом с Иреком Гимаевым и Александром Лебедевым. Забегая вперед, сообщу, что шведская сборная станет для Якушева самой «удобной»: в повторном матче с ними он забьет еще две шайбы.

А теперь перенесемся в Сочи, где в те дни режиссер Евгений Татарский работает над вольной экранизацией произведений Роберта Льюиса Стивенсона «Приключения принца Флоризеля» (съемки там начались 10 апреля). Снимались эпизоды в оранжерее, принадлежащей принцу Баккардии Флоризелю (Олег Даль). Вот как об этом вспоминает жена актера Елизавета Даль:

«Экспедиция. Сочи. Море. Солнце. Все в приятной расслабленности — покупаться, позагорать. Съемки в ботаническом саду — павлины, цветы — все дивно красиво. Я пришла на съемку на второй день — там странная обстановка. Все дерганые, все нервничают. Меня отводит в сторону режиссер Е. Татарский: «Лиза, Олег там, в автобусе, что-то капризничает — посмотри, что можно сделать». Вхожу в автобус. Олег сидит серый. Сделать ничего нельзя. Спрашивать тоже нельзя. Сам возвращается на площадку, и все делается ясным: костюм спереди на булавке, сзади горбится. И это принц Флоризель, о котором говорят, что он самый элегантный человек в Европе. Олег пытается объяснить: костюм должен быть таким, чтобы, посмотрев по телевизору, завтра же взяли эту моду. Такого принца не было, эпоха неизвестна. Фантазируй сколько хочешь. Вместо этого все из подбора, старые, пыльные, «игранные» вещи, не всегда по размеру. На помощь пришла Б. Маневич, художник-постановщик «Ленфильма», много работавшая с Олегом. Она показала фактуру Олега, освобождая ее от затиснутости в неуклюжие, неинтересные и громоздкие вещи. Успокоившись, Олег начинал шутить: «Вы что же хотите, чтобы я принца играл или Жоржика из Одессы?..»

Режиссер Ричард Виктор работает на Киностудии имени Горького над очередной кос-

мической лентой. Однако если два прежних его фильма этой же тематики — «Москва—Кассиопея» и «Отроки во Вселенной» — предназначались подростковой аудитории, то теперь он ориентировался на взрослого зрителя. Фильм назывался «Через тернии к звездам» и по сути своей был мелодрамой: в нем рассказывалась история любви неземной девушки Нийи к землянину Степе Лебедеву. Роль инопланетянки досталась непрофессиональной актрисе Елене Метелкиной, которую Викторوف случайно нашел в отделе мод ГУМа. Ее возлюбленного играл сын популярного актера театра и кино Игоря Ледогорова Вадим. Натурные съемки проходили в Таджикистане и Ялте. В Ялте снимали подводные эпизоды. Р. Викторов в своем дневнике записывает:

«18 апреля 1979 года. Опять из строя вышли четыре лампы, прогорев под водой две минуты. Первый отсек сделан плохо. Чернота сделана бездарно. Все мажется и пачкается. Лампы горят, выходят из строя одна за другой. Съемки невесомости сорваны. То, что мы сняли бассейн без ЧП, — просто удивительно...»

На той же Киностудии имени Горького, но уже в павильонах Ялтинского филиала, режиссер Борис Дуров продолжает снимать боевик «Пираты XX века». После съемок подводных эпизодов наступила пора снимать сцены на теплоходе. В частности, был отснят «каратешный» эпизод с участием Николая Еременко (Сергей) и Талгата Нигматулина (Салех). Они встречаются в узком коридоре, и кровожадный пират Салех коронным ударом пяткой в лоб повергает в глубокий нокаут стармеха-супермена. Посмотреть на этот поединок сбежались чуть ли не все киношники со студии, поскольку подобное происходило не часто — карате в советском кино еще не снимали. Еременко и Нигматулин бились самозабвенно, естественно, по большей части только имитируя контакт (этому они научились еще во времена своей учебы во ВГИКе, когда за их шутивными поединками наблюдали толпы студентов). Однако кино есть кино: во время одного из дублей Нигматулин малость не рассчитал силу удара и так сильно приложил друга, что тот долго не мог очухаться.

Но вернемся в Москву. Здесь серьезные проблемы обрушились на голову кинорежиссера Александра Стефановича. Несколько дней

назад, будучи на дне рождения своей жены Аллы Пугачевой, он заступился за ее дочь Кристину и оскорбил работника ресторана «Белград», который оказался сотрудником КГБ. Оскорбление не прошло режиссеру даром — его вызвал к себе генеральный директор «Мосфильма» Николай Сизов. Когда Стефанович переступил порог его кабинета, он увидел, что Сизов не один — рядом в кресле сидел неизвестный молодой человек в темном костюме. В руках у него была тоненькая папка. На душе у Стефановича заскребли кошки.

Начал разговор хозяин кабинета, который спросил Стефановича, где он был 15 апреля.

— Я был с моей женой на ее дне рождения, — ответил режиссер.

— Что там произошло?

— Ничего не произошло.

— Как это ничего, когда на вас пришел материал из КГБ! — Голос Сизова задрожал. Он взглянул на молодого человека в темном костюме, который тут же на этот взгляд среагировал. Он достал из папки лист бумаги и стал вслух зачитывать написанное там. А написано там было та-а-кое... Из бумаги явствовало, что во время банкета в ресторане «Белград» режиссер Стефанович произносил антисоветские речи, рассказывал непристойные анекдоты про руководителей госбезопасности, а когда ему было сделано замечание, оскорбил сотрудника ресторана, сказав, что его мечта — повесить всех сотрудников госбезопасности на фонарных столбах.

Когда незнакомец закончил читать, Сизов вновь взглянул на Стефановича и спросил:

— Это было или нет?

Режиссер понял, что влип, причем, серьезно. Надо было как-то спасти положение, и времени на раздумья не было. Собравшись с духом, он сказал:

— Николай Трофимович, но это же чистойший бред! Во время гулянки действительно случился конфликт между мной и одним из работников ресторана, который обидел мою падчерицу. Девочке всего лишь восемь лет, а этот жлоб взащей вытолкнул ее из зала, даже синяк на руке у нее оставил. Ну, я и сказал ему все, что про него думаю. Но никаких антисоветских речей и анекдотов я за столом не произносил. Я что, сумасшедший?!

— Ты был пьян? — после некоторой паузы спросил Сизов.

— Абсолютно трезв.

— Почему ты так думаешь? Сам ведь говоришь, что была гулянка.

— Гулянка была, но я почти не пил. Пригубил только чуть-чуть шампанского, поскольку после банкета мне надо было увозить жену и падчерицу домой на машине. Когда на обратной дороге нас остановил гаишник, он никак-то опьянения у меня не нашел.

— Этот факт зафиксирован?

— Однозначно.

— Это плохо, — покачал головой Сизов.

— Почему плохо? — удивился Стефанович.

— Потому, что если бы ты выпил побольше, ты бы свалил на то, что у тебя был пьяный бред. А так выходит, что ты обещал вешать сотрудников КГБ на трезвую голову. Короче, влип ты по самую макушку, и я выгораживать тебя не буду. С сегодняшнего дня ты можешь забыть, что работал на киностудии «Мосфильм». С кино у тебя покончено.

Стефанович оторопел:

— Как покончено?

— Самым натуральным образом! — Сизов стукнул ладонью по столу, как будто прихлопнул муху. После чего повернул голову в сторону незнакомца с папкой. — Ну вот, товарищ, мы разобрались с этим антисоветчиком.

Для Стефановича это был настоящий накат. Он только что закончил одну картину, и на «Мосфильме» уже лежала заявка на следующую. Теперь эти планы рухнули. Когда Стефанович пришел к редакторам, те открытым текстом сообщили ему, что по творческим соображениям его заявка на новый фильм отклонена. Стефанович бросился к Сергею Михалкову, надеясь, что его заступничество спасет ситуацию. Но и это не помогло. Михалков при нем позвонил в КГБ, но ему ответили, что все останется как есть.

Аккурат в те самые дни, когда на Стефановича свалились столь серьезные неприятности, его супруга Алла Пугачева переживала дни триумфа. На страницах «Московского комсомольца» появился очередной хит-парад лучших песен (март 79-го), куда вошли сразу 7 песен в исполнении Пугачевой (из 15-ти представленных). Такого успеха певица еще не

добивалась. Полный список лучших песен выглядел следующим образом:

1. «Так не должно быть» (исполняют Михаил Боярский и Ольга Зарубина).
2. «Подберу музыку» (Як Йола).
3. «Ты возьми меня с собой» (Алла Пугачева).
4. «Сонет Шекспира» (Алла Пугачева).
5. «Приезжай» (Алла Пугачева).
6. «Этот мир» (Алла Пугачева).
7. «Звездное лето» (Алла Пугачева).
8. «Мы с тобой танцуем» (Игорь Иванов).
9. «Любовь нас выбирает» (Як Йола).
10. «Мир без любимого» (Татьяна Анциферова).
11. «Песенка Д'Артаньяна» (Михаил Боярский).
12. «Время не останавливается» («Апельсин»).
13. «Песенка про меня» (Алла Пугачева).
14. «Песенка первокурсника» (Алла Пугачева).
15. «Готика святой Анны» («Песняры»).

Станислав Говорухин работает над монтажом фильма «Место встречи изменить нельзя». На «озвучке» больше всего хлопот с Высоцким — тот работает спустя рукава. Вот как об этом вспоминает сам режиссер:

«Больше всего я с Высоцким намучился на озвучании, потому что процесс съемки его еще как-то заворачивал, а на тонировке с ним было тяжело. Процесс трудный и не самый творческий — актер должен слово в слово повторить то, что наговорил на рабочей фонограмме, загроможденной шумами, стрекотом камеры. Бесконечно крутится, повторяясь, кольцо на экране. Володя стоит перед микрофоном и пытается «вложить в губы» Жеглова нужные реплики. И это его сводит с ума: попасть не может, чем больше не может попасть, тем, значит, у него хуже получается, нервничает. Он торопится, и от того дело движется еще медленнее, он безбожно ухудшает образ. «Сойдет!» — кричит он. Я требую переписать еще дубль. Он свирепеет, бушует, выносится из зала. Там он ругается, говорит, что я придираюсь, то есть он был совсем обозлен до последней... Потом, через полчаса, возвращается в зал, покорно становится к микрофону. Ему хочется на волю. Там — впереди — песни, концерты, поездки, а ему надо стоять у этого бесконечного кольца и пытаться попасть себе в губы и повторять тысячу раз уже прожитую жизнь. Ну зачем? Его творческое нутро требует нового, впереди ждут Дон Гуан и Свидригайлов, а внизу, у подъезда, нетерпеливо перебирают ногами и звенят серебряной сбруей его Кони...»

19 апреля громкое ЧП потрясло союзное МВД: застрелился заместитель министра внутренних дел, начальник Академии МВД генерал-лейтенант Сергей Крылов (кстати, хороший приятель Высоцкого). Трагедии предшествовали следующие события.

В 1967 году в звании подполковника МВД Крылов был назначен начальником скромного контрольно-инспекторского отдела министерства. Щелокову понадобился под рукой образованный человек, и он выбрал Крылова, имевшего за плечами опыт научно-исследовательской работы в военном институте. Именно через Крылова министр Щелоков вскоре буквально заболел наукой. В стенах МВД на постоянной работе появились доктора и кандидаты наук, что заметно повысило интеллектуальный рейтинг руководства министерства.

Крылов одним из первых милицейских чиновников своего времени стал ратовать не за усиление кары для преступников, а за более гуманные социальные меры: условное осуждение, условно-досрочное освобождение впервые оступившихся людей. Такой либерализм не мог не породить массу недоброжелателей как в стенах родного министерства, так и за его пределами. Но Щелоков не давал в обиду своего ученого помощника, более того, во всем потворствовал ему. Ведь Крылов, имея большой вес среди научной и творческой интеллигенции страны, служил для министра надежным мостиком для связей с этой средой.

Управление Крылова превратилось в мощное учреждение, вобравшее в себя многие функции головного штаба министерства. Оно получило право строгого, независимого ни от кого контроля и инспекции всех сторон деятельности как местных органов внутренних дел, так и его линейных, оперативных служб. Поэтому другие начальники главков МВД были недовольны столь широкими полномочиями ведомства Крылова. Атаки на него не прекращались. «Заумные» идеи Крылова встречались в штыки, Щелокову постоянно жаловались на зарвавшегося выдвигенца. Но министр оставался глух к этим голосам и в 1974 году именно Крылову доверил создание Академии МВД.

Между тем в 1977 году в стенах союзного МВД во всю мощь засияла звезда фаворита генсека Юрия Чурбанова, который начал активно теснить в сторону первого зама Щелоко-

ва Константина Никитина. С этого времени началась и вражда между Чурбановым и Крыловым. Это и понятно: амбиции умудренного опытом Крылова не могли позволить дать спуску какому-то молодому выскочке, даже если тот и являлся зятем самого Брежнева. Щелоков же в «битве» двух генералов занимал выжидательную позицию, что в принципе и предопределило ее исход. Молодость взяла верх над зрелостью и опытом. В начале 1979 года комиссия МВД в количестве 71 человека во главе с Чурбановым забраковала работу Академии МВД. Более того, комиссия уличила Крылова в хозяйственной нечистоплотности, барстве и карьеризме. По словам самого Ю. Чурбанова:

«Крылов постоянно находился в плену каких-то несбыточных (для органов внутренних дел) идей. В аппарате его не любили. Но он полностью очаровал Щелокова: какие-то его идеи Щелоков потом выдавал за свои, я и мои товарищи (члены коллегии) считали их не только сомнительными, но и вредными... Когда Крылов появился в стенах Академии, там начался полный хаос. Ко мне стали поступать серьезные сигналы о самоуправстве Крылова, о его неуважительном отношении к людям, о кадровой чехарде и т. д... Мы сформировали авторитетную комиссию, в нее вошли начальники ряда управлений: была поставлена задача объективно проверить Академию по всем позициям. И чем глубже мы копали, тем больше находили негатива. Смена кадров, протекционизм, но в самые большие дебри мы влезли, когда знакомимся с вопросами финансово-хозяйственной деятельности Академии. Мебельные гарнитуры, которые покупались для Академии, перекочевали в квартиру Крылова, там же оказались два цветных телевизора, принадлежавших учебным классам, — вот если взять только один аспект хозяйственной деятельности, против Крылова можно было возбудить уголовное дело. Министр ушел в отпуск и отдыхал в Подмоскowie. Крылов пытался к нему прорваться, но министр его не принял, как бы давая понять: решайте без меня.

19 апреля я вызвал Крылова к себе, спрашиваю: «Что будем делать, Сергей Михайлович?» Кроме меня в кабинете находился начальник кадров генерал Дроздецкий. Надо отметить, что Крылов вел себя очень нервно.

Мне он сказал, что готов расстаться с должностью, но просил оставить его в Академии преподавателем, я говорю: «Хорошо, вернется министр, решит все вопросы». Крылов вышел из моего кабинета, поехал в Академию, где в этот момент проводилось торжественное собрание, посвященное очередной годовщине со дня рождения Ленина, прошел через весь зал и передал генералу Варламову, который вел собрание, записку, что он хотел бы попрощаться со знаменем Академии. Одним словом, бред какой-то. Варламов почувствовал что-то несуразное, быстро закончил собрание — но в этот момент Крылов уходит в свой кабинет, закрывается на ключ, и там раздается выстрел.

Мне тут же позвонили домой. Из МВД туда были направлены генералы Дроздецкий и Заботин, заместитель министра, а из Прокуратуры поехал то ли Каракозов, то ли еще кто-то. Я думаю, самоубийство — продуманный шаг со стороны Крылова, тем более что после его смерти вскрылись еще и амурные дела...»

В Москве тем временем продолжается чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой. После двух неярких матчей в начале турнира наша сборная вроде бы «раскоцегарилась»: выиграла у шведов 9:3, у канадцев 5:2. В субботу, 21 апреля, судьба свела наших хоккеистов с их извечными соперниками в борьбе за «золото» спортсменами из Чехословакии. Игра, естественно, вызвала огромный ажиотаж, на матч приехал сам Леонид Брежнев. Обе команды вышли на лед, преисполненные желания сыграть на пределе своих возможностей, поскольку исход его мог серьезно повлиять на дальнейший ход чемпионата. Как выяснилось, лучшим настрой был у наших хоккеистов.

Уже с первых же минут матча игроки советской сборной прочно захватили инициативу и практически не упустили ее до финальной сирены. Шайбы посыпались в ворота чехословаков одна за другой. Первым отличился на 7-й минуте игры Александр Голиков. Через три минуты Сергей Макаров увеличил разрыв. На 15-й минуте у гостей последовало удаление, которым наши игроки тут же воспользовались: гол забил Хельмут Балдерис. Прошло всего лишь 20 секунд, и уже Зинатулла Билялетдинов вновь зажег красную лампочку за воротами гостей — 4:0. После этого в воротах чехословаков место Кралика занял другой вратарь — Са-

кач. Но и он оказался бессилем перед натиском нашей сборной. Шла третья минута второго периода, когда Виктор Жлуктов «распечатал» и Сакача — забил пятую шайбу в ворота гостей. К концу второй двадцатиминутки гости уже проигрывали с позорным счетом 9:1. А общий итог игры — 10:1 в пользу сборной СССР. Так крупно чехословаки нам еще никогда не проигрывали.

Брежнев уехал из Лужников в прекрасном расположении духа, чему его соратники были несказанно рады. Дело в том, что незадолго до этого матча, на заседании Политбюро Брежнев внезапно завел разговор о том, что собирается... уйти в отставку. Он сообщил ошарашенным соратникам, что в последнее время ему все труднее и труднее справляться с его обязанностями, что и дикция у него стала плохой, и ноги не слушают. Однако едва он закончил говорить, как члены Политбюро, перебивая друг друга, бросились уговаривать его остаться. Аргументы приводились убойные: мол, без вас может резко осложниться обстановка внутри страны, возникнут проблемы и у международного коммунистического движения. «Вы же наше знамя, Леонид Ильич!» — в сердцах воскликнул кто-то из членов Политбюро. «Но ведь здоровье...» — вновь попытался возразить Брежнев. «О вашем здоровье мы позаботимся, — последовал немедленный ответ. — Политбюро примет решение, что вы будете работать в Кремле не более трех-четырёх часов в день, а остальное время можете проводить у себя на даче». Брежнева это предложение вполне устроило.

Между тем победа национальной сборной по хоккею оказалась не последней радостью для Брежнева. 22 апреля, в день 109-й годовщины со дня рождения Ленина, в советских СМИ появилось сообщение, что ему присуждена Ленинская премия в области литературы и искусства за создание мемуарной трилогии. Эту новость народ встретил без всякого энтузиазма, зато придворные писатели, как пел Высоцкий, «извертелись на пупе». Главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Наровчатов, к примеру, заявил: мол, нельзя себе представить художественное произведение, которое будет написано в ближайшие годы и не отразит опыт Л. И. Брежнева.

23 апреля Театр на Таганке справлял свой 15-й день рождения. Как всегда в таких случаях, состоялся веселый «капустник», поставленный самими актерами театра-юбиляра. Выступал на нем и Владимир Высоцкий, спевший несколько куплетов, которые он написал специально по этому случаю. Все действие снималось на любительскую кинокамеру, чтобы потом быть показанным участникам «капустника».

24 апреля газета «Советская культура» долбанула по певцу Александру Градскому. На ее страницах было опубликовано письмо заместителя секретаря комитета ВЛКСМ объединения «Химпром» города Усолье-Сибирское Иркутской области В. Апаликова, где тот недобрым словом поминал недавние гастроли певца в их городе. Приведу несколько отрывков из этого послания:

«Впечатление, которое произвел Александр Градский, трудно поддается описанию. Зал в нашем Дворце культуры химиков самый современный, хорошо технически оснащен... Но электронно-акустическую аппаратуру запустили на такую мощность, что у всех сидящих в зале барабанные перепонки напряглись до предела.

Но больше всего поразило отношение артиста к зрителям. В манере поведения Градского сквозило пренебрежение к публике, высокомерие. Программа Александра Градского, мягко говоря, нуждалась в более тщательном подборе песен. Среди них некоторые оказались нам малосодержательными и даже бессмысленными. На просьбу из зала спеть популярную песню «Как молоды мы были» артист заявил: «Вот еще один отравлен телевидением». А ведь эту песню мы узнали и полюбили именно в его исполнении. В конце творческого вечера артист стал играть на гитаре и просить, чтобы ему в такт аплодировали. Зал сначала не понял, что от него требуется, на что Градский заявил: «Я подожду, когда вы будете хлопать, у меня терпения хватит».

В течение полутора часов из зала все время выходили люди, разочарованные тем, что они увидели... Сейчас можно с уверенностью сказать, что популярности и славе Александра Градского в нашем городе нанесен ощутимый удар самим Градским».

Вечером того же дня, 24 апреля, Владимир Высоцкий давал концерт в ДК «Москворечье»,

что на Каширском шоссе. Хорошо помню это событие, поскольку жил я в тех краях и, проезжая мимо ДК, видел эту афишу. Желание попасть на концерт было огромным, но достать билет туда оказалось не в моих силах. Поэтому о том, как проходил концерт, лучше послушать рассказ очевидца событий — Виктории Горы (еще в начале 70-х она устраивала концерты Высоцкого):

«Я жила в Орехово-Борисове, и вдруг подруга сказала, что планируется концерт Высоцкого в ДК «Москворечье». Я решила непременно пойти. День был прекрасный. Подошла к служебному входу, жду, что Володя подъедет на машине. И вдруг подкатывает совершенно допотопный автобус, оттуда вылетает Володя и, радостный, бросается ко мне: «Ой, Виточка, ты что здесь делаешь?» «На концерт к тебе пришла», — говорю. Он пообещал, что проведет меня, и сообщает: «Сегодня я привел много родственников».

А попасть было невозможно! Нас с подругами на контроле долго не пускали, но Высоцкий что-то сделал, и мы все-таки прошли. На выступлении Володя выглядел превосходно. Там я впервые услышала «Письмо другу из Парижа» («Ах, милый Ваня...»). Из зала пришла записка: «Владимир Семенович, как вы себя чувствуете?» Он ответил: «Разве вы не видите, как я выгляжу прекрасно — вот так же себя и чувствую».

Концерт был камерный какой-то, но не в плохом смысле, все было превосходно. Я заметила, что это уже было выступление несколько другого типа по сравнению с прежними. И публика как-то изменилась, да и его окружали люди солидные, хорошо одетые... Поговорили мы с ним: как, чего, туда-сюда... Обычные вопросы, житейские. После концерта распрощались очень мило и разошлись...»

Через день в Театре на Таганке состоялся просмотр пленки с записью недавнего «капустника». Пришли все «таганковцы», в том числе и Высоцкий. Однако ему этот просмотр ничего хорошего не принес. Все актеры громко реагировали на появление друг друга на экране — смеялись, шутили, — но как только появлялся Высоцкий, в зале устанавливалась гробовая тишина. Придя после просмотра домой, Высоцкий пожаловался гостившему у него Вадиму Туманову: «За что они меня так? Я у них что,

Луну украд?» Луну не Луну, но коллеги по театру завидовали Высоцкому дико: и славе его, и возможности выезжать за границу.

А теперь вновь перенесемся в Свердловск, где вот уже почти месяц город охвачен паникой — там свирепствует сибирская язва. Слухи об этом, естественно, докатились до Москвы, и туда немедленно была отправлена высокая комиссия, в состав которой входил начальник 15-го управления Министерства обороны СССР генерал-лейтенант Ефим Смирнов и главный санитарный врач СССР П. Бургасов. Приехав на место, комиссия изучила обстановку, встретилась с тогдашним 1-м секретарем Свердловского обкома партии Борисом Ельциным. Беседа длилась больше часа. Сразу после нее Смирнов позвонил по спецсвязи Брежневу и доложил, что вспышка сибирской язвы под его контролем. Брежнева этот доклад удовлетворил.

А в городе тем временем продолжают умирать люди. Многих из них можно было бы спасти, если бы обитатели «военного городка № 19», откуда и пошла эпидемия, поделились с гражданским населением своей секретной вакциной. Но этого не произошло: военные сами пользовались этой вакциной, в результате чего в их городке умер всего лишь один (!) человек. А в самом Свердловске потери гражданского населения перевалили за сотню человек (официально будет названа другая цифра — 64 человека, хотя в одной больнице № 24 погибших было 70 человек). Вспоминает бывшая главврач этой больницы М. Ильенко:

«Большая смертность была три недели апреля. Люди умирали в поликлиниках, заводских здравпунктах. Мы занялись подворными обходами, нужно было посетить большое количество людей. Создали санитарные дружины — из женщин, в основном студентов медицинского института. Выявляли больных, разъясняли ситуацию, раздавали тетрациклин. Спустя две недели после начала эпидемии мы начали проводить профилактические прививки от сибирской язвы. На каждый подъезд клеили объявления.

Вакцина была обычная, какой каждый год мы прививали работников мясокомбината, тех, кто забивал скот, — обычно не больше 50 человек. Без проблем, никаких осложнений не было. Нас обеспечили большим количеством

такой вакцины (производилась она в Тбилиси). Прививали во дворцах культуры при заводах. На первую прививку шли толпы, поскольку люди были очень напуганы. К 25 апреля — 57 тысяч человек. На вторую и третью — поменьше, хотя каждому нужно было сделать по три прививки...»

А вот как вспоминает об этом же другая участница тех событий — студентка Уральского государственного университета Ирина Миронова: «Нас привлекли к подворным обходам, прикрепив к фельдшерам и врачам-инфекционистам. Прочесывать частный сектор (а Чкаловский район в конце 70-х едва ли не наполовину состоял из одноэтажных домиков) рекомендовали по вечерам, когда люди возвращались с работы. Считалось, что вакцинация должна проводиться в добровольном порядке, но были случаи, когда приходилось прибегать и к принудительным мерам. Нашей бригаде «злостные отказники» не встречались, но убеждать людей в необходимости прививки, пугать практически неминуемым исходом приходилось.

Во всем Чкаловском районе в апреле буквально выскребли весь снег, на ближних к «объекту № 19» территориях сняли даже верхний слой почвы. Стены домов, крыши, асфальт мыли какой-то дезинфицирующей жидкостью, от которой слезились глаза и щипало в носу...»

Советская сборная по хоккею с шайбой продолжает свое победное шествие к золотым медалям чемпионата мира и Европы. 23 апреля наши ребята разгромили шведов 11:3, а два дня спустя встретились на льду с канадцами. Эта игра для советской команды была принципиальной: в случае победы она досрочно завоевывала «золото» турнира. Поэтому с первых же минут наши ребята осадили ворота канадцев. Результат не заставил себя ждать: на 4-й минуте Валерий Харламов открывает счет. Проходит всего лишь две минуты, и вот уже вторая шайба влетает в ворота гостей — гол забил Александр Голиков. Канадцы делают робкие попытки переломить ход игры, но Владислав Третьяк стоит в воротах как стена. И это понятно: как-никак у него сегодня день рождения — ему исполнилось 27 лет. А наши продолжают наращивать темп игры. Канадцы откровенно не поспевают за нашими нападающими, и шайбы в их ворота продолжают влетать одна за другой. На 10-й минуте Сергей Макаров де-

лает счет 3:0. Итог этой игры — 9:2 в пользу сборной СССР. Наши хоккеисты в 16-й раз завоевывают «золото» чемпионата мира.

26 апреля в Москву с официальным визитом прилетел президент Франции Жискард д'Эстэн. Вот как он сам это описывает:

«Я гадал, приедет ли Брежнев в аэропорт или же пришлет кого-нибудь вместо себя, так как слухи о плохом состоянии его здоровья распространились во всем мире. Он часто отменял визиты к нему из-за рубежа.

Через иллюминатор самолета я сразу увидел его — в сером пальто и фетровой шляпе с шелковой лентой. Рядом с ним — Громыко и сотрудники МИД.

Спускаюсь по трапу. Как все-таки приятно, что народу немного и мне не придется стоять по стойке «смирно», деланно улыбаться и принимать цветы в целлофане!

Мы садимся в громадную черную машину Брежнева, и кортеж неспешно направляется в Москву.

Наши переводчики сидят напротив нас. У меня теперь новый переводчик. По неизвестным мне причинам — скорее всего, из-за преклонного возраста — Андронников вышел на пенсию. Его заменила молодая женщина русского происхождения Катрин Литвинова. Я спросил, состоит ли она в родстве с бывшим советским наркомом иностранных дел, которого знал лишь по фамилии.

— Да, — ответила она мне, — но родство очень дальнее. По матери я из казаков.

Она старательно поджимает колени, чтобы не задеть нас. Леонид Брежнев с некоторым удивлением разглядывает ее смазливое личико со светлой кожей славянки. Ее акцент, несомненно типичный, ласкает слух.

Брежнев сразу же принимается пояснять:

— Я приехал встретить вас в аэропорт вопреки мнению моего врача. Он запретил мне это. Вам, должно быть, известно, что в последнее время я отказываюсь от визитов. Но я знаю, что вы содействуете развитию добрых отношений между СССР и Францией. Я не хотел бы, чтобы мое отсутствие было неверно истолковано. Вы наш друг.

Он сидит, откинувшись назад, в своем сером пальто. На лбу проступают капельки пота. Он вытирает его платком...

Но вот Брежнев снова начинает говорить. Он произносит по-русски какую-то короткую фразу, не напрягая голоса.

Переводчик воспроизводит ее почти так же — отрешенным и спокойным тоном:

— Должен признаться, я очень серьезно болен.

Я затаил дыхание. Сразу же представляю, какой эффект могло бы произвести это признание, если бы радиостанции разнесли его по всему миру...

Между тем он продолжает:

— Я скажу вам, что у меня... Вы, наверное, помните, что я мучился из-за своей челюсти. Вы, кстати, обратили на это внимание в Рамбуйе. Это раздражало. Но меня очень хорошо лечили, и все теперь позади...

Теперь все намного серьезнее. Меня облучают. Вы понимаете, о чем идет речь? Иногда я не выдерживаю, это слишком изнурительно, и приходится прерывать лечение. Врачи утверждают, что есть надежда. Это здесь, в спине.

Он с трудом поворачивается.

— Они рассчитывают меня вылечить или по крайней мере стабилизировать болезнь. Впрочем, в моем возрасте разницы тут почти нет!..

Он кладет мне руку на колено — широкую руку с морщинистыми толстыми пальцами, на ней словно лежит печать тяжелого труда многих поколений русских крестьян.

— Я вам говорю это, чтобы вы лучше поняли ситуацию. Но я непременно поправлюсь, увидите. Я малый крепкий!

И вдруг неожиданно меняет тон:

— Вы хорошо знаете президента Картера... Он без конца шлет мне письма, очень любезные письма. Но я не просил его мне их писать!

Я говорю:

— Он мне тоже пишет. Он пишет Шмидту, пишет Каллагэну. Похоже, что у него такая привычка.

Но Брежнев уже не слушает меня. Он продолжает раздраженно говорить сам с собой:

— И вот он шлет мне все эти письма. А затем в конце недели отправляется куда-нибудь на Средний Запад или в какой-нибудь университет. И там начинает меня оскорблять! Он обзывает меня так грубо, что я никак не могу этого стерпеть. Он считает, будто я об этом ничего не знаю. Но я получаю все его речи. Значит, по

его мнению, со мной можно так обходиться? Да что же он за человек? Что о себе воображает?

Негодование бьет через край. Он глубоко задет, чувствует себя обманутым. По-видимому, советскому лидеру оскорбления не столь привычны, как нам!..

Брежнев замолкает. Его возбуждение спадает. Мы подъезжаем к Москве. До самого приезда он не произносит ни слова. Переводчики сидят молча, как их обязывает профессиональная этика...»

27 апреля КГБ СССР произвел выгодную для себя операцию: он обменял двух советских разведчиков — Черняева и Энгера, которые работали в ООН, но осенью прошлого года были изобличены в шпионских действиях и осуждены американским судом на 50 лет тюрьмы каждый — на группу диссидентов, лишенных советского гражданства: Эдуарда Кузнецова, Георгия Винса, Марка Дымшица, Валентина Мороза и Александра Гинзбурга. Как писал Ю. Андропов в докладной записке в ЦК КПСС: «Полученные Комитетом госбезопасности данные свидетельствуют о том, что выдворение из СССР названных выше лиц антисоветские круги за рубежом и антиобщественные элементы внутри страны оценивают как серьезный удар, нанесенный по их планам «расшатывания социализма изнутри».

27 апреля на «Мосфильме» собрался очередной худсовет, чтобы решить вопрос о судьбе фильма «Москва слезам не верит». Предыдущее заседание состоялось в самом начале марта, и тогда Владимиру Меньшову была предъявлена куча претензий. Ему было приказано убрать из фильма все эротические сцены, а также доснять несколько новых эпизодов. С последним предложением Меньшов согласился и в течение месяца снял несколько «заводских» сцен (съемки проходили на производственном комбинате в Клину). А вот насчет эротики поступил по-своему — не притронулся ни к одному из «крамольных» эпизодов. В итоге, когда члены худсовета собрались на очередное заседание, у них буквально челюсти отвисли от удивления. «Да он над нами просто издевается! — возмущились цензоры. — Мало того, что он производственные сцены снял не в том объеме, как мы того требовали, так он еще и не вырезал ничего!» Меньшов вновь принял-ся убеждать худсовет в том, что все эти сцены

необходимы картине как воздух, что без них она многое теряет. «Ничего она не теряет! — негодовали его оппоненты. — Разврата мы не допустим. Так что идите и вырезайте. А иначе фильм на экраны не выйдет». И Меньшову пришлось смириться. Были «обрезаны» сцены соблазнения Катерины, ее встреча с любовником и др.

27 апреля Высоцкий, в компании своих коллег по Таганке Валерия Золотухина и Дмитрия Межевича, приехал в Ижевск, чтобы в течение нескольких дней выступить со спектаклем-концертом «В поисках жанра». За выступление во Дворце спорта им пообещали заплатить 1200 рублей наличными. Было также обговорено, что Высоцкий отработает в этом спектакле, а потом еще пять дней будет выступать с концертами один как в Ижевске, так и в других городах. Знай он, что эти выступления приведут к уголовному делу на него, никогда бы туда не поехал.

28 апреля в «Комсомольской правде» появилась новая рубрика: музыкальная страничка «33 1/3», которая брала на себя смелость знакомить читателей с новостями популярной музыки. Стоит отметить, что первым, не только столичным, но и общесоюзным изданием, где такая рубрика появилась, была газета «Московский комсомолец» — с 25 октября 75-го там начала выходить «Звуковая дорожка». Практически с первых же номеров «ЗД» стала пользоваться огромной популярностью у меломанов, поскольку ничего подобного до этого они не видели. Ведь в стране повального дефицита существовал и дефицит на новости из мира поп-музыки! Номера с «ЗД» уходили с прилавков за считанные минуты, а те, кто не смог их раздобыть, довольствовались машинописными перепечатками. Сейчас об этом смешно даже вспоминать: ведь в первых выпусках «ЗД» полезной информации были крохи, но даже их нельзя было найти днем с огнем. Короче, на ниве этого ажиотажа во многих региональных изданиях стали появляться свои «Звуковые дорожки». К 79-му году таких изданий по всему Советскому Союзу уже насчитывалось несколько десятков: лучшие из них публиковались в «Советской молодежи» (Рига), «Молодежи Эстонии» (Таллин) и др. Однако лидером все равно оставалась «ЗД» в «Московском комсомольце»: за четыре года эта страничка успела

превратиться в настоящий кладезь информации для меломанов. И перещеголять ее было никому уже не под силу. Даже такому киту советской журналистики, как газета «Комсомольская правда». Газета была сильнее «МК» практически по всем параметрам, но в своем поп-начинании проиграла конкуренту, что называется, подчистую. Ее музыкальная рубрика «33 1/3», на мой взгляд, даже близко не могла сравниться с «ЗД». Взять тот же первый выпуск. Ведь как стартуешь, так и прибежишь. А старт у «33 1/3» вышел хиленький. Там была помещена статья про «АББУ» (в то время как «ЗД» и другие издания давно уже на этой теме отбомбились) и заметка про диск «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Все! Нет тебе ни какого-нибудь эксклюзива, ни новостей западной музыки, ни интервью с популярным исполнителем. К примеру, в последнем выпуске «ЗД» (от 20 апреля) интересного материала было куда больше: представлены новые диски (в том числе и «Мурьета»), напечатано интервью со знаменитым польским музыкантом Чеславом Неменом, опубликованы блок новостей из мира западной поп-и рок-музыки и мартовский хит-парад лучших песен и дисков. И все же появление музыкальной странички в «КП» можно назвать явлением положительным: ведь в период информационного голода любой источник информации — благо.

Перенесемся в Глазов. 29 апреля в тамошнем Доме актеров Высоцкий дал свой первый концерт. Вот как об этом вспоминает Н. Тамразов:

«В Глазове мы жили в каком-то партийном коттедже: двухэтажном роскошном особняке. Мы жили на втором этаже, заняли две спальни: шиковать так шиковать... Володя звонил Марине. Вначале ее не нашли: она была на съемках фильма «Багдадский вор», в котором играла героиню. Когда она «летала» на ковре-самолете, вся эта конструкция рухнула. Марина упала и разбилась.

Вечером сидим, ужинаем. А у Володи в Москве были девочки-телефонистки, которые ему помогали. Они нашли Марину в больнице, и она подробно рассказала, что и как... Как она летела вниз головой...

— Володя, только ты не волнуйся!

А Володя кричал:

— Я немедленно вылетаю!

Марина его успокаивала...»

Во второй половине апреля в московских кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 16-го — «**На новом месте**» Валентина Павлова и Григория Шпаклера с участием Юрия Назарова, Жанны Прохоренко и др.; «**Цену смерти спроси у мертвых**» Калье Кийска с участием Юозаса Киселюса, Элле Кулль и др.; «**Мачеха Саманишвили**» Эльдара Шенгелая с участием Василия Кахниашвили, Имеды Кахиани и др.; 30-го — «**Расписание на послезавтра**» Игоря Добролюбова, где снимались Олег Даль, Маргарита Терехова и др.; «**Сдается квартира с ребенком**» В. Крючкова с участием Е. Фетисенко, С. Копова, В. Соломина и др.; «**Ярославна — королева Франции**» Игоря Масленникова с участием Елены Кореневой, Василия Ливанова и др.

Кино по ТВ: «Звезда пленительного счастья» (с субтитрами), «Объяснение в любви» (16-го), «Однофамилец» (премьера т/ф 17—18-го), «Небесный тихоход» (20-го), «Семья Ульяновых», «Фаворит» (21-го), «О друзьях-товарищах» (21—22-го), «Стрекоза» (23-го), «Поздняя встреча» (24-го), «Близнецы» (25-го), «Телеграмма» (т/ф, 27-го), «Встречный», «Три плюс два» (28-го), «Я придумываю песню» (премьера т/ф), «Старое танго» (премьера т/ф), «Здравствуйте, доктор!» (29-го), «Два капитана» (29—30-го), «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (30-го) и др.

Из театральных премьер: 19-го в Театре имени Вахтангова был показан спектакль «**Великая магия**» с участием Юрия Яковлева, Владимира Этуша, Ирины Купченко, Людмилы Максаковой и др.; в Театре имени Гоголя — «**Смерть Ивана Ильича**»; 26-го в Театре имени Моссосета — «**Тема с вариациями**» с участием Ростислава Плятта, Маргариты Тереховой, Сергея Юрского (он же режиссер спектакля) и др.; 28-го в Театре имени Пушкина — «**Дети Солнца**» с участием Юрия Горобца (Протасов), Веры Алентовой (Елена Николаевна) и др.; 29-го в Театре имени Гоголя — «**При жизни Шекспира**».

Эстрадные представления: 17—22... 24-го в ГЦКЗ «Россия» выступала певица из Англии Вилма Рединг; 21-го — в ГТЭ состоялся концерт, приуроченный к Всесоюзному коммунистическому субботнику, где выступили Александр Стрельченко, Владимир Макаров, Ген-

надий Хазанов, Виктор Мамонов и др.; 21—22-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского пела Роксана Бабаян; 29—30-го в ГЦКЗ состоялись концерты с участием Людмилы Зыкиной, Иосифа Кобзона, Валентины Толкуновой, Евгения Петросяна, Владимира Винокура, Бориса Владимирова, Вадима Тонкова и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову миньон ВИА «Самоцветы» с песнями: «Просто не верится» (В. Добрынин — М. Пляцковский), «Под Северной звездой» (Ю. Маликов,

В. Пресняков — М. Пляцковский), «Лето, лето, лето» (Ю. Маликов, В. Пресняков — Ю. Евгенев), «Будьте счастливы» (В. Добрынин — М. Рябинин).

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю диск-гигант группы «Силвер Конвеншн».

В журнале «Кругозор» (№ 4) вышли следующие пластинки: София Ротару — «Верни мне музыку» (А. Бабаджанян — А. Вознесенский), «Живая вода»; группа «Пирамиш» (Венгрия) — «Мечты о новом», «Взлетая все выше».

Подарок Брежневу к Первомаю. ЧП в Нарыме: всплыли останки репрессированных. Вторая волна смертности в Свердловске. Высоцкий покидает Глазов раньше срока. Приключения Гришина на фото. Интриги в Малом театре продолжаются. На что обиделся Высоцкий? «Пираты XX века»: съемки в порту. Как появилась песня «Поворот». Опасный грабитель с музыкальной фамилией. Комсомол чествует советских хоккеистов. Умер актер Алексей Смирнов. Художник Шилов женился. Террористы из Новокузнецка. Как уехала Любовь Успенская. Триумф Аллы Ларионовой. Леонид Трауберг требует справедливости. Москва плавится от жары. Никчемная ничья футбольной сборной. Итоги Всесоюзного кинофестиваля. Триумф Анны Герман в Киргизии. «Сибиряда» против «Апокалипсиса». «Агония» в ЦК КПСС. «Москва слезам не верит»: запись музыки. Начались съемки детектива «Город принял». Последний звонок. «Маленькие трагедии»: Белохвостикова больна, но снимается. Элтон Джон в Москве. Приступ у Анны Герман. Очередное преступление маньяка Нагиева. «Маленькие трагедии»: Высоцкий играет смерть. Начались съемки «Петровки, 38». Концерты Элтона Джона в Москве. Как Высоцкий был зубным техником. Помощники едва не опозорили Брежнева. Садовод убивает девушку за несколько вишен.

Праздничный день 1-е Мая выпал в том году на вторник. Однако на настроение советских граждан это несколько не повлияло: все было, как всегда: утром — демонстрация, вечером — домашние посиделки за праздничным столом под включенный телевизор. Правда, в отличие от прошлых лет, в этот раз родное ТВ своим зрителям вместо показа какого-нибудь развлекательного фильма устроило премьеру документальной эпопеи «Малая земля» по книге Леонида Брежнева. Помню, лично я высидел у экрана минут десять, да и то из-за Вячеслава Тихонова, который проникновенно читал текст за автора. Потом это действие мне наскучило. Подозреваю, что таких, как я, в тот вечер было большинство. Между тем у руководителей ТВ все-таки хватило ума не испортить праздничный вечер советским гражданам окончательно: сразу после расширенного выпуска программы «Время» показали «Кабачок «13 стульев». Однако подозреваю, что и этот показ не обошелся без вмешательства генсека: «Кабачок» давно входил в список любимых пе-

редач Брежнева. Так что он в тот вечер получил много приятных впечатлений...

Надолго запомнился тот Первомай жителям города Нарыма, что на севере Томской области. В тот день, вернувшись с демонстрации, жители города увидели плывущие по Оби... человеческие останки. Их было так много, что люди испытали настоящий шок от увиденного. Как выяснилось, это останки людей, расстрелянных в застенках НКВД в 30-е годы. Нарым в те годы представлял из себя один из центров ГУЛАГа — туда свозили тысячи репрессированных. Старожилы рассказывали, что в 1937 году их в городе и окрестностях скопилось столько, что в НКВД было принято решение большую часть из них расстрелять. Казни проводились в Колпашевском яру, здесь же убитых и хоронили в братской могиле. Видимо, весенний размыв крутого берега реки обнажил одно из таких тайных захоронений спустя 40 лет после трагедии.

Грустным выдался тот Первомай и в Свердловске. Как мы помним, месяц назад там

вспыхнула эпидемия сибирской язвы, из-за которой в городе погибло несколько десятков человек. К концу апреля ситуация вроде бы нормализовалась — смертность сошла на нет, — как вдруг 1 мая в больницы снова стали поступать безнадежные больные. Началась вторая волна смертей. Накануне праздников люди вышли на уборку города и, подметая улицы, вместе с дорожной пылью вдохнули оставшиеся токсины. Других разносчиков болезни уже не было: за эти дни в городе перестреляли всех бездомных собак и кошек, которые разносили заразу через шерсть.

Владимир Высоцкий встретил праздники вдали от Москвы — в городе Глазове, где он выступал с концертами. В праздничный день 1-го Мая он дал сразу четыре концерта в ледовом Дворце спорта «Прогресс». То же самое и на следующий день. А потом концерты внезапно сорвались. Вот как об этом вспоминает В. Янлович:

«Я был в Ижевске, когда из Глазова мне позвонил Высоцкий:

— Срочно приезжай. Здесь творится что-то ужасное!

Еду в Глазов. Ночь, темень, все дороги размыты. Приезжаю в гостиницу — человека, с которым мы договаривались, вообще нет. Другие люди, я их в первый раз вижу. Говорю:

— У нас спектакль, мы уезжаем.

— Как это уезжаете?! Срываюся концерты!

На следующий день выясняется, что зрителей нет. Дороги размыты, и почти никто в Глазов приехать не смог. В зале сидели около ста солдат. Хотя была договоренность, что люди все равно приедут — на подводах.

Короче говоря, Высоцкий все бросает и уезжает. Организаторы все равно должны были заплатить: такая была договоренность. А состоялись концерты или нет — это Высоцкого не касалось. Они заплатили...»

2 мая большую промашку допустили советские СМИ. В тот день во всех центральных газетах появилась одна и та же фотография — члены Политбюро приветствуют демонстрантов, стоя на трибуне Мавзолея на Красной площади. Однако в двух газетах эта фотография выглядела по-разному: если в «Вечерней Москве» 1-й секретарь МГК КПСС Виктор Гришин придвинулся к Брежневу на одно место, а Андрея Кириленко на ней вообще не

было, то в «Правде» Кириленко в наличии имелся, а Гришин стоял на другом месте — на почтительном расстоянии от Брежнева. Сегодня эти фотографические кульбиты кажутся бредом сивой кобылы, но в те годы их, что называется, изучали под лупой. Особенно кремлеведы на Западе. Ведь по тому, как выстраивались члены Политбюро вокруг своего хозяина, они могли судить о расстановке сил на высшем политическом Олимпе Советского Союза. Впав в транс после увиденного в первомайских газетах, кремлеведы долго ломали головы над тем, что же произошло: либо Гришин в фаворе, либо Кириленко в опале, либо все осталось по-прежнему. Кто-то предположил и вовсе простой вариант: «Вечерка» «придвинула» хозяина Москвы поближе к Брежневу из чисто лизоблюдских побуждений — чтобы угодить Гришину. То есть никакие интриги в Политбюро под этим не подразумевались.

Тяжелыми выдались те дни для главного режиссера Малого театра Бориса Равенских. Как мы помним, в театре его всячески третируют, причем главным застрельщиком этого выступает мэтр сцены Михаил Царев. Равенских жалуются самому министру культуры СССР Демичеву, но тот сохраняет нейтралитет, оставаясь над схваткой. Между тем эта жалоба режиссера вызвала еще больший гнев по отношению к нему со стороны оппонентов. 3 мая на свое заседание собрался Президиум Художественного совета театра, где было принято письменное обращение все к тому же Демичеву. В нем сообщалось: «В сложившихся планах театра ныне не предусмотрены новые постановки Б. И. Равенских. Президиум Художественного совета не находит возможным принять положительное решение по поводу заявления Б. И. Равенских, так же как по вопросу о дальнейшем пребывании его в Малом театре».

Это обращение наглядно демонстрировало режиссеру — в театре его больше не потерпят. Однако Равенских спас... Кто бы вы думали? Брежнев. Вернее, не лично генсек, а его знаменитая «нетленка» — «Целина». Демичев согласился оставить Равенских в театре, если он возьмется за постановку какого-нибудь актуального произведения. И была выбрана «Целина» — самая актуальная для отечественной номенклатуры вещь в то время.

Владимир Высоцкий вернулся в Москву и, видимо, чтобы компенсировать недоработанные в Глазове концерты, принялся «окучивать» столицу. Вечером 3 мая он дал концерт в одном из клубов в районе Рижского вокзала. Вот как об этом вспоминает очевидец происшедшего — А. Загот:

«Из нашего института, который находился поблизости, на концерт пошло человек пятьдесят. Концерт должен был начаться в шесть вечера, но время шло, а он все не начинался. Высоцкий явно задерживался. Ждали его минут 40—45. Зал небольшой, человек на 600, был забит битком. Стало душно, мы вышли на улицу, стали ждать там.

Вдруг подкатила машина, небольшая, явно не «Мерседес», серого какого-то цвета. Из нее вышел молодой человек с гитарой, высокая стройная девушка и сзади — Высоцкий. Он подошел ко входу в клуб, извинился перед ожидающими, сказал, что задержался на съемках (в тот день он был на «Мосфильме», на репетиции своих сцен в фильме «Маленькие трагедии». — Ф. Р.), пообещал, что от этого концерт не только не будет короче, но, напротив, он сегодня будет петь дольше обычного.

Мы заполнили зал. Концерт начался. Высоцкий вышел, рассказал о себе, рассказал, что из-за хриплого голоса его принимают за алкоголика, а у него такой голос с детства. Спел несколько песен. Минут через 30—40 ему на сцену стали передавать записки. Он сначала читал их, что-то отвечал, потом из зала посыпались отдельные реплики, снова подавали записки... В общем, через час он извинился, повернулся и ушел. Остается только догадываться, что послужило причиной такого поспешного ухода. Мы подозревали, что были записки какого-то личного, может, оскорбительного, может, неприятного для него характера...»

Группа «Машина времени», которая некоторое время назад почти полностью обновила состав, проводила интенсивные репетиции. Они проходили в студии ГИТИСа, где музыканты жили практически безвылазно (например, Макаревич отпрашивался у жены на ночь под предлогом, что надо, дескать, стеречь хранящийся на студии аппарат). В те дни группа репетировала совершенно новую программу, в которую вошли такие хиты, как «Право», «Кого ты хотел удивить?», «Свеча», «Будет

день», «Хрустальный город», «Поворот». Последняя песня не являлась шедевром по сравнению с другими, однако именно ей суждено будет стать визитной карточкой «новой» «Машины времени». Помните: «Мы себе давали слово, не сходить с пути прямого...» и т. д. Музыку этой песни написал басист Александр Кутиков, ему и слово:

«Поворот» был написан забавно. Из нашего клавишника Пети Подгородецкого всегда перла какая-то музыкальная энергия, и в тот памятный вечер он, как обычно, что-то наигрывал. И вдруг я понял, что у меня в голове появилась офигительная тема. Я сказал ему: «Петь, давай я тебе сейчас напою мелодию, а ты ее гармонизируй». И с ходу спел весь будущий «Поворот». Причем изначально мелодия была медленная, лирическая. Она проходила у меня под кодовым названием «сентиментальное чудовище». Когда я сыграл ее Макару, он сказал: «Ну нет, я никогда не напишу к ней текст, это ж про любовь». Но у меня уже был заготовлен другой вариант — рок-н-роллоподобный, и я спросил: «А если вот так?» «Вот так — пожалуйста. Так — я напишу», — воспрял Макар, ушел и через два часа принес готовый текст...»

6 мая «Комсомольская правда» опубликовала заметку из разряда криминальных. Речь в ней шла о поимке особо опасного преступника с музыкальной фамилией Скрипка. Этот человек умудрился отсидеть 14 лет в тюрьме, причем по самым серьезным статьям: убийство, кража, мошенничество. Последние 20 лет его трудовой стаж исчислялся всего лишь 6 месяцами, а остальное время он промышлял грабежами. Действовал он так же, как герой произведения братьев Вайнеров из книги «Гонки по вертикали» (не со Скрипки ли они его списали?): вычитывал в газетах объявления состоятельных людей и наносил им визиты в их отсутствие. Маршрут Скрипки охватывал всю страну: он успел отметиться в Москве, Вильнюсе, Харькове, Минске, Донецке, Запорожье, Днепропетровске, Риге и других городах необъятной родины. Каждый раз Скрипка выдавал себя за разных людей: так, в Москве он представлялся торговым работником, в Риге — моряком торгового флота и т. д. Всего по этому делу проходило 28 потерпевших, 74 свидетеля.

Прошло немало времени, прежде чем сыщики сообразили, что во всех этих городах действует один и тот же преступник. Была создана следственная группа, которую возглавил старший следователь Главного следственного управления МВД СССР Владимир Федорченко. На след грабителя удалось напасть в Минске. Федорченко нашел мальчика, который видел, как какой-то дядя во дворе их дома, в песочнице, что-то закапывал. Сыщик вооружился граблями и просеял весь песок. И нашел документы преступника. Через них была установлена скупщица краденого Туманова из Вильнюса, которая тоже добавила немало интересных фактов из биографии Скрипки. В итоге неуловимый преступник был задержан.

7 мая в ЦК ВЛКСМ чествовали хоккеистов сборной СССР по хоккею с шайбой, выигравших «золото» чемпионата мира и Европы в Москве. На торжествах присутствовали многие именитые люди: композитор Александра Пахмутова, ее супруг поэт Николай Добронравов, космонавт В. Жолобов, Герой Советского Союза летчица М. Чечнева. Почетные знаки ВЛКСМ были вручены Валерию Харламову и Геннадии Цыганкову, остальные игроки сборной удостоились знаков ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть».

В тот же день в Ленинграде скончался замечательный актер театра и кино, один из самых любимых комедийных актеров страны — Алексей Смирнов. Как мы помним, ранней весной этого года он перенес инфаркт и был помещен в больницу. За все время его практически никто не навещал. Мама умерла несколько лет назад, других родственников у Смирнова не было. Единственным, кто навещал Смирнова в те дни, был Леонид Быков, который специально приехал в город на Неве из Киева, чтобы навестить друга. А вскоре 11 апреля Быков трагически погиб в автомобильной катастрофе. Зная о том, как Смирнов любил этого человека, врачи побоялись говорить ему об этом по горячим следам. Эту новость он узнал накануне своей выписки из больницы. И сердце пожилого актера не выдержало.

10 мая в Москве женился художник Александр Шилов. Со своей женой, Аней Ялпак-Данилиной, он был знаком уже десять лет. Они познакомились в 68-м в поликлинике, где работала Анна, а Шилов приходил к ней делать

уколы. Говорят, художник был так потрясен красотой юной фельдшерицы, что безумно захотел написать ее портрет. Но девушка долго сопротивлялась: она на тот момент была замужем, растила четырехлетнюю дочь и приходила на квартиру к чужому мужчине большим желанием не горела. К тому же она училась на вечернем факультете станкостроительного института. Но Шилов оказался человеком настырным, к тому же поликлиника, институт и дом художника оказались на одном пяточке. Одним словом, Анна стала позировать Шилову, а чуть позже между ними вспыхнул роман.

Муж Анны долго не хотел давать ей развод. Был период, когда он буквально держал ее заперти, опасаясь, что она сбежит к своему художнику. И она действительно сбежала: Шилов спрятал ее сначала у своей матери, а затем на даче у своих знакомых. Но жениться почему-то не хотел. Видимо, был сыт по горло первым браком, от которого у него рос сын и с которым он практически не виделся. Однако осенью 78-го Анна забеременела от Шилова и поставила вопрос ребром: либо свадьба, либо... Художник выбрал первое. Стоит отметить, что многие друзья отговаривали Анну от этого шага, упирая на то, что Шилов человек сложный, с ним ей будет нелегко. Но она не придала их словам большого значения. А зря. Как вспоминает сама Анна:

«Мы поженились за полтора месяца до рождения Маши. Шилов очень хотел ребенка. Правда, мою дочь от первого брака, Элину, теперь уже брать в нашу семью не собирался. Я думала, со временем это уладится само собой, он привыкнет к ней, и она будет жить с нами. Но Шилов говорил: «Я не общаюсь со своим сыном, и ты не должна общаться со своей дочерью». Я возражала, объясняла, что ничего не имею против его общения с сыном. Но он стоял на своем, и мы встречались с дочерью украдкой. Он запретил не только ездить к ней в гости, но и приглашать в его присутствии к себе, разговаривать по телефону. Мы встречались украдкой...»

Спустя двадцать лет этот брак будет расторгнут с большим скандалом.

14 мая громкое ЧП потрясло город Новокузнецк: там произошел захват заложников. Преступниками оказались двое жителей города — Саманаев и Пазунов, которые, вооружив-

шись обрезами, ворвались в салон пассажирского автобуса и объявили всех заложниками. Водителю они приказали гнать машину в аэропорт. Видимо, часть пассажиров поначалу не поверила в серьезность намерений преступников, поскольку в первые минуты захвата в автобусе поднялся настоящий гвалт. Но все мгновенно прекратилось, едва только несколько пассажиров попытались вскочить со своих мест, а преступники открыли по ним огонь. Результат бунта оказался трагическим: один пассажир убит, двое ранены. Только после этого водитель подчинился требованиям террористов и направил автобус в аэропорт.

Весть о захвате пассажирского автобуса мгновенно долетела до городского УВД. По следам преступников отправили группу милицейского спецназа, а также подняли на ноги войсковые подразделения. В течение получаса аэропорт был оцеплен. Начались долгие переговоры с преступниками. Те сначала требовали крупную сумму денег и самолет, затем несколько изменили свои требования: вопрос о деньгах оставили в силе, а вот с летным транспортом требование переиграли — потребовали дать им вертолет. Последнее условие вполне удовлетворило милицейских начальников, поскольку в таком случае создавалась реальная возможность выкурить террористов из автобуса, переполненного заложниками. Короче, вскоре вертолет приземлился неподалеку от автобуса. И в тот момент, когда террористы под прикрытием нескольких заложников побежали к «вертушке», спецназ их атаковал. Операция заняла всего лишь несколько секунд и была выполнена блестяще: ни один из заложников не пострадал. Саманаев был убит точным выстрелом в голову, а Пазунов ранен и захвачен живым.

В тот день, когда в Новокузнецке случился захват заложников, из Советского Союза навсегда уезжала известная ныне певица Люба Успенская (шлягер «Кабриолет» в ее исполнении в середине 90-х будет звучать чуть ли не из каждого окна). Успенская родилась на Украине в семье директора Киевской фабрики бытовой техники. Петь начала еще в раннем детстве. Закончив музыкальную школу и Киевское музучилище имени Глиэра, Успенская сразу после окончания средней школы отправилась на заработки в Ереван. Причем у нее была возможность осесть в Москве, где ее дядя был

главным администратором одного крупного оркестра, но тамошние заработки не могли сравниться с ереванскими: в столице Армении за ее выступления платили по 12 тысяч рублей в месяц. Через год она уже купила себе настоящий «Бьюик» стоимостью в 17 тысяч рублей. Правда чуть позже тамошние вандалы выбили у автомобиля стекло, и Успенская продала его какому-то знакомому за полцены, поскольку импортные стекла в Ереване достать было невозможно.

В 1977 году Успенская вернулась к родителям в Киев. И практически сразу подала документы на выезд из страны. После этого ее немедленно уволили с работы, но она не сильно огорчилась, поскольку на заработанные в Ереване деньги могла безбедно жить в течение нескольких лет. Однако из страны ее долго не выпускали. По ее же словам: «В КГБ мной занимался сотрудник по фамилии Одинцов, так вот он мне сказал: если ты не будешь встречаться со всякими темными личностями, не будешь ходить к Бабьему Яру, где собирались все отказники, и подпишешь об этом бумагу — мы тебя выпустим. Я отказалась.

Между тем у меня на квартире была своеобразная явка. Там собирались евреи, и мы даже не говорили — только писали, чтобы никто не мог подслушать. Но в один прекрасный день ко мне пришли гэбисты и сказали, что соседи жалуются на шум по средам. Не знаю уж, каким музыкальным слухом надо было обладать, чтобы скрип пера показался нестерпимым шумом, но было именно так. Потом к нам подослали лазутчика. Это случилось накануне еврейской Пасхи. Мы узнали от кого-то, что приехал человек из американской общины — помочь диссидентам, и все в этом роде. И когда ко мне домой пришел еврей, который говорил по-английски, мы приняли его за этого человека. И начали ему жаловаться. Он все аккуратно записал в блокнот и удалился. А вскоре после этого меня вызвали в КГБ, и тот самый Одинцов говорит: «Ну Успенская! Ну сколько можно терпеть! Мы уже хотели дать тебе разрешение на выезд, а ты сидишь за столом и все хаешь и хаешь меня!..» Я думала, что после этого меня уже никогда не отпустят. Но, как видите, ошиблась...»

В Ашхабаде проходит очередной Всесоюзный кинофестиваль (с 11 мая). На него съеха-

лись многие звезды отечественного кинематографа, как молодежь, так и ветераны. Среди последних была и бывшая первая красавица советского кино Алла Ларионова. Ее встречали особенно восторженно. Вот как об этом вспоминает Ю. Славич:

«Я был на том кинофестивале и помню, как люди реагировали на появление Ларионовой. Мы выступали во многих местах: на ткацкой фабрике, выпускающей ковры ручной работы, в медицинском институте, на погранзаставе. И всюду — толпы, жадущие соприкоснуться с актрисой. И всюду — цветы, цветы, цветы... Не могу забыть ткацкий цех. У станков сидят женщины разных лет. Тяжелый труд. Заняты своим делом. На нас не обращают внимания. Киношники приходят и уходят, а им нельзя ошибиться. Внимательно следят за создаваемым узором.

И вдруг все преобразилось. Их лица засияли улыбками, они выключили станки. Глаза заблестели. Образовали около Ларионовой круг. Одна из женщин подошла к актрисе, взяла за руку и, нежно глядя, сказала: «Я счастлива, что стою рядом с женщиной, которая своей красотой в тяжелые минуты моей жизни давала мне силы, скрашивала серость мрачных дней. Да хранит вас Аллах. Я хочу поцеловать вас». Нужно было видеть, как радовались стоящие вокруг женщины, как аплодировали.

Нашу делегацию провожали до ворот фабрики, а там огромная толпа вновь встречала. Беспроволочный телеграф четко сработал: «Алла Ларионова в гостях». С соседних улиц бежали женщины, неся в руках цветы, сорванные в своем дворе, фрукты, курагу, стараясь протиснуться поближе...

Хочется вспомнить и еще несколько моментов этой поездки: актовый зал медицинского института переполнен. Ларионова буквально пробивалась к сцене, а когда появилась на ней, сидящие в зале стали передавать букеты цветов. Гора цветов заполнила сцену. Аплодировали профессора, доценты, кандидаты, врачи, студенты. Встреча продолжалась более двух часов, и никто не покинул зал. И это при жаре более 25 градусов...

Едем на погранзаставу. Проезжаем места, где проходили съемки любимого народом фильма «Офицеры» режиссера Владимира Рогового.

Солдаты радовались, что встреча не сорвалась. За несколько дней до нашего приезда им из Ашхабада привезли фильмы, среди которых была и «Двенадцатая ночь».

Расселись за солдатским столом. Обедаем. Борщ. Сало. По случаю встречи угостили и водочкой. Вышли во двор. Солдаты, офицеры, их жены и дети — все просят сфотографироваться с Аллой Ларионовой.

Пошли на границу посмотреть на Иран. На другой стороне, внизу под нами, тоже погранзастава. На нашей стороне собралось около пятидесяти человек: военные, гражданские лица. Мужчины, женщины. На иранской границе заволновались: что происходит у русских? И на их стороне тоже образовалась толпа военных, смотрящих на нас в бинокли...

Стоит отметить, что в то время как благодарный зритель помнил своего кумира, отечественные режиссеры про нее напрочь забыли: в те годы Алла Ларионова практически не снималась в кино. Достаточно сказать, что в 1979 году на экраны вышла всего лишь одна картина с ее участием — телефильм «Атланты и кариатиды».

В первой половине мая в столичных кинотеатрах прошли следующие премьеры: 7-го в прокат вышла драма Самсона Самсонова «Торговка и поэт» с участием Натальи Андрейченко, Виктора Жиганова, Виктора Павлова и др.; 14-го — мелодрама Бориса Григорьева «Кузнецик» с участием Людмилы Нильской, Николая Иванова, Марины Левтовой и др. Из новинок зарубежного кино выделю американский фильм «Клеопатра», который шел в двух крупнейших московских кинотеатрах — «Октябрь» и «Россия».

Кино по ТВ: «Королевская регата» (1-го), «Два капитана» (1—2, 5-го), «Романс о влюбленных» (впервые по ТВ 2-го), «Трое в лодке, не считая собаки» (премьера т/ф 4-го), «Великая Отечественная», фильм 1-й «22 июня» (премьера д/ф 5-го), «Волшебная лампа Аладдина» (6-го), «Поезд милосердия» (7-го), «На пути в Берлин» (8-го), «Мой генерал» (премьера т/ф), «Великая Отечественная», фильм 2-й — «Битва за Москву» (премьера д/ф), «Вальс» (9-го), «Баллада о солдате» (11-го), «Тайна партизанской землянки» (впервые по ТВ), «На пороге бури» (12-го), «Быть братом»

(12—13-го), «Гамлет Шигровского уезда», «Великая Отечественная», фильм 3-й (премьера д/ф) (15-го) и др.

Театральные премьеры: 8-го во МХАТе был показан спектакль «Деньги для Марии» с участием Николая Засухина, Т. Ленниковой, К. Головки и др.; 12-го в Театре имени Гоголя — «Дуэль»; 15-го в драмтеатре имени Станиславского — «Взрослая дочь молодого человека» с участием Эммануила Виторгана, Альберта Филозова и др.

Эстрадные представления: 1—9-го во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты, где выступали Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова, Галина Ненашева, ВИА «Поющие сердца» и др.; 6—7-го в ЦДКЖ прошли спектакли «Зависит от нас» (Дерево жизни) с участием Аркадия Райкина; 9, 12—13-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Элины Быстрицкой, Геннадия Дудника, Евгения Петросяна, Марии Лукач и др.; 11—13-го в «Октябре» выступал ВИА «Голубые гитары»; 14-го в Центральном доме актера прошел вечер «Актер у микрофона», в котором приняли участие знаменитые радиодикторы страны Юрий Левитан (он вел вечер), Николай Литвинов (голосом этого сказочника наслаждалось не одно поколение советских детей).

Популярная польская певица Анна Герман вновь гастролирует по СССР — на этот раз она посетила столицу Киргизии город Фрунзе. Средняя Азия для певицы — родная сторона: она родилась в узбекском городе Ургенче и очень хочет хотя бы на несколько часов вырваться из Фрунзе туда. Однако плотный график гастролей не позволяет ей это сделать — за неделю она должна дать 14 выступлений, из-за чего даже пришлось отменить все банкеты и приемы. Своих зрителей певица подвести не может: люди специально приезжают из отдаленных горных районов, чтобы увидеть и услышать ее, готовы переплачивать за билеты любые деньги.

Герман в этой поездке сопровождает инструментальный ансамбль, составленный из студентов музыкального училища. Те впервые выступают с ней и просто в шоке: такого ажиотажа они просто не ожидали. Они с восторгом наблюдали за тем, как народ ломится на кон-

церты Анны Герман, которую в Польше считают если не заурядной, то вполне обычной певицей. Видели бы поляки, как ее встречали во Фрунзе!

Во французском городе Канне в те дни завершил свою работу XXXII Международный кинофестиваль (стартовал 10 мая). От Советского Союза в нем участвовало два фильма клана Михалковых: «Сибириада» Андрея Михалкова-Кончаловского (в конкурсе) и «Пять вечеров» Никиты Михалкова (вне конкурса). Вместе с братьями на фестивале также присутствуют председатель Госкино Филипп Ермаш и актриса Наталья Андрейченко. В конкурсе было представлено 22 фильма, но основным конкурентом «Сибириады» в борьбе за Золотую пальмовую ветвь было не менее масштабное кинополотно американского режиссера Фрэнсиса Форда Копполы «Апокалипсис наших дней», посвященное войне во Вьетнаме. В разгар фестиваля вспыльчивый американец разругался с организаторами смотра и куда-то укатил. Когда закончились конкурсные просмотры и жюри во главе с Франсуазой Саган готово уже было объявить победителя, советская делегация собралась в номере Ермаша. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Андрон страшно нервничал. Мы накрыли стол, открыли бутылку. Неожиданно в комнату ворвался неизвестно откуда взявшийся Коппола, начал трясти Андрона за руку, крича, что он видел фильм и восхищается Кончаловским. Потом залез в салат пальцем, облизал его и так же загадочно исчез, как и появился.

Первый приз взял «Апокалипсис», вторая премия досталась Кончаловскому. Мы не расстроились. Фильм Копполы действительно был очень сильным. Познакомившись, я попросил Фрэнсиса привезти фильм на Московский международный фестиваль. Обещание он сдержит...»

Непростое время переживал в те дни классик отечественного кинематографа режиссер Леонид Трауберг. Придя в кино в начале 20-х, он основал вместе с Григорием Козинцевым знаменитую Фабрику эксцентрического актера (ФЭКС), из которой вышли многие звезды отечественного кино. Трауберг снял такие хиты, как «Шинель» (1926), «Новый Вавилон» (1929), «Трилогию о Максиме», за которую

был удостоен Сталинской премии в 1941 году. Однако в середине 70-х Трауберг впал в немилость и был отлучен от кинематографа. Почти пять лет он стойчески выносил это отлучение, после чего решил апеллировать к руководству Госкино. 19 мая он написал письмо Ф. Ермашу, в котором говорилось следующее:

«Обращаюсь к Вам как к руководителю советской кинематографии, в которой проработал полвека.

За это время я пережил два отлучения от кино, второе — пять лет назад. Наказание за мои проступки было в немалой степени обоснованным...

Но ужасно полное лишение работы. Сделано все, чтобы закрыть передо мною все двери. Бойкот. Зачеркивание пусть небольшой моей роли в кино. В конечном счете измывательство.

За что?

Политически, творчески я ничего плохого для своей родины, для советской власти не совершил. Легенда о моем «космополитизме», космополитизме человека, в основном создавшего образ Максима, — явление определенной эпохи. Неужели ей нет конца?

Очень возможно, что Вы пройдете мимо моего письма. Осуждать Вас за это не могу. Всегда считал и буду считать ленинскую партию самой человеческой, самой справедливой.

Но не написать Вам о доводящем до отчаяния своем положении не мог.

Простите».

Судя по всему, опала с Трауберга была снята. Во всяком случае, вскоре после этого послания — в начале июня — по ЦТ покажут его легендарную трилогию про Максима, которую давно не показывали.

Москва буквально плавится от жары: 18 мая ртутные столбики термометров достигли отметки в 31 градус тепла. В последний раз нечто подобное происходило в столице более 80 лет назад — 18 мая 1897 термометры показывали температуру в 29 градусов.

В субботу, 19 мая, в Тбилиси, при огромном стечении публики, сборная СССР по футболу играла очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы. Нашим футболистам противостояли спортсмены из Венгрии. Нас устраивала только победа, поскольку только такой исход мог вытащить нас с последнего места в подгруппе. Но увы, увы, увы... Наши

футболисты играли из рук вон плохо: Олег Блохин, на которого делалась главная ставка, за весь матч практически не создал ни одного опасного момента у ворот соперника, да и другие его партнеры выглядели не лучшим образом. Например, Александр Бубнов и вовсе учудил: заработал удаление. В итоге матч закончился позорной для нас ничьей. С тремя очками наша сборная так и осталась на последнем месте (на первом расположилась команда Греции, у которой было 5 очков).

В тот же день в Ашхабаде завершил свою работу 12-й Всесоюзный кинофестиваль. Главный приз достался двум лентам: политическому фильму Витаутаса Жалакявичюса «Кентавры» (про путч в Чили в 1973 году) и социальной мелодраме Ланы Гогоберидзе «Несколько интервью по личным вопросам». Особого приза за исторический фильм был удостоен «Емельян Пугачев» Алексея Салтыкова. Призы в других номинациях распределились следующим образом: лучший фильм на историко-революционную тему — «Кровь и пот», лучший фильм о жизни села — «Среди людей», «Чужое счастье», «Жнецы», лучший приключенческий фильм — «Поговорим, брат...», «Крепость», лучшая комедия — «Шла собака по роялю», лучший фильм на морально-этическую тему — «Цветение несеяной ржи». Специального диплома фестиваля удостоена документальная эпопея «Великая Отечественная».

Лучшими актерами признаны: Сергей Бондарчук («Отец Сергей»), Анна Каменкова («Молодая жена»), Андрей Ростоцкий («Конец императора тайги»).

24 мая в ЦК КПСС на Старой площади состоялся просмотр фильма Элема Климова «Агония». Как мы помним, эта многострадальная картина была снята еще пять лет назад, но по идеологическим соображениям положена на полку. В течение этих лет и сам режиссер, и руководство «Мосфильма» пытались добиться выхода фильма на экран, но тщетно. Наконец после того как западная пресса подняла очередную волну в защиту «Агонии», Госкино распорядилось, чтобы Климов в очередной раз доработал ленту, выбросив из нее наиболее одиозные куски. Этот вариант и был представлен на суд идеологов ЦК. Говорят, просмотр проходил при гробовой тишине. Присутствовавший на нем глава Госкино Филипп Ермаш, ко-

торый и выступил инициатором выпуска фильма на экран, сразу понял, что дело «швах». Чутье его не обмануло. Едва в зале включили свет, первое, о чем спросили Ермаша, было: «А нам это нужно?». Ермаш не успел еще и рта открыть, как сам же спрашивающий и ответил: «Нам это не нужно». «Агония» осталась лежать на полке.

25—26 мая в «Маленьких трагедиях» начали снимать сцены «в доме Доны Анны». Помните, Дон Гуан навещает Дону Анну в ее доме, пылко признается ей в любви. Как вспоминает Н. Белохвостикова: «Чувствовала я себя в те дни скверно. Я тяжело болела. Сначала грипп с высокой температурой, потом с совсем низкой: 35 градусов! Давление было сто на девяносто, и меня постоянно кололи камфорой, чтобы я поднималась и шла сниматься. Софья Абрамовна Милькина (жена режиссера фильма М. Швейцера. — Ф. Р.) привозила отвары из каких-то полезных трав, хотела даже, чтобы я у нее пожила в такое трудное для меня (и для съемок!) время. Но я жила дома, меня привозили — отвозили, я почти не вставала. Так и снималась. А Володя Высоцкий мне очень сочувствовал. Он понимал мое состояние. То ли потому, что уже и сам был далеко как не здоровым, то ли оттого, что он, с его особой нервной организацией, понимал каждого человека, с которым общался. Он все время поддерживал мой упавший дух, что называется, не давал мне «завянуть». Он перетаскивал меня с места на место, так и носил по всей студии, когда я была мало транспортабельна. А это случалось часто. «Ну, давай, — говорил, — я тебе стихи читаю». Он прямо на ходу импровизировал, посвятил мне много стихов. Я страшно хотела сохранить его стихи на память и просила его: «Перепиши и подпиши мне!» Он клятвенно обещал, но обязательно хотел их подработать, подшлифовать. Не успел! Наизусть, при таком плохом самочувствии, я ничего специально не стала запоминать. Да и не смогла бы...

У него никогда не было времени. Он постоянно опаздывал, всех этим волновал, но — ни разу не опоздал. Я, например, одета, загримирована, нам с ним сниматься, мы ждем, мы в напряжении, а его — нет! Вдруг слышим — идет, грохочет и сапогами, и голосом своим сипатым! Кстати, у меня от болезни тоже был то-

гда сипатый голос, и это всех смешило, такое забавное совпадение между Доной Анной и Дон Гуаном! Потому я и говорила почти вполголоса, и это потом хорошо сыграло на образ моей героини. Словом, вот он, пришел! Никто не выговаривал ему за такое, все сразу расцвели: ура, Володя пришел!! Его любили и мы, его любили и незнакомые ему люди, совсем посторонние. Бывало, поздно съемки кончались, даже и в двенадцать ночи, и у нас у всех в машинах бензин иссяк, — в спехе и он забывал об этом заблаговременно побеспокоиться. Наверное, потому и забывал, что для него у людей всегда и все было открыто, только скажи. В бензозаправках, близлежащих от мест наших съемок, не было давно ни капли бензина — ночь на улице! А ему всегда наливали, как только он подъезжал на своем «Мерседесе». Даже слова не успевал сказать, а увидев эту кепочку и услышав его приветствие, произнесенное низким голосом с хрипотцой, со всех ног бежали со шлангом, счастливые тем, что ему что-то от них надо...»

В субботу, 26 мая, в Москву на гастроли приехал знаменитый британский рок-н-ролльный соловей Элтон Джон. Это был его первый приезд в Советский Союз, поэтому ажиотаж вокруг этого события был грандиозный. По своим масштабам он был сравним разве что с гастролями его земляка Клиффа Ричарда (1976) и западногерманской поп-группы «Бони М» (1978). Элтон Джон был автором 17 альбомов (с 1969 года), однако ни один из них до его приезда в СССР издан у нас не был, что крайне напрягало певца. Ему казалось, что в СССР его плохо знают, что публика на него не пойдет. А когда вышел на первый ленинградский концерт (именно с Питера начались его гастроли в нашей стране), ошалел — зал был забит битком. Нет, зря он волновался — советская молодежь его хорошо знала. Взять хотя бы меня: в моей коллекции хоть и не было ни одного альбома Элтона Джона, но гибкую пластинку из «Кругозора» (июль 77-го) с его суперхитом «Прощай, желтая кирпичная дорога» я заездил до скрипа.

Элтон Джон приехал в Москву утром крайне усталым. Сразу спросил у встречающих его чиновников из Госконцерта, куда его определили жить. Те ответили, что в «Интуристе». На

что Джон возразил: «Нет, я хочу жить в «Метрополе». Причем сказал это таким тоном, что встречающие поняли — никакие возражения не принимаются. Короче, отвезли гостя туда, куда он пожелал. А тот, едва побросав вещи в номер, сразил хозяев новым заявлением: мол, хочу сходить на футбол. Наши чиновники, конечно, знали, что Джон является страстным почитателем этой игры (у себя на родине он являлся председателем Уотфордского футбольного клуба), однако не думали, что он захочет отправиться на стадион прямо с поезда. Но и это желание гостя пришлось выполнять. Певца повезли на стадион «Динамо», где в тот день столичные динамовцы принимали ташкентский «Пахтакор». Говорят, Элтон Джон болел за гостей, но им это не помогло — они проиграли 0:2.

В эти же дни в Москве гостит и польская певица Анна Герман. После гастролей в Киргизии она приехала сюда, чтобы участвовать в записи телевизионной передачи «Музыкальный глобус». После этого она должна была продолжить свои гастроли по Советскому Союзу. Но последним планам не суждено было осуществиться — у Герман случился приступ. Прямо в холле гостиницы «Москва». Герман спустилась туда, чтобы ехать в «Останкино» на запись, как вдруг у нее закружилась голова, в глазах потемнело. Она рухнула на пол, а сопровождающие ее люди тут же послали за врачом. Тот явился незамедлительно, поскольку в гостинице был медпункт. Сделал певице укол от гипертонического криза. Прописал постельный режим в течение нескольких дней. Все эти дни друзья старались как можно чаще навещать Герман: привозили из дома вкусные вещи, специально приготовленные для певицы. Когда к Герман вернулись силы, она тут же уехала в Польшу, где ее ждал муж и сын — маленький Збышек.

Сексуальный маньяк Анатолий Нагиев, который отбывает наказание за уголовное преступление в поселке Чикшино (как мы помним, он сначала сидел в колонии, а затем, за хорошее поведение, был определен на поселение) и который в январе этого года совершил убийство гражданки Демьяновой в Печоре, 28 мая совершил новое убийство на сексуальной почве. На этот раз преступление произошло прямо в поезде, в котором Нагиев ехал из Чикшино в ту

же Печору. Пострадавшей была старший бухгалтер Сосногорского ССМУ, которую судьба определила ехать в одном купе с 21-летним душегубом. Далее послушаем рассказ самого маньяка:

«Когда я стал просить эту женщину вступить со мной в половую связь, то она вначале отказывалась. Однако я стал настаивать. Я стал совершать половой акт в извращенной форме. Она попыталась сопротивляться. Тогда я схватился руками за шарф, который находился у нее на шее, и задушил ее. После этого я повернул ее на спину и дважды ударил ножом спереди... Затем совершил с ней половой акт в извращенной форме. Снял с нее серьги золотые с жемчугом, два или три золотых кольца...»

Совершив свое черное дело, маньяк затолкал труп в рундук купе, привел себя в порядок, после чего через нерабочий тамбур прошел в другой вагон, а оттуда — на улицу. И в этот раз задержать его по горячим следам не удастся.

28—29 мая в «Маленьких трагедиях» продолжали снимать сцены, где Дона Анна принимает у себя дома Дон Гуана. В разгар этого свидания туда является покойный муж неверной женщины в образе каменного изваяния, сошедшего с могильного постамента. Увидев его, Дона Анна падает замертво, а Дон Гуан погибает от длани Каменного гостя. Таким образом, последней ролью Владимира Высоцкого стала роль, где он умирает. По театрально-киношным меркам — примета плохая. После таких ролей уходили из жизни многие артисты: Евгений Урбанский, Василий Шукшин, Ефим Копелян и многие другие. Как мы теперь знаем, этот список суждено будет пополнить и Высоцкому: он умрет через 14 месяцев после того, как пожмет руку Каменному гостю.

29 мая на Киностудии имени Горького режиссер Борис Григорьев приступил к съемкам детектива «Петровка, 38» по одноименной книге Юлиана Семенова. Книга была написана еще в 60-е годы и все это время терпеливо ждала, когда до нее доберутся киношники. Добрались. На роль сыщиков были выбраны звезды советского кино двух поколений: старшего — Василий Лановой (Костенко), Георгий Юматов (Садчиков), молодого — Евгений Герасимов. На роль злодеев были выбраны не менее хорошие актеры: Николай Крюков (Прохор) и Михаил Жигалов (Сударь).

Тем временем в Москве, в Государственном центральном концертном зале «Россия» проходят концерты Элтона Джона. Свободных мест в зале, естественно, нет. Знаменитый певец выглядел на сцене более чем скромно: на нем были розовые штаны, небрежно заправленные в сапоги, куртка, мешком висящая на плечах, полосатая кепка. Короче, вид, прямо скажем, не вдохновлял. Кроме этого, помимо самого Элтона Джона на сцене был всего лишь один музыкант — Рэй Купер с набором перкуссии. И многие, пришедшие на эти концерты, были разочарованы: они хотели услышать хиты знаменитого певца в более рок-н-рольной обработке. Чуть позже в «Комсомольской правде» будут опубликованы отклики зрителей на эти концерты, где мнения разделятся: одни будут хвалить знаменитость, другие ругать. К примеру, группа студентов из Москвы писала: «Рок-н-ролл как музыкальное течение уже устарел. Эта музыка, возможно, нравится подросткам 15—16 лет. Мы ожидали большего — уж слишком много обещали меломанам».

А вот другие впечатления. В. Богатырев: «Особого впечатления я не получил. Слишком много шума. На мой взгляд, в Москве выступали более интересные исполнители...»

Студент А. Зыкин: «Игра на фортепьяно превосходна, чего нельзя сказать о голосе Элтона».

31 мая из Москвы на гастроли уезжали два столичных театра: МХАТ (в Киев) и «Таганка» (в Минск). Высоцкого на Белорусский вокзал вызвалась провожать его любимая Оксана Афанасьева. Однако буквально за несколько минут до отправления поезда Высоцкий внезапно уговорил девушку отправиться с ним: мол, всего лишь на несколько дней. Оксана попробовала было отказаться, но надо было знать Высоцкого — он кого хочешь уломает. Главным аргументом в его устах было то, что впереди влюбленных ждали почти два месяца разлуки: в конце июня она должна была уехать в Ленинград на практику, а он к жене в Париж. Короче, девушка поехала. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Мы заплатили проводнице и уселись в купе. Заходит проводница с чаем, улыбается, а у нее полон рот золотых зубов. Смотрит она на Володю и говорит: «А я вас где-то видела. Вы,

наверное, артист?» «Да нет, — отвечаю, — он зубной техник, его все время путают с каким-то артистом». Проводница страшно обрадовалась и давай жаловаться, какой мост у нее сломался да какой зуб болит. Володя внимательно смотрел ей в рот и приговаривал: «Ну, там у вас действительно что-то не в порядке. Вы приходите ко мне в кабинет, я вам обязательно помогу». Когда проводница наконец удалилась, мы чуть не умерли со смеху...»

Леонид Брежнев в те дни находился с официальным визитом в Венгрии. 31 мая он выступил с трибуны тамошнего парламента. Этому выступлению предшествовал курьезный случай. Вот как об этом вспоминает телохранитель генсека В. Медведев:

«Утром Леонид Ильич произнес речь и текст ее вернул К. Русакову, работавшему тогда в его аппарате. В 12 часов дня Брежнев должен был выступать перед парламентом Венгрии. За несколько минут до выхода Александров и Русаков передали ему запись речи и направились спокойно в соседнюю комнату выпить кофе. По дороге в президиум он на ходу обнаружил вдруг, что в руках у него — утренний доклад. Леонид Ильич растерянно обернулся и, увидев меня, дал знак подойти. В мгновение я оказался рядом, он протянул мне бумагу и произнес единственное слово:

— Где?!

Я пробежал глазами первые строки, с ужасом понял, что произошло, и, сорвавшись с места, кинулся искать помощников. Увидев меня, оба поняли: что-то случилось. «Где выступление?» — спросил я. «У Леонида Ильича, я отдал ему», — ответил Русаков. «Посмотрите у себя». Дрожащими руками Русаков вынимал из кармана листы, повторяя, что это уже использованный доклад. Я буквально выхватил страницу, глянул текст и кинулся обратно к шефу. Заседание уже началось, двери были закрыты, хорошо, что венгерская охрана знала меня. Я едва успел войти, как председательствующий объявил выступление Генерального секретаря ЦК КПСС.

Момент был напряженнейший. Опоздай я, Брежнев стоял бы на трибуне, как глухонемой.

К счастью, никто из окружающих ни о чем не догадался...»

В поселке Балабино Запорожского района поздним вечером 31 мая произошло убийство. Жертвой ненормального садовода оказалась 18-летняя местная жительница Светлана Остапенко. В тот день она вместе со своей двоюродной сестрой десятиклассницей Наташей Гosenко отправилась в кино. Сеанс закончился поздно, но домой девушки не спешили — погода на дворе стояла теплая. Проходя мимо какого-то сада, Светлана предложила сестре попробовать вишни, которые спелыми гроздьями свисали с веток. Наташа попыталась ее отговорить — дескать, можно нарваться на хозяина, — но сестра ее не послушала и смело перелезла через ограду. Она успела сорвать лишь несколько ягод, когда прямо перед ней вырос мужчина с охотничьим ружьем наперевес. Это был хозяин сада инженер-механизатор Запорожского лесхоззага Николай Петренко. «Ах ты, гадина! — закричал он на девушку. — Я, значит, вишни ращу, а ты их срываешь?!» «Дяденька, я только чуть-чуть...» — начала оправдываться Светлана, но договорить не успела — заряд дробы буквально прошил ей грудь. Девушка умерла еще до приезда «Скорой помощи».

Об этом случае позднее напишет «Комсомольская правда», вызвав бурю откликов со всей страны. Практически все писавшие требовали для убийцы сурового приговора. Так собственно и произойдет: Петренко приговорят к расстрелу. Как писала газета, это был типичный стяжатель, помешавшийся на мечте о богатстве: он продавал вишни на рынке по три рубля за кило и сумел сколотить на этом деле неплохое состояние. У него было два автомобиля (новенькая «Волга» и «Москвич»), гараж и аж три (!) дома. Как писала газета: «Стяжательство тем и страшно, что копейка становится мерилем всего, в том числе и самой жизни». В заключение сообщу, что у погибшей сиротой осталась 10-месячная дочь.

Во второй половине мая в столичных кинотеатрах демонстрировались следующие новинки кино: 18-го в прокат вышла киноверсия телефита Яна Стреча «Театр» с Вией Артмане в главной роли; 28-го — «Последний шанс» Эдуарда Гаврилова с участием Леонида Каюрова, Марины Левтовой, Андрея Мартынова и др., «Любовь и ярость» Равиля Батырова и Жико

Ристича с участием Фарука Беголли, Михаила Кононова и др., «Безбилетная пассажирка» Юрия Победоносцева с участием Татьяны Догилевой, Константина Кравинского и др. Из зарубежных новинок выделю итальянскую комедию «Блеф» с Андреано Челентано в роли ловкого карточного шулера и французскую приключенческую ленту «Человек в железной маске» (оба — с 21-го).

Кино по ТВ: «Амангельды» (16-го), «Фотографии на стене» (премьера т/ф 16—17-го), «Кето и Котэ» (17-го), «Великая Отечественная», фильм 4-й (премьера д/ф), «Пограничная тишина» (18-го), «Операция «Трест» (19—20, 26—27-го), «Новый Гулливер», «Семь этажей для тысячи желаний» (премьера т/ф 20-го), «Великая Отечественная», фильм 5-й (премьера д/ф), «Верись, не верись» (22-го), «Великая Отечественная», фильм 6-й (премьера д/ф 23-го), «Самый жаркий месяц» (23—25-го), «Златовласка» (ЧССР), «Гранитные острова» (27-го), «Нападение на тайную полицию», «Тринадцать» (28-го), «Великая Отечественная», фильм 7-й (премьера д/ф 29-го), «Три женщины» (Италия, 29—31-го) и др.

Из театральных премьер выделю две постановки Малого театра: 16-го на его сцене был показан спектакль «Потерянный рай» с участием Ивана Любезнова, Вячеслава Езепова и др.; 19-го — «Король Лир», где Лира играл Михаил Царев, в остальных ролях были заняты Николай Анненков, Евгений Самойлов, Евгения Глушенко и др.

Эстрадные представления: 19-го в ГТЭ гастролеровал грузинский ВИА «Мзиури»; 19—20-го в ГЦКЗ «Россия» — эстрадный ансамбль «Ритмы планеты»; 22—23-го в ГТЭ пела Галина Ненашева; 26-го — в ГЦКЗ состоялись концерты с участием Майи Кристалинской, Галины Каревой, Марии Кодряну, Светланы Резановой, Екатерины Шавриной, вокального квартета «Аккорд» и др.; 29-го в «Энтузиасте» выступал ВИА «Лейся, песня»; 30-го в ДК МАИ — оркестр Олега Лундстрема; 31-го в ГЦКЗ пела болгарская певица Лили Иванова.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову диск-гигант ВИА «Лейся, песня» с песнями «Шире круг» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Последнее письмо» (С. Туликов — М. Плячковский), «Есть на Севере хороший городок»

(Т. Хренников — В. Гусев), «Нам с тобою по пути» (Р. Майоров — Д. Усманов), «Ты всех нужней» (В. Добрынин — И. Кохановский), «Белка в колесе» (В. Кретов — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Как мы любили» (В. Добрынин — И. Шаферан), «Около дома» (И. Якушенко — Я. Гальперин);

диск-гигант ВИА «Здравствуй, песня» — «Чем не жених» (Я. Френкель — И. Шаферан), «Где же ты была» (В. Добрынин — Л. Дербенев), «Странный сон» (Б. Майоров — М. Рябинин, И. Шаферан), «Девчонка из квартиры 45» (А. Мажуков — М. Пляцковский), «Все сбудется» (А. Хаславский — Я. Гальперин) и др.

Вышли также миньоны: «Песни Александра Зацепина из х/ф «Повар и певица»: «Если долго мучиться» (слова — Л. Дербенев) — Алла Пугачева, «Бармалей» (Ю. Энтин) — Михаил Боярский; «Поет ВИА «Верасы» с песнями: «Анита» (мексиканская нар. песня — русский текст С. Давидовича), «Белая береза» (В. Семенов — П. Федин), «Немое кино» (В. Раинчик — В. Орлов), «Белая бумага» (О. Фельцман — Н. Олев).

В журнале «Кругозор» (№ 5) выделю пластинку английской группы «Братство людей» с песнями: «Сохрани свою любовь для меня» (Хиллер — Шеридан — Ли), «Поцелуй меня» (Барри Блю).

1979 Июнь

Владимира Высоцкого уговорили выступить с концертами в Минске. Великого тенора Ивана Козловского выгнали с Пушкинского праздника. Наша жвачка... хуже всех. Женя Кафельников меняет тренера. «Москва слезам не верит»: просмотр в Госкино. Террорист из Клина. У Высоцкого приступ. Как оправдали невольного убийцу Леонида Быкова. Горбачев и Суслов на прогулке. Убийство в Шахтах. Евгений Мартынов попался на удочку афериста. Высоцкий теряет роль. Брежнев в Вене: неудачная вылазка в город. Премьера «Сталкера» в Доме кино. Сходка в Кисловодске: воры и «цеховики» делят страну. Приключения Япончика в Риге. Жемчуг для Щелокова. Брежнев в Вене: подавился льдом. «Пираты XX века»: съемки в Судаке. Кто спас капитана «Терека» — спасли от смерти. Мои заводские университеты. Брежнев и Картер целовались. Советский журналист вступает за Брежнева. «Золотой Орфей»: наши вторые. «Город принял»: в доме и на стройке. Грабительницы из Ленинграда. «Сыщик»: съемки в лесу. «Экипаж»: в погоне за Жженовым. «Сыщик»: удар ниже пояса. Едва не погиб Михаил Боярский. Очередное убийство казахстанского людоеда. «Советская Белоруссия» против Театра на Таганке. Грустный выпускной Артема Боровика. Всеволод Бобров: за день до смерти. Хит-парад лучших песен. Трагедия в Московской области.

Театр на Таганке находится с гастролями в Минске. Тамошние почитатели творчества Владимира Высоцкого, естественно, не могли упустить шанс уговорить его дать здесь несколько концертов. Сам Высоцкий ехал туда исключительно как актер театра и никаких концертов не планировал. Эта идея возникла у членов минского общества книголюбов, которые еще до приезда театра арендовали зал в «БелНИИгипросельстрое», вмещающий 700 посадочных мест. Когда проблема с залом была утрясена, дело осталось за малым — уговорить самого Высоцкого. Для этого дела 2 июня в Дом офицеров, где выступала «Таганка», был отряжен «книголюб» Лев Лисиц.

Когда он вошел в зал, там всю шла репетиция. Высоцкого Лисиц никогда до этого живьем не видел, однако довольно быстро нашел — по его баритону. Когда в репетиции возникла пауза, гость осмелился подойти к артисту и представиться. Затем речь зашла непосредственно о концертах. Высоцкий сообщил, что

краем уха уже слышал о том, что его собираются пригласить выступить в Минске, но не знает, где именно. Лисиц уточнил: в одном НИИ, в зале на семьсот человек. И спросил насчет оплаты. Тут Высоцкий внезапно заявил, что если его очень попросят, то он готов выступить один раз, но бесплатно. Лисиц удивился: «У нас в институте работает тысяча триста человек. Каждый хочет пригласить семью и своих друзей. Нам нужно, чтобы вы выступили хотя бы пять, а то и десять раз, чтобы все могли послушать вас». Услышав это, Высоцкий улыбнулся и сказал, что готов выступить, сколько требуется. «Выступать я буду с Иваном Бортником, — сообщил он. — Так что вопрос оплаты обговаривайте с ним». И он указал на человека у рояля.

Бортник был немногословен: узнав, что от него требуется, он назвал сумму гонорара за концерт: 300 рублей Высоцкому и 100 — ему. Лисица эта сумма вполне удовлетворила. Он вернулся к Высоцкому и сообщил ему дату

первого концерта: 9 июня, в полшестого вечера. И при этом спросил: «У нас все будет «класс»? Высоцкий ответил коротко: «У меня всегда все «класс»!

В воскресенье, 3 июня, тысячи людей приехали в село Михайловское Псковской области, чтобы отдать дань почтения великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, которому через три дня исполняется 180 лет. Как писали тогдашние газеты: «Тысячи людей приехали в заповедное пушкинское село. Гости совершили путешествие по музеям и паркам заповедника, побывали на концертах мастеров искусств, на выставках, приняли участие в музыкально-поэтическом фестивале, возложили венки и цветы к могиле поэта в Святогорском монастыре». Однако о том, что творилось за кулисами этого мероприятия, газеты, естественно, не сообщали. Зато писатель Юрий Нагибин, который частенько навещался в те места, записал в своем дневнике следующие наблюдения:

«Севка Смирнов подсчитал, что после праздника поэзии в день рождения Пушкина на территории заповедника остается 13—15 тонн говна, поскольку уборных нет. Аллею Керн так утрамбовали ногами экскурсантов, что стали помирать старые липы, помнившие шаги влюбленного поэта и его дамы. Сюда закрыли доступ. Ель-шатер давно спилили, что-то недоброе происходит и со «скамьей Онегина». Говорят, что массовые празднества необходимы Гейченко (руководитель заповедника. — Ф. Р.), чтобы получать ссуды на совершенствование заповедника. А для чего его совершенствовать? Неужели для того, чтобы обвить дуб медной цепью, напихать в Петровское мебель из комиссионных магазинов, поставить часовню и мельницу не там, где следовало и не тех габаритов? Ведь лучшая память Пушкину — сохранившийся неизменным пейзаж вокруг Михайловского: речка Сороть, озеро Маленец, курган Воронич, пойменные луга, лес, заветная сосна на бугре. И зачем нужны толпы пьяниц, которым нет никакого дела до Пушкина? Вся эта нездоровая шумиха творится Семенов Степановичем на потребу собственному честолюбию и тщеславию. Его сильной, деятельной, одаренной натуре со слабым творческим началом необходимы треск, блеск, праздники, успех. Власть тоже любит все это — ими-

тацию культуры, и охотно пошла ему навстречу. Сейчас он хочет превратить заповедник в Международный центр пушкиноведения. Жульническая мысль, крайне соблазнительная для жульнической власти. Гейченко натура не трагическая, скорее шутейная. И все-таки с ним интересно, без него жизнь станет куда тусклее.

Некрасивая история с И. С. Козловским. Его больше не приглашают на пушкинские празднества за то, что он спел «Богородице Дево, радуйся» в Святогорском монастыре. Гейченко резонно сказал на бюро обкома: коль не возбраняется петь «Аве, Мария», то почему нельзя петь это по-русски? Присутствующие не поняли, что он имеет в виду, и великого певца забраковали. Восьмидесятилетний Козловский вкладывал душу в пушкинские торжества, пел перед многотысячной толпой, пел с детским хором, вносил артистизм в паскудное действо, был на редкость трогателен в своем энтузиазме. И ему дали под зад коленом. До чего же не уважают власти своих граждан, даже самых заслуженных, признанных. Одна промашка — мнимая к тому же! — и все насмарку: многолетняя служба, преданность, блеск таланта. Зато себе прощают абсолютно все: бездарность, некомпетентность, невежество, алчность, пьянство, аморальность...»

В июне большая радость пришла на улицу российских подростков: родная пищевая промышленность наконец-то начала выпуск отечественного «чунгама», то бишь жевательной резинки трех сортов: клубничной, апельсиновой и мятной. Сегодняшняя молодежь относится к жвачке как к обычному продукту, поэтому ей трудно понять, что она значила для советского подростка. А значила она не просто много, а жутко как много. Из-за нее, проклятой, даже трагедии случались. Мы помним, как в 75-м году во Дворце спорта «Сокольники», после матча юниорских хоккейных команд СССР и Канады, во многом именно из-за жвачки случилась давка и погибли несколько десятков подростков. Да будь в советских магазинах эта жвачка в продаже (пускай даже отечественная), ничего подобного наверняка бы не произошло.

Советская промышленность начала выпускать свою жевательную резинку только в конце 70-х: первыми это сделали в Прибалтике, на Калевской кондитерской фабрике. Однако до

России эта жвачка если и доходила, то удовлетворить всех запросов просто не могла. Вот почему было принято решение выпускать ее и в России, на кондитерской фабрике «Рот фронт» в Москве. В июне там было выпущено первые 30 килограммов жвачки, которую чуть позже развезли в столичные магазины. Очереди выстроились километровой. Но лично мне наш «чунгам» не понравился: он был жестковат и после трех минут активного жевания терял весь свой вкус. То ли дело «Wrigley's» — мягкий, пахучий. А ведь наша жвачка выпускалась вроде бы по той же технологии: 60 процентов сахарной пудры, 20 — патоки, 18—20 — основы, остальное — ароматизаторы. И все равно — не то.

А теперь перенесемся в Сочи, в тамошнюю детскую спортивную школу № 5, что на улице Чайковского. Тренером по теннису там был Валерий Шишкин, который тренировал мальчишек 5—6 лет. Именно в те дни к нему в группу пришел мальчик, которому в недалеком будущем предстоит стать звездой не только российского, но и мирового тенниса. Звали новичка Женя Кафельников, было ему в ту пору чуть больше пяти лет. А привели его к Шишкину двое мужчин: отец Жени и его первый тренер Валерий Песчанко. По словам В. Шишкина: «Женя не по годам был наглым в хорошем смысле слова. В свои пять с половиной лет он уже ничего не боялся. Старался делать все, что от него требовалось. Это радовало. Правда, меня огорчало поведение его отца. Кафельников-старший работал таксистом, но считал необходимым вмешиваться в наши занятия. Он вел себя надменно и презрительно, постоянно поучал, что делать...»

К своему новому ученику Шишкин будет относиться как к собственному сыну (у самого тренера их было двое), по сути, сделает его звездой. А история закончится грустно: прочно встав на ноги, ученик уйдет от своего учителя и даже перестанет упоминать его имя в своих интервью. Короче, сюжет, как под копирку списанный из фильма «Рокки».

5 июня Владимир Меньшов показывал в Госкино свой фильм «Москва слезам не верит». Естественно, волновался сильно. Однако фильм, вопреки мрачным прогнозам, был принят хорошо. Единственное, о чем попросили режиссера, — сделать досъемку пары-тройки эпизодов. А в целом картину назвали удачной.

Однако скажи кому-нибудь из присутствующих, что через год фильм получит «Оскар», он бы наверняка назвал это сообщение бредом. Ведь практически весь период съемок коллеги Меньшова смеялись над ним, говоря, что он снимает какую-то слезливую бредятину, поскольку снимать мелодрамы в те годы было непристойно. Даже оператор фильма несколько раз порывался сбежать из группы, думая, что этим фильмом он обрекает себя на позор. Чем в итоге все это обернулось, мы с вами теперь хорошо знаем.

А теперь перенесемся на родину гениального композитора Петра Чайковского, в город Клин. Там проживает некто Василий Никитенков, человек самой мирной профессии — он детский хирург. Однако в последнее время родные и друзья стали замечать за ним странные вещи: он стал чрезвычайно раздражительным, мнительным, иногда даже агрессивным. Причину этой агрессии люди связывали с профессиональной деятельностью Никитенкова, хотя на самом деле он обозлился на весь белый свет за другое: ему казалось, что родное государство не ценит его подвиги на ниве хирургии, не воздает ему должное. Да и людей вокруг себя тоже считал не лучше: мол, если бы все как один объединились, может быть и жизнь была бы лучше. Короче, Никитенков решил мстить всем: и государству, и его согражданам. А способ выбрал самый изуверский. Будучи еще с армии хорошо знаком со взрывным делом, он наловчился делать у себя дома самодельные взрывные устройства. Первую такую адскую машину Никитенков смастерил в самом начале лета, а опробовать решил в пятницу, 8 июня. Причем место для первого взрыва он выбрал самое людное — возле кинотеатра «Мир».

Вечером, когда шел очередной фильм, террорист подъехал к кинотеатру. В руках у него был фанерный ящик, в котором обычно люди отправляют посылки. Внутри ящика лежала бомба. В действие она приводилась с помощью «растяжки» — проволоки, которую террорист протянул от ящика к ближайшей колонне. Однако, к счастью, массового поражения людей не случилось. До конца сеанса оставались считанные минуты, когда на улицу вышли покурить двое мужчин: рабочий и работник кинотеатра. Один из них и дернул случайно за проволоку. Взрывом несчастным покалечило ноги. В тот же день делом о взрыве занялся местный КГБ. Од-

нако поиски займут не один день, и даже не один месяц, о чем я еще обязательно расскажу.

9 июня в Минске, в зале «БелНИИгипросельстроя», состоялся первый из запланированных концертов Владимира Высоцкого. Актеров привез туда из гостиницы «Минск» один из организаторов этого мероприятия — Лев Лисиц. В этот день 90% билетов было распродано среди сотрудников института. Там даже был сокращен обеденный перерыв, чтобы на задерживать начало концерта. Объявлял артистов все тот же Лисиц. В начале представления Высоцкий и Бортник показали зрителям отрывок из спектакля «Павшие и живые», после чего Высоцкий остался на сцене один и «показал», как он сам выражался, довольно много песен. Все прошло замечательно. Концерт длился почти полтора часа, после чего артисты уехали на вечернего «Гамлета».

Сразу после спектакля Высоцкого пригласили в минский Дом кино. Поскольку вечер организовал его старый приятель кинорежиссер Виктор Туров, отказать он не смог. Тамшние посиделки длились аж до утра. Причем Высоцкий и там спел несколько песен. В гостиницу он вернулся около семи утра и практически сразу лег спать. А в десять утра у него был назначен второй концерт в НИИ. Поэтому, когда за ним приехал все тот же Лисиц, Высоцкий спал. Однако гость так настойчиво и сильно бил в дверь, что Высоцкий эти удары все-таки услышал. Узнав, кто пришел, он щелкнул зашелкой. Далее послушаем рассказ самого Л. Лисица:

«Я открываю дверь до конца, чтобы зайти в номер... И... о, боже!.. Я вижу со стороны спины в костюме Адама Владимира Высоцкого, направляющегося через гостиную комнату в спальню. Оказывается, что он спал на французский манер голышом. Но меня поразила не обнаженность великого человека, а накачанность его фигуры. Я сразу увидел со стороны спины, как играют мощные тренированные мышцы спортсмена. Ни грамма лишнего жира, это было то, что сейчас в новом лексиконе определяется словом «качок»... А Высоцкий тем временем лег в постель. И тут, увидев его лицо, я понял, как он устал. Таким робким, неуверенным голосом я у него спрашиваю:

— Владимир Семенович, у нас остается около часа до выступления.

— Да, я помню. Посидите здесь и дайте мне возможность подремать минут сорок. Скажите, за какое время мы на машине сможем добраться до института?

— Минут через пятнадцать будем на месте.

— Машина здесь? Она может подождать?

— Конечно, сколько нужно.

— Я поеду выступатью.

Я спрашиваю: можно ли запустить в зал людей, ведь зрители давно собрались.

— Да, конечно, запускайте.

Я вышел в соседнюю комнату к телефону. Мне показалось, что Высоцкий накануне поздно лег спать. Но я не знал, что он всю ночь провел в Доме кино... Позвонив в институт, я вышел на улицу и предупредил водителя, что нужно будет подождать минут сорок. Тот в ответ: «Пожалуйста, пожалуйста, подожду сколько нужно». Поднимаюсь тихонько в номер. Почитываю какую-то прессу. Проходит сорок минут — я вынужден его будить. Высоцкому плохо. Я предлагаю вызвать врача.

— Нет, не надо, но прошу вас, отмените концерт.

Я «упал», что называется:

— Владимир Семенович! Вы же сказали сорок минут назад... Уже в зале сидит семьсот пятьдесят человек...

— Ну что поделаешь. Отменяйте. Я отдам эти концерты обязательно.

— Владимир Семенович, дело в том, что у людей оторваны корешки на билетах...

Он, видимо, понял ситуацию, она его взволновала, ему стало хуже. Минуты идут, уже одиннадцать часов. А он говорит:

— Вызывайте мне врача, «скорую». Мне сделают укол, и я выступлю.

Я тут же по телефону вызываю «скорую». Затем звоню в институт:

— Мы минут на 30—40 опоздаем, потому что Владимир Семенович после спектакля очень устал, поздно вато лег спать. Попытайтесь успокоить зрителей.

— Хорошо, но он будет? — допытывается Надя Зайцева по телефону.

— Сказал, что будет точно...

Приехал врач, невысокого роста, с сестричкой, как полагается. Мы буквально вбежали на этаж к Высоцкому. Я остался в гостиной, а врач и медсестра подошли к нему, лежащему на постели... После укола врач сказал мне:

— Владимир Семенович предупредил меня, что сегодня состоится концерт. Но прошу вас полчаса его не беспокоить, он должен еще отдохнуть...

Я опять звоню в институт, объясняю, что нас надо ждать к двенадцати часам. А Высоцкий почти не спит, услышав мой разговор по телефону, спрашивает:

— А люди в зале сидят?

— Да, сидят, но сильно волнуются...

Часов в двенадцать Высоцкий поднимается с постели, спокойно одевается. Но я сразу замечаю, что движения его не такие энергичные, как раньше. Он берет гитару: «Ну, поехали!»

Закрыли номер, он сдал ключи вахтеру. Как только мы сели в машину, Высоцкий спрашивает:

— По пути есть какое-нибудь кафе, чтобы можно было стаканчик шампанского принять?

— Есть, Владимир Семенович, но у вас же выступление!

Он оборачивается и так внушительно говорит:

— Поверьте мне, что я лучше всех знаю, что мне нужно сейчас.

Я не стал перечить и попросил водителя ехать по пути в кафе «Ласточка», что на улице М. Горького, а ныне — Богдановича. Зайдя в кафе, я прежде всего спросил, есть ли у них шампанское. Официантка небрежно мне посоветовала приходиться вечером, после обеденного перерыва. Сейчас шампанского нет. Но когда я назвал того, кто сидел за столиком, она засуетилась, мгновенно принесла бутылку. Заказал я, естественно, пару бутербродов и какой-то воды. Время нас поджимало, потому что приближался час дня. Могу сказать точно, что Высоцкий выпил из той бутылки не более 150—180 граммов. Мы сразу же рассчитались, сели в машину и поехали в институт, благо от «Ласточки» ехать было не более 3—4 минут. За это время ни один человек не ушел из зала института, хотя все волновались и суетились...»

Концерт начался в начале второго дня и длился чуть больше часа. Несмотря на то что Высоцкий вел концерт с заметным напряжением, никто в зале даже не догадался о том, какие события ему предшествовали. Чтобы спеть больше песен, Высоцкий отказался от привычных комментариев к ним и пел практически без остановок (он исполнил 16 произведений).

Правда, исполняя последнюю песню, он не предупредил, что это финал концерта, и, когда ушел за кулисы, зрители думали, что это только перерыв. А он, едва оказавшись за кулисами, буквально простонал: «Все! Больше не могу... Мне надо немедленно в Москву...» Лисиц тут же вышел на сцену и объявил, что концерт окончен. Также он сообщил, что третий и четвертый концерты отменяются в связи с плохим самочувствием Высоцкого. Между тем нашлись люди, которые стали требовать продолжения концерта. Когда Высоцкий, сидевший в радиорубке, это услышал, он чуть ли не прокричал: «Что им еще нужно от меня? Я же им все спел. Уберите их...» И вскоре после этих слов случилось неожиданное. Как вспоминает очевидец — Юрий Заборовский:

«Вероятно, Высоцкий чувствовал приближение приступа. И тут у Высоцкого началось. Нам удалось закрыть дверь в рубку. Радист Евгений Овчинников и я оказались внутри с Высоцким. Прошло много лет, но до сих пор я не могу спокойно вспоминать... Страшно видеть, как человек бьется в конвульсиях. Мы попытались его как-то прижать, хотя бы к полу, чтобы он не разбился. Не знаю точно, как долго это продолжалось — 5 или 15 минут, но показалось — целая вечность.

Неожиданно приступ прошел. Я до сих пор не знаю, чем он был вызван. Противоречивых предположений было много. Говорили, что это почечные колики, при которых человек испытывает страшные боли. Позже стали намекать на последствия наркотиков. Рассказывали, что накануне вечером Высоцкий был в Доме кино на просмотре. Немного выпил, но держался. А затем его напоили, и он пошел вразнос. Друзья с трудом увели его в гостиницу. Утром ему было плохо, но все же он нашел в себе силы отправиться на концерт, хоть и с большим опозданием.

А в это время на улице возле здания собралась огромная толпа желающих попасть на следующие концерты. Естественно, мы не могли покинуть свое убежище. Так продолжалось около часа. Собравшимся объявили, что Высоцкий заболел и концерты отменяются. Наконец, народ помаленьку стал расходиться.

Тем временем Высоцкий совсем пришел в себя, успокоился. Речь снова стала мягкой. Как и накануне вечером, он сидел на диване и

поддерживал тихий разговор ни о чем... Потом он тепло попрощался с нами и ушел...»

В гостиницу Высоцкий возвращался на тех же «Жигулях», на которых приехал. Проходя мимо бара, Высоцкий внезапно попросил у бармена бутылку шампанского. Сопровождавшая его Вера Серафимович ужаснулась: «Вам же плохо будет!» На что Высоцкий ответил: «Я знаю свое лекарство!» И так резко опрокинул бутылку в фужер, что шампанское разлилось по стойке. Выпил он его залпом.

В тот же день, 10 июня, в Киеве было закрыто уголовное дело по факту гибели знаменитого кинорежиссёра и актера Леонида Быкова. Как установило следствие, в тот роковой день 11 апреля Быков нарушил правила дорожного движения — пошел на обгон впереди идущего транспорта и выскочил на встречную полосу, — из-за чего его «Волга» и столкнулась с грузовиком, груженным стеклотарой. 22-летний парень, сидевший за рулем грузовика, все время, пока шло следствие, даже секунды не сомневался, что именно его сделают виновником случившегося. Однако вышло иначе: его оправдали.

Вспоминает Виктор Чугуз (тогда он был старшим лейтенантом областного отделения милиции и расследовал это дело): «После того как расследование было закончено и дело закрыто, я вызвал этого парня в Киев. Сообщил о прекращении уголовного дела. «Ты свободен, можешь ехать домой», — говорю ему и провожаю его в коридор. Через полчаса я вышел из кабинета, вижу, парень, свесив голову, сидит на скамейке вместе с женой. Между ними — туго набитый холщовый мешок. «Я ему сухарей насушила в тюрьму», — говорит супруга. «А разве вам муж ничего не рассказал?» — удивляюсь я. «Нет, — говорит, — как вышел, так сел и молчит». Он был в шоке...»

Забегая вперед скажу, что вина за случившееся будет долго мучить парня. Особенно сильно она обострялась, едва по телевизору показывали фильмы с участием Леонида Быкова. В один из таких дней парень даже попытается наложить на себя руки. Но спасет жена — собственноручно вытащит его из петли. Однако семь лет спустя парень все равно уйдет из жизни — умрет от лучевой болезни после черномыльской аварии. Говорят, умирая, он попросил жену захватить на Байковое кладбище в

Киеве, где покоился Леонид Быков, и попросить за него прощения. Но вернемся в год 79-й, июнь месяц.

Секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев постепенно освоился на новом месте, привык к новому ритму своей работы в Москве. Единственное, что его удручает, — закрытость его теперешнего положения. Если раньше в Ставрополе они с женой любили погулять, позвать к себе в гости сослуживцев по работе, то в Москве все иначе. Нет, гулять они гуляли — совершали прогулки по столице, ходили в театры, — но вот общаться с сослуживцами в нерабочее время было практически невозможно. Особенно Горбачеву. Как он узнал, в среде членов и кандидатов в члены Политбюро ходить друг к другу в гости не было принято — все боялись, что их могут заподозрить по большей мере в заговоре (во время таких вот посиделок решилась судьба Н. Хрущева в 64-м). И единственная (!) за эти семь месяцев пребывания Горбачева в Москве прогулка с товарищем по Политбюро состоялась именно в начале июня 79-го. Вот как об этом вспоминает сам М. Горбачев:

«Ранним летом 1979 года нашу семью пригласил провести вместе выходной день Суслов. Договорились поехать погулять по территории одной из дальних пустыющих сталинских дач. Он взял с собой дочь, зятя, внуков. Провели там почти целый день — гуляли, разговаривали. Никакого обеда устраивать не стали, но чай все-таки был. Это была встреча ставропольцев: старожил Москвы как бы проявлял внимание к молодому, прибывшему из тех мест коллеге...»

Этим летом объявился в Москве один аферист, который узнавал адреса известных людей и заявлялся к ним домой под видом бомжа (на нем был задрипанный спортивный костюм, в руках пустая авоська, во рту — вставная челюсть). Жалуясь на жизнь, он выпрашивал у знаменитостей милостыню. Причем ориентировался он в основном на эстрадников: посетил Давида Тухманова, Микаэла Таривердиева, Георгия Мовсисяна. Не обошел он своим вниманием и Евгения Мартынова.

Когда он позвонил в дверь квартиры Мартыновых, те ему поначалу не открыли — думали, что это трезвонят поклонницы. Они совершенно достали артиста: звонили ему каждый день, а недавно их в подъезд заявила целая

орава, причем не местные. Девчонки якобы приехали из другого города, разбили под дверью квартиры Мартынова целый лагерь и пообещали, что не уедут отсюда, пока он их не примет. Даже раскладушки с собой принесли. Но их так и не пустили. Поэтому, когда в дверь артиста раздался очередной незапланированный звонок, реакция хозяев была соответствующей: «Да пошли бы вы!..» Но аферист оказался человеком настойчивым. Он три (!) часа давил на кнопку звонка, орал благим матом и требовал только одного: «Я хочу поговорить с Евгением Мартыновым». Первой сломалась жена артиста. «Дапусти ты его. Может, у него действительно дело какое-то», — попросила она мужа. Но тот поступил хитро: попросил выпустить гостя брата Юрия, а сам спрятался в соседней комнате. А дальше началась трагикомедия.

Мужик вошел в комнату, и первое, что сказал, было: «К вам пришла судьба человеческая» (потом выяснится, что этой фразой он начинал все свои посещения знаменитостей). Затем гость достал изо рта вставную челюсть и положил ее на стол. Жене артиста сразу стало плохо, и она убежала в ванную, где ее и вырвало. А гость продолжал: «Не уйду от вас, пока не дадите на жизнь и пропитание бедному калеке». Юрий ему отвечает: «Евгения Григорьевича нет дома, приходите в другой раз». Но гость уперся: не уйду, буду ждать. А Мартынову надо было срочно ехать в Останкино на запись. Что делать? Спускаться с балкона на веревке? Или схватить и выставить наглеца за дверь? Но от него так разит, что к нему подойти страшно, не то что притронуться. А гость продолжает: «Если вам жалко 200 рублей, вызывайте милицию, сам я никуда от вас не пойду, только вы мне можете помочь. Буду ждать Евгения Григорьевича». Короче, пришлось брату артиста раскошелиться, лишь бы наглый попрошайка поскорее ушел.

А теперь перенесемся в город Шахты Ростовской области. Там 13 июня произошло убийство. Пьяный выродок ни за что ни про что убил хорошего парня, из-за того, что тот... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В тот день четверо рабочих одного из городских СМУ решили «обмыть» отпуск своего бригадира. Купили в магазине несколько бутылок водки и отправились праздновать на квар-

тиру бригадира. Гуляли часа три. Потом, когда горячительное закончилось, решили добавить еще. Кто-то предложил отправиться в ближайший ресторан — в «Восток». Предложение приняли на «ура». В ресторане гулянка продолжалась до самого закрытия заведения — до полуночи. Потом компания вышла на улицу. И здесь столкнулась с другой компанией молодых людей, которая мирно шла себе мимо ресторана. Парней было трое, и всем им было по 19 лет. Один из рабочих — Хребтов — попросил у парней закурить. Те ответили, что не курят. Хребтова это обидело: то ли сам отказ, то ли то, в какой форме он был произнесен. Короче, он предложил друзьям догнать парней и «хорошенько проучить». Дружки поначалу отбрыкивались: мол, черт с ними, пусть проваливаются. Но Хребтов был мужик нервный — заводился, что называется, с полоборота. Не зря имел две ходки на «зону»: одну по «хулиганке», другую за то, что в таком же порыве гнева ранил человека из охотничьего ружья. Короче, Хребтов уговорил приятелей последовать за парнями, пообещав, что всю «черную» работу он возьмет на себя. И слово свое он сдержал. Когда его друзья набросились на парней с кулаками, Хребтов не стал разводить «канитель», а выхватил из кармана финку.

Сначала он ударил в живот одного из парней — Чеботарева, а потом набросился на того, кто первым отказал ему в куреве. Это был Сергей Ошунов. На нем Хребтов выместил всю свою злость — нанес ему 12 ударов ножом в различные части тела. От полученных ранений парень скончается еще до приезда «Скорой помощи». А убийца с дружками убегут с места преступления и в течение двух месяцев будут скрываться от правосудия. Но оно их все равно настигнет. Всех, кто участвовал в драке, приговорят к различным срокам заключения, а виновника всего случившегося — Хребтова — к расстрелу.

14 июня Владимир Высоцкий прилетел в Баку, чтобы участвовать в натуральных съемках фильма «Маленькие трагедии». Только уже не в роли Дон Гуана, а совсем в другой — Мефистофеля. Однако состояние у Высоцкого — хуже некуда. Как мы помним, несколько дней назад он «развязал» в Минске, из-за чего у него там случился припадок и были отменены запланированные концерты. Однако не приехать

по вызову Михаила Швейцера он не мог, поскольку уважал этого человека безмерно. Вполне возможно, что в душе Высоцкий надеялся, что ему полегчает. Но, увы, не полегчало. Еще в полете ему стало плохо, и когда он добрался до гостиницы, то упал в кровать и пролежал в ней пластом. Ни о какой съемке в тот день и речи быть не могло, и ее перенесли на следующий день. Но и это не помогло: Высоцкий в назначенное время не поправился. В итоге 15 июня помощник режиссера Голобова срочно выехала в Алтайский край за другим актером на роль Мефистофеля — Кочегаровым. А Высоцкий уехал в Москву.

15 июня Леонид Брежнев отправился в столицу Австрии город Вену, чтобы там провести переговоры с президентом США Джимми Картером и подписать договор ОСВ-2. Вена была выбрана потому, что она была гораздо ближе Вашингтона, и больной Брежнев мог добраться туда, не рискуя своим здоровьем. Едва приехав из аэропорта в резиденцию советского посла, Брежнев захотел осмотреть город. Он сказал: «Я здесь в первый и, может быть, в последний раз и хочу посмотреть город, про который столько слышал». Далее послушаем рассказ одного из работников посольства — сотрудника КГБ Игоря Дамаскина:

«Посол сел в первую машину, Брежнев в свою. А я наблюдал за тем, как они отправлялись. Удивило меня то, что, как только Брежнев сел, его шофер тут же закурил. Все мы, «местные» — сотрудники посольства, — поразились этому. Но «москвичи», приехавшие с генсеком, объяснили, что врачи запретили Леониду Ильичу курить, так он, чтобы хоть понюхать табачный дым, сам заставлял шофера курить.

С послом же получилась накладка. Только он собрался сесть в первую машину, охранники его останавливают и спрашивают: «Вы кто такой?» Тот говорит: «Я посол». — «Ах, вы посол, так ваше место в машине номер двадцать три». — «Так мне же Брежнев приказал дорогу показывать». — «Мы ничего не знаем, нам таких приказов не поступало, а дорогу и без вас найдут».

Ну, посол пожал плечами, сел куда приказано, и вся кавалькада тронулась. В первой машине ехали охранники, которые в Вене тоже были в первый раз, шоферы тоже были мос-

ковские, сделали они круг по близлежащим улицам, никаких венских «красот» не увидели и вернулись в посольство. Брежнев был страшно разозлен: «Какой ты, к лешему, посол, если не смог настоять на своем и сесть в машину, в которую тебе приказано было!» Но потом другие заботы, а главное — склероз, его отвлекли, и для посла все закончилось благополучно...»

Несколько иначе вспоминает о той прогулке телохранитель Брежнева Владимир Медведев. Вот его рассказ: «Леонид Ильич проехал по улицам Вены, посмотрел город. Старейший лидер решил, что в Вене, как в Москве, перекроют улицы и повсюду будет зеленый свет. Но оказалось, что в Вене свои правила дорожного движения, свой жизненный распорядок — при поездке по городу главы какого бы то ни было государства улицы не освобождаются от городского транспорта, никто никого не тормозит и не загоняет в переулки. Проехав несколько кварталов и простояв у каждого светофора немало времени, мы решили отказаться от затеи и вернуться в резиденцию. Брежнев покорно согласился...»

Вскоре после этой не самой удачной прогулки Брежнев был приглашен в резиденцию президента Австрийской Республики, чтобы там встретиться с Картером. Встреча была короткой: каждый из глав государств выступил перед собравшимися с небольшим приветствием. Причем если Картер сказал свою речь без бумажки, то Брежнев этого сделать не сумел и достал шпаргалку. После встречи Картер пригласил советского лидера провести этот вечер вместе — сходить в театр, где давали оперу Моцарта «Похищение из серала». Брежнев поначалу отказался, но потом все же внял просьбам Картера. Но то ли опера не понравилась генсеку, то ли чувствовал он себя неважно, только Брежнев высидел всего лишь одно отделение, после чего удалился отдыхать.

15 июня в газете «Советская культура» появилась первая большая статья о саратовском ВИА «Интеграл», которым руководил хорошо ныне известный шоу-бизнесмен Бари Алибасов. «Интеграл» относился к тому типу советских ВИА, у которого не было в репертуаре ни одного (!) шлягера, но в эстрадной тусовке его знали чуть ли не все. Спросите, почему? Дело в том, что «Интеграл» славился своими уникальными концертами, где главным было не песни,

а само действо — со светомузыкой, спецэффектами. Кстати, автор статьи в «Культуре» Элла Федосеева именно этим и была потрясена, когда в 1974 году впервые попала на концерт «Интеграла». Ансамбль тогда базировался у себя на родине — в Усть-Каменогорске, и журналистку занесла туда какая-то служебная необходимость. Увиденное и услышанное на концерте так ее поразило, что она только для того, чтобы увидеть выступление «Интеграла» еще раз, поехала с ансамблем в город Лениногорск. Как вспоминает сам Б. Алибасов:

«Это была подлинная феерия из сумасшедшего цвета, света, музыки и человеческого голоса. Не так, как это делается сейчас, когда что-то мигает непонятно зачем. У нас же тогда сама музыка была колористичной, состоящей из очень длинных композиций по пятнадцать-двадцать минут. Костюмы, пластика, свет и цвет настолько гармонировали друг с другом, что это производило сногшибательное впечатление...»

С тех пор Элла Федосеева стала полпредом «Интеграла» в столице. Пользуясь своими связями, она написала и пробила первую публикацию о коллективе — в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». А потом появилась и большая статья в органе ЦК КПСС «Советская культура». Там Федосеева описывала «Интеграл» как самый зрелищный коллектив на отечественной эстраде. Забегая вперед сообщу, что в последующем судьба журналистки сложится трагически: она сгорит в собственном доме, заснув в постели с сигаретой в руках.

В тот же пятничный день 15 июня, когда Брежнев с трудом пытался уловить смысл происходящего в венской опере, в Москве, в Доме кино, состоялась премьера фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Народу в тот вечер пришло немерено — во всяком случае, Дом кино такого наплыва зрителей давно не видел. И это понятно: всем хотелось взглянуть на очередное творение Тарковского, которое он к тому же снимал аж два раза. Кроме этого, над фильмом витала и другая скандальная аура: именно его должны были отправить на фестиваль в Канн, но мэтры советского кино выступили резко против этого. И не потому, что плохо относились к Тарковскому (хотя это тоже имело место), а потому, что фильм его

они не поняли, он оказался слишком сложным для их восприятия. То ли дело фильм Михалкова-Кончаловского «Сибириада»: там и любовь есть, и героические подвиги нефтяников. Короче, именно его и направили в Канн (как мы помним, он уступил «Апокалипсису»). Между тем реакция публики на премьере «Сталкера» была двоякой: одни фильм хвалили, другие дружно ругали. Однако равнодушных не было.

Между тем до выхода «Сталкера» на широкий экран еще далеко, и в столичных кинотеатрах идут премьеры других фильмов. Так, 4 июня в прокат вышел фильм Никиты Михалкова «Пять вечеров» с участием Людмилы Гурченко, Станислава Любшина, Игоря Нефедова и др.; 11-го — фильм А. Спешнева, посвященный жизни и деятельности ученого Ильи Мечникова «Плата за истину» с участием Никиты Подгорного, Михаила Глузского и др. Из зарубежных премьер выделю две ленты кинематографистов Франции — боевик из категории «плаща и шпаги» «Горбун» и мелодраму «Последний поцелуй» с Анни Жирардо в главной роли — и индийский вестерн «Месть и закон» режиссера М. Сиппи с участием Дхармендры, С. Кумара и др.

Кино по ТВ: «Великая Отечественная», фильм 8-й (премьера д/ф), «Обыкновенный человек» (1-го), «Акваланги на дне», «Юность поэта» (2-го), «Причал» (2—3-го), «Габи» (Венгрия, премьера т/ф), «Все остается людям» (3-го), «Миколка-паровоз», Капитанская дочка» (4-го), «Великая Отечественная», фильм 9-й (премьера д/ф 5-го), «Юность Максима», «Первая любовь» (7-го), «Великая Отечественная», фильм 10-й (премьера д/ф 8-го), «Снег в трауре» (премьера т/ф), «Холодно-горячо» (9-го), «Смок и Малыш» (9—10-го), «Куклы смеются» (10-го), «Кто поедет в Трускавец?» (11-го), «Где это видано, где это слыхано?», «Великая Отечественная», фильм 11-й (премьера д/ф) (12-го), «Старший сын» (12—13-го), «Возвращение Максима» (13-го), «Валькины паруса» (14-го), «Великая Отечественная», фильм 12-й (премьера д/ф), «Легко быть добрым» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие спектакли: «Луна для пасынков судьбы» в Театре имени Ермоловой (8-го), «Ее превосходительство» в Театре сатиры, «Тринадцатый пред-

седатель» в Театре имени Вахтангова (оба — 11-го).

Эстрадные представления: 1-го в «Софии» пел супружеский дуэт в лице Вадима Мулермана и Вероники Кругловой; 1—15-го в ЦПКиО имени Горького состоялись концерты «От Олимпии до Лужников» с участием Маргариты Суворовой, Марии Кодряну, Татьяны Лейбел, Владимира Никольского, ВИА «Акварели» и др., балетмейстер — Борис Моисеев; 1—3-го в «Октябре» выступали Геннадий Хазанов, Борис Владимиров, Вадим Тонков, Клара Новикова, ВИА «Лейся, песня» и др.; 2—3-го в ГЦКЗ «Россия» пела Лили Иванова (Болгария); 7—9-го там же — Людмила Зыкина (СССР); 13-го в ГТЭ выступали артисты из ГДР Франк Шебель и Аврора Лакасса; 14-го там же — югославский ВИА «Шестеро молодых»; 13—15-го в ГЦКЗ — Аркадий Райкин со спектаклем «Зависит от нас»; 15—16-го в ГТЭ — ВИА из ГДР «Пудис».

В эти же самые дни, когда в Вене две политические системы пытались найти общий язык между собой, в курортном городе Кисловодске этим же самым делом были заняты две другие системы — криминальные: воры в законе и цеховики (предтечи нынешних бизнесменов). Представители обеих систем приехали в Кисловодск в середине июня, чтобы «перетереть» давно возникшие между ними трения. Если коротко, заключались они в следующем. К концу 70-х беспредел рэкетиров стал настолько нестерпим, что многие цеховики стали хвататься за оружие и давать вооруженный отпор бандам. Те тоже не оставались в долгу и «наезжали» на бизнесменов с еще большим остревением. В итоге ситуация приобрела угрожающий характер: обе системы враждовали, вместо того чтобы сообща делать деньги. Чтобы расставить все точки над «i» в этом конфликте, и был брошен клич собраться в Кисловодске. Естественно, сохранить это мероприятие в секрете было невозможно, и в город прибыло несколько десятков сотрудников КГБ — из 3-го главка.

Сходка проходила в одном из пригородных ресторанов. В день слета на дверях заведения была вывешена табличка «Закрыто на спецобслуживание», что позволило избежать наплыва в ресторан посторонних лиц. Сами участники сходки обсуждали свои проблемы под хоро-

шую закуску: на столах стояли блюда с пудовыми осетрами, форелью в винном соусе, шашлыком, икрой и т. д. Запивалось все это винами пятидесятилетней выдержки. Воры были представлены в основном кавказской и тюркской национальностями, среди цеховиков явного преобладания какой-то одной национальности не было. Воры практически с ходу выдвинули условие: цеховики платят им 20% с оборота их левой продукции, а они за это защищают их от наездов разного рода отморозов. Посовещавшись какое-то время, цеховики эти условия приняли. Таким образом, территория огромной страны была поделена на зоны влияния различных воровских кланов. За каждым кланом закреплялись определенные цеховики, и лезть на чужие территории никому из воров не позволялось. Короче, на той сходке произошел раздел сфер влияния в криминальном мире страны.

Но не все воры в законе приняли эти перемены положительно. Например, Вячеслав Иваньков (Япончик), что называется, «ложил на них с прибором». Он считал себя «вольным охотником» и выполнять требования какого-то сходняка, собранного кавказцами, не собирался. Ведь согласно воровским понятиям настоящий вор должен воровать, а не с «цеховиками» дружбу водить и жить как буржуин, купаясь в роскоши.

Иваньков в те дни вместе со своими корешами Асафом и Сливой находился в Риге, но не для отдыха на взморье, а по причине сугубо служебной — он готовил налет на тамошнего богатого спекулянта Якова Крейцберга, который был известным дельцом «черного рынка» — скупал валюту у иностранцев. Наезд на него произвели по давно отработанной схеме: Асаф и Слива остались в машине, а Иваньков, обряженный в форму капитана милиции, поднялся к спекулянту и предложил проехать с ним в отделение для выяснения некоторых обстоятельств. Однако спекулянт оказался человеком ушлым: за свои долгие годы общения с представителями правоохранительных органов он научился легко отличать настоящего легавого от «пустышки». Короче, Иванькова он раскусил с порога. И стал ломать комедию: предложил ему отобедать у него, отдохнуть. Но Иваньков тоже был калач тертый — грозно зыркнул на спекулянта, прикрикнул на него и

заставил-таки его одеться и выйти с ним на улицу. В машине его взяли в плотное кольцо: Иваньков сел с одного бока, Асаф с другого. И когда они отъехали на значительное расстояние от дома, началась экзекуция. Асаф схватил спекулянта за горло, а Иваньков пару раз ударил его кулаком в грудь. После этого Крейцберг заметно сник и согласился отдать им требуемую сумму. «Но деньги хранятся не здесь, а у моей сестры в Ленинграде», — сообщил он рэкетирам. Иваньков с Асафом переглянулись. Вид у спекулянта был настолько жалкий, что они даже не подумали, что он может их обманывать. «Сколько тебе надо времени, чтобы привезти их?» — спросил Иваньков. «Дня два», — последовал ответ. «Хорошо, через два дня мы ждем тебя в порту, в час дня, на причале номер восемь. Не привезешь деньги, мы грохнем и тебя, и твою сестру с женою. Ясно?» Крейцберг послушно закивал головой.

На самом деле никакой сестры у спекулянта в городе на Неве не было. Зато там жил его старый приятель, «цевовик» Миша, который имел большие связи в криминальном мире. Короче, Крейцберг пожаловался ему на наезд каких-то залетных бандюгов, Миша связался с главарями бандитов, и те отправили в Ригу своих амбалов. Поэтому, когда в назначенное время Иваньков пришел на причал номер восемь (его друзья, как всегда, сидели в машине), он увидел не Крейцберга, а именно этих качков. Но защитники спекулянта плохо знали Иванькова. Не привыкший проигрывать, он и в этой ситуации не растерялся: выхватил из-за пояса пистолет «ТТ» и направил его на амбалов. «Еще шаг — и у вас в доме будет играть музыка, но вы ее не услышите», — процедил Иваньков сквозь зубы. Один из амбалов в эту угрозу не поверил и тут же упал, сраженный пулей. Его дружки мгновенно разбежались в разные стороны.

Крейцберг сидел у себя дома, вполне уверенный, что амбалы его друга Миши хорошо справятся с поставленной перед ними задачей. Ведь за успешный исход дела он обещал им по несколько «кусков» наличными. Но он ошибся. Когда в дверь позвонили, он попросил жену открыть, твердо уверенный, что это пришли амбалы. Но это был Иваньков и его люди. Практически с порога они принялись избивать спекулянта, а потом ранили его выстрелом из

тэтэшника. Затем перевели ствол на его жену и потребовали денег. «Иначе отправишься за своим благоверным», — пригрозили ей. И женщина отдала им все, что было: 300 тысяч рублей, 40 тысяч долларов, а также почти килограмм золотых украшений. Заявлять в милицию она не стала, поскольку у ее мужа с органами были давнишние «напряги».

Тем временем главный борец с преступностью — министр внутренних дел Николай Щелоков принимает у себя министра внутренних дел Узбекистана Х. Яхьяева, который досиживает в своем кресле последние дни. Именно с этим и был связан его визит в столицу: Щелоков хотел обговорить с ним детали отставки. Во время этой встречи произошло... Впрочем, послушаем самого Х. Яхьяева:

«Вопрос о моей отставке был уже решен. Я уже подал рапорт об отставке по болезни, и он был удовлетворен. Мы сидели с министром часа два, долгий, хороший разговор состоялся. Щелоков вспоминал нашу совместную работу (Яхьяев был министром 9 лет. — Ф. Р.), убеждал, чтобы я смирился и не вступал больше в схватки с большими людьми, чтобы принял отставку как должное. Предупредил меня о том, чтобы я держал язык за зубами по поводу тех взяток, которые ему передал (первая взятка, по Яхьяеву, датирована 1970 годом. — Ф. Р.). Ему не хотелось, чтобы я шумел, боролся за свой пост, привлекал внимание к этому вопросу. Во время этой беседы я вручил Щелокову последнюю взятку в виде четырех ниточек жемчуга стоимостью 3333 рубля. Этот жемчуг я ранее в виде взятки получил от Махамаджанова Якуба — начальника Наманганского УВД. Щелоков принял у меня этот жемчуг и поблагодарил. От него все еще много зависело и в плане пенсии, решении других вопросов моей судьбы, хотелось, чтобы у него осталась хорошая память обо мне. Всего за эти годы я передал Щелокову денег 72 000 рублей, также продукты, золотые изделия, промышленные товары, а всего взяток на общую сумму 105 953 рубля.

Все эти взятки передавались Щелокову для того, чтобы иметь его поддержку в работе. Такую поддержку я от него имел. После каждой моей поездки в Москву и каждой взятки МВД УзССР вовремя и в необходимом количестве получало служебный и специальный транспорт. При распределении общих штатов удов-

летворялись все мои заявки. Оперативно-технический отдел получал технические новинки, дефицитные химикаты. Мы первыми получили для ГАИ 40 пистолетов-скоростомеров...»

Продолжается пребывание Брежнева в Вене. 16 июня он встретился с Картером на его территории — в резиденции американского посла. Несмотря на серьезность обсуждаемых на ней вопросов, эта встреча носила несколько комический характер. Дело в том, что Картер говорил без проблем, а вот Брежнев не мог обходиться без шпаргалок. Поскольку советской стороне были заранее известны все вопросы, которые интересуют американцев, эти шпаргалки были подготовлены заранее. Они хранились у переводчика генсека Виктора Суходрева, и тот, по мере поступления вопросов, передавал их Брежневу. Причем ответы были двух типов: длинные (на всю страницу) и короткие (на полстраницы). И вот после одного из вопросов Картера Суходрев передал генсеку шпаргалку с коротким ответом, где половина текста была перечеркнута карандашом. И тут Брежнев, зачитав написанное, вдруг повернулся к переводчику и спросил:

— А что, вторую половину читать не надо?

Суходреву пришлось так же громко, чтобы генсек услышал, ответить:

— Не надо, Леонид Ильич.

Во время этого диалога Картер с переводчиком не смогли сдержать улыбок.

После переговоров был дан обед в честь гостя. И там случилось вовсе неожиданное. В самом его начале, когда Брежнев решил отпить из бокала со льдом виски с содовой, он сделал слишком большой глоток и в результате заглочил с жидкостью кусок льда, который застрял у него в горле. Брежнев начал давиться. Лицо его побагровело, он стал задыхаться. Все, кто сидел за столом и видел эту сцену, на какое-то время оцепенели: что делать? Выход в такой ситуации мог быть простым: надо было просто сильно хлопнуть генсека ладонью по спине. Но кто же на это решится? К счастью, Брежнев спас себя сам: он сумел выдохнуть кусочек льда обратно и выплюнул его в бокал. У всех отлегло от сердца.

В Москве продолжают съемки фильма «Пираты XX века». После экспедиции в Жданов съемочная группа в начале июня перебазировалась в другое место — в Судак, где нача-

лись съемки «тропических» эпизодов. В те дни снимались сцены нападения пиратов на теплоход «Нежин» (этот сухогруз был отдан киношникам в аренду), лагерь пиратов, подводные эпизоды. Во время последних едва не утонула одна из актрис — Диломор Камбарова. Оказывается, она совсем не умела плавать, и, зная это, ее специально поставили в воду, где глубина была всего полметра. Рядом был обрыв, но ей туда идти не разрешалось. Однако актеры так увлеклись съемками, что партнер Камбаровой внезапно толкнул ее именно в этот обрыв. Хорошо, что рядом были водолазы-страховщики во главе с Владимиром Карпичевым — они и спасли актрису.

Любопытно, что фильм снимался на отечественной пленке, и оператор Александр Рыбин в итоге даже получит премию Госкино и Министерства химической промышленности в конкурсе за лучшее ее использование. Ведь многие специалисты были уверены, что фильм снимался в тропиках — цвет воды на это указывал. На самом деле это была хитрость Рыбина. Он знал, что вода Черного моря у берега более размыта, поэтому добавлял в нее на съемочной площадке нестойкую краску. Так получались «тропики».

А теперь перенесемся в столицу Чечено-Ингушской АССР город Грозный. Там произошли события, которые едва не привели к массовому кровопролитию. А виновником случившегося стал один из самых популярных людей города — футболист, 26-летний капитан грозненского «Терека» Анатолий Михеев. В один из тех дней он возвращался вечером домой с тренировочной базы в селе Чишки (20 км от Грозного), как вдруг у поворота на Старые Атаги под колеса его «Волги» выбежал 15-летний подросток. Удар был настолько сильным, что мальчик погиб на месте. Все это произошло на глазах местных жителей, которые, не разбирая, кто прав, а кто виноват, набросились на Михеева. Тот был в шоке и, естественно, практически не сопротивлялся. Когда к месту происшествия прибежала мать мальчика и заголосила во весь голос, дело запахло самосудом. Футболиста наверняка бы растерзали, не приди ему на помощь Сайд-Паша Салихов. Этот человек был тридцатым потомком священного для мусульман рода Курейшитов (потомков пророка Магомета) и пользовался не-

пререкаемым авторитетом у горожан. Он заступился за Михеева, объявил, что берет его под свое покровительство и что зло, нанесенное футболисту, будет воспринято им как личное оскорбление.

На следующий день Салихов лично отправился к кровникам Михеева, чтобы уговорить их не мстить ему. Когда об этом узнали горожане, к Салихову присоединились тысячи людей. Вся эта огромная толпа пришла в дом родителей погибшего мальчика. Говорят, во время церемонии прощения к Михееву подошла сестра погибшего подростка и сказала, что прощает его. «Отныне ты брат мне», — сказала она.

18 июня закончилось пребывание Леонида Брежнева в Вене. В тот день руководители СССР и США подписали Договор ОСВ-2. Церемония происходила в Редутном зале дворца Хофбург при большом стечении приглашенных. Когда договор был подписан, Брежнев и Картер должны были обменяться рукопожатиями. Но они, сделав это, еще и крепко расцеловались. Стоит отметить, что эту традицию — целоваться — принес в политику того времени именно Брежнев. Однако в Вене не он, а Картер стал инициатором поцелуя. Вот почему вскоре после этого, когда Картер обращался к собравшимся с речью, Брежнев позвал к себе своего переводчика Виктора Суходрева и спросил: «Вить, это ничего, что я с Картером расцеловался? Но ведь это он первый...» Суходрев ответил, что все нормально, что по такому поводу не грех и облобызаться. После церемонии подписания Договора Картер предложил Брежневу побыть еще какое-то время вместе, чтобы побеседовать наедине, но генсек ответил отказом: мол, устал очень. Он действительно выглядел не самым лучшим образом. Еще в начале встречи все заметили, что Брежнев плохо ходит, что ему помогают передвигаться двое бравых молодых телохранителей. Вот почему на последней пресс-конференции в том же дворце Хофбург иностранные корреспонденты буквально достали нашего заведомо международной информации ЦК КПСС Леонида Замятина вопросами о самочувствии генсека. «Леонид Ильич чувствует себя хорошо», — отвечал Замятин. Но его слова никого не убеждали: все же видели, как выглядел Брежнев. Тогда в дело встрял советский журналист Мэлор Стура. Он

решил прийти на помощь Замятину и спросил споксмена американского президента Джоди Пауэлла: «Как обстоит дело с политическим здоровьем президента Картера?» В зале раздался дружный смех. Смысл вопроса был ясен всем: политическое будущее Картера выглядело весьма мрачно. Но Пауэлл оказался человеком находчивым, он ответил: «Политическое здоровье Картера такое же, как и здоровье Брежнева».

Между тем для Стура этот поступок едва не вышел боком. Дело в том, что всех советских журналистов еще в Москве предупредили, чтобы они не подвергали критике Картера: мол, тот еще обидится и не подпишет Договор. Вот почему, когда Стура вернулся в отель «Империал», где разместилась основная часть советской делегации, он заметил, что коллеги его всячески избегают. Просто шарахаются от него, как от чумного. Так продолжалось в течение часа, пока в отель не приехал Виктор Суходрев и не снял напряжение. Он объявил, что Громыко и Устинову вопрос Стура понравился. И вакуум тут же исчез. Коллеги бросились жать руку Стура, говорили, какой же он находчивый и все такое прочее. Когда подали ужин, Стура буквально разрывали на части — каждый хотел заполучить его в качестве почетного гостя за свой столик.

Вспоминает М. Стура: «Еще одним, последним испытанием была официальная церемония отъезда Л. И. Брежнева из Вены в Москву. Брежневу предстояло самостоятельно — без помощи молодых — пройти по красной ковровой дорожке и подняться по трапу самолета. «Упадет или не упадет» — вот о чем гадали все присутствующие, а было их сотни миллионов, ибо церемония проходила под прицелом телевизионных камер. (Советское телевидение это, естественно, не транслировало, нашим зрителям во «Времени» покажут лишь подписание Договора ОСВ-2. — Ф. Р.)

Я стоял в квадрате, отведенном для прессы. Вглядываясь в лица своих коллег, не только советских, я видел на них выражение жалости, именно жалости, а не любопытства и тем более злорадства. У стоявшего рядом со мной политического обозревателя «Известий» Викентия Матвеева подозрительно увлажнились глаза.

— Он долго не протянет, — шепнул мне на ухо Викентий.

Брежнев, видимо, понимал или ощущал, что происходит вокруг него. Собрав в кулак всю оставшуюся у него силу и волю, он по старинке встряхнул головой, поиграл плечами, на которых как на вешалке болтался пиджак; и ступил на красный ковер, словно на путь, ведущий к Голгофе. «Архитектор разрядки» одолел с грехом пополам ковер и трап. Последний прощальный взмах руки — и он канул в чрево «Ил-62», втянутый в него поджидавшими с той стороны молодцами. Дверь самолета поспешно захлопнулась. Брежнев исчез...»

19 июня в Болгарии закончился очередной Международный конкурс эстрадной песни «Золотой Орфей». Представитель нашей эстрады певец Альберт Асадуллин, который в начале года был удостоен 2-й премии на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, завоевал утешительную 2-ю премию, поделив ее с певцом из ГДР Уве Йенсенем (Асадуллин спел три песни: «Стремление», «Отец сыну не поверил» и «Помни»). А победителем фестиваля — ему вручили Гран-при — стал представитель организаторов — певец Панайот Панайотов. В качестве гостей на «Золотом Орфее» присутствовали многие известные исполнители: венгерская рок-группа «Локомотив ГТ», британский коллектив «Шоувадди-вадди», группа «Ирапшн» («Взрыв»). Последняя пользовалась там особенным успехом. По словам А. Асадулина: «Просто великолепно была группа «Ирапшн», гораздо, честно говоря, интереснее, чем «Бони М» — и музыкально, и исполнительски. «Бони М» — это все-таки машина, а «Ирапшн» — потрясающе эмоциональный ансамбль». Как ни странно, но «Ирапшн» в Советском Союзе, что называется, не покатило: «Бони М» у нас все равно любили больше.

В Ленинграде объявилась дерзкая шайка преступников, состоявшая... сплошь из представительниц слабого пола. Три женщины в возрасте от 25 до 30 лет зарабатывали деньги тем, что знакомились на улице с мужчинами и под предлогом совместной выпивки заманивали их к себе на квартиру, где избивали и отбирали у них деньги и дорогую одежду. После чего выпихивали их на улицу, советуя в милицию не обращаться. И те не обращались, поскольку стыдно было. За последние восемь месяцев эта шайка совершила два десятка подоб-

ных преступлений, и ни один из пострадавших не считал возможным обратиться в милицию.

20 июня в сети преступниц попался очередной «клиент». Им оказался 44-летний гражданин Суетин, который мирно шел себе по Невскому проспекту, как вдруг обратил внимание на симпатичную женщину, стоявшую возле табачной палатки. На даме было короткое платье, открывавшее взору стройные загорелые ноги. Пройти мимо них Суетин не смог. Он подошел к незнакомке и предложил познакомиться. Та, как ни странно, легко согласилась. Слово за слово, парочка решила отметить свое знакомство бутылкой вина. Только вот где? И дама, не моргнув глазом, предложила сделать это у себя дома. «А дом далеко?» — поинтересовался Суетин, хотя ему было все равно: за этими ногами он готов был идти хоть на край города. «Да нет, тут всего пять минут ходу», — ответила дама и повела кавалера к своей обители. По дороге, естественно, купили вина.

Как выяснилось, дамочка жила на третьем этаже старого облупленного дома, в коммунальной квартире. Причем жила, как выяснилось, не одна, а с двумя подругами. В тот момент, когда хозяйка в сопровождении кавалера вошла в комнату, те как раз сидели на продавленном диване и слушали пластинку Аллы Пугачевой «Зеркало души». «Девки, смотрите, кого я вам привела!» — радостно возвестила хозяйка, вталкивая замешкавшегося на пороге кавалера в квартиру. Однако Суетин и в этот миг ничего не заподозрил, наоборот, даже обрадовался: «групповуху» он любил. Однако вкусить все прелести групповой любви ему было не суждено. Сделав звук в проигрывателе погромче, дамы внезапно набросились на гостя и повалили его на диван. При этом одна из них выхватила бельевую веревку и набросила ее на шею Суетина, сдвигая как удавку. Две другие женщины схватили гостя за руки и за ноги. Через несколько секунд тот потерял сознание.

Очнулся Суетин спустя несколько минут сидящим связанным на стуле. Кроме майки, трусов и носков, на нем ничего не было. Золотые часы, перстень и все остальное перекичало в руки девиц, которые сидели на диване и копались в его портмоне. Увидев, что жертва очнулась, одна из женщин — та самая, которая его привела, — сказала: «Чего вытупился? Не

бзди, не убьем... Если, конечно, будешь себя хорошо вести». «Я бу-у-ду», — затряс головой Суетин, понимая, что от его теперешнего поведения зависит его жизнь. «И в ментовку не пойдешь?» — вновь обратилась к нему хозяйка. «Не пойду». — «Честнбе пионерское?» — «Честное...» — вновь затряс он головой. Тут хозяйка встала с дивана, взяла со стола кухонный нож и легко перерезала веревки, которые опутывали тело гостя. Затем грозно произнесла: «Чтобы через две минуты тебя здесь не было. Время пошло». И Суетин как был, босиком и в трусах, опрометью бросился бежать из ненавистной квартиры. В милицию он действительно не пошел, тем самым подарив преступникам еще один шанс выйти сухими из воды.

Продолжаются съемки «Сыщика». В другом будущем блокбастере — фильме «Экипаж» — в те дни случился вынужденный простой, вызванный тем, что ОВИР затягивал оформление виз для выезда части съемочной группы на съемки в Париж. Чтобы зря не простаивать, Митта начал монтаж ленты, а в середине месяца отправился на неделю в Ялту для выбора будущей природы. Вернулся он 23 июня и узнал, что через два дня можно лететь в Париж. Как вдруг выясняется, что эта поездка под угрозой — нет одного из главных исполнителей, Георгия Жженова, который находится на гастролях с театром во Владивостоке. А перенести съемки нельзя, поскольку Париж это не Баковка какая-нибудь. Однако и спектакли с Жженовым никто отменять не хочет, поскольку на них собирается присутствовать сам 1-й секретарь Приморского крайкома партии Ломакин. Что делать? В итоге во Владивосток отрядили одного из членов съемочной группы — Виктора Доценко (будущий автор «Бешеного»), который считался одним из лучших специалистов по уговорам. К тому же он тогда находился в Омске. Однако последнее обстоятельство делу не помогло.

Неприятности начались у Доценко еще в аэропорту. Он подошел к кассам, а билетов во Владивосток нет. Он стал буквально умолять кассиршу войти в его положение, но та и слушать ничего не хочет. Доценко хоть и упоминал знаменитые фамилии, сам-то был никому не известен. Дело пахло керосином. И тут Доценко вспомнил про важную бумагу с подписью одного заместителя министра, которую он

всегда с собой носил и предъявлял в качестве «тарана». Бумага безотказно сработала и на этот раз. Билет ему выдали, правда сообщили, что лететь придется аж с тремя пересадками. А Доценко этот вариант не устраивает — в таком случае он может опоздать. Он идет к начальнику аэропорта и просит его лично вмешаться в ситуацию. Мол, если вы любите кино, то должны обязательно мне помочь. Начальник кино любил: он хоть и не отменил пересадки, однако распорядился, чтобы Доценко везде был «зеленый свет». И тот долетел до Владивостока без всяких проволочек.

В город он прибыл в четыре часа утра. Приехав в гостиницу «Владивосток», бросил вещи в номере и тут же постучал в номер, где жил Жженов. Тот открыл заспанный, будучи в трусах и майке. «Какого черта! Четыре утра!» — выругался артист. Доценко пришлось извиняться, после чего он непосредственно перешел к сути вопроса. Жженов объяснил, что дело плохо: директор театра продолжает упорствовать и наотрез отказывается его отпустить. Единственная надежда — обратиться напрямую к 1-му секретарю крайкома Ломакину. Доценко так и сделал — около восьми позвонил секретарю. Тот был краток: мол, если не успеете добраться до крайкома за двадцать минут, то сегодня меня не увидите — буду ездить по городу. Доценко взял ноги в руки и рванул из гостиницы.

У входа он сразу заметил такси, однако водитель сообщил, что ждет какого-то генерала. «Да черт с ним, с генералом, меня секретарь крайкома ждет!» — закричал Доценко. «Секретарь?! — Брови таксиста взметнулись вверх. — А ты что за шишка?» — «Я режиссер из Москвы», — ответил Доценко. «Ха, земляк! — расплылся в улыбке таксист. — Тогда садись, вмиг домчу». И действительно, домчал до крайкома за какие-то десять минут. В тот момент, когда Доценко вбежал в кабинет к Ломакину, тот уже складывал бумаги в портфель и собирался выходить. Но, увидев запыхавшегося гостя, сразу понял, кто это, и вновь опустился в кресло.

Как ни странно, но разговор с секретарем занял не больше десяти минут. Едва Доценко изложил суть своей просьбы, как Ломакин связался по селекторной связи со 2-м секретарем крайкома и приказал отменить завтрашний спектакль с участием Жженова. На удивлен-

ный вопрос помощника ответил: «Жженов должен лететь в Париж. За ним тут режиссер из самой Москвы приехал». И, обращаясь к гостю: «Вы довольны?» — «Еще бы», — Доценко расплылся в широкой улыбке. Но это было еще не все.

Уходя, Ломакин переадресовал гостя своей помощнице по культурным связям Тамаре. Та отвезла его в ресторан, где они плотно пообедали, а на следующий день с утра повезла в магазин «Океан». Когда Доценко вошел туда, он удивился: полки магазина были практически пусты, если не считать гор банок с одним деликатесом тех времен — «Завтраком туриста». И это в приморском городе! «Зачем мы сюда пришли?» — удивился режиссер. «Сейчас узнаете», — улыбнулась Тамара. Вскоре к ним подошла директриса магазина, которой Тамара сказала всего лишь одну фразу-пароль: «Валечка, по высшему разряду!» Что это означало, Доценко узнал через несколько минут. Появившись вновь, директриса передала ему полиэтиленовый пакет весом около шести килограммов. В нем было все, что душа пожелает: икра, балык, осетрина, кета и другие рыбные деликатесы, которых в советских магазинах днем с огнем было не сыскать.

Съемочная группа фильма «Экипаж» вылетела в Париж 25 июня, и уже на следующий день там состоялись съемки. Они будут длиться 5 дней.

27 июня страна едва не лишилась одного из своих кумиров — популярного актера театра и кино Михаила Боярского. В тот день утром он приехал поездом «Красная стрела» из Ленинграда в Москву, чтобы здесь участвовать в съемках фильма «Сватовство гусара». С киностудии «Мосфильм» группа вскоре направилась в Подмоскowie, где должны были проходить натурные съемки: Боярскому, который играл бравого гусара, предстояло гарцевать на лошади. Он сидел на переднем сиденье автомобиля и всю дорогу предвкушал удовольствие от предстоящей верховой езды, да еще в компании с такой партнершей, как Елена Коренева. Увы, его мечтам в тот день не суждено было сбыться. Где-то на полпути, когда Боярский задремал, убаюканный быстрой ездой, на их полосу внезапно выскочил легковой автомобиль. Видимо, его водитель на мокром асфальте не справился с управлением. Два автомобиля

столкнулись лоб в лоб. В итоге Боярский очнулся в больнице: у него было сотрясение мозга, повреждение позвонка, почек. Повреждения были настолько серьезными, что врачи запретили ему двигаться. Он так и пролежит почти без движения целый месяц.

А теперь перенесемся в Казахстан, в городок Узун-Агач Алма-Атинской области, где обитает людоед Николай Джумагалиев. Это он в январе этого года убил в поселке Фабричный гражданку Н. Андроник. Милиция убийцу не нашла, поскольку свидетелей преступления не было, а сам душегуб сразу после убийства вернулся в Узун-Агач. Там у него было две зазнобы: Марина Колкина и ее ровесница молодая сибирячка Татьяна Яшина (фамилии изменены). С последней он познакомился при следующих обстоятельствах.

Весной этого года Яшина ездила в отпуск, к своей бабушке в Сибирь, а когда вернулась, обнаружила, что ее квартира взломана и практически вся одежда похищена. Вещи было жалко, поскольку все они были хорошие, добротные, практически мало ношенные. Ялова написала заявление и отнесла его в милицию. Возвращаясь, она познакомилась на автобусной остановке с парнем, которого до этого видела пару раз на улице и знала, что он считается в этих краях местным авторитетом. Это был Джумагалиев. Он вызвался проводить ее до дома, а когда она пригласила его посидеть за чашкой чая, не отказался. Ушел он от нее только утром.

Между тем через несколько дней после этого знакомства пропавшие вещи Яшиной нашлись. Причем без помощи милиции. Яшина как-то шла по улице и увидела впереди себя девушку, на которой были кофточка и блузка, ранее принадлежавшие ей. Уж свои вещи она знала как облупленные. Не в силах совладать с собой, девушка схватила незнакомку за волосы и стала звать на помощь. Вокруг них тут же собралась толпа. Яшина поволокла обидчицу в милицию. Там и выяснилось, что на девушке действительно были вещи Яшиной, похищенные из ее дома пару недель назад. Однако Яшина не знала, что ее обидчицей была Марина Колкина — любовница Джумагалиева.

Вечером этого же дня он узнал о случившемся: пришел к Яшиной, и та, счастливая, показала ему возвращенные вещи. Однако воз-

любленный, вместо того чтобы порадоваться вместе с девушкой благополучному исходу дела, стал на нее кричать и даже ударил по лицу. Яшина, естественно, обиделась. Увидев это, Джумагалиев сразу сменил тактику: стал ее успокаивать, говорить, что погорячился. «Понимаешь, ты не должна была впутывать в это дело милицию, — объяснял он девушке свою позицию. — Сказала бы мне, и я бы сам во всем разобрался». Тогда Яшина еще не знала, что Джумагалиев прекрасно знает воровку и давно с ней сожительствует. Первые сомнения зародились в ней вечером 27 июня, когда ее возлюбленный пришел к ней домой... с Мариной Колкиной. «Вы должны помириться», — чуть ли не с порога заявил он хозяйке дома. Татьяна малость поломалась, но когда сама Марина попросила ее об этом, дрогнула. «Ну вот и славно», — удовлетворенно произнес Джумагалиев и пригласил обеих девушек к себе домой отметить примирение. Когда они пришли, хозяин попросил Татьяну накрыть на стол, а сам вышел с Мариной на улицу: мол, нам надо поговорить.

Прошло, наверное, минут двадцать, а хозяин с гостей не возвращались. За это время Татьяна уже успела накрыть на стол и с нетерпением ждала возвращения возлюбленного. Но тот не шел. Тогда Татьяна отправилась его искать. Она вышла во двор, но там никого не было. Тогда она направилась в сарай, откуда вроде бы доносился какой-то шум. Однако едва она подошла к двери, как из сарая раздался душераздирающий женский крик. Поддавшись первому импульсу, Татьяна дернула за ручку двери, но та оказалась запертой. А шум внутри стих. Затем из сарая раздался спокойный голос Джумагалиева: «Чего стучишь? Иди домой и смотри, чтобы плов не подгорел. Мы сейчас придем». Татьяна вернулась в дом. О том, что произошло в сарае, много позже расскажет сам Джумагалиев. Вот его слова:

«В сарае с Колкиной по ее согласию я совершил половой акт в обычной и извращенной формах. Этого показалось мало. Я стал избивать ее. Удары по животу женщин мне всегда доставляли удовольствие — жертва меняется в лице и корчится от боли. Ее крик привлек внимание Яшиной, и та стала стучать в дверь. Продолжая совершать половой акт, я одновременно стал душить Колкину. Когда Яшина

ушла в дом, я потихоньку вышел из сарая и забрался на чердак, где у меня в рюкзаке хранились инструменты: туристический топорик, несколько ножей. Татьяна в это время сидела на кухне. В сарае я расчленил Колкину, порезал на мелкие кусочки и засолил в бочке. Ее мясо использовал для еды. Татьяну в тот вечер я больше не видел, она ушла, не дождавшись меня...»

Татьяна действительно ушла, но отнюдь не по той причине, на которую указывает маньяк. Просидев в доме еще какое-то время, она вновь вышла во двор. И увидела, что дверь сарая приоткрыта (Джумагалиев в это время был на чердаке). Она вошла в сарай и, пройдя несколько шагов, наткнулась на какой-то предмет, лежащий на земле. Татьяна нагнулась и нашупала... чью-то руку. Яшина пулей выбежала из сарая и спряталась в кустах у сарая, поскольку услышала посторонние шаги. Это возвращался Джумагалиев. В руках он нес топорик и несколько ножей. Скрывшись в сарае, он пробыл там несколько минут. И все это время Яшина, объятая ужасом, просидела в кустах, боясь даже пошевелиться. Наконец Джумагалиев вновь вышел во двор. Он позвал Татьяну, которая, как он думал, была в доме. Но на его зов никто не откликнулся. Тогда он отправился в дом. Только тут Яшина опомнилась, выбежала из своего укрытия и побежала на улицу.

27 июня Валерий Золотухин записал в своем дневнике впечатления от статьи, которая появилась несколько дней назад в газете «Советская Белоруссия». Цитирую:

«Появилась статья... обзорная о наших гастролях, нехорошая, мелкая (как ведут себя актеры в массовках — паслась бабенка около режиссерского столика Любимова). Паскудная статья... хотя мелочи, быть может, и верны, но это не для такой газеты, не для прощального слова. Не стоило месяц вкалывать как проклятым, чтобы получить такую оплеуху, да ладно... Обвиняют в небрежной игре Гамлета — Высоцкого. Мол, в Югославии — это гордость нашего театра советского, а в Минске — пренебрежение и пр. Аукнулось Володе, лягнули за то, что уехал». (Как мы помним, Высоцкий из-за болезни покинул Минск раньше времени. — Ф. Р.)

28 июня по всей стране прошли выпускные балы — десятиклассники прощались со своей

альма-матер. Среди выпускников были и мои одноклассники из 325-й средней школы Бауманского района. Как и все их сверстники, они всю ночь танцевали на школьной дискотеке, а под утро отправились гулять по Москве. Тогда это делать было не страшно.

Несколько иначе запомнился тот выпускной Артему Боброву. Вот как об этом вспоминает его мама Галина Михайловна: «В школе был выпускной бал, а на другой день у Артема намечалось что-то важное, кажется, собеседование в институте (он поступит в МГИМО. — Ф. Р.). Я ждала дома и очень переживала, что его долго нет. В полдвенадцатого, не сказав мужу ни слова, взяла такси и поехала в школу. В актовом зале музыка, полумрак, мерцающие огоньки. Тема танцевал с девочкой. Она нежно склонила голову ему на плечо. И я во время танца подошла и решительно сказала: «Солнышко, надо ехать домой!» Он посмотрел на меня распахнутыми глазами: «Мам, ты подожди». Я вышла, а когда закончился танец, показался Тема и спросил: «Ты хочешь, чтобы я поехал домой?» — «Сынулечка, да». И мы уехали. Я видела, что он расстроен, но не услышала и слова упрека. Дочка, Мариша, ругала меня: «Мама, как ты могла? Выпускной вечер бывает раз в жизни». Потом я поняла, что не должна была это делать...»

В этот же день прославленный спортсмен Всеволод Бобров попал в больницу, откуда живым он уже не вернулся. Этому предшествовали следующие события.

Поздно вечером 27 июня Бобров вместе с женой у себя на даче в Подмосковье смотрел футбол: ЦТ транслировало из Копенгагена товарищеский матч между сборными Дании и СССР. Игра закончилась в первом часу ночи, однако о времени, проведенном у телевизора, Бобровы не пожалели: наша команда показала хороший футбол и выиграла 2:1 (к сожалению, это было отличительной чертой советской сборной образца 79-го года — выигрывать товарищеские встречи и проигрывать официальные).

Утром следующего дня Бобров отправился в Москву проводить тренировку. Жена осталась дома, чтобы управиться по хозяйству: надо было забрать белье из прачечной, потому что на следующей неделе ожидался приезд на дачу друзей мужа — Вячеслава Старшинова, Александра Якушева и других, которых Бобров

пригласил попариться в его новой баньке. Однако, когда вечером этого дня Бобров не вернулся домой, жена забеспокоилась. И на следующее утро, 29 июня, отправилась в Москву. И там узнала, что муж находится в госпитале под Красногорском. Оказывается, во время тренировки у него оторвался тромб в ноге (обе ноги спортсмена были биты-перебиты еще в молодости), и он, не почувствовав этого, отправился на массаж. Это была роковая ошибка. Но о печальном исходе пока никто не догадывается. Когда жена пришла в госпиталь, Бобров еще шутил с медсестрами: «Вот я оклемаюсь, приглашу вас к себе на дачу. Лентя (так он звал свою жену Лену) очень любит гостей. А я вас хорошенько попарю». Жить прославленному спортсмену оставалось всего лишь сутки.

29 июня «Комсомольская правда» в рубрике «33 1/3» опубликовала хит-парад лучших песен прошедшего месяца. Выглядел он следующим образом: 1. «Так не должно быть» (Д. Тухманов — Л. Дербенев) — Михаил Боярский и Ольга Зарубина. 2. «Звездное лето» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева. 3. «Подберу музыку» (Р. Паулс — А. Вознесенский) — Яак Йола. 4. «Взлети над суетой» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева. 5. «Фотографии любимых» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Яак Йола. 6. «Мы с тобой танцуем» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Игорь Иванов. 7. «Сонет Шекспира» (А. Пугачева — С. Маршак) — Алла Пугачева. 8. «Дадим шар земной детям» (Д. Тухманов — Н. Хикмет, М. Павлова) — София Ротару. 9. «Ищу тебя» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — К. Георгиади. 10. «Наш город» (Р. Паулс — Я. Петерс, О. Гаджикасимов) — Ринат Ибрагимов.

В субботу, 30 июня, несчастный случай произошел в одном из поселков Щелковского района Московской области. Но сначала предыстория. Три дня тому назад в автомобильной катастрофе погибла молодая женщина, у которой осталась несовершеннолетняя дочь Света. Трагедия настолько сильно сказалась на психике девочки, что она попросила родственников не брать ее на похороны — боялась увидеть маму мертвой. Те вроде бы поняли ее чувства, согласились с ней и даже отправили жить к дедушке в соседний поселок. Однако в день похорон мнение родственников внезапно изме-

нилось. К девочке отправили ее бабушку, маму погибшей, чтобы она привезла ее на похороны. Света в тот момент гуляла во дворе, но едва увидела бабушку, сразу все поняла и бросилась бежать домой. Там она зарылась в постель, разрыдалась и наотрез отказалась уезжать. Находившийся здесь же дедушка встал на ее сторону. В итоге бабушка вынуждена была уехать домой ни с чем. Однако история на этом не закончилась.

У девочки была еще тетя, которая восприняла ее отказ как личное оскорбление. Прихватив с собой трех соседок по дому, она отправилась за девочкой с твердым намерением без нее не возвращаться. Видимо, учтя неудачу своей предшественницы, эта четверка решила действовать наверняка. Ее действия напоминали собой войсковую операцию. Заметив во дворе Свету, женщины стали окружать ее со всех сторон, отрезая все пути к дому. В итоге девочка оказалась загнанной в угол и была схвачена за руку тетей. «Ты поедешь с нами!» — заявила женщина и буквально волоком потащила племянницу к такси. Света закричала. Да так сильно и пронзительно, что в доме аж стекла задрожали. Услышав этот крик, на улицу выбежал дедушка Светы. Он бросился отбивать бьющуюся в истерике внучку от ее тетки. Ему это удалось, но в следующую секунду на него как коршуны налетели напарницы тетки. Завязалась настоящая потасовка. На помощь деду бросился один из его соседей по дому — молодой мужчина с первого этажа, но его помощь, к сожалению, опоздала. В тот момент, когда сосед уже подбегал к дерущимся, защитник Светы внезапно рухнул на землю как подкошенный. Никто поначалу не понял, что произошло, а когда присутствующие пришли в себя, все было кончено — дед девчушки скончался от инфаркта. Так в одночасье Света лишилась сразу двух горячо любимых ею людей: мамы и дедушки.

В кинотеатрах Москвы во второй половине июня состоялось несколько премьер, из которых назову одну: 25-го в прокат вышел фильм Герольда Бажанова «Срочный вызов» с участием Евгения Лебедева, Евгения Киндинова, Марины Дюжевой и др.

Назову и одну театральную премьеру — «Ромео и Джульетта» в Большом театре с участием Александра Богатырева, Натальи Бессмертной и др. (26-го).

Кино по ТВ: «Ты, я и Берлин» (ГДР, премьера т/ф 16-го), «Великая Отечественная», фильм 13-й (премьера д/ф 19-го), «Всадники» (19—21-го), «Шок и Шер», «Мой добрый папа» (20-го), «Выборгская сторона», «Бессмертный гарнизон» (21-го), «Великая Отечественная», фильм 14-й (премьера д/ф 22-го), «Не отдавай королеву» (22—23-го), «Пармская обитель» (Италия—Франция, 23—24-го), «Конь, ружье и вольный ветер» (25-го), «Украли зебру», «Великая Отечественная», фильм 15-й (премьера д/ф 26-го), «Сорок первый» (27-го), «Пробуждение» (Индия, впервые по ТВ), «Остров Ольховый» (28-го), «Осенняя история» (премьера т/ф 30-го) и др.

Эстрадные представления: 15—17-го в «Октябре» радовал публику своими старыми и новыми песнями ВИА «Голубые гитары»; 16—24-го во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты с участием Валерия Ободзинского и ВИА «Пламя»; 16—20-го на ВДНХ выступал ВИА «Поющие сердца»; 19—20, 22—25-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись выступления артистов из Англии: Грега Бонама, вокального дуэта «Липс», ансамбля «Голд».

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю два миньона. На первом были записаны песни в исполнении Юрия Антонова и группы «Аракс»: «Золотая лестница» (Ю. Антонов — М. Виккерс), «Тебе» (Ю. Антонов — Л. Ошанин), «Зеркало» (Ю. Антонов — М. Танич), «Анастасия» (Ю. Антонов — Л. Фадеев). На втором одна сторона была отдана Элтону Джону («Прощай, желтая кирпичная дорога», «Крокодил-ритм»), вторая — Александру Градскому («Только ты верь мне»).

В журнале «Кругозор» (№ 6) выделю следующие пластинки: Игорь Иванов — «Ну что тебя так тянет танцевать?» (Д. Тухманов — В. Харитонов), Михаил Боярский и Ольга Зарубина — «Так не должно быть» (Д. Тухманов — Л. Дербенев), «Иглз» — «Отель «Калифорния», «Новый ребенок в городе».

1979

Июль

Умер Всеволод Бобров. Как бывшая жена Михаила Таля покидала страну. Маньяк отводит подозрения. Гибель Ларисы Шепитько. Высоцкий в Риме: дает концерт в ресторане и шлет подарки любовнице. Евгений Леонов о небылицах вокруг себя. «Выстрел в спину»: съемки начались с трюков. Похороны Ларисы Шепитько. Джо Дассен в Москве. Очередной «наезд» на Аллу Пугачеву. Министр обороны против фильма «Точка отсчета». Первая кровь банды братьев Самойленко. Михаил Боярский в больнице: наплыв поклонниц. Ажиотаж на модной выставке в Сокольниках. Начались съемки фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Япончик в Ялте: отдых вперемешку с разборками. Как у Высоцкого конфисковали лишний паспорт. Попытка КГБ завербовать любовницу Высоцкого. «Пахтакор»: за месяц до гибели. Лариса Гуреева стала студенткой. «Пираты XX века»: как едва не погиб Николай Еременко. Мои узбекские впечатления. Высоцкий в Средней Азии. Почему Алла Пугачева била тарелки. «Ах, водевиль, водевиль...»: как нашли Галину Беляеву. Новое преступление клинского террориста. Хит-парад лучших песен. «Место встречи изменить нельзя»: прием в Гостелерадио. Клиническая смерть Высоцкого. Вандалы в Ленинграде. Новая кровь банды братьев Самойленко. Япончик в Свердловске: ограбление «цеховика». На съемочных площадках будущих кинохитов.

Месяц начался с печального события: в красногорской больнице скончался прославленный советский спортсмен Всеволод Бобров. Как мы помним, все произошло стремительно. 28 июня Бобров проводил очередную тренировку юных футболистов ЦСКА, и во время нее у него оторвался тромб. Он этого не заметил и лег на массаж. В итоге тромб размяли, и чуть ли не миллион мелких тромбиков начали свое движение в теле. Один из них в итоге попал в легкое. Было спортсмену всего 56 лет.

1 июля страну потрясло новое повышение цен. На этот раз подорожали: ювелирные изделия из драгоценных металлов, натуральные меха, меховые и овчинно-шубные изделия, ковры — на 50%; гарнитурная мебель импортная — на 30%, советская — на 10%; легковые автомобили — на 18%. В ресторанах и кафе в вечернее время цены отныне поднялись с 25 до 45%, на 45% подорожало пиво, продаваемое предприятиями общественного питания. Как

всегда, сообщение об очередном повышении цен сопровождалось успокоительными фразами типа: «Изменение розничных цен касается весьма ограниченного круга товаров и не затрагивает основные продаваемые и непродаемые товары». Что правда, то правда. Но на душе у людей все равно было грустно.

В тот же день Советский Союз навсегда покинула бывшая жена гроссмейстера Михаила Таля Салли Ландау с сыном шахматиста 18-летним Георгием. Стоит отметить, что мечта уехать из СССР появилась у Салли несколько лет назад, но она никак не могла ее осуществить, поскольку Таль был категорически против того, чтобы его сын уезжал от него. Не изменилась его позиция и после того, как сын стал совершеннолетним. В итоге Салли приняла решение ехать одна. Она предполагала оставить сыну квартиру в Риге, какие-то деньги; чтобы он закончил институт и потом приехал к ней. Но в ОВИРе ей сказали открытым текстом: «Вы хотите, чтобы ваш сын стал врачом

на наши деньги? Вы думаете, что Советский Союз — кузница кадров для вашего Израиля? Ошибаетесь. Или вы уезжаете с сыном или вообще не уезжаете».

Салли бросилась уговаривать Таля. Тот же спросил у сына: «Ты действительно хочешь уехать?» Тот ответил утвердительно. Тогда Таль перестал упорствовать, однако подписывать разрешение на отъезд сына не стал. Он боялся, что за это его подвергнут остракизму и отлучат от шахмат. Как быть? И тогда была придумана следующая хитрость. Перед самым отъездом сына Таль уехал из Риги в Москву (в газете «Вечерняя Москва» в те дни была опубликована следующая фотография: Таль играет в шахматы с москвичами в парке Сокольники), чтобы не подписывать бумаги из ОВИРа. Он знал, что отсутствие отказа отца будет воспринято как знак согласия на отъезд сына. Так оно и вышло. 1 июля мать и сын вылетели в Москву, а оттуда взяли курс на Вену.

А теперь перенесемся в Казахстан, в город Узун-Агач, где обитает кровавый маньяк Николай Джумагалиев. Как мы помним, несколько дней тому назад он убил свою сожительницу и невольным свидетелем этого преступления стала еще одна любовница маньяка — Татьяна Яшина. Испугавшись возможной расправы над собой, она сбежала из дома преступника и в течение нескольких дней скрывалась от него в разных местах. Однако в воскресенье, 1 июля, Джумагалиев все-таки выследил ее. «Ты почему от меня скрываешься?» — спросил он Татьяну, застав ее наконец дома. «Потому что не хочу больше с тобой встречаться», — ответила женщина. «Это почему?» — удивился Джумагалиев. Татьяна отвела глаза в сторону, мучительно размышляя — открыться ей или нет. Наконец решилась: «Что за крик я слышала тогда в сарае?» Джумагалиев в ответ рассмеялся: «Ах, ты об этом? В тот вечер Марина потребовала, чтобы я с тобой расстался, а я вспылил и ударил ее. Вот она и закричала». — «Но почему люди говорят, что ее вот уже несколько дней нет дома?» — продолжала допытываться Татьяна. «А я почему знаю, где она? — пожал плечами Джумагалиев. — В тот вечер она расплакалась и убежала. А домой могла не прийти, поскольку боится, что ее арестуют. Ведь вещи-то твои она украла». Это объяснение выглядело правдоподобно. И хотя в душе Татьяна продолжала

сомневаться, однако предпочла закрыть на все глаза. В конце концов, с какой стати она должна была беспокоиться о судьбе женщины, которая совсем недавно пыталась дочиста ее обокрасть?

В понедельник, 2 июля, в автомобильной катастрофе погибли сразу несколько известных кинематографистов. Среди них были: кинорежиссер Лариса Шепитько, кинооператор Владимир Чухнов, художник Юрий Фоменко и один человек из съемочной группы фильма «Прощание с Матерой». Работу над этой лентой Шепитько начала недавно и в тот роковой для себя день ехала в «Волге» со своими коллегами по съемочной группе на Селигер, в Осташков, чтобы снимать там природу. Причем перед отъездом она попрощалась со всеми друзьями, а вот со своим мужем кинорежиссером Элемом Климовым не смогла — времени не было (кстати, это именно он надоумил ее взяться за «Матеру», хотя сама она хотела снимать «Село Степанчиково» Ф. Достоевского). Она рассчитывала, что тот вместе с их сыном Антошкой приедет к ней на Селигер. Однако перед самым отправлением Шепитько почему-то сказала своему другу, фотографу Николаю Гнисюку: «Коля, если ты через месяц не приедешь, ты меня не застанешь...» Почему она так сказала, непонятно. Может быть, предчувствовала беду?

Вообще вокруг гибели Шепитько было много мистики. Судите сами. В последние годы жизни ее буквально притягивала к себе тема смерти. Например, в фильме «Восхождение» финальная сцена — массовая казнь. После этого фильма Лариса собиралась ставить по сценарию В. Войновича картину «Любовь». Но несмотря на столь оптимистическое название, фильм должен был стать трагическим: в его финале разъяренные деревенские старейшины убивают молодых влюбленных — парня и девушку. И наконец, «Прощание с Матерой». В его финале умирающая мать зовет к себе всех своих сыновей, чтобы они простились с ней, и с затапливаемой по приказу строителей ГЭС деревней. С чем же, как не с предчувствием близкой смерти, было связано столь частое появление «костлявой» в последних фильмах Шепитько?

Известно, что Лариса была крайним мистиком, верила в загробную жизнь, в переселение

душ, в то, что она уже несколько раз жила, и т. д. Очень серьезно относилась и ко всяким предсказаниям. Примерно за год до гибели она была в Болгарии и там посетила знаменитую Вангу. И та предсказала ей скорую смерть. Услышав это, Лариса в тот же день вместе с подругой пошла в храм и взяла с нее клятву, что если она умрет, то подруга будет заботиться об ее сыне Антоне. Другой ее друг — Л. Гуревич — позднее будет вспоминать следующее:

«Где-то за год до трагедии мы случайно встретились с Ларисой в Доме кино.

— Привет! — сказала она. — Знаешь, я скоро умру.

Сказала, как всегда, на бегу, на лестнице: мы опаздывали на чью-то премьеру.

— Не дури! — сказал я тоже на бегу. — Что за блажь!

— Я серьезно, мне Ванга предсказала.

— Больше слушай! — осерчал я. — Посмотри, на тебя все оборачиваются: молодая, красивая!

— Ты же не веришь, — как-то грустно усмехнулась она...».

Трагедия произошла на 187-м километре Ленинградского шоссе. «Волга» с киношниками по неустановленной причине (ходили слухи, что водитель заснул за рулем) выскочила на полосу встречного движения и врезалась в мчавшийся навстречу грузовик. Все находившиеся в «Волге» люди погибли практически мгновенно.

В день гибели Л. Шепитько Владимир Высоцкий находился вдали от родины — в Риме. В тот день он впервые выступил с концертом в ресторане. Заведение называлось «Да Отелло» и располагалось на маленькой улочке возле площади Испании. Это было любимое место Марины Влади — каждый раз, когда она снималась в Риме, она приходила сюда обедать. Три дочери старика Отелло, хозяина ресторана (и, как и Влади, коммуниста, между прочим), были ее подругами и всегда были рады видеть ее у себя. В те дни Влади снималась в фильме «Мнимый больной» (ее партнером был Альберто Сорди), и Высоцкий приехал вместе с ней на съемки. Как вспоминает сама М. Влади:

«Я выбрала маленькую гостиницу на улице Марио де Фьери, в двух шагах от знаменитой лестницы на площади Испании и от нашего ресторана с внутренним двориком, увитым ви-

ноградными лозами. Здесь снуют ловкие официанты — словно из итальянских комедий. Вино подают легкое, макароны — пальчики оближешь. Вокруг семейного стола уселись хозяйки, их дети, друзья, а за ними и все посетители ресторана потянулись к этому столу. Американские и японские туристы, пожилые обитатели квартала, отдыхающие в свежести вечера от почти тропической июльской жары, местные торговцы, врачи и санитары из ближайшей больницы — около двухсот пятидесяти человек больше двух часов стоят, прижавшись друг к другу, и слушают, как поет «русский». Поскольку старый Отелло — коммунист, большинство людей здесь, за исключением иностранных туристов, доброжелательно настроены по отношению к тебе, тем более что тебя представили как «оппозиционера», а итальянские коммунисты дальше всех отстоят от «линии Москвы». Еще здесь много киношников, которые кое-что слышали о тебе, о твоём театре, о Любимове. Я с грехом пополам перевожу им слова твоих песен. Иногда наступает полная тишина, потом раздаётся взрыв смеха. В такт песне люди начинают хлопать в ладоши, официанты то и дело разливают вино в стаканы. Сам собой получается праздник...»

Марина Влади не знает, что у ее мужа в Советском Союзе осталась любовница — Оксана Афанасьева. И он находит время, даже будучи в Италии, посылать ей подарки. Оксана в те дни находилась на учебной практике в Ленинграде, и у нее там пропали солнцезащитные очки. И в телефонном разговоре она посоветовала на это. Каково же было ее удивление, когда на следующий день дежурная по этажу в гостинице передала ей пакет, а в нем — очки и ласковая записка. Высоцкий умудрился уговорить летчиков Аэрофлота доставить эту посылку в Ленинград.

2 июля Евгений Леонов, находящийся на съемках в другом городе, пишет домой, своей жене и сыну Андрею письмо. В нем были такие строчки:

«Как-то Ванда (жена артиста. — Ф. Р.) села в такси, и таксист говорит (не предполагая, что везет знакомого мне человека): «Женька Леонов здесь живет». Ванда спрашивает: «Откуда вы знаете?» — «Мы всю жизнь вместе. Вот пьянв беспробудная, каждый день приходит и просит у меня трешку». Ванда: «Даєте?» Он говорит:

«Даю. Я люблю, он хороший артист. Вот в этой парикмахерской мы с ним бреемся вместе». Ванда выслушала, а потом говорит: «Как вам не стыдно! Я с ним в одном театре работаю — он не пьет».

Раньше я расстраивался, когда слышал о себе небыллицы, начинал объяснять, а сейчас не объясняю, но возникает какая-то боль. Никогда я этого вслух не высказываю, но обиды бередают сердце, ранят. Я теряюсь, когда на меня нападает какая-то сила, против которой я не могу ничего сделать...»

На «Мосфильме» режиссер Владимир Чеботарев приступил к съемкам детектива «Выстрел в спину» по одноименной книге Николая Леонова. На том же «Мосфильме» продолжают снимать другой детектив — «Город принял». На «Ленфильме» продолжают съемки фильма «Приключения принца Флоризеля».

4 июля в Москве состоялись похороны Ларисы Шепитько и ее коллег по съемочной группе, погибших в автомобильной катастрофе. Панихида проходила на «Мосфильме» при большом стечении киношного люда. Несмотря на то что в тот день лил проливной дождь, гробы установили во дворе студии. Как утверждают очевидцы, муж Шепитько Элем Климов, убитый горем, шептал: «Это мне Гришка Распутин мстит. Не надо было его трогать». Климов имел в виду свой фильм «Агония», который до сих пор лежал на полке.

5 июля начались съемки фильма «Тегеран-43». В 9-м павильоне студии была выстроена декорация «особняк Макса», в которой и были отсняты первые сцены этого политического боевика с мелодраматическим уклоном: встреча профессионального убийцы Макса Рижара (Армен Джигарханян) с нацистом Шернером по прозвищу Палач (Альберт Филозов). Съемки в этой декорации продолжались два дня.

5 июля в Москве открылась новая гостиница — «Космос», которая строилась силами советской и французской сторон. Это четырехзвездочный отель, в котором 1777 номеров (в основном двухместных). По этому случаю в зале конгрессов отеля был дан концерт, на котором выступили два популярных исполнителя с обеих сторон: советскую представляла Алла Пугачева, французскую — Джо Дассен. Популярность последнего в Советском Союзе ог-

ромная: его песни чуть ли не каждый день крутили по радио, периодически показывали по телевидению. Вообще из всех западных эстрад в нашей стране всегда лучше всех относились к французской, чему свидетельством является выход дисков, трансляции по ТВ и радио концертов всех крупных звезд французской эстрады: Ива Монтана, Шарля Азнавура, Жильбера Беко, Жака Бреля, Сальватора Адамо (несмотря на то что он бельгиец), Мирей Матье и, наконец, Джо Дассена. Однако так случится, что все перечисленные певцы неоднократно приедут в нашу страну с гастролями, а Дассен так и не успеет — слишком рано уйдет из жизни. Вот и этот июльский его приезд был вовсе не гастрольный: Дассен приехал в Москву всего лишь на два дня. После концерта артисты обменялись дисками: Дассен подарил Пугачевой две свои пластинки — «Люксембургский сад» и «Индийское лето» («Мелодия» вскоре их выпустит), а Пугачева преподнесла ему «Зеркало души».

Между тем участие Пугачевой в этом престижном концерте не давало покоя ее недоброжелателям, которых у нее всегда хватало. Вот почему именно в этот день — 6 июля — в той же самой газете, где ее уже неоднократно «прикладывали» — «Советской России», — появилась очередная зубодробительная заметка под названием «Все ли прощать?». Некий Б. Петров сетовал в ней на то, на что ранее сетовала эта же газета и некоторые другие — на развязное поведение певицы во время концертов. Дескать, она и шутит плоско, а иной раз и неприлично, и своих музыкантов физиономией по электрооргану возит. Заметка заканчивалась следующими словами: «Все это, конечно, можно выдать и за «несносный» характер или, мягче, как любят говорить некоторые руководители концертных и телевизионных организаций, за взбалмошность певицы... Ну, словом, баловство, это ли главное, мол... «Главное — талант актрисы». Кто против таланта? Все за талант, сомнений нет. Но вряд ли при этом надо забывать о самой певице, ее человеческом достоинстве, подлинном авторитете художника. Ведь талант во все времена питала, поднимала доброжелательная требовательность, а губили снисходительность, потребительство...»

В эти же дни весьма плачевная судьба постигла фильм Виктора Турова «Точка отсчета».

Фильм принадлежал к разряду военно-патриотических и повествовал о том, как бывший хулиган, попав в армию, становился лидером призывников, добивался звания младшего сержанта, но когда наступали боевые учения, сел в лужу — не смог доказать свою крутизну в настоящем мужском деле. Фильм был уже готов к выходу на экран, как вдруг на его пути встал сам министр обороны СССР Дмитрий Устинов. Посмотрев фильм, он возмутился увиденным и накатал «телегу» в ЦК КПСС. Случилось это 6 июля. В «докладной» (или «закладной», как метко называли такие бумаги шутники) сообщалось:

«По замыслу постановщиков, фильм, построенный на материале будней воздушно-десантных войск, должен раскрыть сложность формирования воина-десантника, роль армейского коллектива в его становлении. Однако эта важная и ответственная тема представлена авторами в искаженном виде... Не раскрывается духовная жизнь воинов, процесс их идейного роста, возмужания, в то же время значительная часть ленты обращается к показу потасовок, драк, ресторанной жизни... Картина лишена оптимистического начала, романтической приподнятости и в представленном виде способна вызвать превратное представление об армии, службе в ней...

Полагал бы целесообразным фильм «Точка отсчета», как ущербный в идейно-политическом плане, на всесоюзный экран не выпускать...»

После этого письма у картины было два пути: либо она шла напрямиком на «полку», либо под монтажные ножницы. Будет выбран второй путь — ленту здорово обкарнают. Однако даже несмотря на это, она через год завоеует приз на Всесоюзном кинофестивале.

Но вернемся в июль 79-го и перенесемся в город Майкоп, где в начале этого года зародилась банда братьев Самойленко. В январе этого года братья обзавелись автомобилем (угнали прямо из гаража) и оружием (его им продал житель Краснодара Сергей Леженников). В планах банды было нападение на инкассаторов, но затем планы поменялись. Поскольку инкассаторы были вооружены и всегда имели возможность дать достойный отпор грабителям, было решено избрать в качестве жертв беззащитных людей — рядовых автовладельцев. Именно с

лета 1979 года начался кровавый путь братьев Самойленко, когда каждый месяц вплоть до марта 1980 года они будут лишать жизни по нескольку человек, уничтожая их безжалостно и хладнокровно, как бы походя, довольствуясь порой самым малым, за что и убивать казалось бессмысленным. Но главарь банды Дмитрий Самойленко сразу предупредил младших братьев, что в живых они никого оставлять не будут, чтобы не «сгореть» по пустяку.

Первые убийства банда совершила 6 июля. В тот день рано утром братья выехали из Майкопа в Ставропольский край, намереваясь совершить нападение на водителей легковых машин с целью завладеть их имуществом и деньгами. В тот день они были вооружены мелкокалиберной винтовкой с глушителем и револьвером «наган». Около четырех часов утра, подъезжая к окраине Невинномыска, они увидели автомашину «ВАЗ-2103», припаркованную на обочине. В ней спали трое мужчин, один из которых — Вагиф Асадов — был одет в милицескую форму. Однако бандитов это не испугало. Более того, Дмитрий сообщил, что давно хотел достать форму работника милиции, чтобы легче было совершать преступления. Короче, братья решили напасть на спящих. Далее послушаем рассказ одного из бандитов — Юрия Самойленко:

«Подойдя к «Жигулям», Дмитрий сказал Валерию, чтобы он стоял с другой стороны машины и не давал людям возможность выскочить из нее. Валера так и поступил. После этого Дмитрий стал стрелять из револьвера через боковое стекло в спящих людей. Когда он расстрелял все патроны, то взял из моих рук винтовку и продолжал стрелять. В каждого выстрелил по несколько раз. В это время Валера принес новые патроны для револьвера. Я зарядил «наган» и несколько раз выстрелил в машину. Первый раз я стрельнул в стекло задней дверцы, после чего стекло рассыпалось. Потом несколько раз я выстрелил в человека, который лежал на заднем сиденье.

Убедившись, что все мертвы, мы перетащили трупы на заднее сиденье автомашины и поехали в сторону Армавира. Увидев подходящую лесополосу, свернули с дороги и остановились. Вытащили из машины трупы. Обыскали, вынули из карманов деньги. Сняли с работника милиции форму. Потом мы вырыли яму глубиной

примерно в один метр и сложили туда трупы. Двое вниз, а третий сверху, посередине. На трупы положили их одежду, чехлы из их машины, коврики с пола, одеяло. Потом забросали яму землей, сухими листьями и уехали с этого места. Машину убитых мы потом сбросили в канал...»

Добыча, которая в тот день досталась бандитам, была не столь велика, как того хотелось бы, но они и ей были рады — как-никак первое дело, и прошло оно без сучка без задоринки. А досталось братьям следующее: несколько десятков пачек индийского чая, летний мужской костюм, джинсы, отрез на платье, около пяти-сот рублей наличными. Все это они разделили между собой поровну. Более ценные вещи — автомобильный магнитофон, часы, золотые кольца — решили передать своему компаньону в Ставрополе Леженникову, чтобы тот их продал.

Михаил Боярский продолжает лежать в одной из столичных клиник, куда он угодил в конце июня после автомобильной аварии. У артиста поврежден позвоночник, и он лежит, что называется, пластом, без движения. Каждые выходные к нему приезжает его жена, актриса Лариса Луппиан. Она вспоминает:

«Даже в больницу к нему ходили толпы народа, и, как ни странно, всех почему-то пускали посмотреть на Боярского. Помню, при мне пришли к нему, обездвиженному, две девушки, сели напротив открыв рты, помолчали, а потом попросили: «Спойте, пожалуйста».

Кстати, по Москве тогда распространились слухи, что Боярский погиб, и, чтобы их развеять, подключили прессу: в газете «Советская культура» (17 июля) будет опубликовано интервью с артистом, где он успокоит своих поклонников. Происшедшее с собой специально опишет помягче: мол, «нелепый случай (получил травму) выбил меня из строя».

Тем временем вся столица стремится в Сокольники, где в те дни проходит международная выставка под названием «Быт и мода» (открылась 28 июня). Особенный ажиотаж наблюдался у павильона, где свою продукцию представляли три ведущие джинсовые фирмы Запада: «Ли», «Леви Страусс» и «Блю Бэлл» (торговая марка «Рэнглер»). В те годы достать приличные джинсы в советских магазинах было невозможно, их можно было купить толь-

ко у спекулянтов, но по «кусающейся» цене — 200—300 рублей за одни штаны. Естественно, такие деньги отдать могли только избранные. А те, кто их не имел, вынуждены были либо покупать джинсы «made in USSR», которые презрительно назывались «чухасы», либо идти на преступления: были случаи, когда молодежь из числа отморозков шла даже на убийство, лишь бы стать обладателем заветных брюк. Вот почему народ в те дни ломился в Сокольники, чтобы воочию взглянуть на новинки джинсовой промышленности. Посмотреть было что. На стендах были представлены джинсы с «линией сигареты» фирмы «Ли» — узкие от бедра, вельветовые в средний рубчик от «Рэнглер» и т. д. и т. п. Кроме этого, на других стендах демонстрировалась одежда из ткани «локэ» — похожей на черную блестящую кожу, но более мягкую, тонкие рубашки из хлопка в мелкую клетку и др. Здесь же демонстрировалась новинка для мужчин — двойное безопасное лезвие для бритья с плавающей головкой от «Жилетт». То самое, которое «лучше для мужчины нет». Увы, практически ни одна из этих представленных на выставке вещей в советские магазины так и не поступит.

Во вторник, 10 июля, на «Мосфильме» Марк Захаров приступил к съемкам своего фильма «Тот самый Мюнхгаузен». В павильоне № 2 студии была выстроена декорация «дом Мюнхгаузена», где в тот день с 10 утра до семи вечера сняли аж 11 кадров из самого начала фильма: пастор (Владимир Долинский) приходит в дом Мюнхгаузена (Олег Янковский), чтобы по просьбе хозяина обвенчать его с любимой женщиной Мартой (Елена Коренева). Последнюю, кстати, утвердили на роль жены Мюнхгаузена практически в последний момент. Сам Захаров мечтал снимать в этой роли актрису своего театра Татьяну Догилеву, репетировал с ней, но телевизионное начальство, по заказу которого и снимался фильм, вдруг выступило против этой кандидатуры. И Захаров снимал Кореневу, что называется, через не хочу.

Вячеслав Иваньков, он же Япончик, мирно отдыхает от бандитских трудов в Ялте. Приехал он туда сразу после того, как в прошлом месяце вытряс в Риге из «цеховика» Крейцберга 300 тысяч рублей наличными. С помощью своей хорошей знакомой Кали Никифоровой он раздобыл путевку в престижный санаторий «Лива-

дия» и оттягивался там на полную катушку: ел икру ложками, каждый день менял девочек. Однако он не знал, что его вот уже почти две недели разыскивают те самые амбалы, которых он оставил в дураках в Риге. Они хотели поквитаться с ним и за собственное унижение, и за «наезд» на «цеховика». Видимо, связи у амбалов в криминальном мире были поставлены хорошо, если они сумели-таки найти Япончика в номенклатурном санатории. Разбираться с ним был отправлен один из известных питерских воров в законе.

Иваньков в тот вечер гулял с очередной девицей по берегу моря, когда у них на пути возникли трое качков. Один из них достал из-за пояса пистолет и, ткнув его в бок Япончику, сказал, тобы тот следовал туда, куда ему укажут. Пришлось подчиниться. Через несколько метров качки привели Япончика на одну из аллей, где его ждал питерский вор. Но запугать Япончика даже ему оказалось не под силу. Япончик хорошо знал законы блатного мира и доходчиво объяснил питерскому, что в Риге действовал правильно. Мол, я честный босяк и могу снимать с любого фраера. «А Кисловодский сходняк?» — попытался было напомнить ему питерский. «А я на него клал, — ответил Япончик. — Где это видано, чтобы воры с барыгами за один стол садились, да еще из их рук кормились? Так что здесь я чист. А вот ты лучше ответь: зачем ты в Ригу бакланов своих прислал, а не сам приехал? Ведь если у тебя к вору есть вопросы, ты сам должен к нему прийти, а не присылать «шестерок». И вот за это я сам могу тебе самому предьяву кинуть. Так что подумай об этом на досуге». Сказав это, Япончик толкнул плечом ближнего качка спокойно удалился. И этот поединок он выиграл.

Владимир Высоцкий вернулся из Италии на родину. Однако та встретила его неласково. Впрочем, он сам был виноват. На пограничном контроле он сунул руку в карман и машинально достал... два загранпаспорта. В свое время он по разным разрешениям оформил себе два документа и оба оставил у себя, хотя один должен был сдать. Пограничники, естественно, на него «наехали»: как? почему? В итоге заставили один паспорт отдать им и пригрозили большими неприятностями. Их начальник так сказал: мол, не думайте, что вам все позволено. Но начальником ОВИРа был друг Высоцко-

го — полковник Фадеев, который спустил это дело на тормозах. Изъятый паспорт Высоцкого уничтожили, а к нему никаких претензий больше не предъявляли.

Тем временем возлюбленная Высоцкого — Оксана Афанасьева — продолжает проходить учебную практику в Ленинграде. Там ее пытались завербовать... в осведомители. КГБ знал, кем эта девушка приходится Высоцкому, и пытался через нее выйти непосредственно на него и его окружение. Что из этого вышло, рассказывает сама О. Афанасьева:

«В Ленинграде ко мне приставили человека по имени Руслан. Сначала девочки заметили, что за мной ходит подозрительный тип и всех обо мне расспрашивает, а потом меня... выселили из гостиницы. Знаете за что? — поймали на «валютной операции»: в валютном баре я купила тоник. У меня была аж пара долларов мелочью! Тут-то и появился Руслан, который начал меня запугивать валютной статьей — в ней ведь не говорилось о сумме. Его очень интересовали Володины знакомые и его жизнь. На следующий день меня вернули в гостиницу, а Руслан стал за мной ухаживать и к концу практики признался в любви, предложив выйти за него замуж. Он даже пообещал показать мне мое досье! Мы с Володей очень смеялись над этим эпизодом, тогда это казалось смешным...»

Близится к завершению первый круг чемпионата страны по футболу. 12—13 июля игрались матчи последнего тура. В Ташкенте «Пахтакор» принимал минское «Динамо» и довольно легко обыграл его со счетом 2:0. После этой победы ташкентцы прочно утвердились на 8-м месте и ушли на перерыв в прекрасном настроении. Никто из них, да и во всей стране, еще не догадывается, что спустя ровно месяц команда «Пахтакор» почти полностью погибнет. И невольным виновником этой трагедии будет все то же минское «Динамо».

В творческих вузах страны идут приемные экзамены. Студенткой Ленинградского института театра, музыки и кино стала тогда 20-летняя Лариса Гузеева (в недалеком будущем — Лариса Огудалова из «Жестокого романса»). Она приехала поступать в институт из Оренбургской области. В детстве все ее считали гадким утенком, но к моменту поступления в вуз она превратилась в стройную и красивую де-

вушку с длинными роскошными волосами. Самое странное, но Лариса пренебрегла этим козырем: явившись на консультацию в институт и увидев толпы таких же красоток, Гузеева поступила сообразно своему решительному характеру — постриглась «под ноль». Парадоксально, но, несмотря на столь нетрадиционный внешний вид, преподаватели сумели разглядеть в ней ростки таланта. И Ларису зачислили на первый курс актерского факультета.

В первой половине июля в Москве в прокат вышел таджикский фильм «Повар и певица». Фильм никудышный, и единственные «светлые пятна» в нем — песни Александра Зацепина в исполнении Аллы Пугачевой («Если долго мучиться») и Михаила Боярского («Бармалей»). В этот же день в повторный прокат вышел адаптированный к большому экрану фильм «Тени исчезают в полдень».

Кино по ТВ: «Великая Отечественная», фильм 17-й (премьера д/ф), «Хабиб — повелитель змей», «Мать и мачеха» (3-го), «Большая жизнь» (4-го), «Великая Отечественная», фильм 18-й (премьера д/ф), «Ночной мотоциклист» (6-го), «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (США, впервые по ТВ 7-го), «Путина» (7—8-го), «Боба и слон» (9-го), «Скиппи» (Австралия, 9—13-го), «Великая Отечественная», фильм 19-й (премьера д/ф 10-го), «Дни хирурга Мишкина» (10—12-го), «Аревик» (11-го), «Пассажир с «Экватора», «Великая Отечественная», фильм 20-й (премьера д/ф), «Ночной визит» (13-го), «Закрытие сезона» (14-го) и др.

Из театральных премьер: 12-го в ЦТСА был показан спектакль «Транзит» по Л. Зорину с участием Людмилы Касаткиной, Андрея Петрова, Геннадия Крынкина и др.

Эстрадные представления: 11—15-го в Зеленом театре ВДНХ состоялись концерты с участием победителей Московского конкурса артистов эстрады Ефима Шифрина, Галины Володиной, ансамбля «Аллегро» и др.; 14—15-го в Саду имени Баумана выступал фокусник Арутюн Акопян; в ЦПКиО прошло представление «Он, она и спорт» с участием Владимира Винокура, Любви Полищук, ВИА «Синяя птица» и др.; 14—16-го на стадионе «Локомотив» прошли представления «Конное ревю» (Польша). Народ на эти представления ходит плохо, поскольку из-за жары многие мо-

сквичи предпочитают отдыхать за городом. Например, 1-го в Зеленом театре парка Сокольники должен был выступать ВИА «Девчата», но концерты отменили: в зале на 3000 мест было продано всего полтора десятка билетов.

В Москве продолжают съемки детектива «Город принял».

В Судаке близятся к завершению съемки блокбастера «Пираты XX века». В середине июля там снимали кульминацию — последний бой стармеха Сергея (Николай Еременко) с пиратами. Помните, капитан (Петр Вельяминов) многозначительно глядит на стармеха, после чего приказывает ему: «Давай, Сережа». И тот дает — в одиночку плывет к пиратскому кораблю и выводит его из строя. Во время съемок этого эпизода актер чуть не погиб. Он прыгал с десятиметровой скалы в воду рядом с пароходом, и ему нужно было угодить именно в этот промежуток. Однако Еременко малость не рассчитал и всплыл аккурат рядом с пароходными винтами. Только по счастливой случайности те не затянули его под себя. После этого Еременко два дня отсутствовал на съемочной площадке (20 и 23 июля).

Ваш покорный слуга в те дни находился вдали от Москвы — в Бухарской области. Вместе с отцом мы отправились на очередной отдых в Узбекистан. Так получится, но это окажется моя последняя, на сегодняшний день, поездка на родину моих предков. Из той поездки мне запомнилось много хорошего. Несмотря на испепеляющую жару (45 градусов в тени), мы с отцом целыми днями только и делали, что ходили по гостям.

Будучи заядлым меломаном, я и в этой поездке не мог упустить случая, чтобы не пополнить свою коллекцию очередной музыкальной новинкой. В ларьке «Звукозапись», что располагался в глубине базара в городе Гиждуване, я записал целую «бобину» с песнями узбекского ансамбля «Ялла». Знаменитого хита «Учкудук» там не было (он еще только писался), однако были другие, не менее, на мой взгляд, интересные песни. «Ялла» уверенно входил в число популярных: ему удалось очень профессионально соединить национальный колорит и современное звучание.

19 июля в Узбекистан с гастролями прибыл Владимир Высоцкий. В этой поездке его сопровождали несколько человек: Всеволод Аб-

дулов, Валерий Янклович, Владимир Гольдман, Анатолий Федотов (врач, его оформили в поездку как артиста «Узбекконцерта»), Елена Облеухова (артистка разговорного жанра). Первый концерт состоялся на следующий день в городе Зарафшане, в ДК «Золотая долина», в 16.00. После этого до конца дня Высоцкий дал еще три (!) концерта. На всех были аншлаги. На следующий день картина повторилась, только место сменилось — это был уже Учкудук, ДК «Современник». В итоге уже через пару дней такого темпа, да еще в жуткую жару, Высоцкий стал чувствовать себя крайне плохо. Чтобы как-то поддержать его, 24 июля Янклович позвонил в Москву любимой девушке Высоцкого Оксане Афанасьевой и попросил немедленно вылететь к ним. Она так и сделала. И буквально вытащила любимого с того света. Но об этом чуть позже.

В те дни приболела и Алла Пугачева, из-за чего пришлось отменить ее выступления в столичном киноконцертном зале «Октябрь» (21, 26—27 июля). Кроме здоровья, у знаменитой певицы не ладилась и отношения внутри семьи, с мужем Александром Стефановичем. Как мы помним, в апреле его угораздило оскорбить сотрудника КГБ, после чего режиссера отстранили на «Мосфильме» от работы. Пугачева попыталась помочь мужу: пригласила в дом одного влиятельного человека, который много ей помогал, чтобы тот помог и Стефановичу. Но randevу закончилось грандиозным скандалом. И причиной всему был... вождь мирового пролетариата Ульянов-Ленин. Когда гость в разговоре коснулся проблемы захоронения Ленина и высказал мысль, что надо бы Ильича предать земле согласно христианским законам, Стефанович имел смелость высказать иную точку зрения. Он сказал, что Ленина хоронить не надо: мол, придет еще время, когда его посадят на скамью подсудимых и выскажут ему все, что он сделал со страной. У гостя после этих слов аж челюсть отвисла. А у Пугачевой началась истерика. Она стала бить об пол тарелки, а когда они кончились, заявила, что не хочет иметь ничего общего с мужем-антисоветчиком. После этого скандала отношения супругов стали, что называется, хуже некуда.

Близятся к завершению съемки фильма «Сыщик». На «Мосфильме» режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич готовится к съемкам

очередного фильма — на этот раз это водевиль, который так и называется: «Ах, водевиль, водевиль...». С 6 июля начались кинопробы актеров на главные роли, которых, кстати, не так и много: всего-то четыре. За эти дни перед режиссером прошло множество актеров: Олег Табаков, Михаил Пуговкин, Елена Цыплакова, Людмила Крылова, Георгий Георгиу, Галина Беляева. Последняя объявилась на студии аккурат в двадцатых числах июля и практически с первого же взгляда понравилась Хилькевичу. Беляевой тогда было всего 18 лет, она училась на первом курсе Вагановского хореографического училища и крутила любовь с известным кинорежиссером Эмилем Лотяну. По ее воспоминаниям:

«Меня вызвали на студию «Мосфильм». Помню длинный-длинный коридор, по которому я шла озираясь, чтобы увидеть номер комнаты, которая была мне нужна. Это был какой-то бесконечный путь. Наконец на четвертом этаже я отыскала группу «Ах, водевиль, водевиль...». Открыла дверь и вошла. За столом сидели две женщины и красивый мужчина. И повисла такая минутная пауза. Я ощущала на себе пристальный взгляд мужчины. Сама смотрела на него и понимала, что этот человек мне нравится. Так произошло наше знакомство. Глазами. Я почувствовала, что и я ему очень понравилась. Это было как любовь с первого взгляда. Этот человек оказался режиссером Георгием Юнгвальд-Хилькевичем. Говоря о влюбленности, я имею в виду чисто человеческий контакт, который возник в одно мгновение. Влюблена по-настоящему тогда я была только в Эмиля Лотяну.

Юнгвальд-Хилькевич мне сказал:

— Галя, вы — как раз то, что я хотел. Вы — моя героиня. Мы сделаем пробы для профформы. Считайте, что вы уже утверждены.

А я еще даже не читала сценария...»

26 июля вновь дал о себе знать террорист, который в начале месяца взорвал бомбу возле кинотеатра «Мир» в Клину. Как мы помним, преступником был человек мирной профессии — детский хирург Василий Никитенков, у которого «поехала крыша». Несмотря на то что взрывом у кинотеатра занимался столичный КГБ, напасть на след преступника до сих пор не удалось. Вот он и осмелел. Однако место для своего очередного взрыва он теперь выбрал

другое — 24-й километр Ленинградского шоссе. Там он оставил банку из-под растворимого кофе, в которую заложил взрывчатку. Расчет был простым: кофе в те годы был дефицитом, поэтому на банку кто-то наверняка должен был обратить внимание. Так и вышло. Некий рабочий, направлявшийся на работу, подобрал банку и, спрятав ее в сумку, прошествовал дальше. Приехав на место работы — на строительную площадку кулинарного училища в городе Химки, — рабочий извлек банку из сумки и попытался открыть. Грянул взрыв. Рабочему оторвало кисть руки и повредило лицо. По типу взрывчатки эксперты установили, что ее смастерил тот же умелец, что взорвал бомбу у кинотеатра «Мир».

27 июля в «Московском комсомольце» появился очередной (54-й) выпуск «Звуковой дорожки». В ней были представлены краткие творческие портреты модных эстрадных исполнителей тех дней: Игоря Иванова (это он пел «По французской стороне», а последний хит в его исполнении тоже принадлежал перу композитора Давида Тухманова и назывался «Мы с тобой танцуем»), Ольги Зарубиной (последние хиты — «Так не должно быть» и «Мне покоя нет»), Ксении Георгиади, Татьяны Анциферовой (шесть хитов из фильма «31 июня»). Как всегда, публиковался очередной хит-парад лучших песен прошедшего месяца, в котором два первых места заняли песни в исполнении Аллы Пугачевой: «Взлети над суетой» и «Звездное лето». Последняя была особенно популярна в народе. Далее в хит-параде шли песни, которые доминировали и в прошлом хит-параде: «Так не должно быть», «Подберу музыку», «Ищу тебя», «Мы с тобой танцуем», «Этот мир». В конце списка расположились хиты, которые попали в топ-лист в первый раз: «Девушка из Полесья» (О. Иванов — А. Поперечный) — ВИА «Сябры» (14-е место), «Подари мне шарик» (С. Дьячков — В. Цейтлин) — ВИА «Синяя птица» (15-е).

В этот же день, 27 июля, в «Останкино» представители Гостелерадио принимали фильм Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Стоит отметить, что Говорухин снял материала на 7 серий, однако консультанты фильма — высокие чины из МВД — заставили две серии отправить в корзину. Главная претензия — слишком много уркаганов на экране. Как ни горько было режиссеру, но при-

шлось взять в руки ножницы и... Однако заказчику в день приемки был показан не весь фильм, а только часть его, поскольку остальное еще находилось в обработке. Но и увиденное вполне удовлетворило телевизионщиков, и фильму был дан «зеленый свет». Полная сдача картины должна была состояться в сентябре.

Между тем исполнитель роли Жеглова из «Места встречи...» — Владимир Высоцкий — продолжает свои гастроли в Узбекистане. За эти дни он дал целую серию концертов в Зарафшане (20-го), Учкудуке (21-го), Бухаре (25-го), Навои (26—27-го). В последнем городе он едва не умер. Дело было так.

Рано утром 28 июля прямо в гостиничном номере у Высоцкого случилась клиническая смерть. Потом будут говорить, что поводом к ней стало острое отравление — накануне Высоцкий съел вчерашнего плова. Находившаяся рядом Оксана Афанасьева стала делать ему искусственное дыхание рот в рот, позвала на помощь. Сначала прибежал живший в соседнем номере Владимир Гольдман, который немедленно пригласил врача Анатолия Федотова. Тот сделал Высоцкому укол в сердце, потом стал массировать. Оксана и Гольдман попеременно дышали ему в рот. И Высоцкий ожил. Как вспоминает О. Афанасьева:

«Тогда я услышала от него самые важные слова. Первое, что он сказал, когда пришел в себя: «Я люблю тебя». Знаете, я почувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Он никогда не бросался такими словами и говорил их далеко не каждой женщине. В тот день, видимо, он понял, что не сможет со мной расстаться, и принял окончательное решение... До этого все просил: «Оксаночка, не ревнуй! У меня для вас обеих, для тебя и Марины, всегда в сердце места хватит...»

Он долго не говорил мне о любви, наверное, не хотел связывать. Твердил, что как только я захочу уйти, он меня сразу отпустит, но тут же добавлял, что не представляет своей жизни без меня... Я понимала, что Володя разрывается между нами. По общепринятым меркам он ведь калечил мне жизнь. Ну что он мог мне дать? Роль второй гражданской жены? Я ведь даже не могла родить от него ребенка, хотя он очень хотел этого. Забеременела, но пришлось сделать аборт — не было гарантий, что ребенок родится здоровым...»

Как ни странно, но, едва оклемавшись, Высоцкий заявил, что концерты отменять не будет. «Выступлю прямо сегодня!» — заявил он друзьям. Но те встали на дыбы: понимали, что с такими делами не шутят. В итоге Гольдман отменил все последующие концерты и отправил Высоцкого через Ташкент в Москву. С ним полетели Оксана Афанасьева, Всеволод Абдулов, Анатолий Федотов, а Владимир Гольдман и Валерий Янклович пока остались: они должны были отправить багаж.

В конце июля в Ленинграде объявились вандалы, которые уничтожили в Летнем саду статуи, устоявшие перед всеми стихийными и социальными потрясениями. Узнав об этом, драматург Леонид Зорин написал строчки, которые стали пророческими: «Этот садистский акт вандализма надолго лишил меня равновесия. Я видел в нем вызов недостижимому, темный и безотчетный вызов культуре, поэзии, красоте. Нет, мировой процесс неделим, и нам еще суждено пережить время экстремы, столкнуться лбами с мстительным маргинальным подпольем, когда оно выйдет на свет, не таясь. Мир, до поры до времени скрытый, но рядом живущий и копящий ненависть, громко о себе заявил...»

Вернемся в Москву. Писатель Константин Симонов в те дни находился в больнице. В субботу, 28 июля, его навестил журналист «Литературной газеты» Наум Мар. Газета собиралась в ближайших номерах опубликовать стихи Симонова о событиях на Халхин-Голе в 1939 году, и писатель должен был лично отобрать эти произведения. Журналист вспоминает:

«В точно назначенный срок я был у него в палате. Симонов — в привычной рабочей куртке. Неторопливо шагает по палате. На подоконнике — несколько свежих книг, на небольшом столе — фарфоровый чайничек для заварки. Мало кашляет. Отругал меня за цветы — сказал, что он не дама, и перешел к делам...»

Чуть позже рассказал недавнюю историю.

— На днях под Сухуми заболела внучка: перитонит... Глухая ночь! Ребенка надо немедленно везти из селения в город. Я позвонил знакомым... И абхазцы, и грузины — верные друзья в беде: все сделали — вывезли, прооперировали, спасли девочку!..»

В Ставрополе зверствует банда братьев Самойленко. После своего первого преступления — убийства трех человек 6 июля — душегу-

бы на время затаились: гуляли на заработанные кровавым путем деньги, продавали вещи убитых. А в конце месяца их снова потянуло на преступление. Местом его они выбрали детский сад № 60, что на улице Васильева, 32, куда ходили дети одного из бандитов — Юрия. Он и предложил нанести туда визит, сообщив, что в саду есть чем поживиться: мол, видел сам, какие там богатства.

В воскресенье, 29 июля, около двух часов ночи братья, вооруженные револьвером, проникли на территорию детсада. Разбуженный шумом сторож успел только вскочить на ноги, как тут же был сражен выстрелом из «нагана» в живот (позднее он скончается в больнице). Стрелял старший — Дмитрий. Расправившись со сторожем, братья бросились грабить детсад. В ту ночь они унесли оттуда вещей и денег на общую сумму 2 800 рублей (среди похищенного значилось: десять ковров, пишущая машинка «Москва», счетная машинка «Электроника» и др.).

29 июля советский кинематограф едва не лишился еще одного своего кумира, причем опять в автоаварии. Кинорежиссер Александр Алов ехал в тот день на своей «Волге-ГАЗ-24» по столице, как вдруг прямо перед ним на проезжую часть выбежал мальчик. Алов успел вывернуть руль в сторону, чем спас пацана от неминуемой гибели. Однако сам режиссер пострадал: «Волга» врезалась в дерево и ее хозяин получил ушиб грудной клетки. Если бы дерево росло ближе к проезжей части, все могло закончиться куда печальней. А так режиссер отделался легким повреждением. Что касается «Волги», то она пострадала куда существенней: у нее был поврежден капот, переднее левое крыло, передний бампер, решетка радиатора, передняя левая дверь, подвеска, диск переднего колеса. Но все эти повреждения Алову помогли ликвидировать мастера из лучшей столичной станции техобслуживания — № 7 (там ремонтировали «блатных»).

Вячеслав Япончик, вдоволь наотдыхавшись на солнечном юге, вновь вернулся в полную тревог и опасностей повседневную жизнь. Из Ялты он направился в Свердловск, где его уже дожидались Асаф и Слива. Они собирались «грабануть» тамошнего «цеховика», у которого в доме хранились несметные богатства. Однако, в отличие от рижского случая, здесь

был разыгран иной, куда более коварный метод.

В один из дней, когда цеховик был на работе, сообщница грабителей позвонила ему домой, зная, что там находится дочь хозяина. Полным волнения голосом звонившая рассказала девушке, что ее отца только что арестовали и через несколько минут милиционеры должны прийти к ним с обыском. «Поэтому вам надо спешить, — вещала на другом конце провода сообщница грабителей. — Спасайте все самое ценное». Естественно, после такого звонка девушка стала лихорадочно бросать в сумку меха, драгоценности, деньги. Набив ими не одну, а две сумки, она выскочила из квартиры. И тут же угодила в руки грабителей, которые давно ее поджидали. Правда, о том, что они преступники, девушка не догадывалась: на одном из них была милицейская форма (это был Иваньков), двое других представились его коллегами. Они предложили девушке вернуться в квартиру, где конфисковали у нее не только обе сумки с вещами, но и другие вещи, про которые она в спешке забыла.

Во второй половине июля в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер. Особенно богатым на них стал день 16 июля, когда на широкий экран вышли сразу три фильма: мелодрама Тофика Шахвердиева «**Двое в новом доме**» с участием Марии Соломиной, Александра Абдулова, Эммануила Виторгана и др.; спортивная драма Евгения Васильева и Рудольфа Фрунтова «**Тактика бега на длинную дистанцию**» с участием Георгия Корольчука, Эммануила Виторгана, Ларисы Удовиченко и др.; политический боевик Владимира Павловича «**Бархатный сезон**», где в ролях были заняты Юозас Будрайтис, Татьяна Сидоренко и др. Из других премьер назову: 20-го — спортивная драма Виктора Садовского «**Все решает мгновение**» с участием Галины Беляевой, Бориса Зайденберга, Натальи Фатеевой и др.; 30-го — мелодрама Ф. Филиппова «**Поздняя ягода**» с участием Валерии Заклунной, Алексея Серебрякова, Георгия Юматова и др.; детектив Андрея Ладынина «**Версия полковника Зорина**» с участием Всеволода Санаева, Бориса Иванова, Владимира Тихонова и др.

Кино по ТВ: «И снова утро» (16-го), «Пленники Барсова ущелья» (17-го), «Чемпион мира» (18-го), «Ярость» (**преьера т/сп** 18—20-го), «Горячие денечки» (19-го), «Свадебные колокола» (21-го), «Пуччини» (Италия, 21—22, 28—29-го), «Тимур и его команда», «Родные» (оба — 23—24-го), «Ущелье покинутых сказок» (25-го), «Дуэнья» (27-го), «Пропало лето», «Рассказ о печальной судьбе Керри» (**преьера муз/ф**), «Золотая мина» (28-го), «Первая женщина королевства» (29-го), «Расмус-бродяга» (30—31-го), «Перед экзаменом» (31-го) и др.

Эстрадные представления: 16—22-го в ЦПКиО продолжились представления «Он, она и спорт» с участием Владимира Винокура, Любови Полищук, ВИА «Синяя птица» и др.; 17-го — в «Энтузиасте» выступал ВИА «Поющие гитары»; 20-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты в честь Олимпиады-80, где выступили ВИА «Песняры», танцевальный ансамбль «Березка», популярные спортсмены; 22—24-го в «Октябре» пела певица из ГДР Регина Тосс; 23-го в «Энтузиасте» — Людмила Зыкина; 24-25-го — в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием Людмилы Зыкиной, Клавдии Шульженко, Элины Быстрицкой, Геннадия Хазанова, Владимира Винокура и др.; в «Новороссийске» пела Эдита Пьеха; 28-го в «Октябре» выступали певица Жанна Рождественская со своей дочкой Олей, юморист Ян Арлазоров, певица Екатерина Суржикова и др.; в «Звездном» — «Песняры»; 30-го — в ЦДСА пел Эдуард Хиль.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю два миньона. На первом — «**Песни Владимира Шанского**» — звучали следующие песни: «Пропала собака» (слова — А. Ламм) — Владимир Шанский и Лена Могучева, «А он мне нравился» — С. Константиновская и И. Уварова, «Я помню все» (А. Жигарев) — ВИА «Здравствуй, песня», «Рябина» (В. Харитонов) — София Ротару и группа Стаса Намина. На втором — интернациональном — звучали песни в исполнении группы «Би Джиз» («Лихорадка субботним вечером») и ВИА «Акварели» («Сувенир», «День за днем»).

В журнале «**Кругозор**» (№ 7) — следующие пластинки: песни из т/ф «31 июня»; «Ирапшн» — «Я не могу стоять под дождем», «Любовь компьютера».

1979 АВГУСТ

Умер еще один заместитель Щелокова. Юрий Антонов пишет новый миньон. Триумф и горе Валерия Леонтьева. Брежнев в «Артеке». Гибель «Пахтакора»: мистика и реальность. Кубок СССР по футболу уезжает в Тбилиси. Вдовы «Пахтакора». Скандал вокруг «Метрополя» продолжается. Высоцкий отдыхает в Сочи. Открылся Московский кинофестиваль. Почему остановились съемки «Петровки, 38». ЧП в космосе: зацепилась антенна. Инцидент в космосе помог фильму «Экипаж». Секретный визит Черненко на родную заставу. Начались съемки фильма «Рафферти». Царские хоромы Олега Борисова. «Выстрел в спину»: снимают трюки. «Маленькие трагедии»: раздражение Даля продолжается. Похороны «Пахтакора». Космонавты вернулись. Очередное убийство братьев Самойленко. Погиб политобозреватель Анатолий Овсянников. Родился сын у Валерия Золотухина. Ограбление Высоцкого в Сочи. «Тегеран-43»: Париж снимают в ГДР. Ночная погоня. Очередные пертурбации в ВИА «Веселые ребята». «Тот самый Мюнхгаузен»: в саду баронессы. Первая игра обновленного «Пахтакора». Неудачное нападение братьев Самойленко. Сбежал балерун Александр Годунов. Последние дни Олега Даля в «Маленьких трагедиях». Высоцкий летит из Сочи. «Апокалипсис» в Москве: падение занавеса. Конкурс в Сопоте. Умер Константин Симонов. Награды песне «День Победы». Концерты Высоцкого в Минске. Братья Самойленко убивают семью. Последний концерт Высоцкого в Минске. Похороны Константина Симонова. Высоцкого выдворяют из Минска.

3 августа союзное МВД потеряло еще одного высокопоставленного руководителя: из жизни ушел заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант милиции Константин Никитин. Как мы помним, три с половиной месяца назад покончил с собой заместитель Щелокова Сергей Крылов, и вот — новая потеря. Правда, в случае с Никитиным все выглядело менее трагично — он умер от сердечного приступа. Между тем покойный был главным консультантом фильма «Место встречи изменить нельзя», который в те дни как раз готовился к окончательной сдаче заказчику. Во многом именно благодаря Никитину фильм «похудел» на две серии: генерал-лейтенанта возмутило, что в ленте была подробно воспроизведена «блатная» среда 40-х годов, было много «фени».

Популярный певец и композитор Юрий Антонов в те дни приступил на фирме «Мелодия»

к записи своего второго миньона с рок-группой «Аракс». Как мы помним, первый был записан в феврале этого года (в него вошли песни: «Золотая лестница», «Анастасия», «Зеркало», «Тебе») и в начале лета поступил в продажу. Успех был ошеломляющий: миньон разлетелся в считанные часы, из-за чего «Мелодии» пришлось делать допечатку. На волне этого успеха Антонову и было предложено записать вторую пластинку. Он было заикнулся о записи «гиганта», но ему ответили, что для него это слишком жирно — он ведь не был членом Союза композиторов.

В миньон вошли три песни: «Я вспоминаю», «Мое богатство», «Не забывай» («Мечта сбывается»). Гвоздем миньона была последняя вещь, написанная в стиле диско и звучащая аж 6 минут. Антонов писал ее специально для дискотек и не промахнулся — песня будет пользоваться у молодежи огромной популярностью.

Вообще эта пластинка писалась мучительно трудно: музыканты буквально дневали и ночевали в студии, добиваясь качественного звучания. Однако, несмотря на семь потов, пролитых на записи, сам Антонов будет называть это время самым счастливым в своей жизни.

В эти дни в Ялте проходил Первый Всесоюзный конкурс песен стран социалистического содружества (начался 1 августа). На него съехались 11 ВИА и 27 вокалистов со всей страны. Среди последних был и популярный ныне певец Валерий Леонтьев. Это было его первое участие в таком солидном и престижном конкурсе. Артист вспоминает:

«Я очень любил творчество Давида Тухманова. И в Ялту повез его композицию «Памяти гитариста» на стихи Роберта Рождественского. Это было довольно сложное произведение, 12—15-минутное музыкальное полотно, сочиненное не по типу песни — куплет, припев, а с элементами симфонизма... Повез я еще польские и болгарские шлягеры, которые всегда были в моем репертуаре — естественно, все это исполнялось до меня другими. (На конкурсе надо было исполнить три песни советских композиторов и три песни композиторов из социалистических стран. — Ф. Р.) Специально для солиста областной филармонии (Леонтьев тогда работал в Горьковской филармонии. — Ф. Р.) никто из известных композиторов писать ничего не стал бы.

Цель я преследовал скромную: себя покажу, людей посмотрю, составлю хотя бы шкалу ценностей, пойму наконец, чего сам стою, действительно ли в моей работе что-то есть или она какой-то патологический выбрык, нравящийся только мне одному. Ведь даже в филармонию на наши выступления то приходили восторженные отзывы, то возмущенные: что это, мол, за безобразие вы прислали — какой-то кудрявый поет, прыгает, пляшет... Мне стукнуло уже тридцать лет — возраст для дебюта в конкурсе солидный. Шесть из них я отработал на профессиональной сцене, но еще никогда никто толково не объяснил мне, чем хороша и чем плоха моя манера исполнения, прав я или не прав. Я хотел, чтобы в моем творчестве разобрались более глубоко...»

8 августа на конкурсе был последний день: авторитетное жюри в лице Александры Пахмутовой, Яна Френкеля, Гелены Великановой,

Константина Орбеляна, Алексея Флярковского и других подводило итоги. И что вы думаете? Первую премию присудили никому не известному певцу Валерию Леонтьеву. Причем голосование было бурным: часть членов жюри была категорически против Леонтьева, утверждая, что он испортил хорошую песню. И все же, пусть с минимальным перевесом в голосах, Леонтьев победил. По злой иронии судьбы именно в день победы Леонтьева в Анапе скончался его отец. Стоит отметить, что, уезжая в Ялту, Леонтьев никому из близких об этом не сообщил, не надеясь на свой успех. Поэтому телеграмму, посланную ему матерью, певец получил с некоторым опозданием. Но на похороны отца успел.

Леонид Брежнев вот уже месяц как находится на отдыхе в Крыму. На своей даче в Нижней Ореанде он периодически принимает глав социалистических государств, но большую часть времени отдыхает: купается, загорает. 9 августа он отправился в пионерский лагерь «Артек», чтобы пообщаться с тамошними обитателями. В этом походе его сопровождали: верный оруженосец Константин Черненко, шеф всесоюзного комсомола Борис Пастухов и 1-й секретарь Крымского обкома партии с весьма соответствующей моменту фамилией Макаренко. Пионеры, заранее проинструктированные взрослыми дядями, встретили Леонида Ильича с большим восторгом, подарили цветы, окружили вниманием. На центральной площади было устроено театрализованное представление. Закончилось оно громогласными возгласами пионеров, которые они разучивали полдня накануне: «Спасибо родной Коммунистической партии за наше радостное детство!», «Клянемся быть достойными нашей великой страны, нашей ленинской партии!»

За день до этого футболисты ташкентского «Пахтакора», после месячного перерыва (многие игроки команды участвовали в Спартакиаде народов СССР, выступая за сборную Узбекистана), сыграли первый матч второго круга чемпионата страны: у себя дома они принимали ворошиловградскую «Зарю». Хозяева играли превосходно. Счет открыл Чуркин после поданного Аном углового. «Пахтакор» повел 1:0. Спустя несколько минут Заваров сравнял счет, однако целеустремленных хозяев этот гол остановить не смог, даже подстегнул. В итоге

Федоров и Корченев довели счет до 3:1. Ташкент ликовал. Впереди у «Пахтакора» была игра в Минске с тамошним «Динамо» (12 августа), но узбекские футболисты были уверены в своей победе: месяц назад они победили минчан со счетом 2:0. Никто даже не мог предположить, чем обернется поездка «Пахтакора» в столицу Белоруссии.

Субботним утром 11 августа футболисты «Пахтакора» приехали в аэропорт, чтобы самолетом Аэрофлота «Ту-134» с бортовым номером 65735 вылететь в Минск. На борт поднялись игроки команды: Михаил Ан, Владимир Федоров, Алым Аширов, Сергей Покатилов, Равиль Агишев, Николай Куликов, Александр Корченев, Юрий Загуменных, Владимир Макаров, Константин Баканов, Виктор Чуркин, Шухрат Ишбутаев, Владимир Сабиров, Сирожиддин Базаров, а также второй тренер Идгай Тазетдинов, врач Владимир Чумаков, администратор Мансур Талибджанов. Всего в самолете было 44 пассажира, из них 17 «пахтакоровцев». Старший тренер «Пахтакора» Олег Базилевич вылетел в Минск несколько раньше, поскольку поссорился с женой и не мог оставаться дома. Эта ссора спасла ему жизнь.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла:

«За неделю-полторы до полета в Минск я и еще несколько жен футболистов с детьми отправились отдыхать в пансионат на озеро Иссык-Куль. Володя хотел второго ребенка и считал, что перед этим я должна хорошенько оздоровиться.

Но... Еще до поездки на Иссык-Куль и мне, и мужу приснились страшные сны. Мне привиделось, что к нам в квартиру идет моя мама, умершая 10 лет назад. Еще во сне я вспомнила, что это нехорошо, — покойник хочет кого-то забрать с собой...

Примерно в тот же день Володя увидел во сне свое отражение в зеркале, будто он лишается волос. Он знал, что это плохой сон.

Утром 11 августа мы с Элиной собрались на прогулку. Дочка бежала по лестнице, зацепилась ногой за ступеньку, и у сандалика оторвался каблук. Я еще пожурила Элинку за неловкость. А теперь мне кажется, что, может, в тот момент Володя думал о нас...»

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна:

«В тот жаркий летний день все шло, как обычно. Рутинные домашние дела, хождение в

магазин, приготовление каши малышке... Баюкая ее, я хожу по комнате из угла в угол. Неожиданно глазами встречаюсь с Сергеем, глядящим на меня с фотографии, и тут же пронзительная мысль — почему ты смотришь на меня как неживой? (Потом я узнала, что он «смотрел» на меня именно в те мгновения, когда погибал.) Ничего вроде бы не происходит, но подсознательно я словно чего-то жду...»

Были и другие мистические приметы этой трагедии. Так, футболист Виктор Чуркин, который раньше и гвоздя в доме не вбил, накануне поездки в Минск своими руками привел квартиру в полный порядок. А Владимир Федоров расстроился, когда жена положила ему в чемодан черную рубашку. Администратор команды Мансур Талибджанов перед вылетом оставил полный список всех своих кредиторов. Также известно, что за год до трагедии «Пахтакор» летел на встречу с венгерской командой и самолет попал в страшную воздушную яму. Игроки уже прощались с жизнями, когда пилотам удалось спасти машину. Один известный маг позже скажет, что этот случай был предупреждением всей команде: бойтесь самолетов. Но как футбольной команде было обойтись без полетов на самолете?

Трагедия произошла в небе Украины, недалеко от города Днепропетровска. В тот день полетами управляли диспетчеры Харьковского районного Центра единой системы управления воздушным движением 30-летний Владимир Сумской (четыре года работал диспетчером) и 20-летний Николай Жуковский (два с половиной месяца). Начальником над ними был С. Сергеев, но он от контроля за работой диспетчерами почему-то самоустранился, занимаясь какими-то своими делами. Более того, именно он назначил старшим Жуковского, а не Сумского, хотя последний сам его просил доверить руководство полетами ему. Но Сергеев от него отмахнулся. Был еще контролер диспетчеров Томилов, но и он на свою работу тоже начихал. Короче, в диспетчерской в тот день царил бардак то ли случайный, то ли закономерный.

Около часа дня в небе на участке Жуковского летели навстречу друг другу два самолета: ташкентский «Ту-134» и его близнец с бортовым номером 65816, следовавший по маршруту Челябинск—Кишинев. На борту по-

следнего находился 121 человек. Молодой диспетчер вычисляет расчетный временной интервал, в течение которого каждый из этих двух самолетов может пройти теоретическую точку пересечения их трасс. Она находится в районе Днепродзержинска. Диспетчер высчитывает, что расстояние между самолетами позволяет им занять один эшелон и в 13 часов 30 минут 46 секунд отдает команду ташкентскому борту занять эшелон полета 8 400 метров. Это была роковая команда, поскольку расчеты молодого диспетчера оказались неточными, и самолеты оказались в одном коридоре. При царившем в диспетчерской бардаке проверить действия Жуковского никто не удосужился. А сам Жуковский тоже не стал заниматься расчетами дважды.

Только за четыре минуты до катастрофы Сумского внезапно пронзает мысль, что дело нечисто. Он кинулся проверять расчеты коллеги, нашел ошибку и тут же взял управление полетами в свои руки. Но ситуация усложнилась тем, что в том же районе появился третий самолет — «Ил-62», летевший в эшелоне 9000 метров. Сумской командует ему освободить свой эшелон и направляет туда ташкентскую машину. Но тут в ситуацию вмешались силы природы. Из-за помех в радиозфире ташкентский борт не смог принять последнюю команду диспетчера. Зато ее принял «Ил-62», отнес на свой счет и изменил маршрут в сторону эшелона 8 400. Сумской же посчитал, что ему ответил «ташкентец» и выключил радиосвязь. Это было ошибкой: он должен был убедиться в позывных и потребовать повтора ответа.

Столкновение произошло в 13 часов 35 минут 38 секунд. Ташкентский борт столкнулся со своим челябинским «близнецом» лоб в лоб. В катастрофе погибли 178 человек. По одной из версий, столкновение было не лоб в лоб, а иначе: «челябинец» отсек «ташкентцу» хвост и тот стал плавно снижаться. У него был шанс спастись, но тут в баках вспыхнуло горючее.

Еще одну версию случившегося выскажет много лет спустя председатель суда по этому делу Леонид Чайковский. По его словам, вина за случившееся лежит и на членах экипажа «ташкентца». Якобы те устроили с футболистами «Пахтакора» пьянку и из-за этого не услышали команду диспетчера выйти из своего эшелона. Голоса из «черного ящика» не остав-

ляли в этом никаких сомнений. Но власти не разрешили озвучить эту версию. Виновными объявят диспетчеров: Сумского и Жуковского посадят на 15 лет.

Так получилось, но в тот день, когда погиб «Пахтакор», в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина, игрался финальный матч Кубка СССР по футболу. В присутствии 65 тысяч зрителей силами мерились два динамовских клуба — Москвы и Тбилиси. Основное время игры закончилось нулевой ничьей, и все решили пенальти. Героем стал вратарь тбилисцев Габелия, который взял штрафной, пробитый лучшим игроком матча — Валерием Газзаевым. В итоге гости выиграли — 5:4. Говорят, матч еще шел, а по стадиону уже пошел слух о том, что на Украине случилась трагедия — разбился «Пахтакор». Причем утверждали, что в этом повинен Брежнев: дескать, он куда-то летел, ему открывали воздушный коридор, и в спешке направили два пассажирских самолета не туда, куда нужно. Это была неправда, но многие тогда в нее поверили.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла:

«12 августа к нам в пансионат неожиданно приехал работник Госкомспорта Узбекистана. Он сообщил, что случилась неприятность: во время обеда вся команда якобы чем-то отравилась и попала в больницу.

Мы все быстро собрали вещи. Но в самолете я почувствовала неладное. В большом лайнере находились только мы! Когда мы прилетели, мне показалось, что сотрудники аэропорта смотрят на нас слишком напряженно. Я подошла к одной женщине и попросила сказать, что случилось. Она взяла меня за руку и тихо сказала: «Они разбились...»

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна:

«Утром 12 августа — телефонный звонок. Я кормлю ребенка, трубка говорит: «А разве ты не знаешь?...» Кровь бешеными скачками забила в голову. Дальше все, как в тумане, непонятные ноги и руки, рваные мысли и решения... Ребенка соседке, сама еду в Спорткомитет. Кто-то заслони солнце гигантским фильтром, в ушах вата — почти нет звуков. Но нет, скорей, скорей, сейчас все выяснится, сейчас наше футбольное начальство развеет страшную новость... Стоп. Выбрасываю себя из машины. Почему так беспомощно стоят у дверей Толик и Ахмат? Преодолеваю последние метры, пы-

таюсь поймать их взгляд, шепчу: «Это правда?». Но... Чьи-то руки подхватили сразу ослабевшее, чужое тело... И все, ночь...»

В Москве продолжается скандал вокруг альманаха «Метрополь». Как мы помним, власти весьма негативно отнеслись к этой затее и сурово наказали зачинщиков: Виктора Ерофеева и Евгения Попова исключили из Союза писателей. Но едва эта новость достигла Запада, как там поднялась волна протеста. 12 августа газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала телеграмму американских писателей (Воннегут, Стайрон, Апдайк, Миллер, Олби), которые требовали восстановить исключенных в СП. В противном случае они грозили отказаться печататься в СССР.

Между тем один из участников «Метрополя» — Владимир Высоцкий — в те дни находился на отдыхе. После клинической смерти, которую он пережил в Узбекистане, врачи настоятельно советовали ему уехать отдохнуть, что он и сделал, отправившись в Сочи. Многие его друзья тогда удивились, почему он не поехал отдыхать в Париж, к жене, а выбрал родной юг. Но этому было объяснение: на тот момент супруги были в серьезном конфликте — то ли Влади догадывалась о наркотиках мужа, то ли о его молодой любовнице.

Вспоминает В. Янклович:

«Я еду в Сочи, мы каждый день перезваниваемся с Володей. И вдруг он говорит:

— Ты знаешь, я завтра к тебе прилечу.

Я жил в санатории «Актер», иду к директору. А в санатории только что была ревизия, ему за что-то попало, и он категорически отказывает:

— Мне все равно, Высоцкий приезжает или не Высоцкий, — ничего не могу сделать.

Я устроил скандал! Общими усилиями (вмешались Галина Волчек и Валентин Гафт) мы все-таки вырвали талоны на питание, а жить он должен был вместе со мной.

Володя привел себя в порядок, приехал в очень хорошем состоянии. В санатории отдыхали девочки из ансамбля Моисеева, он стал ухаживать за двумя... Повел их на теплоход, который стоял в порту. Знакомого капитана не оказалось на месте, но тем не менее его приняли. Володя был очень оживлен, весел, ухаживал за девушками... А это он делать умел...»

Михаил Боярский, который в конце июня пережил серьезную автомобильную аварию и чудом выжил, 12 августа вернулся на съемочную площадку фильма «Сватовство гусара». В течение десяти дней ему предстояло наверстать упущенное — сняться в эпизодах «улицы Петербурга» и финале. С этим делом он справился, хотя сниматься было тяжело — он играл молодцеватого гусара, гарцующего на лошади, а ведь у него в аварии был поврежден позвоночник. Чего ему стоили эти съемки, знает только он.

14 августа в Москве открылся традиционный Московский международный кинофестиваль. На него съехались кинематографисты из 104 стран, в том числе и знаменитый американский кинорежиссер Фрэнсис Форд Коппола, который привез на внеконкурсный показ свой последний шедевр — «Апокалипсис наших дней».

В эти же дни были приостановлены съемки детектива «Петровка, 38». Как мы помним, работа над ним началась в конце мая, и за это время была отснята половина фильма. Однако в процессе работы над ним у режиссера Бориса Григорьева созрела идея начать параллельно снимать и продолжение — «Огарева, 6». Руководству студии эта идея понравилась, и в середине августа Григорьев начал подготовительный этап: надо было за две (!) недели разработать режиссерский сценарий, выбрать натуру в Сухуми, найти актеров и т. д. Отмечу, что с этой работой группа справится за... 9 дней.

Близится к завершению космический полет космонавтов Рюмина и Ляхова. Однако буквально перед самым их приземлением, за четыре дня до этого события — 15 августа, — им пришлось устранять нештатную ситуацию, возникшую за бортом их корабля. А случилось вот что. Во время их полета впервые в космосе была раскрыта большая параболическая антенна. Когда работа была закончена, ее надо было отделить от станции, потому что она закрывала и стыковочный узел, и двигатели. Способ отделения был такой: по команде с пульта космонавтов открывался замок, удерживающий антенну, и пружины, зажатые между ней и станцией, должны были оттолкнуть ее. Однако не получилось. То есть команду космонавты дали, замок открылся, но антенна за что-то зацепилась и осталась висеть возле станции. Чтобы

спасти программу, надо было выйти на поверхность станции и отделить антенну вручную. Эту работу взял на себя Рюмин, а Ляхов его страховал. Поскольку космонавты не видели, что произошло со станцией и что ее держит, на Земле был произведен эксперимент с аналогичной антенной и было установлено, что зацепиться она могла только тросом. Отцепить его было нельзя, можно было только перекусить кусачками. Их Рюмин и взял с собой в открытый космос. И удачно воспользовался: трос был перекушен и антенна стремительно уплыла.

Это ЧП благотворно повлияло... на съемки фильма «Экипаж». Дело в том, что в те дни там должны были снимать сцену встречи одного из героев с космической капсулой. Однако консультант фильма космонавт Шаталов наотрез отказался визировать эту сцену: он сказал, что все это выдумки, такого в их работе не бывает. Уговаривать его был отправлен все тот же Владимир Доценко, который был своеобразным «пробивалой» съемочной группы. Но Шаталов и его не послушал. Однако Доценко уговорил его подумать еще пару-тройку дней. И аккурат в эти дни в космосе случилось описанное выше ЧП. Поэтому когда Доценко вновь нанес визит Шаталову, тот уже был в ином настроении. Как вспоминает сам режиссер:

«Я захожу в кабинет Шаталова и молча смотрю на него, с еле заметной улыбкой.

— Уже знаете? — вздохнул он. — Да, если уж ТАКОЕ происходит, то у вас это... — Он махнул рукой, взял ручку и написал на титульном листе сценария: «Возражений нет» — и расписался. — Не забудьте на премьеру пригласить! Удачи!..

— А как же с космической капсулой? — напомнил я. — Не из картона же делать...

— За пару дней до съемок позвони: привезут вам и капсулу, и парашют, и два костюма космонавтов...»

В первой половине августа в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову одну: с 6 августа в прокат вышел один из победителей последнего Всесоюзного кинофестиваля — фильм казахских режиссеров А. Мамбетова и Ю. Мастюгина «**Кровь и пот**» с участием Геннадия Юдина, Идриса Ногайбаева и др.

Кино по ТВ: «Альба Регия» (1-го), «Станционный смотритель» (2-го), «Лев ушел из дома» (2—3-го), «Обыкновенное чудо», «Спроси себя» (3-го), «Театр», «По семейным обстоятельствам» (4-го), «День за днем» (т/сп, 4—5, 11—12-го), «Незадачливые похитители» (5-го), «Флиппер» (США, 6—10-го), «Соль земли» (преьера т/ф 8—10, 13—14-го), «Нос» (9-го), «Идущие за горизонт» (10-го), «Сотвори бой» (11-го), «Туманность Андромеды» (13-го), «Евгения Гранде» (14-го) и др.

Эстрадные представления: 1—2-го в «Звездном» выступал ВИА «Веселые ребята» (3—5-го — в саду «Эрмитаж»); 1—5-го в Ждановском ПККО — ВИА «Акварели»; 4—5-го в саду ЦДСА — ВИА «Лайне»; 8—12-го в «Октябре» состоялись концерты под названием «Товарищ кино» с участием многих звезд советского кинематографа: Николая Крючкова, Марины Лядыниной, Нонны Мордюковой, Лидии Смирновой, Николая Озерова, Евгения Жарикова, Николая Рыбникова, Аллы Ларионовой, Светланы Светличной, Владимира Ивашова, Надежды Румянцевой, Эви Киви и др.; 9-го в «Звездном» выступает ВИА «Алые маки»; 12—15-го в саду «Эрмитаж» — ВИА «Аиси».

Но оставим на время кино и поговорим о политике. Член Политбюро ЦК КПСС Константин Черненко 15 августа вручил городу Фрунзе орден Трудового Красного Знамени (награду принимал 1-й секретарь ЦК КП Киргизии Усубалиев). В тот же день Черненко позвонил в Алма-Ату 1-му секретарю ЦК КП Казахстана Кунаеву и предупредил его, что собирается приехать и в его республику, и тоже с почетной миссией — вручить орден Хоргосской заставы, где он когда-то имел честь служить (Черненко не был на казахстанской земле аж 39 лет). Говорят, когда Кунаев собирался ехать встречать высокого гостя, он обронил историческую фразу: «Еду посмотреть на будущего генсека». И ведь действительно, спустя пять лет Черненко станет Генеральным секретарем ЦК КПСС. Однако этой встрече не суждено было состояться. Вот как об этом вспоминает очевидец — В. Владимиров:

«В четверг, 16 августа, я занял место в конце салона на четверть заполненного спецсамолета. Летный экипаж, обливаясь потом, сел в свои кресла, проверил связь. От синих гор до дрожащей линии горизонта степь исходила в

жарком мареве. Ждали Черненко с Кунаевым. Негромко обсуждали трагическую весть. Из Харькова сообщили: там по халатности авиадиспетчера столкнулись под углом 90 градусов белорусский и молдавский самолеты. Погибли 47 геологов и футбольная команда «Пахтакор» (как мы знаем, жертв было гораздо больше. — Ф. Р.).

Под такие грустные разговоры на аэродром вместо Кунаева вдруг прибыл Предсовмина республики Ашимов. Мне было приказано отдать Ашимову копии речей и распорядок церемонии вручения ордена заставе и предполагавшихся встреч, расписанный поминутно, что я, мгновенно распечатав портфель, и сделал.

А с Кунаевым, как оказалось, приключилось нечто странное. После долгих бесед с Черненко его, пребывавшего в отменной физической форме, уже поутру одетого, так «зажал» приступ в дверях загородной дачи, что, по словам начальника охраны, «аж пот на лбу выступил». В уже поданный к крыльцу черный «ЗИЛ» Кунаев сесть не смог — каждое движение отдавалось мучительной болью...

Жарища на «заставе молодости» была адова, а в клубе, где предназначалось слушать просветляющую душу речь, дышалось, как в печке. На открытый воздух перенести встречу Черненко не мог: не Кастро... Как говорить без трибуны, без микрофона, без графина с водой?

Накануне приезда почетного гостя на заставе навели марафет. Домики заново отштукатурили и побелили. Разрисовали на плацу белые линии. Выкрасили в снежный цвет бордюры. На окнах сменили занавески, не успев даже кое-где сорвать бирки с обозначенной на них ценой. Красиво зацементировали три широкие парадные ступени. Заготовили несколько саженцев, чтобы один из них, на выбор, «посадил» в память о своем пребывании на заставе бывший однополчанин...

Испытание всем Константин Устинович задал крепкое. И прежде всего себе. Застегнутый на все пуговицы, при туго повязанном галстуке, да еще под жаром киносъёмочных юпитеров (съёмка велась не для программы «Время», а для истории), он медленно читал завезенные на заставу из Москвы через Фрунзе и Алма-Ату машинописные страницы. Выступал долго. Дикция была едва ли лучше, чем у Леонида Ильича.

Из читаного слушатели (многих клонило в сон) уяснили главное: не будь Хоргосской заставы, страна не получила бы крупнейшего партийно-государственного деятеля. Вручающий орден напомнил, что именно тут его приняли в партию, а затем избрали «секретарем партийной организации».

«И с тех пор смыслом и содержанием всей моей жизни стала партийная работа», — скромно признался оратор, не отрываясь от текста.

Одолев текст, 68-летний оратор прикрепил к отрядному знамени орден. Все с нескрываемой тревогой посматривали на однополчанина, готового упасть в обморок от усталости и жары. В напряжении застыли медики. Была наготове реанимационная аппаратура. Однако все обошлось.

В тот же день, отведав на дорогу пограничного кулеша, Черненко отбыл с заставы.

Через два дня газеты СССР сообщили, будто бы Черненко улетел из Фрунзе прямо в Москву... В аэропорту Фрунзе «Манас» Черненко действительно провожали Усубалиев и другие официальные лица. Но проводы эти были вовсе не 17 августа, а днем раньше. Трюк с легендой-прикрытием, где Алма-Ата и «родная заставка» не упоминались, нужен был Кучеру (прозвище Черненко в партсреде, составленное по первым буквам его инициалов: Константин Устинович Черненко. — Ф. Р.) для полной тайны своего неожиданного визита в Казахстан и долгих бесед там «с глазу на глаз». Визит не откомментировали даже на всезнающем Западе. Сбитые с толку алмаатинцы дивились на базарах: «Странно! Леня прибыл, а в магазинах шаром покати!..»

16 августа на «Ленфильме» режиссер Семен Аранович приступил к съемкам фильма «Рафферти». За свою долгую 15-летнюю работу в кино (а Аранович начал свой путь в нем как кинодокументалист) он снял более десятка документальных лент и только три художественных фильма. Но именно с «Рафферти» у Арановича начался настоящий взлет в творчестве, когда он в течение пяти лет снимет три шедевра подряд: «Рафферти», «Торпедоносцы» и «Противостояние». А ведь когда он приступал к съемкам «Рафферти», многие скептически ухмылялись: дескать, что можно ждать путного, когда экранизацию американского писателя (роман принадлежал перу Л. Уайта) осуще-

ствяет советский режиссер. А получился фильм, где все было прекрасно: начиная от музыки (композитор А. Кнайфель) и заканчивая превосходными актерскими работами (в фильме снимались: Олег Борисов — Рафферти, Армен Джигарханян — мафиози Фаричетти, Евгения Симонова — Джил, Лариса Малеванная — жена Рафферти, Алексей Герман — журналист и др.).

Стоит отметить, что исполнителя роли Рафферти актера Олега Борисова режиссеру пришлось отстаивать чуть ли не с кулаками. Члены худсовета были категорически против этого исполнителя, а Аранович твердо стоял на своем: «Мне нужен антигерой, поэтому я выбираю Борисова! И точка!» И своего добился.

Между тем Борисов начинал съемки в хорошем настроении. Только что в его жизни произошли важные события: он продал свой «жигуленок» и купил «Волгу», плюс переехал в роскошную квартиру на Бородинской. Под новое жилье была куплена и соответствующая мебель — финский гарнитур «Микадо» стоимостью аж 2 700 рублей. Деньги пришлось брать в долг, но его Борисов быстро вернет — съемки в «Рафферти» принесут ему 4 500 рублей (согласно бухгалтерской ведомости). Как пишет сам актер, когда кинорежиссер Александр Зархи навестил их в новой квартире (он специально приехал в Ленинград, чтобы уговорить актера сниматься в роли Ф. Достоевского в своем новом фильме), он был просто сражен увиденным. Зархи якобы сказал: «Какая квартира, ай-ай-ай! В Москве такой нету даже у Сергея Михалкова!» Это был самый крутой комплимент по тем временам, поскольку у Сергея Михалкова хоромы действительно были царские.

Олег Даль продолжает сниматься в «Маленьких трагедиях» у Михаила Швейцера и Софьи Милькиной. Съемки из Каунаса перебазировались в город Нида. Работа идет практически каждый день, но настроение у Даля хуже некуда. Все это зафиксировано в его дневнике. Читая его, невольно ловишь себя на мысли: как в таких условиях, о которых пишет Даль, мог родиться такой замечательный фильм?

«17 августа. Пригород Клайпеды.

Общежитие. Условия безобразные. Поесть негде. Так называемая репетиция в 20.00. Режиссер Н. — идиот. Его надо лечить. Интеллигентный кретин.

18 августа. Выезд в 5 ч. 15 м. До парома. Потом 50 км до Ниды. Грузятся на бот. Цепляют лодку. Лодка тонет. Еле-еле спасают рельсы и что-то еще. Коса, как Сахара: никого, кроме нас. Бот ушел. Условий никаких. Кругом идиоты.

В 21.00 — конец. Итого «рабочего» времени 16 часов. Из них 12 ушло на преодоление кретинизма.

Гегемон бастует.

Режиссер и К. в отместку хотят послать телеграмму о том, что группа была пьяная и поэтому утопила лодку! И вообще, все кругом не так, а у них все в порядке! Это уже негодяйство. За это бьют!..»

В субботу, 18 августа, в Ташкенте состоялись похороны спортсменов команды «Пахтакор» (17 человек), погибших в авиакатастрофе. В семнадцати наглухо закрытых гробах по улицам столицы Узбекистана несли останки 17 «пахтакоровцев», чтобы предать их земле на кладбище имени Боткина. Самому молодому из футболистов, Равилю Агишеву, было 20 лет, самому старшему, Владимиру Макарову, — 31 год. У многих осталось по двое маленьких детей. Любопытно была сформулирована причина гибели членов команды в свидетельстве о смерти, выданном в Днепропетровске: «Несчастный случай вне производства. Грубые нарушения анатомической целостности тела, несовместимые с жизнью. Обугливание тела...» Семьям погибших сразу же выдали по 1000 рублей страховки, детям — ежемесячное пособие в 120 рублей. Правительство Узбекистана назначило семьям погибших персональную пенсию в таком же размере.

Между тем руководство страны и республики сделало все, чтобы не заострять внимания людей на этой трагедии. Например, центральные СМИ оповестили о ней спустя несколько дней (когда мой брат Роман, ярый «пахтакоровец», показал отцу эту крохотную заметку, тот заплакал). Да что говорить, если даже узбекские газеты в те дни как в рот воды набрали. Взять ту же «Ташкентскую правду». В день похорон, которые стали самыми массовыми не только в истории Узбекистана, но и вообще в человеческой истории (на улицы вышли практически все жители города — несколько миллионов человек), на страницах этой газеты писали о чем угодно, но только не об этом. А ведь это не просто газета, а ташкентская, да еще

«правда»! Но «сверху» поступила команда «не заострять», вот и «не заостряли».

19 августа на Землю вернулись космонавты Владимир Ляхов и Валерий Рюмин. Произошло это в 15.30 по московскому времени в 170 километрах юго-восточнее города Джезказгана. В тот же день в газетах были опубликованы указы о награждении космонавтов званиями Героев Советского Союза. И было за что: они установили новый рекорд пребывания человека в космосе — 177 дней.

Банда братьев Самойленко продолжает проливать кровь. Последний раз, как мы помним, это произошло в конце июля, когда они убили сторожа детского сада. Захваченные там ценности (ковры, пишущие машинки и т. д.) преступники продали, а на вырученные деньги купили у своего компаньона, жителя Краснодара Леженникова, новое оружие — два пистолета «беретта» и 14 боевых патронов к ним, заплатив за это 3 тысячи рублей. С этим оружием они и вышли на новое преступление.

19 августа, около 15 часов, бандиты напали на гражданина В. Нечая, который ехал на своей «шестерке» по трассе Ростов — Краснодар. Он спешил из Воронежа в Геленджик, чтобы забрать оттуда жену и ребенка. Но на пути у него встали душегубы Самойленко. Все было разыграно как по нотам. Один из братьев — Дмитрий, — надев на себя форму сотрудника милиции, вышел на дорогу и остановил Нечая. Тот не успел даже ничего сообразить: едва он остановился, как убийца выхватил из кармана «беретту» и выстрелил ему в спину. Стоявшие на обочине младшие братья бросились грабить автомашину. Труп Нечая бандиты закопали в лесополосе.

20 августа в автомобильной катастрофе оборвалась жизнь популярного политобозревателя Центрального телевидения Анатолия Овсянникова. В стране было несколько известных политобозревателей, но к большинству из них народ относился скептически: людей раздражала их явная политическая ангажированность, фарисейство. На экранах телевизоров они всегда смотрелись странно: хорошо одетые («упакованные», как тогда говорили), с лоснящимися физиономиями, они вели репортажи из крупнейших столиц мировых держав, взалелеб хая тамошнюю жизнь. 43-летний Анатолий Овсянников из этого ряда явно выделялся: во

всяком случае, в нем не было никакой оголтелости. Во многом благодаря его стараниям «Международная панорама» стала одной из смотрительных передач на советском ТВ. Миллионы советских «битломанов» были благодарны ему за то, что в заставке «Панорамы» он показал отрывок из фильма «Ночь после трудного дня». Это было единственное появление «Битлз» на экранах советских телевизоров.

В тот день, когда погиб Овсянников, у популярного актера театра и кино Валерия Золотухина родился сын Сергей. Это был второй ребенок, первый — Денис — родился в 1969 году в браке с актрисой Ниной Шацкой. Но в 1978 году эта семья развалилась: Шацкая ушла к Леониду Филатову, а Золотухин женился на ассистентке режиссера Тамаре, с которой он закрыл любовь еще в конце 1974 года на съемках фильма «Единственная». Итогом всего этого и стало рождение второго сына Золотухина.

А коллега Золотухина по Театру на Таганке Владимир Высоцкий тем временем завершает свой отдых в Сочи. И эта концовка выдалась не самая удачная — Высоцкого обокрали. Вот как об этом вспоминает В. Янклович:

«Володю все узнавали. Пошли в ресторан — столик сразу же окружили, не дали толком пообедать. Володя расстроился:

— Пошли в другое место, там можно спокойно посидеть...

Мы полезли наверх, в какую-то шашлычную. Закрыто. Вдруг он говорит:

— Остановитесь. Вон там, по-моему, олень...

Оказалось, лось... Володя подошел к нему, погладил, стал читать какие-то стихи... Но я вижу, что состояние у него уже неважное. Возвращаемся в санаторий. А я жил в номере рядом с Алексидзе (он тогда был председателем Союза театральных деятелей Грузии). Он говорит:

— Вы знаете, к вам залезли воры...

— Как это — залезли воры?!

— А очень просто — через балкон.

Входим в номер. Украл зонт, Володины джинсы и куртку, а бритву «Филиппс» почему-то оставили. А в куртке у него были: паспорт, водительское удостоверение, другие документы, ключ от московской квартиры — в общем, все! Даже из Сочи невозможно вылететь, а он все же собирался к Марине...

На следующее утро мы пошли в милицию. Начальник еще не пришел. Все стали на Высоцкого газеть, это начинает его раздражать... Пришел начальник, завел длинный разговор о задержании какого-то барыги... Наконец дали нужную справку. Мы поехали в аэропорт за билетом. Возвращаемся в санаторий — лежит куртка и письмо на имя Высоцкого. Вскрываем письмо, оно примерно такого содержания:

«Дорогой Владимир Семенович! Прости, не знали, чьи это вещи. К сожалению, джинсы уже продали. Возвращаем куртку и документы».

А я уже позвонил в Москву администратору, чтобы тот вызвал хорошего слесаря... Надо было открыть Володину квартиру — а там был американский замок, который и взломать-то было очень сложно...

Съемочная группа фильма «Тегеран-43» в те дни находилась в ГДР на съемках заграничной природы (с 14-го). 21 августа киношникам предстояло снимать в одном из помещений замка города Альтенбурга под Лейпцигом, но съемка сорвалась. Дело в том, что во время съемок предполагалось взорвать пиротехническое устройство «Молния», но власти города запретили это делать: мол, это может повредить замку. Два следующих дня съемки велись на улицах города — там снимались прогулки Андре и Мари по Парижу.

Но вернемся на родину. В тот же вторник, 21 августа, ЧП произошло в поселке Кировском, что по соседству с Ворошиловградской областью. Там под покровом ночи несколько злоумышленников взломали дверь магазина «Культтовары» и принялись потрошить его содержимое. Сигнализации в магазине не было, ночь темная, поэтому преступники ничего и никого не опасались. Но просчитались. Волею случая мимо магазина в эти самые минуты проезжал патруль — старлей Виктор Зубенко и инженер райуправления сельского хозяйства Николай Боярский. Они обратили внимание на то, что в магазине горит свет, а входная дверь взломана. Но едва они стали приближаться к магазину, как на заднем дворе взревели три мотоцикла и рванули за околицу. Патрульные на своем «воронке» бросились в погоню. Со стороны все выглядело, как в настоящем детективе: визг тормозов, крики «Стой!» и т. д. Все завершилось в тот миг, когда погоня дос-

тигла райцентра Кременная Ворошиловградской области. Тамошние милиционеры, уже прознавшие про погоню, выставили заслон у железнодорожного переезда. Двух мотоциклистов удалось схватить. Третий сумел вырваться, но спустя километр задержали и его. Проявивший себя лучше всех старлей В. Зубенко будет позднее поощрен денежной премией.

Вернемся в Москву. Здесь очередные пертурбации случились в популярном ВИА «Веселые ребята». А предтечей их стали события, которые произошли в начале этого года. Тогда «Веселые» приехали на гастроли в Кострому и встретились там со своими земляками из другого популярного ВИА — «Самоцветы». Далее послушаем рассказ одного из тогдашних участников «Веселых ребят» Александра Барыкина:

«Однажды в номере гостиницы я собираю наиболее близких мне из этих ансамблей людей. На описываемый день я и Женя Казанцев числились в «Веселых ребятах», Володя Полонский и Владимир Кузьмин — в «Самоцветах». Я собрал их в номере и начал: «Ребята, вот я работал в Сочи, вы работали в этих дермальных командах и сами уже загниваете. Конечно, в них вы заработали деньги, купили на них себе мебель, какие-нибудь табуретки, получили квартиры, обклеились импортными обоями, все это хорошо. Но душа-то болит! Вы же все роковые люди. У вас же у всех есть желание играть что-то лучшее. А вы здесь сидите, молчите и, с натугой улыбаясь, играете и поете какие-то «дешевые» песни. Давайте сделаем группу! Не бойтесь! Если не будет денег, я вас устрою на ресторанные халтуры. У меня «схвачены» места в нескольких фирменных ресторанах под Москвой. В них вы будете иметь по тыще в месяц, а не по пятьсот, как в «Самоцветах»...»

Эта моя речь, разумеется, имела последствия.

22 августа 1979 года происходит наше увольнение. Однако сразу уволились только я и Кузьмин, позже удалось «сдернуть» и Женю Казанцева. Полонский же так и не решился. Вместо него мы взяли барабанщиком Васю из Козловского «Арсенала». Уволились и сразу взялись за дело. Так на свет появилась группа «Карнавал»...

Стоит отметить, что Барыкин с Кузьминым ушли из ансамбля в преддверии нового взлета

популярности «Веселых ребят». А вызван он будет выходом нового «гиганта» ансамбля — «Музыкальный глобус», на котором «Веселые» (в том числе и Барыкин) перепевали на русский лад многие западные хиты из репертуара «Смоков», «Жанет», «Баккары», «Пуссикэт» и др.

23 августа были сыграны несколько матчей очередного тура чемпионата страны по футболу. Из всех матчей выделю один — тот, что проходил на ереванском стадионе «Раздан», где в присутствии 12 тысяч зрителей встречались хозяева поля — футболисты «Арарата» — и ташкентский «Пахтакор». Для последнего это была первая игра после трагедии — гибели 17 игроков и членов команды в авиакатастрофе. В Ереване «Пахтакор» предстал практически в новом составе. Поскольку игроков уровня погибших в самом Узбекистане найти было невозможно, бросили клич ко всем футболистам высшей лиги с просьбой согласиться доиграть сезон в «Пахтакоре». Сочли за честь откликнуться на этот призыв многие, из которых выбрали лучших. В частности, против «Арарата» на поле вышли сразиться: Глушаков («Спартак», Москва), Бондарев (ЦСКА), Церетели («Торпедо», Кутаиси), Нечаев («Черноморец», Одесса), Яновский и др. Однако ввиду отсутствия времени на полноценные тренировки игроки «Пахтакора» вынуждены были играть практически с чистого листа. А «Арарату» необходимы были очки, и снисхождения от него ждать не приходилось. В итоге хозяева победили со счетом 3:1.

Банда братьев Самойленко, после нападения на автолюбителя 19 августа, отправилась в Краснодар пропивать нажитые кровавым путем деньги. Там встретились с Сергеем Леженниковым, который доставал для них оружие. Во время совместного застолья Дмитрий внезапно спросил у компаньона: «Ты ведь, Серега, знаешь многих барыг в своем городе. Может быть, подскажешь нам адресок одного из них? Мы тебя отблагодарим». Леженников тут же назвал адрес одного целителя, который держал пасеку и лечил медом людей. «Думаю, денег у него куры не клюют», — отметил Леженников. Эта информация крайне заинтересовала братьев. Узнав, что свою машину целитель держит в гараже на Артельной улице, братья решили нанести ему визит.

Вечером в четверг, 23 августа, братья подъехали на машине на Артельную. По сигналу Леженникова остановились напротив одного из гаражей. Его ворота были приоткрыты, изнутри доносился какой-то шум. Леженников и Самойленко-младший остались в машине, а в гараж направились Дмитрий и Юрий Самойленко. У каждого в кармане было по ножу (пистолеты они не взяли, думая, что управятся и без них). Однако их жертва оказалась не робкого десятка, и в этот раз задуманное у братьев не получилось. Вот как об этом расскажет сам пострадавший — В. Мураховский:

«Я находился в своем гараже один. Вдруг вижу, что кто-то входит. Я сразу выключил свет и взял в руки большую металлическую отвертку. Около дверей столкнулся с двумя мужчинами, которых раньше никогда не видел. У одного из них, плотного телосложения, в руках был нож. Другой с силой ударил меня кулаком в грудь. От удара я упал на капот машины, но сразу встал на ноги. Плотный мужчина стал наступать на меня, размахивая ножом и пытаясь им ударить. Я защищался, отбиваясь руками и отверткой. На руках появились порезы.

Второй парень тоже что-то держал в руке и старался нанести удар. Когда они прижали меня к машине, я сумел вскочить на капот и стал отбиваться ногами. Один из нападавших чем-то ударил меня по спине. Я повернулся к нему и с размаху нанес удар отверткой. Куда уж я попал, не было видно из-за темноты. Но от боли парень даже закричал.

Наконец мне удалось вырваться. Я бросился к двери и выбежал из гаража, взывая о помощи. Те двое, что остались в гараже, выбежали следом за мной, но преследовать меня не стали, а быстро сели в машину «Жигули» белого цвета и уехали. Когда машина отъезжала, то я увидел, что в ней сидят еще какие-то люди...»

А теперь перенесемся за пределы нашей родины — в США, в Нью-Йорк, где гастролирует часть балетной труппы Большого театра СССР. 23 августа артисты должны вылететь на родину, но тут случилось ЧП — в аэропорт имени Кеннеди не явился артист Александр Годунов. Это был один из самых талантливых молодых балерунов страны. Он родился в 1950 году на Сахалине, затем переехал в Ригу, где поступил в балетное училище. В конце 60-х в течение трех лет работал в Московском классическом

балете. В 1971 году был принят в труппу Большого театра. В этом же году женился на красавице балерине Людмиле Власовой.

В 70-е годы Годунов по праву считался одной из самых ярких «звезд» не только в советском, но и в мировом балете. В СССР он сыграл 17 ведущих партий в классическом и современном репертуаре, имел множество наград и премий, завоеванных им на различных конкурсах. Кроме этого, Годунов снимался в кино: в последнюю новогоднюю ночь на телевизионные экраны вышел фильм «31 июня», где Годунов сыграл одну из главных ролей. Короче, внешне все у молодого артиста складывалось вполне благополучно и никаких предпосылок к побегу вроде бы не наблюдалось. Вот почему известие об этом стало настоящим шоком для его коллег-артистов. Жена невозвращенца Людмила Власова, думая, что с мужем что-то случилось, отказалась без него лететь на родину. А когда ей сообщили, что Годунов добровольно изъявил желание остаться в США, не поверила в это и решила лично во всем разобраться. Она отправилась в гостиницу, мотивируя эту поездку тем, что ей надо забрать забытые в номере драгоценности. Но едва она вышла из номера, как ее схватили сотрудники КГБ, которые уже получили команду доставить ее обратно в аэропорт (видимо, советские власти не могли допустить, чтобы вслед за мужем исчезла и жена). Власову доставили в самолет, который все еще дожидался отправления в аэропорту. Однако американские власти, узнав об этом, заявили протест: мол, вы не имеете права насильно увозить жену от мужа. В итоге самолет держали в аэропорту два дня. Точку в затянувшемся споре поставила сама Власова: она объявила, что не хочет следовать за своим мужем и хочет вернуться на родину. Только после этого труппу Большого отпустили на родину. Что касается Годунова, то он был принят в Американский Балетный театр, лучший репертуарный театр США. Ему положат жалованье, которое в Советском Союзе ему даже не снилось — 150 тысяч долларов в год, что сделает его одним из самых высокооплачиваемых артистов балета. Но в итоге это так и не принесет артисту счастье. Он не станет «вторым Барышниковым» и умрет от алкоголизма спустя 16 лет после побега.

Владимир Высоцкий вернулся из Сочи в Москву. Волею случая летел он назад в одном самолете с поэтом Андреем Вознесенским и его женой Зоей Богуславской. Та вспоминает:

«Мы возвращались из Адлера после отпуска, когда неожиданно в салоне лайнера объявился Высоцкий. Рубаха навыпуск, на плечах что-то типа шарфа, в руках дорожная сумка на молниях с еще не оторванными этикетками. Не было фирменной куртки с лейблами, которую он не снимал, — подарок Марины. После их женитьбы Высоцкий начал одеваться в дороге, со вкусом подобранные вещи... Перехватив мой взгляд, разводит руками: «Обокрали до нитки, вот осталось то, что было на мне». — «Где?» — «В гостинице. Спешил на съемку, вещи в номере развесил, чтобы проветривались. Вернулся — все подчистую вымели». — «Ничего себе! Подобрали ключи к замку?» — «Оставил окно распахнутым. Так представляете, влезли на пихту и через окно крючком все отловили. Сама куртка еще полбеда, — губы и глаза сжимаются в щелочку, — но в ней — весь набор ключей: от квартиры, машины. Как домой попасть? «Мерседес» бросил в аэропорту, чтобы поскорее добраться на репетицию. Там двери на такой сложной секретке, что ни один слесарь не отомкнет. Но я их разочарую, выход нашелся». — «Какой же выход? Может, поедешь к нам?» — спросил Вознесенский. «В аэропорту ждут «ребята», эти любой сейф вскроют».

Когда мы входили в зал прилета, к Володе шагнули два скуластых широкоплечих детины, которые резко отличались от потока обычных пассажиров...»

В Москве тем временем продолжается Международный кинофестиваль. 25 августа публика ломилась в кинотеатр «Россия», где демонстрировался внеконкурсный фильм Фрэнсиса Форда Coppola «Апокалипсис наших дней». Весь мир давно судачил об этой ленте, слух, естественно, докатился до Москвы, и здешняя публика просто не имела права остаться в стороне от этого шедевра. Пришли практически все: парт- и госноменклатура, люди искусства, журналисты, иностранные дипломаты, а также директора крупных магазинов, баз и даже преступные авторитеты. Брежневский клан был представлен внучкой генсека Вероникой и ее женихом Геннадием Вараку-

той. КГБ по заданию Брежнева пытался их разлучить, но ничего не вышло — молодые продолжали встречаться и даже собирались пожениться. Эту новость они в тот день сообщили сотруднику КГБ Сергею Андриянову, который в свое время участвовал в операции по их разлучению. От них же Андриянов узнал, что они с Варакутой с сентября будут учиться в одном учебном заведении — дипакадемии.

Вот как вспоминает о той премьере тогдашний председатель Госкино Ф. Ермаш:

«Весь партер занимали иностранные гости, которые с не меньшим, чем наши соотечественники, трепетом ожидали показа. Но перед началом случился серьезный конфуз. Неожиданно падает занавес. Все замирают. Кагэбэшники в зале переполошились. В этом усмотрели диверсию. Я, правда, не склонен так думать. Просто обычная неполадка.

На ее устранение потребовалось полтора часа. Проблемы возникли потом. На вечер того дня для иностранной делегации была запланирована поездка в Ленинград. Для этих целей заказали специальный поезд. Но поскольку показ задержали, то соответственно гости опаздывали на поезд. Я звоню начальнику Ленинградского вокзала и прошу перенести время отхода состава. Он в ужасе. Говорит, что это невозможно. Добираюсь до самого министра путей сообщения. Была суббота, он уже выехал на дачу, но что было делать? Подробно объясняю ситуацию. После долгих колебаний он все же отдает необходимое распоряжение...»

26 августа в польском городе Сопоте завершила свою работу очередная (18-й по счету) Международная фестиваль эстрадной песни (начался 22 августа). На него съехались многие популярные исполнители из разных стран. Советский Союз представлял певец Яак Йола, который выступал в конкурсе грамзаписи (от фирмы «Мелодия»), а Алла Пугачева была почетным гостем и выступала в гала-концертах. Кроме нее, в них же радовали слушателей своим искусством такие исполнители, как Демис Руссос, «Бони М» и др. Однако добиться большого успеха советскому посланцу не удалось: Йола занял всего лишь 3-е место, исполнив песню «Подберу музыку». На 1-м расположился испанский ансамбль «Род де Сан Луис», на 2-м — певица из Венгрии Жужа Черхати. Зато лучшим музыкальным фильмом был признан

на фестивале советский — мюзикл Раймонда Паулса «Рассказ о печальной судьбе Керри» (режиссер — А. Берзиньш). Гран-при Интервидения завоевал польский певец и композитор Чеслав Неман (он же был удостоен и приза зрительских симпатий — яхты).

Утром в среду, 29 августа, в столичной ЦКБ скончался писатель Константин Симонов. Умер он то ли от рака легких, то ли от плеврита, не дотянув до 64 лет. Симонов оставил заметный след в советской литературе. Его знаменитое стихотворение «Жди меня» вошло в сокровищницу отечественной поэзии, хотя его героиня — знаменитая актриса и жена писателя Валентина Серова — была его Музой всего лишь несколько лет, а потом спилась и ушла в забвение. При жизни Сталина Симонов слыл его ярким апологетом и на траурном митинге заявил, что на все обозримое будущее писателям светит только одна задача — воспевать деяния «вождя всех народов». За эти слова Симонов вскоре пострадал: Хрущев отправил его в ташкентскую ссылку. При Брежневе Симонов снова оказался на коне: был возвращен в Москву, активно печатался, но в руководящие деятели уже не пошел, видимо, наученный горьким опытом предыдущих лет. В конце жизни Симонов нашел в себе силы изменить свои взгляды на Сталина и, уже лежа в больнице, надиктовал свою последнюю книгу — «Глазами человека моего поколения», в которой попытался рассказать если не всю, то хотя бы половину правды о времени сталинской диктатуры. Эту книгу-завещание напечатают только во времена перестройки и гласности. Как запишет в своем дневнике Ю. Нагибин:

«И все-таки ушла незаурядная личность. Фантастическая трудоспособность, громадный организаторский дар, широкая и прочная одаренность во всех литературных жанрах, решительность и волшебная необремененность совестью. И — редкий случай для много зарабатывающего советского человека: он был щедр, не жалел денег, умел жить... Он завершил свой путь царским жестом, завещав «открытые поминки». Послезавтра весь СП будет жрать и пить за счет мертвого Симонова...»

29 августа в Советском комитете ветеранов войны чествовали композитора Давида Тухманова и поэта Владимира Харитоновна. Поводом к этому стал их нетленный хит «День Победы»,

который они написали к 30-летию Победы в 1975 году. Эта песня первоначально вызвала активное неприятие у властей предрержащих: те сочли ее чуть ли не кощунством над памятью погибших. Утверждали, что песню про войну нельзя писать в диско-стиле. И только стечение ряда обстоятельств спасло этот хит от попадания в разряд запрещенных. С тех пор без этой песни не стал обходиться ни один День Победы. И то, что пусть спустя четыре года после написания песни награда все-таки нашла своих героев, была своя закономерность. Тухманову и Харитонову в тот день были вручены почетные знаки и медали «30 лет Победы».

В тот же день Владимир Высоцкий приехал в Минск, чтобы снова дать там несколько концертов. Причем он здорово перепугал организаторов: до начала концерта оставались считанные минуты, зрители уже сидели в зале, а Высоцкого все не было. И когда в голову устроителей стали приходить самые мрачные мысли, в этот миг к зданию «БелНИИгипросельстроя» подкатил «Мерседес», из которого вылезли Владимир Высоцкий и Валерий Янклович. Концерт начался точно в назначенное время — в полшестого вечера.

На первом концерте зал был заполнен не полностью, поскольку было опасение, что Высоцкий может не приехать, поэтому билеты распространялись только среди сотрудников института. Но когда все встало на свои места, в продажу были брошены все билеты на второй концерт — в 19.30. И они разлетелись вмиг. Высоцкий был в ударе и готов был петь хоть до утра. Но организатор концертов — Лев Лисиц — его ограничил во времени: завтра был будний день, всем надо идти на работу. Концерт закончился в 21.30. После чего Высоцкий, Янклович и Лисиц на «Мерседесе» артиста отправились в гостиницу «Беларусь». Оставив «мерс» на стоянке, они пешком направились к гостинице. И тут Высоцкий спросил Лисица: «Лев, где можно взять бутылку коньяка?» Тот сначала опешил, вспомнив, во-первых, июньские приключения Высоцкого, во-вторых — что завтра концерт. Но Высоцкий, увидев замешательство спутника, успокоил его: «Ты не думай, что я собираюсь напиться. Но мне действительно нужно выпить сто—сто пятьдесят граммов коньяка». Тогда Лисиц его удивил:

«Коньяк есть у меня». — «Как у тебя? Где?» — «В портфеле. Дело только за закуской».

Закуску нашли быстро: Лисиц зашел в магазин напротив, где его хорошо знали, и приобрел приличный набор деликатесов. Из магазина они направились напрямиком в гостиницу.

30 августа вновь дали о себе знать душегубы брата Самойленко. В тот день они совершили одно из самых зверских своих преступлений — убили семью из трех человек, в том числе и несовершеннолетнюю девочку. События развивались следующим образом.

Автомашина «Жигули», которую братья укрывали некоторое время назад в Майкопе, в последнее время все чаще стала барахлить. Возникла необходимость достать другой автомобиль. Дмитрий предложил напасть на кого-то из водителей, убить и завладеть машиной. Идея понравилась. Братья сели в «Жигули» и отправились в станицу Крыловская. Там они пошли на базар и стали высматривать подходящий автомобиль. Нашли его быстро: это была почти новая «копейка». Но кто хозяин? Братья встали в стороне и стали ждать, когда объявится владелец «Жигулей». А когда тот появился, опешили. В машину садился не один, а сразу трое пассажиров: мужчина, женщина и девочка лет 10—11. Было видно, что это семья. Бандиты не ошиблись: это действительно была семья Ивановых из Красногорска, которая возвращалась домой из Адлера, с отдыха. Младшие братья наотрез отказались их убивать. Но стоило старшему на них прикрикнуть, как они отправились за ним послушно, будто овцы.

Трагедия произошла на 99-м километре трассы Ростов—Краснодар около пяти вечера. Далее послушаем рассказ одного из преступников — Юрия Самойленко:

«Когда мы обогнали преследуемую машину, Дмитрий, переодетый в форму милиционера, вышел на дорогу и жезлом остановил ее. Потом он сел рядом с водителем и поехал вперед. Уходя, он нам сказал, чтобы мы еще раз обогнали ту машину, он сразу застрелит всех пассажиров, находящихся в ней. Так оно и получилось. А точнее, почти так. Подойдя к машине, я увидел, что женщина и девочка уже убиты. Водитель, сидевший за рулем, был еще жив, даже двигался. Дмитрий приказал Валере добить его. Валера так и сделал, дважды выстрелив в раненого.

После этого мы переложили трупы на заднее сиденье и на двух машинах поехали к лесополосе. Это километрах в трех от дороги. Там выкопали яму и побросали туда трупы. Перед тем, как их засыпать, Дмитрий осмотрел рты убитых, чтобы обнаружить, нет ли там золотых коронок. Такие оказались у водителя машины. Дмитрий вырвал их с помощью пассатижей и спрятал в карман. Поверх трупов в яму бросили разное тряпье и все ненужные нам вещи. Потом стали делить между собой то, что нам досталось от убитых. Одежду, бусы и часть посуды я привез себе домой. Я также взял себе женскую одежду, надувные матрасы. Столик и три складных стула взял себе Валера...»

В те самые минуты, когда бандиты убивали людей, в Минске шел концерт Владимира Высоцкого. Как вспоминает Л. Лисиц:

«Я обратил внимание на внешний вид Владимира Семеновича. Одет он был простенько, ничего яркого и броского ни в рубашке, ни в брюках, которые всегда были выглажены идеально. Во время концертов с него градом лился пот. На первом концерте, который начался в 17.30, побывал директор нашего института В. Э. Соколовский. Заметив меня в фойе, сказал, зная, что я организатор:

— Ну и работает он! Я никогда не видел, чтобы кто-либо из артистов так выступал на сцене!

Первый концерт закончился в 19.10. В перерыве мы поужинали. Второй концерт начался в 19.40 и продолжался один час сорок минут. Третье выступление началось в 21.40. Мы решили не сдерживать Высоцкого. И только в 23.50 завершилось его выступление. Я начал было волноваться, ведь я не успею добраться домой общественным транспортом, придется брать такси. Янклович меня успокаивал:

— Лев, ты меньше всех беспокойся, мы доведем тебя, куда надо.

После окончания концертов Высоцкий отвез меня на вокзал к остановке троллейбуса. Я ему принципиально не стал говорить, куда меня завезти. Кто я такой, что меня будет возить домой Высоцкий! На вокзале мы расстались. Это были последние минуты нашего общения с Владимиром Семеновичем. Он поехал в гостиницу, попрощавшись: «До завтра!»...»

31 августа Москва прощалась с Константином Симоновым. Панихида проходила в Цен-

тральном Доме литераторов. На нее пришло множество людей, как высоких вельмож (от Политбюро были Алексей Косыгин, Михаил Сулов, Петр Демичев, Виктор Гришин), так и рядовые москвичи. Как мы помним, Симонов завещал, чтобы поминки были открытыми за его счет, но руководство Союза писателей побоялось большого наплыва людей и время прощания ограничило. Среди пришедших были и артисты, например, Анатолий Папанов, который сыграл в экранизации симоновских «Живых и мертвых» генерала Серпилина — одну из лучших своих ролей.

Вспоминает режиссер А. Кравцов:

«Мы встретились с Толей Папановым в ЦДЛ... приподняв на повороте лестницы гроб с телом Константина Михайловича. Толя шел по одну сторону, я — по другую. Поздоровавшись, страшно разволновались. На улице он схватил меня под руку, до боли сжав локоть, повел куда глаза глядели:

— Пойдем, пойдем!.. Это ж надо — где встретились!..

Мы шли по безлюдному кварталу улицы Герцена в сторону Садового кольца, навстречу турникетам, за которыми застыли толпы людей.

— Ведь он — моя судьба, — шептал Папанов, часто дыша. — Это он сказал Столперу: «Вот — Серпилин! И только этот актер!» И словно кольцо из земли выдернул: все по-другому завертелось — вся моя планета... Теперь кусок жизни отрезан... огромный кусок... После такой утраты, чувствую, стану другим. Еще не знаю как, но сильно переменюсь... Лишь бы не вылететь из обоймы. Уж больно поздно я в нее попал...»

Высоцкий продолжает свое пребывание в Минске. 31 августа он готовился к продолжению своих гастролей, как вдруг ему сообщили, что больше концертов не будет. В тот день с утра организаторов этих выступлений — секретаря парторганизации института, председателя месткома, председателя первичной организации общества книголюбов — вызвали в горком партии, где приказали все последующие выступления Высоцкого отменить. Оказывается, в горкоме до сих пор не знали о приезде популярного артиста, а это по тем временам считалось ЧП — концерты без визы партийных органов! Говорят, организаторов «заложили» сантех-

ник, работавший в НИИ без году неделя и имевший какой-то зуб на начальство.

Вспоминает Вера Серафимович:

«Завотделом пропаганды горкома Яськов и некая дама из горкома начали нас ругать: как, мол, вы посмели приглашать этого антисоветчика в Минск? Дескать, он поет только тогда, когда напьется, и все в таком духе. Я не выдержала и сказала:

— Почему вы так говорите? Высоцкий представлял театральную честь нашей страны за рубежом, привозил оттуда призы и награды. Да разве антисоветчика будут выпускать за границу? Свой первый концерт он посвятил Дню освобождения Минска. Какой же он антисоветчик? У нас пленка есть.

Тут они ухватились за мои слова и послали нашего парторга за этой пленкой. Пока он ездил за ней, из горкома позвонили в институт и приказали вывесить объявление о болезни Высоцкого и отмене концерта.

А в это время Высоцкий, не дождавшись нашей машины, приехал в институт на своей. Надя Зайцева была в неведении и полной растерянности. Высоцкий говорит: «Запускайте людей в зал, я буду петь бесплатно!» Надежда ему объяснила, что основные организаторы концерта находятся в горкоме партии, и двери в актовый зал заперты...»

Вспоминает Юрий Заборовский:

«Янклович прибежал и сообщил, что на стене объявление висит, что концерты отменяются в связи с болезнью. Высоцкого буквально передернуло. Он как бы меньше стал на несколько сантиметров, сгорбился. Потом резко произносит:

— Кто болен? Если кто болен, пусть лечится! А я буду петь! Пусть откроют зал! Не хотят — я сейчас выйду на улицу и буду петь там!..

И выскакивает на крыльцо.

Дальше происходит на первый взгляд неожиданный поворот событий. Откуда ни возьмись, «случайно» появляются двое в милицеской форме с большими звездами — в чине полковника или подполковника. Подходят к Высоцкому и начинают уговаривать:

— Владимир Семенович! Мы вас так любим! Владимир Семенович, вы наш всеобщий любимец. Пожалуйста, не волнуйтесь... Тут возникли некоторые проблемы... Вот сейчас разберутся, и вы будете петь. Не выходите на улицу, успокойтесь...

Через какое-то время толпа рассосалась. Высоцкий, Янклович и две девушки сели в «Мерседес» и поехали. Зайцев, Фрайман и я — за ними на машине Зайцева. Около гостиницы «Минск» все вышли, еще немного постояли, поговорили...

— Ну что это такое? — сказал Высоцкий. — Я в Минске выступать больше не буду! Все какие-то скандалы со мной здесь!..

Когда мы уехали, они зашли в гостиницу, но пробыли там недолго: выпили сока, поговорили...

Вдруг Высоцкий говорит:

— Я хочу петь! Мне надо спеть!

Они сели в машину и долго ездили по городу. В одно место, в другое, в третье... Ни одного знакомого так и не нашли.

Высоцкий все говорил:

— А где те ребята, которым я обещал спеть? Давайте поедем куда угодно, я хочу петь! Мне надо спеть!

Они пытались позвонить нам, но все напрасно. Нас никого не было дома. Потом они заезжали и к актерам знакомым, и к киношникам... Но так и не нашли, где можно было бы спеть...»

Вспоминает В. Серафимович: «Меня с Лисицем после горкома на разных машинах отвезли в городской отдел милиции и продержали там до половины двенадцатого ночи.

Высоцкий позвонил мне домой, трубку подняла дочь. Он оставил гостиничный номер телефона, а жил он в гостинице «Беларусь», и сказал, чтобы я позвонила в любое время, как только появлюсь. Когда я приехала домой, то тут же набрала его номер. Коридорная ответила, что Высоцкий ждал звонка, но пятнадцать минут назад собрался и уехал на своей машине в Москву...»

Во второй половине августа в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: 24-го — «Недопесок Наполеон III» Эдуарда Бочарова с участием Максима Сидорова, Ани Золотаревой, Светланы Светличной и др.; 26-го — «В день праздника» Петра Годоровского с участием Николая Пастухова, Людмилы Зайцевой, Геннадия Королькова и др.; 27-го — «Новые приключения капитана Врунгеля» Геннадия Васильева с участием Михаила Пуговкина, Савелия Крамарова, Сергея Мартинсона и др.; «Когда я стану великаном» Инны Туманян с участием Миши Ефремова, Лии

Ахеджаковой и др.; 29-го — «Поговорим, брат...» Юрия Чулюкина с участием Александра Голобородько, Ирины Малышевой и др.; «Особых примет нет» Анатолия Бобровского с участием Петра Гарлицки, Андрея Миронова и др.

Кино по ТВ: «Истребители» (16-го), «Соль земли» (премьера т/ф 16—17-го), «Аршин Мал Алан» (18-го), «День за днем» (т/сп 18—19-го), «Дорога на Рюбецаль» (21-го), «Маршал революции» (21—22-го), «Сеспель» (22-го), «Чисто английское убийство» (23—24-го), «Уроки французского» (24-го), «Стакан воды» (премьера т/ф 25-го), «Вкус халвы» (26-го), «И тогда я сказал — нет!» (27-го), «Пастухи Тушетии» (премьера т/ф 27, 29, 31-го), «Там, вдали за рекой», «Нападение на тайную полицию» (29-го), «Вот и лето прошло» (30-го) и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову два гибких миньона. На первом — «Песни Эдуарда Ханка» — звучали песни: «Песня первоклассника» (слова — И. Шаферан) — Алла Пугачева, «Ты возьми меня с собой» (И. Резник) — Алла Пугачева, «Качели» (В. Харитонов) — Лев Лещенко, «Частушки» (И. Измайловский) — Мария Пахоменко. На втором — интернациональном — на одной стороне пела Мирей Матье («Мамушка», «Все дети поют со мной»), на другой — советский «соловей» Альберт Асадуллин («Песня о капле росы», «Доброта»).

В журнале «Кругозор» (№ 8) выделю следующие пластинки: Вахтанг Кикабидзе — «Проводы любви» (Г. Мовсесян — М. Танич), Лев Лещенко — «Начало» (Г. Мовсесян — Р. Рождественский); «Ричи Фэмили» (США) — «Летний танец», «Лучшая дискотека в городе».

1979 Сентябрь

Слухи о новом повышении цен. КГБ правит режиссеров. «Выстрел в спину»: Гуров разоблачает убийцу. «Тот самый Мюнхаузен»: съемки в ГДР. Скандал с «Метрополем» продолжается. Как ГАИ устраивала «зеленую волну» Высоцкому. Олег Калугин защищает ученого и впадает в немилость к руководству КГБ. «Ах, водевиль, водевиль...»: съемки после заоя. Конфликт Косыгина с Горбачевым. КГБ прощает Александра Стефановича. Нападение на часового в Усть-Каменогорске. «Тот самый Мюнхаузен»: как артисты торговали икрой. Умер Алексей Каплер. Братья Самойленко: очередная кровь. Наши футболисты — худшие в Европе. Про «Метлу» на Калининском. «Выстрел в спину»: «Жигули» летят в воду. МВД против фильма «Место встречи изменить нельзя». Высоцкий на Пятигорском ТВ. Братья Самойленко: новые жертвы. Рок-фестивалю — быть! «Машина времени»: из тени в свет. В Минске арестовывают организаторов концертов Высоцкого. «Тот самый Мюнхаузен»: как немецкий каскадер сломал палец Абдулову. Трап для Брежнева. Генсек на родине. Побег Белоусовой и Протопопова. Буба Касторский покидает страну. «Тот самый Мюнхаузен»: первые кадры. «Таганка» в Тбилиси: триумф «Мастера и Маргариты». Высоцкий находит адвоката. Юрий Любимов стал отцом. Олега Борисова не узнала родная жена. Конец клинского террориста.

Еще в конце лета Москва наполнилась слухами об очередном повышении цен. В последние годы такие слухи стали своеобразной русской забавой, поскольку цены в стране победившего социализма стали расти как на дрожжах. И хотя каждый раз власти уверяли людей, что на товары первой необходимости цены будут оставаться неизменными, механизм уже был запущен — люди в эти заверения не верили. Вот почему в конце лета жители Москвы повалили во все центральные магазины (ГУМ, ЦУМ, «Детский мир» и др.) и стали на корню скупать все мало-мальские нужные товары. В том числе и хлопчатобумажные ткани, на которые, по слухам, с 1 сентября цены должны были подняться аж на 100 процентов. Чтобы сбить волну этого ажиотажа, в дело опять пустили прессу. 2 сентября одна из самых массовых и популярных газет — «Комсомольская правда» — опубликовала заметку под названием «У слуха — длинное ухо». В ней сообщалось, что никакого подорожания с сентября не будет, что

ситец как стоил 80 копеек за метр, таким и останется. Эта публикация на какое-то время действительно сбила волну ажиотажа, но народ все равно был на взводе. Достаточно малейшей искры, чтобы все закрутилось по новой. Короче, в этом плане невеселые наступили времена.

Кинорежиссеры Александр Алов и Владимир Наумов продолжают работу над политическим детективом «Тегеран-43». После того как съемочная группа в конце августа вернулась из ГДР, в съемках наступил короткий перерыв. Он был использован с пользой. 3 сентября Алов и Наумов отправились в КГБ, чтобы выслушать мнения консультантов по сценарию. Там их встретили радушно, угостили чаем, но когда разговор коснулся существа дела, хозяева повели себя жестко. Режиссерам было настоятельно рекомендовано выбросить из текста следующие куски: рассуждения героев о Гитлере, репетицию покушения на лидеров Большой Тройки (мол, не надо устраивать ликбез для будущих террористов) и др.

Продолжается история с альманахом «Метрополь». Как мы помним, в начале августа из Союза писателей были исключены организаторы альманаха — Виктор Ерофеев и Евгений Попов. За них тут же заступился ряд видных писателей Запада, которые прислали в СП телеграмму протеста с требованием восстановить «метропольцев» в Союзе, в противном случае они пообещали запретить печатать свои произведения в СССР. Под этой телеграммой стояли столь известные фамилии, что в СП перепугались. 6 сентября Ерофеева и Попова вызвал к себе председатель Московской писательской организации Феликс Кузнецов, который сообщил им, что на днях было заседание секретариата МПО, где было принято решение восстановить их в рядах СП. Попов тут же потребовал справку об этом. «Нет, справки не дадим», — ответил Кузнецов. «Мы члены Союза писателей?» — спросил Попов. «Нет». — «Тогда кто же мы?». — «Вы члены Московской писательской организации», — последовал ответ. Таким образом, молодые писатели оказались в уникальном положении принятых-непринятых. Кузнецов между тем продолжал: «Пишите заявление, и вас полностью восстановят на секретариате РСФСР». Однако взамен хозяин кабинета потребовал, чтобы оба писателя выступили в прессе с заявлением, что все у них прекрасно. Но те упирались. Тогда к делу был подключен Сергей Михалков. Как вспоминает В. Ерофеев:

«Михалков внешне вел себя «либерально». В тиши огромного кабинета на Комсомольском проспекте он сообщил, что от нас требуется минимум политической лояльности. Политическое заявление нужно для товарищей из провинции, которые не в курсе. Мы не поддавались. Написали просто заявление о восстановлении...»

6 сентября Владимир Высоцкий отправился на гастроли в Тбилиси (чуть позже туда же приедет и Театр на Таганке). Но перед самым вылетом туда с популярным артистом случилась забавная история. Вот как об этом вспоминает Бабек Серуш:

«Тогда в Союз приехал мой дядя, и мы вместе должны были лететь в Тбилиси. Володя заехал за мной в Бюро, а я не стал ничего особенно объяснять своему дяде: «Знакомься, это — мой друг... Он подвезет нас в аэропорт». Я почему-то думал, что наш рейс из Внукова... Воло-

дя все время меня поторапливал, а я говорил: «Да ладно, успеем». И когда мы сели в машину, выяснилось, что самолет вылетает из Домодедова. Володя начал гнать... И его останавливает сотрудник ГАИ — сразу же узнал Володю:

— А, Высоцкий... Автограф!

— Мы опаздываем. Если сделаешь «зеленую волну», дам автограф!

«Гаишник» передал по рации, и Володя до аэропорта гнал как сумасшедший... Регистрация уже закончилась, Володя схватил наши чемоданы, и мы побежали прямо к трапу. А мой дядя спрашивает:

— А кто он тебе? Ему все можно?

— Ну, как тебе объяснить... Володя здесь такой популярный, как Фрэнк Синатра в Америке.

— И он тащит наши чемоданы?!

И дядя сам схватил эти чемоданы...»

А теперь заглянем в коридоры Лубянки. Там в те дни случился скандал, связанный с одним из сотрудников Института мировой экономики. Это был талантливый ученый с неортодоксальным мышлением, который волею судьбы попал под подозрение сотрудников Московского управления КГБ (те дали ему агентурный псевдоним Кука). В итоге Кука обвинили в контактах с зарубежной разведкой и арестовали. За талантливого ученого пытались вступить многие известные люди (например, Евгений Примаков), но все напрасно — Кука осудили и отправили в Сибирь. Одним из тех, кто в недрах самого КГБ пытался вызвать ученого из тюрьмы, был Олег Калугин. Он добивался освобождения ученого из тюрьмы и возвращения всех вещей, отнятых у его жены во время обыска. Когда Калугин вышел с этим вопросом непосредственно на Андропова, тот предложил вызвать Кука в Москву и здесь еще раз с ним переговорить. Но несмотря на то что ученый в очередной раз отрекся от своих связей с иностранной разведкой, Лубянка не захотела его прощать. Вот как об этом вспоминает сам О. Калугин:

«6 сентября Крючков (В. Крючков — шеф внешней разведки. — Ф. Р.) пригласил меня поехать на Лубянку. Там, в большом кабинете, я увидел созвездие начальственных светил: Григоренко, зампред по кадрам В. Лежепек, начальник Следственного управления А. Волков, начальник Московского УКГБ В. Алидин

и другие. Вел совещание Лежепеков, и, как я понял, оно было посвящено моей персоне. «Что вас побудило встать на защиту «Кука»? — спросил Лежепеков. «Гуманные мотивы, — ответил я. — На мне лежит ответственность за него как человека. Благодаря моим усилиям он бросил все, что имел в США, — карьеру, материальное благополучие, покой. Его арест — фабрикация Алидина. Он не шпион, хотя закон нарушил, но его на это спровоцировал Алидин». Главный московский чекист не выдержал, одернув меня громовым голосом: «Ты не знаешь дела. Он антисоветчик, он готов предать Родину, а ты его защищаешь». Перепалка могла бы длиться бесконечно, но прервал Волков, обратившись с вопросом к Григоренко. Последний промямлил что-то невнятное, но не в пользу Алидина. Крючков молчал, другие тоже.

Лежепеков закончил совещание словами: «Вам не следует больше заниматься этим делом, Олег Данилович. А «Кука» мы, возможно, отпустим пораньше. Поздравляем вас с днем рождения, желаем здоровья и дальнейших успехов. И хорошо отдохнуть. У вас, кажется, с завтрашнего дня отпуск?»

Я откланялся и пошел к выходу».

В пятницу, 7 сентября, на «Мосфильме», в 7-м павильоне, режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич приступил к съемкам фильма «Ах, водевиль, водевиль...». Как вспоминает сам режиссер:

«Водевиль...» — это начало моей «завязки». Я приступил к работе после ужасного запоя и больницы. Мне было очень тяжело. В тот год я решил прекратить пить совсем. Меня мучили всякие страхи. По ночам я почти не спал. Но утром нужно было идти на съемки, и я, собравшись с духом, выходил из гостиницы «Мосфильм» и шел на киностудию. Я подходил к гаишнику и просил помочь перейти улицу, потому что жутко кружилась голова. Прodelать этот короткий путь было для меня целым подвигом. Это расстояние казалось мне чудовищным.

Я заходил в павильон и начинал снимать веселую комедию. И вдруг все преобразалось. Я оживлялся. Можно сказать, «Водевиль» меня вылечил...»

В тот день, когда начались съемки «Водевиля», в Кремле Брежнев вручал награды космо-

навтам В. Ляхову и В. Рюмину. Был там и Михаил Горбачев. Перед самым началом церемонии, когда все еще стояли у входа в Екатерининский зал, Брежнев внезапно поинтересовался у Горбачева, как идут дела с урожаем. Тот ответил, что надо срочно добавить автомашин Казахстану для перевозки хлеба и центральных областям на уборку свеклы. Этот разговор услышал Косыгин и тут же вмешался в него. Он стал резко выговаривать Горбачеву: мол, хватит попрошайничать, надо обходиться своими силами. Но Брежнев его осадил. Он сказал: «Послушай, Алексей, ты же не представляешь себе, что такое уборка. Надо этот вопрос решать».

Однако Косыгин продолжал оставаться при своем мнении. Он сказал следующее: «Вот тут нам, членам Политбюро, разослали записку сельхозотдела. Под ней стоит подпись Горбачева. Он и его отдел пошли на поводу у местных настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок». Далее послушаем рассказ самого М. Горбачева:

«Я понимал, что аппарат Совмина будет настраивать Косыгина негативно, но подобного рода реакции все-таки не ожидал. А поскольку обвинения были достаточно серьезны, то и сам не сдержался, заявил, что если Предсовмина считает, что мною и отделом проявлена слабость, пусть поручает вытрясти зерно своему аппарату и доводит эту продрозверстку до конца.

Воцарилась мертвая тишина... Как-то надо было выходить из разразившегося скандала. Выручил кто-то из распорядителей:

— Леонид Ильич, — громко сказал он. — Все готово, пора идти.

В затылок друг другу потянулись мы за Брежневым в Екатерининский зал.

Вручили награды космонавтам, и я вернулся в свой кабинет. Настроение было подавленное. Не только потому, что конфликт произошел именно с Косыгиным, которого я глубоко уважал. В такие моменты я всегда старался проявить хладнокровие и трезво оценить — не допустил ли какую-то ошибку? В политике заготовок проводилась жесткая линия, но существовал предел, через который, как я считал, просто нельзя переступить. Вытряхнуть все до

последнего, конечно, можно, для подобного рода акций партия обладала опытом более чем достаточным. Но это было бы беспечным по отношению к крестьянам, да и противогосударственным. Надо было не давить, а искать разумный выход.

Минут через пятнадцать раздался телефонный звонок Брежнева.

— Переживаешь? — спросил он, видимо, желая подбодрить и успокоить меня.

— Да, — ответил я. — Но дело не в этом. Не могу согласиться с тем, что я занял негосударственную позицию.

— Ты правильно поступил, не переживай. Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством.

Часа через два еще звонок. На прямом проходе Косыгин. И как ни в чем не бывало:

— Я хочу продолжить разговор, который мы начали.

— Алексей Николаевич, — ответил я уже без всякого раздражения и обиды, — может быть, вы в самом деле возьмете на этом заключительном этапе инициативу в свои руки. Для меня это первая такая кампания, да еще в такой тяжелый год.

Косыгин помолчал, потом ответил:

— Я еще раз перечитал вашу записку. Внесите свои предложения в Политбюро.

Он сказал это тоже без всякого раздражения, не отчитывая, но и не извиняясь. Ну что ж...

Инцидент с Предсовмина будет иметь для Горбачева совершенно неожиданные последствия. Определенная часть руководства восприняла его однозначно — как его жесткую позицию по отношению к Косыгину лично. И когда в ноябре, перед Пленумом ЦК, кто-то предложит выдвинуть Горбачева в члены Политбюро, большинство его «задвинет» — сделает только кандидатом в члены. Чтобы не создавать в высшем органе партии лишнее напряжение.

Супруг Аллы Пугачевой кинорежиссер Александр Стефанович в те дни работает над сценарием для собственной жены — музыкальным фильмом «Душа». Однако, чтобы добиться этой постановки, Стефановичу пришлось ой как много потрудиться. Ведь как мы помним, в апреле он имел несчастье наругать сотруднику

КГБ, после чего на «Мосфильме» его отстранили от работы. Стефанович посидел-посидел без дела, да и решил восстанавливать свое пошатнувшееся реноме. Он написал письмо на имя Андропова, где пожаловался ему, что из-за бытового скандала с сотрудником КГБ его сделали безработным. Письмо возымело действие. Режиссера вызвал к себе сам начальник 5-го управления КГБ Филипп Бобков и сообщил, что ситуация «разрулилась» — Стефанович реабилитирован. «А не врете? — не поверил режиссер. — Тогда позвоните директору «Мосфильма» Сизову и скажите ему то же самое». Но Бобков не стал звонить Сизову, а посоветовал Стефановичу самому все ему объяснить. «Он поверит», — заверил он гостя. И ведь действительно поверили. Спустя пару дней сам Сизов вызвал Стефановича к себе и разрешил ему запуститься с музыкальным фильмом. В качестве соавтора в написании сценария Стефанович взял Александра Бородянского.

А теперь перенесемся в Усть-Каменогорск. Тамошний житель 21-летний Александр Данилов вынашивает планы легкого и быстрого обогащения. Деньги ему нужны для осуществления мечты всей его жизни — покупки автомобиля. Но чтобы купить хотя бы подержанную тачку, нужно как минимум 9—10 тысяч рублей. Но где их взять, если зарплата у парня всего 110 рублей? В итоге долги раздумий Данилов решил добыть эти деньги... ограбив инкассаторов. Но для этого дела нужно было оружие, причем самое серьезное — автомат Калашникова. Добыть его Данилов решил на территории ближайшей воинской части.

Вечером 10 сентября Данилов осторожно приблизился к забору войсковой части. Он знал, что вскоре мимо этого места должен пройти часовой, охраняющий хозяйственный склад. Так и вышло: часовой вынырнул под свет фонаря через несколько минут. Увидев Данилова, остановился. «Тебе чего?» — спросил солдат. Данилов в ответ достал из-за пазухи зеленой штормовки бутылку водки: «Да вот, бутылка есть, а выпить не с кем. Может, составишь компанию?» Часовой несколько секунд помедлил, после чего уверенно зашагал к забору. Еще пара-тройка секунд — и он уже спрыгнул на другую сторону. Данилов протянул ему стакан. Часовой переложил автомат в левую руку, а в правую взял стакан. И в этот миг Данилов

обрушил ему на голову бутылку. Солдат еще только падал на землю, а Данилов уже выхватил у него из рук автомат и со всех ног бросился бежать прочь.

Перенесемся в немецкий город Вернигероде, где идут съемки фильма «Тот самый Мюнхгаузен». 10 сентября на городской площади сняли эпизод, где Мюнхгаузен объявляет, что если до назначенного срока англичане не дадут ему ответ, он объявляет Англии войну. Стрелки часов неумолимо приближались к часу «Х», а ответа не было. Как вдруг слуга барона Томас (Юрий Катин-Ярцев) бросает на головы ждущих кипу вечерних газет, где напечатана заметка, что Англия капитулировала. Довольный собой Мюнхгаузен, под изумленные взгляды вельмож, покидал городскую площадь.

Вспоминает Владимир Долинский (он играл пастора):

«В экспедицию я прихватил пару двухкилограммовых банок черной икры — их достал мой приятель, директор райпищеторга. Замысел был прост: продать икру «за бугром» за марки. Сашу Абдулова тогда еще никто не знал, а Олег Янковский был уже вполне знаменитым актером. Поэтому мы нагрузили икрой Янковского, он-то и провез контрабанду через границу. Молодой, красивый, шухарной, любвеобильный Олег Иванович обладал потрясающим чувством самоиронии. Он не стеснялся перед всей честной компанией скинуть одежды и, оставшись в одних трусах, сказать: «Господи, и этому поклоняется каждая вторая женщина страны!»

Это была моя первая поездка за кордон (после отсидки в тюрьме за валютные операции Долинский долго был «невъездным». — *Ф. Р.*), поэтому Олег и Сашка сразу отобрали у меня суточные, чтобы я не потратил их в первом же магазине. Увидев вожделенные джинсы в супермаркете, я впал в сильное возбуждение, тряс ребят за грудки и вопил: «Отдайте деньги, сволочи!» Но они не поддавались, зная, что в следующем магазине меня уж точно хватит «кондратий». Деньги тем не менее закончились быстро, пора было приступить к реализации икорной продукции. А надо сказать, наш немецкий ограничивался нехитрым набором слов: «Хенде хох, Гитлер капут, швайн, их либе дих». В каком-то ресторане мы подозревали офи-

цианта и на смеси русского с английским, при этом отчаянно жестикулируя, принялись объяснять: «Блейк кавьяр, фор ю, очень дешево, литл мани, хочешь — попробуй». Парень радостно закивал, но при виде «бочки» икры в ужасе замахал руками: «Найн, найн, нихт!» С этой злополучной икрой мы обошли десятки баров и ресторанчиков, но никто так и не соблазнился ее даже попробовать. Видимо, из страха перед происками КГБ. Кончилось все тем, что мы собрались в нашем с Янковским номере, пригласили Квашу с Леночкой Кореновой, налили в Ленину тужельку шампанское и закусывали так и не проданной икрой...»

Во вторник, 11 сентября, в Москве скончался известный кинодраматург Алексей Каплер. В кино он пришел в 1920 году как актер и снялся в нескольких фильмах. В конце того же десятилетия стал писать сценарии. Крупнейшие работы Каплера в кино: сценарии фильмов «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). За оба этих фильма Каплер был удостоен Сталинской премии в 1941 году. Карьера Каплера шла по восходящей, и казалось, что так будет всегда. В 1943 году вышли сразу два заметных фильма по его сценариям: «Котовский» и «Она защищает Родину». Как вдруг Каплера угораздило влюбиться. Но в кого! Мало того, что в девушку, которая была почти вдвое младше его, но это была... дочка Сталина Светлана Аллилуева. Когда об этом романе донесли вождю всех времен и народов, он был взбешен. И Каплера посадили. На свободу он вернулся только в середине 50-х. И вновь взялся за любимое дело — написание сценариев. Самые известные среди них: «Первые радости» (1956), «Необыкновенное лето» (1957), «Полосатый рейс» (1961, с В. Конечким). В 1964 году Каплер стал ведущим «Кинопанорамы» и сделал ее суперпопулярной. Как пишет О. Агишев:

«Кинопанорама» — это особая, ярчайшая страница его творчества. Все его обаяние, весь дар импровизации, весь юмор и пафос воплотились в этой передаче и так обогащали ее, что до сих пор тысячи и тысячи телезрителей сравнивают каждого нового ведущего с тем, первым, неповторимым, который мог, например, серьезно и квалифицированно анализировать творчество актрисы, скажем, Ивановой, рассказывать о ее исканиях, величать ее не иначе

как Екатериной Александровной, а потом представить нам пятилетнюю кнопку с бантиком, которая и оказывалась этой самой Екатериной Александровной Ивановой «с исканиями»; мог без всякого раздражения или обиды, просто так, мимоходом заметить перепутавшему его имя молодому артисту: «Поскольку я не Александр, а Алексей, зовите меня просто Васей»; мог яростно вступить за честь и доброе имя полузабытой русской актрисы немого кино, походя обвиненной кем-то чуть ли не в подозрительных связях с агентами Антанты; мог... Да мало ли что еще мог и смог бы он, человек, знавший, любивший и бесконечно уважавший наше кино и его тружеников...»

Примерно за месяц до смерти Каплер лег в больницу. У него был рак, он это знал, но все равно внял советам врачей лечь на обследование. Рядом с ним все эти дни была его жена — поэтесса Юлия Друнина. Была она с ним и в тот день 11 сентября, когда Каплера не стало. Он не дожил ровно месяц до своего 75-летия.

Банда братьев Самойленко продолжает кровавую деятельность. За прошедшие два месяца они уже пролили немало человеческой крови, однако ощущение полной безнаказанности пьянит им головы и толкает на новые и новые злодеяния. Очередное убийство братья совершили 12 сентября. В тот день около часа дня они заняли исходную позицию на 253-м километре трассы Ростов—Баку. Все было, как и прежде: Дмитрий оделся в форму сотрудника милиции, а Юрий и Валерий остались сидеть в машине неподалеку. Вскоре на дороге показался автомобиль «Жигули», в котором находился гражданин Гумбатов. Следует привычный взмах жезла, остановка. В тот момент, когда Гумбатов потянулся в «бардачок» за документами, Самойленко-старший выхватил из кармана пистолет и выстрелил ему в грудь. Раненого добил выстрелом в упор средний Самойленко — Юрий. Затем его отвезли в ближайшую лесополосу и закопали. Перед этим Дмитрий с помощью пассатижей вырвал у потерпевшего золотые зубы. В тот день в руки преступников перекочевали: автомобиль «Жигули», переносной магнитофон, золотой перстень, 4 550 рублей наличными.

В тот же день в Афинах сборная СССР по футболу играла свой очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы с лидером под-

группы — сборной Греции. В предыдущих четырех играх наши футболисты довольствовались двумя ничьими, одной победой (над теми же греками) и одним поражением и в итоге имели в своем багаже 4 очка. Поэтому победа нам была нужна как воздух. Но греки тоже не хотели уступать: во-первых, в силу своего турнирного положения, во-вторых — они играли у себя дома. И они свою задачу выполнили — выиграли со счетом 1:0. Причем явного преимущества у хозяев не было, и если бы наши тренеры избрали атакующую тактику, вполне вероятно, игру можно было бы и спасти. Но они избрали тактику «от обороны», выпустив на поле всего лишь одного «чистого» нападающего. В итоге — обидный проигрыш. Набрав 7 очков, сборная Греции заняла 1-е место, а наши с четырьмя очками остались на последнем. И путевку на чемпионат Европы не завоевали.

«Комсомольская правда» опубликовала заметку про популярное место досуга столичной молодежи — кафе «Метелица» (в просторечии — «Метла»), что на Калининском проспекте. Автор заметки В. Слуцкий лично побывал в этом заведении и теперь описывал свои впечатления от увиденного. Впечатления были двойкие. Автор подошел к кафе около шести часов вечера, и первое, что увидел — огромную толпу страждущей молодежи. Как объяснил Автору один из стоявших: «Сейчас приоткроемся дверь, и надо успеть протиснуться внутрь». Автор оказался в числе счастливиц — он протиснулся.

В гардеробной хмурый гардеробщик сразу предупредил — номерков нет. Но и здесь умные люди посоветовали Автору дать гардеробщику «на лапу», и все уладится. Номерок обошелся в рубль. Дальше — больше. Едва заняли место за столиком, как к нему подошла официантка. «Сухое, шоколад, шампанское?» — томным голосом произнесла она. «А меню?» — заинтересовался Автор. «Меню нет, — последовал ответ. — Я же вам говорю, что есть. Из безалкогольных только «Рислинг». Мороженое будет через час-полтора. Видите, сколько народу?» Далее Автор узнал, что если клиент ничего не заказывает, то должен освободить столик. Пришлось взять шампанское. Потом принесли мороженое, мандариновый сок, пирожные, бутерброды. За все про все Автор в

итоге заплатил 15 рублей. Заканчивалась заметка следующими словами: «Неужели нельзя сделать так, чтобы в кафе мог попасть не только тот, кто лучше подготовлен физически? Чтобы работники гардероба выполняли свои обязанности без дополнительной платы? И, наконец, чтобы интересы обслуживающего персонала кафе совпадали с интересами посетителей?»

Близятся к концу съемки детектива «Выстрел в спину». Снимать осталось чуть больше недели, но именно на конец съемочного периода был оставлен самый сложный эпизод — падение «Жигулей» в Москва-реку. Начало эпизода сняли несколько дней назад: Шутин, разогнав автомобиль до приличной скорости, на ходу выпрыгнул из него, а сыщик Гуров не успел и вместе с «Жигулями» упал в воду. Но, как и полагается положительному герою, не погиб, а выплыл. Падение автомобиля снимали на Лужниковской набережной 14 сентября. Трюк был выверен до мелочей. Каскадер Саравев в течение двух дней тщательно изучал место своего падения, опробовал автомобиль. Накануне съемок рабочие сняли с парашюта бетонный столб и чугунную решетку. И все прошло как по маслу: автомобиль «пробил» ограду и рухнул в воду, приведя в восторг сотни зевак, собравшихся неподалеку от места съемок. За этот трюк смелый каскадер получил в кассе 25 рублей.

В этот же день в «Останкино» руководство Гостелерадио принимало фильм «Место встречи изменить нельзя». Среди принимающих был и высокий чин из союзного МВД, который заступил на это место вместо скончавшегося чуть больше месяца назад генерал-лейтенанта Константина Никитина. Говорухин решил извлечь из этого пользу: когда после просмотра на него обрушились с претензиями — мол, и Жеглов у тебя на урку похож, и настоящих уроков на экране много, — он заявил, что предыдущий консультант все увиденное одобрил. Но этот трюк не прошел. Новый проверяющий хлопнул рукой по столу и изрек: «Ну вот пусть Константин Иванович и принимает!» Встал и ушел. Руководство ТВ осталось в недоумении: картина, с одной стороны, не принята, с другой — не запрещена. Решили малость обожать — вдруг ситуация прояснится.

Между тем исполнитель роли Глеба Жеглова в этом сериале — Владимир Высоцкий — в те дни находится вдали от Москвы. Он уехал в Тбилиси, чтобы дать там серию концертов. Они начались 7 сентября в тбилисском Дворце спорта, а потом проходили и в других местах. А 14 сентября Высоцкий съездил в Пятигорск, где дал интервью тамошнему телевидению (отрывок этой записи сохранился до сих пор).

Вспоминает В. Перевозчиков:

«В 10 часов утра приезжает Высоцкий вместе с Риммой Васильевной Тумановой (она работала диктором) и Вадимом Ивановичем Тумановым. Римма Васильевна знакомит нас. И пока настраивают камеры, ставят свет, примерно полчаса мы разговариваем.

Владимир Семенович рассказал, как его записывали на мексиканском телевидении: «Светильников было еще больше, чем у вас, но было абсолютно не жарко...»

(Через пятнадцать минут репетиции, вернее, прикидок: свет, микрофоны, кресла, — стало так жарко, что Вадим Иванович поехал за другой рубашкой для Высоцкого...)

Заходим в студию, начинаю волноваться — первое, неудачное выступление... Режиссер Лариса Шапран говорит по «громкой связи»: «Валера, может быть, ты начнешь по-французски?»

Высоцкий: «Давайте еще раз».

— У нас в студии человек, которого не надо представлять — Владимир Высоцкий...

И пошли вопросы из анкеты Достоевского...

Разумеется, заранее вопросы мы ему не говорили — Высоцкий реагировал, размышлял прямо в студии.

Запись окончена. Автографы, фотографии на память. Высоцкий говорит:

— Ну, ребята, вам молоко за вредность надо давать — в такой жаре работаете.

Примерно через час еще раз набираю номер Тумановых, трубку поднимает Высоцкий:

— Владимир Семенович, продиктуйте ваш адрес — мы вышлем гонорар.

— Ничего этого не надо. Буду счастлив, если передача будет в эфире.

Передача была показана всего один раз (октябрь 1979) по второй программе Пятигорского телевидения. Через год видеозапись этого интервью будет стерта. Но это уже другая история...»

На следующий день после интервью Высоцкий опять был в Тбилиси и дал целых три концерта во Дворце спорта. Вместе с ним в нем также участвовали и его коллеги по «Таганке»: Валерий Золотухин, Вениамин Смехов, Дмитрий Межевич.

Тем временем 15 сентября душегубов братьев Самойленко судьба занесла в Армавир. У них не было планов совершать еще одно преступление — они еще не отошли после совершенного три дня назад убийства, — но стоило им почуять запах новой добычи, как у них тут же изменились планы. На автозаправочной станции они обратили внимание на новенькие «Жигули» «ВАЗ-2101» белого цвета и захотели их захватить. Автомобиль принадлежал жителю Ташкента Наврузову, который купил его пару дней назад в поселке Арск Татарской АССР и теперь возвращался на нем на родину. Компанию ему в этой поездке составлял его приятель Зарипов. «Будем брать!» — сказал братьям Самойленко-старший.

Машина братьев пристроилась к «Жигулям» и тронулась следом. Пока ехали, Дмитрий переоделся в милицейскую форму, взял в руки жезл. Затем бандитский автомобиль обогнал «жигуленок» и в районе Большого Ставропольского оросительного канала остановился. Вскоре на горизонте показался «ВАЗ-2101». Преступление заняло меньше минуты. Едва Наврузов остановил автомобиль, как Самойленко-старший выстрелил ему в грудь из «беретты». Сидевший на переднем сиденье Зарипов поднял руки вверх и стал упрашивать бандитов не убивать его. Но подошедший с другой стороны Юрий выстрелил в него из «нагана». Затем машину отогнали в лесополосу, где оба трупа были зарыты в землю. Завладев документами потерпевших, магнитофоном, деньгами, запчастями к автомашине, другими вещами, а также автомашиной Наврузова, бандиты взяли курс на Майкоп.

В Москве в те дни случилось знаменательное событие: группа известных рок-н-ролльщиков договорилась провести в ближайшем будущем рок-фестиваль, который должен был собрать под своим крылом все известные советские рок-группы. Вот как об этом рассказывает один из участников этого события Артемий Троицкий:

«Все началось сентябрьским вечером 1979 года в московском ресторане «София» (на площади Маяковского. — Ф. Р.). Несмотря на плохую кухню, неинтересную публику и вечно пьяных и иногда дерущихся с клиентурой хамов официантов, мы часто туда ходили. Там играл Леша Белов и остатки «Удачного приобретения». Итак, сидя за длинным столом в большой компании, мы разговаривали с Гайозом Канделаки, заместителем директора Грузинской филармонии. Галантный и авантюрный, как и большинство грузин, он сочетал эти качества с европейской деловитостью и целеустремленностью. Это он уже доказал в 1978 году, когда отлично организовал Всесоюзный фестиваль джаза. Разговор шел в том духе, что дела в роке, похоже, идут в гору: филармонии заигрывают с любительскими группами, средства массовой информации рвутся на наш очередной фестиваль, «Машина времени» выступает в престижном зале Дома композиторов и т. д. Тогда Гайоз сказал: «Хотите, сделаем у нас большой фестиваль? Весной? Вы знаете, я больше люблю джаз, но если надо, можно пробивать и этот ваш рок-шмок...» Группа Белова тут же получила приглашение.

Надо знать грузин, чтобы не сразу принимать на веру все их предложения, особенно если они сделаны во время застолья. Но на следующий день мы продолжили переговоры в подмосковном ресторане «Салтыковка». Там играла новая группа «Карнавал» (ее создали те самые Александр Барыкин и Владимир Кузьмин, которые в августе ушли из «Веселых ребят». — Ф. Р.), и она тоже была приглашена. (Правда, ресторанное начальство ее на фестиваль не отпустило). Мы договорились с Гайозом, что я возьму на себя заботы по вербовке артистов из Москвы, Ленинграда и Прибалтики, прессу и столичную часть жюри...»

Коль речь зашла о рок-музыке, не лишним будет вспомнить и о лучшей рок-группе тех лет «Машине времени», которая именно тогда сделала первый шаг к свету, то бишь из полуподпольного существования перешла в официальное. Произошло это не случайно. Макаревич давно завидовал группе «Аракс», которая стала первой рок-группой страны, получившей статус официальной, после того как в 1974 году перешла под крыло столичного театра Ленком. «Машинисты» решили пойти по этой же сте-

зе — то есть найти и себе подходящий театр. Возможности для поисков у них были, поскольку они теперь базировались в студии ГИТИСа, где бывали руководители многих театров. Среди них оказался и режиссер Московского гастрольного театра комедии при Росконцерте Юрий Мочалов. Узнав о проблеме «машинистов», он чуть ли не с ходу предложил им работу в своем театре. Так и сказал: мол, мы готовим новый спектакль «Виндзорские насмешницы» по Шекспиру, и вы могли бы в нем участвовать — написать к нему музыку. Музыканты с радостью согласились.

Вспоминает А. Макаревич:

«Мы довольно легко написали музыку и несколько песен на стихи Шекспира и Бернса. Настало время сценических прогонов. В конечном счете режиссерская концепция комедии выглядела следующим макаром: посреди сцены, чуть в глубине, на небольшом возвышении располагалась группа «Машина времени» в грубых шерстяных шарфах, что должно было тонко намекать на принадлежность действия к семнадцатому веку. Действие происходило непосредственно на нашем фоне. По ходу его мы должны были время от времени играть музыку, но так, чтобы не заглушать голоса актеров, которые работали, естественно, без микрофонов. Получалось тихо до отвращения. На этом же уровне громкости мы исполняли написанные нами песни, честно стараясь не нарушить художественной ткани спектакля...»

В первой половине сентября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 3-го в прокат вышла забавная комедия Владимира Грамматикова «Шла собака по роялю» с участием Алены Кищик, Саши Фомина, Владимира Басова и др.: 10-го — военная киноповесть про ракетчиков «У меня все нормально» Александра Игишева, где снимались Владлен Бирюков, Борис Борисов, Юрий Соловьев и др.; истерн Владимира Любомудрова «Ищи ветра» с участием Елены Прокловой, Льва Прыгунова, Константина Григорьева и др.

Кино по ТВ: «Лев Гурыч Синичкин» (1-го), «На таежных ветрах» (премьера т/ф 1—2-го), «Большая любовь Бальзака» (Франция, 1—2, 8—9, 15—16-го), «Человек из «Олимпа» (6-го), «За все в ответе» (премьера т/ф 6-7-го), «Птицы над городом» (7-го), «Женитьба Фигаро» (т/сп), «Накануне» (9-го), «Петр Мартынович

и годы большой жизни» (10-го), «Огненные дожди» (12—15-го), «Инспектор Гул» (премьера т/ф 13—14-го) и др.

Из других передач выделю: «А ну-ка, девушки!», «Вокруг смеха» (1-го), «Сопот-79» (2 и 7-го), «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» (14-го), «Поет Дин Рид», «Кинопанорама» (15-го).

Из театральных премьер назову одну: 13-го в Малом театре был показан спектакль «Агония» с участием Руфины Нифонтовой, Евгения Весника, Никиты Подгорного и др.

Эстрадные представления: 1—2, 5—6-го в ГЦКЗ «Россия» выступал ВИА «Песняры» (9—10-го — в «Октябре»); 1—9-го в Кремлевском Дворце съездов гастролировал Киевский мюзик-холл, в труппе которого были Михаил Водяной, Маргарита Демина, Николай Гнатюк и др.

В Минске продолжают разборки по факту недавних концертов Владимира Высоцкого. Как мы помним, в последний раз он выступал там в конце августа, но успел дать всего лишь несколько концертов от общества книголюбов. Потом горком эти выступления запретил и заставил Высоцкого покинуть город. Потом к делу подключился ОБХСС, который завел уголовные дела на организаторов концертов. Их обвинили в том, что они организовали нелегальные концерты Высоцкого и присвоили себе практически всю выручку (Высоцкому за 5 концертов перепало 2 тысячи рублей). 18 сентября был арестован один из организаторов выступлений Высоцкого по линии общества книголюбов — Лев Лисиц. Суд затем приговорит его к 8 годам тюрьмы. Как вспоминает В. Серафимович:

«Для меня всегда оставалось загадкой — исключительно суровый приговор Льву Лисицу. Ведь ничего крамольного мы не делали, денег в карманы не брали. Здесь наша совесть чиста. Все наличные деньги были изъяты той же ночью 31 августа милицией из институтского сейфа Лисица. То есть деньги в наличности были, но они получались как бы неоприходованными. Может, подоплека этого приговора в том, что, как рассказывали мне многие, по «Голосу Америки» было сообщение о запрещении концертов Высоцкого в Минске. Не эта ли тайная пружина сработала? Смотрите, мол, чест-

ной народ, организатор концертов Высоцкого заработал срок за хищение и спекуляцию!..»

В ГДР, в городке Вернигероде, продолжают съемки «Мюнхаузена». 18—20 сентября там снимали эпизоды с участием немецкого каскадера, который дублировал Александра Абдулова: его герой скакал во весь опор на лошади, подъезжал к дому Мюнхаузена и взбирался по веревочной лестнице в окно. Во время съемок Абдулов, что называется, чудил. Он... Впрочем, послушаем лучше рассказ очевидца событий — актера Владимира Долинского:

«Саня Абдулов все время влипал в истории. Например, однажды заспорил с немецким каскадером, у кого руки сильнее. Саша хвастался, что он мастер спорта по фехтованию, и, главное, сам в это верил. В конце концов каскадер предложил помериться силой. Они сцепили пальцы, немец честно предупредил: «Вам будет очень болно! У меня силны палец». Но Саня залихватски ответил: «Да уж не сильнее, чем у меня. Поехали!» Через секунду раздался хруст Сашиного пальца. Сморгившись от боли, Абдулов процедил сквозь зубы: «У, фашист!» Однако на этом не успокоился и в следующий раз решил, как истинная кинозвезда, отказавшись от каскадера, прыгнуть со стены. Мы его долго отговаривали: «Саня, не делай этого, ну хоть место проверь...» — «Да ладно, что я, не прыгну с каких-то трех метров?» И прыгнул... на один-единственный камешек. Лодыжка хрустнула пополам — закрытый перелом! А ему надо было срочно лететь в Москву на спектакль об обороне Брестской крепости («В списках не значился». — Ф. Р.). Впрочем, думаю, он выкрутился: защитник крепости вполне мог быть хромым...»

На Ленинградском опытном заводе № 85 гражданской авиации всю идут работы по строительству специального трапа-эскалатора для... Леонида Брежнева. Эта штукавина должна была помочь больному и немощному генсеку более комфортно попадать на борт его самолета «Ил-62». Приказ о выпуске такого трапа директор завода И. Афанасьев получил лично от замминистра гражданской авиации в начале сентября. При этом имя Брежнева не называлось, но из отдельных деталей и намеков в беседе Афанасьев понял, для кого именно эта штукавина предназначается. Сроки работ были определены максимально сжатые — две неде-

ли. Причем Афанасьев попытался было возразить, что такие сроки — абсурд, но его и слушать не стали. Стоит отметить, что завод № 85 был и так загружен работой, а тут всем делам пришлось «дать побоку» и срочно изготовлять трап для генсека. Даже бросили разработку аэродромного автопоезда на 170 пассажиров.

Поскольку опыта такой работы у завода № 85 не было, первое, с чего начали — изучили работу эскалаторов в театрах и магазинах Ленинграда. Затем узнали, что в Донецке есть завод, который производит эти самые эскалаторы. Заказали у них две штуки. Те пришли очень быстро. Эскалаторы предназначались для Москвы, рядовым пассажирам, но прибыли на завод № 85. Правда, в таком жутком состоянии, что хоть караул кричи: ржавые, грязные. При работе цепи соскакивали со звездочек, резиновые поручни сползали с роликов. Пришлось своими силами доводить все до ума. Как вспоминает бывший заместитель главного конструктора завода Е. Сериков:

«Был разработан график выдачи чертежей в цех, где огородили специальный участок. Задания каждому выдавались категоричные: сделать то-то, например, к обеду завтрашнего дня!.. Если же чертежи уходили в цех не вовремя, то это, разумеется, вызывало соответствующую реакцию у сварщиков, сборщиков. Нужно заметить, каждый — специалист высокого класса! Спецзадание доверили только лучшим. Так что привлеченные два десятка конструкторов и дизайнер трудились в две смены, без выходных, в урочное и сверхурочное время. Одним словом, не считались ни с чем. Но постоянно одолевала мысль — в такой суете не дай бог что-то упустить, проглядеть. Понимали, чем может обернуться для любого известная пословица: где тонко — там и рвется... Давили сверху, давили снизу. Стояли над душой, как никогда за тридцатилетний стаж...»

Забегая вперед сообщу, что за две недели все равно управиться не удастся и работы будут длиться более двух месяцев. Но нога генсека на него все равно так и не ступит — трап не пройдет испытаний. Но это уже другая история, а пока вернемся в сентябрь 79-го.

Сам Леонид Брежнев в те дни был далек от забот о трапе-эскалаторе — он отправился к себе на родину, в город Днепропетровск.

В родных краях он не был почти полтора десятка лет — с тех пор как в 1965 году в Москву по его просьбе переехала отсюда его мать. Однако все эти годы родину свою он не забывал. С тех пор как он стал генсеком, Днепродзержинск и вся Днепропетровская область снабжались по первой категории. Даже соседний Харьков был беднее, а уж о большинстве российских городов и говорить нечего — нищета по сравнению с родиной Брежнева. В продуктовых магазинах Днепродзержинска было практически все — начиная от водки и заканчивая закуской к ней (колбаса, масло и т. д.). Зарплаты здесь были на 20 процентов выше, чем у остальных. Короче, генсек о своих земляках не забывал, и те платили ему тем же — любовью.

В Днепродзержинск Брежнев приехал в субботу, 22 сентября. Сначала он посетил Октябрьскую площадь, где был установлен бюст... ему самому. Там произошло нечто сюрреалистическое. Брежнев достал из кармана бумажку и зачитал следующий текст: «Как-то странно видеть свое изображение в бронзе, хотя это и положено у нас по закону для тех, кому высокое звание Героя присвоено более одного раза. Но, с другой стороны, скажу откровенно: мне приятно, что я как бы нахожусь постоянно здесь, среди своих дорогих земляков, в городе, где прошли мои детство и юность, где началась моя трудовая жизнь».

Стоит отметить, что на этой церемонии присутствовали несколько сот горожан, но их отодвинули так далеко от места событий, что они мало что видели и ничего не слышали. Брежнев читал этот текст всего лишь нескольким людям, среди которых были и фотокорреспондент со звукооператором (он записывал речь на магнитофон). На следующий день ТАСС распространит короткое сообщение об этом событии, но фотографию не опубликует. Поскольку даже в те времена было понятно, что это — пе-ре-бор!

В тот же день Брежнев отправился туда, где прожил многие годы — в квартал цельнобетонных коттеджей возле Днепродзержинского металлургического комбината, построенных еще в далекие 20-е годы. Там стоял и дом, в котором Брежнев некогда жил с родителями. Вот как вспоминает о том дне соседка генсека Надежда Грецкая:

«Зашел Леонид Ильич, Щербицкий и фотограф. Я на рынке фруктов накупила, цветов. Даже на кухне цветы поставила. Нас только предупредили, чтобы не приглашали его на чай. Когда Брежнев вошел, сын мой, Саша, ему букет вручил. Леонид Ильич осмотрелся. Хорошо, говорит, живете, в мое время не так было. И начал подробно рассказывать, где сундук, обитый металлическими полосами, стоял, где велосипед. Кто где спал...»

В тот день, когда Брежнев гостил у себя на родине, в Советский Союз не вернулись знаменитые фигуристы — супружеская пара Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Они совершали турне по Швейцарии, где выступали с показательными выступлениями, 22-го должны были вылететь домой, но вместо этого попросили политического убежища в альпийской республике. За прошедший месяц это был второй громкий побег советских граждан. Но если балерун Александр Годунов, который остался в США в конце августа, все-таки был молодой звездой, то Белоусова и Протопопов являлись куда более именитыми деятелями: они дважды становились олимпийскими чемпионами (1964, 1968), четыре раза — чемпионами мира (1965—1968), пять раз — чемпионами СССР (1962—1964, 1966—1968).

Как выяснится позже, супруги явились в полицейское управление и написали соответствующее заявление. У них забрали советские паспорта, отвезли в какой-то отель, из которого попросили никуда не уходить, заметив, что советское посольство их уже разыскивает. Спустя несколько часов супругам сообщили, что их прошение удовлетворено, политическое убежище им предоставлено. В советской прессе затем будет написано, что супруги выбрали Швейцарию специально — дескать, там у них какое-то наследство. На самом деле ничего у фигуристов там не было, и Швейцария была выбрана случайно — потому что там проходили их гастроли. А причиной побега стала невозможность жить на родине, где их постоянно третировали. Они шесть лет работали в Ленбале, и все эти годы к ним там относились с предубеждением. Когда они написали заявления с просьбой принять их в ряды КПСС (думали, что это поможет изменить ситуацию в лучшую сторону), их в партию так и не приняли. Говорят, что не нашлось трех человек, кто

бы мог за них поручиться. Конечно, характеры у супругов были не из самых легких, но дело тут наверняка было в другом — их не хотели видеть в партии высшие инстанции.

Чтобы выставить невозвращенцев как можно в худшем свете, в советских газетах также напишут, что супруги прихватили с собой даже не принадлежащие им вещи — например, служебный видеоманитофон. И это была неправда: это был их личный аппарат, они его купили в октябре 72-го на свои деньги. И выручку от своих швейцарских гастролей они не умыкали, как писали те же газеты. Эти 8 тысяч американских долларов, из которых супругам причиталось по 53 доллара 35 центов за концерт (в то время многие советские спортсмены уже получали по 75 долларов за концерт, но это были лояльные режиму спортсмены), были переведены в швейцарский банк СБГ в Берне сразу после того, как супруги остались в Швейцарии. Они вполне могли оставить их себе, но не сделали этого. Протопопов тогда сказал жене: «Я точно знаю, с чего начнут нас поливать грязью. Поэтому эти деньги мы себе не оставим».

В сентябре Советский Союз покинула еще одна звезда — популярный киноактер Борис Сичкин, он же незабвенный Буба Касторский из «Неуловимых мстителей». Этому человеку на родине тоже житья не давали. Особенно после того, как в 1973 году его арестовали за финансовые махинации и год продержали в КПЗ. По слухам, махинации действительно имели место быть, но они были практически у каждого советского артиста, который участвовал в так называемых левых концертах. Известно, что за год до этого ОБХСС «наезжал» на Аллу Пугачеву, но ее удалось «отмазать», а в качестве стрелочника был выбран один из ее администраторов, которого уперли в тюрьму. Как мы знаем, уголовное дело завели и на Владимира Высоцкого.

Что касается Бориса Сичкина, то после отсидки ему практически перекрыли кислород — перестали приглашать в кино, выпускать на гастроли. Его фамилию даже стерли из титров всех фильмов, где он снимался (в том числе и из «Неуловимых...»). Понимая, что дальше будет еще хуже, Сичкин и принял решение эмигрировать в Америку. В последний день перед отъездом в его квартире в Каретном ряду побывали многие известные люди: спортсмены,

артисты. В своем последнем слове Сичкин, как всегда, схохмил: «Друзья! Я уезжаю в Штаты! Еду туда строить коммунизм. Но прошу никому об этом ни слова, иначе меня туда не пустит Госдепартамент...»

На «Ленфильме» закончились съемки фильма «Приключения принца Флоризеля». Однако после того, как материал посмотрели члены худсовета, были даны рекомендации продолжить работу — сделать досъемки новых эпизодов, а также переснять то, что не понравилось. Так, 22—24 сентября в одном из ленфильмовских павильонов были произведены досъемки в декорации «дом председателя в Париже»: был снят поединок Флоризеля и Председателя, вызов принцем Председателя на дуэль.

Театр на Таганке в те дни гастролирует в Тбилиси (с 20-го). Вот как об этом вспоминает В. Смехов:

«Власти вдруг взяли и отпустили «Мастера и Маргариту» на гастроли в Тбилиси. Осень, фрукты, великий город, страсти-мордасти с выбиванием дверей во Дворце спорта профсоюзом. Первый секретарь республики едет на «Мастера». Трижды его заворачивают назад: «Извините, товарищ Шеварднадзе, зал не готов, за вашу безопасность не ручаемся...» Целый час мы ждали на сцене сигнала к прологу. Так и не справились чекисты со своим народом. Публика в креслах и молодежь в проходах... Не то что вождю — яблоку негде... присесть. В Тбилиси — и счастье, и дружба, и юмор без предела. Везет меня шофер такси: «Куда? Туда-то? Ага, вы из Таганка-театра? Ага! Дру! Будь другом, достань билет! Какой-ни-любой! За любую цену — хочу эту увидеть... вашу «Маргаритку»! Где женщина с голой спиной... помоги, друг!»

Владимир Высоцкий успевает и в спектаклях играть, и концерты давать. Правда, с последними происходит накладка. Во Дворце спорта Высоцкий с коллегами по театру в течение пяти дней давали спектакли-концерты «В поисках жанра», но аншлагов не было. Когда заинтересовались у местных, что случилось, те объяснили, что ДС вообще никогда не пользовался у тбилисцев популярностью.

Еще Высоцкий успевал и в другом — он общался со следователем. Что за следователь? Дело в том, что в Ижевске завели уголовное дело на организаторов его концертов, которые

проходили весной этого года. Главным по делу проходил администратор Василий Кондаков, который, помимо концертов Высоцкого, организовывал также в Ижевске концерты Геннадия Хазанова, Валентины Толкуновой и других популярных артистов. Ему инкриминировали так называемый «съем денег». То есть продавалось билетов большее количество, отчитывались за меньшее — и часть денег присваивалась. Из этих денег платились дополнительные суммы артистам, а часть денег присваивал Кондаков и еще несколько человек. Все время следствия Высоцкого пытались вызвать повесткой в Ижевск, но он их попросту игнорировал. Тогда к нему и отрядили следователя, который отыскал его в Тбилиси. После встречи с ним Высоцкий понял, что без помощи грамотного адвоката ему не обойтись и вспомнил про Генриха Падву. А тот и легок на помине. Вот как об этом вспоминает сам адвокат:

«Я отдыхал на юге, мы с приятелем путешествовали на машине. И по дороге заехали в Тбилиси. Едем, и вдруг я вижу афиши Театра на Таганке. Это было, по-моему, днем, — у нескольких актеров было выступление в каком-то Доме культуры.

Я говорю: «Давай заедем!» В общем-то я хотел увидеть Валеру Янкловича. Я с ним был ближе знаком, потому что он жил рядом со мной, в Большом Сухаревском, бывал у меня, и я бывал у него. Но и Володю тоже надеялся увидеть.

Поднимаемся вверх, там большой длинный коридор. Я спрашиваю: «А где комната Высоцкого?» Мне отвечают: «Дальше по этому коридору». Иду, мне навстречу издали идет какая-то пара. Иду, не очень обращая внимания. И вдруг слышу: «Ну, туда-растуда! Вот это да!» И Володя, вот так растопырив руки, идет ко мне: «Это же чудеса! Мы с Валерой идем и говорим: где бы нам найти Генриха — и вдруг ты!» — «А что такое?» — «Да понимаешь, вчера прилетел следователь из Ижевска...» И Володя начинает мне рассказывать про дело Василия Кондакова. Времени не было, и мы договорились, что я приду на вечерний спектакль. И весь этот спектакль мы с Валерием просидели в буфете, а Володя прибежал, как только не был занят на сцене. И идет разговор о том, что происходит и что можно сделать. Володя все это

рассказывал очень взволнованно, на таком накале!

Это был первый вечер, когда мы общались тепло и достаточно близко. Шел спектакль «Преступление и наказание». Володя был в костюме Свидригайлова, а я все время порывался: «Дайте я хоть немного посмотрю спектакль!» — «Да ладно, ты всегда успеешь...» Вот так мы провели весь вечер... Короче говоря, они меня уговорили взять на себя защиту Кондакова...»

Кстати, пока «Таганка» гастролитировала в Тбилиси, у ее главного режиссера Юрия Любимова произошло прибавление в семействе — жена-венгерка Каталина родила ему сына Петю.

В Ленинграде кинорежиссер Александр Зархи приступил к съемкам фильма «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского». В главной роли снимается Олег Борисов. В четверг, 27 сентября, у него был первый съемочный день. Артист вспоминает:

«Мы на Витебском вокзале. Я волнуюсь — и за роль, и за грим. Долго добивался нужных теней, которые появляются от движения скульп. Передо мной портрет Ф. М. со впалыми щеками и возвышенным открытым лбом... Режиссер на грим не обращает внимания, у него свой монолог: «Для Аполлинарии Достоевский был первым мужчиной, между тем ей было уже двадцать три! Представляете, как они садятся в поезд! Тогда уже появились купе с перегородками. Я «Анну Каренину» снимал, поэтому про поезда знаю. (Ровно на секунду умолкает, держится за голову.) А отец Анны Григорьевны не мог даже представить себе, что его дочь будет писательницей! Он видел перед собой эту развратную Жорж-Зандку, которая носила штанишки...»

Мне становилось не по себе, я уходил, приходил, начинал курить, но он так и разговаривал со своей тенью. Никто ничего снимать не собирался. «Влип! — мужественно осознал я. — Это не просто Ку-Ку, это намного серьезней». Но ведь если сейчас сказать, что я отказываюсь, опять начнут уговаривать: «Ты же умеешь без режиссера, забудь, абстрагируйся... ведь такой возможности больше не будет...»

Объявили перерыв. Решил пообедать дома, благо пять минут ходу: пойду в гриме, даже пальто снимать не буду. Интересно, как отреагируют на улице. Посмотрите, вон живой Фе-

дор Михайлович идет! — так думал я. Ничего подобного. Ноль внимания. Специально иду медленно, чтобы могли разглядеть. Но все смотрят так, как будто я здесь каждый день хожу. Поворачиваю на Бородинскую, тут на углу стоянка такси. Подъезжает машина: «Папаша, куда ехать будем?» Я скорее домой. Поднимаюсь, звоню в дверь. Алла должна быть дома. Открывает: «Вы к кому?» И, наверное, уже пожалела, что открыла. Я низким голосом: «К Олегу Ивановичу». — «Но я вас не знаю...» Дверь держит, не пускает. Потом моментально все поняла, засмеялась: «Ах, я так испугалась!.. Незнакомый человек!». И побежала на кухню разогревать обед».

Из приведенного текста видно, что Борисов уже не рад, что согласился сниматься у Зархи. Но он вынужден терпеть. Однако дальше будет еще хуже.

В эти же дни конца сентября завершилась преступная деятельность клинского террориста. Как мы помним, с начала июня он периодически подбрасывал взрывные устройства в разные места, из-за чего пострадали несколько человек. Этим делом занимался столичный и клинский КГБ, но напасть на след преступника никак не удавалось. Пока он сам не совершил роковую ошибку. 29 сентября в деревне Малое Щапово Клинского района в собственном гараже подорвался экспедитор Клинского хлебозавода Лазарев. В ходе следствия выяснилось, что адская машинка была заложена в банку из-под кофе и была идентична тем бомбам, которые «висели» на клинском террористе. Сыщики выяснили, что эту банку Лазареву передала некая Щевелева якобы на хранение. При этом сказала, что об этом ее попросил знакомый — детский хирург Василий Никитенков. 30 сентября к нему пришли чекисты. И все сразу стало понятно: дома у хирурга нашли целый склад взрывных устройств, а также десяток банок из-под кофе, в которые он собирался эти адские машинки заложить.

Из новых фильмов, которые вышли в прокат во второй половине сентября, назову лишь два, и оба — комедии: «Баламут» Владимира Рогового с участием Вадима Андреева, Натальи Казначеевой, Евгении Симоновой и др.;

«Кот в мешке» Георгия Щукина с участием Борислава Брондукова, Станислава Сададьского, Виктора Ильичева и др. (оба — с 17-го).

Кино по ТВ: «Девять дней одного года» (16-го), «В поисках истины» (премьера т/ф 17—21-го), «Им было 18» (19-го), «Последний шанс» (21-го), «Жизнь и смерть дворянина Чертопанова» (22-23-го), «Как закалялась сталь» (22—23, 29—30-го), «Доктор Айболит», «Берегись автомобиля» (23-го), «Всадник без головы» (с субтитрами), «Люди на мосту» (24-го), «Не бойся, не отдам» (25-го), «Докер» (впервые по ТВ 26-го), «У озера» (27-го), «Нюркина жизнь» (28-го), «Короли и капуста» (премьера т/ф 29-го), «Волшебник», «Волга-Волга», «Ровесник века» (30-го) и др.

Из театральных премьер выделю две: 19-го — «Феномены» в Театре сатиры (режиссерский дебют Андрея Миронова) с участием Романа Ткачука, Михаила Державина, Екатерины Градовой и др.; 30-го — «Лунин, или Смерть Жака...» в Театре на Малой Бронной.

Эстрадные представления: 21-го в «Октябре» пела романсы Галина Карева; 25—30-го в ГТЭ состоялись концерты с участием Владимира Винокура, Надежды Чепраги, Александра Чепурного, ансамбля «Сувенир» и др.; 28—29-го в ЦДСА выступал ленинградский ВИА «Лири»; 29—30-го в ГТЭ — Чеслав Немен (Польша); в «Октябре» — Клари Катона (Венгрия).

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю диск-гигант Демиса Руссо «Большой успех»; миньоны: ВИА «Добры молодцы» с песнями Оскара Фельцмана: «Ты навсегда», «Место под солнцем», «Вы не со мной» (стихи — Н. Олев), «Только взгляд» (стихи — Е. Долматовский); «Поют Галина Беседина и Сергей Тараненко» с песнями Микаэла Таривердиева: «Не возвращайтесь к былым возлюбленным» (стихи — А. Вознесенский), «Маленький принц» (Л. Дербенев), «Мне нравится» (М. Цветаева), «Не исчезай» (А. Вознесенский).

В журнале «Кругозор» (№ 9) выделю следующие пластинки: Яак Йола — «Подберу музыку» (Р. Паулс — А. Вознесенский); Элтон Джон — концерт в Москве; группа «Карат» (ГДР) — «Ах, это лето», «Семь мостов».

1979 Октябрь

В Москве будет «пепси». Почему режиссер Александр Зархи стоял на коленях перед Олегом Борисовым. У Брежнева отказали ноги. Грузины громят англичан. Новая любовь Елены Кореневой. Умерла актриса Валентина Телегина. Как Брежнев просил орден для Черненко. Брежнев в ГДР: не слушают ноги. Премьера фильма «Возрождение». «Ах, водевиль, водевиль...»: снимают натуру. Борис Ельцин становится дедом. Елена Коренева «романит». Дебют «Машины времени» на профессиональной сцене. Худсовет против «Водевиля». Сизов заступает за Хилькевича. Умерла актриса Елена Кузьмина. Горком против «Сталкера». Инфаркт у Косыгина. Давид Тухманов в лидерах хит-парада. Диссидент Марченко запутал КГБ. В Москве обезврежена банда грабителей таксистов. Галина Беляева беременна. Маска для Наталии Белохвостиковой. Ален Делон попал в «Тегеран-43». Деломания. Взятка для зятя генсека. Кремль ищет выход из афганского кризиса. «Москва слезам не верит»: один день в «Ударнике». Мытарства нового фильма Андрея Смирнова. Людмила Гурченко в Нью-Йорке: встреча вопреки КГБ. Как Ален Делон падал на Наталию Белохвостикову. Андрей Смирнов разозлил главного архитектора Москвы. Шифровальщик КГБ переходит на сторону ЦРУ.

В понедельник, 1 октября, столичные газеты разнесли по городу приятную новость: в тот день в Москве, на комбинате безалкогольных напитков, открылся комплекс по производству напитков пепси-кола. Сообщалось, что проектная мощность комплекса составляет 24 тысячи бутылок в час. То есть пепси в скором времени (к Олимпиаде-80) должно было стать в столице столько же, сколько лимонада «Буратино». Молодой читатель, который сегодня может себе позволить купить в открытой продаже хоть пепси, хоть колу, хоть фанту, вправе пожалть плечами: ну и что, дескать? Но не стоит забывать, что в приснопамятном 79-м подавляющая часть москвичей вкуса этих напитков вообще не знала, лицезреть их разве что по телевизору в передачах типа «Международной панорамы» или фильмах про западную жизнь. А попробовать ох как хотелось! Сам я впервые познал вкус пепси, колы и других заморских напитков летом 76-го, когда вырвался с коротким визитом в «витрину социализма» — ГДР.

Александр Зархи продолжает съемки фильма «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского». Однако между режиссером и исполнителем главной роли Олегом Борисовым возникли серьезные трения. Актер и режиссер по-разному видят главного героя, не могут сойтись во взглядах и на всю концепцию фильма. Вот как эти события описывает сам О. Борисов:

«Во время съемки Зархи попросил меня два раза подпрыгнуть на одной ноге. «Зачем?» — спросил я. «Если не понравится — вырежем!» — ответил Зархи. «Стоп! Могу ли я узнать, Александр Григорьевич, о чем играем сцену?» Он после некоторого замешательства начал пересказывать сюжет: «Раздается звоночек. Робкий такой. Приходит к Достоевскому Анечка Сниткина. Он идет открывать и, радостный, подпрыгивает». — «Александр Григорьевич, вы меня не поняли. Сцена о чем? Сценарий я читал». Снова пауза, во время которой он надувается: «Я же говорю, раздается звоночек. Робкий такой...» Я не дослушиваю и спокойно

объявляю, что ухожу с картины. «Я с вами не о концепции спорю — ее у вас нет, — а об элементарных профессиональных вещах. Я не знаю, что я играю, что делаю. Для подпрыгиваний у меня нет оснований». Резко хватает меня за руку: «Умоляю, не погубите! Я стар, и будет большая беда, если вы уйдете». Стараюсь выдернуть руку, а он — на колени. Я, конечно, этого не ожидал. Руку не отпускает. Плачет: «Я с колен не встану, пока вы не дадите слово, что завтра будете сниматься!» — «Хорошо, я буду сниматься, только отпустите руку».

Вечером к нам в номер пришел Алик Григорович. Рассказывал, как Зархи после сцены со мной отвел его в сторону и, смеясь, ужасно довольный, поделился с ним: «Я все уладил! Вы же видели!.. Борисов будет сниматься! Это я специально припадок разыграл». «Знаю, — холодно ответил ему Григорович, — только не понимаю, что вам за радость так унижаться?» — «Разве это унижение? Для меня это — раз плюнуть! Если б вы знали, мой милый, сколько раз в жизни мне приходилось на колени вставать! На каждой картине!»...».

Забегая вперед сообщу, что трюк Зархи оказался напрасным. Конфликт режиссера и актера будет продолжен и приведет к громкому скандалу: Борисов выйдет из этого проекта. На его место возьмут Анатолия Солоницына.

В Москве в эти дни проходил Всесоюзный съезд кардиологов, на котором присутствовал начальник 4-го управления Минздрава Евгений Чазов. В последний день работы форума (5 октября) его должны были избрать председателем правления (президентом) этого общества, из-за чего Чазов отказался от поездки в ГДР вместе с Леонидом Брежневым (поездка была приурочена к торжественному событию — 30-летию образования республики). Однако внезапные изменения в здоровье генсека заставили Чазова изменить свои планы.

В понедельник, 1 октября, Брежнев впал в состояние такой астении, что не смог даже встать с постели. К нему немедленно вызвали Чазова. С помощью своих коллег тому удалось с большим трудом активизировать генсека. Тот даже смог участвовать в переговорах с премьер-министром Греции Караманлисом, состоявшихся 2 октября. Однако после этого Андропов стал уговаривать Чазова покинуть съезд и готовиться сопровождать Брежнева в ГДР.

«Иначе без вас может случиться несчастье», — говорил шеф КГБ. Чазову пришлось согласиться.

Театр на Таганке продолжает свои гастроли в Тбилиси. Вечером 3 октября актеры играли очередной спектакль — «Мастера и Маргариту», — а в это время по ТВ транслировали суперматч по футболу на Кубок европейских чемпионов: играли тбилисское «Динамо» и «Ливерпуль». Стоит отметить, что это была вторая игра этих команд: первая состоялась две недели назад в Тбилиси и закончилась поражением тбилисцев 1:2. Теперь перед советскими футболистами стояла сверхсложная задача — надо было обыграть английский клуб у него дома с разницей в два мяча. Полстраны в семь вечера прильнуло к экранам телевизоров, чтобы посмотреть на этот поединок. Странно, что в самом Тбилиси нашлись люди, которые предпочли футболу спектакль «Таганки». Хотя и это объяснимо: театр был суперпопулярным, а его спектакль «Мастер и Маргарита» суперскандальным. Вот как вспоминает о тех событиях актер «Таганки» Михаил Лебедев:

«Мы в ДК профсоюзов играли «Мастера...», а «Динамо» (Тбилиси) играло с «Ливерпулем». Это было замечательно. У нас за кулисами все сидели, прикованные к телевизору. И мы придумали очень интересную шутку — Витя наш, говоря текст роли, вдруг как комментатор вставлял: счет матча такой-то... Зал просто взрывался! И когда он объявил, что «Динамо» победило 3:0 — произошел просто «обвал»! Это было нечто...»

3 октября свой очередной день рождения справляла актриса Елена Коренева. Она только-только вернулась из ГДР со съемок фильма «Тот самый Мюнхгаузен» и, как и все участники съемок, была свободна — в работе наступил двухнедельный перерыв. Поскольку за дни экспедиции Коренева успела здорово соскучиться по своим друзьям, она пригласила к себе на день рождения их всех плюс кучу малознакомого народа. В числе последних оказался и врач французского посольства по имени Убер, который внезапно... влюбился в именинницу. Случилось это после того, как хозяйка дома станцевала зажигательный танец под музыку из очень популярного тогда американского фильма «Лихорадка субботним вечером» (фильм у нас никогда не шел, но музыка из него в исполне-

нии группы «Би Джиз» крутилась на всех дискотеках страны). Увидев, как танцует Коренева, француз забыл про свою девушку, с которой он пришел на вечеринку, и все свое внимание переключил на хозяйку — они танцевали один «медляк» за другим. Кстати, в разгар вечеринки имениннице позвонил из Западной Германии ее добрый приятель Алексей Менглет и, узнав, с кем она танцует, предупредил: мол, будь осторожна, как бы тебя не подкараулил кто-нибудь из наших подруг с пистолетом за пазухой. Намек был прозрачный: красавец француз из породы «белокурых бестий» был жених выгодный и на него имели виды многие девушки. Но Кореневу это не испугало, и она смело откликнулась на ухаживания француза.

4 октября на 65-м году жизни скончалась замечательная актриса Валентина Телегина. Сниматься в кино она начала еще будучи студенткой ленинградского Института сценических искусств — в середине 30-х. Из-за своей неброской внешности она изначально была определена играть роли простых и добродушных героинь. И первой большой ролью Телегиной в кино стала именно такая роль — Мотя Котенкова в фильме Сергея Герасимова «Комсомольск» (1938). Как писали киноведы: «Искусство Телегиной отмечено теплотой, бытовой достоверностью, естественностью». За свою долгую жизнь в кино актриса переиграла огромное количество ролей второго плана, среди которых лучшими были: Прасковья Телегина («Член правительства», 1940), Христофоровна («Кубанские казаки», 1950), Клавдия Кондратьевна («Дом, в котором я живу», 1957), самогонщица Алевтина («Дело было в Пенькове» (1958), Мария Ефимовна («Прощайте, голуби!», 1961), Марья Ивановна («Телеграмма», 1972) и др.

В последние годы Телегина часто болела и в кино снималась все реже и реже. Одна из последних ее ролей — Матрена в телефильме «Голубка» (1978). Как пишет Э. Лындина:

«Мы встретились, когда она была очень больна. Тяжелое, хриплое дыхание, отечные ноги, сердце сдавало с каждым днем... А ей, неумейной, энергичной, нетерпеливой, хотелось работать. Иногда что-то получалось, она молодеда, собиралась, блестели глаза, в голосе звенели веселые нотки. Хотя случалось так все реже и реже. Не только потому, что уходили

годы. В кинематографе старость обычно особенно трудна, в силу вступает жестокий закон невостремованности, замешанный к тому же на нашем циничном равнодушии. Нечто подобное происходило и в жизни Валентины Петровны...»

4 октября Леонид Брежнев отправился с четырехдневным официальным визитом в ГДР, чтобы принять участие в торжествах по случаю 30-летия образования республики. Как мы помним, генсек очень плохо себя чувствует, но все равно поехал, поскольку, во-первых, не мог подвести своего друга Эриха Хонеккера, во-вторых, знает, что немцы приготовили ему роскошный подарок в виде сразу двух высших орденов своей страны — Золотой Звезды Героя ГДР и ордена Карла Маркса. И хотя в коллекции генсека скопилось уже до сотни разных наград из многих стран, лишние, как говорится, не помешают. Но Брежнев взял с собой в поездку и своего верного оруженосца Константина Черненко, у которого этих наград куда меньше — что называется, кот наплакал. А это, по мнению генсека, не порядок. Накануне отлета Брежнев лично звонит советскому послу в ГДР П. Абрасимову и заявляет: «Ты там поговори с Хонеккером — не мешало бы немцам наградить Черненко своим орденом». Посол пообещал выполнить эту просьбу, хотя заранее понимал, что она невыполнима. Немцы ведь не дураки: ладно, дать орден Брежневу, но при чем здесь Черненко? Поэтому Абрасимов даже и не подумал подходить с этой просьбой к руководителю ГДР. Но надо знать Брежнева — если он чего решил...

Вспоминает Е. Чазов:

«Первое испытание для нас выпало уже на второй день, когда Брежнев должен был выступить с докладом на утреннем заседании, посвященном 30-летию ГДР. Для того, чтобы успокоиться и уснуть, он вечером, накануне выступления, не оценив своей астении, принял какое-то снотворное, которое предложил ему кто-то из услужливых друзей. Оно оказалось для него настолько сильным, что, проснувшись утром, он не мог встать. Когда я пришел к нему, он, испуганный, сказал только одно: «Евгений, я не могу ходить, ноги не двигаются». До его доклада оставался всего час. Мы делали все, чтобы восстановить его активность, но эффекта не было. Кавалькада машин уже

выстроилась у резиденции, где мы жили. Громыко и другие члены делегации вышли на улицу и нервничали, боясь опоздать на заседание. Мы же ничего не могли сделать — не помогли ни лекарственные стимуляторы, ни массаж.

Я предложил, чтобы делегация выехала на заседание и, если через 30 минут мы не появимся, принимала решение о дальнейших действиях. Нервное напряжение достигло апогея. Наконец вместе с охраной, которая переживала ситуацию не меньше нас, врачей, мы решили вывести Брежнева на улицу, в сад, и попытаться заставить его идти. Удивительные от природы силы были заложены в организме Брежнева. Из дома мы его в буквальном смысле вынесли, когда же его оставили одного и предложили ему идти, он пошел самостоятельно, сел в машину, и мы поехали на заседание.

Истинное состояние Брежнева на заседании знали только я и начальник охраны правительства Ю. В. Сторожев. Ответственный и честный человек, он не меньше меня переживал ту ситуацию, в которой мы оказались, и попросил немецких друзей проследить за Брежневым, когда он будет выходить на трибуну. Мы сидели вдали от него и ничем ему помочь не могли...»

Чазов, видимо, запомнил, но о состоянии Брежнева в те минуты знал еще один человек — его личный телохранитель Владимир Медведев. Именно ему было поручено страховать генсека во время его выступления. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Торжества проходили в Спорт-халле, Леонид Ильич должен был выступить утром с полчасовым докладом... К президиуму нужно было идти через весь зал. Я проводил его. Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдвард Герек помог Брежневу подняться из президиума, а я ждал возле трибуны. И пока Леонид Ильич читал доклад, я стоял рядом, сзади: если начнет падать — подхватчу. Переживал ужасно: упадет — не упадет... После доклада я также проводил его...»

А вот как об этом же вспоминает Э. Герек:

«Брежнев должен был выступить от имени зарубежных делегаций. Ведущий объявил его выступление, собравшиеся разразились аплодисментами, камеры были направлены на советского лидера, однако он не мог встать и подняться на трибуну. Задержка становилась

невыносимой, и в качестве дружеского и человеческого жеста я взял Брежнева под руку, поскольку я сидел рядом с ним, а Хонеккер сделал то же самое с другой стороны, и вместе мы поставили его на ноги. Будучи таким образом запущен в движение, советский лидер самостоятельно пошел к трибуне и без дальнейших проблем произнес речь. Казалось бы, этим дело и должно было закончиться. Однако спустя два или три дня, уже после того как я вернулся в Варшаву, меня посетил советский посол Борис Аристов и выразил протест, в котором он заявил, что товарищ Брежнев вовсе не нуждался в моей помощи, чтобы встать со стула, и мой поспешный жест был, в сущности, недружественным, ибо он служил намеком на якобы дряхлость товарища Брежнева...»

Вернемся на несколько дней назад. 5 октября «Советская культура» лягнула группу «Битлз». Сделано это было руками журналиста с подозрительной фамилией Лютый (со времен «Неуловимых мстителей» эта фамилия у всех воспринималась со знаком минус). Поводом к тому, чтобы «лютовать», журналист выбрал событие, которое произошло некоторое время назад в родном городе «битлов» Ливерпуле: тамошние власти приняли решение воздвигнуть легендарному ансамблю памятник. Лютого это событие возмутило: он сообщил советскому читателю, что в Ливерпуле масса других насущных проблем (трушобы, безработица), но власти города не хотят их решать и отводят внимание ливерпульцев такими вот акциями. Лютый пишет: «Кампания прославления ливерпульской четверки доходит подчас до абсурда. Предложено, к примеру, переименовать местный аэродром в «битлодром»...» Эх, Лютый, Лютый! Где теперь ты, и где теперь «Битлз»?

Продолжается пребывание Брежнева в ГДР. На второй день генсек вспомнил о том, о чем он просил посла Абрасимова — об ордене для Черненко. По словам самого посла, выглядело это следующим образом: «В перерыве между заседаниями в комнату советской делегации зашел Хонеккер. Леонид Ильич с ходу обратился к нему: «Эрих, что тебе — жалко Черненко орден дать?» Хонеккер в недоумении посмотрел на меня и, ничего не ответив, перевел разговор на другую тему.

На следующий день (7 октября. — Ф. Р.) нам было объявлено, что к восьми часам вечера надо быть в резиденции советской делегации. К этому времени приехал Хонеккер в сопровождении членов Политбюро и торжественно вручил Черненко орден Карла Маркса — высшую награду ГДР...»

Еще об одном неприятном инциденте вспоминает все тот же В. Медведев:

«Из-за слабости Брежнева устроители праздника перенесли торжественное шествие. Потом состоялся официальный обед. Стол для главных руководителей был выделен отдельно — на виду у всех. Когда мы вошли, все заплодировали. Леонид Ильич прошел к столу, поднял ли он рюмку со всеми вместе, не помню. Зато хорошо помню, что произошло в следующую минуту. Генеральный секретарь покрутил головой налево-направо и громко произнес:

— А что тут делать? Пойдем.

Ничего никому не объяснив, даже не попрощавшись, Брежнев двинулся к выходу. Очень было неловко, стыдно — все на нас смотрят... Пробыли, наверное, минут пять. Подобные срывы случались все чаще и за рубежом, и в стране...»

Советские люди знают, что их руководитель находится в ГДР, но абсолютно не ведают, что там с ним происходит и как он там чудит. Официальный рупор пропаганды — программа «Время» — показывает в своих репортажах лишь короткие куски пребывания Брежнева в Берлине, причем именно те, где он ведет себя адекватно.

8 октября Брежнев вернулся на родину, а вечером того же дня (20.05—21.00) телевидение приготовило ему подарок: началась премьера 5-серийного документального фильма по его книге «Возрождение». Фильм снял земляк генсека режиссер Евгений Рябко, текст проникновенно читал Вячеслав Тихонов, который тем самым сильно уронил свое реноме в глазах поклонников. Одна из газет по поводу этой премьеры писала: «Не часто фильм или телепередача дают такую душевную, нравственную нагрузку».

10 октября стал дедушкой будущий первый Президент России, а в те дни 1-й секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Наследницу ему принесла старшая дочка Еле-

на. Внучку назвали простым русским именем, Катя. Что касается младшей дочери Ельцина — Татьяны, — то она в те дни была далеко от родительского дома — училась в Москве, в МГУ. Кстати, она уже «романит» со своим однокурсником, однако внука своему отцу подарит только через полтора года.

12 октября на «Мосфильме» возобновились съемки фильма «Тот самый Мюнхгаузен» (до этого группа отдыхала после поездки в ГДР). В павильоне № 2 была построена декорация «карета баронессы», где в тот день и сняли эпизод с участием трех актеров: Инны Чуриковой, Александра Абдулова и Елены Кореневой.

Для исполнительницы роли Марты — Елены Кореневой — это было предпоследнее появление перед камерой в фильме (последнее произойдет 23 октября в эпизоде «У аптеки»). Поскольку свободного времени у актрисы в избытке, она посвятила его устройству своей личной жизни. Как мы помним, на нее положил глаз врач французского посольства Убер, и Коренева ответила ему взаимностью. Чуть ли не ежедневно он подъезжал к ее дому на Малой Грузинской на своей роскошной иномарке с белыми номерами и увозил возлюбленную к себе домой, на Садово-Самотечную. В итоге вскоре Коренева поселилась в апартаментах Убера. Поскольку последний плохо знал русский язык, влюбленные общались по-английски. Француз был человеком экстравагантным и иногда любил устраивать всякие розыгрыши, в которые вовлекал и Кореневу. Например, однажды он пригласил к себе в гости чопорную парочку французских буржуа, а Кореневу заставил принять их... в боксерских шортах, маечке и кедах. При этом не преминул представить свою возлюбленную как известную в России трагическую актрису. В другой раз он обрядил Кореневу в туркменский халат и тюбетейку, а сам нахлобучил себе на голову каракулевую шапку и, подхватив любимую на руки, продефилировал мимо будки с охранниками к машине. Короче, парочка была та еще.

12 октября открыл свой очередной сезон Московский театр комедии при Росконцерте: в тот день в здании ДК «Серп и молот» он показал спектакль «Комик XVII столетия». Однако не этому спектаклю суждено будет стать сенсацией сезона, а совсем другому — «Виндзор-

ским проказницам», где впервые на профессиональной сцене появится рок-группа «Машина времени». Вот как об этом вспоминает А. Макаревич:

«Сдача спектакля худсовету Росконцерта и Министерства культуры прошла на ура... Но когда я увидел афишу спектакля, во мне зашевелилось что-то нехорошее. Афиша выглядела так: очень крупно наверху — «Ансамбль «Машина времени» — и дальше мелко, на грани разборчивости — «В спектакле Московского театра комедии «Виндзорские насмешницы» по пьесе В. Шекспира».

Обезумевший молодняк, впервые увидев наше подпольное имя на официальной афише, ломанулся на спектакль. Они действительно увидели любимую команду на сцене. Мало того, могли любоваться на нее два с лишним часа, но все время мешали какие-то актеры со своей чепухой.

В первом акте наши честные фаны еще надеялись, что мы одумаемся и сбациаем, если не «Поворот», то хотя бы «Солнечный остров». Мы же вместо этого играли совершенно неизвестные песенки на грани разборчивости звука. У меня все время было ощущение, что мы участвуем в каком-то обмане, хотя вроде никакого обмана не получалось. Кстати, спектаклю хлопали — вот что поразительно! Загадочен и непредсказуем наш зритель...»

Близятся к завершению съемки фильма «Ах, водевиль, водевиль...» — остается работать меньше двух недель. 12 октября там начали снимать «музыкальные» эпизоды: песни в исполнении женского ансамбля из десяти человек. Партию соло исполняла молодая певица Жанна Рождественская, которую эти песни композитора Максима Дунаевского и поэта Леонида Дербенева прославят на всю страну. Думаю, многие читатели прекрасно помнят эти шлягеры: «Гадалка» («Ну что сказать...»), «Колпак с бубенчиком», «С нелюбимым мужем», «Ах, этот вечер», «Ты все поймешь» и др.

Однако в эти же дни вокруг фильма разгорелся нешуточный скандал. Вот как об этом вспоминает сам режиссер ленты Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Вдруг в мое отсутствие, без моего разрешения директор пятого объединения «Мосфильма» Марьямов вместе с Евгением Ташковым, по требованию художественного совета,

запрашивают показ материала. И смотрят рабочий материал музыкального фильма без музыкальных номеров. После чего они стали меня «разносить».

Ташков выступил.

— Где пси-хо-ло-гия?! — спрашивал он мнимого оппонента.

Я ведь физически отсутствовал. Но мне тут же об этом сообщили. Помню, узнав, разозлился страшно. Надел черное пальто, белый шарф и пошел к Сизову, который, как говорили, ходил в свитере с оттянутым горлом. По дороге меня встретил Пуговкин и спрашивает:

— Раздолбали?

Я отвечаю:

— Жутко.

Он:

— Правильно, что так оделся! Плевать на них на всех!

И я с этим благословением вошел к директору студии.

Сказал Сизову, что художественный совет принял решение, чтобы я снимал по их указке.

— Может быть, моя стилистика не устраивает «Мосфильм», не совпадает с чьим-то высоким полетом мыслей. Но это мой сценарий, — сказал я. — И если этот фильм буду снимать я, то буду делать так, как захочу. Меня совершенно не интересует, как бы этот фильм снял такой замечательный режиссер, как Ташков, сделавший «Приходите завтра». Но его фильм — не шоу, не ревью, а психологическая комедия, традиционно снятая, очень хорошая, которая ко мне не имеет никакого отношения. Если хотите, чтобы таким был и «Водевиль», пусть его снимает Ташков. Но тогда купите у меня сценарий и снимайте как хотите.

Сизов выслушал меня и стал успокаивать.

— Ладно, — говорит. — Не горячись.

Он на «ты» со всеми разговаривал. И заказал просмотр материала (просмотр состоялся 15 октября сразу после съемок, где опять снимали музыкальные номера. — Ф. Р.). Снова весь худсовет собрал. Все сели. Ташкова не было. Пошел просмотр. Я к просмотру музыку подложил, смонтировал куски. Нервничал страшно. Помню: закончилась последняя часть, и в просмотровом зале включился свет.

Сизов повернулся ко всем и спрашивает:

— У вас есть претензии к этому материалу?

Главный редактор переглянулась с присутствующими и говорит:

— Да, вот на худсовете...

Она ко мне, кстати, хорошо относилась...

Сизов и не ждал ответа, он продолжил:

— Это блестящий материал! «Мосфильм» будет еще гордиться этим фильмом.

Последняя его фраза была такая:

— Не трогать режиссера до конца съемок! Пусть делает что хочет.

И с этими словами он поднялся и ушел.

Я из зала вышел царем, и до конца фильма меня больше никто не потревожил. У Сизова, которого называли «слесарем», хватило такта и таланта не вмешиваться во все последующие этапы работы над этим фильмом...

15 октября на 71-м году из жизни ушла актриса Елена Кузьмина. В кино она пришла в конце 20-х годов, выйдя из мастерской ФЭКС: ее первой ролью стала Луиза в фильме «Новый Вавилон» (1929). В начале 30-х Кузьмина вышла замуж за режиссера Бориса Барнета, родила ему дочь Наташу и отныне снималась только у него («Окраина», 1933; «У самого синего моря», 1936). Однако в 1936 году, на съемках фильма «Тринадцать», судьба свела ее с режиссером Михаилом Роммом. Во время экспедиции в Средней Азии между ними вспыхнул роман. Свидетелем этого была вся съемочная группа, и кто-то из доброжелателей тут же дал знать об этом Барнету в Москву.

Когда весть достигла адресата, Барнет буквально взорвался. В прошлом он был прекрасным боксером и проигрывать не умел. Поэтому и решил во что бы то ни стало поговорить с Роммом по-мужски и отправился в пустыню, к месту съемок. Но, прибыв на место, Барнет неожиданно так разволновался, что решил для храбрости поддать. Но не учел одного обстоятельства: после того как на съемках фильма произошел скандал с актером Николаем Крючковым (за пьянку его вывели из фильма), было принято решение все спиртное в съемочной группе уничтожить. Столкнувшись с этой проблемой, Барнет не нашел ничего лучшего, как влить в себя... флакон одеколона «Сирень». Самое смешное, что и Ромм, который разволновался еще сильнее, чем его оппонент, тоже решил для храбрости «принять на грудь», и тоже использовал одеколон, только другой марки. Так они и сошлись — проодеколонен-

ные донельзя. Может быть, благодаря этому их встреча и не закончилась мордобоем: Барнет простил своего обидчика и отпустил жену на все четыре стороны. Дочь Наташа ушла вместе с матерью. Как гласит одна из легенд, однажды Барнет пришел в дом своего обидчика, чтобы навестить свою дочь. А та внезапно сказала: «А моего папы нет дома». Оскорбленный Барнет пулей выбежал из дома и с тех пор предпочитал с дочерью встречаться вне стен этой квартиры.

Выйдя замуж за Ромма, Кузьмина отныне стала «его» актрисой. До начала 50-х она снималась во всех его фильмах: «Мечта» (1943), «Человек № 217» (1945, Сталинская премия в 1946), «Русский вопрос» (1948), «Секретная миссия» (1950, Сталинская премия в 1951), «Корабли штурмуют бастионы» (1953). Потом Ромм перестал ее снимать, опасаясь обвинений в семейственности. Но без работы Кузьмина не осталась и благополучно играла в фильмах других режиссеров: у Валентина Невзорова в «Семье Ульяновых» (1957), у Александра Гордона в «Последней ночи в раю» (1965) и др. Последней ролью Кузьминой стала Мать в фильме Динары Асановой «Беда» (1978).

В столичных кинотеатрах в первой половине октября состоялось несколько премьер, из которых выделю четыре, состоявшиеся в один день — 1 октября. Это: драма Алексея Сахарова об освоении целины «Вкус хлеба» с участием Сергея Шакурова, Валерия Рыжакова, Натальи Аринбасаровой и др.; производственная драма из жизни ученых «Иванцов, Петров, Сидоров» Константина Худякова с участием Леонида Филатова, Михаила Глузского, Александра Галибина и др.; детектив Андрея Разумовского из серии фильмов про «хозяина тайги» милиционера Сержкина «Предварительное расследование» с участием Валерия Золотухина, Юрия Назарова, Надежды Репиной и др.; мелодрама Ланы Гогоберидзе «Несколько интервью по личным вопросам» с участием Софико Чиаурели, Гии Бадридзе и др. Из новинок зарубежного кино назову американский приключенческий фильм Марка Лестера «Каскадеры» (с 8-го).

Кино по ТВ: «Ярость» (т/сп, 2—4-го), «Ветер в лицо» (3-го), «Доживем до понедельника» (4-го), «Долг» (5-го), «Как закалялась сталь» (6—7-го), «Бриллианты для диктатуры пролетариата» (впервые по ТВ 7-го), «Возрождение» (преьера д/ф 8—12-го), «Красные поляны»

(9-го), «Семеро смелых» (12-го), «Любовь и королева» (ГДР, премьера т/ф 13-го; в этом фильме поклонники Главного индейца Советского Союза Гойко Митича могли впервые лицезреть своего кумира без индейского прикида, а в костюме одного из героев романа В. Гюго «Мария Тюдор»), «Быть человеком» (13—14-го), «Тронка» (14-го), «Песня о Кольцове» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 2-го в драмтеатре имени Станиславского был показан спектакль «Взрослая дочь молодого человека»; 5-го в Театре имени Маяковского — «Леди Макбет Мценского уезда», где главную роль — Катерину Львовну Измайлову — играла Наталья Гундарева; в драмтеатре имени Станиславского — «Мелодия для павлина» с участием Риммы Быковой, Майи Менглет, Татьяны Ухаровой и др.

Не пустовали и эстрадные площадки. 5—7-го в ЦДКЖ выступал ВИА «Здравствуй, песня»; 7-го в ГТЭ состоялся концерт из серии «сборная солянка» с участием Гелены Великановой, Александры Стрельченко, Александра Ворошило, Роксаны Бабаян и др., а в ДК имени Чкалова пел Владимир Макаров, некогда прославившийся хитом «Последняя электричка»; 9—10, 13—14-го — в ГТЭ Геннадий Хазанов показал спектакль «Мелочи жизни»; 11 и 13-го там же состоялись концерты с участием Льва Лещенко, Валентины Толкуновой (три месяца назад ей присвоили звание заслуженной артистки РСФСР), Марии Лукач, Виктора Мамонова, ансамбля «Мелодия» и др.: 12—14-го в ЦДКЖ выступала неразлучная пара юмористов Александр Шуров и Николай Рыкунин.

В эти дни вновь сгустились тучи над головой Андрея Тарковского. Закончив работу над фильмом «Сталкер», он теперь ждал, когда фильм наконец разрешат к прокату. Киношное начальство, в сущности, было готово к такому шагу, но вот партийное начальство города считало иначе. Скандал разразился на заседании секретариата МГК КПСС, где отчитывался секретарь парторганизации «Мосфильма» К. Замошкин. Вот его собственный рассказ об этом:

«После моего выступления началось обсуждение. Члены бюро задавали мне вялые вопросы — типа, как мы крепим союз искусства

и труда, как проходят отчеты режиссеров-коммунистов и пр. Запланированный разнос затухал, не успев разгореться. И тут в бой вступила Р. Ф. Дементьева — секретарь горкома. Эта дама в моем представлении воплощала в себе обобщенный железобетонный образ пламенных партиек типа Стасовой, Землячки и Клары Цеткин, вместе взятых. Раиса Федоровна сразу же взяла быка за рога. Этим «быком» стал недавно законченный фильм Андрея Тарковского «Сталкер», который она успела посмотреть на «дачах». Сначала Дементьева поинтересовалась, как я лично отношусь к этой картине. Я отметил его высокие художественные достоинства. И тут Дементьева обрушила свой гнев и на меня, и на партком, и на «Мосфильм», и на Госкино. По мнению Дементьевой, картина «Сталкер» была безыдейной, антинародной, недостойной ни «Мосфильма», ни Москвы, и вообще фильму не место на экранах столицы — образцового социалистического города. Она не понимает, как партком разрешил показ этой картины народу. Я пытался объяснить, что партийный комитет «Мосфильма» не имеет никакого отношения к прокату. Тогда Дементьева воззвала к моей совести коммуниста: «Почему вы сами не протестовали против демонстрации «Сталкера»? Меня прямо умиляла трогательная забота Раисы Федоровны о нравственном здоровье московского зрителя, «вынужденного» смотреть эту «гадость».

Тогда слово взял Н. Т. Сизов, который популярно объяснил Дементьевой, что выпуском фильмов на экран занимается специальная организация — Главкинопрокат, работающий под руководством Госкино, что «Сталкер» пойдет в Москве по третьему или четвертому экрану всего в нескольких кинотеатрах и что горком может в ближайшие годы не волноваться, поскольку режиссер скоро уедет за границу, где будет ставить фильм итальянского производства. В заключение Николай Трофимович добавил, что Андрей Тарковский — это наш «общий крест», который несут не только партком и генеральная дирекция «Мосфильма», но и Госкино, и МГК, и даже ЦК КПСС...»

15—18 октября в Москве с официальным визитом находился президент Сирии Хафез Асад. Он встречался со многими советскими руководителями, в том числе и с советским премьером Алексеем Косыгиным. Как писали газеты,

переговоры проходили в теплой дружественной обстановке. Однако после одного из них Косыгин вернулся к себе домой, и его сразил обширный инфаркт. Жизнь премьера висела буквально на волоске, и если бы не искусство кремлевских врачей, все могло закончиться весьма плачевно. На долгие месяцы Косыгин выпадет из политической жизни страны. Его место займет первый зампреьера Николай Тихонов, которого Брежнев давно прочил на место Косыгина.

19 октября в «Московском комсомольце» вышла очередная (№ 58) «Звуковая дорожка». В ней был представлен творческий портрет молодой певицы Екатерины Суржиковой, а также помещена статья про английскую группу «Генезис». Здесь же был опубликован очередной хит-парад лучших песен прошедшего месяца. Выглядел он следующим образом: 1. «Взлети над суетой» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева. 2. «Здравствуй» (Давид Тухманов — В. Харитонов) — Яак Йола. 3. «Ищу тебя» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — Ксения Георгиади, Татьяна Анциферова. 4. «Подберу музыку» (Р. Паулс — А. Вознесенский) — Яак Йола. 5. «Звездное лето» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева. 6. «Летние дожди» (М. Минков — С. Кирсанов) — Алла Пугачева. 7. «Так не должно быть» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Михаил Боярский и Ольга Зарубина. 8. «Песенка Д'Артаньяна» (М. Дунаевский — Ю. Ряшенцев) — Михаил Боярский. 9. «Хочешь, я стану дождиком» (Т. Ефимов — С. Каминский) — «Синяя птица». 10. «Мы с тобой танцуем» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Игорь Иванов. 11. «Олимпиада-80» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — Тынис Мяги. 12. «Никогда не пойму» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Лейся, песня». 13. «Если нет тебя» (С. Намин — В. Харитонов) — группа Стаса Намина. 14. «Еще не поздно» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Яак Йола. 15. «Любовь настала» (Р. Паулс — Р. Рождественский) — Роза Рымбаева.

Как мы видим, безусловным лидером этого хит-парада является композитор Давид Тухманов, который «отковал» целых пять шлягеров.

А теперь перенесемся во Владимирскую область, в поселок Карабаново, где живет видный советский диссидент Анатолий Марченко. Четыре года он отсидел в лагере за антисовет-

скую пропаганду. Однако и здесь КГБ не оставлял диссидента в покое, периодически устраивая у него дома обыски, вися на «хвосте». Марченко терпел-терпел все это, а потом взял и отомстил своим соглядатаям весьма своеобразным образом. Вот как это описывает его жена Лариса Богораз:

«В октябре 1979 года пришли с очередным обыском семь человек из александровского КГБ. Толя спал после смены, сына Пашу я отправила в школу. Начали традиционно: «Вам предлагается сдать литературу антисоветского содержания». Я, как обычно, качаю права: «А что такое антисоветская литература?» — «Сами знаете...» И вдруг Толя неожиданно говорит: «Хорошо, сдам». Они опешили. «Она у меня в лесу закопана». Чувствуют, что подвох, но делать нечего — надо идти. Толя стремительно пошел через лес, невзирая на грязь, лужи, они в туфлях семят за ним: «Скоро, Анатолий Тихонович?» — «Не знаю!» Наконец требуют, чтобы остановился. Тут Толя поворачивается: «Извините, я дорогу только сюда знаю». С грехом пополам местный участковый вывел всех обратно к дому... Естественно, эти «сусанинские» розыгрыши ему не забыли...»

В Москве в те октябрьские дни столичные стражи порядка обезвредили опасную банду грабителей такси. В годы развитого социализма этот вид преступления — нападения на таксистов — был чрезвычайно популярен в преступном мире. За первые два осенних месяца 79-го года в столице было ограблено сразу несколько такси, и везде просматривался почерк одной и той же банды. Однако напасть на ее след МУРу никак не удавалось. И тут помог случай.

Однажды вечером патрульный милицкий экипаж Константина Новикова и Василия Середнева объезжал вверенный ему участок в районе метро «Бауманская». Внезапно из ближайшей подворотни на Спартаковской улице под колеса машины бросился мужчина... со связанными за спиной руками. «Помогите! — закричал он. — Меня ограбили, машину угнали!» Едва он успел произнести эти слова, как из той же подворотни выскочила «Волга»-такси и рванула в сторону центра. «Да вот же они!» — пуше прежнего закричал пострадавший. Усадив его в кабину, патрульные бросились в погоню. По дороге таксист рассказал,

что примерно полчаса назад посадил к себе в машину трех мужчин кавказской национальности, которые попросили довезти их до Спартаковской. Однако в темной подворотне представили к горлу таксиста нож, связали его и ограбили. После чего выкинули из автомобиля. Но им не повезло: именно в эти мгновения поблизости оказался патрульный экипаж.

Погоня по вечерним улицам столицы длилась около часа. «Волга», за рулем которой, судя по всему, сидел профессиональный водитель, отчаянно маневрировала по вечерним улицам города, пытаясь оторваться от погони. Но за рулем патрульной машины тоже сидел ас — Василий Середнев. Видимо, поняв это, преступники решили спастись на своих двоих. Бросив машину, они разбежались врассыпную. Однако одного из них Новиков и Середнев все-таки настигли и арестовали. Им оказался некто Арутюнов. Спустя несколько дней сыщики задержат и двух его поделщиков, с которыми он в течение двух месяцев наводил страх на столичных таксистов.

Близятся к завершению съемки фильма «Ах, водевиль, водевиль...». Последним съемочным днем фильма стал вторник 23 октября. В тот день Галина Беляева в сопровождении балета из 19 человек пела задорную песню «Ах, водевиль...» и танцевала канкан. Делать ей это было архисложно, поскольку она была... Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Эмиль Владимирович (Лотяну. — Ф. Р.) приходил на съемочную площадку. Очень заботился обо мне, приносил мне бутербродики и кормил. И наблюдал за мной, когда я снималась. Но ни одного замечания не сделал. Помню, к концу съемок я стала неважно себя чувствовать. Голова кружилась, подташнивало (для этих целей за кулисами стояло специальное ведро, к которому Беляева бегала после каждого дубля. — Ф. Р.). Я даже не понимала, что со мной происходит. Когда пошла к врачу, оказалось, что у меня уже два месяца беременности. Я входила в кадр и танцевала. Спустя семь месяцев после съемок фильма родится Эмиль, мой первый сын...»

Съемочная группа другого фильма — «Тегеран-43» — в те дни находилась в заграничной экспедиции — в Париже. Съемки там начались 22 октября с прохождений Андрэ (Игорь Костолевский) и Макса (Армен Джигарханян) по ули-

цам города, эпизода «у конторы». На следующий день съемочная группа снимала уже в другом месте — на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, который по сюжету посещали Андрэ и дочь Мари Натали (эту роль тоже играла Наталия Белохвостикова).

Вспоминает Н. Белохвостикова:

«Я играла, фактически, три роли: Мари Луни в молодости, потом ее же через тридцать пять лет, в старости, и ее дочь — Натали. Играть Мари в старости было особенно тяжело. Это была сложнейшая процедура, перед началом съемки я по пять часов проводила в гримерной.

Предварительно с меня сняли маску, так же, как снимают с умерших. Если бы я заранее знала, что это такое, ни за что бы не согласилась. Актеры иногда отказываются от этой процедуры, я же, по незнанию, а больше из легкомыслия и любознательности, согласилась. Эту процедуру я запомнила на всю жизнь. Сначала мне намазали ресницы и брови вазелином, туго затянули волосы, воткнули в нос две трубочки, чтобы можно было дышать, и начали накладывать сырой гипс. Я просила гримеров со мной разговаривать, потому что чем дальше, тем больше мне начинало казаться, что я погружаюсь в могилу. Вначале лицу стало холодно и тяжело, когда гипс стал застывать, оно стало каменеть, и наступила кромешная темнота. Казалось, что на меня положили мраморную могильную плиту, с каждой минутой все тяжелее было дышать, а двигать мышцами лица категорически не разрешалось, минуты превратились для меня в мучительные часы. Когда, наконец, с меня сняли эту «железную маску», я сказала: «Больше никогда!» Это было ужасно...»

В тот же день, 23 октября, съемочной группе неслыханно повезло: Алов и Наумов вышли на самого Алена Делона с тем, чтобы предложить ему одну из ролей в своем фильме. Причем получилось все совершенно спонтанно. Продюсером фильма с французской стороны (фильм снимался силами трех стран: СССР, Франции и Швейцарии) был Жорж Шейко. Еще в 60-е годы он был продюсером знаменитого фильма «Черный тюльпан», где Делон играл сразу две главные роли. Однако у него и в мыслях не было пригласить актера-звезду в «Тегеран» — ведь тот никогда не играл эпизо-

дов. Он хотел взять кого-нибудь попроще. Но Алов и Наумов стали настаивать именно на Делоне: мол, есть у нас роль полицейского Фоша на две странички текста, вот пусть Делон его и сыграет. Шейко сначала упорствовал, но затем согласился. Лично позвонил Делону. А на часах было семь вечера. Но актер оказался на месте — он работал допоздна у себя в офисе. Шейко сказал: «У меня такая ситуация... Тут два сумасшедших... хотели бы тебя повидать...». «А кто они — эти сумасшедшие?» — спрашивает Делон. — «Да... два режиссера!.. Русских!.. Можно нам к тебе зайти?» Делон малость подумал, потом ответил: «Я вас жду через пятнадцать минут. Не успеете — ваша проблема!» Далее послушаем рассказ В. Наумова:

«А мы машину уже отпустили. Пришлось идти пешком. Благо рядом, здесь же, недалеко от Елисейских Полей. Еще дождь шел. Мы взяли огромный зонт, и — втроем под одним зонтом!.. Алов еще с палочкой по лужам скользит (палочка — результат аварии, в которую Алов угодил в конце июля. — Ф. Р.)... Пришли к Делону. Сели, разговариваем: «Вот, хотим вас пригласить...» Он спрашивает: «А что играть?» Я даю ему два листка... Он говорит: «Боже мой! Что это?.. Две странички, что ли?» Я нагло отвечаю: «Да!» Он: «А в сценарии всего сколько?» Я говорю: «Сто двадцать страниц!..» Он смеется, говорит: «Ну, хорошо! Значит, так: давайте так договоримся... Сейчас сколько? Восемь? Завтра, в восемь утра... Ладно, полдевятого вы мне приносите на французском языке не менее пятнадцати страниц хорошей роли. Тогда и будем разговаривать!» Мы отвечаем: «Конечно!» Делон в уверенности, что мы ничего этого не сделаем и никогда уже больше не появимся, говорит: «Ну, давайте выпьем!..» Мы говорим: «Да нет уж! Нам пора работать!» Пришли к себе в отель «Рафаэль», заказали ужин в номер, Жорж разыскал нам стенографистку-переводчицу. И с девяти вечера до восьми утра мы сочиняли, а она печатала. В семь утра позвонили Жоржу, разбудили его: «Приезжай быстро!» И ровно в половине девятого, без звонка, Жорж появился в офисе Делона. Тот был на месте. Взял эти странички, почитал... и согласился! Так он стал у нас сниматься...»

В тот день, когда Делон дал свое согласие участвовать в «Тегеране» — 24 октября, — съемки велись в парижском аэропорту, где

снимали Костолевского и Белохвостикову. Пребывание Армена Джигарханяна в Париже в тот день закончилось, и он покинул землю гостеприимной Франции. А Ален Делон вошел в картину на следующий день.

Вспоминает Н. Белохвостикова:

«Первый съемочный день должен был произойти на Елисейских Полях, его эпизод длился меньше минуты — инспектор Фош с адвокатом выходят из здания и садятся в машину. Делон сказал: «Ничего у нас не получится, я выйду, и тут же толпа соберется, человек двести, не даст нам снимать». Назначили съемку специально на девять часов утра, когда люди спешат на работу и заняты только собой. Все было продумано: камеры спрятаны, мы ждем в офисе — Делона нет. Вдруг кто-то говорит: смотрите вниз. Выходим на балкон и видим; что внизу творится что-то невообразимое — пожар, что ли? Послали ассистента посмотреть, в чем дело... Оказывается, это Делон! Вышел, встал в арке, и вокруг него моментально собралась толпа, человек двести, как он и обещал! И разогнать ее было уже невозможно. Делон был очень доволен: «Ну что — видали? Так что вам придется сменить или актера, или место съемки!» На что Курд Юргенс сказал: «Я рекомендую сменить актера... на Бельмондо!» Но мы сменили место съемки...»

На следующий день съемки с участием Алена Делона продолжались: снимали первую встречу инспектора Фоша с Натали — когда она бесцеремонно влезает в такси, в котором он едет. И здесь опять без казусов не обошлось. Вот как об этом вспоминает В. Наумов:

«Мы были вынуждены снимать сцену Белохвостиковой с Делоном без переводчика. Дело в том, что наш переводчик просто-напросто не поместился в игровую машину, внутри которой снималась большая актерская сцена. Машина и без того была переполнена сверх всякой меры: шофер, оператор с ассистентом, режиссеры, осветители, актеры. Но в кино, как известно, безвыходных ситуаций не существует. Сначала, как нам показалось, мы решили эту проблему просто: переводчик сел в другую машину, которая должна была ехать следом за игровой и была связана с нами посредством радиопередатчиков. Таким образом замечания режиссеров поступали по радио к переводчику, а оттуда обратно в нашу машину, уже пере-

денные на французский язык, к Делону. Однако этот неповоротливый, многоступенчатый, в общем, идиотский способ общения возможен где угодно, только не в работе с актером. Мы убедились в этом тотчас же и перешли на язык жестов и мимики. Должен сказать, что Делон понимал нас, как говорится, с полуслова. Все наши пожелания выполнялись точно и, что самое важное, не «вообще», а с той мерой конкретности, без которой немислимо настоящее актерское искусство...»

Но оставим на время Париж и вернемся на родину. В Ташкенте в те дни проходила Всесоюзная конференция МВД СССР и Союза писателей, посвященная морально-нравственным и правовым проблемам в художественной литературе. От СП на нее прибыли несколько известных писателей, а союзный МВД представлял зять генсека Юрий Чурбанов. Эта поездка в последующем дорого ему обойдется. Дело в том, что 24 октября Чурбанов посетил вотчину 1-го секретаря Бухарского обкома партии Каримова и нашел там массу недостатков. В частности, заехав в город Газли, где некоторое время назад произошло землетрясение, он обнаружил в магазинах пустые полки. И пообещал Каримову, что обязательно расскажет обо всем в Москве Брежневу. Каримов, естественно, не на шутку перепугался. И устроил гостю на своей загородной резиденции «Красная дача» поистине королевский прием. Чурбанова до отвала накормили прекрасным обедом, состоявшим из ароматного бухарского плова, тандыр-кобоба — жаренного целиком барашка, лагмана, бархатистых абрикосов и т. д. В качестве подарка преподнесли ему шикарный золотшвейный чапан ручной работы, который дарился только особо дорогим гостям. Но главный подарок был преподнесен гостю чуть позже. Позднее сам Чурбанов будет вспоминать об этом следующим образом:

«Когда обед завершился, то мы с Каримовым поднялись на второй этаж дачи... и во время осмотра он сунул мне в карман то ли брюк, то ли кителя сверток из бумаги... Было понятно, что передается взятка, что в свертке находятся деньги. Вечером в номере гостиницы я вскрыл сверток и обнаружил там деньги в сумме 10 000 рублей. Как я понимал, Каримов дал мне эту взятку для того, чтобы заручиться моей поддержкой. Было видно, что ему хотелось ос-

тавить о себе хорошее впечатление, видимо, он опасался и того, что об увиденных недостатках я могу сообщить в ЦК КПСС...»

Из солнечного Узбекистана перенесемся в столицу нашей родины город-герой Москву. Здесь кремлевское руководство продолжает ломать голову над событиями, происходящими на южных рубежах державы — в Афганистане. После мартовского восстания в Герате и апрельского переворота в Кабуле (саурская революция) положение дел в этой стране непрерывно ухудшалось. Вооруженная оппозиция расширяла свой контроль в провинциях страны, ее отряды с разных сторон приближались к Кабулу. А лидеры НДПА, вместо того чтобы объединиться и дать достойный отпор оппозиции, дрались между собой. Причем не на шутку. Завершилось это тем, что один из лидеров НДПА, премьер-министр Хафизулла Амин, отдал приказ арестовать своего соратника по партии президента страны Нур Мухаммеда Тараки и тайно казнить его. А Тараки был личным другом Брежнева. Однако даже потеря «большого друга СССР» не стала поводом к тому, чтобы члены Политбюро изменили свою позицию в вопросе ввода войск в Афганистан, выработанную еще в марте. А Амина и его приспешников должны были убрать сами афганцы, для чего из Праги был вызван бывший лидер НДПА Бабрак Кармаль. На него советские лидеры и возлагали главные надежды на победу социалистических сил в Афганистане.

В столичном кинотеатре «Ударник» проходит Неделя молодежных фильмов. В течение семи дней там показывают как новые, так и старые фильмы, посвященные проблемам молодежи. На большинство картин зритель будет ходить вяло — они его мало привлекают. Однако в день открытия Недели, в понедельник, 29 октября, будет аншлаги: покажут новый фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Практически все, кому удалось попасть на картину, в ней не разочаровались. Однако до настоящего, повального триумфа этой мелодрамы остается еще несколько месяцев.

Кинорежиссер Андрей Смирнов (автор «Белорусского вокзала», «Осени») в те дни сдавал руководству свою очередную картину — фильм «Верой и правдой», повествующую о событиях 50—70-х годов XX века, о жизни и деятельности столичных архитекторов. Как и все

предыдущие работы этого талантливого режиссера, фильм был очень современным, решенным в нетрадиционном ключе. Чем и не понравился цензорам. К примеру, они приказали значительно сократить эпизоды с «хрущевской оттепелью». Затем фильм посмотрел сам глава Госкино Ермаш и сказал, что длинно. Фильм пришлось опять сокращать. Но решающим должно было стать слово хозяина Москвы Виктора Гришина — ведь лента рассказывала о столичных градостроителях. Однако Гришин с просмотром тянул и пока отрядил на это дело своих помощников. Те посмотрели и внесли новые поправки: это убрать, то заменить. 29 октября Смирнов смонтировал новый вариант: по приказу гендиректора «Мосфильма» Сизова он внес поправки в широкоэкранный копию — для Гришина, а в широкоформатный вариант их пока не внес. Сделано это было с дальним прицелом: вдруг Гришин объявит, что роль партии, в частности, горкома, в фильме преувеличена в ущерб государственной власти?

А теперь перенесемся в Америку, в Нью-Йорк. Там в те дни находится делегация советских кинематографистов, среди которых были режиссер Георгий Данелия, актриса Людмила Гурченко и другие. 29 октября Гурченко встретила со своим бывшим другом, известным поэтом-эстрадником, а ныне гражданином Америки Павлом Любимовым. Эта встреча могла выйти актрисе боком, поскольку в группе была кагэбэшная стукачка, которая должна была внимательно надзирать за своими подопечными. И если происходило что-то из ряда вон — а встреча с эмигрантом как раз относилась к числу подобных ЧП, — немедленно докладывать руководству. И провинившемуся грозило суровое наказание: могли перекрыть возможность выезда за границу вообще. Но Гурченко этого не испугалась. Она встретила с Любимовым и даже более того — подписала ему на память свою фотографию. Как вспоминал сам П. Любимов:

«Мы встретились с Люсей в кинотеатре возле Пятой авеню, где шел в тот день фильм с ее участием. А после мы пошли в гостиницу «Плаза», где остановилась ее группа, приглашенная какой-то американской компанией. Мы не виделись шесть лет. Это — много, но когда мы разговорились и оттаяли, поняли, что это — не так страшно. И шесть лет не могут ра-

зорвать дружбы. Не могут шесть лет разорвать памяти. Оказалось: мы помнили все...

Люське Нью-Йорк не понравился. Он ее подавлял. Или раздражал. Она скучала по дому, по Маше, по мужу... Вспомнили ее папу... Погрустили... После она уехала. Думаю — навсегда. И она, наверное, тоже так думала...»

И вновь вернемся в Париж, на съемки «Тегерана-43». 29—30 октября там снимали последние эпизоды с участием Алена Делона. Его герой — инспектор Фош — гулял с Натали по улицам Парижа, а потом погибал у нее на глазах от пуль наемного убийцы.

Вспоминает Н. Белохвостикова:

«Сцену гибели Фоша нам предстояло снимать на набережной Сены. Приехали мы на набережную. После дождя — холодно, сыро, лежит опавшая листва. Делон осмотрел площадку и говорит: «Скользко». Его помощники за очень короткое время привезли ему защитный жилет, наколенники, налокотники, на подошвы ботинок наклеили что-то специальное. А я стою как есть, к тому же на высоченных каблуках-шпильках. «А что вы будете делать?» — спрашивает Делон. «Я буду вас спасать», — отвечаю. Сначала весь путь, который должен пройти Делон, включая падение на булыжник, за него проделал дублер. Потом на него надели все эти приспособления. «Постарайся упасть на него», — подсказывал мне режиссер. Я, конечно, умею падать, этому учили в институте, но когда на тебя летит человек с приличным весом, которого надо подхватить, а каблук подворачивается, тут предусмотреть всего нельзя. После двух дублей я тогда сильно разбилась на этой булыжной мостовой, спина была черная, три недели лежать не могла. Но тем не менее встреча с Делоном оставила радостные воспоминания...»

Стоит отметить, что после съемок эпизода гибели Фоша Делон обиделся на Владимира Наумова. Он посчитал, что это он виноват в том, что не сумел уберечь его партнершу от синяков и шишек. В какой-то мере он был прав. Но что мог сделать Наумов? Не снимать эпизод?

В среду, 31 октября, Андрей Смирнов показывал свой многострадальный фильм «Верой и правдой» столичным начальникам: верхушке Моссовета и архитекторам Москвы во главе с

их тогдашним начальником Посохиним. Вот как это описывает сам режиссер:

«Шура (сценарист фильма Александр Червинский. — Ф. Р.), надо отдать ему справедливость, сразу впал в панику, предрекая неминуемый скандал. Дело в том, что Посохин построил дом на площади Восстания, а наш фильм по поводу этого дома язвительно проходил».

Несмотря на то что предупрежденный мною Сизов пытался Посохина подготовить, сказал перед началом несколько слов, что произведение художественное, вымысел, что прямо принимать на свой счет не стоит, Посохин сразу насторожился.

Начался фильм. Я не сводил с Посохина глаз. Он сразу закипел. «Пирамида Хеопса» — по адресу его дома — привела его в бешенство. Начальники беседовали друг с другом, то шепотком, то в голос, со свойственным обычным партийным «тактом». Когда Посохин в очередной раз заелозил, я не выдержал и, извиняясь, брякнул: «Мы же предупреждали, что образ собирательный!», и что-то еще в том же рыбьем роде. «Растрелли» обернулся с перекошенной рожей: «Вот и снимали бы другой дом! А это же черт знает что — любому дураку ясно...»

В конце первой серии он стал одеваться. «Ты куда? — сказал Коломин. — Сейчас вторая будет».

— С меня первой хватит! — заявил зодчий и отбыл...

По окончании просмотра господа сказали мне «До свидания!» и поднялись к Сизову. Там они пробыли минут сорок. Когда Сизов вышел, я спросил: «Ну, как?» Он сказал, что их мнение единодушное и резко отрицательное. Показаны только трудности, а размах строительства не показан. Сизов попытался меня успокоить. Мол, будем искать на них управу...»

А теперь перенесемся в Варшаву, где в ту же среду, 31 октября, ЦРУ заимело в своих рядах очередного агента-перебежчика — майора КГБ Виктора Шеймова. Он работал шифровальщиком в советском посольстве и давно вынашивал план установить контакт с церэушниками, чтобы те помогли ему и его семье тайно перебраться на Запад. Но каждый раз этому мешали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства. И только в последний день октября обстоятельства сложились для Шеймова

самым благоприятным образом. Хотя поначалу ничто не указывало на то, что Шеймову должно повезти.

В тот день с утра он отправился в город за покупками, и сопровождать его отправился офицер безопасности — по инструкции выходить одному из здания посольства шифровальщикам запрещалось. Купив в магазине берет и длинный шарф, Шеймов затем зашел в аптеку, где приобрел темные очки. А чтобы у сопровождающего не возникло лишних вопросов к последней покупке, Шеймов сказал, что очки предназначены отцу. Затем Шеймов высказал желание сходить в кино: в культурном центре при посольстве демонстрировали новый фильм. Он надеялся, что офицер хоть здесь от него отстанет, но тот, оказывается, тоже давно не баловал себя кинопросмотрами.

В половине шестого зрители двинулись в кинозал, чтобы занять свои места. Шеймов и его сопровождающий тоже были в этой толпе и медленно двигались к входу. И тут Шеймова осенило. Он выронил из рук зажигалку и нагнулся, чтобы ее подобрать. Сопровождающий, который уже успел пройти вперед, спросил: «В чем дело?» «Да вот, зажигалку уронил», — ответил Шеймов, делая вид, что ищет потерянный предмет. И тут ему повезло: его «хвост» не стал его ждать и отправился в зал занимать места. Едва он скрылся в дверях, как Шеймов бросился в туалет. В кармане у него лежали заранее припасенные плоскогубцы и напильник, с помощью которых он открыл задраенное наглухо окно. Через него он и выбрался наружу. Спрыгнув на землю, он тут же напялил на себя купленные час назад обновки: берет, шарф и темные очки.

До американского посольства Шеймов добрался на такси. У него было опасение, что полицейский, стоявший на входе, не пропустит его, но страхи оказались напрасными — тот окинул его подозрительным взглядом, но даже не окликнул. Войдя внутрь, Шеймов тут же бросился к дежурному. На ломаном английском объяснил ему, кто он, а потом то же самое написал на бумажке: мол, я работаю в КГБ, хочу работать на вашу разведку. Дежурный, кажется, ему поверил и вызвал сотрудников ЦРУ. Те отвели Шеймова в подвальное помещение и там в течение нескольких минут допрашивали. Вопросы были профессиональные:

кто резидент КГБ в Варшаве? кто начальник линии «Х» — научно-техническая разведка? И т. д. Когда же Шеймов назвал свою должность — начальник отдела, курирующего шифровальную связь советских посольств, — церэушники чуть языки не проглотили от счастья. Шеймову предложили уехать в США немедленно, но он отказался: сказал, что не может бросить родных (в Москве у него оставались жена и маленькая дочка), и предложил выйти на контакт с ним в Москве. Церэушники его условия приняли.

В культурный центр Шеймов добрался с помощью тех же церэушников: они привезли его на машине, помогли незаметно влезть в то же самое окно туалета. Когда сопровождающий поинтересовался, где он был, Шеймов ответил, что чем-то отравился и все это время не слезал с толчка. Соглядатай ему поверил: сам неоднократно травился польской кухней. Так ЦРУ заимело в своих рядах очередного ценного агента.

Во второй половине октября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову следующие: 15-го в прокат вышел рижский детектив Алоиза Бренча «Ралли»; 22-го — мелодрама Виталия Кольцова «Близкая даль» с участием Жанны Прохоренко, Всеволода Санаева, Анатолия Васильева и др.; 29-го — комедия Аллы Суриковой «Суэта суэт» с участием Галины Польских, Фрунзе Мкртчяна, Леонида Куравлева и др.

Кино по ТВ: «Коммунист» (16-го), «Прошу слова» (впервые по ТВ), «Зареченские женихи» (18-го), «Следствие ведут знатоки», Дело № 14 «Подпасок с огурцом» (преьера т/ф 19-го), «В компании Макса Линдера» (Франция, впервые по ТВ 20-го), «Маскарад» (21-го), «Пастух Янка» (21—22-го), «Время выбрало нас» (преьера т/ф 22—23, 25—26-го), «Пятеро из Фер-

ганы» (23-го), «Кто есть кто?» (т/сп) (25-го), «Нора» (преьера т/ф 27-го), «Лобо» (преьера т/ф 28-го), «Необыкновенное лето» (преьера т/ф 29, 31-го), «Горький урок» (30-го), «Хлеб и розы» (31-го) и др.

Театральные премьеры: 19-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль «Декамерон» Бокаччо; 30-го в «Ромэн» — «Горячая кровь».

Эстрадные представления: 15—24, 26—28-го в ГТЭ выступала Алла Пугачева в сопровождении ансамбля «Ритм» (из двух десятков исполненных певицей песен три впервые обкатываются на столичной публике: «Этот мир», «Летние дожди», «Когда я уйду»); 16—18, 20—21-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием Элины Быстрицкой, Людмилы Хитяевой, Натальи Фатеевой, Станислава Чекана, Светланы Резановой, Евгения Петросяна, Владимира Винокура, Ксении Георгиади, Николая Озерова, Яна Спааре, Евгения Майорова, ВИА «Ариэль» и др.; 19—21-го в ЦДКЖ играл ВИА «Акварели» (24—25-го — в «Новороссийске»); 23—28-го в ГЦКЗ состоялись концерты артистов зарубежной эстрады в программе «Золотая осень-79»: Юдит Сюч (Венгрия), Корины Корияк (Румыния) и др.; 26-го в ЦДСА пела старинные русские романсы Эльмира Жерздева (широкому слушателю она известна прежде всего по женским партиям в мультике «Бременские музыканты»); 27—28-го в ЦДСА выступали Майя Кристалинская, Светлана Резанова, Екатерина Шаврина и др.

В журнале «Кругозор» (№ 10) выделю следующие пластинки: Джо Дассен и Алла Пугачева в «Космосе» — «Иду с цветком» (Д. Дассен — К. Лемель), «Салют» (В. Палавиччини) — исполняет Джо Дассен, «Сто часов счастья» (К. Орбелян — В. Тушнова) — Алла Пугачева, Евгений Мартынов — «Летом и зимой».

1979 Н о я б р ь

К Алле Пугачевой помился маньяк. Ален Делон не узнал Наталию Белохвостикову. Сорван показ фильма «Двое в городе». Налет на квартиру бывшей секретарши Алексея Толстого. «Верой и правдой»: мытарства продолжаются. Очередное преступление банды «иконников». «Тегеран-43»: как Белохвостиковой отпускали грехи. Валерий Леонтьев на просмотре у Давида Тухманова. Клиническая смерть Ирины Понаровской. «Тегеран-43»: Белохвостикова на улице детства. Вор в законе теряет мать. Ссылка Олега Калугина в Ленинград. Премьера фильма «Место встречи изменить нельзя». Братья Самойленко убивают вновь. Концерт Высоцкого в Театре Вахтангова. Сорванное ограбление банды братьев Самойленко. ЧП в Москве: нападение на «Малахитовую шкатулку». Братья Вайнеры зарывают новый роман. Олег Стриженов в разлуке с женой. Высоцкий на дне рождения друга. Арестован сын Виктора Корчного. Вторая клиническая смерть Ирины Понаровской. ЧП в Усть-Каменогорске: нападение на инкассаторов. Маньяк Нагиев освобожден. Орган ЦК КПСС пишет о фильме «Место встречи изменить нельзя». Москвичи в поисках стирального порошка. Онассис-Каузов: внезапный развод. Чурбанов держит удар. Ценности министра Щелокова. Стриженов—Высоцкий: мимолетная встреча в аэропорту. «Спартак» — чемпион. Триумф Александра Иншакова. Михаил Горбачев: новый шаг на пути к власти. Ален Делон в Москве. «Тегеран-43»: разборки с пожарным.

Начало ноября в самой тиражной газете страны — «Комсомольской правде» — выдалось особенно хлопотным. Там готовилось к публикации интервью с Аллой Пугачевой. Причем публикация готовилась чуть ли не подпольно. Почему? Дело в том, что к Пугачевой плохо относился шеф отдела пропаганды ЦК КПСС Тяжелников (бывший глава ВЛКСМ), стараниями которого центральная пресса практически не печатала о популярной певице никаких восторженных статей (это проходило только в республиканских изданиях). И это в то время, как подавляющая часть населения буквально заслушивалась песнями Пугачевой. Чтобы нарушить это табу, «Комсомолка» и решила дать высказаться на своих страницах самой певице. Материал готовил главный «музыковед» газеты Юрий Филинов, который и название для статьи придумал соответствующее — «Женщина, которая поет».

О том, как готовилась эта публикация, рассказывает сам журналист:

«Соблюдая все меры предосторожности (дабы не «настучали добрые люди» наверх), материал мы набрали срочно в номер (он появится 2 ноября. — Ф. Р.). Героиня сидела дома и по телефону выражала сильные сомнения, что интервью напечатают. Уже поздно ночью я приехал на Ждановскую, в маленькую однокомнатную квартиру с оттиском газетной полосы.

Как в детективе. Сидим с Аллой, ждем звонка из редакции о подписании номера в свет. Вдруг в дверь кто-то стал ломиться. Когда выскочили на лестничную площадку, вниз скатился человек. Его догнали. Сдали в милицию. Оказалось, что какой-то маньяк приехал из Тмутаракани убить Пугачеву и тем самым прославить свое имя. В этот момент, когда страсти улеглись, а у всех присутствующих в квартире

начался нервный смешок, — звонок из редакции. Номер подписан.

Я прыгал от радости. А Пугачева отнеслась к публикации, как и должна была отнестись: достойно...»

Заканчивается экспедиция съемочной группы фильма «Тегеран-43» в Париже. 2 ноября сняли последние кадры на французской земле: Андрэ (Игорь Костолевский) приезжает в аэропорт Орли. Спустя три дня группа должна была переехать для продолжения работы в Лондон, но перед этим в советском посольстве был дан прощальный обед, на который пригласили как советских, так и зарубежных актеров, занятых в фильме. У Наталии Белохвостиковой о том дне остались следующие воспоминания:

«Мы с Делоном снимались примерно неделю каждый день вместе. Он был знаком с молодой брюнеткой с короткой стрижкой и челочкой — в таком облике, уже после грима, то есть в образе Натали, я появлялась на съемочной площадке. Когда все собрались в посольстве, появился подвижный, как всегда, Делон, несколько раз он скользил по мне глазами, которые ничего по моему адресу не выражали. Когда посол стал представлять друг другу тех, кто не был знаком, Делон всем подряд пожимал руки, дошла очередь до меня, и тут он замешкался — с этой рукой он был знаком, — поднял на меня в изумлении глаза, узнал и бросился обнимать. Дело в том, что он ни разу не видел меня без грима, а у меня всегда были длинные белые волосы, открытый лоб...»

Между тем в Москве в те дни произошел курьезный случай, связанный с тем же Аленом Делоном. Вернее, с одной из лучших картин за всю его кинокарьеру — криминальной драмой «Двое в городе», где партнером Делона был блистательный Жан Габен. Этот фильм вышел в повторный прокат и шел в столичном кинотеатре «Наука и знание», что на Арбате. Практически на всех сеансах аншлаг. Но однажды случилось непредвиденное. Киномеханик принял «на грудь» пару стаканов алкоголя, после чего перестал исправно нести службу. Когда зрители заполнили зал на последнем сеансе — в восемь вечера, — он запустил фильм... с третьей части. Когда до зрителей дошло, что происходит что-то не то, они начали свистеть. Киномеханик это, естественно, услышал и ис-

правился — начал фильм с начала. Но выпитый алкоголь продолжал свое воздействие на его сознание, результатом чего стала дальнейшая корректура сценария со стороны кинемеханика. Где-то спустя полчаса, когда потребовалось врубить новую часть, он вновь запустил ее не с нужного места, выкинув из фильма целый кусок — тот, где в автокатастрофе погибала жена героя. Те, кто фильм уже видел ранее, сразу обнаружили «пропажу» и опять засвистели. После этого в кинобудку поднялась директор кинотеатра. Увиденное ее потрясло до глубины души. На тот момент кинемеханик уже совсем не вязал лыка и пребывал в том состоянии, когда вообще ничего не мог: ни зарядить пленку в аппарат, ни вспомнить название кинотеатра, где работал. И директорше пришлось выйти к зрителям и сообщить им, что продолжение сеанса откладывается на несколько минут — пока сюда не прибудет кинемеханик из соседнего кинотеатра «Художественный». Однако времени на часах было уже около десяти вечера. Поэтому часть зрителей потянулась к выходу. Тогда, понимая их чувства, директорша распорядилась выдать им специальные квиточки (из тетрадных листков), где была проставлена специальная пометка — буква «К». С этим документом все желающие могли прийти в кинотеатр в ближайшие дни и посмотреть фильм «Двое в городе» заново. Но с трезвым кинемехаником. Что касается виновника случившегося, то его с работы уволили.

6 ноября в Москве произошло громкое преступление — ограблена квартира бывшей секретарши писателя Алексея Толстого Ольги Милкович-Никифоровой. Произошло это среди бела дня — в 15.00, когда в доме на Фрунзенской набережной находились сама хозяйка и ее родная сестра Лидия. Последняя и открыла дверь преступникам, подумав, что это пришла ученица Ольги — девочка с редким для того времени именем Лолита. Вместо юного создания в квартиру ворвались трое мужчин в масках, да еще с пистолетами в руках. От одного их вида женщины впали в панический ужас. Чего, собственно, и добивались преступники. Закрыв хозяйку в ванной, они споро зашарили по комнатам. Судя по всему, они знали куда пришли — в квартире было много ценных вещей. За полчаса пребывания грабители собрали в сумки все драгоценности, а также пять де-

сятков редких полотен. Причем картины отбирали своеобразно: глаз положили только на пейзажную живопись, а вот портретами не заинтересовались. Когда в тот же день пострадавшая явилась в милицию и заявила об ограблении, там ей якобы сказали: «Это слишком высоко, нам не достать». Ольга Брониславовна была крайне удивлена таким ответом, хотя расшифровывался он просто: в последнее время в столице орудовала банда, которая выполняла заказы высокопоставленных чиновников — грабила раритетные квартиры. Все похищенное затем оседало в частных коллекциях заказчиков на родине либо вывозилось за границу.

Продолжается скандал вокруг фильма Андрея Смирнова «Верой и правдой». В своем дневнике режиссер записал в те дни следующие строчки: «Сегодня — 7 ноября, великий престольный пролетарский праздник. Положение дел такое: Посохин разругался с Сизовым, заявив, что это — карикатура на него и что он будет писать Брежневу... Пока что картина отправлена на дачу Гришину и каким-то еще таинственным секретарям ЦК. После праздников мы узнаем, на каком мы свете...»

Забегая вперед сообщу, что фильм все-таки разрешат к выпуску на широкий экран и даже дадут ему самую высокую категорию — первую. Хотя самого Смирнова это не обрадует: к тому моменту он разуверится в своей картине. Так и запишет в дневнике: «Верой и правдой» — как ни одна из моих работ — есть последовательная измена самому себе...»

В Лондон съемочная группа фильма «Тегеран-43» прибыла 5 ноября, а съемки начали только три дня спустя. Вспоминает Н. Белохвостикова:

«Мы снимали в самом центре Лондона, недалеко от Вестминстерского аббатства. Я и наш второй режиссер Наталия Терпсихорова отпросились на пять минут, чтобы зайти внутрь собора. Там были толпы людей, туристов и прихожан, мы оказались в центре этого многолюдья, и вдруг движение остановилось и послышался голос из какого-то невидимого микрофона, началась то ли проповедь, то ли молитва; время идет, мы понимаем, что нас ждут на съемке, но не можем двинуться ни в одну сторону. Проходит пять минут, десять, пятнадцать... Я начинаю вслушиваться в текст и понимаю, что такое бывает раз в жизни. Мы ока-

зались в храме в тот день и в ту минуту (никому не известно, когда это произойдет), когда настоятель Вестминстерского аббатства отпускал грехи — всем, кто там в это время находился. Это было что-то невероятное по эмоциональному накалу, когда сотни людей, замерев, не дыша, слушали голос, который раздавался как будто с небес. Никто не шелохнулся, нельзя было даже подумать, что мы можем нарушить это состояние, проталкиваясь к выходу. И кто бы отказался от такого, когда ему отпускают грехи? Когда мы вернулись, услышали все, что о нас думают, получили по заслугам, но какое-то время еще как будто парили над землей...»

Молодоц певец Валерий Леонтьев, который два месяца назад стал победителем конкурса советской песни в Ялте, приехал в Москву, чтобы здесь выступить в ряде концертов (они прошли 4—8 ноября во Дворце спорта в Лужниках), а также попытаться пробить себе эфир на ТВ. Этот шаг ему посоветовала сделать член ялтинского жюри, знаменитая певица Гелена Великанова. Но отправляясь в столицу из Горького, Леонтьев даже не мог предположить, какой трудной окажется для него эта поездка. Вот как он сам об этом вспоминает:

«По совету той же Гелены Великановой я расстался со своей тогдашней бородкой, которой очень гордился. И вот в новом «имидже» прихожу на ЦТ и заявляю: «Я — Валерий Леонтьев, лауреат Всесоюзного конкурса. Покажите меня по телевидению». Люди там опытные, и не то повидали, так что даже глазом не моргнули. «Мы, к сожалению, на конкурсе не были, — отвечают, — вас не видели. Поэтому сначала хотели бы получить о вас хоть какое-то представление. У вас концерты в Москве есть? Ах, нет... жаль. Тогда не могли бы вы дать нам вашу фонограмму?»

«Что?» — не понял я. В своем беспросветном провинциализме я даже не представлял, что каждый уважающий себя исполнитель имеет пленку с записью своих лучших песен. И мои собеседники это уловили.

«Тогда, — говорят, — вы, может быть, споете нам с аккомпаниатором?»

«С радостью попою», — соглашаюсь я. Пришел на телевидение я не один, а с пианисткой, которая знала мой репертуар...

Тогда я не догадывался, что работники музыкальной редакции устроили для себя заодно и бесплатную потеху. Ведь такого не бывает, чтобы к ним пришел артист и под пианино начал в кабинете между столов петь и плясать. Представляю, как внутренне они давились со смеху.

Однако, несмотря на мои старания, выпустить новоиспеченного лауреата в телеэфир редакция отказалась. «С чем мы тебя покажем? Репертуар у тебя чужой. Песни старые. Оркестра при тебе нет. Тебе надо бы познакомиться с Тухмановым, может, он согласится написать новую песню специально для тебя». (Отмечу, что в Ялте Леонтьев победил именно с песней Д. Тухманова «Памяти гитариста». — Ф. Р.)

Как ни странно, но сотрудники редакции, видимо, за доставленное им молодым певцом удовольствие, согласились свести его с Тухмановым. Они позвонили ему домой и попросили принять Леонтьева в любое удобное для композитора время. Тот не стал тянуть и назначил встречу на следующий день. Леонтьев, узнав об этом, чуть заикой не стал. Ехать домой к знаменитому композитору было страшно. Видимо, поэтому, когда утром следующего дня Тухманов спросил гостя, какую песню тот ему может спеть, тот с испуга ответил: «Могу спеть песню Зацепина «Ищу тебя». Поскольку Зацепин был главным конкурентом Тухманова в эстрадном мире, этот ответ выглядел бестактным. Но Тухманов сделал вид, что не заметил этого. Он сказал: «Я, правда, ее не знаю, но когда-то слышал и, может быть, что-то подберу». И стал наигрывать на рояле мелодию. Леонтьев заголосил. И, видимо, сделал это не самым лучшим образом. Тогда жена Тухманова, поэт Татьяна Сашко, которая была тут же, спросила: «А вы не могли бы спеть какую-нибудь песню Тухманова?» «Как не могу? — удивился Леонтьев. — Я же за песню «Памяти гитариста» первую премию получил!» Тухманов улыбнулся: «Вот эту песню я знаю», — и вновь заиграл. На этот раз Леонтьев выступил куда лучше. После этого хозяин поставил на проигрыватель последний диск супермодной группы «Ирапшн» и попросил гостя потанцевать. Как выяснится чуть позже, Тухманову до зарезу нужен был певец, умеющий танцевать и петь в стиле «диско», и Леонтьев под это дело как раз

подходил. Как будет вспоминать сам композитор:

«Не могу сказать, что в первые часы нашего знакомства с Леонтьевым я смог дать ему объективную оценку: я не увидел в нем певца универсального, сочетающего вокальные, актерские и пластические возможности, которые впоследствии так ярко раскрылись на сцене. Я не почувствовал в нем личности энергичной, упорной, настойчивой и работоспособной, не ощутил тогда его одухотворенности, чуткости, что проявилось впоследствии в совместной работе. Но я заметил главное: музыкальность, хорошие певческие данные, техничность, свободное владение современными исполнительскими приемами. И я дал согласие с ним работать...»

Коллега Леонтьева по эстраднему цеху Ирина Понаровская в те дни гастролирует в Курске. Концерты шли каждый день и требовали от певицы большого напряжения сил. Видимо, от чрезмерных нагрузок у нее начались сильные почечные колики (у Понаровской врожденный порок — деформация мочевого канала). Боли были настолько сильными, что ей несколько раз вызывали «скорую», вводили очень сильные лекарства и наркотики. Отменить концерты было нельзя, и Понаровская после лечения вновь выходила на сцену. И это едва не привело к трагедии. 9 ноября, прямо во время очередного выступления, у Понаровской случился болевой шок от чрезмерной нагрузки. Ее немедленно погрузили в «скорую» и отправили в больницу. По дороге у певицы случилась клиническая смерть. Как будет позже вспоминать сама артистка, ее видения и ощущения полностью совпали с вычитанными потом в книге «Жизнь после смерти»: и длинный коридор, и свет в конце... Врачам удалось «завести» сердце певицы и вернуть ее из потустороннего мира в реальный. Та операция длилась пять часов, ее проводил хирург Аркадий Львович.

И вновь перенесемся в Лондон. 9 ноября в «Тегеране-43» снимали эпизоды с участием Игоря Костолевского: на пленку запечатлели проходы его героя по городу. Это был предпоследний съемочный день в английской столице. А на следующий день вечером, за несколько часов до отлета, Белохвостикова решила наконец попасть на ту улицу города, где она не

была 25 лет. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Я не могла себе представить, что уеду, не побывав на «моей» улице Кенсингтон-Пэлс-Гарденс. Поздно вечером сказала Володе (В. Наумову — Ф. Р.), что поеду туда одна. Он стал сердиться — куда это я отправляюсь ночью (сам-то он недавно был в нашем посольстве, когда приезжал выбирать натуру), но, конечно, одну меня не пустил, поехали вместе. Сели в двухэтажный лондонский автобус, я забралась наверх, смотрела город, и мне казалось, что я все это помню... Когда вышли на нужной остановке, я сразу узнала улицу — на ней расположены только иностранные посольства и вход на нее охранял полицейский. Было одиннадцать часов вечера, довольно темно, кругом никого, только мы вдвоем, идем, оглядываясь по сторонам. Дошли до стеклянной будки у входа на улицу, навстречу нам вышел полисмен, спросил, что мы здесь делаем, я объяснила ему, что я русская актриса и что мое детство прошло вот в том здании. Тогда он впустил нас на территорию и разрешил постоять у посольского дворика. После этого путешествия в детство у меня как будто камень с души свалился...»

10 ноября (в День милиции) в Ленинграде умерла мать знаменитого вора в законе Юрия Алексева, известного в криминальных кругах СССР под прозвищем Горбатый. Покойная принадлежала к старинному питерскому роду дворян, однако при Советской власти это не помешало ей сделать прекрасную карьеру — она была крупным банковским работником, хорошо знала семью Орджоникидзе, Рокоссовского. Ее крестным отцом стал знаменитый Степан Гиль — личный шофер Ленина. Однако благополучие семьи Алексеевых длилось до 37-го года, когда расстреляли главу семьи — главного механика крупного завода. После этого, чтобы спасти себя и сына от нищеты, мать Юрия вышла замуж вторично — за сына Иоанна Ярославского, епископа Ярославля. Однако уберечь сына от худого матери так и не удалось.

В 1947 году Юрий вместе с одноклассниками украл дорогой воротник, на выручку от которого дети купили... молока. Когда воришек нашли, всех пожурили, а Юрия — как сына врага народа — отдали под суд. Срок он отбы-

вал в детской трудовой колонии в Стрельне. Там и начались его воровские университеты. По словам самого же Юрия:

«В колонии я вдруг ощутил себя среди людей. Дома я устал от политических скандалов, от рассказов о том, кто в каком подвале от НКВД отстреливался. Мне все это не нравилось. А в колонии — совсем другие темы, и люди были, с моей точки зрения, порядочные. Воры старого поколения рассказывали мне, как имели дела еще с «Торгсинами», — все это было очень интересно...»

Короче, воровская стезя затянула парня. Освободившись из «Стрельни», он вскоре получил новый срок: у него в кармане обнаружили офицерский «вальтер», и хотя был он без обоймы и патронов, парню дали 25 лет тюрьмы. Этот срок он уже отбывал на Северном Урале. Всего Васильев из своей 62-летней жизни 27 лет проведет за решеткой. Там же его и коронуют в воры в законе. Прозвище Горбатый он получит за то, что, убегая с места преступления, обычно очень талантливо прикидывался калекой-горбуном и спокойно проходил сквозь милицейские кордоны. К 70-м годам Юрий Васильев считался в питерской среде одним из главных авторитетов, одним из лучших специалистов по антиквариату. Он входил в знаменитую преступную группу «Хунта», состоявшую из преступников-евреев, которые грабили евреев же, выезжавших из СССР. Одним из ближайших друзей Васильева был Миша-Миллионер, который организовал в 70-е годы поточное изготовление изделий «под Фаберже» с последующей переправкой их за границу. Некоторые факты этого уголовного дела легли потом в очередное «Дело» из сериала «Следствие ведут знатоки» — «Подпасок с огурцом» (премьера фильма состоялась за месяц до смерти матери Васильева — 19 октября). А спустя 20 лет уже и сам Васильев станет главным героем известного сериала. Речь идет о первом фильме сериала «Бандитский Петербург», где Кирилл Лавров сыграл Барона — прототипа Юрия Васильева. Однако вернемся в ноябрь 79-го.

В эти же дни из отпуска вернулся высокопоставленный сотрудник внешней разведки КГБ СССР Олег Калугин. Как мы помним, непосредственно перед отъездом на отдых из Москвы он имел неприятный разговор с руково-

дством Лубянки, поскольку продолжал отстаивать невиновность ученого, которого КГБ обвинил в связях с ЦРУ и упек за решетку (дело «Кука»). Теперь ему это аукнулось.

Вспоминает О. Калугин: «11 ноября Крючков (шеф внешней разведки. — Ф. Р.) пригласил меня пойти вместе к Лежепекову (зампред КГБ по кадрам. — Ф. Р.). Очередной поход к кадровому начальству не предвещал ничего хорошего. Сердце учащенно билось, когда я вошел в кабинет. «Мы предлагаем вам должность первого заместителя начальника Ленинградского управления КГБ, — сухо сказал Лежепеков. — Вы ленинградец, знаете контрразведку, коллектив там большой, и проблем много, так что скучно вам не будет». Я посмотрел на Крючкова. Он сидел, склонив голову, никак не реагируя. «Но почему территориальные органы? Всю жизнь я связан с разведкой, хотя она мне в последнее время стала порядком надоедать», — сказал я, взглянув на Крючкова. При этих словах Крючков встрепенулся, заметив: «Не плюйте в колодец, пригодится воды напиться».

«Мы вам не закрываем возможность вновь вернуться в разведку, — продолжал Лежепеков, — но не вредно и набраться опыта внутри страны. За вами сохраняется московская квартира, ну а в Ленинграде у вас будет отличное положение».

Делать было нечего — я дал согласие.

Всю ночь я не спал, не давала покоя мысль: что произошло, как понять это неожиданное перемещение? Моя служба продолжала набирать силу, появились новые источники; огрехи были, но на фоне других мы выглядели весьма неплохо. Трения с Крючковым усилились, отношения все же сохранились. Правда, на одной из встреч до отпуска он опять обронил фразу о моих связях, добавив, что на чьем-то юбилее я неудачно выступил, и об этом донесли Председателю. Кроме того, Председатель выразил недовольство по поводу одного из моих докладов зампредсовмина Николаю Тихонову, в котором в неблагоприятном свете предстали руководители Аэрофлота, увлекшиеся личным благоустройством за государственный счет. Кто-то доложил Андропову и о моем выступлении в Высшей школе КГБ, где я упомянул бывшего посла А. Шевченко как протезе Громыко, несущего ответственность за непри-

нятие своевременных мер по отзыву Шевченко из США. Но только спустя несколько месяцев я узнал, что главной причиной моей ссылки было дело Кука...»

В тот же воскресный вечер 11 ноября, в 19.55, по 1-й программе ЦТ начался показ 1-й серии многосерийного телефильма «Место встречи изменить нельзя». Поскольку фильму сопутствовала большая рекламная кампания (главная фишка — участие в нем Владимира Высоцкого), аудитория в те часы собралась огромная — чуть ли не вся страна (потом объявят, что каждая новая серия фильма повышала нагрузку в одной Москве на четыреста тысяч киловатт). Между тем мало кто из зрителей знал, что эта премьера висела буквально на волоске. Мы помним, что эмвэдэшные консультанты выступили против выхода фильма в том варианте, который подготовил Станислав Говорухин, и требовали изменений. Говорухин упирался. «Тогда фильм на экраны не выйдет!» — пригрозили консультанты. Но ситуация спасли телевизионщики. Когда из МВД, в преддверии Дня милиции, им позвонили и спросили, что они собираются показывать «из новенького», им ответили, что осталось одно «старенькое». «А из «новенького» — только «Место встречи...». В МВД малость подумали, прикинули, что негоже оставлять в свой профессиональный праздник зрителей без киношной новинки, и дали отмашку на запуск «Место встречи...».

Теперь перенесемся на юг страны, где вершит свои кровавые дела банда братьев Самойленко. Нападение на инкассаторов наметили на 13 ноября — в тот день в колхозе давали получку. Братья рассчитывали, что денег будет порядка 300 тысяч, но на самом деле таких больших сумм у колхозного кассира отродясь никогда не было: обычно он получал в банке 40—50 тысяч. Но прежде чем пойти на это ограбление, бандитам нужна была новая автомашина. Завладеть ею решили за день до ограбления — 12 ноября.

Из дома братья выехали рано утром. Их путь лежал на трассу Ростов—Баку. По дороге горячо обсуждали увиденную накануне первую серию фильма «Место встречи изменить нельзя». Младшим братьям фильм нравился, а вот Дмитрий был иного мнения. Он так и сказал: «Очередная милицейская агитка. Это только в

кино легавые такие честные и правильные, а в жизни...». — И Дмитрий смачно выругался.

В течение нескольких часов братья рыскали в поисках подходящих «колес», но все впустую. И только во второй половине дня нашли то, что искали. Это были красные «Жигули», за рулем которых сидел мужчина с грузинской внешностью. Все прошло по давно отработанному сценарию: автомобиль бандитов поравнялся с «Жигулями», и Дмитрий, высунувшись в окно, помахал водителю милицейским жезлом. Тот остановился. А через минуту все было кончено: Дмитрий хладнокровно расстрелял водителя, сел за руль его автомобиля и погнал его в ближайшую лесопосадку. Групп был закопан в случайно обнаруженной траншее. Затем братья принялись за дележку награбленного. После этого они отогнали похищенную автомашину в Невинномысск и оставили ее возле гостиницы «Кубань». Утром следующего дня на этой машине предполагалось ехать в Шпаковский район, чтобы напасть на кассира.

Вечером того же дня Владимир Высоцкий выступил в Театре имени Вахтангова. В тот вечер в сериале «Место встречи изменить нельзя» был короткий перерыв (один день), поэтому Высоцкий и согласился выступить у коллег. А так они его уговаривали очень долго, но каждый раз в ситуацию вмешивались какие-нибудь непредвиденные обстоятельства. И только когда к делу подключили Людмилу Максаккову, которую Высоцкий хорошо знал (они снимались в фильме «Плохой хороший человек»), дело сдвинулось с мертвой точки.

Вспоминает А. Меньшиков:

«Я встречал Высоцкого у входа в театр. Арбат еще не был пешеходным, Высоцкий приехал на «Мерседесе» вишневого цвета. Я отвел его к главному режиссеру...

Принимали его... У нас ведь публика сложная: академический театр, много старых актеров, воспитанных, в лучшем случае, на Вертинском, — если говорить об этом жанре. Но принимали замечательно! После концерта все как-то разошлись — я один провожал Высоцкого до машины. Идем, он молчит, и я молчу. А надо что-то сказать. А говорить какие-то дежурные слова — глупо. Подходим к машине, он протягивает руку. Я говорю:

— Володя, спасибо за то, что ты не изменился.

Сказал это с желанием намекнуть, что он стал совсем другим. Высоцкий задержался, посмотрел мне в глаза. А глаза у него усталые-усталые — перевернутые глаза. Во всяком случае, мне так тогда показалось. Он сказал:

— А почему, собственно, я должен меняться?..»

В Невинномысск утром 13 ноября приехали братья Самойленко, чтобы оттуда на угнанной накануне машине отправиться грабить колхозного кассира. Но бандитов ждало разочарование. Приехав к гостинице «Кубань», где вчера вечером на стоянке они оставили красные «Жигули», они увидели то, чего никак не ожидали увидеть. Машина была полностью раскурочена: у нее не было двух колес с правой стороны, всех сидений, приемника. Естественно, для ограбления она была полностью непригодна. Младшие братья предложили отменить ограбление. Но Дмитрий уже завелся. Обложив младших трехэтажным матом, он объявил, что все остается в силе. «Надо только подыскать на трассе другую машину», — сказал он в ответ на удивленные взгляды братьев.

Нужный автомобиль бандиты «пасли» около часа. Затем в поле их зрения попали светлые «Жигули». Дмитрий, как обычно, взмахнул жезлом. Едва автомобиль притормозил и водитель приоткрыл дверцу, как Самойленко-старший выстрелил автовладельцу в грудь из пистолета. Тело убитого закопали здесь же — в лесопосадках возле трассы.

Бандиты рванули в Шпаковский район, однако по дороге, возле Ставрополя, Дмитрий внезапно обратил внимание на мощный грузовик «Урал-377», который шел впереди. У него тут же созрела идея заменить только что угнанные «Жигули» на этот «танк». Смысл был простой: эта машина легко могла протаранить колхозный «газик» кассира. Дмитрий подал сигнал своим братьям, которые ехали следом за ним. Операцию решили провести в тридцати километрах от Ставрополя. И в этом случае все у бандитов прошло как по маслу: оба мужчины, сидевшие в кабине грузовика, были застрелены. В их карманах душегубы обнаружили 4500 рублей. «Неплохо для начала», — удовлетворенно произнес Дмитрий, запихивая деньги в нагрудный карман. Кроме денег, бандиты разжились двумя наручными часами, нутриевой

шапкой, меховой шубой. Трупы они закопали в лесопосадке.

Между тем время подгоняло. Уже через час они должны были напасть в районе станицы Темнолесской на кассира колхоза имени Ворошилова. До места назначения братья добрались за полчаса и заняли удобную позицию на развилке дороги. За рулем «Урала» сидел Юрий, Валерий занял место в собственных «Жигулях» (красный «жигуленок» они бросили), а Дмитрий, переодетый в милицейскую форму, встал на обочине. Спустя несколько минут впереди показался долгожданный «газик». По сигналу старшего брата Юрий завел грузовик и стал выруливать его на дорогу. Но с этого момента фортуна отвернулась от бандитов. Когда до «газика» оставалось несколько десятков метров, за «Уралом» внезапно возник колхозный «ЗИЛ», водитель которого явно был пьян — так сильно швыряло машину из стороны в сторону. Дико сигналил, «ЗИЛ» требовал освободить ему дорогу, и Юрий, опасаясь, что тот врежется ему в зад, подчинился. И в тот самый момент, когда это происходило, «газик» с кассиром проскочил мимо «Урала» и на огромной скорости понесся в станицу. Операция «Гром» провалилась. В конце концов бандиты от нее вообще откажутся.

Страна между тем смотрит сериал «Место встречи изменить нельзя». Аналитики МВД в те ноябрьские дни отмечали, что преступность по стране в часы показа сериала резко пошла на спад. Видимо, преступники, как и все нормальные люди, сидели у телевизоров и с интересом наблюдали за тем, как муровцы ловят банду «Черная кошка». Но так было только в короткие часы трансляции фильма, поскольку в другое время преступления все-таки совершались, о чем свидетельствует деятельность банды братьев Самойленко. Но не только их. Именно в те дни, когда шел сериал, были совершены одни из самых громких преступлений того десятилетия. И оба — непосредственно под влиянием этого сериала.

Первое преступление было совершено во вторник, 13 ноября. Причем не где-нибудь на задворках столицы, а в самом что ни на есть центре, на правительственной (!) трассе — на Калининском проспекте. Примерно около семи вечера (до начала 2-й серии «Места встречи...» оставалось меньше часа) в ювелирный магазин

«Малахитовая шкатулка» вошел средних лет мужчина в зимнем пальто. Народу в зале практически не было: люди спешили к телевизорам. Продавцы и кассир тоже были в расслабленном состоянии, поскольку успели к концу рабочего дня изрядно подустать. Все это преступник явно учел. Подойдя к окошку кассы, он достал из кармана пистолет и, направив его на кассира Анну Кострикину, потребовал отдать ему всю выручку. И вот здесь произошло то, на что грабитель явно не рассчитывал. Кассирша не испугалась направленного на нее пистолета, вскочила со своего места и закричала: «Милиция!» Бандит, не раздумывая, выстрелил в женщину. Этот шум услышал находившийся в подсобном помещении милиционер — 25-летний старший сержант В. Барсков. Когда он прибежал в зал, грабитель копался в кассе, пытаясь достать оттуда деньги. Услышав за своей спиной шаги, он повернулся и увидел несущегося на него на всех парах милиционера. Бандит выстрелил и в него. Однако ранение оказалось несмертельным: милиционер успел-таки добежать до бандита и сбил его с ног. Завязалась драка. Из нее наверняка вышел бы победителем бандит, поскольку его противник был ранен и истекал кровью. Но здесь в ситуацию вмешались работники магазина, которые навалились на преступника и помогли его обезоружить. Как выяснится позже, грабителем окажется 34-летний П. Дзубан. За содеянное суд приговорит его к расстрелу. Сержант В. Барсков будет награжден орденом Красной Звезды, а кассир Анна Кострикина — орденом «Знак Почета» (посмертно).

В те минуты, когда в «Малахитовой шкатулке» работала следственная бригада, по ТВ крутили 2-ю серию «Места встречи...». Режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич смотрел ее дома у Владимира Высоцкого на Малой Грузинской, даже не догадываясь, что это будет его последняя встреча с Высоцким. У телевизора также были жена Хилькевича Татьяна и мама Высоцкого Нина Максимовна. По словам Хилькевича, фильм нравился хозяину дома, а сам режиссер жутко завидовал Станиславу Говорухину, снявшему такую хорошую картину. Кстати, сами авторы романа — братья Вайнеры — в те дни тоже смотрели фильм и тоже были довольны результатом. Но еще больше в те дни они были озабочены судьбой своего но-

вого литературного детища — романа «Петля и камень в зеленой оправе». Роман был из разряда непроходных, и авторы это прекрасно знали. Вот почему в те ноябрьские дни они его взяли и... закопали. Причем в буквальном смысле: завернули в полиэтилен и закопали у себя на даче под Москвой. Так сказать, до лучших времен. Эти времена наступят достаточно скоро: через десять лет книгу напечатают, однако такого резонанса, какой сопутствовал «Эре милосердия», он иметь не будет.

Популярный актер театра и кино Олег Стриженов вместе со съемочной группой фильма «Юность Петра» (режиссер Сергей Герасимов) приехал в ГДР, в город Дрезден. В этом городе Стриженов до этого бывал дважды: в 1957 году он приехал сюда на премьеру фильма «Сорок первый», в 1973 году здесь состоялась гастроль МХАТ. Но третья поездка стала самой грустной, поскольку она разлучила актера с его женой Лионеллой Стриженовой (в прошлом — Пырьева-Скирда), с которой они не расставались все четыре с лишним года их совместной жизни. Вот как об этом пишет сам Стриженов в своем письме от 15 ноября:

«Любимая моя! Расстаться все-таки пришлось. «Но это ненадолго», — утешаю я себя. Каких-то 10 дней... Но как подумаю... Боже мой! Целых 10 дней! Это же — вечность! Ведь мы не расставались ни на час. И вот через четыре с лишним года пришлось.

Смотри-ка, а четыре с лишним года — это уже срок! Хоть злые языки и пророчили нам, что «они через неделю разбегутся», однако их предсказания не сбылись. А мы скоро будем праздновать наш первый, пятилетний юбилей!..

Снимать мы выезжаем в загородный дворец короля Августа. Мне нравится работать в таких реальных старинных интерьерах... Работается спокойно, уютно — никто не мешает. Сергей Апполинарьевич вообще не любит суеты и мельтешни. Снимаем сцены с Вадимом Спиридоновым с одного дубля, и не потому, что Герасимов бережет «Кодак», а просто говорит свое привычное: «Стало быть, хорошо-отлично!..»

Дворец хорош и красив — не описать. На стенах — портреты и стариннейшие гобелены бог знает каких веков. Вечером по привычке Герасимов устроил «пельмени». А потом мы с Вадиком пошли ко мне в номер, «гоняли чай»,

болтали. Он очень славный и очень талантливый человек, несмотря на всю строгость и «неприступность» его вида и манеры себя держать. А главное — с ним легко работается. Партнер он — прекрасный!..»

Но вернемся в Москву. Здесь, в первой половине ноября, в кинотеатрах состоялись премьеры нескольких фильмов, из которых выделю следующие: 1-го в прокат вышел приключенческий фильм Вениамина Дормана «Похищение «Савойи» с участием Владзимежа Голачиньского, Дарьи Михайловой, Леонида Броневого и др.; 12-го — истерн Самвела Гаспарова «Забудьте слово «смерть» с участием Богдана Ступки, Евгения Леонова-Гладышева, Константина Степанкова и др.

Кино по ТВ: «Необыкновенное лето» (премьера т/ф 1—2-го), «Моя судьба», «Украли старого Тоомаса» (3-го), «Дети» (5-го), «Всмотритесь в это лицо» (5—6-го), «Попутный ветер» (6-го), «Ленин в 1918 году», «Сердце России» (7-го), «Удивительные приключения Дениса Кораблева» (премьера т/ф 7—8-го), «Бегство мистера Мак-Кинли» (впервые по ТВ), «Следствие ведут знатоки», Дело № 14 «Подпасок с огурцом» (повтор), «На старт приглашаются» (премьера д/ф про фигуристов) (8-го), «Был настоящим трубачом», «Лица» (т/сп), «Герцог Боб» (Венгрия) (9-го), «Любовь, пожар и помпиеро...» (премьера т/ф), «Испытание огнем» (10-го), «Приключения Буратино» (10—11-го), «Место встречи изменить нельзя» (премьера т/ф 11, 13—16-го), «Дмитрий Кантемир» (12-го), «Это было в Межгорье» (13-го), «Западня» (14-го), «Качели» (15-го) и др.

Из других передач выделю: «Кинопанорама» (3-го; в выпуске были представлены новые фильмы: «Осенний марафон» (в студию пришли режиссер Георгий Данелия и исполнители главных ролей Олег Басилашвили и Марина Неелова), «Утренний обход» (пришли режиссер Аида Манасарова, исполнители Андрей Мягков, Анастасия Вознесенская), был показан репортаж со съемок комедии Леонида Гайдая «За спичками», сюжет про фильм «Вестсайдская история», представлен новый мультфильм польских кинематографистов «Большое путешествие Болека и Лелека», ведущий — Эльдар Рязанов), «От всей души», «Шире круг» (4-го), «Голубой огонек» (7-го), «Кабачок «13

стульев» (8-го), «Утренняя почта» (9-го), «Что? Где? Когда?» (14-го).

Эстрадные представления: 4—8-го во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты с участием Иосифа Кобзона, Гелены Великановой, Владимира Винокура, Геннадия Дудника, Валерия Леонтьева, Роксаны Бабаян и др.; 10-го в ГЦКЗ «Россия» выступал танцевальный ансамбль «Сувенир»; 10—14-го в ГТЭ — челябинский ВИА «Ариэль».

В субботу, 17 ноября, Высоцкий рано утром отправился на «Мосфильм» озвучивать Дон Гуана. Закончив работу, он во второй половине дня поехал в гости к врачу-реаниматологу Анатолию Федотову, которому в тот день исполнилось 40 лет. Едва Высоцкий на своем «Мерседесе» въехал во двор, как к нему со всех сторон бросилась ребятня, которая уже знала от именинника о приезде высокого гостя. «Дядя Володя! Дядя Володя!» — кричали мальчишки и тут же стали тянуть открытки, чтобы тот подписал. А один пацан принес гитару, чтобы Высоцкий гвоздем поставил на ней свой автограф. Артист засмеялся, но все что требуется на гитаре нацарапал. Затем поднялся к имениннику, прихватив с собой продукты, купленные в «Березке». В качестве подарка он преподнес Федотову картину «Пиратский бриг». В разгар веселья не обошлось, понятное дело, без песен: Высоцкий пел от души, залихватски.

В тот же день группа из шести известных голландских и немецких шахматистов, поддержанные шестью членами голландского парламента, вручила послу СССР в Нидерландах В. Толстикovu петицию на имя Л. Брежнева, в которой излагалась просьба решить наконец в положительную сторону судьбу семьи гроссмейстера Виктора Корчного. Как мы знаем, Корчной несколько лет назад эмигрировал на Запад, оставив на родине, в Ленинграде, свою семью — жену Беллу и сына Игоря, которые поначалу не захотели последовать его примеру. Но в последующем, когда жизнь в Советском Союзе для них стала невыносимой, они решили воссоединиться с Корчным. Но власти им этого не разрешили. В течение двух лет ситуация не менялась: Корчной бомбардировал советские власти прошениями, те в ответ хранили молчание. В мае 78-го сыну гроссмейстера пришла пора служить в рядах Советской армии. Но он вместо того, чтобы явиться по по-

вестке на сборный пункт, скрылся в неизвестном направлении. Как власти его ни искали, найти так и не сумели (парня скрывали родственники). Однако вечно так продолжаться, естественно, не могло, и осенью 79-го Игорь вышел из подполья и сдался властям. Те объявили, что будут его судить. Именно эта угроза и стала поводом к тому, чтобы проблемой Корчного и его семьи озаботились его коллеги-шахматисты и члены голландского парламента. Трудно сказать, дошла ли до Брежнева эта петиция, но изменить ситуацию она не смогла. Сына Корчного осудят на два с половиной года тюрьмы, и он отбудет весь срок от звонка до звонка.

19 ноября Ирина Понаровская вновь легла на операционный стол одной из больниц Курска. Как мы помним, ровно десять дней назад, на гастролях в этом городе, у нее случилась клиническая смерть, и врачам чудом удалось вернуть ее с того света. Тогда же был сделан рентгеновский снимок, на котором врачи обнаружили какое-то препятствие в нижнем мочеточнике. Видимо, после того, как однажды в Германии, в военном госпитале, певице тащили почечный камень петлей, образовался нарост, блокировавший почку. Как вспоминает сама артистка:

«Спустя десять дней пришлось снова лечь на операцию. Как выяснилось, это был не камень, а сужение протока, которое и пришлось оперировать, потому что сердце уже с трудом справлялось с чрезвычайной почечной нагрузкой. Представляете, на операционном столе, когда я была в глубоком наркозе, случилась еще одна остановка сердца. В истории болезни так и написано: две остановки сердца... Но на третий день после операции я уже делала зарядку, чтобы быстрее войти в форму. А ведь из меня во все стороны торчали аж восемь трубок!..»

В тот же день 19 ноября в Усть-Каменогорске было совершено дерзкое преступление — вооруженное нападение на инкассаторов. При чем как выяснится позже, преступников толкнуло на этот шаг кино, а именно — фильм «Место встречи изменить нельзя».

Грабителем был тот самый Александр Данилов, с которым мы познакомились в хронике за сентябрь — это он напал на часового одной из войсковых частей и завладел его автоматом «АК-74». Оружие ему было необходимо,

чтобы с его помощью раздобыть деньги на покупку вожделенной мечты — автомобиль. Спрятав автомат в проеме железнодорожного моста через Иртыш, он стал ждать удобного момента. А параллельно искал подходящего «железного коня». Поиски длились недолго. Как-то на рынке он познакомился с владельцем новенькой «шестерки», который согласился ее уступить за 11 200 рублей. Данилов отдал в качестве задатка 100 рублей и сообщил, что в ближайшее же время достанет и остальные. Но он имел в виду отнюдь не инкассаторские деньги. Дело в том, что, зная о его мечте, ему пообещала помочь мать. 18 ноября она должна была вернуться из Алма-Аты и снять со сберкнижки нужную сумму. Но случилось неожиданное. Мать вернулась из поездки в крайне раздраженном состоянии и на просьбу сына дать денег ответила резко: «Заработай и покупай, что хочешь!» Удрученный этим ответом, Данилов отправился к своим друзьям — сыну прокурора города и сыну первого секретаря обкома. Те как могли его успокаивали. А потом один из них и предложил: «Раз так вышло, надо брать инкассаторов. Будем как «Черная кошка» в «Месте встречи...». Данилов, на которого отказ матери произвел самое гнетущее впечатление, даже не стал спорить — он теперь ради денег был готов на все. Его даже не удивило условие друзей, заключавшееся в том, что грабить инкассаторов будет он один, а они, дружки, будут стоять на шухере.

19 ноября, в 18.10, к ювелирному магазину «Янтарь» подъехала инкассаторская машина. В ней находились трое инкассаторов: Фаизов, Коротков и Тарасов. Из машины вышел Фаизов и отправился за дневной выручкой — она в тот день составила 28 540 рублей. Его напарники заехали во двор и остановились, как всегда, недалеко от металлических контейнеров для мусора, напротив запасного выхода. Спустя несколько минут оттуда вышел Фаизов с инкассаторской сумкой. Но он успел сделать всего лишь несколько шагов, как вдруг из-за контейнеров выскочил молодой человек с автоматом в руках и дал длинную очередь по инкассатору. Потом он переключился на автомобиль. Первой же пулей был смертельно ранен Тарасов. Короткову повезло больше — его тяжело ранило, но он сумел распахнуть дверцу и вывалиться на землю. Однако на шум вы-

стрелов из магазина и ближайшего переулочка к месту происшествия стали сбегаться люди. И преступник (а это был Александр Данилов) так и не успел подобрать с земли сумку с деньгами. Боясь быть пойманным, он перемахнул через забор и бросился к кинотеатру «Орленок». По дороге он выбросил в первые же попавшиеся кусты автомат и за поворотом перешел с бега на размеренный шаг. Сев в трамвай, он доехал до остановки «Дворец спорта», пересел на автобус и благополучно добрался до дома. Там он переоделся в другую одежду и отправился в универмаг. В парфюмерном отделе купил одеколон, подушился им и отправился... к магазину «Янтарь», чтобы посмотреть, что там происходит.

К тому времени вся территория вокруг магазина уже была оцеплена милицией. Данилов затесался в толпу и стал внимательно вслушиваться в разговоры людей. Но ничего интересного для себя так и не выведal. Оттуда он отправился на квартиру того самого продавца, у которого собирался купить автомобиль. Надо было сообщить ему, что сделка не состоится, и забрать у него сто рублей. Продавец сообщению не удивился: мол, с кем не бывает. И сотню возвратил. А едва вернулся в комнату, как по телевизору передали экстренное сообщение: у магазина «Янтарь» произошло нападение на инкассаторов, милиция просит откликнуться граждан, кто узнает по приметам преступника. Далее следовали приметы грабителя. Услышав их, жена продавца всплеснула руками: «Боже, а не наш ли это покупатель?» «Да ты что! — отмахнулся муж. — Не может быть! Ведь он только что к нам заходил...»

Данилова арестовали на следующий день. Он так и не понял, каким образом милиция сумела так быстро выйти на его след: то ли свидетели постарались, то ли дружки подставили. Последняя версия выглядела правдоподобно: сыновей прокурора и первого секретаря обкома тоже задержали, но быстро отпустили, учитывая высокое положение их родителей. И отвечать за содеянное придется одному Данилову. Забегая вперед сообщу, что это уголовное дело станет одним из самых уникальных в криминальной истории страны. Спустя год Данилов сбежит из-под стражи (выдаст себя за другого заключенного) и в течение почти 20 (!) лет

будет скрываться под другой фамилией от правосудия.

В этом месяце освободился из заключения маньяк Анатолий Нагиев. Как мы помним, он был осужден за изнасилование на 8 лет тюрьмы, однако отсидел половину срока за решеткой, а остальное был отправлен досиживать на вольное поселение Чикшино под Печорой. Такое послабление вышло ему за примерное поведение. Между тем Нагиев оказался из тех, кто исправлению не подлежит. Пока он жил на поселении, он умудрился совершить еще четыре тяжких преступления: двух женщин убил, двух изнасиловал. И не собирался останавливаться на достигнутом. Освободившись под чистую (кстати, тоже раньше срока и опять «за примерное поведение!»), он в дальнейшем совершит еще несколько изнасилований и убийств, войдя в криминальную историю страны как маньяк-рекордсмен (за один день убьет четырех женщин). Летом 80-го он будет охотиться на саму Аллу Пугачеву, но судьба уберет певицу от встречи с маньяком.

20 ноября в центральной прессе появилась одна из первых рецензий на фильм «Место встречи изменить нельзя» (три дня назад отмечалась «Вечерняя Москва»). Она была опубликована в органе ЦК КПСС газете «Советская культура» и принадлежала перу генерал-лейтенанта внутренней службы, начальника Управления по политико-воспитательной работе МВД СССР А. Зазулина. Цитировать статью целиком нет смысла, приведу лишь отдельные отрывки:

«Чувствуется, что авторы телефильма глубоко знают работу милиции, трудности того времени и создают своих героев не по литературным схемам. За каждым из них не просто сложившаяся судьба, живой характер, но и серьезная жизненная философия, которая выделяется в реальных и острых столкновениях, непростых спорах.

Не может не привлекать суровая мужественность капитана Жеглова в очень впечатляющем исполнении актера В. Высоцкого. Он не просто ненавидит преступников, а испытывает к ним благородную ярость. Хорошо зная их повадки, он иногда в борьбе с ними не останавливается перед использованием их же методов — запугиванием, обманом. Главное, мол, обхитрить противника, сломать, обезвредить

его. Университетов он не кончал, набирался ума-разума на собственных промахах. Но душа его ожесточена только по отношению к преступникам, много раз на протяжении фильма мы могли убедиться, как понимает он нужды и заботы простых людей, которых охраняет...»

В Москве очередная паника: из магазинов исчез стиральный порошок. Домохозяйки буквально с ног сбиваются в поисках дефицитного средства, и если его выбрасывают на прилавки, то очереди выстраиваются километровые. Впрочем, очереди — это отличительная черта того времени, поскольку родина развитого социализма превратилась в страну повального дефицита. Что касается стирального порошка, то его отсутствие власти объясняют следующим образом: мол, в Миннефтехимпроме не хватает сразу нескольких компонентов для производства порошка — сульфоната, триполифосфата, натрия. А тот порошок, который уже произведен, никак не удастся вывезти с заводов, так как не хватает вагонов. В результате на четырех основных предприятиях скопилось аж 4 тысячи тонн стирального порошка. Однако населению эти объяснения, что называется, по барабану: ему белье стирать нечем, а власть ему про сульфонат...

В ноябре распался самый громкий брак того времени — между знаменитой греческой миллиардершей Кристиной Онассис и гражданином СССР Сергеем Каузовым. Как мы помним, они поженились в августе 78-го в Москве, наделав при этом много шума. Онассис переехала жить к мужу и какое-то время жила в убогой квартире матери Сергея на Мосфильмовской улице. Затем это житье миллиардерше надоело, и она купила два этажа в одном из зданий в центре Москвы. Но и новое жилище ее тоже не устроило. Во-первых, в Москве ей вскоре стало скучно, а во-вторых, прямо под окнами ее дома проходила трамвайная линия, грохот от которой не давал Онассис сосредоточиться. Миллиардерша обратилась к городским властям с просьбой за любые деньги перенести «трамвайку» в другое место, но власти решили не потакать капризам буржуйки и отказали в ее просьбе. Тогда Онассис улетела к себе на родину. Муж последовал за ней, и какое-то время они жили с ним на одном из островов в Эгейском море. Онассис хотела ввести мужа в совет своей компании, однако этот трюк ей не удал-

ся — против этого стеной встал совет директоров. Единственное, что смогла сделать Кристина, — открыла на имя мужа банковский счет. Однако даже это не спасло их брак от разрушения. Между супругами все чаще стали происходить скандалы на почве несхожести характеров и взглядов на жизнь. В итоге — развод. Надо отдать должное обоим, разошлись они вполне мирно, без скандала. В качестве откупного Онассис подарила бывшему мужу аж два нефтяных танкера.

22 ноября в МВД СССР состоялось расширенное идеологическое совещание, на котором присутствовали политработники и высшие офицерские чины министерства. В президиуме сидели министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, его заместители, в том числе и зять генсека Юрий Чурбанов. Все в тот день было как обычно: один за другим на трибуну выходили политработники, зачитывали свои доклады и уступали место другим ораторам. Как вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее, как говорится, гром среди ясного неба. На трибуну поднялся начальник управления политико-воспитательной работы МВД СССР генерал-майор внутренней службы Алексей Зазулин и обрушился с критикой... на самого Юрия Чурбанова. Обращаясь к собравшимся, оратор отметил, что его давно беспокоит создавшаяся в МВД нездоровая атмосфера. И что исходит она в основном от Чурбанова, от насаждаемого им непрофессионализма, подобострастия, солдафонства. Публика в зале была в шоке. В те годы открытая критика давно уже сошла на нет, превратив практически любые собрания в бессмысленные сборища, где правили бал пустозвонство и демагогия. А тут оратор позволяет себе критиковать не просто заместителя министра, а зятя самого генсека. На что рассчитывал Зазулин, непонятно. Ни один из выступающих следом его не поддержал, а когда совещание закончилось, рядом с Зазулиным образовался вакуум. В тот же день министр подписал приказ о его увольнении. Стоит отметить, что Зазулин не испугается: отправится прямоком в ЦК КПСС с жалобой на самоуправство. Там его выслушают и на работе восстановят. Но через пару месяцев понизят в должности, но уже по-тихому.

Раз уж дело коснулось верхушки МВД, нелишним будет вспомнить и такой факт. Имен-

но в ноябре 79-го Щелоков перевез со своей госдачи № 8 в Серебряном Бору на служебную квартиру по улице Герцена антикварных ценностей на сумму 248,8 тысячи рублей. Спросите, откуда добро? Не из лесу вестимо. Эти ценности в виде уникальных шкафчиков из наборного дерева, картин, кресел, изделий из фарфора и серебра проходили в качестве вещественных доказательств по уголовному делу валютчика М. Акопяна. Каким-то образом все эти вещи оказались у Щелокова в личном пользовании. Часть ценностей он хранил на даче, а часть (среди них скульптурная фигурка «Бегемот» из нефрита с золотыми стопами, стоимостью 15 тысяч рублей, печатка в виде пасхального яйца, фарфоровая группа «Бегство Наполеона из России» и др.) — в комнате отдыха при служебном кабинете.

Со съемок в ГДР на родину вернулся Олег Стриженов. В аэропорту Шереметьево его встречала горячо любимая жена — актриса Лионелла Стриженова. Актер вспоминает:

«Лионелла ждет меня внизу в вестибюле. А я — наверху, еще в пограничной зоне.

Сверху вижу, как по вестибюлю пулей пролетел Володя Высоцкий и, минуя пограничный пост, влетел вверх по лестнице.

Увидел меня, подбежал — обнимает!

— Куда летишь? — спрашиваю его.

— Лечу встречать! Рейс из Парижа уже прибыл!

Убегая по коридору, он обернулся и на ходу крикнул:

— Ну, надо бы повидаться! У меня для тебя давно пластинки приготовленные лежат!..

Он побежал дальше, на выход к самолетам...

Это была наша последняя встреча с Володей...»

В воскресенье, 25 ноября, в чемпионате страны по футболу определился досрочный чемпион — им стал столичный «Спартак». В тот день он играл в Ростове-на-Дону против тамошнего СКА и ему нужна была только победа, поскольку ближайший конкурент — киевское «Динамо» — отставал от него всего лишь на одно очко (48 у «Спартака», 47 — у «Динамо»). Интрига у матча была та еще. Уже на 5-й минуте Гаврилов точным ударом заколотил мяч в верхний угол ворот армейцев. 1:0. На 26-й минуте Букиевский увеличивает раз-

рыв. Однако уже спустя десять минут Андреев сокращает его до минимума. Во втором тайме армейцы недозволенным приемом сбивают в своей штрафной спартаковца и судья указывает на одиннадцатиметровую отметку. Удар Мирзояна был точным — 3:1. Казалось бы, судьба матча решена. Но армейцы и не думали сдаваться на милость победителей. Уже через несколько минут гости нарушают правила в своей штрафной, и судья назначает пенальти в ворота спартаковцев. Удар Андреева оказывается точным. 3:2. Игроки СКА всей командой бросаются на штурм ворот гостей, но те отбиваются слаженно, не оставляя сопернику ни малейшего шанса свести игру к ничьей. В итоге «Спартак» побеждает и берет «золото» чемпионата. В тот день на стадионе присутствовало около 200 фанатов «Спартака», приехавших на матч из Москвы, которые по разрешению судей выбежали на поле и устроили братание со своими кумирами. «Золотой» состав «Спартака» выглядел следующим образом: Р. Дасаев, А. Прудников, В. Самохин, В. Букиевский, А. Мирзоян, О. Романцев, В. Хидиятуллин, А. Сорокин, С. Шавло, Ю. Гаврилов, Г. Ярцев, Е. Сидоров, В. Никонов, Э. Гесс, М. Булгаков, В. Глушаков, А. Калашников, А. Борисенков, Ф. Черенков, С. Родионов, А. Корешков, А. Кокорев, тренер — К. Бесков. Самым результативным игроком команды в том сезоне был Георгий Ярцев, который в 33 играх забил 14 голов.

В тот же день в Москве закончился первый чемпионат столицы по карате. Этот вид спорта был у нас очень популярен. Придя в СССР где-то в конце 60-х, карате за десять лет приобрел массу поклонников. Однако официальные власти смотрели на карате с подозрением. Они видели в нем очень агрессивный вид спорта, считали, что он может стать опасным оружием в руках хулиганствующих подростков. Но в конце 70-х годов ситуация стала меняться в лучшую сторону: сторонники карате добились того, чтобы власти признали карате нормальным видом спорта и разрешили провести в Москве первый чемпионат. Он проходил в спорткомплексе «Дружба» и вызвал небывалый ажиотаж у публики: билетов туда достать было невозможно. А люди, сумевшие-таки раздобыть билеты, об увиденном не пожалели. Тот чемпионат выявил следующих победителей: в

весовой категории до 60 кг победил Виталий Пак, до 65 — Владимир Томилов, до 70 — Сергей Шаповалов, до 75 — Виктор Смекалин, до 80 — Виктор Кузнецов, до 85 — Михаил Крысин, свыше 85 — Василий Зимин.

В последний день чемпионата, в финальном поединке в абсолютной весовой категории, встретились Виктор Кузнецов и Александр Иншаков. Последнего читатели, надеюсь, знают: это он был продюсером сериала «Бригада». Однако слава Иншакова зарождалась именно в 70-х, когда он стал блистать на каратешных татами, а оттуда пришел в кино (выступал во многих фильмах как каскадер, постановщик и исполнитель трюковых сцен). Что касается того поединка на первом чемпионате, то в нем победа досталась все тому же Александру Иншакову.

27 ноября в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС. На нем были произведены очередные кадровые перестановки. Членом Политбюро стал Николай Тихонов, который замещал в Совмине больного Косыгина. После этого назначения стало окончательно ясно, кто сменит Косыгина на его посту. У Михаила Горбачева тоже был шанс стать членом высшего партийного ареопага, но против выступило большинство, посчитавшее его слишком молодым для этого (ему было 48 лет). «Хватит с него и должности кандидата в члены Политбюро», — решил большинство. Вот как комментировал по «вражьему голосу» итоги пленума М. Геллер:

«Стабильность власти позволила Брежневу выступить на пленуме ЦК с речью о положении в стране, которая в любой другой стране привела бы к немедленным изменениям в руководстве. Брежнев говорил о выполнении плана за 1979 год и о задачах на 1980 год. Будущий год — последний год одиннадцатой пятилетки, выступление Брежнева поэтому подводило итоги экономической деятельности страны за пятилетие. Итоги катастрофические даже на основании статистики.

План не был выполнен во всех основных отраслях промышленности, на будущий год пришлось снизить задания. Но положение в промышленности кажется розовым по сравнению с положением в сельском хозяйстве. Впервые была названа цифра собранного зерна в минувшем году — 179 миллионов тонн. План предусматривал 227 миллионов тонн. Брежнев

заявил, что «обеспечение бесперебойного снабжения, производство в достатке и широком ассортименте продуктов питания высокого качества является одной из самых высоких задач, вытекающих из курса партии на повышение благосостояния трудящихся». В переводе на человеческий язык это означает, что в будущем году по-прежнему не будет мяса, по-прежнему будут перебои в доставке всех продуктов питания.

Генеральный секретарь перечислил — обычно этого не делали — имена 12 министров, виновных в невыполнении плана, в отсутствии продуктов и т. п. Косвенно это была критика больного Косыгина, отвечающего за экономику. Партия, как всегда, все победы относит на свой счет, все неудачи — на счет государственных органов.

Но даже легкая критика министров оказалась спектаклем, ибо на состоявшемся после Пленума ЦК заседании Верховного Совета СССР все министры сохранили свои посты...»

В ночь на 29 ноября в Москву впервые в своей жизни прилетел популярный французский актер Ален Делон. Как мы знаем, он снимался в фильме Александра Алова и Владимира Наумова «Тегеран-43» и теперь прилетел с коротким визитом в Москву, чтобы утрясти здесь кое-какие формальности. Может быть, даже финансовые (по договору Делону причиталось 350 тысяч франков). В этой поездке Делона сопровождала его жена актриса Мирей Дарк. Утром следующего дня супружеская чета отправилась на свою первую прогулку по Москве. Оба выглядели прекрасно: например, Делон поражал всех своим загаром, а также тем, что был без шапки и в легком распахнутом пальто, но с шарфом. Свою экскурсию супруги начали с посещения Кремля, затем прошли по Красной площади, после чего отправились в Третьяковскую галерею. Самое интересное, но из тамошних посетителей знаменитых актеров поначалу никто не узнал. Видимо, людям было трудно поверить, что они воочию могут увидеть в «Третьяковке» самого Алена Делона. Сам актер всему происходящему был здорово удивлен (мы помним, как реагировали на него французы во время съемок в Париже). Но чуть позже все вошло в свое привычное русло. Первыми, кто распознал знаменитость, оказались двое военнослужащих. Они подошли к Делону

и попросили дать автограф. Он с удовольствием эту просьбу выполнил.

Во второй половине дня звездная чета отправилась на «Мосфильм». Там, в 8-м павильоне, шли съемки «Тегеран-43». В тот день снимали сцены, где одним из героев эпизода был Иосиф Сталин, которого играл Георгий Саакян.

Вспоминает В. Наумов:

«В павильонах «Мосфильма» есть красная линия, за которую, по противопожарным правилам, нельзя ставить приборы. Нам же, как всегда, не хватало места, и я велел оператору не обращать внимания на эту линию. Мы захедали за нее, и тут же появился пожарный. Он был очень старым — лет за семьдесят, наверное. По нему было видно, что он из «служак», готовых умереть на посту. И вот он видит, что за красной линией стоят люди и приборы!.. Мы с ним сцепились в смертельной схватке: он орет на меня, я — на него. И в разгар этой нашей с ним словесной баталии из-за декорации выходит Сталин — Георгий Макарович Саакян. В руке у него, как положено, трубка. Пожарный его не видит — продолжает орать на меня. И тогда Георгий Маркович тихим, но хорошо поставленным сталинским голосом говорит: «Товарищ пожарник!» Тот повернулся... Несколько мгновений он был, как мне кажется, в каком-то пограничном состоянии полубезумия-полусна. Он видит перед собой Сталина. В глубине души он понимает, что Сталин давно умер, и вместе с тем не может избавиться от магии этого страшного человека с трубкой... И я вижу, как, совершенно помимо воли этого несчастного пенсионера, руки у него вытягиваются по швам, подбородок ползет вверх... А Саакян говорит: «Что вы тут раскричались? Что вы спорите с режиссером?.. Пшел вон!» И тот: «Слушаюсь, товарищ... Сталин!» Поворачивается через левое плечо и почти строевым шагом уходит из павильона. Куда он ушел, я не знаю. Но больше я его никогда не видел!..»

Во второй половине ноября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых я назову две: 19-го в прокат вышел итальянский фильм «Винуватый»; 21-го в «Октябре» был показан документальный фильм А. Нугманова «Целина» (одним из его героев, естественно, был Брежнев, хотя освоение целинных земель в 50-е годы затевал не он, а Н. Хрущев).

Кино по ТВ: «Петр Рябинкин» (16-го), «Цезарь и Клеопатра» (**преьера т/сп**), «Юлька» (17-го), «Дачники» (17—18, 24—25-го), «Приключения Буратино» (2-я серия), «В трудный час» (18-го), «Осторожно, ремонт!» (**преьера т/сп** 19-го), «Убийство Гарсии Лорки» (**преьера т/ф** 20—21-го), «Ледоход» (21-го), «Ливень» (22-го), «Клуб холостяков» (23-го), «Анна Каренина» (24-го), «Горя бояться — счастья не видать» (1-я серия), «Мистер Икс» (25-го), «Подпольный обком действует» (**преьера т/ф** 26—28, 30-го), «Айрик» (27-го), «Подозрение» (с субтитрами, 29-го), «Прошлогодняя кадриль» (30-го) и др.

Эстрадные представления: 15, 18-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись концерты с участием Иосифа Кобзона, Гелены Великановой, Ивана Суржикова, Ксении Георгиади и др.; 18-го в ГТЭ пела польская певица Здислава Сосницка; в «Варшаве» — Лев Барашков; 19—21, 23—25, 27—29-го в ГТЭ Геннадий Хазанов продолжил показ своего спектакля «Мелочи жизни»; 27—29-го в «Звездном» пел венгер-

ский «соловей» Янош Коош; 27—30-го в ГЦКЗ состоялись концерты югославского ВИА «АВС»; 30-го в ГТЭ выступал столичный ВИА «Добры молодцы»; в «Октябре» — ВИА «Голубые гитары».

Из новинок фирмы «Мелодия» назову диск-гигант ВИА «Акварели» с песнями: «Наше лето» (Б. Рычков — Л. Дербенев), «Дельфины» (Ю. Саульский — Е. Евтушенко), «Льняные волосы» (Н. Желтовский — С. Красиков), «Баккара» (русский текст И. Резника), «Лайди» (русс. текст Б. Пургалина), «Малышка» (В. Добрынин — В. Татаринов), «Сувенир» (Д. Руссос), «Солнечный луч в моем сердце» (С. Уандер) и др.

В журнале «Кругозор» (№ 11) выделю следующие пластинки: Роза Рымбаева — «Цвети, земля моя» (П. Ермишев — М. Суворов), Олег Ухналев — «Северная наша широта» (А. Мажуков — М. Танич); «АББА» — «Огненный поцелуй», «Хотите ли вы?»; Чеслав Неман — «Прежде, чем придет весна», «Воронежские частушки».

1979

Декабрь

Высоцкий в Америке: наркотический кайф. Умер автор «Подмосковных вечеров». Андрей Тарковский хвалит Хилькевича. Вахтанг Кикабидзе: между жизнью и смертью. «Песня года». «Машина времени» в Сочи. Хит-парад «МК». Умер актер Николай Гриценко. Политбюро ломает копья по Афганистану. очередной шлягер Максима Дунаевского. В роли убийцы — кипяток. День рождения Андрея Макаревича по-сочински. Политбюро принимает решение ввести советские войска в Афганистан. Пресса развенчивает слухи о грабителях в электричках. Удар по карате. Умер «великий старик» МХАТа Павел Массальский. Билетная мафия в Москве. Как хоккеисты поздравляли Брежнева с днем рождения. Разгром «метропольцев». Лапин принимает фильм «Тот самый Мюнхгаузен». 100 лет Сталину. Приз «Известий» — наш! Анна Герман в Таллине. Волнения в Тарту. Советские войска входят в Афганистан. Секира над фильмами. Штурм дворца Амина. Михаил Боярский болеет... и срывается в Москву. Умер актер Юрий Толубеев. МВД СССР продолжает терять своих руководителей. Братья Самойленко продолжают убивать. Голова Амина у Андропова. Грусть Владимира Высоцкого. Елена Коренева: Новый год с любимым. Как песню Валерия Леонтьева выкинули из «Голубого огонька».

В воскресенье, 2 декабря, Владимир Высоцкий улетел на Таити. Перед этим он занял 2 500 рублей у Валерия Золотухина, с обещанием вернуть долг сразу после возвращения на родину. А на Таити его погнала не только нужда отдохнуть и мир посмотреть, но и сугубо житейская проблема — их с Мариной пригласил на свою свадьбу бывший муж Влади (второй по счету) Жан-Клод Бруйе, летчик и владелец небольшой авиакомпании на Таити. Однако на это торжество Высоцкий так и не попадет. Прилетев в Лос-Анджелес, в дом своего друга Майкла Миша, он «сорвется» с хозяином в такой наркотический кайф, что лететь на свадьбу просто не останется сил. А чтобы Марина Влади ни о чем не догадалась, для нее будет выдумана версия о том, что Высоцкому не выдали на Таити въездную визу.

3 декабря в Ленинграде, на 73-м году жизни, скончался легендарный композитор Василий Соловьев-Седой. Он начал писать песни еще в 20-е годы, но слава пришла к нему спустя два десятилетия, когда из-под пера компо-

зителя вышли такие песни, как «Пора в путь-дорогу», «Соловьи», «Вечер на рейде», «На солнечной поляночке». Но визитной карточкой великого композитора стала песня «Подмосковные вечера», написанная специально к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Мало кто знает, но сначала эту песню забраковали: сказали, что она не соответствует духу фестиваля. Что было потом, знают все: песня стала всемирно известной.

Соловьев-Седой успевал не только писать замечательные песни, но и заниматься общественной работой: с 1957 года он был секретарем правления Союза композиторов СССР. Еще он был большим поклонником Бахуса. Поскольку его супруга всегда боролась с пристрастием мужа к «зеленому змию», композитору пришлось прибегать к разного рода хитростям. Например, у себя на даче он под каждой яблоней закопал по несколько бутылок «горькой», и всякий раз, когда хотел выпить, отпрашивался у жены «подышать свежим воздухом». Суп-

руга долгое время не могла понять, каким образом он умудряется вернуться обратно «на бровях».

3 декабря в «Останкино» состоялся просмотр фильма Георгия Юнгвальд-Хилькевича «Ах, водевиль, водевиль...». Ленту принимала «железная Стелла» — зампред Гостелерадио Стелла Жданова. Однако, несмотря на все опасения создателей картины, зампред отнеслась к фильму весьма благожелательно, даже похвалила. Единственное, что попросила, — внести некоторые монтажные поправки. Потом была премьера фильма на «Мосфильме». Вот как об этом вспоминает сам режиссер:

«Мимо просмотрового зала «Мосфильма» шел Андрей Тарковский, в окружении огромной свиты, как всегда. Заглянул в зал и остановился. Прислонился плечом к косяку, да так и не ушел, просмотрел стоя всю картину. А потом сказал:

— Я думал, на «Мосфильме» сплошь кладбище, а тут, оказывается, есть живые люди.

А Трауберг вообще поставил в один ряд «Весну», «Цирк» и мой «Водевиль». Его мнение мне особенно дорого.

— Вы открыли для шоу и ревью потрясающую актрису, — сказал Леонид Захарович, имея в виду Галину Беляеву. И продолжил: — К сожалению, вы это открыли и вы ЭТО и закроете. Потому что в нашей стране это не нужно...»

Большие проблемы со здоровьем случились тогда у популярного артиста Вахтанга Кикабидзе. Ровно год назад, когда он был на гастролях в Сухуми, его коллега Нани Брегвадзе отвела его к гадалке Лили, которая нагадала ему скорую болезнь, которая поставит артиста на грань жизни и смерти. Кикабидзе тогда гадалке не поверил. А зря. Спустя несколько месяцев после этого в семье Кикабидзе случается горе — умирает его дядя, очень близкий ему человек, заменивший Вахтангу отца, погибшего на фронте. Далее послушаем рассказ самого артиста:

«Когда мне позвонили, что дядя в больнице, я сразу же помчался к нему, но в живых уже не застал. И вдруг там же, в больнице, меня будто обухом ударило по голове. Точнее, внутри головы. Я упал на месте без сознания. Меня, конечно, вскоре привели в чувство, но после этого у меня начались страшные головные бо-

ли. Чувствую, начинаю утрачивать координацию движений, мне все хуже и хуже. Кладут меня в больницу в Тбилиси, потом перевозят в Москву. В итоге в конце 1979 года — операция на мозге. Оказалось, у меня была там опухоль. Вот тут, после операции, я и вспомнил про пророчество Лили...»

Между тем коллеги Кикабидзе по эстраде участвуют в записи финальной «Песни года», которая проходит в «Останкино». На этот раз в ней было представлено 35 песен (в прошлом году их было на пять больше). Как и в прошлых выпусках, большинство из представленных песен народу практически неизвестны и настоящими шлягерами вряд ли могли считаться. Весь год из большинства окон слышались совсем другие песни. А именно: «Так не должно быть», «Мир без любимого», «Девушка из Полесья», «Летний вечер», «Золотая лестница», «Зеркало», «Поворот», «Кто виноват» и др. Но их авторы были не в чести у руководителей отечественного ТВ, поэтому оставались за бортом финальной «Песни года». Главный принцип организаторов передачи — побольше свадебных генералов — остался неизменным и в этот раз. Полный список прозвучавших на «Песне года — 79» произведений выглядит следующим образом:

«Старт дает Москва» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — исполняют Людмила Сенчина и Ринат Ибрагимов; «Чета белеющих берез» (Э. Колмановский — В. Солоухин) — Александр Ворошило; «18-й год» (В. Ильин — Ю. Рыбчинский) — Иосиф Кобзон; «Не зря мне люди говорили» (С. Туликов — М. Пляцковский) — Валентина Толкунова; «Старые фотографии» (В. Левашов — М. Матусовский) — Александр Чепурной; «Любовь настала» (Р. Паулс — Р. Рождественский) — Роза Рымбаева; «Пехота есть пехота» (Н. Богословский — М. Пляцковский) — В. Коннов; «Ой, летели дикие гуси» (И. Поклад — Ю. Рыбчинский) — Н. Матвиенко; «Две ветви» (О. Фельцман — А. Ковалев) — ВИА «Ариэль»; «Стихи о живой песне» (Р. Рождественский) — Роберт Рождественский; «Шутка» (В. Гаврилин — А. Шульгин) — Людмила Сенчина и Эдуард Хиль; «Наша любовь» (П. Аедоницкий — А. Деметьев) — Ксения Георгиади; «Пропала собака» (В. Шаинский — А. Ламм) — Лена Могуче-

ва и Детский хор; «С чем сравнить любовь» (А. Экимян — М. Рябинин) — София Ротару; «А любовь жива» (А. Бабаджанян — О. Писаржевская, А. Монастырев) — ВИА «Оризонт»; «Летние дожди» (М. Минков — С. Кирсанов) — Алла Пугачева; «Земля моя добрая» (Е. Птичкин — С. Островой) — Евгений Чепурной; «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Лев Лещенко; «Люблю тебя» (И. Якушенко — В. Харитонов) — ВИА «Верасы», солисты — Я. Поплавская и Л. Кошелев; «Каждый четвертый» (Т. Хренников — М. Матусовский) — ВИА «Песняры»; «Не покидает нас весна» (Ю. Саульский — Л. Завальнюк) — Иосиф Кобзон и квартет «Надежда»; «А жизнь продолжается» (А. Морозов — Ю. Рыбчинский) — Эдита Пьеха; «Ты, земля моя» (О. Иванов — Р. Рождественский) — Ринат Ибрагимов; «Красный конь» (М. Фрадкин — М. Пляцковский) — Валентин Дьяконов; «Добрая сказка» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Людмила Сенчина; «Край любимый и родной» (П. Бюль-Бюль оглы — О. Гаджикасимов) — У. Зияев; «Россыпь» (И. Лученок — И. Скурко) — Виктор Вуячич; «Не возвращайтесь к бывлым возлюбленным» (М. Таривердиев — А. Вознесенский) — Галина Беседина и Сергей Тараненко; «Музыка любви» (А. Мажуков — А. Поперечный) — Б. Петриките; «Старая песня» (В. Мигуля — М. Танич) — Эдуард Хиль; «Звездное лето» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева; «Подберу музыку» (Р. Паулс — А. Вознесенский) — Яак Йола; «Я пою о любви» (К. Руснак — Е. Чонке) — ВИА «Оризонт»; «Начало» (И. Мовсесян — Р. Рождественский) — Лев Лещенко; «Дадим шар земной детям» (Д. Тухманов — Н. Хикмет, М. Павлов) — София Ротару и детский хор. Ведущие — Светлана Жильцова и Александр Масляков.

Группа «Машина времени» в эти же дни находится далеко от Москвы — в Сочи, куда она выехала в начале декабря на двадцатидневные гастроли с Московским театром комедии, в штате которого состоит вот уже почти пять месяцев. Этот театр базировался во Дворце культуры «Серп и молот», однако на базе своей практически не сидел, поскольку считался гастрольным. Как вспоминает А. Макаревич:

«Мы привыкли видеть Сочи жарким и пыльным, доверху наполненным народом. Го-

род был пуст, насколько может быть пуст город. Пальмы от зимы спрятали внутрь странных конструкций из досок и мешковины, и они торчали вдоль набережной, как дикий инстинкт истуканы. Двери кофеен, забегаловок, ресторанов были открыты, и — никого. А сквозь облака проглядывало солнце, и трава хранила зеленый летний цвет, и море гуляло по безлюдному пляжу, и что-то в этом было нереальное и совершенно замечательное...»

Продолжаются съемки фильма «Тегеран-43». Поскольку проект по своим масштабам считался почти грандиозным, то под него отвели сразу два павильона — 8-й и 9-й. Там руками декораторов были построены сразу несколько декораций, в том числе и кривые улочки Тегерана образца 43-го года. 5—6 декабря именно на этих «улочках» и снимали проходы героев Игоря Костоловского, Наталии Белохвостиковой, Армена Джигарханяна и Альберта Филозова. 7 декабря съемки переместились в другую декорацию — «тегеранский ресторан».

В пятницу, 7 декабря, в «Московском комсомольце» свет увидел очередной выпуск «Звучковой дорожки» (№ 60). В нем была помещена большая статья про английскую рок-группу «Юрай Хипп», читателей также оповещали о последних новостях западной рок- и поп-музыки. В частности, сообщалось, что в продажу поступил новый диск группы «Пинк Флойд» под названием «Стена», что ноябрьские хит-парады на Западе возглавляют песни: в ФРГ — «Эль Лютэ» («Бони М»), в США — «Длительный бег» («Иглз»). Что касается отечественного хит-парада, то в нем произошли существенные изменения. На смену песням, которые в течение нескольких месяцев держались в числе лучших, пришли новые композиции, причем принадлежавшие другому направлению — року. Таким образом, впервые в хит-параде «ЗД» наравне с попсой стал конкурировать и отечественный рок. В список лучших песен попали: «Поворот» («Машина времени»), «Кто виноват» («Воскресение»), «Летний вечер» (наш ответ «Отелю «Калифорния» от группы Стаса Намина), «Все может молодость» («Аракс»). Полностью список лучших песен ноября-79 выглядел следующим образом: 1. «Взлети над суетой» (Алла Пугачева). 2. «Ищу тебя» (Ксения Георгиади). 3. «Здравствуй» (Яак Йола).

4. «Звездное лето» (Алла Пугачева). 5. «Летние дожди» (Алла Пугачева). 6. «Летний вечер» (группа Стаса Намина). 7. «Подберу музыку» (Як Йола). 8. «Олимпиада-80» (Тынис Мяги). 9. «Так не должно быть» (Михаил Боярский и Ольга Зарубина). 10. «Кто виноват» («Воскресение»). 11. «Узнай меня» (Татьяна Анциферова). 12. «Все может молодость» («Аракс»). 13. «Поворот» («Машина времени»). 14. «Красный конь» (Валентин Дьяконов). 15. «Ой, дождик идет» («Песняры»).

8 декабря скончался актер театра и кино Николай Гриценко. Закончив в 1940 году театральное училище имени Шукина, он был принят в труппу Театра имени Вахтангова, где и проработал всю свою жизнь. С 1942 года стал сниматься в кино (фильм «Машенька»). В 1951 году за роль Артамашева в фильме «Кавалер Золотой Звезды» Гриценко был удостоен Сталинской премии. Гриценко был уникальным актером: он свободно владел разными жанрами, мог исполнять роли диаметрально противоположных персонажей — как положительных, так и отрицательных. Ему все было подвластно. Среди лучших работ Гриценко в кино следует прежде всего назвать следующие роли: Рощин в трилогии по роману А. Толстого «Хождение по мукам» — «Сестры», «Восемнадцатый год», «Хмурое утро» (1957—1959), — Каренин в «Анне Карениной» (1968), Сперанский в «Адъютанте его превосходительства», немецкий генерал в «Семнадцати мгновениях весны» (1973), Николай Антонович Татаринов в «Двух капитанах» (1976) и др.

В последние годы Гриценко плохо себя чувствовал, однако продолжал заниматься любимым делом. В кино он практически не снимался, однако на сцену родного театра изредка, но выходил. Его часто подводила память, он плохо заучивал текст, но бросить театр не мог — это означало для него немедленную смерть. Так, собственно, и вышло: как только он прекратил играть в театре, его сердце остановилось. Артисту шел 68-й год.

В тот же субботний день 8 декабря на экстренное заседание собралось Политбюро. Тема была одна: иранско-афганские события. Дело в том, что в начале ноября в Иране толпы разбушевавшихся исламских студентов ворвались на территорию американского посольства и за-

хватили весь его персонал в заложники. Вашингтон выступил с требованием немедленно их освободить, в противном случае обещая применить силу. Иран ответил отказом. Москве эта ситуация крайне обеспокоила. Советский посол в США Добрынин встретился с Бжезинским и заявил, что в случае вторжения США в Иран Советский Союз примет соответствующие меры. Какие — не уточнялось. Но подразумевалось, что мы в ответ введем свои войска в Афганистан. Однако американцы не придали этим угрозам значения и стали усиленно готовиться к силовым действиям: они собирались не только провести операцию по освобождению заложников, но планировали нанесение карающего удара по Ирану, а также захват иранского острова Харг. Когда эта информация дошла до Кремля, Политбюро собралось на экстренное совещание.

Первым взял слово министр иностранных дел Громыко, который выступил против силовых методов и предложил отослать американцам очередное предупреждение. На что Устинов заметил: «Не паникуй, Андрей! Пусть американцы вдарят по Ирану. Это развяжет нам руки в Афганистане». Его поддержал Андропов: «Я тоже так думаю. Американская акция по освобождению заложников отвлечет внимание иранцев от Афганистана и облегчит там нашу военную операцию». Короче, Громыко тогда остался в меньшинстве. До ввода советских войск в Афганистан оставались считанные дни.

И еще одно событие произошло в тот же субботний день. Но оно уже не имело никакого отношения к политике. В телевизионной передаче «Утренняя почта» состоялась премьера новой песни. Это был хит Максима Дунаевского и Леонида Дербенева «Гадалка» из фильма «Ах, водевиль, водевиль...». Как мы помним, фильм только-только закончен и несколько дней назад принят руководством Гостелерадио. Последнее и решило устроить ему промоушн: запустить самый забойный хит из него (а всего в фильме звучало восемь песен) в телеэфир. Успех был ошеломляющий. Уже с понедельника народ драл глотки, распевая «Ну что сказать, ну что сказать...».

А теперь перенесемся в Ростов-на-Дону, где в те дни случилась трагедия. А вызвала ее

элементарная человеческая халатность. Но расскажем обо всем по порядку.

Все началось в четверг, 6 декабря, когда жители домов, что на углу улиц Брестской и Калужской, заметили, как из-под земли стал бить фонтан воды. Вызвали «аварийку». Та приехала только на следующий день и установила, что под землей прорвало трубу центрального отопления. Спустя час к месту происшествия подошли экскаватор, который с помощью ковша стал пробиваться к трубе. Пробиваясь, выкопав яму шириной два метра на два и глубиной полтора метра. Однако, когда к трубе наконец добрались сварщики, наступил вечер, конец рабочего дня. Накинув на пробоину хомут, рабочие со спокойной душой удалились по домам, не удосужившись подвести к опасному месту даже освещение.

На следующий день, в субботу, к ремонту трубы никто не приступил по причине выходного дня. Кто-то из жильцов попробовал было позвонить в ЖЭК, но там его успокоили: мол, все под контролем, трубу вот-вот починим. А в воскресенье грянула трагедия. В семь часов утра жилец ближайшего к месту аварии дома — Олег Лихачев — вышел из дома по делам и, сделав пару десятков шагов... свалился в яму, где за это время образовалась лужа из кипятка. На его нечеловеческий крик к месту происшествия сбежали соседи, которые вытащили беднягу на поверхность. Лихачева увезли в больницу, где в тот же день ему была сделана операция. Именно она и спасла его от смерти. Другим жертвам уже так не повезло.

Около двух часов дня в эту же яму угодил четырехлетний мальчик Андрияша Кузьменко. Он с друзьями катался с горки и угодил в кипяток. Ближе всех к яме в тот момент находился слесарь элетроцефа «Ростсельмаша» Сергей Богураев, который бросился спасать мальчишку. Прыгнув в яму, он опустил руки в кипяток и, преодолев адскую боль, извлек пацана на поверхность. Еще секунда — и тело мальчика было вытаскано из ямы. Следом за ним выбрался и сам Богураев. А еще через минуту он потерял сознание.

Несмотря на все старания врачей, спасти никого из пострадавших им не удалось. Мальчик умер в карете «Скорой помощи», а Богураев скончался спустя восемь дней в больнице.

Оба получили ожоги 2-й и 3-й степени на 60 процентах кожи. За их смерти адекватного наказания никто так и не понес. В тот же день, когда случилась трагедия, к злополучной яме, как саранча, съехались те, кто непосредственно отвечал за случившееся: заместитель председателя исполкома, начальник ЖКУ и другие высокие руководители. Они покачали головами, поцокали языками и выставили у ямы дежурных. И на следующий день труба была залатана.

Группа «Машина времени» продолжает гастроли в Сочи. Правда, настоящими гастрольными пребываниями коллектива в этом городе было назвать нельзя: из двадцати гастрольных дней спектакль «Виндзорские насмешницы» с участием группы демонстрировался всего лишь два раза — в первый и последний дни. Все остальное время «машинисты» были предоставлены сами себе. Впрочем, это их абсолютно не напрягало, а даже наоборот. 11 декабря они с большой помпой отметили день рождения своего лидера Андрея Макаревича — ему стукнуло 26 лет. Вот как об этом вспоминает сам именинник:

«Все мы очень ждали выдачи зарплаты к этому моменту. Зарплаты не случилось. И тогда мы сделали самое, казалось бы, нелогичное в этой ситуации — взяли шапку и выгребли из карманов все, что оставалось, до копейки. Хватило на два ящика замечательного молдавского ординарного «Каберне» и почему-то на мегафон (кажется, мне в подарок).

Мегафон доставил нам немало радости. Оказывается, психология нашего гражданина устроена таким образом, что команда, звучащая через мегафон, обретает просто магическую силу. Во всяком случае, самые причудливые распоряжения, отдаваемые нами с балкона четвертого этажа гостиницы «Ленинград», выполнялись людьми и автомашинами беспрекословно. В лучшем случае человек мог начать исподтишка озираться: откуда это им командуют? Но наверх посмотреть не догадался никто. Сильная вещь мегафон!..»

12 декабря состоялось очередное заседание Политбюро, которое стало историческим — на нем было принято решение о вводе советских войск в Афганистан. Правда, в письменном решении, записанном рукой Константина Чер-

енко, слова «Афганистан» не было, но все, кто ставил подписи под этим документом, прекрасно знали, о чем идет речь. Под решением подписались: Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов, Черненко, Пельше, Суслев, Кириленко, Гришин, Тихонов. На заседании присутствовал всего лишь один неголосующий кандидат в члены Политбюро Борис Пономарев. Что касается отсутствующих членов Политбюро, то с ними ситуация выглядела следующим образом. Косыгина, который все еще никак не мог оправиться после инфаркта, беспокоить не стали. А вот трем другим членам копию документа отослали по месту их пребывания: Кунаеву — в Алма-Ату, Щербицкому — в Киев, Романову — в Ленинград.

По Москве вот уже две недели гуляют слухи о том, что в подмосковных электричках объявилась банда, которая грабит пассажиров. Слухи утверждали, что в банду входит около 5—7 человек, что все они вооружены ножами и совершают налеты в разное время суток: то днем, то вечером. Причем видели их на разных направлениях ж/д: на Курском, Белорусском, Казанском и др. Слухи также утверждали, что бандиты называют себя «Черной кошкой», видимо, насмотревшись недавней премьеры — фильма «Место встречи изменить нельзя». Ситуация сложилась таким образом, что многие люди стали бояться ездить в электричках, а те, кто ездил, предпочитали делать это не в одиночку, а объединяясь в компании. Короче, паника царила приличная. Погасить ее можно было только одним испытанным способом — подключив к делу прессу. 14 ноября в «Комсомольской правде» выступил начальник Управления транспортной милиции генерал-лейтенант Н. Цыганник, который заявил, что... Впрочем, лучше послушать его самого. Цитирую: «Слух родился вот почему. Экспериментальный театр-студия на Красной Пресне под руководством В. Спесивцева поставил спектакль, все действие которого происходит в электричке. Двери двух вагонов «блокированы», вот люди и думают плохое. Такая же ситуация была чуть раньше и в Ленинграде...»

На следующий день в той же «Комсомолке» была опубликована еще одна любопытная заметка — про карате. Как мы помним, в конце ноября в Москве закончился первый чемпио-

нат столицы по этому виду спорта, который вызвал небывалый ажиотаж. Между тем отношение властей к карате в Советском Союзе было неоднозначным. И публикация в молодежной газете наглядно это демонстрировала. Называлась она «Карате» — не только спорт» и принадлежала перу К. Преображенского. Приведу лишь небольшой отрывок из нее, из которого позиция автора станет понятна без всяких пояснений:

«Хотелось бы предостеречь от безоговорочного, некритического переноса этого вида спорта на нашу почву. Скажем, не может не настаивать своеобразный кодекс жестокости, который утверждает карате. Наша гуманистическая культура выработала много правил, цель которых — защитить слабого. Истины о том, что лежачего не бьют, что нечестно бить в спину, потому и кажутся привычными, что глубоко вошли в наше сознание. А в карате можно без стеснения бить и лежачего, наносить удары и ниже пояса, и в бровь, и в глаз. Стоит ли нам перенимать это?..»

Тем, кто занимается карате в иных социальных условиях, следует брать из карате лишь самое лучшее, безжалостно отбрасывая то, что бесполезно или вредно.»

15 декабря, на 76-м году жизни, скончался один из последних «великих стариков» МХАТа Павел Массальский. Покойный проработал в Художественном театре — страшно сказать — 54 года! Переиграл множество ролей в спектаклях классического и современного репертуаров. С 1927 года начал сниматься в кино: первая роль — Зубов в фильме «Солистка его величества» 1927 года выпуска. Из других киноработ Массальского выделю фильмы: «Цирк» (1936), «Гаврош» (1937), «Без вины виноватые» (1945), «Иван Грозный», 2-я серия (1945, выпуск — 1958), «Алые паруса» (1961) и др.

С именем Павла Массальского было связано множество забавных историй. Расскажу лишь одну из них, которую сам артист любил больше всего. Суть ее в следующем. У группы артистов МХАТа, в которую входил и Массальский, была такая игра. В разгар спектакля кто-то из них произносил слово «Гопкинс», и тот, к кому это слово было обращено, должен был прямо на сцене подпрыгнуть вверх, перебраться в воздухе ногами и опуститься вниз. Если

он этого не делал, то должен был выставить участникам игры ящик коньяка. Эта шутка была опробована несколько раз на разных спектаклях, пока однажды в зале не оказались члены советского правительства. Естественно, увиденное им не понравилось, и они решили вызвать шутников для разговора в Кремль. Беседовать с артистами должен был сам Вячеслав Молотов. В Кремль отправились все инициаторы шутки: Павел Массальский, Анатолий Кторов, Владимир Ершов, Михаил Кедров, Сергей Блинников.

Однако, даже несмотря на всю серьезность ситуации, артисты не смогли изменить своим правилам. Хохмить они начали еще у входа в Кремль. Когда охранник спросил возглавлявшего колонну Кедрова, есть ли при нем оружие, он ответил: «Мое оружие идет сзади». А сзади шел Ершов, у которого в руках была большая трость с массивным набалдашником. Охранник попросил показать ему трость. Повертев ее в руках, он додумался крутануть набалдашник и обнаружил, что под ним была емкость, в которую было залито пол-литра отборного коньяка. «Трость останется со мной», — сурово молвил охранник.

Не изменило чувство юмора артистам и в кабинете Молотова. Когда тот стал отчитывать их за их детские шутки на сцене прославленного театра, Кторов внезапно скомандовал «Гопкинс!». И все артисты подпрыгнули вверх, не забыв перебрать в воздухе ногами. Можете себе представить выражение лица Молотова в эту минуту. Короче, он махнул на артистов рукой и молвил всего лишь одно слово: «Свободны».

В первой половине декабря в московских кинотеатрах шли премьеры следующих фильмов: 3-го в прокат вышел фильм Евгения Шерстобитова «Мятежный «Орион»; 10-го — «Любовь моя, печаль моя» Аждара Ибрагимова с участием Аллы Сигаловой, Арчила Гомиашвили, Фарука Пекера и др.; 14-го — «Да здравствует, Мексика!» (повторный выпуск) Сергея Эйзенштейна, Георгия Александрова и Эдуарда Тиссэ.

Кино по ТВ: «Дачники» (1—2-го), «Ночной гость» (2-го), «Мать» (4-го), «Камертон» (премьера т/ф 4—5-го), «Короли и капуста» (6—7-го), «Депутат Балтики» (7-го), «Сестры» (8-го), «Крах инженера Гарина» (8—9, 15-го),

«Умные вещи» (1-я серия), «Тень» (впервые по ТВ) (9-го), «Как исправить папу» (ЧССР, премьера т/ф), «Монета» (11-го), «Факир на час» (12-го), «Секрет великого рассказчика» (с субтитрами), «Мосты» (13-го), «Брак по-имеретински» (премьера т/ф 13-14-го), «Дон Кихот» (14-го) и др.

Из других передач выделю: «Кинопанорама» (1-го; были представлены новые фильмы: «В моей смерти прошу винить Клаву К.», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», показаны репортажи съемок фильмов: «Путешествие в чужой город», «Тайное голосование», творческий портрет Евгения Евстигнеева, рассказано о режиссере Рене Клере, ведущий — Эльдар Рязанов), «А ну-ка, девушки!» (7-го), «Вокруг смеха» (8-го; участники: Ролан Быков, Эдуард Успенский, Юрий Куклачев, артисты ленинградского ТЮЗа, ВИА «Трижды три» и др.), «Песня-79» (9-го), «Поет Бинг Кросби» (США, 14-го).

Премьеры в театрах: 13-го — в Театре имени Вахтангова был показан спектакль «Леший» с участием Юрия Яковлева, Юлии Борисовой, Людмилы Максаковой, Вячеслава Шалевича (последнему в начале декабря было присвоено звание народного артиста РСФСР); в Театре на Малой Бронной — моноспектакль «Впервые замужем», в главной роли — А. Дмитриева.

Эстрадные представления: 4-го в «Новороссийске» выступал ВИА «Голубые гитары»; 5-го там же — Жанна Бичевская; 7—8-го — в «Октябре» пел югославский певец Миро Унгар; 9-го в ГЦКЗ Россия» состоялись концерты с участием Марии Мироновой, Евгения Петросяна, Надежды Бабкиной, Бориса Владимировича, Вадима Тонкова и др.; 11-го — во Дворце спорта в Лужниках прошел творческий вечер поэта Евгения Евтушенко под названием «30 лет в поэзии».

16 декабря «Комсомольская правда» «выстрелила» еще одной актуальной публикацией — про билетную мафию в Москве. Была в те годы такая мафия, которая скупала билеты во все престижные театры столицы (Ленком, «Таганка», «Современник», Сатира, Большой, «Маяк» (имени Маяковского) и ряд других), после чего продавала эти билеты уже втридорога или обменивала на билеты в другие театры. Автор заметки В. Слуцкий на собственном опыте по-

знакомился с деятельностью этой мафии. Рано утром он приехал к театру «Современник», надеясь купить билет на один из спектаклей. Однако обнаружил возле кассы длинную очередь таких же, как и он, страждущих до искусства людей. В итоге Слуцкий оказался в этой очереди — не пугайтесь — 11 242-м. Естественно, в тот день никаких билетов ему не досталось. Не смог он их купить ни через неделю, ни через месяц. Короче, он ходил к кассе и отмечался в очереди ровно 4 (!) месяца. Наконец настал долгожданный день, когда по всем приметам на его номер должны быть проданы два билета (больше в одни руки не давали). Касса открывалась в 11 утра, но Слуцкий приехал к театру за пять часов до этого, чтобы, не дай бог, не прозевать свою очередь. Билеты он купил. Но едва вышел на улицу, как к нему подошли представители этой самой билетной мафии. Один из них, молодой человек в курточке, спросил: «Не хотите ли поменять билетики?» «На что?» — не понял Слуцкий. «На такие же билеты, но в другие театры», — последовал ответ. И молодой человек извлек на свет пухлый бумажник, в котором было не менее полусотни билетов в самые престижные театры. Тут тебе и Сатира, и «Таганка», и Ленком. Слуцкому стало интересно, и он спросил: «И на что я могу претендовать со своими билетами?» Ответ последовал незамедлительно: «На два билета на Малую Бронную или один — в Большой». «А купить билеты у вас можно?» — спросил Слуцкий. «Можно и купить, но в три раза выше номинала». Слуцкий предпочел не связываться с молодыми людьми и оставил свои билеты при себе. Но увиденное его настолько поразило, что он решил описать это на страницах прессы.

В тот же воскресный день 16 декабря во Дворце спорта в Лужниках открылся традиционный турнир по хоккею с шайбой на приз газеты «Известия». В первый же день состоялись две игры: чехословаки легко преодолели канадский барьер (10:1), а советские хоккеисты победили шведов (5:1). Следующий матч наши ребята играли 18 декабря с финнами и снова победили — 6:3. А на следующий день обыграли и канадцев — 5:2. Перед началом матча состоялось трогательное событие: проводы прославленного хоккеиста Владимира Викулова

(двукратного олимпийского чемпиона и семикратного чемпиона мира) из большого спорта. Под восторженные аплодисменты зрителей Викулову был вручен знак ЦК ВЛКСМ, после чего хоккеисты подхватили своего товарища на руки и совершили с ним круг почета. Вместе со всеми этому зрелищу аплодировал и Леонид Брежнев, которому в тот день исполнилось 73 года. Естественно, это событие тоже не могло остаться без внимания спортивных функционеров.

Вспоминает В. Третьяк:

«В перерыве после первого периода в раздевалку влетает наш спортивный министр Сергей Павлов. Вид у него очень взволнованный. «Комсорг, парторг и капитан, коньки живо снять и наверх — в правительственную ложу. Будете Леонида Ильича с днем рождения поздравлять». Васильев, Макаров и я послушно последовали за начальством и ступили на ковер брежневских апартаментов. Ильич там был вместе с Черненко. Павлов перед ним вытянулся: «Вот, Леонид Ильич, наши славные хоккеисты хотят вас сердечно поздравить с днем рождения». Мы вручили генсеку сувенир и клюшку с автографами игроков, пообещали, что непременно выиграем этот матч. «А почему это у вас фамилии на свитерах по-английски написаны?» — поинтересовался, прощаясь, вождь. И пошутил: — Вы же не англичане». Объяснить, что таковы правила международных турниров, никто не рискнул. Более того, завтра на наших формах все фамилии были изображены по-русски...»

Не затухает скандал вокруг альманаха «Метрополь». Как мы помним, после телеграммы американских писателей в защиту двух исключенных из СП СССР молодых писателей — Виктора Ерофеева и Евгения Попова — власти предложили исключенным написать покаянные письма. Сказали, что эти письма нужны для товарищей из провинции, которые не в курсе всех нюансов создавшейся с «Метрополем» ситуации. Но Ерофеев и Попов отказались каяться. В итоге о них на какое-то время забыли.

В середине декабря о них опять вспомнили. Им предложили явиться на секретариат СП РСФСР 19 декабря, якобы для того, чтобы решить вопрос с их восстановлением в писатель-

ском союзе. Те поначалу отказались: мол, восстанавливайте заочно. Но их все-таки уговорили: сказали, что их явка нужна для проформы. На самом деле их присутствие нужно было совсем для иных целей — их собирались публично распинать. Вот как об этом вспоминает сам В. Ерофеев:

«Мы понимали, что предстоит борьба. Сказали себе: нельзя расслабляться. Думали, что нас будут унижать, принуждать к раскаянию, чтобы потом в «Литературной газете» напечатать наши «признания», что нас вымажут дерьмом, но в конце концов примут.

Нас заставили долго ждать, а потом стали заводить по одному. Первым пошел Попов, считалось, что он из народа, сибиряк, и некоторые ситуации может «смягчить», в отличие от меня, предателя правящего класса (отец Ерофеева был видным дипломатом, которого после скандала с «Метрополем» отозвали из-за границы в Москву. — Ф. Р.). Трудно сказать, был ли заранее спланирован результат. Возможно, они получили сначала одно указание свыше, а после другое. Это происходило буквально накануне оккупации Афганистана, и верхам уже не нужны были либеральные игры в «разрядку». Во всяком случае, кто-то, может быть, Кузнецов, побывал в «высших сферах», ибо именно он начал собрание с зажигательной речи против альманаха.

Присутствовал весь секретариат, от мала до велика. Они сидели за длинным столом и возмущенно шевелили руками: казалось, ползает много змей. За столом председателя сидели Михалков и Бондарев. Бондарев не произнес ни слова, но изображал все мимикой, то за лоб схватится, то руки возденет. Главным спикером был Шундик. Распутин с половины ушел на другое заседание. Михалков изображал центр. Когда орали: «Да хватит их слушать!» — он возражал: «Нет, товарищи, мы должны во всем разобратся...» То, что нас вызывали порознь, никакого значения не имело: Мы потом долго смеялись: отвечали абсолютно одинаково.

Вопросы были гнусные: как додумались до такого мерзкого дела? Понимаете, какой ущерб нанесли стране? Как относитесь к тому, что ваше имя используется на Западе реакционными кругами? Кто вас на это подвигнул? Они хотели свалить все на Аксенова. Попов

сказал, что ему 33 года, он может сам отвечать за свои поступки, и никто его не «двигал», он не шкаф, чтобы его двигать.

Мы договорились, что как только Женя выйдет, то подаст нам знак: хорошо, так себе или плохо... Попов вышел и только рукой махнул: совсем плохо. Меня сразу спросили: «Считаете ли вы, что вы участвовали в антисоветской акции?» Я понял, что шьет дело, потому что участие в антисоветской акции — это 70-я статья, а не прием в Союз писателей. Кузнецов сказал: «Как же вы, который пишет про всяких Сартров, не понимали, что вас используют как пешку в большой политической игре!»

Но отмечу представителей национальных культур: Гамзатова, Мустая Карима, Кугультинова. Они занимали другую позицию. В какой-то момент Гамзатов встал и сказал Попову: «Хорошо отвечаешь! Надо решить вопрос, принять их, и все!» Когда Попов вышел, следом вышел Карим: «Вы все правильно говорили, но кому вы это говорили!»

Вообще после секретариата к нам некоторые подходили, жали руки. Потом мы узнали, что голосование было единогласным. Был очень долгий перерыв, они совещались, мы болтались по коридорам. Затем нас опять вызвали, и Шундик зачитал решение о том, что мы исключаемся из Союза писателей на неопределенное время. Кузнецов при этом сказал: «Правильно заметил Гранин, что они ничего не поняли, поведения своего не оценили...» Когда все уже расходились, Михалков нам шепнул: «Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было 40 человек...»

Липкин и Лиснянская в знак солидарности с нами вышли из Союза писателей. Им пришлось хуже всех. Они лишились почти всех средств к существованию. Мы всегда относились к ним как к героическим личностям. Аксенов также вышел из Союза. Надо добавить, что мы с Поповым написали письмо друзьям с призывом не выходить из Союза, не обнажать левого фланга советской литературы. Битов, Искандер и Ахмадулина нас послушались...»

В четверг, 20 декабря, в «Останкино», состоялась приемка фильма Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен». Принимал картину лично председатель Гостелерадио Сергей Лапин. Создатели фильма, естественно, волнова-

лись, поскольку Лапин хоть и был человеком образованным, однако нрава был непредсказуемого. Многие смелые передачи на ТВ закрывались именно по его приказам, из-за чего тот период на отечественном ТВ был назван «столлапинской реакцией». «Мюнхаузен» тоже мог попасть под репрессии, поскольку относился к произведениям смелым: в нем было столько пересечений с советской действительностью, что не заметить их было просто невозможно. И Лапин, конечно же, их заметил. Но проявил удивительную благосклонность: фильм был принят с первого же захода и немедленно поставлен в эфир (его покажут 1 января 1980 года).

21 декабря исполнилось 100 лет «вождю всех времен и народов» Иосифу Сталину. Само собой разумеется, столь знаменательное событие не могло остаться без внимания людей. В тот день с утра на Красную площадь, к могиле Сталина, пришли несколько десятков ветеранов партии, которые возложили цветы к могиле генералиссимуса. Официальная власть на эту дату практически никак не отреагировала, если не считать того, что в отрывном календаре на 1979 год (тираж — 15 миллионов экземпляров), впервые после 20-летнего перерыва, на листке за «21 декабря» красовался портрет Сталина и заметка о нем. О юбиларе в ней говорилось, как о «выдающемся руководителе КПСС, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, теоретика и пропагандиста марксизма-ленинизма». Далее сообщалось, что деятельность товарища Сталина «была отмечена теоретическими и политическими ошибками», а «культ личности» был резко осужден партией, но, впрочем, он — культ этот — ни в чем не изменил сути строительства социализма.

В этот же день, в семь часов вечера, на хоккейном турнире на приз газеты «Известия» игрался финальный матч: СССР — ЧССР. Обеим командам необходима была только победа, в противном случае «золото» турнира им было не видать как своих ушей. Поэтому с первых же секунд игра началась с обоюдоострых атак. Первым повезло гостям. На 6-й минуте Мартинец замкнул очередную атаку прицельным выстрелом в наши ворота. Однако радость чехословаков длилась недолго — всего лишь две

минуты. Обидел гостей Хельмут Балдерис, восстановивший равновесие в счете. Однако спустя несколько минут гости снова вышли вперед — гол забил Штясны. Нашим вновь пришлось догонять. В тот момент, когда чехословаки играли в меньшинстве, Валерий Харламов снова сделал счет ничейным — 2:2. С этим результатом обе команды ушли на перерыв. Во втором периоде фортуна была на стороне советской сборной. Александр Голиков сделал счет 3:2. В течение оставшихся полутора периодов чехословаки прилагали поистине титанические усилия, чтобы хоть сравнять счет, но у них ничего не получалось: все их атаки разбивались о защитные редуты нашей сборной. Матч так и закончился со счетом 3:2, и приз «Известий» остался в Москве.

Анна Герман в те дни приехала в Таллин, где у нее жил любимый человек — эстонский журналист Антс Паю. Они познакомились в прошлом году во время гастролей певицы в Ленинграде. Антс вспоминает:

«На Рождество 1979 года Анна приехала в Таллин. Тогда было теплое Рождество, но с глубоким снегом. Мы много бродили по Старому городу. Один раз мы гуляли, и вдруг я чувствую: она захромала. И говорит — сапоги надела и натерла ногу. И когда она взяла меня под руку, у меня такое чувство было, что я враз вырос... Она была каким-то земным божеством...»

24 декабря в соседнем с Таллином городе — Тарту — произошли очередные волнения (в последний раз нечто подобное случилось в конце сентября). В канун Рождества несколько десятков молодых эстонцев отправились на кладбище поставить свечи на могилы соотечественников, погибших во время войны 1918—1920 годов. С кладбища собравшиеся пошли на городскую площадь, где устроили митинг. На нем произносились речи о свободе и национальной независимости, кремлевских руководителей называли не иначе как оккупантами. Милиция сначала безучастно взирала на все происходящее, но затем применила силу. Несколько активных манифестантов препроводили в милицию, но после нескольких часов допроса отпустили.

Информация в Москву об этих событиях дошла в тот же день. Однако реакции никакой

не последовало, поскольку кремлевское руководство тогда было озабочено куда более важной проблемой — событиями в Афганистане. 25 декабря, в 15.00 по московскому времени, начался ввод советских войск в эту страну. Первыми через Амударью переправились разведчики, затем по мосту пошли остальные части 108-й мотострелковой дивизии. Войска выдвигались через Пули-Хумры и Саланг в Кабул. В это же время самолеты военно-транспортной авиации начали переброску по воздуху и высадку основных сил воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка на аэродромы Кабула и Баграма. За 47 часов было совершено 343 самолеторейса. В оба города было доставлено 7 700 человек, 894 единицы боевой техники и 1 062 тонны различных грузов.

В это же время советский спецназ готовился к штурму дворца Амина. Как вспоминают участники тех событий: «Возвратившись примерно в три часа ночи 25 декабря в расположение батальона, полковник Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Планом операции предусматривалось в назначенное время тремя ротами занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов. Против каждого батальона должна была выступить рота спецназа или десантников. Еще одна предназначалась для непосредственного штурма дворца. Вместе с ней должны были действовать две специальные группы КГБ СССР. Частью сил предполагалось захватить и разоружить зенитный полк.

Одной из важнейших задач был захват двух вкопанных танков, которые держали под прицелом все подходы к дворцу. Для этого выделили пятнадцать человек (среди них были и специалисты-танкисты) и двух снайперов из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех всей операции... Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости...»

26 декабря Брежнев вызвал к себе на дачу ближайших соратников, чтобы вместе с ними обсудить афганские события. Помимо хозяина на даче присутствовали Громыко, Андропов, Устинов, Черненко. Брежнев поинтересовал-

ся, как идет выполнение постановления Политбюро от 12 декабря этого года. С отчетом выступили Устинов, Андропов и Громыко, которые сообщили, что все идет по плану: войска вошли в Афганистан, ситуация под контролем, до захвата дворца Амина остаются считанные часы.

Между тем афганские события едва не похерили сразу несколько прекрасных советских фильмов, работа над которыми была закончена в те самые дни. Например, «Спасатель» Сергея Соловьева. Приемка в Госкино состоялась через пару дней после вторжения наших войск в Афганистан, и чиновники от кино в свете этих событий смотрели фильм особенно пристрастно. И нашли в нем... нападки на Советскую армию. В итоге ленту будут мариновать в течение нескольких месяцев, требуя внесения в нее изменений.

А вот как запомнились те дни режиссеру Вадиму Абдрашитову, который заканчивает съемки фильма «Охота на лис» и готовится приступить к съемкам другого — «Парад планет»:

«Конец 79-го года. Завершаем съемки «Охоты на лис» и всю уже думаем о «Параде планет». Последний съемочный день «Охоты...». Вернее, ночь. Отсняли в вокзальном ресторане Серпухова последние кадры, утром погрузились на электричку и покатали в Москву встречать Новый год. В электричке купили газеты, а там обращение Бабрака Кармаля с просьбой оказать братскую помощь афганскому народу. Началась афганская война. И я сказал: все, Саша (сценарист Александр Миндадзе. — Ф. Р.), нам похерят «Парад планет» с его безумной игрой в войну, в жизнь и смерть... И мы поехали не домой, а в Госкино, и там подтвердились все мои опасения. Ну что ж... стали делать «Остановился поезд»...»

Рано утром 27 декабря по советскому радио передали коротенькую информацию о том, что «по просьбе» афганского руководства в Афганистан был введен «ограниченный контингент» советских войск. Услышав эту информацию, консультант Международного отдела ЦК КПСС тут же рванул на работу, чтобы встретиться со своим коллегой — Валентином Фалиным. Два дня назад они вместе готовили для печати материал, опровергающий утверждения

Пентагона о подозрительной концентрации советских транспортных самолетов на военно-воздушной базе Баграм, неподалеку от Кабула. Опровержение делалось на основе клятвенных заверений одного из генералов Генштаба. И вот на тебе: эти заверения оказались полной липой. Этот случай наглядно демонстрировал, в обстановке какой секретности советские войска вводились в Афганистан.

Тем временем в самом Афганистане в тот день советский спецназ взял штурмом дворец Амина. Для последнего это было полной неожиданностью. В тот день он дал во дворце торжественный обед для своих соратников, где заявил следующее: «Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообщаем обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи». То есть до самой последней минуты Амин думал, что советские войска не причинят ему вреда. На самом деле он был уже приговорен Кремлем. На том самом обеде в пищу всех присутствующих был подмешан какой-то яд. Когда гости стали один за другим терять сознание, жена Амина вызвала к себе командира президентской гвардии Экбаля, и тот по ее приказу вызвал из поликлиники советского посольства врачей (то есть даже в этой ситуации подозрение на советских не упало). Вскоре во дворец прибыла группа наших врачей во главе с полковником Виктором Кузнецниковым. С большим трудом им удалось-таки привести в чувство Амина. Первое, что он спросил у врачей, когда пришел в себя: «Что это было? Почему это произошло со мной?» Врачи только развели руками: они на самом деле не были посвящены в детали этой операции.

После этого инцидента Амин приказал усилить охрану своего дворца. Об этом приказе тут же стало известно советским спецназовцам, затаившимся возле дворца. И была дана команда на штурм. На часах четверть восьмого вечера.

На десяти БМП две группы спецназа КГБ прорвались к дворцу. При помощи штурмовых лестниц командос стали взбираться на стены. Еще несколько минут — и спецназовцы оказались уже внутри дворца. Далее послушаем рас-

сказ одного из участников штурма — офицера КГБ:

«Сначала на штурм пошли только сотрудники КГБ. Орала мы со страху ужасно, все больше матом, что, в сущности, помогло нам не только психологически, но и практически. Солдаты из охраны Амина, принявшие нас сперва за собственную мятежную часть, но услышав русскую речь, сдались нам как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантной школе в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь.

Действия внутри дворца я помню смутно, как в кошмарном сне, двигался я чисто механически. Если из комнаты не выходили с поднятыми руками, мы вышибали дверь, бросали гранату и били, не глядя, очередями. Потом бежали дальше. Какой-то человек метнулся к лифту. Пока закрывались створки, я бросил в кабину гранату...»

Вспоминает Н. Иванов:

«Взрывы все сильнее сотрясали Тадж-Бек... по коридору, весь в отблесках огня, шел... Амин. Был он в белых трусах, флаконы с физраствором, словно гранаты, держал в высоко поднятых, обвитых трубками руках. Можно было только представить, каких это усилий ему стоило и как кололи вдетые в вену иглы.

— Амин?! — увидев, не поверили врачи своим глазам. Алексеев, выбежав из укрытия, первым делом вытащил иглы, довел его до бара. Амин прислонился к стене, но тут же напрягся, прислушиваясь. Врачи тоже слышали детский плач — откуда-то из боковой комнаты шел, размазывая кулачками слезы, пятилетний сынишка Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены. Это была настолько тягостная, разрывающая душу картина, что Кузнецников, отвернувшись от отца с сыном, сделал шаг из бара: «Я не могу это видеть, пойдете отсюда». И врачи вышли...»

Амин до последней секунды не верил, что дворец штурмуют советские войска. Успокоив сына, он приказал своему адъютанту немедленно связаться с советскими советниками и попросить у них помощи. «Русские помогут», — сказал Амин. Однако вскоре адъютант доложил, что дворец штурмуют именно совет-

ские. «Врешь, не может быть!» — заорал на него Амин. И сам попытался дозвониться до начальника Генерального штаба, командира 4-й танковой бригады. Но связи с ними уже не было. После этого Амин бросил трубку и сказал: «Я об этом догадывался, все верно». В этот самый миг в помещение, где находился Амин, ворвались советские спецназовцы и расстреляли главу правительства ДРА. Осколком нашей же гранаты в конференц-зале был сражен и один из советских врачей — В. Кузнеченков. Были потери и в рядах самих спецназовцев: погиб руководитель штурма полковник Г. Бояринов.

В те самые минуты, когда войска КГБ штурмовали Тадж-Бек, их родина была занята совсем иными заботами: люди смотрели по «ящику» новый хит — «Д' Артаньян и три мушкетера». Фильм начали демонстрировать с 25 декабря в самое смотрбельное время — в 19.30. Премьера длилась три дня, и все это время улицы советских городов, что называется, вымирали. Вот как вспоминает о тех днях один из участников фильма — актер Вениамин Смехов, сыгравший роль Атоса:

«Однажды я был потрясен поступком Миши Боярского — зимней ночью, после показа третьей серии по телевидению (27 декабря. — Ф. Р.). Мы собрались отметить это событие в доме художников Алины Спешневой и Николая Серебрякова. Сидим на высоте последнего этажа, а под нами — угол Театральной площади, заснеженный выступ Большого театра. Наполнили бокалы. Набираю по коду Ленинграда номер Боярского. Линия занята. Тогда звоню по «ноль-семь».

Телефонистка (гордо): «Ждите в течение часа».

Я (ей): «Простите, мы не можем ждать. Мы в Москве — Атос, Портос и Арамис, а там, в Питере, — Д' Арта...».

«Ай! Правда?! — теряет девушка остатки гордости. — Давайте ЕГО номер!»

Даю. Сразу получаю голос Ларисы, жены гасконца.

Миша вырвал трубку: «Алло! Привет. Заболел, черт возьми. Высокая, 39 с чем-то. Жалко, не могу».

Я (с бокалом): «Михаил, тут все твои друзья: Алина и Коля, Болон и Дунаевский; Хил

в Одессе, ты в Питере, но водка разлита, и ты слушаешь звон наших стаканов — за тебя и за нас...»

Каждый чокнулся с трубкой—Мишей, а я объявлял, чей это «чок», в конце хотел добавить что-то лирическое, но в трубке раздалось: «Стоп! Я еду! Ждите!»

Далее — сюжет фантастического кино. Миша врет жене, что обязан подъехать к вокзалу — взять посылку от Дунаевского, срочно. «На минутку, и назад». Такси в Пулково, аэропорт, нелетная погода, вьюга. Почтовый самолет. Команда вместо Мурманска рискует лететь в Москву. Москва. Метель. Ни души. Одинокая «Чайка». Спит шофер, с утра встречающий босса из Питера. Миша будит его стуком в окошко. «Чайка» летит к Большому театру. Часа в два ночи гости и хозяйева полуспят после еды, питья и дневной работы. Тихо в доме. Вдруг сквозь двойные рамы окон — песня. Между Большим театром и нашим этажом раздаётся:

Пора-пора-порадуемся на своем веку!..

Морозный воздух, дивная акустика, голошище — не для оперы. Миша принимает стакан водки на душу своего населения. Все счастливы. Занавес...»

В пятницу, 28 декабря, в Ленинграде скончался актер театра и кино Юрий Толубеев. Придя в театр в 1926 году, он в течение последних 37 лет работал на сцене Ленинградского Драматического Театра имени Пушкина. В кино начал сниматься с 1935 года. Широкую известность Толубееву принесли роли в таких фильмах, как «Человек с ружьем» (1938, моряк), «Великий перелом» (1946, генерал-майор Лавров), «Константин Заслонов» (1949, секретарь ЦК КП (б) Белоруссии), «Ревизор» (1952, Городничий), «Дон Кихот» (1957, Санчо Панса), «Гамлет» (1964, Полоний), «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1968, механик Кузьмичев). На момент смерти Ю. Толубееву шел 75-й год.

И еще одна громкая смерть датирована тем же днем 28 декабря. В Москве покончил с собой первый заместитель министра внутренних дел СССР Виктор Папутин. Мы помним, что только за эти девять месяцев из жизни ушли два заместителя Щелокова: Сергей Крылов застрелился, Константин Никитин умер от бо-

лезни. И вот настала очередь Папутина, который избрал путь Крылова.

Вспоминает Ю. Чурбанов: «Виктор Семенович Папутин неожиданно покончил с собой. Помню, я был дома, когда раздался звонок от дежурного по министерству, сообщившего, что Папутин застрелился у себя на квартире. Туда выехал министр, сотрудники Прокуратуры СССР, которые сразу же провели предварительное расследование. Смерть была зафиксирована в его рабочем кабинете, он почему-то находился в верхней зимней одежде, но без головного убора, пуля прошла навывлет, но самое главное — Папутин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Думаю, что причиной этого самоубийства стали: Афганистан, его частые выпивки, прогрессирующая болезнь печени; возможно, были и какие-то житейские неудачи. Щелоков пытался организовать некролог в «Правде», но «Правда» отказалась его печатать из-за факта самоубийства... Похоронили Папутина на Новодевичьем кладбище, ему были отданы все воинские почести, но на митинге выступал, по-моему, только Щелоков, даже из обкома партии никто не приехал. Думаю, все «ориентировались» именно на некролог. Он был как сигнал. Те, кто хоронил Папутина, прекрасно знали, что он крепко пил, что из командировки в Афганистан его привезли в плохом состоянии, что потом он довольно долго находился в больнице с подозрением чуть ли не на болезнь Боткина, причем тогда ходили всякие разговоры, что в алкоголь ему добавляли какой-то яд или очень сильный наркотик, ибо руководство Афганистана, которое уже тогда за спиной Советского Союза все больше сближалось с американцами, не было заинтересовано в той объективной информации, за которой и приехал в Афганистан Папутин...»

А теперь перенесемся в Ставрополь, куда 30 декабря приехали братья Самойленко. Цель у них была одна: на тамошнем вещевом рынке подобрать подарки для своих родных и близких (так, Юрий обещал жене купить ковер «Русская красавица»). Ходили братья по рынку в течение часа, тщательно выбирая покупки. Однако нужного ковра найти никак не могли. Наконец Юрию повезло: в одном из рядов он все-таки разглядел именно такой ковер, о котором мечтала его супруга. Торговал им моло-

дой парень в овчинной шубе. Просил за ковер 700 рублей. Юрий с ходу согласился, поскольку расплачиваться с продавцом собирался не деньгами, а... пулей. Поэтому стал заманивать парня в ловушку: сказал, что ему нужен не один такой ковер, а два. Продавец на наживку клюнул, сообщив, что дома у него имеется еще один такой ковер. «Завтра могу подвезти», — предложил он. Но Самойленко возразил: «Зачем ждать до завтра? Поехали сейчас, машина у меня есть...» (Машина у братьев действительно была: две недели назад они завладели ею, убив ее владельца на безлюдном участке трассы.) Продавец малость подумал, после чего махнул рукой: мол, поехали.

С рынка они выехали вдвоем. Однако, если бы продавец был чуть повнимательнее, он бы сразу заметил, что едва они тронулись, как к ним «приклеился» «жигуленок», в котором сидели двое мужчин. Это были братья Юрия: Дмитрий и Валерий. Какое-то время они следовали за «Нивой» Юрия, после чего сделали рывок и обогнали ее на одном из поворотов. Затем Дмитрий вышел из машины и встал на обочине, изображая из себя голосующего. Подобрал его, естественно, Юрий. Дмитрий сел на заднее сиденье, аккуратно за спиной продавца ковров. И только они тронулись, выстрелил ему в затылок из пистолета. Причем стрелял так аккуратно, чтобы не повредить понравившуюся ему овчинную шубу.

«Нива» доехала до берега канала. Здесь братья обыскали убитого. В кармане шубы нашли 700 рублей наличными (видимо, один ковер парень уже успел кому-то продать) и паспорт. Открыв его, Дмитрий прочел фамилию — Шурин. И засмеялся: «Отродясь не встречал такую смешную фамилию». Затем к ногам несчастного привязали кусок ржавого рельса и сбросили в воду. Это было последнее преступление банды братьев Самойленко в этом году. До поимки бандитов остается чуть меньше двух месяцев.

Утром 31 декабря председатель КГБ Юрий Андропов принял в своем кабинете на Лубянке двух подчиненных: Вадима Кирпиченко и Юрия Дроздова, которые должны были отчитаться об успешном штурме дворца Тадж-Бек и ликвидации Хафизуллы Амина. Отчет был выдержан в самых радужных тонах, чему были свои причи-

ны: как мы знаем, штурм был проведен стремительно, с минимальными потерями среди личного состава спецназа КГБ, Амин уничтожен. Правда, вместе с ним была убита и вся его семья, включая детей, приближенные, а также по ошибке был застрелен один из советских докторов. Но эти потери были отнесены к категории неизбежных. Согласно легенде, в Москву была доставлена и заспиртованная голова Амина и предъявлена Андропову. Шеф КГБ поблагодарил руководителей операции от себя лично и от Политбюро и пообещал обязательно всех наградить. Слово свое он сдержит.

Вечером того же последнего дня 79-го года Владимир Высоцкий должен был ехать на дачу Эдуарда Володарского, чтобы там встретить наступление Нового года. Однако отправив туда Марину Влади раньше себя, он сам отправился навестить свою молодую любовницу Оксану Афанасьеву. Последняя вспоминает:

«Володя заехал ко мне вечером, перед дачей. К Новому году он подарил мне телевизор: этот телевизор уже привезли, поставили, и он у меня работал. Приехал Володя, и я кормила его пельменями. Вид у него был какой-то несчастный, пуговица на рубашке оторвана...»

— Ну, давай я тебе хоть пуговицу пришью...

И вот сижу я, с грустью пришиваю эту пуговицу, — Володя ест пельмени, смотрит телевизор. И вдруг спрашивает:

— Да, кстати, а телевизор ты куда поставила?

— Володя, да ты же его смотришь!

Потом он говорит:

— Может, поедешь со мной?

— Нет уж, Володя, у тебя — своя компания, у меня — своя...

Вот в таком безрадостном настроении он поехал встречать Новый год...»

Соседка Высоцкого по дому № 28 на Малой Грузинской улице Елена Коренева приступила к проводам старого года заблаговременно — около семи часов вечера. К ней в тот час зашла ее бабушка, и они вдвоем просидели за столом почти два часа: пили коньяк и желали здоровья друг другу, а также всем своим родственникам и друзьям. Около девяти они расстались: бабушка уехала к себе, а Коренева отправилась встречать Новый год к своему любимому — французу Уберу, который пригласил к себе всех

своих друзей-соседей. О том торжестве у актрисы остались следующие воспоминания:

«Наконец пришли гости, все уселись за стол, началась долгожданная речь (все еще здравствующего) Леонида Ильича. В этот момент Убер схватил меня за руку и повлек в свой кабинет. Расположившись на столе для осмотра пациентов, мы сначала пригубили шампанского, затем, отставив бокалы в сторону, бросились в объятия друг друга. Его напористое «же тэм» сопровождалось мерным боем часов на Спасской башне. Шаманство любви вступало в единоборство с прочим шаманством... Гости в комнате уже давно звали нас, решив, что мы случайно прозеваем кульминационный момент, но они, конечно, заблуждались. Впрочем, кто-то звал, а кто-то посмеивался. Вернувшись к столу, мы вновь взялись за бокалы... и год начался!..»

Популярный ныне певец Валерий Леонтьев встретил наступление 1980 года в Москве. Он ждал его с особенным волнением, поскольку именно в эту новогоднюю ночь в «Голубом огоньке» он должен был впервые «засветиться» по «ящику» с песней Давида Тухманова «Песня диск-жокея». Артист не знал, что его номер оказался брошенным в корзину безжалостной рукой высокого теленачальника. За несколько часов до наступления Нового года этот телебосс сел смотреть смонтированный «Огонек» и больше всего возмутился номером Леонтьева. «О ком он поет? — всплеснул руками начальник. — Что это за диск-жокей такой? Мы что, лошади? Немедленно убрать!» И песню Леонтьева вырезали. Кстати, единственную в том «Огоньке». Ведущими этого выпуска были популярные дикторы ЦТ: Валентина Леонтьева, Анна Шилова и Игорь Кириллов, а в числе гостей присутствовали: строитель Николай Злобин, шахматист Анатолий Карпов, космонавт Георгий Гречко и другие знатные люди страны. Среди артистов значились: Муслим Магомаев, Олег Попов, Аркадий Райкин, Алла Пугачева, София Ротару, Эдита Пьеха, Нани Брегвадзе, Геннадий Хазанов, рок-группа «Аракс», ансамбль «Апельсин», композитор Раймонд Паулс и др.

Леонтьев о произошедших изменениях ничего не знал, поэтому ждал начала «Огонька» как манны небесной. Он тогда вместе со своим

коллективом жил в гостинице «Бухарест», и в планах музыкантов было встретить Новый год вместе. Но Леонтьев пребывал в таком волнении, что отказался участвовать в общем застолье и закрылся в своем номере, чтобы не дай бог не пропустить свое выступление. Увы, ничего-то он так и не дождался. И был разбит, подавлен, раздавлен. Впрочем, его переживания — это уже история из другого года. А у нас на календаре пока 79-й.

Во второй половине декабря в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю одну — комедию Георгия Даниеля «Осенний марафон», где снялась целая плеяда звезд отечественного кино: Олег Басилашвили, Марина Неелова, Евгений Леонов, Наталья Гундарева, Николай Крючков, Галина Волчек и др.

Кино по ТВ: «Умные вещи» (2-я серия), «Крах инженера Гарина» (4-я серия) (16-го), «Жизнь Бетховена» (преьера т/ф 16-го и 23-го), «Ткачихи» (17-го), «Вкус хлеба» (первые по ТВ 17—18, 20, 22-го), «Синее небо» (18-го), «Фуэнте Овехуна» (21-го), «Иркутская история» (22-го), «Звон уходящего лета» (22—23-го), «12 месяцев» (1-я серия), «Здравствуй, цирк!» (преьера т/ф 23-го), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (с субтитрами), «Странные взрослые» (24-го), «Десятый шаг» (25-го), «Д'Артаньян и три мушкетера» (преьера т/ф 26—27-го), «Приехали на конкурс повара» (преьера т/ф 27-го), «Веселые ребята», «Цирк зажигает огни» (29-го), «12 месяцев» (2-я серия), «Белое солнце пустыни» (30-го), «Стратегия риска» (30—31-го), «Завтрак на траве» (1-я серия), «Бабушки надвое сказали» (преьера т/ф), «Ритмы джаза» (преьера т/ф), «Семья как семья» (31-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 19-го в Ленкоме был показан спектакль «Жестокие игры» с участием Татьяны Догилевой, Александра Абдулова, Николая Караченцова и др.; 26-го в Большом театре — «Бал-маскарад»; 27-го в Театре имени Ермоловой — «Утиная охота» с участием Владимира Андреева, Евгении Ураловой и др.

Эстрадные представления: 15—16-го в ГТЭ прошли концерты с участием Иосифа Кобзона, Владимира Винокура, Валерия Конова, ВИА «Поют гитары» и др.; 17—18, 20—21-го в

ГЦКЗ «Россия» выступала Анна Герман; 17, 21-го — в ГТЭ читал стихи и прозу Сергей Юрский; 22—23-го — в ЦДСА пели Геннадий Белов и Мария Кодряну; 25—28-го в ЦДКЖ выступала эстрадная семья певцов Суржиковых: Иван, Елизавета и Екатерина; 29—30-го — во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты с участием Жанны Бичевской, Евгения Петросяна, Марии Лукач, ВИА «Синяя птица» и др.; 30-го в ГЦКЗ услаждала публику своим талантом Людмила Зыкина.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю диск-гигант ВИА «Песняры», на котором звучала поэма-легенда «Гусляр»; диск-гигант Дайаны Росс (США); миньон «Песни на стихи Анатолия Поперечного» с песнями: «А мне покоя нет» (композитор — А. Мажуков) — Ольга Зарубина, «Это жизнь» (А. Мажуков) — ВИА «Музыка», «Реченька» (Э. Ханок); миньон «Песни А. Экимяна» с песнями: «Снегопад» (слова — А. Рустайкис) — Нани Брегвадзе, «Счастливая песня» (М. Рябинин) — София Ротару, «Бессердечная» (М. Рябинин) — Вахтанг Кикабидзе, «А с чем сравнить любовь» (М. Рябинин) — София Ротару).

В журнале «Кругозор» (№ 12) выделю следующие пластинки: Алла Пугачева — «Звездное лето» (А. Пугачева — И. Резник); ансамбль «Апельсин» (Таллин) — «Последний паровоз», «Эдисон»; ансамбль «Спэйс» (Франция) — «Подари мне любовь», «Голубое мгновение».

ХИТ-ПАРАД-79

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Женщина, которая поет» («Мосфильм», режиссер Александр Орлов, в ролях Алла Пугачева, Александр Хочинский, Николай Волков и др., премьера — 5 марта) — 54,9 млн. зрителей;
- «Баламут» (К/ст имени Горького, реж. Владимир Роговой, в ролях Вадим Андреев, Наталья Казначеева, Николай Денисов и др., премьера — 17 сентября) — 39,3 млн.;
- «Поговорим, брат...» («Мосфильм», реж. Юрий Чулюкин, в ролях Юрий Григорьев, Александр Голобородько, Ирина Малышева и др., премьера — 29 августа) — 32,8 млн.;
- «Версия полковника Зорина» («Мосфильм», реж. Андрей Ладынин, в ролях Всеволод Санаев,

Борис Иванов, Владимир Тихонов и др., премьера — 30 июля) — 23,7 млн.;

«Вас ожидает гражданка Никанорова» («Мосфильм», реж. Леонид Марягин, в ролях Наталья Гундарева, Борислав Брондуков, Евгений Киндинов и др., премьера — 15 января) — 22,5 млн.;

«Емельян Пугачев» («Мосфильм», реж. Алексей Салтыков, в ролях Евгений Матвеев, Вия Артмане, Тамара Семина и др., премьера — 17 марта) — 19,6 млн.;

«Школьный вальс» (К/ст имени Горького, реж. Павел Любимов, в ролях Елена Цыплакова, Евгения Симонова, Сергей Насибов и др., премьера — 27 января) — 19,4 млн.;

«Новые приключения капитана Врунгеля» (К/ст имени Горького, реж. Геннадий Васильев, в ролях Михаил Пуговкин, Зураб Капианидзе, Савелий Крамаров и др., премьера — 27 августа) — 19,3 млн.;

«Бархатный сезон» («Мосфильм», реж. Владимир Павлович, в ролях Юозас Будрайтис, Татьяна Сидоренко, Александр Лазарев и др., премьера — 9 февраля) — 19,2 млн.;

«Шла собака по роялю» (К/ст имени Горького, реж. Владимир Грамматиков, в ролях Алена Кищик, Александр Фомин, Леонид Куравлев и др., премьера — 3 сентября) — 15,7 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

По итогам опроса, проведенного журналом «Советский экран» среди читателей (22 000 писем), были получены следующие результаты:

Лучшие фильмы: 1. «Молодая жена» (57,3% читателей назвали его отличным, 7,1% — посредственным). 2. «Поговорим, брат...» (56,4% — 8,3%). 3. «Старомодная комедия» (52,5% — 10,6%). 4. «Последний шанс» (48,3% — 9,4%). 5. «Пять вечеров» (58,2% — 12,4%). 6. «Баламут» (46,5% — 13,9%). 7. «Вкус хлеба» (44,1% — 11,4%). 8. «Кентавры» (45,1% — 11,2%). 9. «Когда я стану великаном» (44,1% — 13,7%). 10. «Четвертая высота» (37,3% — 11,2%).

Худшие фильмы отечественного производства: «Здравствуй, река!» (41,5% назвали его посредственным, 34,2% — хорошим), «Ученик эскулапа» (41,4% — 31,0%), «Городок Анара» (41,1% — 32,2%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Большое путешествие Болека и Лелека» (Польша), «Черный алмаз» (Венгрия), «День для моей любви» (ЧССР), «Пора любви и надежд» (ЧССР), «Освобождение Праги» (ЧССР).

Лучшие фильмы других стран: «Каскадеры» (США), «Блеф» (Италия), «Не упускай из виду!» (Франция—ФРГ), «Принцы-лебеди» (Япония), «Смерть негодяя» (Франция).

Лучшие актрисы: 1. Алла Пугачева (роль Анны Стрельцовой в фильме «Женщина, которая поет», который не вошел даже в десятку лучших «СЭ») — 14,3% голосов; 2. Анна Каменкова (роль Мани в фильме «Молодая жена») — 12,5% голосов.

Лучшие актеры: 1. Станислав Любшин (Ильин в фильме «Пять вечеров») — 12,8% голосов; 2. Сергей Шакуров (Сечкин в фильме «Вкус хлеба») — 9,8% голосов.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Синьор Робинзон» (Италия) — премьера 29 января;

«Легенда о динозавре» (Япония) — 19 февраля;

«Блеф» (Италия) — 21 мая;

«Месть и закон» (Индия) — 11 июня;

«Клеопатра» (США) — 14 мая;

«Человек в железной маске» (Франция) — 21 мая;

«Каскадеры» (США) — 8 октября;

«Горбун» (Франция) — 4 июня;

«Следователь по прозвищу «Шериф» (Франция) — 13 января;

«Вендетта по-корсикански» (Италия) — 12 февраля;

«Леди Каролина Лэм» (Англия) — 19 марта;

«Капитан» (Франция) — 26 марта;

«Жестокое лицо Нью-Йорка» (США) — 2 апреля;

«Последний поцелуй» (Франция) — 11 июня.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

«Обыкновенное чудо» (т/ф) — премьера 1 января;

«Скиппи» (Австралия) — 2—6 января;

«Театр Аллы Пугачевой» (т/ф) — 6 января;

«Расмус-бродяга» (т/ф) — 8—9-го января;

«Джульетта живет рядом» (т/ф) — 13 января;

«Двенадцатая ночь» (т/сп) — 15 января;

«Проводы» (т/ф) — 18—19-го;

«Доверие» — впервые по ТВ 21 января;

«Гори, чтобы светить» (Болгария, т/ф) — 23—26, 29-го;

«День первый, день последний» (т/ф) — 6 февраля;

«Безымянная звезда» (т/ф) — 17 февраля;

«Москва. Чистые пруды» (т/ф) — 21 февраля;

«Вижу цель!» (т/ф) — 22 февраля;

«Они сражались за Родину» — впервые по ТВ 23 февраля;

«Активная зона» (т/ф) — 28 февраля;
 «Огненные дороги» (т/ф) — 5—7 марта;
 «Семейный альбом» (т/ф) — 13 марта;
 «Целина — судьба моя» (д/ф) — 14 марта;
 «Жан-Кристоф» (Франция, т/ф) — 19—23 марта;
 «Каникулы» (Польша, т/ф) — 26—29 марта;
 «Театр» (т/ф) — 31 марта;
 «Большое космическое путешествие» — впервые по ТВ 7 апреля;
 «Так начиналась легенда» — впервые по ТВ 14 апреля;
 «Однофамилец» (т/ф) — 17—18 апреля;
 «Поздняя встреча» (т/ф) — 24 апреля;
 «Малая земля» (д/ф) — 30 апреля — 3 мая;
 «Романс о влюбленных» — впервые по ТВ 2 мая;
 «Трое в лодке, не считая собаки» (т/ф) — 4 мая;
 «Великая Отечественная» (д/ф) — 9, 15, 22, 29 мая, 1, 5, 8, 12, 15, 19, 26, 29 июня, 3, 6, 10, 13 июля;
 «Мой генерал» (т/ф) — 9 мая;
 «Тайна партизанской землянки» — впервые по ТВ 12 мая;
 «Фотографии на стене» (т/ф) — 16—17 мая;
 «Габи» (Венгрия, т/ф) — 3 июня;
 «Снег в трауре» (т/ф) — 9 июня;
 «Ты, я и Берлин» (ГДР, т/ф) — 16 июня;
 «Пробуждение» (Индия) — впервые по ТВ 28 июня;
 «Осенняя история» (т/ф) — 30 июня — 1 июля;
 «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (США) — впервые по ТВ 7 июля;
 «Ярость» (т/сп) — 18—20 июля;
 «Рассказ о печальной судьбе Керри» (т/ф) — 28 июля;
 «Соль земли» (т/ф) — 8—10, 13—14, 16—17 августа;
 «Стакан воды» (т/ф) — 25 августа;
 «Пастухи Тушетии» (т/ф) — 27, 29, 31 августа;
 «На таежных ветрах» (т/ф) — 1—2 сентября;
 «За все в ответе» (т/ф) — 6—7 сентября;
 «Инспектор Гул» (т/ф) — 13—14 сентября;
 «В поисках истины» (т/ф) — 17—21 сентября;
 «Докер» — впервые по ТВ 26 сентября;
 «Короли и капуста» (т/ф) — 29 сентября;
 «Бриллианты для диктатуры пролетариата» — впервые по ТВ 7 октября;
 «Возрождение» (д/ф) — 8—12 октября;
 «Любовь и королева» (т/ф) — 13 октября;
 «Прошу слова» — впервые по ТВ 18 октября;
 «Следствие ведут знатоки», Дело № 14 «Подпасок с огурцом» — 19 октября;
 «В компании Макса Линдера» (Франция) — впервые по ТВ 20 октября;

«Время выбрало нас» (т/ф) — 22—23, 25—26-го октября;
 «Нора» (т/ф) — 27 октября;
 «Лобо» (т/ф) — 28 октября;
 «Необыкновенное лето» (т/ф) — 29, 31 октября, 1—2 ноября;
 «Бегство мистера Мак-Кинли» — впервые по ТВ 8 ноября;
 «На старт приглашаются» (д/ф) — 8 ноября;
 «Любовь, пожар и помпiero...» (т/ф) — 10 ноября;
 «Место встречи изменить нельзя» (т/ф) — 11, 13—16 ноября;
 «Цезарь и Клеопатра» (т/сп) — 17 ноября;
 «Осторожно, ремонт!» (т/сп) — 19 ноября;
 «Убийство Гарсиа Лорки» (т/ф) — 21—21 ноября;
 «Подпольный обком действует» (т/ф) — 26—28, 30 ноября;
 «Камертон» (т/ф) — 4—5 декабря;
 «Тень» — впервые по ТВ 9 декабря;
 «Брак по-имеретински» (т/ф) — 13—14 декабря;
 «Жизнь Бетховена» (т/ф) — 16, 23 декабря;
 «Вкус хлеба» — впервые по ТВ 17—18, 20, 22 декабря;
 «Здравствуй, цирк!» (т/ф) — 23 декабря;
 «Д'Артаньян и три мушкетера» (т/ф) — 25—27 декабря;
 «Бабушки надвое сказали» (т/ф) — 31 декабря;
 «Ритмы джаза» (т/ф) — 31 декабря.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов

С. Антонов — «Избранное» в 2 томах;
 Э. Асадов — «Компас счастья» (стихи);
 З. Богуславская — «Защита» (рассказы, повести, роман);
 А. Вознесенский — «Избранная лирика»;
 Э. Володарский — «Сержант, мой выстрел первый» (театральная повесть);
 Е. Воробьев — «Охота к перемене мест» (роман);
 С. Высоцкий — «Крутой поворот» (повесть);
 Г. Голубев — «Великий сеятель: Николай Вавилов» (роман);
 Г. Горин — «Феномены» (комедия);
 Е. Евтушенко — «Тяжелая земля: стихи о Грузии»;
 М. Жванецкий — «Время больших перемещений»;
 Л. Жуховицкий — «Я ищу друга» (очерки);
 Л. Зорин — «Покровские ворота» (сборник пьес);
 А. Иванов — «Пегас — не роскошь» (литературные пародии);
 Ф. Искандер — «Под сенью грецкого ореха» (повести);
 В. Каверин — «Двухчасовая прогулка» (роман и повести);

- С. Михалков** — «Настоящие друзья» (стихи); «Театр для взрослых»;
- Ю. Нагибин** — «Заброшенная дорога»; «Замолчавшая весна» (рассказы);
- Б. Окуджава** — «Путешествие дилетантов» (роман); «Избранная проза»;
- Л. Измайлов, В. Чудодеев** — «Детектив на перекрестке» (пьеса);
- Э. Радзинский** — «Продолжение Дон Жуана: гротеск»;
- Р. Рождественский** — «210 шагов» (поэма); «Избранное» в 2 томах;
- А. Рыбаков** — «Тяжелый песок» (роман);
- Э. Рязанов, Э. Брагинский** — «Смешные невеселые истории»;
- Ю. Семенов** — «ТАСС уполномочен заявить...»; «Противостояние»; «Горение» (романы);
- Э. Успенский** — «Талисман»;
- Д. Холендро** — «Яблоки 41-го года» (повесть);
- А. Чаковский** — «Победа» (роман);
- Н. Эйдельман** — «Пушкин и декабристы» (исследование).

Переводная литература (детективы)

- П. Аддамс** — «Загадка замка Карентин» (роман) — «Искатель» №№ 1—2;
- А. Беркеш** — «Уже пропели петухи» (повести);
- Л. Бодуэн** — «На гонках в Ле-Мане» (повесть);
- Р. Валле** — «Прощай, полицейский!» (роман) — «Искатель» №№ 4—5;
- Э. Гарве** — «Лжегерой Леанды» (повесть) — «Памир» №№ 1—4;
- П. Гейцман** — «Тайна Лихтенштейнского банка» (роман) — «Урал» №№ 5—8;
- Данг Тхинь** — «X-30 рвет паутину» (роман);
- Б. Збышевский** — «Преследуемый самим собой» (повесть) — «Север» №№ 3—5;
- А. Кристи** — «Критский бык», «Стимфалийские птицы» (рассказы) — «Сибирь» № 5;
- Э. Куин** — «Загадка больничных тувель» (повесть) — «Молодая гвардия» №№ 5—7;
- А. Левин** — «Респектабельный жених» (повесть) — «Студенческий меридиан» №№ 7—9;
- Б. Маг** — «Записки следователя из Будапешта» (повесть);
- А. Омелянович** — «В Беловежской пуще» (повесть, рассказы);
- И. Радичков** — «И все и никто» (повесть) — «Аврора» №№ 10—11;
- Э. Роуз** — «Принц Центрального парка» (роман) — «Сибирские огни» №№ 11—12;
- З. Сафьян** — «Ничейная земля» (роман);
- Ж. Сименон** — «Мегрэ ошибается» (повесть) — «Волга» №№ 7—9;
- Р. Стаут** — «Усопший Цезарь» (повесть) — «Звезда Востока» №№ 2—4;
- Д. Тэй** — «Дело о похищении Бетти Кейн» (роман);
- А. Уиннингтон** — «Остановка: Берлин» (роман);
- И. Уоллас** — «Документ «Р»» (роман) — «Вокруг света» №№ 4—12;
- Г. Шпрингер** — «На прекрасном голубом Дунае» (роман) — «Искатель» №№ 1—2;
- «Зарубежный детектив» (№ 10):** Ж. Дамдиндорж «Тайна субургана»; Л. Ногерас «И если я умру завтра»; С. Мацумото «Среда обитания»;
- «Современный болгарский детектив»** — П. Вежинов «Добровольное признание»; А. Гуляшки «Последнее приключение Аввакума Захова»; Б. Райнов «Тайфуны с ласковыми именами»;
- «Современный японский детектив»** — Э. Рампо «Чудовище во мраке»; С. Мацумото «Земля — пустыня»; С. Моримура «Плюшевый медвежонок»;
- «Подвиг» (т.3)** — Б. Райнов «Тайфуны с ласковыми именами»; Д. Хэммет «Стеклянный ключ».

Шлягеры года (отечественные)

- «Ищу тебя»** (А. Зацепин — Л. Дербенев), из т/ф «31 июня» — Татьяна Анциферова, январь;
- «Мир без любимого»** (А. Зацепин — Л. Дербенев), из т/ф «31 июня», Татьяна Анциферова, январь;
- «Звездное лето»** (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева, февраль;
- «Так не должно быть»** (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Михаил Боярский и Ольга Зарубина, февраль;
- «Если долго мучиться»** (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Повар и певица» — Алла Пугачева, март;
- «Бармалей»** (А. Зацепин — Ю. Энтин), из х/ф «Повар и певица» — Михаил Боярский, март;
- «Мы с тобой танцуем»** (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Игорь Иванов, март;
- «Лето, лето, лето»** (Ю. Маликов, В. Пресняков — Б. Евгенийев) — «Самоцветы», апрель;
- «Будьте счастливы»** (В. Добрынин — М. Рябинин) — «Самоцветы», апрель;
- «Пропала собака»** (В. Шаинский — А. Ламм) — Лена Могучева, апрель;
- «Дадим шар земной детям»** (Д. Тухманов — Н. Хикмет, М. Павлов) — София Ротару, апрель;

«Подберу музыку» (Р. Паулс — А. Вознесенский) — Яак Йола, май;
 «Шире круг» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», май;
 «Есть на Севере хороший городок» (Т. Хренников — В. Гусев) — «Лейся, песня», май;
 «Девушка из Полесья» (О. Иванов — А. Поперечный) — «Сябры», май;
 «А мне покоя нет» (А. Мажуков — А. Поперечный) — Ольга Зарубина, май;
 «Все может молодость» (А. Зацепин — Л. Дербенев) — «Аракс», май;
 «Никогда не пойму» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Лейся, песня», май;
 «Взлети над суетой» (А. Пугачева — И. Резник) — Алла Пугачева;
 «Летние дожди» (М. Минков — С. Кирсанов) — Алла Пугачева, июнь;
 «Хочешь, я стану дождиком» (Т. Ефимов — А. Каминский) — «Синяя птица», июнь;
 «Олимпиада-80» (Д. Тухманов — Р. Рождественский) — Тынис Мяги, июнь;
 «Золотая лестница» (Ю. Антонов — М. Виккерс) — Юрий Антонов и «Аракс», июнь;
 «Зеркало» (Ю. Антонов — Л. Ошанин) — Юрий Антонов и «Аракс», июнь;
 «Тебе» (Ю. Антонов — М. Танич) — Юрий Антонов и «Аракс», июнь;
 «Анастасия» (Ю. Антонов — Л. Фадеев) — Юрий Антонов и «Аракс», июнь;
 «Кто виноват» (А. Романов) — «Воскресение», июнь;
 «Снежная баба» (А. Романов) — «Воскресение», июнь;
 «Случилось что-то в городе моем» (А. Романов) — «Воскресение, июнь»;
 «Я привык бродить один...» (А. Романов) — «Воскресение», июнь;
 «Проводы любви» (Г. Мовсесян — М. Танич) — Вахтанг Кикабидзе, июнь;
 «Если нет тебя» (С. Намин — В. Харитонов) — группа Стаса Намина, июль;
 «Еще не поздно» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Яак Йола, июль;
 «Поворот» (А. Кутиков — А. Макаревич) — «Машина времени», июль;
 «Право» (А. Макаревич) — «Машина времени», июль;
 «Свеча» (А. Макаревич) — «Машина времени», июль;
 «Будет день» (А. Макаревич) — «Машина времени», июль;
 «Кого ты хотел удивить?» (А. Макаревич) — «Машина времени», июль;

«Красный конь» (М. Фрадкин — М. Пляцковский) — Валентин Дьяконов, август;
 «Летний вечер» (С. Намин — В. Харитонов) — группа Стаса Намина, август;
 «Ой, дождик идет» (белорусская нар. песня) — «Песняры», сентябрь.

Песни Владимира Высоцкого

«Лекция о международном положении»;
 «Москва—Одесса: десять лет спустя».

Шлягеры года (зарубежные)

«Confusion», «Need her Love», «Don't bring me down», «Midnight blue», «Wishing» — «Электрик Лайт Оркестра» («ЭЛО»), январь;
 «I was made for lovin you» — «Кисс», январь;
 «Tragedy», «To much heaven», «Love you insid out», «Reaching out», «Search, find», «Stop (Think Again)» — «Би Джиз», февраль;
 «Love comes to everyone», «Blow away», «Faster» — Джордж Харрисон, февраль;
 «The logical song», «Goodbye Strenger», «Breakfast in America», «Take the Long way Home» — «Супертрэмп», март;
 «Kisses of Fire» — «АББА», май;
 «Hot Stuff», «Bad girls» — Донна Саммер, май;
 «Reception», «Rockestra theme» — Пол Маккартни и «Уингз», июнь;
 «Fool on the Rain» — «Лед Зеппелин», август;
 «The Long Run», «I can't tell you why», «King of Hollywood», «Those shoes», «The sad cafe» — «Иглз», сентябрь;
 «Living on an Island» — «Статус Кво», октябрь;
 «Another Brick in the Wall» — «Пинк Флойд», декабрь;
 «The other Side of the Road», «San Francisco bay», «Bahy, it's up to you» — «Смоки»;
 «She's in Love with you», «Mama's boy» — Сюзи Кватро;
 «Bahama mama», «Calendar song», «Gotta go Home», «Still i'm Sad El lute» — «Бони М»;
 «Moscow», «Rocking son of Dschinghis khan», «Israel, Israel», «Sahara» — «Чингиз хан»;
 «D. I. S. C. O» — «Оттаван»,
 «Ay ay Sailor», «For you», «Body-talk», «Roses in the Show» — «Баккара»;
 «Now», «Lose my man», «Jump down» — «Билл Эпок»;
 «Sunshine of your Love», «Sacrifice», «Layla» — «Чилли»;
 «High Energy», «Tune it up», «Disco Rolier» — «Ла Бионда»;
 «Go West», «In the Navy» — «Виллидж Пипл».

Преступность в СССР в 1979 году

Общее количество преступлений — 1 432 689 (в 1978-м — 1 308 466):	убийство матерью новорожденного — 416 (в 1978-м — 328);
умышленные убийства — 20 862 (в 1978-м — 20 385);	посягательства на милиционеров — 351 (в 1978-м — 368);
покушения на убийства — 4272 (в 1978-м — 4145);	изнасилования — 18 965 (в 1978-м — 18 495);
убийства с разбоем — 375 (в 1978-м — 323);	грабежи — 50 050 (в 1978-м — 44 878);
убийства с изнасилованием — 318 (в 1978-м — 345);	разбои — 13 455 (в 1978-м — 12 698);
убийства с хулиганством — 2 660 (в 1978-м — 2114);	хулиганство — 178 554 (в 1978-м — 159 424);
убийства из-за ревности и ссор — 14 409 (в 1978-м — 12 400);	умышленные телесные повреждения — 45 896 (в 1978-м — 45 015);
	преступления в армии — 20 399 (в 1978-м — 18 150);
	взятничество — 5291 (в 1978-м — 4501).

**АВТОР ВЫРАЖАЕТ СВОЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМ КОЛЛЕГАМ-ЖУРНАЛИСТАМ,
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ БРАВШИМ ИНТЕРВЬЮ У ГЕРОЕВ ЭТОЙ КНИГИ И ПИСАВШИМ О НИХ.
В ИХ ЧИСЛЕ:**

С. Аверкин, Е. Додолев, Б. Соколов, С. Толкачев, М. Бессчастных, С. Турунов, В. Дворцов, Е. Левина, А. Амелькина, Л. Безрукова, Н. Соколова, Е. Генделах, Н. Ткач-Ткачева, Ф. Кузнецов, В. Терехина, А. Минин, М. Червонный, И. Иванов, М. Озеров, Е. Попов, В. Поголяев, М. Любимов, А. Докучаев, А. Юркин, М. Волкова, И. Седенкова, В. Березин, О. Жиркова, С. Турченко, И. Емельянов, Л. Симакова, Н. Мокрищев, Т. Молодой, Л. Колосов, В. Каркавцев, В. Бродский, Л. Сидоровский, А. Меркулов, С. Линков, В. Баша, А. Трушин, О. Лунькова, И. Брайнин, С. Емельянов, Е. Ланкина, Ю. Щекочихин, О. Богданова, А. Терехов, Т. Диденко, А. Фуртичева, Т. Немойкина, Г. Киселева, К. Маркарян, Р. Коваленко, Е. Левина, Г. Бородин, В. Алексеев, Е. Светлова, Р. Валитов, В. Бабенков, С. Ионес, Н. Калугина, С. Комаров, А. Бернштейн, И. Лыкова, И. Мастыкина, В. Владимиров, О. Ермолина, Е. Скворцова-Ардабатовская, Ж. Сабельфельд, Ю. Юрис, Т. Белоусова, Е. Черных, С. Кашурко, Г. Тельнов, А. Плешакова, Т. Петрова, В. Громов, А. Бинев, И. Шкарникова, Е. Кретова, В. Громак, Л. Вирина, В. Титов, И. Зорина, Г. Гогоберидзе, Л. Диккуль, М. Тульская, Н. Журавлева, Г. Зотов, Ф. Медведев, О. Ждан, С. Жданов, С. Глебов, В. Снегирев, А. Ванденко, Е. Колядина, Н. Жаркова, Т. Федоткина, Г. Резанов, Т. Хорошилова, Р. Игнатъев, С. Копылов, А. Киви, М. Денисова, О. Мусафирова, Н. Ртищева,

В. Прокофьев, И. Шевелев, К. Толкачев, Я. Могутин, О. Вандышева, А. Хинштейн, В. Шумский, И. Полуяновская, С. Копылов, Ю. Рост, П. Черняев, О. Белан, М. Косых, А. Мешков, Ю. Оводов, Т. Петренко, И. Репин, Б. Валиев, В. Мелик-Карамов, Д. Мельман, А. Геня, И. Логвинов, Е. Маетная, М. Дементьева, С. Кузина, Ю. Смирнова, А. Моисеенко, М. Токарева, С. Степанов, Ю. Леканов, И. Барышева, И. Лешинска, В. Котыхов, У. Тиронс, Л. Кудряшова, П. Гресь, В. Сычевский, Э. Попов, А. Крюкова, Е. Романенкова, Б. Бондаренко, Р. Игнатъев, Т. Алексеева, Г. Воротникова, Г. Ядровский, Т. Максимова, В. Литовкин, О. Кедров, Я. Юферова, В. Климашевский, В. Коваленко, А. Гудкова, А. Новиков, Ю. Жбанова, Е. Кончин, В. Шелепов, А. Иванов, О. Блоцкий, М. Корец, В. Крест, Ф. Юров, Т. Филиппова, Л. Денисенко, Ю. Луговой, Б. Ступак, И. Елков, В. Титаренко, Ю. Абрамов, А. Белов, Д. Бубякин, А. Касьяникова, М. Петрушко, Б. Руденко, М. Антонов, Е. Романенкова, Т. Алексеева, А. Филиппов, В. Галантер, А. Негру, З. Лобанова, В. Князев, О. Одноколенко, Н. Полуяновская, М. Сердюков, Е. Борисова, С. Сапожников, С. Соколов, А. Никольская, А. Кравченко, И. Шевченко, А. Баташев, П. Ильяшенко, Б. Михайлов, И. Барышева, Б. Войцеховский, Д. Горбунцов, Л. Волкова, С. Плужников, А. Шведов, Е. Иванкова, К. Прянный, А. Магомадова, А. Кербич, Б. Триль, И. Мартынов.

В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

газеты: «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Московские ведомости», «Аргументы и факты», «Советская культура», «Культура», «Совершенно секретно», «Вечерняя Москва», «Очная ставка», «Неделя», «Известия», «Российская газета», «Труд», «Собеседник», «Настоящее время», «Красная звезда», «Ветеран», «Экспресс-газета», «Общая газета», «Литературная газета», «Правда», «Сегодня», «Уральский рабочий». «Трибуна», «Советский спорт», «Высоцкий: Время. Наследие. Судьба», «Спорт-экспресс», «Коммерсантъ», «Декамерон», «Семья», «Футбол-ревью»;

журналы: «Искусство кино», «Крокодил», «Юность», «Огонек», «Вагант», «Люди», «7 дней», «МК бульвар», «Русское богатство», «Новое время», «Вне закона», «Бизнес матч», «Цветной телевизор»;

книги: В. Золотухин «Дребезги», Д. Карапетян «Владимир Высоцкий. Между словом и славой», Т. Егорова «Миронов и я», сборник «Л. Брежнев. Материалы к биографии», А. Кондратович «Последний год», «Письма к другу», Переписка Д. Шостаковича и И. Гликмана, М. Геллер «Российские заметки. 1969—1979», С. Громов «Записки «важняка», «Несколько дней из жизни следователя» (сборник), А. Макаревич «Все очень просто» и «Сам овца», В. Некрасов «13 железных наркомов», О. Калугин «Прощай, Лубянка!», В. Буковский «Московский процесс», Р. Медведев «Андропов», В. Третьяк «Хоккейная эпопея», О. Спасский «Валерий Харламов», сборник «Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути», Т. Тарасова «Четыре времени года», А. Чайковский «Люди мила Пахомова и Александр Горшков», В. Фомин «Кино и власть», В. Федорова «Дочь адмирала», Е. Чазов «Здоровье и власть», Л. Колосов «Собкор КГБ. Записки разведчика и журналиста», В. Катанян «Лоскутное одеяло», Ю. Нагибин «Дневник», В. Коробов «Шукшин», В. Белов, А. Заболоцкий «Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром», «Г. Козинцев. Переписка», Н. Добруха «Рок из первых рук», С. Лунгин «Виденное наяву», Г. Попов «Город XXII Олимпиады», С. Хрущев «Пенсионер союзного значения», Р. Карцев «Малой, Сухой и Писатель», Г. Бурков «Хроника сердца», Б. Пирогов «Футбол. Хроника. Собы-

тия. Факты», Б. Савченко «Лариса Мондрус», Н. Коняев «Николай Рубцов: Вологодская трагедия», К. Лучко «Виновата ли я?», Ю. Нагибин «Моя золотая теща», В. Шиловский «Две жизни», «Закливание добра и зла. Воспоминания об А. Галиче», М. Таривердиев «Я просто живу», А. Беляков «Алла, Аллочка, Алла Борисовна», А. Михалков-Кончаловский «Возвышающийся обман», Г. Козинцев «Черное, лихое время...», Р. Медведев «Личность и эпоха. Политический портрет Л. Брежнева», И. Роговой «О Владимире Высоцком», В. Суворов «Аквариум», И. Родионова «Олег Табаков. Парадокс об актере», А. Смелянский «Предлагаемые обстоятельства», А. Елисеев «Жизнь — капля в море», А. Гуров «Красная мафия», Н. Полянский «МИД. 12 лет на дипломатической службе», Е. Петросян «Хочу в артисты!», М. Шуфутинский «И вот стою я у черты...», Б. Вайль «Особо опасный», Н. Космин «Кто убил чемпиона?», Г. Вишневская «Галина», Д. Волкогонов «Ленин. Политический портрет», Ю. Мартынов «Лебединая верность Евгения Мартынова», «Мой режиссер Ромм. Воспоминания о режиссере», Н. Берновская «Бабанова: «Примите просьбу о помиловании...», «Экран и жизнь. Воспоминания о В. Шукшине», Б. Бабочкин «Воспоминания. Дневники. Письма», А. Нилин «Век футбола», М. Влади «Прерванный полет», сборник «Старатель. Еще о Высоцком», Ф. Найтли «Ким Филби — супершпион КГБ», «Записки криминалистов» (сборник), Э. Стрельцов «Вижу поле...», О. Талькова «Я воскресну и спою...», «Уголовного розыска воин» (сборник), Ю. Чурбанов «Я расскажу все, как было...», В. Астафьев «Затеси», В. Кеворков «Тайный канал», В. Винокур «Артист — это навсегда!», П. Мошенцова «Тайны кремлевской больницы», М. Горбачев «Жизнь и реформы», И. Карпец «Сыск», «Премьер известный и неизвестный. Воспоминания об А. Н. Косыгине», Н. Аринбасарова «Лунные дороги», В. Хотулев «Клавдия Шульженко», «Виктор Чистяков — гений пародии» (сборник), Н. Пушнова «Андрей Миронов», М. Шабров «Вячеслав Добрынин. Доктор Шлягер», «Лев Яшин в воспоминаниях современников», Н. Озеров «Всю жизнь за синей птицей», А. Козлов «Козел на саксе», В. Котеночкин «Ну, Котеночкин, погоди!», Л. Зыкина «На пе-

рекрестке встреч», А. Щеглов «Раневская. Фрагменты жизни», Э. Тополь «Мое кино», «Московский уголовный розыск» (сборник), Ю. Федосеев «Записки начальника МУРа», Л. Гурченко «Аплодисменты», П. Смирнов «За пять лет», А. Злобин «Дневник», Б. Криштул, В. Артемов «В титрах последний», Б. Савченко «Кумиры российской эстрады», Г. Юнгвальд-Хилькевич «За кадром», Ю. Соломин «От Адьютанта до Его Превосходительства», М. Докучаев «Москва. Кремль. Охрана», Э. Тополь, А. Стефанович «Я хочу твою девушку», М. Плисецкая «Я, Майя Плисецкая», А. Первалова «Ирина Понаровская», О. Аросева, В. Максимова «Без грима», В. Первозчиков «Живая жизнь. Штрихи к портрету В. Высоцкого», «Владимир Высоцкий. Белорусские страницы» (сборник), О. Непомнящий «Однажды наступит завтра», А. Чаковский «Время действия», Э. и Э. Жуковы «Маршал Победы. Вспоминая ■ размышляя...», А. Майданов «Прямо по курсу — смерть», О. Борисов «Без знаков препина-

ния», «Погружение в трясину» (сборник), Е. Коренева «Идиотка», «17 интервью» (сборник), Е. Проклова «В роли себя самой», В. Корчной «Антишахматы», В. Медведев «Человек за спиной», А. Драгунская «О Викторе Драгунском», Л. Лещенко «Апология памяти», С. Лауден «Красные бриллианты для Галины», В. Крючков «Личное дело», «Слово пробивает себе дорогу». Сборник статей об А. И. Солженицыне, С. Капков «Эти разные, разные лица», В. Титаренко «Место встречи изменить нельзя» (рукопись), Б. Базунов «Сенсации и скандалы спортивного века», Г. Чухрай «Мое кино», А. Рудаков «Слава Япончик», «Писатели Москвы» (справочник), «Каталог грампластинок фирмы «Мелодия».

Отдельная благодарность работникам архива «Мосфильма», РГАЛИ, Телерадиофонда, Центрального музея МВД РФ, фирмы «Мелодия», предоставившим автору материалы для этой книги.

Раззаков Федор Ибатович

**ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН
1975—1979 гг.**

Ответственный редактор *С Рубис*
Редакторы *А Мысловский, Г Амелин, А Нехорошев,*
В Алексеев, С Булатов
Художественный редактор *А Сауков*
Технический редактор *Н Носова*
Компьютерная верстка *Т Комарова*
Корректор *М Суховицкая*

В оформлении переплета использована фотоинформация РИА «Новости»
и информационного центра «Мосфильм-Инфо»

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул Клары Цеткин, д 18, корп 5 Тел 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книж»:
109472, Москва, ул Академика Скрябина, д 21, этаж 2
Тел /факс (095) 378-84 74, 378 82 61, 745-89-16, многоканальный тел 411-50-74
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книж»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д 12/1 Тел /факс (095) 411-50-76
127254, Москва, ул Добролюбова, д 2 Тел (095) 745 89-15, 780-58-34
www.eksmo-knnc.ru e-mail: knnc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Суваревская пл , 12
(м «Суваревская», ТЦ «Садовая галерея») Тел 937-85-81
Москва, ул Ярцевская, 25 (м «Молодежная», ТЦ «Трамплин») Тел 710-72-32
Москва, ул Декабристов, 12 (м «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон») Тел 745-85-94
Москва ул Профсоюзная, 61 (м «Калужская», ТЦ «Калужский») Тел 727-43-16
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел 780 58 81

ООО Дистрибуторский центр «ЭКМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел (044) 531 42-54, факс 419 97-49, e-mail sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д 84Е
Тел отдела реализации (812) 265 44 80/81/82/83

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д 35 Тел (812) 312 67 34
и «Магазин на Невском», д 13 Тел (812) 310-22-44

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо» Информация о магазинах и книгах в Санкт Петербурге по тел 050

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г Н Новгород ул Маршала Воронова, д 3 Тел (8312) 72-36-70

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г Челябинск, Свердловский тракт д 14 Тел (3512) 21-35-16

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25 08 2004
Формат 84×108¹/₁₆ Печать офсетная Бум офс Усл печ л 104,16 + вкл
Тираж 4 000 экз Заказ 783

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г Тверь, пр-т Ленина, 5 Телефон (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Далекие, легендарные семидесятые... Тогда звучали песни Высоцкого и Пугачевой, на космической орбите встречались «Союз» и «Аполлон», советские хоккеисты одерживали свои фантастические победы, на экранах шли фильмы Гайдая и Рязанова, Солженицын и Сахаров боролись против существующего режима, а люди шепотом обсуждали политические новости, травили на кухнях анекдоты, без боязни ездили в Прибалтику, в Крым и на Кавказ, влюблялись и женились, надеялись на лучшее будущее. Эта книга — бесценный и уникальный путеводитель по ушедшей эпохе, настоящая энциклопедия одного десятилетия XX века. В ней предпринята попытка воссоздать прошлое во всей его пестрой полноте, в бесконечной игре тени и света, в смешении эпохальных событий и мелких деталей, вспомнить его аромат и шум. Словом, вспомнить все то, из чего и складывается жизнь.

ISBN 5-699-05395-6

9 785699 053957 >